ACADEMY OF SCIENCES, U.S.S.R. ● ACADEMY OF SCIENCES, GEORGIAN S.S.R.

TSERETELI INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
THE INSTITUTE FOR SLAVIC AND BALKAN STUDIES

INDO-EUROPEAN AND THE INDO-EUROPEANS

A RECONSTRUCTION AND HISTORICAL TYPOLOGICAL ANALYSIS OF A PROTOLANGUAGE AND A PROTO-CULTURE

By
THOMAS V. GAMKRELIDZE
&
VJACHESLAV V. IVANOV

WITH A PREFACE
By
ROMAN JAKOBSON †

PART ONE

PUBLISHING HOUSE
OF THE TBILISI STATE UNIVERSITY
TBILISI * 1984

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ, Вяч. Вс. ИВАНОВ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫК И ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАЯЗЫКА И ПРОТОКУЛЬТУРЫ

С предисловием Р. О. ЯКОБСОНА

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТБИЛИСИ * 1984

მონოგრაფიაში განხილულია შედარებით-ისტორიული (დიაქრონიული) ენათმეცნიერების თეორიული პრობლემები ტიპოლოგიურ და უნივერსალიათა ლინგვისტიკასთან შეპირისპირებით.

ლინგვისტური საკითხების კვლევა წარმოებს ინდოევროპელ ხალხთა (ინდოევროპულ დიალექტებზე მეტყველ ტომთა) ეთნოგენეზის პრობლემათა ფართო ტიპოლოგიურ ფონზე. ამასთან გათვალისწინებულია მათი კულტურულ-ისტორიული ურთიერთობანი ევრაზიის კონტინენტზე მომიჯნავე რეგიონებში მოსახლე სხვა ტომებთან და ხალხებთან.

წიგნი საინტერესო იქნება ფართო პროფილის ფილოლოგებისა და ისტორიკოსებისათვის, ლინგვისტთეორეტიკოსების, არქეოლოგების, ეთნოლოგებისა და კულტურის ისტორიკოსთათვის.

სსრკ მეცნიერებათა აკადემია • საქ. სსრ მეცნიერებათა აკადემია

აკად. გ. წერეთლის სახ. აღმოსავლეთმცოდნეობის ინსტიტუტი
სლავთმცოდნეობისა და ბალკანისტიკის ინსტიტუტი

თ. გამყრელიძე, ვ. ივანოვი

ინდოევროპული ენა და ინდოევროპელები

წინარეენისა და წინარეკულტურის რეკონსტრუქცია და ისტორიულ-ტიპოლოგიური ანალიზი

რომან იაკობსონის წინასიტყვაობით

თბილისის უნივერსიტეტის
გამომცემლობა
თბილისი • 1984

81.2
З 198

В монографии *исследуются теоретические проблемы сравнительно-исторического (диахронического) языкознания в сопоставлении с типологической лингвистикой и лингвистикой универсалий.*

Исследование лингвистических вопросов проводится на широком типологическом фоне проблематики этногенеза индоевропейских народов (племен-носителей индоевропейских диалектов) и их культурно-исторических взаимоотношений в древности с другими племенами и народами сопредельных ареалов на континенте Евразии.

Книга представит интерес для филологов и историков широкого профиля, лингвистов-теоретиков, археологов, этнологов и историков культуры.

© Издательство Тбилисского Университета, 1984

Г $\frac{46020\ 10000}{М\ 608\ (06)-84}$

ПАМЯТИ
НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ:

Петерсона Михаила Николаевича
(1885 — 1962)

Ахвледиани Георгия Саридановича
(1887 — 1973)

Церетели Георгия Васильевича
(1904 — 1973)

ОТ АВТОРОВ

Вторая половина XX столетия ознаменовалась в развитии языкознания возрастанием интереса к проблемам диахронической лингвистики, что было мотивировано общим развитием лингвистической мысли последних десятилетий. Преодолевая соссюровскую антиномию диахронической и синхронной лингвистики, наука о языке стремится к построению такой лингвистической теории, которая обладала бы бóльшей объяснительной силой по сравнению с чисто таксономическими построениями синхронной грамматики.

Возрастание интереса к диахронической лингвистике обусловливает в известной мере возврат к обсуждению проблем, возникших в классическом индоевропейском сравнительно-историческом языкознании, и к освещению их с применением новых методов языкового описания, разработанных различными направлениями синхронной лингвистики и языковой типологии.

Этот последний аспект языкового анализа приобретает особое значение в современной лингвистике, поскольку он позволяет выявить универсальные языковые категории, характеризующие глубинные структуры языка, и определить степени различия между многообразными историческими языковыми системами.

Вместе с тем, язык как общественное явление и как феномен человеческой культуры тесно связан с другими проявлениями культуры. Поэтому язык как в синхронии, так и диахронии должен изучаться в тесной связи со всеми аспектами человеческой культуры, исследование которых и составляет предмет современной культурной антропологии.

Настоящая книга излагает результаты наших сравнительных исследований по индоевропейским языкам и реконструкции праиндоевропейского языкового состояния, из которого и выводятся исторические индоевропейские языки. При этом праиндоевропейская система рассматривается в типологическом сопоставлении с другими языковыми системами, в особенности с системами смежных географических ареалов, с которыми праиндоевропейская система должна была находиться в определенных отношениях в течение длительного периода.

В соответствии с этим первая часть книги содержит изложение результатов лингвистического — фонологического, морфологического, синтаксического и ареально-диалектологического — анализа индоевропейского праязыка. Тем не менее, настоящее исследование не следует рассматривать как систематическое изложение по отдельным раз-

делам сравнительной грамматики индоевропейских языков, как это дается в стандартных руководствах. Первая часть настоящей работы представляет собой скорее исследование ключевых вопросов структуры индоевропейского праязыка, охватывающее широкий круг фактов и дающее достаточно полное представление о характере этого языка в его динамическом развитии и его типологическом соотнесении с другими языковыми системами.

Во второй части исследуется с достаточной степенью полноты праиндоевропейская лексика, представленная по семантическим группам, и фрагменты индоевропейской культуры, реконструированной на ее основе, а также культурно-исторические связи индоевропейской лексики с широким кругом языков древней Евразии. Это, собственно говоря, словарь общеиндоевропейских лексем, расположенный не в алфавитном порядке (такой порядок расположения слов дается в прилагаемом индексе общеиндоевропейских форм), а по смысловым группам, объединяющим слова общей семантики. В отличие от известного индоевропейского словаря Покорного, каждая словарная статья ***Семантического словаря*** рассматривает не только формальные соответствия между родственными словами индоевропейских диалектов, которые позволяют реконструировать индоевропейский архетип, но и разбирает все явления материальной и духовной культуры, которые в отдельных традициях связываются со словами данного корня. На этом основании дается затем соответствующая реконструкция и для общеиндоевропейского уровня.

Работа завершается особым разделом, в котором излагаются результаты исследования лингвистических и культурно-исторических данных в связи с проблемой индоевропейской прародины и путей миграций индоевропейских племен на континенте Евразии в исторические места их обитания.

Широкий круг излагаемых в работе вопросов может представить интерес как для лингвистов, так и для историков, археологов, этнологов и историков культуры.

Учитывая специальный характер отдельных разделов книги (в особенности ее лингвистической части), можно было бы рекомендовать особую последовательность чтения глав в зависимости от интересов читателя. В частности, вторую часть книги, в которой излагаются культурно-исторические проблемы в лингвистическом освещении, а также последний раздел об индоевропейских миграциях можно читать без предварительного ознакомления со всей первой частью (ограничиваясь обращением лишь к тем местам первой части, к которым есть специальные отсылки в тексте). В свою очередь этот последний раздел представляет собой в сущности независимую часть книги и может быть прочтен без обязательного ознакомления с предыдущими частями. Тем не менее желательно время от времени обращать-

ся при его чтении к предшествующей словарной части для более детального ознакомления с аргументацией, касающейся истории отдельных слов, которые в этом разделе приводятся для освещения собственно исторической проблематики.

С другой стороны, читатель-лингвист при желании может ограничиться чтением первой части, не вдаваясь в детали второй.

Однако органическая связь обеих частей совершенно очевидна, что и обусловило их включение в единую книгу с едиными сквозными "*Указателями*", которые могут служить справочником или словником для читателя, интересующегося конкретной частной проблемой, обсуждаемой в различных частях работы.

Настоящая работа представляет собой результат совместных исследований, которые велись авторами начиная с 1970 г. Книга возникла при этом не путем механического соединения отдельных частей, написанных авторами порознь, а в итоге последовательного изложения выводов и результатов многолетних совместных исследований, полученных при детальном обсуждении возникавших в процессе работы научных проблем и выработке согласованных формулировок.

Следует заметить, что в процессе написания и подготовки книги к печати появлялись вплоть до самого последнего времени работы, перекликающиеся с положениями авторов. Мы постарались по возможности учесть эти работы в основном тексте и представить их в "*Библиографии*" в уверенности, что многочисленность подобных совпадений является лучшим подтверждением правильности выдвигаемых положений. Литература последних лет (особенно 1983 г.) частично могла быть учтена лишь в "*Послесловии*" ко всей монографии, в котором рассматриваются и работы, непосредственно касающиеся выдвигаемых авторами положений и представляющие первый отклик на них (см. также "*Дополнения и Исправления*", стр. 1317 и след.).

Авторы считают своим приятным долгом выразить благодарность всем лицам, принявшим участие в той или иной форме в обсуждении и критике отдельных положений работы, которые излагались авторами на протяжении этого времени в специальных сообщениях и докладах. Здесь следует упомянуть в первую очередь наших учителей, ныне покойных ученых Г. С. Ахвледиани и Г. В. Церетели, проявлявших постоянный интерес к нашей работе на начальных ее этапах, а также В. И. Абаева, А. А. Зализняка, В. Н. Топорова, Т. Е. Гудава, И. М. Дьяконова, И. М. Стеблина-Каменского, С. Д. Кацнельсона, Г. В. Степанова; зарубежных ученых — J. H. Greenberg, M. Mayrhofer, O. Szemerényi, C. Watkins, J. Catford, W. Ph. Lehmann, E. Polomé, E. Hamp, H. Pilch, W. Winter, E. Risch, R. Schmitt-Brandt, A. H. Kuipers, H. Hoenigswald, A. Kammenhuber, A. Morpurgo Davis, M. Gimbutas, W. Cowgill, H. Birnbaum, R. Anttila, R. Austerlitz, K. Strunk, R. Schmitt, K. H. Schmidt, H. Aronson, J. Greppin, J. Nichols и др.

Особо следует отметить то, в какой мере авторы книги обязаны Р. О. Якобсону — недавно скончавшемуся крупнейшему ученому современности, одному из основателей современной лингвистики, многие лингвистические идеи которого легли в основу настоящей книги. На всем протяжении работы над книгой авторы обсуждали с ним возникавшие проблемы и получаемые результаты, что во многом способствовало выработке и изложению основных положений монографии. Постоянное его участие в этой совместной работе и отразилось в "*Предисловии*" Р. О. Якобсона к книге, написанном по завершении авторами текста настоящего исследования. Это "*Предисловие*" является, очевидно, одной из последних работ, оставленных покойным ученым.

ТБИЛИСИ~ЦАВКИСИ~ПЕРЕДЕЛКИНО~МОСКВА
1970 — 1983

Р. О. ЯКОБСОН

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

К любимым темам и главным задачам языкознания с прошлого столетия до начальных лет века нынешнего принадлежали вопросы реконструкции индоевропейского праязыка, и в международном университетском обиходе основная, а зачастую единственная лингвистическая кафедра была и обычно именовалась кафедрой сравнительного индоевропейского языкознания. Именно названная эпоха подытожила в классических руководствах результаты своих настойчивых усилий, направленных к обнаружению разнообразных особенностей того общего праязыка, к которому восходят генетически сродные члены т. н. индоевропейской языковой семьи.

В разгаре двадцатого века смена очередных языковедческих задач сказалась, с одной стороны, в участившихся опытах приложения технических приемов и навыков, выработанных индоевропеистикой, к другим языковым семействам Старого, а также Нового света, с другой же стороны, наступило увлечение методами строго описательного подхода к отдельным языкам на данном этапе их развития безотносительно к вопросам исторического сравнения с иными этапами и с родственными языками. Эти оба круга очередных разысканий неизбежно вели к проверке и критическому пересмотру унаследованной методологии.

С одной стороны, применение сравнительно-исторических розысков к вопросу о предках и родственных узах различных и разнородных семейств углубляло и обогащало проблематику языковой реконструкции, с другой стороны, именно описательная лингвистика выдвинула основоположные вопросы языковой системы и ее закономерной структуры и, в частности, положила начало планомерному расследованию взаимоотношений звуковой формы и значения.

Между вышеотмеченным расширением сравнительно-исторической проблематики и явной установкой описательной лингвистики на вскрытие системной структуры естественно возникает процесс интеграции: отпадает принудительность ограничения задач сравнительного языкознания одним лишь генетическим сравнением, и одновременно вопросы системной структуры выходят наконец за пределы описательной лингвистики и находят себе благодарное приложение к историческому прошлому изучаемых и реконструируемых языков.

Впервые осознается неразрывность идей закономерной системы и ее изменений, в свою очередь закономерных. Пределы лингвистического сравнения существенно раздвигаются: к изучению общего наследия языковых семейств присоединяются новые задания. Во-первых, подлежат выяснению общности, приобретенные звуковым и грамматическим строем языков пространственно смежных и вступающих таким образом в своего рода союзные отношения. Во-вторых, определилась возможность и даже необходимость сопоставления разнообразных языковых (и прежде всего, звуковых) систем безотносительно к вопросу о наличии либо отсутствии генетического родства или географической близости.

В результате сравнительного анализа всех этих систем встала на очередь их последовательная типологическая классификация и ее умозрительное обоснование. При таких предпосылках показания живых языков, поддержанные документацией языков исторических, позволяют проверить вероятие реконструируемых сравнительным методом праязыковых систем и убедительно подсказывают наиболее правдоподобное решение трудных реконструктивных задач. Словом, типологическое сравнение оказывает благотворную помощь сравнительно-историческим операциям.

Все эти новооткрытые или, по меньшей мере, заново продуманные общелингвистические принципы предъявляют теперь каждой конкретной исследовательской работе неизбывные и неотложные требования. Издаваемый труд Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова — ***Индоевропейский язык и индоевропейцы*** *— всецело выполняет свое, подсказанное в подзаголовке, назначение:* "Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры". *Те глубокие сдвиги и преобразования, которые характеризуют достигнутый этап в развитии науки о языке и в которых немалая творческая роль выпала на долю обоих авторов книги, легли в ее методологическую основу. Здесь взяты на учет подступы международных искателей ко всем частным вопросам праиндоевропейской лингвистической древности, и дана увлекательная реплика на тезисы, вошедшие в длительный научный обиход на рубеже двух столетий. Нынешний труд выделяется не только своими непривычными ответами на давние вопросы, но и самой постановкой вопросов и небывало широким тематическим горизонтом.*

В соответствии с диалектическим снятием дихотомии временно́го хода и разреза (диахронии и синхронии) и с параллельным включением пространственной диффузии в число внутренне-языковых факторов книга естественно претворяет освященную заветами ученой старины статическую и единообразную во времени и пространстве схему общеиндоевропейского языка и создает образец динамической синхронии с ее целостным охватом устоев праязыка, его эволюционных сдвигов, его же внутренней, областной дифференциации и его поочередных скрещиваний с соседними языковыми ареалами. Именно в свете вопросов о взаимных отношениях диалектов индоевропейского праязыка и о его соотношении со смежными праязыками возникает многообещающая работа авторов над географическим определением индоевропейской (видимо, переднеазиатской) прародины и над предполагаемыми путями

первоначальных миграций, пережитых различными отростками общеиндоевропейского ареала.

Расширительная трактовка двух понятий — сравнение и система — в современном языкознании сопряжена с неуклонно прогрессирующей релятивизацией всего языкового состава и все более последовательным преобразованием лингвистики в науку о внутриязыковых отношениях, причем вниманием языковедов, особенно Иванова и Гамкрелидзе, в первую очередь владеет неразрывная взаимосвязь между частями и целым, а главное — узловой пункт всей этой сложной проблематики — соотношение инварианта и вариации, насущная тема всего современного научного мышления. Зависимость вариации от многообразия контекстов становится все более ясна в лад с развитием тезиса лингвистики наших дней, противопоставляющего языкам, независимым от изменчивого контекста (context-free), т. е. искусственным, формализованным системам, природный язык, прилаживающийся к контексту (context-sensitive). Здесь, конечно, вариация формы и значения играет существенную роль : как в плане звуковом, так и на разных уровнях грамматических значений систематическое извлечение инвариантов вырастает в центральную лингвистическую задачу.

На примере реконструкции индоевропейского языка вся эта методологическая программа широко развернута. С разложением фонемы на минимальные смыслоразличительные компоненты понятие контекста, ранее ограничивавшееся временно́й последовательностью фонемосочетания, распространилось на сочетание одновременных компонентов, и двоякое измерение фонологических сочетаний шаг за шагом открывает новые, необследованные типологические закономерности в соотношении между обоими классами сочетаний и внутри таковых. Примечательны типологические работы авторов над предпочитаемыми или же, напротив, избегаемыми сочетаниями дифференциальных компонентов "на оси одновременности" (ср. тезисы Т. В. Гамкрелидзе в сборнике Института Языкознания АН СССР, ***Проблемы лингвистической типологии и структуры языка, 1977****) и над разновидностями симметрических отношений, лежащими, как показывает В. В. Иванов, в основе языкового строя. В особенности картина индоевропейского консонантизма приобретает в продуманном труде обоих авторов разительно новые, внутренне убедительные очертания.*

С развитием проблематики контекста упрощенческая трактовка стилистических вариантов как вариантов "свободных" уступает место пониманию стиля как своеобычного контекста, и условия, предъявляемые языку различными речевыми функциями, входят явственно в круг общих понятий контекста. Мы обязаны справедливой инициативе авторов включением индоевропейской поэтики, в частности метрики и поднятых Соссюром вопросов анаграмматической традиции, в число задач праязыковой реконструкции.

Вопросы реконструкции праязыка и протокультуры недаром поставлены как связные части единого целого; последовательно целостный подход требует расположения реконструируемой праязыковой лексики по семантическим гнездам и восстановления соответствующих доисторических

реалий через призму общеиндоевропейского словаря. Идея лексики как структурной системы, обычно отставшая в разработке по сравнению с звуковым и грамматическим планом, приобретает надежное основание, и в таких областях, как, например, мифология и ритуалы, она открывает дорогу к систематическому приложению сравнительного метода.

По числу и масштабу заданных вопросов и предложенных ответов новое исследование занимает исключительное место. Доподлинно соответствуя вершинным предпосылкам современной теоретической мысли, книга в свою очередь, без сомнения, даст многоценные импульсы не только различного склада исследователям языка и языков, но и работникам смежных дисциплин, в частности этнологам, историкам культуры и археологам. Немало плодотворных дискуссий вырастет в международной науке из этого знаменательного труда.

Р. Якобсон

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ ix

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ xiii

ОБЗОР ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ГРУППАМ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ И НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ ИСТОРИЧЕСКИ СМЕЖНЫХ АРЕАЛОВ xLvi

СИСТЕМА ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ЯЗЫКОВ С ПИСЬМЕННОСТЯМИ НА НЕЛАТИНСКОЙ ОСНОВЕ lvii

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

A. Языки и диалекты lxiv
B. Грамматическая терминология lxviii
C. Источники lxx

ВВЕДЕНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА И ПРЕДПОСЫЛКИ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1. Языковая система знаков lxxiii
2. Истолкование формально-смыслового сходства между знаками различных языков и понятие родственных языков lxxv
3. Проблема общей языковой системы и методы ее реконструкции. Типологическая верификация реконструируемых моделей lxxx
4. Реконструкция звуковых единиц языка как пучков или сочетаний дистинктивных и фонетических признаков и их иерархические соотношения в системе lxxxv
5. Принципы семантической реконструкции xc
6. Реконструируемая языковая система в пространстве и времени xci
7. Определение первоначальной территории распространения общего языка и путей миграций носителей его диалектов. Проблема соотнесения комплексов культуры, восстанавливаемых по лингвистическим и археологическим данным xciv

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРУКТУРА ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И МОРФОНОЛОГИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТРИ СЕРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ. ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА

1. Три серии смычных фонем в индоевропейском и проблема дефектности лабиального ряда

1.1. Традиционная система общеиндоевропейских смычных 5
1.2. Реинтерпретация традиционной системы Х. Педерсеном 7

2. Типологическая интерпретация трех серий индоевропейских смычных

2.1. Несоответствие «классической» индоевропейской системы смычных данным фонологической типологии 9
2.2. Реинтерпретация системы индоевропейских смычных. Глоттализация как естественный признак дефектной серии смычных 12
2.3. Фонологическая характеристика постулируемой системы индоевропейских смычных 16

3. Фонотактика и правила сочетаемости фонем различных серий в индоевропейском

3.1. Основные структурные модели индоевропейского корня 17

4. Дистрибуция аллофонов фонем звонкой и глухой серий

4.1. Распределение придыхательных аллофонов фонем и их отражение в древнеиндийском и греческом. «Закон Грассмана» как индоевропейское правило выбора аллофонов фонем серии II 21
4.2. Рефлексы распределения придыхательных аллофонов в италийском 25
4.3. Распределение придыхательных аллофонов глухих индоевропейских фонем в контактной и дистантной последовательности 27
4.4. Контактная последовательность индоевропейских фонем и «закон Бартоломэ» 32

5. Диахроническая выводимость постулированной фонологической системы и траектории фонемных переходов в исторических индоевропейских диалектах

5.1. Диахроническая выводимость германской системы и «закон Гримма» 35
5.2. Диахроническая выводимость армянской системы 41
5.3. Диахроническая выводимость анатолийской системы 45
5.4. Диахроническая выводимость тохарской системы 49
5.5. Диахроническая выводимость системы с озвонченной серией индоевропейских глоттализованных 49
5.6. Диахроническая выводимость индо-иранской системы 52
5.7. Диахроническая выводимость греческой системы 58
5.8. Диахроническая выводимость италийской системы 64

5.9. Диахроническая выводимость систем со слиянием фонемных серий I и II. Кельтская и балто-славянская системы 74
5.10. Классификация исторических диалектов по характеру отражения в них трех серий индоевропейских смычных. Архаичность германского консонантизма и переосмысление «закона Гримма» 78

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛОКАЛЬНЫЕ РЯДЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СМЫЧНЫХ И КЛАСС СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ. ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА

1. Фонологическая характеристика локальных рядов согласных
1.1. «Фонетически естественные» ряды смычных: антериорные и постериорные 81
1.2. Типология модификаций основных рядов смычных 82
2. Локальные ряды индоевропейских «гуттуральных»
2.1. Велярный ряд 85
2.2. Лабиовелярный ряд 85
2.3. Изменения лабиовелярных в исторических диалектах. Следы лабиализации заднеязычных в индо-иранском 90
2.4. Реконструкция палатализованного ряда заднеязычных в индоевропейском 94
2.5. Структура индоевропейского корня и палатализованный ряд велярных 95
3. Проблема языков centum и satəm
3.1. Классификация индоевропейских диалектов по отражению рядов «гуттуральных» 98
3.2. Индоевропейские диалекты с переходом (слиянием) палатализованного ряда в велярный (диалекты группы centum). Позиционные ограничения такого перехода 99
3.3. Индоевропейские диалекты с переходом палатализованного ряда в соответствующие аффрикаты и спиранты (диалекты группы satəm). Диахроническая типология изменений палатализованных 103
3.4. Позиционные ограничения перехода палатализованных в аффрикаты и спиранты в диалектах группы satəm как следствие нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный 109
3.5. Индоевропейские диалекты centum и satəm как результат «движения» палатализованного ряда «гуттуральных» соответственно в различных фонетических направлениях 114
4. Система индоевропейских сибилянтных спирантов
4.1. Сибилянтная фрикативная фонема /*s/ 116
4.2. Сравнительно-исторические данные для постулирования особого класса сибилянтных спирантов. Компактная фрикативная фонема /*š/ 119
4.3. Лабиализованная фрикативная фонема /*š^{o}/ 122
4.4. Фонологическая характеристика системы индоевропейских сибилянтных спирантов 126
4.5. Фонологическое взаимодействие и перераспределение в системе рефлексов индоевропейских сибилянтных спирантов и палатализованных в диалектах группы satəm 127
4.6. Следы возможных индоевропейских фонем поствелярного и лабиодентального рядов 129

5. Индоевропейская система шумных фонем (смычных, спирантов) в структурном сопоставлении с типологически близкими системами: картвельской (южнокавказской), абхазско-адыгской, семитской 134
6. Принципы сочетаемости локальных рядов смычных в корне и структура индоевропейских консонантных комплексов
6.1. Правила совместимости в корне смычных фонем различных рядов и серий 139
6.2. Варьирование смычных в пределах корня 143
3.3. Ограничения, накладываемые на допустимые в корне сочетания смычных по локальным рядам. Акцессивные и децессивные последовательности согласных (дистантные и контактные) 144
6.4. Суперация акцессивных комплексов и «спиранты Бругмана» 147

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ И ТЕОРИЯ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ. СОНАНТЫ И «ЛАРИНГАЛЬНЫЕ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

1. Система гласных и возникновение механизма аблаутных чередований в индоевропейском
1.1. Условия появления нулевой ступени огласовки 152
1.2. «Слабая» и «сильная» ступени огласовки и первоначальный треугольник индоевропейских гласных i~a~u. Система «ларингальных» фонем в раннем индоевропейском 157
1.3. Возникновение слоговых сонорных звуков и образование системы сонантов в индоевропейском. Первоначальные гласные *i и *u как члены сонантического класса фонем 161
1.4. Индоевропейские «ларингальные» как фонемы сонантического типа 165
1.5. Формы полногласного восстановления редуцированной ступени огласовки и возникновение треугольной системы гласных «e~a~o» 167
1.6. Дефонологизация «ларингальных» фонем и слияние их в единую «ларингальную» фонему. Влияние «ларингальной» на вокалическое количество 170
1.7. Огласовка «o» как первоначальная разновидность слабой ступени и становление «o» как особого звена в системе позднеиндоевропейских чередований по аблауту 172
1.8. Возникновение ступени растяжения в системе индоевропейского аблаута 181
1.9. Долгие гласные в именных формах среднего рода. Расширители именных основ как маркеры имен инактивного класса 186
1.10. Динамика возникновения и развития индоевропейских чередований по аблауту 191
1.11. Позднеобщеиндоевропейская система акцентуации 194
2. Позднеиндоевропейская система сонантов и «ларингальной» фонемы
2.1. Позиционное распределение аллофонов сонантических фонем. Три позиционных аллофона сонантов. Варьирование неслоговых аллофонов 195
2.2. Дистрибутивные особенности «ларингальной» фонемы 197
2.3. Рефлексы аллофонов сонантов в исторических индоевропейских диалектах 198

2.4. Аллофоны «ларингальной» фонемы и их рефлексы в исторических индоевропейских диалектах 202
2.5. Типология преобразования «ларингальных» в сочетании с гласными звуками 211
2.6. Подсистема индоевропейских фонем с троичными противопоставлениями и ее преобразования 213

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ

1. Канонические формы корневых морфем

1.1. Структурные типы индоевропейских морфем: корень, суффикс 215
1.2. Корни с начальным сибилянтным спирантом 219
1.3. Структурные типы редупликации корня 219

2. Структурные типы сопряженных основ

2.1. Основные аблаутные ступени корневых морфем и их структурные особенности 222
2.2. Два аблаутных состояния сопряженных основ и биномы Бенвениста 225
2.3. Индоевропейские основы с «ларингальным» суффиксом, представающие в одном из двух возможных аблаутных состояний 230
2.4. Индоевропейские «трехконсонантные» корни с Schwebeablaut'ом 232
2.5. Индоевропейские «трехконсонантные» корни с Schwebeablaut'ом и проблема их морфологической членимости 237
2.6. Корневые структуры с исходом на *-*i*- и *-*u*- и более поздним аблаутным состоянием I и проблема древних неапофоничных *-*i*- и *-*u*- 241
2.7. Структурные типы индоевропейских корневых морфем с начальной или конечной гласной : VC^0-, C^0V- 244
2.8. Внутренняя реконструкция древнейших синтагматических сочетаний морфологических элементов и правила их порождения 247
2.9. Динамика развития архаичных индоевропейских морфемных структур 251

3. Типология реконструируемой общеиндоевропейской морфонологической структуры

3.1. Канонические формы и структура корневых морфем в общекартвельском в сопоставлении с индоевропейским 252
3.2. Структурные следы «веляризованных» и «лабиализованных» согласных в пракартвельском и их типологические аналоги в праиндоевропейском 255
3.3. Типы редупликации корня в картвельском в сопоставлении с индоевропейской редупликацией 257
3.4. Механизм морфонологических чередований в картвельском и два аблаутных состояния сопряженных основ 259
3.5. Система сонантов в картвельском в ее сопоставлении с индоевропейскими сонантами. Вариативность сонантов в картвельском и индоевропейском. «Ларингальные» фонемы как отличительный признак индоевропейской фонемной системы 262

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ КАК ЯЗЫК АКТИВНОЙ ТИПОЛОГИИ

1. Бинаризм общеиндоевропейской грамматической структуры. Бинарная структура именных категорий

1.1. Образования генитива на **-os* и **-om* в индоевропейском и их соотнесение с бинарной классификацией имен: актив ~ инактив 267

1.2. Показатели номинатива **-os* и аккузатива **-om* как первоначальные маркеры соответственно активного и инактивного классов именных образований 271

1.3. Маркеры имен инактивного класса и основные семантические принципы бинарной классификации имен на активные и инактивные 273

1.4. Класс семантически инактивных имен и структурно-синтаксический инактив. Происхождение родительного падежа в индоевропейском 275

1.5. Атрибутивные конструкции на **-os* и **-om* 277

1.6. Возникновение в индоевропейском адъективных образований из определительных конструкций и первоначальная двоичная (бинарная) структура родовых образований 279

2. Происхождение индоевропейской именной парадигмы

2.1. Возникновение форм множественного числа в индоевропейском. Собирательные формы на **-aH* древнего инактивного класса 281

2.2. Собирательные формы на **-iH* древнего инактивного класса и развитие форм генитива на **-i* 284

2.3. Развитие дательного падежа и локатива в индоевропейском и становление именной парадигмы 285

3. Способы выражения принадлежности в индоевропейском

3.1. Глагольные формы выражения принадлежности как отражение древнеиндоевропейской активной структуры. Глагол «быть» в посессивном значении 288

3.2. Выражение «отчуждаемой» и «неотчуждаемой» принадлежности 289

4. Бинарная структура индоевропейской прономинальной системы

4.1. Инклюзив-эксклюзив 291

5. Бинарная структура глагольных категорий

5.1. Дублетные глагольные лексемы как отражение бинарной семантической классификации имен по активу — инактиву 293

5.2. Два ряда глагольных показателей: **-mi* и **-Ha*, соотносимых с активной и инактивной актантами. Отражение этих рядов в хеттском и других индоевропейских диалектах 296

5.3. Историческое соотношение индоевропейского перфекта и медиума 300

5.4. Суффикс **-nt[h]-* как показатель соотнесенности именного образования с активным классом и происхождение причастной формы на **-nt[h]-* в индоевропейском 302

5.5. Глагольные окончания *-nt[h]- и *-r- и оформление парадигмы множественного числа глагола 304
5.6. Словообразовательные способы выражения множественности актант в глагольной форме. Редупликация, суффикс *-sk[h]- 306

6. Активная типология праиндоевропейского языка
6.1. Структурные импликации активности в индоевропейском 308
6.2. Общая типологическая характеристика языков активного строя 309
6.3. Преобразование праиндоевропейского активного строя в номинативный (аккузативный) как результат сдвигов в глубинной структуре языка 311
6.4. Эргативность и номинативность (аккузативность) как грамматические разновидности проявления в поверхностной структуре языка тождественных глубинных соотношений. Транзитивность — интранзитивность как семантическая доминанта языков эргативного и номинативного (аккузативного) строя 313
6.5. Типология структурных преобразований языка активного строя 314

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНТАГМАТИКИ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Синтаксическая структура ядра предложения в индоевропейском
1.1. Реконструкция модели SOV и ее отражение в исторических индоевропейских диалектах 320
1.2. Структура сложных слов в исторических диалектах как отражение синтаксического порядка OV 324

2. Структурные импликации языка с моделью предложения SOV в строении индоевропейского глагола
2.1. Типология языков структуры SVO и SOV. Взаиморасположение элементов синтагмы OV как один из факторов, определяющих грамматическую синтагматику языка 325
2.2. Агглютинативная структура «первичных» и «вторичных» окончаний глагола в индоевропейском 327
2.3. Агглютинативное строение медиальных глагольных окончаний в индоевропейском 330

3. Типология «версионных» отношений и индоевропейский медиум
3.1. Индоевропейский «медиум» как способ выражения версионных отношений 333
3.2. Преобразование медиума в индоевропейском в связи с категорией транзитивности ~ интранзитивности и появление аналитических способов выражения версионных отношений. Медиум и пассив 336
3.3. «Центростремительные» глагольные формы в индоевропейском и «гипотетичность» выражаемого перфектом значения 338

4. Ранговая структура индоевропейской глагольной словоформы
4.1. Взаиморасположение суффиксов в глагольных словоформах ряда *-mi 339
4.2. Взаиморасположение суффиксов в глагольной основе 344

5. Структурные импликации языка с моделью предложения SOV в строении индоевропейских именных конструкций
5.1. Препозитивные адъективные конструкции в индоевропейском и их отражение в словосочетаниях и сложных словах исторических диалектов 348

5.2. Препозитивные генитивные конструкции в индоевропейском 350
5.3. Препозиция релятивной конструкции в индоевропейском. Относительные частицы в функции определителей 352
5.4. Структура древней синтаксической сравнительной конструкции в индоевропейском 354

6. Внутренние синтаксические отношения в синтагме структуры OV и VO
6.1. Проблема происхождения адвербов, послелогов и предлогов в индоевропейском 355

7. Структура простого предложения в индоевропейском
7.1. «Правая» и «левая» синтаксические компоненты предложения и ранговая структура левой компоненты 358
7.2. Составляющие компоненты простого предложения в индоевропейском и взаимозависимость синтаксических ячеек 362
7.3. Структурные взаимоотношения синтаксических ячеек-компонент простого предложения и трансформация переноса членов правой компоненты в левую 364

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

АРЕАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЧЛЕНЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

1. Формирование исторических индоевропейских диалектов
1.1. Принципы выделения изоглосс разных уровней для определения диалектного членения языка. Диалектное членение общеиндоевропейского языка 371

2. Грамматические изоглоссы как способ группировки индоевропейских диалектов
2.1. Именительный падеж единственного числа и система трех родов в индоевропейских диалектах 374
2.2. Родительный падеж единственного числа 375
2.3. Формы творительного падежа единственного и множественного числа. Падежи с показателями *-$b^{[h]}$- и *-*m*- 379
2.4. Форма местного падежа множественного числа 382
2.5. Формы двойственного числа. Парадигма личного местоимения 1 л. ед. ч. 383
2.6. Формы деиктических местоимений. Энклитические местоимения в анатолийском как архаическое соответствие деиксису в остальных индоевропейских диалектах 384
2.7. Формы относительного местоимения в индоевропейских диалектах 387
2.8. Образование степеней сравнения прилагательных 387
2.9. Образование категории аориста и трансформация общеиндоевропейской бинарной системы глагола 388

2.10. Образование двух типов медиальных форм на **-(H)oi, *-moi* и **-r* в индоевропейском. Группировка диалектов по этим типам 390
2.11. Конъюнктив на долгий гласный 392
2.12. Модальные образования на **-l-*. Медиопассивные причастия на **-mo-* 393

3. Хронологическая последовательность этапов расчленения диалектных групп индоевропейского языка

3.1. Соотнесение грамматических изоглосс с этапами диалектного членения индоевропейского языка 393
3.2. Деривационно-пространственная модель хронологической последовательности индоевропейских диалектных групп 398

4. Фонологические изоглоссы в соотнесении с грамматическими изоглоссами как отражение членения индоевропейских диалектов

4.1. Соотнесение фонологических изоглосс с хронологическими уровнями, устанавливаемыми по морфологическим изоглоссам 400
4.2. Релятивная хронология преобразований в диалектных группах трех серий индоевропейских смычных 400
4.3. Модели распределения смычных фонем в синтагматической последовательности. Диалектная и хронологическая соотнесенность этих моделей 403
4.4. Релятивная хронология преобразований трех рядов постериорных смычных. Хронологическая соотнесенность образования диалектов группы satəm 407
4.5. Хронология «движения» палатализованного ряда в диалектах классификационной группы centum и преобразования лабиовелярных 408
4.6. Хронология «движения» палатализованного ряда в диалектах классификационной группы satəm. Возникновение аффрикат и преобразование системы фрикативных 410
4.7. Отражение нейтрализации противопоставления палатализованного ряда велярных в диалектах группы satəm 411
4.8. Хронология преобразования лабиовелярного ряда в языках классификационной группы satəm 412
4.9. Рефлексы слоговых сонантов в различных диалектных группах и хронологическая соотнесенность процесса вокализации сонантов 414
4.10. Выделение этапов формирования исторических индоевропейских диалектов как конечных хронологических уровней пространственно-деривационной модели членения общеиндоевропейской языковой области Т.М. Гарнов 416

5. Лексические изоглоссы как отражение членения индоевропейской языковой общности

5.1. Хронологическая последовательность диалектных ареалов по лексическим изоглоссам в соотнесении с грамматическими и фонологическими изоглоссами 416
5.2. Лексические изоглоссы в пределах диалектной общности satəm-ных языков. Арийско-балто-славянские лексические изоглоссы 417
5.3. Арийско-греко-армянские лексические изоглоссы 417
5.4. Балто-славяно-германские лексические изоглоссы 418
5.5. Итало-кельтские лексические изоглоссы 419
5.6. Лексические изоглоссы, соотносимые с основными диалектными группами хронологического уровня 5 420
5.7. Межареальные взаимоотношения между диалектными группами, выделяемыми на хронологическом уровне 5 421

5.8. Балто-славяно-германо-итало-кельтские лексические изоглоссы 422
5.9. Тохаро-кельто-итало-германо-балто-славянские изоглоссы 423
5.10. Лексические изоглоссы, отражающие диалектное взаимодействие на хронологическом уровне 3. Лексические изоглоссы, объединяющие тохарский с диалектами арийско-греко-армянского и балто-славяно-германского ареалов 423
5.11. Тохаро-греко-индо-ирано-германо-балто-славянские лексические изоглоссы 423
5.12. Лексические изоглоссы, отражающие диалектное взаимодействие в пределах общеиндоевропейской диалектной области на хронологическом уровне 2 425
5.13. Грамматические, фонологические и лексические изоглоссы как отражение начального этапа членения индоевропейской языковой области 426
5.14. Географические соотношения индоевропейских и неиндоевропейских языков Евразии 428

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОТОКУЛЬТУРЫ

СОДЕРЖАНИЕ 439

ВСТУПЛЕНИЕ

МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРАЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

1. Диалектная и общеязыковая лексика как основа для реконструкции семантического словаря праязыка 457
2. Соотнесение семантики реконструируемых лексем с «миром вещей» 457
3. Семантический словарь и реконструкция культуры 460
4. Реконструкция ритуальных и мифологических мотивов и фрагментов текста 460
5. Индоевропейский семантический словарь как отражение картины протокультуры 461

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МИР «ЖИВОГО». БОГИ, ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЕ

1. Классификация «мира живого» в представлениях древних индоевропейцев. Различительные признаки классификации
1.1. Обозначение класса «живого» 465
1.2. Признаки «одушевленный»—«неодушевленный». Два класса одушевленности 465
1.3. «Животный» и «растительный» мир и их обозначения 467

2. Класс «одушевленных существ»

2.1. Противопоставление «дикий»—«недикий» 468
2.2. «Люди» и «домашние животные» как класс «недиких» существ 469
2.3. Противопоставление «людей» миру «животных». Признак «говорящий»—«неговорящий» 471
2.4. Противопоставление «двуногий»—«четвероногий» 473
2.5. Классификация «разумных» существ по признакам «смертный» — «бессмертный», «земной»—«небесный» 474
2.6. «Язык богов»—«Язык людей» 476
2.7. Противопоставление «земных» людей по признаку «свободный»—«несвободный» 476
2.8. Соотношение между классом «несвободных людей» и «домашними животными» 477
2.9. Диалектные обозначения «несвободных» 478
2.10. Проецирование отношений между «свободными» и «несвободными» в мир «богов». «Человек» как «несвободный» по отношению к «богу» 480
2.11. Классификация «одушевленных недиких существ» 480

3. Иерархическое членение класса «домашних животных»

3.1. Группы «домашних животных» 481
3.2. «Конь» и «лошадь» как животные, особо близкие к «человеку». Главенствующее положение «лошади» среди домашних животных 482
3.3. Классификация всей группы «домашних животных» 483

4. «Дикие животные»

4.1. Классификация групп «диких животных» 485
4.2. Животные «Среднего мира» 485
4.3. «Животные богов» в древнехеттской традиции 486
4.4. Параллели «животным богов» в других индоевропейских традициях 487
4.5. Животные «Нижнего мира» 488
4.6. Животные «Верхнего мира» 489
4.7. Общая классификация мира «диких животных» 489
4.8. Типология индоевропейской классификации «живых существ» 490

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ДИКИХ ЖИВОТНЫХ» И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1. Животные «Среднего мира»

1. «Волк»

1.1. Первичные индоевропейские названия «волка» 492
1.2. Ритуальная роль «волка» в древних индоевропейских традициях 493
1.3. Ритуальная функция «волка» и его диалектные обозначения 494
1.4. Этнонимы и топонимы, связанные с названием «волка» 495
1.5. Типологические и ареальные параллели к функции «волка» у древних индоевропейцев 496

2. «Медведь»

2.1. Индоевропейское название «медведя» 497
2.2. Культовая роль «медведя» в хеттской и других древних индоевропейских традициях 497
2.3. Табуирование названия «медведя» и его эвфемистические обозначения 498
2.4. Типология индоевропейского культа «медведя» 499

3. «Леопард», «барс», «пантера»
3.1. «Леопард» в древнехеттской традиции 500
3.2. Обозначение «леопарда»-«барса» в хеттском и индо-иранском 500
3.3. Роль «пантеры»-«барса» в древнегреческой традиции 501
3.4. «Барс» в древнеармянской легенде 502
3.5. «Леопард»-«пантера» в средневековых европейских традициях 503
3.6. «Леопард»-«барс» и его обозначения в индоевропейском 504
3.7. Связь индоевропейского обозначения «барса» с древнемалоазийским 505
3.8. Замены названия «барса» в древних индоевропейских диалектах 506
3.9. Типология культа «леопарда»-«барса» в Передней Азии 506

4. «Лев»
4.1. Проблема обозначения «льва» в исторических индоевропейских диалектах 507
4.2. Культовая роль «льва» в древних индоевропейских традициях 508
4.3. Общеиндоевропейское обозначение «льва» и его отношение к афразийским и другим переднеазиатским названиям 510
4.4. Следы индоевропейского слова, обозначающего «рычание льва» 511
4.5. Типология культа «льва» на Ближнем Востоке 511

5. «Рысь»
5.1. Обозначение «рыси» в индоевропейских диалектах 511
5.2. Роль «рыси» в индоевропейских мифологических и ритуальных традициях 512

6. «Шакал», «лиса»
6.1. Индоевропейское обозначение «шакала», «лисы» и его первоначальное значение 513
6.2. Роль «шакала», «лисы» в древней индоевропейской традиции 514

7. «Дикий кабан», «вепрь»
7.1. Индоевропейское обозначение «дикого кабана», «вепря» и его преобразования в исторических диалектах 514
7.2. Культовая значимость «дикого кабана» в древних индоевропейских традициях 516

8. «Олень», «лось», «антилопа»
8.1. Индоевропейские названия животного 517
8.2. Табуирование древнего названия «оленя» и его мифологическое значение 518

9. «Дикий бык», «тур», «зубр»
9.1. Индоевропейское название «дикого быка» и его связь с семитским 519
9.2. Культовая роль «тура», «дикого быка» в отдельных традициях 520
9.3. Производные от названия «дикого быка» в индоевропейских диалектах и их кавказские параллели 520

10. «Заяц»
10.1. Индоевропейское название «зайца» и его замены в отдельных диалектах 521

11. «Белка», «хорек», «горностай»
11.1. Обозначение «белки» в индоевропейских диалектах 522

12. «Обезьяна»
12.1. Реконструкция общеиндоевропейского названия «обезьяны» и его связи с переднеазиатскими терминами 523

13. «Слон», «слоновая кость»

13.1. Реконструкция древних диалектных названий для «слона» и их связь с миграционными переднеазиатскими терминами 524

II. Животные «Нижнего мира»

1. «Змей», «змея», «червь»

1.1. Индоевропейские обозначения «змеи», их варианты и замены в отдельных диалектах 525
1.2. Основной мотив, связанный со «змеем», в индоевропейской мифологии 527

2. «Выдра», «бобер», «водяное животное»

2.1. Индоевропейские диалектные названия «водяного животного», «выдры», «бобра» 529
2.2. Ритуальная и культовая роль «бобра» в отдельных индоевропейских традициях 530

3. «Мышь», «крот»

3.1. Общеиндоевропейское название «мыши» 531
3.2. Мифологическая и обрядовая роль «мыши», «землеройки», «крота» в древних индоевропейских традициях 531

4. «Черепаха»

4.1. Диалектные названия «черепахи» 533

5. «Краб»

5.1. Индоевропейское название «краба» 533

6. «Жаба», «лягушка»

6.1. Описательное название «жабы», «лягушки» и роль животного в индоевропейской мифологии 534

7. «Муха», «овод»

7.1. Общеиндоевропейское название «мухи» 534

8. «Оса», «шершень»

8.1. Диалектные названия «осы», «шершня» 535

9. «Гнида», «вошь»

9.1. Общеиндоевропейские названия «гниды» и «вши» 535

10. «Рыба», «лосось»

10.1. Индоевропейские диалектные названия «рыбы» как животного «водного мира» 535
10.2. Проблема названия «лосося» в индоевропейском 536

III. Животные «Верхнего мира»

1. «Птица», «орел»

1.1. Индоевропейские названия «птицы» 537
1.2. Индоевропейское название «орла» 538
1.3. Мифологическая роль орла в древней индоевропейской традиции. Связь «орла» с «морем» 538
1.4. Табуистические замены названия «орла» в отдельных индоевропейских диалектах 539

2. «Журавль»
2.1. Индоевропейское название «журавля» 540

3. «Ворон», «ворона»
3.1. Индоевропейское название «ворона» как обозначение звукоподражательного характера 540

4. «Дрозд», «скворец», «воробей»
4.1. Диалектные обозначения птиц в индоевропейском 541

5. «Тетерев», «глухарь»
5.1. Индоевропейское название «тетерева» 541

6. «Дятел», «маленькая птичка», «зяблик»
6.1. Индоевропейское название «дятла» 541
6.2. Индоевропейские названия «маленькой птички», «зяблика» 542

7. «Гусь», «водяная птица», «лебедь», «утка»
7.1. Индоевропейское название «гуся»-«лебедя» 542
7.2. Индоевропейское диалектное название «утки» 543

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ». ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ЖИВОТНЫХ И ИХ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

1. «Животные», ритуально близкие к «человеку»

1. «Конь», «лошадь»
1.1. Общеиндоевропейское название «коня», «лошади» 544
1.2. Роль «лошади» у древних индоевропейцев. «Лошадь» в древнехеттской традиции. Ее военно-транспортная, культовая и мифологическая роль 545
1.3. Коневодство и митаннийские арийцы 546
1.4. «Конь», «лошадь» в древнеиндийской традиции. Культ коня в «Ригведе» и «Ашвины» 548
1.5. «Конь», «лошадь» в древнеиранской традиции и ее ритуальная значимость 550
1.6. «Конь», «лошадь» в древнегреческой традиции. Ритуальная и мифологическая роль «лошади» 550
1.7. Следы культа «лошади» в римской традиции 552
1.8. «Лошадь» в кельтской традиции 552
1.9. Культ «лошади» в германской традиции 553
1.10. Древние германские названия «коня» и «лошади» 553
1.11. Кельто-германское название «лошади» и его азиатские источники 554
1.12. Культ «лошади» у древних балтов 555
1.13. «Лошадь» в славянской традиции. Славянские названия «лошади» 555
1.14. Древнебалканские названия «лошади» 556
1.15. Роль «лошади» у древних индоевропейцев 556
1.16. Проблема доместикации «лошади» и ее диких предков 557

1.17. Проблема первоначального ареала доместикации «лошади» 558
1.18. Связь индоевропейского названия «лошади» с переднеазиатскими 560
1.19. Проблема древнего влияния индоевропейского коневодства на Восточную Азию (Китай) 561

2. «Осел»
2.1. Индоевропейские названия «осла» и проблема их переднеазиатского происхождения 562
2.2. «Осел» как культовое животное у древних индоевропейцев 563
2.3. Типология ритуально-культовой роли «осла» в Передней Азии. Связь названий «осла» и «лошади» 563

3. «Бык», «корова», «крупный рогатый скот»
3.1. Общеиндоевропейское название «быка», «коровы» 565
3.2. Диалектная дифференциация названий «быка» и «коровы» 566
3.3. Хозяйственная функция «коровы» по данным индоевропейских диалектов и проблема молочного хозяйства у древних индоевропейцев. Диалектные слова для «молока» 567
3.4. «Корова» как культово-ритуальное животное у древних индоевропейцев 571
3.5. Хозяйственно-экономическая значимость «коровы» и «быка» в древних индоевропейских традициях 572
3.6. Проблема доместикации «быка» и связь индоевропейского обозначения «быка», «коровы» с переднеазиатскими и центральноазиатскими миграционными терминами 573
3.7. Культовая роль «быка» у древних индоевропейцев 575

4. «Овца», «баран», «ягненок»
4.1. Общеиндоевропейское название «овцы», «барана» и «скота» 577
4.2. Индоевропейское название «шерсти» и терминология обработки «шерсти» 578
4.3. «Овца» и «овцеводство» у древних индоевропейцев и исторические связи с переднеазиатским овцеводческим хозяйством 580
4.4. Культовая значимость «овцы», «шерсти», «пряжи» в древних индоевропейских традициях 581
4.5. Лексико-семантическое поле слов в индоевропейском, образованных от корня в значении «ткать», «овечья шерсть» 583
4.6. Разновидности «овцы», «барана» и их диалектные обозначения в индоевропейском 583

5. «Козел», «коза»
5.1. Ареальные индоевропейские названия «козла»-«козы» 585
5.2. Ритуально-мифологическая роль «козла» в древних индоевропейских традициях 586
5.3. «Коза» и «козье хозяйство» у древних индоевропейцев 587
5.4. Появление «козы» в Передней Азии как домашнего животного и ее движение на восток 588
5.5. Миграция индоевропейских названий «козы» в восточном и северо-восточном направлениях 588

III. «Животные», ритуально отдаленные от «человека». «Четвероногие» и «нечетвероногие»

1. «Собака»
1.1. Общеиндоевропейское название «собаки» 589
1.2. Смешение названий «волка» и «собаки» в отдельных индоевропейских традициях. Отождествление «собаки» и «волка» и ритуально-мифологическая роль «собаки» 590

1.3. Влияние индоевропейских представлений о «собаке» на Восточную Азию (Китай) 591

2. «Свинья», «поросенок»

2.1. Общеиндоевропейские названия «свиньи», «поросенка» 593
2.2. «Свинья» и свиноводство в древних индоевропейских традициях 594
2.3. История доместикации «свиньи» и распространение свиноводства в Евразии 595
2.4. Культово-ритуальная роль «свиньи» как символа плодородия у древних индоевропейцев 596
2.5. Диалектные названия «свиньи» и их связь с восточноазиатскими 598

3. «Кошка»

3.1. Миграционный термин для обозначения «кошки» в индоевропейских диалектах 599
3.2. Культовая значимость «кошки» в отдельных индоевропейских традициях 600
3.3. Фонетические варианты названия «кошки» и его связь с переднеазиатскими терминами 600

4. «Домашняя птица», «петух», «курица»

4.1. Ареальные названия «петуха»-«курицы» как ономатопоэтические образования 601

5. «Пчела» и «пчеловодство»

5.1. Проблема общеиндоевропейского названия «пчелы» и его табуирование 602
5.2. Индоевропейские названия «меда» как свидетельство древности пчеловодства у индоевропейцев 603
5.3. Пчеловодство и его культовая роль по данным древних индоевропейских традиций 605
5.4. Типология добывания «меда» и виды пчеловодства у древних индоевропейцев 607
5.5. Индоевропейские названия «улья» и «воска» 609
5.6. Направление распространения пчеловодческого хозяйства и связь индоевропейских терминов пчеловодства с евразийскими 610

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «РАСТЕНИЙ». ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАСТЕНИЙ И ИХ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

I. Растительный мир. Деревья

1. «Дерево», «дуб»

1.1. «Деревья» внутри «растительного мира» 612
1.2. Общеиндоевропейское название «дерева», «дуба» 612
1.3. Семантика индоевропейской лексемы **t'e/oru-*, **t're/ou-* и ее отражение в значениях соответствующих слов в отдельных исторических диалектах 613
1.4. Индоевропейское название «дуба», «скалы» 613
1.5. Связь названия «божества» с названием «дуба» 614

1.6. Разновидности «дуба» и «горного дуба» в Евразии 615
1.7. Культовая роль «дуба» в культурных традициях Передней Азии 616
1.8. Хозяйственная роль «дуба» у древних индоевропейцев и индоевропейские названия «желудя» 617
1.9. Табуистические замены названия «дуба» в отдельных индоевропейских диалектах 618

2. «Береза»

2.1. Общеиндоевропейское название «березы» 619
2.2. Происхождение индоевропейского названия «березы» от основы в значении «блестеть» 620
2.3. Хозяйственное и ритуальное использование «березы» у древних индоевропейцев 620
2.4. Территориальное распространение разновидностей «березы» 621

3. «Бук»

3.1. Общеиндоевропейское название «бука» 621
3.2. Ритуальная роль «бука» в древних индоевропейских традициях 622
3.3. Территориальное распространение «бука» и «аргумент бука» в связи с проблемой «индоевропейской прародины» 623

4. «Граб»

4.1. Индоевропейские названия «граба» 624
4.2. Проблема происхождения названия «граба» в индоевропейском 624
4.3. Связь названий «деревьев» с терминами для нанесения «знаков» на дерево 624

5. «Ясень»

5.1. Индоевропейское название «ясеня» 625
5.2. Территориальное распространение «ясеня» 625
5.3. Смещение значений в семантическом поле названий «деревьев» в индоевропейском 625

6. «Осина», «тополь»

6.1. Диалектные названия «осины», «тополя» 626
6.2. Индоевропейские слова для «осины», «тополя» в тюркских языках 627
6.3. Территориальное распространение «осины» 627

7. «Ива», «ветла»

7.1. Индоевропейское название «ивы», «ветлы» и его позднейшие замены 628

8. «Тис»

8.1. Индоевропейские названия «тиса» 628
8.2. К проблеме этимологии хеттского $GIŠ_{eia}$-. Ритуально-мифологическая роль «тиса» в отдельных индоевропейских традициях 629
8.3. Территориальное распространение «тиса» в Евразии 630

9. «Пихта», «ель», «сосна»

9.1. Диалектные названия «вечнозеленых деревьев» в индоевропейском 631
9.2. Происхождение индоевропейских названий «вечнозеленых деревьев» и этимологическая связь этих названий с обозначением «смолы» и «красок» 632

9.3. Территориальное распространение «сосны», «пихты» в Евразии 633
9.4. Индоевропейские названия «ели» 633
9.5. Иранские названия «хвойных деревьев» и их картвельские параллели 634

10. «Ольха»

10.1. Индоевропейские названия «ольхи» 635

11. «Ореховое дерево», «орех»

11.1. Индоевропейское название «ореха» 635
11.2. Территория исторического распространения «грецкого ореха» 637

12. «Яблоня», «яблоко»

12.1. Древнеевропейские названия «яблока» 637
12.2. Хозяйственная и культовая значимость «яблока» в древней Европе 638
12.3. Название «яблока» как общеиндоевропейская лексема 639
12.4. Параллели индоевропейскому названию «яблока» в неиндоевропейских языках Ближнего Востока 641
12.5. Другое древнее диалектное название «яблока» и хет. *maḫla-* «лоза» 641
12.6. Мифологическая роль «яблока» в древних индоевропейских традициях 642

13. «Кизил», «вишня»

13.1. Индоевропейские названия «кизила», «вишни» 643
13.2. Распространение, хозяйственное назначение и мифологическая роль «кизила» и «вишни» 644

14. «Тутовое дерево», «шелковица»

14.1. Индоевропейские названия «тутового дерева» 645
14.2. Распространение и хозяйственное назначение «тутового дерева» 646

II. Растительный мир. Культурные растения и злаки

1. «Виноград», «вино»

1.1. Название «вина» в древних индоевропейских диалектах 647
1.2. Связь индоевропейского обозначения «вина» с переднеазиатскими названиями 648
1.3. Название «вина» как древний переднеазиатский миграционный термин. Миграционный переднеазиатский термин для «вина» как исконно индоевропейское слово и его этимологические связи 649
1.4. Древнейший переднеазиатский очаг виноградарства 651
1.5. «Виноград», «вино» в древних индоевропейских традициях 651
1.6. Индоевропейский термин для «жертвенного возлияния вина» 652
1.7. Отсутствие индоевропейского термина для «вина», «винограда» в индо-иранском и культ «божественного» напитка «сомы-хаомы» 653
1.8. Следы древней терминологии, относящейся к виноградарству в иранском. Название «лозы» 654

2. «Зерно», «ячмень»

2.1. Индоевропейские названия «зерна», «ячменя» 655
2.2. Ареал древнейшего распространения «ячменя» 656

3. «Пшеница»

3.1. Индоевропейские названия «пшеницы» 657
3.2. Ареал древнейшего распространения «пшеницы». Связь индоевропейского названия «пшеницы» с евразийскими 658

4. «Просо», «рожь», «овес»

4.1. Диалектные названия «проса», «ржи», «овса» 658
4.2. Культурно-исторические данные о распространении «ржи» и «овса» 659

5. «Лен», «конопля»

5.1. Индоевропейское название «льна» 659
5.2. Территория распространения «льна»; хозяйственная и мифологическая роль «льна» у древних индоевропейцев 659
5.3. Замена названия «льна». Миграционные термины для «конопли» 660

III. Растительный мир. Кустарники, травы

1. «Вереск»

1.1. Индоевропейское название «вереска» 662
1.2. Территория распространения «вечнозеленого кустарника», «вереска» 662

2. «Роза», «шиповник»

2.1. Индоевропейское название «розы», «шиповника» 663

3. «Мох»

3.1. Индоевропейское название «мха» 663

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОКРУЖАЮЩАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА, КЛИМАТ. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ

1. Обозначение явлений "неживой" природы

1.1. Реконструкция картины географической среды обитания по лингвистическим данным 665

2. Обозначения ландшафта

2.1. Индоевропейские названия «горы» 665
2.2. Представления о «высоких горах» у древних индоевропейцев 667
2.3. Связь «горы» с «тучами», «облаками» в представлениях древних индоевропейцев 667
2.4. Обозначение «горы» как «высокой» 668
2.5. Обозначения «горы», «возвышенности» 669
2.6. Разветвленная терминология, обозначающая «горы» в индоевропейском 669

3. Обозначения «водных бассейнов»

3.1. Индоевропейские названия «реки», «потока» 670
3.2. Обозначение «реки» как «быстротекущей» 670
3.3. Общие обозначения «воды» в индоевропейском 671
3.4. Индоевропейские названия «моря», «озера» 671

3.5. Обозначение «моря», «озера», «болота» в индоевропейском 672
3.6. Диалектные названия «моря» 673
3.7. Обозначение «моря» как «соленого» 674
3.8. Судоходство и терминология судоходства у древних индоевропейцев 674
3.9. Представления о «море» у древних индоевропейцев. Мифологическая роль «моря» в древней индоевропейской традиции 675

4. Метеорологические явления: «ветер», «буря», «дождь», «снег», «лед»

4.1. Индоевропейские названия «ветра» и «бури» 677
4.2. «Ветер», «буря» в индоевропейской мифологии 677
4.3. «Ветры четырех сторон света» 678
4.4. Индоевропейское обозначение «дождя» 679
4.5. «Дождь» как проявление силы божества. Табуирование названия «дождя» 679
4.6. Ритуалы вызывания «дождя» 680
4.7. Индоевропейские названия «снега» 681
4.8. Обозначения «холода», «льда» в индоевропейском 681
4.9. Индоевропейские обозначения «тепла», «жары» 683

5. Небесные тела: «солнце», «луна», «звезда», «созвездия»

5.1. Индоевропейское название «солнца» 684
5.2. Индоевропейские названия «луны», «месяца» 684
5.3. Мифологические представления о Луне и Солнце у индоевропейцев 685
5.4. Индоевропейское название «звезды» и его связь с семитским 685
5.5. Диалектные названия «звезд» и «созвездий» 686

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ. РЕМЕСЛА И ТРАНСПОРТ

1. Реконструкция хозяйственной деятельности древних индоевропейцев по лингвистическим данным

1.1. Терминология хозяйственной деятельности 687

2. Терминология земледелия

2.1. Индоевропейские названия «пахоты» и «плуга» 687
2.2. Индоевропейское обозначение «посева» 688
2.3. Диалектные обозначения «борозды» 689
2.4. Диалектные обозначения «плуга», «частей плуга» и «сохи» 689
2.5. Культурно-исторические данные о распространении плуга 690
2.6. Индоевропейские обозначения времен года по сельскохозяйственным циклам 690
2.7. Индоевропейские названия «серпа» 691
2.8. Индоевропейские термины для «размалывания зерна» и для «ступок» 692
2.9. Индоевропейские обозначения «мельницы», «жернова» 693
2.10. Диалектные термины для «зерна» 694

3. Терминология скотоводства и охоты

3.1. Термины для «пастьбы» и охраны «стада» 694
3.2. Древнее название «пастуха» 695
3.3. Индоевропейские термины, относящиеся к охоте 695

4. Элементы материального быта древних индоевропейцев

4.1. Общие термины для «еды» и «приема пищи» 697
4.2. Противопоставление «сырая пища» — «вареная пища» 698
4.3. Обработка пищи на «огне» 699
4.4. Индоевропейские обозначения «огня» и «очага» 699
4.5. Обрядовая роль «огня» и «очага» в древних индоевропейских традициях 700
4.6. Ритуальная пища, преподносимая божеству 701
4.7. «Обмен» пищей между людьми и богами и обозначение «голода» 701
4.8. Другие термины для «приема пищи» 702
4.9. Индоевропейское обозначение «питья», «поглощения жидкости» 702
4.10. Индоевропейские обозначения «пищи, приготовленной на огне» 703
4.11. Индоевропейское обозначение «соли» 703
4.12. Индоевропейские обозначения «масел» 703

5. Терминология ремесел и ремесленного производства

5.1. Термины «прядения» и «ткачества», «шитья» 704
5.2. Индоевропейские обозначения «одежды» и «одевания» 705
5.3. Общий термин для «ремесленного производства» в индоевропейском 705
5.4. Диалектные термины для ремесленного производства 706
5.5. Термины для обработки дерева 706
5.6. Индоевропейская терминология гончарного дела 707
5.7. Терминология металлургии. Названия «меди» 709
5.8. Индоевропейские названия «металлов» и цветовые признаки 710
5.9. Связь индоевропейского названия «меди» с древнемесопотамским 712
5.10. Индоевропейские названия «серебра» и связь с признаками «белый», «блестящий» 713
5.11. Индоевропейские обозначения «золота» 713
5.12. Соотношения между названиями металлов и цветов 714
5.13. Термины кузнечного дела 714
5.14. Названия металлических орудий в индоевропейском: «топор», «секира» 716

6. Терминология, относящаяся к средствам передвижения и транспорту

6.1. Наличие металлургии как предпосылка для изготовления колесных повозок 717
6.2. Индоевропейское обозначение «колеса» и «колесной повозки» 718
6.3. Слова, обозначающие «вращение» 719
6.4. Ритуальная роль «колеса» в древних индоевропейских традициях 720
6.5. Индоевропейское название «упряжи» и ее частей: «дышло», «ярмо», «ось» 721
6.6. Ритуальная роль «ярма» в древних индоевропейских традициях 722
6.7. Другие индоевропейские термины для «ярма» и частей упряжи: «ремень», «уздечка», «крючок» 723
6.8. Индоевропейские глаголы, означающие «езду в повозке» 723
6.9. Культурно-исторические данные о распространении колесных повозок у древних индоевропейцев. Повозки у хеттов 724
6.10. Колесная повозка в переднеазиатском погребальном обряде 726
6.11. «Колесо», «колесничий», «колесная повозка» в индо-иранской традиции 727
6.12. «Крытые повозки» у индо-иранцев 729
6.13. «Колесная повозка» и «колесница» в древнегреческой традиции 730
6.14. Ритуальная роль «колесницы» в древних европейских традициях 731

6.15. «Всадничество» и «верховая езда» 732
6.16. Передняя Азия как древнейший ареал распространения «колесных повозок». Пути распространения колесницы в Евразии 733
6.17. Древние индоевропейцы как обладатели «колесных повозок» 737

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ЭКОНОМИКА И СИСТЕМА РОДСТВА ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

1. Война как занятие и индоевропейские обозначения боевого оружия

1.1. Реконструкция названий боевого оружия и глагола, означающего «преследование, уничтожение противника» 739
1.2. Индоевропейские обозначения «захвата военной добычи» 740
1.3. Индоевропейские обозначения «войска», «народа», «военной защиты, обороны» 740

2. «Жилище» и «поселение» как единицы социальной структуры древних индоевропейцев

2.1. Индоевропейское обозначение «дома», «жилища» 741
2.2. Индоевропейское «поселение» как «объединение домов» 742
2.3. «Дверь» как «выход из дома» и оппозиция «дома» — «вне дома», «в поселении» — «вне поселения» 743
2.4. «Ограда» как граница «дома» или «поселения» 743
2.5. «Укрепленные поселения», «крепости» 744
2.6. «Укрепление», «крепость» в отдельных древних индоевропейских традициях 745

3. Общие экономические понятия по данным индоевропейского языка

3.1. Индоевропейские слова в значении «имущество», «собственность», «богатство» 746
3.2. Индоевропейские термины «купли» — «продажи» 747
3.3. Индоевропейские социально-экономические термины «обездоленный», «неимущий», «вор» 747

4. Термины, обозначающие социальные объединения и их предводителей

4.1. Индоевропейское название «рода» 748
4.2. Индоевропейские слова в значении «племя, народ» 749
4.3. Древнее индоевропейское название «рода» и «предводителя рода» 750
4.4. Индоевропейское название «священного царя» 751
4.5. Диалектные обозначения «царя», «повелителя» 752

5. Индоевропейская терминология «обмена»

5.1. Общий термин «обмена» **t'oH-* 752
5.2. Другие индоевропейские термины для «обмена» 754
5.3. «Гостеприимство» и «угощение» 754

6. Система брачных отношений и система «свойства» у древних индоевропейцев

6.1. «Брак» как «обмен» женщинами и древнейшая индоевропейская терминология брачных отношений 755

6.2. Практика «умыкания женщин» как древнейший вид брака 756
6.3. Различные виды «брака» у древних индоевропейцев 757
6.4. Индоевропейские обозначения «мужчины» и «женщины» как супругов 758
6.5. Индоевропейское название «вдовы» 759
6.6. Индоевропейские термины «свойства» 760
6.7. Термины «свойства», отражающие отношения между нулевым поколением Ego и поколением родителей (поколением —1) 760
6.8. Общая структура отношений «свойства» и их обозначения 761
6.9. Патрилокальный характер индоевропейской «большой семьи» 762

7. Система «кровного родства» у древних индоевропейцев

7.1. Термины кровного родства нулевого поколения 763
7.2. Термины кровного родства поколения родителей (поколения —1) 765
7.3. Термины кровного родства поколения +1 765
7.4. Термины кровного родства поколения —2 766
7.5. Семантика и соотношение терминов **НашНо-* и **пер[h]от[h]-* и проблема кросс-кузенных браков у древних индоевропейцев 767
7.6. Общая система и терминология брачно-родственных отношений 769
7.7. Древние брачно-родственные отношения как дуально-экзогамная система 772
7.8. Отношения между «племянником» и «дядей по матери» в дуально-экзогамной системе и следы их в древних индоевропейских традициях 772
7.9. Преобразование древней системы брачно-родственных отношений и нарушение принципа патрилокальности в отдельных исторических традициях 774

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СВЯЗЬ ДРЕВНЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СО СТРУКТУРОЙ ДУХОВНЫХ ПОНЯТИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНОЙ МИРА

1. Дуалистический принцип индоевропейской социальной организации и его преломление в ритуалах и мифологии

1.1. Двоичность религиозных и мифологических представлений 776
1.2. Древние индоевропейские представления о «двух предводителях племени» 776
1.3. Индоевропейский близнечный культ 777
1.4. Индоевропейский миф об инцесте близнецов 777
1.5. Дуалистические ритуалы в отдельных индоевропейских традициях 779
1.6. Индоевропейское обозначение «половины» 779
1.7. Пары лексических антонимов в индоевропейском 780
1.8. Символика «правого» и «левого» в индоевропейском 784
1.9. Обозначение парных частей тела в индоевропейском 786

2. Преобразование древней индоевропейской социальной организации и формирование структуры с тремя и четырьмя рангами. Отражение такой организации в духовных представлениях и мифологии

2.1. Преобразование древней дуальной социальной организации 787
2.2. Формирование трех или четырех социальных рангов в отдельных исторических индоевропейских обществах 787
2.3. Вопрос о хронологии формирования трех социальных рангов в отдельных исторических обществах и проблема тернарной структуры индоевропейского общества и мифологии 789

2.4. Перестройка древних брачно-родственных отношений и возникновение эндогамии в отдельных исторических обществах 789

3. Структура древнего индоевропейского пантеона

3.1. Соотношение между социальными структурами и структурой пантеона 790
3.2. Дуальный характер древнего индоевропейского пантеона 791
3.3. Верховное индоевропейское божество «Небо-Отец» 791
3.4. Индоевропейское божество «грома» и «боевой дружины» 792
3.5. Соотношение между верховными божествами индоевропейского пантеона 793
3.6. Преобразование древней индоевропейской системы пантеона в анатолийской традиции 794
3.7. Преобразование индоевропейского пантеона в древнеиндийской традиции 795
3.8. Отражение древнего индоевропейского пантеона в греческой мифологии 796
3.9. Преобразование древнего индоевропейского пантеона в италийском 797
3.10. Следы древней системы индоевропейского пантеона в других «древнеевропейских» традициях 798

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ РИТУАЛОВ. ПРАВОВЫЕ, МЕДИЦИНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ИДЕЯ ЗАГРОБНОГО МИРА И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

1. Индоевропейские общие духовные понятия и ритуалы

1.1. Ритуальная деятельность как практика ранга «жрецов» 800
1.2. Индоевропейские обозначения основных религиозных понятий 800
1.3. Индоевропейские обозначения религиозных обрядов 802
1.4. Индоевропейская терминология обрядов гадания 805
1.5. Индоевропейская ритуально-правовая терминология 805
1.6. Особенности распределения ритуально-правовых терминов по диалектным ареалам 807
1.7. Индоевропейское обозначение «кровной мести» 809
1.8. Ритуально-правовые формулы, включающие корни с общим значением 810

2. Индоевропейская медицинская терминология. Медицинские представления как часть ритуальной системы

2.1. Общее обозначение ритуального врачевания в индоевропейском 811
2.2. Структура ритуалов врачевания болезней 811
2.3. Индоевропейские названия «частей тела» 812
2.4. Отождествление в ритуале частей тела человека и животных и практика заклинаний 818
2.5. Соответствие частей тела частям мироздания в представлениях древних индоевропейцев 820
2.6. Представление о «человеке» как «происходящем из земли» 821

3. Представления о загробной жизни и погребальные обряды

3.1. Индоевропейское обозначение «смерти» как неотвратимого «рока» 822
3.2. «Напиток богов, преодолевающий смерть» 822

3.3. Загробный мир как «пастбище» 823
3.4. Индоевропейское обозначение «мира мертвых» 824
3.5. «Вода» как граница между «миром живых» и «миром мертвых» 825
3.6. Индоевропейские погребальные обряды. Древнехеттская традиция кремации трупов 826
3.7. Древнегреческая традиция трупосожжения 827
3.8. Обряд кремации в древнеиндийской традиции 828
3.9. Погребальные обряды и практика трупосожжения в древней Европе 829
3.10. Два способа захоронения у древних индоевропейцев и представления о разных видах смерти 830
3.11. Общеиндоевропейский характер практики трупосожжения и культ огня у древних индоевропейцев 831

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ТЕКСТА. ФРАГМЕНТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МЕТРИЧЕСКИЕ СХЕМЫ. СИСТЕМА СЧЕТА И ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА

1. Фрагменты мифо- и ритуально-поэтических текстов

1.1. Реконструкция фрагментов речи, бо́льших, чем слово 832
1.2. Некоторые словосочетания индоевропейской поэтической речи 833
1.3. Металингвистические обозначения поэтической речи 835

2. Звуковая организация индоевропейской поэтической речи

2.1. Звуковые повторы, аллитерация, анаграммы 837
2.2. Реконструкция архаических индоевропейских метрических схем. Типология индоевропейской метрики 839

3. Числительные и система счета

3.1. Принципы реконструкции системы числительных. Десятичная система счета в индоевропейском 842
3.2. Числительные «один» и «первый» и их типология 842
3.3. Числительные первого «десятка» 844
3.4. Десятичность индоевропейской системы счета. Названия «ста» и «десятков» 846
3.5. Следы архаичной индоевропейской системы счета по пальцам руки 849

4. Символика чисел и следы архаичного индоевропейского календаря

4.1. Основные числа с символичным значением в индоевропейском 851
4.2. Символика числа «три». Троичность индоевропейской мифологической модели мира 851
4.3. Символика числа «четыре» и индоевропейская система времен года 852
4.4. Символика числа «семь» и следы лунной недели 854
4.5. Символика числа «двенадцать» 854

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ХРОНОЛОГИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА. ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ «ПРАРОДИНЫ» И ПУТИ МИГРАЦИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН В ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ РАССЕЛЕНИЯ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВРЕМЕННЫЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1. Хронология общеиндоевропейского языка

1.1. Время и пространство как обязательные категории реальности праязыковой системы 859
1.2. Хронология индоевропейского праязыка в свете данных об анатолийской языковой системе. Древнейшая анатолийская ономастика и гидронимика 859
1.3. Хронология индоевропейского праязыка в свете данных о времени распада «греко-армяно-арийской» диалектной общности. Микенский греческий в его диалектном приурочении. Общеиндоевропейский язык как языковая общность, соотносимая с периодом V — IV тысячелетий до н. э. 863

2. Ареал распространения общеиндоевропейского языка и проблема индоевропейской «прародины»

2.1. Вопрос о «первоначальности» праязыковой территории 865
2.2. Индоевропейская «прародина» как географическая область с горным ландшафтом 865
2.3. Общеиндоевропейская флора и фауна как палеоботанические и палеозоологические указатели на соотнесенность индоевропейской экологической среды с зоной Средиземноморья — Передней Азии 866
2.4. Характер развитого скотоводства и земледелия в общеиндоевропейскую эпоху как аргументы против отнесения индоевропейской «прародины» к областям Центральной и Восточной Европы 868
2.5. Индоевропейский колесный транспорт и металлургия бронзы как свидетельство локализации первоначальной индоевропейской территории в Передней Азии 869

3. Контакты общеиндоевропейского языка с языками Древней Передней Азии

3.1. Ареальные связи праиндоевропейского языка с общесемитской и общекартвельской системами в пределах древней территориальной общности 870
3.2. Семитские и шумерские лексические заимствования в праиндоевропейском 871
3.3. Картвельско-индоевропейские лексические связи на праязыковом уровне 877

3.4. Хронологическая и ареальная соотнесенность праиндоевропейской, прасемитской и пракартвельской языковых систем 880
3.5. Лексические связи общеиндоевропейского языка с древними языками Передней Азии (хаттским, эламским, хуррито-урартским) 881

4. Типология индоевропейской культуры в сопоставлении с древневосточными цивилизациями

4.1. Уровень индоевропейской материальной и духовной культуры как признак близости к древним ближневосточным центрам цивилизации 883
4.2. Проблема древнеиндоевропейского письма. Хронология и истоки хетто-лувийской иероглифики 887

5. Соотнесение индоевропейской «прародины» на Ближнем Востоке с археологическими культурами Древней Передней Азии

5.1. Проблема установления в пределах Передней Азии археологической культуры, соотносимой с общеиндоевропейской 890
5.2. Признаки халафской культуры Верхней Месопотамии V — IV тысячелетий до н. э., сопоставимые с индоевропейскими 891
5.3. Энеолитическая археологическая культура Южного Кавказа V—IV тысячелетий. Куро-араксская культура III тысячелетия до н. э. и проблема ее этнического соотнесения 892

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН — НОСИТЕЛЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ С ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕСТА ИХ ОБИТАНИЯ В ЕВРАЗИИ

1. Выделение анатолийской языковой общности из праиндоевропейского и миграции племен — носителей анатолийских диалектов

1.1. Соотнесение ареалов распространения древнейших исторических индоевропейских диалектов с первоначальной территорией локализации общеиндоевропейского языка 895
1.2. Направленность исторических смещений племен—носителей анатолийских диалектов в пределах Малой Азии с Востока на Запад 895
1.3. Анатолийские лексические заимствования в языках древнего Южного Кавказа (картвельский, урартский) 897

2. Распад греко-армяно-арийского диалектного единства и миграции носителей греческих диалектов

2.1. «Греко-армяно-арийская» диалектная общность и ее распад. Раннее выделение индо-иранского 898
2.2. Миграции протоэллинов в материковую Грецию и на острова Эгейского моря через Малую Азию. Вопрос о догреческом субстрате 900
2.3. Древнегреческие области Западной Анатолии (Милет, Аххиява) как свидетельство исторических миграций протоэллинов через Малую Азию 901
2.4. Греческо-анатолийские связи как свидетельство исторического обитания носителей греческих диалектов в Малой Азии 902
2.5. Приход греков в материковую Грецию с Востока. Греческо-картвельские лексические связи и «Миф об аргонавтах» 904

3. Древние балканские языки и их диалектная и ареальная соотнесенность. Проблема индоевропейских миграций через Балканы

3.1. Фригийский язык и его соотнесенность с греко-армяно-арийской диалектной общностью 909
3.2. Протоалбанский и его первоначальные диалектные связи 911
3.3. Древнейший культурный очаг на Балканах V—IV тысячелетий до н. э. и его связь с малоазиатским (Чатал-Хююк) 911

4. Протоармянский диалект и пути его первоначального распространения

4.1. Контакты протоармянского с хетто-лувийскими языками. Вопрос об определении языка страны Хайаса 912

5. Распад индо-иранской диалектной общности и пространственно-временное соотнесение различных миграционных волн носителей индо-иранских диалектов

5.1. Ранние арийские диалекты: митаннийский арийский, кафирский, индо-арийский. Хронология заселения Афганистана и северо-западной Индии 914
5.2. Следы арийского диалекта в Северном Причерноморье и проблема индоевропейских миграций через Кавказ 916
5.3. Выделение иранских диалектов из арийской диалектной общности. Следы расселения восточных иранцев в Средней Азии и Афганистане 920
5.4. Ранние свидетельства миграций ираноязычных племен в Среднюю Азию и древнейшие иранские заимствования в финно-угорском 921
5.5. Миграции восточноиранских племен и раннеиранские заимствования в финно-угорских языках 929
5.6. Миграционные термины в древних центральноазиатских языках 931
5.7. Семантика раннеиранских заимствований в финно-угорском. Характер занятий раннеиранских переселенцев 933

6. Выделение тохарского из общеиндоевропейского языка и миграции носителей тохарских диалектов

6.1. Тохарские миграции на Восток и индоевропейские заимствования в китайском 935
6.2. Тохарские заимствования в финно-угорском 936

7. Выделение «древнеевропейских» диалектов из общеиндоевропейского языка и проблема миграций индоевропейских племен через Центральную Азию

7.1. Совместные миграции племен—носителей тохарского и «древнеевропейских» диалектов 938
7.2. Лексические связи «древнеевропейских» диалектов с языками центральной Азии как свидетельство миграций индоевропейских племен в Восточную Европу через Среднюю Азию 939
7.3. Лексические изоглоссы как свидетельство совместного развития «древнеевропейских» диалектов 943
7.4. Северное Причерноморье и Приволжье как области совместного обитания носителей «древнеевропейских» диалектов. Проблема «вторичной индоевропейской прародины» 944
7.5. Следы совместного пребывания носителей «древнеевропейских» диалектов на «вторичной прародине» в древнейшей гидронимике Северного Причерноморья 945

7.6. «Вторичная прародина» как ареал формирования древнеевропейско-восточноиранских лексических связей. «Скифо-европейские» изоглоссы 946
7.7. «Вторичная прародина» и проблема балто-славяно-арийских лексических изоглосс 947
7.8. Пространственно-временное соотнесение «вторичной индоевропейской прародины» с курганной (древнеямной) археологической культурой Приурало-волжских степей III тысячелетия до н. э. 947
7.9. Продвижение носителей «древнеевропейских» диалектов в центральную Европу и образование центральноевропейской гидронимики. Формирование отдельных индоевропейских языков Древней Европы 952

8. Диффузия антропологических типов в Евразии в соотнесении с картиной миграций индоевропейских племен

8.1. Диффузия древнего переднеазиатского антропологического типа в Западной Азии и Европе как отражение процессов этнического смешения 955
8.2. Конечные этапы индоевропейских миграций в II—I тысячелетиях до н. э. 956

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ 959

БИБЛИОГРАФИЯ 971

УКАЗАТЕЛИ 1115

ИНДЕКС К «УКАЗАТЕЛЯМ» 1313

ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ 1317

ОБЗОР ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ГРУППАМ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ И НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ ИСТОРИЧЕСКИ СМЕЖНЫХ АРЕАЛОВ

1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1.1. АНАТОЛИЙСКИЕ (ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЕ) ЯЗЫКИ

Древнеанатолийские языки Малой Азии — клинописный хеттский, клинописный и иероглифический лувийский, палайский — известны по памятникам Богазкёйского архива II тысячелетия до н. э. Древнейшие клинописные хеттские тексты, определяемые по палеографическим особенностям (древний дуктус) как составленные в эпоху Древнехеттского Царства (1-я половина II тысячелетия до н. э.), включают царские надписи—древнейшую хеттскую надпись царя Анитты (XVIII в. до н. э., *Neu 1974*), "Анналы царя Хаттусили" (XVIIв. до н. э., *Imparati 1965*) и "Завещание царя Хаттусили I" (*Sommer/Falkenstein 1938*); древнехеттские надписи исторического содержания (надпись *Zukraši*, *Otten 1953*) и ряд других из KUB и KBo, *см. Laroche 1971*. В древнехеттский период составлен также ранний вариант "Хеттских Законов" (*Friedrich 1959; Imparati 1964*). Архаичным языком, близким к древнехеттскому, характеризуются многие ритуальные и мифологические тексты: "Миф о Телепину" (KUB XVII 10; XXXIII), метрические тексты о боге Пирве (*Bo 6483*, *Otten 1951*) и погребальная песня (KBo III 46), гимны Солнцу (KUB XXI 127 — 134; XIV 74), строительный ритуал KUB XXIX 1, царские погребальные ритуалы (*Otten 1958*), "Молитвы Мурсили II во время чумы" (*Goetze 1929*) и др. Архаические черты еще сохраняются в среднехеттских текстах ("Текст Маддуватты", *Otten 1969*), *ср. Heinhold-Krahmer/Hoffmann/Kammenhuber/Mauer 1979*. В новохеттский период (XIV—XIII вв. до н. э.) в хеттских текстах обнаруживается значительное влияние разговорного лувийского языка (ср. лувийские слова, помеченные глоссовым клином).

Лувийский язык известен по клинописным текстам, преимущественно ритуальным, времени Хеттского Царства и по более поздним иероглифическим надписям юга Малой Азии и Северной Сирии, выполненным особым иероглифическим письмом (*Laroche 1960, I; Meriggi 1966—1975*).

Палайский язык известен по фрагментам преимущественно ми-

филологических и ритуальных текстов в составе хеттских клинописных надписей (*Kammenhuber 1969a*).

К позднеанатолийским языкам запада Малой Азии, являющимся продолжением хеттского и лувийского языков, относятся лидийский и ликийский языки, известные по алфавитным памятникам античного времени (*Houwink ten Cate 1961; Gusmani 1964*; *Heubeck 1969; Neumann 1969; Laroche 1974*; ср. также *Zgusta 1964a*).

1.2. ИНДО-ИРАНСКИЕ (АРИЙСКИЕ) ЯЗЫКИ

Самое раннее свидетельство об одном из архаичных индо-иранских диалектов — митаннийском арийском — можно видеть в отдельных арийских словах и названиях божеств, дошедших в составе хеттских клинописных текстов, главным образом текстов по коневодству (*Kammenhuber 1961; Mayrhofer 1966*).

Древнейшим памятником на архаичном языке этой группы — древнеиндийском — является "Ригведа" (*Ṛgveda-*), записанная индийским слоговым письмом лишь в I тысячелетии до н. э., но составленная значительно ранее, как предполагают, во II тысячелетии до н. э. Древнейшие гимны "Ригведы" сложены, возможно, еще до прихода индо-арийских племен в северо-западную Индию (*Aufrecht 1955;Елизаренкова 1972;1982*). На архаическом ведийском языке, представляющем собой раннюю форму древнеиндийского, составлена также "Атхарваведа" (*Atharvaveda-*), *Bloomfield M. 1899; Елизаренкова 1976*. Более поздняя форма литературного древнеиндийского языка известна под названием санскрита (др.-инд. *saṃskṛta-* "искусственно отработанный").

К санскритской литературе в широком смысле примыкают архаические прозаические тексты религиозно-философского содержания, более поздние, чем ведийские: Брахманы и Упанишады (ср. *Van Buitenen 1962; Satya Shrava 1977*). Древняя юридическая традиция отражена в многочисленных текстах, наиболее известные из которых — "Законы Ману" (*Mānava Dharma Śāstra*), ср. *Nārāyaṇ Rām Āchārya 1946*.

Санскрит продолжает употребляться в качестве литературного языка параллельно с (разговорными) среднеиндийскими (пракритами), из которых позднее развиваются современные индо-арийские языки: хинди, бенгали; панджаби, синдхи и др. (*Bloch 1934*).

Особую группу индо-иранских языков составляют кафирские или нуристанские языки, расположенные в Нуристане (более раннее название — Кафиристан) — горной области Афганистана. В эту группу входят бесписьменные языки: кати, ашкун, вайгали, прасун (*Strand 1973; Грюнберг 1971; 1980*); см. по отдельным языкам *Morgenstierne 1929; 1949; 1954; Fussman 1972*.

К группе кафирских языков примыкают так называемые дардские языки, которые объединяются в особые подгруппы центральнодардских (языки дамели, пашаи, гавар-бати, шумашти и др.) и восточнодардских (или собственно дардских) языков (языки пхалура, кашмири, шина, гарви и др.), *Эдельман 1965*.

Другую группу индо-иранских языков представляют собственно иранские, засвидетельствованные древними памятниками авестийского и древнеперсидского языков. Гимны "Авесты", написанной на авестийском языке (с восточноиранскими диалектными чертами), составлены во II—I тысячелетиях до н. э., но дошли до нас в значительно более поздней алфавитной письменной передаче I тысячелетия н. э. Основные сохранившиеся части "Авесты" — Ясна, в которую входят "Гаты" — гимны, приписываемые Заратуштре (*Humbach 1959*), Висперед, Видевдат, Яшты и фрагменты (*Geldner 1886—1895*); древнеперсидский язык, представляющий западноиранский диалектный тип, известен по клинописным памятникам ахеменидского времени (VI — IV вв. до н. э.) исторического содержания (*Herzfeld 1938; Cameron 1951; Brandenstein/Mayrhofer 1964*); мидийский язык — язык мидийских племен (VIII — VI вв. до н. э.) восстанавливается по отдельным словам (именам собственным и племенным названиям), встречающимся в ассирийских и греческих источниках, а также в древнеперсидских надписях (*ср. Mayrhofer 1968*).

Среднеиранские языки делятся на восточноиранские — хотано-сакский (тексты I тысячелетия н. э. из Центральной Азии, *Bailey 1945—1956*; *1951*), согдийский (*Benveniste 1940; Henning 1940*; *Mackenzie 1976; Лившиц/Хромов 1981 : 347—514*), хорезмийский (*Фрейман 1951*), бактрийский (*Humbach 1966—1967; Стеблин-Каменский 1981 : 314 — 316*) — и западноиранские—среднеперсидский (именуемый также пехлевийским—многочисленные тексты из Ирана сасанидского времени, *Henning 1955*) и парфянский (тексты из Центральной Азии, *Дьяконов/Лившиц 1960; Gignoux 1972; Diakonoff/ Livshits 1976*).

Новоиранские языки делятся на восточноиранские — осетинский (на Кавказе, с двумя диалектами: восточным, иронским, и западным, дигорским; считается продолжением скифского, который известен по отдельным словам и собственным именам в передаче античных авторов, *Абаев 1949*); ягнобский (в Средней Азии, прямое продолжение согдийского); афганский (пашто), мунджанский (с диалектом йидга); памирские [шугнано-рушанская группа: шугнанский, рушанский (с хуфским диалектом, *Соколова 1959*), бартангский, орошорский; сарыкольский; язгулямский, ишкашимский (с диалектом санглечи), ваханский, см. *Пахалина 1959; Грюнберг/ Стеблин-Каменский 1976*)] — и западноиранские языки (новоперсидский, таджикский, курдский, белуджский, татский, талышский, ормури, парачи и некоторые диалекты Центрального Ирана), *ср. Morgenstierne 1929 — 1938*.

1.3. АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

(Древне)армянский язык (грабар) известен по многочисленным текстам начиная с V в. н. э.: древнеармянские переводы Библии и оригинальные армянские тексты типа "Истории Армении" Мо-

Мовсея Хоренского, включающие в себя фрагменты наиболее ранних текстов, восходящих еще к дописьменному периоду развития армянского языка (ср. *Schmitt 1981 : 215 и след.*).

Выделяются две основные группы диалектов: восточноармянские диалекты (на территории Закавказья) и западноармянские диалекты (*Meillet 1936*).

1.4. ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Ранняя форма одного из диалектов древнегреческого известна по крито-микенским памятникам крито-микенского линейного письма B (XV — XIII вв. до н. э.), *Morpurgo 1963*; *Ventris/Chadwick 1973*. Наиболее архаические памятники следующего периода истории языка представлены поэмами Гомера "Илиада" и "Одиссея". Основными диалектами древнегреческого языка являются ионийско-аттический, включающий малоазийский ионийский, ионийский диалект Кикладских островов, эвбейский и аттический; ахейский, внутри которого различается эолийско-северноахейский (*малоазийско-эолийский* с диалектом острова Лесбос, *фессалийский*, *беотийский*) и южноахейский (*аркадский* на Пелопоннесе, *памфилийский* и *кипрский* на острове Кипр; к этому диалекту близок язык крито-микенских текстов); дорийско-северозападногреческий (в историческое время дорийский диалект распространен в Лаконии, Мессении, Арголиде и на острове Эгина, в Коринфе и Мегаре, на острове Крит и многочисленных островах Эгейского моря), *Buck 1910; Bechtel 1921 — 1924; Schmitt 1977*; ср. *также Risch 1979a*.

1.5. ФРИГИЙСКИЙ ЯЗЫК

Известен по надписям первой половины I тысячелетия до н. э. из северо-западной Малой Азии. Различаются немногочисленные древнефригийские надписи начиная с VII в. до н. э., выполненные архаическим письмом, близким к раннему греческому алфавиту, и существенно более поздние новофригийские надписи римского периода, выполненные обычным греческим письмом того времени (*Gusmani 1958; Haas O. 1966; Дьяконов/Нерознак 1977; Нерознак 1978*).

1.6. ТОХАРСКИЕ ЯЗЫКИ

Известны по письменным памятникам второй половины I тысячелетия н. э. в крайне восточной полосе распространения индоевропейских языков в Евразии — Восточном Туркестане. Различаются два языка, условно называемые "тохарским А" (восточнотохарский) и "тохарским В" (западнотохарский). Большинство текстов представляет собой перевод буддийских (санскритских) памятников; сохранилось некоторое число оригинальных текстов — деловые письма, монастырские ведомости, хозяйственные отчеты (*Sieg/Siegling 1921; 1949 — 1953; Thomas W. 1964*).

1.7. АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

Известен на западе Балкан по текстам начиная с XVI в. н. э. Выделяются два основных диалекта— *гегский* (североалбанский—на территории Албании и Югославии) и *тоскский* (южноалбанский), ср. *Десницкая 1968; Solta 1980.*

1.8. «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИЕ» ЯЗЫКИ

Под условным наименованием "древнеевропейских" языков объединяются по ареально-диалектологическим признакам языки Европы периода конца II—начала I тысячелетий до н. э. (*Krahe 1951; 1954; 1959; 1962*).

1.8.1. ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ. Группа древних языков Аппенинского полуострова, включающая латино-фалискскую и оскско-умбрскую подгруппы, известные по памятникам I тысячелетия до н. э. (*Vetter 1953; Solta 1974*):

Латинский язык (первоначально язык области Лациума и города Рима) и близко родственный фалискский язык (диалект Фалерий — Южной Этрурии) известны по надписям начиная с VI в. до н. э., выполненным алфавитным письмом, восходящим к греческой письменности. Архаический старолатинский язык известен по ранним надписям (*Эрну 1950 : 274 и след.*)[1], образцам сатурнического стиха и произведениям ранних римских авторов (Плавт, Теренций).

Оскско-умбрская группа включает диалекты осков (известны по надписям в Самнии и Кампании), вольсков, умбров (в Умбрии) и других "сабельских" племен. Важнейший памятник умбрского языка — бронзовые таблицы из древнего Игувия (так называемые "Игувинские таблицы"), *Poultney 1959; Vetter 1955*; *Ernout 1961*. В начале н. э. оскско-умбрские языки были вытеснены латинским.

Венетский язык. Особый индоевропейский диалект "древнеевропейской" группы, известный по коротким надписям V—I вв. до н. э. в северовосточной Италии (*Beeler 1949; Krahe 1950; Untermann 1961*).

Иллирийский язык. Известен по кратким мессапским надписям из Калабрии и Апулии (Южная Италия). Помимо надписей известен по ономастике Италии, северо-западных Балкан и прилегающих областей (*Krahe 1955; Mayer 1957—1959; ср. Тронский 1953 : 57—59*).

1.8.2. КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ. Кельтские языки распадаются на две основные группы — *континентальный кельтский* и *островной кельтский*. Носители континентальных кельтских диалектов по данным кельтоиберийских надписей обитали в Иберии начиная с первой половины I тысячелетия до н. э. (*Lejeune 1955a; Tovar 1961; Untermann 1961a*), в Галлии (современная Франция) —в римское время, к которому относится ряд коротких надписей на галльском языке; сохранились отдельные груп-

[1] Считавшаяся древнейшей надписью на латинском языке т. н. Пренестинская фибула (примерно 600 г. до н. э., надпись на золотой застежке из Пренесте — Палестрины) оказывается контрафакцией, подделкой, сфабрикованной в прошлом веке (см. *Guarducci 1980*; ср. *Pfister 1983*).

пы кельтов в Центральной Европе — в Южной и Западной Германии, альпийских областях, Паннонии, Италии и на Балканском полуострове.

К островным кельтским языкам на Британских островах относятся гойдельская и бриттская диалектные группы. В гойдельскую группу входят древнеирландский, известный в Ирландии по памятникам огамского письма с IV в. н. э. и более поздним текстам, выполненным письмом на латинской основе; шотландский и мэнский языки. В бриттскую группу входят валлийский язык (древневаллийский язык известен по глоссам и по письменным памятникам с XI в. н. э.), корнский и бретонский в Бретани, куда переселяются из Британии в V в. н. э. (глоссы на древнебретонском языке начинаются с VIII—XI вв. н. э., *Jackson 1953*).

1.8.3. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ. Обычно делят на три основные группы — скандинавскую (северную), восточногерманскую (готскую), объединяемые некоторыми исследователями в готско-скандинавскую, и западногерманскую. Наиболее ранний представитель скандинавской группы — язык старших северных рунических надписей— близок еще к общегерманскому (*Макаев 1965*). Наиболее архаические тексты на древнеисландском (древнесеверном) языке собраны в "Старшей Эдде" (*Neckel 1962*)—рукописном сборнике древних песен на пергаменте, составленном в XIII в. в Исландии, но восходящем к гораздо более раннему времени. На древнеисландском языке существует и обширная прозаическая литература и скальдическая поэзия. В дальнейшем (примерно начиная с середины II тысячелетия до н. э.) происходит распад древнеисландского (древнескандинавского) на *западноскандинавский* (норвежский и исландский) и *восточноскандинавский* (шведский и датский), ср. *Стеблин-Каменский М. 1953*.

Основным представителем восточногерманских диалектов является готский язык, древнейший памятник которого представлен в переводе Библии, выполненном епископом Вульфилой в IV в. н. э. Готский язык был распространен в Восточной и Юго-Восточной Европе на территориях, находившихся в сфере влияния Византии. Следы пребывания готов известны как в самой Византии, так и в Крыму (ср. список слов крымских готов), *Жирмунский 1964: 85—102*.

К западногерманским (или "южногерманским") языкам относят древнеанглийский (англосаксонский, тексты с VII в. н. э.), древнефризский, древневерхненемецкий (тексты с VIII в. н. э.) и древнесаксонский (тексты с IX в. н. э.), являющийся ранним представителем нижненемецких диалектов. Английский и фризский языки объединяются в *англо-фризскую группу*, противостоящую *верхненемецкой группе* диалектов, тогда как нижненемецкие говоры занимают промежуточное положение между этими двумя группами. К ранним поэтическим эпическим текстам на древних западногерманских языках относятся древнеанглийский эпос

"Беовульф" (*Irving 1968; 1969; Wrenn 1973*), древневерхненемецкая "Песнь о Нибелунгах" (*Körner 1921*), древнесаксонский эпос "Хелианд" (*Behagel 1933*) и другие.

Последующие этапы развития этих германских языков представлены в современных английском, немецком, фламандском и голландском (из нижненемецких диалектов) языках.

1.8.4. БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ. Делятся на две основные группы — *западнобалтийскую*, представленную прусским языком (в Пруссии, в XIV—XVIII вв. по данным письменных текстов [*Mažiulis 1966—1981*]; позднее язык был ассимилирован немецким), и *восточнобалтийскую*, включающую литовский и латышский (тексты начинаются с XVI в. н. э., *ср. Zinkevičius 1980, 1: 15—18*).

1.8.5. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ. Делятся на три группы: *восточнославянскую* (русский, украинский, белорусский с древними памятниками начиная с XI в. н. э), *западнославянскую* (польский, словинско-кашубский, чешский, словацкий, лужицкие, мертвый полабский), *южнославянскую* (болгарский, сербо-хорватский, словенский и др.) с ранними памятниками старославянского языка (переводы греческих текстов с XI в. н. э.; глаголические рукописи евангелия — Зографского и Мариинского, и кириллические — Саввина книга евангельских чтений, Остромирово евангелие с вкраплениями древнерусских элементов; Синайская псалтырь, Супрасльская рукопись, представляющая собой сборник проповедей и житий святых и др.).

2. НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ ИСТОРИЧЕСКИ СМЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЕВРАЗИИ

2.1. ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Хаттский. Неиндоевропейский язык автохтонного населения северо-восточных областей Малой Азии, известный по отрывкам в составе хеттских клинописных текстов. Вымер к началу II тысячелетия до н. э. (*Kammenhuber 1969*);

Шумерский. Неиндоевропейский язык древнейших пиктографических и клинописных текстов IV—III тысячелетий до н. э. из Месопотамии, вытесненный позднее аккадским языком. Сохранились свидетельства различия нескольких эпох в истории шумерского языка, показывающие разницу в фонетической и грамматической структуре языка;

Эламский. Неиндоевропейский язык северо-западной части Ирана (горная долина восточнее Тигра, современный Хузистан), засвидетельствованный иероглифическими и клинописными текстами с начала II тысячелетия до н. э. К I тысячелетию вытесняется древнеперсидским языком (*Дьяконов 1967*; *Reiner 1969*);

Хуррито-урартский. Группа неиндоевропейских языков, засвидетельствованная в III—I тысячелетиях до н. э. в разных областях Передней Азии — Верхней Месопотамии, Северной Сирии, Малой Азии, Южном Закавказье, Северо-западном Иране.

Самое раннее историческое появление хурритов на Ближнем Востоке (в частности Северной Сирии) следует отнести к середине III тысячелетия до н. э., когда в области древней Эблы (современный Телль-Мардих) процветало мощное семитоязычное государство, один из этнических компонентов которого представляли хурриты. Наиболее ранние тексты на хурритском языке выполнены староаккадским клинописным письмом во второй половине III тысячелетия до н. э. (надпись из Навара в долине р. Диялы, восточный приток Тигра, и надпись из Уркиша в *северной Месопотамии); во II тысячелетии до н. э. составлено большое* число хурритских текстов из Мари, Богазкёя и Угарита (в последнем использовались две системы письма — логографическо-силлабического типа и консонантно-силлабическая старосемитского типа). Хурритский язык был основным языком государства Митанни в северной Месопотамии в середине II тысячелетия до н. э. В архиве Эль-Амарны был обнаружен пространный текст письма правителя Тушратты египетскому фараону Аменхотепу III, начало XIV в. до н. э. (*Speiser 1941; Laroche 1978*).

Один из поздних хурритских диалектов — урартский язык Ванского царства в Южном Закавказье записан ассирийской клинописью. Тексты датируются первой половиной I тысячелетия до н. э. (*Меликишвили 1960; Diakonoff 1971*).

2.2. СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

Семья языков Передней Азии, засвидетельствованная письменными текстами начиная со II тысячелетия до н. э.:

Восточносемитские языки, в которые входит аккадский с его диалектами—вавилонским и ассирийским, распространенный в Месопотамии и прилежащих областях. Различаются следующие основные этапы в истории аккадского языка: *староаккадский* язык (XXIV — XXII вв. до н. э.), *старовавилонский* (в Южном Двуречье) и *староассирийский* (среднее течение Тигра и Малая Азия — каппадокийские таблички) — диалекты начала II тысячелетия до н. э.; *средневавилонский* и *среднеассирийский* — диалекты XVI—XI вв. до н. э.; *поздневавилонский* и *новоассирийский*—диалекты периода X—VIII вв. до н. э. Для записи аккадских текстов использовалась шумерская по происхождению клинопись, преобразованная в дальнейшем в применении к диалектам аккадского языка;

Западносемитские языки, распространенные в областях восточнее Средиземного моря (историческая Палестина, Сирия). К ним относятся языки ханаанейской подгруппы: палеоханаанейский язык (распространенный в Северной Сирии и засвидетельствованный вновь обнаруженными клинописными памятниками из древней Эблы, датируемыми серединой III тысячелетия до н. э., *Pettinato 1975; Gelb 1977*); моавитский язык, представленный одной пространной надписью царя Меши (XI в. до н. э.); финикийский язык, известный по надписям начиная со второй половины II тысячелетия до н. э.; древнееврейский язык, известный по памятникам, древнейшие из которых относятся

к концу II тысячелетия до н. э.; арамейский язык, засвидетельствованный многочисленными надписями начиная с I тысячелетия до н. э. Древнейшие надписи на этих языках выполнены линейной письменностью "консонантно-силлабического" типа, восходящей к старосемитскому письму. Различают западноарамейские (набатейский, пальмирский, иудейско-палестинский, самаританский и др.) и восточноарамейские (сирийский, мандейский и др.) диалекты.

Особую подгруппу в группе западносемитских языков составляет угаритский язык (в древнем Угарите, Рас-Шамра, Сирия), тексты на котором, датируемые серединой II тысячелетия до н. э., выполнены особым клинообразным письмом "консонантно-силлабического" типа.

В южную группу семитских языков включаются южноаравийские диалекты (тексты с I тысячелетия до н. э.) и их современные формы в виде языков мехри, шхаури, сокотри, а также классический арабский язык, геез (староэфиопский язык) и современные эфиопские языки амхарский, тигре, тигринья, харари и др.

2.3. ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК

Язык древнего Египта, известный по иероглифическим памятникам начиная с конца IV тысячелетия до н. э. Различаются староегипетский, среднеегипетский и новоегипетский (с середины II тысячелетия до н. э.). Продолжением египетского является коптский — язык египетских христиан-коптов, записанный письмом, заимствованным из греческого унциального письма (мертвый язык, сохраняющийся только как язык богослужения). Вместе с семитским, а также рядом языков Африки — берберским, кушитскими и чадскими языками — египетский относят к "афразийской" семье языков (ср. *Cohen M. 1947; Дьяконов 1965; Diakonoff 1975*).

2.4. КАВКАЗСКИЕ («ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИЕ» ИЛИ «ПАЛЕОКАВКАЗСКИЕ») ЯЗЫКИ

Картвельские языки. Семья южнокавказских языков, включающая близкородственные диалекты: грузинский (тексты начиная с V в. н. э.), мегрельский, лазский (чанский) и сванский;

Абхазско-адыгские языки. Языки Северо-Западного Кавказа, включающие абхазский (и абазинский), адыгейский, кабардинский, убыхский языки;

Нахско-дагестанские языки. Языки Северо-Восточного Кавказа, включающие группы: *дагестанскую* (аваро-андо-цезские языки): аварский, андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, чамалинский, цезский, хваршинский,

гинухский, бежитинский, гунзибский; 2) лезгинские языки: лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, будухский, хиналугский, удинский; лакский, даргинский, и 3) *вайнахскую* (чеченский, ингушский, бацбийский [цова-тушинский]).

2.5. ДРАВИДСКИЕ ЯЗЫКИ

Языковая семья, состоящая из 23 языков, распространенных главным образом в южной части Индостанского полуострова. Выделяются семь основных дравидских языков, представленных в Индии: телугу, тамильский, каннада, малаялам, гонди, курук и тулу. Языки тамильский, телугу, каннада и малаялам обладают древней письменной традицией, восходящей к периоду до начала н. э. До прихода индо-ариев в Индостан дравидские языки занимали значительно более обширную территорию индостанского полуострова, включая и ее северо-западную часть, но были позднее оттеснены древнеиндийским языком, с которым дравидские языки контактировали в течение длительного периода (*ср. Burrow/Emeneau 1961*).

2.6. ЯЗЫКИ МУНДА

Группа языков, распространенных в Индии (главным образом в центральной ее части) и относящихся к австро-азиатским языкам — многочисленной языковой группе, представленной преимущественно языками Юго-восточной Азии.

2.7. УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Состоят из *финно-угорской* и *самодийской* групп. Финно-угорские языки делятся на *угорские* (венгерский в Центральной Европе, хантыйский и мансийский в Западной Сибири), *финские* (в свою очередь делящиеся на *финно-пермские* языки: коми-пермяцкий, коми-зырянский, удмуртский, и *прибалтийско-финские*: финский, вепсский, водский, эстонский, ливский и ряд других языков Северо-Восточной Европы), *волжские* (мокша-мордовский, эрзя-мордовский, горномарийский, восточно-луговомарийский) и *саамский* языки, ср. *Hajdú 1975*.

2.8. АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

В эту группу многие ученые объединяют *тюркские*, *монгольские* и *тунгусо-маньчжурские* языки.

Тюркские языки представлены письменными текстами в Западной Сибири (енисейско-орхонские надписи) и Средней Азии с VII в. н. э. (тюркское руническое письмо, возводимое к согдийскому, ср. *Кононов 1980*), сос-

тавленными на древнетюркском (древнеуйгурском) языке. Различаются *чувашская группа, юго-западная* (огузская), *северо-западная* (кыпчакская), *киргизо-алтайская* (киргизо-кыпчакская), *юго-восточная и северо-восточная* (уйгурская) подгруппы тюркских языков.

Монгольские языки представлены собственно монгольским языком, а также бурятским и калмыцким языками; сюда же входят ойратский, дагурский, монгорский и ряд других языков.

Тунгусо-маньчжурские языки представлены языками маньчжурским, чжурчженьским (маньчжурская ветвь) и эвенкийским, эвенским, негидальским, солонским, а также языками амурской подгруппы (тунгусская ветвь).

2.9. ПАЛЕОАЗИАТСКИЕ («ПАЛЕОСИБИРСКИЕ») ЯЗЫКИ

Группа генетически несвязанных между собой языков малых народностей Сибири. В состав палеоазиатских языков входят четыре языковые группы: чукотско-камчатская, эскимосско-алеутская, юкагирско-чуванская и кетско-асанская. Последняя группа, называемая также "енисейской", включает ряд вымерших к XVII-XIX вв. н. э. языков Западной Сибири (коттский, аринский, асанский и др.), а также кетский (енисейско-остяцкий) язык на среднем и верхнем течении Енисея.

К "палеосибирским" языкам относят также генетически изолированный нивхский (*гиляцкий*) язык.

2.10. КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Известен по письменным текстам иероглифического типа со II тысячелетия до н. э. Древнейшие тексты составлены на территории Северного и Центрального Китая. Фонетический облик архаических китайских форм реконструируется на основе сравнительного анализа диалектов китайского языка и передачи китайских заимствований в других языках Восточной Азии и Дальнего Востока — японском, корейском, вьетнамском и др. (*ср. Karlgren 1940*).

Территория исторического распространения китайского языка составляет крайне восточную границу неиндоевропейских языков, соприкасавшихся с историческими индоевропейскими диалектами в процессе миграций носителей этих диалектов.

СИСТЕМА ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ЯЗЫКОВ С ПИСЬМЕННОСТЯМИ НА НЕЛАТИНСКОЙ ОСНОВЕ

В настоящем исследовании примеры из языков с древнеписьменной традицией приводятся обычно не в фонетической транскрипции (введение которой каждый раз особо оговаривается), а в транслитерации на латинской основе, где каждому символу письменности на определенном языке соответствует некоторый знак латинского алфавита (при внесении в него необходимых дополнительных диакритических знаков). При этом используются, как правило, системы транслитерации, применяемые в известных стандартных руководствах по соответствующим языкам[1].

Предполагаемое для каждого такого знака фонетическое содержание особо оговаривается в случае необходимости при сопоставлении друг с другом передаваемых ими фонем и оценке их реального фонетико-фонологического статуса.

Вследствие этого, например, звуки некоторого языка, передаваемые в традиционной транслитерации символами *p*, *t*, *k*, при их фонетико-фонологической интерпретации могут быть представлены символами p^h, t^h, k^h. В таком случае эти символы будут приводиться обычно в фонологических (наклонных) или фонетических (квадратных) скобках: /p^h/, /t^h/, /k^h/ или $p^{[h]}$, $t^{[h]}$, $k^{[h]}$.

Ниже приводятся системы транслитерации некоторых языков, чаще всего привлекаемых в настоящей работе.

ХЕТТСКИЙ И ДРУГИЕ АНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Система транслитерации хеттского и других анатолийских языков (лувийского, палайского) основывается на передаче каждого слогового знака клинообразной письменности (а также лувийской иероглифической письменности) соответствующим сочетанием латинских букв в согласии с общепринятой системой ассириологической транскрипции (ср. для хеттского *Friedrich 1960*). При этом, однако, в настоящей работе часто используется и слитная транслитерация без разделения на слоги, которая в стандартной

[1] Формы языков, использующих кириллическую письменность, передаются в целях унификации сравниваемого лексического материала в латинской транслитерации (за исключением форм русского, а также украинского, белорусского и болгарского языков).

транслитерации клинообразного письма указывает на границы между клинописными знаками. Например, написание *ak-ka-an-te-eš* или *ku-en-zi* в хеттском в слитной транслитерации будет передаваться соответственно *akkanteš* и *kuenzi*. Такое слитное написание хеттских слов, представляющее в принципе транслитерацию, а не транскрипцию оригинального написания, не претендует на фонетико-фонологическую характеристику отображаемых слов. Оно должно служить скорее цели более экономной и удобной записи сочетаний клинописных знаков, сохраняющей определенную связь с орфографией оригинала[1].

Так, например, знаки для *š* и z в хеттской клинописи, передающие соответственно звуки [s] и [ts], будут представлены неизменно в слитном написании символами š и z.

Реальная фонетическая характеристика звуков, предполагаемая для хеттских фонем, обосновывается особо в соответствующих разделах работы и выражается символами в фонетических или фонемных скобках в отличие от простых транслитерационных знаков.

МИКЕНСКИЙ ГРЕЧЕСКИЙ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

Микенские греческие написания как в раздельной слоговой, так и в слитной транслитерации, даются в соответствии со стандартной транслитерацией линеарного письма *(см. Morpurgo 1963; Ventris/Chadwick 1973)*. Древнегреческие примеры приводятся в настоящей работе в оригинальном написании.

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ

Ведийские и санскритские формы приводятся в наиболее распространенной стандартной транслитерации *(ср. Renou 1930; Mayrhofer 1953)*. Древнеиндийская система письма (типа деванагари) в местной традиции была организована по фонетическому и морфологическому принципу, отраженному в парадигматике письма, в расположении знаков силлабических письменностей:

Слоговые краткие: *a, i, u, ṛ, (ḷ)*
Слоговые долгие: *ā, ī, ū, ṝ, ḹ*
Гласные: *e, o* (функциональные дифтонги с кратким первым элементом **aị, *aụ*)
Дифтонги с первым долгим элементом: *āi, āu* (функционально **āị, *āụ*)
Неслоговые сонорные: *y, v, r, (l)*

[1] В последнее время были установлены особенности передачи акцентуации в хеттском с помощью так называемого *plene*-написания или повторного обозначения символа для гласного в формах типа *e-eš-zi, a-ša-a-an-zi, pa-ta-a-na* и др., интерпретируемых фонетически не как долготы, а именно как формы с ударными гласными *éstsi, asántsi, patán* (ср. *Hart 1980; Carruba 1981*). В слитной транслитерации в подобных случаях акценты в хеттских формах не обозначаются за исключением случаев, особо оговариваемых; не передается, как правило, с помощью надстрочной черты (*ēszi, asānzi, patāna*) и факт повторного написания соответствующего гласного.

Смычные:

	Глухие	*Глухие придыхательные*	*Звонкие*	*Звонкие придыхательные*	*Носовые*
Палатальные	*c*	*ch*	*j*	*jh*	*ñ*
Велярные	*k*	*kh*	*g*	*gh*	*ṅ*
Церебральные (ретрофлексные)	*ṭ*	*ṭh*	*ḍ*	*ḍh*	*ṇ*
Зубные	*t*	*th*	*d*	*dh*	*n*
Губные	*p*	*ph*	*b*	*bh*	*m*

Сибилянтные спиранты: *s*, *ṣ* (*церебральный*), *ś* (*палатальный*);

Придыхание: звонкий спирант *h* [и соответствующий глухой спирант *ḥ* (*visarga*) как позиционный вариант сибилянтного спиранта *s* в конце изолированного слова]. Носовой гласный *anusvāra* обозначается особым знаком назализации *ṁ*;

Палатальные аффрикаты: *c*, *ch*, *j*, *jh* отражают шипящие (компактные) звуки, передаваемые в фонетической транскрипции соответственно знаками *č* (=t*ʃ*), *ǰ* (=*dž*) и соответствующими знаками для придыхательных.

ТОХАРСКИЙ

Тохарские тексты, написанные индийским письмом, транслитерируются аналогично индийскому; отличие составляют знак *ä*, обозначающий особый гласный переднего ряда, и соединение знаков для передачи звука [ts].

АВЕСТИЙСКИЙ, ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЙ И ДРУГИЕ ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Авестийские формы, записанные письмом, основывающимся на арамейско-пехлевийской письменности со значительным числом позднейших дополнений и модификаций, приводятся в некоторой нормализованной транслитерации в соответствии со стандартной системой (см. *Reichelt 1909; Morgenstierne 1942*):

Гласные: *a*, *ā*, *i*, *ī* *u*, *ū*, *e*, *ē*, *o*, *ō*, *å*, *ā̊*,

Редуцированные гласные: *ə*, *ə̄*

Носовой гласный: *ą*

Смычные:

губные: *p*, *b*;

зубные: *t* (*t̰* в определенных позициях в конце слогов), *d*;

велярные: *k*, *g*;

Спиранты:

губные: *f*, *w*; *зубные*: *θ*, *ð*; *велярные*: *x*, *x*^{0}, *γ*

Сибилянтные спиранты — *свистящие*: *s*, *z*; *шипящие (компактные)*: *š*[1], *ž*, *ç*;
Придыхание: *h* (передаваемое несколькими знаками)[2];
Аффрикаты — *шипящие (компактные)*: *č* и *ǰ*;

Сонорные:
Носовые: *m*, *ṇ*, *n*, (*ń*)
Ртовые: *y*, *u*, *r*

Более простая система принимается для транслитерации знаков древнеперсидского слогового клинообразного письма со знаками структуры CV- (*ср. Kent 1953; Brandenstein/Mayrhofer 1964*):

Гласные:	*a ā, i ī, u ū*
Смычные:	*b d g*
	p t k
Аффрикаты:	*ǰ č*
Спиранты:	*v f*
	þ
	z s
	š ç
	h
Придыхание:	*h*
Сонорные:	*m n y r*

Формы среднеиранских диалектов типа согдийского с консонантным письмом арамейского происхождения приводятся соответственно без вокализации.

ДРЕВНЕАРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

Применяемая ниже латинская транслитерация классического армянского алфавита основывается на системе, представленной в *Meillet 1936* и *1937; Мейе 1938 : 45*; с некоторыми позднейшими поправками в обозначении придыхательных аффрикат (*Schmitt 1972; 1981*).

Согласно этой традиции, знаки армянского алфавита, обозначающие смычные и аффрикаты, передаются следующими латинскими символами:

Смычные:

глухие: *p*, *t*, *k*; *глухие придыхательные*: *ṗ*, *ṫ*, *ḱ*;
звонкие: *b*, *d*, *g*

Аффрикаты:

глухие: *c*, *č*; *глухие придыхательные*: *cʿ* *čʿ*; *звонкие*: *j* (=[*dz*]), *ǰ* (=[*dž*]).

[1] Этим символом передается несколько знаков авестийского письма. Согласно Моргенстьерне, они соответствуют трем разным фонемам: /š/, /š'/, /ǐ/.

[2] Кроме знака для *h* существует знак для палатализованного варианта *h'*.

Фонологически противопоставление глухих непридыхательных и придыхательных аффрикат можно скорее всего представить не как оппозицию типа индийского *č*—*čh*, а как противопоставление глоттализованных (глухие) — неглоттализованным (глухие придыхательные); ср. аналогичное противопоставление аффрикат *c'*—*c*, *č'*—*č* в кавказских языках.

Существуют особые знаки для обозначения двух видов плавных сонорных: *l* и *ł* (веляризованное [*ɫ*]), *r* и *ṙ* (раскатистое *ṙ*, которое можно интерпретировать как долгое или геминированное *rr*, *ср. Bolognesi 1962; Schmitt 1972 : 303*). Символом *ē* транслитерируется особая армянская закрытая гласная, отражающая древний дифтонг и встречающаяся только в ударном слоге, тогда как символ *ə* соответствует букве ը армянского алфавита, выражающей закрытую краткую гласную в безударном слоге.

ГОТСКИЙ И ДРУГИЕ ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Система готской письменности, основанная на позднегреческом унциальном письме, транслитерируется латинскими символами с некоторыми дополнениями. Специфическими транслитерационными знаками для готского являются *þ* — глухой зубной (интердентальный) спирант (типа англ. [θ]) и знаки для лабиализованных согласных — [k°], передаваемого латинским символом *q*, и [h°], передаваемого обычно специфическим символом *hv* (или сочетанием знаков *hw*). Транслитерационные знаки *w* и *j* обозначают соответственно полугласные [w] и [j]. Те же латинские символы использованы для обозначения рунических знаков, передающих соответствующие звуки; знак *R* при транслитерации германских слов в рунической записи обозначает особый звонкий спирант, близкий к вибранту.

В исландском письме, основанном на латинском, знак ударения над гласным обозначает долготу, например, *ý* с ударением означает [*ū*]. Спиранты [β] и [ð] (а в древнеанглийском и [θ]) обозначаются перечеркнутыми буквами *ƀ* и *đ* || ð.

В древневерхненемецком символ *z* передает свистящую (диффузную) аффрикату [ts].

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ

В латинской транслитерации обеих старославянских письменностей — "глаголицы" и "кириллицы", восходящих к греческому письму с добавлением ряда знаков, используются следующие особые символы, передающие звуки, специфичные для старославянского языка: *y* для передачи гласного среднего ряда высокого подъема (типа рус. ы); *ě* для передачи открытого гласного переднего ряда, *ĭ* *ŭ* для редуцированных гласных (соответственно *еры:* ь и ъ сверхкраткие), *ǫ* и *ę* для передачи носовых гласных [õ] и [ẽ], *c* и *č* для передачи собственно аффрикат [ts] и [t*ʃ*], *ch* для обозначения глухого велярного спиранта [x].

ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Слова италийских языков: фалискского, оскского, умбрского (а также некоторых других древних языков Италии — мессапского и венетского), транслитерируются обычным латинским письмом (с символом *c*, обозначающим глухую велярную смычную [k], и символом *u* в начале слова и между гласными, обозначающим [v]). Знаки ударения над *i* и *u* в оскском передают соответственно гласные e и o.

ДРЕВНЕИРЛАНДСКИЙ ЯЗЫК

Ирландские формы, записанные латинским письмом, приводятся в оригинальном написании. При этом сочетание *th* обозначает глухой зубной спирант [θ], сочетание *ch* выражает глухой велярный спирант [x]. Долготы гласных выражаются знаком ударения на соответствующих символах: *é*→[ē] *ó*→[ō] и др.

КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Слова картвельских языков в соответствии с принятой в кавказоведении системой транслитерации передаются латинскими транскрипционными знаками с некоторыми добавлениями. Три серии картвельских смычных и аффрикат — звонкие ~ глухие (придыхательные) ~ глоттализованные — обозначаются соответствующими латинскими знаками (с апострофом для выражения глоттализованных):

Смычные и аффрикаты:

	звонкие	*глухие (придыхательные)*	*глоттализованные*
губные	*b*	$p^{[h]}$	*p'*
зубные	*d*	$t^{[h]}$	*t'*
велярные	*g*	$k^{[h]}$	*k'*
поствелярные	—	$q^{[h]}$	*q'*
свистящие	*ʒ*	*c*	*c'*
шипящие	*ǯ*	*č*	*č'*
Спиранты:			
свистящие	*z*	*s*	
шипящие	*ž*	*š*	
велярные	*γ*	*x*	

СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

Система консонантизма и вокализма исторических семитских языков дается в обычной семитологической транскрипции с добавлением некоторых знаков международного фонетического алфавита.

Ларингальные и фарингальные: ’ ‘ *h* *ḥ*

Смычные
(со спирантизованными вариантами):

	звонкие	*глухие (придыхательные)*	*эмфатические*
губные	*b*/*b̲*	*p*/*p̄*	— (*ṗ*)
зубные	*d*/*d̲*	*t*/*t̲*	*ḍ* *ṭ*
велярные	*g*/*ḡ*	*k*/*k̲*	*ḳ*

Спиранты:

сибилянтные	*z*	*ś*	*ẓ* *ṣ*
		š	
интердентальные	*ð*	*t̲*	*ḏ* *ṯ*
велярные	*γ* (*ġ*)	*x* (*ḫ*)	
лабиальные	*v*	*f*	
сонорные	*r l m n*		
полугласные	*w j*		

Аффрикаты: *ǧ* *č*

Гласные:

краткие	*a*	*e*	*i*	*o*	*u*	
долгие	*â*(*ā*)	*ê*	*î*(*ī*)	*ô*	*û*(*ū*)	
сверхкраткие	*a̲*	*e̲*	*o̲*			

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

А. Языки и диалекты

абх.	абхазский
авар(ск).	аварский
авест.	авестийский
авест. (дэв.)	дэвовская лексика в авестийском
агул.	агульский
адыг.	адыгейский
азерб.	азербайджанский
айн(ск).	айнский
аккад.	аккадский
алан.	аланский
алб.	албанский
алт.	алтайский
анат.	анатолийский
англ.	английский
анд.	андийский
анудх.	анудха
араб.	арабский
араг.	арага
арам.	арамейский
арийск.	арийский
арин.	аринский
арк.-кипр.	аркадо-кипрский
арм.	армянский
арч.	арчинский
асан.	асанский
ассир.	ассирийский
атт(ич).	аттический
афган.	афганский
ахв(ах).	ахвахский
ашк.	ашкун
балк.	балкарский
балт.	балтийский
бартанг.	бартангский
баск.	баскский
бацб.	бацбийский
башк.	башкирский
белорус.	белорусский
белудж.	белуджский
бенг.	бенгали
беот.	беотийский
бирм.	бирманский
болг.	болгарский
брет.	бретонский
буруш.	бурушаски
вав.	вавилонский
вайг.	вайгали
валл.	валлийский
вахан.	ваханский
вед.	ведийский
венг.	венгерский
вен(ет).	венетский
веп(с).	вепсский
в(ерхне)-луж.	верхнелужицкий
вест.-гот.	вестготский
вод.	водский
волжск.-перм.	волжско-пермский
вольск.	вольский
вост.-кавк.	восточнокавказски
вост.-лит.	восточнолитовски
га.	галла
гав.-бат.	гавар-бати
галл.	галльский
гег.	гегский
геракл. дельф.	гераклский, дельф ский
герм.	германский

голл.	голландский
гом.	гомеровский
гом. греч.	гомеровский греческий
[illegible] (крымск.)	крымско-готский
[illegible]	греческий
[illegible].гом.	греческий гомеровский
груз.	грузинский
груз.-зан.	грузинско-занский
гунз.	гунзибский
дак.-фрак.	дако-фракийский
дам(ел).	дамели
даргин.	даргинский
дард.	дардские
дат.	датский
дигор.	дигорский
дид.	дидойский
доб.	добу
доперм.	допермский
дор.	дорийский
др.-англ.	древнеанглийский
др.-арм.	древнеармянский
др.-бирм.	древнебирманский
др.-брет.	древнебретонский
др.-валл.	древневаллийский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-герм.	древнегерманский
др.-груз.	древнегрузинский
др.-евр.	древнееврейский
др.-европ.	древнеевропейский
др.-егип.	древнеегипетский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-кит.	древнекитайский
др.-корн.	древнекорнский
др.-макед.	древнемакедонский
др.-н.-нем.	древненижненемецкий
др.-норв.	древненорвежский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-прус.	древнепрусский
др.-рус.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-сев.	древнесеверный
др.-тиб.	древнетибетский
др.-тюрк.	древнетюркский
др.-фриз.	древнефризский
др.-хет.	древнехеттский
др.-чеш.	древнечешский
др.-швед.	древнешведский
егип.	египетский
енис.	енисейский
зан.	занский
зап.-греч.	западногреческий
зап.-кавк.	западнокавказский
зап.-монг.	западномонгольский
зап.-осет.	западноосетинский
зап.-сем.	западносемитский
и.-е.	индоевропейский
иер. лув.	иероглифический лувийский
йидг.	йидга
иллир.	иллирийский
инг.	ингушский
инд.	индийский
индо-иран.	индо-иранский
ион.	ионийский
иран.	иранский
ирл.	ирландский
иронск.	иронский
исл.	исландский
италийск.	италийский
ишк(аш).	ишкашимский
кабард.	кабардинский
казах.	казахский
каппад.	каппадокийский
карач.	карачаевский
картв.	картвельский
кассит.	касситский
кат.	кати
кафир.	кафирский
кашм.	кашмири
кашуб.	кашубский
кашуб.-словин.	кашубско-словинский
кел(аб).	келабит
кельт.	кельтский
кет.	кетский

кипр.	кипрский
кирг.	киргизский
кит.	китайский
клин.-лув.	клинописный лувийский
коми-зыр(ян).	коми-зырянский
коми-перм.	коми-пермяцкий
копт.	коптский
кор.	корейский
корн.	корнский
коттск.	коттский
крит.	критский
крым.-гот.	крымско-готский
курд.	курдский
лаз.	лазский
лак.	лакский
лакон.	лаконийский
лангобард.	лангобардский
лат.	латинский
латыш.	латышский
лах.	лаху
лезг.	лезгинский
лесб.	лесбосский
лив.	ливский
лигур.	лигурийский
лид.	лидийский
лик.	ликийский
лит.	литовский
лиф.	лифу
лув.	лувийский
лув. иерогл.	лувийский иероглифический
лув. клин.	лувийский клинописный
мал.	малаялам
манд.	мандейский
маних. согд.	манихейский согдийский
манс.	мансийский
маньчж.	маньчжурский
марийск.	марийский
мегр.	мегрельский
мегр.-лаз.	мегрело-лазский
мессап.	мессапский
мехр.	мехри
мидийск.	мидийский
мик(ен).	микенский греческий
мит(ан).	митаннийский
арийск.	арийский
мокш.	мокша
монг.	монгольский
морав.	моравский
морд(ов).	мордовский
мундж(ан).	мунджанский
нав.	навахо
народ. лат.	народнолатинский
нем.	немецкий
ненецк.	ненецкий
ниж(н).-нем.	нижненемецкий
н.-луж(ицк).	нижнелужицкий
ново-егип.	новоегипетский
ново-ирл.	новоирландский
ново-перс.	новоперсидский
ново-хет.	новохеттский
норв.	норвежский
нубийск.	нубийский
обск.-угор.	обско-угорский
общеперм.	общепермский
общетюрк.	общетюркский
общефин.	общефинский
общ.-иран.	общеиранский
общ.-слав.	общеславянский
осет.	осетинский
оск.	оскский
па.	пали
пал.	палайский
памир.	памирские
памфил.	памфилийский
пандж.	панджаби
парач.	парачи
парф.	парфянский
паш.	пашаи
пашт.	пашто
перм.	пермский
перс.	персидский
пехл(ев).	пехлевийский
полаб.	полабский
полес.	полесский
пол(ьск).	польский

пракрит.	пракриты
праманс.	прамансийский
прамордов.	прамордовский
прас.	прасун
прасаам.	прасаамский
прауральск.	прауральский
прибалт.-фин.	прибалтийско-финский
прус.	прусский
пумпокольск.	пумпокольский
пунич.	пунический
пхал.	пхалура
пшав.	пшавский
рум.	румынский
рун.	рунический
рун. др.-сев.	рунический древнесеверный
рус.	русский
рус. ц. -слав.	русско-церковно-славянский
рут(ул).	рутульский
рушан.	рушанский
саам(ск).	саамский
сабин.	сабинский
сак.	сакаи
сакск.	сакский
сангл.	санглечи
санскр.	санскрит
сармат.	сарматский
сарык(ол).	сарыкольский
сван.	сванский
сем.	семитский
серб.-хорв.	сербо-хорватский
сир.	сирийский
сирак.	сиракузский
скиф.	скифский
скуом.	скуомиш
слав.	славянский
словац(к).	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
согд.	согдийский
согд. будд.	согдийский буддийский
сокотр.	сокотри
ср.-англ.	среднеанглийский
ср.-брет.	среднебретонский
ср.-валл.	средневаллийский
ср.-голл.	среднеголландский
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-кит.	среднекитайский
ср.-корн.	среднекорнский
ср.-н.-нем.	средненижне-немецкий
ср.-перс.	среднеперсидский
ст.-ассир.	староассирийский
ст.-валл.	старовалллийский
ст.-лат.	старолатинский
ст.-лит.	старолитовский
ст.-монг.	старомонгольский
ст.-осет.	староосетинский
ст.-польск.	старопольский
ст.-слав.	старославянский
ст.-укр.	староукраинский
ст.-франц.	старофранцузский
табас(ар).	табасаранский
тадж.	таджикский
талыш.	талышский
тамил.	тамильский
татар.	татарский
телуг.	телугу
тирольск.	тирольский
тобольск.	тобольский
тоск.	тоскский
тох.	тохарский
тох. А	тохарский А
тох. В	тохарский В
тох. А, В	тохарский А и тохарский В
тунг.-маньчж.	тунгусо-маньчжурский
турецк.	турецкий
турк.	туркменский
туш.	тушинский
тюрк.	тюркский
убых.	убыхский
угар.	угаритский
угор.	угорский
удин.	удинский
удм.	удмуртский

узб(ек).	узбекский
укр.	украинский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
урар(т).	урартский
фалиск.	фалискский
фесс.	фессалийский
фидж.	фиджи, фиджийский язык
фин.	финский
фин.-волж.	финско-волжский
фин.-волж.-перм.	финско-волжско-пермский
финик.	финикийский
фин.-перм.	финско-пермский
фин.-угор.	финно-угорский
фрак.	фракийский
франк.	франкский
франц.	французский
фриг.	фригийский
хак.	хакасский
хант.	хантыйский
хат.	хаттский
хет.	хеттский
хин.	хиналугский
хинд.	хинди
хотано-сакск.	хотаносакский
хур.	хурритский
хур.-урарт.	хурро-урартский
хуф.	хуфский
цах(ур).	цахурский
цезск.	цезский
ц.-слав.	церковнославянский
чагат.	чагатайский
чан.	чанский
чеч.	чеченский
чжурчжен.	чжурчженьский
чув(аш).	чувашский
швед.	шведский
шин.	шина
шугн(ан).	шугнанский
шум.	шумерский
шусв.	шусвоп
эвенк.	эвенкийский
элам.	эламский
эол.	эолийский
эрз.	эрзя
эрзя-мордов.	эрзя-мордовский
эст.	эстонский
этрус.	этрусский
южн.-арав.	южноаравийский
южн.-кавк.	южнокавказский
юкагир.	юкагирский
ягноб.	ягнобский
язг(ул).	язгулямский
якут.	якутский
япон(ск).	японский

В. Грамматическая терминология

акт. п.	активный падеж
аор.	аорист
арх.	архаический
аспир	аспирированность
буд. вр.	будущее время
вар.	вариант
веляр	велярность
взрыв рекур	взрывная рекурсия
вин. п(ад).	винительный падеж
глоттал	глоттализованность
дат. пад.	дательный падеж
дв. ч.	двойственное число
диал.	диалект; диалектный
дифференц.	дифференциальный
ед. ч.	единственное число
ж(ен). р.	женский род
зват. п(ад).	звательный падеж
зв(ат). ф.	звательная форма
звонк	звонкость
им. п(ад).	именительный падеж
им.-вин. п.	именительный-винительный падеж
импер.	императив
имперф.	имперфект
инкл.	инклюзив

кауз.	каузатив
компакт	компактность
л.	лицо
лабиал	лабиальность
лабиализ	лабиализованность
лок.	локатив
мед.	медиум
медиопас.	медиопассив
местоим.	местоимение
мест. п(ад).	местный падеж
мн. ч.	множественное число
м(уж). р.	мужской род
напр. п(ад).	направительный падеж
наст. вр.	настоящее время
неср. р.	несредний род
общ. р.	общий род
оконч.	окончание
опт(ат).	оптатив
отл. п(ад).	отложительный падеж
п(ад).	падеж
палатал	палатальность
палатализ	палатализованность
пасс.	пассив
перф.	перфект
письм.	письменный
пов. накл.	повелительное наклонение
порядк.	порядковое числительное
поэт.	поэтический
прев. ст.	превосходная степень
прет.	претерит
прич.	причастие
прич. пр. вр.	причастие прошедшего времени
прич. страд.	причастие страдательного залога
пр(ош). вр.	прошедшее время
р(од). п(ад).	родительный падеж
род.-отложс.	
пад.	родительно-отложительный падеж
слогов	слоговость
смычн	смычность
сосл. накл.	сослагательное наклонение
сравн. ст.	сравнительная степень
ср. р.	средний род
страдат. з.	страдательный залог
структ.-инакт. п.	структурно-инактивный падеж
суфф.	суффикс
твор. п(ад).	творительный падеж
уменьшит.	уменьшительная форма
част.	частица
экскл.	эксклюзив
эпич.	эпический
этимол.	этимологически
A	актив
A	атрибут
A^{In}	структурно-синтаксический инактив
abl.	аблатив
Ad	адресат
Ad	адъектив
Adv	адверб
C	согласный
D	десигнат
Gen. Pl.	genetivus pluralis
'id.'	'idem' (то же значение)
In	инактив
intr.	непереходный
N	имя существительное
NP	именная фраза
Ng	имя существительное в родительном падеже
O	объект
P	предикат
-p-	реляционный элемент
Pa	начальная группа частиц
pl. tantum	plurale tantum
Pred.	предикат
R	корень
Rs.	Rückseite
S	субъект
Sn	предложение
St	(глагольная) основа
st. constr.	status constructus
$T_{pass.}$	пассивная трансформация
tr.	переходный
V	глагол
V	гласный
VP	глагольная фраза
Vs.	Vorderseite

С. Источники

Ассур	*Лувийская иероглифическая надпись из Ассура (ср. Laroche 1960 : XXX)*
Геродот, История	Herodoti Historiae
Гесихий	Hesychii Alexandrini Lexicon
Гиппонакт	Les fragments du poète Hipponax («Études et Commentaires», 43), éd. O. Masson, Paris 1962
Каратепе	Финикийско-иероглифическая билингва из Каратепе (Издания текста см. *Laroche 1960 : XXV*)
Кархемыш	Лувийская иероглифическая надпись из Кархемыша (ср. *Laroche 1960 : XXV—XXVI*)
Павзаний	Pausaniae Graeciae descriptio
Плавт, Truc.	Plauti Truculentus (*«The Loeb Classical Library»*, *V*, Cambridge, Mass., 1938 : Harvard University Press)
Супр.	Супрасльская рукопись, изд. С. Северьянова, Петербург 1904 (*«Памятники Старославянского Языка»*, т. 2, № 1)
УКН	«Урартские Клинообразные Надписи» (*Меликишвили 1960*)
ХЗ	«Хеттские Законы» (*Friedrich 1959*)
Эсхил, Prom.	Aeschyli Prometheus
ABoT	Ankara Arkeoloji Müzesinde bulunan Boğazköy Tabletleri, Istanbul 1948
Al.	Der Vertrag des Muwatalliš mit Alakšanduš von Wiluša (*J. Friedrich*, «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft», 34, 1, Leipzig, 1930)
AM	Die Annalen des Muršiliš (*Goetze 1933*)
AV	*Atharvavedasaṁhitā* (*Bloomfield 1899*)
Bo	Unveröffentlichte Texte aus Boğazköy. 1. Bo+Nr=Funde von 1906—1912, Istanbul; 2. Bo + Jahr+Nr = neue Funde, beginnend mit Bo 68/1, Ankara
BoSt	Boghazköi-Studien, Leipzig 1916—1924
BoTU	Die Boghazköi-Texte in Umschrift (*E. Forrer*, «Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orientgesellschaft», Leipzig 1922, 1926)
C. A.	Cippus Abellanus (*Buck 1905 : 126 и след.*)

Cic. Sen.	*Cicero.* Post reditum in Senatu (*Cicero.* The Speeches. «*The Loeb Classical Library*», Cambridge, Mass. 1935. Harvard University Press : 48—99)
Festus	*S.P. Festi* De verborum significatu quae supersunt
H.	Haδōxt Nask («Авеста»)
HAB	Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I (Labarna II), *Sommer/Falkenstein 1938*
Hat(t).	Ḫattušiliš. Der Bericht über seine Thronbesteigung nebst Paralleltexten (*A. Goetze*, «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft», 29.3, Leipzig 1925)
HT	Hittite Texts in the Cuneiform Characters from Tablets in the British Museum, London 1920
IBoT	Istanbul Arkeoloji Müzelerinde bulunan Boğazköy Tabletleri(nden Seçme Metinler), I—III, Istanbul 1944, 1947, 1954
KBo	Keilschrifttexte aus Boghazköi I—VI («Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orientgesellschaft», 30,36, Leipzig 1916 — 1923; VII-, Berlin 1954-)
KUB	Keilschrifturkunden aus Boghazköi, Berlin 1921-)
Madd.	Madduwattaš (*A. Goetze*, «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft», 32. 1, Leipzig, 1928)
MS	Muršilis Sprachlähmung (*Goetze/Pedersen 1934*)
Pestgebete	Die Pestgebete des Muršiliš (*A. Goetze*, «Kleinasiatische Forschungen», 1929, I: 161—251)
Pud.	La vœu de Puduḫepa (*E. Laroche*, «Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale», 1949, 43 : 55—78)
PY	Пилосские таблички (*Bennett 1955*)
RV	*Ṛgvedasaṁhitā* (*Aufrecht 1955*)
T.B.	Tabula Bantina (*Buck 1905:130 и след.*)
Tel.	«Миф о Телепину» (KUB XVII 10; KUB XXXIII 1—10); «Указ царя Телепину» (BoTU 23 A, B, C= KBo III 1 + KBo XII 5+KBoIII 68+KBo XII 7)
T.I.	Tabulae Iguvinae (*Poultney 1959*)
Tun(n).	The Hittite Ritual of Tunnawi (*A. Goetze*, «American Oriental Series», 14, New Haven, 1938)
Ull.	*The Song of Ullikummi.* Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth (*Güterbock 1951—1952*)
VBoT	Verstreute Boghazköi - Texte, hrsg. von A.Goetze, Marburg 1930
Vd	Vidēvdāt («Авеста»)
Verg. Aen.	Vergilii Aeneis
Y	Yasna («Авеста»)
Yt	Yašt («Авеста»)

Sans cesse l'ineptie absolue de la terminologie courante, la nécessité de la reforme, et de montrer pour cela quelle espèce d'objet est la langue en général, vient gâter mon plaisir historique, quoique je n'aie pas de plus cher vœu que de n'avoir pas à m'occuper de la langue en général.

"Полнейшее несовершенство современной терминологии, необходимость ее реформы и показа того, что́ в общем представляет собой язык как таковой, постоянно портят мне удовольствие, которое я получал бы от занятий историей языка, хотя у меня не было бы бо́льшего желания, чем быть свободным от занятий общими вопросами языка".

Férdinand de Saussure, *Lettre à Antoine Meillet (4 janvier, 1894)*

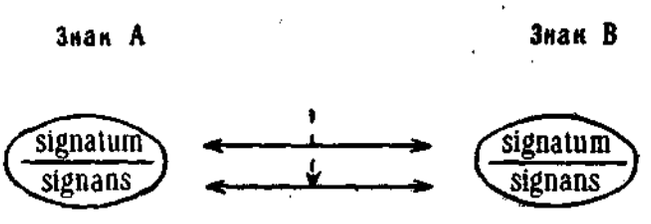
ВВЕДЕНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА И ПРЕДПОСЫЛКИ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1. ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА ЗНАКОВ

Язык как система знаков различает два структурных плана — план выражения и план содержания. В соответствии с этим каждый языковой знак характеризуется единством двух сторон — "означающего" (signans) и "означаемого" (signatum), соотносимых с двумя планами языка. Отношения между означающим и означаемым в знаках языка определяются их взаимосвязями в системе как в плане выражения, так и в плане содержания. Такие взаимоотношения между знаками, как на уровне выражения, так и на уровне содержания, определяют сложный характер соссюровского принципа "произвольности языкового знака". Языковой знак произволен в аспекте "вертикальных отношений", то есть в принципе произвольна, немотивирована связь между "означающим" и "означаемым" в отдельном языковом знаке. Однако "горизонтальные отношения" между знаками, то есть отношения между означающим и означаемым соотносимых знаков языка, обладают элементами мотивации в том смысле, что характер отношений на уровне означающих (имеются в виду разного рода сходства и различия в фонемном составе соотносимых друг с другом знаков) мотивируется в известной мере характером отношений в системе между этими знаками на уровне означающих *(Гамкрелидзе 1972; Gamkrelidze 1974)*, ср. *Схему 1*:

Схема 1

План выражения языковых знаков характеризуется сложной внутренней структурой. Знак звукового языка выражается не единичным элементом — звуком, а определенной комбинацией звуков, взятых из заданного для данного языка набора звуковых единиц. "Означающее" языкового знака характеризуется тем самым внутренней иерархической структурой, что определяется как "дуальность" знака звукового языка. Распределение звуковых единиц в конкретных знаках языка, выбор таких единиц из

общего набора звуков для выражения конкретных знаков и представляет собой звуковую синтагматику языка.

Наличие внутренней структуры у знаков языка позволяет создавать с помощью ограниченного числа элементов - фонем практически бесконечное множество знаков, комбинация которых по определенным структурным схемам дает грамматически правильно построенные фразы данного языка[1].

Систему со знаками, представляющими все теоретически возможные комбинации определенной длины из элементов заданного множества, можно определить как "полную". Система, в которой для выражения знаков используются не все теоретически возможные комбинации заданных элементов, может быть охарактеризована как "неполная", обладающая определенной степенью избыточности. Ее можно рассматривать как систему, в которой на конкретные комбинации элементов накладываются определенные ограничения. Допустимые комбинации элементов в такой системе и определяют структуру выражения ее знаков.

Такой "неполной" системой является естественный язык, обладающий достаточно высокой степенью избыточности, что содействует его коммуникативной эффективности. Эта же особенность естественного языка делает в принципе возможным изменение его звукового строя в диахронии.

Изменения определенных фонем в другие фонемы, представляющих собой расщепление (*split*) или слияние (*merger*) двух фонем, характерных для более раннего состояния языка, осуществляются в условиях избыточности языковой системы, которая и определяет возможность таких изменений.

В теоретически мыслимых "полных" системах с максимальной энтропией, где знаками были бы все теоретически возможные комбинации данных элементов, изменение одного ряда фонем и переход его в другой ряд повлек бы за собой с необходимостью передвижение в системе всех наличных фонемных рядов во избежание совпадения знаков, возникновения сплошной омонимии и искажения сообщения.

В "неполных" системах с определенной степенью избыточности, каковыми являются естественные языки, преобразования системы фонем, то есть слияние определенных фонем с другими фонемами или расщепление их, не приводит к полному совпадению знаков, и поэтому этот процесс возможен. Этим и объясняется то, что языковые системы не являются застывшими в отношении звуковых изменений и диахронического "движения" фонем.

[1] "Дуальность" языкового знака является, очевидно, чертой, характерной исключительно для человеческого языка и несвойственной коммуникативным системам животных. Эти последние оперируют со "знаками" (сигналами) элементарной структуры, состоящими обычно из одного единственного элемента (*Hockett 1958; Бенвенист 1974; Benveniste 1966a*). Тем самым количество знаков в таких системах определяется количеством различаемых элементов. Поскольку возможность производства таких противопоставляемых друг другу элементов ограничена (физическими и физиологическими рамками), соответственно ограничивается и возможное множество знаков в подобных коммуникативных системах. В таких системах возможна лишь синтагматика знаков, построение "фраз" из определенных знаков путем их сочетания в более длинные последовательности.

2. ИСТОЛКОВАНИЕ ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВОГО СХОДСТВА МЕЖДУ ЗНАКАМИ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВ И ПОНЯТИЕ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

При обнаружении формально - смыслового сходства между двумя или несколькими языками, то есть сходства в двух планах одновременно, как означающих, так и означаемых знаков (слов) этих языков, естественно встает вопрос о причинах возникновения такого сходства в знаках (словах) различных языков. Исходя из тезиса об ограниченной (в указанном выше смысле) произвольности знака, такое формально - смысловое совпадение знаков различных языков (то есть фонетическое сходство двух или более знаков при их смысловой близости и/или тождестве) можно было бы истолковать как факт случайного совпадения двух или более знаков различных языков.

Вполне возможно допустить, что по совершенно случайным факторам комбинаторики совпало в двух и даже более языках несколько слов, схожих по фонетическому звучанию и по значению. Можно даже вычислить с некоторым приближением вероятность случайного совпадения в двух или более языках двух или более совпадающих или сходных слов определенной длины *(ср. Поливанов 1931 : 180—181; Greenberg 1957 : 35 и след.)*.

Вероятность гипотезы о случайном совпадении для объяснения такого сходства будет уменьшаться в соответствии с увеличением количества языков, в которых обнаруживаются такие сходные знаки, и в еще большей степени — с увеличением количества знаков в этих языках, обнаруживающих такие сходства или совпадения.

При обнаружении совпадений и при достаточно большом числе n таких совпадений (порядка 20—30 или более) при k числе языков (где $k \geqslant 2$) вероятность случайного совпадения практически равна нулю и, следовательно, требуется другая гипотеза для истолкования этого сходства (причем вероятность случайного совпадения уменьшается также и в зависимости от длины схожих слов: чем длиннее совпадающие слова двух различных языков, тем меньше вероятность их случайного совпадения).

Другой более вероятной гипотезой для объяснения подобных совпадений в соответствующих знаках двух или более языков должно считаться объяснение этого сходства историческими контактами между языками и заимствованием слов из одного языка в другой (или в несколько языков) или заимствованием в оба эти языка из третьего источника.

Но не все виды формально - семантического сходства знаков двух или более языков могут быть истолкованы как результат заимствования. Существует тип сходства между знаками различных языков, который выражается в наличии регулярных фонемных соотношений между сходными знаками; этот тип сходства не объясняется в общем случае заимствованием слов одних языков в другие.

Сходство этого типа между знаками предполагает наличие таких звуковых соотношений между языками, при которых каждой фонеме x язы-

ка A соответствует в формально-семантически сходном знаке языка B фонема y, в таком же знаке языка C фонема z и т. д. В случае, если фонеме x языка A соответствует при этом фонема y' языка B, такое соотношение объясняется окружением (другой позицией в отношении других фонем).

В подобных случаях можно утверждать, что фонема x языка A находится в соответствии с фонемами y, y' языка B во всех позициях.

Такие звуковые соотношения между языками обнаруживаются обычно в группах слов и морфем, отражающих базисные понятия человеческой деятельности и среды.

Этот последний вид сходства, обнаруживающи егулярные соотношения между звуковыми единицами рассматриваемых языков, нельзя удовлетворительно объяснить ни случайным совпадением слов различных языков в звучании и значении, ни тезисом о заимствовании слов из одного языка в другой или их происхождением в этих языках из третьего источника.

Единственным вероятным объяснением сходства этого типа в соотносимых знаках различных языков является допущение общего происхождения рассматриваемых языковых систем, то есть происхождение этих систем из какой-то общей исходной языковой системы, преобразовавшейся в различных направлениях.

В таком понимании устанавливаемые между историческими языками фонемные соответствия описанного выше типа представляются как результат преобразования в различных направлениях исходных фонемных единиц. Какая-либо фонема X в предполагаемом общем языке L дает в результате распада этого языка на "родственные" диалекты в одном диалекте фонему x, в другом — y, в третьем — z и т. д., которые при сравнении этих диалектов оказываются в определенном фонемном соотношении друг с другом.

В терминах представления фонем в качестве определенных наборов фонетических признаков такое преобразование исходной фонемы X в различных направлениях можно представить себе как замену одного или нескольких признаков в наборе другими признаками, дающую различные трансформации исходной фонемной единицы. Легко видеть, что при таких предполагаемых преобразованиях исходной фонемы языка L, возникающие в его диалектах A, B, C... фонемные единицы, которые оказываются взаимно соотнесенными, фонетически близки друг к другу, что и обусловливает их исторически устанавливаемое сходство.

В некоторых случаях такое "преобразование" исходных фонем может выражаться в сохранении всех без исключения признаков, то есть всего их набора. В таком случае соотносимые фонемы в этих диалектах будут характеризоваться фонетическим тождеством, отражающим набор признаков исходной фонемы[1]

[1] Поскольку система фонемных соответствий между двумя родственными языками включает в себя и такие элементы, которые тождественны друг другу, то всегда существует вероятность того, что какие-либо две соответствующие друг другу формы различных

Таким образом, "сходство" в родственных диалектах между соотносимыми фонемами, восходящими к общей исходной фонемной единице, может варьировать от полного совпадения до значительного различия фонетических признаков (что предполагает замену одного или нескольких признаков в первоначальном наборе).

В таком понимании термин "сходство" следует рассматривать как наличие регулярных соотношений между фонемами, а не как совпадение или различие в созвучии знаков разных языков, считающихся "родственными", то есть происходящими из общей исходной языковой системы.

Соотносимые фонемные элементы родственных языков, как правило, находятся друг с другом в отношении фонетического сходства. Они фонетически совпадают по набору признаков или отличаются обычно лишь на один-два признака, что и обусловливает их фонетическую близость.

Именно в таких фонетически близких единицах, восходящих к единым исходным фонемным единицам, и проявляется наиболее ощутимо обнаруживаемое историческое сходство между соотносимыми знаками различных языков, дающее основание для утверждения об общности их происхождения.

Однако в таком соотношении в родственных языках могут находиться и фонетически значительно отдаленные друг от друга фонемные единицы, обнаруживающие лишь незначительную часть общих дифференциальных признаков.

"Сходство" между подобными элементами, то есть регулярные соотношения между ними, становится возможным исторически установить лишь благодаря наличию таких форм, в которых эти элементы выступают в

языков будут состоять именно из таких тождественных звуков, обусловливающих полное совпадение этих форм друг с другом. В таком случае всегда может возникнуть сомнение относительно исконности этих тождественных форм и отнесения их к классу соответствующих друг другу лексических единиц, дающее повод для альтернативного допущения заимствования из одного языка в другой или же в оба эти языка из некоторого третьего (ср., например, такие формы, как хет. *iugan* 'иго, ярмо'; 'период времени, год': др.-инд. *yugám* 'иго, ярмо'; 'период времени, цикл'; хет. *turiia-* 'запрягать': др.-инд. *dhŭr-* 'упряжь'; груз. *da* 'сестра': мегр.-лаз. *da* 'сестра'; груз. *ca* 'небо': мегр.-лаз. *ca* 'небо'; груз. *txa* 'коза': мегр.-лаз. *txa* 'коза' и др.).

Нет никаких строгих формальных критериев для однозначного решения этого вопроса относительно целого ряда конкретных форм. Но некоторым основанием определения вероятности одной из двух альтернатив может служить фонемная длина рассматриваемых лексических единиц : чем больше длина рассматриваемых неразложимых далее слов, тем вероятнее их заимствованный характер, тогда как ограниченный фонемный состав таких лексических единиц делает возможным их общее происхождение из языка-источника и их фонемную соотнесенность друг с другом. Не исключена вероятность того, что подобные слова составлены преимущественно из таких фонемных единиц, которые фонетически совпадают в соответствующих системах. С увеличением длины слов, естественно, уменьшается возможность допущения исконности этих слов и наличия в них только таких соответствующих друг другу фонем, которые тождественны фонетически. В этом смысле приводимые выше слова индоевропейских и картвельских языков с ограниченной фонемной длиной могут считаться лексическими соответствиями, восходящими к исходным лексическим архетипам, а не заимствованными из одного языка в другой.

сочетании с другими элементами, отдаленными лишь на минимальное число шагов и обнаруживающими фактическое фонетическое сходство.

При отсутствии этих последних элементов в "родственных" языках было бы весьма трудно или даже невозможно установить "сходство", то есть регулярные соотношения между означающими различных языков, которые могли бы восходить в конечном счете к общему источнику.

Поэтому в принципе возможно допустить существование таких языков, на самом деле происходящих из некоторого общего источника, то есть являющихся результатом распада определенной языковой общности, членение которой трудно установить ввиду отсутствия фактического фонетического сходства между знаками возможно родственных языковых систем. Такие языки могут находиться в отношении "отдаленного родства", представляющем результат значительных преобразований (вплоть до полной замены) первоначальных дифференциальных признаков исходной системы[1].

С другой стороны, принимая тезис об исчезновении определенного процента слов в базисном словаре за определенный отрезок времени, можно себе представить такой период в истории определенных родственных языков, за который они бы утратили все исконно родственные слова и служебные элементы. В таком случае "родство" было бы вообще невозможно установить.

Соотношения между фонемами различных языков типа регулярных соответствий, интерпретируемых в терминах родства языков, можно обнаружить в некоторых случаях и в словах, заведомо заимствованных из одного языка в другой. В таком случае регулярные соотношения могут быть обнаружены в одном и том же языке в двух разных его подсистемах S_1 и S_2 в отношении некоторого другого языка (или языков).

Обычно такие подсистемы различаются по характеру входящих в них единиц и морфем. В одном случае (при соотношениях фонем, отражающих общность происхождения) в подсистему S_1 обязательно входят слова базисного характера и служебные морфемы и аффиксы, тогда как другая подсистема S_2 характеризуется преимущественно культурными словами, определяемыми для разных эпох по-разному. Можно составить приближенный список универсальных семантем, общих для всех языков, которые и должны составлять в основном лексемы подсистемы S_1 и обычно отсутствуют в подсистеме S_2.

В первом случае мы имеем дело с соответствиями, предполагающими общее происхождение соотносимых форм из исходной системы, во втором

[1] Проблема установления возможных фонемных соответствий между столь отдаленными в фонетическом отношении системами, которые могут оказаться в конечном счете "родственными", должна сводиться в принципе к установлению определенных фонемных соотношений между группами различных фонетических единиц в знаках со схожими семантемами, без учета их внешних фонетических сходств или различий. Такая задача осуществима при переборе огромного количества близких друг к другу семантем некоторой группы языков, что может быть эффективно осуществлено с помощью составления соответствующей программы для вычислительных машин. Такая задача установления возможного отдаленного родства может стать одной из проблем "вычислительной лингвистики".

случае допускается возникновение определенных закономерностей фонемных соответствий при заимствовании слов одного языка в другой.

В таких случаях обычно обнаруживается несколько подсистем соответствий по отношению к различным языкам, дающих возможность заключить о заимствовании из различных языков и в различные эпохи в данный язык, тогда как подсистема S_1 отличается наличием единой системы соответствий по отношению к другим языкам, стоящим друг к другу в таких же отношениях в смысле фонемных соответствий.

В общем случае подсистемы типа S_2 охватывают меньшее количество форм, чем основная система S_1, что позволяет выделить подсистему S_2 как заимствованную. Однако в определенных конкретных случаях сумма подсистем типа S_2 может содержать даже больше элементов, чем базисная (подсистема типа S_1), но каждая из подсистем типа S_2 содержит обычно меньше элементов, чем базисная группа лексем S_1 и их производных. При этом группы лексем подсистемы S_2 могут отражать заимствования из разных языков или из одного языка в различные эпохи[1].

Путем выделения подобных лексических групп в языке и установления определенных фонемных соотношений с другими языками осуществляется расслоение лексики языка на определенные подсистемы, включающие так называемую базисную группу слов, проявляющих в основном первичные фонемные соответствия с другими языками, которые и отражают общность их происхождения.

Другая большая часть словаря, остающаяся после выделения "базисной" группы, отражает в основном слова, возникшие в языке позднее, в период после выделения из общего языкового источника, в результате контактов и взаимодействия с другими языками на протяжении длительной истории его развития.

В отдельных случаях при постоянных и интенсивных контактах языков, приводящих к длительному периоду двуязычия, возможны заимствования значительной части лексики из одного языка в другой, а также усвоение схем взаимоотношения слов в предложении и морфем в пределах слова, что приводит естественным образом к структурному сближению контактирующих языков и возникновению между ними структурного сходства, которое можно было бы охарактеризовать как "вторичное", "приобретенное родство" (ср. "аллогенетические отношения" между языками в смысле *Церетели 1968*).

Возникновение "аллогенетических отношений" между языками становится, очевидно, возможным при сближении правил порождения контактирующих языковых систем и возникновении некоторой общей усредненной схемы порождения, отражающей первоначальные схемы обеих кон-

[1] Можно при этом дифференцировать подсистемы заимствований из "родственных" языков и заимствований из "неродственных" языков. В первом случае возникают подсистемы соотношений с языком, из которого заимствуются слова, при наличии между ними первичной подсистемы отношений S_1, отражающей общность происхождения. Во втором случае между контактирующими языками отсутствует подсистема отношений типа S_1.

тактирующих систем. При подобной унификации схем порождения возможно бóльшее типологическое сходство между контактирующими системами, чем у каждой из них с генетически исходной.

Наряду со случаем "аллогенетического родства" следует учитывать наличие и определенных ареальных групп языков, объединяемых в "языковые союзы" неродственных и родственных языков, которые произошли из одного источника, но после длительного периода разобщенного существования оказались вновь связанными на общей территории отношениями контакта (ср. индоевропейские языки, входящие в балканский языковой союз, литовско-польско-белорусское языковое пограничье и т. п., *см. Jakobson 1971a)*. Можно различать три вида ареальных объединений языков: союз между родственными языками (ср. скандинавско-древнеанглийские контакты), объединение неродственных языков (узбекский и таджикский, *Поливанов 1968)* и смешанный третий случай неродственных и родственных языков, образующих особый "языковой союз" (ср. армяно-осетино-картвельские языковые отношения).

3. ПРОБЛЕМА ОБЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И МЕТОДЫ ЕЕ РЕКОНСТРУКЦИИ. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ МОДЕЛЕЙ

Объяснение фонемных соответствий между языками общностью их происхождения из определенной исходной языковой системы предполагает необходимость реконструкции ее с целью изучения возникновения и путей преобразования исторически засвидетельствованных родственных языковых систем.

Сравнение языков, ориентированное на установление закономерных фонемных соответствий, должно привести логически к реконструкции той языковой модели, преобразование которой в разных направлениях и дало нам исторически засвидетельствованные родственные языковые системы. Сравнение родственных языков, не имеющее целью реконструкцию исходной системы, не может считаться завершающим этапом исследования истории рассматриваемых языков (*ср. Saussure 1915: 299*).

Бесписьменная история родственных языков восстанавливается лишь в том случае, если удается свести к общим исходным моделям все разнообразие исторически засвидетельствованных языковых структур и реконструировать пути возникновения и развития этих систем, начиная с исходного состояния вплоть до исторически засвидетельствованных состояний.

Такой подход к генетическому сравнению языков и установлению соотношений между ними естественным образом ставит вопрос о реконструкции исходной языковой системы и лингвистических методах подобной реконструкции (*ср. Birnbaum 1977*).

Предполагается, что реконструированная с помощью определенных лингвистических методов исходная языковая модель отражает в первом приближении существовавшую некогда в пространстве и времени языковую

систему, которая распалась на исторически засвидетельствованные родственные диалекты.

Сравнение и сопоставление между собой этих диалектов дает возможность постулировать определенные структурные модели, отражающие теоретически предполагаемую языковую систему.

Особое значение при подобных лингвистических операциях восстановления путем сравнения лингвистических моделей приобретает метод внутренней реконструкции, предполагающий сведение воедино, к исходным структурам чередующихся между собой лингвистических элементов в пределах одной определенной языковой системы.

Каждый уровень языка можно рассматривать как совокупность взаимосвязанных подсистем. На уровне лексики по семантическому признаку, как говорилось выше, можно выделить определенные группы слов, в которые включаются слова базисные, обозначающие первичные, общие для всех культур понятия; формально они характеризуются наличием определенных соотношений между родственными языками, а внутри системы такие слова, носящие в некотором смысле изолированный характер, могут иметь фонологические и морфонологические признаки, отличные от основной массы слов. Эти признаки, которые можно считать архаичными, и служат основой для операции внутренней реконструкции, то есть для восстановления такого периода истории языка, когда данные признаки являлись не аномалией, а нормой, отражавшей продуктивные процессы, диахронически объяснимые как нововведения.

Операция по выделению такой архаичной подсистемы является одной из основных предпосылок для сравнения данного языка с другими языками.

При реконструкции с помощью определенных методов лингвистического исследования исходных языковых моделей, которые должны в принципе отражать систему общего исходного языка, встает методологический вопрос о реальности предполагаемых реконструкций и о степени соответствия их существовавшей в пространстве и времени языковой системе, принимаемой за исходную для данной группы родственных диалектов.

Принятие тезиса о реальности предлагаемых реконструкций определяет целый ряд методологических принципов сравнительно-генетических лингвистических исследований и в первую очередь их тесную связь с принципами лингвистической типологии и установления лингвистических универсалий (или "фреквенталий", *ср. Серебренников 1974*). В этом смысле генетическая (сравнительно-историческая) лингвистика, то есть лингвистика, устанавливающая родственные отношения между группами языков и дающая реконструкции их исходных моделей, составляет в принципе единую дисциплину со структурно-типологической лингвистикой и лингвистикой универсалий.

Действительно, реконструируемые лингвистические модели исходной языковой системы, если они претендуют на отражение реально существовавшего в пространстве и времени языка, должны находиться в полном соответствии с типологически выводимыми универсальными закономерно-

тями языка, устанавливаемыми индуктивно или дедуктивно на основании сопоставления множества различных языковых структур.

Лингвистическая реконструкция, противоречащая языковым универсалиям, не может, естественно, претендовать на реальность отображения ею исторически существовавшей языковой системы[1]. Но и соответствие реконструируемых моделей синхронным лингвистическим универсалиям не может служить достаточным основанием для утверждений о реальности этих реконструкций и об отражении в них конкретной языковой системы, предполагаемой в качестве исходной для родственных языков. Необходимым условием при этом является также соответствие реконструированных моделей диахроническим типологическим данным, общим схемам изменения во времени определенных лингвистических структур, устанавливаемым при изучении конкретных фактов истории отдельных языков[2].

Следовательно, реконструированные языковые модели могут считаться "реальными" при соответствии их двум основным типологическим кри-

[1] Лингвистическая типология является не только средством некоторой проверки вероятия реконструируемых моделей, но служит зачастую и основанием для постулирования недостающих в системе вероятных звеньев языковой структуры. Так, например, в определенных случаях удается реконструировать только некоторые различительные признаки (в частности, только признак "слоговости" для гласных фонем). Реконструкция же полного набора различительных признаков невозможна, если не выходить за пределы сравнительно-исторического языкознания, без привлечения данных типологии, которые позволяют дополнить некоторые из нереконструируемых признаков. Пример "ларингальных" как единиц, выведенных Соссюром из морфонологических соотношений, может служить наглядной иллюстрацией ограниченности реконструкции дифференциальных признаков фонем без привлечения типологических данных. Строго говоря, неверно предположение о том, что Соссюр реконструировал только "алгебраическую систему". Соссюр реконструировал самые существенные признаки "ларингальных", каковыми являются "слоговость—неслоговость" (то есть их сонантический характер) и черты их влияния на соседние гласные. Дальнейшие исследования по "Ларингальной теории" фактически сводятся к дополнению этого набора признаков, но не к каким-либо качественно новым построениям. Схематичность выводов Соссюра объясняется неполнотой набора дифференциальных признаков реконструируемых фонем, зачастую неизбежной при исключительно внутренней реконструкции без учета типологических данных. Дальнейшие уточнения характера и фонемного статуса "ларингальных" в системе стали возможны лишь при широком привлечении данных типологического сравнения языков.

[2] Диахроническая типология возможных преобразований на различных уровнях должна строиться преимущественно на исторически засвидетельствованном материале. Исторически засвидетельствованные преобразования есть область "исторической грамматики" и поэтому построение сравнительно-исторической или диахронической грамматики невозможно без учета данных, добытых грамматикой исторической.
"Историческая грамматика" строится главным образом на основе документально фиксированного языкового материала. Такой документально фиксированный материал, относящийся к хронологически более ранним этапам развития языка, следует переводить в особую фонетико-фонологическую запись, что ставит специальные вопросы об отношении письменности к фонемному составу языка и об отражении фонем и последовательностей фонем языка в различных системах письма. Поэтому изучение отношения письменности к языку является обязательной предпосылкой для построения теории диахронической лингвистики (*ср. Hoenigswald 1960*).

териям: критерию согласия системы с синхронными типологическими универсалиями и критерию согласия ее с диахроническими типологическими универсалиями (общими схемами изменения и преобразования языков). Эти два критерия соответствия реконструируемой системы универсальным структурно-типологическим закономерностям языка можно считать необходимыми и достаточными условиями для утверждений о "реальности" реконструированных языковых моделей, которые постулируются как структуры, отражающие существовавшую некогда в пространстве и времени исходную систему.

Типологическая верификация реконструируемых лингвистических моделей (как синхронная, так и диахроническая) становится таким образом одной из основных предпосылок постулирования исходных языковых структур, необходимой для проверки их вероятия.

Формулирование последовательных "правил вывода" исторически засвидетельствованных родственных диалектов из постулируемой исходной языковой системы может считаться описанием путей возникновения и преобразования этих диалектов, начиная с общего языкового состояния вплоть до исторически засвидетельствованной эпохи.

Реконструкция праязыковой системы достигается путем сопоставления исторически засвидетельствованных родственных языковых систем и путем ретроспективного движения от одного языкового состояния к другому, более раннему состоянию при типологической верификации каждого из этих состояний.

Ретроспективное движение должно продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто языковое состояние, из которого могут быть выведены все исторически засвидетельствованные родственные языковые системы при допущении определенного множества типологически вероятных последовательных трансформаций, которые и определяют "диахроническую выводимость" системы. Подобные трансформации переводят из исходной языковой системы в более поздние языковые состояния, являющиеся результатом ее структурных преобразований.

С помощью таких диахронических трансформаций и описывается вывод различных родственных языковых систем из теоретически постулируемых исходных структурных моделей.

По своей объяснительной силе диахронические трансформации, выводящие исторически засвидетельствованные формы языка из определенных теоретических конструктов, которые считаются более ранними в хронологическом отношении ступенями этих форм (их "архетипами"), могут быть сопоставлены с "трансформациями" порождающей грамматики, выводящими наблюдаемые элементы поверхностной структуры из теоретически постулируемых базисных конструкций, определяющих глубинную структуру языка.

Описание диахронических изменений языка через "правила трансформации" представляет собой в сущности последовательное перечисление дискретных шагов, каждый из которых отражает одно из синхронных состоя-

ний в развитии языка. Чем меньше хронологическое расстояние между такими "шагами", тем точнее и адекватнее описание развития языка, отражающее его последовательные переходы, начиная с исходного состояния.

В этом смысле правило, выводящее из постулированного языкового состояния *исторически засвидетельствованное состояние*, может разлагаться на ряд последовательных правил, *выводящих окончательный* результат трансформации из серии последовательных шагов, отражающих возможные этапы преобразования от исходной языковой системы до последующей засвидетельствованной. Например, фонемный переход $x \Rightarrow y$, где x — постулированное состояние, а y — исторически засвидетельствованное состояние фонемы, может быть представлен как серия последовательных трансформаций:

$$\begin{aligned} x &\longrightarrow x' \\ x' &\longrightarrow x'' \\ &\cdots\cdots \\ x^{n-1} &\longrightarrow x^n \\ x^n &\longrightarrow y \end{aligned}$$

Так, например, вывод $p \Rightarrow \emptyset$ можно представить как серию изменений пучка на один дифференциальный признак:

$$\begin{aligned} p &\longrightarrow p^h \\ p^h &\longrightarrow f \\ f &\longrightarrow h \\ h &\longrightarrow \emptyset \end{aligned}$$

Учет синхронной типологии при лингвистических реконструкциях, на необходимость чего указывал еще Якобсон (*Jakobson 1957a; Якобсон 1963*; *ср. также Hjelmslev 1928*), заставляет существенно пересмотреть традиционные схемы классической индоевропейской сравнительно-исторической грамматики и предложить новое толкование устанавливаемых лингвистических соотношений с учетом принципа структурно-типологической верификации системы и ее диахронической выводимости.

На данном этапе развития лингвистической науки, когда одним из основных направлений является структурно-типологическая лингвистика (и лингвистика универсалий), многое в традиционных построениях индоевропеистики, основанных на сравнительной (внешней) и внутренней реконструкции самого индоевропейского материала, можно, по-видимому, пересмотреть с целью согласования постулируемого индоевропейского праязыка с данными типологической лингвистики. Такой анализ традиционных индоевропейских реконструкций и приведение их в соответствие с типологически вероятными системами может вызвать существенный пересмотр этих реконструкций.

Односторонность и ограниченность классического сравнительно-исторического индоевропейского языкознания заключались в том, что реконструируемая модель общеиндоевропейского языка являлась лишь резуль-

татом внешнего сравнения отдельных родственных систем и дополнялась в некоторых теориях внутренними реконструкциями — на основании анализа определенного типа отношений в пределах одной системы. При этом не учитывалось эксплицитно лингвистическое вероятие полученной модели в смысле ее типологического соответствия потенциально возможным языковым структурам. Это привело в классическом индоевропейском языкознании к постулированию такой исходной языковой системы, которая, будучи в противоречии с синхронными типологическими данными, не может считаться лингвистически реальной.

4. РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА КАК ПУЧКОВ ИЛИ СОЧЕТАНИЙ ДИСТИНКТИВНЫХ И ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ И ИХ ИЕРАРХИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ

Реконструкция фонемного состава языка предполагает рассмотрение постулируемых в системе звуковых единиц в виде определенных сочетаний фонетических признаков, которые могут быть верифицированы на типологическом языковом материале.

Существуют универсальные модели сочетаемости, совместимости признаков в "вертикальной" последовательности — в единовременных пучках. Одни признаки сочетаются друг с другом предпочтительнее других признаков, что проявляется в высокой системной и текстуальной частотности фонемы, в состав которой входят эти признаки; другие признаки совмещаются в едином пучке ограниченнее, что проявляется в более низкой частотности фонемы, в состав которой входят данные дифференциальные признаки. К этому второму случаю относятся и пустые клетки—пробелы в парадигматической системе, которые можно рассматривать как случаи "трудной" сочетаемости признаков.

В этом смысле можно говорить о двух основных типах сочетаемости признаков — "маркированной" и "немаркированной". Маркированной является сочетаемость признаков, характеризующаяся необычностью, редкостью, что проявляется в более низкой частотности фонемы, в состав которой входит данное сочетание признаков, и в ее дистрибутивной ограниченности.

Подобная сочетаемость признаков, объясняемая их трудной совместимостью в одновременной ("вертикальной") последовательности, может вовсе отсутствовать в определенных языковых системах, что выражается в наличии пустых клеток—пробелов в парадигматической системе. Таким образом, пробел в парадигматической системе можно рассматривать как ячейку, потенциально заполняемую фонемой с "нулевой частотностью".

"Немаркированной" является сочетаемость признаков, характеризующаяся обычностью, естественностью, что проявляется в более высокой частотности и в бóльшей дистрибутивной свободе фонемных единиц, в состав которых входят такие сочетающиеся друг с другом признаки.

Подобная "естественная" *(natural)* сочетаемость признаков объяснима свободной артикуляторной и акустической совместимостью в однов-

ременной ("вертикальной") последовательности, в результате чего возн кает более сильная в функциональном отношении фонема.

Таким образом, категория маркированности ~ немаркированнос характеризует не отдельный признак *F* в сочетании с другими признакам она является скорее характеристикой всего данного сочетания признако всего пучка в целом[1]. Иными словами, признак "маркированности" *m* и "немаркированности" *u* относится не к отдельному признаку *F*: [*mF*] или [*uF*], а ко всему данному пучку признаков *(Gamkrelidze 1975 : 23*

$$m\begin{bmatrix} \alpha F_1 \\ \alpha F_2 \\ . \\ . \\ . \\ \alpha F_k \end{bmatrix} \text{ или } u\begin{bmatrix} \alpha F_1 \\ \alpha F_2 \\ . \\ . \\ . \\ \alpha F_l \end{bmatrix}$$

В основе подобных ограничений, накладываемых на взаимную сочетаемость определенных признаков, лежат особенности человеческого артикуляторного аппарата, с одной стороны, и психо-физиологические возможности восприятия речевого сообщения, с другой.

С учетом этих характеристик речи можно установить, какие сочетания фонетических признаков оптимальны в артикуляторно-акустическом от

[1] Такое понимание отношения "маркированности", при котором иерархическая зависимость приписывается не отдельным различительным признакам, а сочетаниям признаков в целом, сближается с традиционным его пониманием в теории Пражского Лингвистического Кружка, в которой маркированность ~ немаркированность определяется в отношении цельных фонемных единиц, рассматриваемых как пучки различительных признаков. Принципиально отличной, однако, является интерпретация отношения маркированности не как наличия или отсутствия в фонеме определенного признака (признаковости ~ беспризнаковости), а как иерархического отношения, определяющего степень обычности, естественности и распространенности конкретных сочетаний различительных признаков. Поэтому отношение маркированности может распространяться на все виды фонологических оппозиций, затрагивая не только привативные оппозиции, но и градуальные и эквиполентные (по логической классификации Трубецкого). Тем самым термин "маркированный" — "немаркированный" отходит от своего первоначального этимологического содержания "признаковый" — "беспризнаковый" приобретая новый смысл "необычного" —"обычного" сочетания признаков. "Функционально сильные", стабильные пучки дифференциальных признаков (resp. фонемы), определяемые обычно как "немаркированные", в противопоставлении "маркированным", "функционально слабым" и нестабильным пучкам признаков (resp. фонемам) могут быть переименованы как "доминантные" пучки в противовес "рецессивным". Такое переформулирование иерархического отношения "маркированности" в отношение парадигматической "доминации", с соответствующими "доминантным" и "рецессивным" членами противопоставления, представляется целесообразным ввиду многозначности традиционных терминов "маркированный ~ немаркированный", все еще употребляемых в их первоначальном значении для обозначения соответственно "признакового" (merkmalhaltig) ~ "беспризнакового" (merkmallos) членов отношения *(Gamkrelidze 1979)*. Термины "доминантный" ~ "рецессивный" заимствуются нами из современной молекулярной биологии, характеризующейся, как известно, широким применением лингвистических терминов при описании структуры генетического кода *(ср. Jacob 1977)*.

ношении (что на фонологическом уровне будет соответствовать "немаркированным" сочетаниям) и какие неоптимальны в этом смысле (фонологически "маркированные" сочетания), *ср. Greenberg 1966; Postal 1968 : 170 и след.*

Наличие иерархических зависимостей в системе между отдельными фонологическими единицами — пучками дифференциальных признаков, сказывающееся в отношениях "доминации", свидетельствует о существовании в языковой системе строгой стратификации фонологических значимостей.

В соответствии с такими универсально значимыми соотношениями происходят и диахронические фонемные преобразования в языке. Целый ряд диахронических фонемных изменений в системе, кажущихся на первый взгляд разрозненными и не связанными друг с другом, может быть осмыслен как взаимозависимые, взаимообусловленные преобразования, регулируемые подобной иерархией фонологических значимостей[1].

Фонема, представляющая собой пучок дифференциальных признаков, реализуется в речи в виде звуковых единиц, набор фонетических признаков которых обычно шире набора дифференциальных признаков соответствующей фонемы. В подобных звуковых реализациях фонем языка пучки дифференциальных признаков, характеризующие соответствующие фонемы, осложняются определенными фонетическими признаками, которые на них накладываются. В этом проявляется одно из различий в плане выражения между "языком" и "речью" в смысле Соссюра и Трубецкого.

В последовательной фонологической записи, в которой представляются лишь фонологически релевантные признаки фонем, такие дополнительные фонетические признаки, строго говоря, не должны присутствовать. Однако значимость их при реализации фонем в речи, а также при фонетических процессах изменения звуков языка, делает необходимым их учет в любом лингвистическом описании.

Следует различать два вида фонетических признаков — комбинаторно обусловленные (то есть выводимые из фонологических признаков окружения) и некомбинаторные признаки, которые накладываются на пучок фонологических признаков при конкретной реализации фонемы. Так, например, во многих языках (семитские, картвельские и др.) глухие смычные фонемы реализуются в виде придыхательных звуков. Аспирация, будучи

[1] Универсально значимая иерархия фонологических единиц предполагает, как было отмечено выше, наличие фонем и с низкой частотностью, доходящей до нуля (пустые клетки в системе). Эти парадигматические закономерности системы должны постоянно учитываться как при синхронном описании языка, так и в языковой диахронии, в частности при реконструкции языковых систем. Наличие пустой клетки с точки зрения теории маркированности не является аномалией и, следовательно, при отсутствии данных внешнего сравнения не предопределяет необходимости ее заполнения при внутренней реконструкции древнего состояния языка, как это часто практикуется в диахронической лингвистике (ср. случаи с заполнением так называемых *cases vides* у Мартине, *Martinet 1955; Мартине 1960*).

фонологически недистинктивным признаком, играет при их реализации существенную роль как фонетический признак.

Синхронно эти признаки релевантны не для самой системы порождающих правил языка, а для ее реализации в речи *(ср. Pilch 1968 : 57 и след.)*.

Звуковые преобразования в языке протекают, очевидно, при взаимодействии фонологических и фонетических признаков. Фонологически "избыточные" признаки могут послужить факторами, определяющими направления изменения фонем. Из этого следует важность и значимость учёта фонетических признаков при описании диахронических изменений фонологической системы языка.

Таким образом, как в диахронической, так и в синхронической записи фонемных единиц должны по возможности присутствовать фонетические признаки, существенные для реализации языка, также и для направления фонемных преобразований языка в диахронии.

Целесообразно придерживаться некоторой комбинированной записи признаков с учетом дифференциальных признаков фонем (заключаемых в наклонные скобки) и сопутствующих фонетических признаков (заключаемых в квадратные скобки).

Так, например, в некоторых языках, где придыхание выступает в качестве дополнительного фонетического признака, смычную фонему /p/ можно представить как набор признаков:

$$\left\{ \begin{array}{l} [\textit{придыхательный}] \\ / \begin{array}{l} -\textit{слоговой} \\ +\textit{неслоговой} \\ +\textit{смычный} \\ +\textit{глухой} \\ \textit{лабиальный} \end{array} / \end{array} \right\}$$

В таких случаях для удобства целесообразно прибегать вместо подобной развернутой записи фонем к сокращенной записи с использованием единичных символов фонем (а не всего набора фонологических признаков) при заключаемом в квадратные скобки дополнительном символе фонетического признака: ср. запись типа $p^{[h]}$ для фонемы, представленной выше в виде полного набора дифференциальных признаков. Поскольку представление фонем каждый раз в развернутой записи в виде полного набора дифференциальных признаков вызывает известное неудобство изложения, его усложнение и неэкономность, предпочтительнее фонемные трансформации выражать преобразованием только отличающихся признаков, при устранении повторения признаков совпадающих (видимо, это же относится и к синхронному сопоставлению близких фонем как наборов признаков, во многом друг с другом совпадающих).

При наличии матрицы отождествления фонем, где все фонемы выписываются подробно в отношении состава их дифференциальных признаков, диахронические переходы фонем или описание их синхронных противопос-

тавлений могут выражаться просто сокращенными единичными символами фонем, а соответствующие преобразования дифференциальных признаков могут быть выведены из фонемных матриц; это частично сходно с процедурами классической компаративистики с той лишь оговоркой, что там рассматривались недифференцированно фонологические переходы фонем и фонетические — отдельных звуков[1].

При одинаковых, симметричных изменениях целых локальных рядов и серий фонем, наоборот, может быть экономнее запись, использующая изменение одного или нескольких дифференциальных признаков вместо выписывания отдельными сокращенными символами всех фонем ряда или серии, участвующих в переходе, *ср. Halle 1962*.

Так, к примеру, диахронический переход серии

$$/b^h/ \rightarrow /b/$$
$$/d^h/ \rightarrow /d/$$
$$/g^h/ \rightarrow /g/$$

можно экономнее представить в виде записи с единственным "правилом переписывания" признаков:

$$[+ \textit{придыхательность}] \rightarrow [- \textit{придыхательность}] \,/\, \begin{bmatrix} + \textit{смычность} \\ + \textit{звонкость} \end{bmatrix}$$

То есть признак "придыхательности" с положительным значением получает отрицательное значение в парадигматическом окружении признаков "смычности" и "звонкости".

В связи с определением фонемы как пучка дифференциальных признаков встает вопрос о природе дифференциальных признаков, с помощью которых представляются фонемы. Представление фонем в терминах преимущественно артикуляторных признаков распространилось в последнее время взамен более популярного в предыдущее десятилетие набора акустических признаков, связанного прежде всего с бурным развитием спектрографии, выявившей в дальнейшем и ограниченность этого метода. Формулировка характера дифференциальных признаков фонем исключительно в терминах акустических признаков приводила зачастую к недостаточному учету артикуляторных особенностей фонем, представляющих их существенные свойства.

Однако значимость артикуляторных характеристик не только для образования, но и для восприятия фонемы подтверждается в последнее время все бóльшим числом исследований (*ср. Чистович 1961; 1965; Liberman 1957; Ladefoged 1971 и др.*). Поэтому представляется целесообразным в качестве дифференциальных признаков фонемы дать набор таких артикуляторных, а возможно и акустических признаков, которые, не исключая друг друга, могут охарактеризовать фонему по ее существенным призна-

[1] Для реконструируемых языковых состояний такие фонемные матрицы могут быть составлены на основе типологических данных в сопоставлении с результатами анализа дистрибуции фонем в синхронном срезе реконструируемого языкового состояния.

кам. В этом смысле набор дифференциальных признаков, учитывающих артикуляторные характеристики речи, представляется более предпочтительным, чем набор признаков, строящийся исключительно на акустических характеристиках фонем.

Ниже дифференциальные признаки фонем будут описываться преимущественно в артикуляторных терминах с учетом предложенных ранее систем дифференциальных признаков (с некоторыми модификациями)[1], *см. Якобсон/Фант/Халле 1962; Jakobson 1971a; Chomsky/Halle 1968: 93 и след.*

5. ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Реконструкция языка предполагает восстановление не только отдельных фонем и их соотношений в парадигматической системе, но и целых последовательностей фонем и их комбинаций, дающих определенные морфемы, слова и словосочетания, которые выражают определенное грамматическое или лексическое значение. При этом реконструируется не только план выражения языка, но и его план содержания, то есть значения отдельных форм и синтаксических конструкций.

Если при формальной реконструкции исследователи исходят из системы фонемных соотношений и постулируют типологически верифицируемые исходные формы и архетипы, то при семантической реконструкции процедура восстановления архетипа осложняется отсутствием формальных критериев для постулирования исходных семантем (плана содержания для исходных языковых единиц — слов и сочетаний слов).

Самый простой случай, как и при формальной реконструкции — это реконструкция при наличии близких значений у формально соответствующих слов. В таком случае реконструируется значение, общее для соответствующих слов, то есть теоретико-множественное пересечение семантических дифференциальных признаков. При наличии конверсных отношений (типа *давать ~ брать, покупать ~ продавать*) реконструкция предполагает постулирование такой семантемы для архетипа формально соответствующих слов, в которой противоположные признаки (выступающие в одной из реальных форм в первом значении, в другой — во втором значении, ему противоположном) нейтрализуются (конверсные значения *давать ~ брать* можно возвести к термину для обобщенного обмена, вклю-

[1] В частности, вместо признаков [± гласность], [± согласность], представляющихся тавтологическими при определении гласных и согласных фонем, вводятся признаки [±слоговость], [∓неслоговость], характеризующие специфику звуковых сегментов по их способности образовывать слоговые вершины, то есть выступать в звуковой последовательности в качестве слогообразовательного (центрального) или неслогообразовательного (маргинального) элемента. В зависимости от этого, гласные будут характеризоваться признаками [+слоговость, −неслоговость], согласные — признаками [− слоговость, +неслоговость], а сонорные фонемы (соответственно сонанты), проявляющиеся как слогообразующие или неслогообразующие элементы в зависимости от окружения, будут определяться как [+ слоговой, +неслоговой], *ср. Gamkrelidze 1975.*

чающего и акт давания, и акт взятия (ср. понятие нейтрализации в фонологии и морфологии). Тем самым реконструируется не конкретное значение отдельного слова, а некоторая ситуация, через которую это значение описывается, ср. *Benveniste 1966a; Бенвенист 1974* (ср. современные работы по лингвистической семантике, где значения слов описываются через сохраняющие смысл трансформации целого высказывания).

При таких реконструкциях особое значение приобретает типология семантических трансформаций. Допускаемые преобразования становятся более вероятными при обнаружении сходных семантических преобразований в истории отдельных языков или групп языков.

6. РЕКОНСТРУИРУЕМАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Реконструируемая языковая модель, отражающая существовавшую некогда протоязыковую систему, предполагает установление хронологических рамок ее существования и преобразования, а также географических факторов ее распространения.

Рассмотрение праязыка в виде системы, существовавшей в пространстве и времени, со своей историей, предполагает изучение динамики ее развития и учет древнейших научно устанавливаемых этапов ее истории вплоть до позднего ее состояния перед расчленением на исторические диалекты и их оформлением в качестве самостоятельных языковых единиц.

Многие структурные особенности общеиндоевропейского языка, восстанавливавшиеся в классической индоевропеистике в виде статических схем, могут быть распределены поэтапно в хронологическом смысле.

Определенные особенности общеиндоевропейского языка, которые восстанавливались недифференцированно для исходной системы, часто не соотносятся с поздним периодом развития этого языка перед его членением на диалекты, а отражают скорее структурные особенности более раннего периода.

Этим и объясняются частые споры в индоевропейской сравнительной грамматике по поводу характера тех или иных языковых структур, которые представляются взаимопротиворечащими (ср., например, дискуссию о количестве "ларингальных" в индоевропейском, причем для каждого из альтернативных решений приводятся серьезные обоснования).

Соотнесенность альтернативных решений о характере таких структур с различными эпохами в развитии самого общеиндоевропейского языка позволяет истолковать многие из предлагавшихся структур как дополнительные в хронологическом смысле по отношению друг к другу и приуроченные к разным этапам развития общеиндоевропейского языка.

Неподвижная, статичная схема общеиндоевропейского языка должна быть заменена динамической в хронологическом смысле языковой системой, имевшей, как и любой исторически засвидетельствованный язык, свою историю и динамику своего развития.

Такая история исходной языковой системы предполагает как внутреннее развитие системы, так и ареальные соотношения с другими системами, выражавшиеся в контактах и интерференции. В этом отношении можно говорить о языковых заимствованиях в общеиндоевропейскую языковую систему из других языков и из общеиндоевропейского в другие языки, находившиеся с ним в контакте.

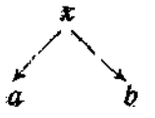
Как любой реальный язык, система реконструируемого языка должна мыслиться как система, существовавшая в виде определенного множества взаимосвязанных диалектов. Расчленение общего языка на исторически засвидетельствованные родственные языки можно себе представить как постепенное обособление и дробление первоначальных диалектов общей исходной языковой системы. Таким образом, внутри реконструируемой модели исходной языковой системы возможны противопоставления конкретных подсистем по определенным фонологическим и морфонологическим признакам,отражающие диалектные членения реконструируемого языка.

В языковой модели, реконструируемой для определенного хронологического среза, такое членение предстает синхронно в виде вариантных (дублетных) форм, которые могут отражать ареальные, диалектные противопоставления в системе общего языка позднего периода. Такие диалектные противопоставления, в свою очередь, в истории этого языка могут объясняться хронологически *(ср. Степанов 1979)*.

В таком понимании системы реконструируемого исходного языка членение и распад его на отдельные родственные языки следует представить как некоторое дублирование исходных структур, которые в дальнейшем развиваются в различных направлениях.

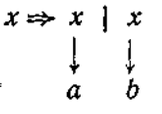
Любой элемент x исходной языковой системы L дает впоследствии в двух различных родственных языках соответственно элементы a и b, что схематически можно представить в виде дерева (ориентированного графа):

Схема 2

Такой переход исходного элемента в соответствующие элементы родственных языков, конечный результат которого изображен на вышеприведенной схеме, осуществляется, очевидно, путем дублирования исходного элемента в диалектах общего языка с позднейшим трансформированием каждого из дублированных элементов в исторически результирующие единицы (см. *Схему 3*):

Схема 3

Приведенная выше схема иллюстрирует развитие исторических структур из постулируемой общей структуры не только в отношении отдельных элементов системы, но и всей системы в целом.

Так называемая схема родословного дерева, которая в традиционной компаративистике представляла происхождение отдельных языков из праязыка, есть по существу некоторая модель, отражающая конечные результаты подобных преобразований исходной системы. Она в сущности отражает отношения между уже сложившимися единицами и указывает лишь направление развития из исходной системы.

В этом смысле модель родословного дерева не противоречит "волновой теории", которая является моделью, отражающей возникновение и распространение инноваций в языке, но не дает схемы окончательных результатов процесса членения языка на отдельные диалекты.

Поэтому неоправдано противопоставление этих двух схем развития лингвистических структур друг другу при оценке преимуществ и недостатков той или другой из них. Каждая из этих схем неполна в определенном смысле, поскольку они отражают лишь различные стороны процесса происхождения и развития структур из исходных и поэтому должны быть объединены как дополнительные по отношению друг к другу схемы диахронических преобразований языков.

Поскольку сравнительно-историческая (диахроническая) лингвистика оперирует понятием исходной языковой системы как существовавшего в пространстве и времени единства отличавшихся друг от друга диалектов, то наряду с ее связями с теорией формальных отношений между языками (структурная типология и проблема языковых универсалий) можно установить известное ее сходство в теории и методах с теорией отношений языка в пространстве (лингвистическая география, ареальная лингвистика, теория языковых контактов)[1].

[1] В этом отношении интересны связи диахронической лингвистики со структурной диалектологией в понимании Вайнрайха (*Weinreich 1954*). "Диасистема" по Вайнрайху это и есть собственно результат реконструкции общей системы для диалектов. В таком понимании сравнительная диалектология в подходе к задачам диахронической реконструкции совпадает со сравнительно-историческим языкознанием. "Диасистема" в структурной диалектологии есть скорее понятие диахроническое и/или метаязыковое, но не синхроническое. Поэтому диасистема не может считаться реальной коммуникативной системой для говорящих на данных диалектах. То, что позволяет представителям различных диалектов понимать друг друга, представляет собой, очевидно, не владение "диасистемой", а знание правил переходов с одного диалекта на другой, правил, предполагающих осмысление существующих между диалектами соотношений на различных уровнях. Как бы ни расценивались эти соотношения носителями другого диалекта, они считают их

7. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБЩЕГО ЯЗЫКА И ПУТЕЙ МИГРАЦИЙ НОСИТЕЛЕЙ ЕГО ДИАЛЕКТОВ. ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ КОМПЛЕКСОВ КУЛЬТУРЫ, ВОССТАНАВЛИВАЕМЫХ ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Родственные языки складываются в результате распада исходной языковой системы вследствие разрыва контактов между носителями отдельных диалектов и распространяются на определенной исторической территории благодаря миграциям носителей этих диалектов. Это предполагает для первоначального ареала распространения общей исходной языковой системы определенную территорию (более компактную по сравнению с географическим распространением исторических родственных языков), с которой и начинались миграции в различные стороны. Самый размер такого предполагаемого ареала, как и процесс постепенного членения этой общности, зависит от характера культуры, географических и экологических условий среды обитания говоривших на общем языке племен. Тем самым определение первоначального ареала распространения реконструируемого общего языка и определение путей миграций и переселения племен, говоривших на диалектах этого общего языка, есть историко-географический аспект собственно лингвистической проблемы членения языковой общности.

Вывод о бóльшей компактности первоначальной территории распространения общей языковой системы по сравнению с историческим ареалом распространения родственных языков подтверждается типологическими данными об исторически засвидетельствованных процессах распространения родственных языков и заселения их носителями бóльших территорий. В таком более обширном ареале распространения позднейших языков выделяется более компактная область, заселенная носителями архаичных диалектов, в языковом отношении ближе всего стоящих к исходной системе (ср. *Bartoli 1925; Sapir 1958; Иванов 1958; Schlerath 1981*).

Индоевропейские языки, распространенные в историческую эпоху на обширной территории Евразии, предполагают некоторый более компактный ареал первоначального распространения общеиндоевропейского языка.

Определение такого ареала, к которому в сущности сводится традиционная проблема индоевропейской "прародины", позволит реконструировать картину "движения древних индоевропейцев", то есть племен—носителей индоевропейских диалектов, в исторические места их обитания

искажениями в отношении своего диалекта. Знание таких соотношений и определяет правила перехода с одного диалекта на другой.

Этот критерий может служить в некотором смысле основой для разграничения диалектов от языков. У носителей родственных языков, в отличие от носителей родственных диалектов, нет, очевидно, знаний о существующих между языками соотношениях, и в силу этого у них нет правил перехода с одного языка на другой. Такие языки расцениваются ими обычно как несвязанные друг с другом самостоятельные системы.

и определить тем самым динамику ареальных соотношений исторических индоевропейских диалектов.

Это предполагает, в первую очередь, установление абсолютной хронологии, хотя бы в некотором приближении, процессов таких миграций, что может быть осуществлено при соотнесении реконструируемой по лингвистическим данным культуры носителей общей языковой системы или отдельных ее диалектных групп с определенными археологическими культурами.

В связи с этим возникает проблема методов соотнесения лингвистических данных с археологическими и историко-культурными; в частности, вопрос о том, можно ли соотносить определенную лингвистическую общность с определенной археологической культурой.

Представляется, что лингвистическую систему можно соотнести с определенной археологической культурой, если эта последняя дает те же реалии, отождествляемые поэлементно, с аналогичными взаимосвязями этих элементов.

Для выполнения этой задачи во всем объеме необходима разработка определенной типологии археологических культур с некоторыми импликациями между отдельными единицами материальной культуры[1].

Если правила импликации, выведенные на археологической культуре, совпадают с правилами импликации для действительности культуры, реконструируемой по лингвистическим данным, то соотнесение этих культур становится более вероятным.

Определенные элементы и признаки устанавливаемых таким образом культур могут и не совпадать, но существенно совпадение целых комплексов при отсутствии несовместимых черт.

Поскольку такие реконструкции (как лингвистические, так и исторические) принципиально неполны, несовпадение определенных компонентов не должно препятствовать их историческому соотнесению.

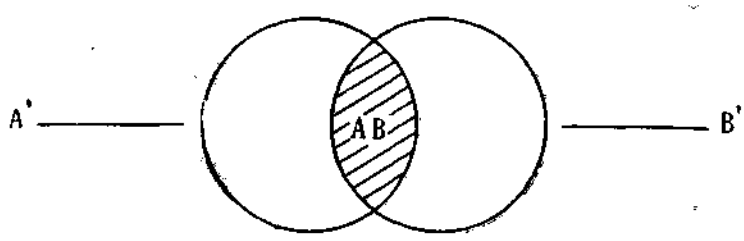
Ввиду ограниченности и неполноты таких реконструкций объем комплекса одного порядка *A* (реконструируемого по лингвистическим данным) может быть шире или у́же объема комплекса другого порядка *B* (устанавливаемого археологически). В таких условиях возможно и пересечение комплексов (с меньшей или бо́льшей археологической частью *B′* или лингвистической частью *A′* за пределами общей части *AB*), *см. Схему 4*.

Существенно при этом, чтобы в несовпадающих частях *A′* и *B′* не обнаружилось таких черт, которые несовместимы друг с другом в силу импликаций внутри каждого из комплексов (в таком случае элемент *a*

[1] В свою очередь, для установления типологии археологических культур необходимо прийти к соглашению об унифицированном описании и записи памятников материальной культуры (ср., например, *Gardin 1965; Гарден 1983; Каменецкий/Маршак/Шер 1975*). Только такого рода унифицированная запись может послужить необходимым предварительным условием для типологического сопоставления различных археологических культур.

одного комплекса *A* предполагает наличие во всем реконструированном комплексе *A* некоторой черты, несовместимой с чертой *b* в комплексе другого порядка *B*, которая либо реконструируется в нем, либо имплицируется другими элементами).

Схема 4

Лингвистической задачей, вытекающей из такой постановки проблемы первоначальной территории распространения общего языка и соотнесения лингвистических реконструкций культуры носителей общего языка с определенной археологической культурой, является последовательный семантический анализ всех тех реконструируемых слов и целых словосочетаний общего языка, которые позволяют судить об индивидуальных чертах материальной и духовной культуры носителей общего языка, характеризующих эту культуру в типологическом противопоставлении другим культурам.

Такой семантический анализ реконструируемых слов и словосочетаний предполагает их соотнесение с обозначаемыми денотатами и определение культурно-экологических и историко-географических характеристик этих денотатов.

На основе предложенных выше принципов анализа языка, а также связанных с ним (и отраженных в нем) явлений духовной и материальной жизни носителей этого языка и его диалектов далее излагается система общеиндоевропейского языка (*Часть I*) и общеиндоевропейской культуры (*Часть II*) в их взаимосвязи и взаимообусловленности на типологическом фоне языков и культур исторически сопредельных ареалов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРУКТУРА ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Si le seul moyen de reconstruire est de comparer réciproquement la comparaison n'a pas d'autre but que d'être une reconstruction. Sous peine d'être stériles, les correspondances constatées entre plusieurs formes doivent être placées dans la perspective du temps et aboutir au rétablissement d'une forme unique

"Если единственное средство реконструкции заключается в сравнении, то в свою очередь у сравнения нет другой цели, кроме реконструкции. Чтобы не быть бесплодными, соответствия, устанавливаемые между различными формами, должны быть помещены во временну́ю перспективу и должны привести к установлению единой праформы"

Férdinand de Saussure, *Cours de linguistique générale*

Typological verification raises the probability of reconstructed phonemic and morphological patterns, and permits changing from a mere numerical catalogue into a more realistic portrayal of the linguistic system

"Типологическая верификация повышает вероятие реконструируемых фонологических и морфологических структур и позволяет перейти от простого перенумерования единиц к более реалистичному изображению языковой системы"

Roman Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics*

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И МОРФОНОЛОГИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТРИ СЕРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ. ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА

1. ТРИ СЕРИИ СМЫЧНЫХ ФОНЕМ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И ПРОБЛЕМА ДЕФЕКТНОСТИ ЛАБИАЛЬНОГО РЯДА

1.1. ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

Для позднеобщеиндоевропейского состояния система смычных реконструируется в соответствии с традицией[1] в виде трех серий и четырех локальных рядов[2]. Ряды объединяют фонемы по тождеству артикуляторных признаков места образования, серии — одного способа образования, то есть в сериях объединяются фонемы гомогенные, но гетероргранные, а в рядах—гоморгранные, но гетерогенные (*Martinet 1955: III, 8; Мартине 1960 : 97*).

Три серии индоевропейских взрывных в традиционном представлении характеризуются как звонкие (*mediae*), звонкие придыха-

[1] Имеется в виду самая распространенная точка зрения на общеиндоевропейский консонантизм, как она излагается, например, в работе *Lehmann 1952*. В более ранних реконструкциях восстанавливалась и четвертая серия взрывных в виде глухих придыхательных, но большинство исследователей, начиная от Соссюра (*Saussure 1892; Соссюр 1977*), в настоящее время отрицают существование четвертой серии глухих придыхательных, считая ее результатом позднейшего развития (*ср. Pedersen 1951*).

[2] Полная система локальных рядов индоевропейских смычных будет разобрана ниже специально в особом разделе, касающемся проблемы наличия в индоевропейском наряду с велярным рядом смычных палатализованного и лабиализованного рядов. Вопрос о количестве локальных рядов в группе так называемых "гуттуральных" фонем, имеющий существенное значение для установления полной системы индоевропейских смычных и решения проблем преобразования их в исторических индоевропейских языках, является нерелевантным при определении фонологического характера трех серий. Определение дифференциальных признаков, противопоставляющих друг другу серии смычных, не находится в прямой связи с установлением фонологического характера рядов в группе "гуттуральных" фонем. Для исследования серий индоевропейских смычных достаточно информации, касающейся трех локальных рядов: лабиального, дентального и велярного, независимо от дальнейшего определения рядов, соотносившихся с велярным. Поэтому в предлагаемой ниже фонологической записи до особого раздела главы II (специально разбирающего вопрос о количестве рядов "гуттуральных") палатализованные и велярные гуттуральные будут обозначаться едиными символами (в традиционной записи g—$\hat{g}$, g^h—$\hat{g}^h$, k—$\hat{k}$).

тельные *(mediae aspiratae)* и глухие *(tenues)*, а локальные ряды — как лабиальный, дентальный, велярный и лабиовелярный *(см. Табл. 1)*:

ТАБЛИЦА 1

ТРАДИЦИОННАЯ («КЛАССИЧЕСКАЯ») СИСТЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

I	II	III
(b)	bh	p
d	dh	t
g	gh	k
g^w	g^wh	k^w

В традиционно реконструируемой системе обращает на себя внимание неравномерное заполнение лабиального ряда в серии "звонких". Уже Педерсеном *(Pedersen 1951)* было замечено, что в реконструируемой в таком виде индоевропейской системе отсутствует билабиальная звонкая фонема ***b** при наличии большого числа примеров с фонемами ***g** и ***d**. Все формы, приводимые для иллюстрации наличия звонкого ***b** в индоевропейском, устраняются Педерсеном как неубедительные. В частности, он показывает, что в сопоставляемых обычно формах др.-инд. *bálam* 'сила', греч. βελτίων 'лучше', ст.-слав. *bolьjь* 'более' могут быть этимологически связаны друг с другом, возможно, только древнеиндийская и славянская формы, если др.-инд. *bálam* не заимствовано из дравидийского *(Барроу 1976 : 358, 360, 374)*. Можно говорить о почти полном отсутствии форм, которые бесспорно возводятся к ***b** *(ср. Хамп 1954 : 40)*. Не в начальной позиции индоевропейское ***b** усматривается, вплоть до работ последнего времени *(ср. Szemerényi 1970 : 51, 7.1.2)*, лишь в двух формах:

Гот. *diups* 'глубокий', лит. *dubùs* 'глубокий', 'полый', ст.-слав. *dъbrъ* 'ущелье', 'лощина', галл. *Dubno-rīx* 'Царь мира', др.-ирл. *domun* 'мир'. Эта группа соответствий охватывает лишь одну (западную) группу индоевропейских диалектов, причем исконный характер этой фонемы определяется только на основании германского. Не исключено, что глухая фонема *p* в готской форме и в других германских языках является результатом комбинаторного оглушения *b* из ***bh**. Примечательно при этом, что близкая к этим формам греческая βυθός 'глубина', 'пучина' предполагает своего рода дублеты ***budh-/*bhudh-** с вероятной метатезой первоначальных звонких фонем, ср. греч. πυθμήν 'глубина' *(Chantraine 1968, 1 : 201)*. Рассмотренные формы не дают бесспорного основания для реконструкции неначального ***b-** в индоевропейском, *ср. Трубачев 1978. 5 : 175*.

Другим примером, иллюстрирующим возможное наличие ***b**, могут служить формы: исл., норв. *slapa* 'вялый', 'свисающий', ст.-слав. *slabъ* 'слабый', лит. *slobstù*, *slõbti* 'слабеть', сопоставляемые обычно с лат. *labor*, *lapsus* 'скользить', 'поскользнуться' *(Pokorny 1959 : 655)*. В данном случае тоже наблюдается ареальное ограничение соответствий, что

указывает на более поздний период возникновения этих форм, не относящихся к общеиндоевропейской эпохе.

Однако, даже при допущении возможности наличия общеиндоевропейского *b в рассмотренных выше формах, не может не броситься в глаза количественное несоответствие общеиндоевропейских форм с фонемой *b по сравнению с формами, включающими фонемы *d и *g. По словарю Покорного, согласно нашим подсчетам, в общеиндоевропейских словоформах *d и *g встречаются каждая свыше 250 раз[1].

1.2. РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ Х. ПЕДЕРСЕНОМ

Уже Педерсен на основании устанавливаемого им отсутствия (или, возможно, крайне редкой встречаемости) *b в общеиндоевропейском впервые ставит вопрос о возможной реинтерпретации этой серии взрывных, реконструируемой традиционно как "звонкие", и о рассмотрении их в качестве "незвонких" (глухих), поскольку существование языка, в котором было утеряно *b* при сохранении *d* и *g*, ему представляется маловероятным, тогда как можно привести множество примеров языков, теряющих глухую лабиальную фонему *p* при сохранении *k* и *t*. На этом основании Педерсен предлагает смелую для того времени реинтерпретацию традиционно восстанавливаемой системы индоевропейского консонантизма как системы, где фонемы серии I и серии III меняются местами в отношении признака глухости~звонкости, то есть признак звонкости приписывается фонемам серии III, а признак глухости — серии I, при представлении серии II как возможных глухих придыхательных (*см. Табл. 2*).

Постулируемую таким образом систему консонантизма Педерсен приписывает раннеиндоевропейскому (или "праиндоевропейскому") языку (*Vorindoeuropäisch*). Эта система преобразуется в традиционно восстанавливаемую систему уже в общеиндоевропейском языке (*Gemeinindoeuropäisch*). При этом он приводит в качестве типологического примера развитие глухих и звонких в восточных и западных армянских диалектах (*Pedersen 1951*).

Представляется, что такая процедура перевода восстанавливаемой Педерсеном "раннеиндоевропейской" системы в традиционно постулируе-

[1] Расхождение с предлагаемой статистикой в работах Жюкуа (*Jucquois 1966 : 61* и *Jucquois 1971*), где частотность *d* определяется как 83, а частотность *g* — как 70 (при b — 31), объясняется, очевидно, тем, что в отличие от наших подсчетов Жюкуа считал частотность по словарю Покорного только в корневых морфемах (имея в виду корень по Бенвенисту). Частотные данные о фонемах, полученные по словарю Покорного, не отражают, по-видимому, абсолютных соотношений в общеиндоевропейском, поскольку у Покорного дается и лексика позднего происхождения, возникшая в отдельных индоевропейских диалектах. Этим и объясняется то, что частотность *b* в индоевропейских формах по Покорному намного превышает реальное количество древних индоевропейских форм с **b*, возможные примеры которых были рассмотрены выше. По нашим подсчетам, *b*—78, по Жюкуа —31. Но и эти данные, полученные с учетом всех приводимых в словаре Покорного форм — как общеиндоевропейских, так и более позднего происхождения —характерны в смысле частотного соотношения: частотность **d* и **g* значительно превышает частотность **b*.

мую общеиндоевропейскую систему диктовалась трудностью вывода исторически засвидетельствованных систем консонантизма из предлагаемой Педерсеном системы.

ТАБЛИЦА 2

(1) ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА			⟶	(2) СИСТЕМА ПЕДЕРСЕНА		
I	II	III		I	II	III
—	b^h	p		—	p^h	b
d	d^h	t		t	t^h	d
g	g^h	k		k	k^h	g

Традиционно реконструируемая система, находящаяся, как выявляется, в противоречии с синхронными типологическими данными (что впервые было замечено Педерсеном), обладает, однако, свойством диахронической выводимости: эта система характеризуется тем, что из нее можно легко и непротиворечиво вывести системы исторически засвидетельствованных индоевропейских языков при допущении типологически верифицируемых фонологических преобразований, то есть преобразований, подтверждаемых на примере исторического развития многих засвидетельствованных языков[1].

Перевод Педерсеном системы (2), постулируемой для раннеиндоевропейского, в традиционную систему (1), приписываемую им общеиндоевропейскому, по существу не меняет традиционной концепции индоевропейского консонантизма, поскольку все индоевропейские языки выводятся из традиционной системы, характеризуемой внутренними противоречиями синхронно-типологического порядка. Тем самым Педерсен сводит на нет предложенную им же самим реинтерпретацию общеиндоевропейской системы, превращая ее лишь в дополнительную надстройку к традиционной схеме индоевропейского консонантизма. Вероятно поэтому, за исключением отдельных замечаний[2], линия эта в дальнейшем не была продолжена в индоевропейской сравнительной грамматике[3].

[1] Это, возможно, и послужило одной из причин того, что традиционно реконструируемая система индоевропейского консонантизма в течение длительного времени рассматривалась как исходная для исторически засвидетельствованных диалектов, хотя на поверку она оказывается противоречивой с точки зрения синхронной типологии.

[2] *Ср. Martinet 1953b : 70*. Мартине предлагает своеобразную интерпретацию древней серии звонких в индоевропейском в качестве глоттализованных, см. об этом ниже. Модель индоевропейского консонантизма Педерсена принимается *Меликишвили И. 1971 : 216*, с той лишь разницей, что на месте традиционных звонких смычных постулируются не чистые глухие (незвонкие), а соответствующие придыхательные (при отклонении глоттализованных) как более маркированные по сравнению с чистыми глухими смычными.

[3] Только в самое последнее время традиционной системе индоевропейского консонантизма стали противопоставлять альтернативные модели на основании соображений простоты описания (*ср. Emonds 1972*).

2. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРЕХ СЕРИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

2.1. НЕСООТВЕТСТВИЕ «КЛАССИЧЕСКОЙ» ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СМЫЧНЫХ ДАННЫМ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Традиционная картина индоевропейского консонантизма была создана на заре развития индоевропейской сравнительной грамматики и совпадала в основном с системой консонантизма языков с древнейшими литературными традициями, каковыми являлись древнеиндийский и отчасти классические языки—древнегреческий и латинский. Эти языки, обладавшие особым престижем, как это часто бывало в сравнительной индоевропейской грамматике, определяли фактически облик реконструируемой системы.

Языковые системы, в которых обнаруживалось отличие от систем "престижных" языков, объяснялись как результат преобразования исходной системы, которая мыслилась в целом как тождественная системам языков с древней традицией. Этим объясняется то, что Я. Гримм, устанавливавший вслед за Р. Раском систему соответствий между германскими и классическими языками, рассматривал германское состояние как результат изменения, "передвижения" (*Lautverschiebung*) исходных индоевропейских фонем. Эта точка зрения, переходящая из поколения в поколение индоевропеистов, бытует в сравнительной грамматике индоевропейских языков и по сей день.

Нетрудно видеть, что такая картина не является результатом проведения определенного лингвистического анализа, а представляется скорее продуктом исторической случайности, объясняемой престижем языков с древней литературной традицией. Структуры, обнаруживаемые в этих последних языках, возводились к общеиндоевропейской давности, тогда как структуры других индоевропейских языков объявлялись результатом преобразования и перестройки общеиндоевропейской системы.

Неправомерность такого подхода довольно рано была обнаружена в отношении индоевропейского вокализма: древнеиндийский вокализм оказался вторичным по отношению к вокализму других индоевропейских языков, не отражающим общеиндоевропейское состояние. Однако в отношении индоевропейского консонантизма общеиндоевропейский характер древнеиндийской системы смычных, а также частично греческой и латинской, не вызывал сомнений у большинства исследователей.

Хотя традиционно реконструируемая система индоевропейских смычных и обладает свойством диахронической выводимости, но она не характеризуется свойством соответствия данным синхронной типологии.

Несоответствие это заключается прежде всего в отсутствии (resp. крайне низкой частоте) звонкой лабиальной фонемы ***b** серии I.

Согласно новейшим данным синхронной типологии (*ср. Greenberg 1966; 1970; Напр 1970а; Меликишвили И. 1972; 1974; 1976; Campbell 1973*), в системах с противопоставлением смычных по звонкости~глухости в серии звонких "маркированным" (т. е. рецессивным) является велярный

член *g*, "немаркированным" (т. е. доминантным) — лабиальный *b*, тогда как в серии (resp. сериях) глухих, наоборот, рецессивным является лабиальный член *p*, доминантным — велярный член *k*.

В соответствии с этими соотношениями распределяются и частоты определенных фонем, а также пустые клетки в системе смычных. "Рецессивный" член отношения характеризуется, как правило, более низкой частотой употребления, чем "доминантный". В ряде систем низкая частота "рецессивной" фонемы может приравниваться к нулю, что дает пробел в соответствующем месте фонологической системы[1].

В согласии с этими данными можно ожидать существования систем смычных типа (*A*), (*B*), (*C*), *Меликишвили И. 1972:*

(*A*)	b	p	(*B*)	b	—	(*C*)	b	—
	d	t		d	t		d	t
	—	k		g	k		—	k

В таких системах отсутствуют (или отличаются редкой встречаемостью) "рецессивные" фонемы —звонкая велярная *g* и глухая лабиальная *p*[2].

[1] Небезынтересно заметить, что отмечаемая невозможность пробела на месте лабиального члена в серии звонких и вероятность такого пробела в серии глухих являются в сущности подтверждением мысли Педерсена, высказанной им в форме диахронического утверждения о невозможности языковой системы с утерей в серии звонких лабиального *b* и распространенности языков, утерявших глухую лабиальную фонему *p*. Значение идей Педерсена в свете типологических наблюдений Гринберга отмечается уже в заметке *Hamp 1970a*.

[2] Язык лифу приводится в некоторых случаях для иллюстрации "пробела в системе" в серии звонких на месте лабиального *b*, что противоречит устанавливаемой закономерности немаркированного характера лабиального члена в серии звонких фонем в противовес велярному ее члену (*Martinet 1955 : III, 36; Мартине 1960 : 123—124, 137*). Предполагаемый пробел на месте фонемы *b* в лифу устанавливается в диахронии Ленорманом на том основании, что фонема /b/ в лифу выступает в словах иноязычного происхождения, заимствованных из европейских или соседних меланезийских и полинезийских языков, тогда как фонемы /d/ и /g/, а также глухие /p/, /t/, /k/ встречаются в исконных формах лифу (*Lenormand 1952*). Однако подобное предположение не отражает действительного положения вещей в диахронии, поскольку оно не учитывает происхождения серии звонких смычных в лифу. Согласно Одрикуру (*Haudricourt 1971 : 380—184, 392—393* и таблицы соответствий 30 и 31), те фонемы, которые в лифу сейчас выступают как звонкие, в недавнем прошлом были полуносовыми, ср. лифу *ḏən* "листья" < *ⁿḏau*, фиджи *ⁿḏau* (*ⁿḏ*—полуносовой какуминальный смычный), лифу *maḏa* 'кровь', фиджи *ⁿḏaa*. Параллельно реконструируемому для лифу развитию *ⁿḏ*>*ḏ*, *ᵐb*>*b* предполагается развитие * *p*>*h*>*ø* (*-ø-* в интервокальном положении, ср. развитие *-p-* в армянском). В этой связи было бы интересно детальнее исследовать вопрос о соответствиях звонких смычных /d g/ языка лифу фонемам других родственных восточноавстронезийских языков: ср. в частности систему фонем фиджийского языка, в которой в исконно меланезийских словах отсутствует глухой губной /p/, обнаруживающийся только в заимствованиях (как *b* в лифу) при наличии двух других фонем той же серии /t/, /k/ и при полном заполнении всех клеток серии звонких /b/, /d/, /g/, тогда как в родственных полинезийских языках имеется только серия глухих (исключение составляет тонга, в котором наличие звонких объясняли влиянием фиджийского языка), *ср. Dempwolff 1920; Dyen 1965*.

Аналогичные отношения "доминации" можно установить между различными сериями смычных в подсистеме глухих. Максимальной маркированностью в подсистеме незвонких (т. е. глухих смычных) отличается серия глоттализованных[1], которая является более маркированной, чем серия придыхательных. Серия придыхательных, в свою очередь, является более маркированной, чем серия чистых глухих. Иерархическую последовательность по возрастающей маркированности можно представить в виде ряда: чистая глухая ~ аспирированная глухая ~ глоттализованная глухая (*Greenberg 1966*).

В соответствии с этим наибольшей маркированностью в рассматриваемых сериях характеризуется лабиальный член *p'* в серии глоттализованных, что и проявляется в его крайней редкости или полном отсутствии во многих языковых системах, обнаруживающих серию глоттализованных, *Greenberg 1970; Hamp 1970a* (например, в ряде северокавказских языков, во многих африканских и американских индейских языках, в которых *p'* вовсе отсутствует, образуя пустую клетку—пробел в системе). В соответствии с такими закономерностями выделяются системы типа *B'*, *C'* или *A'*, тогда как системы типа *D* или *D'*[2] представляют крайне редкие исключения (*Гамкрелидзе 1974 : 14—15*):

(*A'*)	b	p^h	—	(*B'*)	b	—	—	(*C'*)	p	—	—
	d	t^h	t'		d	t^h	t'		t	t^h	t'
	g	k^h	k'		g	k^h	k'		k	k^h	k'

(*D*)	b	—	p'	(*D'*)	p	—	p'
	d	t^h	t'		t	t^h	t'
	g	k^h	k'		k	k^h	k'

Следующим несоответствием традиционно реконструируемой системы индоевропейских смычных синхронным типологическим данным является отмечаемое Якобсоном отсутствие в этой системе серии глухих придыхательных фонем при наличии серии звонких придыхательных (*Jakobson 1957a*). Не обнаруживаются языки с серией звонких придыхательных без

Смешанный характер языка лифу подчеркивался уже Габеленцем (*Gabelentz 1891: 273*), установившим его принадлежность к меланезийским (*Gabelentz 1873*), а в некоторых случаях позволял даже говорить о его большей близости к папуасским языкам (*Müller 1882 : 69, примеч.*), ср. примеры слов лифу, выпадающих из закономерных соответствий (*Kahlo 1960 : 28—29*).

Характерно, что для иллюстрации пробела в фонологической системе Мартине в своем известном исследовании приводит самый нехарактерный пример, относящийся к языку лифу, в котором ни на одном этапе не реконструируется отсутствие *b*. Любопытно, что именно этот пример в дальнейшем попадает в различные пособия как характерная иллюстрация "пробела" в фонологической системе.

[1] Термин "глоттализованный" употребляется нами в узком смысле "смычногортанных" или "эективных" (*ср. Ladefoged 1971 : 16 и след.*).

[2] Такая система с пробелом на месте лабиального аспирированного члена (вместо закономерно ожидаемого глоттализованного) обнаруживается в одном из диалектов языка галла (*см. Andrzejewski 1957; Sasse 1973*).

одновременного наличия в системе серии глухих придыхательных[1]. В этом смысле традиционно реконструируемая система индоевропейских смычных находится в явном противоречии с данными синхронной типологии[2].

2.2. РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИСТЕМЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ. ГЛОТТАЛИЗАЦИЯ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИЗНАК ДЕФЕКТНОЙ СЕРИИ СМЫЧНЫХ

Указанные несоответствия традиционно реконструируемой системы индоевропейских смычных и данные синхронной типологии требуют пересмотра ее с целью приведения этой системы в соответствие с данными синхронной типологии. При этом такая реинтерпретация индоевропейской системы смычных должна проводиться с учетом диахронической выводимости системы, предполагающей непротиворечивое, типологически верифици-

[1] В последнее время предлагаемая универсалия Якобсона оспаривается Р. Бластом на основании материала одного из австронезийских языков — келабит *(Blust 1973)*. В этом языке выделяются явно три серии смычных, которые интерпретируются автором как звонкие /b d g/, глухие /p t k/ и звонкие придыхательные /b^h d^h g^h/. К сожалению, в работе не дается точного фонетического описания соответствующих звуков, которое позволило бы вывести существование подобных рядов смычных. Однако уже на основании приводимого им фактического материала можно интерпретировать эти ряды не как звонкие, глухие и звонкие придыхательные, а как соответственно звонкие /b d g/ (с комбинаторными вариантами [b], [d], [g] и [-bb-], [-dd-], [-gg-], в позиции после ударного ə́), глухие /p t k/ (с комбинаторными вариантами [p], [t], [k] и [-pp-], [-tt-], [-kk-] в позиции после ударного ə́) и полузвонкие /b d g/ (с комбинаторными вариантами [b], [d], [g] и [-bp-], [-dt-], [-gk-] в позиции после ударного гласного). Характерно, что сам автор отмечает факультативность "придыхательности" (точнее, глухого начала следующего за ним гласного) в произношении гемминированных вариантов этих фонем. В данном случае, очевидно, следует говорить не о фонологической придыхательности звонкого ряда смычных, а об их фонологической полузвонкости и соответственно бóльшей интенсивности по сравнению с чистыми звонкими, что проявляется в определенных позициях в наличии последовательности -bp[^{h}]-, -dt[^{h}]-, -gk[^{h}]- (после любого ударного гласного), то есть сочетание ненапряженного звонкого с напряженным глухим, ср. чередующиеся варианты в формах типа *tə́p*[^{h}]*ən* 'рубка леса' ~ *təbə́nnə́n* 'руби!'.
Такая интерпретация полузвонких в келабит находит ближайшую структурную параллель в севернокитайских диалектах с полузвонкими фонемами /b d g/, каждая из которых представлена двумя вариантами: соответственно звонкими [b d g] и последовательностями сегментов [-pb-], [-td-], [-kg-], *Поливанов 1928*; *1968*: *68* и *250—251*.
Структурные отличия этого ряда от келабит сводятся лишь к дистрибутивным особенностям распределения вариантов и к порядку следования глухих и звонких сегментов в пределах комбинаторного варианта: звонкий вариант проявляется в севернокитайском в интервокальном положении, тогда как глухо-звонкий вариант — в начальной позиции в слове. Полное отсутствие элемента придыхания в глухо-звонком варианте в севернокитайском объясняется порядком сегмента *глухой—звонкий*, тогда как в келабит обратная последовательность: *звонкий—глухой* естественным образом допускает факультативную придыхательность, сказывающуюся в глухости начального сегмента следующего гласного.

[2] На этом основании Семереньи *(Szemerényi 1967 : 94 и след.; 1970; 1972 : 134)* пытается реконструировать четвертую серию глухих придыхательных фонем в индоевропейском, возвращаясь тем самым к старым построениям Бругмана (ср. также *Back 1979*). Такой метод постулирования четвертой серии представляется неоправданным с точки зрения сравнительного анализа, поскольку глухие придыхательные в индоиранском и других диалектах носят явные следы комбинаторного происхождения.

руемое выведение из постулируемой системы всех исторически засвидетельствованных структур. Особое значение при подобной реинтерпретации имеет такое определение дифференциальных признаков, противопоставляющих три серии индоевропейских смычных, которое бы соответствовало данным как синхронной, так и диахронической типологии[1].

Рассмотрим последовательно каждую из серий в традиционно реконструируемой системе (*Система I*) в их взаимосвязи друг с другом.

Отмеченное Якобсоном несоответствие традиционно восстанавливаемой системы индоевропейского консонантизма типологическим данным, состоящее в отсутствии глухих придыхательных при наличии звонких придыхательных, устраняется при реинтерпретации серии III ("глухих") в качестве глухих придыхательных фонем; такая реинтерпретация проводится и с учетом отражения этой серии в ряде исторических индоевропейских языков. Тем самым глухие придыхательные — серия III — оказываются в системе рядом со звонкими придыхательными — серия II, что приводит традиционную систему в этом отношении в полное соответствие с синхронными типологическими данными при учете естественности вывода из нее конкретных исторических систем.

Реинтерпретация серии III в качестве глухих придыхательных естественно ставит вопрос о соотношении ее с другими, с нею связанными сериями системы, в частности с серией I, которая должна быть переинтерпретирована уже вследствие того, что дана новая интерпретация серии III. Вместе с тем, серия I и в силу своих внутренних особенностей требует переинтерпретации и приведения ее в соответствие с синхронными типологическими данными.

Серия I, традиционно реконструируемая как звонкая, должна быть переинтерпретирована как серия незвонких, ввиду дефектности лабиального члена. Как указано выше, лабиальный член является дефектным (то есть отсутствует или характеризуется низкой текстовой и системной частотностью) и соответственно рецессивным в сериях незвонких смычных. При этом наиболее маркированной среди этих серий, как было показано Гринбергом (*Greenberg 1970*), является серия глоттализованных, характеризующаяся обычно полным отсутствием или крайне низкой частотой лабиального члена *p'*. Эта универсально значимая особенность серии глоттализованных сразу же ставит вопрос о возможном фо-

[1] В дальнейшем изложении рассматривается только вопрос о противопоставлении серий внутри трех локальных рядов (лабиального, дентального, велярного), представляющихся несомненными. Вопрос же о возможно полном наборе (или числе) рядов "гуттуральных" для индоевропейского и отдельных групп диалектов, как было указано выше, сам по себе не имеет значения для данной проблемы и будет особо рассмотрен нами при полном описании системы смычных индоевропейского языка. При этом следует иметь в виду, что выводы, сделанные в отношении велярного ряда с точки зрения его заполнения по сериям, сохраняют свою значимость и в отношении других "гуттуральных" рядов, соотносимых с велярными. Поэтому в нашем обозначении на данном этапе все возможные ряды "гуттуральных" покрываются едиными символами ("cover-symbol") G, G^h, K, обозначающими как велярные фонемы, так и соответствующие по сериям фонемы других возможных "гуттуральных" рядов.

нологическом характере серии I индоевропейских смычных с дефектным лабиальным членом. При этом обращает на себя внимание то, что серия I характеризуется более низкой частотностью, чем серия II и тем более серия III. По подсчетам Жюкуа (*Jucquois 1966*), общая частотность фонем серий I, II и III в корневых морфемах выражается следующими процентными соотношениями:

Серия I —6,2%
Серия II— 8,9%
Серия III—17,7%

(что соответствует абсолютным цифрам, отражающим частотность употребления фонем этих серий в индоевропейских словоформах по Покорному —согласно подсчетам, проведенным нами).

Уже эти частотные соотношения употребления индоевропейских фонем ставят под сомнение традиционную интерпретацию этих фонем соответственно как звонких ~ звонких придыхательных ~ глухих. Серия звонких придыхательных, будучи типологически маркированной по отношению к серии звонких, не может характеризоваться более высокой частотностью, согласно универсально значимому частотному выражению отношения маркированности. При интерпретации серии I в качестве глоттализованных частотные характеристики этих трех серий оказываются в полном соответствии с типологически устанавливаемыми соотношениями частотности для глоттализованных в их отношении к другим незвонким сериям фонологической системы, в частности к глухим придыхательным и чистым глухим.

Интерпретация серии смычных III как глухих придыхательных, основывающаяся прежде всего на типологических соображениях, а также характере отражения этой серии в исторических языках, заставляет интерпретировать фонемы серии I с дефектным лабиальным членом, определяемые типологически в общем как незвонкие, именно как глоттализованные, а не как, допустим, чистые глухие или глухие придыхательные. Две последние интерпретации исключаются уже на том основании, что в подсистеме незвонких смычных глоттализованная серия является наиболее маркированной по сравнению с сериями аспирированных и чистых глухих фонем. В свою очередь, серия аспирированных является более маркированной, чем серия чистых глухих. При этом, если в подсистеме незвонких смычных отсутствует один лабиальный член, то это должно быть по необходимости в серии глоттализованных, а не в серии придыхательных и тем более в серии чистых глухих (см. выше, стр. 11).

Таким образом, дефектность лабиальной фонемы серии I индоевропейских смычных, при интерпретации серии III в качестве глухих придыхательных и при указанных частотных соотношениях, заставляет интерпретировать серию I как серию глоттализованных (эктивных или смычногортанных) фонем. Индоевропейская система смычных в такой интерпретации принимает следующий вид:

ТАБЛИЦА 3

I	II	III
(p*)	b^h	p^h
t'	d^h	t^h
K'	G^h	K^h

Определение в такой системе фонем серии II в качестве звонких придыхательных ставит вопрос о фонетической реальности соответствующих звуков. Основываясь на типологическом сопоставлении с современными индоарийскими языками (*Catford 1964; 1977 : 106; Ladefoged 1967 : 9*), в индоевропейских фонемах, определяемых традиционно как звонкие придыхательные, усматривают особого типа смычные согласные с "шепотной рекурсией" (murmured release), определяемые наличием при их произнесении "звонкого выдыхания" (breathy voice), *Ladefoged 1971 : 12; Lass 1974; Hopper 1973; Butler 1974*.

С фонологической точки зрения существенно то, что в системах с подобными фонемами серия этих фонем находится в коррелятивном противопоставлении серии глухих придыхательных. Тем самым фонологически они могут быть определены как звонкие (неглухие) придыхательные, фонетически реализуемые как звонкие или полузвонкие смычные (ср. грузинские звонкие смычные) с сопутствующим придыханием. Такое придыхание фонетически может быть и звонким, осуществляемым при вибрации голосовых связок (или отдельных их частей — при раздвинутости другой части голосовых связок). При этом такие звуки характеризуются интенсивностью артикуляции. Примером таких звуков могут быть "звонкие придыхательные" в некоторых современных армянских диалектах[1].

Постулируемая система смычных для индоевропейского языка полностью соответствует синхронным типологическим данным: дефектность лабиальной глоттализованной фонемы, которая является функционально самым слабым членом в группе незвонких согласных; наличие в системе глухих аспирированных при звонких аспирированных; частотные соотношения между отдельными сериями системы, отражающие возрастающую маркированность последовательности глухие придыхательные ~ звонкие придыхательные ~ глоттализованные[2].

[1] Ср. об армянском *Allen 1951*; о придыхательных в гуджарати см. *Fischer-Jørgensen 1968 : 88—89; Елизаренкова 1974 : 180—181*; ср. также *Ternes 1973 : 20*.

[2] Такая система общеиндоевропейских смычных была предложена нами в 1972 г. (*см. Гамкрелидзе / Иванов 1972; Gamkrelidze / Ivanov 1973; ср. также Гамкрелидзе 1977; Gamkrelidze 1976*). Аналогичная система индоевропейских смычных реконструируется и в работах Хоппера (*Hopper 1973; 1977*). Возможность интерпретации дефектного ряда смычных в качестве древних глоттализованных была вскользь отмечена ранее Мартине в исследовании, посвященном специально семитским согласным (*Martinet 1953b : 70*). Глоттализованные смычные предлагаются и в не вполне ясных и понятных с типологической точки зрения индоевропейских построениях у *Широкова 1972*.
Излагаемая выше концепция индоевропейского консонантизма стала именоваться в зарубежной науке "Глоттальной теорией" (Glottalic theory), *Bomhard 1979*. В последнее вре-

2.3. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСТУЛИРУЕМОЙ СИСТЕМЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

В постулируемой системе индоевропейских смычных признак аспирации является, в сущности, фонологически нерелевантным, поскольку серия II и серия III противопоставляются друг другу не аспирацией, а по признаку звонкости~глухости. Признак аспирации следует рассматривать в данных сериях как сопутствующий фонетический признак фонем. Со строго фонологической точки зрения можно было бы охарактеризовать эти три серии как: I глоттализованную ~ II звонкую ~ III глухую. Однако фонетический признак аспирации является существенным признаком фонем серий II и III, объясняющим их исторические преобразования и окончательные рефлексы в исторических языках. Такие фонетические признаки играют особую роль при диахронических фонемных преобразованиях, и учет их наряду с собственно фонологическими признаками необходим при реконструкции фонологических систем.

Из нерелевантности признака аспирации в фонемах серий II и III вытекает возможность их реализации в виде звуковых вариантов без сопутствующего придыхания. Тем самым придыхательный и соответствующий непридыхательный звуки могли проявляться как комбинаторные варианты соответствующих фонем. Соответственно каждая фонема серий II и III могла выступать в виде двух своих комбинаторных аллофонов: аспирированного или неаспирированного, в зависимости от позиций в слове[1].

Система, изображенная на *Табл. 3*, может быть представлена в соответствии с указанием фонетических вариантов реконструируемых фонем *(см. Табл. 4)*:

ТАБЛИЦА 4

I	II	III
(p')	b^h/b	p^h/ p
t'	d^h/d	t^h/ t
K'	G^h/G	K^h/K

Постулируемая в таком виде индоевропейская система смычных, типологически вероятная с точки зрения соотношений в отдельных фонемных сериях, может считаться типологически реальной и в целом. Система такого типа с противопоставлением смычных по признакам глоттализации и звонкости~глухости весьма распространена во многих исторически зас-

мя аналогичную точку зрения на первоначальный характер индоевропейской звонкой серии смычных высказывает и *Haudricourt 1975* (однако без упоминания своих предшественников).

[1] *Gamkrelidze 1976; Гамкрелидзе 1977;* ср. также *Normier 1977*.

видетельствованных языках. Примером системы со звонкими придыхательными и чистыми звонкими в качестве вариантов единой фонемы могут служить современные армянские диалекты, в которых звонкие придыхательные и звонкие выступают в качестве позиционно обусловленных вариантов общей фонемной единицы (*ср. Allen 1951; Джаукян 1967b : 78—81*). Существование подобных систем может служить хорошим типологическим подтверждением реальности предлагаемой нами структуры индоевропейских смычных с придыхательными и непридыхательными звуками в качестве вариантов одних и тех же фонем.

ТАБЛИЦА 5

ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ ФОНЕМ*

	(p')	t'	K'	b^h	d^h	G^h	p^h	t^h	K^h
Слоговость ~ Неслоговость	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Смычность ~ Фрикативность	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Звонкость ~ Незвонкость	(—)	(—)	(—)	+	+	+	—	—	—
Глоттализованность	+	+	+	(—)	(—)	(—)	—	—	—
Лабиальность	+	(—)	(—)	(—)		—	—	—)	(—)
Дентальность	(—)	+	(—)	(—)	+	(—)	(—)	+	(—)
Велярность	(—)	(—)	+	(—	(—)	+	(—)	(—)	+
Аспирированность	(—)	(—)	(—)	±	±	±	±	±	±

* ПРИМЕЧАНИЕ. В матрице учитываются не только фонологически релевантные признаки фонем, но и их фонетические признаки, существенные для понимания функционирования их в системе общеиндоевропейского языка и для описания их диахронических преобразований в системы исторических индоевропейских диалектов.

3. ФОНОТАКТИКА И ПРАВИЛА СОЧЕТАЕМОСТИ ФОНЕМ РАЗЛИЧНЫХ СЕРИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

3.1. ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ

Варианты смычных фонем должны были проявляться в зависимости от позиций в слове при сочетании фонем друг с другом в контактной или дистантной последовательности. Контактная последовательность предполагает непосредственное сочетание двух или более фонем, тогда как дистантная последовательность имеет в виду последовательность двух фонем, разделенных одной (гласной) или более фонемами в пределах предполагаемой

основы. При этом дистантная последовательность может превращаться в контактную при выпадении гласной в формах с нулевой огласовкой.

Основные правила фонотактики индоевропейских смычных в пределах основы могут быть сформулированы в виде запретов и ограничений, налагаемых на сочетаемость фонемных единиц или отдельных признаков. Основным ограничением, налагаемым на всю подсистему смычных, является запрет на сочетание идентичных фонем в пределах индоевропейского корня, что может быть сформулировано в виде правила (1):

(1) Две смычные фонемы с одинаковыми наборами дифференциальных признаков несовместимы в пределах одного корня структуры C_1VC_2- (*невозможность корня типа* T_1ET_2[1], *где* $T_1 = T_2$[2]).

Первым ограничением совместимости фонем в пределах индоевропейского корня является запрет на сочетание в дистантной последовательности двух фонем серии I[3], то есть двух глоттализованных согласных:

(2) Две глоттализованные смычные согласные (то есть согласные серии I индоевропейских смычных) несовместимы в пределах одного корня структуры C_1VC_2- *(невозможность корня типа *t'ek'-, т. е. корня типа *deg- в традиционной системе).*

Подобное ограничение в индоевропейских корнях на сочетание в пределах одной морфемы двух глоттализованных согласных находит широкие типологические параллели в языках с глоттализованными согласными.

Так, например, в исконно картвельских словах не сочетаются в пределах одного корня две неидентичные глоттализованные согласные. Аналогичное ограничение наблюдается в сэлишском языке сушвоп (Британская Колумбия), в котором в корне структуры C_1VC_2- (а также C_1RVC_2-, C_1VRC_2-) при глоттализованном характере C_2 невозможна глоттализованность C_1 *(Kuipers 1974 : 23)*, и в ряде других американдейских языков — майя (юкатекский диалект, *Straight 1972 : 59)*, кечуа *(Царенко 1972 : 100; 1973 : 82; 1974a : 19; 1974b : 95; Rowe 1950 : 139—140; Orr)*

[1] Здесь и далее символ T означает любой смычный, $T^{[h]}$ —любой глухой (придыхательный), T' — любой глоттализованный, $D^{[h]}$—любой звонкий (придыхательный), то есть каждый символ является представителем всей серии смычных. Поэтому запись типа $T^{[h]}ET'$- или $T'ET^{[h]}$- предполагает сочетаемость в корне всех возможных единиц данной фонемной серии за исключением комбинации двух идентичных фонем, запрет на сочетаемость которых предусматривается правилом (1).

[2] Есть основания считать, что правило (1), предполагающее запрет на сочетание двух идентичных смычных, *ср. уже Benveniste 1935 : 170—171; Бенвенист 1955 : 201—202*, есть частный случай более общего правила (1'), предполагающего запрет в корне структуры *CVC*- сочетания двух фонем одного и того же локального ряда. По-видимому, при сочетании фонем в индоевропейском корне действовал принцип гетерорганности комбинируемых фонем. Это правило будет детально разобрано нами ниже при анализе специально проблемы рядов индоевропейских смычных. В данном случае нас интересует в основном проблема характера серий индоевропейских смычных и отношений между этими сериями.

[3] Это правило было в явной форме (для предполагавшихся звонких) сформулировано уже у *Meillet 1937; Meйe 1938 : 191;* ср. также *Lehmann 1952; Ammer 1952; Szemerényi 1970; Jucquois 1966.*

Longacre 1968: 529 — 530), а также и в языке хауса (чадской группы). В этом последнем два гетерорганных глоттализованных согласных никогда не встречаются в одном слове *(Parsons 1970: 280)*[1].

Такие ограничения на сочетаемость глоттализованных в пределах одного слова свидетельствуют о физиолого-артикуляторных особенностях глоттализованных согласных, имеющих тенденцию не выступать совместно в одной дистантной последовательности. В общем случае эти ограничения снимаются при идентичности, гоморганности глоттализованных согласных. Но такие сочетания в пределах корня в индоевропейском недопустимы по правилу (1).

Правило (2) имеет существенное значение для типологического оправдания интерпретации серии I индоевропейских смычных именно как глоттализованных (но не звонких, как это было в традиционной системе). Дело в том, что при интерпретации серии I в качестве звонких было бы трудно найти типологическое оправдание несовместимости в пределах индоевропейского корня двух звонких и отсутствию в индоевропейском корней типа **ged-* и **deg-*. Это ограничение, отмеченное уже у *Meillet 1937; Meйe 1938 (ср. также Lehmann 1952; Jucquois 1966; 1971)*, оставалось до последнего времени необъясненным.

Реинтерпретация индоевропейских звонких смычных в качестве глоттализованных снимает эту трудность и позволяет свести такие ограничения к общетипологическим закономерностям фонотактики[2].

На остальные сочетания глоттализованных со смычными фонемами серии III не наложено никаких ограничений, то есть возможны все теоретически мыслимые комбинации:

(3) Глоттализованные могут сочетаться со всеми фонемами серии III как в предшествующей, так и в последующей позиции *(то есть возможны комбинации* $T'ET^{[h]}$, $T^{[h]}ET'$).

Обращает на себя внимание отсутствие в индоевропейских корнях сочетаний фонем серии II с фонемами серии III и наоборот. То есть нет корней типа $D^{[h]}ET^{[h]}$, $T^{[h]}ED^{[h]}$ (корни типа **bhet-* и **tebh-* в традиционной системе):

[1] Действием такого же принципа несовместимости двух глоттальных (включая гортанную смычку) объясняется и происхождение особого тона в лаху (подразделение лоло внутри лоло-бирманской подгруппы тибето-бирманских языков), *Matisoff 1970*. Фонетически аналогичное явление несочетаемости в корне двух фарингализованных (эмфатических) согласных отмечено в аккадском языке. Один из двух семитских гетерорганных эмфатических согласных превращается в аккадском корнеслове в результате диссимиляции в соответствующий простой (немаркированный) согласный ("закон Гирса"), *см. Geers 1945*.

[2] Глоттализованностью индоевропейских фонем серии I объясняется и давно уже замеченное явление, что традиционные "звонкие" почти не участвуют в составе аффиксальных элементов, в отличие от фонем серий II и III. Это было бы трудно объяснить типологически при допущении звонкости фонем индоевропейской серии I. С другой стороны, глоттализованные смычные характеризуются типологически ограниченностью участия в оформлении морфологических элементов, *ср. Hopper 1973: 157*.

(4) ***Неглоттализованные смычные в составе одного корня должны характеризоваться одинаковым значением признака звонкости ~ глухости*** *(то есть возможны только корни типа* $D^{[h]}ED^{[h]}$ *или* $T^{[h]}ET^{[h]}$*)* [1].

Отсутствие в индоевропейском корней типа $D^{[h]}ET^{[h]}$ и $T^{[h]}ED^{[h]}$ можно было бы объяснить диахронически результатом ассимиляции одного из элементов по звонкости ~ глухости. В частности, в принципе допустимое $T^{[h]}ED^{[h]}/D^{[h]}ET^{[h]}$, которое возможно принять для более ранних этапов праиндоевропейского языка, могло дать по ассимиляции, еще в пределах индоевропейского праязыка, $T^{[h]}ET^{[h]}$ или $D^{[h]}ED^{[h]}$. Таким образом, в общеиндоевропейских корнях типа $T^{[h]}ET^{[h]}$ и $D^{[h]}ED^{[h]}$, возможно, скрываются корни более ранней эпохи с негомогенными по звонкости фонемами (*ср. Miller 1977a : 32*). Этим, может быть, и следует объяснять бóльшее количество корней типа $T^{[h]}ET^{[h]}$, $D^{[h]}ED^{[h]}$ по сравнению с корнями других структурных типов, так как эти первые наряду с исконными типами $T^{[h]}ET^{[h]}$, $D^{[h]}ED^{[h]}$ могут включать в себя и отражения более древних типов с негомогенными по звонкости фонемами.

Рассмотренные выше возможности комбинаций отдельных серий в индоевропейском корне можно переформулировать и в терминах дифференциальных признаков, характеризующих отдельные серии смычных. Так, например, запрет на последовательность *T'ET'* можно сформулировать как запрет в дистантной последовательности двух наборов дифференциальных признаков с положительным значением признака глоттализованности.

Невстречаемость в индоевропейском последовательностей $D^{[h]}ET^{[h]}$ и $T^{[h]}ED^{[h]}$ есть невозможность сочетания в дистантной последовательности двух наборов дифференциальных признаков с различными значениями признака звонкости ~ глухости. Допустима только дистантная последовательность с одинаковыми значениями этого признака (последовательности $D^{[h]}ED^{[h]}$ и $T^{[h]}ET^{[h]}$).

Модели сочетаний конкретных фонем в пределах индоевропейского корня можно будет дать после окончательного установления полной системы локальных рядов и определения соответствующих ограничений на сочетаемость фонемных единиц в корне в пределах каждого ряда, то есть при установлении точек пересечения серий и конкретных локальных рядов [ср. выше о правилах (1) и (1')]. На данном этапе мы допускаем предварительно минимальное число локальных рядов, принимаемое большинством исследователей, что уже дает возможность непротиворечиво судить о характере серий и определить их дифференциальные признаки. Информация,

[1] Впервые данное правило было отмечено Соссюром, см. *Meillet 1912 : 60; Benveniste 1935 : 171, прим. 1; Szemerényi 1972 : 143, прим. 51.* На основании этого правила Курилович *(Kuryłowicz 1973b : 68, § 1. 5, прим. 6)* высказывает мнение, что между фонемами серий II и III имелось противопоставление не по двум различительным признакам (придыхательности и звонкости), а "по одному фонемному признаку", что достаточно близко к излагаемой нами концепции. Но при этом он считает серию II нейтральной по отношению к признаку глухости~звонкости.

ходимая на данном этапе исследования относительно количества рядов индоевропейских смычных и их характера, необходима и достаточна для суждения о фонологическом характере индоевропейских серий смычных.

4. ДИСТРИБУЦИЯ АЛЛОФОНОВ ФОНЕМ ЗВОНКОЙ И ГЛУХОЙ СЕРИЙ

4.1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫХ АЛЛОФОНОВ ФОНЕМ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОМ И ГРЕЧЕСКОМ. «ЗАКОН ГРАССМАНА» КАК ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВИЛО ВЫБОРА АЛЛОФОНОВ ФОНЕМ СЕРИИ II

Характерной особенностью фонем второй (звонкой) и третьей (глухой) серий смычных является наличие при них фонетического признака аспирации. Каждая фонема этих серий проявлялась в виде двух своих аллофонов — аспирированного и неаспирированного — в зависимости от конкретного фонетического окружения. Окружения, в которых данные фонемы проявлялись в виде двух своих аллофонов, определяют дистрибуцию этих фонем.

Существуют конкретные языковые данные для более или менее точного определения позиций, в которых фонемы серий II и III проявлялись в индоевропейских формах в виде придыхательного или непридыхательного вариантов. Основным аллофоном фонем этих серий следует считать их аспирированный вариант, поскольку он проявляется в большинстве фонетически независимых позиций, которые могут быть установлены для индоевропейских архетипов путем сопоставления и сравнения исторически соотнесимых между собой форм. Соответствующая непридыхательная форма этих фонем проявляется в зависимости от конкретного фонемного окружения.

Следовательно, задача дистрибутивного анализа сводится к определению тех позиций из всех возможных позиций этих фонем, в которых они проявлялись в виде своих неаспирированных вариантов. Такому анализу с бóльшей определенностью удается подвергнуть в первую очередь фонемы второй (звонкой) серии. Эта серия в исторических языках оставила довольно явные следы, позволяющие с очевидной достоверностью реконструировать модели распределения их в словоформах индоевропейского языка.

Одним из основных принципов, определяющих поведение фонем серии II в индоевропейских праформах, является то, что две такие фонемы в пределах одной основы выступают всегда в виде двух разных аллофонов — придыхательного и непридыхательного. Эту особенность дистрибуции аллофонов можно сформулировать в виде правила (5):

***(5) В основе с двумя смычными серии II, представленными в дистантной последовательности, одна фонема проявляется всегда в форме придыхательного варианта, другая — в форме непридыхательного*[1].**

[1] В качестве типологической параллели можно указать на связь в кечуа закона несовместимости придыхательных смычных и закона несовместимости глоттализованных смычных, *Царенко 1972 : 102*.

Следовательно, в одной основе допускается один лишь придыхательный звук. Если начальная фонема представлена в виде непридыхательного аллофона, то последующая фонема проявляется в виде придыхательного, и наоборот, при придыхательном начальном аллофоне последующая смычная представлена в форме своего непридыхательного аллофона.

Эту дистрибутивную особенность индоевропейских фонем серии II можно довольно четко проследить и реконструировать на основании данных индо-иранских и греческих диалектов.

Эти диалекты отражают модель дистрибуции аллофонов фонем серии II, в которой в начальной позиции представлен непридыхательный аллофон, в последующей позиции перед гласным или сонантом — придыхательный[1]:

Др.-инд. *bāhúḥ* 'рука', греч. πῆχυς 'локоть' предполагают индоевропейскую праформу [*baG^{h}u-s], с начальным непридыхательным аллофоном и последующим придыхательным аллофоном индоевропейских фонем *b$^{[h]}$ и *G$^{[h]}$, претерпевших в греческом оглушение;

Др.-инд. *badhnáti*, позднее *bandhati* 'связывает', *bándhuḥ* 'родство', 'свойство', 'родственник', греч. πενθερός 'тесть' (из 'связанный свойством'): и.-е. [*bend^{h}-];

Др.-инд. *bahú-* 'густой', 'многочисленный', греч. παχύς 'толстый', 'густой': и.-е. [*benG^{h}-];

Др.-инд. *bódhati*, *bódhate* 'будит', 'пробуждается', греч. πεύθομαι, πυνθάνομαι 'узнаю', 'замечаю', 'бодрствую': и.-е. [*beu̯d^{h}-], [*bud^{h}-];

Др.-инд. *budhnáḥ* 'почва', греч. πυθμήν 'почва': и.-е. [*bud^{h}-];

Др.-инд. *dáhati* 'жжет', *nidāgá-ḥ* 'жара', 'лето', греч. τέφρα 'зола': и.-е. [*deG^{h}-];

Др.-инд. *deh-* 'мазать', 'умащивать', *dehí* 'стена', 'плотина', 'насыпь', греч. τεῖχος 'стена': и.-е. [*dei̯G^{h}-].

Приводимые древнеиндийские и соответствующие греческие формы являются хорошим примером, отражающим распределение аспирированных и неаспирированных аллофонов соответствующих индоевропейских фонем.

Аналогичное дистрибутивное поведение фонем серии II обнаруживается в структурах с редупликацией начального согласного. В этом отношении особенно характерны глагольные формы с редупликацией от индоевропейских основ *d^{h}ē- 'ставить, класть', *G^{h}ē- 'оставлять', *b^{h}er- 'нести' и др. Редуплицированные формы представлены в виде др.-инд.

[1] Непридыхательное d в древнеиндийской форме dvár- 'дверь' при греч. θύρα, лат. forēs 'двустворчатая дверь' (и.-е. *d$^{[h]}$u̯er- / *d$^{[h]}$ur-) появляется, очевидно, уже на собственно индийской почве в результате потери придыхания в фонеме *d^{h}. В древнеиндийском в начальной позиции dh — нестойкий звук, претерпевающий изменение в направлении утери одного из признаков (как правило, признака смычности), ср. формы hitá- 'поставленный', 'хороший' (< *dhitá-), gṛhá- < *gṛdhá- 'дом' и др., *Wackernagel 1896 : I § 217 и след.; Bloch 1934 : 64 и след.* Отличному от этого развитию рассматриваемого dh с утерей признака придыхательности могло содействовать в древнеиндийском отождествление его со словом в значении 'два, двойной' dvá- (*Pokorny 1959 : 279*), ср. значение слова 'двойная, двустворчатая дверь', ср. лат. forēs.

dádhā-mi, греч. τίθη-μι 'ставлю', из и.-е. [*di-d^{h}ē-mi]; др.-инд. *jáhā-ti* 'оставляет', греч. *κίχημι 'настигаю', *2 л. ед. ч.* κίχεις, из и.-е. [*gi-G^{h}ē-t^{h}i]; др.-инд. *bí-bhar-ti* 'несет', из и.-е. [*bi-b^{h}er-t^{h}i], ср. греч. ἐσ-πιφράναι 'вносить' *(Mayrhofer 1963, II:475)*.

Близость, вплоть до тождественности, древнеиндийских и греческих глагольных форм с редупликацией начального согласного основы позволяет в свете современных представлений о единстве греческо-арийской глагольной системы определить общий ареальный индоевропейский характер этих форм, что подтверждает и высказанное выше положение относительно индоевропейского источника предполагаемых фонемных соотношений. Их нельзя объяснять процессами дезаспирации и возникновением дезаспирированной фонемы порознь в истории отдельных языков, в частности древнеиндийского и греческого (как обычно понимался в классическом индоевропейском языкознании "закон Грассмана", *Grassmann 1863*; *1863a)*, а следует рассматривать как отражение общей закономерности распределения этих фонем в определенном ареале индоевропейского праязыка.

В полном соответствии с подобной трактовкой этих соотношений находятся данные и остальных индоевропейских языков — италийских, германских и других.

Тем самым "закон дезаспирации Грассмана" принимает совершенно иной смысл. Он рассматривается как чередование придыхательных и непридыхательных звуков на аллофонном уровне в системе индоевропейского праязыка, а не как процесс дезаспирации аспирированных фонем, происшедший независимо друг от друга в древнеиндийском и греческом. Сходство, вплоть до идентичности, процессов дезаспирации в древнеиндийском и греческом объясняется общим происхождением этих процессов, восходящих к индоевропейской эпохе[1].

Как явствует из вышеизложенного, в индоевропейском этот процесс реконструируется как соотношение аллофонов, позднее превратившееся в фонемное чередование в результате фонологизации в этих исторических языках рефлексов звонких придыхательных и непридыхательных аллофонов.

После фонологизации рефлексов фонем серий II и III в древнеиндийском и греческом старый индоевропейский закон распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов превращается в закономерность чередования придыхательных и непридыхательных фонем в пределах основы. Этим и объясняется продуктивное в греческом морфонологическое чередование типа τριχός~θρίξ 'волос' (из и.-е. [*drig^h-]), ταχύς~θάσσων 'быстрый' (из и.-е. [*dn̥g^h-])[2], а также образования типа др.-инд. *vidátham*

[1] К общеиндоевропейскому характеру "закона Грассмана" ср. также *Butler 1974 : 19*.

[2] Поэтому не оправдано датировать самый "закон Грассмана" периодом XVI—XV вв. до н. э., то есть временем действия процесса палатализации в греческом, на основании греческих чередований типа ταχύς : *θάσσων* (*см. Janko 1977*).

Спорадические формы в греческом с двумя придыхательными типа *θτφλός* вместо закономерного τυφλός 'слепой' следует рассматривать не как отражающие древнее рас-

'распределение' (из **vidh-atha-*, с контекстуальной дезаспирацией *dh*→*d̥*, *ср. Mayrhofer 1976, III : 208*)[1].

Таким образом, индоевропейские архетипы рассмотренных выше форм следует восстанавливать не как ***bʰāGʰ-**, ***bʰenGʰ-**, ***bʰeu̯dʰ-**, ***bʰudʰ-**, ***dʰeGʰ-**, ***dʰei̯Gʰ-** и т. д., с последующей дезаспирацией рефлексов индоевропейских начальных звонких придыхательных фонем ***bʰ** и ***dʰ** независимо друг от друга в индийском и греческом, а как соответственно формы [***bāGʰ-**], [***benGʰ-**], [***beu̯dʰ-**], [***budʰ-**], [***deGʰ-**], [***dei̯Gʰ-**] и т. д., с позиционным противопоставлением непридыхательных и придыхательных аллофонов звонких фонем серии II. Указанные формы отразились закономерно в древнеиндийском как *bāh-*, *bah-*, *bodh-*, *budh-*, *dah-*, *deh-*, в греческом—соответственно как πᾰχ-, παχ-, πευθ-, πυθ-, τεφ-, τειχ- и т. д., в результате общей закономерности — оглушения звонких фонем серии II, как придыхательных, так и непридыхательных их аллофонов. Тем самым процессы "дезаспирации" по закону Грассмана получают общее объяснение в древнеиндийском и греческом.

Вместе с тем, в древнеиндийском сохранились следы и другого отражения тех же корней (в отличном фонемном контексте: в позиции перед паузой, т. е. в абсолютном исходе, перед спирантом -s- и некоторыми другими шумными, в частности той же серии II, но не серии III, см. ниже о "законе Бартоломэ"). Рассматриваемые корни выступают в форме типа [***bʰud-**]: *им. пад. ед. ч. bhut*, форма с суффиксом *-sya-* : *bhotsyati*, *твор. п. мн. ч. bhudbhis* (*Whitney 1889 : §§141, 153—155; Anderson 1970; Phelps/Brame 1973*). При этом соблюдается правило, сформулированное уже Уитни (*Whitney 1889 : § 155a*) как запрет корню "одновременно начинаться и кончаться придыхательным" (forbids a root to both begin and end with an aspirate)[2].

определение двух придыхательных (вопреки *Thumb/Scherer 1959 : 266*, ср. также *Miller 1977b*), а скорее как отражение правила проявления аспирации при одной из двух смычных в последовательности с дальнейшим обобщением аспирации на все сегменты такой последовательности (*ср. Hoenigswald 1965a*). При этом следует учесть также действие фактора позднейшей ассимиляции смычных по признаку аспирации: /C ... Cʰ/ → /Cʰ...Cʰ/ или /Cʰ...C/ →/Cʰ...Cʰ/, что дает формы с двумя придыхательными типа древнеаттических и древнекритских: *θέθις* вместо *θέτις*, *Φάνφαιος* вместо *Πάμφαιος*, ср. также формы типа *θυθέν* 'пожертвованный' из *τυθέν* (*ср. Dressler 1975 : 65*).

[1] С другой стороны, нет достаточных оснований для выведения др.-инд. kumbhá- 'горшок, кружка', авест. xumbō 'горшок' из индо-иранск. *khumbha- (с двумя придыхательными смычными в слове), ввиду соотношения начальных согласных k ~ x соответственно в древнеиндийском и иранском (*ср. Mayrhofer 1956, I : 234*). Исходную форму следует скорее реконструировать в виде [***kumbʰa-**], с одним придыхательным смычным в слове в последующей позиции, в соответствии со схемой распределения в индо-иранском придыхательных и непридыхательных аллофонов смычных. Соотношение др.-инд. *k* ~ иранск. *x* могло возникнуть в результате позднейшей спирантизации начального смычного в иранском, особо характерной для комплекса согласных.

[2] Ср. *Елизаренкова 1974 : 47*. На материале новоиндо-арийского языка (раджастхани) сходные правила, делающие придыхательность "просодическим" признаком, распространяющимся на все слово, изучены Алленом (*Allen 1957*).

4.2. РЕФЛЕКСЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫХ АЛЛОФОНОВ В ИТАЛИЙСКОМ

Общий закон распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов в пределах индоевропейской основы [правило (5)] не во всех диалектных ареалах индоевропейского языка реализовывался единообразно. Наряду с распределением [*DED*^{h}], то есть непридыхательный — придыхательный, можно предположить для некоторых индоевропейских диалектов, в частности для италийского и, возможно, германского ареала, обратную последовательность: [*D*^{h}*ED*], то есть придыхательный — непридыхательный[1].

Этой дистрибутивной особенностью звонких фонем серии II можно было бы объяснить наличие в италийских формах, прежде всего в латинском, начальных фрикативных *f* и *h* в тех формах, где в соответствующих формах греческого и арийского выступают рефлексы непридыхательных индоевропейских аллофонов. В таком случае в последующей позиции италийские, в частности латинские, формы показывают звонкие взрывные *b*, *d*, а также *g*, которые могли бы быть истолкованы как отражения индоевропейских непридыхательных звонких аллофонов фонем серии II.

Имеются в виду следующие италийские, в частности латинские, формы:

Лат. *fidō* 'доверяю, верю', *foedus* 'союз' (и.-е. [*b^{h}e/oi̯d-]); греч. πείθομαι 'убеждаюсь' (из и.-е. [*bei̯d^h-]);

Лат. *offendix* ритуальный термин, обозначающий 'узел веревки для поддержания шапки жреца' (и.-е. [*b^{h}end-]): др.-инд. *badhnáti* 'связывает', греч. πεῖσμα 'веревка', πενθερός 'зять', др.-инд. *bándhuḥ* (и.-е. [*bend^h-]);

Лат. *fiber* 'бобер' из редуплицированной формы от корня [*b^{h}er-] — [*b^{h}i-ber]: др.-инд. *babhrúḥ* 'красно-коричневый' (из редупликации по противоположной схеме: [*be-b^{h}er], см. ниже о гласных при редуплицированном согласном);

Лат. *fidēlia* 'горшок из глины' (и.-е. [*b^{h}id-]) при греч. πίθος 'глиняный сосуд' (из и.-е. [*bid^h-]);

[1] Такое распределение следует допустить в особых случаях и для индо-арийского ареала, в частности в определенных синтагматических позициях, рассмотренных выше. В свете этих фактов правила распределения придыхательных аллофонов фонем серии II можно сформулировать для общеиндоевропейского состояния в виде общего правила допустимости лишь одного придыхательного аллофона в корнях с фонемами серии II. При этом проявление такого придыхательного аллофона в начальной или последующей позиции в корне определялось в общеиндоевропейском синтагматическими факторами сочетаемости его с другими элементами.

Некоторые факты рассмотренных выше чередований придыхательных фонем с непридыхательными в пределах одного и того же корня в древнеиндийском и греческом можно рассматривать как следы чередований общеиндоевропейских придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем серии II. При такой интерпретации процесса исторических чередований в индо-арийском и греческом стабильность распределения рефлексов аллофонов индоевропейских фонем серии II (начальный непридыхательный — последующий придыхательный) можно рассматривать как результат генерализации одной из чередующихся основ на всю парадигму.

Лат. *foueō* 'согреваю', 'забочусь' (из и.-е. [*d^heG-]), при др.-инд. *dáhati* 'жжет' (из и.-е. [*deG^h-]), см. выше, стр. 22;

Лат. *fingō* 'леплю', 'придаю форму', *figūra* 'образ', 'фигура' (из и.-е. [*d^hi(-n-)G-]) при др.-инд. *dehí*, греч. τεῖχος 'стена' (из и.-е. [*deiG^h-];

Лат. *habeō* 'держу', 'имею, владею' (из и.-е. [*G^{h}ab-]), при др.-инд. *gábhastiḥ* 'рука' (из и.-е. [*Gab^h-]).

Особенно наглядно проявляется италийское распределение аллофонов фонем серии II "придыхательный" — "непридыхательный" (в отличие от последовательности "непридыхательный"—"придыхательный", характерной для арийского и греческого) в формах лат. *hordeum* 'ячмень' (диал. *fordeum*) из и.-е. *$ĝ^hr̥d$-[1]; ср. греч. гом. κρῖ, κριθή (*мн. ч.* κριθαί) 'ячмень', предполагающие архетип *$ĝrīd^h$- (с распределением аллофонов "непридыхательный"—"придыхательный"). При допущении в италийском праформы с двумя придыхательными, то есть *$ĝ^hr̥d^h$-, следовало бы ожидать в латинском других рефлексов, так как последовательность *-rd^h- дала бы здесь *-rb-*, то есть нечто вроде **horbeum*. Характерно, что для объяснения в традиционной теории латинской формы приходилось допускать два фонетических варианта в исходной праформе—с конечным звонким придыхательным *d^h (для греческой формы) и чистым звонким *d (для латинской), *ср. Pokorny 1959: 446.*

Ниже, при описании трансформации индоевропейской системы смычных в италийском, рассматриваются конкретные данные италийских языков, которые можно истолковать как подтверждение предполагаемой выше интерпретации распределения аллофонов "придыхательный"—"непридыхательный" в италийском при допущении фонологических преобразований, отличных от тех, которые предполагаются в традиционных описаниях предыстории италийских диалектов.

В формах глагольной редупликации типа оск. *fefacit* 'fecerit', 'он сделал бы', в которых распределение рефлексов придыхательных и непридыхательных аллофонов на первый взгляд противоречит предлагаемой схеме, действует, уже на собственно италийской основе, морфологический принцип уподобления редуплицируемого согласного начальному согласному глагольной основы: ср. лат. *bibō* 'пью' при др.-инд. *píbati*, *Mayrhofer 1963, II: 286—287*; ст.-лат. *cecurrī* при позднейшем *cucurrī* 'я бежал' и т. п.

Таким образом, в индоевропейском восстанавливаются модели распределения звонких смычных фонем серии II в виде придыхательных и непридыхательных аллофонов в зависимости от занимаемой ими позиции в слове.

Представляется возможным реконструировать некоторые дублеты таких форм, проявляющих чередование придыхательных и непридыхательных аллофонов типа [DED^h]/[D^{h}ED], из которых первая форма ле-

[1] Диалектная форма fordeum выводима из *$dh r̥d$-<*$ĝh r̥d$- по дентальной ассимиляции.

жит в основе форм греко-арийского ареала, вторая же, возможно, в основе форм италийского ареала и ареала других западных диалектов (германского[1]).

Известный принцип дезаспирации, в классическом языкознании именуемый "законом Грассмана", сводится таким образом к общеиндоевропейской закономерности комбинаторного распределения звонких фонем серии II в именных и глагольных основах. При таком толковании в принципе становится возможным единообразное объяснение с общеиндоевропейской точки зрения фонологических закономерностей, рассматривавшихся ранее разобщенно в отношении отдельных индоевропейских языков.

4.3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫХ АЛЛОФОНОВ ГЛУХИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ФОНЕМ В КОНТАКТНОЙ И ДИСТАНТНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

Рефлексы постулируемых индоевропейских фонем звонкой и глухой серий дают возможность определить в некоторых случаях модели распределения их и в контактной последовательности и судить об их аллофонном поведении при непосредственном сочетании этих фонем.

Это проявляется в первую очередь при анализе германских форм, отражающих комплексы индоевропейских фонем серии III типа [***pt**], [***kt**], а также сочетания этих последних с предшествующей фрикативной фонемой /***s-**/[2].

Аналогично звонким фонемам (фонемам серии II) индоевропейские глухие фонемы серии III проявлялись обычно в виде придыхательных аллофонов, то есть нейтральная форма проявления этих фонем, не зависящая от комбинаторных факторов, была аспирированной. Существовали, однако, такие позиции, в которых фонемы этой серии проявлялись в форме непридыхательных аллофонов, отразившихся в качестве таковых прежде всего в германских языках.

В частности, данные германских языков предполагают реконструкцию модели распределения этих фонем в контактной последовательности в виде [***p^{h}t**], [***k^{h}t**], с предыдущим придыхательным аллофоном и последующим непридыхательным, и в виде [***-sp-**], [***-st-**], [***-sk-**], с непридыхательным аллофоном в позиции после фонемы *s:

[***p^{h}t**]: др.-в.-нем. *nift-* 'племянница' при лат. *neptis* 'внучка', др.-инд. *naptí* 'внучка';

[***k^{h}t**]: гот. *ahtau* 'восемь' при лат. *octō*, тох. A *okät*, B *okt*, греч. ὀκτώ; гот. *nahts* 'ночь' при лат. *nox*, *род. п. noctis*, лит. *naktìs*, греч. νύξ, *род. п.* νυκτός 'ночь';

[1] В ряде рассмотренных выше синтагматических условий распределение D^{h}ED может выступать и в индо-арийском, в чем и проявляется в принципе изначальная синтагматическая обусловленность того или иного типа распределения придыхательных аллофонов в корне, закрепившихся в дальнейшем по отдельным диалектным ареалам.

[2] Статус фрикативной фонемы /*s/ в индоевропейской фонологической системе будет разобран ниже в связи с вопросом о структуре локальных рядов индоевропейских смычных.

[*sp]: др.-в.-нем. *spehōn* 'высматривать' при лат. *speciō* 'смотрю, гляжу';

[*st]: гот. *stairnō* 'звезда', др.-в.-нем. *sterno* при лат. *stēlla*, греч. ἀστήρ 'звезда';

[*sk]: гот. *fisks* 'рыба' при лат. *piscis* 'рыба'.

Эти германские формы иллюстрируют с очевидностью поведение индоевропейских фонем серии III в сочетании друг с другом, при котором предшествующий придыхательный аллофон отражается закономерно в виде фрикативной фонемы (как и в общем, нейтральном, случае), а последующий непридыхательный аллофон сохраняется в виде чистой глухой смычной, как и в последовательности после *s-.

Любопытно, что аналогичное отражение фонем серии III наблюдается и в кельтских языках, где индоевропейские фонемы этой серии нормально отражаются как придыхательные [*p^h], [*t^h], [*k^h] (с дальнейшей спирантизацией и утерей [*p^h]), что можно считать непосредственным продолжением фонетической природы придыхательных аллофонов индоевропейских фонем этой серии. Однако в комплексах представлены сочетания со вторым непридыхательным членом, что является отражением того же распределения аллофонов индоевропейских фонем серии III. Индоевропейские комплексы [*p^ht] и [*k^ht] представлены в кельтском соответственно в виде последовательностей *ft > xt и xt, с леницией предшествующей придыхательной фонемы и сохранением в виде чистого глухого смычного непридыхательного аллофона индоевропейской фонемы:

[*p^ht]: др.-ирл. *necht* 'племянница' при лат. *neptis*, др.-инд. *naptí*, др.-в.-нем. *nift* (ср. нем. *Nichte*); др.-ирл. *cacht* 'слуга' при лат. *captus* 'пленный', др.-в.-нем. *haft*; др.-ирл. *secht n-* 'семь' при лат. *septem*, греч. ἑπτά 'семь';

[*k^ht]: др.-ирл. *in-nocht* 'сегодня ночью' при лат. *nox*, *род. п. noctis*, гот. *nahts* 'ночь'; др.-ирл. *ocht n-* 'восемь' при лат. *octō*, гот. *ahtau*; др.-ирл. *recht* 'право' при лат. *rēctus*, гот. *raihts* 'правый';

[*st]: корн. *sterenn*, брет. *sterenn* 'звезда' при греч. ἀστήρ, гот. *stairnō*;

[*sk]: др.-ирл. *scáth* 'тень' при греч. σκότος 'темнота', гот. *skadus* 'тень'.

Последовательность [*sp-] отражается в кельтском в начале слова как *f-*, что объясняется значительными преобразованиями, которые фонема /*p/ претерпела на собственно кельтской почве, перейдя в спирант *f > x > Ø*, в отличие от /*t/ и /*k/.

Порядок расположения аллофонов фонем серии III в контактной последовательности, то есть "придыхательный" — "непридыхательный", совпадает с порядком расположения аллофонов фонем серии II в дистантной последовательности, наблюдаемым в италийском ареале индоевропейского языка.

Не исключено, что такой же порядок распределения был характерен для аллофонов фонем серий II и III и в дистантной последовательности в ареалах германских (и, возможно, кельтских) языков, хотя предполагаемые модели распределения аллофонов этих фонем в исторических языках довольно затемнены позднейшими фонологическими и морфонологи-

ческими изменениями, что не позволяет с уверенностью судить об отражении первоначальных структур в этих языках[1].

Дистантная последовательность двух фонем серии III в германском отражается обычно как последовательность с двумя придыхательными смычными, что собственно не соответствует предполагаемой по структурным соображениям модели распределения аллофонов фонем серии III (ср. их распределение в контактной последовательности, закономерно отраженное в германском как "придыхательный" — "непридыхательный"):

Гот. *hēþjō* 'комната' при авест. *kata-* 'комната', ц.-слав. *котьць* 'камера'; 'келья';

Гот. *hvaþō* 'пена' при др.-инд. *kváthati* 'варит пищу';

Гот. *faihu* 'имущество' при лат. *pecus* 'скот', 'деньги', др.-инд. *paśú-* 'скот';

Гот. *-faþs* в сложных словах: *hunda-faþs* 'сотник', 'начальник сотни', *þrūþ-faþs* 'жених' при лат. *potis*, греч. πόσις, др.-инд. *pátiḥ* 'господин', 'супруг';

Гот. *fraþi* 'смысл', 'понимание' при лит. *prõtas* 'разум', тох. В *pratiṁ* 'решение';

Гот. *þahan* 'молчать' при лат. *taceō* 'молчу'.

В приведенных германских формах, отражающих дистантную последовательность индоевропейских фонем серии III, следовало бы допустить проявление обеих фонем в виде придыхательных аллофонов, что противоречит сформулированному выше общему правилу распределения в последовательности фонем серий II и III, предполагающему проявление лишь одной из них в виде придыхательного аллофона, другой же—в виде соответствующего непридыхательного. Однако наличие в германских языках ряда форм, которые как будто отражают последовательности с закономерным с такой точки зрения распределением аллофонов, то есть "придыхательный" —"непридыхательный", может служить некоторым аргументом в пользу исконности отражения в германском предполагаемого закономерного распределения в последовательности индоевропейских аллофонов серии III, затемненного в дальнейшем аналогическими изменениями.

К таким германским формам, пережиточно отражающим древнее распределение индоевропейских смычных, можно отнести следующие слова общеиндоевропейского происхождения:

Гот. *afhvapjan* 'потушить' из [*k^{h}u̯ep-], по значению и по составным частям точно соответствующее архаическому гомеровскому ἀπὸ καπύω в ἀπὸ δὲ ψυχὴν ἐκάπυσσεν 'она приглушила дыхание' (Илиада, X, 467 —об Андромахе)[2], греч. καπνός 'дым', др.-инд. *kúpyati* 'приходит в дви-

[1] Дистантная последовательность фонем серии II с распределением аллофонов придыхательный — непридыхательный, обратным их распределению в древнеиндийском и греческом, могла быть отражена в германском в некоторых формах, остающихся, однако, двусмысленными ввиду дальнейших преобразований звонких фонем в интервокальном положении в самом германском (ср., например, др.-сакс. bodom, др.-англ. bodan 'почва' от возможного [*bʰud-] при лат. fundus 'дно, почва', pro-fundus 'глубокий', греч. πυθμήν 'дно, почва', др.-инд. budhná- 'дно, почва').

[2] Характерно, что для данной германской формы, ввиду ее необъяснимости с традиционной точки зрения, при бесспорной семантической соотнесенности с греческой, в

жение, бешенство', лат. *cupiō* 'жажду, желаю', *uapor* 'дым, чад', др.-ирл. *accobor* 'желает', *ad-cobra* 'желает', лит. *kvāpas* 'дым, чад', ст.-слав. *kypěti* 'кипеть';

Гот. *faiflōkun* 'они оплакивали', др.-англ. *flōcan*, др.-сакс. *flōcan*, др.-исл. *flóki*, ст.-слав. *plakati*, лит. *plakù*, *plàkti* 'плакать'[1];

Др.-исл. *flaka* 'зиять', *skip-flak* 'кораблекрушение' при лит. *plěšiu* 'рвать', *nuplěšti* 'срывать (одежду)', алб. *pëlcás*, *aop.* *plásа* 'погибать'; 'лопаться';

Др.-англ. *gehopp* 'folliculus', *hoppe* 'капсула', сопоставляемое с др.-инд. *kúpa-* 'дыра', лат. *cūpa* 'бочка'; форма свидетельствует о сохранении в определенной группе германских диалектов непридыхательного аллофона индоевропейской фонемы /*p/ при спирантизации начального придыхательного аллофона. Наличие в некоторых германских диалектах формы с фрикативной фонемой на месте */p/ (др.-исл. *húfr* 'корабельный кузов') свидетельствует, возможно, о колебаниях в собственно германском в передаче придыхательных и непридыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии III. Такие случаи могут указывать на процесс фонетического выравнивания форм в германском по признаку аспирации.[2]

Следы древнего распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии III в дистантной последовательности можно обнаружить и в тех индоевропейских диалектах, в которых довольно четко прослеживается аллофонное распределение фонем (звонкой) серии II.

В частности, в древнеиндийском, в котором отражена последовательность звонких аллофонов "непридыхательный"—"придыхательный" (см. выше, стр. 21 и след.), можно обнаружить пережитки соответственного распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем (глухой) серии III. Характерно при этом, что порядок распределения аллофонов фонем серии III в древнеиндийском противоположен предполагаемому порядку их распределения в германском. Это соответствует намеченному выше противопоставлению по указанному критерию двух групп индоевропейских диалектов — индо-ирано-греческой в противовес итало-кельто-германской.

словаре Покорного предлагается ad hoc исключительно для германской формы праформа **kuəb* со звонким непридыхательным *b* (при **kuēp*, **kuəp* для всех других форм), *Pokorny 1959 : 596.*

[1] И.-е. /*k/ восстанавливается на основе соответствия германских форм славянским и литовскому. О восстановлении альтернативной древней основы с *g см. *Pokorny 1959: 832*, хотя семантическая близость готской формы со славянской предполагает скорее глухую фонему /*k/ в индоевропейской праформе, ср. также греч. *πλήσσω* (**plāk̑ō*) 'бью' и ср.-ирл. lén (*plakno-) 'рана', предполагающие наряду с лит. plakù исходную форму с глухой фонемой /*k/.

[2] В этом отношении представляют интерес формы интенсива, в которых геминированный глухой смычный выступает с начальными спирантами, отражающими индоевропейский придыхательный аллофон: др.-швед. *prykkja*, др.-англ. *bryccan* 'отпечатывать' при лит. trúk-stu 'ломать ; лопаться', валл. trwch 'отрезанный'; др.-исл. hoppa, сопоставляемое с ст.-слав. *kypěti*. Такие формы могут отражать древнее закономерное распределение аллофонов индоевропейских глухих фонем в германском.

Фонемы серии III в индо-иранском отразились закономерно как чистые глухие смычные за исключением ряда комбинаторных случаев, которые будут рассмотрены детально ниже (в частности, в позиции после s-[1] и перед "ларингальной" фонемой, где сохранялись придыхательные аллофоны этих фонем).

Определенная группа древнеиндийских форм может свидетельствовать о пережиточном сохранении такой модели распределеиия индоевропейских придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем серии III:

Др.-инд. *śākhā* 'ветка', гот. *hōha* 'плуг', слав. *socha* 'кол; соха', лит. *šakà* 'ветка';

Др.-инд. *śaṅkhá-* 'раковина', 'извилина', греч. κόγχη, κόγχος 'раковина', мик. *ko-ki-re-ja* (=κογχίλεια 'украшенный раковинами'), из и.-е. [**Konkʰo-**]. Характерно, что греческий, в котором (за исключением отдельных форм, разбираемых ниже), как правило, был утерян признак аспирации при рефлексах придыхательных аллофонов серии III, в данной форме пережиточно сохраняет аспирацию;

Др.-инд. *śaphá-* 'копыто', авест. *safa-* 'копыто лошади', др.-исл. *hófr*, др.-англ. *hōf*, др.-в.-нем. *huof* 'копыто', из и.-е. [**Kopʰo-**];

Др.-инд. *śaphara-* 'род карпа' ('Cyprinus sophore'), лит. *šãpalas* 'род карпа' ('Cyprinus dobula'), из и.-е. [**Kopʰelo-**];

Др.-инд. *kváthati* 'варит пищу'; гот. *hvapō* 'пена', ст.-слав. *kvasŭ* 'квас'.

Такой порядок распределения аллофонов глухих, совпадающий с порядком распределения аллофонов звонких, становится еще более вероятным при учете сохранившегося морфонологического чередования в редуплицированных глагольных структурах типа *khyā-* 'называть', *перфект cakhyau*, в которых редуплицированная фонема отражает старый непридыхательный вариант при придыхательной начальной фонеме глагольной основы. Эта модель редупликации в отношении распределения придыхательных и непридыхательных элементов полностью соответствует модели редупликации глагольных основ с начальной звонкой придыхательной фонемой, а также порядку распределения звонких аспирированных и неаспирированных в дистантной последовательности.

Следы аналогичного аллофонного распределения фонем серии III с непридыхательным—придыхательным вариантами в дистантной последовательности можно обнаружить и в древнеармянском. Об этом свидетельствуют такие древнеармянские формы, как:

Арм. *tarp̣* 'любовь', 'желание', *tarp̣am* 'желаю', 'стремлюсь' (и.-е. **terpʰ-/*trepʰ-**);

Арм. *kayt* 'танец', 'радость' (ср. др.-в.-нем. *heitar*, нем. *heiter* 'весе-

[1] Характерно, что и в этом отношении древнеиндийский показывает картину, противоположную той, которая отражена в германском и кельтском. В индо-иранском диалектном ареале после фонемы s- выступал, как правило, придыхательный аллофон глухой фонемы, который в дальнейшем был сохранен в индийском, тогда как в кельто-германском диалектном ареале, как было показано выше, после фрикативной s- выступал неизменно непридыхательный аллофон глухих смычных фонем.

лый' (с обратным распределением в германском аллофонов глухих индоевропейских фонем);

Арм. *kop* 'удар', 'ковка', *kopel* 'ударить', 'ковать' (ср. греч. κόπτω 'ударяю, бью'), *ср. Djahukian 1969*.

4.4. КОНТАКТНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ФОНЕМ И «ЗАКОН БАРТОЛОМЭ»

Аналогичный порядок распределения придыхательных и непридыхательных звонких фонем в древнеиндийском проявляется и в контактной последовательности, что, по всей видимости, отражает порядок распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов в контактной последовательности индоевропейских фонем серии II.

Типичный случай такой индоевропейской дистрибуции придыхательных аллофонов отражается в древнеиндийском, например, в таких формах как *bhudbhis* 'пробуждениями, бодрствованиями' *(твор. пад. мн. ч.)*, в которых две индоевропейские (придыхательные) фонемы серии II распределены в контактной последовательности с непридыхательным элементом в предшествующей позиции и с придыхательным в последующей, а это вызывает, в свою очередь, проявление начальной фонемы корня в виде придыхательного аллофона в соответствии с общим правилом манифестации в корне только одного придыхательного аллофона индоевропейских фонем серии II (см. выше[1]). И эти фонетические закономерности объяснимы с точки зрения отражения в индо-иранском правил распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов звонкой серии смычных в контактной последовательности.

Имеется в виду, в частности, ассимилятивный процесс на стыке морфем с уподоблением последующего согласного предыдущему по признакам звонкости и придыхательности, известный под названием "закона Бартоломэ". При сочетании морфемы, оканчивающейся на фонему серии II, и морфемы, начинающейся на фонему серии III, на стыке морфем возникала последовательность фонем, которые должны были проявиться в греко-арийском ареале в порядке "непридыхательный" —"придыхательный" (в соответствии с моделями дистантной комбинации внутри морфем).

Индоевропейские глагольные морфемы типа [***beu̯d^h-**]: др.-инд. *bodh-*, греч. πευθ-, или [***leG^h-**]: греч. λέχ-ος 'ложе', при присоединении морфемы причастия [***-t^{h}o-**] образовывали морфемные последовательности [***bud^h-**]+[***-t^{h}o-**] и [***leG^h-**] + [***-t^{h}o-**], которые по правилам распределения аллофонов по придыхательности должны были дать в контактной последовательности на стыке морфем сочетания [***bud-t^{h}o-**] и [***leG-t^{h}o-**].

По общеиндоевропейскому принципу сочетания неглоттализованных смычных, гомогенных по признаку звонкости~ глухости [ср. несоче-

[1] Интересно отметить, что правило проявления придыхательных аллофонов фонем серии II в морфемной последовательности осуществляется в направлении справа налево, то есть порядок правил определяется последовательностью "операций", начиная с крайне правого элемента.

таемость в корне фонем серий II и III, *Правило* (*4*)], следовало ожидать ассимиляции таких сочетаний в сторону звонкости (или в сторону глухости).

В индо-иранском происходит ассимилятивное озвончение рефлекса глухого придыхательного аллофона, в соответствии с чем возникает фонемная последовательность **budd^h-* (др.-инд. *buddhá-* 'пробужденный'), тогда как в греческом ареале, характеризующемся при том оглушением серии II индоевропейских фонем, осуществляется ассимиляция по глухости, в результате чего возникает фонемная последовательность **put-to-s*, с дезаспирацией придыхательных аллофонов фонем серии III, давшей затем греческое *-πυστος*, с диссимиляцией *tt* > στ (греч. *ἄ-πυστος* 'незнающий', ср. *πύστις* 'вопрос', 'исследование' при др.-инд. *buddhi-* 'дух', *Mayrhofer 1963, II : 449—450*).

Аналогично этому объясняется греческая форма *λέχ-τρ-ον* 'ложе' (=др.-в.-нем. *leh-tar*), в которой происходит оглушение непридыхательного [*g*] в последовательности **teg-t^h-*, с последующей характерной для греческого дезаспирацией придыхательного аллофона глухой смычной: *lek-t-*[1].

В этот же ряд становятся италийские формы типа лат. *lectus* 'ложе' из [**leg-t^{h}os*], *fictus* 'слепленный', 'оформленный', ср. *fingō* 'леплю' из [**fig-t^{h}os*], *uectus* 'принесенный' из [**ueg-t^{h}os*], с древним непридыхательным аллофоном звонкой смычной в позиции перед придыхательным аллофоном глухой смычной, который дезаспирируется в италийском и оглушает предшествующую звонкую смычную[2].

Таким образом, все рассмотренные выше процессы следует истолковывать единообразно как проявление общеиндоевропейской закономерности распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов смычных серий II и III с последующей ассимиляцией вследствие принципа гомогенности сочетающихся в контактной последовательности фонем по признакам звонкости или глухости.

С этой точки зрения ассимилятивные изменении в древнеиндийском, описываемые "законом Бартоломэ"[3], и рассмотренные выше соотношения

[1] В греческих формах типа *δέκ-το* (<**δεχ-*) предполагается действие собственно греческого закона ассимиляции аспираты последующей глухой смычной (*Kuryłowicz 1973b : 70*).

[2] Аналогичные фонологические явления на стыке морфем наблюдаются при сочетании в общеиндоевропейском фонем (глоттализованной) серии I с фонемами (глухой) серии III. Индийские формы типа др.-инд. vittá- 'известный', sattá- 'сидевший', átti 'он ест' при др.-инд. ved-, sad-, ad- в других формах от тех же корней объяснимы как формы, сохранившие последовательность незвонких фонем, то есть индоевропейскую последовательность глоттализованная+глухая (придыхательная): [**ueit'-t^{h}o-*], [**set'-t[^{h}]o-*], [**et'-t[^{h}]o-*], ср. др.-инд. sákthi- 'бедро' из [*sk[^{h}]ak'-t^{h}i*], ср. греч. *σκάζω* 'хромаю'. Из этих же исходных форм объяснимо и развитие в -st- в греческом и других индоевропейских диалектах. Эти вопросы будут рассмотрены ниже в связи с разбором развития смычных фонем серии I в отдельных индоевропейских диалектах.

[3] "Закон Бартоломэ" включает также и факты развития индоевропейских палатальных, которые исследуются ниже в связи с определением полной системы локальных рядов в индоевропейском.

в греческом и латинском могут быть подведены под общий принцип фонологических закономерностей индоевропейского языка.

Существенным отличием в аллофонном распределении фонем одной и той же серии — II или III — от распределения в контактной последовательности фонем серий II и III, засвидетельствованной лишь на стыках морфем [поскольку в пределах корня такая последовательность исключается, см. выше, *Правило (4)*], является ограниченность правил аллофонного распределения фонем этих серий обособленно в пределах данной контактной последовательности. Если при сочетании в последовательности фонем одной и той же серии в формах типа др.-инд. *bhudbhis* распределение придыхательных и непридыхательных аллофонов определяется как бы действием правил, считываемых справа налево в пределах всей словоформы (придыхательность первого справа элемента определяет непридыхательность предшествующего элемента, что, в свою очередь, определяет придыхательность следующего левого элемента и так до начала словоформы), то при сочетании фонем серий II и III на стыке морфем в контактной последовательности аллофонное взаимодействие прерывается после второго справа элемента, то есть учитывается лишь аллофонное распределение элементов, непосредственно участвующих в контактной последовательности[1]: [*b^{h}ud^h-]+[*-t^{h}o-]→[*bud^h-]+[*t^{h}o-]→[*bud-t^{h}o-]; эта последняя праформа лежит в основе как др.-инд. *buddhá-* (в результате прогрессивной ассимиляции по звонкости) и родственных форм, описываемых традиционно "законом Бартоломэ", так и греч. ἄ-πυστος и родственных форм, с отсутствием придыхательности начальной смычной.

Легко видеть, что такая интерпретация "закона Бартоломэ" дает фонологически более естественное и простое объяснение происхождения сочетания звонкий+звонкий придыхательный в индо-иранском по сравнению с традиционной теорией. В такой интерпретации "закон Бартоломэ" сводится к ассимилятивному изменению исходного сочетания [звонкий+глухой придыхательный] на один дифференциальный признак по правилу:

$$\begin{bmatrix} +\text{аспир} \\ -\text{звонк} \end{bmatrix} \rightarrow \begin{bmatrix} +\text{аспир} \\ +\text{звонк} \end{bmatrix} \Big| \begin{bmatrix} -\text{аспир} \\ +\text{звонк} \end{bmatrix}$$

В традиционной теории процесс, описываемый "законом Бартоломэ", предполагает изменение сочетания [звонкий придыхательный+глухой (непридыхательный)] на два дистинктивных признака с

[1] Такое ограничение правил аллофонного распределения смычных определяется, вероятно, характером участвующих в контактной последовательности фонем. Гетерогенные по признаку звонкости ~ глухости фонемы в контактной последовательности нарушают характерную для индоевропейской словоформы гармонию консонантных фонем по звонкости ~ глухости и тем самым разрушают целостность словоформы, ограничивая действие фонологических правил определенными отрезками. Такая дисгармония устраняется лишь в исторический период в отдельных диалектах в результате ассимиляции по звонкости или глухости.

ассимилятивным озвончением и переносом придыхательности на последующую согласную по *Правилу* (*a*):

(*a*) $$\begin{bmatrix} + \text{аспир} \\ + \text{звонк} \end{bmatrix} \begin{bmatrix} \pm\text{аспир} \\ - \text{звонк} \end{bmatrix} \rightarrow \begin{bmatrix} - \text{аспир} \\ + \text{звонк} \end{bmatrix} \begin{bmatrix} + \text{аспир} \\ + \text{звонк} \end{bmatrix}$$

Характерно при этом, что в древнеиндийском по традиционной теории наблюдается противоположная направленность ассимиляции по звонкости ~ глухости в формах типа *átti* 'он ест', из **ad-ti*, то есть *Правило* (*b*):

(*b*) $$[\,+\text{звонк}\,]\,[\,-\text{звонк}\,] \rightarrow [\,-\text{звонк}\,]\;\;[\,-\text{звонк}\,],$$

находящееся в явном противоречии с *Правилом* (*a*).

5. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ПОСТУЛИРОВАННОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ТРАЕКТОРИИ ФОНЕМНЫХ ПЕРЕХОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

5.1. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ГЕРМАНСКОЙ СИСТЕМЫ И «ЗАКОН ГРИММА»

В какой мере предлагаемая система трех серий смычных соответствует принципу диахронической выводимости, то есть возможно ли естественным путем, при допущении определенных типологически верифицируемых преобразований этих серий, из данной системы вывести системы исторически засвидетельствованных индоевропейских языков? Представляется, что предлагаемая здесь система трех серий смычных при ее полном соответствии синхронной типологии обладает свойством диахронической выводимости не в меньшей степени, чем традиционно известная система индоевропейских смычных.

Постулируемая система индоевропейских смычных лучше всего сохранилась в германском, армянском и, вероятно, анатолийском (хетто-лувийском). Для того, чтобы постулируемая в таком виде индоевропейская система смычных из трех серий трансформировалась в системы указанных языков, в этих последних следует допустить лишь незначительные фонетические преобразования.

В частности, в германской системе первая серия глоттализованных смычных отразилась как незвонкая, которая в прагерманском, возможно, характеризовалась глоттальной артикуляцией[1]:

[1] Следы такой глоттальной артикуляции фонем серии I в германском можно было бы видеть в некоторых просодических признаках, отразившихся в позднейших германских языках. Одним из возможных источников ларингальной (смычно-гортанной) артикуляции слогового сегмента типа датского *sted*, западноютского "толчка" и подобных явлений в западногерманских диалектах в словах типа исл. [va'tn] 'вода' *(Кацнельсон 1966; Либерман 1971 : 137—139)* можно было бы считать перенос признака глоттализации на весь слог с превращением этого признака в суперсегментный: и.-е. **μοt'-or/n- → *μa't-n-*. Превращение определенного сегментного признака фонемы в суперсегментный является широко распро-

И.-е. ***t'**: др.-исл. *íivar* 'боги', *Týr* 'бог войны', др.-англ. *Tīg* при др.-инд. *devá-*, лат. *deus* 'бог', греч. Ζεύς (*род. п.* Διός): и.-е. ***t'eu̯-**, ***t'ieu̯-** (=****dieu̯**-)[1]; гот. (*ga-*)*teihan* 'показывать', 'объяснять', др.-исл. *téa, tjá* 'показывать', др.-англ. *tēon* 'обвинять', 'выступать против' при др.-инд. *diśáti* 'показывает', лат. *dīcō* 'говорю', греч. δείκνυμι 'показываю': и.-е. ***t'eiK**$^{[h]}$. (=****deik̂**-); гот. *itan* 'есть', др.-исл. *eta*, др.-англ. *etan*, др.-в.-нем. *ezzan* при лат. *edō*, греч. ἔδομαι, др.-инд. *ádanam* 'пища': и.-е. ***et'**- (=****ed**-); гот. *satjan* 'сидеть', др.-исл. *sit*, др.-сакс. *sittiu* при др.-инд. *ásadat*, греч. ἕζομαι, лат. *sedeō*: и.-е. ***set'**- (=****sed**-);

И. -е. ***K'**: гот. *kunnan* 'знать', др.-исл. *kanna*, др.-в.-нем. *kunnan* при греч. γιγνώσκω 'знаю': и.-е. ***K'en**- (=****ĝen**-); гот. *kniu* 'колено' при др.-инд. *jā́nu*, греч. γόνυ: и.-е. ***K'enu**- (=****ĝenu**-); гот. *qiman* 'приходить' при др.-инд. *gámati* 'идет', греч. βαίνω 'иду': и.-е. ***K'em**- (=****g^{u}em**-); гот. *ik* 'я', др.-исл. *ek* при лат. *egō*, греч. ἐγώ 'я' (*местоим. 1-го л.*): и.-е. ***eK'**- (=****eĝ**-); гот. *akrs* 'поле', лат. *ager*, греч. ἄγριος 'полевой', 'дикий': и.-е. ***aK'r**-(=****aĝr**-).

Лабиальный член первой серии — глоттализованное /p'/ — в индоевропейском, по-видимому, отсутствовал. Можно привести лишь один-два примера с предполагаемой лабиальной фонемой первой серии в неначальной позиции в индоевропейских формах, имеющих ареальное распространение (см. выше, стр. 6 и след.).

Вторая звонкая серия индоевропейских смычных с придыхательными и непридыхательными аллофонами претерпевает спирантизацию и переход в соответствующие звонкие спиранты, которые в зависимости от позиции в слове отражались позднее как звонкие смычные (в начале слова) и звонкие фрикативные (в середине слова). Подобной спирантизации фонем серии II, по-видимому, содействовал сопутствовавший этим фонемам в индоевропейском признак придыхательности; именно придыхательные звуки имеют тенденцию к спирантизации.

Предполагается, что в начале слова проявлялась звонкая смычная, а в середине — звонкая фрикативная (*Прокош 1954: 69*). Не исключено, что такое распределение смычных и спирантов в рефлексах фонем серии

страненным явлением в разных языках (*Fischer-Jørgensen 1968; Елизаренкова 1974: 222—230; Hyman 1973; Иванов 1975а*).

Хорошей типологической параллелью такого развития признака глоттализации с превращением его в суперсегментный признак может служить пример глоттальной диссимиляции в лаху, одном из языков тибетско-бирманской группы. В лаху в определенных фонетических условиях происходит утеря глоттализации с превращением ее в признак высокого тона, вызвавшим преобразование первоначальной тональной системы языка (*см. Matisoff 1970*).

[1] Для ясности здесь и далее под двумя звездочками даются традиционные реконструкции в сопоставлении с предлагаемыми нами (под одной звездочкой).

II отражает древний порядок распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем серии II в индоевропейском[1]:

И.-е.*$\mathbf{b}^{[h]}$: гот. *baíran* 'нести, носить', др.-исл. *bera*, др.-англ., др.-в.-нем. *beran* при др.-инд. *bhárati*, греч. φέρω, лат. *ferō* 'несу': и.-е. *$\mathbf{b}^{[h]}$er-; гот. *brōþar* 'брат', др.-исл. *bróðir*, др.-в.-нем. *bruoder* при др.-инд. *bhrā́tar-*, греч. φράτηρ : и.-е. *$\mathbf{b}^{[h]}$rā$\mathbf{t}^{[h]}$er-; гот. *giban* 'давать', др.-исл. *gefa*, др.-англ. *giefan*, др.-в.-нем. *geban* при др.-инд. *gábhastiḥ* 'рука', лат. *habeō* 'держу', 'имею': и.-е. *$\mathbf{G}^{[h]}$a$\mathbf{b}^{[h]}$-;

И.-е.*$\mathbf{d}^{[h]}$: гот. *daigs* 'тесто', др.-исл. *deig*, др.-англ. *dāg*, др.-в.-нем. *teig* 'тесто' при др.-инд. *dehí* 'стена', греч. τεῖχος 'стена', лат. *fingō* 'леплю': и.-е. *$\mathbf{d}^{[h]}$e/o$\underset{\cdot}{\mathbf{i}}$$\mathbf{G}^{[h]}$-; гот. *daúr* 'ворота', др.-англ. *dor*, др.-в.-нем. *tor* при греч. θύρα 'дверь', лат. *forēs* 'ворота': и.-е. *$\mathbf{d}^{[h]}\underset{\cdot}{\mathbf{u}}$er-/*$\mathbf{d}^{[h]}\underset{\cdot}{\mathbf{u}}$r-; гот. *waúrd* 'слово', др.-в.-нем. *wort* при лат. *uerbum* 'слово': и.-е. *$\underset{\cdot}{\mathbf{u}}er\mathbf{d}^{[h]}$-/*$\underset{\cdot}{\mathbf{u}}or\mathbf{d}^{[h]}$-; гот. *baidjan* 'заставлять', 'принуждать', др.-исл. *beiða*, др.-англ. *bǣdan*, др.-в.-нем. *beitten* при греч. πείθομαι 'убеждаю', лат. *fīdō* 'верю': и.-е. *$\mathbf{b}^{[h]}$e$\underset{\cdot}{\mathbf{i}}$$\mathbf{d}^{[h]}$-;

И.-е. *$\mathbf{G}^{[h]}$: гот. *giban* 'давать' (см. выше); др.-в.-нем. *gān* 'идти', др.-англ., др.-сакс. *gān*, др.-шведск. *gā*, крым. гот. *geen* при др.-инд. *jáhāti* 'оставляет', греч. κιχάνω 'нахожу', 'настигаю': и.-е. *$\mathbf{G}^{[h]}$ē-; гот. *gards* 'дом', др.-исл. *garðr* 'двор', др.-сакс. *gard*, др.-англ. *geard* при др.-инд. *gr̥há-* 'дом': и.-е. *$\mathbf{G}^{[h]}$er$\mathbf{d}^{[h]}$-; гот. *daigs* 'тесто': и.-е. *$\mathbf{d}^{[h]}$e/o$\underset{\cdot}{\mathbf{i}}$$\mathbf{G}^{[h]}$-, см. выше.

Отражение индоевропейских фонем серии III в германском аналогично отражению фонем серии II. Придыхательные аллофоны индоевропейских глухих отражаются в германском как глухие спиранты, тогда как комбинаторно обусловленные непридыхательные аллофоны представлены в германском соответственно в виде непридыхательных рефлексов (в позиции после s-[2] и после глухой смычной, см. выше). В этом отношении преобразование фонем серии III в германском полностью соответствует преобразованию фонем серии II, в чем и проявляется параллелизм в развитии фонетически близко стоящих друг к другу серий индоевропейских смычных:

[1] Однако трудность такого предположения заключается в том, что контактная последовательность индоевропейских фонем серии III отражается в германском в виде обратного порядка: придыхательный — непридыхательный. В этом обнаружилось бы несоответствие между порядком распределения аллофонов в контактной и дистантной последовательности фонем. Вопрос этот требует дополнительного исследования и не может считаться в настоящее время окончательно решенным.

[2] Ср. типологически современный английский, в котором глухие смычные в начальной и интервокальной позициях характеризуются фонетически придыханием, в то время как в позиции после s придыхание отсутствует, ср. пары типа take [t^he$\underset{\cdot}{\text{i}}k^h$]: stake [ste$\underset{\cdot}{\text{i}}k^h$], *Bloomfield 1933: 99; Hockett 1958: 63; Гаисон 1959: 57.*

И.-е. *$p^{[h]}$: гот. *fadar* 'отец', др.-исл. *faðir*, др.-сакс. *fadar*, др.-в.-нем. *fater* при др.-инд. *pitár-*, греч. πατήρ : и.-е. *$p^{[h]}$ə$t^{[h]}$ēr; гот. *fōtus* 'нога', др.-исл. *fótr*, др.-англ. *fōt*, др.-в.-нем. *fuoz* при др-инд. *pad-*, греч. ποός, *род. п.* ποδός, лат. *pēs*, *род. п.* *pedis* : и.-е. *$p^{[h]}$ĕt'-, *$p^{[h]}$ŏt'- (=**pĕd-/**pŏd-); гот. *ufar* 'над', др.-исл. *yfir* при др.-инд. *upári*, греч. ὑπέρ : и.-е. *up$^{[h]}$er;

И.-е. *$t^{[h]}$: гот. *þiuda* 'народ', др.-в.-нем. *diot* при др.-ирл. *túath*, оск. *touto*, ст.-лит. *tautà* : и.-е. *$t^{[h]}$eu̯$t^{[h]}$-; гот. *uf-þanjan* 'простираться', др.-исл. *þenja*, др.-англ. ðenian, ðennan при др.-инд. *tanóti*, греч. τάνυται 'растягивается', лат. *tendō* 'тяну': и.-е. *$t^{[h]}$en-; гот. *brōþar* 'брат': и.-е. *$b^{[h]}$rā$t^{[h]}$er-, см. выше, стр. 37;

И.-е. *$K^{[h]}$: гот. *hliuma* 'слух', *мн. ч.* 'уши', др.-исл. *hljóð* 'тишина'; 'звук', др.-англ. *hlēoðor*, др.-в.-нем. *hliodar* 'звук' при греч. κλέ(*F*)ω 'славлю', др.-инд. *śr̥nóti* 'он слышит': и.-е. *$K^{[h]}$leu̯-; гот. *haírtō* 'сердце', др.-исл. *hjarta*, др.-англ. *heorte*, др.-в.-нем. *herza* при лат. *cor*, *род. п.* *cordis*, греч. κῆρ, καρδία : и.-е. *$K^{[h]}$er-; гот. *taíhun* 'десять' при лат. *decem*, греч. δέκα : и.-е. *t'e$K^{[h]}$m̥ (=**dekm̥).

В формах, отражающих фонему серии III перед ударной гласной (после безударной), происходит озвончение фрикативной по "закону Вернера" типа гот. *fadar*, др.-исл. *faðir*, где звонкая фрикативная *đ* возникает в результате озвончения глухой фрикативной θ, закономерно отражающей индоевропейское *t^{h}. Следовательно, в этой позиции фонемы серии III совпадают с рефлексами фонем серии II *(Kuryłowicz 1973b : 69)*, в чем также можно видеть след их былой фонетической близости.

В результате описанных выше преобразований исходной индоевропейской системы в германском происходит некоторая перестройка древних фонологических соотношений между тремя сериями смычных. Аллофонные чередования, выражавшиеся в индоевропейском в различении придыхательных и непридыхательных вариантов фонем серии II, преобразовываются в различение звонких смычных и звонких спирантизованных в качестве вариантов единой звонкой фонемы. Аллофонное различение по признаку придыхательный ~ непридыхательный преобразуется в германском в различение по признаку прерывный ~ непрерывный.

Аналогичный процесс спирантизации придыхательных аллофонов глухих индоевропейских фонем в германском, фонетически сходный с преобразованиями, происшедшими в фонемах серии II, вызвал более глубокие фонологические преобразования по сравнению с исходной системой.

В результате спирантизации фонем серии III в германском сформировалась особая фонемная серия (глухих) фрикативных фонем /f/, /θ/, /x/, противостоящая глухим смычным (рефлексам фонем серии I) по признаку прерывности ~ непрерывности (*см. Табл. 6* и правила преобразования наборов дифференциальных признаков). С рефлексами серии I совпали также в германском непридыхательные варианты индоевропейских фонем серии III.

Озвончение фонетически глухих придыхательных фонем в предударной позиции в раннегерманском по "закону Вернера"[1] вызывает совпадение исконных (глухих) фрикативных *f*, θ, *x*, x^w со спирантизованными вариантами звонких фонем, которые совместно с *b*, *d*, *g* объединяются соответственно в единые фонемы b/β, d/δ, g/γ, g^w/γ^w[2].

Таким образом, индоевропейские рефлексы трех исходных серий смычных претерпевают в германском перегруппировку, приведшую к перестройке всей германской фонологической системы (*см. Табл. 6*):

ТАБЛИЦА 6

ВЫВОД ГЕРМАНСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

I	II	III		I	II	III
(p^x)	$b^{[h]}$	$p^{[h]}$	⇒	(p)	b/β	f
t^x	$d^{[h]}$	$t^{[h]}$		t	d/δ	θ
K^x	$G^{[h]}$	$K^{[h]}$		k	g/γ	h
				k^w	g^w/γ^w	h^w

В терминах преобразования наборов дифференциальных признаков, характеризующих отдельные серии, а не конкретные фонемы этих серий (т. е. наборов, полученных при элиминации признаков, дающих отождествление отдельных фонем), эти трансформации по сериям могут быть представлены следующими правилами переписывания (6):

a. $\left\{\begin{matrix}[+\ глоттал] \\ (-\ звонк)\end{matrix}\right\} \Rightarrow \left[\begin{matrix}-глоттал \\ -звонк\end{matrix}\right] \Big| \left[\begin{matrix}-\ слогов \\ +\ смычн\end{matrix}\right]$

b. $\left\{\begin{matrix}[+\ смычн] \\ [+\ аспир]\end{matrix}\right\} \Rightarrow \left[\begin{matrix}\pm\ смычн \\ -\ аспир\end{matrix}\right] \Big| \left[\begin{matrix}-\ слогов \\ +\ звонк\end{matrix}\right]$

c. $[+\ смычн] \Rightarrow [-\ смычн] \Big| \left\{\begin{matrix}\left[\begin{matrix}-\ слогов \\ -\ звонк\end{matrix}\right] \\ [+\ аспир]\end{matrix}\right\}$

[1] Обращает на себя внимание то, что "закон Вернера" действует только в отношении глухих фрикативных, превращая их в звонкие. Действие этого закона не распространяется на германские глухие смычные, что не вполне понятно с типологической точки зрения. Вероятное объяснение этому следует искать в характере возникших в германском фонемных серий. Для германских глухих смычных, отражающих серию I индоевропейских фонем, признак глухости–звонкости, которым они противопоставлялись фонемам серии II, был фонологически релевантным, тогда как фрикативные фонемы серии III не противопоставлялись особой серии фрикативных по признаку звонкости. Озвончение фрикативных фонем этой серии в германском под влиянием последующего ударения носило первоначально, по всей видимости, чисто фонетический характер и лишь в дальнейшем привело к особому фонологическому перераспределению аллофонов. О "законе Вернера" в германском в свете предлагаемой нами теории индоевропейского консонантизма см. также *Normier 1977*.

[2] Возникает фонологическая система, типологически сходная с современной исландской.

Предполагаемые здесь для германской языковой системы фонологические трансформации исходной индоевропейской системы, приведшие к образованию и оформлению фонологических систем исторических германских языков, существенно отличаются от тех процессов, которые принимались в классической индоевропейской грамматике для объяснения становления германского консонантизма и формулировались как "закон Гримма"[1] в части, касающейся первого, общегерманского "передвижения согласных" *(die erste Lautverschiebung)*.

В традиционной теории передвижения индоевропейских согласных в германских языках хронологию такого передвижения пытались устанавливать на основании фактов передачи слов из германских языков, заимствованных в прибалтийско-финском, а также на основании написания германских имен собственных у античных авторов и передачи в германских языках слов, заимствованных из других языков *(Прокош 1954 : 44)*. Привлекаются к анализу такие готские заимствования, как *Krēks* 'грек' (лат. *Graecus*), *paida* 'сюртук', 'рубаха' (ср. греч. βαίτη 'одежда из шкур') и др.

Однако из анализа такого заимствованного иноязычного материала не может быть сделано однозначное заключение относительно тех или иных фонологических преобразований в языке, так как окончательные выводы зависят всецело от принимаемой концепции диахронического развития данной конкретной фонологической системы. При этом закономерности, наблюдаемые в фонетических изменениях заимствованных слов, могут быть истолкованы как адаптация их фонологической системе заимствующего языка. В частности, оглушение греческого и латинского звонких в отмеченных выше формах в готском явилось, очевидно, результатом преобразования этих слов и приспособления их к германскому консонантизму, где звонкие взрывные, восходящие к индоевропейским фонемам серии II, чередовались с соответствующими спирантами в пределах единой фонемы и отличались фонетически, вероятно, низкой степенью звонкости. Этим и следует объяснить оглушение иноязычных звонких в германских языках, в частности готском (*ср. Гухман apud Прокош 1954: 353; Normier 1977 : 187*).

Основные изменения, происшедшие в германской системе смычных, ограничиваются по существу фонетическим процессом спирантизации аллофонов фонем серий II и III. Хотя этот фонетический процесс и привел к фонологической перестройке германской системы смычных по сравнению с общеиндоевропейской, о каком-либо "передвижении" исходных фонологических серий в германском говорить не приходится. Германская фонологическая система сохраняет исходные фонологические черты первоначальной индоевропейской системы в отношении признаков глухости—звон-

[1] По "закону Гримма" первое, общегерманское передвижение согласных выразилось в следующих фонемных переходах:

и.-е.	b	d	g	→ герм.	p	t	k
	b^h	d^h	g^h		b	d	g
	p	t	k		p^h	t^h	k^h → f θ x (h)

(Прокош 1954; Fourquet 1948; Abrahams 1949).

кости и аспирации. Германская фонологическая система характеризуется скорее архаичностью[1] и близостью к древним фонологическим соотношениям серий по признакам звонкости ~ глухости и аспирации.

5.2. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ АРМЯНСКОЙ СИСТЕМЫ

Другой, возможно еще более архаичной, системой среди индоевропейских, близкой к общеиндоевропейской по фонологическому соотношению серий, является система армянского консонантизма.

Глоттализованная серия I индоевропейских смычных отразилась в армянском как серия незвонких смычных, которые в ряде современных армянских диалектов выступают как глоттализованные. Существует предположение, согласно которому и в древнеармянском языке эта серия смычных была глоттализованной *(Solta 1963)*. Если верно это предположение[2], то серию армянских глоттализованных следует считать непосредственным продолжением серии I индоевропейских глоттализованных смычных (см. также *Kortlandt 1978: 13 и след.*; *Hagège/Haudricourt 1978: 123—125)*.

Однако фонологический статус признака глоттализации в древнеармянском существенно меняется по сравнению с индоевропейской системой. Если глоттализация в серии I индоевропейских фонем является фонологически существенным признаком, противопоставляющим эту серию глухой (придыхательной) серии III, то в армянском, где возникает фонологически релевантная серия глухих придыхательных, признак глоттализации при фонемах серии I становится фонологически нерелевантным (избыточным). Этим и следует объяснить в ряде армянских диалектов (как и, возможно, в грабаре) утрату признака глоттализации:

И.-е. ***t'**: арм. *tun* 'дом', *твор. п. tamb, род.-дат. п. tan* при др.-инд. *dam-* (в *dám-patiḥ* 'хозяин дома'), *dámaḥ*, греч. δόμος, лат. *domus*, ст.-слав. *domŭ* : из и.-е. ***t'om-** (=****dom-**); арм. *tam* 'даю', *tamk̂ (1 л. мн. ч.)*, *аорист etu* при др.-инд. *ádām* (*аорист* от *dádāmi*), греч. δίδωμι, *аорист* ἔδωκα, лат. *dō*, *dăre*, ст.-слав. *damĭ* 'дам': из и.-е. ***t'ō-(=**dō-)**; арм. *utem* 'ем' при гот. *itan*, лат. *edō*: и.-е. ***et'-/*ot'-(=**e/od-)**;

[1] Ср. сделанные ранее на основании других фактов выводы о консерватизме германской фонологии (*Lehmann 1952*).

[2] Частотные соотношения между глухими смычными и глухими придыхательными свидетельствуют как будто против допущения глоттализованного характера глухих смычных в классическом армянском: глухие смычные преобладают над глухими придыхательными *(Меликишвили И. 1972)*. Но даже и в этом случае вряд ли можно заключения, полученные на основании анализа определенных текстов, распространять на весь древнеармянский язык, который едва ли был однородным и, по-видимому, мог включать разные диалекты; в частности, некоторые современные диалекты армянского языка с глоттализованными согласными могут считаться в этом смысле продолжением этих армянских диалектов.

С другой стороны, следы признака глоттализации индоевропейских фонем серии I можно было бы усмотреть в армянском также в глоттализованности армянской аффрикаты [c̓], представляющей собой ассибилированный рефлекс индоевропейской глоттализованной заднеязычной фонемы: ср. и.-е. ***K'en-**: арм. cin 'род', 'рождение'; и.-е. ***K'er-**: арм. cer 'старый, старец' (см. об этом подробнее — ниже).

И.-е. *K': арм. *kin* 'женщина', 'жена', гот. *qinō*, др.-инд. *gnā́*, греч. γυνή, ст.-слав. *žena*: и.-е. ***K'en-ā** (=***g^{w}en-ā*); арм. *karkut* 'град' (по Мейе — из редупликации) при лат. *grandō*, ст.-слав. *gradŭ* 'град'.

Еще более несомненным представляется архаизм армянского в отношении серии II индоевропейских смычных — звонких (придыхательных). Согласно традиционной точке зрения, индоевропейские звонкие придыхательные отразились в армянском в виде чистых звонких (*Meillet 1936*, но ср. иную интерпретацию армянских звонких в качестве рефлексов звонких придыхательных, намеченную еще в работе *Meillet 1922 : 13*). Обнаружение в ряде современных армянских диалектов звонких придыхательных звуков, соответствующих в определенных случаях индоевропейским фонемам серии II, ставит по-новому вопрос о возможном отражении в армянском индоевропейских звонких придыхательных (*Гарибян 1959; ср. Джаукян 1960; Фурке 1959 ; Леман 1961; Пизани 1961; Заброцкий 1961; Макаев 1961; Иванов 1959*).

Дистрибутивный анализ звонких придыхательных звуков в армянских диалектах дает основание считать звонкие придыхательные и чистые звонкие аллофонами единой фонемы, которую можно охарактеризовать как звонкую фонему с придыханием в качестве фонологически нерелевантного признака (*ср. Allen 1951 : 199—204*). Звонкие придыхательные выступают в этих диалектах исключительно в начале слова, тогда как в неначальной позиции выступает соответствующий непридыхательный звук.

Примечательно, что Бенвенист (*Benveniste 1959; Бенвенист 1961*) и Фогт (*Vogt 1958; Фогт 1961*, ср. также *Vogt 1938 : 327 и след.*) независимо друг от друга приходят к выводу о наличии в древнеармянском звонких придыхательных, соответствующих индоевропейским (ср. предвосхищение этого вывода в ранних работах Педерсена, *Pedersen 1904 : 336 — 337; 1921 : 45 и след.*). Предполагается, что графемы *b*, *d*, *g* в грабаре передают звонкие придыхательные звуки, соответственно [b^{h}], [d^{h}], [g^{h}].

Приемлемая в общем интерпретация армянских *b*, *d*, *g*, предлагаемая Бенвенистом и Фогтом, может быть уточнена в том смысле, что не во всех допустимых позициях *b*, *d*, *g* отражают звонкий придыхательный звук. Судя по данным современных армянских диалектов, можно предположить, что за этими графическими символами в грабаре скрываются как придыхательные [b^{h}], [d^{h}], [g^{h}], так и соответствующие непридыхательные в зависимости от распределения этих звуков в слове. Придыхательные [b^{h}], [d^{h}], [g^{h}] и соответствующие непридыхательные были, как и в современных армянских диалектах, аллофонами единых фонем, определяемых, по всей видимости, как звонкие смычные с аспирацией в качестве фонологически нерелевантного признака (*ср. также Джаукян 1967 b : 52*).

Трудно установить дистрибуцию этих фонем в грабаре, поскольку различия аллофонов не отражены на письме, но, тем не менее, на основании дистрибуции аналогичных аллофонов в современных армянских диа-

лектах можно составить приблизительные модели их распределения в древнеармянском.

Исходя из данных некоторых современных диалектов, можно предположить, что фонемы эти проявлялись в начале слова в виде придыхательных аллофонов, не в начальной позиции — в виде непридыхательных[1]. Такая модель распределения аллофонов индоевропейских звонких смычных должна была быть характерна для того ареала индоевропейских диалектов, в который включался и древнеармянский.

Таким образом, можно считать, что древнеармянский язык и ряд современных диалектов сохранили почти без изменений аллофонические различия и вероятные модели дистрибуции звонких фонем серии II:

И.-е. *$\mathbf{b}^{[h]}$: др.-арм. *berem* [b^herem] 'несу' при гот. *baíran*, др.-инд. *bhárāmi*, лат. *ferō*, греч. φέρω: из и.-е. [*$\mathbf{b}^h$er-]; др.-арм. *-berj* [b^herʒ] 'высота', *barjr* [b^harʒr] 'высокий' при др.-инд. *bṛhánt-* 'высокий', ст.-лат. *forctis* 'сильный', гот. *baírgahei* 'гористая местность': из и.-е. *$\mathbf{b}^{[h]}$er-G$^{[h]}$-;

И.-е. *$\mathbf{d}^{[h]}$: арм. *durn*, *мн. ч. dur-k'* [d^hur-k^h] 'дверь' при гот. *daúr*, греч. θύρα, лат. *forēs*: из и.-е. [*$\mathbf{d}^h$ur-]; арм. *dizanem* [d^hizanem] 'сваливаю в кучу' при лат. *fingō* 'леплю', др.-инд. *dehí* 'стена', греч. τεῖχος 'стена': из и.-е. *$\mathbf{d}^h$eiG-/*deiG^h-;

И.-е. *G$^{[h]}$: арм. *gom* [g^hom] 'хлев' при др.-исл. *gammi* 'землянка', дат. *gamme* 'хлев': из и.-е. *$\mathbf{G}^h$om-.

Индоевропейские глухие (придыхательные) смычные фонемы серии III отразились в армянском адекватно в виде глухих придыхательных [p^h], [t^h], [k^h]. При этом [p^h] претерпевает в армянском дальнейшее развитие в *f*→*h*→*Ø* (в начале слова), типологически сопоставимое с развитием в кельтском. Такое [p^h] сохраняется в начальной позиции после *s-* (а также, вероятно, в позиции перед *-s*, ср. арм. *ep'em* 'варю' при греч. ἕφω 'варю', 'кипячу', *см. Pokorny 1959 : 325*). В такой позиции, то есть в позиции ##*s-*, армянский, как и древнеиндийский, показывает придыхательные звуки, отражающие индоевропейские придыхательные аллофоны фонем серии III. В интервокальной позиции *-p^h* дает в армянском *-w-*, являющееся результатом озвончения *-*f*-<*-p^h-; *t^h- переходит в *-θ->*-*h*-> *Ø*:

И.-е. *$\mathbf{p}^{[h]}$: арм. *otn* 'нога', *het* 'след ноги' при лат. *pēs*, *род. п. pedis*, греч. πούς, *род. п.* ποδός, др.-инд. *pad-*: из и.-е. *$\mathbf{p}^{[h]}$et'-, *$\mathbf{p}^{[h]}$ot'-; арм. *hayr* 'отец' (ср. др.-ирл. *athir*), гот. *fadar*, лат. *pater*, греч. πατήρ, др.-инд. *pitár-*: из и.-е. *$\mathbf{p}^{[h]}$ət$^{[h]}$ēr; арм. *hoviw* 'пастух' при др.-инд. *avi-pā(lá)-* 'овечий пастух': из и.-е.*ou̯i-$\mathbf{p}^{[h]}$ā-;

[1] Тем самым как бы устанавливается связь между грабаром и теми армянскими диалектами, которые не различают придыхательных звонких и непридыхательных, а также и теми диалектами, в которых наличествуют звонкие придыхательные. Первая группа армянских диалектов возникает в результате утери в определенных диалектах древнеармянского языка нефонологического признака придыхания при звонких смычных, тогда как вторая группа диалектов характеризуется сохранением звонких придыхательных наряду с чистыми звонкими в качестве комбинаторных вариантов единых фонем, продолжая в этом смысле соотношения, предполагаемые для грабара.

И.-е. *sp[h]: арм. *p̀eĺk* 'кусок дерева' при др.-исл. *spjalkir* (*мн. ч.*) 'Speiler', др.-англ. *spelc*, валл. *fflochen* 'заноза', греч. φελγύνει ' ἀσυνετεῖ, λῆρεῖ *(Гесихий)* : из и.-е. [*sp^{h}elG-]; арм. *p̀und* 'сосуд' при лат. *sponda* 'подставка', 'ложе', ср.-ирл. *sonn* 'столб', валл. *ffon* 'палка': из и.-е. [*sp^{h}on-d^h-]; арм. *p̀erť* 'отрезанный кусок' при др.-исл. *spjǫrr* 'лоскут', 'тряпка', греч. σπαράσσω 'срываю': из и.-е. [*sp^{h}er-];

И.-е. *t[h]: арм. *taŕamim*, *taršamim* 'увядаю', 'сохну' при греч. τέρσομαι 'сохну', др.-инд. *tr̥syati* 'жаждет', лат. *torreō* 'сушу', гот. *þaúrsjan* 'жаждать': из и.-е. [*t^{h}er-s-]; арм. *haγr* 'отец', см. выше;

И.-е. *st[h]-: арм. *takn*, *род. п. takan* 'дубина' при др.-исл. *stjaki* 'кол', 'шест', ст.-слав. *stogŭ* 'стог': из и.-е. [*st^{h}eK'-];

И.-е. *K[h]: арм. *c'ax* 'ветвь' при др.-инд. *śākhā* 'ветвь', гот. *hōha* 'плуг', лит. *šakà* 'ветвь': из и.-е. [*KaK^h-]; арм. *lk̂anem* 'оставляю' при лат. *linquō*, др.-инд. *riṇákti* 'оставляет': из и.-е. [*leiK^h-];

И.-е. *sk[h]: арм. *sxalem* 'спотыкаюсь', 'преступаю, заблуждаюсь' при др.-инд. *skhálate* 'спотыкается': из и.-е. [*sk^{h}el-].

Отражение индоевропейских серий смычных в армянском представлено на *Табл. 7* и в правилах преобразования (7):

ТАБЛИЦА 7

ВЫВОД АРМЯНСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

I	II	III	⇒	I	II	III
(p')	b^h/b	p[h]		p[']	b[h]	p^h
t'	d^h/d	t[h]		t[']	d[h]	t^h
K'	G^h/G	K[h]		k[']	g[h]	k^h

7) a. $$\left\{\begin{matrix}[+\ глоттал]\\(-\ звонк)\end{matrix}\right\} \rightarrow \left\{\begin{matrix}[\pm\ глоттал]\\[-\ звонк]\end{matrix}\right\} \mid \left[\begin{matrix}-\ слогов\\ \underline{+\ смычн}\end{matrix}\right]$$

b. $$X \Rightarrow X \quad \mid \left\{\left[\begin{matrix}-\ слогов\\+\ смычн\\+\ звонк\end{matrix}\right]\right\}$$

c. $$[+\ аспир] \rightarrow [+\ аспир] \mid \left[\begin{matrix}-\ слогов\\+\ смычн\\ \underline{-\ звонк}\end{matrix}\right]$$

Таким образом, анализ древнеармянской системы смычных в соотнесении с индоевропейской системой позволяет судить об исключительной архаичности армянской системы. Исходная индоевропейская система смычных не претерпела значительных фонологических трансформаций в армянском. Тем самым снимается вопрос о "передвижении согласных" в армян-

ском, аналогичном германскому передвижению согласных *(Фурке 1959)*. Армянская система смычных отображает фактически индоевропейскую систему в отношении серий без существенных фонологических изменений. Армянская система смычных наряду с германской наиболее близка к исходной индоевропейской системе.

5.3. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ АНАТОЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ

К архаичным системам можно отнести также систему смычных анатолийских (хетто-лувийских) языков. В клинописном хеттском явно противопоставляются два ряда смычных, различающихся на письме с помощью удвоенного и неудвоенного (простого) написания соответствующих согласных там, где это было возможно в силлабической системе письма, то есть в срединном (интервокальном) положении. При этом хеттские рефлексы серии III смычных передаются в сдвоенном написании согласного, тогда как рефлексы серий I и II отражены, как правило, в несдвоенном (простом) написании соответствующего согласного ("закон Стертеванта"), ср. также *Jucquois 1972*:

Хет. *i-u-kán* 'ярмо' (KBo III 41 II 6), *i-ú-ga-an* (KUB VII 8 II 8); *i-u-ki* (KUB XIII 5 II 21) 'ярмо': др.-инд. *yugá-*, греч. ζυγόν, лат. *iugum*, гот. *juk* 'ярмо';

Хет. *ne-pí-iš* 'небо' (Al. A IV 26), *ne-pí-ša-aš* (2BoTU 7, 51): греч. νέφος, др.-инд. *nábhaḥ* 'облако';

Хет. *te-pu-* 'малый' (MS, Vs. 4), *te-pa-u-eš* (Madd., Vs. 48), *отл. п. te-pa-u-ṷa-az* (Hat. II 21): др.-инд. *dabhráḥ* 'малый', *dabhnóti* 'повреждает';

Хет. *šu-up-pa-ri-ya-zi* (KUB XX 86 10) 'спит': греч. ὕπνος, др.-инд. *svápnaḥ* 'сон';

Хет. *1 л. ед. ч. пр. вр. e-ip-pu-un* 'взял' (KUB XIV 15 IV 36), *3 л. мн. ч. e-ip-pir* (KBo III 4 II 34), *прич. ap-pa-an-za* (KUB XIX 37 II 22): лат. *apiscor* 'достигаю', др.-инд. *ā́pnoti* 'достигает';

Хет. *ḫa-ap-pár* (ХЗ, §§ 48, 69) 'цена', 'стоимость', *ḫa-ap-pa-ra-iz-zi* (KBo VI 10 III 28) 'продает': др.-инд. *ápnaḥ* 'имущество', греч. ἀφνειός 'богатый', лат. *ops*, *род. п. opis* 'богатство', 'добро';

Хет. *kat-ta* 'под, вниз', 'у': греч. κατά;

Хет. *pat-tar* 'крыло': др.-инд. *pátatra-* 'крыло', греч. πτερόν 'перо', 'крыло';

Хет. *ú-it-ti* (2BoTU 7, 10) 'год', *ú-i-it-ti* (KUB IV 72, Rs. 2) *мест. п.*: греч. Fέτος 'год', лат. *uetus*, *род. п. -eris* 'старый';

Хет. *ṷa-a-tar* 'вода'; *ú-i-ti* (KBo III 8 III 2) 'в воде', *ṷi-ta-az* 'из воды' (KUB XXI 19 III 17): греч. ὕδωρ, *род. пад.* ὕδατος 'вода';

Хет. *lu-uk-kat-ta* (KBo VI 2, Rs. 47; см. о хеттских формах от этого корня *Hoffmann 1968*) 'рассветает': лат. *lūceō* 'быть светлым', *lūx* 'свет', греч. λευκός 'белый';

Хет. *ne-ku-ma-an-za* (Madd., Vs. 51; KUB XIII 4 III 32) 'голый': лат. *nūdus*, гот. *naqaþs* 'голый';

Хет. *им. п. мн. ч. da-lu-ga-e-eš* 'долгий', *ta-lu-kiš-zi* 'становится долгим' (KUB VIII 6, Vs. 14, 16): др.-инд. *dirghá-*, греч. δολιχός, ст.-слав. *dlъgъ* 'долгий', 'длинный', *Трубачев 1978, 5 : 209*.

Удвоение согласного, восходящего к индоевропейскому (придыхательному) смычному, обнаруживается в хеттской графике лишь в интервокальной позиции, что естественно для слоговой хеттской клинописи. В начале или в конце слова графическое удвоение, естественно, отсутствует. Наблюдаемое написание *i-tar* 'хождение' (ср. лат. *iter* 'дорога', тох. A *ytār*) с индоевропейским суффиксом *-$t^{[h]}$er /*-$t^{[h]}$or /*-$t^{[h]}_{\text{r}}$ может отражать в хеттском *$t^{[h]}$ перед слоговым сонантом, чем и следует объяснить регулярное простое написание *t* в суффиксе *-tar*, ср. в отличие от этого нормальное удвоение согласного в хеттской форме *ki-it-ta(-ri)* 'лежит' с интервокальным *-tt-*, восходящим к индоевропейскому *-$t^{[h]}$- : греч. κεῖται, др.-инд. *śéte* 'лежит' (формы с суффиксом *-ttar* встречаются крайне редко).

Есть основание полагать, что сдвоенное написание передает в хеттском придыхательные (интенсивные) согласные, тогда как простое написание отражает противопоставляемые им соответствующие непридыхательные (неинтенсивные) согласные (*Гамкрелидзе 1961: 231 и след.*). В этом смысле можно утверждать, что индоевропейские глухие (придыхательные) фонемы отразились в хеттском в виде глухих придыхательных, тогда как индоевропейские глоттализованные и звонкие придыхательные слились в общую серию непридыхательных, противопоставленную фонологически придыхательным рефлексам серии III индоевропейских фонем. Такое противопоставление двух серий хеттских взрывных выразилось на письме графическим удвоением знаков для соответствующих согласных в противовес их простому написанию *(Гамкрелидзе 1959а; Gamkrelidze 1961)*.

Редукция трех серий индоевропейских смычных в две серии, противопоставляемые по признаку аспирации, — явление собственно хеттское, совершившееся уже в эпоху обособленного развития хеттского языка. Для общеанатолийского периода (и для определенной эпохи дописьменного периода истории хеттского языка) можно предположить наличие в системе трех серий смычных, соответствующих трем сериям индоевропейских фонем. Дело в том, что в хеттских рефлексах индоевропейских дентальных фонем этих трех серий, т. е. фонем *t', $t^{[h]}$, *$d^{[h]}$ в позиции перед *i сохранились следы их первоначального различия, в частности *t'i- отразилось как *ši-* [si-], *-$t^{[h]}$i дало *-zzi* [-tsi], а последовательность *$d^{[h]}$i- представлена как *t/di-*:

И.-е. [*-t'i]: хет. *šiuatt-* 'день'; *šiuanni-*, *šiuni-*/*šiuna-* 'бог', ^{D}*Šiuaz* 'дневное божество' (ср. пал. ^{D}*Tiuaz* : лат. *diēs, deus, dīuus*, и.-е. *t'ieus): И.-е. [*-$t^{[h]}$i]: хет. *оконч. 3 л. ед. ч. -zi*: *e-eš-zi* 'есть', *3 л. мн. ч. -anzi* (и.-е. *-ont$^{[h]}$i): *a-ša-an-zi* 'суть' (ср. лув. *3 л. ед. ч. a-an-ni-i-ti* 'делает', *мн. ч. ḫi-iš-ḫi-ia-an-ti* 'связывают'; пал. *atanti* 'едят', *aḫauant:* 'пьют' при хет. *adanzi* 'едят', *akuanzi* 'пьют').

В лувийском и палайском, очевидно, процесс ассибиляции дентальных перед гласным переднего ряда *i* не произошел, из чего делается зак-

лючение, что процесс ассибиляции является процессом собственно хеттским, а различные результаты этого процесса в зависимости от характера дентальных указывают на существование в хеттском еще в дописьменную эпоху противопоставления друг другу трех серий смычных (при допущении возможности перенесения этого обобщения на другие локальные ряды). Тем более следует допустить наличие трех согласных, отражающих три серии индоевропейских смычных, в общеанатолийском (общехетто-лувийском).

При фонологической интерпретации трех серий смычных в хетто-лувийском приходится учитывать существенные трудности, связанные с графической передачей фонем в клинообразной системе письма. Однако можно утверждать с большим вероятием, что рефлексы серии III индоевропейских смычных, передаваемые в исторический период в хеттском с помощью удвоения знаков для соответствующих согласных, образовывали серию глухих придыхательных фонем и тем самым отражали в общем характер этой индоевропейской серии. При ассибиляции дентальной фонемы этой серии $*t^{[h]}$ возникала глухая аффиката *z* [ts].

Любопытно, что ассибиляция древнехеттского рефлекса индоевропейской дентальной фонемы /*t'/ дает в хеттском глухой спирант s. И в этом факте косвенно проявляется незвонкость рефлексов индоевропейских фонем серии I.

Ассибиляция такого вида могла возникнуть как в результате палатализации чистой глухой [t], так и при изменении глоттализованного звука [*t'] с промежуточным этапом в виде глоттализованной аффрикаты [*c'], то есть *t' > *c' > s.

Любопытно, что глухая придыхательная дает при ассибиляции именно аффрикату *c* [ts], которая в дальнейшем не претерпевает дезаффрикатизации. Допущение развития *t' > *c' > s свидетельствовало бы о параллелизме и сходстве начальных этапов процессов:

$$*t' > *c' > s \quad \text{и} \quad *t^{h} > c.$$

Такое допущение предполагает глоттализованный характер и остальных фонем этой хетто-лувийской серии, соответствующей серии I индоевропейских смычных. Однако глоттализация в этой системе, ввиду наличия серии глухих придыхательных фонем, не должна была обладать фонологически релевантным характером, поскольку глоттализованные в хетто-лувийском, наподобие соотношений в древнеармянской системе, должны были противостоять серии глухих придыхательных фонем не по признаку глоттализации, а по признаку наличия или отсутствия аспирации (resp. интенсивности). Такой избыточный признак глоттализации мог исчезнуть в отдельных хетто-лувийских языках, что, возможно, и способствовало позднее слиянию в хеттском этой серии индоевропейских смычных с рефлексами индоевропейских фонем серии II.

Как было указано выше, хеттский рефлекс дентальной индоевропейской фонемы серии II $*d^{[h]}$ не претерпевает ассибиляции перед *i*, в отли-

чие от соответствующих рефлексов фонем серий I и III, что, собственно говоря, и служит основанием для допущения исконного различия рефлексов трех индоевропейских серий в дописьменный период развития хетто-лувийских языков.

Подобное отсутствие ассибиляции при рефлексе индоевропейского *d[h], в отличие от поведения хетто-лувийских фонем, отражающих индоевропейское *t' и *t[h], можно было бы объяснить фонетическим характером этого хетто-лувийского звука, который мог иметь особенности, препятствовавшие его ассибиляции. Такой особенностью могла являться звонкость сама по себе[1], либо аспирация при звонкости, которая с чисто фонетической точки зрения сегментирует звуковую единицу на два отрезка и тем самым отделяет момент смычки, за которым следует придыхание (*Ladefoged 1967*; *1971*; *Lass 1974*), от палатализующего влияния гласного переднего ряда.

Интерпретация отсутствия ассибиляции при хетто-лувийских рефлексах индоевропейских смычных серии II позволяет рассматривать их в период действия процесса палатализации в хетто-лувийском как звонкие фонемы с элементом аспирации, который мог быть утрачен значительно позднее, возможно, уже в период обособленного развития хеттского языка[2] (ср. о передаче их в клинописи *Oettinger 1979 : 532—556*).

Тем самым рефлексы индоевропейских смычных серий I и II слились в общую серию[3], противопоставленную рефлексам серии III как непридыхательные придыхательным, что и отразилось в хеттском письме исторической эпохи в простом и сдвоенном написании соответствующих согласных.

Таким образом, для общеанатолийского (хетто-лувийского) и, вероятно, для ранних этапов развития отдельных хетто-лувийских языков, в первую очередь клинописного хеттского, следует допустить три фонологически противопоставленные серии смычных, отражающие соответственно

[1] Ср. факт отсутствия в греческом ассибиляции звонкого d перед i (di > греч. δι-) при ассибиляции глухого дентального τι>σι.

[2] Другим примером, свидетельствующим о различении в раннехеттском рефлексов серий I и II, может служить приводимый в последнее время факт различного отражения в хеттском индоевропейского *k'^{0} и *g[h]^{0} (=**gʷ и **gʷh) в начальной позиции (*ср. Puhvel 1972 : 668; 1974*) в формах типа хет. kagar- 'пожирать' : др.-инд. giráti 'пожирает', авест. ǰaraiti 'пожирает', рус. *жру*, греч. βιβρώσκω 'пожираю'; βρόπτειν. ἐσθίειν 'пожирать' (*Гесихий*); хет. *kišt-* 'гаснуть' : др.-инд. jásate 'выдыхается', тох. B käs- 'быть погашенным', греч. σβέννυμι 'гашу', гом. σβέσσαι, лит. gèsti, ст.-слав. u-gasiti 'гасить'; ср. также хет. *kašt-*, *kištant-* 'голод', возможно, от того же корня при тох. A *kaṣt*, др.-инд. jásuri- 'изголодавшийся' (*Mayrhofer 1956, I: 425*), если не верно сближение с др.-инд. ghas-, авест. gah- 'пожирать' (о дэвовских существах), *Топоров 1975-, 2 : 180*. Фонема серии I *k'^{0} отражается в хеттском в начальной позиции с делабиализацией, в отличие от фонем *g[h]^{0} и *k[h]^{0}, сохраняющих в той же позиции признак лабиализации, ср. хет. *kuenzi*, *kuiš* и др.

[3] Фонетическим основанием для слияния могла быть фонетическая особенность звонких придыхательных, артикуляция с подгортанным — субглоттальным — давлением ("subglottal pressure", *Chomsky/Halle 1968; Lass 1974*), ср. о подгортанной артикуляции *Яковлев 1948 : 328; Pandit 1957*.

три серии индоевропейских смычных фонем и определяемые фонологически как глухие (глоттализованные), звонкие (придыхательные) и глухие придыхательные[1].

5.4. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ТОХАРСКОЙ СИСТЕМЫ

Развитие трех серий индоевропейских смычных в хеттском в некоторой степени аналогично развитию их в тохарском, где процесс редукции индоевропейских серий зашел еще дальше и привел к слиянию всех трех индоевропейских серий в одну общую немаркированную серию глухих смычных (непридыхательных), передаваемых соответствующими знаками письма брахми. Однако, как и в раннем хеттском, различение в пратохарском исконной системы трех серий убедительно доказывается различием в характере ассибиляции рефлексов трех дентальных фонем соответствующих индоевропейских серий (*Evangelisti 1950; Эванджелисти 1959; Pedersen 1951;* ср. иную интерпретацию *Winter 1962*):

И.-е. *t' > тох. *ś* : тох. A *śäk*, B *śak* 'десять' при лат. *decem* : и.-е. *t'eK$^{[h]}$- (= **dek̂-);

И.-е. *d$^{[h]}$ > тох. *ts* : тох. A *tsik-* 'образовывать', 'оформлять', при др.-инд. *dehí*, лат. *fingō*, греч. τεῖχος : из и.-е. *d$^{[h]}$eiG- /*deiG$^{[h]}$- (ср. выше, стр. 22); тох. A *tsäk-*, B *tsäk-* 'гореть' при др.-инд. *dáhati* 'горит', лат. *foueō* 'согреваю', *febris* 'лихорадка', лит. *degù*, ст.-слав. *žegǫ* 'жгу' : из и.-е. *d$^{[h]}$eG- / *deG$^{[h]}$-;

И.-е. *t$^{[h]}$ > тох. *c* : тох. A *mācar*, B *mācer* 'мать' при лат. *māter*: из и.-е. *māt$^{[h]}$er-; тох. B *pācer* 'отец' при лат. *pater*, др.-инд. *pitár-*, греч. πατήρ : из и.-е. *p$^{[h]}$ət$^{[h]}$ēr; тох. B *procer* 'брат' при лат. *frāter*, греч. φράτηρ, др.-инд. *bhrấtar-* : из и.-е. *b$^{[h]}$rāt$^{[h]}$er-; тох. B *cake* 'поток' при лит. *tekù*, рус. *теку, течь*: из и.-е. *t$^{[h]}$eK$^{[h]}$-.

5.5. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ СИСТЕМ С ОЗВОНЧЕННОЙ СЕРИЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГЛОТТАЛИЗОВАННЫХ

Все рассмотренные выше языковые системы могут быть охарактеризованы как системы с серией незвонких смычных (в некоторых системах фонетически глоттализованных), восходящей к индоевропейской серии глоттализованных (незвонких) смычных. В этом отношении эти системы отра-

[1] Наличие в общеанатолийском трех противопоставленных друг другу серий смычных, продолжавших различаться еще на ранних этапах развития отдельных анатолийских диалектов, видно и в факте неодинакового отражения в лувийском индоевропейского *k$^{[h]}$, представленного как k, и индоевропейского *ĝ$^{[h]}$, давшего в начальной позиции *Ø*, при отражении его в хеттском как k$^{(h)}$: ср. лув. *iššari-* 'рука', хет. *kiššar(a)-*, греч. χείρ, ср. др.-инд. *hás-ta-*: и.-е. *Ĝ$^{[h]}$es-; лув. immari- 'поле', хет. gimri 'в поле': и.-е. *Ĝ$^{[h]}$eim-, при лув. *kiša-* 'чесать', хет. *kišai-* 'чесать': ср.-ирл. *cír* 'расческа', греч. κτείς 'очески', ξέω 'чещу': и.-е. *K$^{[h]}$es- (*Ivanov 1965*; *Čop 1971*; *Иванов 1974*).

жают некоторые характерные особенности серии I индоевропейских смычных.

По этому признаку рассмотренная выше группа языков противостоит другой большой группе индоевропейских языков, в которых происходит преобразование серии I индоевропейских глоттализованных смычных в звонкие смычные.

К этой группе относятся, в частности, индо-иранские языки. Глоттализованная серия I индоевропейских смычных отражается здесь регулярно в виде чистых звонких смычных, что предполагает процесс озвончения исходных глоттализованных фонем:

И.-е. *t' : др.-инд. *dámaḥ* 'дом', греч. δόμος, лат. *domus*: из и.-е. ***t'om-**, ср. арм. *tun*; др.-инд. *dádāmi* 'даю' , *аорист ádām*, греч. δίδωμι, лат. *dō*, *dăre* : из и.-е. *tō-, ср. арм. *tam*; др.-инд. *ádanam* 'пища', *átti* 'он ест', лат. *edō*: из и.-е. ***et'-**, ср. арм. *utem*, гот. *itan*, хет. *etmi* 'я ем';

И.-е. *K': др.-инд. *gnā́* 'женщина', греч. γυνή : из и.-е. ***K'en-ā**, ср. гот. *qinō*, арм. *kin*; др.-инд. *nagnā-* 'нагой', лат. *nūdus*, ст.-слав. *nagŭ*, лит. *núogas*: из и.-е. ***ne/o K'-**, ср. гот. *naqaþs*, др.-англ. *nacod*, др.-в.-нем. *nackut*, хет. *nekumant-*;

Такой переход глоттализованных согласных в соответствующие звонкие смычные, наблюдаемый в ряде языков, может найти фонетическое оправдание в характере глоттализованных звуков, произносимых с гортанной артикуляцией, которая выражается в полном смыкании голосовых связок. Гортанная артикуляция характерна и для звонких смычных, что проявляется в вибрации сближенных или сомкнутых голосовых связок.

При взрыве глоттальной смычки во время фонации глоттализованных, в частности перед гласным, может возникнуть кратковременная вибрация (размыкание после смыкания) голосовых связок, характерная для фонации звонких звуков. При продлении периода сопутствующей вибрации во время артикуляции глоттализованных может возникнуть соответствующий звонкий преглоттализованный (или звонкий ларингализованный, как в хауса) звук, характеризующийся в целом артикуляционными признаками глоттализованного звука. Примечательно, что на шкале состояний гортани при фонации глоттализованные стоят ближе к звонким, чем к глухим (*Ladefoged 1971: 16 и след.*, см. там же о соотношении глоттализованных, звонких и ларингализованных звонких; ср. *Merlingen 1978: 257 и след.*).

По новейшим общефонетическим описаниям предполагается, что звонкие звуки и звуки с глоттальной артикуляцией (ларингализованные), в том числе смычногортанные - глоттализованные, являются близкородственными звуками, входящими в один "естественный класс" звуков. Эти звуки фонетически значительно ближе друг к другу, чем звуки с глоттальной артикуляцией и глухие (*Ladefoged 1971: 19*).

Показательно, что во многих языках совершенно различных систем

обнаруживаются соответствия глоттализованных согласных, смычных и аффрикат, звонким (в том числе преглоттализованным) звукам— смычным или спирантам (ср. *Haudricourt 1950*).

Характерным примером могут служить данные ряда северокавказских языков. В вейнахских языках бацбийским глоттализованным смычным и аффрикатам в интервокальной позиции и в позиции в конце слова соответствуют в чеченском и ингушском звонкие смычные и звонкие спираиты:

Бацбийское **p'**: *чеченское* **b**, *ингушское* **b**

бацб. *nhap'* 'сон': чеч. *nab*, инг. *nab*;

бацб. **t'**: *чеч.* **d**, *инг.* **d**

бацб. *bat'er* 'губа': чеч. *bald*, инг. *bord* из **bader*;
бацб. *let'ar* 'течь': чеч. *ledar*, инг. *ladar*;

Бацб. **k'**: *чеч.* **g**, *инг.* **g**

бацб. *č'anik'* 'подбородок': чеч. *čhenig*, инг. *čheng*;
бацб. *dok'* 'сердце': чеч. *dog*, инг. *dog;*

Бацб. **c'**: *чеч.* **z**, *инг.* **z**

бацб. *kac'* 'щенок': чеч. *khezi*, инг. *khaza*;

Бацб. **č'**: *чеч.* **ž**, *инг.* **ž**

бацб. *mač'* 'усы': чеч. *maž*, инг. *maž (Sommerfelt 1938 : 138 и след.)*.

Аналогичные соответствия наблюдаются и в другой группе северовосточных кавказских языков: ср. аварск. *ç̣ʷar* 'имя': рутул. *dur*, цахур. *do*; арч. *moçor*, рутул. *miçri*, лак. *çiri* 'борода': табасар. *mižir*, агул. *mužur* 'борода'.

Предполагается, что сильные глоттализованные аффрикаты общедагестанского языка **ç̣ʷ*, **č̣ʷ*, **q̣ʷ*, **ƛ'ʷ* дают в рутульском соответственно d, ʔ, q, g в предударной части слова и t, č, q, k— в послеударной, то есть происходит их озвончение и дезабруптивизация (деглоттализация), *ср. Гигинейшвили 1973;1977 : 106*.

Аналогичная тенденция преобразования глоттализованных наблюдается и в западнокавказских языках *(ср. Colarusso 1975 : 82)*.

В сванском языке засвидетельствованы случаи диссимилятивного озвончения глоттализованных: ср. *gak'* 'орех' (из **k'ak'*, ср. груз. *k'ak'-al-i* 'орех'), *bap'* 'священник' (из **p'ap'*, ср. греч. πάπλος).

Характерно, что глоттализованные согласные отражаются в осетинском в виде звонких смычных в ранних заимствованиях из грузинского (в результате диссимилятивного озвончения типа *p'at'ara→bat'ara*, *Ахвледиани 1949 : 38*[1]*; 1960 : 145*).

В арабских диалектах часты случаи озвончения общесемитского **q̣*, являвшегося глоттализованным велярным смычным *(Cantineau 1952;*

[1] В этом проявляется также фонетическая тенденция к несовместимости двух глоттализованных в пределах слова (ср. выше, стр. 18 и след.).

Martinet 1953a), в *g*. По этому признаку в арабской диалектологии выделяются так называемые диалекты *qāl* и диалекты *gāl* (по характеру отражения в них первоначальной глоттализованной велярной фонемы, *ср. Blanc 1965)*.

Приводимые типологические примеры делают вполне вероятным предположение о преобразовании исходных глоттализованных индоевропейских фонем в звонкие в индо-иранском и других индоевропейских диалектах, где эта серия отразилась в виде соответствующих звонких смычных фонем[1].

5.6. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ИНДО-ИРАНСКОЙ СИСТЕМЫ

В древнеиндийском следы первоначального незвонкого характера исходных индоевропейских фонем серии I видны в морфемных сочетаниях типа *átti* 'он ест', *vit-tá-* 'известный', из и.-е. **et'-t[h]i*, **u̯it'-t[h]o-*, а также в сочетаниях с последующим суффиксальным **-s-* типа др.-инд. *vavákṣa* (*перфект*) 'я рос', авест. *uxšyeiti*, греч. αὔξω 'выращиваю', лат. *auxilium* 'помощь' при др.-инд. *ugrá-* 'сильный', авест. *aogah-*, *aogarə* 'сила', лат. *augus-tus* 'возвышенный' (из и.-е. ***auK'-s-**); др.-инд. *ukṣáti* 'обрызгивает', авест. *uxšyeiti* при греч. ὑγρός 'влажный' и т.д.[2]

В результате позиционного сохранения первоначального признака глухости в структурах рассмотренного выше типа (при переходе фонем серии I в соответствующие звонкие смычные в других позициях) в исторических индоевропейских диалектах возникают формы с морфонологическим чередованием соответственно звонких и глухих смычных в пределах одной парадигмы. В таких комбинаторных условиях не произошло озвончения индоевропейских фонем серии I, что содействовало возникновению морфонологических структур с чередованием по звонкости ~ глухости на стыке морфем в древнеиндийском.

Озвончение рефлексов индоевропейских фонем серии I в древнеиндийском (соответственно в индо-иранском) вызвало значительные преобра-

[1] Переход рефлексов индоевропейских фонем серии I в соответствующие звонкие смычные характерен для определенных позиций, в частности после назальных, и для древнеармянского языка: nk, nt переходят довольно рано в ng, nd (IX в. н. э. в рукописи Московского Евангелия, *Meillet 1936 : 29*). В ряде западных армянских диалектов рефлексы фонем серии I, в отличие от древнеармянского, представлены соответственно серией звонких смычных, а звонкие смычные (рефлексы индоевропейских звонких фонем серии II) переходят в соответствующие чистые глухие или глухие придыхательные. Это состояние, отличное от состояния древнеармянского, уже отражено в армянских диалектах Киликии начиная с XI в. н. э. *(Meillet 1936 : 24)*. Такой переход в армянских диалектах незвонких смычных (возможно, глоттализованных) в звонкие и звонких смычных (возможно, придыхательных) в незвонкие может служить хорошей типологической аналогией предполагаемому в рассматриваемых индоевропейских диалектах переходу серии I (глоттализованных смычных) в звонкие смычные и преобразованию серии II в некоторых индоевропейских диалектах, в частности греческом и италийском.

[2] В отличие от этого, в позиции непосредственно после **s* глоттализованная фонема серии I претерпевает озвончение ,и перед такой звонкой смычной спирант проявляется в виде звонкого варианта: **-st'- > *-zd-*,ср. др.-инд. *nīḍá-* 'пристанище', 'лагерь' <**nizda*, см. об этом подробнее ниже.

зования индоевропейской серии II звонких смычных фонем с придыхательными и соответствующими непридыхательными аллофонами. Звонкие смычные, возникшие из соответствующих индоевропейских глоттализованных, совпадают с непридыхательными аллофонами индоевропейских смычных серии II, проявлявшихся в определенных комбинаторных условиях, описанных выше. В результате этого происходит расщепление первоначальных звонких фонем с придыхательными и непридыхательными аллофонами на две независимые фонемные серии—звонкие чистые и звонкие придыхательные, поскольку совпадение звонких рефлексов индоевропейских глоттализованных с непридыхательными аллофонами звонких индоевропейских фонем серии II нарушило дополнительность распределения непридыхательных и придыхательных аллофонов фонем серии II. Фонемам *b*, *d*, *g* противопоставляются в древнеиндийском уже соответственно *bh*, *dh*, *gh* как звонкие придыхательные фонемы звонким чистым.

Лабиальная фонема *b* в серии древнеиндийских звонких смычных фонем не может быть результатом озвончения глоттализованного **p'*, как это должно было иметь место в отношении звонких *d* и *g*, поскольку индоевропейская глоттализованная серия была дефектной в отношении лабиального члена.

Фонема *b* возникла в этой серии преимущественно как результат переосмысления звонкого непридыхательного [b] в качестве лабиального члена звонкой серии смычных, появившейся вследствие озвончения глоттализованных и их совпадения со звонкими непридыхательными аллофонами [*d*], [*g*] индоевропейских фонем серии II[1].

В дальнейшем число форм со звонкой фонемой *b* увеличивается за счет ономатопоэтических слов типа *balbalā* 'болтать', 'balbutire' *(Mayrhofer 1963, II: 421)* и заимствований из других языков, содержащих фонему *b*, ср. *bāṇá-* 'стрела', 'палка из тростника' (уже в "Ригведе" и "Атхарваведе"), ср. сакаи *awān* 'бамбук'; *bilam* 'пещера', 'дыра' 'яма' (в "Ригведе", I мандала), ср. тамил. *viḷ*, малаялам *viḷḷal* 'расщелина', *viḷḷu* 'отверстие' *(Burrow 1946 : 23)* и другие.

Самый ранний этап ведийского языка, отраженный в архаичных фамильных мандалах "Ригведы", характеризуется серией звонких смычных фонем, которая все еще носит явные следы исторической связи с индоевропейской серией глоттализованных: фонемы этой серии проявляют такие статистические соотношения (низкая частотность фонемы *b* по сравнению с фонемой *g*, *Елизаренкова 1974 : 103—109)*, которые характерны для членов индоевропейской глоттализованной серии I. Ведийский язык этого

[1] В отдельных редких случаях звонкая лабиальная b возникает в результате озвончения глухой смычной *p в определенной позиции (между гласными?, см. литературу *Mayrhofer 1963, II : 287*), ср. др.-инд. *pibati* 'он пьет', санглечи *põv-*, вахан. *põv-*, лат. *bibō* 'пью', др.-ирл. ibid, др.-валл. iben 'мы пьем' при др.-инд. *pā́-ti* 'пьет', греч. *πῶ-θι* 'пей!', лат. *pōtus* 'питье'. Характерно, что здесь озвончение наблюдается только в индоиранском и кельто-италийском, то есть в тех диалектах, в которых произошло озвончение серии I индоевропейских смычных. Против предполагаемого b под влиянием "ларингальной" см. также *Cowgill 1965 : 174; Polomé 1973.*

периода отражает в этом отношении, очевидно, индо-иранское языковое состояние, возникшее непосредственно после озвончения серии глоттализованных и слияния ее с непридыхательными аллофонами серии II индоевропейских звонких смычных в общую фонемную серию звонких в индо-иранском.

Отмеченные выше процессы появления ономатопоэтических слов и заимствований, содержащих фонему *b*, приводят в дальнейшем к увеличению функциональной нагрузки фонемы *b* и к установлению закономерных соотношений между членами звонкой серии смычных в древнеиндийском[1].

Расщепление второй серии индоевропейских смычных на чистую звонкую и звонкую придыхательную в древнеиндийском должно было способствовать аналогичному расщеплению серии III индоевропейских смычных на глухую чистую и глухую придыхательную.

Уже в индо-иранскую эпоху должен был осуществиться процесс деаспирации глухих придыхательных, сохранившихся только в комбинаторно определяемых условиях: в позиции после фонемы s-, а также перед "ларингальными" и в некоторых других случаях, рассмотренных выше, где, по всей видимости, отражается индоевропейское различение непридыхательных и придыхательных аллофонов глухих смычных в зависимости от позиции в слове.

Утеря в дальнейшем в индо-иранском комбинаторной обусловленности сохранения глухих придыхательных звуков (в результате падения "ларингальных", *ср. Kuiper 1947; Hoenigswald 1963; 1965a; Polomé 1973*, и палатализации "гуттуральных" — процессов, которые будут разобраны по диалектам ниже) привела к образованию контрастных позиций, в которых глухой придыхательный звук противопоставлялся соответствующему непридыхательному, что должно было закономерно повлечь за собой фонологизацию первоначально комбинаторно обусловленных вариантов фонем серии III — глухого придыхательного и глухого непридыхательного смычного. Единая серия глухих смычных фонем, различавших комбинаторные придыхательные и непридыхательные варианты, расщепилась на две независимые фонологические серии смычных, противопоставленных друг другу по признаку аспирации.

Ниже приводятся древнеиндийские формы с сохранением глухого придыхательного в позиции после s-:

Др.-инд. *sphū́rjati* 'проявляется', греч. σπαργάω 'изобилую', 'наполняюсь', лат. *spargō* 'рассыпаю': и.-е. *sp$^{[h]}$erG-;

[1] Такая интерпретация соотношений фонем звонкой серии смычных в раннем ведийском показывает обусловленность синхронных фонологических соотношений фонемных единиц в системе целым рядом диахронических факторов. Поэтому причины отклонения от обычных статистических соотношений в системе следует искать в диахронии с учетом особенностей становления такой системы, возникающей путем преобразования более ранней системы с закономерными соотношениями. В этом смысле весьма показательна разобранная выше в динамике система смычных языка лифу, см. стр. 10—11.

Др.-инд. *sphurāti* 'вздрагивает','барахтается', 'торопится', греч. ἀσπαίρω 'трепещу', лат. *spernō* 'отвергаю', 'презираю': и.-е. ***sp$^{[h]}$er-**;

Др.-инд. *ásthi* 'кость' при греч. ὀστέον, лат. *os(s)*, *род. п. ossis*, хет. *ḫaštai* : и.-е. ***Host$^{[h]}$-**;

Др.-инд. *sthag-* 'покрывать': греч. στέγω, лат. *tegō* 'покрываю': и.-е. ***(s)t$^{[h]}$eK'-**;

Др.-инд. *-iṣṭha-* 'суффикс превосходной степени', при греч. -ιστος, гот. *-ista-*: и.-е. ***-ist$^{[h]}$o-**;

Др.-инд. *skhálate* 'спотыкается' при арм. *sxalem* 'спотыкаюсь', 'ошибаюсь': и.-е. ***sk$^{[h]}$el-** (*ср. Hiersche 1964*).

Древнеиндийские формы с глухими придыхательными в позиции перед предполагаемой "ларингальной" фонемой:

Др.-инд. *-tha* окончание *2-го л. ед. ч. перфекта*, ср. др.-инд. *vétha*, греч. οἶσθα, гот. *waist*, ср. также хет. *-ti*, *-t* (*2 л. ед. ч.* спряжения на *-ḫi*) : и.-е. ***-t$^{[h]}$Ha**;

Др.-инд. *pṛthú-* 'широкий', *pṛthivī́* 'земля' ('широкая') при греч. πλατύς, лит. *platùs* 'широкий'; 'плоский', хет. *palt-ana-* 'плечо': и.-е. ***p$^{[h]}$ṛt$^{[h]}$-H-(u)-**;

Др.-инд. *pánthās*, *род. п. pathás* 'путь', *pathi-* (в *pathi-kṛ́t-* 'прокладывающий путь') при лат. *pōns*, *род. п. pontis* 'мост', ст.-слав. *pǫtĭ* 'путь', греч. πάτος 'тропа', 'дорога': и.-е. ***p$^{[h]}$ntt$^{[h]}$-H-**;

Др.-инд. *mánthati* 'кружится', 'трется', 'сотрясается', *аорист ámanthiṣṭām* ("Ригведа" III 23, 2), *буд. вр. manthiṣyánt-*, *пасс. mathyáte*, *прич. пр. вр. mathitá-* (в "Ригведе"), хотано-сакск. *maṁth-*, осет. (æz)-*mæntyn* (иронск.), *æz-mæntun* (дигор.), шугнан. *mōþ*, йидга *mōxë* < ***māpa* при лит. *mentùrė́*, ст.-слав. *mętǫ* 'мятусь' (*Mayrhofer 1963, II: 578—580*) : и.-е. ***mont$^{[h]}$-H-**.

В ряде форм, в которых придыхательные ***p^{h}**, ***t^{h}**, ***K^{h}** выступают в позиции после s- и перед "ларингальным", можно предположить действие обоих факторов, приведшее к сохранению аспирации:

Др.-инд. *sphā́yate* 'полнеет, тучнеет', *прич. sphītá-*, *sphārá-* 'широкий, большой, пространный', арм. *hartʻam* 'богатый', хет. *išpai-* 'насыщаться', гот. *spēdiza* 'поздний', др.-англ. *spōwan* 'зреть', лит. *spė̃ti* 'поспевать', ст.-слав. *spějǫ* '(пре)успеваю': и.-е. ***sp$^{[h]}$(e)H-**;

Др.-инд. *tíṣṭhati* 'стоит', *прич. sthitá-*, греч. ἵστημι 'ставлю', лат. *stāre* : и.-е. ***st$^{[h]}$(a)H-**.

Соседство "ларингальных" с предшествующей глухой придыхательной в индо-иранском возникало в формах с нулевой огласовкой, где "ларингальный" способствовал сохранению признака аспирации при глухой смычной. Форма с придыхательной смычной распространилась в дальнейшем на всю парадигму (*Saussure 1892; Pedersen 1926; Kuiper 1947; Hoenigswald 1963 и 1965a : 93—95; Polomé 1965 и 1973; Kurytowicz 1977: 205 и след.*), что могло способствовать превращению придыхательности из фонетически обусловленного признака в признак, не зависящий от комбинаторных факторов.

Этот статус признака аспирации при глухих смычных окончательно закрепляется при падении "ларингальных" и возникновении контрастных позиций для глухих придыхательных и чистых глухих смычных. Тем самым придыхательные смычные становятся особыми фонемами, противопоставляемыми в идентичных позициях соответствующим непридыхательным.

Такие же контрастные позиции возникают в древнеиндийском в ряде форм при палатализации "гуттуральных". Формы с закономерным с индоевропейской точки зрения распределением непридыхательных и придыхательных аллофонов смычных фонем серии III типа ***KoK^{h}a*** и ****KonK^{h}o*** (гот. *hōha*, греч. *κόγχη*, см. выше, стр. 31) дают в результате позднейшей палатализации начального "гуттурального" согласного в древнеиндийском формы соответственно *śā́khā* и *śaṅkhá-*, с сохранением исконных глухих придыхательных в этой позиции (то есть в словоформе без начального непридыхательного смычного), противостоящих, однако, уже чистым глухим смычным, которые еще ранее должны были возникнуть в аналогичных позициях в результате процесса дезаспирации придыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии III[1].

Такое же распределение придыхательных и непридыхательных аллофонов наблюдается в древнеиндийском в форме *spáśati* 'видит' (и.-е. ****speK^h-***), в которой отсутствие глухого придыхательного смычного в позиции после ##s- объяснимо правилом порядка придыхательных согласных в словоформе.

Многочисленность древнеиндийских форм с начальным *sth-*, *sph-* *skh-* объясняется тем, что это множество представляет как исходные индоевропейские формы с глухими фонемами серии III в позиции после *s-*, так и, вероятно, индоевропейские формы с начальным ****s-*** ("закон Зибса")[2], в которых чередовались звонкие и глухие фонемы серии II и III соответственно в формах без **s-** и с **s-**. В формах с начальным **s-** позиция ##s- была позицией нейтрализации противопоставления по признаку звонкости~глухости, в которой в качестве архифонемы выступал соответствующий глухой немаркированный член оппозиции. В древнеиндийском этот член в позиции после ##s- был закономерно представлен в виде глухих придыхательных смычных, которые до расщепления серии III на две независимые фонологические серии представляли, естественно, придыхательные аллофоны глухих смычных, отличавшиеся от соответствующих непридыхательных аллофонов. Указанные выше процессы падения "ларингальных" и па-

[1] Этот процесс дезаспирации не затронул, однако, по не вполне ясным причинам придыхательные в отдельных формах, что можно было бы объяснить архаизмом, связанным с особой социально-культовой значимостью этих слов: ср., например, др.-инд. rátha- 'колесница', *ratheṣṭhā́-* 'воин (стоящий на колеснице)', тождественное авест. *raϑaēštā-* 'воин', raϑa- 'колесница', ср. др.-ирл. roth 'колесо', rethim 'бегаю', каузатив roithim 'погоняю', riuth 'бег', do-riuth 'accurrō', fo-riuth 'succurrō', др.-н.-нем. rath 'колесо'. В отдельных случаях причина сохранения глухой придыхательной остается неясной; не исключено наличие здесь определенных позиционных факторов, ср., например, др.-инд. rikháti 'вырезать, писать', lekhā́ 'черта, письмо' и т. п.

[2] Ср. в этой связи о "законе Зибса", *Siebs 1901; Lehmann 1952 : 80 и след.; Kuryłowicz 1956: 375—382; 1962: 107 и след.*, см. о славянском *Иллич-Свитыч 1961.*

палатализации "гуттуральных" в индо-иранском привели к фонологизации всех придыхательных глухих смычных *ph*, *th*, *kh* независимо от их происхождения из серий II или III и к противопоставлению их соответствующим непридыхательным *p*, *t*, *k* как самостоятельной фонемной серии.

Возникновению в древнеиндийском фонологической серии глухих придыхательных, противопоставляемых серии чистых глухих, способствует проникновение в язык большого числа заимствований, содержащих глухие придыхательные смычные и в особенности фонему *kh*, типа *khalatiḥ* 'лысый', *khalaḥ* 'мошенник, плут', *khála-* 'гумно, ток', *khaṇḍa-* 'часть'; 'неполный', *khora-* 'хромой' и многих других, *ср. Kuiper 1948*.

Древнеиндийские формы с глухими непридыхательными смычными, восходящими к фонемам серии III:

И.-е. *p$^{[h]}$: др.-инд. *pátati* 'летит', *patará-* 'летающий', *pátatra-* 'крыло', арм. *ṙir* 'полет', хет. *pattar* 'крыло', греч. πέτομαι 'лечу', πτερόν 'крыло', др.-англ. *feðer*, др.-исл. *fjǫðr* 'перо' : и.-е. *p$^{[h]}$et$^{[h]}$-; др.-инд. *pad-* 'нога', греч. ποός, *род. п.* ποδός 'нога', арм. *otn* 'нога', хет. *pata-* 'нога': и.-е. *p$^{[h]}$e/ot'-;

И.-е. *t$^{[h]}$: др.-инд. *tárati* 'побеждает', 'преодолевает', греч. τέρμα 'цель', лат. *termen* 'пограничный знак', арм. *tarm* 'конец', хет. *tarḫ-* 'побеждать': и.-е. *t$^{[h]}$er-H-;

И.-е. *K$^{[h]}$: др.-инд. *cakrá-* 'колесо', авест. *čaxra-*, греч. κύκλος, др.-англ. *hwēol*, тох. A *kukäl*, B *kokale* 'повозка': и.-е. *K$^{[h]}$el-; др.-инд. *krávih ср. р.* 'сырое мясо', *krūrá-* 'кровавый', греч. κρέας 'мясо', лит. *kraũjas* 'кровь', ст.-слав. *krŭvĭ*: и.-е. *K$^{[h]}$reu̯-.

Описанные преобразования индоевропейской системы смычных в индо-иранском с расщеплением серий II и III на независимые фонологические серии представлены на *Табл. 8* и в правилах преобразований (8):

ПРАВИЛА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

(8) a. $$\left\{\begin{matrix}[+\,\text{глоттал}]\\ \left(\begin{matrix}-\,\text{звонк}\\ -\,\text{аспир}\end{matrix}\right)\end{matrix}\right\} \Rightarrow \left\{\begin{matrix}(-\,\text{глоттал})\\ \left[\begin{matrix}+\,\text{звонк}\\ -\,\text{аспир}\end{matrix}\right]\end{matrix}\right\} \Big| \left[\begin{matrix}-\,\text{слогов}\\ \underline{+\,\text{смычн}}\end{matrix}\right]$$

b. $$[-\,\text{аспир}] \Rightarrow [-\,\text{аспир}] \Big| \left[\begin{matrix}-\,\text{слогов}\\ +\,\text{смычн}\\ \underline{+\,\text{звонк}}\end{matrix}\right]$$

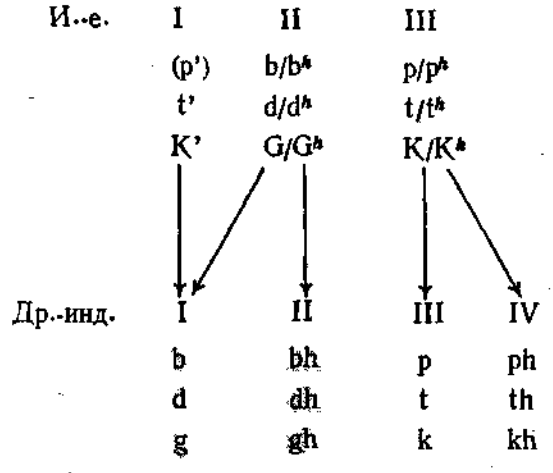
b'. $$[+\,\text{аспир}] \Rightarrow [+\,\text{аспир}] \Big| \left[\begin{matrix}-\,\text{слогов}\\ +\,\text{смычн}\\ \underline{+\,\text{звонк}}\end{matrix}\right]$$

c. $$[-\,\text{аспир}] \Rightarrow [-\,\text{аспир}] \Big| \left[\begin{matrix}-\,\text{слогов}\\ +\,\text{смычн}\\ \underline{-\,\text{звонк}}\end{matrix}\right]$$

c'. $$[+\,\text{аспир}] \Rightarrow [+\,\text{аспир}] \Big| \left[\begin{matrix}-\,\text{слогов}\\ +\,\text{смычн}\\ \underline{-\,\text{звонк}}\end{matrix}\right]$$

ТАБЛИЦА 8

ВЫВОД ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

Таким образом, все происшедшие в индо-иранском преобразования исходной общеиндоевропейской системы из трех серий смычных, в результате которых возникли системы конкретных индо-иранских языков, могут быть поняты как процессы расщепления исходных фонемных серий и слияния в общую фонемную серию определенных аллофонных рядов.

Эти процессы довольно ясно видны из приведенных выше "правил переписывания", которые предполагают в основном преобразование исходных фонетических признаков, характеризовавших аллофоны отдельных фонемных серий, в соответствующие фонологические признаки, превратившие исходные аллофонные ряды в независимые фонемные серии с изменением в серии I некоторых автоматически сопутствующих (для индоевропейского) признаков в фонологически релевантные признаки.

Собственно иранская система смычных, в частности авестийская и ряда восточноиранских языков, выводима уже из описанной индо-иранской при допущении определенных фонологических трансформационных правил, отражающих процессы спирантизации в серии глухих придыхательных и слияния серии звонких придыхательных с серией чистых звонких. В результате этих преобразований в системе устраняется фонологически релевантный признак придыхания при смычных фонемах.

5.7. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ГРЕЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

К той же группе индоевропейских диалектов, в которых произошло преобразование исходной индоевропейской серии глоттализованных смычных в соответствующие звонкие, относится система греческого языка, а также кельтских, италийских и балто-славянских языков.

В греческом языке индоевропейская глоттализованная серия предстает в виде *b*, *d*, *g*[1]. Возникшая в греческом благодаря озвончению глоттализованных серия звонких типологически закономерно пополняется в исходно дефектном лабиальном члене звонкой фонемой *b* из разнородных источников.

Достаточно древними для греческого можно считать единичные случаи озвончения древнего глухого **p*$^{[h]}$ (в частности, в βόσκω 'пасу', 'питаю'; 'пасусь', βοτήρ 'пастух', βόσις 'пища, корм' ['pastum'], βού-βοτος 'пастбище коров' при лат. *pāscō* 'пасу', *pāstor* 'пастух', хет. *paḫš-* 'защищать', др.-инд. *pâti* 'защищает'), а также изменение групп сонорных *##*mr-*, *##*ml-* в ##*br-*, ##*bl-*:

Греч. βροτός 'смертный', ἄμβροτος 'бессмертный'; ἀμβροσία 'напиток бессмертных' при арм. *mard* 'смертный', др.-инд. *mṛtá-ḥ* 'мертвый', др.-перс. *martiya-*, авест. *mərəta-* (*Thieme 1952 : 24 и след.*);

Греч. βραχύς 'короткий' при авест. *mərəzu-* 'короткий', гот. *gamaúrgjan* 'сокращать', др.-в.-нем. *murg(i)* 'короткий': и.-е. ***mṛG**$^{[h]}$**-u-**;

Греч. βλίττω 'достаю мед из улья' из **mlittō*, ср. греч. μέλι 'мед', хет. *melit* 'мед'.

Одним из количественно существенных источников звонкого β в греческом явились ономатопоэтические образования типа βαβαί 'о!' (*междометие удивления*), βαύζω 'кричу', 'лаю', βαβράζω (глагол, означающий 'шум крыльев стрекозы'), βαμβαίνω 'болтаю' и др. (*Chantraine 1968, 1—2: 163 и др.*).

Другим важным источником для форм с β в греческом являются заимствования из других языков, датируемые довольно ранним для греческого периодом, ср., например, греч. βᾶρις 'плоскодонная лодка египетского типа' (откуда и лат. *barca*), ново-егип. *br*, копт. *bari;* греч. βάτος 'мера измерения жидкости', др.-евр. *baṯ*; греч. βδέλλιον 'bdellium', ср. др.-евр. *bᵉḏōlaḥ*; греч. βύβλος 'папирус', ср. финик. *gbl* , аккад. *Gublu*, др.-евр. *Gᵉḇāl*[2], *ср. Masson 1967: 101—107* (субституция первой звонкой g>β при второй звонкой β), греч. βῆτα 'буква β': зап.-сем. **bêt* и т. д. К древним заимствованиям относятся также слова типа βαίτη 'одежда пастуха из звериных шкур', ср. алб. *petkë*, *petër* 'платье', *Bonfante 1935 : 141 и след.* (возможно, из фракийского); ср. βέκος 'хлеб' из фригийского по Геродоту (*2*, 2; *Гиппонакт*, *fr*. 125), ср. βεκος ακκαλος во фригийской надписи *(ср. Нерознак 1978 : 140)*.

В период после микенского греческого к источникам звонкого β прибавляется значительное число слов из древней лабиовелярной фонемы *g^{w} <*K'^{o}: греч. βοῦς 'бык' (мик. *qo-u-ko-ro* 'пастухи быков', βουκόλοι), арм.

[1] В единичных случаях остатки незвонкого характера фонем серии I можно усмотреть в таких изолированных формах, как греч. *πρόχνυ* 'вперед на колени' ("Илиада" 9, 570; ср. *πρόχνυ ἀπολέσθαι κακῶς* 'погибать на коленях жалким образом') при греч. *γόνυ* 'колено', *γνύξ* 'на колени', и.-е. K'onu-, ср. авест. *fra-šnu-* 'выдвинувший вперед колени' при др.-инд. *pra-jñu-* 'кривоногий'.

[2] Олбрайт *(Albright 1950 : 165—166)* допускал, что заимствование слова греческим произошло до развития Gubla>Gubāl; это предполагало бы дату до 1200 г. до н. э.

kou, др.-инд. *gáuḥ*, др.-исл. *kýr*, др.-англ. *cū*, тох. А *ko*;

Греч. βαίνω 'иду', др.-инд. *gā-* 'идти' (*3 л. ед. ч. jigāti* 'он идет'), латыш. *gāju* 'я шел';

Греч. βίος 'жизнь', др.-инд. *gáyaḥ* 'родовое имущество', *jīváḥ* 'живой', авест. *gayō* 'жизнь', лат. *uīuus* 'живой', арм. *keam* 'живу'.

Любопытно, что большинство ономатопоэтических образований, а также иноязычных заимствований приходится на слова со звонким β. В этом проявляется универсально значимая языковая тенденция к пополнению лексического состава в первую очередь такими формами, которые включали бы фонологические единицы, отсутствующие или слабо представленные по определенным диахроническим причинам, но типологически необходимые в системе. Эта тенденция приводит к заполнению пробелов, незакономерных с типологической точки зрения, и к согласованию с синхронными типологическими закономерностями. В этом отношении показательно сопоставление звуков β и γ; на долю последнего приходится значительно меньшее число ономатопоэтик и заимствований.

После озвончения первой серии велярное звонкое *g*, возникшее из индоевропейских "гуттуральных" этой серии, занимает закономерно место в системе в качестве маркированного члена серии звонких, тогда как немаркированная в серии звонких фонема *b* должна была по необходимости появиться в системе в силу универсально значимых закономерностей отношения "доминации" в серии звонких. В языке начинается интенсивный процесс заполнения этого незакономерного пробела в системе путем образования новых слов или соответствующего фонологического оформления заимствований из других языков[1].

Развитие второй серии индоевропейских смычных — звонких (придыхательных) — в греческом, как и в италийском, а также в кельтском и балто-славянском, выражающееся в значительных фонетических изменениях первоначального характера этих фонем (изменениях, вызвавших фонологическую перестройку в системе), объясняется в значительной степени первоначальной фонетической природой звонких придыхательных.

Выше на основании выводов общей фонетики была дана возможная фонетическая характеристика фонем индоевропейской серии II и, в част-

[1] С этой точки зрения находит решение контроверза в отношении формы βύβλος, возникшей при заимствовании из семитского Gubl-. Возможно, так же объясняется и греч. βύρσα 'шкура, кожа', если оно является заимствованием из анатолийского, ср. хет. *kurša-* 'руно, щит' (в частности, как религиозный термин), ср. лув. *kuršaššа-* 'военный', *Meriggi 1957: 63—64; Laroche 1959a : 60; Porko 1974*. При предположении заимствования (ср. сопоставление уже у *Laroche 1947 : 75, примеч. 4; Friedrich 1952 : 119; Gusmani 1968: 32*, ср. о ст.-ассир. *gursānum* 'меха', 'кожаный сосуд', *Gelb 1969a*; о заимствованном характере говорит и греч. ρσ вместо ρρ, *Chantraine 1968- : 202; Forbes K. 1958 : 271—272*) можно было бы ожидать в греческом **γυρσα*. Замена γ>β объясняется не развитием лабиовелярного (т. к. в таком случае не следовало бы ожидать греч. *υ*), а указываемой закономерностью. Так же можно было бы объяснить и заимствование дравидийских форм с начальным v- древнеиндийским b- (при наличии v- в древнеиндийском) типа др.-инд. *bakaḥ* 'Ardea nivea' из тамил. vakkā, телугу vakku 'журавль' *(Барроу 1976 : 358)* и т. п.

ности, их придыхательных аллофонов. Так называемые звонкие придыхательные звуки можно охарактеризовать фонетически, определив состояние гортани при их произнесении как нехарактерное для чистых звонких и чистых глухих (*ср. Whitney 1889* о санскрите).

Это "третье состояние" гортани характеризуется артикуляторно значительным опусканием гортани на протяжении смычки, в результате чего происходит сжатие подгортанной массы воздуха при разрежении воздуха в надгортанной полости. Просачивание воздуха через межхрящевую щель, которое наряду с вибрацией голосовых связок производит характерный акустический эффект, происходит только при рекурсии, поскольку иначе не было бы возможности создать подгортанное давление. В новоиндоарийских языках, в частности гуджарати, артикуляция "звонких придыхательных", характеризуемая как "третье состояние" гортани, предполагает такую позицию голосовых связок, при которой задние их части между аритеноидными хрящами раздвинуты, тогда как передние (лигаментные) части могут вибрировать. Это сопровождается ускоренным выдыханием воздуха из легких, в связи с чем предлагается термин "breathy voice"—"звонкое выдыхание' (*Ladefoged 1971: 9 и след.*). Этот класс звуков составляет ближайший "естественный класс" по отношению к глухим звукам, характеризуемым раздвинутым состоянием задних частей голосовых связок между аритеноидными хрящами, и отсутствием по этой причине их вибрации.

В случае, если при "третьем состоянии" гортани выдыхание получает перевес над вибрацией голосовых связок, возникает глухая аспирация, которая может вызвать оглушение в период смычной фазы звука. Такое фонетическое развитие звуков со звонким выдыханием можно допустить в тех индоевропейских диалектах, в которых серия II индоевропейских смычных фонем, традиционно определяемая как "звонкие придыхательные", отражается в виде глухих придыхательных, как в греческом и в некоторых позициях в италийском.

Спецификой греческого развития фонем этой серии в отличие от италийского было то, что в греческом происходит оглушение обоих аллофонов этой серии[1], в результате чего возникает особая серия глухих придыха-

[1] Фонетически легко объяснимое оглушение звонких придыхательных аллофонов фонем серии II могло привести в греческом к оглушению и непридыхательных аллофонов, представленных в некоторых позициях. Процесс оглушения, начавшийся, вероятно, в звонких придыхательных аллофонах этих фонем, охватил и их непридыхательные аллофоны. Такому оглушению звонких непридыхательных аллофонов фонем серии II в греческом одновременно с оглушением звонких придыхательных аллофонов должен был содействовать комбинаторный фактор появления звонких непридыхательных аллофонов в единой синтагматической последовательности в пределах слова совместно с фонемой той же серии, проявлявшейся в виде придыхательного аллофона. Фонетический процесс оглушения звонких придыхательных приводил одновременно к оглушению в том же сегменте и звонкого непридыхательного аллофона. Тем самым оглушение индоевропейских звонких фонем серии II в греческом (как звонких придыхательных, так и звонких непридыхательных аллофонов фонем этой серии) представляется фонетически как ассимилятивный процесс преобразования звонкого придыхательного и звонкого непридыхательного смычного

тельных, которая могла бы совпасть с глухими придыхательными серии III индоевропейских смычных. Подобное совпадение двух основных индоевропейских серий, которое могло бы возникнуть в системе при таком оглушении фонем индоевропейской серии II[1], было предотвращено путем фонетического преобразования глухих придыхательных смычных, восходящих к фонемам индоевропейской серии III, в соответствующие непридыхательные согласные. При таком передвижении, однако, происходит совпадение новых глухих непридыхательных согласных серии III с оглушенными непридыхательными вариантами индоевропейских фонем серии II.

В результате описанных выше преобразований в греческой фонологической системе возникают серия звонких смычных *b*, *d*, *g* (из индоевропейских глоттализованных), серия глухих придыхательных *ph*, *th*, *kh* (из индоевропейских звонких придыхательных) и серия глухих чистых смычных *p*, *t*, *k* — из индоевропейских глухих (придыхательных) и оглушенных непридыхательных аллофонов индоевропейской серии смычных II. Таким образом, серия глухих чистых в греческом включает в себя как рефлексы смычных индоевропейской серии III, так и частично рефлексы индоевропейской серии II, в частности рефлексы индоевропейских звонких непридыхательных аллофонов.

Эти преобразования серий индоевропейских смычных в греческом могут быть иллюстрированы на примере разобранных выше индоевропейских форм типа [*beu̯dʰ-], [*bundʰ-], [*budʰ-], [*di-dʰē-], [*Gi-Gʰē-] и др., отразившихся в греческом соответственно в виде πευθ-, πυνθ-, πυθ-, τι-θη-, κι-χη- и т. д., с одной стороны, и типа *p[ʰ]et[ʰ]-, греч. πέτομαι, *K[ʰ]el-, греч. κύκλος, *K[ʰ]reu̯-, греч. κρέας, с другой стороны, с фонемами *p*, *t*, *k* и p^h, t^h, k^h, составляющими в греческом две самостоятельные фонемные серии, в первой из которых отражаются как индоевропейская серия III, так и непридыхательные аллофоны смычных индоевропейской серии II.

Фонемы придыхательной греческой серии p^h, t^h, k^h, отражающей закономерно придыхательные аллофоны индоевропейской серии II *b^h, *d^h, *g^h, представляют в единичных случаях и рефлексы глухих индоевропейских фонем серии III с сохранением, по не всегда понятным причинам, признака аспирации. Это в первую очередь относится к греческой

в пределах единой синтагматической последовательности. В этом можно видеть действие в архаичной греческой системе общеиндоевропейского принципа сочетаемости в слове смычных, гомогенных по признаку "звонкости ~ глухости". Результатом такого комбинаторно обусловленного фонетического процесса и явилось, очевидно, одновременное оглушение обоих рядов аллофонов звонкой индоевропейской серии II (как звонких придыхательных, так и звонких непридыхательных), с последующим перераспределением их в греческой фонологической системе.

[1] Характерно, что ни в одном из индоевропейских диалектов, сохраняющих различение хотя бы двух серий смычных, не наблюдается слияния индоевропейских серий II и III при возможности слияния серий I и II. В этом, по-видимому, проявляются соотношения доминации между индоевропейскими сериями смычных: серия III как немаркированная более стабильна, чем маркированная серия II и наиболее маркированная серия I.

фонеме θ в окончании *2-го л. ед. ч. перфекта* -θα (ср. др.-инд. *-tha* из и.-е. *-$t^{[h]}$Ha, см. выше, стр. 55), в котором сохранение придыхательного характера фонемы можно было бы объяснить влиянием "ларингального", как в древнеиндийском, хотя такое объяснение наталкивается на трудности из-за наличия в греческом непридыхательного τ в других формах с последующим "ларингальным", ср. греч. πλατύς при др.-инд. *pṛthú-*; греч. πάτος при др.-инд. *pánthās* и др.

К подобным "остаточным" глухим придыхательным в греческом, восходящим к серии III индоевропейских смычных и не претерпевшим дезаспирации, мог быть отнесен ряд древнегреческих форм с придыхательными p^h, t^h, k^h (соответствующими *p*, *t*, *k* других индоевропейских языков), которые рассматривались как догреческие (возможно, индоевропейские) слова в греческом. К этой группе слов относятся греческие формы типа ἀφνειός 'обильный', ἄφενος 'богатство': хет. *ḫappin-ant-* 'богатый', *ḫappar* 'цена', др.-инд. *ápnas-* 'добро', 'имущество', лат. *ops* 'изобилие', *Ops* 'божество изобилия': и.-е. *Hop$^{[h]}$-; греч. ἄφη 'дотрагивание' при ἅπτω 'трогаю' (предположительно авест. *āfənte*, *Pisani 1940 : 12*) и другие.

При предполагаемой интерпретации подобных форм как догреческих, заимствованных из какого-то догреческого языка (*Van Windekens 1952*, *ср. Georgiev 1941—1945*; *Merlingen 1962*), в этом гипотетическом языке следовало бы допустить не "передвижение согласных", а отражение архаичной системы индоевропейских смычных типа армянской или германской.

Описанные выше процессы преобразования трех индоевропейских серий представлены на *Табл. 9* и в правилах преобразований (9):

ТАБЛИЦА 9

ВЫВОД ГРЕЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

	I	II	III
И.-е.	(p')	b^h /b	$p^{[h]}$
	t'	d^h /d	$t^{[h]}$
	K'	G^h/G	$K^{[h]}$
Греч.	b	p^h	p
	d	t^h	t
	g	k^h	k

$$\begin{Bmatrix} [+\text{глоттал}] \\ (-\text{звонк}) \end{Bmatrix} \Rightarrow \begin{Bmatrix} (-\text{глоттал}) \\ [+\text{звонк}] \end{Bmatrix} \Big| \begin{bmatrix} -\text{слогов} \\ +\underline{\text{смычн}} \end{bmatrix}$$

b. $\left\{\begin{matrix}[+\text{звонк}] \\ [+\text{аспир}]\end{matrix}\right\} \Rightarrow \left[\begin{matrix}-\text{звонк} \\ +\text{аспир}\end{matrix}\right] \mid \left[\begin{matrix}-\text{слогов} \\ +\underline{\text{смычн}}\end{matrix}\right]$

b′. $\left\{\begin{matrix}[+\text{звонк}] \\ [-\text{аспир}]\end{matrix}\right\} \Rightarrow \left[\begin{matrix}-\text{звонк} \\ -\text{аспир}\end{matrix}\right] \mid \left[\begin{matrix}-\text{слогов} \\ +\underline{\text{смычн}}\end{matrix}\right]$

c. $[+\text{аспир}] \Rightarrow [-\text{аспир}] \mid \left[\begin{matrix}-\text{слогов} \\ +\text{смычн} \\ -\underline{\text{звонк}}\end{matrix}\right]$

Приведенные выше правила иллюстрируют происшедшие в греческой фонологической системе преобразования определенных исходных признаков, повлекшие за собой трансформацию фонологических соотношений между сериями. Существенным при таких преобразованиях представляется трансформация фонетического признака придыхания в фонологически релевантный признак в греческом, как и в древнеиндийской системе. При этом положительное значение признака звонкости меняется на отрицательное значение в серии II, при обратном значении этого признака и его превращении в релевантный в серии I.

В терминах "правил переписывания" такие фонологические преобразования трех серий индоевропейских смычных в греческом можно было бы представить в определенной последовательности, отражающей возможную диахроническую последовательность этих процессов (релятивную хронологию):

(1) Дезаспирация придыхательных аллофонов серии III (Правило 9c);

(2) Оглушение обоих рядов аллофонов фонем серии II (Правила 9b и 9b′);

(3) Озвончение глоттализованных фонем серии I (Правило 9a).

5.8. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ИТАЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ

В италийской системе при аналогичном греческому развитию индоевропейских серий I и III, давших соответственно звонкие смычные и глухие смычные, противопоставляемые друг другу по признаку звонкости~глухости, серия смычных II отразилась несколько иначе, что и составляет отличительную черту италийской, в частности латинской, системы по сравнению с греческой в отношении передачи серии II индоевропейских смычных.

Придыхательные аллофоны индоевропейских звонких смычных фонем серии II отражаются в италийском как соответствующие глухие придыхательные спиранты *f*, θ, *h*, возникшие, очевидно, в результате спирантизации глухих $*p^h$, $*t^h$, $*k^h$, которые восходят, в свою очередь, к индоевропейским звонким придыхательным фонемам. Тем самым в италийском допускается аналогичный греческому процесс оглушения придыха-

тельных аллофонов звонких фонем индоевропейской серии II смычных [1]. Такое *θ из *d[h] уже достаточно рано в италийском, в частности в начальной позиции, совпадает со спирантом *f*. Предполагается, что в интервокальной позиции глухие спиранты в италийском, в частности латинском, претерпевают озвончение и переход в соответствующую звонкую смычную фонему.

Начальная позиция:

[*b^h]> итал. *p^h >лат. *f* (при допущении промежуточной ступени в виде билабиального *φ);

[*d^h]> итал. *t^h>*θ>лат. *f-*;

[*G^h]> итал. *k^h>*x> лат. *h-*;

[*g^{h0}]> итал. *k^{hw}>*x^w>лат. *f-*;

В середине слова:

[*b^h]> итал. *p^h>*φ>*β> лат. *-b-*;

[*d^h]> итал. *t^h>*θ>*ð>лат. *-d-* (в оскско-умбрском *θ>*f*);

[*G^h]> итал. *k^h>*x>лат. *-h-*;

[*g^{h0}]> итал. *k^{hw}>*x^w>лат. *-u-* (*ср. Allen 1958);*

[*##b^h-]: лат. *ferō* 'несу', умбр. *fertu*; *arsfertur* 'жрец': др.-инд. *bhárāmi* 'несу', др.-инд. *prá-bhartar-*, авест. *fra-bərətar-* 'жрец' (от *'*приноситель*'), гот. *baíran* 'нести', греч. φέρω 'несу';

[*##d^h-]: лат. *faciō*, *fēcī* 'делаю', оск. *fakiiad*, умбр. *façia*, *fakust*: греч. τίθημι, др.-инд. *dádhāmi* 'ставлю';

[*##G^h-]: лат. *hortus* 'огражденный участок', оск. *húrz*, *húrtúm*: греч. χόρτος 'огражденное место', 'загон', гот. *gards* 'дом';

[##*g^{h0}-]: лат. *formus* 'теплый': греч. θερμός 'теплый', др.-инд. *gharmá-* 'жара', ст.-слав. *gorěti* 'гореть';

[*-b^h-]: лат. *albus* 'белый', умбр. *alfu*: греч. ἀλφός 'белый лишай', др.-в.-нем. *albiz* 'лебедь', хет. *alpa-* 'белый'; лат. *nebula* 'туман': др.-инд. *nábhaḥ* 'облако', 'небо', хет. *nepiš* 'небо', греч. νέφος 'облако, туча';

[*-d^h-]: лат. *medius*, оск. *mefiai*: др.-инд. *mádhyaḥ*, авест. *maiδya-*; греч. μέσσος, гот. *midjis* 'срединный'; лат. *uidua* 'вдова': др.-инд. *vidhávā*, гот. *widuwō*, др.-ирл. *fedb*, др.-прус. *widdewu* , ст.-слав. *vьdova*;

[*-G^h-]: лат. *uehō* 'везу', умбр. *arsueitu* 'advehitō', *kuveitu* 'convehitō': др.-инд. *váhati*, авест. *vazaiti* 'везет', ст.-слав. *vezǫ* 'везу';

[*-g^{h0}-]: лат. *niuit* 'идет снег', *niuem* (*вин. п.*): греч. νίφα 'снег', νείφει 'идет снег', авест. *snaēžaiti* 'идет снег';

[1] Такой фонетический переход индоевропейских звонких придыхательных в глухие придыхательные в раннеиталийском должен был повлечь за собой, еще до перехода этих последних в соответствующие спиранты, "передвижение" глухих придыхательных (серия III) в соответствующие глухие чистые и совпадение их с непридыхательными аллофонами серии II. Вообще говоря, такое передвижение серии III смычных можно охарактеризовать как фонологизацию чистых глухих в результате потери фонетического признака придыхательности при соответствующих придыхательных аллофонах.

[*-d^h-] в определенных позициях, в частности рядом с *r*, а также перед *l* и после *u*, отражается как *-b-*, что предполагает переходы типа [-d^h-]>[-t^h-]>[-θ-], с последующим озвончением и огублением в *b* (*ср. Allen 1958*): ср. лат. *ūber* 'сосцы, вымя' при др.-инд. *údhar*, др.-англ. *ūder* 'вымя'; лат. *uerbum* 'слово', умбр. *uerfale* '*uerbāle*', 'templum efflātum', T. I. VI A 8, гот. *waúrd*; лат. *ruber* 'красный', оск. *Rufriis* (собственное имя), *rufra*, *rufru*: др.-инд. *rudhirấḥ*, греч. ἐρυθρός, ст.-слав. *rŭdrŭ* 'красный', др.-исл. *roðra* 'кровь'.

В италийском выявляются несомненные следы рефлексов фонем индоевропейской серии II с сохранением признака смычности, то есть рефлексов, не обнаруживающих перехода в глухие фрикативные фонемы в италийском с последующим озвончением в латинском, что можно было бы предположить в отношении форм, приведенных выше. Такое сохранение признака смычности в италийских рефлексах индоевропейских звонких фонем серии II наблюдается в комбинаторно определяемых условиях, восходящих в италийском к общеиндоевропейскому.

Имеются в виду латинские формы типа *uĕctus*, *прич. прош. страд.* от *uehō* 'везу', *lĕctus* 'кровать, ложе' при гот. *ligan* 'лежать', др.-в.-нем. *liggen* 'лежать', греч. λέχος, λέκτρον 'ложе', рус. *ложе*, из и.-е. **leG^h-*[1]; лат. *nix*, *род. п. niuis* 'снег' при *nĭuit* 'идет снег'; лат. *uēxī*, *перфект* от *uehō* 'везу' из старых форм с суффиксом *-s-* типа др.-инд. *ávāḳṣam*, ст.-слав. *vĕsŭ*; лат. *uexō* 'раздражаю', 'привожу в движение', *uĕctis* 'рычаг', ср. греч. ὀχλεύς 'рычаг'; лат. *abdō*, *abdidī*, *abditum* 'отделяю, ставлю в сторону' (от и.-е. **d^{h}ē-*, *Ernout/Meillet 1967 : 179*) при др.-инд. *apa dádhāti*, греч. ἀποτίθημι, ср. лат. *ob-dō*, *sub-dō*.

Вне сомнения, в вышеприведенных формах типа *abdō* в италийском в рефлексе фонемы серии II сохраняется не только признак смычности, но и признак звонкости: лат. *ab-dō*, *ob-dō*, *sub-dō* из **ap-dō*, **op-dō*, **sup-dō* и т. д., с ассимиляцией по звонкости предшествующего глухого смычного под влиянием следовавшего за ним звонкого смычного *-d-*, восходящего непосредственно к индоевропейской звонкой смычной фонеме серии II[2].

[1] Архаизм лат. lectus проявляется в отсутствии соответствующей глагольной формы и в редкости самого типа именного образования на **-t[^{h}]o-*, находящего соответствие в суффиксе и значении хет. *šašta-* '*ложе*', от *šeš-* 'спать', 'покоиться', др.-инд. sás-.

[2] Сочетания корня *dō-* с превербами *ab-*, *ad-*, *ob-*, *sub-*, *con-* в *abdō*, *addō*, *obdō*, *subdō*, *condō* являются древними формами, восходящими к общеиндоевропейской эпохе, ср. *Тронский 1960: 252*. Аналогичные сочетания соответствующих приставок с глаголом **dh^{h}ē-* характерны и для других индоевропейских языков, в чем и проявляется древность рассматриваемых сочетаний, ср. лат. *condō* и кельтские сочетания с приставками: др.-ирл. con-dar tailter 'они были бы даны' (*3 л. мн. ч.* страдат. з. наст. вр. сосл. накл.), имперф. сосл. накл. *1 л. ед. ч.* con-dartin, где con- родственно лат. *con-*, а *tarti* <**to-ro-ad-dit* (**-dit*<**-dh^{h}ēt*), *перф. do-rat*<**to-ro-ad-dat*, *Thurneysen 1946 : 35; Pokorny 1959 : 236*, ср. также древнехеттские структуры типа *-kan...dai* (*-kan*<**kn̥*>лат. *con-*), *-šan... dai-* (*-šan*<**sn̥*>греч. συν-): *nu-kán iš-na-an ḫa-aš-ši-i da-a-i* 'и тесто в очаг кладет'; .... *ḫa-aš-ši-ḫa-aš-ša-an ti-an-zi* 'и кладут в очаг'. Тем самым можно утверждать,

Чередование в латинских формах типа *uehō : uexō*, *uectus*, *uectis* и *nix* [*nik-s*] : *niuis* указывает на отражение звонкой индоевропейской фонемы серии II *g$^{[h]}$ в виде чистой звонкой смычной, претерпевшей позиционное оглушение в достаточно ранний период развития италийских диалектов (ср. аналогичное позиционное оглушение рефлексов звонких смычных фонем серии II в греческом). В результате в италийском, в частности латинском, возникают формы с чередующимися алломорфами в пределах одной парадигмы типа *uek- / ueh-*, *nik-/ niu-*, где первая алломорфа отражает индоевропейскую смычную в позиции перед последующей глухой фонемой (*t* и *s*), вторая же алломорфа отражает развитие индоевропейской звонкой смычной, в частности велярной, в интервокальной позиции.

Аналогичное отражение индоевропейских звонких смычных серии II в виде звонких смычных фонем, без необходимости допущения преобразования их в спиранты наподобие их преобразованию в интервокальной позиции, следует принять и в позиции после назальных. Последовательности типа *mb$^{[h]}$, (*nd$^{[h]}$), *ng$^{[h]}$ представлены в италийском в виде *mb*, (*nd*), *ng*:

И.-е. *mb$^{[h]}$: лат. *ambō*, *ambae* 'оба', ст.-лат. *ambi-*, *ambiguus*, *ambulō*, умбр. *amb-oltu* 'ambulatō', *ambretuto*[1]: греч. ἄμφω 'оба', тох. A *āmpi* 'оба';

*nd$^{[h]}$: лат. *condō* 'соединяю, собираю', форма с приставкой *con-* и глаголом (от корня *d^{h}ē-, по смыслу соответствует греч. συντίθημι 'соединяю'), *conditor* 'создатель, основатель', *Conditor* 'имя бога', сохраняющее архаическое значение 'кладущий зерно в амбар' (отражает древнее сочетание преверба *con-* < **kn̥-* с индоевропейским *d$^{[h]}$ē-, ср. хеттское *-kan... dai-* 'класть', *Josephson 1972 : 239, 242 и 287);*

*nG$^{[h]}$: лат. *angō* 'сжимаю, сужаю', *angustus* 'узкий', *angiportus* (=*uicus angustus*) 'узкая улица', 'тупик': греч. ἄγχω 'сдавливаю, душу', др.-инд. *aṁhu-*, др.-ирл. *cum-ung*, гот. *aggwus* 'узкий', ст.-слав. *ǫzй-kй*, лит. *aũkštas* 'узкий';

*ng$^{[h]}$: лат. *anguis* 'змей' (древний термин религиозного языка): др.-инд. *áhiḥ*, греч. ὄφις 'змея', 'змей', ср.-ирл. *esc-ung* 'угорь' ('змея воды'); лат. *unguis* 'ноготь, коготь': греч. ὄνυξ, *род. п.* ὄνυχος 'ноготь', 'коготь', др.-инд. *áṅghriḥ* 'нога', прус. *nage* 'нога', ст.-слав. *noga*, рус. *нога*, *ноготь*.

Рассмотренные выше формы дают основание утверждать, что в некоторых позициях звонкие смычные фонемы серии II отражались в италийском непосредственно как чистые звонкие смычные. В этих формах, очевидно, не следует предполагать оглушения и спирантизации первона-

что в рассматриваемых латинских формах с приставками отражено древнее индоевропейское распределение смычных в контактной последовательности. Этим и следует объяснить различие в отражении и.-е. *d$^{[h]}$ в данных глагольных формах с корнем *d^{h}ē-, в отличие от отражения и.-е. [*d^{h}] в виде спиранта f в том же глагольном корне в италийском в других позициях: лат. fēcī.

[1] Умбр. amprehtu может быть объяснено из *am-prae-ito, оск. am-fret, *Vetter 1953: 11 и 183.*

чальных звонких придыхательных с последующим их озвончением. При таком допущении вполне естественно предположить, что приводимые италийские формы отражают именно звонкие непридыхательные аллофоны фонем серии II, проявлявшиеся в италийском диалектном ареале в рассмотренных выше позициях, тогда как в других позициях, в которых предполагается оглушение и спирантизация звонких смычных индоевропейской серии II, следует ожидать проявления соответствующих придыхательных аллофонов.

Установление в италийском ряда позиций с проявлением непридыхательных аллофонов звонких смычных фонем серии II предполагает существование и других позиций, в которых фонемы этой серии вели себя аналогичным образом, то есть проявлялись в виде непридыхательных аллофонов. Такие позиции наряду с вышеразобранными позициями составляют полную дистрибуцию непридыхательных аллофонов индоевропейских смычных серии II.

Одной из наиболее вероятных позиций проявления непридыхательных аллофонов фонем этой серии в италийском следует считать последующую позицию в дистантной последовательности звонких смычных фонем серии II.

Формы типа лат. *fidō*, *offendix*, *fiber*, *fidēlia*, *foueō*, *fingō*, *habeō* (см. выше, стр. 25) представляется вероятным выводить соответственно из [*b^heid-], [*b^hend-], [*b^he-ber], [*b^hid-], [*d^heg^0-], [*d^heG-], [*G^hab-], а не из постулируемых в традиционной теории форм как с первым, так и со вторым звонким придыхательным с оглушением, спирантизацией и последующим озвончением второго придыхательного в италийском. В рассмотренных выше формах налицо лишь внешнее совпадение, с одной стороны, непридыхательных аллофонов звонких смычных фонем серии II и, с другой стороны, озвончившихся рефлексов придыхательных аллофонов тех же фонем[1].

Такая интерпретация рассмотренных выше форм позволяет судить о характере распределения фонем серии II в дистантной последовательности в италийском[2]. Порядок расположения звонких смычных серии II в

[1] В таких италийских формах с двумя фонемами серии II, находящимися в дистантной последовательности, в которых вторая смычная представлена в позиции после n, фактором проявления непридыхательного аллофона является как последующая позиция в дистантной последовательности, так и, вероятно, наличие соседней фонемы n.

[2] Такой порядок последовательности звонких смычных фонем серии II может быть проиллюстрирован и на примере умбрского и оскского языков. Сопоставление оскско-умбрских форм с соответствующими латинскими позволяет судить о первоначальной общности в италийском отражения аллофонов звонких смычных фонем серии II. В частности, умбрские формы habe, habetu, pre-habia, pre-hubia отвечают в этом отношении рассмотренной выше латинской форме habeō; habiest предполагается на основе неверного написания hafiest и для оскского *(Ernout/Meillet 1967 : 288)*. Оскские формы конъюнктива перфекта hipid, буд. hipust 'habuerit', проявляющие непридыхательный рефлекс второго смычного, соответствуют схеме распределения смычных в латинском (со вторичным оглушением). Такое же колебание в отношении передачи рефлекса второго согласного проявляется в оскской форме *feihúss* 'стен' ('mūrōs') (ср. выше лат. fingō, figūra) при оскском fi-

дистантной последовательности в италийском[1] находится в обратном соотношении с порядком распределения их в греко-арийском.

Обратный арийскому порядок распределения звонких смычных фонем, то есть последовательность со вторым непридыхательным членом в группе двух смычных, возможно предположить для италийского и в контактной последовательности. Этим можно было бы объяснить латинскую форму *crēdō* 'верю', восходящую к словосложению типа др.-инд. *śrad-dhā-* 'верить': *śrát te dadhāmi* 'в тебя я верю', *RV* X 147,1: и.-е. *$\mathbf{K}^{[h]}$ret'--$\mathbf{d}^{[h]}\bar{\mathbf{e}}$-> **$\mathbf{k}^{[h]}$red-$d^h\bar{e}$-[2]. В латинском происходит утеря звонкого *d* (из и.-е. *t') с заместительным удлинением и сохранением последующего *d* (из и.-е. *$\mathbf{d}^{h}$), ср. выше отражение *$\mathbf{d}^{[h]}$ в лат. *abdō*, *condō* и т. п. Такая утрата предшествующего *d* с заместительной долготой гласной понятна в последовательности *dd*, возникшей из и.-е. *t'$\mathbf{d}^{[h]}$, давшего *$dd^{[h]}$ (с озвончением глоттализованной фонемы в результате общего озвончения глоттализованных в италийском, и тем более в позиции перед звонкой фонемой). Эта последовательность могла отразиться только в виде *dd*, то есть с непридыхательным аллофоном звонкой фонемы серии II (согласно правилам распределения аллофонов фонем серии II в контактной последовательности для италийского).

В контактной последовательности перед глухими (незвонкими) смычными глоттализованные фонемы серии I должны были отразиться в италийском как соответствующие незвонкие (то есть они не претерпевали озвончения, ср. аналогичное развитие этих фонем в подобной позиции в древнеиндийском). При этом утеря признака глоттализации при смычной вызывала компенсаторное удлинение предшествующей гласной ("закон Лахмана"):

fikus 'ты, вероятно, сотворил', *Vetter 1953 : 43; Lejeune 1955 : 145*, и ст.-фалиск. fifiked 'finxit', отражающих некоторую нестабильность в передаче второго согласного, появившуюся вследствие действия ассимиляции, возможно, на поздней италийской основе, в противовес латинскому (ср. также формы с начальным смычным серии I типа умбр. teitu при deitu, оск. *deikum*, лат. dīcere, что может отражать общую тенденцию к унификации согласных основы по признаку звонкости ~ глухости).

[1] Единственной латинской формой, которая на первый взгляд противоречит предполагаемому выше порядку распределения дистантной последовательности звонких смычных фонем индоевропейской серии II, является лат. barba 'борода', объясняемое обычно из лат. **farfā*<**farðā* (ср. итал. farfecchie 'усы'): *b^{h}ard^{h}ā, ср. др.-в.-нем. bart, ст.-слав. brada, лит. barzdà. Индоевропейская форма, представленная только в определенной группе западных диалектов, является, по-видимому, сложным словом, составленным из *$\mathrm{b}^{[h]}$ar- 'щетина' и *$\mathrm{d}^{[h]}\bar{\mathrm{e}}$-: [*$\mathrm{b}^{h}$ar-$d^h\bar{e}$-] *(ср. Specht 1944 : 87 ; Pokorny 1959 : 110)*, ср. др.-исл., др.-в.-нем. burst, др.-англ. byrst 'щетина', др.-инд. *bhṛṣṭi-* 'край', ср. др.-исл. skegg 'борода' и skagi 'выступ' *(Buck 1949 : 205, § 4. 142)*. В таком случае в рассматриваемой латинской форме представлена последовательность из двух сополагающихся основ (из словосочетания), начальные согласные которых развиваются независимо друг от друга по законам начала слова, ср. отражение *-d^h-> -f- в латинских сложных словах на -fer типа frūgifer 'плодоносный', ignifer 'огненосный', lūcifer 'светоносный' *(Ernout/Meillet 1967 : 227 и след.)*.

[2] В италийском, как показывает сравнение с кельтским (др.-ирл. cretim 'верю', валл. credaf, ср.-брет. cridiff), сложный характер слова был довольно рано утрачен.

Лат. *āctus* от *ăgō* 'веду', оск. *acum*, *actud*, греч. ἄγω (и.-е. ***aǩ'-t^{h}os** > итал. **āk-tos*);

rēctus от *rĕgō* 'правлю', ср. др.-ирл. *ro-recht* 'expansum est', 'распространен', гот. *raihts* 'εὐθύς', 'прямой' (и.-е. ***reK'-t^{h}os** > итал. **rēk-tos*);

tēctus от *tĕgō* 'покрываю', греч. στέγω (и.-е. ***t^{h}eK'-t^{h}os** > итал. **tēktos*);

cāsus от *cădō* 'падаю' (и.-е. ***K^{h}at'-t^{h}os** > **kāt-tos* > итал. **kāsos*);

ēsus от *ĕdō* 'ем', греч. ἔδομαι, хет. *e-it-mi* (и.-е. ***et'-t^{h}os** > **ēt-tos* > итал. **ēsos*);

ūsus от *ūtor* 'вижу', греч. οἶδα, др.-инд. *véda* 'знаю' (и.-е. ***u̯it'-t^{h}os** > **uīt-tos* > итал. *ūsos*).

В формах с исходом на дентальный *t' наблюдаются колебания в отражении количества предшествующей гласной: наряду с формами с долгой гласной обнаруживается случай с краткой гласной: ср. лат. *sĕssus* от *sedeō* 'сижу' (и.-е. *set'-t^{h}os)[1].

То, что компенсаторное удлинение гласной в приводимых формах вызвано не позиционным оглушением звонкой смычной (как это предполагается в традиционной интерпретации "закона Лахмана", *ср. Нидерман 1949: 68—69; Safarewicz 1969: 77—78; Тронский 1960: 98—99, 278—279*), а другими фонетическими причинами, не связанными со звонкостью смычной (очевидно, признаком глоттализации), ясно видно из факта отсутствия компенсаторного удлинения предшествующей гласной в латинском при оглушении в аналогичных фонетических условиях звонких смычных, возникших в италийском из звонких фонем индоевропейской серии II: ср. формы типа:

Лат. *uĕctus* от *uehere* 'везти, тащить', др.-инд. *váhati* 'везет', греч. ὀχέω 'везу' (и.-е. ***u̯eG$^{[h]}$-t^{h}os** > итал. ***u̯eg-tos** > **u̯ĕk-tos*);

lĕctus от *legō* 'собираю', греч. λέχος 'ложе' (и.-е. ***leG$^{[h]}$-t^{h}os** > итал. ***leg-tos** > **lĕk-tos*);

fŏssus от *fodiō* 'рою, копаю', др.-инд. *budhná-*, греч. πυθμήν 'дно' (и.-е. ***b$^{[h]}$od$^{[h]}$-t^{h}os** > итал. ***fod-tos** > *fŏssus*).

Следует допустить, что возникновение долготы гласной в латинском по "закону Лахмана" увязывается с глоттализацией смежной индоевропейской смычной, что можно представить схематически в виде преобразования *-V̄C'C-⇒-V'CC-⇒-V̄CC-*. Представляется, что "закон Лахмана", существенный и для поздней латинской просодии (*ср. Bohnenkampf 1977*), отражает непосредственно языковое состояние, возникшее в период утери признака глоттализации при италийских рефлексах индоевропейских фонем серии I (*ср. также Kortlandt 1978a: 117*).

[1] Форма sessus с краткой гласной *e* и с геминированной согласной могла возникнуть из закономерной *sēsus с переносом признака долготы с вокалического сегмента на последующий консонантный сегмент, наблюдаемым и в ряде других случаев, ср. этимологически закономерную форму *Iūpiter (при греч. Ζεῦ Πάτερ), превратившуюся в Iuppiter (с переносом признака долготы на последующий консонантный сегмент), *ср. Collinge 1975: 230.*

Возникновение долготы гласной в италийском (латинском) под влиянием признака глоттализации (ларингальной артикуляции) последующей смычной может быть сопоставлено с появлением просодического "толчка" в германском (ср. выше, стр. 35), а также типологически сравнимо с процессом влияния на вокалическое количество индоевропейской "ларингальной" фонемы (об этом подробнее — ниже).

Тем самым приводимые обычно латинские формы типа *fŏssus* от *fodiō* 'копаю', *strĭctus* от *stringō* 'натягиваю' и др. в качестве исключений к "закону Лахмана" *(Safarewicz 1969: 78; Нидерман 1949: 70—71)* не отражают, строго говоря, этой закономерности, распространяющейся исключительно на латинские формы с рефлексами индоевропейских фонем серии I[1].

Разобранные выше италийские формы в соотношении с формами других индоевропейских языков дают возможность составить картину преобразования трех серий индоевропейских смычных фонем в италийском с учетом последовательных этапов развития италийской фонологической системы.

Серия II индоевропейских смычных расщепляется в раннеиталийском на две фонемные серии — серию глухих придыхательных смычных и серию звонких смычных, отражающих соответственно придыхательный и непридыхательный ряд аллофонов звонких смычных фонем индоевропейской серии II. При этом звонкая серия италийских смычных, возникшая из непридыхательных аллофонов фонем серии II, сливается со звонкими рефлексами глоттализованной серии I индоевропейских смычных. Фонологизация в раннеиталийском звонких смычных и глухих придыхательных произошла, вероятно, именно в результате совпадения рефлексов непридыхательных аллофонов фонем серии II со звонкими рефлексами глоттализованной серии I индоевропейских смычных.

В определенной связи с этими преобразованиями находится и дезаспирация придыхательных аллофонов незвонкой серии III индоевропейских смычных. Возможность совпадения с этими последними первоначальных италийских рефлексов придыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии II должна была вызвать утерю признака аспирации при придыхательных аллофонах фонем серии III и переход ее в италийском в серию чистых глухих смычных. В результате в раннеиталийском возникает

[1] Объяснение происхождения долгой гласной в партиципиальных формах типа fēctus, tēctus аналогическим распространением долгой ступени, возникающей в определенных морфонологических структурах прошедшего времени (соответственно fēx, tēx-, *Watkins 1962: 37*; ср. несколько отличное морфонологическое толкование долготы *Kuryłowicz 1968a*, ср. также *Strunk 1976*), не может удовлетворительно разъяснить, без дополнительных сложных аналогических построений, отсутствие долгот в формах типа iectus, имеющих соответствующие формы аориста на долгий гласный — iēxī. Довольно четкое разграничение долгой и краткой гласной в соответствующих партиципиальных формах в латинском, содержащих фонемы серии I (при долгой гласной) и серии II (при краткой гласной), проявляет скорее фонетический характер происхождения долгих гласных в партиципиальных формах. К критике "морфологического объяснения" закона Лахмана см. также *Collinge 1975; ср. Drachman 1980.*

система, различающая еще три серии смычных: звонкие~глухие придыхательные~чистые глухие.

Следующим этапом в развитии италийской фонологической системы явилась спирантизация глухих придыхательных смычных и переход их в соответствующие фрикативные, которые в ряде позиций претерпевают комбинаторное озвончение *(Martinet 1950)*. Возникшие в результате последнего звонкие смычные совпадают в латинском с ранее существовавшей серией звонких смычных. Система преобразовывается в направлении элиминации серии глухих придыхательных фонем и образования особой серии глухих фрикативных.

Фонемы серии I индоевропейских смычных, перешедшие в италийском, как в греческом и индо-иранском, в звонкие смычные *d*, *g*, g^w, создали тем самым собственно италийскую серию звонких смычных, лабиальный член которой *b* возникает в результате описанных процессов развития фонем серии II, то есть в результате совпадения непридыхательного аллофонного ряда звонких фонем *b*, *d*, *g* с италийскими рефлексами серии I. В дальнейшем такое *b* наряду с *d* и *g* могло возникнуть также вследствие процесса комбинаторного озвончения спирантов и превращения их в соответствующие смычные [*в оскско-умбрском в результате развития* $*g^w > b$-: *оск. bivus (мн. ч.) 'живые': лат. uīuī*].

Другим источником пополнения числа форм, содержащих звонкую лабиальную фонему *b* в латинском (помимо некоторых дополнительных комбинаторных процессов типа изменения *-p-* > *-b-*[1] в *bibō* 'пью', группы *dų-* типа *dųi-* > *bi-* 'дву-' в лат. *bīni* 'двое', *bonus* 'хороший' из **dųenos*, **## mr-* > *br-* : лат. *breuis* 'короткий', греч. βρᾳχύς, ср. гот. *gamaúrgjan* 'укорачивать') являлись ономатопоэтические или экспрессивные образования типа *balbus* 'болтун', *balbō* 'болтаю', а также заимствования из

[1] В отдельных редких случаях глухие (придыхательные) дают по диалектам озвончение с позднейшим переходом их в соответствующие звонкие. Этим следует объяснить, в частности, кельт. b в др.-ирл. ab 'река', *род. пад.* abae, валл. afon, др.-брет. Abona (ср. *Ἄβου ποταμοῦ у Птолемея*) с позднейшим озвончением $*p^h$ вместо его закономерной утери, характерной для кельтских языков (в начальной позиции): ср. др.-инд. ap- 'вода, река', хет. *ḫa-ap-pa* (в древнехеттском тексте KUB XXXI 74 Vs. II 9': *ḫa-ap-pa an-da še-iš-te-en* 'покоитесь=спите в реке'), прус. ape 'поток', apus 'источник, колодец', лит. ùpė́ 'река', латыш. upe 'река', с первоначальным $*p^h$, *Иванов 1980 : 80—81*.
Звук b возникает, очевидно, по ассимиляции p под влиянием последующей звонкой согласной в формах типа др.-инд. *ap-bhis (твор. п. мн. ч.)> *ab-bhis, откуда исторически засвидетельствованное *adbhís*, *adbhyás* (дат. п. мн. ч.), с диссимиляцией сочетания bbh→dbh (ср. nádbhyas из *napdbhyas, *Wackernagel/Debrunner 1930, III: § 131 b; Mayrhofer 1956, I: 29—30; Thieme 1953 : 578; Thumb/Hauschild 1958, 1,1: § 145, 303*). Лат. amnis может быть легко выведено из формы с первоначальным глухим p: $*H_2ap^{[h]}$nis, ср. пал. *ḫappaš* *(Carruba 1970 : 20 и след.*, ср. *Hamp 1972*, где звонкое -b- предполагается из озвончения под влиянием ларингального, как и в *pibati*, с ассимиляцией последующего носового *-pn-> -mn-). Параллельное хеттское написание *ḫa-pa-a* (KUB XIII 3 III 29, 32) легко объясняется графическими особенностями клинописи, в которой часто опускается графическое удвоение согласного. Поэтому, вопреки гипотезе Уоткинса *(Watkins 1973a)*, нет оснований реконструировать две серии слов для этого корня.

других языков, в том числе из близкородственных италийских диалектов (например, лат. *bōs* 'бык', 'корова' из диалекта оскско-умбрского типа) и ряда других (лат. *bōca* 'морская рыба': греч. βῶξ, *Ernout/Meillet 1967: 72;* лат. *ebur* 'слоновая кость', егип. *3bw*, копт. ϵβυ и др.), *Laughton 1956; Laroche 1965a : 56—57; Masson 1967.*

Эти процессы приводят к закономерному пополнению серии звонких смычных фонемой *b* — типологически немаркированным для этой серии лабиальным членом. Тем самым серия звонких смычных в латинском приходит в соответствие с универсальными типологическими закономерностями частотных соотношений фонем лабиального и велярного рядов.[1]

Рассмотренные выше преобразования трех серий индоевропейских смычных в италийском представлены на *Табл. 10* и в правилах преобразования (10) и (10′)[2]:

ТАБЛИЦА 10

ВЫВОД ИТАЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

И.-е.	I	II	III
	(p')	b/b^h	$p^{[h]}$
	t'	d/d^h	$t^{[h]}$
	K'	G/G^h	$K^{[h]}$
	↓	↓	↓
Раннеиталийская	b	p^h	p
	d	t^h	t
	g	k^h	k
	g^w	k^{hw}	k^w
	↓	↓	↓
Позднеиталийская	b	f	p
	d	θ	t
	g	x→h	k
	g_u	x_u→h_u	k_u
	↓	↓	↓
Латинская	b	f	p
	d	f	t
	g	h	k
	g_u	$_u$	k_u

[1] Установлению статистически закономерных соотношений между лабиальными и велярными фонемами в серии звонких содействует также и то, что маркированная в этой серии лабиовелярная фонема d_u превращается в $_u$ во всех позициях за исключением позиции после n.

[2] Следует заметить, что в статье Миллера *(Miller 1977)*, который отрицает возможность придыхательного характера глухой индоевропейской серии смычных, дается неправильное толкование нашей точки зрения на отражение и развитие придыхательных в италийском.

Раннеиталийская система

(10) a. $\left\{\begin{matrix}[+\text{глоттал}]\\(-\text{звонк})\end{matrix}\right\} \Rightarrow \left\{\begin{matrix}(-\text{глоттал})\\[+\text{звонк}]\end{matrix}\right\} \mid \left[\begin{matrix}-\text{слогов}\\+\underline{\text{смычн}}\end{matrix}\right]$

b. $X \Rightarrow X \mid \left\{\left[\begin{matrix}-\text{слогов}\\+\text{смычн}\\+\text{звонк}\end{matrix}\right]\right\}$
$[-\text{аспир}]$

b'. $\left\{\begin{matrix}[+\text{звонк}]\\[+\text{аспир}]\end{matrix}\right\} \Rightarrow \left[\begin{matrix}-\text{звонк}\\+\text{аспир}\end{matrix}\right] \mid \left[\begin{matrix}-\text{слогов}\\+\underline{\text{смычн}}\end{matrix}\right]$

c. $[+\text{аспир}] \Rightarrow [-\text{аспир}] \mid \left[\begin{matrix}-\text{слогов}\\+\text{смычн}\\-\underline{\text{звонк}}\end{matrix}\right]$

Позднеиталийская система

(10′) a. $X \Rightarrow X \mid \left[\begin{matrix}-\text{слогов}\\+\text{смычн}\\+\text{звонк}\end{matrix}\right]$

b. $\left[\begin{matrix}+\text{смычн}\\+\text{аспир}\end{matrix}\right] \Rightarrow \left\{\begin{matrix}[-\text{смычн}]\\[+\text{аспир}]\end{matrix}\right\} \mid \left[\begin{matrix}-\text{слогов}\\-\underline{\text{звонк}}\end{matrix}\right]$

c. $[-\text{аспир}] \Rightarrow [-\text{аспир}] \mid \left[\begin{matrix}-\text{слогов}\\+\text{смычн}\\-\text{звонк}\end{matrix}\right]$

5.9. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ СИСТЕМ СО СЛИЯНИЕМ ФОНЕМНЫХ СЕРИЙ I И II. КЕЛЬТСКАЯ И БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ СИСТЕМЫ

Особую группу индоевропейских диалектов составляют кельтские и балто-славянские языки, в которых серии I и II сливаются в одну общую серию индоевропейских смычных[1]. При этом слияние серий I и II индоевропейских смычных дает в кельтском, как и в балто-славянском, новую серию звонких смычных фонем *b*, *d*, *g*. Имевшие место фонетические преобразования исходных серий смычных могут быть охарактеризованы как озвончение глоттализованных фонем и вероятная дезаспирация придыхательных аллофонов фонем серии II[2]:

[1] Аналогичное слияние фонем серий I и II индоевропейских смычных предполагается и для хеттского языка. Фонологический характер общей серии смычных, возникшей в результате такого слияния в хеттском, может и отличаться от кельтского, но факт склеивания именно этих двух серий, а также факт сохранения в серии III глухих придыхательных в хеттском и кельтском (см. об этом ниже) может служить некоторой фонологической изоглоссой, объединяющей эти две языковые системы.

[2] Типологически аналогичный фонетический процесс дезаспирации и слияния индо-иранских звонких придыхательных с чистыми звонкими имел место и в иранских

И.-е. *$b^{[h]}$: др.-ирл. *berim* 'несу', лат. *ferō*, греч. φέρω, гот. *bairan*, др.-инд. *bhárāmi*; др.-ирл. *gaibid* 'берет', лат. *habeō* 'имею', др.-в.-нем. *geban* 'давать';

И.-е. *t', * $d^{[h]}$: др.-ирл. *dét* 'зуб', валл. брет. *dant*, лат. *dēns, род. п. dentis*, гот. *tunþus*, ср. хет. *adant-*, др.-инд. *dant-*; др.-ирл. *mid-* 'средний', галл. *Medio-*, лат. *medius*, др.-инд. *mádhyaḥ*;

И.-е. *K', *$G^{[h]}$: др.-ирл. *gein* 'рождение', лат. *gignō* 'рождаю', греч. γίγνομαι 'рождаюсь'; галл. *legasit* 'он поместил', валл. *lle* 'место', греч. λέχος, λέκτρον 'ложе', лат. *lectus* 'ложе', гот. *ligan* 'лежать'.

Серия III индоевропейских смычных отражается в кельтском как глухие придыхательные *$p^{[h]}$, $t^{[h]}$, $k^{[h]}$ *(Льюис / Педерсен 1954: 68—69 и 74—75)* с сохранением признака аспирации, во всяком случае в некоторых позициях при глухих фонемах серии III[1]. Но в кельтском подобная аспирация при глухих фонемах серии III не играет фонологической роли, поскольку кельтские рефлексы индоевропейской серии III смычных противопоставляются рефлексам серий I и II лишь по признаку глухости ~ звонкости. Аспирация выступает в кельтской системе как фонологически нерелевантный признак. Пережиточно сохранившийся фонетический признак аспирации при глухих смычных в кельтском позволяет еще реконструировать некоторые модели придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем индоевропейской серии III *(ср. Vendryès 1908: 23)*:

И.-е. *$p^{[h]}$: др.-ирл. *seir* 'пята', валл. *ffēr* 'лодыжка', лат. *spernō* 'отталкиваю', 'отвергаю', др.-инд. *sphurámi* 'отбрасываю'; др.-ирл. *ibim* 'пью', др.-инд. *píbāmi*, лат. *bibō* 'пью';

И.-е. *$t^{[h]}$: др.-ирл. *lethan* 'широкий', галл. *Litano-briga* 'большой город' : греч. πλατύς, др.-инд. *pṛthú-* 'широкий';

И.-е. *$K^{[h]}$: др.-ирл. *lóchet* 'сверкающий', 'молния', лат. *lūx* 'свет', греч. λευκός 'белый', гот. *liuhaþ* 'свет'.

Как видно из *Табл. 11* и правила (11), в общем статус рефлексов серии III индоевропейских смычных в кельтской системе остается идентичным статусу серии III смычных в исходной индоевропейской системе, несмотря на слияние в кельтском индоевропейских серий I и II. Однако возникший из такого слияния ряд звонких смычных соотносится с кельтскими рефлексами серии III тождественным исходному образом[2].

языках, что может быть установлено при сравнении древнеиндийских форм, в этом отношении отражающих, по-видимому, общеиндо-иранское состояние, с иранскими.

[1] Индоевропейское *$p^{[h]}$ исчезает в кельтском, проходя через стадии $f > h > \emptyset$. Следует отметить, что при всех преобразованиях индоевропейской фонологической системы в кельтском сохраняется принцип наибольшей маркированности лабиальной фонемы в подгруппе незвонких смычных. При преобразовании первоначальной глоттализованной серии в кельтском и возникновении из нее серии звонких смычных, закономерно включающей функционально сильный немаркированный лабиальный член b (из и.-е. *$b^{[h]}$), наиболее маркированным членом системы становится (придыхательная) фонема $p^{[h]}$, которая соответственно исчезает в древнеирландском.

[2] Вышеприведенное изложение и основанная на нем таблица являются некоторым упрощением процесса преобразований индоевропейской системы смычных в кельтс-

(11) a. $\left\{\begin{matrix}[+\ глоттал] \\ (-\ звонк)\end{matrix}\right\} \Rightarrow \left\{\begin{matrix}(-\ глоттал) \\ [+\ звонк]\end{matrix}\right\} \mid \left[\begin{matrix}-\ слогов \\ +\ смычн\end{matrix}\right]$

b. $[+\ аспир] \Rightarrow [-\ аспир] \mid \left[\begin{matrix}-\ слогов \\ +\ смычн \\ +\ звонк\end{matrix}\right]$

c. $X \Rightarrow X \mid \left\{\begin{matrix}\left[\begin{matrix}-\ слогов \\ +\ смычн \\ -\ звонк\end{matrix}\right] \\ [-\ аспир]\end{matrix}\right\}$

ТАБЛИЦА 11

ВЫВОД КЕЛЬТСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

I	II	III
(p')	$b^{[h]}$	$p^{[h]}$
t'	$d^{[h]}$	$t^{[h]}$
K'	$G^{[h]}$	$K^{[h]}$
b		$p^{[h]}$
d		$t^{[h]}$
g		$k^{[h]}$

Весьма близкие к этой системе преобразования наблюдаются в балто-славянских языках. Серии I и II индоевропейских смычных сливаются в общую серию звонких смычных в результате озвончения глоттализованной серии I и дезаспирации придыхательных аллофонов звонких смычных фонем серии II. При этом следы первоначального фонологического различия этих серий видны в балто-славянском в различном влиянии их на соседнюю гласную. В частности, В. Винтером было установлено, что последовательность "*краткая гласная*" плюс "*глоттализованная смычная*" (традиционная "звонкая смычная") отражается в балтийском и славянском как "*долгая гласная с акутовой интонацией*" плюс "*звонкая смычная*", тогда как "*краткая гласная*" плюс "*звонкая придыхательная*" дает последовательность "*краткая гласная*" плюс "*звонкая смычная*" (*см. Winter 1979*). В этом проявляется такое же влияние на предшествующую гласную признака глоттализации фонем серии I, как и в случае просоди-

ком, поскольку тут не рассматриваются трансформации индоевропейских лабиовелярных, существенные для представления всех промежуточных процессов вывода кельтской системы из индоевропейской. Приводимую схему вывода кельтской системы следует рассматривать только как начальный и конечный этапы процесса деривации, промежуточные звенья которого будут представлены при рассмотрении отражения в индоевропейских диалектах ряда лабиовелярных (см. ниже, стр. 90_1).

ческого толчка в германском или удлинения гласной в италийском по "закону Лахмана" (*ср. Kortlandt 1977: 319 и след.; 1979*)[1].

Другим примером аналогичного характера с долгой гласной и акутовой интонацией в балтийском и славянском в соседстве со "звонкими" (то есть "глоттализованными" смычными) может служить индоевропейское ***t'a̯ i̯u̯ĕr-** 'брат мужа, деверь': др.-инд. *devár-*, арм. *taygr*, греч. гом. δᾱήρ, лат. *lēuir*, др.-в.-н. *zeihhur* при лит. *dieveris*, латыш. *diẽveris*, ц.-слав. *děverь*. Необъяснимая с традиционной точки зрения долгота гласной с акутовой интонацией в балтийском при отсутствии "ларингальной" фонемы в данной форме (*ср. Szemerényi 1977b: 87*) должна объясняться первоначальной глоттализованностью предшествующей согласной ***t'**.

Балто-славянская система продвинулась несколько дальше кельтской, дезаспирировав индоевропейскую серию III глухих смычных и утеряв тем самым фонологически нерелевантный признак аспирации при глухих смычных согласных, противопоставлявшихся серии звонких смычных лишь по признаку звонкости ~ глухости:

И.-е. ***b[h]**: лит. *bẽbras* 'бобер', др.-прус. *bebrus*, рус. *бобер*, лат. *fiber*, др.-в.-нем. *bibar*, др.-инд. *babhrúḥ* 'коричневый'; лит. *debesìs* 'небо', латыш. *debess*, ст.-слав. *nebo*, *род. п. nebese*, хет. *nepiš*, 'небо', др.-инд. *nábhas-* 'небо', 'туман', греч. νέφος 'облако', лат. *nebula* 'туман';

И.-е. ***t'**, ***d[h]**: лит. *ẽdu* 'ем', латыш. *êst*, др.-прус. *ìst* 'ест', ст.-слав. *jamь*, *jastŭ*, лат. *edō*, греч. ἔδομαι ; лит. *dẽti* 'ставить, класть', латыш. *dêt*, ст.-слав. *děti*, греч. τίθημι, др.-инд. *dádhāmi*;

И.-е. ***K'**, ***G[h]**: латыш. *gùovs* 'корова', ст.-слав. *govędo*, рус. *говядина*, др.-инд. *gáuḥ*, греч. βοῦς 'бык'; лит. *genù* 'гоню, выгоняю', *giñti*, ст.-слав. *gonjǫ* 'гоню', др.-инд. *hánti* 'бьет', *мн. ч. ghnánti*, хет. *kuenzi* 'убивает', *мн. ч. kunanzi*;

И.-е. ***p[h]**: прус. *poieiti* 'пьет', лит. *puotà* 'попойка', ст.-слав. *pijǫ* 'пью', *piti*, др.-инд. *páti* 'пьет', греч. πίνω 'пью';

И.-е. ***t[h]**: лит. *mótė* 'женщина', *род. п. moterš*, латыш. *mãte* 'мать', прус. *mūti*, *mothe*, ст.-слав. *mati*, *род. п. matere*, др.-инд. *mātár-*, греч. μήτηρ 'мать';

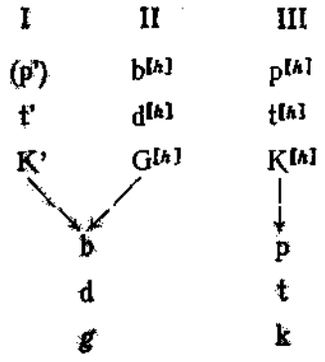
И.-е. ***K[h]**: лит. *kraũjas* 'кровь', прус. *krawian* 'кровь', ст.-слав. *krŭvь*, лат. *cruor* 'кровь', др.-инд. *kravíḥ* 'сырое мясо', греч. κρέας 'мясо'.

Преобразования исходной индоевропейской системы смычных в балто-славянскую представлены на *Табл. 12* и в правилах (12):

[1] Ф. Кортландт считает, что обнаруженная В. Винтером закономерность отражения в балтийском и славянском последовательности "*краткая гласная + звонкая* (т. е. *глоттализованная*) *смычная*" является таким же подтверждением на сравнительном материале теории глоттализованности индоевропейских фонем серии I, каким обнаруженные хеттского явилось в свое время для ларингальной теории. Автор пишет: "Thus, the glottal articulation in Latv. *pẽds*, *nuõgs* represents the same kind of *a posteriori* evidence for the theory of glottalic consonants as the initial velar of Hitt. *ḫanti*, *ḫaštai* once provided for the laryngeal theory" *(Kortlandt 1977: 319)*.

ТАБЛИЦА 12

ВЫВОД БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

Правила переписывания дифференциальных признаков для балто-славянской системы тождественны правилам преобразования кельтской за исключением правила (11c), которое для балто-славянской системы переформулируется в виде правила (12c):

(12) a. $\left\{\begin{matrix}[+\ глоттал]\\(-\ звонк)\end{matrix}\right\} \Rightarrow \left\{\begin{matrix}(-\ глоттал)\\[+\ звонк]\end{matrix}\right\} \mid \left[\begin{matrix}-\ слогов\\+\ \underline{смычн}\end{matrix}\right]$

b. $[+\ аспир] \Rightarrow [-\ аспир] \mid \left[\begin{matrix}-\ слогов\\+\ смычн\\+\ \underline{звонк}\end{matrix}\right]$

c. $[+\ аспир] \Rightarrow [-\ аспир] \mid \left[\begin{matrix}-\ слогов\\+\ смычн\\-\ \underline{звонк}\end{matrix}\right]$

5.10. КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ ПО ХАРАКТЕРУ ОТРАЖЕНИЯ В НИХ ТРЕХ СЕРИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ. АРХАИЧНОСТЬ ГЕРМАНСКОГО КОНСОНАНТИЗМА И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ «ЗАКОНА ГРИММА»

Изложенные выше преобразования трех серий индоевропейских смычных в различных группах индоевропейских диалектов позволяют распределить их в определенном порядке в зависимости от возрастающей архаичности и близости к исходной индоевропейской системе.

Наиболее преобразованной по сравнению с исходной системой представляется поздняя тохарская система смычных с совпадением всех трех

индоевропейских серий в одну, которая на письме передается знаками для индийских глухих непридыхательных; далее—система смычных балто-славянских языков, за которыми следуют кельтские языки, сохранившие отчасти фонетический характер придыхательных аллофонов фонем серии III; италийская и греческая системы имеют целый ряд общих новообразований, выразившихся в своеобразном отражении аллофонов фонем серии II. Италийская система сохраняет звонкий характер непридыхательных аллофонов серии II, тогда как греческая система оглушает как придыхательные, так и непридыхательные аллофоны фонем этой серии.

Фонологически более существенные преобразования имели место в индо-иранской системе, в которой происходит симметричное расщепление фонемных серий II и III на четыре независимые фонологические серии смычных: звонкие, звонкие придыхательные (при сохранении их фонетического характера), глухие и глухие придыхательные смычные.

Все названные языковые системы объединяются в общую группу по признаку отражения в них индоевропейской глоттализованной серии смычных: во всех этих системах происходит озвончение серии глоттализованных смычных и слияние ее с рефлексами смычных индоевропейской серии II.

В этом отношении названная группа языков противостоит другой группе индоевропейских языков, в которых индоевропейская серия смычных I сохраняет свой первоначально незвонкий характер, а серия III — характер глухой придыхательной серии смычных; к этой немногочисленной группе архаических индоевропейских диалектов следует отнести анатолийскую систему, германскую языковую систему с позднейшей спирантизацией серий II и III смычных и армянскую систему, в наибольшей степени сохранившую первоначальные фонологические соотношения между тремя сериями индоевропейских смычных при допущении наличия в древнеармянском звонких придыхательных и чистых звонких как аллофонов общей серии звонких фонем. В этом отношении древнеармянский язык можно считать наиболее архаичным среди исторических индоевропейских диалектов.

Фонологические преобразования в большинстве рассмотренных выше индоевропейских диалектов могут быть описаны в терминах расщепления и слияния исходных трех серий индоевропейских смычных. Такие процессы происходили в значительной мере в тех языковых системах (например, в индо-иранском, греческом, италийском), которые в классической индоевропеистике считались наиболее архаичными в отношении исходного консонантизма.

Наоборот, системы, считавшиеся традиционно более преобразованными в результате предполагавшегося "передвижения согласных" (германский, армянский), оказываются в отношении консонантизма наиболее архаичными, наиболее близкими к исходной индоевропейской системе смычных.

Следовательно, известный "закон Гримма" (в части, касающейся первого, общегерманского передвижения согласных), описывающий преоб-

разования индоевропейского консонантизма в германском, оказывается неадекватным по отношению к фонологическим процессам, которые должны были иметь место в германском. Если и можно говорить по отношению к какой-либо исторической индоевропейской системе о "передвижении согласных", то это, в первую очередь, касается, судя по конечным результатам, систем таких индоевропейских языков, как индо-иранская, греческая, италийская и другие, то есть систем, которые в классической индоевропеистике считались в общем отражающими индоевропейский консонантизм.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛОКАЛЬНЫЕ РЯДЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СМЫЧНЫХ И КЛАСС СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ. ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА

1. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛОКАЛЬНЫХ РЯДОВ СОГЛАСНЫХ

1.1. «ФОНЕТИЧЕСКИ ЕСТЕСТВЕННЫЕ» РЯДЫ СМЫЧНЫХ: АНТЕРИОРНЫЕ И ПОСТЕРИОРНЫЕ

Исследованная выше система трех серий индоевропейских смычных и правила ее трансформаций в отдельные исторически засвидетельствованные индоевропейские системы основывались на предположении о наличии в индоевропейском по крайней мере трех локальных рядов (определяемых местом артикуляции соответствующих фонем). Такие фонемные ряды составляют горизонтальные последовательности в схеме, которая представляет парадигматику смычных. Эти ряды были охарактеризованы как "лабиальный", "дентальный" и "гуттуральный" (resp. "велярный").

Фонетико-фонологический характер "лабиального" и "дентального" рядов в индоевропейской парадигматической системе недвусмысленно устанавливается по их рефлексам в исторических индоевропейских языках.

"Лабиальный" ряд объединяет смычные лабиальной артикуляции (губно-губные), которые в терминах акустических дифференциальных признаков могут быть охарактеризованы как низкие по тону ([+низкая тональность]=[+периферийность]) и некомпактные ([—компактность]). При этом лабиальный ряд смычных, характеризующийся губной артикуляцией, тем самым фонетически может быть определен как "бемольный" (фонетический признак "бемольности" выводится автоматически из характеристики этих смычных как "лабиальных").

В противовес этому ряду, "дентальный" ряд объединяет смычные переднеязычной (апикальной) артикуляции, характеризуемые в терминах акустических признаков как ненизкие по тональности ([—низкая тональность]=[—периферийность]) и некомпактные ([—компактность]). Таким образом, лабиальный ряд противопоставляется дентальному ряду по признаку низкой тональности.

Оба эти ряда вместе как некомпактные (то есть "диффузные") противопоставлены заднеязычным индоевропейским смычным, характеризуемым признаком "компактности". Лабиальные и дентальные как диффузные согласные могут быть объединены в группу "антериорных" согласных

(то есть согласных, артикулируемых с основной преградой до палатальной области в полости рта, перед точкой артикуляции *s*).

Противопоставленные им компактные согласные могут быть охарактеризованы как "неантериорные" ("постериорные"), то есть как звуки, артикулируемые с основной точкой преграды, расположенной в полости рта, начиная с точки артикуляции *s* (*ср. Chomsky/Halle 1968 : 304*).

Границу между "антериорными" и "постериорными" согласными представляется возможным определить как точку артикуляции в полости рта компактно-диффузных или свистяще-шипящих спирантов и аффрикат типа абхазского (бзыбского) *ẑ ŝ ĝ ĉ ĉ'*. Все звуки с основной преградой в полости рта, расположенной за этой точкой, будут определяться как "постериорные" (неантериорные); все звуки с основной преградой в полости рта до этой точки будут называться "антериорными" (непостериорными).

Характерно в фонетическом отношении, что сами эти звуки, артикулируемые в точке, лежащей на линии раздела антериорной и постериорной артикуляционных групп, и определяемые фонологически как "компактно-диффузные" (то есть "антериорно-постериорные") обнаруживают сильную тенденцию к переходу в ту или другую артикуляционную группу, ср. развитие согласных этого типа в абхазских диалектах.

Антериорным рядам смычных в индоевропейском противопоставляется постериорный ряд смычных, определяемых в терминах акустических дифференциальных признаков как "низкие по тону" ([+низкая тональность]=[+периферийность]) и "компактные" ([+компактность]).

В этот ряд входят смычные фонемы, определяемые традиционно как "велярные". Судя по рефлексам фонем этого ряда в исторических индоевропейских языках, эти индоевропейские фонемы могут быть фонетически охарактеризованы как задненязычные, артикулируемые примерно в зоне произнесения смычных *k*, *g*, то есть при смычке спинки языка и передней части мягкого неба (*velum palati*).

Таким образом, в индоевропейской фонологической системе восстанавливаются с несомненностью три ряда смычных, артикулируемых в трех основных артикуляционных зонах в полости рта: "лабиальные", "дентальные" и "велярные", что согласуется с типологическими данными о распространенности в языках мира согласных, артикулируемых в этих трех зонах. Консонантные звуки, произведенные в этих артикуляционных зонах, можно рассматривать как "самые естественные" в том смысле, что их возникновение происходит самым простым и естественным образом с помощью подвижных органов в полости рта (*ср. Trubetzkoy 1958; Трубецкой 1960: 142 и след.; Milewsky 1967*).

1.2. ТИПОЛОГИЯ МОДИФИКАЦИЙ ОСНОВНЫХ РЯДОВ СМЫЧНЫХ

Такие основные ряды фонологической системы, объединяющие фонемы, которые производятся в указанных выше трех основных артикуляционных зонах, могут быть модифицированы путем добавления к основным артикуляционным признакам дополнительных артикуляций.

В качестве такой дополнительной артикуляции при фонемах этих трех локальных рядов может выступать "огубление" (лабиализация), "смягчение" (палатализация) или "отвердение" (веляризация).

"Огубление" выражается в наложении дополнительной *w*-образной артикуляции на основные артикуляционные признаки звука, тогда как "палатализация" или "смягчение" выражается в наложении *y*-образной артикуляции на основные артикуляционные признаки звука *(Ladefoged 1971: 59 и след.)*. Такая модификация основных локальных рядов с помощью дополнительной артикуляции может вызвать появление в системе новых фонемных рядов, маркированных по отношению к основным рядам и представляющих как бы их дополнения в фонологической системе.

Признак огубления (лабиализации) может выступать в качестве такого дополнительного модификатора основного ряда во всех трех рядах (включая и собственно лабиальный ряд, ср. *Chomsky/Halle 1968: 307;* ср. о бирманском *Трубецкой 1960; Trubetzkoy 1958)*, хотя основные локальные ряды, подверженные такой модификации, это прежде всего велярный ряд, то есть [g^w, k^w] и в значительно меньшей степени дентальный, то есть [d^w, t^w]. В этом смысле лабиализованный велярный ряд является немаркированным по отношению к лабиализованному дентальному ряду. Из этого следует, что в смычных признак лабиализации (бемольности) легче сочетается с признаком постериорности, чем с признаком антериорности, *ср. Chomsky/Halle 1968: 309 и след.*

Фонологический признак "лабиализации" может проявляться фонетически как в виде интенсивного огубления в качестве дополнительной артикуляции согласного, так и в виде веляризации или фарингализации соответствующего согласного, что автоматически вызывает слабое артикуляторное огубление. Согласно выводам *Якобсона, Фанта, Халле 1962*, "лабиализация" и "фарингализация" являются вариантами одного и того же дополнительного фонологического признака. Характерно, что лабиализация и веляризация, а, возможно, и фарингализация не выступают вместе в качестве независимых дистинктивных признаков. Эта особенность признака лабиализации, выступающего в двух различных фонетических вариантах, может объяснить целый ряд преобразований "лабиализованных" согласных в исторических языках.

Дополнительный признак "палатальности" (диезности) или смягчения (по акустическому эффекту палатализованных звуков) может выступать во всех согласных за исключением собственно палатальных. При этом в системе могут возникнуть дополнительные палатализованные ряды лабиальных, дентальных и велярных, выступающие как маркированные по отношению к основным. Типология таких систем показана на Таблицах 1 и 2:

ТАБЛИЦА 1

b	*p*
d	*t*
g	*k*

При фонологической релевантности признаков лабиализации и/или палатализации образуется система, данная на *Табл. 2*[1]:

ТАБЛИЦА 2

b	*p*	(*b*°)	(*p*°)	$\hat{b}$	$\hat{p}$
d	*t*	*d*°	*t*°	$\hat{d}$	$\hat{t}$
g	*k*	*g*°	*k*°	$\hat{g}$	$\hat{k}$

При этом некоторые из модифицированных фонологических рядов могут отсутствовать в системе в соответствии со степенью их маркированности. Так, например, дентальные лабиализованные (и тем более лабиальные лабиализованные) могут отсутствовать в системе при наличии велярных лабиализованных[2].

Велярные лабиализованные выступают в качестве немаркированного (доминантного) ряда по отношению к другим рядам лабиализованных смычных — дентальному и лабиальному.

Несколько иное соотношение наблюдается с общетипологической точки зрения в палатализованных рядах смычных. Существуют системы с палатализованным рядом велярных при отсутствии палатализованных дентальных и лабиальных (ср. систему абхазского языка), но наиболее распространенным является тип системы с палатализованным дентальным рядом в противовес маркированным велярному и лабиальному рядам палатализованных смычных, см. примеры по типологии корреляции по палатализации (мягкостной корреляции) в Евразии с преобладанием этой корреляции в дентальном ряду, *Jakobson 1971a, 1: 163 и след.*

Из маркированного характера палатализованных велярных в противовес палатализованным дентальным объяснима тенденция первых к

[1] Поскольку палатализованные и лабиализованные ряды смычных, то есть ряды с дополнительным артикуляционным признаком, выступают в качестве рядов единых фонем, противопоставляемых соответствующим фонемам основного (немодифицированного) ряда, представляется целесообразным обозначать такие фонемы едиными графическими символами с дополнительными диакритическими знаками, не совпадающими со знаками для других фонемных единиц: то есть для обозначения лабиализованных фонем вместо d*w* g*w* и т. д. в дальнейшем будут употребляться соответственно символы d^{0} g^{0} и т. д., для обозначения палатализованных вместо d*y* g*y* и т. д. — соответственно символы d′ g′; поскольку в традиции индоевропейского языкознания палатализованные велярные обычно обозначаются символами $\hat{g}$ $\hat{k}$ и т. д., эти символы будут использоваться в значении палатализованных согласных наряду с символами g′ k′, принятыми в общей фонетике.

[2] Лабиализованный лабиальный ряд в противовес нелабиализованному встречается крайне редко. Примером таких систем могут служить языки нупе *(Chomsky/Halle 1968 : 311)*, кутеп *(Ladefoged 1964 и 1971: 61)*, убыхский *(Vogt 1963)* и бирманский *(Trubetzkoy 1958)*. Примером системы как с велярными лабиализованными, так и с дентальными лабиализованными может служить система абхазского консонантизма *(ср. Deeters 1963; Лонгинидзе 1976)*.

преобразованию в направлении элиминации дополнительного признака палатализации и превращению его в чисто фонетический признак (при совпадении палатализованного ряда с основным рядом велярных) или преобразования палатализованных велярных в особый ряд компактных постериорных аффрикат *ǯ č*, которые уже характеризуются относительно бо́льшей стабильностью сравнительно с другими локальными рядами (в частности по сравнению с антериорными, диффузными аффрикатами), *Trubetzkoy 1958: 116 и след.; Chomsky/Halle 1968: 420 и след.; Серебренников 1974: 127 и след.; Меликишвили И. 1976: 106.*

2. ЛОКАЛЬНЫЕ РЯДЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ «ГУТТУРАЛЬНЫХ»

2.1. ВЕЛЯРНЫЙ РЯД

Среди постериорных смычных, судя по их рефлексам в исторических индоевропейских языках, следует постулировать основной ряд велярных смычных *k' *g[h] *k[h], отраженных в конкретных индоевропейских диалектах в виде велярных смычных:

И.-е. *k': др.-инд. *yugám*, греч. ζυγόν, хет. *i-ú-ka-an*, гот. *juk*, др.-англ. *geoc*, др.-исл. *ok*, др.-в.-нем. *juch*, *joch*, ст.-слав. *igo* 'ярмо'; др.-инд. *sthágati*, *sthagayati* 'покрывает', греч. στέγω 'покрываю', 'защищаю'; ст.-слав. *ostegŭ* 'одежда'; др.-инд. *ugrá-* 'сильный', авест. *ugra-* 'сильный', лат. *augeō* 'увеличиваю', *augustus* 'высокий', 'величественный', *augmentum* 'приращение', гот. *aukan*, *auknan* 'увеличиваться', лит. *áugti* 'расти';

И.-е. *g[h]: др.-инд. *megháḥ* 'облако', авест. *maēγa-* 'облако', арм. *mēg* 'туман', греч. ὀμίχλη 'туман', 'мгла', лит. *miglà* 'туман', слав. **mĭgla*, рус. *мгла;* др.-инд. *stighnoti* 'поднимается', греч. στείχω 'подымаюсь', гот. *steigan*, ст.-слав. *stignǫ* 'достигаю'; лат. *hostis* 'чужак'; 'враг', *hospes* 'гость', гот. *gasts*, др.-исл. *gestr*, др.-в.-нем. *gast*, др.-англ. *giest* 'гость', ст.-слав. *gostĭ*;

И.-е. *k[h]: греч. χεσχίον 'очески', хет. *kišai-* 'чесать', лит. *kasà* 'коса', ст.-слав. *češǫ* 'чешу', ср.-ирл. *cír* 'гребень'; лат. *lūcus* '(священное) дерево', др.-инд. *lokά-* 'свободное место', 'пространство', лит. *laũkas* 'поле', др.-англ. *lēah* 'поле', 'лес', др.-в.-нем. *lōh* 'лес'; др.-инд. *kravíḥ*, греч. κρέας 'сырое мясо', лат. *cruor* 'кровь'; ср.-ирл. *crú* 'кровь', лит. *krùvinas* 'кровавый', *kraũjas* 'кровь'.

2.2. ЛАБИОВЕЛЯРНЫЙ РЯД

Рефлексы постериорных смычных в определенной части индоевропейских диалектов дают основание судить о наличии в индоевропейской фонологической системе и модифицированных рядов, характеризующихся дополнительным артикуляционным признаком по отношению к основному, немаркированному велярному ряду смычных, который в этом смысле может рассматриваться как нейтральный по отношению к модификациям.

Соотношения между велярными согласными, устанавливаемые в ряде исторических индоевропейских диалектов, позволяют постулировать в индоевропейской фонологической системе особый ряд постериорных смычных с дополнительным признаком лабиализации (или фарингализации), который образовывал в системе в отношении немаркированного велярного ряда корреляцию по признаку "лабиализации".

Имеются в виду в первую очередь соотношения, устанавливаемые в конкретных индоевропейских диалектах между велярными смычными фонемами, с одной стороны, и сочетаниями велярных с последующим *w* или лабиальными фонемами, с другой.

К группе индоевропейских диалектов с чистыми велярными в таких соответствиях относятся индо-иранские, армянский, балто-славянские и албанский:

Др.-инд. *аорист á-gā-m* 'я пришел', *gâti-ḥ* 'ходьба', арм. *ekn* 'он пришел', лит. *góti* 'идти', латыш. *gãju* 'я шел', алб. *ngã* 'бегаю' < **ga-niō*: ср. гот. *qiman* 'приходить', тох. А *kum-* 'приходить', греч. βαίνω 'хожу', оск. *(kúm-)bened* 'con-venit', 'под-ходит', лат. *ueniō* (<**gu̯eniō*) 'прихожу';

Др.-инд. *gnā́* 'жена бога', авест. *gənā-*, *γnā-* 'жена', арм. *kin* 'жена', 'женщина': ср. гот. *qinō*, греч. γυνή (ср. беот. βανά), др.-ирл. *ben*, *род. пад. mná*, валл. *ben-yw* 'женский', мессап. *benna* 'супруга';

Др.-инд. *gáuḥ* 'бык', арм. *kov* 'корова', латыш. *gùovs*, рус. *говядина*: ср. греч. βοῦς (мик. *qo-u-ko-ro* 'βουκόλοι'), лат. *bōs* (из диалектного италийского), др.-ирл. *bó*, др.-в.-нем. *chuo*, тох. А *ko* 'бык';

Др.-инд. *ghnánti* 'они бьют', арм. *ganem* 'бью', *gan*, *gani* (*род. п.*) 'побои', лит. *genù*, *giñti*, ст.-слав. *gŭnati* 'гнать', алб. *gjanj*: ср. греч. φόνος 'убийство', хет. *ku̯enzi* 'убивает', *мн. ч. kunanzi*, др.-исл. *guðr*, *gunnr* 'битва', лат. *dē-fendō* 'защищаю', др.-ирл. *gonim* 'убиваю' *(перф. 3 л. geguin)*, *guin* 'рана';

Лит. *sniẽgas* 'снег', латыш. *sniegs*, ст.-слав. *sněgŭ*: ср. греч. νίφα, лат. *niuem* (*вин. п.*) 'снег', *ninguit* 'идет снег', гот. *snaiws*, валл. *nyf* 'снег';

Др.-инд. *káḥ* 'кто', 'где'; лит. *kàs*, ст.-слав. *kŭ-to*: ср. лат. *quis*, *quod*, хет. *ku̯iš*, гот. *hvas*, греч. πού 'где'; тох. А *kus*, В *kuse* 'какой';

Др.-инд. *ca-kr-* 'колесо', 'круг', прус. *kelan*, ст.-слав. *kolo* 'колесо': ср. др.-исл. *hvél*, др.-англ. *hwēol* 'колесо', греч. κύκλος 'круг', тох. А *kukäl*, тох. В *kokale* 'телега'.

Для объяснения этого ряда соответствий представляется существенным постулировать в индоевропейской фонологической системе наряду с велярным рядом смычных модифицированный ряд лабиовелярных, который с учетом фонологического характера индоевропейских серий смычных может быть определен как состоящий из глоттализованной лабиовелярной *k'^{o}, звонкой *$g^{[h]o}$ и глухой лабиовелярной *$k^{[h]o}$, то есть в дополнение к немаркированному велярному ряду постулируется лабиовелярный ряд: k' $g^{[h]}$ $k^{[h]}$ k'^{o} $g^{[h]o}$ $k^{[h]o}$.

Реконструируемые индоевропейские лабиовелярные фонемы, в частности фонемы серий I и III, лучше всего сохранились в латинском языке и в германском), в которых они отразились как единичные лабиовелярные фонемы: гот. k^w (передаваемое на письме специальным знаком *q*) и h^w (передаваемое особым знаком *hv*, отличным от *h*), лат. g^w (на письме *gu*) и k^w (на письме *qu*) (*см. Тронский 1960: 58; Нидерман 1949: 84*). См. матрицу идентификации лабиализованных фонем (*Табл. 3*):

ТАБЛИЦА 3

МАТРИЦА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛАБИОВЕЛЯРНЫХ

	k'^{0}	$g^{[h]0}$	k$^{[h]0}$
Слоговость — Неслоговость	—	—	—
Смычность — Фрикативность	+	+	+
Звонкость — Незвонкость	(—)	+	—
Глоттализованность	+	(—)	—
Лабиальность	(—)0	(—)0	(—)0
Дентальность	(—)0	(—)0	(—)0
Велярность	+	+	+
Аспирированность	(—)	±	±
Лабиализованность	+	+	+

Характерно, что в готской письменности, строго придерживающейся фонемного принципа и выражающей каждую фонему одним графическим символом, сочетания звуков *k* и *h* с последующим лабиальным элементом передаются особыми знаками, отличными соответственно от знаков для *k*, *h* и *w*, ср. также в готском письме отличие в передаче фонемы /h^w/ и группы *hw* различными знаками.

Это дает основание считать такие комплексы монофонемными единицами, отражаемыми на письме специальными графическими символами[1].

Признак лабиализации выступает в некоторых языках в рефлексах этих фонем в качестве независимой сегментной фонемы, составляющей сов-

[1] Эта особенность готского может служить, в частности, доводом в пользу положения об архаичности германской фонологической системы.

местно с рефлексом велярного компонента двуфонемное сочетание; ср. греческие формы типа νύξ, κύκλος, γυμνός, хеттские формы типа *kuenzi*, *kunanzi*[1], тохарские формы типа тох. А *kum-* (в *kumpäc* 'барабан'), *kukäl*, тох. В *kuse* и др.

Наконец, в некоторых случаях индоевропейские лабиовелярные фонемы в исторических языках, в частности греческом, дают отражение в виде лабиальных монофонем *b*, *ph* и *p* (соответственно из индоевропейских лабиовелярных *k'°, *g[h]° и *k[h]°), в чем также проявляется монофонематичный характер постулируемых индоевропейских лабиовелярных: признак лабиализации превращается в самостоятельную фонему — звонкую, глухую или придыхательную в зависимости от признака при велярном компоненте индоевропейской смычной фонемы, то есть с сохранением в возникшей фонеме этого признака исходной фонемы и утерей признака велярности[2].

В терминах правил преобразования дифференциальных признаков процесс образования лабиальных фонем из соответствующих лабиовелярных может быть описан правилом (1):

$$(1)\quad \begin{bmatrix} + \text{веляр} \\ + \text{лабиал} \end{bmatrix} \Rightarrow [+ \text{лабиал}] \;/\; \begin{bmatrix} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \\ \pm \text{звонк} \\ \pm \underline{\text{глоттал}} \end{bmatrix}$$

[1] Для более ранних этапов развития хеттского и других анатолийских языков следует допустить наличие в системе особого ряда лабиовелярных фонем, восходящих к индоевропейским лабиовелярным. Наличие в хеттском особого ряда лабиализованных велярных фонем в дописьменный период его развития видно из таких стабильных сочетаний велярный+лабиальный, как в формах *kuiš* при *kuiški*, с диссимилятивной утерей лабиального элемента, ср. лат. quisque, а также в отдельных фактах написания лабиализованных последовательностей типа -kw- в форме -uk-, ср. e-uk-zi (KUB XX 53 V 6, 10) при обычном e-ku-zi (то есть ek^w-zi) и др. Об отражении "лабиовелярных" в хеттском см. также *Puhvel 1974*.

[2] Такое развитие индоевропейских лабиализованных велярных *k'°, *g[h]°, *k[h]° соответственно в *b, *p^h, *p (ср. греч. βαίνω 'иду' при др.-инд. gácchati 'он идет', гот. qiman 'идти'; греч. βοῦς 'бык' при др.-инд. gáu- 'корова', 'бык'; греч. φόνος 'убийство', при др.-инд. hánti 'поражает', 'убивает'; греч. πότερος 'который из двух', др.-инд. katará- 'который из двух')— сравнительно поздний факт в истории фонологического развития греческого. Греч. β, φ, π возникают из более ранних рефлексов указанных индоевропейских фонем, давших соответственно фонемы *g^w*, *k^{hw}*, *k^w*, засвидетельствованные еще в микенском греческом: ср. микен. греч. qo-u-ko-ro при греческом βουκόλοι 'пастухи', βοῦς 'бык'; мик. греч. qe-to-ro- 'четыре', при лат. quattuor, ср. *Lejeune 197 2 ; Cowgill 1966: 87*.

Развитие индоевропейских лабиовелярных в греческом (исключая позиции палатализации) можно представить в виде перехода и.-е. k'°, g[h]°, k[h]° → греч. g^w, k^{hw}, k^w → β, φ, π.

Аналогичный переход индоевропейских лабиовелярных наблюдается в италийском и, отчасти, в кельтском. В италийском такое развитие видно в оскско-умбрской подгруппе в формах типа оск. *bivus* 'vīvī', 'живые' при ирл. *beo* 'живущий', лат. *uīuus*, оск. *puí*, *púd; pís*, *píd*, умбр. *pisi* при лат. *quis*, *quid*, *quae* и т. д.[1]

Схожие конечные результаты развития лабиовелярных в кельтском, с одной стороны, в греческом и оскско-умбрском, с другой, предполагают существенно различные фонологические процессы преобразования системы кельтского консонантизма в целом. Индоевропейские велярные $*k^0$/ $k^{[h]0}$, $*g^0$/$*g^{[h]0}$ и $*k'^0$ отражаются в кельтском соответственно как $*k$, $*g$ и $*b$:

Др.-ирл. *cethir* 'четыре', лат. *quattuor;* др.-ирл. *guidiu* 'я прошу', греч. πο͡θέω 'жажду', 'домогаюсь'; ср.-ирл. *daig* 'огонь' (<**degi*, *Pokorny 1959:240)*, лат. *foueō* 'пылаю', др.-инд. *dáhati* 'горит'; др.-ирл. *beo* 'живущий', лат. *uīuus* 'живой'; др.-ирл. *ben* 'женщина', греч. γυνή, беот. βανά 'женщина'; др.-ирл. *bó* 'корова', др.-инд. *gáuḥ*; др.-ирл. *bráu* 'жернов', гот. *-qaírnus*, др.-инд. *grā́van-*.

Двоякое отражение: и.-е. $*k'^0$→кельт. *b*, и.-е. $*g^{[h]0}$→кельт. *g* при и.-е. $*k^{[h]0}$→кельт. k предполагает различные процессы делабиализации индоевропейских лабиовелярных в кельтском.

Представляется, что при озвончении серии I индоевропейских смычных лабиовелярная $*k'^0$ озвончается не в соответствующую лабиовелярную $*g^0$ с последующим переходом в *b*, как это имело место в греческом и оскско-умбрском, а непосредственно в звонкую лабиальную фонему *b*, в результате чего возникает серия звонких смычных с немаркированным лабиальным членом. В этой серии звонких смычных сливаются первоначально рефлексы глоттализованных фонем серии I и непридыхательные аллофоны фонем серии II, давая серию звонких смычных $*b$ $*d$ $*g$ $*g^0$, противостоявшую, очевидно, первоначальным аспирированным $*b^h$ $*d^h$ $*g^h$ $*g^{h0}$. В дальнейшем происходит слияние этих двух серий (в частности, путем дезаспирации по диалектам звонких аспирированных) и делабиализация лабиовелярных путем утери признака лабиализации (в некоторых диалектах путем перехода $*k^{[h]0}$→$p^{[h]}$: валл. *pedwar*, галл. *petuarios* 'четвер-

[1] Аналогичное отражение глухого лабиовелярного $*k^{[h]0}$ в виде фрикативной лабиальной фонемы наблюдается в отдельных случаях и в германском (гот. fimf 'пять', ср. лат. quīnque <$*p^{[h]}enk^{[h]}we$; др.-инд. páñca). Такое развитие и.-е. $*k^{[h]0}$ не согласуется с устанавливаемым для германского закономерным отражением этой фонемы. В германском следовало бы ожидать форму $*finh^w$. Появление конечного f в германской форме можно объяснить ассимиляцией уже на германской почве и возникновением глухого лабиального фрикативного под влиянием начальной фонемы (при соседстве с сонорными n, l, ср. гот. aflifnan 'оставаться' при гот. leihvan: и.-е. $*leiḱ^{[h]0}$-). Поэтому представляется неоправданным возводить эти поздние комбинаторные изменения в германском к общеиндоевропейскому состоянию и отрицать на этом основании наличие лабиовелярных фонем в индоевропейском (вопреки *Klimas 1972: 910—912)*.

тый' при др.-ирл. *cethir* 'четыре', гот. *fidwōr*, *Hamp 1958 : 211; Watkins 1966 : 34*)[1].

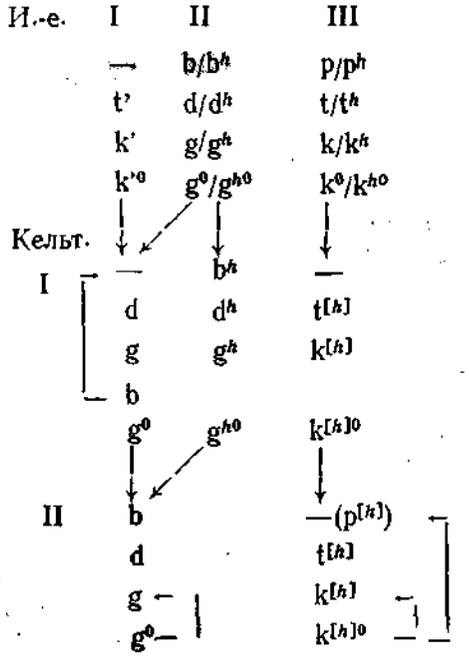
Данные рассмотренных выше индоевропейских диалектов с рефлексами постулируемых фонем, включающих признак лабиализации или лабиальность, при явных следах велярной артикуляции, могут быть поняты лишь при допущении исходных лабиализованных фонем велярного ряда.

2.3. ИЗМЕНЕНИЯ ЛАБИОВЕЛЯРНЫХ В ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТАХ. СЛЕДЫ ЛАБИАЛИЗАЦИИ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ В ИНДО-ИРАНСКОМ

Постулирование особых лабиализованных фонем в индоевропейском для объяснения рассмотренных выше рефлексов с лабиальным элементом в группе исторических индоевропейских диалектов ставит вопрос о причинах утери признака лабиализации при этих фонемах в той группе индоевропейских диалектов, которые отражают постулированные лабиализованные фонемы в виде чистых велярных. Альтернативным решением при таком соотношении рассматриваемых выше двух групп индоевропейских диалектов было бы постулирование в индоевропейском лишь основного ряда глухих велярных (без допущения дополнительного ряда лабиовелярных) с позднейшим появлением лабиального элемента в одной группе диалектов (ср., в частности, решение этой проблемы, данное Куриловичем, *Kuryłowicz 1935*).

Существуют, однако, основания, как фонологического, так и структурно-типологического порядка, считать, что принятие дополнительного лабиовелярного ряда в исходной индоевропейской системе более адекват-

[1] Описанные выше процессы можно представить в виде схемы деривации кельтской системы из индоевропейской:

но отражает ход исторического развития фонологических систем отдельных индоевропейских языков и согласуется при этом с данными синхронной и диахронической типологии.

Дело в том, что утерю признака лабиализации в определенной группе индоевропейских диалектов при лабиовелярных фонемах легче объяснить с учетом типологических данных диахронической фонологии, чем появление лабиального элемента в соседстве с велярной фонемой в качестве одного из ее признаков или независимой фонемной единицы в последовательности. Не представляется возможным объяснить естественным путем появление такого элемента при рефлексах индоевропейских велярных, тогда как утеря дополнительного признака, модифицирующего основной ряд велярных, легко объяснима и может быть иллюстрирована на достаточно большом типологическом материале (ср. развитие лабиовелярных в дардских, кафирских — *Эдельман 1973*—и африканских языках — *Westermann 1949*).

Следует иметь в виду также и то, что дополнительный признак лабиализации, как было указано выше, может проявляться и в виде признака фарингализации при фонемах с основной артикуляцией в дентальной или велярной зонах. Такое проявление признака лабиализации в индоевропейских лабиовелярных фонемах можно предположить в тех диалектах, которые в исторический период показывают чистые велярные смычные в противовес велярным с последующим лабиальным элементом в других индоевропейских языках.

В таком случае в диалектах этого типа следовало бы допустить утерю признака фарингализации - лабиализации и слияние этого ряда с рядом чистых велярных смычных. Однако существовавшее некогда в этих диалектах противопоставление этого ряда велярных (лабиализованно-фарингализованных) основному ряду чистых велярных смычных проявляется в факте комбинаторной палатализации в позиции перед гласными переднего образования фонем именно этого, дополнительного ряда, а не основного ряда индоевропейских велярных смычных. В результате палатализации в таких случаях возникают соответствующие аффрикаты или фрикативные:

Арм. *jer* 'теплота', 'теплый', *jerɨum* 'согреваюсь', *jerm* 'теплый', *jermn* 'лихорадка', др.-инд. *háras-* 'пыл', алб. тоск. *zjarr* 'огонь', гег. *zjarm*, греч. θέρος 'лето', θερμός 'теплый', θέρμα 'жара' : и.-е. *$g^{[h]o}$er-: ср. др.-инд. *gharmá-* 'жара', алб. *gacë* 'тлеющий уголь', из и.-е. *$g^{[h]o}$or-, в которой отсутствуют комбинаторные условия для палатализации предшествующей велярной фонемы;

Арм. *jnem* 'бью'; *gan* 'побои', *ganem* 'бью, избиваю'; др.-инд. *hánti* 'бьет', *мн. ч. ghnánti*; авест. *jainti* 'бьет, убивает'; греч. θείνω; хет. *kuen-zi* 'убивает', *мн. ч. ku-na-an-zi*, в которых палатализованные формы чередуются с непалатализованными в зависимости от огласовки корня;

Др.-инд. *-ca* 'и', авест. *-ča*; греч. *-τε*; ср. лат. *-que*, хет. *-ki* в *kuiš-ki*, лат. *quisque*;

Др.-инд. *páñca* 'пять', авест. *pančа*, алб. *pésë*, греч. πέντε, ср. лат. *quinque*, др.-ирл. *cóic*;

Алб. *n-dez* 'зажигаю', др.-инд. *dáhati*, авест. *dažaiti* 'жжет';

Алб. *siéll* 'привозить', 'приносить'; ср. греч. πέλομαι 'двигаюсь 'устремляюсь';

Арм. *č'ork̔* 'четыре', др.-инд. *catvāraḥ* (*вин. пад. catúraḥ*), авест *čaθwārō*, греч. гом. τέσσαρες (и.-е. *$k^{[h]0}et^{[h]}$ur-), ср. мик. *qe-to-ro-* (*qe-to-ro-po-pi*);

Алб. *zónjë* 'госпожа', др.-инд. *jáni-ḥ*, авест. *ǰaini-*, перс. *zan* 'женщина', тох. A *śäṁ*, тох. B *śana* 'женщина' (и.-е. *$k'^{0}en$-); ср. гот. *qinō*, греч. γυνή 'женщина'[1].

В этих случаях в греческом вместо ожидаемого закономерного отражения лабиовелярных соответственно в виде губных фонем /b p^{h} p/ засвидетельствованы соответствующие дентальные /d t^{h} t/, возникшие в результате вторичной, комбинаторной палатализации, аналогичной преобразованию исконных лабиовелярных в первой группе индоевропейских диалектов, где исходные индоевропейские лабиовелярные *k'^{0}, *$g^{[h]0}$, *$k^{[h]0}$ дают в позиции перед гласными переднего ряда соответственно др.-инд. *j* [*dž*], *h*, *c* [*tš*]; арм. *j* *č*[2]; алб. *z z s* (*Pedersen 1899; 1904; Ölberg 1976*), в отличие от рефлексов фонем *k', *$g^{[h]}$, *$k^{[h]}$, не претерпевающих в такой позиции палатализации в этой группе диалектов[3].

В индо-иранском процесс палатализации предполагается до перехода гласных **e*, **o*>*a*, реконструируемого для общеиндо-иранского, ср. *-$k^{[h]0}$e>-*če*>др.-инд. -*ca* [-ča].

О хронологии этого процесса палатализации можно судить также и по арийским формам, сохранившимся в переднеазиатских клинописных памятниках, датирующихся серединой II тысячелетия до н. э., в которых арийское слово 'пять' представлено в виде *panza*: *pa-an-za*, ср. др.-инд. *páñca*. По-видимому, по крайней мере к середине II тысячелетия до н. э. процесс палатализации индоевропейских лабиовелярных уже совершился в индо-иранском.

Наличие в этой группе индоевропейских диалектов ряда лабиовелярных на раннем этапе их развития видно из рефлексов слоговых сонантов в позиции после заднеязычных, восходящих к индоевропейским лабиовелярным

[1] В индо-иранском в ряде форм наблюдается палатализация велярных, восходящих к нелабиализованным смычным типа др.-инд. ruk-/c- 'светить', мест. пад. ruc-é 'в сиянии', rocáyati, авест. raočayeiti 'освещает'. Такая палатализация характерна для собственно индо-иранских форм и не находит соответствий в других палатализующих языках, какими являются, например, армянский и албанский. Этот тип палатализации нужно хронологически разграничивать от того вида палатализации, который обнаруживается и в других указанных диалектах.

[2] В ряде армянских форм не наблюдается палатализации лабиовелярных перед гласными переднего ряда, что объясняется вторичным восстановлением по аналогии (ср. арм. kin 'жена' при др.-инд. jáni-) или воздействием сонанта (ср. арм. hing 'пять' при др.-инд. páñca), *Kortlandt 1975*.

[3] Такое различие в поведении чистых велярных и лабиовелярных в отношении комбинаторной палатализации становится понятным при рассмотрении их соотношений в системе с другим дополнительным рядом велярных смычных, который постулируется для индоевропейского на основании структурно-типологических соображений, излагаемых ниже.

ным. Вокализация слоговых сонантов в древнеиндийском — процесс довольно поздний, протекавший в эпоху обособленного развития древнеиндийского (см. ниже об отличиях индийского развития от иранского). Тем самым устанавливается поздняя хронология утери признака лабиализации в древнеиндийских заднеязычных, восходящих к индоевропейским лабиовелярным фонемам.

Такой след лабиовелярных в древнеиндийском проявляется в факте вокализации долгих (и кратких) слоговых сонантов $*\bar{r}$ ($*\underset{\cdot}{r}$), $*\bar{l}$ ($*\underset{\cdot}{l}$) в виде последовательности *ūr* (*ŭr*) в позиции после заднеязычной, восходящей к индоевропейской лабиовелярной фонеме (как и в позиции после собственно лабиальной смычной), тогда как после остальных смычных, то есть дентальных, чистых велярных и палатализованных, вокализация слоговых сонантов дает сочетание *ir* (*ĭr*) (*ср. Peeters 1974*):

Др.-инд. *pūrṇá-* 'полный', лит. *pìlnas* : и.-е. $*\mathbf{p}^{[h]}\bar{\mathbf{l}}$-n-;

Др.-инд. *gūrtá-* 'желанный', лат. *grātus* 'приятный', 'приемлемый', оск. *brateis*, βρατωμ, $*g^{o}\bar{\underset{\cdot}{r}}$-*t*- (*ср. Burrow 1957*): и.-е. $*\mathbf{k}'^{o}\bar{\underset{\cdot}{\mathbf{r}}}$-$\mathbf{t}^{[h]}$-;

Др.-инд. *gurú-* 'тяжелый', греч. βαρύς, лат. *grauis* из $*\mathbf{g}^{o}\underset{\cdot}{\mathbf{r}}\mathbf{u}$-[1]: и.-е. $*\mathbf{k}'^{o}\underset{\cdot}{\mathbf{r}}\mathbf{u}$-;

Ср. в отличие от такого отражения долгих $\bar{\underset{\cdot}{r}}$ (и краткого $\underset{\cdot}{r}$), $\bar{\underset{\cdot}{l}}$ в древнеиндийском отражение их в виде *ĭr* в позиции после чистого или палатализованного велярного и дентального, т. е. после фонем, не содержащих признака лабиальности:

Др.-инд. *tīrṇá-*, *прич. пр. вр. от tárati* 'переходить', 'побеждать', греч. τρητός 'просверленный': и.-е. $*\mathbf{t}^{[h]}\bar{\underset{\cdot}{\mathbf{r}}}$-;

Др.-инд. *kīrtí-* 'мысль', 'упоминание', 'слава', от др.-инд. *carkarti* 'возвещать славу', *kārú-* 'певец', греч. κῆρυξ 'глашатай': и.-е. $*\mathbf{k}^{[h]}\bar{\underset{\cdot}{\mathbf{r}}}$-$\mathbf{t}^{[h]}$-;

Др.-инд. *śīrṣ(á)n-* 'голова', греч. κάρā, ср. лат. *cerebrum* < $*\hat{\mathbf{k}}$*erəsrom* 'голова': и.-е. $*\hat{\mathbf{k}}^{[h]}\bar{\underset{\cdot}{\mathbf{r}}}$-s-;

Др.-инд. *jīrṇá-* 'старый', лат. *grānum* 'зерно', ст.-слав. *zrĭno*, греч. γέρων 'старец': и.-е. $*\hat{\mathbf{k}}'\bar{\underset{\cdot}{\mathbf{r}}}$-n-[2] (*ср. Szemerényi 1970 : 61; Эдельман 1973: 546, примеч. 14; Steensland 1973 : 100—101; ср. Мейе 1938 : 144—145*, о возможном аналогичном развитии в общеславянском).

[1] К нулевой огласовке др.-инд. gurú- и индоевропейских адъективных образований на -u- ср. также *Szemerényi 1976*.

[2] Для этого же слова засвидетельствована и форма jūrṇá- (ср. уже в "Ригведе" I 46, 3; I 180, 5; 184, 3 и др.), очевидно, с позднейшим варьированием *ū* и *i*, ставшим возможным после полного исчезновения признака лабиализации при рефлексах индоевропейских лабиовелярных и совпадения его с рефлексами индоевропейских велярных смычных. В этом отношении интересны также единичные случаи появления огласовки ir при рефлексе индоевропейского $*\underset{\cdot}{r}$ в позиции после рефлекса и.-е. лабиовелярной, которая могла уже в праязыке верьировать с рефлексом соответствующей велярной фонемы, ср. др.-инд. *girṇá-* 'проглоченный', от giráti 'глотает', ст.-слав. *žьrǫ* 'пожираю'.

2.4. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

В рассмотренных выше индоевропейских диалектах первой группы, в которых обнаруживаются позиционно обусловленные аффрикаты и фрикативные фонемы, восходящие к индоевропейским лабиовелярным смычным, имеются также фрикативные фонемы и аффрикаты, не чередующиеся с чистыми велярными в пределах одного языка, но соотносящиеся с собственно велярными смычными в соответствующих формах языков второй группы.

В отличие от позиционно обусловленных аффрикат и фрикативных, возникших в результате палатализации, они не чередуются с велярными смычными, то есть не связаны исторически с определенной позицией в слове, в чем и обнаруживается их иной фонологический статус в системе и соответственно комбинаторная необусловленность их происхождения.

Такой ряд аффрикат и фрикативных фонем обнаруживается в следующих индоевропейских формах:

Др.-инд. *jánu* 'колено', арм. *cunr*: при греч. γόνυ, лат. *genū*, гот. *kniu*, хет. *gi-e-nu*, тох. A *kanweṁ*, B *kenine*;

Др.-инд. *ájati* 'гонит', авест. *azaiti*, арм. *acem* 'веду': при лат. *agō*, тох. *āk-*, греч. ἄγω 'веду';

Др.-инд. *jánaḥ* 'род', арм. *cin*: при греч. γένος, лат. *genus* 'род';

Арм. *ayc* 'коза', авест. *izaēna-* 'из кожи' (*козлиной кожи): при греч. αἴξ 'коза';

Др.-инд. *ájraḥ* 'поле': при лат. *ager*, греч. ἀγρός, гот. *akrs* 'поле';

Др.-инд. *hemantá-ḥ* 'зима', авест. *zyā*, арм. *jmeṙn*, лит. *žiemà*, ст.-слав. *zima*, алб. *dĭmër*: при греч. χεῖμα, χειμών 'зима', лат. *hiems* 'зима';

Др.-инд. *deh-* 'лепить', 'умащивать', 'мазать', авест. *daēzayeiti* 'строит вокруг стену', др.-перс. *didā-* 'стена', арм. *dizanem* 'складываю, сваливаю в кучу': при лат. *fingō* 'леплю', греч. τεῖχος 'стена';

Др.-инд. *śrad-* в *śrad-dhā-* 'верить' (лат. *crēdō*), арм. *sirt* 'сердце', *твор. п. srtiw*, ст.-слав. *srŭdĭce*, *srĕda*, лит. *širdìs*, латыш. *sirds* 'сердце': при греч. καρδία, лат. *cor*, *род. п. cordis*, хет. *kir*, *род. п. kardiaš*, гот. *haírtō*, др.-в.-нем. *herza* 'сердце';

Др.-инд. *śatám* 'сто', авест. *satəm*, лит. *šimtas* : при лат. *centum*, греч. ἑκατόν, гот. *hund*, тох. A *känt*, B *kante*;

Др.-инд. *śéte* 'покоится', *śayá* 'ложе', авест. *saēte* 'лежит': при греч. κεῖται, хет. *kittari* 'лежит';

Др.-инд. *ś(u)vá* 'собака', *род. пад. śúnaḥ*, лит. *šuõ*, *род. п. šuñs*, арм. *šun*, *род. пад. šan* 'собака': при греч. κύων, *род. п.* κυνός, др.-ирл. *cú* 'собака'.

Естественно предположить, что индоевропейские фонемы, давшие в исторических языках такие рефлексы (то есть аффрикаты и фрикативные в индо-иранском, армянском, албанском, балто-славянском при велярных смычных в греческом, латинском, хеттском, кельтском и других языках), должны быть отграничены от тех индоевропейских фонем, которые дали рефлексы в виде велярных смычных в обеих названных выше группах индоевропейских диалектов. Это должны были быть, очевидно, фонемы, от-

разившиеся в одной группе индоевропейских диалектов как аффрикаты и фрикативные, а в другой группе совпавшие с рефлексами чистых велярных смычных.

На основании типологических соображений можно предположить, что такие фонемы в индоевропейском представляли ряд палатализованных велярных смычных, который выступал в системе в качестве дополнительного ряда по отношению к немаркированному ряду велярных смычных, составлявшему наряду с рядом лабиовелярных подсистему постериорных смычных в индоевропейской фонологической системе:

$$k'\quad g^{[h]}\quad k^{[h]}\qquad k'^{0}\quad g^{[h]0}\quad k^{[h]0}\qquad \hat{k}'\quad \hat{g}^{[h]}\quad \hat{k}^{[h]}$$

Характерно, что палатализованный ряд велярных смычных, будучи маркированным в системе по отношению к велярному ряду смычных, имеет тенденцию к видоизменению и переходу в соответствующие компактные (постериорные) аффрикаты, являющиеся самыми стабильными в подклассе аффрикат (по сравнению с диффузными — антериорными — аффрикатами)[1]. В некоторых случаях такая тенденция проявляется в слиянии палатализованного ряда велярных с соответствующими чистыми велярными.

В результате именно таких фонетико-фонологических процессов в системе индоевропейских диалектов устраняется палатализованный ряд индоевропейских велярных фонем, давших в одних диалектах новые фонологические ряды аффрикат и спирантов, а в других диалектах слившихся с рефлексами соответствующих чистых велярных фонем.

2.5. СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ И ПАЛАТАЛИЗОВАННЫЙ РЯД ВЕЛЯРНЫХ

Постулирование в индоевропейской фонологической системе палатализованного ряда велярных, отличного от рядов чистых велярных и лабио-

ТАБЛИЦА 4

МАТРИЦА ИДЕНТИФИКАЦИИ ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ СМЫЧНЫХ

	$\hat{k}'$	$\hat{g}^{[h]}$	$\hat{k}^{[h]}$
Слоговость — Неслоговость	—	—	—
Смычность — Фрикативность	+	+	+
Звонкость — Незвонкость —	(—)	+	—
Глоттализованность	+	(—)	—
Велярность	+	+	+
Аспирированность	(—)	±	±
Лабиализованность	(—)	(—)	(—)
Палатализованность	+	+	+

[1] О соотношении в системе компактных (шипящих) и диффузных (свистящих) аффрикат см. *Меликишвили И. 1976 : 106—107.*

велярных, становится необходимым и на основании внутренних структурных особенностей построения индоевропейского корня (основы) и линейного распределения в нем фонем различных подклассов.

Одним из основных принципов построения индоевропейского корня является, как было указано выше (стр. 18), правило (1), запрещающее сочетание в корне идентичных фонем *(ср. Benveniste 1935: 170—171; Бенвенист 1955)*. В более общем виде это правило можно сформулировать как правило (1′), налагающее запрет на комбинацию в пределах корня двух фонем одного и того же локального ряда:

(1′) Две согласные смычные фонемы одного локального ряда несовместимы в корне структуры CVC-.

При таком формулировании правила (1′) запрет на сочетание двух идентичных фонем в корне предстает как частный случай более общего запрета на сочетаемость в корне двух фонем одного и того же ряда.

Правило это выводится на основании анализа индоевропейских корней, содержащих смычные согласные фонемы лабиального, дентального и лабиовелярного рядов.

В индоевропейском не засвидетельствован корень структуры C_1VC_2- с двумя лабиальными, с двумя дентальными или двумя лабиовелярными фонемами[1].

В явном противоречии с этой структурной закономерностью индоевропейского корня оказалось бы поведение постериорных смычных (помимо собственно лабиовелярных фонем) при допущении их принадлежности к одному единственному локальному ряду велярных, поскольку в индоевропейском можно выделить определенное количество корней структуры *CVC-* с двумя постериорными смычными фонемами.

Допущение в таких структурах различия выступающих в них согласных фонем в отношении локального ряда привело бы эти структуры в полное соответствие с большинством закономерных структур, состоящих из согласных фонем различных локальных рядов.

Такое переосмысление структуры корней, состоящих из двух постериорных согласных, подводит их под действие правила (1′), описывающего структуру корней с лабиальными, дентальными и лабиовелярными смычными.

Легко видеть, что это различение и отнесение к двум различным рядам смычных постериорных фонем внутри каждого корня проводится на основе структурных соображений, но конкретное отождествление этих фо-

[1] Единственный случай сочетания в основе двух лабиальных (в данном случае тождественных) фонем в форме *p[^{h}]rep[^{h}]- (арм. erewim 'делаюсь видимым, являюсь', греч. πρέπω 'выдаюсь, делаюсь заметным', др.-ирл. richt 'форма', др.-в.-нем. furben 'чистить', *Льюис/Педерсен 1954 : 54, §31; Pokorny 1959: 845)* может объясняться сочетанием в основе (биноме) двух морфем *p[^{h}]r-ep[^{h}]-.

Единственная форма, обнаруживающая сочетание двух тождественных согласных в корне, в частности *ses- (др.-инд. sás-, хет. šeš- 'спать, покоиться'), не составляет исключения к сформулированному выше правилу, поскольку в данном случае сочетаются две идентичные сибилянтные фонемы, *ср. Mayrhofer 1976, III: 449.*

нем по различительным признакам локальных рядов в подгруппе постериорных согласных можно произвести лишь на основе их отражений в исторических индоевропейских диалектах. В каждой из реконструируемых индоевропейских форм с двумя постериорными (нелабиовелярными) согласными одна фонема отождествляется как собственно велярная (с рефлексами преимущественно в виде велярных смычных во всех индоевропейских диалектах), другая — как велярная с дополнительной артикуляцией, по всей видимости, палатализованная велярная (с фрикативными фонемами и аффрикатами в качестве рефлексов — в одной группе индоевропейских диалектов, и велярными смычными рефлексами — в другой).

В полном соответствии с вышеизложенным находится и то, что невозможно обнаружить недвусмысленные примеры индоевропейских корней, в которых обе согласных одновременно отражались бы в исторических языках либо по типу чистых велярных смычных, либо по типу палатализованных велярных.

Все эти соображения делают необходимым принятие в подгруппе постериорных согласных локального ряда велярных смычных и его модификаций в виде рядов "палатализованных велярных" и "лабиализованных велярных" (так называемых л а б и о в е л я р н ы х). В противном случае оказались бы противоречащими основным принципам построения индоевропейского корня следующие индоевропейские формы:

Осет. *ænǧezun* < иран. **ham gaizaya* 'бродить', зап. осет. *ǧizun* 'замерзать', арм. *kc-anem* 'колоть' (*аорист 3 л. ед. ч. e-kic*), *kc-u* 'горький', лит. *gìžti* 'скисать', *gaižùs* 'горький', *gaĩžti* 'становиться горьким', алб. *gjizë* 'сыр', ср. др.-ирл. *gér* 'острый', 'кислый': и.-е. **k'eiˌk'**-;

Авест. *kasu-* 'мало, малый', *срав. ст. kas-yah-*, *прев. ст. kas-išta-*, лит. *(nu)kašėti* 'ослабеть' при нем. *hager* 'худой, тощий' : и.-е. **k$^{[h]}$ak$^{[h]}$**-;

Др.-инд. *śaknóti* 'может', 'помогает', авест. *sačaiti* 'может', 'разбирается' и.-е. **k$^{[h]}$ak$^{[h]}$**-;

Др.-инд. *śákhā* 'ветвь', арм. *cʿax*, лит. *šakà* 'ветвь', слав. *socha* 'кол', 'соха', *posochŭ* 'посох', ср. гот. *hōha* 'плуг' (ср.-ирл. *géc* 'ветвь'): и.-е. **k$^{[h]}$ăk$^{[h]}$**-;

Арм. *jaŧk* 'ветвь', лит. *žalgà* 'длинный шест'; ср. гот. *galga* 'шест': и.-е. **g$^{[h]}$alg$^{[h]}$**-;

Др.-инд. *jáṅghā* 'лодыжка', авест. *zanga-* 'косточка ноги' (ахуровского существа), *-zangra-* 'косточка ноги' (дэвовского существа), лит. *žengiù* 'иду'; ср. гот. *gaggan* 'идти': и.-е. **g$^{[h]}$eng$^{[h]}$**-;

Др.-инд. *gūhati* 'скрывает', авест. *guz-* 'прятать, скрывать', др.-перс. *gaud-* 'скрывать', лит. *gùžė* 'языческая богиня', *gūžti* 'охранять'; ср. др.-исл. *gýgr* 'великанша': и.-е. **g$^{[h]}$eu$^{}$g$^{[h]}$**-;

Др.-инд. *śāka-* 'съедобные овощи, зелень', лит. *šėkas* 'свежескошенная трава для корма лошадям', латыш. *sę̂ks*, др.-прус. *schokis* 'трава'; ср. др.-исл. *há*: и.-е. **k$^{[h]}$ēk$^{[h]}$o-**;

Др.-инд. *kṛśá-* 'отощавший, слабый', авест. *kərəsa-* 'тощий', лит. *karšėti* 'стареть', чеш. *krsati* 'худеть'; ср. др.-исл. *horr* 'худоба' : и.-е. **k$^{[h]}$ork$^{[h]}$**-;

Др.-инд. *śócati* 'сияет', *śukrá-* 'белый', 'чистый', авест. *saočint-* 'сияющий'; ср. греч. κύκνος 'лебедь' (из 'белый'): и.-е. *$\hat{k}^{[h]}e\underset{\smile}{u}k^{[h]}$-;

Др.-инд. *kákṣā* 'подмышка', авест. *kaša-*; ср. лат. *coxa* 'бедро', др.-ирл. *coss* 'нога', др.-в.-нем. *hāhsina*, тох. В *kektseñe* 'тело': и.-е. *$k^{[h]}o\hat{k}^{[h]}$-;

Др.-инд. *śváñcate* 'открывается', лит. *šùkė* 'зазубрина', полаб. *sacét* 'щетка', рус. *щет(-ка)*: и.-е. *$\hat{k}^{[h]}\underset{\smile}{u}enk^{[h]}$-.

Принцип несочетаемости в корне смычных одного и того же ряда может быть распространен с некоторыми оговорками и на структуру более сложных морфемных объединений, в частности на основу, то есть корень + суффикс, ср. индоевропейские основы типа *$k^{[h]}e\underset{\frown}{i}$-$\hat{k}^{[h]}$- (др.-инд. *kliśṇáti* 'мучит', *klíśyate* 'мучится', лит. *klìšė* 'клешня', ст.-слав. *klěšta* 'клещи'); *$g^{[h]}ar$-$\hat{g}^{[h]}$- (арм. *karcem* 'я боюсь', *karcr* 'твердый', лит. *gražóti* 'грозить', ст.-слав. *groza* 'страх'; ср. греч. γοργός 'страшный', Γοργώ 'Горгона'); *$g^{[h]}n$-$e\underset{\smile}{u}$-$\hat{g}^{[h]}$- (лит. *gniáuž-iu* 'сжимаю руку', др.-исл. *knjúkr* 'округлая горная вершина') и другие[1].

3. ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВ CENTUM И SATəM

3.1. КЛАССИФИКАЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ ПО ОТРАЖЕНИЮ РЯДОВ «ГУТТУРАЛЬНЫХ»

По принципу отражения в индоевропейских диалектах ряда палатализованных велярных в виде аффрикат и фрикативных или в виде чистых велярных (в результате слияния ряда палатализованных смычных в этих диалектах с рядом собственно велярных) все индоевропейские диалекты обычно делят на две большие группы — на группу *satəm* и на группу *centum* (по отражению индоевропейского числительного '*cmo*': и.-е. *$\hat{k}^{[h]}\underset{\frown}{m}t^{[h]}om$).

Характерно, что ни в одном историческом индоевропейском диалекте не сохраняется ряд палатализованных велярных смычных наряду с рядами лабиализованных велярных и чистых велярных. Палатализованный ряд велярных как наиболее маркированный (''рецессивный'') является нестабильным в системе, имеющим тенденцию к движению и слиянию с собственно велярным рядом или переходу его в особый ряд аффрикат или фрикативных.

Такая тенденция палатализованных велярных объясняется их фонетической нестабильностью и может быть проиллюстрирована на материале многих исторических языков. Переход палатализованных велярных в

[1] В редких случаях в качестве исключения суффиксальная согласная принадлежит к тому же ряду смычных, что и корневая; это в некотором смысле является нарушением принципа несовместимости двух согласных одного и того же ряда в пределах основы (но не корня), ср. такие формы, как *$k^{[h]}n$-$ek^{[h]}$-, *$k^{[h]}en$-$k^{[h]}$- (др.-инд. kā́ñcate 'связывает', греч. κιγκλίς 'ограда', лат. cingere 'опоясывать', лит. kinkýti 'запрягать') при *$k^{[h]}en$- 'стянуть, жать' (*Pokorny 1959 : 558*, ср. др.-исл. hnakki, др.-в.-нем. hnac 'затылок').
Неясным по структуре основы представляется греч. *γάλα* 'молоко', *род. п. γάλακτος*, гом. *γλάγος* 'молоко' (*περιγλαγής*), крит. *κλάγος*, *γλακκόν*, лат. lac, *род. п.* lactis 'молоко', ср. также хет. galattar 'сок дерева'. Есть предположение, что слово восходит к другому корню: *m|k'-, ср. греч. *ἀμέλγω* 'дою' (*Szemerényi 1954*).

аффрикаты и спиранты в одной группе индоевропейских диалектов привел к формированию так называемых *satəm*-ных языков, которые характеризуются одновременно и утерей признака лабиализации и образованием тем самым из трех рядов индоевропейских постериорных смычных единственного ряда велярных смычных фонем.

В другой группе индоевропейских диалектов происходит преобразование нестабильного палатализованного ряда смычных в другом направлении — в направлении утери признака палатализации и слияния в результате этого древнего палатализованного ряда велярных с рядом чистых велярных смычных.

Эти процессы приводят к образованию так называемых диалектов группы *centum*, в которых, однако, некоторое время еще сохраняется ряд лабиализованных фонем в качестве самостоятельного фонемного ряда, противопоставленного по признаку лабиализации ряду чистых велярных смычных. Уже позднее фонемы лабиализованного ряда велярных в этих языковых системах распадаются на последовательность велярный смычный + лабиальная фонема *u̯* или совпадают со смычными лабиального ряда (см. выше, стр. 85 и след.).

Однако в процессе движения в системе палатализованный ряд смычных претерпевает не единообразные изменения в отношении всех членов ряда, а обнаруживает различия в эволюции отдельных его членов в зависимости от системных и позиционных факторов. Такое неединообразие в изменении палатализованного ряда в системе наблюдается как при движении его в сторону чистого велярного ряда (то есть в диалектах группы *centum*), так и в случае движения этого ряда в общем направлении аффрикатизации (то есть в диалектах группы *satəm*).

3.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАЛЕКТЫ С ПЕРЕХОДОМ (СЛИЯНИЕМ) ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА В ВЕЛЯРНЫЙ (ДИАЛЕКТЫ ГРУППЫ CENTUM). ПОЗИЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ТАКОГО ПЕРЕХОДА

Рассмотрим сначала индоевропейские диалекты, в которых палатализованный ряд движется в сторону чистого велярного ряда и сливается с ним в общий ряд велярных (при наличии в системе фонемного ряда, восходящего к индоевропейскому лабиовелярному ряду смычных).

К этой группе диалектов следует отнести, в первую очередь, анатолийские языки, греческий, италийский, кельтские, германские и тохарские языки.

Однако в некоторых из этих диалектов в ряде форм наблюдается отклонение от основного направления преобразования палатализованных велярных, что находит удовлетворительное структурное объяснение из складывающихся в системе в процессе ее преобразования соотношений между фонемными рядами.

В анатолийских языках (хеттском и лувийском) индоевропейские палатализованные смычные отражаются, как и соответствующие велярные, в виде заднеязычных смычных, представленных на письме простым и удвоенным написанием согласного *-k-*, *-kk-*:

Хет. *gi-e-nu* 'колено', гот. *kniu*, греч. γόνυ, лат. *genū*, тох. A *kanweṁ*, ср. др.-инд. *jā́nu*, арм. *cunr* : и.-е. **k̂'enu-*;

Хет. *gimmant-* 'зима', *gi-im-ma-an-za*; греч. χεῖμα 'зима': ср. др.-инд. *hemantá-* 'зима', арм. *jiwn* 'снег', алб. *dímër*, лит. *žiemà*, латыш. *zìma*, прус. *semo* : и.-е. **ĝ$^{[h]}$eim-*;

Хет. *ki-ir* 'сердце', *род. пад. kar-di-aš*, греч. κῆρ; ср. др.-инд. *śrad-* (в *śrad-dhā-* 'верить'), арм. *sirt*: и.-е. **k̂$^{[h]}$er-*;

Ряд лабиовелярных представлен как последовательность велярный+ *u̯*, которая в общеанатолийском несомненно представляла монофонематический комплекс, то есть велярную фонему с признаком лабиализации (ср. выше о фонологическом статусе подобных сочетаний в хеттском):

Хет. *ne-ku-ma-an-za* (Madd., Vs. 51; KUB XIII 4 III 32) 'голый', ср. гот. *naqaþs* 'голый': и.-е. **ne/og$^{[h]0}$-*;

Хет. *ku-en-zi* 'убивает', *мн. ч. ku-na-an-zi*, ср. др.-инд. *hánti* 'бьет, убивает', *мн. ч. ghnánti*, греч. θείνω 'убиваю': и.-е. **g$^{[h]0}$en-*;

Хет. *šakuu̯a* 'глаза', *šakuu̯ai-* 'смотреть', ср. гот. *saihvan* 'смотреть', др.-ирл. *ro-sc* 'глаз';

Хет. *eku-/aku-* 'пить': *ekuzzi (3 л. ед. ч.)*, *akuanzi (3 л. мн. ч.)*; *3 л. мн. ч. наст. вр. ak-ku-uš-ki-iz-zi* (KUB XIII 4 I 25), *2 л. мн. ч. пов. накл. ak-ku-uš-ki-it-tin* (KUB XIII 4 II 3), ср. лат. *aqua* 'вода', гот. *ahva* 'река', др.-исл. *ægir* 'морское божество'.

Но в позиции перед *u̯/u* анатолийские рефлексы индоевропейской палатализованной фонемы **k̂$^{[h]}$* представлены не в виде *k-*, как во всех остальных позициях, а в виде спиранта *š* (ср. также *Josephson 1979*):

Иер. лув. *sù-wa-nà-i* 'собаки' (Ассур b II 15): ср. др.-инд. *ś(u)vá́*, *род. пад. мн. ч. śúnas*, арм. *šun*, *род. п. šan*; лит. *šuõ*, *род. п. šuñs* при греч. κύων, *род. пад.* κυνός, лат. *canis*, др.-ирл. *cú*, *род. пад. con* 'собака': и.-е. **k̂$^{[h]}$u̯(e/o)n-*;

Иер. лув. *á-sù-wa* 'конь' (Каратепе, 41 и след.; соответствует финик. *ss* 'конь' в билингве), *á-sù-wa-i* 'кони', ср. др.-инд. *áśva-* 'конь', ст.-лит. *ašvà* 'лошадь, конь', при греч. ἵππος, лат. *equus*, др.-ирл. *ech*, тох. B *yakwe*: и.-е. **ek̂$^{[h]}$u̯o-*;

Иер. лув. *su-wà-há* 'я наполнил' (Каратепе, 38≈финик. *ẇ-ml'*; Кархемыш, A 30 h 2; *su-su-tá*, редуплицированный глагол, Кархемыш, A 30 h 1); клин. лув. *šuu̯a-* 'наполнять', *3 л. ед. ч. пр. вр. šu-u-u̯a-at-ta (Laroche 1959a : 88)*; хет. *šuu̯ai-* 'наполнять', иер. лув. *suwa-* 'наполнять'; хет. *šunna-* 'наполнять', пал. *šun-*: ср. др.-инд. *śváyati* 'наполняется', 'усиливается', перф. *śū-śuv-uḥ* (перфектная редупликация), арм. *sun* 'малый', алб. *théllë* 'глубокий', ст.-слав. *sujĭ* 'ничтожный' при греч. κυέω 'беременею', κῦμα 'вздутие', лат. *cauus* 'полый, пустой';

Хет. *šuu̯aia-* 'смотреть', ср. др.-ирл. *ci-* 'видеть'.

Такое развитие индоевропейского **k̂$^{[h]}$* в анатолийском частично совпадает с отражением палатализованных велярных в диалектах группы *satəm*. Однако совпадение в развитии палатализованных велярных в анато-

лийских языках и в языках группы *satəm* — лишь внешнее и не является следствием однородных внутренних причин.

Подобное отражение индоевропейской палатализованной смычной фонемы в анатолийском в позиции перед *u̯/u*, в отличие от отражения палатализованных во всех остальных позициях, объяснимо наличием в системе ряда лабиализованных велярных наряду с рядом чистых велярных.

При переходе в анатолийском палатализованного ряда в соответствующий ряд велярных, что было характерно для индоевропейских диалектов группы *centum*, в позиции перед сонантом *u̯* должны были возникнуть комплексы велярных смычных с последующим *u̯*: [*k'u̯], [*g^{h}u̯], [*k^{h}u̯], которые в таком случае совпали бы с рефлексами индоевропейских лабиализованных *k'^{o}, *g$^{[h]o}$, *k$^{[h]o}$, представлявших в системе маркированный ряд лабиовелярных в противовес немаркированному ряду собственно велярных.

Такое совпадение в системе палатализованного ряда с маркированным рядом лабиализованных предотвращается путем ассибиляции палатализованных смычных в позиции перед *u̯/u*, где только и могло возникнуть такое совпадение, в отличие от других позиций, в которых палатализованные смычные нормально переходили в соответствующие велярные смычные, сливаясь тем самым с немаркированным рядом велярных.

Таким образом, двойное отражение в анатолийском индоевропейских палатализованных смычных в виде велярных и сибилянта *s* (в позиции перед *u̯/u*) объясняется общей тенденцией к переходу нестабильного ряда палатализованных смычных в наиболее стабильный среди постериорных смычных ряд велярных, причем избегалось возможное совпадение палатализованных при таком переходе с еще сохранявшимися лабиовелярными фонемами посредством ассибиляции первоначального палатального в позиции перед *u̯/u*[1].

Аналогичное в фонологическом отношении развитие древних палатальных в позиции перед *u* наблюдается и в некоторых других диалектах группы *centum*, в которых исходный палатализованный ряд смычных преобразуется путем слияния его с немаркированным рядом велярных фонем, в частности в латинском.

Непонятное отражение индоевропейского сочетания *k̂$^{[h]}$u̯- в форме *canis* 'собака' (*см. Ernout/Meillet 1967 : 92*, ср. выше о иер. лув. *suwana-* — при аналогичных факторах изменения) становится легко объяснимым с учетом описанных выше фонологических соотношений в системе. Во избежание совпадения сочетания *k̂$^{[h]}$u̯ в латинском при переходе палатализованной фонемы в соответствующую велярную с рефлексом лабиовелярной фонемы *k$^{[h]o}$ > *ku̯* происходит упрощение первого сочетания: *k̂$^{[h]}$u̯ > *k*[2].

[1] Такая мотивация satəm-ного перехода в анатолийском снимает необходимость считать эти формы заимствованием из арийского, *ср. Szemerényi 1976*.

[2] Такая же утеря лабиального элемента в слове для 'собаки' предполагается и в германском *xun-, *ср. Peeters 1973* (иначе *Hamp 1980*).

Несколько отличное от этого развитие, но объяснимое той же общей тенденцией к избеганию слияния велярных с соответствующими маркированными лабиовелярными фонемами, наблюдается в латинских формах *equus* 'конь' (и.-е. *e$\hat{k}^{[h]}$u̯o-, ср. выше иер. лув. *asuwa-*), *uapor* 'дым', 'пар' (и.-е. *k$^{[h]}$u̯ep$^{[h]}$-, ср. лит. *kvāpas* 'дым', греч. καπνός 'дым', 'пар', др.-инд. *kapi-* 'благовоние', *ср. Pisani 1949 : 40—45)*, *cāseus* 'сыр': и.-е. k$^{[h]}$u̯as- (ср. ст.-слав. *kvasй* 'квас', *-kysnǫti* 'скисать', 'сквашиваться').

Латинские формы *uapor* и *cāseus* объяснимы как результат преобразования сочетания *ku̯* путем утери одного из компонентов: велярного *k* в форме *uapor* и лабиального *u̯* в форме *cāseus*, чем и достигается расподобление этого сочетания с рефлексом лабиовелярной фонемы *k$^{[h]0}$.

Характерно также в этом отношении и отсутствие лабиального элемента в греч. καπνός (вместо ожидаемого *κFαπνός; дигамма отсутствует уже в микенской форме, *Lejeune 1958 : 290, прим. 24)*. Этой же тенденцией объясняется двойное ππ в греч. ἵππος (из индоевропейского сочетания *e$\hat{k}^{[h]}$u̯), в отличие от греческого рефлекса индоевропейского лабиовелярного *k$^{[h]0}$, передаваемого в греческом неизменно через одно π (ср. также в греческом вариант ἴκκος, антропоним Ἴκκος), ср. вызванное аналогичными причинами преобразование этого индоевропейского слова в анатолийском.

Латинские формы *equus*, с одной стороны, и *uapor*, *cāseus* — с другой, можно рассматривать как возникшие в силу тенденции к различению друг от друга рефлексов индоевропейского сочетания *k$^{[h]}$-u̯ и рефлексов индоевропейской лабиовелярной фонемы. В латинском возникают рефлексы, фонетически несовпадающие друг с другом.

Возможно найти и другие примеры с соответствием латинского *k* и *šu* в языках *satəm*-ной группы, которые могут быть интерпретированы в указанном выше смысле[1].

При всем фонетическом различии результатов преобразования, в анатолийском, латинском и греческом происходят однотипные процессы при движении палатализованных "гуттуральных" в направлении слияния их с соответствующими велярными, что характеризует индоевропейские диалекты группы *centum*.

Траектория преобразования ряда палатализованных велярных в диалектах группы *centum* может быть представлена в виде правила (2) трансформации дифференциальных признаков:

[1] А. А. Зализняк (устное сообщение) считает возможным интерпретировать подобным образом и латинское cantāre 'петь' (ритуальное песнопение, ср. carmen 'ритуальная песня', oscen 'птица, используемая при гаданиях'), с одной стороны, и рус. *святой*, ст.-слав. *svętй*, лит. *šveñtas*, авест. *spənta-* 'святой' (хотано-сакск. *ysamaššandai* < **zam šu̯antaka* 'земля священная', др.-инд. pan- в вед. *arámatiḥ pánīyasī*, авест. Spənta- Ārmaiti-, 'священная Арамати', вед. soma... pánipnatam 'Сома священный', RV IX 66, 29, Soma pányam-panyam, *Geiger 1916 : 29; Brunnhofer 1893; Герценберг 1972 : 79 и 107—108)*, с другой стороны. Но ср. иное отражение *$\hat{k}^{[h]}$u̯- (>u̯-, а не k-) в лат. *uitrum* 'стекло', др.-инд. *śvitrá-* 'белый'.

(2) $[+ \text{палатал}] \Rightarrow [- \text{палатал}] \; / \; \begin{bmatrix} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \\ \pm \text{звонк} \\ \pm \text{глоттал} \\ + \text{велярн} \end{bmatrix}$

3.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАЛЕКТЫ С ПЕРЕХОДОМ ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА В СООТВЕТСТВУЮЩИЕ АФФРИКАТЫ И СПИРАНТЫ (ДИАЛЕКТЫ ГРУППЫ SATəM). ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ

Другую большую группу индоевропейских диалектов составляют языки, в которых палатализованный ряд смычных элиминируется в системе путем перехода его в аффрикаты и фрикативные фонемы (диалекты группы *satəm*).

Вместо ряда палатализованных смычных в системе возникает особый ряд аффрикат и фрикативных фонем, которые совместно с исконными сибилянтными фонемами составляют общий класс аффрикат и сибилянтов. Такие аффрикаты и фрикативные должны были совпасть в системе с теми аффрикатами и фрикативными фонемами, которые, вероятно, еще раньше возникли комбинаторно из первичных лабиовелярных (или фарингализованных велярных фонем) в позициях палатализации, то есть в позиции перед гласными переднего образования (см. об этом выше, стр. 91 и след.). Характерно, что позиционно обусловленные аффрикаты и спиранты возникают в этот период в таких системах из лабиовелярных фонем, а не из чистых велярных.

Объяснение этой особенности комбинаторного возникновения аффрикат и сибилянтных спирантов из постериорных смычных под влиянием последующих гласных переднего ряда следует искать опять-таки в системных соотношениях между рядами постериорных смычных.

В условиях наличия в системе трех постериорных рядов смычных— велярного, лабиовелярного (resp. лабиализованного) и палатализованного велярного — признак палатализации под позиционным влиянием гласных переднего образования мог наложиться только на лабиализованный ряд, поскольку перенос этого признака на фонемы велярного ряда привел бы к их совпадению (слиянию) с соответствующими фонемами палатализованного ряда. Лабиовелярные в позиции перед гласными переднего ряда выступали как палатализованные варианты лабиовелярных фонем, которые в других позициях проявлялись без этого фонетического признака палатализации[1]. Палатализованные лабиовелярные, выступающие на определенном этапе развития языка в качестве позиционно обусловленных вариантов фонем лабиализованного ряда велярных, претерпевают в дальнейшем фонетическую ассибиляцию и переход в аффрикаты.

[1] Фонетически возможно сочетание при велярных признака лабиализации с признаком палатализованности; ср. в частности в японском диалекте Нагасаки (*Trubetzkoy 1958 : 127, примеч. 5*).

Элиминация нестабильного в системе палатализованного ряда велярных происходит в индоевропейских диалектах группы *satəm*, как было указано выше, путем фонетического преобразования и перехода единиц этого ряда в звуки, фонетически отличные от исходных.

Судя по рефлексам индоевропейских палатализованных фонем в языках группы *satəm*, а также учитывая типологические данные общей фонетики, можно предположить возникновение постериорных компактных (шипящих) аффрикат из исходных палатализованных индоевропейских фонем на самом раннем этапе. Такие компактные аффрикаты, артикулируемые в той же точке, что и соответствующие палатализованные смычные, тем не менее отличаются от последних большей стабильностью в системе (*ср. Trubetzkoy 1958; Chomsky/Halle 1968*).

Все конкретные рефлексы индоевропейских палатализованных в исторических индоевропейских диалектах группы *satəm* могут быть фонетически естественным путем выведены из первоначальных шипящих (компактных) аффрикат, предполагаемых в качестве непосредственного результата преобразования индоевропейских фонем палатализованного ряда в этой группе диалектов.

В тех же диалектах группы *satəm* переход палатализованного ряда смычных в аффрикаты соотносится с процессом слияния лабиовелярного (лабиализованного) ряда с немаркированным рядом чистых велярных смычных: эти два процесса следует рассматривать взаимосвязанно как общий процесс элиминации в системе маркированных ("рецессивных") рядов постериорных смычных.

Поскольку в диалектах группы *centum* маркированный ряд палатализованных смычных сливается с немаркированным велярным рядом, другой маркированный ряд постериорных смычных — лабиовелярный — еще долго сохраняет свой фонологический статус самостоятельного фонемного ряда и лишь значительно позднее (уже в эпоху существования отдельных индоевропейских диалектов) в условиях новых фонологических соотношений в системе распадается на сочетания велярной смычной с последующей лабиальной фонемой.

В отличие от такого развития подсистемы индоевропейских постериорных смычных, в диалектах группы *satəm*, в которых элиминация маркированного палатализованного ряда осуществляется путем перехода его в соответствующие аффрикаты и образования тем самым нового фонологически немаркированного ряда в системе, маркированный лабиализованный ряд сливается с немаркированным рядом чистых велярных смычных, воспроизводя тем самым направление движения и элиминации маркированного палатализованного ряда в диалектах группы *centum*.

Следовательно, основные фонетико-фонологические различия между группами индоевропейских диалектов *centum* и *satəm* определяются изначально различной траекторией движения маркированного палатализованного ряда велярных, подверженного тенденции к исчезновению в системе

ввиду своего максимально маркированного характера среди постериорных рядов смычных.

Траектория палатализованного ряда смычных в ряд соответствующих аффрикат и изменение лабиализованного ряда в диалектах группы *satəm* могут быть представлены в виде трансформационных правил (3) и (4):

(3) $$\left\{ \begin{bmatrix} +\text{велярн} \\ +\text{палатал} \end{bmatrix} \right\} \Rightarrow \begin{bmatrix} +\text{велярн} \\ +\text{палатал} \\ -\text{взрыв рекур} \end{bmatrix} \Big| \begin{bmatrix} -\text{слогов} \\ +\text{смычн} \\ \pm\text{звонк} \\ \pm\text{глоттал} \end{bmatrix}$$

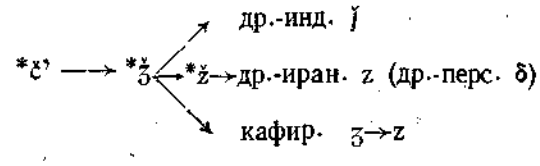
(4) $$[+\text{лабиализ}] \Rightarrow [-\text{лабиализ}] \Big| \begin{bmatrix} -\text{слогов} \\ +\text{смычн} \\ \pm\text{звонк} \\ \pm\text{глоттал} \end{bmatrix}$$

Самым ранним преобразованием палатализованных велярных фонем в группе диалектов *satəm* следует считать их переход в соответствующие постериорные (компактные) аффрикаты:

$$*\hat{k}' \quad *\hat{g}^{[h]} \quad *\hat{k}^{[h]} \rightarrow *\hat{c}' \quad *\hat{z}^{[h]} \quad *\hat{s}^{[h]}$$

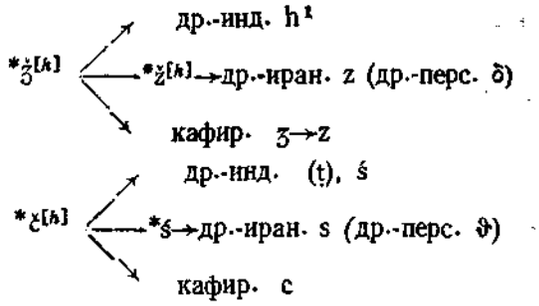
Из глоттализованной палатализованной фонемы закономерно возникает компактная глоттализованная аффриката, из звонкой фонемы — соответствующая звонкая компактная аффриката, из глухой — соответствующая глухая.

В индо-иранских языках эти аффрикаты развиваются в следующем направлении (*ср. Morgenstierne 1945; Иванов 1958; Эдельман 1973*: *543—544*):

Для древнеиранского следует допустить промежуточную ступень *$\check{z}^1$.

[1] Если вопреки высказывавшимся сомнениям *(Gershevitch 1965)* древнеперсидское отражение δ(d) было старым, его следует объяснить как дезаффрикатизацию раннего *ǰ (другой путь дезаффрикатизации такого ǰ с переходом в соответствующий спирант ž с последующим его переходом в свистящий спирант z представлен в древнеиранском авест. z и т. д.). Процесс дезаффрикатизации и утери компактности (переход шипящих в свистящие) является, очевидно, одной из наиболее характерных черт в фонетике иранских языков, ср. параллельный процесс потери компактности и дезаффрикатизации в кафирском. К типологически аналогичным путям дезаффрикатизации ср. переходы ǯ → d, ǯ → ž в картвельских (мегрельском и сванском) языках *(Гамкрелидзе 1968)*.

Различие в фонетическом развитии индо-арийского, иранского и кафирского особенно ясно видно в отражении в этих диалектах индоевропейских последовательностей *-k̑[ɦ]s- и *-k[ɦ]s-: в кафирском эти последовательности отражаются соответственно как -c- [ts] и -ç-[tṣ], тогда как в иранском они дают отражение соответственно -š- и -xš- при совпадении их в -kṣ- в индо-арийском, *см. Kuiper 1978: 101.*

В древнеиндийском озвончение глоттализованной аффрикаты *č'→ǰ (в соответствии с процессом общего озвончения глоттализованных фонем серии I, см. выше о типологических параллелях озвончения глоттализованных, в том числе аффрикат, стр. 49 и след.) приводит к возникновению в системе звонкой шипящей аффрикаты ǰ(=j), повлиявшей на преобразование *ǰh→h и *čh→ś в результате спирантизации соответствующих аффрикат.

Спирантизация аффрикат является довольно распространенным фонетическим процессом дезаффрикатизации, состоящим в элиминации смычного компонента сложного аффрикативного звука.

Этот процесс может быть проиллюстрирован на примере развития многих языков. Характерно, что в поздних индоевропейских языках, в которых возникают аффрикаты в результате ассибиляции смычных, они претерпевают спирантизацию и дают соответствующие фрикативные фонемы, компактные или диффузные. К развитию *h* из аффрикаты ср. развитие аффрикаты *č' в начальной позиции в сванском: сван. *ham* 'утро' (из *č'am*); *hadw* 'желание' (из *č'ad-*) и др. *(Топурия 1960; Гамкрелидзе 1968: 13)*. Аналогичные процессы дезаффрикатизации аффрикат, возникших на ранних ступенях развития из индоевропейских палатализованных, следует допустить в отдельных диалектах группы *satəm*.

В армянском индоевропейские палатализованные смычные отражаются в виде соответствующих аффрикат *c*[2], *ʒ* (арм. *j*) и спиранта

[1] Такое h в древнеиндийском, как предполагают, возникло из аффрикаты ǰh при вторичной палатализации под влиянием последующего гласного переднего ряда: др.-инд. duhitá 'дочь' < *duǰhitá, ср. в кафирском: вайгали jū 'дочь', ашкун zū (*ср. Hamp 1966; 1970b: 229*), ср. об индийской форме *Manessy-Guitton 1970*.

[2] Ср. арм. arcui 'орел', др.-инд. ṛjipyá- 'прямолетящий вперед', эпитет орла в "Ригведе", авест. ərəzifya- 'орел' (ср. ἄρξιφος [=*ἄρζιφος]· ἀετός παρὰ Πέρσαις), ново-перс. āluh 'орел'; Ἀρσύφιος, Ἀρτύβιος *(Benveniste 1946: 67)*. Слово, по всей видимости, собственно армянское, восходящее к исходной индоевропейской форме *(ср. Hübschmann 1897 [1972] : 424—425)*. Фонема /c/, судя по грузинскому заимствованию arc'ivi 'орел',

s[1]. Характерно, что в армянском произошел переход компактных аффрикат, предполагаемых как непосредственные рефлексы палатализованных фонем[2], в соответствующие диффузные аффрикаты. Такому переходу в армянском компактных (шипящих) аффрикат в диффузные (свистящие) могло содействовать образование более поздних компактных (шипящих) аффрикат *ǰ*[ʒ], *č*‘ в результате комбинаторной палатализации (ассибиляции) велярных в позиции перед передними гласными (примеры см. выше, стр. 91 и след.). В интервокальной позиции аффриката *j* [ʒ] претерпевает спирантизацию в *-z-*; арм. *dizanem* ‘собираю’, ‘складываю’, ср. авест. *uz-daēza-* ‘насыпь’, др.-инд. *dehí* ‘насыпь’.

В балто-славянских языках древние аффрикаты, возникшие из палатализованных индоевропейских смычных, претерпевают дезаффрикатизацию и переход в соответствующие компактные (шипящие) спиранты *š*, *ž* (ср. отражение в литовском) и далее в диффузные спиранты (свистящие) *s*, *z* (ср. их отражение в славянских языках). Аналогичный путь спирантизации исходных компактных аффрикат (из соответствующих палатализованных смычных) прошли, очевидно, те иранские диалекты, которые отражены в авестийском и ряде восточноиранских языков.

передавала глоттализованную свистящую аффрикату. К древности данного слова в армянском ср. также урартское наименование коня царя Русы Arṣibini *(Меликишвили 1960 : 204—205)*.

Противопоставление аффрикат */c ~ c‘/, /č~č‘/* в армянском, считающееся по традиции противопоставлением глухих фонем */c, č/* глухим придыхательным */c‘, č‘/ (Meillet 1936 : 24)*, нельзя, очевидно, рассматривать фонологически как противопоставление того же порядка, что и, например, древнеиндийское противопоставление аффрикат */č ~ čh/*. Судя по рефлексам этих фонем в современных армянских диалектах, а также по армянским заимствованиям в других кавказских языках, можно считать, что дифференциальным признаком, по которому эти фонемы противопоставлялись в древнеармянском, был не признак аспирации, а признак глоттализации: глоттализованные (фонетически неаспирированные) фонемы *c* и *č* противопоставлялись неглоттализованным (аспирированным) аффрикатам *c‘* и *č‘*, как и в системах неиндоевропейских кавказских языков.

При такой фонологической интерпретации армянских аффрикат *c* и *č* как аффрикат глоттализованных приобретает особую значимость рефлексация ассибилированных индоевропейских фонем серии I в виде именно глоттализованных аффрикат, в отличие от звонких фонем серии II, отражаемых в армянском в виде звонкой аффрикаты *ǰ*, и от глухих фонем серии III, отражаемых в виде глухой (неглоттализованной) аффрикаты *č‘*. Признак глоттализации фонем индоевропейской серии I сохраняется в армянском в ассибилированных рефлексах:

и.-е. **ḱ’* → арм. *c*:

арм. cin ‘рожденне’: и.-е. **ḱ’en-* (ср. греч. *γένος*, др.-инд. jána- ‘род’);

арм. cer ‘старый, старец’: и.-е. **ḱ’er-* (ср. греч. *γέρων*, др.-инд. járant- ‘старый’, ‘старец’);

арм. cunr ‘колено’: и.-е. **ḱ’enu-* (ср. греч. *γόνυ*, др.-инд. jā́nu ‘колено’);

арм. acem ‘веду’: и.-е. **aḱ’-* (ср. греч. *ἄγω*, др.-инд. ájāmi ‘веду’);

арм. aյc ‘коза’: и.-е. **aiḱ’-* (ср. греч. *αἴξ* ‘коза’).

[1] В редких случаях как рефлекс индоевропейского **ḱ[ʰ]* в армянском предстает *š*, возможно, в позиции перед *u*: *šun* ‘собака’, греч. *κύων* (*ср. Szemerényi 1964: 295*).

[2] Первоначальный компактный характер рефлекса палатализованных в армянском можно видеть в передаче в армянском индоевропейского суффикса **-sḱ[ʰ]-* в виде компактной аффрикаты *č‘*: t‘akč‘im ‘прячусь’, ср. греч. *πτωσκάζειν* ‘боязливо отступать’, erkṇč‘im ‘боюсь’, ср. греч. *δεδίσκομαι* ‘боюсь’ *(Meillet 1936 : 109)*.

Следы более раннего состояния в славянских языках с аффрикатами, восходящими к соответствующим палатализованным смычным, можно видеть в некоторых ранних славянских заимствованиях в балтийских языках типа лит. *stìrna* 'косуля', *túkstantis* 'тысяча' и др. *(Трубачев 1973 : 305 и след.)*. При таком допущении развитие палатальных в славянском полностью соответствует фонетическому развитию этого ряда фонем в других индоевропейских диалектах *satəm* (в частности иранском).

Несколько иной путь дезаффрикатизации аффрикат, восходящих к индоевропейским палатализованным, обнаруживается в юго-западноиранском, в частности в древнеперсидском *(Morgenstierne 1942; Buddruss 1961)*, а также, по-видимому, албанском языках *(Çabei 1972 : 132)*. В результате дезаффрикатизации аффрикат в этих иранских диалектах возникают соответствующие дентальные смычные *d*, *t*, а в албанском—интердентальные спиранты *ϑ*, *ð*, ср. алб. *dímër* 'зима': др.-инд. *hemantá-*; алб. *dhëmb* 'зуб': др.-инд. *jámbha-* 'зуб', 'пасть', греч. γόμφος 'колышек'; алб. *báthë* 'полевой боб', греч. φακός 'чечевица'; ср. типологически комбинаторно обусловленную дезаффрикатизацию аффрикат, дающих соответствующие дентальные смычные, в мегрело-лазском: ср. мегр. **čxvinž-i→čxvind-i* 'нос'; **žačxir-i>dačxir-i* 'огонь' *(Гудава 1964 : 497 и след.)*.

В отношении сохранения первоначального фонетического характера рефлексов палатализованных фонем в виде компактных (шипящих) аффрикат древнеиндийский показывает самое архаичное среди остальных индоевропейских диалектов состояние. Только аффриката **č[h]*, восходящая к индоевропейскому палатальному **k̂[h]*, спирантизуется в древнеиндийском и предстает в виде компактного спиранта *ś*. Однако след аффрикаты виден также в церебральном ретрофлексном *ṭ*, возникающем из соответствующей аффрикаты в исходе слова: **sṷek̂[h]-*>др.-инд. *ṣáṭ* 'шесть', ср. аналогичное развитие **ĝ[h]* в абсолютном исходе: др.-инд. *váṭ* 'восклицание при жертвоприношении' (и.-е. **ṷeĝ[h]-*, *Whitney 1889)*; ср. сохранение аффрикаты *c* (при потере компактного — шипящего—ее характера) в кафирском: кати *açū* 'слеза' (ср. др.-инд. *áśru* 'слеза', и.-е. **ak̂[h]ru*, *Hamp 1968 : 128*), вайгали *cāw* 'ветка', др.-инд. *śákhā*.

Старая аффриката *č[h]* остается пережиточно лишь в определенных комбинаторных условиях при сочетании ее с предшествующим дентальным смычным или спирантом, которые в свою очередь претерпевают аффрикатизацию по ассимиляции:

Индо-иран. [**sčh*] (из и.-е. **-sk̂[h]-*) → др.-инд. *cch*:

Др.-инд. *gácchati* 'идет', авест. *ǰasaiti* 'приходит', греч. βάσκε 'иди!', тох. А *kumnäṣ* 'приходит': и.-е. **k'°(e)m-sk̂[h]-*;

Др.-инд. *uccháti* 'сияет', авест. *usaiti* 'озаряет' (об утреннем солнце), лит. *aũšti* 'рассветать', хет. *uškizi* 'смотрит', лат. *aurōra* 'заря';

Др.-инд. *pṛcchắti* 'спрашивает', вед. *aoprcm á-pṛcchat*, авест. *pərəsaiti* 'спрашивает', др.-перс. *a-p(a)rsam* 'я спрашивал', арм. *e-harc'* (*aoprcm*) 'я спрашивал', лат. *poscō* 'требую', лит. *prašýti*, ст.-слав. *prositi* 'просить': и.-е. **p[h]ṛ-sk̂[h]-*;

Др.-инд. *icchắti* 'ищет', 'желает', авест. *isaiti*, лит. *ieškóti*, ст.-слав. *iskati* 'искать', др.-в.-нем. *eiscōn* 'спрашивать', 'требовать'.

Индо-иран. [*tčh*] (из и.-е. *-tk̑[ʰ]-) → др.-инд. *cch*:

Др.-инд. *úcchalati* 'подпрыгивает' из **ut-śalati*, ср. др.-инд. *śalabháḥ* 'мотылек', лит. *šuolỹs* 'бег', латыш. *suôlis* 'шаг', ср.-в.-нем. *schel* 'подпрыгивающий', др.-исл. *skelkr* 'боязнь';

Др.-инд. *ucchvaṅkáḥ* 'отверстие', 'отверзание' < **utśvaṅka-*, ср. др.-инд. *śváñcate* 'открывается', 'раскрывается'.

В начальной позиции индоевропейское *#sk̑[ʰ]- отражается в древнеиндийском как *ch-*, то есть с сохранением древнего рефлекса палатализованной фонемы и утерей спиранта *s*[1]:

Др.-инд. *chāyā́* 'тень', 'отражение', авест. *a-saya-* 'не имеющий тени', маних. согд. *sy'k* < **sayāka-*, ново-перс. *sāya* 'тень', белудж. *sāig*, алб. *hē* 'тень', ср. греч. σκιά 'тень', тох. В *skiyo* 'тень';

Др.-инд. *chinátti* 'отрезает', 'протыкает', авест. *(ava-)hisiδyāṯ* 'он бы разбил', маних. согд. *'w-synd-* 'рвать', белудж. *sindag* 'расщеплять', ново-перс. *gu-sistan*, ср. греч. σχίζω 'разрываю', 'раскалываю', лат. *scindō* 'расщепляю';

Др.-инд. *chidrá-* 'проткнутый', *chidrám* 'дыра', авест. *sidarəm* 'дыра', латыш. *šķidrs* 'тонкий', греч. σκιδαρός 'редкий', 'тонкий'.

3.4. ПОЗИЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПЕРЕХОДА ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ В АФФРИКАТЫ И СПИРАНТЫ В ДИАЛЕКТАХ ГРУППЫ SATəM КАК СЛЕДСТВИЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ПАЛАТАЛИЗОВАННЫЙ~НЕПАЛАТАЛИЗОВАННЫЙ

Данные индо-иранских языков, и в первую очередь древнеиндийского, дают возможность судить о древнейших моделях распределения индоевропейских палатализованных фонем, во всяком случае в том диалектном ареале, продолжение которого представляют индо-иранские языки.

Есть основания полагать, что палатализованные велярные проявлялись в слове только в определенных позициях.

Можно определить с некоторым приближением такие позиции, в которых происходила нейтрализация противопоставления по признаку палатализации.

В качестве архифонемы в таких позициях, как и следовало ожидать, проявляется соответствующий немаркированный член противопоставления в виде непалатализованного велярного смычного.

Одной из таких позиций нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный в раннедревнеиндийском следует считать позицию перед дентальным смычным, а также позицию перед *s*. Иными словами, в таких позициях не следовало бы ожидать наличия палатализованных велярных смычных.

Такое дистрибутивное поведение палатализованных обусловливает возможность морфонологического чередования алломорф с палатализован-

[1] Ср. в этой связи сохранение в армянском и кельтском древнего рефлекса лабиального *p[ʰ] в позиции после начального *s- (впоследствии исчезнувшего), при утере его в других позициях.

ными и соответствующими чистыми велярными согласными в пределах общей парадигмы.

Следы подобных чередований древних алломорф удается обнаружить в индо-иранском (при сопоставлении форм отдельных его диалектов) или даже в пределах самого древнеиндийского языка, в котором чередующиеся индоевропейские формы отражаются в виде соотносимых морфонологических единиц с различными рефлексами древних велярных и палатализованных фонем.

В результате позднейших аналогических выравниваний чередующихся форм в парадигме и обобщения одной из древних алломорф стираются исходные модели чередований, что затемняет первоначальные схемы распределения индоевропейских палатализованных фонем[1].

Подобного рода чередования древних алломорф проявляются в древнеиндийском в формах типа *mṛjáti* 'трёт', авест. *marəzaiti* 'касается', 'гладит', хотано-сакск. *ni-malys-*, ср.-парф. *n-mrz-*, при др.-инд. *mṛkṣáti* 'трёт': и.-е. ***m(e)lk̂'-/*mlk'-s-**;

Др.-инд. *daśasyáti* 'служит', 'поклоняется', *dáśati* 'поклоняется богу', (ср. лат. *decet* 'приличествует', греч. δεικνύμενος 'приветствующий'), при др.-инд. *dákṣati* 'угождает', 'удовлетворяет': и.-е. ***t'ek$^{[h]}$-/*t'ek$^{[h]}$-s-**;

Др.-инд. *piṅśáti* 'украшает', *péśa-* 'форма', 'краска', ср. авест. *paēs-* 'красить', *paēsa-* 'украшение', лит. *piẽšti* 'писать', ст.-слав. *pĭsati*, рус. *писать*, при др.-инд. *piṅkte* 'красит, живописует': и.-е. ***p$^{[h]}$ink$^{[h]}$-/*p$^{[h]}$ink$^{[h]}$t$^{[h]}$-**;

Др.-инд. *sáhate* 'побеждает', *sáhas-* 'победа', 'власть' при *sakṣa-* 'победитель', ср. греч. Ἕκτωρ : и.-е. ***seĝ$^{[h]}$-/*seg$^{[h]}$-s-**;

Др.-инд. *váhati* 'везет', 'едет' (ср. авест. *vazaiti*, лат. *uehō* 'везу', гот. *gawi-gan* 'двигать', 'трясти'), при др.-инд. *ávākṣam* (*аорист*) : и.-е. ***u̯eĝ$^{[h]}$-/*u̯og$^{[h]}$-s- > *u̯oks-**;

Др.-инд. *deh-* 'умащивать', 'мазать' (ср. арм. *dizanem* 'складываю', лат. *fingō* 'леплю'), при др.-инд. *degdhi* 'умащивает', 3 *л. ед. ч.*, *digdhá-*, *прич. страд.*: и.-е. **[*de̯i̯ĝ^{h}-]/[*d(e)ig-t^{h}-] > [*d(e)ig-d^{h}-]**;

Др.-инд. *múhyati* 'ошибается', 'заблуждается', хотано-сакск. *mūysam-dai* 'глупый' *(Bailey 1961: 79)*, при др.-инд. вед. *mugdhá-* 'ошибавшийся': и.-е. **[*muĝ^{h}-/*mugt^{h}o-] > *mugdhá-**. Параллельно с этой формой встречается более поздняя, судя по памятникам, форма *mūḍhá-*, с утерей предшествующего согласного.

На стыках морфем в индо-иранском при сочетании древней аффрикаты, возникшей из палатализованных индоевропейских фонем, с последую-

[1] Такое понимание распределения палатализованных и соответствующих непалатализованных велярных фонем в древнейших алломорфах индоевропейских морфем снимает трудности представления исходных корней в виде параллельных форм с палатальной и непалатальной или глухой и звонкой фонемами. Эти искусственные построения индоевропейских форм с непонятным распределением исходных корней, встречающиеся часто в этимологических словарях (ср. о данных формах *Pokorny 1959: 739, 794; Mayrhofer 1963, II: 269, 270, ср. 671)*, оправдываются при допущении дистрибутивных ограничений фонем палатализованного ряда в алломорфах индоевропейских корней.

щим смычным дентального ряда возникают контактные последовательности, которые претерпевают ряд последующих фонологических изменений. В частности, при сочетании в индо-иранском глагольной морфемы, оканчивающейся на рефлекс индоевропейских палатализованных (то есть, возможно, на аффрикату или спирант) с согласным *-t[h]- последующей морфемы, возникает сочетание со звонким или глухим -d[h]/t- в зависимости от рефлексов в индо-иранском индоевропейских фонем серии II. Так, индоевропейское *liĝ-t[h]o-[1] или *seĝ-t[h]o-[2] отражается в индо-иранском закономерно как **liĝdha-* и **seĝdha-*. Первый согласный в этом комплексе теряется в данной позиции с компенсаторным удлинением предшествующего гласного и с передачей признака постериорности последующей смычной фонеме. В результате возникают древнеиндийские формы типа *līḍhá-*, *sāḍhá-* с ретрофлексным (церебральным) *ḍh*, отражающим в признаке церебральности (ретрофлексности, то есть постериорности[3]) след предшествующей аффрикаты (*ср. Szemerényi 1970 : 95*). Такое развитие аффрикат и фрикативных в древнеиндийском служило, очевидно, одним из источников развития церебральных (ретрофлексных) фонем.

Представляется, что формы с закономерным отражением велярного варианта в позиции перед взрывной фонемой являются более древними, согласующимися с моделью распределения палатализованных фонем в алломорфах индоевропейских корней, тогда как отдельные формы, свидетельствующие об отражении в такой позиции ассибилированных палатализованных фонем, могут указывать на позднейшие выравнивания (ср. формы типа *mṛṣṭá-* при *mṛjáti* 'трет, стирает', *diṣṭá-* при *díś-* 'указывать' вместо **dikta-* и т.д.) в парадигме или, может быть, на существование некоторого колебания в исходной системе в проявлении в позиции перед дентальной смычной палатализованной или чистой велярной фонемы (при стабильности проявления непалатализованной фонемы в позиции перед -s).

Определенные следы моделей распределения палатализованных фонем в разных алломорфах при наличии конкретных позиций нейтрализации, в которых проявлялись лишь соответствующие непалатализованные велярные фонемы, предполагаются и в отношении балто-славянского ареала, в котором исконные палатализованные фонемы, как и в других диалектах группы *satəm*, отражаются в виде спирантов *š*, *ž* (в литовском) и *s*, *z* (в других балтийских языках и в славянском, примеры см. выше, стр. 94 и след.). Такие спиранты предположительно возникают из аффрикат, в которые должны были перейти непосредственно в соответствующих позициях исконные палатализованные смычные.

[1] И.-е. **leiĝ[h]-* 'лизать', др.-инд. lihati 'лижет', греч. *λείχω*, арм. lizum, лат. lingō, гот. bilaigōn 'лизать', др.-в.-нем. lecchōn, лит. *liežiù*, ст.-слав. *lizati*, ср. др.-инд. *līḍhá-* 'облизанный'.

[2] И.-е. **seĝ[h]-* 'побеждать', др.-инд. sáhate, ср. греч. *ἔχεται* 'упорствует', мик. e-ke; ср. гом. *Ἑκτωρ*, др.-инд. *sāḍhá-* 'побежденный'.

[3] О ретрофлексных фонемах в древнеиндийском как компактных (/—антериорность/) см. диссертацию *Zwicky*, ссылки на которую дают *Chomsky/Halle 1968 : 312;* там же ссылки на *Whitney 1889*.

К позициям нейтрализации противопоставления палатализованный ~непалатализованный в балто-славянском диалектном ареале следует отнести позицию перед сонантами *r*, *l* (и, возможно, другими сонантами), а также после спиранта *s*. Эти позиции в качестве позиций нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный в диалектах названной группы устанавливаются на основании отражения постериорных смычных в исторических диалектах. Несмотря на то, что в результате последующих изменений, выразившихся в аналогических выравниваниях форм, в этих диалектах значительно затемнены первоначальные дистрибутивные модели постериорных согласных, тем не менее есть все основания видеть в "исключениях" из закономерного отражения палатализованных в балто-славянском некогда закономерные модели чередования палатализованных согласных в алломорфах индоевропейских морфем.

Имеются в виду следующие балто-славянские формы:

Лит. *smãkras*, *smakrà* 'подбородок', латыш. *smakrs* 'подбородок' при др.-инд. *śmáśru-* 'борода', арм. *mawruk̂*, *moruk̂* 'борода', алб. *mjékër* 'борода', хет. *zamankur* 'борода'[1], др.-ирл. *smech* 'подбородок': и.-е. ***smek**$^{[h]}$**-r-**/***smek̂**$^{[h]}$**-r-**;

Ст.-слав. *svekry* 'свекровь' при лит. *šẽšuras* 'свекор', др.-инд. *śváśura-* 'свекор', арм. *skesur* 'свекровь', греч. ἑκυρός 'свекровь', гот. *swaihrō*: и.-е. ***sụek**$^{[h]}$**ru-**/***sụek̂**$^{[h]}$**uro-** (*ср. Szemerényi 1964: 291 и след.*);

Латыш. *krę̃kls* 'рубашка' при укр. *креснути* 'ударять', сербо-хорв. *krèsati*, др.-англ. *hrægl* 'одежда', др.-исл. *hræll* 'шест для закрепления ткани на станке': и.-е. ***k**$^{[h]}$**rek**$^{[h]}$**-l-**/***k**$^{[h]}$**rek̂**$^{[h]}$**-**;

Лит. *klausýti* 'слушать', латыш. *klàusît*, прус. *klausîton* 'слушать' при лит. *šlovẽ* 'слава' (*Fraenkel 1962—1965,II : 1008*), ср. ст.-слав. *slovǫ*, *sluti* 'слыть', *slušati*, рус. *слушать*: и.-е ***k**$^{[h]}$**leu̯-s-**/***k̂**$^{[h]}$**leu̯-s-**;

Слав. **gǫsĭ*, рус. *гусь*, польск. *gęś*, словен. *gǫ̑s* при лит. *žąsìs* 'гусь', латыш. *zùoss*, прус. *sansy*, греч. χήν, др.-инд. *haṁsá-ḥ*, лат. *ānser* 'гусь': и.-е. ***g**$^{[h]}$**n̥s-**/***ĝ**$^{[h]}$**on-s-**;

Лит. *akmuõ*, *akmenẽs* 'камень', ст.-слав. *kamy* 'камень' при лит. *ašmuõ* 'острие', *ãšmens* (*мн. ч.*), др.-инд. *áśman-* 'камень': и.-е. ***ak**$^{[h]}$**men-**/***ak̂**$^{[h]}$**men-**; ср. лит. *ašrùs*, *aštrùs*, ст.-слав. *ostrŭ* 'острый', лат. *ācer* 'острый': и.-е. ***ak̂**$^{[h]}$**er-**;

Лит. *ieškóti* 'искать', ст.-слав. *iskati*, рус. *искать*, при др.-инд. *icchắti* 'желает', др.-в.-нем. *eiscōn* 'желать': и.-е. ***ei̯-sk**$^{[h]}$**-**/***ei̯-sk̂**$^{[h]}$**-**;

Латыш. *šķidrs* 'негустой', лит. *skiedrà* 'щепка', при греч. σχιδαρός 'редкий', авест. *sidarəm* 'дыра', др.-инд. *chidrá-* 'пронзенный': и.-е. ***sk**$^{[h]}$**ei̯t'-**/***sk̂**$^{[h]}$**ei̯t'-**.

[1] Хеттская форма zamankur предполагает метатезу из *z(a)-mankru, в отличие от лув. иер. surna- 'рог' (ср. клин. хет. karaṷar 'рог'), где ассибиляция палатального ***k̂**$^{[h]}$ происходит закономерно перед u, довольно рано возникшим в результате вокализации слогового сонанта.

Аналогичные следы позиции нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный перед сонантами обнаруживаются также в албанском и армянском языках. Древние модели чередования индоевропейских алломорф с палатализованными и соответствующими непалатализованными фонемами в зависимости от позиции перед сонантами можно предположить и в этих языках на основании анализа ряда форм с постериорными смычными:

Алб. *glū-ri* 'колено' (гег. *диал.*), *gju-ri* (тоск.) 'колено', ср. др.-ирл. *glún* 'колено', при др.-инд. *-jñu-*, греч. γνυ-: и.-е. **k̂'nu-n-** / ***k'lu-n-**;

Алб. гег. *krýe*, тоск. *krîe*, *мн. ч. krérë* 'голова', ср. др.-инд. *śiras-* 'голова', др.-исл. *hjarni* 'мозг', лат. *cerebrum* 'череп', греч. κάρᾱ 'голова', гом. κάρηνα 'головы': и.-е. ***k[h]r-/*k̂[h](e)r-**;

Алб. *ka* 'бык', *мн. ч. qe* (из **krā*, *Hamp 1957 и 1960*), лит. *kárvė* 'корова', ст.-польск. *karw*, польск. *krowa*, рус. *корова*, прус. *sirwis* 'косуля', лат. *cerrus* 'олень': и.-е. ***k[h]ṛu̯-/*k̂[h]eru̯-**;

Алб. *mjékër* 'подбородок', арм. *mawruk̂*, лит. *smãkras* 'борода', 'подбородок', ср. др.-инд. *śmáśru-* 'борода': и.-е. ***smek[h]r-/*smek̂[h]r-**.

Позиция нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный перед сонантом, в частности перед ***r**, характерна, судя по приводимому выше лингвистическому материалу, не для отдельных индоевропейских диалектов, а для целого диалектного ареала, в который включаются по крайней мере языки балто-славянские, албанский и армянский.

Не исключено, что существовали и другие позиции нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный, следы которых полностью утеряны в исторических индоевропейских диалектах. Если допустить некоторые такие позиции нейтрализации для всего индоевропейского ареала, то в таком случае, естественно, невозможно уже обнаружить в них следы противопоставления палатализованных и непалатализованных фонем.

Вообще говоря, поскольку существуют позиции нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный, в которых проявляются лишь велярные (непалатализованные) фонемы, дистрибуция палатализованных, естественно, у́же, ограниченнее дистрибуции соответствующих велярных, что вполне согласуется с положением о немаркированном характере велярных в противовес маркированным палатальным. Однако эта особенность палатализованного ряда не может, разумеется, служить основанием для отрицания его существования в индоевропейской фонологической системе. Палатализованный ряд в индоевропейском и лабиализованный ряд (лабиовелярные) составляли маркированные ряды по отношению к немаркированному ряду велярных, образовывавшему вместе с ними единый подкласс постериорных (заднеязычных) фонем.

Однако в языках типа *satəm*, в частности в армянском, обнаруживаются и такие случаи нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный, где оппозиция снимается при проявлении

именно палатализованного члена. Такой позицией нейтрализации является, очевидно, позиция после *u, где, судя по соответствующим армянским рефлексам, нужно допустить наличие лишь палатализованного члена оппозиции:

Арм. *usanim* 'я учу' при ст.-слав. *ukŭ* 'ученик', 'наука', лит. *jaukùs* 'привыкший к людям', др.-инд. *ókas-* 'дом', 'привычное место', др.-ирл. *to-ucc-* 'понимать', гот. *bi-ūhts* 'привыкший' и др.;

Арм. *loys* 'свет', с развитием, аналогичным др.-инд. *rúšant-* 'блестящий' при др.-инд. *roká-* 'свет', лит. *laũkas* 'с белым пятном на лбу' *(Meillet 1936 : 37)*;

Арм. **boyc* 'пища' при др.-инд. *bhógaḥ* 'наслаждение', *bhuṅkté* 'наслаждается', алб. *bungë* 'дуб (с питательными желудями)' *(Pokorny 1959: 153)*;

Арм. *dustr* 'дочь', при лит. *duktẽ* (с таким же оглушением **gt* > **kt*, как и в армянском), др.-инд. *duhitā́*, авест. *duγδar-*, гот. *daúhtar* 'дочь' *(Winter 1965 : 104—105 и 112—113; Hamp 1970 b : 229—231)*.

Наличие следов аналогичной нейтрализации в древнеиндийском и, возможно, кафирском (ср. выше др.-инд. *rúšant-* 'блестящий' с палатальным *ś* после *u*, ср. прасун *lūšt* 'дочь', *Morgenstierne 1949 : 208)* может указывать на значительную древность этого процесса в языках типа *satəm*.

В определенной системной связи с этим явлением нейтрализации противопоставления "гуттуральных" в позиции после *u*, дающим переход *$\mathrm{u\hat{k}^{(h)}}$ > *-us* в армянском, находится, очевидно, обратный этому процесс преобразования последовательности **us*>*uk* : ср. арм. *mukn* 'мышь' при др.-инд. *mū́ṣ-*, ст.-слав. *myšĭ*, греч. μῦς, лат. *mūs*; арм. *jukn* 'рыба' при греч. ἰχθύς 'рыба' и др.

В этом можно видеть взаимосвязанность, с одной стороны, процесса палатализации, ведущего к возникновению в системе аффрикат и новых спирантов, и, с другой стороны, процессов изменения первичных спирантов в определенных условиях (см. ниже).

3.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАЛЕКТЫ CENTUM И SATəM КАК РЕЗУЛЬТАТ «ДВИЖЕНИЯ» ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА «ГУТТУРАЛЬНЫХ» СООТВЕТСТВЕННО В РАЗЛИЧНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ

Рассмотренные выше факты *centum*-ного отражения индоевропейских палатальных в диалектах группы *satəm* свидетельствуют не о вторичном, более позднем характере индоевропейских палатализованных фонем, происшедших якобы от соответствующих велярных в результате позиционной палатализации (ср. *Георгиев 1958;* к истории вопроса ср. *Szemerényi 1972: 128—129)*, а о наличии уже в диалектах общеиндоевропейского языка особых позиций нейтрализации, в которых проявлялись только велярные смычные. Это вызывало морфонологические чередования между палатализованными и непалатализованными согласными в алломорфах общих индоевропейских морфем. Такое чередование индоевропейских алломорф отразилось в исторических диалектах группы *satəm* в наличии определенных

форм с велярными согласными на месте рефлексов палатализованных фонем.

Если и можно говорить о "вторичности" индоевропейских палатализованных (как и лабиовелярных) фонем в отношении смычных фонем велярного ряда, то только в функциональном смысле, то есть можно говорить о меньшей функциональной роли палатализованного ряда смычных в индоевропейском по сравнению с велярным рядом, о его маркированном характере и фонетической нестабильности в системе.

Из всего вышеизложенного следует, что индоевропейские диалекты можно разбить на две большие группы по признаку отражения в них палатализованного ряда смычных, элиминируемого в индоевропейской фонологической системе.

Индоевропейские диалекты, в которых палатализованный ряд элиминировался в результате склеивания его с немаркированным велярным рядом, составляют особую группу диалектов *centum*; индоевропейские диалекты, в которых палатализованный ряд элиминировался в результате перехода и преобразования его в аффрикаты и спиранты, составляют другую группу диалектов, определяемую как группа *satəm*.

При этом в диалектах первой группы могут возникать отдельные случаи *satəm*-ного отражения палатализованных (ср. отражение и.-е. $*k^{(j)}$ в виде *s* в хеттском), в диалектах второй группы — случаи *centum*-ного отражения их, объясняемые структурными факторами морфонологических чередований еще в пределах диалектов общеиндоевропейского языка.

Такая интерпретация соотношения между индоевропейскими диалектами группы *centum* и *satəm* совпадает в некотором смысле с традиционными представлениями классической индоевропеистики о делении индоевропейских диалектов на две большие группы по признаку отражения в них индоевропейского палатализованного ряда.

Обнаруженные в позднейшем отклонения от закономерных отражений этого ряда фонем как в языках группы *satəm*, так и в языках группы *centum*, послужившие основанием для попыток пересмотра такой бинарной классификации индоевропейских диалектов, оказываются объяснимыми из древних структурных (фонологических) соотношений в индоевропейских диалектах и могут быть выведены из закономерностей развития общеиндоевропейской системы при допущении двух основных направлений преобразования палатализованного ряда смычных.

Эти два основных направления преобразования палатализованного ряда и привели к классификационному разделению индоевропейских диалектов на два основных типа, характеризуемых условно как диалекты группы *centum* и диалекты группы *satəm*.

В традиционной индоевропеистике наличие всех трех рядов "гуттуральных" — основного, лабиализованного и палатализованного — отрицалось на том основании, что ни в одном из известных индоевропейских языков не представлены одновременно все три ряда.

Это положение, разумеется, не может быть выдвинуто как принципиальный довод против постулирования в общеиндоевропейском трех назван-

ных рядов "гуттуральных". Такая постановка вопроса была бы методологически неверной с точки зрения современной диахронической лингвистики. Для постулирования определенной структуры в исходной языковой системе нет необходимости в наличии идентичной структуры в одном из исторических языков, являющихся непосредственным продолжением постулируемой системы. Такой подход к реконструкции исключил бы постулирование в исходной системе таких типологически вероятных (то есть верифицируемых на общеязыковом материале) языковых структур, которые отразились во всех без исключения языках этой группы только в преобразованном виде.

В подтверждение принципиальной возможности трех рядов "гуттуральных", постулируемых для общеиндоевропейской системы, можно привести не только общеязыковые типологические соображения, подкрепляемые материалом неиндоевропейских языков (ср. выше данные абхазского, а также некоторых северных американских индейских языков, *ср. Kinkade 1963*), но и данными некоторых новоиндо-иранских языков со вторичной системой трех рядов "гуттуральных" (ср. систему язгулямского языка, *Эдельман 1973*):

k——k'——k^0
g——g'——g^0

Полная система смычных праиндоевропейского языка позднего периода, перед распадом его на самостоятельные диалекты, представлена на *Табл. 5*:

ТАБЛИЦА 5

(p')	$b^{[h]}$	$p^{[h]}$						
t'	$d^{[h]}$	$t^{[h]}$						
k^w	$g^{[h]}$	$k^{[h]}$	k'^o	$g^{[h]o}$	$k^{[h]o}$	$\hat{k}'$	$\hat{g}^{[h]}$	$\hat{k}^{[h]}$

4. СИСТЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ

*4.1. СИБИЛЯНТНАЯ ФРИКАТИВНАЯ ФОНЕМА /*s/*

Преобразование палатализованных фонем в диалектах группы *satəm* в соответствующие аффрикаты и спиранты создает в этих диалектах группу фонем в виде аффрикат и спирантов, которые совместно с унаследованной от индоевропейского системой спирантов образуют новый подкласс сибилянтных фонем — спирантов и аффрикат.

Система сибилянтных фонем в индоевропейском реконструируется традиционно в виде единственной сибилянтной фрикативной фонемы *s, определяемой в исторических языках следующими соответствиями:

Др.-инд. *sādayati* 'усаживает', арм. *nstim* 'сажусь', греч. ἕζομαι 'сажусь', лат. *sedeō* 'сижу', гот. *satjan*, лит. *sėdėti* 'сидеть': и. е. ***set-**;

Др.-инд. *sal-ilá-* 'море' ('соленое'), арм. *at* 'соль', греч. ἅλς, лат. *sāl, род. п. salis*, ст.-слав. *solĭ* 'соль': и.-е. ***sal-**;

Др.-инд. *ásṛk*, *род. над. asnáḥ* 'кровь', греч. поэт. ἔαρ, ст.-лат. *aser*, *asser* 'кровь', латыш. *asins*, тох. А *ysār*, хет. *e-eš-ḫar* 'кровь': и.-е. ***esH(o)r-**;

Др.-инд. *ásmi* 'есмь', *ásti* 'есть', лат. *sum*, *est*, греч. ἐστί, гот. *ist*, ст.-лит. *esmì*, ст.-слав. *jestŭ*, тох. В *ste*, хет. *e-eš-mi*, *e-eš-zi*: и.-е. ***es-mi**, ***es-t$^{[h]}$i**;

Им. над. ед. ч. авест. *čiš* 'который, кто', греч. τίς, хет. *kuiš*, лат. *quis*: и.-е. ***k$^{[h]}$^{o}is**;

В позиции перед *u̯* индоевропейское **s* отражается нормально в исторических диалектах в виде сибилянта *s*:

\# — *u̯*:

Др.-инд. *svápnaḥ* 'сон', *svápiti*, *acc. supyate* 'спит', *прич. suptá-* 'уснувший', авест. *x^{v}ap-* 'спать', греч. ὕπαρ 'сон (наяву)', лат. *sōpiō* 'усыпляю', *sopor* 'сон', алб. *gjumë*, ст.-слав. *sŭnŭ* 'сон', хет. *šuppariia-* 'спать', тох. А *śpäṁ*, В *śpane* 'сон': и.-е. ***su̯ep$^{[h]}$-**/***sup$^{[h]}$-**;

Др.-инд. **svarati* 'озаряет, освещает', греч. αἴλη 'солнечное тепло', лит. *svilinti* 'палить, опалять', при др.-инд. *súvar-*, авест. *hvar-*, греч. ἠέλιος, гот. *sauil*, лит. *sáulė* 'солнце': и.-е. ***su̯el-**/***sāu̯el-** (*ср., однако, Fraenkel 1962—1965, II: 954*);

Др.-инд. *svidyati* 'потеет', авест. *x^{v}aēδa-* 'пот', греч. ἱδρώς 'пот', алб. *djérsë* 'пот', лат. *sūdor*, др.-англ. *swāt* 'пот': и.-е. ***su̯eid-**';

Др.-инд. *svādú-* 'сладкий', греч. ἡδύς, лат. *suāuis*, др.-англ. *swēte* 'сладкий': и.-е. ***su̯ād-**';

\#**sn-**:

Др.-инд. *sneha-* (пракрит *siṇeha-*) 'снег', *Pokorny 1959 : 974*, авест. *naēža-* 'идти (о снеге)', греч. νίφα (*вин. над.*), лат. *nix*, *род. п. niuis* 'снег', др.-ирл. *snigid* 'капает', 'дождит', др.-в.-нем. *snīwan* 'идти (о снеге)', гот. *snaiws* 'снег', лит. *sniẽgas*, ст.-слав. *sněgŭ*, рус. *снег*;

Др.-инд. *snuṣā́*, др.-исл. *snor*, греч. νυός, арм. *nu*, слав. *snŭcha* 'невестка', 'сноха';

Аналогичным образом отражается индоевропейское **s-* и в начальной позиции перед согласными, т. е. \#*sC-*:

\# **sp$^{[h]}$-**:

Др.-инд. *sphā́yate* 'жиреет', 'спеет', лит. *spė̃ti* 'поспевать', ст.-слав. *spějǫ* 'спею', лат. *spatium* 'широта, простор', др.-англ. *spōwan* 'процветать', хет. *išpai-* 'насытиться';

Др.-инд. *sphū́rjati*, *sphūrjáyati* 'проявляется', греч. σφαραγέομαι 'шиплю', 'трещу', лит. *sprāga* 'трещать', *кауз. sprāginti*, алб. *shpreh* 'выражать', др.-англ. *sprecan* 'говорить';

*\# **sk$^{[h]}$-**:

Др.-инд. *skabhnā́ti* 'опирается', авест. *upa-skambəm*, согд. *'šk'np-* (**skamb*), лат. *scamnum* (<**scab^{h}num*) 'скамья';

Др.-инд. *skhálate* 'спотыкается', 'колеблется', др.-арм. *sxalem* 'спотыкаюсь';

*\# **st$^{[h]}$-**:

Др.-инд. *tíṣṭhati*, авест. *hištaiti*, греч. ἵστημι, лат. *sistō*, *stō* 'ставить', 'стоять';

Др.-инд. *stighnoti* 'поднимает', греч. στείχω 'иду, хожу', гот. *steigan*, алб. *shtek* 'тропинка, дорожка', др.-в.-нем. *steg*, латыш. *staiga*;

Др.-инд. *sthálam* 'возвышение', греч. στέλλω 'строю, выстраиваю', ст.-лат. *stlocus*, лат. *locus* 'место', др.-исл. *stallr* 'стоянка', 'стойло', др.-прус. *stallit* 'стоять';

Др.-инд. *starī*-[1] 'бесплодная корова', арм. *ster}* 'бесплодный (о животных)', греч. στεῖρα 'бесплодная', алб. *shtjerrë* 'молодая телка', лат. *sterilis*, гот. *stairō* 'бесплодный'.

Звонкая разновидность [*z] реконструируется в ряде диалектных ареалов в виде позиционного варианта общеиндоевропейской сибилянтной фонемы *s, в частности в позиции перед звонким взрывным:

И.-е. *(e)s-+*-d[ʰ]i > др.-инд. *(a)z-dhi > *edhí*, *пов. накл. 2-го л. ед. ч.* 'будь!', ср. авест. *zdī* 'будь!' (при греч. ἴσθι);

И.-е. ***ni-+*-st'-os 'гнездо'**; 'местопребывание' > др.-инд. ***nizda* > *nīḍá-*** 'пристанище', лат. *nīdus*, лит. *lizdas*, ст.-слав. *gnězdo* 'гнездо' (ср. др.-англ. *nest* 'гнездо', арм. *nist* 'местопребывание', *nstim* 'сижу, сажусь'): и.-е. ***set'-/*st'-**;

К этому же корню относятся формы греч. ὄζος 'ветвь' (< **ozdos*), ср. арм. *ost*, гот. *asts* 'ветвь'.

В приведенных выше формах, как показывают диалекты с сохранением незвонкости фонем серии I, сибилянт *s мог позиционно озвончаться с озвончением глоттализованных фонем. Этот звонкий вариант в подобных формах отражает не общеиндоевропейское состояние, а наличие звонких вариантов сибилянтной фонемы в диалектах.

Звонкие варианты фонемы *s индоевропейской эпохи можно было бы обнаружить лишь в небольшом числе сочетаний с фонемами звонкой серии II — кроме позиций, в которых происходит оглушение по "закону Зибса".

Однако поскольку в сочетании звонких (придыхательных) с начальным *s по закону Зибса происходит оглушение смычного компонента, а предыдущий звонкий всегда оглушается перед *s, озвончение спиранта *-s- можно было бы ожидать лишь в определенных комбинациях в середине слова. Примером такого звонкого варианта [*z] индоевропейской давности могла бы служить приведенная выше древнеиндийская форма *edhí* < **(a)z-dhi*, восходящая, возможно, к и.-е. [*zdʰi] 'будь!'; ср. авест. *zdī*[2].

Не исключено, что в индоевропейском звонкий вариант фонемы [*-z-] мог проявляться в отдельных случаях в интервокальной позиции, хотя конкретные индоевропейские формы с интервокальным /*s/ не дают

[1] Отсутствие придыхательности при *t[ʰ] можно объяснить правилом распределения придыхательных аллофонов в основе и оглушением в позиции после s- по закону Зибса.

[2] Обнаружение в индоевропейском сибилянтной фонемы *s без соответствующей фонемы звонкой разновидности *z- ставит общеиндоевропейскую систему в один ряд с многочисленными системами с сибилянтом s при отсутствии звонкой фонемы z; в противопоставлении s ~ z глухая является немаркированной фонемой. Среди языков мира обнаруживается лишь небольшое число языков, в которых отсутствует фонема s. Наряду с фонемами p, t, k, n фонема s вносится в минимальный фонемный инвентарь языка, *Trubetzkoy 1958; Jakobson 1971a; Milewski 1967; Chomsky / Halle 1968 : 413.*

прямых указаний на проявление в них этой сибилянтной фонемы в виде звонкого варианта [*z]: ср. **sụesor-*: др.-инд. *svásar-* 'сестра', авест. *xᵛanhar-*, гот. *swistar*, лит. *sesuõ*, рус. *сестра*, при лат. *soror* 'сестра', с более поздним озвончением s>*z*>*r* (*ср. Тронский 1960 : 121*).

*4.2. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ПОСТУЛИРОВАНИЯ ОСОБОГО КЛАССА СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ. КОМПАКТНАЯ ФРИКАТИВНАЯ ФОНЕМА /*ŝ/*

Наряду с описанными выше соответствиями сибилянтного s в исторических индоевропейских диалектах, на основании которых в системе общеиндоевропейского языка следует восстановить фонему /*s/, в тех же диалектах в идентичных комбинаторных условиях наблюдаются соотношения другого типа, которые предполагают существование в индоевропейском другой сибилянтной фонемы, отличной фонологически от постулируемого /*s/. Этот отличный ряд соотношений в исторических индоевропейских диалектах представлен следующими соответствиями:

Др.-инд. *páśyati* 'видит', ср. авест. *pašna-* 'взгляд': греч. σκέπτομαι 'смотрю' (σκεπ- < *σπεκ-), лат. *speciō* 'смотрю', 'вижу', др.-в.-нем. *spehōn* 'рассматривать', др.-исл. *spá* 'предсказание'; в древнеиндийском в срединной позиции *-sp-*: вед. *перф. paspaśé*, *аор. áspaṣṭa*, *прич. страд. ánuspaṣṭaḥ*; отсюда возникают в древнеиндийском и формы с начальным *s-* типа *spáśati* 'видит', *spáṭ* 'наблюдатель';

Др.-инд. *tejate* 'становится острым, заостряется', *tejáyati* 'заостряет', авест. *taēža-* 'острие': греч. στίζω 'колю', лат. *in-stigāre* 'подстрекать', гот. *stiks* 'укол', др.-в.-нем. *sticken* 'колоть';

Др.-инд. *túmpati* 'вредит', *tumpáti*, *tupáti*, *tópati*: греч. τύπτω 'ударяю', στύπος 'шест; палка'; στυπάζει • ὠθεῖ *(Гесихий)*, στυφελίζω 'отбиваю, ударяю', лат. *stuprum* 'стыд' (в срединной позиции др.-инд. *-st-*: *pra-stumpáti* 'толкает рогами');

Др.-инд. *kalá* 'малая часть': арм. *čełkem* 'колю', 'разбиваю', греч. σκάλλω 'копаю, рою', гот. *skilja* 'мясник', лит. *skeliù* 'колю', ст.-слав. *skala* 'скала', хет. *iškallai-* 'рвать; резать';

Др.-инд. *kiráti* 'изливает', 'бросает': греч. σκαίρω 'прыгаю', 'танцую', др.-в.-нем. *scerōn* 'мужествовать' (в срединной позиции др.-инд. *-sk-*: *apaskaraḥ* 'испражнения', *Mayrhofer 1956, I: 38*);

Др.-инд. *kṛdhú-* 'укороченный', 'малый', *сравн. ст. kradhīyaṁs-*, *прев. ст. kradhiṣṭhaḥ*: греч. σκυρθάλιος· νεανίσκος *(Гесихий)*; σκύρθαξ· μεῖραξ, *Гесихий* (в срединной позиции *á-skṛdhoyuḥ* 'неукороченный', ср. др.-рус. *оскърдъ* 'топор').

Приведенные формы с начальным "нулевым спирантом" в древнеиндийском при начальном #*s в соответствующих формах других индоевропейских диалектов противостоят, очевидно, разобранным выше индоевропейским формам с начальным спирантом #s-, который закономерно отра-

жается как сибилянт ##s- во всех рассматриваемых индоевропейских диалектах[1].

Такое двоякое отражение в древнеиндийском индоевропейской фонемы в начальной позиции может указывать только на первичное различие этих фонем в индоевропейском[2].

Индоевропейскую сибилянтную фрикативную фонему, отраженную во всех разобранных выше индоевропейских диалектах в виде начального свистящего спиранта ##s-, можно отождествить с глухим диффузным спирантом /*s/, проявляющимся и в других позициях в виде свистящего спиранта [s].

Особую сибилянтную фрикативную фонему в индоевропейском, отличную фонологически от постулируемой выше фонемы /*s/ и отражаемую в древнеиндийском в виде нуля, а в других диалектах, как правило, в виде s-, можно определить как компактную сибилянтную фрикативную фонему /*ŝ/, которая противостояла в системе диффузной фонеме /*s/ и может рассматриваться как палатализованный коррелят последней.

Такая фонологическая интерпретация постулируемой второй индоевропейской сибилянтной фонемы оправдана типологическими соображениями, касающимися соотношений в системе сибилянтных спирантов, а также наличием фонологической корреляции по признаку палатализации среди постериорных смычных.

Допущение палатализованного характера рассматриваемой сибилянтной фонемы в индоевропейском может удовлетворительно объяснить и характер рефлексов предполагавшегося ранее сочетания *-*sḱ*[*h*]- в древнеиндийском и армянском в формах типа др.-инд. *chyáti* 'режет', 'отрезает', авест. *fra-sānəm* 'разрушение', греч. σχάω 'рассланваю', лат. *sciō* 'различаю, знаю'; др.-инд. *chāyā́* 'тень', греч. σκιά 'тень', тох. В *skiyo*; др.-инд. *gácchati* 'идет', греч. βάσκε 'иди!'; др.-инд. *uccháti* 'возгорается', лит. *aũšti* 'светать' (см. выше) и арм. *erknč'im* 'боюсь', греч. δειδίσκομαι 'опасаюсь'.

Аффриката *ch* и последовательность *cch* в соответствующих древнеин-

[1] "Отсутствующий" в начальной позиции перед согласным спирант в древнеиндийских формах появляется в срединной позиции после гласной при парадигматических чередованиях производных от соответствующих корней. С синхронной точки зрения можно говорить о чередовании в таких формах $s \sim \emptyset$, которое рассматривается как морфонологическое чередование в самом древнеиндийском в пределах общей деривационной или флексионной парадигмы. Характерно, что древнеиндийские формы с чередованием $s \sim \emptyset$ показывают регулярно в начальной позиции непридыхательную глухую смычную, тогда как формы, не проявляющие такого чередования, то есть формы с отсутствующим начальным спирантом по сравнению с соответствующими формами других индоевропейских диалектов обнаруживают, как правило, глухую придыхательную фонему. В этом, вероятно, отражаются различия в развитии индоевропейских глухих придыхательных в древнеиндийском в позиции после фрикативной фонемы.

[2] Ср. типологически развитие группы * sp[*h*]- в кельтском и армянском, где s- может исчезнуть при сохранении рефлекса следующего за ним *p[*h*] (кельт. #f < *sp[h]-; арм. *p̔* < #sp[*h*]) и при полной утере *-p[*h*]- в других позициях (см. выше, стр. 44).

дийских формах легко объяснимы из преобразований сочетания $*\hat{s}\hat{k}^{[h]}$ в начальной и срединной позициях.

Начальное $*\#\hat{s}\hat{k}^{[h]}$ дает в индийском закономерно аффрикату *ch* в результате аффрикатизации палатального $*\hat{k}^{[h]}$ и утери предшествующей сибилянтной фонемы, ср. отражение $\#*\hat{s}p^{[h]} \rightarrow \#p^{[h]}$, $\#*\hat{s}k^{[h]} \rightarrow \#\mathrm{k}^{[h]}$- (см. выше, стр. 119).

В срединной позиции эта же последовательность должна была отразиться в древнеиндийском как комплекс *-*sch*-, который в результате ассимиляции дает засвидетельствованную последовательность *-cch*-, ср. отражение $*\text{-}\hat{s}p^{[h]}$-, $*\text{-}\hat{s}t^{[h]}$-, $*\text{-}\hat{s}k^{[h]}$- в срединной позиции в древнеиндийском соответственно в виде *-sp*-, *-st*, *-sk*- (см. выше, стр. 119).

В армянском комплекс $*\text{-}\hat{s}\hat{k}^{[h]}$ передается в виде компактной аффрикаты *č‘* при передаче $*\hat{k}^{[h]}$ в виде диффузной аффрикаты *c‘* (в результате перехода *č‘*>*c‘*, см. выше, стр. 106—107). Переход **č‘*>*c‘* в рефлексе комплекса $*\hat{s}\hat{k}^{[h]}$ в армянском не произошел, по-видимому, под влиянием компактной фонемы */*ŝ/*, задержавшей такой переход.

Фонема */*ŝ/* в комплексе $*\hat{s}\hat{k}^{[h]}$, очевидно, задерживала дальнейшее преобразование компактной аффрикаты, возникшей непосредственно в результате палатализации $*\hat{k}^{[h]}$: в древнеиндийском задерживается переход *ch*>*ŝ*, происшедший во всех других позициях; в армянском задерживается переход *č‘*>*c‘*[1]. Позиция перед $*\hat{k}^{[h]}$ была в индоевропейском, очевидно, позицией нейтрализации противопоставления *s~*ŝ*: в такой позиции могла выступать только фонема **ŝ* (при возможности появления обеих сибилянтных фонем, то есть **ŝ* и **s* в позиции перед $*\mathrm{k}^{[h]}$).

Иллюстрацией поведения постулированной сибилянтной фонемы */*ŝ/* в начальной позиции перед гласной могли бы служить такие формально и семантически связанные друг с другом индоевропейские формы, как др.-инд. *ákṣi* ‘глаз’, авест. *aši*, арм. *akn*, греч. ὄσσε, лат. *oculus*, лит. *akìs*, ст.-слав. *oko*, слав. **okn*- ‘источник’, тох. A *ak*, B *ek*, при хет. *šakuṷa* ‘глаза’, *šakuṷai*- ‘видеть’, *šakuni*- ‘источник’; гот. *sailvan* ‘видеть’, др.-ирл. *rosc* ‘глаз’, с соотношением #*Ø*- в одной группе диалектов (включая древнеиндийский, ср. развитие **ŝ* в позиции #—*C* в древнеиндийском) и # s- — в другой.

Такое осмысление этих соотношений подтверждает предполагавшуюся и ранее этимологическую связь *(Schmitt-Brandt 1967 : 63)* этих форм (без необходимости допущения в них начальной ларингальной фонемы), ср. также соответствия типа греч. ὄνυξ, *род. п.* ὄνυχος ‘коготь’, лат. *unguis* ‘коготь; ноготь’; при хет. *šankuṷai*-, *šankui*- ‘коготь’; лат. *sub* ‘под’, *super* ‘над’, оск. συπ, *supruis* ‘superis’, умбр. *su(b)*-, *super*, *subra*, др.-ирл. *fo* ‘под’, *for* (ср. греч. ὑπό, ὑπέρ) при хет. *up*- ‘подниматься’ (о солнце); др.-инд. *úpa* ‘вверх’, *upári* ‘над’ *(Ernout/Meillet 1967:*

[1] Отражение в балтийском остается спорным, так как на основании соответствий типа лит. *ieškóti*, ст.-слав. *iskati*, др.-инд. *icchắti* предполагается развитие $*\hat{s}\hat{k}^{[h]}$->**šk*->**-šk*- *(Stang 1972 : 83—87)*, но вместе с тем известны и параллельные формы, допускающие развитие $*\text{-}\hat{s}\hat{k}^{[h]}$->-*st*- *(Leumann 1942; ср. Топоров 1973)*.

660), алб. *hyp*, *Hamp 1965 a : 126—129*; ср. также лат. *sine* 'без', тох. A *sne*, B *snai* 'без': при гот. *inu* 'без' *(Ernout/Meillet 1967: 628)*.

Соответствие ##*Ø*- (др.-инд.) ~ ##s- (в других индоевропейских диалектах) следует отличать от случаев, когда подвижное начальное **s* (*s-mobile*) обнаруживается в разных индоевропейских диалектах, в которых нельзя установить явной закономерности в распределении форм с *s-* и без *-s*: ср., например, такие формы, как греч. τέγος ‖ στέγος 'крыша' при др.-инд. *sthágati* 'покрывает, скрывает', лат. *corium* 'кожа' ≈ *scortum* 'шкура', ст.-слав. *kora* 'кора' ≈ *skora* 'шкура' и др.

Необходимость допущения особой сибилянтной фонемы **ŝ* для объяснения соответствий ##*Ø*- в одной группе диалектов (включая древнеиндийский) и ##s- — в другой усугубляется и при учете особенностей отражения рефлексов предполагаемой фонемы в пределах одной определенной группы индоевропейских диалектов, в частности анатолийской. Дело в том, что обнаруживаются различные отражения индоевропейских сибилянтов **s* и **ŝ* в хеттском и лувийском языках. И.-е. **s* отражается, как известно, в хеттском и лувийском единообразно в виде *s* (*š* в клинописи), что дает соответствие хет. *s* ~ лув. s, тогда как и.-е. **ŝ* отражается в хеттском и лувийском неединообразно, что дает соответствие между этими языками в виде хет. *s*~лув. *t*: ср. хет. *šakuṷa* 'глаза' при лув. *taṷi-* 'глаз' (с закономерным соотношением хет. *k*~лув. *Ø*, ср. выше, стр. 49$_1$); ср. также не в начальной позиции хет. *ḫuišṷatar* 'жизнь' при лув. *ḫuit-ṷalaḫi* 'жизнь'. Такое соотношение между хеттским и лувийским может быть объяснено фонетически интердентальным характером фонемы, отраженной на письме лув. *t*. Следовательно, индоевропейская сибилянтная фонема **ŝ* дает отражение в виде сибилянта *s* в одной группе диалектов, совпадая с рефлексом в тех же диалектах другой сибилянтной фонемы **s*; теряется в ряде других диалектов (как, например, в начальной позиции в древнеиндийском) или переходит, по всей видимости, в интердентальный спирант *ϑ* в диалектах типа лувийского.

*4.3. ЛАБИАЛИЗОВАННАЯ ФРИКАТИВНАЯ ФОНЕМА /*š^{o}/*

Другой ряд соответствий в исторических индоевропейских языках, отличный от рассмотренных выше соответствий форм с начальной последовательностью ##**sṷ*-, для которой предполагается исходной диффузная фрикативная фонема /*s/, представляют следующие соотносящиеся друг с другом индоевропейские формы:

Галл. *suexos*, валл. *chweched* 'шесть' при др.-инд. *ṣáṭ*, пракрит. *cha*< **kṣ- (Wackernagel / Debrunner 1930, III : 354)*, авест. *xšvaš*; арм. *vec'* '*6*', *vaťsun* '60', греч. ἕξ; ξέστριξ, κριθή. ἡ ἑξάστοιχος. Κυίδιοι *(Гесихий)*, греч. крит. *Féξ (Schwyzer 1939, I: 590)*, мик. *we-* (в *we-pe-za*, аттич. ἓκ-τους), прус. *uschts* 'шестой', лит. *ušės* 'шесть недель роженицы' (**u-*, *Szemerényi 1960: 78; ср. Stang 1966: 279)*; лат. *sex*, гот. *saíhs*, лит. *šešì*, ст.-слав. *šestĭ* (с вероятным началом **ks-*), тох. A *ṣäk*, тох. B *ṣkas*, алб. *gjáshtë* 'шесть';

Лит. *svíestas* 'масло', латыш. *sviêsts* 'масло', *svaĩdît* 'смазывать':

при авест. *xšvīd-* 'молоко', *Apa-xširā-* (название страны), др.-инд. *kṣīrám* 'молоко', осет. *æxsyr* 'молоко', мундж. *xšīr* 'молоко', алб. *hirrë* (*Hamp 1965a : 131*);

Гот. *swiglōn* 'играть на флейте', др.-в.-нем. *swëglōn*, *swëgala* 'флейта': при др.-инд. *kṣvéḍati* 'жужжит, гудит, шепчет', ст.-слав. *svistati*, польск. *gwizdać* 'свистеть', др.-ирл. *sétim* 'я дую', глосса *ind fet* '*sibilus*', валл. *chwythu* 'играть на инструменте', греч. σίζω, лат. *sībilō* 'шипеть, свистеть';

Гот. (*midja-*)*sweipains* 'потоп' (буквально: 'середины — то есть Мира среднего — смятение'), др.-исл. *sveipa* 'бросать', др.-англ. *swāpan*: при авест. *xšvaēwayaṯ(.aštrā-)* 'размахивающий кнутом', *xšviwi.išu-* 'метатель стрел', др.-инд. *kṣipáti* 'бросает, швыряет', *kṣipráḥ* 'быстрый', кауз. *kṣepáyati* (*Mayrhofer 1956, 1 : 289—290*);

Др.-в.-нем. *swehur* 'свекор', ст.-слав. *svekry*, валл. *chwegr*, лат. *socer*, греч. ἑκυρός, ἑκυρά (*Szemerényi 1964 : 290—318*): при арм. *skesur*, *skesrayr*, алб. *vjehërr* (*Hamp 1957 : 84*), др.-инд. *śvaśrā́-*, *śváśura-*, лит. *šẽšuras* 'свекор; свекровь';

Гот. *swistar* 'сестра', др.-англ. *sweostor*, др.-ирл. *siur* 'сестра', валл. *chwaer*, др.-инд. *svásar-*, арм. *k'oyr*: при лат. *soror*, греч. ἔωρ, лит. *sesuõ*, ст.-слав. *sestra*, тох. А *ṣar*, В *ṣer* 'сестра';

Гот. *swaran* 'клясться', ст.-слав. *svarй* 'свара': при рус. *ссора*, оск. *sverrunei* 'говорящему', лат. *sermō* 'проповедь';

Гот. *swērs* 'почтенный', 'ἔντιμος', др.-в.-нем. *swāri* 'тяжелый', 'тяжкий', лит. *sveriù* 'взвешиваю', *svarùs* 'тяжелый': при лат. *sērius* 'серьезный' (*Ernout/Meillet 1967 : 617*), греч. ἕρμα 'груз судна', валл. *chwar-*, брет. *c'hoar-* 'происходить' (*'падать');

Гот. *saúrga* 'забота', *saúrgan* 'заботиться', др.-инд. *sūrkṣati* 'заботится': при др.-ирл. *serg* 'болезнь' (*s* не подвергается лениции), лит. *sergù*, *sir̃gti* 'болеть', ст.-слав. *sraga* 'болезнь', алб. *dérgjem* 'я прикован к постели', тох. В *sark* 'болезнь' (ср. хет. *ištark-* 'болеть', *Иванов 1968*);

Др.-в.-нем. *swintan* 'исчезать': при ст.-слав. *uvędati* 'увядать', 'μαραίνειν', *ǫditi* 'коптить', рус. *вянуть*, др.-ирл. *o-sennad* 'наконец', 'postremo' (*Pokorny 1959 : 1047*);

Др.-англ. *swinsian* 'петь', 'музицировать', др.-ирл. *senn-* 'играть на музыкальном инструменте', лат. *sonō* 'звучу', др.-инд. *svánati* 'звучит', ср. авест. *x*ᵛ*anaṯ.(čaxra-)*: при латыш. *sanēt* 'гудеть', др.-ирл. *sanas* 'шептанье', валл. *hanes* 'история';

Латыш. *svakas*, *мн. ч.*, прус. *sackis* 'сок растений и плодов', лит. *sakaĩ*, рус. *осока*, алб. *gjak* 'кровь', греч. ὀπός 'древесный сок';

Гот. *ga-swōgjan*, *swōgatjan* 'вздыхать', др.-англ. *swēg*, *swæg* 'шум', лит. *svagėti* 'звучать': при греч. ἠχή 'звучание'.

В этом ряду соответствий обращает на себя внимание то, что начальной последовательности #*sṷ-* в форме одного или нескольких из индоевропейских диалектов отвечают последовательности разного характера, включающие и заднеязычные согласные, ср. галл. *suexos* при авест. *xšvaš*, др.-

инд. *ṣáṭ* < **kṣaṭ*, греч. ξέστριξ; лит. *sviestas* при авест. *xšvīd-*; др.-инд. *kṣī-rám*; гот. *-sweipains* 'потоп' при авест. *xšvaēwayaṯ-*.

В ряде форм такому начальному ##*su̯-* одного из диалектов противостоит в соответствующих формах ##*s-* (без последующего *-u̯-*), ср. др.-инд. *svásar-* 'сестра', гот. *swistar* при лат. *soror*; гот. *swaran* : лат. *sermō*; гот. *swērs* : лат. *sērius* и другие (примеры см. выше).

Представляется очевидным, что этот ряд соответствий отражает исходную индоевропейскую фонему, фонологически отличную от той, которая предполагается в соответствии начального ##*su̯-*, повторяющегося по всем языкам (см. выше).

Исходная сибилянтная фонема, предполагаемая этим рядом соответствий, должна фонологически отличаться и от второй постулированной выше фонемы */*ŝ/*, так как эта последняя определяется такими соответствиями, которые обнаруживают *нуль*, отвечающий *s-* в формах других языков (что отлично от приведенных выше соответствий).

Поскольку сибилянтная фонема, постулируемая в качестве исходной для этого последнего ряда соответствий, предполагает и признак веляризации, проявляемый в появлении в исторических рефлексах этой фонемы велярного компонента, ее можно охарактеризовать как компактную лабиализованную фонему, признак "лабиализации" которой отражается в исторических языках в виде самостоятельного лабиального компонента в последовательности.

Характерно, что этот лабиальный элемент, отражающий признак "лабиальности" постулируемой фонемы, может вовсе отсутствовать в некоторых рефлексах. С другой стороны, в рефлексе такой фонемы может отсутствовать и сибилянтный компонент.

В этом отношении весьма любопытные соотношения проявляют следующие индоевропейские формы, относящиеся, очевидно, к тому же ряду соответствий:

Тох. В *sälk-* 'тянуть', греч. ἕλκω 'тяну', ὁλκός 'борозда', лат. *sulcus* 'борозда', др.-англ. *seolh* 'борозда', 'плуг': лит. *velkù* 'тяну, влеку', ст.-слав. *vlěkǫ* 'влеку', авест. *varək-* 'тянуть', алб. *heq* 'тащить' *(Hamp 1965a : 131)*;

Авест. *xᵛar-* 'есть', 'пить', ново-перс. *xurdan* 'есть', 'пить', др.-исл. *sollr* 'напиток для свиней', др.-в.-нем. *swelhan* 'глотать': др.-инд. *válbh-* 'глотать', 'жевать' *(Герценберг 1972 : 22)*;

Лат. *salix* 'ветла', ср.-ирл. *род. п. ед. ч. sailech*, греч. ἑλίκη, мик. *e-ri-ka*; ср. греч. Ἑλικών (< Ϝελικών 'гора с ветлами', *Chantraine 1968-: 338)*: ср.-в.-нем. *wilge*, др.-англ. *welig (Friedrich P. 1970 : 53—55)*;

Ср. также формы со значением 'шесть': галл. *suexos*, валл. *chweched* (*s**u̯**e**k̂**$^{[h]}$-): лат. *sex*, гот. *saihs*, тох. А *säk* (se**k̂**$^{[h]}$s-): греч. дор. Ϝέξ, арм. *vec'* (***u̯e****k̂**$^{[h]}$**s**-).

Таким образом, рассмотренный выше ряд соответствий предполагает в качестве исходной индоевропейскую компактную лабиализованную фонему */*ś°/* с отражением ее в виде *su̯-*, *s-* или *u̯-* в различных индоевропейских диалектах, что и выдает скорее всего монофонематический характер

сочетания сибилянта с лабиальностью на индоевропейском языковом уровне (ср. выше развитие в исторических индоевропейских языках лабиализованных велярных фонем).

Характерно, что в словах, в которых нами предполагается лабиализованный сибилянт, распавшийся в дальнейшем в большинстве отдельных индоевропейских диалектов на две фонемы — лабиальную и сибилянтную (что может указывать на двухфонемный характер сочетания для диалектов позднеиндоевропейского языка), для общеиранского реконструируется единая лабиализованная фонема h^w/x^w [1], происходящая, очевидно, из /*$ś^0$/: ср. общ.-иран. *$h^waśru$ 'свекровь': согд. *'γwšh*, шугн. *xīx*, тадж. *xusru* 'теща' (и.-е. *$ś^0ek̂^{[h]}$ru-//*$sụek̂^{[h]}$ru-);

Общ.-иран. *h^wasar 'сестра': авест. *$x^van̯har$-*, согд. *xw'r*, тадж. *xox_car* 'сестра' (и.-е. *$ś^0$esor-//*$sụesor$-);

Общ.-иран. *h^wid- 'потеть': авест. *$x^vaēda$-*, ново-перс. *xvay* 'пот', хотано-сакск. *āhusäte* 'потеет';

Общ.-иран. *h^wan- 'звучать': хотано-сакск. *hvañ*-, осет. *xonyn*, тадж. *xondan* 'произносить'.

Весьма характерны в этом отношении также монофонемные армянские рефлексы начального *$\#\#sw$- в виде *$k̂$ *(Meillet 1936: 50)*:

Арм. *k̂irtn* 'пот': авест. *$x^vaēda$-*, ново-перс. *xvay*, др.-инд. *svédaḥ*, др.-сакс. *swēt*;

Арм. *k̂oyr* 'сестра': авест. *$x^van̯har$-*, др.-инд. *svásar*-, гот. *swistar*; арм. *k̂un* 'сон': др.-инд. *svápnaḥ*.

На основании соответствий типа арм. *k̂un* 'сон', авест. *$x^vafsaiti$* 'он спит' можно было бы предположить наличие начальной фонемы *$\#\#ś^0$- в словах этого рода, дальнейшее развитие которой привело к вторичному образованию группы *sw-/*su-, благодаря чему стали возможны формы типа др.-инд. *supyāt*, *optamив* к вед. *sváptu* 'чтобы он уснул', ср. аналогичные вторичные чередования типа хет. *kụen-* / *kun-* 'убивать' из и.-е. *$g^{[h]0}$en-/*$g^{[h]0}$n- и др.

Постулирование такого компактного лабиализованного сибилянтного спиранта в качестве исходной фонемы для данного ряда соответствий объясняет и появление велярного элемента в подобных соответствиях. Велярный элемент *k* появляется в отражениях фонем этого типа как рефлекс признака веляризации, сопутствующего компактным сибилянтным фонемам с признаком лабиализации и дающего соответствующее велярное наращение[2].

[1] О монофонемности x^w в иранском см. также *Эдельман 1977*.

[2] В этом отношении весьма характерны рефлексы компактных спирантов и аффрикат в картвельских (южнокавказских) языках. Общекартвельские компактные фонемы *$š$ *$ǯ$ *$č$ *$č'$, часто сочетающиеся с элементом ụ, дают в западнокартвельских языках сочетания *$šk$ụ, *$ǯg$ụ, *$čk$ụ, *$č'k'$ụ, переходящие позднее в соответствующие свистящие последовательности *skụ, *zgụ, *ckụ, *$c'k'$ụ *(Гамкрелидзе 1959)*. Аналогичное развитие постулируемой компактной фрикативной фонемы *$ś^0$ следует допустить в тех индоевропейских диалектах, в которых ее отражение представлено в виде последовательности фонем с велярным компонентом (след постериорного характера которого виден в ретрофлексном це-

4.4. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ

Таким образом, наряду с фонемами /*s/ и /*ŝ/ в индоевропейском сибилянтном ряду следует постулировать компактную лабиализованную фонему /*$ŝ^{o}$/, которая совместно с двумя другими образовывала в индоевропейской фонологической системе особый ряд сибилянтных фрикативных фонем: *s—*$ŝ$—*$ŝ^{o}$[1].

В этом ряду сибилянтных фонем (см. *Табл. 6*) в качестве немаркированного члена выступает глухой диффузный спирант *s, являющийся вообще самым стабильным элементом в системе сибилянтных спирантов, которая включала в себя и маркированные члены *$ŝ$ и *$ŝ^{o}$. Это отражается и в частотном соотношении сибилянтных фонем этого ряда.

ТАБЛИЦА 6

МАТРИЦА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ

	s	*ŝ*	*ŝ*^{o}
Слоговость	—	—	—
Смычность	—	—	—
Звонкость	[—]	[—]	[—]
Компактность (палатальность)	—	+	[+]
Лабиализованность	—	—	+

ребральном спиранте *ṣ* в древнеиндийском): и.-е. *$ŝ^{o}ek^{(h)}$- 'шесть' → др.-инд. *$kṣaṭ$> >$ṣáṭ$, авест. *xšvaš*, греч. ξέστρις (с вероятной метатезой -*sk*- > -*ks*-, ср. тох. В *ṣkas*);
и.-е. *$ŝ^{o}ei$- 'молоко' → др.-инд. *kṣīrám*, авест. *xšvīd*-;
и.-е. *$ŝ^{o}ei$- 'размахивать' → авест. *xšvaēwayaṭ*-;
и.-е. *$ŝ^{o}ek^{(h)}uro$- 'свекор' → арм. *skesur*, *skesrayr*. Ср. также загадочное -*k*- в лит. *áuksas*, прус. *ausis* 'золото', лат. *aurum*; лит. *tūkstantis*, латыш. *tūkstuōts* (*Stang 1966 : 282*) при прус. *tūsimtons* '1000', рус. *тысяча*, гот. *þūsundi*.

[1] Бенвенист (*Benveniste 1954*) высказал гипотезу, по которой разница между *s* и *z* в хеттской клинописи в словах, соответствующих формам с *s*- в других индоевропейских языках, отражает различие между двумя разными индоевропейскими фонемами. Однако, с одной стороны, хеттские знаки для *š* и *z* могут выступать при передаче одной и той же морфемы (ср. *-šepa-* 'дух' в *Ḳamru-šepa-*, но *-zipa-* в *dagan-zipa-*, после *-n* и т. п.), а с другой, хеттским словам с *-z-* соответствуют формы других языков, в которых *-s-* не отличается от сибилянта *-s-*, соответствующего хет. *-š-*: ср. в частности хет. *zena-* 'осень', KUB XXXVIII 32 I 8 и др. (*см. Ehelolf 1927: 149—150; Goetze 1951 : 469; Součekl Siegelová 1974: 43, примеч. 9*), *лок. zeni* (KBo II 13, Rs. 25) 'осенью', др.-рус. *осени* 'осенью' (локатив, *Топоров 1959 : 15, 23, 219*), сербо-хорв. *jȅsēn*, чеш. *jeseň*, прус. *assanis*, гот. *asans* 'время уборки урожая' (*Stang 1972 : 74*).
Не представляется убедительным и различение двух окончаний — генитива (хет. *-aš*) и аблатива (хет. *-az*), совпавших в формах типа др.-инд. *-as*>*-aḥ* (ген.-абл.); ср. критику теории Бенвениста *Lazzeroni 1962*.
Значительный интерес для исследования этой проблемы может представить хет. *zakkar*

Такой трехчленный ряд сибилянтных фрикативных в индоевропейской фонологической системе создает симметричную структуру по отношению к трем постериорным рядам смычных с основным немаркированным велярным рядом и дополнительными рядами палатализованных и лабиализованных смычных.

В диалектах группы *centum* все три сибилянтные фонемы сливаются в одну диффузную сибилянтную фонему, то есть в них наблюдается переход /*ŝ/ → /*s/ при отражении фонемы /*$ś^{o}$/ в виде последовательности *su̯*, с расщеплением ее на две самостоятельные фонемы *s* и *u̯* (ср. аналогичное развитие палатализованных и лабиализованных велярных в диалектах группы *centum*).

Преобразования сибилянтных фонем в диалектах группы *centum* можно представить в виде правила (5):

(5) a. $\begin{bmatrix} -\text{компакт} \\ -\text{лабиализ} \end{bmatrix} \Rightarrow \begin{bmatrix} -\text{компакт} \\ -\text{лабиализ} \end{bmatrix} \mid \begin{bmatrix} -\text{слогов} \\ -\underline{\text{смычн}} \end{bmatrix}$

b. $\begin{bmatrix} +\text{компакт} \\ -\text{лабиализ} \end{bmatrix} \Rightarrow \begin{bmatrix} -\text{компакт} \\ -\text{лабиализ} \end{bmatrix} \mid \begin{bmatrix} -\text{слогов} \\ -\underline{\text{смычн}} \end{bmatrix}$

c. $\left\{ \begin{matrix} [+\text{лабиализ}] \\ [+\text{компакт}] \end{matrix} \right\} \Rightarrow \begin{bmatrix} -\text{лабиализ} \\ -\text{компакт} \end{bmatrix} \mid \begin{bmatrix} -\text{слогов} \\ -\underline{\text{смычн}} \end{bmatrix}$

4.5. ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ РЕФЛЕКСОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ И ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ В ДИАЛЕКТАХ ГРУППЫ SATəM

В диалектах группы *satəm* в отличие от диалектов группы *centum* изменение сибилянтного ряда индоевропейских фонем приводит к более существенным преобразованиям, обусловленным возникшими в системе новыми соотношениями между рефлексами палатализованных велярных смычных и рефлексами палатализованных сибилянтных фонем.

Ассибиляция индоевропейских палатализованных смычных приводит к образованию в ряде систем сибилянтных спирантов, которые при взаимодействии с рефлексами индоевропейских сибилянтных спирантов претерпевают структурное перераспределение в системе.

'кал' (переводный эквивалент аккад. *zû* в словаре KBo I 45 I 9), по-видимому, являющееся вариантом *šakkar* 'кал, испражнения' (KUB XVII 28 I 5, *род. пад. šaknaš*, KUB VII 5 I 9), где при s в греч. σκῶρ обнаруживается незакономерное соответствие *ś* < *k[h] в др.-инд. *śákṛt*.

Для частицы *-za* этимологии Бенвениста следует предпочесть сравнение с равнозначной лувийской частицей *-ti*.

Общую тенденцию преобразования в индоевропейском ряда сибилянтных спирантов в диалектах группы *satəm* можно определить как элиминацию дополнительных признаков палатализации и лабиализации и движение маркированных фрикативных фонем в сторону слияния их с немаркированным свистящим спирантом *s.

В этом отношении представляет интерес сходство в поведении палатализованного спиранта *ŝ и смычных фонем палатализованного ряда в диалектах группы *satəm*, в особенности в древнеиндийском, в котором спирант *ŝ полностью элиминируется, превращаясь в *Ø*, тогда как палатализованный ряд смычных элиминируется путем перехода их в аффрикаты и спиранты.

Нужно полагать, что дистрибуция самой немаркированной спирантной фонемы *s характеризовалась некоторыми ограничениями, обусловленными наличием нейтрализации противопоставления *s ~ *ŝ в определенных позициях. В качестве таких позиций нейтрализации для противопоставления *s ~ *ŝ выступают позиции после *i*, *u*, *r*, *k*, в которых должен был проявляться именно палатализованный (компактный) член фонемной оппозиции[1].

Дальнейшее развитие сибилянтных спирантов в языках группы *satəm* легко объяснимо при допущении общей тенденции диффузности, а также исходной схемы распределения сибилянтных фонем: в исторических *satəm*-ных диалектах постулируемые сибилянтные фонемы предстают в виде диффузного спиранта *s*, за исключением позиции после *i*, *u*, *r*, *k*, где они дают компактную сибилянтную фонему *ś*, отражающую непосредственно индоевропейское *ŝ (частично *ś*[0]):

И.-е. [*-iŝ-]:

Др.-инд. *суфф. прев. ст.* *-iṣṭha-* : *svádiṣṭha-* 'сладчайший'; ср. греч. ἥδιστος, др.-англ. *swētest*;

И.-е. [*-rŝ-]:

Др.-инд. *tŕṣ-nā* 'жажда', *tŕṣyati* 'он страдает жаждой', арм. *taršamim*, ср. греч. τέρσομαι 'становлюсь сухим', гот. *paúrsus* 'сухой';

Др.-инд. *mŕṣyate* 'забывает', арм. *moṙanam* 'забываю', лит. *miršti* 'забывать';

Др.-инд. *varṣmán-* 'высота', 'верх', лит. *viršùs* 'верх', ст.-слав. *vrŭchŭ*, рус. *верх*[2];

И.-е. [*-uŝ]:

Др.-инд. *mū́ḥ*, *mū́ṣ-aḥ* (RV X 33, 3) 'мышь', *mū́ṣikā* 'testiculus', согд. *mwškyc* 'дикая кошка' < **mūš-kuštar-* 'убийца мышей' *(Mayrhofer 1963, II: 668)*, белудж. *mušk*[3], арм. *mukn* (ср. выше, стр. 114), алб.

[1] Такое дистрибутивное распределение сибилянтных спирантов объяснимо фонетическим характером окружения отмеченных позиций нейтрализации; в позиции после палатальной фонемы i и заднеязычных u, k, r естественно по фонетическим соображениям ожидать появления именно компактной фрикативной фонемы (в древнеиндийском — ретрофлексной, соответственно церебральной *ṣ*).

[2] Славянское **rš* позднее переходит в **rx*.

[3] Кафир. mūsə (вопреки *Burrow 1955 : 32; Mayrhofer 1963, II: 668)* следует считать результатом преобразования компактного спиранта в диффузный, отражающего об-

mi, ст.-слав. *myšĭ* 'мышь', рус. *мышь;* ср. лат. *mūs*, греч. μῦς, др.-в.-нем. *mūs*;

Др.-рус. *быхъ*, ст.-слав. *bychŭ*, *1 л. ед. ч. аориста* от *byti* 'быть', ср. греч. ἔφυσα;

И.-е. [*-k$^{[h]}$ṣ-]:

Др.-инд. *dákṣiṇaḥ* 'правый', авест. *dašinō*[1], лит. *dẽšinas*, ст.-слав. *desnŭ:* ср. греч. δεξιτερός, лат. *dexter*[2];

Др.-инд. *á-vāk-ṣ-am*, *аорист* от *váhati* 'едет', 'везет';

Др.-инд. *ukṣá* 'бык', авест. *uxšan-* 'бык'; ср. гот. *auhsa*, др.-в.-нем. *ohso*, валл. *ych*, тох. В *oksə*.

Такие *š* и *s* в рассматриваемых диалектах совпадают с рефлексами палатализованного *$\hat{k}^{[h]}$, отраженного в виде *š/s*, что и вызывает фонологическое перераспределение первоначальных рефлексов индоевропейских палатализованных смычных и спирантов, ср. др.-инд. *piṣṭá-* < -**piš-* + **ṭa-* < < **pik̂*$^{[h]}$- + **-ṭ*$^{[h]}$*o-* 'украшенный' (лат. *pictus*) и *piṣṭá-* < **pis-* + **-ṭ*$^{[h]}$*o-* 'раздавленный', *Kuryłowicz 1973b* : *67* (совпадение *ṣ* < **s* и *ś* < **$\hat{k}^{[h]}$* в позиции после *i*, *u*, *r*, *k* в древнеиндийском).

Траектории развития палатализованного ряда смычных и ряда спирантов в диалектах группы *satəm* с позднейшими слияниями их рефлексов и перераспределением фонем в системе могут быть представлены схематично в виде следующих графов (*см. Табл. 7, стр. 130*).

4.6. СЛЕДЫ ВОЗМОЖНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ФОНЕМ ПОСТВЕЛЯРНОГО И ЛАБИОДЕНТАЛЬНОГО РЯДОВ

Постулирование описанных выше индоевропейских рядов смычных, в том числе и рядов постериорных смычных, основывалось на строгих формулах соответствий между формами исторических индоевропейских диалектов. Устанавливаемые соотношения между отдельными фонемными рядами в исторических диалектах с учетом их позиционно-комбинаторного поведения позволяют реконструировать определенные фонемы-архетипы, лежащие в основе таких соответствий, установить в первом приближении их дистрибутивные модели и определить характер их взаимоотношений в фонологической системе.

Наблюдаемые отклонения от таких соответствий сводятся к позиционным характеристикам постулируемых исходных фонемных единиц.

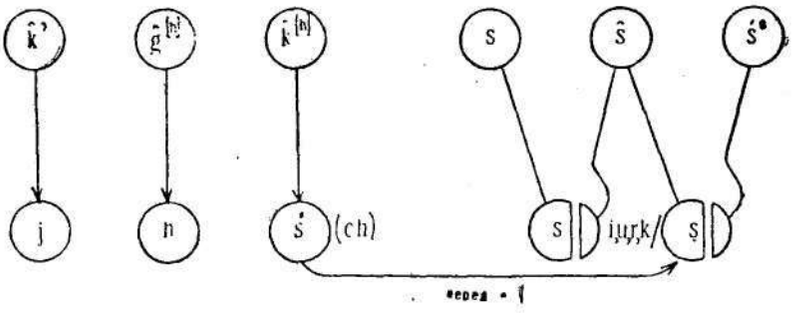
щую тенденцию перехода компактных сибилянтных фонем в диффузные, ср. дардскую аффрикату *c* из компактной, отражавшей в индо-иранском индоевропейскую палатальную, и аналогичную тенденцию в армянском.

[1] Формы типа авест. dašinō объясняются из *dakšinō, ср. авест. *aši* при др.-инд. *ákṣi* 'глаз'. Славянское *desnŭ* —позднейший вариант формы с **š* < **ṣ* типа лит. dẽšinas. См. о развитии в балтийском и славянском *Караłюнас 1966; Hamp 1967; Andersen 1970.*

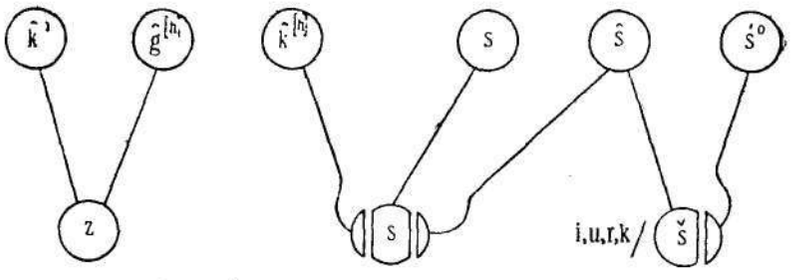
[2] Любопытно появление i в приводимых индоевропейских формах, в первую очередь в формах греческого, кельтского (галл. Dexsiva dea = греч. *Δεξι*Fός*, мик. de-ki-si-wo), индо-иранского и балтийских языков при отсутствии этого -i- при тождественных формах с теми же суффиксами в других языках (*цо-: гот. taihswa, *-ter в латинском dexter). Возможно, это графический способ передачи фонетического отражения первоначального палатализованного (мягкого) сибилянта.

ТАБЛИЦА 7

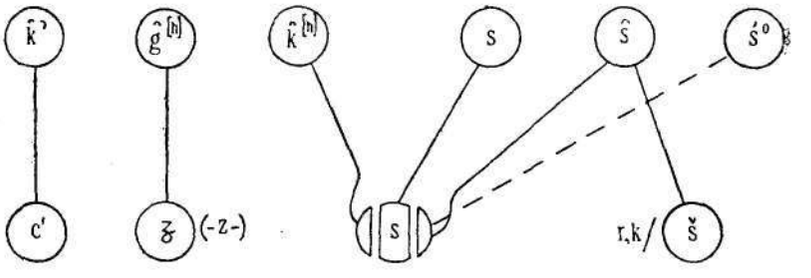
Древнеиндийский

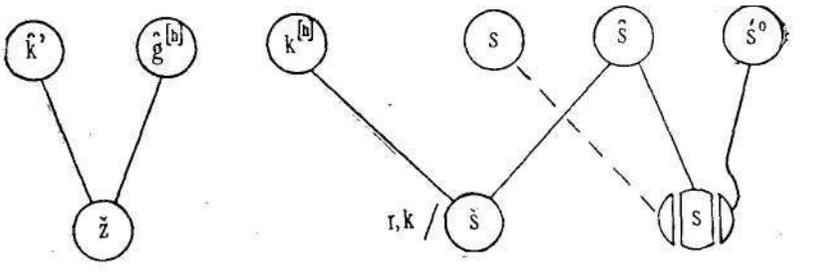
Древнеиранский [авестийский]

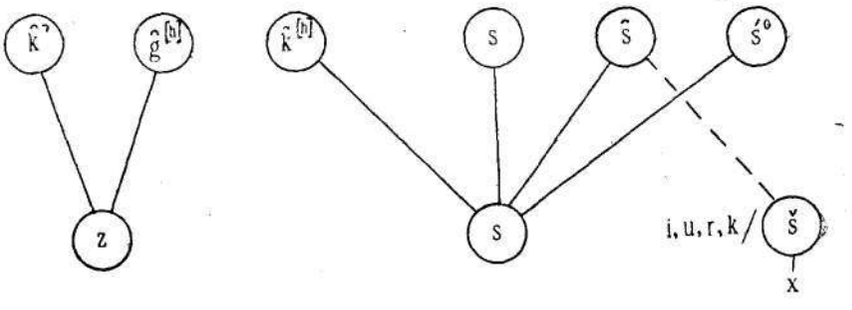
Армянский

Балтийский [литовский]

Славянский

При отсутствии удовлетворительного комбинаторно-позиционного объяснения таких отклонений естественно видеть в них определенную закономерность, отражающую особую фонемную единицу, отличную от ранее предполагавшихся. Такая единица должна найти соответствующее место в реконструируемой системе и вступить с остальными ранее постулированными элементами системы в закономерные фонологические отношения.

При анализе отражения постериорных смычных в исторических индоевропейских диалектах обращает на себя внимание ряд отклонений от установленных формул соответствий, не находящих объяснения на основании допущения различий в позиционном распределении исходных фонемных единиц. Такое отклонение от устанавливаемых формул соответствий обнаруживают, в частности, формы с начальным #k- в ряде индоевропейских языков, которые в других формах соотносятся с нулем:

Лат. *costa* 'ребро', ст.-слав. *kostĭ* 'кость', хет. *ḫaštai* 'кость'[1], при лат. *os(s)* 'кость', *род. п. ossis*, др.-инд. *ásthi* 'кость', авест. *asti-*, греч. ὀστέον, алб. *asht*, *ashtë* *(ср. Schmitt-Brandt 1967 : 106)*;

Ст.-слав. *koza* 'αἴξ', рус. *коза*, алб. *kec*, др.-англ. *hēcen* 'козленок', при др.-инд. *ajáḥ*, ср.-перс. *azak*, алб. *dhi*, лит. *ožỹs* 'козел', ср. ст.-слав. *(j)azno* 'шкура', 'рубашка', ср. *Jakobson 1966a: 341—353; Иванов/Топоров 1974*;

Гот. *hatis* 'ненависть', *hatan* 'ненавидеть', *кауз. hatjan*; валл. *cawdd* 'гнев', *cas* 'гнев', оск. *cadeis* 'inimicitiae, при лат. *ōdī*, *ōsus sum*, греч. ὀδύσ(σ)ασθαι 'гневаться', арм. *ateam* 'я ненавижу', др.-англ. *atol* 'уродливый';

Греч. κώληψ 'подколенная впадина', рус. *колено*, лит. *kelĕnas*, *kẽlis* 'колено', хет. *ḫaliḫa-* 'становиться на колени'[2], др.-хет. *ḫaliḫla-* 'непрерывно становиться на колени' (2 BoTU 12 A 21: LUGAL-*un-ua-az mekki ḫaliḫlatti* 'ты-де много раз перед царем становился на колени'; архаический ритуал KUB XXIX 1 IV 1; *nat-šan ḫašši ḫaliḫliandari* 'и они перед очагом все время становятся на колени', архаическая редупликация, *van Brock 1964: 141*), при др.-инд. *ānáḥ* 'нога выше колена' < **olnis*, *aratníḥ* 'локоть' < **oln-tn-*, греч. ὠλένη, лат. *ulna* 'локоть' < **olina*, лит. *uolektìs*, *alkúnė*, рус. *локоть*;

Греч. κάρυον 'орех', пандж. *karuā* < **karu-k* *(Turner 1966: 140)*, при греч. ἄρυα, алб. *árrë*, лит. *ruošutỹs*, ст.-слав. *orěchŭ* 'орех';

Др.-инд. *kapí-* 'обезьяна', греч. κῆπος (κῆβος) 'длиннохвостая обезьяна', при др.-исл. *api*, др.-англ. *apa* 'обезьяна', кельт. ἀβράνος *(Гесихий)*;

Лат. *cōram* 'лицом к лицу', при др.-инд. *ā́ḥ* 'рот', *род. п. āsaḥ*, авест.

[1] В начальном #*ḫ* в данном слове в хеттском предполагается отражение именно постулируемой поствелярной фонемы, а не "ларингальной" фонемы, которая отражается в хеттском аналогичным образом: в виде глухого велярного спиранта *ḫ* [x] (см. об этом ниже). По-видимому, нужно допустить совпадение в хеттском рефлексов поствелярной смычной и "ларингальной" фонем в глухом велярном спиранте /x/.

[2] Хет. *ḫ* следует объяснить так же, как в *ḫaštai*.

āh-, лат. *ōs*, *род. п. ōris*, ср.-ирл. *á (род. п.)* 'рот', хет. *aiš* 'рот', *род. пад. iššaš*, др.-исл. *óss* 'устье'.

Наряду с такими примерами, в которых наблюдается чередование начального ##*k-* с *Ø* (нулем), в разных индоевропейских диалектах, в некоторых случаях в пределах одного языка, обнаруживается и пример соотношения ##*g-* ~ ##*i̯-*~##*Ø-*:

Лат. *geminus* 'близнец': др.-инд. *yamáḥ* 'близнец', авест. *yəmа-* 'близнец', латыш. *jumis* 'двойной плод', др.-исл. *Ymir* 'имя героя', сходного с индо-иранским *Yamáḥ (Dumézil 1971: 243 и след.)*, ср.-ирл. *emon* 'близнецы'.

Рассмотренные выше соотношения, отклоняющиеся от отражений индоевропейских рядов велярных смычных, позволяют предположить для объяснения этого ряда соответствий особые постелярные (возможно, увулярные) смычные фонемы, артикулируемые, вероятно, за зоной артикуляции собственно велярных смычных.

Судя по отражениям в исторических языках, этот гипотетический ряд постелярных должен был состоять из глоттализованной смычной **q'* (давшей впоследствии соотношение ##*g-* ~ ##*i̯-*)[1] и глухой (придыхательной) смычной **q^h* (давшей впоследствии соотношение ##*k-*~ ##*Ø-*).

В исторических индоевропейских языках не обнаруживается следов возможного третьего члена ряда постелярных, который в силу своего маркированного характера мог вовсе отсутствовать в ряду постелярных. В системах с постелярным (resp. увулярным) рядом смычных наиболее маркированным членом ряда является звонкая постелярная фонема */G/*, образующая пробел во многих системах, в которых наличествует фонемный ряд постелярных (увулярных) смычных (*Гамкрелидзе 1974*).

Таким образом, на основании рассмотренного выше ряда соответствий можно с известной долей вероятия предположить наличие в индоевропейской системе постелярного ряда смычных, члены которого в дальнейшем совпадают с рефлексами велярного ряда или вовсе теряются в ряде индоевропейских диалектов.

Возможность постелярного ряда смычных в индоевропейской системе диктуется в значительной степени типологическими соображениями, касающимися соотношений в системе постериорных рядов смычных, хотя сам фактический материал исторических индоевропейских языков для постулирования этого ряда не имеет той индуктивной значимости, которая гарантирует реальность реконструкции разновидностей велярных смычных. Поэтому статус постелярных смычных в индоевропейской системе представляется более гипотетичным.

К такому же разряду весьма гипотетических построений, которые могли бы иметь отношение к более отдаленному периоду в развитии индоевропейской языковой системы по сравнению с периодом ее распада на от-

[1] Ср. типологически аналогичное предполагаемому здесь развитие общедагестанской глоттализованной фонемы **q'* в лакском языке, сохранившейся в виде q' в конце слова, но отразившейся как *i̯* (=j) в остальных случаях (*Гигинейшвили 1973; 1977*).

дельные диалекты, относится реконструкция в системе ряда лабиализованных дентальных смычных фонем, предполагаемых таким рядом соответствий, как:

# dų- ~	# d- ~	# ų- ~	# (e)rk- ~	# b-
др.-инд. *dváu*, авест. *dva* 'два', греч. δω- < δFω- в δώ-δεκα 'двенадцать', алб. *dy* 'два', гот. *twai*, *twōs*, лит. *dvì* 'две', прус. *dwai*	хет. *ta-a-i-u-ga-aš* 'двухлетний', *ta-a-an* 'второй', др.-ирл. *dáu*, *dó* 'два', греч. δι- (*Pokorny 1959: 229*)	гот. *wi-t* 'мы оба', галл. *Vo-corii*, *Vo-contii*, тох. А, *м. р.* *wu*, *ж. р.* *we*; тох. В *wi*[2] 'два'; зап.-греч. беот., фесс. *Fίκατι*, εἴκοσι, лат. *uīginti* 'двадцать', др.-ирл. *fiche*, арм. *ksan* 'двадцать'	арм. *erku*[1] 'два'	авест. *baē* 'два' кафир. (вайгали) *baš* 'двенадцать'
авест. *dvaēδā-* 'угроза', греч. δέος (* < δFειος) 'страх'	лат. *dīrus* 'ужасный' (*Ernout / Meillet 1967: 176*)		арм. *erknč'im* 'я боюсь'	

Подобные колебания в передаче лабиального комплекса с дентальной смычной могут свидетельствовать о монофонематичности такой последовательности. При этом допущении исходную индоевропейскую фонему можно было бы представить в виде глоттализованной дентальной фонемы с признаком лабиализации.

Другими членами дентального лабиализованного ряда могли быть *$d^{[ʰ]ᵒ}$ и *$t^{[ʰ]ᵒ}$:

Др.-инд. *dhvárati* 'вредит', *прич.* *dhrutá-*, хет. *du-ua-ar-na-aḫ-ḫu-un* 'я разорвал': ср. лат. *fraus* 'обман', *frūstra* 'ошибочно', умбр. *frosetom* 'fraudātum', др.-исл. *dvergr* '*карлик*' (*Mayrhofer 1963, II : 119*);

Др.-инд. *tvám* 'тебя', греч. σέ, арм. *kez* : ср. хет. *te*, ст.-слав. *tę*;

Др.-инд. *tvárate* 'спешит', авест. *θwāša-* 'поспешный', др.-в.-нем. *dwe-*

[1] Ср. сходное развитие в др.-исл. kvistr, kvísl 'ветвь', *Pokorny 1959 : 232.*

[2] *Hamp 1952: 136*, примеч. 1, предполагал начальное *H на основе тох. В *ikäm* < *yikəⁿ 'двадцать', но это последнее объясняется собственно тохарской палатализацией *w' > y.

ran 'поспешно поворачиваться': ср. греч. ὀτρηρός 'поспешно' (с добавлением *o-* в анлауте), лат. *trulla* 'ковш, черпак', 'жаровня', ст.-лат. *trua*, с последующей метатезой в латинском *(Pokorny 1959: 1100)*;

Др.-инд. *tvacas-*, *tvák-* (*ж. р.*) 'шкура', греч. σάκος 'щит' (из кожи или шкуры), хет. *tuekka-* 'тело', 'существо' (ср. *tuekkant-* 'корпорация' в "Хеттских Законах")[1].

Приведенные примеры, очевидно, могли бы служить только в качестве иллюстрации возможности существования такого ряда в индоевропейской фонологической системе, что было бы типологически вероятно ввиду наличия в группе постериорных смычных ряда лабиализованных согласных.

Однако отсутствие достаточного числа индоевропейских форм, обнаруживающих подобные соотношения, делает такое предположение весьма гипотетическим, не подкрепляемым должным образом конкретными данными индоевропейских языков. Тем не менее, такие построения, выводимые путем внутренней реконструкции с учетом типологических данных, могут отражать соотношения, существовавшие в фонологической системе индоевропейского языка в более ранние периоды его развития, предшествовавшие периоду перед расщеплением его на самостоятельные индоевропейские диалекты.

5. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ШУМНЫХ ФОНЕМ (СМЫЧНЫХ, СПИРАНТОВ) В СТРУКТУРНОМ СОПОСТАВЛЕНИИ С ТИПОЛОГИЧЕСКИ БЛИЗКИМИ СИСТЕМАМИ: КАРТВЕЛЬСКОЙ (ЮЖНОКАВКАЗСКОЙ), АБХАЗСКО-АДЫГСКОЙ, СЕМИТСКОЙ

Систему смычных и сибилянтных спирантов общеиндоевропейского языка с учетом ранних его состояний можно представить в виде следующей парадигматической системы (см. *Табл. 8*):

ТАБЛИЦА 8

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА СМЫЧНЫХ И СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ

	I	II	III										
1.	(*p'*)	*b*[*h*]	*p*[*h*]										
2.	*t'*	*d*[*h*]	*t*[*h*]				*t'*^{0}	*d*[*h*]^{0}	*t*[*h*]^{0}				
3.	*k'*	*g*[*h*]	*k*[*h*]	*k̂'*	*ĝ*[*h*]	*k̂*[*h*]	*k'*^{0}	*g*[*h*]^{0}	*k*[*h*]^{0}	*s*	*ŝ*	*ŝ*^{0}	
4.	*q'*	—	*q*[*h*]										

[1] В этой связи можно было бы привести также индоевропейскую форму *d[h]uer-/*d[h]ur- 'дверь' (др.-инд. *dvắraḥ*, авест. *вин. п. ед. ч. dvarəm* 'ворота', 'двор', лат. *forēs* 'двустворчатая дверь', ст.-слав. *dvorŭ*, греч. θύρα, арм. *durk* 'двери'). Чередование в этой индоевропейской форме слогового и неслогового *u* может отражать сравнительно позднее развитие при распадении в отдельных диалектах монофонемной единицы на элементы *d[h]+*u*. Ср. в этом отношении развитие лабиального элемента в первоначальной фонеме *$ŝ^{0}$ (см. выше) и в лабиализованных "гуттуральных" фонемах. В этом смысле монофонемное отражение последовательности *-*d[h]u*- в кафирском (ашкун: vekā 'дверь', bē 'вовне', ср. лат. forēs 'вне') может восходить непосредственно к древней лабиализованной фонеме.

На *Табл. 8* обведена та часть системы, которая представляется наиболее надежно устанавливаемой для индоевропейского языка. Более проблематичные поствелярный ряд *q' — *q$^{[h]}$ и дентальный лабиализованный ряд *t'^{o} *d$^{[h]o}$ *t$^{[h]o}$ предполагаются в системе с отмеченными выше оговорками.

В системе остаются незаполненными лабиальный и дентальный ряды в отношении признака палатальности и лабиальный ряд—в отношении признака лабиальности[1].

Такие ряды, в частности палатализованный дентальный и палатализованный лабиальный, возникают уже в отдельных индоевропейских диалектах, которые как бы заполняют недостающие фонологические звенья в индоевропейской системе. Такое заполнение этих "недостающих" рядов происходит в некоторых из тех индоевропейских диалектов, в которых при элиминации палатализованного ряда склеиваются также серия I и серия II, в частности в кельтском и балто-славянском; в последнем образуются противопоставления

b	p	b′	p′
d	t	d′	t′
g	k	g′	k′

(палатальные g′ k′ заполняют ряд, освобождающийся после элиминации в системе первичных индоевропейских палатализованных).

Реконструированная в таком виде индоевропейская система смычных находит ближайшую типологическую параллель в системах кавказских языков. В частности, система смычных, постулируемая для общекартвельского (южнокавказского) языка, обнаруживает такое же количество серий смычных при том же количестве рядов с примерно теми же фонологическими противопоставлениями между сериями и рядами, что и в общеиндоевропейском языке.

Троичная система смычных в общекартвельском противопоставляет друг другу серию I — глоттализованных, серию II — полузвонких и серию III — глухих (придыхательных), при четырех локальных рядах: лабиальном, дентальном, велярном, поствелярном (увулярном). Поствелярный ряд обнаруживает пробел на месте максимально маркированного звонкого члена *(Гамкрелидзе 1974:16)*.

Общекартвельские полузвонкие, отличные фонетически от собственно звонких (по более низкой степени сонорности, *Ахвледиани 1949 : 58 и след.*) и характеризующиеся при этом интенсивностью[2], могут быть сопоставлены с индоевропейскими "звонкими придыхательными" или звонкими шепотными звуками (см. выше, стр. 15 и след.).

[1] К типологической возможности лабиального лабиализованного ряда см. выше, стр. 84 *(ср. Chomsky/Halle 1968 : 307)*.

[2] Ср. о полузвонких *Postal 1968 : 78, прим. 23*.

ТАБЛИЦА 9

СИСТЕМА СМЫЧНЫХ И СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ ОБЩЕКАРТВЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА[1]

I	II	III		
p'	b	p[h]		
t'	d	t[h]	s	z
k'	g	k[h]	ŝ	ẑ
q'	—	q[h]	š	(ž)

Большую типологическую близость к общеиндоевропейской системе обнаруживают северо-западные кавказские языки, в особенности абхазский язык. Троичная система смычных с противопоставлением глоттализованных, звонких и глухих (придыхательных) проявляется в каждом локальном ряду: лабиальном, дентальном, велярном и постве-лярном, а также в модификациях велярного (палатализованные, лабиализованные) и дентального (лабиализованные) рядов. Пробелы в системе обнаруживаются в постве-лярном ряду и его модификациях (палатализованные, лабиализованные) на месте максимально маркированных звонких членов. Общая система *(over-all pattern)* смычных и сибилянтных спирантов диалектов абхазского языка может быть представлена в следующем виде *(ср. Deeters 1963; Ломтатидзе 1976)*:

ТАБЛИЦА 10

СИСТЕМА СМЫЧНЫХ И СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ ДИАЛЕКТОВ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

I	II	III						
p'	b	p[h]						
t'	d	t[h]				t'⁰	d⁰	t[h]⁰
k'	g	k[h]	k̂'	ĝ	k̂[h]	k'⁰	g⁰	k[h]⁰
q'	—	q[h]	q̂'	—	—	q'⁰	—	q[h]⁰
			s	z				
			ŝ	ẑ				
			š	ž		š⁰	ž⁰	
			s̄	z̄		s̄⁰	z̄⁰	

Обращает на себя внимание полное совпадение, вплоть до идентичности, трех серий индоевропейских смычных с системой картвельского и абхазского консонантизма. Абхазский консонантизм проявляет еще большее сходство с индоевропейским консонантизмом ввиду наличия

[1] *Ср. Мачавариани 1965.* Эта система смычных воспроизводится без изменений в древнегрузинском языке при слиянии маркированного свистяще-шипящего ряда с диффузным рядом.

дополнительных палатализованного и лабиализованного рядов велярных смычных, ср. также наличие в абхазском лабиализованного дентального ряда.

В подсистеме глухих сибилянтных спирантов примечательно совпадение в этих системах противопоставления сибилянтных спирантов по признаку компактности ~ диффузности и лабиализованности. При этом в некоторых диалектах проявляется тенденция к слиянию палатализованного ряда сибилянтных фонем с диффузными.

Основным отличием, противопоставляющим абхазскую и картвельскую системы индоевропейской в группе шумных согласных, является наличие в этих последних богатого класса аффрикат, который, очевидно, отсутствует в общеиндоевропейской системе. Система аффрикат образуется лишь позднее в отдельных индоевропейских диалектах группы *satəm*.

Существенное сходство с индоевропейской системой консонантизма в такой интерпретации обнаруживает и общесемитская система согласных : I эмфатические ~ II звонкие ~ III глухие (придыхательные), при наличии богатой системы сибилянтных спирантов, *ср. Moscati /Spitaler/Ullendorf/ von Soden 1980 : 24 (см. Табл. 11)*:

ТАБЛИЦА II

СИСТЕМА СМЫЧНЫХ И СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ ОБЩЕСЕМИТСКОГО ЯЗЫКА

I	II	III				
—	b	p[h]				
ṭ	d	ṭ[h]	ḏ	ḏ̣	ṯ	ṯ̣
ḳ	g	k[h]				
			s	z	ṣ	
			ś			
			š			

Так называемые "эмфатические" согласные, характеризующиеся в исторических семитских языках признаком фарингализации (*ср. Jakobson 1957b*), интерпретируются для периода семитской языковой общности (а возможно и позднее) именно как глоттализованные *(Cantineau 1952 : 290 и след.; Martinet 1953b : 68 и след.)*. Это была, очевидно, серия глоттализованных смычных с закономерно отсутствующим лабиальным членом. В этом отношении серия глоттализованных фонем общесемитского языка полностью совпадает с серией индоевропейских глоттализованных фонем с отсутствующим (resp. слабо представленным) лабиальным членом (ср. *также Bomhard 1975; 1977*).

Переход в семитском глоттализованных фонем в соответствующие "эмфатические" (фарингализованные) сопоставим с элиминацией серии глоттализованных в индоевропейских диалектах путем озвончения глоттализованной серии или элиминации признака глоттализации. С другой стороны, озвончение глоттализованных в индоевропейском, объясняемое

фонетической близостью глоттализованных и звонких смычных, находит хорошую типологическую параллель в озвончении семитских "эмфатических" в арабских диалектах типа *gāl (ср. Blanc 1965)*.

Серия семитских глухих придыхательных сопоставима типологически с соответствующей серией индоевропейских глухих (придыхательных), как и с соответствующими сериями в картвельском и северокавказских языках. Как и в последних, серия семитских "придыхательных" смычных характеризуется фонологически избыточным признаком аспирации и противопоставляется остальным сериям лишь по признаку отсутствия звонкости.

Сходство в развитии между индоевропейским и семитским проявляется также в преобразованиях сибилянтных спирантов, при которых палатализованный спирант *ś, характеризующийся артикуляционной нестабильностью, в исторических диалектах сливается с соответствующими свистящими или шипящими спирантами.

Общесемитская система отличается от рассмотренных выше индоевропейской и кавказских языковых систем наличием особого рода интердентальных спирантов — звонкого *ð̣ (араб. ð, зап.-сем. z, аккад. z) и глухого *ṯ (араб. θ, зап.-сем. š, аккад. š) наряду с соответствующими "эмфатическими" фонемами: звонкой *ð̣ (араб. ḍ, зап.-сем. ṣ, аккад. ṣ) и глухой *ṯ (араб. ẓ, зап.-сем. ṣ, аккад. ṣ).

Допущение первоначальной глоттализованности так называемых "эмфатических" смычных в семитском могло бы служить основанием для того, чтобы рассматривать и семитские эмфатические спиранты как изначально глоттализованные (таковыми могли быть фонемы *ṣ, *ṯ). Однако наличие в системе эмфатических спирантов и звонкой фонемы *ð̣ исключает возможность такого допущения по отношению к этой фонеме (признак "глоттализованности" несовместим с признаком "звонкости"), а при принятии принципа единообразности описания — и в отношении ко всей системе спирантов в целом.

Таким образом, система общесемитских спирантов может считаться отличной от системы смычных и отсутствием в ней признака глоттализации, в качестве функционального эквивалента которого в системе спирантов выступает признак фарингализации - эмфатичности. Не исключено, что именно этот признак, выступающий в системе спирантов, повлиял на фонетическое преобразование глоттализованных смычных в соответствующие фарингализованные ("эмфатические").

Поскольку признак фарингализации и признак лабиализации есть разновидности единого фонологического признака, определяемого как "бемольность" *(Якобсон/Фант/Халле 1962; Jakobson 1971a*, ср. "округлость" — *Chomsky/Halle 1968: 309—311)*, то можно допустить лабиализованность в качестве фонологической разновидности общесемитских "эмфатических" спирантов[1].

[1] Характерно, что при артикуляции эмфатических согласных в некоторых современных арабских диалектах, в частности в египетском арабском, наблюдается сопутствующее огубление *(Harrell 1957: 71)*.

В такой интерпретации общесемитская система спирантов проявляет еще бóльшую типологическую близость с реконструируемой системой индоевропейского праязыка и кавказских языков (см. *Табл. 12*):

ТАБЛИЦА 12

СИСТЕМА ОБЩЕСЕМИТСКИХ СПИРАНТОВ С РЕИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ «ЭМФАТИЧЕСКИХ» СПИРАНТОВ КАК «ЛАБИАЛИЗОВАННЫХ»

ṯ	*ḏ*	*ḏ°*	*ṯ°*
s	*z*		*s°*
ś			
š			

6. ПРИНЦИПЫ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ РЯДОВ СМЫЧНЫХ В КОРНЕ И СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОНСОНАНТНЫХ КОМПЛЕКСОВ

6.1. ПРАВИЛА СОВМЕСТИМОСТИ В КОРНЕ СМЫЧНЫХ ФОНЕМ РАЗЛИЧНЫХ РЯДОВ И СЕРИЙ

Реконструкция достаточно полной системы смычных в индоевропейском позволяет в более общем виде сформулировать правила сочетаемости смычных в индоевропейском корне структуры C_1VC_2- и рассмотреть структуру консонантных сочетаний C_1C_2-VC_3-, возникающих в формах с нулевой ступенью корня, а также на стыке двух морфем (в структуре C_1VC_2-C_3-).

После определения в дифференциальных признаках фонологических противопоставлений фонемных серий и локальных рядов, можно однозначно охарактеризовать каждую фонему системы как пучок дифференциальных признаков, возникающий в определенной точке пересечения серий и локальных рядов. В соответствии с этим, правила сочетаемости смычных согласных в корне, то есть в дистантной последовательности, и в консонантном комплексе, то есть в контактной последовательности, могут быть сформулированы в терминах дифференциальных признаков, характеризующих определенные серии и локальные ряды. Расположение правил сочетаемости смычных в определенном порядке позволяет дать полное и последовательное описание комбинаторики смычных в пределах корня (resp. основы), охватывающей как дистантные, так и контактные последовательности.

Сформулированные выше правила сочетаемости согласных в индоевропейском корне (см. правила 1—4, стр. 18—20) можно расположить в иерархическом порядке в зависимости от числа комбинаций согласных, описываемых каждым из следующих правил:

(a)[1] ***В корне не сочетаются смычные согласные одного локального ряда***[2];

В индоевропейском нет корней типа *t'ed$^{[h]}$-/*d$^{[h]}$et'- или *k'ek$^{[h]}$-/*k$^{[h]}$ek'-, *k$^{[h]o}$ek$^{[h]o}$- и *k̂$^{[h]}$ek̂$^{[h]}$- и т. п.[3]

(b)[4] ***Согласная серии II не сочетается в корне с согласной серии III, и наоборот, согласная серии III не сочетается с согласной серии II;***

В индоевропейском нет корней типа b$^{[h]}$et$^{[h]}$- / t$^{[h]}$eb$^{[h]}$-, *g$^{[h]o}$ep$^{[h]}$-/*p$^{[h]}$eg$^{[h]o}$- и др.[5]

Исключением из этого правила является на первый взгляд формулируемая часто как дополнение к нему возможность корней типа s+ *глухая согласная — звонкая придыхательная (Мейе 1938 : 191; Meillet 1937; Szemerényi 1972: 143)*, то есть структурный тип *STVD$^{[h]}$-*: др.-инд. *stighnoti* 'подымается', ст.-слав. *stignǫ* 'иду', греч. στείχω 'иду', гот. *steigan* 'всходить', др.-ирл. *tíagu* 'иду'.

Однако эта индоевропейская структура не является отклонением от сформулированного выше правила (b) о несовместимости в корне фонем серий II и III, поскольку в корнях этого типа с начальным #*s- выступает не фонема серии III, как предполагается обычно, а архифонема при нейтрализации противопоставления серий II и III в позиции после начального #*s- (см. выше о нейтрализации противопоставления в связи с законом Зибса). Таким образом, элемент *-T-* в приводимом выше типе корня в позиции после начального #*s- представляет архифонему серий II~III, что в принципе соответствует допустимым типам сочетаемости фонем одной и той же серии II или III.

(c)[6] ***В корне не сочетаются друг с другом согласные серии I;***

В индоевропейском нет корней типа *k'et'-/*t'ek'-[7]; отсутствие в индоевропейском корней типа *k'ek'-, *t'et'- следует из запрета по правилу (a).

(d) ***Согласная серии II практически не сочетается в корне с согласными серии I и обратно;***

[1] Ср. выше правило (I), стр. 18 и (I'), стр. 96.

[2] Этот запрет касается и дополнительных локальных рядов: палатализованного велярного и лабиализованного велярного, которые выступают в системе в качестве самостоятельных фонемных рядов, эквивалентных с точки зрения дистрибуции фонемных единиц в корне рядам основных артикуляционных зон.

[3] Правило о недопустимости в корне двух идентичных согласных представляет частный случай правила (a), предполагающего запрет на сочетание в корне согласных одного и того же локального ряда. Это же самое относится и к правилу несочетаемости двух лабиальных фонем в корне *(ср. Magnusson 1967)*.

[4] Ср. выше правило (4), стр. 20.

[5] Запрет на такие сочетания, как g$^{[h]o}$ek$^{[h]o}$- / k$^{[h]o}$eg$^{[h]o}$-, предусматривается более сильным правилом (a).

[6] Ср. выше правило (2), стр. 18.

[7] В традиционной теории это правило формулируется как несочетаемость в корне двух звонких смычных.

Крайне ограничены в индоевропейском сочетания типа *$b^{[h]}ek'$-/*$k'eb^{[h]}$-.[1]

Сформулированные выше правила сочетаемости шумных согласных в индоевропейских корнях позволяют вывести общее правило сочетаемости согласных в корнях C_1VC_2-:

(e) ***В общеиндоевропейских корнях структуры C_1VC_2- могут сочетаться друг с другом только согласные, гомогенные по признаку звонкости ~ глухости;***

То есть C_1, характеризующийся признаком [+звонкость], предполагает признак [+звонкость] при согласном C_2 и наоборот, признак [—звонкость] при согласном C_1 предполагает [—звонкость] при согласном C_2;

Признак [—звонкость] в сочетании с признаком [+глоттализованность], характеризующий один из согласных, автоматически определяет, по правилу (c), другой согласный как незвонкий (придыхательный), то есть определяет признаки [—звонкость], [придыхательность] при другом согласном.

Таким образом, мы получаем следующую схему сочетаемости согласных по сериям в корне структуры C_1VC_2-:

Допустимые сочетания	**Недопустимые сочетания**
(1) I ~III, III~I	(1) I ~I
(2) II ~II	(2) II~III, III~II
(3) III~III	(3) I ~II, II~I[2]

Обозначая три серии индоевропейских смычных общими символами, соответственно T', $D^{[h]}$ и $T^{[h]}$, правила сочетаемостей серий смычных в пределах общеиндоевропейского корня структуры C_1VC_2- можно представить в следующем виде:

[1] Из общеиндоевропейских корней в качестве исключения такое сочетание показывает корень *$b^{[h]}ak'$- (др.-инд. bhag-, bhaj- 'наделять', bhága- 'доля', греч. φαγεῖν 'есть', тох. А pāk, если это не иранское заимствование, как и об.-слав. **bogŭ*) и название 'буква' *$b^{[h]}āk'o$- (с некоторыми диалектными ограничениями, см. ниже).

Корень **k'eg*$^{[h]}$- 'ветвь' представлен только в германском и балтийском (норв. kage) и не может считаться общеиндоевропейским образованием.

В др.-инд. bhad-rá- 'счастливый' иногда предполагается родство с др.-инд. bhand-, что исключает родство с германским, гот. batiza 'лучший' и возведение его к этому типу корней. Два указанных выше "общеиндоевропейских" корня этой консонантной структуры стоят особняком по отношению к обычным индоевропейским корням и в смысле характерной для них огласовки *ă в отличие от нормальной огласовки корня *e.

[2] Это сочетание статистически крайне ограничено и может быть проиллюстрировано на небольшом числе не вполне ясных примеров (см. выше).

Допустимые сочетания	Недопустимые сочетания
$T'eT^{[h]}$-	$T'eT'$-
$T^{[h]}eT'$-	$D^{[h]}eT^{[h]}$-
$D^{[h]}eD^{[h]}$-	$T^{[h]}eD^{[h]}$-
$T^{[h]}eT^{[h]}$-	$T'eD^{[h]}$-
	$D^{[h]}eT'$-

Полученные выводы иллюстрируют крайнюю ограниченность типов сочетаемости смычных в общеиндоевропейских корнях структуры C_1VC_2-, что в некотором смысле расходится с традиционными представлениями о сочетаемости смычных в общеиндоевропейских корнях (как они формулируются, например, у *Meйe 1938; Lehmann 1952; Szemerényi 1970 : 92; Jucquois 1966 и 1971; ср. Magnusson 1967*).

Предложенные выше правила сочетаемости смычных в индоевропейских корнях характеризуются той особенностью, что они позволяют сформулировать общую основу для ограничений, накладываемых на сочетания шумных в корне. Этот общий принцип выражается в недопустимости сочетания в корне структуры C_1VC_2- двух согласных, гетерогенных по признаку звонкости~глухости. Этим принципом легко объяснить остававшуюся непонятной с традиционной точки зрения несочетаемость в общеиндоевропейском корне согласных серий II~III и III~II, то есть звонких (придыхательных) с глухими (придыхательными), и наоборот.

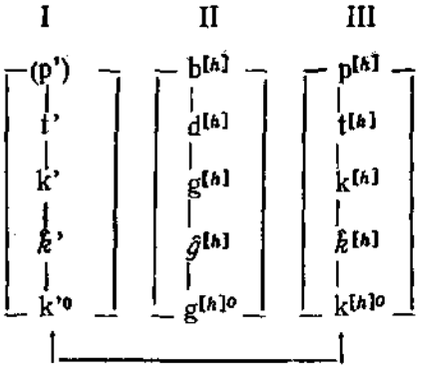
Из сформулированного общего принципа автоматически выводится сочетаемость друг с другом согласных одной и той же серии, с ограничением, предусматриваемым правилом (a). Исключением из этого принципа допустимости согласных одной серии является запрет на сочетания глоттализованных смычных серии I [правило (c)], находящий типологическое фонетико-фонологическое объяснение.

Таким образом, из трех индоевропейских серий смычных серия I противостоит сериям II и III неспособностью консонантных элементов (глоттализованных фонем) сочетаться друг с другом в корне, тогда как фонемы серии II, как и серии III, совместимы друг с другом в пределах корня (с учетом определенных ограничений на сочетаемость согласных различных локальных рядов, см. об этом ниже). При этом глоттализованные фонемы серии I могут сочетаться в корне с фонемами серии III, тогда как серия II выступает в этом случае в качестве наиболее изолированной серии фонем, не вступающей в синтагматические комбинации с остальными двумя сериями. В этом отношении наибольшую дистрибутивную свободу проявляют фонемы серии III, которые, совмещаясь друг с другом в корне, могут сочетаться и с фонемами серии I (но не серии II) [см. правило (b)].

Эти синтагматические отношения между фонемами различных серий представлены на *Табл. 13*:

ТАБЛИЦА 13

СОЧЕТАЕМОСТЬ В КОРНЕ ФОНЕМ ТРЕХ СЕРИЙ

6.2. ВАРЬИРОВАНИЕ СМЫЧНЫХ В ПРЕДЕЛАХ КОРНЯ

В рамках допустимых дистантных сочетаний в пределах корня (соответственно основы) в индоевропейском возможно варьирование согласных с дальнейшим распределением корневых вариантов по отдельным индоевропейским диалектам.

Такое варьирование согласных при сохранении смысла корня (то есть при нефункциональной взаимозаменяемости согласных) определялось правилами допустимых сочетаний согласных в корне. Исключался такой вид варьирования согласных, который дал бы структуру корня, недопустимую в силу определенных запретов на сочетаемость согласных. Так, например, корень структуры II—II может варьировать со структурой III—III [но не, допустим, с III—II, II—III, ср. правило (b)]; корень структуры III—III может варьировать со структурой I—III и III—I [но не с I—I, ср. правило (c)]:

II—II~III—III:

И.-е. *g[h]ab[h]- ~*k[h]ap[h]-:

Лат. *habēre* 'держать, иметь', др.-инд. *gábhasti-ḥ* 'рука' ~ лат. *capiō* 'беру', 'хватаю', др.-ирл. *cacht*, лат. *captus* 'плененный, схваченный', др.-инд. *ǩapaṭī* 'две пригоршни';

III—III~III—I:

И.-е. *p[h]ak[h]- ~ *p[h]ak'-:

Лат. *pāx* 'мир', 'умиротворенность', *род. п. pācis; paciscō* 'заключаю соглашение, мирюсь' ~ лат. *pangō, pepigī* 'устанавливаю, укрепляю, закрепляю', греч. πήγνῡμι 'укрепляю';

И.-е. *p[h]eiˌk̂[h]- ~*p[h]eiˌk'-:

Др.-инд. *piṁśáti* 'украшает', авест. *paēs-* 'раскрашивать, украшать', лит. *piẽšti* '(живо)писать', ст.-слав. *pišǫ* 'пишу', греч. ποικίλος 'пестрый' ~др.-инд. *piṅgalá-* 'пестрый', греч. πίγγαλος, ст.-слав. *pěgŭ* 'пегий'[1].

[1] В основах с одной смычной и сонорным или спирантом естественно снимаются ограничения, накладываемые на сочетаемость смычных и поэтому каждая смычная может в принципе варьировать с другой смычной по всем трем сериям. Однако и в таких случаях

6.3. ОГРАНИЧЕНИЯ, НАКЛАДЫВАЕМЫЕ НА ДОПУСТИМЫЕ В КОРНЕ СОЧЕТАНИЯ СМЫЧНЫХ ПО ЛОКАЛЬНЫМ РЯДАМ. АКЦЕССИВНЫЕ И ДЕЦЕССИВНЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СОГЛАСНЫХ (ДИСТАНТНЫЕ И КОНТАКТНЫЕ)

После исключения запрещенных по правилам (a), (b), (c), (d) сочетаний согласных остается множество комбинаций[1], на которые, в свою очередь, налагаются определенные ограничения, касающиеся сочетания артикуляционных признаков, относящихся к месту образования (лабиальный ~ дентальный ~ велярный)[2].

Обозначая фонемы отдельных локальных рядов общими символами *B* (лабиальный ряд), *D* (дентальный ряд), *G* (велярный ряд и его модификации — палатализованный и лабиализованный ряды), можно перечислить все теоретически возможные комбинации фонем соответствующих рядов в пределах корня [учитывая запрет, предусматриваемый правилом (a)]:

Тип (a)		*Тип (b)*	
1.	$B \sim G$	*1.*	$G \sim B$
2.	$B \sim D$	*2.*	$D \sim B$
3.	$D \sim G$	*3.*	$G \sim D$

Такие последовательности смычных в корне C_1VC_2- в формах нулевой ступени корня могут дать соответственно контактные последовательности C_1C_2-:

(a)		(b)	
1.	*BG*	1.	*GB*
2.	*BD*	2.	*DB*
3.	*DG*	3.	*GD*

Такое распределение смычных в дистантной и соответствующей контактной последовательности в пределах корня определяет структуру корня в отношении одной его существенной особенности, а именно в отношении порядка следования в корне (и соответственно в комплексе — контактной последовательности) смычных в зависимости от локальных рядов, то есть от места их образования.

варьирование наблюдается в основном между глухой глоттализованной и придыхательной фонемой:

***seuk[^{h}]- ~ *seuk'-**:

Лат. sūcus 'сок', др.-англ. socian, латыш. sùkt 'сосать' ~ лат. sūgō 'сосу';

***meuk[^{h}]- ~ *meuk'-**:

Лат. mūcus 'мокрота, слизь', греч. *μύχης* 'гриб', латыш. mukt 'тонуть в болоте' ~ лат. mūgil 'вид рыбы';

***merk[^{h}]^0- ~ *merk'^{0}-**:

Лит. mérkiu 'жмуриться' ~ др.-исл. myrkr 'темный', рус. *моргать* (*ср. Stang 1967*).

[1] То есть комбинации серий I—III, III—I, II—II, III—III. Все такие комбинации считаются допустимыми в стандартных руководствах по индоевропейской грамматике (*см. Мейе 1938 : 191 и след.; Szemerényi 1970 : 90 и след.*), в которых обычно рассматриваются допустимые сочетания серий, но не рядов.

[2] Эти ограничения обычно не формулируются в виде правил структуры корня. Последние изучаются только в работе *Magnusson 1967;* ср. также *Герценберг 1972 : 130—138; Меликишвили И. 1980.*

Порядок следования смычных в корне по этому признаку можно определить как два направления: одно — от передней части полости рта к задней, другое — от задней части полости рта к передней; соответственно тип *a* и тип *b* (см. выше).

Первый тип можно назвать децессивной (или интровертной) последовательностью, второй тип последовательности можно определить как акцессивную (экстровертную)[1].

В системах с тремя основными локальными рядами смычных (лабиальный, дентальный, велярный) каждая из таких последовательностей может различать три конкретных разновидности:

Децессивная последовательность	Акцессивная последовательность
1. *B* ~ *G* *лабиальная ~ велярная*	1. *G* ~ *B* *велярная ~ лабиальная*
2. *B* ~ *D* *лабиальная ~ дентальная*	2. *D* ~ *B* *дентальная ~ лабиальная*
3. *D* ~ *G* *дентальная ~ велярная*	3. *G* ~ *D* *велярная ~ дентальная*

В терминах двух пар дифференциальных признаков — периферийный ~ лабиальный (периферийный), антериорный ~ постериорный — члены этих последовательностей можно идентифицировать следующим образом (*см. Табл. 14*):

ТАБЛИЦА 14

Дифференц. признаки \ Локальные ряды	*B*	*D*	*G*
Антериорность	+	+	—
Медиальность	—	+	—

Из таблицы видно, что в системе с тремя основными локальными рядами в децессивной последовательности первый член неизменно характеризуется признаком [+ антериорность], тогда как акцессивная последовательность при двух разновидностях с начальным элементом с отрицательным значением признака [—антериорность] показывает в одном случае значение [+ антериорность].

Индоевропейские корни структуры C_1VC_2- обнаруживают оба рассмотренных выше типа последовательностей, то есть как децессивную последовательность, так и акцессивную при наличии признака [—медиальность] у обоих членов последовательности, то есть при максимальной артикуляторной дистанции между локальными рядами. Иными словами, ла-

[1] Понятие "акцессивных" и "децессивных" комплексов согласных было впервые введено Г. С. Ахвледиани при описании консонантных комплексов грузинского языка и мыслится им как общефонетическая закономерность, объясняющая исторические преобразования комплексов в языках разных типов (*Ахвледиани 1949 : 107 и след.; 334 и след.*).

биальная фонема может сочетаться с велярной независимо от децессивности или акцессивности последовательности $C(V)C_3$-: *B*~*G*, *G*~*B*.

Примеры:

(a) $p^{[h]}e\hat{k}^{[h]}$-: др.-инд. *paśú-* 'скот', авест. *pasu-*, лат. *pecū* 'скот', гот. *faihu* 'деньги', ст.-лит. *pẽkus*, др.-прус. *pecku* 'скот';

*$p^{[h]}ek^{[h]o}$-: др.-инд. *pácati* 'варит', авест. *ham.pačaiti*, алб. *pjek* 'я пеку', ст.-слав. *pekǫ* 'пеку', тох. A и B *päk-* 'варить, печь';

(b) *$g^{[h]}ab^{[h]}$-: др.-инд. *gábhasti-* 'рука', лат. *habeō* 'имею', гот. *gabei* 'богатство', др.-ирл. *gaibid* 'берет';

*$k^{[h]}ap^{[h]}$-: лат. *capiō*, *cēpī* 'хватаю', алб. *kam* 'имею', гот. *hafjan* 'подымать';

При наличии у одного из членов последовательности признака [+медиальность], то есть при немаксимальной дистанции между локальными рядами (типы последовательности 2a, 3a; 2b, 3b), различение акцессивности и децессивности играет существенную роль: допустимы децессивные последовательности *B*~*D* и *D*~*G*[1], но крайне редка акцессивная последовательность *G*~*D*[2], при еще большей ограниченности акцессивной последовательности *D*~*B*[3].

Бóльшая редкость акцессивной последовательности *D*~*B* в системе по сравнению с последовательностью *G*~*D* связана, вероятно, с тем, что

[1] Примеры: *B*~*D*: *$b^{[h]}ēd^{[h]}$- : др.-инд. bádhate 'давит', гот. bidjan 'просить, молиться', алб. bíndem 'сгибаюсь';
*$p^{[h]}et^{[h]}$-: др.-инд. pátati 'летит', apaptat (аорист), авест. fra-pataiti, греч. гом. *πέτομαι* 'лечу', *ἐπτάμην*, лат. petō 'домогаюсь, стремлюсь, ищу';
*$p^{[h]}et$'- : др.-инд. pát 'нога', авест. pad-, греч. *πούς*, лат. pēs, хет. pata-, иер. лув. pata-;
D ~ G: *$d^{[h]}eg^{[h]o}$-: др.-инд. dáhati 'горит; жжет', авест. *dažaiti*, алб. djek 'жгу', лит. degù, ст.-слав. *žegǫ* 'жгу', тох. A tsäk- 'жечь', B tsäk- 'жечь', ср.-ирл. daig 'огонь';
*$t'e\hat{k}^{[h]}$- : др.-инд. *daśasyáti* 'служит, поклоняется', лат. decus, decet 'подобает', греч. *δοκέω* 'сужу', тох. A täk- 'судить';
*$t^{[h]}ek^{[h]o}$- : др.-инд. tákti 'спешит', авест. tačaiti 'бежит', алб. ndjek 'преследовать', др.-ирл. techim 'бегу', лит. tekù 'бегу', ст.-слав. tekǫ, тох. B cake 'поток'.

[2] Все примеры этого типа исчерпываются следующими корнями: *$k^{[h]}et^{[h]}$-, *$k^{[h]}ot^{[h]}$- : авест. kata- 'комната', 'кладовая', гот. hēþjō 'кладовая', ц.-слав. *kotьcь* 'cella', ср. рус. *котец (Фасмер 1964—1973, II: 351)*; относимые к тому же корню технические термины греч. *κοτύλη* 'сосуд', лат. catīnus 'сосуд' *(Pokorny 1959: 587)* могут представлять собой вторичные производные;
*$\hat{k}^{[h]}at^{[h]}$- : др.-инд. *śatáyati* 'низвергает', *śátru-* 'победитель'; галл. *catu-* 'борьба', др.-исл. *hǫð* 'борьба' *(Pokorny 1959: 1534)*;
*$g^{[h]}ed^{[h]}$- : др.-инд. *gadh-*, *gádhya-* 'то, за что держатся', др.-фриз. *gadia* 'объединять', ст.-слав. *godъ*, рус. *год (Фасмер 1964—1973, I: 426; Mayrhofer 1956, I : 320—321; Pokorny 1959: 423)*.

[3] Засвидетельствовано лишь два ясных примера корней этого типа:
И.-е. *$t^{[h]}ep^{[h]}$-: др.-инд. *tápati* 'согревает', вед. *tápant-* 'горячий', авест. *tafsąn* 'им должно быть тепло', лат. *tepeō*, др.-ирл. *té* 'горячий', ст.-слав. *toplъ* 'теплый';
*$d^{[h]}eb^{[h]}$- : др.-инд. dabhnóti 'вредит', 'обманывает', кауз. dambháyati, авест. dab- 'обманывать', хет. tepnu- 'унижать, умалять', tepu- 'малый'.

эта последовательность показывает в качестве своего первого члена фонему медиального ряда в отличие от фонемы постериорного периферийного ряда в последовательности *G*~*D*.

Таким образом, дентальный ряд маркирован с точки зрения построения таких последовательностей. Пропуская дентальный ряд, можно допустить сочетания в обе стороны, тогда как при участии дентального ряда согласные расположены преимущественно в децессивной последовательности.

Обнаружение отдельных примеров корней, показывающих акцессивную последовательность с немаксимальным расстоянием между членами последовательности не может, естественно, нарушить сформулированного выше положения о крайней ограниченности акцессивных последовательностей согласных этого типа.

Можно с уверенностью утверждать, что распределение согласных в индоевропейских корнях подчинялось принципам децессивного или акцессивного построения при учете признака медиальности ~ периферийности, то есть артикуляторной дистанции.

Обращает на себя внимание огласовка **a* в корнях структуры C_1VC_2- с акцессивной последовательностью смычных. Редкие случаи первичной огласовки **a* в индоевропейских корнях структуры C_1VC_2- обусловлены, повидимому, акцессивной последовательностью смычных при велярной фонеме в качестве начальной согласной корня (ср. в отличие от этого огласовку **e* в акцессивных корнях *$t^{[h]}ep^{[h]}$-, *$d^{[h]}eb^{[h]}$-). Синтагматический фактор акцессивности и заднеязычный характер начальной согласной корня влияют, очевидно, на тембр корневой гласной, превращая ее в максимально открытый гласный звук *a* (*ср. Гамкрелидзе 1979*).

6.4. СУПЕРАЦИЯ АКЦЕССИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ И «СПИРАНТЫ БРУГМАНА»

Теория акцессивных и децессивных комплексов (или последовательностей) в индоевропейском дает возможность понять целый ряд преобразований последовательностей смычных в индоевропейских диалектах, обнаруживающих фонетически неоднородное развитие. Целый ряд таких преобразований можно свести к тенденции преодоления — суперации комплексов (как правило, акцессивных), возникающих в корнях с нулевой огласовкой или на стыке морфем[1].

Такие сочетания смычных устраняются по правилам, специфичным для каждого из отдельных индоевропейских языков.

Акцессивный комплекс *GD* (тип b 3), возникающий на стыке морфем, претерпевает различные преобразования в зависимости от различных исторических диалектов.

В хеттском, являющемся преимущественно языком децессивного строя, такой акцессивный комплекс суперируется путем ассимиляции или позднего анаптикса:

[1] О суперации акцессивных комплексов см. *Ахвледиани 1949 : 334 и след.*

Хет. *lutta-* 'окно' < **luk-ta-* (и.-е. *luk-t$^{[h]o}$-, ср. др.-в.-нем., др.-сакс. *lioht* 'свет');

Хет. *galattar* 'жидкость', 'сок растения', ср. греч. γάλα 'молоко', *род. п.* γάλακτος, лат. *lac*, *род. п. lactis*, ср. сохранение акцессивного комплекса в греческом и латинском, как спорадически и в хеттском в форме *galaktar* с тем же значением *(Friedrich 1952 : 95)*; ср. при этом нормальное сохранение децессивного комплекса *-tk-*: хет. *ḫatkešnu-*, *ḫatk-* 'притеснять';

Хет. *uttar* 'слово', 'дело' из **uk-tar*, и.-е. *u̯ek$^{[h]o}$-/*uk$^{[h]o}$- : др.-инд. *vā́k*, *vac-*, *uk-*, греч. Fέπος, ἔπος 'слово', лат. *uōx* 'голос'.

В подобных случаях графическое удвоение в хеттском передает, по-видимому, геминированный согласный, а не является чисто графическим средством передачи глухих придыхательных, восходящих к индоевропейским фонемам серии III.

Начальный акцессивный комплекс /*-*kt-*/ суперируется в индо-иранском путем утери велярного члена последовательности: др.-инд. *turíyaḥ* 'четвертый', авест. *tūirya-* 'четвертый' (и.-е. *k$^{[h]o}$tur-i̯o- 'четвертый', *k$^{[h]o}$etu̯(o)r- 'четыре'). След начальной велярной фонемы в акцессивном комплексе виден в неначальной позиции: авест. *āxtūirīm* 'четыре раза' *(Szemerényi 1960 : 80—81; Mayrhofer 1956, 1: 515)*.

Другим видом суперации акцессивного комплекса типа *-kt-*, *-gd-* в древнеиндийском является замена его на нормальную для этого языка последовательность *-kṣ-* с вторым фрикативным элементом. Примером такой суперации акцессива *-kt-* могут служить следующие формы:

Др.-инд. *pakṣáḥ* 'крыло', 'сторона, бок' при лат. *pectus* 'грудь';

Др.-инд. *tákṣati* 'делает, мастерит', 'режет', *tákṣā* 'плотник' при греч. τέκτων 'плотник', τέκταινα (≈др.-инд. *ж. р. takṣṇí*)[1], *Mayrhofer 1956, 1: 468; 1963, II : 184*;

Др.-инд. *kṣéti*, *kṣiyáti* 'обитает', греч. κτίζω 'основываю поселение', ср. περι-κτί-ται 'соседи' и др.-инд. *pari-kṣít* и т. п.;

Др.-инд. *kṣaṇóti* 'ранит', 'бьет', др.-перс. *a-xšata-* 'невредимый', греч. κτείνω 'убиваю';

Др.-инд. *kṣáyati* 'правит', 'обладает', греч. κτάομαι 'приобретаю', *перф.* κέκτημαι 'обладаю'.

Особенно характерна в древнеиндийском замена таких комплексов на нормальную для древнеиндийского последовательность *kṣ*, что объяснимо невозможностью начального сочетания смычных в индо-иранском.

Акцессивное сочетание [*-kt-*] [*-gd-*], преобразуемое путем суперации комплекса в последовательность *kṣ*, может возникать в древнеиндийском

[1] Обратное развитие *ks>κτ предполагает в этом и других подобных греческих словах Курилович *(Kuryłowicz 1973a : 97)*, но для этого приходится допустить в прагреческом наличие особой фонемы *ç: *ks>*kç>κτ, причем, как отмечает сам Курилович, этот фонетический закон действовал только при отсутствии морфемного шва (juncture) между двумя фонемами *(Kuryłowicz 1973a : 98; 1977 : 205 и след.)*. Но др.-инд. *pakṣá-* в этом случае остается необъясненным. При таком допущении остаются необъясненными и хеттские соответствия *tekan*, *ḫartagga-* и др.

также в результате перестановки (метатезы) комплексов [-tk-] [-dg-], восходящих к соответствующим индоевропейским дистантным или контактным последовательностям.

Такие преобразования в древнеиндийском предполагаются при сопоставлении: др.-инд. *ṛ́kṣaḥ* 'медведь', с греч. ἄρκτος 'медведь', лат. *ursus* (<**orcsos*). Обнаруженное в хеттском соответствующее слово в виде *вин. над. ед. ч. ḫar-tág-gán* 'медведя' (др.-хет. надпись KBo VII 14, 5): *... nu-ut-ta ḫar-tág-gán ma-a-an...]-iš-ki-mi* 'и тебя как медведя я ...ю' *(Гамкрелидзе 1961: 275)* можно транскрибировать как [*ḫartkan*], что указывает на наличие комплекса *-tk-* в древнейшей индоевропейской форме. В древнеиндийском, греческом (и, вероятно, в латинском) происходит перестановка этого комплекса в акцессивное сочетание *-kt-*, которое и суперируется в древнеиндийском в виде последовательности *kṣ*[1].

В ср.-ирл. *art* 'медведь' (ср. о пракельтской форме *Hamp 1965 b: 222*) можно предположить суперацию акцессивного комплекса **-rk*$^{[h]}$*t-* путем выпадения велярного элемента: **-rk*$^{[h]}$*t-* > *-rt-*, ср. аналогичное развитие такого комплекса в др.-ирл. *ro-ort* 'он убил', *претерит 3-го л. ед. ч.* от *org-* 'губить', 'убивать', ср. точное формальное соответствие в хет. (*para*) *ḫarkta* 'он погиб' (с сохраненной группой *-rkt-*).

Аналогичного происхождения в древнеиндийском формы *kṣáḥ*, *kṣmá* 'земля', *kṣámyaḥ* 'земной', соответствующие греч. χθών, тох. А *tkaṁ* 'земля' при хет. *te-e-kán* 'земля', *род. над. tagnaš*, *лок. tagan* *(ср. Schindler 1967; 1975)*.

Хеттская форма представляет полную ступень огласовки корня— индоевропейское *d$^{[h]}$eĝ$^{[h]}$-, чередующуюся с нулевой ступенью *d$^{[h]}$ĝ$^{[h]}$- (тох. А *tkaṁ*, хет. лок. [*tkan*]). В греческой и древнеиндийской формах происходит характерная для греко-арийского ареала перестановка согласных и возникновение акцессивного комплекса [#**ĝd*^{h}], [#**kt*^{h}-] (греч. χθ- — по ассимиляции)[2], который и суперируется закономерно в виде нормальной для древнеиндийского начальной последовательности *kṣ-*.

Акцессивный комплекс [**ĝd*^{h}] устраняется в данной форме в древнеиндийском и другим путем: в результате выпадения элемента *d*^{h} в неестественной для древнеиндийского начальной акцессивной последовательности **ĝd*^{h}: ср. др.-инд. *gmáḥ*, *род. п.* (в сочетании *diváś ca gmáś ca* 'неба и земли', *Wackernagel / Debrunner 1930, III: 243*), *jmá* 'земля' RV VII 39, 2: *jmayá* 'на земле', параллельно с рассмотренной выше последовательностью *kṣáḥ*, *kṣmá*.

[1] В греческих диалектах суперация такого акцессивного комплекса происходит путем упрощения *τκ*, *κτ*: греч. ἄρχος, ἄρκειος, ἄρκηλος. В ряде случаев при начальных акцессивах появляется своего рода вокалическая опора в виде начального *ι* (не выводимого из "ларингального", *ср. Beekes 1969 : 19*): ἰχθύς 'рыба', ἰκτῖνος 'царский сокол', *ср. Schwyzer 1939, 1: 413*. В таких случаях в армянском отсутствует протетический гласный: арм. *jukn* 'рыба', *c'in* 'сокол', *Hovdhaugen 1968 : 130*.

[2] К иллюстрации подобной метатезы уже в историческом греческом ср. *τίκτω* 'рождаю, произвожу'<*ti-tk-ō (ср. аор. ἔ-τεκ-ον), δάκτυλος 'палец' (возможно, из *δατκυλος), *ср. Poultney 1976 : 291*.

В указанных случаях перестановка децессива *[dg^h], *[tk^h] в акцессивный комплекс [gd^h], [kt^h] — явление диалектальное, объединяющее греческий с арийским, с дальнейшим замещением *gd^h → *kṣ*, уже собственно в арийском как результат суперации акцессива[1].

Эта же форма претерпевает аналогичные изменения начального комплекса с выпадением второго дентального элемента и в ряде других диалектов: тох. В *keṁ* (при тох. А *tkaṁ*), лит. *žẽmė*, ст.-слав. *zemlja*, лат. *humus* 'земля'.

Не только акцессивный комплекс *$ĝd^h$ заменяется в древнеиндийском в начальной позиции на нормальную последовательность *kṣ*. Характерно, что в древнеиндийском не обнаруживаются формы с начальным комплексом, состоящим из двух смычных. Единственное распространенное в начале слова сочетание шумных согласных с начальным смычным — это комплекс *kṣ*[2]. Поэтому всякий начальный комплекс, состоящий из двух шумных согласных (за исключением также распространенного в древнеиндийском в начальной позиции комплекса *st*, *ṣṭ*), заменяется в древнеиндийском на *kṣ*.

Такая замена может коснуться начального комплекса как в заимствованном слове, так и в исконно индо-иранской форме, в которой некогда был закономерно представлен комплекс определенного типа. Начальный комплекс *kṣ* в таких случаях выступает не в качестве фонетического соответствия определенному комплексу в словах, соотносимых с древнеиндийским, а предстает в качестве заменителя некогда существовавшего комплекса в таких формах. Это очевидно на примере таких древнеиндийских форм, как:

Др.-инд. *kṣú-* 'скот', *kṣu-mánt-* 'обладающий скотом', *puru-kṣú-* 'имеющий много скота', авест. *fšŭ-* 'скот', ср. др.-инд. *paśúḥ* 'скот', лат. *pecus*. Характерно, что закономерно предполагаемая форма **pśu-* заменяется на комплекс *kṣu-*.

Аналогичную замену комплекса *pt* на *kṣ* следует предположить и в слове *kṣṭ́ivati* 'плюет' при греч. πτύω 'плюю', πτύαλον 'слюна' (с параллельной заменой этого первоначального комплекса и сочетанием *ṣṭh*, ср. *ṣṭh̀ivati* 'плюет').

Ср. также др.-инд. *kṣáp* 'ночь', авест. *xšapan-*, при греч. φέφας, φέρος,

[1] Ср. предполагаемую для древнеперсидского форму **duxši-* 'дочь', отраженную в элам. *du-uk-ši-iš (Benveniste 1966b: 43—48)*, ср. авест. dugədar-, duγdar-, при др.-инд. duhitā́, греч. θυγάτηρ 'дочь'. Образовавшийся после выпадения гласного акцессивный комплекс упрощается в соответствующих формах и в других языках, ср. арм. *dustr*, ст.-слав. *dŭšti*, при лит. *duklė́*, гот. *daúhtar* 'дочь'.

[2] Начальное сочетание ts- встречается всего лишь в трех словах, из которых одно — старая комбинация начального корневого #s- с приставкой: tsárati 'ползет' < *t-seleti *(Mayrhofer 1956, I: 540—541)*, а два других — tsáru- 'ползущее животное' и tsaru- 'рукоять меча' (змееобразная) — связываются с первым словом *(Mayrhofer 1956, I: 541)*. Начальное #ps- встречается в четырех словах ведийского языка: вед. psára- 'радость', авест. fsəratu-, хотано-сакск. *ṣṣar-*; др.-инд. psáti 'жует, глотает', psu- 'дыхание' (в сложных словах); psúra- (неясное значение, встречается в "Ригведе"), *ср. Mayrhofer 1963, II: 388—389*.

ννέφας, δνόφος, ζόφος 'темнота'; хет. (*i*)*špant-* 'ночь' *(Goetze 1951: 475; 1954: 357)*.

В свете рассмотренных выше форм и при учете происхождения в древнеиндийском и греческом соответственно форм *kṣam-* ~ греч. χθών 'земля' и *ŕkṣaḥ* ~ греч. ἄρκτος 'медведь' можно наметить пути происхождения в древнеиндийском форм *kṣiṇáti, kṣiṇóti* 'разрушает', при греч. φθίνω 'разрушаю' (ср. греч. κλέος ἄφθιτον 'немеркнущая слава' и др.-инд. *śrávaḥ ákṣitam*) и др.-инд. *kṣárati* 'течет', 'утекает, исчезает', при греч. φθείρω 'порчу' (ср. ἄφθορος 'неиспорченный', др.-инд. *akṣára-* 'неувядаемый'). Оба эти ряда форм восходят, по-видимому, к индоевропейскому корню **deb^h-* / **db^h-* 'вредить; укорачивать; обманывать', полная ступень которого представлена в др.-инд. *dabhnóti* 'вредит, наносит ущерб', 'обманывает', в пассивной форме 'повреждается', авест. *dab-* 'обманывать, лишать чего-либо', ср. греч. ἀτέμβω 'врежу', 'лишаю', 'укорачиваю' *(Pokorny 1959 : 240)*. В приведенных выше греческих и древнеиндийских формах представлена нулевая ступень корня *db^h- с соответствующими суффиксами в полной ступени. Возникающий таким образом акцессивный комплекс[1] перестраивается в децессивный *bd^h (греческое πθ и с ассимиляцией φθ, ср. выше *κθ > *χθ в форме χθών), который и устраняется в древнеиндийском путем замены его нормальной последовательностью *kṣ-*, ср. выше о замене *gd^h > *kṣ* в *kṣam-*.

Предложенное выше объяснение происхождения форм др.-инд. *kṣáḥ, ŕkṣaḥ, kṣiṇáti, kṣárati* при греч. χθών, ἄρκτος, φθίνω, φθείρω с допущением суперации первоначального акцессивного комплекса и заменой его на последовательность *kṣ* в древнеиндийском снимает вопрос о наличии в исходных индоевропейских архетипах этих форм особых фрикативных фонем (так называемых "спирантов Бругмана"), которыми пытались объяснить кажущиеся отклонения от закономерных фонемных соотношений, наблюдаемых в этих формах[2]. Анализируемые формы не могут служить основанием для принятия в индоевропейском особых фрикативных фонем, фонологически отличных от тех сибилянтных спирантов, которые были выше постулированы в индоевропейской фонологической системе на основании ряда соответствий, отклоняющихся от известных фонемных соотношений и не объясняемых комбинаторными факторами (см. выше, стр. 116 и след.).

[1] Характерно, что рассматриваемый корень является одним из немногочисленных индоевропейских корней с акцессивной последовательностью смычных.

[2] См. обзор предшествующей литературы вопроса *Gunnarson 1971*, а также *Wright 1965*. Морфологическое объяснение посредством допущения особых инфиксов предлагал *Karstien 1971: 256 и след.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ И ТЕОРИЯ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ. СОНАНТЫ И «ЛАРИНГАЛЬНЫЕ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

1. СИСТЕМА ГЛАСНЫХ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕХАНИЗМА АБЛАУТНЫХ ЧЕРЕДОВАНИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

1.1. УСЛОВИЯ ПОЯВЛЕНИЯ НУЛЕВОЙ СТУПЕНИ ОГЛАСОВКИ

Одним из основных источников контактных последовательностей согласных следует считать возникновение их в корнях с нулевой огласовкой. Структура C_1VC_2- в нулевой ступени огласовки, обусловленной, по-видимому, передвижением ударения на последующий или предыдущий слог, дает последовательность C_1C_2- с акцессивным или децессивным распределением согласных:

*$p^{[h]}e\underset{\cdot}{t}^{[h]}$- : греч. πέτομαι 'лечу', др.-в.-нем. *fedara* 'перо', др.-инд. *pátram* 'крыло' ~ *$p^{[h]}\underset{\cdot}{t}^{[h]}$-: греч. *аор.* ἐπτόμην, ἔπτατο; πτερόν 'крыло';

*$\underset{\cdot}{t}^{[h]}e\underset{\cdot}{k}^{[h]}$- : греч. τέκος 'дитя' ~ *$\underset{\cdot}{t}^{[h]}\underset{\cdot}{k}^{[h]}$-: греч. τίκτω 'рождаю' < *τι-τκ-ω;

Особенно хорошо обнаруживаются древние индоевропейские чередования полной и нулевой ступеней в корневых структурах с начальным спирантом s-:

*se$\hat{g}^{[h]}$- : греч. ἔχω 'держу', 'имею' ~ *s$\hat{g}^{[h]}$-: греч. ἔσχον *(аор.)*;

***set'**- : лат. *sedeō* 'сижу', греч. ἕζομαι 'сажусь' ~ ***-st'**-: др.-инд. *nīḍá-* 'пристанище' < **ni-zd-* < **ni-st'*-, арм. *nist*, лат. *nīdus* 'гнездо'.

При анализе общеиндоевропейских форм с нулевой огласовкой, образованных от корней с двумя смычными, обращает на себя внимание то, что они ограничены структурами, содержащими в качестве первого и второго согласного элемента смычные серии III. Общеиндоевропейская нулевая ступень, то есть аблаутная ступень без собственно гласной, обнаруживается исключительно в корнях типа III ~ III. Несомненные случаи нулевой огласовки общеиндоевропейских корней этой структуры представлены следующими формами:

Корни структуры III ~ III

И.-е. *$p^{[h]}e\underset{\cdot}{k}^{[h]}$-/*$p^{[h]}\underset{\cdot}{k}^{[h]}$-: лат. *pecū* 'скот, имущество', гот. *faihu* 'скот'/ авест. *fšu-yant-* 'скотовод', *fšu-šan-* 'приобретающий (имеющий) скот',

др.-инд. *kṣu-mắn-*, *kṣu-mánt-* 'снабженный кормом (пищей)', *puru-kṣú-* 'богатый пищей, богато одаряющий', греч. κτείς, *род. п.* κτενός 'гребень' (<*πκτεν-, ср. лат. *pecten* 'гребень');

И.-е. *$p^{[h]}et^{[h]}$-/*$p^{[h]}t^{[h]}$- : греч. πέτομαι 'лечу', др.-в.-нем. *fedara* 'перо', др.-инд. *pátatra-* 'крыло' / греч. гом. ἐπτάμην, ἔπτατο; πτῆσις 'полет', πτέρυξ, πτερόν 'крыло', арм. *t'ir* 'полет', др.-инд. *(aor.)* *apaptat*, авест. *tāta-* < **ptāta-* 'падающий' (о дожде), ср. греч. πτωτός;

И.-е. *$t^{[h]}ek^{[h]}$-/*$t^{[h]}k^{[h]}$- : греч. τέκος 'род' / греч. τίκτω < *τι-τκ-ω 'рождаю';

И.-е. *$k^{[h]o}et^{[h]}$-/*$k^{[h]o}t^{[h]}$- : ст.-слав. *četyre*, греч. τέσσαρες 'четыре' / др.-инд. *turîya-* < **kturîya-*, авест. *tūirya-* 'четвертый'.

Другие общеиндоевропейские корни этой структуры, то есть содержащие две смычные фонемы серии III, при наличии полной ступени с огласовкой *e* не показывают нулевой ступени, то есть ступени без гласной:

*$t^{[h]}ek^{[h]o}$- : др.-ирл. *techid* 'бежит', *intech* 'путь', лит. *tekù*, латыш. *teku*, ст.-слав. *tekǫ* 'течь, бежать';

*$t^{[h]}ep^{[h]}$- : лат. *tepidus* 'теплый', *tepor* 'тепло', др.-инд. *tápaḥ* 'жар'.

Отсутствие нулевой ступени в этих формах, в отличие от форм первой группы, обусловлено в случае корня *$t^{[h]}ep^{[h]}$- особой его структурой, выражающейся в нехарактерной для индоевропейского акцессивной дистантной последовательности согласных (см. выше), что отразилось в стабильности вокализма *e* в данном корне; в случае корня *$t^{[h]}ek^{[h]o}$- это можно было бы увязать с наличием в корне лабиализованного согласного, имеющего тенденцию не сочетаться с другим согласным в контактной последовательности. В этом отношении представляет интерес форма с нулевой ступенью от рассмотренного выше корня *$k^{[h]o}et^{[h]}$-, где возникающая акцессивная последовательность с лабиализованной смычной в качестве первого элемента суперируется в древнеиндийском путем утери начального велярного согласного, ср. др.-инд. *turîya-* из **kturîya-* или же путем более позднего возникновения редуцированного гласного, разъединяющего "трудную" последовательность согласных[1]: *$k^{[h]o}t^{[h]}$- ⇒ *$k^{[h]o}et^{[h]}$-: ср. греч. πίσυρες 'четыре', лат. *quattuor*, слав. *četyre* (>польск. *cztery*, чеш. *čtyři*).

[1] Такой редуцированный гласный позднейшего происхождения необходимо строго отличать от постулируемых нами более древних редуцированных звуков, давших позднее огласовку *o* в результате появления гласного полного образования. Эта первая редуцированная гласная, так называемое schwa Güntert'a, является значительно более поздним явлением, характерным для отдельных поздних индоевропейских диалектов, в частности италийского, греческого *(Petersen 1938)* и балтийского *(Stang 1966 : 45; 1975 : 45)*. Schwa Güntert'a дает обычно *a* в отличие от первичных индоевропейских редуцированных, восстанавливаемых как гласные полного образования в зависимости от тембра соседних гласных (в основном как гласная тембра *o*). Однако schwa Güntert'a — явление, типологически аналогичное древнему редуцированному гласному; оно возникает для преодоления определенных комплексов, нехарактерных для отдельных диалектов индоевропейского языка.

Если рефлексы древнего редуцированного гласного налицо во всех индоевропейских

К этому же типу с отсутствием нулевой ступени при лабиовелярном смычном относится, очевидно, корень *$k^{[h]o}e\hat{k}^{[h]}$-/*$k^{[h]o}\hat{k}^{[h]}$-: др.-инд. *kāś-*, *káśate* 'быть видимым', 'являться', авест. *ākasaṯ* 'он увидел', *čašman-* 'глаз', ст.-слав. *kažǫ* 'кажу', *kazati*, *u-kazй* 'указ'.

Общеиндоевропейские корни, содержащие смычные серии II (то есть структуры типа II~II), и корни, содержащие согласные серии I в сочетании с согласными серии III и наоборот (то есть структуры типа I~III, III~I), характеризуются отсутствием общеиндоевропейских форм с нулевой огласовкой[1]. Вместо нулевой огласовки в этих структурах выступает огласовка *o*, функционально соответствующая нулевой огласовке в разобранных выше корнях структуры III~III:

Корни структуры II~II

И.-е. *$b^{[h]}eg^{[h]}$-/*$b^{[h]}og^{[h]}$-: др.-исл. *bága*, *bægja* 'сопротивляться, противиться' (герм. **ē*, *см. Pokorny 1959 : 115*) / галл. *bāgaudae* 'повстанцы', др.-ирл. *bágaid* 'он борется', *bág* 'борьба', латыш. *buôztiês* 'сердиться';

И.-е. *$b^{[h]}ed^{[h]}$-/*$b^{[h]}od^{[h]}$-: галл. *bedo-* 'яма', 'канал', лит. *bedù* 'копаю', лат. *fodiō* 'копаю';

И.-е. *$d^{[h]}eg^{[h]o}$-/*$d^{[h]}og^{[h]o}$-: ст.-слав. *žegǫ* 'жгу', *žešti*, лит. *degù* 'жгу', тох. А *tsäk-* 'гореть', лат. *febris* 'горячка', лат. *foueō* 'грею';

И.-е. *$g^{[h]}ed^{[h]}$-/*$g^{[h]}od^{[h]}$-: др.-инд. *gádhyaḥ* 'то, за что держатся', гот. *gōps*, др.-в.-нем. *guot* 'хороший; подходящий', ст.-слав. *godй*, *godina* 'год';

И.-е. *$g^{[h]}eb^{[h]}$-: греч. κεφαλή 'голова', гот. *gibla* 'фронтон', тох. А *śpāl* 'голова';

И.-е. *$d^{[h]}eb^{[h]}$-: хет. *tepu-* 'малый', *tepnu-* 'умалять, унижать'/ др.-инд. *dabhnóti* 'повреждает'. Особняком стоят единичные случаи древнеиндийских форм от этого корня с нулевой огласовкой: др.-инд. *á-dbhu-ta-* 'удивительный', *dabdhá-*, *прич. перф. пасс.* от *dabhnóti*[2].

Корни структуры I~III, III~I

И.-е. *$p^{[h]}et'$-/*$p^{[h]}ot'$-: хет. *pedan* 'место', греч. πέδον 'почва', арм. *het* 'след', лат. *pēs*, *род. п. pedis* / гот. *fōtus*, хет. *pata-*, греч. πούς, ποδός (*род. пад.*) 'нога'[3];

диалектах, и, следовательно, он реконструируется для общеиндоевропейской эпохи, то наличие schwa Güntert'a можно установить лишь в отдельных диалектах, и то эти случаи несводимы друг к другу.

[1] То же самое можно сказать и касательно единичных примеров корней структуры II~I типа *$bl^{[h]}ak'$- 'доля' (см. выше, стр. 141$_1$), представляющего нехарактерное для индоевропейского сочетание и поэтому рассматриваемого нами как недопустимое сочетание смычных в общеиндоевропейских корнях (см. выше, правило (*d*), стр. 140).

[2] Покорный *(Pokorny 1959 : 240)* реконструирует нулевую ступень и для авестийских форм *(2 л. мн. ч. наст. вр. dəbənaotā, dəbāvayaṯ)*, но это не имеет оснований в авестийской графической передаче этих форм (ср. основу dəbu-, *Герценберг 1972 : 36*). Тем сомнительнее предлагаемые Покорным нулевые ступени для индоевропейских праформ, ср. стабильное *e* в хет. tepu- и tepnu-, соответствующем в точности др.-инд. dabhnóti.

[3] Часто цитируемые в сравнительных грамматиках формы с нулевой ступенью от этого корня (др.-инд. -bd-, греч. βδ) встречаются только во втором члене в словосложени-

И.-е. **t'eḱ[ʰ]-/*t'oḱ[ʰ]-* : греч. δεξιτερός 'правый', лит. *dẽšinas* 'правый', ст.-слав. *desnŭ* 'правый', греч. δέχομαι 'принимаю' / греч. δόξα 'мнение', δόγμα 'решение'[1];

И.-е. **t'eḱ[ʰ]-m̥* : др.-инд. *dáśa* 'десять', лит. *dẽšimts*, ст.-слав. *desętĭ*[1];

И.-е. **k[ʰ]et'-/*k[ʰ]ot'-* : др.-инд. *kadrú-* 'коричневый', греч. κέδρος 'кедр' / ст.-слав. *kadilo* 'кадило', прус. *accodis*<**at-codis* 'дымоход'.

Таким образом, явные примеры с нулевой огласовкой корня в общеиндоевропейских формах со смычными согласными ограничиваются немногочисленными структурами типа III~III. Во всех остальных допустимых корневых структурах со смычными отсутствуют явные формы с нулевой огласовкой при наличии форм с огласовкой **o*.

Ясные примеры форм общеиндоевропейского происхождения с нулевой огласовкой, аналогичные формам с нулевой огласовкой со смычными согласными структуры III~III, обнаруживаются в корневых структурах с начальным спирантом s, то есть в структурах типа C_1VC_2-, где

$$C_1 \to \text{s},\ C_2 \to \left\{\begin{matrix}\text{I}\\ \text{II}\\ \text{III}\end{matrix}\right\}:$$

$$\text{Корни структуры s}\sim\left\{\begin{matrix}\text{I}\\ \text{II}\\ \text{III}\end{matrix}\right\}$$

И.-е. **set'-/*st'-* : лат. *sedeō* 'сижу', греч. ἕζομαι, лит. *sėdžiu*, ст.-слав. *sěždǫ* 'сижу', *sędǫ* 'сяду'/арм. *nstim* 'сажусь' < **ni-st'i̯ō*, *nist*, лат. *nīdus* 'гнездо', др.-инд. *nīḍá-* 'пристанище';

И.-е.**sek'-/*sk'-* : др.-инд. *sájati* 'примыкает', ср.-ирл. *sén* 'ловушка', лит. *sègti* 'примыкать' / авест. *vohuna-zga- (spā)* 'пес, приучившийся к крови';

И.-е. **seĝ[ʰ]-/*sĝ[ʰ]-* : греч. ἔχω 'имею', 'держу', др.-инд. *sáhate* 'побеждает', гот. *sigis* 'победа'/греч. ἔσχον (*аор.* от ἔχω), σχοῖμεν (*опт. 1-го л. мн. ч.*), авест. *1 л. мн. ч. опт. zaēmā*;

И.-е. **sek[ʰ]-/*sk[ʰ]-* : др.-инд. *á-sak-ra-* 'неиссякаемый', лит. *sèkti* 'падать' (о воде), ст.-слав. *isęknǫti* 'иссякнуть' / греч. гом. ἔσκατο 'упала' (о воде); редуплицированная форма в авест. *hišku-* 'высохший', валл. *hysb*;

И.-е.**s̑ek[ʰ]o-/*s̑k[ʰ]o-* : гот. *saihvan* 'видеть' / др.-ирл. *ro-sc*<**pro-skʷo-* 'глаз'.

ях сравнительно позднего образования после озвончения глоттализованных в отдельных языках и с ассимиляцией начальной согласной и не могут быть возведены к общеиндоевропейскому, ср. др.-инд. upa-bdá- 'топот', авест. fra-bda- 'передняя нога', a-bda- 'куда нельзя ступить', греч. ἐπί-βδα 'день после праздника'.

[1] В словосложениях с **t'eḱ[ʰ]m̥t[ʰ]-*, являющихся, очевидно, сравнительно более поздним образованием, происходит суперация возникающего в результате выпадения гласного недопустимого сочетания *t'ḱ[ʰ]* путем полного устранения первого компонента в последовательности *t'ḱ[ʰ]*, ср. функционально сходную суперацию недопустимого сочетания путем вставления редуцированного гласного (ср. рус. *тридцать* из **tri-dĭseti*).

Нулевая ступень огласовки также обнаруживается в корнях структуры *CVs-*, то есть в корнях со спирантом s в качестве второго согласного корня:

И.-е. *$b^{[h]}$es- / *$b^{[h]}$s- : др.-инд. *bábhasti* 'раздробляет'/др.-инд. *psáti* 'дробит', 'пожирает', греч. *ψάω*, *ψαίω* 'разрезаю на мелкие куски'; #*$b^{[h]}$s- упрощается в #*s- в названии 'песка' уже в общеиндоевропейском: греч. *ψάμαθος*, контаминированное с *ἄμαθος* 'песок', ср.-в.-нем. *samt*, др.-англ. *sand* 'песок', лат. *sabulum* 'песок';

И.-е. *$b^{[h]}$es- / *$b^{[h]}$s- : др.-инд. *bábhasti* 'надувает, дует' / греч. *ψύχω* 'дую', *ψυχή* 'дуновение', 'душа';

И.-е. *$k^{[h]}$es-/*$k^{[h]}$s- : хет. *kišai-* 'расчесывать', ст.-слав. *češǫ* 'чешу'/ греч. *ξαίνω* 'чешу', 'расчесываю'.

Из разобранных выше форм, представляющих достаточно полный список корней структуры C_1VC_2- с шумными согласными, ясно обнаруживается неожиданный факт малочисленности явных общеиндоевропейских примеров с нулевой огласовкой и ее фонологическая обусловленность в корнях с шумными согласными. Полное выпадение гласной допускается лишь в немногочисленных корневых структурах, содержащих только смычные фонемы серии III, а также в единичных случаях в корнях, содержащих фонемы серии II, и в структурах с начальным и конечным спирантом s.

В общем случае такое наличие нулевой огласовки только в корнях структуры III~III и в единичных случаях II~II и отсутствие ее в остальных корневых структурах с другими возможными комбинациями смычных следует объяснить фонологически недопустимостью в контактной последовательности, возникающей в нулевой ступени корней структуры C_1VC_2-, двух смычных различных серий (то есть II~III, I~II). Следовательно, к ограничениям, накладываемым на сочетаемость смычных в дистантной последовательности в корнях структуры *CVC-* (см. выше, стр. 18—20, правила 1—4), добавляются в нулевой ступени, то есть в возникающей контактной последовательности, дополнительные ограничения, предусматривающие несоединимость смычных фонем различных серий[1].

В корневых структурах, не допускающих по фонологическим причинам нулевую ступень, обнаруживается тенденция к появлению аблаутной ступени с огласовкой *o. В разобранных выше корневых структурах со смычными фонемами, недопустимыми в контактной последовательности согласно приводимым выше правилам, формы с огласовкой *o противостоят формам с нулевой огласовкой в корневых структурах, которые допускают контактную последовательность смычных. В отдельных архаичных индоевропейских образованиях безударная ступень *o появляется именно в тех

[1] Этот принцип гомогенности согласных по сериям в контактной последовательности имеет довольно широкий круг действия в различных языках, например, в северокавказских и южнокавказских. В убыхском и других кавказских языках по Фогту действует следующий принцип:

(a) за звонкими следуют звонкие, за глухими глухие;

(b) в группе из двух смычных глоттализованы либо оба члена, либо только один из них *(см. Vogt 1963 : 29)*.

случаях, если в структурах с допустимым в контактной последовательности сочетанием смычных обнаруживается нулевая ступень огласовки (*ср. Kuryłowicz 1956*).

Такое функциональное соотношение между нулевой ступенью в определенных фонологических структурах со ступенью ***o** в других структурах должно указывать на фонологическую обусловленность нулевой ступени и ступени с огласовкой ***o** и на их дополнительность, определяемую фонологической структурой корня. Тем самым выводится их изначальная функциональная идентичность в общеиндоевропейских корнях с шумными согласными (ср. формы типа греч. *λοβός*).

1.2. «СЛАБАЯ» И «СИЛЬНАЯ» СТУПЕНИ ОГЛАСОВКИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГЛАСНЫХ i~a~u. СИСТЕМА «ЛАРИНГАЛЬНЫХ» ФОНЕМ В РАННЕМ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Устанавливаемая изначальная функциональная идентичность нулевой ступени и ступени с огласовкой ***o** в корнях определенного типа позволяет восстановить с помощью внутренней реконструкции древнейшие индоевропейские модели вокалических чередований и путей образования позднеиндоевропейского механизма аблаута.

Для древнейшего индоевропейского состояния можно внутренне реконструировать две основные ступени огласовки корня: сильную ступень, то есть корневую структуру с гласной *V*, и слабую ступень, то есть корневую структуру с отсутствием гласной. Такое выпадение гласной фонемы *V* в слабой ступени может быть соотнесено с переносом ударения с корневого слога на префиксальный или суффиксальный слог.

Основная каноническая форма корня в этот период развития общеиндоевропейского языка должна была быть представлена структурой C_1VC_2-, где C_1 и C_2 шумные согласные (вероятно, с разобранными выше ограничениями на сочетаемость), а также сонорные согласные *y*, *w*, *r*, *l*, *m*, *n* и особого типа постериорные согласные (видимо, более заднего образования, чем увулярные), так называемые "ларингальные" H_1, H_2, H_3. Вокалическая фонема *V* проявляется в виде своих вариантов *e* и *a*. При этом основной гласной является гласная тембра *e*, обычная для древнейших индоевропейских корней, тогда как *a* характеризуется значительно более ограниченной дистрибуцией. Довольно недвусмысленными примерами гласной тембра *a* могут служить следующие формы:

Лат. *caecus* 'слепой', др.-ирл. *caech* 'одноглазый', валл. *coeg-ddall* 'одноглазый', гот. *haihs* 'одноглазый', др.-инд. *kekaraḥ* 'косоглазый';

Лат. *lēuir*, греч. δαήρ<*δαιϜηρ, арм. *taygr*, др.-в.-нем. *zeihhur*, лит. *dieverìs*, рус. ц.-слав. *дѣверь* 'деверь, брат мужа';

Ср.-ирл. *géc*, валл. *cainc* 'ветвь', др.-исл. *hár*, ст.-слав. *sękй* 'сук', др.-инд. *śaṅkú-* 'крюк', 'подпорка';

Валл. *ceinach* < **ḱasnī* 'заяц', оск. *casnar*, лат. *cānus* 'серый', др.-в.-нем. *haso*, прус. *sasins*, др.-инд. *śaśá-*, афган. *sōe*, вахан. *sūi*[1].

[1] Если не связано с греч. *κεκῆνας·λαγωούς* 'заяц' как 'скакун' (*Schwyzer 1939, I: 302; Mayrhofer 1952: 27—32; Kuryłowicz 1956: 193, примеч. 38*).

Греч. αὖος (гом.), αὗος (аттич.) 'сухой', алб. *thárë* 'высушенный', др.-в.-нем. *sōrēn*, др.-англ. *sēar*, лит. *saũsas* 'сухой', ст.-слав. *suchŭ*, рус. *сухой*, др.-инд. *śúṣyati* 'сохнет';

Греч. χήν, лат. *ānser* 'гусь', др.-ирл. *géiss*<**gansi̯*, др.-англ. *gōs*, лит. *žąsìs*, рус. *гусь*, др.-инд. *haṁsá-* 'водяная птица';

Лат. *nāsum* (ст.-лат.), *nāssus*, др.-в.-нем. *nasa*, прус. *nozy*, лит. *nósis*, ст.-слав. *nosŭ*, др.-инд. *nasā́* 'нос';

Лат. *sāl* 'соль', греч. ἅλς, др.-ирл. *salann*, арм. *ał*, гот. *salt*, латыш. *sâls*, рус. *соль*, ст.-слав. *solĭ*, тох. В *salyiye*, др.-инд. *sal-ilá-* 'море' (< *'соленое', *Thieme 1953*).

Крайняя ограниченность общеиндоевропейских форм с гласной тембра *a* при обычности тембра *e* отражает первоначальную комбинаторную обусловленность, пока еще не поддающуюся более точному определению, огласовки *a*[1]. Если и принимать для позднеиндоевропейского гласную тембра *a* как независимую индоевропейскую фонему наряду с гласной *e* (и *o*, *см. Szemerényi 1970*), то для более ранних этапов развития индоевропейского следует внутренне реконструировать гласную фонему *V* с комбинаторно обусловленными вариантами *e* (в качестве основного, дистрибутивно менее ограниченного варианта) и варианта *a*, ограниченного определенными комбинаторными условиями, которые были утеряны в дальнейшем, что и вызвало фонологизацию гласного *a*.

Другим источником для гласного тембра *a* служило соседство с "ларингальным" H_2: $VH_2 \rightarrow aH_2$, $H_2V \rightarrow H_2a$. Примером такого *a* в индоевропейском могут служить формы:

Др.-инд. *árjunaḥ* 'белый', греч. ἀργός 'белый', ἀργι- 'белый', лат. *argentum* 'серебро', тох. А *ārki*; хет. *ḫarki-* : и.-е. **H*$_2$*arḱ*'-;

Др.-инд. *ắp-* 'вода', *dvīpá-* 'остров' (<**dvi-H*$_2$*p-*), авест. *āfš*, хет. *ḫap-* 'поток': и.-е. **H*$_2$*ap*$^{[h]}$-;

Др.-инд. *ánti* 'напротив', 'перед', греч. ἀντί 'перед', лат. *ante*, хет. *ḫant-* 'лоб': и.-е. **H*$_2$*ant*$^{[h]}$-;

Хет. *ḫašša-* 'очаг', лат. *āra* 'очаг', оск. *aasai* 'в очаге': и.-е. **H*$_2$*as-*;

Лат. *pāscō* 'пасти', *pāstor* 'пастух', др.-инд. *pā́ti* 'пасет', 'охраняет', ст.-слав. *pasti*, тох. А *pās-*, В *pāsk-* 'охранять', хет. *paḫš-* 'охранять': и.-е. **p*$^{[h]}$*aH*$_2$*s-*;

Лат. *nouāre* 'обновлять', греч. νεάω, хет. *neuaḫḫ-* : и.-е. **neuaH*$_2$-.

В качестве другого варианта общеиндоевропейской гласной *V* выступал гласный тембра *o* при сочетании *V* с H_3 в предшествующей или последующей позиции: $VH_3 \rightarrow oH_3$, $H_3V \rightarrow H_3o$:

Греч. ὄρνις 'птица', гот. *ara*, ст.-слав. *orĭlŭ*, хет. *ḫaraš*, *род. п. ḫaranaš* 'орел': и.-е. **H*$_3$*or-*.

[1] Ср., однако, выше (стр. 147) об огласовке ă в индоевропейских корнях структуры C_1VC_2-, обусловленной, по всей вероятности, фактором акцессивности, с велярной смычной в качестве начального согласного корня. Обращает на себя внимание также участие велярной смычной в части из приведенных выше индоевропейских форм с огласовкой *a (*ср. Гамкрелидзе 1979*).

Лат. *opus* 'работа, труд', *ops* 'изобилие', др.-инд. *ápaḥ* 'работа', авест. *afnaḥ-vant-* 'богатый'; хет. *ḫappar* 'цена, стоимость', *ḫappinant-* 'богатый': и.-е. $*H_3op^{[h]}$-;

Др.-инд. *áviḥ* 'овца', лат. *ouis*, греч. ὄϝις, οἶς, лит. *avìs*, ст.-слав. *ovĭca* 'овца', арм. *hov-iw* 'пастух' (др.-инд. *avi-pālá-*), иер. лув. *ḫawi-*, хет. *ḫaua-* 'овца': и.-е. $*H_3oui$-;

Греч. ὄζος 'ветвь', арм. *ost*, др.-англ. *ōst*, хет. *ḫaštuir* 'хворост': и.-е. $*H_3os$-;

Лат. *dō* 'даю', греч. δίδωμι, др.-инд. *dádāmi*, хет. *daḫḫi* 'беру', *пр. вр. daḫḫun*: и.-е. $*t'oH_3$-.

Постулирование трех "ларингальных" фонем H_1, H_2 и H_3 в раннем индоевропейском объясняет неравномерность дистрибуции гласных *e*, *a*, *o* и ограниченность гласных **a** и **o** начальной позицией в слове и корнями с позднейшими долгими гласными (ср. классическую индоевропейскую триаду гласных в $*\mathbf{d}^{[h]}\bar{\mathbf{e}}$-, $*\mathbf{t}'\bar{\mathbf{o}}$-, $*\mathbf{st}^{[h]}\bar{\mathbf{a}}$- в отдельных индоевропейских диалектах, восходящих соответственно к $*\mathbf{d}^{[h]}\mathbf{eH}_1$-, $*\mathbf{t}'\mathbf{oH}_3$-, $*\mathbf{st}^{[h]}\mathbf{aH}_2$-).

Такое тембральное влияние "ларингальных" на общеиндоевропейскую гласную фонему *V* следует объяснить фонологическими признаками самих "ларингальных", характеризовавшихся, очевидно, постериорной артикуляцией, более задней, чем увулярные фонемы.

Типологические соображения дают основание для рассмотрения этих фонем в качестве фарингальных непрерывных звуков. Благодаря фарингальной артикуляции гласная *V* в соседстве с такой фонемой проявлялась в виде гласного тембра *a*. Тембр *o* объясним с допущением при фарингальных дополнительного признака лабиализованности: $H^{\circ}V \rightarrow H^{\circ}o$, $VH^{\circ} \rightarrow oH^{\circ}$. Проявление гласной фонемы *V* в виде гласного тембра *e* в соседстве с фарингальной фонемой могло быть связано с дополнительным признаком палатализации при фарингальной: $\breve{H}V \rightarrow \breve{H}e$, $V\breve{H} \rightarrow e\breve{H}$.

Таким образом, наши символы H_1, H_2, H_3 могут быть переписаны, при определенной их фонологической интерпретации, соответственно как $\breve{H}$, H, H°. В этой триаде фонем H выступает в качестве немаркированного члена при маркированных палатализованном и лабиализованном "ларингальных". Такое противопоставление немаркированного члена маркированным — палатализованному и лабиализованному — отражается и в статистической частотности появления этих фонем в индоевропейском корне: $\breve{H}$ палатальное и H° лабиализованное встречаются значительно реже, чем немаркированное фарингальное H.

Несомненными примерами, иллюстрирующими наличие $\breve{H}$ в корнеслове индоевропейского происхождения в позиции перед гласной, являются формы хет. *ḫekur* 'возвышенность' при др.-инд. *ágram* 'возвышенность', и хет. *ḫenkan* 'судьба', др.-ирл. *écen* 'необходимость' (ср.-валл. *anghen*), греч. ἀνάγκη 'судьба, рок' (о возможном наличии $*\breve{H}$ палатального в корнях типа $*\breve{H}es$- 'быть', $*\breve{H}et'$- 'есть' и других—см. ниже); в позиции после гласной—формы хет. *teḫḫi* 'кладу', греч. τίθημι, др.-инд. *dádhāmi*: и.-е. $*d^{[h]}e\breve{H}$-; хет. *meḫur* 'время', гот. *mēl* 'время', др.-инд. *māti* 'изме-

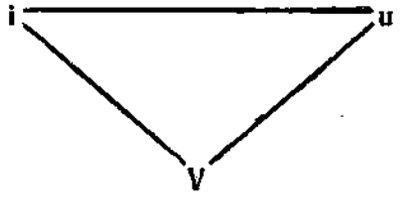
ряет': и.-е. **meH-*; хет. *šeḫur* 'моча', др.-исл. *súrr* 'кислый', ст.-слав. *syrŭ* 'сырой': и.-е. **seH-*.

Такой трехчленный ряд "ларингальных" фонем создает в системе структурную параллель к трем рядам "гуттуральных": велярному, палатализованному, лабиовелярному (*Гамкрелидзе 1960: 89 и след.; ср. Андреев 1957*, который рассматривает "ларингальные" согласные как глухие небные спиранты). Такая система фарингальных фонем не только имеет типологические параллели (ср. системы абхазо-адыгских языков, *Allen 1956*, а также некоторых нововосточно-иранских диалектов, *Эдельман 1973*), но вместе с тем оправдана внутренними структурными соотношениями в самой индоевропейской системе.

Таким образом, гласная фонема *V*, постулируемая для раннего периода общеиндоевропейской языковой системы, проявлялась в виде гласного тембра *e* (основной вариант фонемы), а также в виде гласного тембра *a* (в отдельных редких случаях и в соседстве с *H*) и гласного тембра *o* (в соседстве с фонемой H^{o}). Наряду с гласной фонемой *V* для этого периода общеиндоевропейской системы следует постулировать узкие гласные *i (переднего ряда) и *u (заднего ряда)[1], проявляемые в таких стабильных по вокализму общеиндоевропейских формах, как лат. *quis*, *quid* 'кто, что', оск. *pis*, *pid*, др.-ирл. *cid*, греч. τίς, др.-инд. *kiḥ*, *kim*, ст.-слав. *čĭ-to*: и.-е. *$k^{[u]o}$i-; др.-инд. *kú* 'где', крит. ὅ-που, сирак. πῦς, алб. *kur*, лит. *kuĩ*, ст.-слав. *kŭ-de*, лат. *-cubī* (*nē-cubi*, *sĭ-cubi*, *ali-cubi*), хет. *kuqapi* 'когда-либо', *kuqatta* 'куда-либо' и др.

Таким образом, для древнейшего периода общеиндоевропейского языка можно внутренне реконструировать систему гласных в виде двуступенчатого треугольника с противопоставлением гласных по признаку открытости (низкий *V*—высокие *i, *u), переднего образования (антериорные) и заднего образования (постериорные)[2]:

Схема 1

Такое *V* могло фонетически реализоваться в виде трех открытых гласных звуков — соответственно более переднего (ср. фонетически [æ] откры-

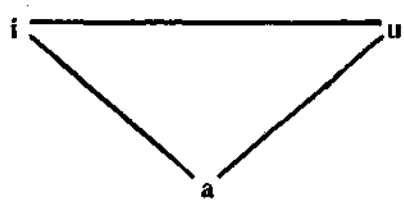
[1] Ср. о возможности допущения *i* и *u* в качестве первичных гласных *Kuryłowicz 1956 : 393* и *Szemerényi 1970 : 129*; см. также *Мельничук 1979*.

[2] Такой треугольник гласных ("нейтральный" ~ передний ~ задний) находится в системе в структурном соответствии с тремя рядами "гуттуральных" и "ларингальных": "нейтральный" (велярный) ~ палатализованный ~ лабиализованный.

тое), среднего (чистое [ɑ]) и заднего ряда (заднее [a], фонетически близкое к [ɔ]). В нашей записи эти аллофоны гласной фонемы передаются соответственно латинскими символами *e*, *a*, *o*[1].

Такая система гласных, реконструируемая для определенного этапа развития индоевропейского языка, находит ближайшую параллель в общесемитской системе вокализма с двухступенчатым треугольником гласных:

Схема 2

*1.3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛОГОВЫХ СОНОРНЫХ ЗВУКОВ И ОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОНАНТОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ГЛАСНЫЕ *i И *u КАК ЧЛЕНЫ СОНАНТИЧЕСКОГО КЛАССА ФОНЕМ*

Для общеиндоевропейского языка раннего периода следует восстановить два основных класса фонем : собственно согласные, включавшие в себя наряду с шумными согласными и сонорные согласные *y*, *w*, *r*, *l*, *m*, *n*, "ларингальные" H_1, H_2, H_3 и собственно гласные *V* (с вариантами *a*, *e*, *o*), *i* и *u*. Система осложнялась фонологически релевантным подвижным динамическим ударением, перенос которого в последовательности с одной морфемы на другую образовывал парадигматические противопоставления при формообразовании и словообразовании (*ср. Kiparsky 1973*). При таком переносе динамического ударения с одного слога на другой следует допустить ослабление безударной гласной, выражаемое в редукции гласной или в полном ее выпадении в корнях, где при таком выпадении возникали допустимые для индоевропейского контактные сочетания согласных.

Разобранные выше общеиндоевропейские формы дают основание предположить, что полное выпадение гласных могло произойти лишь в корнях со смычными серии III или в корнях с начальным или конечным спирантом *s*. В остальных структурных типах можно предположить не полное выпадение гласной в слабой (то есть в безударной) ступени, а редукцию гласной полного образования и появление на ее месте нефонологического сверхкратного гласного, символизируемого знаком **ə*. Такую разновидность слабой ступени, определяемую фонологической структурой корня, можно

[1] Такая система вокализма, реконструируемая для раннего индоевропейского состояния, находится в полном соответствии с типологическим выводом о распространенности вокалических систем с противопоставлением по двум признакам высокий ~ низкий и компактный ~ диффузный (*Jakobson 1971a; ср. Andersen 1972: 1140*).

было бы назвать ступенью редукции с нефонологическим гласным, являющимся вариантом нуля.

Таким образом, наряду с сильной ступенью, то есть со ступенью с нормальной подударной огласовкой корня, следует постулировать слабую, то есть безударную ступень, проявляемую в виде двух вариантов, обусловленных фонологической структурой корня: нулевой ступени и ступени редукции:

I. $C_1V_1C_2\text{-}V_2C_3\text{-}$
II. $C_1V_1C_2\text{-}V_2C_3\text{-}$

I. *Сильная ступень* (соответствующая полной или нормальной ступени в терминах традиционной индоевропеистики);

II. *Слабая ступень* { a. *Нулевая ступень*; b. *Ступень редукции* } в зависимости от фонологической структуры корня.

В корнях с сонорными *y*, *w*, *r*, *l*, *m*, *n* слабая ступень проявлялась, как правило, в виде ступени редукции, то есть при сонорном возникал редуцированный гласный звук, являвшийся своего рода фонетической опорой сонорных в соседстве с шумными.

Обозначая сонорные общим символом *S*, то есть при

$$S \rightarrow \left\{ \begin{matrix} y \\ w \\ r \\ l \\ m \\ n \end{matrix} \right\}$$

получаем в слабой ступени следующие возможные структуры с редуцированным гласным:

$$SVC\text{-} \rightarrow S_{\text{ə}}C\text{-}$$
$$CVS\text{-} \rightarrow C_{\text{ə}}S\text{-}$$

Подобные сочетания редуцированного гласного с сонорным приводили в дальнейшем к образованию слоговых сонорных:

$$_{\text{ə}}S\,//\,S_{\text{ə}} \rightarrow \underset{\circ}{S},$$

то есть

$$_{\text{ə}}y\,//\,y_{\text{ə}} \rightarrow i$$
$$_{\text{ə}}w\,//\,w_{\text{ə}} \rightarrow u$$
$$_{\text{ə}}r\,//\,r_{\text{ə}} \rightarrow \underset{\circ}{r}$$
$$_{\text{ə}}l\,//\,l_{\text{ə}} \rightarrow \underset{\circ}{l}$$
$$_{\text{ə}}m\,/\,m_{\text{ə}} \rightarrow \underset{\circ}{m}$$
$$_{\text{ə}}n\,//\,n_{\text{ə}} \rightarrow \underset{\circ}{n}$$

Образование слоговых сонорных из сонорных фонем в ступени редукции приводит к установлению субфонемных соотношений между слоговыми сонорными и соответствующими неслоговыми сонорными в формах сильной ступени. В формах типа:

$$*t'ey\text{-}\hat{k}^{[h]}\text{-} : t'\text{ə}y\text{-}k^{[h]}\text{-} \rightarrow t'\text{i}\text{-}\hat{k}^{[h]}\text{-}$$
$$*b^{[h]}ew\text{-}d^{[h]}\text{-} : b^{[h]}\text{ə}w\text{-}d^{[h]}\text{-} \rightarrow b^{[h]}u\text{-}d^{[h]}\text{-}$$
$$*t'er\text{-}\hat{k}^{[h]}\text{-} : t'\text{ə}r\text{-}\hat{k}^{[h]}\text{-} \rightarrow t'\text{r̥}\text{-}\hat{k}^{[h]}\text{-}$$
$$*b^{[h]}en\text{-}d^{[h]}\text{-} : b^{[h]}\text{ə}n\text{-}d^{[h]}\text{-} \rightarrow b^{[h]}\text{n̥}\text{-}d^{[h]}\text{-}$$
$$*p^{[h]}el\text{-}t^{[h]}\text{-} : p^{[h]}\text{ə}l\text{-}t^{[h]}\text{-} \rightarrow p^{[h]}\text{l̥}\text{-}t^{[h]}\text{-}$$

и им подобных, сонорные *y*, *w*, *r*, *l*, *m*, *n* чередуются в формах слабой ступени, то есть в структурах без гласной, соответственно со слоговыми элементами *i*, *u*, *r̥*, *l̥*, *m̥*, *n̥*. Это приводит к их фонологической идентификации и к рассмотрению слоговых *i*, *u*, *r̥*, *l̥*, *m̥*, *n̥* и соответствующих неслоговых *y*, *w*, *r*, *l*, *m*, *n* как комбинаторных вариантов единых фонемных единиц, проявляемых в зависимости от фонетического окружения в виде слоговых или неслоговых вариантов.

Образование слоговых вариантов сонантов путем слияния редуцированного гласного с сонорными *y*, *w*, *r*, *l*, *m*, *n* приводит к преобразованию редуцированного варианта слабой ступени в ее нулевой вариант, то есть слабая ступень проявляется в корнях с сонантами, происшедшими из более ранних сонорных согласных, не в виде ступени редукции, а в виде нулевой ступени огласовки, совпадающей по признаку полного отсутствия в ней гласной фонемы *V* с некоторыми типами корней с шумными согласными. Тип $*le\underline{i}\text{-}k^{[h]}\text{o}\text{-}$ дает в слабой ступени $*li\text{-}k^{[h]}\text{o}\text{-}$, тип $*b^{[h]}e\underline{u}\text{-}d^{[h]}\text{-}$ дает $*b^{[h]}ud^{[h]}\text{-}$ и т.д. с нулевой огласовкой корня. Эти процессы должны были привести к образованию в позднем общеиндоевропейском хорошо известного типа чередования полной и нулевой ступеней огласовки в формах с сонантами *ei̯*: *i*, *eu̯*:*u*, *er*:*r̥*, *el*:*l̥*, *en*:*n̥*, *em*:*m̥*.

Общеиндоевропейский тип аблаута корней с сонантами

Сильная (нормальная или полная) ступень:	*Слабая (нулевая) ступень:*
ei̯	*i*
греч. εἶμι, др.-инд. *émi* ‘иду’, греч. λείπω ‘оставляю’	греч. ἴ-μεν, др.-инд. *imáḥ* ‘идем’, греч. ἔ-λιπ-ον ‘оставил’
eu̯, *u̯e*	*u*
греч. πεύθομαι ‘узнаю’, др.-инд. *bódhate* ‘пробуждается’, ‘замечает’; др.-в.-нем. *weban* ‘ткать’	греч. ἐ-πυθ-όμην ‘заметил’, др.-инд. *bud-dhá-* ‘пробужденный’; др.-инд. *ubhnáti*, *umbháti* ‘ткет’, авест. *ub-daēna-*; греч. ὑφή ‘ткань’; др.-инд. *uśánt-* ‘желающий’, авест. *usant-*
греч. ἑκών (*прич.*) ‘доброволь-ный’, др.-инд. *váś-mi* ‘хочу’, хет. *u̯ek-mi* ‘хочу’	
er	*r̥*
греч. κῆρ ‘сердце’, хет. *kir* ‘сердце’, прус. *seyr* ‘сердце’	греч. καρδία, хет. *kardi̯aš* ‘сердца’ (*род. пад.*), лит. *širdìs*

греч. φέρω 'несу', лат. *ferō*, ст.-слав. *berǫ*, др.-инд. *bhárati*, арм. *berem*

др.-инд. *bhṛ-tá-ḥ* (*прич. прош. вр.*)

el

греч. ἀμέλγω 'дою', др.-инд. *márṣṭi* 'трет', др.-в.-нем. *melchan*, др.-англ. *melcan*, лит. *mélžu* 'доить'

ḷ

др.-инд. *mṛṣṭá-*, лат. *mulctus* (*прич. прош. вр.*); ср.-ирл. *mlicht*, *blicht* 'молоко'

em

гот. *qiman* 'приходить', *1 л. мн. ч. qemum*, тох. А *käm-*, В *käm-*, авест. *ǰamaiti* < **k'^{0}emeti*

ṃ

греч. βάτην (*аор.* от βαίνω 'иду'), вед. *ágan* (*аор.* от *gam-* 'идти'); *gatá-* (*прич. пр. вр.*) <**k'^{0}ṃ-*

en

греч. πεῖσμα 'канат', πενθερός 'тесть' (< 'связанный свойством'), др.-инд. *badhnáti* 'связывает', гот. *bindan* 'связывать', лит. *beñdras* 'товарищ'.

ṇ

др.-инд. *baddhá-* (*прич. прош. вр.*) 'связанный'.

Такие фонетико-фонологические преобразования в индоевропейском должны были привести к расщеплению класса согласных фонем на класс собственно согласных и на класс сонантов *[i̯, u̯, r, l, m, n]*, то есть фонем, проявляемых в зависимости от позиций в виде своих слогообразующих и соответствующих неслогообразующих аллофонов (в отличие от собственно согласных, которые во всех допустимых для них позициях представлены в виде неслогообразующих элементов, и от собственно гласных, которые во всех позициях проявляются исключительно в виде слогообразующих элементов). Следовательно, сонанты характеризуются признаками *[±слоговость]* в отличие от собственно согласных, имеющих признак *[−слоговость]*, и собственно гласных, имеющих признак *[+слоговость]*.

Эти преобразования в системе общеиндоевропейских согласных и возникновение класса сонантов должны были привести к существенной перестройке системы гласных. В частности, первоначальные высокие гласные *i* и *u* в условиях появления класса сонантов с элементами [*i*] и [*u*] в качестве слоговых аллофонов сонантов *i̯*, *u̯* отождествляются со слоговыми аллофонами последних, выступающих в формах с нулевой огласовкой. Тем самым первоначальные гласные *i*, *u* причисляются к классу сонантов в качестве слоговых аллофонов соответственно фонем *[i̯, u̯]*. Эти гласные, не подвергавшиеся ранее чередованию с какими-либо неслоговыми элементами, вовлекаются в механизм чередований сонантических элементов, чем и стирается окончательно связь этих фонем с классом собственно гласных.

Вторичное переосмысление изначального гласного ([*i*] или [*u*]), появляющегося только в нулевой ступени, в качестве слогового аллофона соответственно фонем [*i̯*] или [*u̯*] могло привести в отдельных случаях к вторичному образованию сильной ступени (то есть ступени с полным гласным), наряду с этой ступенью без собственно гласной.

Этот процесс имеет, очевидно, место при параллельных показателях индоевропейского локатива **-i/*-ei*, из которых форма подударного локатива **-i* является несомненно древнейшей, отражающей, очевидно, древнюю гласную фонему **i* в сильной ступени: греч. *ποδ-ί*, др.-инд. *pad-í* 'в ноге', *dat-í* 'в зубе', *janas-í* 'в роде', хет. *nepiš-i* 'на небе', при позднейшем слав. *nebes-i* 'на небе'. Не исключено, что и другие формы с полной огласовкой, включающие дифтонги *ei̯*, *eu̯*, которые в нулевой огласовке представлены в виде *i* и *u* и приводятся для иллюстрации чередования полной ступени с нулевой, представляют собой более поздние образования от корней с изначальными гласными **i*, **u*, отождествленными со слоговыми сонантами [i] и [u] в формах с нулевой огласовкой[1].

1.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ «ЛАРИНГАЛЬНЫЕ» КАК ФОНЕМЫ СОНАНТИЧЕСКОГО ТИПА

В корнях с "ларингальными" фонемами вокалическая фонема *V* проявлялась, как было указано выше, в виде гласных *e*, *a*, *o* в зависимости от качества "ларингальной" фонемы. В слабой ступени, как и в корнях с сонорными, возникала не нулевая огласовка, а редуцированная огласовка, выражавшаяся в наличии сверхкраткого гласного звука неясного тембра *ə*:

CeH- ⇒ *CəH-*	*HeC-* ⇒ *HəC-*
CaH- ⇒ *CəH-*	*HaC-* ⇒ *HəC-*
CoH°- ⇒ *CəH°-*	*H°oC-* ⇒ *H°əC-*

Аналогично сочетанию редуцированного гласного с сонорным подобное сочетание непрерывных фарингальных фонем с предшествующим или последующим редуцированным гласным звуком должно было образовать слоговые единицы, противостоящие соответствующим неслоговым как варианты единой "ларингальной" фонемы[2]. Тем самым ступень ре-

[1] В этом отношении любопытна теория чередований у индийских грамматиков, согласно которой за исходную ступень чередования принимаются формы с i, u, а формы с дифтонгами *ăi̯*, *ău̯* считаются ступенью *guṇa* (возвышением, дополнительной ступенью). В индоевропейском имели место, по-видимому, как процессы редукции полных гласных и образования слоговых элементов, так и в отдельных случаях процессы вторичного образования гласной в корнях с i, u, восходящих к первоначальным вокалическим единицам, следы которых зачастую трудно установить ввиду наложившихся новых отношений, затемняющих первоначальную схему распределения фонемных единиц.

[2] Типологической параллелью фонетическим особенностям предполагаемой индоевропейской "ларингальной" фонемы может послужить фонетический характер семитических фарингальных фонем *ḥ* и *ʿ*, определяемых соответственно как глухой фарингальный спирант и ларингализованный фарингальный *(Ferguson/Moukhter et al. 1961; Ladefoged*

дукции в корнях с "ларингальными" превращается в нулевую ступень огласовки со слоговыми элементами, представляющими разновидность соответствующих неслоговых "ларингальных" в формах сильной ступени, то есть в формах с нормальной огласовкой.

Слоговые и неслоговые "ларингальные", находящиеся в дополнительном распределении, выступают тем самым в качестве особых фонем со слоговыми и соответствующими неслоговыми вариантами, примыкая к классу сонантов.

Такие соотношения и предполагались Соссюром при постулировании в индоевропейской системе особых фонем, определяемых им в качестве "сонантических коэффициентов"[1].

Образовавшиеся таким образом слоговые варианты "ларингальных" и представляют собой так называемое *schwa Indogermanicum*, определяемое в исторических языках соответствиями: др.-инд. *i* ~ греч. *α* (*ε*, *ο*) ~ итал. *a* ~ балт.-слав. *a*;

Сильная (нормальная) ступень:	Слабая (нулевая) ступень:
***d$^{[h]}$eH-**	***d$^{[h]}$əH- → *d$^{[h]}$Ḥ-**
Др.-инд. *dádhāmi*, греч. τίθημι, хет. *teḫḫi* 'кладу, ставлю';	Др.-инд. *hitá-ḥ* (вед. *-dhita-* в словосложениях), греч. θετός (*прич. пр. вр.*);
***t'oH°-**	***t'eH°- → *t'Ḥ°-**
Др.-инд. *dádhāmi*, греч. δίδωμι, лат. *dō* 'даю', хет. *daḫḫi* 'беру';	Др.-инд. *á-dita*, греч. δοτός, лат. *dătus* (*прич. пр. вр.*);
***st$^{[h]}$aH-**	***st$^{[h]}$əḤ- → *st$^{[h]}$Ḥ-**
Др.-инд. *tíṣṭhāmi*, греч. ἵστᾱμι 'ставлю'.	Др.-инд. *sthitá-*, греч. στατός, лат. *stătus* (*прич. пр. вр.*).

1971: 41—42 и табл. 24). Обладая способностью влиять на тембр соседних гласных, звонкий фарингальный может выступать в определенных позициях в качестве слогового элемента. В частности, в начальной позиции перед согласным или в конечной позиции после согласного, а также в позиции между начальным согласным и гласным, ср., например, в арабском диалекте Бейрута такие формы, как tʕallam 'он выучил' (позиция #C—V), sabʕ 'семь', ʃamʕ 'петь' (позиция C—#), ʕtaraf 'он признался' (позиция #—C), *см. Mattson 1911: 100—101; о* двойственной консонантной и слогообразующей фонетической природе, присущей звонкому ларингализованному фарингальному согласному, см. также *Vergote 1945: 72—73; ср. Keiler 1970: 83 и след.* о семитских фонетических параллелях индоевропейским "ларингальным". Любопытны в типологическом отношении также данные кабардинского языка, в котором, согласно *Яковлеву 1923*, фарингальная фонема *ḥ* может реализоваться в виде слогообразующего элемента. Такие фонетические параллели из разных языков, иллюстрирующие слоговой характер некоторых проявлений фарингальных звуков, могут служить надежной типологической основой для допущения слогообразующего и неслогообразующего характера постулируемых индоевропейских "ларингальных".

[1] К критическому библиографическому обзору "Ларингальной теории", начиная с "Мемуара" Ф. де Соссюра, *см. Polomé 1965; ср. также Szemerényi 1973.*

1.5. ФОРМЫ ПОЛНОГЛАСНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННОЙ СТУПЕНИ ОГЛАСОВКИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТРЕУГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ $e \sim a \sim o$

В корнях с шумными согласными структуры C_1VC_2-, в которых фактически отсутствуют формы со слабой ступенью, в отличие от корней того же типа с определенной фонологической структурой, в которых слабая ступень представлена в виде нулевой огласовки (см. выше), отсутствие слабой ступени следует объяснить позднейшими преобразованиями и вторичным появлением форм с полной огласовкой. Слабая ступень в корневых структурах могла быть представлена, как было указано выше, лишь в виде редуцированной ступени с наличием сверхкраткого гласного неясного тембра, который и разъединял недопустимые в контактной последовательности согласные, составляющие консонантные элементы корня.

В отличие от структур с сонорными фонемами такой редуцированный звук в структурах описываемого типа не сливался со смежным консонантным элементом, образуя его слогообразующий вариант, а восстанавливался в корне в безударной позиции в виде гласной полного образования. Такой восстановленный редуцированный гласный характеризовался, как правило, тембром *o* или в редких случаях тембром *e*, в зависимости от влияния соседних фонем вокалического или консонантного класса.

Довольно ясным примером такого восстановления гласного полного образования с тембром *e* из первоначального редуцированного может служить основа *neb$^{[h]}$es- < *n$_{ə}$b$^{[h]}$és-: др.-инд. *nábhaḥ* 'туман', 'небо', хет. *nepiš* <*nepes-*, ст.-слав. *nebo*, *nebese*, *nebesi* 'небо', лит. *debesìs*, греч. νέφος 'облако, туча'; ср. также типологически хеттские формы типа *ŭeten-i* 'в воде' с подобной гармонией гласных[1].

В других случаях нормальным развитием постулируемого редуцированного гласного нужно считать развитие его в гласный тембра *o*. Этим может быть объяснено отсутствие в целой группе корней определенной структуры форм со слабой (нулевой) огласовкой и наличие в них функционально тождественной во многих случаях огласовки *o*.

Такое *o*, возникшее из редуцированного гласного, можно допустить в указанных выше индоевропейских корневых структурах с шумными согласными (см. стр. 154—155), в которых закономерно отсутствуют формы с нулевой огласовкой[2]. Основанием для подобного утверждения

[1] Другое направление развития, ведущее к возникновению огласовки *o*, могло быть связано с влиянием соседних фонем, в частности сонантов. Послеударное *e* могло привести в подобных позициях к образованию огласовки *o*, в результате чего возникало парадигматическое чередование типа греч. *λέγομεν* 'говорили' при *λέγετε*, *πατήρ* 'отец' при *ἀπάτωρ* 'не имеющий отца'; *δοτήρ* 'дающий' при *δώτωρ*; *φρήν* 'душа', 'разум' при *ἄφρων* 'безумный' и др., *ср. Mańczak 1960*.

[2] До возникновения полного гласного *o* из *ə нужно допустить существование в системе "слоговых" шумных * $_{ə}$C, которые преобразовываются в дальнейшем в последователь-

является именно тот факт, что такие формы с огласовкой **o* не обнаруживают, как правило, форм с нулевой огласовкой. К этому же типу относятся следующие индоевропейские формы с огласовкой **o* при отсутствии нулевой огласовки, проявляющие особую древность (*ср. Kuryłowicz 1956: 280*):

Др.-инд. *kákṣā* 'подмышка', авест. *kaša-* 'плечо', лат. *coxa* 'бедро', др.-ирл. *coss* 'нога', др.-в.-нем. *hāhsina* 'голень': и.-е. *$k^{[h]}ek^{[h]}s$-;

Лат. *corulus* 'орех', 'желудь', др.-ирл. *coll* 'орешник', др.-в.-нем. *hasal(a)*, ст.-лит. *kasulas* : и.-е. *$k^{[h]}os$-(e)lo-;

Лат. *hosti-s* 'гость', 'чужой', 'враг', др.-исл. *gestr* 'гость', ст.-слав. *gostĭ* : и.-е. *$g^{[h]}os$-$t^{[h]}i$-;

Др.-инд. *páti-*, авест. *paiti-* 'господин', 'супруг', греч. πόσις 'хозяин' (ср. δεσ-πότης), лат. *potis* 'могущий', гот. *-faþs* (в сложениях типа *brūþ-faþs* 'жених'), тох. А *pats* 'супруг', лит. *pàts* 'супруг', *pàt* (*частица*), хет. *-pat* 'именно', 'сам(ый)' (*частица*): и. е. *$p^{[h]}ot^{[h]}$-;

Лит. *núogas* 'голый', латыш. *nuôgs*, ст.-слав. *nagŭ*, лат. *nūdus*, гот. *naqaþs*, др.-ирл. *nocht*, греч. γυμνός : и.-е. *$nog^{[h]o}$-.

В единичных случаях, в частности в греческом, редуцированный гласный звук восстанавливается в виде *u* под влиянием лабиального элемента (признака) последующей смычной фонемы, который передается предшествующему гласному:

$$*neg^{[h]o}- \Rightarrow *n_{\partial}g^{[h]o}- \Rightarrow *nug^{[h]o}-.$$

К этому же типу относится индоевропейское *$nek^{[h]o}$-$t^{[h]}$-: хет. *nekut-* 'вечер'. Ступень *o из первоначальной редуцированной огласовки представлена в формах лат. *nox*, *род. п. noctis*, гот. *nahts*, ст.-слав. *nošti* 'ночь'. В греч. νύξ 'ночь' -υ- возникает под влиянием признака лабиализации фонемы *$k^{[h]o}$, благодаря чему образуется засвидетельствованная в греческом форма с огласовкой *u*.

Сюда же следует отнести индоевропейскую форму *$u̯ok^{[h]o}$-, по-видимому, с вторичной огласовкой *o из редуцированного гласного в слабой ступени: лат. *uōx* 'голос', др.-инд. *vāk* 'слово', авест. *vāxš*. Нормальная ступень с огласовкой *e* представлена в греч. ἔπος < Fέπος 'слово'.

Приведенные выше индоевропейские основы с огласовкой *o* могут быть возведены к формам, в ступени редукции которых редуцированный гласный восстановился в виде гласного полного образования тембра **o**. Этим и объясняется отсутствие в них форм с нулевой огласовкой, хотя по общей структуре корня нулевая огласовка в них была фонетически допустимой. По-видимому, в основах этого типа существовали дополнительные ограничения, исключавшие возможность появления нулевой ступени.

ность -oC. Процесс этот, очевидно, аналогичен более позднему процессу превращения слоговых r̥, l̥, m̥, n̥ (которые фонетически представляли собой сочетание ə с последующими сонорными) в последовательности согласных r, l, m, n с гласными полного образования.

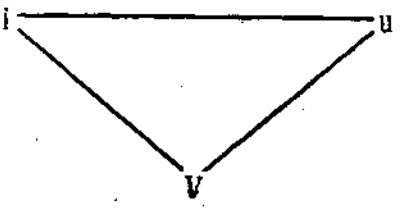
Обращает на себя внимание то, что эти структуры, как правило, характеризуются наличием смычных заднего образования ("гуттуральных"). Не исключено, что появление гласного полного образования тембра *о* из первоначального редуцированного было обусловлено характером заднеязычных смычных. В этом отношении весьма любопытна греческая форма γυμνός 'голый', корневая гласная которой в виде *и* носит явные следы влияния последующей лабиовелярной фонемы.

Таким образом, одним из источников гласного звука тембра *о* в раннем общеиндоевропейском можно считать, наряду с тембральным влиянием "ларингального" H_3, восстановление редуцированного гласного в виде гласного тембра *о* в корневых структурах со смычными согласными. Тот же редуцированный звук, выступавший в качестве вокалической опоры консонантных элементов, давал в сочетании с "ларингальными" и сонорными, сливаясь с ними, соответствующие слоговые элементы (см. об этом выше), в результате чего в индоевропейском возникает особый класс сонантических фонем *[*i̯, u̯, r, l, m, n*]*, к которому примыкает класс "ларингальных" или "сонантических коэффициентов" *[*H_1, H_2, H_3*]*. Такое развитие редуцированного звука **ə* при шумных согласных, с одной стороны, и при сонорных и "ларингальных", с другой, предполагает отсутствие в общеиндоевропейском этого периода гласного *о* в корнях с сонантами.

Появление гласного тембра *о* в соседстве с "ларингальным" H_3 и возникновение гласного тембра *о* из редуцированного гласного в корневых морфемах с шумными согласными, а также в некоторых определенных условиях в ряде служебных морфем (ср. частицы типа *k$^{[h]}$om, *som, окончания типа *-os, *-om), с одной стороны, и появление гласного тембра *а* в соседстве с "ларингальным" H_2, а также в некоторых других фонетических окружениях, с другой, должно было вызвать возникновение контрастных позиций, в которых гласные *е*, *о*, *а* противопоставлялись друг другу как самостоятельные фонемные единицы.

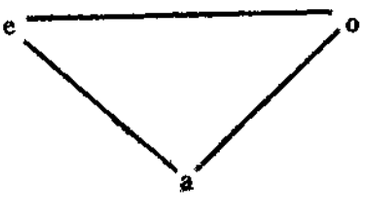
Переход гласных *i* и *u* из класса собственно гласных в класс сонантов преобразовывает первоначальную систему индоевропейских гласных без существенных изменений внутренних соотношений между эле-

Схема 3

ментами системы. Двухступенчатая треугольная система гласных раннего индоевропейского периода (см. Схему 3) трансформируется в двухступенчатую же треугольную систему (см. Схему 4):

Схема 4

Гласные *e* и *o* противостоят гласному *a* как закрытые гласные открытому, а *e* противостоит *o* как гласный высокой тональности гласному низкой тональности.

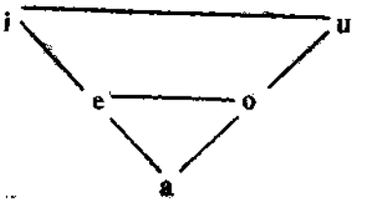
Вся разница между системами I и II сводится в сущности к степени открытости при противопоставлении компактной фонемы диффузным[1].

1.6. ДЕФОНОЛОГИЗАЦИЯ «ЛАРИНГАЛЬНЫХ» ФОНЕМ И СЛИЯНИЕ ИХ В ЕДИНУЮ «ЛАРИНГАЛЬНУЮ» ФОНЕМУ. ВЛИЯНИЕ «ЛАРИНГАЛЬНОЙ» НА ВОКАЛИЧЕСКОЕ КОЛИЧЕСТВО

Фонологизация гласных повлекла за собой по необходимости дефонологизацию трех "ларингальных" фонем $\bar{H}$, H и H° и слияние их в общую "ларингальную" фонему ("сонантический коэффициент")[2], кото-

[1] Поскольку невозможно определить релятивную хронологию фонологизации гласных аллофонов вокалической фонемы по отношению к процессу слияния редуцированного гласного с сонорным и образования соответствующих слоговых единиц, не исключено, что система гласных индоевропейского языка на определенном этапе (при допущении процесса фонологизации гласных аллофонов до эпохи образования слоговых сонантов) характеризовалась трехступенчатой треугольной структурой, образуя классическую схему противопоставления гласных по трем степеням открытости и двум рядам (передний~задний):

Схема 5

Существенным при проведенной внутренней реконструкции систем индоевропейского языка на различных этапах его развития является то, что ни на одном хронологическом уровне не восстанавливается моновокалическая система (*ср. Schmitt-Brandt 1967 : 117*), типологическая реальность существования которой оспаривается в лингвистике последнего времени: *ср. Jakobson 1957a; Hockett 1958 : 94; Szemerényi 1967; Halle 1970; Kuipers 1960; 1968; 1970; Allen 1964; Кацнельсон 1958; Pulleyblank 1965; ср. Газов-Гинзберг 1974: 71—72; Aronson 1969; Roberts 1972 : 190—200; Кумахов 1973; Палмайтис 1979; ср. также Palmaitis 1979.*

[2] Такое представление о динамике развития "ларингальных" снимает в принципе споры о наличии в индоевропейском одной "ларингальной" фонемы или нескольких фонем (*ср. Beekes 1969: 271—274*, против *Szemerényi 1967*). Все сводится, очевидно, к точному определению хронологических срезов общеиндоевропейского языка, для которых постулируются одна или несколько "ларингальных" фонем.

рую можно представить общим символом *H* (*ср. Гамкрелидзе 1960 : 90; Gamkrelidze 1968*). Эта общеиндоевропейская "ларингальная" фонема и отразилась в хеттском в виде глухого велярного спиранта *ḫ*(*ḫ*).

Этот процесс должен был быть естественным следствием появления фонологически противопоставляемых гласных ***a**, ***e**, ***o**, в соседстве с которыми три разновидности "ларингальных" трактуются по необходимости как фонологически обусловленные варианты одной общей фонемы в зависимости от соседства с вокалическими фонемами разных тембров. При этом есть все основания полагать, что лабиализованный "ларингальный" *H°* еще раньше начал совпадать с основной немаркированной фонемой *H* в результате возможной передачи признака лабиализации последующей гласной фонеме *V*, выступающей в таком случае в виде гласного ***o**:

$$H°V \rightarrow Ho$$

(ср. типологически аналогичное развитие гласного под влиянием лабиализованных согласных в ряде кавказских языков, *Гамкрелидзе 1960: 90*), а также в результате превращения в некоторых случаях признака лабиализации при "ларингальной" в независимую фонему:

$$H° \rightarrow Hu̯$$

Иллюстрацией такого развития *H°* может служить целый ряд форм общеиндоевропейского происхождения (*Martinet 1953a : 254 и след.*; *1955*; *1957*; *Hamp 1955*; *Cowgill 1965 : 178—179*; *Polomé 1965 : 33—36*):

Умбр. *purdouitu*, фалиск. *douiad*, ст.-лат. *duim*, лит. *daviaĩ* 'я дал', *dovanà* 'подарок', латыш. *dâvana* 'подарок', ст.-слав. *davati* 'давать' (*ср. Schmalstieg 1956*), вед. *dāváne* 'дать', *dadáu*, *1 л. ед. ч. перф.*, авест. *dāvōi*, ср. греч. кипр. δοFεναι[1]: и.-е. ***t'o H°-** → ***t'oHu̯-**;

Др.-инд. *jajñáu* 'узнал', лат. *nōui*, др.-англ. *cnēow* (*cnēwan*) (ср. греч. ἀγνο(F)εῖν): и.-е. ***ĝ'n-oH°-** → ***ĝ'n-oHu̯-**;

Лат. *lauō*, *lāuī*, греч. λόω, λούω 'мою', хет. *laḫuuai* 'льет': ***loH°-** → ***loHu̯-**[2].

H, возникшее из *H°*, могло в дальнейшем повлиять на тембр соседнего гласного *o*, превращая его в гласный тембра *a*, аналогично влиянию на гласный первичного *H*. Этим и следует объяснить наличие в индоевропейских корнях с "ларингальной" фонемой при огласовке **o** параллельной огласовки *a*: ср. параллельные формы лит. *dovanà* (с *o* из *a*) и греч. кипр. *dowenai*; лат. *lāuī* при греч. λόω, лат. *nāuus* 'усердный' (ср.-лат. *gnāuus*) при лат. *nōui* (*аор.* от *nōscō* < *gnōscō* 'познавать' и др., *ср. Гамкрелидзе 1960 : 90*).

Аналогичное объяснение можно было бы предложить и для ряда корней с долгим ***ē**, обнаруживающих в родственных формах не относя-

[1] Ср., однако, *Cowgill 1964 : 354—355 и след.*

[2] Согласно Турнейзену (*Thurneysen 1921: 194 и след.*), каждое -ō в индоевропейском обнаруживает параллельную форму -ōu̯ (ср. также *Hirt 1921-: I*, § *56*; *Thumb/Hauschild 1959, II : § 527, 292*).

щийся к корню дополнительный элемент *i̯. Такое *i̯ могло бы быть рефлексом признака палатальности постулируемой "ларингальной" фонемы в позиции после гласной *e *(ср. Diver 1959; Polomé 1965 : 31; Puhvel 1960 : 53 и след.; Risch 1955)*;

*d[h]eH → *d[h]ē- // *d[h]ēi̯-;

Др.-инд. *dhā-* в *dádhāti* 'ставит', *dhāyate* 'ставит себе', латыш. *dēju*, *dêt*, лит. *demì*, *dest*, ст.-слав. *dějǫ*, хет. *daitti* 'ставишь';

*reH- →*rē- // *rēi̯-, ср. др.-инд. *rā́ḥ* 'вещь', 'имение', *rāyā́ḥ*, *rayí-*, авест. *raēš*, лат. *rēs (Szemerényi 1956)*.

Различавшиеся разновидности "ларингальных" *H̥* и *H* после фонологизации гласных превращаются в палатализованный и непалатализованный аллофоны общеиндоевропейской "ларингальной" фонемы, реализуемой в виде этих аллофонов в зависимости от характера соседней гласной:

Хет. *šeḫur* 'моча', др.-исл. *súrr* 'кислый', ст.-слав. *syrŭ* 'сырой': и.-е. *seH-;

Хет. *meḫur* 'время', гот. *mēl* 'время', др.-инд. *mā́ti* 'измеряет': и.-е. *meH-;

Хет. *paḫḫaš-* 'охранять', лат. *pāstor* 'пастух', др.-инд. *pā́ti* 'охраняет': и.-е. *p[h]aH-;

Хет. *naḫḫan* 'почитание', 'боязнь', др.-ирл. *nár* 'боязливый': и.-е. ***naH-** *(ср. Puhvel 1965 : 86 и след.)*.

1.7. ОГЛАСОВКА «o» КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ СЛАБОЙ СТУПЕНИ И СТАНОВЛЕНИЕ «o» КАК ОСОБОГО ЗВЕНА В СИСТЕМЕ ПОЗДНЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ ПО АБЛАУТУ

Рассмотренное выше развитие редуцированного гласного в соседстве с "ларингальными" и сонорными, давшее соответственно слоговые элементы, противопоставлявшиеся неслоговым элементам в сильной ступени как комбинаторные варианты единых сонантических фонем,предполагает изначально наличие ступени *o*, происшедшей из редуцированного гласного, только в корневых структурах с шумными фонемами и отсутствие ее в корнях с сонорными.

Огласовка *o* в корнях с сонорными засвидетельствована в древнейших индоевропейских типах образований лишь в отдельных случаях, объясняемых ассимилятивным влиянием соседних лабиальных фонем. В нормальных случаях такие корни выступают с огласовкой *e* или с нулевой огласовкой, восходящей в корнях с сонорными, как было показано выше, к первоначальной редуцированной ступени с гласным звуком *ə*. Такой гласный в отдельных редких случаях мог и в этих формах дать под влиянием соседней лабиальной фонемы в определенной позиции гласную полного образования тембра *o (ср. Walde 1924)*.

Демонстративно отсутствует ступень *o в таком древнейшем индо-

европейском образовании, как *$\hat{k}^{[h]}$er-t'-, *$\hat{k}^{[h]}$ər-t'- → *$\hat{k}^{[h]}_{\underline{r}}$-t'- 'сердце' *(Szemerényi 1970 a: 515—533)*[1]:

*$\hat{k}^{[h]}$er(-t'-)	*$\hat{k}^{[h]}_{\underline{r}}$-t'-
греч. κῆρ	греч. аттич. καρδίᾱ, ион. κραδίη
гот. *hairtō*	лат. *cor, cordis* (*род. пад.*)
прус. *seyr*	др.-ирл. *cride* < **kridian* < **$\hat{k}^{[h]}_{\underline{r}}$t'yom*
вост. лит. диал. *вин. п.* šérdį,	лит. *širdìs*
арм. *sirt* < **$\hat{k}^{[h]}$ert'-i*	ст.-слав. *srŭdĭce*
хет. *kir* (*ki-ir*)	хет. *род. п. kardiaš*

Другая древнеиндоевропейская именная основа *$\hat{k}^{[h]}$er- 'голова', 'рог' наряду с закономерными ступенями аблаута *$\hat{k}^{[h]}$er- и *$\hat{k}^{[h]}$ər- → *$\hat{k}^{[h]}_{\underline{r}}$-, показывает фонологически обусловленную огласовку *o*:

*$\hat{k}^{[h]}$er-	*$\hat{k}^{[h]}_{\underline{r}}$-
греч. κέρας 'рог'	греч. κάρ, κάρη 'голова'
лат. *cerebrum* 'мозг',	др.-инд. *śṛ́ṅga-* 'рог'
cervus 'олень'	др.-англ. *horn* 'рог' < герм. **hornaz*;
(этимол. 'рогатый')	др.-англ. *heorot* 'рог'
др.-в.-нем. *hirni* 'мозг'	лат. *cornū* 'рог'

Огласовка *o проявляется в этой основе лишь в том случае, если к корню присоединяется суффиксальный элемент, содержащий лабиальный сонант *μ-. Редуцированный гласный звук в формах слабой ступени в таких случаях не сливался с сонорным, давая соответствующий слоговой, а фонологизировался под влиянием лабиального в виде гласного *o*:

*$\hat{k}^{[h]}$er- + -$\underline{\mu}$- → *$\hat{k}^{[h]}$ər-u/$\underline{\mu}$- → *$\hat{k}^{[h]}$or-$\underline{\mu}$-:

Греч. κορυδός 'вид жаворонка с гребешком', κόρυς 'шлем', гом. κορύσσεται 'встает на дыбы', κόρυμβος, κορυφή 'вершина', κορύπτω[2] 'ударять головой, рогами'; слав. **korw-* > ст.-слав. *krava*, польск. *krowa*, рус. *корова*, лит. *kárvė* 'корова'.

Древнеиндоевропейская основа *$\hat{k}$'en-$\underline{\mu}$- 'колено' (лат. *genū*, хет. *genu*) с нулевой огласовкой представлена в форме *$\hat{k}$'n-e$\underline{\mu}$- (гот. *kniu*, ср. др.-инд. *-jñu-*, авест. *-žnu-*, греч. -γυ в πρόχυ < *πρόγυ, γυόξ 'на колени'). Такая основа в слабой ступени давала редуцированную форму *$\hat{k}$'ən-$\underline{\mu}$-, которая и восстанавливается в виде *$\hat{k}$'on-$\underline{\mu}$/u- с огласовкой *o*, являющейся рефлексом редуцированного гласного под влиянием последующего *u: греч. γόνυ, γουνός < *gonu̯ós, др.-инд. *jā́nu*.

[1] В др.-инд. hā́rd-i 'сердце', иран. авест. zərəd- предполагается вторичное смешение с другим индоевропейским производным на *-t' от корня *$\hat{g}^{h}$er-, др.-инд. hā́rdi 'живот Индры' (в 9-ой мандале "Ригведы"), ср. греч. χορδή, *Szemerényi 1970a: 519*.

[2] Греч. κόρση 'голова', очевидно, основывается на древней форме κορ- с огласовкой *o*.

Аналогичные соотношения следует предположить и в древнеиндоевропейской основе *t'er-u̯/*t'r-eu̯-/*t'ər-u̯/u- → *t'or-u̯/u- 'дуб', 'дерево':

*t'er-u̯-: др.-ирл. *derucc*, валл. *derwen* 'дуб', др.-исл. *tjara*, др.-англ. *teoru*, *tiorwe*; ст.-слав. *drěvo* 'дерево', лит. *dervà* 'смола';

*t'r-eu̯-: гот. *triu* 'дерево', ср. греч. δρυ- в сложных словах (δρυτόμος 'дровосек' и т. п.), δρυμά 'лес', алб. *dru* 'дерево';

*t'or-u̯-: греч. δόρυ, δουρός < *δορϝός, др.-инд. *dā́ru*, хет. *taru* 'дерево'.

К этому же типу основ с огласовкой *o* в основах с сонорными фонемами, возникшей из редуцированного гласного под влиянием *u̯*, относится и древняя индоевропейская форма *mərŭ- → *morŭ- 'муравей': др.-ирл. *moirb*, лат. *formīca*, авест. *maoirī-*, согд. *zm'wrc*, др.-исл. *maurr*, греч. μύρμος, μύρμηξ, βύρμᾱξ, арм. *mrǰiwn*.

В древнеиндоевропейских образованиях с сонорными, в которых не обнаруживаются следы лабиальных фонем, при наличии форм с нулевой огласовкой, происшедшей, очевидно, в результате слияния редуцированного гласного с сонорным, как правило, отсутствуют первоначальные формы с огласовкой *o*. Ясными примерами этой немалочисленной группы форм с сонантами, в которых обычно (если не считать позднейших образований) отсутствует первичная огласовка *o*, могут служить следующие общеиндоевропейские образования:

$$*b^{[h]}end^{[h]}- \;/\; *b^{[h]}ənd^{[h]}- \rightarrow *b^{[h]}n̥d^{[h]}-$$

Греч. гом. πεῖσμα 'причал', 'канат, веревка, которой судно привязывается к берегу' (κ 167); πενθερός 'тесть', др.-инд. *bándhuḥ* 'родственник', *bandhā́ti* 'связывает', лит. *beñdras* 'товарищ';

$$*b^{[h]}enĝ^{[h]}- \;/\; *b^{[h]}ənĝ^{[h]}- \rightarrow *b^{[h]}n̥ĝ^{[h]}-$$

Др.-инд. *bahú-* 'многочисленный', 'плотный', греч. παχύς 'толстый', 'густой';

$$*b^{[h]}erĝ^{[h]}- \;/\; *b^{[h]}ərĝ^{[h]}- \rightarrow *b^{[h]}r̥ĝ^{[h]}-:$$

Арм. *-berj* 'вершина' (*erkna-berj*), *barjr* 'высокий', хет. *parku-* 'высокий', тох. A и B *pärk-* 'подниматься', др.-в.-нем. *berg* 'гора', авест. *bərəzi-* 'высокий', др.-инд. *bṛhánt-* 'высокий';

$$*b^{[h]}eu̯d^{[h]}- \;/\; *b^{[h]}əu̯d^{[h]} \rightarrow *b^{[h]}u̯d^{[h]}-$$

Греч. πεύθομαι, др.-инд. *bódhate* 'бодрствует', 'замечает'; греч. ἐπυθόμην, πέπυσμαι, др.-инд. *buddhá-* (*прич. пр. вр.*);

$$*b^{[h]}eu̯g^{[h]}-/*b^{[h]}əu̯g^{[h]}- \rightarrow *b^{[h]}u̯g^{[h]}-$$

Греч. φεύγω 'бегу', *аор.* ἔφυγον, *перф.* πέφευγα, лат. *fugiō*;

$$*t'eu̯k^{[h]}-/*t'əu̯k^{[h]}- \rightarrow *t'u̯k^{[h]}-$$

Лат. *dūcō* 'веду' (ст.-лат. *doucō*), гот. *tiuhan*, др.-в.-нем. *ziohan*; лат. *ductus*;

$$*t'e\underline{i}\hat{k}^{[h]}\text{-}/*t'\text{ə}\underline{i}\hat{k}^{[h]}\text{-} \rightarrow *t'i\hat{k}^{[h]}\text{-}$$

Греч. δείκνῦμι 'указываю', гот. *gateihan*[1], оск. *deíkum* 'dicere'; др.-инд. *diṣ-ṭá-*, *прич.*, лат. *dictus*, др.-инд. *diṣṭi-* 'предписание, указание', авест. *ā-dišti-š* 'указание', лат. *dictiō*;

$$*t'ens\text{-} / *t'\text{ə}ns\text{-} \rightarrow *t'\text{ŋ}s\text{-}$$

Лат. *dēnsus* 'густой'; греч. δασύς 'густой', 'частый', хет. *daššuš* 'сильный';

$$*k'^{o}el\text{-} / *k'^{o}\text{ə}l\text{-} \rightarrow *k'^{o}\text{l}\text{-}$$

Греч. δέλεαρ, *род. п.* δελέατος 'пища'; лат. *gula* 'горло', рус. *глотать*, чеш. *hlt-*, ср. лат. *glutiō* 'глотаю';

$$*\hat{k}'enH\text{-} / *\hat{k}'\text{ə}nH\text{-} \rightarrow *\hat{k}'\text{ŋ}H\text{-}$$

Греч. γένεσις 'происхождение', γενέσθαι, ст.-лат. *genō* 'рождаю', др.-ирл. *-genathar* (*конъюнктив*); др.-инд. *jātá-ḥ* 'рожденный', лат. *nātus*, галл. *-gnātus*, *ж. р. gnātha* 'дочь', др.-исл. *kundr* 'сын';

$$*\hat{k}'enH\text{-} / *\hat{k}'\text{ə}nH\text{-} \rightarrow *\hat{k}'\text{ŋ}H\text{-}$$

Лит. *žénklas* 'опознавательный знак', гот. *kunnan* 'знать', 'ведать'; лит. *žinaũ*, *žinóti*, латыш. *zinât* 'знать';

$$*\hat{k}'erH\text{-} / *\hat{k}'\text{ə}rH\text{-} \rightarrow *\hat{k}'\text{r̥}H\text{-}$$

Греч. γέρων 'старик', др.-инд. *járant-* 'старый', 'дряхлый', осет. *ærond* 'старый'; лат. *grānum* 'зерно' < $*\hat{k}'\check{r}\text{-}n\text{-}$, др.-инд. *jīrṇá-* 'старый', др.-ирл. *grán* 'зерно', лит. *žìrnis*, латыш. *zir̃nis* 'горошина', прус. *syrne* 'зерно', ст.-слав. *zrŭno*, гот. *kaúrn* 'зерно';

$$*g^{[h]}erd^{[h]}\text{-} / *g^{[h]}\text{ə}rd^{[h]}\text{-} \rightarrow *g^{[h]}\text{r̥}d^{[h]}\text{-}$$

Гот. *bigairdan* 'опоясывать', *gairda* 'пояс', тох. В **kerciyi* 'дворец', др.-инд. *gṛ́há-* < **gṛdha-* 'жилище, обиталище', авест. *gərəδa-* 'дыра как жилище дэвовских существ';

$$*k'^{o}er\text{-} / *k'^{o}\text{ə}r\text{-} \rightarrow *k'^{o}\text{r̥}\text{-}$$

Гот. *-qairnus* 'мельница', др.-исл. *kvern* 'мельничный жернов'; др.-инд. *gurú-* 'тяжелый', греч. βαρύς, лат. *grauis* 'тяжелый', латыш. *dzir̃nus* 'жернов', лит. *gìrnos* *мн. ч.* 'жернов', ср. ст.-слав. *žrŭnovŭ* 'мельница';

$$*g^{[h]o}el\text{-} / *g^{[h]o}\text{ə}l\text{-} \rightarrow *g^{[h]o}\text{l}\text{-}$$

Греч. θέλω 'желаю', ст.-слав. *želěti*, *želati* 'желать', др.-исл. *gildra* 'западня', греч. φαλίζει. θέλει *(Гесихий)*;

[1] Родственное этим формам гот. taikns 'знак' *(Pokorny 1959 : 189)*, отклоняющееся от последних в отношении закономерных консонантных соответствий (гот. k вместо ожидаемого h), является результатом собственно германских фонетических преобразований и не может служить основанием для реконструирования в индоевропейском параллельной фонологически незакономерной основы **t'eik'-* с двумя глоттализованными фонемами, ср. правило (c), стр. 140.

$$*g^{[h]0}er\text{-} \;/\; *g^{[h]0}_{\ə}r\text{-} \rightarrow *g^{[h]0}_{\r}r\text{-}$$

Греч. θέρος 'летняя жара', арм. *jer* 'тепло'; др.-инд. *ghṛṇá-* 'жара', *ghṛṇóti* 'сияет, освещает', лат. *formus* 'теплый';

$$*k^{[h]0}er\text{-} \;/\; *k^{[h]0}_{\ə}r\text{-} \rightarrow *k^{[h]0}_{\r}r\text{-}$$

Греч. τέρας 'знамение', лит. *keriù* 'зачаровывать', *kēras* 'чара', ст.-слав. *čara*, рус. *чара*; др.-инд. *kṛṇóti* 'делает', *прич.*, *kṛtá-*, *sakṛt* 'один раз', оск. *petiro-pert* 'четырежды', др.-ирл. *cruth* 'образ', валл. *pryd-* $<$ *$k^{[h]0}$ṛ-tu-* 'образ';

$$*men\text{-} \;/\; *m_{\ə}n\text{-} \rightarrow *m\underline{n}\text{-}$$

Лат. *meminī* 'помню', лит. *menù* 'думаю', *mēnas* 'искусство', хет. *mema-* 'говорить'; др.-инд. *matá-* 'обдуманный', греч. αὐτό-ματος 'самодействующий; самопроизвольный', лат. *commentum* 'изобретение', лит. *mintìs* 'мысль', др.-ирл. *der-mat* 'запамятование', гот. *munan* 'полагать, думать';

$$*p^{[h]}_{\ə}r\hat{k}^{[h]}\text{-} \rightarrow *p^{[h]}_{\r}r\hat{k}^{[h]}\text{-}$$

Др.-инд. *pṛcchắti* 'спрашивает', авест. *pərəsaiti* 'спрашивает', лат. *poscō* 'прошу', 'требую', др.-ирл. *arco* 'прошу';

$$*\text{-}st^{[h]}er\text{-} \;/\; *\text{-}st^{[h]}_{\ə}r\text{-} \rightarrow *\text{-}st^{[h]}_{\r}r\text{-}$$

Греч. ἀστήρ 'звезда', лат. *stēlla* $<$ **ster-l-*, ср.-ирл. *ser* 'звезда', гот. *stairnō*; др.-инд. *тв. п. мн. ч. stṛ́bhiḥ*, авест. *дат. п. stərəbyō* 'звезда';

$$*t^{[h]}el\text{-} \;/\; *t^{[h]}_{\ə}l\text{-} \rightarrow *t^{[h]}_{\r}l\text{-}$$

Тох. A, B *täl-* 'нести', *прет.* A *cacäl*, B *cāla* (*c* $<$ *t'*), лат. *tollō* 'поднимаю' $<$ **thṛn-*; лат. *lātus прич. прош. вр.* к *ferō* 'несу', греч. τλᾱτός 'терпеливый', гот. *þulan* 'выносить', 'терпеть';

$$*t^{[h]}er\text{-}H\text{-} \;/\; *t^{[h]}_{\ə}r\text{-}H\text{-} \rightarrow *t^{[h]}_{\r}r\text{-}H\text{-}$$

Греч. τείρω 'тру', алб. *tjer* 'пряду', лат. *terō* 'тру'; лат. *tritum* 'растертый', лит. *tiriù*, *tìrti* 'исследовать', ст.-слав. *tьrǫ* 'тру';

$$*\underline{u}_{\ə}lk^{[h]0}\text{-} \rightarrow *\underline{u}_{\r}lk^{[h]0}\text{-}$$

Др.-инд. *vṛ́ka-*, греч. λύκος, гот. *wulfs*, лит. *vìlkas*, алб. *ulk* 'волк'.

Возникшая в основном на фонетической почве огласовка *o*, которая по происхождению представляется разновидностью слабой ступени и тем самым приравнивается функционально к нулю, формируется на определенном этапе развития индоевропейских чередований в особую аблаутную ступень, противостоящую уже собственно нулевой ступени и ступени с нормальной огласовкой (древняя сильная ступень).

Этот процесс вовлечения ступени *o в механизм индоевропейских аблаутных чередований мог, естественно, совершиться после того, как была утеряна фонетическая обусловленность появления огласовки *o в морфемах определенной фонетической структуры, что повлекло за собой морфонологизацию ступени с огласовкой *o. Этот процесс должен был вызвать, в свою очередь, проникновение огласовки *o в определенные морфологические структуры, парадигматически противопоставляемые структурам с другой огласовкой, то есть с нормальной огласовкой *e (*a) и Ø.

Подобным процессом морфонологизации огласовки *o следует объяснить то, что целый ряд продуктивных индоевропейских структур, таких как редуплицированный перфект, каузатив, отглагольное имя и другие, сравнительно позднего происхождения, характеризуется аблаутной ступенью *o в противовес другим структурам в пределах общей парадигмы, что явилось результатом проникновения ступени *o и обобщения ее на определенные парадигматические структуры.

Подобная морфонологизация огласовки *o и проникновение ее в определенные морфологические структуры привело к расширению сферы употребления огласовки *o и к появлению ее в целом ряде парадигматических новообразований, характерных для общеиндоевропейского языка позднего периода.

Возникающая унифицированная парадигма еще более затемняет фонетико-фонологическую обусловленность появления огласовки *o, обнаруживающейся уже и в таких структурах, которые первоначально исключали по фонологическим причинам огласовку тембра *o*. Лишь внутренний анализ индоевропейских корневых структур позволяет обнаружить следы изначальной фонетической обусловленности огласовки *o и ее исконной связи с фонологическими структурами определенного типа.

Особенно ясно видно сравнительно позднее проникновение морфонологической ступени *o в каузативные и перфектные формы, а также в тематические именные образования.

Перфектные формы:

Огласовка *o появляется в перфектных формах, в частности при редупликации в корнях с сонантами:

Др.-инд. *3 л. ед. ч. перф. jajā́na*, греч. *γέγονα* 'родился', ср. нулевую ступень в др.-инд. *1 л. ед. ч. ja-jñ-é* 'я родился', *3 л. мн. ч. jajñúr*, греч. *γέγαμεν, γεγαώς (Schwyzer 1939, 1: 767, 769)*, др.-ирл. *rogénar* 'я родился' (**ge-gn-*);

Греч. *1 л. ед. ч. μέμονα* 'думаю', 'хочу' при нулевой ступени в *μέμαμεν, μεμαώς, импер. перф. μεμάτω*, др.-инд. *перф. ma-mne* 'думал', ср. хет. *mema-*, лув. *mammanna-* 'говорить', гот. *man* 'полагаю', 'думаю', ср. также нулевую ступень в ряде родственных перфекту форм от того же корня *(Kuryłowicz 1964: § 24, 79)*;

Др.-инд. *перф. 1 л. ед. ч. cakắra, 3 л. cakára* от корня *kar-* 'делать': и.-е. *$k^{[h]o}er$-, *1 л. мн. ч. cakṛmá*;

Др.-инд. *1 л. ед. ч. перф. véda* 'знаю', греч. οἶδα, гот. *wait* (ср. ст.-слав. *вѣдѣ*) при нулевой ступени в *1 л. ед. ч.* др.-инд. *vidmá*, греч. (гом.) ἴδμεν, гот. *witum*;

Греч. *1 л. ед. ч. перф.* λέλοιπα 'оставил', лат. *liquī* < *$loi̯k^{[h]o}ai̯$, др.-инд. *riréca*, гот. *laihv* 'id.';

Греч. δέδορκα 'смотрел', др.-инд. *dadárśa* 'id.'

Обращает на себя внимание отсутствие ступени *o в перфекте с сочетанием *eu̯* (возможно, ввиду диссимилятивного влияния лабиального *u̯*) в отличие от корней с *ei̯, en, em* и т. д., в чем проявляется изначальная фонологическая обусловленность ступени *o в перфекте, а это, в свою очередь, указывает на сравнительно позднее образование ступени *o в перфекте путем морфонологизации этой ступени и распространения ее на определенные глагольные структуры, которые ранее могли характеризоваться нулевой ступенью (*ср. Kuryłowicz 1956: § 330, 258—259*).

Ср. греческие перфекты с огласовкой *e от глагольных форм, восходящих к общеиндоевропейским формам: πεύθομαι 'убеждаюсь', *перф.* πέπυσμαι; ср. также отсутствие ступени *o в фонологически сходном корне *$b^{[h]}eu̯$-: др.-инд. *bhávati* 'есть', 'происходит', авест. *bavaiti* 'происходит', греч. φύω 'произвожу', *перфект* πέφῡκα; φύομαι 'становлюсь', лат. *fuī* 'был'.[1]

Ступень *o в единственном числе в перфектных образованиях проявляется и в хеттских глагольных формах спряжения на *-ḫi*, имеющих, вероятно, общее происхождение с перфектом, ср. формы типа хет. *šagaḫḫi* 'знаю', *1 л. ед. ч.*; *šekueni, 1 л. мн. ч.*; хет. *arḫi* 'достигаю', *1 л. ед. ч.*; *1 л. мн. ч. ereni*; хет. *kank-* 'висеть', при лат. *cunctor* 'медлю', 'колеблюсь', ср. чередования типа *sahv-* ~ *sēhv-* в готских глаголах *(ср. Kammenhuber 1980: 35 и след.)*.

Аблаутная ступень *o характерна также для индоевропейской каузативной структуры, связанной, возможно, исторически с перфектными образованиями. И каузативные образования характеризовались, очевидно, нулевой ступенью огласовки. Проникновение ступени *o в каузативные образования—явление сравнительно позднее. Рядом с итеративами — каузативами типа *$louk^{[h]}oi̯e/o$- сохраняются еще пережиточные формы типа *$luk^{[h]}ei̯e/o$-; в "Ригведе" засвидетельствовано еще 18 таких форм *(Kuryłowicz 1964: 277)*, ср. др.-инд. *rucáya-* при *rocáya-* 'освещать' *(Kuryłowicz 1956: 86*, ср. хет. *lukki-* 'светить', для которого возможна сходная интерпретация, *Cowgill 1972*, вопреки *Hoffmann 1968)*, *ukṣáya-* 'усиливать', *sūdáya-* 'делать вкусным' *(Kuryłowicz 1956: 93)* и др., *ср. Bammesberger 1980*.

Проникновение ступени o в каузативные образования может быть иллюстрировано следующими формами с суффиксом *$-ei̯e/o$-~*$oi̯e/o$-:

[1] Греч. *φωλειός* 'берлога, нора' *(см. Pokorny 1959: 147)*, очевидно, не связано с этим корнем.

Лат. *mulgeō* 'дою', лит. *málžyti*, *málžau*;

Лит. *baugìnti* 'пугать' (ср. отсутствие форм с огласовкой **o** в родственных греческих формах группы φεύγ-);

Др.-исл. *teygja* 'вести', др.-англ. *tiegan* < **taugian* (ср. отсутствие огласовки **o* во всех приведенных выше формах от того же корня);

Гот. *kannjan* 'делать известным', 'оповещать', др.-англ. *cęnnan*, др.-в.-нем. *ar-kennen* (ср. огласовку **o* у типа ст.-слав. *goritĭ*, *Kuryłowicz 1965 a)*.

Особенно продуктивной становится аблаутная ступень **o* в тематических именных образованиях. Практически от каждой основы может образовываться тематическая именная форма в ступени с огласовкой **o*. Проникновение ступени **o* в именные образования этой структуры, очевидно, сравнительно более позднее явление. Судя по пережиточно сохранившимся формам с нулевой огласовкой, огласовка **o* в этом типе заменила более древнюю нулевую огласовку. Процесс проникновения ступени **o* в тематические именные образования можно сравнить с образованием перфекта с огласовкой **o*[1].

В этом смысле показательно древнейшее общеиндоевропейское тематическое образование с корнем в нулевой ступени **i̯uk'-om*: хет. *iugan*, др.-инд. *yugá-*, греч. ζυγόν, ст.-слав. *igo*, лат. *iugum* 'ярмо'. В других именных структурах этого типа уже обобщена ступень с огласовкой **o* с параллельной ступенью **e* в отдельных случаях:

Греч. τόκος 'род' (при ступени *e* в греч. τέκος 'дитя'); греч. πόκος 'руно' (при ступени *e* в греч. πέκος 'руно');

Греч. τοῖχος 'стена', гот. *daigs* 'тесто' (при ступени *e* в греч. τεῖχος 'стена');

Греч. γόμος 'груз' (на корабле) (при параллельной ступени *e* в греч. γέμος 'плоть' к γέντο < *γεμ-το и т. п.);

Греч. -φορός, др.-инд. *-bhara-ḥ*, авест. *-barō* 'носящий' (от греч. φέρω, др.-инд. *bhárāmi* 'несу');

Лат. *forus* 'палуба', ср.-в.-нем. *barre* 'бревно', рус. *забор*;

Греч. δόμος 'дом', др.-инд. *dáma-ḥ* 'дом, жилище', лат. *domī* 'дома';

Греч. θορός 'мужское семя', др.-инд. *dhárā* 'струя', 'семя', ср.-ирл. *dáir*, отглагольное имя к *dar-* 'оплодотворять';

Ст.-лит. *navas* 'новый', ст.-слав. *novŭ* (при ступени *e* в греч. νέ(F)ος, хет. *neu̯aš*);

Греч. γόνος, *м. р.* 'рождение', др.-инд. *jána-ḥ* (*род. п. jánasya*) 'род', авест. *zana-* 'народ', 'род людской' (ср. греч. γένος, *ср. р.* 'род', др.-инд. *jánaḥ*, *род. п. jánasaḥ* 'род', арм. *cin* 'рождение', лат. *genus* 'род');

Греч. βορός 'прожорливый', лат. *carni-uorus* 'плотоядный', др.-инд. *aja-gará-* '(змей) пожирающий козлов';

[1] Ср. в этой связи идею Хирта *(Hirt 1921-, IV)* и Куриловича *(Kuryłowicz 1964: 62)* об именном происхождении индоевропейских перфектных образований.

Греч. πόλος 'ось (точка опоры)', лат. *collum* 'шея', 'горлышко', др.-ирл. *cul* 'повозка', ст.-слав. *kolo* 'колесо';

Др.-инд. *kāra-* 'делающий', *м. р.* 'дело' (ср. выше об огласовке этого корня);

Греч. λοιπός 'лишний', лит. *pãlaikas* 'остаточный', *laĩkas* 'определенное время', латыш. *laiks* 'время';

Лит. *laũkas* 'поле', др.-в.-нем. *loh* 'кустарник', лат. *lūcus* 'роща', 'лес', др.-инд. *lokά-* 'мир', 'пространство';

Греч. νομός 'пастбище', 'жилище', алб. *nëmë* 'проклятие' (при греч. νέμος *ср. р.* 'место пастьбы');

Др.-в.-нем. *rōz* 'плач', лит. *raudà* 'плач', др.-инд. *rudáti* 'плачет';

Ст.-слав. *sněgŭ* 'снег' < **snoig*$^{[h]}$*o-s*, лит. *snaĩgala* 'снежинка', гот. *snaiws* 'снег' (ср. нулевую ступень в греч. гом. νιφά; при νιφόεις 'снежный');

Греч. ῥόος, кипр. ῥόFος 'течение', ст.-слав. *o-strovŭ* 'остров', др.-инд. *sravát-* 'поток';

Греч. στοῖχος 'ряд', 'линия', алб. *shtek* 'вход', 'проход', лит. *staigà* 'внезапно';

Греч. τόνος 'напряжение', лит. *tānas* 'опухоль';

Греч. οἶκος 'дом', лат. *uĭcus* 'деревня', др.-инд. *veśá-* 'сосед'; 'селение' (при огласовке *i* в *viś-*), прус. *wais-pattin* 'хозяйка дома'.

Характерно в этом отношении проникновение ступени *o* в отдельных индоевропейских диалектах в изначально явно нулевые формы на суффикс **-t*$^{[h]}$*o*:

Ср. греч. φόρτος 'груз; бремя', при др.-инд. *bhr̥-tá-ḥ* 'принесенный', авест. *bərəte-*;

Греч. μορτός 'смертный', лат. *mortuus* при др.-инд. *mr̥-tá-ḥ* (*Thieme 1952 : 31*);

Греч. χόρτος 'двор', гот. *gards* 'дом' при лат. *hortus* 'двор', оск. *húrz* (*ср. Pokorny 1959 : 442*);

К сравнительно поздним образованиям с огласовкой *o нужно отнести и формы с суффиксом **-mo-*, ср. греч. οἶμος 'полоса', 'путь', др.-инд. *éma-* 'проход', корень **ei̯-* 'идти', греч. εἶμι 'иду';

Др.-в.-нем. *leim* 'глина', лат. *līmus* < **loimos* 'грязь'; греч. κώμη 'деревня' < **koimā*, др.-ирл. *cóim*, гот. *haims* 'деревня', латыш. *sàime* 'семья', лит. *káimas* 'деревня';

Прус. *gorme*, лат. *formus* 'теплый', нем. *warm* при *e* в греч. θερμός и арм. *jerm* 'теплый', 'горячий'.

Помимо рассмотренной выше огласовки *o в позднейших индоевропейских парадигматических образованиях, гласная *o проявляется в отдельных изолированных именных формах типа *d$^{[h]}$o̯r-: лат. *forēs* 'двустворчатая дверь', др.-ирл. *dorus*, гот. *daúr*, др.-в.-нем. *tor* 'дверь', ст.-слав. *dvorŭ* 'дверь', алб. *derë* 'дверь', др.-инд. *dvā́raḥ* 'дверь', ср. рус. *дверь*, при регулярном *d$^{[h]}$ur- с нулевой огласовкой: греч.

θύρα 'дверь', арм. *dur-* 'дверь', др.-инд. *dúr-* 'дверь' *(вин. п. мн. ч. dur-áḥ)* [1].

Такое же ***o*** представлено в индоевропейской форме ***ḱ[ḥ]ṷon-*** 'собака': греч. κύων, лит. *šuõ*, др.-инд. *śvá-*.

Гласная ***o*** постулируется также в структурно не вполне ясной форме ***en(o)mn̥*** 'имя': греч. ὄνομα, др.-инд. *nā́ma*, хет. *la-a-ma-an*, лат. *nōmen*. Ср. также *o* в позднем диалектном слове **mori-*, засвидетельствованном только в "западных" индоевропейских языках: др.-ирл. *muir*, гот. *mare*, лит. *mãrės*, ст.-слав. *morje (Stang 1972)*, рус. *море* при лат. *mare* 'море'.

1.8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СТУПЕНИ РАСТЯЖЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО АБЛАУТА

Наряду с нормальной ступенью с огласовкой **e* (в редких случаях ***a***) и производными от нее ступенями ***o*** и *Ø* (нуль), в общеиндоевропейской системе аблаута восстанавливается ступень с долгой гласной — так называемая ступень растяжения.

Эта аблаутная ступень ясно проявляется в парадигматических противопоставлениях типа греч. *им. п. ед. ч.* πατήρ 'отец' при *вин. п. ед. ч.* πατέρα; др.-инд. *вин. п. ед. ч. dātā́ram* 'дающего' при *мест. п. ед. ч. dātā́ri*; греч. δωτήρ: *род. п.* δωτῆρος; τέκτων 'строитель': *род. п.* τέκτονος; др.-англ. *nōse* 'предгорье' (*ō* < **a*): *nasu* 'нос' (< **năsu* 'оба носа'), ср. ст.-слав. *nosŭ* 'нос' и т. д. К чередованию нормальной и долгой ступени в глагольных формах ср. лит. *ėdmi* 'ем', *1 л. ед. ч.*, ст.-слав. *jamĭ* < **ěmĭ* < **ēt'-mi*, арм. *utem* (<**ōt'-*), лат. *ēdimus*, гот. *ētum*.

В подобных аблаутных структурах каждому краткому гласному противостояла долгая гласная. Благодаря этим противопоставлениям в системе возникает количественная оппозиция гласных, выражавшаяся в противопоставлении гласных фонем по признаку к р а т к и й ~ д о л г и й. Наряду с треугольной системой *(Схема 6)* для позднеиндоевропейского периода следует постулировать аналогичную подсистему гласных с долгими вокалическими единицами *(см. Схему 7)*.

Схема 6

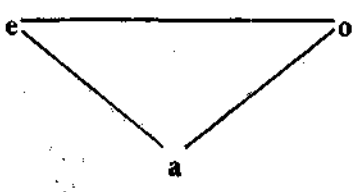
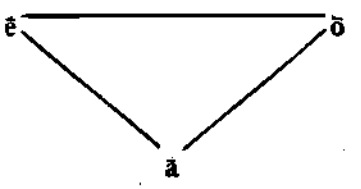

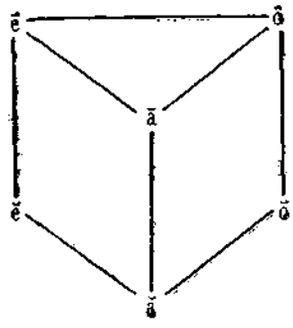
Схема 7

[1] Ср. отсутствие ступени *o* в структурно идентичной именной форме **ǵ[ḥ]ṷer-*: греч. θήρ 'зверь', лат. *ferus* 'дикий', лит. *žvėrìs*, *м. р.*, ст.-слав. *zvěrĭ* 'дикий зверь'.

Комбинированно эти вокалические подсистемы можно представить в виде треугольной призмы с краткими и соответствующими долгими гласными в каждом из ее углов:

Схема 8

Возникновение долгих гласных в индоевропейском было связано с целым рядом фонетико-фонологических преобразований первоначальных кратких гласных под влиянием фонетического окружения. Возникшие таким образом долгие гласные, фонологизовавшиеся в результате утери комбинаторной обусловленности их проявления, противопоставлялись в дальнейшем соответствующим кратким гласным, образуя при этом автономные аблаутные ступени огласовки. Такая ступень аблаута могла позднее проникнуть и в другие аблаутные структуры и образовать сформировавшийся уже к позднеиндоевропейскому периоду сложный механизм противопоставлений ступени растяжения соответствующим нулевой и нормальной ступеням огласовки.

Возникновение долгих гласных из соответствующих первоначальных кратких гласных в силу определенных фонетико-фонологических условий можно предположить изначально в ограниченной группе общеиндоевропейских структур. Это в первую очередь атематические именные основы, выступающие с краткими гласными *e, *o (в редких случаях *a) в морфеме, предшествующей флексионным показателям, с последующим компенсаторным удлинением этих гласных при утере в конкретных фонетических условиях определенных окончаний.

В именных основах, оканчивающихся на неслоговые *-r (-l)*, *-n*, *-m*, а также на *-i (-u)*, *-H* и *-s*, то есть в основах, оканчивающихся на несмычный, при присоединении к ним показателя субъекта активного класса -s (древний именительный падеж слов активного класса) возникала последовательность *-VS+s* или соответственно *-Vs+s*; в таких последовательностях терялся по фонетическим причинам спирант *-s* (показатель субъекта активного класса) при компенсаторном удлинении предшествующей краткой гласной (или слоговых *i* и *u*). В результате возникали структуры с долгими гласными при отсутствии показателя именительного падежа -s, которые противопоставлялись формам с краткими гласными, имеющим этот показатель.

С синхронной точки зрения возникшие таким образом структуры с нулевым показателем именительного падежа активного класса, имеющие характерный долгий гласный основы, противопоставлялись именным структурам с показателем субъектного падежа активного класса *-s* при краткой гласной основы. К этой группе относились, в первую очередь, тематические основы на гласные типа:

И.-е. ***Hou̯i-s***: др.-инд. *áviḥ*, греч. οἶς < ϝϝις 'овца', лув. *ḫau̯i-š*;

И.-е. ***ek[ʰ]u̯o-s***: лат. *equus*, др.-инд. *áśvaḥ*, греч. ἵππος 'лошадь, конь';

И.-е. ***k̂'enu-s***: др.-инд. *hánu-ḥ* 'подбородок', греч. γένυς 'подбородок', др.-ирл. *gi(u)n* 'рот', гот. *kinnus* 'подбородок';

И.-е. ***Hop-s***: лат. *ops* 'изобилие', ср. хет. *ḫappar* 'стоимость', 'цена';

И.-е. ***nok[ʰ]°t[ʰ]-s***[1]: лат. *nox*, *род. пад. noctis* 'ночь', греч. νύξ;

И.-е. ***sneig[ʰ]°-s***: лат. *nix*, *род. пад. niuis* 'снег' (ср. греч. νίφα *вин. п.*).

В отличие от этих форм индоевропейские формы структуры *CVC-* с заднеязычными и дентальными смычными в качестве второго согласного элемента корня давали в формах именительного ~ винительного падежа общего рода, то есть перед окончанием *-s*, формы с долгими гласными. Сочетание *-V̄C-s* преобразуется в *-V̄C-s*:

И.-е. ***u̯ok[ʰ]°-** + -s → ***u̯ōk[ʰ]°-s***: лат. *uōx* 'голос', авест. *vāxš* 'слово', др.-инд. *vā́k* 'слово', *род. пад. vācáḥ*;

И.-е. ***rek̂'-** + **-s** → ***rēk̂'-s***: лат. *rēx* 'царь', др.-инд. *rā́ṭ* 'царь';

И.-е. ***p[ʰ]e/ot'-** + **-s** → ***p[ʰ]ē/ōt'-s***: лат. *pēs*, *род. пад. pĕdis*, греч. дор. πώς 'нога', *род. пад.* ποδός, др.-инд. *pā́t*, *род. пад. padáḥ* 'нога';

И.-е. ***nep[ʰ]ot[ʰ]-** + **-s** → ***nep[ʰ]ōt[ʰ]-s***: лат. *nepōs* 'внук', *род. пад. nepōtis*, др.-инд. *nápāt* 'внук';

И.-е. ***p[ʰ]ak̂[ʰ]-** + **-s** → ***p[ʰ]āk̂[ʰ]-s***: лат. *pāx*, *род. пад. pācis* 'мир'.

Долгота гласной возникала в таких формах на фонетической почве в позиции *C*+s, где *C* → дентальная или заднеязычная смычная, ср. сходные принципы образования долготы по позициям в индоевропейских метрических системах.

Такое сочетание *C*+*s* упрощалось уже в истории отдельных индоевропейских диалектов при сохранении вокалической долготы в формах именительного падежа. При этом схожее развитие этих групп, выражающееся в утере предшествующей дентальной смычной при сохранении s, наблюдается в греческом и латинском, тогда как в древнеиндийском, наоборот, сохраняется предшествующий смычный при утере s: ср. греч. дор. πώς, лат. *pēs*, при др.-инд. *pā́t*. В древнеиндийском этот процесс упрощения группы согласных наблюдается не только при дентальных, как в греческом и латинском, но и при велярных: др.-инд. *vā́k* при лат. *uōx*, др.-инд. *rā́ṭ* при лат. *rēx*.

[1] В **nok[ʰ]°t[ʰ]-s* представлена группа из двух смычных с последующим показателем именительного падежа *-s*, чем объясняется отличие от приводимых ниже форм типа uōx, rēx с долгими гласными.

В отличие от именных структур с конечными смычными согласными, вокалическая долгота которых возникала перед сочетанием *-C+-s*, выступающим в формах именительного падежа, долготы в основах с конечными неслоговыми сонантами образуются перед возникающей в формах именительного (субъектного) падежа последовательностью *-S+-s*. Такой спирант в позиции после неслогового *-S* теряется уже в общеиндоевропейском. Возникновение долгой гласной перед таким сочетанием в основе может быть приписано компенсаторному удлинению гласной при утере конечного спиранта в последовательности *-S+-s*. Подобное объяснение происхождения долгот в именных основах с сонантами, предложенное *Szemerényi 1970: 109 и след.*, подтверждается на примере многих индоевропейских именных форм древнего общего рода:

Др.-инд. *mātā́* 'мать', греч. μήτηρ *(вин. п.* μητέρα), лат. *māter* 'мать', лит. *mótė* 'женщина': и.-е. *mā**t**[h]**er**-s → *mā**t**[h]**ēr**-Ø*;

Др.-инд. *pitā́* 'отец', греч. πατήρ (греч. εὐ-πάτωρ 'хороший отец'), лат. *pater*, др.-ирл. *athir*, тох. В *pācer*: и.-е. *p**[h]**Ḫt**[h]**er**-s→*p**[h]**Ḫt**[h]**ēr**-Ø*;

Др.-инд. *bhrā́tā* 'брат', греч. φρήτηρ (ион.), φράτηρ (аттич.), лат. *frāter*, тох. В *procer*: и.-е. *b**[h]**rāt**[h]**er**-s → *b**[h]**rāt**[h]**ēr**-Ø*;

Др.-инд. *duhitā́* 'дочь', греч. θυγάτηρ (ср. θυγατέρα), оск. *futír*, лит. *duktẽ*, тох. В *tkācer*: и.-е. *d**[h]**ug**[h]**Ḫ**-t**[h]**er**-s → *d**[h]**ug**[h]**Ḫ**-t**[h]**ēr**-Ø*;

Др.-инд. *svásā* 'сестра', арм. *k̔oyr*, др.-ирл. *siur*, лат. *soror*, лит. *sesuõ*: и.-е. *s̥**u̯**esor**-s → *s̥**u̯**esōr**-Ø*;

Др.-инд. *dātā́* 'дающий', 'податель', греч. δώτωρ (ср. δωτήρ), лат. *dător*: и.-е. *t'oH$_3$-t**[h]**er**-s → *t'oH$_3$-t**[h]**ēr**-Ø*;

Др.-инд. *nā́* 'человек', 'мужчина', арм. *ayr*, греч. ἀνήρ 'человек', 'мужчина', алб. *njerí* 'человек', 'мужчина', валл. *ner* 'герой', др.-ирл. *ner* 'вепрь'.

Характерно, что в формах вокатива, в которых изначально предполагается нулевое окончание, гласная выступает, как и следовало ожидать, в виде своей краткой разновидности (ср. греч. *им. п.* πατήρ, но *зват.* πάτερ; *им. п.* φράτηρ, но *зват.* φράτερ; *им. п.* δωτήρ, но *зват.* δῶτερ и т. п.);

Основы на *-n*:

Др.-инд. *śuvā́* 'собака', греч. κύων, лит. *šuõ* 'пес', др.-ирл. *cú*, при нулевой ступени в др.-инд. *род. пад. śúnaḥ*, греч. *род. пад.* κυνός, др.-ирл. *род. пад. con*: и.-е. *ḱ**[h]**u̯**on**-s → *ḱ**[h]**u̯**ōn**-Ø*;

Др.-инд. *áśmā* 'камень', 'небо', греч. ἄκμων 'наковальня', лит. *akmuõ* 'камень': и.-е. *(H)aḱ**[h]**mon**-s → *(H)aḱ**[h]**mōn**-Ø*;

Лат. *homō* 'человек', гот. *guma* 'человек': и.-е. *(d**[h]**)ǧ**[h]**(o)mon**-s→ → *(d**[h]**)ǧ**[h]**(o)mōn**-Ø*;

Греч. χιών 'снег', авест. *zyā* 'зима', арм. *jiwn* 'снег', лат. *hiems* 'зима': и.-е. *ǧ**[h]**i̯om**-s → *ǧ**[h]**i̯ōm**-Ø*.

К немногочисленным примерам на конечное *-i* с предшествующим удлинением гласной можно отнести др.-инд. *им. п. ед. ч. sákhā* 'друг, товарищ', *род.-отложс. пад. sákhyuḥ*, авест. *им. п. ед. ч. haxa*, ср. греческие образования типа Lητώ *(род. пад.* Lητοῦς), πειθώ 'убеждение' *(Thumb/Hauschild 1959, II: § 272, 53; Schwyzer 1939, I: 479)*.

Индийская и авестийская формы предполагают исходные формы именительного падежа на **-ōi̯* (с последующим отпадением *-i̯*, ср. в приведенных выше формах такое же отпадение *-r*, *-n* в индо-иранском и балтийском). Такое **ōi̯-* восходит, в свою очередь, к индоевропейскому **-ōi̯-s*, с показателем *-s* субъектного падежа имен активного класса.

В качестве примеров на "ларингальные" перед тем же показателем *-s*, с последующим его отпадением и компенсаторным удлинением гласных и слоговых *i* и *u*, могут служить следующие общеиндоевропейские формы:

Греч. γυνή 'женщина', др.-инд. *gnā́* 'жена бога', арм. *kin*, др.-ирл. *ben*, ст.-слав. *žena* : и.-е. ***k'^{0}(e)naH$_2$-s** → ***k'^{0}(e)nāH$_2$-*Ø***.

К этому же типу с реконструкцией форм субъектного падежа активного класса на *-s* следует отнести именные образования на долгое конечное **-ī*, представленные в исторических языках формами мужского и женского родов, отражающими древний класс активных имен, ср. др.-инд. *devī́* 'богиня' (и.-е. ***t'ei̯u̯iH-s** → ***t'ei̯u̯īH-*Ø***); *strī́* 'женщина' (и.-е. ***sriH-s** → ***srīH-*Ø***).

Аналогичное влияние показателя субъектного падежа *-s* на предыдущую гласную основы предполагается и в структурах с конечным спирантом основы типа и.-е. ***Hausos-s** → **Hausōs-*Ø***:

Др.-инд. *uṣā́ḥ* 'утренняя заря', авест. *ušā́*, греч. ἠώς, ἕως (эол. αὔως), лат. *aurōra* 'заря'.

Ср. также латинские образования типа *honōs*, *flōs*, греч. αἰδώς *(Szemerényi 1970: 159 и след.)*;

Др.-инд. *candrámāḥ* 'месяц', *apsaráḥ* 'нимфа Апсара' (водяное женское существо *Apsara*).

Подобными же структурами следует объяснить долгое *ō* в именительном падеже адъективных образований сравнительной степени:

И.-е. ***meḱ'-i̯ōs**: лат. *maior* 'бóльший' (из и.-е. ***meḱ'-i̯os-s**), ср. ст.-лат. *mel-ios-em (вин. пад.)* с кратким *ŏ*;

И.-е. ***sen-i̯ōs**: лат. *senior* 'старший' (из и.-е. ***sen-i̯os-s**) *(Szemerényi 1970: 109 и след.)*.

К этому же типу относятся, вероятно, индоевропейские формы именительного падежа ***mūs** 'мышь': греч. μῦς 'мышь' (ῡ долгое при кратком *ŭ* в других падежах: μυός), др.-инд. *mū́ṣ-*, др.-исл. *mús*, ср. ст.-слав. *myšĭ*, а также форма именительного падежа ***nās** < ***nas-s** 'нос'.

Характерно, что именные формы среднего рода на *-s*, субъектный падеж которых не предполагает окончания *-s*, как и следовало ожидать, показывают краткую гласную основы:

И.-е. *$\hat{k}$'enos 'род': лат. *genus*, *род. пад. generis*, греч. γένος, *род. пад.* γένε-ος, др.-инд. *janas-*, *род. пад. jánas-aḥ*;

И.-е. *neb$^{[h]}$es- 'небо': греч. νέφος 'облако', 'туча', др.-инд. *nábhas-* 'небо', 'туман', хет. *nepiš*, *род. пад. nepišaš* 'небо'.

1.9. ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ В ИМЕННЫХ ФОРМАХ СРЕДНЕГО РОДА. РАСШИРИТЕЛИ ИМЕННЫХ ОСНОВ КАК МАРКЕРЫ ИМЕН ИНАКТИВНОГО КЛАССА

К особому типу слов среднего рода, отражающих древний инактивный класс, следует отнести основы с долгой гласной в формах именительного-винительного падежа (древний инактивный падеж). Одной из наиболее ясных форм этого типа является общеиндоевропейское слово для 'сердца' *$\hat{k}^{[h]}$ēr *(им.-вин. п.)*, *$\hat{k}^{[h]}$er-t'-:

Греч. κῆρ, καρδία, κραδίη, хет. *kir*, *мест. п. kardi*; прус. *seyr* (=*sēr*), лит. *širdìs (Szemerényi 1970 : 110; ср. Saussure 1922)*.

Долгая гласная в форме именительного-винительного падежа среднего рода *$\hat{k}^{[h]}$ēr, характеризовавшейся нулевым окончанием (то есть значимым отсутствием окончания в противоположность формам активного класса на -s), возникает уже в индоевропейском в результате компенсаторного удлинения как следствия утери в абсолютном исходе слова согласного элемента *-t', очевидно, расширителя корня в основах среднего рода (ср. аналогичные основы среднего рода, разбираемые ниже):

$$*\hat{k}^{[h]}er\text{-}t' \rightarrow *\hat{k}^{[h]}ēr.$$

Фонетически этот процесс сопоставим с процессом утери конечного -s после неслоговых сонантов с компенсаторным удлинением гласной основы. В косвенных падежах, где сочетание *-rt'- находилось не в абсолютном исходе, оно сохраняется без упрощения. В результате в парадигме возникает чередование основ типа *$\hat{k}^{[h]}$ēr- : *$\hat{k}^{[h]}$r-t'-, которое в дальнейшем может устраняться в результате обобщения на всю парадигму одной из чередующихся форм (ср. греч. гом. κῆρ, κῆρος, с одной стороны, καρδίη, καρδίης, с другой); огласовка *ē* с унификацией ее на всю парадигму представлена также в гот. *hairtō*, *род. пад. hairtins* (ср. нулевую огласовку в лат. *cor*, *род. п. cordis*, ст.-слав. *srŭdĭce*, лит. *širdis*, *вин.п. širdį* при диал. вост.-лит. *šerdìs*, *вин. п. šérdį*). Отчетливее всего древнее индоевропейское парадигматическое чередование представлено в хет. *kir*, *им.-вин. п. ср.р.* 'сердце', *род. п. kardiaš*, *мест. п. kardi*, *напр. пад. karta*.

В анатолийском к этому же типу относилась, очевидно, пара **ser* 'вверх' (ср. др.-хет. *šer-šet* 'верх его', в значении 'за него', см. в "Законах", §95: *šer-šit-ya šarnikmi* 'я-де возмещу за него' с позднейшим вариантом *šer-ya-šši šarnikmi*) и **sr̥-k-u* 'высокий' (хет. *šarku-*, ср. о других производных от основы **sar-* в анатолийском *Laroche 1959b*).

Основа **sēr* восходит, по-видимому, к форме *им.-вин. пад. ср.р.* с утерянным в абсолютном конце элементом **k*, с удлинением предшест-

вующей гласной, в то время как хет. *šarku-* происходит от той же основы в косвенных падежах с сохранением расширителя **k* в позиции перед слоговым элементом и последующей гласной.

Подобный расширитель основы, состоящий из смычной согласной, выделяется и в других основах, принадлежащих среднему роду — древнему инактивному классу. Здесь в первую очередь следует привести древнеиндийские именные основы среднего рода, противостоящие соответствующим основам других индоевропейских диалектов наличием в них особых окончаний, как бы характеризующих этот класс имен среднего рода:

Др.-инд. *ásṛk* (в "Ригведе" засвидетельствовано 1 раз: *ásṛg*, 164, 4), *род. п. asnáḥ* 'кровь', AV 5, 5, 9, *твор. п. asnā́*, AV 5, 5, 8, хет. *ešḫar* 'кровь', *род. пад. ešḫanaš*, лат. *aser* 'кровь', латыш. *asins* 'кровь';

Др.-инд. *yákṛt* 'печень', AV 10, 9, 10, *род. пад. yaknáḥ* (RV 989, 3), афган. *yĭna* < **yaxna-*, перс. *ǰigar*, авест. **ha-yākana-*;

Греч. ἦπαρ, *род. пад.* ἥπατος; лат. *iecur*, *род. пад. iecinoris* (из **iecinis*, ср. также позднейшее *iecoris*, *Szemerényi 1956; Schindler 1967)*, ср. арм. *leard*, др.-исл. *lifr* 'печень', *Benveniste 1935: 8 и след.; Schwyzer 1939, I: 518.*

Сохранению расширителей именных основ среднего рода **-k̑'* > *-g//-j*, **-t*$^{[h]}$ > *-t* в древнеиндийском в формах *ásṛk* и *yákṛt* способствовала, очевидно, позиция их после слоговых сонантов[1]. В позиции после неслоговых эти согласные должны были теряться в древней индоевропейской парадигме при компенсаторном удлинении предыдущей гласной основы.

Форма косвенного падежа без *-t-* в древнеиндийском *yaknáḥ* восходит к индоевропейским формам с закономерным отсутствием расширителя. С другой стороны, в греческом ἦπαρ, ἥπατος отражена эта форма с расширителем -*t$^{[h]}$- в косвенных падежах. Это подтверждает древность и обще-

[1] Этим же фактом, то есть позицией после слогового сонанта, следует объяснить сохранение конечного -s в показателе винительного падежа *-ṇ-s, в отличие от утери сибилянта -s (показателя именительного падежа) в позиции после неслоговых сонантов, ср. анализ разобранных выше форм (при этом предполагается позднейшее обобщение показателя *вин. пад. мн. ч.* в виде *-ṇs- в тематических основах и в формах на слоговые сонанты -i и -u). В отличие от этого окончания, исчезновение такого конечного -s можно предположить в окончании *род. пад. мн. ч.* *-ōm, восходящего при таком предположении к форме *-om-s-, то есть *-om-+ показатель множественности *-s, в которой конечное -s закономерно теряется после неслогового сонанта при (компенсаторном) удлинении предшествовавшей гласной. Предположение подобного архетипа для индоевропейского окончания родительного падежа множественного числа устанавливает единообразные соотношения между показателями единственного и соответствующими показателями множественного числа, образованными путем прибавления к окончаниям единственного числа показателя множественности *-s, ср. показатель *вин. п. ед. ч.* -ṃ и окончание *вин. п. мн ч.* *-ṇ-s из более древнего *-ṃ-s. Аналогично этому получаем показатель *род. пад. ед. ч.* *-om (ср. хет. -an в одушевленном — общем — роде: *Šiunan* 'бога') и показатель множественного числа *-om-s → *-ōm, см. об этом подробнее ниже.

индоевропейский характер др.-инд. *-t-* в форме *yákṛt*[1]. В этом отношении весьма показательна др.-арм. форма *leard*, *род. пад. lerdi* с сочетанием *-rd-* и с позднейшими парадигматическими выравниваниями форм.

По-видимому, ни в одном из исторических индоевропейских диалектов не сохранилась первоначальная индоевропейская модель парадигматических чередований в именных основах этого типа, которые в историческую эпоху подверглись действующим в различных направлениях тенденциям к парадигматическому выравниванию форм. В таких парадигмах сохраняется только древний индоевропейский принцип распределения основ на *-r* и *-n* соответственно в формах прямого и косвенных падежей так называемого "гетероклитического склонения", тогда как картина закономерного распределения первоначальных расширителей основы в парадигматических формах нарушается[2].

С аналогичным "расширителем", вызвавшим долготу гласной основы, следует реконструировать общеиндоевропейскую форму со значением 'вода', отраженную в греческом в парадигме ὕδωρ, *род. пад.* ὕδατος < **ut'n̥tos*, хет. *u̯atar*, *род. пад. u̯etenaš*, умбр. *utur* 'вода', *твор. пад. une* < **udni*, гот. *watō*, *род. п. watins*, др.-англ. *wæter*, др.-исл. *vatr*, *vatn*, др.-в.-нем. *wazzar*.

Греческая форма *род. пад.* ὕδατος < *ὕδn̥τος предполагает древнюю индоевропейскую форму с расширителем *-t[h]-, отпадение которого в форме именит.-винит. падежа в абсолютном конце слова перед неслоговым сонантом *-r-* должно было вызвать компенсаторное удлинение гласной основы: ***u̯(e)t'or-t[h]** → ***u̯(e)t'ōr**- → греч. ὕδωρ при нулевой ступени в ***u̯(e)t'-n̥-t[h]-(os)**, греч. ὕδατ-ος. В исторических индоевропейских формах этого слова без *-t* (хет. *u̯atar*, *u̯etenaš* и др.) произошло парадигматическое выравнивание основ по форме именительного-винительного падежа с закономерным отпадением *-t*.

[1] Лат. iecur возводится к *iecurt, как cor к *cord, *ср. Щерба 1974 : 108*. О возможной связи греч. *-τ-* в гетероклитическом типе имен с суффиксальным *-t-* в древнеиндийском *yákṛt* 'печень', *śákṛt* 'нечистоты' см. также *Arbeitman 1976*. Автор считает возможным увязать с этим же морфологическим типом на *-t* также древнее индоевропейское название 'имени': иер. лув. atimanza при греч. *ὄνομα*, *род. пад. ὀνόματος*.
В этой связи обращает на себя внимание лидийское окончание *им.-вин. п.* имен среднего рода *-d* : ср. mruvaad 'стела', qelad 'поле' и др. *(Neumann 1961 : 405; Gusmani 1964 : 168, 181)*.

[2] Аналогичные чередования сонантических элементов, выражавших, очевидно, определенную функциональную закономерность, следует допустить и в отношении фонем *-l/-n*. Такое чередование предполагается на основании индоевропейских основ со значением 'солнце', реконструируемых в виде *su̯el-/*su̯en-: др.-инд. *sárya-*, греч. ἥέλιος, ἀέλιος, ἦλιος (< *ἀϝέλιος), лат. *sōl*, др.-ирл. *súil* 'глаз', гот. *sauil*, лит. *sáulė*, латыш. *saũle*, авест. *xᵛəŋ* (*род. п.*) < *su̯en-s, гот. *sunnō*, ст.-слав. *sŭlnce (Vaillant 1950)*. Из древнеиндоевропейских функционально чередующихся основ на *-l//-n* одна форма сохранилась в одних индоевропейских диалектах, другая — в остальных, что явилось следствием элиминации в системе функционального чередования типа *-l//-n* (в отличие от чередования *-r//-n*, следы которого сохраняются в пределах парадигмы в ряде индоевропейских диалектов).

Наличие расширителя в древней индоевропейской форме со значением 'вода' проявляется и в родственной древнеиндийской основе, выступающей в форме среднего рода *udaka-* < **udn̥ko-*, ср. в "Ригведе" *udakám*, *им.-вин. п. ср. р.* из **udn̥kom*, рядом с обычным *udan-*, *ср. р.*, с предполагаемой основой на **-on (Thumb/Hauschild 1959, II : 42; Grassmann 1873 : 252)*. Древний след такого расширителя *-t-* в косвенных падежах виден также в хеттском в особой форме направительного падежа от слова *ḫatar* : *ḫetant-a*[1] (при более позднем *ḫeten-a*, KUB XXX 34 III 10, возникшем при парадигматическом выравнивании форм)[2].

Фонетическая возможность такого отпадения конечной смычной, в частности *-t*, в позиции перед несложовым сонантом может быть проиллюстрирована на материале ряда исторических индоевропейских языков, а именно хеттского и греческого.

В древний период развития хеттского отпадает конечное *-t* после сонорного *-n*, ср. форму среднего рода *ḫuman* 'все' при род. пад. *ḫumantaš*, а также причастные формы на *-nt-* среднего рода *adan* 'съеденное', *pan* 'идущее' (при общем роде *panza* [*pant-s*]) и т. п. Аналогичные процессы засвидетельствованы в греческом, ср. греч. πᾶν 'все', *ср. р. им.-вин. п.* при *род. п.* παντός, *причаст. ср. р.* φέρον из **φεροντ-* и др.

Обращает на себя внимание то, что подобные расширители основ, представленные смычными фонемами **-t'-*, **-k'-*, **-t[h]-*, образуют основы имен среднего рода, то есть древнего индоевропейского инактивного класса. Такие расширители являлись как бы экспонентами этого класса имен, показателями их соотнесенности с инактивным классом. Показатели эти, очевидно, маркировали определенные основы с точки зрения их принадлеж-

[1] Ср. в "Инструкциях служителям храма" (KUB XIII 4 III 46—47): *ma-aḫ-ḫa-an-ma* MI-[*a*]*n-za ki-i-ša na-aš-ta pa-aḫ-ḫur ku-it A.NA* GUNNI (47) *a-aš-zi na-at-*[*kán*] *u-e-da-an-da* SIG$_5$*-in ki-eš-ta-nu-ut-tin* "когда же наступит ночь, и огонь, который в очаге остается, хорошо потушите водой" (буквально: 'в воде потушите'), см. о директиве на *-a* в подобной функции *Laroche 1970;* ср. также сходное образование направительного падежа uddanta (KUB XXX 10 I 18 след.) от хет. *uttar*, *род. пад. uddanaš* 'слово', 'вещь', 'дело'.

Некоторые хеттские формы типа uddar переосмыслялись как формы множественного числа из древнего собирательного среднего рода, ср. к такому развитию форм собирательных ср. р. на **-r-t* аналогичное развитие собирательных на **-nt* в формы *мн. ч.* (тох. *мн. ч.* на -nt), *Benveniste 1935; Бенвенист 1955*. Ср. к хеттскому типу на -ar *paḫḫuar* 'огонь' (KUB VII 6 II 11), дублетная форма к *paḫḫur* 'огонь', тох. B puwar, *мн. ч.* pwāra *(Winter 1965a : 192—193*, там же о реконструкции **pəwōr* 'огонь', предложенной *Bartholomae)*.

[2] След подобного -t- можно видеть в хеттском также в формах так называемого инфинитива (супина) на -ḫanzi из более древнего **-ḫant-i* : *šešuḫanzi* 'спать', *tiḫaḫanzi* 'ставить, класть'.

Сопоставление этих форм с инфинитивом на -ḫuar (*šešuḫar*, KUB XV 15 I 4; *tiḫaḫar*, KUB XXII 72 II 61) позволяет объединить их в общую парадигму: имен.-вин. п. -ḫuar, косвенные падежи -ḫuant-, откуда и возникла форма локатива -ḫuant-i *(Laroche 1970)* с последующей ассибиляцией *t* перед *i* в -ḫuanzi, характерной для дописьменного периода развития хеттского языка. Для самих форм на -ḫuar следует реконструировать более древнее **-ḫart-* с закономерным отпадением конечного -t в позиции после неслогового сонанта (и удлинением предшествующей гласной).

ности к инактивному классу имен. Соответствующие формы активного класса могли выступать в качестве немаркированных основ.

В этом отношении вызывает интерес общеиндоевропейская основа ***nēr*** 'мужчина', восходящая, очевидно, к форме именительного падежа активного класса ***ner-s***: греч. *ἀνήρ* 'муж', др.-инд. *nā́* 'мужчина', оск. *niir*, валл. *ner* 'герой', арм. *ayr* (ср. форму *вин. п.* **ner-m̥*: *др.-инд. náram*, греч. *ἄνέρα*; *род. пад.* **n̥r-os*: вед. *náras*, греч. *ἀνδρός*).

Маркированная в отношении принадлежности к инактивному классу форма от того же корня может быть представлена в основе с расширителем **-t[h]*, ср. основу, реконструируемую (*Pokorny 1959: 765*) на основании форм типа др.-инд. *sū-nṛ́tā* 'жизненная сила', соответствующей др.-ирл. *sonirt* 'сильный', *sonairt* 'сильный', валл. *hy-nerth* 'сильный', др.-ирл. *nert* 'мужественность'; 'войско', осет. *Nart-*, хотано-сакск. *naḍaun-* 'мужчина', 'герой' (из **nṛtāvan-*, *Bailey 1976a: 37*; ср., однако, возражения *Абаев 1973, II: 159—160*); др.-герм. *Nerthus* 'имя богини', др.-исл. *Njǫrðr* 'имя бога', ср. лит. *nértėti*, *nìrtinti* 'сердить', *į-niřtęs* 'помрачневший', *nařtsas* 'гнев', прус. *nertien* 'гнев', *er-nertimai* 'мы гневаемся'[1].

Возникновение долгих гласных и соответственно аблаутной ступени растяжения может быть сведено к аналогичным фонетическим причинам и в некоторых древнейших индоевропейских глагольных структурах. Это, в первую очередь, касается ряда глагольных структур с долгими гласными в формах аориста. Показатель аориста в сочетании с предшествующим смычным согласным мог вызвать количественное удлинение предшествующей гласной, превратившееся в дальнейшем в морфонологический признак глагольных форм индоевропейского аориста. Подобное происхождение долготы общеиндоевропейских глагольных форм можно предположить в образовании от корней типа ***u̯et'-*** 'вести' и ***et'-*** 'есть'[2]:

Ст.-слав. *vĕsй* 'я вез', *аорист* к *vesti*, лат. *uēxī* 'я вез', др.-инд. *á-vāḳṣ-am* 'я ехал' (*Watkins 1962a: 29 и след.*);

Ст.-слав. *jasй* 'он ел' (*Watkins 1962a: 43*).

В латинском и славянском сохраняется ряд сигматических образований, долгота которых может быть объяснена по такому же принципу, ср. аористные образования типа лат. *uēx-ī*, ст.-слав. *rĕchй*<

[1] Ср. к семантике хет. *kartimmiya-* 'сердиться', слав. **sьrditi*. На этом фоне соблазнительно сопоставление общеиндоевропейской основы среднего рода (древнего инактивного класса) **k[h]er-t'-* 'сердце, сердцевина' (см. выше) с немаркированным корнем **k[h]er-* со значением 'гибель': греч. *κῆρ* (от *ker-s) 'смерть, гибель', *род. пад. κηρός*; др.-ирл. irchre 'гибель': arachrin (*Thurneysen 1946: 449*).
Возможно допустить семантический переход 'резать' → 'доставать внутренности, сердцевину' → 'убивать' (последнее значение отражено в греческом; в ирландском отражаются первичные значения 'разрезать' → 'убивать', ср. алб. ther 'убиваю', 'разрезаю'). Производное значение 'сердце', 'сердцевина' в связи с первичным значением 'резать' не кажется семантически столь отдаленным от первоначального значения индоевропейского корня.

[2] О фонетической основе долгой гласной в формах этого типа с древней глоттализованной см. выше, стр. 69 и след.

< **rēks-* (от *rekǫ* 'я говорю'), *tĕchŭ* < **tēks-* (от *tekǫ* 'бегу') и т. д. Древнеиндийский показывает обобщение этого принципа на все основы, в том числе и на основы с древними сонантами, регулярно показывающими в активе сигматического аориста ступень *vr̥ddhi* (*ср. Kuryłowicz 1956*). Как инновацию древнеиндийского следует рассматривать и *vr̥ddhi* в перфектных образованиях типа *ása* (*перфект* к *as-* < **es-* 'быть'), *ā́da* (*перфект* к *ad-* 'есть'), *ā́ja* (от *aj-* 'вести') и т. д.

Другим источником возникновения долгих гласных могло быть преобразование сочетания *гласная* $+\underline{u}$, $\underline{i}$ в преконсонантной позиции. Такое возникновение долготы гласной можно фонетически охарактеризовать как стяжение гласной с последующим сонантом. Хорошим примером, иллюстрирующим такое происхождение долгот, может служить индоевропейское слово для обозначения 'быка, коровы, крупного рогатого скота', восстанавливаемое в виде ***k'^{o}ou-**: греч. βοῦς 'бык', др.-инд. *gáuḥ* 'бык', др.-в.-нем. *chuo*, арм. *kov*, латыш. *gùovs* 'бык'. Последовательность *-o$\underline{u}$-* в преконсонантной позиции дает *ō*: *им. пад. ед. ч.* ***k'^{o}ou-s** → ***k'^{o}ō-s**: греч. дор. βῶς, лат. *bōs; вин. пад. ед. ч.* ***k'^{o}ou-m** → ***k'^{o}ōm**: греч. дор. *вин. п. ед. ч.* βῶν, др.-инд. *gā́m*. В превокальной позиции такое сочетание сохраняется, ср. греч. *род. пад.* βο(*F*)ός, *дат. пад.* βο(*F*)ῖ, лат. *род. пад. bouis*, др.-инд. *дат. пад. gáve*, *мест. пад. gávi*, *род. пад. мн. ч. gávām* (*ср. Thumb/Hauschild 1958, 1,1 : 231—232; 1959, II: 72—74*)[1].

1.10. ДИНАМИКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ ПО АБЛАУТУ

Представленный выше анализ механизма аблаутных чередований в индоевропейском и внутренняя реконструкция древнейших моделей индоевропейского аблаута позволяют представить в динамике механизм индоевропейского аблаута и восстановить последовательные этапы его развития.

Исходная система индоевропейского аблаута, которую можно восстановить путем внутренней реконструкции, должна была быть представлена двумя основными вокалическими ступенями в зависимости от действия фонологически значимого на предшествовавшем этапе динамического (силового) ударения. Эти две основные ступени можно охарактеризовать как сильную ступень (восходящую к слогу под ударением) и слабую ступень (восходящую к безударному слогу). Слабая ступень представлена на этом этапе в виде двух своих фонологических разновидностей — нулевой ступени и редуцированной ступени:

[1] Аналогичным образом можно объяснить возникновение долгой гласной и в индоевропейской форме для 'рта', реконструируемой в индоевропейском в форме *ous-/*ois-: др.-инд. ās-, *род.-отл. п.* вед. āsás, *твор. п.* вед. āśā́, авест. āh-, лат. ōs, *род. пад.* ōris 'рот', др.-ирл. á 'рот', др.-исл. óss 'устье'. Постулирование *-$\underline{u}$-//*-$\underline{i}$- в преконсонантной позиции в данном слове оправдано наличием таких индоевропейских образований, как др.-инд. *óṣṭha-*, авест. *aošta-* 'губа', ст.-слав. usta 'уста', прус. austo 'рот', при хет. *aiš*, *род. пад. išša*š 'рот'.

I. *Сильная ступень* — V, где $V \rightarrow [e, a, o]$

II. *Слабая ступень* $\rightarrow$ { *Нулевая ступень* / *Ступень редукции* }

Нулевая ступень $\rightarrow \emptyset$

Ступень редукции $\rightarrow$ *ə*

Следующий этап в формировании позднеиндоевропейского аблаута начинается с восстановления редуцированного **ə* в виде гласного полного образования преимущественно тембра *o* в корнях определенной структуры и слияния его с соседними сонорными и "ларингальными" фонемами в корнях другой структуры. Возникшие в результате этого слоговые сонорные *i̯*, *u̯*, *r̥*, *l̥*, *m̥*, *n̥* и H_1, H_2, H_3 оказываются в отношении дополнительного распределения с соответствующими сонорными *y*, *w*, *r*, *l*, *m*, *n* и неслоговыми "ларингальными" H_1, H_2, H_3, что и приводит к объединению этих элементов в общие сонантические фонемы со слоговыми и соответствующими неслоговыми аллофонами.

Первичные гласные **i*, **u* в результате этих преобразований становятся слоговыми аллофонами соответствующих сонантов **i̯*, **u̯*. При этом гласные аллофоны *[e, a, o]* превращаются в особые вокалические фонемы тембра *[e, a, o]*, что влечет за собой дефонологизацию "ларингальных" H_1, H_2, H_3 и превращение их в общую "ларингальную" фонему со слоговыми и неслоговыми аллофонами, примыкающую тем самым к классу сонантических фонем.

Фонологизация вокалических противопоставлений обусловливает фонологизацию гласного ***o**, возникшего из редуцированного гласного, и превращение ступени ***o** из варианта слабой ступени в особую морфонологическую ступень аблаута, выступающую рядом с нормальной, отражающей старую сильную ступень, и нулевой ступенью, отражающей другой вариант старой слабой ступени (то есть старую редуцированную в корнях с сонантами и "ларингальными").

Такая морфонологическая ступень ***o** начинает проникать в целый ряд именных и глагольных структур, образуя новые парадигматические противопоставления аблаутной ступени ***o** нормальной и нулевой ступеням, отражающим в основном старую сильную и слабую ступени. Тем самым механизм индоевропейского чередования гласных выступает как чередование ступеней ***e** (***a**)~***o**~$\emptyset$ (нуль) с новым распределением по диалектам ударений в пределах парадигмы.

В результате этих процессов возникает механизм аблаутных чередований, характеризующийся бинарностью противопоставления ступеней с гласной (*e* или *o*) и ступени без гласной (нулевая ступень). Аблаутные ступени с гласной, в которых выступает морфонема *e* ~ *o*, могут быть охарактеризованы как полная ступень огласовки в противоположность нулевой ступени.

В свою очередь внутри полной ступени огласовки можно функционально различить нормальную или основную ступень аблаута ***e** и производную ступень с огласовкой ***o**. Характерно, что производность ступени

***o** в противоположность ступени ***e** воспринимается вплоть до современных языков, сохранивших тип чередования *e/o*, поскольку ступень ***o** выступает в явно производных морфологических категориях. Производность ступени ***o** в механизме индоевропейского аблаута ясно отражается и в древнеиндийском, в котором при фонологическом слиянии *e*, *o*, *a* в *a* древнее чередование *e* : *o* было переосмыслено и выражено как чередование краткого *o* и долгого *ā* (ср. также описание ступеней чередования *нуль*: *a* : *ā* как трех ступеней в древнеиндийской традиции).

К этому периоду уже образуются первоначально фонологически обусловленные долгие гласные *ā*, *ē*, *ō*, которые превращаются в долгие гласные фонемы при устранении комбинаторных факторов, вызвавших появление фонетических долгот. Долгие гласные *ē*, *ā*, *ō* противостоят уже соответствующим кратким *ĕ*, *ă*, *ŏ* как независимые вокалические элементы, находящиеся в оппозиции к первым по признаку долготы ~ краткости. Формы с долгими гласными представляют соответственно уже долгие аблаутные ступени или так называемые ступени растяжения, противостоящие морфонологически в пределах единой парадигмы аблаутным ступеням с соответствующими краткими гласными *ĕ*, *ă*, *ŏ*.

Полная ступень		Нулевая ступень
Основная (нормальная) ступень	*Производная ступень*	*Ø*
e	o	

Таким образом, к правилу индоевропейских аблаутных чередований

$$\begin{bmatrix} e \\ (a) \\ o \end{bmatrix} \rightarrow \emptyset \text{ (нуль)}$$

добавляется правило

$$\begin{bmatrix} \breve{e} \\ \breve{a} \\ \breve{o} \end{bmatrix} \rightarrow \begin{bmatrix} \bar{e} \\ \bar{a} \\ \bar{o} \end{bmatrix}$$

Первоначальные отношения позднее заменяются, и могут возникать не взаимооднозначные по качеству гласной соответствия между чередующимися краткими и долгими гласными, то есть *ĕ* может чередоваться не только с *ē* долгим, но и с *ō* долгим, *ŏ* краткое может чередоваться не только с *ō* долгим, но и с *ē* долгим. Таким образом, предполагаемое изначально одно-однозначное соотношение между аблаутными ступенями с краткими и соответствующими долгими гласными превращается в дальнейшем в результате различных аналогических выравниваний и других изменений в одно-многозначное соотношение:

$$\begin{bmatrix} \breve{e} \\ \breve{a} \\ \breve{o} \end{bmatrix} \rightarrow \begin{bmatrix} \bar{e} \\ \bar{a} \\ \bar{o} \end{bmatrix} \Rightarrow \begin{bmatrix} \breve{e} \\ \breve{a} \\ \breve{o} \end{bmatrix} \rightarrow \left\{ \begin{matrix} \bar{e} \\ \bar{a} \\ \bar{o} \end{matrix} \right\}$$

Механизм аблаутных чередований позднеиндоевропейского периода может быть охарактеризован уже как чередования двух типов: чередования качественные и чередования количественные. Качественные чередования выражаются в чередовании *e*, *a* с *o*; количественные чередования характеризуются двойной направленностью (при условии, что нормальная ступень принимается за исходную, что согласуется и с диахронией): *ĕ*, *ă*, *ŏ* либо сводятся к нулю (отсутствие любой из этих гласных), либо преобразуются в соответствующие долгие *ē*, *ā*, *ō*:

$$\emptyset \leftarrow \begin{bmatrix} \breve{e} \\ \breve{a} \\ \breve{o} \end{bmatrix} \rightarrow \begin{bmatrix} \bar{e} \\ \bar{a} \\ \bar{o} \end{bmatrix}$$

1.11. ПОЗДНЕОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА АКЦЕНТУАЦИИ

Позднеиндоевропейская система акцентуации, связанная с такой системой гласных и функционировавшая одновременно с ней, характеризовалась подвижным ударением, зависящим от типа слова и парадигматической формы. Подобный характер позднеиндоевропейской акцентуации хорошо сохраняется еще в соответствующих древнеиндийских и балто-славянских парадигмах типа др.-инд. *duhitắ* 'дочь' *(им. пад. ед. ч.)*—*dúhitar (зват. п. ед. ч.)* ~ *duhitáram (вин. п. ед. ч.)* ~ *duhitré (дат. п. ед. ч.)*; лит. *duktẽ* 'дочь' *(им. п. ед. ч.)* ~ *dùkterį (вин. п. ед. ч.)* ~ *dukteryjè (мест. п. ед. ч.)* ~ *duktẽ (зват. п. ед. ч.)*; рус. диал. *дочи́ (им. п. ед. ч.)* ~ *до́чери (дат. п.)* *(ср. Kuryłowicz 1958; 1968; Иллич-Свитыч 1963: 149; Kiparsky/Halle 1977; Garde 1976)*, а также, вероятно, в хеттском, ср. *Hart 1980.*

В отличие от постулируемой для индоевропейского более древней системы акцентуации с подвижным динамическим ударением, вызывавшим выпадение или редукцию безударных гласных (что и привело, в сущности, к образованию исторического механизма чередований по аблауту, см. выше, стр. 152 и след.), поздний тип индоевропейской акцентуации с подвижным в пределах парадигмы ударением должен рассматриваться как "неинтенсивный", не приводящий к выпадению или редукции безударных гласных. Таким образом, следует допустить перестройку индоевропейской системы акцентуации с интенсивного динамического ударения в систему с весьма слабым по интенсивности ударением, не обусловливающим изменения в вокалическом составе акцентуированных словоформ.

Вместе с тем это явление можно было бы объяснить перестройкой системы динамического ударения в систему тоновых различий со слабой интенсивностью слогов, находящихся под тоном, что не должно было вызывать редукции безударных слогов.

В пользу тональной интерпретации позднеиндоевропейской системы акцентуации свидетельствуют исторические рефлексы этой системы в целом ряде индоевропейских диалектов: древнеиндийская *(ср. Barroy 1976: 108—109; Thumb/Hauschild 1958, I, 1: 208—209)*, древнегреческая *(Vendryès 1929)* и балто-славянская *(Garde 1976)* системы акцентуации характе-

ризуются, как известно, тоновыми различиями, следы которых косвенно отражены и в германском, в типологически связанном с тоном явлении озвончения фрикативных согласных в древнем предтоновом положении, описываемом "законом Вернера", *ср. Maddieson 1974.*

Наряду с таким подвижным типом тонового ударения система позднеиндоевропейской акцентуации характеризуется и наличием "колонных парадигм" с фиксированным ударением на одном определенном слоге: ср. др.-инд. *bhrấtā* 'брат' *(им. п. ед. ч.)* ~ *bhrấtāram (вин. п.)* ~ *bhrấtre (дат. п.)*; серб.-хорв. *brât (им. п. ед. ч.)* ~ *brâta (вин. п. ед. ч.)* и др. *(ср. Kurytowicz 1958; 1968; Иллич-Свитыч 1963)*[1].

2. ПОЗДНЕИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА СОНАНТОВ И «ЛАРИНГАЛЬНОЙ» ФОНЕМЫ

2.1. ПОЗИЦИОННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АЛЛОФОНОВ СОНАНТИЧЕСКИХ ФОНЕМ. ТРИ ПОЗИЦИОННЫХ АЛЛОФОНА СОНАНТОВ. ВАРЬИРОВАНИЕ НЕСЛОГОВЫХ АЛЛОФОНОВ

Слияние редуцированного гласного с последующим сонорным и образование слоговых вариантов сонантов *i, u, r̥, l̥, m̥, n̥* способствует в позициях, определенных Э. Зиверсом и Ф. Эджертоном *(Edgerton 1934; 1943; ср. Sihler 1969; 1971; Nagy 1970)*, возникновению нового, третьего аллофона сонанта, а именно сочетания слогового элемента с неслоговым.

В позициях *CC — V, VHC — V* или *#C — V*, то есть в контексте перед *V*, древние сочетания, возникшие в формах слабой ступени, а именно, *CCəSV, VHCəSV* или *#CəSV*, которые переходят соответственно в *CCṢV, VHCṢV* или *#CṢV*, дают последовательность *ṢS*, то есть *Ṣ* (слоговое) + *S* (неслоговое) в результате образования глайда перед последующим гласным, являющегося как бы знаком словораздела между слоговым *Ṣ* и последующей гласной.

Возникновение сочетания *ṢS* может быть объяснено правилами синтагматической сочетаемости двух слоговых элементов: два слоговых элемента (слоговой сонант или гласная, а также два слоговых сонанта) не могут следовать друг за другом. Такие сочетания, то есть слоговой сонант + гласная или слоговой сонант + слоговой сонант разбиваются глайдом, представляющим собой неслоговую разновидность первого слогового элемента.

Следовательно, *S* в сочетании типа *ṢS* в таких позициях есть фонетическая разновидность слогового *Ṣ* перед другим слоговым элементом — гласной или слоговым сонантом.

Таким образом, сонантические фонемы в индоевропейском представ-

[1] Помимо акцентируемых словоформ в индоевропейском выделяется группа служебных слов и частиц, акцентируемых в зависимости от их сочетаний с полнозначными словами в предшествующей или последующей позициях. В функции проклитик такие служебные элементы оттягивали на себя ударение с главного слова, ср. др.-инд. *pára dah* 'отдай', рус. *прó-дал*, древненрландский ударный префикс *ro-* и др.

лены в виде трех комбинаторно обусловленных вариантов, определяемых однозначно конкретным фонетическим окружением:

A. Неслоговые варианты [*i̯, u̯, r̥, l̥, m̥, n̥*]
B. Слоговые [*i, u, r̥, l̥, m̥, n̥*]
C. Слоговые~неслоговые [*ii̯, uu̯, r̥r̥, l̥l̥, m̥m̥, n̥n̥*]

A. Неслоговые аллофоны сонантических фонем *S* были представлены в позициях:

V—V	греч. φέρ-ω
VC—V	др.-инд. *mádhya-*
VC—Ş	греч. δόγμα (-μα<*-*mn̥*)
V—SV	**t'eru̯o-s*

В индоевропейском наблюдаются случаи чередований неслоговых аллофонов сонантов. В ряде случаев такие чередования чисто фонетического характера, в других подобные чередования связываются с морфологической функцией, что может объясняться позднейшей морфологизацией первоначальных фонетических чередований (*ср. Абаев 1973а; Swadesh 1970*). При этом в одних исторических индоевропейских диалектах сохраняется форма с одним из чередующихся сонантов, в других — с другим: ср. др.-инд. *kr̥mi-*, лит. *kirmìs* 'червь', но ст.-слав. *črŭvĭ*; лит. *pìrmas*, но ст.-слав. *prĭvŭ* 'первый' (и.-е. чередование [*m*] ~ [*u̯*]); греч. δῶρον, арм. *tur*, ст.-слав. *darŭ* 'дар', но лат. *dōnum*, др.-инд. *dā́na-*, др.-ирл. *dán* 'дар' (и.-е. чередование [*r*] ~ [*n*]); др.-инд. *sū́var-*, авест. *hvar-* 'солнце', 'свет', греч. гом. ἠέλιος, лат. *sōl*, гот. *sauil* 'солнце', но авест. *xᵛā̊ng*, *род. пад.* 'солнца', гот. *sunnō*: и.-е. **sāu̯el-* ~ **su̯en-* (чередование [*l*] ~ [*n*]); др.-инд. *-ta(r)*, греч. -τηρ (суффикс *nomina agentis*), но ст.-слав. *-tel-* (*ср.* *-*ter* в слав. *vĕtrŭ* 'ветер'), хет. *-talla-* (с тем же значением, ср. наряду с этим хет. *-tara-* в *u̯eš-tara-* 'пастух', *eku-tara-* 'тот, кто пьет', 'чашник') (и.-е. чередование [*r*] ~ [*l*]).

B. Слоговые аллофоны сонантических фонем *Ş* были представлены в позициях:

#—*C*	др.-инд. *úd-*
#—*S*	др.-инд. *r̥nóti*, **r̥-n-* > хет. *arnu-*
C—C	др.-инд. *kr̥-tá-*, *pr̥thú-*
S—C	греч. λιπ-
S—#	греч. δόρυ, γόνυ
C—#	**-t[h]r̥*, **t'ek̂[h]-n̥*

C. Слоговые~неслоговые аллофоны сонантических фонем *ŞS* были представлены в позициях:

VCC—V	**sp[h]r̥r-* > др.-инд. *sphuráti*
VCS—V	др.-инд. *áśviya-* (греч. ἵππιος)
VSC—V	
VHS—V	
VHC—V	

$\#C-V$ др.-инд. *tuvám*, *siyám*, лат. *diēs*

$\#S-V$

$CC-\underset{\circ}{S}{}^{C}_{\#}$

$CS-\underset{\circ}{S}{}^{C}_{\#}$

$SC-\underset{\circ}{S}{}^{C}_{\#}$

$HS-\underset{\circ}{S}{}^{C}_{\#}$

$HC-\underset{\circ}{S}{}^{C}_{\#}$

$\#C-\underset{\circ}{S}{}^{C}_{\#}$

$\#S-\underset{\circ}{S}{}^{C}_{\#}$

Из формул дистрибуции слоговых и слоговых ~ неслоговых аллофонов сонантов можно вывести заключение о том, что пауза $\#$ эквивалентна в дистрибутивно-функциональном отношении согласной: $C \approx \#$.

2.2. *ДИСТРИБУТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ЛАРИНГАЛЬНОЙ» ФОНЕМЫ*

Аналогичную дистрибуцию слоговых и неслоговых аллофонов следует предположить в общеиндоевропейской системе и для "ларингальной" фонемы *H*. Возникший в результате слияния *H* с редуцированным гласным слоговой элемент $\underset{\circ}{H}$ объединяется с соответствующим неслоговым *H* в общую "ларингальную" фонему, проявляемую в зависимости от распределения в слове в виде слогового или неслогового аллофона. Словоразделяющий глайд мог появляться и при слоговом элементе $\underset{\circ}{H}$ перед последующим слоговым (гласным или слоговым сонантом). При этом могло возникнуть сочетание $\underset{\circ}{H}H$ как третья разновидность (аллофон) "ларингальной" фонемы наряду с собственно слоговым и неслоговым аллофонами в полном соответствии с аллофонами сонантических фонем.

Допущение аллофона $\underset{\circ}{H}H$ для "ларингальной" фонемы наряду с аллофонами $\underset{\circ}{H}$ и *H* могло бы объяснить своеобразное отражение "ларингальных" в хеттском (об этом подробнее ниже).

"Ларингальная" фонема **H*, являясь в принципе сонантическим элементом (по признаку слогообразования), отличалась тем не менее от собственно сонантических фонем целым рядом структурных особенностей — как синтагматических, так и парадигматических, что и дает основание относить ее к особому фонемному классу в системе общеиндоевропейского языка. По месту, занимаемому "ларингальной" фонемой в основе, строящейся по принципу возрастающей сонорности к центру, "ларингальные"

[1] Некоторые из комбинаций сонантов, предусмотренных общими схемами, не реализуются в языке ввиду ограничений, накладываемых на сочетания из двух и более сонантов, а также на сочетания некоторых шумных согласных с сонантами. Даже допустимые в индоевропейском сочетания шумных и сонантов или двух и более сонантов преобразуются в исторических диалектах путем их разделения каким-либо согласным или выпадением одного из элементов, ср. преобразования последовательностей -пг-$>$-νδρ- в греческом ἀνδρός $<$ *ἀνρος, ср. ἀνήρ; др.-инд. strī 'женщина' $<$ *srī (хет. -*šar*).

характеризуются бóльшей сонорностью, чем шумные, но меньшей, чем собственно сонанты *(ср. Гамкрелидзе 1960 : 86 и след.)*.

Этой фонетической особенностью "ларингальных" следует объяснить и то, что "ларингальная" фонема в сочетании с собственно сонантом ведет себя как неслоговой элемент, то есть в позициях появления слоговых в таких сочетаниях в виде слогового аллофона проявляется собственно сонант, но не "ларингальная" фонема. В индоевропейских основах типа ***k̂'enH-** (др.-инд. *jani-tá* 'родитель', греч. γενέτωρ), ***senH-** (др.-инд. *sanóti* 'выигрывает', 'приобретает', хет. *šanḫ-* 'искать', 'стремиться'), ***b$^{[h]}$eu̯H-** (др.-инд. *bhávitum* 'быть'), ***p$^{[h]}$elH-** (др.-инд. *pári-man-* 'полнота', ср. хет. *palḫ-i-* 'широкий'), ***t$^{[h]}$erH-** (греч. τέρμα 'цель', τέρμων 'граница', ср. хет. *tarḫ-* 'побеждать'), ***t'emH-** (др.-инд. *damitá* 'укротитель') нулевая ступень представлена формами соответственно ***k̂'n̥H-** (др.-инд. *прич. пр. вр. jā-tá-* 'рожденный'), ***sn̥H-** (др.-инд. *прич. пр. вр. sā-tá-* 'приобретенный'), ***b$^{[h]}$uH-** (др.-инд. *прич. пр. вр. bhūtá-* 'ставший'), ***p$^{[h]}$r̥H-** (др.-инд. *pūr-ṇá-* 'полный, наполненный', хет. *palḫ-i-* 'широкий'), ***t$^{[h]}$r̥H-** (др.-инд. *tīrṇá-*), ***t'm̥H-** (др.-инд. *прич. пр. вр. dāmtá-* 'укрощенный', греч. дор. δμᾱτός) со слоговым сонантом, но не со слоговым "ларингальным", как и в позициях между двумя согласными.

Тем самым "ларингальная" фонема противопоставляется собственно сонантам меньшей сонорностью, примыкая в этом смысле к классу шумных

2.3. РЕФЛЕКСЫ АЛЛОФОНОВ СОНАНТОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Реконструируемая для позднего общеиндоевропейского периода система сонантов со слоговыми и неслоговыми аллофонами разрушается в отдельных индоевропейских диалектах в результате вокализации слоговых сонантов и возникновения гласных полного образования. Такую вокализацию слоговых сонантов следует рассматривать как фонологизацию при сонорных редуцированного гласного, который и определил фонетически сонорность слоговых элементов. Это развитие слоговых сонантов в исторических индоевропейских диалектах вызывает элиминацию в системе класса собственно сонантов и появление сонорных в качестве особого подкласса фонем.

Появляющиеся при вокализации сонантов гласные полного образования в ряде диалектов приводят к существенным преобразованиям в системе вокализма, в которой слоговые *i* и *u* выступают в качестве элементов вокалического класса в результате расщепления сонантов *[i̯ u̯]* на собственно гласные *[i u]* и согласные фонемы.

Развитие индоевропейских слоговых сонантов в отдельных диалектах представлено схематически в следующей таблице:

	Индо-иран.	*Др.-греч.*	*Лат.*	*Кельт.*	*Герм.*	*Балт.*	*Слав.*
И.-е. ***r̥**	*-r̥-*	*-ρα-, -αρ-*	*-or, -ur-*	*-ri-, -ar-*	*-ur-*	*-ir-, -ur-*	*-ĭr-, -ŭr-*
И.-е. ***l̥**	*-l̥-*	*-λα-, -αλ-*	*-ol, -ul-*	*-li-, -al-*	*-ul-*	*-il-, -ul-*	*-ĭl-, -ŭl-*

И.-е. *$\hat{k}^{[h]}\underset{\cdot}{r}t'$-: греч. *καρδίᾱ, κραδίη*; лат. *cor, род. п. cordis*, др.-ирл. *cride*, лит. *širdìs*, ст.-слав. **sьrdьce* > *srьdьce* 'сердце';

И.-е. *$t'\underset{\cdot}{r}\hat{k}^{[h]}$-: др.-инд. *dṛ́ś-* 'вид', греч. *δρακεῖν* 'посмотреть', 'увидеть', др.-ирл. *drech* 'лицо'(<*$t'\underset{\cdot}{r}$-$\hat{k}^{[h]}ā$), валл. *drych* 'вид', 'зеркало';

И.-е *$\underset{\cdot}{u}|k^{[h]o}$-: др.-инд. *vṛ́ka-ḥ*, гот. *wulfs*, лит. *vil̃kas*, ст.-слав. *vlьkъ* 'волк';

И.-е. *$p^{[h]}|t^{[h]}Hu$-: др.-инд. *pṛthú-* 'широкий', греч. *πλατύς*, др.-ирл. *letha̋n* 'широкий';

	Индо-иран.	*Др.-греч.*	*Лат.*	*Кельт.*	*Герм.*	*Балт.*	*Слав.*
И.-е.*$\underset{\cdot}{m}$	*a*	*α*	*em*	*am, em*	*um*	*im*	*-ę-<-im-*
И.-е.*$\underset{\cdot}{n}$	*a*	*α*	*en*	*an, en*	*un*	*in*	*-ę-<-in-*

И.-е. *$t'e\hat{k}^{[h]}\underset{\cdot}{m}t^{[h]}$-: др.-инд. *daśát* 'десяток', греч. *δεκάς*, ст.-слав. *desętĭ*, гот. *taihun*, лит. *dẽšimts* 'десять';

И.-е. *$k'^{o}\underset{\cdot}{m}$-$t^{[h]}$os: др.-инд. *gatá-*, греч. *βατός*, лат. *uentus* 'пришедший' *(прич. пр. вр.)*;

И.-е. *$sep^{[h]}t^{[h]}\underset{\cdot}{m}$: др.-инд. *saptá*, греч. *ἑπτά*, лат. *septem* 'семь';

И.-е. *$m\underset{\cdot}{n}t^{[h]}$is: др.-инд. *matíḥ* 'размышление', 'мысль', лат. *mēns, род. п. mentis* 'мысль', 'разум', гот. *ga-munds* 'память', лит. *mintìs* 'мысль', ст.-слав. *pa-mętĭ* 'память'.

Аллофон сонантов слоговой—неслоговой частично совпадает с отражением слоговых аллофонов. Отличное отражение их представлено в латинском и греческом в виде *-am-*, *-αμ-*; *-an-*, *-αν-*; *-ar-*, *-αρ-*; *-al-*, *-αλ-*; в древнеиндийском — в виде *-am-*, *-an-*, *-ir-*, *-ur-* (обычно после лабиовелярных), в славянском как *-im-*, *-in-*, *-ir-*, *-il-*, в иранском в виде *-am-*, *-an-*, *-ar-*, *-al-*:

И.-е. *$t^{[h]}\underset{\cdot}{n}nu$-: др.-инд. *tanú-* 'тонкий', греч. *τανύ-* 'долгий' (лат. *tenuis* 'тонкий'), др.-ирл. *tan(a)e*, др.-в.-нем. *dunni*, ст.-слав. *tĭnŭkŭ* 'тонкий';

И.-е. *$s\underset{\cdot}{m}mo$-: др.-инд. *samá-* 'такой же, подобный', др.-перс. *hama-*, греч. *ἁμό-θεν, οὐδ-αμός* 'никакой', гот. *sums* 'какой-нибудь';

И.-е. *$p^{[h]}\underset{\cdot}{r}ros$: др.-инд. *puráḥ*, авест. *parō*, греч. *πάρος* 'раньше';

И.-е. *$p^{[h]}|lu$-: др.-инд. *purú-* 'многочисленный', авест. *pouru-*, др.-ирл. *il*, гот. *filu*, лит. *pilus* 'много', 'многочисленный';

И.-е. *$k'^{o}\underset{\cdot}{r}ru$-: др.-инд. *gurú-* 'тяжелый', греч. *βαρύς* 'тяжелый', гот. *kaúrjōs (им. п. мн. ч., ж. р.)*<**kaúrus* 'тяжелый'.

Отражение слоговых аллофонов индоевропейских сонантических фонем в виде последовательностей гласных со смежным сонорным зависит, очевидно, от древней системы гласных и согласных в древних индоевропейских диалектах. Можно предположить, что огласовка *a* при вокализации слоговых сонантов (индо-иранский, греческий) характеризует те индоевропейские диалекты, в которых ко времени возникновения гласных полного образования при вокализации слоговых сонантов узкие гласные *u*, *i* не составляли собственно гласных и относились к сонантам. После вокализации слоговых сонантов *$\underset{\cdot}{r}$, *$\underset{\cdot}{l}$, *$\underset{\cdot}{m}$, *$\underset{\cdot}{n}$ класс сонантов некоторое время был представлен только фонемами /*i̯, *u̯/, со слоговыми аллофонами [i u] и соответствующими неслоговыми [i̯ u̯], ср. в греческом чередования типа *λείπω : ἔλιπον*, *φεύγω : ἔφυγον* и др.

В другой группе индоевропейских диалектов, таких как кельтские, италийские, германские, балтийские, славянские, в которых возникающая при слоговом сонанте гласная характеризуется тембром *i*, *u*, фонологические связи между вариантами соответствующих сонантов *i̯* и *i*, *u̯* и *u* были разорваны и эти элементы были представлены как два независимых ряда согласных /y w/ и гласных /i u/, ср., например, соотношения в латинском, в котором к моменту вокализации слоговых сонантов уже сложилась пятичленная вокалическая система *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, типологически совпадающая с одним из древних состояний общеиндоевропейского языка.

В этом отношении интересно отражение слоговых сонантов *r̥*, *l̥*, *m̥*, *n̥* в хеттском языке. Эти слоговые сонанты, вокализующиеся в виде сочетания *a* + *сонорные*, дают рефлексы, соответственно *ar*, *al*, *am*, *an*, которые совпадают внешне с рефлексами сочетаний **or*, **ol*, **om*, **on*. Это же касается сочетания *en* + *C* (согласный), которое отражается в хеттском как *-ant-*. Поэтому в формах с последовательностью *a* + *сонорный* + *C* могут быть отражены как индоевропейские слоговые сонанты, так и формы с огласовкой ***o** перед сонорными. Так, например, хет. *arnu-* 'приносить', 'уводить' может быть истолковано как рефлекс и.-е. ***r̥neu̯-**, ср. др.-инд. *r̥nóti* 'двигается', и как рефлекс и.-е. ***ornu-**, ср. греч. ὄρνῡμι 'двигаю' и др.-инд. *árṇa-* 'волна', 'поток'.

Характерно, что в хеттском *u̯* и *i̯* образуют вместе соответственно с *u* и *i* единые фонемные единицы, которые могут быть охарактеризованы как сонанты, ср. хет. *3 л. ед. ч. наст. вр. ku̯enzi* 'убивает' ~ *3 л. мн. ч. kunanzi*; *ḫu̯ekzi* 'зачаровывает', 'заклинает' ~ *ḫukanzi*; *ku̯erzi* 'режет' ~ *kuranzi*; *u̯ešii̯a-* 'покупать' ~ *ušanii̯a-* 'продавать'; *autti*, *2 л. ед. ч. наст. вр.* 'ты видишь' ~ *uḫḫi*, *1 л. ед. ч. наст. вр.*; *aiš* 'рот' ~ *род. пад. iššaš* и др.

И.-е. ***r̥**: хет. *parku-* 'высокий', др.-инд. *br̥hánt-* 'высокий', авест. *bərəzant-*, арм. *barjr* (и.-е. ***bʰr̥ĝʰ-u**); хет. *parḫ-* 'гнать', 'прогонять', др.-инд. *pūrtá-*, *pūrtí-* 'мзда', 'доля', 'часть' (и.-е. ***pʰr̥H-**); хет. *tarḫ-* 'побеждать', др.-инд. *tárati* 'преодолевает', *-tīr*, *-tūr* (в сложных словах): и.-е. ***tʰr̥H-**;

И.-е. ***l̥**: хет. *paltana-* 'плечо', греч. πλάταγος 'платан', πλάτη 'лопата', ὠμο-πλάτη 'лопатка', др.-инд. *pr̥thú-* 'широкий', др.-ирл. *lethan* 'широкий, ст.-слав. *plešte* 'плечо' (и.-е. ***pʰl̥-tʰl̥-**); хет. *palḫ-i-* 'плоский', 'широкий', лат. *plānus* (и.-е. ***pʰl̥-H-**);

И.-е. ***n̥**: хет. *dankui-* 'темный'; др.-сакс. *dunkar*, др.-в.-нем. *tunkal* (и.-е. ***dʰn̥-k'-**); хет. *pankuš* 'весь', 'целый', др.-инд. *bahú-* 'густой', 'многочисленный', греч. παχύς 'толстый': и.-е. ***bʰn̥ĝʰ-u-**.

Индоевропейское слоговое **n̥* в позиции перед s отражается в хеттском в виде *a*, восходящего, по-видимому, к более древнему сочетанию *a* с последующим назальным, который позднее ассимилируется, давая последовательность *-aš-*:

Хет. *ku̯ašk-* итератив к *ku̯en-* 'ударять': **ku̯n̥sk* → *ku̯ask-*;

Хет. *daššu-* 'сильный' из **da(n)su-* < **dn̥su-*, греч. δασύς 'густой', 'частый', лат. *dēnsus* 'плотный', 'густой' (и.-е. ***t'n̥s-u-**);

Хет. *a-šiu̯att-* 'убогий', 'нищий' (из 'обездоленный'), др.-инд. *a-* < **n̥-* 'не-' (в сложных словах типа *a-deva-*), греч. *ἀ-* < **n̥-* 'не-': и.-е. ***n̥-t'i̯u-*** 'не-бог' (ср. к семантике слав. *ne-bogŭ*, *u-bogŭ* 'бедный', 'убогий').

Такое развитие в хеттском слогового **n̥* в позиции перед s позволяет видеть в хеттских словах *ḫaš(š)-* 'рождать', *ḫaššant-* 'сын', *ḫaššu-* 'царь' отражение этого сочетания.

Сопоставление данного хеттского слова с др.-инд. *ásuḥ* 'жизненное дыхание', 'жизнь' (*Schlerath 1968*), *ásuraḥ* 'повелитель', 'чародей', авест. *ahu-* 'жизнь', др.-исл. *áss* 'ас' позволяет реконструировать исходную индоевропейскую форму в виде **Hn̥s(-u-)* со слоговым **n̥*, отраженным в хеттском закономерно как *-ašš-*. Подобная интерпретация данной хеттской формы устанавливает несомненную связь ее со сложным словом *ḫašša ḫanzašša* со значением 'внуки и правнуки' (*ср. Melchert 1973*). Первый компонент этого словосложения содержит ту же основу в нулевой ступени ****Hn̥s-*** при ступени *о* ****Hons-*** во втором компоненте: ****Hn̥s-*** /****Hons-***[1]. Первый компонент закономерно отражается в *ḫašš-*, тогда как второй компонент дает **Hans-* → хет. *ḫanz-*[2], ср. лув. *ḫamša-* 'внук'.

Некоторые отклонения от рассмотренного выше характера слоговых сонантов наблюдаются при передаче индоевропейского слогового **m̥*. Такое **m̥* представлено в хеттском, в отличие от остальных слоговых, в вокализованной форме с гласным *u* с последующими характерными для хеттского изменениями сонорного *m* (переход *m* → *n* в абсолютном исходе слова). Такое *u* при *m* в хеттском в качестве рефлекса индоевропейского **m̥* можно было бы объяснить лабиальностью вокализуемого слогового сонанта.

Вокализацией слогового **m̥* можно объяснить такие формы, как окончание *1-го л. ед. ч. претерита -un* (из и.-е. **-m̥*, ср. окончание *1-го л. ед. ч. наст. вр. -mi* при *2 л. ед. ч. претерита -š* в противопоставлении *2-му л. ед. ч. наст. вр. -ši*); окончание аккузатива единственного числа в некоторых местоимениях типа *kun*, *вин. п.* от *kaš* 'этот', *apun*, *вин. п. ед. ч.* от *apaš* 'тот', а также окончание *вин. пад. мн. ч. -uš* из **-m̥-s*.

Более последовательно и единообразно отражается в хеттском слоговой—неслоговой аллофон индоевропейских сонантических фонем. Такие аллофоны, как **r̥r*, **l̥l*, **n̥n*, **m̥m* дают закономерно в соответствующих позициях сочетания *arr*, *all*, *ann*, *amm* с удвоением сонантных согласных.

Необъясняемые удвоения сонорных в хеттском получают удовлетворительное истолкование при увязке их с индоевропейскими аллофонами сонантов типа слоговой—неслоговой. Это особенно ясно видно при передаче аллофонов этого типа сонантов **i̯* и **u̯* последовательностью *-ii̯-* и *-uu̯-* (ср. выше модели распределения этого вида сонантических аллофонов):

[1] Ср. др.-инд. pautra- 'внук', ступень vr̥ddhi при putrá- 'сын' (*Thumb/Hauschild 1958, I, 1: § 113, 273*).

[2] К переходу -ans → anz- ср. *dagan-šepa-* → *daganzipa-* 'Дух земли' с изменением первоначального s под влиянием неслогового сонорного n в хеттском, ср. также *Oettinger 1980 : 44 и след.*

Ср. хет. *šuu̯ai-* 'толкать', 'теснить', 'вытеснять': др.-инд. *suváti* 'приводит в движение' *(Couvreur 1937: 221 и след.)*;

Хет. *tuu̯a* 'далеко', *tuu̯az (отл. п.)* 'издали', ср. др.-инд. *dū-ráḥ* 'далекий', *сравн. ст. dāvíyas-, превосх. ст. daviṣṭha- (Benveniste 1932c : 142 и след.; Goetze/Pedersen 1934 : 71)*;

Хет. *ḫuu̯ant-* 'ветер': лат. *uentus*, гот. *winds*;

Хет. *išḫiu̯a-* 'связывать': др.-инд. *s(i)ya-* 'связывать';

Хет. *ḫaštiu̯aš* (ср. **-iu̯-es* в формах *им. п. мн. ч.* при хет. *ḫaštai* 'кость'): др.-инд. *ásthi*, греч. ὀστέον 'кость';

И.-е. ***ŗr***: хет. *parranda* 'прочь', 'сверх того', 'над', ср. др.-инд. *puráḥ*, авест. *parō*, греч. πάρος при хет. *para* < **pro*;

И.-е. ***ļl***: хет. *malla(i)-* 'молоть', арм. *malem* 'разбиваю', валл. *malu* 'молоть': и.-е. ****mļl-(o)-***; хет. *kalleš-* 'звать', греч. καλέω 'зову': и.-е. ****k$^{[h]}$ļl-e(s)-***; хет. суффикс имени деятеля *-tallaš*: *maniu̯aḫḫatalla-* 'правитель' (из **-t$^{[h]}$ļl-os*), ср. слав. **-telʲ* < **-t$^{[h]}$el-io-*. Характерно, что другой суффикс имени деятеля *-tara-* в хеттском представлен, как правило, в простом написании *r*, что, очевидно, предполагает его происхождение от формы с полной огласовкой **-t$^{[h]}$or(-os)*, ср. греч. *-τορ*, *-τωρ*;

И.-е. ****ŋm/*ŋn***: хет. *šanna-* 'единый', 'один', *šannapi šannapi* 'порознь', др.-инд. *sama-*, др.-перс. *hama-*, греч. ἁμό-θεν, гот. *sums* 'кто-нибудь': и.-е. ****sŋmo-***; хет. *innara-* 'мужественность', восходящее, вероятно, к архетипу **Hnaras*, ср. др.-инд. *nár-* 'мужчина', греч. ἀνήρ, др.-инд. *sūnára-* 'полный жизненной силы'. След начального "ларингального" проявляется в долготе *ū* в др.-инд. *sūnára-* и, возможно, в протетическом гласном греческого. Благодаря таким формам с удвоением сонорных *r, l, m, n* в интервокальной позиции, закономерно отражающим слоговой~неслоговой вариант сонантов, в хеттском возникает модель распределения сонорных с удвоением в интервокальной позиции, которая позднее обобщается на все случаи с сонорными согласными в позиции между гласными. Этим объясняются удвоения сонорных в сочетаниях энклитических частиц в начале предложения: *nu* + *nas* → *nu-un-na-aš*, в некоторых более поздних словосложениях типа *u-nna-* 'пригонять', *penna-* 'угонять', ср. хет. *nai-* 'вести', др.-инд. *nī-*, *nay-* 'вести', а также в отдельных хеттских словах с сонорными в интервокальной позиции: хет. *gi-im-ma-an-za* 'зима', ср. др.-инд. *hemantá-ḥ* 'зима', а также в отдельных словах типа *ḫellu-* 'луг', *šalli-* 'большой' и др.

2.4. АЛЛОФОНЫ «ЛАРИНГАЛЬНОЙ» ФОНЕМЫ И ИХ РЕФЛЕКСЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Изменение системы сонантов и гласных в позднеиндоевропейском было тесно связано с преобразованиями, которые претерпела в отдельных индоевропейских диалектах "ларингальная" фонема. "Ларингальная" фонема хотя и образовывала подкласс сонантических фонем в том смысле, что наподобие собственно сонантов характеризовалась слоговыми и неслоговыми аллофонами, однако в своем дальнейшем развитии в отдельных диалектах она ведет себя отлично от собственно сонантических фонем *r, l, m,*

В отдельных индоевропейских диалектах неслоговой вариант "ларингальной" фонемы проявляет тенденцию к утере в позиции после гласной с компенсаторным удлинением предшествовавшей гласной[1]:

И.-е. ***eH-**, ***aH-**, ***oH-** → диал. *ē, *ā, *ō (хет. *eḫ*, *aḫ*):

***d$^{[h]}$eH-** → ***d$^{[h]}$ē-** : греч. τίθημι 'ставлю', др.-инд. *dádhāmi*, ст.-слав. *dějǫ*, латыш. *dēju*;

***t'oH-** → ***t'ō-** : греч. δίδωμι 'даю', др.-инд. *dádāmi*, лат. *dō*, ст.-лит. *dúomi*;

***st$^{[h]}$aH-** → ***st$^{[h]}$ā-** : греч. дор. ἵστᾱμι, др.-инд. *tiṣṭhāmi* 'стою';

***p$^{[h]}$aH-** → ***p$^{[h]}$ā-** : др.-инд. *pấti* 'охраняет', лат. *pāscō*, *pāuī* 'пасти', *pāstor* 'пастух', тох. В *pāsk-* 'охранять';

Диалектальный характер исчезновения неслогового аллофона "ларингальной" фонемы в такой позиции с удлинением предшествующей гласной выводится из факта сохранения в анатолийской группе индоевропейских языков, в частности хеттском, "ларингальной" фонемы с кратким гласным в предшествующей позиции, ср. хет. *teḫḫi* 'ставлю, кладу' (***d$^{[h]}$eH-**), *daḫḫi* 'беру' (***t'oH-**), *paḫš-* 'охранять' (***p$^{[h]}$aHs-**).

В начальной позиции перед гласными неслоговой аллофон "ларингальной" фонемы в первой группе диалектов теряется бесследно, тогда как в анатолийском он отражается в виде сегментной фонемы *ḫ*:

И.-е. ***#He-**, ***#Ha**, ***#Ho-** → диал. **e-*, **a-*, **o-* (хет. *ḫe-*, *ḫa-*): ***Hek'$^{\circ}$r-** → ***ek'$^{\circ}$r-** : др.-инд. *ágram* 'острие', 'вершина', хет. *ḫegur* 'скала', 'вершина', 'возвышенность'; ***Han-** → ***an-**: лат. *anus* 'старуха', греч. *ἀννίς. μητρὸς ἢ πατρὸς μήτηρ*, *Гесихий* (хет. *ḫannaš* 'бабушка', лик. *χ̃ñna* 'мать', ср. арм. *han* 'бабушка'); ***Hant$^{[h]}$-** → ***ant$^{[h]}$-** : лат. *ante* 'перед', греч. *ἀντί*, др.-инд. *ánti* (хет. *ḫant-* 'передняя сторона', 'лоб'); ***Has-** → ***as-** : лат. *āra* 'алтарь', 'жертвенник', оск. *aasai* (хет. *ḫaššа-* 'очаг'); ***His-** → ***is-**: др.-инд. *iṣā́* 'дышло', греч. οἴηξ 'кольцо на ярме', слав. **oje*; ***Hos-t$^{[h]}$-** → ***ost$^{[h]}$-** : гот. *asts*, др.-в.-нем. *ast*, греч. ὄζος 'ветвь' (ср. хет. *ḫašduir* 'сухие ветви', 'хворост').

Описанное выше удлинение гласных в ряде индоевропейских диалектов можно было бы истолковать также как слияние предшествовавшей краткой гласной с непрерывным звуком фарингальной артикуляции[2]. В результате в таких индоевропейских диалектах возникают долгие гласные различных тембров, которые сливаются в системе с соответствующими долги-

[1] Ларингальные в этом отношении проявляют некоторую близость к сонантам *i̯*, *u̯*, которые в определенных позициях стягиваются с предшествующей гласной, давая соответствующую долгую гласную. Близость первоначальных "ларингальных" фонем к сонантам *i̯*, *u̯* проявляется и в том, что многие индоевропейские формы с "ларингальными" обнаруживают в позднейших рефлексах как бы дополнительные *i̯*, *u̯* в пределах основы, восходящие, по-видимому, к определенным признакам "ларингальных" фонем (ср. выше, стр. 171—172). В этом смысле любопытна типологическая параллель с кабардинским, в котором, согласно данным Койперса (*Kuipers 1960*), поведение h аналогично синтагматическому поведению фонем y и w.

[2] Возникновение индоевропейских долгих гласных благодаря возмещению "одного из исчезнувших спирантов -h// ɛ→γ//y (ɛ)" было с присущей ему проницательностью предположено еще Н. Я. Марром на примере развития *maɛ l → māl- (mēl-) в дор. *μᾶλον*, лат. mālum 'яблоко' (*Марр 1922 : 328*), которое позднее нередко сопоставляли с хет. *maḫlaš* 'виноградная лоза'.

ми гласными, возникшими исторически в ступени растяжения. Характерно в этом отношении то, что индоевропейские диалекты, в которых под влиянием "ларингальной" фонемы возникают новые долгие гласные, совпадающие с исторически возникшими долгими гласными в ступени растяжения, еще в период их обособленного развития сохраняют и в некоторых случаях, как, например, в древнеиндийском, расширяют сферу действия вокалической долготы как фонологически значимого признака.

Увеличению функциональной нагрузки фонологической долготы в индоевропейских диалектах первой группы должно было содействовать также возникновение долгих гласных в результате вокализации долгих слоговых сонантов. В отдельных индоевропейских диалектах эти последние возникают из соответствующих кратких слоговых сонантов при потере последующей неслоговой "ларингальной" фонемы (*ср. Lindeman 1970; 1979; Beekes 1969*). В последовательности *-CSH- S* проявляется в виде своего слогового аллофона *Ş* при "ларингальной" фонеме в качестве неслогового элемента: *-CŞH-* (в этом, в частности, проявляется более высокая степень сонорности сонантов в отличие от "ларингальной").

Процесс падения неслогового аллофона "ларингальной" фонемы в позиции перед слоговым элементом, обусловивший в одной группе индоевропейских диалектов образование соответствующих долгих гласных, приводит к аналогичным изменениям и предшествующего слогового сонанта, вызывая его компенсаторное удлинение. В анатолийских языках, и в частности хеттском, в котором неслоговой "ларингальный" в позиции перед гласной дает рефлекс в виде соответствующей гласной $+\underline{h}$, тот же неслоговой элемент в позиции после слогового сонанта отражается закономерно в виде последовательности, включающей рефлекс краткого слогового сонанта $+\underline{h}$.

Тем самым возникновение долгих слоговых сонантов, как и возникновение долгих гласных, выступавших в позиции перед неслоговым "ларингальным", нужно отнести к сравнительно позднему периоду в истории развития отдельных индоевропейских диалектов. Это же проявляется и в факте неединообразного отражения вокализации долгих слоговых сонантов в отдельных диалектных группах. Даже такие олизкородственные диалекты, как индийский и иранский, обнаруживают различие в характере рефлексов и вокализации долгих слоговых сонантов:

И.-е.	*Др.-инд.*	*Др.-иран.*	*Греч.*	*Лат.*	*Кельт.*	*Хет.*
**-r̥H—>-r̄-*	*-ir, -ur-*[1]	*-ar-*	*-ρᾱ-(-αρα-)*	*-ra-(-ar[a]-)*	*-rā-*	*-arḫ-*
**-l̥H—>-l̄-*	*-ir-, -ur-*	*-ar-*	*-λᾱ-(-αλα-)*	*-la-(-al[a]-)*	*-lā-*	*-alḫ-*
**-m̥H—>-m̄-*	*-ā-*	*-ā-*	*-μᾱ-(-αμα-)*	*-ma-(-am[a]-)*	*-mā-*	—
**-n̥H—>-n̄-*	*-ā-*	*-ā-*	*-νᾱ-(-ανα-)*	*-na-(-an[a]-)*	*-nā-*	*-anḫ-*
**-iH—>-ī-*	*-ī-*	*-ī-*	*-ῑ-*	*-ī-*	*-ī-*	
**-uH—>-ū-*	*-ū-*	*-ū-*	*-ῡ-*	*-ū-*	*-ū-*	*-uḫ-*[2]

[1] Вокализм *ū* возникает при вокализации долгих слоговых сонантов и лабиовелярных. В этом обнаруживается след лабиовелярного ряда в древнеиндийском, существовавшего по крайней мере в период вокализации долгих слоговых сонантов *ir, ur*, ср. выше вокализацию **ṛr* в *gurú-* с начальным **k'ʷ* (стр. 93).

[2] Возникающие в фонологических системах индоевропейских диалектов после па-

И.-е. *$t^{[h]}$erH-/*$t^{[h]}\underline{r}$H- → *$t^{[h]}\underline{\bar{r}}$- : др.-инд. *tīrṇá-*, *прич. прош. вр.* от *tárati* 'переходит', 'побеждает', греч. τρητός 'просверленный', ср. хет. *tarḫ-* 'побеждать';

И.-е. *$k^{[h]}$erH-/*$k^{[h]}\underline{r}$H- → *$k^{[h]}\underline{\bar{r}}$- : др.-инд. *kīrti-* 'мысль', 'упоминание', 'слава' от др.-инд. *carkarti* 'возвещать славу', *kārú-* 'певец', греч. κήρυξ 'глашатай, вестовой, герольд', гот. *hrōþeigs* 'славный', др.-исл. *hróðr* 'слава', прус. *kirdīt* 'слушать';

И.-е. *k'°erH-/*$k'^{\circ}\underline{r}$H- → *$k'^{\circ}\underline{\bar{r}}$- : др.-инд. *gūrtá-ḥ* 'желанный', лат. *grātus* 'приятный', 'приемлемый', лит. *gìrti* 'прославлять';

И.-е. *$\hat{k}^{[h]}$erH-/*$\hat{k}^{[h]}\underline{r}$H- → *$\hat{k}^{[h]}\underline{\bar{r}}$- : др.-инд. *śīrṣáṇ-* 'голова', греч. κάρᾱ;

И.-е. *$\hat{k}$'erH-/*$\hat{k}$'$\underline{r}$H- → *$\hat{k}$'$\underline{\bar{r}}$- : др.-инд. *jīrṇá-* 'старый' при греч. γέρων 'старик';

И.-е. *$sp^{[h]}$erHk'-/*$sp^{[h]}\underline{r}$Hk'- → *$sp^{[h]}\underline{\bar{r}}$k'- : др.-инд. *sphūrjati* 'проявляется', авест. *fra-sparəγa-* 'отпрыск', 'ветка', греч. σφαραγέομαι 'раздуваюсь, набухаю', 'лопаюсь', лат. *spargō* 'рассыпаю';

И.-е. *t'elHg$^{[h]}$-/*t'$\underline{l}$Hg$^{[h]}$- → *t'$\underline{\bar{l}}$g$^{[h]}$- : др.-инд. *dīrghá-*, авест. *darəga-* 'долгий', ст.-слав. *dlŭgŭ*, серб.-хорв. *dūg*, рус. *долгий*, ср. хет. *dalu-ga-* 'долгий';

И.-е. *p$^{[h]}$elH-/*p$^{[h]}\underline{l}$H- → *p$^{[h]}\underline{\bar{l}}$-: др.-инд. *pūrṇá-* 'полный', лит. *pìlnas* 'полный', лат. *plānus* 'плоский', ср. хет. *palḫ-i-* 'широкий';

И.-е. *$\hat{k}$'enH-/*$\hat{k}$'$\underline{n}$H- → *$\hat{k}$'$\underline{\bar{n}}$- : др.-инд. *jā-tá-*, *прич. пр. вр.* от *jan(i)-* (др.-инд. *jani-tár-* 'родитель', греч. γενέτωρ);

И.-е. *t'emH-/*t'$\underline{m}$H- → *t'$\underline{\bar{m}}$- : др.-инд. *dāmtá-*, *прич. пр. вр.* от основы др.-инд. *damáyati* 'укрощает', греч. дор. δμᾱτός 'укрощенный';

дения "ларингальных" долгие ī, ū из соответствующих сочетаний "ларингальной" с предшествующими краткими i и u, бывшими слоговыми аллофонами сонантов, могли способствовать в дальнейшем расщеплению оставшихся в системе сонантов *i/i̯* и *u/u̯* на собственно гласные i и u и собственно согласные (полугласные) j и w. Возникающие долгие гласные *ī*, *ū* первоначально выступают в системе в качестве долгих слоговых аллофонов сонантов *i̯* и *u̯* (наряду с краткими аллофонами i и u), ср. типы фонологически обусловленных чередований в древнеиндийских парадигмах типа *им. пад. devī* 'богиня', *род. пад. devyáḥ*, *vadhū-* 'женщина', *род. пад. vadhváḥ*. Позднее долгие ī и ū начинают контрастно противопоставляться в таких системах кратким i, u (слоговым аллофонам сонантов) и выступают уже как единицы, находящиеся в корреляции друг с другом по признаку вокалического количества (гласных). Тем самым сонанты *i/i̯* *u/u̯* расщепляются на собственно гласные i и u и согласные (полугласные) j и w. Этот процесс вызывает в таких системах полную элиминацию класса сонантов и формирование двух основных фонемных классов — класса собственно гласных (включающих и гласные i, u) и класса собственно согласных (включающего и сонорные r, l, m, n, j, w).

Долгие слоговые сонанты отразились в балто-славянском в виде рефлексов сочетаний i, u с сонорными с особыми интонациями (акутом) в отличие от отражения соответствующих кратких слоговых сонантов, характеризующихся отсутствием акута.

И.-е. *$b^{[h]}e\underline{u}H$-/*$b^{[h]}uH$- → *$b^{[h]}\bar{u}$- : др.-инд. *bhū-tá-*, *прич. прош. вр.* к *bhávi-tum* 'быть';

И.-е. *$d^{[h]}e\underline{u}H$-/*$d^{[h]}uH$- → *$d^{[h]}\bar{u}$- : др.-инд. *dhūmáḥ* 'дым' (ср. *буд. вр. dhaviṣyati* к *dhūnóti* 'трясти', 'раздувать'), лат. *fūmus* 'дым', лит. *dūmai*, прус. *dumis* 'дым', ст.-слав. *dymъ* 'дым', ср. хет. *tuḫḫ-ima-* 'удушье', 'одышка', *tuḫḫiia-*, *tuḫḫai-*, *tuḫ-ḫa-a-it* (KUB XXXII 33, 18, 12) 'тяжело дышать', 'задыхаться'.

В начальной позиции перед сонантом *u̯* "ларингальная" фонема выступала, по-видимому, в форме своего неслогового аллофона, отразившегося в хеттском в виде *ḫ*, но утерянного в других диалектах:

Хет. *ḫuu̯ant-* 'ветер', *род. пад. ḫuu̯andaš*, *им. пад. мн. ч. ḫu-u̯a-an-te-eš*, лат. *uentus* 'ветер', гот. *winds*, др.-инд. *vāti* 'дует', арм. *hovem* 'дую': и.-е. ***Hu̯e/ont[h]***-. В родственном этим формам греч. ἄFησι 'дует', ἄελλα 'ветер', 'буря' протетическая гласная указывает на возможность проявления в данной позиции слогового аллофона **Ḫ*.

Такая же позиция неслоговой "ларингальной" отражена в хеттском *ḫu̯eš-* 'жить, существовать', *3 л. ед. ч. ḫu-e-eš-zi* 'живет, существует', *кауз. ḫu̯ešnu-* 'оживлять', 'оставлять': и.-е. ***Hu̯es***-, ср. др.-инд. *vásati*, гот. *wisan* 'быть, существовать', греч. *ἑαύω*, *наст. вр.*, *аор.* ἄ(F)εσα 'проводить ночь', 'спать';

Хет. *ḫulana-* 'шерсть' (ср. *ḫu-la-a-li* 'веретено'), лат. *lāna* < **wlāna*, гот. *wulla*, лит. *vìlna*, др.-инд. *ūrṇā* 'шерсть': и.-е. ***Hu̯l̥n***-, с отражением неслогового **H* в виде начального *ḫ* в хеттском и передачей слогового **l̥* в позиции после *u̯* в виде последовательности *ul*. Это же слоговое **l̥* в других индоевропейских диалектах претерпевает удлинение под влиянием "ларингальной" фонемы в последовательности из нескольких сонантов.

Неслоговой аллофон "ларингальной" отражается в хеттском в виде согласного *ḫ* и в позиции между неслоговым сонантом или *s* и гласной. В других индоевропейских диалектах "ларингальная" фонема теряется в этой позиции: хет. *ešḫa-* 'хозяин', др.-хет. *ešḫe* 'господину', лат. *erus* 'господин, хозяин': и.-е. ***esHo-s***;

Хет. *ešḫar* 'кровь', *род. пад. ešḫanaš*, лув. *ašḫar*, др.-инд. *ásṛk*, *род. пад. asnáḥ*, греч. ἔαρ 'кровь', лат. диал. *asser*, латыш. *asins*, тох. А *ysār*;

Хет. *išḫiia-* 'связывать', лув. *ḫišḫiia-* 'связывать', др.-инд. *syáti* 'связывает';

Хет. *erḫa-* 'граница', 'предел', 'область', *arḫa* (ступень с огласовкой ***o*** или нулевая); лат. *ōra* 'граница', 'предел', лит. *óras* 'воздух', *iš óro* 'извне, снаружи': и.-е. ***erH-os***. Долгое *ō* в латинской и балтийской формах может быть объяснено влиянием последующей "ларингальной" фонемы.

Характерно в этом отношении, что сочетание гласной с последующим сонантом и "ларингальной" приравнивается к единому слогу, состоящему из гласной + ларингальной. Такое сочетание составляло как бы фонемно долгий компонент (в отличие от сочетания гласный + шум-

ный+ларингальный без удлинения предшествующей гласной), который выступал как непрерывная последовательность в пределах слога. Ср. в этом отношении разобранную выше последовательность **Hu̯l̥n-* 'шерсть' со сходным дистантным влиянием ларингальной фонемы на сонант[1].

В рассмотренных выше позициях "ларингальная" фонема, выступавшая в форме неслогового аллофона, дает в хеттском рефлекс в виде согласного *ḫ* (очевидно, глухого заднеязычного спиранта [x]). Такое же отражение в виде спиранта *ḫ* наблюдается и в отношении индоевропейской глухой поствелярной (увулярной) фонемы, о которой говорилось выше (стр. 131). "Ларингальная" фонема в некоторых позициях совпадает в хеттском с отражением поствелярной согласной, что объяснимо фонетической близостью неслогового аллофона и глухого увулярного согласного.

Неслоговой аллофон "ларингальной" не дает рефлекса в виде сегментной фонемы в индоевропейских диалектах (включая и хеттский) в позиции между неначальной смычной и гласной фонемами[2].

Примерами, иллюстрирующими утерю такого аллофона "ларингальной" фонемы в хеттском, могут служить следующие формы:

Окончание *2-го л. ед. ч. -tti* спряжения на *-ḫi*, греч. *-θα*, др.-инд. *-tha*, восходящие к и.-е. *-**t$^{[h]}$Ha**. След "ларингальной" фонемы (ее неслогового аллофона) виден в факте сохранения аспирированной глухой смычной, ср. выше о дистрибуции придыхательных аллофонов глухих смычных в индоевропейском.

Аналогичное развитие неслоговой "ларингальной" следует допустить и в позиции после индоевропейских глоттализованных заднеязычных смычных. В древнеиндийских формах *máhi (ср. р.)* 'большой' (при греч. μέγα, μέγας 'большой', лат. *magnus*, арм. *mec*, гот. *mikils*); *ahám* 'я' (при греч. ἐγώ, лат. *egō*, гот. *ik*); *duhitā́* 'дочь' (при авест. *dugədar-*, греч. θυγάτηρ, лит. *dukt̃ē*) может быть восстановлена "ларингальная" фонема, след которой в

[1] Такое поведение сочетаний гласная+сонант, которые в позиции перед "ларингальной", начиная с определенной эпохи, по-видимому, к периоду падения "ларингальных", трактуются как фонемно долгие компоненты, то есть как фонологически унитарные единства, как единое целое, показывает, что они могут быть истолкованы как особые фонологические единицы, противостоящие отдельно гласным и сонантам. Такие единицы могут быть охарактеризованы как дифтонги, состоящие из последовательности гласная + сонант (в неслоговой функции) или сонант (в неслоговой функции)+ гласная. Это положение, возникающее на позднеиндоевропейском диалектном уровне в эпоху падения "ларингальных", продолжается уже в отдельных исторических диалектах (в частности в балтийском и славянском) и проявляется в интонационных и акцентуационных противопоставлениях целых дифтонгов.

[2] Ср. отсутствие в хеттском слов с сочетанием смычная+*ḫ* или *ḫ*+ смычная. Обнаруживаемые в хеттском языке немногочисленные формы с подобными сочетаниями типа *teṯḫa-* 'греметь' (о громе), ^{GIŠ}*naṯḫita-* 'вид сосуда', *Duṯḫaliia-* (царское имя) иноязычного происхождения входят в число слов периферийной лексики и поэтому не отражают фонетических закономерностей хеттского языка; даже в морфологических сочетаниях обнаруживается тенденция к устранению подобных комбинаций, ср. форму *2-го л. ед. ч. idalaṷaḫti* (*i-da-la-ṷa-aḫ-ti*) от *idalaṷaḫḫ-* 'делать зло' с переходом в форму *idalaṷatti* в результате устранения неестественного комплекса *ḫt*, ср. в качестве типологической фонетической параллели развитие сочетания *'t—tt* в аккадском.

тех же формах виден в рефлексах ее слогового аллофона *$H̥$: др.-инд. *i*, греч. α, или в долготе гласной (ср. греч. ἐγώ). Нужно предположить, что в определенных парадигматических формах двух первых слов с чередованиями гласных возникали структуры, в которых "ларингальная" оказывалась в позиции между согласной и гласной и проявлялась в виде своего неслогового аллофона. Такое *H придает эффект аспирации предшествующему (уже к тому времени озвончившемуся) согласному, с которым оно сливается в звонкую аспирированную фонему. В хеттском *mekki* (*me-ik-ki*, *ср. р. вин. п.*, *me-ik-ka-e-eš* "многочисленный", ср. тох. А *māk* 'многий'), соотносящемся с др.-инд. *máhi*, греч. μέγα, представленном регулярно с удвоенным написанием *kk*, неслоговой аллофон "ларингальной" фонемы в позиции *C*—*V*, очевидно, так же вызывал придыхательность предшествовавшего согласного, совпавшего в этом отношении с рефлексами смычных серии III *(Гамкрелидзе 1960: 60 и след.)*.

Особый случай отражения "ларингальной" фонемы, также повлиявшей на аспирацию в древнеиндийском, где она отражается в дальнейшем в виде слогового аллофона, представлен в форме др.-инд. *duhitā́*, греч. θυγάτηρ 'дочь'. Диалекты, которые сохраняют "ларингальную" фонему (точнее, ее неслоговой аллофон) в виде особой сегментной фонемы в позиции после гласных, то есть те диалекты, где не возникают долгие гласные из сочетания кратких гласных с последующей "ларингальной" фонемой, как, например, в хеттском, проявляют тенденцию к элиминации фонологического признака долготы гласных фонем.

Такое развитие признака вокалической долготы в различных индоевропейских диалектах представляет любопытный с типологической точки зрения пример, с одной стороны, закрепления и расширения функциональной нагрузки фонем, носящих эти признаки (при вторичном комбинаторном появлении этого признака в системе), а с другой стороны, постепенного отмирания, элиминации в системе определенного фонологического признака при отсутствии источника вторичного порождения фонем с этим признаком.

В формах с нулевой огласовкой корня "ларингальная" фонема в позиции между двумя согласными (или соответственно между согласной и паузой или паузой и согласной—о функционально-дистрибутивной эквивалентности согласной и паузы см. выше, стр. 197) выступает в виде своего слогового аллофона *$H̥$:

И.-е. *$H̥$ → др.-инд. *i*, лат. *a*, греч. α[1]:

$d^{[h]}eH$-/$d^{[h]}H̥$-$t^{[h]}o$- : греч. θετός, др.-инд. *hitá-ḥ*;

*t'oH-/*t'$H̥$-$t^{[h]}o$- : греч. δοτός, лат. *dătus*;

$st^{[h]}aH$-/$st^{[h]}H̥$-$t^{[h]}o$- : греч. στατός, лат. *stătus*.

В хеттском слоговой аллофон "ларингальной" фонемы $H̥$ отражается, как и в некоторых других индоевропейских языках, в виде гласного *a*:

[1] В греческом *H отражается нормально через α, ср. *ἵστημι*: *ἐστάτην*, *στῆμα* : *στάομαι*, *στῆμα* : *στάομαι (Schwyzer 1939, I : 340—341)*. Отражение H в греческом через краткие ε и ο в формах нулевой ступени от *τίθημι* и *ἵστημι* можно объяснить влиянием долгого гласного (*Brugmann 1904 : 174; Kuryłowicz 1956 : 201*).

Хет. *ma-ak-la-an-te-eš им. п. мн. ч.* 'худой, тощий': греч. μακρός 'длинный', μᾶκος 'длина'.

Форма *maklant-* предполагает основу **mak-la-*, чередующуюся с **mak-ro-* (и.-е. ***mḴk̂[ʰ]-ro-**); полная ступень огласовки представлена в дор. μᾶκος, из ***maHk̂[ʰ]-**;

Хет. *tamaš-* 'теснить, притеснять', 'мучить', *ta-ma-aš-zi*, *ta-ma-aš-šir*, ср. греч. дор. δάμνᾱμι, *аор.* ἐ-δάμα(σ)σα, дор. δμᾱτός 'укрощенный', лат. *domāre* 'обуздывать', 'покорять', др.-инд. *damáyati* 'укрощает', *damitā́* 'укротитель'. Хеттская форма восходит к архетипу со слоговой "ларингальной" между двумя неслоговыми элементами: ***t'om-Ḫ-s-**;

Хет. *dašk-*, *1 л. ед. ч. da-aš-ki-mi*, итеративно-дуративная форма к глаголу *daḫḫi* 'беру', и.-е. ***t'oH-**. Итеративная форма восходит к форме в нулевой ступени огласовки, характерной для хеттских глаголов на *-šk (Bechtel 1936: 10)*: ***t' Ḫ-sk̂[ʰ]-**.

Можно предположить, что такие же формы с нулевой огласовкой представлены в парадигме мн. ч. того же корневого глагола *daḫḫi* 'беру'

ср. мн. ч. 1 л. daueni
2 л. datteni (da-at-te-ni)
3 л. danzi (da-a-an-zi)

с чередованием полной и нулевой ступеней огласовки.

При допущении этимологической связи хет. *paš-* 'глотать' *(3 л. ед. ч. pa-aš-zi, pāši, 3 л. ед. ч. пов. накл. pašdu)* с др.-инд. *pā́nti* 'пьют', греч. πῶθι 'пей!', πῶμα 'напиток' *(Sturtevant 1942: 53*, ср. хет. *3 л. ед. ч. pa-aš-ta* KUB XXIX 7 II 55 при вед. *мед. аор. pā́sta* 'он выпил'), индоевропейскую праформу для этих форм следовало бы восстановить в виде ***p[ʰ]oH-s- → *p[ʰ]Ḫ-s-**;

Хет. *paš-* восходит в таком случае к основе с нулевой огласовкой ***p[ʰ]Ḫ-s-** с отражением ***-Ḫ- → -a-** в позиции между двумя согласными.

Наряду с отражением слогового **Ḫ* в виде *a* в хеттском можно предположить его отражение и в виде других гласных, в частности *u*, в форме *daluga-* 'долгий' (ср. *da-lu-ga-aš-ti* 'длина', польск. *długość*), *им. пад. мн. ч. da-lu-ga-e-eš* 'долгие'. Хет. *daluga-* восходит, очевидно, к индоевропейскому ***t'l̥Hg[ʰ]-**, ср. др.-инд. *dīrghá-*, авест. *darəγa-*, *darəga-*, ст.-слав. *dlŭgŭ*, серб.-хорв. *dȕg*, рус. *долгий*. Вокализация слогового **l̥* приводит в хеттском к образованию формы **talḪk-* с поздним собственно хеттским *Ḫ*, отразившимся в виде гласного *u*. Вокализация сонантов в хеттском, по-видимому, предшествовала процессу замены неслоговых аллофонов "ларингальной" фонемы спирантом *ḫ* и вокализации слогового аллофона *Ḫ*. Характерно, что в славянском родственная форма показывает аналогичное отражение группы *слоговой сонант + ларингальный*: ст.-слав. *dlŭgŭ*; неоднократно отмечавшиеся черты сходства хеттской формы со славянской могут объясняться не как общая хетто-славянская изоглосса, а как параллельное развитие первичных элементов независимо в отдельных индоевропейских диалектах.

Ср. также отражение **Ḫ** в виде *u* в формах *1-го л. мн. ч. tuqeni, tummeni* (*du-um-me-e-ni*), ср. *u-tum-me-ni* 'приносим' *pí-e-tum-me-ni* 'уносим' (с префиксами *u-*, *pe-*), из и.-е. ***t'Ḫ-**. В отличие от этого, в формах *мн. ч.* от глагола *dai-* 'класть': и.-е. ***d**$^{[h]}$**eH-**, *1 л. ti-(ia)-u-e-ni, 3 л. ti-(ia-)an-zi*, в которых представлена, несомненно, нулевая ступень огласовки, рефлекс и.-е. *Ḫ* можно было бы видеть в проявляющихся в этих формах палатальных гласных, согласующихся с тембром гласной в полной ступени огласовки (ср. рассмотренные выше факты появления *i̯* и *u̯* при рефлексах соответственно палатализованной и лабиализованной "ларингальных" фонем). В этом смысле показательно также отражение *Ḫ* в греческом в виде ε, α, ο в зависимости от тембра гласной в формах с полной ступенью огласовки.

В позициях, определяемых правилами Зиверса-Эджертона как позиции проявления слогового~неслогового аллофона сонантов (см. выше, стр. 196—197), "ларингальная" фонема должна была проявляться в виде особого аллофона, аналогичного слоговому~неслоговому аллофону сонантов, который можно было бы представить в символической записи как *ḪH*. Необходимость постулирования такого аллофона "ларингальной" фонемы диктуется целым рядом фактов хеттского языка, в котором рефлексы "ларингальной" фонемы в позициях после начального согласного и перед гласной представлены, как правило, последовательностью *-aḫḫ-*, с удвоенным написанием велярного спиранта *ḫ* (ср. аналогичное отражение слогового~неслогового аллофона сонанта в хеттском в виде сочетания *a* с последующим удвоением сонорного согласного):

Хет. *paḫḫur* (*pa-aḫ-ḫur, pa-aḫ-ḫu-u̯a-ar*), *род. пад. pa-aḫ-ḫu-u-e-na-aš* 'огонь', греч. πῦρ, *род. п.* πυρός 'огонь', др.-исл. *fýrr*, гот. *fōn*, арм. *hur* 'огонь', *hn-oc'* 'печь'. Долгое *ū* в этих индоевропейских формах можно объяснить как результат стяжения *u* с предшествующим *a* из слоговой "ларингальной" фонемы[1]. Слоговой же вариант "ларингальной" с учетом хеттской формы следует реконструировать в виде архетипа ***p**$^{[h]}$**ḪHur**, отразившегося закономерно в хеттском в форме *paḫḫur* с удвоенным написанием *ḫḫ*, ср. отражение **r̥r* → хет. *-arr-*, **l̥l* → хет. *-all-*, **n̥n* → хет. *-ann-*;

Хет. *naḫḫan* 'почитание', 'страх' (ср. написание *na-aḫ-ḫa-a-an*, Hat. I 8), *прич. naḫḫant-* 'почитающий, почтительный' предполагает исходную форму **nḪH-om*, **nḪH-ont*[h]- с нулевой огласовкой корня (обязательной в хеттском для причастий на *-ant-*)[2] при форме полной ступени в гла-

[1] Ср., например, соотношение *ū* в др.-инд. *sū́rya-* 'солнце', возникшего из индоевропейской последовательности *sāu̯el- (лат. sōl), при лит. *sáulė* 'солнце', латыш. *saũle*, гот. *sauil*.

[2] К этому же типу образования может относиться и хеттская форма *ša-aḫ-ḫa-an*, обозначающая определенный вид повинности. В случае наличия этимологической связи данного слова с хет. *išḫiia-* 'связывать' (ср. *išḫiul* 'договор', в том числе с подчиненными, др.-инд. syáti 'связывает', 'привязывает': и.-е. **sH-i̯o-*), рассматриваемое хеттское слово можно вывести закономерно из архетипа **sḪH-óm* с "ларингальной" фонемой в виде слогового~неслогового аллофона в позиции #C—V.

гольной основе *naḫ-* 'бояться', 'почитать', *1 л. ед. ч. na-aḫ-mi* 'я боюсь', *naḫšariia-* 'бояться' (др.-ирл. *nár* 'скромный, стыдливый' < **nāsros*, *náire* 'скромность' < **nāsriiā-*);

Хет. *laḫ(ḫ)u-* 'лить, наливать', *3 л. ед. ч. la-aḫ-ḫu-u-i* 'льет', *la-aḫ-ḫu-u-ua-i* KUB IX 31 II 9, *3 л. мн. ч. la-aḫ-ḫu-u-ua-an-zi*, предполагает форму со слоговым~неслоговым аллофоном "ларингальной" фонемы: ***lḪH-u-**. Эта же форма с нулевой огласовкой лежит в основе таких индоевропейских форм, как лат. *lauō*, греч. λόω<λόϜω, *буд. вр.* λούσομαι 'мою'. Долгая гласная под влиянием "ларингальной" представлена в латинской форме перфекта *lāuī*.

Архетип ***lḪHu-** удовлетворительно объясняет исторически засвидетельствованные хеттские формы *laḫḫu-* с последовательностью *-aḫḫ-* в качестве рефлекса слогового ~ неслогового варианта **ḪH** "ларингальной" фонемы. В редуплицированной хеттской форме *lelḫua-*, *3 л. ед. ч. наст. вр. li-il-ḫu-ua-i* (VBoT I 14), восходящей к **lelHu-*, корневая морфема представлена также в нулевой ступени огласовки, но уже с неслоговым вариантом "ларингальной" фонемы *H* в позиции между неначальной согласной и гласной (ср. выше схемы распределения аллофонов сонантов). Чередование *laḫḫ-/lḫ-* в данной хеттской форме отражает, очевидно, разновидность аллофонов "ларингальной" фонемы, проявлявшихся в позиции между неслоговым и слоговым элементами в виде различных слогообразующих вариантов в полном соответствии с распределением в аналогичных позициях вариантов собственно сонантических фонем. Ср. аналогичное отражение идентичных отношений в исходных формах, к которым восходят греч. гом. λόϜω (хет. *laḫḫu-*) и редуплицированная форма греч. гом. λελουμένος 'выкупавшийся' (гом. λελουμένος 'Ωκεανοῖο 'выкупавшись в Океане', о Сириусе, Е 6), ср. хетт. *lelḫua-*.

Описанное развитие аллофона слоговой~неслоговой в хеттском создает модели распределения спиранта *ḫ* в позиции после *a*: удвоенное написание в отличие от простого его написания в позиции после *e*, где *ḫ* отражает неслоговой аллофон "ларингальной" фонемы. В дальнейшем такая модель простого и удвоенного написания *ḫ(ḫ)* могла распространиться на все случаи употребления *ḫ* после *a* и *e* в хеттском.

Преобразование слоговых сонантов и "ларингальной" вызвало в исторических индоевропейских диалектах значительную трансформацию унаследованной от общеиндоевропейского системы гласных, которая ко времени падения "ларингальных" и вокализации сонантов различала три гласных единицы с тембральными противопоставлениями **e*, **a*, **o* и долгими коррелятами **ē*, **ā*, **ō*.

2.5. ТИПОЛОГИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ «ЛАРИНГАЛЬНЫХ» В СОЧЕТАНИИ С ГЛАСНЫМИ ЗВУКАМИ

Постулируемые схемы развития индоевропейских гласных в сочетании с "ларингальными" фонемами могут быть в некотором отношении типологически поддержаны данными некоторых кавказских и семитских языков, в которых наблюдается аналогичное поведение и развитие соче-

таний гласных с предшествующими или последующими "ларингальными" согласными. В частности, в северо-западнокавказском кабардинском языке сочетания фонем *-eh-*, *-he-* преобразуются в *ā* долгое *(Яковлев 1923; 1948; Kuipers 1960 и 1968)*. Аналогичное поведение "ларингальных" обнаруживается, согласно описанию Койперса, и в американдейском языке скуомиш (сэлишская группа) с синхронными чередованиями типа */əh/ ~ /ā/* и с последовательностями фонем */əi̯, əu̯, əh/*, близкими функционально соответственно к */i и a/*, с которыми они образуют чередующиеся варианты *(Kuipers 1967: 28—29, 31, 401)*.

В одном из древнейших исторически засвидетельствованных семитских языков — аккадском фонемы ʿ и *ḥ* теряются в начале слова при изменении тембра последующего гласного, ср. сем. **ʿaprum* > аккад. *'epru(m)* 'пыль' (сем. **ʿapr-*), **ʿarābum* > аккад. *'erēbu(m)* 'входить' (сем. **ʿ-r-b*), **ḥamm-* > аккад. *'emmu(m)* 'горячий'.

Но те же согласные, следующие за гласным, наряду с изменением тембра гласных вызывают их удлинение, ср. сем. **baʿl-* > аккад. *bêlu(m)* 'господин', сем. **raḥm-* > аккад. *rêmu(m)* 'любовь', 'сострадание' и др., *Гамкрелидзе 1960: 88; Keiler 1970: 54*.

Однако существенное отличие индоевропейской системы "ларингальных" от системы ларингальных общесемитского языка заключается в их соотнесенности с различными фонемными классами соответственно в индоевропейском и семитском языках. В индоевропейском — это фонемы, примыкающие к классу сонантических фонем, которые обнаруживают соответственно слоговые и неслоговые варианты, тогда как в общесемитской системе — это типичные консонантные фонемы, проявляемые исключительно в виде неслоговых элементов.

Таким образом, фонемы эти при их возможном фонематическом сходстве в индоевропейском и семитском, существенно отличаются по фонологической функции. Бóльшее функциональное сходство между индоевропейской и семитской системами можно было бы констатировать для древнейшего индоевропейского состояния, когда "ларингальные" фонемы функционировали в качестве собственно консонантных фонем. На этом этапе развития общеиндоевропейского языка, когда в системе наряду с "ларингальными" наличествовал подкласс особых сонорных согласных и треугольная система гласных *V~i~u*, типологическая близость к общесемитской системе становится особенно наглядной.

Дальнейшие преобразования системы общеиндоевропейского языка обусловливают появление новых языковых структур, вызвавших некоторое типологическое отдаление индоевропейской структуры от семитской модели.

То же самое можно сказать и относительно сходства системы индоевропейских "ларингальных" и ларингальных фонем северо-кавказских языков *(Kuipers 1960; Allen 1956)*, сопоставимых с индоевропейскими "ларингальными" в их консонантной функции, предполагаемой для индоевропейского на ранних этапах его развития.

2.6. ПОДСИСТЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ФОНЕМ С ТРОИЧНЫМИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯМИ И ЕЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Реконструированная древнейшая индоевропейская система постериорных смычных и спирантов с дополнительными признаками палатализации и лабиализации, наряду с нейтральными членами оппозиции, позволяет выделить в системе изоморфные трехчленные фонемные корреляты, противопоставляемые по признаку отсутствия или наличия в них этих признаков.

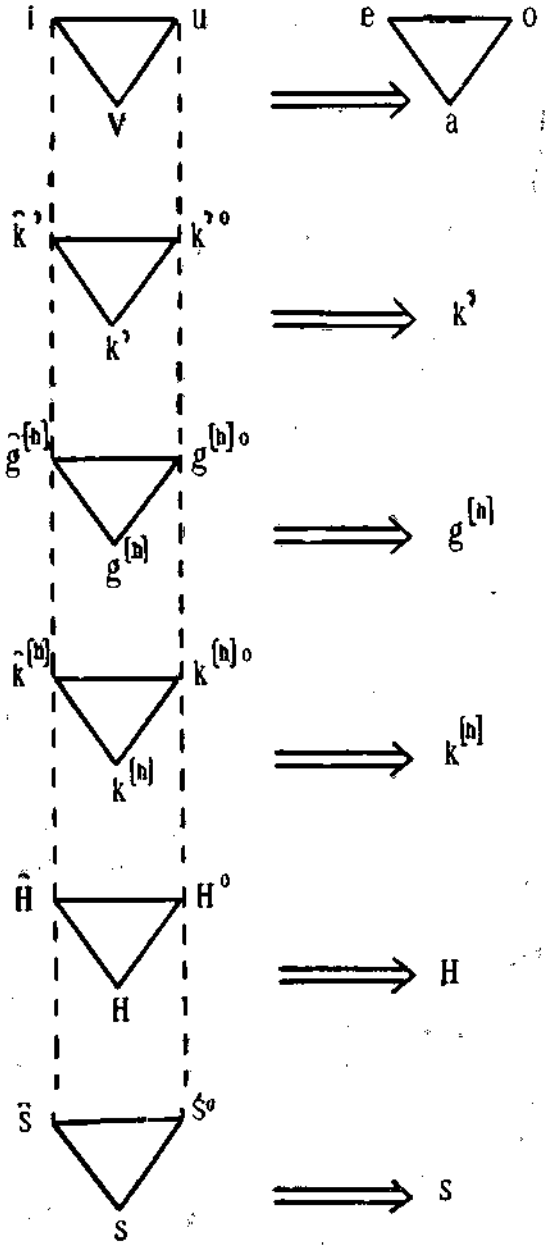
Интересно, что наряду с постериорными тройками смычных $\hat{k}' \sim k'^{o} \sim k'$, $\hat{g}^{[h]} \sim g^{[h]o} \sim g^{[h]}$, $\hat{k}^{[h]} \sim k^{[h]o} \sim k^{[h]}$ в эту подсистему включается и тройка "ларингальных" фонем $\hat{H} \sim H^{o} \sim H$ и тройка сибилянтных спирантов $\hat{s} \sim s^{o} \sim$ s. Дополнительные признаки таких троек индоевропейских фонем как бы отражают дифференциальные признаки первичной треугольной системы индоевропейских гласных $i \sim u \sim V$, образуя тем самым взаимосвязанную подсистему индоевропейских фонем с идентичными троичными противопоставлениями[1].

В такой подсистеме аналогичны и результаты диахронического преобразования каждого из ее троичных звеньев, выразившегося в элиминации фонемных коррелятов с дополнительными признаками палатализации и лабиализации и в возникновении в конечном счете одночленных звеньев этой подсистемы. Лишь первичная трехчленная подсистема гласных преобразуется в сторону характера оппозиций при сохранении числа противопоставленных членов (*см. Табл. 1*).

[1] Такая связь между признаками треугольника гласных и тройками согласных оправдана и общностью определенных фонетических признаков, которые могут быть описаны в единых артикуляторных или акустических терминах для гласных и согласных *(Peterson/Shoup 1966; Ladefoged 1971 : 42)*. Ср. аналогичные выводы по поводу троичной противопоставленности "открытости" (openness), "палатализованности" и "лабиализованности" как некоторых признаков, проявляемых также и при согласных: *Kuipers 1960 и 1968.*

ТАБЛИЦА 1

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ФОНЕМЫ С ТРОИЧНЫМИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯМИ И ИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ

1. КАНОНИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ

1.1. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МОРФЕМ : КОРЕНЬ, СУФФИКС

Проведенная выше реконструкция индоевропейской фонологической системы с выделением особых классов согласных, гласных, "ларингальных", сонантов и с механизмом аблаутных чередований гласных позволяет восстановить в общих чертах основные структурные типы (так называемые "основные канонические формы") морфем общеиндоевропейского языка позднего периода и установить правила их синтагматической сочетаемости.

Для позднего индоевропейского периода, то есть для общеиндоевропейского языка перед членением его на отдельные диалекты, реконструируется несколько структурных типов морфем.

В целях описания структуры морфем целесообразно выделить два класса структурных единиц: корневые морфемы и аффиксальные морфемы. Корневая морфема определяется, строго говоря, как та сегментная часть словоформы, которая остается после вычленения аффиксальных элементов в реконструированных архетипах соотносимых друг с другом слов родственных языков. В качестве аффиксальных элементов кроме продуктивных морфологических элементов могут рассматриваться и некоторые окаменелые форманты, выделение которых в таких случаях основывается на сопоставлении с другими родственными образованиями, где этому форманту противостоят другие форманты, фонетически не сводимые к одному источнику с первым.

Так, например, сопоставление родственных форм лат. *hiems* 'зима', др.-инд. *héman* 'зимой', др.-греч. χειμών 'зимняя буря', 'зима', хет. *gimmant-* 'зима', авест. *zayan-* 'зима' позволяет реконструировать индоевропейские основы *$\hat{g}^{[h]}$ei̯- и *$\hat{g}^{[h]}$ei̯m-, в которых вычленяется аффиксальный элемент *-m-, противостоящий нулю в реконструированной родственной основе *$\hat{g}^{[h]}$ei̯-. На этом основании эта последняя должна рассматриваться как корневая морфема, лежащая в основе всех производных от нее форм.

Аналогичным образом, при сопоставлении родственных форм др.-инд. *náktam* 'ночью', лат. *nox*, *род. п. noctis*, греч. νύξ, *род. п.* νυκτός 'ночь', хет. *nekut-* 'вечер', *neku-zzi* 'смеркается' восстанавливаются общеиндоевропейские архетипы этих форм в виде основ *ne/ok$^{[h]0}$t$^{[h]}$- и *nek$^{[h]0}$- с выделением *-t$^{[h]}$- в качестве аффиксального элемента и постулированием соответ-

ственно форм *nek[h]0- как корневой морфемы, содержащейся во всех образованиях этой группы.

В качестве основных структурных типов корневой морфемы в общеиндоевропейской языковой системе позднего периода могут быть выделены следующие канонические формы:

I. $C^{\circ}_1VC^{\circ}_2$-

Символом C° в этой структуре обозначаются фонемы как класса шумных (*C*), так и класса сонантов (*S*) и "ларингальных" (*H*). Это дает следующие возможные комбинации этих фонем в пределах корневой морфемы, с ограничениями, сформулированными выше (см. Гл. II, правила 1—5):

1. *CVC*-: *p[h]et[h]- (греч. πέτομαι, др.-инд. *pátati* 'лететь')
*sek[h]0- (греч. ἕπομαι, лат. *sequitur* 'следовать')
*k[h]es- (хет. *kišai-*, ст.-слав. *česati* 'чесать')
2. *CVS*-[1]: *b[h]er- (греч. φέρω, др.-инд. *bhárāmi* 'нести')
*ĝ[h]ei̯- (греч. χειμών, др.-инд. *hemantáḥ* 'зима')
3. *SVC*-[2]: *u̯ek[h]0- (греч. Fέπος, др.-инд. *vák* 'слово', 'речь')
*nek[h]0- (хет. *neku-*, лат. *nox* 'ночь')
*i̯ak'- (др.-инд. *yájati* 'совершает жертвоприношение', греч. ἄζομαι, ἅγιος 'священный')
*u̯es- (др.-инд. *vásu-* 'хороший', лув. *uašu-* 'хороший', греч. ἐύς 'хороший')
*i̯ek[h]- (др.-инд. *yā́cati* 'требует', лат. *iocus* 'шутка')
*leg[h]- (греч. λέχεται 'ложится', λέχτρον 'ложе', λόχος 'ложе', лат. *lectus* 'постель')
*rek'- (лат. *rēx* 'царь', др.-ирл. *rí*, др.-инд. *rā́j-*, *rā́jan-* 'царь')
*ret[h]- (др.-инд. *rátha-* 'колесница', др.-ирл. *rethim* 'качусь', лит. *ritù*, *rìsti* 'катиться', *rãtai* 'колесница')
4. *SVS*-: *men- (др.-инд. *mánaḥ*, греч. μένος 'дух')
*u̯er- (лат. *uerbum* 'слово', греч. Fείρω 'говорю')
5. *CVH*-: *d[h]eH- (хет. *teḫḫi*, др.-инд. *dádhāmi* 'класть')
6. *SVH*-: *loH- (хет. *laḫḫu-* 'лить', греч. λόω, лат. *lauō* 'мыть')

[1] Этой же структурой характеризуются некоторые суффиксальные морфемы: *-t[h]er (др.-инд. *jani-tár-*, греч. γενέτωρ 'производитель'), *-sor (суффикс числительных ж. р.: др.-инд. *tisráḥ* 'три', авест. *tišrō*, др.-ирл. *téoir*, валл. *tair*).

[2] Наблюдается статистическая ограниченность корней с начальным сонантом в индоевропейском. В некоторых древних индоевропейских диалектах (хеттском, греческом, армянском) формы с начальным r- полностью отсутствуют; индоевропейские корни с начальным r- подвергаются различным фонетическим преобразованиям в основном путем появления протетических гласных, *см. Kuryłowicz 1927; Benveniste 1954: 32—54; Lehmann 1951; Ondruš 1966 : 109* (статистические данные о корнях с сонантами по словарю Покорного), но ср. *Герценберг 1972 : 160; Wyatt 1972* (попытка объяснения протетических гласных собственно греческими закономерностями).

7. *HVC-*: ***Hap$^{[h]}$-** (хет. *ḫap-*, др.-инд. *ā́p-* 'поток', 'вода')
8. *HVS-*: ***Hor-** (хет. *ḫarana-* 'орел', греч. ὄρνις 'птица')

II. $C_1^\circ VSC^\circ_2$- со следующими возможными подтипами:

1. *CVSC-*: ***b$^{[h]}$eud$^{[h]}$-** (греч. πεύθομαι, др.-инд. *bódhate* 'пробуждаться')
***b$^{[h]}$erĝ$^{[h]}$-** (хет. *parku-*, др.-инд. *bṛhánt-* 'высокий')
***t'erḱ$^{[h]}$-** (греч. δέρκομαι, др.-инд. *кауз. darśáyati* 'смотреть', 'рассматривать')
***t$^{[h]}$ers-** (греч. τέρσομαι 'сохнуть', лат. *torreō* 'сушить')
***b$^{[h]}$end$^{[h]}$-** (гот. *bindan*, др.-инд. *badhnā́ti* 'связывать', греч. πενθερός 'зять')
***serp$^{[h]}$-** (др.-инд. *sárpati* 'ползти')
2. *SVSC-*: ***leiḳ$^{[h]0}$-** (греч. λείπω, др.-инд. *riṇákti* 'оставлять')
3. *HVSC-*: ***Harḱ'-** (греч. ἀργός, др.-инд. *árjuna-*, хет. *ḫarki-* 'белый')
4. *CVSS-*: ***t'or-u-** (греч. δόρυ, др.-инд. *dā́ru*, хет. *taru* 'дерево')
5. *CVSH-*: ***ḱ'erH-** (др.-инд. *jīrṇá-*, греч. γέρων 'старый')

III. $C^\circ_1 SVC'_2$- со следующими возможными подтипами:

1. *CSVC-*: ***seup$^{[h]}$-** (др.-инд. *svap-* 'спать', греч. ὕπνος 'сон')
***t$^{[h]}$rep$^{[h]}$-** (др.-инд. *trápate*, греч. τρέπω 'поворачивать(ся)')
2. *CSVS-*: ***t$^{[h]}$rem-** (лат. *tremō*, греч. τρέμω 'дрожать')
***d$^{[h]}$uer-** (др.-инд. *dvā́r-*, лат. *forēs* 'двери')
***t$^{[h]}$reiH-** (др.-инд. *tráyaḥ*, греч. τρεῖς, лат. *trēs* 'три'; лат. *trī-gintā* 'тридцать')

Во всех разобранных выше структурах корня с начальным ##*C*- *C* может быть представлено группой ## *sC*-, которая дистрибутивно приравнивается к ##*C*-:

sCVH- (др.-инд. *tíṣṭhati* 'стоять')
sCVSC- (хет. *ištark-* 'болеть')

IV. *VC*°- с возможными подтипами:

1. *VC-* ***es-** 'быть' (лат. *est*, гот. *ist*, др.-инд. *ásti*, хет. *ešzi*)
***et'-** 'есть' (лат. *edō*, греч. ἔδομαι, др.-инд. *átti*, хет. *etmi*, ст.-слав. *jamь*)
***ep$^{[h]}$-** 'хватать' (лат. *apiscor*, *coēpī*, хет. *epzi*, *2 л. e-ip-ši*, др.-инд. *āpnóti*)
***ek$^{[h]0}$-** 'пить (воду)' (хет. *ekuzzi*, тох. А *yoktsi*; ср. лат. *aqua* 'вода', гот. *ahva* 'река', др.-исл. *ægir* 'бог моря')
***es-** 'сидеть' (хет. *e-ša-ri*, др.-инд. *ā́ste*, греч. ἧσθαι)

2. *VS-* ***eḭ-** ‘ходить, идти’ (др.-инд. *émi*, греч. εἶμι, хет. *it*)
***er-** ‘двигаться’, ‘достигать’ (др.-инд. *ṛṇóti*, греч. ὄρνῡμι, хет. *arnuzzi*)
***em-** ‘брать’ (лат. *emō*, др.-ирл. *em-*, лит. *imù*, ст.-слав. *imati*)

Морфемная структура *VC°-* особенно характерна для суффиксальных элементов:

***-eu̯-** как атрибутивный суффикс (греч. παχέος, *род. пад.* от παχύς ‘густой’; др.-инд. *bahúḥ*, ср. хет. *род. п. pangau̯aš* ‘собрание’)

***-eḭ-** как именной суффикс (др.-инд. *род. пад. agnéḥ* от *agníḥ* ‘огонь’)

***-er-** как именной суффикс: ***p[ḫ]t[ḫ]-er-** (греч. πτερόν, πτέρυξ ‘крыло’)

***-el-** как именной суффикс: ***Horel-** (лит. *erẽlis*, ст.-слав. *orĭlŭ* ‘орел’)

***-aH-** как глагольный суффикс деноминативных глаголов (хет. *neu̯-aḫḫ-*, греч. νεάω, лат. *nouāre* ‘обновлять’)

***-aH-** как суффикс собирательных имен: ***g[ḫ]ºen-aH** ‘жена’ (др.-ирл. *ben*, ст.-слав. *žen a*)

***-es-** в глагольных основах: ***luk[ḫ]-es-** ‘светать; освещать’ (хет. *lukk-eš-*)

***-es-** в именных основах: ***neb[ḫ]es-** ‘небо’, ‘туман’ (греч. νέφος, др.-инд. *nábhas-*)

***-es** как окончание *им. пад. мн. ч.* (греч. μητέρ-ες, др.-инд. *mātár-aḥ*)

***-et[ḫ]-/*-ot[ḫ]-** как именной суффикс (хет. *šiu̯att-* ‘день’, др.-инд. *dyút-* ‘блеск’)

V. *VSC°-*

***eḭs-** (лат. *īra* ‘гнев’, др.-инд. *éṣati* ‘скользит’, *éṣa-* ‘спешка’, авест. *aēš-* ‘быстро двигаться’, греч. οἶμα ‘натиск’)

***eḭḫ[ḫ]-** ‘futuere’ (греч. εἴφω)

VI. *C°V-*

Корневые морфемы этой структуры представлены главным образом в местоименных основах:

***me** ‘меня’ (греч. με, др.-инд. *mā*, авест. *mā*)

***t[ḫ]e** ‘тебя’ (лат. *tē*)

***i̯o-** относительное местоимение (др.-инд. *yáḥ*, ст.-слав. *i-že*, фриг. ιος νι)

***so** указательное местоимение (др.-инд. *sá*, греч. ὁ)

***t[ḫ]o** указательное местоимение (др.-инд. *tád*, греч. τό)

***k[ḫ]ºe** соединительная местоименная частица (др.-инд. *ca*, греч. τε)

В препозиционных основах (частицах):

***ne** отрицание (лат. *ne-*, *neque*, ст.-слав. *ne-bogŭ*, греч. ἀ-)

***p[ḫ]e-** преверб (хет. *pe-*: *pe ḫark-* ‘держать’; *peḫute-* ‘уносить’)

В глагольных формантах — окончаниях:

VII. *-На оконч. *перфекта* (греч. *-α*, др.-инд. *-a* в οἶδ-*α*, *véd-a*) *C°SV-*

Этот структурный тип выступает исключительно в прономинальных основах, участвующих также и в сложении (но ср. выше о возможной монофонематической интерпретации начального комплекса в ряде примеров):

*sụe- 'свой': *sụe-sor-* 'сестра'

*t[ʰ]ụe- 'ты', 'твой': др.-инд. *t(u)vám*

*t'ụō 'два': др.-инд. *dvá*, лат. *duo*, греч. δω- < *δFω-.

1.2. КОРНИ С НАЧАЛЬНЫМ СИБИЛЯНТНЫМ СПИРАНТОМ

Выше была предложена интерпретация фонемного соответствия др.-инд. #*Ø*- ~#s- в других индоевропейских языках (др.-инд. *páśyati* 'видит': лат. *speciō* 'смотрю', греч. σκέπτομαι 'смотрю', др.-в.-нем. *spehōn* 'рассматривать' и др.) как отражающего древнюю индоевропейскую сибилянтную фонему #*ŝ-, при соответствии др.-инд. #s-~ # s- в других индоевропейских языках (др.-инд. *sphā́yate* 'жиреет', 'спеет': лат. *spatium* 'широта, простор', лит. *spė̃ti* 'поспевать', хет. *išpai-* 'насытиться'), отражающем древнюю индоевропейскую фонему *s- (см. выше, стр. 116 и след.).

Это позволяет видеть в соответствующих индоевропейских формах корневые структуры с начальными сибилянтными спирантами *s- и *ŝ-, которые не входят в каноническую структуру C_1VC_2- и поэтому могут быть интерпретированы как древнейшие префиксы, хотя их морфологическая функция остается неясной: *ŝ-/s-*C_1VC_2-.

Эти структуры (в частности структуры с начальным *ŝ-), определявшиеся как структуры с *s-mobile*, оказываются в индоевропейском структурами с префиксальным *ŝ-, утерянным в древнеиндийском на чисто фонетической основе и перешедшим в *s-* в других индоевропейских диалектах. Поэтому соответствующие структуры не могут рассматриваться исторически как структуры с "подвижным" *s-*. Такое "подвижное" *s-* можно видеть лишь в отдельных изолированных формах с наличием или отсутствием начального *s-* без какой-либо явно улавливаемой закономерности, ср. формы типа греч. τέγος//στέγος 'крыша', ср. др.-инд. *sthágati* 'покрывает', 'скрывает'; лат. *corium* 'кожа'//*scortum* 'шкура', ст.-слав. *kora* 'кора'//*skora* 'шкура', др.-инд. *apa-skara-* 'испражнения' (то, что исключается, отделяется, ср. *ara-s-kṛ-* 'выделять', *Mayrhofer 1956, I:38)* и др. (ср. выше, стр. 122).

1.3. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ РЕДУПЛИКАЦИИ КОРНЯ

Корень структуры $C°_1VC°_2$- (где общий символ $C°$ покрывает все фонемы невокалического класса, то есть собственно согласные и сонанты) может образовывать и редуплицированную основу по нескольким структурным типам: путем частичной редупликации, то есть повторения в производной форме элемента $C°_1$: $C°_1V$-$C°_1VC°_2$- и с помощью полной редупликации, то есть повторения в производной основе всего корня, путем его удвоения: $C°_1VC°_2$-$C°_1VC°_2$-.

1. Частичная редупликация:

(*a*) *Повторение начального согласного корня плюс *i*: $C^{\circ}_{1}iC^{\circ}_{1}VC^{\circ}_{2}$-:

И.-е. ***t'it'oH-** : греч. δίδωμι 'даю', оск. *didest* 'он даст'; др.-инд. *dádāmi* (с начальным *a*, возникшим на индийской почве, ср. пали *dinna*, *Schwyzer 1939, I : 686, примеч. 8; Chantraine 1968-: 280)*;

И.-е. ***d$^{[h]}$id$^{[h]}$aH-** : греч. τίθημι 'кладу', хет. *tittanu-* 'устанавливать'; др.-инд. *dádhāmi* 'ставлю' (в отличие от др.-инд. *dádāmi* форма *dádhāmi* может отражать параллельный тип редупликации с гласной *e* после редуплицированной согласной, ср. оск. *fefacit* 'он сделал бы');

И.-е. ***s/t$^{[h]}$ist$^{[h]}$aH-** : греч. ἵστᾱμι 'ставлю', лат. *sistit* 'он ставит'; др.-инд. *tíṣṭhati* 'он стоит'[2];

И.-е. ***p$^{[h]}$ip$^{[h]}$oH-** > ***p$^{[h]}$ibH-** : др.-инд. *píbati* 'пьет', др.-ирл. *ibid*, лат. *bibō* 'пью';

И.-е. ***p$^{[h]}$ip$^{[h]}$ (o)lH-** : др.-инд. *píparmi*, гом. πίπλημι 'наполняю';

И.-е. ***ǩ'iǩ'n-** : греч. γίγνομαι 'рождаюсь', лат. *gignō* 'рождаю';

И.-е. ***b$^{[h]}$ib$^{[h]}$er-** : лат. *fiber* 'бобер', галл. *Bibracte*, имя собств. и имя реки, др.-брет. *Bibroci*, собств. имя, ср.-ирл. *Bibraige*, ст.-слав. ***bĭbrŭ**, др.-в.-нем. *bibar*; параллельная индоевропейская форма показывала гласную ***e** при редуплицированном согласном, ср. лат. *feber*, др.-инд. *babhrúḥ* 'красно-коричневый; ихневмон', лит. *bẽbras* 'бобер', ср. чередующиеся формы с *i/e* в глагольной основе от корня ***d$^{[h]}$aH-**;

(*b*) *Повторение начального согласного корня плюс e/o (нормальное удвоение)*: $C^{\circ}_{1}eC^{\circ}_{1}VC^{\circ}_{2}$-:

И.-е. ***k$^{[h]}$ek$^{[h]}$l-o-** : др.-инд. *cakrá-* 'колесо', авест. *čaxra-*, др.-англ. *hwēol*, греч. κύκλος, тох. A *kukäl*, B *kokale*, фриг. κίκλην. τὴν ἄρκτον τὸ ἄστρον. Φρύγες *(Chantraine 1968-: 597)*; ср. и.-е. ***k$^{[h]}$el-** 'вращаться', греч. πέλομαι;

***meml-** : хет. *memal* 'мука' (<'размолотое'), ср. и.-е. ***mel-** 'молоть' (ср. ниже греч. παι-πάλη 'мелкая мука' к πάλη 'мука'); ср. также слав. ***pe-pl-** в рус. *пепел*, ст.-слав. *popelŭ* 'пепел', 'зола'.

Помимо рассмотренных выше параллельных редуплицированных форм на *i/e* ср. также индоевропейские перфектные формы типа греч. гом. γέγονε 'родился' (ср. др.-инд. *jajā́na* 'родил') (ср. нулевую ступень в греч. гом. ἐκγεγάτην, др.-инд. *jajñúr* 'родили', и.-е. ***ǩ'eǩ'on-** : ***ǩ'eǩ'n̥-**, ср. выше редупликацию ***ǩ'iǩ'n-** от того же корня); др.-инд. *cakā́ra* 'сделал' и др.

[1] Такое i может отражать древнейшую вокалическую фонему *i в архаичной индоевропейской системе с тремя гласными V~i~u (см. выше , стр. 160 и след.).

[2] Особую подгруппу образует тип редупликации в корневых морфемах с начальным s-. Модели таких редупликаций могут быть представлены следующими формулами *(Meillet 1937; Meče 1938 : 199; Beekes 1969 : 123)*:
si-sC°-: лат. *si-stō* 'ставлю', др.-ирл. -si-ssiur 'держусь', авест. *hi-štaiti* 'стоит', греч. ἵστᾱμι 'ставлю'; C°i-sC°-: др.-инд. *ti-ṣṭhati* 'стоит', лув. *ḫi-šḫiia-* 'связывать'.

Этот же структурный тип редуплицированной основы отражают хеттские глагольные формы *цецак-* 'требовать' (авест. *vas-* 'требовать', 'желать', др.-инд. *vaś-*), *lelḫuua-* 'лить, наливать' (ср. лат. *lauō* 'мою', греч. гом. λελουμένος 'искупавшийся'), *mema-* 'говорить', лув. *mammanna-* 'говорить' (ср. греч. μέμονα, лат. *meminī* 'помню'), *van Brock 1964*.

В хеттском, как и в других индоевропейских диалектах, наряду с огласовкой *e* в редупликации представлена и огласовка **o* > хет. *a*: хет. *lalukkima-* 'лучезарный', 'сияние', 'свет', *lalukki-* 'светлый', ср. хет. *ɥaɥarkima-* 'дверные петли' (ср. корень **ɥerk'-* 'поворачивать', *Pokorny 1959: 1154*).

Особый тип редупликации следует видеть в корнях, содержащих фонему **u*, которая может выступать в редуплицированной части основы, ср. др.-ирл. *-cúal(a)e* 'он услышал', *-cúala* (< **kuklow*, *Thurneysen 1946: 425*), ср.-валл. *cigleu*, др.-инд. *śu-śrāv-a* 'он услышал'; *tu-tudé* 'я толкнул', лат. *tu-tudī* 'я ударил'. При наличии параллельных редуплицированных форм с огласовкой **e* и огласовкой **u* типа др.-инд. *babhūva*// авест. *bubāva* 'он стал, сделался' огласовка *u* считается более древней (*Meйe 1938: 198; Meillet 1937; Szemerényi 1970: 271; Benveniste 1965; Watkins 1969: 150; но ср. Strunk 1972*). Такое *u* в редуплицированной части основы может отражать древнейший индоевропейский гласный *u* (*ср. Schmitt-Brandt 1967: 26*), ср. выше о гласном *i*.

II) Полная редупликация (удвоение):

$C^{\circ}_1VC^{\circ}_2$-$C^{\circ}_1VC^{\circ}_2$[1]-

Полная редупликация, именуемая также интенсивным (усилительным) удвоением, характеризует так называемые интенсивные глаголы и имена экспрессивного характера (*Meйe 1938: 197, 223, 233, 287*):

Др.-инд. *vár-var(t)-ti* 'вертит', *3 л. мн. ч. vár-vṛt-ati*;

Др.-инд. *jó-huv-ānaḥ* 'призывающий', авест. *zao-zao-mi* 'зову'; арм. *hot-ot-im* 'нюхаю', *Meillet 1936: 113*;

греч. μορμύρω 'быстро теку', γαργαίρω 'кишу';

Др.-хет. *ḫulḫuliia-* 'поражать', 'убивать' (*van Brock 1964: 134—135*); хет. *pariparai-* 'играть на духовом музыкальном инструменте', ст.-слав. *glagolją* 'говорю', рус. *тараторить*, чеш. *tratořiti*; ст.-слав. *klakolŭ* 'колокол', рус. *колокол*, лит. *kañ-kl-ės* 'струнный инструмент', др.-инд. *kar-kar-í-* 'музыкальный инструмент';

Греч. μάρμαρος 'камень', 'мрамор' (ср. лат. *mar-mor*).

В экспрессивных именах с усилительным удвоением регулярно обнаруживается вариативность сонантов: греч. παιπάλη 'мелкая мука' (ср. πάλη 'мука', ср. выше хет. *memal* 'мука');

Лат. *cancer* 'рак' < **car-cros*, др.-инд. (из пракрита) *karkaṭa-* 'рак', греч. καρκίνος 'рак'.

[1] В случае, если $C^{\circ}_2 = SC$, удваивается только корневая часть, включая элемент *S-*. Например, корни **t[h]er-* и **t[h]erp[h]-* удваиваются одинаковым образом: **t[h]or-t[h]or-* и **t[h]or-t[h]orp[h]-*, *Meйe 1938: 197*.

В греч. καρκίνος представлен тип так называемого "ломаного" удвоения, в котором за полным редуплицированным слогом следует усеченная до первого согласного форма корня: $C°_1VC°_2$- $C°_1$- (связанная, возможно, с первоначальной постановкой ударения на первом слоге в редуплицированной основе), ср. также лат. *for-m-(ĭdō)* 'пугало', греч. μορ-μ-ώ 'пугало' (бука), μόρ-μορ-ος 'страх'.

Очевидно, к этому же типу ломаного удвоения относится индоевропейская форма **mor-m(o)-* 'муравей': лат. *formīca* (<**mormī-*, *Ernout/Meillet 1967: 247)*, греч. μύρμηξ, μύρμος, и с вариативностью сонантов *m* ~ *μ*: **mor-μ-* : авест. *maurvay-*, согд. *zm'wrc*, ст.-слав. *mravi*, рус. *муравей* ~**μor-m-*: др.-инд. *valmīka-* 'муравейник', *vamrá-* 'муравей', греч. βόρμᾶξ, βόρμᾶξ, *Гесихий (Pokorny 1959: 749)*. Экспрессивность ломаного удвоения в данном слове можно было бы охарактеризовать как "визуальную ономатопоэю" (ср. удвоение в названии 'муравья' в картвельском, см. ниже), сопоставимую в принципе с удвоением в глаголе вращения (др.-инд. *var-vart-*) и в слове для колеса (греч. κύκλος)[1].

2. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СОПРЯЖЕННЫХ ОСНОВ

2.1. ОСНОВНЫЕ АБЛАУТНЫЕ СТУПЕНИ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ И ИХ СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Каждая из рассмотренных выше морфемных структур может быть представлена в позднеиндоевропейском в различных аблаутных состояниях: в полной ступени (огласовка *e или *o) или в нулевой ступени. Чередование полной и нулевой ступеней в пределах единой парадигмы составляет основной вид аблаутных чередований в общеиндоевропейском языке.

Нулевая ступень огласовки, противостоящая формам с полной огласовкой, возникает в синтагматических последовательностях морфем при присоединении к корню суффиксальных элементов в полной ступени. При суффиксальных элементах в нулевой ступени полную ступень огласовки показывает, как правило, корневая морфема. Присоединение дальнейших аффиксальных элементов в полной ступени огласовки вызывает закономерный переход предшествующей морфемы — корневой или аффиксальной — в нулевую ступень.

При этом действуют, очевидно, циклические правила сочетаемости морфем в определенной морфемной последовательности, составляющей единую словоформу. Можно вывести общее аблаутное правило сочетаемости морфем в индоевропейском:

[1] В связи с этим можно было бы видеть ломаное удвоение и в индоевропейском названии 'червя' **μor-m-* (из возможного **μor-μ-* с диссимилятивным переходом *μ* > *m* от корня **μer-* 'изгибаться, крутиться'): лат. uermis, гот. waúrms 'змея', др.-англ. wyrm 'червь', лит. varmas 'насекомое', прус. wormyan 'красный' (<'краска червя'), др.-рус. *вермие*, др.-фриз. worma 'пурпур', др.-англ. wurma, греч. ῥόμος 'древесный червь' < *Fρόμος < **μṛmos* (*Pokorny 1959: 1152*). К типологии удвоения ср. в языке шусвоп редуплицированную форму *pəpíp'ɔese* 'червь, гусеница' (ср. *pəp'íɔce* 'змея'), *Kuipers 1974: 38*.

В синтагматическом сочетании морфем только одна морфема может выступать в нормальной ступени огласовки *(то есть в ступени с огласовкой* ****e****)*:

Ср. ****t'er-*** 'сдирать кожу' (рус. *деру*) ~ ****t'er-u̯-***, ****t'or-u̯-*** 'дерево' (др.-инд. *dā́ru*, греч. δόρυ) ~ ****t'r-eu̯-*** 'дерево' (гот. *triu*, лит. *drẽvė*) ~ ****t'r-u-*** (греч. δρῦς 'дуб');

****k[ĥ]es-*** (хет. *kišai-* 'чесать') ~ ****k[ĥ]s-en-*** (греч. ξαίνω 'чесать' < < ****k[ĥ]sn-i̯ō-***) ~ ****k[ĥ]s-n-eu̯-*** (др.-инд. *kṣṇáuti* 'трет', 'точит', *kṣṇótram* 'точильный камень', *kṣṇutá-* прич., авест. *huxšnuta-* 'хорошо отточенный');

****t'i̯-eu̯-*** ~ ****t'i-u̯-es*** (греч. Ζεύς 'Зевс, Бог Ясного Неба', *род. п.* Δι-Fός, ср. др.-инд. *dyáuḥ* 'небо', *род. пад. diváḥ*).

В отдельных индоевропейских языках в большинстве случаев сохраняется, как правило, только одна из возможных ступеней огласовки — нормальная или нулевая — в результате разрушения первичных парадигматических чередований и распространения на всю парадигму в историческую эпоху одной из чередующихся форм.

Такие парадигматические выравнивания затемняют первичные аблаутные отношения, существовавшие в индоевропейском в пределах единой парадигмы, и устанавливают в системе новые аблаутные отношения, обобщая уже существовавшие отношения на целую парадигму. Реконструкция общеиндоевропейского аблаутного состояния может быть достигнута путем проецирования отдельных ступеней аблаута, отраженных порознь в конкретных формах отдельных исторических диалектов, на общеиндоевропейский уровень и сведéния этих форм к общей парадигме праиндоевропейского языка.

Так, например, греческий глагол ἔργω 'запирать', 'содержать' имеет стабильную огласовку *e во всей парадигме (гом. *F*έργω, εἴργουσι, *аор.* ἔρξα; ἐρχθέντα, *перф.* ἔρχαται, *плюсквамперф.* ἔρχατο; ἐ*F*έργω), тогда как в индо-иранском (др.-инд. *vrajá-* 'огороженное место', др.-перс. *v(a)rdana-*, авест. *varəzāna-* 'город', глагол *varəz-* = *vərəz-*) эта же основа во всех формах показывает нулевую огласовку. Такие формы проецируются на общеязыковой уровень при индоевропейской парадигме с чередованием полной и нулевой ступеней огласовки: ****u̯erk̂'-*** / ****u̯r-(e)k̂'-*** при предположении дальнейшего распространения одной из ступеней аблаута на всю парадигму независимо друг от друга в греческом и индийском.

С еще большим основанием можно проецировать на общеиндоевропейский уровень парадигму с двумя ступенями аблаута при сохранении обеих чередующихся ступеней хотя бы в одном из исторических языков и унификации одной из ступеней в других.

Примерами таких реконструкций на основании чередующихся форм в одном языке при обобщении одной из ступенéй в других могут служить: др.-инд. *uṣáḥ* 'заря' (нулевая ступень), греч. гом. ἠώς 'утренняя заря', лат. *aurōra*, лит. *aũšti* 'светать' (полная ступень), хет. *auš-*, *uš-* 'видеть': и.-е. ****aus-***, ****us-***; др.-инд. *sárpati* 'ползет', *sarpá-* 'змея', греч. ἕρπω 'ползу, пресмыкаюсь', алб. *gjárpër* 'змея', лат. *serpō* 'ползу', *serpēns* 'змея'

(нормальная огласовка *e*), при греч. лесб. ὄρπετον 'зверь' *(Pokorny 1959: 912)*: и.-е. ***serp**$^{[h]}$- : ***sr̥p**$^{[h]}$-.

Чередование полной и нулевой ступеней в индоевропейских формах приводило к чередованию слоговых и неслоговых аллофонов сонантов и "ларингальной" фонемы. Сонанты и "ларингальная" фонема, представленные в формах полной ступени огласовки в виде неслоговых аллофонов, выступают в формах с нулевой огласовкой в виде своих слоговых аллофонов, то есть в позициях, определенных выше как позиции для слоговых аллофонов и для аллофонов типа слоговой ~ неслоговой (см. выше, стр. 195 и след.). Характер проявления сонантов и "ларингальной" фонемы находился, следовательно, в зависимости от аблаутных чередований индоевропейских форм в пределах единой парадигмы (флексионной или деривационной).

Каждая из рассмотренных выше структур корневых морфем, представленных в полной ступени огласовки (см. стр. 216—219), характеризуется и нулевой ступенью, обусловленной аблаутными ступенями сочетающихся с ней морфем и представленной хотя бы в одной из исторических форм:

Ср. I 1 ***p**$^{[h]}$**e**$_{\underline{i}}$**t**$^{[h]}$-/***p**$^{[h]}$**t**$^{[h]}$- 'лететь' (греч. ἐπτόμην, ἔπτατο; πτῆσις 'полет')

I 2 ***b**$^{[h]}$**er**-/***b**$^{[h]}$**r̥**-/***b**$^{[h]}$**r̥t**$^{[h]}$- (лат. *fors* 'случай', *fortūna* 'судьба', др.-ирл. *brith, breth* 'доля; рождение')

ĝ**$^{[h]}$**e**$_{\underline{i}}$-/ĝ**$^{[h]}$**i**- 'зима' (лат. *hiems*, греч. χιών)

I 3 ***u̯ek**$^{[h]o}$-/***uk**$^{[h]o}$- 'говорить' (др.-инд. *uk-tá-ḥ*)

I 4 ***men**-/***mn̥**- 'думать'; 'мысль' (др.-инд. *matí-ḥ*, лат. *mēns, род. п. mentis*)

I 5 ***d**$^{[h]}$**eH**-/***d**$^{[h]}$**H̥**- 'ставить' (др.-инд. *hitáḥ*, греч. θετός)

I 6 ***loH**-/***lH̥**- 'лить' (хет. *laḫḫu̯ai*)

I 7 ***Hap**$^{[h]}$-/***H̥p**$^{[h]}$- (др.-инд. *dvīpá-* 'остров', *pratīpá-* 'против течения', *anūpá-* 'лежащий в воде')

II 1 ***b**$^{[h]}$**eu̯d**$^{[h]}$-/***b**$^{[h]}$**ud**$^{[h]}$- 'будить', 'пробуждать(ся)' (др.-инд. *buddhá-*, греч. ἄ-πυστος, πύστις 'замечание', авест. *paiti-busti-* 'замечание')

b**$^{[h]}$**er**$\hat{g}^{[h]}$-/b**$^{[h]}$**r̥**$\hat{g}^{[h]}$- (др.-инд. *bṛh-ánt-*, арм. *barjr* 'высокий')

t'erk**$^{[h]}$-/t'r̥k**$^{[h]}$- (др.-инд. *dr̥ś-tá-* 'увиденный', греч. ἔδρακον, *аор.*)

II 2 ***le**$_{\underline{i}}$**k**$^{[h]o}$-/***lik**$^{[h]o}$- 'оставлять' (греч. ἔλιπον, *аор.*, др.-инд. *riktá-* 'оставленный', *прич. пр. вр.*)

II 4 ***t'or-u̯**-/***t'r-eu̯**- 'дерево' (гот. *triu*)

II 5 ***k̂'erH**-/***k̂'r̥H**- 'старый' (др.-инд. *jīrṇá-*)

III 1 ***t**$^{[h]}$**rep**$^{[h]}$-/***t**$^{[h]}$**r̥p**$^{[h]}$- 'поворачивать(ся)' (греч. ἔτραπεν, *аор. 2 л.*, εὐτράπελος 'подвижный')

su̯ep**$^{[h]}$-/sup**$^{[h]}$- (хет. *šuppariya-* 'спать', греч. ὕπαρ 'наяву', ὕπνος 'сон')

III 2 ***d**$^{[h]}$**u̯er**-/***d**$^{[h]}$**ur**- 'дверь' (греч. θύρα, лит. *durìs*, ст.-слав. *dvĭri*)

t**$^{[h]}$**re**$_{\underline{i}}$-/t**$^{[h]}$**ri**- (греч. τρίπους 'треножник', лат. *tripēs*, др.-инд. *tripád-*, ср. лит. *trikõjis* 'треногий')

IV 1 ***es**-/***s**- 'быть' (лат. *sunt*, гот. *sind*, др.-инд. *sánti*)

et'**-/t'**- 'есть' (лат. *dēns* 'зуб', *род. пад. dentis*, др.-инд. *dán*)

IV 2 ***eḭ-** / ***i-** 'идти' (др.-инд. *i-máḥ*, греч. ἴμεν, лат. *iter* 'путь', хет. *itar* 'хождение')

***er-** / ***r̥-** 'двигаться' (др.-инд. *r̥ṇóti*, хет. *arnuzzi* 'приносит')

***em-** / ***m̥-** 'иметь', 'держать' (лит. *imù*, ст.-слав. *imati*).

Аналогичные чередования полной и нулевой ступеней нужно реконструировать и в суффиксальных морфемах типа ***-eu̯-** / ***-u̯-** (греч. παχύς, *им. пад.*, др.-инд. *bahúḥ* 'густой', 'многочисленный', хет. *pankuš*, *им. пад.*);

***-eḭ-** / ***-i-** (др.-инд. *agníḥ*, лат. *ignis* 'огонь'); ***-er-** / ***-r̥-** (др.-инд. *yákr̥-t* 'печень'); ***-es-** / ***-s-** (ср. тип глаголов на *s*-: тох. *luk-s-* 'освещать' при хет. *lukk-eš-* 'становиться светлым')

V ***eḭs-** / ***is-** (др.-инд. *iṣṇáti* 'посылает', 'погоняет')

VI ***ne-** / ***n̥-** (др.-инд. *a-*, греч. *ἀ-*, лат. *in-* в приставных словосложениях)

VII ***t$^{[h]}$u̯e-** / ***t$^{[h]}$u** (греч. σύ, лат. *tū*, гот. *þu* 'ты').

2.2. ДВА АБЛАУТНЫХ СОСТОЯНИЯ СОПРЯЖЕННЫХ ОСНОВ И БИНОМЫ БЕНВЕНИСТА

Корень структуры $C_1^\circ VC_2^\circ$- при присоединении суффикса структуры $-VC^\circ$ образует двуморфемную, сопряженную именную или глагольную основу, различающую два основных аблаутных состояния:

Состояние I: корневая морфема в полной ступени огласовки (с первоначальным ударением) — суффикс в нулевой ступени;

Состояние II: корневая морфема в нулевой ступени огласовки — суффикс в полной ступени с первоначальным ударением ("биномы Бенвениста").

Такие аблаутные состояния сопряженной основы могут быть порождены в соответствии с правилами (1), (2):

Правило (1)

Полная огласовка корня предполагает нулевую огласовку суффикса:

$$C^\circ VC^\circ \sim C^\circ \Rightarrow C^\circ VC^\circ\text{-}C^\circ\text{-}$$

Правило (2)

Полная огласовка суффикса предполагает нулевую огласовку корня:

$$C^\circ C^\circ \sim VC^\circ \Rightarrow C^\circ C^\circ\text{-}VC^\circ\text{-}$$

Чередование аблаутных состояний в сопряженной основе должно было различать некоторые грамматические или словообразовательные категории, первоначальное значение которых можно реконструировать лишь в отдельных случаях.

Глагольные основы с двумя аблаутными состояниями в ряде поздних индоевропейских диалектов распределяются по временны́м (или по более ранним—видовым) противопоставлениям: *Состояние I* — настоящее время, *Состояние II* — аорист: ср. греч. πέτομαι 'лечу', в противопоставлении *аористу* ἐ-πτά-μην 'я полетел', гом. κατα-πτή-την, ἔξ-πτη, *Мейе 1938 : 216*.

Аблаутные состояния сопряженной основы представлены в исторических диалектах часто порознь. В частности, в древнегреческом в ряде форм

сохраняется лишь второе (аористное) состояние основы *(Schwyzer 1939, 1:742—743; Strunk 1967: 48; Beekes 1969: 226—227)*.

Сведéние этих состояний, засвидетельствованных порознь по историческим диалектам, к единому механизму аблаутных чередований достигается посредством объединения в пределах единой деривационной или флексионной парадигмы отдельных членов исторического ряда чередований:

Состояние I	Состояние II
***p$^{[h]}$et$^{[h]}$-r-/-n-**	***p$^{[h]}$t$^{[h]}$-er-/-n-**
Хет. *pattar*, *род. пад. pattanaš* 'крыло', лат. *penna* 'перо', др.-ирл. *én* 'птица', др.-в.-нем. *fedara*, др.-англ. *feðer* 'перо'	Греч. πτερόν, πτέρυξ 'крыло'

Именной суффикс **-er/*-n-* вычленяется ввиду хеттской парадигмы и наличия корня ***p$^{[h]}$et$^{[h]}$-** со значением 'лететь', 'падать': др.-инд. *pátati*, греч. πέτομαι, лат. *petere*;

I	II
***ĝ$^{[h]}$ei̯-m-**	***ĝ$^{[h]}$i̯-em-**
Греч. χειμών, др.-инд. *héman* 'зимой', *hemantá-* 'зима', ср. хет. *gimmant-*, ст.-слав. *zima*, лит. *žiemà* 'зима'	Лат. *hiems*, греч. χιών, авест. *zyå* 'зима', арм. *jiwn* 'снег'

Суффикс **-(e)m-* в данной индоевропейской основе вычленяется ввиду наличия чистого корня ***ĝ$^{[h]}$ei̯-** / ***ĝ$^{[h]}$i̯-** с тем же значением: авест. *zayana-* 'зимний', *zaēn-* 'зима', н.-перс. *day*, др.-инд. *hāyana-* 'годичный', *hāyaná-* 'год', др.-исл. *gói* < ***ĝ$^{[h]}$ōyō(n)** 'февраль — март' *(Szemerényi 1959; Anttila 1969: 134)*. Основа в Состоянии I ***ĝ$^{[h]}$ei̯mo-**, ***ĝ$^{[h]}$oi̯mo-** представляется производной с тематическим суффиксом, в чем проявляется ее более поздний характер по сравнению с основой в Состоянии II *(Szemerényi 1970: 73, 188; Anttila 1969: 164—165)*. Возможная вторичность Состояния I по отношению к Состоянию II в пределах индоевропейского языка не дает, однако, оснований для отрицания общеиндоевропейского характера двух состояний этой основы и может указывать лишь на относительную хронологию возникновения Состояния I по сравнению с Состоянием II в пределах индоевропейского языка. При этом следует иметь в виду, что др.-инд. форма локатива *héman*, отражающая древние локативные образования *(Benveniste 1935; Бенвенист 1955)*, может указывать на исключительную древность форм с Состоянием I основы;

I	II
***t'ei̯-u̯-**	***t'i̯-eu̯-**
Др.-инд. *devåḥ* 'бог', *devî* 'богиня', авест. *daēva-* 'демон', лат. *deus*, оск. *deivaí*, умбр. *deueia*, др.-ирл. *dia*, *род.*	Др.-инд. *dyáuḥ* 'небо', 'пространство—эфир', греч. Ζεύς 'Зевс—Бог ясного неба', *зват. п.* Ζεῦ

пад. dé 'бог', др.-исл. *мн. ч. tívar* 'боги', др.-англ. *Tig* 'Марс', лит. *diẽvas*

πάτερ, др.-инд. *Dyàuṣ pitaḥ*, лат. *Iuppiter, зват. п.*, умбр. *Iupater*, ст.-лат. *Diouis*, оск. *Diúveí*, лат. *diēs* 'день', лув. *Tiuat-* 'Бог солнца', хет. *šiuatt-* 'день'

Суффикс **-u-/*-eu-* в этом именном образовании выделяется при сопоставлении этой основы с индоевропейской основой **t'ei̯-** со значением 'излучать свет': др.-инд. *dídeti* 'освещает', греч. гом. δέατο 'казалось', δῆλος 'видимый'. На это же указывает наличие основ от того же корня с суффиксом **-n-*: др.-инд. *dína-m*, ст.-слав. *dĭnĭ*, лит. *dienà*, др.-прус. *вин. п. deinan* 'день', ср. сходный суффикс в хет. *šiuna-* 'бог' (*Laroche 1969*). По предположению некоторых исследователей (*Nehring 1940*), суффикс **-n-* может указывать на наличие гетероклитического склонения этого слова. Судя по семантике слов, образованных от нее, основа в Состоянии I обнаруживает производность по отношению к Состоянию II. При этом Состояние I представлено в адъективных формах с тематическим суффиксом (*Szemerényi 1970; Anttila 1969*). Однако отражение Состояния I в различных индоевропейских диалектах дает решительное основание постулировать основу в Состоянии I уже в пределах общеиндоевропейской системы при допущении относительно более позднего происхождения его по сравнению с Состоянием II;

I	II
***ser-u-**	***sr-eu-**
Лат. *serū* (*ср. Anttila 1969 : 113*)	Др.-инд. *srávati* 'течет', авест. *ravan-* 'поток', греч. ῥέω 'теку', др.-ирл. *srúaim* 'река', лит. *sraviù* 'протекать', ст.-слав. *struja, ostrovŭ*, рус. *струя, остров*

Суффикс **-u-/*-eu-* в реконструируемой сопряженной основе выделяется ввиду наличия в индоевропейском корня с аналогичным значением ***ser-** 'двигаться', др.-инд. *sárati* 'течет', 'спешит', *sarít* 'речка', 'ручей', *sárma-* 'течение', греч. гом. ὁρμή 'напор', 'стремление', 'порыв', лат. *serum*, греч. ὀρός 'сыворотка', 'кислое молоко'. Состояние I засвидетельствовано только в латинской форме, известной из грамматики (*Benveniste 1935 : 151; Бенвенист 1955*), что вызывает сомнение в ее первичности (*Anttila 1969: 113*);

I	II
***p[h]el-H-**	***p[h]l-eH-**
Греч. πέλας 'кожа', 'шкура'	Лит. *plėvė̃* 'перепонка', прус. *pleynis*, словен. *plẹ́va* 'веко', рус. *плева*

Суффикс **-H-/*-eH-* выделяется в основе ввиду наличия корня ***p[h]el-** с тем же значением, а также основ от этого же корня с суффиксом **-n-*:

греч. ἄ-πελος 'незалеченная рана', πέλμα 'подошва', др.-англ. *filmen* 'кожа'; образования с суффиксом *-*n*-: греч. πέλλᾱς 'кожи', лат. *pellis* 'шкура', др.-в.-нем. *fel*, др.-англ. *fell*, др.-исл. *fjall* 'кожа', 'шкура'. Основа в Состоянии I представлена в индоевропейском достаточно слабо (ср. греч. πέλας). Видеть в конечном -ας окончание по аналогии с δέρας 'шкура' *(Anttila 1969: 149; ср. Schwyzer 1939, 1: 514)* не представляется возможным;

I	II
***ĝ$^{[h]}$eu̯-H-**	***ĝ$^{[h]}$u̯-aH-**
Др.-инд. *śávīra-* 'сильный' (с долгим *ī* из *ĭ*), галл. *καύαρος (Pokorny 1959: 592, но ср. Anttila 1969: 142)*, др.-ирл. *caur* 'герой'	Др.-инд. *śvā-tr-á-* 'помощник', *śvān-tá-* 'полезный', греч. дор. πᾶμα 'собственность', πάσασθαι 'владеть'

Основа без суффикса *-*H*-/*-*aH*- представлена в таких формах, как др.-инд. *śávas* 'геройская сила' (при *śávīra-* 'сильный', 'могучий'), ср. хет. *šuqa-* 'наполняться', 'набухать' (*šuqattari, 3 л. ед. ч. мед. наст. вр.*; *šuqattat, 3 л. ед. ч. пр. вр.*), греч. κυέω 'наполняться', 'быть беременной', *аорист* ἔκυσα;

I	II
***p$^{[h]}$e/ol-t$^{[h]}$-**	***p$^{[h]}$l-ek$^{[h]}$-**
Гот. *falþan* 'складывать'	Др.-в.-нем. *flehtan*, лат. *plectō*, греч. πλέκω 'плету', др.-инд. *praśna-* 'плетение', ст.-слав. *plesti* 'плести'[1]

I	II
***k'^{0}er-H-**	***k'^{0}r-eH-**
Др.-инд. *garimá* 'тяжесть'	Др.-инд. *grávan-* 'камень для выдавливания сомы', др.-ирл. *bráu* 'ручная мельница'

Индоевропейский суффикс *-*H*-/*-*eH*- в данной основе выделяется ввиду наличия чистого корня ***k'^{0}er-** с близким значением 'тяжелый' (др.-инд. *gurú-*, греч. βαρύς, лат. *grauis*), от которого, очевидно, образовано название мельничного жернова путем осложнения основы суффиксом *-*H*-(*n*-) (вопреки сомнениям *Anttila 1969: 139*). Поэтому можно предположить наличие суффикса *-*H*- и в германских формах (гот. *-qairnus*, др.-исл. *kvern*, др.-англ. *cweorn* 'ручная мельница').

[1] Здесь предполагается наличие соответствующих сопряженных состояний **p$^{[h]}$el-k$^{[h]}$-* и **p$^{[h]}$l-ek$^{[h]}$-*, реально не засвидетельствованных. Соположение этих основ оставляет вне сомнения вычленимость корня **p$^{[h]}$el-* с чередованием нулевой и полной ступеней.

I	II
***t'e$\hat{k}^{[h]}$-m̥-**	***t'$\hat{k}^{[h]}$-om-**
Др.-инд. *dáśa*, лат. *decem*, греч. δέκα, гот. *taíhun*, др.-ирл. *deich* 'десять'	Греч. (τριά-)κοντα, брет. (*tre-*)*gont* '(три-)дцать' (*Szemerényi 1960: IV*)

Выделение суффикса ***-m̥-/*-om-** в этой основе обосновывается наличием формы на суффикс ***-u-** от данного корня: ***t'e$\hat{k}^{[h]}$-u-**: лат. *decuria* 'десяток', герм. ***tigu-* 'декада' : гот. *fidwōr-tigjus* 'сорок', др.-исл. *fjórer-tiger*, др.-англ. *fēower-tig*, др.-в.-нем. *fior-zug* 'сорок';

I	II
***Har-$\hat{k}$'-**	***Hr-e$\hat{k}$'-**
Др.-инд. *árjuna-* 'свет', 'белый', лат. *argentum* 'серебро', тох. А *ārki*, хет. *ḫarki-* 'белый', греч. ἀργός 'белый'	Др.-инд. *rajatá-* 'беловатый', 'серебряный'

Суффикс ***-$\hat{k}$'-/*-e$\hat{k}$'-** в данной основе вычленяется ввиду наличия в индоевропейском такой формы с аналогичным значением, как греч. ἄργη· λευχή 'белизна' (*Гесихий*) (корень ***Har-**, *ср. Specht 1944: 114*);

I	II
***au̯-s-**	***u̯-es-**
Лат. *aurōra* 'заря', лит. *aũšti* 'светать', *aušrà* 'утренняя заря', греч. гом. ἠώς 'утренняя заря'	Лат. *Vesta* 'богиня очага', *Vesu-vius (Anttila 1969: 119)*, др.-инд. *vāsará-* 'утренний', 'день', др.-инд. *aor. avasran* 'они осветили', *vavasra*, *перф.*

Суффикс ***-s-/*-es-** выделяется на основании сравнения с хеттской формой *uḫḫi*, *1 л. ед. ч.* 'вижу', *3 л. ед. ч. aušta*, *1 л. мн. ч. aumeni*, *2 л. мн. ч. aušteni*[1];

I	II
***ĝ$^{[h]}$er-s-**	***ĝ$^{[h]}$r-es-**
Греч. χείρων 'хуже', ср.-ирл. *gerr* 'короткий'	Др.-инд. *hrasvá-* 'меньше', 'маленький', *hrasati* 'уменьшается'

[1] Противопоставление суффиксов ***-s-/*-es-** (нулевая ступень ~ полная ступень) могло выражать переходность~ непереходность глагольной основы, ср. ***aus-** 'светать' (непереходное значение) и ***u̯es-** 'освещать, сжигать' (ср. др.-инд. avasran 'они осветили', лат. Vesta). Такое значение, выражаемое различными огласовками данного суффикса, особенно наглядно сохранилось в некоторых древних индоевропейских языках: ср. хет. *lukk-eš-* 'гореть, светить' при тох. В luk-s- 'освещать'; хет. *paḫ-š-* с переходным значением 'сохранять, соблюдать', 'защищать', при *pa-š-* 'глотать'; продуктивный в хеттском суффикс *-eš-* (полная огласовка) образует непереходные отыменные глаголы при нулевой ступени суффикса *-š-* с переходным значением, пережиточно сохранившегося лишь в отдельных глагольных образованиях.

Суффикс *-s-/*-es- в данной основе выделяется на основании таких форм, как др.-ирл. *gair* 'короткий' без этого суффикса *(Anttila 1969: 134)*.

2.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОСНОВЫ С «ЛАРИНГАЛЬНЫМ» СУФФИКСОМ, ПРЕДСТАЮЩИЕ В ОДНОМ ИЗ ДВУХ ВОЗМОЖНЫХ АБЛАУТНЫХ СОСТОЯНИЙ

Наряду с такими основами, показывающими чередующиеся друг с другом два аблаутных состояния основы (Состояние I и Состояние II по Бенвенисту), в индоевропейских основах выделяется небольшая группа форм, состоящих из последовательности корневой и суффиксальной морфем, показывающих одно из возможных состояний — Состояние I или Состояние II. При этом наблюдается преобладание форм с аблаутным Состоянием II при исключительной редкости форм с Состоянием I:

Корень	Состояние II
***t'el-**	***t'l̥-H-g$^{(h)}$-**
Ст.-слав. *-dĭliti* 'длить', рус. *длить*, др.-исл. *talma* 'останавливать', 'задерживать'	Др.-инд. *dīrghá-* 'длинный', авест. *darəga-*, *darəγa-*, хет. *dalugaeš*, *dalugašti-* 'длина'
***Hak̂$^{(h)}$-**	***Hk̂$^{(h)}$-eH-**
Др.-инд. *áśmā* 'камень', авест. *asman-* 'небо', греч. ἄκμων 'наковальня'	Ст.-слав. *kamy* 'камень', др.-инд. *śí-śā-ti* 'заостряет, точит' *(Anttila 1969: 63)*
***Hau̯-**	***Hu̯-aH-**
Лит. *áusti* 'плести', *прош. вр. áudžiau* 'я плел'	Др.-инд. *vā-* 'плести', *váyati* 'плетет', др.-исл. *váð* 'плетенье', лит. *vóras* 'прялка', греч. ἄτριον 'пряжа'
***k̂$^{(h)}$ei̯-**	***k̂$^{(h)}$i̯-eH-**
Ст.-слав. *sĕrŭ* 'серый'	Др.-инд. *śyāvá-* 'темный', авест. *syāva-*, ново-перс. *siyāh*, лит. *šẽmas* 'синий'
***t'eu̯-**	***t'u̯-aH-**
Арм. *tevem* 'остаюсь', др.-инд. *dávīyas-* 'дальше' *(сравн. степень* к др.-инд. *dūrá-*), др.-ирл. *doë* < **dōwyo-* 'медленный', ст.-слав. *davĕ*, *davĭnŭ* 'давний', ср. нулевую ступень от этого корня в хет. *tuu̯a* 'издали'	Греч. δήν < **dwān*, δηρόν < **dwāron* 'долго', арм. *erkar* < **dwāro-* 'долгий'

Корень	Состояние II
u̯er-	***u̯r-eH-***
Хет. *u̯er-i̯a* 'звать', греч. εἴρω < **u̯er-i̯ō* 'зову', лат. *uerbum*, гот. *waúrd* 'слово'	Греч. ῥῆμα 'слово', ῥήτωρ 'оратор'
t[ʰ]er-	***t[ʰ]r-eH-***
Греч. τείρω 'тру', лат. *terō*, рус. *тру, тереть*	Греч. τίτρημι 'прокалываю', др.-в.-нем. *drāen*, др.-англ. *ðrāwan* 'крутить; точить'
mel-	***ml-eH-***
Лат. *molō* 'мелю', др.-ирл. *melim* 'мелю', хет. *malla-* 'молоть', ст.-слав. *meljǫ* 'мелю'	Греч. дор. βλᾶξ 'мягкий' *(Anttila 1969 : 110)*
k'[o]er-	***k'[o]r-oH-***
Др.-инд. *giráti* 'пожирает', авест. *ǰaraiti*, греч. βορός 'прожорливый', δημο-βόρος, лат. *carniuorus*, арм. *ker* 'пища'	Др.-исл. *krás* 'лакомый кусочек', греч. βρώμη 'еда', 'пища'
t'er-	***t'r-oH-***
лит. *dirià*, *derù*, *dìrti* 'отрезать', латыш. *nuõdara* 'шест с отрезанными ветвями', рус. диалект. *дор* 'дрова, которые легко колоть'	Др.-исл. *tróð(a)* 'шест', ср.-в.-нем. *truoder* 'стержень', рус. *драть*

В этой группе основ обращает на себя внимание фонемный состав суффикса, выступающего в основе в Состоянии II. Он, как правило, состоит из гласного элемента с последующей "ларингальной" фонемой: структура *CS-VH-*.

В первом состоянии такая основа должна была быть представлена структурой *CVS-H-*. Следы такого **-H-* можно было бы видеть в наличии соответствующих индийских форм, отчасти и греческих (в виде соответственно гласных ι и α). В других индоевропейских диалектах, за исключением, возможно, хеттского, такое *H* в указанной позиции бесследно терялось. При отсутствии соответствующих форм в индийском и греческом, а также хеттском исчезает возможность сколько-нибудь достоверной реконструкции подобных основ в Состоянии I. Этим следует объяснять, по-видимому, наличие в разобранных выше формах Состояния II основы с суффиксом **-H-*, противостоящей формам с чистыми корневыми морфемами.

Таким образом, проанализированные выше индоевропейские формы дают основание реконструировать для общеиндоевропейского языка корневые морфемы структуры *C°VC°-*, образующие с суффиксом структуры *-VC°-* сопряженные основы, морфонологически чередующиеся в виде двух состояний по схеме Бенвениста:

Состояние I	Состояние II
$C°VC°$-$C°$-	$C°C°$-$VC°$-

2.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ «ТРЕХКОНСОНАНТНЫЕ» КОРНИ С SCHWEBEABLAUT'ОМ

Наряду с корнями структуры $C°VC°$-, образующими в сочетании с суффиксами структуры -$VC°$- сопряженные основы в двух аблаутных состояниях, для общеиндоевропейского языка позднего периода следует постулировать также нечленимую основу с одной гласной фонемой и с аблаутным чередованием типа

$$C°_1VC°_2C°_3\text{-} \sim C°_1C°_2VC°_3\text{-}, \quad \text{где } C°_2 \to S.$$

Такую основу в свете сформулированного выше принципа классификации морфем следует рассматривать дескриптивно как корневую морфему с тремя "консонантными" (то есть неслоговыми) элементами (в отличие от структуры $C°VC°$-). В отличие от "двухконсонантной" корневой структуры такая "трехконсонантная" корневая структура показывает два аблаутных типа в формах полной ступени огласовки в зависимости от позиции вокалической фонемы по отношению ко второму "консонантному" элементу корня, то есть к S:

Тип А

Гласный элемент в позиции перед S: $C°VSC°$-

Тип В

Гласный элемент в позиции после S: $C°SVC°$-.

Соотношение этих двух типов, представляющих две разновидности полной ступени в пределах одного корня, которое можно описать как движение гласной фонемы, как бы меняющейся местами с "консонантным" сонантом в пределах "трехконсонантного" корня, называется "подвижным аблаутом" или *Schwebeablaut*'ом.

Наряду с нормальной ступенью с двумя типами, каждый из корней этой структуры может характеризоваться закономерно нулевой ступенью аблаута, выражаемой в выпадении гласной в типе A или типе B и возникновении формы с отсутствием гласной типа $C°SC°$-, представляющей аблаутную разновидность одновременно и по отношению к типу A и к типу B, выступающим в качестве полной ступени огласовки.

Легко видеть, что тип корней с *Schwebeablaut*'ом структуры $C°VSC°$-/ $C°SVC°$- дескриптивно объединяет в себе корневые структуры типа II 1: C_1VSC_2- и типа III 1 : C_1SVC_2- с позиционно стабильными гласными перед вторым или после второго неслогового элемента корня. Однако принципиальное отличие корней с *Schwebeablaut*'ом от структурно аналогично построенных корней типа II 1 и III 1 со стабильным гласным в формах полной ступени заключается в морфонологической характеристике типа со *Schwebeablaut*'ом с чередующимися аблаутными разновидностями в формах полной ступени огласовки.

Индоевропейские корни, показывающие *Schwebeablaut*, могут быть реконструированы для следующих индоевропейских форм с "трехконсонантными" корневыми морфемами:

Тип А	Тип В
***t'e/oru̯-**	***t'reu̯-**
Др.-инд. *dā́ru*, греч. δόρυ, хет. *taru* 'дерево', валл. *derwen* 'дуб'	Гот. *triu* 'дерево', лит. *drẽvė* 'дупло'

Возможность установления семантической связи данной основы со значением 'дерево', 'дуб' *(Friedrich P. 1970 : 140 и след.; Benveniste 1954: 257—259)* с корнем ***t'er-** (лит. *derù*, *dìrti* 'отрезать', латыш. *nuõdara* 'шест с отрезанными ветвями', рус. диалект. *дор* 'дрова, которые легко колоть') и основой ***t'r-oH-** (др.-исл. *tróð(a)* 'шест', слав. *drati* 'драть, сдирать кору с дерева', см. об этом корне выше, стр. 231), могла бы свидетельствовать (вопреки *Anttila 1969 : 121)* в пользу отнесения данной основы к разобранному выше типу корней с двумя аблаутными состояниями сопряженных основ по схеме Бенвениста: ***t'or-u-/*t'r-eu̯-**;

k̂'e/onu-	***k̂'neu̯-**
Др.-инд. *jā́nu*, лат. *genū*, хет. *genu*, греч. γόνυ 'колено'	Гот. *kniu*, др.-в.-нем. *knio*, др.-исл. *kné* 'колено', авест. *huxšnaoθra-* 'хорошее колено' *(Bartholomae 1904; Anttila 1969: 133)*

Наличие типа В в германских языках и в авестийском указывает на возможность постулирования обоих чередующихся типов для общеиндоевропейского;

***k'^{0}eru-**	***k'^{0}reu̯-**
Лат. *uerū* 'заостренный стержень', умбр. *berva*; др.-ирл. *biur* 'копье', гот. *qairu* 'заостренная палка'	Авест. *grava-* 'камышевая палка'
***se/onu-**	***sne/ou̯-**
Др.-инд. *sā́nu* 'спина', 'задняя часть'	Греч. νῶτα *мн. ч.* 'спина', 'задняя часть' < **hnowāta (Szemerényi 1967: 17—24; Anttila 1969 : 151)*
***Hau̯i-**	***Hu̯ei̯-**
Лат. *auis*, арм. *haw* 'птица', греч. αἰετός 'орел', брет. *houad* 'утка'	Др.-инд. *véḥ*, *мн. ч. váyaḥ* 'птица', *vāyasá-* 'птица', 'ворона'

Тип А ***k̂'enH-**	Тип В ***k̂'neH-**
Др.-инд. *janitá*, греч. γενέτωρ 'родитель', ср. нулевую ступень: др.-инд. *jātá-*, лат. *nātus*, галл. *gnātha* 'дочь', др.-исл. *kundr* 'сын', ср. греч. (κασί-)γνητος 'сын'	Др.-ирл. *gníu* 'я делаю' < **ĝnēyō*, др.-инд. *jñātí-* 'родственник', греч. γνωτός 'родственник', 'брат', гот. *knōdai* 'род', *dat. pad.* от **knōþs*, др.-в.-нем. *knōt* 'род', лат. *gnōtus*, ср. лит. *žéntas* 'зять'

Формы с корнем типа В (*k̂'**neH**-), дающие названия родства, др.-инд. *jñātíḥ* 'родственник', греч. γνωτός 'родственник', 'брат', и др., связываются некоторыми исследователями не с корнем со значением 'рождать' (тип А *k̂'**enH**-), а с корнем со значением 'знать, познавать', показывающим обычно тип В (*k̂'**neH**-: др.-инд. *jñā-* 'знать', др.-перс. *xšnā-*, греч. ἔγνων, лат. *(ig)nōscō*, др.-англ. *cnāwan*, ст.-слав. *znati* 'знать', тох. А *āknats* 'невежественный'). Такая интерпретация вышеприведенных терминов родства и этимологическая связь их с корнем со значением 'знать, познать' может служить основанием для объединения в одну семантическую группу значений 'рождать' и 'знать, познавать'. При таком объединении этих семантем индоевропейские корни, их обозначающие, предстанут как основы, распределенные по двум аблаутным типам корня: тип А *k̂'**enH**-, в основном 'рождать', тип В— ***k'neH**-, в основном 'знать, познавать' (ср., однако, *Anttila 1969: 129—133*);

*k̂$^{[h]}$**erH**-	*k̂$^{[h]}$**raH**-
Греч. κεράσω 'буду смешивать', *аор.* ἐκέρασ(σ)α	Др.-инд. *śrā́yati* 'варит', др.-англ. *hrēr* 'только слегка сваренный, всмятку' *(Pokorny 1959 : 582)*

Тип А в данном корне выступает лишь в греческом, где он может быть интерпретирован как вторичное образование (*ср. Anttila 1969 : 67 и след., 140*). В таких условиях реконструкция типа А] и соответственно корня с *Schwebeablaut*'ом для общеиндоевропейского (а не для раннегреческого) весьма условна. Вероятность такой реконструкции находится в зависимости от исторической интерпретации греческих форм;

*p$^{[h]}$**elH**-	*p$^{[h]}$**leH**-
Др.-инд. *párīṇas-ā* 'богато', вед. *párīman-* 'богатство', 'полнота', авест. *parəṇah-vant-* 'богатый'; др.-инд. *párīmaṇ-i* 'полно', ср. нулевую ступень в др.-инд. *pūrṇá-* 'полный', лит. *pìlnas*, ст.-слав. *plŭnŭ* (серб.-хорв. *pûn*), гот. *fulls*, др.-ирл. *lán* 'полный'	Др.-инд. *prāyaḥ* 'по большей части', авест. *frāyō*, греч. πλήν(ι)ων, ст.-лат. *pleores*, др.-ирл. *lía* 'плюс' *(Szemerényi 1964: 256)*

Тип А данного корня представлен явно в индо-иранских формах *(Anttila 1969 : 145—147)*, на основании чего Анттила сомневается в обще-

индоевропейском характере формы *$p^{[h]}elH$- от этого корня. Поскольку, однако, эти формы трудно объяснить в индо-иранском как новообразования, снимаются и сомнения в отношении общеиндоевропейского характера корня типа *A*. При этом следует учесть, что общеиндоевропейские нулевые формы являются скорее производными от корня типа *A*, судя по их семантической близости к последнему;

***HerH-**	***HreH-**
Др.-инд. *aritár-* 'гребец', ср. греч. ἐρέτης 'гребец' (из *ἐρ-έτηρ), др.-инд. *arítra-* 'весло', др.-прус. *artwes* 'морское путешествие'	Лат. *rēmus* 'весло', др.-англ. *rōðor* 'весло', др.-исл. *róþr*, др.-в.-нем. *ruodar* 'весло'

Наличие корня типа A в индийском и греческом является достаточным основанием для постулирования этого состояния в общеиндоевропейском;

***$k'^{o}e\underset{\cdot}{i}H$-**	***$k'^{o}\underset{\cdot}{i}eH$-**
Др.-инд. *gáya-* 'имение', 'имущество', 'домашнее хозяйство', авест. *gayō* 'жизнь', греч. гом. βέομαι 'я буду жить', арм. *keam* 'я живу', лит. *gajùs* 'легко исцеляющий', ср. нулевую ступень в др.-инд. *jīrá-*, *jīvá-* 'живой', лат. *uīuus*, ст.-слав. *živŭ*, лит. *gývas* 'живой'	Авест. *jyātum* 'жизнь' (греч. ζώω, ср., однако, *Anttila 1969 : 137)*, тох. B *śaul*, тох. A *śol* 'жизнь' *(Winter 1965: 190)*

В данном случае, в отличие от других корней этой структуры, корень типа *B* представлен слабее в индоевропейских диалектах, однако общеиндоевропейский характер его не вызывает сомнений[1];

***$k^{[h]o}e\underset{\cdot}{i}H$-**	***$k^{[h]o}\underset{\cdot}{i}eH$-**
Ст.-слав. *pokojĭ* 'покой', ср. нулевую ступень в ст.-слав. *počiti*, при лат. *tranquillus* 'спокойный', гот. *hveila* 'досуг', 'время'	Авест. *šyāta-* 'обрадованный', др.-перс. *šiyāti-* 'благоденствие', лат. *quiēs* 'спокойствие', *quiēscō* 'покоюсь'

В отличие от предшествующего корня в данном корне преобладает тип *B*, однако тип *A* устанавливается славянскими формами при отсутствии в славянском типа *B*. Предполагаемое Анттилой *(Anttila 1969: 143)* образование ст.-слав. *pokojĭ* внутри собственно славянского не может считаться удовлетворительным ввиду отсутствия других примеров аналогичного новообразования;

[1] Э. Хемп *(Hamp 1976)* рассматривает эту форму как основу в двух аблаутных состояниях по схеме Бенвениста:

I *$k'^{o}e\underset{\cdot}{i}$-H-*: др.-инд. gáya-, авест. gayō 'житье' ~ II *$k'^{o}\underset{\cdot}{i}$-eH-*: авест. *jyātum*, греч. βέομαι, арм. keam 'живу'.

Тип A	Тип B
***Honr-**	***Hner-**
Греч. ὄναρ 'сон', алб. гег. *ândërr*, тоск. *ëndërrë* 'сон' *(Hamp 1967:187)*	Арм. *anurǰ*, греч. ὄνειρον 'сон' *(ср. Anttila 1969 : 90, 127, 160)*
***u̯erd$^{[h]}$-**	***u̯red$^{[h]}$-**
Греч. ὀρθός 'прямой', др.-инд. *várdhati* 'растет', 'размножается', ср. нулевую ступень *vṛddhá-* 'выросший, большой', *vṛ́ddhi-* 'усиление'	Греч. ῥέθος 'член', 'тело', 'лицо', алб. *rit* 'расту'; 'увеличиваю', ст.-слав. *rodŭ* 'род', *roditi* 'рождать'
***k̂$^{[h]}$ent$^{[h]}$-**	***k̂$^{[h]}$net$^{[h]}$-**
Греч. κεντέω 'пырнуть', гом. κέντρον 'бодец', κέντωρ 'погоняющий коней', κοντός 'шест', ср. др.-в.-нем. *hantag* 'острый', латыш. *sìts* (*нулевая ступень*) 'охотничье копье'	Др.-инд. вед. *śnath-* 'пронзить' *(Grassmann 1873 : 1414—1415)*, авест. *snaθ-*

Нет положительно никаких оснований для предположения вторичности греческой формы (*ср. Anttila 1969: 140 и 175*, где нет доказательств влияния отсутствующих в греческом форм с нулевой ступенью). Формы могут служить хорошим примером чередующихся типов *A* и *B* в индоевропейском корне;

***Heu̯g$^{[h]^o}$-**	***Hu̯eg$^{[h]^o}$-**
Греч. εὐχος 'слава', εὔχομαι 'славлю', 'молюсь', др.-инд. *óhate* 'славит', авест. *aoǰaite* 'сказал', *aogədā* 'объявил'	Др.-инд. *vāghát-* 'молящийся', лат. *uoueō* 'обещаю', *uōtum* 'обет', умбр. *vufetes* 'vōtīs', арм. *gog* 'скажи!'

Индоевропейский характер типа *A* данного корня довольно четко реконструируется на основании данных греческого языка при некоторых сомнениях в отношении первичности иранских форм, *ср. Anttila 1969: 128—129*;

***Hau̯k'-**	***Hu̯ek'-**
Лат. *augeō*, греч. αὔξω 'расту', лит. *áugti*, гот. *aukan* 'расти', тох. A *oksiṣ* 'растет'	Лат. *uegeō* 'расту', гот. *wahsjan* 'расти', др.-англ. *wōcor* 'будущие поколения', др.-инд. *vakṣ-* 'расти', греч. ἀέξω 'умножаю'
***u̯erk̂'-**	***u̯rek̂'-**
Греч. ἔργω (из *Fέργω*) 'подпираю', 'окружаю'	Др.-инд. *vrajá-* 'огороженное место', 'загон', авест. *varəzāna-*, др.-перс. *v(a)rdana* 'поселение', др.-ирл. *fraig* 'стена', 'плетень'

Тип A	Тип B
*$p^{[h]}erk^{[h]}$-	*$p^{[h]}rek^{[h]}$-
Лит. *peršù* 'сватаюсь', др.-в.-нем. *fergōn* 'просить', умбр. *persnimu (Szemerényi 1959: 237)*, арм. *p̀esay* 'искатель', 'истец'	Др.-инд. *praśná-*, авест. *frašna-* 'вопрос', лат. *precor* 'прошу', гот. *fraihnan* 'спрашивать', лит. *prašaũ* 'требую', ст.-слав. *prositi*, тох. A *prak-*, тох. B *prek-* 'спрашивать'

Оба аблаутных типа от этого корня можно с достаточной уверенностью постулировать для общеиндоевропейского, объединяя их в единую парадигму. Нулевые формы в др.-инд. *pṛcchắti* 'спрашивает', лат. *poscō* < **porscō*, др.-в.-нем. *forscōn*, лит. *piršti* могут быть выведены теоретически как из типа *A*, так и из типа *B* данного корня;

*$d^{[h]}eus$-	*$d^{[h]}ues$-
Лит. *daũsos* 'рай', 'тропические страны', ст.-слав. *duchй* 'дыхание', 'дух', *duša* 'душа', рус. *дух*, *душа*, гот. *dius* 'дикий зверь'	Греч. θεός 'бог', лат. *bēstia* 'дикий зверь', лит. *dvasas*, *dvasià* 'дух', латыш. *dvēsele* 'дух', 'душа', 'жизнь'

Тип *A* от этого корня представлен исключительно в балто-славянском и германском, в чем проявляется некоторая диалектная ограниченность распространения этого типа данного корня в индоевропейском;

*$t^{[h]}ers$-	*$t^{[h]}res$-
Авест. *taršta-* 'страшный', греч. ἔτερσεν 'дрожал', лат. *terreō* 'пугаю'	Др.-инд. *trásati* 'дрожит', авест. *θrāŋhayete* 'пугает' (ср. др.-перс. *tarsatiy* 'боится', авест. *tərəs-* 'бояться'), греч. τρέω 'дрожу, боюсь'

Предположенная Анттилой *(Anttila 1969: 114)* вторичность типа *A* от данного корня при допущении метатезы представляется не вполне обоснованной. Эти формы могут служить достаточным основанием для постулирования индоевропейского характера основы типа *A* для данного корня.

2.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ «ТРЕХКОНСОНАНТНЫЕ» КОРНИ С SCHWEBEABLAUT'ОМ И ПРОБЛЕМА ИХ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ЧЛЕНИМОСТИ

При сопоставлении корневых структур с *Schwebeablaut*'ом и проанализированных выше структур основ в первом и втором Состояниях, чередующихся по схеме Бенвениста, явственно обнаруживается морфонологическая идентичность схемы аблаутных чередований. Основное различие между двумя этими группами форм выражается в разложимости или неразложимости отрезка, в котором осуществляется аблаутное чередование гласных.

Однако такое различие сводится целиком к морфологии и не значимо с точки зрения механизма морфонологических чередований. С точки зре-

ния морфонологического поведения основы разложимость или неразложимость отрезка на морфемы не имеет функционального значения. Аблаутное поведение этого отрезка остается одним и тем же как в первом, так и во втором случае. При рассмотрении корневой и суффиксальной морфем как единого целого в пределах основы в первой группе форм или при толковании синхронно нечленимой основы во второй группе форм как последовательностей корня и суффикса обе синхронно различающиеся структурные группы можно свести друг к другу.

Эти две теоретические возможности сведения данных структурных групп друг к другу отражают, очевидно, процессы возможного дальнейшего развития чередующихся форм первой структурной группы, выражающегося в эвентуальном слиянии суффиксальных морфем с корневыми морфемами структуры C^oVC^o- и образовании новых неразложимых основ в отдельных индоевропейских диалектах[1], с одной стороны, а с другой, представляют вероятное происхождение чередующихся структур второй группы в истории самого общеиндоевропейского языка из слияния корневых морфем структуры C^oVC^o- с суффиксальными и образования при этом нового структурного типа корневой морфемы[2]. Второе допущение есть фактически проведение внутренней реконструкции в пределах самого общеиндоевропейского языка с целью восстановления более древнего типа корневой морфемы в период, предшествующий позднему общеиндоевропейскому состоянию.

Действительно, корневые структуры второй группы, то есть морфемы с *Schwebeablaut*'ом, обнаруживают в качестве третьего "консонантного" элемента фонемы, в основном совпадающие с фонемами суффиксальной морфемы основ, чередующихся по схеме Бенвениста, ср. в одной и в другой структурных группах конечные элементы *-u̯-*, *-H-*, *-t[h]-*, *-k̂[h]-*, *-r-*, *-s-*. Конечные консонантные элементы корней с *Schwebeablaut*'ом — это фактически те же древние суффиксальные морфемы, слившиеся в дальнейшем с корнем и образовавшие тем самым новый структурный тип корневой морфемы "трехконсонантного" состава. Иными словами, структура C^oVSC^o-/C^oSVC^o- представляет собой результат преобразования структур

[1] Такое развитие индоевропейских морфемных сочетаний корня и суффикса, давших в дальнейшем в отдельных индоевропейских языках неразложимые основы, воспринимаемые как нечленимый корень, может быть проиллюстрировано на примере многих из приводимых выше форм с корневой и суффиксальной морфемами в состояниях I и II, ср. морфологическую неразложимость лат. penna 'перо', рус. *перо*, др.-в.-нем. fedara 'перо'; лат. hiems 'зима', ст.-слав. zima, лит. žiemà 'зима'; греч. *πέλας* 'шкура', лит. *plėvė* 'перепонка', рус. *плева*; гот. falþan 'складывать'; др.-инд. *dáśa* 'десять'; лат. argentum 'серебро'; лат. aurōra 'заря'. Примеры на преобразование индоевропейских сложных основ в неразложимые основы в германских языках *см. Макаев 1970*.

[2] Такое "слияние" суффикса с корнем и образование новой нечленимой основы могло произойти при разрыве словообразовательных связей между исходным корнем и производной основой. О подобных морфологических процессах *ср. Макаев 1970*.

$C°VS\text{-}C°$- (Состояние I) и $C°S\text{-}VC°$- (Состояние II) путем слияния суффиксального элемента с корнем.

Какой-либо корень с *Schwebeablaut*'ом $*p^{[h]}erk^{[h]}$-/$*p^{[h]}rek^{[h]}$- возводится к более раннему корню $*p^{[h]}er$- с суффиксом $*\text{-}ek^{[h]}$-, образующим основу в двух аблаутных состояниях: I $*p^{[h]}er\text{-}k^{[h]}$- и II $*p^{[h]}r\text{-}ek^{[h]}$-. Таким образом, все неразложимые основы второй структурной группы можно представить как результат преобразования морфемных последовательностей корня и суффикса в двух аблаутных состояниях:

$*t'e/oru$-/$*t'reu$- ⇒ $*t'e/or\text{-}u$-/$*t'r\text{-}eu$-[1]
$*k'e/onu$-/$*k'neu$- ⇒ $*k'e/on\text{-}u$-/$*k'n\text{-}eu$-
$*k'^{\circ}eru$-/$*k'^{\circ}reu$- ⇒ $*k'^{\circ}er\text{-}u$-/$*k'^{\circ}r\text{-}eu$-
$*se/onu$-/$*sneu$- ⇒ $*se/on\text{-}u$-/$*sn\text{-}eu$-
$*Hau̯i$-/$*Hu̯ei̯$- ⇒ $*Hau̯\text{-}i$-/$*Hu̯\text{-}ei̯$-
$*k'enH$-/$*k'neH$- ⇒ $*k'en\text{-}H$-/$*k'n\text{-}eH$-
$*k^{[h]}erH$-/$*k^{[h]}raH$- ⇒ $*k^{[h]}er\text{-}H$-/$*k^{[h]}r\text{-}aH$-
$*p^{[h]}elH$-/$*p^{[h]}leH$- ⇒ $*p^{[h]}el\text{-}H$-/$*p^{[h]}l\text{-}eH$-
$*HerH$-/$*HreH$- ⇒ $*Her\text{-}H$-/$*Hr\text{-}eH$-
$*k^{[h]\circ}ei̯H$-/$*k^{[h]\circ}i̯eH$- ⇒ $*k^{[h]\circ}ei̯\text{-}H$-/$*k^{[h]\circ}i̯\text{-}eH$-
$*Honr$-/$*Hner$- ⇒ $*Hon\text{-}r$-/$*Hn\text{-}er$-
$*u̯erd^{[h]}$-/$*u̯red^{[h]}$- ⇒ $*u̯er\text{-}d^{[h]}$-/$*u̯r\text{-}ed^{[h]}$-
$*k^{[h]}ent^{[h]}$-/$*k^{[h]}net^{[h]}$- ⇒ $*k^{[h]}en\text{-}t^{[h]}$-/$*k^{[h]}n\text{-}et^{[h]}$-
$*Heu̯g^{[h]\circ}$-/$*Hu̯eg^{[h]\circ}$- ⇒ $*Heu̯\text{-}g^{[h]\circ}$-/$*Hu̯\text{-}eg^{[h]\circ}$-
$*Hauk'$-/$*Hu̯ek'$- ⇒ $*Hau̯\text{-}k'$-/$*Hu̯\text{-}ek'$-
$*u̯erk'$-/$*u̯rek'$- ⇒ $*u̯er\text{-}k'$-/$*u̯r\text{-}ek'$-
$*p^{[h]}erk^{[h]}$-/$*p^{[h]}rek^{[h]}$- ⇒ $*p^{[h]}er\text{-}k^{[h]}$-/$*p^{[h]}r\text{-}ek^{[h]}$-
$*d^{[h]}eu̯s$-/$*d^{[h]}u̯es$- ⇒ $*d^{[h]}eu̯\text{-}s$-/$*d^{[h]}u̯\text{-}es$-
$*t^{[h]}ers$-/$*t^{[h]}res$- ⇒ $*t^{[h]}er\text{-}s$-/$*t^{[h]}r\text{-}es$-

Внутренняя реконструкция древнейших типов индоевропейских основ с чередующимися двумя аблаутными состояниями в результате диахронического истолкования неразложимых индоевропейских основ с *Schwebeablaut*'ом и установления структурных типов, им предшествующих, дает довольно единообразную картину структурного построения последовательностей морфем в общеиндоевропейском языке раннего периода с аблаутными состояниями, распределяемыми по схеме Бенвениста.

Та схема построения именных и глагольных основ, которую Бенвенист предполагает для общеиндоевропейского, описывает по существу морфемную структуру и синтагматику морфем в разные периоды развития общеиндоевропейского языка. Схема Бенвениста является скорее вневременной моделью описания индоевропейской структуры морфем и механизма их синтагматических сочетаний, нежели представляет конкретные правила, описывающие этот механизм для определенного периода развития общеиндоевропейского языка.

[1] Символ ⇒ в этих формулах означает возведение более поздних индоевропейских форм к исходным формам, постулируемым в более раннем индоевропейском путем внутренней реконструкции.

Тем самым классическая модель Бенвениста не может быть, естественно, опровергнута ссылками на хронологическую несоотнесенность ее с каким-нибудь одним из периодов в развитии общеиндоевропейского языка. Тем не менее можно утверждать, что в развитии общеиндоевропейского языка существовал период с преобладанием механизма чередований, частично описываемого схемой Бенвениста. Такой период предполагается нами как период истории общеиндоевропейского языка, предшествовавший образованию нечленимых основ с *Schwebeablaut*'ом.

Однако и для этого периода нет оснований считать модель Бенвениста полностью адекватной описываемой индоевропейской системе, поскольку при определенных корнях структуры $C°VC°$- нет фактического доказательства наличия обоих состояний в основе с каким-либо одним суффиксом, не говоря уже о наличии таких состояний при каждом из присоединяющихся суффиксов. Какая-либо основа в смысле Бенвениста могла бы показывать одно определенное аблаутное состояние, другая основа — другое. Это положение фактически и отражается в наличии в индоевропейском позднего периода основ типа II 1 и III 1 с позиционно стабильным гласным.

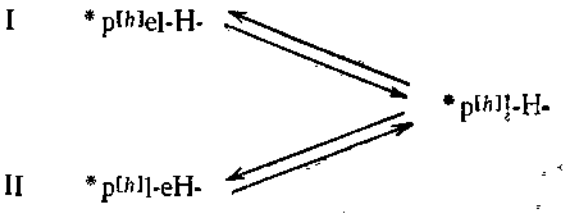
В ряде случаев представляется возможным установить сравнительно поздний характер одного из аблаутных состояний. Тем самым для более ранней эпохи в таких основах следует допустить только одно из двух аблаутных состояний, чередующееся с нулем, при отсутствии другого. Возникновение в подобных структурных образованиях другого аблаутного состояния и формирование полного механизма аблаутных чередований в основе, соответствующего схеме Бенвениста, можно объяснить исходя из формы с нулевой огласовкой как формы нейтрализации Состояний I и II с последующим восстановлением по продуктивной схеме чередований одного из отсутствовавших в основе аблаутных состояний.

Так, например, какая-либо основа *$\mathbf{p}^{[h]}\mathbf{el}$-**H**- (др.-инд. *pārī-man-* 'полнота') и *$\mathbf{p}^{[h]}\mathbf{l}$-e**H**- (др.-инд. *prāyaḥ* 'по большей части'), представленная в индоевропейском в двух аблаутных состояниях, выступает в нулевой ступени в виде *$\mathbf{p}^{[h]}\mathbf{l}$-**H**- (др.-инд. *pārná-* 'полный'), в которой фактически нейтрализуется противопоставление Состояний I и II в формах полной ступени. Форма с нулевой огласовкой может быть по существу нулевым морфонологическим вариантом как Состояния I основы, так и Состояния II.

Иными словами, нулевую ступень можно рассматривать в качестве производной как от I, так и от II ступени аблаута. В этом смысле нулевая ступень неоднозначна по отношению к двум состояниям основы. В этой особенности нулевой ступени заложены возможности появления ранее отсутствовавшего в конкретной основе первого или второго Состояния при чередовании нулевой ступени огласовки с полной. Такие вновь образовавшиеся аблаутные состояния основы, отсутствовавшие в конкретных структурных образованиях, как бы заполняют пробелы в продуктивных к тому времени аблаутных моделях.

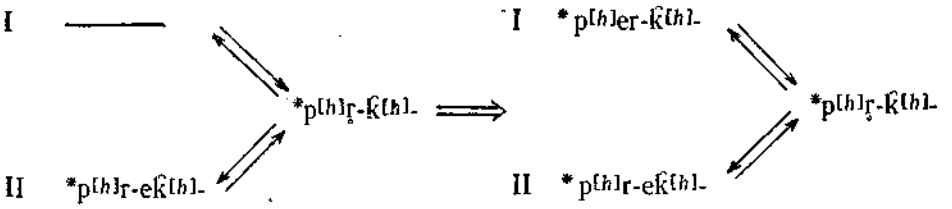
Так, например, индоевропейская основа *$p^{[h]}erk^{[h]}$-, с вероятно более поздним Состоянием I *$p^{[h]}er\text{-}k^{[h]}$- (лит. *peršù* 'сватаюсь', *см. Anttila 1969*) и более древним Состоянием II *$p^{[h]}r\text{-}ek^{[h]}$- (др.-инд. *praśná-*), оформилась в основу с двумя аблаутными состояниями в соответствии с продуктивной в системе моделью аблаутных чередований в результате новообразования Состояния I из формы с нулевой огласовкой *$p^{[h]}r\text{-}k^{[h]}$- (др.-инд. *pṛcchắti*, лат. *poscō*), являвшейся формой нейтрализации противопоставления аблаутных Состояний I и II.

Схема 1: Модель аблаутного перехода Состояний I и II основы в нуль и нуля в первое или второе Состояние:

В соответствии с этой продуктивной аблаутной моделью должны были происходить преобразования дефектных аблаутных структур и заполнение в модели отсутствующего аблаутного Состояния I или II.

Схема 2

Аналогичным образом можно объяснить происхождение поздних аблаутных Состояний I или II в целом ряде индоевропейских основ.

*2.6. КОРНЕВЫЕ СТРУКТУРЫ С ИСХОДОМ НА *-i- И *-u- И БОЛЕЕ ПОЗДНИМ АБЛАУТНЫМ СОСТОЯНИЕМ I И ПРОБЛЕМА ДРЕВНИХ НЕАПОФОНИЧНЫХ *-i- И *-u-*

Состояние I представляется более поздним в именных образованиях от и.-е. *$d^{[h]}u\text{-}es$- (греч. θεός, лат. *bēstia*). Состояние I *$d^{[h]}eu\text{-}s$- засвидетельствовано только в балто-славянском и германском: лит. *daũsos* 'рай', 'тропические страны', ст.-слав. *duchŭ* 'дыхание', 'дух', гот. *dius* 'дикий зверь'. Можно предположить сравнительно позднюю диалектную особенность появления в данной основе Состояния I, ограниченного определенной ареальной группой.

Такое же истолкование можно дать появлению Состояния I ***k$^{[h]}$°e̯i̯-H-** в корне ***k$^{[h]}$°i̯-eH-** (авест. *šyāta-* 'обрадованный'): ст.-слав. *pokojĭ* 'покой', при нулевой ступени *počiti* 'отдыхать', 'почивать'.

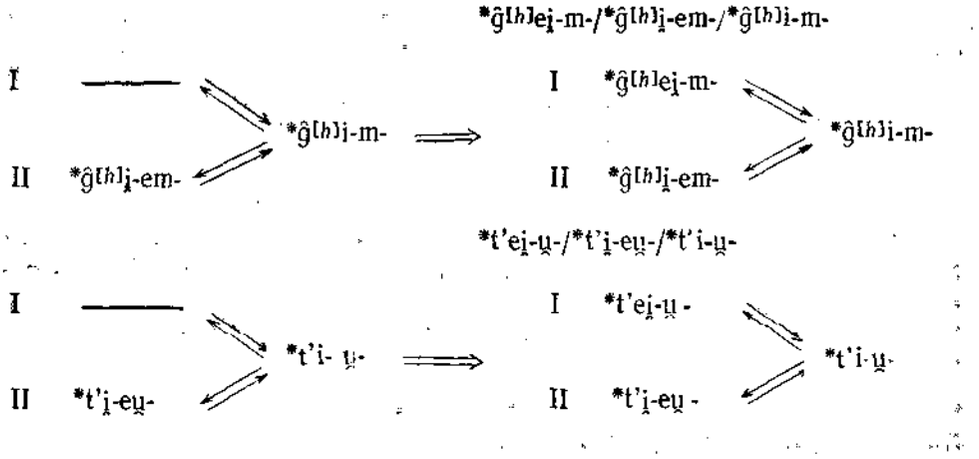
В этой связи вызывает особый интерес анализ древних индоевропейских основ ***ĝ$^{[h]}$e̯i̯-mo-** 'зима' (лит. *žiemà*, ст.-слав. *zima*) и ***t'e̯i̯u̯-o-** 'бог' (др.-инд. *devá-ḥ*, лат. *deus*, др.-ирл. *dia*, лит. *dievas*).

Общеиндоевропейские формы этих основ показывают уже вполне сложившийся механизм аблаутных чередований по схеме Бенвениста:

Состояние I	Состояние II
***ĝ$^{[h]}$e̯i̯-m-**	***ĝ$^{[h]}$i̯-em-**
	(лат. *hiems* 'зима', греч. χιών 'снег')
***t'e̯i̯-u̯-**	***t'i̯-eu̯-**
	(др.-инд. *dyáuḥ* 'небо', греч. Ζεύς)

Основы в Состоянии I являются производными с тематическим суффиксом, в чем проявляется их сравнительно более поздний характер по сравнению с основой в Состоянии I. Исходной формой для образования основы в Состоянии I послужила, очевидно, основа в нулевой ступени: соответственно ***ĝ$^{[h]}$i̯-m-** (др.-инд. *himá-* 'снег', 'мороз', авест. *zəmaka-* 'снежная буря', греч. δύσ-χιμος 'зимний', *ср. Kuryłowicz 1973b: 65)* и ***t'i-u̯-** (др.-инд. *div-*, *divyá-* 'божественный', греч. δῖος, лат. *dius* < ***diu̯os* 'божественный', ср. лув. *Tiuat-* 'бог солнца'), *Osthoff 1881; Anttila 1969: 164; Szemerényi 1959: 107 и след.; 1970.* Следовательно, древнейшие индоевропейские аблаутные основы от этого корня восстанавливаются в виде ***ĝ$^{[h]}$i̯-em- /*ĝ$^{[h]}$i-m-**; ***t'i̯-eu̯-/*t'i-u̯-** без Состояния I, появившегося позднее в индоевропейском по типу продуктивного аблаутного механизма с чередованием основ в Состоянии II:

Схема 3

Таким образом, в качестве древнейших корневых морфем в этих формах выделяются не структуры *$\hat{g}^{[h]}e\underline{i}$-/*$\hat{g}^{[h]}$i-; *t'$e\underline{i}$-/*t'i- (то есть *CVS-/CS-*), а структуры *$\hat{g}^{[h]}$i- и *t'i-, то есть *Согласная* +*i*.

Такой тип корня в принципе отличается от типа корня структуры *CVS-*, представляющей основную каноническую форму корня в индоевропейском.

Такое **i* в корнях *$\hat{g}^{[h]}$i- и *t'i- отражает, вероятно, древнейшую гласную фонему /*i/, образовывавшую, наряду с **u* и *V*, первичную систему индоевропейских гласных (см. выше о формах со стабильным *i: *$k^{[h]}$°i-*s*, локатив на **-i* и др., стр. 160 и след.).

Наличие подобной гласной в позиции после *C* позволяет постулировать для древнейшего индоевропейского состояния также корни структуры *CV-*, то есть *согласная* + *гласная*. Такая корневая гласная *-i*, а также, вероятно, и *u*, переходила в фонетически неслоговую разновидность *i̯*, соответственно *u̯*, в позиции перед гласной *V* при присоединении к корню со структурой *Ci-* суффикса *-VC* : *$\hat{g}^{[h]}$i-+*-em- ⇒ *$\hat{g}^{[h]}$i̯-em-; *t'i-+*-eu̯- ⇒ *t'i̯-eu̯-. Этот фонетический процесс, естественно, содействовал возникновению чередования *-i-/-i̯-* (*а также -u-/-u̯-*), что и привело к образованию сонанта /*i̯/ (а также /*u̯/) с аллофонами [i, i̯], [u, u̯] в результате переосмысления гласных *i*, *u*, перераспределения звуков *i*, *u* (соответственно *i̯*, *u̯*) и их объединения с ранее существовавшими сонорными *y*, *w* в один класс сонантов. Перед появившимся таким образом сонантом /*i̯/ в позиции после *C* легко могла возникнуть в дальнейшем гласная *V* в полном соответствии с продуктивным аблаутным механизмом:

$$*t'i- \Rightarrow *t'e\underline{i}-,\quad *\hat{g}^{[h]}i- \Rightarrow *\hat{g}^{[h]}e\underline{i}-.$$

Такое же объяснение можно было бы дать и возникновению полной ступени в разобранной выше диалектной индоевропейской форме *$d^{[h]}eu̯$-s-, в которой для более раннего времени можно предполагать наличие нечередующегося -u̯- в корне *$d^{[h]}u̯$-, восходящего, по всей вероятности, к первичному гласному *-u-.

Следы таких гласных фонем *i* и *u*, отражающих первоначальную индоевропейскую систему гласных, можно было бы видеть в "стабильных" *i* и *u* позднеобщеиндоевропейского периода, которые в это время представляют уже слоговые аллофоны соответственно сонантов *i* и *u*, но выдают свой изначально вокалический характер отсутствием других аблаутных ступеней (*ср. Schmitt-Brandt 1967: 21 и след.*).

Примерами таких форм со стабильным *i* и *u* могут служить общеиндоевропейские основы со стабильным **u*, не чередующимся с *-eu̯-: *$k^{[h]}u̯$on- 'пес', 'собака' (греч. κύων, др.-инд. *ś(u)vá*, лит. *šuõ*, иер. лув. *suwana-* 'пес', 'собака'); *$d^{[h]}ug^{[h]}$H-$t^{[h]}$er- 'дочь' (греч. θυγάτηρ, др.-инд. *duhitā́*); ср. также стабильное **u* в превербе *$ut^{[h]}$-/*ut'-: др.-инд. *út-*, *úd-* 'вверх, сверх, над', авест. *us-*, *uz-*, греч. *u-* в ὕβρις 'гордыня', ὕστερον 'позже', лат. *us-que*, гот. *ūt*; лит. *úž-*, ст.-слав. *vŭz-*; ср. также суффиксы *-*ti*, *-*tu* имен действия типа греч. φύσις 'природа', др.-инд. *bhū-tí-* 'становление'; *-*ri*, *-*ru* типа хет. *etri* 'корм', лит. *ėdrūnas* 'прожорливый', а так-

же суффикс косвенных падажей **-b[h]i* со стабильным *i* (др.-инд. *-bhi*, греч. *-φι*, микен. *-pi*).

Такой же изначальный гласный **i* можно видеть в нечередующемся суффиксе архаичных именных основ на *-i* типа др.-инд. *páti-* 'хозяин', *род. пад. pátyuḥ* (ср. лат. *potis*, греч. πόσις, гом. *род. пад.* πόσιος), *ávi-* 'овца', *род. пад. ávyaḥ* (греч. ϝΓις, *род. п.* ϝῑ́ός; лат. *ouis*, *род. пад. ouis*), *arír̥ḥ* 'незнакомец', 'чужой', *род. пад. aryáḥ*, *Szemerényi 1970: 163 и след.*

Аналогично этому склоняются некоторые именные основы на *-u-*, отражающие в стабильном, нечередующемся *u* его первоначально вокалический характер : др.-инд. *mádhu* 'мед' (*род. пад.* вед. *mádhuas*, *mádhvas*), ср. греч. μέθυ 'вино'; др.-инд. *paśú-* 'скот', вед. *род. пад. paśváḥ* (ср. лат. *pecū* 'скот', *род. п. pecūs*), гот. *faihu*; др.-инд. *hánu-* 'подбородок', *инстр. пад. hánuā*, авест. *zānu-*, греч. γένυς, *род. п.* γένυ(ϝ)ος, гот. *kinnus* 'щека'.

К этому же типу относятся хеттские основы существительных на *-i* и на *-u*, не показывающие аблаутной ступени с полной огласовкой: хет. *aššu* 'добро', *дат.-мест. пад. мн. ч. aššuaš* 'добро', *kutru-* 'свидетель', *дат. пад. kutrui*, *ueši-* 'пастбище', *твор. пад. uešiiaz* и др.

Вокалический характер такого *i* и *u* постепенно стирается в процессе возникновения форм с полной ступенью огласовки и дистрибутивного перераспределения слоговых и соответствующих неслоговых элементов. Наряду с древними парадигмами с нечередующимися *-i*, *-u*, в отдельных языках появляются парадигматические формы с суффиксальными *-i* и *-u* в полной ступени огласовки, ср. др.-инд. *pátiḥ*, вед. *дат. пад. pátye* (RV), наряду с позднейшим *pátaye* (AV), *paśúḥ*, *дат. пад. páśve* (3 раза в RV) при позднейшем *paśáve* (1 раз в RV), *mádhu* 'мед', *род. пад. mádhvas*, *mádhuas* при позднейшем *mádhos*, *ср. Kuiper 1942.*

В хеттском языке произошло дальнейшее системное перераспределение аблаутного и безаблаутного типов суффиксов *-u-* и *-i-*. Древние *-u-*, *-i-* (без аблаута) закрепились за именами существительными, тогда как аблаутные типы этих суффиксов стали характеризовать адъективные типы имен, ср. *aššu* 'добро', *дат.-мест. пад. мн. ч. aššuaš*, но *aššuš* 'хороший', *род. пад. aššauaš*. Аналогично этому, *parku-* 'высокий', *род. пад. pargauaš*, *panku-* 'весь', *род. пад. pangauaš* и т. д.

Такое же формальное противопоставление наблюдается в основах на *-i*: хет. *ueši-* 'пастбище', *ueširiaz*, но *šuppi-* 'чистый', *род. п. šuppiaš*, *ḫarki-* 'белый', *род. п. ḫarkiaš* и др.

В отличие от кратких *-i-*, *-u-* долгие суффиксы *-ī-*, *-ū-*, возникшие из сочетания **-iH-*, **-uH-*, более консервативны и в древнеиндийском не обнаруживают вторичных форм с полной ступенью, ср. парадигмы *devī* 'богиня', *род. пад. devyáḥ*, *tanúḥ* 'тело', *род. пад. tán(ú)vaḥ* и др.

2.7. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ С НАЧАЛЬНОЙ ИЛИ КОНЕЧНОЙ ГЛАСНОЙ: VC°-, C°V-

Для древнейшего периода развития общеиндоевропейского языка можно постулировать корневые морфемы структуры *C°V-*, в которых гласная фонема могла быть представлена и гласными *-i-*, *-u*. Такая струк-

тура морфемы представлена в качестве закономерного структурного образования в прономинальных основах, строящихся по типу *C°V-*.

Эта же структура древнеиндоевропейской морфемы отражена в индоевропейских глагольных окончаниях типа **-Ha (1 л. ед. ч. перфекта*, ср. лув. *-ḫa, 1 л. ед. ч. прош. вр.*), **-l[h1]Ha (2 л. ед. ч. перфекта)*. Тем самым устанавливается первоначальная общность структуры морфем с различными грамматическими функциями: именных и глагольных, местоименных и аффиксальных (окончания), а также препозиционных основ (отрицание *ne*, преверб *pe-* и др.).

Другой вид корневых морфем, совпадающий структурно с аффиксальными морфемами, представлен типом *VC°-*. Такая корневая структура засвидетельствована в древнейших индоевропейских образованиях (см. выше тип IV 1, 2). Все исторически засвидетельствованные индоевропейские языки, включая и хеттский, показывают в этих корнях начальную гласную. Поэтому нет достаточных оснований (в том числе и структурных) считать такие корни восходящими к структуре $C_1°VC_2°$- — с дальнейшей утерей $C_1°$.

На таком предположении строится теория корня Бенвениста—Курилoвича, согласно которой в большинстве корневых структур типа *VC°-* постулируется начальная "ларингальная" фонема. Некоторые корни структуры *VC°-* в исторических индоевропейских диалектах действительно восходят к стандартной структуре $C°_1VC°_2$- с позднейшей утерей "ларингальной" фонемы, шумной или сонанта, явные следы которых обнаруживаются в некоторых индоевропейских диалектах[1]. Однако при

[1] Кроме разобранного выше вопроса об исчезновении начального "ларингального", след которого сохранялся в виде спиранта *ḫ-* в хеттском, а также приведенных выше (стр. 131) примеров с предполагаемыми постьелярными и спирантами, можно указать на случаи потери в аналогичной позиции начальных сонантов *u̯* *(ср. Герценберг 1972: 145—146)* и *i̯*. Индоевропейская лексема со значением 'хороший' восстанавливалась традиционно в виде **esu-* (греч. *ἐύς* 'добрый, хороший, благородный', *εὖ-* в сложных словах 'хороший, благородный', хет. *aššu-* 'хороший, благой'). Обнаружение в анатолийских языках формы *u̯ašu-* (иер. лув. *wasu*, лув. *u̯ašu-*, пал. *u̯ašu-*), соответствующей хет. *aššu-*, подтверждает высказывавшееся ранее предположение *(Schwyzer 1939, I: 421)* о связи всех указанных форм с др.-инд. vásu- Для индоевропейского слова восстанавливается форма **u̯esu-*. В хеттском языке представлена ступень с огласовкой *o* в отличие от греч. *ἐύς* и, вероятно, др.-инд. vásu-. Начальное *u̯* было утеряно в хеттском языке, как и в греческом, еще в дописьменную эпоху. Форма с нулевой огласовкой представлена в индийском в сложных словах с первым компонентом su- *(Гамкрелидзе 1960: 69—70)*, ср. греч. *ὑγιής* 'здоровый' (<'хорошо живущий', по Швицеру: *Schwyzer 1939, I: 298; Boisacq 1916: 997)*, *ср. Puhvel 1980.* Праформа для лат. equus 'конь', др.-инд. *áśva-*, авест. aspa-, галл. epo-, др.-англ. eoh, лит. *ašvà*, сопоставляемого с греч. *ἵππος* (микен. i-qo 'конь'), восстанавливается в виде **ek[h]u̯o-*. Однако наличие в греческой форме начального i- и густого придыхания может указывать и на общую исходную **i̯ek[h]u̯(o)-* с начальным сонантом **i̯-*, след которого можно было бы видеть в тох. В yakwe, тох. А yuk (y- в родственных ваханском и осетинском словах, вероятно, объясняется вторичными процессами).

К потере начального *i̯-* в хеттском, ср. хет. ekuna- 'холодный' при др.-исл. jaki 'льдина', ср.-нрл. aig 'лед', и.-е. **i̯ek'-*.

обнаруживающемся многообразии первоначальных корневых морфемных структур в индоевропейском было бы не оправдано сводить тип *VC°-* к какому-либо другому типу при отсутствии бесспорных свидетельств этого в исторических языках.

Такую структуру корня представляли древние индоевропейские глагольные корни ***es-** 'быть', ***et-** 'есть', ***ek[h]°-** 'пить', ***ep[h]-** 'брать', 'хватать', ***er-** 'двигаться', 'вставать', ***ei̯-** 'идти'. Постулирование начальной "ларингальной" в этих корнях не подтверждается данными хеттского языка, в котором соответствующие корни представлены в виде чередующихся основ в формах единственного и множественного числа *eš-/aš-*, *et-/at-*, *ekṷ-/akṷ-*, *ep-/ap-* (без начального *ḫ-*, которое ожидалось бы при наличии "ларингальной" фонемы в этих корнях)[1]. Это чередование в хеттском соответственно в формах единственного и множественного числа отражает индоевропейское чередование полной и нулевой ступеней огласовки, ср. др.-инд. *3 л. ед. ч. ásti*, *3 л. мн. ч. sánti*, лат. *est*, *sunt*, ст.-слав. *jestĭ*, *sǫtĭ* 'есть', 'суть'. Огласовку *a* в хеттских формах мн. ч., соответствующую функционально нулевой ступени (ср. в хеттском нормальный тип чередования *e*~ *Ø* [нуль] в формах *ḫuek-* 'колдовать' в *ед. ч.*, *ḫuk-* во *мн. ч.*, *kuen-* 'убивать' в *ед. ч.*, *kun-* во *мн. ч.* и т. п.), можно объяснить преобразованием более древних отношений, отражающих функциональное чередование *e* : *Ø* (нуль). Такое *a* могло возникнуть в формах с нулевой огласовкой из редуцированного гласного, появлявшегося в начальной позиции при переходе корневой морфемы в нулевую ступень.

В этом отношении показательно восстановление в формах множественного числа огласовки *e* в греческом уже у Гомера[2]. Тембр гласного полного образования *a* в хеттских формах мн. ч. мог бы объясняться ассимилятивными факторами, то есть такое *a* могло быть вызвано характером огласовки последующих окончаний *1 л. мн. ч. -ṷe/ani*, *2 л. мн. ч. -te/ani*, *3 л. мн. ч. -anzi-*[3].

Наряду с этим обращает на себя внимание и то, что огласовка *a* в формах, соответствующих функционально нулевой ступени, выступает также в других языках, ср. лат. *apīscor* 'достигаю', *aptus* 'удобный', ст.-лат. *coëpī* 'я начал', хет. *appant-* 'пленный'; лат. *aqua* 'вода', гот. *ahva* 'река', хет. *akkuant-* 'выпивший'; ср. также начальный гласный в греч. *ὀδών* 'зуб', арм. *atamn* 'зуб', хет. причастие *adant-* 'съеденный; едящий'

[1] *3 л. ед. ч.* e-eš-zi 'есть', *3 л. мн. ч.* a-ša-an-zi; *3 л. ед. ч.* ez-za-zi 'ест', *3 л. мн. ч.* a-da-an-zi; *3 л. ед. ч.* e-ku-zi 'пьет', *3 л. мн. ч.* a-ku-a-an-zi; *3 л. ед. ч.* e-ip-zi 'хватает', *3 л. мн. ч.* ap-pa-an-zi; ср. в древних текстах *1 л. мн. ч.* a-tu-e-ni, a-ku-e-ni (KBo XVII 1+III 15 I IV 6 II 13, *ср. Otten/Souček 1969*).

[2] Ср. у *Гомера мн. ч.*: *1 л. εἰμέν*, *2 л. ἐστέ*, *3 л. ἔᾱσι* при формах *ед. ч. 1 л. εἰμί*, *2 л. ἐσσ(ί)*, *εἰς*.

[3] Такие окончания *1 л. мн. ч.* -ṷani, *2 л. мн. ч.* -tani выступают уже в древнехеттском языке при некоторых глаголах и отражают определенные ассимилятивные процессы, имевшие место в хеттском в доисторический период, см. об этих окончаниях в древнехеттском *Otten/Souček 1969: 79*.

от *et-* 'есть' и нулевые формы в др.-инд. *dán*, *da(n)t-* 'зуб', авест. *dantan-*, лат. *dēns*, *род. п. dentis*, др.-ирл. *dét*, лит. *dantìs*.

Постулирование архаичного корня структуры *VC°-* позволяет предположить для древнейшего индоевропейского состояния тип односогласного корня *-C°-* со структурой *VC°-* в качестве одного из его аблаутных состояний при оформлении на более позднем этапе механизма чередований гласных по аблауту:

***s-** : ***es-** 'быть'
***t'-** : ***et'-** 'есть, кушать'
***k$^{[h]}$°-** : ***ek$^{[h]}$°-** 'пить'
***p$^{[h]}$-** : ***ep$^{[h]}$-** 'брать, хватать'
***ṛ-** : ***er-** 'двигаться', 'вставать'
***i-** : ***ei̯-** 'идти'

2.8. ВНУТРЕННЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНЕЙШИХ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ И ПРАВИЛА ИХ ПОРОЖДЕНИЯ

Для раннего индоевропейского состояния выделяются три основных структурных типа морфем : $C°_1V$-, $VC°_1$- и $C°_1VC°_2$-.

В таких структурах *C°* могло быть представлено в виде сложного сочетания $C°_1 \rightarrow CS$ (в открытом слоге) или $C°_2 \rightarrow SC$ (в закрытом слоге). Другим вариантом $C°_1$, то есть начальной согласной, в древнейших морфемных структурах может быть сочетание *sC°*. При этом *V* на этом хронологическом уровне индоевропейского представляет одну из трех возможных гласных [*e a o*], *i* и *u*, образующих треугольную вокалическую систему праиндоевропейского языка. Структуры *-C°V-* и *-VC°-* представляли, очевидно, как корневые, так и аффиксальные морфемы[1].

Тип *C°VC°-* характеризует в основном корневые морфемы. Однако и некоторые суффиксальные морфемы при основной канонической форме *VC°-* представлены структурой *-C°VC°-*. К суффиксальным образованиям подобной структуры относятся, в первую очередь, суффиксы имен деятеля **-t$^{[h]}$er-* [др.-инд. *damitā́(r)* 'укротитель', *janitā́(r)* 'родитель', греч. γενέτωρ], **-t$^{[h]}$el-* (хет. *aršaniiatalla-* 'завистник', ст.-слав. *dětatelĭ* и др.), некоторые глагольные окончания множественного числа (греч. *1 л. мн. ч.* *-μεν*, например: λέγομεν 'говорим'; хет. *1 л. мн. ч. прош. вр.* *-ueni*, *daueni* 'мы брали', *-teni*, *2 л. мн. ч. datteni* 'вы брали', *1 л. мн. ч.* греч. *-μες*, др.-инд. *-mah* и т. п.).

Такие суффиксальные морфемы структуры *-C°VC°-* могут быть разложены с помощью сравнительного анализа на составные элементы *-C°V-C°-*

[1] Следовательно, из рассмотренных выше (см. стр. 216—219) структурных типов корневых морфем позднеобщеиндоевропейского языка часть корней типа II $C°_1VSC_2°$-и III $C°_1SVC_2°$- можно свести к корням типа I $C°_1VC°_2$- в сочетании с типом IV *VC°-*, с аблаутным чередованием полной и нулевой ступеней огласовки.
Представленный спорадически тип VII *C°SV-* возводится в ряде случаев для наиболее раннего периода к типу VI *C°V-*, где *C°-* —лабиализованные шумные фонемы (см. выше, гл. II, стр. 122 и след.).

и *-C°-VC°-* с нулевой огласовкой одного из компонентов, в чем и проявляется их составной характер на общеиндоевропейском языковом уровне[1], при полном слиянии этих элементов в единую суффиксальную морфему в истории отдельных индоевропейских диалектов.

Такое происхождение суффиксальных элементов структуры *-$C°_1VC_2°$-* дает основание для внутреннего анализа корневых морфем структуры $C°_1VC°_2$- как первоначально составных структур, образованных путем сложения в определенной линейной последовательности структур типа $C°_1V$- и -$VC°_2$- при нулевой огласовке одной из морфем[2].

Вероятность подобного глубинного разложения корня структуры $C_1°VC_2°$- можно было бы иллюстрировать своеобразными корневыми структурами типа др.-инд. *unátti* 'брызгает, окропляет водой', анализируемого как **u-n-at-ti* (*ср. Strunk 1972: 175*), *мн. ч. u-n-d-áti* (и.-е. ***u-n-et'-t[ʰ]i/ *u-n-t'-u̯t[ʰ]i**), *ср.* лат. *unda* 'волна' (*u-n-d-a*), лит. *vanduõ* 'вода', и связываемого с корнем ***u̯et'**- 'вода', др.-инд. *лок. udáni* 'в воде' (ср. хет. *лок. u̯eteni* 'в воде'), *udá* 'воды' (*собират. мн. ч. ср. р.*). Сопоставление этих форм дает возможность выделить в исторической корневой морфеме ***u̯et'**- 'вода' ***u̯** в качестве первичного корневого элемента и ***-et'**- в качестве основообразующего суффикса (допущение начальной "ларингальной" фонемы, основывающееся лишь на авестийской форме *aoда-* 'источник', *Бенвенист 1955: 189*, не имеет под собой прочного основания). Такое разложение подкрепляется также сопоставлением

[1] О составном характере этих суффиксов свидетельствуют такие соотношения, как суффиксы -t[ʰ]er и -t[ʰ]- в словосложении в древнеиндийском (*Wackernagel/Debrunner 1930, 111*); соотнесение суффиксов *-t[ʰ]er- и *-t[ʰ]en-, в частности в гетероклитической парадигме при наличии именного суффикса **-r/*-n-*, ср. хет. тип основ на -tar: *papratar* 'ритуальная нечистота', *под. пад. paprannaš*<**papratnas*; *idalaṷatar* 'зло', *под. пад. idalaṷannaš*; с другой стороны, соотнесение суффикса *-t[ʰ]er-/*-t[ʰ]en- с суффиксом *-t[ʰ]el- уже в самом индоевропейском свидетельствует о составном его характере с выделением первоначальных элементов *-t[ʰ]-er/-en/-el. О составном характере свидетельствует также соотнесение уже на реконструированном уровне суффиксов *-men, *-t[ʰ]en, *-mes с местоименными основами (с выделением элементов *-me-, *-t[ʰ]e- и *-en, *-es и переходом одного из компонентов в нулевое состояние или нулевую ступень при образовании составного суффиксального элемента).

[2] Такое происхождение корневых морфем структуры $C_1°VC_2°$- из слияния двух морфем, расположенных в определенной последовательности, могло бы объяснить отдельные случаи явных нарушений запрета на сочетаемость идентичных согласных в пределах корня. Отдельные и крайне редкие случаи таких нарушений могли бы отражать то состояние индоевропейского праязыка, когда последовательность $C°_1VC_2°$- воспринималась еще как сложная структура, охватывающая отрезок, бóльший, чем единая морфема. Такие реликтовые структуры можно было бы видеть в индоевропейских корнях типа *ses- 'спать', 'отдыхать' (др.-инд. *sás-* 'спать', хет. *šeš-* 'спать', 'покоиться'). Не исключено, что корень *ses- является для древнейшего периода редуплицированной формой от одноконсонантного корня **s-* 'лежать' с вокалическим элементом *e* (см. выше о редупликации, стр. 219 и след.).

Истолкование корневой структуры $C°VC°$- как сложения по происхождению корневой и суффиксальной морфем $C°$-$VC°$- позволило бы выделить обширный класс одноконсонантных глагольных корней, остатки которого можно видеть в позднеиндоевропейском в глагольных образованиях структуры $VC°$-.

этих древнеиндийских форм с др.-инд. *vắr-* 'вода', тох. А *wär*, тох. В *war* 'вода'. К архаичной одноконсонантной структуре корня ср. также некоторые другие основы с носовым аффиксом типа др.-инд. *unábdhi* 'связывает' < **u-n-eb*$^{[h]}$-*t*$^{[h]}$*i* (*ср. Strunk 1972 : 175*) и индоевропейские образования типа *(e)l-eu-d$^{[h]}$- (греч. ἐλεύθερος 'свободный', лат. *līber* 'свободный', слав. *ljudĭje* 'люди', гот. *liudan* 'расти', *см. Duhoux 1973*).

Такое диахроническое истолкование корневой структуры $C^{o}_{1}VC^{o}_{2}$- в качестве позднейшего деривата последовательности $C^{o}_{1}V$-C^{o}_{2}- или C^{o}_{1}- VC^{o}_{2}- сводит возможные структурные типы к двум основным структурам: к открытому слогу -$C^{o}_{1}V$- и закрытому слогу -VC^{o}_{2}-. Все более сложные структурные образования возникают в результате сложения этих исходных структур, располагаемых в определенной линейной последовательности. При этом основной тенденцией морфемного сложения в раннем индоевропейском языке должен был быть принцип закономерного чередования открытых и закрытых слогов, выражавшийся в следовании в линейной последовательности за морфемой с открытым слогом морфемы с закрытым слогом при факультативном выборе морфемы с открытым или закрытым слогом.

Процесс порождения сложных последовательностей морфем, предполагаемых для этого языкового состояния, может быть описан циклическими по своему характеру правилами (3), (4), (5):

Правило (3)

В морфемной последовательности за морфемой структуры открытого слога $C^{o}V$- может следовать только морфема структуры закрытого слога VC^{o}-;

Правило (4)

В морфемной последовательности за морфемой структуры закрытого слога VC^{o}- может следовать либо морфема с открытым слогом, либо с закрытым VC^{o}-;

Правило (5)

Начальный элемент морфемной последовательности задается в виде структуры с открытым или закрытым слогом.

Путем многократного применения правил (3) и (4) при заданном первом элементе последовательности можно получить сколь угодно длинную цепочку морфем, которые предположительно лежат в основе структур, реконструируемых для позднеиндоевропейского состояния.

Процесс порождения таких последовательностей морфем представлен на схемах (4) и (5):

Схема (4)

Процесс порождения морфемной последовательности с начальным открытым слогом:

$$C^{o}_{1}V\text{-}VC^{o}_{2}\text{-}\begin{cases} VC^{o}_{3}\text{-}\begin{cases} VC^{o}_{4}\text{-}\{ \\ C^{o}_{4}V\text{-} \end{cases} \\ C^{o}_{3}V\text{-} \quad VC^{o}_{4}\text{-}\{ \end{cases}$$

Схема (5)

Процесс порождения морфемной последовательности с начальным закрытым слогом:

$$VC^{\circ}_{1}\text{-}\begin{cases} VC^{\circ}_{2}\text{-}\begin{cases} VC^{\circ}_{3}\text{-} \\ C^{\circ}_{3}V\text{-} \end{cases} \\ C^{\circ}_{2}V\text{-}\quad VC^{\circ}_{3}\text{-} \end{cases}$$

Полученные таким путем морфемные последовательности подвергаются морфонологическому преобразованию в виде слияния однотипных смежных гласных или синкопирования одного из двух вокалических элементов соседних морфем (прототип нулевого аблаута, ср. правило синкопирования по Боргстрёму, *Borgström 1949 и 1954*).

Такое синкопирование гласных можно представить как выпадение вокалического элемента в соответствии с "принципом моновокализма" морфемной последовательности, согласно которому в многоморфемной последовательности только одна морфема может быть представлена с вокалическим элементом (ср. выше, стр. 222).

Действие "принципа моновокализма" можно видеть в некоторых архаичных индоевропейских образованиях с одной морфемой в нормальной ступени (ср. др.-инд. *3 л. мн. ч. undáti* 'окропляют водой' из **u-n-t'-ṇt[ʰ]i*, др.-инд. *pṛthúḥ*, греч. πλατύς 'широкий' из **p[ʰ]ḷ-t[ʰ]-H-eu̯-/*p[ʰ]ḷ--t[ʰ]-H-u-*).

Такие правила синтагматической сочетаемости морфем в сложной морфемной последовательности могут объяснить происхождение таких поздних многоморфемных индоевропейских форм, как, например:

I **t'i-eu̯-i̯o-os* ⇒ и.-е. ***t'iu̯i̯os** (др.-инд. *divyáḥ*, греч. δῖος, лат. *dīus* 'божественный')

ĝ[ʰ]i-em-eu̯-en-et[ʰ]-os* ⇒ и.-е. ***ĝ[ʰ]imou̯ont[ʰ]os (др.-инд. *himávant-* 'снежный', 'ледяной'; 'Гималаи')

t'e-er-ek̂[ʰ]-ei̯-o-t[ʰ]i* ⇒ и.-е. ***t'erk̂[ʰ]-ei̯o-t[ʰ]i (др.-инд. *darśáyati* 'показывает')

p[ʰ]re[1]-ek̂[ʰ]-eŝ-k̂[ʰ]e-mi* ⇒ и.-е. ***p[ʰ]rek̂[ʰ]-ŝk̂[ʰ]e-mi (др.-инд. *pṛcchámi* 'спрашиваю')

b[ʰ]e-eu̯d[ʰ]-o-m(a)i* ⇒ и.-е. ***b[ʰ]eu̯d[ʰ]-o-mai (греч. πεύθομαι 'замечаю', 'наблюдаю', др.-инд. *bódhate* 'бодрствует')

p[ʰ]He-t[ʰ]e-er-b[ʰ]i-om* ⇒ и.-е. ***p[ʰ]Ḫt[ʰ]er-b[ʰ]i̯-om (др.-инд. *pitṛ́bhyām*, *инстр.-дат.-абл. дв. ч.*);

II **(e)t'-me-en-* ⇒ и.-е. ***et'-men** (др.-инд. *ádman* 'пища')

(e)t'-ri* ⇒ и.-е. ***et'-ri (хет. *etri* 'корм, еда')

(e)t'-mi* ⇒ и.-е. ***et'-mi (др.-инд. *ádmi*, хет. *e-it-mi*)

(e)s-en-t[ʰ]i* ⇒ и.-е. *(e)s-ont[ʰ]i** (хет. *ašanzi*, др.-инд. *sánti*, лат. *sunt*).

[1] Такие многофонемные начальные структуры в последовательности могут объясняться разложением их на еще более архаичные структуры $C^{\circ}\text{-}C^{\circ}V\text{-}$.

2.9. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ АРХАИЧНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МОРФЕМНЫХ СТРУКТУР

Предложенная выше диахроническая интерпретация позднеиндоевропейских морфемных структур различного типа и сведéние их к двум основным структурным типам с определенными правилами синтагматической сочетаемости при оформлении сложных морфемных образований позволяет внутренне реконструировать такое древнейшее состояние общеиндоевропейского языка, при котором структура морфемы не определялась ее функциональным назначением. Как корневые (именные, глагольные), так и аффиксальные (служебные) морфемы характеризовались одними и теми же структурными типами.

Такая структурная недифференцированность является, возможно, отражением функциональной недифференцированности морфем различных классов, характерной для древнейшего состояния индоевропейского языка. Дальнейшая формальная дифференциация морфем различных функциональных классов (корневые морфемы, суффиксальные морфемы, окончания) происходит в результате слияния последовательности $C°V\text{-}VC°$- в корневую морфему структуры $C°_1VC°_2$-, которая стала формально отличаться от первичных морфем структуры $C°V$- и $VC°$-, отражавших древний общий тип морфемных структур. Лишь небольшая часть корневых структур типа $VC°$- отражает структурную недифференцированность *морфем различной морфологической функции*.

С другой стороны, структура окончаний и прономинальных основ $C°V$- сохраняется в тех случаях, когда морфема с открытым слогом оказывается в конце морфемной цепочки.

Рассмотренные построения представляют собой глубинные реконструкции первоначальной структуры индоевропейского корня и основываются целиком на чисто формальных соотношениях морфемных структур различных типов, реконструируемых для позднего индоевропейского состояния.

Такие теоретические построения обладают определенной объяснительной силой, поскольку сводят наблюдаемые в индоевропейском праязыке структуры к минимальному числу типов, из которых путем правил преобразования выводятся исторически засвидетельствованные структуры (ср. для индоевропейского праязыка ранней эпохи аналогичные построения Боргстрёма).

При таких глубинных внутренних реконструкциях определенных языковых структур следует иметь в виду разную степень гипотетичности предлагаемых построений. Так, например, сведéние трехконсонантных корневых структур с *Schwebeablaut*'ом к более ранним структурам с основами в Состояниях I и II по схеме Бенвениста является менее гипотетичным, чем дальнейшая операция возведения двухконсонантных корневых структур к первоначальному сочетанию морфем с открытым и закрытым слогами структуры $C°V$- и $-VC°$, представляющая собой сугубо гипотетические построения.

Однако принцип внутреннего структурного анализа объединяет и ту и другую процедуру при разной степени гипотетичности получаемых построений, вследствие отражения в них различных хронологических этапов истории общеиндоевропейского языка. Предложенная древнейшая модель представляет собой один из возможных путей становления общеиндоевропейского аблаутного механизма и правил синтагматической сочетаемости морфем в сложной синтагматической последовательности, характерных для позднеиндоевропейского состояния.

Таким образом, хронологическая стратификация индоевропейских структур, засвидетельствованных для позднеобщеиндоевропейского языкового состояния (см. выше структуры типов I—VII), позволяет рассматривать их как результат взаимного наложения друг на друга и сведения в единую систему структурных образований различных периодов в развитии индоевропейского праязыка, начиная с древнейшего состояния с системой гласных *V*, *i*, *u* и системой согласных, включавшей и сонорные фонемы.

В дальнейшем образуется класс сонантических фонем при формировании класса гласных в виде трехчленной системы с фонемами *e*, *a*, *o*. Этот процесс вызывает позднейшее перераспределение структур и закрепление определенных типов морфем за корневыми и аффиксальными морфемами, которые на древнейшем этапе развития общеиндоевропейского языка представляли собой недифференцированные структурные образования.

3. ТИПОЛОГИЯ РЕКОНСТРУИРУЕМОЙ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

3.1. КАНОНИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И СТРУКТУРА КОРНЕВЫХ МОРФЕМ В ОБЩЕКАРТВЕЛЬСКОМ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИНДОЕВРОПЕЙСКИМ

Реконструированная выше система морфонологических чередований и схема структуры корня, характерная для позднеобщеиндоевропейского языкового состояния, может быть сопоставлена типологически с аналогичными структурными моделями, реконструированными для общекартвельской языковой системы. Основные общекартвельские модели, определявшие структуру корневых и суффиксальных морфем и правил их синтагматической сочетаемости, проявляют разительное типологическое сходство с описанными выше индоевропейскими структурными моделями, постулируемыми для позднеиндоевропейского состояния. Можно утверждать, что индоевропейская морфонологическая система изоморфна системе общекартвельской (*Гамкрелидзе/Мачавариани 1965*).

Основная каноническая форма общекартвельской корневой морфемы определяется структурой $C^{\circ}_{1}VC^{\circ}_{2}$-, где символ C°, обозначающий вообще согласную, может быть заменен либо символом для собственно согласного *C*, либо символом *S*, обозначающим сонант в неслоговой функции. Следовательно, имеются следующие возможные типы корней : *CVC*-, *CVS*-, *SVC*-, *SVS*-, с краткой гласной *V* (принимающей одно из возможных значений: **e*, **a*, **o*) между элементами *C* и *S*. На корневую морфему структуры $C^{\circ}VC^{\circ}$- накладываются определенные ограничения:

(1) В корне не сочетаются смычные согласные одного локального ряда;

(2) В корне не сочетаются друг с другом согласные глоттализованные (ср. также *Меликишвили И. 1980*);

Ср. аналогичные правила сочетаемости согласных в индоевропейском корне [*ср. выше, стр. 140, правила (a) и (c)*].

Эти правила в картвельском не распространяются на случаи сочетания в корне идентичных согласных, в том числе глоттализованных. В этом отношении ограничения, наложенные на картвельскую структуру корня, отличаются от индоевропейских.

В качестве основных структурных типов корневой морфемы в общекартвельской языковой системе позднего периода могут быть выделены следующие канонические формы:

I *CVC-*:

**tes-* 'сеять'

**t'ep-* 'согревать', 'греться' (груз. *1 л. ед. ч. аор.* [g]*an*[l]*-v-t'ep* 'я согрелся', *3 л. gan-t'p-a*, др.-груз. *t'p-il-i* 'теплый', новогруз. *tb-il-i*, мегр. *t'ibu*, ср. и.-е. форму **t*[*h*]*ep*[*h*]- 'теплый', проявляющую аномальную структуру корня, см. выше, стр. 146);

**qed-* 'идти', 'двигаться'

**k'aĉ-* 'муж', 'мужчина'

II *CVS-*:

**ber-* 'дуть' < **bʰer-*

**ban-* 'мыть'

**qan-* 'пахать' (ср. **qar-* 'бык')

**ĉol-* 'жена'

III *SVC-*:

**wed-* 'идти'

**rek'-* 'трясти'

**waĉ-* 'козел'

IV *SVS-*:

**wal-* 'идти'

**ior-* 'два'

Наряду с основной канонической формой корня структуры *C°VC°*- на позднем общекартвельском уровне выделяются и другие структурные типы, в частности *CVSC-* (**zard-* 'расти', 'воспитать'), *CSVC-* (**xleč-* 'рассекать'), *VC-* (**aŝ-* 'сто'), *VSC-*(**ert-* 'один'). Следует отметить, что структура с гласной инициалью характерна лишь для именных основ в отличие от основ глагольных, выступающих, как правило, с корневой структурой с начальным согласным. В таких случаях можно предположить утерю в корневой структуре начального неслогового элемента. Такой же процесс можно предположить и в отношении индоевропейских структур типа *VC°*-, проявляющихся на позднеиндоевропейском уровне и в глагольных основах.

С другой стороны, структура *-VC°* (то есть *-VC* и *-VS*) являет-

ся канонической для суффиксальных морфем (как и в индоевропейской структуре):

-VC: **-ed, *-et', *-et, *-eb, *-ek', *-eš, *-eŝ, *-eǯ, *-ex*;
-VS: **-el, *-er, *-en, *-em, *-ew, *-ej-*.

Корневые структуры типа *C°V-* (то есть *CV-* и *SV-*), а также *CSV-* характерны в картвельском преимущественно для местоименных основ и ряда адвербиальных основ и частиц (ср. выше местоименные основы в индоевропейском, стр. 218):

Личные местоимения			Притяжательные местоимения	
	ед. ч.	*мн. ч.*	*ед. ч.*	*мн. ч.*
1 л.	**me-⌊na⌋*	**č-we-⌊na⌋ // *na-* (*инкл.*) (*экскл.*)	**č-we-m-*	**č-we-n-*
2 л.	**š-we-⌊na⌋*	**ŝtk-we-⌈na⌉*	**š-we-n-*	**ŝtk-we-n-*

(*Гамкрелидзе 1959*)

Указательные местоимения:
**ma-*

Адвербиальные основы:
**ʔe* 'вверх', **kwe* 'вниз'

Частицы:

Частицы отрицания: **we-* 'не, нет' (в нулевой ступени **u-* в словосложении в качестве первого элемента в последовательности морфем, ср. индоевропейскую частицу отрицания **ne* 'нет': др.-инд. *ná*, лат. *ne-*, греч. νε-, гот. *ni*, хет. *natta, nauu̯i*, ст.-слав. *ne, netŭ*), в нулевой ступени **n̥-* в словосложении в качестве первого элемента в последовательности морфем: др.-инд. *a-*, греч. *ἀ-*, лат. *in-*, гот. *un-*, *Гамкрелидзе/Мачавариани 1965 : 323*.

Обращает на себя внимание формальное сходство общекартвельской прономинальной системы с системой общеиндоевропейских местоименных образований (в особенности безударных форм личного местоимения):

Личные местоимения (безударные)				Притяжательные местоимения	
	ед. ч.		*мн. ч.*	*ед. ч.*	*мн. ч.*
1. л.	**me*	**u̯e*	(*инкл.*)//**ne* (*экскл.*)	**⌊m⌋eme*	**n̥sme*
2. л.	**t⌊h⌋e*		**i̯u̯e-//*su̯e-*[1]	**t⌊h⌋(e)u̯e*	**su̯(e)me*[2]

[1] **su̯e-* предполагается на основании хет. *šumme̯š, др.-ирл.. si, sissi* 'вы', *úai-b* 'ваш', валл. *chwi* 'вы', гот. *izwis* 'вас', *Pokorny 1959 : 514*.

[2] К реконструкции форм *ед. ч.* и *1-го л. мн. ч.* см. *Schwyzer 1939, I : 608*; *2 л. мн. ч.* предполагается на основании данных хеттского языка (*-šmi-* 'ваш') в сопоставлении с греческим.

Личные местоимения (ударные)

	ед. ч.	*мн. ч.*
1 л.	**m-mé*	**ṇs-mé*
2 л.	**t[h]-wé*	**us-mé*
3 л.	**s-wé*	

(*Cowgill 1965: 169—170*).

Наряду с рассмотренными выше общекартвельскими корнями сложной консонантной структуры, в ряде случаев выделяется также моноконсонантная структура корня *C°-*, характерная, главным образом, для глагольных основ. Этот тип корня, сближающий картвельскую структуру с северокавказской, можно сопоставить типологически с постулируемыми для раннего индоевропейского состояния одноконсонантными глагольными корнями (см. выше, стр. 247):

**b-* 'связывать' (*3 л. ед. ч. наст. вр.* груз. *a-b-am-s*, сван. *a-b-em*, мегр. *gi-o-b-u-[n]*);

**g-* 'строить' (*3 л. ед. ч. наст. вр.* груз. *a-g-eb-s*, мегр. *o-g-an-s*, сван. *a-g-em*);

**r-* 'быть' (*1 л. ед. ч. наст. вр.* груз. *v-a-r*, мегр. *v-o-r-e-k*, лаз. *v-o-r-e*, сван. *xw-ä-r-i*);

**ʒ-* 'лежать' (*3 л. ед. ч.* др.-груз. *ʒ-e-s*, мегр.-лаз. *ʒ-u-[n]*, сван. *z-i*).

3.2. СТРУКТУРНЫЕ СЛЕДЫ «ВЕЛЯРИЗОВАННЫХ» И «ЛАБИАЛИЗОВАННЫХ» СОГЛАСНЫХ В ПРАКАРТВЕЛЬСКОМ И ИХ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АНАЛОГИ В ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Во всех рассмотренных выше типах корневых морфем вместо единичного неслогового элемента корня *-C°-* могут выступать так называемые гармоничные комплексы децессивного ряда[1], а также лабиальные сочетания типа *-C°w-* (где *C°* может быть и гармоничным комплексом децессивного ряда). Таким образом, с точки зрения структуры корня гармоничные комплексы децессивного ряда, а также сочетания типа *C°w* (то есть единичная согласная или гармоничный комплекс плюс *w*) представляют собой гомогенные единицы, функционально отождествляемые в корне с единичной согласной. В пределах одной морфемы допустим только один комплекс подобного типа:

**č'q'al-*	'милость'	**šwed-*	'оставаться'
**reč-*	'мыть'	**šwer-*	'уставать'
**t'q'aw-*	'шкура'	**ǯwar-*	'кол'
		**leγw-*	'инжир'

[1] Гармоничными комплексами децессивного ряда являются двухэлементные комплексы согласных с начальной смычной и последующим гомогенным заднеязычным смычным или спирантом (*Ахеледиани 1949: 107 и след.*):

bγ	*dγ*
px	*tx*
p'q'	*t'q'*

**ĉ'w-* 'жечь' (груз. *3 л. ед. ч. наст. вр. c'w-av-s* 'жгет', мегр.-лаз. *do--b-ĉ'v-i* 'я сжег', сван. *a-ĉ'-i* 'печет');

**ŝw-* 'пить' (груз. *3 л. ед. ч. наст. вр. sw-am-s*, мегр. *šu-n-s*, сван. *прош. вр. x-ō-šw-a)*;

**tx-* 'искать', 'просить' (груз. *3 л. ед. ч. s-tx-ov-s* 'просит', мегр. *tx-u-al-a* 'просьба', сван. *3 л. ед. ч. x-e-tx-ēl-i* 'ищет')[1].

Отмеченная структурно-дистрибутивная особенность гармоничных комплексов, а также сочетаний согласных с лабиальным элементом позволяет интерпретировать их исторически в качестве монофонематических единиц системы. Дистрибутивная идентичность этих комплексов в структуре корня с единичными согласными фонемами и сонантами обусловлена исторически их функциональной идентичностью в парадигматической системе. Это должны были быть единичные согласные, занимавшие в структуре корня место, отводимое единичному согласному или сонантическому элементу. Монофонематическая интерпретация таких комплексов согласных дает возможность внутренне реконструировать сложную систему пракартвельского консонантизма, включавшую в себя, наряду с консонантными фонемами, непосредственно отраженными единичными согласными в исторических картвельских языках (см. выше, *Табл. 21, стр. 136*), дополнительные ряды согласных с особыми фонологическими признаками, утерянными в дальнейшем при расщеплении соответствующих фонем еще на позднекартвельском уровне и элиминации этих рядов. В частности, гармоничные комплексы децессивного ряда можно интерпретировать как унитарные консонантные фонемы с некоторым фонологически релевантным признаком веляризации, который при расщеплении соответствующих фонем дает заднеязычные смычные или спиранты.

Аналогично этому, комплексы типа $C+w$ следует рассматривать для раннего общекартвельского уровня как лабиализованные согласные, претерпевшие в дальнейшем фонемное расщепление и превращение в бифонемный комплекс Cw (то есть согласный плюс сонант w). Такое развитие, предполагаемое для пракартвельских лабиализованных, можно сопоставить с аналогичным развитием постулируемых лабиализованных фонем в индоевропейском (см. выше, стр. 86 и след.).

Такая сложная система консонантизма, предполагаемая для пракартвельского языка на основе внутренней реконструкции, сближает пракартвельскую систему с богатым консонантизмом западнокавказского языкового ареала (абхазско-адыгская система).

[1] Особый тип корня представляют в картвельском немногочисленные основы с начальным **ŝ-/*s-*, являющимся, по-видимому, древним префиксальным элементом:
**ŝ-tagw-* (груз. *tagv-i*, лаз. *mtug-i*, сван. *šdugw* 'мышь');
**ŝ-taw-* (груз. *tav-i* 'голова', лаз. *ti* '*id.*', сван. *šda* 'колос');
**ŝ-txar-* (груз. *txar-* 'копать', сван. *čot-štxar* 'выкопал');
**s-tw-* (груз. *stvel-i*, лаз. *stvel-i* 'сбор винограда').
Такие картвельские формы могут быть сопоставлены с индоевропейскими формами с "префиксальным" **ŝ-/*s-*, ср. выше, стр. 119 и след.

3.3. ТИПЫ РЕДУПЛИКАЦИИ КОРНЯ В КАРТВЕЛЬСКОМ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ РЕДУПЛИКАЦИЕЙ

Расщепление таких фонемных рядов согласных в позднеобщекартвельском приводит к образованию консонантной системы, а также системы сонантов, приближающейся к позднеобщеиндоевропейскому структурному типу, разобранному выше.

Немногочисленная группа именных основ в общекартвельском обнаруживает структуру с редупликацией и озвончением корневого сибилянта типа *zi—s-*, *ǯi—č'-* (со слоговым [i] после начальной согласной, *Гамкрелидзе / Мачавариани 1965 : 317*):
**zisxl̥-* 'кровь' (груз. *sisxl-*, мегр. *zisxir-*, лаз. *dicxir-*, сван. *zisx*)[1];
**ǯi*[l]*n*[l]*č'wel-* 'муравей' (груз. *ǯinč'vel-*, лаз. *dimč'k'u*, мегр. *č'k'ič'k'it'ia*)[2];
ǯi*[l]*n*[l]*č'ar-*/ǯi*[l]*n*[l]*č'ɣ-* 'крапива' (груз. *ǯinč'ar-*, лаз. *dič'k'iǯ-*)[3].

Постулирование редуплицированных основ в общекартвельском, явные следы которых проявляются в рассмотренных выше формах, позволяет видеть в некоторых общекартвельских именных образованиях, показывающих несоответствие с правилом I (о несовместимости в одном корне двух фонем одного локального ряда), редуплицированные основы аналогичного структурного типа с собственно гласной *V* после начальной озвонченной согласной:
ǯeĉxl̥-* 'огонь' (груз. *cecxl-*, мегр. *dačxir-*, лаз. *dačxur- // dačxir-*); корень **ĉex-*/ĉx-*, ср. груз. *cx-el-i* 'горячий', сван. *šix* 'угли'; *3 л. ед. ч. ä-šix* 'сжег', *ä-šx-i* 'сжигает', груз. *si-cx-e* 'жара', мегр. *čx-e* 'горячий': к семантике редупликации ср. ст.-слав. *popelŭ* 'зола', 'пепел', см. выше, стр. 220, 222; ср. также скуомиш *i̯i*[l]*ʔuλ* < **i̯ə*[l]*-i̯əu̯λ* 'огонь' (корень *i̯uλ-* 'гореть', *Kuipers 1967: 107*)[4];

[1] Такая структурная интерпретация общекартвельского слова для 'крови' **zisxl̥-* позволяет выделить первичную основу **-sxl̥-*, проявляющую формальное сходство с общеиндоевропейским словом 'кровь' **esH-ɣ*.
К типологии редупликации слова 'кровь' ср. тип образования в америндейском языке скуомиш, сэлишская группа : *s-ca*[l]*-ci*[l]*ʔn* 'кровь' *(Kuipers 1967 : 105)*.

[2] Интересно сопоставление картвельского редуплицированного названия 'муравья' с индоевропейской редупликацией в слове 'муравей', характеризуемой как "визуальная ономатопоэя" (см. выше, стр. 222). Ср. типологически редуплицированную форму названия 'муравья' в скуомиш *c'ə-c'mi*[l]*čn*, *Kuipers 1967:107*.

[3] Экспрессивная редупликация в слове для 'крапивы' характерна и для некоторых индоевропейских диалектов, что указывает на некоторую общность в способах выражения данной семантемы. Индоевропейский корень **not'-*/**n̥t'-* 'крапива' (греч. *ἀδίκη*, др.-исл. *nǫtr* 'крапива', др.-в.-нем. *nezzila*, нем. *Nessel*, др.-англ. *nętele*, англ. *nettle* и др.) выступает и в редуплицированном виде: кельт. **ninati-*, ср.-ирл. *nenaid*, ср.-валл. *dynad*, брет. *linad* 'крапива' *(Льюис/Педерсен 1954 : 194)*.

[4] Обнаружение редуплицированных форм в названиях 'огня', что может быть типологически охарактеризовано как "визуальная ономатопоэя", характеризующая специфические семантемы, позволяет видеть в индоевропейском названии 'огня' (др.-инд. *agní-* 'огонь', 'Бог огня', лат. *ignis*, лит. *ugnis*, латыш. *uguns*, ст.-слав. *ognĭ*) форму с редуплицированной основой **n̥-k'n-i-*, с закономерным отражением слогового **n̥* по диалектам: др.-инд. *a-*, лат. **in-*>*i-*, балт.**un-*>*u-* (с диссимилятивной утерей элемента *-n-*), слав. **ę-*(=**eN-*) (также с вероятной диссимилятивной

**ʒeʒw-* 'колючник' (груз. *ʒeʒv-i*, лаз. *danʒ-i*);
**ʒasxw-* 'липа' (груз. *casxv-i*, лаз. *ducxu*, сван. *zesxra*) *(Гудава 1964: 497 и след.)*;
**žašw-* 'дрозд' (груз. *šašv-i*, мегр. *zeskv-i*, лаз. *lm]zesk'u*);
**ǯač'w-* 'цепь' (груз. *ǯač'v-i*, мегр. *ǯec'k'v-i*) *(Гигинейшвили 1965)*;

На том же основании к этому структурному типу с редупликацией можно отнести общекартвельскую основу **daštw-* 'медведь' (груз. *datv-i*, мегр. *tunt-i*, чан. *mtut-i*, сван. *däšdw*)[1].

Редуплицированный характер этой основы можно видеть также в фонеме **ŝ* в позиции перед **t*, которая представлена, как правило, в начале корня в качестве префиксального элемента. Такая редупликация может быть сопоставлена с индоевропейской редупликацией типа *C—sC-* от корня с начальным *s-* (ср. др.-инд. *tíṣṭhati*, см. выше, стр. 220). К типологии редупликации в названии 'медведя' ср. скуомиш *si?-sinλ'* 'медведь' *(Kuipers 1967 : 107)*, шусвоп *kəknm-elp* 'медведь' (корень *knm-*, *ср. Kuipers 1974 : 208)*.

Особым видом редупликации в картвельском, представленным довольно слабо по диалектам, но архаичным по структурному типу, является полная редупликация корня с аблаутными чередованиями.

От корня **bar-/*br-* 'вращаться' (ср. груз. *br-un-av-s* 'вращается') образуется редуплицированная именная основа **bṛ-bar-* 'колесо' с нулевой ступенью первого компонента основы и с полной ступенью второго компонента : груз. *borbal-* 'колесо'.

В этом отношении любопытно семантическое сопоставление этих картвельских форм с индоевропейским словом для 'колеса', образованным путем редупликации от корня **k[h]oel-* 'вращать': **k[h]oek[h]o l-o-* (см. выше, стр. 220).

Формально этот тип редупликации сопоставим с индоевропейским полным усилительным удвоением с различием лишь в распределении ступеней аблаута : нулевая ступень в редуплицированной морфеме~полная ступень в корневой морфеме в картвельском при их обратном распределении (возможно, связанном с постановкой ударения на первом слоге редуплицированной основы) в индоевропейском.

Картвельская редупликация обнаруживает сходство с индоевропейским типом и в отношении вокалического элемента, выступающего после

утерей носового и измененнем гласного), *ср. Hamp 1970c : 77; Szemerényi 1977b: 30*. Такое и.-е. **n-k'n-i-* может, в конечном счете, восходить к праформе **k'n-k'n-i-* с полной редупликацией корня и последующей диссимилятивной утерей начального консонантного элемента.

[1] В таких "редуплицированных" основах наблюдается децессивный комплекс согласных или лабиальный комплекс в качестве неначального элемента основы. Для более раннего периода интерпретация подобных сочетаний согласных в качестве монофонематических единиц, представлявших на раннеобщекартвельском уровне особые ряды велярнзованных и лабиализованных согласных, могла бы объяснить очевидное нарушение в этих основах правила о несочетаемости в пределах корня двух фонем одного локального ряда. Характерно, что в общекартвельских основах такой комплекс не может выступать дважды в пределах одного корня.

начального согласного корня. Специфику картвельской редупликации составляет лишь озвончение начального согласного элемента, что не находит аналогии в индоевропейском типе редупликации.

3.4. МЕХАНИЗМ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ В КАРТВЕЛЬСКОМ И ДВА АБЛАУТНЫХ СОСТОЯНИЯ СОПРЯЖЕННЫХ ОСНОВ

Каждая общекартвельская морфема при линейном сочетании с словообразовательными или формообразовательными элементами выступает в одном из аблаутных вариантов, представляющих различные ее алломорфы. Аблаутные чередования гласных в таких основах являют собой одну из основных морфонологических характеристик картвельского слова. Морфема может манифестироваться в зависимости от морфонологического типа образования как в форме с гласной, так и без гласной. Соответственно различаются морфемные варианты (алломорфы) в полной и нулевой ступенях огласовки.

Полная огласовка морфемы включает в себя нормальную ступень, то есть ступень аблаута с морфемным вариантом с краткой гласной, и ступень растяжения, то есть ступень аблаута с морфемным вариантом с долгой гласной. Наряду с нулевой ступенью различается ступень редукции, характеризующаяся огласовкой *i* (результат операции перегласовки нормальной ступени *e* → *i*).

Отмеченные выше аблаутные ступени находят полную аналогию в индоевропейских ступенях аблаута за исключением ступени редукции, которая в картвельском, в отличие от индоевропейского, характеризуется функциональной значимостью[1].

Картвельские аблаутные ступени морфем, обусловливающие алломорфные чередования в пределах единой парадигмы (флексионной или деривационной), определяются в основном синтагматическими правилами линейной сочетаемости морфем.

При присоединении к корню последующего морфемного элемента в полной ступени корневая морфема из полной ступени переходит в нулевую ступень, редуцированную ступень или в ступень растяжения в зависимости от морфонологического типа образования. Такие аблаутные переходы в определенной морфемной последовательности определяются в соответствии с "принципом моновокализма" картвельской словоформы, в кото-

[1] В этом плане представляют, однако, интерес редкие случаи перегласовки *e→*i, наблюдаемые в отдельных индоевропейских формах типа др.-инд. simá- 'сам' при sama- 'какой-нибудь'; 'тот самый'; др.-инд. *sinam* 'снабжение' при и.-е. **senH-*, др.-инд. sanóti 'приобретает', *прич. пр. вр. sātá-* (в которых исключается происхождение такого i в древнеиндийском из редуцированного гласного Гюнтерта, *schwa secundum*, отражаемого в индийском как *a*), могущие быть истолкованы как остатки особой ступени аблаута (ср. о *sima- Wackernagel/Debrunner 1930, III: 578; Kuiper 1946*; ср. там же о формах типа *śikvan-* 'способный', 'умный', *śākvan-*, а также *śiras-*, *kirāti* с не вполне ясным по происхождению i, *Kuiper 1947: 199; Polomé 1965: 29, прим. 126)*; ср. также *Мельничук 1979 : 5 и след.*

рой в нормальной ступени огласовки должна быть представлена лишь одна морфема (корневая или аффиксальная):

Аблаутные варианты простой (одноморфемной) основы

Нормальная ступень	Нулевая ступень
**t'ep-* 'нагреваться' (груз. *1 л. ед. ч. аор.* [*gan*]-*v-t'ep*)	**t'p-* (груз. *3 л. аор. gan-t'p-a*; *t'p-il-i* 'теплый'; лаз. *3 л. аор. go-t'ub-u*)
**dew-* 'класть' (груз. *1 л. ед. ч. аор. da-v-dev*)	**dw-* (груз. *3 л. аор. da-dv-a*, лаз. *1 л. do-b-dv-i*)
**č'er-* 'резать' (груз. *1 л. ед. ч. аор. da-v-č'er*)	**č'r-* (груз. *3 л. da-č'r-a*; мегр. *3 л. do-č'k'ir-u*, лаз. *do-č'k'or-u*)
**šwer-* 'высыхать', 'уставать' (груз. *1 л. ед. ч. аор. da-v-šwer*)	**šur-* (груз. *3 л. da-šwr-a*; лаз. *meškur-u* 'потухло', мегр. *go-škir-u* 'высохло')

Ступень редукции

**qed-*: **qid-* 'приносить' (сван. *3 л. ед. ч. аор. an-qid*)
**pen-*: **pin-* 'стлать' (груз. *1 л. ед. ч. аор. v-pin-e*, мегр. *3 л. go-pin-u*)
**ʒen-*: **ʒin-* 'лежать', 'спать' (лаз. *3 л. ед. ч. наст. вр. ǯan-s*, мегр. *ǯan-u-*[*n*] 'лежит', груз. *1 л. ед. ч. наст. вр. m-ʒin-av-s* 'сплю', лаз. *di-ǯin-u* 'он лег спать')

Ступень растяжения

*Перегласовка Ø : *ā*
*наст. вр. *-tl-ej* 'строгать' (груз. *1 л. ед. ч. v-tl-i*): *аор. *-tāl-e* (груз. *1 л. ед. ч. v-tal-e*; мегр. *1 л. ед. ч. go-v-tol-i*);
*Перегласовка *e : *ē*
*наст. вр. *-ber* 'дуть', 'надувать' (груз. *1 л. ед. ч. v-ber-*[*av*]): *аор. *-bēr-e* (груз. *1 л. ед. ч. v-ber-e*, сван. *3 л. ед. ч.* [*čw*]-*ad-bēl-e*; мегр. *3 л. ед. ч. du-u-bar-u*).

Рассмотренные типы аблаута должны были характеризовать в общекартвельской системе в принципе любую глагольную основу структуры *C°VC°-*. В зависимости от парадигматического типа образования выступала одна из возможных аблаутных моделей. В исторических картвельских языках лишь в немногих глагольных основах можно обнаружить некоторые из этих аблаутных моделей, притом распределенных по отдельным языкам. В большинстве же случаев каждая конкретная глагольная основа показывает в исторических языках одну из возможных общекартвельских аблаутных типов образования, тогда как остальные типы были, очевидно, утеряны в процессе развития и преобразования исторических языков.

Особый тип аблаутных структур в картвельском представляет сочетание корня с деривационным суффиксом, при котором возникает так называемая сопряженная основа, характеризующаяся двумя аблаутными состояниями:

Состояние I: корневая морфема в нормальной ступени, суффиксальная морфема в нулевой ступени огласовки;

Состояние II: суффиксальная морфема в нормальной ступени, корневая морфема в нулевой ступени огласовки;

Основа I (непереходные глаголы)	Основа II (переходные глаголы)
**der-k'-* 'сгибаться'	**dr-ek'-* 'сгибать'
**šer-t'-* 'гаснуть'	**šr-et'-* 'гасить'
**k'er-b-* 'собираться'	**k'r-eb-* 'собирать'

Аналогичные структурные отношения обнаруживают также двуморфемные именные основы, характеризующиеся теми же аблаутными состояниями:

Основа I	Основа II
**k'wen-ŗ-* 'куница'	**ǯm-ar-* 'уксус'
**ĵaγ-ļ-* 'собака'	**cm-el-* 'жир'
**ŝax-ļ-* 'дом'	**km-ar-* 'муж'

Но если одна и та же глагольная основа может предстать в зависимости от морфологического типа образования в обоих аблаутных состояниях, то именная основа всегда фиксирована в одном из возможных состояний, без характерного для глагольных основ чередования этих состояний. Этим аблаутная структура именной основы принципиально отличается от основы глагольной. Такие именные структуры, "застывшие" в одном из аблаутных состояний, представляют, очевидно, остатки древних общекартвельских чередующихся моделей, внутри каждой из которых сохранился лишь один из аблаутных вариантов[1].

Присоединение к основе (в Состояниях I или II) полногласной суффиксальной морфемы обусловливает замену ее соответственно вариантом в нулевой ступени или ступени редукции согласно морфонологическому правилу недопустимости в многоморфемной последовательности более од-

[1] Аттила (*Anttila 1969 : 177*) сопоставляет такое распределение аблаутных моделей соответственно в глагольных и именных основах в картвельском с реконструируемым положением в индоевропейском, в котором наличие двух чередующихся аблаутных состояний усматривается им в древних именных основах в противовес архаичным глагольным основам, представленным лишь в одном из аблаутных состояний. Проведенный выше анализ индоевропейских глагольных основ доказывает архаичность подобного типа аблаутных чередований и в глагольных основах, см. выше, стр. 225 и след. Тем самым картвельские и индоевропейские модели глагольных форм оказываются структурно идентичными, при разрушении в позднекартвельском подобного механизма аблаутных чередований в именных основах.

ной морфемы в нормальной ступени огласовки — "принцип моновокализма" (ср. следы действия принципа моновокализма в индоевропейском):

Состояние I	Состояние II
**der-k'-→*dr̥-k'-a*	**dr-ek'-→*dr-ik'-e*
**šer-t'-→*šr̥-t'-a*	**šr-et'-→*šr-it'-e*
**k'er-b-→*k'r̥-b-a*	**k'r-eb-→*k'r-ib-e*

При сопоставлении реконструированных таким путем картвельских аблаутных моделей с индоевропейскими, разобранными выше, бросается в глаза прежде всего разительное сходство в аблаутном поведении двуморфемных глагольных и именных основ или основ с *Schwebeablaut*'ом. Картвельская аблаутная модель в этом отношении полностью совпадает с так называемыми биномами Бенвениста, функционирование которых следует отнести к позднему периоду истории общеиндоевропейского языка, соотносимому с эпохой перед его распадом на отдельные диалекты (ср. выше, стр. 225 и след.).

3.5. СИСТЕМА СОНАНТОВ В КАРТВЕЛЬСКОМ В ЕЕ СОПОСТАВЛЕНИИ С ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ СОНАНТАМИ. ВАРИАТИВНОСТЬ СОНАНТОВ В КАРТВЕЛЬСКОМ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ. «ЛАРИНГАЛЬНЫЕ» ФОНЕМЫ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ФОНЕМНОЙ СИСТЕМЫ

Аблаутные чередования в индоевропейском и в картвельском соотносимы вплоть до их сходства на фонологическом уровне ввиду существования в картвельском, как и в индоевропейском, особого класса фонем — так называемых сонантов, проявляющихся в виде различных вариантов — слоговых и неслоговых — в зависимости от аблаутных чередований.

Система сонантов в картвельском, как и в индоевропейском, включает фонемы */*r *l *m *n *w *j/*, каждая из которых проявляется в виде неслоговых [**r *l *m *n *w *j*] и слоговых [**r̥ *l̥ *m̥ *n̥ *u *i*] вариантов в зависимости от занимаемой сонантом позиции в слове.

Слоговые элементы определялись позициями:

\#—*C*, *C*—*C*, *C*—\#

Неслоговые элементы определялись позициями:

\#—*V*, *V*—*C*, *V*—\#, *V*—*V*, *VC*—*V*

При аблаутных чередованиях, выражающихся в проявлении определенной морфемы в нормальной или нулевой ступенях огласовки, сонантические фонемы манифестировались в зависимости от окружения то в виде слоговых, то в виде неслоговых аллофонов. Аблаутные чередования вызывают чередования слоговых и неслоговых аллофонов сонантов. Такой механизм чередования полностью соответствует структуре, реконструируемой для определенного этапа в развитии общеиндоевропейского языка (см. выше, стр. 195 и след.).

Сходство с индоевропейской системой сонантов в картвельском распространяется и на механизм чередования самих сонантов, на вариабель-

ность сонантических фонем, с чем в картвельском, как отчасти и в индоевропейском, увязывается функциональная значимость, являющаяся, возможно, результатом морфологизации подобных чередований (*Deeters 1958: 14 и след.; ср. Абаев 1973а*):

Чередование $n \sim r$:

**qan-* 'пахать' (груз. *mo-v-qan* 'я вспахал', мегр. *do-b-xon-i*, сван. *o-qan*)	**qar-* 'бык' (груз. *qar-i*, мегр. *xoǯ-i*)
**zman-* 'сниться', 'казаться' (груз. *me-zman-ebis* 'мне кажется')	**-zmar-* 'сновидение' (груз. *si-zmar-i*, лаз. *i-zmoǯ-e*)

Чередование $n \sim l$:

**ǯin-* 'спать' (груз. *m-ǯin-av-s* 'сплю', лаз. *di-ǯin-u* 'лег', ср. лаз. *ǯan-s*, мегр. *ǯan-u*[l]*n*[1] 'лежит')	**ǯil-* 'сон' (груз. *ǯil-i*, лаз. *ǯir-i*)

Такие чередования в картвельском (глагольная основа *-n-*: именная основа *-r/l-*) могут быть типологически сопоставлены с индоевропейскими чередованиями сонантов типа др.-инд. *ukṣán-* 'бык', 'самец': лат. *uxor* 'супруга'; лат. *dominus* 'господин': греч. δάμαρ 'супруга'; греч. ὄπνος 'сон, сновидение', др.-инд. *svápnaḥ* 'сон': хет. *šuppariia-* 'спать', греч. ὄπαρ 'наяву' и др. (ср. выше, стр. 196).

В отличие от индоевропейской системы сонантов, к которой примыкают и "ларингальные" фонемы с их слоговыми и неслоговыми аллофонами, картвельская система сонантов включает в себя только собственно сонорные и полугласные — глайды, при отсутствии фонем, могущих быть типологически сопоставленными с индоевропейскими "ларингальными" по их месту в парадигматической сонантической системе и по их взаимодействию с вокалическими фонемами. "Ларингальные" в индоевропейском сближают индоевропейскую языковую систему скорее с семитской и некоторыми северокавказскими системами.

Структурно-типологическое сопоставление в динамике общеиндоевропейской языковой системы с общекартвельской позволяет сделать вывод о возрастании структурного сходства между этими системами по мере их развития и приближения к состоянию, непосредственно предшествовавшему их распаду на отдельные диалекты. В этом смысле характерно и падение особых "ларингальных" фонем в индоевропейском, которые определяли существенное отличие фонологической системы картвельского и индоевропейского языков. Преобразование индоевропейской и картвельской систем осуществлялось в направлении сближения их языковых структур, приведшего в результате к формированию столь далеко идущего изоморфизма морфонологических систем, который, очевидно, исключает возможность независимого развития в типологически сходном направлении и свидетельствует скорее о возможных исторических контактах (*ср. Gamkrelidze 1966; Гамкрелидзе 1971 : 34 и след.*; об этом подробнее — ниже).

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ КАК ЯЗЫК АКТИВНОЙ ТИПОЛОГИИ

1. "БИНАРИЗМ" ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ. БИНАРНАЯ СТРУКТУРА ИМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ

*1.1. ОБРАЗОВАНИЯ ГЕНИТИВА НА *-os И *-ōt В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И ИХ СООТНЕСЕНИЕ С БИНАРНОЙ КЛАССИФИКАЦИЕЙ ИМЕН: АКТИВ ~ ИНАКТИВ*

При исследовании древнейшей системы индоевропейских грамматических категорий (флексионных и деривационных) нетрудно установить явные черты бинаризма, пронизывающего всю индоевропейскую языковую систему, как грамматическую, так и лексико-семантическую.

Бинаризм этот проявляется как в наличии дублетных форм в лексико-грамматической системе, так и в бинарных противопоставлениях в плане содержания общеиндоевропейского языка.

Наличие параллельных рядов флексионных показателей особенно наглядно проявляется в системе именного склонения. В частности, древнейшие показатели индоевропейского генитива могут быть реконструированы в виде некоторых дублетных форм как в единственном, так и во множественном числе.

Окончание генитива **-os* (**-es*) реконструируется для общеиндоевропейского состояния на основании сопоставления форм типа греч. ποδός (*род. пад.* от πούς, πώς 'нога'), др.-инд. *pad-ás (род. пад.)* 'нога', лат. *pedis* (*род. пад.* от *pēs*), хет. *nepiš-aš*, *род. пад.* от *nepiš* 'небо' и др.

Окончание **-os* в индоевропейском следует предположить и для форм множественного числа на основании данных хеттского языка, в котором окончание *-aš* может выражать родительный падеж как единственного, так и множественного числа: хет. *род. пад. ud-dan-aš* (от *uddar* 'слово'), *ед. ч.* и *мн. ч. (Friedrich 1960)*.

Таким образом, окончание **-os* в индоевропейском выражает как граммему родительного падежа в сочетании с граммемой единственного числа, так и граммему родительного падежа в сочетании с граммемой множественности.

Наряду и параллельно с морфемой родительного падежа **-os* в индоевропейском выделяется морфема **-ōt*, выступающая в аналогичной функции, в качестве форманта родительного падежа в единственном и во множественном числе:

Родительный падеж единственного числа: хет. *antuḫš-an* (KUB XXIII 77, 51) 'человека', LÚ*Labarnan* 'Царя-Лабарны' IBoT I 30, 3; LUGAL-*an* 'царя', LÚKÚR-*an* 'врага', GÌR-*an* 'ноги́' (*Friedrich 1960; Laroche 1965a : 33—41*).

Родительный падеж множественного числа: лат. *ped-um* < **ped-ŏm* 'ног', *dentum* 'зубов', *hominum* 'людей', *nominum* 'имен'[1], ст.-слав. *imenй*, *materй* (ср. лат. *matrum*), *nebesй*, *synovй*, хет. *pa-ta-a-na* 'ног' (*pa-tan-* + *-a* 'и', 114/d I, 19, чередуется с GÌR$^{ḪI.A}$-*na* в параллельном тексте 256/e I, 5, *Friedrich 1952 : 165*), *Laroche 1965a : 36 и след.*; хет. *ú-it-ta-an-na* 'лет' (*ụittan-a*) в контексте *ú-it-ta-an-na ku-ut-ri-eš-mi-it* NU.GÀL 'и лет краткость моя отсутствует', ритуал KUB XXIX 1 Vs. I 22; др.-хет. DUMU^{MEŠ}-*an* (*Otten/Souček 1969 : II 16, 65*). В некоторых случаях в хеттском не ясно, представляет ли окончание *-an* форму единственного или множественного числа, ср. др.-хет. *šiunan antuḫša-* (документ Телепину, 2BoTU 23 A II 32) 'человек богов' или 'бога', 'божий человек', *Laroche 1969*; др.-хет. I(*ka*)*-a-ša-ta-aš-ma-aš-kán ut-ni-ịa-an-da-an la-a-lu-uš da-a-aḫ-ḫu-un* "смотри! Я взяла у вас дурные речи населения" (*Otten/Souček 1969*, Vs. I 11′, 18—19; Оттен и Соучек понимают как *Gen. Pl.*, там же, 65, 126).

Наряду с окончанием *род. пад. ед.* и *мн. ч.* **-om*[2] совершенно недвусмысленно восстанавливается окончание **-ōm* с долгим *ō* (греч. λεῦ-ῶν, др.-инд. *pad-ā́m* 'ног', лит. *vilkų̄* 'волков'), которое можно свести к тому же окончанию родительного падежа **-ŏm*, осложненному показателем множественности **-s*, выступающим и в других формах (ср. окончание *вин. пад. ед. ч.* **-om*, *вин. пад. мн. ч.* **-om-s*, *локатив ед. ч.* **-i*, *мн. ч.* **-si*). Долгое *ō* возникает под влиянием конечного *-s* в позиции после сонанта: **-om* + **-s*→**-ōm* (ср. выше, стр. 184).

След такого **-s* можно было бы видеть в хеттском окончании родительного падежа множественного числа *-enz*-[a]*n*], выступающем в прономинальных основах: *apenzan* 'этих', *šumenzan* 'ваших' и др. Это же окончание возможно видеть и в форме *nepišanza*, точная интерпретация которой не

[1] Окончание *-om в функции генитива единственного числа проявляется и в латинских прономинальных формах *nostrum* 'наш', *uestrum* 'ваш', которые противопоставлены формам генитива *nostri* 'наш', *uestri* 'ваш', выражающим дистрибутивность: *pars nostri* 'наша часть' в отличие от *pars nostrum* 'часть каждого из нас' (ср. *Minus habeo virium, quam vestrum utervis* 'я имею меньше сил, чем каждый из вас (обоих)', Cic. Sen. 32, *Соболевский 1939*: §§ *507, 508*). Такое употребление элемента *-om указывает на недифференцированность морфемы генитива в отношении числа. Она употребляется в функции как единственного, так и множественного числа. О первоначальной недифференцированности генитива *-om>лат. -um в индоевропейском ср. также *Sommer 1914 : 412; Knobloch 1954/1955 : 255; 1958 : 236—239*.

[2] Отражение такой падежной формы на *-om видят и в *$k^{[ḫ]}$°$et^{[ḫ]}ur$-*om* 'четыре', *род. пад.*; ср. форму ст.-слав. *род. пад. četyrй* <*$k^{[ḫ]}$°$et^{[ḫ]}$*ūrom* в Мариинском Евангелии (*Марк 13, 27; Матфей, 24, 31; Лука 2, 37*), а также и в Зографском Евангелии и в Супрасльской рукописи: *Супрун 1961: 50; 1969: 122*, где делается вывод, что эта форма и была древнейшей.

жена до сих пор[1]; ср. также лув. *-nzan* как окончание *род. пад. мн. ч.* (*Laroche 1959a: 137, § 27*) при возможном окончании *-nz-aš*.

Возникновение такого форманта *род. пад. мн. ч.* *-*om-s* и дифференциацию форм единственного и множественного числа следует отнести к более позднему периоду — эпохе оформления в системе индоевропейского склонения особых форм множественного числа, противопоставления родительного единственного числа и родительного множественного числа. Появление форманта *род. пад. мн. ч.* *-*om-s*>*-*ōm* вызывает перераспределение в системе морфем родительного падежа и дифференциацию показателей родительного падежа в зависимости от граммемы числа:

Первичные противопоставления

Род. пад. ед./мн. ч.	*Род. пад. ед./мн. ч.*
*-*os*	*-*om*

Реконструируемые для древнейшего состояния индоевропейской именной парадигмы два параллельных показателя родительного падежа, не дифференцированных по категории числа: *-*os*/*-*om*, в исторических индоевропейских языках наилучшим образом отражены в клинописном хеттском языке, в котором формант *-aš*, наряду с *-an*, образует формы родительного падежа единственного и множественного числа. При этом в хеттском проводится недвусмысленное противопоставление этих формантов в том отношении, что *-an* выступает в качестве форманта родительного падежа только лишь в именных образованиях так называемого общего рода. Хотя примеры форм на *-an* в хеттском ограничены, но можно с полным основанием утверждать, что родительный падеж на *-an* не характерен для именных образований среднего рода, тогда как окончание *-aš* представлено в формах как среднего, так и общего рода.

Такое распределение указанных формантов в историческом хеттском языке отражает, очевидно, первоначальную соотнесенность этих формантов с именами определенных грамматических классов: формант *-an* соотносился с общим родом, то есть с классом одушевленных имен, тогда как *-aš* соотносилось, по-видимому, исключительно со средним родом, то есть с классом неодушевленных имен.

В дальнейшем окончание *-aš* проникает и в класс одушевленных имен (имена общего рода), чем и стирается первоначальная грамматическая соотнесенность окончаний родительного падежа *-aš* и *-an* (последнее в качестве пережиточных архаических форм все еще сохраняет и в письменной истории хеттского связь исключительно с именами общего рода).

Семантика пережиточно представленного в хеттском окончания родительного падежа *-aš* и *-an* отражает, очевидно, древнейшее общеиндоевропейское состояние, когда подобные морфологические дублеты *-*os* ‖ *-*om* характеризовались различными семантическими функциями. Судя по дан-

[1] *z* в этих хеттских формах, вместо ожидаемого *š*, объясняется озвончением *s* в позиции после сонорного *n*, ср. *daganzipa-* < **dagan-*+*-šepa-* 'Дух Земли'.

ным древнехеттского языка, окончание *-*os* следует реконструировать в качестве форманта генитива (единственного ~ множественного числа) имен неодушевленного класса в отличие от окончания *-*om*, постулируемого в качестве форманта генитива (единственного~множественного числа) имен одушевленного класса. Тем самым древнейшему индоевропейскому состоянию можно приписать строгое формальное разграничение выражения морфологических категорий (в частности генитивных отношений) в зависимости от противопоставления (классификации) имен по признаку одушевленности ~ неодушевленности.

В исторических индоевропейских диалектах происходит полное перераспределение первоначальных индоевропейских формантов генитива. Возникновение показателя генитива собственно множественного числа *-*ōm* < *-*om-s* нарушает симметричность отношений между первичными формантами и приводит к вытеснению форманта *-*om* в качестве показателя генитива. Показатель *-*ōm* в таких системах, например, в греческом и древнеиндийском, занимает место форманта родительного падежа множественного числа при форме единственного числа, выражаемой окончанием *-*os*.

Такое *-*os* в качестве генитива единственного числа, очевидно, совпадает с *-*os* имен активного класса[1]. С целью дифференциации этих окончаний возникает осложненное окончание *род. п.* *-*osi̯o* (по-видимому, первичное окончание -*os* + энклитический элемент местоименного происхождения, ср. хет. -*i̯a*- 'и', тох. А *yo* 'и' и и.-е. относительное местоимение **i̯o*- 'который', ср. типологически и.-е. **k*[*h*]°*e* 'и' и **k*[*h*]°*i-s* 'который'): др.-инд. *vṛ́kasya*, *род. п.* от *vṛ́kaḥ* 'волк' (ср. др.-перс. *kāra-hyā*, *род. п.* от *kāra*- 'войско'), греч. λύκοιο, *род. п.* от λύκος 'волк', арм. *gayloy*, *род. п.* от *gayl* 'волк'[2].

Перераспределению первоначальных показателей генитива содействовали в большой степени также разрушение бинарной системы индоевропейских именных классов и переход отдельных именных форм из одного класса в другой, что привело к наблюдаемой в исторических индоевропейских диалектах пестрой картине образования генитивных форм, обусловленных структурным типом именных основ. В результате подобного перераспределения форм в отдельных диалектах по различным именным парадигмам распределяются форманты генитива, соотносившиеся первоначально с

[1] Такое состояние индоевропейской именной парадигмы наилучшим образом сохраняется в хеттском, в котором формы именительного и родительного падежей не различаются по составу сегментных фонем, ср. *им. пад. attaš* 'отец', *род. пад. attaš*, *им. пад. annaš* 'мать', *род. п. annaš* и др.

[2] *Knobloch 1965 : 155—156* указывает на возможность интерпретации и.-е. **u̯l̥k*[*h*]°*o-s-i̯o u̯ōk*[*h*]°*s* 'волчья речь' как аналога кабард. *ade-m jɪ hune*, т. е. как структуры "определяющее имя + падежный показатель + посессивный показатель + определяемое имя", в связи с чем автор связывает -*i̯o* в этой конструкции с посессивным -*i̯o* в балт.-слав. **mo-i̯o*, **t*[*h*]*u̯o-i̯o*, **su̯o-i̯o* и с более древним значением *-*i̯o* как соединительного синтаксического элемента, из которого объясняется позднейшее его употребление в функции относительного местоимения, *Gonda 1954; ср. Knobloch 1951.*

именной классификацией. Соотнесенность с именными классами стирается, и эти форманты становятся чисто парадигматическими элементами, проявляемыми по-разному в зависимости от структурного типа именного склонения.

*1.2. ПОКАЗАТЕЛИ НОМИНАТИВА *-os И АККУЗАТИВА *-om КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ СООТВЕТСТВЕННО АКТИВНОГО И ИНАКТИВНОГО КЛАССОВ ИМЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ*

Первоначальные индоевропейские окончания генитива **-os* и **-om* совпадают в плане выражения соответственно с окончанием номинатива **-os* и аккузатива **-om*. При этом совпадение здесь не только формальное, но в некотором смысле и функциональное, поскольку в отношении формантов именительного и винительного падежей можно реконструировать для общеиндоевропейского состояния их особую соотнесенность с именной классификацией.

В традиционных реконструкциях форма именительного падежа единственного числа выражается формантами **-s* и **-os*. При этом формант **-os* считается тематическим образованием на *-o+s*:

И.-е. **-s*:

***t'ent$^{[h]}$-s** 'зуб': лат. *dēns*, греч. ὀδών, ὀδούς, др.-инд. *dán*;

***p$^{[h]}$et'-s** 'нога': лат. *pēs*, греч. πούς (πώς), др.-инд. *pā́t*;

***sont$^{[h]}$-s** 'сущий', 'истинный': лат. *-sēns* (в *ab-sēns*, *prae-sēns*), греч. ἐών, др.-инд. *sán*, хет. *ašanza*;

***b$^{[h]}$ā̆ĝ$^{[h]}$-u-s** 'рука': др.-инд. *bāhúḥ*, греч. πῆχυς;

***Hou̯i-s** 'овца': др.-инд. *ávi-*, лат. *ouis*, греч. ὄϝις; < kuj

***Hner-s** 'муж': др.-инд. *nā́*, греч. ἀνήρ, арм. *ayr*;

***t'oH-t$^{[h]}$er-s** 'дающий': др.-инд. *dātā́*, греч. δώτωρ;

***su̯esor-s** 'сестра': др.-инд. *svásar-*, лат. *soror*;

***ĝ$^{[h]}$i̯em-s** 'зима': лат. *hiems*, греч. χών;

***k̂$^{[h]}$u̯on-s** 'собака': греч. κύων, др.-инд. *śuvā́*, лит. *šuõ*;

***k'°enaH-s** 'жена': греч. γυνή, гот. *qinō*, ст.-слав. *žena*;

И.-е. **-os*:

***u̯l̥k$^{[h]}$°-os** 'волк': др.-инд. *vṛ́kaḥ*, греч. λύκος, лат. *lupus*, лит. *vil̃kas*, ст.-слав. *vlъkъ*, гот. *wulfs*;

***ek̂$^{[h]}$u̯-os** 'конь', 'лошадь': др.-инд. *áśvaḥ*, греч. ἵππος, лат. *equus*;

***t'ei̯u̯-os** 'бог': др.-инд. *deváḥ*, авест. *daēva-* 'демон', лат. *dīuus*, др.-исл. *Týr* 'бог войны', лит. *dievas* 'бог'.

Формы аккузатива от имен, имеющих номинатив на **-s* и **-os*, образуются заменой их соответственно на **-m* и **-om*:

им. п. ***t'ent$^{[h]}$-s** : *вин. п.* ***t'ent$^{[h]}$-m̥** (лат. *dentem*, греч. ὀδόντα, др.-инд. *dántam*);

им. п. ***p$^{[h]}$et'-s** : *вин. п.* ***p$^{[h]}$et'-m̥** (лат. *pedem*, греч. πόδα, др.-инд. *pádam*);

им. п. ***sont[ʰ]-s*** : *вин. п.* ***sont[ʰ]-m*** (лат. *-sentem*, греч. ἐόντα, др.-инд. *sántam*);

им. п. ***bʰāgʰu-s*** : *вин. п.* ***bʰāgʰu-m*** (др.-инд. *bāhúm*, греч. πῆχυν);

им. п. ***Hoi̯-s*** : *вин. п.* ***Hoi̯-m*** (др.-инд. *ávim*, лат. *ouim*, греч. ὄϝιν);

им. п. ***Hner-s*** : *вин. п.* ***Hner-m*** (греч. ἀνέρα);

им. п. ***t'oHtʰer-s*** : *вин. п.* ***t'oHtʰer-m*** (др.-инд. *dātáram*, греч. δωτῆρα, лат. *datorem*);

им. п. ***su̯esor-s*** : *вин. п.* ***su̯esor-m*** (др.-инд. *svásāram*);

им. п. ***ĝʰi̯em-s*** : *вин. п.* ***ĝʰi̯em-m*** (греч. χιόνα, лат. *hiemem*);

им. п. ***ḱʰu̯on-s*** : *вин. п.* ***ḱʰu̯on-m*** (др.-инд. *śvā́nam*, греч. κύνα);

им. п. ***k'ᵘenaH-s*** : *вин. п.* ***k'ᵘenaH-m*** (ст.-слав. *ženǫ*);

им. п. ***u̯lkʷo-os*** : *вин. п.* ***u̯lkʷo-om*** (др.-инд. *vṛ́kam*, греч. λύκον, лат. *lupum*, лит. *vil̃ką*, ст.-слав. *vlъkъ*);

им. п. ***eḱʰu̯-os*** : *вин. п.* ***eḱʰu̯-om*** (др.-инд. *áśvam*, греч. ἵππον, лат. *equum*);

им. п. ***t'ei̯u̯-os*** : *вин. п.* ***t'ei̯u̯-om*** (др.-инд. *devám*, авест. *daēvąm*, лат. *dīuum*, лит. *dievą*);

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что окончание аккузатива **-om* совпадает в плане выражения с окончанием **-om* именных форм среднего рода в именительном и винительном падежах, ср.:

И.-е. *им.-вин. п.* ****i̯uk'-om*** 'иго, ярмо': др.-инд. *yugám*, греч. ζυγόν, лат. *iugum*, хет. *iugan*, ст.-слав. *igo*;

им.-вин. п. ****pʰet'-om*** 'след', 'почва', 'место': др.-инд. *padám*, греч. πέδον, хет. *pedan*;

им.-вин. п. ****t'eru̯-om*** 'древесина': гот. *triu*, др.-англ. *teoru*, ст.-слав. *drěvo* (древнее индоевропейское значение 'arboreum': 'id, quod ex arbore nascitur', *Lohmann 1932: 13*);

им.-вин. п. ****ai̯-u̯-om*** 'жизненное время' : лат. *aeuum* 'вечность', 'годы';

им.-вин. п. ****pʰ[ʰ]tʰer-om*** 'крыло' : греч. πτερόν (ср. др.-инд. *pátram* 'крыло');

им.-вин. п. ****u̯estʰr-om*** 'одежда' : др.-инд. *vástram*.

Такое совпадение этих показателей в плане выражения не может считаться случайным и должно указывать на определенную функциональную взаимозависимость этих категорий.

Характерно, что все именные образования среднего рода на **-om* объединяются единой семантической чертой принадлежности к классу неодушевленных имен (ср. такие значения разобранных выше форм среднего рода, как 'ярмо', 'почва', 'одежда' и другие). В этом отношении они резко отличаются семантически от класса имен, образованных с помощью показателя **-s*//**-os*, ср. приводимые выше значения 'муж', 'мужчина', 'сестра', 'волк' и др.

Семантическое противопоставление этих двух классов имен совершенно очевидно. Можно с полным основанием утверждать, что окончания **-s*, **-os* образуют именные формы, относящиеся к одушевленному классу (включая имена, обозначающие предметы, мыслившиеся как таковые), в противовес именам на суффикс **-om*, обозначающим объекты, относимые к неодушевленному классу (ср. также *Shields 1978*). "Одушевленный" класс имен можно мыслить как собственно активный класс имен, то есть как класс имен, обозначающий объекты, способные к активной деятельности (или мыслимые как таковые), в отличие от "неодушевленного" класса имен, объединяющего имена, которые обозначают объекты, неспособные к активной деятельности.

Подобную классификацию имен на два класса, противопоставленных друг другу по этому семантическому признаку, можно охарактеризовать как классификацию по активности—инактивности денотатов, выражаемых этими именами. В этом случае индоевропейские именные образования, оформленные суффиксами **-s*, **-os* и **-om*, можно рассматривать как формы, образованные с помощью деривационных суффиксов—маркеров, соотносящих конкретные имена с одним из бинарных классов — активным или инактивным. Суффикс **-s*, **-os* является деривационным маркером имен активного класса, суффикс **-om* — деривационным маркером имен инактивного класса.

1.3. МАРКЕРЫ ИМЕН ИНАКТИВНОГО КЛАССА И ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ БИНАРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕН НА АКТИВНЫЕ И ИНАКТИВНЫЕ

К тому же типу маркеров имен инактивного класса относятся и рассмотренные выше суффиксы **-t'*, **-$t^{[h]}$* и **-$k^{[h]}$*, в частности, в таких именных образованиях, как **u̯ot'or-$t^{[h]}$* 'вода' (греч. ὕδωρ, *род. п.* ὕδατος, хет. *u̯atar*), **i̯ek$^{[h]o}$r-$t^{[h]}$* 'печень' (др.-инд. *yákṛt*, *род. п. yaknáḥ*, греч. ἧπαρ, *род. п.* ἥπατος), **$\hat{k}^{[h]}$er-t'* 'сердце' (лат. *cor*, *род. п. cordis*, хет. *kir*, *kardi̯a-*, см. выше, стр. 186 и след.).

К числу маркеров инактивного класса нужно отнести также нулевой показатель: *-Ø*.

Основным структурно-семантическим принципом древнейшего индоевропейского языкового состояния была, очевидно, бинарная классификация на активные и инактивные имена по характеру обозначаемых ими денотатов.

К именам активного класса относятся именные образования, обозначающие людей, животных, деревья, растения, то есть имена, денотаты которых характеризуются наличием у них жизненной активности, в противовес именам инактивного класса, денотаты которых являются объектами, лишенными жизненного цикла (ср. к типологии *Климов 1973: 216 и след.*). Поэтому имена, обозначающие деревья в индоевропейском, относятся к активному именному классу (ср. лат. *pirus*, *mālus*, рус. *яблоня*), тогда как плоды этих деревьев мыслятся как инактивные объек-

ты, соотносимые с инактивным именным классом (ср. лат. *pirum*, *mālum*, рус. *яблоко*), *ср. Meillet 1948, I: 211—229*.

Помимо имен с естественно-активными денотатами к активному классу относятся, очевидно, и такие "неодушевленные" объекты, которые мыслятся носителем языка как выразители активного начала, наделенные способностью к активной деятельности. К таким именам, относимым к активному классу, принадлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: ***рука***, ***нога***, ***глаз***, ***зуб*** и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и абстрактных понятий: ***ветер***, ***гроза***, ***молния***, ***осень***, ***вода***, ***река***; ***рок***, ***судьба***, ***доля***, ***благо*** и др.

В этом отношении интересны относимые к различным именным классам лексические дублеты, выражающие некоторые из этих понятий, ср. например: и.-е. ***Нар**$^{[h]}$- 'вода', 'река' (др.-инд. *ápaḥ* 'воды', *мн. ч.*, ср. *apā́m nápāt* 'внук вод', авест. *āfš* 'поток', хет. *ḫap-* 'поток', латыш. *upe*) при и.-е. ***u̯ot'ort**$^{[h]}$ 'вода' (хет. *u̯atar* 'вода', греч. ὕδωρ, *род. п.* ὕδατος, др.-англ. *wæter*), *ср. Laroche 1973*; и.-е. ***n̥k'ni-** 'огонь' (др.-инд. *Agní-* 'огонь', 'Бог Огня', лат. *ignis* 'огонь', 'небесное светило', 'молния', ст.-слав. *ognĭ*, латыш. *uguns* 'огонь') при и.-е. ***p**$^{[h]}$**n̥Hur-** 'огонь' (хет. *paḫḫur* 'огонь', тох. А *por*, тох. В *puwar*, гот. *fōn*, греч. πῦρ 'огонь', арм. *hur* 'огонь', *hn-oc'* 'очаг', чеш. *pýří* 'горящий уголь, головешка'), где первые элементы этих пар выражали активную семантику и относились поэтому к активному классу ('вода' как движущееся активное начало, поток; 'огонь' как активный обожествляемый элемент, стихия), тогда как вторые элементы выражали эти же понятия в качестве элементов неживой природы, имена которых соотносились с инактивным классом (ср. соотношения в славянском, где слав. *ognĭ*, рус. *огонь* может обозначать персонифицируемый элемент, ср. *Царь-Огонь* в восточнославянских сказках, в отличие от форм на основу *pyr-*, обозначающих процесс горения, *Mastrelli 1958: 7*). К активному классу относятся также названия светил и космических тел ('солнце', 'месяц', 'звезды').

Такое деление имен на активные и инактивные, реконструируемое для индоевропейского языка, находит широкие типологические параллели на материале многих языков с бинарной именной классификацией (*ср. Климов 1973: 213 и след.*).

Подобная бинарная именная классификация мотивирует все основные структурные грамматические и синтактико-семантические особенности общеиндоевропейского языка древнейшего периода, которые могут быть восстановлены путем сравнительной и внутренней реконструкции по данным индоевропейских языков. Исходя из такого допущения, легко найти структурную мотивацию многим особенностям индоевропейского языка

как в сфере грамматики, так и в плане синтактико-семантических отношений.

Предположение о наличии в индоевропейском двух именных классов, противопоставляемых друг другу по признаку активности—инактивности денотатов, которые выражаются соответствующими именами, индуцирует разбиение всего множества глагольных образований на два основных класса, соотносимых с соответствующими именными классами: на класс глагольных форм, сочетающихся с активными именами, и на класс глагольных форм, сочетающихся с инактивными именами.

Это приводит в свою очередь к естественному делению всего множества глаголов на два семантических класса: на класс глагольных форм с активной семантикой — ***ходить, гнать/бежать, губить/гибнуть, есть, жить, дышать, говорить, смеяться, убивать, расти*** и др. (то есть выражающих действие или состояние, характерное исключительно для активных денотатов), и класс глагольных форм с инактивной семантикой (то есть выражающих действие или состояние, характерное для инактивных денотатов).

Следует отметить, что с чисто логической точки зрения класс семантем, сочетающихся исключительно с инактивными членами, весьма ограничен и совпадает, как правило, с некоторыми семантемами, выражаемыми глагольными формами, которые могут сочетаться с активными именами—***лежать, падать, быть тяжелым, быть маленьким, быть большим***. В таких случаях формальное противопоставление активного — инактивного выражается в наличии параллельных рядов грамматических показателей в парадигме имени или глагола, а также в наличии дублетных лексических именных и глагольных форм.

1.4. КЛАСС СЕМАНТИЧЕСКИ ИНАКТИВНЫХ ИМЕН И СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ИНАКТИВ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Для древнейших ступеней развития индоевропейской именной системы можно предположить бинарную именную классификацию и разделение в зависимости от семантики выражаемых денотатов всего множества именных образований индоевропейского языка на активный и инактивный классы с деривационными маркерами **-s//*-os* для активного и **-om*, **-t'*, **-t[h]*, **-k[h]*, *-Ø* для инактивного классов.

В соответствии с этим активная актанта в сочетании с глагольной формой характеризовалась суффиксом **-s//*-os*, инактивная актанта—суффиксами **-om*, **-t'*, **-t[h]*, **-k[h]*, *-Ø*[1].

[1] Некоторые из этих суффиксов, выступающих в качестве деривационных элементов, маркирующих принадлежность именного образования к активному или инактивному классам, можно увязать с соответствующими прономинальными основами. Местоименного происхождения, очевидно, маркер активного класса **-[o]s* (ср. индоевропейское местоимение **so*: др.-инд. *sá*, авест. *ha-*, греч. *ó*, гот. *sa* 'этот'), а также маркер инактивного класса (ср. индоевропейские местоименные основы: др.-инд. *ta-*, авест. *ta-*, греч. *τό*, гот. *þa-*, ст.-слав. *tŭ*, *to*). Местоименное происхож-

Характерно при этом, что от одного и того же корня, в зависимости от присоединения словообразовательных суффиксов активного или инактивного классов, могли образовываться соответствующие именные основы, относимые к этим двум классам:

И.-е. ***p[h]et'-s** 'нога', *активный класс* (др.-инд. *pā́t*, лат. *pēs*, греч. *ποός*) и и.-е. ***p[h]et'-om** 'след', *инактивный класс* (греч. *πέδον*, др.-инд. *padám*, хет. *pedan*);

И.-е. ***i̯uk'-s** 'связанный', *активный класс* (лат. *coniu(n)x*, *род. п. coniugis* 'супруг, супруга') и и.-е. ***i̯uk'-om** 'ярмо' (лат. *iugum*, др.-инд. *yugám*, хет. *iukan*);

И.-е. ***Hner-s** 'муж', *активный класс* (греч. *ἀνήρ*, др.-инд. *nā́*, арм. *ayr*) и и.-е. ***Hner-t[h]**.

От подобных образований следует отличать имена собственно активного класса, получающие окончания инактива *-*m* или *-*om* в зависимости от исходной формы, соответственно *-*s* или *-*os*: *-*s*⇒*-*m*, *-*os*⇒*-*om*[1]. Такое *-*m*//*-*om*, в отличие от рассмотренного выше семантического показателя *-*om*, появляется в именах активного класса, выступающих в качестве одной из актант при глаголах активной семантики, сочетающихся с формой на *-*os* / *-*s*. Иными словами, двухместная глагольная форма с активной семантикой сочетается с одной актантой, оформленной активным окончанием, при другой актанте, оформленной по необходимости инактивным маркером.

Так, например, в индоевропейском лексемы с такими значениями, как ***человек*** или ***зверь***, относились по семантике к именам активного класса, оформляемым маркером *-*s*//*-*os*. Однако в предложении типа ***человек убил зверя*** с двухместной активной глагольной формой — ***убил*** — толь-

дение маркеров в подобной функции может быть проиллюстрировано на материале многих языков, *см. Шухардт 1950a: 105 и др., 1950b : 252* ("активный падеж может иметь при себе также суффикс или местоимение"). Еще Шмидт *(Schmidt J. 1889: 190)* отождествил *-t* в др.-инд. *yákṛ-t*, *śákṛ-t* с *-t* в окончании местоименных форм *ср. р.* типа **t[h]o-t[h]* > др.-инд. *tát*, **i̯o-t[h]* > др.-инд. *yád*. Эта мысль впоследствии была сопоставлена *(Kuryłowicz 1964 : 211)* с допущением, согласно которому такое же отождествление возможно и по отношению к *-s* в *им. пад. ед. ч.* существительных и в местоимениях (несреднего рода); ср. показательную параллель (видимо, чисто типологическую) в таком позднем индоевропейском языке хетто-лувийской группы, как лидийский, в котором все имена среднего рода имеют показатель *-d* (видимо, из местоименного **-t[h]*), все имена несреднего рода — показатель *-s*.

[1] Формальное различие в окончании имен активного класса *-*s*//*-*os*, реконструируемое уже для древнейших индоевропейских праформ, может отражать дополнительное семантическое подразделение собственно активных имен, принципы которого в настоящее время не поддаются сколько-нибудь последовательному определению. Поэтому эти именные формы приходится рассматривать как полностью параллельные образования, которыми, однако, мотивируются другие, зависимые члены парадигмы. Включение обеих таких форм с разными функциями (соответственно *им.* и *род. пад.*) и с разным местом ударения в одну парадигму (греч. *ποός* 'нога' < **p[h]ot'-s*, *род. пад. ποδός*, др.-инд. *pā́t*, *род. пад. padáḥ*, ср. об этом акцентуационном типе *Kiparsky 1973: 799 и 806*) следует считать результатом последующего развития.

ко одна актанта, в частности выражающая семантический *Agens*, могла выступать представителем активного класса на **-s*, тогда как другая актанта, то есть семантический *Patiens*, мыслится в подобной конструкции как инактивное имя, оформляемое маркером инактивного класса.

Такую инактивную форму со специфическим маркером инактива можно истолковать как структурно-синтаксический инактив в отличие от первичных, лексически заданных инактивов с постоянными маркерами инактивности. Такое структурно-синтаксическое употребление инактива можно рассматривать как зачатки становления падежных форм, в частности аккузатива, в противовес номинативу на **-s//*-os*. Этим и следует объяснить давно отмеченное в индоевропейской сравнительной грамматике совпадение формы винительного падежа с формами именительно-винительного падежа имен среднего рода.

Таким образом, для древнейших ступеней развития индоевропейской номинальной системы можно восстановить бинарную классификацию имен по активному—инактивному классам с последующим оформлением активного падежа формантами **-s//*-os* и инактивного падежа — формантами **-m //-om*, *-Ø*. При этом инактивный падеж выражает инактивную актанту как при одноместных глагольных формах, так и при двух-, а, возможно, и трехместных глаголах с семантикой типа 'давать', 'называть' и др.:

Актив (A): **-s//*-os*
Инактив (In): **-om*, *-Ø*
Структурно-синтаксический инактив (A^{In}): **-m//*-om*.

*1.5. АТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ НА *-os И *-om*

Окончания **-os* и **-om* выступали не только в качестве маркеров соответствующих классов активных и инактивных имен, но и по характеру своей функции эти показатели должны были характеризовать и атрибутивные конструкции в синтагме, из которых возникают в дальнейшем посессивные конструкции. При этом определительная синтагма с определяемым словом, относящимся к активному классу, оформляется окончанием **-os* вне зависимости от классной принадлежности определяющего слова, и, наоборот, определительная синтагма с определяемым словом, относимая к инактивному классу, оформляется окончанием **-om* вне зависимости от классной принадлежности определяющего слова:

(1) *A—A-*$^{\lceil}$*o*$^{\rfloor}$*s*
(2) *A—In-*$^{\lceil}$*o*$^{\rfloor}$*s*
(3) *In—In-*$^{\lceil}$*o*$^{\rfloor}$*m*
(4) *In—A-*$^{\lceil}$*o*$^{\rfloor}$*m*

Из конструкций типа (1) и (3) возникают аппозитивные формы, дающие сложные слова типа др.-инд. *rāja-putra-* 'сын царя, царевич', *mānuṣa-rākṣasa-* 'демон - человек', то есть 'демон в человечьем облике', греч. *ἰατρό-μαντις* 'врач-предсказатель', нем. *Werwolf* 'человек-волк' *(Thumb/Hauschild 1959, II : § 661, 401)*.

С другой стороны, определительные конструкции типа (2) и (4) с окончаниями *-*os* и *-*om* при соответственно инактивном и активном именах дают начало особым падежным формам, впоследствии развившимся, очевидно, уже в индоевропейском языке, в особые формы генитива — определительного и посессивного[1]. При этом, в силу характера определяемого слова в синтагме, окончание генитива *-*os*, совпадающее с маркером активного класса *-*os*[2], закрепляется за именными формами инактивного класса, тогда как окончание генитива *-*om*, совпадающее с маркером инактивного класса *-*om*, а также с показателем структурно-синтаксического инактива при двухместном предикате, закрепляется за именными формами активного класса.

Таким путем возникают генитивные конструкции на *-*os* и на *-*om*, конструкции как атрибутивные, так и посессивные, закрепленные исключительно за именами соответственно инактивного и активного классов[3].

Такая трактовка происхождения и развития генитива на *-*om* может объяснить факт формального совпадения окончания генитива *-*om* с окончанием *-*om*, выступающим при структурно-синтаксическом инактиве и развившимся в дальнейшем в аккузативный падеж.

Характерно, что подобные синтаксические отношения, выражающиеся в совпадении форм родительного и аккузатива, наблюдаются и при некоторых позднейших преобразованиях индоевропейских структур. Аналогичным образом следует объяснить неоднократно отмечавшийся в сравнительной грамматике индоевропейских языков факт совпадения роди-

[1] До возникновения посессивного генитива посессивные отношения выражались, очевидно, с помощью конструкции с притяжательным местоимением типа 'человек — сын его'='сын человека', ср. др.-хет. SAG.GEME.ÌR^{MEŠ} *e-eš-ḫar-še-mi-it* (BoTU 9 I 9) 'слуги—их кровь', ср. аналогичные конструкции в шумерском: *e melam-bi* 'храм—блеск его'='блеск храма', *e-e lugal-bi* 'этот храм — царь его'. Посессивный родительный падеж на *-a(k)* появляется в шумерском позднее: *lugal e-ak* 'царь дома' (*ср. Рифтин 1946а : 42; Дьяконов 1967: 83*).

[2] Такое формальное совпадение показателей номинатива и генитива особенно отчетливо видно в древнехеттском окончании *-aš*, выражающем как номинатив единственного числа тематического склонения на -a, так и соответствующий генитив, что должно отражать древнейшие индоевропейские отношения имен активного класса и определительных синтагм на *-*os*, развившихся в генитивные конструкции. Отраженное в греческом языке и санскрите передвижение ударения в формах родительного падежа типа греч. *σκῶρ, им.-вин. п. ед. ч. ср. р.*<**sk[h]°ort[h]- 'нечистоты', *род. п.* σκατός, др.-инд. *śákṛt* 'испражнения', *śaknás* (ср. хет. *zakkar, zakkanaš*) с точки зрения излагаемой концепции следует считать вторичным, т. е. имена этого типа первоначально не присоединяли к себе окончания *-*os*, см. об ограниченности этого типа изолированными именами среднего рода *Kiparsky 1973: 803 и 819*.

[3] Такое распределение окончаний генитива *-*os* и *-*om*, при *-*om*, употребляемом в качестве генитива именных форм активного класса, отчетливо сохраняется еще в древнехеттском, в котором окончание -an характеризует исключительно именные образования среднего рода (см. выше, стр. 272). В частности, сформулированным принципом можно объяснить употребление форм на *-aš* от имен среднего рода в генитивных конструкциях в определительной функции в предложениях типа *na-aš ḫuišuannaš* 'и он живущий' // 'и он жизни', *na-aš ḫarkannaš* 'и он гибнущий' // 'и он гибели', *na-aš taḫazilaš* 'и он воровства'='и он вор' (ХЗ, § 73, KUB XIII 9 II 8).

тельного и винительного падежей в определенном классе одушевленных имен в славянском. В частности, имена с основами на *-o*, принадлежавшие к классу одушевленных существ, еще в праславянском начали характеризоваться совпадением формы родительного падежа на *-a* с формой винительного падежа; такое же совпадение форм винительного и родительного падежей обнаруживается в полных формах местоимений 1-го и 2-го лица (*mene*, *tebe*) и вопросительного местоимения (*kogo* от *kŭto*), *Мейе 1951: 349, 355; Кузнецов 1953: § 33, 117*[1].

1.6. ВОЗНИКНОВЕНИЕ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ АДЪЕКТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ИЗ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ДВОИЧНАЯ (БИНАРНАЯ) СТРУКТУРА РОДОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Рассмотренные выше определительные конструкции типа (1) —(4), из которых развиваются в дальнейшем формы генитива как особого падежного элемента в системе именного склонения, порождают и особый синтаксический класс именных образований, оформившийся позднее в качестве адъективов. Это особый класс имен-определителей, характеризующийся окончанием *-ro̯s или *-ro̯m в зависимости от сочетания в синтагме с определяемым словом, относящимся соответственно к активному или инактивному классам. Тем самым адъективные окончания *-ro̯s и *-ro̯m отражают тот функциональный характер, который должны были иметь эти окончания в исходных определительных синтагмах. Этим объясняется совпадение позднейших адъективных окончаний *-ro̯s и *-ro̯m с падежными формантами в системе индоевропейского именного склонения.

Адъективные формы с *-ro̯s и *-ro̯m употреблялись в атрибутивных синтагмах в сочетании с именами активного (с окончанием *-ro̯s) и инактивного (с окончанием *-ro̯m) классов. Тем самым адъективные образования на *-ro̯s и *-ro̯m на этой стадии развития индоевропейской структуры представляли собой согласовательные категории, выражавшие синтаксическую связь имени с адъективом-определителем.

Эти соотношения отражаются в общем виде в древнехеттском языке, в котором проводится бинарная классификация имен, характеризуемая традиционно как деление на общий (одушевленный) и средний (неодушевленный) роды с согласовательным адъективным окончанием общего рода *-[a]š* и среднего (неодушевленного) рода *-an* // *-Ø*, ср. *neu̯aš* 'новый, новая': *neu̯an* 'новое', *aššuš* 'хороший, хорошая': *aššu* 'хорошее', *šalliš* 'большой': *šalli* 'большое' и др. *(ср. Risch 1980: 263)*. Это же древнейшее индоевропейское состояние отражено и в адъективных формах целого ряда индоевропейских диалектов с общей формой прилагательного для мужского и женского родов, отличающейся от формы среднего рода: ср. латинские прилагательные двух окончаний типа *fortis* 'сильный, сильная': *forte*

[1] Типологическую параллель единообразного маркирования падежа в функции генитива и аккузатива можно усмотреть в семитских образованиях множественного числа с падежом на *-ī* в качестве единого недифференцированного косвенного падежа, противопоставлявшегося в семитском (протоаккадском) прямому падежу на *-ū (Gelb 1969: 72—73)*.

'сильное'; древнеиндийские прилагательные типа *tanú-ḥ* 'тонкий, тонкая', *tanú* 'тонкое' *(Meillet 1931 c)*.

Особенно четко прослеживается первоначальное бинарное деление прилагательных на типы с **-os* и **-om* в древнегреческом при позднейшем соотнесении адъективов на **-os* с мужским-женским родом и адъективов на **-om*— со средним, ср. греч. πάτριος 'отцовский', 'отцовская' (*муж.-жен. р.*) при πάτριον (*ср. р.*), ср. также у *Гесиода* ἱερός 'священный, священная' (*муж.-жен. р.*), ἱερόν (*ср. р.*), гом. κλυτὸς Ἀμφιτρίτη, ε 422; κλυτὸς Ἱπποδάμεια, B 742; βροτός ἐστι, ε 218 'смертная есть' (*о Пенелопе*) и др. Ср. также отсутствие изменения по родам в сложных прилагательных: гом. ῥοδοδάκτυλος 'розовоперстая' (об *Эос-Заре*), λευκώλενος 'с белыми локтями' (*о Гере*) и др.; ср. также мик. *a-na-mo-to* (=**ἀνάρμοστο*) *i-qi-ja* 'незапряженная колесница'; о подобных формах в древнегреческом см. *Kastner 1967*.

Такое бинарное противопоставление адъективных образований в индоевропейских диалектах отражает, очевидно, бинарную классификацию имен на активные и инактивные, преобразившуюся в исторических диалектах в родовую грамматическую классификацию, которая сохраняет наибольшую близость к первичной индоевропейской классификации в древнехеттском языке с его двумя родами — общим (одушевленным) и средним (неодушевленным) при дальнейшем расщеплении общего (одушевленного) рода на мужской и женский роды в целом ряде древних индоевропейских диалектов — древнеиндийском, древнегреческом, латинском и других[1].

До расщепления общего (одушевленного) рода (древнего активного класса имен) на собственно мужской и женский роды, дифференцируемые чисто грамматически, но не по принципу строгой принадлежности денотатов этих имен к существам женского или мужского пола, такая принадлежность к классу женщин или мужчин должна была выражаться с помощью присоединения к именной основе особого элемента **-sor* (по происхождению особого слова, обозначавшего 'женщину': др.-инд. *strí*), маркировавшего имена существ женского пола в противовес немаркированным именам, обозначавшим имена мужского пола.

К таким образованиям относятся общеиндоевропейские формы типа **sụe-sor-* 'сестра' (др.-инд. *svásar-*, лат. *soror*, ст.-слав. *sestra*, лит. *sesuõ*); ср. также хеттские формы типа *ḫaššuššara-* 'царица' при *ḫaššu-* 'царь', *išḫaššara-* 'госпожа' при *išḫaš* 'господин', лув. *nanašri-* 'сестра' при *nani-* 'брат', др.-инд. формы *ap-sará-* 'нимфа' (ср. *ap-* 'вода', *О. Н. Трубачев*,

[1] Предположение о следах форм женского рода в хеттском, в частности в адъективных формах с *-i* типа *parkui-* 'чистый' *(ср. Pedersen 1938; Kammenhuber 1961a)*, не может считаться убедительным, поскольку *-i* в этих формах следует рассматривать не как показатель женского рода прилагательных, аналогичный *-ī* долгому в древнеиндийском (ср. др.-инд. *svādú-* 'сладкий': *svādvī* 'сладкая'), а как принадлежность основы, возможно деривационного происхождения, с синхронной точки зрения неразложимой (ср. значения *parku-* 'высокий', но *parkui-* 'чистый'), *ср. Laroche 1970; Brosman 1976*.

устное сообщение), *tisráḥ* 'три' (*ж. р.* к *tráyaḥ*, ср. авест. *tišrō*, др.-ирл. *téoir*, валл. *tair*), *cátasraḥ* 'четыре' (*ж. р.* к *catvâraḥ*, авест. *čatanrō*, др.-ирл. *cethéoir*); лат. *uxor* 'супруга' < **uk*$^{[h]}$-*sor*-, ср. др.-инд. *ukṣán*- 'бык-производитель', где основа **son*-, возникшая благодаря морфологическому чередованию *-r/-n*, имеет противоположное **sor* значение мужского начала *(Pisani 1951)*.

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ИМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ

*2.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ. СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ НА *-aH ДРЕВНЕГО ИНАКТИВНОГО КЛАССА*

Реконструируемая древнейшая система индоевропейских именных парадигм с показателями **-os* и **-om* соответственно для активного и инактивного классов характеризуется явным отсутствием в первичной системе особых показателей множественности, возникающих позднее, уже во вполне оформившейся системе именного склонения с особыми формами родительного и винительного падежей: родительный падеж на **-om*, выражавший первоначально как единственное, так и множественное число, дифференцируется впоследствии на **-om* (*ед. ч.*) и **-om-s* (в качестве показателя тех же отношений во множественном числе). Подобным образом падеж структурного инактива на **-om* осложняется таким же элементом **-s* для выражения множественности.

Множественность основной структурной формы именных образований активного класса на **-s*//**-os* выражается простым аблаутным преобразованием окончания **-s*//**-os* ⇒ **-es*, в чем, впрочем, и видна вторичность форманта множественности в подобных структурных образованиях[1].

[1] Поскольку типологически двойственное число имплицирует множественное, но не наоборот *(Greenberg 1963: 74)*, возникновение особого рода двойственного числа в индоевропейском следует отнести к периоду, последовавшему за появлением в системе категории множественности. Семантическим основанием к такому появлению особой категории двойственного числа могли послужить бинарные оппозиции в представлениях о внешнем мире, а также такие реалии, как парные органы и т. д. Древнейшие именные формы двойственного числа были, по-видимому, деривационными образованиями *(Cuny 1924)*, восходящими, вероятно, к словосложению с участием числительного **ḱ'u̯*- 'два' (ср. др.-инд. формы *дв. ч.* на *-u*: *áśmanau* 'два камня', *devyàu* 'две богини', *devâu* 'два бога', *vṛ́kau* 'два волка', *Thumb/Hauschild 1959, II : § 245, 34*). Типологические параллели к таким образованиям двойственного числа и/или названий парных органов посредством постпозиции или препозиции числительного 'два' обнаруживаются в абхазско-адыгских языках (кабард. *la-q'^{0}a* 'нога', 'ноги', *bža-q'^{0}a* 'рог', 'рога', абхаз. *a-ṭ'^{0}-ω^{0}a* 'рога' при *ω^{0}-ba* '2'), бурушаски (*lt-ur* 'рог', *lt-umal* 'ухо', *lt-anc* 'нога' при *ālti* '2', *Климов/Эдельман 1974: 160*); ср. интересную в свете параллелизма четверичного счета в индоевропейском, *Loewe 1936*, и бурушаски, *Hamp 1969: 340*, аналогию бурушаски w-ālti '4', и.-е. **okt*$^{[h]}$*lt*$^{[h]}$*lōu* > др.-инд. *aṣṭáu*, гот. *ahtau* '8', *ср. Erhart 1965*, и восточноавстронезийских, в частности меланезийских языков (а р а г а: *1 л. инклюз. gida-ru* 'мы оба', *1 л. экскл. kama-ru* 'мы оба без него', *1 л. kimi-ru* 'вы оба'; д о б у: *si-te-rua, Capell 1971 : 335*,

Любопытно, что в подобных парадигмах множественное число выражается формально с помощью особого показателя множественности *-*s* при окончаниях на *-*m*- (в формах генитива и структурно-инактивного падежа) и с помощью морфонологического чередования при окончании на *-*s* (в формах активного падежа):

Акт. п. ед. ч.	*мн. ч.*
*-*s*//*-os*	*-*es*
Род. п. ед. ч.	*мн. ч.*
*-*om*	*-*om-s*
Структ.-инакт. п. ед. ч.	*мн. ч.*
*-[o]*m*	*-[o]*m-s*

Существенно отличную в этом отношении картину показывают имена инактивного класса, характеризующиеся маркерами инактивности *-om*, *-t'*, *-t[h]*, *-k[h]*, *-Ø*. Имена этого класса на всем протяжении истории не обнаруживают следов особых специфичных форм множественного числа. Семантике инактивного именного класса, очевидно, чужда категория множественности. Это проявляется в факте отсутствия особой формы множественного числа среднего рода, отражающего в основном древний инактивный класс; единственная форма множественности для них — это множественное (собирательное) число, согласующееся с глаголом в единственном числе (*Schmidt J. 1889; Тронский 1946*[1]).

Такие формы собирательного (коллективного) множественного числа, характеризующие имена изначально инактивного класса, образуются путем присоединения к именной основе показателя собирательности *-*ā* <*-*aH*:

Ср. и.-е. ***t'er-u̯-aH***: слав. *drěva*, рус. *дрова* (*ед. ч.* ***t'eru̯-om***: гот. *triu* 'дерево');

И.-е. ***ak[h]o-aH***: лат. *aqua* 'вода', др.-англ. *ēa*, *ēagor* 'вода', 'поток', гот. *ahva* 'река'[2];

с препозицией числительного **drusa* или **D₁ewsa-* '2'; фиджи: *rua, см. Schuhmacher 972: 204—205*; ануда: *ro-gita* 'мы оба', *mo-ro-gami* 'мы оба без него', *mu-ru-gamu* 'вы оба' и т. п. с препозицией того же числительного '2', как в бурушаски).

[1] По формулировке И. М. Тронского, "единой категории множественности, свойственной историческим индоевропейским языкам, предшествовало языковое состояние, при котором раздельная множественность распространялась только на имена активного класса, а в пассивном классе имелась только категория собирательности; в именах, принадлежащих к этому последнему классу, множественность появляется лишь позже, и, вероятно, уже в связи с переходом к номинативному строю, в котором снимается старое противопоставление классов активного и пассивного" (*Тронский 1946: 61*).

[2] Форма **ak[h]ʔaH* в качестве слова инактивного класса предполагается ввиду наличия противопоставленной ей индоевропейской формы **Hap[h]-s* с активной семантикой (хет. *ḫap-* 'вода, поток, река', авест. *āf-š* 'поток, река', др.-инд. *ápaḥ* 'Воды').

И.-е. *$b^{[h]}r\bar{a}t^{[h]}r$-aH: греч. φρήτρη 'фратрия' (ср. форму инактива на *-*om*: др.-инд. *bhrātrám* 'братство').

В определительных конструкциях с адъективными образованиями форма определяющего слова оформляется в силу принципа формального согласования теми же окончаниями, которые характерны в данной синтагме для определяемого слова, то есть адъективы оформляются окончаниями соответственно *-*os*, *-*om*//Ø и *-*es*, *-*aH* > *-*ā* в зависимости от класса, падежа и числа определяемого имени.

Формы собирательного множественного имен инактивного класса на *-*aH* > *-*ā* в дальнейшем совпадают с определенными именными образованиями активного класса на *-*aH-s* → *-*ā*[1]. Какое-либо *k'^{o}enaH-s > *k'^{o}enā 'жена'[2] (активный класс) уже формально не отличается от *$ak^{[h]o}$aH > *$ak^{[h]o}$ā 'воды' (инактивный класс). При позднейшей перестройке первоначальной именной классификации в исторических индоевропейских языках и образовании классификации по грамматическому роду с выделением в активном классе "мужского" и "женского" родов часть собирательных по происхождению форм инактивного класса на *-*ā* начинает мыслиться как форма на *-*ā*, восходящая к первоначальному активному классу. Этому содействовал также согласовательный принцип употребления глагола в ед. ч. при собирательных формах. Таким образом, индоевропейская форма типа лат. *aqua*, по происхождению форма собирательного множественного числа инактивного класса, превращается в форму женского рода единственного числа. Многие формы единственного числа женского рода на *-*ā* могут отражать по происхождению собирательную форму инактивного класса на *-*aH*.

В ряде случаев трудно дифференцировать форму коллективного множественного слов среднего рода и форму единственного числа слов женского рода, как, например, в др.-инд. *tánā*, которое может быть как формой *множеств. ч. ср. р.* ('потомки', букв. 'потомства', *RV 774, 2*, от *tánam* 'потомство'), так и формой *ед. ч. ж. р. tánā* 'потомок', 'отпрыск' (*RV 259, 1, ср. Lehmann 1958a : 190*).

Такое окончание *-*ā*- появляется, естественно, и в адъективных образованиях, сочетающихся с именами на *-*ā* (по происхождению окончание особой группы активных имен, превратившихся позднее преимущественно в формы женского рода). Позднейшая субстантивация в отдельных индоевропейских диалектах таких адъективов приводит к образованию нового вида именных образований женского рода на -*ā* типа лат. *uidua* 'вдова' (при *uiduus*), *noxia* 'ошибка' (при *noxius* 'вредоносный'), греч. τομή 'отрезок' (при τομός 'режущий, острый'), πινυτή 'разум' (при πινυτός 'разумный', *ср. Kuryłowicz 1964 : 212—213*).

[1] О таком фонетическом переходе *-*aH-s* > *-*ā* см. выше, стр. 185.

[2] Согласно гипотезе Кнобло ха (*Knobloch 1955: 213; 1958: 240*), следы старого собирательного значения греч. γυνή < *$g^{w}(e)$nā (< *k'^{o}enaH-) сохраняются в особых "сингулятивных" образованиях типа γυναικός (с суффиксом *-k- того же типа, что и в авест. *pasuka-* 'домашнее животное', ср. *pasu-* 'скот').

*2.2. СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ НА *-iH ДРЕВНЕГО ИНАКТИВНОГО КЛАССА И РАЗВИТИЕ ФОРМ ГЕНИТИВА НА *-ī*

В некоторых поздних индоевропейских диалектах наряду с окончанием женского рода *-ā* выделяется в именных и адъективных образованиях окончание *-ī*: ср. др.-инд. *vṛ́kī-* 'волчица' (ср. др.-исл. *ylgr* < *$\underset{\cup}{\text{u}}l\text{k}^{[h]0}$-*is*) при *vṛ́kaḥ* 'волк'; *rā́jñī* 'царица' при *rā́jan-* (основа на *-n*) 'царь'; *devī́* 'богиня' при *devā́ḥ* 'бог', *balínī* 'сильная' при *balín-* 'сильный', *pṛthivī́* 'земля' (буквально: 'широкая') при *pṛthúḥ* 'широкий'.

В некоторых других индоевропейских диалектах этимологически то же окончание *-*ī* образует форму генитива, ср. лат. *lupī* 'волка' (ср. др.-инд. *vṛ́kī-* 'волчица') при *lupus* 'волк' (ср. др.-инд. *vṛ́kaḥ*), *cerebrī* 'головы' (*род. п.*) при *cerebrum* 'голова', ср. др.-инд. *śīrṣán-* 'голова'.

Функция принадлежности (генитива) данного форманта, засвидетельствованная в кельто-италийском, становится понятной при допущении исходного значения *-*ī* 'относящийся к', 'принадлежащий'. Такое значение суффикса *-*ī* можно еще установить на основании данных исторических индоевропейских диалектов. В частности, такое значение суффикса *-*ī* можно усмотреть в древнеиндийских формах *rathī-* 'колесничий' (первоначально: 'относящийся к колеснице'), при *rátha-* 'колесница', *grāmī-* 'относящийся к деревне' (в словосложении *grāmī-bhū-* 'становиться владельцем деревни', *grā́ma-* 'деревня'). К этому же структурному типу относится и славянское **sǫdī*, ст.-слав. *sǫdi* 'судья' (при *sǫdъ* 'суд'), тождественное кельтскому **kondī*: др.-ирл. *cuind* (при *cond* 'iudicium', *Lohmann 1932: 70*).

Такое употребление суффикса *-*ī* < *-*iH* отражает древнейшую его функцию словообразовательного аффикса, выражавшего отношение принадлежности к денотату имени на *-*os* или *-*om*, то есть к именам соответственно активного или инактивного классов (ср. *$\underset{\cup}{\text{u}}l\text{k}^{[h]0}$-**os** ~ *$\underset{\cup}{\text{u}}l\text{k}^{[h]0}$-**iH** и *$\hat{\text{k}}^{[h]}er\underset{\cup}{\text{H}}$sr-**om** ~ *$\hat{\text{k}}^{[h]}er\underset{\cup}{\text{H}}$sr-**iH**).

Тем самым такое *-*ī* < *-*iH*- реконструируется как деривационный суффикс, образующий именную основу, которая относилась к активному или инактивному классу. В зависимости от этого именная основа на суффикс *-*iH*- характеризовалась окончанием активного класса *-*s* (которое уже весьма рано теряется по фонетическим причинам, см. выше, стр. 185) или же нулевым окончанием при именах инактивного класса. Из подобных маркированных образований на суффикс принадлежности *-*ī* возникают поздние адъективные формы принадлежности, параллельно с адъективами на *-*os*, *-*om* и *-*ā*. В ряде индоевропейских диалектов такие маркированные адъективные формы принадлежности на *-*ī* квалифицируются позднее как адъективы женского рода: *$\underset{\cup}{\text{u}}l\text{k}^{[h]0}$**ī** 'волчья', *r**ē**$\hat{\text{k}}$'(-n-)-**ī** 'царская', *p$^{[h]}$l$\text{t}^{[h]}$**Hu-ī** 'относящаяся к ширине, широкая'. Дальнейшая субстантивация адъективов этого типа приводит к образованию имен женского рода на *-*ī*, ср. др.-инд. *vṛ́kī-* 'волчица', *rā́jñī* 'царица', *pṛthivī́* 'земля' (буквально: 'широкая'); см. об этом процессе *Kuryłowicz 1964*: *§ 10, 218.*

В тех индоевропейских диалектах, в которых адъективный суффикс принадлежности **-i* начинает применяться в качестве генитива (ср. лат. *lupī*, *cerebrī*), он вытесняет древний суффикс единственного числа генитива имен активного класса **-om*:

$$*\underline{u}|k^{[h]0}\text{-om}//*\underline{u}|k^{[h]0}\text{-}\bar{\imath}$$

След такого генитива ед. ч. можно видеть в латинском местоимении *uestrum* 'каждого из вас', соотносящемся с формой *uestri* 'ваш' аналогично приводимому выше индоевропейскому дублету:

uestrum // uestri
nostrum // nostri

2.3. РАЗВИТИЕ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА И ЛОКАТИВА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И СТАНОВЛЕНИЕ ИМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ

Полная именная парадигма в индоевропейском, отраженная в исторических индоевропейских диалектах, складывается при образовании в системе индоевропейского склонения особых форм дательного и локативного падежей.

Основные отношения, выражаемые в исторических индоевропейских диалектах дательным и местным падежами, — такие отношения, как отношения адресата действия, цели и направленности действия—должны были выражаться в древнейшей индоевропейской системе с бинарным противопоставлением классов именными образованиями на **-om//-Ø* (структурно-синтаксический инактив). Структурно-синтаксический инактив на **-om //-Ø* преобразуется впоследствии в системе индоевропейского именного склонения в падеж прямого дополнения (аккузатив), который и обнаруживает в исторических индоевропейских диалектах, наряду со своим основным значением передачи *Patiens'a* при переходных глаголах, следы первоначальной функции диффузного падежа, выражавшего целый ряд отношений, дифференцированных позднее по отдельным падежам (в частности дательному и местному).

Подобную первоначальную семантическую диффузность, недифференцированность функций прототипа исторического аккузатива в индоевропейском можно усмотреть в конструкциях с двойным винительным падежом типа др.-инд. *taṁ sarvasvam adaṇḍayat* 'у него (*tam*, *вин. п.*) он берет в наказание все имущество'; *satyaṁ taṁ rājaputram upeyatuḥ* 'они пришли к принцу за правдой' (*ср. Thumb/Hauschild 1959, II : § 237, 1, 19*); ср. конструкции с формой *дат. пад.* в аналогичной функции, а также конструкции типа *Damayantīm anuvrataḥ* 'преданный Дамаянти' (кому, *вин. пад.*), а также *вин. пад.* при глаголах 'следовать' (*anu-pra-sthā-*) и др.

Прототип *вин. п.* первоначально также выражал отношения направленности действия и цели. В этом смысле характерны такие конструкции с аккузативом, как др.-инд. *āpo divam ud vahanti* 'они ведут воды к небу' (*вин. п. dívam*), *AV*; *tāv ubhāv adhamām tamo nayati* 'он ведет их обоих в глубочайшую тьму'; лат. *eō Rōmam* 'иду в Рим', греч. гом. (Н

363) κτήματα δ', ὅσσ' ἀγόμην ἐξ Ἄργεος ἡμέτερον δῶ 'вещи, какие я принес из Аргоса к нам домой'; ср. параллельные конструкции с формами *вин. п.* и *дат. п.*, выражающие направленность: *vanaṁ gacchamaḥ* 'мы идем в лес' ('лес' — *вин. п.*) и *vanāya pratiṣṭhati* 'он направляется в лес' *(Speyer 1886: § 79; 1896: § 43; Haudry 1978: 145 и след.)*.

Таким образом, именное образование на **-om*, оформившееся впоследствии в структурно-синтаксический инактив (прототип позднейшего индоевропейского аккузатива), выражает отношения и прямого дополнения, и косвенного дополнения классической системы, передавая отношения как адресата, так и направления действия. Иными словами, актанта на **-om* выражала функции падежа *Patiens*'а и ряда других падежей, оформившихся позднее как падежи дательный, местный, направительный. В этой структурной особенности древнейшей индоевропейской именной системы с двумя основными актантами на **-os* и на **-om*, выражавшими все основные синтаксические отношения, проявляется типичная специфика языка с бинарной структурой именных классов — класса активных и класса инактивных имен[1].

Весьма характерны для иллюстрации первичной недифференцированности отношений аккузатива - датива, выражавшихся изначально единой именной формой, древнехеттские прономинальные формы 1-го и 2-го лица, соответственно *ammuk* 'меня, мне' *(вин.-дат. пад.)*, *tuk* 'тебя, тебе' *(вин.-дат. пад.)*, а также энклитические местоименные формы *-mi* 'меня, мне', *-ta* 'тебя, тебе'; *-naš* 'нас, нам', *-šmaš* 'вас, вам'. Все эти хеттские прономинальные формы отражают древнейшее состояние индоевропейской системы с двумя основными именными образованиями, оформившимися впоследствии в качестве субъектного и общеобъектного падежей, выражавших все основные синтаксические отношения при предикативной форме. Собственно дательный-местный падеж, выражавший отношения адресата действия, а также отношения направленности действия и цели, появляется в системе индоевропейского склонения позднее, при разрушении бинарной системы склонения с двумя основными актантами и образовании именной парадигмы с более сложными падежными соотношениями.

В таких условиях целый ряд функций, выражавшихся первоначально в индоевропейской бинарной системе именными образованиями на **-om*, переходит позднее к вновь возникшим в системе падежным формам.

Такие особые падежи в системе индоевропейского склонения, давшие впоследствии конкретные формы дательного и местного падежей, очевидно, главным образом адвербиального происхождения. Это были сирконс-

[1] Типологическую параллель в этом отношении представляет картвельская языковая структура с пережиточно сохранившимся бинарным противопоставлением именных классов, в которой падеж на *-s* выражает функции как прямого дополнения, так и дательного и направительного падежей: ср. груз. *k'aci azlevs c'ign-s bavšv-s* 'человек дает книгу (*c'ign-s*) ребенку (*bavšv-s*)'; *midis kalak-s* 'идет в город (*kalak-s*)'; ср. также английские конструкции типа *he gave him a book* 'он дал ему книгу', *he went home* 'он пошел домой'.

анты при глаголах, выражавшие обстоятельственное уточнение к гла-ольной синтагме с основными актантами[1].

Дательный падеж на **-ei* и местный падеж на **-i* в индоевропейском -это в сущности аблаутные формы общего по происхождению обстоятель-твенного падежа при именах соответственно активного и инактивного лассов, который в дальнейшем стал выражать синтаксические отношения обственно дательного и местного падажей, ранее выражавшихся общим нактивным падежом на **-om, -Ø*. Такая обусловленность падежа на *-ei* (позднейшего дательного падежа) именами активного класса в отли-ие от падежа на **-i* (позднейшего локатива), связанного с именами инак-ивного класса, проявляется в особых синтаксических конструкциях гдельных индоевропейских языков, в которых дательный падеж приме-яется исключительно к именам лиц или персонифицированных объектов, о. *Kurytowicz 1964 : 191 и 196; Neu 1979 : 187*[2].

Такое употребление дательного падежа может объяснить применение го в конструкциях с аффективными глаголами, что, в свою очередь, свиде-ельствует о дополнительном подразделении класса активных имен на под-ласс одушевленных активных имен, способных к чувственному воспря-ию и ощущениям, и подкласс активных имен, лишенных этой способно-ти (например, растения, некоторые животные и другие "неодушевленные" лены активного класса). Выделение в языках аффективной конструкции редполагает, очевидно, особую подклассификацию в пределах активного ласса и вычленение такой группы имен, денотатам которых приписы-алась способность к чувственным восприятиям и ощущениям. Это — осо-ый класс имен, денотаты которых способны видеть, слышать, испытывать олод, холод, боль, страх и др. Такие имена, естественно, выступают в со-етании с глагольными формами, имеющими эту семантику, в особой онструкции, отличной от конструкций на **-os* при глаголах, выражаю-их общую семантику активных имен. Употребление дательного падежа подобных конструкциях отражает, по-видимому, древнейшую функцию ательного падежа, восходящую к начальным этапам индоевропейского остояния.

Ср. такие конструкции с дательным субъекта, как ст.-лит. *niežti mi* меня зудит, сверлит' (у Ширвида), *Schmid 1963: 69; Sabaliauskas 1957:*

[1] Ср. в отдельных индоевропейских диалектах функции дательного абсолют-ого и местного абсолютного (в конструкциях с причастными и деепричастными ормами), в частности дательный абсолютный при названиях лиц в славянском: т.-рус. *деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ѡльга мовь створити* (когда древляне ришли...); *Мстиславу сѣдящю на ѡбѣдѣ, приде ему вѣсть* (когда Мстислав сидел а обеде, ему пришла весть); *и на долзѣ борющемася има. нача изнемагати Мьстиславъ* (так как они долго боролись, начал изнемогать Мстислав), ср. о старославян-ком *Nečásek 1957*. Ср. локатив абсолютный в древнеиндийском: *astamana-velāyām* в времени захода солнца', *evaṁ gacchati kāle* 'тогда как время прошло так'.

[2] В этом отношении интересна падежная классификация Филлмора, где да-ельный падеж относится к одушевленному объекту, затронутому выражаемым гла-олом действием, ср. дательный падеж при аффективных глаголах в картвельском: *hanidzé 1963; Schmidt 1974b.*

111; Būga 1958—1961, II: 388 и 468; Stang 1942: 100 и 1966 : 316—317; Zinkevičius 1966: 350; латыш. *kam niež* 'у кого зудит' (*niež* вместо архаического латыш. *nīežt*, *Endzelīns 1951: 572 и 725—726*); ср. авест. *naēza-* (название болезни); лит. *nesimiegojo ir Jonui* 'не спалось и Иоанну', *Fraenkel 1928: 117* (ср. лит. диал. *miegmì* 'сплю', *Stang 1966: 311; Sabaliauskas 1957: 99—100; Zinkevičius 1966: 349*; родственно прус. *meicte* 'спит'; рус. *мжить* 'щуриться, полудремать');

Хет. *ku-e-dla-ni-ik-ki me-er-zi* дословно : 'по отношению к кому-нибудь исчезает', KBo XVI 25 I 43; *na-at-ták-kán me-er-du* дословно : 'и пусть для тебя исчезнет', KUB XVII 105 IV 24.

Некоторые формы косвенных падежей долгое время сохраняют недифференцированность по отношению к категории числа, ср. формы на **-b$^{[h]}$i/*-b$^{[h]}$i-s* адвербиального происхождения, ср. мик. *e-re-pa-te-jo po-pi* = ἐλεφαντείος ποπφί 'с ножками из слоновой кости', *a-ra-ru-ja a-ni-ja-pi* = ἀραρυῖα[ι] ἀνίᾱφι 'снабженный удилами' и т. п. *(Schmidt 1963; Lejeune 1958; ср. Шарипкін 1971)*.

3. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

3.1. ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ АКТИВНОЙ СТРУКТУРЫ. ГЛАГОЛ «БЫТЬ» В ПОСЕССИВНОМ ЗНАЧЕНИИ

Одним из древних употреблений индоевропейского дательного падежа является применение его в конструкциях с глаголом **es-* 'быть' для выражения отношения обладания *(Benveniste 1949 и 1966a : 188, 197; Бенвенист 1974; Watkins 1967; Allen 1964a : 338)*. Конструкции типа лат. *mihi aliquid est* 'у меня нечто есть', ср. хет. *tuqqa UL kuitki ešzi* 'тебе ничего нет' = 'у тебя ничего нет'[1], греч. ἐστί σοι χρυσός 'у тебя есть золото' отражают древнеиндоевропейскую конструкцию с семантикой посессивности[2]. Показательно, что в системе отсутствует глагол '*иметь*' для обозначения этого семантического отношения, что характерно для языков активного строя *(Климов 1973 : 217; ср. также Сахокия 1974)*.

Трансформация в истории латинского языка конструкции *mihi aliquid est* в *habeō aliquid* отражает появление в отдельных исторических индоевропейских диалектах собственно глагола '*иметь*' как с самостоятельной семантикой посессивности, так и в качестве вспомогательного глаго-

[1] Ср. *A.NA* ^{D}*Titiutti* NINDA.KUR$_4$.RA UD^{MI} *UL ešzi* 'для божества Титиутти нет дневного жертвоприношения', KUB XXXVIII 14, Vs. 51.

[2] Эта конструкция сохранялась и при замене конкретного глагола **es-*, например, *ta* в древнеирландском: др.-ирл. *ni-t-ta* 'у тебя нет' и *nes-* в тохарском: *Бенвенист 1974: 204* ("одну из семантических функций es- или его субститутов в конструкциях с дательным падежом представляет выражение отношения обладания, то есть 'быть у' в значении 'иметься' "), ср. в тох. B: *Nesäṁ ksa ñi yesä-śc añma-ṣṣe reki* 'у меня есть к вам мое личное слово' = 'я имею что вам сказать'; ср. такие же конструкции с лит. *yrà*, латыш. *ir(a)* 'есть'.

ла в сложных глагольных образованиях[1] *(Benveniste 1966a; Бенвенист 1974)*. Такие глаголы со значением 'иметь' в отдельных языках развиваются из глаголов с конкретной семантикой 'держать' (ср. хет. *ḫark-* 'держать') →'иметь'; ср. лат. *arceō* 'держать', 'удерживать'; греч. ἔχω 'иметь', из и.-е. **seĝ$^{[h]}$-* 'держать': ср. др.-инд. *sáhate* 'одолевает'; ср. также лат. *habeō* 'иметь' при лат. *inhibeō* 'удерживаю', из и.-е. **g$^{[h]}$ab$^{[h]}$-*: др.-ирл. *gaibid* 'хватает', 'берет'.

Конструкции с дательным падежом в сочетании с глаголом **es-*, выражавшие отношение посессивности, характеризуются семантической спецификой, допускающей отрицание этого отношения. Конструкция *mihi est aliquid* 'у меня (*dat. pad.*) есть нечто'[1] допускает отрицательную: *mihi non est aliquid* 'у меня нет чего-либо'.

3.2. ВЫРАЖЕНИЕ «ОТЧУЖДАЕМОЙ» И «НЕОТЧУЖДАЕМОЙ» ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Такие негативные формы в конструкциях принадлежности, как приводимые выше: хет. *tuqqa UL kuitki ešzi* 'у тебя нет ничего', др.-ирл. *nit-ta* 'у тебя нет', а также ряд других подобных конструкций (в балтийских и славянском, ср. ст.-слав. *jedĭnomu městŭ věnĭca* 'uni non est corona', 'у одного нет венца-короны', Супр. *58, 16*; *i ne bě ima čęda* 'καὶ οὐκ ἦν αὐτοῖς τέκνον', 'и не было у них самих детей (ребенка)', *Еванг. от Луки, 1, 7, ср. Vondrak 1900 : 288; Топоров 1959 : 290—291 и 1960 : 9; Benveniste 1949*), указывают на выражение ими отношения "отчуждаемой" (неорганической) принадлежности, то есть той разновидности отношения принадлежности, при которой предмет мыслится как неотносящийся органически к обладателю, как нечто, что может быть отчуждено от обладателя[2].

Однако в языке представлены и такие реляционные имена, которые (в противоположность "абсолютным") мыслятся по необходимости в сочетании с какими-то другими именами. К именам подобной семантики относятся, например, такие, как 'рука', 'брат', 'сторона' и другие, которые уже по самой своей семантике предполагают соотнесенность с другим объектом 'чья-то рука', 'чей-то брат', 'сторона по отношению к кому-то'. Такое отношение принадлежности, предполагаемое семантикой подобных слов, характеризуется как "неотчуждаемая" (органическая) принадлежность. В целом ряде языков проводится формальная дифференциация выражения органической и неорганической принадлежности *(Fillmore 1968)*, которая отражает особый принцип именной классификации, очевидно, в пределах активного класса.

[1] Рассмотренное выше диахроническое преобразование конструкции дательного падежа с глаголом **es-* в конструкцию с глаголом 'иметь', имевшее место в отдельных индоевропейских диалектах, объясняется универсальными семантическими соотношениями различных посессивных конструкций, выводимыми при типологическом сопоставлении языковых систем *(Fillmore 1968 : 61 и след.)*.

[2] О подобной функции дательного падежа см. также *Boeder 1972*.

Следы такой формальной дифференциации отношения органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности можно видеть в параллельных хеттских конструкциях принадлежности с самостоятельными притяжательными местоимениями типа *ammel* 'мой', *tuel* 'твой', *apel* 'его' и энклитическими притяжательными местоимениями *-miš*, *-mit* 'мой, моя, мое'; *-tiš*, *-tit* 'твой, твоя, твое'; *-šiš*, *-šit* 'его'. Регулярное употребление в древнехеттских текстах энклитических притяжательных местоимений с реляционными именами[1] при применении независимых притяжательных местоимений преимущественно с абсолютными именами [ср. др.-хет. *a-a-ma an-zi-*[*el* SAL].LUGAL URU*Ka-ni-iš XXX* SAL.DUMU I.*ŠU ḫa-aš-ta* 'однажды наша царица города Канес (Несы) тридцать дочерей за один раз родила', KBo XXII 2 A, Vs. 12—13; ср. обычное соединение такого родительного падежа личного местоимения *anzel* перед титулами типа [*an-*]*zi-el BE.LI* 'господин наш', KBo XIV 12 IV 17 в новохеттских текстах, что сопоставляется и с древнехеттским употреблением (*Otten 1973 : 31*)] может указывать на такое формально выраженное языковыми средствами разграничение отношения отчуждаемой (неорганической) и неотчуждаемой (органической) принадлежности[2].

В этом отношении интересную типологическую параллель представляют данные фиджийского языка. В этом языке отношение неотчуждаемой принадлежности выражается суффиксальными элементами, отношение отчуждаемой принадлежности — препозитивными притяжательными местоимениями: ср. *ulu-qu* 'моя голова' (то есть голова как часть моего тела) и *kequ ulu* 'моя голова' (например, чужая голова, принесенная мне для еды, *Леви-Брюль 1950 : 210—211; Milner 1971 : 409*).

Предполагаемое для древнехеттского противопоставление конструкций, выражающих органическую и неорганическую принадлежность, отражает, очевидно, древнейшее общеиндоевропейское состояние с противопоставлением посессивных конструкций по семантической специфике выражаемого ими отношения посессивности. След такой дифференциации в выражении посессивных отношений, восстанавливаемый по древнехеттским данным, можно видеть и в наличии в отдельных исторических индоевропейских диалектах местоименных форм, отражающих существование в исходной системе двух рядов посессивных прономинальных конструкций: в одних из этих диалектов сохраняются независимые притяжательные местоимения, в других — энклитические прономинальные элементы, этимологически соответствующие хеттским энклитическим притяжательным местоимениям:

[1] Хет. *attaš-miš* 'отец мой', *ešḫaš-miš* 'господин мой', *keššaraš-miš* 'рука моя', *ker-met* 'сердце мое', *laman-mit* 'имя мое', *pir-mit* 'дом мой', 'хозяйство и семейство мое', *kattan-šet* 'низ его', *piran-šet* 'передняя сторона его' и другие.

[2] В этом отношении интересно употребление независимого притяжательного местоимения *3 л. ед. ч. šel* (вместо *-šiš*, *-šeš*) в древнехеттской билингве Хаттусили: *ši-i-e-el* IR^{MEŠ}.*ŠU* [*I.NA* I AM]A *ḫa-aš-ša-an-te-eš* 'его подданные [от одной матер]и рождены' (HAB II 47), ср. в тексте Телепину *kainaš-šeš* 'его свойственники', с энклитическим притяжательным местоимением.

Ср. независимые местоимения: греч. ἐμός 'мой'[1], σός 'твой', эол. ἄμμες 'наш', ὔμμες 'ваш'; авест. *ma-* 'мой', *θwa-* 'твой'; др.-инд. вед. *tvá-* 'твой' (RV, AV) при энклитических: лат. *meus*, *эвам. n. mi* (ср. хет. *эвам. n. -mi* в *atta-mi* 'отец мой!', *išḫa-mi* 'господин мой!'), ст.-слав. *mojĭ*, гот. *mei-* в *meins* 'мой' (*Brugmann 1904; Schwyzer 1939, I: 608; Szemerényi 1970: 203, § VIII. 4. 5*).

При сопоставлении независимых и энклитических прономинальных форм, представленных в приводимых выше индоевропейских диалектах, можно было бы реконструировать для исходного состояния два параллельных ряда прономинальных посессивных конструкций — ряд самостоятельных посессивных местоимений и ряд энклитических прономинальных форм, то есть такое языковое состояние, которое исторически засвидетельствовано в древнехеттском языке, что лишний раз подтверждает общеиндоевропейский характер этого противопоставления, выводимого на основании исторических данных хеттского языка.

4. БИНАРНАЯ СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОНОМИНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

4.1. ИНКЛЮЗИВ — ЭКСКЛЮЗИВ

Бинарная именная классификация с противопоставлением активного и инактивного классов имен, реконструируемая для древнейшего общеиндоевропейского состояния, особенно отчетливо видна в бинарной структуре прономинальной системы. Личные местоимения в индоевропейском ориентируются не на передачу противопоставлений грамматического рода, возникающего в индоевропейской структуре значительно позднее, в эпоху оформления и развития отдельных диалектов, а на передачу классификации по двум основным группам — актива и инактива. Это видно, прежде всего, в наличии двух основных форм указательного местоимения (***is** 'этот, эта', ***it** 'это'), из которых одна {**is*} связывается с именами активного класса (исторически мужской—женский или общий род), другая соотносится исключительно с именами инактивного класса (исторически средний род)[1]: ср. лат. *is, id*; гот. *is, it-a*; др.-инд. *ay-ám* (*м. р.*), *iy-ám* (*ж. р.*), *id-ám* (*ср. р.*). В этом отношении свидетельства этих индоевропейских диалектов совпадают с данными хеттского языка, в котором прономинальная система, как и именная, различает грамматическую классификацию по двум родам — общему и среднему, что, в сущности, отражает общеиндоевропейское противопоставление имен по двум классам — активному и инактивному.

Такая первоначальная бинарная именная классификация в индоев-

[1] Ср. выше о возможности соотнесения местоименных показателей **-s* и **-t[h]* (**-t'*) с соответствующими именными маркерами активного и инактивного классов, а также о типологической параллели, заключающейся во вторичном оформлении этими местоименными показателями двух именных классов в лидийском, ср. стр. 188 и след.

ропейском проявляется и в факте наличия в прономинальной системе категории инклюзива—эксклюзива.

По общетипологическим соображениям можно заключить, что языковая структура с бинарной именной классификацией типа "активный ~ инактивный", "одушевленный ~ неодушевленный", "человек ~ вещь" и др. предполагает наличие категории инклюзива — эксклюзива в прономинальной системе (ср. данные большинства австралийских языков, австронезийских языков, языков дравидской группы, некоторых африканских языков группы нигер-бенуа и многих американдейских, а также кавказских языков).

Категория инклюзива—эксклюзива выражается в противопоставлении друг другу двух форм личного местоимения 1-го л. мн. ч., из которых одна форма выражает множественность при объединении 1-го лица со вторым ('мы' в инклюзивном значении, то есть представители одного общего класса, они же участники акта коммуникации), другая же форма выражает множественность при объединении 1-го лица с 3-им, исключая второе ('мы' в эксклюзивном значении, то есть представители разных классов).

При строгом формальном разграничении таких двух классов в языке естественно противопоставляются в плане выражения местоименные формы 1-го л. мн. ч., объединяющие только элементы одного класса, и местоименные формы 1-го л. мн. ч., объединяющие элементы разных классов. Иными словами, язык с бинарной структурой именных классов имплицирует категорию инклюзива—эксклюзива в прономинальной системе (*Гамкрелидзе 1959 : 11*). Индоевропейская языковая система с бинарной классификацией именных образований на класс активных и инактивных имен должна носить в себе следы инклюзива—эксклюзива в прономинальной системе.

Действительно, для 1-го лица множественного числа в индоевропейском восстанавливаются две формы: **ɥei-* (**ɥes*) и **mes*, распределенные по различным историческим диалектам : др.-инд. *vayám*, авест. *vaēm* (= **vayəm*), гот. *weis*, хет. *ɥeš*, тох. В *wes* и лит. *mẽs*, ст.-слав. *my*, арм. *mek*.

Реконструкция обеих местоименных основ в функции 1-го л. мн. ч. в индоевропейском становится понятной при их семантической дифференциации и определении их как инклюзивной и эксклюзивной форм местоимения, ср. *Прокош 1954 : 308—309; Prokosch 1939; Liebert 1957 : 95—107; Benveniste 1959a*. Совпадение начального элемента формы *1 л. мн. ч. *ɥei-* с формой *2 л. мн. ч.* местоимения (ср. ст.-слав. *vy*, лат. *uōs*) может свидетельствовать в пользу инклюзивности общеиндоевропейского местоимения *1 л. мн. ч. *ɥei-//*ɥes* в противовес форме **mes*, выражавшей, очевидно, эксклюзивное множественное число[1].

[1] Основываясь на таких же типологических соображениях, согласно которым инклюзив *1-го л.* включает элементы показателей *2-го л.* (*Forchheimer 1953 : 98 и след., 114 и др.*), делали, однако, и иное заключение, согласно которому инклюзивные формы отражены в др.-инд. *-asma-* (основа косвенных падежей личного местоимения *1 л. мн. ч.*), греч. эол. ἄμμες<*ἀσμες, лат. *nōs*, гот. *вин. пад. uns(is)*, поскольк-

При такой интерпретации этих двух форм местоимения 1-го лица множественного числа в индоевропейском становится понятным применение формы **ŭe-* для выражения двойственного числа в балто-славянском и германском: лит. *vè-du*, ст.-слав. *vě*, гот. *wit* 'мы оба'[1].

Разрушение бинарной структуры именных классов в индоевропейском приводит к элиминации мотивированной ею категории инклюзива—эксклюзива в прономинальной системе, вследствие чего только одна из двух форм индоевропейского местоимения 1-го л. мн. ч. сохраняется в отдельных индоевропейских диалектах в общем значении местоимения 1-го л. мн. ч. В балто-славянском и армянском — это основа **mes*, в индо-иранском, германском, анатолийском и тохарском — основа **ŭei-*[2].

5. БИНАРНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

5.1. ДУБЛЕТНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ БИНАРНОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕН ПО АКТИВУ—ИНАКТИВУ

Реконструируемая для древнейшего индоевропейского состояния бинарная классификация имен по признаку активности—инактивности со всеми вытекающими из такой классификации структурными импликациями в системе именного склонения приводила к естественному делению всего множества глагольных образований на два структурно-семантических класса: на класс активных глаголов, сочетающихся исключительно с активными актантами, и класс инактивных глаголов, сочетающихся синтаксически с инактивными именами.

Такое разбиение всего множества глаголов на подмножества, индуцируемое бинарной классификацией именных образований, приводит к естественной семантической группировке глагольных форм по двум основным классам в зависимости от выражаемой ими активной или инактивной семантики.

ку в них имеется тот же элемент *-s-*, что и в др.-инд. формах косвенных падежей личного местоимения *2 л. мн. ч.* от основы *yuṣma-*, греч. эол. ὔμμες <*ϝσμες *(Erhart 1970: 38—41; 1973 : 253)*.

[1] Уоткинс, высказываясь в специальном экскурсе *(Watkins 1969: 46—48)* в пользу гипотезы о вторичности двойственного числа в индоевропейском, реконструирует для общеиндоевропейских местоименных форм **ŭe-*, **ne- *ĭu-* (и соответствующих глагольных окончаний **-ŭe*, **-me*, **-t(h)e*) значения *1 л. мн. ч. инклюзива, 1 л. эксклюзива, 2 л.* и выдвигает предположение, что "только позднее из-за потери противопоставления эксклюзив—инклюзив и распространения (из категории имени?) двойственного числа в различных языках они были перераспределены" между другими значениями; ср. также о **ŭe (инкл.)*, **ne (экскл.) Jensen 1930*, с предполагаемым и.-е. **ne* 'мы' *(экскл.)*, ср. эксклюзивное **na-* в общекартвельском, *Гамкрелидзе 1959 : 46—47*.

[2] Ср. аналогичное развитие категории инклюзива — эксклюзива в прономинальной системе в картвельских языках, в которых общекартвельское эксклюзивное местоимение *1-го л. мн. ч. na-* сохраняется в общем значении местоимения *1-го л. мн. ч.* в сванском, тогда как в грузинском и мегрело-лазском представлены местоименные формы *1 л. мн. ч.*, восходящие к общекартвельскому инклюзивному местоимению *1-го л. мн. ч. *ĕwen-*, *Гамкрелидзе 1959*.

Изначальный семантический принцип классификации индоевропейских глагольных форм выражался не в делении глаголов на транзитивные (переходные) и интранзитивные (непереходные), которое представляет собой независимый от именной классификации принцип семантического противопоставления глагольных форм[1], а в семантически индуцированной классификации глагольных форм на класс активных и класс инактивных глаголов в зависимости от характера выражаемого ими глагольного действия или состояния[2].

В зависимости от сочетания глагольных форм с именами активного или инактивного класса возникают как дублетные глагольные лексемы (в случае общей глагольной семантики для имен активного и инактивного классов, такой как ***быть, лежать, падать, двигаться*** и др.)[3], так и параллельные морфологические показатели глагола, соотносимые с именами активного или инактивного класса.

К остаткам таких древних индоевропейских дублетных глагольных лексем, мотивированных активным и инактивным именными классами, сле-

[1] Таким автономным характером семантической классификации глагола на классы транзитивных и интранзитивных объяснимо то, что во многих языках с противопоставлением глаголов по переходности — непереходности может отсутствовать последовательно проводимая именная классификация (за исключением родовой классификации в ряде языков, не имеющей прямой связи с глагольной переходностью—непереходностью). Следовательно, глагольная классификация по транзитивности—интранзитивности не мотивируется структурой какой бы то ни было классификации именных образований. В этом отношении нельзя принять гипотезы Педерсена *(Pedersen 1905: 129 и след.; 1933; 1938: 80—86)*, который предполагал противопоставление в индоевропейском транзитивного и интранзитивного спряжения, связанное с различением эргатива и неэргатива в имени. Эти семантические характеристики именных и глагольных противопоставлений, как у Педерсена, так и у следовавших за ним ученых (см. критику: *Watkins 1969: 66*, § *46*), не согласуются с фактами индоевропейских языков, говорящих о позднем возникновении категории переходности—непереходности *(Десницкая 1951)*, хотя само формальное противопоставление двух сходных типов в глаголе и имени было Педерсеном замечено правильно (однако неверно семантически истолковано).

[2] Факты многих древних индоевропейских языков свидетельствуют о вторичности противопоставления глаголов по переходности — непереходности в истории индоевропейского языка, ср. намеченное еще Швицером более древнее деление глаголов на энергетические и анэргетические, перекрывающее противопоставление по переходности—непереходности *(Schwyzer/Debrunner 1950, II*; ср. о сопоставлении с северо-западнокавказским *Schmidt 1973)*. Целый ряд глагольных форм, оформившихся в исторических индоевропейских диалектах как переходные или непереходные, реконструируется для более ранних языковых состояний как диффузные глаголы, переходно—непереходные, без признаков последующего их противопоставления по транзитивности—интранзитивности: ср. хет. *ḫark-* 'гибнуть', *ḫarkta* 'погибал' (каузатив *ḫarganu-*, *ḫarnink-* 'губить'), др.-ирл. *-ort*<**or-k-t* 'губил', *Десницкая 1951; Иванов 1965: 62.*

[3] Ср. дублетные глагольные формы в исторически засвидетельствованных языках активного строя, например, навахо: *t'i* 'быть (о людях, животных)' // *t'él* 'быть (о предметах)'; *tiⁿ* 'лежать (о людях, животных)' //-*'á* 'лежать (о предметах)'; *hááh, -ya* 'двигаться (о людях, животных)' // *kęęs* 'двигаться (о предметах)', *Reichardt 1951: 352—357.*

дует отнести в первую очередь такие глагольные формы, как и.-е. ***es-** 'быть'//***b$^{[h]}$uH-** 'быть'; ***ses-** 'лежать', 'спать'//***k̂$^{[h]}$ei̯-** 'лежать', ***st$^{[h]}$-aH-** 'стоять'//***or-** 'стоять', ***es-** 'сидеть'//***set'-** 'сидеть' и другие[1].

Реконструируемые для общеиндоевропейского языка два ряда личных показателей глагола, с одной стороны, так называемые первичные и вторичные показатели исторического презенса - аориста **-m(i)*, **-s(i)*, **-t[h](i)* и исходные показатели исторического перфекта и медиума **-Ha*, **-t[h]Ha*, **-e*[2] (ср. греч. οἶδ-α, οἶσ-θα, οἶδ-ε, др.-инд. *véd-a*, *vét-tha*, *véd-a*), с другой, должны быть в конечном счете соотнесены с разграничением сочетающихся с глаголом актант соответственно по активному и инактивному классам. Характерно, что члены приводимых выше глагольных дублетных пар противопоставляются в плане выражения также и по принадлежности к одному из этих рядов:

Ряд *-m(i)	Ряд *-Ha
И.-е. ***es-** 'быть' (хет. *eš-mi 1 л. ед. ч.*, *eš-zi*; др.-инд. *ás-mi*, *ás-ti*; греч. εἰμί, ἐστί, лат. *sum*, *est*; ст.-слав. *es-mĭ*, *es-tĭ*);	И.-е. ***b$^{[h]}$uH-** 'быть' (др.-инд. *1 л. ед. ч. перф. babhûva* 'я был', 'я стал'; греч. πέφῡκα, *перф.*; лат. *fuī* 'я был', др.-англ. *bēom*, *1 л. ед. ч.* 'быть');
И.-е. ***ses-** 'лежать', 'спать' (хет. *šeš-zi*, *3 л. ед. ч.* 'спит', др.-инд. *sásti* 'спит');	И.-е. ***k̂$^{[h]}$ei̯-** 'лежать' (хет. *kittari*, *3 л. ед. ч. мед.* 'лежит'[3], греч. κεῖται 'лежит', др.-инд. *śéte* 'лежит');
И.-е. ***st$^{[h]}$aH-** 'стоять' (греч. ἵστημι, *1 л. ед. ч.*, др.-инд. *tíṣṭhati*, *3 л. ед. ч.*, авест. *hištaiti*, *3 л. ед. ч.* 'стоит', ср. хет. *tiyami* 'выступаю');	И.-е. ***or-** 'стоять'; 'вставать' (хет. *arḫaḫari*, *1 л. ед. ч.*, греч. ὄρτο, лат. *orior* 'встаю');
И.-е. ***es-** 'сидеть' (хет. *eš-zi*, *3 л. ед. ч.*, ср. греч. ἧσται, др.-инд. *áste*);	И.-е. ***set'-** 'сидеть' (др.-инд. *sasáda*, *перф.*).

[1] Согласно выводам недавних работ Ф. Бадер *(Bader 1976: 108)*, глаголы **es-* 'быть', **ei̯-* 'идти', **(a)u-* 'видеть' (хет. *uḫḫi*), **et'-* 'есть', **ek[h]°-* 'пить' и некоторые другие первоначально принадлежали к числу инактивных и лишь позднее перешли в серию активных.

[2] Об исторической связи индоевропейского медиопассива с перфектом см. *Kuryłowicz 1932, ср. 1956: 41—44; 1964: 56—89; 1977: 65; Stang 1942 : 29 и след.; Watkins 1969 : 66—67; Puhvel 1970; Cowgill 1972 : 924—925;* к индоевропейским окончаниям действительного и среднего залога ср. также *Schmalstieg 1976*.

[3] Ср. *ki-* в значении 'лежать', 'существовать' с названиями "неодушевленных" семантем: в среднехеттском тексте KBo XV 10 I 8: KÙ.BABBAR GUŠKIN NA$_4$ ZI.GI NA$_4$KÁ.DINGIR.RA NA$_4$*pa-ra-aš-ḫa-aš* NA$_4$DU.ŠI NA$_4$*lu-ul-lu-ri* NAGGA URUDU *ki-it-ta* 'имеется (лежит) (то есть, наличествует) серебро, золото, ляпис-лазурь, вавилонский камень, камень *parašḫa-*, горный хрусталь, камень *lulluri*, олово и медь'. В древнехеттском ритуале KBo XVII 1+I 31' : *še-er-še-me-ta* [G]ÌR ZABAR *ki-it-ta* 'и над ними (на верху их) бронзовый нож лежит', ср. также хет. *na-aš-za a-ar-ši-ki-it ta ya-a-tar* DINGIR^{MEŠ}*-aš e-eš-ri-ya ku-it ki-it-ta-ti* 'и он течет (поток), и вода, которая лежит (положена) на образах богов' KUB IX 28, Rs. IV *5—6*.

5.2. ДВА РЯДА ГЛАГОЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: *-*mi* И *-*Ha*, СООТНОСИМЫХ С АКТИВНОЙ И ИНАКТИВНОЙ АКТАНТАМИ. ОТРАЖЕНИЕ ЭТИХ РЯДОВ В ХЕТТСКОМ И ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Из двух рядов показателей ряд *-*m(i)* соотносится, очевидно, с активной актантой, ряд *-*Ha* — с инактивной. Такая интерпретация этих двух рядов показателей представляется правдоподобной ввиду семантики тех глагольных структур, которые возникают позднее из форм с окончаниями ряда *-*Ha* в противовес структурам, характеризующимся показателями ряда *-*m(i)* [1]. Индоевропейские структуры, характеризовавшиеся показателями ряда *-*Ha*, лежат в основе перфектных и медиальных образований в большинстве индоевропейских диалектов, а также в глагольных структурах спряжения на *-ḫi*//-ḫa* в анатолийских языках.

Первоначальной функцией индоевропейского перфекта было выражение состояния объекта (которое возникало в результате предшествующего действия), ср. гом. ἔοικα 'быть похожим', ὄδωδα 'пахнуть' *(Chantraine 1927)*. Тем самым устанавливается естественная формальная и семантическая связь между образованиями перфекта с окончаниями *-*Ha*, *-*t[h]a*, *-*e* и индоевропейским медиопассивом, ср. греч. гом. ἕστηκα 'я стою' при ἵσταμαι 'я встаю, становлюсь'; ἐγρήγορα 'бодрствую' при ἐγείρομαι 'я пробуждаюсь' *(Wackernagel 1924: 168)*. Характерно, что хеттское спряжение на *-ḫi* ориентировано преимущественно на передачу тех глагольных окончаний, которые в других языках передаются соответствующими формами медиопассива, ср. хет. *paḫḫašḫi* и лат. *pāscō* 'пасу', хет. *arḫi* 'достигаю' и лат. *orior* 'встаю' *(Rosenkranz 1953 и 1958)*.

Совершенно очевидна историческая связь в хеттском окончаний спряжения на *-ḫi*: *1 л. ед. ч. -ḫi, 2 л. -ti, 3 л. -i (наст. вр.), 1 л. -ḫun, 2 л. -ta, 3 л. -ta (пр. вр.)* с окончаниями медиопассива: *1 л. ед. ч. -ḫaḫa(ri), 2 л. -ta-(ti), 3 л. -ta-(ri)*.

Такое развитие в индоевропейских диалектах глагольных структур с окончаниями на ряд *-*Ha* является довольно недвусмысленным указанием на первоначальную функцию глагольных показателей этого ряда.

[1] След морфологического противопоставления имен активного и инактивного классов можно было бы видеть и в парадигмах спряжения некоторых индоевропейских глагольных форм, в частности глагола **es-* 'быть'. Выше этот глагольный корень был квалифицирован как лексически соотнесенный с именами активного класса и характеризуемый морфологически спряжением на **-mi*, в противовес корню **b[h]uH-*, лексически соотносимому с именами инактивного класса и характеризуемому спряжением на **-Ha*. Однако наличие ряда морфологических структур глагола **es-* в отдельных индоевропейских диалектах может указывать и на древнее противопоставление данной лексемы по активу—инактиву в зависимости от типа спряжения на **-mi* и **-Ha*. Такие реликтовые формы на **-Ha* можно видеть в формах типа лув. *ašḫa* 'я был' и др. (*ср. Bader 1976*), если эти формы не представляют позднейшего новообразования в отдельных индоевропейских диалектах.

Это были первоначально особые маркеры в глагольной форме, соотносимые с актантами инактивного класса, в противовес окончаниям ряда **-mi*, являвшимся своего рода экспонентами именных образований (актант) активного класса.

Семантическая интерпретация глагольной парадигмы, оформляющейся окончаниями **-Ha*, **-t[h]Ha*, **-e* при именах инактивного класса, позволяет судить об ее более позднем характере по сравнению с глагольной парадигмой ряда **-mi*.

Ввиду семантических особенностей глагольной структуры при именах инактивного класса парадигма эта должна была быть дефектной по сравнению с глагольной парадигмой ряда **-mi*. Дело в том, что семантика имен инактивного класса исключает в глагольных структурах ряда **-Ha* глагольные формы 1-го и 2-го лиц, представляющих собой участников акта коммуникации[1], которыми не могут быть представители инактивного класса ввиду их особой семантической специфики. Следовательно, инактивная одновалентная глагольная парадигма характеризовалась изначально лишь единственной формой 3 л. ед. ч. на **-e*, которая не противопоставлялась особым формам 1-го и 2-го лица. Глагольная форма 3-го "лица" являлась, тем самым, структурно безличной формой, не знавшей парадигматических противопоставлений по лицам.

Какая-либо синтагма *In — V-e*, предполагаемая для древнейшего индоевропейского состояния, должна была представлять собой в сущности предикативную адъективную конструкцию, выражавшую состояние или качество денотата имени инактивного класса. Предикат в такой синтагме мыслится не как собственно глагольная форма, а как адъективное (именное) образование в предикативной функции. Так, например, индоевропейская инактивная синтагма типа ***ak̂[h]men k̂[h]ei̯-e** 'камень лежит'[2] или ***u̯ot'ort[h] p[h]|H-e** 'вода широка', ***neb[h]es- leu̯k[h]-e** 'небо светлое' содержала предикативный элемент, который в равной мере можно интерпретировать либо как безличный глагол (то есть глагольную форму, не противостоящую другим лицам), либо как адъектив в функции предиката.

Именно к этой структуре предиката в таких инактивных конструкциях восходят отмечаемые Курыловичем *(Kuryłowicz 1956: 44)* наиболее архаичные формы прилагательных на **-e/o* типа ***leu̯k[h]-e**, а также адъективные элементы на тематический гласный **-e/o* в сложных словах типа хет. *šallakard-* 'большое сердце' [в производном глаголе *šallakardai-* 'причинять вред (или сердить) высокомерием'], хет. *pattar-palḫi-* 'ширококрылое' (буквально: 'крыло — широкое'), ср. лат. *palūs, род. п. palūdis* 'болото', рус. *половодье*, *Трубачев 1972*.

Возникновение полной парадигмы глагольных форм в конструкциях

[1] О *1-м* и *2-м* лицах как участниках акта коммуникации в отличие от *3-го* лица как объекта коммуникации см. *Benveniste 1966a*; ср. также *Бенвенист 1974; Jakobson 1971b, II: 130 и след.*

[2] Ср. др.-хет. *linkiia kattan kiia* 'клятве подлежит', KUB XXXVI 109, 11 *(Watkins 1969: 86, § 68)*.

с именами инактивного класса с оппозитивными формами 1-го, 2-го и 3-го лица следует отнести к более позднему периоду и приписать влиянию парадигм с двухвалентными глагольными структурами в сочетании с именами активного и инактивного классов в функции соответственно *Agens*'а и *Patiens*'а. При оформлении двухвалентной глагольной структуры обеими актантами из класса активных имен в функции соответственно *Agens*'а и *Patiens*'а глагольная структура присоединяла к себе окончания ряда **-mi* в качестве показателей имен активного класса.

Можно реконструировать следующую парадигматическую модель спряжения двухвалентных глагольных структур при активных актантах:

Agens	*Pred.*	*Patiens*
1 л. *A*	— *V-mi* —	A^{In}
2 л. *A*	— *V-si* —	A^{In}
3 л. *A*	— *V-ti* —	A^{In}

Человек убивает зверя

Такая парадигма древнего индоевропейского спряжения хорошо засвидетельствована во многих индоевропейских диалектах.

Однако, наряду с такой парадигмой двухвалентных глагольных структур с обеими исключительно активными актантами, в индоевропейском должны были быть представлены, естественно, и такие синтагматические структуры, в которых двухвалентная глагольная форма сочеталась с одной из актант инактивного класса в качестве *Patiens*'а, при активной актанте в качестве *Agens*'а, примерно типа: ***человек кладет камень***. В языке, строго разграничивающем активный и инактивный классы имен, такая конструкция должна была, естественно, отразиться в глагольной структуре иначе, чем в конструкции с обеими актантами активного класса.

Такое структурное отличие выразилось в синтаксических конструкциях второго типа посредством присоединения к глагольной форме другого ряда показателей, отличного от ряда **-mi*, а именно суффиксов *1-го л.* **-Ha*, *2-го л.* **-$t^{[h]}$Ha*, *3-го л.* **-e*, являвшихся как бы показателями представленной в синтагме инактивной актанты:

Agens	*Pred.*	*Patiens*
1 л. *A*	— *V-Ha* —	*In*
2 л. *A*	— *V-$t^{[h]}$Ha* —	*In*
3 л. *A*	— *V-e* —	*In*

Суффикс **-e* в этой парадигме, очевидно, тот же показатель, что и формант **-e* в одновалентных глагольных формах с инактивной актантой. Тем самым можно утверждать, что в синтагме *A — V-e — In* глагольная форма содержит в себе экспонент инактивной актанты, выступающей в функции *Patiens*'а.

Аналогичным образом следует интерпретировать в приведенной парадигме показатели *1-го л.* **-Ha* и *2-го л.* **-$t^{[h]}$Ha*. Формант 2-го лица **-$t^{[h]}$Ha*, в котором, по-видимому, выделяется элемент **-Ha*, совпадающий с показателем *1-го* лица **-Ha*, является сложным образованием на **-$t^{[h]}$-Ha*,

где элемент **-$t^{[h]}$-* указывает на активную актанту *2-го* лица (ср. основу с **$t^{[h]}$-* в личных и притяжательных местоимениях: хет. *zik*, *вин. п. tuk* 'ты', *-ta* 'тебе, тебя', *-tiš* 'твой', *-tet* 'твое', др.-инд. *tvám*, лат. *tē* и др.), а элемент **-Ha* является экспонентом актанты инактивного класса, выступающей в такой синтагме в качестве *Patiens*'а. Этот же показатель представлен и в окончании глагольной формы *1-го* лица **-Ha* при структурном нуле (*Ø*) в качестве показателя активной актанты, выступающей в функции *Agens*'а[1].

Следовательно, структуру 1-го лица

A —— V-Ha —— In

следовало бы переписать как

A —— V-Ø-Ha —— In

при структуре 2-го лица

A —— V-$t^{[h]}$-Ha —— In

Описанная выше парадигма двухвалентных глагольных форм с активной и инактивной актантами наиболее полно сохранилась в хеттском языке в типе переходных глаголов спряжения на *-ḫi*.

Еще в историческую эпоху развития анатолийских языков, в частности древнехеттского, можно видеть определенную тенденцию употребления переходных глаголов на *-ḫi* с прямым дополнением неодушевленного (среднего) рода. Такие переходные глаголы спряжения на *-ḫi*, как *da-* 'брать', *dai-* 'класть', *pai-* 'давать', *mema-* 'говорить', *nai-* 'поворачивать', 'посылать', 'вести' и др., выступают с прямым объектом преимущественно в среднем роде. В этом проявляется явная связь таких конструкций с древнейшими индоевропейскими конструкциями с глагольной формой на ряд **-Ha* при инактивных актантах:

Ср. в древнехеттском: GIŠTUKULḪI.A-*uš-šu-uš-ta* ZAG.LU-*za daaḫ-ḫu-un nu-uš-ma-aš* GIŠ X *pí-iḫ-ḫu-un* 'оружие их с плечей я взял и им дал (нечто из дерева)', *Tel.*, BoTU 23 A II 30; [*na*]-*at-ta-aš-ta ku-itki ku-e-da-ni-ik-ka da-aḫ-ḫu-un* 'я ни от кого ничего не взял(а)', BoTU 14a, Rs. 4[2];

nu-uš-ša-an KUR-*e še-er* KUR-*e te-eḫ-ḫu-un* 'и я ставил страну на страну' (*HAB*, BoTU 8 III 15); *ke-e-ša-an ḫu-u-ma-an-d(a)*] [*plád-pa-ni-i te-e-eḫ-ḫi* 'все это я кладу в корзину', KBo XVII 1 IV 20—21.

[1] К типологии в активных языках ср. *Климов 1973: 222*.

[2] Ср. употребление в хеттском глагола спряжения на *-mi*: *ep-* 'хватать', 'брать' (др.-инд. *āpnóti* 'достигаю', прич. *āptá-*; ст.-лат. *co-ēpi* 'начал', лат. *apiscor*, *āptus* 'достигать') преимущественно с именами одушевленного рода, ср. в древнехеттском: LUGAL-*ša-an e-ip-pu-un* 'я, царь, его схватил', *HAB*, BoTU 8 II 8; LÚNÍ.ZU-*an na-at-ta e-ip-zi* 'он его не поймает как вора' (*XЗ*, § *66*, KBo VI 2 III 50); *nu* LUGAL-*un e-ip-pir* 'и царя схватили', KBo XII 14, Rs. 6; *ma-a-an* [MUŠEN *ḫa-ara-na-an ḫu-š*](*u-ua-an-da-an ap-pa-an-zi*), KBo XVII I+II 19 'если орла живым они схватят'.

URU*Ša-la-ti-ya-ra me-e-ni-me-et ne-e-eḫ-[ḫu-un]* 'я повернул свое лицо к городу Салативара', BoTU 7, 58; *A.NA* GIŠGIGIR-*ya-kán* GIŠGIGIR *me-ek-kán ne-eḫ-ḫu-un* 'и к колесницам много колесниц я направил' (то есть 'я значительно увеличил число имевшихся колесниц'), KUB XXXVI 98b, Rs. 11.

Полная парадигма на ряд **-Ha*, выступающая с двухвалентными глаголами при инактивной актанте, которая в качестве глагольной формы 3-го лица включает форму на **-e*, выступающую в функции безличного одновалентного глагольного образования с инактивной актантой, формируется впоследствии в особый тип спряжения с преимущественно инактивной семантикой (отражающей первоначально участие в передаваемом глаголом процессе инактивной актанты). В результате этого такая глагольная парадигма (то есть глагольные формы ряда **-Ha*) переносится и на моновалентное глагольное спряжение с инактивной актантой.

Этот процесс, очевидно, свидетельствует о нарушении строго бинарного принципа классификации индоевропейских имен на активные и инактивные и переосмыслении их в качестве некоторых грамматических согласовательных групп именных образований без различения их по семантическому признаку активности или инактивности. Этот процесс в свою очередь приводит к последующему перераспределению имен внутри этих групп.

Таким образом, из безличной одновалентной "глагольной" парадигмы *In V-e* возникает полная парадигма с различением глагольных форм по трем лицам (см. примеры выше):

1 л. ед. ч.	*In*	*V-Ha*
2 л. ед. ч.	*In*	*V-t*^{th1}*Ha*
3 л. ед. ч.	*In*	*V-e*

Понятно, что символ *In* в такой парадигме уже не имеет своего первоначального значения как выражающий представителя исключительно класса инактивных имен. Этот символ скорее указывает на историческую связь актанты в подобной глагольной парадигме с именными образованиями инактивного класса.

Такая индоевропейская парадигма одновалентного глагола ряда **-Ha* (так же как и парадигма двухвалентного глагола ряда **-Ha*) отражается непосредственно в хеттских непереходных глаголах спряжения на *-ḫi*: ср. хет. *1 л. ед. ч. arḫi* 'достигаю', *2 л. arti*, *3 л. ari*; *1 л. gangaḫḫi* 'я вишу', *3 л. gangi*[1].

5.3. ИСТОРИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПЕРФЕКТА И МЕДИУМА

Возникшая в индоевропейском одновалентная парадигма ряда **-Ha* при актантах, отражающих исторически класс инактивных имен, передает значение глагольной структуры, выражающей специфическое состоя-

[1] К спряжению на *-ḫi* в хеттском и его месте в системе индоевропейского спряжения см. также *Cowgill 1979; Jasanoff 1979; Kuryłowicz 1979; Lindeman 1979; Kammenhuber 1980.*

ние субъекта действия (или состояния). Из этого общего значения постулируемой индоевропейской глагольной парадигмы могли возникнуть в дальнейшем в отдельных индоевропейских диалектах такие центростремительные глагольные структуры, как индоевропейские перфектные и медиопассивные образования *(ср. Jamison 1979; 1979a)*.

Древнейшей функцией индоевропейского перфекта, восстанавливаемой по данным древних индоевропейских диалектов, было выражение состояния (в частности психического) или свойства, характерного для соответствующей актанты *(ср. Перельмутер 1977: 5 и след.)*. При этом частым формальным средством, противопоставлявшим исходную основу перфектной, становится редупликация в некоторых диалектах: ср. греч. μέμονα 'желать', лат. *meminī* 'помнить', гот. *man* 'полагать'; греч. οἶδα, др.-инд. *véda*, гот. *wait* 'знать'; лат. *(g)nōui*, гот. *kann* 'знать'; др.-инд. *dadhárṣa*, гот. *ga-dars* 'осмеливаться'.

Характерным значением для перфектных образований в индоевропейском является выражение звучания, приписываемого данному денотату. Тем самым такие глагольные структуры выражают свойство описываемого объекта — издавать характерные звуки.

Перфектное происхождение "глаголов звучания" в индоевропейском объясняет их редуплицированные формы и огласовку в исторических диалектах, ср. греч. гом. τέτριγα 'щебетать', γέγωνα 'кричать, быть слышным', μέμυκα 'мычать', βέβρυχα 'реветь', 'рычать' и другие, *Перельмутер 1967: 90, 93—94*[1] (к архаическим формам индоевропейского перфекта ср. также *Adrados 1963: 100 и след.*).

Та же парадигма инактивных глагольных форм ряда **-Ha* лежит в основе древнейшего индоевропейского медиума с окончаниями *1-го л. *-Hai, 2-го л. *-t[h]Hai, 3-го л. *-ei*, первоначальным значением которого было выражение центростремительного действия в противоположность действию вовне. Такое значение медиальных глагольных структур легко выводимо из первоначального инактивного значения глагольной парадигмы **-Ha*.

Подобные медиальные структуры хорошо сохранились в отдельных индоевропейских диалектах, ср. хет. *1-е л. ešḫaḫari* 'сажусь', *2-е л.*

[1] Ср. отражение характерных особенностей древних глагольных форм, развившихся в перфект, и в огласовке соответствующих редуплицированных глаголов типа хет. *pariparai-* 'он играет (на духовом инструменте)' (спряжение на *-ḫi*, *Watkins 1969*: § 7, 31; там же сравнение с др.-инд. *sanişvaṇat* 'звучит', *RV* VIII 69, 9, ст.-слав. *glagoljǫ* < **golgol-i̯o-* 'глаголю, говорю', ср. о глаголах звучания и говорения спряжения на *-ḫi* также *Cowgill 1972*); ср. огласовку *o* в формах типа слав. **stonjǫ* (рус. *стону*) при вед. *3 л. ед. ч.* инъюнктива *stan* 'гремит гром', **sopǫ* (рус. *соплю*), **pojǫ* (рус. *пою*), **godǫ* (рус. *гужу*), *Meillet 1906; Stang 1942: 41—43 и 103; Schmid 1963: 71 и 73; Stang 1966: 312*; ср. слав. **tortoriti* > чеш. *tratořiti*, рус. *тараторить* при лув. *tatari̯a-* 'проклинать': хет. *tar-* 'говорить', *van Brock 1964: 141; Иванов 1968: 242—248*. В качестве типологической параллели можно указать на наличие особого грамматического класса глаголов звучания в енисейских языках, в частности кетском *(Крейнович 1968: 114—121; Ivanov 1970)*.

eštari, 3-е л. ešari // eša 'он садится', *1-е л. ašḫaḫari* 'стою', *2-е л. artati // artari, 3-е л. artari // arta*; др.-инд. *bruv-é* 'я говорю', авест. *mruy-ē*, ст.-слав. *věd-ě* 'я знаю' *(ср. Kuryłowicz 1965a: 54*; ср. перфектные формы с тем же значением: греч. οἶδα, др.-инд. *véda)*; лат. *meminī* < **memenai* 'помню' (ср. перфектные формы с тем же значением: греч. μέμονα, гот. *man*), ср. слав. *mĭni(tĭ)* 'мнит' (см. о типе на *-i-* в славянском *Kuryłowicz 1965a и 1973b: 143; Иванов 1968*), лит. *mìni* 'мнит'[1].

*5.4. СУФФИКС *-nt[h]- КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СООТНЕСЕННОСТИ ИМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ С АКТИВНЫМ КЛАССОМ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРИЧАСТНОЙ ФОРМЫ НА *-nt[h]- В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ*

В древнейшей индоевропейской системе с бинарной классификацией имен на активные и инактивные отглагольные имена образовывались путем присоединения к глагольной основе специфических суффиксов, номинализирующих глагольные основы и относящих при этом оформленную ими именную основу к активному или инактивному классу имен.

Одним из самых распространенных именных суффиксов в такой функции выступает формант *-[o/e]nt[h], ставший своего рода маркером класса активных имен в отличие от суффикса *-*r*, образовывавшего отглагольные именные основы инактивного класса.

Наглядные примеры таких именных образований представляют отглагольные именные формы ***(e)t'-ont[h]-** и ***et'-r-**, соотносимые соответственно с активным и инактивным классом (от глагольного корня ***et'-** 'есть, кушать').

Именная форма ***(e)t'-ont[h]-** принимает в исторических языках активное значение 'едящий' → 'зуб': хет. *adant-* 'едящий'[2], ст.-слав. *ěd-ęt-* 'едящий', др.-инд. *da(n)t-*, авест. *dantan-*, греч. ὀδών, арм. *atamn*, лат. *dēns*, др.-ирл. *dét*, гот. *tunþus*, др.-в.-нем. *zand*, лит. *dantìs* 'зуб'[3]. К такому именному образованию восходит отраженный во всех индоевропейских диалектах тип индоевропейского активного причастия на *-*nt[h]-*.

В противовес таким формам выступает образование от того же глагольного корня на *-*r* с явно инактивной семантикой: хет. *etri* 'еда, корм для скота' (KBo X 37 II 17, *Goetze 1962: 30*), ср. греч. гом. ἔδαρ, *p. n.*

[1] По предположению Бадер (*Bader 1975; 1976*), "залоговое" противопоставление на раннем этапе развития индоевропейского праязыка выражалось тематическими формами на *-*e/o-*, имевшими значение "среднего" залога. В свете данных о связи *-*e/o-* с первоначальными инактивными формами глагола скорее нужно предположить, что формы на *-*e/o-* могли быть в древности инактивными.

[2] Существенно, что образования на *-*nt[h]* обозначали первоначально имена активного класса. Это отражается и позднее уже при образовании собственно партиципиальных форм на *-*nt[h]* разных родов. Даже возникшие позднее пассивные причастные формы на *-nt-* сохраняют явную связь с исторически активным классом имен, соотносясь преимущественно с одушевленными семантемами, ср. хет. *appanz(a)* 'схваченный, пленный', лат. *sōns* 'достойный наказания' и др.

[3] Ср. о связи названия 'зуба' с **et'-* 'есть' *Kořinek 1934: 151, примеч. 429; Иванов 1968: 238—239; Oettinger 1979: 89, примеч. 14.*

εἶδατος 'еда как объект, который приносят', *Chantraine 1964 : 16*; лит. *ėdrà* 'корм для скота'.

Аналогичное противопоставление именных основ первоначальному активу—инактиву от общего глагольного корня представлено также в хет. *ašant-* 'сущий, истинный' (ср. др.-инд. *sánt-* 'существующий, истинный', авест. *hant-*, греч. τὰ ὄντα 'истина', лат. *sōns* 'виновный, достойный наказания, преступник', ср. *Benveniste 1966a : 160, 188; Бенвенист 1974*; др.-исл. *sannr* 'истинный', др.-англ. *sōð* 'правдивый', 'действительный'), ср. хет. *ešri-* 'образ, изображение', 'облик' *(Иванов 1968 : 233—234)*.

Этот же показатель **-nt[h]-* применяется в дальнейшем не только для активной номинализации глагольных основ, но и для активации именных форм инактивного класса — для преобразования инактивных имен в имена активные:

$$In + \text{-}nt^{[h]}\text{-} \rightarrow A$$

Такое образование на **-nt[h]-* является формальным выражением семантического процесса активации (персонификации или одушевления) изначально классификационно инактивных имен. Этот формально-семантический акт трансформации изначально инактивных имен наиболее наглядным образом отражен в хеттских образованиях общего рода на *-nt-* от соответствующих форм среднего рода в конструкциях с переходными глаголами на *-mi*[1] *(Laroche 1962; Tchekhoff 1978)*:

Средний род		Общий род
ɥatar (*род. пад. ɥetenaš*) 'вода'	⇒	*ɥetenant-* 'вода' (как активное начало): *kuedani-ɥa uddani ɯanun numu* TÚL-*-anza punušdu ɥitenanza* 'по какому-де делу я пришел, пусть меня источник спрашивает (и) 'вода';
ešḫar (*род. пад. ešḫanaš*) 'кровь'	⇒	*ešḫanant-* 'кровь' (как активное начало): *ešḫananza ešḫanaš inan karapzi* 'кровь снимает болезнь крови';
šeḫur (*род. пад. šeḫunaš*) 'моча'	⇒	*šeḫunant-* 'моча': *man-an-za-kán šeḫunanza-pát tamašzi* 'если моча его сама по себе давит...';
uttar (*род. пад. uddanaš*) 'слово'	⇒	*uddanant-* 'слово' (как активное начало): *na-at-za ammel uddananteš taraḫḫir* 'и их мои слова покорили';

[1] В конструкциях аналогичной семантики от некоторых имен среднего рода образуются активные формы путем сложения со вторым элементом *-šepa-*, ср. *tekan* 'земля' (*ср. р.*), но *dagan-zipa-* 'земля' как персонифицированный 'Дух Земли' (ср. тот же второй элемент в именах богов типа *Kamru-šepa-*, *Laroche 1947; Ḫanta-šepa-* 'Дух лба', *Kammenhuber 1961b: 185; Čop 1960*); ср. в том же тексте "Заклятия огня": *IŠ.TU* ŠU-*ma-kán* GIG.*ŠU* MI-*iš* KI-*an-zi-pa-aš kar-ap-du* 'рукой же болезнь его Темная Земля да отбросит', KUB XVII 8 IV 9 и др.; хет. *-šepa-* возводится, вероятно, к и.-е. **seb[h]o-*, отраженному в ст.-слав. *sobĭ* 'особенность', рус. *о-соба*, прус. *subs* 'сам' и т. д.

utne 'страна' ⇒ *utneḫant-* 'страна': *utneanza kurur epzi* 'страна начинает враждовать';

nepiš 'небо' ⇒ *nepišant-* 'небо' (как активное начало): *na-an-za še-er ne-pí-ša-an-za tar-aḫ-du* 'и ее (болезнь) вверху Небо да победит' (KUB XVII 8 IV 9, "Заклятие огня богини Камрусепы").

Следы аналогичных трансформаций можно видеть и в других индоевропейских диалектах в формах типа др.-инд. *himá-*, *ср. р.* 'снег'→ *hemantá-* 'зима', *м. р.* Форма среднего рода со значением 'зима' представлена, по-видимому, в древнем образовании локатива *héman* 'зимой'. Исходную форму среднего рода можно реконструировать в виде формы *$\hat{g}^{[h]}$eḫm-om, ср. греч. χειμών, трансформируемой в активную форму *$\hat{g}^{[h]}$eḫm-ont$^{[h]}$-, которая представлена в др.-инд. *hemantá-*, хет. *gimmant-* 'зима' *(Benveniste 1962b)*. Наличие в хеттском формы *дат.-лок. gimmi* 'зимой' (KUB XIII 2 IV 223), *gemi* (KUB XIII 1 IV 12; XXX 37 I 9, 11), *gimi* (IBoT II 6 II 10), *Goetze 1951: 467*, предполагает исходную хеттскую форму *ср. р. *geman* (ср. хет. *pedan* 'место' при *дат.-лок. pidi*), сопоставляемую с др.-инд. *héman*, греч. χειμών.

Аналогичное соотношение следует реконструировать в индоевропейском и для форм *ср. р.* греч. ἔαρ 'весна', лат. *uēr*, др.-инд. *vasar-* 'весной' (*лок.*), при формах "одушевленного" рода на *-nt$^{[h]}$- в др.-инд. *vasantá-* 'весна' *м. р.* (ср. тот же суффикс при другой основе в хет. *ḫammešḫant-* 'весна' при *ḫamešḫi* 'весной', *лок. man ḫamešḫi*, *KUB X 27 I 22*, *ḫamešḫi kišari*, KUB XIII 32, Rs. 7).

*5.5. ГЛАГОЛЬНЫЕ ОКОНЧАНИЯ *-nt$^{[h]}$- И *-r- И ОФОРМЛЕНИЕ ПАРАДИГМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ГЛАГОЛА*

Окончания *-nt$^{[h]}$ и *-r*, выделяемые для отглагольных именных образований соответственно активного и инактивного классов, можно увязать с показателями *3-го л.* множественного числа в двух рядах глагольных форм — соответственно в формах ряда *-*mi* и ряда *-*Ha*[1].

В формах ряда *-mi* в *3 л. мн. ч.* представлен показатель *-^{r}e/o^{1}nt(i)*: хет. *ašanzi* 'они суть', *arnuanzi* 'они приводят', ср. лув. *armaminti*, *3 л. мн. ч.*, вед. *yuñjánti* 'они связывают', *ṛṇvánti* 'они двигаются', греч. τίνουσι 'они платят', лат. *sunt*, *ferunt* 'несут', ст.-слав. *berǫtŭ*;

Др.-инд. *ásan* 'они были' (<*a-asant*), греч. ἦεν (<*e-es-ent*), авест. *gəmən* 'они пришли', тох. В *kameṁ*, лув. *nakkuššaunta* 'они заменили'.

[1] В этом смысле любопытна хеттская финитная глагольная форма *3-го л. мн. ч.* на *-nt[h]i>-nzi* и причастная форма на *-nt-* в предикативной функции от глагола *ak-* 'умирать, гибнуть', что могло бы иллюстрировать типологически возможную историческую связь таких структур; ср. *li-e ak-kán-zi* 'пусть они не умирают—пусть они не будут убиты', KBo III 23 I 8', и 2 DUMU^{MEŠ} *ak-kán-te-eš* 'двое сыновей умерли', *Pud. I 24(4')*; *ед. ч. akkanza* 'умерший' в значении 'умирает, умрет' *(Kammenhuber 1973-, I, ak-, 26—32)*.

В формах ряда **-Ha* в *3 л. мн. ч.* представлен показатель *-r*, ср. ст.-лат. формы *3 л. мн. ч.* перфекта *fecēre* 'делали', *fuēre* 'были', *cepēre* 'брали', хет. *akir* 'умерли — были убиты' (BoTU 17 A, Rs. 38), *arir* 'достигли' (KUB XXVI 101 II 4), *ašešir* 'поселились' (HAB, BoTU 22 A I 11, 12 A II 25, 26), *ti-i-e-er* 'они поставили' (*Tel.*, BoTU 23 A I 21), др.-инд. *перфект dadhúḥ* 'они поставили', ср. *ā-dh-ur* 'id.'

В хеттском языке (в отличие от лувийского) окончание *3-го л. мн. ч. -er* ряда **-Ha* проникает и в парадигму претеритных форм глагола спряжения на **-mi*, вытесняя первоначальное окончание **-ant-*: ср. *ešer* 'они были', *eter* 'они ели' при лув. *3 л. мн. ч.* претерита *nakkuššaunta* 'они заменили'.

Аналогичное парадигматическое выравнивание, нарушившее первоначальное распределение, происходит и в древнеиндийском: в большинстве глагольных форм кроме тематического типа вторичное окончание заменяется окончанием *-uḥ* < *-ur* (ср. *Thumb/Hauschild 1959, II : 204, § 427, 11b; Watkins 1969 : § 21, 42*).

Окончания множественного числа *1-го* и *2-го лица* в парадигмах как ряда **-m(i)*, так и ряда **-Ha* реконструируются суммарно в виде формантов **-me-* и **-t[h]e-* с многочисленными вариантами в различных исторических диалектах:

	Хет.	Вед., др.-инд.	Греч. ион.	Лат.	Ст.-слав.
1 л.	*eš-ɥen(i)*	*s-más(i)*	εἰ-μέν	*su-mus*	*jesmŭ*
2 л.	*eš-ten(i)*	*s-thá(na)*	ἐσ-τέ	*es-tis*	*jeste*
3 л.	*aš-anzi*	*s-ánti*	ἐντί (дор.)	*s-unt*	*sǫtĭ*

Эти окончания **-me-* и **-t[h]e* проявляют ясную связь с местоименными образованиями *1-го л.* на **m-* и *2-го л.* на **t[h]-*, в чем и сказывается прономинальное происхождение этих глагольных окончаний. В хеттском наряду с окончанием *1-го л. мн. ч. -ɥen(i)* выделяется в той же функции и окончание *-men(i)*: *arnumeni* 'приносим', *pi-e-tu-me-ni* (KBo XVII 1 32 (1),II 29 (6), 43(1)), *tu-me-e-ni* 'берем' (KBo XVIII 1 III 44, IV 25, KUB XIII 35 IV 6, KUB XVII 8 IV 17, 22, ср. при этом *daɥeni*, KUB XVI 16 II 20, *daɥani*, KUB XII 63 II 3), *ɥa-aḫ-nu-me-ni*, KBo XVII 1 II 35.

Ввиду местоименного происхождения этих индоевропейских глагольных окончаний не исключена возможность интерпретации параллельных хеттских формантов *-ɥen*, *-men* как отражения двух местоименных форм: *1-го л.* инклюзивного **-ɥe-* и эксклюзивного **-me-*, см. выше, стр. 291 и след.; *ср. Watkins 1969 : 46—48*.

В хеттском эти функционально дифференцированные окончания перераспределяются по определенному фонетическому признаку, так что с синхронной точки зрения уже в древнехеттском они выступают как два фонетически обусловленных варианта общей морфемы *1-го л. мн. ч.*: с *-m-* после основ, оканчивающихся на *-u-*, с *-ɥ-* — в других позициях (*Sturtevant 1942*). Следы первичного функционального распределения можно было бы видеть лишь в отдельных глаголах спряжения на *-ḫi* (*ср. Dressler 1968*).

*5.6. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ АКТАНТ В ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМЕ. РЕДУПЛИКАЦИЯ, СУФФИКС *-ṣḳ[ḥ]-*

Глагольные окончания множественного числа, восходящие к личным местоимениям 1-го и 2-го лица, а также к древнейшим показателям отглагольных форм активного и инактивного классов, представляются сравнительно поздними образованиями, выражавшими множественность активной или инактивной актанты.

Такому флективному выражению множественности путем особого суффиксального показателя в глагольной форме должно было предшествовать словообразовательное выражение множественности актант посредством разных деривационных модификаций глагольной основы, следы чего можно обнаружить в ряде исторических индоевропейских диалектов и в особенности в древнейших из них — анатолийских языках. Подобный рудиментарный характер деривационного выражения множественности может служить дополнительным аргументом в пользу его древности. Такое глагольное выражение множественности типологически синхронно тому состоянию индоевропейского языка, когда множественность обозначаемого именем референта не выражалась особым морфологическим показателем в самом имени[1].

Одним из основных средств выражения в глагольной форме множественности актанты путем деривации была, судя по реликтовым данным анатолийских языков, редупликация начального согласного основы, приводящая формально к совпадению с глагольной основой, выступающей позднее в перфектных структурах. Характерно при этом, что редуплицированная глагольная форма, выражающая множественность, соотносится, как правило, с исторически инактивной актантой в одновалентных глаголах (субъект при непереходных глаголах в хеттском) или со структурным инактивом (прямое дополнение при переходном глаголе в хеттском) при двухвалентных глаголах. В этом проявляется функциональный архаизм этого способа выражения множественности, ориентирующегося на исторически инактивную актанту одновалентной или двухвалентной глагольной конструкции:

Ср. хет. IZKIM$^{HI.A}$ ḪUL$^{HI.A}$ *kikkištari* 'дурные предзнаменования свершатся' (IBoT I 331 след.);

n-aš-šan katta damedaš A.NA GAL$^{HI.A}$ *leḫḫuṷai* 'и он наливает (вино) в другие чаши', ABoT 7 V 8 *след.* (ср. в том же тексте: *nu-šša̯n A.NA* GAL LUGAL *laḫḫuṷai* 'и в чашу царя наливает');

nu-ṷar-aš-ta EGIR-*pa kuit ṷeṷakkinun* 'и-де их у тебя так как назад я просил', AM, KBo III 4 II 10 след. (ср. *nu A.NA ABI.IA* DUMU.

[1] В этой связи следует также обратить внимание и на давно отмеченные факты наличия в индоевропейском глаголов *pluralia tantum* (*Meyer 1909*, там же типологическое сравнение с убыхским), *ср. Knobloch 1955: 214—215*, который высказывает предположение о наличии особых сингулятивных деривационных форм в суффиксе *-k-* ед. ч. аориста глаголов *τίθημι, δίδωμι, ἵημι*, *ср. Knobloch 1951a*.

ŠU LUGAL-*uiznanni anku ɥekir* 'и у отца сына его на царствование прямо просили', Pestgebete, II § 4);

nu ^{GIŠ}*ɥaršaman maḫḫan lukkanzi našta anda 4-taš ḫalḫaltumariaš la-lukkišzi* ^{D}MAḪ-*ni-ɥa-kan A.NA* ZI.*KA karateš-teš-a anda QA.TAM.MA lalukkišdu* 'и как хворост жгут *(lukkanzi)*, и 4 стороны света он освещает *(lalukkišzi)*, так и Богиня-Мать жизнь твою и внутренности твои пусть освещает *(lalukkišdu)*', KUB XXXIII 51 5—7;

ḫuɥappaš-a-kan LÚ^{MEŠ}-*uš* GIŠ-*ru man lilakki* 'и злых людей подобно дереву сгибает', KUB XXIV 8 I 3;

10 MÁŠ.GAL *nanniɥanzi* ... 'и 10 козлов ведут', KUB XI 23 V 16;

na-aš-ta ŠA KUR ^{URU}*A-aš-šu-ɥa* 2 SIG$_7$ ERÍN^{MEŠ} Ù 6 ME LÚ^{MEŠ} *iš-me-ri-ɥa-aš* EN^{MEŠ}-*uš ta-at-ra-aḫ-ḫa-aš* 'и он призвал к восстанию 10.000 воинов и 600 колесничих страны Ассува' (KUB XXIII 11 III 5—6), ср. *tarḫ-* 'побеждать, принуждать'.

Особенно показательны в этом отношении древнехеттские формы с пассивным значением: 2 LÚ^{MEŠ} *ḫulḫuliɥanteš* '2 человека сражены (мертвы), BoTU 14 12 (*van Brock 1964: 135*); *nu* URU$^{DIDLI.ḪI.A}$ GAL.GAL. *TIM tittiɥanteš ešir* 'и большие города были основаны (или объединены?)', *Tel.*, 2 BoTU 23 B I 12.

Особенно наглядно видна множественность объекта в клинописном и иероглифическом лувийском: лув. *lalaiddu-tta papraddu-tta IV-ti partati* 'да возьмет он, да отгонит он с четырех сторон', KUB XXXV 43 II 12 (ср. там же, IV 16—17: *a-du-tta ipalatin latta* 'и он у него взял левую сторону', то есть все плохое), ср. также *elelḫa-* с множеством объектов при *elḫa-* с одним объектом в KUB XXXV 21 V 30.

Ср. также лув. *mammanna-* 'говорить' (множество слов) в отличие от *mana-* 'произнести' (одно слово) (*van Brock 1964: 137*).

В аналогичной функции для выражения множественности субъектной или объектной актанты при глаголе выступает в хеттском и форма на суффикс *-šk-*, представляющая как бы новую основу, противостоящую основе *ед. ч.* без *-šk-*:

Др.-хет. *nu* DUMU^{MEŠ}.*ŠU an-da-an zi-ke-e-et* 'и сыновей своих она внутрь (горшков) положила', KBo XXII 2, Vs. A 3 (повесть о городе Цальпе и детях царицы Канеса);

Хет. *lingauš šarriškir* 'клятвы нарушали', KBo IV 4 I 46, II 9 (*ср. lingain šarrier* 'клятву нарушили', KBo II 5 IV 13);

KUR-*e-kán an-da ak-ki-iš-ki-it-ta-ri* 'в стране очень много умирают', KUB IX 31 II 40, HT 1 II 15 след.;

ma-a-an-kán ŠÀ KARAŠ$^{ḪI.A}$ UG$_6$-*an ki-ša-ri* UN^{MEŠ}-*tar* ANŠE.KUR.RA$^{ḪI.A}$ GUD$^{ḪI.A}$ KAL.GA-*za ak-kiš-kìt-ta-ri* 'когда среди войска вспыхнет чума (и) люди, лошади и быки в большом количестве (сильно) умирают', *Dressler 1968: 162, 180—182, §§ 30—32* (ср. о литовском там же, 61), *Kammenhuber 1973-, 1, ak(u), 20.*

Те же морфологические элементы, маркирующие множественность актант в глаголе, применяются и для выражения аспектуальных противо-

поставлений — вида глагольного действия или состояния, ср. хет. *-šk-* в видовом значении итератива *(Bechtel 1936)* при *-šk-* как маркере множественности актанты. Такое функционально-морфологическое соотношение можно сопоставить с характеристиками языков активной типологии, в которых глагол противопоставляется по видовому принципу, а не по темпоральному *(ср. Dressler 1968)*.

6. АКТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

6.1. СТРУКТУРНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ АКТИВНОСТИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Проведенная выше сравнительная и внутренняя реконструкция древнейших индоевропейских структур дает возможность постулировать для древнейшего индоевропейского состояния бинарную структуру именных классов, определяемых как классы активных и инактивных имен по характеру их денотатов. Такое разбиение имен на два класса по признаку активности—инактивности их денотатов имплицирует в языке целый ряд структурных характеристик, связанных непосредственно с бинарной именной классификацией.

Это, в первую очередь, описанный выше бинаризм в морфологическом оформлении именных основ на **-os* (для основ активного класса) и **-om, -Ø* (для основ инактивного класса), мотивирующий нерасчлененность именных парадигм, в частности парадигм имен инактивного класса. Падежные синтаксические отношения выражаются в основном двумя падежными формами на **-ˈo¹s* и **-ˈo¹m, -Ø*, восходящими фактически к деривационным образованиям. Другие падежные формы (позднейшего дательного и местного падежей) являются вторичными структурами, возникшими из адвербиальных образований, которые ранее употреблялись как сирконстанты при глагольных формах.

Бинарная классификация именных основ индуцирует в языковой системе разбиение класса глаголов на подклассы активных и инактивных глагольных форм, характеризующихся специфической семантикой, которая определяется характером денотатов имен соответственно активного и инактивного классов. Вся древнейшая глагольная система индоевропейского языка, характеризующаяся структурным бинаризмом (наличие двух рядов глагольных форм спряжения на **-m(i)* и на **-Ha*; лексикализация глагольных форм по признаку их сочетаемости с активными—инактивными именами; первоначально безличный характер спряжения ряда **-Ha* и др.), мотивирована бинарной структурой именной системы, распадающейся на класс активных и инактивных имен.

Такой бинаризм глагольной системы определяется именным бинаризмом. Тем самым семантической доминантой языковой системы этого типа следует считать противопоставление имен по двум классам по признаку активности—инактивности выражаемых ими денотатов. Именным бинаризмом определяется и наличие в системе особых конструкций при аффективных глаголах, наличие особых посессивных конструкций для выраже-

ния обладания при отсутствии глагола ***иметь***, а также категории инклюзива—эксклюзива в прономинальной системе и др.

Все эти структурные особенности, реконструируемые для общеиндоевропейского языка древнейшей эпохи, дают основание считать общеиндоевропейский язык этого периода языком активного строя, ориентирующимся на бинарную именную классификацию по активности—инактивности со всеми вытекающими из этого структурными импликациями в языковой системе. В соответствии с этим реконструированную общеиндоевропейскую языковую систему древнейшего периода следует отнести к языкам активной типологии[1].

6.2. ОБЩАЯ ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВ АКТИВНОГО СТРОЯ

Основной характеристикой языка активной типологии, проявляемой в морфологической и синтаксической его структуре, может считаться формальное противопоставление имен активного и инактивного классов. В соответствии с этим оформляются активная или инактивная актанта при одновалентных глаголах:

(1) $V+A$
$V+In$

В двухвалентных глагольных конструкциях актанта, выражающая деятеля (*Agens*), оформляется, естественно, маркером активного класса; другая же актанта, выражающая *Patiens* (то есть актанта, на которую направлено действие, передаваемое глаголом), оформляется как имя инактивного класса (независимо от лексической соотнесенности с активным или инактивным классом):

(2) $V+In^{*}[2]+A$

Несколько модифицируя символику типологической схемы Сэпира-Филлмора (*Sapir 1917—1920; Fillmore 1968: 54*), структуру предложения активного строя можно представить в следующем виде:

(3) $V+A$
(4) $V+In^{*}+A$
(5) $V+In$

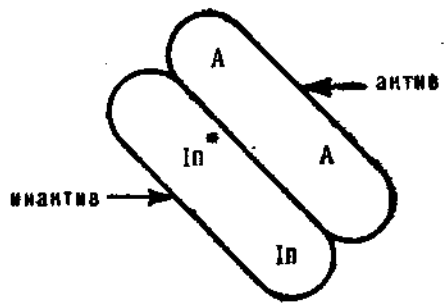
[1] Это положение, по-видимому, было намечено уже в работах *Кацнельсона 1947 и 1967* и впервые эксплицитно сформулировано в связи с определением самой структуры языка активной типологии Г. А. Климовым: *Климов 1973, 1973а, 1974, 1977*. Некоторые из соответствующих черт индоевропейского праязыка были давно уже выявлены, но соотносились обычно с эргативностью, см. *Uhlenbeck 1901; 1937; Уленбек 1950; Шухардт 1950а и 1950b; van Wijk 1902; Pedersen 1905: 152—154* и *1938 : 83—85; Vaillant 1936; Hendriksen 1940; ср. Кацнельсон 1936; Савченко 1967*.

[2] In^{*} в конструкции (2) является символом как лексического, так и структурно-синтаксического инактива.

Опуская в этих формулах символ *V*, получаем именные формы для трех разных структурных типов предложения:

(6) *A*
(7) *In** *A*
(8) *In*

Все эти три структурных типа предложения характеризуются формальной общностью элемента *A* и элемента *In*, выражаемой в совпадении их падежных форм, символизируемом на Схеме 1:

Примером языков активной типологии может служить целый ряд американдейских языков с дихотомией имен на активные и инактивные как одной из основных их структурных характеристик. Такая структура представлена, в частности, в американдейских языковых группах на-дене и сиу *(Sapir 1958)*, атапаскских, тупи-гуарани и др.

Одной из основных структурных характеристик этих языков является классификация имен существительных на активные и инактивные, основанная на противопоставлении соответствующих денотатов по признаку наличия в них жизненной активности, в частности жизненного цикла. К активному классу в этих языках относятся имена людей, животных, деревьев и растений, к инактивному — названия всех других предметов (ср. в языке навахо *tó* 'вода', *yas* 'снег', *tsé* 'камень', *tsin* 'палка' и др.), *Hoijer 1951; Hoijer/Joel 1963*.

Такая именная дихотомия имплицирует бинарную глагольную классификацию по признаку активности — инактивности передаваемого действия. Активные глаголы передают различные действия, движения, состояния, характерные для имен активного класса, тогда как инактивные глаголы передают то или иное состояние или качество, приписываемое инактивным именам.

Характерной особенностью языков рассматриваемой структуры является наличие в них особой структурной группы аффективных глаголов *(Pinnow 1964 : 84—85)*.

Одной из наиболее характерных черт лексики этих языков является наличие в них глагольных дублетов, то есть соотнесенного друг с другом ряда глаголов с близким значением, но сочетающихся лишь с одним из

двух именных классов—с активным или инактивным (см. выше примеры из навахо, стр. 294).

Бинарной именной классификацией мотивировано в этих языках и наличие категории инклюзива—эксклюзива в прономинальной системе.

Характерно также отсутствие глагола ***иметь*** для выражения посессивных отношений, которые в этих языках передаются описательными конструкциями с глаголом ***быть***, ср. навахо *n-tcij xǫ́lǫ́* 'у вас есть дрова', буквально: 'ваши дрова есть'='вы имеете дрова' *(Reichardt 1951: 362—363)*. Посессивные отношения выражаются с помощью особых форм органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности, *см. Sapir/Swadesh 1950 : 105*.

Именная морфология языков активного строя развита весьма слабо. Чрезвычайно бедно представлена в них, в частности, категория числа, характеризующая лишь определенные группы существительных, главным образом, активного (одушевленного) класса. Множественность актант выражается здесь преимущественно в пределах глагольной словоформы, ср. в языке квильют *t'cítciqa'* 'они были мертвы' (от *t'ciqa* 'умирать', ср. выше хет. *akkiškittari*), *kwe.'kutsa* 'многие голодны' (редупликация к *kwe.'tsa* 'он голоден' и т. п., *ср. Adrade 1911: 191; Dressler 1968 :66—67*). В ряде языков такого рода выражение множественности приводит к супплетивизму глагольных форм единственного и множественного числа.

В языках активного строя деклинационная система сводится в основном к выражению бинарного противопоставления двух основных падежей—активного и инактивного. Например, в языках галф представлено противопоставление активного падежа на *-t* и инактивного на *-n/-Ø (Speck 1907: 481)*. Активный падеж на *-t* характеризует активную актанту, падеж на *-n/-Ø* выражает функцию инактивной актанты, выступающей в роли подлежащего при одновалентных глаголах и в функции *Patiens*'а—при двухвалентных.

В глагольных системах американдейских языков активного строя различаются два ряда личных аффиксов, соответственно активный и инактивный, соотносимые с активной или инактивной актантами в сложной синтаксической конструкции.

6.3. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО АКТИВНОГО СТРОЯ В НОМИНАТИВНЫЙ (АККУЗАТИВНЫЙ) КАК РЕЗУЛЬТАТ СДВИГОВ В ГЛУБИННОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

Рассмотренные выше языковые структуры, имплицируемые дихотомией имен на активный и инактивный классы, придают типологическую вероятность реконструируемым индоевропейским структурам, в частности древнейшему индоевропейскому принципу классификации именных образований на классы активных и инактивных имен со всеми вытекающими из такой бинарной классификации структурными импликациями.

Целый ряд структурных особенностей исторических индоевропейских языков становится понятным при сведении их к древнейшему праиндоев-

ропейскому языковому состоянию с дихотомией имен на два структурно-семантически противопоставленных класса — класс активных и инактивных имен — и с индуцированной такой дихотомией классификацией глагольных образований на активные и инактивные глаголы. Лишь позднейшие структурные трансформации этого исходного индоевропейского языкового типа приводят к образованию той более поздней индоевропейской языковой системы, непосредственное продолжение которой представлено в исторических индоевропейских языках.

Язык активной типологии ориентирован не на передачу субъектно-объектных отношений, а на передачу отношений между активными и инактивными актантами предложения. Семантической доминантой языка активной типологии является именная классификация бинарного типа (актив — инактив), определяющая, в сущности, всю структуру языка — как систему склонения, так и систему спряжения. Морфологические и синтаксические потенции глагола зависят от заданной бинарной классификации имен. Бинарная именная классификация лежит в основе глубинной структуры языка активной типологии, определяющей весь комплекс структурных черт языка, проявляемых в его поверхностной структуре.

Естественно поэтому, что определенные структурные преобразования, затрагивающие глубинную структуру языка, в частности принципы дихотомической классификации имен, должны вызвать по необходимости трансформацию целого ряда имплицируемых ею характеристик, проявляющихся в поверхностной структуре языка. Такое преобразование глубинной структуры активной типологии должно было иметь место на определенном этапе развития праиндоевропейского языка.

Преобразование глубинной структуры праиндоевропейского языка выразилось в переносе доминантной классификации из сферы имени в сферу глагола, который начинает различаться по бинарному принципу транзитивности — интранзитивности, становящемуся определяющим классификационным принципом, имплицирующим целый ряд характеристик в поверхностной структуре языка. Содержательная оппозиция с класса имен переносится на класс глаголов.

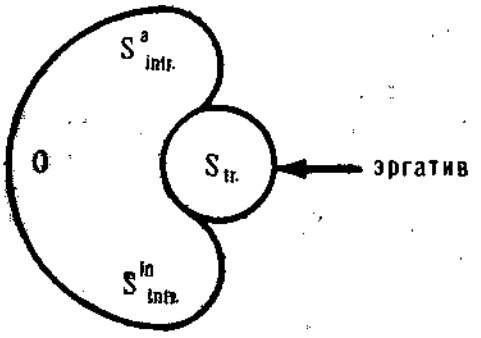
Такой сдвиг в глубинной структуре языка с именной оппозиции на оппозицию глагольную отражает, по-видимому, процесс перехода с более конкретного именного противопоставления на более абстрактное глагольное, с противопоставления конкретных денотатов на противопоставление типов действий и деятельности.

С противопоставлением типов глагольного действия (переходный — непереходный) увязывается непосредственно и появление субъектно-объектных отношений, выражающих определенные актанты, которые принимают участие в подобных процессах в качестве субъекта действия или его объекта.

6.4. ЭРГАТИВНОСТЬ И НОМИНАТИВНОСТЬ (АККУЗАТИВНОСТЬ) КАК ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОВЕРХНОСТНОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА ТОЖДЕСТВЕННЫХ ГЛУБИННЫХ СООТНОШЕНИЙ. ТРАНЗИТИВНОСТЬ — ИНТРАНЗИТИВНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ЯЗЫКОВ ЭРГАТИВНОГО И НОМИНАТИВНОГО (АККУЗАТИВНОГО) СТРОЯ

Классификация глагола по признаку транзитивности — интранзитивности и возникновение субъектно-объектных отношений, сменивших противопоставление именных образований по признаку активности—инактивности, вызывают существенные преобразования в поверхностной структуре языка. Такой языковой тип, ориентирующийся на передачу субъектно-объектных отношений, имплицирует в поверхностной структуре формальное противопоставление падежа субъекта и падежа объекта.

При маркировании падежа субъекта в конструкциях с переходным глаголом возникает языковая структура, характеризуемая как эргативная. Такая структура может быть представлена в виде Схемы 2:

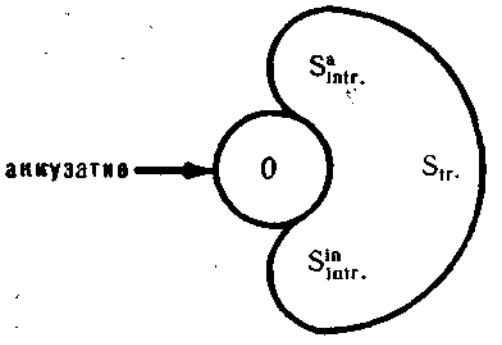
$S^{a}_{intr.}$ символизирует субъект при непереходных глаголах, отражающий имена с первоначальной активной семантикой;

$S^{in}_{intr.}$ символизирует субъект при непереходных глаголах, отражающий имена с первоначальной инактивной семантикой.

Такое различие субъекта с активной или инактивной семантикой при непереходных глаголах не играет уже никакой роли в языке эргативного типа и сохраняется в схеме лишь для иллюстрации связи между активной и эргативной типологиями. Существенно на этой схеме то, что на ней отражается формальная недифференцированность субъекта при интранзитивных глаголах и объекта при транзитивных, противопоставляемых формально падежу субъекта при транзитивных глаголах, выступающего с особым маркером.

При маркировании падежа объекта в конструкции с переходным глаголом возникает языковая структура, характеризуемая как аккузативная ("номинативная конструкция" в традиционной терминологии). Такая структура может быть представлена в виде Схемы 3:

Схема 3

На этой схеме существенно то, что в ней отражена формальная недифференцированность субъекта при транзитивных и интранзитивных глаголах при маркированности объекта транзитивных глаголов.

Эргативный и аккузативный (номинативный) типы объединяются в единый типологический класс, для которого существенным является наличие в глубинной структуре языка субъектно - объектных отношений и противопоставление глаголов по признаку транзитивности—интранзитивности (*ср. Schmidt 1973*), в противовес языкам активной типологии, структурная детерминанта которых определяется наличием именной дихотомии по признаку активности—инактивности.

Следовательно, различия между эргативным и аккузативным (номинативным) строем касаются лишь поверхностной структуры, относясь, в основном, к принципам различного маркирования субъектно - объектных различий при идентичности этих типов на уровне глубинных отношений, основывающихся на противопоставлении транзитивности—интранзитивности действия и связанных с этим субъектно - объектных соотношений. Эргативность и аккузативность (номинативность) — это два различных поверхностно-структурных выражения одних и тех же глубинных отношений. Поэтому говорить, что при переходе эргативной конструкции в номинативную или наоборот меняется нечто существенное в языке, было бы неоправданно с точки зрения структурных детерминант языка. При таких переходах меняются лишь поверхностные структуры, выражающие глубинные субъектно-объектные отношения, которые остаются инвариантными при подобных поверхностно-структурных преобразованиях (*ср. Курилович 1946*; ср. также критику самого термина эргативность, *Wilbur 1970*).

6.5. ТИПОЛОГИЯ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЯЗЫКА АКТИВНОГО СТРОЯ

Структурные сдвиги в языке, затрагивающие глубинные языковые соотношения, происходят не при переходе эргативной конструкции в аккузативную или наоборот (ср. новоиндоарийские, новоиранские языки, *Пирейко 1968; ср. Елизаренкова 1967; Regamey 1954; Allen 1950*), а при переходе активной конструкции в эргативную или аккузативную (номинатив-

ную), что предполагает существенные сдвиги в плане содержания языка со всеми вытекающими отсюда последствиями в его глубинной структуре (возникновение противопоставления действия по транзитивности—интранзитивности, заменяющее противопоставление имен по активности—инактивности, и появление субъектно - объектных отношений), отраженными соответственно в поверхностной структуре (появление новых синтаксических и морфологических структур при сохранении некоторых старых структур, не мотивированных новыми отношениями, но пережиточно остающихся в системе в качестве реликтов старых— активно~инактивных—отношений).

При этом новые отношения в глубинной структуре языка (субъектно-объектные) могут проявляться в поверхностной структуре в виде эргативной или в виде аккузативной (номинативной) типологии. Процесс смены бинарной классификации имен по признаку актива—инактива глагольной классификацией по транзитивности—интранзитивности и возникновение субъектно - объектных отношений в глубинной структуре должен был начаться на ранних этапах развития праиндоевропейского языка, поскольку общеиндоевропейский язык периода распада его на отдельные диалекты, давшие впоследствии исторические индоевропейские языки, реконструируется как язык в основном аккузативной (номинативной) типологии, хотя и с явными структурными следами активного строя.

Разрушение именной дихотомии по признаку активности—инактивности и возникновение соответственно глагольного противопоставления по транзитивности—интранзитивности, повлекшее за собой появление субъектно - объектных отношений, вызывает функциональное отождествление инактивной по происхождению актанты при одновалентных непереходных глаголах с исторически активной актантой при одновалентных непереходных и двухвалентных переходных глаголах.

Тем самым инактивная актанта при одновалентных непереходных глаголах синтаксически противопоставляется историческому структурному инактиву, выступавшему в двухвалентных глагольных конструкциях, который таким образом выделяется в особый (аккузативный) падеж прямого дополнения при переходных глаголах. Из праиндоевропейской активной структуры, представленной на *Схеме 4*, возникает типичная для языка аккузативной типологии синтаксически-морфологическая структура, символизируемая *Схемой 5*.

Схема 4

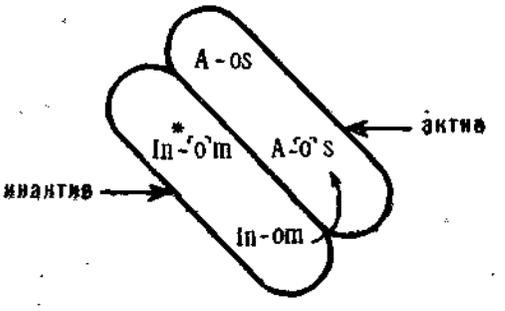
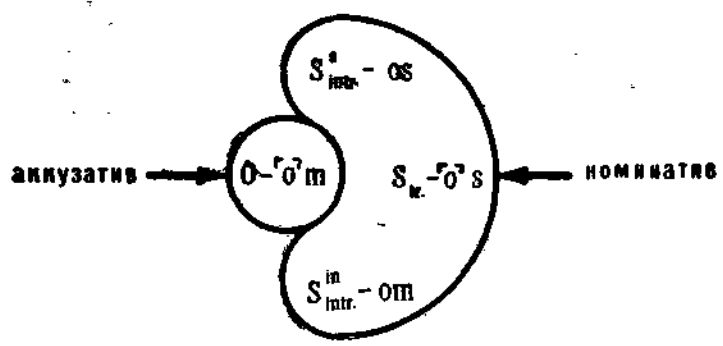

Схема 5

Возникновение полной парадигмы спряжения ряда *-*Ha* (под влиянием двухвалентных глагольных конструкций) из безличных глагольных конструкций при семантически инактивных актантах вызывает, естественно, нарушение первоначальной функции спряжения ряда *-*Ha* и проникновение в конструкции этого спряжения именных образований активного класса на *-*os*.

Этот процесс, в свою очередь, должен был повлечь за собой превращение глагольных структур ряда *-*Ha* в особый тип спряжения индоевропейского глагола независимо от классификационной принадлежности имени. Эта ситуация представлена уже в древнехеттском языке с двумя оформившимися типами спряжения на *-mi* и на *-ḫi*[1].

С другой стороны, в глагольные конструкции ряда *-*m(i)* проникают именные образования по происхождению инактивного класса на *-*om//-Ø*, поскольку первоначальное противопоставление имен активного и инактивного классов не имеет уже функциональной семантической значимости. Происходит нейтрализация противопоставления именных образований на *-*os* и *-*om//-Ø*, которые могут уже выступать в качестве актанты—субъекта при одновалентных глагольных структурах как ряда *-*mi*, так и ряда *-*Ha*[2].

[1] Так, например, с глаголом *ar-* 'приходить', 'наступать' спряжения на *-ḫi* выступают и имена общего рода уже в древнехеттских и среднехеттских текстах: *ták-ku* LÚ-*aš EL.LUM* GEME-*aš-ša ši-e-li-eš na-at an-da a-ra-an-zi* 'если свободный человек и рабыня и они приходят...', *ХЗ*, § *31*, KBo VI 3 II 61; *ma-a-an* ^{I}*Tu-ut-ḫa-li-ia-aš* LUGAL (GAL) ^{URU}*Ḫa-at-tu-ši a-ar-ḫu-un* 'когда я, Тудхалия, великий царь, в Хатусу пришел', KUB XXIII 11; VI 12, и т. п. Наряду с этим глагол *ar-* в хеттском сочетается и с именами среднего рода (в *3 л. ед. ч.*), в особенности в безличных конструкциях, в чем и проявляется древнейшее его употребление исключительно с именами инактивного класса: *ku-it-ma-an* MU.KAM-*za me-e-ḫu-ni a-ri* 'пока год не приходит к своему завершению' ХЗ, § 165; *kuedanikki kašti ari* 'кому-нибудь становится голодно' (буквально: 'к голоду кому-нибудь приходит').

[2] Ср. хеттские конструкции типа *ḫatar šeš-zi* 'вода будет покоиться (лежать)': *nu ú-i-da-a-ar... še-eš-zi* (KBo X 2 II 28); *na-aš-ta* É^{MES} ^{D}EN.LÍL *ku-it A.NA* URU^{LIM} *a-ra-aḫ-za e-eš-ta* 'и храмы Энлиля, которые были за пределами города' (BoTU 3, 7).

Древние активный и инактивный падежи, выступавшие при актантах в одновалентных глагольных конструкциях, нейтрализуются и совпадают в виде общего падежа субъекта, противопоставленного структурно-семантическому инактивному падежу в конструкциях с двухвалентной глагольной формой, оформившемуся тем самым в падеж объекта.

Падеж субъекта — традиционный именительный падеж — противопоставляется в возникшей таким образом системе склонения падежу прямого дополнения — родительному-винительному. На этой ступени складывается система со строгим противопоставлением субъектно-объектных отношений и соответствующих форм, выражающих эти отношения при глаголе.

В результате возникает общая категория падежа с алломорфами **-os*, **-om*, *-Ø*, противопоставляющаяся объектному падежу на **-[o]m// //-Ø*:

Система субъектно-объектных противопоставлений:

Падеж субъекта	*Падеж объекта*
**-[o]s*	**-[o]m*
**-om*	**-om*
**-Ø*	**-Ø*

В этой системе следует различать еще одно противопоставление:

**-Ø* ——— **-m*[1]

Падеж субъекта на **-Ø* при падеже объекта на **-m* есть результат фонологического преобразования активного падежа на **-s* в позиции после сонорных и "ларингальной" фонемы (утеря конечного **-s* при компенсаторном удлинении предшествующей гласной, см. выше, стр. 183 и след.)[2].

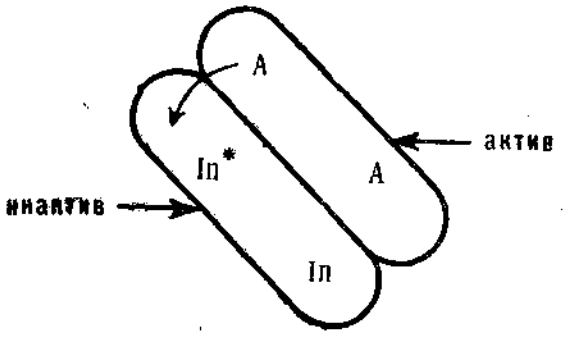
Аналогичные процессы преобразования именной дихотомии могут привести к возникновению языка эргативной типологии из первоначального активного строя. В путях преобразования активного строя в эргативную

[1] Ср. др.-инд. *dātā́* 'дающий', *вин. п. dātáram*, греч. *δοτήρ*, *вин. п. δοτῆρα*, лат. *dător*, *вин. п. datorem*; др.-инд. *pitā́* 'отец', *вин. п. pitáram*, греч. *πατήρ*, *вин. п. πατέρα*, лат. *pater*, *вин. п. patrem*; др.-инд. *áśvā* 'лошадь', *вин. п. áśvām*, лат. *equa*, *вин. п. equam* и т. п.

[2] Такому фонологическому преобразованию, приведшему к утере маркера активности **-s*, могло способствовать при возникновении общего падежа субъекта (в противовес аккузативному падежу объекта—прямого дополнения) тенденция к немаркированности общего падежа субъекта в отличие от строго маркированного характера аккузатива. Такая тенденция к немаркированности падежа субъекта в языках аккузативно-номинативного типа проявляется постоянно на протяжении исторического развития отдельных индоевропейских языков *(Martinet 1956 : 13—16)*, ср. историю славянских падежей, где после падения редуцированных в формах типа **domъ*, *им. пад.*<**t'omos* возникает и сохраняется немаркированная форма именительного падежа, тогда как в маркированном винительном падеже одушевленных имен заново создается окончание *-a* (*Meйe 1951: § 439, 306*). Именно обязательная маркированность винительного падежа в отличие от именительного дает основание называть этот строй "аккузативным".

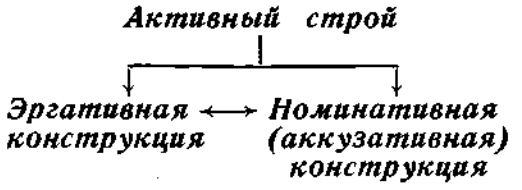
или аккузативную (номинативную) структуру нет принципиальной разницы. Различие в процессе преобразования сводится лишь к разным способам перегруппировки и маркирования исходных актант активного строя:

Схема 6

Следовательно, соотношение между языками активной, эргативной и аккузативной (номинативной) типологии можно схематически представить в виде дерева зависимостей с эргативной и аккузативной структурами, выводимыми из активной, с возможными преобразованиями номинативной структуры в эргативную и наоборот[1]:

Схема 7

Картвельская языковая структура, обнаруживающая явные следы исконной активности, детально разбираемые в работе Г. А. Климова (*Климов 1973; ср. Климов 1973а и 1974*), перестроилась, очевидно, к периоду распада на диалекты в язык эргативного строя, проявляющегося в морфологическом и лексическом оформлении классов переходных и непереходных глаголов и в системе именной парадигмы с особым эргативным падежом, наряду с падежом субъекта при непереходных глаголах и прямого объекта при переходных.

При этом эргативность проявляется формально в глагольной парадигме прошедшего времени (ср. в этом отношении индо-иранские языки), тогда как в настоящем времени падеж субъекта при переходных глаголах совпадает с падежом субъекта непереходных глаголов, при прямом объекте

[1] К аналогичному заключению о соотношении активного строя с эргативным и номинативным приходит в своем более позднем исследовании и Г. А. Климов (*Климов 1977: 304 и след.*; ср., однако, *Климов 1973*, где эргативная структура рассматривается как промежуточный этап в языковом движении от активного строя к номинативной конструкции).

в дательном падеже *(Чикобава 1948)*. Такая "непоследовательная" эргативность картвельской языковой структуры еще более сближает ее с номинативно-аккузативной структурой, представляющей, в сущности, разновидность поверхностного выражения одних и тех же глубинных структур. Таким образом, позднеиндоевропейская номинативно-аккузативная структура и позднекартвельская эргативная структура являются, в сущности, различными поверхностными проявлениями единообразных преобразований, имевших место в глубинной структуре пракартвельского и праиндоевропейского языков.

Интересно отметить, что в некоторых современных картвельских диалектах происходит преобразование непоследовательной эргативной структуры общекартвельского языка в номинативную в одном случае (в мегрельском) и последовательно эргативную — в другом (чанском), *ср. Климов 1967: 154.*

При таком понимании аккузативной и эргативной типологии становится очевидной несостоятельность утверждений о следах "эргативности" в индоевропейском языке *(Uhlenbeck 1901; Уленбек 1950a: 101—102 и 1950b : 97: Vaillant 1936; Hendriksen 1940; Martinet 1956; Савченко 1967)*.

Наличие в индоевропейском языке формально выраженного аккузативного падежа, противостоящего как особый падеж прямого дополнения субъектному падежу как при транзитивных, так и при интранзитивных глаголах, является достаточным основанием для отрицания эргативности в отношении индоевропейской структуры *(ср. Десницкая 1947 и 1951)*. Индоевропейский язык позднего периода является типичным представителем языка аккузативной (номинативной) конструкции, сохраняющим, однако, в виде пережиточных реликтов недвусмысленные черты активного строя, который удается восстановить для древнейшего периода праиндоевропейского состояния путем сравнительной и внутренней реконструкции именных и глагольных структур исторических индоевропейских диалектов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНТАГМАТИКИ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЯДРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

1.1. РЕКОНСТРУКЦИЯ МОДЕЛИ SOV И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Порядок слов в двухвалентной модели ядра предложения индоевропейского праязыка древнейшего периода как языка активного строя может быть передан последовательностью

$$A \text{ —— } In^* \text{ —— } V^1.$$

Этот же порядок слов, бывший характерным для индоевропейского языка как языка активной типологии, сохраняется в общеиндоевропейском языке и при переходе его на аккузативный (номинативный) строй с возникновением субъектно-объектных отношений.

Модель ядра предложения индоевропейского языка аккузативного строя может быть представлена схематически в виде S —— O —— V. Такой порядок слов в ядре индоевропейского предложения того периода может быть реконструирован на основании синтаксических данных целого ряда древних индоевропейских диалектов.

Еще в конце прошлого века Дельбрюк на основании анализа известных к тому времени памятников древних индоевропейских языков (ведийского, латинского и других) установил характерную синтаксическую особенность вынесения глагольной формы в конец предложения. Иными словами, эти древние индоевропейские диалекты показывают модель простого повествовательного предложения типа OV[2].

[1] Такое расположение членов предложения с вынесением глагольной формы в конец предложения является характерной чертой языков активного строя, ср. в языке камаюра конструкции типа *wararuwijawa moja o-u'u* 'собака змею укусила', или в языке хидатса *wacêo wii-ta-sûka ikaoc* 'человек нашу собаку увидел' (*Speck 1907: 475; Fang-Kuei Li 1946: 413—415; Landar 1961: 175—177; Matthews 1965: 41, 47, 55, 145; Климов 1973 : 218—219*).
В этой связи могут представить интерес данные, приводимые в работе *Schwartz A. 1972*, в которой рассматриваются чисто "эргативные" языки (в частности австралийские и американдейские), где невозможен порядок *SVO*, но возможен *SOV*.

[2] В формулах *SOV* и *SVO* можно опустить *S* как инвариантный элемент, представленный в определенной (начальной) позиции.

Для индо-иранского порядок *OV* реконструируется в целом ряде формул, одинаково отражаемых в ведийском и авестийском, типа **kšatram *ɥan-* 'власти достичь': вед. *kṣatrám... vanatāṁ RV 1, 162, 22*, авест. *xšaθrəm ... vanaēmā, Y 31, 4*; **ṛtam *dhā-* 'правду (порядок) устанавливать': вед. *ṛtáṁ dadhá, RV VIII, 27, 19*, авест. *ašəm ... daduyē, Y 46, 15*; **ṛtam *dhar-* 'правду удерживать (основывать)': вед. *ṛténa ṛtáṁ dharúṇaṁ dhārayanta, RV V, 15, 2*, авест. *ašəm dərəidyāi, Y 43, 1*; ср. **sthūnām *dhar-* 'опору удерживать': вед. *sthūṇām ... dhārayantu, RV X, 18, 13*, авест. *stunå vīδārayeiti, Yt 10, 28*; **ṛtam *sap-* 'правду удерживать': вед. *ṛtáṁ sapāmi* 'правду я удерживаю', *RV V, 12, 2*, авест. *ašəm ... hapti, Y 31, 22*; **ɥaǧram *ghar-* 'дубинку (палицу бога) метать': вед. *vájram á jigharti* 'дубинку он метнул', авест. *vazračiį ... niγrāire, Y 10. 40*; **ɥaǧram *sik-* 'палицу отлить (из металла)': вед. *vájram ... ásiñcata, AV 11. 10, 12, 13*, авест. *vazrəm ... frahixtəm, Yt 10, 96 (Mayrhofer 1976, III: 127)*; **(a)idhmam *bhar-* 'топливо носить': вед. *idhmáṁ jabhárat, RV IV, 2, 6*, авест. *aēsməm ... bərətəm, Y 62, 9*; **kamam *i-* 'идти навстречу желанию': вед. *kámam étyāsme, RV X, 66, 14*, авест. *kāmahyā...yəm itē*; **mantram *takš-* 'заклинание создавать' (='обтесывать'): вед. *mántraṁ ... átakṣan, RV VII, 7, 6*, авест. *mąnθrəm tašaį, Y 29, 7*; **taɥisīm *dhā-* 'телесную силу приложить': вед. *táviṣīṁ dádhānaḥ, RV 1, 35, 4*, авест. *təvīšīm dasvā, Y 33, 12*; **ɥṛtram *tar-* 'сопротивление преодолеть (победить)': вед. *vṛtrám tar-, RV VII, 48, 2*, авест. *vərəθrəm tar-, Yt 13, 38 (Schmitt 1967: § 382)*; ср. **ɥikɥa- *dɥaįs-ā ... *tar-* 'всех врагов одолевать (побеждать)': вед. *víśvā dvéṣāṁsi tarati, RV IX, 111, 1*, авест. *taurvayeintīm vīspå ṯbaēšå, Yt 10, 34*.

Аналогичные конструкции с индоевропейским глаголом *ṯ[h]e/**orH**- 'побеждать', 'преодолевать', в которых существительное, обозначающее объект при этом действии, предшествует глаголу, могут быть реконструированы и для общеиндоевропейского, в частности для текстов, относящихся к "Мифу о змееборце", ср. хет. *nu-za* ^{MUŠ}*Il-lu-ia-an-ka-aš* ^{D}IM-*an tar-aḫ-ta* 'и змей-дракон бога бури победил', KBo III 7 I 11; *na-an-za nam-ma* ^{MUŠ}*Il-lu-ia-an-ka-a*[*n*] *tar-aḫ-ḫu-u-ɥa-an da-a-iš*, там же, III 24 'и тогда его, змея-дракона, он побеждать начал' (ср. о глаголе *tarḫ-* в этих конструкциях, *Иванов/Топоров 1974: 134*). Ср. такое же соответствие в формулах с конечным положением индо-иран. **(par-) naį*~хет. (*para*) *nai-* 'вести': вед. *páry áśvaṁ náyanti* '(они) ведут коня', *RV 1, 162, 4*, авест. *aspa para ... nayente, Yt 10, 42*, ср. хет. *na-šta* ^{I}*Kišnapilin* ERÍN^{MEŠ} ANŠE.KUR.RA$^{ḪI.A}$ *A.NA* ^{I}*Attarišši-ia menaḫḫanta zaḫḫi-ia para naiš* 'он (царь) послал Кишнапили с пехотой и конным войском (колесницами) сражаться с Аттариссией', KUB XIV 1, Vs. 61.

Такой же порядок *OV* засвидетельствован и в общеиндоевропейских *figura etymologica* типа индо-иран. **subhṛtam *bhar-* 'вознаграждение (= благую дань) приносить': вед. *súbhṛtam bibhárti, RV IV, 50, 7*, авест. *ẖubərətąm barāṯ, Yt 15, 40*; **įaǧnam *įaǧ-* 'жертвоприношение совершать':

вед. *yajñám ayajanta, RV I, 164, 50*; **saumam* **su-* 'сому выжимать': вед. *sómam....sunoti, RV I, 109, 4*.

В германских языках прослеживаются следы конечного положения глагола *(MacKnight 1897; Hopper 1975)*, в частности в наиболее архаических поэтических текстах, хотя в исторических памятниках эта позиция уже не является статистически преобладающей *(Werth 1970)*; ср., однако, показательные примеры в рунических надписях типа рун. *ek HlewagastiR HoltijaR horna tawido* 'я, Хлевагастиз из Холтиев, рог сделал' (с ослабленным ударением конечного глагола, *Lehmann 1956: 77*). В древнегерманском стихе (как и в приведенной рунической строке) глагол чаще всего занимает последнее (четвертое) место в строке и поэтому не участвует в аллитерациях *(Sievers 1893 : 44; Lehmann 1956: 74* и *1958 : 5)*.

Такую же модель ядра предложения обнаруживает в основном и хеттский язык. Немаркированный порядок слов в предложении характеризуется конечной позицией глагола-предиката: ср. др.-хет. LUGAL-*uš 3-iš* GUD-*un 1 ši-i-na-an-na al-la-ap-pa-aḫ-ḫi* SAL.LUGAL-*aš-ša-an 3-iš al-la-ap-pa-aḫ-ḫi* (KBo XVII.1+1 4'—6') 'царь трижды на быка и на изображение плюет. И царица на него трижды плюет'; NINDA-*an e-ez-za-aš-ši ḫa-a-tar-ra e-ku-uš-ši* 'хлеб ты будешь есть и воду ты будешь пить' (HAB, BoTU 8 III 29); *ú-uk ku-in ḫar-mi* 'я которого держу' (KBo XVII I+ III 28); *ša-an at-ta-aš-mi-iš* ^{I}*Ki-iz-zu-ḫa-an na-at-ta ḫu-uš-nu-ut* (BoTU 10 γ,18) 'и его, Киццуву, отец мой не оставил в живых'; EGIR-*an-da-ma-kán* $ÌR^{MEŠ}$.*ŠU* $LÚ^{MEŠ}$ GAL.GAL *ud-da-a-ar-še-et ḫu-ur-tal-le-e-er* (HAB, Bo TU III 43) 'и потом его слуги (рабы) и большие люди слово его нарушили'; *nu* ḪUL-*lu ut-t*[*ar i-e-e*]*r nu-k*[*án*] ^{I}*Mur-ši-li-in ku-*(*en-nir*) [(*nu*)] *e-eš-ḫar i-e-er* (Tel. 2 BoTU 23 A I 33) 'и они совершили злое дело, и убили Мурсили, и кровь они пролили'; *še* EGIR-*pa A.NA* ^{I}*NA.RA.AM-*^{D}*SIN-na* EN(?)-*aš-ši ḫa-tu-kán pí-e-te-ir* (BoTU 4 A + II 14) 'и они обратно Нарамсину господину (?) послание отнесли'; *nu-za ŠA A.BI.ŠU* [*e-eš-ḫar* EG]IR-*an ša-an-aḫ-ta* (2 BoTU 20 II 10) 'и он отца своего кровь назад требовал (то есть отомстить хотел за убийство отца)'; ^{GIŠ}TUKUL$^{HI.A}$-*uš-šu-uš-ta* ZAG.LU-*za da-aḫ-ḫu-un* 'я взял у них оружие с плеч' (Tel., BoTU 23 A II 30); *nu* ^{I}*Te-li-pí-nu-uš* ^{URU}*Ḫa-at-tu-ši tu-li-ia-an ḫal-zi-iḫ-ḫu-un* (Tel., BoTU 23 A II 34) 'и я, Телепину, в Хаттусе собрание созвал'; LUGAL-*uš* 3-*ŠU a-i-iš-še-et a-ar-ri* (KBo XVII 1 +I 15) 'царь трижды свой рот моет'.

Такое же положение *V* по отношению к "объекту" предложения устанавливается и в древнегреческом (*Houben 1977*), тохарском (*Zimmer 1976*) и кельтском *(Schmidt 1980 : 188 и след.)*.

Таким образом, синтаксический анализ ядра предложения по основным древним индоевропейским диалектам позволяет судить о модели ядра предложения структуры *SOV*, представляющей немаркированный

порядок слов в предложении *(Delbrück 1888; 1893—1900; Watkins 1962; 1963a; Lehmann 1972a, b; 1973a; 1974: 39 и след.; Dressler 1971)*[1].

Вследствие своей конечной позиции в предложении глагольная словоформа характеризуется безударностью, поскольку общий тоновый кон-

[1] В древних индоевропейских диалектах в ряде случаев устанавливается также структура предложения с глагольной формой в начальной позиции. Такие предложения представляются, как правило, различными трансформами ядра простого повествовательного предложения, возникающими в результате трансформации модальности и статуса, а также в контекстно обусловленных позициях *(Иванов 1965: 259; Dressler 1969; Werth 1970; Watkins 1962a; 1963a; 1968—1969)*. Такие трансформации приводят к инверсии немаркированного порядка слов в предложении с вынесением предиката в начальную позицию (ср. также *Hopper 1975; Zimmer 1976*).
В частности, в хеттском предложения с предикатом в начальной позиции часто характеризуются частицей -ma 'но', 'ведь', 'же', а также отрицательным словом natta *(=UL)*, стоящим в конечной позиции. В этом проявляется характер этих предложений как эмфатической трансформы простого предложения: ср. в др.-хет. *akiš-maš* 'он ведь умер!' (2 BoTU 12 A II 12, Дворц. хрон.), *šakruganzi-ma-aš UL* 'но их ведь не поят' *(Иванов 1965: 257)*; *datta-ma-at* 'он ведь взял это' (Rs. 17, 109 recto 4; *Schuler 1971: 228*; *Haase 1971: 71*).
Примером контекстно обусловленной инверсии, то есть трансформации, мотивированной структурой всего определенного отрезка текста, могут служить такие гомеровские структуры, как....λῦσαν δ'ἀγορήν (A 305) 'распустил собрание' (после придаточного предложения); ...βῆ δ'ἄρ ὄνειρος 'пришел Сон' (B 16); βῆ δ'ἄρ' ἐπ' Ατρεΐδην 'он пришел к Атрейду' (отпрыску Атрея) (B 18); στῆ δ'ἄρ' ὑπὲρ κεφαλῆς 'он стал над (его) головой' (B 20); ср. другие примеры *Rosén 1973: 317—329*. Ср. предложения аналогичной структуры в хеттском с глаголами *pai-* 'идти' и *uga-* 'приходить'. Начальное положение глагола в структуре *VSO* с инверсией *V* отмечается и в микенском (*ср. Risch 1967*).
Такая структура предложения, трансформированная с общеиндоевропейской точки зрения, обобщается в ряде диалектов, становясь немаркированной (славянский, албанский, армянский). Однако более ранняя структура *OV* все еще ясно проявляется в этих диалектах, в частности в славянском и греческом, в сложных словах, отражающих первичный порядок синтаксических компонент предложения. Ввиду позднего характера такого обобщения, в отдельных индоевропейских диалектах такая структура с вынесением глагола на первое место не может считаться немаркированной для общеиндоевропейского состояния (ср., однако, *Friedrich P. 1976*).
Данные сравнительной синтаксической акцентологии также подтверждают вывод, по которому индоевропейский глагол в древнейший период мог выноситься на первое (ударное) место в маркированной позиции в подчиненном предложении, тогда как в главном предложении он всегда занимал последнее место и не имел на себе ударения, *ср. Bader 1976: 31, 43—44, 85—86*.
Маркированность порядка с вынесением глагола на первое место в системе общеиндоевропейского языка не исключает, однако, возможности наличия структуры *VSO* (то есть ядра предложения с глаголом в начальной позиции) для более ранних этапов развития общеиндоевропейского языка. Более того, саму возможность этой синтаксической трансформации следует рассматривать как свидетельство наличия такой структуры в истории общеиндоевропейского. Такая структура отражена в ряде *реликтовых явлений в отдельных древних индоевропейских диалектах (ср.* архаические словосложения с глаголом в начальной позиции типа греч. *ἀγέ-λαος* 'ведущий войско' и др.; структуры с запретительным словом в начальной позиции (не перед глаголом) типа др.-инд. *mā va eno anyakṛtam bhujema* 'да не будем мы отвечать за грехи, совершенные другими' и др., *ср. Miller 1975*.

тур индоевропейского предложения отличался, очевидно, резким понижением к концу (*ср. Lehmann 1974: 51*). Глагольная форма становилась ударной лишь при вынесении ее в маркированную позицию в начало предложения, совпадающее с наивысшей точкой тонового контура.

1.2. СТРУКТУРА СЛОЖНЫХ СЛОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОРЯДКА OV

Тот же порядок *OV* предполагается и сложными словами, представляющими собой сочетание глаголов с именным образованием:

Ср. др.-инд. *dhana-dā-* 'расточающий богатство', *mádhu-pā-* 'пьющий вино', *bhū́-pa-* 'защищающий землю, страну' (='царь'), *avi-pālá-* 'пастух овец' (ср. др.-арм. *hoviw* < **Hoi̯-paH-*, греч. αἰ-πόλος 'пасущий коз', 'козий пастух', βου-πόλος 'пасущий быков', вообще 'пастух'), *śatru-hán-* 'побеждающий врагов', *havir-ád-* 'вкушающий жертвоприношения'; *madhv-ád-* 'мед едящий', ст.-слав. *medvědĭ* 'медведь' < этим. 'медоед'; др.-инд. *pathi-kr̥t-* 'жрец' ('делатель пути', ср. лат. *ponti-fex*), ст.-слав. *čarodějĭ*, лат. *arti-fex* 'мастер', *au-ceps* 'птицелов', *iū-dex* 'право указывающий = судья', *tubi-cen* 'трубач', *rēm-ex* 'гребец' (*rem-+eg-*);

Греч. χέρ-νιψ 'моющий руки', βοό-κλεψ 'крадущий быков', ἱππό-δαμος 'укротитель лошадей' (*Benveniste 1967; Бенвенист 1974; Jacobi 1897: 7 и след.*), θανατο-φόρος 'смертоносный', στρατ-ηγός 'войско ведущий', 'предводитель', παιδο-τρόφος 'кормящий детей', δρυ-τόμος 'дровосек', αἱματο-λοιχός 'лижущий кровь', λυκο-κτόνος 'убивающий волков' (семантически соответствует лидийскому имени 'Кандавл' Καν-δαύλης, ср. также слав. *volko-davĭ*, рус. *волкодав* при *волколак*, *волкодлак*, др.-рус. *вълкоядьныи* = греч. λυκόβρωτος, *Иванов 1965: 288—289*); ἀσπιδη-στρόφος 'вращающий, вооруженный щитом', πυρ-πνόος 'огнедышащий', οἰνο-χόος 'наливающий вино, виночерпий', ἀνδρο-φάγος 'людоед' (ἀνθρωπο-φάγος с тем же значением), παιδο-βόρος 'пожирающий детей', ψυχο-πομπός 'провожающий души' (*о Гермесе, Хароне*), παιδο-γόνος 'рождающий детей', βροτο-φθόρος 'губящий людей (смертных)', βου-φορβός 'кормящий быков = пастух', οἰκο-δόμος 'строитель жилищ', ἁρματο-πηγός 'делающий колесницы', γαιή-οχος 'объемлющий землю' (*о Посейдоне*), ἀστυ-νόμος 'градоблюститель', αἱματο-ῥόφος 'лакающий кровь', δήμ-αργος 'глава дела', λιθο-κόπος 'каменотес', οἰωνο-σκόπος 'наблюдающий птиц', 'птицегадатель' (*ср. Десницкая 1948: 146—147*); ср. микенские формы: *ku-ru-so-wo-ko* = χρυσοFοργοί 'золотых дел мастера'; *to-ko-so-wo-ko* = τοξοFοργοί 'мастера луков'; *na-u-do-mo* = ναυδόμοι 'корабельные мастера'; *a-to-po-qo* = ἀρτοκόπος 'хлебопеки'; *a-re-pa-zo-o* = ἀλειφαχόοι 'изготовители масел' (*Лурье 1957: 254—255*); ср. лат. *signi-fer* 'знаменосец', др.-перс. *aršti-bara-* 'копьеносец', *asp-bāra-* 'наездник', др.-инд. *śrad-dhā-* 'положить доверие' = 'верить', авест. *zrazdā-*, ср. лат. *crēdō*, др.-ирл. *cretim*[1]; др.-инд. *jñubádho*

[1] Ср. тот же порядок элементов в родственном древнехеттском сочетании *karatan dai-* 'внутренность давать': *nu-uš-ma-aš* DINGIR^{DIDLI}-*eš ta-ma-i-in ka-ra-a-ta-an da-i-ir* 'и им боги другую внутренность вложили', KBo XXII 2, Vs. A 16.

'колена преклонивший', *RV VI, 1, 6*; др.-исл. *knébeðr*, др.-сакс. *kneobeda*, др.-англ. *cnēowgebed* 'молитва' (*Schmitt 1967: § 405*); хет. *tarumaki-* 'дятел' <**taru* 'дерево'+**wak-i* (*ɰak-* 'кусать', 'откусывать', синоним к 'есть, кушать', *Kammenhuber 1973-, 2: ta, 38* и *65*); *ср. Friedrich 1966: 33; Чхеидзе 1969: 73; Haudry 1978: 256 и след.*

Порядок именного и глагольного элементов во всех этих композитах отражает нормальное синтаксическое распределение слов в синтагме *OV* (*ср. Lehmann 1969; 1974: 76 и след.*).

2. СТРУКТУРНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ ЯЗЫКА С МОДЕЛЬЮ ПРЕДЛОЖЕНИЯ SOV В СТРОЕНИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ГЛАГОЛА

2.1. ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ СТРУКТУРЫ SVO И SOV. ВЗАИМОРАСПОЛОЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СИНТАГМЫ OV КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ГРАММАТИЧЕСКУЮ СИНТАГМАТИКУ ЯЗЫКА

Язык с моделью *SOV* ядра простого предложения, отражающего немаркированный порядок членов предложения (ср. структурный тип турецкого и японского языков), в противовес модели *SVO* (ср. структурный тип семитских языков, например, древнееврейского) имплицирует целый ряд структурных особенностей языка, относящихся к порядку морфологических показателей в глаголе, а также к правилам развертывания именных конструкций (образование генитивных и объектных конструкций). Язык типа *OV* предполагает, в частности, общий агглютинативный характер при суффиксации морфологических элементов глагола и препозиции генитивных и адъективных структур. Характерной чертой языков этого типа является также наличие послелогов, в отличие от предлогов в языках структуры *VO* (о типологии языков структуры *OV* и *VO* и их структурных импликациях см. *Greenberg 1963; Lehmann 1973a; 1974: 15 и след.*).

Следует иметь в виду, что структурные импликации, обусловленные линейным порядком членов предложения, являются импликациями, относящимися только к поверхностной структуре языка и касаются в сущности лишь порядка распределения элементов в линейной последовательности в отношении друг друга. Поэтому эти поверхностные импликации являются более слабыми импликациями, чем мотивированные глубинными отношениями в языке импликации, которые рассматривались выше. Перестройка *SOV*⇒*SVO* или наоборот *SVO*⇒*SOV* (со всеми возможными вариациями) может происходить в языке без перестройки его глубинной структуры. Следовательно, все эти преобразования и связанные с ними структурные изменения в языке не предполагают существенных сдвигов в языковой системе и могут быть вызваны целым рядом экстралингвистических факторов (субстрат, взаимовлияние языков). Это именно то, что мы наблюдаем в истории отдельных индоевропейских диалектов, которые перестраиваются с *SOV* на структуру *SVO* со всеми структурными преобразованиями в поверхностной структуре языка, вызванными таким переходом[1].

[1] Трудно согласиться с Уоткинсом, считающим вопрос о порядке *OV* или *VO* в индоевропейском "псевдопроблемой" (*Watkins 1976: 316*). Дело тут, конечно, не

Суффиксальный характер глагольных показателей при препозиции адъективных и генитивных конструкций в языке модели *OV* выводится из некоторых общих характеристик синтагм *OV* и *VO*, представляющих собой на определенном синтаксическом уровне единое нерасчленимое целое внутри структуры предложения[1].

Естественно поэтому, что элементы (морфологические или синтаксические), соотносимые исключительно только с одним или другим из двух этих элементов синтагмы, могут линейно присоединяться к ним со свободной стороны, то есть слева или справа от всей синтагмы. Для синтагмы *-OV-* такое правило "свободного места" предполагает присоединение глагольных показателей к *V-* в качестве суффиксальных элементов при препозиции адъективных и генитивных конструкций по отношению к *-O*. Для синтагмы же *-VO-* из того же синтагматического правила линейного распределения элементов следует преимущественная префиксация в глагольной структуре при постпозиции адъективных и генитивных образований при элементе *O-* *(ср. Серебренников 1974:310 и след.)*.

Служебные слова, указывающие на связь между элементами *V* и *O* в синтагме и в этом смысле относящиеся как к *V*, так и к *O*, то есть к обоим членам синтагмы, помещаются, естественно, между этими элементами синтагмы и соотносятся синтаксически как с одним членом синтагмы, так и с другим. В синтагме *OV* такие элементы представляют собой так называемые послелоги, в синтагме *VO* элементы в аналогичной функции выступают в качестве предлогов. Согласно традиционной терминологии (послелоги, *postpositions* — предлоги, *prepositions*), эти элементы воспринимаются как соотносимые лишь с членом синтагмы *O*, тогда как на самом деле эти элементы — особые синтаксические связки, соотносимые как с одним членом синтагмы, так и со вторым. Это положение можно проиллюстрировать на примере так называемых постпозиций или препозиций многих языков, где ясно обнаруживается их двойственная синтаксическая направленность на именной и глагольный члены синтагмы.

Общеиндоевропейский язык, являющийся языком модели *SOV*, показывает в основном все характерные морфологические и синтаксические черты, мотивируемые линейной структурой элементов *-OV-*.

в том, что для индоевропейского следует восстановить как последовательность *OV*, так и последовательность *VO*, характерную для некоторых конструкций; проблема заключается в установлении для индоевропейского предложения именно основной, нейтральной или "немаркированной" последовательности (как бы ни понимать термин "маркированный" — "немаркированный"). Таковой для общеиндоевропейского следует считать именно последовательность *OV*, что признается и самим Уоткинсом, допускающим в индоевропейском "маркированную" конструкцию с "начальным глаголом" *(verb-initial)* и "немаркированную" конструкцию с глаголом в конечной позиции *(verb-final)*.

[1] Характерно, что в грамматике непосредственно составляющих и в соответствующей части трансформационной грамматики синтагмы *OV* или *VO* рассматриваются на определенном уровне анализа как единая составляющая предложения, выражаемая символом *VP* ("глагольная группа"). Этот способ описания соответствует языковой интуиции, свидетельствующей об особо тесной связи между рассматриваемыми членами предложения.

2.2. АГГЛЮТИНАТИВНАЯ СТРУКТУРА «ПЕРВИЧНЫХ» И «ВТОРИЧНЫХ» ОКОНЧАНИЙ ГЛАГОЛА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Особенно наглядно проявляется агглютинативный характер суффиксальных элементов в системе глагольного спряжения ряда **-m(i)* и ряда **-Ha* и его производных.

Первичные окончания:	Вторичные окончания:
1 л. **-mi*	**-m*
2 л. **-si*	**-s*
3 л. **-t[h]i*	**-t[h]*

Уже соотношение первичных и вторичных окончаний, выражающих в отдельных индоевропейских диалектах формы настоящего и прошедшего времени[1], указывает на вычленяемость элемента *-i* в качестве маркера определенной категории:

$$*\text{-}mi,\ *\text{-}si,\ *\text{-}t^{[h]}i \rightarrow\ *\text{-}m+*i,\ *\text{-}s+*i,\ *\text{-}t^{[h]}+*i^{2}.$$

Темпоральные противопоставления глагольных форм с "первичными" и "вторичными" окончаниями, отражаемые в исторических индоевропейских диалектах, сводятся изначально к видовым противопоставлениям, выражавшим характер глагольного действия. Следы такого аспектуального противопоставления глагольных форм с первичными и вторичными окончаниями, которые в дальнейшем приобретают функцию выражения темпоральных противопоставлений, еще ясно видны в древнеиндийских глагольных структурах с инъюнктивной семантикой *(Thurneysen 1885; Gonda 1956; Елизаренкова 1960: 51 и след., 120—122; ср. также Hoffmann 1967; Watkins 1969)*, в отсутствии следов временных противопоставлений первичных и вторичных окончаний в кельтских языках *(Meid 1963; Watkins 1962: 47—48; ср. Thurneysen 1946: §§ 559—565; Льюис / Педерсен 1954)*, ср. лат. *sum* < **es-m (см. Foley 1965: 64, но ср. Szemerényi 1964: 191 и след.)*, в характерных внутридиалектных различиях в происхождении окончаний *3 л. мн. ч. наст. вр.* в тохарском (тох. А *-ñc* < **-nti* при тох. В *-ṁ* < **-nt*, то есть первичные окончания в А, вторичные в В; такие различия должны быть очень древними, *Lane 1966 : 219*); о вероятном происхождении славянского окончания *1-го л. ед. ч. наст. вр.*

[1] Ср. *наст. вр.*	Хет.	Др.-инд.	Греч.
1 л.	*eš-mi*	*ás-mi*	*εἰμί*
2 л.	*eš-ši*	*ási*	дор. *ἐσ-σί*
3 л.	*eš-zi*	*ás-ti*	*ἐσ-τί*
пр. вр. 1 л.	*eš-un*	имперф. *ásam*	имперф. гом. *ἦα* < **ēs-m*
2 л.	*eš-ta*	*ásiḥ*, вед. **ās(s)*	
3 л.	*eš-ta*	*ásit*, вед. *ās(t)*	*ἦν*

[2] Понимание окончаний **-mi, *-si, *-t[h]i* как **-m-i, *-s-i, *-t[h]-i*, где с синхронной точки зрения элемент *-i* имеет функцию противопоставления двух разных грамматических типов, еще в 1908 г. было сформулировано Л. В. Щербой *(Щерба 1974: 103)*; о соотношении форм на окончания *-m-i, -s-i, -t-i* : *-m, -s, -t* ср. также *Neu 1976*.

на *-ǫ* из вторичного окончания **-om*, *см. Белић 1932; ср. Кузнецов 1961: 89 и след.; Топоров 1961: 64*.

Показательно также недифференцированное во временном плане употребление первичных и вторичных окончаний как в древнеиндийском, так и в греческом *(Wackernagel 1924 : 47)*, ср. πάρος γε μὲν οὔ τι θαμίζεις 'раньше ты ко мне не часто приходил', Σ, 386. Согласно Мейду *(Meid 1963)*, в сочетании *b$^{[n]}$ere t$^{[k]}$i частица **-i* имела актуализирующее значение; ср. предложенное Мартине *(Martinet 1956)* сравнение форм на **-i* с английским *continuous*. Уоткинс *(Watkins 1962 : 47)* видит в **-i* знак *hic et nunc*.

Первоначальная аспектная, но не темпоральная[1], функция противопоставления первичных и вторичных окончаний в индоевропейском особенно отчетливо проявляется в глагольных формах аориста, выступающих с вторичными окончаниями: ср. др.-инд. *ávidat* 'он увидел', греч. ἔϝιδε, арм. *egit* 'нашел', ср. греч. ἦλυθον 'я ушел' и др.; др.-инд. *á-dhā-m*, *á-dhā-s*, *á-dhā-t* 'положил'. Первоначальная функция аориста в индоевропейском заключалась в выражении аспектных противопоставлении по отношению к формам "имперфекта" с теми же вторичными окончаниями и "настоящего времени", характеризующегося первичными окончаниями, ср. семантику древнеиндийского аориста *(Kuryłowicz 1964: 13 и след.; Watkins 1969; Елизаренкова 1960*; ср. об индоевропейских глагольных категориях *Hoffmann 1970)*.

Вычленяемость элемента **-i* в так называемых первичных окончаниях и его первоначальная аспектуальная (но не темпоральная) семантика явствуют и из форм императива *3-го л.* на *-u*, занимающего место *-i*[2]: хет. *3 л. ед. ч.* импер. *eš-d-u*, *aš-and-u*[3], лув. *aš-d-u*, *aš-and-u*, пал. *aš-d-u*, *aš-and-u* 'пусть будет', 'пусть будут'; др.-инд. *ástu*, *sántu*, авест. *astŭ*.

[1] Для доказательства того, что формы с вторичным окончанием типа хет. *-ten* имели первоначально не временно́е, а видовое значение, существенно то, что они совпадали с окончанием *2-го л. мн. ч.* императива (хет. *-ten*, др.-инд. *-tana*). При анализе типологически сходного явления в енисейском кетском языке, в котором форма прошедшего завершенного времени (*boγ-na* 'разжег огонь', при настоящем-будущем времени *b-ok-s-it* 'разожгу огонь') совпадает с формой повелительного наклонения (*boγ-na* 'разожги огонь'), Е. А. Крейнович замечает: "Отмечаемое совпадение форм повелительного наклонения с формами прошедшего завершенного времени в этих глаголах отчетливо свидетельствует, что интересующие нас форманты не являются показателями времени. Ведь повелительное наклонение указывает на действие, которое только еще должно осуществиться. Как же могут транспонироваться аффиксы со значением прошедшего времени в словоформы, соотносимые с будущим? Следовательно, это показатели завершенности действия (перфекта), а не времени", *Крейнович 1968 : 15*.

[2] По нормам ранговой грамматики элементы как относимые к одному рангу и поэтому взаимоисключающие должны были выражать некую общую категорию, что исключает первичность темпоральной функции окончания *-i*.

[3] Ср. также в хеттском форму "повелительного" наклонения *1л. ед. ч. ašallu* 'да буду я', где выступает то же окончание *-u-*. Это же *-u-* можно видеть и в форме повелит. наклонения 2-го лица медиопассива: *-ḫut*, др.-хет. *-ḫuti*; ср. *ešḫut* 'садись!', *kišḫut* 'становись!', *arḫut* 'встань!'.

Существенным фактором при наращивании к личным окончаниям элемента **-i* является также характер глагольной основы, к которой присоединяются личные окончания. Дело в том, что окончания **-m-*, **-s-*, **-t[h]-* характеризуют атематическую основу, тогда как тематическая основа характеризуется окончаниями *-[o]H*, *-s-*, *-t[h]-*:

Тематический тип

Наст. вр.

И.-е. *1 л. ед. ч.* **-[o]H*	др.-инд. *bhávāmi* 'становлюсь'	лат. *uehō* 'везу'
2 л. ед. ч. **-e-si*	*bhávasi*	*uehis*
3 л. ед. ч. **-e-t[h]i*	*bhávati*	*uehit*

Прош. вр.

1 л. ед. ч. **-o-m*	греч. ἔφερον 'я нес'	др.-инд. *ábhavam*
2 л. ед. ч. **-e-s*	ἔφερες	*ábhavas*
3 л. ед. ч. **-e-t[h]*	ἔφερε	*ábhavat*

Следовательно, специфика тематических и атематических глагольных основ с точки зрения присоединения к ним личных глагольных окончаний заключается в различии первичных окончаний *1-го л. ед. ч.*: **-[o]H* в тематическом типе, **-m-i*— в атематическом.

При наличии форманта **-o-m* в качестве вторичного окончания *1-го л. ед. ч.* при тематических основах первичное окончание **-oH* можно рассматривать как некоторое перекодирование закономерного **-o-mi*, причем нейтрализуется функция элемента **-i* как показателя настоящего времени (более древнего аспектного противопоставления). Не исключено, что такое окончание **-oH* для *1-го л. ед. ч.* настоящего времени могло быть связано с окончанием *1-го л. ед. ч.* глаголов парадигмы ряда **-Ha*. В таком случае налицо пример взаимовлияния двух глагольных парадигм с проникновением форм одной парадигмы в другую (см. другие подобные примеры ниже при разборе взаимоотношений парадигм медиального спряжения).

Представляется, что и это противопоставление тематических глагольных форм с первичными и вторичными окончаниями, отражающими соответственно настоящее и прошедшее время (или еще более древние аспектные оппозиции), является некоторой инновацией в пределах индоевропейских диалектов под влиянием парадигм атематического спряжения. Дело в том, что в древних индоевропейских диалектах сохранились явные следы первоначальной недифференцированности тематического спряжения в зависимости от первичных и вторичных окончаний и соответственно недифференцированности тематического спряжения по темпоральному или более древнему аспектному признаку.

Полная парадигма тематического спряжения с противопоставлением первичных и вторичных окончаний представлена только в древнеиндийс-

ком, при чем форма *1-го л. ед. ч.* осложняется дополнительно окончанием **-mi* по аналогии с атематической парадигмой с последовательным противопоставлением первичных окончаний на **-i* и вторичных окончаний без **-i*: *bhávāmi* из **bhavă- + *-mi* (с сохранением первоначального **-ō < *-oH* в греческом, латинском и других языках).

В других диалектах так называемые первичные окончания тематического спряжения, очевидно, вовсе не восходят к окончаниям с конечным **-i*. Они скорее показывают окончания без **-i*, проявляя тем самым связь с "вторичными" окончаниями: ср. лат. *uehis, uehit*, греч. φέρεις, φέρει и др. Такое соотношение можно истолковать в том смысле, что "первичные" и "вторичные" окончания в тематическом спряжении не противопоставляются друг другу по признаку наличия или отсутствия **-i*. В тематическом типе спряжения как бы нейтрализуется это противопоставление, выражающееся в атематическом типе путем последовательного противопоставления окончаний на **-i* и окончаний без **-i*, которое проводится в древнеиндийском (и только в древнеиндийском) и для тематического типа, в чем можно видеть собственно древнеиндийскую инновацию (*ср. Saussure 1879: 10; Meillet 1931a; Renou 1925; 1932; 1952: § 326; Hoffmann 1967; Watkins 1969: 63, §§ 41 и 42*).

Отсутствие в тематическом спряжении противопоставления первичных и вторичных окончаний, передающего темпоральные или более ранние аспектные оппозиции в атематических формах глагола, можно истолковать как указание на первоначальную функцию тематического гласного, выражавшего, очевидно, некоторый видовой оттенок, при котором было бы избыточным (или семантически противоречивым) дополнительное маркирование с помощью элемента **-i*, который выражал определенное аспектное противопоставление. Эти элементы представляли собой дополнительные друг в отношении друга форманты, передававшие несовместимые (или, возможно, идентичные) грамматические значения.

При утере первоначальной функции тематической гласной в ряде диалектов возникает, уже вторично, противопоставление первичных и вторичных окончаний на **-i* в тематическом спряжении, в результате чего появляется некоторая симметричность в обоих этих типах спряжения, в наиболее полном виде проявляемая в древнеиндийском.

2.3. АГГЛЮТИНАТИВНОЕ СТРОЕНИЕ МЕДИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОКОНЧАНИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Агглютинативное строение глагольных показателей в индоевропейском особенно ясно проявляется в принципах образования индоевропейских медиальных глагольных структур. Глагольные формы, выражавшие в индоевропейском рефлексивность и реципрокность, образуются от обоих глагольных рядов на **-mi* и на **-Ha* путем присоединения к этим окончаниям особых агглютинативных показателей медиальности при контаминации определенных форм ряда **-mi* и ряда **-Ha*. Несводимость разных типов образования медиальных форм в индоевропейских диалектах к общей исходной модели свидетельствует о позднем характере медиума как особой

категории и его ареально-диалектной обусловленности в пределах общеиндоевропейского языка[1].

Один из диалектных типов медиальной структуры образовывается путем присоединения к показателям ряда **-m(i)* маркера медиума **-o-*. В соответствии с этим возникают два ряда форм, отражающих "первичные" и "вторичные" окончания:

Первичные окончания:	Вторичные окончания:
1 л. **-m-o-i*	*1 л.* **-m-o*
2 л. **-s-o-i*	*2 л.* **-s-o*
3 л. **-t[h]-o-i*	*3 л.* **-t[h]-o*

Другой диалектный тип представляют медиальные формы, образованные от окончаний ряда **-Ha* путем добавления к ним агглютинативного элемента **-r(-i)* и **-d[h](-i)* в формах *2-го лица* (ср. о структуре форм *Cowgill 1970 : 142; 1972*):

1 л. **-Ha-r(i)*
2 л. **-t[h]a-r(i)* // **-t[h]a-d[h](i)*
3 л. **-e/o-r(i)*

Возникновение двух парадигм медиального спряжения в индоевропейском, характеризовавшихся ареальным распределением, приводит к контаминации этих типов спряжения и к проникновению определенной формы одной парадигмы в другую.

Так, например, медиальная парадигма ряда **-mi* обнаруживает явные следы окончания *1-го лица* парадигмы ряда **-Ha*, тогда как окончание *3-го лица* медиальной парадигмы ряда **-mi* проникает в парадигму ряда **-Ha*. В результате возникают контаминированные парадигматические системы медиума в отдельных индоевропейских диалектах, обнаруживающие связь с каждой из этих двух парадигм.

Медиальные формы ряда **-mi* представлены прежде всего в греческом:

Первичные окончания:	Вторичные окончания:
Греч. *1 л.* -μαι	-μᾱν
арк.-кипр. *2 л.* -σοι	-σο
арк.-кипр. *3 л.* -τοι	-το

В греч. ᾱ в форме *1-го л. ед. ч.* можно видеть контаминацию с окончанием *1-го л. ед. ч.* ряда **-Ha*.

Сходная контаминация имела место, очевидно, и в форме *1-го л.* в древнеиндийской парадигме:

Первичные окончания:	Вторичные окончания:
1 л. *-é* < индо-иран. **-ai*	*-i (-á)* (*ср. Cowgill 1968*)
2 л. *-sé* < индо-иран. **-sai*	*-thás*
3 л. *-té* < индо-иран. **-tai*	*-tá*

[1] См. об истории и преобразовании медиальных форм в отдельных диалектах *Meid 1971; 1977; Jasanoff 1973.*

Вторичное окончание *2-го лица* проявляет явную связь с соответствующим окончанием ряда **-Ha*.

Медиальная парадигма, образованная от глагольных форм ряда **-Ha*, наиболее отчетливо отражена в хеттском языке:

	Наст. вр.	*Прош. вр.*
1 л.	*-(ḫa)ḫa(ri)*	*-(ḫa)ḫa-t(i)*
2 л.	*-ta(ti)*	*-ta-t*
3 л.	*-a(ri)//-ta(ri)*	*-a-t//-ta-t*

Наличие в хеттском окончаний медиума *3-го л. -ta(ri)* наряду с *-a(ri)* (ср. *kiš-ari* 'становится'; *пр. вр. kišat*; *eš-ari* 'садится', *пр. вр. eš-at*, но *ki-tari* 'лежит', *пр. вр. ki-tat*), синхронно отражающее в хеттском два типа спряжения: на *-mi* и на *-ḫi*, объясняется диахронически отражением в хеттской медиальной парадигме индоевропейских медиальных форм ряда **-mi*.

Аналогичным образом объясняются медиальные парадигмы в кельтских и италийских языках:

Др.-ирл.	*1 л. -ur*	Лат.	*-(o)r*
	2 л. -ther		*-re* ‖ *-ris* < **-so//*-sis*
	3 л. -thir		*-tur*

Окончания *2-го л.* в этих парадигмах (как и форма *2-го л.* в латинском) отражают окончание *3-го л.* в медиальной парадигме ряда **-mi*.

Своеобразную структуру обнаруживает медиальная парадигма в тохарском, в котором окончание *-r* присоединяется не к окончанию ряда **-Ha*, а к медиальному окончанию ряда **-m(i)*, тогда как окончание *2-го лица* отражает ряд **-Ha* (*ср. Cowgill 1972*):

	Тохарский А	*Тохарский В*
1 л.	*-mār*	*-mar*
2 л.	*-tār*	*-tar*
3 л.	*-tär*	*-tär*

Таким образом, медиальные окончания в исторических индоевропейских языках объяснимы при допущении двух медиальных парадигм, основанных на окончаниях ряда **-mi* и ряда **-Ha*.

Ни одна из этих парадигм не представлена в отдельно взятом историческом индоевропейском языке без следов контаминации со второй парадигмой. Для общеиндоевропейского состояния следует постулировать оба этих типа медиальных парадигм, ареально распределенных, что может служить свидетельством их сравнительно позднего возникновения в системеиндоевропейского языка.

Действительно, медиальная парадигма могла возникнуть в системе индоевропейского глагола с появлением субъектно-объектных отношений и возникновением в системе склонения особых форм прямого и косвенного дополнения.

3. ТИПОЛОГИЯ «ВЕРСИОННЫХ» ОТНОШЕНИЙ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ МЕДИУМ

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ «МЕДИУМ» КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕРСИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Возникновение "медиального" спряжения в индоевропейском было связано с необходимостью передачи семантики глагольной версии, то есть категории, выражающей направленность и предназначение действия. Категория версии могла естественным образом развиться из семантики центростремительных глагольных структур, выражавших направленность действия на субъект, в противоположность структурам, выражавшим центробежную направленность действия от субъекта.

Категория предназначения действия или версии предполагает в силу своей семантики участие в действии или в ситуации, описываемой глаголом, дополнительного лица, которому предназначено данное действие. Если производитель действия характеризуется в плане содержания языка в семантических терминах как *Agens*, лицо же, испытывающее действие, как *Patiens*, лицо, которому предназначено действие, можно квалифицировать как "десигнат" (*D*) в отличие от "адресата" (*Ad*), выражающего функцию актанты в косвенном (дательном) падеже (*ср. Гамкрелидзе 1979а*).

В предложении типа (1)

(1) *Я написал ему письмо*

актанта *ему* (в дательном падеже) является адресатом действия, тогда как в предложении (2)

(2) *Я убил ему (то есть для него) зверя*

форма *ему* выражает десигнат, обозначающий лицо, для которого совершается обозначаемое действие.

Десигнат может выступать в предложении наряду с адресатом, как в (3):

(3) *Я послал ему* (адресат) *книгу для него* (десигнат)

Особо тесную связь обнаруживает категория версии с категорией неотчуждаемой принадлежности, выражаемой притяжательным местоимением.

Конструкции с десигнатом в дательном падеже могут быть часто трансформированы в посессивные конструкции, ср. немецкое предложение (4):

(4) *Er hat mir die Hand verwundet,*

которое может быть трансформировано с сохранением смысла в предложение (5):

(5) *Er hat meine Hand verwundet*

Ср. также лат. *manūs sibi lavat* ⇒ *manūs suās lavat* 'моет руки' (*ср. Kuryłowicz 1964*).

Часто первая из этих конструкций с выражением версии представлена как грамматически правильная в одном языке, вторая же — с посессивной конструкцией — в другом: ср. немецкое

(6) *Ich wasche mir die Hände,*

[ср. русское (7) *Я мою [себе] руки*, французское *Je me lave les mains*], при английском

(8) *I wash my hands (ср. Fillmore 1968: 61 и след.; Kuryłowicz 1964: 75).*

Универсальная категория версии, выражаемая в плане содержания всех языков, не во всех языках находит эксплицитное грамматическое выражение в глагольной структуре. В этом отношении представляют типологический интерес данные картвельских языков, в которых версионные отношения выражаются с помощью особых префиксальных морфологических показателей в глагольной структуре. Этими показателями являются в грузинском префиксы *-i-* для субъектной версии ('для себя') и *-u-* для объектной версии ('для него'), ср.

(9) *v-a-k'eteb* 'я делаю' (нейтральная версия)

(10) *v-i-k'eteb* 'делаю для себя' (субъектная версия)

(11) *v-u-k'eteb* 'делаю для него, ему' (объектная версия), *см. Шанидзе 1973: 323 и след.; Boeder 1968.*

Ср. также грузинское

(12) *v-i-ban xels* 'мою себе руки'

при немецком (6) *Ich wasche mir die Hände* и английском (8) *I wash my hands.*

Именно на передачу аналогичной семантической категории версии была ориентирована первоначально индоевропейская структура медиума, возникшая на базе глагольных парадигм с центробежной семантикой.

Древнейшая версионная семантика медиальных глагольных структур ясно проступает еще в наиболее ранних формах древних индоевропейских диалектов. Так, например, сопоставление др.-инд. *yájati* 'он совершает жертвоприношение' (для кого угодно в качестве жреца) и *yájate* 'он приносит жертву для самого себя в качестве жертвователя' явно свидетельствует в пользу версионного характера индийского медиума[1], что было с поразительной для того времени проницательностью замечено еще Панини. Медиум для Панини — это 'слово для себя' *(ātmane-padam)* при активной форме, характеризуемой им как *parasmai-padam* 'слово для другого'.

Ср. также греческое δανείζειν *актив* 'дать в долг' (то есть 'одолжить другому') и δανείζεσθαι 'взять в долг' (то есть 'одолжить для себя'), при готском переводе этих греческих форм *leihvan* 'дать в долг' и *leihvan sis* 'одолжить для себя' *(Wackernagel 1924; Lehmann 1973: 87).*

[1] О версионном характере индоевропейского медиума см. *Шанидзе 1946: 170 и 1969; Schmidt 1965.*

Греч. δῶρα φέρει 'он несет дары' при δῶρα φέρεται 'он несет дары, которые предназначены ему самому' *(Benveniste 1966a: 173; Бенвенист 1974: 184 и след.)*.

Эта древнейшая семантика индоевропейского медиума, устанавливаемая на основании сопоставления глагольных структур актива и медиума в древнейших индоевропейских диалектах— хеттском[1] *(Neu 1968)*, древнеиндийском, древнегреческом *(Перельмутер 1974: 76—77; 1977: 160 и след.)*, указывает на появление в пределах центростремительной глагольной структуры двучленной категории версии, различающей субъектное и несубъектное версионное значение *(ср. Strunk 1980)*.

"Медиальные" окончания придают глагольной форме значение субъектной версии, "немедиальные" (активные) окончания характеризуют несубъектную версию глагола.

В отличие от категории версии, например, в картвельских языках, различающих трехчленное противопоставление: субъектная версия~объектная версия ~ нейтральная версия, индоевропейская категория версии характеризовалась с самого начала двучленным противопоставлением: субъектная версия~ несубъектная версия.

Иными словами, в качестве десигната в структуре предложения выступало всегда субъектное лицо:

'*я — себе — V*—то'
'*ты — себе—V*—то'
'*он — себе—V*—то',

тогда как объектное лицо в качестве десигната не получает в индоевропейском глаголе морфологического выражения. Этим и объясняется двучленность индоевропейской категории версии (субъектная ~ несубъектная) в отличие от трехчленной категории версии (субъектная ~ объектная ~ нейтральная) в картвельских языках. Такая двучленная версионная категория в индоевропейском отражает бинарное противопоставление древних индоевропейских глагольных форм по признаку центростремительности~ центробежности, отражающее старое деление именных и соответственно глагольных образований на активный и инактивный классы.

Семантика субъектной версии, выражающей направленность действия на субъект, является своеобразным отражением центростремительной семантики первоначальных индоевропейских глагольных образований ряда **-Ha*.

С формально-описательной точки зрения субъектную версию глагола в индоевропейском можно рассматривать как результат версионной трансформации соответствующей активной формы, благодаря которой из глагольной структуры типа

$$S\ V\begin{Bmatrix}-e\\ -t[h]i\end{Bmatrix}\ [O] \quad \text{возникает структура} \quad S\ V\begin{Bmatrix}-o\text{-}(ri)\\ -t[h]\text{-}o\text{-}i\end{Bmatrix}\ D\ [O]$$

[1] ср. хет. *nu-za-kán* $\text{ŠU}^{\text{HI.A}}$*-uš a-ar-ri* (KBo IV 2 III 26) 'и моет себе руки'; LUGAL-*uš-za-kán* $\text{ŠU}^{\text{HI.A}}$*.ŠU a-ar-ri* (KUB XX 99 III 18) 'царь себе руки (свои) моет', при др.-инд. *pāṇí áva nenikte* 'он моет себе руки' и греч. гом. *νίψατο* (≈ хет. *-za*) *δ' αὐτὸς χεῖρας* (≈ хет. $\text{ŠU}^{\text{HI.A}}$), *П 230* 'он помыл себе руки'.

где *D* — десигнат, выражающий субъектное лицо.

Агглютинативные элементы **-o-* [в глагольных формах ряда **-m(i)*] и **-r(i)* (в глагольных формах ряда **-Ha*) являются тем самым выразителями семантики субъектной версии, морфологическими суффиксальными маркерами категории версии.

3.2. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ МЕДИУМА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ В СВЯЗИ С КАТЕГОРИЕЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ~ИНТРАНЗИТИВНОСТИ И ПОЯВЛЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕРСИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ. МЕДИУМ И ПАССИВ

Позднейшее семантическое преобразование медиума из глагольных структур, выражающих версионные противопоставления, в структуры, выражающие значение непереходности (в противовес активным переходным формам глагола), вызывает появление аналитических форм выражения версионных отношений в структуре предложения с помощью особых прономинальных образований.

Наряду с единственным древнеиндоевропейским местоимением **s-* (или **ś°-*: лат. *sē*, *suī*, *sibī*, греч. ἕ, οὗ, οἱ, ст.-слав. *svojĭ*, др.-инд. *svá-* 'свой', *svayám* 'сам', авест. *x°a-* 'свой') для выражения субъектного десигната в структуре предложения в отдельных индоевропейских диалектах появляются слова различного происхождения: греч. αὐτός, φίλος, σφέτερος, др.-инд. *atmán-*, лат. *ipse*, нем. *selbst* и др., ср. ниже о хет. *-za*, лув. *-ti*. Слово, выражавшее отношение рефлексивности, то есть лексический эквивалент версионных отношений, отсутствовало в индоевропейском праязыке *(Delbrück 1893—1900, III: 477 и след., 497)*.

По мере становления и оформления в индоевропейском глагольной категории переходности ~ непереходности структура медиума, выражавшая первоначально версионные отношения, приобретает функцию выражения глагольной непереходности, противопоставляясь активным формам ряда **-mi* и **-Ha*, выражавшим соответственно глагольную переходность.

Индоевропейская глагольная система преобразуется в сторону формального выражения центральной категории переходности ~ непереходности, для чего и используются соответствующие формальные средства языка. Семантически центростремительные структуры субъектной версии становятся естественным средством выражения глагольных структур с непереходной семантикой.

Такое семантическое развитие медиальных структур можно проследить на данных ряда древних индоевропейских диалектов. Это уже касается такого древнего индоевропейского диалекта, как хеттский язык, в котором подобный формально-семантический переход можно проследить уже в письменный период его развития *(Neu 1968: 56, 62, 63, 80, 106)*, а также греческого *(Schwyzer/Debrunner 1950, II: 235; Debrunner/Scherer 1969: 113)* и древнеиндийского (с рефлексивным значением в позднем санскрите, *Bloch 1934*).

В процессе такого преобразования медиальные глагольные формы приобретают значение по преимуществу непереходных глаголов, а далее

грамматикализуются как пассивные, что отражено в медиальных формах с исключительно непереходной семантикой таких индоевропейских языков, как латинский (пассив из индоевропейского медиума, *Wackernagel 1924*), тохарский (преимущественно пассивное значение при следах старого медиального, *Краузе 1959 : 63*), германские *(Гухман 1964 : 262)*, позднейший греческий *(Перельмутер 1974 : 77; 1977 : 137 и след.)*.

На уровне глубинных отношений пассив как особую диатезу следует отличать от категории версии, выраженной в индоевропейском так называемым медиумом. В синхронно действующей языковой системе пассив есть результат пассивной трансформации соответствующих активных структур, при которой происходит конверсия отношений между логико-семантическим субъектом и объектом:

Если при активной конструкции выступает прямое соотношение между логико-семантическим субъектом S и объектом O, с одной стороны, и грамматическим субъектом $\{S\}$ и объектом $\{O\}$, с другой,

Схема 1

Логико-семантический уровень: $S - P - O$ ***Человек убивает зверя***

Грамматический уровень: $\{S\} - V - \{O\}$

то при пассивной трансформации логико-семантический субъект выражается уже с помощью грамматического объекта, тогда как логико-семантический объект выступает в функции грамматического субъекта:

Схема 2

Логико-семантический уровень: $S - P - O$

Грамматический уровень: $\{O\} - V - \{S\}$ ***Зверь убиваем человеком***

То есть при пассивной трансформации возникшая диатеза характеризуется конверсией соотношений между логико-семантическими единицами и единицами грамматического уровня:

$$S \rightarrow \{O\} \text{ и } O \rightarrow \{S\}$$

При такой трансформации транзитивная глагольная форма преобразуется в интранзитивную:

Схема 3

$$\begin{array}{ccccc} S & - & P & - & O \\ \updownarrow & & & & \updownarrow \\ \{S\} & - & V\text{-}t^{[h]}i & - & \{O\} \end{array} \quad T_{pass.} \Rightarrow \quad \begin{array}{ccccc} S & - & P & & O \\ \updownarrow & & & & \updownarrow \\ \{O\} & - & V^{\text{-}or(i)}_{\text{-}t[h]_{Oi}} & - & \{S\} \end{array}$$

В версионных глагольных структурах грамматический субъект и объект находятся в прямом соотношении с логико-семантическими единицами.

Существенно здесь только то, что логико-семантический десигнат — *D* находит эксплицитное грамматическое выражение в глагольной форме наряду с логико-семантическим объектом *O*, то есть версионная глагольная форма отражает логико-семантическую структуру:

$$S — P — D — O$$

При совпадении лица *D* с лицом *S* возникает субъектная версия, выраженная индоевропейскими медиальными формами.

3.3. «ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ» ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И «ГИПОТЕТИЧНОСТЬ» ВЫРАЖАЕМОГО ПЕРФЕКТОМ ЗНАЧЕНИЯ

Преобразование медиальных версионных форм в индоевропейском в конструкции с пассивным значением может быть объяснено общей для этих конструкций семантикой центростремительности действия, направленности действия вовнутрь на грамматический субъект (то есть логико-семантический субъект или объект). Семантика субъектной версии индоевропейских медиальных конструкций дает естественное основание для последующего преобразования этих конструкций в собственно пассивные. Она же служит основанием для возможности преобразования медиальной конструкции субъектной версии в структуры с рефлексивным значением (при отождествлении прямого объекта с субъектом, чему должно было особенно содействовать отношение неотчуждаемой принадлежности, имплицитно представленное в субъектной версии, *ср. Kuryłowicz 1964 : 75*).

Признак центростремительности индоевропейских медиальных образований объединяет их также с индоевропейскими перфектными формами и целым рядом других непереходных глагольных структур. Только с этой точки зрения можно понять идентичность парадигмы медиума и непереходного глагола и объяснить их связь с индоевропейским перфектом, выражавшим первоначально также состояние как результат прошлого действия.

Эта особенность индоевропейских перфектных образований объясняет и семантику "гипотетичности", имплицитно содержащуюся в глагольных формах перфекта. Поскольку действие произошло в прошлом, а автор коммуникации (*1-е лицо*) является лишь свидетелем состояния как результата этого действия, это последнее воспринимается им как акт, совершенный вне его присутствия, как некоторое гипотетическое событие, о котором он судит только по результатам этого действия[1].

[1] Такая семантика перфектных образований особенно отчетливо выступает в картвельских так называемых "заглазных" глагольных формах III (инверсивной) серии времен, ср. груз. *dauc'eria* 'он, оказывается, написал', *gauk'etebia* 'он, оказывается, сделал'. Типологически различение 'группы виденного' *(naxulis ǯgupi)* и "группы невиденного" *(unaxavis ǯgupi)* в грузинской грамматике *(Шанидзе 1973 : 211 и след.)* сопоставимо со сходным различением по отношению к перфекту у Панини *(parokṣā—aparokṣe)*, *Schmidt 1964 : 9*; ср. типологически также болгарские формы "очевидности", восходящие к славянским перфектным образованиям: заминала 'как будто

Перфект в греческом и индо-иранском обычно употреблялся при отрицании, *Grünenthal 1933*. Этим можно объяснить и то, что в отдельных диалектах, в частности в славянском, функции перфекта позднее перенимают такие глагольные структуры, которые первоначально имели значение гипотетичности: славянские формы на *-l(й)* (*ср. Kuryłowicz 1970—1972*), сохранившие модальное значение (*Бородич 1963; Galton 1962*), как и родственные им тохарские формы на *-lye* (*Thomas 1952; ср. Бенвенист 1959: 97; Benveniste 1936*), армянские (*sireli* 'тот, кого нужно любить', 'милый'), хетто-лувийские формы типа *dalugnula-* '(те, которые) должны быть удлинены', *barganula-* '(те, которые) должны быть возвышены', *Pedersen 1947; van Brock 1962; Benveniste 1962a : 18—20; Иванов 1968 : 270 — 272; Solta 1970*. В старославянских текстах отмечается, в частности, перфектная трансформация в форму на *-l(й)*, сопровождающая отрицательную трансформацию: перфект *nĕstĭ sŭtvorilŭ* 'не сотворил'='не сделал' при аористе *sŭtvori* 'сотворил' (*Бородич 1963: 9, 12, 15*), ср. аналогичное соотношение перфектных форм при отрицательной трансформации в грузинском, где положительная форма глагола в прошедшем времени (*аорист da-v-c'er-e* 'я написал', *da-v-xat'e* 'я нарисовал') преобразуется при отрицательной трансформации в форму III (перфектной) серии: *ar da-m-i-c'er-ia* 'я не написал', *ar da-m-i-xat'-av-s* 'я не нарисовал'.

В балтийских языках старый индоевропейский перфект находит отражение только в форме отрицания: латыш. *nevaid* 'нет' < 'неизвестно'[1], *Endzelins 1951: § 601a; Stang 1966 : 416*, ср. там же о лит. *yrà* 'есть', в отрицании *nėrà* 'нет' (при ст.-лит. *ẽsti* 'есть', ср. в старолитовских переводах с польского: *ẽsti* в положительных предложениях, *nėrà* в отрицании: *nėrà Diẽvo* 'нет бога'=польск. *nie masz Boga*[2], *ср. Ford 1967*. К этимологии *-r* в *nėrà ср. Иванов 1968: 235—238 и 269; Watkins 1969 : 195—197*, о формах с **-r* в глаголе как связанных с частицей **r* в греч. гом. ἄρ, ῥα: στῇ ῥα, Н 225, тох. В *ra*).

4. РАНГОВАЯ СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СЛОВОФОРМЫ

*4.1. ВЗАИМОРАСПОЛОЖЕНИЕ СУФФИКСОВ В ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВОФОРМАХ РЯДА *-mi*

В соответствии с типом языка структуры *OV* целый ряд глагольных категорий, таких как конъюнктив, оптатив, каузатив и другие, выражается морфологически в глагольных формах с помощью особых суффиксальных

(по слухам) отплыл (о корабле)' (*Jakobson 1971a : 135; Andrejčin 1938*; ср. о македонском *Lunt 1952*; к общей типологии "очных" форм ср. о японском *Холодович 1946: 196—197*).

[1] Частичную типологическую параллель можно видеть в развитии 'знать'> 'испытать' (*'know'<'experience'*) при отрицательной трансформации (*Buyssens 1959*).

[2] Относительно польск. *nie masz* (XV—XIX вв.), позднейшее *nie ma* 'нет', ср. *Śmiech 1966; Bendix 1966 : 131*; ср. о типологических параллелях подобному различению отрицательных форм глаголов бытия (польск. *nie ma* — лит. *nėrà*) и положительных форм (польск. *jest*—ст.-лит. *ẽsti*) *Locker 1955: 549 — 550*.

показателей агглютинативного характера. В этих показателях, как и в анализированных выше показателях медиальных глагольных структур, выдерживается основной принцип агглютинации — свободной вычленимости специфических показателей, каждый из которых выражает, как правило, одно грамматическое значение, одну граммему.

При этом конкретный показатель или группа показателей занимает строго определенное место в морфемной последовательности в глагольной словоформе.

Непосредственно за глагольной основой следуют так называемые тематические гласные **-e-/*-o-*, выступающие тем самым в качестве морфем *Ранга I*. За тематическими гласными, занимая 2-ое место в ранговой структуре морфем, выступают показатели конъюнктива **-e-/*-o-* или оптатива **-i̯eH-/*-iH-*:

Атематический тип:

Индикатив: ***ei̯-mi** 'иду', ***ei̯-si** 'идешь', ***ei̯-t[h]i** 'идет'

Др.-инд. *é-mi*, *é-ṣi*, *é-ti*

Конъюнктив: ***ei̯-oH** 'я шел бы', ***ei̯-e-s-(i)** 'ты шел бы', ***ei̯-e-t[h](i)** 'он шел бы'

Др.-инд. *áy-ā(ni)*, **ay-as(i)*, *áy-at(i)*

В атематических структурах *Ранг I* остается свободным и морфема *Ранга II* (показатель конъюнктива) примыкает непосредственно к основе. Оба этих ранга представлены сегментными морфемами в тематических глагольных формах:

Тематический тип:

Индикатив: ***b[h]er-oH** 'несу', ***b[h]er-e-si** 'несешь', ***b[h]er-e-t[h]i** 'несет'

Др.-инд.	*bhárāmi*	*bhárasi*	*bhárati*
Греч.	φέρω	φέρεις	φέρει

Конъюнктив:	***b[h]er-oH**	***b[h]er-ē-si**	***b[h]er-ē-t[h]i**
	'я нес бы'	'ты нес бы'	'он нес бы'
Др.-инд.	*bhárā(ṇi)*	**bharās(i)*	*bhárāt(i)*

Долгое **-ē-* в индоевропейских формах объяснимо, очевидно, слиянием двух показателей: тематической гласной **-e-/*-o-* и показателя конъюнктива **-e-*: то есть

***b[h]er-ē-si** < ***b[h]er-e-e-si**

***b[h]er-ē-t[h]i** < ***b[h]er-e-e-t[h]i**

В тот же второй ранг суффиксальных морфем попадает и показатель индоевропейского оптатива **-i̯eH-/*-iH-*

Атематический тип:

Оптатив: ***s-i̯eH-m** 'я был бы' ***s-i̯eH-s** 'ты был бы' ***s-i̯eH-t[h]** 'он был бы'

Др.-инд.	*syám*	*syás*	*syát*
Ст.-лат.	*siem*	*siēs*	*siet*

Тематический тип:

Оптатив: *b$^{[h]}$er-o-iH-m 'я нес бы', *b$^{[h]}$er-o-iH-s 'ты нес бы', *b$^{[h]}$er-o-iH-t$^{[h]}$ 'он нес бы'

Др.-инд. *bhāreyam* *bhāres* *bhāret*

Принадлежность обоих этих показателей к *Рангу II* указывает на функциональную близость этих формантов, выражающих различные аспекты единой категории модальности (при индикативе, выражаемом отсутствием аффикса в этом ранге)[1], ср. *Gonda 1956*. Совпадение аффикса *Ранга I*—тематических гласных *-*e*-/*-*o*- — с показателем конъюнктива, относящимся в позднеиндоевропейском к *Рангу II*, может служить указанием их исторической тождественности и функциональной соотнесенности. Лишь в позднеиндоевропейском происходит, очевидно, расщепление этого ряда показателей и формирование формантов двух различных рангов.

Признаком исторической функциональной близости показателя конъюнктива к исторической, так называемой тематической гласной может служить и форма *1-го л. ед. ч.* на *-[*o*]*H*, как и в тематическом спряжении, ср. индоевропейские формы от глагола *es- 'быть' [конъюнктив *1 л. ед. ч.* *es-oH, *2 л.* *es-e-s(i), *3 л.* *es-e-t$^{[h]}$(i)], отраженные в латинских формах будущего времени *erō*, *eris*, *erit* и в кельтских формах настоящего времени конъюнктива: др.-ирл. *1 л. ед. ч. beo* < **(b)esō*, **(b)eses*, **(b)eset*, *Watkins 1969: § 40, 62*; *Szemerényi 1970: 238—239*. Противопоставление в индоевропейском спряжении конъюнктива первичных и вторичных окончаний с **-i* и без **-i* (в окончаниях *2-го* и *3-го лица*) относится к более позднему периоду, к эпохе становления полной системы парадигм спряжения с первичными и вторичными окончаниями в древнеиндийском.

Еще в "Ригведе" обнаруживаются ясные следы недифференцированности конъюнктива по темпоральному признаку в зависимости от "первичных" и "вторичных" окончаний: ср. вед. *ásat* 'был бы' (24 раза в "Ригведе") со значением вневременного конъюнктива, параллельно *ásati* (6 раз в "Ригведе"), *kárat*, *kárati* (при индикативе *kṛnóti* 'делает'), *gámat* (при индикативе *gácchati* 'идет'), *yámati* (при индикативе *yácchati* 'преподносит', *Watkins 1969: § 44, 64—65; ср. Kuryłowicz 1964; Gonda 1956*).

К тому же *Рангу II*, что и оптатив и конъюнктив, относится и показатель каузатива *-*je*-, занимающий место в последовательности морфем за тематической гласной:

*b$^{[h]}$er-e-t$^{[h]}$i	⇒ кауз.	*b$^{[h]}$er-o-je-t$^{[h]}$i
'несет'		'заставляет нести'
Др.-инд. *bhárati*		*bhārāyati*
Греч. φέρω		φορέω

[1] Такое значимое отсутствие аффикса в форме индикатива следует рассматривать как функционирование нулевого аффикса в качестве показателя индикатива в противовес сегментным аффиксам, образующим другие аналогичные категории—конъюнктив, оптатив.

Соотнесенность суффикса каузатива с *Рангом II*, где представлены такие модальные показатели, как конъюнктив и оптатив, может свидетельствовать о первоначальной модально-видовой семантике этого показателя в индоевропейском, лишь позднее превратившегося в выразителя категории каузации.

Такое первоначальное видовое значение показателя "каузатива" прослеживается в индоевропейских сопоставлениях типа др.-инд. *bhārāyati*, греч. гом. φορέω в таких контекстах, как αὐτὰρ ὁ αὖτε θυέστ' Ἀγαμέμνονι λείπε φορῆναι 'Тиэст же Агамемнону оставил (его) носить (т. е. завещал ему скипетр)', B 107, где φορῆναι переводится как 'носить' (*Kuryłowicz 1964: 86*), ср. у Гомера такие пары, как

φοβέομαι : φέβομαι 'бояться'
τρομέω : τρέμω 'дрожать'
τροπέω : τρέπω 'поворачиваться',

в которых представлено скорее видовое противопоставление, нежели противопоставление по каузативности; ср. также ст.-слав. *iz-baviti* 'избавить' при др.-инд. *bhāvayati*, каузатив к *bhū-*, *bhávate* 'быть'; ст.-слав. *saditi* 'садить, сажать', при др.-инд. *sādayati* 'сажать', каузатив к *sad-* 'сидеть'; лат. *spondeō* 'совершать торжественную церемонию' при греч. σπένδω 'совершаю возлияние, жертву', хет. *šipandaḫḫi* 'совершаю жертвоприношение' и др.

Суффикс **-i̯e-* со значением каузативности в позднеиндоевропейской системе отражает, очевидно, первоначальный суффикс с определенным модально-видовым оттенком, противопоставлявшим глагольные формы на **-i̯e-* глагольным формам, образованным с помощью других суффиксов того же ранга с различными модальными оттенками. Лишь впоследствии, при появлении в системе бинарного противопоставления глагола по транзитивности — интранзитивности, один из модально-видовых суффиксов приобретает транзитивную функцию каузальности, превращая непереходные глаголы в переходные или увеличивая валентность переходных глаголов на единицу.

В следующий третий морфемный ранг попадают личные показатели глагола *1-го*, *2-го* и *3-го лица* **-m*, **-s*, **-t*[3].

Четвертый ранг представлен показателем субъектной версии **-o-*. Форма без **-o-* в этом ранге, противостоящая форме с **-o-* как несубъектная версия субъектной, предполагает наличие нулевого форманта *-Ø-* как показателя несубъектной версии.

Пятый крайний ранг представляют разобранные выше суффиксы настоящего времени **-i* и повелительного наклонения **-u*, свидетельствующие о первоначальной аспектуальной (но не темпоральной) функции показателя **-i*.

Формы без такого **-i*, противостоящие последним как формам настоящего времени (ранее инъюнктива), заставляют рассматривать значимое отсутствие сегментного форманта "прошедшего времени" как нулевой показатель *-Ø-* прошедшего времени.

В определенном смысле вне ранговой структуры глагола находится форма императива *2-го л. ед. ч.* В качестве такой формы используется чистая глагольная основа, осложненная лишь суффиксом *Ранга I*—тематической гласной. Все остальные ранги снимаются:

Атематическая основа: **ei̯* 'иди!' (лат. *i*, ср. формы с позднейшими частицами: др.-инд. *i-hí*, греч. ἴ-θι, лит. *eĩ-k*);

Тематическая основа: **ak̂'e* 'веди!' (лат. *age*, греч. ἄγε, др.-инд. *ája*).

Повелительная форма *2-го л. ед. ч.* как форма внеранговой структуры (то есть чистая глагольная основа) широко распространена в разных языках мира и может считаться типологической универсалией, находящей возможное объяснение в особенностях детского языка.

Ранговая структура сегментных индоевропейских глагольных форм ряда **-mi* может быть схематически представлена в виде *Табл. 1*:

ТАБЛИЦА 1

РАНГОВАЯ СТРУКТУРА СЕГМЕНТНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ РЯДА *-mi

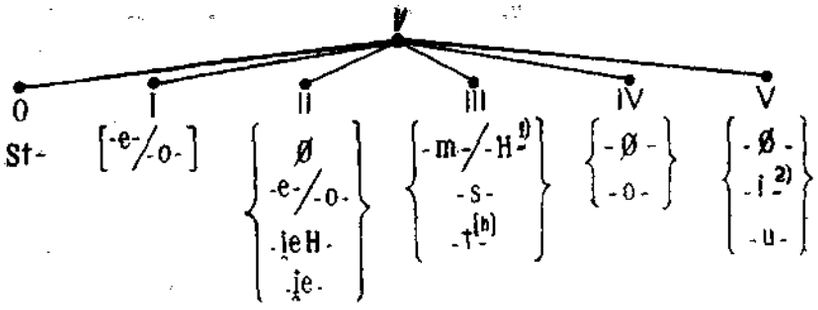
Морфемный ранг	0	I	II	III	IV	V
Последовательность морфем	*St*	*Тематическая гласная*	*Конъюнктив Оптатив Каузатив*	*Личные показатели*	*Субъектная версия*	*Наст. время (аспект) Повелит. накл.*

1. *St* → Глагольная основа нулевого ранга, включающая в себя и деривационные суффиксальные элементы типа **-ŝk̂[h]-*, **-aH-*, **-o* - и др.
2. *Тематическая гласная* → **-e-/*-o-*
3. *Конъюнктив* → **-e-/*-o-*
4. *Оптатив* → **-i̯eH-/*-iH-*
5. *Каузатив* → **-i̯e-*
6. *Личные показатели* → { *1 л.* **-m-/*-H-*; *2 л.* **-s-*; *3 л.* **-t[h]-* }
7. *Субъектная версия* → **-o-*
8. *Настоящее время (аспект)* → **-i-*
9. *Повелительное наклонение* → **-u-*

С учетом и нулевых аффиксов в соответствующих рангах полную морфемную последовательность в глагольной словоформе ряда **-mi* можно представить в виде следующей диаграммы, иллюстрирующей развертывание глагольной формы *V* на составные элементы[1]:

[1] Это по существу представляет ранговую грамматику индоевропейского глагола, аналогичную по общему методу той, которая была построена Гельбом для протоаккадского (семитского) языка (*Gelb 1969*).

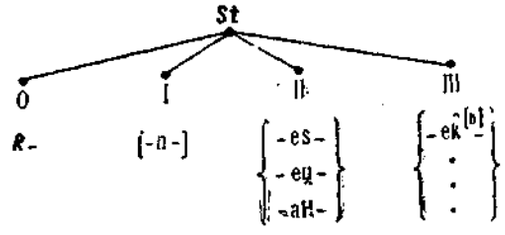
Схема 4

4.2. ВЗАИМОРАСПОЛОЖЕНИЕ СУФФИКСОВ В ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЕ

Структурный компонент *St*, подпадающий под нулевой ранг глагольной словоформы, представляет собой в свою очередь сложное структурное образование, состоящее из нерасчленимого далее ядра (корня) с присоединяемыми к нему морфологическими элементами, образующими вместе с корнем *R* глагольную основу *St*. Этот класс структурных элементов представлен в индоевропейском суффиксами **-n-*, **-k̂[h]-*, **-eu̯-*, **-es-* **-aH-* и др., присоединяемыми к корню *R* в определенном ранговом порядке, объясняющем отражение глагольных основ с этими элементами в исторических индоевропейских языках:

Схема 5

[1] **-H-* в качестве показателя *1-го л. ед. ч.* вместо **-m* при условии заполнения в морфемной последовательности Ранга I элементом **-e-/*-o-*, то есть в тематических глагольных основах. В этом проявляется некоторая взаимозависимость в глагольной форме Рангов I и III. Этот же показатель *1-го л. ед. ч.* **-H* выступает и при суффиксе конъюнктива Ранга II **-e-/*-o-*, что указывает на взаимозависимость аффиксов Рангов II и III.

Эти синхронные отношения аффиксов различных рангов можно свести к диахронической тождественности тематического показателя Ранга I **-e-/*-o-* с показателем конъюнктива, выступающим в качестве аффикса Ранга II (ср. о других свидетельствах этого тождества *Renou 1932*; *Watkins 1969: 63—65*).

[2] Наличие в морфемной последовательности морфемы Ранга I или морфемы **-e-/*-o-* из Ранга II исключает морфему Ранга V **-i* в качестве конечного элемента в морфемной последовательности. Несовместимость в морфемной последовательности указанных элементов Рангов I — II и V указывает либо на их семантическую противопоставленность в пределах единой грамматической категории, либо на их семантическую несовместимость.

Глагольная основа с максимальным количеством ранговых элементов *R — I — II — III* характеризуется окончанием **-n-es-ḱ[ḫ]-*, ср. класс глаголов на *-nāsk-* в тохарском, *-nešk-* в хеттском[1], отражающих, очевидно, общеиндоевропейские глагольные основы с максимальной ранговой структурой. Ограничение, накладываемое на основу трехранговой структуры, заключается только в том, что из *Ранга II* избирается лишь элемент **-es-*. Иными словами, суффикс **-(e)ḱ[ḫ]-* может присоединяться в трехранговой структуре только к элементу *Ранга II *-es-* при наличии элемента *Ранга I *-n-*.

Двухранговая структура основы выражается возможными сочетаниями *Рангов I—II, II—III, I—III*:

R—I—II

**-n-(e)s-*:

Хет. *iḭanneš* 'он постоянно двигался (в походе)' (*3 л. ед. ч. прош. вр.*, представленное в виде древней чистой основы, ср. форму *императива 2-го л. ед. ч. iḭanniš* KUB XXIV 8 II 7, *Sommer/Falkenstein 1938: 176 и след.*);

Хет. *tarniš-ten, 2 л. мн. ч. повел. накл.* (*ср. tarna-* 'пускать'); др.-инд. *śi-n-áṣ-ṭi* 'оставляет' (*Kuiper 1937: 40*), греч. κυνέω 'целую': **ḱ[ḫ]u-n-es-* (*Puhvel 1960: 31*);

**-n-(e)u̯-* (ср. др.-инд. класс V):

Хет. *arnu-* 'приводить, приносить', др.-инд. *ṛṇóti* 'он двигается, поднимается', греч. ὄρνῡμι 'возбуждаю'; др.-инд. *śṛṇóti* 'слышит', др.-ирл. *ro-cluinethar* < **ḱ[ḫ]l̥-n-u-t[ḫ]ro* (*Marstrander 1924: 19 и след.*);

Хет. *tepnu-* 'умалять', 'унижать' (ср. хет. *tepu-* 'малый'), др.-инд. *dabhnóti* 'наносит вред', ср. ст.-слав. *pomĕnǫti* 'понимать', 'вспомнить' (из **mn̥-n-eu̯-*);

**-n-(a)H-* (ср. др.-инд. класс IX):

Др.-инд. *mr̥ṇáti* 'размалывает'; хет. *u̯atarnaḫḫ-* 'сообщать', 'приказывать', 'свидетельствовать'; др.-инд. *krīṇáti* 'покупает', др.-ирл. *crenaid*; др.-инд. *gr̥ṇáti* 'глотает' (*Burrow 1957: 140*); вед. *punáti* 'чистит', ср. вед. *pávate* (*Puhvel 1960 : 21 и след.*);

R—II—III

**-(e)-ŝḱ[ḫ]-*:

Хет. *pešk-*, *итератив* к *pai-* 'давать', *nešk-*, *итератив* к *nai-* 'вести', *aršk-* 'достигать' (Hatt. II 13, KBo III 4 III 70; KUB XIII 2 I 25); др.-инд. *ṛ-cchāti* 'достигает'; *icchāti* 'ищет', ст.-слав. *iskati* 'искать', др.-в.-нем. *eiscōn* 'искать', 'требовать';

Др.-инд. *pr̥cchāti* 'спрашивает'; лат. *poscō* 'прошу', *pāscō* 'пасу', тох. В *pāsk-* 'пасти', 'хранить';

R—I—III

**-n-(e)ḱ[ḫ]-*:

[1] хет. *tiḭaneš-* (*tiḭaneškimi* 'зашиваю', KUB VII 53 II 17, *Goetze 1938: 77 и след.*; *Friedrich 1957: 21*), *tarneš-*, *tarnašk-* (KUB XXX 28 I 27) от *tar-n-* 'пускать, отпускать', ср. *taršik-*, KUB XXIII 72 II 41, *taršk-*, KUB XXIV 9 II 42.

Лат. *uincō* 'побеждаю', оск. *vincter* 'convincitur', хет. *ḫarnink-* 'уничтожать', *ḫunink-* 'разрезать', 'вредить'[1], авест. *mərənčaiti* 'повреждает', 'уничтожает' (**mr̥-n-ak-*, *Kuiper 1937: 125*).

Одноранговая структура основы образуется присоединением к корню элемента одного из трех возможных рангов:

R—I

**-n-* (*ср. Kuiper 1937; Strunk 1972a*):

Хет. *tarna-* 'пускать, отпускать' (ср. хет. *taršk-* и *tarnešk-*), тох. А *tärnā-* 'пускать' (ср. тох. А *tärk-*); лат. *in-unt* 'идут' (форма с *-n-* от глагола *i-* 'идти', ср. хет. *iḫannai-* 'постоянно ходить');

R—II

**-(e)s-*:

Хет. *lukkeš-* 'светать', тох. *luk-s-* 'освещать';

Хет. *paḫš-* 'охранять, хранить, соблюдать', лат. *pāstum*, *pāstor* (ср. *pāscō* 'пасти'), тох. А *pās-*, ст.-слав. *pasti*; хет. *paš-* 'глотать' (ср. др.-инд. *píbati* 'пьет', греч. πῶθι 'пей!');

Др.-инд. *naiṣ-*, *neṣ-* (ср. *náya-* 'вести', хет. *nešk-*, *nai-* 'вести');

**-(e)u-*:

Греч. κελεύω 'направляю', 'двигаю' (ср. τελ-ευ-τή 'конец', *Schwyzer 1939, I: 683; Chantraine 1968-: 513*); греч. δρούω 'нападаю'; хет. *tarḫ-u-* (*tarḫuzzi* 'побеждает', по-видимому, с нулевой огласовкой суффикса);

**-(a)H-*:

Лат. *nouāre*, греч. νεάω, хет. *neuaḫḫ-* 'обновлять';

Хет. *armaḫḫ-* 'забеременеть' (ср. *arma-* 'луна');

R—III

**-(e)k̂[h]-*:

Тох. А *tär-k-* 'отпускать' (*ср.* хет. *tar-na-*, *tar-šk-*).

В *Ранге III* при сочетании с элементами *Ранга II* или *Ранга I*, а также при присоединении непосредственно к корню, помимо указанного выше в схеме элемента **-(e)k̂[h]-*, может выступать целый ряд других элементов, характеризуемых по традиционной терминологии как "расширители" или корневые детерминативы (*Wurzelerweiterung*) в широком смысле. В качестве таких "расширителей" представлены как велярные, так и дентальные и лабиальные элементы **-(e)k[h]°-*, **-(e)d[h]-*, **-(e)t[h]-*, **-(e)g[h]-* и другие (*ср. Schwyzer 1939, I: 701—706; Meйe 1938: 237*; см. собрание примеров на большинство этих типов в позиции после носового элемента *Ранга I*, *Kuiper 1937: 123—146*).

Восстановление первоначальных функциональных значений рассмотренных выше суффиксов, поддающихся формальному описанию в терминах ранговой структуры, представляет значительные трудности ввиду множества их прямо не соотносимых функций, засвидетельствованных в исторических языках. Так, например, суффиксальное сочетание **-(e)ŝ-k̂[h]-*

[1] Хеттские формы восходят, очевидно, к последовательности суффиксов со вторым элементом в полной ступени и фонетическим повторением элемента *-n-*, ср. формы без *-n-* в позиции перед двумя согласными, *ḫar-nik-mi*, *ḫu-nik-ta* и др.

приобретает в хеттском итеративно-дуративную функцию (*Bechtel 1936*) и функцию множественности объекта, ср. выше, стр. 307 (а также субъекта, *Dressler 1968*), в тохарском — каузативное значение (*Couvreur 1938; Krause 1952*), в латинском — инкоативное.

То же самое можно сказать о функциях суффикса *Ранга II* *-[e]s-, образующего по языкам формы аориста (греческий, индо-иранский, *Елизаренкова 1960*, славянский, ср. также, возможно, формы прошедшего времени на -s- в хеттском и кельтском, *Watkins 1962*), модальные формы (индо-иранский прекатив, *Burrow 1954*), формы дезидератива (*Puhvel 1960: 41 и след.*), формы будущего времени (греческий, индо-иранский, латинский, балто-славянский), каузативные формы на -s- (тохарский).

Суффикс *-aH- образует в ряде языков (хеттский, латинский, греческий, германские) отыменные глагольные основы; формально аналогичный суффикс выделяется и в модальных образованиях в италийском и в формах прошедшего времени в балтийском и славянском.

Суффиксальное сочетание *-n[e]u- выражает в историческом хеттском каузативное значение, следы которого предполагаются и в других языках, тогда как в некоторых индоевропейских языках представлены следы как транзитивно-каузативного, так и интранзитивного и перфектного значения (*Kuiper 1937: 202—228*).

Все многообразие разнородных значений одних и тех же суффиксальных элементов, устанавливаемое в исторических индоевропейских диалектах, указывает на сравнительно позднее развитие этих функций уже в пределах отдельных индоевропейских диалектов. Исконное общее значение этих суффиксальных элементов на индоевропейском языковом уровне можно определить как словообразовательную функцию: с помощью их, очевидно, образовывались разнообразные глагольные основы с различными лексическими значениями. Такие лексические значения в дальнейшем в отдельных диалектах преобразуются в чисто грамматические значения, а выражающие их суффиксальные элементы — в единицы, несущие грамматические реляционные значения.

Уже в отдельных исторических индоевропейских диалектах такое развитие суффиксальных элементов в сторону выражения чисто реляционных значений приводит к перестройке первоначальной ранговой структуры соответствующих языковых образований и к появлению новых правил синтагматических комбинаций древних суффиксов.

Так, например, в хеттском языке существенно нарушена ранговая структура рассматриваемых суффиксов в той части элементов индоевропейских глагольных образований, которые остались продуктивными в хеттском, ср., например, ранговую структуру сформировавшегося в хеттском флективного суффикса *-šk-* (ср. такие образования, как *uškišk-* 'посматривать' при *ušk-* 'видеть', корень *au-*; *duškišk-* 'радоваться, наслаждаться', *šeškišk-* 'лежать' и др.), а также продуктивного суффикса каузатива *-nu-*, присоединяемого к любой глагольной основе: *ḫatk-eš-nu-* (с обратным по отношению к индоевропейскому порядком суффиксальных элементов), ср. вед. *bhiṣṇak-* 'исцелять' (встречается один раз

в "Ригведе", *Kuiper 1937: 47*) с обратной последовательностью по отношению к древней, совпадающей, впрочем, с собственно хеттской.

Реконструкция древнейших моделей распределения этих суффиксальных элементов в общеиндоевропейском становится возможной лишь на основе сопоставления архаичных глагольных образований в отдельных индоевропейских диалектах и путем внутренней реконструкции ряда глагольных структур.

5. СТРУКТУРНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ ЯЗЫКА С МОДЕЛЬЮ ПРЕДЛОЖЕНИЯ SOV В СТРОЕНИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ИМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

5.1. ПРЕПОЗИТИВНЫЕ АДЪЕКТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ И СЛОЖНЫХ СЛОВАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Согласно изложенным выше типологическим принципам языка структуры *OV*, синтаксические элементы, соотносимые исключительно с именной частью синтагмы, располагаются перед *O*, примыкая к левой стороне, свободной по отношению к именному элементу синтагмы. Следовательно, язык структуры *OV* должен характеризоваться препозицией определяющих именную часть синтагмы слов и конструкций. Такая синтаксическая особенность характеризует именно древнейшие индоевропейские адъективные синтагмы и генитивные конструкции.

Препозиция адъектива *AdN* в индоевропейском как нормальный тип древнейшей адъективной синтагмы выводится путем проецирования сложных лексических образований с адъективной составной частью на синтаксический уровень. В таких сложных лексических образованиях адъектив позиционно предшествует, как правило, существительному.

Типичными примерами подобных сложных лексических конструкций общеиндоевропейской эпохи могут служить древнеиндийские определительные композиты (*tatpuruṣa-*) типа *karma-dhāraya-*, то есть сочетание *адъектив + существительное*: *mahā-devá-* 'великий бог' (Шива), *priyá-sakhi-* 'приятная (любезная) подруга', *svá-sthāna-* 'родина' (буквально: 'свое место'), греч. *ἀκρόπολις* 'акрополь' (из 'высокий город'), *μεσόγαια* 'внутренние области', *ἀγριάμπελος* 'дикая лоза', лат. *angiportus* 'узкая улица, переулок'; ср. хет. *šallakart-* 'большесердый' (в производном глаголе *šallakartai-* 'причинять вред') (ср. о типах словосложения в хеттском *Kammenhuber 1961*); ср. гот. *armahaírts* (при лат. *misericors*), ст.-слав. *milosrьdй* 'милосердный', рус. *половодье* при лат. *palūs*, *род. п. palūdis* 'болото' (*Трубачев 1972*), ср. также славянские сложные слова типа *Svętoplŭkй* 'Святополк' (имя собственное).

Предполагаемый уже на основании анализа этих сложных слов синтаксический порядок *AdN* в адъективной синтагме подтверждается и правилами построения свободных словосочетаний, засвидетельствованными в древнейших индоевропейских диалектах: ср. хет. *aššun šiąattan* 'хорошего дня' *вин. п.* при др.-инд. сложном слове типа *karma-dhāraya-*

с теми же основами; *su-dyút-* 'обладающий великолепным блеском', *RV 140, 1; 143, 3; 643, 4*; ср. формы на **(e)su-* типа *su-víra-* 'герой' (буквально: 'хороший муж'), др.-перс. *uv-aspa-* '(имеющий) хороших лошадей', греч. ὑγιής 'здоровый' (='хорошо живущий');

Ср. в древнехеттском адъективные синтагмы типа *šu-up-pí ḫa-a-tar* 'чистая вода', KBo XVII 1, Vs. I 14'; ḪUL-*lu ut-tar* 'злое дело' (*Tel.*, 2 BoTU 23 A I 33); *aššu* IGI$^{HI.A}$.*KA* 'добрые глаза твои' (KBo VII 28 Vs. 11); *ḫa-tu-ga-uš la-lu-uš* 'страшные языки' (KBo XVII I, Vs. II 11).

В старославянском в тех случаях, когда не сказывается греческое влияние, обнаруживается древний порядок адъективного комплекса с препозицией адъектива: ст.-слав. *vĭsĭ mirŭ* 'весь мир' как эквивалент греч. *κόσμος (Meïe 1951 : 386; Meillet 1934 : § 547)*, ср. вед. *Viśvámitra-* (собственное имя, основанное на этимологически тождественном славянскому сочетании, *Toporov 1968*), ср. также препозицию **μiḱμā-* в таких реконструированных индо-иранских формулах, как **μiḱμā *aghār/*aghān* 'все дни': *áhāni víśvā, RV 1, 52, 11*, авест. *vīspā ayārə, Y 43, 2, Duchesne-Guillemin 1962; 33*; **μiḱμā *dhāman* 'всякое деяние': вед. *víśvā... dhâma, RV VII, 87, 2*, авест. *vīspanąm... dāmanąm, Y 1, 16*; **μiḱμā- *μiḱ-ā *μiḱpati-* 'всех кланов вождь': вед. *víśvāsāṁ... viśâm pátiṁ, RV 1, 127, 8*; авест. *vīspō vīsō vīspatōiš, Yt 16*; ср. также *víśvā dvéṣāṁsi* 'всех врагов', *RV IX, 111, 1*, авест. *vīspā ṯbaēšā, Yt 10, 34, Schmitt 1967 : § 382*.

Нормальный порядок в древнеиндийской адъективной синтагме определяется как *адъектив + существительное*. Общим для индийского и греческого являются такие сочетания адъектива и следующего за ним существительного, как вед. *iṣiréṇa.... mánasā* 'священным манасом', *RV VIII, 48, 7*, гом. ἱερὸν μένος 'священная сила', σ34 *(Schmitt 1967: §§ 42, 43, 192)*; вед. *purú dáṁsāṁsi* 'обильное искусство', *RV V, 73, 2*, греч. πολυδήνεα· πολύβουλον 'проницательный', *Гесихий (Schmitt 1967 : § 308)*; вед. *āśúṁ... sū́ryaṁ* 'быстрое солнце', греч. ὠκέος Ἠελίοιο, *Mimnermos, fr. 11. 5. D (Schmitt 1967: §§ 319, 320)*; вед. *urú... sádas* 'просторное место', *RV 1, 85, 6*, греч. εὐρυοδείης (П 635), *Schmitt 1967: § 511*.

Общим не только для индо-иранского и греческого, но и для иллирийского является сочетание **μesu *ḱleμes* 'добрая слава': др.-инд. вед. *vásuśravas-, RV V, 24, 2*, авест. *vaŋhāu sravahī, Y 30, 10 c*, греч. εὐκλεής, иллир. *Vescleves, Schmitt 1967: §§ 143, 146, 179*[1].

[1] Ввиду наличия столь широких параллелей для индоевропейского первичным и основным представляется именно рассматриваемый порядок слов, тогда как обратный по отношению к нему мог быть эмфатической инверсией, возможной в поэтическом языке (и находившей, вероятно, дополнительную опору в конечном положении адъективов, используемых предикативно), ср. известные примеры типа вед. *śrávo... ákṣitam* 'неувядаемая слава', RV I, 9, 7, греч. гом. *κλέος ἄφθιτον* (I 413), но ср. обратный порядок в вед. *ákṣiti śrávaḥ*, RV IX, 66, 7 *(Schmitt 1967 : §§ 2, 101)* и в греч. *ἄφθιτον ὕδωρ* 'источник вод неиссякающий', Гес., *Wüst 1969*, ср. вед. *urugāyám... śrávo* 'широкая... слава', *RV VI, 65, 6*, др.-инд. *Uruśravas-* (в пуранах),

Препозиция адъектива по отношению к определяемому имени обнаруживается и в значительном числе общеиндо-иранских формул, ср. **jiu̯as *asus* 'живой дух': вед. *jīvó ásur*[1], *RV I, 113, 16*, авест. *jiuyō anhuš, H. 2, 2*; **draugha- *u̯ačas* 'лживое слово': вед. *dróghāya vácasa, RV VI, 62, 9*, авест. *draoγəm vāčim, Yt 19, 33* (авест. *draoγō.vāxš-*: вед. *droghavāc*, compositum от того же словосочетания); **surām *madhu* 'винный напиток—мед': вед. *surām mádhu*, AV X, 6, 5, авест. *hurayā vā maδəuš vā, Vd 14, 17*; **ĝhəraniia- *mani* 'золотой талисман': вед. *hiraṇyena maṇinā, RV I, 33, 8*, авест. *zaranyō.minəm, Yt 15, 57, ср. 14, 33*[2]; **danstra- +*u̯araĝh-* 'зубастый вепрь': вед. *áyodaṅ-ṣṭrān... varāhūn*, авест. *tiži.dąstrahe... varāzahe, Yt 10, 70*; **satia- + *mantra-* 'истинное заклинание': вед. *satyó mántraḥ, RV I, 152, 2*, авест. *haiθīm mąθrəm, Y 31, 6*.

5.2. ПРЕПОЗИТИВНЫЕ ГЕНИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Тот же препозитивный порядок характерен и для генитивных атрибутивных конструкций с нормальной позицией определяющего слова перед определяемым. Такой порядок генитивной синтаксической конструкции еще хорошо сохраняется в древнехеттском, а также древнеиндийском:

Ср. древнехеттское ^{URU}*Nešaš kurur eštu* 'города Несы враг он да будет' (2BoTU 7, 24—25, надпись Анитты); ^{URU}*Nešaš* ^{KI}TÚG$^{HI.A}$ ^{URU}*Nešaš* TÚG$^{HI.A}$ *ti-ia-mu* 'Несы ткани, Несы ткани принеси мне', BoTU 14, 13;

LUGAL-*an a-aš-ka* 'к воротам царя' (KBo VI 3 III 63);

LUGAL-*aš* GÌR-*ši* 'к царя ногам' (KBo XVIII 1 IV 28), LUGAL-*(u̯)aš* SAL.LUGAL-*(aš)ša išša-mit* 'из их — царя и царицы—рта' (KBo XVII 1 18);

Ср. также хет. *ag-ga-an-na-aš* TI-*an-na-aš* UN-*aš eš* 'будь человеком смерти (н) жизни', KBo IV 14 III 9.

Порядок, при котором форма родительного падежа определяющего имени предшествует определяемому, реконструируется для целого ряда общеиндо-иранских форм, часть которых имеет соответствия в греческом и других индоевропейских языках:

Инд.-иран. **sū(r)ia(sia) *čakra* 'солнца колесница': вед. *sū́ryasya... cakrám, RV V, 29, 10*; греч. ἡλίου κύκλος, Эсхил, *Prom. 91*; др.-исл. кельт. *Verucloetius* при греч. гом. κλέος εὐρύ, α 344, *Schmitt 1967: § 115*; ср. также хет. *pattar-palḫi-* 'ширококрылая'.

[1] Ср. об этом древнеиндийском слове и его лексической сочетаемости *Schlerath 1968*; этимологически оно соответствует герм. **ansuz* 'бог-властелин' *(Polomé 1953 и 1970)*, ср. хет. *ḫaššu-* 'царь' < **Hns-eu- (Иванов / Топоров 1974: 132)*, *ḫašaua-* 'жрица', *ḫaš-* 'рождать'. ?

[2] В сочетаниях типа вед. *cakrám hiraṇyáyam, RV VI*, 56, 3, авест. *čaxra zaranaēna, Yt* 10, 136, порядок слов инвертированный, ср. сохранение архаического нормального порядка слов в сложных словах: вед. *hiraṇya-cakrān* 'златоколесный', *RV I, 88, 5*, авест. *zaranyō.čaxra-, Yt 15, 57*.

sunnu... hvél (Schmitt 1967 : §§ 324—332; ср. Иванов / Топоров 1965 : 135 и 230; 1974 : 22); вед. *Divás nápātā* 'Неба (=Бога) сыновья', по этимологии первого элемента и по семантике второго соответствующее греч. Διοσκούροι 'Диоскуры' (сыновья Зевса — бога ясного Неба, см. гомеровский гимн № 33), лит. *Dievo sūnēliai* 'Бога сыновья', латыш. *Dieva dę̣li* 'Бога дети' (*Ward 1968; Иванов 1972; Иванов / Топоров 1974: 20*). К этому же типу по этимологии первого члена принадлежит греч. Διοκλῆς (Е 542), вед. *Deváśravā, RV III, 23, 2, devásya śrávasā* 'бога слава', *RV IX, 70, 2 (Schmitt 1967 ; §134)*; по семантике второго члена к типу *Divás nápātā* примыкает индо-иранское **apām *napāt* 'вод внук', реконструируемое на основании вед. *apā́m nápātam, RV II, 35, 3*, авест. *apąm napā̊ (Schmitt 1967 : § 577)*. Ср. также общеиндо-иранские формулы **ṛ̨tasịa *path(an)-* 'правды путь': вед. *ṛ̨tásya pathā́, RV X, 31, 2*; авест. *ašahyā.. paθō, Y 51, 13*; **ṛ̨tasịa *ɰaǧhas-* 'правды колесница': вед. *ṛ̨tásya váhasā, RV VIII, 6, 2*; авест. *ašahyā važdrəng, Y 46, 4, ašavazah-*; **kṣ̨aitrasịa *pati-* 'господин населенного места, обжитого поля': вед. *kṣ̨étrasya pátiḥ, RV IV, 57, 3*, авест. *šōiθrahe paitīm*. Дополнительный довод в пользу древней препозиции генитива можно извлечь и из структуры генитива на **-s-ịo*, так как элемент *-ịo* по закону Вакернагеля располагается на втором месте в синтагме.

Ср. также в ведийском: *bhúvanasya nábhiḥ* 'мира пуп' (*RV I, 164, 35*), *devákṛ̨tasya rā́jā* 'богами созданных царь'.

Такая последовательность элементов в генитивной атрибутивной синтагме позволяет видеть в первом элементе детерминативных словосложений типа *nṛ̨-pati-* 'господин мужей', *bhū-pati-* 'господин земли' (='царь'), *artha-pati-* 'господин вещей', *tat-puruṣa-* 'его человек' (='слуга его') трансформы генитивной формы в сочетании с определяемым словом в качестве второго элемента композита. Порядок элементов в композитах этого типа отражает первоначальный синтагматический порядок элементов атрибутивного комплекса (*ср. Бенвенист 1974 : 241 и след.*).

Препозиция определяющего члена синтагмы в индоевропейских атрибутивных конструкциях отражена и в древних словосложениях типа др.-инд. *bahuvrīhi-*, которые можно рассматривать как трансформы препозитивных определяющих предложений (*Jacobi 1897: 83 и след.*): *ūrdhvá-bāhu-* 'тот, который поднял руку, поднявший руку', *divyá-rūpa-* 'имеющий божественный образ', *mahā́tman-* 'имеющий великую душу', *mahā́-bhāga-* (эпич. санскр.) 'тот, который имеет большую долю' (='имеющий большую долю'), *mahá-yaśas-* 'большую славу имеющий', *bahú-vrīhi-* 'имеющий много риса' (*Бенвенист 1974*).

К тому же типу относятся такие словосложения, как греч. ῥοδο-δάκτυλος 'Ἠώς 'розовоперстая Эос'='Эос, у которой персты розовы', πολύμητις 'Οδυσσεῦς 'многоумный (хитроумный) Одиссей', μεγά-θυμος 'мужественный, отважный', лат. *auri-comus* 'златовласый', *sicc-oculus* 'имеющий сухие глаза', *magn-animus* 'великодушный' и др.

5.3. ПРЕПОЗИЦИЯ РЕЛЯТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В ФУНКЦИИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ

Начальная позиция определяющего члена в этих композитах и соответственно в индоевропейских определительных синтагмах предполагает первоначальную препозицию определяющей релятивной конструкции при определяемом слове[1]. Такая предполагаемая для индоевропейского препозиция сложного определяющего комплекса в отношении определяемого слова засвидетельствована в хеттских сложных релятивных конструкциях, а отчасти и в конструкциях некоторых других индоевропейских диалектов.

Ср. древнехеттский: *nu ku-iš* DUMU.SAL *ḫa-an-te-iz-zi-iš* 'и которая дочь царя первая', Tel., 2 BoTU 23 A II 38, § 28, II 38—39; *kuiš dan pedaš* DUMU 'который второго ранга сын'; *ku-iš ša-ga-i-iš ki-i-ša-ri ta* LUGAL-*i* SAL.LUGAL-*ia ta-ru-e-ni* 'которого предзнаменование происходит, (о том) мы говорим царю и царице', KBo XVII 1 + Rs. IV 9.

Ср. в древнерусском конструкции типа '*которыми рѣками суды ходятъ, и на тѣхъ рѣкахъ... плотинъ не дел ати*'; ср. в латинском *pecuniam quis nanxitur, habeto* 'деньги который находит (=тот, который находит деньги), пусть их держит', ср. также хет. *kuiš paprizzi* 'тот, который осквернит'; в оскско-умбрском: *T. B. 19—20: pis ceus Bantins fust* 'кто гражданин Бантия был'; *pid eisei thesavrei... eestit, C. A. 51—52* 'что бы ни было в этой сокровищнице'.

Совпадение конструкций с относительным неопределенным местоимением (relativa indefinita, *Wackernagel 1924: 66—67*) в латинском и оскско-умбрском дает основание считать, что и италийские языки должны были иметь препозитивную релятивную конструкцию[2].

Преобразование структуры *OV* в *VO* в ряде индоевропейских диалектов (греческий, латинский) приводит к трансформации препозитивных релятивных конструкций в релятивные предложения, следующие за антецедентом и увязываемые с ним релятивным местоимением $*k^{[h]o}is$ (в кельто-италийском, тохарском, как и в анатолийском) и $*i̯o$- (в греческом: ὅς, индо-иранском: *ya*-, балто-славянском, фригийском), то есть к типу, повсеместно распространенному в исторических индоевропейских диалектах, ср. *Schmitt-Brandt 1973*.

Но следы древнего употребления местоимений $*k^{[h]o}is$ и $*i̯o$- можно обнаружить в этих диалектах в конструкциях с препозитивным $*k^{[h]o}is$, $*i̯o$- в номинативных предложениях типа греч. ὅς μέγ' ἄριστος 'который намного лучше' II 271 (*Бенвенист 1974; Benveniste 1966a*); Τεῦκρός θ', ὅς ἄριστος

[1] Исходя из гипотезы о трудностях восприятия синтаксических структур с центральным вставлением (center-embedding), Куно показал теоретически причины, в силу которых в языках SOV относительные предложения занимают первое место по отношению к главному (*Kuno 1974*).

[2] В свете этих данных представляется возможным поставить вопрос об архаизме конструкций типа гот. *hvas þiudans* 'кто в качестве царя', ранее рассматривавшихся как результат переосмысления греческого оригинала готским переводчиком (*Sturtevant A. 1947*).

Ἀχαιῶν 'Тевкр, который лучший из ахейцев' (N 313), ὃς κ' ἐπιδευής 'который неимущий' (E 481), ср. в древнеиндийском, вед. *yé jánitvāḥ* 'которые должны родиться' (*RV IV, 18, 4*), *yé ca devá... yé ca mártāḥ* 'и которые боги и которые смертные' (*RV II, 27, 10*), *Бенвенист 1974; Benveniste 1966a*; ср. авест. *azəm yō ahurō mazdā* 'я, который Ахура Мазда' (*Y 19, 6*); *tąm daēnąm yā hātąm vahištā* 'эту религию, которая лучшая из сущих' (*Y 44, 10*).

В таких конструкциях относительное местоимение уже выступает в функции определенного артикля (*Бенвенист 1974: 233 и след.*).

Релятивное местоимение в функции определенного артикля выступает уже в хеттском в постпозитивной позиции к определяемому слову. Функциональное различие элемента *kuiš* в хеттском, выступающего в качестве релятивного местоимения или определенного артикля, выражается соответственно в препозиции или постпозиции в конструкции: *kuiš paprizzi* 'который (неопределенный) осквернит', но *paprizzi kuiš* 'тот определенный (человек), который осквернит' (*Held 1957*), ср. *Schmitt-Brandt 1973*; ср. *armauanteš kuieš nu-za apiia UL ḫaššiianzi* 'и те, которые беременны, (больше) в это время не рожают' (миф о Телепину, KUB XVII 10 I 14 след., *Иванов 1965: 240*).

Такое постпозитивное употребление относительного местоимения в функции определенного артикля представлено и в индо-иранских[1] и балто-славянских (*ср. Rosenkranz 1958a*) языках: вед. *sá rātrī páritakmyā yā́* 'такая ночь, убывающая, та' (*RV V, 30, 14*).

В балто-славянском такое определительное **jo*, еще не ставшее относительным (*ср. Van Wijk 1935*), сливается с предшествующим прилагательным в единую форму определенного прилагательного, ср. ст.-лит. *дат. п. ед. ч. м. р. giwamù-jem, им. п. ед. ч. ж. р. antroia, cziszcziausaija, paschlowintoie panna, Zinkevičius 1957: 90; Зинкевичюс 1958: 51—52; Stang 1966: 271—274* (см. там же об аналогичном присоединении **-jo-* к существительным в старолитовском).

Окончание *-ja* в балтийских и славянских формах типа рус. *добрая* тождественно др.-инд. *yā́* 'та, которая' (ср. выше примеры из "Ригведы"), *Stang 1966: 273*. Первоначально сложный характер определительных ("местоименных") прилагательных еще хорошо виден в старославянских формах типа *dobrajego* < *dobra* + *jego*, *Кузнецов 1953: 149 и след.; 1959; ср. Wissemann 1957/8; Flier 1974*.

Эти же элементы **-k[h]o-* и **-jo-* используются в аналогичной синтаксической функции в качестве связок, соединяющих целые предложения или отдельные слова[2]: хет. *-ia-* 'и' (*Rosenkranz 1973*), тох. *-yo*

[1] Возможно, и в кельтских, ср. галл. *dugiiontiio* 'те, которые служат', *Thurneysen 1946: 323, 364*.

[2] Ср. типологически элемент *-c* в грузинском в качестве энклитической реляционной частицы (*romeli-c* 'который', *ra-c* 'что' и т. п.) и в функции синтаксической связки (*me-c* 'и я', *saxli-c* 'и дом' и др.), ср. об этой синтаксической параллели между индоевропейским и картвельским *Shimomija 1973*.

'и', мик. греч. *jo- (ср. Bader 1975a)*; др.-инд. *-ca* 'и', мик. *-qe* > греч. *-τε*, лат. *-que* 'и', см. ниже о синтаксисе частиц в предложении[1]. Этого же происхождения и окончание индо-иранского и греческого форманта генитива *ед. ч. -s-jo* в тематических основах: др.-инд. *-asya*, греч. *-οιο* < **osyo* (ср. выше, стр. 270)[2].

Преобразование в большинстве исторических индоевропейских диалектов синтаксической структуры *OV* в структуру *VO* вызывает постепенную перестройку атрибутивных комплексов и релятивных конструкций в закономерные для структуры *VO* постпозитивные конструкции, которые уже характерны для большинства индоевропейских диалектов исторической эпохи (и прежде всего классических языков — греческого и латинского с преимущественно постпозитивным строем определительных конструкций).

5.4. СТРУКТУРА ДРЕВНЕЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Структура *OV*, характерная для древнейшего индоевропейского языкового состояния, проявляется также в компаративных адъективных конструкциях с препозицией существительного — "образца" при сравнении (ср. турецкую конструкцию *köpek kedi-den* [*daha*] *büyük* 'собака кошки-от больше', груз. *ʒaγli k'at'aze didia* 'собака кошки-на больше'), *ср. Jensen 1934; Кацнельсон 1949 : 226 и след.* Эта конструкция, предполагаемая для древнейшего праиндоевропейского как языка строя *OV*, прослеживается на материале отдельных исторических индоевропейских диалектов:

Хет. *nu-ɥa-kán A·NA* ERÍN^{MEŠ}*.KA* ERÍN^{MEŠ}*.IA mekki* 'и-де (по отношению) к твоему войску войско мое многочисленнее (больше)', *Friedrich 1960; Benveniste 1948 : 115—143.* Ср. также *namma-kan anzel ḫuišɥanni* [*natta*] *anzel išḫaš ḫuišɥatar nakki* 'далее по отношению к нашей жизни нашего господина жизнь не более значительна' (то есть 'не менее важна, чем жизнь нашего господина') KUB XXXI 42 II 18—19; *iškiš-šet-ašta iškiši šalli* 'его спина велика по отношению к спине другого' (то есть 'больше спины другого'), Bo 3263 I 23; ср. там же I, 22, *Puhvel 1973.*

[1] Такое **-k[h]^{o}e-* и **-jo-* в качестве связки между именным образованием реконструируется по данным многих индоевропейских диалектов *(Gonda 1954; 1954a; Rysiewicz 1956 : 318—322)*, ср. др.-инд. вед. *ca* как способ соединения двух существительных типа *śatam ekam ca* 'сотня и единица'.
Общей для греческого и индо-иранского является конструкция, при которой за первым именем в форме звательного падежа следует приложение в именительном падеже +**kl[h]^{o}e:* греч. *Ζεῦ πάτερ... Ἠέλιός τε* '(о) Зевс-отец и бог солнца!', Г 276—277, *Wackernagel 1924 : 7.*

[2] В свете указанных выше типологических сближений может представить интерес также и то, что в таких австралийских языках, как *Dyirbal*, показатель *ɲu* в генитивной или посессивной именной конструкции совпадает с окончанием глагола в относительном предложении *(Dixon 1969)*. Это совпадает и с ситуацией в баскском *(Wilbur 1970 : 423)*, ср. совпадение и.-е. **-jo* как окончания генитива с *-jo* в предложениях типа приведенного галл. *dugiiontiio* 'те, которые служат'.

Ср. тох. А: *maññäktaṣ lyutār lukśanunt ṣomañ* 'некоторые (кто) (более) блестящие от-луны' (более светящие, чем луна), *Thomas 1958*.

Следы былого распространения аналогичной конструкции в сравнительных оборотах видны в лат. *tē maior* 'тебя больше' и в особенности в ведийском в архаических конструкциях: *vácaḥ ghṛtắt (abl.) svādīyo mádhunaś ca vocata* 'слово (что) масла-от (*отложн. п.*) слаще и меда (*род. пад.*), скажи' (*RV VIII, 24, 20*); *gaurắd (abl.) védīyāñ avapánam índro* 'буйвола-от находящий лучшие воды Индра', то есть 'Индра, находящий лучше, чем буйвол, воды' (*RV VII, 98,* 1) (*Delbrück 1888; Lehmann 1972b: 985*); др.-исл. *sólo fegra* 'ярче солнца', др.-англ. *sunnan beorhtra* 'ярче солнца', *Lehmann 1972a: 170—171 и 1972c; 1974: 31, 246*.

Распространенный в большинстве исторических индоевропейских диалектов тип конструкции с постпозицией существительного-образца типа рус. *слаще меда* есть результат позднейшей перестройки синтаксической модели *OV* и трансформации ее в структуру *VO*, характерную для большинства диалектов (*Lehmann 1972a и b; 1974: 238 и след.*).

6. ВНУТРЕННИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИНТАГМЕ СТРУКТУРЫ **OV** И **VO**

6.1. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ АДВЕРБОВ, ПОСЛЕЛОГОВ И ПРЕДЛОГОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Выше были проанализированы морфологические и синтаксические структуры, определяемые характером синтагмы *-OV-/-VO-* в зависимости от порядка их составляющих. Структура *OV* индуцирует суффиксальность глагольных показателей и препозицию определительных конструкций; структура *VO* индуцирует преимущественную префиксальность глагольных конструкций и постпозицию определительных конструкций.

Наличие смешанных типов языков в отношении этих грамматических показателей является свидетельством перехода языка от одного структурного типа к другому при возможном наличии рудиментарных конструкций, отражающих древний синтаксический структурный тип.

Синтаксические элементы, которые соотносятся как с составляющей *O*, так и с составляющей *V* в синтагме, в отличие от элементов, соотносимых только с одним из членов синтагмы, должны, естественно, расположиться в позиции между этими членами. Такие реляционные элементы *-p-* в синтагме *-OV-* или *-VO-* символизируют определенную синтаксическую связь между членами синтагмы, то есть между глагольной ее составляющей *V* и именной составляющей *O*: *-OpV-*, *-VpO-*.

Такой реляционный элемент {*-p-*} в синтагме структуры *-OpV-* выступает в грамматической функции "послелога" по отношению к составляющей *O* и в функции "преверба" по отношению к составляющей *V*. С другой стороны, тот же реляционный элемент {*-p-*} в синтагме *-VpO-* выступает в грамматической функции приглагольного "адверба" по отношению к составляющей *V* и "предлога" по отношению к составляющей *O*.

Действительно, в языке структуры *-OpV-* обнаруживаются реляционные элементы, являющиеся одновременно послелогами по отношению к именной составляющей синтагмы и превербами по отношению к глагольной составляющей, ср. хет. *I.NA* ^{URU}*Kar-ga-miš an-da-an i-ia-aḫ-ḫa-at* 'в город Кархемыш я вошел' (KBo IV 4=2 BoTU 48, Vs. II 67—69); *na-an-kán A.NA* LUGAL *iš-ši-iš-ši an-da pa-a-i* 'и его царю, в уста его, дает' (для вынесения приговора, KUB XIII 7 I 14);

na-aš-ta É-ir-za pa-ra-a pé-eš-ši-ia-an-du (Tel., 2 BoTU 23 B IV 18) 'из дома вон пусть выгонят';

A.NA ^{D}UTU^{ŠI} *pa-ra-a pí-iḫ-ḫi* 'царю передам' (KUB XIV 1, Rs. 22);

IŠ.TU GÍR *še-er ar-ḫa ku-ir-zi* (KUB XXXII 115 + I 31) 'и она (их) отрезает ножом';

nu-uš-ša-an A.NA ^{I}*Ma-ad-du-ua-at-ta še-er za-aḫ-ḫ*[*i*]*-ir* 'и они сражались за Маддуватту' (KUB XII 1, Rs. 59);

ku-iš-ki ku-ru-ra-aš me-mi-an pí-ra-an pé-e-ḫu-te-ez-zi 'кто-нибудь вражды слово произнесет' (KUB XXXI 44 II 6);

nu-uš-ma-aš-kán ^{LÚ}IGI.NU.GÁL ^{LÚ}Ú.ḪUB *pí-ra-an ar-ḫa* [*pé*]-*ḫu-da-an-zi* 'и они ведут слепого и глухого перед собой' (KBo VI 34 III 2);

^{NA_4}*p*[*í-ru-ni ka*]*t-ta-an še-eš-ta* 'и он поспал со скалой', *Ull.*, KUB XXXIII 98 I + 96 I + Bo 4746 I, 18.

Во всех этих конструкциях реляционные элементы *anda(n)* 'в; внутрь', *para* '(во) вне', 'вперед', *šer* 'относительно', 'вверх', 'на', *piran* '(в)перед', *kattan* 'вместе', 'вниз, под', 'с' являются одновременно как послелогами, относящимися к именной компоненте парадигмы, так и превербами, относящимися к ее глагольной составляющей.

В отличие от языка структуры *-OpV-* язык структуры *-VpO-* характеризуется реляционным элементом *-p-*, являющимся одновременно предлогом в отношении именной компоненты синтагмы и постпозитивным адвербом в отношении вербальной компоненты. Такой тип языка представляет английский язык, в котором конструкции типа *to look at him* 'смотреть на него', *to run away from him* 'убежать от него' содержат реляционные элементы *at, away, from*, являющиеся одновременно предлогами, соотносящимися с именем, и адвербами, соотносящимися с глагольной формой, ср. конструкции типа *whom do you look at?* 'На кого ты смотришь?', *whom do you run away from?* 'От кого ты убегаешь?', ср.

I want the moon to play with
and the sun to run away with
'Я хочу играть с луной
и умыкнуть солнце'

являющееся трансформой предложений *I want to have the moon to play with it, I want to have the sun to run away with it*[1].

[1] Ср. *bemocked-at stabs* 'осмеянные палки' (Шекспир *"The Tempest", Act II, Scene III*).

Из рассмотренных выше схем языка структуры *-OpV-* и языка структуры *-VpO-* следует, что при возможном преобразовании структуры *-OpV-* в структуру *-VpO-* в истории определенного языка элемент *-p-* из послелога и преверба превращается в предлог и (постпозитивный) адверб:

$$OpV \Rightarrow VpO$$
$$\text{послелог} \rightarrow \{\text{предлог}\}$$
$$\text{преверб} \rightarrow \{\text{адверб}\}$$

Общеиндоевропейский язык, будучи системой *-OpV-*, характеризовался целой группой реляционных элементов, представляющих собой синтаксически одновременно послелоги и превербы, что и отражено наиболее полно в разобранных выше древнехеттских структурах. Об этом же свидетельствуют такие остаточные конструкции в отдельных индоевропейских языках, как лат. *portā ab iit* 'из двери вышел', позднее преобразовавшиеся в конструкции с предлогами (типа *ā portā* 'из двери').

О начавшемся процессе перестройки общеиндоевропейской структуры *-OpV-* в *-VpO-*, происшедшей в отдельных индоевропейских диалектах, свидетельствуют такие анатолийские конструкции с предлогами (ср. соответствующие древнехеттские конструкции с послелогами - превербами), как лув. *annan* 'под' в сочетании *an-na-a-an patanza* 'под ногами', KUB XXXV 39 III 29, лик. *ẽnẽ* 'под'; лув. *šar-ri ka-ši-i ḫu-e-ḫu-i-ia* 'для посещения поспеши', ср. лик. предлог *hrppi*; ср. в функции *quasi*-предлогов отдельные хеттские послелоги - превербы типа: *nu šara nepiši atti-ši ḫalzaiš* 'и к небу, к отцу своему вверх воззвал' (KBo III 7 IV 27), *Goetze 1963 : 100*; хет. *šer* 'на' выступает в функции предлога в хеттско-хаттской билингве о "Боге луны, упавшем с неба": *na-aš-kán še-ir* KILAM-*ni ma-uš-ta* 'и он упал на рынок' KUB XXVIII 3+XXVIII 4+ XXVIII 5 I 11, но это приписывается предполагаемому воздействию языка оригинала (хатти), *ср. Kammenhuber 1955 : 115*; ср. *ḫark- pe* 'держать', 'преподносить' при нормальном в хеттском *pe ḫark-* 'держать' (ср. преверб *pe-* в *peḫute-* 'уносить, уводить', *pedaḫḫi* 'уношу').

При перестройке структуры *-OpV-* в *-VpO-* высвобождается левая валентность глагольной структуры и возникает возможность присоединения к ней префиксальных элементов, которые и возникают из древних реляционных элементов при глаголе, а также из частиц и отдельных местоименных элементов. Таким образом следует объяснить появление на поздних этапах развития аугмента в качестве префиксального элемента при глагольных формах в древнеиндийском, греческом и армянском, ср. др.-инд. *á-bharat* 'он нес', греч. ἔ-φερε, арм. *e-ber*; а также появление германского префикса *ga-* с видовым значением (ср. лат. *com-*) и значением будущего времени: гот. *ga-þarban* 'воздерживаться', *ga-daúrsan* 'сметь' и т. д.; литовские возвратные приставочные глаголы: *pa-si-klausýti* 'слушаться', славянские приставочные видовые образования: ст.-слав. *iz-baviti, sŭ-dělati*, ирландские образования с приставкой *ro-* (< **pro-*), функ-

ционально соответствующие германским на *ga-* *(Kurytowicz 1960; 1965b: 245—247)*.

Сами реляционные элементы в подобных синтаксических конструкциях являются исторически независимыми именами, лишь позднее превратившимися в служебные грамматические реляционные элементы. Такое их происхождение явствует из функционирования древнехеттских послелогов - превербов в качестве имен существительных среднего рода с постпозитивными притяжательными местоимениями неотчуждаемой принадлежности, ср.:

^{MUŠEN}*ḫaran*[*an*] ERÍN^{MEŠ}-*an-a* LUGAL-*aš* SAL.LUGAL-*aššˇ-a* *šer-šemet* *ḫaḫnumeni* 'мы размахиваем орлом и воином над ними (буквально: размахиваем верх их), над царем и царицей', KUB XVII 1 II 34, 40, 46, III 35;

šer-šet-ḫa *šarnikmi* 'я-де возмещу за него' (ХЗ, § 95, буквально: 'я возмещу его верх');

[*pi-*]*ra-am-mi-it* *ku-un-na-az* *e-ša-ri* 'передо мной справа он садится', буквально: 'к переду моему справа он садится' (надпись Анитты, KBo III 22 I 79+KUB XXXVI 98 *b*, Rs.);

pi-e-ra-aš-še-et ^{GIŠ}*zupari* *ḫarzi* 'перед ним (буквально: 'к переду его') он факел держит' (KUB XVII 1 I 32 след.).

7. СТРУКТУРА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

7.1. «ПРАВАЯ» И «ЛЕВАЯ» СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РАНГОВАЯ СТРУКТУРА ЛЕВОЙ КОМПОНЕНТЫ

Проанализированная выше структура ядра предложения в индоевропейском, отображаемая моделью *S—O'—O—*{*p*}*—V* (где *O'* и *O* дифференцируются как соответственно косвенный — дательный и прямой — аккузативный объекты), составляет лишь одну, правую в линейном порядке компоненту структуры простого предложения. Левую ее компоненту составляет цепочка частиц различных функций, соотносимых с единицами правой компоненты предложения. Каждую из этих компонент простого предложения в индоевропейском можно представить как некоторую последовательность ячеек с определенным элементом в каждой ячейке. Так, например, правую компоненту предложения можно представить в виде последовательности ячеек:

ТАБЛИЦА 2

S	*O'*	*O*	{*p*}	*V*

Аналогичную последовательность ячеек представляет левая компонента простого предложения с элементами, находящимися в определенном синтаксическом отношении с соответствующими элементами ячеек правой компоненты.

Первую слева ячейку в такой последовательности элементов левой компоненты предложения занимает одна из частиц **nu//*no*, **t[h]o*, **so*, **e/*o*.

Реконструкция этих частиц в индоевропейском основывается на функциональном соответствии этимологически тождественных частиц в разных индоевропейских диалектах: др.-хет. *nu* в начале предложения, др.-ирл. *no-* в начале глагольного комплекса, вынесенного в начало предложения, ср. хет. *nu-mu* ^{D}*IŠTAR.. kaniššan ḫarta* 'и меня Иштар ··· любила' (Hatt.), др.-ирл. *no-m Choimmdiu-coima* 'меня Господь любит' (*Watkins 1962a: 114; 1963a: 13*). В средневаллийском *neu-*, родственное др.-ирл. *no-*, служит для введения основного предложения (и не имеет никакого явного значения) (*Thurneysen 1946: 348, § 538*); ср. литовское *nu-* в начале приставочных возвратных глаголов, тох. *ne-* в начале глагольных комплексов типа тох. B *nesäm* '(и) они суть' (*ср. Bader 1975b*); славянское **nй*: ст.-слав. *nй*, рус. *но*, сербо-хорв. *nȍ* в начале предложения (чаще в противопоставительной функции), а также греч. νῦν, лат. *nunc* 'теперь, ныне', ст.-слав. *nyně*.

Такую же начальную позицию — крайне левую ячейку в предложении — могут занимать частицы **t[h]o* и **so//*su*, являющиеся функциональными эквивалентами **no//*nu* и находящиеся поэтому с ним в дополнительном распределении:

Ср. др.-хет. *ta-šši pai* 'и ему дает' (*X3, § 47 A*), *ta-an ištarnikzi* 'и его сделает больным' (X3, § 10); *ta-aš-ta e-di na-at-ta ne-e-a-ri* 'и потом в другую сторону она (гора) не склоняется', KBo III 40 (+KBo XIII *78 Vs.*), *Vs. 13'*, ср. греч. гом. τό: τὸ δὲ καὶ τετελεσμένον ἔσται (A 210) 'и вот что совершится'; ст.-слав. *to*: *to že mlьčati jemu nužda běaše* 'ему нужно было молчать', Супр. 240[5];

Хет. *ša-* 'и': ^{D}ID-*ia pa-it ša-aš pár-ku-e-eš-ta* 'и к реке он пошел, и он очистился', KBo VIII 42, Rs. 9; *ša-an iš-pa-an-di na-ak-ki-it da-a-aḫ-ḫu-un* 'и его ночью силой я взял' (KBo III 22 47—48); *še-a e-ki-ir* 'и они умерли' KBo III 38, Rs. 29' (*ср. Гамкрелидзе 1957*), мик. греч. *o-* = *ho*< **so* в сочетаниях типа *o-de-qa-a*$_2$ = *ho de q*^{u}*(e) aha*, *ср.* греч. **ὅ ὅε τε*, PY *304=On 300*, *Ventris/Chadwick 1973: 423—424*; ср. тождество комбинаций с энклитикой греч. ὅτε, вед. *sá ca*, др.-ирл. *se-ch* <**so* + *k*$^{[h]o}$*e*, *Watkins 1962a*;

Ср. анализ славянских форм типа *сем(ка)* 'и это я...' *Issatschenko 1970: 189—203*.

В аналогичной функции выступает частица **e/*o*, занимающая такое же место в предложении и относящаяся тем самым к крайне левой ячейке: ср. лув. *a-* в начале предложения:

Лув. *a-an tiịammaššiš* ^{D}UTU-*za daraụiddu* 'и его земное солнце пусть поразит' (*Laroche 1959a: 147*);

Ср. интерпретацию начального мик. греч. o- по Ришу (*Risch 1967*): *o-di-do-si du-ru-to-mo*=o διδόνσι δρυτόμοι 'и дают дровосеки' (*PY Vn 10*);

Ср. слав. *o-* и *e-* с последующими местоименными энклитиками: слав. **e-to*, рус. *э-то* из **u to* (ср. хет. *na-at* 'и то'), *Issatschenko 1970*:

194—195, ср. в древнерусской летописи в начале предложения *о то...*, *о се...*, в летописи под 970 г.: *во то вы есть* 'вот вы есть', *Issatschenko 1970* (отсюда рус. *вон*, *вот*).

Таким образом, крайне левое место в левой компоненте индоевропейского предложения занимает один из элементов ячейки {**nu//*no*, *t[h]o*, **so*, **o/e*}.

За крайней левой ячейкой следует ряд ячеек с местоименными элементами, символизирующими субъектно-объектные отношения. При этом местоименные элементы располагаются в цепи в последовательности, отражающей последовательность актант в правой компоненте предложения, выраженных полнозначными словами, то есть *субъектное местоимение + косвенно-объектное (дательное) местоимение + объектное (аккузативное) местоимение*.

Такой порядок местоименных элементов наилучшим образом сохраняется в хеттском (*Friedrich 1960*), с некоторыми изменениями в других анатолийских языках и в части других индоевропейских диалектов. Такие местоименные элементы как компоненты последовательности в левой части простого предложения реконструируются для *3-го лица ед. ч.* в виде частиц **-os-* (*им. п.*), **-ot[h]-* (*им.-вин. п. ср. р.*), **-se-//*-si-* (*дат. п.*), **-om-* (*вин. п.*): ср. хет. *na-aš-ši* 'и он ему', *na-aš-an* 'и он его', ср. *na-aš-ši-at* 'и он ему то'.

Объектная частица может дифференцировать по лицам: *1 л.* **-m-*, *2 л.* **-t[h]-*, ср. хет. *nu-mu* 'и меня', 'и мне', *nu-tta* 'и тебя/тебе', *na-aš-mu* 'и он мне/меня', *na-aš-ta* 'и он тебе/тебя'. Такое соответствие находим в старолитовских образованиях: *Pa-mi-sakay to mi gaye*, *Stang 1966 : 253*; ср. славянское **mi*, **ti*, **si* в конструкциях типа *сем(ка)*, рус. *авось* < **a+ŏ+sĭ* 'и—это — ему', *Issatschenko 1970*, и в аналогичных древнеирландских формах типа *no-m... coima* 'и меня... любил', *no-t erdarcugub* 'и тебя я сделаю знаменитым'; в ведийских энклитических формах местоимений *me*, *te* (*Thumb/Hauschild 1959, II : 125*), ср. греч. μοι, μου, με; σοι, σου, σε в позиции энклитик или проклитик, которая характерна и для других индоевропейских синтаксических элементов, описываемых формулой Васильева-Долобко: "энклитики, они же проклитики" (*Дыбо 1971; ср. Jucquois 1970*).

Крайне правую ячейку в левой компоненте занимают частицы **k[h]om*, **som*, **p[h]ot[h]* с определенным видовым или локальным значением, ср. хет. *-kan* < **k[h]om*, *-šan* < **som*.

Хет. *-kan* выступает в функции показателя завершенности действия, тогда как *-šan* означает предельность действия, направленного к цели (*Josephson 1972*), ср. аналогичные видовые значения в этимологически тождественных элементах: гот. *ga-* (совершенный вид), ст.-лат. *com-*, *con-* (в структурах типа *condō* 'сооружаю'); ср. также слав. **sŭ-* в значении совершенного вида и предельности.

К общеиндоевропейскому характеру частицы **-p[h]ot[h]*, ср. хет. *-pat* в значении отождествляющей и эмфатической частицы: *ut-ne-e* [*ku-it k*]*u-it-pát a-ra-iš* 'какая бы страна ни восставала' (KBo III 22, 11—12,

Анитта), ср. др.-перс. *patiy* 'также', тох. А *pat* в сочетаниях типа *kus pat* (ср. хет. *kuiš-pat*), *pat nu* (ср. хет. *nu-pat*), лит. *pàt* в сочетаниях типа *nuõ-pat* 'и же'.

Таким образом, левая компонента индоевропейского простого предложения состоит из последовательности ячеек, заполняемых соответствующими частицами в строго определенном порядке[1]. Крайне левая ячейка представлена вводящими частицами, крайне правая ячейка — частицами с видовой и локально-эмфатической семантикой. Между ними располагаются элементы, передающие субъектно-объектные отношения, в нормаль-

[1] Эта особенность общеиндоевропейской синтаксической структуры была сохранена и развита в хеттском и других анатолийских языках. На основании выводов Ларошa и Фридриха для хеттского строится следующая таблица *(Hoffner 1973 : 521)*:

ТАБЛИЦА 3

Ранговый номер					
I	II	III	IV	V	VI
nu	*-ua(r)-*	*-aš-*	*-mu-*	*-za-*	*-kan-*
ta		*-an-*	*-la-*		*-šan-*
šu		*-at-*	*-du-*		*-(a)šta*
-(i)a-		*-e-*	*-ši-*		*-(a)pa*
		-uš-	*-naš-*		
-ma-			*-šmaš-*		

Ср. описание той же схемы в терминах правил переписывания порождающей грамматики (*Иванов 1963: 167—169*). Только второй ранг (представленный во всех древних анатолийских языках частицей типа хет. *-uar-* 'де') не имеет явных соответствий в других группах индоевропейских языков и может быть результатом вторичного развития в них конструкций с глаголом типа пал. *uer-* 'звать', хет. *uerija-* (греч. εἶρω<*uer-iõ, лат. *uer-bum*, нем. *Wort*, англ. *word* и т. п.), ср. рус. *мол<молвить*, *де* < *деять* 'говорит' и т. п.

С чисто синхронной точки зрения *(Hoffner 1973)* Ранг II, как и Ранг V, также может быть выделен, ибо только в них осуществляется выбор из двух возможностей (*-ua[r]-* или отсутствие частицы косвенной речи), тогда как в других рангах осуществляется выбор не менее, чем из четырех форм.

В пользу относительно более позднего характера Ранга II в анатолийском свидетельствует его семантика, поскольку формы, говорящие о "сообщении относительно сообщения" (*message about message, Jakobson 1971b*), развиваются в литературных языках со сравнительно развитой системой средств повествования.

Ранг V (хет. *-za*, лув. *-ta*) может иметь соответствия в частице **-d[h]i* с медиальным значением, выделяемой в глагольных формах некоторых других индоевропейских языков.

Появление в анатолийском рефлексивной частицы **-t[h]-*: хет. *-za-*, лув. *-ti* может быть связано с утерей медиальным спряжением семантики субъектной версии и рефлексивности, которая начала выражаться с помощью особой частицы, выносимой в начальную группу предложения; след ее древнего значения виден в ее употреблении в хеттском для обозначения посессивного отношения к объекту глагола *(Hoffner 1973)*. Характерно, что рефлексивная частица *-za* находит широкое распространение в позднехеттском, при отсутствии ее в древнехеттских текстах (*ср. Otten 1953 : 60*).

ной последовательности: субъектная частица {*s*}, косвенно-объектная частица {*o'*}, объектная аккузативная частица {*o*} *(см. Табл. 4)*:

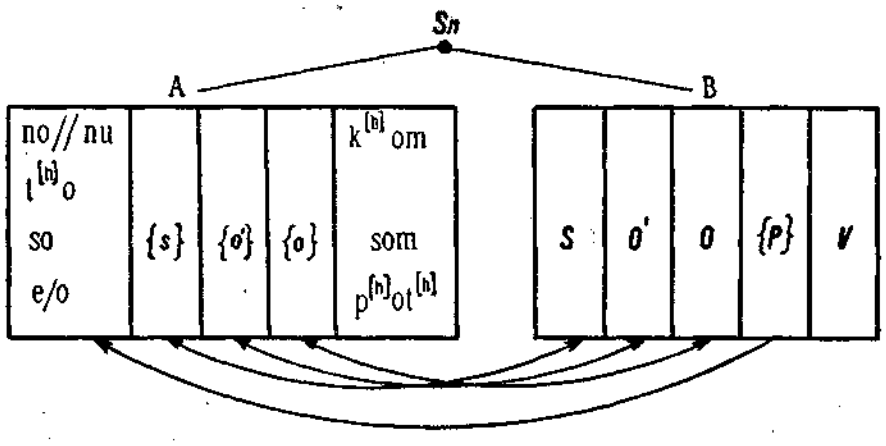
ТАБЛИЦА 4

no // nu $t^{[h]}o$ *so* *e/o*	{*s*}	{*o'*}	{*o*}	$k^{[h]}om$ *som* $p^{[h]}ot^{[h]}$

7.2. СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯЧЕЕК

Простое предложение *Sn*, состоящее из двух основных компонент—составляющих, развертывается по следующей схеме, представленной на *Табл. 5*:

ТАБЛИЦА 5

Между ячейками {*s*}, {*o'*}, {*o*} компоненты *A* и соответственно ячейками *S*, *O'*, *O* компоненты *B* существует дополнительная зависимость, поскольку они замещают друг друга в структуре предложения и не могут быть представлены одновременно в левой и правой частях, то есть наличие в предложении одного из элементов {*s*}, {*o'*} или {*o*} в левой части предполагает отсутствие соответственно элемента *S*, *O'*, или *O* в правой — и наоборот (на схеме такая зависимость символизируется стрелками, идущими в обоих направлениях).

Такая взаимозависимость определенных ячеек в левой и правой частях индоевропейского предложения наиболее четко проявляется в структуре хеттского предложения, где энклитические местоименные частицы как бы замещают субъектно - объектные актанты при глагольной форме. При фигурировании субъектно - объектных актант в предложении в виде полнозначных слов в цепочке частиц естественно отсутствуют синтаксически соотносимые с ними субъектно - объектные частицы: Ср.

nu-kán ^{I}*Zi-da-an-ta-aš* ^{I}*Pí-še-ni-in QA.DU* DUMU^{MEŠ}*.ŠU ku-en-ta ḫa-an-te-ez-zi-uš-ša* ÍR^{MEŠ}*.ŠU ku-en-ta* (BoTU 23 C II 9) 'и Циданта *(S)* Писения *(O)* вместе с детьми его убил и главных слуг его убил'; ср. с этим предложения с местоименными энклитическими частицами без полнозначно выраженных субъектно-объектных актант:

na-an-kán ku-en-zi (KBo VI 3 IV 27) 'и его *(-an)* убивает'; ср. также: *ša-an* ^{D}*Ḫal-ma-š*[*u-it-ti*] ^{D}*Ši-i-uš-mi-iš pa-ra-a pa-iš* (BoTU 7, 16) 'и его *(-an)* Халмасуиту *(O')* Бог-наш *(S)* отдал' при DUMU-*mi la-ba-ar-ni* É-*ir pí-iḫ-ḫu-un* (BoTU 8 II 30) 'Лабарне, сыну моему *(O')*, дом *(O)* я дал'.

Субъектно-объектные актанты как полнозначные слова в правой компоненте предложения могут присутствовать при одновременном наличии в левой компоненте соответствующих субъектно-объектных частиц (тем самым дублируя их) лишь в том случае, если они выступают в функции определителей, уточнителей последних.

В хеттских конструкциях в функции таких дублирующих слов-уточнителей выступают, как правило, имена собственные: ср. в древнехеттском: *ma-na-aš-kán* ^{I}*A-aš-ka-li-ia-aš ku-i-en-zi ša-an A.NA* É.EN.NU.UN *da-iš* (BoTU 12 A II 17) 'он, Аскалия, мог бы и убить, но его поместил в тюрьму'; *ša-an at-ta-aš-mi-iš* ^{I}*Ki-iz-zu-ua-an na-at-ta ḫu-uš-nu-ut* (BoTU 10 18) 'и его *(-an)*, Киццуву *(O)*, отец мой не оставил в живых';

ka-ša-at-ta-aš-ma-aš ^{I}*Mur-ši-li-in pí-iḫ-ḫu-un* (KUB XXXI 115, 13) 'вот тебя *(-ta)*, Мурсили *(O)*, им я отдал'.

Элементы {*s*}, {*o'*}, {*o*} и *S*, *O'*, *O*, находящиеся во взаимообусловленной зависимости, можно рассматривать как нулевые при наличии соответствующего коррелята в правой или левой компоненте предложения. Это в некотором смысле взаимообусловленные "нули". Но могут быть и необусловленные "нули" в случае, если отсутствует элемент *S* или *O* при одновременном отсутствии их коррелятов {*s*}, {*o*} в левой компоненте предложения. Такой "*нуль*" чаще всего представляет элемент *S*, а также элемент *O*.

Подобные эллиптические конструкции засвидетельствованы в структуре предложения отдельных индоевропейских диалектов, ср.

{*s*}, $S \rightarrow \emptyset$:

na-an-kán ku-na-an-zi ša-na-ap a-ta-an-zi 'и убивают его и едят его' (BoTU 21 II 4);

nu ḪUL-*lu ut-t*[*ar i-e-e*]*r nu-k*[*án* ^{I}*Mur-ši-li-in ku-(en-nir)*] [*(nu)*] *e-eš-ḫar i-e-er* 'и злое дело совершили, и Мурсили убили, и кровь пролили' (Tel., BoTU 23 A I 33);

{*o*}, $O \rightarrow \emptyset$:

ta ḫarzi 'и держит' (= 'и его держит', *X3, 47 A*), *ta-šše pai* 'и ему дает' (='и ему его дает', *X3*, § *47A*, ср. новохеттский дубликат текста: *n-an-ši pai*).

7.3. СТРУКТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯЧЕЕК — КОМПОНЕНТ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕРЕНОСА ЧЛЕНОВ ПРАВОЙ КОМПОНЕНТЫ В ЛЕВУЮ

В последовательности ячеек в правой и левой компонентах индоевропейского предложения обязательно заполнены крайняя левая ячейка (элементы **nu/*no*, **$t^{[h]}o$*, **so*, **e/*o*) и крайняя правая ячейка (элемент *V*). Иными словами, структура глагольного предложения должна характеризоваться с необходимостью глаголом - предикатом и маркером начала предложения в виде одного из элементов из крайне левой ячейки. Остальные структурные ячейки предложения могут быть представлены нулевыми показателями (в случае элементов {*s*}, {*o'*}, {*o*} и соответственно *S*, *O'*, *O*) или вовсе отсутствовать в структуре предложения (ячейка с элементами **$k^{[h]}om$*, **som*, **$p^{[h]}ot^{[h]}$* и ячейка с элементом {*-p-*}). Таким образом, крайне левая ячейка и крайне правая ячейка представляют некоторый структурный остов индоевропейского предложения, который может развернуться в более сложные последовательности структурных ячеек при появлении между этими элементами определенных структурных единиц.

При неполном заполнении ячеек предложения возникают определенные неполные структуры, в которых крайне правый элемент *V* оказывается в соседстве с теми или иными элементами из промежуточных ячеек или с элементами начальной ячейки предложения (при полном отсутствии сегментных элементов во всех промежуточных ячейках). Такая структура может быть иллюстрирована последовательностью одного из элементов крайне левой ячейки +*V*, ср. др.-хет. *numaltaḫḫun* 'и я молился' (*Anitta*, KBo III 22, Rs. 59), *nuḫuqar[taḫḫun]* 'и я проклял' (*Anitta*, KUB XXVI 71, 7).

Такие сочетания начального элемента предложения с глагольной формой могли дать в дальнейшем в результате слияния сложную глагольную форму с префиксальным наращением. Характерно, что такое *nu-* —маркер начала предложения в древнехеттских текстах—представлено в слитном написании (*Otten 1953: 60 и след.*). Такого происхождения, по-видимому, префиксальные формы имперфекта в кельтском: *no téigmis (1 л. ед. ч.)*, *no' ṡeidtis (3 л. мн. ч.)*, *Thurneysen 1946 : 371*; ср. в ст.-слав. сочетания типа *ny-imatĭ*, Иоанн III 16, VIII 12, *Vaillant 1948*; *Вайан 1952: 55 и 409*; рус. *нó чту, тó творю* (Чудовский Новый Завет, *ср. Дыбо 1971*).

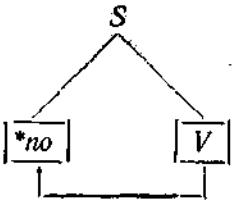
Аналогичного происхождения, очевидно, аугментные глагольные формы в древних индоевропейских языках. Аугментное префиксальное наращение **e-* есть результат слияния маркера начала предложения **e/*o* с непосредственно следующей за ней глагольной формой *V*: греч. ἔ-φερε, др.-инд. *á-bharat* 'принес', арм. *e-ber* и др. (ср. выше, стр. 357, *ср. Watkins 1962:113; 1969:40*).

При позиции глагольной формы в предложении непосредственно после элементов **$k^{[h]}om$* и **som*, то есть элементов крайне правой ячейки левой компоненты предложения, могли возникать слитные глагольные формы с **$k^{[h]}om$*, **som* в качестве префиксальных элементов. Такого происхождения, очевидно, формы с превербами *com-*, *con-* типа *condō* 'сооружаю'

в старолатинском, ср. хет. *-kan* + *dai-*, формы с превербами *ga-* в готском[1], форма с *sam-* типа др.-инд. *saṁ-dhā-* 'согласие', ст.-слав. *sqdй*[2], ср. хет. *-šan*+*dai-*, др.-инд. вед. *sám aranta* 'сошлись (=исцелили)', *RV IV, 19, 9*; др.-исл. *saman runninn (Schmitt 1967: §55)* при хет. *-šan*+ *ar-* в таких сочетаниях, как ср.-хет. ^{LÚ}KÚR-*šan kuedaš* [*ḫud*]*ak aršakizzi* '(города), в которые враг сразу приходит' (KUB XIII 2 III 23, Инструкция начальнику пограничных отрядов); *kuedani-ma-šš̌an* URU-*ri* EGIR-*pa arti* 'из <того> города, в который ты приходишь назад' (там же, III 29); ср. также др.-инд. **sam*+*vid*: вед. *pitr̥̄bhiḥ ... sam-vid-* 'встреча с предками (в загробном мире)' (ср. этимологию названия Аида Ἀϊδης<ἀF-ιδ- < **sm̥-ǵid-*, *Schmitt 1967: §86*, если не из **n̥-ǵid-*) при слав. **sй-*+ **vid-* (ср. рус. *свидеться* в значении 'встретиться' и т. п.).

Характерной структурной особенностью индоевропейского простого глагольного предложения является наличие структур с глагольной формой в начальной позиции. Такие структуры представляются результатом трансформации нормальной последовательности ячеек, выражающейся в переносе элемента *V* из крайне правой ячейки предложения в крайне левую, в которой она занимает место маркеров начала предложения:

ТАБЛИЦА 6

Такая трансформация переноса или транспозиции *V* дает новую структуру предложения с "инверсией" глагольной формы, занимающей начальное положение со следующими за ней элементами в установленном порядке. При такой транспозиции, однако, за глагольной формой может появляться связка **-i̯o*, **-k*[*h*]*oe* 'и'[3], берущая на себя функцию маркера начала предложения вместо "вытесненных" глагольной формой элементов начальной ячейки. Такая "инверсионная" структура предложения отражена в целом ряде синтаксических структур древних индоевропейских диалек-

[1] В свете установленных для хеттского языка функций частицы *-kan*, являющейся одновременно и синтаксическим способом перфективации глаголов, и элементом, связанным с системой локальных превербов, представляется возможным считать архаическими обе соответствующие функции, установленные для древнегерманских языков, ср. о перфективирующей функции гот. *ga-* работы, развивающие концепцию В. Штрейтберга *(Гухман 1966)* о его локальном употреблении *(Lindemann J. 1970)*.

[2] К этим же частицам **k*[*h*]*om*, **som* в сочетании с последующим объектом восходят славянские предлоги *kй*, *sй* в слитных комбинациях: *kйnetй* 'к нему', *sйnetй* 'с ним' и т. п.

[3] Особенно часто в хеттском в аналогичной функции появляется частица *-ma*: *da-al-ta-ma-at* 'он уже взял это' (=деньги), *Ras Shamra*, 17, 109, *recto 4*; *ǵarpanzi-ma-ǵa-šmaš UL* 'они же-де не моются', *KUB XVI 34 I 28*, *unnanzi-ma-ǵar-aš nauṷi* "они же-де их еще не прогнали'.

тов, ср. ст.-лат. *dant-que eum* 'и дают его', хет. *kišat-ḫa-za* 'и стал', галл. *-ḫo* после глагола типа *dugiiontiio (Thurneysen 1946: 528)*.

Судя по синтаксическим данным древних индоевропейских диалектов, трансформация переноса в структуре индоевропейского предложения затрагивала и элемент {*-p-*}, переносившийся в начальную ячейку предложения с замещением в ней, как и в случае транспозиции *V*, маркеров начала предложения, см. *Табл. 6*. В таком случае после начального элемента {*-p-*} мог появляться заместительный маркер начала предложения **-ḫo*, **-k[h]oe*: ср. хет. *appa-ḫa-kán natta kuitki peššiḫazzi* 'и вон он ничего не выбрасывает' (KUB X 93 IV 2); *šer-a-šan ŠA* GIŠ ^{LÚ}IŠ *artari* 'и на ней возница из дерева стоит', KBo V 1 II 49[1].

Такой транспозицией элемента {*-p-*} в структуре индоевропейского предложения объясняются, очевидно, структуры с тмезисом типа лат. *sub vos placō* 'вас умоляю' = *supplicō vos*; *prae tet tremonti*, *ср. Watkins 1962a*[2].

Помимо переноса этих членов предложения из правой компоненты в крайне левую ячейку левой можно постулировать случаи переноса и других членов правой компоненты предложения в крайне левую ячейку левой компоненты, то есть членов {*S*}, {*O'*} и {*O*} в зависимости от эмфазы в конкретном предложении.

Случаи такого перехода при эмфатическом ударении на определенных членах предложения обнаруживаются нередко в структуре древнехеттского предложения, ср., например, *zik-ḫa* UR·BAR·RA-*aš kištat* 'ты-де стал волком', *ХЗ*, § 37 (перенос *S*);

*kuit-ḫa-šši kuit ešša*ḫ*eni* 'что мы ему ни делаем', *HT* (перенос *O*);

GIŠ*lu-ut-ta-an-za-at tar-na-u* 'пусть из окна выпустит', KUB XIII 10 IV 10; ср. также *da-an-ku-ḫa-ḫa-ša ták-na-aš* KAS-*an pa-id-d*[*u*] 'и путем темной земли пусть он пойдет', KUB XXXIII 3 III 6 (перенос *O'*).

[1] Ср. в хеттском *-ma-* в той же функции, что и *-ḫa-* в предложениях типа *para-ma-aš-šan natta kuitki nai* 'он же ничего не прибавляет', *KUB X 93 IV 1*.

[2] В результате аналогичных преобразований исходной индоевропейской структуры возникают, очевидно, и осетинские (дигорские) конструкции с местоимениями и частицами, помещенными между превербами и глаголом *(Миллер 1962: 136)*: *æra-sæ-farsta* 'выспрашивал их'; *is-min-æj-gær kodtaj nur* 'сказал ли ты мне это теперь?' (ср. также *Schmidt 1970: 166*).

Возникающие таким образом синтагматические структуры в индоевропейских диалектах находят типологическую аналогию в картвельских синтаксических конструкциях с тмезисом типа др.-груз. *tkuen še-ara-xwalt* 'вы не войдете',ср. *Schmidt 1969: 96 и след.*

Описанная структура простого предложения в индоевропейском наилучшим образом сохраняется в хеттском предложении, представляющем как бы развернутую модель общеиндоевропейской схемы предложения. В других индоевропейских языках, как, к примеру, в кельтских, сохраняются лишь отдельные фрагменты этой общей структуры.

Левая компонента предложения в хеттском, унаследованная непосредственно из индоевропейского состояния, осложняется новыми, собственно анатолийскими частицами (такими, как частица прямой речи хет. *-ца-*, лув. *-ца*; рефлексивности хет. *-за-*, лув. *-ti* и др.; ср. также соответствующие группы энклитик в древнегреческом языке). Такая левая компонента предложения в хеттском составляет уже длинную цепочку частиц, в которой фактически переданы по типу полисинтетических языков грамматические отношения, синтезируемые в глаголе[1].

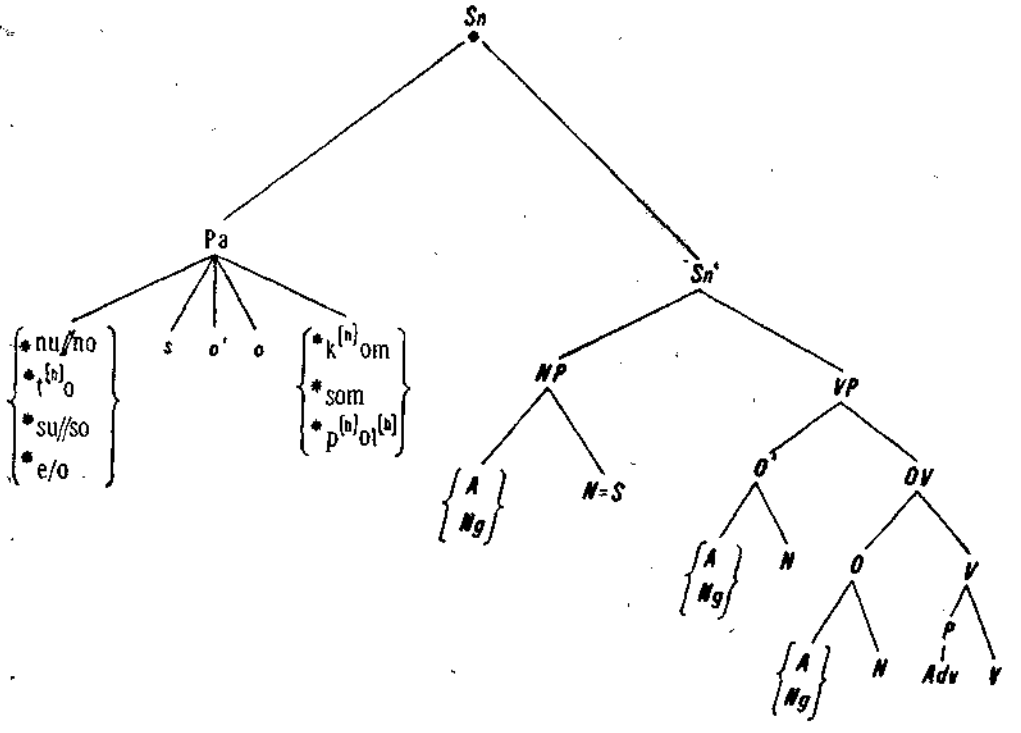
Таким образом, исторический тип хеттского предложения символизирует структуру простого предложения, предполагаемую для индоевропейского праязыка[2].

Структуру индоевропейского предложения можно представить в виде дерева зависимостей с постепенным развертыванием основных его узлов, см. *Схему 6*:

[1] Ср. в хеттском цепочки типа *nu-ца-аš-ši-ša-кán* 'и-де он ему в свою пользу (совершенным образом)'.

[2] Типологически наиболее близкую аналогию к реконструированной индоевропейской и хеттской структуре предложения представляют североавстралийские языки с частицами, выражающими субъектно-объектные и некоторые другие отношения, которые помещаются после первого слова в предложении — чаще всего "катализатора", не имеющего самостоятельного значения, ср. в джинба предложение типа *ba-ndjan garm-e* 'и они идут', точно соответствующее хет. *n-at panzi* с тем же значением. Ср. об этих североавстралийских структурах *Capell 1972: 14—18*, а также *Dixon 1972*; любопытно, что в тех же языках *(Dyirbal)* обнаруживается и типологически сходная с индоевропейской связь относительных конструкций с генитивной, *Dixon 1969*. Наконец, именно в австралийских языках был обнаружен впервые наиболее близкий аналог активному строю общеиндоевропейского языка, ср. *Кацнельсон 1967*.

Схема 6

Сочетание $\left\{ \begin{matrix} A \\ Ng \end{matrix} \right\}$ N из узла O' может быть абсолютной конструкцией, относящейся ко всему предложению и соответственно помещаемой в линейной проекции в крайне левой части правой компоненты предложения.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

АРЕАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЧЛЕНЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

1. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

1.1. ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ИЗОГЛОСС РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ЯЗЫКА. ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

При исследовании членения индоевропейской языковой общности и установлении связей между отдельными диалектами, предполагающих их совместное развитие в течение определенного периода и в пределах определенного исторического ареала, особое внимание уделяется общим фонологическим, морфологическим и лексическим явлениям в этих диалектах, так называемым изоглоссам. Наличие пучка подобных изоглосс и считается явным признаком единства или совместного развития диалектов в пределах общего языка или же после начала их обособленного развития вне этого языка. Изоглосса предполагает общую инновацию в определенных диалектах, отражающую общность их развития, тогда как сходство, выражающееся в сохранении архаических черт, не может считаться признаком общности развития этих диалектов.

При этом в отношении любого изолированно взятого сходного фонологического явления в отдельных диалектах, являющегося инновацией, может встать вопрос об его независимом возникновении в каждом диалекте в отдельности в силу теоретически вероятного характера осуществления подобной фонологической инновации. В таком случае фонологическую инновацию нельзя будет считать показателем общности развития этих диалектов и рассматривать ее как изоглоссу, объединяющую данные диалекты или группы диалектов.

Так, например, переход $o \rightarrow a$ и слияние фонемы *o* с фонемой *a* или даже слияние трех гласных *e*, *a*, *o* в *a* (как это имело место в индоиранском или лувийском), осуществленное в разных диалектах общего языка, будучи типологически вероятным фонетическим процессом, не может в общем случае рассматриваться как изоглосса, объединяющая любые два родственных диалекта. Аналогичным образом, процесс палатализации типа развития $k' > \check{c}$, наблюдаемый в отдельных диалектах, не может быть вообще квалифицирован как изоглосса, дающая основание для допущения общности развития этих диалектов, поскольку подобный процесс является фонетически вероятной фреквенталией и может возникнуть независимо друг от друга в самых различных диалектах (*ср. Серебренников 1974: 127 и след.*).

В общем случае можно утверждать, что при реконструкции древнейших связей между диалектами изолированно взятый фонетический процесс, наблюдаемый в разных диалектах, не может еще служить достаточным основанием для рассмотрения его в качестве изоглоссы, исторически объединяющей эти диалекты; такой сходный фонетический процесс может иллюстрировать лишь возможность параллельного фонетического развития в двух диалектах независимо друг от друга.

Более показательно в этом отношении наличие в двух или нескольких родственных диалектах целого комплекса общих фонетических явлений, считающихся инновацией. Вероятность рассмотрения такого множества общих фонетических явлений в качестве изоглосс, объединяющих данные родственные диалекты, возрастает при необусловленности этих фонетических или фонологических явлений друг другом. Такой довольно обширный комплекс общих явлений и предполагается при установлении отношений между живыми диалектами в лингвистической географии.

Однако при реконструкции древних диалектных общностей и установлении соотношений между диалектами общего языка в родственных диалектах обычно обнаруживаются лишь единичные общие фонетические явления, что затрудняет рассмотрение их в качестве общих изоглосс или результатов независимого фонетического развития. Рассмотрение подобных фонетических явлений в качестве общих изоглосс и основанное на этом заключение об общности развития диалектов может, таким образом, и не отражать действительного положения вещей.

Поэтому явления фонологического порядка, которые могли бы предположительно быть отнесены к числу изоглосс, должны комбинироваться по необходимости с явлениями более высоких уровней—морфологическими (грамматическими) и лексическими, обладающими двумя планами — планом содержания и планом выражения.

Определенная группа инноваций в различных диалектах, совпадающая как по форме, так и по содержанию, является более надежным критерием для установления общности развития данных родственных диалектов на протяжении определенного времени и в пределах определенного исторического ареала. Даже небольшая группа таких инноваций, совпадающих как по форме, так и по содержанию, может оказаться достаточной для признания их изоглоссами, объединяющими определенные родственные диалекты в отличие от других диалектов.

Формально-функциональные инновации, наблюдаемые в определенной группе индоевропейских диалектов, дают возможность выделить в пределах общеиндоевропейского языка некоторые диалектные ареалы, в определенном смысле "прадиалекты", распад которых приводит к образованию исторических индоевропейских языков.

Тем самым удается установить некоторую промежуточную ступень между общим языком - основой и отдельными историческими индоевропейскими диалектами, берущими начало от определенных ареальных диалектов общего языка.

Особое значение при этом приобретают морфологические инновации— изоглоссы, которые, не заимствуясь, как правило, из одного языка в другой, развиваются в общем направлении на основе исходных грамматических ресурсов и поэтому могут свидетельствовать о совместном развитии диалектов на протяжении определенного периода.

Несколько отличную картину обнаруживают лексические инновации— изоглоссы. Лексической изоглоссой следует считать как целую лексему, характерную для группы диалектов и отсутствующую во всех остальных родственных диалектах (и поэтому считающуюся возникшей из какого-то источника именно в этой группе диалектов), так и лексему, общую этимологически с другими диалектными ареалами, но имеющую особую семантику или формально-словообразовательные (возможно и индивидуальные фонетические) характеристики, присущие такой лексеме только в данной группе диалектов.

Наличие конкретного слова только в определенной группе диалектов и полное отсутствие их в другой может указывать на возникновение этого слова лишь в первой группе диалектов, что в свою очередь свидетельствует об общности их развития или наличии между ними тесных исторических контактов на протяжении определенного периода.

С другой стороны, такое наличие конкретного слова в определенной группе диалектов, при отсутствии его в другой группе, может указывать на утерю данного слова этой последней группой диалектов, что в свою очередь объединило бы эту последнюю группу диалектов в определенную общность в противоположность первой группе, сохранившей архаичное слово, которое было унаследовано от общего языкового состояния.

Решается этот вопрос в каждом отдельном случае особо при учете фонетических, морфологических и семантических факторов.

Устанавливаемые на основании морфологических и лексических изоглосс связи между диалектами окажутся тем убедительнее, чем больше они совпадают с устанавливаемыми общими фонетическими явлениями в тех же группах диалектов. Такое наложение друг на друга разноуровневых изоглосс может уже служить довольно надежным основанием для установления общности развития отдельных групп диалектов в пределах общего языка и их совместного развития на протяжении определенного периода после обособления.

Значимость фонологических, морфологических (грамматических) и лексических критериев для установления характера языковых явлений, общих для родственных диалектов, определяет последовательность, в которой дается рассмотрение изоглосс, объединяющих древние индоевропейские диалекты. Ниже будут последовательно рассмотрены морфологические (грамматические), фонологические и лексические явления, позволяющие считать их пересекающимися разноуровневыми изоглоссами, на основании которых объединяются и классифицируются отдельные диалектные группы в пределах индоевропейского языка и в период их обособленного развития вплоть до исторически засвидетельствованного периода.

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ КАК СПОСОБ ГРУППИРОВКИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

2.1. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА И СИСТЕМА ТРЕХ РОДОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В именительном падеже противопоставление форм женского и мужского родов выразилось формально в использовании старых собирательных форм на **-ā*, **-ī*, **-ū* из первоначальных слов активного класса с суффиксом **-s*, то есть **-aH-s*, **-iH-s*, **-uH-s*.

Закономерное фонетическое развитие этой последовательности в **-ā*, **-ī*, **-ū* дало вначале собирательные формы типа греч. дор. φράτρᾱ (ион. φρήτρη) 'род, фратрия', противопоставленного греч. φράτηρ 'брат'; φῦλή 'племя, фила', противопоставленного φῦλον 'род' и др.

В дальнейшем собирательные формы на **-ā*, **-ī*, **-ū* связываются со значением женского рода, и эти окончания становятся соответственно маркерами *им. п. ж. р.*, противопоставляемыми в основном маркерам *им. п. м. р.*

Такое противопоставление с соответствующими окончаниями переносится и на класс адъективов в силу принципа формального согласования адъективов с именем, что и вызывает формирование системы именного противопоставления по мужскому, женскому и среднему родам[1]:

**-ā*: др.-инд. *áśvā* 'кобыла', лит. *ašvà*, лат. *equa* 'кобыла' (ср. др.-инд. *áśvaḥ* 'жеребец', лат. *equus* 'жеребец', при архаическом греческом ἵππος 'жеребец; кобыла');

**-ī*: др.-инд. *pátnī* 'госпожа', 'супруга', греч. πότνια 'госпожа' (мик. *po-ti-ni-ja*), авест. *-paθnī* (*ha-paθnī-* 'побочная жена', *dəmąnō-paθnī-* 'хозяйка дома', ст.-лит. *viešpatni* 'госпожа', основа на *-ī*, ср. основу *м. р.* на *-ĭ*: др.-инд. *pátiḥ* 'господин', авест. *paiti-* 'хозяин', греч. πόσις 'супруг', лит. *patìs* 'супруг', *ср. Szemerényi 1964: 337 и след.*);

**-ū*: др.-инд. *śvaśrúḥ* 'свекровь', ст.-слав. *svekry*, лат. *socrus*, др.-в.-нем. *swigur*, и.-е. **sṷek[ʰ]ruH-* (ср. *śváśuraḥ* 'свекор', очевидно, с позднейшим переходом первоначальной основы **śṷaśru-* в тематический тип *śváśura-*, греч. гом. (F)εκυρός, лит. *šẽšuras*, ср. о **sṷek[ʰ]ru-s* как форме *м. р. Kuryłowicz 1956: 129*, но ср. *Трубачев 1959: 121; Szemerényi 1964: 292 и след., 336*).

Возникшие таким образом показатели *ж. р. *-ā*, **-ī*, **-ū* от основ мужского рода на **-ŏ*, **-ĭ*, **-ŭ* переосмысляются по языкам и становятся маркерами женского рода независимо от исходной основы мужского рода.

В основах мужского рода распространяется, в свою очередь, тематический тип на **-o*, вытесняя более ранние образования на **-u* и **-i* (ср. **sṷek[ʰ]uro-* > др.-инд. *śváśura-ḥ* 'свекор' из **sṷek[ʰ]ru-*).

При этом обычным маркером соответствующей формы женского рода становится показатель **-ī*, первоначально относившийся только к показателям *ж. р.* основ на **-i*. Тем самым подчеркивается формальный конт-

[1] Формальное противопоставление по родам в номинативе естественно индуцирует противопоставление в других падежах, в частности генитиве.

раст между образованиями женского и мужского родов: ср. др.-инд. *м. р. deváḥ* 'бог'~*ж. р. devī* 'богиня'; *м. р. vṛ́kaḥ* 'волк'~*ж. р. vṛ́kī-* 'волчица', вместо исторически ожидаемого противопоставления *vṛ́kaḥ* ~ **vṛ́kā* (ср. лат. *lupus* 'волк', *м. р.*~*lupa* 'волчица', *ж. р.*), *deváḥ* ~ **devā*, пережиточно сохранившегося в древнеиндийском в противопоставлениях типа *áśvaḥ* 'конь', *м. р.*~*áśvā* 'кобыла', *ж. р.*, и в значительном числе адъективов (в качестве архаизма в древнеиндийском).

Наличие суффиксов **-ī* и **-ā* в качестве синонимических показателей разных основ еще в значении собирательного имени, а не в качестве показателей женского рода приводит к тому, что они могли комбинироваться, выступая в составе сложного суффикса **-iH̯ā* (<**ī*+**ā*), ср. греч. φρᾱτρία, ст.-слав. *bratrĭja* 'фратрия'. В историческом греческом этот тип особенно продуктивен для атематических образований, подобных греч. φέρουσα 'несущая' < **φεροντι̯ᾱ-*, ср. аналогичные образования в древнеиндийском типа *bharant-yā* 'несущая' (ст.-слав. *berǫšta* <**berǫt-ja* 'берущая') при гот. *frijōnd-i* 'подруга'.

Такое развитие форм номинатива *м.* и *ж. р.* характерно в первую очередь для древнеиндийского.

Многообразие именных форм *им. пад. ед. ч.* в исторических индоевропейских диалектах противопоставляется формальному единообразию их в хеттском и других анатолийских языках. В этом отражается осложнение именной классификации в индоевропейских диалектах первой группы по грамматическому роду, противопоставляющей именные образования мужского, женского и среднего родов и выражающей такое противопоставление особыми формальными средствами.

Хеттская классификация имен по общему и среднему роду обнаруживает все еще формально-семантическую связь с общеиндоевропейской классификацией имен на активные и инактивные образования.

Общая в индоевропейских диалектах тенденция к выражению оппозиции слов мужского, женского и среднего родов противопоставляет эту группу индоевропейских диалектов анатолийской группе, и в этом отношении анатолийскую группу индоевропейских диалектов, в частности хеттский язык, как сохранивший архаизм, можно считать противопоставленной всем остальным индоевропейским диалектам, обнаруживающим общую инновацию — образование системы трех родов.

Однако эта общая инновация в рассматриваемой группе индоевропейских диалектов проявляется в различных формальных категориях, что позволяет выделить особые морфологические изоглоссы и объединить по этому признаку определенные группы индоевропейских диалектов.

2.2. РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Особые морфологические инновации, позволяющие выделить изоглоссы, которые дают объединение определенных групп индоевропейских диалектов, проявились при оформлении выражения оппозиции мужского и женского родов в именных образованиях родительного падежа.

Тематический тип именного образования мужского рода (имевший окончание **-o-s* в именительном падеже) оформляется в генитиве отлично по сравнению с соответствующим образованием женского рода. При этом архаичный показатель родительного падежа **-(o)s* сохраняется в форме генитива женского рода (ср. др.-инд. *devyáḥ*, *род. пад. ед. ч.*, *им. п.* *devī́* 'богиня'; греч. *род. пад.* θεᾶς, *им. п.* θεά 'богиня'; ст.-лат. *род. п.* *familiās* в сочетании *pater familiās* 'отец — глава семейства', *им. п.* *familia* 'семья'; лит. *žiemõs*, *род. пад.* от *žiemà* 'зима'; гот. *gibōs*, *род. пад.* от *giba* 'дар'), а также и в атематических образованиях мужского рода (ср. др.-инд. *род. пад.* *pad-áḥ* от *им. п.* *pā́t* 'нога', греч. ποδ-ός, *род. пад.* от *им. п.* πούς, дор. πώς 'нога', лат. *ped-is*, *род. п.* от *pēs* 'нога').

В генитиве женского рода формальное различение именительного и родительного падежей было унаследовано от общеиндоевропейской парадигмы (как и в номинативе и генитиве имен атематического типа), тогда как в тематическом типе имен мужского рода требовалась фонетическая модификация окончания генитива **-os* для формальной дифференциации по отношению к окончанию именительного падежа **-os* во избежание грамматической омонимии типа хеттского *им. пад.* *antuḫšaš* 'человек', *род. пад.* *antuḫšaš* 'человека'[1].

В отношении образования генитива тематических имен намечаются три основные изоглоссы:

им. пад. **-os* ~ *род. пад.* **-(o)s-i̯o*
им. пад. **-os* ~ *род. пад.* **-ī*
им. пад. **-os* ~ *род. пад.* **-ō*

В соответствии с этими тремя изоглоссами выделяются индоевропейские диалекты, составляющие три основные диалектные группы:

(*1*) ***индо-ирано-греческо-армянская***
(*2*) ***тохаро-итало-кельто(-венето-мессапская)***
(*3*) ***балто-славяно(-германская)***

В группе (1) индоевро пейских диалектов родительный падеж именных образований тематического типа характеризуется сложным окончанием **-(o)s+i̯o*, восходящим к первичному показателю генитива с показателем синтаксической связки **-i̯o* (см. выше, стр. 270):

Др.-инд. *devá-sya* 'бога': *им. п.* *devā́ḥ* 'бог'; авест. *ahurahyā* 'господина': от *ahura-* 'бог', 'господин'; др.-перс. *kāra-hyā* 'войска'; греч. гом. ἵπποιο 'коня', 'лошади': *им. п.* ἵππος, θεοῖο 'бога': *им. п.* θεός 'бог'; др.-арм. *gorcoy* 'дела': *им. п.* *gorc* 'дело' (ср. греч. Ϝέργον), *orboy* 'сироты': *им. п.* *orb* 'сирота' (ср. греч. ὀρφανός), *mardoy* 'человека': *им. п.* *mard* 'человек'.

[1] Возможно, с этим связана в лувийском замена общеанатолийской формы род. пад. тематических имен на *-aš* особым адъективным образованием на *-aššī-*: лув. *tii̯ammaššī-* 'относящийся к земле' (='земли'), *malḫaššaššī-* 'относящийся к ритуалу' (='ритуала'); семантически эквивалентно хеттскому генитиву, лув. *tii̯ammaššīš* ^{D}UTU-*za* 'земное солнце'=хет. *taknaš Ištanuš* 'Эстан (бог Солнца) земли'.

Наличие в древнеиндийском образования старого тематического типа на **-(o)si̯o* является явным указанием на существование в армянском в дописьменный период именного противопоставления форм мужского и женского родов, с чем в сущности и связано наличие особой формы тематического генитива в индоевропейских диалектах. В отношении древнеармянского языка следует говорить об утере противопоставления имени по грамматическому роду, в отличие от хеттского и других анатолийских языков, в которых не возникало противопоставления именных образований по трем грамматическим родам, чем и объясняется отсутствие в хеттском особых инноваций в образовании тематического генитива.

В группе (2) индоевропейских диалектов родительный падеж именных образований тематического типа характеризуется окончанием **-ī*, предполагающим этимологическую связь с адъективным показателем **-ī* (типа др.-инд. *rath-ī-* 'относящийся к колеснице', ср. выше, стр. 284). Первичное окончание *род. пад. *-os*, сохранившееся в атематических образованиях и в архаической форме женского рода, было, по-видимому, заменено в тематических образованиях генитива особым показателем **-ī*, чем и было достигнуто формальное противопоставление в родительном падеже форм женского и мужского родов и формы тематического номинатива[1]:

Ср. лат.	*род.*	*пад.*	*lup-ī*	: *им.*	*п.*	*lupus*	'волк'
	род.	*пад.*	*Volcānī*	: *им.*	*п.*	*Volcānus*	'Вулкан'
	род.	*пад.*	*dominī*	: *им.*	*п.*	*dominus*	'господин'
	род.	*пад.*	*equī*	: *им*	*п.*	*equus*	'конь'

Венет. *re.i.tii*, *род. пад.* собственного имени, но ср. *Polomé 1966 : 75*;

Галл. *Equi*, *род. пад.* (название месяца, *Thurneysen 1946 : 181*);
Segomari, *род. пад.* собственного имени, *им. пад.* Σεγομαρος;
Др.-ирл. *maqi* 'сына' (в надписях огамического письма);
Мессапские формы на *-i* менее ясны, ср. *Polomé 1966: 75*;

Ср. тохарские А формы *род. пад.* на *-i* от атематических основ типа *pācri* 'отца', *ñi* 'меня', а также *lāñci* 'царский' от *lānt-* 'царь' и т. п.

В группе (3) индоевропейских диалектов родительный падеж именных образований тематического типа характеризуется окончанием **-ō*, возводимым обычно к древнему окончанию отложительного падежа: **-ot' > *-ōd*, ср. ст.-лат. *lupōd*, др.-инд. *vr̥kāt* 'от волка' (*ср. Stang 1966: 44 и 181*). Наличие в хеттском языке творительного падежа на *-et/-it* (ср. хет. *kiššarit* 'рукой', *išših* 'ртом', *kardit* 'сердцем' и др., с известными оговорками, связанными с характером силлабического клинообразного письма), сопоставимого с индоевропейским аблативом на **-ōd* (ср. др.-хет.

[1] Иногда к этим же формам относят и фалискские формы, образованные от собственных имен: *eko Kaisiosio* (в надписи на вазе), *Evotenosio (Schwyzer 1939, I: 555; Тронский 1960 : 146; Watkins 1966: 38)*, но толкование этих форм остается неясным *(Thumb/Hauschild 1959, II : 33, примеч. 30)*.

šakuɑt 'от глаз'), указывает на особую древность этого падежа в парадигме индоевропейского склонения:

Род. пад. лит. *dievo* 'бога': *им. п. dievas* 'бог'
латыш. *dieva* 'бога': *им. п. dievs* 'бог'
ст.-слав. *boga* 'бога': *им. п. bogъ* 'бог'.

Особую инновацию формы *род. пад. м. р.* тематических основ показывают германские языки. В этой группе диалектов формант родительного падежа выделяется в виде **-o-so*, **-e-so*:

Род. пад. гот. *wulfis* 'волка': *им. пад. wulfs* 'волк'
др.-исл. *ulfs* 'волка': *им. пад. ulfr* 'волк'

(*-s* в древнеисландском из более древнего *-as*<**-oso*, ср. *род. пад. ед. ч.* рун. *godagas*, имя собственное, *Макаев 1965: 125*);

Др.-англ. *род. п. dæges* 'дня': *им. п. dæg* 'день'.

Этот формант *род. пад.* слов мужского рода в германском может быть сопоставлен с прусским окончанием имен тематического типа и местоимений: прус. *род. пад. deiwas*[1] 'бога': *им. п. deiws* 'бог'.

Прусские местоименные формы с подобным окончанием *род. пад.* в образованиях неженского рода проявляют сходство с аналогичными германскими и славянскими местоименными формами:

Род. пад. прус. *stesse* 'этого': *им. п. stas* 'этот'
гот. *þis* 'этого': *им. п. sa* 'этот'
ст.-слав. *česo* 'чего': *им. п. čьto* 'что'.

Ввиду наличия окончания **-eso/*-oso* в прономинальных образованиях в более широком круге индоевропейских диалектов, включающем в себя наряду с германскими языками также и балто-славянские языки, можно считать этот формант изоглоссой, характерной для некоторых индоевропейских диалектов общего ареала и отчасти параллельной собственно именным окончаниям родительного падежа слов мужского рода.

Особо следует рассмотреть местоименные формы родительного падежа в различных группах индоевропейских диалектов. В этой связи в первую очередь нужно привести латинские местоименные формы родительного падежа: *ēius* 'этого', *род. пад.* от *is* 'этот, тот', *cūius* 'чей' (рассматриваемый в качестве формы родительного падежа от *quis* 'кто'). Эти местоимения возводят иногда к формам с суффиксом **-sio*, очевидно, ввиду соответствующих индийских и греческих форм: др.-инд. *tásya* 'того', *род. пад.* от *sá(ḥ)* 'тот', греч. гом. τοῖο 'этого, того; его', *род. пад.* от ὁ 'этот, тот, он'

[1] Сохранение **-a-* в форме родительного падежа предполагает наличие конечной гласной, позднее редуцировавшейся (*Stang 1966: 10*): *-as*<**-asa*<**-oso*. В отличие от этого, форма именительного падежа, в которой не предполагается формант с конечной гласной, закономерно редуцирует гласную перед *s*: *-s* < *-as*.

(*ср. Тронский 1960 : 122, 146, 191*)[1]. Постулирование **-si̯o* в латинском наталкивается на трудности как фонетического[2], так и морфологического характера.

В условиях наличия особой формы родительного падежа слов мужского рода на **-(o)si̯o* в индоевропейском было бы непонятно появление в ряде диалектов (италийском, балто-славянском, германском) особой формы родительного падежа слов мужского рода, вытеснившей, если принять эту точку зрения, уже существовавшую форму на **-(o)si̯o*.

Италийские формы *ēius* и *cūius* можно было бы объяснить при допущении наращения на прономинальную основу частицы **-i̯o-*: **ei-i̯o-*, **kui-i̯o-*, наподобие славянских прономинальных форм с частицей *-go*: ст.-слав. *ko-go*, *če-go*, *to-go*.

Таким образом, по морфологическому признаку появления особой формы родительного падежа мужского рода, что было в основном индуцировано возникновением противопоставлений по грамматическому роду в индоевропейских диалектах, можно выделить формально четыре изоглоссы, которые дают классификацию диалектов по четырем группам:

*Группа *-(o)si̯o* : ***индо-ирано-греческо-армянская***
*Группа *-ō* : ***балто-славянская***
*Группа *-e/oso* : ***германо(-славяно)-прусская***
*Группа *-ī* : ***тохаро-итало(-венето-мессапо)-кельтская***

Характерно, что изоглоссы пересекаются лишь в балто-славяно-германской группе при непересечении и взаимной дополнительности изоглосс этих диалектных групп с индо-ирано-греческо-армянской группой. Пересекающиеся изоглоссы в германо-балто-славянской группе свидетельствуют об особой близости этих диалектов по данному морфологическому признаку при их отличии от диалектов группы **-(o)si̯o*.

*2.3. ФОРМЫ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО И МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА. ПАДЕЖИ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ *-b[h]- И *-m-*

Использование древнего окончания отложительного-творительного падежа **-ot'* в балто-славянском для выражения особого типа форм родительного падежа именных образований мужского рода связано в этих языках с появлением новых формантов для выражения функций творительного падежа. При этом в славянском в новых образованиях творительного падежа опять-таки наблюдается противопоставление форм по признаку мужского и женского рода. Принцип классификации по грамматическому роду становится, по-видимому, одним из основных факторов преобразования именной парадигмы, что прежде всего отразилось на функции новых форм именительного и винительного падежей, как было показано выше.

[1] *Watkins 1966 : 38* предлагает вслед за Покорным сходное объяснение и для др.-ирл. *a* 'его' (с леницией), ср.-валл. *eidaw* (ср. ту же точку зрения *Льюис/Педерсен 1954 : 267)*; ср., однако, доводы против подобного объяснения *Thurneysen 1946 : 285*.

[2] Отсутствуют другие примеры развития **-si̯o> -i̯o* в латинском. Такое развитие допускается ad hoc на основании именно этих двух форм.

Параллелизм в развитии творительного и именительного (и родительного) падежей, оформляемых в зависимости от грамматического рода, можно понять, учитывая их функционально-семантическую идентичность в связи с выражением семантического субъекта действия: субъект действия, выражаемый именительным падежом в активной конструкции, передается творительным падежом при трансформации активной конструкции в пассивную. Аналогичным образом, родительный падеж является выразителем субъекта действия при трансформации номинализации вербальной конструкции.

В славянском в качестве показателя творительного падежа именных образований мужского рода выступает элемент *-mĭ* < **-mi*: ст.-слав. *твор. п. vlĭko-mĭ* : *им. п. vlĭkŭ* 'волк', *м. р.*; *твор. п. synŭmĭ*: *им. п. synŭ* 'сын', *м. р.*; *твор. п. gostĭmĭ* : *им. п. gostĭ* 'гость', *м. р.*; ср. также форму *ж. р.* на *-ǫ*: *твор. п. rǫkǫ* : *им. п. rǫka* 'рука', *ж. р.*; *твор. п. noštijǫ* : *им. п. nošti* 'ночь'.

По этой изоглоссе со славянскими языками объединяются языки балтийские при некоторых расхождениях в конкретном образовании тематических и атематических форм мужского и женского рода *(ср. Mažiulis 1970)*:

Мужской род:

Тематический тип:

Лит. *твор. п. vėju* 'ветром': *им. п. vėjas* 'ветер'; *твор. п. tėvu* 'отцом': *им. п. tėvas* 'отец'; *твор. п. vilkù* 'волком': *им. п. vil̃kas* 'волк'.

Окончание *-u* сопоставляется с др.-инд. *-ā* в вед. *vṛ́kā* 'волком', авест. *vəhrka*, др.-в.-нем. *дат.-твор. wolfu* (и.-е. **-ō*, окончание творительного падежа).

Основы женского рода на **-ā*:

Лит. *твор. п. rankà* : *им. п. rankà* 'рука'; *твор. п. gálva* : *им. п. galvà* 'голова'.

Окончание *твор. п. *-a* возводится к **-ān*, ср. слав. *-ǫ*;

Атематический тип (*мужской и женский род*):

Лит. *твор. п. vagi-mì* 'вором': *им. п. vagìs* 'вор'; *твор. п. sūnu-mì* 'сыном': *им. п. sūnùs* 'сын'.

В качестве другой диалектной группы по изоглоссе творительного падежа единственного числа выступают греческий и армянский языки. Эту изоглоссу образует показатель **-b$^{[h]}$i*, выступающий уже в микенском в качестве адвербиальной частицы, приобретающей функции синтаксического творительного падежа: греч. мик. *-pi*, греч. гом. -φι:

Мик. *e-ru-ta-ra-pi* 'красным, с красным' (= греч. ἐρυθρᾱ-φι), *ср. Morpurgo 1963 : 100—101*;

qe-to-ro-po-pi 'с четвероногими', *Lejeune 1958 : 159—184* (= греч. τετρόποφι);

Др.-арм. *твор. п.* на *-b*/*-w*: *твор. п. dustr-b* : *им. п. dustr* 'дочь'; *твор. п. baniw* 'словом': *им. п. ban* 'слово'; *твор. п. gineaw* 'вином': *им. п. gini* 'вино'.

Окончание -φι в функции творительного падежа в греческом безразлично к числу: оно присоединяется к формам как единственного, так и

двойственного и множественного числа (ср. типологически творительный падеж на *-it* в хеттском, выражающий как единственное, так и множественное число).

В отличие от этого этимологически связанное с ним окончание *-$b^{[h]}i$ в индо-иранском выступает в форме *-bhis* в значении творительного падежа множественного числа[1]:

Др.-инд. *nau-bhíḥ* 'кораблями, судами', *твор. пад. мн. ч.* от *náuḥ* 'корабль' при греч. гом. ναῦ-φι(ν), *твор. пад.* от ναῦς 'судно', 'суда, флот'; авест. *твор. пад. gaēϑābiš* от *gaēϑā-* 'существо'; *твор. пад. padəbiš* от *pad-* 'нога'.

Тот же элемент *-$b^{[h]}i$ лежит в основе окончания дательного-отложительного падежа множественного числа в индо-иранском:

Др.-инд. *дат.-отлож. пад. мн. ч. devébhyaḥ* : *им. пад. devấḥ* 'бог'; авест. *дат.-отлож. пад. urvarābyas(-ča)* '(и) растениям': от *urvarā-* 'растение'.

Таким образом, на основании функционирования элемента *-$b^{[h]}i$ в качестве грамматической инновации для выражения творительного падежа единственного и множественного числа выделяется (как и в случае изоглоссы *-(o)si̯o*) индо-ирано-греческо-армянская группа диалектов.

Индо-иранское окончание дательного-отложительного падежа *-*bhyas*<*-$b^{[h]}i̯os$ сопоставимо с окончанием *-$b^{[h]}os$, выражающим дательный и отложительный падежи множественного числа в италийском:

Ср. ст.-лат. *trebibos* 'трибам': *им. п. ед. ч. tribus*;
Лат. *rēgibus* 'царям': *им. п. rēx* 'царь';
hostibus 'гостям': *им. п. hostis* 'гость';
Венет. *oposo-φos* 'делам' (|| '*operibus*'), мессап. *-bas*, *ср. Polomé 1966: 74.*

То же окончание выделяется и в кельтских формах дательного падежа множественного числа:

Галл. *дат. п.* ματρεβο 'матерям' (=лат. *matribus*);
Др.-ирл. *дат. п. fer(a)ib* 'мужчинам': *им. п. ед. ч. fer*.

Несмотря на общность происхождения начального консонантного элемента этих окончаний в индо-ирано-греческо-армянской группе и итало-кельтской, они тем не менее формально не сводимы друг к другу и должны считаться разными по происхождению окончаниями.

Это дает основание считать итало-кельтское *-$b^{[h]}os$ особой морфологической инновацией, отличной от индо-иранского *-$b^{[h]}i̯os$, и ввиду этого можно выделить особую изоглоссу, объединяющую итало-венето-мессапо-кельтскую группу индоевропейских диалектов (как и в случае изоглоссы *род. пад. ед. ч.* на *-*ī*).

В качестве другой группы индоевропейских диалектов, объединяемых по признаку общности показателей дательного и творительного паде-

[1] Форма *мн. ч. твор. п.* на *-ʷ-k̂*, *-b-k̂* в древнеармянском сопоставима с древнеиндийским *-bhiḥ* с той лишь разницей, что в индо-иранском окончание *-$b^{[h]}i$-, осложненное показателем множественности *-s*, выступает только в формах множественного числа.

жей множественного числа, выделяются балто-славяно-германские диалекты. Они объединяются в такую диалектную группу по изоглоссе **-mis* (*твор. п. мн. ч.*), **-mus//*-mos*, *дат. пад. мн. ч.* (как и в случае изоглоссы *род. пад.* на **-ō* и **-eso*):

Лит. *твор. п. мн. ч. sūnumìs* : *им. п. sūnùs* 'сын'; *твор. п. мн. ч. avimìs* : *им. п. avìs* 'овца';

Ст.-слав. *твор. п. gostĭmi* : *им. п. gostĭ* 'гость'; *твор. п. kamenĭmi*: *им. п. kamy* 'камень';

Лит. *дат. п. мн. ч. sūnùms* : *им. п. sūnùs* 'сын'; *дат. п. мн. ч. avìms* : *им. п. avìs* 'овца';

Ст.-слав. *дат. п. gostĭmŭ* : *им. п. gostĭ* 'гость'; *дат. п. kamenĭmŭ*: *им. п. kamy* 'камень';

Герм. **-mz* : гот. *þrim*, др.-исл. *þrimr* 'трем, от трех, тремя, у трех'.

Таким образом, по изоглоссе морфологических показателей дательного и творительного падежей множественного числа выделяются фонетически те же диалектные группы, что и по показателю родительного падежа именных образований на **-o-* мужского рода. В этом смысле рассматриваемые изоглоссы покрывают друг друга.

В качестве изоглоссы, охватывающей более широкий ареал индоевропейских диалектов, выступает показатель творительного падежа множественного числа тематических основ мужского рода **-ōi̯s*. Эта морфологическая инновация охватила все группы индоевропейских диалектов за исключением анатолийской и связана с появлением дифференциации именных основ по признаку грамматического рода — с тенденцией, не затронувшей хеттский язык:

Др.-инд. *devā́iḥ, твор. п. мн. ч.* от *devā́ḥ* 'бог';
Авест. *mašyaiš, твор. п. мн. ч.* от *maša-* 'человек';
Лит. *твор. п. мн. ч. vilkaĩs* : *им. п. ед. ч. vil̃kas* 'волк';
Лат. *дат. пад. мн. ч. lupīs* : *им. п. ед. ч. lupus* 'волк';
Оск. *nesimois* 'ближним', *дат. п. мн. ч.*

2.4. ФОРМА МЕСТНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Следующая изоглосса объединяет индоевропейские диалекты по форме образования местного падежа — локатива — множественного числа:

Др.-инд. *devéṣu, мест. п. мн. ч.* от *devā́ḥ* 'бог';
Ст.-слав. *rabĕchŭ, мест. п. мн. ч.* от *rabŭ* 'раб';
Др.-инд. *sénāsu, мест. п. мн. ч.* от *sénā* 'войско';
Ст.-слав. *rǫkachŭ, мест. п. мн. ч.* от *rǫka* 'рука';
Ст.-лит. *rañkosu, мест. п. мн. ч.* от *rankà* 'рука';
Греч. φίλοισι, *мест. п. мн. ч.* от φίλος 'друг';
Греч. Ἀθήνησι, *мест. п. мн. ч.* 'в Афинах'.

По этой изоглоссе объединяются индо-иранский и балто-славянский и (по принципу построения) греческий. Собственно как показатель локатива выделяется конечный элемент **-i*, следующий за показателем множес-

твенности *-*s*, которому, в свою очередь, предшествует общий показатель "локативности" *-*i* (в тематических основах *-*oi*, ср. др.-инд. *мест. п. ед. ч. devé*, греч. *οἴκοι*, лат. *domī*). Такой "агглютинативный" принцип построения для локатива можно считать сравнительно поздним диалектным явлением (ср. полное отсутствие локатива *мн. ч.* в хеттском при наличии общего падежа на *-i*, в древнехеттском противопоставленного директиву на *-a*), объединяющим ряд индоевропейских диалектов. Такой же агглютинативный принцип построения локативного падежа множественного числа в греческом с конечным элементом *-i* вместо *-u* можно считать диалектным признаком, объединяющим этот последний с индо-ирано-балто-славянским.

Возникновение локатива *мн. ч.* агглютинативного строя в названных диалектах можно считать результатом проявления тенденции дифференцировать собственно локативный падеж и творительный падеж множественного числа, который восходит в конечном счете к древнему локативу множественного числа. В этом отношении показательны соответствующие падежные формы в латинском, в котором локатив и творительный падеж множественного числа отражают древнюю исходную диалектную форму без формального противопоставления творительного и локатива множественного числа (ср. лат. *equīs*, *твор. пад. мн. ч.* от *equus* 'конь', *equīs*, *локатив* от *equus*).

Такое развитие показателя локатива мн. ч. в индо-ирано-балто-славяно-греческом может представить определенный интерес с точки зрения диахронной типологии как факт переосмысления функции древнего форманта (то есть показателя локатива *-*i*) с появлением дополнительного показателя (в индо-иранском и балто-славянском *-u*, в древнегреческом *-i*), маркирующего утерянную старым формантом граммему.

2. 5. ФОРМЫ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА. ПАРАДИГМА ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ 1 Л. ЕД. Ч.

Характерно, что те же диалекты, то есть индо-иранский и славянский, объединяются по образованию некоторых сравнительно поздних форм двойственного числа:

Ср. *род.-мест. п. дв. ч.* на *-*os*: др.-инд. *род.-мест. пад. дв. ч. agnyóḥ* от *agní-* 'огонь', ст.-слав. *pǫtĭju* от *pǫtĭ* 'путь'.

В этот же ряд становятся такие индо-ирано-славянские диалектные общие черты, как одинаковое оформление некоторых форм личных местоимений, как-то: *имен. п.* др.-инд. *ahám*, авест. *azəm*, др.-перс. *adam*, ст.-слав. *azŭ* в противовес архаичной форме, лишенной частицы *-*em*, отражаемой в хет. *uk*, *косв. п. ammuk*, лат. *egŏ*, греч. *ἐγώ*, гот. *ik* и др.

В тех же диалектах совпадают и формы *род. пад.*: авест. *mana* 'меня', др.-перс. *manā* 'меня', ст.-слав. *mene* 'меня', *Bonfante 1931: 83; Порциг 1964: 243*, а также форма *вин. п.* (изоглосса, общая с албанским): др.-инд. *mā́m*, др.-перс. *mām* 'меня', прус. *mien* 'меня', ст.-слав. *mę*, алб. *mua*, *mue*<**mēm* (*Bonfante 1931: 83; Порциг 1964: 267*).

2.6. ФОРМЫ ДЕИКТИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ. ЭНКЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОИМЕНИЯ В АНАТОЛИЙСКОМ КАК АРХАИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ ДЕИКСИСУ В ОСТАЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Особую проблему составляет вопрос о соотношении форм деиктических местоимений, осмысленных позднее в качестве личных местоименных форм третьего лица в индоевропейских диалектах. По формам индо-иранского, греческого, готского и тохарских языков восстанавливается парадигма ед. ч. мужского и женского родов с чередующимися формами именительного и косвенного падежей при стабильной основе в парадигме, совпадающей с основой косвенных падежей:

	Единственное число		
	м. р.	*ж. р.*	*ср. р.*
Им. пад.	*so	*sā	*t[h]o
Вин. пад.	*t[h]om	*t[h]ām	*t[h]o
Др.-инд.	*sá(h)*	*sā́*	*tát*
	tám	*tā́m*	*tát*
Тох. А	*säm*	*säm*	*täm*
	cam	*täm*	*täm*
Тох. В	*se*	*sā*	*te*
	ce	*tā(k)*	*te*
Греч.	*ὁ*	*ἡ*	*τό*
	τόν	*τάν*	*τό*
Гот.	*sa*	*sō*	*þata*
	þana	*þō*	*þata*

Из такой парадигмы можно объяснить, при допущении обобщения одной из чередующихся форм на всю парадигму, формы балто-славянских и кельто-италийских диалектов, мотивированные дальнейшей перестройкой родовой системы в указанных диалектах:

Диалекты с обобщением формы косвенного падежа на *-t[h]-:

Литовск.	*м. р.*	*ж. р.*	
им. п. ед. ч.	*tàs*	*tà*	
вин. п.	*tą̃*	*tą̃*	
Ст.-слав.	*м. р.*	*ж. р.*	*ср. р.*
им. п. ед. ч.	*tŭ*	*ta*	*to*
вин. п.	*tŭ*	*tǫ*	*to*

Диалекты с обобщением формы именительного падежа на *s-:

Ст.-лат.	*м. р.*	*ж. р.*
им. пад. ед. ч.		*sa-psa*
вин. пад. ед. ч.	*sum*	*sam*
Галл.		
вин. пад. ед. ч. ср. р.	*so-sin, so-sio*	

Приведенную выше систему указательных местоимений 3-го лица, постулируемую в свете данных ряда указанных диалектов, следует, очевидно, увязать этимологически с системой хеттских энклитических местоимений:

-aš (общий род, им. пад. ед. ч.), вин. пад. -an;

-at (средний род, им.-вин. пад. ед. ч.):

Ср. др.-хет. *na-aš a-ku* 'и он пусть умрет' (ХЗ); *ta-aš a-ri* 'и он приходит' (KBo XVII 9 I 16'); *ša-aš* BA.UG$_6$ 'и он умер' (BoTU 12 A I 40); *ša-an iš-pa-an-di na-ak-ki-it da-a-aḫ-ḫu-un* 'и его ночью приступом я взял' (Анитта, KBo III 22 47—48); *ta-at e-ku-ut-ta* 'и его он выпил' (KBo XII 3 III 16'); *na-at-kán ša-an-ḫa-[an] e-eš-du* 'и оно пусть будет убранным' (BoTU 9).

Показательно, что формы множественного числа местоимения общего рода в древнехеттском характеризуются согласной *-t*, что собственно совпадает с парадигмой множественного числа рассмотренных выше других индоевропейских диалектов:

Ср., с одной стороны, хеттское *мн. ч. -at* 'они, оне'[1], лув. *-atta* 'они, оне', а с другой стороны, др.-инд. *мн. ч. м. р. té, ж. р. táḥ*; греч. *мн. ч. м. р.* τοί, *ж. р.* ταί; гот. *мн. ч. м. р. þai, ж. р. þōs*; тох. А *мн. ч. м. р. cai*, тох. В *мн. ч. м. р. cet, ж. р. toṁ*.

В качестве общего исходного архетипа для последней группы диалектов предполагается форма *мн. ч. м. р.* **t*$^{[h]}$*oi* с основой на согласную **t*$^{[h]}$-.

Такое распределение основ на **-s-* и **-t*$^{[h]}$- в формах единственного и множественного числа в вышеприведенной парадигме индоевропейских диалектов и в парадигме хеттского энклитического местоимения позволяет с большой уверенностью этимологически увязать эти индоевропейские диалектные формы с хеттским энклитическим местоимением *-aš, -at*.

Соотнесение хеттских энклитических местоимений *-aš, -at* с разобранной выше прономинальной парадигмой других индоевропейских диалектов позволяет реконструировать формальную схему общеиндоевропейской прономинальной парадигмы в виде **oso*, **ot*$^{[h]}$*o* с редукцией одной из гласных (начальной или конечной) в зависимости от отдельных индоевропейских диалектов; в хеттском сохраняются формы с усеченной конечной гласной при редукции начального **o-* в других индоевропейских диалектах[2].

[1] Например, *ta-at... ḫa-aš-ši-i...ti-ia-an-zi* 'и они к очагу подходят' *(KUB II 5 V 8)*.

[2] Структура местоименных основ формы *VCV* при позднейшем усечении одной из гласных—весьма распространенный тип прономинальных основ в индоевропейских диалектах, ср. греч. *ἐμέ, ἐμός*, гом. *ἐμεῖο*, арм. *im* при др.-инд., авест. *mā*, лат. *mē*, греч. με, др.-ирл. *mé* ('я'), др.-инд. *ana-* 'этот', авест. *ana-*, греч. *ἕνη*, лат. *enim*, умбр. *ene*, оск. *inim*, ст.-слав. *ono*, хет. *anniš*, *отл. пад. annaz* при др.-инд. *ná* 'как', лит. *ne*, ст.-слав. *ne-že* и др.

Семантика энклитических местоимений отражает, очевидно, раннее индоевропейское состояние, в котором проявляются следы древнейшего бинарного противопоставления актива—инактива, реинтерпретированного в хеттском как оппозиция общего рода с показателем *-aš* среднему роду с показателем *-at*. Та же основа на *-t* проявляется и в формах множественного числа.

Тем самым хеттский язык и анатолийская группа в целом противопоставляются всем остальным индоевропейским диалектам, в которых бинарная прономинальная система преобразуется в тернарную систему с противопоставлением мужского, женского и среднего родов, носящую в себе, однако, следы древнейшего бинарного противопоставления, которое сохранилось в преобразованном виде в хеттском.

Основа активного класса **oso* используется для выражения местоименной формы номинатива, основа инактивного класса **ot[h]o* используется для выражения форм косвенных падежей, в первую очередь, аккузатива, восходящего по своей семантике к синтаксическому инактиву (см. выше, стр. 275 и след.).

В парадигме множественного числа сохраняется та же основа, которая должна была быть характерна для древнейшего инактива[1].

В этом отношении все другие индоевропейские диалекты в противовес хеттскому обнаруживают общую инновацию, что позволяет объединить их в древнейшую диалектную группу, противопоставленную хеттскому (анатолийскому). Такая диалектная изоглосса совпадает в сущности с рассмотренными выше изоглоссами тернарного грамматического рода (мужской, женский, средний), проявляемого в номинальных и адъективных конструкциях.

Реконструируемые таким образом местоименные формы **oso*, **ot[h]o* в качестве прономинальных форм активного и инактивного классов увязываются, очевидно, с соответствующими маркерами активного класса **-s* и инактивного класса **-t[h]*, постулируемыми для древнейшего индоевропейского состояния в таких местоименных образованиях, как **k̑[h]oi-s*, **k̑[h]oi-t[h]*, **i̯o-s*, **i̯o-t[h]*, которые отразились во всех индоевропейских языках, включая и анатолийские, в качестве прономинальных форм соответственно мужского-женского (в анатолийском — общего) и среднего родов.

С другой стороны, индоевропейские местоимения **oso*, **ot[h]o*, превратившиеся в большинстве индоевропейских языков в деиксис с функцией

[1] Такая этимология индоевропейского диалектного местоимения **so*, **sā*, **t[h]o* исключает возможность предполагаемого Стертевантом непосредственного его соотнесения с синтаксическими соединительными частицами, засвидетельствованными в хеттском в формах *ša-*, *ta-*. Синтаксические особенности союзов *ša-* и *ta-* в хеттском языке не подтверждают предполагаемых Стертевантом функциональных характеристик этих элементов, с которыми он связывает чередующиеся формы индоевропейской местоименной системы *(Гамкрелидзе 1957)*. В то же время соотнесение этих форм с энклитическими местоимениями в хеттском позволяет дать им удовлетворительное формальное и функциональное объяснение.

артикля[1] соответственно мужского - женского и среднего родов, преобразуются в хеттском (resp. анатолийском) в энклитические местоимения (хет. *-aš*, *-at*), тогда как в качестве независимых местоимений третьего лица возникают новые формы (хет. *apaš*, *apat*) с теми же показателями в функции общего и среднего родов. И этой своей диалектной инновацией хеттский (resp. анатолийский) противостоит всем остальным индоевропейским диалектам.

2.7. ФОРМЫ ОТНОСИТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Определенные диалектные группы в индоевропейских языках выделяются в зависимости от сохранения одной из местоименных форм $*k^{[h]o}is/*k^{[h]o}it^{[h]}$ или $*i̯os$ /$*i̯ot^{[h]}$ в функции относительного местоимения.

По этому признаку группируются вместе такие индоевропейские диалекты, как, с одной стороны, италийский, хеттский и тохарский, где сохраняется $*k^{[h]o}is/*k^{[h]o}it^{[h]}$ в функции относительного местоимения (лат. *quis*, *quid*, оск. *pis*, др.-ирл. *ci-*, тох. A *kus*, B *kusə*) и, с другой стороны, арийско-греческий, славянский и фригийский, где сохраняется $*i̯os/*i̯ot^{[h]}$ в той же функции: др.-инд. *yá-ḥ*, *yā́*, *yá-d*, авест. *ya-*, греч. *ὅ-ς*, *ἥ*, *ὅ*, фриг. *ιος*, ст.-слав. *i-že* (*Порциг 1964: 256 и 282—283*).

Следует иметь в виду, что группировка диалектов по общей изоглоссе, выражающейся в утере и переосмыслении определенных структурных элементов, не предполагает с необходимостью общего совместного развития этих диалектов. Такая изоглосса в некоторых случаях может отражать независимое развитие в отдельных диалектах структурных тенденций, заложенных в общем языке.

Структурные данные такого типа могут, очевидно, считаться основанием для диалектной группировки лишь в том случае, если другие более показательные изоглоссы дают основание для такой же ареальной классификации диалектов. В данном случае общая инновация арийско-греческого, фригийского и славянского, выразившаяся в утере $*k^{[h]o}is$ в функции относительного местоимения[2], вероятна в силу наличия целого ряда других более показательных изоглосс, дающих основание для постулирования исторического ареального единства этих диалектов.

2.8. ОБРАЗОВАНИЕ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Одной из основных морфологических изоглосс, объединяющих индоевропейские диалекты в определенные группы, являются морфологические типы образования степеней сравнения прилагательных.

[1] Ср. функции артикля у **so*, **t[h]o* в греческом, а также в готском и других германских языках.

[2] В этих диалектах $*k^{[h]o}is$ сохраняется лишь в функции вопросительного местоимения: авест. *čiṯ*, греч. *τίς*, но не относительного местоимения, ср. аналогичное отражение в кельтском: др.-ирл. *cid* 'что?'

По этому признаку выделяется индо-ирано-греческая группа с изоглоссой, характеризуемой формой сравнительной степени на *-$t^{[h]}$ero- >др.-инд. -*tara-* (*ср. śúci-* 'чистый', *śuci-tara-* 'более чистый'), греч. -τερο- (ср. πιστό-τερο-ς 'наиболее верный', ἀληθέσ-τερο-ς 'наиболее истинный') и формой превосходной степени на *-*is*-$t^{[h]}$o- (образованной посредством сложения древних форм на *-*ios* с суффиксом *-$t^{[h]}$o, *Benveniste 1948; Кацнельсон 1949*), характеризующей также и германские языки:

Др.-инд. -*iṣṭha-*, ср. *svā́d-iṣṭha-* 'сладчайший' от *svādú-* 'сладкий'; греч. -ισ-το-, ср. ἡδ-ιστο-ς 'сладчайший', 'приятнейший' от ἡδύς, гот. -*ist-*, ср. *bat-ista* 'лучший'.

Другая изоглосса охватывает кельто-италийскую группу диалектов, в которых превосходная степень образуется на *-*s*-^{r}*mo*^{1}-: лат. *maximus* 'наибольший' (ср. *proximus* 'ближайший'), оск. *nessimas* 'ближайшие', др.-ирл. *nessam*, валл. *nessaf* 'ближайший', *ср. Watkins 1966: 36—37*.

2.9. ОБРАЗОВАНИЕ КАТЕГОРИИ АОРИСТА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ БИНАРНОЙ СИСТЕМЫ ГЛАГОЛА

Ясные изоглоссы для группировки индоевропейских диалектов в исторические ареальные единства дает и глагольная система.

По признаку формирования в глагольной системе противопоставления "настоящего" времени, аориста и имперфекта, сменившего более древнюю бинарную систему противопоставлений, характерную для общеиндоевропейского языка, можно объединить арийско-греческо-армянскую группу диалектов, *ср. Birwé 1956; Pisani 1957a*. При этом новые системы временных противопоставлений в этой группе не только семантически изоморфны, но и соотносятся друг с другом в плане формально-сегментных соответствий.

Особенно наглядно указанное соответствие в инновациях, объединяющих глагольные системы этих диалектов, проявляется в новообразованиях, приведших к возникновению системы аориста в названной группе диалектов.

По типу корневого аориста в арийско-греческой группе образуются формы с аугментом (из древней синтаксической связки **e-*, ср. выше стр. 357) и личными окончаниями ряда *-*m(i)*, переосмысляемыми в данных структурах как показатели особого видо-временного образования в противовес окончаниям ряда *-*Ha* в этимологически соответствующих глагольных формах:

Др.-инд. *á-dā-m* 'я дал', *1 л. ед. ч. аор.* (ср. греч. *1 л. мн. ч. аор.* ἔ-δο-μεν) при хет. *daḫḫi* 'беру', *прош. вр. daḫḫun*, иер. лув. *taha* 'я взял'; др.-инд. *á-dhā-m*, греч. ἔ-θε-μεν при хет. *teḫḫi* 'кладу', *прош. вр. teḫḫun*; др.-инд. *á-bhūv-am* 'я стал', греч. ἔ-φῡ-ν; др.-инд. *á-gā-m* 'я шел', греч. ἔ-βη-ν, фриг. *e-daes*.

С тем же ареалом соотносится диалектная индоевропейская инновация, выражающаяся в образовании редуплицированного презенса от этих

глагольных основ; в других диалектных ареалах такая редупликация в презенсе отсутствует:

Др.-инд. *dádā-mi* 'я даю', *1 л. ед. ч. наст. вр.*, греч. δίδωμι; др.-инд. *dádhā-mi* 'я ставлю', греч. τίθημι.

С отмеченной инновацией в образовании атематического аориста связано и образование форм тематического аориста, возникших, очевидно, в том же диалектном ареале общеиндоевропейского языка и давших закономерно соотносящиеся друг с другом продолжения в индо-иранском, греческом и армянском:

Др.-инд. *á-vid-a-t* 'он нашел', *3 л. ед. ч. аор.*, греч. ἔ-Fιδ-ε 'он увидел', др.-арм. *e-git* 'нашел' *(ср. Watkins 1969 : § 43, 63—64; § 83, 101; Szemerényi 1970 : 262)*; ср. также с редупликацией основы: др.-инд. *á-voc-a-m* < **a-va-uc-om* 'я сказал', *1 л. ед. ч. аориста*, греч. гом. ἔ(F)ειπ-ο-ν *(Thumb/Hauschild 1959, II : 302, § 544)*[1].

Образование категории аориста в рассмотренных индоевропейских диалектах связано с полной перестройкой всей унаследованной глагольной системы. С возникновением аориста древние безаугментные формы ряда **-mi* с вторичными окончаниями стали осмысляться как имперфект, в видовом отношении противопоставленный, с одной стороны, аористу, с другой стороны, унаследованным формам ряда **-Ha*, которые стали интерпретироваться как перфект в видо-временном значении.

[1] В отличие от рассмотренных типов атематического и тематического аориста так называемый сигматический аорист в индо-ирано-греческо-славянском (ср. др.-инд. *á-vāk-ṣ-am* 'я ехал', *1 л. ед. ч. аориста*, ст.-слав. *vĕs-ĭ* 'я вез', греч. ἔδειξα 'я показал') является скорее новообразованием, возникшим в результате функционального переосмысления распространенных по всему индоевропейскому ареалу форм на *-s-* с изначально непрезентным значением, характерным для индоевропейского языка. Переосмысление образований на *-s-* с первоначальным непрезентным значением дает различные модальные и временные (непрезентные) значения по разным индоевропейским диалектам. Наряду с аористным значением в указанной диалектной группе образования на *-s* могут быть в отдельных исторических индоевропейских диалектах выразителями:

(*a*) прошедшего времени — в хеттском, тохарском, латинском, древнегерманском: хет. *memišta* 'он сказал', *3 л. ед. ч. прош. вр.*, тох. В *takāsta* 'ты был'; лат. *dīxī* 'я сказал' (ср. формально соотносимое греч. ἔδειξα в аористном значении), лат. *uēxī* 'я ехал' (ср. формально соотносимое др.-инд. *ávākṣam* в аористном значении); др.-ирл. *véss* 'он вез', *sáss* 'искал' *(Watkins 1962)*;

(*b*) будущего времени — в оскско-умбрском, древнеирландском, греческом, древнеиндийском, литовском: оск. и умбр. *fust* 'он будет', ст.-лат. faxō '*faciam*', 'сделаю' (Плавт, *Truc. 643*), др.-ирл. *seiss* 'он сядет'. В ряде языков формы на **-s-* в функции будущего времени осложняются формантом **i̯o-*, ср. др.-греч. *δείξω* 'укажу' < **δειϰ-σί̯ω* < **t'ei̯k*[*h*]*-si̯ō*, др.-инд. *dekṣyámi* 'укажу, покажу', *dāśyámi* 'дам', лит. *dúosiu* 'дам', *pláuksiu* 'поплыву';

(*c*) косвенных наклонений — сослагательное наклонение в кельтском, прекатив в древнеиндийском: др.-инд. *budhyásam* 'пусть я проснусь' и т. д.

Эти структурно-семантические преобразования, имевшие место в отдельных индоевропейских диалектах, приводят к формированию сложной временной системы глагола, характерной для таких исторических индоевропейских диалектов, как, например, индо-иранские и греческий.

*2.10. ОБРАЗОВАНИЕ ДВУХ ТИПОВ МЕДИАЛЬНЫХ ФОРМ НА *-(H)oi, *-moi И *-r В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ. ГРУППИРОВКА ДИАЛЕКТОВ ПО ЭТИМ ТИПАМ*

Одной из основных инноваций в диалектах индоевропейского языка было возникновение медиальных форм в глагольной системе, противопоставленных по категории времени.

Категория медиальности возникает еще в общеиндоевропейский период развития, естественно, после перестройки всей системы общеиндоевропейского языка в направлении от активного строя к номинативно-аккузативному, который предполагает семантическую классификацию глаголов по переходности ~ непереходности.

Такая перестройка приводит к необходимости образования медиальных глагольных структур, противопоставленных переходно-активным структурам. При этом соотнесение этой категории с временными противопоставлениями осуществляется по-разному в различных диалектных ареалах общеиндоевропейского языка. В этом отношении выделяются два основных крупных ареала общеиндоевропейского языка, в которых осуществляются различные материальные возможности в поверхностной структуре языка для выражения категории медиальности в ее соотнесении с категорией времени.

В одном из ареалов медиальность выражается путем преобразования личных окончаний ряда **-mi* и ряда **-Ha*, которые имелись в морфологическом инвентаре, унаследованном от предшествующего периода (см. о таких формах подробнее выше):

1 л. ед. ч. **-oi/*-ai*, **-moi*
2 л. ед. ч. **-soi*
3 л. ед. ч. **-$t^{[h]}$oi*, *мн. ч.* **-$nt^{[h]}$oi*

В другом ареале медиальность выражается путем присоединения элемента *-r* к особым окончаниям, развившимся из тех же двух рядов первоначальных личных окончаний:

1 л. ед. ч. **-Hor/*-mor*
2 л. ед. ч. **-$t^{[h]}$Hor*
3 л. ед. ч. **-$t^{[h]}$or*, *мн. ч.* **-$nt^{[h]}$or*

К первому диалектному ареалу восходят такие исторические индоевропейские диалекты, как индо-иранский, греческий, по-видимому, балто-славянский и германский[1], ср.:

[1] В балто-славянском обнаруживаются явные следы окончаний, формально совпадающих с предполагаемыми для рассматриваемого диалектного ареала медиальны-

Др.-инд. *bruv-é*, авест. *mruγ-ē* 'я говорю'; др.-северн. рун. *haite*, др.-исл. *heite* 'я зовусь' *(Birwé 1956 : 41—51)*; др.-инд. *bhára-se* 'ты несешь себе', греч. φέρε-αι (φέρῃ) 'я несу для себя'; др.-инд. *śéte* 'он лежит', греч. κεῖται 'он лежит'; др.-инд. *áste* 'он сидит', греч. ἧσ-ται; др.-инд. *bhára-te* 'он несет для себя', греч. φέρε-ται 'он несет'.

К другому диалектному ареалу восходят такие исторические диалекты, как хеттский, тохарский, италийские, кельтский, фригийский.

В хеттском языке выделяются следующие медиальные окончания, восходящие к постулированным выше индоевропейским окончаниям:

1 л. ед. ч. -ḫaḫari
2 л. ед. ч. -tati, -tari
3 л. ед. ч. -tari//-ari, мн. ч. -antari

Следует отметить, что конечное *-i* в приводимых окончаниях является собственно хеттским нововведением, отсутствующим в близкородственных хеттскому других анатолийских языках (ср. появление конечного *-i*, маркирующего личные окончания настоящего времени в личных формах ряда **-Ha* в хеттском). В частности, в палайском и лувийском указанным хеттским окончаниям соответствуют окончания без *-i* в той же функции, ср. хет. *kittari* 'лежит', пал. *kittar*; ср. лув. *daddu̯ar* 'кладите себе' *(Laroche 1959a : 89; Otten 1953a : 47)* при хет. *2 л. мн. ч. медиопасс. -dumari* (*1 л. мн. ч. -u̯aštari*).

В тохарских языках в медиальных структурах окончание *-r* обобщается на всю парадигму настоящего времени:

1 л. ед. ч. тох. А *-mār*, тох. В *-mar*, *мн. ч.* А *-mtär*, В *-mt(t)ăr*
2 л. ед. ч. тох. А *-tār*, тох. В *-tar*, *мн. ч.* А *-cär*, В *-tär*
3 л. ед. ч. тох. А *-tär*, тох. В *-tär*, *мн. ч.* А *-ntär*, В *-ntär*

Соответствующие окончания медиальных форм можно выделить и в италийском и кельтском: ср.

Лат.	*1 л. ед. ч. -ōr*	Др.-ирл.	*-ur*
	2 л. ед. ч. -re, -ris		*-ther* > *-ter*

ми формами, но в несколько отличной функции, объясняемой возможной позднейшей утерей этой категории в балто-славянском и германском. В славянском сохраняется единственная форма, восходящая к постулируемой структуре, в словоформе ст.-слав. *vědě* 'я знаю'. Семантика данного слова 'знать' естественно увязывается с медиальностью глагольной формы, выражавшей субъектную версию. Характерную типологическую аналогию можно найти в языках с морфологически выраженной субъектной версией, например, в грузинском (глагол *v-i-c-i* 'знаю' с этимологической "субъектной версией" на *-i*); ср. также о славянском *Иванов 1968*. Показательно также, что к старолитовским формам с окончаниями **-mai* > **-mie* (ср. прус. *-mai*, *1 л. ед. ч.*), *-ai* (*2 л. ед. ч.*) присоединяется рефлексивное местоимение, выражающее ту же семантику, что и медиопассив (лит. *vel-mie-s* 'я хочу', *Stang 1966 : 137—139, 315, 406; Watkins 1969 : 211*). Это может быть сопоставлено с таким же развитием в славянском и германском. Для древнегерманского предполагается отражение древних форм типа **-Hoi* в др.-северн. рун. *haite*, др.-исл. *heite* 'я называюсь, зовусь'.

Лат.	*3 л. ед. ч.* *-tur*,	оск., умбр. *-ter*	Др.-ирл. *-thar* (*-ar*)
	3 л. мн. ч. *-ntur*,	оск., умбр. *-nter*	*-tir*

Такой же тип представлен, по-видимому, во фригийском, ср. *3 л. ед. ч.* *-τορ*.

На основании таких новообразований медиальных глагольных структур в индоевропейских диалектах, характеризующих изначально два крупных ареала общеиндоевропейского языка, можно предположить древнейшее диалектное членение общеиндоевропейской языковой системы на два диалектных единства, объединявших, с одной стороны, позднейшие индоарийско-греческую и балто-славяно-германскую группы диалектов и, с другой стороны, хетто-тохаро-итало-кельтскую группу диалектов.

При анализе медиальных структур, оформлявшихся двумя различными способами в зависимости от диалектного ареала, выясняется, что такие структуры не отражают самого факта появления новой категории медиума в глагольной системе общеиндоевропейского языка. Эта категория должна была появиться, по-видимому, еще до описанного диалектного членения и выражаться формантами, общими для всего индоевропейского ареала. Такое развитие прослеживается в наличии определенных общих формантов, обнаруживаемых в древнейших исторических диалектах обоих выделенных выше ареалов.

Общеиндоевропейский формант **-$t^{[h]}$o-* с медиальной семантикой, недифференцированный по категории времени, можно усмотреть в таких исторических образованиях, как хет. *3 л. ед. ч. наст. вр. kitta* 'лежит' (ср. позднейшее *kittari*), хет. *ješta* 'одевается', вед. *3 л. ед. ч. имперф. vásta* 'оделся', греч. гом. *3 л. ед. ч. плюсквамперф.* *ἕστο* *(ср. Watkins 1969: 131, § 117)*. Характерный для этих форм разнобой в их соотнесении с категорией времени при полном формальном совпадении может быть понят как отражение первоначальной медиальной семантики, неопределенной в плане времени. Временна́я дифференциация медиальной категории осуществляется уже, очевидно, позднее с помощью дополнительных формантов **-i* или **-r* в зависимости от диалектных ареалов, в соответствии с чем и формируются два описанных выше диалектных единства[1].

2.11. КОНЪЮНКТИВ НА ДОЛГИЙ ГЛАСНЫЙ

Примерно в той же группе диалектов (тохарский и итало-кельтский) проявляется морфологическая изоглосса, выражающаяся в образовании конъюнктивных глагольных форм на долгий гласный **-ā-* (**-ē-*): Ср.

[1] Сравнительно позднее выражение временно́й соотнесенности медиальных структур с помощью различных формантов в зависимости от диалектных ареалов в пределах общеиндоевропейского ареала отражается, по-видимому, в парадигме тохарского медиума, где формы на *-r* обозначают медиум настоящего времени, как и в других диалектах соответствующего ареала, тогда как окончания на **-i* (*1 л. ед. ч.* тох. В *-mai*, А *-e*, *-we*, *2 л. ед. ч.* В *-tai*, А *-te*) выражают медиальный претерит, в отличие от диалектов первого ареала, где окончания на *-i* указывают на значение настоящего времени.

Тох. В *конъюнктив 3 л. ед. ч. kārs-a-ṁ* 'он знал бы' (*-a-* < **-ā-*),
тох. А *конъюнктив 1 л. ед. ч. kalk-a-m* 'я пошел бы'; ср. также

1 л. ед. ч. лат. *feram*, др.-ирл. *bera*
2 л. ед. ч. лат. *ferās*, др.-ирл. *bere*
3 л. ед. ч. лат. *ferat*, др.-ирл. *berid*[1] *(Льюис/Педерсен 1954 : 340)*.

*2. 12. МОДАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА *-i-. МЕДИОПАССИВНЫЕ ПРИЧАСТИЯ НА *-to-*

К числу отдельных изоглосс раннего периода можно отнести общие показатели модальных образований в хеттском, тохарском, армянском и славянском. Такие хеттские образования, как *bar-ga-nu-la* 'которые должны быть сделаны высокими', *da-lu-uk-nu-la* 'которые должны быть сделаны длинными' (KUB XII 63 I 30—31, *ср. Pedersen 1947: 60—64*), могут быть сопоставлены с тохарскими формами типа *yokalle* 'то, что должно быть выпито', *śwālle* 'то, что должно быть съедено', и армянскими формами типа *sireli* 'то, что должно быть любимо' *(Бенвенист 1959: 97)*; ср. славянские формы на *-lй* в модальном значении типа ст.-слав. *neslй* 'тот, которого можно было бы нести' (причастие от *nesti*), *Иванов 1968; Solta 1970*.

К тому же типу изоглосс, объединяющих анатолийский с балтийским и славянским, следует отнести образования причастий настоящего времени медиопассива на **-to-*: лув. *keš-ata-* 'причесываемый', иер. лув. *asimi-* 'любимый' (ср. хет. *lalukkima-* 'лучезарный'), ср. тип рус. *любимый*, *видимый*, лит. *nešimas* 'несомый' и др. *(Hamp 1973)*.

3. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЭТАПОВ РАСЧЛЕНЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ГРУПП ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

3.1. СООТНЕСЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС С ЭТАПАМИ ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Рассмотренные морфологические изоглоссы исторических индоевропейских диалектов представлены ниже в определенном порядке, отражающем последовательность, в которой они были разобраны (*см. Табл. 1*).

ТАБЛИЦА 1

Изоглосса	*Диалектный ареал распространения*
*(1) Формы женского рода на -*ā-, *-i, *-ū*	*Индоевропейские диалекты (исключая анатолийский)*
*(2) Генитив ед. ч. на *-(o)sio*	*Индо-иранский, греческий, армянский*
*(2а) Генитив ед. ч. на *-i*	*тохарский, италийский, кельтский, венетский, мессапский*

[1] Формально совпадающие с этими структурами формы балто-славянских языков, выражающие семантику прошедшего времени, могут и не относиться к этой изоглоссе и отражать более широкий индоевропейский диалектный ареал, в котором категория прошедшего времени выражается формами на долгий гласный (греческий аорист на -η- с вторичными окончаниями, *ср. Watkins 1969: 214, § 206; Топоров 1961; 1963*).

Изоглосса	Диалектный ареал распространения
(2b) Генитив ед. ч. на *-ō	Балтийский, славянский
(2c) Генитив ед. ч. на *-eso	Германский, балтийский
(3) Твор. пад. ед. ч. м. р. на *-ō	Индо-иранский, германский, балтийский
(4) Формы косвенных падежей ед. и мн. ч. на *-m	Балтийский, славянский, германский
(4a) Формы косвенных падежей на *-$b^{[h]}i$-	Индо-иранский, греческий, армянский
(4b) Формы дат. пад. мн. ч. на *-$b^{[h]}$os	Италийский, кельтский, венетский мессапский
(5) Твор. пад. мн. ч. м. р. на *-ōis	Индоевропейские диалекты (исключая анатолийский)
(6) Локатив на *-s-i//*-s-i	Индо-иранский, балтийский, славянский, (греческий)
(7) Формы род.-мест. пад. дв. ч. на *-os	Индо-иранский, славянский
(8) Формы личного местоимения 1 л. ед. ч. на *-em	Индо-иранский, славянский
(9) Независимое указательное местоимение *so, *sā, *$t^{[h]}$o (мн. ч. *$t^{[h]}$-)	Индоевропейские диалекты (исключая анатолийский)
(10) Относительное местоимение *$k^{[h]u}$is	Анатолийский, тохарский, италийский
(10a) Относительное местоимение *ios	Индо-иранский, греческий, славянский, фригийский
(11) Степени сравнения прилагательных на *-$t^{[h]}$ero-, *-is-$t^{[h]}$o-	Индо-иранский, греческий, (германский)
(12) Формы атематического и тематического аориста	Индо-иранский, греческий, армянский, фригийский
(13) Формы медиопассива на *-oi/*-moi	Индо-иранский, греческий, балтийский, славянский, германский
(13a) Формы медиопассива на *-r	Анатолийский, тохарский, италийский, кельтский, фригийский
(14) Конъюнктив на *-ā-, *-ē-	Тохарский, италийский, кельтский
(15) Модальные формы на *-l-	Анатолийский, тохарский, армянский, славянский
(16) Медиальное причастие наст. вр. на *-to-	Анатолийский, балтийский, славянский

При хронологической стратификации устанавливаемых в исторических индоевропейских диалектах изоглосс следует руководствоваться принципом наибольшего охвата рассматриваемыми изоглоссами всей области общеиндоевропейской языковой системы.

В этом отношении выделяются изоглосса (13) *(категория медиопассива)* и изоглосса (10) *(относительное местоимение)*, распределяющиеся при-

мерно по одинаковым диалектным ареалам, совокупность которых покрывает всю языковую общность общеиндоевропейской системы. Тем самым неединообразное по диалектам развитие парадигмы медиальных структур на **-oi/*-ai*, **m-oi* и **-(H)or*, а также появление относительных местоимений **k[h]oi-* и **io-*, приведшее к разделению общей языковой области на два крупных диалектных ареала, можно считать самым ранним этапом диалектного членения общеиндоевропейской языковой области, предполагаемого на основании сравнительной реконструкции.

Тем самым общеиндоевропейская языковая область этого периода может быть представлена как состоящая из двух основных диалектных ареалов, включавших анатолийско-тохаро-итало-кельтскую область (ареал *A*), противопоставленную арийско-греческо-балто-славяно-германской области (ареал *B*)[1].

Изоглоссы (15) *(модальные формы* на **-l)* и (16) *(медиальное причастие настоящего времени на *-to-)* объединяют исторические диалекты, которые по древнейшему бинарному диалектному членению оказываются в разных диалектных ареалах [ср. по изоглоссе (15) — с одной стороны, анатолийский, тохарский, с другой стороны — армянский и славянский; по изоглоссе (16) — с одной стороны, анатолийский, с другой стороны, балтийский и славянский].

Те ареалы, к которым восходят эти исторические диалекты, следует интерпретировать как географически смежные в пределах общеиндоевропейской области, характеризуемой двумя крупными диалектными ареалами. Определенная структурная черта, возникшая где-то вблизи линии раздела двух крупных ареалов, распространяется через границу, затрагивая область, лежащую на некотором расстоянии по ту сторону такой границы.

Такое диалектное членение на два больших ареала, между отдельными частями которых возможно взаимодействие, ясно свидетельствует о географическом единстве индоевропейской языковой области, известные части которой были уже противопоставлены друг другу по определенным структурным признакам. Это все еще единая языковая система, подразделенная на взаимодействующие между собой диалектные области.

Первый исторически устанавливаемый разрыв диалектных связей в пределах индоевропейской языковой области можно видеть в выделении и разрыве контактов между определенной диалектной областью общеиндоевропейского языка, из которой позднее возникают анатолийские языки, и остальной частью общеиндоевропейского ареала.

Такой разрыв или выделение определенной диалектной части индо-

[1] Здесь и ниже подобные обозначения общеиндоевропейских диалектных ареалов — чистая условность; они определяются наименованием тех позднейших исторически засвидетельствованных диалектов, сравнительный анализ которых и позволяет выявить соответствующие изоглоссы. Само собой разумеется, что в таких диалектных ареалах общеиндоевропейского языка не предполагаются прасистемы определенных исторических индоевропейских диалектов, позднейшие наименования которых используются в условных обозначениях древних диалектных областей.

европейского ареала можно усмотреть в структурных инновациях, осуществленных всей индоевропейской областью в противовес анатолийским языкам. Именно в этом смысле следует интерпретировать изоглоссы (1) *(формы женского рода* на **-ā, *-ī, *-ū)*, (5) *(твор. пад. мн. ч. м. р.* на **-ōi̯s)*, (9) *(независимое указательное местоимение *so, *sā, *t[h]o)*, противопоставляющие анатолийские языки всем остальным индоевропейским диалектам, которые были затронуты общими инновациями, распространившимися по всей индоевропейской области и не коснувшимися анатолийских языков.

Такие структурные инновации, охватившие всю индоевропейскую языковую область после выделения анатолийского, предполагают длительный период совместного развития индоевропейской языковой области, уже расчлененной на определенные диалекты, до начала окончательного разделения ее на исторические диалекты.

Это, в свою очередь, указывает на длительный период независимого развития анатолийского без каких-либо взаимосвязей с диалектами общеиндоевропейской области. Этим и можно объяснить резкое отличие анатолийского языкового типа от структурного типа ранее известных древних индоевропейских языков, которые в традиционных теориях служили моделью для постулирования общеиндоевропейской языковой системы.

В отличие от трех указанных инноваций, затронувших всю индоевропейскую языковую область и распространившихся через границу основного бинарного диалектного членения, выделяются изоглоссы, которые позволяют проследить дальнейшее членение этих двух основных диалектных ареалов.

После выделения анатолийского из общеиндоевропейской области и тем самым отделения его от ареала *A*, в этом последнем появляются определенные структурные инновации, объединяющие все его диалекты в отличие от диалектов всего ареала *B*. Наличие изоглоссы (2a) *(генитив ед. ч.* на **-ī)* и изоглоссы (14) *(конъюнктив* на **-ā-, *-ē-)* позволяет судить о выделении на этом этапе определенной тохаро-итало-кельтской диалектной общности, от которой позднее отделяется тохарский при сохранении итало-кельто-венето-мессапской диалектной общности, в которой возникает изоглосса (4b) *(дат. пад. мн. ч.* на **-b[h]os)*.

В ареале *B* выделяются некоторые изоглоссы, охватывающие почти весь диалектный ареал: изоглосса (6) *(локатив на *-s-u//*-s-i)*, а также изоглосса (3) *(твор. п. ед. ч.* на **-ō)*, которые предполагают некоторую общность индо-ирано-греко-германо-балто-славянских диалектов.

В дальнейшем этот диалектный ареал членится на более стабильные диалектные группы, объединяющие арийско-греческо-армянские диалекты в отличие от балто-славяно-германских диалектов. Полоса диалектного разделения явно отражается в распределении изоглоссы (4a) *(формы косвенных падежей* на **-b[h]i-)* и (4) *(формы косвенных падежей* на **-m)*, которые объединяют соответственно индо-ирано-греческо-армянский и балто-славяно-германский диалекты.

Греко-индо-ирано-армянскую диалектную общность на этом этапе членения первоначального диалектного ареала *B* можно предположить

также на основании изоглоссы (12) *(парадигмы атематического и тематического аориста)*, а также изоглоссы (2) *(генитив ед. ч.* на **-(o)si̯o)*, которые дают явно выраженный пучок изоглосс, четко очерчивающих определенную диалектную общность в пределах общеиндоевропейского. Изоглосса (2) *(генитив ед. ч.* на **-(o)si̯o)* по своему распределению противопоставлена изоглоссам (2b) *(генитив ед. ч.* на **-ō)* и (2c) *(генитив ед. ч.* на **-eso)*, объединяющим балто-славянский и германский.

Изоглоссы (7) *(формы род.-мест. п. дв. ч.* на **-os)* и (8) *(формы личного местоимения 1 л. ед. ч.* на **-em)*, свидетельствующие о наличии общих структурных черт в диалектах ареала *B*, принадлежащих различным диалектным подгруппам (индо-иранский, с одной стороны, славянский, с другой), могут быть интерпретированы как отражение географически контактного распределения этих диалектов в пределах индоевропейской общности и результат распространения на определенной диалектной территории структурной черты, возникшей в одной из подгрупп [ср. аналогичную интерпретацию изоглоссы (15) для основных ареалов *A* и *B*]. Аналогичным образом следует интерпретировать изоглоссу (11) *(превосходная степень* на **-is-t[h]o-)*, объединяющую индо-ирано-греческий и германский диалекты.

Разбор и интерпретация приведенных выше морфологических изоглосс диалектов общеиндоевропейского языка позволяют расположить их в определенном порядке, отражающем хронологическую последовательность структурных преобразований, наслаивавшихся друг на друга и приведших к постепенному дроблению во времени и пространстве индоевропейской языковой общности на определенные диалектные группы.

Приводимый ниже (*Табл. 2*) хронологический порядок изоглосс сохраняет для удобства отождествления данную выше нумерацию арабскими цифрами, соответствующую порядку рассмотрения в предшествующем изложении, тогда как римскими цифрами обозначен предполагаемый нами хронологический ряд:

ТАБЛИЦА 2

РЕЛЯТИВНАЯ ХРОНОЛОГИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС

I (13), (10): *Деление индоевропейской общности на ареалы A и B*

II (15), (16): *Взаимодействие на границе ареалов A и B*

III (1), (5), (9): *Образование инноваций в ареалах A и B, исключая анатолийский*

IVa (2a), (14): *Образование инноваций в ареале A, исключая анатолийский*

IVb (6), (3): *Образование инноваций во всем ареале B*

Va (4b): *Образование инноваций в первоначальном ареале A, исключая тохарский*

Vb (4a), (4), (12), (2), (2b), (2c): *Деление ареала B на арийско-греческо-армянскую общность и балто-славяно-германскую общность.*

Учитывая устанавливаемые изоглоссы и предложенную их интерпретацию, можно дать некоторую пространственную модель соотношения диалектных групп в пределах общеиндоевропейской языковой общности, см. *Схему 1*:

Схема 1

3.2. ДЕРИВАЦИОННО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ГРУПП

Диалектное членение общеиндоевропейского языка по хронологическим этапам, отраженным в порядке изоглосс (*Табл. 1*), можно представить также как деривационную модель, изображаемую в виде графа деривации индоевропейских диалектных общностей. Узлы такого дерева отображают хронологически сменяющие друг друга этапы или хронологические уровни расчленения общеиндоевропейского языка на отдельные ареальные единства, которые представляются в виде взаимодействующих между собой диалектных зон, что символизируется на схеме частично пересекающимися кругами.

Такую модель членения языка на хронологически сменяющие друг друга диалектные группы, представляющую собой некоторый синтез традиционного "родословного дерева" с географически взаимодействующими диалектными зонами в модели "волновой теории", можно определить как "деривационно-пространственную модель", которая ниже представлена графически в виде *Схемы 2*:

Схема 2

ДЕРИВАЦИОННО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ЧЛЕНЕНИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

4. ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ В СООТНЕСЕНИИ С ГРАММАТИЧЕСКИМИ ИЗОГЛОССАМИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЧЛЕНЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

4.1. СООТНЕСЕНИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС С ХРОНОЛОГИЧЕСКИМИ УРОВНЯМИ, УСТАНАВЛИВАЕМЫМИ ПО МОРФОЛОГИЧЕСКИМ ИЗОГЛОССАМ

Полученные на основании грамматических изоглосс хронологические группировки индоевропейских диалектных ареалов, позволяющие выделить пять последовательных хронологических этапов (*см. Схему 2*), подтверждаются в основном и фонологическими изоглоссами, полученными на основании сопоставления исторических индоевропейских диалектов[1]. Более того, фонологические изоглоссы дают возможность проследить дальнейшее членение выделяемых на ***Этапе 5*** индоевропейских диалектных ареалов, вплоть до исторических диалектов или исторически восстанавливаемых конечных диалектных общностей.

4.2. РЕЛЯТИВНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ДИАЛЕКТНЫХ ГРУППАХ ТРЕХ СЕРИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

Особенно значительную перестройку унаследованной общеиндоевропейской структуры в отдельных исторических индоевропейских диалектах претерпевает система консонантизма с тремя сериями смычных: I — глоттализованные, II—звонкие (придыхательные), III—глухие (придыхательные).

Языки, сохранившие серию I без последующего озвончения (германский, армянский, вероятно, анатолийский и тохарский), могут рассматриваться как сохранившие архаизм системы и близкие в этом отношении к исходной индоевропейской системе.

Характерно, что именно эти языки представляют в определенную историческую эпоху некоторые изолированные или периферийные области распространения индоевропейских диалектов. В этом смысле указанная особенность консонантизма этих диалектов находится в соответствии с универсально значимым принципом лингво-географии, по которому архаическая особенность сохраняется на периферии определенного ареала.

[1] Некоторые из сходных частных фонетических явлений в исторических индоевропейских диалектах дают возможность предположить диалектные взаимоотношения еще в пределах общеиндоевропейской языковой области. Свидетельством этого могут служить некоторые схожие правила распределения фонем, связанные с концом слова. В частности, наблюдаемый в индоевропейских диалектах запрет на представление носового *-m в конце слова (нейтрализация противопоставления носовых сонантов в конце слова, где допускается только -n), характерный для всех индоевропейских диалектов кроме италийского и арийского, можно рассматривать как ареальную изоглоссу на хронологическом уровне 2 или ранее. Представляется, что такая фонетическая изоглосса возникла в результате появления в определенном ареале общеиндоевропейского языка правила о замещении в слове конечного *-m* на *-n*, которое распространилось на всю общеиндоевропейскую область, исключая, по всей видимости, периферийные зоны. Из последних в дальнейшем значительно позднее могли возникнуть индо-иранский и италийский ареалы.

Индоевропейские диалекты, в которых серия I претерпевает озвончение (индо-иранский, греческий, балто-славянский, албанский, италийский, кельтский), не могут быть объединены по этому признаку в одну общую диалектную группу. Есть явные структурные свидетельства сравнительно позднего осуществления этого фонологического процесса независимо друг от друга в период формирования отдельных исторических диалектов или исторически восстанавливаемых общностей: индо-иранской, греческой, балто-славянской, кельтской, италийской.

В частности, в греческом и италийском, где в фонологически преобразованном виде сохраняются все три серии исходной системы индоевропейских смычных, можно предположить определенный хронологический порядок преобразования каждой из серий, согласно которому преобразование серии I, то есть озвончение глоттализованных, должно было следовать во времени за соответствующими преобразованиями серии III и серии II (см. выше, стр. 64 и след.), явно соотносящимися с поздним периодом оформления исторических индоевропейских диалектов или исторически восстанавливаемых общностей.

Характерно, что следы признака глоттализации фонем серии I можно проследить в тех же отдельных индоевропейских диалектах, в частности италийских, в явлении, описываемом в латинском языке "законом Лахмана" (удлинение гласной в определенных структурах, см. выше, стр. 69 и след.).

О позднем преобразовании глоттализованных фонем серии I в отдельных исторических диалектах или исторически восстанавливаемых общностях свидетельствуют данные членения общеиндоевропейской языковой области по грамматическим изоглоссам, согласно которым в общие ареальные группы попадают диалектные единства как с сохранением фонем серии I в качестве незвонких, так и с преобразованием их в соответствующие звонкие фонемы (ср. такие две ареальные группы, как арийско-греческо-армянское единство и балто-славяно-германское единство).

Очевидно, что преобразование глоттализованных в звонкие могло произойти лишь при выделении из этих единств соответственно армянского и германского, сохранивших незвонкий характер фонем серии I.

Фонетические преобразования аллофонов фонем серии II в исторических индоевропейских диалектах показывают такое разнообразие (оглушение в греческом и италийском, дезаспирация в балто-славянском и кельтском, спирантизация в германском), которое несовместимо с предположением о соотнесении этих преобразований с периодом диалектных общностей, включающих соответственно некоторые из перечисленных групп (балто-славяно-германский и т. п.). Более того, можно утверждать, что даже в тех случаях, когда конечные результаты фонетического развития единообразны, как в греческом и италийском, с одной стороны, и кельтском и балто-славянском, с другой, структурные процессы, приведшие к этим результатам, могли существенно различаться.

Особенно показательно такое различие в развитии индоевропейской системы смычных в кельтском в сопоставлении с развитием, давшим аналогичные результаты в балто-славянском.

В кельтском процесс дезаспирации звонких придыхательных и слияние этой серии с рефлексами озвонченной серии I предполагает, очевидно, целый ряд сложных трансформаций в отдельных звеньях этих серий, приведших к оформлению системы исторических кельтских диалектов, которые схожи по отражению фонем серий I и II с балто-славянскими языками в исторический период (ср. выше, стр. 74 и след.).

Преобразование серии III индоевропейских смычных, несмотря на общность конечных результатов в ряде диалектов, также следует рассматривать как фонологический процесс дезаспирации, начавшийся в сравнительно поздний период развития исторических диалектов или исторически восстанавливаемых диалектных общностей.

Предполагая сравнительно позднее возникновение процесса дезаспирации серии III в италийском и балто-славянском уже после формирования этих диалектных объединений (ср. отличное отражение соответственно в кельтском — в противовес италийскому, и в германском — в противовес балто-славянскому), процесс дезаспирации серии III можно было бы считать общим во всяком случае для греческого и арийского ареалов, которые обнаруживают целый ряд общих грамматических изоглосс.

Однако не исключена также возможность независимого возникновения дезаспирации индоевропейских фонем серии III в греческом и индоиранском уже после их разделения на отдельные диалектные ареалы. При таком предположении эти процессы в рассматриваемых ареалах можно соотнести хронологически с аналогичными процессами дезаспирации в балто-славянском и италийском диалектных ареалах.

Таким образом, фонологические трансформации трех серий индоевропейских смычных в исторических индоевропейских диалектах можно рассматривать как сравнительно поздние процессы, возникшие на конечных этапах развития индоевропейских диалектов в период, предшествовавший непосредственно образованию исторических диалектов или исторически восстанавливаемых диалектных общностей.

В индоевропейских диалектах наблюдаются отдельные случаи отражения глухих фонем серии III в виде звонких смычных в таких формах, как др.-инд. *píbati* 'он пьет', лат. *bibō* 'пью', др.-ирл. *ibid* 'он пьет' при греч. πῶθι 'пей!', лат. *pōtus* 'питье', из и.-е. *$\mathbf{p^{[h]}oH}$-; ср. также для итало-кельтского: др.-ирл. *ab* 'река', *род. пад. abae*, лат. *amnis* < **abnis* при прус. *ape*, лит. *ùpė* 'река', др.-инд. *ắp-* 'поток'. Если такие единичные случаи отражения фонем индоевропейской серии III в виде звонких согласных, возникшие, вероятно, в определенных комбинаторных условиях, рассматривать как изоглоссу, то ее следует считать чрезвычайно древней, объединяющей целый ряд расчленившихся позднее диалектных ареалов (уровень 2 или 3). В таком случае звонкое **b* в системе следует рассматривать исторически как фонетический вариант лабиальной фонемы индоевропейской серии III. В дальнейшем, в период появления фонологической серии звонких неаспирированных смычных, такое **b* естественно сливается в этих диалектах с лабиальной фонемой серии звонких.

4.3. МОДЕЛИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СМЫЧНЫХ ФОНЕМ В СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ. ДИАЛЕКТНАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ЭТИХ МОДЕЛЕЙ

В непосредственной связи с фонологическими преобразованиями серий II и III в индоевропейских диалектах находится вопрос о распределении придыхательных и непридыхательных аллофонов фонемных единиц этих серий, то есть моделей распределения чистых звонких и звонких придыхательных, а также чистых глухих и глухих придыхательных как представителей индоевропейских фонем соответственно серии II и серии III.

Модели распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов индоевропейской серии III можно реконструировать в индоевропейских диалектах лишь частично — на основании показаний германских языков, армянского и кельтского, поскольку во всех других диалектах рефлексы придыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии III представлены в виде дезаспирированного ряда глухих смычных (за исключением арийского и греческого, пережиточно сохранивших в определенных комбинаторных условиях рефлексы глухих придыхательных).

Пережиточно сохранившиеся формы распределения таких фонем в дистантной позиции в германском свидетельствуют, очевидно, о дистрибуции аллофонов в последовательности придыхательный ~ непридыхательный, ср. формы типа гот. *(af)hwapjan* 'потушить' (при греч. καπνός 'дым'), гот. *faiflōkun* 'они оплакивали' (при ст.-слав. *plakati* 'плакать'), см. выше, стр. 29—30.

В полном соответствии с таким распределением фонем серии III в дистантной последовательности находится их распределение в контактной последовательности в германском и, очевидно, кельтском. Германские формы типа гот. *ahtau* 'восемь', *nahts* 'ночь' и др., а также кельтские типа др.-ирл. *ocht n-* 'восемь', *in-nocht* 'сегодня ночью' (при греч. ὀκτώ 'восемь', νύξ, *р. п.* νυκτός 'ночь', лат. *octō* 'восемь', *nox*, *р. п.* *noctis* 'ночь' и т. п.) дают основание для реконструкции последовательности *придыхательный ~ непридыхательный* в контактной позиции.

Поскольку модели распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем серии III отражаются лишь в германских языках и отчасти в армянском и кельтском, не представляется возможным дать изолированно локализацию во времени и определить хронологический порядок этого явления. Иначе говоря, трудно установить, собственно ли германское, армянское и кельтское это явление, или модель, отражающая более ранние ареальные явления. Решение этой проблемы находится в зависимости от модели дистрибуции аллофонов фонем серии II, отражаемой в исторических диалектах, а также от позиционных взаимоотношений форм различных индоевропейских серий.

Германские и кельтские языки преобразовали фонемы серии II в таком направлении, что на основании исторических данных не представляется возможным реконструировать для этих диалектных групп древней-

шие модели распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем этой серии и определить их порядок в дистантной последовательности.

В отличие от этого, данные италийских языков могут быть интерпретированы как факты, отражающие модель распределения двух фонем серии II в дистантной последовательности в порядке *придыхательный ~ непридыхательный*, что соответствует модели дистрибуции в контактной последовательности фонем серии III в германском и кельтском.

Принимая принцип изоморфности моделей распределения фонем серии II и серии III в контактной и дистантной последовательностях, можно с определенной долей вероятия постулировать аналогичную модель распределения фонем серии II и для того диалектного ареала, из которого возникают германский и кельтский, а для фонем серии III—для диалектного ареала, из которого позднее возникает италийский.

Отличную от этого картину распределения фонем серии II показывают индо-иранский и греческий. Для этого диалектного ареала реконструируется дистрибутивная модель *непридыхательный ~ придыхательный* со следами парадигматического чередования, позволяющего вывести общее правило распределения аллофонов звонких фонем индоевропейской серии II:

При двух звонких фонемах в корне одна из них проявляется в виде придыхательного аллофона, другая — в виде непридыхательного.

Выбор непридыхательного или придыхательного аллофона фонем этой серии в пределах основы определяется парадигматическими условиями чередования. При отсутствии особых позиционных условий фонема серии II проявляется обычно в виде придыхательного аллофона.

В свете этого правила, которое возводится к общеиндоевропейскому состоянию, модель дистрибуции, реконструируемая для италийского, а также предполагаемая для кельтского и германского ареалов, может считаться некоторой инновацией, противопоставляющей эти ареалы по указанному признаку арийско-греческому. Такую инновацию можно считать результатом генерализации и распространения на всю парадигму одной из алломорф морфемы, с чередованием фонологических альтернантов по признаку аспирированности — неаспирированности.

В италийском и, вероятно, кельтском и германском ареалах, генерализуется на всю парадигму алломорфа с последовательностью вариантов *придыхательный ~ непридыхательный*, тогда как в индо-иранском и греческом, при сохранении архаического принципа чередования первоначально альтернирующих форм в случае позднейшей генерализации одной из двух альтернирующих форм, преобладает модель с последовательностью *непридыхательный ~ придыхательный* типа др.-инд. *babhrú-* 'коричневый' (при обратном распределении в лат. *fiber* 'бобер').

Предполагаемая инновация в модели распределения последовательности фонем серии II *в италийском, кельтском и германском* позволяет соотнести ее с периодом, когда было возможно формирование италийско-кельто-германских изоглосс, то есть с периодом нерасчлененного сущест-

вования диалектных общностей *A* и *B*, — к хронологическому уровню 2 или вероятнее 3.

При отсутствии общеиндоевропейских корней структуры II—III или III—II, то есть корневых морфем, содержащих в себе одновременно фонемы серии II и серии III, особое значение приобретает взаимоотношение фонем этих серий на стыках морфем. Характерно при этом, что последовательность II—III (то есть *[звонкая]+[незвонкая]*) на стыках морфем преобразуется в результате фонетической ассимиляции в последовательность *[звонкая]+[звонкая]* (индо-иранский ареал) или *[незвонкая]+ +[незвонкая]* (германский, балто-славянский, кельтский и другие). То есть в данном случае в контактной последовательности произошли изменения ассимилятивного характера, аналогичные тем, которые предполагаются по внутренней реконструкции для раннего индоевропейского состояния в пределах корня с последовательностью фонем серий II—III или III—II, преобразованной в результате ассимиляции в общеиндоевропейские структуры II—II или III—III (см. выше, стр. 20).

Индоевропейская последовательность фонем $*d^{[h]}+*t^{[h]}$, реализовавшаяся на стыке морфем как $*dt^h$ (в соответствии с моделью распределения аллофонов фонем серии II или III в контактной последовательности в индо-иранском), преобразуется в дальнейшем в *-dd^h-*, с прогрессивной ассимиляцией по признаку звонкости (так называемый "закон Бартоломэ"): **bud^h- + *-t^{h}o- → *bud-t^{h}o- →* др.-инд. *bud-dhá-*.

Рассматриваемый ассимилятивный фонетический процесс следует считать явлением собственно индо-иранским, преобразившим последовательность *[звонкая]+[глухая придыхательная]* в характерную для индоиранского последовательность *[звонкая]+[звонкая придыхательная]*.

С другой стороны, такая же индоевропейская последовательность, то есть *[звонкая (придыхательная)]+[глухая (придыхательная)]*, на стыках морфем предполагает реализацию ее в виде последовательности *[придыхательная]+[непридыхательная]* в таких диалектных ареалах, как германский, кельтский, италийский (в соответствии с моделью распределения аллофонов фонем серии II или III в контактной последовательности в этих диалектных ареалах). Позднее осуществляется регрессивная ассимиляция по признаку глухости: $*g^{[h]}+*t^{[h]} \rightarrow *g^ht \rightarrow *k^ht$; ср. гот. *daúhtar* 'дочь', др.-в.-нем. *tohter*, лит. *duktẽ*; лат. *lectus* 'ложе', др.-в.-нем. *lehter* 'послед'.

Специфическое фонетическое развитие в отдельных индоевропейских диалектах с регрессивной ассимиляцией по признаку глухости консонантных комплексов имеет место при стечении на стыке морфем дентальных смычных в комбинации серий II—III или I—III, то есть $*d^{[h]}+*t^{[h]}$ или $*t'+*t^{[h]}$. В таких случаях наблюдается единообразие при образовании таких комплексов в италийском, кельтском и германском, где развивается последовательность *-ss-*, с одной стороны, и в балто-славянском и греческом, в которых возникает последовательность *-st-*[1], с другой стороны:

[1] В славянском и некоторых из балтийских языков, а также в германском наблюдается также развитие группы *-str-*<**sr-*: ст.-слав. *struja* 'струя', *ostrovъ* 'остров'

II—III:

Лат. *iussum*, *супин* к *iubeō* 'приказываю' (из *'приводить в движение')	Лит. *jùsti*, *инфинитив* к *jundù* 'двигаться колеблясь'
Лат. *fīsus*, древняя причастная форма на *-$t^{[h]}o$- от *fidō* 'верю'	Греч. πιστός 'надежный, верный', πύστις 'вопрос' от πεύθομαι; лит. *bùsti*, *инфинитив* к *bundù* 'пробуждать'; ст.-слав. *bljusti* 'охранять', *инфинитив*, ср. др.-инд. *buddhá-* 'пробужденный'

I—III:

Лат. *uīsus*, причастие на *-$t^{[h]}o$- от *uideō* 'вижу', из *$\mu it'$-$t^{[h]}os$ (ср. др.-инд. *vittá-*, *причастие*); др.-ирл. *fess* 'известные', ср. *fiss* 'знание', гот. *un-wiss* 'неизвестный', др.-англ. *wiss*, др.-в.-нем. *giwiss* 'известный'	Греч. ἄ-(*F*)ιστος 'неизвестный', серб-хорв. *vêst* 'весть' (ср. рус. *извест-ный*)
Лат. *ēsus* из *et'-$t^{[h]}os$, *прич.* на *-$t^{[h]}o$ от *edō* 'ем', ср. др.-инд. *átti* 'он ест'	Лит. *ẽstas* 'съеденный', ср.-болг. *ясте* 'пища'

Развитие этих комплексов в итало-кельтском и германском, с одной стороны, и греческом и балто-славянском, с другой, не следует, по всей видимости, возводить к весьма отдаленному периоду ареального единства этих двух диалектных групп. Его вероятнее рассматривать как результат независимого развития в отдельных уже сложившихся исторических индоевропейских диалектах. В этом случае такое развитие является одним из поздних процессов их фонологической эволюции, выразившимся в преобразовании дентальных комплексов, идентичных по ряду согласных.

Сравнительно поздний процесс преобразования дентального комплекса в латинском выводится и из закона Лахмана, выражающегося в удлинении предшествующего гласного под влиянием глоттализованной фонемы последующего комплекса (см. выше, стр. 69 и след.). Характерно, что подобное позднее преобразование дентального комплекса *tt > *-st- наблюдается и в иранском (ср. авест. *vista-* при др.-инд. *vittá-* 'известный'). По этому фонетическому признаку развитие в иранском можно сравнить с аналогичным развитием в греческом и балто-славянском.

Таким образом, развитие дентального комплекса в последовательности *-st-* и *-ss-* не отражает фонетических изоглосс, дающих основание

('омываемый водой'), латыш. *strāva* 'поток', др.-в.-нем. *stroum*, др.-исл. *straumr* 'поток', фрак. Στρύμων (название реки) при греч. *ῥέω* 'теку', др.-инд. *srávati* 'он течет'; рус. *струп*, *струпья* при греч. *ῥύπος* 'грязь, нечистоты'; ст.-слав. *sestra* 'сестра', прус. *swestro* 'сестра', гот. *swistar*, *род. п. swistrs* 'сестры' при др.-инд. *svásar-* 'сестра'.

для особых ареальных группировок этих диалектов. Эти фонетические явления возникают в отдельных диалектах после описанных выше преобразований в исторических диалектах трех серий индоевропейских смычных.

4.4. РЕЛЯТИВНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ТРЕХ РЯДОВ ПОСТЕРИОРНЫХ СМЫЧНЫХ. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ ГРУППЫ CENTUM И ГРУППЫ SATəM

Группировка индоевропейских диалектов на языки типа *centum* и языки типа *satəm* является чисто классификационной. Она объединяет исторические индоевропейские диалекты в две большие группы по диахроническому признаку отражения в них палатализованного ряда индоевропейских фонем и не может сама по себе являться основанием для допущения ареального единства входящих в эти две группировки диалектов.

Обе эти классификационные группы индоевропейских языков с диахронической точки зрения возникают как результат преобразований в системе фонетически нестабильного палатализованного ряда смычных. Слияние этого ряда с велярным рядом смычных при сохранении лабиовелярного ряда характеризует так называемые *centum*-ные языки, тогда как переход фонетически нестабильного палатализованного ряда в аффрикаты и спиранты при последующем слиянии лабиовелярного ряда с велярным характеризует так называемые *satəm*-ные языки. Тем самым в обеих классификационных группах индоевропейских языков основным преобразованием, обусловившим цепь последующих структурных трансформаций, по которым классифицируются языки двух названных групп, является движение фонетически нестабильного палатализованного ряда в системе (см. выше, стр. 114 и след.).

При определении хронологической соотнесенности предполагаемых при таких преобразованиях фонемных трансформаций следует учитывать типологическую естественность подобных фонетических процессов, которые в принципе могут возникнуть независимо в различных языковых системах. Поэтому только такие структурные признаки, обнаруживаемые в названных классификационных группах языков, не могут служить надежным основанием для объединения их в исторические ареальные единства. Подобное ареальное единство можно предположить лишь при наличии целого ряда других общих структурных явлений, характеризующих данную группу помимо указанного основного классификационного признака.

При таком методологическом подходе к хронологическому соотнесению *centum*-ных и *satəm*-ных языков следует предположить независимость фонологических процессов слияния палатализованного ряда с велярным, осуществившихся в языках классификационной группы *centum*. Такие процессы могли происходить в определенных ареальных единствах независимо друг от друга на различных хронологических уровнях с характерными для каждого из таких единств специфическими особенностями фонетического развития.

4.5. ХРОНОЛОГИЯ «ДВИЖЕНИЯ» ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА В ДИАЛЕКТАХ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ ГРУППЫ CENTUM И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛАБИОВЕЛЯРНЫХ

Слияние палатализованного ряда с велярным, предполагаемое для классификационной группы *centum*, объединяет все без исключения исторические индоевропейские языки, вышедшие из диалектного ареала *A*, и часть диалектов ареала *B*, что уже само по себе указывает на хронологическую разновременность этой фонологической трансформации в названных диалектах.

Каждая из этих диалектных областей, определяемых классификационной группой *centum*, характеризуется некоторыми специфическими фонетическими особенностями слияния палатализованного ряда с велярным, позволяющими судить об их обособленном с этой точки зрения развитии.

Уже в анатолийском обнаруживаются специфические особенности такого слияния, противопоставляющие анатолийский остальным *centum*-ным диалектам. В частности, в позиции перед *u* происходит не слияние палатализованной фонемы с велярной, а комбинаторно обусловленная ассибиляция палатализованной фонемы, переходящей в сибилянтную фонему в формах типа хет. *šuqai-* 'наполнять', иер. лув. *suwa-* 'наполнять' (см. выше, стр. 99 и след.). Уже это явление исключает соотнесение *centum*-ного перехода с периодом индоевропейской диалектной общности с двумя ареалами *A* и *B* — хронологические уровни *2* или *3*.

Этот фонетический процесс в анатолийском свидетельствует о наличии еще в общеанатолийском палатализованного ряда, не слившегося полностью с велярным, и о начале такого слияния двух рядов в собственно анатолийском. Об этом же свидетельствует двоякое отражение палатализованного $*\hat{g}^{[h]}$ и велярного $*g^{[h]}$ в виде соответственно *Ø* и *k* в лувийском: ср. лув. *iššari-* (лик. *izre* 'рука') при хет. *kešša*r 'рука' и греч. χείρ, др.-инд. *hásta-* 'рука'.

Аналогичные анатолийскому фонетические факты остальных *centum*-ных языков должны служить свидетельством соотнесения *centum*-ного перехода с периодом их обособленного существования в качестве исторических диалектов или исторически восстанавливаемых диалектных общностей. Решающим фактором при этом является неединообразное в каждом из этих диалектов отражение следов палатализованного ряда. Это явно указывает на позднюю хронологию такого слияния в период уже сформировавшихся исторических диалектов или исторически восстанавливаемых диалектных общностей.

В тохарском следы палатализованного ряда особенно ясно обнаруживаются в различном отражении палатализованного $*\hat{g}^{[h]}$ и велярного $*g^{[h]}$ в позиции палатализации (*Evangelisti 1950; Эвангелисти 1959: 116—117*), ср., с одной стороны, тох. А *tsar*, В *ṣar* 'рука', 'кисть' при греч. χείρ 'рука' и арм. *jeṙn*, алб. *dórë* 'рука', др.-инд. *hásta-* 'рука', и.-е. $*\hat{g}^{[h]}$es-r-; с другой, тох. А *śpāl* 'голова', гот. *gibla* 'фронтон', др.-в.-нем. *gebal* 'череп', греч. κεφαλή 'голова', и.-е. $*g^{[h]}eb^{[h]}$-(e)l-.

В италийском различия в отражении палатализованного и велярного можно усмотреть в неединообразном отражении индоевропейского $*\hat{k}^{[h]}$-+ *u* и $*k^{[h]}$-+ *u* соответственно в формах лат. *equus* 'конь' (ср. греч. ἵπ-πος, др.-инд. *áśva-ḥ*) и лат. *uapor* 'дым' (ср. греч. καπνός 'дым', лит. *kvāpas* и *cāseus*, ср. ст.-слав. *kvasъ* 'квас', см. выше, стр. 101—102)[1].

В аналогичной позиции обнаруживается различие в отражении палатализованного и велярного и в греческом, относимом к классификационной группе *centum*. Это видно из приведенных выше форм—греч. ἵππος 'конь' (в диалектах ἴκκος), греч. καπνός 'дым, пар'.

Различия в фонетическом отражении следов палатализованного ряда в рассмотренных выше *centum*-ных языках, не сводимые к определенному исходному фонетическому типу, являются явным признаком наличия палатализованного ряда уже в период оформления этих языковых систем как определенных диалектных единств. Уже в дальнейшем, в период их обособленного развития, происходит окончательное слияние палатализованного ряда с велярным, что и характеризует классификационную группу *centum*.

Следовательно, предполагаемый процесс слияния палатализованного ряда с велярным, который привел в историческую эпоху к оформлению структурного типа диалектов *centum*, соотносится с периодом, последовавшим за хронологическим уровнем *5*, когда, очевидно, уже формируются такие ареальные единства в качестве независимых диалектных групп, как греческий, германский, италийский и кельтский (наряду с выделившимися ранее анатолийским и тохарским).

Уже позднее, в период независимого, обособленного существования отдельных *centum*-ных языков, происходит дальнейшая перестройка системы велярных с утерей фонетически нестойкого лабиовелярного ряда в силу универсально значимой тенденции к элиминации маркированного ряда в системе.

В греческом такая элиминация лабиовелярного ряда, характерного для греческой системы еще в микенскую эпоху (*Lejeune 1958 : 285—317*), происходит путем преобразования фонем этого ряда в лабиальные смычные β, φ, π или в дентальные смычные δ, ϑ, τ в позициях палатализации.

В кельтском аналогичная тенденция приводит к частичному слиянию лабиовелярного ряда с чистым велярным, к переходу глоттализованного $*k'^{o} \rightarrow b$ и $*k^{[h]o} \rightarrow p$ в определенном ареале кельтских диалектов (см. выше, стр. 89—90).

Аналогичное развитие наблюдается и в оскско-умбрском, где италийские лабиовелярные дают лабиальные фонемы с полной элиминацией маркированного лабиовелярного ряда; тенденция к преобразованию лабиове-

[1] Характерно, что при наличии общности комбинаторных условий проявления палатализованной и велярной смычных в анатолийском и италийском конкретные результаты их фонетической реализации в этих системах различны, что указывает на отсутствие какой-либо исторической связи между этими процессами в рассматриваемых исторических индоевропейских диалектах.

лярных в лабиальные прослеживается в отдельных диалектных формах латинского языка типа *bōs* 'бык', *lupus* 'волк'.

Аналогичная тенденция обнаруживается и в германских формах типа гот. *fimf* 'пять', *wulfs* 'волк', *af-lifnan* 'оставаться' (с позднейшей прогрессивной ассимиляцией)[1].

В отличие от этого, в другой группе *centum*-ных диалектов позднейшая элиминация маркированного лабиовелярного ряда осуществляется путем разложения его на собственно велярный и лабиальный элемент *-w-/-u-* в функции сонанта или гласной.

Такое "упрощение" лабиовелярного ряда, происшедшее, очевидно, независимо друг от друга в сравнительно поздний период истории каждого из этих диалектов, наблюдается в хеттском и тохарском, отчасти в греческом (в формах с отсутствием гласной в словах типа κύκλος 'колесо', νύξ 'ночь' и др.): ср. хет. *kuenzi 3 л. ед. ч.* 'он бьет, убивает', *3 л. мн. ч. kunanzi* 'они убивают' при др.-инд. *hánti 3 л. ед. ч.* 'он бьет', *ghnánti 3 л. мн. ч.*, из и.-е. *$g^{[h]o}en$-$t^{[h]}i$*, *$g^{[h]o}n$-$ont^{[h]}i$*; ср. тох. А *yuk* 'конь' (В *yakwe* 'конь'), лат. *equus*, греч. ἵππος, др.-инд. *áśva-* (*ср. van Brock 1972*); А *kukäl* 'колесница' (В *kokale*, ср. такое же развитие в греч. κύκλος при др.-инд. *cakrá-* 'колесо'); А *kum-* 'приходить' (В *käm-*), ср. гот. *qiman* 'приходить', при греч. βαίνω 'иду', др.-инд. *gáchāmi* 'иду' и др.

4.6. ХРОНОЛОГИЯ «ДВИЖЕНИЯ» ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА В ДИАЛЕКТАХ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ ГРУППЫ SATƏM. ВОЗНИКНОВЕНИЕ АФФРИКАТ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ ФРИКАТИВНЫХ

Примерно к тому же периоду, что и *centum*-ный переход в отдельных исторических диалектах, следует отнести *satəm*-ный переход в другой группе диалектов, то есть элиминацию маркированного палатализованного ряда смычных в результате преобразования его в соответствующие аффрикаты или спиранты.

[1] Этому типу прогрессивной ассимиляции, обнаруживаемой в формах с лабиовелярными, преобразованными в лабиальные согласные, противостоит хронологически более древний пример регрессивного ассимилятивного перехода лабиальной фонемы в лабиовелярную, обнаруживаемого в италийском (ср. *Pisani 1957b*) и кельтском: лат. *quinque* 'пять', др.-ирл. *cóic* 'пять' (из *$*p^{[h]}enk^{[h]o}e$* 'пять', ср. др.-инд. *páñca*, греч. πέντε 'пять'); лат. *coquō* 'стряпаю, варю' (из *$*p^{[h]}ek^{[h]o}$-*, ср. др.-инд. *pácati* 'варит, печет'); лат. *quercus* 'дуб' (из *$*p^{[h]}erk^{[h]o}$-*, ср. лит. *perkūnas* 'гром', *perkūnija* 'гроза'). Этот процесс может отражать общую итало-кельтскую изоглоссу, относящуюся к эпохе сравнительно стабильного лабиовелярного ряда в системе, различавшей все три ряда постериорных еще до периода начала *centum*-ного перехода. Эти древние формы с ассимилятивно возникшими двумя лабиовелярными фонемами лежат в основе соответствующих позднейших форм типа оск.-умбр. **pompe-* 'пять' (оск. *pumperias*, умбр. *pumpeřias*), галл. *πεμπε-*, др.-валл. *pimp* 'пять', валл. *pobi* 'печь, варить'. Таким образом, сходные по конечным результатам развития германские, оскско-умбрские и кельтские формы с лабиальными согласными отражают принципиально отличные друг от друга процессы эволюции этих согласных в рассматриваемых формах.

Целый ряд сопутствующих такому переходу фонетических новообразований, которые обнаруживают фонетическое сходство друг с другом в отдельных *satəm*-ных диалектах, может служить свидетельством для допущения ареальной общности диалектов, относимых к классификационной группе *satəm*, в отличие от *centum*-ной группы языков, которые осуществили *centum*-ный переход независимо друг от друга в определенный период развития этих диалектов.

Эти данные позволяют выделить в последовательности хронологических уровней членения индоевропейской языковой общности период, последовавший за уровнем 5. В этот период происходит членение на отдельные диалектные единства, в которых примерно в то же время осуществился *centum*-ный переход, и на взаимодействующие друг с другом арийско-армянский и балто-славянский, а также албанский диалектные ареалы, где осуществился *satəm*-ный переход.

Таким общим фонетическим новообразованием, сопутствующим *satəm*-ному переходу и свидетельствующим тем самым об ареальной общности этого перехода, то есть характерной фонетической инновацией, объединяющей все диалекты группы *satəm*, является совпадение сибилянтного рефлекса палатализованной велярной фонемы с рефлексом одной из сибилянтных фонем. Эта изоглосса объединяет по существу оба основных ареала диалектов группы *satəm* (см. выше, стр. 103 и след.).

4.7. ОТРАЖЕНИЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА ВЕЛЯРНЫХ В ДИАЛЕКТАХ ГРУППЫ SATƏM

Некоторые расхождения между отдельными ареалами диалектной группы *satəm* наблюдаются в выборе конкретных позиций нейтрализации противопоставления велярной и палатализованной фонем.

Засвидетельствованные в балтийском и отчасти славянском факты чередований этих фонем в одной и той же морфеме в исторических дублетах типа *лит. akmuõ* 'камень': *ašmuõ*, *мн. ч. ãšmens* 'лезвие' (ср. греч. *ἄκμων* 'наковальня', др.-инд. *áśman-* 'камень'); лит. *kárvė* 'корова': *stirna* 'косуля' (из славянского по *Трубачеву 1973 : 305*), рус. *корова* : *серна* отражают, очевидно, в обобщенном виде древнее индоевропейское чередование палатализованной и велярной фонем в пределах единой парадигмы в особых комбинаторных условиях, не поддающихся более точному определению.

Такое чередование могло быть следствием нейтрализации противопоставления палатализованная ~ велярная в этих позициях. Следы этого общеиндоевропейского чередования можно усмотреть также в наличии в разных *satəm*-ных диалектах общих форм, различающихся по рефлексам либо палатализованной, либо велярной фонемы:

Ср. ст.-слав. *svekry* 'свекровь' в противовес лит. *šẽšuras* 'свекор', др.-инд. *śvaśrú-* 'свекровь', *śváśura-* 'свекор', арм. *skesur*;

Лит. *smãkras* 'подбородок', алб. *mjékër*, арм. *mawruk*, др.-инд. *śmáśru-* 'борода' и др. (см. выше, стр. 112 и след.).

Такие формы следует рассматривать как обобщение на всю парадиг-

му одной из древних чередующихся в пределах парадигмы общеиндоевропейских форм (алломорф) с палатализованной или велярной фонемами.

Судя по отсутствию ассибиляции палатализованных в формах приведенного выше типа в языках группы *satəm*, в качестве такой позиции нейтрализации противопоставления палатализованный ~ велярный можно предположить позицию перед определенными сонантами — плавными **r*, **l* и носовыми **m*, **n*.

Следы этого общеиндоевропейского морфонологического противопоставления остаточно сохранились в диалектах группы *satəm*, ассибилировавших рефлексы индоевропейских палатализованных фонем, и, естественно, полностью стерлись в *centum*-ных языках, в которых палатализованные сливаются с велярными (за исключением анатолийского, где в одной конкретной позиции — перед *u* — происходит аналогичная *satəm*-ной группе ассибиляция древней палатализованной фонемы).

В отмеченных выше позициях нейтрализации перед сонантами индоиранский показывает рефлекс палатализованной фонемы, что может быть интерпретировано как результат обобщения на всю парадигму именно формы с ассибилированной палатализованной, в отличие от других *satəm*-ных диалектов, которые сохраняют пережиточно чередующиеся формы или обобщают на всю парадигму форму с непалатализованной фонемой (в позиции нейтрализации).

Следы такой непалатализованной индоевропейской фонемы в позиции нейтрализации можно усмотреть в индо-иранском в формах типа др.-инд. *digdháḥ* 'умащенный' при *deh-* 'умащивать', арм. *diz-anem* 'складываю' (ср. лат. *fingō* 'леплю', греч. τεῖχος 'стена' и др., и.-е. *$d^{[h]}e\underline{i}\hat{g}^{[h]}$-[1]); др.-инд. *аорист ávākṣam* 'я вез', 'я ехал' при *váhati* 'он везет, едет' (ср. лат. *uehō* 'везу', и.-е. *$\underline{u}e\hat{g}^{[h]}$-/*$\underline{u}og^{[h]}$-s- ~ *$\underline{u}e/oG^{[h]}$-).

Таким образом, устанавливаемые в *satəm*-ных языках следы подобных морфологических чередований отражают древнейшую особенность индоевропейского языка периода общности исторических индоевропейских диалектов, включавших как позднейшие *satəm*-ные, так и *centum*-ные языки.

4.8. ХРОНОЛОГИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛАБИОВЕЛЯРНОГО РЯДА В ЯЗЫКАХ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ ГРУППЫ SATƏM

Ассибиляция в *satəm*-ных языках палатализованного ряда должна была привести, как и в *centum*-ных языках, в результате слияния палатализованного ряда с велярным, к формированию системы с двумя рядами постериорных смычных — велярным и лабиовелярным.

В *centum*-ных языках, как было показано выше, такой лабиовелярный ряд элиминируется позднее в результате различных фонетических преобразований. Аналогичное фонетическое преобразование лабиовеляр-

[1] Строго говоря, индоевропейскую морфему следует восстанавливать в виде двух чередующихся в парадигме алломорф *$d^{[h]}e\underline{i}\hat{g}^{[h]}$-/*$d^{[h]}e\underline{i}g^{[h]}$- или в общем случае *$d^{[h]}e\underline{i}G^{[h]}$- (с допущением архифонемы *$G^{[h]}$ в терминах Трубецкого).

ного ряда смычных следует предположить и в *satəm*-ной группе языков уже в период, непосредственно предшествовавший оформлению отдельных *satəm*-ных диалектов. Следы такого лабиовелярного ряда довольно явственно прослеживаются в исторических *satəm*-ных диалектах, преобразовавших его различными фонетическими способами.

Прежде всего наличие в системе смычных *satəm*-ных языков особого ряда (восходящего к лабиовелярному), противостоящего собственно велярному ряду, можно усмотреть в неединообразьом отражении фонем этих двух рядов в позициях палатализации.

В частности, в древнеиндийском отражение индоевропейских лабиовелярных в позициях палатализации в виде фонем *j* (ср. др.-инд. *jáni-ḥ* 'женщина', авест. *ǰaini-* при гот. *qinō*, греч. γυνή 'женщина'), *h* (ср. др.-инд. *háras-* 'пыл' при греч. θέρος 'лето'), *c* (др.-инд. *páñca* 'пять', авест. *pančа* при лат. *quĭnque*), отличных от фонем, отражающих рефлексы индоевропейских фонем собственно велярного ряда, является прямым свидетельством наличия двух противопоставленных рядов велярных еще в ранний период развития индо-иранского ареального единства.

Аналогичные различия в отражении этих двух рядов велярных в позиции палатализации наблюдаются в таких *satəm*-ных языках, как армянский (ср. арм. *jer* 'теплота', *jerm* 'теплый' при греч. θέρος 'лето', θερμός 'теплый'; арм. *č'ork'* 'четыре', лат. *quattuor* 'четыре', мик. греч. *qe-to-ro-* 'четыре'), албанский (ср. алб. *zónjë* 'женщина' при гот. *qinō* 'женщина', алб. *ndez* 'зажигаю' при лат. *foueō* 'пылаю', см. выше, стр. 91 и след.).

Для установления фонологического характера этого ряда смычных, противостоявшего в системе *satəm*-ных языков собственно велярному ряду, и определения его хронологии существенное значение имеют факты вокализации слоговых сонантов в соседстве с согласными фонемами, восходящими к этим двум фонологически противопоставлявшимся рядам.

Вокализация рефлексов слоговых сонантов с окраской тембра *u* в соседстве с фонемами, восходящими к индоевропейским лабиовелярным в некоторых *satəm*-ных языках, является прямым отражением признака лабиализации при соседней согласной фонеме. Это дает основание считать лабиовелярный ряд наличествовавшим в системе *satəm*-ных диалектов и противостоявшим собственно велярному ряду еще в период вокализации слоговых сонантов. Такой след признака лабиализации при смычных фонемах можно усмотреть в древнеиндийских формах типа *gūrtá-* 'желанный' (из $*k'^{o}\r{g}t^{(h)}$-), ср. лат. *grātus* 'приятный', оск. *brateis*; др.-инд. *gurú-* 'тяжелый' (из $*k'^{o}\r{g}ru$-), ср. лат. *grauis*, греч. βαρύς 'тяжелый' (см. выше, стр. 93).

Довольно ясные примеры аналогичной вокализации слоговых сонантов обнаруживаются в иранском: авест. *puxδa-* (из $*p\r{n}k^{o}to$-, *van Brock 1972: 271*), ср. греч. πέμπτος 'пятый', оск. *pomptis* 'quinquies', а также лит. *kùmstė*<$*$*kùmpstė*<$*pumk^{o}ste$ 'кулак' (*ср. Fraenkel 1962, I: 309—310*).

В свете вышеприведенных фактов можно утверждать, что в языках группы *satəm* после движения фонологически маркированного палатализо-

ванного ряда и образования в результате ассибиляции особых аффрикат и фрикативных фонем в системе оставались два противопоставленных друг другу ряда, унаследованных от общеиндоевропейского состояния: велярный ряд и лабиовелярный ряд.

В этом отношении *satəm*-ная система на определенном этапе развития совпадает структурно с *centum*-ной системой, в которой в группе смычных среди постериорных фонем также представлены два фонологически противопоставленных друг другу ряда — велярные, объединяющие индоевропейские собственно велярные и палатализованные, и лабиовелярные.

Дальнейшая эволюция подсистемы смычных в *centum*-ных и *satəm*-ных языках показывает в основном лишь хронологические различия.

В *satəm*-ных языках происходит дальнейшее слияние лабиовелярного ряда с велярным и оформление единого общего ряда велярных в результате утери признака лабиализации при лабиовелярных. Такой процесс имеет место в этих системах, очевидно, еще до оформления исторически засвидетельствованных языковых единств, относящихся к классификационной группе *satəm*. В исторических языках можно обнаружить лишь отдельные следы наличия такого ряда в системе.

В *centum*-ных языках процесс элиминации лабиовелярного ряда и формирования в системе единого ряда велярных осуществляется значительно позднее, уже в пределах истории отдельных *centum*-ных языков путем фонологизации признака лабиализации при лабиовелярных фонемах, их расщепления и упрощения исконных лабиовелярных фонем.

4.9. РЕФЛЕКСЫ СЛОГОВЫХ СОНАНТОВ В РАЗЛИЧНЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ГРУППАХ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ПРОЦЕССА ВОКАЛИЗАЦИИ СОНАНТОВ

Слияние лабиовелярного ряда с велярным в *satəm*-ных языках, происшедшее уже в доисторический (дописьменный) период развития отдельных *satəm*-ных диалектов, тем не менее локализуется во времени после периода вокализации слоговых сонантов, поскольку, как было показано выше, вокализация сонантов сохраняет следы наличия лабиовелярных фонем в *satəm*-ных диалектах.

По характеру вокализации слоговых фонем и образования конкретных фонемных последовательностей в исторических индоевропейских диалектах можно выделить определенные диалектные ареалы со схожими фонетическими результатами вокализации кратких сонантов, а отчасти и долгих (см. выше, стр. 198—202; 204 и след.).

По этому признаку можно выделить четко отграниченные арийско-греческий, балто-славяно-германский, итало-кельтский, тохарский и анатолийский ареалы со специфическими, характерными для каждого из этих ареалов фонетическими рефлексами слоговых, что дает основание для предположения некоторой исторической диалектной общности развития этих ареалов в определенный период формирования индоевропейских диалектов.

Характерно, что выделяемые по признаку вокализации слоговых диалектные ареалы почти полностью совпадают с установленными по мор-

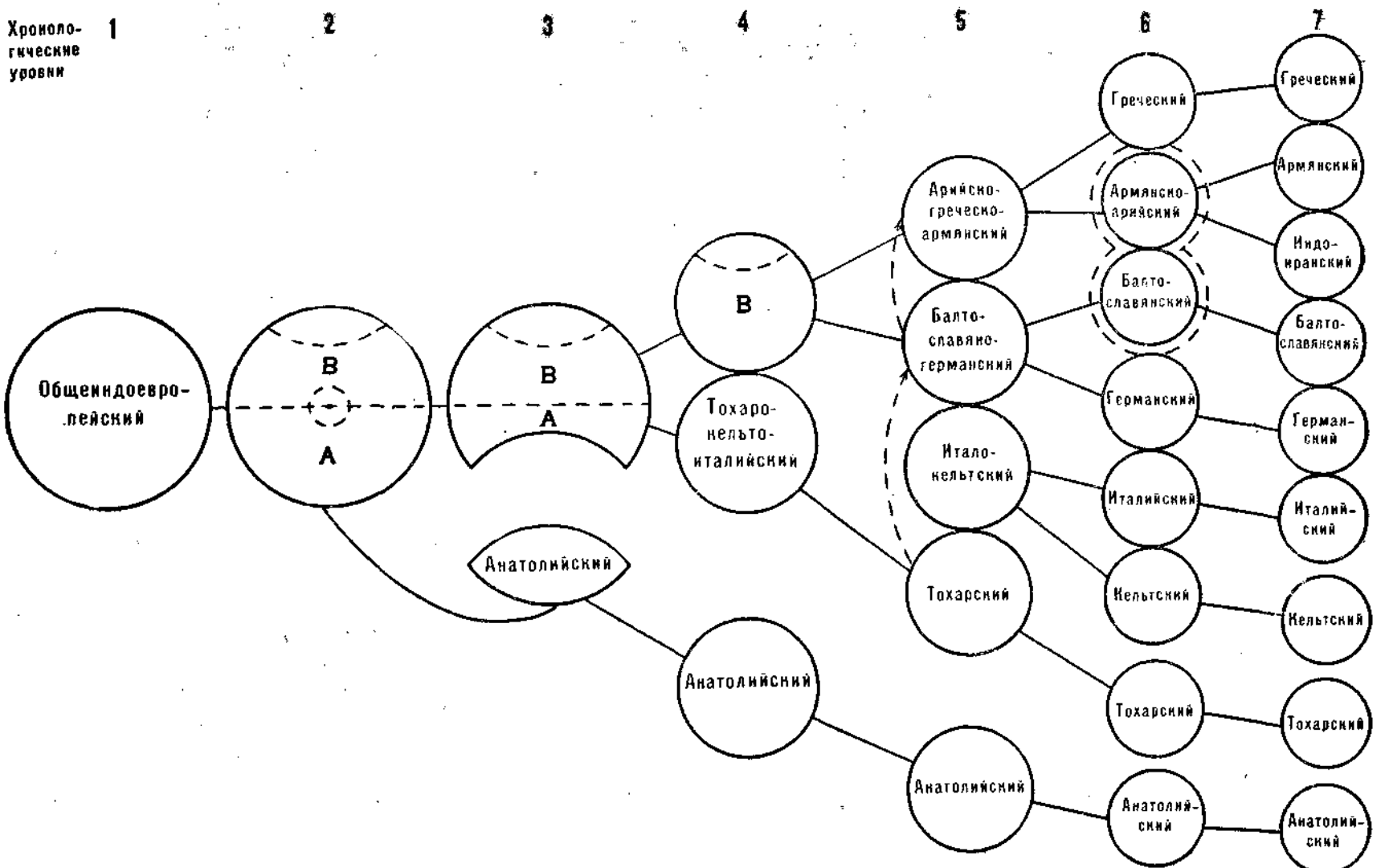

Схема 3

ДЕРИВАЦИОННО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ЧЛЕНЕНИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ И ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ

фологическим признакам диалектными ареалами хронологического уровня 5, что может свидетельствовать в пользу рассмотрения этих фонетически схожих результатов развития вокализации слоговых в качестве ареальных фонетических изоглосс.

4.10. ВЫДЕЛЕНИЕ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ КАК КОНЕЧНЫХ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ УРОВНЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ДЕРИВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЧЛЕНЕНИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

Следствием хронологического приурочивания вокализации слоговых сонантов к хронологическому уровню 6 в развитии диалектов индоевропейского языка, является отнесение *satəm*-ного перехода палатализованного ряда и последующего слияния лабиализованного ряда с велярным к периоду, последовавшему за хронологическим уровнем 5, то есть к хронологическому уровню 6, на котором и выделяется *satəm*-ная изоглосса, объединяющая в некоторое ареальное единство индоевропейские диалекты группы *satəm*[1], или к еще более позднему уровню 7, когда исторические индоевропейские диалекты оформляются как языковые единства с возникающими новыми географическими взаимоотношениями и связями, приводящими к позднейшим языковым контактам (например, анатолийских языков и греческого, анатолийских языков и армянского и др.) и заимствованиям.

Рассмотренное выше ареальное хронологическое членение индоевропейской языковой области по фонологическим изоглоссам, объединенное с результатами анализа грамматических изоглосс, можно представить в виде деривационно-пространственной модели (см. *Схему 3*). Такая хронологическая модель членения диалектов представляет некоторое дополнение к ранее данной (см. *Схему 2*), доведенное до исторически засвидетельствованного этапа членения индоевропейских диалектов (уровня 7)[2].

5. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЧЛЕНЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

5.1. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ДИАЛЕКТНЫХ АРЕАЛОВ ПО ЛЕКСИЧЕСКИМ ИЗОГЛОССАМ В СООТНЕСЕНИИ С ГРАММАТИЧЕСКИМИ И ФОНОЛОГИЧЕСКИМИ ИЗОГЛОССАМИ

Устанавливаемые в исторических индоевропейских диалектах лексические изоглоссы (как и рассмотренные выше грамматические и фонологические изоглоссы) дают основание для предположения определенных ареа-

[1] С этим же хронологическим уровнем можно, вероятно, соотнести и некоторые другие фонетические явления, как, например, изоглоссу, противопоставляющую арийско-балтийский ареал кельто-италийскому по долготе — краткости сонанта в формах типа др.-инд. *vīrá-* 'муж', лат. *uir* 'муж'.

[2] В моделях на конечных хронологических уровнях 6 и 7 не представлены такие индоевропейские диалекты, как албанский и некоторые древние балканские диалекты, данные которых учитываются, однако, при анализе изоглосс в историчес-

льных диалектных единств в истории развития общеиндоевропейского языка, из которых в дальнейшем формируются исторические индоевропейские диалекты.

Особенно важным и показательным в этом отношении оказывается то, что выделяемые на основании лексических изоглосс ареальные единства на определенном хронологическом уровне развития индоевропейских диалектов совпадают в общем и целом с диалектными областями, выделенными на основании морфологических и фонологических изоглосс. Это обстоятельство является недвусмысленным свидетельством исторической реальности диалектных ареалов индоевропейского языка, выделяемых на основании согласующихся между собой показаний всего комплекса грамматических, фонологических и лексических данных.

5.2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ В ПРЕДЕЛАХ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЩНОСТИ SATəM-НЫХ ЯЗЫКОВ. АРИЙСКО-БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Сравнительно легко выделить по лексическим данным тесно взаимодействующие ареалы языков группы *satəm*, совпадающие с армяно-арийским и балто-славянским ареалами на хронологическом уровне 6 (см. *Схему 3*), устанавливаемыми по фонологическим критериям. Выделяется целый ряд лексических форм, характерных только для этих групп индоевропейских диалектов:

Др.-инд. *śyāvá-* 'черно-бурый, гнедой, темный', авест. **syāva-* 'черный' (ср. личное имя *Siiāuuāspi-* 'черноконный', *ср. Mayrhofer 1979 : I/75*), лит. *šývas* 'серо-белый', ст.-слав. *sivŭ* 'сивый, серый' (масть лошади);

Др.-инд. *kṛṣṇá-* 'черный', прус. *kirsnan*, ст.-слав. *črŭnŭ* 'черный', рус. *черный*;

Др.-инд. *māra-* 'смерть', лит. *māras*, ст.-слав. *morŭ* 'смерть' (обозначение смерти от эпидемии);

Др.-инд. *tucchyá-* 'пустой', лит. *tùščias*, ст.-слав. *tŭštĭ*, рус. *тощий*;

Др.-инд. *ati-réka-* 'остаток', лит. *ãtlaikas*, ст.-слав. *otŭ-lĕkŭ*;

Др.-инд. *dakṣiṇá-* 'правый', авест. *dašina-*, лит. *dẽšinas*, ст.-слав. *desnŭ* 'правый' (при отличных от этого образованиях от той же основы в других индоевропейских диалектах: греч. δεξιτερός 'правый', лат. *dexter* 'правый', оск. *destrst* 'справа');

Др.-инд. *ajá-* 'козел', *ajína-m* 'шкура', ср.-перс. *azak* 'козел', лит. *ožỹs* 'козел', *ožìnis* 'козлиный', ст.-слав. *(j)azno* 'кожа', алб. *dhi* 'коза' (по лексическим, как и по фонологическим данным, албанский тесно примыкает к этой же диалектной области).

5.3. АРИЙСКО-ГРЕКО-АРМЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Особую группу лексических изоглосс составляют лексические единицы, позволяющие выделить ареальные общности, совпадающие с грам-

ких индоевропейских диалектах. Такое отсутствие албанского и других балканских диалектов в модели объясняется недостаточностью морфологических данных для определения их ареального места на предшествующих хронологических уровнях, см. *Pisani 1959a* и *b*.

матическими и фонологическими ареалами хронологического уровня **5**.

В этой группе слов выделяются в основном тематические именные образования, в чем уже можно усмотреть сравнительно поздний ареальный характер этих слов, *ср. Порциг 1964 : 241—242*:

Др.-инд. *háras-* 'жар', *ghṛṇá-* 'жар, зной', греч. θέρος 'лето', арм. *jer* 'тепло';

Др.-инд. *márta-* 'смертный', 'человек', авест. *marəta-* 'человек'; греч. μορτός· ἄνθρωπος, θνητός 'человек', 'смертный' *(Гесихий)*, арм. *mard* 'человек', *ср. Thieme 1952*;

Др.-инд. *járant-* 'старый; старик', авест. *zarəta-* 'старый', 'немощный', осет. *zærond* 'старый', греч. γέρων, *род. п.* γέροντος 'старик', арм. *cer* 'старый; старик';

Др.-инд. *stána-* 'женская грудь', авест. *fštāna-*, греч. στηνίον · στῆθος 'женская грудь' *(Гесихий)*, арм. *stin* 'женская грудь' (ср. группу **sp*[b]- в начале соответствующих слов в других диалектах: др.-англ. *spanu* и др., *см. Pokorny 1959 : 990*);

Авест. *izaēna-* 'из кожи', греч. αἰγ- 'коза', арм. *ayc* 'коза'.

5.4. БАЛТО-СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

К тому же хронологическому уровню 5 относятся лексические изоглоссы, совпадающие по морфологическим и фонологическим данным с диалектным единством балто-славяно-германского ареала, ср. *Stang 1972*:

Лит. *aldijà, eldijà* 'челн', ст.-слав. *aldi(ji), ladi(ji)* 'ладья', норв. диал. *olda*, др.-англ. *ealdop, aldaht* 'сосуд';

Лит. *bìrginti* 'жадничать, сберегать для себя', ст.-слав. *ne-brěgǫ* 'пренебрегаю', рус. *беречь*, гот. *bairgan* 'сохранять';

Лит. *blandùs* 'нечистый, мутный', ст.-слав. *blędǫ* 'блуждаю', 'заблуждаюсь', *blǫdŭ* 'блуд', гот. *blandan sik* 'смешиваться', *blinds* 'слепой';

Лит. *dabà* 'природа, характер', *dabnùs* 'красивый', ст.-слав. *dobrŭ* 'добрый', гот. *gadaban* 'соответствовать';

Лит. *dailýti* 'делить', ст.-слав. *dělìti* 'делить', гот. *dails* 'часть', *dailjan* 'делить';

Лит. *daũg* 'много', рус. *дюжий*, польск. *dużo* 'много', гот. *daug* 'достает, достаточно', нем. *taugen* 'годиться';

Лит. *draũgas* 'друг', ст.-слав. *drugŭ* 'друг', рус. *друг, дружина*, гот. *driugan* 'служить в войске', *gadraúhts* 'воин';

Лит. *glẽbti* 'обнимать', рус. *оглобля*, др.-исл. *klafi* 'ярмо для коров';

Латыш. *grebt* 'вырывать', ст.-слав. *po-grebǫ* 'θαπτεύν', рус. *гребу, выгребаю*;

Лит. *jaũ* 'уже'; ст.-слав. *(j)u(že)*, гот. *ju* 'уже';

Прус. *kails* 'здравствуй!', *kailūstiskan* 'здоровье'; ст.-слав. *cělŭ* 'здоровый', 'целый', др.-англ. *hāl*, др.-исл. *heill*;

Прус. *camus* 'шмель', лит. *kamãnė*, рус. *шмель*, др.-в.-нем. *humbaf*;

Лит. *šeimà* 'семья', латыш. *sàime* 'большая семья'; рус. *семья*, гот. *haims* 'деревня', др.-англ. *hām* 'дом';

Лит. *liáudis* 'народ', рус. *люд, люди*, др.-в.-нем. *liut* 'народ';

Лит. *maĩšas* 'большой мешок', ст.-слав. *měchŭ* 'мешок', рус. *мех, мн. ч. мехú, мехá*, др.-исл. *meiss* 'корзина';

Латыш. *nâve* 'смерть', рус. *навь* 'призрак мертвеца', гот. *naus* 'мертвец';

Ст.-слав. *pęstĭ* 'кулак', рус. *пясть*, др.-в.-нем. *fūst* 'кулак', нем. *Faust*, ср. лит. *kùmstė* < **pumk*^{0}*stė* 'кулак';

Лит. *rugiaĩ*, *мн. ч.* 'рожь', др.-рус. *ръжь*, рус. *рожь*, др.-исл. *rugr*;

Лит. *sidābras* 'серебро', рус. *серебро*, ст.-слав. *sĭrebro*, гот. *silubr* 'серебро';

Лит. *slābnas* 'слабый', ст.-слав. *slabŭ* 'слабый', др.-исл. *slápr* 'ленивый человек' (группа **sl-* отличает это диалектное слово от лат. *labor*);

Лит. *tūkstantis* 'тысяча', латыш. *tūkstuõts*, прус. *tūsimtons*, ст.-слав. *tysęšti*, рус. *тысяча*, гот. *þūsundi*;

Лит. *žeĩtas* 'золотой', латыш. *zęlts* 'золото', рус. *золото*, ст.-слав. *zlato*, гот. *gulþ* (суффикс **-t*$^{[h]}$*o-* отличает это слово от др.-инд. *hĭraṇya-* 'золото'), ср. также *Порциг 1964: 209—210*;

Лит. *įsnaiga, snaĩgala* 'снег', прус. *snaygis*, ст.-слав. *sněgŭ*, рус. *снег*, гот. *snaiws* 'снег' (огласовка корня **o* отличает это тематическое образование от форм с нулевой огласовкой в других индоевропейских диалектах, ср. лат. *nix* 'снег', греч. *вин. п.* νίφα), *ср. Fraenkel 1962—1965, II: 851*;

Лит. *gìrnos* 'жернова' (*мн. ч., ж. р.*), латыш. *dzĩrnus*, прус. *girnoywis*, рус. *жернов*, ст.-слав. *žrŭny*.

5.5. ИТАЛО-КЕЛЬТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Аналогичное объединение диалектов в ареальные единства, выделяемые на хронологическом уровне 5 по данным морфологических и фонологических изоглосс, можно предположить на основании лексических изоглосс и для итало-кельтского диалектного ареала. В отличие от лексических изоглосс, включающих тохарский и относимых к более ранним хронологическим уровням, такие изоглоссы объединяют только италийские и кельтские диалекты *(ср. Порциг 1964: 150—158)*:

Лат. *terra* 'земля' (из **tersā*), *прилаг. terrestris* 'земной', оск. *teerûm* 'земля', др.-ирл. *tír* 'область', валл. *tir* 'земля', этимологически 'суша', ср. и.-е. **t*$^{[h]}$*ers-* 'сушить', греч. τέρσομαι 'высушу', др.-инд. *tr̥ṣyati* 'он жаждет'. Развитие для этого слова значения 'земля' из родственной общеиндоевропейской основы, означающей 'сушить', характерно только для итало-кельтских языков;

Лат. *uēlum* 'полотно', 'покрывало', уменьшит. *uexillum* 'знамя', др.-ирл. *figim* 'тку', валл. *gweu* 'ткать', др.-валл. *gueetic* 'textilis', 'ткаческий';

Лат. *solium* 'престол', 'трон', др.-ирл. *suide* 'сиденье', производное с суффиксом **-i̯o-* от корня **set'-* 'сидеть' с огласовкой **o*: **sot'-i̯o-(m)*; значение 'сиденье', 'трон' в производном данного словообразовательного типа от этой основы наблюдается только в итало-кельтском;

Лат. *trāns* 'по ту сторону', умбр. *traf*, *tra* (из **trā*), валл. *tra-* (из **t*$^{[h]}$*rāns*) 'по ту сторону', ср. др.-ирл. *tar* 'через (за пределы)'. Специфическое образование в итало-кельтском от индоевропейского корня

* *t*$^{[h]}$*erH-* с общим значением 'проходить', 'проникать', 'побеждать', сохранившимся в других индоевропейских диалектах, ср. др.-инд. *tárati* 'проникает';

Лат. *dē* 'от—вниз, от—прочь', др.-ирл. *di*, др.-валл. *di*, корн. *the*, брет. *di (Sommerfelt 1920)*. В такой семантической функции эти элементы характерны только для итало-кельтского.

Две последние изоглоссы особенно показательны, поскольку по своему характеру они являются лексико-грамматическими изоглоссами, отражающими как грамматические, так и семантические инновации в определенном диалектном ареале, в данном случае итало-кельтском, в отличие от других диалектных ареалов *(ср. Watkins 1966: 35—36)*. К таким же лексико-грамматическим изоглоссам можно отнести и указанные выше образования формы превосходной степени;

Лат. *dē-ses* 'ленивый, праздный' *(<*dē-sed-)*, др.-ирл. *deïd* 'ленивый', *deëss* 'праздность'. Такое значение у этого древнего сложения с **dē* представлено только в итало-кельтском;

Лат. *saeculum* 'век', 'поколение', валл. *hoedl*, др.-брет. *hoetl* 'век', 'жизнь';

Лат. *bīlis* 'желчь', валл. *bustl*, др.-корн. *bistel*, брет. *bestl* 'желчь'.

5.6. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ, СООТНОСИМЫЕ С ОСНОВНЫМИ ДИАЛЕКТНЫМИ ГРУППАМИ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ 5

Приведенные выше лексические изоглоссы, которые свидетельствуют как о лексических новообразованиях в определенных диалектных ареалах, так и об общих семантических новообразованиях на базе унаследованной лексики, дают основание для отграничения друг от друга арийско-греко-армянского, балто-славяно-германского и итало-кельтского диалектных ареалов, соотносимых с хронологическим уровнем 5 в последовательности хронологических этапов диалектного членения общеиндоевропейского языка.

Такая хронологическая соотнесенность с уровнем 5 выделяемых диалектных ареалов полностью согласуется с позднейшим фонетическим отражением индоевропейских палатализованных фонем, представленных в рассмотренных выше фонетических изоглоссах арийско-греко-армянского и балто-славяно-германского диалектных ареалов.

Такие закономерные *centum* ~ *satəm*-ные соотношения, отраженные в рассмотренных выше изоглоссах, как, например, др.-инд. *járant-* 'старик', арм. *cer* 'старый', греч. *γέρων* или авест. *izaēna-* 'из кожи', арм. *ayc* 'коза', греч. *αἴξ* 'коза', с одной стороны, и лит. *šeimà* 'семья', рус. *семья*, др.-англ. *hām* 'дом' или лит. *žel̃tas* 'золотой', рус. *золото*, гот. *gulþ* 'золото', с другой, являются прямым свидетельством наличия палатализованного ряда смычных в период возникновения рассмотренных выше лексических инноваций в соответствующих диалектных ареалах.

Ассибиляция палатализованного ряда проводится, как было показано выше, на хронологическом уровне 6, что и служит основанием для соотнесения постулируемых выше ареальных общностей с хронологическим уровнем 5, на котором выделяются, по совместному свидетельству морфологи-

ческих, фонетических, а также лексических изоглосс, такие диалектные единства, как арийско-греко-армянский, балто-славяно-германский, итало-кельтский и, очевидно, тохарский ареалы[1].

5.7. МЕЖАРЕАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДИАЛЕКТНЫМИ ГРУППАМИ, ВЫДЕЛЯЕМЫМИ НА ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ 5

Выделяемые на хронологическом уровне 5 диалектные ареалы представляют собой не изолированные друг от друга области, а диалектные единства, находившиеся в определенном взаимоотношении, отражаемом в наличии целого ряда общих лексических новообразований, характерных для каждого из этих диалектных единств.

Эти диалектные ареалы должны были находиться в определенный период развития индоевропейского языка в некотором пространственном соприкосновении друг с другом, указывающем, очевидно, на общность территории их распространения. Они представляются на данном хронологическом уровне отдельными диалектными единствами в пределах общей индоевропейской языковой области.

Свидетельством подобных "межареальных" взаимоотношений на хронологическом уровне 5 могут служить такие лексические изоглоссы, как тохаро-германо-балто-славянские, итало-кельто-германские, итало-кельто-германо-балто-славянские и т. п.

[1] Рассмотренные выше изоглоссы, которые соотносятся с до-*satəm*-ным периодом развития индоевропейских диалектов, то есть с хронологическим уровнем 5, можно противопоставить по этому фонетическому критерию тем лексическим новообразованиям, возникающим путем заимствования лексических форм из одного диалекта в другой, которые показывают *centum*-ные черты в *satəm*-ных диалектах и *satəm*-ные черты в *centum*-ных диалектах. Последние формы являются явным свидетельством позднего взаимоотношения диалектов после ассибиляции палатализованного ряда и осуществления *satəm*-ного перехода, то есть после хронологического уровня 6. Имеются в виду такие лексические формы, свидетельствующие о сравнительно позднем взаимоотношении отдельных диалектов, как, например, с одной стороны, лит. *kiẽmas* 'деревня', 'двор', *káimas* 'двор', прус. *caymis* 'деревня' при гот. *haims* 'деревня', др.-англ. *hām* 'дом', 'двор' (ср. приведенные выше формы от того же корня, отражающие более древние соотношения, предшествующие хронологическому уровню 6: лит. *šeimà* 'семья', *ср. Stang 1972 : 28* с другим объяснением) или лит. *pẽkus*, прус. *pecku* 'скот' при гот. *faihu* 'имущество', др.-в.-нем. *fihu* 'скот', с другой стороны, греч. σαρσαι . ἅμαξαι *(Гесихий)*, лат. *sarracum* 'чужеземная повозка' (ср. лат. *currus* < *k[h]ɾs-o- с закономерным отражением индоевропейского палатализованного в *centum*-ном диалекте).

Легко видеть, что для подобных поздних взаимоотношений между отдельными индоевропейскими диалектами характерны *satəm*-ные формы в *centum*-ных диалектах и *centum*-ные формы в *satəm*-ных диалектах. Само собой разумеется, из подобного рассмотрения исключаются все те формы *satəm*-ных диалектов с неассибилированными палатализованными согласными типа балто-славянского слова, отраженного в лит. *kárvė* 'корова', рус. *корова* или лит. *akmuõ* 'камень', в которых предполагается нейтрализация противопоставления палатализованный — непалатализованный, что отражает древнее индоевропейское состояние периода существования трех рядов постериорных смычных (см. об этом выше, стр. 109 и след.).

5.8. БАЛТО-СЛАВЯНО-ГЕРМАНО-ИТАЛО-КЕЛЬТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Особо тесные контакты обнаруживаются на хронологическом уровне 5 между балто-славяно-германским и итало-кельтским диалектными ареалами. Можно привести большой список соответствий с лексическими изоглоссами, отражающими тесные исторические взаимоотношения соответствующих диалектных ареалов, *ср. Meillet 1922 : 17 и след.*:

Лит. *raũdas* 'красный', ст.-слав. *rudъ* 'красный', гот. *raups*, лат. диал. *rūfus*, *rōbus*, умбр. *rofu* (*вин. п. мн. ч.*), др.-ирл. *rúad*, валл. *rhudd*. Как общая инновация для означенных ареалов выступает переход слова в тематическую основу без *-r-*, ср. греч. ἐρυθρός, тох. В *ratre*, др.-инд. *rudhirá-* 'кровавый', отражающие общеиндоевропейскую основу на **-r-*;

Лит. *veikiù* 'работаю', *apveikiù* 'покоряю', ст.-слав. *vĕkъ* 'сила', гот. *weihan* 'сражаться', др.-англ. *wīgan* 'сражаться', лат. *uincō* 'побеждаю', оск. *vincter* 'убеждает', др.-ирл. *fich-* 'бороться'; противостоит семантически тождественному слову арийско-греческого ареала: др.-инд. *jáyati* 'побеждает', греч. βίᾱ 'насилие';

Лит. *žirnis*, *м. р.* 'зерно', прус. *syrne* 'зерно', ст.-слав. *zrŭno* 'зерно', рус. *зерно*, лат. *grānum* 'зерно', др.-ирл. *grán* 'зерно';

Прус. *mealde* 'молния', латыш. *milna* 'молот бога грозы Перкуна', ст.-слав. *mlъnьjь*, рус. *молния*, др.-исл. *mjǫllnir* 'молот бога грозы Тора', валл. *mellt*, *мн. ч.* 'молния';

Лит. *óbuolas* 'яблоко', ст.-слав. *ablъko* 'яблоко', др.-исл. *epli*, др.-ирл. *ubull*, ср. название оскского города *Abella* (*Verg. Aen. 7, 740*), *Stang 1972 : 68; Порциг 1964 : 290*;

Лит. *bedù* 'рыть, копать', ст.-слав. *bodǫ* 'жалить, колоть', гот. *badi* 'кровать', лат. *fodiō* 'копаю', *fossa* 'ров', галл. *bedo-* 'канал';

Лит. *mãrės*, *мн. ч.* 'болото', 'море', ст.-слав. *morje* 'море', гот. *marei*, лат. *mare*, др.-ирл. *muir*;

Лит. *barzdà* 'борода', ст.-слав. *brada* 'борода', др.-в.-нем. *bart*, лат. *barba* 'борода';

Лит. *vařdas* 'имя', латыш. *vàrds* 'имя', 'слово', гот. *waúrd* 'слово', лат. *uerbum* 'слово';

Ст.-слав. *věra* 'вера', др.-в.-нем. *wār* 'истинный', лат. *uērus* 'истинный', др.-ирл. *fír* 'истинный';

Ст.-слав. *sěmę* 'семя', лит. *sėmenys* 'семя', др.-в.-нем. *sāmo* 'семя', лат. *sēmen* (именные образования с суффиксом **-men* от общеиндоевропейского корня **sē-* 'сеять', ср. хет. *šai-* 'вдавливать; сеять');

Рус. *бóрошно* 'род проса', гот. *barizeins* 'из ячменя', др.-англ. *bere* 'ячмень', лат. *far* 'полба' (*Triticum spelta* L.), оск. *far* 'полба';

Рус. *пискарь*, польск. *piskorz* 'пескарь', гот. *fisks* 'рыба', лат. *piscis*, др.-ирл. *íasc* 'рыба'[1].

[1] В отличие от приведенной выше группы слов, общие лексемы, обнаружи ваемые в двух исторических диалектах, например, италийском и германском или германском и кельтском, составляют лексическую изоглоссу, которая может отражать

5.9. ТОХАРО-КЕЛЬТО-ИТАЛО-ГЕРМАНО-БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Тохарский ареал показывает целый ряд слов, общих в тохарском, итало-кельтском и балто-славяно-германском:

Тох. B *walo*, A *wäl*, *косв.* *lānt-* 'царь', др.-ирл. *fal-n-* 'господствовать, царствовать', *flaith* 'князь', валл. *gwlad*, брет. *gloat* 'страна', лат. *ualeō* 'являюсь сильным', оск. *ualaemom* 'лучший'. К этой изоглоссе примыкает основа, распространенная суффиксом **-d[h]-*: гот. *waldan* 'управлять', лит. *véldu* 'правлю', 'владею', ст.-слав. *vladǫ* 'владею';

Тох. *kroñše* 'пчела': лат. *crābrō* 'шершень', наряду с др.-в.-нем. *hurnūz*, *hornaz* 'шершень', лит. *šìršė* 'шершень', рус. *шершень*.

5.10. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ДИАЛЕКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ 3. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ, ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ ТОХАРСКИЙ С ДИАЛЕКТАМИ АРИЙСКО-ГРЕКО-АРМЯНСКОГО И БАЛТО-СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКОГО АРЕАЛОВ

Тох. A *se* 'сын', B *soy* 'сын', греч. υἱός 'сын', гом. *род. пад.* υἱέος (ср. арм. *ustr* 'сын' по аналогии с *dustr* 'дочь', *Pokorny 1959 : 914*; в таком случае данная изоглосса охватывает и армянскую область). Во всех остальных ареалах за исключением итало-кельтского возникает и форма с суффиксальным **-n-*: др.-инд. *sūnú-* 'сын' (при *sūtá-* 'сын'), авест. *hunu-*, гот. *sunus* 'сын', лит. *sūnùs*, ст.-слав. *synŭ*. Любопытно, что в итало-кельтском ареале полностью отсутствует эта форма со значением 'сын', которое выражается здесь производными от других корней: лат. *filius* 'сын' (умбр. *feliuf* 'сосущие грудь'), др.-ирл. *macc* 'сын';

Тох. A *orkäm* 'мрак', греч. ὀρφνός 'темный' при возможных более отдаленных связях с др.-инд. *rajaní* 'ночь', арм. *erek* 'вечер', гот. *riqis* 'темнота', *Бенвенист 1959 : 104; Порциг 1964 : 269—270; Pokorny 1959 : 857*.

5.11. ТОХАРО-ГРЕКО-ИНДО-ИРАНО-ГЕРМАНО-БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Тох. A *kam*, B *keme* 'зуб', алб. *dhëmb*, латыш. *zùobs*, рус. *зуб* при др.-инд. *jámbha-* 'большой коренной зуб (хищника)', греч. γόμφος 'гвоздь', др.-в.-нем. *kamb* 'гребень';

соотношение между этими конкретными диалектами на значительно более позднем хронологическом уровне, уже в эпоху их обособленного существования. К подобному типу изоглосс могут относиться такие лексические пары, как лат. *annus* 'год' (из **at[h]nos*), оск. *akenei*, умбр. *acnu* 'год' при гот. *дат. п. мн. ч.* *apnam* 'годам'; лат. *haedus* 'козел' при гот. *gaits* 'козел'; лат. *labium* 'губа' при др.-англ. *lippa* 'губа'; лат. *tacēre* 'молчать' при гот. *þahan* 'молчать' или галл. *rēda* 'четырехколесная повозка', др.-ирл. *dériad* 'пароконная повозка' при др.-исл. *reið* 'езда верхом', 'повозка'; др.-ирл. *lár* 'пол (земляной)', 'гумно' при др.-исл. *flórr* 'пол коровьего хлева', др.-англ. *flōr* 'пол' и др. Наличие закономерных соответствий в составе консонантизма приведенных форм указывает на возникновение в этих исторических индоевропейских диалектах рассмотренных общих лексем в период до осуществления в исторических диалектах преобразования трех индоевропейских серий смычных, являвшегося одним из последних фонетико-фонологических актов в процессе формирования исторически засвидетельствованных систем этих диалектов.

Тох. В *wāp-* 'ткать', алб. *venj* 'тку', греч. ὑφαίνω 'тку', др.-в.-нем. *weban* 'ткать' при др.-инд. *ubhnáti* 'он связывает';

Тох. А *swase*, В *swese* 'дождь', греч. ὗει 'идет дождь', алб. *shi* 'дождь', прус. *suge* 'дождь'.

При анализе лексических изоглосс, соотносимых с ареальными диалектными областями на хронологическом уровне 3, бросаются в глаза тесные взаимоотношения тохарского ареала с арийско-греко-армянским и балто-славяно-германским ареалами и отсутствие лексических связей тохарского ареала с итало-кельтским. Отсутствие лексических изоглосс между тохарским и итало-кельтским ареалами, которые на других хронологических уровнях составляют одну диалектную общность, следует объяснить, видимо, как свидетельство перемещения диалектных ареалов еще в пределах индоевропейской языковой общности на хронологическом уровне 3.

Более ранние диалектные связи, включающие и итало-кельтский ареал, отражают, очевидно, период до возникновения таких передвижений в пределах индоевропейской языковой общности:

Тох. В *tek-* 'трогать', лат. *tangō*, *tetigī*, *tāctum*, ст.-лат. *tagō* 'трогаю', 'касаюсь', др.-ирл. *tais* 'мягкий', др.-англ. *ðaccian* 'мягко прикасаться', греч. τεταγών 'ухватившийся';

Тох. А, В *plāk-* 'быть в согласии', А *plākäm* 'разрешение', В *plākī* 'согласие', лат. *placeō* 'нравлюсь', *placidus* 'ровный', 'мягкий', 'мирный', наряду с др.-исл. *flaga* 'тонкий слой земли', лит. *plākanas* 'ровный', 'плоский', греч. πλάξ 'равнина', 'плоскость';

Тох. А, В *āre* 'плуг', лат. *arō*, *arāre* 'пахать', др.-ирл. *airim* 'пашу' наряду с гот. *arjan* 'пахать', лит. *arìu* 'пашу', ст.-слав. *orjǫ* 'пашу', греч. ἀρόω 'пашу', арм. *arawr* 'плуг';

Тох. А *mañ* 'месяц', В *meñe* 'месяц', лат. *mēnsis* 'месяц', умбр. *menzne* 'mense', др.-ирл. *mí* (из **mēns*), *род. пад. mís* (из **mēnsos*) наряду с гот. *mēna* 'месяц', лит. *mėnuo* 'месяц', греч. ион. μείς, дор. μής 'месяц' (из **mēns*), μήνη, арм. *amis* 'месяц' (из **mēnsos*), алб. *múaj* 'месяц' (< **mōn-*).

Характерно, что в таких изоглоссах не участвует анатолийский ареал. Это позволяет локализовать их на хронологическом уровне 3 в пределах общеиндоевропейской общности при взаимодействии ареалов *A* и *B* с полностью обособленным диалектным ареалом, из которого позднее формируется анатолийский.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в этих лексических изоглоссах индо-иранских (арийских) лексем[1]. Лексические инновации, возникающие, очевидно, в диалектной общности *A* и *B* на хронологическом уровне 3 или позднее, на хронологическом уровне 4, не распространяются на области ареала *B*, из которой значительно позднее вычленяется

[1] Засвидетельствованная в индо-иранском форма **mēs-* 'месяц' выглядит архаизмом по сравнению с основой **mēn-* или **mēns-* от того же корня, которая и распространяется на всю диалектную область с ареалами *A* и *B*, исключая арийский и, вероятно, славянский (ср. форму **mēs-n-ko-* → рус. *месяц* и т. п.).

индо-иранский, и, возможно, на некоторые другие смежные области. Это, очевидно, указывает на некоторую обособленность данной области уже в пределах индоевропейской общности с ареалами *A* и *B*.

Такая же обособленность собственно арийской области в пределах исторического ареала *B* проявляется в наличии специфических для позднейшего индо-иранского диалекта форм числительных женского рода типа др.-инд. *tisráḥ* 'три' (*ж. р.*), авест. *tišrō*, др.-инд. *cátasraḥ* 'четыре' (*ж. р.*), авест. *čatasrō* при др.-ирл. *téoir* 'три', *cethéoir* 'четыре', *ж. р.*

Эта изоглосса охватывает исключительно только арийский без греческого и армянского, что и делает маловероятным соотнесение ее с хронологическим уровнем 5, и отодвигает ее к хронологическому уровню 4 или 3 в период образования категории женского рода.

5.12. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ДИАЛЕКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРЕДЕЛАХ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЛАСТИ НА ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ 2

Обособленность некоторой диалектной области, из которой в дальнейшем вычленяется индо-иранский, можно предположить для общеиндоевропейского диалектного ареала уже на хронологическом уровне 2.

Весьма показателен в этом смысле ряд лексических изоглосс, включающих наряду с остальными индоевропейскими диалектами и анатолийский, не затрагивающих, однако, индо-иранского:

Ср. лув. *u(ua)lant-* 'смерть', *ulantalli-* 'смертный' (ср. иер. лув. *walatali-* 'смертный', *Laroche 1959a : 104*): тох. A *wāl-* 'умирать', *walu* 'мертвый', др.-ирл. *fuil* 'кровь', валл. *gwelí* 'рана', при др.-исл. *valr* 'сраженные на поле боя', лит. *vėlės* 'духи мертвых', *Stang 1972 : 62*; ср. греч. Ἠλύσιον (πεδίον) 'Елисейские поля' (при аналогичном значении местопребывания умерших у других индоевропейских слов того же корня, *ср. Puhvel 1969*);

Хет. *lagari* 'он лежит', тох. A *läk-* 'лежать', *lake* 'ложе', 'лагерь', B *leke*, лат. *lectus* 'ложе', др.-ирл. *lige* 'кровать', гот. *ligan* 'лежать', греч. λέχεται · κοιμᾶται *(Гесихий)*, λέκτρον 'ложе', алб. *lágje* 'квартал';

Хет. *ḫuuant-* 'ветер'; тох. A *want*, B *yente* 'ветер', лат. *uentus*, валл. *gwynt* 'ветер', гот. *winds* 'ветер' (образование на **-nt*[*h*]-[*o*]- с этим специализированным значением 'ветер' является инновацией для всего этого ареала, исключая арийский, где 'ветер' обозначается другим производным от того же корня, как и в балто-славянском: др.-инд. *vā́ta-ḥ* 'ветер', лит. *vė̃tra* 'буря', ст.-слав. *vętrъ* 'ветер').

Соотнесение приведенных выше лексических изоглосс с хронологическим уровнем 2 выводится непосредственно из участия анатолийского в таких изоглоссах. Анатолийская лексема, показывающая закономерное соответствие с лексемой хотя бы одного индоевропейского диалекта, автоматически проецируется на хронологический уровень 2, то есть соотносится с системой общеиндоевропейского языка до полного вычленения анатолийского ареала (ср. хронологический уровень 3 на *Схеме 3*).

Этим фактором определяется значимость лексических данных анато-

лийских языков для реконструкции общеиндоевропейского состояния периода общности всех индоевропейских диалектов.

Однако хронологический уровень 2, на который проецируются анатолийские лексические соответствия другим индоевропейским диалектам, не характеризуется по необходимости диалектным единообразием, что и было установлено при анализе грамматических изоглосс. Лексические единицы, реконструируемые при анализе хронологического уровня 2, показывают диалектные различия, которые в ряде случаев совпадают в общем с диалектным членением на ареалы *A* и *B*, однако иногда дают и специфические лексические группировки, отраженные в качестве архаизмов в исторических индоевропейских диалектах, см. детально у *Gusmani 1968*.

Диалектное объединение анатолийского с тохарским и некоторыми другими диалектами на хронологическом уровне 2, совпадающее в основном с диалектным ареалом A, можно усмотреть в ряде лексических изоглосс:

Хет. *išťark-* 'болеть', тох. B *sark* 'болезнь', др.-ирл. *serg* 'болезнь' наряду с лит. *sergù*, *sirgti* 'быть больным';

Хет. *eku-/aku-* 'пить', тох. *yok-* 'пить', лат. *aqua* 'вода' наряду с гот. *ahva* 'поток', 'воды'. Противопоставляется другой индоевропейской основе *$p^{[h]}$oH- с тем же значением, выступающей в основном в диалектах ареала *B* (исключая германский): др.-инд. *pibati* 'пьет', греч. πίνω 'пью', арм. *ɜmpem* 'пью', алб. *pi* 'пить', прус. *poieiti* 'пьет', ст.-слав. *pijǫ* 'пью' при параллельном использовании обеих основ в кельто-италийском: лат. *bibō* 'пью', др.-ирл. *ibid* 'пьет';

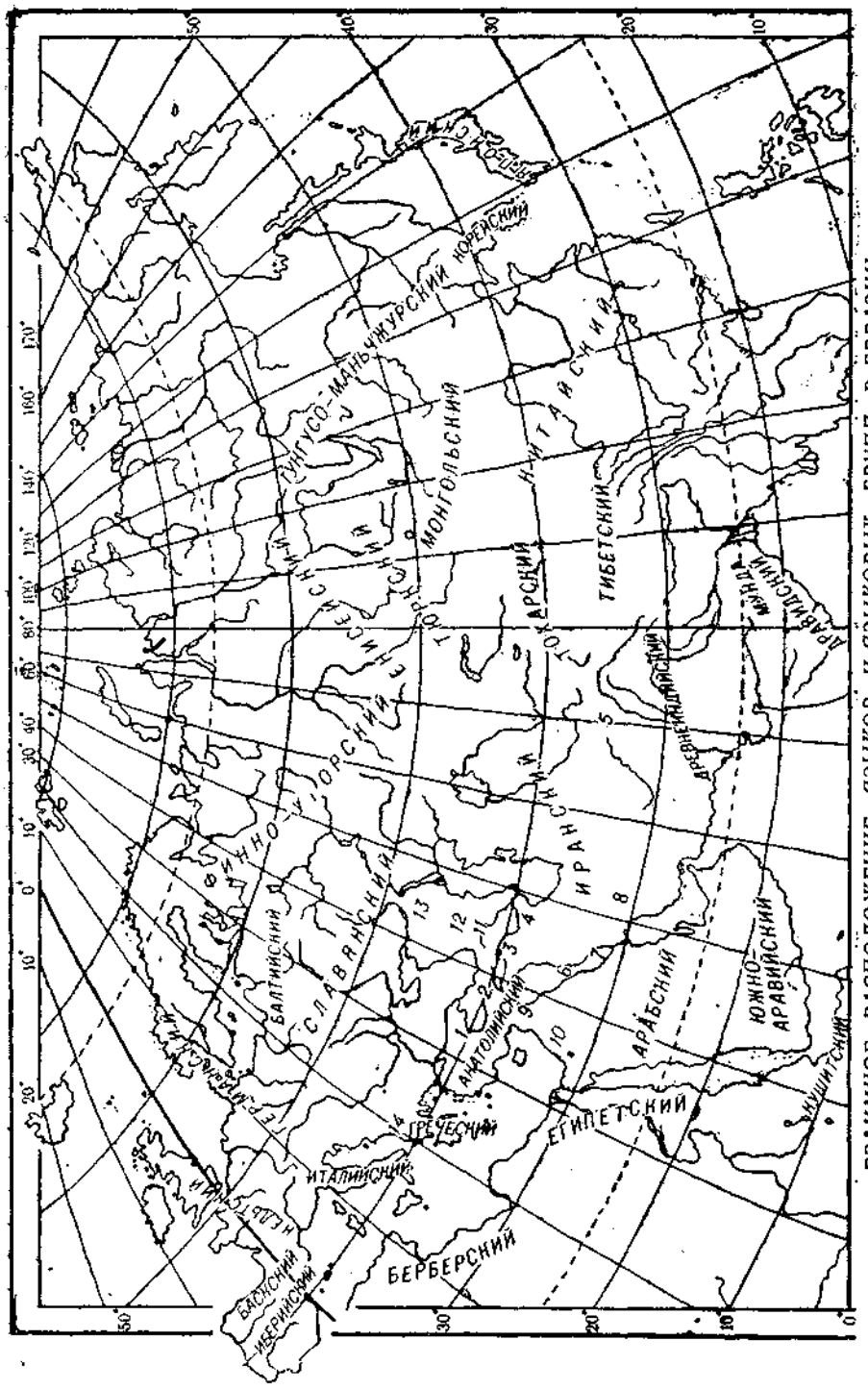
Хет.-лув. *tarna-* 'череп', тох. B *tarne* 'верхняя часть головы', 'макушка' *(Poetto 1976)*.

Наряду с таким бинарным членением общеиндоевропейской языковой области на два больших ареала *A* и *B*, устанавливаемым по комплексному свидетельству грамматических и лексических данных, можно предположить более дробные диалектные членения, охватывающие меньшие группы языков. Такие изоглоссы можно иллюстрировать отдельными соотношениями, как хет. *dalugašti-* 'длина' при польск. *długość* 'длина', чеш. *dlouhý* 'долгий' (*ср. Порциг 1964: 278—279*);

Хет. *-tala-* (суффикс имен деятеля) при общеслав. **-telĭ* (суффикс имен деятеля), противопоставленное суффиксу **-$t^{[h]}$er* в аналогичных образованиях других индоевропейских языков *(ср. Benveniste 1948)*.

5.13. ГРАММАТИЧЕСКИЕ, ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ЧЛЕНЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

Грамматические, фонологические и лексические изоглоссы, устанавливаемые в исторических индоевропейских диалектах, позволяют восстановить путем сравнительной реконструкции определенные этапы членения общеиндоевропейской языковой области на отдельные диалектные группы, развитие которых приводит к формированию исторических индоевропейских диалектов.

ВЗАИМНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВЫХ ГРУПП В ЕВРАЗИИ

1. *Фригийский* 2. *Хаттский* 3. *Армянский* 4. *Хуррито-урартский* 5. *Кафирский (нуристанский)* 6. *Аккадский* 7. *Шумерский* 8. *Эламский* 9. *«Палеоханаанейский»* 10. *Западносемитский* 11. *Картвельский* 12. *Северокавказский* 13. *«Древнеевропейские диалекты»* 14. *Албанский*

Картина такого развития восстанавливается путем ретроспективного движения от более поздних состояний к более ранним, вплоть до состояния, отражающего языковое единство, уже расчлененное на определенные диалектные группы. Дальнейший ход в глубь предшествующих языковых состояний можно осуществить уже путем внутренней реконструкции, что и было выше проделано для древних состояний праиндоевропейского языка в отношении его фонологической, морфологической и синтаксической структур.

5.14. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ ЕВРАЗИИ

Описанное ареальное членение общеиндоевропейского языка на диалектные общности, распадающиеся в дальнейшем на обособленные диалекты, приводит в конечном счете к формированию отдельных индоевропейских языков, которые в историческую эпоху распространились на обширных территориях Евразийского континента.

Географическое распределение этих языков в отношении друг к другу и по отношению к языкам других генеалогических семей сложилось в результате сложных исторических процессов, приведших к перегруппировке первоначально ареально близких диалектов общеиндоевропейского языка.

По письменным памятникам этих языков можно установить их древнейшее размещение в Евразии в исторический период и представить общую картину географических взаимоотношений этих языков с неиндоевропейскими языками смежных ареалов (см. *Карту* размещения диалектов, стр. 427).

Предлагаемая языковая карта Евразии представляет основные группы индоевропейских языков и контактировавших с индоевропейскими языками других языковых семей, которые были распространены на Евразийском континенте в различные исторические периоды. Тем самым Карта дает не картину одновременного ареального распространения этих языковых групп в определенный исторический период, а представляет пространственную фиксацию рассматриваемых групп языков с точки зрения их исторического расположения в пределах Евразийского континента. В этом смысле предлагаемую карту следует рассматривать скорее как схему взаимного расположения языков (главным образом, протоязыковых образований) с проекцией их размещения, устанавливаемого для разных эпох, на единую пространственную плоскость. Тут как бы несколько карт, отражающих взаимное распределение языков в определенный исторический период, объединены в единую пространственно-временну́ю схему.

Тамаз Валерианович Гамкрелидзе
Вячеслав Всеволодович Иванов

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫК И ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

Книга первая

INDO-EUROPEAN AND THE INDO-EUROPEANS

by

Thomas V. Gamkrelidze
&
Vjacheslav V. Ivanov

Part One

Редактор издательства М. Р. Чхаидзе

Художественный редактор И. К. Чиквинидзе

Технические редакторы: А. В. Омиадзе
И. В. Хуцишвили

Корректор Е. С. Сулханишвили

ИБ 325

Сдано в производство 13.12.79. Подписано в печать 15.12.83.

УЭ 01059. Бумага № 1. 70×108.

Усл. печ. л. 46,2. Уч.-изд. л. 40,28. Тираж 5000. Заказ 2011

Цена 4 р. 80 к.

Издательство Тбилисского университета,
Тбилиси, 380028, пр. И. Чавчавадзе, 14.
თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა,
თბილისი, 380028, ი. ჭავჭავაძის პროსპექტი, 14.

Набрано в типографии ТГУ,
Тбилиси, 380028, пр. Чавчавадзе, 1.

Отпечатано и переплетено в
Типографии АН ГССР,
Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
სჭ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა,
თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19

თამაზ გამყრელიძე, ვიაჩესლავ ივანოვი

ინდოევროპული ენა და ინდოევროპელები

წიგნი პირველი

(რუსულ ენაზე)

თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა
თბილისი 1983

ACADEMY OF SCIENCES, U.S.S.R. ● ACADEMY OF SCIENCES, GEORGIAN S.S.R.

TSERETELI INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
THE INSTITUTE FOR SLAVIC AND BALKAN STUDIES

INDO-EUROPEAN AND THE INDO-EUROPEANS

A RECONSTRUCTION AND HISTORICAL TYPOLOGICAL ANALYSIS OF A PROTOLANGUAGE AND A PROTO-CULTURE

By
THOMAS V. GAMKRELIDZE
&
VJACHESLAV V. IVANOV

PART TWO

PUBLISHING HOUSE
OF THE TBILISI STATE UNIVERSITY
TBILISI * 1984

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ, Вяч. Вс. ИВАНОВ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫК И ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАЯЗЫКА И ПРОТОКУЛЬТУРЫ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТБИЛИСИ * 1984

Во второй части *монографии разбираются проблемы формально-семантической реконструкции праязыковой лексики и восстановления на этой основе картины экологических и культурно-исторических реалий среды обитания племен-носителей праязыковой системы. На базе анализа особых семантических групп реконструируемой общеиндоевропейской лексики, с привлечением богатого культурно-исторического, этнологического и археологического материала, выдвигается гипотеза относительно локализации в пространстве и времени общеиндоевропейского языка-основы и в соответствии с этим о времени и путях миграций носителей индоевропейских диалектов из предполагаемой доисторической "прародины" в Передней Азии в исторические места их расселения.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОТОКУЛЬТУРЫ

The apocryphal epilogue which the editors of Saussure's Cours added in italics: "The true and unique object of linguistics is language studied in and for itself" is to be rejected by the present-day linguistics. We conceive today of language as a whole "in and for itself" and simultaneously as a constituent part of culture and society.

"Апокрифический эпилог, который издатели «Курса» Соссюра добавили в кавычках: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя», следует отвергнуть с позиции современной лингвистики. Теперь мы понимаем язык как целое в самом себе и для себя, но одновременно и как составную часть культуры и общества".

Roman Jakobson

C'est, en dernière analyse, seulement le côté pittoresque d'une langue, celui qui fait qu'elle diffère de toutes autres comme appartenant à certain peuple ayant certaines origines, c'est ce côté presque ethnographique qui conserve pour moi un intérêt...

"В конечном счете только изобразительная сторона языка, отличающая его от других как относящегося к определенному народу с определенной историей, это именно та почти этнографическая сторона, которая и составляет интерес для меня".

Férdinand de Saussure, *Lettre à Antoine Meillet (4 janvier, 1894)*

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОТОКУЛЬТУРЫ

ВСТУПЛЕНИЕ

МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРАЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

1. Диалектная и общеязыковая лексика как основа для реконструкции семантического словаря праязыка 457
2. Соотнесение семантики реконструируемых лексем с «миром вещей» 457
3. Семантический словарь и реконструкция культуры 460
4. Реконструкция ритуальных и мифологических мотивов и фрагментов текста 460
5. Индоевропейский семантический словарь как отражение картины протокультуры 461

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МИР «ЖИВОГО». БОГИ, ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЕ

1. Классификация мира «живого» в представлениях древних индоевропейцев. Различительные признаки классификации
   - 1.1. Обозначение класса «живого» 465
   - 1.2. Признаки «одушевленный» — «неодушевленный». Два класса одушевленности 465
   - 1.3. «Животный» и «растительный» мир и их обозначения 467
2. Класс «одушевленных существ»
   - 2.1. Противопоставление «дикий» — «недикий» 468
   - 2.2. «Люди» и «домашние животные» как класс «недиких» существ 469
   - 2.3. Противопоставление «людей» миру «животных». Признак «говорящий» — «неговорящий» 471

2.4. Противопоставление «двуногий» — «четвероногий» 473
2.5. Классификация «разумных» существ по признакам «смертный» — «бессмертный», «земной» — «небесный» 474
2.6. «Язык богов» — «Язык людей» 476
2.7. Противопоставление «земных» людей по признаку «свободный» — «несвободный» 476
2.8. Соотношение между классом «несвободных людей» и «домашними животными» 477
2.9. Диалектные обозначения «несвободных» 478
2.10. Проецирование отношений между «свободным» и «несвободным» в мир «богов». «Человек» как «несвободный» по отношению к «богу» 480
2.11. Классификация «одушевленных недиких существ» 480
3. Иерархическое членение класса «домашних животных»
3.1. Группы «домашних животных» 481
3.2. «Конь» и «лошадь» как животные, особо близкие к «человеку». Главенствующее положение «лошади» среди домашних животных 482
3.3. Классификация всей группы «домашних животных» 483
4. «Дикие животные»
4.1. Классификация групп «диких животных» 485
4.2. Животные «Среднего мира» 485
4.3. «Животные богов» в древнехеттской традиции 486
4.4. Параллели «животным богов» в других индоевропейских традициях 487
4.5. Животные «Нижнего мира» 488
4.6. Животные «Верхнего мира» 489
4.7. Общая классификация мира «диких животных» 489
4.8. Типология индоевропейской классификации «живых существ» 490

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ДИКИХ ЖИВОТНЫХ» И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Животные «Среднего мира»

1. «Волк»
1.1. Первичные индоевропейские названия «волка» 492
1.2. Ритуальная роль «волка» в древних индоевропейских традициях 493
1.3. Ритуальная функция «волка» и его диалектные обозначения 494
1.4. Этнонимы и топонимы, связанные с названием «волка» 495
1.5. Типологические и ареальные параллели к функции «волка» у древних индоевропейцев 496
2. «Медведь»
2.1. Индоевропейское название «медведя» 497
2.2. Культовая роль «медведя» в хеттской и других древних индоевропейских традициях 497
2.3. Табуирование названия «медведя» и его эвфемистические обозначения 498
2.4. Типология индоевропейского культа «медведя» 499
3. «Леопард», «барс», «пантера»
3.1. «Леопард» в древнехеттской традиции 500
3.2. Обозначение «леопарда» - «барса» в хеттском и индо-иранском 500
3.3. Роль «пантеры» - «барса» в древнегреческой традиции 501
3.4. «Барс» в древнеармянской легенде 502

3.5. «Леопард» - «пантера» в средневековых европейских традициях 503
3.6. «Леопард»-«барс» и его обозначения в индоевропейском 504
3.7. Связь индоевропейского обозначения «барса» с древнемалоазийским 505
3.8. Замены названия «барса» в древних индоевропейских диалектах 506
3.9. Типология культа «леопарда» - «барса» в Передней Азии 506

4. «Лев»
4.1. Проблема обозначения «льва» в исторических индоевропейских диалектах 507
4.2. Культовая роль «льва» в древних индоевропейских традициях 508
4.3. Общеиндоевропейское обозначение «льва» и его отношение к афразийским и другим переднеазиатским названиям 510
4.4. Следы индоевропейского слова, обозначающего «рычание льва» 511
4.5. Типология культа «льва» на Ближнем Востоке 511

5. «Рысь»
5.1. Обозначение «рыси» в индоевропейских диалектах 511
5.2. Роль «рыси» в индоевропейских мифологических и ритуальных традициях 512

6. «Шакал», «лиса»
6.1. Индоевропейское обозначение «шакала», «лисы» и его первоначальное значение 513
6.2. Роль «шакала», «лисы» в древней индоевропейской традиции 514

7. «Дикий кабан», «вепрь»
7.1. Индоевропейское обозначение «дикого кабана», «вепря» и его преобразования в исторических диалектах 514
7.2. Культовая значимость «дикого кабана» в древних индоевропейских традициях 516

8. «Олень», «лось», «антилопа»
8.1. Индоевропейские названия животного 517
8.2. Табуирование древнего названия «оленя» и его мифологическое значение 518

9. «Дикий бык», «тур», «зубр»
9.1. Индоевропейское название «дикого быка» и его связь с семитским 519
9.2. Культовая роль «тура», «дикого быка» в отдельных традициях 520
9.3. Производные от названия «дикого быка» в индоевропейских диалектах и их кавказские параллели 520

10. «Заяц»
10.1. Индоевропейское название «зайца» и его замены в отдельных диалектах 521

11. «Белка», «хорек», «горностай»
11.1. Обозначение «белки» в индоевропейских диалектах 522

12. «Обезьяна»
12.1. Реконструкция общеиндоевропейского названия «обезьяны» и его связи с переднеазиатскими терминами 523

13. «Слон», «слоновая кость»
13.1. Реконструкция древних диалектных названий для «слона» и их связь с миграционными переднеазиатскими терминами 524

II. Животные «Нижнего мира»

1. «Змей», «змея», «червь»
1.1. Индоевропейские обозначения «змеи», их варианты и замены в отдельных диалектах 525
1.2. Основной мотив, связанный со «змеем», в индоевропейской мифологии 527

2. «Выдра», «бобер», «водяное животное»
2.1. Индоевропейские диалектные названия «водяного животного», «выдры», «бобра» 529
2.2. Ритуальная и культовая роль «бобра» в отдельных индоевропейских традициях 530
3. «Мышь», «крот»
3.1. Общеиндоевропейское название «мыши» 531
3.2. Мифологическая и обрядовая роль «мыши», «землеройки», «крота» в древних индоевропейских традициях 531
4. «Черепаха»
4.1. Диалектные названия «черепахи» 533
5. «Краб»
5.1. Индоевропейское название «краба» 533
6. «Жаба», «лягушка»
6.1. Описательное название «жабы», «лягушки» и роль животного в индоевропейской мифологии 534
7. «Муха», «овод»
7.1. Общеиндоевропейское название «мухи» 534
8. «Оса», «шершень»
8.1. Диалектные названия «осы», «шершня» 535
9. «Гнида», «вошь»
9.1. Общеиндоевропейские названия «гниды» и «вши» 535
10. «Рыба», «лосось»
10.1. Индоевропейские диалектные названия «рыбы» как животного «водного мира» 535
10.2. Проблема названия «лосося» в индоевропейском 536

III. Животные «Верхнего мира»

1. «Птица», «орел»
1.1. Индоевропейские названия «птицы» 537
1.2. Индоевропейское название «орла» 538
1.3. Мифологическая роль орла в древней индоевропейской традиции. Связь «орла» с «морем» 538
1.4. Табуистические замены названия «орла» в отдельных индоевропейских диалектах 539
2. «Журавль»
2.1. Индоевропейское название «журавля» 540
3. «Ворон», «ворона»
3.1. Индоевропейское название «ворона» как обозначение звукоподражательного характера 540
4. «Дрозд», «скворец», «воробей»
4.1. Диалектные обозначения птиц в индоевропейском 541
5. «Тетерев», «глухарь»
5.1. Индоевропейское название «тетерева» 541
6. «Дятел», «маленькая птичка», «зяблик»
6.1. Индоевропейское название «дятла» 541
6.2. Индоевропейские названия «маленькой птички», «зяблика» 542
7. «Гусь», «водяная птица», «лебедь», «утка»
7.1. Индоевропейское название «гуся» - «лебедя» 542
7.2. Индоевропейское диалектное название «утки» 543

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ». ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ЖИВОТНЫХ И ИХ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

I. *«Животные», ритуально близкие к «человеку»*

1. «Конь», «лошадь»
   - 1.1. Общеиндоевропейское название «коня», «лошади» 544
   - 1.2. Роль «лошади» у древних индоевропейцев. «Лошадь» в древнехеттской традиции. Ее военно-транспортная, культовая и мифологическая роль 545
   - 1.3. Коневодство и митаннийские арийцы 546
   - 1.4. «Конь», «лошадь» в древнеиндийской традиции. Культ коня в «Ригведе» и «Ашвины» 548
   - 1.5. «Конь», «лошадь» в древнеиранской традиции и ее ритуальная значимость 550
   - 1.6. «Конь», «лошадь» в древнегреческой традиции. Ритуальная и мифологическая роль «лошади» 550
   - 1.7. Следы культа «лошади» в римской традиции 552
   - 1.8. «Лошадь» в кельтской традиции 552
   - 1.9. Культ «лошади» в германской традиции 553
   - 1.10. Древние германские названия «коня» и «лошади» 553
   - 1.11. Кельто-германское название «лошади» и его азиатские источники 554
   - 1.12. Культ «лошади» у древних балтов 555
   - 1.13. «Лошадь» в славянской традиции. Славянские названия «лошади» 555
   - 1.14. Древнебалканские названия «лошади» 556
   - 1.15. Роль «лошади» у древних индоевропейцев 556
   - 1.16. Проблема доместикации «лошади» и ее диких предков 557
   - 1.17. Проблема первоначального ареала доместикации «лошади» 558
   - 1.18. Связь индоевропейского названия «лошади» с переднеазиатскими 560
   - 1.19. Проблема древнего влияния индоевропейского коневодства на Восточную Азию (Китай) 561
2. «Осел»
   - 2.1. Индоевропейские названия «осла» и проблема их переднеазиатского происхождения 562
   - 2.2. «Осел» как культовое животное у древних индоевропейцев 563
   - 2.3. Типология ритуально-культовой роли «осла» в Передней Азии. Связь названий «осла» и «лошади» 563
3. «Бык», «корова», «крупный рогатый скот»
   - 3.1. Общеиндоевропейское название «быка», «коровы» 565
   - 3.2. Диалектная дифференциация названий «быка» и «коровы» 566
   - 3.3. Хозяйственная функция «коровы» по данным индоевропейских диалектов и проблема молочного хозяйства у древних индоевропейцев. Диалектные слова для «молока» 567
   - 3.4. «Корова» как культово-ритуальное животное у древних индоевропейцев 571
   - 3.5. Хозяйственно-экономическая значимость «коровы» и «быка» в древних индоевропейских традициях 572
   - 3.6. Проблема доместикации «быка» и связь индоевропейского обозначения «быка», «коровы» с переднеазиатскими и центральноазиатскими миграционными терминами 573
   - 3.7. Культовая роль «быка» у древних индоевропейцев 575

5. «Пчела» и «пчеловодство»
5.1. Проблема общеиндоевропейского названия «пчелы» и его табуирование 602
5.2. Индоевропейские названия «меда» как свидетельство древности пчеловодства у индоевропейцев 603
5.3. Пчеловодство и его культовая роль по данным древних индоевропейских традиций 605
5.4. Типология добывания «меда» и виды пчеловодства у древних индоевропейцев 607
5.5. Индоевропейские названия «улья» и «воска» 609
5.6. Направление распространения пчеловодческого хозяйства и связь индоевропейских терминов пчеловодства с евразийскими 610

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «РАСТЕНИЙ». ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАСТЕНИЙ И ИХ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

I. Растительный мир. Деревья

1. «Дерево», «дуб»
1.1. «Деревья» внутри «растительного мира» 612
1.2. Общеиндоевропейское название «дерева», «дуба» 612
1.3. Семантика индоевропейской лексемы **t'e/oru-*, **t're/ou-* и ее отражение в значениях соответствующих слов в отдельных исторических диалектах 613
1.4. Индоевропейское название «дуба», «скалы» 613
1.5. Связь названия «божества» с названием «дуба» 614
1.6. Разновидности «дуба» и «горного дуба» в Евразии 615
1.7. Культовая роль «дуба» в культурных традициях Передней Азии 616
1.8. Хозяйственная роль «дуба» у древних индоевропейцев и индоевропейские названия «желудя» 617
1.9. Табуистические замены названия «дуба» в отдельных индоевропейских диалектах 618
2. «Береза»
2.1. Общеиндоевропейское название «березы» 619
2.2. Происхождение индоевропейского названия «березы» от основы в значении «блестеть» 620
2.3. Хозяйственное и ритуальное использование «березы» у древних индоевропейцев 620
2.4. Территориальное распространение разновидностей «березы» 621
3. «Бук»
3.1. Общеиндоевропейское название «бука» 621
3.2. Ритуальная роль «бука» в древних индоевропейских традициях 622
3.3. Территориальное распространение «бука» и «аргумент бука» в связи с проблемой «индоевропейской прародины» 623
4. «Граб»
4.1. Индоевропейские названия «граба» 624
4.2. Проблема происхождения названия «граба» в индоевропейском 624
4.3. Связь названий «деревьев» с терминами для нанесения «знаков» на дерево 624

5. «Ясень»
5.1. Индоевропейское название «ясеня» 625
5.2. Территориальное распространение «ясеня» 625
5.3. Смещение значений в семантическом поле названий «деревьев» в индоевропейском 625
6. «Осина», «тополь»
6.1. Диалектные названия «осины», «тополя» 626
6.2. Индоевропейские слова для «осины», «тополя» в тюркских языках 627
6.3. Территориальное распространение «осины» 627
7. «Ива», «ветла»
7.1. Индоевропейское название «ивы», «ветлы» и его позднейшие замены 628
8. «Тис»
8.1. Индоевропейские названия «тиса» 628
8.2. К проблеме этимологии хеттского ^{GIŠ}*eia*-. Ритуально-мифологическая роль «тиса» в отдельных индоевропейских традициях 629
8.3. Территориальное распространение «тиса» в Евразии 630
9. «Пихта», «ель», «сосна»
9.1. Диалектные названия «вечнозеленых деревьев» в индоевропейском 631
9.2. Происхождение индоевропейских названий «вечнозеленых деревьев» и этимологическая связь этих названий с обозначением «смолы» и «красок» 632
9.3. Территориальное распространение «сосны», «пихты» в Евразии 633
9.4. Индоевропейские названия «ели» 633
9.5. Иранские названия «хвойных деревьев» и их картвельские параллели 634
10. «Ольха»
10.1. Индоевропейские названия «ольхи» 635
11. «Ореховое дерево», «орех»
11.1. Индоевропейское название «ореха» 635
11.2. Территория исторического распространения «грецкого ореха» 637
12. «Яблоня», «яблоко»
12.1. Древнеевропейские названия «яблока» 637
12.2. Хозяйственная и культовая значимость «яблока» в древней Европе 638
12.3. Название «яблока» как общеиндоевропейская лексема 639
12.4. Параллели индоевропейскому названию «яблока» в неиндоевропейских языках Ближнего Востока 641
12.5. Другое древнее диалектное название «яблока» и хет. *mahla*- «лоза» 641
12.6. Мифологическая роль «яблока» в древних индоевропейских традициях 642
13. «Кизил», «вишня»
13.1. Индоевропейские названия «кизила», «вишни» 643
13.2. Распространение, хозяйственное назначение и мифологическая роль «кизила» и «вишни» 644
14. «Тутовое дерево», «шелковица»
14.1. Индоевропейские названия «тутового дерева» 645
14.2. Распространение и хозяйственное назначение «тутового дерева» 646

II. Растительный мир. Культурные растения и злаки

1. «Виноград», «вино»
1.1. Название «вина» в древних индоевропейских диалектах 647
1.2. Связь индоевропейского обозначения «вина» с переднеазиатскими названиями 648

1.3. Название «вина» как древний переднеазиатский миграционный термин. Миграционный переднеазиатский термин для «вина» как исконно индоевропейское слово и его этимологические связи 649
1.4. Древнейший переднеазиатский очаг виноградарства 651
1.5. «Виноград», «вино» в древних индоевропейских традициях 651
1.6. Индоевропейский термин для «жертвенного возлияния вина 652
1.7. Отсутствие индоевропейского термина для «вина», «винограда» в индоиранском и культ «божественного» напитка «сомы-хаомы» 653
1.8. Следы древней терминологии, относящейся к виноградарству в иранском. Название «лозы» 654

2. «Зерно», «ячмень»
2.1 Индоевропейские названия «зерна», «ячменя» 655
2.2. Ареал древнейшего распространения «ячменя» 656

3. «Пшеница»
3.1. Индоевропейские названия «пшеницы» 657
3.2. Ареал древнейшего распространения «пшеницы». Связь индоевропейского названия «пшеницы» с евразийскими 658

4. «Просо», «рожь», «овес»
4.1. Диалектные названия «проса», «ржи», «овса» 658
4.2. Культурно-исторические данные о распространении «ржи» и «овса» 659

5. «Лен», «конопля»
5.1. Индоевропейское название «льна» 659
5.2. Территория распространения «льна»; хозяйственная и мифологическая роль «льна» у древних индоевропейцев 659
5.3. Замена названия «льна». Миграционные термины для «конопли» 660

III. Растительный мир. Кустарники, травы

1. «Вереск»
1.1. Индоевропейское название «вереска» 662
1.2. Территория распространения «вечнозеленого кустарника», «вереска» 662

2. «Роза», «шиповник»
2.1. Индоевропейское название «розы», «шиповника» 663

3. «Мох»
3.1. Индоевропейское название «мха» 663

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОКРУЖАЮЩАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА, КЛИМАТ. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ

1. Обозначение явлений неживой природы
1.1. Реконструкция картины географической среды обитания по лингвистическим данным 665

2. Обозначения ландшафта
2.1. Индоевропейские названия «горы» 665
2.2. Представления о «высоких горах» у древних индоевропейцев 667
2.3. Связь «горы» с «тучами», «облаками» в представлениях древних индоевропейцев 667
2.4. Обозначение «горы» как «высокой» 668
2.5. Обозначения «горы», «возвышенности» 669
2.6. Разветвленная терминология, обозначающая «горы» в индоевропейском 669

3. Обозначения «водных бассейнов»
3.1. Индоевропейские названия «реки», «потока» 670
3.2. Обозначение «реки» как «быстротекущей» 670
3.3. Общие обозначения «воды» в индоевропейском 671
3.4. Индоевропейские названия «моря», «озера» 671
3.5. Обозначение «моря», «озера», «болота» в индоевропейском 672
3.6. Диалектные названия «моря» 673
3.7. Обозначение «моря» как «соленого» 674
3.8. Судоходство и терминология судоходства у древних индоевропейцев 674
3.9. Представления о «море» у древних индоевропейцев. Мифологическая роль «моря» в древней индоевропейской традиции 675
4. Метеорологические явления: «ветер», «буря», «дождь», «снег», «лед»
4.1. Индоевропейские названия «ветра» и «бури» 677
4.2. «Ветер», «буря» в индоевропейской мифологии 677
4.3. «Ветры четырех сторон света» 678
4.4. Индоевропейское обозначение «дождя» 679
4.5. «Дождь» как проявление силы божества. Табуирование названия «дождя» 679
4.6. Ритуалы вызывания «дождя» 680
4.7. Индоевропейские названия «снега» 681
4.8. Обозначения «холода», «льда» в индоевропейском 681
4.9. Индоевропейские обозначения «тепла», «жары» 683
5. Небесные тела: «солнце», «луна», «звезда», «созвездия»
5.1. Индоевропейское название «солнца» 684
5.2. Индоевропейские названия «луны», «месяца» 684
5.3. Мифологические представления о Луне и Солнце у индоевропейцев 685
5.4. Индоевропейское название «звезды» и его связь с семитским 685
5.5. Диалектные названия «звезд» и «созвездий» 686

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ. РЕМЕСЛА И ТРАНСПОРТ

1. Реконструкция хозяйственной деятельности древних индоевропейцев по лингвистическим данным
1.1. Терминология хозяйственной деятельности 687
2. Терминология земледелия
2.1. Индоевропейские названия «пахоты» и «плуга» 687
2.2. Индоевропейское обозначение «посева» 688
2.3. Диалектные обозначения «борозды» 689
2.4. Диалектные обозначения «плуга», «частей плуга» и «сохи» 689
2.5. Культурно-исторические данные о распространении плуга 690
2.6. Индоевропейские обозначения времен года по сельскохозяйственным циклам 690
2.7. Индоевропейские названия «серпа» 691
2.8. Индоевропейские термины для «размалывания зерна» и для «ступок» 692
2.9. Индоевропейские обозначения «мельницы», «жернова» 693
2.10. Диалектные термины для «зерна» 694
3. Терминология скотоводства и охоты
3.1. Термины для «пастьбы» и охраны «стада» 694
3.2. Древнее название «пастуха» 695
3.3. Индоевропейские термины, относящиеся к охоте 695

4. Элементы материального быта древних индоевропейцев
4.1. Общие термины для «еды» и «приема пищи» 697
4.2. Противопоставление «сырая пища» — «вареная пища» 698
4.3. Обработка пищи на «огне» 699
4.4. Индоевропейские обозначения «огня» и «очага» 699
4.5. Обрядовая роль «огня» и «очага» в древних индоевропейских традициях 700
4.6. Ритуальная пища, преподносимая божеству 701
4.7. «Обмен» пищей между людьми и богами и обозначение «голода» 701
4.8. Другие термины для «приема пищи» 702
4.9. Индоевропейское обозначение «питья», «поглощения жидкости» 702
4.10. Индоевропейские обозначения «пищи, приготовленной на огне» 703
4.11. Индоевропейское обозначение «соли» 703
4.12. Индоевропейские обозначения «масел» 703
5. Терминология ремесел и ремесленного производства
5.1. Термины «прядения» и «ткачества», «шитья» 704
5.2. Индоевропейские обозначения «одежды» и «одевания» 705
5.3. Общий термин для «ремесленного производства» в индоевропейском 705
5.4. Диалектные термины для ремесленного производства 706
5.5. Термины для обработки дерева 706
5.6. Индоевропейская терминология гончарного дела 707
5.7. Терминология металлургии. Названия «меди» 709
5.8. Индоевропейские названия «металлов» и цветовые признаки 710
5.9. Связь индоевропейского названия «меди» с древнемесопотамским 712
5.10. Индоевропейские названия «серебра» и связь с признаками «белый», «блестящий» 713
5.11. Индоевропейские обозначения «золота» 713
5.12. Соотношения между названиями металлов и цветов 714
5.13. Термины кузнечного дела 714
5.14. Названия металлических орудий в индоевропейском: «топор», «секира» 716
6. Терминология, относящаяся к средствам передвижения и транспорту
6.1. Наличие металлургии как предпосылка для изготовления колесных повозок 717
6.2. Индоевропейское обозначение «колеса» и «колесной повозки» 718
6.3. Слова, обозначающие «вращение» 719
6.4. Ритуальная роль «колеса» в древних индоевропейских традициях 720
6.5. Индоевропейское название «упряжи» и ее частей: «дышло», «ярмо», «ось» 721
6.6. Ритуальная роль «ярма» в древних индоевропейских традициях 722
6.7. Другие индоевропейские термины для «ярма» и частей упряжи: «ремень», «уздечка», «крючок» 723
6.8. Индоевропейские глаголы, означающие «езду в повозке» 723
6.9. Культурно-исторические данные о распространении колесных повозок у древних индоевропейцев. Повозки у хеттов 724
6.10. Колесная повозка в переднеазиатском погребальном обряде 726
6.11. «Колесо», «колесничий», «колесная повозка» в индо-иранской традиции 727
6.12. «Крытые повозки» у индо-иранцев 729
6.13. «Колесная повозка» и «колесница» в древнегреческой традиции 730
6.14. Ритуальная роль «колесницы» в древних европейских традициях 731
6.15. «Всадничество» и «верховая езда» 732
6.16. Передняя Азия как древнейший ареал распространения «колесных повозок». Пути распространения колесницы в Евразии 733
6.17. Древние индоевропейцы как обладатели «колесных повозок» 737

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ЭКОНОМИКА И СИСТЕМА РОДСТВА ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

1. Война как занятие и индоевропейские обозначения боевого оружия
1.1. Реконструкция названий боевого оружия и глагола, означающего «преследование, уничтожение противника» 739
1.2. Индоевропейские обозначения «захвата военной добычи» 740
1.3. Индоевропейские обозначения «войска», «народа», «военной защиты, обороны» 740
2. «Жилище» и «поселение» как единицы социальной структуры древних индоевропейцев
2.1. Индоевропейское обозначение «дома», «жилища» 741
2.2. Индоевропейское «поселение» как «объединение домов» 742
2.3. «Дверь» как «выход из дома» и оппозиция «дома» ~ «вне дома», «в поселении» ~ «вне поселения» 743
2.4. «Ограда» как граница «дома» или «поселения» 743
2.5. «Укрепленные поселения», «крепости» 744
2.6. «Укрепление», «крепость» в отдельных древних индоевропейских традициях 745
3. Общие экономические понятия по данным индоевропейского языка
3.1. Индоевропейские слова в значении «имущество», «собственность», «богатство» 746
3.2. Индоевропейские термины «купли» — «продажи» 747
3.3. Индоевропейские социально-экономические термины: «обездоленный», «неимущий», «вор» 747
4. Термины, обозначающие социальные объединения и их предводителей
4.1. Индоевропейское название «рода» 748
4.2. Индоевропейские слова в значении «племя, народ» 749
4.3. Древнее индоевропейское название «рода» и «предводителя рода» 750
4.4. Индоевропейское название «священного царя» 751
4.5. Диалектные обозначения «царя», «повелителя» 752
5. Индоевропейская терминология «обмена»
5.1. Общий термин «обмена» **l'oH-* 752
5.2. Другие индоевропейские термины для «обмена» 754
5.3. «Гостеприимство» и «угощение» 754
6. Система брачных отношений и система «свойства» у древних индоевропейцев
6.1. «Брак» как «обмен» женщинами и древнейшая индоевропейская терминология брачных отношений 755
6.2. Практика «умыкания женщин» как древнейший вид брака 756
6.3. Различные виды «брака» у древних индоевропейцев 757
6.4. Индоевропейские обозначения «мужчины» и «женщины» как супругов 758
6.5. Индоевропейское название «вдовы» 759
6.6. Индоевропейские термины «свойства» 760
6.7. Термины «свойства», отражающие отношения между нулевым поколением Ego и поколением родителей (поколением — I) 760
6.8. Общая структура отношений «свойства» и их обозначения 761
6.9. Патрилокальный характер индоевропейской «большой семьи» 762

7. Система «кровного родства» у древних индоевропейцев
7.1. Термины кровного родства нулевого поколения 763
7.2. Термины кровного родства поколения родителей (поколения —1) 765
7.3. Термины кровного родства поколения +1 765
7.4. Термины кровного родства поколения —2 766
7.5. Семантика и соотношение терминов **HauHo-* и **nep[h]ot[h]-* и проблема кросс-кузенных браков у древних индоевропейцев 767
7.6. Общая система и терминология брачно-родственных отношений 769
7.7. Древние брачно-родственные отношения как дуально-экзогамная система 772
7.8. Отношения между «племянником» и «дядей по матери» в дуально-экзогамной системе и следы их в древних индоевропейских традициях 772
7.9. Преобразование древней системы брачно-родственных отношений и нарушение принципа патрилокальности в отдельных исторических традициях 774

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СВЯЗЬ ДРЕВНЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СО СТРУКТУРОЙ ДУХОВНЫХ ПОНЯТИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНОЙ МИРА

1. Дуалистический принцип индоевропейской социальной организации и его преломление в ритуалах и мифологии
1.1. Двоичность религиозных и мифологических представлений 776
1.2. Древние индоевропейские представления о «двух предводителях племени» 776
1.3. Индоевропейский близнечный культ 777
1.4. Индоевропейский миф об инцесте близнецов 777
1.5. Дуалистические ритуалы в отдельных индоевропейских традициях 779
1.6. Индоевропейское обозначение «половины» 779
1.7. Пары лексических антонимов в индоевропейском 780
1.8. Символика «правого» и «левого» в индоевропейском 784
1.9. Обозначение парных частей тела в индоевропейском 786
2. Преобразование древней индоевропейской социальной организации и формирование структуры с тремя и четырьмя рангами. Отражение такой организации в духовных представлениях и мифологии
2.1. Преобразование древней дуальной социальной организации 787
2.2. Формирование трех или четырех социальных рангов в отдельных исторических индоевропейских обществах 787
2.3. Вопрос о хронологии формирования трех социальных рангов в отдельных исторических обществах и проблема тернарной структуры индоевропейского общества и мифологии 789
2.4. Перестройка древних брачно-родственных отношений и возникновение эндогамии в отдельных исторических обществах 789
3. Структура древнего индоевропейского пантеона
3.1. Соотношение между социальными структурами и структурой пантеона 790
3.2. Дуальный характер древнего индоевропейского пантеона 791
3.3. Верховное индоевропейское божество «Небо-Отец» 791
3.4. Индоевропейское божество «грома» и «боевой дружины» 792
3.5. Соотношение между верховными божествами индоевропейского пантеона 793
3.6. Преобразование древней индоевропейской системы пантеона в анатолийской традиции 794

3.7. Преобразование индоевропейского пантеона в древнеиндийской традиции 795
3.8. Отражение древнего индоевропейского пантеона в греческой мифологии 796
3.9. Преобразование древнего индоевропейского пантеона в италийском 797
3.10. Следы древней системы индоевропейского пантеона в других «древнеевропейских» традициях 798

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ РИТУАЛОВ. ПРАВОВЫЕ, МЕДИЦИНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ИДЕЯ ЗАГРОБНОГО МИРА И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

1. Индоевропейские общие духовные понятия и ритуалы
1.1. *Ритуальная деятельность как практика ранга «жрецов»* 800
1.2. Индоевропейские обозначения основных религиозных понятий 800
1.3. Индоевропейские обозначения религиозных обрядов 802
1.4. Индоевропейская терминология обрядов гадания 805
1.5. Индоевропейская ритуально-правовая терминология 805
1.6. Особенности распределения ритуально-правовых терминов по диалектным ареалам 807
1.7. Индоевропейское обозначение «кровной мести» 809
1.8. Ритуально-правовые формулы, включающие корни с общим значением 810
2. Индоевропейская медицинская терминология. Медицинские представления как часть ритуальной системы
2.1. Общее обозначение ритуального врачевания в индоевропейском 811
2.2. Структура ритуалов врачевания болезней 811
2.3. *Индоевропейские названия «частей тела»* 812
2.4. Отождествление в ритуале частей тела человека и животных и практика заклинаний 818
2.5. Соответствие частей тела частям мироздания в представлениях древних индоевропейцев 820
2.6. Представление о «человеке» как «происходящем из земли» 821
3. Представления о загробной жизни и погребальные обряды
3.1. Индоевропейское обозначение «смерти» как неотвратимого «рока» 822
3.2. «Напиток богов, преодолевающий смерть» 822
3.3. Загробный мир как «пастбище» 823
3.4. Индоевропейское обозначение «мира мертвых» 824
3.5. «Вода» как граница между «миром живых» и «миром мертвых» 825
3.6. Индоевропейские погребальные обряды. Древнехеттская традиция кремации трупов 826
3.7. Древнегреческая традиция трупосожжения 827
3.8. Обряд кремации в древнеиндийской традиции 828
3.9. Погребальные обряды и практика трупосожжения в древней Европе 829
3.10. Два способа захоронения у древних индоевропейцев и представления о разных видах смерти 830
3.11. *Общеиндоевропейский характер практики трупосожжения и культ* огня у древних индоевропейцев 831

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ТЕКСТА. ФРАГМЕНТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МЕТРИЧЕСКИЕ СХЕМЫ. СИСТЕМА СЧЕТА И ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА

1. Фрагменты мифо- и ритуально-поэтических текстов
1.1. Реконструкция фрагментов речи, бóльших, чем слово 832
1.2. Некоторые словосочетания индоевропейской поэтической речи 833
1.3. Металингвистические обозначения поэтической речи 835
2. Звуковая организация индоевропейской поэтической речи
2.1. Звуковые повторы, аллитерация, анаграммы 837
2.2. Реконструкция архаических индоевропейских метрических схем. Типология индоевропейской метрики 839
3. Числительные и система счета
3.1. Принципы реконструкции системы числительных. Десятичная система счета в индоевропейском 842
3.2. Числительные «один» и «первый» и их типология 842
3.3. Числительные первого «десятка» 844
3.4. Десятичность индоевропейской системы счета. Названия «ста» и «десятков» 846
3.5. Следы архаичной индоевропейской системы счета по пальцам руки 849
4. Символика чисел и следы архаичного индоевропейского календаря
4.1. Основные числа с символичным значением в индоевропейском 851
4.2. Символика числа «три». Троичность индоевропейской мифологической модели мира 851
4.3. Символика числа «четыре» и индоевропейская система времен года 852
4.4. Символика числа «семь» и следы лунной недели 854
4.5. Символика числа «двенадцать» 854

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ХРОНОЛОГИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА. **ПРОБЛ**ЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ «ПРАРОДИНЫ» И **ПУТИ** МИГРАЦИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН В **ИСТОРИЧ**ЕСКИЕ ОБЛАСТИ РАССЕЛЕНИЯ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВРЕМЕННЫЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕИНДО**ЕВРОПЕЙ**СКОГО ЯЗЫКА ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ И КУЛЬТУР**НО-ИСТОРИ**ЧЕСКИМ ДАННЫМ

Хронология общеиндоевропейского языка
1.1. Время и пространство как обязательные категории реальности праязыковой системы 859
1.2. Хронология индоевропейского праязыка в свете данных об анатолийской языковой системе. Древнейшая анатолийская ономастика и гидронимика 859

1.3. Хронология индоевропейского праязыка в свете данных о времени распада «греко-армяно-арийской» диалектной общности. Микенский греческий в его диалектном приурочении. Общеиндоевропейский язык как языковая общность, соотносимая с периодом V — IV тысячелетий до н. э. 863

2. Ареал распространения общеиндоевропейского языка и проблема индоевропейской «прародины»

2.1. Вопрос о «первоначальности» праязыковой территории 865

2.2. Индоевропейская «прародина» как географическая область с горным ландшафтом 865

2.3. Общеиндоевропейская флора и фауна как палеоботанические и палеозоологические указатели на соотнесенность индоевропейской экологической среды с зоной Средиземноморья — Передней Азии 866

2.4. Характер развитого скотоводства и земледелия в общеиндоевропейскую эпоху как аргументы против отнесения индоевропейской «прародины» к областям Центральной и Восточной Европы 868

2.5. Индоевропейский колесный транспорт и металлургия бронзы как свидетельство локализации первоначальной индоевропейской территории в Передней Азии 869

3. Контакты общеиндоевропейского языка с языками Древней Передней Азии

3.1. Ареальные связи праиндоевропейского языка с общесемитской и общекартвельской системами в пределах древней территориальной общности 870

3.2. Семитские и шумерские лексические заимствования в праиндоевропейском 871

3.3. Картвельско-индоевропейские лексические связи на праязыковом уровне 877

3.4. Хронологическая и ареальная соотнесенность праиндоевропейской, прасемитской и пракартвельской языковых систем 880

3.5. Лексические связи общеиндоевропейского языка с древними языками Передней Азии (хаттским, эламским, хуррито-урартским) 881

4. Типология индоевропейской культуры в сопоставлении с древневосточными цивилизациями

4.1. Уровень индоевропейской материальной и духовной культуры как признак близости к древним ближневосточным центрам цивилизации 883

4.2. Проблема древнеиндоевропейского письма. Хронология и истоки хетто-лувийской иероглифики 887

5. Соотнесение индоевропейской «прародины» на Ближнем Востоке с археологическими культурами Древней Передней Азии

5.1. Проблема установления в пределах Передней Азии археологической культуры, соотносимой с общеиндоевропейской 890

5.2. Признаки халафской культуры Верхней Месопотамии V—IV тысячелетий до н. э., сопоставимые с индоевропейскими 891

5.3. Энеолитическая археологическая культура Южного Кавказа V—IV тысячелетий. Куро-аракская культура III тысячелетия до н. э. и проблема её этнического соотнесения 892

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН-НОСИТЕЛЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ С ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕСТА ИХ ОБИТАНИЯ В ЕВРАЗИИ

1. Выделение анатолийской языковой общности из праиндоевропейского и миграции племен-носителей анатолийских диалектов
   - 1.1. Соотнесение ареалов распространения древнейших исторических индоевропейских диалектов с первоначальной территорией локализации общеиндоевропейского языка 895
   - 1.2. Направленность исторических смещений племен-носителей анатолийских диалектов в пределах Малой Азии с Востока на Запад 895
   - 1.3. Анатолийские лексические заимствования в языках древнего Южного Кавказа (картвельский, урартский) 897
2. Распад греко-армяно-арийского диалектного единства и миграции носителей греческих диалектов
   - 2.1. «Греко-армяно-арийская» диалектная общность и ее распад. Раннее выделение индо-иранского 898
   - 2.2. Миграции протоэллинов в материковую Грецию и на острова Эгейского моря через Малую Азию. Вопрос о догреческом субстрате 900
   - 2.3. Древнегреческие области Западной Анатолии (Милет, Аххиява) как свидетельство исторических миграций протоэллинов через Малую Азию 901
   - 2.4. Греческо-анатолийские связи как свидетельство исторического обитания носителей греческих диалектов в Малой Азии 902
   - 2.5. Приход греков в материковую Грецию с Востока. Греческо-картвельские лексические связи и «Миф об аргонавтах» 904
3. Древние балканские языки и их диалектная и ареальная соотнесенность. Проблема индоевропейских миграций через Балканы
   - 3.1. Фригийский язык и его соотнесенность с греко-армяно-арийской диалектной общностью 909
   - 3.2. Протоалбанский и его первоначальные диалектные связи 911
   - 3.3. Древнейший культурный очаг на Балканах V—IV тысячелетий до н. э. и его связь с малоазиатским (Чатал-Хююк) 911
4. Протоармянский диалект и пути его первоначального распространения
   - 4.1. Контакты протоармянского с хетто-лувийскими языками. Вопрос об определении языка страны Хайаса 912
5. Распад индо-иранской диалектной общности и пространственно-временное соотнесение различных миграционных волн носителей индо-иранских диалектов
   - 5.1. Ранние арийские диалекты: митаннийский арийский, кафирский, индо-арийский. Хронология заселения Афганистана и северо-западной Индии 914
   - 5.2. Следы арийского диалекта в Северном Причерноморье и проблема индоевропейских миграций через Кавказ 916
   - 5.3. Выделение иранских диалектов из арийской диалектной общности. Следы расселения восточных иранцев в Средней Азии и Афганистане 920
   - 5.4. Ранние свидетельства миграций праноязычных племен в Среднюю Азию и древнейшие иранские заимствования в финно-угорском 921

5.5. Миграции восточноиранских племен и раннеиранские заимствования в финно-угорских языках 929
5.6. Миграционные термины в древних центральноазиатских языках 931
5.7. Семантика раннеиранских заимствований в финно-угорском. Характер занятий раннеиранских переселенцев 933

6. Выделение тохарского из общеиндоевропейского языка и миграции носителей тохарских диалектов

6.1. Тохарские миграции на Восток и индоевропейские заимствования в китайском 935
6.2. Тохарские заимствования в финно-угорском 936

7. Выделение «древнеевропейских» диалектов из общеиндоевропейского языка и проблема миграций индоевропейских племен через Центральную Азию

7.1. Совместные миграции племен-носителей тохарского и «древнеевропейских» диалектов 938
7.2. Лексические связи «древнеевропейских» диалектов с языками Центральной Азии как свидетельство миграций индоевропейских племен в Восточную Европу через Среднюю Азию 939
7.3. Лексические изоглоссы как свидетельство совместного развития «древнеевропейских» диалектов 943
7.4. Северное Причерноморье и Приволжье как области совместного обитания носителей «древнеевропейских» диалектов. Проблема «вторичной индоевропейской прародины» 944
7.5. Следы совместного пребывания носителей «древнеевропейских» диалектов на «вторичной прародине» в древнейшей гидронимике Северного Причерноморья 945
7.6. «Вторичная прародина» как ареал формирования древнеевропейско-восточноиранских лексических связей. «Скифо-европейские» изоглоссы 946
7.7. «Вторичная прародина» и проблема балто-славяно-арийских лексических изоглосс 947
7.8. Пространственно-временное соотнесение «вторичной индоевропейской прародины» с курганной (древнеямной) археологической культурой Приурало-волжских степей III тысячелетия до н. э. 947
7.9. Продвижение носителей «древнеевропейских» диалектов в Центральную Европу и образование центральноевропейской гидронимики. Формирование отдельных индоевропейских языков Древней Европы 952

8. Диффузия антропологических типов в Евразии в соотнесении с картиной миграций индоевропейских племен

8.1. Диффузия древнего переднеазиатского антропологического типа в Западной Азии и Европе как отражение процессов этнического смешения 955
8.2. Конечные этапы индоевропейских миграций в II—I тысячелетиях до н. э. 956

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ 959
БИБЛИОГРАФИЯ 971
УКАЗАТЕЛИ 1115
ИНДЕКС К «УКАЗАТЕЛЯМ» 1313
ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ 1317

ВСТУПЛЕНИЕ

МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРАЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

1. ДИАЛЕКТНАЯ И ОБЩЕЯЗЫКОВАЯ ЛЕКСИКА КАК ОСНОВА ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРАЯЗЫКА

Картина ареальных соотношений индоевропейского языка, полученная в результате изучения грамматических, фонологических и лексических изоглосс индоевропейских диалектов, дает возможность судить о последовательном членении единой языковой системы и в соответствии с этим о характере связей между носителями этих диалектов. Тем самым чисто лингвистические данные дают возможность судить о некоторых нелингвистических (экстралингвистических) факторах, каковыми являются исторические соотношения между носителями определенных языковых единиц.

Особую ценность и значимость для реконструкции по лингвистическим данным экстралингвистических факторов исторического существования носителей определенных языков приобретает формально-семантический анализ лексики соответствующих диалектов, отражающей в принципе все основные моменты исторического существования носителей этих диалектов.

В понятие исторического существования носителей диалектов включаются как экологическая среда (фауна, флора, географическое окружение и климат) и их обитание и движение в этой среде, так и их культура в широком смысле (материальная и духовная). Семантическая реконструкция соответствующих лексем диалектов определенного языка позволяет (хотя по необходимости и фрагментарно) представить общую картину основных моментов исторического существования носителей родственных диалектов. Лингвистические данные выступают в подобных реконструкциях в качестве источника информации для представления древнейшей культуры и исторических путей существования и развития носителей таких диалектов.

2. СООТНЕСЕНИЕ СЕМАНТИКИ РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ ЛЕКСЕМ С «МИРОМ ВЕЩЕЙ»

Реконструкция элементов экстралингвистического мира носителей соответствующих диалектов позволяет в свою очередь более ясно представить чисто лингвистические соотношения между данными диалектами и их

развитие во времени, то есть уточнить и чисто лингвистические аспекты изучения языка.

Это прежде всего касается, естественно, семантического плана языка, исследование которого немыслимо без соотнесения его с внеязыковым "миром вещей", отраженным в преобразованном виде в плане содержания языка (ср. понятие "сильной семантики" в логическом смысле). Часто для формально реконструируемой лексемы праязыковое значение невозможно установить, не выходя за пределы чисто лингвистических фактов и не привлекая типологических данных, касающихся истории соответствующих областей культуры. Так, например, для общеиндоевропейской основы ***Haje/os-***, рефлексы которой в исторических индоевропейских диалектах дают значения 'медь', 'бронза', 'железо', устанавливается праязыковое значение 'медь' (а не 'бронза' и тем более не 'железо') ввиду хронологического приурочения периода индоевропейской языковой общности к эпохе меди. Особый упор в современной лингвистике на семантический анализ предполагает по необходимости выход из замкнутой системы языка (где можно рассматривать только преобразования данных смыслов в другие) в мир внеязыковых понятий с установлением определенных соотношений между единицами этого плана и семантической структурой языка.

Такой анализ языка в тесной связи с культурой носителей этого языка выработался на раннем этапе оформления и развития сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. Уже такие классики индоевропейского сравнительного языкознания, как Якоб Гримм, отмечали необходимость исследования языка в тесной связи с культурой его носителей[1]. Эта тенденция привела в середине и в особенности во второй половине XIX в. к *исследованиям, не утерявшим своего значения и сегодня*. Исследования этого характера нередко назывались, вслед за *Пикте* (*Pictet 1859—1863*), "лингвистической палеонтологией", анализировавшей культуру древних индоевропейцев по языковым данным.[2]

Работой, подводящей итоги столетних исследований в этой области, явилась известная книга *Шрадера* (*ср. Schrader/Nehring 1917—1923, I; 1929,II*).

Утвердившийся в лингвистике следующих десятилетий соссюровский принцип изучения языка "*в самом себе и для себя*" вызвал в известной сте-

[1] Характерно в этом отношении утверждение Гримма: Sprachforschung, der ich anhänge und von der ich ausgehe, hat mich nie in der Weise befriedigen können, daß ich nicht immer gern von den Wörtern zu den Sachen gelangt wäre; ich wollte nicht bloß Häuser bauen, sondern auch darin wohnen "Исследование языка, которым я занимаюсь и от которого исхожу, никогда не могло бы меня удовлетворить, если бы я от слов не переходил всегда к вещам; я хотел не только строить дома, но и жить в них".

[2] Точнее было бы называть это направление в языкознании "лингвистической палеонтологией культуры", поскольку объектом исследования является не праязык, а протокультура (в широком антропологическом смысле) носителей этого языка; реконструируется не столько сам язык, сколько внеязыковый мир, отражаемый в рассматриваемых языковых данных.

пени отход от исследования связей языка и культуры и перенос внимания главным образом на изучение структуры языка.

Такое ограничение исследования языка только вопросами его структуры сменяется в последние два десятилетия принципом изучения языка как продукта человеческой культуры в тесной связи с этой культурой и на широком фоне истории носителей языка.

Для структуры и истории индоевропейских диалектов существенное значение приобретает в этом аспекте изучение и реконструкция лексической семантики и установление диалектно распределяемых общеиндоевропейских лексем.

Со своей стороны, такие лексемы при реконструкции их первичной, общеиндоевропейской семантики дают прямые указания на экологические и культурные характеристики среды обитания носителей этих диалектов; по таким данным можно в первом приближении реконструировать фрагменты материальной и духовной культуры носителей диалектов индоевропейского языка и дать общую экологическую характеристику среды обитания, постоянно меняющейся в зависимости от миграций носителей отдельных диалектов индоевропейского языка.

Сравнение формально соответствующих друг другу слов исторических индоевропейских языков позволяет реконструировать распределяемые по диалектам исходные лексические архетипы с определенной семантикой, которые устанавливаются по конкретным значениям соответствующих исторических форм. Такие исходные, общие лексические архетипы могут соотноситься как с общеиндоевропейским хронологическим уровнем и постулироваться, следовательно, для общеиндоевропейской системы, так и с последующими хронологическими уровнями, отражающими отдельные диалектные объединения в пределах общего языка.

Сопоставление друг с другом реконструируемых таким путем индоевропейских лексем с определенной семантикой позволяет выделить лексико-семантические поля, объединяющие лексемы известных семантических групп, соотносимых с некоторыми классами внеязыковых объектов, каковыми являются, например, класс животных, класс растений, строения и жилища, орудия ремесленного производства и т. п.[1]

При этом обращает на себя внимание различие в стабильности в словаре языка отдельных лексем в зависимости от их глагольного или именного употребления. Так, например, древние имена существительные, обозна-

[1] Установление таких лексико-семантических групп на уровне реконструируемого праязыка позволяет сделать весьма важный с точки зрения фонетических соотношений между сопоставляемыми словами родственных языков вывод о возможности существенных отклонений от обычных звуковых соответствий между ними. Такие отклонения от устанавливаемых звуковых соответствий обнаруживают, в частности, слова, входящие в лексико-семантические группы названий животных, названий частей тела. Это может объясняться частым преобразованием слов этих лексико-семантических групп под влиянием различных эвфемистических и табуистических факторов. Данное обстоятельство вносит существенные оговорки в младограмматический тезис об отсутствии исключений из звуковых законов, что можно иллюстрировать и на многих конкретных примерах слов, входящих в определенные лексико-семантические группы.

чавшие различные виды орудий, подвергаются частым заменам в отдельных языках в связи с развитием техники и производства, в результате чего зачастую затруднительна реконструкция первоначальной формы слова, тогда как глаголы обнаруживают бóльшую стабильность в языке при меньшей конкретности терминологического значения.

3. СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ И РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Такие индоевропейские или общедиалектные лексемы, естественно, отражают в общих чертах среду обитания, материальный быт и культуру носителей этих диалектов. Эти же лексемы выступают в качестве древнейшего лексического слоя словаря общеиндоевропейского праязыка и отдельных его диалектов.

В соответствии со сказанным ниже следует классифицированный словарь индоевропейских семантем по определенным семантическим полям с привлечением необходимых данных о возможных исторических денотатах этих лексем, проливающих свет на экологическую среду и типологию культуры носителей соответствующих индоевропейских диалектов.

Реконструкция лексико-семантической системы общеиндоевропейского языка через восстановление этимологически соотносимых друг с другом слов отдельных исторических индоевропейских диалектов и соотнесение такой системы с внеязыковой действительностью позволяет увидеть в некотором приближении общую картину хозяйства, материальной культуры и социальной организации "древних индоевропейцев" — носителей общеиндоевропейского языка или его древних диалектных объединений.

Такая предполагаемая общая картина приобретает историческую реальность уже при типологическом сопоставлении ее с конкретными культурами прошлого и настоящего. Это — своего рода типологическая верификация реконструируемой культуры на основании культур, реально засвидетельствованных.

Исключительную значимость приобретают при верификации реконструируемой картины культуры (и в особенности ее материальной стороны) археологические данные, иллюстрирующие типологическую возможность предполагаемой материальной культуры.

4. РЕКОНСТРУКЦИЯ РИТУАЛЬНЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ И ФРАГМЕНТОВ ТЕКСТА

Реконструированная праиндоевропейская лексема рассматривается в семантическом словаре комбинированно с теми мифологическими и ритуальными мотивами, в которых участвуют денотаты этих лексем. Такой метод изложения позволяет переходить от слов и их денотатов к сравнительному анализу мифологических и ритуальных мотивов и к установлению исходных семантических архетипов мифологем и ритуалов, восходящих к

периоду индоевропейской общности, и к описанию их преобразования в отдельных исторических индоевропейских традициях.

Восстановление общих мифологических и ритуальных мотивов-ситуаций представляет собой чисто семантическую реконструкцию и в принципе может и (не) находиться в зависимости от конкретных слов, их описывающих в разных исторических традициях. Однако практически такие схожие мифологические и ритуальные мотивы, устанавливаемые для отдельных исторических индоевропейских традиций и возводимые к некоторым исходным общеиндоевропейским моделям, описываются текстами, в которых часто участвуют этимологически соотносимые друг с другом слова или целые словосочетания. Это еще больше удостоверяет общность происхождения таких мифологических и ритуальных мотивов, иллюстрирующих представления и духовную культуру носителей общеиндоевропейского языка. Вместе с тем, это позволяет реконструировать для общеиндоевропейского языка не только отдельные слова с определенной семантикой, но и некоторые праязыковые фрагменты текста, то есть отрезки текста, бóльшие, чем слова. Это — уже в некотором смысле примеры общеиндоевропейской синтагматики на уровне слов, полученной не путем применения комбинаций изолированно реконструируемых слов (типа известной басни Шлейхера), а посредством реконструкции цельных фрагментов текста на основании этимологически соотносимых в родственных традициях отдельных фраз, выражений и сложных слов.

Подобная семантическая реконструкция целых слов и отдельных фрагментов текста индоевропейского праязыка дает возможность восстановить общую картину духовного мира и представлений древних индоевропейцев об окружавшей их действительности, характерную для них классификацию явлений природы и понимание ими самого человека и человеческого общества.

5. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ ПРОТОКУЛЬТУРЫ

Охарактеризованный выше сопоставительный семантический анализ слов отдельных индоевропейских диалектов и фрагментов текста в различных индоевропейских традициях и связанный с ним метод "лингвистической палеонтологии культуры" позволяют реконструировать семантический словарь лексем индоевропейского праязыка и восстановить общую картину индоевропейской протокультуры как культуры в широком антро-

пологическом смысле носителей индоевропейского праязыка или отдельных его древних диалектных объединений.[1]

Все это уже дает возможность наметить решение проблем установления первоначальной территории распространения общеиндоевропейского языка и определить пути переселения носителей праязыка и его древних диалектов в исторические места их обитания.

[1] Такой семантический словарь реконструированных индоевропейских лексем строится, в отличие от семантического словаря синонимов в родственных языках типа известного индоевропейского словаря *Бака* (*Buck 1949*), как набор определенных семантем, выраженных словоформами индоевропейского праязыка (*ср. Hallig/von Wartburg 1963*). Тем самым семантический словарь индоевропейских реконструкций является, в сущности, индоевропейским этимологическим словарем с расположением лексем не в алфавитном порядке, а по определенным семантическим группам.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МИР «ЖИВОГО». БОГИ, ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЕ

1. КЛАССИФИКАЦИЯ МИРА «ЖИВОГО» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КЛАССИФИКАЦИИ

1.1. ОБОЗНАЧЕНИЕ КЛАССА «ЖИВОГО»

В древнейшей индоевропейской традиции все живое обозначается общим термином, восходящим к корню **k'^{o}i̯-, **k'^{o}ei̯- и покрывающим как животный, так и растительный мир. От этого корня образованы в отдельных индоевропейских диалектах лексемы со значением 'живой', 'жизнь', а также названия целых классов животного и растительного мира:

Ср. др.-инд. *jīvá-* 'живой', 'жизнь', авест. *jiva-* 'живой', греч. βίος 'жизнь', лит. *gývas* 'живой', ст.-слав. *živъ* 'живой', лат. *uīuus* 'живой'; др.-ирл. *biu, beo,* гот. *qius* 'живой': и.-е. **k'^{o}ei̯u̯-;

Греч. ζῷον 'животное' (при ζωός 'живой'), др.-рус. *животъ* 'животное';

Галл. *Bitu-riges* 'Люди Мирового Царя' (*Pokorny 1959 : 468*), авест. *gaēθā-* 'существо', 'мир', 'человечество' (='собрание существ') (ср. *dātarə gaēθanąm astvaitinąm* "о создатель вещественных миров", *Yašt 14, 42*);

Распространение этого обозначения и на растительный мир видно уже из употребления этих же терминов и их производных по отношению к растениям: др.-инд. *jīva-gṛ́bh-* 'хватающий растения' (*Grassmann 1873 : 492*); др.-англ. *cwice* 'пырей', ст.-слав. *žito* 'злаки', 'хлеба' (ср. прус. *geits* 'хлеб' и т. п.).

Таким образом, весь этот класс можно охарактеризовать семантическим признаком [+живой].

1.2. ПРИЗНАКИ «ОДУШЕВЛЕННЫЙ»—«НЕОДУШЕВЛЕННЫЙ». ДВА КЛАССА ОДУШЕВЛЕННОСТИ

Внутри 'мира живого' выделяются подклассы 'животного мира' (в широком смысле, включающем и 'человека') со специфическим признаком 'одушевленности' (семантический признак [+одушевленность]) и 'растительного мира', характеризуемого 'неодушевленностью' (семантический признак [—одушевленность]).

Признак 'одушевленности', характерный для первого подкласса 'мира живого', явственно выступает в таких характеристиках названий этой груп-

пы 'существ', которые увязывают семантемы со значением 'дышать', 'дух', 'душа' с наименованиями животных, человека и богов в противовес названиям растений. Животные, как и человек, мыслятся как существа, наделенные 'духом', способностью 'дышать'[1]. Подобную этимологическую соотнесенность этих семантем можно установить по многим древнейшим индоевропейским диалектам:

Корень ***d$^{[h]}$eu̯-H/s-** ~ ***d$^{[h]}$u-H/s-** с первоначальным значением 'дуть', 'выдыхать', 'задыхаться'; 'удушье', 'дух', 'дыхание' [ср. хет. *tuḫḫai-* 'задыхаться', *tuḫḫiiaz*, *tuḫḫima-* 'удушье', греч. θῦμός 'душа'; 'страсть' (*Sullivan 1980*), др.-инд. *dhūmáḥ*, лат. *fūmus*, лит. *dūmai*, прус. *dumis* ('дым', *Roider 1981*), *Dumones* 'жрецы, гадавшие по дыму' (*Топоров 1975-, I: 390*), ст.-слав. *dymъ*, др.-в.-нем. *toum*, ср.-ирл. *dumacha* 'туман' *мн. ч.*]; основа на *-s-*: ст.-слав. *dychati* 'дышать', *duchъ*, *dušа* 'дыхание', 'душа', лит. *dūsėti* 'покашливать', *dúsauti* 'вздыхать', *dvėsti* 'дохнуть', 'издыхать', *dvasià* 'дух'; образует в ряде древнейших диалектов название животных и богов: гот. *dius* 'дикий зверь', др.-исл. *dýr* 'четвероногое дикое животное', др.-в.-нем. *tior* 'животное', др.-англ. *dēor* 'дикое животное', алб. *dash* 'баран', 'овца'; возможно, сюда же относится лат. *bēstia*, *bellua* 'дикое животное', 'чудовище', с фонетическим преобразованием анлаута; греч. θεός 'бог' (*ср. Pokorny 1959 : 269*).

Такое же соотношение семантем 'дышать', 'вдыхать', 'душа' ≈ 'животное' обнаруживается в другой группе архаических лексем, отражающей ту же классификацию мира живого по подклассам 'одушевленный' ~ 'неодушевленный': др.-инд. *ániti* 'дышит', *ánila-ḥ* 'дыхание', греч. ἄνεμος 'дыхание', 'ветер', гот. *uz-anan* 'выдыхать', др.-исл. *andi* 'дыхание', 'душа', лат. *anima* 'дыхание', 'душа', др.-ирл. *anál* 'дыхание', *anim(m)* 'душа', тох. В *ānme* 'ipse', ст.-слав. *vonja* 'запах' ~ лат. *animal* 'животное', тох. В *onolme* 'живое существо', 'человек' (подробно об этих понятиях в греческой и латинской традициях см. *Onians 1954*).

Наличие двух лексем в индоевропейских диалектах со значением 'дышать', 'дух': ***d$^{[h]}$eu̯-** и ***anH-** может указывать на возможные первоначальные семантические оттенки значений этих лексем. Связываемое с первой лексемой в исторических индоевропейских диалектах значение 'задыхаться', 'тяжело дышать', 'выдыхаться', 'дохнуть' при отсутствии этого оттенка во второй лексеме могло бы соотноситься с разными моментами физиологического акта вдыхания и выдыхания. И.-е. ***d$^{[h]}$eu̯-** 'выдыхание' приобретает естественно и значение 'удушья', 'последнего выдыхания', 'смерти'[2] при ***anH-** 'вдыхание' (с развитием значения 'обоняемый запах').

[1] Типологическую аналогию такому осмыслению 'всего одушевленного' как 'дышащего', 'наделенного душой' можно видеть в северозападнокавказском обозначении 'животных' и 'человека' как 'одушевленных', 'дышащих', образованных от слова *psə* 'душа', 'дыхание' (*Яковлев/Ашхамаф 1941: 219*; *Шакрыл 1971: 80*).

[2] Ср. в древнехеттском тексте KBo VII 14 I 5—6 употребление слова *tuḫḫiiatt-* в значении 'удушья' по отношению к медведю и человеку: *nu-tta ḫartaggan man* [...] *nu-tuḫḫiiattit akti* "как медведя тебя я [...] и от удушья умрешь".

От этих корней могло быть образовано общее наименование для всего класса одушевленных существ в древней индоевропейской традиции.

'Одушевленность' животных в древней индоевропейской традиции, проявляемая в факте регулярной этимологической связи в древнейших индоевропейских диалектах 'дух', 'душа' ~ 'животное', может быть проиллюстрирована также на материале древних текстов, где животные наделяются часто душой, как, например, в авестийском "Гимне Души Скота" (*Yasna 29, 1* и след.): *xšmaibyā gəuš urvā gərəždā* "к вам (небожителям) обращается со стоном Душа (*urvan-*, перс. *ravān*) Скота".

1.3. «ЖИВОТНЫЙ» И «РАСТИТЕЛЬНЫЙ» МИР И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Деление класса "всего живого" на подклассы 'животного' и 'растительного' мира по семантическому признаку 'одушевленности' ~ 'неодушевленности' проявлялось в древнейший период в некоторых синтагматических характеристиках соединения соответствующих лексем с особыми глагольными формами по признаку их классной принадлежности, что в известной мере продолжало еще более древнее деление всего множества имен на "активный" и "инактивный" классы. Показательно, что названия подкласса 'одушевленных' в классе 'живых' совпадают в основном с еще более древним активным классом, в бинарном делении именной системы на актив~инактив, тогда как названия растений, в частности деревьев, как правило, соотносятся с древним инактивом (во многих случаях позднее переосмысленным как женский род, см. выше, стр. 273 и след.).

На основании данных древнейших индоевропейских диалектов можно установить первоначальную функцию определенных глагольных дублетов, члены которых выступали в синтагме с именами одушевленного или неодушевленного класса.

В частности, члены глагольной пары ***Hues-** и ***bʰeu̯H-/*bʰu̯H-** с общим семантическим признаком 'быть', 'существовать', 'становиться' увязываются соответственно с классами одушевленных и неодушевленных существ внутри категории 'живого'.

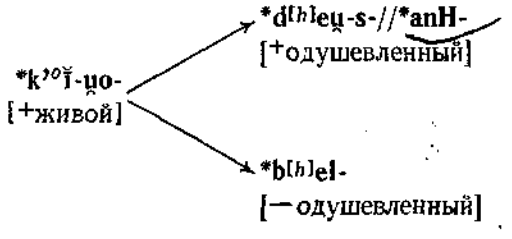
Первоначальная соотнесенность корня ***bʰeu̯H-** (др.-инд. *bhávati* 'становится', 'спеет', греч. *φύω* 'становлюсь', 'расту', лат. *fuī* 'был' и др.) с растительным миром особенно ясно проявляется в отраженных в древних индоевропейских диалектах производных от этого корня со значением 'растение', 'растительность': греч. *φυτόν* 'растительность', 'растения', 'рост', арм. *boys*, *род. пад. busoy* 'росток', 'растение', ст.-слав. *bylije* 'растение', др.-исл. *bygg* 'ячмень', др.-сакс. *род. п. мн. ч. bewō* 'семена', 'урожай', др.-в.-нем. *boum* 'дерево' (нем. *Baum*), др.-англ. *bēam* 'дерево', гот. *bagms* 'дерево'.

В противоположность этому корень ***Hues-** (ср. гот. *wisan* 'быть', 'оставаться', др.-в.-нем. *wesan*, арм. *goy* 'есть', 'существует' и др.) соотносится с классом одушевленных существ, как человека, так и животных, выражая значения 'быть', 'пребывать', 'ночевать': хет. *ḫuiš-*, *ḫueš-* 'жить', 'существовать' (как о людях, так и о животных), *ḫuišu-* 'живой', 'сырой'

(о мясе), *ḫuišuant-* 'живой'[1], др.-инд. *vásati* 'находится', 'пребывает', 'ночует', *vasatí-* 'гнездо птицы', 'местопребывание', 'ночлег', гот. *wists* 'существо'.

В качестве общего названия для класса растений могла выступать лексема, образованная от корня ***b[h]el-/*b[h]loH-/*b[h]lH-**, отраженная в древних индоевропейских диалектах в виде: лат. *flōs* 'цветок', *Flōra* 'Флора', 'Божество Растительности', оск. *Fluusaí* 'Florae', ср.-ирл. *bláth* 'цветок', гот. *blōma* 'цветок', др.-в.-нем. *bluomo* (нем. *Blume*), др.-англ. *blēd* 'росток', 'ветвь', 'цветок', 'плод', тох. А *pält* 'лист', греч. φύλλον 'лист', лат. *folium* 'лист', др.-ирл. *bile* 'дерево'.

Таким образом, мир 'всего живого' в индоевропейском ***k'°ĭ-u̯o-** [+живой] распадается на классы 'животного мира' ***d[h]eu̯-s-//*anH-** [+одушевленный] и ***b[h]el-** [—одушевленный]:

2. КЛАСС «ОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВ»

2.1. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ДИКИЙ» — «НЕДИКИЙ»

В древнейшей индоевропейской традиции все живое 'одушевленное' делится на два больших подкласса. Это — класс 'диких животных', обозначаемый общим названием ***ĝ[h]u̯er-**, который противостоит общему классу 'людей' (***u̯ĭr-**), человекоподобных существ — 'богов' и 'домашних животных' (***p[h]ek̑[h]u-**).

Класс 'диких животных' ***ĝ[h]u̯er-** может быть охарактеризован в терминах дифференциальных семантических признаков как имеющий признак [+дикий], при признаке [—дикий], приписываемом классу 'людей' и 'домашних животных'.

Подобная бинарная классификация всего живого 'одушевленного', характерная для древнейшей индоевропейской культуры, выводится из факта наличия такого семантического противопоставления, проявляемого во всех архаичных индоевропейских системах, то есть:

'Дикий' ~ 'Недикий' (='Человек'+'Домашние животные'):

[1] Любопытно, что в хеттской традиции вся совокупность одушевленных существ, как-то: 'рыба', 'лошадь', 'человек', определяется как ḫuman ḫuišuan (KUB VII 33 I 7), то есть 'все живое (одушевленное)'. Такое название совпадает с предложенным нами наименованием класса 'всего живого' (см. выше).

И.-е. *ĝ$^{(h)}$ḛr-: греч. θήρ 'дикое животное', лат. *ferus* 'дикий', 'неодомашненный', 'неприрученный' ('*non cultus*', '*non domitus*', *Dumézil 1966 : 408*), ст.-слав. *zvěrĭ* 'θηρίον', 'дикий зверь', др.-рус. *звѣрь* (в противопоставлении 'людям и домашним животным': *не токмо человѣцы, но и скоти и вся звѣри*, "Слово Даниила Заточника"), прус. *вин. п. мн. ч. swīrins* 'θῆρας', 'диких зверей', лит. *žvėrìs* 'зверь'.

Показательно, что римская богиня *Fērōnia* почитается в диких местах, удаленных от города (*Dumézil 1966 : 403*), где естественно водятся дикие животные.

В хеттском для обозначения 'диких животных' в противопоставление 'домашним животным' и 'человеку' употребляется описательное выражение *gimraš ḫuitar* 'животные степи', полностью соответствующее по значению индоевропейскому *ĝ$^{(h)}$ḛr- с рассмотренными выше рефлексами в исторических диалектах. Хет. *gimraš ḫuitar* противостоит, как и слав. *zvěrĭ*, лат. *ferus* и другие, 'одомашненным животным' и 'человеку', ср. в хеттском гимне "Богу Солнца, встающему из-за моря": *ŠA* DUMU.LÚ.ULÙ LU.*TI* UR.ZÍR-*maš* ŠAḪ-*aš gi-im-ra-aš-ša ḫu-it-na-aš DI.NAM* UD-*ti-li zi-ik* ^{D}UTU-*uš ḫa-an-ne-iš-ki-ši* "ты, о Бог Солнца, судишь ежедневно суд над сыном человеческим, собакой, свиньей и зверем степей", KUB VI 45 III 15—17. При сохранении семантемы 'дикий зверь', противопоставленной человеку и домашним животным, хеттский, однако, заменяет древнюю индоевропейскую лексему *ĝ$^{(h)}$ḛr- описательным выражением *gimraš ḫuitar* 'зверь степи (*resp.* степей)', очевидно, под влиянием соответствующего шумеро-аккадского выражения — аккад. *būl ṣēri* 'зверье степи'. В частности, в хеттском переводе "Гильгамеша" аккад. *būl ṣēri* соответствует именно [*gi-im*]-*ra-aš ḫu-u-i-tar*, KUB VIII 62 I 2—выражение, которое могло в дальнейшем утвердиться в хеттском вместо соответствующего термина, унаследованного от индоевропейского. Характерно при этом, что само хеттское *ḫuitar* (*род. пад. ḫuitnaš*) 'животное' (в собирательном значении) увязывается в конечном счете с рассмотренным выше индоевропейским корнем *Hues- 'быть' (об одушевленных существах), ср. лув. *ḫuit-ual-aḫi* 'жизнь' при хет. *ḫuiš-ua-tar* (*Laroche 1959a : 47*).

2.2. «ЛЮДИ» И «ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ» КАК КЛАСС «НЕДИКИХ» СУЩЕСТВ

Противопоставленный данному классу класс 'живых одушевленных существ' характеризуется общим семантическим признаком 'недикий', то есть [—дикий], включающим в себя, очевидно, как 'людей' (*ṷĭr-)[1], так и 'домашних' животных' (*p$^{(h)}$ek$^{(h)}$u-)[2]. Такое объединение 'людей' и 'домашних

[1] Др.-инд. *vīrá-*, авест. *vīra-* 'муж', лит. *výras* 'мужчина', 'муж', 'супруг', лат. *uir* 'мужчина, супруг', др.-ирл. *fer* 'мужчина', гот. *wair* 'мужчина', тох. А *wir* 'молодой', 'молодец'; ср. возможное первичное значение данного корня, представленное в лат. *uis* 'сила', др.-инд. *váyas-* 'жизненная сила', *deva-vī-* 'приятный богам' и т. п.

[2] Др.-инд. páśu- 'скот', авест. pasu-, лат. pecū 'скот', гот. faihu 'имущество', др.-в.-нем. fihu 'скот' (нем. Vieh), лит. pēkus 'скот'. Первоначальное общее собирательное зна-

животных' в общем классе явственно прослеживается по древнейшим письменным документам на индоевропейских языках.

В этом отношении особенно показательны индо-иранские и италийские данные. В индо-иранском сохраняются сложные слова, объединяющие человека с домашним животным: вед. *virapśá-* 'обилие людей и животных' (из **u̯ĭr-o-p$^{[h]}$ḱ$^{[h]}$u̯-o-*), сопоставляемое с иранским именем собственным *Wrpš*<**Vira-fsa-* (*Mayrhofer 1973 : 224*). Синтагма, результатом свертывания которой являются данные сложные слова, представлена в авест. *pasəuš vīrāaṯ-čā* и умбр. *u(e)iro pequo* (ср. *Wackernagel 1953, I : 280 и след.*; *Watkins 1975g : 495—496*).

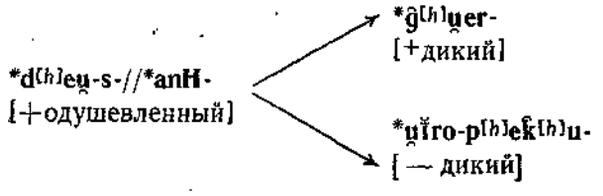
Особое значение в этом смысле приобретает последовательность, в которой в качестве 'жертвенных животных' перечисляется человек совместно с домашними животными в древнеиндийских брахманических текстах (*человек — конь — бык — баран — козел*) и в римском ритуале (*человек — конь — бык*, *Dumézil 1966 : 453*). В хеттских ритуалах и мифологических текстах в подобных перечислениях за человеком следует 'собака' (*Иванов 1974 : 109*, ср. приведенную выше последовательность *человек — собака — свинья*, ср. также ниже о связях между человеком и определенными группами домашних животных, свидетельствующих в пользу классификационного единства человека и домашних животных). В кельтских сагах дается последовательность *воины— женщины — псы—слуги* ("Сага об изгнании сыновей Уснеха", ср. *Иванов 1964 : 457*). Характерно, что во всех таких перечислениях в названных выше и им подобных контекстах[1] человек и определенные домашние животные создают еди-

чение индоевропейского **p$^{[h]}$eḱ$^{[h]}$u-*, включавшее всю совокупность домашних животных (а не только крупный рогатый скот, как в некоторых позднейших диалектах), явственно проявляется еще в ведическом, ср. áśviam paśúm utá gávyaṁ śatâvayam "домашние животные, как-то: кони, быки и коровы и сотня овец", RV V 61 5; áśvāvantaṁ gómantam á paśúṁ "домашние животные, как-то: кони и быки", RV I 83 4, ср. *Watkins 1975g: 500*; другие аналогичные примеры указаны у Грассмана, *Grassmann 1873 : 795*. Формы с нулевой ступенью выступают в сложных словах: др.-инд. -kṣu- из **pśu-*, авест. išū-. В хеттском значение 'скот' выражается словом šuppala-, восходящим к той же индоевропейской форме **p$^{[h]}$eḱ$^{[h]}$u- /*p$^{[h]}$ḱ$^{[h]}$u-* в нулевой огласовке при присоединении суффикса на -l (к типу образования на -l, ср. лат. pecūl-ium 'собственность, имущество', ср. о формальном анализе этой архаической формы *Benveniste 1969, I : 54—55*; алб. pilë 'чесалка льна', *Pokorny 1959 : 797*, там же о др.-англ. fihl 'ткань, лоскут'): **p$^{[h]}$ḱ$^{[h]}$u-(o)lo-*. Палатализованное **ḱ$^{[h]}$* в позиции перед *-u-* в анатолийском переходит закономерно в š (см. выше, стр. 100); поэтому маловероятно предположение Уоткинса, *Watkins 1975g: 509*, о возможном отражении **p$^{[h]}$eḱ$^{[h]}$u-* в хеттском в виде **pekuš*, ср. предложенную Уоткинсом другую этимологию šuppala- в связи с лат. suppus [о походке животного], *Watkins 1973*. В результате могла возникнуть форма **pśu(a)la-*, в которой устранение сочетания **-pš-* с помощью метатезы начального согласного могло дать засвидетельствованную форму šuppala- (ср. суперацию сочетания **pś->kṣ-* в древнеиндийском **pśu-> >-kṣu-*).

[1] Ср., например, последовательность перечисления ритуальных животных в восточнославянских традициях: белорусский обряд освящения нового жилья предполагает ночевку животных в доме в порядке *курица — гусь* или *кошка — поросенок — овца — корова — лошадь — человек* (*Zelenin 1927 : 288*). Обращает на себя внимание обратный рассмотренному выше порядок от менее важных животных по мере возрастания

ную группу, которая действует единообразно или в отношении которой предпринимается определенное действие.

Таким образом, класс 'одушевленных существ' ***d$^{[h]}$eu̯-s-//*anH-** [+одушевленный] распадается на группы 'диких животных' или 'зверей' ***ĝ$^{[h]}$u̯er-** [+дикий] и 'недиких существ' — 'людей и домашних животных' ***u̯ĭro-p$^{[h]}$ek$^{[h]}$u-** [—дикий]:

2.3. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ЛЮДЕЙ» МИРУ «ЖИВОТНЫХ». ПРИЗНАК «ГОВОРЯЩИЙ» — «НЕГОВОРЯЩИЙ»

Внутри группы 'человека-животных' (***u̯ĭro-p$^{[h]}$ek$^{[h]}$u-**) противопоставление мира 'людей' миру 'животных' осуществляется в древнейшей индоевропейской традиции по признаку дара речи и двуногости ~ четвероногости. Эти признаки как бы накладываются друг на друга, и в разных индоевропейских традициях может выступать один из этих признаков.

Такие признаки можно символизировать в виде семантических признаков 'говорящий' ~ 'неговорящий', с одной стороны, и 'двуногий' ~ 'четвероногий', с другой.

В хеттском особая роль в противопоставлении подкласса 'людей' подклассу 'домашних животных' принадлежит признаку 'говорящий' ~ 'неговорящий'. Подобное противопоставление выводится из ритуальных хеттских текстов, в частности из среднехеттского "Гимна Солнцу", частично совпадающего с другим, рассмотренным выше гимном:

nu UR.ZÍR ŠAḪ-*aš-ša ḫa-an-ni-eš-šar ḫa-an-na-at-ta-ri šu-up-pa-la-an-na ḫa-an-ni-eš-šar iš-ši-it ku-i-e-eš Ú.UL me-mi-iš-kán-zi a-pa-a-at-ta ḫa-an-ni-at-ta-ri i-da-la-u-ua-aš-ša ḫu-ú-ua-ap-pa-i-ša an-tu-uḫ-ša-aš ḫa-an-ni-eš-šar zi-ik-pát ḫa-an-na-at-ta-ri* (KUB XXXI 127 I 42—46) "и ты судишь суд над собакой и свиньей; и суд над домашними животными[1], которые ртом не говорят,—тот (суд) ты судишь; и над злым дурным человеком суд ты именно судишь". Характерно, что в отношении *šuppala-* 'домашних животных' особо отмечается то, что они 'ртом не говорят'. Тут налицо явная

значимости, кончая человеком. Иерархически это то же самое, что и обратное расположение животных в порядке убывания их ритуальной значимости, как в приводимых выше хеттских, древнеиндийских и италийских текстах.

[1] 'Домашние животные', определяемые хеттским термином šuppala-, предполагают в первую очередь крупный рогатый скот, исключая, судя по приводимому тексту, 'собаку' и 'свинью'.

характеристика этого класса существ по признаку отсутствия дара речи[1].

Аналогичная классификация по признаку 'говорящий' ~ 'неговорящий' засвидетельствована и в латинской традиции, что указывает на исключительную древность такой классификации, восходящей к общеиндоевропейской эпохе. Ср. у Варрона: *instrumenti genus vocale et semivocale et mutum, vocale in quo sunt servi, semivocale in quo sunt boves, mutum in quo sunt plaustra* "орудия суть трех разновидностей: говорящие, полуговорящие и немые; к говорящим относятся рабы, к полуговорящим относятся быки, к немым относятся повозки", *"De re rustica"*, I, 17, 1[2].

Трехчленное деление 'орудий' в римской традиции представляет собой значительно преобразованную древнюю индоевропейскую классификацию мира 'человека и домашних животных', строившуюся по бинарному признаку 'говорящий' ~ 'неговорящий'. В римской классификации 'неживые' орудия классифицируются уже как 'неговорящие', 'живые' орудия — как 'говорящие', тогда как 'скот' характеризуется как промежуточная категория между 'неговорящими' и 'говорящими'. Такое смещение признаков и возникновение тернарной классификации было, очевидно, вызвано появлением новой классификационной группы — 'орудия', дифференцируемой, тем не менее, по древнему индоевропейскому принципу обладания даром речи : лат. *memini* 'вспоминаю', гот. *munan* 'думать', 'вспоминать', ст.-слав. *mĭnĕti* 'νομίζειν, δοκεῖν', др.-инд. *mánas-* 'ум', 'дух', 'разум', греч. μένος, лат. *mēns* 'ум', 'мысль'.

Для обозначения класса 'говорящих' или (что то же самое) 'разумных существ' в древнейшей индоевропейской традиции могло применяться название, образованное от лексемы ***men-** (ср. хет. *kueš UL memiškanzi* 'те, которые не говорят') или от лексемы ***ue/ok**$^{[h]o}$- со значением 'речи', 'говорения'[3] (ср. лат. *uocalis* 'говорящий', *semiuocalis* 'полуговорящий' и т. п.)[4].

[1] Типологическую параллель такому противопоставлению 'человек'—'скот' по признаку 'говорящий'—'неговорящий' можно усмотреть в грузинской классификации крупного рогатого скота как p'ir-ut'q'v-i (дословно: 'ртом-не-говорящий').

[2] К интерпретации ср.: "Даже римляне, различавшие раба, домашнее животное и орудие только по признаку речи, устанавливали не две, а три степени в отношении обладания речью: instrumentum mutum — немое, неодушевленное орудие, instrumentum semivocale — обладающее полуречью орудие (домашнее животное) и instrumentum vocale — обладающее речью орудие (раб)". *Выготский 1960 : 117.*

[3] Др.-инд. vak-/uk- 'говорить', vák, 'слово', лат. uōx 'голос', тох.А wak 'голос', греч. ἔπος 'слово, речь', др.-в.-нем. gi-wah-anen 'вспоминать, думать о чем-либо'.

[4] Учитывая хеттскую формулу отрицательного обозначения класса 'неговорящих', можно допустить аналогичную структуру и в других древних индоевропейских диалектах. Судя по ведийскому значению причастия uk-tá- 'слово', 'речь' (*Grassmann 1873 : 1194*), в древнеиндийском сложном слове an-uktá-, сохранившемся с более специализированным значением 'бес-песенный', можно видеть след более древнего значения 'бес-словесный', 'не-сказанный' (ср. др.-ирл. anocht 'ошибка в речи', *Watkins 1970*). Сюда же можно было бы отнести и балто-славянское обозначение 'немого' (>'глухого'): *nēm-: ст.-слав. *němъ* 'немой', *ἄλαλος*, рус. *немой*, др.-рус. *нѣмьць* 'чужестранец' (*Фасмер*

Дар речи, которым наделен человек в противоположность животным, и отождествляемая с этим способность 'мыслить, размышлять', 'испытывать определенные настроения ума', приводят естественным образом к возникновению в отдельных индоевропейских традициях категории персонифицированного 'разума' или 'души', наделенной способностью речи. Уже в древнехеттской традиции засвидетельствован термин *ištanzana-*, соотносимый с ментальной категорией 'разума', 'души', помещающейся в говорящих существах, каковыми являются человек и боги, *Kammenhuber 1965*. Это своеобразный эквивалент позднейшей греческой ψυχή 'душа', способной говорить с человеком (или богом), в котором она помещается, и отражаться в глазах человека[1] (*Lang 1973*).

Дифференциальный семантический признак 'говорящий' ~ 'неговорящий', по которому противопоставляются две основные подгруппы класса людей и животных предполагает имплицитно противопоставление этих подгрупп по признаку 'разумный' ~ 'неразумный', поскольку в древней индоевропейской традиции способность 'говорения', 'дара речи' отождествляется с 'разумностью'. Такое заключение можно вывести из факта этимологической соотнесенности в разных индоевропейских диалектах лексемы со значением 'говорить' и лексем со значением 'думать', 'мыслить', 'помнить': ср. хет. *mem(m)a-* 'говорить', *memiia-* 'слово', 'дело', 'настроение', 'состояние души', лув. *mammanna-* 'говорить' (редупликация корня *men-), др.-рус. *мѣнити* 'говорить', лит. *miñti* 'звать', 'именовать', 'отгадывать', латыш. *minêt* 'упомянуть', 'назвать', соотносимое этимологически с др.-инд. *mányate* 'думает', греч. μιμνήσκω 'вспоминаю', 'обращаюсь мыслями', μέμονα 'имею побуждение, желание'.

2.4. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ДВУНОГИЙ» — «ЧЕТВЕРОНОГИЙ»

Наряду с признаком 'говорящий' ~ 'неговорящий' противопоставление 'люди' ~ 'домашние животные' осуществляется с помощью более конкретного семантического признака 'двуногий' ~ 'четвероногий', выделяемого на основании внешнего облика противопоставляемых существ.

Такое противопоставление устанавливается по древнеиндийским, гре-

1964—1973, III : 62), латыш. *mẽms* 'глухой' (ср. *mẽmie gari* буквально: 'глухие духи' как обозначение скота; *mẽma* в ритуальном контексте как обозначение обряда, совершаемого при молчании, *Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, II : 615—616*). Балто-славянское **nẽm-* предположительно возводится к и.-е. **nē-mn-* 'не-говорящий' с долгой ступенью огласовки приватива префикса (ср. ст.-слав. *nĕ-kŭto* 'некто', *nĕkyjĭ* 'некий', сравниваемое с лит. *nẽkas* 'нечто') и нулевой огласовкой корня **men-* со значением 'говорить'. Упрощение комплекса *-mn-* дает постулируемую для балто-славянского форму **nē-m-*.

[1] Весьма характерно, что в одном из хеттских ритуалов, связанных с погребальным обрядом, наряду с обожествленным ^{D}Ištanzaššaš упоминаются ^{D}Šakuaššaš 'божество Глаз', ^{D}Ḫantaššaš 'божество Лба', ^{D}Ištamanaššaš 'божество Ушей' (KUB XX 24 17, 22, 27, 31). Это, по-видимому, обожествление Лба как вместилища разума, Глаз и Ушей—как средств связи с внешним миром. К возможной этимологии хет. Ištanzana- ср. также нем. Verstand, англ. understand, др.-англ. under-standan 'знать', греч. ἐπίσταμαι 'понимаю', 'умею'.

ческим, италийским и хеттским данным. В древнеиндийском и италийском засвидетельствованы этимологически соотносимые друг с другом обозначения 'двуногих', то есть 'людей', 'четвероногим', то есть 'домашним животным': др.-инд. *dvi-pád- cátuṣ-pad-* (более 20 раз в "Ригведе", *Grassmann 1873 : 434, 652*), умбр. *du-pursus petur-pursus* (*Игувинские таблицы*, T.I. VI B 11).

В хеттском переводе хурритской сказки о "Боге Солнца, корове и рыбачьей чете" рассказывается о любви Бога Солнца в образе юноши к корове, которая от него забеременела и родила 'сына с двумя ногами', тогда как у нее самой 'четыре ноги' (*см. Friedrich 1949*).

Самые термины 'двуногий' и 'четвероногий', как и, очевидно, само противопоставление, восходят к общеиндоевропейской эпохе и находят отражение во многих исторических индоевропейских диалектах. Помимо приведенных выше примеров из древнеиндийского и италийского эти термины засвидетельствованы в отдельности в греч. δίπους, лат. *bipēs*, др.-англ. *twifēte* 'двуногий'; мик. греч. *qe-te-ro-po-pi* = *χʷετεροποφι (*Lejeune 1958 : 36*), греч. τετράπους, лат. *quadrupēs* 'четвероногий' и др.

В греческой традиции такое противопоставление 'двуногого' (человека) 'четвероногому' (животному) наглядно проявляется в древнейшем мифологическом мотиве известной "Загадки сфинкса", загаданной царю Эдипу:

ἔστι δίπουν ἐπὶ γῆς καὶ τετράπον, οὗ μία φωνή...

"Существует двуногое на земле и четвероногое, у которого (только) один голос...".

Нужно полагать, что сама схема этой загадки, где имеется в виду противопоставление двуногого человека и четвероногого животного (в древнейшем варианте загадки переосмысленного как "беременная женщина", а позднее — как "младенец"), воспроизводит индоевропейскую структуру противопоставления, ср. *Porzig 1968*.

В ряде индоевропейских традиций можно отметить особые юридические контексты, в которых происходит в определенном смысле снятие оппозиции 'четвероногий' ~ 'двуногий'.

В этом смысле особенно характерно греч. ἀνδράποδον (буквально: 'человеконогий') в применении к пленным воинам, которые использовались в качестве тягловых животных. Помимо римских и древнеиндийских параллелей, позволяющих предположить общеиндоевропейский характер этого обычая (*см. Scharfe 1978*), можно привести и решающий в этом смысле параллельный древнехеттский обычай впряжения провинившихся людей вместо быков (в древнехеттской книге "Анекдотов" из дворцовой хроники).

(2.5) *КЛАССИФИКАЦИЯ «РАЗУМНЫХ» СУЩЕСТВ ПО ПРИЗНАКАМ «СМЕРТНЫЙ» — «БЕССМЕРТНЫЙ», «ЗЕМНОЙ» — «НЕБЕСНЫЙ»*

Семантический признак 'двуногий' ~ 'четвероногий', налагаемый на признак 'разумный' ~ 'неразумный', разбивает все множество 'недиких существ' на два больших подкласса — 'разумных двуногих' и 'неразумных четвероногих' существ. При этом в подклассе разумных существ ос-

тается определенная группа, по отношению к которой нерелевантен признак 'двуногий' ~ 'четвероногий'. Иными словами, этот последний признак выделяет в подклассе 'разумных существ' особую группу, отличную от класса 'людей' нехарактерностью признака 'двуногости' ~ 'четвероногости'. Это, очевидно, класс 'разумных существ'~'богов' ***t'ieu̯-** (хет. *šiu-* 'бог', др.-инд. *devá-h*, лит. *diẽvas*, лат. *deus*, др.-ирл. *dia* 'бог', др.-исл. *tivar* 'боги' и др., *ср. Watkins 1974*), который противопоставлялся классу 'людей' ***manu-*** (др.-инд. *mánu[ṣ]-* 'человек', 'предок человека', гот. *manna* 'человек', др.-исл. *mannr*, др.-англ., др.-в.-нем. *mann* 'мужчина', 'человек', рус. *муж*, *Watkins 1971 : 1500*) по другим бинарным семантическим признакам.

Основными семантическими дифференциальными признаками являются признаки 'земной'~ 'небесный' (*Benveniste 1969, II : 180*), 'смертный' ~ 'бессмертный'. Весь класс людей в индоевропейских диалектах характеризуется эпитетами 'смертный', 'земной' в противоположность 'бессмертным', 'небесным' богам.

א) 'Смертный' ≈ 'Человек': др.-инд. *márta-* 'человек', *mártya-* 'смертный', авест. *maša-* 'человек', *marəta-* 'смертный', др.-перс. *martiya-*, греч. μορτός (*Гесихий*), арм. *mard* 'человек' (от глагола ***mer-*** 'умирать', 'исчезать': др.-инд. *mriyáte* 'умирает', арм. *meṙanim* 'я умираю', лат. *morior* 'умираю', ст.-слав. *mrěti* 'умирать', ср. хет. *me-ir-ta* 'исчез').

В другой группе древних индоевропейских диалектов представлена форма от корня ***d$^{[h]}$ieu̯-*** 'исчезать', 'умирать': гот. *diwans* 'смертный' (ср. др.-сакс. *dōian* 'умирать', гот. *daubs* 'мертвый', *daupus* 'смерть', др.-в.-нем. *tōt*, др.-англ. *dēad* 'мертвый'; ср. также лат. *fūnus* 'погребение', арм. *di* 'труп'; с редупликацией: др.-ирл. *ded-*, *наст. вр. ru-deda*, *прош. вр. con-ro-deda* 'исчезать', *ср. Marstrander 1924: 15*), др.-ирл. *duine* 'человек' (как 'смертный'), *ср. Meid 1976*; др.-хет. *danduki-* 'смертный', 'человек' (с преназализацией корневого дентального согласного);

Лат. *homō* 'человек', оск. *humuns* 'люди', гот. *guma* 'человек', лит. *žmuõ* 'человек', прус. *smoy* 'человек', *smūni* 'личность', тох. А *śom*, В *śaumo* 'человек' (от индоевропейской основы ***d$^{[h]}$(e)ĝ$^{[h]}$om-*** 'земля': хет. *tekan* 'земля', тох. А *tkaṁ*, греч. χθών, др.-инд. *kṣam-* и др.).

Как лексема ***m(o)r-t$^{[h]}$o-***, так и лексема ***d$^{[h]}$ĝ$^{[h]}$om-***, которые показывают дополнительность распределения по диалектам, одинаково выражают дифференциальный признак 'смертный', характеризующий класс 'людей' ***manu-***. В хеттском одна из этих лексем, очевидно, заменена лексемой *ak-* 'умирать', характеризующей класс людей по тому же семантическому признаку.

ב) 'Бессмертный' ≈ 'Бог': др.-инд. *amṛ́ta-*, авест. *amərša-*, греч. ἄμβροτος 'бессмертный' (как эпитет бога, *Thieme 1952*; *1968b*) : и.-е. ***n̥-mr̥t$^{[h]}$o-***;

ג) 'Небесный'≈'Бог': хет. *šiu-* 'бог', лув. *Tiu̯at-* 'Бог Солнца', др.-инд. *devá-* 'бог', лат. *deus* 'бог', др.-ирл. *dia*, греч. Ζεύς 'Зевс', 'Бог Ясного Неба' (от индоевропейской основы ****t'ieu̯-/*t'iu̯-*** с первоначальным значением 'небо'; ср. др.-инд. *divyá-* 'небесный', лат. *dius* 'небесный', лит. *diẽvo sūnẽliai* 'сыновья неба').

Поскольку основа *t'ieu̯-/*t'iu̯- 'небо' употребляется как название 'бога' во всех древнейших индоевропейских диалектах, дифференциальный семантический признак 'небесный' ~ 'земной' является, очевидно, древнейшим признаком, по которому противопоставляются 'люди' и 'боги'. На этот признак, по всей вероятности, позднее наслаивается признак 'бессмертный' ~ 'смертный', и эти два признака, распределяясь по диалектам, составляют как бы единый семантический признак 'божественный' ~ 'небожественный', с признаками 'бессмертный' ~ 'смертный' и 'небесный' ~ 'земной' как бы в качестве диалектно обусловленных вариантов этого общего семантического признака.

2.6. «ЯЗЫК БОГОВ» — «ЯЗЫК ЛЮДЕЙ»

Другой признак, противопоставляющий богов людям в древней индоевропейской традиции, — это особый 'язык богов', отличный от 'языка людей'. Характеристика такого различия в хеттской, греческой, кельтской и германской традициях позволяет считать его весьма древним, восходящим к индоевропейской эпохе (*ср. Güntert 1921*; *Watkins 1970*)[1]. 'Бог' отличается от 'человека' не только тем, что он — 'небесный' или 'бессмертный', но и тем, что он обладает особой речью, отличной от речи человека, а также и тем, что он питается особой пищей, отличной от пищи человека. В древнеиндийской традиции это — *Amṛ́ta-* 'само обожествляемое'. В греческой традиции это — ἀμβρόσια и νέκταρ 'нектар, напиток богов' (значение обоих слов основано на идее преодоления или отрицания смерти, выражаемой соответствующими корнями: в первом случае — *mer-, во втором — *Hnek[h]- 'умирать', 'физически исчезать': др.-инд. *naśyati* 'исчезает', 'теряется', авест. *nasu-* 'труп', греч. νέκυς, лат. *nex* 'смерть', 'убийство', *ср. Thieme 1968a*).

Обе эти характеристики богов — наличие особой речи и особой пищи — как бы объединяются в единый сюжетный мотив — миф о добыче 'меда поэзии' в "Младшей Эдде" ("Язык поэзии") и в "Старшей Эдде" ("Речи Высокого", 104—110), чему находят аналогии в древнеиндийской мифологии (*Dumézil 1966 : 190*; ср. об этом цикле индоевропейских мифов уже *Dumézil 1924*; *1925*).

2.7. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ЗЕМНЫХ» ЛЮДЕЙ ПО ПРИЗНАКУ «СВОБОДНЫЙ» — «НЕСВОБОДНЫЙ»

Категория 'земных людей' (или 'смертных') дифференцируется, в свою очередь, на два основных подкласса по признаку 'свободный' ~ 'несвободный'. Общеиндоевропейский характер такого деления на эти категории

[1] Ср. типичные формулы противопоставления 'языка людей' 'языку богов' в разных индоевропейских традициях: хет. dandukešni..., DINGIR^{MEŠ}-naš-a ištarna "у людей (зовется)..., а среди богов..." (*Friedrich 1954*); греч... *κικλήσκουσι θεοί, ἄνδρες δε*... "называют боги, люди же..."; др.-исл. ... heitir með monnum, enn með ásom... "...называется среди людей, а среди богов..." (*Güntert 1921*).

всего множества 'людей' можно выявить на основании сопоставительного анализа соответствующих терминов в различных древних индоевропейских диалектах.

Сопоставление хет. *araṷa-* 'свободный', 'освобожденный от повинностей', лик. *arawa* 'свободный (от налогов)' (*Laroche 1974 : 123*) с лит. *arvas* 'свободный' позволяет судить об исключительной древности означенного термина для обозначения 'свободных людей', очевидно, 'свободных земледельцев' (если основа увязывается с индоевропейским **arṷ-*: лат. *arvum* 'поле', ср.-ирл. *arbor* 'злаки', греч. ἄρουρα 'пашня', арм. *haravunk'* 'пашня').

В качестве другого древнего термина, обозначавшего 'свободных' в иной группе диалектов, выступает основа **leudʰ-ero-*, засвидетельствованная в греческом ἐλεύθερος, лат. *liber* 'свободный', ст.-слав. *ljudĭje* 'люди', др.-рус. *людинъ* 'свободный человек', латыш. *ļàudis* '(свои) люди', лит. *liáudis* 'народ', 'люди', др.-в.-нем. *liut* 'народ' (нем. *Leute*). И эта индоевропейская основа увязывается в конечном счете со значением 'роста', 'произрастания растений', ср. первичное значение этой основы, отраженное в гот. *liudan* 'расти', др.-инд. *rodh-* 'расти', 'развиваться', а также в лат. *liberī* 'дети' (то есть 'растущие', *Benveniste 1969, I : 322—323*; *Szemerényi 1977b : 116*). Характерно, что римские праздники *Liber* и *Libera, Liberalia* носили явно земледельческий характер (*Dumézil 1966 : 216, 370—371*). Таким образом, обе эти лексемы, обозначавшие 'свободных' в разных индоевропейских традициях, при формальном различии выражают сходный круг значений, характеризуя хозяйственную функцию 'свободных людей'.

2.8. *СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КЛАССОМ «НЕСВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ» И «ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ»*

Класс свободных людей, связанных, очевидно, с хозяйственной активностью (преимущественно сельскохозяйственной), обозначаемый разобранными выше терминами, следует постулировать для общеиндоевропейской эпохи, и таким образом вся совокупность 'людей' в индоевропейской традиции рассматривается как состоящая из двух основных категорий: 'свободных' и всех остальных, не получающих, по всей видимости, особого общеиндоевропейского обозначения. Возможно и поэтому такая категория людей 'несвободных' или 'зависимых' в широком смысле (то есть, строго говоря, не относящихся к категории, определяемой как 'свободные') может объединяться терминологически с 'домашними животными', при чем термин **pʰeḱʰu-* употребляется в таком случае в широком смысле, охватывающем как 'зависимых людей', так и 'домашних животных', ср. в древнеиндийском, в "Атхарваведе": *yá īśé paśupátiḥ paśúnām catuṣpadām utá yó dvipadām* "хозяин **pʰeḱʰu-* (то есть 'зависимых людей' и 'домашних животных', вместе взятых), который правит над **pʰeḱʰu-*, четвероногими и двуногими", AV II 34 1, *ср. Watkins 1975g : 496*; ср. также в "Ригведе": *dvipáde cátuṣpade ca paśáve* "двуногие и четвероногие **pʰeḱʰu-*",

RV 296, 14 (к интерпретации см. *Grassmann 1873 : 795*). В качестве аналогичного общего термина, объединяющего 'несвободных' и 'домашних животных' и в этом смысле отражающего, по-видимому, древнейшее индоевропейское состояние с отсутствием специального обозначения 'несвободного', в хеттских текстах используется *šaru*, буквально: 'добыча' (ср. ср.-ирл. *serb* 'воровство', валл. *herw* 'разбойничья вылазка', *Watkins 1975b*) в значении, включающем 'пленных', уводимых для поселения на землю — NAM.RA, 'крупный рогатый скот' — GUD и 'мелкий рогатый скот' — UDU (при обозначении остального захваченного имущества термином *aššu* 'добро': и.-е. **ǫos-u* 'хороший, добрый' (хет. *aššu-*, лув. *ǫašu-*, греч. ἐύς, др.-инд. *vasu-*, *su-*, *ср. Puhvel 1980*): *maḫḫan-ma* EGIR-*pa ǫapun nu šaru kuit* NAM.RA GUD UDU *AKŠUD* "когда я вернулся, ту добычу, которую я захватил — пленных-земледельцев, быков и овец...", KBo V 8 III 37 и след., ср. также *nu-mu-kan šaru kuit* NAM.RA GUD UDU *mekki makkeššan ešta* "и для меня добыча, которая (состояла из) пленных-земледельцев, быков и овец, была слишком обильной", KBo V 8 IV 13—14, *ср. Watkins 1975g : 492*. Такая картина социального членения, восстанавливаемая по лингвистическим данным для общеиндоевропейского, соответствует типологически характеристике раннеближневосточного 'домашнего хозяйства', состоящего из собственников (или управителей), служебного персонала и домашних животных (*Gelb 1972 : 90*; *ср. Дьяконов 1973*).

2.9. ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «НЕСВОБОДНЫХ»

Люди, подпадающие под вторую категорию, то есть 'не относящиеся к свободным', получают уже по отдельным индоевропейским традициям особые названия, не сводимые формально к общеиндоевропейским лексическим архетипам со значением 'несвободный'.

В хеттской традиции для спецификации определенной части людей этой второй категории возникает термин *arnuǫala-* (буквально: 'те, которые должны быть уведены', от *arnu-* 'приводить', 'уводить', ср. др.-инд. *ṛṇóti* 'приводит в движение, посылает', греч. ὄρνυμι 'возбуждаю', 'двигаю'; архаическое образование с суффиксом *-l-* в модальном значении), обычно передаваемый шумерограммой NAM.RA[1], *ср. Alp 1950*; *Gelb 1973 : 79, 92, 93, 94*; *Diakonoff 1967*; *Гиоргадзе 1973*. В италийской традиции для обозначения людей второй категории ('несвободных') возникает термин *seruus*, приобретающий в дальнейшем значение 'раба'; он происходит от основы с первоначальным значением 'служить', 'охранять': лат. *seruō*, 'сторожу', 'охраняю', умбр. *seritu* 'servato', оск. *serevkid* 'auspicio', авест.

[1] Наряду с NAM.RA эта вторая категория людей включала также ÌR 'рабов' и GEME 'рабынь' (*Гиоргадзе 1973*; *Giorgadze 1976*; *Дьяконов 1973*), а также, возможно, и некоторые другие категории, не относящиеся к araǫa- 'свободным'. Хеттское чтение этих шумерограмм неизвестно, так что не представляется возможным этимологический анализ соответствующих хеттских терминов. Лувийское чтение идеограммы ÌR дает форму ḫutarli- (*Laroche 1959a: 49*), которая неясна этимологически.

haurva- 'охраняющий' в сочетании *pasuš-haurvō* 'охраняющая скот (собака)'[1].

В славянской традиции для обозначения людей второй категории возникает термин **rabй* 'слуга', 'раб', 'работник' (ст.-слав. *rabй*), ср. арм. *arbaneak* 'слуга', 'помощник', основанный на первоначальной лексеме ***orb**[*h*]**o-** со значением 'обездоленный', 'неимущий', далее 'сирота': греч. ὀρφανός 'сирота', арм. *orb* 'сирота', лат. *orbus* 'лишенный', 'осиротевший'. Отсюда возникает значение 'работника, находящегося в услужении', ср. гот. *arbaiþs* 'нужда', 'работа', 'труд', др.-в.-нем. *arabeit* 'работа' (нем. *Arbeit*), ст.-слав. *rabota* 'δουλεία', 'неволя', 'подневольный труд', др.-рус. *робота* 'работа', 'рабство', 'неволя'. Такое развитие значений 'сирота', 'обездоленный' → 'находящийся в услужении', 'невольник' можно объяснить бесправным положением детей-сирот, которых брали в дом в услужение (*Порциг 1964 : 182*). С другой стороны, на относительно ранних этапах развития социальной дифференциации (типа гомеровской Греции, *ср. Ленцман 1963*, и древних германцев) такие 'сироты' могли возникать при обычно практиковавшемся убийстве мужчин-военнопленных и оставлении в качестве работников только детей и женщин (*Gelb 1972 : 85*; *1973 : 72 и след.*).

Типологически более поздний вид включения захваченных на завоеванных территориях людей в хозяйственную структуру собственного общества представлен в хеттской традиции, где часть захваченных пленных *arnuṣala-* сажалась на землю в качестве зависимых людей.

Только в классической Греции (после микенского и гомеровского периодов) и Риме возникает новая форма зависимости с вовлечением в хозяйственную структуру общества всех бравшихся в плен мужчин в качестве рабов (*ср. Gelb 1972*; *1973*; *Ленцман 1963*)[2].

Название 'раб' как социальный термин, покрывающий часть 'второй категории', может возникать и из наименования завоеванного пришельцами населения. Подобным образом возникает древнеиндийский термин *dāsá-*, который в "Ригведе" наряду со значением 'раб', 'слуга' сохраняет более древние значения 'демон, враждебный людям', 'варвар, принадлежащий к чужому племени', 'чужеземец' (*Grassmann 1873 : 598*). Эта лексема в конечном счете увязывается с названием покоренной чужой страны, ср. при

[1] Сюда же относят ст.-слав. *chraniti* 'хранить' и греч. ἥρως 'защитник, герой' (*Pokorny 1959: 910*). В свете греческого значения этой группы соответствий не исключена возможность этимологического отнесения к ней же хет. *šaru* 'добыча', ср.-ирл. *serb* 'воровство', валл. *herw* 'разбойничья вылазка', ср. *Vendryès 1935*.

[2] Уже в микенском греческом для обозначения 'рабов' засвидетельствована форма do-e-ro (ср. *Gelb 1972*; *Полякова 1968*; *Tovar 1973 : 21—43*)—классическое греческое δοῦλος (гом. δούλιον ἦμαρ, буквально: 'день рабства') с неясной этимологией. Предполагается малоазиатское происхождение этого термина, ср. *Benveniste 1969, I : 359*. Представляет интерес сопоставление этого слова с малоазиатской ("истанувийской" лувийской) формой ḫutarla- (KUB XXXV 136 Rs. 1V 16) при приведенной выше ḫutarli- .

др.-инд. *dásyu-* 'непочитающий', 'неверный' (народы и племена) этимологически тождественное ему иранское *dahyu-* 'страна': др.-перс. *dahyu-* 'страна как область империи Ахеменидов' (*ср. Benveniste 1969, I : 318*)[1].

2.10. ПРОЕЦИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ «СВОБОДНЫМ» И «НЕСВОБОДНЫМ» В МИР «БОГОВ». «ЧЕЛОВЕК» КАК «НЕСВОБОДНЫЙ» ПО ОТНОШЕНИЮ К «БОГУ»

Подобные термины могли отражать иерархические отношения не только между отдельными членами класса 'людей' в собственном смысле, но и между 'людьми' и 'богами'.

Отношение между 'свободным' и 'несвободным' как бы проецируется на отношения между 'богом' и 'человеком'. Характерно в этом отношении то место из "Молитвы во время чумы" Мурсили II (KUB XIV 8+10+11, § 10 1 и след.), где он уподобляет свое обращение с 'молитвой' (*arkuuar*) к 'господину' своему — Богу Грозы, прося его услышать (*ištamaš-*) и спасти (*ḫuišnu-* 'оживить', 'оставить в живых'), такому же обращению раба к своему господину: *ma-a-an ANA* ÌR^{DI} *ku-e-da-ni-ik-ki ku-it-ki na-ak-ki-ia-aḫ-ḫa-an nu-za A.NA* EN.*ŠU ar-ku-ua-ar i-ia-az-zi na-an* EN.*ŠU iš-ta-ma-aš-zi* "если раба какого-либо что-либо гнетет, то он обращается с мольбой к господину своему, и его господин его услышит..."[2].

Характерно, что хеттским чтением шумерограммы EN 'господин (раба)' была форма *ešḫaš*, соотносимая с лат. *erus* 'господин', 'хозяин раба' (ср., в частности, у Плавта).

Приведенными терминами, естественно, не исчерпываются названия, соотносимые с определенными категориями 'несвободных' и 'зависимых'. В отдельных индоевропейских традициях могли возникнуть, возможно, уже в древнейшую эпоху, и другие термины для выражения определенных иерархических отношений в среде 'зависимых' или между 'свободными' и 'зависимыми'. В качестве одного из наиболее архаичных терминов из такой категории могло выступать словосочетание преверба *up$^{[h]}$o- с глаголом *st$^{[h]}$ā-, отраженное в др.-инд. *úpa-sti-* 'подчиненный', 'слуга' (дважды встречается в "Ригведе"), ср. *upasthānam* 'служба', отождествляемое со ср.-ирл. *foss* 'слуга', валл., брет. *gwas*, корн. *guas* (отсюда средневековолатинское заимствование *vassus*, *vassallus* 'вассал').

2.11. КЛАССИФИКАЦИЯ «ОДУШЕВЛЕННЫХ НЕДИКИХ СУЩЕСТВ»

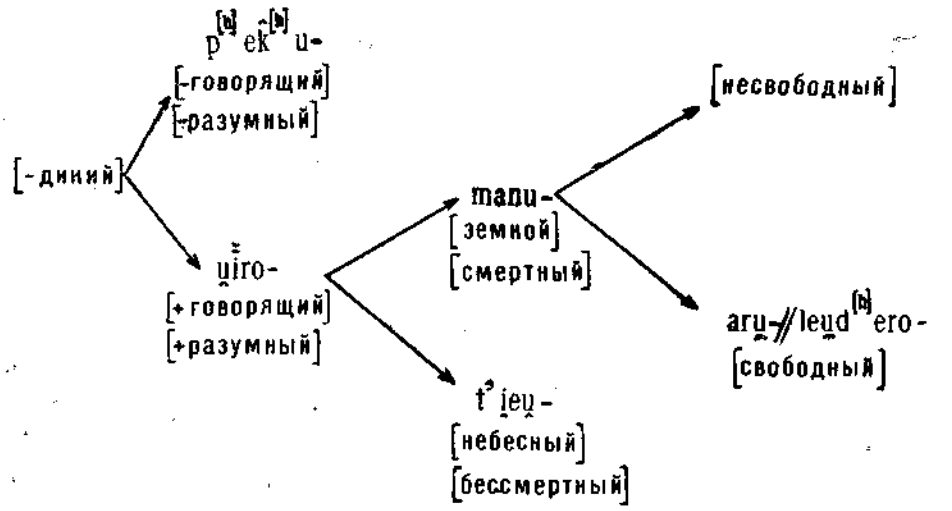
Выделенный выше класс 'одушевленных недиких существ' распадается на группы 'разумных говорящих существ' в широком смысле (вклю-

[1] К подобному же типу новообразований относятся такие формы, как др.-англ. wealh 'раб' (первоначально 'кельт', 'побежденный народ'), средневековое лат. sclavus из названия типа Sclaveni 'славяне', ср.-греч. Σκλαβηνοί ⇒ Σκλάβοι и др. (*ср. Фасмер 1964—1973, III : 666*).

[2] Комментируя этот текст, Гетце писал: "Люди—это рабы, боги—их хозяева... Отношения в небесном мире богов являются точным отражением земных. Боги—это чрезмерно увеличенные люди; прообразом богов служил земной человек-хозяин", *Goetze 1929 : 161 и 163*. В этом смысле характерно наличие у богов и людей некоторых общих черт, в том числе и социальной организации, благодаря которым они мыслятся как элементы единого класса "разумных живых существ". Любопытно, что в "Ригведе" форма двойст-

чая и 'богов') *u̯ĭ̯ro- [+говорящий] [+разумный] и 'домашних животных' *p[h]ek[h]u- [—говорящий] [—разумный]. Накладывание на эти группы соответственно признаков 'двуногий' и 'четвероногий' выделяет в классе *u̯ĭ̯ro- два подкласса — 'людей' *manu- и 'богов' *t'i̯eu̯- с признаками [земной, смертный] (для 'человека') и [небесный, бессмертный] (для 'бога'). Отношения между двумя последними подклассами отождествляются в известной мере с отношениями между подклассами 'людей' *manu- — 'несвободными' и 'свободными' (*aru̯-//*leu̯d[h]ero-), см. *Схему 1*:

Схема 1

ДЕРЕВО ПРИЗНАКОВ «НЕДИКИХ ОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВ»

3. ИЕРАРХИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ КЛАССА «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ»

3.1. ГРУППЫ «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ»

Класс 'домашних животных', выделяемый по признаку 'говорящий' ~ 'неговорящий' из общей группы 'недиких одушевленных существ', дает при наложении на него признака 'четвероногий', с одной стороны, особый класс животных, включающих 'лошадь', 'осла', 'крупный рогатый скот' и 'мелкий рогатый скот', а также 'собаку', 'свинью', 'кошку', а с другой стороны, класс, включающий 'домашних птиц' и 'пчелу', игравшую важную роль в хозяйственной и духовной жизни древних индоевропейских племен[1].

венного числа термина vidátha- 'собрание' означает оба собрания общин — как 'богов', так и 'людей' (ср. употребление хет. *tuliia-* 'собрание' в обоих этих смыслах).

[1] В греческой традиции даже существовал особый термин τριτύα, τριττύς 'триада', отражавший ранговую классификацию жертвенных животных: κριός 'баран', ταῦρος 'бык', κάπρος 'кабан', соотносимую с данными других индоевропейских традиций (*см. Puhvel 1978*).

3.2. «КОНЬ» И «ЛОШАДЬ» КАК ЖИВОТНЫЕ, ОСОБО БЛИЗКИЕ К ЧЕЛОВЕКУ. ГЛАВЕНСТВУЮЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ «ЛОШАДИ» СРЕДИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

В первом классе домашних животных особой ритуальной близостью к 'человеку' вплоть до отождествления с ним выделяются 'конь' и 'лошадь' (а также 'осел'), возглавляющие группу, в которую кроме них входят 'рогатые животные'. Такая ритуальная близость лошади к 'человеку' в представлениях индоевропейцев следует не только из упомянутой выше иерархической последовательности этих животных в древнеиндийских и римских обрядах, но и из ряда других юридических и религиозных установлений, засвидетельствованных в архаических индоевропейских традициях.

Так, например, в "Хеттских законах" (§ 200A) указывается особый юридический статус 'лошади' и 'мула', в определенных смыслах приравнивающий их к рабыням-военнопленным (*arnuuala-*, NAM.RA): *ták-ku* LÚ-*aš* ANŠE.KUR.RA-*i na-aš-ma* ANŠE.GÌR.NUN.NA *kat-ta ua-aš-ta-i Ú.UL ḫa-ra-tar* LUGAL-*uš-aš Ú.UL ti-iz-zi* ^{LÚ}SANGA-*ša Ú.UL ki-i-ša ták-ku ar-nu-ua-la-an* [*ku-iš-ki*] *kat-ta še-eš-ki-iz-zi an-na-aš-ša-an-n*[*a*? ...] *Ú.UL ḫa-ra-tar* "если мужчина совершит грех с лошадью или с мулом, наказания быть не должно. Он не должен обращаться к царю. И жрецом он не должен стать. Если кто-нибудь спит с женщиной из рабынь-военнопленных или с матерью ее [...], то наказания быть не должно".

Но при совершении такого же греха в отношении 'собаки' или 'свиньи', человек наказывается смертью (§ 199): *ták-ku* ŠAḪ UR.ZÍR-*aš kat-ta ku-iš-ki ua-aš-ta-i a-ki-aš* "если кто-нибудь совершит грех со свиньей или собакой, то он должен быть убит". 'Собака' или 'свинья' составляют, очевидно, особый подкласс в группе домашних животных, отличный от подкласса, возглавляемого 'конем' и 'лошадью'.

Аналогичные мотивы встречаются и в других индоевропейских традициях, что позволяет отнести истоки этих установлений к общеиндоевропейскому периоду.

В древнеиндийской традиции во время ритуала *aśvamedhá-* после принесения в жертву коня главная царица соединяется символически в ритуальном браке с убитым конем, что проходит на фоне словесных комментариев со стороны жрецов. Сама царица ложится с убитым конем и ее накрывают покрывалом[1] (*Dumont P. 1927*). Аналогичный обряд в погребальной функции реконструируется и в иранской традиции на основании сопоставления свидетельств Геродота и других античных авторов об удушении одной из наложниц вождя и принесении в жертву коней у скифов, с одной стороны, и обнаруженного во втором Туэктинском кургане на Алтае захоронения женщины вместе с верховыми лошадьми (*Руденко 1968 : 27*; *ср. Литвинский 1968 : 28—35*). Сходные археологические данные, подтвер-

[1] Любопытно, что в этом ритуале, где участвуют четыре жены царя, три жены делят впоследствии коня на три части, из которых задняя часть называется páśu- 'скот'.

ждаемые известиями арабских источников (*Ибн Фадлан*), обнаружены и в древнегерманской традиции (*Beck 1965 : 57—58*).

Аналогичный ашвамедхе обряд коронации засвидетельствован и в кельтской традиции. У древних ирландцев царь совершал обряд символического брака с убитой лошадью (*Schröder 1927*)[1].

Эквивалентность в определенном смысле 'человека' и 'лошади' в индоевропейском представлении проявляется также в факте параллелизма названий 'человека' и 'лошади' в ритуальных древнеиндийских и латинских словосочетаниях типа др.-инд. *aśvamedhá-* 'принесение в жертву коня', *puruṣamedhá-* 'принесение в жертву человека'[2], лат. *caput equi* 'голова лошади', *caput hūmānum* 'человеческая голова' (*ср. Dumézil 1966 : 451—453*).

Все вышеизложенное свидетельствует о главенствующем положении 'лошади' в группе домашних животных, мыслимой в древней индоевропейской традиции в известной иерархической последовательности, которая определялась в значительной степени экономической, военной, транспортной значимостью соответствующих животных. Ниже, при разборе в этих аспектах конкретных семантем и лексем, соотносимых с каждым из этих животных, будет соблюдена обоснованная в предшествующем изложении последовательность.

3.3. *КЛАССИФИКАЦИЯ ВСЕЙ ГРУППЫ «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ»*

Таким образом, внутри класса **p[h]ek[h]u-* выделяется группа 'четвероногих', которая распадается на две ритуально значимые подгруппы по признаку функциональной близости к человеку: группа крупных домашних животных с 'конем' во главе (включающая также 'овцу' и 'барана') и группа мелких домашних животных: 'собака', 'свинья', 'кошка'. В свою очередь первая группа по признаку 'рогатости' распадается на 'нерогатых' ('лошадь', 'осел') и 'рогатых' — крупных ('бык', 'корова') и мелких ('баран', 'овца', 'козел', 'коза')[3].

Характеристика определенной группы животных по признаку 'рогатости' в древнейшей индоевропейской традиции явственно проявляется в

[1] Ср. о возможном соответствии самого термина aśvamedhá- в галльском (*Puhvel 1955*; *1970a*).

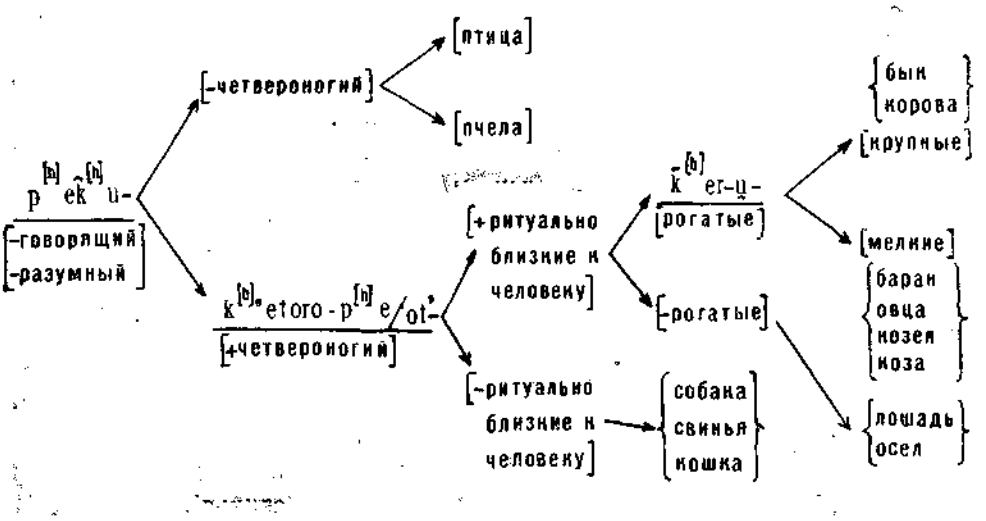
[2] Проблема реальности жертвоприношения человека в индоевропейской традиции остается не вполне ясной ввиду возможности воздействия местных традиций на отдельные исторические индоевропейские, в частности древнеиндийскую (ср. *Kirfel 1951*; *Puhvel 1970a: 161—162*) и хеттскую (ср. данные о принесении в жертву военнопленного: *Kümmel 1967*). Ср., однако, данные (в особенности германские), говорящие в пользу индоевропейского характера человеческого жертвоприношения: *Ward 1970*; *Sauvé 1970*.

[3] В исторических индоевропейских диалектах сохраняются рефлексы и особого общеиндоевропейского термина **t'e/omH-*, обозначавшего 'укрощение', 'приручение животных' — таких, как 'лошади', 'быки'-'коровы', 'бараны'-'овцы', и отражавшего тем самым древнейший процесс одомашнивания индоевропейскими племенами 'диких животных':
Др.-инд. damáyati 'укрощает', 'приручает', 'принуждает', вед. damitā́ 'усмиритель', 'укротитель', damya- 'бычок, которого следует укротить', перс. dām 'домашнее животное', осет. domyn 'укрощать', 'изнурять' (*Абаев 1958, I : 365—366*; *Benveniste 1955*); греч. *δάμνημι* 'укрощаю', 'принуждаю', у *Гомера* 'объезжаю' (о конях: P 76—77;

наличии лексемы *k[h]er-u̯/n- 'рог', 'рогатый', засвидетельствованной во всех индоевропейских диалектах и в некоторых из них дающей значение 'рогатое животное', 'корова': ср. хет. *karauar* 'рог'[1], иер. лув. *surna-* 'рог', др.-инд. *śṛ́ṅga-*, авест. *srū-* 'рог', *srvara-* 'рогатый', греч. κεραός 'рогатый'; лит. *kárvė* 'корова', рус. *корова*, алб. *ka* 'бык' при лат. *ceruus* 'олень', др.-валл. *carw* 'олень'.

'Нечетвероногие' включают также домашних 'птиц' и 'пчелу'. Схематически такую классификацию можно представить в виде следующего дерева, см. *Схему 2*:

Схема 2

ДЕРЕВО ПРИЗНАКОВ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

коних и мулах: δ 635—637); дор. δμᾶτός 'укрощенный', гом. ἄδμητος 'необъезженный', 'не бывший в упряжи' (о быках: K 292—293, лошадях и мулах), δαμάλης 'бычок, которого следует укротить', δαμάλη 'телка';

Лат. domō 'укрощаю' (например, 'львов' — leōnes), 'объезжаю' (например, 'лошадей'—equōs), 'приручаю'; domitor 'укротитель' ('диких зверей'—ferārum), 'объездчик' ('лошадей'—equōrum);

Др.-ирл. damnaim 'связываю', 'укрощаю' ('лошадей'), dam 'бык', валл. dafad, др.-корн. dauat, брет. dañvat 'овца';

Гот. ga-tamjan 'укрощать', 'одомашнивать', др.-исл. temja, др.-англ. tęmian (англ. tame), др.-в.-нем. zemmen (нем. zähmen) 'укрощать';

Ср. алб. dhëntë 'мелкий рогатый скот', 'овцы'.

С этим корнем связывается и хет. damaš- 'давить', 'подавлять', 'насиловать' (в частности, о женщине, ср. греч. гом. δάμνημι 'делаю женой', 'насилую', ἀδμής 'неукрощенный'; 'незамужняя девушка').

Сочетание в слове значений 'укрощать' (животное) и 'насиловать' (женщину) может указывать на некоторую символическую связь процесса одомашнивания животных и ритуала сожительства, отраженного в рассмотренных выше хеттских законах и общеиндоевропейских ритуалах жертвоприношения типа а ш в а м е д х и.

[1] Показательно употребление этой лексемы по отношению к рогу мифологического быка, раздвинувшего горы и проложившего путь хеттам к морю в древнехеттском тексте KUB XXXI 4 Vs.+KBo III 41, *Laroche 1971 : 4, № 16*.

4. «ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ»

4.1. *КЛАССИФИКАЦИЯ ГРУПП «ДИКИХ ЖИВОТНЫХ»*

Класс 'диких животных': *$\hat{g}^{[h]}$uer-, выделяемый из совокупности 'одушевленных' существ, наряду с классом 'недиких одушевленных' существ распадается в древнейших индоевропейских мифологических представлениях на особые группы диких животных, выделяемые по их соотношениям с другими мифологическими понятиями, которые отражают строение мира.

Мир по древнейшим мифологическим воззрениям, в том числе и индоевропейским, представляется в виде 'дерева' или ему подобных обрядовых сооружений, направленных ввысь. Все эти символы мира воплощают универсальную схему 'Мирового дерева' в качестве образа строения мира.

'Все живое', как 'одушевленное', так и 'неодушевленное', представляется как находящееся в определенных частях такого 'Мирового дерева', располагаясь у средней его части — ствола, а также в верхней части — вершине или нижней его части — корней. Таким способом осуществляется некоторая классификация 'всего живого', и в частности 'диких животных', на 'Средний', 'Верхний' и 'Нижний' миры.

Модель мира, отраженная в подобных мифологических представлениях, является некоторой культурной универсалией, поскольку она засвидетельствована в основных мифологических традициях самых различных культур на обширной территории Евразии и Нового Света (*ср. Harva 1922—1923*; *de Vries 1957, II: 372 и след.*; *Топоров 1964*; *1971*; *Toporov 1973*).

4.2. *ЖИВОТНЫЕ «СРЕДНЕГО МИРА»*

В архаичной индоевропейской культурной традиции 'Средний мир', соотносимый со средней частью 'Мирового дерева', объединяет основных (в частности антропоморфных, участвующих в земных делах) богов, людей, домашних животных и диких четвероногих животных. Семантема 'Средний мир' обозначалась, очевидно, лексемой *med$^{[h]}$i̯o-: др.-инд. *mádhya* (*ср. р.*) 'середина', 'промежуточное пространство (между небом и землей)', *madhyamá-* 'средний' (о промежуточном пространстве), др.-исл. *Miðgarðr* 'Средний мир', др.-англ. *middan-geard* 'Средний мир', 'земной круг' (общегерм. **midja-gardaz*), ср. лит. *mẽdžias* 'дерево', латыш. *mežs* 'лес', 'дерево', прус. *median* 'дерево', ср. рус. диал. *межá* 'лесок'[1]. Такое развитие значения 'средний'→'дерево', 'лес' явно указывает на первоначальную соотнесенность лексемы *med$^{[h]}$i̯o- 'срединный' со срединной частью 'дерева', символизирующего мир. От той же лексемы *med$^{[h]}$i̯o- в некоторых индоевропейских диалектах образуется эпитет диких животных, на которых охотятся. Такой перенос значения объясним также древней соотнесенностью этих животных со срединной частью 'дерева'. В этом отношении весьма

[1] Основное славянское значение 'межа' выводимо из названия 'межевого знака', 'столба', в ритуальном смысле эквивалентного 'дереву'.

показательны балтийские языки: лит. *medžióti* 'охотиться' (на диких зверей), латыш. *meža* в значении 'дикий' по отношению к любому животному (*meža zvērs* 'дикий зверь'); ср. также выражения типа латыш. *meža virs* 'волк' (буквально: 'человек леса'), *meža suns* 'волк' (буквально: 'собака леса'), *Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, II : 611.*

Дикие животные 'Среднего мира' образуют ясно выделяемую группу животных, связанных с охотой и ритуалом, в древних индоевропейских традициях противопоставленных животным 'Верхнего' и 'Нижнего' миров.

4.3. «ЖИВОТНЫЕ БОГОВ» В ДРЕВНЕХЕТТСКОЙ ТРАДИЦИИ

В древнехеттской традиции дикие животные 'Среднего мира' объединяются общим названием *šiunaš ḫuitar* 'животные богов'. Сюда включаются 'леопард' (*paršanaš*, шумерограмма UG.TUR), 'волк' (*ulippanaš*, шумерограмма UR.BAR.RA), 'лев' (шумерограмма UR.MAḪ), 'медведь' (*ḫartaggaš*, шумерограмма AZ), 'дикий кабан', 'вепрь' (шумерограмма ŠAḪ.GIŠ.GI 'свинья тростника'), 'дикая овца' (шумерограмма $ŠEG_9$.BAR); такая последовательность соблюдается в ритуале KBo X 23 и KBo III 8 (за исключением перенесения $ŠEG_9$.BAR на маркированное первое и семантически не вполне ясного *šaša-* 'заяц' (?) на пятое место).

Наиболее древний хеттский текст с подобным перечислением животных (*ср. Goetze 1962 : 29*)—это надпись царя Анитты, где, по-видимому, во фрагментированном контексте встречаются два варианта такой последовательности: *лев — свинья — дикий кабан — медведь* (то есть фрагмент примерно той же последовательности, что и в указанных выше текстах, но начиная со 'льва', в других текстах идущего на третьем или четвертом месте) и (в последовательности с разделительным *LU.Ú* 'ли') *леопард — лев — антилопа, горный козел* (шумерограмма DÀRA.MAŠ) (последовательность повторяется и в ряде других ритуалов, ср. KUB XII 62 I 16—17 и др.), ср. 60—63 (*Гиоргадзе 1965 : 92, 98*; *Neu 1974*): *ša-ni-ia ši-ua-at* [2 UR.MAḪ 70 ŠAḪ$^{ḪI.A}$ 1 ŠAḪ.GIŠ.GI(?) 1] *ME* 20 AZ$^{ḪI.A}$ *LU.Ú* [UG.TUR *LU.Ú* UR.MAḪ$^{ḪI.A}$ *LU.Ú* DÀRA.MAŠ] *LU.Ú* DÀRA *Ú L*[*Ú.Ú* ... ^{URU}*Ne-e-ša A.NA* URU.*IA ú-da-aḫ-ḫu-un*] "в тот же день 2 львов, 70 диких кабанов, 1 вепря (?) (дословно: кабана тростников), 120 медведей[1],

[1] Обращает на себя внимание большое количество медведей (120!) в зверинце по сравнению с другими животными, что находит интересную параллель в древней месопотамской традиции, где в двух списках животных, доставленных в зверинец, значатся 457 и 157 медведей, *Gelb 1975*. Сомнения, высказываемые Нейем вслед за Оттеном (*Neu 1974 : 31—32*) относительно значения шумерограммы AZ в хеттском (не 'медведь', как в шумеро-аккадском, а некое 'общее название' — Oberbegriff — диких животных), не представляются обоснованными, поскольку спорно отнесение к таким 'диким животным' 'антилопы' (DÀRA) и 'горного козла' (DÀRA.MAŠ), встречающегося рядом со 'львом' (UR.MAḪ) и 'леопардом' (UG.TUR), тем более, что обычно в хеттских текстах шумерограмма AZ передает конкретное дикое животное, а как общее слово для *'животных вообще', 'животного мира богов' выступает šiunaš ḫuitar, ср., например,*

леопарда ли, льва ли, антилопу ли, горного козла ли... в город Несу, мой город я привел". Цитируемый текст представляет особый интерес как указание на создание царского ритуального зверинца с дикими 'зверями богов'. Многочисленные типологические параллели этому можно найти в этнографических данных о других традициях, в частности африканских (ср., например, о царских леопардах в таком зверинце в Бенине, *Melzian 1955 : 103* и др.).

В упомянутом хеттском ритуале KBo III 8 III 27—29, где дается перечисление диких животных в связи со священным вечнозеленым деревом ^{GIŠ}*eia-*, символизирующим в хеттской традиции 'Мировое дерево', указана иерархическая последовательность взаимного расположения животных в отношении срединной части — ствола дерева: ŠEG$_9$.BAR *kat-ta-an* ^{GIŠ}*eia la-a-at-ta-at* UG.TUR-*aš-ša ta-aš-ša-i pí-di la-a-at-ta-at u-li-ip-na-aš-ša-an pár-ga-ú-e la-a-at-ta-at* UR.MAḪ *za-am-na-aš la-a-at-ta-at* "дикая овца под вечнозеленым деревом развязалась, леопард на важном месте развязался. Волк (же) вверху развязался. Лев у основания (дерева) развязался" (в предшествующей части ритуала этих зверей в той же последовательности и в тех же местах дерева 'связывали' — *ḫamikta*).

4.4. ПАРАЛЛЕЛИ «ЖИВОТНЫМ БОГОВ» В ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Совпадение отдельных деталей хеттского мифологического образа диких зверей у 'Мирового дерева' с некоторыми другими индоевропейскими традициями позволяет судить об исключительной древности индоевропейских компонентов соответствующих хеттских представлений. В частности, в германской традиции в жертву богу Одину-Вотану (др.-исл. *Óðinn*, др.-в.-нем. *Wuotan*, др.-англ. *Wōden*), соотносимому с 'Мировым деревом', приносились волки, которых вешали на ритуальных столбах, называвшихся 'волчьим деревом', ср. др.-англ. *wulfhēafod-trēo* 'дерево волчьей головы'; *waritrēo* 'дерево преступника-волка', этимологически соответствующее др.-сакс. *waragtreo* 'дерево преступника', др.-исл. *vargtré* 'волчье дерево'.

На фоне подобных несомненных соответствий заслуживают внимания и такие необычные для экологической среды исторических германцев комбинации ритуальных символов животных, как 'дикий кабан' и 'лев' на германском щите IV в. н. э. (ср. такую же хеттскую комбинацию в тексте Аниты) и даже сочетание 'леопарда' и 'льва' с 'кабаном' и 'медведем', засвидетельствованное в германской средневековой традиции в жанре снов о диких зверях, *Beck 1965 : 138—145* (ср. там же о возможном отражении той же традиции в "Песне о Роланде").

KBo X 25 VI 4—7, где после общего слова DINGIR^{MEŠ}-na-aš ḫu-u-i-tar выступают UG.TUR 'леопард' (из серебра), UR.MAḪ 'лев' (из золота), ŠAḪ.GIŠ.GI 'вепрь' (из серебра), ŠAḪ.GIŠ.GI 'вепрь' (из лазурита), AZ 'медведь' (из серебра). Это перечисление диких зверей совпадает в общем с засвидетельствованным в тексте Аниты.

В некоторых других индоевропейских традициях также находятся соответствия как отдельным элементам из всей совокупности животных 'Среднего мира' (в частности крупным рогатым или копытным — оленю, дикому кабану, дикому козлу и т. п.), так и всей категории этих животных в целом.

Обозначение диких животных 'Среднего мира' термином 'животные бога' или 'божественные животные' — хет. *šiunaš ḫuitar* — символизирует как бы принадлежность диких животных 'богу', а не 'человеку' (в отличие от домашних животных[1]). Древность этого образа 'диких животных' как животных божественных и его общеиндоевропейский характер можно вывести из наличия точно такого же образа в балто-славянской традиции, где 'дикие животные' характеризуются именно как 'божественные', ср. в латышских народных песнях *dieva vērši* 'дикие быки' (буквально: 'быки бога', ср. выше о латыш. *dìevs* 'бог', этимологически соответствующем хет. *šiu-na-* 'бог'), *dieva suns* 'волк' (буквально: 'собака бога'), *dieva zuosis* 'дикие гуси' (буквально: 'гуси бога', которые никому не принадлежат[2]), *Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, I : 486*. Сюда же относится славянское *diviji* 'дикий' (*ср. Фасмер 1964—1973, I : 513*), др.-рус. *звѣри дивии* 'дикие звери'; *въ стадѣ дивихъ овецъ*; *дивiй олень* и др., *ср. Срезневский 1958, I : 662*.

Характерной особенностью 'животных богов' в разных индоевропейских традициях является способность человека превращаться в них в ритуалах и в мифологических представлениях. В обрядовом смысле такое превращение (например, превращение человека в 'волка', в 'медведя' или в 'леопарда') придает человеку особый сакральный статус, сближая его с 'богом' через промежуточное звено 'животных бога'. Такой статус 'человека-оборотня' ясно проявляется в древнегерманской традиции, где 'священные звери' (др.-исл. *fylgja* 'дух-покровитель', в частности 'волк', 'медведь', 'дикий бык' и т. п.) образуют связующее звено между 'человеком' и 'богом' (*Beck 1965 : 147*).

4.5. ЖИВОТНЫЕ «НИЖНЕГО МИРА»

Дикие животные 'Среднего мира' или 'животные бога', 'божественные животные' противопоставляются животным 'Нижнего мира', располагаемым у корней 'Мирового дерева', в подземном царстве или в воде. 'Нижний мир' символизировался в индоевропейском, по всей вероятности, термином **b$^{[h]}$ud$^{[h]}$-n-*, отраженным в др.-инд. *budhná-* 'дно', 'основание', 'опора', 'нижняя часть', 'корень'; авест. *bǎna-* 'дно', 'основа', 'опора', 'глуби-

[1] Ср. в хеттском пересказе хурритской сказки об охотнике Кешши, где говорится, что "боги на Кешши из-за жертвоприношений разгневаны были и они от него скрыли всех животных": DINGIR^{MEŠ}-*eš-kan* [*Keššiia išpanduzzi šer kartimmiiauanteš nu-šši ḫuitar ḫuman piran arḫa munnair*, KUB XVII 1+XXXIII 121.

[2] Ср. типологические параллели в некоторых сибирских традициях: енисейско-остяцкое (кетское) *eṣdə şe'ɣ* 'олень Бога Неба Еся', то есть 'дикий (божий) олень' (в отличие от 'домашнего оленя').

на', арм. *an-dund-k* 'бездна', греч. πυθμήν 'дно', 'основание', 'низ', 'стебель', 'ствол', лат. *fundus* 'дно', 'основание', 'предел', др.-в.-нем. *bodam* 'низ', 'основа' (нем. *Boden*), др.-англ. *botm* (англ. *bottom*), *bodan* 'основа', 'основание'.

В древнеиндийской космогонии внизу 'Мирового дерева' находится мифологический змей *Áhi- Budhnyá-* (буквально: 'Змей Глубин'), название и функции которого соответствуют греч. Πύθων (от того же корня ***bl̥[h]ud[h]-**, *см. Топоров 1976 : 5—6*, там же о возможных балтийских и славянских мифологических соответствиях). По своей функции древнеиндийскому и греческому мифологическому 'змею' соответствует такое же существо у корней дерева в "Эдде" (*Dumézil 1959*) и 'змей' (шумерограмма MUŠ) в хеттских ритуалах, ср. *ša-ma-an-ku-ur-ṷa-an-du-uš-kán* $MUŠ^{ḪI.A}$*-uš* (*вин. п. мн. ч.*) 'бородатые змеи', KBo III 8 III 7. К этому же 'Низшему миру' относятся водяные животные типа 'рыб', 'бобра', 'выдры' и др.

4.6. ЖИВОТНЫЕ «ВЕРХНЕГО МИРА»

У вершины 'Мирового дерева' расположены животные 'Верхнего мира', обозначавшегося, по-видимому, общим названием ***Hu̯e(i̯)-**[1] 'птица' (в частности 'орлы', ср. хет. *ḫaraš*^{MUŠEN} 'орел', рус. *орел*, лит. *erẽlis* 'орел', гот. *ara* 'орел'), что удостоверяется совпадением практически всех архаических индоевропейских традиций (*ср. Wilke 1922*).

4.7. ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МИРА «ДИКИХ ЖИВОТНЫХ»

Таким образом, мир 'диких животных' распадается согласно древнейшим представлениям на 'Средний', 'Низший' и 'Верхний'. Эти признаки могут быть использованы в качестве семантических признаков, противопоставляющих отдельные группы в классе 'диких животных'.

Ниже, при специальном рассмотрении класса 'диких животных' в представлении индоевропейцев эти подгруппы будут анализироваться в последовательности 'Средний мир' — 'Низший' — 'Верхний', отражающей структуру самих древнейших индоевропейских представлений об окружающем мире. При этом в пределах каждого из этих миров отдельные животные будут рассматриваться в последовательности, отражающей их функциональную роль в большинстве исторических традиций, тогда как вывод об архаической значимости каждого из них делается на основании последующего сопоставления данных по отдельным животным.

Индоевропейское разбиение всех 'диких животных' по трем мирам, соотносимым с тремя частями 'Мирового дерева', можно представить в виде следующей трехчленной таблицы, см. *Табл. I*.

[1] Форма, производная от корня со значением 'дуть' (о ветре, воздухе): др.-инд. vā́ti 'дует', авест. vāiti, греч. ἄημι 'дует'; ***Hu̯ent[h]-** 'дующий'; 'ветер': др.-инд. vā́nt-, греч. *вин. п.* ἄεντα 'дующий'; хет. ḫuu̯ant- 'ветер', тох. A want-, B yente 'ветер', лат. uentus 'ветер', гот. winds 'ветер'. Отсюда и диалектные названия 'воздуха', 'атмосферы', 'погоды', 'бури'; греч. ἀ(F)ήρ 'воздух', 'мрак', 'туман', ἄελλα 'буря', 'вихрь', ср.-корн. awel 'погода'. От этого же названия 'Верхнего Мира' образуется индоевропейское родовое название 'птицы': др.-инд. ví-, лат. auis и др. (см. ниже).

ТАБЛИЦА 1

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ ТРЕХ МИРОВ

***Hue(i̯)-** **'Верхний мир'**	*птица, орел* *журавль* *ворон, ворона* *дрозд, скворец, воробей* *тетерев, глухарь* *дятел, маленькая птичка, зяблик* *гусь, водяная птица, лебедь, утка*
***med$^{[h]}$i̯o-** **'Средний мир'**	*волк* *медведь* *леопард, барс, пантера* *лев* *рысь* *шакал, лиса* *дикий кабан, вепрь* *олень, лось, антилопа* *дикий бык, тур, зубр* *заяц* *белка, хорек, горностай* *обезьяна* *слон*
***b$^{[h]}$ud$^{[h]}$-n-** **'Нижний мир'**	*Змей, змея, червь* *выдра, бобер, водяное животное* *мышь, крот* *черепаха* *краб* *жаба, лягушка* *муха, овод — ?* *оса, шершень* *гнида, вошь* *рыба, лосось*

4.8. ТИПОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ «ЖИВЫХ СУЩЕСТВ»

Представленная выше классификация "всего живого" на отдельные иерархические классы и подклассы, выделяемые по определенным семантическим признакам, отражает древнейшие представления индоевропейцев об окружающем мире и его соотношении с человеком.

Такая классификация, реконструированная на основании сопоставительного анализа некоторых лексем классификаторного значения и архаических ритуальных традиций, отражает довольно высокий уровень предна̀учных взглядов на природу и на место в ней отдельных элементов 'мира живого'. Подобные реконструируемые представления древних индоевропейцев являют собой не метаязык семантического исследования древней культуры, а фрагменты самой системы воззрений на мир, созданной самими носителями индоевропейского праязыка и его диалектов и отраженной в семантике соответствующих лексем и их комбинаций.

Такой сравнительно высокий уровень архаических представлений древних индоевропейцев с элементами логической, зоологической и социальной классификаций не должен казаться чем-то необычным и неожиданным в свете типологических данных этнологии о представлениях так называемых "примитивных народов".

В этнологических работах последних десятилетий, в частности в исследованиях Леви-Стросса, устанавливается поразительно высокий уровень классификационной "мысли дикаря", сближающейся с позднейшими научными классификациями явлений живой природы. Так, например, обозначения у индейцев *гуарани* (Южная Америка) "образуют хорошо продуманную систему и — с известными оговорками — обнаруживают определенное сходство с нашей научной номенклатурой. Эти первобытные индейцы не давали наобум названий явлениям природы, а созывали особые советы племени, чтобы установить названия, которые лучше бы отвечали признакам видов, причем они с большой точностью выделяли группы и подгруппы" (*Lévi-Strauss 1962 : 61*).

Особенно любопытно, что индейцы племени *навахо*, объявляющие себя "великими классификаторами", делят живые существа на две категории в зависимости от дара речи. Существа без речи включают животных и растения с дальнейшими классификационными подразделениями (*Lévi-Strauss 1962 : 54*), что поразительно совпадает с конкретными классификационными категориями индоевропейцев.

Подобные типологические параллели, почерпнутые из этнологических данных, позволяют в сущности верифицировать правомерность реконструкций системы древнейших представлений индоевропейцев об общей классификации явлений живой природы, основанных на анализе лексических и сравнительно-мифологических данных.

Такие реконструкции позволяют выделить особые подразделения живой природы по семантическим признакам, выраженные определенными общими названиями. Поэлементный анализ некоторых из этих подразделений приводится ниже с лексическим и семантическим их разбором.

С этой точки зрения будут рассмотрены выделенные выше группы [illegible] животных' *ĝ^{h}uer-, 'домашних животных' *p^{h}ek^{h}u- и 'расте[illegible]' *b^{h}el-.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ДИКИХ ЖИВОТНЫХ» И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

. ЖИВОТНЫЕ «СРЕДНЕГО МИРА»

1. «ВОЛК»

(1.1.) *ПЕРВИЧНЫЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ВОЛКА»*

Семантема 'волк' представлена в индоевропейском несколькими лексемами.

Одной из древнейших индоевропейских лексем, показывающей различные варианты, соотносимые с разными хронологическими уровнями индоевропейского языка, является лексема со значением 'волк':

И.-е. *$\mu\underline{l}k^{[h]o}$- : др.-инд. *vṛ́kaḥ*, авест. *vəhrka-*, греч. λύκος, ст.-слав. *vlĭkŭ*, лит. *vìlkas*, алб. *ulk*.

Форма женского рода со значением 'волчица' возникает самостоятельно в отдельных диалектах: др.-инд. *vṛ́kīḥ*, рус. *волч-и-ца*, др.-исл. *ylgr*; лит. *vìlkė*; греч. λύκαινα (*Meillet 1938 : 395*).

В качестве фонетического варианта формы *$\mu\underline{l}k^{[h]o}$- в отдельных индоевропейских диалектах выступает архетип на *-$p^{[h]}$-:

И.-е. *$\mu\underline{l}p^{[h]}$- : хет. *ulippana-*, гот. *wulfs*, лат. *lupus*; сюда же следует отнести арм. *gayl* с закономерным отсутствием конечного *-$p^{[h]}$-[1].

Параллельно с этой основой для общеиндоевропейского реконструируется и другая основа со значением 'волк':

И.-е. *$\mu\underline{e}\underline{i}t'$-(n)- : хет. *ḫetna-*, др.-исл. *vitnir*, словен. *vedanec*, *vedomec*, *vedavec*, укр. *вiщун* 'волк-оборотень' ('человек, обратившийся в волка'), др.-чеш. *vêdi* 'волчицы-оборотни' (*Jakobson 1966a : 346—350*).

Наличие нескольких лексем общеиндоевропейского периода, обозначающих 'волка', указывает на особую экологическую распространенность

[1] В конечном счете формы *$\mu\underline{l}k^{[h]o}$- и *$\mu\underline{l}p^{[h]}$- разлагаются на корень *μel- с первичным значением 'раздирать', 'ранить', 'убивать' и суффиксы *-$\underline{k}^{[h]o}$- и *-$p^{[h]}$-, дающие два варианта основы, распределенные по индоевропейским диалектам. К первичному значению корня *μel-, лежащему в основе слова 'волк', см. лат. uellō 'рву, разрываю', uolnus 'рана', греч. οὐλή 'рана', др.-ирл. fuil 'кровь', ср.-ирл. fuili 'кровавые раны', гот. wilwan 'грабить', wulwa 'разбой', др.-исл. valr 'трупы на поле брани', тох. A wāl- 'умирать', лув. u(ua)lanti- 'мертвый', нер. лув. wal(a)- 'умирать' (*Hawkins 1980*). Первичное индоевропейское значение 'волка'—это, следовательно, 'раздирающее (добычу) животное', 'зверь-убийца'. О других производных от корня *μel- с тем же значением 'хищного животного' см. ниже.

этого хищника на территории обитания индоевропейских племен, а также на его культовую и ритуальную значимость, что ясно отражается в древнейших индоевропейских традициях.

1.2. *РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ «ВОЛКА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ*

В древнехеттской традиции 'волк' играет особую роль, выступая в качестве воплощения сакральных качеств. В частности, 'волк' и 'волчья стая' служат образом единства и всеведения. Так, например, царь Хаттусили I (XVII в. до н. э.), обращаясь к собранию-панкусу, призывает своих воинов-подданных "быть единым целым", то есть объединиться "как волчий род": *ú-e-it-na-aš ma-a-an pa-an-gur*. Надевание волчьих шкур (ср. хет. LÚ^{MEŠ} UR.BAR.RA 'люди-волки', KBo XVI 68 I 13; 78 IV 9 и др.) имеет магическую силу, придающую, по-видимому, всеведение и, быть может, является символом особого юридического положения. В этом смысле любопытна формула 'превращения человека в волка', применяемая в тексте "Хеттских законов" (§ 37): *zik-ŧa* UR.BAR.RA-*aš kištat* "ты-де сделался волком", сопоставимая с др.-инд. *vṛ́ko hí ṣáḥ* 'он есть волк', *Watkins 1970a* (особый юридический статус при брачном обряде похищения женщины)[1].

Параллели к таким хеттским формулам и ритуалам можно установить в целом ряде других древних индоевропейских традиций, что свидетельствует об общеиндоевропейском их характере и возможности их постулирования для периода индоевропейского единства.

В древнегреческой традиции, при особой ритуальной форме убийства, человек 'волком становится': λύκῳ γενέσθαι (Платон, "Республика"). Этому точно соответствует германская формула: в древнеисландской умиротворительной присяге совершивший убийство "будет называться волком" (*skal svá víða vargr heita*), ср. *Иванов 1975*.

Разительную параллель древнехеттскому ритуалу надевания волчьих шкур и пляски 'людей-волков' (LÚ^{MEŠ} UR.BAR.RA), то есть 'людей с волчьими шкурами', можно установить в древнегерманской традиции (включая готскую), где воины изображаются в волчьих шкурах и описываются как 'волки' (ср. др.-англ. *heoruwulfas*, *wælwulfas* 'воины-волки'). Любопытно, что в Византии вплоть до позднего времени в рождественский праздник воспроизводились ритуальные пляски готских воинов в волчьих шкурах (*ср. Kraus 1895*). Характерно также частое употребление лексемы со значением 'волк' в германских именах собственных типа гот. *Ulfilas* (*ср. Kock 1924*), др.-исл. *Ulf-bjǫrn*, *Bjǫrn-ólfr*, др.-в.-нем. *Wulfbero*, др.-англ. *Bēo-wulf*; ср. также франкское обозначение *werwulf* 'человек-волк' и др.

В древней славянской и балтийской традициях совпадение с хеттской

[1] Ср. 'волк' (*vṛ́kaḥ*) как образ 'вора', 'разбойника' (*aghâśaṅsa-*) в "Ригведе", I 42, 2, 4

и германской особенно ясно проявляется в ритуале превращения 'человека в волка', что наделяет его чудодейственной силой и особым положением 'вещего', 'всеведущего' (*Jakobson 1966a*; *Ridley 1976*). На голове у всеведущего славянского князя-Волка росли 'волчьи волосы': словен. *volčja dláka* (ср. др.-исл. *vargshár* с тем же значением); из этого же сочетания возникает позднейшее название 'оборотней-вурдалаков': болг. *вълколак* и т. п. Особую характеристику 'людей в волчьих шкурах', 'людей-оборотней' составляет их всеведение, что отражает, очевидно, очень древнюю, вероятно, общеиндоевропейской давности, традицию о 'людях в волчьем образе' (ср. укр. *віщун*, др.-чеш. *vědi* и др.). В этом смысле весьма характерна этимология индоевропейской основы **u̯ei̯t'-(n)-* со значением 'волк', увязываемой, очевидно, с корнем **u̯ei̯t'-* 'ведать', 'знать' (греч. *οἶδα* 'знаю', др.-инд. *véda*, рус. *ведать*).

1.3. РИТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ «ВОЛКА» И ЕГО ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Особая культово-ритуальная функция 'волка' в индоевропейской традиции, наделенного комплексом особых священных качеств, порождает наряду с первичными лексическими образованиями **u̯lk$^{[h]o}$-//*u̯lp$^{[h]}$-* новую описательную форму, увязываемую с корнем **u̯ei̯t'-* 'знать', 'ведать'. Эти основы и распределяются в дальнейшем в отдельных индоевропейских диалектах в качестве ритуально маркированного или первичного обозначения для 'волка'.

Такой функциональной нагрузкой данной семантемы в условиях табуирования определенных первичных названий можно было бы объяснить появление в дальнейшем в отдельных индоевропейских диалектах новых (иногда эвфемистических) образований со значением 'волк'[1] (*ср. Зеленин 1929—1930*). В частности, в латышском встречаются архаические эвфемизмы типа *dieva suns* 'волк' (буквально: 'собака бога'), *meža suns* 'волк' (буквально: 'собака леса').

'Волк-хищник', 'волк-убийца' выражается уже новым словом, увязываемым этимологически с индоевропейским корнем **d$^{[h]}$eu̯-* 'душить', 'да-

[1] Таким образом можно было бы объяснить и германское название 'волка' как 'волка-человека, совершившего преступление': др.-исл. vargr, др.-в.-нем. warg, др.-англ. wearg (*Jacoby 1974*), ср. гот. ga-warg-jan 'приговорить', этимологически отождествляемое с хет. ḫurk-el 'отвратительное преступление' (*Puhvel 1971*), ср. также LÚMEŠ ḫurkilaš 'люди преступления' как название мифологических существ, которые должны поймать волка рукой (в KUB XII 63 I 21 и след.). Приведенный выше (стр. 487) общегерманский термин vargtrē 'волчье дерево' сопоставляется с хет. ḫurki- 'колесо' (§ 198 "Хеттских Законов", шумерограмма GIŠDUBBIN, DDUBBIN 'божественное колесо' в "Автобиографии Хаттусили", I, 36, в контексте, где речь идет о наказании преступника). Ср. ритуальные значения слов того же корня в славянском: др.-рус. *ворожити* 'предсказывать', *ворожея* 'колдунья', *ворог* 'враг', *ворожа* 'колдовство, ворожба', рус. диал. *ворожейка* 'флюгарка, состоящая из длинного вкопанного в землю шеста, на вершине которого прикреплена палочка горизонтально, на конце последней пучок кудели', *Филин 1965-, 5: 109* (ср. значение др.-исл. vargtrē как обозначение ритуального столба).

вить', 'убивать': ст.-слав. *daviti* 'душить', 'удавить', гот. *afdauips* 'замученный' (причастие *каузатива*), *þata diwanō* 'τὸ θνητόν', 'смертное', *undiwanei* 'ἀθανατία' (ср. выше об обозначении 'смертного', 'человека' от этого корня)[1].

К этой же группе образований от корня *$d^{[h]}eu$- в древних балканских индоевропейских языках примыкает имя меонийского божества Кандавла, которое согласно Гиппонакту означает 'душитель пса' (κυνάγχης) и интерпретируется как одно из воплощений индоевропейского 'волчьего божества', которому в жертву приносили собак (*Masson O. 1962 : 106*).

Такие слова со значением 'волк' (этимологически: 'убийца', 'душитель') представлены в формах типа фригийского δάος (*Гесихий*) и иллирийского *Daunus* (ср. также δαῦνον · θηρίον по *Гесихию*).

(1.4.) ЭТНОНИМЫ И ТОПОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С НАЗВАНИЕМ «ВОЛКА»

О важной функции 'волка' в индоевропейской традиции на всем ее протяжении от общеиндоевропейского состояния вплоть до исторического периода свидетельствует особая распространенность этнонимов и топонимов, содержащих основу 'волк'. Целые народы и страны назывались 'волчьим именем' по месту, отводимому этому животному в культурной традиции (вероятно, тотемного происхождения) тех или иных индоевропейских племен.

В частности, 'волками' или 'волчьей страной' именуются области, перечисляемые ниже в порядке с запада на восток:

В древней Италии — племена *Lukani* (в греческой передаче), *Hirpini*, возводимые к **hirpus* 'волк' (ср. согласно Сервию прорицание оракула, по которому *Hirpi Sorani* "волкам должны подражать" — *lupos imitarentur*), иллирийское племя Δαύνιοι;

На древних Балканах — название даков у Страбона — δάοι, то есть 'волки' (*Eliade 1959*), северобалканское название Δαύνιον τεῖχος 'Волчья стена' (у Стефана Византийского) и другие. В Греции и в греческой части Малой Азии к этой же группе названий относятся Ликаония, связываемая с именем мифического царя Ликаона, город Λυκόσουρα; возможно, и название малоазиатской области *Lukka-* уже в хеттских текстах. В Малой Азии также толкуется и название племени *Orka* (*Orkoi*) во Фригии (*Eisler 1951 : 137*). К этому же типу этнонимов и топонимических названий, содержащих лексему 'волк', относятся сарматское племя Οὖργοι 'ургн', 'волки' (*Страбон*) и древнеиранское образование типа **Vṛkāna-* (в эламс-

[1] В сущности такое же первичное значение характеризует и формы *$\mu lk^{[h]}$- ‖ *$\mu lp^{[h]}$- (ср. термин λύσσα 'воинская ярость' [дословно: 'волчья'] от λύκος 'волк' у Гомера: λύσσα δέ οἱ κῆρ αἰὲν ἔχε κρατερή "сердцем его (Ахилла) непрерывно владела могучая волчья ярость", Φ 542—543, ср. *Lincoln 1975*). Однако это первичное значение 'волка' могло быть утеряно в дальнейшем, что и привело к возможности возникновения новых названий 'волка' по тому же признаку.

кой передаче *mi-ir-ḳa-nu-ia-ip* 'жители Хиркании' при имени *Hyrkanoi* у античных авторов), как, в частности, *Хиркания*, локализуемая на юго-восточном побережье Каспийского моря и в Закавказье (*Церетели 1963*).

1.5. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ФУНКЦИИ «ВОЛКА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Разительные параллели культу 'волка' в индоевропейской традиции обнаруживаются в южнокавказской (картвельской) культуре. Культ 'волка' занимает особое место уже в древнейшей южнокавказской культурной традиции. Изображения людей в 'волчьих масках' является одним из основных мотивов ритуального изобразительного искусства. Следы культа 'волка' особенно ясно прослеживаются в сванской традиции, где 'волк' наподобие древнейшей индоевропейской традиции является символом определенной социальной организации (*Бардавелидзе 1957 : 37 и след.*). Более того, сванская традиция отождествляет мобильность волчьих сообществ с подвижностью человеческих групп в среде. Волчья организация является как бы отражением в природе социальной организации людей (*Charachidzé 1968 : 482*).

В древнегрузинской традиции значимость культа 'волка' отражается в именах собственных правителей Иберии, содержащих иранские слова со значением 'волк', ср. эпитет древнегрузинского царя Вахтанга Горгасала ('Вахтанг-Волчья Голова') при возможной этимологии самого имени *Вахтанг* из **warx-tang*≈*vəhrka-tanū-* 'имеющий волчье тело', ср. осетинское имя героя в нартовском эпосе: *Wærxæg* (от 'волк' по *Абаеву 1949, I : 187*; *1965 : 95*). Само название древней Иберии **Vṛkān-*≈ *Hyrkaniā* восходит к тому же иранскому названию 'волка' (*Церетели 1963*). Характерно, что вследствие особой культовой функции 'волка' первоначальное общекартвельское слово, обозначавшее 'волка' подвергается табуированию, заменяясь заимствованиями из других языков. Грузинское *mgel-i* 'волк', мегр. *ger-i* заимствуется, вероятно, из армянского (ср. арм. *gayl* 'волк'); сванское слово для 'волка' *txer* увязывается, очевидно, с греч. θήρ 'дикий зверь'.

Сходным образом, в осетинской традиции, где 'волк' был древним тотемным животным — родоначальником племени, табуируется первоначальная индоевропейская лексема, сохранившаяся лишь в мифологических именах. Она заменяется словом, по-видимому, тюркского происхождения *birægǧ*//*berægǧ* 'волк' (*Абаев 1958, I : 262—263*; *1949, I : 48—49*).

Культ волка играет особую роль на Южном Кавказе, и многие черты традиции, связанной с ритуальной функцией 'волка', совпадают в основных чертах до поразительных деталей с древнейшей индоевропейской традицией.

Совпадение всего указанного комплекса представлений, связанных с 'волком', объединяет индоевропейскую и южнокавказскую (картвельскую) традиции с более широким кругом мифологических представлений, характерных для значительно более обширного ареала, простирающегося далее на восток (ср. о культе 'волка' в этом ареале *Alföldi 1974 : 32, 150 и след.*).

По новейшим археологическим данным, древнейшие следы 'волка' обнаруживаются на рубеже VIII—VII тысячелетий до н. э. в широком ареале Передней Азии, включая и материковую Грецию — Фессалия, восточная Малая Азия, Иранское плоскогорье, Палестина (а также в некоторых областях Северной Европы — Англии), ср. *Berger/Protsch 1973 : 223*.

2. «МЕДВЕДЬ»

2.1. *ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «МЕДВЕДЯ»*

Другой лексемой общеиндоевропейской эпохи, обозначающей крупного хищника, является слово 'медведь', показывающее закономерные соответствия по древнейшим индоевропейским диалектам:

И.-е. *Hŗt$^{[h]}$k$^{[h]}$- : хет. *ḫartagga-*[1], др.-инд. *ṛkṣaḥ*, авест. *arəšō*, греч. *ἄρκτος*, арм. *arǰ*, лат. *ursus*, ср.-ирл. *art*[2].

Распространенность медведя в экологической среде обитания индоевропейских диалектов выводится уже из факта наличия этой лексемы в общеиндоевропейском, отраженной во всех основных группах индоевропейских диалектов.

Рис. 1. **Сосуд в форме медведя (древнебалканская культура, VI тыс. до н. э.)**

2.2. *КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «МЕДВЕДЯ» В ХЕТТСКОЙ И ДРУГИХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ*

В культовом отношении 'медведь', хотя и играет определенную роль в древнеиндоевропейской традиции, но по ритуальной значимости уступает 'волку', с которым он часто объединяется в определенных видах ритуалов, а отсюда и в соответствующих названиях.

В хеттских ритуалах 'люди-волки' пляшут вместе с 'людьми-медведями' (^{LÚ}*ḫartagga-*, *ср. Jakob-Rost 1966*), что аналогично ритуальному танцу воинов-готов в медвежьих и волчьих шкурах (*Kraus 1895*). В древнегерманских сложных именах собственных 'медведь' часто сочетается с 'волком':

[1] Вопреки предположению Оттена (*ср. Neu 1974: 32, 103*) относительно перевода ḫartagga- не как 'медведь', а как 'волк', представляется наиболее вероятным считать хет. ḫartagga- словом для 'медведя', что согласуется с этимологическим толкованием этого слова (*ср. Watkins 1975 h*). При этом следует иметь в виду и комбинаторное толкование слова, указывающее скорее на значение 'медведь', а не 'волк', ср. отраженную в хеттских текстах (KUB XXIX 1 I 30 и др.) способность ḫartagga- 'взбираться на деревья'. При этом следует учитывать также, что для 'волка' в хеттском засвидетельствованы по меньшей мере два слова: ulippapa- и ŧetna-, см. выше, стр. 492.

[2] Это кельтское слово заимствуется из кельто-иберийского и в баскский в форме hartz 'медведь' (*Шишмарев 1941:18*).

др.-исл. *Ulf-bjǫrn*, *Bjǫrn-olfr*, др.-в.-нем. *Wulf-bero*, *Ber-ulf*, вест.-гот. *Bēr-ulfus*.

Для исследования индоевропейской традиции особое значение имеют хеттские данные. Уже в древнейшем тексте KBo VII 14 фигурирует 'медведь' в ритуальном смысле: *nu-ut-ta ḫar-tág-gán ma-a-an* [...]-*iš-ki-mi nu-tu-uḫ-ḫi-ia-at-ti-it a-ak-ti* "и тебя как медведя я [удавлю?], и от удушья ты умрешь" (*Гамкрелидзе 1961 : 275—276*). Ритуальная значимость 'медведя' видна также в хеттских ритуалах плодородия, в которых 'медведь' выступает как символический оплодотворитель деревьев: *ḫartaggaš-ma-šmaš šara* w*rkiškitta* "медведь же на вас вскочил"[1], KUB XXIX 1 I 30, ср. *Watkins 1975h*; в этом последнем ритуале, как и в надписи Анитты, 'медведь' выступает в одном ряду с другими 'животными богов', в частности 'леопардом' и 'львом'.

(2.3.) *ТАБУИРОВАНИЕ НАЗВАНИЯ «МЕДВЕДЯ» И ЕГО ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ*

Как и следовало ожидать, вследствие своей культовой значимости первоначальное название 'медведя' табуируется в разных индоевропейских культурах, в частности славянской, где первоначальная индоевропейская лексема со значением 'медведь' заменяется описательным наименованием по признаку склонности животного к сладкому, к лакомству: рус. *медведь*, ц.-слав. *медвѣдь*, чеш. *medvěd* из и.-е. **med$^{[h]}$u̯-et'-* ⇒ праслав. **medvěd-ĭ* 'поедатель меда', ср. др.-инд. *madhuvád-* 'едящий сладкое'.

В германской традиции, где 'медведь' является наряду с 'волком' одним из основных 'священных животных' (*Beck 1965 : 21 и след., 146* и др.), табуирование осуществляется посредством замены первоначального названия 'медведя' описательным по признаку цвета бурого медведя; возникает термин, восходящий к индоевропейскому **b$^{[h]}$er-* 'коричневый': др.-в.-нем. *bero* 'медведь' (нем. *Bär*), др.-англ. *bera* (англ. *bear*), др.-исл. *bjǫrn*, *ср. Gottlieb 1931 : 39—41*. Наряду с этим в германском засвидетельствован описательный термин типа славянского: др.-англ. *Bēowulf* 'медведь' (дословно: 'пчелиный волк').

В балтийских языках возникает другой эвфемистический термин для 'медведя', который может быть фонетически значительно видоизмененной формой первоначального индоевропейского названия: прус. *tlok-* в *Tlokunpelk* 'Медвежье Болото', от *clokis* (лит. *lokỹs*, латыш. *lâcis* 'медведь').

Обращает на себя внимание то, что замена первоначального наименования 'медведя' происходит в основном в балто-славяно-германском ареале, что указывает на бóльшую культовую значимость медведя в этой области по сравнению с другими индоевропейскими. В этом отношении балто-сла-

[1] Глагол ark- соответствует рус. *ёрзать*, белорус. *ёрзаць* (в первоначальном сексуальном смысле), дублет *ёрегать* (*Филин 1965-*), тогда как соответствующее существительное arki- 'яичко' (*мн. ч.* ar-ki-i-e-eš, KBo XVII 61 Rs. 15) сопоставляется этимологически с греч. ὄρχεις 'яички', авест. ərəzi (*дв. ч.*), арм. orjik', ср.-ирл. uirgge (*ср. Watkins 1975h*).

вяно-германский культурный ареал обнаруживает бо́льшие связи с восточноевразийским и северноевразийским (ср. *Алексеенко 1960*; *Крейнович 1969*).

2.4. ТИПОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КУЛЬТА «МЕДВЕДЯ»

Для древней индоевропейской традиции культ 'медведя' уступает по ритуальной значимости культу 'волка', который охватывает как биологическую, так и социальную сферы: 'волк' как символ единства всего племени, 'волк' как особый социальный статус, 'волк' как символ всеведения, даруемого вождю племени и т. п. В отличие от этого 'медведь' в древнейшей индоевропейской традиции символизирует в основном биологическую сферу — плодородие природы (ср. мифологический образ сына 'медведя' и обряд брака с медведем в германской традиции, *Beck 1965*; *de Vries 1956, I : 362 и след.*, славянской, *Иванов/Топоров 1965 : 161*, и греческой традициях) и уничтожение жизни ('смерть медведя')[1]. Лишь в отдельных позднейших индоевропейских культурах расширяется ритуальная и культовая значимость 'медведя', охватывая и другие сферы.

В ряде исторических индоевропейских традиций происходит существенное уменьшение культовой роли 'медведя', видимо, в силу экологических условий позднейшей среды исторического обитания носителей этих диалектов. В частности, в древнеиндийской традиции уже в ранний период 'медведь' отходит на задний план: характерно, что в "Ригведе" древнее название животного *ṛkṣa-* 'медведь' упоминается лишь один раз при 23 упоминаниях древнего названия 'волка' *vṛ́ka-* и 15 упоминаниях названия 'льва' (*Grassmann 1873 : 278, 1325, 1515*).

Напротив, для хеттской традиции, как, впрочем, и месопотамской, характерно значительное количество 'медведей' (ср. выше о надписи Анитты с упоминанием 120 медведей в зверинце, стр. *486*), что можно истолковать как указание на особую экологическую распространенность медведя на древнем Ближнем Востоке.

Любопытно, что и в южнокавказском (картвельском) культурном ареале культ 'медведя' по своей значимости существенно уступает культу 'волка', играющего особую ритуальную роль. С этим обстоятельством должно быть связано сохранение в картвельских языках первоначального наименования 'медведя' (груз. *datv-i*, мегр. *tunt-i*, лаз. *mtut-i*, сван. *däšdw*) в отличие от многообразия наименований 'волка'.

[1] Противопоставление 'медведя' как символа биологического плодородия другим животным, связываемым с царской властью, видно, в частности, из цитируемого хеттского ритуала KUB XXIX 1, где 'медведь' упоминается только в связи с плодородием деревьев, а 'лев' и 'леопард'—в разделах, где речь идет об обновлении священной власти царя.

3. «ЛЕОПАРД», «БАРС», «ПАНТЕРА»

3.1. *«ЛЕОПАРД» В ДРЕВНЕХЕТТСКОЙ ТРАДИЦИИ*

В хеттском ряду 'животных богов' леопард (хет. *paršana-*, шумерограмма UG.TUR, возможно, 'пантера', 'барс' или другое крупное животное из семейства кошачьих) занимает первое или 'важное место' (см. выше, стр. *486*; ср. также последовательность *лев — леопард — медведь* в архаическом ритуале KUB XXIX 1). При этом 'леопарду' (*Felis pardus* L.) в отличие от других животных приписывается способность 'танцевать', ср. в ритуале KBo X 24 III 24 : *nu pár-šani-li tar-ú-i-eš-kán-*[*zi*] "и они по-леопардьи танцуют" (очевидно, описание ритуального танца в леопардовых-барсовых шкурах). В ритуале плодородия, где 'медведь' выступает как воплощение мужской силы оплодотворения, 'леопард', как и 'лев', возможно, символизируют женское начало: UR.MAḪ-*aš kattan šeškit* UG.TUR-*aš*-(š)*maš kattan šeš-kit ḫartaggaš-ma-šmaš šara arkiškitta* "лев/львица спал(а) под (вами), леопард под вами спал, медведь же на вас вскочил" (KUB XXIX 1 I 29—30).

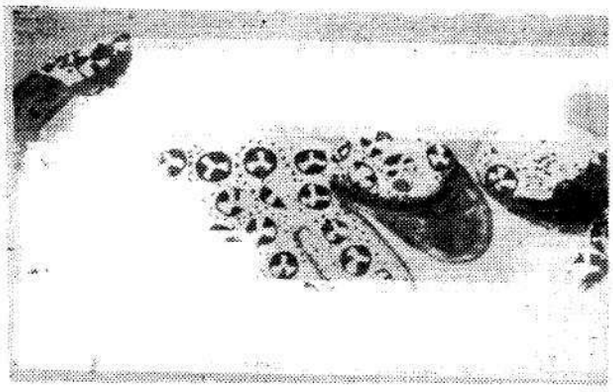

Рис. 2. **Фреска с изображением леопардов. Чатал-Хююк, VII—VI тыс. до н. э.**

3.2. *ОБОЗНАЧЕНИЕ «ЛЕОПАРДА» — «БАРСА» В ХЕТТСКОМ И ИНДОИРАНСКОМ*

Хеттская лексема *paršana-*, в которой выделяется суффикс *-ana-* (ср. *ulipp-ana-* 'волк') и основа *parš-*, сопоставляется с персидским *pārs* ~ *fārs* 'пантера'; отсюда зап.-монг. письм. *p'ars* (XIV в.), *bars* 'барс', 'тигр' (*Владимирцов 1917*; *1929 : 341*), др.-тюрк. *bārs* уже в значении 'тигр', в том числе как символ в двенадцатилетнем животном цикле, *bars jïl* 'год тигра'[1], некоторые тюркские языки сохранили значение 'пантера', с которым можно связать рус. *барс* (ср. *Дмитриев 1962 : 555*).

[1] В индоевропейских традициях сама семантема 'тигр' появляется, очевидно, позднее в отдельных диалектах (ср. вывод о ее отсутствии в общеиндоевропейском, *Thieme 1964: 596*). Для ее передачи возникает, в частности в греческом, лексема, основанная на индоевропейском корне *(s)$t^{(h)}$ei̯k'- 'колоть', 'острый, заостренный': греч. τίγρις 'тигр' (из 'острый', авест. tiγra- 'острый', tiγri- 'стрела', др.-перс. tigra- 'острый', ср. *Watkins 1971: 1543*); отсюда заимствуется название 'тигра' в латинском и новых европейских языках. Культовая роль 'тигра' (*Felis tigris* L.), очевидно, минимальна в исторических индоевропейских традициях. Она особенно характерна для юга древней Передней Азии (Мохенджо-Даро, где 'тигр' выступает в священной последовательности животных в

Иранским формам на *-s-* (перс. *pārs~fārs*, сарыкол. *pis* 'барс', 'леопард', *Пахалина 1971 : 130*) противостоят дублетные формы на *-d-*: согд. *pwrδ'nk*, афган. *pṛāng*, перс. *palang* 'барс' (с развитием **rd>l*; из этой персидской формы объясняется осет. *fælank /færank* 'барс', 'леопард', *Абаев 1958, I : 450*, и памирские формы — из таджикского — типа вахан. *pəlang* 'снежный барс', 'ирбис', ишк. *pəlang*, *Пахалина 1975 : 242*; *Грюнберг/Стеблин-Каменский 1976 : 421*), соответствующие др.-инд. *pṛdāku-* 'пантера', 'тигр' (слово, засвидетельствованное у древнеиндийских лексикографов, *Mayrhofer 1963, II : 301 и след., 335*; ср. *Fussman 1972, II : 207—208*). Такую же форму показывает и греческий: πάρδαλις, πόρδαλις, πάρδος 'пантера', 'барс', παρδαλέη 'барсова шкура'.

(3.3.) *РОЛЬ «ПАНТЕРЫ» — «БАРСА» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ*

'Пантера'-'барс' в греческой традиции, в частности у Гомера, отличается поразительной ритуальной близостью к хеттской традиции. В "Илиаде" (К 29—31) 'барсовой шкурой' царь Менелай покрывает себе спину перед тем, как надеть шлем на голову и взять в руки копье:

Παρδαλέῃ μὲν πρῶτα μετάφρενον εὐρὺ κάλυψεν
ποικίλῃ, αὐτὰρ ἐπὶ στεφάνην κεφαλῇφιν ἀείρας
θῆκατο χαλκείην, δόρυ δ' εἵλετο χειρὶ παχείῃ
"Пестрою барсовой шкурой покрыл он широкую спину,
Медный на голову шлем, поднимая руками, надвинул,
Также копье захватил длиннотенное в мощную руку"
(перевод *И. М. Минского*)

Сам Александр 'богоподобный' имеет на плечах 'барсову шкуру' (Г 16—18):

Τρωσὶν μὲν προμάχιζεν Ἀλέξανδρος θεοειδής,
παρδαλέην ὤμοισιν ἔχων καὶ καμπύλα τόξα
καὶ ξίφος,
"Вышел тогда Александр боговидный пред строем троянцев,
Барсову шкуру нося на плечах и свой лук изогнутый
Вместе с мечом".

Сам 'барс', 'пантера' у Гомера упомянуты дважды в перечислениях диких животных — в "Илиаде" в ряду 'шакалов', 'пантер' и 'волков' (N 103: θώων παρδαλίων τε λύκων), в "Одиссее" же в более показательном контексте перевоплощения бога — 'старца' (γέρων) — в различных зверей, изображаемых как мифологические существа: сначала во 'льва',

качестве эквивалента 'леопарда', 'барса' в более западных культурных традициях; в самой Индии место 'тигра', в священной символике животных соотнесенного с севером, занимает позднее 'лев'), Центральной Азии (ср. древнетюркские последовательности животных циклов) и Китая, где 'тигр' в системе пяти животных выступает как единственный представитель 'имеющих шерсть', см. *Saussure L. 1920*; *Юань Кэ 1965 : 55—56, 72*; *Семека 1971 : 105, 116*. Характерно, что в "Ригведе" 'тигр' вовсе не упоминается, и лишь позднее в "Атхарваведе" 'тигр' начинает заменять 'леопарда' в качестве символа царской власти, *ср. Елизаренкова 1976: 6, 232, 374*. Однако наряду с этим и 'леопард' остается символом царской власти ("Атхарваведа", IV 8).

затем же — в 'дракона', в 'барса' и в могучего 'дикого кабана', причем в конце этого перечня бог становится валом воды и 'деревом', устремляющимся ввысь (ō 456—458):

ἀλλ' ἤτοι πρώτιστα λέων γένετ' ἠϋγένειος,
αὐτὰρ ἔπειτα δράκων καὶ πόρδαλις ἠδὲ μέγας σῦς·
γίγνετο δ' ὑγρὸν ὕδωρ καὶ δένδρεον ὑψιπέτηλον.
"Вдруг он в свирепого, с гривой огромного льва обратился;
После предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим,
Быстротекущей водою и деревом густоверишным".
(перевод *Жуковского*)

В этом тексте сочетание семантем 'льва', 'леопарда-барса' и 'дикого кабана' в связи с 'деревом' весьма показательно в свете приведенных выше данных об индоевропейской мифологической традиции, касающейся 'животных богов'.

(3.4.) «БАРС» В ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ЛЕГЕНДЕ

В этой связи вызывает значительный интерес параллель на уровне семантем в армянском мифологическом эпизоде легенды, приводимой Моисеем Хоренским ("История Армении", I 26). Речь идет о сне мидийского царя Аждахака (ср. перс. *Aždahā*, авест. *aži-dahāka-*, легендарный царь дэвов, *aži-* 'Змей', 'Дракон', ср. др.-инд. *Áhi- Budhnyá-* 'Змей Глубин'), в котором он видит на вершине горы в 'стране армян' (*yerkrin haykazanc'*) чудесную женщину в 'пурпурово-красном' (*kin omn ciranazgest*) в родовых муках (*erkanc' ambŕneal c'awov*). Внезапно женщина рождает три чудесных существа божественного рода (*cnaw kinn yarkarc eris katareals i diwc'azanc'*). Первое существо, рожденное на льве (*aceal i veray ariwcu*), отправилось на запад, второе, рожденное на барсе (*i veray ənci*), отправилось на север, третье, рожденное на громадном драконе-вишапе (*zvišapn arari sanjeal*), отправилось к Мидийскому царству (видимо, на юго-восток) и напало на него[1].

Несмотря на иранскую этимологию имени самого Аждахака и сюжетную связь с Мидией в приведенной легенде явно видны древнейшие мифологические мотивы, выраженные архаичными языковыми средствами, ср. в этом отношении архаичный армянский гимн о рождении мифологического существа (Вахагна) у того же Моисея Хоренского (I, 31), где с приведенной выше легендой совпадают вся архаичная индо-

[1] Образы животных, соотносимых со сторонами света, являются древнейшим мотивом, отраженным в индоевропейских традициях. В частности, в наиболее древней индийской традиции 'тигр', функционально заменяющий в этой культуре 'леопарда', соотнесен с севером. В этой связи любопытно, что в ранней буддийской традиции четыре Великих царя, соотнесенных со сторонами света, стоят при рождении Будды вокруг его матери Майи и принимают новорожденного "на шкуру пятнистого тигра" (Mahāvastu, III, 315, 2; Mahā vagga, I, 2, 1 и др.); ср. в приведенном армянском мифе чудесное существо, рожденное 'на барсе' и отправляющееся на север.

европейская фразеология и мифологические мотивы (*ср. Watkins 1975h : 518 и след.*; см. подробный анализ гимна с точки зрения индоевропейских мотивов *Dumézil 1969*):

erknēr erkin erknēr erkir
erknēr ew covn cirani
"В муках рождения находились Небо и Земля;
В муках рождения лежало и пурпуровое Море".

В свете изложенного заслуживает внимания совпадение тройки мифологических животных *лев — дракон — барс* в приведенном выше отрывке из "Одиссеи" и в армянской легенде в передаче Моисея Хоренского. Все это свидетельствует об исключительной древности этих мифологических мотивов, восходящих к архаичному периоду развития индоевропейской культуры.

3.5. *«ЛЕОПАРД» — «ПАНТЕРА» В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ*

В свете этих сопоставлений приобретают особую значимость обнаруживаемые в германской средневековой мифологической традиции аналогичные символы священных животных, которые фигурируют в жанре пророческих сновидений о зверях[1]. В таких сновидениях выступает вся совокупность животных, как реальных, так и мифологических, совпадающая с животными в аналогичных мифологических мотивах в хеттской, греческой и армянской традициях: *лев*, *единорог*, *леопард*, далее *медведь* и *волк* (у *Фредегара*, начало VII в. н. э. на фоне ритуала, касающегося отношений между мужчиной и женщиной)[2]. В этом древнегерманском ряду

[1] К древности жанра сновидений о зверях ср. дошедший в хеттском пересказе хурритский эпос об охотнике Кешши, который во сне идет охотиться на 'львов', и ему являются 'драконы' (*elliǰankuš*, KUB XXXIII 121 I 12) и другие мифологические зверообразные существа (*damnaššaruš*, там же, 13).

[2] Из германской традиции такие мотивы жанра зооморфных сновидений могли перекочевать в средневековый эпос, в том числе и романский (там, где авторы эпоса сохраняли связи с германской традицией, как, в частности, в "Песне о Роланде", см. *Rajna 1884 : 449 и след.*; *Tavernier 1910 : 93 и след.*; *Beck 1965 : 139—144*):
El destre braz li morst uns vers si mals.
Devers Ardene vit venir uns leuparz,
Sun cors demenie mult fierement asalt
"*Правую руку ему так жестоко прокусил медведь.*
Со стороны Арденн, он видит, приближается леопард;
На него самого он страшно нападает" (727—729; в других подобных снах в "Песне о Роланде" выступают '*лев*', '*дикий кабан*' и другие животные).
Характерно, что та же совокупность животных—*барс*, "легкий и быстрый, покрытый пятнистой шкурой" ~ *лев* ~ *волк* — предстает в видениях автору "Божественной Комедии" (ср. известный рисунок *Боттичелли*):
Ed ecco, quasi al cominciar dell'erta,
Una lonza leggiera e presta molto,

такие образы, как 'единорог' (занимающий место *дракона* в гомеровской и древнеармянской традициях), объясняются позднейшим воздействием литературных версий средневекового европейского зверинца (в котором в конечном счете *единорог* восходит к литературной традиции индийского звериного эпоса, *ср. White 1954*)[1].

В целом жанр сновидений о животных, обнаруживаемый в средневековой германской мифологической традиции и перешедший отсюда, очевидно, в средневековый европейский эпос, отражает следы языческих представлений (*Beck 1965 : 144—146*, см. там же о подобном жанре в древнеисландской литературе), и в этом смысле черты сходства этого жанра с древнейшими рассмотренными выше индоевропейскими традициями указывают на исключительную архаичность подобных представлений и связанных с ними реалий[2].

3.6. *«ЛЕОПАРД»—«БАРС» И ЕГО ОБОЗНАЧЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ*

'Леопард'-'барс' как реальная разновидность 'зверя' постулируется уже для общеиндоевропейской действительности и для экологической среды носителей индоевропейских диалектов при позднейшей утрате семантемы в ряде позднейших индоевропейских традиций.

При значительной вероятности наличия семантемы 'леопард'-'барс' в индоевропейском вопрос о конкретных лексемах, ее выражавших в отдельных древних индоевропейских диалектах, не решается однозначно. Как было указано выше, выделяются две несводимые друг к другу по законам индоевропейской фонетики основы на *-s-* (хет. *parš-*, перс. *pārs-* ~ *fārs-*) и на **-d-* (греч. *παρδ-*, *πορδ-*, согд. *pwrδ'-*, др.-инд. *pṛd-*). Тем самым исключается заимствование какой-либо из этих форм из одного языка в другой. Слово считается заимствованием из некоторого малоазиатского субстратного языка (*ср. Kronasser 1962, 1 : 183*; *Furnée 1972 : 64, 252, 277*).

Che di pel maculato era coperta... (I 31—33)
Sì ch' a bene sperar m' era cagione
Di quella fera alla gaietta pelle (I 41—42)
"И вот, почти в начале кручи горной,
Покрыт пятнистой шкурою, кружась,
Несется Барс, и легкий, и проворный...
..Все льстило мне, что я пойду успешней:
И дивный мех животного..." (перевод *Д. Мина*).

[1] Видение, включающее 'леопарда' (валл. llewpart), 'дикого кабана' и 'льва', встречается и в средневековой кельтской традиции, см. о валлийском *Griffiths 1937 : 198*.

[2] Такой литературно-мифологический жанр 'видений во сне' может, вероятно, отражать некоторый набор образов, восходящих к доисторическому прошлому того или иного рода. Это как бы воспоминания об исторических реалиях прошлого, вытесненных в коллективное подсознание и всплывающих в сновидениях (ср. понятие "памяти жанра" у *Бахтина 1963 : 142*; ср. также по отношению к рассмотренному выше комплексу представлений о 'человеке-волке' *Jakobson 1966a*).

3.7. *Связь индоевропейского обозначения «барса» с древнемалоазийским*

В протохеттском (языке хатти) обнаруживается форма *ḫapraššun* как эквивалент хеттского родительного падежа *ŠA* UG.TUR 'леопарда', 'барса'. При выделении элемента *ḫa-* в качестве префикса и *-un* в качестве суффикса[1] остается основа *-praš-*, совпадающая с основой хет. *paršana-*.

Почитание 'леопарда-барса' в хеттской традиции (ср. хеттский мифологический текст о строительстве храмов — 'домов Бога Грозы', 412/*b*+ +2121/*c*+2030/*c*) уходит корнями в глубь тысячелетий. Раскопки последних десятилетий показали, что особый культ 'леопарда' был одной из отличительных черт древнейшей малоазиатской культуры, начиная во всяком случае с VII—VI тысячелетий до н. э.[2] Этим временем датируются развалины храмов, раскопанных в Чатал-Хююке, где обнаружены фрески с изображением леопардов и воинов, пляшущих в леопардовых шкурах, а также скульптуры священных леопардов, на которых могут стоять антропоморфные божества, *Mellaart 1965 : 94*; *1967*; *Strika 1975*[3]. Следует отметить особую частоту

Рис. 3. **Изображение пляшущего человека в барсовой шкуре (Чатал-Хююк, VII—VI тыс. до н. э.)**

[1] Ср. хат. ḫa-p/ɣiɣuna-n 'среди людей'=хет. dandukešni 'среди смертных'; ḫa-ɣa-šḫ-ap(-i) 'среди богов'=хет. DINGIR^{MEŠ}-naš-a ištarna 'среди богов', *Kammenhuber 1969: 490*; ḫa-i-ɣaiḫ 'в наш дом', *Schuster 1974: 96—97*. К выделению суффикса -un ср. takeḫaun 'льва' (хет. *ŠA* UR.MAḪ) при takeḫa 'лев', takkeḫal 'герой' (*Kammenhuber 1969 : 447, 467*).

[2] Культ этого животного в древности может указывать на распространенность леопарда в Малой Азии, о чем говорят костные остатки, найденные в Чатал-Хююке (*Массон 1966 : 165*). Ареал распространения леопарда в древней Передней Азии ограничивается высокогорными районами — от Малой Азии и Закавказья до Южной Туркмении (район гор. Кара-депе, ср. *Лисицына 1978 : 198—200*). Характерно, что лексема со значением 'леопард' восстанавливается и для протосемитского: **nimr-* (*Fronzaroli 1968, V : 281*).

[3] Позднее в Египте наблюдается аналогичный культ 'леопарда', шкура которого служила одеянием жрецам и облачением при особо торжественных церемониях (ср. *Erman/Grapow 1955, 1: 415*).

'женского начала' в образе леопарда или связь леопарда с женским божеством (в широком ареале Малой Азии — не только в Чатал-Хююке, но и в Хаджыларе, *Массон 1966 : 163*. Отсюда культ леопарда мог попасть в общеиндоевропейский культурный ареал и отразиться в различных архаичных индоевропейских культурных традициях).

Сама индоевропейская лексема для обозначения 'леопарда' может восходить к некоторой форме малоазиатского происхождения, которая и дала своеобразные рефлексы по отдельным индоевропейским диалектам. Соотношение **ś~*d*, обнаруживаемое в индоевропейских формах, можно было бы в таком случае объяснить наличием особого интердентального спиранта в первоначальной малоазийской форме.

3.8. ЗАМЕНЫ НАЗВАНИЯ «БАРСА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В ряде индоевропейских диалектов эта первичная индоевропейская лексема заменяется на другие формы или вовсе теряется (например, в италийском, кельтском, балтийском и др.) в силу сложившихся новых исторических условий обитания и культурных влияний[1].

Так, например, в кафирском 'барс', 'леопард' обозначается эвфемистически как 'убийца' (вайгали *ǰūṭ* 'леопард', соответствующее др.-инд. *hantár-* 'убийца', *Morgenstierne 1954 : 162, 262*; *Fussman 1972, II : 208*; кати *ǰut* 'барс', *Грюнберг 1980 : 133—135*); в армянском при сохранении семантемы 'леопард', 'барс' она выражается с помощью лексемы *inj*, первоначально означавшей 'льва' (ср. родственное др.-инд. *simha-* 'лев', *ср. Meillet 1936 : 142*), что можно было бы объяснить табуированием ритуально значимого названия 'леопарда' в доисторической армянской традиции.

3.9. ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТА «ЛЕОПАРДА» — «БАРСА» В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Малоазиатский по происхождению культ 'леопарда'-'барса', восходящий своими корнями к глубокой древности, охватывает широкий ареал в Восточном Средиземноморье и Западной Азии. Отголоском этого культа в кавказском мире является образ 'витязя в барсовой шкуре' в поэ

[1] В славянских языках, как и в других перечисленных выше, нет явных указаний на наличие в ранний период указанной лексемы со значением 'барс' (тюркское заимствование *барс* в русском засвидетельствовано не ранее XVI в., *Бархударов 1975-, 1 : 74*). Тем не менее чрезвычайно архаичное сочетание *лютыи звѣрь*, восходящее к праславянскому, в древнерусском могло еще относиться к 'барсу', ср. *Лютыи звѣрь скочил мне на бедры*, "Поучение Владимира Мономаха"; позднее это словосочетание относится мифологическим животным: *льву, медведю, волку* и *рыси*, *Иванов/Топоров 1974 : 58—61, 124, 171, 203—204*.

Руставели "Вепхисткаосани", поразительно напоминающий по внешнему облику гомеровских витязей-воинов Менелая и Александра с барсовыми шкурами на плечах и еще более древние малоазийские образы '*людей с леопардовыми шкурами*', пляшущих по-леопардьи[1].

4. «ЛЕВ»

4.1. ПРОБЛЕМА ОБОЗНАЧЕНИЯ «ЛЬВА» В ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Названия 'льва' в древних индоевропейских диалектах показывают разные основы. В греческом — это, с одной стороны, λέων 'лев', *род. пад.* λέοντος (отсюда заимствованный в латинский — лат. *leō*, *род. пад. leōnis*), с другой стороны, поэт. λῖς (уже у Гомера, Λ 239 и 480). В микенском греческом засвидетельствованы формы *re-wo-pi* (*Morpurgo 1963 : 294*), *re-wo-te-jo* 'львиный' (*Risch 1976 : 313*), указывающие на наличие в греческом первой лексемы уже в микенскую эпоху в виде основы **lewont-* (*Lejeune 1958 : 165*). Другая форма, засвидетельствованная в греческом (греч. λῖς), очевидно, не связана этимологически с последней и предполагает другую основу.

В других древних индоевропейских диалектах 'лев' выражается лексемами разного происхождения: др.-инд. *siṁha-* (этимологически соответствующее арм. *inj* 'барс' из **siṅĝ*$^{[h]}$*o-*).

В германском семантема 'лев' представлена формой др.-в.-нем. *lewo*, ср.-в.-нем. *lewe*, *louwe* (нем. *Löwe*, поэт. *Leu*, ср. аналогичную пару λέων:λῖς в греческом), считающейся заимствованием из латинского (*Paul 1953 : 33, 41*; *1956, I : 382*). Выведение древневерхненемецкой формы из латинского *leō* маловероятно по той причине, что в латинской форме, отражающей классическую греческую, отсутствует интервокальное *-w-*, которое должно было быть утеряно в ряде греческих диалектов уже в VI—V вв. до н. э. Предположение о вторичном возникновении такого **-w-* в древневерхненемецком не подтверждается другими достаточно доказательными примерами, тогда как примеры на сохранение древнего интервокального *-w-* известны в таких словах общегерманского происхождения, как др.-в.-нем. *ēwa* 'вечность', 'вечный порядок', ср.-в.-нем. *ēwe* 'закон', 'вечность' (ср. гот. *aiws* 'вечный'). Все это могло бы свидетельствовать об исконности германского (древневерхненемецкого) *lewo* в значении 'лев'. При этом примечательно наличие в немецком параллельной формы *Leu*, обычно связываемой со ср.-в.-нем. *lōuwe*, поздне-др.-в.-нем. *louwo* (*Paul 1953 : 41*; *1956, I : 382*), и полный параллелизм развития данной формы со структурой типа нем. *treu* 'верный' (*м. р.*), возводимого к общегерманскому

[1] Поэтому представляется правомерной интерпретация древнегрузинского vepxi как 'барс' (ср. *Марр 1910*), а не 'тигр' (значение, которое это слово приобретает в новогрузинском, ср. выше о развитии значений 'барс'—'тигр' в восточноазиатских языках), ср. *Цаишвили 1974* [*1965*] *: 270—276*; *Кобидзе 1969, II : 78 и след.*

Очевидно, именно 'леопард-барс' изображен на древнем бронзовом поясе из могильника в Самтавро (пояс № 3, табл. III, на котором представлены пятнистые "фантастические животные" (*ср. Хидашели 1982 : 29*).

***triuɣaz* (*Paul 1956, II : 626*; *Watkins 1971 : 1512*; ср. гот. *triggws*, др.-исл. *tryggr* 'прочный', 'верный', др.-англ. *-trēowe*, англ. *true*: и.-е. ***t'reu̯-os**, ср. др.-ирл. *dron* 'прочный'; ср. к семантике *Benveniste 1966a : 299*; *1969, I : 108*). Все это дает основание постулировать и для группы форм *Leu* общегерманский архетип **liuɣaz*: и.-е. ***leu̯-os**[1].

Обнаружение в хеттском названия 'льва' в форме *ɣalu̯a-* (лув. *ɣalɣa-*), а также *ɣalu̯i-*, являющихся чтением шумерограммы UR.MAḪ-*aš* и UR.MAḪ-*iš* (ср. *Neu 1974 : 103*, с дальнейшей литературой)[2], не оставляет сомнений в общеиндоевропейском характере основы ***leu̯-** в значении 'льва'. Хеттская форма представляет собой тип ломаной редупликации **ɣolu̯-o-* с повторением второго сонанта корня.

4.2. *КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «ЛЬВА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ*

Наличие в анатолийском, греческом и германском этимологически общего слова для 'льва' и вывод об общеиндоевропейском характере названия 'льва' согласуется с исключительной культовой ролью 'льва' в разных индоевропейских традициях.

В хеттской традиции помимо уже приведенных данных о совместном почитании 'леопарда' и 'льва' следует отметить мотив ритуальной ловли 'волка' и 'льва' мифологическими существами:

UR.BAR.RA *ki-iš-šar-ta e-ep-ten* UR.MAḪ *ga-nu-ut e-ep-ten* (KUB XII 63 I 26) "волка руками схватите, льва за пасть схватите" (к переводу см. *Watkins 1972a*).

Особо показательно в этом отношении хеттское и лувийское изобразительное искусство, где 'лев' является одним из основных мотивов, ср. изображения львов в Малатья, Аладжа-Хююке и т. п., а также "Львиные Ворота" в Богазкёе, показывающие 'льва' как символ царской власти у хеттов[3].

Та же традиция отражена в микенской Греции. Львицы с обеих сторон трона в Пилосе и львы над воротами в Микенах символизируют свя-

[1] Не исключено, что германский архетип мог сохранять огласовку *e*, отражающую более древнее индоевропейское ***e***. В древневерхненемецком засвидетельствованы случаи сохранения такого краткого *e* перед *u̯*, ср. *Paul 1953 : 42—43*. При допущении общегерманского **liuɣa-* с огласовкой ***i*** можно закономерно вывести из него раннее слав. ***lĭu̯ŭ*** в качестве заимствования: ст.-слав. *lĭvŭ* '*λέων*', ср. *Фасмер 1964—1973, III: 471—472*.

[2] Гипотеза Неймана, согласно которой в хеттском aɣiti- значит 'лев' (из **oɣi-et*- 'овец пожирающий'), *Neumann 1961*, вызывает возражения как ввиду фонетической формы слова (отсутствие ожидаемого начального ḫ- в хеттском, ср. лув. *ḫaɣi-*, нер. лув. *ḫawa/i-* 'овца', *Kammenhuber 1961b : 199*), так и его комбинаторики: aɣiti употребляется не вместо шумерограммы UR.MAḪ, а рядом с ней, ср. *Friedrich 1966: 12*.

[3] Ср. царский ритуал, при котором царю глаза делают 'орлиные', а зубы—'львиные': šakuɣa-šši ÁMUŠEN-aš ier KA×UDḪI.A-ma-šši UR.MAḪ-aš ier "глаза ему орлиные сделали, зубы же ему львиные сделали" (KUB XXIX 1 II 53, там же далее сочетание 'зубы льва' и 'зубы леопарда'); ср. также в древнехеттских текстах UR.MAḪ LUGAL-uš 'лев (герой)-царь' и другие подобные обороты, см. *Neu 1974 : 103*.

щенную власть царей и в точности повторяют те же мотивы, что и современное им хеттское искусство (*Webster 1958 : 32, 57—58* и др.). Женское божество, интерпретируемое как 'хозяйка зверей' — Артемида[1], в микенском искусстве изображается с двумя львами с обеих сторон (мотив, напоминающий двух леопардов по обе стороны богини плодородия в древнемалоазийском искусстве; двум леопардам на рукоятке клинка в древнемалоазийской традиции, *Mellaart 1965*, соответствуют две симметричные львиные головы на рукояти меча из могилы в Микенах, *Блаватская 1966 : 53 и рис. 17*). Хеттское и микенское искусство объединяются также и сходными сценами львиной охоты (клинок из Микен, *Блаватская 1966 : 59—60 и рис. 13*). При описании некоторых предметов, украшенных изображением львов, в микенских табличках и употребляется приведенный выше термин *rewopi* 'со львами' (*Lejeune 1958 : 181*). При отсутствии (resp. редкости) львов в районе исторического обитания греков такую значимость 'льва' как культового животного и как мотива в изобразительном искусстве можно объяснить как продолжение традиций, возникших в иной экологической среде.

Мотив 'льва' как сакрального животного сохраняется и в гомеровскую эпоху с отголосками его и в классической традиции, отражаемой в образе Геракла, сражающегося со львом и надевающего шкуру льва[2].

В позднейшей греческой традиции образ льва и львиных ворот продолжает существовать в виде дворцовых ворот в греческой трагедии, ср. *Hiller 1976*.

В германской традиции уже в IV в. н. э. известны (у восточных германцев) щиты с изображением 'дикого кабана и льва', 'льва и львицы', ср. также свидетельства о львах как символах на боевых щитах в древнеисландских сагах и о льве на царских знаменах англо-саксов (*Beck 1965 : 35—37 и след.*), а также приводившиеся выше (стр. *487*) данные о 'львах' в ряду других священных зверей у германцев.

Позднейшие ответвления в конечном счете той же индоевропейской традиции культа льва как священного животного, 'царя зверей' с последующими литературными наслоениями античного и христианского времени можно видеть в памятниках литературы и народного искусства у кельтов[3] и славян[4].

[1] Ср. у Гомера использование термина *λέων* по отношению к Артемиде: *Ζεύς σε λέοντα γυναιξὶ θῆκε* "Зевс тебя львицей-губительницей женщинам поставил".

[2] Геракл, изображаемый на различных аттических вазах сражающимся со львом, в одном случае представлен в львиной пасти (*Webster 1958 : 175—176 и рис. 24*), что могло бы перекликаться с приведенным выше хеттским мифологическим текстом, предписывающим 'схватить льва за пасть'.

[3] Начиная с XII в. н. э. в валлийской традиции главные герои—освободители от иноземного господства англо-саксов изображались в виде льва, дракона, медведя, орла, быка, волка, осла и собаки, *Griffiths 1937 : 167 и след.*

[4] В славянских сказках, народных песнях, заговорах и обрядах льву отводится почетное место как 'царю зверей'; при этом в восточнославянском фольклоре 'лев-зверь' часто выступает как параллель к сочетанию 'лютый зверь' (ср. *Иванов/Топоров 1974: 60*). В первой части этого сочетания В. Ф. Миллер видит этимологическое соответствие

4.3. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ЛЬВА» И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К АФРАЗИЙСКИМ И ДРУГИМ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМ НАЗВАНИЯМ

Этимологическое сопоставление хеттской формы названия 'льва' с греческой и германской, а также возможное соотнесение этих форм с производной основой в славянском и албанском предполагает индоевропейскую лексему *leu̯- для обозначения 'льва'. Ее можно соотнести с периодом индоевропейской общности, с заменой данной лексемы другими или полной ее утерей ввиду исторических изменений в культурных традициях и экологических условиях обитания носителей отдельных индоевропейских диалектов[1].

В свете этих выводов можно предположить связь тохарского А *lu* 'зверь', 'животное' (*род. пад. ед. ч. lw-es, им. пад. мн. ч. lw-ā, твор. пад. мн. ч. lwā-yo, мест. пад. lwā-k-aṁ*) с тем же индоевропейским корнем *leu̯- 'лев' (с обобщением значения при заимствовании формы тох. А *śiśäk*, В *ṣecake* с конкретным значением 'лев', вероятно, из индо-иранского, ср. др.-инд. *siṁha-*).

Индоевропейская основа *leu̯- со значением 'лев' весьма близка фонетически к обозначению 'льва' в некоторых семито-хамитских (афразийских) языках, в частности егип. *rw* 'лев' (начиная с текстов Пирамид, *Erman, Grapow 1955, II : 403*), копт. λαβοι, аккад. *lābu*, угарит. *lb'*, др.-евр. *lābi'* при араб. *labwa* (*Koehler 1939*)[2], ср. также относящееся сюда картвельское **lom-* 'лев': груз. *lom-i*, сван. *lōm*. Слово представляло собой, очевидно, древнейший миграционный ближневосточный термин для обозначения этого хищника[3], который во всей древней Передней Азии символизирует животную мощь и священную царскую власть. Термин попадает в архаичные индоевропейские диалекты, вероятно, еще в период индоевропейской общности и дает соответствующие рефлексы по отдельным индоевропейским языкам.

греч. λέων (из *leu̯-), *Миллер 1877*. В таком случае общеславянское **ljutй* < **leut[h]-*, до сих пор не получившее надежной этимологии (*Фасмер 1964—1973, II: 547*), можно было бы рассматривать как производное на **-t[h]-* от того же корня **leu̯-* с первоначальным значением 'лев', ср. аналогичное образование в албанском letë < **leut-* 'грива'.

[1] При использовании в индо-иранском другой лексемы со значением 'лев' значимость 'льва' тем не менее остается существенной, что видно уже в "Ригведе" (ср. упоминание 'льва' в гимне Парджанье, V, 83, 3, где гром Громовержца сравнивается с 'громом-рычанием льва' — siṁhásya stanátha-, в гимне-диалоге Индры, X, 28, 1, где 'лев' выступает как высшее животное, противопоставленное 'лисице' и т. п.).

[2] Другая форма для 'льва', представленная в греч. λῑς, может быть сопоставлена с формой *laiš*, засвидетельствованной в древнееврейском и являющейся как бы параллельной форме от корня *lb'* (*Masson 1967: 85—87*), который восстанавливается уже для общесемитского в виде **labi'-* 'львица' (*см. Fronzaroli 1968, V : 281*).

[3] Несмотря на широкую распространенность слов с такой фонетической структурой (плавный~губной) для обозначения 'льва', в протохеттском засвидетельствовано слово совершенно иной фонетической структуры: ср. takeḫa-un, соответствующее хеттской шумерограмме *SA* UR.MAḪ 'льва' (*Kammenhuber 1969 : 447, 467*). Значительный интерес представляет то, что от этого слова образовано слово takkeḫal 'герой'.

Индоевропейское название 'льва' в этом отношении аналогично названию 'леопарда', 'барса', представляющему собой также ближневосточный миграционный термин, проникающий во многие языки означенного ареала.

4.4. СЛЕДЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩЕГО «РЫЧАНИЕ ЛЬВА»

Допущение лексемы со значением 'лев' в индоевропейском делает вероятным наличие в языке лексемы, обозначающей одну из наиболее характерных примет хищника — 'рычание льва', что действительно обнаруживается в ряде индоевропейских диалектов, ср. лат. *rugiō* 'рычу как лев', ср.-ирл. *rucht* 'рев', 'вой', греч. гом. ἐρεύγομαι 'реву', 'рычу' (в переносных значениях—о 'герое', Р 265; о 'море', ε 403, ср. в греческом также значение 'реветь', 'мычать' о быке, ἐρύγμηλος 'мычащий', Σ 580 : ταῦρον ἐρύγμηλον 'мычащего быка'), ст.-слав. *rŭžǫ* 'ржу', др.-рус. *ръжати* 'ржать', 'кричать', 'реветь' (ср. в летописи: *взоржа земля* 'взревела земля'), гот. *in-raúhtjan* 'рассвирепеть': и.-е. ***reuk̂***'-. От этого первичного значения естественно развивается название животных, в частности 'льва': арм. *aṙiwc* 'лев' (*Ачарян 1971, I : 259*), ср. др.-англ. *rēos* 'дикий' (к семантическому развитию ср. рус. *лютый зверь*), др.-исл. *raukn* 'упряжное животное'.

Наряду с основой ***reuk̂***'- в том же значении представлена параллельная основа ***reuk$^{(h)}$***-: др.-в.-нем. *rohōn* 'rugīre', 'рычать', лит. *rūkti* 'рычать', ст.-слав. *rykati* 'реветь', 'рыкать', рус. *рык* (львиный) (от первичного корня ***reu̯***- 'реветь', ср. др.-инд. *ru*- 'реветь' — о быках, *rāva*- 'рев', 'гром', ст.-слав. *rovǫ* 'реву' и др.).

4.5. ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТА «ЛЬВА» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Отголоском культа 'льва' на всем Ближнем Востоке можно считать особую ритуальную значимость 'льва' на Кавказе, в частности в древней картвельской традиции. Характерны в этом отношении обнаруженные в Западной Грузии скульптурные изображения львов, датируемые концом I тысячелетия до н. э. и напоминающие львиные изображения в хеттской и микенской культурах, а также сванские львиные знамена (*Бардавелидзе 1957 : 37 и след.*) и обращение к божеству *Lomisi* (очевидно, 'львиному' божеству) у хевсуров (*Charachidzé 1968 : 211, 442—444 и др.*). Некоторым литературным отражением культа льва в картвельской традиции можно считать представление героя в 'образе льва' у Руставели и символическое соединение образов 'барса' и 'льва' в поэме (*ср. Марр 1910*).

5. «РЫСЬ»

5.1. ОБОЗНАЧЕНИЕ «РЫСИ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Лексема со значением 'рысь' засвидетельствована почти во всех основных индоевропейских диалектных группах: греч. λύγξ, *род. пад.* λυγκός, др.-в.-нем. *luhs*, др.-англ. *lox* 'рысь', арм. *lusanunk̔*, *мн. ч.*, лит. *lūšis*, ст.-

лит. *lúš-ų* (основа на согласный, *Būga 1958—1961, II : 59, 549*) 'рысь', латыш. *lūsis*, прус. *luysis*; некоторые формальные отклонения показывают славянский (слав. *rysĭ* 'рысь', *r-* вместо **l-*) и кельтский: ср.-ирл. *lug*, *род. пад. loga* (*g* вместо **k-*). Такие фонетические колебания в названиях животного в разных диалектах объяснимы спецификой самой семантемы 'названия животных', ср. также назализацию в греческой форме *lun-k-*, находящей параллели в лит. диал. *lų́nšis* (*Būga 1958—1961, II : 549*).

Этимологическая связь рассматриваемых лексем с корнем и.-е. **leuk*$^{(h)}$- ~ **luk*$^{(h)}$- 'светить' (ср. др.-инд. *rúśant-* 'светлый', 'белый') не оставляет сомнения в общеиндоевропейском характере лексемы для названия этого животного из семейства кошачьих по признаку цвета светлой, светящейся его шкуры или глаз (ср. из позднейших традиций латыш. *lūša spalvas zirgs* 'конь цвета рыси').

5.2. *РОЛЬ «РЫСИ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И РИТУАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ*

В мифологическом и ритуальном отношениях роль рыси в большинстве древних индоевропейских традиций минимальна. В некоторых северных традициях 'рысь' замещает функционально отсутствующих в соответствующей экологической среде крупных хищников. В частности, в восточнославянских княжеских погребальных обрядах роль 'леопарда' других индоевропейских традиций выполняет 'рысь' (ср. принесение в жертву когтей 'рыси или медведя'); термин *лютый зверь* относится ко 'льву', 'барсу' и 'рыси' (*Иванов/Топоров 1974 : 59*). В литовском название 'рыси' может относиться к 'тигру', 'барсу', 'леопарду' (*Būga 1958—1961, II : 549*); ср. также возможный семантический сдвиг ср.-ирл. *lug* 'рысь'; в латышских народных песнях прославляют 'шкуры рыси' (*lūšu kažuociņi*).

Отсутствие следов особой культовой роли 'рыси', 'дикой лесной кошки' в древних индоевропейских традициях при ее экологической распространенности и сохранении в первичном значении названия этого животного во многих индоевропейских традициях может объясняться особенностями структурной иерархии в системе древнейших индоевропейских мифологических представлений 'диких животных'. В культурах, где крупные хищники из семейства кошачьих типа 'леопарда'-'барса', 'льва', 'тигра' и других заполняют иерархически существенные места в этой структуре (как это имеет место в древнейших индоевропейских традициях), для функционально-ритуальной роли более мелких животных типа 'рыси' не остается места. Она появляется только в тех традициях, где по разным причинам более крупные хищники выпадают из общей системы мифологических и ритуальных представлений, уступая тем самым место более мелким животным (ср. роль 'рыси' в позднейших балтийских и славянских традициях).

6. «ШАКАЛ», «ЛИСА»

6.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ШАКАЛА», «ЛИСЫ» И ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

К тому же ряду мелких хищников относятся в древней индоевропейской традиции и 'шакал', 'лиса', название которых в исторических диалектах отчасти сходно с соответствующим названием 'волка' **u̯lp[h]-*: авест. *urupi-* 'собака', *raopi-* 'лиса', 'шакал', лат. *uolpēs* 'лиса', лит. *lāpė* (из **u̯lopē*) 'лисица'. В соответствующих формах представлен, очевидно, некоторый фонетико-морфологический вариант основы, образованной от формы **u̯lp[h]-* присоединением *-i* (авестийский) или *-e* (*ж. р.*, латинский и литовский). Использование для обозначения 'шакала' (или 'лисы') основы с главным значением 'волк' указывает на соотнесенность этих животных с 'волком' (видимо, по внешнему виду и характеру пищи) в представлениях индоевропейцев[1].

Эта же группа животных характеризуется в индоевропейских диалектах и другим названием, лишь частично совпадающим с рассмотренным выше наименованием. Это, прежде всего, др.-инд. *lopāśá-* (из **laupāśa-*) 'шакал', 'лиса', кафир. вайгали *liw'ašā*, *láwášá* 'лиса', *lawaša* 'шакал' (*Morgenstierne 1954 : 274*), др.-перс. *Raubasa* (личное имя в эламской передаче, *Mayrhofer 1973 : 226*), пехл. *rōpāh*, перс. *rōbāh*, хотано-сакск. *rruvāsa-*, памир. ишкашим. *urvēs*, *urvēsok*, памир. санглечи *vərvēs*, *wərvēs* (*Абаев 1958—1973, II : 433—434*), арм. *aluēs* (из **alop[h]es-*) 'лиса', греч. *ἀλώπηξ* 'лиса', лит. *vilpišỹs* 'дикая кошка', латыш. *lapsa* 'лиса', ст.-слав. *lisa* '*ἀλώπηξ*', 'лиса' (ср. *Pokorny 1959 : 1179*). Все эти формы можно вывести из архетипа **u̯lop[h]ek̑[h]-ā*, представляющего собой слово женского рода, образованное путем сложения основ **u̯l-o-p[h]ek̑[h]u̯-(ā)*, где представлен в нулевой огласовке тот же корень **u̯el-* 'раздирать добычу', 'убивать' (или 'мертвый', 'мир мертвых'); отсюда **u̯lk[h]°-*, **u̯lp[h]-* 'волк', **u̯lp[h]-i/-ē* 'шакал', 'лиса' в сочетании с **p[h]ek̑[h]u̯-* 'скот', то есть в первоначальном значении: 'губитель скота' (или 'питающийся павшим скотом')[2].

Из этой исходной праформы **u̯l-o-p[h]ek̑[h]-(ā)* выводимы формально все исторически засвидетельствованные формы при допущении минимальных фонетических изменений: утеря или перестановка начального **u̯-*, возникновение в некоторых формах протетического гласного (греческий, армянский) и позднейшие редукции гласных основы.

Такие фонетические преобразования могли произойти при утере словом, которое могло относиться к любому опасному для скота хищнику, сво-

[1] Типологически такое совпадение названий 'волка', с одной стороны, и 'шакала' и 'лисы', с другой, или, точнее, использование названия 'волка' для обозначения лисы и шакала находит параллели во многих языках. Так, например, в абхазском a-bga 'волк' обозначает также 'лису' и 'шакала'.

[2] К потере **-u̯-* в такой позиции: **u̯l-o-p[h]ek̑[h]u̯-ā → *u̯l-o-p[h]ek̑[h]-ā*, ср. **u̯lr-o--p[h]k̑[h]u̯-o → *u̯lr-o-p[h]k̑[h]o-*: вед. virapśá- 'обилие людей и животных', иран. Wrpš.

его первоначального описательного значения и переосмысления его как нечленимого названия определенного вида животных — главным образом 'шакала' и 'лисы'[1].

6.2. РОЛЬ «ШАКАЛА», «ЛИСЫ» В ДРЕВНЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

'Шакал' и 'лиса' в древней индоевропейской традиции противопоставляются как 'непривлекательные животные' низшего ранга крупным хищникам типа 'льва' и 'пантеры'-'барса', символизирующим возвышенное начало, величие и красоту (в том числе женского божества).

Только хитростью и коварством выделяются они, 'шакал' и 'лиса' (обычно существа женского пола), среди животного мира.

В "Ригведе" единственное упоминание 'лисы' и 'шакала' дается в контексте их противопоставления животным высшего ранга:

idáṁ sú me jaritar ā́ cikiddhi pratipáṁ ṣ́ápaṁ nadyò vahanti
lopāśáḥ siṁhám pratyáñcam atsaḥ kroṣṭā́ varāháṁ nír atakta kákṣāt
"Постигни до конца это (слово) мое, о певец: реки гонят плавник против течения;
Лиса (lopāśá-) подкралась сзади ко льву (siṁhám), шакал (kroṣṭā́) кинулся на кабана (varāhám) из засады" (X 28, 4).

Басенные сюжеты, противопоставляющие хитрую 'лису' 'льву и барсу', принадлежат к числу самых распространенных в античной традиции[2]. Эти мотивы характерны для народного животного эпоса, продолжающегося в фольклоре разных народов Евразии и нашедшего литературное воплощение в "*Reineke Fuchs*" *Гёте*.

7. «ДИКИЙ КАБАН», «ВЕПРЬ»

7.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ДИКОГО КАБАНА», «ВЕПРЯ» И ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТАХ

По культовой значимости в древней индоевропейской традиции 'дикий кабан' или 'вепрь' сближается с рассмотренными выше крупными хищниками — 'волком', 'медведем', 'леопардом', 'львом'.

Первоначальная индоевропейская лексема, обозначавшая 'дикого кабана', 'вепря' сохраняется лишь в некоторых индоевропейских диалектах. Это прежде всего италийские диалекты: лат. *aper* 'вепрь', *aprugnus* 'кабаний' (буквально: 'созданный вепрем'), умбр. *вин. п. ед. ч. abrunu* 'дикого кабана', др.-англ. *eofor* 'вепрь', др.-в.-нем. *ebur* (нем. *Eber*) 'вепрь', 'кабан'.

Родственные балтийские и славянские формы характеризуются началь-

[1] В ряде диалектов, в частности германском, и это слово в значении 'лисы' заменяется (как результат табуирования?) другой основой: гот. faúhō, др.-исл. fóa 'лиса'; с окончанием -s, *м. р.* др.-в.-нем. fuhs 'лис' (нем. Fuchs), др.-англ. fox (англ. fox).

[2] Ср. у Эзопа басни о "Лисице и льве", "Лисице и барсе", где 'пестрая' (*poikilos*) шкура барса противопоставляется 'пестрой' (то есть изощренной) душе лисицы.

ным *ų*-: латыш. *vepris* 'кабан', 'боров'; др.-рус. *вепрь* (часто *дивии вепрь* 'дикий кабан'[1], *Срезневский 1958, I : 245*).

Основу с первоначальным значением 'вепрь', 'кабан' можно увязать с основой со значением 'бросать', 'извергать' (семя) : др.-инд. *vápati* 'извергает семя', *vápra-* 'насыпь' (земляная) (*ср. Pokorny 1959 : 1149*). Такая этимология вероятна в свете древних представлений об этом животном как о производителе прежде всего, что и отражается в значительной степени в мифологической традиции (в частности, германской, ср. ниже).

Другая основа, связанная семантически с др.-инд. *vápati* 'извергает семя', *váp-r-a-* 'насыпь', вероятно, представлена в древнеиндийском слове *káp-ṛ-th(-a-)* 'penis', увязываемом с греч. κάπρος 'дикий кабан', 'вепрь', лат. *caper* 'козел', умбр. *kaprum* 'caprum'; др.-исл. *hafr* 'козел', др.-англ. *hæfer* 'козел' (ср. *Ernout/Meillet 1967 : 38*). В таком случае приведенная выше группа форм со значением 'вепрь', 'дикий кабан' типа лат. *aper* 'вепрь', др.-рус. *вепрь* и т. д. связана этимологически с группой слов типа лат. *caper* 'козел', греч. κάπρος 'вепрь' и т. д. Такая этимологическая связь этих двух групп слов может быть формально оправдана при допущении в архаичном исходном праиндоевропейском архетипе корня с начальным постелярным $*q^{[h]}$ типа $*\mathbf{q}^{[h]}\mathbf{цер}^{[h]}$-, с утерей такого $*q^{[h]}$ в ряде диалектов (др.-инд. *vápati*, др.-рус. *вепрь*, латыш. *vepris*, др.-в.-нем. *ebur*, лат. *aper*) или слиянием его с велярным $*\mathbf{k}^{[h]}$ (др.-инд. *káp-ṛ-th-*, лат. *caper*, греч. κάπρος; о постелярном $*q^{[h]}$ и его рефлексах в индоевропейских диалектах см. подробнее выше, стр. 129 и след.).[2]

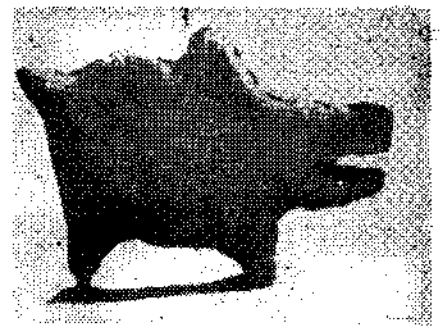

Рис. 4. Глиняная фигурка (дикого) кабана (Северное Причерноморье, вторая половина V тыс. до н. э.)

В некоторых диалектах, в частности италийских и германских, такие фонетические процессы привели к возникновению фонетических дублетов в каждом из диалектов с последующей дифференциацией значения: одна из дублетных форм сохраняет древнее значение 'кабан', 'вепрь' (лат. *aper*,

[1] Ср. в "Ригведе", I 114, 5, этимологически тождественное по первому слову сочетание divó varāháṃ 'небесный вепрь' (о боге Рудре).

[2] В результате такого слияния $*q^{[h]}$ с $*k^{[h]}$ в ранних индоевропейских диалектах в указанных формах возникает последовательность $*k^{[h]}ų$-, которая в *centum*-ных диалектах, расподобляясь с лабиовелярной фонемой $*k^{[h]o}$, упрощается в $*k^{[h]}$-: греч. κάπρος 'вепрь', лат. caper 'козел'; подробно о таком фонетическом процессе расподобления последовательности $*k^{[h]}ų$- см. выше, стр. 101. Таким допущением в архаичной индоевропейской основе сочетания начального постелярного с лабиальным $*q^{[h]}ų$-, перешедшего в ряде диалектов в последовательность $*kų$-, объяснимо, вероятно, аномальное соотношение огласовки корня в различных диалектах (лат. aper, caper, греч. κάπρος при др.-англ. eofor, др.-рус. *вепрь*, латыш. vepris), а также звонкое *g*- в кельтских формах: др.-ирл. gabor, валл. gafr 'козел' (ср. *Pokorny 1959 : 529*) — своеобразный рефлекс последовательности $*k^{[h]}ų$-?

др.-англ. *eofor* и т. д.), другая приобретает значение 'козел-самец', 'козел-производитель' (лат. *caper*, др.-англ. *hæfer* и т. д.). В гомеровском греческом все еще сохраняется древнее значение формы с начальным κ-: κάπρος 'кабан', 'вепрь', употребляемой и в сочетании σῦς κάπρος 'кабан' (Е 783 и др.).

Очевидно, особой культовой значимостью 'дикого кабана' можно объяснить тенденцию к замене первоначального индоевропейского названия 'кабана' словом, обозначающим 'свинью' (домашнюю свинью) : σῦς, ὗς. Уже у Гомера наряду с κάπρος 'кабан' (ζ 104) встречаются словосочетания σῦς κάπρος 'свинья-вепрь' (Е 783, Р 21) и συῶν κάπρος (λ 131) 'свиней вепрь', 'свиней оплодотворитель' или просто μέγας σῦς 'большая свинья' в значении 'дикий кабан' (δ 457, τ 439).

7.2. *Культовая значимость «дикого кабана» в древних индоевропейских традициях*

В хеттской традиции 'дикий кабан', хеттское название которого скрывается за шумерограммой ŠAḪ 'свинья', 'кабан' и ŠAḪ.GIŠ.GI 'дикий кабан' (буквально: 'свинья тростников'), упоминается в ряду священных животных (*šiunaš ḫuitar* 'животных бога') для зверинца вслед за 'львом' (UR.MAḪ) и перед 'медведем' (AZ) в древнехеттском тексте Анитты (см. выше, стр. 486).

Такая же значимость приписывается этому животному и в микенской греческой традиции. К ней относятся древнейшие свидетельства о шлемах воинов с 'кабаньими клыками' как символе воинственности. Точно такой шлем с 'белыми клыками среброзубого кабана' описывается и у Гомера (К 263—264): λευκοὶ ὀδόντες ἀργιόδοντος ὑός.

Особо распространены такие шлемы с клыками кабана, щиты и боевые знаки с изображением 'вепря' как символа воинственности у древних германцев, для которых культовая значимость 'кабана' приравнивается к значимости 'волка' и 'медведя'. В древнеанглийском эпосе "Беовульф" многократно описывается боевой шлем с изображением вепря: *eofor-lic* 'вепреобразный', ср. в том же значении параллельное *swīn-lic*; *eofor* в значении 'изображение вепря на шлеме'; *eofor hēafod-segn* 'боевой шлем с головой вепря'.

В древнеисландском архаичное название 'вепря' *jǫfurr* используется только в значении 'князь' (а также 'бог'), чем символизируется особая роль этого животного в германской традиции. Более того, 'вепрь' считался тотемным животным германцев, возводивших себя к божественной паре братьев *Ibor* и *Agio*, первый из которых увязывается с названием 'вепря'. Ввиду особой культовой значимости 'вепря' в германской традиции соответствующие слова в первичном значении табуируются, заменяясь другими словами, в частности словом, обозначающим и 'домашнюю свинью' (ср. семантическое развитие в греческом).

Особую сторону культа 'вепря' в германской традиции представляет его связь с плодородием животного и растительного мира, что подтверж-

дается данными ранних литературных и юридических текстов, а также археологическим материалом о 'вепре' как животном, приносимом в жертву и считавшемся пищей 'героев' и 'богов' (*Beck 1965 : 56—69* и др.). Это еще более отражает воззрения на 'вепря' как на мифологического производителя в представлениях древних индоевропейцев, с чем, в сущности, и связано первичное название 'вепря' в индоевропейском.

Для ранней кельтской традиции характерны изображения 'вепря' как культового символа — скульптурные (в частности, известные три бронзовых кабана из Невиан-Сюйи), на щитах и боевых стягах, на галльских монетах и т. п. В древнеирландском лексема со значением 'вепрь' (др.-ирл. *torc*) означала 'князя', как и в германском (но старое название 'вепря' к этому времени уже было, очевидно, табуировано). В валлийской традиции (ср. валл. *twrch* 'вепрь') сохранился рассказ о царе *Twrch Trwyth*, превращенном богом в кабана (*Beck 1965 : 116—117*), ср. выше о превращении 'бога-старца' в кабана у Гомера.

В архаической языческой традиции балтийских славян сохранялось представление об огромном мифологическом 'вепре', который, сверкая белым клыком, появлялся из вод моря всякий раз, когда священному городу Ретре угрожало несчастье (*Иванов/Топоров 1965 : 37—38, 116, 134—135*).

Совпадение разных индоевропейских традиций в отношении значимости 'дикого кабана' при этимологической соотнесенности друг с другом названий 'вепря' в разных диалектах позволяет возвести к общеиндоевропейскому весь основной комплекс древних представлений о 'вепре' как об особо ритуально значимом животном и соотнесенное с этим комплексом название животного.

8. «ОЛЕНЬ», «ЛОСЬ», «АНТИЛОПА»

8.1. *ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНОГО*

Для обозначения этой группы животных восстанавливаются общеиндоевропейские лексемы с разными суффиксами, сводимые к исходному корню ***el-**, ***ol-** (с предполагаемым исходным значением цветового признака: 'бурый', 'красный', ср. тох. А *yäl* 'антилопа', *ylem* 'принадлежащий антилопе'):

И.-е. ***(e)l-ḱ$^{[h]}$-** : др.-инд. *ṛśya-* (в "Ригведе", ср. там же *ṛśya-dá-* 'западня для антилоп'), *ṛśa-* 'самец антилопы', греч. ἄλκη 'лось', лат. *alcē*, *род. п. alcēs* 'лось', др.-рус. *лось* 'лось', др.-в.-нем. *ëlho*, *ëlaho* 'лось' (нем. *Elch*), др.-англ. *eoth*, др.-исл. *elgr* 'лось' (отсюда англ. *elk*);

И.-е. ***el-en-**, ***el-n̥-**: греч. ἐλλός 'олененок' (<***el-n-os**), ἔλαφος 'олень', 'лань' (<***el-n̥-b$^{[h]}$o-s**[1]), мик. греч. *e-ra-pi-ja*, *ж. р.* 'оленья' (*Risch 1976 : 313*),

[1] Элемент **-b$^{[h]}$o-* в основе **el-n̥-b$^{[h]}$o-* можно сопоставить с аналогичным элементом в др.-инд. ṛṣabhá- 'бык', в котором выделяют основу vṛṣa- и элемент -bha- (ср. *Thumb/Hauschild 1959, II : 44*).

арм. *eln*, *род. п. elin* 'олень', др.-ирл. *elit* 'лань' (<*el-ŋ-t[h]ī), лит. *élnis* 'олень', прус. *alne* 'самец оленя' (*Топоров 1975-, I : 77*), ст.-слав. *jelenĭ*, *alьnьjь* 'олень' (рус. *олень*, *лань*)[1].

Распределение значений 'олень', 'антилопа', 'лось' и соответствующих форм в индоевропейских диалектах дает возможность выделить две формы основ с соответствующими значениями. Это, во-первых, семантически маркированная основа *el-en-, *el-ŋ- (с расширителем *-en-/*-ŋ-) с первичным значением 'олень' и основа *el-k̂[h]- (с расширителем *-k̂[h]-) со значением, выражающим в исторических диалектах семантемы 'лось' или 'антилопа', распределяемые дополнительно в зависимости от диалектов; семантически ко второй группе примыкает тох. А *yäl* 'антилопа', отражающее, возможно, чистый корень. Тем самым устанавливается некоторая вариантность семантем 'лось' и 'антилопа' при неопределенности первичного значения, характерного для общеиндоевропейского (в отличие от основы *el-en-, общеиндоевропейское значение которой определяется однозначно как 'олень'). Первичное общеиндоевропейское значение слова *el-k̂[h]- ('лось' или 'антилопа' или вообще 'рогатое бурое животное', отличное от 'оленя') может быть определено лишь при учете всего комплекса условий территории первоначального обитания носителей индоевропейских диалектов.

8.2. *ТАБУИРОВАНИЕ ДРЕВНЕГО НАЗВАНИЯ «ОЛЕНЯ» И ЕГО МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ*

Некоторые индоевропейские диалекты уже в достаточно ранний период табуируют название 'оленя', заменяя его другим обозначением. В частности, в иранском, где 'олень' характеризуется особой культово-ритуальной значимостью, название 'оленя' было заменено новым сложным сло-

Рис. 5. **Фреска с изображением охоты на оленей из Чатал-Хююка (VII—VI тыс. до н. э.)**

[1] Высказывается предположение о возможной первоначальной связи названия 'локтя' **olinā* с названием 'оленя' **el-ŋ-*. Такая связь истолковывается как некоторая метафора: 'рогатая кость', ср. *Mastrelli 1976*.

вом **gav-az-(na-)*, буквально: 'бык-козел', авест. *gavasna-* 'олень', хотано-сакск. *ggūysna-*, согд. *γ'wzn-*, пехлев. *gawazn* (*Абаев 1958—1973, II: 320*). В дальнейшем, уже в отдельных иранских языках, и это название табуируется, заменяясь на эвфемистическое обозначение 'оленя' как 'рогатого' (метафорически: 'ветвистого'), в том числе и в значении тотема восточных иранцев-саков (*sāka* 'скиф'), ср. осет. *sag* 'олень' при *sāka* 'ветвь', 'сук', др.-инд. *śākhā* 'ветвь', ср. рус. *соха*, *сохатый* 'лось' (*Абаев 1949, I: 49, 179*).

В древнеисландской традиции 'олень' выступает в качестве основного мифологического рогатого животного у 'Мирового дерева', где он достигает вершины, перерастая высоту 'Среднего мира' и представляясь как созвездие, что аналогично представлениям о 'лосе' у северных народов — саами, гренландских эскимосов (*Dumézil 1959: 105—106*)[1]. В соответствующих текстах "Эдды" 'олень' называется термином *hjǫrtr*, отличным от первичного индоевропейского названия; этот древнеисландский термин, как и родственные ему другие древнегерманские — др-англ. *heorot*, др.-в.-нем. *hiruz* 'олень' (нем. *Hirsch*), образованы от основы со значением 'рог', 'рогатое животное' (ср. выше замену названий 'оленя', 'лося' по тому же признаку в иранском и славянском). По тому же признаку 'олень' назван вторично и в кельтском: брет. *karo*, корн. *carow* 'олень' (из 'рогатый', ср. *Порциг 1964 : 259*).

В другой группе индоевропейских диалектов (албанский, балтийские, германские) древнее обозначение 'оленя' заменяется другим словом: алб. *bri* 'рог', 'оленьи рога', латыш. *briẽdis* 'лось', 'олень', швед. диал. *brind* 'лось' (*Порциг 1964 : 310*).

9. «ДИКИЙ БЫК», «ТУР», «ЗУБР»

9.1. *ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ДИКОГО БЫКА» И ЕГО СВЯЗЬ С СЕМИТСКИМ*

Общее название 'дикого быка', 'тура' засвидетельствовано по основным древнейшим индоевропейским диалектам: греч. ταῦρος 'вол', 'бык', лат. *taurus* 'вол', 'бык', оск. ταυρομ, умбр. *turuf*, *toru* 'tauros', лит. *taũras* 'тур', ст.-слав. *turъ* 'бык', др.-рус. *туръ* 'тур', алб. *tarok* (ср. также галл. *tarvos*, ср.-ирл. *tarb* 'бык', др.-исл. *þjórr* 'бык'): и.-е. *t[h]aur̥o-.

Общность данного индоевропейского слова с общесемитским **ṯawr-* (*ср. Fronzaroli 1969, VI : 304*) свидетельствует об отражении в этих словах некоторого миграционного переднеазиатского термина для обозначения этого

[1] В некоторых славянских традициях возрастает культово-мифологическая значимость 'лося', занимающего место 'оленя' и представляемого в этом случае в виде созвездия (*Иванов/Топоров 1974 : 49*). С этим можно связать и тенденцию к табуистической замене первоначального восточнославянского названия 'лося' термином *сохатый*.

животного, игравшего особую культовую роль в древнейших культурах Восточного Средиземноморья[1].

В этом отношении рассматриваемый термин обнаруживает много общего с разобранными выше переднеазиатскими культовозначимыми миграционными терминами для обозначения 'барса' и 'льва'.

9.2. КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «ТУРА», «ДИКОГО БЫКА» В ОТДЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

В некоторых индоевропейских традициях, в частности балтийской и славянской, сохранивших слово в первичном значении 'тура', с этим животным связывается целый комплекс архаических обрядов и фольклорных мотивов. В русской былине, сохранившейся в ранней записи, сочетаются три культовозначимых зверя — 'тур', 'лютый зверь' и 'вепрь' (*Иванов/Топоров 1974 : 170*). В Киеве существовало место под названием *Турова божница* (Летопись под 1146 г.); на севере Руси известно аналогичное название *Капище Турово*. Сходные выводы о ритуальной значимости 'тура' извлекаются из топонимики балтийского фольклора (*Būga 1958—1961, II : 634—636*).

9.3. ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ НАЗВАНИЯ «ДИКОГО БЫКА» В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ И ИХ КАВКАЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Вероятно, от этой индоевропейской основы в отдельных древних диалектных общностях возникают производные, в частности формы с нулевой огласовкой, вторичным процессом назализации и фонетическим преобразованием начала слова[2].

Та же основа с фонетическим преобразованием начала слова (с вторичным появлением инициального *s*-) выступает в ряде индоевропейских диалектов в значении 'зубра' (*Bos primigenius* Boj.): лит. *stam̃bras* 'зубр', латыш. *stumbrs* и с упрощением начального комплекса *sumbrs* 'зубр', дублет *sūbrs*. Такие фонетические преобразования названия культовозначимого животного, как было показано выше, частое явление в обозначениях животных.

К разобранным балтийским формам примыкает прус. *wissambris* 'бизон', анализируемая как **μis-sambri-*, где *μis-* — обозначение ароматичес-

[1] 'Бык' выступает в качестве второго по значимости после 'леопарда' культового животного в древней переднеазиатской культуре VII—VI тысячелетий до н. э., известной по раскопкам в Чатал-Хююке (*Mellaart 1967*) и позднее на Крите, что отражено в известной легенде о *Минотавре* и, возможно, мифе об *Атлантиде* у Платона.

[2] При допущении сходных фонетических преобразований аплаута и изменения вокализации основы можно было бы связать с тем же древним словом особый вариант **st(h)euro-*: авест. staora- 'крупный рогатый скот', гот. stiur 'бык', др.-исл. stjórr 'бык', др.-англ. stēor, др.-в.-нем. stior (нем. Stier), ср. ту же огласовку **e* в др.-исл. þjórr от **t(h)euro-*.

кого вещества, характерного зоологического признака 'бизонов' (*Pokorny 1959 : 1134*), ср. др.-исл. *visundr* 'бизон', др.-в.-нем. *wisunt* 'бизон' (нем. *Wisent*).

Путем фонетического преобразования начального согласного того же слова образуется славянское название 'зубра': др.-рус. *зубрь*, чеш. *zubr*, южно-слав. **zǫbrъ* (откуда рум. *zimbru* 'зубр', ср.-греч. ζόμβρος 'зубр').

Вероятно, к этому кругу названий 'зубра' восходит и общекавказское наименование, прослеживаемое по всем кавказским языкам: осет. *dombaj* 'зубр' (также 'лев'!), кабард. *dombej* 'зубр', адыг. *dombaj*, абх. *a-domp'èj* 'зубр', сван. *dombäj* 'зубр', балк. *dommaj*, карач. *dommaj* и др. (ср. *Абаев 1958, I : 365*).

Данный общекавказский миграционный термин, увязываемый с балтийским и славянским, представляет особый интерес ввиду того, что 'зубры' — почти вымершие к настоящему времени гигантские быки — водились в нагорьях Кавказа, где они известны начиная с каменного века, к которому относятся мустьерские стоянки человека с обнаруженным в них значительным количеством костей зубров (*Семенов 1968 : 289*). Другой областью распространения зубров еще в средние века была Восточная Европа — исторические области расселения балтов и славян (*Цалкин 1956 : 133, 138, 229; 1962 : 77; 1966 : 58—59, 101*).

Эти экологические данные палеозоологии помогают разъяснить происхождение соответствующих терминов в индоевропейских диалектах. Для обозначения особого вида животного, распространенного в местах жительства балтов, славян и восточных иранцев, возникает специальное название, основанное на фонетическом преобразовании древнего унаследованного названия 'дикого быка', прослеживаемого по всем основным индоевропейским диалектам. В результате такого развития в балтийском и славянском возникают своеобразные лексические дублеты, из которых один, закономерно продолжающий древний архетип, обозначает 'тура', 'дикого быка': ст.-слав. *turъ*, лит. *taũras*, а другой — фонетический вариант исконного названия — начинает обозначать близкий к нему вид мощного дикого быка — 'зубра': др.-рус. *зубръ*, лит. *stum̃bras*.

10. «ЗАЯЦ»

10.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЗАЙЦА» И ЕГО ЗАМЕНЫ В ОТДЕЛЬНЫХ ДИАЛЕКТАХ

Общеиндоевропейское название 'зайца' восходит к основе ***k̂[h]as-**, ***k̂[h]as-no-** с первичным значением 'серый' в некоторых диалектах (ср. лат. *cānus* 'серый', 'седой', др.-в.-нем. *hasan* 'с серым отливом', др.-англ. *hasu* 'серый', ср. сюда же греч. ξανθός 'белокурый'). Обращает на себя внимание огласовка корня ***a** (см. выше, стр. 157), как и в случае ***t[h]aṷro-**:

Др.-инд. *śaśá-* 'заяц', хотано-сакск. *saha-* 'заяц', валл. *ceinach* (от ***cein-** 'зайчиха' из ***k̂[h]as-n-i**), др.-в.-нем. *haso* (нем. *Hase*), др.-англ. *hara* (англ. *hare*) 'заяц', др.-исл. *heri*, прус. *sasins* 'заяц'.

В других балтийских, а также в славянских языках происходит позднейшая табуистическая замена первоначального названия 'зайца' на описательное типа рус. *заяц* (вероятно, 'прыгающий', ср. др.-инд. *háya-* 'конь', арм. *ji* 'конь', при др.-инд. *hinóti, hinvati* 'погоняет', *Pokorny 1959 : 424*; *Фасмер 1964—1973, II : 84*), лит. *kiškis* 'заяц' (при других названиях в диалектах, *Būga 1958—1961, II : 674*), ср. также рус. *серяк* 'заяц' от *серый* и др.

В древнехеттских текстах при перечислении 'животных богов' встречается название животного *šaša-*, комбинаторно отождествленное с шумерограммой DÀRA 'горный козел'. Глаголом, сочетающимся с названием этого животного, согласно тексту KUB XIX 1 III 43 и след., было *kunk-* 'качать(ся)?', 'подвешивать(ся)?'. При этом *šaša-* противопоставляется SILÀ 'ягненок' (*Goetze 1962 : 29*). Это, очевидно, животное малых размеров, ритуально значимое в хеттской традиции и отождествляемое с 'прыгающим козлом'. Ввиду формального совпадения слова с древнеиндийским *śaśá-* в значении 'заяц' не исключено это значение и для хет. *šaša-*. В таком случае хеттское слово следует считать заимствованным из арийского (в хеттском следовало бы ожидать закономерного отражения этого названия в виде **kaša-*), если не предполагать в нем процесса ассимиляции начального **k-* (ср. также *Josephson 1979*, где допускается ассибиляция **k̂[h]-* перед *a* в анатолийском).

11. «БЕЛКА», «ХОРЕК», «ГОРНОСТАЙ»

11.1. *ОБОЗНАЧЕНИЕ «БЕЛКИ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ*

Редуплицированная форма названия 'белки' или 'хорька' засвидетельствована в ряде "древнеевропейских" диалектов, а также в иранском:

Лит. *vėveris, vaiveris* 'белка', 'самец хорька, белки, куницы, серны' (*Būga 1958—1961, II : 652*), латыш. *vāvere* 'белка', прус. *wewware* 'белка', др.-рус. *вѣверица, виверица* 'белка', рус. *веверица* 'белка', 'горностай', лат. *uīuerra* 'хорек'.

Слово со значением 'белка' представляет "древнеевропейскую" лексическую и семантическую инновацию, к которой примыкает и иранский. Характерно, что иранский объединяется с той же группой древних индоевропейских диалектов в образовании лексико-семантических инноваций и в других случаях. Древнейший диалектный индоевропейский архетип слова **u̯e(i̯)u̯er-* мог обозначать один из видов маленького древесного животного типа 'хорька'.

В германских языках ввиду особой мифологической значимости 'белки' древнее название заменяется описательным в форме **aik-werna*: др.-исл. *íkorne* 'белка', др.-в.-нем. *eihhurno* (нем. *Eichhorn*), др.-англ. *ācweorna* 'белка'.

В "Эдде" белка (*íkorne*) изображается как самое оживленное животное 'Среднего мира', постоянно бегающее по 'Мировому дереву' и соединяющее верхнюю его часть с нижней ("Речи Гримнира", 32). В латышских народ-

ных песнях к 'белке' обращаются, прося ее дать мех, с такими же формулами, как и к другим пушным зверям — 'выдре' и 'бобру' (*Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, IV : 512*).

'Горностай', 'ласка' обозначаются в германском, балтийском и венетском (ср. *Pokorny 1959 : 573—574*) также и другим диалектным термином: др.-в.-нем. *harmo* 'горностай' (ср. нем. *Hermelin*), лит. *šarmuõ*, *šermuõ* 'горностай', *šarmonys* 'ласка', латыш. *sęrmulis* 'горностай' (*Fraenkel 1962—1965, II: 965*). Для 'ласки' в германском применяется обозначение, основанное на корне **u̯ei̯s-*, характеризующем особый запах (*Pokorny 1959 : 1134*): др.-в.-нем. *wisula* (нем. *Wiesel*), др.-англ. *weosule* (англ. *weasel*) 'ласка'.

Поздний диалектный характер обозначений 'белки', 'ласки', 'горностая' не позволяет возводить эти семантемы к сколько-нибудь древней индоевропейской диалектной общности.

12. «ОБЕЗЬЯНА»

12.1. *РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «ОБЕЗЬЯНЫ» И ЕГО СВЯЗИ С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ТЕРМИНАМИ*

Распространенность соотносимых друг с другом слов для 'обезьяны' в древних индоевропейских диалектах позволяет постулировать определенную праформу этого слова еще для эпохи индоевропейской общности. Соответствующие формы распадаются на две основные формальные группы: это слова с начальным *k-* и соответствующие формы без начального *k-*:

Др.-инд. *kapí-* 'обезьяна' (уже в "Ригведе", ср. имя собственное *Vṛ́ṣākapí-*, буквально: 'самец-обезьяна'), греч. κῆπος // κῆβος 'длиннохвостая обезьяна' (ср. также греч. πίθηκος 'обезьяна' < *[κα]πιθεκος?) ≈ др.-исл. *api*, др.-англ. *apa* (англ. *ape*) 'обезьяна', др.-в.-нем. *affo* (нем. *Affe*) 'обезьяна', кельт. ἀβράνος (название 'обезьяны' у кельтов по *Гесихию*, ср. *Pokorny 1959 : 2—3*), др.-рус. *опица* (*опшица*), *опыни* 'обезьяна' (*Срезневский 1958, II : 682—683, 700—701*)[1], ст.-польск. *opica* (XV в.), чеш. *opice*, верхне-луж. *wopica*, полаб. *opó*, сербо-хорв. *ôpica*, словен. *ôpica*.

Соотношение ##*k-*≈##*Ø-* в рассматриваемых формах предполагает в качестве инициали древнюю постелярную фонему **q*$^{[h]}$- с закономерным отражением *k* ~ *Ø* в соответствующих диалектах (см. выше, стр. 131). Древнейший индоевропейский архетип рассмотренных форм восстанавливается в виде *q$^{[h]}$e/op$^{[h]}$-, с вариантом [*q$^{[h]}$e/op-] по диссимиляции придыхательных аллофонов (см. выше, стр. 27 и след.), отраженным в германских формах.

Слово представляет собой, очевидно, древнейший переднеазиатский

[1] Некоторыми исследователями предполагается заимствование славянского слова из германского (*Фасмер 1964—1973, III : 144—145*), хотя нет достаточных оснований для такого предположения. Вероятно, др.-рус. *опыни* относилось к лексике восточнославянского язычества; игра с 'обезьяной' и 'медведем' считалась одним из грехов. Другое русское название—*обезьяна*—представляет собой позднее заимствование перс. *būzīna* (возможно, через тюркское посредничество).

миграционный термин, засвидетельствованный во многих древних ближневосточных языках, в частности семито-хамитских, и возводимый к древнейшему периоду их истории: ср. аккад. *uḳūpu*, *i/aḳūpu* (*Soden 1981, III : 1427*), др.-евр. *ḳôp̄*, арам. *ḳōp̄ā*, егип. *gjf* 'обезьяна' (*Erman/Grapow 1955, V : 158*). Любопытно наличие в семитских формах фарингализованного *ḳ*, что сопоставимо с реконструированной постувелярной фонемой **q*[h] для рассматриваемой индоевропейской праформы.

При наличии обозначения 'обезьяны' уже в общеиндоевропейском и общесемитском не представляется возможным установить источник его возникновения, ср. *Mayrhofer 1956, I : 156*. Типологически по своему ареальному распространению и по возрасту заимствования слово сопоставимо с названиями 'барса-леопарда', 'льва' и 'дикого быка-тура'.

13. «СЛОН», «СЛОНОВАЯ КОСТЬ»

13.1. РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНИХ ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЙ ДЛЯ «СЛОНА» И ИХ СВЯЗЬ С МИГРАЦИОННЫМИ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ТЕРМИНАМИ

При всей диалектной ограниченности этимологически соотносимых друг с другом слов со значением 'слон', 'слоновая кость' (лат. *ebur* 'слоновая кость', 'слон' и др.-инд. *ibha-ḥ* 'слон') соответствующую праформу в виде архетипа ***ǀeb**[h]- (или ***Heb**[h]-) следует допустить в некоторой древнейшей диалектной общности, отражаемой в целом ряде архаичных слов, сохраненных только в древнеиндийском и латинском.

Слово, как и рассмотренные выше названия 'леопарда-барса', 'льва', 'дикого быка-тура' и 'обезьяны' является, очевидно, ближневосточным миграционным термином, обнаруживаемым в ряде древнеближневосточных, в частности семито-хамитских, языков: егип. *3bw* 'слон' (*Erman/Grapow 1955, I : 7*; на основании коптского ebou, ebo восстанавливается форма *(*j*)*ebu*), др.-евр. *šen-ha-b-bîm* 'слоновый клык' (буквально: 'зуб' ≈ *šen*).

К тому же семантическому кругу слов относится древний миграционный термин, обозначающий 'слоновую кость' и обнаруживаемый в других индоевропейских диалектах:

Греч. мик. *e-re-pa*, *род. пад. e-re-pa-to* 'слоновая кость', прил. *e-re-pa-te-jo* 'сделанный из слоновой кости', гомер. ἐλέφας, *род. пад.* ἐλέφαντος 'слоновая кость', ἐλεφάντειος 'из слоновой кости'. Слово может быть сопоставлено с хет. *laḫpa-* (в одном тексте с глоссовым клином: *la-aḫ-pa-aš ú-nu-ua-an-du* "пусть они украсят слоновой костью", KUB XXXVI 25; в шумеро-аккадско-хеттском трехъязычном тексте *laḫpaš* соответствует шум. *zu* и аккад. *šinnu* в смысле 'зуб слона', *Laroche 1965b*; *Masson 1967: 80—83*).

Сопоставление хетто-лувийского *laḫpa-* с греч. ἐλέφας, *род. пад.* ἐλέφαντος позволяет считать начальное ε- в греческом характерной вокалической протезой и реконструировать древнейший архетип слова в виде ***leb**[h]**ont**[h]-, который с нулевой огласовкой ***ǀb**[h]**ont**[h]- закономерно от-

ражен в гот. *ulbandus* 'верблюд'[1]. Тем самым сопоставляемые формы можно возвести к древнейшей диалектной общности, как и рассмотренные формы лат. *ebur*, др.-инд. *ibha-*.

К рассмотренной выше группе слов можно отнести и предполагаемое для тохарского **alpi* 'верблюд' (тохарское слово предполагается как источник центральноазиатских заимствований типа *[arpa]* 'верблюд', см. *Clauson 1973 : 40*).

По-видимому, носители определенных индоевропейских диалектов при переселении на новые места жительства столкнулись с прежде неизвестным видом животного — 'верблюдом' и перенесли название знакомого им ранее крупного животного — 'слона' на 'верблюда'. В другой группе диалектов происходит образование нового слова для обозначения этого животного, ср. др.-инд. *úṣṭra-* 'верблюд', 'буйвол' (в "Ригведе" во втором значении), авест. *uštrō* 'верблюд' (ср. *Zarəb-uštrō* 'Заратустра', собственное имя, дословно: 'погоняющий верблюдов', см. *Mayrhofer 1977 : 43 и след.*; ср., однако, *Thieme 1981*) от корня **ues-* 'увлажнять'.

Таким образом, для архаичных индоевропейских диалектных общностей восстанавливаются две лексемы для 'слона', по всей вероятности, общего ближневосточного происхождения: **jeb$^{[h]}$-//*Heb$^{[h]}$-* и **leb$^{[h]}$-ont$^{[h]}$-* (при возможной форме **leHb$^{[h]}$o-*, с учетом хетто-лувийской формы). Сопоставление этих архетипов делает возможным предположение об их изначальной соотнесенности друг с другом и постулирование единой исходной общеиндоевропейской праформы со значением 'слон', перекликающейся со сходными древними названиями 'слона' в языках Ближнего Востока.

II. ЖИВОТНЫЕ «НИЖНЕГО МИРА»

1. «ЗМЕЙ», «ЗМЕЯ», «ЧЕРВЬ»

1.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ЗМЕИ», ИХ ВАРИАНТЫ И ЗАМЕНЫ В ОТДЕЛЬНЫХ ДИАЛЕКТАХ

'Змей' как основное мифологическое существо 'Нижнего мира' представлен этимологически соотносимыми друг с другом лексемами во всех

[1] Нет никаких формальных оснований считать гот. ulbandus 'верблюд' (др.-сакс. *olbundeo* 'верблюд', "Хелианд", 3299, др.-англ. olfend, др.-исл. ulfalde) заимствованием греч. ἐλέφας, как это обычно принимается. Закономерная фонетическая соотнесенность этих слов не оставляет сомнения в возможности их возведения к общей праформе. К семантическому переносу значения 'слон'→'верблюд', во всяком случае уже в общегерманском, ср. типологически аналогичное развитие значений в шумерском и аккадском, см. *Landsberger 1934: 92*; *Nagel 1963 : 193*. Готское ulbandus 'верблюд', вероятно, заимствовано в славянском в виде ст.-слав. *velьbǫdъ* 'верблюд' (рус. *верблюд*), *Фасмер 1964 — 1973, I: 293—294*, ср. *Срезневский 1958, I: 241*. Само название 'слона' славянские языки заимствовали из восточноазиатских (ср. бирм. s^{h}aŋ < *siaŋ 'слон', *Pulleyblank 1963 : 23*), тогда как многие западноевропейские языки заимствуют название 'слона' из греческого через латинский.

древних индоевропейских диалектах, обнаруживающими фонетические варианты:

Др.-инд. *áhi-* 'змей', вед. *Áhi- Budhnyá-* 'Змей Глубин', авест. ***aži-*** 'змей', греч. ὄφις 'змея', 'уж', арм. *iž* 'змея', 'гадюка': и.-е. *$og^{[h]o}i$-;

Лат. *anguis* 'змея', 'змей', 'дракон', ср.-ирл. *esc-ung* 'угорь' (буквально: 'водяная змея'), лит. *angìs*, прус. *angis*, др.-рус. *ужь* 'вид змеи', рус. *уж*, арм. *awj* (при тох. В *auk* 'змей'): и.-е. *$ang^{[h]o}i$-[1];

Греч. ἔχις 'змея', ἔχιδνα 'мифологическая змея': и.-е. *$eĝ^{[h]}i$- (ср. ниже о возможном германском отражении этой формы в др.-исл. *ægir* 'Змей'). От этой же основы образовано название одного из видов 'ежа' как 'пожирателя змей' (по-видимому, имеется в виду 'мангуста' — животное, истребляющее ядовитых змей): греч. ἐχῖνος 'еж', осет. *wyzyn/ uzun* 'еж', арм. *ozni*, лит. *ežỹs*, латыш. *ezis*, рус. ***еж***, др.-в.-нем., др.-англ. *igil* (нем. *Igel*) 'еж'.

Индоевропейские формы обнаруживают фонетические различия, связанные, очевидно, с семантикой слова. Первичная основа *$eĝ^{[h]}i$-, сохранившаяся в архаическом производном слове, претерпевает различные фонетические табуистические преобразования, давая отличающиеся друг от друга формы *$ang^{[h]o}i$-, *$og^{[h]o}i$- как названия 'змеи' и 'Змея' в качестве ритуально-мифологически значимого существа.

В ряде индоевропейских диалектов такое табуирование приводит к полной замене первоначальной индоевропейской основы на новообразования типа лат. *natrix* 'водяная змея', др.-ирл. *nathir*, гот. *nadrē*, др.-исл. *naðr*, др.-в.-нем. *nātara* 'уж', 'гадюка' (нем. *Natter*) (итало-кельто-германская лексическая изоглосса, *Порциг 1964 : 153, 188*), а также др.-инд. *sarpá-* 'змея', 'пресмыкающееся', лат. *serpēns* 'змея' (у *Плиния* также название 'мелких ползающих насекомых'), греч. ἑρπετόν 'ползающее животное', *Wackernagel 1953, I : 165*, от и.-е. *$serp^{[h]}$- 'ползти': др.-инд. *sárpati* 'ползет', греч. ἕρπω 'ползу', лат. *serpō* 'ползу' и др.

В славянском при сохранении первичного названия **ǫžĭ* для обозначения специфического вида змей значение 'мифологического Змея' и 'змеи' в широком смысле выражается уже другим словом эвфемистического происхождения: ст.-слав. *zmija* 'змея', 'дракон', 'ὄφις, δράκων' (первона-

[1] В качестве семантического новообразования в балтийском и славянском от того же индоевропейского названия 'змеи' возникает специальное значение 'водяная змея', 'рыба вида Anguilla', 'угорь', особенно распространенная в бассейне Балтийского моря: прус. *angurgis*, лит. *ungurỹs*, рус. *угорь* (*Топоров 1975-, 1: 88—89*); сюда же относится лат. *anguilla* 'угорь'. Первоначальное значение 'змея', 'червь' отражается в родственных формах германских языков: др.-в.-нем. *angar* 'личинка' (нем. Engerling), прус. *anxdris* 'уж', лит. *inkštìras* (*Топоров 1975-, 1 : 96*), ср. греч. ἴμβηρις· ἔγχελυς (видимо, в значении 'водяная змея'); само греческое слово ἔγχελυς, соотносимое формально как с и.-е. *$ang^{[h]o}i$-, так и с и.-е. *$eĝ^{[h]}i$- (ср. *Pokorny 1959 : 44*), значит 'водяная змея', но не 'рыба'-'угорь', поскольку оно противопоставляется общему названию рыбы ἰχθύς, ср. у *Гомера* ἐγχέλυές τε καὶ ἰχθύες, Φ 203 и 353. Поэтому, вопреки некоторым исследователям (*Watkins 1971: 1500*, ср. *Pokorny 1959: 43—44*), изначальное значение 'угорь' для общеиндоевропейского *$ang^{[h]o}i$- 'змея' не может быть восстановлено (ср. о диалектном характере этих слов *Порциг 1964 : 188, 298*).

чально: 'ползающий по земле', 'принадлежащий к Нижнему подземному миру', ср. алб. *dhémje* 'гусеница', от и.-е. *$\hat{g}^{[h]}d^{[h]}$-e/om- 'земля'). Сюда же относится германское название 'змеи', мифологического Змея как 'червя': гот. *waúrms* 'змея', др.-исл. *ormr* 'Змей' (ср. в "Эдде" *Miðgarðs-ormr* 'Змей Среднего мира', который служит границей Земли и 'поясом всех земель' — *umgjǫrð allra landa*).

Последнее эвфемистическое обозначение 'змеи' основывается на первоначальном названии 'червя', 'насекомого'[1]. Это значение в некоторых древнегерманских языках засвидетельствовано параллельно со значением 'змея' (ср. др.-англ. *wyrm* 'змей', 'дракон', 'червь', англ. *worm*), в других же сохраняет свое первоначальное значение, поскольку 'Змей', 'змея' обозначается одним из рассмотренных выше слов:

Ср. лат. *uermis* 'червь', греч. *ῥόμος* 'древесный червь', лит. *varmas* 'насекомое', 'комар', др.-рус. *вермие* 'саранча', 'черви'; отсюда в ряде диалектов название 'пурпурной краски': прус. *wormyan* 'красный' (дословно: 'цвета червя'), укр. *вермяний* 'красный', др.-в.-нем. *gi-uurmōt* 'окрашенный в красный цвет', др.-англ. *wurma* 'пурпур' (балто-славяно-германская лексическая изоглосса): и.-е. *u̯r̥mi-, *u̯r̥mo-[2].

Описанные выше табуистические замены первоначального индоевропейского названия 'Змея', 'змеи' в отдельных диалектах становятся понятными в свете особой мифологической роли 'Змея' во всех древних культурных традициях.

(1.2.) *ОСНОВНОЙ МОТИВ, СВЯЗАННЫЙ СО «ЗМЕЕМ», В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ*

Основной мифологический мотив, связанный со 'Змеем', это противоборство верховного божества с главным воплощением 'Нижнего мира'. В архаических индоевропейских мифологических мотивах изображается убийство Змея его божественным противником. Сравнение архаических тради-

[1] Аналогичные семантические переходы 'червь' ~ 'насекомое' ~ 'змея' ~ 'ящерица', объясняемые их отнесением к одной и той же категории живых существ, обнаруживаются и в других соотносимых друг с другом лексемах. В частности, название 'ящерицы' в одной группе диалектов (ст.-слав. *ašterŭ* 'ящер', рус. *ящерица*, латыш. *šķirgaĩlis*, алб. *hardhëlë* 'ящерица') соответствует названию 'червя' (греч. *σκαρίς* 'вид червя') или 'насекомого' (лит. *skėrỹs* 'саранча', ср. греч. *κόρις* 'клоп' — с другим началом слова) в других диалектах.

[2] Фонетическое сходство с этой основой обнаруживает другая индоевропейская основа с тем же значением *$k^{[h]}$°r̥mi- 'червь': др-инд. *kr̥mi-* 'червь', согд. *kyrm-* 'червь', перс. *kirm* 'червь', осет. *kalm* 'змея', 'червь', др.-ирл. *cruim* 'червь', прус. *girmis* 'личинка', лит. *kirmìs* 'червь', ст.-слав. *črĭvĭ* 'червь' (отсюда в славянском обозначение красного цвета: ст.-слав. *črĭvenŭ* 'красный, червонный', полностью аналогичное такому же обозначению от основы *u̯r̥mi-).

К этим основам со значением 'червь' примыкает формально основа *mor-u̯-l/*u̯or-m- 'муравей': рус. *муравей*, греч. *βόρμαξ* 'муравей', др.-инд. *vamrá-* 'муравей' (см. выше, стр. 222). Семантическая близость этих обозначений подтверждается возможностью употребления основы *$k^{[h]}$°r̥mi- со значением 'муравей', ср. лит. *skir̃vinti* 'бежать как муравей' (*Specht 1944: 45*).

ций позволяет восстановить целые фрагменты индоевропейских текстов этого мифа, в которых употребляется древнее название Змея:

В "Ригведе" (I 32, 1—2) такие индоевропейские тексты отражаются в следующих формулах: *áhann áhim párvate śiśriyāṇám* "он убил дракона (*áhim*), покоившегося на горе"; *áhann áhim ánv apás tatarda prá vakṣáṇā abhinat párvatānām* "он убил дракона (*áhim*), он просверлил (отверстия для) рек, он рассек чресла гор". В "Авесте" тот же мотив отражен в таких местах, как *yō ǰanaṯ ažīm srvarəm yim aspō.garəm nərə.garəm* "тот, кто убил рогатого Змея (*ažīm*), который пожирал коней, пожирал людей" (*Yašt* 9, 11). Поразительная смысловая и лексическая параллель обнаруживается в соответствующем месте "Эдды", что подтверждает возможность общеиндоевропейской реконструкции соответствующих фрагментов текста (*Helgakviða Hundingsbana I, 55,5*):

er þú felt hefir inn flugar trauða
jǫfur, þann er olli ægis dauða
"Ты, который поверг презирающего бегство
Вепря, ты, который вызвал гибель Змея (ægis)"[1].

Подобно тому, как в мифе верховное божество повергает Змея, освобождая природу, в ритуалах исцеления человека 'шаман-жрец' освобождает больного от 'червей', отождествляемых с мифологическими 'змеями'; ср. в "Атхарваведе" (II 31, 5):

ye kṛmayaḥ parvateṣu vaneṣv osadhiṣu paśuṣv apsv antaḥ
ye asmākam tanvam āviviśuḥ sarvaṁ tad dhanmi jánima kṛmiṇām
"Те черви, которые в горах, в растениях, в животных, в водах,
те, которые вошли в наше тело, я раздавливаю весь род (их—род) червей!"

Соответствующие заговоры от червей и мифологические тексты о 'богезмееборце' в архаических индоевропейских традициях характеризуются совпадением не только лексем, но и таких существенных черт, как магическое число 'девять' ('девять червей', 'девять дочерей Змея' и т. п., ср. *Топоров 1969 : 25—27*; *Plassmann 1961 : 121—124*).

В некоторых архаических индоевропейских традициях — таких, как хеттская и греческая, при замене первоначального названия мифологического Змея (ср. хет. *Illuiankaš* 'Змей', греч. Πύθων, возводимое к и.-е. **b^{h}l^{h}ud^{h}-* 'Нижний мир', см. выше, стр. 489) сохраняется в полном виде структурная схема мифа и отдельные его детали, в том числе похищение Змеем частей тела бога — его противника ('глаз' — *šakuua* и 'сердца' — *kir* в хеттском варианте мифа) и помощь, которую 'богу-змееборцу' оказывает 'богиня-женщина': Инара в хеттском мифе, Афина —в греческом. После временного торжества Змея бог—его противник —возвращает

[1] В этом и некоторых других древнегерманских текстах др.-исл. ægir и родственные ему слова понимаются как соответствующие греч. ἔχις, др.-инд. áhi- 'змей', см. *Plassmann 1961 : 111 и след.*; др.-исл. ægir встречается также в сложном слове ægis-hjálmr 'змееподобный шлем', поясняемый как í ormz líki 'подобный Червю-Змею' (*Plassmann 1961 : 95*).

себе целостность своего облика и поражает с неба своего врага в 'Нижнем мире' (*см. Kretschmer 1927*; *Fontenrose 1959*; *ср. Littleton 1970*).

Весь комплекс мотивов единоборства верховного божества со Змеем-Драконом является самым характерным для всех мифологических традиций Ближнего Востока и Кавказа, начиная с древнейших письменных источников (шумерских) вплоть до фольклорных сюжетов средневековья и нового времени (*см. Иванов/Топоров 1974 : 136 и след.*).

2. «ВЫДРА», «БОБЕР», «ВОДЯНОЕ ЖИВОТНОЕ»

2.1. *ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ВОДЯНОГО ЖИВОТНОГО», «ВЫДРЫ», «БОБРА»*

Лексемы, в одних диалектах (иранском, балтийском, славянском, германском, латинском, кельтском) имеющие денотатами конкретных животных — 'выдру' (*Lutra vulgaris*) и 'бобра' (*Castor fiber* L.), в группе древних индоевропейских диалектов, к которой относятся хеттский, греческий, армянский и индо-арийский, означают вообще 'водяное животное' (часто с ритуально-культовой значимостью).

Такие ритуально значимые 'водяные животные' обозначаются описательно как 'собаки воды' или названием, производным от лексемы 'вода' ***u̯ot'or-**.

В хеттском тексте пересказа хурритского мифа о водяном чудовище Хедамму (KUB VIII 67 IV 17) говорится, что оно пожирало 'собак потока': ÍD-*aš* UR.ZÍR$^{ḪI.A}$, там же аналогично построенное IKU-*aš* KU$_6^{ḪI.A}$ 'рыбы полей', очевидно, в значении 'ящерицы', *Friedrich 1949 : 233, 248*. Имеется в виду, по-видимому, водяное млекопитающее небольшого размера, приравниваемое к 'собаке'.

В греческом производное от индоевропейской лексемы 'вода' обозначает 'водяное чудовище': гом. ὕδρος 'гидра', B 723, позднее засвидетельствована форма *ж. р.* ὕδρᾱ 'водяная змея'. В древнеиндийском производное от того же корня *udrá-* означает 'водяное животное'; это, очевидно, субстантивированное прилагательное 'водяной' (ср. вед. *an-udrá-* 'безводный').

Значение конкретного животного — 'выдры' (*Lutra vulgaris*) для данной лексемы засвидетельствовано в кафир. вайгали *wacak'ok* 'выдра' (*Morgenstierne 1954 : 222*), авест. *udra-*, осет. *wyrd*, *urdæ*, рус. *выдра*, лит. *ūdra*, прус. *udro*, др.-в.-нем. *ottar*, др.-исл. *otr*, то есть в ирано-балто-славяно-германском диалектном ареале. Это, очевидно, некоторая семантическая инновация данной группы диалектов, разделяемая и иранским в отличие от индийского.

Характерно, что денотат 'бобер' (*Castor fiber* L.) соотносится с конкретной лексемой именно в этой же группе диалектов (включая кельтский и италийский), но не в перечисленных выше древних индоевропейских диалектах, в которых нет специального названия 'выдры'.

Общеиндоевропейская лексема *b$^{[h]}$ib$^{[h]}$er // *b$^{[h]}$eb$^{[h]}$er в некоторых диалектах последней группы сохраняет свое первоначальное значение 'коричневый', 'блестящий'. В таком значении это слово засвидетельствовано в "Ригведе": вед. *babhrú-* 'красно-коричневый' (о коне, корове, богах, растениях), ср. в митаннийском арийском *bapru-nnu* как обозначение масти коня (*Mayrhofer 1966: 137 и след.; 1974: § 7*); ср. родственное нередуплицированное обозначение масти коня в славянском: польск. *brony* 'гнедой', др.-чеш. *broný* 'белый', др.-рус. *броный* 'белый' (о коне). В позднейшем древнеиндийском слово обозначает и определенный вид животного — 'ихневмона' (*Herpestes ichneumon*, длиннохвостое животное, истребляющее выдр и мышей).

В греческом родственная нередуплицированная основа имеет значение 'жаба', что сопоставимо со значением прус. *brunse* 'плотва', 'мелкая рыбешка', лит. диал. *bruñšė* (*Топоров 1975-, I: 256—257*).

В другой группе диалектов эта же редуплицированная основа выражает значение конкретного водяного животного — 'бобра': авест. *bawra-*, *bawri-* 'бобер', лит. *bebrùs//bẽbras*, прус. *bebrus*, рус. *бобер*, др.-в.-нем. *bibar* (нем. *Biber*), др.-англ. *beofor* (англ. *beaver*), др.-исл. *bjórr*, лат. *fiber*, др.-брет. *beuer* 'fiber', 'castor'[1] (*Топоров 1975-, I: 203—205*).

Таким образом, как названия животного, производные от основы ***u̯ot'or-*** 'вода', так и производные от редуплицированной основы приобретают конкретное значение 'выдра' (*Lutra vulgaris*) и 'бобер' (*Castor fiber* L.) лишь в строго определенной группе диалектов, включающей позднейшие "европейские" диалекты (балтийские, славянские, германские, италийские, кельтские) и авестийский. Можно заключить, что налицо семантическое новообразование в указанных диалектах, связанное со специфическими экологическими условиями обитания носителей этих диалектов. Характерно, что индо-иранские диалекты по этой изоглоссе расходятся: древнеиндийский сохраняет более архаичное состояние, тогда как авестийский обнаруживает инновацию.

(2.2.) *РИТУАЛЬНАЯ И КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «БОБРА» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ*

В указанном же ареале обнаруживается мифологическая и ритуальная значимость 'выдры' и 'бобра', что можно связать с ролью этих животных как основных зверей 'Нижнего мира' в западноазиатских культурных традициях.

В "Авесте" 'бобер'—священное животное Анахиты (женского божества, первоначально соотносившегося с 'Нижним миром'). В славянских народных песнях 'черные бобры' соотносятся с корнями 'Мирового дерева' (*Иванов/Топоров 1965 : 80*). В латышских народных песнях 'божественные близнецы' пляшут в шкурах 'бобра' и 'выдры'; в песнях поется:

[1] В древнеирландском это же значение выражается описательно как *dobor-chú* 'собака воды'.

ūdri, ūdri, bebri, bebri,
duod man savu kažuociņu!

"Выдры, выдры! Бобры, бобры! Дайте мне свои шкуры!"
(*Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, IV : 406*).

Эти особенности балтийской, славянской и авестийской традиций, не находящие параллелей в других древних индоевропейских традициях, подтверждают в культурно-историческом плане вторичность приобретения особой значимости этими видами животных, очевидно, в силу изменения экологических условий обитания носителей определенных индоевропейских диалектов.

3. «МЫШЬ», «КРОТ»

3.1. *ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «МЫШИ»*

Общеиндоевропейское название 'мыши' ***mŭs-*** прослеживается по основным древним индоевропейским диалектам:

Др.-инд. *mū́ṣ-* 'мышь' (в этом значении в "Ригведе"), 'крыса', перс. *mūš* 'мышь', осет. *myst* 'мышь'[1], греч. μῦς 'мышь', арм. *mukn* 'мышь', ст.-слав. *myšĭ*, лат. *mūs* 'мышь', др.-исл., др.-в.-нем., др.-англ. *mūs* 'мышь' (нем. *Maus*, англ. *mouse*).

Уже в древнейших индоевропейских мифологических представлениях 'мышь' связывается с погребальными обрядами и соотносится с женским божеством 'Нижнего мира'.

3.2. *МИФОЛОГИЧЕСКАЯ И ОБРЯДОВАЯ РОЛЬ «МЫШИ», «ЗЕМЛЕРОЙКИ», «КРОТА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ*

В хеттской традиции 'мышь' выступает в обрядах, совершаемых жрицами для избавления от смерти.

В хетто-лувийском ритуале KUB XXVII 67 'Старая Женщина' (шумерограмма SAL ŠU.GI) избавляет человека от смерти, привязывая символ смерти — кусок олова — к 'мыши', отпускаемой 'за горы и долы', то есть в потусторонний мир.

Аналогичные мотивы связываются с культом 'мыши' и в греческой традиции, засвидетельствованной уже со времен Гомера (ср. А 39). 'Мышь' была культовым животным Бога Аполлона Сминтеуса[2], в святилище которого в Хрисе (Малая Азия,у мыса Лектон) специально выращивались 'мыши', содержащиеся под алтарем бога. Самого бога изображали с 'мышами' или стоящим на 'мыши'. Сын Аполлона бог-врачеватель Асклепий

[1] От той же основы — осет. mystūlæg 'ласка', ср. лат. mustēla 'ласка', 'куница', *Абаев 1973, II : 143*.

[2] Само его название Σμινθεύς этимологизируется на основании глоссы *Гесихия*: σμίνθος, σμίς · μῦς 'мышь', ср. *Grégoire 1949*.

был исцелителем, воскрешая мертвых, за что был поражен молнией Зевса (*Grégoire 1949*; *Топоров 1975а*).

В германской и славянской традициях 'мышь' была священным животным женского языческого божества, связываемого с погребальным обрядом и представляемого как 'слепое существо'.

У восточных славян 'Млечный путь', считавшийся по народным поверьям 'дорогой души на тот свет', назывался 'мышина тропка' (*Фасмер 1964—1973, III : 27*).

Пережиточно соответствующие обряды сохраняются в славянских поверьях и играх, связанных с 'Бабой Ягой' (*Потебня 1865 : 90—95*), которая, очевидно, соотносима с SAL ŠU.GI 'Старой Женщиной' хеттолувийского обряда (*Топоров 1963*).

Волшебная роль 'мыши-женщины' отражается и в литовском фольклоре, в частности в сказке "О заколдованном замке", где мышь — это женщина-жрица, под надзором которой мальчики проходят обряд инициации (*Иванов/Топоров 1965 : 95*). Само древнее название 'мыши' в литовском табуировано и заменено другим словом — *pelẽ* 'мышь'.

Представление 'мыши' и соотносимого с ней женского божества в качестве 'слепых существ' в славянских и германских мифологических поверьях и соответствующих терминах (чеш. *slepá baba* 'слепая баба', название игры; польск. *ślepa babka*, игра; сербо-хорв. *slȉjepī mȉš* 'летучая мышь' и 'игра в жмурки', нем. *blindes Mäusel*, *Потебня 1865 : 92*) позволяет связать их с незрячими особями, близкими к полевым мышам: 'летучей мышью' и 'кротом-землеройкой' (*Talpa europaea* L.).

'Крот-землеройка' выступает наряду с 'мышью' в ряде древнейших мифологических мотивов, связанных с богом-врачевателем Асклепием. Святилище (θόλος, θυμέλη) Асклепия в Эпидавре было построено по образу норы крота. Само имя бога Асклепия этимологизируется в связи с одним из индоевропейских названий 'крота' — лат. *talpa*; при этом предполагается изначальная соотнесенность с ближневосточным названием 'исчезающего и возвращающегося божества плодородия' — хет. *Telepinu-*, хат. *Talipinu*, *Talipuna* и с миграционными терминами для некоторых из связанных с тем же комплексом животных (*Grégoire 1949*; *Топоров 1975а*: *42—43*; об этих божествах см. подробнее ниже).

Особо почитается 'крот' в связи с божеством исцеления Рудрой, которому принадлежит 'крот' (др.-инд. *ākhú-*) в древнеиндийской традиции, где к божеству Рудре обращаются с молитвой, прося его унести болезни ("Ригведа", II 33).

При всей культовой значимости 'крота' как священного животного в индоевропейской традиции, в отдельных исторических индоевропейских диалектах несоотносимые друг с другом его названия возникли из разных источников, очевидно, при табуистической замене первоначального названия.

Особая культовая и ритуальная значимость 'мыши' и 'крота' в индоевропейской традиции, связывающая их с погребальными обрядами и обрядами исцеления, уходит корнями в доисторическую древность. Пока-

зательно, что в древнейшей культуре Малой Азии VII—VI тысячелетий до н. э. обнаруживаются следы особого культового использования 'мышей' и 'землероек', которых клали в погребения верховных жриц, что символизировало связь этих животных с высшим женским божеством (*Mellaart 1967*).

4. «ЧЕРЕПАХА»

4.1. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ЧЕРЕПАХИ»

Индоевропейские названия 'черепахи' соотносятся друг с другом по отдельным диалектным ареалам, что делает невозможным доказательство общеиндоевропейского характера каких-либо из отдельных соотносимых форм.

В значении 'черепахи' этимологически соотносятся друг с другом формы греч. χέλυς 'черепаха', 'лира', сербо-хорв. *žȅlva*, словен. *želva*, чеш. *želva* 'черепаха', рус. *желвак*, предполагающие праформу ***g$^{(h)}$el-u-**. Уже в восточнославянском это древнее название табуируется, заменяясь производным от слова 'череп': *черепаха* (*Зеленин 1922—1930, II : 53*).

Аналогичные процессы табуирования могли привести к замене первоначального названия и в других индоевропейских диалектах, где появляются новые обозначения, восходящие в ряде случаев к названиям других животных 'Нижнего мира'. Таким образом можно было бы объяснить др.-инд. *kūrmá-ḥ* 'черепаха', сопоставляемое по форме с лит. *kùrmis* 'крот', латыш. *kuŗmis* 'крот'. Приводимые формы могут отражать с некоторыми преобразованиями ту же индоевропейскую основу, к которой восходят индоевропейские названия 'червя': ***k$^{(h)}$^{o}ṛmi-** (см. выше, стр. 527$_2$).

5. «КРАБ»

5.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «КРАБА»

Первичное индоевропейское название 'краба' в древних индоевропейских диалектах образовано от редуплицированной формы ***k$^{(h)}$ark$^{(h)}$ar-** (*Pokorny 1959 : 531*) со значением 'твердый', 'шероховатый': др.-инд. *karkara-* 'твердый', греч. κάρκαροι · τραχεῖς 'шероховатые', 'жесткие' (*Гесихий*);

Греч. καρκίνος 'краб', др.-инд. (из пракритов) *karkaṭa-* 'рак', *karka-* 'краб', лат. *cancer* 'рак', рус. *рак*, слав. **rakй* (с диссимилятивной утерей начального **k-*).

В германском происходит замена (возможно, табуистическая) первоначального слова на описательное обозначение, связываемое с основой ***k'reb$^{(h)}$-** 'ползти', 'царапаться' (ср. др.-исл. *krafla*, ср.-в.-нем. *krappeln*): др.-исл. *krabbi*, др.-англ. *crabba* (англ. *crab*), ср.-н.-нем. *krabbe* 'краб', отсюда же др.-сакс. *krebit*, нем. *Krebs* 'рак'.

6. «ЖАБА», «ЛЯГУШКА»

6.1. ОПИСАТЕЛЬНОЕ НАЗВАНИЕ «ЖАБЫ», «ЛЯГУШКИ» И РОЛЬ ЖИВОТНОГО В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Для обозначения 'жабы', 'лягушки' в разных диалектных общностях восстанавливаются слова главным образом описательного характера, являющиеся, по всей вероятности, результатом эвфемистической замены возможного первоначального общего названия этого животного, игравшего существенную роль в мифологических представлениях о 'Нижнем мире'.

К общей основе, очевидно, ономатопоэтического характера, восходят формы в германо-балто-славянском ареале: прус. *gabawo* 'жаба', рус. *жаба*, сербо-хорв. *žȁba*, чеш. *žába* 'жаба'; др.-сакс. *quappa* 'налим', ср. лат. *būfō* 'лягушка' (предполагаемое оскско-умбрское заимствование), *Фасмер 1964—1973, II : 31*[1].

Другой описательной основой, от которой образуется название 'лягушки' в индоевропейских диалектах, является форма, производная от *p[h]reu̯- 'прыгать' (ср. др.-инд. *pravate* 'прыгает', 'скачет'): др.-инд. *plava-* 'лягушка' (буквально: 'прыгающая'), др.-исл. *frauki*, др.-англ. *frogga* (англ. *frog*) 'лягушка' при параллельной основе на *-sk-*: др.-исл. *froskr*, др.-англ. *frosc*, нем. *Frosch* 'лягушка' (семантически сходно объясняется и восточнославянское название 'лягушки': рус. *лягушка* от *ляг-ать*, *ляжка*, *ляга*, *Фасмер 1964—1973, II : 548—549*).

Формальная пестрота обозначения 'жабы' и 'лягушки' в индоевропейских диалектах[2] может быть связана с характером этого животного как представителя 'Нижнего мира', в частности в славянской и германской традициях 'черви', 'лягушки', 'жабы', 'мыши', 'черепахи' и 'всякие насекомые' выступают как 'дети' или потомки существ 'Нижнего мира'; с 'жабой' связываются 'смерть' и 'болезни', особенно детские (*Потебня 1865 : 200—206*), ср. также гимн 'лягушкам' в "Ригведе" (VII 103), где они сравниваются со жрецами-брахманами.

7. «МУХА», «ОВОД»

7.1. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «МУХИ»

Общеиндоевропейское слово восстанавливается в форме ***mu(s)-**:

Греч. μυῖα 'муха', 'овод', арм. *mun*, *род. пад. mnoy* 'комар', лат. *musca* 'муха', др.-исл. *mý* 'комар', др.-англ. *mycg*, др.-в.-нем. *mucka* 'комар', лит. *musė̃*, прус. *muso*, латыш. *muša* 'муха', ст.-слав. *mucha* 'муха'.

[1] К ономатопоэтическому характеру рассматриваемой основы ср. аналогичные названия типа рус. *квакушка* от звукоподражательного слова *квакать*, имеющего широкие параллели: лит. *kvaksėti*, нем. *quaken* 'квакать' и т. д. В хеттском тексте Bo 2738 1 7—8, 10 говорится о 'норе', 'логове' (ḫatteššar, в других текстах — о Змее) животного a-ku-ya-ku-ya-aš, отождествляемого с 'квакушкой', 'лягушкой' или 'жабой' (*Forrer* apud *Kretschmer 1927: 310*), см., однако, возражения А. Камменхубер: *Friedrich/Kammenhuber 1975-, 1.*

[2] Из других диалектных названий ср. также осет. хæis 'лягушка' < др.-иран. *kasyара 'лягушка' (*Абаев 1949, 1: 51*).

Первоначальное значение этого слова, очевидно, 'жалящее', 'насекомое с жалом', досаждающее человеку своей назойливостью (ср. у *Гомера* о назойливой 'мухе', которой приятна 'кровь человека', P 566—572).

8. «ОСА», «ШЕРШЕНЬ»

8.1. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ОСЫ», «ШЕРШНЯ»

К числу лексем, общих для "древнеевропейских" диалектов и иранского, относится также название 'осы' *ǫob$^{[h]}$sā- : пехл. *wabz* 'оса', ср. авест. *vawžaka-* 'скорпион', лит. *vapsvà* 'оса', прус. *wobse*, рус. *оса*, др.-англ. *wæfs* (англ. *wasp*), др.-в.-нем. *wefsa* (нем. *Wespe*), лат. *uespa*, др.-брет. *guohi* 'оса'; слово считается производным от *ǫeb$^{[h]}$- 'ткать' (*Pokorny 1959 : 1179*), см. об этом корне ниже.

В сходной группе "древнеевропейских" диалектов обнаруживается и общее название 'шершня': лит. *šìršė*, ст.-лит. *širšuõ* 'большая оса', латыш. *sirsis*, прус. *sirsilis* 'шершень', др.-рус. *сьршень*, рус. *шершень*; др.-в.-нем. *hurnǐz* (нем. *Hornisse*), др.-англ. *hyrnet(u)*; лат. *crābrō* 'шершень'. Слово восходит к и.-е. *k̑$^{[h]}$r̥s-en-, от которого образованы названия 'рога': 'шершень' как 'рогатое' насекомое.

Последнее слово имело более широкий ареал распространения, о чем свидетельствует тох. A и B *kroñśe* в специальном значении 'пчела' (см. подробнее ниже).

9. «ГНИДА», «ВОШЬ»

9.1. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ГНИДЫ» И «ВШИ»

Лексемы, обозначающие 'гниду' и 'вошь' в индоевропейских диалектах при большой их распространенности обнаруживают значительную степень фонетической вариативности, объясняемой табуистическими преобразованиями первоначальных слов:

Др.-исл. *gnit* 'гнида', 'яйца вши'; рус. *гнида*, латыш. *gnīda*, лит. *glìnda*, лат. *lēns*, *род. пад. lendis* 'гнида', ср. относящиеся сюда же греч. κονίς, *род. пад.* κονίδος 'гнида' (с оглушением начального согласного), арм. *anic* (с перестановкой согласных): и.-е. *g$^{[h]}$nit'-:

Др.-исл., др.-в.-нем., др.-англ. *lūs* 'вошь'; валл. *llau* 'вши'; др.-инд. *yū́-kā* 'вошь' (с утерей начального **l*-), лит. *víevesa* 'вошь' (с редупликацией основы без **l*-), др.-рус. *въшь*, рус. *вошь*: и.-е. **lūs*-.

10. «РЫБА», «ЛОСОСЬ»

10.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «РЫБЫ» КАК ЖИВОТНОГО «ВОДНОГО МИРА»

'Рыба' как водяное животное соотносится в древних представлениях с 'Нижним миром', в который помещаются и другие водяные животные, а также 'змеи', 'черви', 'насекомые'. Такие древние мифологические пред-

ставления о 'рыбе' как о животном 'Нижнего или Подземного мира' дают основание связать название 'рыбы' с названием 'Земли' (ср. выше, стр. 526—527, о связи между названиями 'змеи' и 'земли' в славянском).

В этом отношении показательно совпадение греческого названия 'рыбы' ἰχθύς и соотносимых с ним слов в других диалектах (арм. *jukn*, лит. *žuvìs*, латыш. *zuvs*, прус. *suckis*) с индоевропейским названием 'земли' (греч. χθών, хет. *tekan* 'земля', тох. А *tkaṁ*, др.-инд. *kṣam-*). Слово возводится, таким образом, к производному на *-ū от общеиндоевропейской основы *$d^{[h]}e\hat{g}^{[h]}$- со значением 'земля': *$d^{[h]}\hat{g}^{[h]}\bar{u}$- (буквально: 'подземная') с дальнейшими фонетическими преобразованиями начального комплекса.

В другой группе диалектов, составляющих в основном "древнеевропейскую" группу : латинском, кельтском, германском — 'рыба' обозначается другим словом — очевидно, диалектным новообразованием (ср. *Порциг 1964 : 165, 254, 272, 285*): *$p^{[h]}e\underset{\frown}{i}sk^{[h]}$-//*$p^{[h]}isk^{[h]}$-:

Лат. *piscis*, др.-ирл. *iasc*, гот. *fisks*, др.-исл. *fiskr*, др.-в.-нем.,др.- англ. *fisk* (нем. *Fisch*, англ. *fish*); сюда же относят и рус. *пескарь*, *пискарь* (ср., однако, *Фасмер 1964—1973, III : 267*).

10.2. ПРОБЛЕМА НАЗВАНИЯ «ЛОСОСЯ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Особая разновидность рыбы — 'лосось' выражается в ряде диалектов специальным термином: др.-в.-нем. *lahs* (нем. *Lachs*), лит. *lašišà*, *lãšis*, прус. *lasasso*, рус. *лосось*, осет. *læsæg* 'лосось'. В тохарском соответствующее слово тох. В *laks* выражает общее значение 'рыба'.

Узкая сфера диалектного распространения данного слова, отсутствующего в целом ряде индоевропейских диалектов, выявляет его позднее происхождение в специализированном значении особой разновидности рыбы с красной пятнистой окраской, которая водится в реках бассейна Каспийского моря (*Salmo trutta caspius* Kessl.) и в североевропейских водах (*Salmo salar* L.), *Берг 1955 : 335*; ср. *Krogmann 1960*; *Lane 1970 : 82—83*. Само название 'лосося' *$lak^{[h]}s$- можно связать с индоевропейской основой *$lak^{[h]}$- со значением 'красный', 'пятнистый': др.-инд. *lākṣā* 'красный лак', перс. *raxš* 'пятнистый', 'белый с красным'[1], ср. *Thieme 1953*; *Krause 1961*; *Абаев 1973, II : 32*[1].

При изменении экологических условий обитания носителей определенных групп индоевропейских диалектов в процессе их миграций возникают новые слова для обозначения неизвестных им ранее видов животных, распространенных в новых местах жительства. В таких условиях исполь-

[1] Ср. точную семантическую параллель в названии 'лосося', 'фореля' в ср.-ирл. erc 'лосось', 'форель', 'пятнистый', 'темно-красный'; др.-в.-нем. forhana, ср.-в.-нем. forhe(n), forhel (нем. Forelle), др.-англ. forn(e) 'форель', из и.-е. *$p^{[h]}erk^{[h]}$- 'пестрый', 'пятнистый': др.-инд. *pṛśni-* 'пестрый', 'пятнистый', греч. *περκνός* 'пестрый', 'черноватый'; 'окунь', *πέρκη* 'окунь', буквально : 'пятнистый'.

зовались, как правило, производные от исконных форм, которым придавалось специальное значение. Представляется, что название 'лосося' в указанной группе индоевропейских диалектов возникает именно таким образом.

III. ЖИВОТНЫЕ «ВЕРХНЕГО МИРА»

1. «ПТИЦА», «ОРЕЛ»

1.1. *ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ПТИЦЫ»*

В качестве общего родового обозначения обитателя 'Верхнего мира' — 'птицы' в индоевропейском выделяется архетип ***Hu̯ei̯-**:

Др.-инд. *vḗ-/vé-* 'птица' (в "Ригведе" также часто о летящих по воздуху существах: 'кони', 'боги', иногда 'стрелы'), авест. *vīš* 'птица', пехл. ***way***, ***wāyendag*** 'птица'; греч. ἀϊετός 'орел', арм. *haw* 'птица', 'курица'; лат. *auis* 'птица', умбр. *вин. п. мн. ч. avif* 'aves', валл. *hwyad* 'утка'.

Слово увязывается с основой ***Hu̯e(i̯)-** с первичным значением 'дуть'; отсюда 'воздух', 'ветер' и общее название 'Верхнего мира'. 'Птица', очевидно, понималась как существо, передвигающееся, летающее по воздуху — в 'Верхнем мире', и этим отличающееся от существ 'Среднего мира', 'ходящих' или 'бегающих', 'прыгающих' по земле, и от основных существ 'Нижнего мира', 'ползающих' по земле или живущих под землей и в воде; характерно, что к этому же миру относятся и насекомые, червеобразные личинки, которые отождествляются с самими насекомыми.

Для обозначения способа передвижения существ 'Верхнего мира' — полета — в индоевропейском используется основа ***p**[*h*]**et**[*h*]-: греч. πέτομαι 'лечу', др.-инд. *pátati* 'он летит', лат. *petō* 'стремлюсь', 'устремляюсь', 'направляюсь', хет. *pittai-* 'бежать', 'спешить', 'лететь' (с переносом значения). От нее образуются производные основы на *-r/-n-* со значением 'перо', 'крыло', 'полет':

Хет. *pattar*, *род. пад. pattanaš* 'крыло', греч. πτερόν 'перо', 'крыло' (ср. арм. *t'ir* 'полет', др.-инд. *patará-* 'летящий', авест. *pataraṇta-* 'летящий'), др.-в.-нем. *fedara* (нем. *Feder*) 'перо', др.-англ. *feðer* (англ. *feather*), лат. *penna* 'перо', 'крыло'.

В некоторых отдельных диалектах слово принимает значение 'птицы': др.-ирл. *én* 'птица', др.-валл. *eterin* 'птица' и др.

В значении 'лететь', 'летящий' данная основа выступает также в сложном слове: др.-инд. *āśu-pátvan-* 'быстролетящий' (в "Ригведе" *āśupátvā śyenás* 'быстролетящие соколы'), греч. ὠκυ-πέτης 'быстрый' (буквально: 'быстролетящий'), лат. *accipiter* 'ястреб', др.-рус. *ястрѣбъ*, рус. *ястреб* (ср. об этом сопоставлении *Пизани 1975 : 161*; из первоначального 'быстролетящий'): и.-е. ***ōḱ**[*h*]**u-p**[*h*]**(e)t**[*h*]**-er-** (ср. ***ōḱ**[*h*]**u-** 'быстрый': греч. ὠκύς 'быстрый', др.-инд. *āśú-*, авест. *āsu-* и др.)[1].

[1] Латинскую форму следует объяснить как результат преобразования последовательности *-*ḱ*[*h*]*u̯*- > *-kk-* с последующим развитием гласного *i* для разъединения групп сог-

1.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ОРЛА»

Среди обитателей 'Верхнего мира' — 'птиц' особой ритуально-культовой значимостью выделяется 'орел':

***He/or-** : хет. *ḫaraš*, *род. пад. ḫaranaš* 'орел', пал. *ḫaraš* 'орел', греч. ὄρνις, *род. пад.* ὄρνιθος 'птица', мик. греч. *o-ni-ti-ja-pi* 'птичьей' (*Risch 1976 : 313*)[1], лит. диал. *arẽlis*, *erẽlis* 'орел', латыш. *èrglis*, прус. *arelie* (=*arelis*), ст.-слав. *орѣлъ*, рус. *орел*; гот. *ara*, др.-исл. *ari*, др.-в.-нем. *aro* (нем. поэт. *Aar*), ср.-в.-нем. *adel-ar* (нем. *Adler*), буквально: 'благородный орел', др.-англ. *earn*, др.-ирл. *irar* 'орел', ср. арм. *oror* 'коршун', 'чайка' (с переносом значения).

1.3. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ОРЛА В ДРЕВНЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ. СВЯЗЬ «ОРЛА» С «МОРЕМ»

В индоевропейской традиции, отражаемой в древнеиндийской и древнеисландской мифологиях, 'орел' всегда находится на вершине 'Мирового дерева' (*Wilke 1922*). В древнегерманских традициях 'орел' выступает наряду со священными животными — 'волком' и 'медведем' в качестве наиболее важной в культовом отношении 'птицы'; при этом 'орел'— один из трех священных животных загробного мира — 'Вальгаллы' (*Beck 1965 : 9, 97* и др.).

В хеттской традиции, начиная с самых ранних текстов, 'орел' выступает как главная ритуальная птица, сопоставляемая по значимости со 'львом'. В приводимом выше (стр. 508_3) древнехеттском ритуале KUB XXIX 1 царю "глаза орлиные сделали, зубы же ему львиные сделали". В архаической песне богу П и р в а (Bo 6483) к этому богу посылают 'орла' (*ḫaranan*) из города *Ḫaššiua-* (буквально: 'Царского города'). 'Орел' служит часто посланцем богов, который долетает до 'моря' и приносит оттуда вести. Этот мотив повторяется в древнехеттском ритуале "Очищения царской четы" (*Otten/Souček 1969*), в мифе о Телепину и особенно ясно выступает в указанном выше ритуале KUB XXIX 1, где говорится: (I, 50) *nu* ^{GIŠ}DAG-*iz* Á^{MUŠEN}-*an ḫal-za-a-i e-ḫu-ta a-ru-na pi-e-i-mi*... "и Трон орла призывает: Иди! Тебя я к морю посылаю!".. Возвратившись, 'орел' сообщает, что он 'видел' (*šuuaiaun*) "нижних прежних богов" (*katterreš karuileš* DINGIR^{MEŠ}), по-видимому, 'прежних богов', низверженных в преисподнюю[2].

ласных: *akkpter> accipiter. Славянская форма в виде *(*j*)*asŭ-str-ębŭ-* закономерно выводится из того же исходного архетипа при развитии -*p*$^{[h]}$*l*$^{[h]}$*r*- > -*str*-, как и в ряде других случаев (ср. рус. *стрый*, *Стрибогъ*).

[1] В греческом наблюдается семантическое расширение значения 'орел'→'птица' (в родовом значении уже у *Гомера*). Любопытно, что родовое индоевропейское название 'птицы' приобретает в греческом значение 'орел' (*αἰετός*). В данном случае налицо результаты процесса "обмена" видовым и родовым значениями семантически соотносимых лексем; ср. аналогичные случаи семантического расширения значений: 'лев'→'зверь' (тох. A lu), 'лосось'→'рыба' (тох. B laks).

[2] Аналогичные мотивы встречаются в ведийском "Гимне орлу" (*śyená-*), который 'знал все поколения богов' (*avedam aháṁ devánāṁ jánimāni víśvā*, "Ригведа", IV 27, 1) и который приносит священный напиток — 'сому' с неба для бога Индры.

Такая связь 'орла' с 'морем' и вообще с 'водой' является, вероятно, общеиндоевропейским мифологическим мотивом, что отражается в архаичных типах гидронимических и топонимических названий в разных индоевропейских традициях, связывающих название 'орла' с названием 'моря', 'воды', 'потока'. Это прежде всего древнехеттское название города ^{URU}*ḫa-ra-aš-ḫa-pa-aš* 'Город Орлиной Реки' (KBo III 54 B 13, *Watkins 1973a: 84*), находящее точное этимологическое соответствие в таких топонимических названиях, как центральноевропейское кельто-иллирийское *Arlape* (позднейшее *Erlaf*), *Топоров 1975-, I: 102*.

Любопытно, что в латинском само название 'орла' *aquila* этимологически увязывается с названием 'потока', 'моря', 'воды': ср. лат. *aqua*, гот. *ahva* 'река', др.-англ. *ēagor* 'море', 'поток' и др. В данном случае, очевидно, налицо табуирование древнего названия 'орла' по признаку птицы, связываемой с 'морем', 'водами'[1]; отсюда же, вероятно, можно объяснить значение арм. *ororˊ* 'чайка'.

1.4. *ТАБУИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ НАЗВАНИЯ «ОРЛА» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ*

Табуистические замены древнего названия 'орла', объясняемые его особой культово-ритуальной значимостью в индоевропейской традиции, наблюдаются и в других древних индоевропейских диалектах, как, например, в индо-иранском, где возникает несколько параллельных форм со значением 'орел':

Др.-инд. *śyená-* 'орел', 'сокол', авест. *saēna-* 'крупная хищная птица', возможно, 'орел' (по признаку темносерого цвета от основы **k̑[h]i̯ē-*: др.-инд. *śyāvá-* 'темно-коричневый', 'темный', авест. *syāva-* 'черный', перс. *siyāh*, рус. *сивый*, *синий*);

В раннем древнеиндийском уже в "Ригведе" при слове *śyená-* выступает эпитет *ṛjipyá-* 'быстролетящий', которому соответствует основное иранское обозначение 'орла' в иранских языках[2], возникшее, очевидно, из древнего эпитета 'орла': ἄρξιφος· ἀετὸν παρὰ Πέρσαις 'орел у персов' (*Гесихий*), ср. авест. *ərəzifya-* 'орел', пехл. *āluh*<**arduf*, перс. *āluh*. Этот же древний индоевропейский эпитет 'орла' лежит в основе арм. *arcui* 'орел' (*Hübschmann 1897* [*1972*]: *424—425*; *Ачарян 1971, I: 319—320*; *Greppin 1978: 45 и след.*; *Туманян 1978: 194*), вошедшего позднее и в грузинский язык: *arc'iv-i* 'орел'. С этой формой увязывается и название коня урартского царя Менуа *Arṣibini* (*Меликишвили 1960: 204—205*; *Lamberterie 1978: 251—262*).

[1] При такой этимологической интерпретации лат. aquila 'орел' латинские формы aquilō 'северный ветер', aquilus 'темно-коричневый, коричнево-черный' следует рассматривать как производные от aquila 'орел', но не наоборот (ср. *Pokorny 1959: 23*; *Tovar 1973: 77—82*).

[2] К другим индо-иранским эвфемистическим обозначениям 'орла' ср. осет. cærgæs 'орел', первоначально: 'коршун', 'хищная птица', буквально: 'куроед', согд. crks 'хищная птица', авест. kahrkāsa-, перс. kargas 'коршун' (*ср. Абаев 1958, I: 302—303*).

2. «ЖУРАВЛЬ»

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЖУРАВЛЯ»

Общеиндоевропейское слово от основы ***k'er-**, возможно, звукоподражательного происхождения (ср. др.-инд. *járate* 'звучит', 'издает шум'):

Греч. γέρηv, γέρανος 'журавль', арм. *krunk*, осет. *zyrnæg* 'журавль', лит. *gérvė*, латыш. *dzērve*, прус. *gerwe*, рус. *журавль*, др.-в.-нем. *kranuh* (нем. *Kranich*), др.-англ. *cranoc*, лат. *grūs*, *род. пад. gruis* 'журавль'.

Ввиду наличия соответствующих слов в греческом и армянском, отсутствие родственного слова со значением 'журавль' в древнеиндийском следует объяснить его позднейшей утерей.

3. «ВОРОН», «ВОРОНА»

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ВОРОНА». КАК ОБОЗНАЧЕНИЕ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Со звукоподражательной основой ***k'er-** соотносится, по-видимому, основа ***k$^{[h]}$er-/*k$^{[h]}$or-/*k$^{[h]}$ṛ-**, также звукоподражательного характера, представляющая общеиндоевропейское слово со значением 'ворон':

Др.-инд. *karaṭa-* 'ворона' (?), *karāyikā* 'вид журавля', осет. *xalon* 'ворона' (*Абаев 1949, I : 50*), греч. κόραξ 'ворон', κορώνη 'ворона', κόραφος · ποιὸς ὄρνις 'некая птица' (*Гесихий*), лат. *coruus* 'ворон', *cornix* 'ворона', умбр. *curnaco* 'cornicem', 'ворону'.

В качестве некоторой фонетической инновации, образованной от основы ***k$^{[h]}$or-n-**, следует рассматривать форму на начальный ***ṷ-**, представленную в балто-славяно-тохарском (характерные для многих животных звуковые колебания типа ***k$^{[h]}$ṛ-m- ~ *k$^{[h]0}$ṛ-m ~ *ṷṛ-m-**, см. выше, стр. 527):

Лит. *várna*, прус. *warne* 'ворона', рус. *ворона*, тох. В *wraiña* 'ворона' (*Трубачев* apud *Фасмер 1964—1973, I : 353*).

В некоторых индоевропейских традициях, особенно германской, 'ворон' по своей культовой значимости сближается с 'орлом', в частности как священная птица Вальгаллы (*Beck 1965 : 9 и след.*). При этом название 'ворона', с которым связываются сакральные традиции, фигурирует в большом числе названий, относящихся к культовому и возвышенно-поэтическому языку[1]. Характерно, что именно в германском древнее, по-видимому, общеиндоевропейское название 'ворона' заменяется на производное от корня ***k'er-**, лежащего в основе общеиндоевропейского названия 'журавля': др.-англ. *crāwe* 'ворона' (англ. *crow*), др.-в.-нем. *krā(w)a* (нем. *Krähe*) 'ворона', др.-исл. *kráka* 'ворона', *krákr* 'ворон'[2].

[1] Отголоски этой древней культовой символики 'ворона' слышны в романтической литературе нового времени, в частности у английских и немецких романтиков (ср. "Ворон" Эдгара По, баллады Роберта Саути и др.).

[2] В новых западногерманских языках название 'ворона' подвергается, очевидно, вторичной табуистической замене: нем. Rabe, англ. raven 'ворон'.

4. «ДРОЗД», «СКВОРЕЦ», «ВОРОБЕЙ»

4.1. ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПТИЦ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Обозначение 'дрозда' или 'скворца', восстанавливаемое в виде нескольких звукоподражательных вариантов, засвидетельствовано в "древнеевропейских" диалектах: лат. *turdus* 'дрозд', ср.-ирл. *truit*, *druit* 'скворец', др.-исл. *þrǫstr* 'дрозд', др.-в.-нем. *droscala* (нем. *Drossel*), др.-англ. *ðrysce* (англ. *thrush*), прус. *tresde*, лит. *strãzdas*, латыш. *strazds* 'дрозд', *mẹlnais strazds* 'скворец', буквально: 'черный дрозд', *Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, III : 1083*), рус. *дрозд*.

С этой же основой, вероятно, соотносится греч. στρουθός 'воробей'. В таком случае различие значений заставляет предположить семантическую инновацию, давшую значение 'дрозд' для "древнеевропейской" группы диалектов.

Сходные значения 'воробей', 'скворец', выражаемые другой основой ***sp**$^{[h]}$**er-k'-** обратным образом распределены по историческим диалектам: ср. греч. σπαράσιον· ὄρνεον ἐμφερὲς στρουθῷ (*Гесихий*), эпич. ψήρ 'скворец', гот. *sparwa* 'воробей', др.-англ. *spearwa* (англ. *sparrow*), др.-в.-нем. *sparo* (нем. *Sperling*) 'воробей', др.-исл. *sporr* 'воробей'.

5. «ТЕТЕРЕВ», «ГЛУХАРЬ»

5.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ТЕТЕРЕВА»

Редуплицированная основа звукоподражательного происхождения ***t**$^{[h]}$**et**$^{[h]}$**(e)r-** представлена во всех основных группах индоевропейских диалектов[1]:

Др.-инд. *tittirá-* 'куропатка', перс. *taʧarv* 'фазан', арм. *tatrak* 'горлица', греч. τετράων 'глухарь', прус. *tatarwis* 'тетерка', 'самка тетерева', лит. *teterà*, латыш. *teteris* 'тетерев', рус. *тетерев*, др.-исл. *þiðurr* 'глухарь', ср. от той же основы ср.-ирл. *tethra* 'ворона'.

При архаичности самого названия и его общеиндоевропейского характера не представляется возможным определить точно первоначальное значение слова и вид обозначаемой птицы. С учетом большинства исторически засвидетельствованных значений можно предположить древнее значение 'тетерев' или 'глухарь', 'фазан' (?).

6. «ДЯТЕЛ», «МАЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА», «ЗЯБЛИК»

6.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ДЯТЛА»

Общеиндоевропейская основа ***(s)p**$^{[h]}$**ik**$^{[h]}$**o-**, дающая закономерные соответствия по основным древним индоевропейским диалектам:

Др.-инд. *piká-* 'индийская кукушка', лат. *pīcus* 'дятел', *pīca* 'сорока',

[1] Наряду с нормальным удвоением в некоторых названиях птиц звукоподражательного происхождения встречается и интенсивное удвоение типа ***e/op**$^{[h]}$**op**$^{[h]}$**-**: греч. ἔποψ, *род. пад.* ἔποπος, лат. *upupa* 'удод', лит. *pupùtis*, латыш. *pupuķis*, *pupiķis* 'удод'.

умбр. *peico*, *вин. п.*, 'picum', 'дятла', др.-в.-нем. *speh*, *spehi* (нем. *Specht*), др.-исл. *spætr* 'дятел', прус. *picle* 'дрозд'.

Табуирование древнего названия 'дятла' в славянском с заменой его архаическим производным от индоевропейского ***t'ent**$^{[h]}$- 'зуб' (слав. **dętĭlŭ* дословно: 'зубатый', рус. *дятел*, сербо-хорв. *djȅtao*, польск. *dzięcioł*, ср. *Фасмер 1964—1973, I : 562*) указывает на ритуальную значимость этой птицы в древней традиции. Действительно, в древнеримской традиции 'дятел' выступает наряду с 'волком' как одно из главных священных существ (*Dumézil 1966 : 201* и др.).

6.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «МАЛЕНЬКОЙ ПТИЧКИ», «ЗЯБЛИКА»

С основой ***(s)p**$^{[h]}$**ik**$^{[h]}$**o**- со значением 'дятел' соотносится, вероятно, звукоподражательная основа с глоттализованной согласной ***(s)pink'o**-, символизирующая 'маленькую птичку'[1]. Общее между различными значениями производных от этой основы в разных диалектах ('зяблик', 'воробей') — это употребление слова в значении 'птицы маленького размера':

Греч. **σπίγγος, σπίζα** 'зяблик', др.-в.-нем. *fincho* (нем. *Fink*) 'зяблик', др.-англ. *finc* (англ. *finch*), швед. *spink*, *spikke* 'маленькая птичка', 'воробей'. От той же основы образовано название 'хищной птицы', нападающей на 'зяблика' и 'воробья': греч. **σπιζίᾱς** 'ястреб', др.-инд. *phiṅgaka*- 'хищная птица с раздвоенным хвостом'.

7. «ГУСЬ», «ВОДЯНАЯ ПТИЦА», «ЛЕБЕДЬ», «УТКА»

7.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ГУСЯ» — «ЛЕБЕДЯ»

В отличие от рассмотренных выше названий птиц, основанных на ономатопоэтических образованиях (по характерным крикам или звукам, издаваемым этими птицами), общеиндоевропейское название 'лебедя', 'гуся' не принадлежит явным образом к типу слов звукоподражательного или описательного характера[2].

Основа восстанавливается в форме ***ĝ**$^{[h]}$**ans**- с первичным вокализмом ***a**: др.-инд. *haṁsá*- 'дикий гусь', 'лебедь', согд. *z'γ* 'вид птицы', греч. *χήν*, *род. пад.* *χηνός* 'гусь', лит. *žąsis* 'гусь', латыш. *zùoss*, прус. *sansy*, рус. *гусь*, лат. *ānser* (из **hanser*) 'гусь', др.-ирл. *géiss* 'лебедь', др.-в.-нем. *gans*, др.-англ. *gōs*, др.-исл. *gás* 'гусь'.

[1] Такая семантическая интерпретация этих звукоподражательных обозначений птиц подкрепляется типологией звуковой символики, при которой глоттализованные звуки в противоположность неглоттализованным символизируют малые размеры, ср. *Гудава 1958*; *ср.* также *Jakobson/Waugh 1979 : 204*.

[2] Ср., однако, возможность связать корень слова в конечном счете с основой ***g**$^{[h]}$**ag**$^{[h]}$**a**-, отражающей специфический крик гусей, ср. др.-ирл. gigren 'гусь' при ср.-в.-нем. gāgen 'кричать как гусь', рус. *гоголь* 'вид дикой утки', прус. gegalis 'мелкий нырок', ср. хет. kallikalli- 'сокол' (*Трубачев* apud *Фасмер 1964—1973, I : 425*).

Восстанавливаемое слово для индоевропейской общности обозначает именно 'дикого гуся', 'лебедя', что явственно прослеживается в древнеиндийских значениях слова *haṁsá-*. Одомашнивание 'гуся' последовало, очевидно, за периодом распада индоевропейского языка на отдельные диалекты[1].

В древнеиндийской традиции 'дикий гусь' (*haṁsá-*) приравнивается функционально к культово-значимым диким животным. Согласно "Ригведе" слово *haṁsá-* относится к 'водяной птице' с черной спинкой, летающей стаями, с которой сравниваются божества (Ашвины) и их кони, летящие по небу; слово часто употребляется в "Ригведе". 'Дикий гусь' - 'лебедь' продолжает играть существенную культовую роль и в позднейшей индийской традиции: он считается священным и принадлежит к числу атрибутов Брахмы.

От индоевропейского корня ***e/ol-*** с общим значением 'водяная птица' (ср. греч. ἐλέᾱ 'небольшая болотная птица') "древнеевропейские" диалекты образуют позднее два новых названия для 'лебедя', распределенные по диалектным ареалам: кельто-италийское (корн. *elerch*, ср. др.-ирл. *elae*, лат. *olor* 'лебедь') и германо-славянское (др.-исл. *elptr*, др.-в.-нем. *albiz*, рус. *лебедь*, *Порциг 1964 : 153, 215*).

7.2. *ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ДИАЛЕКТНОЕ НАЗВАНИЕ «УТКИ»*

В сравнительно поздний период, уже в эпоху существования отдельных индоевропейских диалектов, была одомашнена и 'утка', общеиндоевропейское название которой ***anḪt**[h]-* восстанавливается в значении 'дикой утки':

Др.-инд. *ātí-* 'водяная птица', хотано-сакск. *āce*, *āci* 'водоплавающая птица', осет. *acc* 'дикая утка', памир. вахан. *yōč* 'утка' (*Абаев 1958, I : 27*), греч. νῆσσα, беот. νᾶσσα 'утка', лит. *ántis* 'утка', прус. *antis* (*Топоров 1975-, I : 95—96*), рус. *ýть*, *утка*, *утва*, лат. *anas*, *род. пад. anatem* (*anitem*), др.-в.-нем. *anut* (нем. *Ente*), др.-англ. *æned* 'утка'.

[1] Характерно, что производные от основы **ĝ[h]ans-* все еще сохраняют в отдельных индоевропейских диалектах значение 'дикой птицы', ср. лит. gañdras 'аист', прус. gandarus 'аист', др.-англ. ganot 'дикая водяная птица' (в древнеанглийской поэме "Мореплаватель", 20), англ. gannet.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ». ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ЖИВОТНЫХ И ИХ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

I. «ЖИВОТНЫЕ», РИТУАЛЬНО БЛИЗКИЕ К «ЧЕЛОВЕКУ»

1. «КОНЬ», «ЛОШАДЬ»

1.1. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «КОНЯ», «ЛОШАДИ»

Общеиндоевропейское название 'коня', 'лошади' **ek̂[h]u̯os* (без формального различения мужского~женского рода) засвидетельствовано во всех древних индоевропейких диалектах:

Иер. лув. *á-sù-wa* 'конь' (Каратепе, 41 и след.), *им. пад. мн. ч. á-sù-wa-i* 'конь' (ср. лик. *esbe-di* 'конница'), *Laroche 1960, I : 62*;

Митаннийское арийское ^{LÚ}*a-aš-šu-uš-ša-an-ni* 'лошадиный тренер', соотносимое с др.-инд. *aśvá-sani-* 'конюх' (буквально: 'человек, приобретающий лошадей'), *Kammenhuber 1961 : 6 и др.*; *Mayrhofer 1956, I : 62*;

Др.-инд. *áśva-*, авест. *aspa-*, др.-перс. *asa-* 'конь', согд. *'sp-*, вахан. *yaš*, осет. *jæfs*;

Греч. мик. *i-qo* 'конь', 'лошадь' (*Ventris/Chadwick 1973 : 548*; *Morpurgo 1963 : 115*), греч. гом. ἵππος 'конь', 'лошадь' (с удвоенным -ππ- < **-k̂[h]u̯-*, см. выше, стр. 102);

Венет. *eku-* в термине *ekupetaris* (по-видимому, первоначально: 'колесничий', *Pulgram 1976*);

Лат. *equus* 'конь';

Др.-ирл. *ech*, галл. *epo-* 'конь' (в именах типа *Epo-na* 'muliōnum dea', 'богиня возничих', то есть 'конская богиня', *Holder 1961—1962, I : 1458 и след.*);

Др.-англ. *eoh* 'конь', др.-исл. *jór*, гот. *aihva-* 'конь', 'лошадь' (*Feist 1923 : 15*);

Тох. А *yuk*, В *yakwe* 'конь', 'лошадь';

В отдельных диалектах возникают специальные формы женского рода: др.-инд. *áśvā*, авест. *aspā-*, лат. *equa*, лит. *ešvà*, *ašvà* 'кобыла' (*Fraenkel 1962—1965, I : 20*)[1];

[1] В двух группах индоевропейских языков — славянском и армянском — не обнаруживаются названия 'коня', 'лошади' от этой основы, что может объясняться заменой его другими словами. Следы старого названия можно было бы видеть в некоторых славянских топонимах типа *Освица, Освея, Осовка* (*ср. Топоров 1975-, I : 137*). В армянском след общеиндоевропейской основы видят в форме *eš* 'осел' (*Watkins 1970*; ср. *Топоров 1975-, I: 137*, с указанием литературы; *Lamberterie 1978 : 262—266*), тогда как арм. ji 'лошадь',

В ряде диалектов (в греческо-арийской группе) засвидетельствованы древние производные на *-i̯o- от корня *eḱ[h]u̯-: греч. мик. *i-qi-ja* 'колесница', греч. ἵππιος 'выезжающий на колеснице' (о боге) (гом. ἱππιο-χάρμης 'воин на колеснице'), ср. греч. мик. *i-qe-ja* 'конский' (греч. ἱππεία), др.-инд. *áśviya-* 'конский', 'лошадиный', авест. *aspya-*.

Другое древнее производное на *-n-* выступает в лат. *equinus* 'конский' (ср. умбр. *ekvine*), лит. *ašvienis* 'рабочая лошадь', прус. *aswinan* 'кобылье молоко', 'кумыс', др.-инд. вед. *áśvin-* 'имеющий лошадей'.

К общеиндоевропейской эпохе можно отнести и некоторые названия частей тела коня, восстанавливаемые на основании показаний ряда древних индоевропейских диалектов: ср. др.-инд. *mányā* 'край уха коня' (*O'Flaherty 1978 : 476*), лат. *monīle* 'конская грива', др.-в.-нем. *mana* 'грива' (нем. *Mähne*); к более узкому, диалектно ограниченному кругу слов можно отнести обозначение 'конской гривы', восстанавливаемое на основании сопоставления др.-инд. *grīvā́* 'грива на шее коня' с общеславянским **grīvā̃* (рус. *грива*, сербо-хорв. *grȉva*, чеш. *hříva* и др.).

1.2. РОЛЬ «ЛОШАДИ» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. «ЛОШАДЬ» В ДРЕВНЕХЕТТСКОЙ ТРАДИЦИИ. ЕЕ ВОЕННО-ТРАНСПОРТНАЯ, КУЛЬТОВАЯ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Особое военно-транспортное, ритуально-культовое и хозяйственное значение 'лошади' у индоевропейцев можно установить по самым ранним источникам, относящимся к каждой из древних индоевропейских традиций.

Самое раннее упоминание 'лошади' в текстах на древних индоевропейских языках содержится в надписи Анитты (начало II тысячелетия до н. э.), в которой говорится о численности воинов и 'лошадей', (шумерограмма ANŠE.KUR.RA$^{\text{HI.A}}$, оборотная сторона, 70) и далее об 'упряжках', по-видимому, запряженных лошадьми (*Гиоргадзе 1965 : 93*; *Neu 1974*)[1].

Особая ритуальная значимость 'лошади' в древнехеттской традиции явствует как из рассмотренного выше (стр. *482*) культово-правового статуса 'лошади', отраженного в "Хеттских законах", так и из следов жертвоприношений 'лошадей', отраженных в хеттских ритуалах (ср. KUB XXIX 56 II—12, где 'лошади' упоминаются в связи с жертвоприношением — глагол *šipant-* 'совершать жертвоприношение, возлияние').

род. пад. jioy увязывают с ведийским поэтическим словом *háya-* 'конь', восходящим, вероятно, к индоевропейскому описательному образованию от корня **ǵ[h]ei̯-* (*Pokorny 1959 : 424*).

[1] Хеттское чтение шумерограммы ANŠE. KUR.RA 'лошадь' неизвестно, однако приведенная выше лувийская иероглифическая форма свидетельствует о наличии индоевропейской лексемы 'лошадь' уже в анатолийском.

Индоевропейские истоки древнехеттских представлений, связанных с культом 'лошади', отчетливо обнаруживаются при сравнительном изучении древнехеттского божества *Piryа-*, изображавшегося на 'лошади' (*Otten 1951*; *Cornil/Lebrun 1972 : 13—14*). Это древнехеттское божество сопоставляется с божествами, носящими этимологически тождественные имена и связанными с 'культом лошади' в других индоевропейских традициях.

Особая значимость древнехеттских данных, относящихся к 'лошади', определяется тем, что они отражают определенный хронологический уровень в использовании 'лошади' в военной и культовой сферах.

1.3. КОНЕВОДСТВО И МИТАННИЙСКИЕ АРИЙЦЫ

Качественно новый этап в развитии коневодства в древней Малой Азии наступает в середине второго тысячелетия до н. э., когда хетты знакомятся с методами тренировки и ухода за лошадьми, впрягавшимися в легкие двухколесные боевые колесницы. Такие методы практиковались в это время в государстве Митанни, находившемся восточнее и юго-восточнее Хеттского царства — в верховьях Евфрата и на севере Месопотамии.

Описание этих новых методов коневодства сохранилось в известном "Трактате митаннийца Киккули об уходе за лошадьми" и в некоторых других аналогичных текстах (*Kammenhuber 1961*; *1968*). Употребление в этом тексте целого ряда специальных терминов, интерпретируемых на основании арийского, позволяет судить об исключительно высоком уровне коневодства у арийцев.

В качестве арийских слов в хеттском трактате Киккули интерпретируются, кроме приведенного выше *aššušanni* 'конюх' (ср. др.-инд. *aśvásani-*), также и следующие коневодческие термины (*ср. Kammenhuber 1961*; *Mayrhofer 1966*; *1974*):

Сложные слова для обозначения нечетного числа 'поворотов лошади' по манежу (*ḫašanna* 'стадион')[1]:

aiḫka-ḫartanna 'один поворот': *nam-ma-aš* 20 IKU$^{HI.A}$ *a-i-ka-ḫa-ar-ta-an-na pár-ḫa-i* "затем их (коней) 20 полей одним поворотом заставляет бежать" (KUB I 13 II 1, 17 и 22). Сложное слово *aiḫkaḫartanna* разлагается на составные части *aiḫka-* 'один' (ср. др.-инд. *éka-* при авест. *aēva-*, др.-перс. *aiva-* 'один') и *-ḫartanna* 'поворот' (ср. др.-инд. *vártate* 'поворачивается', вед. *vartan-í-* 'колея', 'путь', 'прокатывание', *Grassmann 1873 : 1223*; осет. *æwwærdyn* 'тренировать лошадь', *Bailey 1957 : 64*)[2]; ср. соответствую-

[1] Сама форма ḫašanna 'стадион', 'манеж' также арийского происхождения: ср. согд. 'nxr-wzn 'круг Зодиака', 'путь (wazana) звезд' (*Benveniste 1962a: 9*), ср. др.-инд. váhana- 'животное (на котором ездят боги)', др.-англ. wægn 'повозка', нем. Wagen, и.-е. *$ueǵ^{[h]}$-.

[2] Структурно идентичное сочетание в древнеиндийском ekavṛt- употребляется в несколько ином значении: 'единственный' (в "Атхарваведе"); ср., однако, др.-инд. āvarta- в значении 'завитка конской гривы' (*O'Flaherty 1978: 476*). Точное соответствие митаннийскому арийскому термину можно видеть в древнеиранском *Varta-aspa- 'тренирующий (буквально : поворачивающий) лошадей' (в клинописной аккадской передаче Ú-mar-

щее хеттское слово в том же трактате *цаḫпицар* 'поворот', форма инфинитива от глагола *цаḫпи-* 'поворачивать';

ter(a)-цartanna 'три поворота': ср. др.-инд. *tri-* в сложных словах (*tri-pád-* 'треногий'), авест. *θri-*, и *tráya-* в сложных числительных (др.-инд. *tráyodaśa-* 'тринадцать', ср. лат. *tredecim*), авест. *θrayō*. Митаннийская арийская форма ближе к индо-иранской форме в сложных числительных;

panza-цartanna 'пять поворотов': ср. др.-инд. *páñca* 'пять', авест. *panča* 'пять';

šatta-цartanna 'семь поворотов': ср. др.-инд. *saptá*, авест. *hapta* 'семь';

na-цartanna 'девять поворотов': ср. др.-инд. *náva*, авест. *nava* 'девять'. Митаннийское арийское слово объяснимо, очевидно, из **nацa-цartanna* с гаплологической утерей слога *-ца-*[1].

Судя по тексту коневодческого трактата и ряду других свидетельств, реконструируемый по этим фрагментам арийский диалект был языком живого общения для митаннийцев определенного социального слоя. Это видно из параллельного употребления и сочетания друг с другом хеттских и арийских слов, ср., например, такое хетто-арийское гибридное образование, как *anda цart-* 'поворачивать' и др.

При этом языком основной массы населения государства Митанни был неиндоевропейский хурритский язык, свидетельства о котором известны задолго до образования митаннийского государства — из других областей Ближнего Востока (*Laroche 1978*).

-ta-as-pa-, см. *Zadok 1975 : 247*). В древнеиранском же (авестийском, Yašt 5, 50) засвидетельствовано выражение nava frāθwərəsāma razurəm 'лес в девять кругов', относящееся к описанию конного состязания на колесницах (*Hauschild 1959*) и полностью совпадающее с митаннийским арийским коневодческим термином па-цartanna 'девять поворотов' (см. ниже).

[1] Анализ приводимых митаннийских арийских форм дает возможность судить с некоторым приближением об арийском диалекте, отраженном в этих формах. Это, очевидно, особый индо-иранский диалект, засвидетельствованный лишь подобными отдельными фрагментами в составе иноязычных клинописных текстов. Это — диалект, где не произошло еще стяжения дифтонгов, ср. дифтонг -ai- в форме aiка- 'один': др.-инд. eka- 'один', др.-перс. aiva-. С другой стороны, в этом же диалекте происходит ассимиляция комплекса -pt- > -tt-: ср. šatta- 'семь', при др.-инд. saptá, авест. hapta. Аналогичный процесс ассимиляции наблюдается лишь в средneиндийский период. К иранскому этот диалект примыкает по отражению в нем индоевропейской палатальной фонемы **ǵ[h]*: при древнеиндийском *h* митаннийский арийский обнаруживает ассибилированную фонему, передаваемую как *s*, что сближает этот диалект с иранским, где соответствующая фонема отражена в виде *z* — ср. митаннийское арийское цašanna 'стадион', 'манеж' при формально соответствующем др.-инд. váhana- и согд. wzn. Любопытно при этом, что некоторые из засвидетельствованных в митаннийском арийском слов семантически более близки к родственным иранским формам, нежели к индийским, ср. цašanna и согд. -wzn; -цartanna и осет. æwwærdyn.

Тем самым митаннийский арийский диалект не совпадает ни с одним из исторически засвидетельствованных индо-иранских диалектов и, судя уже по этим фрагментарным данным, восстанавливается в виде особого арийского (индо-иранского) диалекта со своеобразным отражением общеарийских форм. Можно утверждать, что уже к середине второго тысячелетия до н. э. внутри индо-иранского выделились отдельные диалекты, один из которых отражен в митаннийских арийских языковых фрагментах.

Следует заметить, что при столь высокой культуре коневодства в государстве Митанни, традиции которого переходят затем и к хеттам, эта культура привнесена именно арийским элементом, что и отражено в преимущественно арийской терминологии митаннийского коневодства[1].

Характерно, что сами хурриты до образования государства Митанни не пользовались широко лошадьми в военных и хозяйственных целях. Более того, в древнехурритской традиции основным транспортным животным были 'быки'; в хурритской поэме "Песнь об Улликумми" бог Грозы, готовясь к битве, впрягает в колесницу 'быков'. Даже в позднехурритских культовых изображениях начала первого тысячелетия бог Грозы представлен стоящим на легкой колеснице, в которую впряжен 'бык' (золотой сосуд начала I тысячелетия до н. э. из Хасанлу, см. *Haas 1975 : 92*).

В отличие от собственно хурритских данных все древнейшие свидетельства о ранних индо-иранских традициях говорят об исключительной культовой и военно-хозяйственной значимости лошадей.

(1.4.) *«КОНЬ», «ЛОШАДЬ» В ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ. КУЛЬТ КОНЯ В «РИГВЕДЕ» И «АШВИНЫ»*

Уже в "Ригведе" 'конь' выступает как одно из основных священных животных, с которым связаны божественные близнецы — "Ашвины", занимающиеся, в частности, уходом за лошадьми и лечением лошадей (*Dumézil 1966 : 278*). "Ашвины" передвигаются на колесницах, запряженных конями:

arvāñ tricakró madhuvāhano rátho jiráśvo aśvínor yātu súṣṭutaḥ
trivandhuró maghávā viśvásaubhagaḥ śáṁ na ā́ vakṣad dvipáde cátuṣpade (I, 157,3)

"Да подъедет поближе, когда ее прекрасно восславят, трехколесная, везущая мед колесница Ашвинов, запряженная быстрыми конями (jíráśvo)!
Трехместная, щедрая, полная всех благ, да привезет она счастье

[1] О наличии арийского элемента в митаннийской культурной традиции свидетельствует и митаннийский пантеон, включающий в качестве основных царских божеств богов с арийскими именами: Mitraššil, Uruvanašše, Indara, Našatiyanna. Эти имена божеств с хурритизированными окончаниями отождествляются с древнейшей системой индо-иранского пантеона, отраженного в ведийском соответственно божествами Mitrá-Váruṇa- 'Митра и Варуна', Índra- 'Индра', Nā́satyā 'Два Божественных Близнеца — Ашвины', ср. *Dumézil 1961*. Об этом же свидетельствует наличие в митаннийском ряда имен собственных, в том числе царских имен и имен особого социального слоя maryannu (интерпретируемого также на основе арийского: др.-инд. máṛya- 'молодой человек', 'молодой герой', ср. об этом подробнее ниже): ср., например, такие имена, как Mattiwaza при др.-инд. -máthi- 'разрушающий' (в сложных словах в "Ригведе"), и vā́ja- 'сила' (в том числе в "Ригведе" как вторая часть сложного слова типа citrá-vāja- 'обладающий исключительной силой') — предполагается сложное слово типа *mathi-vāja- 'обладающий разрушительной силой'; Tušratta при др.-инд. *tveṣá-ratha-* 'чья колесница мчится вперед' и др., ср. *Mayrhofer 1966; 1974*.

нашим двуногим и четвероногим"
(перевод *Елизаренковой 1972 : 168*)

В "Ригведу" наряду с гимнами богам включено несколько гимнов 'обожествляемым коням', называемым поименно (IV 38—40; VII 44; X 178). Божественный конь Эташа описывается в "Ригведе" как "везущий колесницу Солнца".

Особый интерес представляет ведийский погребальный гимн коню (X 56), в котором за славословием обожествляемому коню—победителю на скачках следует гимн 'небесным коням'.

Древнеиндоевропейский культ 'лошади', проявляющийся в ритуале приношения в жертву 'коня' (см. выше, стр. *482*), выступает уже в древнейших обрядах, которым посвящены специальные гимны "Ригведы" (I 162—163), ср. *Puhvel 1970a*. В этих гимнах жертвенному коню, приносимому в жертву у 'конского столба' (*aśvayūpá-*, I 162, 6), называются древнейшие боги ведийского пантеона, начиная с Митры, Варуны и Индры (I 162, 1)[1].

Этот ритуальный столб (*aśvayūpá-*) функционально отождествляется с 'Мировым деревом': др.-инд. *aśvatthá-*, буквально: 'дерево коня'. Такое название стражает древнее представление о 'Мировом дереве', к которому

Рис. 6. **Кони у 'Мирового дерева' (Минусинская котловина, юг Западной Сибири)**

привязан 'конь', ср. аналогичное название 'Мирового дерева' в "Эдде"—*Ygg-drasill*, буквально: 'стоянка коня Одина', иначе *askr Ygg-drasils* 'ясень коня Одина', *Штернберг 1936 : 118*; *de Vries 1957, II : 380 и след.* Таким образом, 'ритуальный конь', 'Мировое дерево', к которому конь привязан, и божества — 'божественные близнецы, покровители коня и 'Мирового дерева', входят в единый комплекс ритуальных и мифологических представлений, унаследованных древнеиндийской религией из общеиндоевропейской.

[1] Ср. в позднейшем архаическом ритуальном тексте "*Śatapatha-Brāhmaṇa*" (4, 2, 1 11 и след.): sa hi varūṇo yad aśvaḥ 'лошадь — это то, что принадлежит Варуне' (буквально: 'то, что Варуны', *род. пад.*).

1.5. «КОНЬ», «ЛОШАДЬ» В ДРЕВНЕИРАНСКОЙ ТРАДИЦИИ И ЕЕ РИТУАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

В древнеиранской традиции ритуальная значимость 'лошади' проявляется прежде всего в аналогичных древнеиндийским обрядах 'жертвоприношения лошади', устанавливаемых по письменным источникам и археологическим данным (см. выше, стр. *482*). Этот древний обряд 'жертвоприношения коня' до недавнего времени сохранялся в традициях, продолжающих скифские, ср. осетинский ритуал 'посвящения коня покойнику' *bæxfældīsyn* (*Абаев 1958, I : 435*). В осетинском сохранился и древнейший термин коневодства *æwwærdyn*, обозначающий 'тренировку лошади' (ср. выше о родственном митаннийском арийском *-ŭartanna*).

Свидетельством большой значимости 'лошади' в древнеиранской традиции является особая распространенность древнеиранских и среднеиранских имен правителей, которые содержат основу *aspa-* 'конь', 'лошадь': *Asparuk* (в греческой передаче Ἀσπαυρούχις), питиахш в Грузии II—III в. (*Церетели 1941*); арм. *Aspūrak* (*Justi 1895 : 47*), тюрко-болгар. *Asparuk* (*Абаев 1949, I : 157*), буквально: 'светлый конь' или 'имеющий светлых коней' из др.-иран. **aspa-* и **rauk-* 'свет', 'светлый'; Ἄσπαχος, *Išpakai*, скифский князь (*Vasmer 1923, I : 14, 34*); Βανάδασπος, царь сарматского племени языгов, др.-иран. **vanat-aspa-* 'победоконный' от *van-* 'побеждать' (*Vasmer 1923, I : 35*); **Ašta-aspa-* (Ἀστάσπης) 'имеющий восемь коней', **Vista-aspa-* (др.-перс. *Vištāspa-*), *Mayrhofer 1979 : 1/25, 1/97* и др.

1.6. «КОНЬ», «ЛОШАДЬ» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ. РИТУАЛЬНАЯ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «ЛОШАДИ»

В древнегреческой традиции, отражаемой уже в микенских текстах, 'конь' выступает как ритуально значимое животное, культ которого символизируется особым женским божеством, именуемым в микенском *po-ti-ni-ja i-qe-ja* (буквально: 'конская госпожа', 'госпожа коней': *Potniāi hiqueiai* = Πότνια ἱππεία, *dat. pad.*, *Lejeune 1958*; *ср. Ventris/Chadwick 1973 : 483, 548*). Интересно, что на Балканах, в современной Хорватии обнаружено микенское изображение женского божества, сидящего на коне (*Levi 1951, рис. 4а*)[1].

С конями связывается и микенское название колесницы *i-qi-ja* (греч. ἵππιος, ср. гом. ἱππιο-χάρμης 'воин на колеснице'), что указывает на использование 'лошадей' как упряжных животных в легких боевых колесницах; изображения коней (часто двух), впряженных в легкие бое-

[1] Это микенское изображение божества верхом на лошади и микенские статуэтки всадников (*Блаватская 1966 : 80*) представляют собой одно из ранних иконографических свидетельств езды верхом на лошади. В этой связи представляет интерес и то, что хеттское божество на лошади Pirŋa- в новохеттский период отождествляется с хурритской Иштар — мужским и женским божеством на коне (*Cornil/Lebrun 1972 : 13—14*). Эти женские образы божества на коне можно рассматривать как некоторый прототип женщин-наездниц, "амазонок" в греческой мифологии, которых традиция связывала с Малой Азией (*Leonhard 1911*).

вые колесницы, является излюбленным мотивом микенского изобразительного искусства, в частности в барельефах надгробий микенских басилеев-царей. Для микенского периода характерно и использование колесных повозок для перевозки товаров и продуктов.

Археологические данные свидетельствуют о некоторых пережитках индоевропейского погребального обряда жертвоприношения 'лошади' у микенских греков: костяк лошади обнаружен в склепе в некрополе Пронойи (*Блаватская 1966 : 80*, примеч. *87*; *1976 : 96*).

С этими данными согласуется в микенском и наличие собственных имен, образованных от *i-qo-* 'конь' (ср. позднейшие греческие имена того же типа, *Lejeune 1958 : 289*).

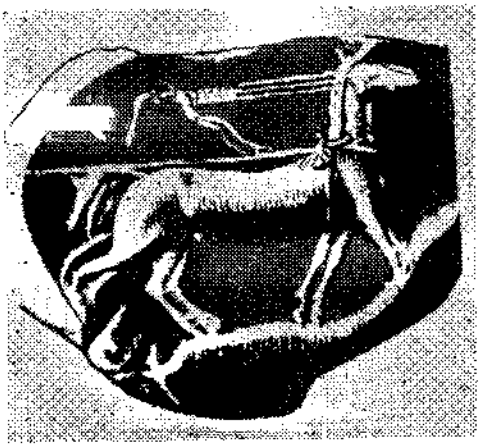

Рис. 7. **Минойская печать с изображением запряженной лошади (Агия Триада, Крит, II тыс. до н. э.).**

Высокая культура коневодства в микенской Греции сказывается и в наличии особых терминов для 'молодых коней', 'жеребят': мик. греч. *po-ro* (греч. πῶλοι) 'жеребята', соответствует закономерно гот. *fula*, др.-исл. *foli*, др.-англ. *fola* (англ. *foal*), др.-в.-нем. *folo* (нем. *Fohlen*, *Füllen*) 'жеребец', алб. *pélë* 'кобыла'.

'Лошадь' и связанный с ней комплекс ритуально-культовых представлений в ареале критомикенской культуры увязывается именно с индоевропейским греческим этническим элементом. Характерно, что 'лошадь' и ее культ отсутствовали на Крите до середины второго тысячелетия до н. э., где преобладал культ 'быка' как священного животного. Появление самой 'лошади' на Крите относится к позднемикенскому периоду, то есть ко времени появления на острове греков. Любопытно, что на одной из критских печатей этого периода изображена перевозка лошади, погруженной на корабль (*Пендлбери 1950 : 240*).

У Гомера сохраняются еще архаические формулы, приравнивающие 'быстрого коня' к 'птице' и этимологически совпадающие с индо-иранскими, ср. гом. греч. ὠκέες ἵπποι 'быстрые кони' (11 раз у Гомера) при вед. *áśvā āśávaḥ* 'быстрые кони' (*āśúm áśvam*, "Ригведа', I 117, 9; VII 71, 5), авест. *āsu.aspa-* 'владеющий быстрыми конями' (ср. *Schmitt 1967: § 493 и след.*)[1].

[1] Ср. в венетском отражение образа коня как птицы в сочетании ekvopetaris, отождествляемом с др.-инд. aśvapatara- 'конь-летящий', *Prosdocimi 1972 : 222*. Ср. также частый в "Ригведе" образ 'орлов', впряженных в колесницы и приравниваемых, таким образом, к 'коням'. Сюда же относится типологически называние коня 'орлом' в урартском, см. выше, стр. 539.

В классической греческой традиции при сохранении следов былых мифологических представлений о 'коне' как о священном животном, унаследованных от микенской эпохи, появляются новые моменты в использовании этого животного при верховой езде (уже в ранний классический период: *Greenhalgh 1973 : 45, 46, 53 и след.*; *Hill 1974*), а далее в сельском хозяйстве для пахоты (первое тысячелетие до н. э.).

1.7. СЛЕДЫ КУЛЬТА «ЛОШАДИ» В РИМСКОЙ ТРАДИЦИИ

В римской традиции древний индоевропейский обряд 'жертвоприношения лошади' сохранился во всех своих существенных деталях, совпадающих с древнеиндийским ритуалом "ашвамедхи". В Риме ежегодно совершался обряд *Equus October*, во время которого убивали и расчленяли (как и при "ашвамедхе") на части священного коня — правого в парной упряжке (лат. *bigae*), побеждавшей в конном состязании[1]. Хвост коня относили к стене священного помещения *Rēgia*, что указывает на изначально царский характер праздника (ср. аналогичный характер приношения в жертву 'коня' в индийской и иранской традициях). Само латинское название праздника, связанное с его календарным приурочением к 'октябрю', совпадает с древнеиндийским названием месяца (сентября—октября): *áśva-yuja-* 'месяц Ашвинов' (буквально : 'месяц запряжки лошадей', др.-инд. *yuj-* 'запрягать', родственное лат. *bigae* 'парная упряжка'). Обряд посвящается богу войны Марсу, который в древности выступал в качестве бога-покровителя расселения и освоения новых земель (*Dumézil 1966 : 211, 217—225*).

Культ 'коня' связан также и с социальной структурой древнего Рима, где образуется особый социальный слой римлян — 'всадников': *equites*, ритуальным предводителем которых считался *magister equitum* 'предводитель всадников'. Во время ежегодного ритуального 'парада-смотра всадников' (*transuectio equitum*) совершалось жертвоприношение одному из 'божественных братьев-близнецов', носившему уже греческое имя Кастора (*Dumézil 1966 : 401—402*) и сопоставимого с "Ашвинами".

1.8. «ЛОШАДЬ» В КЕЛЬТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Древний индоевропейский ритуал царского символического брачного жертвоприношения коня сохраняется в кельтской традиции (см. выше, стр. *483*). Ритуальная близость 'коня' и 'человека' символизируется и галльскими изображениями коней с человеческими головами, что сопоставляется и с древнеирландским мифом о 'волшебном коне', мстящем за своего хозяина (*Sjoestedt-Jonval 1936 : 36—38*).

[1] В Риме в классический период воины на боевых колесницах не представляют уже основной части войска; их заменяют 'всадники на конях' — наездники, составляющие уже новый вид войска — кавалерию.

В галльской традиции исключительная культовая роль 'коня' сказывается и в существовании особой женской богини *Epona*, связываемой этимологически с индоевропейским названием коня и считавшейся 'богиней возниц': *mulibnum dea*. Характерно также наличие названия месяца по 'лошади' (EQUOS) в галльском календаре (*ср. de Vries 1961 : 123 и след.*).

Наряду с исконным индоевропейским словом для 'лошади' (др.-ирл. *ech*, галл. *epo-*) в кельтском засвидетельствовано и другое слово с тем же значением: др.-ирл. *marc*, валл. *march* 'конь', вероятно, галл. μάρκαν (название 'лошади' у кельтов по Павзанию, X 19, 11), которое находит соответствия в германских языках: др.-исл. *marr* 'конь', *merr* 'кобыла', др.-в.-нем. *mar(i)ha* (нем. *Mähre*), др.-англ. *mearh* 'лошадь' (англ. *mare*), см. об этих терминах подробнее — ниже. \ мерин ~ см. с. 554

1.9. КУЛЬТ «ЛОШАДИ» В ГЕРМАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В германской традиции культовая роль 'лошади' проявляется во многих архаизмах общеиндоевропейского происхождения. Помимо указанных выше проявлений культа 'лошади' в связи с похоронными обрядами (см. выше, стр. *483*) и с архаическим названием 'Мирового дерева' *Yggdrasill* (буквально: 'столб коня Одина'), особый интерес представляет миф о двух 'братьях-царях' с конскими именами *Hengist* и *Horsa*, по преданию возглавивших англо-саксонское вторжение в Британию. Эти же имена сохраняются в Шлезвиге и Гольштейне до XIX в. как ритуальные обозначения изображений коней — 'коньков на крыше' (*Ward 1968 : 54*). С 'братьями-царями' *Hengist* и *Horsa* предание связывало обряд "Белой Лошади" (*White Horse*), воплощавшей 'весь скот' (*all cattle*); обряд сохранялся до XIX в. (*Woolner 1967*).

Подобно иранской и греческой традициям в древнегерманских именах собственных фигурируют названия 'коня' типа др.-англ. *Frid-hęngest* (сопоставляемого с митаннийскими арийскими именами типа *Biridašųa*, *Biriįaššuįa*, *ср. Schmitt 1967 : 244*).

1.10. ДРЕВНИЕ ГЕРМАНСКИЕ НАЗВАНИЯ «КОНЯ», «ЛОШАДИ»

Наряду с древним названием 'коня' (гот. *aihva-*, др.-исл. *jór*, др.-англ. *eoh* 'конь') в германском возникает целый ряд новообразований для обозначения разновидностей этого животного. Это прежде всего др.-в.-нем. *hengist* 'конь', 'equus' (нем. *Hengst*), др.-англ. *hęngest*, др.-исл. *hestr* 'конь' и др.-в.-нем. *hros* (нем. *Ross*), др.-англ. *hors* (англ. *horse*), др.-исл. *hross* 'конь', 'лошадь'.

К более поздним образованиям в немецком относится *Pferd* 'лошадь', восходящее через средневековое латинское *paraverēdus* 'почтовая лошадь' к предполагаемому кельтскому источнику (*Paul 1956, II : 453*), и *Stute* 'кобыла', первоначальное значение которого было 'стадо лошадей': ср. др.-в.-нем. *stuot* при др.-англ. *stōd* 'помещение для разведения лошадей', 'конный завод' (англ. *stud* 'стадо животных, особенно лошадей', ср. рус. *стадо* : и.-е. *$st^{(h)}\bar{a}$-).

1.11. КЕЛЬТО-ГЕРМАНСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЛОШАДИ» И ЕГО АЗИАТСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Особо стоят германские термины, обозначающие 'коня' (др.-исл. *marr* 'конь', *merr* 'кобыла', др.-в.-нем. *marah* 'конь'[1], *mariha* 'кобыла', др.-англ. *mearh* 'конь', *mięre* 'кобыла'[2], родственные соответствующим кельтским формам (др.-ирл. *marc*, валл. *march*, галл. μάρκαν 'лошадь'). Кельто-германская праформа, из которой закономерно выводятся засвидетельствованные германские и кельтские формы, может быть представлена в виде ***mark$^{[h]}$o-** (*Pokorny 1959 : 700*). Слово не находит соответствий в других индоевропейских диалектах и должно считаться заимствованием[3] в этой диалектной группе из какого-то восточноазиатского источника.

Это название 'лошади' распространено по всему центрально- и восточноазиатскому языковому ареалу и представлено в качестве основного названия 'лошади' во многих языках Евразии.

В алтайских языках (в частности монгольском, тунгусо-маньчжурском и корейском) термин выступает в форме **mor-* (монг. *morin*, тунг.-маньчж. *murin*, кор. *mal*, ср. *Поливанов 1968 : 63, 167, 168*), возможная уменьшительная форма которой—**mor-qa* (*Ramstedt 1946—1947 : 25*) или **morkin* (*ср. Новикова 1979 : 67 и след.*). В другой группе языков Восточной Азии — тибето-китайских языках, слово представлено в форме **mraŋ*, откуда кит. *ma*<**mra* (ср. япон. *ṃma*>*uma*), др.-бирм. *mraŋ*, др.-тиб. *rmang*<**mraŋ* (*Поливанов 1960; Coblin 1974*), ср. в дравидских языках: тамил. *mā* и др. (*Burrow/Emeneau 1961 : 318*).

Слово представляет собой, очевидно, миграционный термин, распространившийся во всех языках Центральной и Восточной Азии, откуда оно могло попасть в кельто-германские диалекты. При этом унаследованное индоевропейское слово ***ek$^{[h]}$uos** в этих языках употреблялось для обозначения 'упряжной лошади', тогда как заимствованное восточноазиатское слово в форме ***mark$^{[h]}$o-** означало, по всей вероятности, 'верховую лошадь'.

Верховая езда в областях исторического расселения кельтов и германцев становится известной лишь к первому тысячелетию до н. э.

[1] Отсюда др.-в.-нем. marah-scalc 'обслуживатель лошадей', 'конюх', перешедшее в ст.-франц. mareschal 'конюх', 'маршал', франц. maréchal.

[2] В древних германских диалектах эти обозначения 'коня', 'лошади', очевидно, с особым оттенком значения (возможно, 'лошадь для верховой езды'), сосуществовали со старыми индоевропейскими названиями лошади — гот. aihva-, др.-англ. eoh, др.-исл. jór<**eh*waR. Это последнее название 'лошади' в германском используется в качестве имени одной из рун M 'eoh', ср. использование древнеанглийской руны M в фонетическом значении *e* и чтение ее *eoh* при передаче имени поэта Cynewulf (IX в. н. э.). Такое чтение *e, eoh* руны M, заимствованной, очевидно, из латинского алфавита, где знак имеет фонетическое значение *m*, можно было бы объяснить наличием в германском параллельной формы в значении 'лошадь' с начальным *m-*. Это как бы переименование символической руны 'лошадь' **mark$^{[h]}$os*>**marhaR* посредством семантического синонима **eh*waR, начинавшегося на другой звук, а именно *e-*, который и был приписан данной руне (ср. о символических рунах *Макаев 1965: 62—64*).

[3] Заимствованием слово считал уже *Мейе 1952 : 153*.

(*Кларк 1953 : 307*). Связь указанных слов предполагает определенные контакты кельто-германцев с носителями восточноазиатских языков до первого тысячелетия до н. э., которые могли иметь место в процессе доисторических миграций племен, говоривших на кельто-германских диалектах[1].

(1.12) КУЛЬТ «ЛОШАДИ» У ДРЕВНИХ БАЛТОВ

Культ 'лошади', во многом аналогичный роли 'лошади' в рассмотренных выше индоевропейских традициях, наблюдается и в балтийской. У балтов известен особый 'конский бог' (*equorum deus*) с несколькими названиями-эпитетами, а также ритуал конского погребения и обрядовые конские состязания во время похорон. Косвенный след жертвоприношения 'коня' в балтийской традиции можно было бы видеть в обычае пить 'конскую кровь' вместе с 'кобыльим молоком' (*Топоров 1975-, I : 136*). Два 'божественных близнеца', называемых в балтийских языках, как и в греческом, 'сыновьями бога' (лит. *Dievo sūnēliai*), постоянно связываются с двумя конями, которые часто изображаются и на крышах домов; ср. аналогичные обычаи в германской традиции и связь с конем греческих Диоскуров (Διοσκούροι 'сыновья Бога Неба', *Ward 1968*). При сохранении в балтийских языках некоторых древних слов, связанных с общеиндоевропейским именем 'лошади' (лит. *ašvà* 'кобыла', *ašvienis* 'рабочая лошадь', прус. *aswinan* 'кобылье молоко'), и гидронимов, образованных (как и в древнеиндийской и других традициях, *Порциг 1964 : 303—304*) от этого названия (ср. лит. диал. *Ašvà* 'название реки' и др., *Fraenkel 1962—1965, I : 20*), уже в общебалтийском возникают новые слова для 'лошади' и ее разновидностей: прус. *sirgis* 'кобыла', лит. *žirgas* 'конь', латыш. *zirgs* 'лошадь'; лит. *arklỹs* 'лошадь', 'конь', латыш. *arkls* 'лошадь'. Последнее слово образовано от тождественного названия 'плуга', 'сохи' (лит. *árklas* 'соха', латыш. *arkls* 'плуг', *Mühlenbach / Endzelin 1923—1932, I : 141*), что указывает на использование 'лошади' для пахоты, ср. использование 'лошади' в сельскохозяйственных работах в классической греческой и других поздних индоевропейских культурах.

(1.13) «ЛОШАДЬ» В СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ. СЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЛОШАДИ»

В славянской традиции в наиболее явном виде культовая роль 'коня' отражена в средневековых известиях о балтийских славянах, у которых дольше, чем у остальных славян, сохранялось язычество. Каждый из трех основных богов балтийских славян характеризовался своим 'священным конем' особой масти. Священные кони использовались и при гада-

[1] Датирование заимствования рассматриваемого кельто-германского слова из восточноазиатских языков периодом до I тысячелетия до н. э. (см. также *Новикова 1979 : 67 и след.*) исключает возможность проникновения его в кельто-германский из языка гуннов во время их расселения в Европе первых веков н. э.

ниях (*Иванов/Топоров 1965 : 32—45* и табл. 2). В восточнославянском жертвеннике IX в. н. э. славянского 'божества Грозы на коне' — Перуна (на Перыни, возле Новгорода), отождествляемого этимологически и функционально с хеттским богом на коне *Pirua-*, найдены останки принесенной в жертву лошади (*Седов 1953*). В той же области, примерно в те же века (до XI в. н. э.) засвидетельствовано принесение в жертву коня в качестве строительного обряда, который сопровождался и водружением на крышу нового дома изображений двух коней — 'коньков', ср. *Миронова 1967* (как и в балтийской и германской традициях). В славянском фольклоре сохранилось множество отголосков древних поверий о 'коне' как священном животном (*Иванов/Топоров 1974 : 340* и др.).

При сохранении обрядов и мифологических мотивов, отражающих древний индоевропейский культ 'коня' и связанный с ним комплекс представлений, в славянских языках полностью теряется общеиндоевропейское слово, обозначавшее 'лошадь', которое заменяется новыми лексическими образованиями (см. *Трубачев 1960 : 47 и след.*):

Ст.-слав. *konjĭ* 'ἵππος', 'конь', 'лошадь', др.-рус. *конь* 'конь'; *комонь* 'боевой конь'; ст.-слав. *kobyla* 'ἵππος', 'кобыла', рус. *кобыла* (очевидно, миграционный термин, отраженный в лат.-галл. *caballus* 'лошадь', греч. καβάλλης у *Гесихия*, а также в ряде азиатских языков: др.-тюрк. *kevāl, kevil* 'скакун', перс. *kaval* 'быстрая лошадь'); к числу поздних заимствований из азиатских языков в отдельные славянские принадлежат, в частности, рус. *лошадь*, диал. *лошá* 'жеребенок' из тюрк. *(a)laša* 'лошадь', 'мерин', *Дмитриев 1962 : 540*; др.-рус. *меринъ* (с 1500 г.) из монг. *morin* и некоторые другие.

1.14. ДРЕВНЕБАЛКАНСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЛОШАДИ»

В группе древних балканских индоевропейских диалектов слова, обозначающие 'лошадь' или 'жеребенка', представлены ареальным новообразованием от основы, видимо, со значением 'кормить грудью', 'сосать' (алб. *mënt* 'сосу', 'кормлю грудью', др.-в.-нем. *manzon* 'вымя', ср. брет. *menn* 'маленькое животное', *Pokorny 1959 : 729*): алб. *mës* 'жеребенок', 'осленок', иллир. *mandos* 'лошадка', диал. *mannus*, лат. *mannus* 'маленькая галльская лошадка', мессап. *Iuppiter Menzanas* 'бог, которому приносили в жертву коня' (слово заимствовано в другие балканские и средиземноморские языки: рум. *mînz* 'жеребенок', нем. диал. тирольск. *Menz* 'яловая корова', баск. *mando* 'мул', *ср. Solta 1974 : 57*).

1.15. РОЛЬ «ЛОШАДИ» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Сопоставление древних индоевропейских традиций, связанных с культом 'лошади' и ее применением в транспорте и военном деле, позволяет реконструировать для общеиндоевропейской эпохи наличие 'домашней лошади' *ek$^{(h)}$uos, имевшей большое культовое значение (приношение 'коня' в жертву, связь его с богами, в том числе 'божественными близнецами', и

с 'Мировым деревом') и применявшейся уже как упряжное животное, которое впрягалось в колесные повозки и боевые колесницы. Лишь в позднейших традициях появляется широкое использование 'лошади' для верховой езды в военном деле и транспорте, тогда как для архаичного периода следует допустить лишь применение верховой езды с целью объезжания и укрощения коней, в том числе при одомашнивании диких животных.

1.16. *ПРОБЛЕМА ДОМЕСТИКАЦИИ «ЛОШАДИ» И ЕЕ ДИКИХ ПРЕДКОВ*

'Домашняя лошадь' (*Equus caballus* L.), включая все ее ранние разновидности, распространенные в Древнем мире, по-видимому, происходит от строго определенного биологического вида 'дикой лошади'. Известно несколько типов диких лошадей — крупные лошади с массивным скелетом и широкими копытами, сложившиеся в приледниковой полосе Европы, и несколько типов менее крупных и массивных 'диких лошадей' вдали от ледниковой зоны на востоке Европы и в Азии (*Громова 1949*; *Azzaroli 1966*). Один из этих менее крупных типов диких лошадей, по-видимому, благодаря своим физическим данным более удобных для процесса одомашнивания, и явился предком 'домашней лошади'.

'Лошадь Пржевальского' (*Equus przewalskii*), водившаяся в Центральной и Восточной Азии и сохраняющаяся до сих пор отдельными небольшими группами в Монголии (в областях близ пустыни Гоби), не может считаться таким предком, так как, согласно новейшим данным, она отличается генетически от домашней лошади по набору хромосом (66 пар хромосом в диплоидном наборе у 'лошади Пржевальского' при 64 у 'домашней лошади'). Поэтому территория первоначального распространения 'лошади Пржевальского' исключается как очаг одомашнивания лошади. С этим связано отсутствие 'домашней лошади' в Восточной Азии, в частности в Китае, вплоть до Иньского периода, когда она вводится с запада, по-видимому, под влиянием культур западноазиатского происхождения (*Васильев Л. 1976 : 278—279*)[1].

Из других типов эквидов, близких к дикой лошади — возможных предков современной домашней лошади — остается несколько биологически близких разновидностей: тарпан (*Equus gmelini*), водившийся в Европе к северу от Черного Моря (между Днепром и Волгой) и сохранявшийся вплоть до XIX в. (*Берг 1955 : 136*; *Бибикова 1967*; *Nobis 1955*;

[1] В свете этих новейших данных представляется неверной точка зрения, высказывавшаяся ранее (*Поливанов 1968*), согласно которой домашняя лошадь, произошедшая от прирученной "лошади Пржевальского", была названа термином **mor-* в алтайских языках, откуда слово было заимствовано в китайский и другие южноазиатские языки. И это название должно было первоначально относиться к той же 'домашней лошади', происшедшей не от "лошади Пржевальского" и, следовательно, попавшей в Центральную Азию с запада.

1971)[1], и европейская лесная дикая лошадь, вымершая уже в XVIII в. (ср. *Drower 1969*; *Bökönyi 1974*). От этих возможных предков домашней лошади отличался полуосел 'онагр' (*Equus hemionus onager* Bodd.), который рано начал использоваться в качестве тягловой силы, *Noble 1969*. Онагр водился в широкой степной полосе севернее Месопотамии (Джармо, около VII тысячелетия до н. э., ср. *Berger/Protsch 1973 : 225*), включая Малую Азию и Закавказье (*Zeuner 1963*)[2].

Остается неясным вопрос об отношении к онагру или дикой лошади лошадиных останков из Анау (юго-западная Туркмения; ок. 4800 г. до н. э., ср. дискуссию по этому вопросу *Кузьмина 1976 : 151*; *Matolcsi 1973*). В случае признания близости костных остатков из Анау к предку 'домашней лошади' ареал Средней Азии следовало бы считать древнейшим очагом доместикации лошади (ср. *Harlan 1976 : 92*), откуда она могла попасть в наиболее восточные области Европы. Характерно, что явные следы развитого коневодства обнаруживаются именно в наиболее восточной области к востоку от Днепра (*Бибикова 1969*).

Наиболее древние свидетельства использования лошадей (по остеологическим данным — домашних), в частности при жертвоприношениях (о чем говорит находка двух черепов лошадей на жертвенной площадке рядом с погребениями в могильнике в Съезжем), и культа лошадей, отраженного в их костяных фигурках (в могильнике Липовый Овраг Хвалынского района Саратовской области), недавно обнаружены в Нижнем Поволжье в могильниках, которые согласно калиброванным радиокарбонным датам для Хвалынского могильника (по любезному сообщению *Е. Н. Черныха*) относятся к концу V тысячелетия до н.э. Эта культура Нижнего Поволжья обнаруживает (в частности, по характеру жертвенных площадок с черепами животных) тесные связи с более южными областями Прикаспия (*Васильев 1979*).

(1.17) *ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО АРЕАЛА ДОМЕСТИКАЦИИ «ЛОШАДИ»*

В принципе эти ареалы распространения диких лошадей типа 'тарпана' могут считаться первоначальной территорией одомашнивания лошади[3]. Не случайно, что в этих ареалах распространения 'диких лошадей' засвидетельствованы древнейшие следы 'домашней лошади'. Древнейшие находки домашней лошади в Северном Причерноморье датируются второй половиной IV тысячелетия до н. э. (поселение Деревка на правом берегу

[1] Хромосомный набор тарпана, исчезнувшего в прошлом веке, неизвестен, и поэтому не представляется возможным генетически строго судить об его отношении к 'домашней лошади' (Equus caballus), ср. *Кузьмина 1976: 150*.

[2] Следы дикой лошади (Equus ferus) обнаружены в Закавказье, в частности в Бармаксызской мезолитической стоянке на Цалкинском плоскогорье в Грузии, где 'дикая лошадь' была основным объектом охоты (*Куфтин 1941: 123*; *Мунчаев 1978: 73*).

[3] Обнаруживается еще один пункт раннего появления дикой или домашней лошади — Южная Германия, Бавария, около 3670 г. до н. э., *Berger/Protsch 1973: 222*.

Днепра, *Бибикова 1967 : 113*; *ср. Ковалевская 1977 : 19*; *Bökönyi 1974: 238*). Позднее на этой территории обнаруживается значительное число костных остатков домашних лошадей[1], в частности как в восточном ареале (от Дона до Заволжья), где количество костей лошади значительно больше, так и в западном ареале (*Бибикова 1967*). При этом показательно, что кости дикой лошади *Equus caballus Missii*, являющейся, возможно, предком этого типа домашних лошадей, обнаруживаются значительно восточнее — в поволжских степях, ср. *Бибикова 1969*.

В южном переднеазиатском ареале 'домашняя лошадь' засвидетельствована для IV тысячелетия в памятниках материальной культуры Месопотамии, Элама (Сузы) и смежных областей древнего Ирана (ср. изображения древних коней на вазах и статуэтках из Хафаджи близ Багдада), *Wiesner 1939*; *Hermes 1936a*; *1936b*; *Potratz 1938*; *Hančar 1955*; к хронологии появления лошади в III тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке ср. также *Thomas 1970 : 260*; *Кузьмина 1974*; *1976a*; *1977*.

Аналогичная картина в еще более древний период устанавливается и для Малой Азии. Костные остатки домашней лошади были недавно обнаружены в Демирджи-Хююк, Ярыккая и Норшун-тепе в Восточной Анатолии. Они встречаются уже в слоях медного века второй половины IV тысячелетия до н. э. (ср. *Bökönyi 1978 : 54*; *Zarins 1979 : 60*; *Piggott 1979:10*; *Mellaart 1981*).

Древнейшие письменные свидетельства о наличии 'лошадей' в Малой Азии содержатся в староассирийских табличках из Кюльтепе (*kārum Kaniš*), в которых упоминаются в большом количестве *rabi sisê* 'главные над лошадьми' и иногда также говорится о транспортном использовании 'лошади' (*sisâ'um*), *ср. Kammenhuber 1961 : 13*.

Одновременность древнейших свидетельств появления 'домашней лошади' в этих возможных ареалах ее одомашнивания делает менее вероятным допущение независимого параллельного одомашнивания в означенных областях. Налицо скорее диффузия этого новшества из одного ареала в другой через возможные пути, их соединяющие. Такими путями могли быть Балканы, где на Дунае 'лошадь' засвидетельствована в третьем тысячелетии (ср. *Семенов 1974 : 294*), и Закавказье, где следы лошади обнаруживаются уже в самом начале третьего тысячелетия до н. э. (Квацхелеби), ср. *Кушнарева/Чубинишвили 1970 : 110*. Третьим путем мог бы быть путь восточнее Каспийского моря через Южную Туркмению, где обнаруживаются отдельные иконографические свидетельства наличия лошади уже в IV тысячелетии (*Сариниди 1973 : 113*), хотя на этой территории лошади широко распространяются лишь в II—I тысячелетиях до

[1] Палеозоологи вместе с тем отмечают трудности различения костей домашней лошади от ее дикого предка, особенно на ранних этапах доместикации. В частности, в находках на юге Украины и в Баварии не всегда вполне ясно, представляют ли костные остатки вид дикой или домашней лошади (*Matolcsi 1973*; *Кузьмина 1976*), что затрудняет решение вопроса о возможных ареалах доместикации лошади и появления вида Equus caballus.

н. э., то есть в период, последовавший за временем почти безраздельного господства 'верблюда' как основного транспортного средства (ср. *Цалкин 1970 : 155—156*; *Массон 1976 : 437, 447*).

Даже те исследователи, которые считают, что 'лошадь' была одомашнена в нескольких центрах, одним из очагов признают Юго-западную Азию, откуда 'лошадь' могла проникнуть в Центральную Европу.

В некоторых из древневосточных цивилизаций, находящихся в ареале возможного одомашнивания дикой лошади, тем не менее 'домашняя лошадь' была нововведением, заимствованным из чужой культурной традиции. Это проявляется, в частности, в древнем шумерском наименовании лошади как 'осла гор' — ANŠE.KUR.RA, что указывает на импорт лошадей из горных областей[1].

1.18. *СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «ЛОШАДИ» С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ*

Культурно-исторические и лингвистические данные, относящиеся к 'лошади' и процессу ее доместикации, дают некоторые основания связать этот процесс с индоевропейским этносом, с племенами, говорившими на индоевропейских диалектах. Все известные древнейшие названия 'лошади' в языках, в историческое время расположенных в ареалах возможной доместикации лошади, так или иначе увязываются с общеиндоевропейским названием 'лошади' *ek̑[h]u̯o-. Отдельные древние ближневосточные названия 'лошади' — такие, как хур. *eššiš*, *iššiia-* 'лошадь' (*Otten 1953a : 25*; *Goetze 1962a : 35*; *Laroche 1978 : 85*), аккад. *sisû* 'лошадь' < *sisā'um* (ср. написание ANŠE.ZI.ZI, читаемое в некоторых контекстах, возможно, как ^{ANŠE}*si-si* в документах из Южной Месопотамии периода III династии Ура, конец III тысячелетия до н. э., *Civil 1966*), угарит. *ssw*, арам. *sūsjā*, др.-евр. *sûs* 'конь' (*Gesenius 1968 : 692*), егип. *šśm.t* 'лошадь' (*Erman/Grapow 1955, IV : 276*) могут быть сопоставлены с индоевропейской формой *ek̑[h]u̯o- (*ср. Soden 1972, II : 1051*)[2]. Сюда же могут относиться и некоторые кавказские названия 'лошади' и слова, связанные с 'лошадьми', типа абх. и убых. *ʃalčy* 'лошадь'; авар. и лак. *ču*, ахвах. *ičwa* 'лошадь', а также груз. *ačʼu* (слово для понукания лошадей), *ačʼua* 'лошадь' (слово детского языка).

[1] О территории древней Месопотамии как одном из возможных первичных ареалов одомашнивания лошади можно судить и по обнаруживаемым следам лошади на этой территории, восходящим еще к VII тысячелетию до н. э. Аналогичные следы, обнаруживаемые в палестинских палеолитических пещерах, относятся, по-видимому, к диким лошадям (*Ковалевская 1977: 18*).

[2] Аккад. *sisû* (и шум. *si.si* ?), др.-евр. sûs и егип. śśm.t могут быть редуплицированными формами от индоевропейской основы с уже ассибилированным *ś[h]. Другой, хотя и весьма проблематичной, возможностью формального соотнесения этих названий 'лошади' с индоевропейским словом для 'лошади' было бы постулирование его в форме с начальной палатализованной сибилянтной фонемой *śek̑[h]u̯o-, ср. к аналогичной индоевропейской праформе *Goetze 1962a: 35*. Такое начальное *ś теряется в большинстве индоевропейских диалектов (ср. выше, стр. 119 и след.), тогда как в греческом ἵππος след его можно было бы видеть в начальном придыхании (spiritus asper).

Широкое распространение по различным переднеазиатским языкам соотносимых друг с другом форм для обозначения 'лошади' может служить основанием для отнесения слова к типу миграционных терминов. Источником этих терминов в данном случае могут быть диалекты общеиндоевропейского языка, в которых осуществлялась ассибиляция палатализованного *k̑$^{(h)}$ (то есть *satəm*-ные диалекты или диалекты типа анатолийских, в которых этот процесс происходит в комбинаторно обусловленной позиции перед *-u-*, см. выше, стр. 100 и след.).

1.19. *ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕГО ВЛИЯНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОНЕВОДСТВА НА ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ (КИТАЙ)*

Поскольку "лошадь Пржевальского", распространенная на обширной территории Восточной Азии, исключается как предок домашней лошади, домашняя лошадь как транспортное животное была импортирована из западных областей Азии, где она и была впервые приручена, очевидно, племенами индоевропейского происхождения. Вместе с 'лошадью' в районы Центральной и Восточной Азии был занесен и весь комплекс ритуально-мифологических представлений о 'лошади' и связанных с ней обрядов, возникших, очевидно, в связи с одомашниванием этого животного. Этим и следует объяснить то разительное сходство комплекса таких представлений, связанных с лошадью, у индоевропейцев и народов, говоривших на алтайских языках.

В алтайских традициях обнаружены сходное с индоевропейским 'жертвоприношение коня', связываемое с культом бога Неба и его сыновей (*Koppers 1929*; *1935*), и аналогичная древнеиндоевропейской связь 'коня' с 'Мировым деревом' (*Toporov 1973 : 159, 190*)[1].

Весь комплекс таких ритуально-мифологических представлений, связанных с 'лошадью', был, очевидно, занесен вместе с лошадью далее на восток — в Китай (*Васильев 1976 : 278—279 и след.*; *Pulleyblank 1966*). Для иньской культуры Китая середины II тысячелетия до н. э. характерна роль 'лошади' как главного культового животного, которому поклоняются и которое приносится в жертву при погребальном обряде в честь покойного правителя. При этом в китайских культовых изображениях ранней бронзы обнаруживается и связь 'Мирового дерева' с конем (*Toporov 1973 :190*).

Такое воспроизведение всего индоевропейского комплекса ритуально-мифологических представлений в восточноазиатских культурах трудно объяснить без допущения длительных контактов с племенами-носителями этих представлений. Это, в свою очередь, предполагает миграции индоевропейских племен вместе с лошадьми из первоначальных ареалов их расселения и, соответственно, областей одомашнивания 'лошади' в значи-

[1] С этой точки зрения может представить интерес формальное и семантическое сходство и.-е. **ek̑$^{(h)}$uos* с "общеенисейскими" названиями 'кобылы' и 'мерина' *kut- // *kus-: арин. quše, qus, асан. pen-guš, pen-kuš, коттск. penkuš, пумпокольск. kut 'кобыла'; 'мерин' (*Топоров 1967 : 318*).

тельно продвинутом на восток направлении и вхождение их в длительное соприкосновение с восточноазиатскими племенами и народами. Остатком таких продвинувшихся значительно на восток племен—носителей индоевропейских диалектов могут считаться т о х а р ы, в историческое время обитавшие на территории современного Китайского Туркестана (ср. *Pulleyblank 1966*).

2. «ОСЕЛ»

2.1. *ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ОСЛА» И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ*

Первичные названия 'домашнего осла' (*Equus asinus* L.) в древних индоевропейских языках обнаруживаются в греческом (начиная с микенского периода) и латинском : греч. мик. *o-no* 'ослы', греч. ὄνος 'осел', *мн. ч.* ὄνοι, лат. *asinus* 'осел', *уменьшит. asellus*; с латинской формой *asinus* или, возможно, *asellus* увязываются древнегерманские слова: гот. *asilus* 'осел', др.-в.-нем. *esil* (нем. *Esel*). Из германского в конечном счете выводится общее для балтийских и славянских языков название 'осла': прус. *asilis*, др.-рус. *осьлъ* 'осел' (о других балтийских словах см. *Топоров 1975-, I : 122*, там же литература).

Ограниченность первичного названия 'осла' греческим и латинским не дает возможности считать слово относящимся к периоду общности всех индоевропейских диалектов[1]. Но возможность формального этимологического соотнесения латинской и греческой форм (лат. *asinus*: греч. ὄνος< **os*[l̥]*nos* по *Бругману*) предполагает возникновение этого слова в некоторой древней индоевропейской общности (с последующей его утратой в ряде диалектов)[2].

Формальное сходство предполагаемого диалектного индоевропейского архетипа с шумерским *anšu*//*anše* 'осел' делает вероятным происхождение слова из некоторого переднеазиатского обозначения 'осла', ср. *Watkins 1971 : 1507*.

На Ближнем Востоке 'осел' принадлежит к числу наиболее древних одомашненных животных. Областью его первоначального одомашнивания считается северо-восточная Африка (ср. *Vogel 1973 : 119*). В Египте еще в додинастическую эпоху 'осел' стал использоваться как транспортное животное. Из Африки осел распространяется в древней Передней Азии (*Боголюбский 1959 : 464—467*; *Bökönyi 1974 : 299*). В египетском засвиде-

[1] Хеттское слово для 'осла' неизвестно. В текстах это слово всегда передается шумерограммой ANŠE. Ср. также шумерограмму ANŠE.GÌR.NUN-NA 'мул' в хеттских текстах. 'Мул' в хеттской традиции по своему статусу объединяется с 'лошадью' (ср. "Хеттские законы", § 200 A), что согласуется с названием 'мула' по 'лошади' в других индоевропейских традициях (ср., например, др.-инд. aśva-tará- 'мул').

[2] В индо-иранском возникает новое название 'осла': др.-инд. khára- (отсутствует в "Ригведе", где засвидетельствовано название 'дикого осла' párasvant- и 'домашнего осла' rásabha-, запряженного в колесницу Ашвинов), др.-перс. *xara-, перс. хар, осет. хæræg 'осел' (*Абаев 1949, I : 57*).

тельствовано несколько названий для 'осла': *ʿ3* 'осел' (и в культовом значении, в частности как священное животное бога Сета), *šw* 'осел' и *šk* 'ослик' (*Erman/Grapow 1955, I : 165; IV : 315, 433*). В древней Передней Азии важная хозяйственная роль 'осла' засвидетельствована в ассирийских торговых колониях в Анатолии в начале второго тысячелетия до н. э., где 'ослы' выступают как основные транспортные животные (*Veenhof 1972*).

2.2. *«ОСЕЛ» КАК КУЛЬТОВОЕ ЖИВОТНОЕ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ*

В древней индоевропейской традиции 'осел' как культовое животное играет значительную роль. Уже в древнехеттских представлениях 'осел' выступает как культовый символ плодородия, с которым сопоставляется плодородие 'женщины-царицы', произведшей множество детей: *пи-ца* ANŠE-*iš arkatta* "и осел совершает акт оплодотворения" (KBo XXII 2 *Vs.* 9—10). В такой же культовой функции 'осел' выступает в иранской традиции (в осетинской версии "Нартовского эпоса", где, проклиная свою сестру, нарты говорят: "Пусть осел Боратов — осет. *Boiriaty-xæræg* — бросится на тебя", *Dumézil 1968 : 512—513*), а также в древнегреческих и древнеримских ритуалах, в частности связанных с Дионисом, Аполлоном и Вестой, ср. сохранившееся у *Гесихия* древнее изречение, относящееся к Элевсинским мистериям: ὄνος ἄγει μυστήρια "осел совершает таинства" (*Cook 1894 : 84—86*; ср. *Фрейденберг 1936 : 99—100*). Эти представления об 'осле' как символе плодородия отражены и в поздней античной литературе вплоть до "Золотого осла" Апулея. Такая роль 'осла' могла сказаться и в легенде о фригийском царе Мидасе, которому Дионис даровал чудесное свойство превращать вещи в золото. Сам царь Мидас в наказание за алчность превращается в 'осла'.

Следы культовой роли 'осла' сохранялись и в древней Индии, где он был божеством смерти, а также участвовал в ритуальных состязаниях — скачках, что находит аналогию в сходных ритуальных соревнованиях в римской традиции (*Dumézil 1966 : 278*); о культовой роли 'осла' в различных древних традициях см. также *Vogel 1973 : 181 и след.*

2.3. *ТИПОЛОГИЯ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВОЙ РОЛИ «ОСЛА» В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ. СВЯЗЬ НАЗВАНИЙ «ОСЛА» И «ЛОШАДИ»*

Культовая роль 'осла' в некоторых древних индоевропейских традициях перекликается с культовой значимостью 'осла' в древних традициях Ближнего Востока, начиная с Египта, Шумера и древних семитов[1].

[1] В Египте осел связывается с несколькими основными божествами, в частности с Сетом, *Kees 1956 : 72*. В Шумере в третьем тысячелетии до н. э. Гудеа жертвует богу плодородия Нингирсу колесницу, запряженную ослами. В древнесемитской традиции, отраженной в книгах Ветхого Завета и Нового Завета, 'осел' выступает как одно из основ-

Особый культ 'осла' на Ближнем Востоке может считаться связанным и с большой значимостью осла как основного транспортного животного, долгое время сохранявшего особую роль в хозяйственной жизни и после появления 'лошади', ср. *Veenhof 1972*. В древних культурах с преимущественным использованием 'осла' появившаяся позднее 'лошадь' обозначается как особая разновидность 'осла', что естественно связано и с самим внешним обликом этих животных (особенно древних малорослых лошадей). Характерно, что шумеры называют лошадь 'ослом гор' (ANŠE.KUR.RA), а в некоторых языках для обозначения 'осла' и 'лошади' применяется одно и то же слово : ср. абхазско-адыгские названия 'осла' - 'лошади': абх. *ačy* 'лошадь', *ačada* 'осел', адыг. *šy* 'лошадь', *šy-dy* 'осел' и др.

Отсутствие в общеиндоевропейском явно реконструируемой формы для 'осла' (при наличии 'осла' на значительной части территории доместикации лошади, где должны были находиться и племена, говорившие на диалектах индоевропейского языка) можно было бы объяснить более ранним употреблением слова **ek̑[h]u̯os* и в значении 'осел' (наряду со значением 'дикая лошадь', 'лошадь')[1].

В таком случае любопытно сходство реконструируемой древнейшей индоевропейской праформы **ek̑[h]u̯o-* или, возможно, еще более архаичной **šek̑[h]u̯o-* (см. выше, стр. 560_2) с некоторыми древними ближневосточными названиями 'осла', представлявшими один из весьма ранних миграционных терминов : ср. егип. *śk* 'ослик', копт. *sēǧ* при др.-тюрк. *ešäk ~ ešgäk ~ ešjäk ~ ešäk* 'осел'[2], монг.-письм. *eljigen* 'осел' (*Владимирцов 1929 : 224, 353*), предполагающих наличие соответствующей формы с палатализованной фонемой (тюрк. *š* ~ монг. *l*) уже в тюрко-монгольском[3]. Наличие в тюрко-монгольском термина для обозначения 'осла', сходного по своей форме с египетским, предполагает миграцию соответствующего термина вместе с обозначаемым им животным из древнего ближневосточного ареала в районы Центральной и Восточной Азии, где по данным палеозоологии домашний 'осел' является позднейшим нововведением.

ных священных животных, связанных с торжественными ритуалами въезда царя в город, отъезда и путешествия на ослах, откровения о воле бога (ср. 'Валаамову ослицу', 'пропавшие ослицы', разыскиваемые Саулом и др.), *ср. Ball 1910*.

[1] Сохранение такого древнего значения индоевропейского **ek̑[h]u̯o-* можно было бы видеть в арм. eš 'осел', возводимом к указанной индоевропейской праформе (соотнесение арм. eš с лат. asinus, греч. *ὄνος* менее удовлетворительно по формальным признакам), см. выше, стр. 454_1.

[2] Из этой поздней тюркской формы заимствуется (к XVI в. н. э.) рус. *ишак*, ср. *Дмитриев 1962 : 534*.

[3] Характерна уменьшительная форма егип. śk 'ослик', соответствующая родовому названию 'осла' в тюрко-монгольском. Ср. типологически аналогичное заимствование латинской уменьшительной формы asellus 'ослик' в германские языки и в качестве родового названия 'осла'. Заимствование слов в уменьшительной форме с превращением их в нейтральные термины или развитие уменьшительных форм с превращением их в основной термин, вытесняющий первоначальное название в пределах одного языка, как известно, типологически весьма распространенное явление.

3. «БЫК», «КОРОВА», «КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ»

3.1. *ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «БЫКА», «КОРОВЫ»*

Общеиндоевропейская основа, засвидетельствованная по всем основным древним индоевропейским диалектам без формального различения мужского и женского родов: и.-е. **k'^{o}o̯u̯-, **k'^{o}u̯-:

Др.-инд. *gáuḥ* 'бык', 'корова'; авест. *gāuš* 'бык', 'корова', 'крупный рогатый скот'; перс. *gāv* 'корова', осет. *qūg/ǧog* 'корова' (*Абаев 1973, II: 312*), арм. *kov* 'корова';

Греч. мик. *qo-u-ko-ro* = βουκόλοι 'пастухи быков и коров', греч. аттич. βοῦς, дор. βῶς, *род. пад.* βο(F)ός 'бык', 'корова', ср. βού-τῦρον 'масло' (буквально: 'коровий сыр', ср. греч. τυρός 'сыр', отсюда лат. *būtyrum*, нем. *Butter*, англ. *butter*);

Лат. *bōs*, *род. пад. bouis* 'бык', 'корова' (оскско-умбрское заимствование, ср. умбр. *bum* 'bovem', 'быка', *bue* 'bove' 'быку', вольск. *bim* 'быка');

Др.-ирл. *bó* 'корова', др.-валл. *buch*, др.-корн. *buch*, брет. *buc'h* 'корова';

Др.-в.-нем. *chuo* (нем. *Kuh*), др.-англ. *cū* 'корова' (англ. *cow*), др.-исл. *kýr*, латыш. *gùovs* 'корова';

Ст.-слав. *govędĭ* 'крупный рогатый скот', др.-рус. *говядо* 'бык', чеш. *hovado* 'крупный рогатый скот'; ст.-слав. *gumĭno* 'гумно' (буквально: словосложение 'бык'+'мять'='место, где скотина мнет, топчет скошенный хлеб', *Фасмер 1964—1973, I : 474*);

Тох. A *ko*, *B keu* 'корова'.

Хеттская форма со значением 'крупный рогатый скот' представлена в текстах неизменно в виде шумерограммы GUD (GUD-*uš*, *им. пад.*, GUD-*un*, *вин. пад.*), хеттское чтение которой неизвестно[1].

В архаических сложных словах корень выступает в нулевой огласовке: др.-инд. *śata-gu-* 'владеющий сотней коров', др.-перс. *θatagu-* 'название страны' (первоначально народа, 'имеющего сотню коров'), точно соответствующее этимологически греч. ἑκατόμ-βη 'жертва', 'жертвоприношение' (первоначально: 'принесение в жертву ста быков'), *Thieme 1952 : 62 и след.*[2]

[1] Фридрих с учетом фонетических комплементов: *им. пад.* -uš, *вин. пад.* -un допускает возможность хеттского чтения в соответствии с и.-е. **k'^{o}(o)u̯- (*Friedrich 1952: 257*); вероятное хеттское чтение при таком допущении было бы *k(u)u̯auš, *им. пад.*; *k(u)u̯aun, *вин. пад.*

[2] С этой же общеиндоевропейской основой увязывается формально и семантически производное от нее **k'^{o}ōu̯-, **k'^{o}ū- в первичном значении 'коровий навоз': др.-инд. gū-tha- 'экскременты', авест. gū-ϑa- 'грязь', арм. ku, *род. пад.* kuoy 'навоз, помет', ср. др.-макед. γοιάν· ὗν 'свинью' (из 'грязную'), *Pokorny 1959 : 484*; слав. *govĭno: чеш. hovno, сербо-хорв. góvno 'экскременты', первоначально: 'коровий навоз', *Фасмер 1964—1973, I : 424.*

3.2. ДИАЛЕКТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАЗВАНИЙ «БЫКА» И «КОРОВЫ»

Свидетельство древних индоевропейских диалектов указывает на недифференцированность основы в отношении выражения различия между 'быком' и 'коровой' (ср. соответствующие формы в древнеиндийском, древнеиранском, греческом, италийском, славянском). Семантическая дифференциация этих двух значений с вторичным выражением данной основой одного из них возникает лишь позднее в отдельных диалектах. В тохарском, армянском, кельтском, балтийском, германском древняя основа выражает только значение 'корова', тогда как для выражения значения 'бык' используются другие основы:

И.-е. ***uk$^{(h)}$^{o}s-en-** (с первоначальным значением 'увлажнять', 'проливать': др.-инд. *ukṣáti* 'увлажняет', 'окропляет', авест. *uxšyeiti* 'окропляет'): тох. В *okso* 'бык', валл. *ych* 'бык', брет. *ouhen*, корн. *ohan* 'быки'; гот. *aúhsa*, др.-исл. *oxi*, *uxi*, др.-в.-нем. *ohso* (нем. *Ochse*), др.-англ. *oxa* (англ. *ox*); ср. также др.-инд. *ukṣá* 'бык', авест. *uxšan-* 'бык';

И.-е. ***u̯ers-en-**, ***u̯r̥s-en-** (с первоначальным значением 'изливающий семя', 'мужской', ср. авест. *varəšna-* 'мужской', др.-инд. *vr̥ṣṇi-* 'мужской', *vr̥ṣaṇau дв. ч.* 'яички'): тох. А. *kayurṣ*, В *kaurṣe* 'бык' (из ***k'^{o}ou̯-u̯r̥s-**), латыш. *vẽrsis* 'бык', ср. ст.-лит. *veršis* 'бык', др.-инд. *vr̥ṣā* 'бык'.

И.-е. ***k̑$^{(h)}$e/or-u̯-** (с первоначальным значением 'рогатый', ср. хет. *karau̯ar* 'рог', авест. *srū-* 'рог', греч. κεραός 'рогатый', см. выше, стр. 484): алб. *ka* 'вол', прус. *curwis* 'бык', польск. диал. *karw* 'старый ленивый вол' (*Трубачев 1960 : 40*)[1].

Сопоставление приведенных выше индоевропейских форм со специальным значением 'бык', 'самец крупного рогатого скота', противостоящих первичной основе ***k'^{o}ou̯-** с недифференцированным значением 'бык', 'корова' ~ 'крупный рогатый скот', позволяет реконструировать в индоевропейских диалектах процесс лексического маркирования с помощью особых слов значения 'самец крупного рогатого скота'. Это приводит к параллельному сосуществованию форм, обозначающих 'самца' крупного рогатого скота, и первоначального индоевропейского слова, обозначающего 'крупный рогатый скот' в общем видовом значении (то есть как 'быка', так и 'корову'), как, например, в древнеиндийском[2]. При дальнейшем развитии в условиях наличия особых слов со значением 'бык', 'самец крупного рогатого скота' рефлексы первоначальной формы ***k'^{o}ou̯-** в отдельных диалектах теряют общее видовое значение и становятся специ-

[1] От этой основы мужского рода образуется как производное женского рода на ***-ā** (в отдельных диалектах, по-видимому, уже в балто-славянском) форма с соответствующим значением 'самки крупного рогатого скота', 'коровы': рус. *корова*, лит. *kárvė* 'корова'.

[2] При этом уже в древнеиндийском наличие особых слов со значением 'бык', 'самец крупного рогатого скота' приводит к некоторой специализации значений форм от основы gav-, gu- в сторону обозначения 'коровы', 'самки крупного рогатого скота' (ср. *Grassmann 1873 : 407 и след.*).

альными терминами для обозначения 'коровы', 'самки крупного рогатого скота', противопоставляясь тем самым специальным названиям для 'быка'[1].

Характерно, что особому лексическому маркированию подвергается значение 'бык', 'самец крупного рогатого скота', а не 'корова', 'самка крупного рогатого скота'[2]. Следовательно, можно допустить, что в немаркированном, нейтральном контексте основа ***k'°ou̯-** выступала обычно в значении 'самки крупного рогатого скота', 'коровы' при особой спецификации для употребления слова в значении 'самца крупного рогатого скота', 'быка'.

(3.3.) *ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ «КОРОВЫ» ПО ДАННЫМ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ И ПРОБЛЕМА МОЛОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВА ДЛЯ «МОЛОКА»*

Описанное словоупотребление форм, восходящих к индоевропейскому ***k'°ou̯-**, сохраняется еще в "Ригведе". В ведийском в немаркированном, нейтральном контексте *gáu-* толкуется во многих случаях именно как 'корова' (ср., например, гимн Индре, III 31, 4; Заговор на возвращение 'скота' ~ 'коров', X 19, 6 и след. и другие весьма многочисленные аналогичные контексты). В древнеиндийском *gáuḥ* 'корова' — это прежде всего 'дойное животное, дающее жирное, сладкое, как мед, молоко'[3]:

urūcy àsmai ghr̥távad bhárantī mádhu svádma duduhe jényā gáuḥ (*III, 31, 11*)

"Широко распростертая, несущая ему жирное молоко, благородная корова дала подоить сладкого меда".

Символика "Ригведы", отражающая, очевидно, и более раннюю индоиранскую культовую традицию, часто использует образы 'дойной коровы' и ее молока как символы космического плодородия и словесного изобилия,

[1] В армянском такое новое специальное название для 'быка' c'ul, противостоящее исходному слову kov в значении 'корова', заимствуется, вероятно, из кавказских языков, ср. адыг. c°y 'вол', 'бык', абх. a-c° 'вол', 'бык' и др., ср. *Яковлев/Ашхамаф 1941 : 240*; *Шагиров 1977, 1 : 107*.

[2] В последнем случае наблюдался бы процесс, обратный описанному выше, то есть возникновение особых слов для обозначения 'коровы' при семантическом сужении общего термина ***k'°ou̯-** в сторону специального обозначения 'быка'. Только в поздней самостоятельной истории отдельных диалектов можно обнаружить именно такой процесс семантического преобразования значений. Возникшая в балто-славянском форма от основы ***k[h]oru̯os** в специальном значении 'бык' дает по противопоставлению грамматических родов форму женского рода ***k[h]oru̯ā** в значении 'корова', 'самка быка'. Утеря формы мужского рода со значением 'бык' в славянском приводит позднее к дальнейшему переосмыслению производного от и.-е. ***k'°ou̯-** в сторону специального обозначения 'быка' ***gou̯-ed-**, противополагаемого форме женского рода ***kórvā** 'корова'.

[3] В древнеиндийском и древнеиранском уже представлена разветвленная терминология, связанная с 'коровой' как с 'дойным животным': др.-инд. dhénā 'дойная корова', dógdhi, duhāti 'он доит', перс. dōxtan 'доить' и др. (ср. *Абаев 1958, 1 : 371*).

связанного с обрядовой песней. Такая 'песня' сама уподобляется 'корове' или 'потокам молока'.

Хозяйственная функция 'коровы' как 'дойного животного' реконструируется уже для глубокой древности, соотносимой с общеиндоевропейской эпохой или во всяком случае с древними индоевропейскими диалектными общностями.

Такая функция 'коровы' видна прежде всего в наличии в древних диалектных общностях особых слов со значением 'молоко':

Греч. *γάλα, род. пад. γάλακτος* (с дальнейшими фонетическими преобразованиями в позднейших диалектах) 'молоко'[1], лат. *lac, род. пад. lactis* (из **glakt-*, с диссимилятивной утерей начального заднеязычного).

К этой группе слов следует отнести этимологически и хет. *galaktar// galattar* 'приятный, сладкий сок растений, используемый в ритуалах', *galank-* 'накармливать досыта' (*Friedrich/Kammenhuber 1975-, I : 61*); ср. причастие *galankant-* 'насытившийся': *...aš-šan kuiš kururi para galankanza* "кто враждой/войной вдоволь насыщен", KBo XVI 24+25 I 35/46[2].

Этимологическое соотнесение хеттских слов с соответствующими формами греческого и латинского языков дает по схеме диалектного членения индоевропейского языка общеиндоевропейскую древность соответствующей формы со значением 'молоко'. Это положение подкрепляется дополнительно наличием в древнекитайском формы **lac* в значении 'молока', попавшей, согласно Карльгрену (*Karlgren* apud *Pokorny 1959 : 401*), в древнекитайский из определенного восточного диалекта индоевропейского языка.

Обнаружение этимологически соотносимых слов в хеттском и крайне восточном диалекте (типа тохарского), с одной стороны, и в греческом, а также латинском, с другой, позволяет считать соответствующую форму в значении 'молоко' (согласно схеме диалектного членения общеиндоевропейского языка), наличествовавшей уже в общеиндоевропейской язы-

[1] Уже у Гомера как обозначение хозяйственного продукта, получаемого при доении: ср. в "Одиссее" (δ 87—89):

ἔνθα μὲν οὔτε ἄναξ ἐπιδευὴς οὔτε τι ποιμὴν
τυροῦ καὶ κρειῶν οὐδὲ γλυκεροῖο γάλακτος,
ἀλλ' αἰεὶ παρέχουσιν ἐπηετανὸν γάλα θῆσθαι
"В той стороне и полей господин и пастух недостатка
В сыре, и мясе, и жирно-густом молоке не имеют.'
Круглый там год изобильно бывают доимы коровы".

(Перевод *Жуковского*)

[2] Оба этих значения хеттских форм от основы galak- можно возвести к первичному значению 'молоко как жидкость, выделяемая дойным животным' и 'молоко как сытный продукт питания'. В первом значении 'молоко' метафорически переносится на '(белый, молочный) сок, выделяемый растениями', ср. лат. lac (herbārum) 'белый растительный сок (трав)'; lactens annus 'весенняя пора года, когда растения наливаются соками'; греч. *γάλα* 'сок растений', *γαλάκτωσις* 'образование сока растений' (ср. при этом многочисленные типологические аналогии связи обозначений 'древесного растительного сока' и 'молока' в разных традициях, *Иванов 1974 : 127*).

ковой системе с предположением дальнейших ее замен в отдельных диалектах[1].

Достаточно архаичным словом для 'молока', 'масла' должна считаться также по схеме диалектного членения форма, представленная в арийском и кельтском и, следовательно, восходящая к периоду начального членения общеиндоевропейского языка: ср. др.-инд. *ghṛtám* 'жирное молоко', 'сливки', 'масло' (многократно в "Ригведе" с большим числом производных) при ср.-ирл. *gert* 'молоко' (*Pokorny 1959 : 446*).

Общеиндоевропейским следует считать также и термин ***melk̂***- со значением 'доить':

Греч. ἀμέλγω 'дою', лат. *mulgeō* 'дою', ср.-ирл. *bligim* 'дою', алб. *mjel* 'доить', др.-в.-нем. *milchu* 'дою' (нем. *melken*); др.-англ. *melcan* (англ. *to milk*), лит. *mélžti*, др.-рус. *мльсти* 'сбивать', тох. А *mālklune* 'доить', 'дойка'[2].

Отсутствие этимологически соотносимого с этой основой слова со значением 'доить' в индо-иранском[3] следует истолковывать как замену первичного слова на производное от основы *d[h]eug[h]- с первоначальным значением 'давать молоко', 'выдавливать', 'удаваться': др.-инд. *duháti*, *dógdhi* 'доит', пехл. *dōxtan*, *dōšidan* 'доить', перс. *dōxtan*, осет. *dūcyn Абаев 1958, I : 371—372*)[4].

[1] Такая замена названия 'молока' в части древних индоевропейских диалектов может объясняться табуированием слова для 'молока', игравшего магическую роль в представлениях древних индоевропейцев, ср. *Devoto 1962: 275*.

[2] В частности, в контексте: sne mālklune yo mālkant kowi "и без дойки доятся коровы", 63 *b* 5, ср. *Sieg/Siegling 1921, 1*.

[3] Приводимое, хотя и с оговорками, под этим корнем индо-иранское слово (др.-инд. *mṛjáti* 'трет', 'очищает', авест. *mərəzaiti* 'задевает' и др., *Pokorny 1959 : 722*) соотносится скорее с греч. ἀμέργω 'обрываю', лат. mergae 'вилы' (основа ***merk̂***-, ср. об иранских словах *Абаев 1958, I; 1973, II: 101*) и не должно быть связано с индоевропейской основой ***melk̂***- со значением 'доить'.

[4] Такие первичные значения для данной основы можно реконструировать, учитывая семантическое развитие этой основы в различных индоевропейских диалектах. К этой основе можно возвести прежде всего диалектные слова со значением 'дочь': др.-инд. duhitár- 'дочь', авест. dugəδar-, арм. dustr, греч. θυγάτηρ, гот. daúhtar, др.-в.-нем. tohter (нем. Tochter), прус. duckti, рус. *дочь*, тох. B tkācer (в первоначальном значении, вероятно, 'вскормленная грудью', *Трубачев 1959 : 66*). Сюда же относятся такие образования, как др.-инд. Kāma-duh(ā), имя мифологической 'коровы, исполняющей любые желания' (первоначально: 'в изобилии дающая молоко'); вторая половина имени -duhā соответствует имени греческой богини Τύχη (первоначально, вероятно, 'корова, исполняющая желания'), при τυγχάνω 'удачно попадаю', 'достигаю', ср. *Pokorny 1959 : 271*. С образом 'молочного изобилия' связано и восходящее к той же основе др.-ирл. dúan 'песня', 'стих'.

В качестве символа 'изобилия', связанного с молоком, в индоевропейской традиции выступает также общеиндоевропейская основа *ĕud[h]- с первичным значением 'вымя': ср. др.-инд. *údhar* 'вымя' (в "Ригведе" — 'вымя коровы' как образ всяческого изобилия, *Grassmann 1873 : 271—272*), греч. гом. οὖθαρ 'вымя' (как символ изобилия: "Αργος... οὖθαρ ἀρούρης, I 141 "в Аргос—вымя плодородной пашни"; οὖθατα γὰρ σφαραγεῦντο, ι 440 "вымя (у них) расперло (молоком)"; лат. ūber 'вымя, сосец, грудь'; 'плодородие, изобилие поля, плодородное поле'; др.-в.-нем. ūtrin, ср.-в.-нем. ūter (нем. Euter) 'вымя', др.-англ.

Характерно, что в индо-иранском заменяется как первичное слово для 'доения' от основы *melk'-, так и общеиндоевропейское слово для 'молока', что можно было бы объяснить спецификой развития молочно-скотоводческого хозяйства у скотоводческих индо-иранских племен после их отделения от некоторых других индоевропейских племен.

Такие новые диалектные термины, обозначающие 'молоко', объединяют индо-иранские языки с некоторыми другими диалектами:

Др.-инд. *kṣirám* 'молоко' (6 раз в "Ригведе"), осет. *æxsyr*, мундж. *xšir*, перс. *šir* 'молоко', алб. *hirrë* 'сыворотка'; авест. *xšvid-* 'молоко', лит. *sviestas* 'масло', латыш. *sviêsts* 'масло';

Др.-инд. *páyas-* 'молоко' (часто в "Ригведе"), авест. *paēman-* 'материнское молоко', перс. *pīnū* 'кислое молоко', лит. *pienas* 'молоко', латыш. *piẽns* 'молоко'.

Оба этих слова для 'молока' объединяют индо-иранские языки с балтийскими (и в одном случае — с албанским).

Примерно в этом же диалектном ареале выделяется диалектное слово для 'кислого молока', 'сыра': авест. *tūiri-* 'створожившееся молоко', 'сыворотка', греч. гом. τῡρός 'сыр', ср. βού-τῡρον 'масло', рус. *творог*.

Такой же ареал распространения имеет и другой термин, обозначающий некоторые разновидности 'молока':

Др.-инд. *dádhi*, *род. пад. dadhnás* 'простокваша', 'кислое молоко' (также, видимо, в культовом употреблении, откуда в "Ригведе" *Dadhyáñc-* 'имя жреца'); прус. *dadan* 'молоко' (ср. *ructan-dadan* 'кислое молоко'), алб. *djathë* 'сыр', *dhállë*, гег. *dhálltë* 'снятое молоко', 'пахтанье', 'сбивание молока' — редуплицированная форма при нередуплицированной в греч. θῆνυον 'молоко', арм. *dal* 'молозиво', 'молочная жидкость' от индоевропейского корня *d[h]eH(i)- с первоначальным значением 'сосать грудь', 'кормить грудью', 'давать молоко' (др.-инд. *dhā́yati* 'сосет молоко из материнской груди', греч. θῆσατο 'он сосал', арм. *diem* 'сосу', др.-ирл. *denaid* 'он сосет', лат. *fēlō* 'сосу', гот. *daddjan*, ср.-в.-нем. *dien* 'давать сосать грудь', латыш. *dêju* 'сосу', ст.-слав. *dojiti* 'давать грудь')[1].

В другой группе диалектов (кельтском, германском, славянском, то-

ūder (англ. udder), др.-исл. júgr 'вымя', ср. лит. ūdróti 'быть супоросой' (о свинье; из 'быть беременной', первоначально: 'набухать'); др.-рус. *вымя*, рус. *удить* 'набухать'.

[1] С этим основным древним значением корня связаны как приведенное выше диалектное обозначение 'молока', так и засвидетельствованные по отдельным диалектам семантические производные от основных значений:

'Сосать грудь' → 'сосущий грудь', 'сосунок': лат. *fīlius* 'сын' (ср. выше, стр. 569₄, о названии 'дочери'), др.-ирл. *dīnu* 'ягненок', др.-исл. *dilkr* 'ягненок', ст.-слав *dětí* 'дитя', латыш. *dẽls* 'сын', лит. *pirm-dėlė* (*kárvė*) '(корова), отелившаяся впервые';

'Кормить грудью' → 'дающая грудь', 'дающая молоко', 'кормилица': др.-инд. *dhātrī* 'кормилица', *dhenú-* 'дающий молоко', ср. авест. *daēnu-* 'самка четвероногого животного', пехл. *dāyag* 'кормилица', греч. θῆλυς 'женский', 'самка', τιθήνη 'кормилица', лат. *fēmina* 'женщина' (буквально: 'кормящая'), *fēlīx* 'плодоносный', 'счастливый' (из *'дающий молоко'), ст.-слав. *děva* 'дева' <'женщина'), алб. *dële* 'овца'.

С этими значениями увязывается семантически значение 'дойная корова' и 'доить': ср., с одной стороны, др.-инд. *dhénā* 'дойная корова', ср.-ирл. *delech* 'дойная корова';

харском) слово для 'молока' образуется от первоначальной основы *melk'- со значением 'доить': ср.-ирл. *melg* 'молоко', *bó-milge, род. пад.* 'коровье молоко', *mlicht, blicht* 'молоко'; гот. *miluks* 'молоко', др.-в.-нем. *miluh* (нем. *Milch*), др.-англ. *meolc* (англ. *milk*), др.-исл. *mjǫlk* 'молоко' (из германского обычно выводят ряд славянских названий: ст.-слав. *mlěko*, рус. *молоко*); сербо-хорв. *mlâz* 'количество молока, выдаиваемое за один раз', др.-рус. *мльзу, млѣсти* 'пахтать масло'[1]; тох. A *malke*, B *malkwer* 'молоко'.

Обилие рассмотренных выше диалектных слов для 'молока', 'молочных продуктов', 'доения' и образованных от них названий домашних животных, в частности 'молодняка', свидетельствует о разветвленности скотоводческой терминологии, отражающей развитое молочное хозяйство уже в общеиндоевропейскую эпоху. С этим связана и общеиндоевропейская символика 'вымени' и 'дойной коровы' как поэтических образов всяческого изобилия. Эти образы изобилия, связанные с 'молоком' и выражающие их языковые символы, становятся уже в общеиндоевропейскую эпоху атрибутами поэтической и древней культовой речи, что и отражено в соответствующих литературных, мифологических и обрядовых традициях.

3.4. *«КОРОВА» КАК КУЛЬТОВО-РИТУАЛЬНОЕ ЖИВОТНОЕ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ*

Другая основная физиологическая и хозяйственная функция 'коровы' отражена в древнеиндийской традиции в особых ритуалах прине-

с другой стороны, греч. *θῆσθαι* 'доить', ср. рус. *доить, доёное молоко* (ср. *Топоров 1975-, 1 : 285*), а также 'сосок', 'материнская грудь' (греч. *θηλή* 'материнская грудь', ср.-ирл. *del* 'сосок', др.-в.-нем. *tila* 'женская грудь', др.-англ. *delu* 'сосок').

Система значений распределенных по диалектам производных от этого слова может представить определенный интерес с точки зрения типологии развития данного семантического поля. При недифференцированности первоначальных значений 'сосать', 'кормить грудью', 'давать молоко' все остальные значения, в том числе и значения 'доить', 'дойный', могут быть сведены к этим исходным значениям, ср. типологически егип. *mḥr*, объединяющее в себе все эти значения: 'доить', 'сосать грудь', 'давать молоко' (о 'корове'), 'кормить грудью ребенка', отсюда же обозначения 'сосунка' и предметов молочного хозяйства (*Erman/Grapow 1955, II: 115—116*). Поэтому затруднительно дифференцировать исходное значение для семантемы 'доить': связано ли оно со значением 'сосать' или со значением 'давать молоко'. В первом случае (связь значений 'сосать'—'доить') это могло бы служить некоторым отражением первоначального способа 'доения' путем 'сосания' (ср. *Трубачев 1960: 9—10; Топоров 1975-, 1 : 285*). Это, однако, не означает, что носители общеиндоевропейских диалектов, где, как было показано выше (стр. 569), выделяется специальная основа с собственным значением 'доить' **melk'-*, не знали 'доения' как метода добывания молока. Такая связь значений в индоевропейском между 'сосать' и 'доить' является скорее следом более ранних хозяйственных методов, связанных с использованием домашних животных и соответствующих символических представлений. Окончательное решение данной проблемы зависит от выводов семантической типологии, полученных на широком этнолингвистическом материале.

[1] При вторичном развитии значения 'сосать' в словацк. (моравском) mĺze 'сосет' (о детях, о телятах), *Фасмер 1964—1973, II : 645*; ср. выше о семантических переходах в словах данного семантического поля.

сения в жертву стельной 'восьминогой' (*aṣṭápadi*)[1] коровы, у которой из чрева извлекали плод, преподносимый богам. Общеиндоевропейский характер этого ритуала явствует из наличия в Риме точно такого же обряда жертвоприношения 'стельной коровы' (*forda boue*), называвшегося *Fordicidia* 'убийство стельной коровы' (*Dumézil 1966 : 364—366*).

В свете этого арийско-италийского ритуально-мифологического соответствия особую значимость приобретает аналогичная символика, засвидетельствованная уже в древнехеттский период (в "Завещании Хаттусили", *Sommer/Falkenstein 1938*) и предполагающая наличие аналогичного обряда жертвоприношения 'стельной коровы' и в хеттской традиции: *apaš annaš-šiš-ma* GUD-*uš man ḫuišuanti-ya-ma-kan* GUD-*iš* ÚR *šarrir* "она же, мать его, подобно корове (заревела): Живой-де корове чрево вырвали!"[2].

(3.5) *ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ «КОРОВЫ» И «БЫКА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ*

Весь комплекс функций 'дойной коровы' как производящей молодняк и вскармливающей его, определяет особую хозяйственную ценность коровы по сравнению с другими домашними животными, в особенности быками[3].

В древнехеттских "Законах" (§ 67) 'корова' оценивается значительно выше рабочего 'быка'; в Древнем Царстве за одну украденную корову давали двенадцать голов быков.

В отличие от этого 'племенной бык', необходимый для той же функции размножения, ценился выше 'коровы'. Кражу одного племенного быка в Древнехеттском царстве нужно было возместить тридцатью рабочими быками и телятами ("Хеттские законы", § 57).

В хеттской, как и в других древних индоевропейских традициях, отражена и функция быков как пахотных животных (хеттская шумерограмма GUD.APIN.LAL 'пахотный бык'). Согласно "Хеттским Законам" (§ 178) 'пахотный бык' ценился выше всего (12 сиклей серебра), далее следовал 'племенной бык' — GUD. MAḪ (10 сиклей), 'стельная ко-

[1] В самом этом термине проявляется специфическая особенность индоевропейской классификационной системы называния 'живых существ' по признаку числа 'ног', ср. выше о 'двуногих' и 'четвероногих' (стр. 473 и след.). В этой связи интересно также греческое обозначение морского чудовища — 'осьминога', мик. po-ru-po-de-, греч. *πολύπους, род. пад. πολύποδος*, буквально: 'многоногий', а также древнеиндийское a-pád- 'безногий' (в "Ригведе" о змее Вритре, которого поражает бог Индра) и éka-pad- 'одноногий' (в "Ригведе" о 'козле' у 'Мирового дерева'), а также греч. *τρίπους* 'треногий' в полном тексте загадки сфинкса (*ср. Porzig 1968 : 172*).

[2] Типологическую параллель обряду жертвоприношения 'стельной коровы' и 'вырывания плода' из чрева можно видеть в некоторых скотоводческих африканских обществах, где, как и в индоевропейских традициях, плод, вырванный из чрева, преподносится богам (*Dumézil 1966 : 365*).

[3] В описываемых исторических индоевропейских традициях ценность 'коровы' по сравнению с 'быком' была тем более ощутима после появления 'лошади' как транспортного средства.

рова' — ^{GUD}ÁB *armaḫḫant-* (8 сиклей), 'взрослая корова' — ^{GUD}ÁB.GAL (7 сиклей), тогда как 'упряжная лошадь' (ANŠE.KUR.RA *turiaš*) стоила 20 сиклей (§ 180).

В этой стоимостной иерархии отражен факт особой ценности пахотного быка по сравнению с обыкновенным быком, даже племенным быком и стельной коровой. Но упряжная лошадь ценится неизмеримо выше крупного рогатого скота, что соответствует и проанализированным выше данным древних индоевропейских ритуалов.

В это время, то есть в первой половине второго тысячелетия до н. э., 'лошадь' уже становится основным транспортным животным, вытесняя 'быка'.

Для древнейшего периода до доместикации 'лошади', превращения ее в основное транспортное животное, впрягаемое в тяжелые повозки, и соответствующего развития самой упряжи (см. об этом подробнее ниже, в разделе о терминологии 'транспорта' и 'упряжи'), 'бык' был основным средством передвижения и упряжным животным. Следы этого более древнего назначения 'быка' можно видеть еще в исторических индоевропейских традициях.

3.6. *ПРОБЛЕМА ДОМЕСТИКАЦИИ «БЫКА» И СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ «БЫКА», «КОРОВЫ» С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИМИ МИГРАЦИОННЫМИ ТЕРМИНАМИ*

Доместикация дикого 'быка' (*Bos taurus* L.) и появление 'быка' и 'коровы' как домашних животных начались в глубокой древности задолго до одомашнивания 'дикой лошади'. Следы домашнего 'быка' и 'коровы' обнаруживаются уже в раннем неолите. При этом в Евразии известны два основных ареала приручения быка — европейский, где дикими предками были огромные быки-зубры (*Bos primigenius* Boj.), и западноазиатский, где дикими предками домашнего быка и коровы были особые разновидности быка — 'короткорогий' (*Bos brachyceros*) и 'длиннорогий'. Западноазиатский ареал считается первичным очагом доместикации 'дикого быка' (*Curwen/Hatt 1953 : 43—44*; *Кларк 1953 : 130—131*; *Семенов 1974 : 292—293*; *Perkins 1973*). Характерно, что в Малой Азии — в Чатал-Хююке — в культуре, датируемой VII—VI тысячелетиями, обнаружены изображения 'быков' и 'всадника на быке', что указывает на факт объезжания быка при его одомашнивании (*см. Рис. 8*).

Процесс доместикации нескольких разновидностей 'дикого быка' продолжался, очевидно, в течение длительного периода в двух намеченных выше ареалах. Этот процесс постепенно приводил к изменению внешнего вида приручаемого рогатого скота и образованию специальных пород домашних животных (*Кларк 1953 : 130*)..

Обращает на себя внимание большая хронологическая дистанция в датировке появления домашнего крупного рогатого скота на Ближнем Востоке (Чатал-Хююк, около 7000 г. до н. э., Северная Месопотамия и се-

веро-западный Иран того же времени, около 7000 г. до н. э.), включая Грецию (Фессалия) и прилегающие области Балкан (которые некоторые ученые считают древнейшим местом находки крупного рогатого скота, *Bökönyi 1974 : 109*), с одной стороны, и на юге Восточной Европы (рубеж V и IV тысячелетий), с другой (ср. *Berger/Protsch 1973 : 220, 224*).

В этом длительном процессе могли участвовать различные этнические элементы, что отражается в распространенности соответствующих терминов, не ограниченных определенными рамками языковых единств. Термины эти — названия 'дикого' и 'домашнего быка' — являются по своему характеру миграционными.

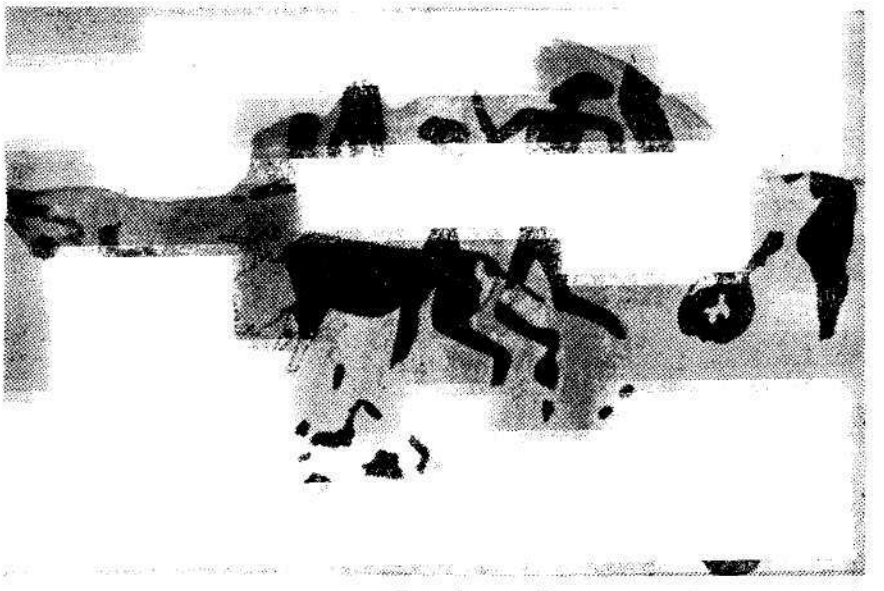

Рис. 8. **Изображение человека на быке (Чатал-Хююк, VII—VI тыс. до н. э.).**

Сохранившиеся в индоевропейских диалектах слова от общей основы ***t[h]auro-*** с первоначальным значением 'дикий бык', представляющей собой переднеазиатский миграционный термин, указывают на знакомство носителей этих диалектов с диким быком, водившимся именно в Передней Азии (*Bos brachyceros* и *Bos longifrons*). Доместикация именно этой разновидности 'дикого быка' и должна была привести к возникновению породы 'домашнего рогатого скота', 'быка' и 'коровы', которые были обозначены общим словом ***k'ºou̯-***[1]. Этот вывод согласуется с другим лингвистическим доводом, согласно которому обозначение для европейского дикого быка — 'зубра' (*Bos primigenius* Boj.) возникает позднее в отдельных группах диалектов как новообразование, получившееся путем

[1] Наряду с этим новым обозначением в некоторых диалектах для 'домашнего быка' и 'вола' сохраняется в фонетически преобразованном виде и первоначальное название 'дикого быка': авест. staoga- 'крупный рогатый скот', осет. stur‖stor 'бык', 'корова', пехл. stōr, перс. sutūr, гот. stiur 'бык', др.-исл. stjórr 'бык', др.-англ. stēor, др.-в.-нем. stior и др.

фонетического видоизменения первоначальной основы *t(h)aur̥o- (см. выше, стр. 521).

Отражение факта участия и носителей общеиндоевропейского языка в процессе доместикации 'дикого быка' можно было бы видеть в наличии в индоевропейских диалектах особого обозначения 'быка', образованного от основы *t'emH- 'укрощать', 'обуздывать', 'насиловать':

Др.-ирл. *dam* 'бык', вед. *damya-* 'бычок, которого следует укротить', алб. *dem* 'бычок' (*Mayrhofer 1963, II : 35*), греч. δαμάλης 'бычок, которого следует укротить', δαμάλη 'телка' (см. об этом корне выше, стр. 483_3).

В свете этих данных становится более вероятным давно уже предположенное сопоставление и.-е. *k'°ou̯-, *k'°u- с шумерским GUD 'бык', 'крупный рогатый скот' (*Ipsen 1923 : 175 и след.*). Слово, отраженное в шумерском *gu(d)* 'бык', 'крупный рогатый скот' (истолковываемое фонетически как *ĝu=[nu]*, ср. *Дьяконов 1967 : 49*), является, очевидно, переднеазиатским миграционным термином, охватывающим широкий ареал. Его наличие обнаруживается в египетском (начиная с Древнего Царства) в форме *ng3w* 'вид больших быков с длинными рогами, особенно как жертвенное и упряжное животное', 'боги в образе быка' (*Erman/Grapow 1955, II : 349*), ср. также позднее засвидетельствованную форму *gw* 'вид быка' (там же, V : 159).

Сопоставление шумерской формы *[nu]* с египетской *ng3w* делает весьма вероятной связь (возможно, и опосредованную) этих форм с постулируемой индоевропейской формой *k'°ou̯-, *k'°u-. Сочетание назализованной велярной фонемы /n/ с последующей ларингальной в египетской форме сопоставимо с глоттализованной лабиовелярной в индоевропейской[1].

Далее на восток сходное название для 'быка', 'крупного рогатого скота' обнаруживается в древней Восточной Азии, в частности в древнекитайском в формах *'kuo* и *ŋgi̯ə̯u* (*ср. Nehring 1935 : 73—77*), в целом ряде алтайских языков (*Ramstedt 1946—1947 : 25*), с характерным сдвигом значений 'корова', ⇒ 'самка четвероногого' ⇒ 'кобыла': маньчж. *geo* 'кобыла', 'корова', 'самка' (о четвероногих), ср. *geo murin* 'кобыла' (буквально: 'самка коня'), чжурчжен. *k'ó mù-lǐn* 'кобыла', эвенк. *gēγ* 'кобыла', *goγo* 'самка дикого оленя', письм.-монг. *gegün* 'кобыла' (*Цинцius 1975 : 145*).

Согласованное свидетельство разных лингвистических данных, касающихся нескольких терминов, связанных с обозначениями 'дикого' и 'домашнего быка', определяет ареал первоначального знакомства с 'диким быком' и с 'быком одомашненным' как переднеазиатский.

3.7. КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «БЫКА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Общность индоевропейских названий 'дикого' и 'домашнего быка' и переднеазиатских миграционных терминов, как и переднеазиатский аре-

[1] Сходная основа gu- со значением 'скотный двор' предполагается и для западнокавказских языков, ср. абх. a-gup 'коллектив пастухов', a-g°arta 'стадо', *Бжания 1973 : 85*.

ал одомашнивания 'быка', согласуются и со сходством архаических представлений в древних индоевропейских традициях о космических божествах как 'быках' с соответствующими образами египетской, шумерской и древнесемитской мифологий.

В "Ригведе" 'быками' постоянно называются такие боги грома и грозы, как Индра и Парджанья (а иногда и Ашвины). В "Гимне сну о Луне" говорится:

sahásraśr̥ṅgo vr̥ṣabhó yáḥ samudrâd udâcarat

(VII 55, 7)

"Тысячерогий бык, который поднялся из моря".

Аналогичная символика лунного божества как 'быка' известна в древнем Двуречье (*Labat 1970 : 280*) и выявлена в последнее время и в древней культуре Южной Туркмении III—II тысячелетий до н. э. (*Массон 1976 : 435—436*).

Вместе с тем в "Ригведе" священный бык связан опосредованно и с 'солнцем': в свадебном гимне в колесницу богини Солнца Сурьи впряжены 'два быка' (*gâvau, дв. ч.*, X 85, 11). Далее 'двух быков' закалывают под 'созвездием Агха' (*aghâsu hanyante gâvo*, X 85, 13), в чем можно видеть след космического жертвоприношения, связанного с Солнцем.

Аналогичное жертвоприношение 'быка' в связи с божеством засвидетельствовано в анатолийской традиции в хеттско-палайском ритуале KBo XIX 153 III 14 : EGIR.*ŠU-ma* GUD.MAḪ *ši-pa-an-ti nu* ^{SAL}ŠU.GI *ma-al-ti* "затем же он приносит в жертву племенного быка и Старая Женщина молится" (ср. в старой русской традиции 'молить быка' в смысле 'приносить в жертву').

В древней греческой традиции засвидетельствованы "буфонии"—праздник обрядового убийства 'священного быка', который представляет собой целый комплекс ритуальных действий, подготавливающих закалывание быка (съевшего 'жертвенный хлеб') и разделенных между исполнителями отдельных функций : 'девы-водоносицы' приносят воды для омывания топора и ножа, 'первый резник' оглушает быка топором, 'второй' закалывает ножом и поспешно убегает (*Фрейденберг 1936 : 95*). Эта традиция уходит корнями в глубокую древность и перекликается с тавромахией на Крите (*Пендлбери 1950 : 238, рис. 36, 4 и др.*; *Webster 1958*) и еще более древними следами 'культа быка' в древней Малой Азии в Чатал-Хююке (VII—VI тысячелетия до н. э., *Mellaart 1967*); в то же время эта восходящая к Малой Азии средиземноморская традиция 'сакральной игры с быком', кончающаяся его жертвенным закалыванием, продолжается в преобразованном виде в современном бое быков — корриде.

В греческой традиции известна также и замена принесения в жертву быка 'жертвенной лепешкой', изображающей 'быка' (*Фрейденберг 1936 : 197, 402*). Сходный обычай отражен в древнеиндийской и особенно в славянской традициях, где до недавнего времени сохранялся ритуал выпечки хлеба — 'коровая' (выступавшего как свадебный мужской символ), наз-

ванного по древнему имени быка **koro-* (ср. польск. диал. *karw* 'старый вол' ; см. о 'коровае'/'каравае' *Иванов/Топоров 1974 : 244—258*).

По сообщению *Прокопия* (VI в. н. э.), славяне приносили быков в жертву богу — "творцу молний". Этот обычай, соответствующий древнеиндийским и древнегреческим представлениям о боге Грозы (Индре, Зевсе) как быке, у восточных славян сохранялся в обряде заклания 'ильинского быка' на Ильин день (Илья пророк-громовержец как замена *старого языческого имени бога, Иванов/Топоров 1974 : 169*).

Обряды принесения в жертву быка известны по археологическим данным и у древних германцев (*Beck 1965 : 58, 62, 65, 182*).

На основании совпадения метафор в древнеиндийской, греческой и древнеирландской традициях восстанавливается образ героя-мужчины как 'быка' и женщины, девушки как 'коровы' (*Campanile 1974*); ср. в этой связи отражение образа женщины как 'телки-коровы' (GUD) в хеттской традиции (в молитве царицы Пудухепы богине Аринны, KUB XXI 27).

Совокупность всех этих данных разных индоевропейских традиций не оставляет сомнения в древности культовой, как и хозяйственно-транспортной роли 'быка' у древних индоевропейцев, лишь в поздней общеиндоевропейской традиции—после появления 'лошади' — уступившего ей первенство.

4. «ОВЦА», «БАРАН», «ЯГНЕНОК»

4.1. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ОВЦЫ», «БАРАНА» И «СКОТА»

Общеиндоевропейская основа со значением 'овца' восстанавливается в форме ***Hou̯i-**:

Лув. *ḫau̯i-* 'овца', иер. лув. *hawa/i-* (*Laroche 1959a : 44—45, 151*), др.-инд. *ávi-* 'овца', *avikā́* 'овца', *avi-pā(lá)-* 'пастух овец', арм. *hoviw* 'пастух' (из 'овечий пастух', ср. др.-инд. *avi-pālá-*), греч. *ὄ(F)ις* 'овца', 'баран', лат. *ouis* 'баран', 'овца', др.-ирл. *oí* 'овца'; др.-исл. *ær*, др.-англ. *ēow* (англ. *ewe*), др.-в.-нем. *ou* 'овца', гот. *awistr* 'овечье стойло'; лит. *avìs*, латыш. *avs* 'овца', ст.-слав. *ovĭca* (<**ovi-ka*) 'овца'.

По диалектному распределению соответствующих форм (совместное свидетельство анатолийского и греко-армяно-арийского, а также "древнеевропейских" диалектов) слово постулируется для эпохи индоевропейской языковой общности.

Иранские диалекты показывают, при отсутствии рефлексов формы ***Hou̯i-**, формы со значением 'овца', 'мелкий скот' от индоевропейской основы ***p[h]ek[h]-(u-)** : авест. *pasu-* 'скот', 'мелкий скот', согд. *psw* 'мелкий скот', осет. *fys//fus* 'овца', 'баран'.

Следы употребления форм от корня ***p[h]ek[h]-** в значении 'овца' можно обнаружить и в латинском и германских языках: лат. *pecus, ср. р.*,

род. пад. pecoris 'скот; домашние животные', 'мелкий скот', преимущественно 'овцы' (ср. *pecus capraeque* 'овцы и козы', поэтич. *pecus lānigerum* 'шерстеносные овцы'); *pecus, ж. р., род. пад. pecŭdis* 'домашнее животное', 'мелкий скот', преимущественно 'овцы' (ср. *armenta et pecudes* 'крупный и мелкий скот', *pecus Hellēs* 'животные Геллы', 'баран', по мифу: 'золоторунный баран', на котором Геллa перелетала Геллеспонт); др.-исл. *fær* 'овца'.

Рис. 9. **Ритуальный сосуд с головой барана (Древнебалканская культура, V тыс. до н. э.)**

4.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ШЕРСТИ» И ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБРАБОТКИ «ШЕРСТИ»

Наряду с основой ***Hoųi-** в значении 'овца' в некоторых индоевропейских диалектах выступают производные от корня ***p[h]ek[h]-**. Древность этого последнего названия 'овцы' можно было бы видеть в специфическом употреблении образований от корня *p[h]ek[h]- в индоевропейских диалектах со значением 'чесать', 'чесало', 'шерсть', 'руно', 'волос':

Греч. πέχω, πέκτω, πεκτέω 'чешу', 'стригу'; πέκος 'руно', 'шерсть', гом. πόκος 'шерсть', 'обстриженная овечья шерсть', лат. *pectō* 'чесать (шерсть)', 'расчесывать (волосы)', *pecten* 'гребень', 'чесалка' (для шерсти), др.-в.-нем. *fahs*, др.-англ. *feax* 'волосы', *feht* 'руно', лит. *pašýti* 'щипать' (*vìlna* 'шерсть'), ср. арм. *asr* 'шерсть овец', 'руно'; сюда же относится, по-видимому, др.-инд. *pákṣma* 'ресницы', 'волосы', 'шерсть', авест. *pašna-* 'веко', пехл. *pašm* 'шерсть', осет. *fæsm* 'шерсть осенней стрижки' (ср. *Pokorny 1959 : 797*)[1].

[1] Наряду и параллельно с этим корнем в значении 'чесать', 'чесалка' засвидетельствованы производные от основы **k[h]les-*: хет. kišai- 'чесать' (шерсть, в частности овец), SIGkišri- 'шерстяное изделие', рус. *чесать*, ср.-ирл. *cir* 'гребень', греч. ξάνιον 'гребень', 'чесалка для шерсти' и др.

Основное название для 'шерсти' (овечьей) в индоевропейском представлено основой **Hųl-n-*: хет. ḫulana-, др.-инд. úṛṇā, авест. varənā-, греч. λῆνος, лат. lāna, гот. wulla 'шерсть', др.-в.-нем. wolla (нем. Wolle), лит. *vìlna*, латыш. *vìlna*, др.-рус. *вълна*, рус. диал. *вóлна* 'овечья шерсть'.

В хеттском еще сохраняется связь названия 'шерсти' *ḫula-na-* с обозначением действия обработки — 'наматывания' шерсти (*ḫulaliia-* 'наматывать' о шерсти) и орудия работы с 'шерстью' — 'веретена' (хет. *ḫula-li-*).

Это позволяет реконструировать для общеиндоевропейского две формы со значением 'овца': это, в первую очередь, *Houi- и, с другой стороны, производные от корня *p[h]ek̑[h]-. От последнего корня *p[h]ek̑[h]- образуется в общеиндоевропейском и другая основа —на -u: *p[h]ek̑[h]-u- со специфическим значением 'скот вообще' (в частности, 'крупный и мелкий рогатый скот как совокупность домашних животных', см. выше, стр. 469_2)[1].

С этим последним значением увязывается и значение 'имущество', 'деньги':

Др.-инд. *páśu-*, *род. пад. paśváḥ* 'скот', *puru-kṣú-* 'богатый' (буквально: 'имеющий много скота'), лат. *pecū*, *род. пад. pecūs* 'скот' (крупный и мелкий), *pecūnia* 'движимое имущество', 'богатство', 'собственность', ср. *pecūlium* 'собственность, движимое имущество'; гот. *faihu* 'деньги', 'собственность' (ср. *Benveniste 1969, I : 53—57*), др.-исл. *fé* 'скот', 'имущество', 'деньги', др.-англ. *feoh* 'скот', 'движимое имущество', 'деньги', др.-в.-нем. *fihu* 'скот' (нем. *Vieh*); прус. *pecku* 'скот', лит. *pẽkus* 'скот'.

Таким образом, для общеиндоевропейского следует различать формально-семантически два различных образования от корня *p[h]ek̑[h]-: это, с одной стороны, основа на *-u- со значением 'скот вообще', крупный и мелкий, и связанным с ним значением 'движимое имущество', а с другой, — ряд производных со специфическим значением 'овца', 'руно', 'шерсть', 'волос' (при параллельном термине *Houi- в значении 'овца'). В ряде исторических диалектов сохраняются оба названия 'овцы' (ср. лат. *ouis* и *pecus, род. пад. pecoris* при основе на *-ud-* в *pecus, род. пад. pecŭdis*; др.-исл. *ær* и *fær*) или производные от обоих названий 'овцы' (ср. арм. *hoviw* 'овечий пастух' и *asr* 'овечья шерсть', 'руно'[2], греч. ὄϝις и πόκος и др.).

Полное преобразование соотношений общеиндоевропейских названий 'скота' (как крупного, так и мелкого) и 'овцы' происходит в иранских диалектах. Формы, восходящие к индоевропейским основам *k'ou- 'корова', 'бык', *t[h]auro- 'дикий бык', приобретают тут значение родового термина

[1] В этом общем значении 'рогатый скот' индоевропейское слово *p[h]ek̑[h]u- попадает в центральноазиатские, в частности алтайские языки: др.-тюрк. ökü̈z 'бык', 'вол', узбек. *hökyz*, чуваш. *văkăr*, монг. üxer 'крупный рогатый скот', üxer žil 'год быка' (второй год животного цикла), тунгусо-маньчжур. hukur 'бык', 'скот' (*Ramstedt 1946—1947 : 25*; *ср. Щербак 1961: 98*). Закономерные фонетические соотношения, проявляемые соответствующими формами алтайских языков, указывают на исключительную древность заимствования индоевропейской формы *p[h]ek̑[h]u-, по-видимому, еще в период алтайского диалектного единства.

[2] Арм. *asr*, *род. пад. asu*, прилагат. *asu-et* 'шерстистый' следует считать производной формой от корня *p[h]ek̑[h]- с гетероклитическим суффиксом *-r/-u*, исторически отличным от негетероклитического *-u-*, представленного в общеиндоевропейском *p[h]ek̑[h]u-. К армянскому типу образования ср. арм. *metr*, *род. пад. metu* 'мед', прилагательные типа *barjr*, *род. пад. barju* 'высокий' и др. (ср. *Бенвенист 1955 : 62*).

'крупный рогатый скот' (ср. авест. *gav-* 'скот', *gāuš urvan-* 'душа скота', *gao-dāyah-* 'ухаживающий за скотом'), вытесняя при этом первичное название 'скота' *p[h]ek̑[h]u-, которое занимает в системе значений данного семантического поля место древнего *Houi-, вышедшего из употребления и утерянного еще в общеиранском.

Тем самым *p[h]ek̑[h]u- приобретает в иранском специальное значение 'мелкого скота', 'овцы', 'барана' и объединяется в этом значении с древними производными от корня *p[h]ek̑[h]-, образуя с ними формально недифференцированную группу слов:

Авест. *pasu-* 'скот', 'мелкий скот', согд. *pśw* 'овца', хотано-сакск. *pasa-* 'овца', 'мелкий скот', пехл. *pah*, курд. *pes*, *pas*, талыш. *pas*, афган. *psə* 'овца', 'мелкий скот', осет. *fys* 'овца' (ср. *Абаев 1958,I : 500—501*). Наличие в общеиндоевропейском двух различающихся названий 'овцы' *Houi- и *p[h]ek̑[h]u- должно свидетельствовать о различении в хозяйстве разновидностей 'овцы'.

Этимологическая связь основы *p[h]ek̑[h]u- 'овца' со словами, обозначающими 'стрижку шерсти' и 'чесание шерсти', могла бы служить основанием для определения соответствующей разновидности 'овцы', шерсть которой стригли и использовали в хозяйстве. Другое название 'овцы' *Houi- могло служить общим видовым названием или обозначать какую-либо другую разновидность овец (см. ниже об этимологическом объяснении этого термина).

Вместе с тем не подлежит сомнению первоначальная этимологическая связь между *p[h]ek̑[h]u- 'крупный и мелкий рогатый скот', 'скот вообще', 'движимое имущество', 'богатство', с одной стороны, и основой *p[h]ek̑[h]- с первичным значением 'чесать' (шерсть), далее 'овца' — с другой. Можно заключить, что первоначальное название 'скота' вообще, как крупного, так и мелкого, было образовано в праиндоевропейском по названию 'овцы'. Это можно было бы объяснить в принципе характером стада домашних животных со значительным преобладанием 'овец' как основных и наиболее распространенных животных на раннем этапе истории носителей индоевропейского языка.

4.3. «ОВЦА» И «ОВЦЕВОДСТВО» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМ ОВЦЕВОДЧЕСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ

Реконструируемая картина раннего индоевропейского скотоводческого хозяйства с преобладанием 'овцы' в стаде (на этом этапе отождествляемом со 'стадом овец') предполагает такие географические области расселения индоевропейцев, где уже в то время одомашненные 'овцы' были представлены в большом количестве.

Выводы палеозоологии, касающиеся доместикации овец, протекавшей первоначально в горных областях, определяют в качестве древнейшего

основного ареала одомашнивания овцы область одомашнивания муфлона (*Ovis aries musimon*), простирающаяся от острова Кипр и Малой Азии до Ирана. По хромосомному набору все современные породы овец считаются происходящими от одного типа, одомашненного в переднеазиатском ареале, ср. *Matolcsi 1973*; *Perkins 1973*; *Ucko/Dimbleby 1969 : 149*.

В более восточных областях от Средней Азии и Афганистана до Тибета был позднее одомашнен уриал (*Ovis ammon vignei*); еще далее на восток лежит ареал одомашнивания аргали (*Ovis ammon* L.) в Центральной и Восточной Азии от Памира до Камчатки (*Семенов 1974 : 290—291*). В Европе до позднего бронзового века (то есть до I тысячелетия до н. э.) овцы составляли относительно небольшую часть всего стада (см. количественные данные по европейскому ареалу *Кларк 1953 : 124—125*). Древние европейские виды овец происходят от муфлона (европейский вид *Ovis aries palustris*) и связаны с ближневосточно-кавказской группой овец (*Perkins 1973*; *Ucko/Dimbleby 1969*).

Появление домашней овцы на юге Восточной Европы совпадает по времени с появлением там крупного рогатого скота (*Curwen/Hatt 1953 : 41*). Самые ранние находки торфяниковой овцы относятся к неолиту Британии (2500—2000 лет до н. э.); с этим связано и полное отсутствие следов шерсти в неолите Европы (*Кларк 1953 : 235—236*).

Наличие развитого овечьего хозяйства с большим количеством овец, составляющих основную массу скота, естественно, следует предположить для доисторического периода в первую очередь в областях первичной доместикации овец, что свидетельствует в пользу локализации первоначальной индоевропейской территории в ареале, близком к области доместикации 'муфлона'. Как известно, позднее именно в определенной части этого ареала — в Малой Азии — были выведены тонкорунные овцы, которых вывозили из Милета и Сард. С этим сопоставляют и легенду о "Золотом руне и аргонавтах" в Колхиде, где овцеводство было развито с глубокой древности.

4.4. *Культовая значимость «овцы», «шерсти», «пряжи» в древних индоевропейских традициях*

Значительная роль овцы в хозяйстве древних индоевропейцев отражена и в культовой значимости 'овцы' и 'шерсти' в индоевропейской культурной традиции.

'Овца' наряду с 'конем' и 'коровой' является одним из трех основных жертвенных животных, посвящаемых богам. При этом овца приносится в жертву кровно — путем закалывания (в древнеиндийской, древнеиранской, римской, германской, славянской традициях) и бескровно — в виде остриженной или ощипанной шерсти.

В хеттских текстах отражен специальный обряд, связанный со 'стрижкой овец' и посвящением шерсти женскому божеству — Камрусепе

(*Goetze 1938 : 88 и след.*). В хетто-лувийском ритуале KUB IX 4 II 10—43 и других, ему подобных, 'овца' выступает как основное культовое животное, с которым "Старая Женщина" совершает различные магические действия. 'Овца' (лув. *ḫaḳiš*) должна помочь изгнать 'беды', подробно перечисляемые в ритуале (ср. ниже о библейском 'козле отпущения').

В мифе об исчезающем и возвращающемся боге плодородия Телепину перед ним воздвигается 'Мировое дерево' (^{GIŠ}*eḫa-*), на которое 'навешивается руно овцы-барана' (UDU-*aš* ^{KUŠ}*kur-ša-aš kán-kán-za*), и внутри 'жир барана кладется' (UDU-*aš* IÀ-*an ki-it-ta*) и далее внутрь помещают 'быка и овцу' (GUD UDU *ki-it-ta*), KUB XVII 10 IV 27 и след., ср. *Haas 1977 : 117 и след.*

В римской традиции 'овца' (*ouis*) посвящается Квирину — главному богу — покровителю хозяйства (*Dumézil 1966 : 240*).

В ряде архаичных индоевропейских традиций с культом 'овцы' связана сакральная роль 'шерсти', имевшей широкое применение в хозяйстве. Обычно культ 'шерсти' связан с женским божеством 'Нижнего мира', атрибутом которого является 'веретено', символизирующее обычно хозяйственную функцию 'божества'.

Характерно, что в древнехеттских ритуалах, где часто упоминается 'шерсть' (*ḫulana-*) и 'веретено' (*ḫula-li-*), они связываются с 'Нижним миром' и с обитателем 'Нижнего мира' — 'змеем' (змея — MUŠ — сидит на 'шерсти', ее 'связывают' и 'развязывают' на 'шерсти': MUŠ$^{ḪI.A}$-*uš an-da ḫu-u-la-*[*ni-i*] *ḫa-mi-ik-ta* "змей на шерсти (он) связал", KBo III 8 III 8); в ритуале KUB XXIX 1 Vs. II 6—9 'нижние' (*kattereš*) боги, которых видит 'орел', держат в руках 'веретена' (^{GIŠ}*ḫulali-*), символизирующие продолжительность жизни: ср. *nu* LUGAL-*ua-aš* MU.KAM$^{ḪI.A}$-*uš ma-al-di-ia-an-zi ú-it-ta-an-na ku-ut-ri-eš-mi-it ḫap-pu-ú-ua-ú-ua-ar*... "... и царя годы молят, их лет краткость, счет...".

Такого же типа женские божества 'Нижнего мира' представляют собой древнегреческие 'мойры' и древнеисландские 'норны', прядущие судьбу, то есть продолжительность лет и последовательность жизней и смертей (ср. у *Feme* образ 'ткацкого станка времени'— *Webstuhl der Zeit*). Представления о 'богине-женщине', держащей 'веретено' и символически 'прядущей шерсть', могли, естественно, возникнуть только в культурах с широким распространением 'шерстеносных овец', игравших существенную роль в хозяйстве.

В Средней Азии у таджиков сохранился культ женского божества — покровительницы ткачества и прядения, к которой обращаются за помощью бесплодные женщины.

Аналогию такому 'женскому божеству' в славянской традиции представляет богиня Мокошь, входившая в основной древневосточно-славянский пантеон и связывавшаяся со 'стрижкой овец' и 'прядением'.

Как славянская Мокошь, так и иранское божество (в "Авесте" *Arədvi Sūra Anāhita*), могут относиться к тому же типу представлений о 'женском божестве', прядущем шерсть.

(4.5.) *ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СЛОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ КОРНЯ В ЗНАЧЕНИИ «ТКАТЬ», «ОВЕЧЬЯ ШЕРСТЬ»*

Представление о 'прядении шерсти' как источнике 'богатства' и символе 'судьбы' отражается также и в этимологически соотносимых друг с другом формах исторических диалектов, главным образом, германских, обозначающих 'прядение' и 'пряжу', 'ткань', с одной стороны, и 'судьбу', 'удачу', 'богатство', с другой: ср. др.-исл. *váð* 'пряжа', 'ткань с ткацкого станка', др.-англ. *wǣd* 'одежда', 'платье' (англ. *weeds*), др.-в.-нем. *wāt* 'одежда' при др.-исл. *auðna* 'судьба', 'удача', *auðr* 'богатство', др.-англ. *ēad* 'богатство', 'удача'. Такую связь значений можно объяснить представлением о 'прядущей или ткущей богине судьбы', распределяющей 'богатство' (ср. *Pokorny 1959 : 76*).

Рассмотренная выше семантическая связь между элементами единого семантического поля 'овца' ~ 'овечья шерсть' ~ 'прядение шерсти' ~ 'тканье' позволяет предположить возможную общность происхождения соответствующих обозначений. Такую связь можно было бы видеть, во-первых, между общеиндоевропейскими названиями 'овцы' ***Hou̯i-*** и 'шерсти' ***Hu̯l-n-***, которые следует соотнести изначально с корнем ***He/ou̯-/*Hu̯-*** в значении 'ткать': др.-инд. *ótum* 'ткать', *ótave*, *vā́tave* 'он ткет', *перф. 3 л. мн. ч. ūvuḥ* 'они наткали', *прич. ūtá-*; ср. также *váyati* 'ткет', *vāyá-* 'ткач', *vā́na-* 'тканье'[1].

В таком случае форма ***Hou̯i-*** 'овца' анализируется как древнее производное на ***-i-*** от корня ***Hou̯-*** (в полной ступени с огласовкой ***o***), тогда как форма ***Hu̯l-n-*** 'шерсть' предстает как производная на ***-l-*** от того же корня с нулевой огласовкой (ср. также хет. *ḫula-li-* 'веретено', *ḫula-li-ia-* 'наматывать шерсть' от той же основы).

Возможно, к тому же первичному корню ***Hu̯-*** с суффиксом ***-(e)b[h]-*** восходит в конечном счете и наиболее распространенное в диалектах индоевропейское обозначение 'тканья': др.-инд. *vābh-* в вед. *orṇa-vābhá-* 'происходящий от прялки' (в "Ригведе" прозвище демона), *ubhnā́ti* 'связывает'[2], авест. *ub-daēna-* 'из ткани', греч. гом. ὑφαίνω 'тку', ὑφή 'тканье', др.-в.-нем. *weban* 'ткать' (нем. *weben*), др.-англ. *wefan*, *webbian* 'ткать' (англ. *weave*), др.-исл. *vaf* 'веретено', тох. В *wāp-* 'ткать'.

(4.6.) *РАЗНОВИДНОСТИ «ОВЦЫ», «БАРАНА» И ИХ ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ*

Все приведенные выше данные свидетельствуют о наличии развитого овцеводства у древних индоевропейцев с использованием различных видов

[1] В древнеиндийских формах представлены ступени огласовки корня—полная ***Helou̯-***: ótum, ótave и нулевая ***Hu̯-*** : vátave, váyati, vā́na- и ***Hu-***: ūvuḥ, ūtá- (ср. к долгому ū др.-инд. úṛṇā из ***Hu̯l-n-***); нулевая ступень от этого корня ***Hu-*** лежит в основе производной на ***-d[h]-***: ***Hu-d[h]-***, ***Hu̯-e/od[h]-***, которые и представлены в разобранных выше германских формах типа др.-исл. auðna 'счастье' и váð 'ткань'.

[2] О связи корней др.-инд. ubhnáti и vátave см. *Pokorny 1959 : 1114*.

овец (*Hoųi-, *p[h]eḱ[h]u-) и широким применением 'овец' и 'овечьей шерсти' (*Hu̯|n-) в хозяйстве.

Еще у хеттов засвидетельствована разветвленная терминология с перечислением разных видов 'овец'. При общем обозначении 'овцы' шумерограммой UDU в хеттских текстах различаются виды овец : UDU.A.LUM, UDU.ÁŠ.SAL.GÁR 'молодая овца', 'овечка', UDU.KUR.RA 'горная овца', UDU.NITÁ 'баран', UDU.SÍG+SAL 'шерстеносная овца', UDU.ŠE 'жирная овца', 'жирный баран', UDU.ŠIR 'племенной баран' (*Friedrich 1952 : 298*).

Особые обозначения 'молодой овечки', 'ягненка' сохраняются в определенных древних индоевропейских диалектных общностях. Такой древний диалектный термин *ag[h]°no-, в частности, отражен в греч. ἀμνός 'ягненок', 'овечка', ἀμνή 'овечка', лат. *agnus* 'ягненок', *agnā* 'овечка', др.-ирл. *úan* 'ягненок', др.-англ. *ēanian* 'ягниться' (англ. *yean*), ср. слав. **agniti* (*sę*) 'ягниться', ст.-слав. *agnę* 'ягненок', с многочисленными производными уже в праславянском, ср. *Трубачев 1974-, 1 : 54—57*. Термин ограничен итало-кельто-германо-славяно-греческой диалектной общностью, представляющей один из самых древних диалектных ареалов.

Другой диалектный термин *u̯r-en- засвидетельствован со сходным кругом значений в греко-армяно-арийском ареале : др.-инд. *úrā* (*ж. р.*, в "Ригведе" в значении 'овца'), *úraṇa-* 'баран', 'ягненок'; пехл. *warrag* 'баран', перс. *barra* 'ягненок', осет. *wær* 'ягненок'; греч. гом. (F)αρήν, *род. пад.* ἀρνός 'овца', 'ягненок', мик. греч. *we-re-ne-ja* 'относящаяся к ягненку' (*Risch 1976 : 313*), арм. *gaṙn, род. пад. gaṙin* 'ягненок'. В случае отнесения сюда же лат. *ueruex* 'холощеный баран' корень слова может считаться значительно более древней, восходящей к общеиндоевропейской эпохе, формой, обозначавшей определенный вид 'овцы', 'барана'.

К диалектным терминам, обозначающим 'ягненка', 'барана', относится также основа *er(i)-: лат. *ariēs, род. п. arietis* 'баран', умбр. *erietu* 'барана', *вин. пад.*, арм. *oroǰ* 'ягненок', прус. *eristian* 'ягненок', лит. *ėras* 'ягненок', латыш. *jẽrs* при др.-рус. *яръка* 'молодая овца', *ярę* 'ягненок', рус. *ярина* 'овечья шерсть' (ввиду фонетической формы начала слова предполагается контаминация в славянском с корнем, обозначавшим 'весну', ср. *Трубачев 1960 : 77—78*). При отнесении сюда же слов с суффиксом *-b[h]- и с некоторым переносом значения (греч. ἔριφος 'козленок', др.-ирл. *heirp* 'коза', *erb* 'корова') слово может считаться восходящим к более широкой и, соответственно, более древней диалектной общности.

Вторичные названия 'барана' от первичной основы *Hoųi- образуются уже в пределах сравнительно поздних узких диалектных общностей типа балто-славянской : прус. *awins* 'баран', лит. *āvinas*, латыш. *àuns*, ст.-слав. *ovĭnŭ* 'баран'.

Уже к истории отдельных исторических индоевропейских диалектов относятся новообразования в таких словах или словосочетаниях, обозначающих 'мелкий рогатый скот', 'овец', 'баранов' (часто сосуществующих и со старыми названиями), как хет. UDU *iianza* 'овца идущая', греч. τὰ πρόβατα (буквально: 'идущие впереди', откуда 'движимое имущест-

во', 'овцы', *Benveniste 1969, I : 37—45*), ср. др.-исл. *gangandi fé* 'идущий скот' (ср. к типологии др.-тюрк. *baran* 'идущий', откуда рус. *баран*, см. *Трубачев 1960 : 76*). Семантическую связь с этой группой названий 'овцы', 'мелкого рогатого скота' обнаруживает и специфическое тохарское обозначение 'овцы': тох. А *śoś* 'овцы', 'скот', связываемое этимологически с и.-е. **t'eu̯k**$^{[h]}$- 'тянуть', 'вести' (лат. *dūcō* 'веду', др.-англ. *tiegan*, др.-в.-нем. *ziohan*, нем. *ziehen* 'тянуть', 'тянуться', 'отправляться').

Любопытно, что древнейшие названия 'овцы' и 'мелкого скота' связываются этимологически с названием 'шерсти' и обозначениями действий, производимых с 'шерстью' (***Hou̯-i-** 'овца'; ***Hu̯|-n-** 'шерсть', ***Hu̯-eb**$^{[h]}$- 'ткать'; ***p**$^{[h]}$**eḱ**$^{[h]}$**u-** 'скот'; ***p**$^{[h]}$**eḱ**$^{[h]}$- 'овца', 'чесать', 'шерсть'), тогда как позднейшие названия 'овцы' и 'мелкого скота' происходят от глаголов, обозначающих 'движение', 'переход' стада (греч. *πρόβατον*, тох. А *śoś* и др.). В этих последних названиях можно было бы видеть отражение способности перехода мелкого рогатого скота на большие расстояния, что, очевидно, приобрело значимость в период ранней истории отдельных индоевропейских племен. В условиях полукочевого хозяйства 'овцы' двигались вместе со всем населением, перебирающимся на новые места жительства.

5. «КОЗЕЛ», «КОЗА»

5.1. АРЕАЛЬНЫЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «КОЗЛА» — «КОЗЫ»

Индоевропейские названия 'козла', 'козы' показывают главным образом ареальное распределение, указывающее на существование соответствующих слов в определенных диалектных общностях:

***q**$^{[h]}$**oḱ'**- : ср. ст.-слав. *koza* 'коза', др.-рус. *коза* 'коза', *козьлъ* 'козел', *козьлę* 'козленок'; алб. *keth*, *kedhi* 'козленок'; ср.-голл. *hoekijn*, др.-англ. *hēcen* 'козленок' (*ср. Pokorny 1959 : 517*) при др.-инд. *ajá-* 'козел', *ajā́* 'коза', *ajikā* 'коза' (к форме ср. *avikā́* 'овца'), ср.-перс. *azak* 'коза', перс. *azg*, лит. *ožỹs* 'козел', *ožkà* 'коза', прус. *wosux* 'козленок', *wosee* 'коза'; сюда же относятся названия 'козлиной шкуры': др.-инд. *ajínam*, др.-рус. *язьно* (к соответствию # *k* ~ # *Ø* см. выше, стр. 129 и след.).

Форма архаична уже ввиду наличия в архетипе постvelярного ***q**$^{[h]}$-. По распределению в исторических диалектах (основные восточные группы языков и балто-славяно-германские) основу следует постулировать уже на начальных этапах распада индоевропейского языка. Сохранение постvelярного в такой относительно поздний период может объясняться особенностями слов со специфической семантикой, определяющей и возможность аномальной фонетической структуры. Такое постvelярное ***q**$^{[h]}$ могло в это время уже представлять не отдельную фонему, а особый фонетический вариант velярного ***k**$^{[h]}$ (в начальной позиции в подобных специфических формах, ср. выше названия животных с начальным ***q**$^{[h]}$-: ***q**$^{[h]}$**u̯ep**$^{[h]}$- и ***q**$^{[h]}$**e/op**$^{[h]}$-, стр. *515*; *523*).

Другим в фонетическом отношении аномальным ареальным словом,

обозначавшим 'козла' в определенной диалектной общности, является *$\mathbf{b}^{[h]}\mathbf{u}\hat{\mathbf{k}}'\mathbf{o}$- (редкое сочетание в корне звонкой придыхательной и глоттализованной)[1]:

Авест. *būza-* 'козел', перс. *buz* 'коза', 'козел'; арм. *buc* 'ягненок'; ср.-ирл. *bocc* (форма с геминацией *-kk-*), валл. *bwch*, брет. *bouc'h* 'козел'; др.-исл. *bukkr*, *bokkr*, *bokki*, др.-англ. *bucca* (англ. *buck*), др.-в.-нем. *boc* (нем. *Bock*) 'козел'. Форма с геминацией представлена и в др.-инд. *bukka-* 'козел' (у лексикографов), *Mayrhofer 1963, II : 436*.

По диалектному распределению (арийско-армянский, кельто-германский) форма является древней, постулируемой примерно для того же хронологического уровня, что и *$\mathbf{q}^{[h]}\mathbf{o}\hat{\mathbf{k}}'$- (ср. также *Порциг 1964 : 172*).

Другие названия 'козла' ограничены более узкими диалектными ареалами и постулируются соответственно для поздних этапов членения индоевропейского языка, ср. лат. *haedus* 'козленок', гот. *gaits*, др.-англ. *gāt* 'коза' (англ. *goat*) (итало-германское слово, ср. *Порциг 1964 : 171—172*).

При наличии нескольких названий 'козы', постулируемых для определенных диалектных общностей, обращает на себя внимание участие германского в каждом из этих ареалов (ср. также другое общее итало-германское слово для 'козы': лат. *caper*, др.-исл. *hafr*, др.-англ. *hæfer* от первоначального названия 'вепря' *$\mathbf{q}^{[h]}\mathbf{u}\underline{\mathbf{e}}\mathbf{p}^{[h]}$-, см. выше, стр. 515)[2]. Особая распространенность в германском различных обозначений 'козы', 'козла' должна, естественно, отражать значительную роль этого животного для древних германцев. С этим согласуется и особая культовая значимость 'козла' в древнегерманской традиции.

5.2. *РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «КОЗЛА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ*

'Козел' выступает в древнеисландской мифологии как животное, впрягаемое в 'колесницу божества'. В "Эдде" бог грома Тор ездит на колеснице, запряженной парой козлов (*hafrar*, "Þrymskviða", 21 и др.). Исключительная древность этого образа видна из аналогичных свидетельств ряда индоевропейских традиций : балтийской, где бог грома Перкунас ездит на 'козлах', славянской, где мифологические персонажи сидят 'на козлах' и в особенности древнеиндийской, где 'козлы' (*ajá-*) как средство передвижения богов приравниваются к 'коням' (ср. вед. *ajáśva-* 'козел-конь' как обозначение животных, впряженных в колесницу бога

[1] Такие же отклонения от закономерностей распределения фонем в корне показывает и архетип, предполагаемый на основании соответствия др.-в.-нем. ziga 'коза' (нем. Ziege), норв. диал. tikka, греко-фрак. *δίζα·αἴξ* 'коза', арм. tik 'бурдюк', 'мех для вина': *$t'ig^{[h]}$- (ср. общекартвельское **dqa-* 'коза': груз. txa, мегр.-лаз. txa, сван. daq-əl; ср. также др.-тюрк. tekä 'козел', монг. tex 'дикий горный козел').

[2] Единственной ареальной изоглоссой по названию 'козла', в которой не участвует германский, является греко-армяно-иранская: греч. *αἴξ*, *род. пад. αἰγός* 'коза', микр. греч. aizā 'козья' (*Risch 1976 : 313*), арм. ayc 'коза', авест. izaēna- 'из кожи'.

Пушана, ср. *Watkins 1970a*; ср. обращение к Пушану: *ajáśvaḥ paśupá* "тот, у кого козлы-кони, тот, кто охраняет скот", VI 58, 2).

В ведийском описании архаического ритуала приношения в жертву лошади—"ашвамедхи"—перед конем убивают козла, отправляемого к богам как вестника, возвещающего о начале обряда жертвоприношения (I, 162, 4):

átrā puṣṇáḥ prathamó bhāgá eti yajñáṁ devébhyaḥ prativedáyann ajáḥ

"Так при этом сначала идет жертвенная доля Пушана — Козел, предвещающий богам жертвоприношение".

Рис. 10. **Позднехеттский рельеф с изображением козла у 'Мирового дерева'**

Связь 'козла' (*ajá-*) с 'лошадью', 'конем' (*áśva-*) в "Ригведе" проявляется и в том, что 'одноногий козел' (*ajá- ékapad-*) представляется стоящим у средней части 'Мирового дерева' *áśvatthá-*.

Ритуал жертвоприношения 'козла' засвидетельствован также и в других древних индоевропейских традициях, в частности в германской (*Beck 1965 : 62—63, 65, 68*), римской (*Dumézil 1966 : 342*).

(5.3.) *«КОЗА» И «КОЗЬЕ ХОЗЯЙСТВО» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ*

При всей естественности ритуальной значимости 'козла' в индо-иранской традиции, объясняемой экологическими условиями существования древних индо-иранцев, в хозяйстве которых известны многочисленные стада коз, 'козел' как значимое ритуальное животное для древних германцев, а также балтов и славян не может выводиться из характера среды их обитания в исторический период.

В доисторической Европе 'козы' появляются из Азии позднее, чем 'овцы'. Они нехарактерны для лесных и лесостепных районов Европы (не более 8—10% мелкого рогатого скота), но и в Северном Причерноморье их распространение в железном веке (то есть в первом тысячелетии до н. э.) связано с позднейшими переселениями иранцев и греков (*Цалкин 1966 : 29, 88*)[1]/

Следовательно, разветвленность и архаичность германской терминологии, обозначающей 'козла', 'козу', а также ритуальная значимость этого животного в культурной традиции германцев, балтов и славян должны

[1] С этой картиной в Европе первого тысячелетия до н. э. контрастирует структура скотоводства на иранском юге Средней Азии того же периода, где козы составляли почти 2/3 всей популяции мелкого рогатого скота, см. *Цалкин 1966 : 131*.

отражать древнейший этап развития индоевропейских диалектов и соответствующий ему период истории материальной и духовной культуры носителей этих диалектов, в хозяйстве которых 'коза' играла существенную роль.

5.4. ПОЯВЛЕНИЕ «КОЗЫ» В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ КАК ДОМАШНЕГО ЖИВОТНОГО И ЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА ВОСТОК

Наиболее ранние иконографические свидетельства об одомашненной 'козе' типа *Capra prisca*, с извитыми рогами, которая позднее попадает в Европу и в отдельных местах ее сохраняется до нашего времени, известны из Месопотамии. Это—изображения 'коз' на ранних печатях и статуэтки козлов ритуального назначения, открытые в погребении царицы Шуб-ад в Уре середины III тысячелетия до н. э. На этих печатях и ритуальных статуэтках 'козел' изображается стоящим на задних ногах у дерева, символизирующего, очевидно, 'Мировое дерево'[1], ср. известную статуэтку козы из Ура.

Козел преимущественно горное животное, и в переднеазиатском ареале, где он известен с древних времен, доместикация и раннее распространение его произошли именно в горных районах, в поясе от Малой Азии и Северной Месопотамии до исторического Ирана.

Следы одомашненного козла, обнаруженные в этом ареале, относятся еще к рубежу IX—VIII тысячелетий до н. э. (*Berger/Protsch 1973: 221, 223*). Характерно, что в этом горном ареале козы до настоящего времени составляют основной вид домашнего скота (*ср. Вавилов 1959 — 1965, I: 106, 109, 131, 136*). Лишь позднее происходит распространение коз в равнинные районы, где они адаптировались к новым условиям и получили широкое распространение. В исторический период козы составляют существенную часть не только горного, но и равнинных районов Средней Азии и прилегающих к ней областей Центральной и Восточной Азии (ср. *Семенов 1974: 292*).

5.5. МИГРАЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАЗВАНИЙ «КОЗЫ» В ВОСТОЧНОМ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИЯХ

Движение в исторический период 'домашней козы' (*Capra prisca*) из первоначального ареала распространения в Передней Азии в восточном и северо-восточном направлениях естественно содействует миграции названий 'козы' и превращению их в миграционные термины, общие для целого ряда языков на обширной территории Евразии.

[1] Такой древнепереднеазиатский образ 'козла', стоящего (как бы подобно человеку) на задних ногах у 'Мирового дерева', мог послужить источником постоянного эпитета священного козла в "Ригведе" ékapad- 'одноногий'. Это —символ четвероногого животного (ср. др.-инд. cátuṣpād- 'четвероногое'), поднявшегося на задние ноги и тем самым превратившегося как бы в 'одноногое' животное (ékapad-) в отличие от 'двуногого' человека (dvipád-).

В этом отношении особый интерес вызывают названия 'козы' в тюркских и монгольских языках, которые могут быть сопоставлены с рассмотренными выше индоевропейскими названиями 'козы' (ср. *Трубачев 1960 : 87—88*) и, по-видимому, выведены из них. Это, в первую очередь, др.-тюрк. *keči* 'коза' (ср. татар. *käjä*, башк. *käzä*, чуваш. *kačaka* 'коза', *Егоров 1964 : 95*), прототипом которого могла послужить индоевропейская диалектная *satəm*-ная форма, восходящая к основе **q[h]oḱ'-* с уже аффрицированным **ḱ* (ср. алб. *keth*, ст.-слав. *koza* 'коза')[1].

Другая группа относящихся сюда же тюркских и монгольских слов представлена в виде др.-тюрк. *ečkü* 'коза' (узб., кирг. *äčki*, казах. *äški*), монг. *išig* 'козленок', 'молодой козел'. В основе этих форм могла лежать заимствованная из *satəm*-ных индоевропейских диалектов дублетная форма от того же корня **q[h]oḱ'-* с нулевым отражением начального постувелярного и с суффиксом **-k[h]a*, ср. др.-инд. *ajikā* 'коза', ср.-перс. *azak*, лит. *ožkà* 'коза', 'козленок'[2].

Проникновение этих слов, обозначающих 'козу', 'козла' из индоевропейских *satəm*-ных диалектов в тюркские и монгольские языки, может свидетельствовать о движении носителей этих диалектов в центральноазиатском ареале в восточном и северо-восточном направлениях. В этом ареале они могли контактировать с носителями тюркских и монгольских языков, результатом чего является распространение данных слов, превратившихся в миграционные термины.

II. «ЖИВОТНЫЕ», РИТУАЛЬНО ОТДАЛЕННЫЕ ОТ «ЧЕЛОВЕКА». «ЧЕТВЕРОНОГИЕ» И «НЕЧЕТВЕРОНОГИЕ»

1. «СОБАКА»

1.1. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «СОБАКИ»

Общеиндоевропейское название 'собаки' восстанавливается в форме **ḱ[h]uon-/*ḱ[h]un-*, отраженной во всех основных древних индоевропейских диалектах:

[1] Предположение о направлении заимствования из тюркских языков в древние индоевропейские диалекты неприемлемо уже по чисто лингвистическим соображениям: соответствующие тюркские формы с аффрикатой или спирантом не могли отразиться в индоевропейском в форме заднеязычного смычного **ḱ[h]*, предполагаемого в индоевропейском архетипе ввиду наличия в ряде диалектов *centum*-ных форм.

[2] В конечном счете к той же индоевропейской основе **q[h]oḱ'-* может восходить и др.-тюрк. *qočqar* 'баран' (с переносом значения); к возможным следам более древнего значения 'козел' ср. название среднеазиатского (туркменского и казахского) орнамента: казах. *qoškar muiz* 'бараний рог', которое толкуется как образ двух рогатых копытных животных, размещавшихся симметрично по двум сторонам 'Мирового дерева', и возводится к древнепереднеазиатской традиции (*Шнейдер 1927*), где в качестве таких животных выступали 'козлы'.

Иер. лув. *sù-wa-nà-i*, др.-инд. *ś(u)vá*, *род. пад. śúnaḥ*, кафир. вайгали *ccū*, *tśun*, авест. *span-*, *spānəm*, перс. *sag*, арм. *šun*, *род. пад. šan*, греч. κύων, *род. пад.* κυνός, лат. *canis*[1], др.-ирл. *cú*, *род. пад. con*; гот. *hunds*, др.-исл. *hundr*, др.-в.-нем. *hunt* (нем. *Hund*); лит. *šuõ*, *род. пад.* ст.-лит. *šunès*, латыш. *suns*; тох. А *ku*, *косв. п. kon*, В *ku*.[2]

1.2. СМЕШЕНИЕ НАЗВАНИЙ «ВОЛКА» И «СОБАКИ» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ «СОБАКИ» И «ВОЛКА» И РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «СОБАКИ»

В некоторых индоевропейских диалектах наряду со значением 'собака' слово выражает также и значение 'волк': др.-инд. *śvaka-* 'волк' (ср. иранские названия 'собаки' с тем же суффиксом: авест. *spaka-* 'собачий', мидийск. σπάκα, перс. *sag* 'собака', парф. *spg* 'собака'[3], др.-ирл. *cú* 'пес', 'волк'. Такое перенесение названия 'собаки' на 'волка' объясняется близостью внешнего облика примитивной 'собаки' к 'волку' (*Canis lupus* L.), древнейшие одомашненные разновидности которого явились предками позднейших собак.

Смешение 'волка' и 'собаки' характерно и для различных мифологических традиций, где 'волки' могут называться 'собаками' и — наоборот. Так, например, в германской традиции два 'волка'—священных животных Одина-Вотана постоянно называются его 'собаками'. 'Воины', в германской традиции связываемые с богом войны Одином, обозначаются как 'волки' (др.-исл. *vargr*) и как 'псы', 'собаки', которые кричат, 'как псы' (*sem hundar*), *Jacoby 1974 : 82—83*. Интересно отметить в этой связи, что целый ряд мотивов, связанных с 'волком' и превращением 'человека' в 'волка', распространяется и на соотношение между 'человеком' и 'собакой', в которую человек может превратиться, принимая вид собакоголового чудовища: ср. германские представления о *Hundingas* как о 'людях-собаках', 'потомках собак' с собачьими головами (*Plassmann 1961 : 109*). Такие же собакоголовые чудовища, ср. галл. *Cuno-pennus* 'собакоголовый'(?), известны и в кельтской традиции. Аналогичный образ 'собачьих людей' (LÚ^{MEŠ} UR.ZI[R) весьма распространен в хеттской ритуальной тра-

[1] К фонетической интерпретации латинской формы см. выше, стр. 101.

[2] Славянское название 'собаки': ст.-слав. *pьsъ* (др.-рус. *пьсъ*, рус. *пес*) образовано от другой индоевропейской основы и восходит к форме *$p^{[h]}(e)ḱ^{[h]}$-*o*-, с нулевой огласовкой корня и первоначальным значением 'шерсть', 'волосы'. Слав. **ĭ* отражает редуцированную гласную, возникающую между двумя смычными в форме с нулевой огласовкой корня. 'Собака' названа в славянском этим словом, очевидно, по признаку 'мохнатости', ср. рус. *густопсовый*, *псовина* 'длинная шерсть у собаки' и др. К другому объяснению слав. **pьsъ* из и.-е. *$p^{[h]}(e)i̯ḱ^{[h]}$- 'пестрый', 'пятнистый' (греч. ποικίλος) см. *Фасмер 1964—1973, III: 248—249*; *Трубачев 1960 : 19 и след.*

[3] Иранская форма с суффиксом *-ka* лежит, возможно, в основе др.-рус. *собака*, польск. днал. sobaka, кашуб., словин. sobaka и др., *Фасмер 1964—1973, III: 702—703*; ср., однако, возражения *Трубачева 1960 : 29—33*, выводящего эти славянские формы из тюрк. köpäk, köbäk 'собака' при допущении отражения тюркского начального палатального *ḱ* в славянском как *s*.

диции (ср., например, KUB X 65, 66; XLVI 18, 19; KBo VII 48 IX 105) и может быть сопоставлен с 'волчьими людьми' (LÚ^{MEŠ} UR.BAR.RA, см. выше, стр. *493*). В хеттском ритуале "Божества Войны" (KBo IV 9; KUB XXV II 5 IV 30) о 'людях-псах' (LÚ^{MEŠ} UR.ZÍR) говорится, что они облачаются в соответствующие одежды; в том же ритуале упоминаются 'люди-волки'[1].

В древних индоевропейских традициях отражается миф об убийстве чудовищного Пса-Волка, враждебного людям: ср. цикл кельтских преданий о героях (Кухулине, Кельтхаре), убивающих Пса; меонийское предание о Кандавле как 'душителе Пса' (κυνάγχα), с которым связывается сохранившийся в столице Лидии в Сардах до второй половины первого тысячелетия до н. э. обряд принесения в жертву щенков[2].

Особый интерес в этом отношении представляет аналогичный обряд принесения в жертву щенков в хеттской традиции (среднехеттский ритуал *Maštigga*, KUB XXXII 115+XXXIV 84; ритуал Туннави, I 61—62, III 17—18), а также совместное принесение в жертву собаки и воина (пленного?), KBo XV 3; KUB XVII 17 10′ и др. Это перекликается с древнегерманским обрядом принесения в жертву богу войны Одину-Вотану совместно 'людей, волков и собак' (*ср. Schlerath 1954*).

1.3. ВЛИЯНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «СОБАКЕ» НА ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ (КИТАЙ)

Индоевропейский обряд совместного жертвоприношения человека и животного, преимущественно собаки, находит разительную аналогию в обряде ритуального жертвоприношения воинов с собаками, засвидетель-

[1] Обращает на себя внимание аналогичная традиция объединения 'волка' и 'собаки' в едином образе и в древнекартвельской традиции: сванское обозначение 'собак-волков' ǯeγar, сопоставляемое с хевсурскими mc'evarni (буквально: 'псы'), которые отождествляются с 'псами-волками' богов (*Бардавелидзе 1957 : 243—244 и др.*). Обозначение 'волка' 'собакой' в картвельском может отражать некоторую эвфемистическую тенденцию к замене древнего названия 'волка', что и привело к утрате первоначального названия 'волка', замененного другими словами (см. выше, стр. 496). Отождествление 'волков' с 'собаками' — обычное явление и в общекавказской традиции, отраженной в "Нартовском эпосе". Для кавказской, в частности картвельской, мифологической традиции характерно также изображение 'собаки' как спутника и помощника человека в охоте, *ср. Вирсаладзе 1976*, что находит полное соответствие в хеттско-хурритском мотиве 'волшебного охотника с собакой', который по воле богов проводит в горах много месяцев (ср. миф об охотнике Кешши, *Friedrich 1949*).

[2] 'Собака' (ср. лат. canis, греч. κύων) являлась и определенным символом в игре (первоначально ритуальной), означавшим 'неудачный бросок при игре в кости'. Соответственно, 'убийца собаки' (др.-инд. śva-ghnin-) уже в "Ригведе" означает 'удачливого игрока' в кости. Игре в кости в "Ригведе" посвящается особый гимн. Сюда же относится, возможно, и греч. κίνδυνος 'опасность' (из **κυν-δυνος*, буквально: 'собачья игра', то есть 'неудачная игра', ср. др.-инд. dyūtám 'игра в кости'). К такой же древней метафоре восходится и русское выражение *съесть собаку на чем-либо*, то есть 'научиться что-либо делать', 'приобрести опыт в чем-либо', ср. *Pokorny 1959: 633*; *Фасмер 1964—1973, III: 702*; *Pisani 1957: 766 и след.* (но ср. возражения *Knobloch 1975* против объяснения таким образом греч. κίνδυνος).

ствованном в древнем Китае с иньского времени (с середины второго тысячелетия до н. э.) многочисленными археологическими находками.

Отсутствие в древнем Китае аналогичных жертвоприношений в более ранний период дает основание предположить, что обычай явился результатом воздействия некоторой западной культуры (*Васильев 1976 : 283—284*).

Индоевропейский характер описанного выше обряда совместного жертвоприношения 'человека-воина' и 'пса' делает вероятным предположение

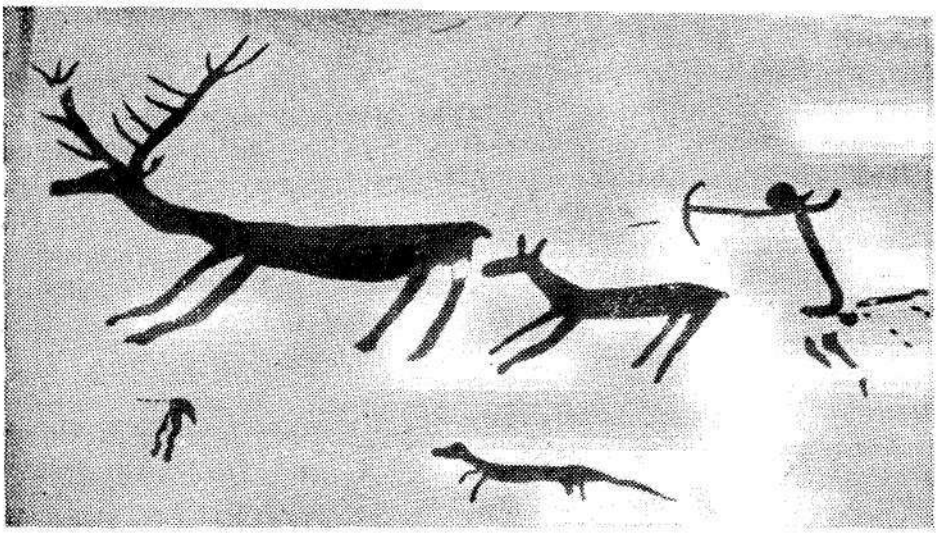

Рис. 11. **Изображение охоты на оленей с собакой (Чатал-Хююк, VII—VI тыс. до н. э.)**

о возникновении его в Китае под влиянием носителей индоевропейских культурных традиций, соприкасавшихся с населением иньского Китая. Это тем более вероятно, что само древнекитайское название 'собаки' *k'iwen* является, очевидно, заимствованием из раннего индоевропейского диалекта (*ср. Conrady 1925*).

Это же индоевропейское обозначение 'собаки', становящееся миграционным термином, проникает и в некоторые другие языки Восточной Азии.

'Собака' является одним из древнейших животных, одомашненных человеком. Костные остатки собаки обнаруживаются уже в пещерах мезолита. Очевидно, уже в древности собака использовалась человеком в различных хозяйственных и ритуальных целях : в пищу, как сторож дома и стада, помощник в охоте; с комплексом этих функций связано и ритуальное назначение собаки как 'жертвенного животного'. Сохранилась удивительно живописная композиция из Чатал-Хююка (около 5800 г. до н. э.), изображающая человека с собакой, преследующих убегающего оленя, *Рис. 11*.

В Западной Европе в неолитический период известна разновидность

собак *Canis familiaris palustris*, обнаруживающая сходство с восточноазиатским типом, в частности с китайскими собаками (*Кларк 1953 : 129*), что, очевидно, указывает на определенные связи между западной и восточной частями Евразии[1].

2. «СВИНЬЯ», «ПОРОСЕНОК»

2.1. *ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «СВИНЬИ», «ПОРОСЕНКА»*

Общеиндоевропейская основа, представленная по всем древним индоевропейским диалектам в виде производных от корня ***sŭ-***:

Авест. *hū-* 'свинья' (*род. пад.*), мик. греч. *su-qo-ta* 'свинопас' (ср. греч. гом. συ-βώτης), греч. σῦς, *род. пад.* συός 'свинья', ср. также ὗς, *род. пад.* ὑός 'свинья', лат. *sūs*, *род. пад.* *suis*; алб. *thi*, галл. **su-tegis* 'свинарник', др.-в.-нем., др.-англ. *sū* (нем. *Sau*), др.-исл. *sýr* 'свинья', тох. В *suwo*[2].

Производные от основы на ***-n-***:

Лат. *suīnus* 'свиной', ст.-слав. *svinŭ* 'свиной', ср. латыш. *svins* 'загрязненный', тох. В *swāñana misa* 'свиное мясо'; гот. *swein*, др.-исл. *svīn*, др.-в.-нем., др.-англ. *swīn* (нем. *Schwein*, англ. *swine*), ст.-слав. *svinija* 'свинья';

Производные от основы на ***-k$^{(h)}$-***:

Лат. *sucula* 'молодая свинья', ср. др.-инд. *sūkará-* 'свинья' (*Benveniste 1969, I : 28*), пехл. *xūg*, осет. x_0y 'свинья'; др.-ирл. *socc sáil* 'морская свинья' (рыба), брет. *hoc'h* 'свинья'; др.-англ. *sugu* 'свинья'.

Общеиндоевропейская основа ***sŭ-*** обозначала 'взрослую домашнюю свинью' в отличие от 'дикой свиньи', 'вепря', имевших особое название ***q$^{(h)}$uep$^{(h)}$-*** (см. выше, стр. 514 и след.).

Это значение основы ***sŭ-*** еще явно отражается в греческом, латинском и других древних индоевропейских диалектах, где 'дикая свинья', 'вепрь' обозначаются особыми словами, отличными от основы ***sŭ-***, ср. *Benveniste 1969, I : 27 и след.*[3]

[1] Любопытно, что древнейшее свидетельство об одомашненной собаке обнаруживается пока в Северной Америке. Радиокарбонным методом датировки устанавливается дата ок. 8400 л. до н. э., ср. *Bökönyi 1974 : 316*.

[2] Хеттское чтение шумерограммы ŠAḪ 'свинья' неизвестно. Фонетическое дополнение -aš в именительном падеже ŠAḪ-aš указывает на тематическую основу на *-o-.

[3] В греческом, при наличии особых слов для 'вепря', 'дикая свинья' может обозначаться как *μέγας σῦς* (буквально: 'большая свинья', см. выше, стр. 516), *σῦς ἄγριος* 'свинья дикая'. В том же смысле как название 'дикой свиньи', образованное от общего названия 'свинья' ŠAḪ (ср. ŠAḪ.ŠE 'откормленная свинья', ŠAḪ ḫilannaš 'дворовая свинья', "Хеттские законы", § 82, ср. UR.ZÍR ḫilannaš 'дворовая собака', там же, § 89), следует понимать хеттские шумерограммы для обозначения 'недомашней дикой свиньи': ŠAḪ *IZ.ZI* 'свинья леса' (аккад. iṣu 'дерево') и ŠAḪ GIŠ.GI 'свинья тростников'. В некоторых индо-иранских диалектах формы от основы ***sū-*** относились и к дикой разновидности свиньи, что можно объяснить позднейшими преобразованиями в структуре хозяйства носителей этих диалектов, постепенно переставших заниматься разведением свиней (об отсутствии упоминаний о 'свиноводстве' в древнеиранских текстах *ср. Benveniste 1969, I : 29*).

Основе *sŭ- со значением 'взрослая домашняя свинья' противостоит в индоевропейском основа *p[h]ork[h]o- 'поросенок', 'молодая свинья':

Хотано-сакск. *pā'sa* (<**parśa*), курд. *purs* 'свинья', лат. *porcus* 'поросенок' (у Катона, ср. *Benveniste 1969, I : 30*), умбр. *purka*, ср.-ирл. *orc* 'поросенок', др.-в.-нем. *far(a)h*, др.-англ. *fearh* 'свинья'; др.-в.-нем. *farheli* 'поросенок' (нем. *Ferkel*), ср. лат. *porculus* 'поросенок', лит. *paršẽlis* 'поросенок' при *paršas* 'боров', *paršienà* 'поросятина', прус. *prastian* 'поросенок', др.-рус. *порося*, рус. *поросенок*, *супоросая* 'беременная' (о свинье), ср. чеш. морав. *sprasná* (*svině*) 'супоросая свинья'[1].

Несмотря на то, что слово не представлено во всех основных индоевропейских диалектах (оно отсутствует в тохарском, греческом, армянском), его диалектное распределение (иранские, балто-славянские и другие "древнеевропейские") свидетельствует о древности формы и принадлежности ее во всяком случае уже к периоду возникновения ранних диалектных общностей.

Такой вывод, основанный на ареальных диалектных соотношениях, согласуется с возможностью объяснения слова как производного от индоевропейской основы *p[h]erk[h]- 'пестрый', 'пятнистый' (др.-инд. *pṛśni-* 'пестрый', 'пятнистый', в "Ригведе" обычно о 'корове', ср. ср.-ирл. *erc* 'пятнистый', 'темнокрасный', а также 'лосось', 'корова'; греч. гом. περκνός 'чернокрылый', 'черноватый', 'темный'), очевидно, по характерной пятнистой окраске поросенка, ср. *Benveniste 1949a : 77 и след.*

2.2. *«СВИНЬЯ» И СВИНОВОДСТВО В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ*

Постулирование в общеиндоевропейском особого слова для 'домашней свиньи' *sŭ-, а, возможно, и для поросенка *p[h]ork[h]o-, предполагает относительно развитое свиноводство у древних индоевропейцев. Прямое продолжение и развитие этого вида хозяйства можно видеть у древних хеттов и микенских греков. В соответствующих хеттских и греческих микенских (а позднее и гомеровских) текстах отражена разветвленная терминология, относящаяся к 'свинье' и 'уходу за свиньями'. В частности, древние "Хеттские законы" включают особые параграфы (§§ 81—86), предусматривающие возмещение за кражу или повреждение домашних свиней разных видов. Различается компенсация в зависимости от кражи или повреждения 'откормленной (зерном — ŠE) свиньи' (ŠAḪ.ŠE), 'дворовой свиньи' (ŠAḪ *ḫilannaš*), 'супоросой свиньи' (ŠAḪ *armant-*) и 'поросенка' (ŠAḪ.TUR). Известно и специальное обозначение в хеттском и лувийском *ḫumma-* для 'свиного хлева': хет. ŠAḪ-*aš ḫu-um-ma-aš* = аккад. *ir-ri-tu ša šaḫī* 'хлев свиньи' (*Friedrich 1952 : 74*; ср. *Laroche 1959a : 47*)[2]. По

[1] В хеттском особое название 'поросенка' скрывается за шумерограммой ŠAḪ.TUR 'молодая, маленькая свинья'. Форма аккузатива ŠAḪ.TUR-*an* указывает на тематическую основу на **-o-*.

[2] Слово встречается в хеттских текстах с глоссовым клином: ᵈ*ḫumma-*, указывающим на его иноязычное происхождение. По внешнему облику форма напоминает производ-

"Хеттским законам" даже 'собаку', съевшую 'свиное сало' (IÅ. ŠAḪ), убивают (§ 90). Само употребление 'свинины' в пищу у хеттов еще в Древнем Царстве было некоторой приметой, отличавшей 'хеттов' от представителей другого этноса. Сохранился хеттский рассказ о 'людоедах' (2 BoTU 21), в котором описывается ритуальное употребление в пищу свинины *как способа отличения 'человека' от 'людоедов', которые не ели* 'свинину', а питались 'человечиной', убивая тучных людей на мясо (*Güterbock 1938 : 105—113*).

В микенской Греции стада 'свиней' (греч. гом. συβόσιον) пасутся под надзором особых пастухов — 'свинопасов' (*su-qo-ta*, гом. συβώτης). В гомеровской Греции особые 'свинопасы' (συβώτης, ср. также συφορβός) связаны с наличием 'свиных стад', которые не смешиваются со стадами других животных, ср. *Benveniste 1969, 1 : 41*. У *Гомера* засвидетельствовано также и особое слово для 'свиного хлева' συφειός[1].

В ряде позднейших индоевропейских культур утрачивается древняя значимость свиноводства в хозяйстве, что объясняется экологическими и культурно-историческими условиями обитания носителей этих традиций в новой среде.

(2.3.) *ИСТОРИЯ ДОМЕСТИКАЦИИ «СВИНЬИ» И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СВИНОВОДСТВА В ЕВРАЗИИ*

'Свиньи' (*Suidae*) были одомашнены в глубокой древности на территории Передней Азии, включая Грецию (Фессалия). Древнейшее датированное свидетельство относится к Джайенью (юг Малой Азии, VII тысячелетие до н. э.), *Berger/Protsch 1973 : 221, 225*; *Harlan 1976 : 94*. 'Домашняя свинья' (*Sus scrofa dom.* L.) широко использовалась в хозяйстве для получения мяса и сала. Особое развитие свиноводство получает в районах, богатых лесом, при оседлом (или полукочевом) хозяйстве.

В ряде культурных ареалов, в особенности в жарких южных районах, на употребление в пищу 'свиного мяса' и соответственно на свиноводство накладывались ограничения, связанные с опасностью отравления и заболеваний. Это приводит в таких ареалах и культурах к резкому сокращению поголовья свиней или же к полному отказу от свиноводства. Такое сокращение может быть связано и с кочевым хозяйством или с переходом к нему[2].

вое на *-ma-* от индоевропейского названия 'свинья' **sū-* с развитием начального **s—h*, как в греч. ὗς.

[1] Так, в частности, называется 'свиной хлев', куда Цирцея запирает спутников Одиссея, превращенных ею в свиней: *ῥάβδῳ πεπλῆγυῖα κατὰ συφεοῖσιν ἐέργνυ* (κ 238) "жезлом коснувшись, в свином хлеву заперла". Поразительное совпадение с этим образом богини, запирающей в свином хлеву людей, обращаемых в свиней, обнаруживается в хеттской мифологии: богиня Иштар, запирающая (хет. ištap-) как свинью 'в хлеву' (šuppa-) Урхитешуба ("Автобиография Хаттусили", XII, 26).

[2] Характерно отсутствие развитого свиноводства в Африке, в частности в Египте (где свиньи использовались преимущественно для обмолота зерна посредством вытаптывания зерен из колосьев, *Семенов 1974 : 295*) и у древних семитов, заселявших первоначаль-

Подобное сокращение или даже полное прекращение свиноводства можно предположить у ряда древних индоевропейских племен, в частности у некоторых индо-иранских.

В древней Индии индо-арийского времени не обнаруживается следов развитого свиноводства, с чем связана и утрата в древнеиндийском особого названия для 'домашней свиньи'[1]. На территории обитания ираноязычных племен (в области Древнего Хорезма в Средней Азии) по археологическим и палеозоологическим данным с VII в. до н. э. наблюдается свиноводство в очень ограниченном объеме, угасающее на протяжении двух последних тысячелетий (*Цалкин 1966 : 132, 151 и след.*). В отличие от этих ираноязычных племен Средней Азии родственные им по языку скифо-сарматские племена Северного Причерноморья сохраняют свиноводство в несколько бóльшем масштабе : свиньи составляют в археологических памятниках скифского времени около 1/5 всего поголовья скота, однако самый тип скифо-сарматских свиней близок к типу древнего Хорезма (*Цалкин 1966 : 73—74, 132*), что указывает на общеиранские истоки скифо-сарматского свиноводства[2].

В Восточной Европе в археологических памятниках первого тысячелетия до н. э. наблюдается значительное возрастание роли свиноводства в ряде лесостепных и лесных районов, где в составе общего стада свиньи выходят на первое место, оттесняя крупный рогатый скот и коней (*Цалкин 1966 : 77*).

В Западной Европе в неолите (II тысячелетие до н. э.) свиньи составляют существенную часть скота, преобладая над овцами; такое соотношение меняется лишь в позднем бронзовом и железном веках — к римскому периоду (*Кларк 1953 : 124—125*).

(2.4.) *КУЛЬТОВО-РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ СВИНЬИ КАК СИМВОЛА ПЛОДОРОДИЯ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ*

Развитое свиноводство у древних индоевропейцев и наличие большого количества свиней отражено и в культовой роли этого животного в разных древних индоевропейских традициях.

но крайне южные районы Западной Азии. Показательно, что и после переселения семитов к северу в Месопотамию для обозначения 'свиньи' — аккадское šaḫû — заимствуется шумерское слово šaḫ.

[1] Любопытно, что при отсутствии следов 'свиньи' в индо-арийский период, 'свинья' обнаруживается в глубокой древности в культурах Мохенджо-Даро и Хараппы (около III тысячелетия до н. э.), *Berger/Protsch 1973 : 225*. Отсутствие 'свиньи' в Индии, начиная с ведийского периода, у индо-арийцев могло бы свидетельствовать о влиянии на них со стороны некоторого южного этноса, исключавшего 'свинью' из числа разводимых домашних животных, ср. выше древнехеттское противопоставление этносов по признаку 'едящий свинью' — 'неедящий свинью'.

[2] Прямое продолжение скифо-сарматского свиноводства можно видеть в историческое время у осетин, что отражается в осетинском языке в наличии ряда специальных свиноводческих терминов, образованных от основы x_0y- 'свинья' (и.-е. *$s\bar{u}$-): $x_0$ydon 'свиной хлев', $x_0$ygæs 'свинопас' (ср. сходный тип словосложения с *συ-* в равнозначных греческих свиноводческих терминах).

Основное символическое значение, связанное со 'свиньей', — это плодородие. 'Свинья' приносится в жертву богам плодородия как особенно плодовитое животное, дающее богатое потомство. Это — основной мотив, связанный со свиньей, в древнеримской традиции. Вслед за принесением в жертву 'богине Земли' (*Tellūs*) 'стельной коровы' (*Fordicidia*) в жертву богине растительного плодородия *Cerēs* приносилась 'супоросая свинья'; в других ритуалах 'супоросая свинья' (*sūs plēna*) жертвуется богине Земли *Tellūs* (*Dumézil 1966 : 240, 368—369, 584* и др.).

Особая плодовитость 'свиньи' могла быть тем признаком, по которому она и была названа в индоевропейском. Название (самца и самки) 'свиньи' ***sŭ-*** можно увязать с корнем ***seu̯-/ *sŭ-*** 'производить', 'рождать':

Ср. др.-инд. *sū́-ḥ, м., ж. р.* 'родитель', 'производитель', 'производительница' (в этих значениях в "Ригведе"), *sū́te, sūyate, savati* 'рождает', 'производит на свет', *sutá-* 'сын'[1], авест. *hav-* 'рождать', 'производить на свет', др.-ирл. *suth* 'рождение', 'плод' (из ***sutthu-***, ср. др.-инд. *sū́tu-* 'беременность')[2]. Такая этимология названия 'свиньи' ***sŭ-***, давно уже предложенная в компаративистике, делает несомненным исконно индоевропейский характер данного слова как производного от первичной глагольной основы.

В римской традиции сохранена как архаичная культовая функция 'свиньи' в качестве символа плодородия, так и место 'свиньи' в иерархии жертвенных животных. Последовательность домашних животных, приносимых в жертву, в архаической римской традиции обозначалась как *su-ove-taurilia* в восходящей по значимости животных последовательности: 'свинья-овца-бык'. В соответствующем тексте *Катона*, где речь идет о жертвоприношении 'молочных животных' (*suovetaurilia lactentia*), последовательность определяется порядком: *porcus—agnus—vitulus* 'поросенок'—'ягненок'—'теленок'.

Соблюдение определенной последовательности при перечислении 'священных животных', приносимых в жертву, отражает, несомненно, значимость данного животного и его удельный вес в хозяйстве. Характерно, что при аналогичном перечислении священных жертвенных животных в

[1] От этой же основы в древнеиндийском образовано название бога *Savitṛ́* (*м. р.*) 'олицетворение силы, дающей жизнь' (многократно упоминается в "Ригведе").

[2] От того же корня **sū-* образовано производное на *-n-* в значении 'сын': др.-инд. *sūnú-*, авест. hunu-š, гот. sunus, др.-исл. sunr, др.-в-нем., др.-англ. sunu (нем. Sohn, англ. son), лит. *sūnùs*, ст.-слав. synŭ 'сын'; сюда же относится греч. *hyós*, *род. пад.* гом. *hyéos*, тох. B soy 'сын' (образование на **-i̯o-* от того же корня).

Разительный параллелизм со всем комплексом этих этимологически связанных слов в индоевропейском (**seu̯-/*su-* 'рождать' и **sū-* 'свинья'), обнаруживается в южнокавказском (картвельском), где корни **šeu-*, **šw-* 'рождать', 'производить на свет' (отсюда груз. šv-ili 'сын'; -mšo < *-m-šw-e, мегр. skua, сван. əmsge 'сын' (*Гамкрелидзе 1959: 58—59*) и **šw-* 'свинья, кабан' (отсюда груз. e-šv-i 'клык', мегр. o-sku 'свинарник', ср. *Климов 1964 : 81*), совпадая с соответствующими индоевропейскими корнями по форме и семантике, показывают те же соотношения. Вызывает также интерес сопоставление др.-груз. p'irmšo- 'первородный' (из *p'ir-m-šw-e-) с др.-инд. *pūrva-sú-* 'первородный' (уже в "Ригведе").

древнеиндийской традиции 'свинья' вовсе не упоминается и ее место обычно занимает 'козел' (*Dumézil 1966 : 238, 530*). Любопытно, что в культурах с развитым свиноводством, преобладающим над овцеводством (как во многих древних европейских культурах, и в частности ранней славянской) 'свинья' в подобных перечислениях священных животных стоит перед 'овцой' (ср. о восточнославянских сказках *Иванов/Топоров 1974 : 39*).

В соответствии с этим можно заключить, что в Риме продолжалась древняя индоевропейская традиция животного, в которой 'свинья', играя определенную хозяйственную роль, занимала тем не менее последнее место по удельному весу в хозяйстве, уступая 'лошади', 'быку' и 'овце'. Из материально фиксируемых археологическими данными ранних индоевропейских культур такую структуру в хозяйстве обнаруживают, в частности, скифо-сарматские племена Северного Причерноморья первого тысячелетия до н. э., в составе скота которых 'свинья' занимает последнее место (*Цалкин 1966 : 74*).

2.5. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «СВИНЬИ» И ИХ СВЯЗЬ С ВОСТОЧНОАЗИАТСКИМИ

В диалектных отражениях общеиндоевропейского названия 'свиньи' *sŭ- обращают на себя внимание два варианта древнегреческих рефлексов: греч. ὗς (с закономерным отражением начального индоевропейского *s- в виде *spiritus asper*, ср. греч. υἱός 'сын' от того же корня) и греч. σῦς, мик. греч. *su-* (с необычным отражением начального индоевропейского *##s-). Такое же двоякое отражение начального индоевропейского *##s- засвидетельствовано в греческом и в производных от корня *saus-, *sus- 'сухой': ср. греч. αὕω 'сушу', αὗος 'сухой' и σαυσαρός 'сухой' при др.-инд. *śúṣyati* 'высыхает', авест. *huška-* 'сухой', лат. *sūdus* 'сухой', лит. *saũsas* 'сухой': ст.-слав. *suchŭ* 'сухой', рус. *сухой*. Такому "аномальному" отражению начального индоевропейского *##s- в греческом соответствует начальное *th-* в албанском в этих двух словах: алб. *thi* 'свинья', *thanj* 'сохну' (при закономерном отражении и.-е. *##s-→алб. ##sh- в начале слова: алб. *shoh* 'видеть': гот. *saihvan* 'видеть' и др.), *ср. Pisani 1959 : 102*. Такие "аномальные" отражения индоевропейского *##s- в греческом и албанском, дающие дублетные формы, могут быть истолкованы как след наличия фонетических дублетов в соответствующих словах уже в ранних диалектах индоевропейского. В этом отношении может представить особый интерес также "аномальная" форма, засвидетельствованная в латыш. *cũka* 'свинья' (форма с начальной аффрикатой *ts*). Это позволяет реконструировать в индоевропейском дублетные формы для названия 'свиньи': основную форму с начальным *##s- (с закономерным отражением по большинству индоевропейских диалектов) и дублетную форму с фонетической разновидностью начальной фонемы *s- (возможно, аффрикатой), отразившейся в виде начального σ- в греческом, *th-* в албанском, *ts-* в латышском.

Постулирование подобных дублетных форм для общеиндоевропейского названия 'свиньи' на основании внутренних соотношений исторически

засвидетельствованных основ делает вероятной увязку древнекитайского названия 'свиньи' *chu* ~ **tio* с предполагаемым индоевропейским архетипом на начальную аффрикату (ср. *Поливанов 1968*). Такая вероятная связь древнекитайского слова с древнеиндоевропейским могла бы быть объяснена заимствованием слова древнекитайским из некоторого древнего индоевропейского диалекта[1].

3. «КОШКА»

1. МИГРАЦИОННЫЙ ТЕРМИН ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ «КОШКИ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Соотносимые друг с другом слова для 'кошки', восходящие к старому миграционному термину, засвидетельствованы в ряде "древнеевропейских" языков: прус. *catto*, лит. *katẽ* 'кот', 'кошка', латыш. *kaķe* 'кошка', др.-рус. *котъ*, рус. *кот*, польск. *kot*, н.-луж. *kot*, чеш. диал. *kot*, словац. *kot*, болг. *кóтка* 'кошка'; сюда же относятся ирл. *catt* 'кошка', народ. лат. *cattus* 'дикая кошка'. Балтийские и славянские слова часто считают заимствованиями из народной латыни, ср. *Фасмер 1964—1973, II : 350*. В таком случае нужно было бы допустить проникновение народно-латинского слова порознь в общебалтийский и общеславянский (при допущении общебалто-славянского заимствования, ср. *Trautmann 1923 : 120*, возникают хронологические трудности).

Слово для 'кошки' трудно отделить от близких по форме и семантике слов со значением 'котиться', 'рожать' (о мелких животных), ср. в славянском : рус. *котиться* (о кошке, овце, кролике, зайце), польск. *kocić się*, чеш. *kotiti se*, сербо-хорв. *kòtiti* (*se*) 'котиться', ср. также прилагательное рус. диал. *сукóтная* 'беременная' (о кошке и других мелких животных), *сукотая* 'щенная собака', сербо-хорв. *skõtna* 'беременная' (о собаке, лисице), *kôt* 'выводок', *Трубачев 1960 : 97*.

Со своей стороны, слав. **kotiti* (*sę*) 'котиться', 'рожать' (мелких животных) связано этимологически с такими образованиями, как лат. *catulus* 'детеныш' (в особенности 'котенок', 'щенок'), *catula* 'собачка', *catulire* 'находиться в состоянии течки' (о собаках), др.-исл. *haðna* 'козленок', 'козочка', ср.-в.-нем. *hatele* 'коза', что предполагает значительную древность всего комплекса этих слов, в основе которых лежит название 'кошки' *k$^{[h]}$at$^{[h]}$-, и основанных на нем глаголов со значением 'котиться' и производных названий 'детенышей' мелких животных.

[1] Такое заимствование слова для 'свиньи' в китайском, как и в случае заимствования др.-кит. k'iwen 'собака' из индоевропейского (см. выше, стр. 592), не предполагает незнакомства с самим домашним животным. Имеется в виду культурное влияние, которое могло быть связано с некоторыми новыми аспектами хозяйственного и ритуального использования животного, в результате чего заимствованное новое слово занимает соответствующее место в системе, вытесняя более древнее.

3.2. КУЛЬТОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ «КОШКИ» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Допущение древности названия 'кошки' в группе диалектов, включающей балтийские и славянские (а не заимствование этого слова в две последние группы в поздний период из народной латыни), подтверждается особой культовой значимостью 'кошки' уже в древнейший период в славянской и балтийской традициях. Характерно, что в IX в. н. э. великоморавский князь носил имя *Kočĭlŭ*, образованное от названия 'кошки', что согласуется и с западнославянскими легендами того времени о 'мышах' и 'кошках'.

Аналогичный принцип образования имени засвидетельствован и в италийской традиции, ср. имя *Catulus — cognōmen* в роде Лутациев в Риме, что свидетельствует об исключительной древности в латинском основы *cat-* в первоначальном значении 'кошка', 'котиться'.

Еще более показательны данные балтийской традиции, где в литовских фольклорных мифологических текстах часто описывается превращение бога грозы Перкунаса или его противника в кошку (и в других мелких животных), ср. *Иванов/Топоров 1974 : 77, 145*; в древнегерманской мифологии 'кошка', поднимаемая богом грозы Тором, оказывается 'Мировым змеем'.

Все эти данные могут свидетельствовать о древних корнях культовой значимости 'кошки' и соответственно ее названия в указанной группе индоевропейских диалектов. В свете археологических данных о малочисленности 'домашних кошек' (*Felis domestica* Briss.) в Восточной Европе первого тысячелетия до н. э. (*Цалкин 1966 : 57*) такая культовая значимость ее в соответствующих традициях может объясняться отражением более древних представлений.

3.3. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ НАЗВАНИЯ «КОШКИ» И ЕГО СВЯЗЬ С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ТЕРМИНАМИ

В других древних индоевропейских диалектах название 'кошки' со сходным фонетическим обликом обнаруживает звуковые вариации, не позволяющие свести его к одной исходной форме с основой ***k**[*h*]**at**[*h*]-. Такие фонетически сходные слова со значением 'кошка' охватывают широкий ареал не только древних индоевропейских диалектов, но и всей Передней Азии и Кавказа.

Формы осет. *gædy* 'кот', 'кошка', арм. *katu* 'кот', 'кошка' при герм. ***kattuz***: др.-англ. *catt*, ср.-англ. *catte* (англ. *cat*), нижн.-нем. *katt* (нем. *Katze*) могли бы указывать на некоторую древнюю общую основу с двумя глоттализованными согласными ***k'at'-u-***, что является фонетической аномалией для индоевропейского. Слово может считаться заимствованием миграционного термина, представленного в индоевропейских диалектах в разных вариантах: ***k'at'-u-*** и ***k**[*h*]**at**[*h*]-, с позднейшими преобразованиями в отдельных индоевропейских диалектах (ср. также ср.-греч. κάττα).

Первоначальной областью распространения 'домашней кошки' и ее

названия может считаться Северная Африка, где и засвидетельствовано, очевидно, первичное название 'кошки', лежащее в основе этого миграционного термина[1]: ср. в нубийских языках форму *kadis* в значении 'кошка'[2]. Отсюда, по всей вероятности, распространяются как древние индоевропейские диалектные слова для 'кошки', так и соответствующие слова, представленные в широком ареале ближневосточных языков: ср. араб. *kiṭṭ-*, арам. *kaṭṭā*; груз. *k'aṭ'a*, лаз. *k'aṭ'u*; кабард. *gedu*, адыг. *gedu*; табас. *gatu*, анд. *gedu*, дид. *k'eṭ'u*, авар. *kelo*; турецк. *kedi*.

В свете всего вышеизложенного обращает на себя внимание наличие следов связей с переднеазиатскими языками и культурами в тех индоевропейских традициях (балтийской, славянской), которые в историческое время представлены вдали от Ближнего Востока на территории Европы.

4. «ДОМАШНЯЯ ПТИЦА», «ПЕТУХ», «КУРИЦА»

4.1. АРЕАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ «ПЕТУХА»—«КУРИЦЫ» КАК ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Звукоподражательное по происхождению название для 'домашней птицы' — 'петуха', 'курицы' (производное от основы *k[h]erk[h]-) засвидетельствовано в ряде индоевропейских диалектов. Ареальное распределение этого названия по диалектам дает основание судить о его общеиндоевропейском характере:

Др.-инд. *kṛ̥ka-vāku-* 'петух', авест. *kahṛka-* 'курица', пехл. *kark* 'курица', перс. *kark* 'домашняя птица', 'курица', греч. κέρκος 'петух', ср.-ирл. *cercc* 'наседка'; тох. В *kraṅko* 'петух'[3].

Ономатопоэтический характер общеиндоевропейского названия для 'петуха' можно сопоставить с новообразованиями для обозначения 'петуха' в отдельных позднейших диалектах, связываемыми со значением 'петь', 'кричать': ср. лат. *gallus* 'петух' (сопоставляемое со ст.-слав. *glasъ* 'голос', рус. *голос*); гот. *hana* 'петух', др.-в.-нем. *hano* 'петух' (нем.

[1] Характерно, что в древних культурах на территории Северной Африки обнаруживаются мотивы, аналогичные указанному выше литовскому мифу о боге грозы, превратившемся в 'кошку' (ср. известный египетский миф о боге Ра, в образе кота убивающем Змея).

[2] Любопытно, что это слово, распространившееся практически на всем Ближнем Востоке, отсутствует в египетском, где 'кот' обозначается словом *mjw*, очевидно, звукоподражательного происхождения. В Египте, где 'кошка' является одним из основных священных животных, происходит, по всей вероятности, табуирование более древнего названия 'кошки' и его замена эвфемистическим словом звукоподражательного характера. Не исключено, что аналогичные процессы привели к преобразованию или замене первоначального индоевропейского слова, обозначавшего 'кошку'.

[3] Неясно название 'домашней птицы', 'петуха', 'курицы' в хеттском. Не исключено, что шумерограмма MUŠEN GAL означает 'курицу' (буквально: 'большая птица'). В хеттской традиции, как и в римской, птицеводство, по-видимому, связано с ритуальными гаданиями по птицам (лат. auspicium) и не играет особой роли в хозяйстве, ср. значение шумерограммы LÚMUŠEN.DÙ, буквально: 'птицедеятель' — 'человек, разводящий птиц', 'гадающий по птицам'.

Hahn), др.-англ. *hęnn* 'курица' (англ. *hen*), др.-исл. *hani* (сопоставляемые с лат. *canō* 'пою'); ст.-слав. *kurŭ* 'петух', рус. *кур*, *кура* (сопоставляемое с лат. *caurīre* 'рычать', др.-инд. *kâuti* 'кричит', 'ревет'), ср. др.-рус. *пѣтьлъ* 'петух', рус. *петел*, *петух* при рус. *петь* и т. п.

Птицеводство как особый вид домашнего хозяйства было, очевидно, слабо представлено у древних индоевропейцев, чем и объясняется то, что большинство названий 'домашних птиц' образуется уже по отдельным диалектам и не может быть возведено к общеиндоевропейской эпохе[1]. Ряд названий 'домашних птиц' в отдельных диалектах образуется от индоевропейских названий их диких предков, ср. названия 'дикого гуся' и 'утки' (см. выше, стр. 542 и след.).

5. «ПЧЕЛА» И «ПЧЕЛОВОДСТВО»

5.1. ПРОБЛЕМА ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «ПЧЕЛЫ» И ЕГО ТАБУИРОВАНИЕ

Единое название 'пчелы' восстанавливается с уверенностью лишь для определенной группы древних индоевропейских диалектов в виде основы **bʰ(ʰ)e(i̯)-* :

Др.-исл. *býfluga*, др.-англ. *bēo* (англ. *bee*), др.-в.-нем. *bia*, *ж. р. bini* (нем. *Biene*) 'пчела';

Образования на суффикс **-tʰ(ʰ)-*:

Лит. *bìtė*, *bitìs*, латыш. *bite* 'пчела', прус. *bitte*; ср. валл. *bydaf* 'пчелиный улей';

Образования на суффикс **-kʰ(ʰ)-*:

Др.-ирл. *bech* 'пчела', ст.-слав. *bl̀čela* 'пчела', лат. *fūcus* 'трутень' (из **bʰ(ʰ)oi̯-kʰ(ʰ)-*)[2], ср. *Hamp 1971 : 184 и след.*

При допущении определенных табуистических преобразований начала слова в форме **bʰ(ʰ)e(i̯)-* можно предположить связь последней с др.-инд. *makṣ-* 'пчела' (уже в "Ригведе", обычно в сочетании с *mádhu* 'мед'; предполагается замена первоначального **bʰ-* на *m-* в синтагме под влиянием *mádhu*, ср. к другим объяснениям др.-инд. *mákṣ-*, авест. *maxšī-* 'муха', *Hamp 1971 : 184, 187*), а также с лат. *apis* 'пчела', *apicula* 'пчелка'.

Наряду с частичным табуистическим преобразованием первоначального индоевропейского названия 'пчелы' в целом ряде диалектов наблюдается полная его замена новообразованиями от названий насекомых (ср. *Gau-*

[1] Так, например, названия 'домашнего голубя' ограничены узкими диалектными группами типа лит. balañdis 'голубь' и осет. bælon 'голубь домашний' (*Абаев 1958, 1: 249*); ср. также ст.-слав. *golǫbĭ* 'голубь' и лат. columba 'голубь' (*Фасмер 1964—1973, 1: 432—433*) и др.

[2] Лат. fūcus можно возвести и к праформе **bʰ(ʰ)ou-kʰ(ʰ)-*. Такая форма в нулевой огласовке могла бы лежать в основе слав. **bŭčela* 'пчела' (ст.-слав. bŭčela), **bučati* 'жужжать', 'гудеть' (рус. диал. *бучать* 'жужжать', 'гудеть' о пчелах, *Филин 1965-, III : 328*), ср. *Трубачев 1974-, III : 105*. Хеттское название 'пчелы' неизвестно. В текстах употребляется шумерограмма NIM.LÀL.

thiot 1910) : тох. A, B *kroñše* 'пчела' (с переносом значения из индоевропейского названия 'шершня', см. выше, стр. 535); пехл. *wabz* 'пчела', 'оса', белудж. *gvabz* 'пчела', 'оса', осет. *ævz-*, *æfs-* 'пчела'; др.-инд. *bambhara-* 'пчела', греч. βομβύλη 'порода пчел' (с переносом значения от первоначального названия 'овода', 'жука', ср. лит. *bam̃balas* 'слепень', 'овод', латыш. *bam̃bals* 'жук'); др.-инд. *bhasalaḥ*, *bhasanaḥ* 'пчела' (ср. греч. φήν 'оса') и др.

Рис. 12. **Культовое изображение пчелы (древнебалканская культура, V тыс. до н. э.)**

К другой группе замен первоначального названия 'пчелы' относятся замены, основанные на назывании 'пчелы' по 'меду' или в назывании ее 'медовой мухой': греч. гом. μέλισσα (из **melitja*) 'пчела' (ср. μέλι 'мед'); др.-инд. *madhumāraka-* 'пчела' (ср. *mádhu* 'мед'); арм. *metu*, *род. пад. metui* 'пчела' (ср. *metr* 'мед'); осет. *mydybynz*, буквально: 'медовая муха', алб. *mjal-cë*, арм. *metrčanč* 'медовая муха' (*ср. Мапп 1948 : 288*; *Абаев 1973, II : 136*; *Туманян 1978 : 201, 300, 301*).

5.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «МЕДА» КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ДРЕВНОСТИ ПЧЕЛОВОДСТВА У ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Несмотря на диалектную ограниченность первичного индоевропейского названия 'пчелы' общеиндоевропейский характер пчеловодства и слова для 'пчелы' не может вызывать сомнений (с учетом определенных табуистических замен в ряде диалектов), ввиду индоевропейской древности слов для 'меда', особо развитого пчеловодческого хозяйства у индоевропейцев и культовой значимости 'пчелы' во всех древних индоевропейских традициях.

Для обозначения 'меда' в индоевропейском восстанавливаются два древних слова— ***mel-i-t[h]-** и ***med[h]u-**, которые в историческую эпоху показывают распределение по языкам с пересечением их в некоторых диалектах:

Хет. ***melit*** 'мед' (шумерограмма LÅL-*it*), лув. *mallit-*, *твор. пад. mallitati* 'мед', пал. *malit-* 'мед'; мик. греч. *me-ri-* 'мед', гом. μέλι, *род. пад.* μέλιτος 'мед' (при греческом архаическом производном βλίττω 'подрезаю соты'); арм. *metr*, *род. пад. metu*; лат. *mel*, *род. пад. mellis*; др.-ирл. *mil*, *род. пад. mela*, галл. *Melidus* (имя собственное), ср. хет. *milittu-* 'сладкий', валл. *melyn* 'желтоватый' (буквально : 'цвета меда'), гот. *milip* 'мед', др.-англ. *milisc* 'сладкий как мед'.

По типу образования слово является архаическим, показывающим маркер **-t[h]-* при следах гетероклитического склонения на ***-i-/*-u-/*-n-**: ср. лат. *род. пад. mellis* < **mel-n-es*, арм. *род. пад. mel-u*. Слово представлено во всех анатолийских языках, греческо-армянском, итало-кельто-

германском, что по схеме диалектного членения индоевропейского языка дает общеиндоевропейскую древность слова.

Другое название 'меда' ***med**$^{[h]}$**u**- сохраняется в некоторых исторических диалектах в значении 'медового (опьяняющего) напитка', приготавливаемого из вареного меда:

Др.-инд. *mádhu* 'мед', 'сладкий опьяняющий напиток' (в ведийском и с переносом значения на другие сладкие опьяняющие напитки помимо 'вареного меда'); ср. др.-инд. *madh(u)ʊ-ád-* 'поедатель меда', авест. *maδu-* 'вино', 'мед' ('медвежий напиток'), осет. *myd* 'мед', согд. *mδw* 'вино', перс. *may* 'вино';

Греч. μέθυ 'сладкий напиток', 'вино' (уже у *Гомера*), гом. μεθύω 'напиваюсь', 'насыщаюсь', 'пропитываюсь' (вином, жиром и т. п.);

Ст.-слав. *medй* 'мед' (ср. слав. **medvědĭ* 'медведь', буквально: 'едящий мед'), др.-рус. *медъ* 'мед', 'опьяняющий напиток', лит. *medùs* 'мед', латыш. *mẹdus* 'мед', 'напиток', прус. *meddo* 'мед';

Др.-исл. *mjǫðr* 'медовый напиток'; др.-англ. *meodu* (англ. *mead*), др.-в.-нем. *metu* 'напиток из меда' (нем. *Met*);

Др.-ирл. *mid*, *род. пад. medo* 'медовый напиток', ср.-ирл. *medb* 'опьяняющий', валл. *meddw* 'опьяненный';

Тох. В *mit* 'мед'.

По диалектному распределению слова (индо-ирано-греческий, кельтский, балто-славяно-германский, тохарский) ***med**$^{[h]}$**u**- должно считаться формой общеиндоевропейского происхождения[1].

Наличие формы ***melit**$^{[h]}$- наряду с ***med**$^{[h]}$**u**- в общеиндоевропейском, выводимое на основании ареальных диалектных соотношений, позволяет видеть в этих словах уже первоначальное семантическое различие, которое отражается в значении соответствующих слов и в исторических диалектах. Особенно показательны в этом отношении те диалекты, которые сохраняют оба этих слова. При этом ***melit**$^{[h]}$- (греч. μέλι, гот. *milip*, др.-ирл. *mil*) сохраняет значение собственно 'меда', а ***med**$^{[h]}$**u**- (греч. μέθυ, др.-исл. *mjǫðr*, др.-ирл. *mid*) употребляется уже только в значении 'опьяняющий медовый напиток'. Диалекты, в которых представлена только основа ***med**$^{[h]}$**u**-, наряду со значением 'мед' (индо-иранские, балто-славянские, тохарский) выражают и значение 'опьяняющий медовый напиток'; отсюда уже в ряде диалектов развивается значение 'вино' при позднейшей утере значения 'мед' (ср. греч. μέθυ, перс. *may* и др.). Характерно, что в диалектах, сохранивших только основу ***melit**$^{[h]}$-, она выражает исключительно значение 'мед', 'сладкое вещество', но не 'напиток'.

Эти соотношения должны отражать общеиндоевропейские семантические характеристики основ ***melit**$^{[h]}$- и ***med**$^{[h]}$**u**-. При обозначении ос-

[1] И.-е. **med*$^{[h]}$*u*-, возможно, сохраняется пережиточно и в анатолийском в форме хет. *middu- (≈ лув. maddu-) в названии города Midduwa, который соответствует ново-хет. Meliddu (совр. Malatya), увязываемому этимологически с хет. melit, лув. mallit 'мед' (см. *Durnford 1975 : 49*).

новой *melit[h]- собственно 'пчелиного меда' *med[h]u- могло выражать значение 'напитка, приготовляемого из меда', 'вареного меда'. Эти особенности терминологии, относящейся к 'меду' и его использованию, могут свидетельствовать о значении 'пчеловодства' в хозяйстве древних индоевропейцев. Такой вывод согласуется с данными древних исторических индоевропейских культур с высоким уровнем пчеловодства и особой ритуальной и мифологической значимостью 'пчелы' и 'меда' в древних индоевропейских традициях.

5.3. ПЧЕЛОВОДСТВО И ЕГО КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ ПО ДАННЫМ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ

Уже в древних "Хеттских законах" охране 'пчел' и 'ульев' отводятся особые параграфы (§§ 91—92), где указывается возмещение за кражу 'пчел в рое' (NIM.LÀL$^{HI.A}$-*an kammari*) или 'ульев' (É.NIM.LÀL) в древнейшей традиции и в последующей юридической практике. Характерно также наличие специальных 'пчеловодов' (шумерограмма LÚ NIM.LÀL 'человек пчелы').

Особую роль играют 'пчела' в хеттской мифологии и 'мед' в хеттских ритуалах. В цикле хеттских мифов об исчезающем и возвращающемся боге (Телепину, боге Грозы, боге Солнца) после безуспешных розысков исчезнувшего божества, уносящего с собой плодородие, богиня-Мать (*Ḫannaḫanna-*) посылает на розыски 'маленькую (*ammiḭant-*) пчелу'. 'Пчела' должна найти бога, ужалить его, намазать ему 'воском' глаза и руки, освятить его и привести обратно. Только 'маленькой пчеле' удается разыскать исчезнувшего бога и вернуть его вместе с утраченным плодородием. При этом совершается обряд 'умиротворения бога' посредством заклинаний, призывающих бога смягчиться подобно 'воску', 'меду' (*melit*) и 'молочному соку' (*galaktar*). ср. *Haas 1977 : 85* и *след.*

Подобные заклинания отражают, видимо, древнюю общеанатолийскую практику умиротворения божества или злого духа путем уподобления его 'меду' (лув. *mallit-*), ср. лув. *malitiḭa-aš aḭaru* 'пусть он станет медом', KUB XXXII 8+5 III 27 и др.

Наиболее ранние свидетельства сакрального использования 'пчелы' и 'меда' в древнегреческой традиции относятся еще к микенскому периоду. В микенских текстах упоминаются многочисленные 'служители меда' ('пчелы'?) *me-ri-da-ma-te* (*μελί-δαμαρ, *Lejeune 1958 : 195*).

У Гомера ритуальное использование 'меда', смешанного с 'молоком' (μελί-κρητος), засвидетельствовано в образе жертвоприношения 'всем умершим' (πᾶσιν νεκύεσσιν), которым возливают три напитка : вначале им совершают жертву 'медом с молоком' (μελικρήτῳ), затем 'сладким вином' (ἡδεῖ οἴνῳ), и 'в-третьих — водой' (τὸ τρίτον αὖθ' ὕδατι), λ *26—28*.

В "Одиссее" описывается каменная пещера женских божеств 'нимф-наяд', прядущих на каменных ткацких станках, с каменными 'сосудами', в которых 'гнездятся пчелы' (τιθαιβώσσουσι μέλισσαι), ν 106. Такие 'каменные сосуды' представляют собой метафорический образ 'пчелиных ульев',

ср. такой же метафорический образ 'каменных ткацких станков' (ἱστοὶ λίθεοι, ν *107*).

Описанная традиция гомеровского времени, где женские божества упоминаются вместе с гнездящимися возле них 'пчелами', отражена, видимо, и в позднейших мотивах, связываемых со святилищем Артемиды в Эфесе (Малая Азия). 'Пчела' была культовым символом верховного женского божества Артемиды (а в других местах Малой Азии и Кибелы), чьи жрицы назывались 'пчелами' (μέλισσαι), а все святилище уподоблялось 'пчелиному улью' (ср. *Ransome 1937*).

Постоянно обнаруживаемая связь 'пчелы' с божествами женского пола может свидетельствовать о пчеловодстве как преимущественно женском занятии на первоначальных и последующих ранних этапах домашнего пчеловодства. В этом смысле любопытно и сопоставление эфесского комплекса представлений о 'пчелах' с мифом об "амазонках" (*Топоров 1975а : 36—37*).

В древнеиндийской традиции (в "Ригведе") 'мед' (*mádhu*) мыслится как божественный напиток 'бессмертия' (*ср. amṛ́ta-* в сочетании с *mádhu*). В архаичных гимнах "Ригведы", славословящих 'мед', сохранились древние формулы, которые близки к приведенным анатолийским и отражают тем самым общеиндоевропейскую традицию и словоупотребление, ср. в "Ригведе", I 90, 6—8:

mádhu vātā ṛtāyaté mádhu kṣaranti sindhavaḥ
mádhvīr naḥ santv óṣadhīḥ
mádhu náktam utóṣáso mádhumat pārthivam rájaḥ
mádhu dyaúr astu naḥ pitá
mádhumān no vánaspátir mádhumāṅ astu súryaḥ
mádhvīr gávo bhavantu naḥ

"Мед (навевают) ветры благочестивому, мед струят реки.
Медовыми для нас да будут растения!
Мед—ночью и на утренней заре! Медоносным (да будет) земное пространство!
Медом пусть будет (нам) Небо—наш отец![1]
Медоносным (пусть будет) нам дерево!
Медоносным пусть будет солнце!
Медовыми пусть станут нам коровы!"

(*Елизаренкова 1972 : 196*)

В отдельных иранских традициях развитое пчеловодство, характеризующееся древними атрибутами, терминологией и культом пчел с соответствующим женским божеством, сохраняется пережиточно до нашего времени. В осетинской традиции представлено древнее пчеловодство с особым 'божеством-покровителем', а в фольклорной традиции засвидетельство-

[1] Ср. аналогичное по словоупотреблению место в лувийском ритуале *malitiia-aš ajaru* 'пусть он станет медовым, медоносным' и в хеттском обряде в мифе о Телепину.

вана роль древнего 'хмельного медового напитка', который в осетинском называется *rong*[1], ср. *Абаев 1949, I : 61*.

В исторических индоевропейских традициях в Европе сохраняется весь комплекс древних индоевропейских мифологических представлений о 'меде' и 'пчеле', совпадающих в общем с древнейшими индоевропейскими.

У германцев приготовление и употребление напитка из меда засвидетельствовано уже в сведениях античных авторов — *Пифея*, посетившего Туле - Скандинавию, IV в. до н. э., и *Тацита*. "Эдда" вся пронизана мотивами мифологии 'меда' и 'медового напитка', которые в древнеисландской мифологии, вместе с 'молоком', являются главными напитками умерших в Вальгалле, что напоминает обычай у гомеровских греков давать 'всем умершим' 'мед, смешанный с молоком'. Женские мифологические персонажи "Эдды" (*Вёльва*, *Гулльвейг*, *Гуннлёд* и другие), как и само верховное божество — *Один*, добывают 'мед' и пьют 'медовый напиток', дающий им мудрость, знание магических рун и дар поэтической речи (ср. *Мелетинский 1968 : 169 и след.*). О важной роли представлений, связанных с 'пчелой' и 'медом' у германцев, свидетельствуют и имена собственные, содержащие название 'пчелы' и 'меда', ср. др.-англ. *Bēowulf* 'пчелиный волк', то есть 'медведь', др.-исл. *Gullveigr*, буквально: 'золотой напиток' и др.[2]

У древних балтов сохранялось особое божество 'пчел и меда' — *Bubilas* (*Топоров 1975а : 17—18, 23*), соответствующее 'пчелиному богу', который долгое время бытовал и у восточных славян и позднее был отождествлен со святым *Зосимой*. Многочисленные следы почитания 'пчел' сохраняются в балтийском и славянском фольклоре : пчелы приурочены к середине 'Мирового дерева'; 'пчела' символизирует начало весны и плодородие и т. д.

5.4. ТИПОЛОГИЯ ДОБЫВАНИЯ «МЕДА» И ВИДЫ ПЧЕЛОВОДСТВА У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Сопоставление исторических индоевропейских традиций, относящихся к 'пчеле' и 'пчелиному меду', позволяет заключить, что уже на древнейших этапах индивидуального развития отдельных культур (хеттской, греческой и других), разведение 'пчел' и 'пчеловодство' были одной из существенных отраслей хозяйства. У хеттов уже в древнейший период зафиксировано наличие 'ульев' в собственности отдельных лиц. О наличии пче-

[1] Любопытно, что в осетинском слово, восходящее к **med*$^{(h)}$*u-* > осет. myd, означает только 'мед', тогда как первоначальное значение 'медовый напиток' переносится на новое слово — rong, образованное от иран. **frāna-* 'дух', 'дыхание', 'жизненная сила' (ср. др.-инд. *prāṇa-*), *Абаев 1973, II: 421—422*; ср. аналогичное новообразование в восточнославянском: др.-рус. *сыта* 'вода, подслащенная медом', 'сваренный мед' (*Срезневский 1958, III : 677*; *Фасмер 1964—1973, III*: 820) при польск. woda miodem nasycona 'вода, насыщенная медом'.

[2] О роли 'пчелы' и 'пчелиного роя' в мифологии и обрядах древних германцев ср. также *Spamer 1978*.

ловодства с 'ульями' и 'домашними пчелами' можно заключить и по древнегреческим данным уже гомеровского времени.

В развитии пчеловодства выделяются три последовательных этапа: первобытное или собирательное, бортническое или лесное и домашнее или пасечное пчеловодство. Самой древней и наиболее примитивной формой является добыча меда и воска диких пчел в лесу,

Рис. 13. **Наскальный рисунок на стене пещеры Альпера (VII тыс. до н. э.)**

где пчелы гнездятся в дуплах деревьев. Древним иконографическим свидетельством такого добывания 'пчелиного меда' из дупла является наскальный рисунок на стене пещеры Альпера (Восточная Испания, VII тысячелетие до н. э.), изображающий женщину с кувшином в руке, которая, поднявшись на дерево, собирает дикий мед, окруженная подлетающими пчелами (*Кларк 1953 : 44; см. Рис. 13*). Некоторая аналогия этому обнаруживается примерно в то же время (VII—VI тысячелетия до н. э.) на другой окраине средиземноморского ареала, в Чатал-Хююке (Малая Азия), где пчелы и пчелиные соты изображаются как главные атрибуты женского божества (*Mellaart 1967*), *см. Рис. 14*.

Именно в средиземноморском ареале происходит переход от примитивной формы пчеловодства к более развитым его формам — 'бортничеству' (разведению пчел в лесу в дуплах, специально выдолбленных в дереве пустотах— бортях, или же в колодах, устанавливаемых на деревьях в лесных пасеках) и 'пасечному' домашнему пчеловодству, при котором на специальных домашних пасеках устанавливаются искусственные ульи с приученными домашними пчелами.

Предполагается, что в Египте еще с III тысячелетия до н. э. было известно домашнее или пасечное пчеловодство. Характерно, что в Египте,

как и в древних индоевропейских традициях, из меда приготовляли 'опьяняющий напиток', называвшийся по названию 'пчелы' *bj.t* 'пчела', 'мед', 'напиток'[1]. Известен специальный титул 'пчеловода' *bj.tj* (*Erman/Grapow 1955, I : 434*), ср. LÚ.NIM. LÀL 'пчеловод' у хеттов.

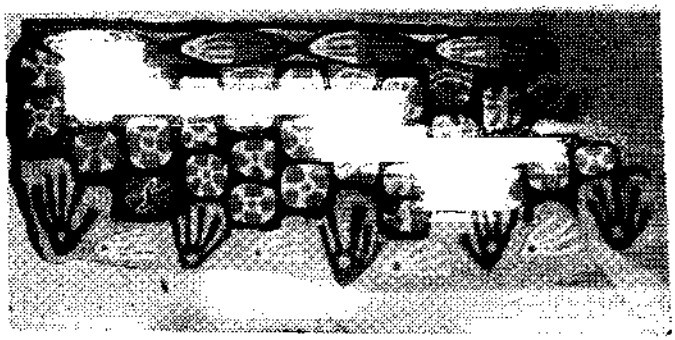

Рис. 14. **Изображение пчелиных сот из Чатал-Хююка (VII—VI тыс. до н. э.)**

В Египте используется, в частности в обрядах, не только 'пчелиный мед', но и 'пчелиный воск' (*mnḥ*). У мумий 'воском' заклеивали глаза, нос и рот; из 'воска' изготовлялись маски с покойников. С этим обычаем любопытное сходство обнаруживается в хеттском мифе о Телепину, где 'пчела' натирает 'воском' глаза и руки 'спящего' Телепину.

5.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «УЛЬЯ» И «ВОСКА»

При всей значимости 'пчелы', 'пчеловодства' и домашнего пчелиного хозяйства в Египте, обращает на себя внимание отсутствие специального термина для 'улья'.

Такое же отсутствие соотносимых друг с другом названий 'улья', которые бы позволили постулировать общеиндоевропейское слово для 'улья', наблюдается и в индоевропейских диалектах[2].

[1] Характерно, что другое название 'меда' егип. *ḥḏ.t* означает помимо 'меда' также 'напиток для жертвоприношений', 'молоко' и в переносном смысле 'красноречие' (*Erman/Grapow 1955, III : 211*), что свидетельствует об исключительной значимости и изобилии меда и молока, сравниваемых с 'красочной речью'; образ, весьма напоминающий индоевропейские представления о 'меде' и 'молоке', 'меде' и 'красноречии' ('меде поэзии'), хорошо сохранившиеся в древних традициях.

[2] Специальные термины для 'улья' не выходят за пределы узких диалектных границ: ср. лит. *aulỹs*, латыш. *aũlis*, рус. *улей* при значении 'полость' в других индоевропейских диалектах (греч. *αὐλός* 'полый стержень', норв. диал. *aul* 'трубка', 'стебель') и при семантическом сходстве с балто-славянским названием в лат. *alueus* 'желоб'; 'дупло', 'улей'. В прусском название 'улья' *drawine* образовано от первоначального названия 'дерева'; в литовском *dravis*, *dravẽ* (ср. *drevėti* 'подрезывать ульи', *Būga 1958—1961, III : 206*) и латышском *drava*, *dreve* соответствующие слова означают 'борть', 'полость в дереве'; ср. также рус. *дровúна* 'полено', 'плаха' (*Топоров 1975-, I : 372*).
К тому же диалектному ареалу относится и название 'борти' — полого пространства, выдолбленного в живом дереве для пчел, слав. **bŭrtĭ*: др.-рус. *бъртъ* 'колода для пчел', 'дерево с ульем', польск. barć, др.-чеш. brt 'борть', 'улей', словен. brt 'дерево

Отсутствие общеиндоевропейского слова для 'улья' могло бы означать, что индоевропейское пчеловодство находилось все еще на стадии 'бортничества', при котором пчелы разводились в естественных условиях в лесу, в дуплах деревьев. Однако это заключение, основывающееся на отсутствии специального слова для 'улья', не может считаться единственно возможным ввиду наличия ряда культур с высокоразвитым пчеловодством, в которых не обнаруживается специальных слов для 'улья', выражаемого описательно (ср. шумерограмму É. NIM.LÀL 'дом пчелы', осет. *mydy k'yrǧæd* 'улей', буквально: 'медовый короб', ср. нем. *Bienenkorb* и др.)[1].

В этой связи примечательна также крайняя диалектная ограниченность общего названия 'пчелиного воска', представленного соотносимыми формами лишь в балто-славяно-германском: др.-в.-нем. *wahs* (нем. *Wachs*), др.-англ. *weax* (англ. *wax*), др.-исл. *vax*; лит. *vãškas*, латыш. *vasks*, *vaska*, рус. *воск* (*Stang 1972 : 61*)[2]. Пчеловодство даже на ранних его стадиях предполагает наличие 'пчелиного воска', употребляемого в ритуально-хозяйственных целях, и при устанавливаемом уровне развития пчеловодства у древних индоевропейцев они несомненно должны были производить и применять 'воск' (что и отразилось в явной форме в древних индоевропейских традициях). Отсюда можно сделать вывод, что обнаруживаемый узко диалектный термин для 'воска' является продолжением древнего индоевропейского названия (ср. древнее название 'пчелы' *bʰlei̯-, ограниченное в основном той же диалектной общностью) или же этот термин является нововведением, заменившим утерянное во всех исторических традициях древнее название 'воска'.

5.6. НАПРАВЛЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЧЕЛОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТЕРМИНОВ ПЧЕЛОВОДСТВА С ЕВРАЗИЙСКИМИ

Устанавливаемый уже для VII—III тысячелетий до н.э. очаг первоначального пчеловодства в широком ареале Средиземноморья, с особым развитием домашнего пасечного пчеловодства в Древнем Египте третьего тысячелетия до н. э., постепенно расширяется в северном и восточном направлениях. В этой связи не может не обратить на себя внимания совпаде-

с пчелиной бортью'; сюда же может относиться лит. *bùr-ìv-is* 'колдун', 'чародей' (с переносом значения), *Трубачев 1974-, III : 132—133*.
Примечательно, что именно в этих индоевропейских диалектах, которые в историческую эпоху оказались вдали от основных переднеазиатских очагов пчеловодства, сохраняется (а отчасти и вновь развивается) пчеловодческая терминология (названия 'пчелы', 'медового напитка,' 'улья' и др.).

[1] Характерно, что в древней Греции в качестве 'ульев' применялись специальные плетеные корзины.

[2] Интересно сопоставление этой группы слов со значением 'воск' с осет. myd-aʒ 'воск', где -aʒ выводится из *waʒ (ср. *Абаев 1973, II : 135*). Такое *waʒ можно было бы сравнить с приводимыми терминами для 'воска' в балто-славяно-германском, причем осет. ʒ могло бы соотноситься со *-sk-‖*-ks-.

ние древнего индоевропейского слова для 'пчелы' *$b^{[h]}e\underline{i}$- с египетским названием 'пчелы' *bj.t* (с показателем женского рода *-t*).

В том же ареале 'пчела' с глубокой древности играет особую культовую и ритуальную роль в качестве женского божества или бога плодородия, что отразилось как в целом ряде древних индоевропейских традиций (древнехеттской, древнегреческой и других), так и в других сопредельных областях с неиндоевропейским населением.

В Закавказье, где пчеловодство имеет давние истоки, обнаруживается широкое распространение культа женского божества — 'покровительницы пчел и пчеловодства'. Это сванская *Lamaria* (*ср. Charachidzé 1968 : 486 и след.*; ср. также сванские божества с аналогичными функциями *ǯgərāg-Lenčaš*, *Bav-bednieri*), мегрельская *ǯgeraguna*, абхазская *Ananagunda*, черкесская *Merisa* и другие, ср. *Робакидзе 1960 : 175*; *Лекиашвили 1979*. Любопытна также связь сванского ритуала *Melia-t'elepia* с мотивами малоазиатского мифа о Телепину (*Бендукидзе 1973*)[1].

Влияние тех же малоазиатских представлений о 'пчеле' и 'божестве плодородия', восходящих в конечном счете к хаттской традиции (хат. *Talipinu*), предполагается и в греческом мифе о Телефе, вскормленном Артемидой и связываемом с аналогичными мотивами (*Топоров 1975а : 37 и след.*).

В течение длительного времени, вплоть до первого тысячелетия до н. э., пчеловодство как особая форма хозяйства было ограничено пределами Западной Азии. Дальнейшее распространение пчеловодства в восточном направлении можно проследить и по миграции соответствующих терминов. Индоевропейское название 'меда' обнаруживается в древнекитайском языке уже в IV—III вв. до н. э. в форме *mjĕt* 'мед', которую можно увязать с такими диалектными индоевропейскими названиями 'меда', как тох. В *mit*<**myät*<**med$^{[h]}$u* (ср. *Поливанов 1916*; *Conrady 1925*). Слово проникает в Восточную Азию вместе с медом и пчеловодством, занесенными мигрировавшими в восточном направлении индоевропейскими племенами.

В центральноазиатском ареале по мере распространения пчеловодства вместе с индоевропейскими племенами, его практиковавшими, могло произойти заимствование того же индоевропейского названия 'меда' финно-угорскими языками в форме **mete* : венг. *méz*, фин. *mesi*, морд. *ḿed'*. Любопытно, что в древнем финском эпосе "Калевале" обнаруживаются мотивы, разительно напоминающие миф о Телепину: убитого врагами героя Лемминкяйнена воскрешает с помощью 'волшебного меда' пчела, приносящая мед по просьбе матери героя с девятого неба.

[1] Обращает также на себя внимание фонетическое сходство картвельского названия [illegible] (груз. put'k'-ar-i, лаз. but'k'uǯ-i) с индоевропейскими образованиями [illegible] от древнейшего названия 'пчелы': *$b^{[h]}oi$-$k^{[h]}$-el-* || *$b^{[h]}ou$-$k^{[h]}$-el-* (слав. [illegible], лат. fūcus); *$b^{[h]}i$-$t^{[h]}$-* (балт. **bit-*).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «РАСТЕНИЙ». ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАСТЕНИЙ И ИХ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

I. РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР. ДЕРЕВЬЯ

1. «ДЕРЕВО», «ДУБ»

1.1. «ДЕРЕВЬЯ» ВНУТРИ «РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА»

'Растительный мир', характеризующийся признаком "неодушевленности", объединяет 'деревья' разных видов, а также 'травы', 'злаки' и 'цветы'. При этом различаются дикие виды растений и культурные (одомашненные). Сравнительный анализ лексем, обозначающих эти виды растений, позволяет реконструировать некоторые древнейшие названия деревьев и растений и связанные с ними представления.

1.2. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ДЕРЕВА», «ДУБА»

Общеиндоевропейское слово со значением 'дерево' (в некоторых диалектах 'дуб') представлено основой с чередованиями *t'e/orn̥- / *t're/on̥- во всех основных индоевропейских диалектах:

Хет. *taru* 'дерево', др.-инд. *dā́ru* 'дерево' (*род. пад. dróḥ, drúṇaḥ*), *drú-* 'дерево', *dravya-* 'деревянный', *drumá-* 'дерево'; авест. *dāuru-* 'древесный ствол', *drvaēna-* 'деревянный';

Греч. мик. *du-ru-to-mo* 'дровосеки' (греч. δρυ-τόμοι), *do-we-jo* 'деревянный' (**dorweios*), греч. гом. δόρυ 'древесный ствол, дерево', 'древко' (копья), *род. пад.* гом. δουρός, *арх.* δούρατος <*δορϜητος; δρῦς, *род. пад.* δρυός 'дерево', 'дуб', τὰ δρυμά 'дубовый лес' (у *Гомера*), δένδρεον 'дерево' (редупликация из *δερ-δρεϜον), аттич. δένδρον; макед. δάρυλλος 'дуб';

Алб. *dru* 'дерево', *drush-k* 'дуб';

Др.-ирл. *daur*, *род. пад. daro* 'дуб', *daurde* 'дубовый', *derucc* 'желудь', галл. **d(a)rullia* 'дуб' (ср. др.-макед. δάρυλλος), валл. *derwen* 'дуб';

Гот. *triu* 'дерево', др.-исл. *tré*, др.-англ. *trēo*[w][1] (англ. *tree*), др.-сакс. *trio* 'дерево', 'бревно';

Лит. *dervà* 'сосна', *darvà* 'смола', латыш. *dar̃va* 'смола', ст.-слав. *drěvo* 'дерево', 'бревно', рус. *дерево, дром* 'чаща', 'заросли', 'бурелом';

Сюда же относится тох. A, B *or* 'дерево' с не вполне ясным отсутствием начальной согласной[1].

[1] Такое же соотношение: тох. # *Ø-* ~ # d- (в таких диалектах, как греческий) наблюдается и в другом слове: тох. A ākär, *мн. ч.* ākrunt 'слеза' ~ греч. δάκρυ, лат. dacruma ‖

*1.3. СЕМАНТИКА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *t'e/oru̯-, *t're/ou̯- И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЗНАЧЕНИЯХ СООТВЕТСТВУЮЩИХ СЛОВ В ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТАХ*

Значение этой основы 'дуб', обнаруживаемое в диалектах двух разных древних ареалов (с одной стороны, в кельтском, а с другой, в древнегреческом, македонском, албанском), дает основание постулировать это значение и для общеиндоевропейской основы. Наряду с этим для общеиндоевропейского восстанавливается и значение 'дерево' (как 'растение', так и материал — 'древесина'), по свидетельству хеттского, тохарского, индо-иранского, греческого, балто-славяно-германского. Такое постоянное соединение значений 'дерево' ~ 'древесина' может объясняться отнесением слова к древнему инактивному классу. Формально это выражается в принадлежности слова к древнейшему типу имен гетероклитического склонения на *-u-/*-n-t[h]- (ср. греч. *род. п.* δούρατος, др.-инд. *drúṇah*), позднее отнесенных грамматически к среднему роду.

С этими первичными значениями слова 'дерево', 'древесина', 'дуб' увязывается и значение 'крепкий', 'твердый', очевидно, по характеру древесины 'дуба'[1]: др.-инд. *dāruṇá-* 'прочный', 'крепкий', арм. *tram* 'прочный', лат. *dūrus* 'твердый', 'крепкий', 'сильный' (из **druros*); др.-ирл. *dron* 'крепкий'; др.-англ. *trum* 'твердый', 'крепкий', 'здоровый', лит. *drūtas* 'сильный', 'прочный', ст.-слав. *sŭ-dravŭ* 'здравый', рус. *здоровый*.

Признак прочности, твердости 'дерева' - 'дуба' может лежать в основе целого комплекса понятий 'верный' ~ 'прочный' ~ 'надежный' ~ 'доверять(ся)', выражаемых родственными словами. Этот комплекс значений засвидетельствован в основном в германских языках: гот. *triggws* 'верный', др.-в.-нем. *gi-triuwi* (нем. *treu*), др.-исл. *tryggr* 'верный'; гот. *trauan* 'доверять', др.-англ. *trūwian*, др.-в.-нем. *trū(w)ēn* 'доверять' (нем. *trauen*) и др., *Osthoff 1901, I* ; ср., однако, *Benveniste 1966a : 298—301*; *Friedrich P. 1970 : 141—143*.

С этим кругом значений может связываться и значение 'вера', выражаемое той же основой и представленное в более широком диалектном ареале: др.-исл. *trú* 'вера', 'убеждение', прус. *druwis* 'вера'.

1.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ДУБА», «СКАЛЫ»

В отличие от рассмотренной формы среднего рода со значением 'дерево', 'дуб', относившейся первоначально к 'инактивному классу' имен,

lacruma (*Hamp 1972a*). Древнеиндийский и балтийский показывают соответствующие формы, аналогичные тохарскому: др.-инд. áśru 'слеза', лит. ãšara. Любопытно, что и в слове для 'дерева' с начальной индоевропейской глоттализованной **t'*- латинский и древнеиндийский обнаруживают фонетические особенности, не укладывающиеся в общую схему фонемных соотношений между индоевропейскими диалектами: ср. лат. larix 'лиственница', др.-инд. tarú- 'дерево' (при обычном др.-инд. dáru).

[1] Характерно, что по прочности материала 'дерево', называемое этим словом, сравнивается с 'камнем', ср. гом. *ἀπὸ δρυὸς οὐδ' ἀπὸ πέτρης* "ни с дуба, ни с камня", X 126; в языке комедии Δρυ-*αχαρνῆς* 'ахарнеяне, твердые, как дуб', и др., ср. *Friedrich P. 1970 : 141*.

другая индоевропейская основа *p[h]erk[h]°u- с тем же значением 'дуб' относится к явно выраженному "активному классу", преобразованному позднее в класс слов несреднего рода. Характерно, что эта основа в индоевропейском при выражении значения 'дуб', 'лес' никогда не обозначает 'древесины':

Лат. *quercus* 'дуб'; кельт. *Hercynia silva* 'Лес Эркиния' (в латинской передаче, ср. уже у *Аристотеля* Ἀρκύνια ὄρη 'гора Аркиния', *ср. Holder 1961—1962, I : 1458 и след.*), ἕρκος 'дубовый лес' (в греческой передаче); др.-англ. *firgen* 'горный лес'; лангобард. *fereha* 'вид дуба', др.-в.-нем. *Fergunna*, название среднеевропейских гор, ср.-в.-нем. *Virgunt* 'название лесистых гор', 'Судеты'; др.-исл. *fjǫrr* 'дерево', др.-в.-нем. *forha* 'сосна', др.-англ. *furh* 'сосна', др.-исл. *fura* 'сосна', *fýri* 'сосновый лес', нем. *Forst* из **forh-ist* 'сосновый лес';

Др.-инд. *parkaṭi* (вариант *plakṣá-*) 'священное фиговое дерево' (*Turner 1966*), ср. панджаби *pargāi* 'каменный дуб' (*Quercus robur*).

Эта группа соотносимых друг с другом названий 'дуба' по диалектному распределению (кельто-итало-германский, древнеиндийский) определяется как весьма древняя, восходящая к общеиндоевропейской праформе.

Семантика слова явно указывает на связь 'дерева' с гористой местностью, на чем и основано "древнеевропейское" название лесистых гор (от Судет до Карпат). В этом отношении показательны этимологически родственные слова, имеющие значение 'гора': гот. *fairguni* 'горная местность' (ср. др.-в.-нем. *Fergunna*).

С этими словами связаны формы со значением 'гора', 'скала': др.-инд. *párvata-* 'скала', 'гора' (часто в "Ригведе"); хет. *peru, им.-вин. пад. ср. р., дат. пад. peruni* 'скала', *Eichner 1973 : 75, 98*; *perunа-* 'скала' (*неср. р.*), восходящие к той же основе без суффиксального *-k[h]°-. Согласие древнеиндийского с хеттским уже удостоверяет по схеме диалектного членения общеиндоевропейский характер слова.

Таким образом, для общеиндоевропейского выделяются два варианта основы : основа с *-k[h]°-: *p[h]erk[h]°u-[1] и основа без *-k[h]°-: *p[h]eru-.

1.5. СВЯЗЬ НАЗВАНИЯ «БОЖЕСТВА» С НАЗВАНИЕМ «ДУБА»

Первоначальная связь этих основ, рассматриваемых как два варианта единой формы, особенно наглядно проявляется в названиях 'бога грома', связываемого с 'дубом' и 'скалой', 'камнями' в древних индоевропейских традициях. Эти названия представляют собой производные на *-n-o- от тех же двух индоевропейских вариантов основ *p[h]erk[h]°u-//*p[h]eru-, распределяемых по диалектам:

[1] Италийская форма от основы *p[h]erk[h]°u- обнаруживает позднюю ассимиляцию *perkʷu- → *kʷerku-, лат. quercus 'дуб' (ср. также венет. Quarquēni, название племени, буквально: 'дубовые люди').

Общебалтийский 'бог грома' — лит. *Perkūnas*, латыш. *Pērkūns* (ср. также лит. *perkūnija* 'гроза с громом и молнией', прус. *percunis* 'гром') связан с 'дубом', 'дубовой рощей' (ср. названия священных деревьев — лит. *Perkūno áužuolas*, латыш. *Pērkuona uôzuōls* 'дуб бога грома')[1] и 'горой', 'скалой', 'камнями' (ср. лит. *Perkūnkalnis* 'гора бога Грома', поверья о 'горе' как древнем обиталище бога Перкунаса и др.);

Др.-исл. *Fjǫrgyn* 'мать бога грома Тора' (основа *ж. р.* на *-uni*, ср. такой же тип образования в кельт. *Hercynia silva* 'лес Эркиния', лит. *perkūnija* 'гроза');

Др.-инд. *Parjánya-* 'бог грома и дождя' (в "Ригведе") — вероятно, с позднейшим озвончением рефлекса индоевропейского *$k^{[h]o}$, аналогичным др.-рус. *перегыня* (название мифологического существа, ср. *Якобсон 1970: 612*).

Названия того же божества в других диалектах образованы от той же основы без элемента *-$k^{[h]o}$-:

Общеславянский бог грома **Perunъ* (ср. укр. *перун* 'гром', белорус. *пярýн*, чеш. *perun* 'гром', польск. *piorun* 'гром') связан с 'дубом' и с 'горой' (ср. др.-рус. *Перуновъ дубъ*[2] на горе, *Иванов/Топоров 1974: 14 и след.*; *Nagy 1974*);

Алб. *Perën-di* 'бог', 'небо' (ср. *Pisani 1959 : 124*), в частности в песнях с обращением к 'богу' с просьбой принести дождь;

Хет. *Perunaš* 'Скала' (женщина, рождающая сына богу Кумарби, "Песнь об Улликумми", I, 1 14); древнехеттский бог *Perṷaš*, имя которого образовано от той же основы, связан со скалой $É^{NA_4}$ *ḫegur* ^{D}*Perṷa-* 'Дом—скала бога Пирвы';

Кафирское имя бога войны *Pārun* ср. также название созвездия "Плеяд" в афганском: *Pērūne, Scherer 1953 : 142*; *ср. Якобсон 1970 : 612*).

Связь общеиндоевропейского имени 'бога грома' *p$^{[h]}$er(k$^{[h]o}$)u-n- с названием 'горного дуба', 'дубового леса на горе', 'горы', 'скалы' *p$^{[h]}$er(k$^{[h]o}$)u- легко объясняется древнейшими представлениями о 'молнии', поражающей мощные дубы на вершинах гор. Такие представления должны были отражать постоянно наблюдаемые явления в высокогорных районах обитания древних индоевропейских племен.

1.6. РАЗНОВИДНОСТИ «ДУБА» И «ГОРНОГО ДУБА» В ЕВРАЗИИ

Известно несколько разновидностей 'дуба' (*Quercus* L.), широко распространенных в Западной Евразии главным образом в областях с умеренным и южным климатом. В Передней Азии, включая Закавказье, широко распространены дубы нескольких разновидностей: 'кавказский дуб' (*Quercus iberica*), 'малоазиатский дуб' (*Quercus cerris*), 'горный дуб' южных и восточных областей (*Quercus macranthera*), 'высокогорный дуб'

[1] Старое название 'дуба' в балтийском заменено новообразованием: лит. *áužuolas*, латыш. *uôzuōls*, прус. *ansonis* 'дуб' (ср. *Топоров 1975-, 1 : 93*).

[2] В общеславянском древнее название 'дуба' заменено новообразованием (рус. *дуб*, др.-рус. *дубъ*), ср. *Фасмер 1964—1973, 1 : 547—548*.

Юго-западной Азии (*Quercus ilex*), 'имеретинский дуб' (*Quercus imeretina*) и другие (см. *Берг 1955 : 241, 244, 265, 289 и др.*).

В Атлантический период (около VII — IV тысячелетий до н. э.) дубовые леса распространяются в Европе, в частности в Северном Причерноморье (*Нейштадт 1957 : 302*). В более позднее время в лужицкой культуре (первое тысячелетие до н. э.) больше половины древесины, используемой в строительных целях, представляла собой 'дубовое дерево' (*Firbas 1949 : 169*).

В Суббореальный период (3300—400 гг. до н. э.) в Европе дубовые леса в более северных областях были оттеснены хвойными деревьями и березами; дубовые леса играют подчиненную роль по отношению к 'сосне' (*Кларк 1953 : 26*). Не удивительно поэтому, что в ранней истории в германских языках древнее название 'горного дуба', 'дубового леса' (еще отраженное в первоначальном значении в кельто-германском, ср. древнее название Судет-Карпат как 'дубового горного леса') меняется на 'сосну', 'сосновый бор'.

В высокогорных районах Передней Азии (в широком смысле, включая Закавказье, Иран и Афганистан), представляющих собой более древний ареал распространения 'дуба' и 'дубовых лесов', дуб составляет основной фон ландшафта[1]. В отдельных горных областях этого ареала на высоте около 2300—2600 м (и ниже) лиственные леса состоят в основном из гигантских дубов, множество которых гибнет от гроз и частых ударов молний[2]. Молния, поражающая самое прочное из деревьев — 'дуб' (как и каменную скалу), естественно вызывала в воображении образ всемогущего божества грома, именуемого по названию 'горного дуба'.

1.7. КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ «ДУБА» В КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

'Дуб' считается священным деревом в широком переднеазиатском ареале. На Кавказе широко представлен культ 'дуба'. Это особенно проявляется в картвельской традиции, где у горцев в Пшав-Хевсурети все еще сохраняется обращение при молитвах к 'духу дуба' (*Джавахишвили 1960, I : 86*). 'Дуб' здесь мыслится как огромное мифическое дерево (в сущности 'Мировое дерево'), вершина которого прикована к небу золотой

[1] Название 'дуба' реконструируется и для общесемитского: **'all-(an-), Fronzaroli 1968, V : 277.*

[2] Любопытно в этом отношении описание высокогорного ландшафта Нуристана (области Восточного Афганистана, занимаемой кафирами — носителями нуристанских языков, составляющих особую ветвь индо-иранских языков) *Н. И. Вавиловым*, путешествовавшим по этим местам: "дуб... здесь гибнет естественной смертью, от бурь; по дороге огромные пни, сожженные стволы... дуб здесь достигает мощных деревьев до 10 м, в среднем 7—8 метров" (*Вавилов 1959— 1965, I : 130*); тут же упоминается заросший дубовым лесом перевал Парун, который по форме представляет, по-видимому, индоиранский вариант индоевропейского названия 'горного дубового леса' (ср. в этой связи название бога войны у кафиров Pärun).

цепью; по нему спускаются и поднимаются к небу ангелы (*Важа Пшавела*).

В Абхазии почитание дуба связано с тем, что во время грозы 'бог грома' поражает 'дуб'. Поэтому дуб вырывают с корнем, если он растет у дома. 'Дуб' и 'гора' считаются местом, где приносится особенно важная клятва, в частности на горных перевалах (*Малия 1970 : 90 и след.*). Сходные представления о 'дубе' обнаруживаются и у осетин : 'дуб' (осет. *tūlʒ//tolʒæ*)[1] здесь не садят вблизи дома, считая, что это приносит несчастье (*Миллер/Фрейман 1927—1934, II : 1226*).

1.8. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РОЛЬ «ДУБА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЖЕЛУДЯ»

У древних индоевропейцев 'дуб', с которым связан целый комплекс важнейших мифологических и ритуальных представлений, должен был играть существенную роль в хозяйстве. Прежде всего 'дуб' давал особенно прочный материал для строительства и для изготовления различных орудий и других предметов (об этом подробнее ниже). Очевидно, форма среднего рода (древнего инактивного класса) ***t'oru-** и обозначала первоначально именно 'дуб' как 'древесину', 'материал для изготовления различных предметов и сооружений'[2], тогда как само растущее дерево 'дуб' выражалось словом несреднего рода (древнего активного класса) ***p$^{[h]}$er(k$^{[h]o}$)u-s**.

Помимо использования 'дуба' для древесины особое хозяйственное значение имели дубовые леса, по-видимому, и для развития у древних индоевропейцев свиноводства. Специальные 'свинопасы' должны были пасти свиней именно в дубовых лесах, богатых желудями.

Название 'желудя' ***k'^{o}elH-**, судя по диалектному распределению (армяно-греческий, италийский, балто-славянский), восстанавливается как общеиндоевропейское:

Арм. *kaɫin, род. пад. kaɫnoy* 'желудь'; отсюда название 'дуба' *kaɫni* (*ср. Туманян 1978 : 198*), греч. **βάλανος** 'желудь' (уже у *Гомера* как пища свиней, которых пасут в горных местах, поросших дубовым лесом[3]);

[1] Осетинское слово с неясной этимологией для 'дуба' tūlʒ является заменой первоначального названия, легко подвергавшегося табунированию ввиду связываемых с 'дубом' представлений.

[2] Ср. названия предметов и орудий, образованных от основы ***t'e/oru-**: др.-инд. druváya- 'деревянный сосуд', drūṇam 'меч', druṇī 'ведро', dru-ghnī 'деревянный молот'; авест. dāuru-'оружие из дерева', 'палица'; арм. targal'ложка', греч. **δόρυ** 'древко', 'копье', **δροίτη** 'корыто'; ср.-нрл. drochta 'бочка', drochat 'мост'; др.-англ. trīg 'поднос' (англ. tray), др.-в.-нем. trog'корыто' (нем. Trog), др.-англ. trog, troh 'корыто', др.-в.-нем. truha 'ларь', 'ларец' (нем. Truhe) и др.

[3] Ср. в "Одиссее" (ν 407—410):

δῆις τόνγε σύεσσι παρήμενον· αἱ δὲ νέμονται
πὰρ Κόρακος πέτρῃ ἐπί τε κρήνῃ Ἀρεθούσης,
ἔνθουσαι βάλανον μενοεικέα καὶ μέλαν ὕδωρ
πίνουσαι, τά θ' ὕεσσι τρέφει τεθαλυῖαν ἀλοιφήν
"Встретишь его ты у стада свиней: близ утеса Коракса,
Пьют вдоволь ключа Аретузы лазоревой стадо пасется,

лат. *glāns, род. пад. glandis* 'желудь' (с дальнейшим переносом на косточковые плоды — каштан, финик и другие[1]), лит. *gylė* 'желудь', *giléndra* 'богатый урожай плодов', латыш. *zīle* 'желудь', прус. *gile* 'желудь', 'дуб', рус. *желудь*, польск. *żołądź* 'желудь'.

1.9. ТАБУИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ НАЗВАНИЯ «ДУБА» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Название 'дуба', с которым в индоевропейском связан широкий комплекс мифологических представлений, подвержено частому табуированию в отдельных индоевропейских диалектах путем замены его другими словами с не всегда ясной этимологией (ср. выше о балтийском, славянском и осетинском названиях 'дуба') или фонетических преобразований, меняющих его первоначальный облик[2].

Одним из древнейших примеров такой табуистической замены первоначального названия 'дуба' может служить основа **ajk'-*, представленная в основном в германских языках как главное название 'дуба':

Др.-исл. *eik* 'дуб', 'корабль' (в поэтическом языке), др.-англ. *āc* 'дуб', 'судно из дуба' (англ. *oak*), др.-в.-нем. *eih* (нем. *Eiche*) 'дуб'[3].

Обнаружение соотносимого с этой основой слова в греческом языке

Жадно питаяся там желудями и водой запивая
Пищу, которая тушу свиную густым наливает
Жиром" (перевод *Жуковского*).

[1] Такой перенос значения 'желудь'→'финик', 'косточковый плод' может иллюстрировать семантическое развитие др.-инд. parkaṭi 'фиговое дерево' из первоначального индоевропейского значения 'дуб'. Смена экологических условий древних индо-арийцев приводит как к исчезновению 'свиней' и 'свиноводства', так и к переосмыслению древнего названия 'дуба' как священного дерева, дающего хозяйственно ценные плоды. В этой роли в древней Индии выступает уже 'фиговое дерево'.

[2] Примерами таких фонетических преобразований первоначального названия 'дуба' могут служить индо-арийские термины, обозначавшие 'дуб', и связанные с ним представления: ср. позднейшее озвончение в др.-инд. Parjánya- и pārijāta- 'райское дерево' (Quercētum), а также и п а н д ж а б и pargāi 'вид дуба'; наряду с этой формой в п а н д ж а б и засвидетельствованы названия разных видов 'дуба' (в том числе 'горного дуба' — Quercus ilex): kars, karś, karšu, сопоставляемые с прус. karige 'рябина' и герм. **karkús* 'роща'; 'жрец', 'идол'; 'куча камней': др.-англ. hearg 'идол', др.-в.-нем. haru(g)-, др.-исл. hargr 'куча камней', 'место жертвоприношений' (ср. *Friedrich P. 1970: 150; Иванов/Топоров 1974 : 32; Топоров 1975-, III : 228—231*).
К такой индоевропейской форме с начальным **k-* может восходить и картвельское **k'ɣk'o-* 'желудь' (груз. rk'o, диал. туш. k'urk'o, пшав. girk'o; мегр. k'ə, k'i; сюда же относится, очевидно, груз. k'urk'a 'косточка плода'); ср. также формы типа италийского **k^{w}erkus*: лат. quercus, венет. Quarquēni, а также иллирийское имя острова Корфу *Κόρκυρα, Κέρκυρα* (ср. *Шанидзе 1947*). Как табуистическое преобразование и переосмысление можно было бы объяснить и греч. гом. *κεραυνός* 'громовой удар, молния, посылаемая богом-громовержцем Зевсом' (из **per^{r}k^{l}aunos?*).

[3] Характерно, что древнее название 'дуба' в исторических германских языках часто переносится на 'сосну', см. выше. Ср., с другой стороны, др.-сев. dennia 'ель', др.-в.-нем. tanna 'ель', засвидетельствованная в XI в. также в значении 'дуб' (герм. **danwō*), которые сопоставляются с др.-инд. dhanvana- 'вид плодового дерева', ср. *Pokorny 1959: 234*.

позволяет реконструировать такую основу со значением 'дуб', 'горный дуб' уже для некоторой древней диалектной общности с довольно ранней заменой им первоначального названия:

Греч. *αἰγίλωψ* 'вид дуба' (*Quercus aigilops*, восточносредиземноморский дуб со съедобными желудями), древнее словосложение, по-видимому, со второй частью, родственной греч. *λώπη*, *λοπός* 'кора'; ср. лат. *aesculus* 'горный дуб' (из производного на *-sclos* ?, *Pokorny 1959 : 13*) при сохранении общего названия 'дуба' *quercus*.

Характерно, что греческий заменяет первоначальное индоевропейское слово со значением 'дуб' на основу ***t'(o)ru-**, превращая ее в форму несреднего рода — греч. *δρῦς* 'дуб' (как растущее дерево), тогда как форма от основы ***ajk'-** послужила для обозначения особой (местной?) разновидности 'дуба'[1]. Лишь табуистически преобразованное слово *κεραυνός* 'удар грома', 'молния', насылаемая громовержцем Зевсом, сохраняет след древней индоевропейской основы ***p[h]erk[h]°u-**.

2. «БЕРЕЗА»

2.1. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «БЕРЕЗЫ»

Название 'березы' (*Betula* L.) восстанавливается для общеиндоевропейского по схеме диалектного членения в виде основы ***b[h]erHk'**. Оно объединяет такие диалектные ареалы, как индо-иранский, италийский, балто-славяно-германский:

Др.-инд. *bhūrjá-* 'вид березы', из коры которой изготовлялся материал для письма (засвидетельствовано в ведийском в "Яджурведе"); в дардских языках горных северо-западных районов Индии — пхалура *brhuǰ*, дамели *brũš*, гавар-бати *bluz* 'береза' (*Mayrhofer 1963, II : 514 — 515*); в кафирском (вайгали) *brūǰ* 'береза' (*Morgenstierne 1954 : 238*), хотано-сакск. *braṁja* 'береза', *bruṁjə-* 'береста' (кора березы как материал), памир. вахан. *furz*, санглечи *bərež*, шугнан. *bəruǰ* 'береза', осет. *bærz // bærzæ* 'береза', афган. *barǰ* 'лыко' (полоса бересты, березовой коры); тадж. *burz*, *burs* 'арча' (с переносом значения);

Др.-исл. *bjǫrk* 'береза', др.-в.-нем. *birihha* (нем. *Birke*), др.-англ. *beorc*, *birce* (англ. *birch*) 'береза';

Прус. *berse* 'береза', лит. *béržas* 'береза', *bìržtva* 'березняк', латыш. *bę̃rzs*, *bērze* 'береза', рус. *береза*, сербо-хорв. *brẽza*, др.-чеш. *břieza* 'береза', рус. *береста* 'верхний слой березовой коры', др.-рус. *берестo* 'березовая кора' рус. диал. *берестo* 'береста', 'письмо', 'бумага' (*Филин 1965—, II*:

[1] По Хирту (*Hirt 1968 : 20*) к этой же основе относится и греч. гом. *αἰγανέη* 'дротик', употреблявшийся на охоте и в играх, и *αἰγίς* 'эгида', 'нагоняющий страх щит Зевса', которым он насылал грозу и ужас на людей, то есть *αἰγίς* — это первоначально 'дубовый щит бога Дуба' ('Eichenschild des Eichengottes'), посылающего молнии.

257), чеш. *břesta* 'береста', польск. *brzesta* 'кора вяза', с переносом значения (древняя основа на *-t[h]l-)[1].

Лат. *fraxinus* 'ясень', *farnus* 'ясень' (с переносом значения);

Фрак. *Berzovia* (название места на юго-западе Дании, толкуемое как 'березовый (ручей)'[2].

2.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «БЕРЕЗЫ» ОТ ОСНОВЫ В ЗНАЧЕНИИ «БЛЕСТЕТЬ»

Общеиндоевропейский характер названия 'березы' подтверждается связью его с первичной основой *b[h]erH̥k'- в значении 'светиться', 'блестеть': ср. др.-инд. *bhrā́jate* 'блестит', 'сияет', авест. *brāzaiti* 'блестит', 'сияет'; гот. *bairhts* 'светлый', 'ясный', 'блестящий', др.-англ. *beorht* 'блестящий', 'яркий' (англ. *bright*).

Связь этих значений ('светлый', 'яркий' ⇒ 'береза') легко объяснима характерным цветом блестящей коры 'березы', по которой и было названо само растение.

2.3. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И РИТУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «БЕРЕЗЫ» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Основная хозяйственная ценность 'березы' определяется тем, что она служила в древности (и до сих пор служит в отдельных традициях) материалом для изготовления самых разнообразных предметов от обуви, посуды, корзин до материала для письма в отдельных культурах, в частности у восточных славян и в Индии до XVI в. н. э.[3]

'Белизна', 'блестящий цвет' коры березы послужили, по-видимому, основанием в древних представлениях для употребления 'березы' в качестве символа ритуальной 'чистоты' и 'невинности'. В частности, в фольклоре балтийских народов сохранились устойчивые словоупотребления, при которых слово 'береза' выступает в значении 'чистоты', 'невинности', ср., например, латыш. *brūte vēl bę̃rza galā* (вар. *bę̃rzgalā*) 'жених еще (у) вершины березы' (о юных, невинных девушках и юношах), *Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, I : 292.* Аналогичные мотивы выступают и в германской традиции, ср. *Friedrich P. 1970 : 157—158.*

[1] Такой перенос значений засвидетельствован уже в ранних славянских формах от *berstŭ: рус. *берест* 'вяз', сербо-хорв. bresten 'ulmeus', 'вязовый' (в текстах XI в.) и др. Перенос значений объясним сходством коры 'березы' с корой 'вяза', для обозначения которого и стало применяться древнее слово, образованное от названия 'коры березы', ср. *Трубачев 1974-, I : 199.*

[2] Устанавливаемый по диалектному распределению общеиндоевропейский характер названия 'березы' предполагает утрату его в некоторых исторических диалектах или сдвиг его значения. Косвенным подтверждением этого может служить баскское слово для 'березы' (b)urki (*Tovar 1970: 269*), по-видимому, заимствованное из какого-то индоевропейского диалекта, все еще сохранявшего незвонкий характер древнего палатализованного *k'.

[3] Любопытно в связи с этим называние германской руны ƀ именем 'березы' : др.-исл. bjǫrkan, др.-англ. bēorc, гот. bērkna (*bairkna), *Grienberger 1896 : 185 и след.*

В свете этих положений приобретает особое значение сопоставление с индоевропейским названием 'березы' и производными от него хеттской основы *parku-* в значении 'ритуально чистый', 'невиновный'[1]. Хеттская форма восходит к индоевропейской основе на *-u-: *b$^{[h]}$(e)rHk'-u-[2], засвидетельствованной в балто-славянском (слав. **berzovй-*: др.-рус. *березовий, Бархударов 1975-, I : 145*, сербо-хорв. *brȅzov*, с XIV в. н. э., болг. *брязов*; слав. **berz-u-jй* в топониме др.-рус. *Березуй, Трубачев 1974-, I : 206—207*; ср. хеттское прилагательное *parku-i-* 'чистый', лит. *Béržuvis, Топоров 1975-, I : 213*) и фракийском: *Berzovia*.

Морфологическое строение хеттской формы на *-u-*, как и ее значение предполагают образование ее от индоевропейского названия 'березы' в метафорическом значении 'ритуальной чистоты', 'невиновности'. Первичное значение основы 'береза' в этой группе хеттских слов было утеряно при сохранении лишь производного значения.

2.4. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ «БЕРЕЗЫ»

Разновидности б е р е з ы (*Betulaceae*) встречаются в настоящее время по всей умеренной (и северной) зоне Евразии, а также в горных районах более южных зон, где она растет до высоты около 1500 м (в частности на Кавказе, на отрогах Гималаев и в горных районах Южной Европы). В Суббореальный период (около 3300—400 гг. до н. э.) б е р е з а была распространена и в более южном поясе (*ср. Хотинский 1977*; *Герасимова/Величко 1982 : 121—123*).

Наличие общего слова для 'березы' в индоевропейском предполагает знакомство с ней древних индоевропейских племен, что было возможно либо на территории зоны относительно умеренного климата (в Европе на широтах от севера Испании до севера Балкан и далее на восток к низовьям Волги), либо в гористых областях более южного ареала Передней Азии.

3. «БУК»

3.1. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «БУКА»

Индоевропейское название 'бука', восстанавливаемое в форме *b$^{[h]}$aHk'o-, показывает в исторических диалектах семантические преобразования, затрудняющие точное установление первоначального значения:

Лат. *fāgus, ж. р.* 'бук', 'буковое дерево' (ср. галл. *bāgos* в топониме *Bāgācon*); др.-в-нем. *buohha* 'бук' (нем. *Buche*), др.-исл. *bók, ж. р.* 'буковое дерево', др.-англ. *bōc* 'бук' (ср. у *Цезаря*: *esse silvam ibi infinitae*

[1] От этой исходной основы образованы в хеттском адъективная форма на *-i*: *parkui-* 'чистый', 'невиновный', *им. пад. parkuiš, род. пад. parkuaš*; отыменная глагольная основа *parkueš-* 'очиститься', 'оказаться невиновным'; абстрактное имя существительное *parkueššar, род. пад. parkuešnaš* 'очищение'.

[2] Сопоставление хет. *parkui-* с гот. *bairhts* 'блестящий' и родственными словами было предложено еще С т е р т е в а н т о м (*Sturtevant 1933 : § 115*), ср. *Pokorny 1959 : 140*.

magnitudinis, quae appelatur Bacēnis "есть там лес бесконечной протяженности, называемый *Bacēnis*" ("*De bello Gallico*", 6, 10);

Сюда же относится греч. φηγός, дор. φᾱγός, *ж. р.* 'дуб'[1].

Ряд форм, относимых к этой же группе слов, показывает возможные следы *-u* после корневого гласного (связанного с ларингальным ?): др.-исл. *beyki* 'буковый лес', др.-англ. *bēce* (англ. *beech*) 'бук', 'буковый лес' (если не из **bōkjo-*, *Watkins 1971 : 1508*; ср. *Lane 1967 : 202—205*).

Славянское название 'бука' **bukй* (др.-рус. *букъ*, рус. *бук*) по фонетическому облику считается заимствованием формы с незвонким **-k-* (из и.-е. **k'*), вероятно, германского **bōk-* (ср. *Трубачев 1974-, III : 90—91, с литературой*); заимствованной по той же причине признается и балтийская форма — лит. *bùkas*, прус. *bucus* 'бук', но источник заимствования не вполне ясен (*Топоров 1975-, I : 262—263*)[2].

3.2. РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ «БУКА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В древних индоевропейских традициях 'бук' является священным деревом, связываемым с главными божествами, в частности Юпитером и Дианой в римской традиции. Особое сакральное значение 'бука' в германской традиции связано с использованием букового дерева и гладкой его коры как материала и средства для письма, что и отражено в значениях соответствующих слов (*Feist 1939 : 102*):

Гот. *bōka* 'буква', *мн. ч. bōkōs* 'письмо', 'письменный документ', 'кни-

[1] У *Гомера* по отношению к дубу Зевса: ὑπ' αἰγιόχοιο Διὸς περικαλλέι φηγῷ (E 693) "под прекрасным дубом эгидодержавного Зевса", и к дубу, у которого встречаются боги Афина Паллада и Аполлон, сын Зевса: ἀλλήλοισι δὲ τώ γε συναντέσθην παρὰ φηγῷ (H 22) "оба друг против друга ступая, сошлись у дуба". Судя по употреблению слова φηγός у *Гомера*, греческое значение слова 'дуб' следует считать заменой первичного индоевропейского значения (очевидно, 'бук') на значение 'божественного дерева', 'дуба бога Громовержца', название которого в греческом не сохранилось (ср. в этой связи рассмотренное выше греч. κεραυνός 'молния').

[2] Обращает на себя внимание то, что носители балто-славянских диалектов, обитавшие в исторический период в областях распространения 'букового дерева', теряют унаследованное древнее его название и заимствуют его вновь из другого диалекта. Не исключена, однако, возможность отражения в балто-славянских названиях 'бука' первоначальной индоевропейской формы с аномальным сохранением неозвонченного глоттализованного **k'*, пережиточно сохраняющегося в некоторых особых названиях, ср., например, др.-инд. tarú- 'дерево' при закономерном dáru (и.-е. **t'oru-*).
Альтернативным решением проблемы было бы допущение переноса значения унаследованной индоевропейской формы в славянском на обозначение другого растения, возможно, 'бузины' при заимствовании названия 'бука'. В таком случае индоевропейскую праформу следовало бы постулировать с палатализованной фонемой **ǩ*[h]: ср. слав. **bŭzй* (ст.-чеш. bez 'бузина', полаб. bâz 'бузина', 'сирень', др.-рус. *бозъ* 'бузина', *Бархударов 1975-, I : 274*), **bŭzina* (ст.-укр. *бзина*), **buzina* (рус. *бузина*, словин. *bẽsänă* 'бузина'); однако этимология вызывает возражения из-за корневого гласного *u* и в особенности значения слова, ср. *Трубачев 1974-, III : 104, 143—146*. По форме сюда же относят алб. bungë 'дуб' (*Hamp* apud *Friedrich P. 1970 : 108*) и курд. bŭz 'вяз', ср., однако, возведение курдского слова к **vīz* 'вяз', *Eilers/Mayrhofer 1962*.

га', *bōkareis* 'книжник', 'грамотей', др.-исл. *bók*, др.-англ. *bōc* (англ. *book*), др.-в.-нем. *buoh* (нем. *Buch*) 'письменный документ', 'книга', *buohstap* (нем. *Buchstabe*) 'буква' (из 'буковая палочка для письма')[1].

В этом значении германские слова заимствуются и славянским: ср. ст.-слав. *bukŭ* 'буква', *bukarĭ* 'грамотей' (ср. гот. *bōkareis*); полаб. *bükvoi* 'книги', др.-рус. *буквы*, *буквъвь* 'буква', *мн. ч.* 'письмена', 'письменность', 'письмо', 'послание' (*Бархударов 1975-, I : 352*)[2].

3.3. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «БУКА» И «АРГУМЕНТ БУКА» В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ «ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ»

'Бук' (*Fagus silvatica* L.) в историческую эпоху в Европе строго ограничен в своем распространении с востока по линии, идущей от Балтийского моря примерно по течению Вислы и к югу до среднего течения Дуная. Это и послужило одним из основных аргументов сторонников помещения индоевропейской прародины в Европе (ср. *Wissmann 1952*; *Krogmann 1954*; *1955*; *Lane 1967*, с дальнейшей литературой).

Однако по новейшим данным палеоботаники оттеснение 'бука' на запад и продвижение его на север в его исторические границы в Европе происходило не ранее Суббореального периода (конец IV— I тысячелетий до н. э.), ср. *Нейштадт 1957 : 305—311*. При этом некоторые разновидности 'бука' (*Fagus orientalis*) были распространены и в Передней Азии — от северных областей Малой Азии до Закавказья и Северного Ирана[3].

Поэтому принятие "аргумента бука" как фактора, определяющего локализацию индоевропейской "прародины", допускает выбор между территорией западноевропейского ареала (включая западные области Восточной Европы) и переднеазиатского ареала от Малой Азии до (северного) Ирана, при исключении территории к северо-востоку от Причерноморья до низовьев Волги, где 'бук' отсутствует на всем протяжении послеледникового периода.

[1] Ср. аналогичное использование 'березовой коры', 'бересты' для письма в славянской и индийской традициях, см. выше, стр. 620. Само германское слово: др.-в.-нем. stap 'палка', 'деревянная палка', др.-исл. stafr 'палка', 'деревянный посох' выражает также значение 'буквы рунического письма', 'письменности': руническое stAba 'руническая палочка', 'руна' (*Макаев 1965 : 138*), др.-англ. stæf 'буква', *мн. ч.* 'письменность', 'литература'.

[2] Общеславянский (или, во всяком случае, раннеславянский) характер германских заимствований ставит особый вопрос о наличии письменности у славян до создания "глаголицы" Константином-Кириллом в IX в. н. э. В этой связи любопытны данные Черноризца Храбра о "чертах и резах", с помощью которых славяне "читали и гадали" (ср. *Якубинский 1953 : 71—76*).

[3] Показательно наличие и общекартвельского слова для 'бука' **c'ip-*: груз. c'ipela, мегр. c'ipur-, лаз. c'ip(u)r-, сван. c'ip-ra, ср. *Гамкрелидзе/Мачавариани 1965 : 76*.

4. «ГРАБ»

4.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ГРАБА»

Примерно сходное с 'буком' диалектное распределение и аналогичную семантическую дистрибуцию показывает название 'граба' *(s)k'rōb[h]o-:

Рус. *граб*, *грабина*, чеш. *habr*, *hrabr*, польск. *grab*, полаб. *gróbē* 'грабовая роща', сербо-хорв. *grȁb*, *grȁbar*; прус. *wosi-grabis* 'бересклет' (буквально: 'козий граб', *Būga 1958—1961, II: 104*); латыш. *Gruõbiņa* (топоним от **gruõbas*), лит. *Gruobýnas*, диал. *Grọubýnc* (топоним, *Būga 1958—1961, III: 736*);

Умбр. *Grabouio-* (эпитет трех умбрских богов), *Dumézil 1966: 155* (с литературой).

Ряд форм показывает основу с начальным *s-*: лит. *skrõblas* 'граб', 'бук лесной', латыш. *skābarde* 'граб', алб. *shkozë* 'граб', 'бук', ср. аномальное в смысле соответствий лат. *carpinus* 'граб'.

Разные виды 'граба' (*Carpinus* L.) растут в Западной и Восточной Европе (*Carpinus betulus* L.), а также в горных местностях Передней Азии и Кавказа (*Carpinus orientalis*, *Carpinus caucasica*, *Carpinus schuschaensis*), где он известен с Бореального периода (*Нейштадт 1957: 269*)[1].

4.2. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЯ «ГРАБА» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Название 'граба', как и 'бука', увязывается этимологически с глагольными формами в значении 'царапать', 'наносить метки', позднее 'писать', что указывает на специфическое использование 'граба' в древности для нанесения на дерево определенных графических символов. Само название 'граба' *(s)k'rōb[h]o- возникло, очевидно, как производное от глагола *(s)k'reb[h]- в значении 'царапать', 'скрести', 'чертить': ср. греч. γράφω 'царапаю', 'пишу'[2] (из **k'ṛb[h]-*), γράμμα 'буква', др.-в.-нем. *kerban* 'делать зарубки' (нем. *kerben*), ст.-слав. *žrĕbьjь* 'жребий', прус. *girbin* 'число' (из 'число зарубок'), др.-англ. *screpan* 'царапать' (англ. *scrape*), рус. *скребу* и др.

4.3. СВЯЗЬ НАЗВАНИЙ «ДЕРЕВЬЕВ» С ТЕРМИНАМИ ДЛЯ НАНЕСЕНИЯ «ЗНАКОВ» НА ДЕРЕВО

Связь названий деревьев — 'березы', 'бука', 'граба' с терминологией письма указывает на технику письменности и изготовление материалов

[1] Ср. наличие общекартвельского слова для 'граба': **krcxemḷ-*: др.-груз. krcxeml- (груз. rcxila), мегр. cxemur-, cximur-; лаз. cxemur-, mcxubr-, сван. cxəm, cxum, cxwim (*Климов 1964: 200*). Сопоставление древнегрузинской формы krcxeml- с западнокартвельскими (мегрело-лазской и сванской) позволяет реконструировать скорее сложную праформу **gr-cxemḷ-*, с начальным элементом **gr-* (с ассимилятивным оглушением в грузинском), который не представлен в западнокартвельских диалектах.

[2] У *Гомера* еще в обоих значениях: 'оцарапать' (γράψεν δέ οἱ ὀστέον ἄχρις ἀλοιὴ *Πουλυδάμαντος*, P 599—600 "оцарапало его до кости копье Полидамаса") и 'начертать', 'написать' (γράψας ἐν πίνακι πτυκτῷ, Z 169 "написав на складной дощечке из дерева".

для письма в древнейших индоевропейских культурах. Возникновение письма и письменности основано в этих культурах на использовании дерева и древесного материала, на который наносились знаки или зарубки с помощью особых деревянных палочек. Такая техника письма, характерная для ряда ранних индоевропейских культур, отражает, очевидно, типологически более архаичную ступень развития письменности, чем высечение знаков на камне или нанесение их на глиняные таблички или на специально обработанную шкуру животного (ср. в этой связи проблему письменных документов на дереве GIŠ.ḪUR в древней Анатолии; об этом подробнее — ниже).

5. «ЯСЕНЬ»

5.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЯСЕНЯ»

По схеме диалектного распределения название 'ясеня' ***Hos-** (с возможным суффиксальным образованием на **-k[h]-*, **-i-* и **-n-*, первоначально, очевидно, гетероклитического происхождения) может быть отнесено к древнеиндоевропейскому состоянию (греческо-армянский, балто-славянский, албанский, германский, кельто-италийский). Древнее слово для 'ясеня' было утеряно в остальных индоевропейских диалектах:

Арм. *hac'i* 'ясень'; греч. *ὀξύη* 'бук', 'древко копья' (с переносом значения); алб. *ah* 'бук';

Др.-рус. *ясынъ* 'ясень', рус. *ясень*, польск. *jasień*, полаб. *josén* 'ясень', сербо-хорв. *jâsên*; лит. *úosis*, латыш. *uôsis*, прус. *woasis* 'ясень';

Др.-исл. *askr* 'ясень', 'копье', 'судно', др.-англ. *æsc* 'ясень' (англ. *ash*), др.-в.-нем. *asc* (нем. *Esche*) 'ясень';

Лат. *ornus* 'горный ясень', др.-ирл. *(h)uinnius*, др.-корн. *onn-en*, брет. *ounn-enn* 'ясень'; ср. лигур. 'Οσκέλα 'ясеневый лес' (*Pokorny 1959 : 782*)[1].

5.2. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ЯСЕНЯ»

Разновидности 'ясеня' (*Fraxinus* L.) распространены в средиземноморском ареале — на юге, включая Северную Африку, а также в Малой Азии, на севере Месопотамии, на Кавказе и в прикаспийских степях (*Fraxinus oxycarpa*), на северном берегу Средиземного моря (от Малой Азии до Иберийского полуострова, *Fraxinus ornus*), тогда как в более северных областях Европы наряду с разновидностью *Fraxinus ornus* представлен с древности 'горный ясень' (*Sorbus aucuparia* L.).

5.3. СМЕЩЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ НАЗВАНИЙ «ДЕРЕВЬЕВ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Перенос значения 'ясень' ⇒ 'бук' в греческом (и, возможно, в албанском) входит в систему семантических сдвигов в семантическом поле назва-

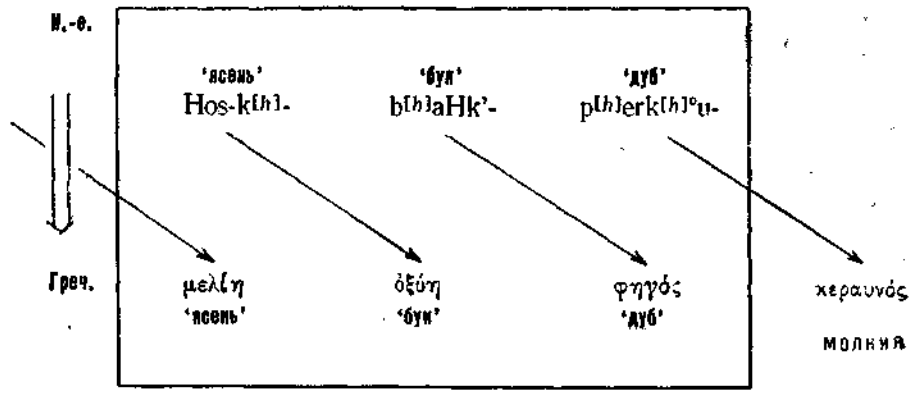
[1] Обращает на себя внимание также марийск. oško 'ясень', заимствованное из [illegible]ого диалекта (раннего балтийского?) с формой на суффикс **-k[th]-*.

ний деревьев, мотивированных, очевидно, специфическими экологическими и культурными условиями.

Греческая лексема φηγός, этимологизируемая исторически как индоевропейское название 'бука', переносится в греческом на обозначение 'дуба', тогда как значение 'бук' стало выражаться древним словом для 'ясеня' ὀξύη. В свою очередь для выражения "освободившейся" семантемы 'ясень' было введено собственно греческое новообразование μελίη, многократно засвидетельствованное уже у Гомера в значении 'ясень', 'ясеневое копье'.

Описанные переносы значений иллюстрируют системные преобразования в пределах определенного семантического поля с взаимосвязанными семантемами. Изменение одного из элементов поля влечет за собой сдвиги целых рядов, приводящие к формальному преобразованию выражаемых семантических соотношений (см. *Схему 3*):

Схема 3

6. «ОСИНА», «ТОПОЛЬ»

6.1. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ОСИНЫ», «ТОПОЛЯ»

Несмотря на крайнюю диалектную ограниченность названий 'осины', 'тополя' (балто-славяно-германский, ср. *Stang 1972 : 13*) можно с определенной долей вероятия предположить более древний характер основы ***(H)osp**[h]- ввиду наличия заимствований этого слова в центральноазиатских языках и возможных отражений в древнеиндийском и греческом:

Прус. *abse* 'осина', латыш. *apse*, лит. *ãpušẽ*, *ẽpušẽ* 'осина', др.-рус. *осина* 'осина', н.-лужицк. *wosa*, *wósa* 'серебристый тополь', болг. диал. *ясика* 'осина', 'береза', 'вид тополя'[1].

[1] Некоторые из южнославянских форм с суффиксом -ika имеют значение 'осокорь', 'черный тополь'. Само славянское название этого дерева *asokor-ŭ/-ĭ может быть истолковано как словосложение *aso-kor- 'с корой осины'; ср. глоссовое греч. *ἄσκρα·δρῦς ἄκαρπος* 'вид дуба' и возможное баскское заимствование azkár 'вид дуба' (ср. *Трубачев 1974-, 1 : 82*).

Др.-исл. *ǫsp* 'осина', др.-англ. *æspe* 'осина', др.-в.-нем. *aspa* (нем. *Espe*).

Сюда же относится, вероятно, др.-инд. *sphyá-* 'кусок дерева', 'орудие из дерева', 'весло', 'лопата' (*Janert 1964*), а также перс. *fih* 'весло', вахан. *pēi* 'лопатка', 'плечо' (*ср. Mayrhofer 1976, III : 547*);

Ту же индоевропейскую 'осину' видят в греч. гом. ἀσπίς 'щит' (при ἄσπρις 'вид дуба'); ср. выше, стр. 619_1, греч. αἰγίς 'щит Зевса' от названия 'дуба' (ср. *Friedrich P. 1970 : 50*); ср. также греческое глоссовое ἄσκρα 'вид дуба'. Начальное α- в таких формах может объясняться и из "ларингальной" **H*.

6.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СЛОВА ДЛЯ «ОСИНЫ», «ТОПОЛЯ» В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Особое значение для установления древности рассматриваемой основы имеют заимствования из индоевропейских диалектов в тюркские языки, что свидетельствует о более широком диалектном распространении древнего названия 'осины', 'тополя': тюрк. алт. *apsaq* 'тополь', диал. *aspaq* 'тополь', тобольск. *awsaq* 'тополь', чуваш. *ăvăs* 'осина'. Тюркские формы предполагают в качестве источника индоевропейские диалекты типа иранских (*ср. Hoops 1905 : 122—124*).

6.3. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ОСИНЫ»

'Осина' (*Populus tremula* L.) распространена на широкой территории Евразии от Восточной Европы до Западной Сибири, а также в Средиземноморье, включая Северную Африку; 'тополь' (*Populus nigra* L., *Populus alba*, *Populus canescens*) распространен в более южных областях Европы и в Передней Азии.

Ввиду повторяющихся семантических колебаний в каждом из диалектов в отношении значений 'осина'~'тополь' не представляется возможным определить исходное значение древней индоевропейской лексемы. При близости этих видов деревьев основа могла относиться к обоим из них при поздней дифференциации значений в отдельных диалектах[2].

Обращает на себя внимание также фонетическая близость индоевропейских форм **Hos-* 'ясень' и **(H)osp*[h]- 'осина', 'тополь', которые в конечном счете могут рассматриваться как образования от некоторого первичного общего корня **Hos-*.

[1] Ср. общекартвельское **werxw-* 'осина': груз. werxw-, мегр. verxv-, vex-, сван. jerxw, werxw, *Климов 1964 : 84*.

[2] Специальные новые названия 'тополя' возникают лишь позднее в отдельных диалектах, ср. лат. pōpulus 'тополь' (ср. рус. *тополь, Фасмер 1964—1973, IV: 79*), слав. **agnędй* 'черный тополь' и др.

7. «ИВА», «ВЕТЛА»

7.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ИВЫ», «ВЕТЛЫ» И ЕГО ПОЗДНЕЙШИЕ ЗАМЕНЫ

Название 'ивы' (*Salix* L.), сохранившееся в итало-кельтском, германском и греческом, восстанавливается по схеме диалектного членения для общеиндоевропейского в архаичной форме *ś°(e)lik[h]-, с начальной лабиализованной сибилянтной фонемой (см. выше, стр. *122* и след.):

Лат. *salix* 'ива', ср.-ирл. *sail*, *род. пад. sa(i)lech*, валл. *helyg-en* 'ива', галл. *Salicilla* (имя собственное); др.-в.-нем. *sal(a)ha*, ср.-в.-нем. *salhe* (нем. *Salweide*), др.-англ. *sealh*, др.-исл. *selja* 'ива';

Ср.-н.-нем. *wilge* 'ива', др.-англ. *welig* 'ива'; греч. ἑλίκη 'ива', Ἑλικών 'гора Геликон', буквально: 'ивовая гора' из Fελικών (*Frisk 1954, I : 494*; *Chantraine 1968, I : 338*).

Специальное название для 'ивы' в древних индоевропейских диалектах при архаичности реконструируемой формы с лабиализованной сибилянтной фонемой позволяет считать слово общеиндоевропейским образованием, сохранившимся лишь в некоторых диалектах при замене его другими образованиями в остальных диалектах.

В этих последних диалектах древнее название 'ивы' было, по-видимому, заменено описательными образованиями типа 'дерево с ветками для витья'[1].

Авест. *vaēiti-* 'ива', 'ветла'; 'ивовые прутья', ср.др.-инд. *vetasáḥ* 'камыши', 'тростники', 'прутья'; лит. *výtìs* 'ивовые прутья', латыш. *vîtuõls* 'ива', прус. *witwan* 'ива', рус. *ветла* 'ива' (от индоевропейского корня *u̯ei̯- 'вить' с расширителем *-t[h]-).

Даже и в тех диалектах, в которых сохраняется древнее название 'ивы', 'ветлы' *ś°(e)lik[h]-, могут параллельно возникать и новообразования от корня 'вить': ср. греч. ἰτέα 'ива' (у *Гомера* также и 'лоза', буквально: 'витое', ср. лат. *uītis* 'лоза' от того же корня), эол. Fιτυς 'ива', др.-исл. *víðir* 'ива', др.-англ. *wīðig* 'ива', др.-в.-нем. *wīda* 'ива' (нем. *Weide*, ср. также *Salweide* 'ива' с соединением обеих основ).

Разновидности 'ивы' или 'ветлы' (*Salix pendula*, *Salix alba*, *Salix vitellina*) распространены на широкой территории Евразии, включая Гималаи, Переднюю Азию и Кавказ (*Salix babylonica*)[2].

8. «ТИС»

8.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ТИСА»

Индоевропейское название 'тиса' (*Taxus*), вечнозеленого дерева (или кустарника) с большой продолжительностью жизни (до трех тысяч лет),

[1] Ивовые ветви и побеги широко использовались для плетения корзин и других предметов и украшений. Интересно в этом отношении гом. греч. *Fέλικες* 'витые застежки для защипливания одежды на груди', образованное от названия 'ивы'.

[2] Характерно наличие древнего названия 'ивы' в общесемитском: **ḫillāp-* (*Fronzaroli 1968, V : 278*) и общекартвельском: **ǯeč'ɳ-*: груз. ǯec'na-, мегр. zič'on-, сван. *čič'-ānd-*.

предполагается в форме *e̯i- /*o̯i- (с аблаутными чередованиями), осложненной суффиксами *-u̯o-, *-k[h]o- или *-o-, на основании свидетельств целого ряда древних индоевропейских диалектов. При этом в некоторых диалектах наблюдается перенос значения при сохранении унаследованной формы:

Др.-ирл. *eo* 'тис', валл. *ywen*, др.-корн. *hiuin*, брет. *ivin*, галл. *ivo-* 'тис' (*Pokorny 1959 : 297*);

Др.-в.-нем. *iwa* (нем. *Eibe*) 'тис', др.-англ. *īw, ēow* (англ. *yew*), др.-исл. *ýr* 'тис'; в германских языках представлены и параллельные формы на суффикс *-k[h]o-: др.-в.-нем. *īga*, др.-англ. *īh, ēoh* 'тис' (также название руны [*e*]);

Прус. *iuwis* 'тис'; др.-чеш. *jiva* 'тис', 'ива'.

С переносом значения на различные виды растений (по-видимому, по определенным внешним признакам):

Рус. *ива* 'ива' (ср. др.-чеш. *jiva* 'тис' и 'ива'), сербо-хорв. *ȉva* 'ива'; лит. *ievà*, латыш. *iẽva* 'черемуха'; лат. *ūua* 'виноградная гроздь', 'кисть', греч. οἴη, ὄη, ὄα 'рябина' (**oi̯u̯a*); арм. *aygi* 'виноградный куст' (**oi̯u̯i̯ā*), ср. *Pokorny 1959 : 297*.

Характерно, что в некоторых диалектах с семантическим сдвигом, при которых первоначальное название 'тиса' переносится на другие растения, сам 'тис' выражается другими словами, возможно, друг с другом связанными: ср. лат. *taxus* 'тис', рус. *тис*[1].

8.2. К ПРОБЛЕМЕ ЭТИМОЛОГИИ ХЕТТСКОГО ^{GIŠ}*e̯i̯a-, РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «ТИСА» В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ*

К этой же группе слов от корня *e̯i- следует отнести и хеттскую форму ^{GIŠ}*e̯i̯a-* (образование на *-o-*: **e̯i̯o-*) в значении 'священного вечнозеленого дерева'. Тем самым группа слов от корня *e̯i- с разными суффиксами в значении 'вечнозеленого дерева тиса' возводится с несомненностью к общеиндоевропейскому.

Вечнозеленое дерево ^{GIŠ}*e̯i̯a-* в хеттской традиции, символизирующее, очевидно, 'Мировое дерево' в представлениях древних хеттов, выступает как растение неиссякаемой жизненной силы, никогда не сбрасывающее

Общекартвельская основа может быть анализирована как словосложение **ǯel-č'ṇ-* 'дерево'+'вить' (*ср. Чикобава 1942 : 33*), что повторяет семантическую структуру индоевропейского названия 'ивы' как 'дерева с ветками для витья'. Такая связь названия 'ивы' с корнем 'вить' сохраняется и при истолковании архетипа **ǯeč'ṇ-* (или **ǯeč'ṇ-*?, ср. мегр. ქიჭ-ი-) в качестве редуплицированной формы от корня **č'an-/č'ṇ-* 'вить', 'плести' (о картвельских редуплицированных основах см. выше, стр. 257 и след.).

[1] Родственные латинскому taxus 'тис' слова видят также в греч. τόξον 'лук' (предположительно: 'из тиса'), др.-инд. takṣaka- 'название дерева', перс. taxš 'лук' (оружие), ср. подробнее *Friedrich P. 1970: 126—129*.

листьев[1]. Формула пожелания многолетия царю и царице строится на уподоблении их жизни вечноживому и обновляющемуся дереву ^{GIŠ}*eḫa-*:

^{GIŠ}*e-ḫa-an ma-aḫ-ḫa-an uk-tu-u-ri i-ḫa-at-ni-ḫa-an nu ḫur-pa-aš-ta-nu-uš ar-ḫa Ú.UL iš-ḫu-ua-i* LUGAL-*ša* SAL.LUGAL-*ša QA.TAM.MA i-ḫa-at-ni-an-te-eš a-ša-an-du ud-da-a-ar-aš-ma-aš QA.TAM.MA uk-tu-ú-ri e-eš-du* "подобно тому, как дерево *eḫa-* вечно зеленеет и листьев прочь не сбрасывает, также царь и царица да будут зеленеющими (процветающими) и дела их также да будут вечными" (KUB XXIX 1 4 17 и след.).

Аналогичные ритуальные и мифологические мотивы в других индоевропейских традициях связываются именно с 'вечнозеленым тисом'. В германской традиции 'вечнозеленый тис' служит символом возрождения после смерти. В руническом поэтическом тексте из Норвегии на древнескандинавском языке 'тис' (*ýr*) воспевается как "самое зеленое из деревьев (*vetr grœnstr*) в течение зимы". Как символ вечной жизни и возрождения после смерти 'тис' (*ēoh, ēow*) сажали на кладбищах у древних англо-саксов (*Wrenn 1965*; *Page 1968*). Близость этих представлений с хеттскими обрядами в связи с деревом ^{GIŠ}*eḫa-* очевидна.

'Тис' почитался как 'священное дерево' и в древнекельтской традиции.

Такая ритуальная и мифологическая роль 'тиса', восстанавливаемая для древнейшей индоевропейской традиции, возможно и общеиндоевропейской, объясняется характером его ботанических особенностей, в частности его вечнозеленым цветом и исключительным долголетием.

8.3. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ТИСА» В ЕВРАЗИИ

'Тис' распространен в Европе от Скандинавии до устья Дуная; его восточная граница примерно совпадает с границей 'бука'. Обилие 'тиса' в Германии и Галлии цезаревских времен было отмечено в "*De bello Gallico*", 6, 31, где говорится о *taxo, cuius magna in Gallia Germaniaque copia est* "о тисе, которого великое множество в Галлии и Германии".

'Тис' в историческое время не встречается в Восточной Европе и Северном Причерноморье, ср. *Firbas 1949 : 270*.

Особо распространен 'тис' (*Taxus baccata*) в более южных областях: на Кавказе (начиная с Северного Кавказа, ср. *Берг 1955 : 265*), в Малой Азии и некоторых частях Балкан, *Frierdrich P. 1970 : 123*.

Характерно, что в индоевропейских диалектах, занимающих в исторический период территории, для флоры которых 'тис' не является типич-

[1] Ритуальный характер дерева ^{GIŠ}*eḫa-* отчетливо виден в мифе о Телепину, где 'дерево' выступает как символ возвращения плодородия и благоденствия. Миф завершается водружением 'Мирового дерева' ^{GIŠ}*eḫa-*, на которое навешивается 'овечья' или 'козья шкура' (UDU-aš kuršaš), внутрь же кладется 'жир барана' (UDU-aš IÀ), в него — 'зерно бога полей' и 'вино', в него — 'бык и овца' (GUD UDU), в них же — 'долголетие и юность'. В "Хеттских законах" (§ 50) водружение дерева ^{GIŠ}*eḫa-* в воротах (aški) дома в жреческом городе Аринна делает человека 'свободным' (aḫaḫan) от налогов.

ным вечнозеленым растением, древнее название 'тиса', унаследованное, очевидно, из общеиндоевропейского языка, переносится по внешнему сходству на другие деревья, а иногда и кустарники: ср. славянское название **(j)iva* в значении 'ива' (в большинстве славянских языков), лит. *ievà*, латыш. *iẽva* 'черемуха' и другие.

С переносом древнего названия 'тиса' ***eḭ-** на другие растения в поздних индоевропейских традициях связаны, по-видимому, и функциональные сдвиги в первоначальных индоевропейских представлениях о культовой значимости 'вечнозеленого дерева'. В некоторых поздних индоевропейских традициях место 'тиса' занимают в этом отношении другие виды вечнозеленых растений как символов вечной жизни и периодически обновляющейся жизненной силы. В поздних европейских традициях (поздних исторических германских и части славянских, ср. *Богатырев 1971*) — это уже 'ель' (др.-в.-нем. *tanna*, нем. *Tannenbaum*), или другое 'вечнозеленое дерево', воспринятое в христианском переосмыслении как 'рождественское дерево' (ср. англ. *Christmas tree*).

9. «ПИХТА», «ЕЛЬ», «СОСНА»

9.1. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ВЕЧНОЗЕЛЕНЫХ ДЕРЕВЬЕВ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Среди названий 'вечнозеленых деревьев', помимо 'тиса', сравнительно полно по диалектам (нуристанские, греческий, "древнеевропейские") представлено название 'пихты', 'сосны': ***p$^{[h]}$eu̯k$^{[h]}$-** / ***p$^{[h]}$u̯k$^{[h]}$-**:

Кафир. вайгали *puc* 'вид сосны', кати *pŭci* 'сосна' (*Morgenstierne 1954: 162, 289*), греч. πεύκη 'пихта', 'сосна' (уже у *Гомера*), ср.-ирл. *ochtach*, *ж. р.* 'пихта', 'копье', др.-в.-нем. *fiuhta* 'пихта' (нем. *Fichte*), др.-сакс. *fiuhtia* 'пихта'; прус. *peuse* 'сосна', лит. *pušis* 'сосна'.

Другая, отчасти фонетически сходная основа в значении 'сосна', 'пихта' восстанавливается в форме ***p$^{[h]}$it$^{[h]}$-** с дальнейшими суффиксальными преобразованиями:

Греч. πίτυς 'сосна' (возможно, также 'пихта'), памир. *pit* 'пихта' (ср. вахан. *pit* 'название породы дерева', *Грюнберг/Стеблин-Каменский 1976 : 414*), ср. др.-инд. *pītu-dāru* 'вид дерева'; лат. *pīnus* 'сосна', 'пихта', 'ель' (из **pit-s-nu-s*), алб. *pishë* 'пихта' (из **pit-s-i̯ā*).

Диалектное распределение соотносимых слов (греческо-арийский, италийский, албанский) удостоверяет общеиндоевропейский характер основы ***p$^{[h]}$it$^{[h]}$-** в значении 'сосна', 'пихта'.

Отнесение к этой же группе слов по семантической близости греч. πίσσα 'смола', аттич. πίττα, лат. *pix*, *род. пад. picis* 'смола' (основа ***p$^{[h]}$ik$^{[h]}$-**) дает основание рассматривать основы ***p$^{[h]}$it$^{[h]}$-** 'сосна', 'пихта' и ***p$^{[h]}$ik$^{[h]}$-** 'смола' как производные соответственно на суффиксы ***-t$^{[h]}$-** и ***-k$^{[h]}$-** от общего корня ***p$^{[h]}$eḭ-**/***p$^{[h]}$i-**, ср. *Pokorny 1959 : 794*.

9.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАЗВАНИЙ «ВЕЧНОЗЕЛЕНЫХ ДЕРЕВЬЕВ» И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ЭТИХ НАЗВАНИЙ С ОБОЗНАЧЕНИЕМ «СМОЛЫ» И «КРАСОК»

Такой анализ сопоставимых друг с другом основ *p[h]i-t[h]- и *p[h]i-k[h]- позволяет видеть и в основе *p[h]eu̯k̂[h]- в значении 'пихта' корень *p[h]eu̯- в сочетании с суффиксом в нулевой ступени *-k̂[h]-. Корни *p[h]eu̯- и *p[h]ei̯- в названиях 'пихты', 'сосны' при таком анализе предстают как фонетически весьма близкие варианты для обозначения определенных видов хвойных вечнозеленых смолистых деревьев.

Обращает на себя внимание формальное сходство, вплоть до совпадения, древней основы *p[h]i-k[h]- в значении 'смола сосны' и общеиндоевропейской глагольной основы *p[h]ik[h]-/*p[h]ei̯k[h]- (с вариантами на *-k'- и *-k̂[h]-) в значении 'писать красками', 'раскрашивать' (*Pokorny 1959 : 794*):

Др.-инд. *piṅkte* 'пишет красками', др.-перс. *ni-pišta-* 'написанный', авест. *fra-pixšta-* 'украшенный'; греч. ποικίλος 'пестрый';

Лат. *pingō*, *pinxi*, *pictum* 'пишу красками', 'вышиваю одеяние иглой' (*togam acu*); тох. А *pik-*, *pek-* 'живописать', 'писать красками', 'писать'; В *piṅk-*, *paiyk-* 'писать';

Др.-исл. *fá* 'расписывать красками', 'украшать', *fá rúnar* 'вырезать руны', лит. *piẽšti* 'живописать', 'писать', прус. *peisāi* 'пишут', ст.-слав. *pišǫ* 'пишу' и другие.

Наличие архаических инфиксальных форм (др.-инд. *piṅkte*, тох. В *piṅk-*, лат. *pingō*) позволяет выделить корень *p[h]ei̯-/*p[h]i- с заднеязычным суффиксальным элементом.

Формальную связь слов *p[h]i-k[h]- 'смола' и *p[h]ei̯-k[h]-/*p[h]i-k[h]- 'красить', 'писать красками' можно истолковать как первоначальное тождество слов, объясняемое, по-видимому, использованием в древней технике 'смолы' как 'черной растительной краски'[1] для нанесения определенных символических пиктографических знаков и рисунков, а позднее и для письма. Именно это слово становится индоевропейским обозначением процесса письма и писания красками[2].

[1] 'Смола', 'смолистое вещество' характеризуется черным цветом, ср. гомеровское μελάντερον ἠύτε πίσσα, Δ 277 'чернее, чем смола', ср. также рус. *черный как смоль* и другие подобные архаические фольклорные формулы.

[2] Использование индоевропейского слова для 'черной смолы' *p[h]ik[h]- для обозначения процесса 'письма' и 'писания красками' *p[h]ei̯k[h]-/*p[h]i̯k[h]- ('писать', 'живописать', 'красить') может быть сравнено с использованием древнего слова для 'черного цвета' (или 'темного цвета'), 'черной или темной (растительной) краски' (*Mann 1968 : 249*) в отдельных диалектах в значении 'писать', 'писать красками': ср., с одной стороны, греч. *μέλας* 'черный', *ж. р. μέλαινα* (ср. *τὰ μέλανα* 'чернила'), др.-инд. mlā-pa- 'черный, темный', латыш. *mẹ̃lns* 'черный', алб. mëllenjë 'вяз', с другой стороны, гот. mēljan 'писать', mēla 'письменный знак', др.-в.-нем. mālōn (нем. malen) 'писать красками', 'живописать', др.-норв. *mæla* 'красить', 'писать красками'.

9.3. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «СОСНЫ», «ПИХТЫ» В ЕВРАЗИИ

В свете вышеизложенного становится несомненным общеиндоевропейский характер всей рассмотренной группы связанных друг с другом слов со значениями 'сосна', 'пихта', 'смола' (при потере соответствующих слов, замененных новообразованиями в других диалектах).

'Пихта' (*Abies* Mill.) в разных её видах (*Abies alba*; *Abies Nordmanniana*) известна со среднего и позднего Атлантического периода (VII — IV тысячелетия до н. э.) в Закавказье и Передней Азии, а также в низовьях Волги, в Восточной Европе в бассейне Припети-Десны. Позднее 'пихта' оттесняется некоторыми другими видами деревьев, сохраняясь преимущественно в горных районах Европы, Кавказа, Передней Азии и Восточной Евразии, ср. *Берг 1955 : 269 и след.*

'Сосна' (*Pinus* L.) с ее разновидностями (*Pinus mughus*; *Pinus hamata*) с древности представлена в горных областях Кавказа и Карпат, а также в Причерноморье (*Нейштадт 1957* ; *248*; *Firbas 1949 : 140*).

Ввиду близости этих видов хвойных деревьев в индоевропейских диалектах наблюдаются частые колебания в отнесении названия то к одному виду, то к другому (по-видимому, в зависимости от преобладания того или иного вида в естественной среде носителей этих диалектов). Поэтому не представляется возможным с точностью установить, какая из основ — *p[h]eu̯k̂[h]- или *p[h]it[h]- означала первоначально 'пихту', а какая — 'сосну'. Судя по греческому языку, сохранившему оба этих слова с распределением значений: πεύκη — преимущественно 'пихта', πίτυς — преимущественно 'сосна', можно было бы предположить аналогичные семантические соотношения в индоевропейском.

9.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЕЛИ»

К этим видам хвойных деревьев примыкает и 'ель' (*Picea* L.), различающая несколько разновидностей (*Picea orientalis*; *Picea excelsa*; *Picea obovata*). В древности 'ель' была представлена только в высокогорных районах, в частности на Кавказе и в горных районах Центральной и Южной Европы.

Названия 'ели' восстанавливаются только для определенных диалектных общностей:

Прус. *addle* 'ель', лит. *ẽglė*, латыш. *egle*; польск. *jodła* 'ель', польск. диал. *jedlina* 'пихта', ст.-польск. *jedl(a)*, др.-чеш. *jedla* 'ель' (ср. *jedle* 'пихта'), рус. *ель*. Родственные слова в кельто-италийском имеют значение 'бузины': лат. *ebulus*, *ebulum*, галл. *odocos*. Эта группа предполагает архетип *ed[h]lo- с не вполне ясным первичным значением: 'хвойное дерево типа ели' или 'невысокое лиственное растение типа бузины'(?). Возможное соотнесение слова с корнем *ed[h]- (лит. *adýti* 'штопать', *ãdata* 'игла') решает как будто в пользу первичного значения 'хвойного дерева', 'ели': *ed[h]lo- этимологизируется в таком случае как 'колючий' (ср. *Pokorny 1959 : 289—290*).

В древнегреческом 'ель' обозначается словом ἐλάτη (<*el-ṇ-tā); уже у Гомера также и в значении 'весло'. Высокие ели, достигающие неба (οὐρανομήκης 'высотой до неба', ε 239), служили в гомеровской Греции материалом для кораблестроения. То же значение в родственном слове обнаруживается и в армянском *elevin* (*el-eu̯-) 'ель', 'елка', также 'кедр' (*Ачарян 1971, II : 18*). Сюда же относят обычно рус. диал. *яловец* 'можжевельник', чеш. *jalovec* (ср.,однако, *Фасмер 1964—1973, IV : 554*).

Таким образом, для названия 'ели' восстанавливаются две распределенные по диалектам формы: *ed[h]lo- и производные от корня *el-[1]. Тем самым не представляется возможным реконструировать единую общеиндоевропейскую форму в значении 'ель'.

9.5. ИРАНСКИЕ НАЗВАНИЯ «ХВОЙНЫХ ДЕРЕВЬЕВ» И ИХ КАРТВЕЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Еще одно диалектное название для 'хвойного дерева' предполагается в иранском на основании др.-перс. *ϑarmiš haya naučaina* 'дерево (вяз) типа сосновидного кипариса', где форму **nauča-* можно постулировать для древнеиранского с рефлексами перс. *nōǰ*, *nōž*, *nōz*, пехл. **nōč* (заимствованное в арм. *noč*, *noči* 'кипарис'). В иранских диалектах параллельно засвидетельствованы формы с другой, но фонетически сходной структурой: перс. *nāǰū* 'сосна', *nāžūn* 'можжевельник', *nažuvān* 'хвойные деревья', осет. *næzy* ‖ *naz* 'сосна' (ср. *Абаев 1973, II : 177—178*).

Близкие к этим иранским названиям формы обнаруживаются в картвельских языках: груз. *nazw-* 'ель', мегр. *nizu//nuzu*, сван. *le-nz* 'пихта', *nezwra* 'сосна', 'ель', которые предполагают общекартвельскую основу **nazw-*.

Изолированность древнеиранской формы **nauča-*, а также более поздних форм — перс. *nāǰū*, осет. *næzy*, (не)находящих соответствий (ни)в одном из известных индоевропейских диалектов[3], предполагает заимствование с незначительными фонетическими преобразованиями этих иранских форм из картвельских языков (ср. *Vogt 1938 : 335*; *Андроникашвили 1966: 347—348*). При допущении обратного пути заимствования, из иранского

[1] С тем же корнем **el-* связывают и другие названия деревьев в отдельных диалектах, в частности итало-кельто-германское название 'вяза': лат. ulmus 'вяз' (**ol-mos* или **l-mos*, *Pokorny 1959: 303*), ср.-ирл. lem (**lemos*), др.-в.-нем. ëlmboum 'вяз' (нем. Ulme), др.-англ. elm (англ. elm), др.-исл. almr.

Наряду с этой основой в некоторых диалектах в значении 'вяз' (*Ulmus* L.) выступают другие слова, общие для балто-славянского, германского, албанского, а также иранского: латыш. *vîksna*, лит. *vìnkšna*, др.-рус. *вязъ*, рус. *вяз*, алб. vith, курд. viz 'вяз', а также др.-англ. wice (англ. wych-elm), нижн.-нем. wīke 'вяз': исходные основы **u̯eiǩ'-*, **u̯inǩ'-* (*Pokorny 1959 : 1177*); не вполне ясно соотношение между формами реконструируемых основ.

[2] Отсюда более позднее осет. naz ‖ nazu 'ель'.

[3] Если не считать это изолированное иранское название 'ели', 'сосны' связанным в конечном счете с общеиндоевропейским названием 'ладьи' **nāu̯-*: др.-инд. *nāu-ḥ* 'судно', 'ладья', греч. гом. *νηῦς* 'судно', др.-ирл. náu 'судно'.

в картвельский, контакты между этими языками следует предположить уже для периода общности картвельских языков, не позднее первой половины II тысячелетия до н. э.

10. «ОЛЬХА»

10.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ОЛЬХИ»

В индоевропейском восстанавливаются две различные формы в качестве названия 'ольхи' (*Alnus* Gaertn.). Это прежде всего основа ***eliso-//*** ***aliso-***, засвидетельствованная в "древнеевропейских" диалектах:

Лат. *alnus* 'ольха', кельт. **alisā-* в многочисленных топонимах и именах собственных типа *Alisia*, *Alisontia*, *Alisanos* (последнее, возможно, имя божества, связанного с 'деревом');

Гот. **alisa* 'ольха' (откуда исп. *aliso* 'ольха', ср. баск. *altza* 'ольха'), др.-в.-нем. *elira//erila* (нем. *Erle*), др.-исл. *alr*, др.-англ. *alor* 'ольха';

Прус. **alskande* (в графике *abskande*), лит. *alksnis*, ст.-слав. *jelĭcha* 'ольха', рус. *ольха*.

Сюда же можно отнести др.-макед. ἄλιζα 'белый тополь': ἡ λευκὴ τῶν δένδρων. Μακεδόνες (*Гесихий*).

Более древней, судя по диалектному распределению, представляется другая основа: ***ǵer-n-***, семантика которой не так ясна ввиду позднейших сдвигов в отдельных диалектах: наряду со значениями 'ольха' и 'тополь' в одних диалектах, основа выражает значение 'бревно', 'балка', 'мачта' — в других:

Др.-инд. *varaṇa-* 'вид дерева с целебными свойствами' (ср. *Mayrhofer 1976, III : 149*), арм. *geran* 'бревно', алб. *verrë* 'белый тополь', брет. *gwern* 'ольха', 'мачта', др.-корн. *guern* 'мачта', *guern-en* 'тополь', ср.-ирл. *fern* 'ольха', 'мачта'.

Разные виды 'ольхи' (*Alnus barbata*; *Alnus viridis*, *Alnus glutinosa*) широко распространены с Атлантического периода от Кавказа и Закавказья до более северных областей Европы и Центральной Азии (ср. *Нейштадт 1957 : 293*). Термин ***eliso-//*aliso-***, характерный в значении 'ольхи' только для "древнеевропейских" диалектов, распространившихся в областях с обилием 'ольхи', может считаться новообразованием этой группы диалектов, заменившим более древнее название 'ольхи' ***ǵer-n-***.

11. «ОРЕХОВОЕ ДЕРЕВО», «ОРЕХ»

11.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ОРЕХА»

В исторических индоевропейских диалектах выделяются две различные основы в качестве названия 'ореха':

Греч. κάρυον 'орех' (в особенности 'грецкий орех'), καρύᾱ 'ореховое дерево'; ср. греч. ἄρυα 'орехи' (*Гесихий*), алб. *arrë* 'орех', 'ореховое дерево', **др.-рус.** *orěxъ* 'орех', *orěnie* 'ореховые деревья', сербо-хорв. *òrah*; **лит.** ***rìešutas*** 'орех', *ruošutỹs* 'орешек', *riešutýnas* 'орешник'. Исходная

основа со значением 'орех', 'ореховое дерево' восстанавливается в форме ***q**[h]**ar**- с диалектным отражением ##*k*- ~ ##Ø- начальной постеляр-ной фонемы ***q**[h]- (см. выше, стр. *131*). Возможно, к этим же формам относится хет. ^{GIŠ}*ḫaraų*- 'тополь' (ср. *Tischler 1977-, I : 172*), с особым семантическим развитием и отражением и.-е. ***q**[h]- в виде хет. *ḫ*-.

Вторая основа ***k**[h]**neų**- ограничена итало-кельто-германским:

Лат. *nux*, *род. пад. nucis* 'орех' (образование с суффиксом *-**k**[h]-), др.-ирл. *cnú*, валл. *cneuen*, ср.-корн. *knyfan* 'орех'; др.-исл. *hnot*, др.-англ. *hnutu* (англ. *nut*), др.-в.-нем. (*h*)*nuz* (нем. *Nuss*) 'орех' (образование с суффиксом *-**t**'-).

В этой последней группе диалектов в значении растения — 'орешника' восстанавливается отличная от названия 'ореха' основа ***k**[h]**os**(**e**)**lo**-:

Лат. *corulus* 'ореховый куст', *colurnus* (из **korulinos*) 'из орехового дерева'; др.-ирл. *coll* 'орешник', др.-в.-нем. *hasal*(*a*) (нем. *Hasel*), др.-англ. *hæsel* (англ. *hazel*), др.-исл. *hasl* 'орешник'; др.-в.-нем. *hesilin*, др.-англ. *hæslen* 'из орехового дерева'.

Фонетическая архаичность основы ***q**[h]**ar**- в значении 'орех', 'ореховое дерево', как и ее большая диалектная распространенность (греко-арийский, албанский, балто-славянский), свидетельствуют в пользу древности этой основы по сравнению с итало-кельто-германской основой ***k**[h]**neų**- в значении 'орех'.

В последней группе диалектов происходит, очевидно, замена древнего слова на новообразования ***k**[h]**neų**- в значении плода — собственно 'ореха', 'орешка' и ***k**[h]**os**(**e**)**lo**- в значении растения — 'орешника'. Такое новообразование в одной группе "древнеевропейских" диалектов было связано, по-видимому, с появлением новых видов 'орешника' и 'ореха' в новых экологических условиях обитания носителей этих диалектов.

Специфика "древнеевропейских" названий 'ореха' и 'орешника' проявляется в том, что они относились первоначально к 'мелкому лесному ореху' и 'ореховым кустам', 'орешнику' (*Corylus avellana* L.), широко распространенному после начала Атлантического периода в Центральной Европе (*Нейштадт 1957 : 282*). Плоды орешника — мелкие лесные орехи с древнейших времен широко использовались в пищу, как и желуди дуба (ср. *Кларк 1953 : 66 и след.*).

Названия 'мелкого лесного ореха' ***k**[h]**neų**- и 'орешника' ***k**[h]**os**(**e**)**lo**- в "древнеевропейских" диалектах не означали первоначально 'грецкого ореха' (*Juglans regia* L.) и 'орехового дерева', которые становятся известными в Центральной Европе значительно позднее. Характерно, что в латинском 'грецкий орех' и 'ореховое дерево' называются *iūglāns* (этимологически: 'желудь — *glāns*—Юпитера—*Iouis*', *Ernout/Meillet 1967 : 326*), тогда как в германских языках названия 'грецкого ореха' (др.-англ. *wealh-hnutu*, англ. *walnut*) образуются из словосложения со значением 'галльский или иностранный орех' (ср. лат. *nux gallica* с тем же значением)[1].

[1] В Западной Европе грецкий орех еще с мезолита известен на юге Франции, ср. *Семенов 1974 : 27*.

Другая древняя индоевропейская основа *q[h]ar- означала, по-видимому, преимущественно 'грецкий орех' (*Juglans regia* L.), что отражено в греческом и албанском значениях соответствующих слов.

11.2. ТЕРРИТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ГРЕЦКОГО ОРЕХА»

'Грецкий орех' в древности известен в области от Закавказья и Ирана до Малой Азии и юга Балкан. Уже в античное время в Греции были известны не только дикие, но и культивированные сорта 'грецкого ореха'. В Центральной Европе и в Северном Причерноморье следы его древности отсутствуют, хотя они и обнаружены в низовьях Волги (*Нейштадт 1957 : 267*; *Frenzel 1960 : 391*; *Семенов 1974 : 27*).

При миграциях индоевропейских племен в области, где отсутствовал 'грецкий орех' (*Juglans regia* L.), но был широко распространен 'мелкий лесной орех' (*Corylus avellana* в Европе, при других видах 'мелкого ореха' в Передней Азии, ср. *Corylus colurna* в Малой Азии, *Corylus maxima* и *Corylus caucasica* на Кавказе), древнее название 'ореха', 'грецкого ореха', могло либо переноситься на 'мелкий орех' (ср. латыш. *riẽksts* 'мелкий орех', 'водяной орех', 'желудь', прус. *buccareisis* 'буковый орешек'), либо утрачиваться, заменяясь на новообразования в значении 'мелкого ореха' и 'орешника' (кельто-италийский, германский)[1].

12. «ЯБЛОНЯ», «ЯБЛОКО»

12.1. ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЯБЛОКА»

Название 'яблока' с особой полнотой засвидетельствовано в "древнеевропейских" диалектах: кельтском, германском, балто-славянском. В качестве исходных основ для этих индоевропейских диалектов предполагаются формы ***ăblu-**, ***ăb(a)lo-** и ***aplu-**, ***ap(a)la-** (для германского):

Галл. *avallo* 'яблоко', также топонимы *Aballō* (основа на *-n-*), франц. *Avallon*, др.-ирл. *ubull* (**ablu*) 'яблоко', валл. *afal*, корн., брет. *aval* 'яблоко', ср.-ирл. *aball* (из **abalnā*) 'яблоня' (*ср. Holder 1961—1962, III : 470*);

Ст.-слав. *ablŭko* 'яблоко' (**ablŭ-ko-*), болг. диал. *аблъко*, *йабол* 'яблоко', чеш. *jablko*, *jablo* 'яблоко', ст.-польск. *jabło* 'яблоко', др.-рус. *яблъко* 'яблоко', *яболонь* 'яблоня';

Прус. *woble* 'яблоко' (**ābl-*), *wobalne* 'яблоня' (**āboln-*), лит. *óbuolas*, *óbalas*, латыш. *âbele* 'яблоко';

Др.-исл. *apal-grár* 'яблочно-серый', *epli* 'яблоко', *apaldr* 'яблоня'; др.-англ. *æppel* (англ. *apple*) 'яблоко', *apuldor* (англ. *apple-tree*) 'яблоко'

[1] Характерно, что и в тех диалектах, которые сохраняют унаследованное слово и в [illegible] 'мелкого ореха', образуются специальные слова для обозначения 'орешника', 'орехового куста': ср. лит. lazdà, латыш. lazda, прус. laxde 'орешняк', алб. lethí 'ореховый куст' при сербо-хорв. lijèska 'ореховый куст' (*Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, II : 493*).

ня', др.-в.-нем. *apful, afful* (нем. *Apfel*) 'яблоко', ср.-в.-нем. *apfalter* 'яблоня', гот. (крымск.) *apel* 'яблоко'.

Сюда же может относиться латинский топоним *Abella*, оскский город в Кампании, ср. *Abella malifera* "Абелла яблоконосная" у Вергилия, "Энеида", VII, 740, ср. выше аналогичные галльские топонимы.

Для всей этой группы слов, обозначающих 'яблоко' и 'яблоню', характерно противопоставление названия 'плода' названию 'дерева', образованному обычно от основы на *-n- (в германском—словосложение с *t'рец- 'дерево'):

	Кельт.	Слав.	Балт.	Герм.
'яблоко'	**ablu*	**ablu*	**ābl-*	**aplu*
'яблоня'	**abalnā*	**abl-on-*, **abol-n-*	**ābol-n-*	**ap(a)l-triu*

В форме, обозначающей 'яблоко', во всех этих диалектах представлена основа без гласной между *-b-/-p-* и *-l-*, тогда как в производном названии 'яблони' между *-b-/-p-* и *-l-* может появляться гласная. Исходные формы несколько специфичны в фонетическом отношении.

Необычность фонетического облика определяется прежде всего структурой корня и наличием в высшей степени редкой для древнеиндоевропейского лабиальной фонемы **b*, что давало основание некоторым исследователям предполагать заимствование слова в эти "древнеевропейские" диалекты из какого-то неиндоевропейского источника. Однако, несмотря на некоторую необычность фонетического облика названия 'яблока' и 'яблони', рассматриваемые формы показывают достаточно закономерные соотношения в этих диалектах[1], что указывает на исконность формы в "древнеевропейских" диалектах.

12.2. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И КУЛЬТОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ «ЯБЛОКА» В ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЕ

Вывод об исконности "древнеевропейского" названия 'яблока' оправдан и особой значимостью 'яблока' как съедобного плода, а вместе с тем и культового символа в древних европейских традициях.

'Яблоня' (*Malus pumila* Mill.) широко распространена по всей Евразии за исключением наиболее северных и тропических областей. В неолите Европы уже известны яблони, лишь значительно позднее частично культивированные (*Firbas 1949 : 189*; *Кларк 1953 : 122*; *Семенов 1974 : 26*). Позднее 'яблоко' становится существенной частью пищи племен, населявших древнюю Европу. По сообщению Тацита ("*Germania*", 23), германцы питались главным образом 'дикими яблоками' (*poma agresta*, возможно, и другими 'дикими плодами'), 'олениной' и 'кислым молоком'.

[1] Поэтому нет оснований считать эти формы заимствованными из кельтского в другие диалекты; ср. аналогичный вывод об исконности этих слов в рассматриваемых диалектах: *Pokorny 1959 : 2*; *Friedrich P. 1970 : 63*; *Трубачев 1974-, 1 : 46* (с указанием дальнейшей литературы).

12.3. НАЗВАНИЕ «ЯБЛОКА» КАК ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛЕКСЕМА

Ограниченность формы **ablu- // *aplu-* 'яблоко' лишь "древнеевропейскими" диалектами могла бы считаться признаком появления слова в этом ареале на сравнительно позднем этапе членения индоевропейского языка. Такой вывод поддерживался отсутствием надежного соответствия в каком-либо другом древнем диалектном ареале[1].

Обнаружение формы, соотносимой с этой группой слов, в какой-либо другой группе древних диалектов, позволило бы проецировать исходную форму в значении 'яблоко' на более ранний уровень индоевропейской диалектной общности.

В этой связи вызывает особый интерес хеттская форма *šam(a)luganza* в значении 'яблоко', 'яблоня':

В хеттском тексте KBo XVI A 16 шумерограмме ^{GIŠ}ḪAŠḪUR-*lu-ga-an-za* 'яблоня' соответствует фонетическое написание *ša-ma-lu-ga-an-za-*, на основании чего устанавливается их идентичность и выводится значение: *šamaluganza* 'яблоня' (*Laroche 1971a : 149*). Форма в значении 'яблоня' является производным с активным суффиксом *-ant-* от основы *šam(a)-lu-* 'яблоко' (ср. относящееся, очевидно, сюда же пал. *šamluga-*, *Laroche 1971a : 149*).

Сопоставление хет. *šam(a)lu-* 'яблоко' с рассмотренной выше группой "древнеевропейских" слов для 'яблока' и 'яблони' позволяет считать их соотносимыми друг с другом образованиями от общеиндоевропейской основы *šam(a)lu- в значении 'яблоко'. Начальное индоевропейское #*š- отражено в хеттском как *š-* при *Ø-* в другой группе индоевропейских диалектов (ср. соотношение хет. *š-* ~ *Ø-* в формах типа хет. *šankui-* 'коготь', 'ноготь' ~ лат. *unguis* 'коготь', 'ноготь', греч. ὄνυξ 'коготь'; хет. *šakuni-* 'источник' ~ слав. **okn̆ĭ* 'источник', лит. *akìs* 'глаз воды', то есть 'источник', см. выше, стр. 119 и след.).

В соответствии с этим, в качестве исходной основы для "древнеевропейских" диалектов в значении 'яблоко' можно постулировать форму **amlu-*[2].

[1] Если не считать дард. (пашаи) wālī 'яблоко' (*Fussman 1972, II : 280—282*) как-то связанным этимологически с "древнеевропейским" названием яблока **ablu-* || **aplu-*.

[2] Теоретически предполагаемая форма **amlu-* 'яблоко', лежащая в основе соответствующих слов "древнеевропейских" диалектов, отражена в действительности в общетюркском **alma-* 'яблоко', считавшемся многими тюркологами индоевропейским заимствованием из неопределенного источника (ср. *Севортян 1974 : 138*; также *Morgenstierne* — устное сообщение); при этом следует исключить заимствование из иранского по фонетическим причинам: иранское -r- при тюркском -l- (к иранским формам см. ниже). В тюркских "древнеевропейское" **amlu-* 'яблоко' дает историческое alma в результате незначительных фонетических преобразований. Тем самым можно с достаточной степенью достоверности установить источник общетюркск. **alma-* 'яблоко'. Весьма характерен факт проникновения в тюркские языки (еще в общетюркский период) "древнеиранского" слова, что может свидетельствовать о наличии в определенное время контактов между этими языками.

В середине слова индоевропейская последовательность ***-ml-***, отразившаяся в хеттском закономерно как *-m(a)l-*, дает в других диалектах **-bl-*, **-pl-* (в германском), по-видимому, через промежуточный этап **-mbl-*, **-mpl-*. Тем самым кельто-балто-славянское **ăblu-*, германское **aplu-* и хет. *šam(a)lu-* можно возвести к общему архетипу ****šamlu-*** и проецировать слово в значении 'яблоко' на общеиндоевропейский уровень периода перед началом диалектного членения[2].

[1] Развитие -ml- → -mbl- → -bl- и -mr- → -mbr- → -br- является, очевидно, общефонетической тенденцией к преодолению последовательности сонорных путем вставки шумного лабиального смычного (гоморганного начальному сонорному), что засвидетельствовано во многих индоевропейских диалектах (ср. отчасти сходное преодоление в индоевропейских диалектах последовательности фрикативного и сонорного sr→str, см. выше, стр. 405$_1$): ср. греч. *βλίττω* 'подрезаю соты' (из **mlitiǰō*), *ἀμβροτος* 'бессмертный' (из *amṛtos) арм. t'm(b)rim 'оглушаюсь'; ср.-ирл. bláith 'мягкий' (ср. др.-ирл. mláith), ср.-ирл. bligim 'дою' (из *mligim), blicht 'молоко' (при mlicht); др.-рус. *блинъ* (при *млинъ*), в.-луж. blinc, mlinc 'блин' и др.

В индоевропейском названии 'яблока' **šamlu-* такой переход **-mbl-* → **-bl-* в одной группе диалектов нужно предположить в ранний период их обособленного исторического развития. Близкую аналогию такому развитию сочетания **-ml-* в этих диалектах может представить историческая эволюция древнего сочетания **-mr-* в индоевропейских образованиях на **-ro-* от корня **om-/*m̥-* 'сырой', 'острый': др.-инд. amlá-, amblá- 'кислый', др.-макед. *ἀβρο-* 'сурово', алб. tamlë 'кислое молоко', tëmblë (tëmbël) 'желчь'; германский показывает основу *amṛa-~*aṛa- (с появлением глухого лабиального смычного **-p-* в отличие от звонкого -b- в других языках, ср. и.-е. **šamlu-*: герм. **aplu-* при **ablu-* в других диалектах): др.-англ. ampre, др.-в.-нем. ampfaro 'щавель' (нем. Ampfer), др.-исл. арг 'острый'. Появление в группе **-mr-*, **-ml-* глухого лабиального смычного [p] в германском, а не [b] (как в других индоевропейских диалектах) объясняется, очевидно, отсутствием звонкого смычного [b] в таких позициях в раннегерманском, где древние "звонкие придыхательные" уже были представлены в это время спирантами (см. выше, стр. 36). Аналогичное фонетическое развитие в более позднее время дает звонкое -b- и в отдельных германских диалектах, поскольку к этому времени в них уже оформились независимые серии звонких смычных: ср. др.-исл. timbr 'строительный лес', др.-англ. timber, др.-в.-нем. zimbar 'строительный лес', 'строение' при гот. timrjan 'строить' (из и.-е. **t'em-r-* 'строить'); др.-англ. sim(b)le, simblon, др.-в.-нем. simble(s), simblum 'всегда' при гот. simlē 'некогда' (из и.-е. **sem-l-*).

Таким образом, появление глухого смычного -p- в германском при преодолении древней последовательности **-ml-* в слове для 'яблока' (-**ml-* → **-mpl-* → -pl-) объяснимо спецификой фонетики древних германских диалектов. След такого сочетания **-mpl-* можно было бы видеть и в геминированном **-ppl-*, ср. др.-англ. æppel 'яблоко'.

В других диалектах возникшая последовательность **-mbl-* упрощается в -bl-, засвидетельствованную в исторических формах кельтского и балто-славянского.

[2] При такой реконструкции общеиндоевропейского названия 'яблока', 'яблони' сюда же можно было бы отнести и древнеиндийское слово āmrá- в значении 'дерево манго' (*āmráḥ, м. р.*) и 'плод манго' (*āmrám, ср. р.*) с переносом первоначального значения на обычное в условиях Индии плодовое дерево. В кафирском то же слово имеет значение 'гранат': ашкун *am'ər*, кати *am'ăr*, *amrā*, прасун *am'ər* и др. (*Fussman 1972, I : 183*). Более раннее индо-иранское значение этого слова ('яблоко', а не 'гранат') отражено, вероятно, в финно-угорском заимствовании из иранского: лив. umàr, морд. umaŕ, maŕ 'яблоко' (*Севортян 1974 : 138*).

Предлагавшаяся ранее этимология др.-инд. āmrá- и связь его с корнем **om-* 'сырой', 'горький' (*Pokorny 1959 : 777*) неудовлетворительна как по семантическим соображени-

12.4. ПАРАЛЛЕЛИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМУ НАЗВАНИЮ «ЯБЛОКА» В НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Реконструируемая общеиндоевропейская форма **šamlu-* 'яблоко', 'яблоня' и происходящая от нее с сохранением начального сибилянта хеттская форма *šam(a)lu-* 'яблоко' весьма близка фонетически к хаттскому *šaŧat* 'яблоко', 'яблоня' (*Friedrich 1952 : 318*; *Hoffner 1974 : 114*). При допущении в хаттской форме *-t*, чередующегося с *-l*, как и в ряде других случаев (ср. хат. *tabarna* 'правитель' при хет. *Labarna-* и др., о чередованиях *-t ~ -l* в конце слова в хаттском см. также *Kammenhuber 1969 : 460—461*), а также при учете возможной вариативности *-ŧ-/l-/m-* хаттское название 'яблока' оказывается почти тождественным реконструируемому индоевропейскому названию.

В этой связи весьма любопытна также фонетическая близость к этим древним названиям 'яблока' и общекартвельского слова для 'яблока', реконструируемого в форме **wašl-*: груз. *vašl-*, мегр.-лаз. *uškur-*, сван. *wisgw/usgw*.

Можно считать, что название 'яблока' было древним миграционным термином, проникшим еще в древности в целый ряд языков ближневосточного культурного ареала.

Древним очагом одомашнивания 'яблони' (*Malus pumila* Mill.) считаются горные области к югу от Закавказья, ср. *Friedrich P. 1970 : 58*. Одомашнивание 'яблони' было одним из важных культурных достижений после неолитической революции на Ближнем Востоке. Отсюда домашние сорта яблок в дальнейшем проникают и в другие области Евразии. Поэтому распространение миграционного термина, обозначающего 'яблоко', из этой области, где и было, очевидно, осуществлено одомашнивание 'яблони', представляется весьма вероятным.

12.5. ДРУГОЕ ДРЕВНЕЕ ДИАЛЕКТНОЕ НАЗВАНИЕ «ЯБЛОКА» И ХЕТТСКАЯ maḫla- «ЛОЗА»

В качестве другого древнего слова для 'яблока' и 'яблони' в индоевропейских диалектах выступает греч. гом. μῆλον 'яблоко', μηλέα 'яблоня', дор. μᾶλον 'яблоко', также 'груша', 'древесный семенной плод'; производное от этого значения можно видеть в поэтическом μῆλον 'щеки'.

Родственное этому слово можно видеть в алб. *móllë* 'яблоко', а также, возможно, в тох. A *malaṅ* (*pl. tantum*), тох. B *meli* 'нос' (с первоначальным значением 'щеки'[?] — как в греческом — при утере изначального значения 'яблоко', что могло быть связано с экологическими условиями обитания племен, говоривших на тохарских диалектах, ср. *Friedrich P. 1970 : 60*)[1].

ям, так и по фонетическим, ср. древнеиндийское образование от того же корня на суффикс *-ro-*: amlá-, amblá- 'кислый', лат. amārus 'горький'.

[1] 'Яблоня' имеет ограниченное распространение в Центральной Азии; ее значимость уменьшается в зависимости от продвижения далее на восток (*Вавилов 1959—1965, 1 : 347*), тогда как в тропических областях Южной Азии, в частности в Индии, она отсутствует (с чем

Сюда же относятся латинские формы: *mālum* 'яблоко' и *mālus* 'яблоня', показывающие закономерные фонетические соотношения с греч. μῆλον и другими родственными словами[1].

С рассмотренной группой форм следует связать и хет. *maḫla-* 'виноградная лоза'. Связь хеттской формы со словами, обозначающими 'яблоко', 'яблоню', может быть оправдана допущением семантического сдвига в хеттском: 'яблоня', 'плодовое дерево' ⇒ 'виноградная лоза'. При наличии в хеттском слова *šam(a)luganti-* в значении 'яблоня' такой семантический переход в слове *maḫla-* и обозначение им другого вида 'плодового растения' — 'виноградной лозы' может считаться вполне возможным. Переход значения 'яблоня' ⇒ 'плодовое дерево' ⇒ 'виноградная лоза' может объясняться спецификой использования плодов этих растений и продуктов, из них получаемых (ср. *Friedrich P. 1970 : 61 и след.*); к аналогичному переносу значения 'дерево' на 'виноградник' ср. лат. *ūua* 'виноградная гроздь', соответствующее др.-исл. *ýr* 'тис', рус. *ива* и т. п. (см. выше, стр. 629).

Сопоставление друг с другом приводимых выше слов позволяет реконструировать индоевропейский архетип в форме ***maHlo-** со значением 'яблоко', 'яблоня', 'плодовое дерево'.

Тем самым для индоевропейского языка постулируются две формы со значением 'яблоко', 'яблоня': ***šamlu-** и ***maHlo-**, которые первоначально могли относиться к двум разновидностям 'яблока', 'яблони' (возможно, культивированной и дикой)[2], весьма распространенной, по-видимому, на первоначальной территории обитания древних индоевропейцев и игравшей существенную роль в их хозяйственной жизни и представлениях.

12.6. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «ЯБЛОКА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

При всем многообразии мифологических мотивов, связанных с 'яблоком' в отдельных древних индоевропейских культурах (ср., например,

и может быть связан сдвиг значения др.-инд. āmrá-, см. выше). Поэтому представляется маловероятным возведение индоевропейского названия 'яблока' к бурушаски (*Berger 1956 : 27—34*; ср. *Watkins 1971 : 1500*) при возможной связи термина бурушаски с памирскими. Формы большинства памирских языков возводятся к *marna- (шугн. mūn, рушан. māwn, язг. mawn, ишкаш. menḍ, санглечи meḷ, мунджан. aminǵa, пашт. maṇa), ср. *Пахалина 1975 : 224*; *Грюнберг/Стеблин-Каменский 1976 : 394*. К форме *amru- с переносом значения 'яблоко' → 'груша' могло бы восходить перс. amrūd 'груша'.

[1] В случае лат. mālum невозможно однозначно решить на основании фонетических соотношений, является ли данное слово отражением закономерных соответствий между греческим и латинским в унаследованном исконном слове или же заимствованием из одного языка в другой (в данном случае из греческого) с полным совпадением форм. Налицо пример соотносимых друг с другом форм, характер которых можно определить лишь с учетом некоторых экстралингвистических факторов. Но в этом случае и культурно-исторические факторы не определяют однозначности решения в пользу заимствования латинского mālum из греческого.

[2] Ср. в хеттском разновидности 'яблони': ^{GIŠ}ḪAŠḪUR 'яблоня' и ^{GIŠ}ḪAŠḪUR.KUR.RA 'горная (т. е. дикая) яблоня'.

миф о 'яблоке раздора' у греков, возможно, восходящий к представлению о 'яблоке' как победном даре, *Dumézil 1968 : 584*), некоторые из них повторяются в разных традициях, что может указывать на общность их происхождения и отражать общеиндоевропейские ритуальные и мифологические представления.

Общеиндоевропейским можно считать мотив 'золотых яблок', дарующих 'бессмертие' и 'вечную молодость' и поэтому часто похищаемых. Их стережет женское божество.

Этот мотив в греческой мифологии проявляется в виде мифа о "золотых яблоках", которые растут на 'острове Блаженных' на западном краю света под охраной Гесперид (дочерей Геспера) и дракона.

В древнеисландской мифологии 'золотые яблоки', дарующие 'вечную молодость' и 'бессмертие', принадлежат Идунн — жене бога поэзии Браги (*Bragir*, ср. др.-исл. *bragr* 'поэзия'). Их вместе с Идунн крадут сначала у 'асов' — древних богов-великанов, а потом 'боги' похищают их у великанов, которые, лишившись "яблок бессмертия", начинают стареть (*Мелетинский 1970*).

В балтийской и славянской традициях мотив "золотых яблок" (латыш. *zelt' âbuoli*) также связывается с мифологическими персонажами — 'сыновьями Бога' (латыш. *dieva dēli*), которые должны 'катать' (латыш. *ritêt*) яблоки (в латышских народных песнях), и 'Молнией' (сербо-хорв. *Mánja*), которая играет 'яблоками' с Громом (в сербо-хорватских народных песнях, *Иванов/Топоров 1974 : 18, 21*). В славянском фольклоре 'яблоня' выступает и как 'Мировое дерево', на вершине которого растут четыре яблока и сидит птица, а в корнях гнездится Змей (*Иванов/Топоров 1965 : 81*).

Древнегерманский мифологический мотив, в котором "яблоки бессмертия" связаны с 'богом Поэзии' *Bragir* (этимологически связанным с основой *b$^{[h]}$reu̯- 'бродить' [о напитке], 'приготовлять напиток': ср. др.-англ. *brēowan* 'варить напиток', англ. *brew*, др.-в.-нем. *briuwan*, нем. *brauen*, ср. также ст.-лат. *ferctum* 'жертвенный пирог из крупы, масла и меда', лит. *bir̃gelas* 'пиво' и др.), может служить указанием на использование 'яблок' для изготовления ритуального напитка, функционально соответствующего другим видам пьянящих напитков типа 'меда' и 'вина'[1].

13. «КИЗИЛ», «ВИШНЯ»

13.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «КИЗИЛА», «ВИШНИ»

Специальные этимологически соотносимые друг с другом слова в значении 'кизил' можно видеть в греч. κράνος, *м., ж. р.*, 'кизиловое дерево', κράνον 'кизил', гом. κράνεια 'кизиловое дерево', лат. *cornus* 'кизило-

[1] Использование в древности 'яблок' в качестве продукта, из которого изготовлялся (первоначально, очевидно, в ритуальных целях) пьянящий напиток наподобие 'меда' и 'виноградного вина', может объяснить рассматривавшийся выше семантический переход 'яблоня' → 'виноградная лоза', который предполагается для хеттского mahla-.

вое дерево', *cornum* 'кизил'. Слова восходят к исходной индоевропейской форме в нулевой ступени *k[h]r̥no-.

Сюда же относится, вероятно, алб. *thánë* 'кизил' и, очевидно, ст.-лит. *Kirnis 'deus cerasorum'*, 'бог вишен' (при точном совпадении формы с греческой и латинской формами, наблюдается отклонение в значении : 'вишня', а не 'кизил', что может объясняться преобладанием 'вишен' в районе позднейшего обитания балтийских племен; 'вишня' и 'кизил' характеризуются известным сходством внешнего облика и вкуса плодов).

Тот же корень *k[h]er- может лежать в основе греч. κέρασος 'вишневое дерево' (ср. κερασία 'вишневое дерево', κεράσιον 'вишня'), возможно, малоазийского происхождения, ср. название города в Малой Азии у Понта Κερασοῦς, ср. *Frisk 1954, I : 7*[1].

Судя по диалектному распределению, слово может считаться архаичным индоевропейским образованием в значении 'кизилового или вишневого дерева', ср. *Friedrich P. 1970 : 115 и след.*

13.2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ХОЗЯЙСТВЕННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «КИЗИЛА» И «ВИШНИ»

'Кизил' (*Cornus mascula* L.) распространен преимущественно в относительно более южных районах Европы, на Кавказе и в Передней Азии. 'Вишня' (*Prunus cerasus*) распространена на значительно более обширных территориях Евразии, причем культивирование 'вишни' в Передней Азии начинается с VII—VI тысячелетий до н. э. Характерно, что в балтийской традиции засвидетельствован специальный бог *Kirnis* — 'покровитель вишен'[2].

Плоды 'кизилового дерева' в древности наряду с 'дубовыми желудями' и 'буковыми орехами' широко использовались как корм для свиней. Характерно в этом отношении известное место из "Одиссеи":

...τοῖσι δὲ Κίρκη
πάρ ῥ' ἄκυλον βάλανόν τ' ἔβαλεν καρπόν τε κρανείης
ἔδμεναι, οἷα σύες χαμαιευνάδες αἰὲν ἔδουσιν (κ 241—243)
" *...им Цирцея*
бросила поесть буковых орехов, желудей и плодов кизилового дерева,
которые всегда едят валяющиеся на земле свиньи".

Примерно тот же круг значений ('растущие плоды' как 'корм для скота') выражается индоевропейским корнем *k̂[h]er-, от которого образова-

[1] Греч. κέρασος 'вишня' заимствуется в латинский в виде cerasus 'вишня', народнолат. *cerasia, откуда ст.-франц. cherise, франц. cerise, из которого, в свою очередь, ср.-англ. cheri, англ. cherry 'вишня'. Из этого же народнолатинского источника, вероятно, возникает др.-в.-нем. kersa, нем. Kirsche 'вишня'. Из этого же слова выводят обычно и славянскую форму *čerš̄nja (рус. *черешня*), *Фасмер 1964—1973, IV : 343.*

[2] Более поздние названия 'вишни' в балтийском (прус. wisnaytos 'вишни', латыш. vîksna) считаются заимствованными из славянского, ср. рус. *вишня*. В свою очередь славянское название 'вишни' сопоставимо с греч. ἰξός 'омела', 'птичий клей', лат. uiscum 'омела', 'птичий клей из ягод омелы' и др.-в.-нем. wīchsila 'черная вишня' (нем. Weichsel), и.-е. *μ̥ĭk[h]s-.

ны алб. *thjer* 'желудь', *thjerrë* 'чечевица' (*$\hat{k}^{[h]}$er-n-), др.-в.-нем. *hirso* 'просо', лит. *šérti* 'кормить (скот)', *pãšaras* 'корм для скота', лат. *crēscō* 'расту', *crēber* 'густо растущий'; сюда же относится имя италийской богини плодородия: лат. *Cerēs* 'Церера', оск. *Kerri* (ср. *Pokorny 1959 : 577*).

Характерно, что италийская богиня *Cerēs* была покровительницей 'плодовых деревьев', 'фруктовых садов' (ср. оск. *húrtin Kerriiin* 'священный сад Цереры') и в этом смысле эквивалентна литовскому богу вишен *Kirnis*. Во время ритуалов *Ceriālia* богине приносились в жертву свиньи (*Dumézil 1966 : 367—368*).

Предположение о связи основ *$k^{[h]}\acute{g}$-n- 'кизил', 'вишня' и *$\hat{k}^{[h]}$er- 'расти', 'корм' ставит вопрос о формальном соотношении велярного *$k^{[h]}$- в основе $k^{[h]}\acute{g}$-n- и палатального *$\hat{k}^{[h]}$- в корне *$\hat{k}^{[h]}$er-. Сведéние этих основ к общему исходному корню *$\hat{k}^{[h]}$er- становится возможным при допущении нейтрализации противопоставления по признаку палатализации в позиции перед сонантом *r, возникающей в нулевой ступени огласовки корня, то есть *$\hat{k}^{[h]}$er-: лит. *šérti*~*$k^{[h]}\acute{g}$-n-: лит. *Kirnis* (см. выше, стр. 109 и след., о нейтрализации противопоставления "палатализованный"~"непалатализованный", отражаемой в формах типа лит. *kárvė* 'корова'~*stirna* 'косуля').

14. «ТУТОВОЕ ДЕРЕВО», «ШЕЛКОВИЦА»

14.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ТУТОВОГО ДЕРЕВА»

Индоевропейское слово для 'тутового дерева' и 'плода тутового дерева' можно предположить в форме *mŏro-, засвидетельствованной в ряде древних индоевропейских диалектов:

Греч. μόρον 'плод тутового дерева', 'тутовое дерево', 'шелковица', 'ежевика' (уже у Гомера производное μορόεις 'тутовый', 'темноцветный': ἕρματα μορόεντα 'серьги шелковичного цвета'); арм. *mor*, *mori*, *moreni* 'ежевика'; лат. *mōrus* 'тутовое дерево', *mōrum* 'плод тутового дерева', 'ежевика' (древние образования на *-s* в значении 'дерева', 'растения', на *-m* в значении 'плода', 'ягоды'), валл. *merwydden* 'плод тутового дерева' (корень с огласовкой *e).

Диалектное распределение форм (греческий, армянский, итало-кельтский)[1] свидетельствует о древности слова в индоевропейском в значении 'тутового дерева', 'ежевики' и плодов этих растений.

Более древнее значение 'тутовое дерево' и соответственно 'плоды тутового дерева' можно видеть в раннем греческом значении формы μόρον и ее производных у *Гомера*, а также в наличии в латинском древнего типа противопоставления образований на *-s* и *-m* в значении 'растения' и 'плода' этого растения при форме *mōrus*, обозначающей исключительно 'тутовое дерево' (тогда как *mōrum* обозначает уже как 'тутовую ягоду', так и 'ягоду ежевики'); для 'ежевики' как растения в латинском используется

[1] Германские формы (др.-в.-нем. mūr-, mōrbere, ср.-в.-нем. mūlber 'тутовая ягода') и лит. *mõras* 'тутовая ягода' считаются заимствованиями из латинского (*Pokorny 1959 : 749*).

другое древнее слово *rubus* (от индоевропейского *u̯r̥d[h]-o-s, ср. *Schulze 1933* : др.-инд. *várdhati* 'растет', *vr̥ddhá-* 'выросший'). Соединение значений 'плод тутового дерева' и 'ежевика' могло произойти по внешнему и цветовому сходству плодов этих растений.

Характерно, что в кельтском форма засвидетельствована только в значении 'плода тутового дерева'. В армянском засвидетельствовано вторичное значение 'ежевика' при значении 'тутовое дерево', выраженном заимствованным словом *tut*, вероятно, из арамейского, *Hübschmann 1972 [1897] : 155*.

Индоевропейский характер слова в значении 'тутового дерева с темными плодами', 'темный плод тутового дерева' может быть подкреплен возможностью этимологической связи его с корнем *mer-, *mor- 'темный', 'черный' (*Pokorny 1959 : 734*) : греч. гом. μορύσσω 'загрязняю', 'черню', μεμορυγμένος 'загрязненный', μόρυχος 'черный (от копоти)'[1].

14.2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ «ТУТОВОГО ДЕРЕВА»

'Тутовое дерево с темными плодами' (*Morus nigra* L.) — характерное плодовое дерево Средиземноморья и Юго-западной Азии; его древней родиной считается Передняя Азия (*Вавилов 1959—1965, I : 344*). Крупные плоды *Morus nigra* L., характеризующиеся густой фиолетовой, почти черной окраской, в ряде высокогорных районов Передней и Центральной Азии (на Памире) используются в пищу (из сушеных плодов шелковицы изготовляется мука, заменяющая муку из зерна), листья его идут на корм скоту, а древесина ценится как строительный материал (*Вавилов 1959—1965, I : 205, 343*).

Характерно, что близкий к этому вид тутового дерева (*Ficus sycomorus*, тутовая смоковница) использовался для судостроения в Древнем Египте (*Семенов 1974 : 28*). Египетская сикомора *nh.t* является 'священным деревом богов', имевшим большое ритуальное и мифологическое значение.

На востоке Азии известен другой тип 'тутового дерева с белыми плодами' (*Morus alba* L.), родиной которого считается Китай (*Вавилов 1959—1965, V : 146*), где оно впервые стало использоваться для разведения шелковичных червей. Отсюда этот вид 'тутового дерева с белыми плодами' распространяется вместе с шелководством на запад. Распространение 'шелковицы' в новой хозяйственной функции могло послужить причиной вы-

[1] Возможно, к тому же первичному корню восходит в греческом другое название 'дерева с черными плодами' — μορία 'священная маслина в Афинах, посвященная богине Афине', ср. μόριος Ζεύς 'Зевс, защитник священных масличных деревьев'. Однако при архаичности образования греческое слово в этом значении не обнаруживает соответствий в других языках. Другое греческое слово для 'оливкового дерева' ἔλα(F)ιον, засвидетельствованное уже в микенском (ср. e-ra-wo), имеет соответствие в лат. oleum 'оливковое дерево' и по схеме диалектного членения (если лат. oleum не является заимствованием) может считаться достаточно древним, восходящим к определенной ранней диалектной общности.

теснения древнего слова для 'тутового дерева' в целом ряде индоевропейских диалектов, утративших старое слово (как индо-иранские языки[1]) или сохранивших его только во вторичном значении 'ежевика'.

II. РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР. КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ И ЗЛАКИ

1. «ВИНОГРАД», «ВИНО»

1.1. НАЗВАНИЕ «ВИНА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

При всем многообразии в исторических индоевропейских языках лексем в значениях 'виноград' и 'виноградная лоза' исключительным постоянством по данным основных древних индоевропейских диалектов характеризуется название 'вина' ***ǫ̯(e/o)i̯no-**, показывающее закономерные фонемные соотношения по основным древним диалектам[2]:

Хет. *ǫ̯ii̯ana-* 'вино', лув. клин. *ǫ̯inii̯ant-* 'вино', лув. иерогл. *wiana-* 'вино', *Laroche 1959a : 111* (и.-е. форма в нулевой ступени ***ǫ̯i̯o̯no-**);

Мик. греч. *wo-no-* 'вино' (в частности, в сложных словах типа *wo-no-qo-so* = Fοἰνοφ, ср. гом. οἰνοφ 'темнокрасный', буквально: 'винно-красный'); гом. οἶνος 'вино' (виноградное, темно-красное, ср. οἶνον ἐρυθρόν, μ 19 'красное вино') с многочисленными производными (ср. οἰνό-πεδον 'виноградник' и другие) : и.-е. форма с огласовкой корня ***o**: ***ǫ̯oi̯no-**; ср. арм. *gini* 'вино' (***ǫ̯oi̯ni̯om*), алб. *vënë*, тоск. *verë* 'вино' (***ǫ̯oi̯nā*);

Лат. *uīnum* 'вино' (ср. фалиск., вольск. *uinu*, умбр. *vinu*, *uinu* как возможные заимствования из латинского): и.-е. форма корня с огласовкой ***e**: ***ǫ̯ei̯no-**; такая же исходная индоевропейская форма лежит в основе соответствующих германских и славянских слов[3], восходящих соответственно к общегерманскому и общеславянскому:

Гот. *wein* 'вино', *weina-* в сложных словах типа *weinatriu* 'виноградная лоза', *weinagards* 'виноградник', др.-англ. *wīn* 'вино' (англ. *wine*, ср. также *win-trēow* 'виноградная лоза', *win-berige* 'виноградная гроздь', *wingeard* 'виноградник'), др.-в.-нем. *wīn* 'вино', нем. *Wein* (также в производных *win-garto* 'виноградник', *winreba* 'виноградная лоза');

[1] Связь нового названия 'тутового дерева' с культурой разведения на 'шелковице' шелковичных червей отчетливо видна в таких новообразованиях, как кафирское, вайгали kuṇāl'ik 'тутовое дерево', объясняемое из *kṛmuka-lika- (**k*l^h^)o ṛmi-* 'червь', см. выше, стр. 527$_2$), *Morgenstierne 1954 : 267*.

[2] В этом проявляется наблюдаемая и в других случаях бо́льшая стабильность названия основного продукта по сравнению с названием его источника, подверженным частым лексическим заменам в процессе развития отдельных диалектов (ср. исторические соотношения в названиях 'меда' — продукта и 'пчелы' — его производителя, см. выше, стр. 602 и след.).

[3] Кельтские формы: др.-ирл. fín, валл. *gwin* 'вино', судя по огласовке, могут рассматриваться как заимствование из латинского, *Pokorny 1959 : 1121* (если не считать эти слова восходящими к индоевропейской форме в нулевой огласовке, как в анатолийском, и в таком случае исконно кельтскими).

Ст.-слав. *vino* 'вино', рус. *вино*, польск. *wino* 'вино'[1]. Сюда же относится древнее общеславянское образование, сохранившееся лишь в южнославянском: ст.-слав. *vinjaga*, сербо-хорв. *vìnjaga*, словен. *vinjága* 'виноград' (ср. *Bezlaj 1976: 217*), вторая составная часть которого *-aga* в значении 'плод' соответствует лит. *úoga* 'ягода', латыш. *uõga* 'ягода', тох. B *oko* 'плод' и представляет общеславянскую архаическую форму, сохранившуюся только в этом сложном слове (при общеславянском же производном от той же формы с суффиксом *-d-*, ст.-слав. *agoda* 'ягода', 'плод', рус. *ягода*)[2].

Обнаружение соотносимых друг с другом слов для 'вина', с одной стороны, в анатолийских языках, а с другой, в греческом, армянском, албанском и латинском, а также в германских и славянских языках, является достаточным основанием для постулирования и в общеиндоевропейском формы **u̯(e/o)ji̯n-o-* в значении 'вино'[3].

1.2. СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ «ВИНА» С ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИМИ НАЗВАНИЯМИ

Сходные по фонетическому облику слова для 'вина' обнаруживаются в целом ряде древних ближневосточных языков. Название 'вина' в форме **wajn-* восстанавливается для семитского (*ср. Fronzaroli 1971, VII: 613 и след.*): аккад. *inu*, араб. *wajn-*, угарит. *jn*, др.-евр. *jajin*. В египетском,

[1] Из славянского заимствованными считаются соответствующие балтийские формы: лит. *vỹnas* 'вино', латыш. *vîns* (последняя форма иногда возводится к ср.-н.-нем. wīn).

[2] Нет достаточных формальных оснований считать германские и славянские названия 'вина' заимствованными из латинского, вопреки *Pokorny 1959: 1121, ср. Фасмер 1964—1973, I: 316*. Против такого допущения говорит уже то, что в каждой из этих групп названия 'вина' возводятся соответственно к общегерманской и общеславянской исходным формам. Об исконном характере этих слов свидетельствуют и древние словосложения типа общегерманского названия 'виноградника': гот. weina-gards, др.-англ. wīn-geard, др.-в.-нем. wīn-garto и общеславянских названий 'винограда' и 'виноградника' (ст.-слав. vinjaga, vinogradŭ; совпадение структуры последнего славянского слова с германским не предполагает обязательно германского заимствования в славянском). Допущение заимствования германской и славянской форм названия 'вина' из латинского основывалось в конечном счете не на фонетических особенностях самих форм, которые показывают закономерные соответствия, а на культурно-исторических предпосылках, касающихся распространения 'винограда' и территории обитания древних индоевропейцев, ср. в последнее время *Bonfante 1974*.

[3] Даже при допущении этимологической соотнесенности лишь анатолийского, греческо-армянского и латинского названий 'вина' (и признании заимствованного характера не только кельтских и балтийских, но и германских и славянских форм) по схеме диалектного членения общеиндоевропейского языка исходную форму, отразившуюся в этих диалектных ареалах, следует считать общеиндоевропейской.
С другой стороны, принятие для определенной группы диалектов исходного архетипа в форме нулевой огласовки с растяжением: **u̯ino-*, давшей лат. u̯īnum (ср. лат. lī̯num 'лен' из **lino-*), снимает все формальные затруднения, препятствующие признанию кельтских и балтийских форм исконно индоевропейскими. В таком случае индоевропейская форма в нулевой ступени с растяжением может считаться исходной (без допущения альтернативной формы с огласовкой **e*: **u̯ei̯no-*) для всех "древнеевропейских" диалектов.

начиная с Древнего Царства, засвидетельствована форма *wnš* в значении 'съедобного плода', 'винограда' и 'вина'; ср. также *wnš.t* 'вино' (*Erman/Grapow 1955, I : 325*). В хаттском выделяется как часть сложного слова форма *ǫindu-* в значении некоторого напитка (возможно, 'вина'?, ср. ^{LÚ}*ǫindu-ḳḳaram* 'человек, разливающий напиток', 'человек сосуда с напитком', 'кравчий', ср. *Kammenhuber 1969 : 496*)[1]. В южнокавказском (картвельском) восстанавливаются формы **ɣwino-* в значении 'вино' (груз. *ɣwino*, мегр. *ɣwin-*, лаз. *ɣlɯlin-*, сван. *ɣwinel*) и **wenaq-* в значении 'виноградник', 'виноградная лоза'[2] (др.-груз. *venaq-*, мегр.-лаз. *binex-*, сван. *wenäq*), ср. *Климов 1964 : 203—204* и *83*.

1.3. НАЗВАНИЕ «ВИНА» КАК ДРЕВНИЙ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ ТЕРМИН. МИГРАЦИОННЫЙ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ТЕРМИН ДЛЯ «ВИНА» КАК ИСКОННО ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ СЛОВО И ЕГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Широкий ареал распространения уже в глубокой древности по разным языковым группам Ближнего Востока сходных по фонетическому облику слов в значении 'вино', 'виноград' позволяет охарактеризовать соответствующие слова как 'миграционные термины', относящиеся к 'винограду' и 'вину'. Наличие соответствий между названиями 'вина', 'винограда' в каждой из групп языков (индоевропейской, семитской, картвельской) дает возможность судить об исключительной древности миграционного термина, переходившего из одной языковой группы в другую на протоязыковом хронологическом уровне, то есть еще в период, предшествовавший их распаду на отдельные диалекты.

Формальные характеристики общеиндоевропейского слова для 'вина' с закономерными аблаутными ступенями чередования (**ḭe*^{1} ~ **o* ~ *нуль*) позволяют считать слово, построенное по правилам древнеиндоевропейского словообразования, исконной принадлежностью индоевропейской системы и соответственно этимологизировать его на индоевропейской основе.

Наиболее естественной представляется давно уже предполагавшаяся этимологическая связь общеиндоевропейского названия 'вина' с корнем **ǫei-*/**ǫi-* в значении 'вить', 'плести' (*Walde 1910*; ср. *Георгиев 1954 : 62*; *Merlingen 1968 : 411*): ср. др.-инд. *váyati* 'плетет', вед. *vyáyati* 'заворачивает', *vyāna-* 'заворачивание'; лат. *uieō* 'связываю', 'плету', лит. *vejù* 'вью', слав. *viti* 'вить' и др.

Характерно, что от этого индоевропейского корня в значении 'вить', 'плести' образуются в индоевропейских диалектах многочисленные ар-

[1] Любопытно совпадение второй части хаттского слова с аккад. karānu в значении 'виноградная лоза', 'вино'. Не исключена возможность возникновения сложной хаттской формы в результате соединения собственно хаттского слова с хаттизированным аккадским обозначением 'вина', 'винограда'.

[2] Обращает на себя внимание особое фонетическое сходство картвельского слова **wenaq-* 'виноградник' с индоевропейской формой **ǫeiṇ-āk'-*, лежащей в основе славянского vinjaga 'виноградная лоза'. О связи слов для 'вина' в индоевропейских, семитских и картвельских языках см. также *Церетели 1947 : 18 и след.*

ханчные производные, обозначающие 'вьющиеся гибкие растения', 'ветви', 'прутья', 'виноградную лозу':

Образования на *-*t*[*h*]*i*-: и.-е. *u̯(e)i-t[h]i-:

Лат. *uītis* 'виноградная лоза'; авест. *vaēiti-* 'ива', 'ивовые прутья', лит. *výtis* 'ивовые прутья'; ср. *žil-vỉtis* 'ива ломкая', 'лоза', слав. *vitĭ* 'витая работа' (ср. сербо-хорв. *pȁvît* 'виноградная лоза'); др.-ирл. *féith* 'волокна', валл. *gwden* 'завязка'; др.-исл. *víðir* 'ива', др.-англ. *wīðig* 'ива';

Образования на *-*t*[*h*]*u*-: и.-е. *u̯(e/o)i-t[h]u-:

Греч. ἰτυς, эол. Ϝιτυς 'ива', 'обод колеса', лат. *uītus* 'обод колеса'[1]; греч. οἴσυον (из) *Ϝοιτυο- 'вид ивы', прус. *witwan* 'ива', *apewitwo* 'верба', ст.-слав. *vĕtvĭ* 'ветвь' и др.;

Образования на *-*n*-: и.-е. *u̯oi̯-n-:

Ст.-слав. *vĕnĭcĭ* 'венец', сербо-хорв. *vijènac*, чеш. *věnec*, *vínek*, лит. *vainìkas* 'венок', 'венец';

Атематические и тематические образования на *-*o*-, *-*ā*: и.-е. *u̯(e/o)i̯-o-/-ā:

Греч. υἰήν · ἄμπελον 'виноградная лоза', ср. εὐιάδες · ἄμπελοι 'виноградные лозы' (*Гесихий*), др.-инд. *vayá* 'ветвь', ст.-слав. *věja* 'ветвь'; латыш. *vija* 'плетеная изгородь'; ср.-ирл. *fé* 'прутья' (ср. валл. *gwïal-en* 'ветка').

Семантика приведенных образований на корень *u̯ei̯-/*u̯i-, как и значение самого корня 'вить', 'плести', делает весьма вероятным предположение об образовании индоевропейского слова для 'винограда', 'вина' как 'плода вьющегося растения' от того же корня *u̯ei̯- в различных его огласовках.

Такое название 'винограда', 'вина' могло быть уже в раннем индоевропейском дифференцировано по грамматическому роду (первоначально, по-видимому, по 'активному' и 'инактивному' классам). При этом форма на *-s могла означать 'растение', 'виноградную лозу', тогда как форма на *-m могла означать 'плод растения', 'виноград', 'вино'.

Индоевропейские образования в значении 'винограда', 'вина' распространяются в дальнейшем по языкам сопредельных ареалов и превращаются в типичный миграционный термин. Он проникает уже в древнеегипетский в форме *wnš* 'плод растения', 'виноград', 'вино' (отражающей, по-видимому, индоевропейскую форму в нулевой ступени с окончанием *-s). В семитский язык индоевропейская форма заимствуется в огласовке *o (ср. сем. **wajn-*), тогда как в хаттский (*u̯indu-*) и общекартвельский (**γwino-*) индоевропейское название 'вина' попадает в форме с нулевой огласовкой[2].

[1] Точное совпадение формы и значения в греческом и латинском позволяет ставить вопрос о возможном заимствовании латинского слова из греческого (ср. *Pokorny 1959 : 1122*); однако, строго говоря, такое предположение не обязательно ввиду фонетической закономерности соотношений.

[2] Предположение обратного заимствования из египетского или семитского в индоевропейский менее вероятно по культурно-историческим причинам (отсутствие винограда в древнейшем ареале распространения этих языков). Заимствование индоевропей-

Допущение столь раннего заимствования древними ближневосточными языками слова для 'винограда' и 'вина' из индоевропейского предполагает, во-первых, контакты индоевропейского языка с указанными языковыми системами в это время в Передней Азии, а также знакомство древних индоевропейцев с виноградарством и виноделием уже в эпоху таких контактов, не позднее третьего тысячелетия до н. э. (судя по данным семитских, египетского и хаттского языков).

1.4. ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ОЧАГ ВИНОГРАДАРСТВА

Древнейший очаг культивирования и одомашнивания 'винограда' (*Vitis vinifera*) локализуется обычно в юго-западноазиатском (переднеазиатском) ареале, с выделением в нем закавказской области формообразования видов культурного винограда с разнообразием разновидностей дикого и культурного винограда и наличием ряда промежуточных форм между ними (*ср. Вавилов 1959—1965, II : 371; V : 145, 160, 166*).

В Закавказье следы виноградарства обнаружены уже в культурном слое V—IV тысячелетий до н. э. (*Кушнарева/Чубинишвили 1970 : 170*).

1.5. «ВИНОГРАД», «ВИНО» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В древних "Хеттских законах" (§§ 101 и след.) значительное место отводится законам, относящимся к возмещению за кражу, потраву и повреждение 'виноградника', 'винограда', 'виноградной лозы', что свидетельствует о широком распространении уже в Древнехеттском Царстве виногра-

ским названия 'вина' из картвельского (что могло бы согласоваться с приводимыми ниже культурно-историческими соображениями о древнейших очагах разведения винограда) предполагает такое преобразование заимствованного слова в индоевропейском, которое привело бы к переосмыслению его как производного от собственно индоевропейского корня **ueĭ-* 'вить'. С другой стороны, не может быть установлена с несомненностью древность самого картвельского слова **ɣwino-* 'вино' внутри картвельских языков, а также его связь с такими производными образованиями, как **wenaq-* 'виноградник', обнаруживающего явно заимствованный характер. В этой связи следует отметить, что заимствование специализированных культурных терминов из одного языка в другой не предполагает с необходимостью отсутствия в заимствующей такие слова культуре вещей и понятий, ими обозначаемых; ср. заимствованный характер славянских или восточноиранских (осетинских) терминов 'коневодства' в условиях наличия в соответствующих культурах более ранних эквивалентов этих терминов, вытесненных последующими заимствованиями, ср. выше, стр. 556. При всей развитости виноградарства и виноделия в древнейшем Закавказье старые, исконно картвельские слова для основных понятий, связанных с культурой виноделия, могли быть вытеснены заимствованиями из других языков, которые и заняли в системе место исконных терминов. Помимо *ɣwino- 'вино' и *wenaq- 'виноградник' такими иноязычными новообразованиями являются груз. q'urʒen- 'виноград' (ср. урарт. ^{GIŠ}uldini 'виноградник', ср. *Меликишвили 1960 : 411*), а также, возможно, груз. vaz- 'виноградная лоза' (ср. арм. vaz 'виноградная лоза', с невполне ясной этимологией, а также иранск. *raz-: пехл. raz, перс. raz 'виноградная лоза' и др.).

дарства и виноделия. Такая картина согласуется с количественными данными хеттских дарственных грамот, в которых указываются относительно большие площади земли, отведенной под виноград, см. *Riemschneider 1958*.

В Восточном Средиземноморье данные о разведении винограда известны в бронзовом веке (*Кларк 1953 : 122*). Значительную роль виноделие играло в микенской Греции, где обнаружены обширные винные склады в пилосском дворце (*Блаватская 1966 : 77*).

У *Гомера* уже описываются большие виноградники (ἀλωή), отягощенные тяжелыми 'черными гроздями' (μέλανες βότρυες), и массовый сбор винограда; юноши и девушки несут плетеные корзины, в которые собирают 'медово-сладкий плод' (μελιηδέα καρπόν), Σ 561—568.

1.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ТЕРМИН ДЛЯ «ЖЕРТВЕННОГО ВОЗЛИЯНИЯ ВИНА»

Ритуально-культовая значимость 'вина' в индоевропейской традиции уходит корнями в глубокую древность. В отдельных древних индоевропейских традициях совпадает не только общий характер ритуалов винных жертвоприношений, но и структура словосочетаний — обрядовых формул, их описывающих, ср., например, греч. гом. οἶνον σπένδω 'вино возливаю', 'вином окропляю' (жертвенное животное, принесенное Зевсу): σπένδων αἴθοπα οἶνον ἐπ' αἰθομένοις ἱεροῖσιν "*окропляя темным вином горящие части жертвы*" (*быка*), Λ 775, и хет. *ǧiǧanit šipant-* 'вином окроплять' (жертву, принесенную верховному божеству): ^{D}UTU-*i* I UDU GEŠTIN-*it ši-pa-an-ti* (KUB XXXV II 10) "богу Солнца одну (жертвенную) овцу вином окропляет" (ср. сочетание ^{GIŠ}GEŠTIN *išpanduzzi-* 'сосуд для жертвенного вина'). След аналогичного словоупотребления названия жертвенного 'вина' в сочетании с индоевропейским глаголом ***sp$^{(h)}$ent'-*** 'совершать возлияние', 'окроплять' можно видеть и в лат. *spondeō* уже в переносном значении 'клятвенно обещаю', 'торжественно обязуюсь' (о любом ритуальном обязательстве, ср. *Ernout/Meillet 1967 : 643*), к значению ср. греч. σπένδω 'обещаю', *мед.* 'торжественно заключаю соглашение', σπονδαί, *мн. ч.* 'мир', 'союз', 'договор' (у *Гомера* еще в синтагматическом сочетании с 'вином' в значении 'возлияние вина' при заключении союза, ср. σπονδαί τ' ἄκρητοι 'возлияние неразбавленного (вина)', В 341, Δ 159; "неразбавленное" вино приносилось в жертву, люди обычно пили разбавленное вино: ср. αἴθοπα οἶνον... κέρωνται "искристое вино разбавляют", Δ 259—260).

Культ 'вина' связан в древних индоевропейских традициях с верховным божеством — Зевсом-Спасителем (Ζεὺς Σωτήρ) в греческой мифологии (ср. о 'боге Вина', *Фрейденберг 1936 : 82*), с Юпитером — в римской. В Риме существовал особый обряд *Vinālia*, во время которого 'вино' посвящалось Юпитеру (*Dumézil 1966 : 188—189*). В этом отношении характерно возлияние вина у хеттов на жертвенное животное, приносимое в жертву верховному 'божеству Солнца'.

1.7. ОТСУТСТВИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ТЕРМИНА ДЛЯ «ВИНА», «ВИНОГРАДА» В ИНДО-ИРАНСКОМ И КУЛЬТ «БОЖЕСТВЕННОГО» НАПИТКА «СОМЫ-ХАОМЫ»

Вывод об общеиндоевропейском характере переднеазиатского миграционного названия 'вина' и этимологической связи его с первичным индоевропейским корнем ставит вопрос о причинах отсутствия соответствующих слов в значении 'вина' и 'винограда' в ряде древних индоевропейских диалектов типа индо-иранского[1] и тохарского.

Можно предположить, что место 'вина' как культового и бытового напитка в индо-иранской традиции начинают занимать другие 'пьянящие напитки', приготовляемые не из винограда, а из других растений, заменивших виноград в новых экологических условиях обитания древних индо-иранцев. Таким новым культовым напитком, посвящавшимся высшему божеству, можно считать 'сому': др.-инд. *sóma-* 'напиток сома' (в "Ригведе" напиток бога-громовержца Индры, ср. 'вино' как напиток Зевса и Юпитера соответственно в греческой и римской мифологиях). Обожествленному напитку Соме (авест. *haoma-* 'напиток хаома') посвящается в "Ригведе" больше ста гимнов, восхваляющих "самый сладкий, самый опьяняющий напиток, выжатый Индре для питья": *svādiṣṭhayā mádiṣṭhayā... índrāya pā́tave sutáḥ* (IX 1, 1).

Наркотический напиток 'сома' приготовлялся с помощью выжимания сока из растений давильными камнями. В качестве таких растений в более поздних индо-иранских традициях используется 'хвойник' (*Ephedra*), распространенный в пустынных областях Средней Азии и Афганистана и называемый в иранских языках производными от иранского **hauma-*[2].

Другим опьяняющим напитком у древних индо-иранцев было др.-инд. *súrā* (упоминается дважды в "Ригведе"); согласно древнеиндийской традиции, грубый опьяняющий напиток, используемый низшей кастой *śūdrá-*; ср. авест. *hurā-* 'кумыс', пехл. *hur*, авест. *xᵛarəδō.bairya-*, парф. *ẖwrybr* 'кравчий', *Дьяконов/Лившиц 1960 : 63*.

Названия обоих этих напитков образованы от индоевропейского корня **seu̯-/*su-* в первоначальном значении 'выжимать (жидкость)', 'давить сок', 'выгонять': др.-инд. *sunóti* 'выжимает', 'давит' (сок), авест. *hunaoiti*; др.-инд. *sutá-* 'выжатый', др.-ирл. *suth* 'сок', 'молоко', др.-в.-нем. *sou*, др.-англ. *sēaw* 'сок'[3].

[1] **Не исключен** пережиточный характер терминов типа памирского язгулям. wiδg' **'виноград'.**

[2] **Ряд исследователей считает индийскую** 'сому', иранскую 'хаому' изготовлявшейся **первоначально из особой разновидности** грибов-мухоморов (Amanita muscaria), см. *Wasson 1968*; *Елизаренкова 1972 : 300—301*; *Стеблин-Каменский 1974 : 138—139*. Относительно греческой традиции ср. *Ruck 1976 : 238 и след.* О грибе в мифологии и ритуалах различных индоевропейских традиций см. также *Топоров 1979*.

[3] К этому же корню относятся образования на лабиальный: др.-инд. sūpa- 'похлебка', 'суп', др.-исл. súpa, др.-англ. sūpan, др.-в.-нем. sūfan 'хлебать, пить' (нем. saufen), sūf 'похлебка'.

Любопытно, что сама технология приготовления пьянящего напитка 'сомы', описыва-

Полная замена по ритуальной и бытовой функции пьянящего напитка — 'вина' напитком 'сома' в индо-иранской культуре была вызвана прежде всего сменой экологических условий обитания, а также некоторыми опьяняющими особенностями напитка, получаемого из флоры новых мест жительства[1]. Это, в свою очередь, обусловило вытеснение исконных, унаследованных из индоевропейского слов для 'вина', 'винограда', 'виноградника'. Древние производные от индоевропейского корня *ǵeį- 'вить', от которого образовывались в индоевропейском слова для 'вина', 'винограда', употребляются в индо-иранском уже лишь в качестве обозначений некоторых видов вьющихся растений, без явной связи с 'вином' и 'виноградом'.

Сходные причины, очевидно, вызвали утерю исходного слова для 'вина', 'винограда' и в тохарских диалектах.

1.8. СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙ ТЕРМИНОЛОГИИ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ВИНОГРАДАРСТВУ В ИРАНСКОМ. НАЗВАНИЕ «ЛОЗЫ»

Наряду с этим в иранском (во всяком случае, в западноиранских диалектах) сохраняется частично древняя диалектная терминология, касающаяся 'виноградарства', что видно в таких иранских словах, как др.-перс. **raza-* (в эламской передаче *ra-ṣa-*) 'виноградник', **razakara-* (элам. *ra-ṣa-ḳa-ra*) 'винодел', парф. *rz-* (*raz*) 'виноградник', *rzkr* (*razkar*) 'винодел', *nwršt(k)* (*navrāštak*) 'новое (молодое) вино', *Дьяконов/Лившиц 1960 : 44*, пехл. *raz*, перс. *raz* 'виноградная лоза', соотносимых со ст.-слав. *loza* 'виноградная лоза', др.-чеш. *loza*, рус. *лоза*[2].

В восточноиранских языках в отличие от западных, сохранивших некоторые следы связей с древней индоевропейской терминологией виноградарства, полностью заменяются древние слова для 'вина' как опьяняющего напитка и 'винограда'. В этих языках появляется целый ряд новых слов, обозначающих другие виды напитков, приготовляемых из соответствующих растений, и меняется значение древних терминов виноградарства. В частности, в авестийском, а также осетинском слова, соответствующие западноиранскому (и диалектному индоевропейскому) названию 'лозы', используются уже в других значениях : авест. *razura-* 'роща', осет. *ræzæ* 'плоды', 'фрукты', 'овощи' (*Абаев 1973, II : 398—399*).

емая в "Ригведе" (выжимание сока под 'давильными камнями'—grā́van- и разливание по сосудам, где 'сома' разбавлялась водой), весьма напоминает в общих чертах более древнюю технологию приготовления 'вина', известную древним индоевропейцам (предполагается, что в таких традициях, как греческая, в вино добавлялись травы для крепости, так как древние греки из чистого винограда получали относительно слабые напитки, см. *Ruck 1976 : 241—242*).

[1] Характерно, что в Индии, куда́ переселяются индо-арийцы, полностью отсутствует виноград (ср. *Вавилов 1959—1965, I : 356*).

[2] В качестве исходной формы предполагается индоевропейское диалектное **lĕǵthl-* с первичным значением 'ползти', 'стелиться': ст.-слав. *-lěsti* 'лезть', 'войти', н.-луж. *lěsć* 'ползти', *Фасмер 1964—1973, II: 476, 512*.

Для обозначения 'хмельного одурманивающего напитка' появляется новое слово **san-*, известное уже в скифском, ср. осет. *sæn* 'вино', адыг. *sanä* 'вино' (ср. *Абаев 1949, I : 180*). В осетинском эпосе сохраняются позднейшие термины для двух ритуальных опьяняющих напитков : 'медового напитка' *rong* (см. выше, стр. 606—607) и сказочного густого напитка *ælūton* 'пиво', *Абаев 1949, I : 338—347; 1958, I : 129—131*. Исконные индоевропейские слова для 'вина' и 'винограда' и в этих диалектах полностью утрачены.

2. «ЗЕРНО», «ЯЧМЕНЬ»

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЗЕРНА», «ЯЧМЕНЯ»

Древним индоевропейским словом в значении 'зерно' следует считать форму ***Hat'-**, восстанавливаемую на основании свидетельств ряда древних индоевропейских языков, которые по схеме диалектного членения удостоверяют праиндоевропейский характер слова : авест. *āδū.frāδana-* 'изобилующий зерном', согд. будд. *"dw-k* 'зерно', др.-арм. *hat* 'зерно', гот. *atisk* 'семя', др.-в.-нем. *ezzesc* 'семя', лат. *ador* 'особый вид злака' (*Poetto 1976a*)[1].

'Ячмень' как зерновая культура предполагается с несомненностью у древних индоевропейцев на основании явно устанавливаемых соотношений языковых форм в значении 'ячмень' по основным древним индоевропейским диалектам; свидетельство хеттского, индо-иранского, кельтского позволяет с уверенностью реконструировать значение общеиндоевропейской формы ***ieuo-** 'ячмень' (с позднейшими семантическими сдвигами в сторону общего значения 'злаки' или отдельных других видов злаков):

Хет. *euan, ср. р.* (шумерограмма ŠE-*u-ua-an*), *род. пад. euaš* 'ячмень' (*Laroche 1963 : 75—76*);

Др.-инд. *yáva-* 'зерно', 'ячмень', кафир. ашкун, вайгали *yū* 'ячмень', (*Morgenstierne 1954 : 316*), 'просо', авест. *yava-* 'злак', перс. *ǰav* 'ячмень', курд. *ǰaw*, белудж. *ǰaw*, *ǰō*, ягн. *yaɰ* 'ячмень' (ср. осет. *jæw* 'просо', *Абаев 1958, I : 563—564*), ирл. *éorna* 'ячмень'[2]; греч. гом. ζειά 'вид хлебного растения', 'полба', ср. ζεί-δωρος 'дарующий хлеб', лит. *jāvas* 'вид злака',

[1] В хеттской подгруппе анатолийских языков общеиндоевропейское название 'зерна' заменено другим словом — хет. ḫalki- 'зерно' с более узким диалектным распространением: ср. ст.-слав. zlakŭ 'злак', фриг. ζέλκια 'злак, зерно' (*ср. Нерознак 1978 : 153*). Вытесненное в этом значении древнее слово сохраняется, однако, в этих языках в глагольном значении: хет. ḫat- 'сушить (плоды)'. К единичным случаям сохранения древнего значения слова в анатолийской группе языков ср. также лик. *kððase* 'относящийся к зерну', *Neumann 1974 : 113—114*.

[2] Кельтская форма, как и хеттская, показывает отсутствие начального **i-*. Совпадение хеттской и кельтской форм в значении 'ячменя' придает бóльшую уверенность сопоставлению этих последних с формами с начальным **i-* в соответствующих словах других диалектов. Кельтская и хеттская формы в таком случае характеризуются утерей начального **i-*, засвидетельствованной и в других формах: ср. и.-е. **iek'-* при ср.-ирл. aig, *род. пад.* eig 'лед' (из **iegis*, *Pokorny 1959 : 503*) и хет. ekunaš 'холодный'; ср. также др.-инд. yamá- 'близнец' при ср.-ирл. emon 'близнецы'.

мн. ч. javaĩ 'хлеба', латыш. *jaĩja* 'рига', др.-рус. *овинъ* 'сушилка для зерна', 'рига', рус. *овин*.

Другое слово для 'ячменя' *ĝ$^{[h]}$(e)rd$^{[h]}$- восстанавливается для более узких диалектных ареалов : с одной стороны, для греческо-армянского и албанского, с другой, для италийского и германского(?):

Греч. гом. κρῖ 'ячмень'; κριθή, *мн. ч.* κριθαί 'ячмень (в зерне)' из [*grĭd$^{[h]}$-], алб. *drithë* 'ячмень' (ср. *Pisani 1959 : 118*), арм. *gari* 'ячмень' (из *g$^{[h]}$ṛi-, с нейтрализацией противопоставления заднеязычных по палатализованности в позиции перед *-r, ср. выше, стр. 113);

Нулевая ступень индоевропейской основы [*ĝ$^{[h]}$ṛd-] представлена в лат. *hordeum* 'ячмень' (диал. *fordeum* из *d$^{[h]}$ṛd-, по дентальной ассимиляции)[1].

Германская форма — др.-в.-нем. *gersta* (нем. *Gerste*) 'ячмень' выводима из той же праформы в полной ступени огласовки [*ĝ$^{[h]}$erd-] с последующим преобразованием *-rd- → -*rst*-, возможно, под влиянием дентального суффикса.

Строго говоря, это слово для 'ячменя' в индоевропейских диалектах обнаруживает две вариативные формы : *ĝ$^{[h]}$ṛd$^{[h]}$- и *ĝ$^{[h]}$(e)rd$^{[h]}$-, формально трудно сводимые друг к другу (ср. *Meйe 1938 : 398*). Это может указывать на независимые преобразования исходных форм в каждой из диалектных групп.

Эти диалектные слова для 'ячменя', возникшие, очевидно, позднее общеиндоевропейского названия 'ячменя' *ieuo- и обозначавшие первоначально, вероятно, какую-то его разновидность, вытесняют более древнее название в ряде диалектов, что приводит к утере или изменению первоначального значения слова *ieuo- (ср. греч. κρῖ, κριθή 'ячмень' при ζειά 'полба', а также и другие диалектные новообразования в значении 'ячменя', 'ячменной крупы': ср. гом. ἄλφιτον[2]).

2.2. АРЕАЛ ДРЕВНЕЙШЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ЯЧМЕНЯ»

'Ячмень' (*Hordeum* L.) является одним из древнейших культурных злаков. Первичный ареал культивирования 'ячменя' локализуется в Передней Азии и Северной Африке[3], где именно и обнаруживается 'дикий

[1] Эта латинская форма может служить дополнительной иллюстрацией правил распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии II в италийском в последовательности "придыхательный" — "непридыхательный" в отличие от греческого распределения "непридыхательный" — "придыхательный", см. выше, стр. 26.

[2] Сходное слово обнаруживается и в албанском в форме elp 'ячмень'. Предполагается и наличие соответствующего слова в иранском в форме *arba-, откуда др.-тюрк. арра 'ячмень' с многочисленными производными уже в древнетюркском: arpala- 'кормить ячменем', 'задавать ячменя' (лошадям), arpalan- 'получить ячмень' и др. ("*Древнетюркский словарь*", *1969 : 53*), ср. *Vasmer 1921 : 16 и след.*

[3] Характерно обилие терминов для 'ячменя', выражающих, очевидно, различные его виды, в древнеегипетском: *it*, *'nḫ.t*, *šm'j*, *šr.t*, *kȝm.wt.t* (*Erman/Grapow 1955, VI : 64*). Восстанавливается слово для 'ячменя' и в общесемитском : *ŝu'ār-(ai-), Fronzaroli 1969, VI : 296—297.*

ячмень' (*Hordeum spontaneum*), ср. *Вавилов 1959—1965, V : 32—36, рис. 3; 112; Harlan 1976 : 92; Лисицына 1978 : 102 и след.* Следы возделывания 'ячменя' известны во всех ранних земледельческих культурах Передней Азии после неолитической революции (начиная с десятого тысячелетия до н. э.) : в Иерихоне и Бейде, Палестине десятого — восьмого тысячелетий до н. э. (двурядный ячмень в шелухе), в древнем Западном Иране, в Чатал-Хююке VI тысячелетия до н. э. (шестирядный ячмень без шелухи), *Helbaek 1964; Семенов 1974 : 22, 31 и след., 44; Renfrew 1969; Haudricourt/Hédin 1943 : 115—125.*

В Европе 'ячмень' обнаруживается лишь в конце неолита и становится преобладающей культурой в Бронзовом веке (четвертое — первое тысячелетия до н. э., *Кларк 1953 : 115*). В микенской Греции 'ячмень' шел в пищу людям и служил зимним кормом для скота (*Блаватская 1966 : 76*).

3. «ПШЕНИЦА»

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ПШЕНИЦЫ»

Такой же древней земледельческой культурой, как 'ячмень', является 'пшеница' (*Triticum* L.) с тремя древнейшими разновидностями: диплоидной (с семью парами хромосом) с очагом доместикации в юго-восточной Турции, и двумя тетраплоидными (с четырнадцатью парами хромосом), из которых одна разновидность локализуется в Палестине и/или юго-восточной Турции, а другая (*Triticum timopheevi*) — на территории Грузии (*Harlan 1976 : 91; Лисицына 1978 : 99 и след.*). Ареал одомашнивания пшеницы частично совпадает с древней областью распространения ячменя.

Общеиндоевропейская основа в первоначальном значении 'пшеница' может быть восстановлена в форме ***p[h]ūr-***:

Греч. πῦρός 'пшеничное зерно', 'пшеница', гом. πυροί 'пшеница'[1], πύργον 'хлеб', ср. др.-инд. *pūra-* 'пирог'[2], лит. *pūrai̯, мн. ч.* 'озимая пшеница', латыш. *pūri* 'озимая пшеница', прус. *pure* 'плевел'; рус. ц.-слав. *пыро* 'полба', 'просо', сербо-хорв. *пȉр* 'полба', словен. *pir* 'полба', рус. *пырей*; др.-англ. *fyrs* 'пырей';

В германском, прусском и частично в славянском наблюдается сдвиг значения в сторону выражения словом 'сорных растений', растущих вместе с пшеницей, при замене названия 'пшеницы' новообразованиями.

В германских языках возникает новое слово, связанное с 'белым цветом' пшеницы : гот. *hvaiteis*, др.-англ. *hwæte* (англ. *wheat*), др.-в.-нем. *weizzi* (нем. *Weizen*), др.-исл. *hveiti*; в славянском и прусском новое слово для 'пшеницы' образуется в качестве производного от глагола со значением

[1] У *Гомера πυροί* 'пшеница' перечисляется совместно с *ζειαί* 'полба' и *κρῖ λευκόν* 'белым ячменем' как 'злаки широких полей' (*πιόλοιο εὐρέος, ед. ч.*), δ 603—604. В другом месте "Одиссеи" 'пшеница' *πυροί* выступает рядом с *κριδαί* 'ячменем' и 'виноградной лозой': *ἄμπελοι*, ι 110.

[2] В древнеиндийском слово сохраняется лишь в переносном значении 'испеченного из пшеничной муки', ср. греч. *πύργον*, при утере первичного значения 'пшеница'.

'толочь', 'тереть': ст.-слав. *pšenica*, рус. *пшеница* при прус. *sompisinis* 'хлеб из муки грубого помола', др.-инд. *piṣṭám* 'мука', *piṣṭá-* 'толченый'; ср. также лат. *triticum* 'пшеница' при *terō* 'толку', 'мелю'.

3.2. АРЕАЛ ДРЕВНЕЙШЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ПШЕНИЦЫ». СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «ПШЕНИЦЫ» С ЕВРАЗИЙСКИМИ

Древнейшими очагами одомашнивания 'пшеницы' признаются области Передней Азии, где найдены дикие виды пшеницы. Особым разнообразием видов пшеницы выделяется Закавказье, где издревле сходилось большое число средиземноморских и западноазиатских видов и форм (*Вавилов 1959—1965, III : 371—372, V : 20—32*).

Именно из этого древнего переднеазиатского ареала происходит распространение 'пшеницы' и проникновение ее в Европу (в частности на Балканы из Малой Азии, *Титов 1966 : 26, 27, 36*; *Renfrew 1969 : 152*; *Zohary 1969 : 59*), где следы некоторых ее видов обнаруживаются уже в неолите (*Кларк 1953 : 115*). Вместе с культурой распространяются обозначающие ее слова. Этим и следует объяснить наличие созвучных с индоевропейским **p*[*h*]*ūr-* 'пшеница' слов в целом ряде неиндоевропейских языков Центральной Азии, в частности в тюркских языках и в монгольском: др.-тюрк. *buγdaj* 'пшеница', узб. *bugdoj*, чув. *pări* 'полба', ст.-монг. *buγdaį*, монг. *buudai* 'пшеница'.

Слово тем самым может быть квалифицировано как миграционный термин, охватывающий широкий круг языков Передней и Центральной Азии.

4. «ПРОСО», «РОЖЬ», «ОВЕС»

4.1. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ПРОСА», «РЖИ», «ОВСА»

В качестве диалектных названий злаков, ограничивающихся узкими диалектными общностями, следует рассматривать термины для 'проса', 'ржи' и 'овса'. Эти слова нужно считать новообразованиями, возникшими в сравнительно позднее время после обособления отдельных диалектных групп.

Слово для 'проса' при всей его диалектной ограниченности обнаруживает архаическую форму и связь с первичной индоевропейской основой **mel-* 'тереть', 'размалывать': греч. μελίνη (слово отсутствует у *Гомера*), лат. *milium*, лит. *málnos*, *мн. ч.* 'зерна проса'.

Любопытно отметить, что просо (*Panicum miliaceum* L.) как культурный злак проникает в Европу уже в неолите через Центральную Азию, Северное Причерноморье и Балканы (*Семенов 1974 : 23*; ср. *Вавилов 1959—1965, V : 40—42*).

Слово для 'ржи' **urug*[*h*]*i̯o-* обнаруживается только в "древнеевропейских" диалектах: др.-исл. *rugr*, др.-англ. *ryge* (англ. *rye*), др.-в.-нем. *rokko* (нем. *Roggen*); лит. *rugỹs*, латыш. *rudzis*, др.-рус. *ръжь*, рус. *рожь*.

4.2. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ «РЖИ» И «ОВСА»

Как культурный вид злака 'рожь' (*Secale cereale* L.) появляется значительно позднее 'ячменя' и 'пшеницы', в Европе не ранее эпохи бронзы (IV—I тысячелетия до н. э.) и к концу этой эпохи заменяет 'пшеницу' в более северных районах Европы (*Семенов 1974 : 23*). К этому времени можно отнести и образование слова для 'ржи' в "древнеевропейских" диалектах.

Исторически культурные виды 'ржи' возникли из сорных растений, растущих вместе с пшеницей. След такого происхождения 'ржи' сохраняется в названии этой культуры в целом ряде азиатских языков как 'растение, терзающее ячмень или пшеницу' (*Вавилов 1959—1965, V : 61*).

Другим видом культурных злаков, возникших из сорных растений и растущих вместе с пшеницей, является 'овес', название которого также ограничено "древнеевропейскими" диалектами: лат. *aūēna*, лит. *avižà*, латыш. *àuza*, прус. *wyse*, др.-рус. *овьсъ*, рус. *овес*.

'Овес' (*Avena* L.) считается преимущественно европейским злаком, в культивированной форме найденным только в поселениях железного века (около середины первого тысячелетия до н. э.), *Семенов 1974 : 23*. К тому же времени можно приурочить примерно соответствующее название 'овса' в "древнеевропейских" диалектах.

5. «ЛЕН», «КОНОПЛЯ»

5.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЛЬНА»

Индоевропейское слово для 'льна' **lĭno-* представлено этимологически достоверными формами в греческом, балто-славянском и латинском:

Греч. λίνον 'лен', 'нить', 'полотно' (у *Гомера*); лит. *linaĩ*, *мн. ч.* 'лен', латыш. *lini*, *мн. ч.*, прус. *lynno* 'лен'; ст.-слав. *лѷнѣнъ* 'льняной', рус. *лен*, польск. *len*; лат. *līnum* 'лен'. Заимствованием из латинского считаются алб. гег. *lîni*, тоск. *liri* 'лен'; гот. *lein* 'холст', др.-в.-нем., др.-англ. *lin* 'лен', а также др.-ирл. *lín* 'сеть', валл. *llin* 'лен'; отличную огласовку, однако, показывает валл. *lliain* 'полотно' (*Pokorny 1959 : 691*).

Нет, однако, формальных оснований считать кельтские и германские формы (с долгим *ī*) заимствованными из латинского при допущении исконного характера балто-славянских форм (с кратким *ĭ*). Допущение заимствования этих форм из латинского мотивируется скорее соображениями культурно-исторического характера, чем формально-лингвистическими данными.

5.2. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ЛЬНА»; ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «ЛЬНА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Культура 'льна' (*Linum usitatissimum* L.) с глубокой древности известна в Египте, где 'лен' выращивали уже в неолите Фаюма и Бадари. Льняные ткани в Египте известны уже с первых династий. 'Лен', считавшийся

специфически средиземноморской культурой, обнаруживает уже в древности гораздо более широкий ареал распространения от Малой Азии до Индии. Не исключено, что культурные формы 'льна' и в Египет пришли из Западной Азии. Характерно, что уже достаточно рано египетские виды 'льна' стали отличаться от западноазиатских (*Вавилов 1959—1965, V : 42—54*; *Семенов 1974 : 29*).

Способы приготовления волокон 'льна' для пряжи в древней Европе совпадают со значительно более ранними египетскими, в чем видят свидетельство распространения культуры 'льна' в Европе с Ближнего Востока (*Кларк 1953 : 235 и след.*)[1].

'Лен' уже с древнейших времен играет существенную роль в качестве материала для приготовления тканей. В древних культурах 'лен' используется в хозяйстве параллельно с 'шерстью', позднее в культурах с менее развитым овцеводством даже вытесняя 'шерсть'. 'Шерсть' заменяется 'льном', на который переносятся соответствующая техника изготовления тканей и мифологические представления, связывавшиеся ранее с 'шерстью'[2].

Судя по диалектному распределению слова для 'льна' (греческий, балто-славянский, латинский, а, возможно, также кельтский и албанский), форму **lĭno-* следует считать древним индоевропейским образованием, отразившимся в большинстве индоевропейских диалектов в значении 'лен', 'полотно', 'льняная нить'.

5.3. ЗАМЕНА НАЗВАНИЯ «ЛЬНА». МИГРАЦИОННЫЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «КОНОПЛИ»

Такое допущение предполагает утерю этого слова в ряде других древних индоевропейских диалектов, и в частности в индо-иранском, где произошла замена исконного слова новообразованиями в значении 'льна' или близкого к нему растения. Таким новообразованием в иранском служит, очевидно, слово для 'конопли' (*Cannabis sativa* L.), волокна которой, так же как и волокна 'льна', широко применялись в определенных ареалах Центральной и Восточной Азии для изготовления тканей.

Дикая 'конопля' известна в большом количестве на Северном Кавказе, Закавказье, в Средней Азии, на Алтае и в Западной Сибири. Ее культивацию связывают с кочевыми культурами (*Вавилов 1959—1965, V : 81—90*). Согласно Геродоту, до V в. до н. э. 'конопля' (κάνναβις) не была известна в античной культуре; греки с ней познакомились через скифов.

Термин для 'конопли' возникает как диалектное слово (возможно, миг-

[1] Любопытно, что рассматриваемое индоевропейское слово для 'льна' **lĭno-* не обнаруживает сходства ни с одним из многочисленных слов для 'льна' в египетском.

[2] Ср. уже у *Гомера* 'нить жизни' *λίνον*, которую прядут и разрезают женские богини (*Y* 128). Аналогичные представления связаны с 'льном' и в славянской мифологии: восточнославянская богиня *Мокошь* связывается запретами прясть в определенные дни не только 'шерсть', но и 'лен', *Иванов/Топоров 1965 : 20*.

рационного происхождения) в индо-иранском, вытесняя слово ***lĭno-** в значении 'льна', и распространяется по многим языкам Евразии.

Особенно широко представлено слово для 'конопли' в иранских языках: хотано-сакск. *kuṁbā*, *kāṁbā*, согд. *kynp'*, хорезм. *knb*, перс. *kanab*, *kana*, осет. *gæn*//*gænæ* 'конопля', *kættag* 'полотно' (словосложение из **kæn-* 'конопля', 'лен' + *-tag*, *Абаев 1958, I : 513, 590—591*).

В древнеиндийском и авестийском древнее слово для 'конопли' можно видеть в видоизмененной форме (с метатезой) в авест. *banha-* 'наркотик, приготовляемый из конопли', 'гашиш', др.-инд. *bhaṅgā* 'гашиш', 'конопля', ср. *Schrader/Nehring 1917—1923, I : 441*; *1929, II : 645*; *Mayrhofer 1963, II : 461*[1].

Наряду с этой формой в древнеиндийском засвидетельствовано и другое название 'конопли' *śaṇá-*, которое сопоставляется с названиями 'конопли' в иранских языках с начальным велярным; такие дублетные формы на *ś-* и *g-*/*k-* можно объяснить при допущении дублетных исходных форм с палатализованным и непалатализованным начальным велярным. *Satəm*-ную форму этого слова отражает, вероятно, и скифско-осетинское **san-* в значении 'опьяняющего, одурманивающего напитка', 'вина' (при параллельном варианте слова с непалатализованным велярным в осет. *gæn* 'конопля')[2], *ср. Mayrhofer 1976, III : 292*.

Такие же колебания отражены, вероятно, в скифском σανάιπα 'μέθυσοι', 'пьяные'; σάναπτις 'οἰνοπότης'. Σκύθαι 'винопийца' при скиф. κανναβις 'конопля' (ср. *Абаев 1949, I : 170, 180*).

Древнее миграционное слово для 'конопли' обнаруживает наряду с

[1] Практика приготовления наркотика-гашиша из дикой конопли была, очевидно, распространена в более южной части Центральной Азии, где по мере продвижения на юг увеличивается содержание наркотического вещества в растении, *Вавилов 1959—1965, V: 89*; *ср. Семенов 1974: 29*.

В других иранских языках то же слово, происшедшее благодаря метатезе (возможно, табуистического характера) из первоначального названия 'конопли', лежит в основе согд. βγ'ny 'хмельной напиток', хорезм. bakanīn 'пиво', перс. bagnī 'напиток из риса, проса или ячменя', осет. bægæny ‖ bægæni 'пиво'. Исходное значение всех этих слов должно было быть 'наркотик, приготовляемый из конопляного семени', с дальнейшими переносами на различные виды опьяняющих напитков, *Абаев 1958, I : 245*. Иранское слово заимствуется и в древнетюркский: др.-тюрк. bekni 'пиво, брага, алкогольный напиток из пшеницы, проса или ячменя', ср. bekmäs 'виноградный сироп', "*Древнетюркский словарь*", *1969 : 92*.

[2] Связь скифско-осетинского слова для 'вина' **san-* с первоначальным названием 'конопли' (ср. др.-инд. śaṇá- 'конопля') можно объяснить практикой изготовления опьяняющего вещества-наркотика из 'конопли', широко распространенной в Центральной Азии, где были богатые заросли дикой конопли. Перенос значения 'одурманивающее вещество', 'наркотик' → 'вино', 'опьяняющий напиток' легко объясним по воздействию этих возбуждающих средств на человека. В этом отношении весьма характерны значения, выражаемые осетинскими словосложениями с sæn- в первоначальном его смысле: sæntʒurdæj 'в мечтаниях', 'в бреду', sæntʒyrd 'безумно, безрассудно говорящий', sænt-

колебаниями начального велярного также и варианты основы с конечным лабиальным и без лабиального: ср., с одной стороны, народно-лат. **canapis*, **cannapus* (отраженное в рум. *cînepă* 'конопля', итал. *cànapa*), др.-исл. *hampr*, др.-англ. *hænep*, др.-в.-нем. *hanaf* (нем. *Hanf*), рус. *конопля*, польск. *konop*, болг. *конап*, хорезм. *knb*, хотано-сакск. *kāṁbā*, *kuṁbā*, согд. *kynp'*, перс. *kanab*; с другой стороны, др.-в.-нем. *hana*, др.-инд. *śaṇá-*, перс. *kana*, осет. *gæn* 'конопля', *sæn* 'вино'.

Миграционный характер термина для 'конопли', объясняющий несводимость друг к другу приведенных индоевропейских диалектных форм, проявляется и в наличии слова в широком круге языков Евразии: ср. аккад. *kunib(ḫ)u* 'вид гороха'(?), *см. Soden 1965—1981, I: 507*, сван. *kan*, абх. *a-k°nə* 'конопля', груз. *k'anap-* 'конопля', 'веревка', др.-тюрк. *ken-dir* 'конопля', казах., туркм. *kenäp* 'конопля', марийск. *kəńe* 'конопля'.

Форма в разных ее вариантах представляется древним индоевропейским диалектным образованием.

III. РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР. КУСТАРНИКИ, ТРАВЫ

1. «ВЕРЕСК»

1.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ВЕРЕСКА»

Древнее индоевропейское слово для обозначения вечнозеленого кустарника 'вереска' отражается по диалектам в виде производных от корня **u̯er-*. Судя по диалектному распределению слов для 'вереска' (греческий, балто-славянский, кельтский), индоевропейское название может считаться древним образованием, восходящим к хронологическому уровню ранней диалектной общности в пределах индоевропейского языка:

Греч. (*F*)ερείκη 'вид вереска', др.-ирл. *froech*, валл. *grug* 'вереск' (**u̯roi̯-k[h]o-*), лит. *vir̃žės* 'вереск', латыш. *vîržis* 'вереск'; рус. *верес*, *вереск*.

1.2. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ВЕЧНОЗЕЛЕНОГО КУСТАРНИКА», «ВЕРЕСКА»

К семейству вересковых (*Ericaceae*) относится множество разновидностей вечнозеленых кустарников, растущих в различных климатических поясах — от северных арктических районов до субтропиков и горных областей тропиков. Определить, какую (или какие) из этих многочисленных разновидностей могло обозначать древнее индоевропейское слово, не представляется возможным. По наличию этого слова можно судить только о

зогæg 'говорящий безумно', 'безумный', *Миллер/Фрейман 1927—1934, II: 1059*. При миграции восточных иранцев-скифов в западном направлении название наркотика-гашиша **san-* переносится на виноградное вино, которое в местах исторического поселения племен, говоривших на осетинских диалектах, являлся важнейшим опьяняющим напитком (ср. др.-тюрк. bekni 'пиво, брага, алкогольный напиток' и bekmäs 'виноградный сироп' — с переносом значения).

знакомстве носителей древних индоевропейских диалектов с различными видами вечнозеленых цветущих кустарников[1] (*см. Алексеев и др. 1971, 1 : 94—98*).

2. «РОЗА», «ШИПОВНИК»

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «РОЗЫ», «ШИПОВНИКА»

Индоевропейское название для 'розы' предполагается в форме с чередованием ***u̯rot'-, *u̯r̥t'-***. Несмотря на диалектную ограниченность названия (греческо-иранский, латинский), слово по схеме диалектного членения может считаться древним индоевропейским образованием:

Греч. Ϝρόδον 'роза' (ср. у Гомера: Ϝροδο-δάκτυλος 'розо-перстый', Ϝροδόεις 'розовый' о масле); авест. *varəδa-* 'роза', *Bartholomae 1904 : 1369* (ср. арм. *vard* 'роза', груз. *vard-* 'роза'), перс. *gul* (откуда др.-тюрк. *gül* 'цветок', 'роза'); лат. *rosa* < ***u̯rod-ja*** (отсюда заимствования в различные языки Европы: др.-в.-нем. *rōsa*, нем. *Rose*, др.-англ. *rose*, англ. *rose*, чеш. *růže*, польск. *róża* 'роза' и др.).

Индоевропейский характер названия 'розы' согласуется с возможностью соотнесения его с индоевропейской основой ***u̯r(ā)t'-//*u̯r(o)t'-*** в значении 'ветка', 'корень' : греч. ῥάδιξ 'ветвь' (ср. лат. *rādix* 'корень'), ῥάδαμνος, эол. *Ϝρόδαμνος 'побег'; др.-ирл. *frén* 'корень' (***u̯r̥t'-no-***), гот. *waúrts* 'корень', др.-в.-нем. *wurz* 'трава', 'растение', 'корень'; др.-исл. *urt* 'трава'.

Предполагаемое для индоевропейского название розы ***u̯rot'-/*u̯r̥t'-*** могло означать как культурное растение, из цветов которого получали 'масло', так первоначально и дикую 'розу', 'шиповник' — очень широко распространенное в Передней Азии растение типа кустарника (*Rosa pimpinellifolia*; *Rosa foetida*), плодоносящее и на больших высотах — до 3700 м (*ср. Вавилов 1959 —1965, I : 204, 343, 352*; *Берг 1955 : 225, 228, 257*).

3. «МОХ»

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «МХА»

Индоевропейская основа ***m(e)us-*** с производными образует группу слов с кругом значений 'мох', 'болотное растение', 'плесень'[2]:

[1] Поэтому не представляется возможным придавать индоевропейскому слову значение одного вида 'вереска' и по границам распространения этого вида 'вереска' делать заключения о территории распространения общеиндоевропейского языка, см. *Мапп 1968 : 248 и карту на стр. 226*. Характерно, что уже в исторических языках производные от корня *u̯er- передают совершенно различные виды, что было давно замечено в классической филологии при установлении значения греч. поэт. ἐρείκη (название вида вереска с толстым стеблем, существенно отличного от североевропейского вереска Calluna vulgaris).

[2] Различные виды растений, относящихся к 'мхам', распространены в северных и лесных районах Евразии, а также в горных и высокогорных частях более южных областей.

Др.-англ., др.-в.-нем. *mos* 'мох', 'болото' (нем. *Moos*), др.-исл. *mosi* 'мох', 'болото'; др.-в.-нем. *mios*, др.-англ. *mēos* 'мох', др.-исл. *mýrr*; лит. *mūsaĩ*, *мн.ч.* 'плесень'; др.-рус. *мъхъ* 'мох', рус. *мох*, сербо-хорв. *māh* 'плесень';

Лат. *mūscus* 'мох'; др.-инд. *musta-* 'осока', 'болотная трава', арм. *matuŕ* 'мох' (с редупликацией).

Индоевропейская форма засвидетельствована явными примерами в "древнеевропейских" диалектах (включая и латинский). Более широкую диалектную общность для соответствующих слов можно предположить в случае этимологической соотнесенности с этой группой слов др.-инд. *musta-* и арм. *matuŕ*, показывающих несколько отличный тип образования.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОКРУЖАЮЩАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА, КЛИМАТ. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ

1. ОБОЗНАЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ

1.1. РЕКОНСТРУКЦИЯ КАРТИНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Проанализированные индоевропейские названия животных и растений позволяют восстановить в первом приближении картину животного и растительного мира, окружавшего "древних индоевропейцев". Часть этих названий удается реконструировать не для эпохи единства индоевропейских диалектов, а для более поздних диалектных общностей, образовавшихся в результате членения общеиндоевропейского языка. Тем самым полученная картина животного и растительного мира древних индоевропейцев мыслится как известная им совокупность фауны и флоры, меняющаяся в зависимости от переселений носителей отдельных индоевропейских диалектных общностей на территории их позднейшего обитания.

Реконструкция древнейших индоевропейских названий, относящихся к неживой природе, позволяет восстановить фрагменты картины той географической среды, в которой приходилось обитать "древним индоевропейцам" в эпоху существования общеиндоевропейского языка. При этом такая реконструкция дает возможность восстановить некоторые названия, соотносимые с эпохой общеиндоевропейского языка, и новообразования более позднего времени, возникшие в отдельных диалектных общностях после членения исходной языковой системы.

2. ОБОЗНАЧЕНИЯ ЛАНДШАФТА

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ГОРЫ»

Общеиндоевропейское слово для 'горы', 'вершины' восстанавливается как чередующаяся основа ***Hek'°r-** / ***Hk'°e/or-** / ***Hk'°r-** :

Хет. *ḫekur* 'вершина скалы, горы', др.-инд. *ágra-* 'вершина', 'верх', 'верхний край', 'начало' (в "Ригведе" в противоположность *budhná-* 'низший', 'внизу', *mádhya-* 'в середине', 'средний'), авест. *aγra-* 'вершина', 'начало', 'первый', 'верхний', латыш. *agrs* 'ранний': и.-е. ***Hek'°r-***[1];

[1] Обращает на себя внимание фонетическая близость этой индоевропейской основы в разных ее аблаутных проявлениях с шумерским названием 'горы', 'горной страны' kúr.

Греч. θειρός 'холм' (*Гесихий*), θειράς, крит. θηράς 'холм', 'возвышенность', гом. βορέης 'борей', 'северный ветер' (из βόρειος 'montanus', 'горный', *Schwyzer 1939, I : 461*; форма с огласовкой *o); фрак. Ὑπερ-βορέοι 'живущие по эту сторону горы, гиперборейцы'; ст.-слав. *gora* 'гора', *gorě* 'верх', рус. *гора*, сербо-хорв. *gòra* 'гора', 'лес', болг. *гора* 'лес', прус. *garian* 'дерево': и.-е. ***Hk'°e/or-**;

Др.-инд. *giri-* 'гора', авест. *gairi-* 'гора', алб. *gur* 'скала', 'камень', лит. *giria, gìrė* 'лес', латыш. *dziŗa* 'лес': и.-е. ***Hk'°r-i-**.

Характерен семантический сдвиг 'гора'⇒'лес'⇒'дерево', обнаруживаемый в балтийских и некоторых славянских формах. Носители балтийских диалектов, оказавшиеся в условиях негористой местности, переносят первоначальное значение 'гора' на 'лес' и 'дерево', очевидно, через промежуточную ступень 'горный лес'. К аналогичному семантическому сдвигу: 'гора'⇒'лес' ср. типологически др.-тюрк. *taγ* 'гора' при якут. *təə* 'лес', саам. *varr* 'гора', 'лес' при эрзя-мордов. *vir* 'лес', япон. *jama* 'гора', диал. *jama* 'лес' (ср. *Мурзаев 1967*; *Поливанов 1928 : 32*).

Этимологическая связь хет. *ḫekur* 'вершина' с др.-инд. *giri-* 'гора' подкрепляется наличием родственных словосочетаний (возможно, с уже частично разошедшимися значениями), которые отражают словосочетания общеиндоевропейской древности: ср. др.-инд. вед. *párvata- giri-* и хет. *ḫekur Pirua-*.

В "Ригведе" *párvata-* в сочетании с *giri-* употребляется в атрибутивной функции в значении 'мощная (скалистая) гора'—древнее асиндетическое сочетание двух существительных в первоначальном значении 'скала-гора' (ср. *párvata-* 'гора', 'скала'). В хеттском сочетание *ḫekur Pirua-* с этимологически соотносимыми составными элементами должно было первоначально выражать аналогичное значение 'скалистая вершина' (возможно, обожествляемая, см. выше, стр. 615), ср. *Imparati 1977*.

В ведийском *párvata-* 'гора', 'скала' сочетается в аналогичной атрибутивной функции также с другим древнеиндийским названием 'скалы' *ádri-*: *párvata- ádri-* 'мощная скала' (буквально: 'гора-скала'). Сопоставление др.-инд. *ádri-* с кельтским названием 'скалы', 'горы' (ср.-ирл. *ond, onn*) позволяет реконструировать древнюю индоевропейскую праформу ***ont'-/*ṇt'-** в значении 'горы', 'скалы', 'камня' (*ср. Pokorny 1959 : 778*), которая по схеме диалектного членения (индо-арийский, кельтский) должна быть признана общеиндоевропейской.

В тех же периферийных диалектах обнаруживается еще одна индоевропейская основа ***m(e)n-t[h]-** в значении 'горы', 'возвышенности': авест. *mati* 'предгорье', лат. *mōns, род. пад. montis* 'гора' (ср. *mentum* 'выступ', 'подбородок'), др.-брет. *-monid*, валл. *mynydd*, корн. *meneth*, брет. *menez* 'гора'[1].

[1] Ср. одно из египетских слов для 'горы' mn.(tj), сходное с индоевропейским **m(e)n-* (*Erman/Grapow 1955, II : 69*). С тем же индоевропейским корнем **men-* в значении 'возвышаться', 'выделяться' (*Pokorny 1959 : 726*) связана, очевидно, основа **mono-* 'шея': др.-

2.2. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ВЫСОКИХ ГОРАХ» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Существенной особенностью древних индоевропейских представлений о 'горе' и 'скале' является огромная высота 'гор', возвышающихся до небес. С этим и должно быть связано возникновение общеиндоевропейского образа 'каменного неба'. В индоевропейском само слово 'камень' означает также и 'небо', мыслимое как 'каменный свод' : ср. др.-инд. *aśman-* 'скала', 'каменное орудие', 'каменный молот', 'камень Громовержца', 'небо'; ср. авест. *asman-* 'камень', 'небо'.

След аналогичного словоупотребления еще сохраняется в греческом, где ἄκμων, этимологически родственное др.-инд. *aśman-*, авест. *asman-* в значении 'наковальня из камня', относится и к 'небу' (ἄκμων ὁ οὐρανός). Характерно, что у Гомера Зевс подвешивает к ногам Геры, висящей с неба головой вниз, 'две наковальни' (ἄκμονας δύω, O 19), то есть два огромных камня, ср. *Reichelt 1913*.

Родственные слова в значении 'камень' в некоторых других индоевропейских диалектах относятся к 'камням' бога-Громовержца, который с неба бросает их на землю : ср. лит. *Perkūno akmuõ* 'камень Перкунаса', польск. *kamień piorunowy* 'камень Перуна'. Образ самого бога-Громовержца, обитающего на небе на высокой скале в балтийско-славянской мифологии, является отражением именно этих общеиндоевропейских представлений о 'каменном небе' и 'скалах, достигающих небес'.

2.3. СВЯЗЬ «ГОРЫ» С «ТУЧАМИ», «ОБЛАКАМИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

С тем же образом 'высоких гор' связано и древнее индоевропейское представление о 'тучах' и 'облаках' как 'горах' (*Потебня 1914 : 176*) и о 'дожде', посылаемом божеством гор.

Характерно, что в "Ригведе" общеиндоевропейские слова в значении 'гора', 'скала' *párvata-*, *girí-*, *ádri-* означают в то же самое время и 'тучу', 'облако'. В старолатышском ритуале вызывания дождя во время засухи к древнему богу горы Перкуну обращаются с молитвой на холмах в густых рощах (*Иванов/Топоров 1974 : 9*).

Сочетание значений 'горы' и 'облака', 'тучи' в одном слове, объясняемое особенностями конкретного ландшафта ('высокие горы, достигающие облаков'), представляет собой семантическую многозначность того же типа, что и в индоевропейской основе ***neb[h]-*** со значениями 'небо', 'туман', 'облако', 'туча', отражающую некоторую физическую реальность (частое состояние 'неба' с 'облаками' и 'тучами'), ср. др.-инд. *nábhaḥ* 'облако', 'тучи', 'небо', 'воздушное пространство'; латыш. *debess* 'небо', 'туча'.

инд. mā́nyā 'шея' (ср. митан. арийск. mani-nni- 'ожерелье'), авест. manaoδrī- 'шея', лат. monīle 'ожерелье', др.-ирл. muinél 'шея', for-mnae 'плечо' (буквально: 'пред-шея'). К типологии сходных переносов значений ср. груз. ked-i 'шея', 'горный хребет'. О названии элементов ландшафта по названиям частей тела см. подробнее ниже.

Такая первоначальная многозначность индоевропейской основы **neb[h]-* преобразуется в большинстве исторических диалектов в сторону сохранения одного из двух значений. В одних диалектах основа **neb[h]-* отражается в значении 'небо' при появлении специальных слов для обозначения 'облака', 'тучи', в других диалектах это же слово сохраняется в значении 'облака', 'тучи' при создании специальных слов, обозначающих 'небо'[1].

Ср. хет. *nepiš* 'небо' (при *alpa-* 'туча'); авест. *nabah-* 'небо', 'воздушное пространство' (при *awra-* 'облако', 'дождь'); ст.-слав. *nebo*, *род. п. nebese* 'небо', рус. *небо*;

Греч. νέφος 'туча', 'туман', 'мгла', νεφέλη 'туча', 'туман' (при οὐρανός 'небо'), лат. *nebula* 'туман', 'туча', 'облако' (при *caelum* 'небо'), др.-ирл. *nél* 'туча', 'туман', др.-в.-нем. *nebul* (нем. *Nebel*) 'туман', др.-англ. *nifol* 'туман', 'мгла' (при др.-в.-нем. *himil*, нем. *Himmel* 'небо', др.-англ. *heofon*, англ. *heaven* 'небо'), лит. *debesìs* 'туча' (при *dangùs* 'небо').

Таким образом, семантическая многозначность слов с кругом значений 'гора', 'облако', 'туча' (параллельная семантической многозначности 'небо', 'облако', 'туча') отражает реальную картину ландшафта древних индоевропейцев: у вершин 'высоких гор' собираются 'тучи', чем и можно объяснить семантическую связь этих значений, прослеживаемую в древних индоевропейских традициях.

2.4. ОБОЗНАЧЕНИЕ «ГОРЫ» КАК «ВЫСОКОЙ»

Слова в значении 'гора' в древних индоевропейских диалектах часто сочетаются с атрибутивными производными от основы **b[h](e)rĝ[h]-* в значении 'высокий', образуя с ними единую лексическую синтагму.

Такое словоупотребление хорошо еще сохраняется в анатолийских языках: ср. хет. *parku-* 'высокий' в *parga(m)uš* ḪUR.SAG^{MEŠ}*-uš*, *вин. пад. мн. ч.* 'высокие горы', KUB XXXIII 9 Vs. II 7, лув. *parrai-* 'высокий' в сочетании *parraḭanza* ḪUR.SAG^{MEŠ} 'высокие горы', KUB XXXV 45 II 5 (ср. *Laroche 1963*).

В "Ригведе" такое же словосочетание образует производное от той же индоевропейской основы *bṛh-ánt-* в значении 'высокий' с обозначением 'горы' *párvata-*: ср. *bṛhatás párvatāt*, *отложж. пад. ед. ч.* 'от высокой горы', *bṛhatás párvatān*, *вин. п. мн. ч.* 'высокие горы' и др.[2]; ср. арм. *lerna-berj* 'высокий как гора' (при *erkna-berj* 'высокий как небо').

[1] Поэтому не представляется возможным реконструировать для основы **neb[h]-* первичное значение 'небо' со сдвигом в сторону 'облако', на чем основывается предположение о "переселении индоевропейцев из области континентального климата в область умеренного климата" (в зависимости от появления туч на небе, ср. *Brandenstein 1952 : 24 и след.*). Такое заключение неприемлемо уже на том основании, что формы, восходящие к основе **neb[h]-*, выражают значения 'небо' и 'облако', 'туча' порознь в близкородственных диалектах, распространенных примерно в одинаковых климатических условиях.

[2] Любопытно, что bṛhánt- в значении 'высокий' употребляется в словосочетаниях только с названиями 'горы' и 'неба' (многократно в "Ригведе", ср. bṛhántam dyám, *вин. пад. ед. ч.* 'высокое небо' и др.).

Такое архаическое употребление основы ***b**$^{[h]}$**er**$\hat{g}^{[h]}$- в атрибутивном значении 'высокий'[1] в сочетании с названиями 'горы' приводит в ряде случаев к субстантивации производных от этой основы и к выражению ими значения собственно 'горы': 'высокая гора'⇒'высокая', 'высота'⇒'гора':

Авест. *bərəzant-* 'высокий' (перс. *buland*), *bərəz-* 'высокий', 'высота', 'гора' (перс. *burz* 'гора'), *barəzah-* 'высота', *barəšnu-* 'высота', 'возвышенность', 'небо', осет. *bærzond* 'высокий', 'высота', 'гора'; арм. *-berj* 'высота'; ср. *barjr* 'высокий';

Галл. *Brigantes*, Βρίγαντες этноним 'бриганты' (буквально: 'горцы'), др.-ирл. *brí* 'гора', *Brigit* (женское божество); *ср. Vendryès 1948 : 271*; *de Vries 1961 : 80*;

Гот. *bairgahei* 'горная местность', др.-исл. *bjarg*, др.-в.-нем. *berg* 'гора' (нем. *Berg*), др.-англ. *beorh*, *beorg* 'гора'; в германском эти новые названия 'горы' заменяют исчезнувшие первичные названия 'горы'.

2.5. ОБОЗНАЧЕНИЯ «ГОРЫ», «ВОЗВЫШЕННОСТИ»

В индоевропейском можно постулировать еще одно слово в значении 'горы', 'возвышенности', образованное от корня ***k**$^{[h]}$**el-**:

Хет. *kalmara-* 'гора'[2] (**k$^{[h]}$l̥-mor-o-*), лат. *culmen*, *columen* 'вершина', 'верхушка', *columna* 'колонна' (**k$^{[h]}$l̥-men-*), *collis* 'холм' (**k$^{[h]}$l̥-ni-* или **k$^{[h]}$ol-ni-*); ср.-ирл. *coll* 'глава' (**k$^{[h]}$ol-n-*), ср. ст.-слав. *čelo* 'чело, лоб'; др.-англ. *hyll*, англ. *hill* 'холм' (**k$^{[h]}$l̥-ni-*), др.-исл. *holmr* 'островок' (**k$^{[h]}$ol-m-*); лит. *kálnas* 'гора', латыш. *kalns* 'гора'; греч. гом. κολώνη 'пригорок', 'холм', κολοφών 'вершина'.

Наличие в хеттском формы *kalmara-*, этимологически соотносимой с рассмотренной группой слов "древнеевропейских" диалектов, а также греческого, удостоверяет общеиндоевропейский характер производных от корня ***k**$^{[h]}$**el-** в значении 'горы', 'возвышенности'.

2.6. РАЗВЕТВЛЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ «ГОРЫ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Таким образом, в общеиндоевропейской лексике выделяется особая группа слов в значении 'гора', 'скала', 'возвышенность'. Это, в первую очередь, основа ***p**$^{[h]}$**er**(**k**$^{[h]o}$)**u-** 'гора', 'горный дубовый лес', 'скала', см. выше, стр. 613 и след., выступающая в сочетаниях с другими названиями 'горы', 'скалы' в атрибутивной функции со значением 'высокий', 'мощ-

[1] Первоначальное грамматическое значение индоевропейской основы **b$^{[h]}$er$\hat{g}^{[h]}$-* можно определить как глагольное: 'подниматься', 'вставать', 'быть высоким', что отражается в некоторых архаичных производных типа вед. bṛh-, тох. A, B pärk- 'подниматься', 'вставать' (о солнце), хет. parkeš- 'подниматься' и др. (ср. выше, стр. 296 и след., об архаичном типе глагольных образований, выражающих атрибутивный признак или состояние). Соответственно общеиндоевропейская основа на **-nt$^{[h]}$-* от того же корня (др.-инд. bṛhánt- 'высокий', авест. bərəzant- и др.) представляется как древнее причастное образование, ср. тох. A -pärkānt 'встающий' (о солнце).

[2] Значение 'гора' предполагается на основании отождествления хет. kalmara- с шумерограммой ḪUR.SAG-r(i), аккад. ḫuršānu 'горы' (*Friedrich 1952 : 96*; *Meriggi 1953*).

ный' (ср.в аналогичной атрибутивной функции в значении 'большой', 'высокий' основу ***b**$^{[h]}$**erĝ**$^{[h]}$-, фонетически с ней соотносимую); далее — это основа ***Hk**'°**(e/o)r-**, дающая рефлексы по всем основным древним индоевропейским диалектам, и производные от ***k**$^{[h]}$**el-**, сохранившиеся в "древнеевропейских" диалектах, анатолийском и греческом; а также формы ***(o)nt**'- и ***mĝt**$^{[h]}$-, сохранившиеся в крайних периферийных индоевропейских диалектах.

При этом 'гора' мыслится как 'достигающая неба каменная громада', вершина которой скрывается в 'тучах'. Естественно допустить, что такая разветвленная горная лексика и связанные с ней представления могли возникнуть лишь в условиях обитания в горных областях.

3. ОБОЗНАЧЕНИЯ «ВОДНЫХ БАССЕЙНОВ»

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «РЕКИ», «ПОТОКА»

Первичное индоевропейское слово для 'реки' как 'потока' восстанавливается в форме ***Hap**$^{[h]}$-, отраженной в основных древних индоевропейских диалектах:

Хет. *ḫapa-* 'река', 'поток' (шумерограмма ID 'река'); пал. *ḫapnaš* 'река' (*Watkins 1973a*); др.-инд. *ắp-* 'река', *ắpaḥ* 'воды', авест. *āfš* 'поток', лат. *amnis* 'поток', др.-ирл. *ab* 'поток' (см. выше, стр. 72$_1$ об этой группе слов и их фонетической соотнесенности); прус. *ape* 'ручей', 'речушка', лит. *ùpė*, латыш. *upe* 'река'.

3.2. ОБОЗНАЧЕНИЕ «РЕКИ» КАК «БЫСТРОТЕКУЩЕЙ»

Индоевропейское слово ***Hap**$^{[h]}$-, относившееся к активному классу имен, обозначало, очевидно, 'быстротекущую реку', 'поток'. На это может указывать реконструируемое индоевропейское словосочетание ***Hap**$^{[h]}$**-os *t**$^{[h]}$**ek**$^{[h]}$**°**. (ср. авест. *āpō tačinti* 'воды текут', *tači-āp-* 'текущая вода', пал. *ḫapnaš ni tekanza* 'река не текущая', *Watkins 1972* : *112*; латыш. *strauja upe tęk* 'быстрая река течет', ср. *upes tęka* 'русло реки'). В этом словосочетании индоевропейский глагол ***t**$^{[h]}$**ek**$^{[h]}$**°**- обозначал первоначально 'быстрое течение', 'стремительный поток', что можно видеть в семантике таких рефлексов этой формы в исторических языках, как др.-инд. вед. *tákti* 'спешит', 'стремится' (о реках, птицах, конях и диких зверях), авест. *tačaiti* 'бежит', 'стремится', осет. *tæxyn* 'лететь'; др.-ирл. *techid* 'убегает', лит. *tekù* 'бегу', 'теку', латыш. *teku* 'бегу', 'теку', ст.-слав. *tekǫ* 'бегу', др.-рус. *теча* 'скороход'; ср. тох. В *cake* 'река'.

Восстанавливаемый для индоевропейского образ 'быстротекущей реки' ***Hap**$^{[h]}$- предполагает знакомство древних индоевропейцев со стремительно несущимися горными потоками[1].

[1] В этой связи интересно сравнение в "Ригведе" горных рек с лошадьми, вырывающимися на волю : Prá párvatānām uśatī́ upásthād áśve iva vi̯ṣite hásamāne "с гор вырыва-

Быстрое течение 'реки' могло передаваться также глагольной формой ***d[h]en-** и ее производными, ставшими позднее в отдельных языках субстантивированным обозначением 'реки', 'источника':

Др.-инд. *dhánvati* 'быстро, стремительно двигается' (в "Ригведе" и о 'потоках': *adbhís* 'потоками', *твор. п. мн. ч.*), др.-перс. *danuvatiy* 'течет'; тох. А *tsän-* 'течь';

Субстантивированные формы от этого корня в значении 'река', 'источник' представлены в лат. *fōns, род. пад. fontis* 'источник', в авест. *dānu-* 'река', осет. *don* 'река', 'вода', а также в многочисленных названиях рек иранского происхождения: Τάναΐς 'Дон' (у Геродота и Страбона), Δάναπρις 'Днепр', др.-рус. *Дънѣпръ*, Δάναστρις 'Днестр' (Аммиан Марцеллин), др.-рус. *Дънѣстръ*, Δανούβιος 'Дунай' (Аристотель, Птолемей, Страбон), см. *Абаев 1949, I : 162; 1958, I : 366—367*; ср. *Трубачев 1968 : 214.*

3.3. ОБЩИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ВОДЫ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Названию 'реки', 'потока' ***Hap[h]-** противостоит в индоевропейском общее название 'воды' ***u̯et'-/*ut'-** (ср. хет. *u̯iti, мест. п.* 'в воде', *u̯itaz, отложн. пад.* 'из воды'; др.-инд. *udá, мн. ч.* 'воды', 'волны', греч. ὕδει, *дат. пад.* 'воде', алб. *újë* 'вода'), от которого образуется древняя инактивная форма на *-r/n-t[h]*: хет. *u̯atar, род. п. u̯etenaš*, греч. ὕδωρ, *род. п.* ὕδατος и др. (см. выше, стр. 273 и след.).

Наряду с этой последней формой в значении 'вода' выступает другой индоевропейский корень ***ek[h]°-** с производными в глагольном значении 'пить (воду)' и в субстантивированном значении 'вода':

Ср., с одной стороны, хет. *u̯atar eku-* 'пить воду', тох. А *wär ɣoktsi* 'пить воду', с другой, лат. *aqua* 'вода'.

В некоторых индоевропейских диалектах, в частности в германском, это субстантивированное значение 'вода' переносится на обозначение 'реки', 'потока'. В таких диалектах, как правило, отсутствует первичное индоевропейское название реки ***Hap[h]-**, заменяемое на ***(e)k[h]°-**: гот. *ahva* 'река', др.-исл. *ǫ́*, др.-англ. *ēa*, др.-в.-нем. *aha* 'река', ср. др.-исл. *ægir* 'бог моря'.

3.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «МОРЯ», «ОЗЕРА»

Индоевропейское название 'моря' представлено различными основами в разных диалектных общностях. Это прежде всего хет. *aruna- общ. р.* 'море' (шумерограмма A.AB.BA), пал. *aruna-* 'море', которые могут быть сопоставлены с др.-инд. *árṇa-, ср. р., arṇavá-, м. р.*, 'море', 'бушующие волны' (ср. *Mayrhofer 1956, I : 51*)[1].

ющиеся как выпущенные на волю кобылицы" (III 33, 1). Такое сравнение 'быстротекущей реки', 'потока' с 'лошадью' весьма характерно для индоевропейской гидронимики (ср. *Порциг 1964 : 303—304*), ср., например, лит. Ašvà, Ašvijà; древнебалканск. *Ουτασπιος* и др.

[1] Др.-инд. arṇavá-, *м. р.*, выступает и в атрибутивной функции в сочетании со словом **sam-udrá-** в том же значении 'море' (буквально : 'совокупность вод'): arṇavá- samudrá-

В случае соотнесенности анатолийского *aruna-* и др.-инд. *arṇavá-* 'море', связанных этимологически с индоевропейским корнем ***or-*** в значении 'вставать', 'вздыматься', это индоевропейское слово для 'моря' следует рассматривать как описательное образование от первичного глагола. Производное с такой семантикой могло, естественно, обозначать не только 'море' в строгом смысле слова, но и любые большие водоемы, на поверхности которых могло происходить волнение, в частности большие озера. Характерно, что хет. *aruna-* наряду с 'морем' обозначает также и 'большое озеро' (например, в Анналах Мурсили I, *Goetze 1933*).

Такая семантическая связь названия 'моря' с названием 'озера' или других водоемов наблюдается часто и в случае других слов для 'моря' в разных индоевропейских диалектах. При этом в исторических индоевропейских диалектах наблюдается процесс обновления терминов, обозначающих 'море', и появление новообразований в значении 'моря', основанных на более древних словах, обозначавших значительно более мелкие водоемы со стоячей водой — 'озера', 'пруды', 'болота' и другие. Это видно при сопоставлении слов со значением 'море' в одних диалектах при значениях 'озеро', 'болото', 'пруд', 'вода' — в других:

Греч. θάλασσα 'море' при др.-инд. *taṭākam*[1] 'пруд' (*Lévy 1972*);

Лит. *jū́ra* 'море'; латыш. *jūŗa*, 'море' (ср. *Jūrmala* 'Рижское взморье', буквально: 'берег моря'), прус. *iūrin* 'море', др.-англ. *ēar* 'море' при др.-инд. *vár-*, *vā́ri* 'вода', авест. *vār-* 'дождь', *vairi-* 'озеро', арм. *gayṙ* 'болото', тох. А *wär*, В *war* 'вода'.

3.5. ОБОЗНАЧЕНИЕ «МОРЯ», «ОЗЕРА», «БОЛОТА» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Особую группу слов составляет основа ***mor-**//**mar-*** в значении 'море' в целом ряде "древнеевропейских" диалектов (при значении 'озеро', 'за-

'бушующее море'. В сочетании с прилагательным mahán слово arṇavá- означает 'Демон (Дух) моря' — Mahán Arṇavá-, ср. хеттское словосочетание (Sallíš) Arunaš 'Великий Океан' в перечислении богов. Можно допустить, что древнеиндийская форма arṇavá- представляет грамматически скорее субстантив, употребляемый также в атрибутивной функции в асиндетических словосочетаниях с другим существительным типа arṇavá-samudrá- 'бушующее море', ср. синтаксически аналогичное сочетание párvata- giri- 'мощная гора' (см. выше, стр. 666). Это придает бóльшую убедительность сопоставлению др.-инд. arṇavá- 'море' с хеттским существительным aruna- 'море'. Не исключено, что оба этих слова (как древнеиндийское, так и анатолийское) являются в конечном счете производными от корня **er-/*or-/*ṛ-* в значении 'вздыматься', 'подниматься', 'приходить в движение', ср. *Pokorny 1959 : 327* (ср. хет. ar- 'вставать', др.-инд. *ṛṇóti* 'вздымается', 'двигается', *íyarti* 'приводит в движение', в частности о море — *samudrám*, ср. вед. samudrā́d ūrmím úd íyarti "из моря волну поднял", "Ригведа", X 123, 2); греч. ὄρνυμι 'поднимаюсь', 'вздымаюсь', лат. orior 'поднимаюсь', 'всхожу'. Не исключено, что анатолийское aruna- 'море' является отглагольным именем на суффикс *-uan-/-un-* от той же индоевропейской основы **or-*: **or-un-o-*.

[1] О соотношении церебральных в индийском с **l* других индоевропейских диалектов см. *Thumb/Hauschild 1958, I, 1 : 104, 241—242*.

лив', 'болото' — в других), что может рассматриваться как лексическая изоглосса для этой диалектной общности, ср.:

Лат. *mare, род. п. maris* 'море', др.-ирл. *muir* 'море', валл., корн., брет. *mor* 'море'; гот. *marei* 'море', др.-в.-нем. *mari, meri* (нем. *Meer*) 'море', ст.-слав. *morje* 'море'; при хет. *marmar(r)a-*, GIŠ*mammarra-* 'болото', 'заросший растительностью водоем', осет. *mal* 'глубокая стоячая вода', 'омут' (*Абаев 1965 : 5—7*; *1958—1973, II : 69*), арм. *mawr* 'болото' (ср. *Poetto 1973 : 177—178*). Промежуточные случаи—значение 'море' наряду со значением 'озеро', 'болото', отражающие переходный этап в семантическом сдвиге: 'болото', 'стоячая вода', 'озеро'⇒'море'—засвидетельствованы в одной части тех же "древнеевропейских" диалектов (за исключением итало-кельтского): гот. *mari-saiws* 'озеро' (буквально: 'озеро-море'), др.-исл. *marr* 'море', 'озеро', др.-англ. *mere* 'море', 'озеро', 'пруд'; образования на суффикс *-ŝk[h]-: др.-англ. *męrisc* 'болото', ср.-н.-нем. *marsch* (нем. *Marsch*) 'болото'; лит. *mãrė* 'море', *mãrios* '(Куршский) залив', 'море', рус. диал. *море* 'озеро', словен. *morskė oko* 'небольшое горное озеро' (*Исаченко 1957*; *ср. Nehring 1959*).

3.6. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «МОРЯ»

Новообразования со значением 'море' в ряде диалектов связаны с более ранним значением 'переходить вброд'. Такой семантический сдвиг, как и рассмотренный выше сдвиг 'болото', 'стоячая вода'⇒'море' представляется возможным по отношению к большим водоемам или рекам с неглубокой водой у берега, изрезанного небольшими мелкими заливами — фиордами, которые можно было переходить вброд: ср. др.-англ. *wæd* 'море', 'вода', при *wadan* 'переходить вброд', др.-в.-нем. *watan* 'переходить вброд', лат. *uadum* 'брод' и др. (*Порциг 1964 : 173*); осет. *fūrd/ford* 'большая река', 'море' (ср. скиф. Πόρατα 'река Прут', *Геродот*; *ср. Абаев 1949, I: 177*) при авест. *pərətu-* 'переход', 'брод', 'мост', лат. *portus* 'гавань', ср. *angiportus* 'узкий проход', галл. *ritu-* 'брод', др.-в.-нем. *furt* 'брод' (нем. *Furt*), др.-англ. *ford* (англ. *ford*), др.-исл. *fjǫrðr* 'фиорд', 'небольшая морская бухта'.

Такие связанные с названием 'моря' лексические новообразования, происшедшие от древних индоевропейских слов в значении 'болото', 'стоячая вода', 'пруд' и др., могут объясняться изменением среды обитания носителей этих диалектов, утерявших древнее индоевропейское название 'моря' в значении 'бушующей, волнующейся водной стихии' и назвавших вновь встретившиеся на их путях 'моря' по другому семантическому признаку.

В некоторых диалектах 'море' называется по гладкой водяной его поверхности: ср. греч. πέλαγος 'море' (образование от корня *p[h]el- 'гладкий', 'ровный', греч. πλάξ 'плоскость', *Pokorny 1959 : 831—832*), ср. лат. *aequor* 'гладь', 'ровная поверхность моря'.

3.7. ОБОЗНАЧЕНИЕ «МОРЯ» КАК «СОЛЕНОГО»

Наряду с индоевропейским названием 'моря' или 'большого озера' как 'бушующей водной стихии' обнаруживается и другое общеиндоевропейское название 'моря' или 'большого озера' по признаку 'солености' воды, противостоящее всем названиям пресных водоемов (в том числе и большого озера) и рек[1]. Это последнее название 'моря' или 'большого соленого озера' имеет общий корень с индоевропейским названием 'соли' *sal- (общий род названия 'моря' при среднем роде названия 'соли'):

Др.-инд. *sal-ilá-* 'море' (этимологически: 'соленый', *Thieme 1953 : 20, 27 и след.*); греч. мик. a_2-*ro* (PY Ta 642) = **halos* 'море', *Camera 1981*, гом. ἅλς *ж. р., род. пад.* ἁλός 'море', 'морская вода' (*ср.* ἅλς, *м. р.* 'соль'), ἅλιος 'морской', εἰν-άλιος 'морской', ἁλιεύς 'моряк', 'рыбак', ἅλμη 'морская вода', 'соленость';

Лат. *sāl, м. р., род. пад. sălis* 'море', 'морская вода' (ср. *sāl, м.* и *ср. р.* 'соль'), *salum* 'море', *īnsula* 'остров' (буквально: 'в море находящаяся', ἡ ἐν ἁλὶ οὖσα, ср. греч. ἐν-άλιος 'в море находящийся', *Pokorny 1959: 878*); валл. *heli* 'море'; ст.-слав. *slanй* 'морская вода', др.-рус. *сланьникъ* 'морской рыболов' (ср. греч. гом. ἁλιεύς 'рыбак', 'моряк'), норв. *sylt* 'затопленный морской берег'.

Общеиндоевропейское название 'моря' как 'соленого' восстанавливается по диалектному свидетельству греческо-арийского, итало-кельтского и славянского, что по схеме диалектного членения дает основание предположить наличие общеиндоевропейского *sal- в значении 'море'[2].

3.8. СУДОХОДСТВО И ТЕРМИНОЛОГИЯ СУДОХОДСТВА У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

О знакомстве древних индоевропейцев с 'морем' или большим озером и судоходной рекой можно заключить уже по наличию в общеиндоевропейском специальных слов в значении 'судно', 'лодка' (и.-е. *naHu̯-) и глагола *p[h]leu̯- 'плыть', 'плавать' (о 'судне', 'лодке'):

Др.-инд. *nā́u-* 'судно', 'ладья', *nāvyá-*, авест. *nāvaya-* 'судоходная' (о реке), др.-перс. *nāviyā-* 'судоходная'; греч. гом. νηῦς, *род. пад.* νηός < *νᾱFός 'судно', аттич. ναῦς, *род. пад.* νεώς, лат. *nāuis* 'судно', др.-ирл. *náu* 'судно', 'корабль', др.-исл. *nór* 'судно', др.-англ. *nōwend* 'мореходец'.

'Плаванье судна', 'ладьи' или 'лодки' в большом водоеме выражается

[1] Ср. типологически обозначение 'моря' и 'большой реки' в арабском *bahr-*, которое различается в этих двух значениях посредством спецификации его по признаку 'соленый'~ 'несоленый' (пресный), ср. *Бартольд 1925*. Эти же значения — 'море' и 'большая река'— объединены и в др.-инд. sindhu-, перс. daryā, ср. *Абаев 1958, I: 486*.

[2] Помимо 'моря', 'соленым' могут называться также некоторые озера, реки и источники, по-видимому, характеризующиеся примесями минеральных солей. Такого происхождения могут быть названия *Ἅλυς 'река Галис' (в Малой Азии, современный Кызыл-Ырмак), а также кельто-иллирийские гидронимы Sala (нем. Saale), иллир. Sal-ap-ia и многочисленные славянские названия типа др.-рус. *Соль Галичьская*, ср. сербо-хорв. [illegible] 'минеральный источник', ср. *Фасмер 1964—1973, III: 714—715*.

общеиндоевропейским словом *p[h]leu̯-[1], от которого вторично образуется и название 'корабля', 'судна', 'ладьи': греч. πλοῖον 'судно', др.-исл. *fley* 'судно' (ср. др.-англ. *flota* 'судно'), тох. В *plewe* 'судно'; др.-инд. *plavá-* 'ладья', рус. *плов* 'челн, лодка' (ср. др.-рус. *пловьцъ* 'мореплаватель').

Индоевропейское слово, обозначавшее плаванье в лодке или на корабле с помощью 'весел' сохраняется в исторических диалектах в форме др.-инд. вед. *arítra-* 'весло', *aritár-* 'гребец', греч. гом. ἐρέτης 'гребцы', ἐρετμόν 'весло', ἐρέσσω 'гребу, плыву на веслах' (ср. греч. ἁλιήρης 'гребущий по морю'), лат. *rēmus* 'весло', др.-ирл. *rá-* 'грести', *imb-rá-* 'грести, плыть на кораблях', *rámae* 'весло', др.-исл. *róa*, др.-англ. *rōwan* 'грести', др.-в.-нем. *ruodar* (нем. *Ruder*), др.-англ. *rōðor* 'весло', лит. *irìu* 'гребу', *ìrklas* 'весло', прус. *artwes* 'плаванье на корабле': и.-е. **erH̥-/*reH-*.

3.9. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «МОРЕ» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ «МОРЯ» В ДРЕВНЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Многочисленность названий 'моря' в отдельных исторических диалектах, например, греческом (θάλασσα, πέλαγος) и древнеиндийском (*salilá-*, *arṇavá-*, *samudrá-*, *síndhu-*), иллюстрирует возможность постулирования для индоевропейского, как и позднее для отдельных диалектов, нескольких названий 'моря' или 'большого озера', основанных на передаче различных признаков водной стихии — 'соленая', 'бушующая' и др. Наличие общеиндоевропейских слов для 'моря' делает несомненным знакомство древних индоевропейцев с 'морем' или 'большими водоемами' типа 'больших озер' и 'судоходных рек'. В древней традиции 'море', 'большое озеро', 'большая река', объединяемые представлением о 'больших водных просторах', мыслились как нечто единое, и лишь эпитет 'соленый' противопоставлял собственно 'море' пресноводным 'большим озерам' и 'рекам'.

Характерно, что в древнем индоевропейском мифе о божестве 'водных просторов', 'вод' (др.-инд. *Apām Nápāt* 'Потомок Вод', авест. *Apąm Napāt-*, кельт. *Nechtan*, лат. *Neptūnus* 'бог Нептун'), реконструируемом по согласованному свидетельству индо-иранских и кельто-италийских мифологических источников, выступает мифологический водоем— 'большое озеро', 'море', 'источник' (вед. *samudrá-* 'море', 'совокупность вод', авест. *vairi-* 'озеро', др.-ирл. *topur* 'источник', лат. *lacus* 'озеро', 'источник'), из которого вытекают все реки, впадающие в море.

Общеиндоевропейский миф реконструируется как последовательность эпизодов, сходных в основных чертах в каждой из традиций: божество вод охраняет 'озеро', 'источник' (в римской традиции — *lacus Albanus* 'Албанское озеро', 'горное озеро'), в котором находится 'ослепительный огонь' (авест. *x^{v}arənah-* 'фарн', 'ослепительный блеск глаз' в кельтском мифе)[2];

[1] Ср. др.-инд. plávate 'плывет', греч. гом. πλέ(Ϝ)ω 'плыву' (на судне по морю), πλόος 'плавание судна', лат. perplouēre 'дать течь', рус. ц.-слав. *плавитися* 'плыть' (по морю)'.

[2] Индоевропейские названия 'источника' образуются от названия 'глаз': ср. хет. **šakuni-** 'источник' (при šakuya 'глаза'), ст.-польск. oko 'ключ, родник', сербо-хорв. *ôko*

попытка похищения 'ослепительного огня' приводит к угрожающему истечению вод из озера, из которого вниз на землю уходят реки; так рождаются все 'реки' мира, идущие к 'морю' или возвращающиеся к 'озеру'— 'источнику' (*Dumézil 1973 : 21—89*).

Реконструируемый общеиндоевропейский миф о '(горном) озере' — 'источнике' хорошо сохраняет древние представления о единстве вод, связанных единым круговоротом. По мифу, особую опасность таит в себе уход вод из 'озера' - 'источника', что может быть предотвращено с помощью особого ритуала[1]. Реалии мифа указывают на возможность интерпретации мифологического 'озера' как 'горного озера-источника'.

Водное божество, охраняющее 'источник вод', уже в отдельных традициях, например, в римской, превращается в божество собственно 'морей', ср. у Варрона (5, 72) женскую ипостась Нептуна *Salacia Neptūni*, производимую в римской традиции от *salum* 'море'.

Таким образом, реконструируемые общеиндоевропейские слова для 'моря', образованные по названию 'бушующей стихии', а также по признаку 'солености' вод, могут обозначать не только 'море' в собственном смысле слова, но и большие водоемы вообще типа 'больших соленых озер'. Лингвистическая реконструкция не дает возможности дифференцировать слова, обозначающие собственно 'море', и слова в значении 'больших водных просторов' типа соленых озер, которые, как и собственно 'море' могли быть названы по признаку 'солености'. Поэтому невозможно с уверенностью утверждать, что древние индоевропейцы различали 'море' от

'глаз', 'глубокое место в воде, где на дне есть родник' (*Толстой 1969: 207—210*), лит. vandeñs akìs 'глаз воды'. Характерно, что в древнегерманской мифологии под 'Мировым деревом' находится источник Mimir, представляемый в виде глаза бога Одина; ср. типологически отождествление 'глаза' с источником в семитском (араб. 'ajn- 'глаз', 'источник', аккад. īnu 'глаз', 'источник').

Другое индоевропейское обозначение 'источника' связано с общим названием 'воды' **μot'-or-/-ent[h]-*: хет. ḫattaru- 'источник', др.-инд. avatá- 'колодец', латыш. *avuõts* 'источник', ср. лит. Avantà (название реки), галл. Aventia 'нимфа источника'. Диалектное распределение слов указывает на индоевропейский характер исходного архетипа в значении 'источник воды' и связи его с корнем **μot'-* в общем значении 'вода'. При этом обращает на себя внимание отсутствие озвончения и.-е. **t'* в индийском, балтийском, кельтском и передача рефлекса этой фонемы путем удвоения знака для -tt- в хеттском. Слово может служить примером "остаточных форм" в целом ряде индоевропейских диалектов, в которых не происходит озвончения рефлексов глоттализованных фонем индоевропейской серии I.

[1] Ср. отчасти аналогичный хеттский обряд, имевший целью предотвращение изменения течения реки Maraššanta- (Галис, современный Кызыл-Ырмак). В текст обряда включено и краткое упоминание о мифе, согласно которому "ранее река Марассанта текла по другому руслу. Но бог Грозы ее повернул и к богу Солнца, (божеству) богов, заставил течь" : ^{ID}Ma-ra-aš-ša-an-ta-aš-ḫa an-na-al-la-za ⸗ i-pa-at-tar-ma-ḫa-an a-ar-ša-aš ^{D}U-aš-ma-ḫa-ra-an ḫa-aḫ-nu-ut nu-ḫa-ra-an ^{D}UTU-i DINGIR^{LIM}-an ar-ša-nu-ut, KUB XXXVI 89 Rs. 12—14). Ранее в тексте обряда упоминается 'ложе девяти морей' (a-ru-na-aš-ša-aš IX-aš ḫa-ap-pu, там же, Rs.4) и 'русло великой (буквально: почтенной) реки' [na-ak-k]i-ša-aš ^{ID}-aš ḫa-ap-pu, там же, Rs. 5).

других водоемов типа 'больших соленых озер'. Большое соленое озеро могло восприниматься как 'море', и, наоборот, 'море' могло отождествляться с 'большим соленым озером'.

④ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ: «ВЕТЕР», «БУРЯ», «ДОЖДЬ», «СНЕГ», «ЛЕД».

4.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ВЕТРА» И «БУРИ»

'Ветер' и 'буря' обозначаются в индоевропейском различными производными от корня ***Hu̯-*** 'дуть' (др.-инд. *vā́ti* 'дует', авест. *vāiti*, греч. ἄημι 'дует', гот. *waian* 'дуть', др.-в.-нем. *wāen*, нем. *wehen*, ст.-слав. *vějati* 'веять'): хет. *ḫuu̯ant-* 'ветер', тох. А *want*, *wänt*, В *yente* 'ветер', лат. *uentus* 'ветер', валл. *gwynt* 'ветер', гот. *winds* 'ветер', др.-англ., англ. *wind*, др.-в.-нем. *wint* (нем. *Wind*): и.-е. ***Hu̯ent[h]-***.

В других индоевропейских диалектах в значении 'ветер', 'буря' выступают производные от того же корня с другими суффиксами: др.-инд. *vā́taḥ* 'ветер', 'бог ветра', авест. *vāta-* 'ветер'; ст.-слав. *větrŭ* 'ветер', прус. *wetro* 'ветер', лит. *vėtra* 'буря' (ср. образование с суффиксом ***-d[h]r-*** типа др.-англ. *weder* 'погода', 'буря', 'ветер'); греч. ἄελλα 'буря', 'вихрь' (ἄελλαι χειμέριαι 'зимние бури'), ср.-ирл. *aial*, *ahél* 'ветерок', валл. *awel*, др.-корн. *auhel* 'ветерок' (к образованию на *-l-* ср. ст.-слав. *větrilo* 'ветер', а также формы в значении 'туман', 'облако' типа греч. νεφέλη, лат. *nebula*, др.-в.-нем. *nebul*, связанные с первичной основой ****neb[h]-*** в значении 'небо': хет. *nepiš*, ст.-слав. *nebo* и др., ср. *Порциг 1964 : 280—281*).

К этому же корню примыкают именные образования: др.-инд. *vāyúḥ* 'ветер', 'воздух'; 'бог ветра', авест. *vāyuš* 'ветер', 'воздух' и лит. *vėjas*, латыш. *vējš* 'ветер'.

4.2. «ВЕТЕР», «БУРЯ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

'Ветер', 'буря' играют существенную роль в древних индоевропейских представлениях. Можно полагать, что уже в древнеиндоевропейском 'ветер', 'буря' представляются в виде некоторого обожествленного начала. Очевидно, не случайно и оформление основы на суффикс ****-nt[h]-***, являющийся маркером имен активного класса (см. выше, стр. 302 и след.).

Согласующиеся друг с другом свидетельства о мифологических мотивах, связанных с 'ветром' в разных исторических индоевропейских традициях, должны отражать древнейшие общеиндоевропейские мифологические представления.

В индо-иранской традиции мифологическая пара, состоящая из бога Ветра и бога Грома (в форме двойственного числа — др.-инд. *Índra-Vāyū́-* 'Индра и Ветер', *Vātāparjanyā́* 'бог Ветра и бог Грома'), помещается во главу пантеона и считается прародителем всего поколения богов и мифологических героев (*Dumézil 1968 : 47 и след.*; *Wikander 1941*). При этом мифологический образ 'Ветра' как 'Великана' отражается и в отдельных иранских традициях вплоть до нашего времени, ср. осет. *wæjug* < ****vayu-ka*** 'великан', *Абаев 1965 : 111—115*.

Особое отношение к богам характеризует и Эола (Αἴολος) в гомеровской греческой мифологии. Он изображается как "друг бессмертных богов", φίλος ἀθανάτοισι θεοῖσιν, κ 2, и обладает даром вызывать или усмирять 'ветры'. Любопытно, что в греческом у Гомера и уже в микенский период 'ветер' и 'обожествляемый ветер' выражаются формой ἄνεμος (мик. греч. *a-ne-mo i-je-re-ja* 'ветер священный', ср. *Morpurgo 1963*), связываемой с индоевропейским словом 'дыхание': др.-инд. *ánila-h* 'дыхание', др.-ирл. *anál* 'дыхание', лат. *anima* 'дыхание', 'душа', др.-исл. *andi* 'дыхание', 'душа' (ср. выше, стр. 466), в противоположность производному от корня *Hu̯- ἄελλα в специфическом значении 'буря'.

Этимологическая связь греческого ἄνεμος 'ветер' с индоевропейской лексемой в значении 'дышать', 'дыхание' указывает на особое представление о 'ветре' как дыхании божества (что и отразилось в более поздней греческой традиции вплоть до Аристофана: ср. в "Птицах" Аристофана ὑπηνέμιον как обозначение 'мирового яйца, оплодотворенного божественным ветром', *Morenz 1950*).

Такое представление о 'ветре' характерно в особенности для славянской мифологии и фольклора, где 'ветер' определяется как 'дыхание бога' (ср. восточнославянскую поговорку ветер — дух божий, также в "Голубиной книге", см. подробнее *Афанасьев 1865, I : 285 и след.*). Такое же представление о 'ветре' как дыхании бога Варуны характерно и для ведийской мифологии.

4.3. «ВЕТРЫ ЧЕТЫРЕХ СТОРОН СВЕТА»

В некоторых индоевропейских традициях, в частности древнегреческой и славянской, обожествлялись ветры "четырех сторон света". Такая система отражена у Гомера, различающего 'холодный северный ветер' Βορέης 'Борей', 'западный ветер' Ζέφυρος (приносящий дожди и снег, τ 206), 'влажный южный ветер' Νότος и бурный теплый 'восточный ветер' Εὖρος.

Для реконструкции древнейших индоевропейских представлений, связанных с ветрами, особенное значение имеет 'северный ветер' Βορέης, название которого увязывается этимологически с индоевропейским словом для 'горы' ***Hk'^o̯r-*** (см. выше, стр. 666). Βορέης, следовательно, мыслился первоначально как 'горный ветер', дующий с севера. Представления о 'горах', находящихся на севере, у греков возникает, очевидно, еще до прихода в исторические места жительства. Не случайно, что эти ветры мыслятся как дующие в "сказочной стране", являющейся сохранившейся в памяти народа областью его былого обитания.

Весьма показательно в этом отношении свидетельство славянской традиции, где 'северный ветер' также обозначается названием, этимологически увязываемым с индоевропейским словом ***Hk'^o̯r-*** в значении 'гора': ср. восточнославянские *Гора, Горыч* как обозначения 'северного ветра' (*Мурзаев 1967*). Полное совпадение славянского с греческим в обозначении 'северного ветра' как ветра 'горного' можно рассматривать как некоторое

указание на локализацию индоевропейских племен периода довольно ранней диалектной общности в областях с северными горами.

Заслуживает внимания представление ветров четырех сторон света как мифологических 'существ-братьев' в славянских и германских сказках (*Афанасьев 1865, I : 313—317*), в чем можно видеть след тех же древнейших представлений об обожествленных ветрах, дующих с четырех сторон света. В древнеиндийской мифологии "ветры четырех сторон света" обожествляются не в виде специальных богов, а приписываются верховным божествам и рассматриваются как их дыхание, что может отражать результат некоторого урегулирования древнеиндийского пантеона с сохранением основных божеств, которым приписываются качества, проявлявшиеся, очевидно, на более раннем этапе, в виде самостоятельных божеств[1]. Так, например, в качестве воплощения 'западного ветра' и западной стороны вообще в древнеиндийской мифологии выступает бог *Варуна*, обладающий множеством и других функций. След более ранних истоков такой системы можно было бы видеть в греческой традиции, а также в славянской и германской, где боги ветров характеризуются в основном монофункциональностью, представляясь исключительно воплощением ветров.

4.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ДОЖДЯ»

Общеиндоевропейское название 'дождя' или скорее глагол, обозначающий 'вызывание дождя', восстанавливается в виде основы ***seu̯-/*su-*** (в первоначальном значении 'выжимать', 'выдавливать', см. выше, стр. 653). 'Вызывание дождя' мыслится тем самым как 'выжимание, выдавливание (воды)' некоторым активным началом — божеством:

Греч. ὗει 'идет дождь', алб. *shi* 'дождь', прус. *suje* (графически *suge*) 'дождь', тох. A, B *su-*, *swās-* 'лить (о дожде)', A *swase*, B *swese* 'дождь'.

По диалектному распределению этих слов (греческо-албано-балтийский и тохарский) ***seu̯-/*su-*** в значении 'дождить', 'дождь' представляется весьма древним, восходящим к периоду ранней диалектной общности.

4.5. «ДОЖДЬ» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИЛЫ БОЖЕСТВА. ТАБУИРОВАНИЕ НАЗВАНИЯ «ДОЖДЯ»

Активное начало — божество как источник дождя в древнеиндоевропейских представлениях явственно проявляется в специфическом словоупотреблении глагола ***seu̯-/*su-*** в синтагматическом сочетании с названием верховного божества : ср. у Гомера ὗε δ' ἄρα Ζεύς (M 25; ξ 457) "а Зевс послал дождь".

[1] Аналогичное урегулирование пантеона можно видеть и в хеттской мифологической системе, где 'ветры' выступают в качестве некоторого атрибута богов, способствующего их быстрому передвижению в пространстве. В хеттских ритуалах "Вызывания богов" встречаются и "ветры четырех сторон света" (KUB XXXVI 90, 39—40), хотя соответствующая терминология может и отражать влияние месопотамской традиции обозначения четырех сторон света по ветрам, ср. *Haas 1970: 182—183*.

В дальнейшем такая активная конструкция трансформируется в безличную, и βει приобретает в греческом значение 'идет дождь', 'дождит'.

Связь акта 'посылания дождя' с верховным божеством, которое является 'источником дождя', посылаемого на землю и игравшего существенную роль в земледельческом хозяйстве, могла послужить причиной табуирования сакрального слова и замены его другими лексическими образованиями. Этим и следует объяснить относительную малочисленность исторических индоевропейских диалектов, сохранивших *seu̯-/*su- в значении 'дождить'.

Древняя основа *seu̯-/*su- в значении 'дождить', 'дождь' сохраняется лишь в греческом, албанском, прусском и тохарском. Во всех остальных диалектах она заменена другими словами. В хеттском — это *ḫeuš-, мн. ч. ḫeu̯aueš* 'дождь', имя существительное, выступающее в качестве субъекта или объекта действия (ср. *ḫe-i-ú-un ú-e-ik-ta* 'просил дождя', KBo III 7 II 25). Хеттское слово является, очевидно, заимствованием из египетского, вытеснившим первоначальное индоевропейское слово для 'дождя', ср. егип. *ḥwj*, копт. *ḥo:w* 'идет дождь'.

В древнеиндийском в значении 'дождить' употребляется глагол *várṣati* 'идет дождь', связанный этимологически с индоевропейским *u̯ers- в значении 'лить', 'проливать'. К этой последней основе восходит и греч. ἔρση, ἐέρση 'роса'.

В латинском первоначальное слово 'дождить' заменяется новообразованием *pluit* 'идет дождь' (в безличной конструкции) от индоевропейской глагольной основы *p[h]leu̯- 'плыть (в воде)'; 'мочить'.

В германском древнее слово заменяется на новообразования от индоевропейской основы *rek̑- 'мочить', 'орошать' (ср. лат. *irrigāre* 'орошать', *rigāre* 'проводить (воду)': гот. *rign*, др.-исл. *regn*, др.-в.-нем. *regan* (нем. *Regen*), др.-англ. *reg(e)n*, *rēn* 'дождь' (англ. *rain*).

В славянском первичное индоевропейское слово заменяется описательным выражением **dŭždĭ* (ст.-слав. *dŭždĭ*, рус. *дождь*, польск. *deszcz* 'дождь') из **dus-di̯u-* 'дурной день' (см. об этом образовании ниже).

4.6. РИТУАЛЫ ВЫЗЫВАНИЯ «ДОЖДЯ»

Табуирование первоначального названия 'дождя', образованного от основы *seu̯-/*su-, связано, очевидно, с обрядовой значимостью 'дождя' в общеиндоевропейский период, что отражено в ритуалах 'вызывания дождя', сохранившихся в древних текстах.

В хеттских ритуалах обращаются к богу Грозы — верховному божеству с просьбой ниспослать 'дожди' (ср. KUB XXIX 1 I 27). Описывается специальный ритуал жертвоприношения с просьбой ниспослать 'дождь', ср. KBo III 7 II 21—25. В балтийских и славянских обрядах важную роль играет обряд вызывания дождя, сохраняющийся до сегодняшнего дня в некоторых славянских традициях; девушки, участвующие в этих обрядах, носят имя, связанное с именем бога Грозы Перуна (*Якобсон 1970*; *Иванов/Топоров 1974 : 104 и след.*).

Свидетельства всех этих древних традиций, отраженных в ритуалах вызывания дождя, согласуются с приведенной выше гомеровской формулой ὗε δ' ἄρα Ζεύς "а Зевс послал дождь". Все это отражает общеиндоевропейские представления о дожде, ниспосылаемом верховным божеством — богом грома и молнии, у которого люди и выпрашивают дождь. По-видимому, это предполагает повторяющиеся засушливые периоды, когда редкие дожди считались даром неба, который следовало выпрашивать у бога.

4.7. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «СНЕГА»

Более полно по диалектам представлено индоевропейское слово в значении 'снежить', 'снег' ***sneig$^{[h]}$-** :

Авест. *snaēžāṯ* 'пойдет снег', гом. νιφάς 'снег', νιφέμεν 'снежить', греч. νείφει 'снежит', 'идет снег', лит. *sniẽgas* 'снег', *sniẽga* 'идет снег', прус. *snaygis* 'снег', ст.-слав. *sněgŭ* 'снег', рус. *снег, снежит*, гот. *snaiws* 'снег', др.-исл. *snjór* 'снег', др.-в.-нем. *snēo* (нем. *Schnee*), др.-англ. *snāw* (англ. *snow*), лат. *nix, род. пад. niuis* 'снег', *ninguit* 'снежит', др.-ирл. *snechtae* 'снег'.

По диалектному распределению (иранский, греческий, балто-славянский, германский, кельто-италийский) слово должно считаться общеиндоевропейским. Отсутствие слова в хеттском, как, видимо, и в тохарском, объясняется незасвидетельствованностью его в известных хеттских текстах.

В других индоевропейских диалектах происходит замена первичного индоевропейского слова иными лексическими образованиями, главным образом производными от слова ***ĝ$^{[h]}$eim-** 'зима': др.-инд. *himá-* (*муж. р.*) 'холод', 'мороз', 'снег', *himávant-* 'покрытый снегом' (вед. *himávantas párvatās* 'снежные горы', отсюда название 'Гималаев') при *héman, hemantá-* 'зима'; памир. вахан. *zəm* 'снег' (*Пахалина 1975 : 306*).

Такой семантический процесс, то есть употребление производного от первоначального слова для 'зимы' в значении 'снег', можно видеть в греческом при сохранении, однако, древнего слова для 'снега', ср. греч. χιών 'снег' при νιφάς 'снег' и χεῖμα, χειμών 'зима'. Такое лексическое новообразование (производное от названия 'зимы' в значении 'снег'), наблюдаемое в греческом и индийском (а также памирском), можно считать некоторой древней греко-арийской лексической изоглоссой. Однако если в греческом наряду с диалектным новообразованием χιών в значении 'снег' сохраняется и древнее индоевропейское слово νιφάς 'снег', в индийском глагол *snih-* в значении 'снежить' преобразуется семантически и принимает значение 'быть мокрым, мягким', ср. причастие *snigdhá-* 'мягкий', 'нежный'.

Аналогичное семантическое преобразование первичного индоевропейского глагола 'снежить' можно видеть и в кельтском : др.-ирл. *snigid* 'капает', 'идет дождь' при сохранении именным образованием (др.-ирл. *snechtae*, валл. *nyf*) первоначального значения 'снег'.

4.8. ОБОЗНАЧЕНИЯ «ХОЛОДА», «ЛЬДА» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

К тому же семантическому полю, что и 'снег', относятся в индоевропейском лексемы со значением 'холод', 'лед'. Лексемы с этим значением

в индоевропейском можно восстановить и в виде нескольких древних основ, показывающих различное (частично перекрывающееся в германском) диалектное распределение:

Хет. *ega-*, *egan* 'лед' (см. *Hoffner 1971*), *ekuna-* 'холодный', 'остывший', *ekunima-* 'холод', 'стужа', 'остывание' (*e-ku-ni* IM-*an-ti* 'холодному ветру', KUB VIII 35 II 11, 14; *i-ku-na-an* ^{UZU}IÀ 'остывший жир', KBo IV 9 V 47, ср. *Goetze 1929 : 186*), соответствующее ср.-ирл. *aig* 'лед', *род. пад. ega*, валл. *iā*, др.-корн. *jey* 'лед', ср.-корн. *yeyn*, *yen* 'холодный', брет. *ien*; др.-исл. *jaki* 'льдинка', *jǫkull* 'сосулька', что предполагает по схеме диалектного членения (хеттский, кельтский, германский) общеиндоевропейскую основу ***(i̯)ek'-** в значении 'холод', 'лед'.

Другая лексема в том же значении восстанавливается для индоевропейского на основании свидетельств германских и иранских языков, дающих по схеме диалектного индоевропейского членения хронологически раннее состояние:

Др.-в.-нем. *īs* 'лед', 'ледник' (нем. *Eis* 'лед'), др.-англ. *īs* 'лед' (англ. *ice*); авест. *aēxa-* 'лед', 'мороз', *isu-* 'ледяной', 'морозный', согд. *yyδγn* 'ледник' (из ***yēx^{n}δan**, *Gauthiot 1914—1923 : 98*), *ynγyn'k-* 'ледяной' (*Андреев/Пещерева 1957 : 365*), афган. *yaxnī* 'холод', 'мороз', памир. шугн. *aγd* 'замерзший', *iš* 'холодный' (*Соколова 1967 : 87*), вахан. *(y)iẋ* 'лед' (*Пахалина 1975 : 301*; *Грюнберг/Стеблин-Каменский 1976 : 510*).

Индоевропейская основа восстанавливается в форме ***ei̯s-/*is-** с чередованием полной и нулевой ступеней аблаута.

Бóльшую диалектную ограниченность показывает другая лексема со специфическим значением 'холод', 'стужа', обнаруживаемая в греко-италийском диалектном ареале, что по схеме диалектного членения указывает на сравнительную диалектную древность реконструируемой лексемы:

Греч. гом. ῥῖγος 'холод', 'озноб', ῥιγόω 'зябну' при лат. *frīgus* 'холод', 'стужа', *мн. ч.* 'зимняя стужа', 'зима', *frigidus* 'холодный', 'леденящий', *frigeō* 'охлаждаюсь', 'стыну'.

Индоевропейская диалектная праформа восстанавливается в виде ***srīk'-** со специфическим развитием начальной группы ***sr-** в греческом и латинском.

Особое диалектное слово в значении 'лед', 'холод' обнаруживается в тохарском: тох. A *kuraś* (*krośś-*) 'холодный', B *krost-*, *krośś-*, тох. A *krośśune* 'холод', 'лед', греч. κρύσταλλος 'лед', 'стекло', 'кристалл', 'все, что замерзло', гом. κρύος 'мороз', 'стужа', κρῦμός 'холод', 'стужа', 'мороз'. По схеме диалектного распределения данное слово также можно считать достаточно древним, относящимся к определенному раннему диалектному ареалу индоевропейского языка.

Еще одним словом, обозначавшим 'мороз', 'холод' могла быть форма ***p$^{[h]}$reu̯-so-**, представленная в ряде диалектов: лат. *pruīna* 'иней', 'изморозь', др.-исл. *frjósa* 'мерзнуть', др.-англ. *frēosan* (англ. *freeze*), *forst* (англ. *frost*), др.-в.-нем. *friosan* 'мерзнуть', валл. *rhew* 'мороз'; возможно, также др.-инд. *pruṣvā́* 'иней' (?), ср. *Hamp 1973*; *Gerow 1973*.

Любопытно отметить, что для индоевропейского восстанавливается целая группа терминов в значении 'лед', 'холод', что согласуется с заключением о горном ландшафте области первоначального обитания племен, говоривших на индоевропейских диалектах.

4.9. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ТЕПЛА», «ЖАРЫ»

Наряду со словами со значением 'холод', 'лед' для индоевропейского восстанавливаются и слова, обозначавшие 'тепло', 'жару'. Это прежде всего индоевропейское *g[h]°er-m-, предполагаемое на основании следующего ряда соответствий:

Др.-инд. вед. *gharmá-* 'жара', 'тепло', авест. *garəma-* 'горячий', арм. *jerm* 'горячий', греч. гом. θερμός 'горячий', алб. *zjarr* 'огонь', прус. *gorme* 'жара', лат. *formus* 'жаркий', 'горячий', тох. А *śärme* 'летняя жара' (*Van Windekens 1969 : 477*).

Формы без суффиксального *-m-: др.-инд. *háras-* 'пыл', 'жар' (огня), арм. *jer* 'теплота', 'тепло', греч. гом. θέρος 'лето', др.-ирл. *gorim* 'согреваю' (ирл. *gor* 'жар'), прус. *garrewingi* 'горячо', 'пылко', ст.-слав. *gorĕti* 'гореть', рус. *жар*, чеш. *žár* 'жара', 'жар', сербо-хорв. *žâr* 'жар'.

Другой общеиндоевропейской основой для обозначения 'жары', 'тепла' является форма *t[h]ep[h]-:

Др.-инд. *tápaḥ* 'жара', 'тепло', 'пыл', авест. *tāpaiti* 'является теплым', ср. согд. *tph* 'лихорадка', памир. вахан. *tab* 'жар', 'лихорадка', лат. *tepidus* 'теплый', *tepeō* 'являюсь теплым', *tepor* 'тепло'; др.-ирл. *té* 'горячий', ср.-ирл. *timme* 'жар', валл. *twym* 'жаркий'; прус. *Taplawken* 'Теплое' (топоним), ср. *Teplitz*, ст.-слав. *toplŭ* 'теплый', ср. др.-англ. *þeſian* 'тяжело дышать', тох. В *tsāp-*, А *tsāw-* 'нагревать' (*Poucha 1955 : 355*).

Та же основа в значении 'жар', 'лихорадка' засвидетельствована и в анатолийском: хет. *tapiššа-*, лув. *tapaššа-* 'лихорадка', *tapašuant-* 'находящийся в лихорадке' (*Laroche 1959a : 92*). Слово считается некоторыми исследователями заимствованием др.-инд. *tápaḥ* (*Friedrich 1952 : 211*). Однако семантика этого слова в ведийском *tápaḥ* 'жар', 'пыл' дальше от значения хетто-лувийского, чем значения приведенных выше соответствующих иранских слов ('жар', 'лихорадка'). Если и предположить заимствование этого анатолийского слова из индо-иранского (ср. огласовку *a* в анатолийском *tapaš-* вместо ожидаемой огласовки *e*, а также несдвоенное написание *-p-*), то скорее в общеанатолийский, чем в отдельные анатолийские языки.

В самом хеттском языке древнее слово, выражавшее значение 'горячий', 'теплый', предстает в форме *ǫantemma-* с суффиксальным элементом *-*mo-*, часто выступающим в образованиях от разных корней с той же семантикой, ср. и.-е. *g[h]°er-mo- 'горячий', 'жаркий', ср.-ирл. *timme*, валл. *twym* 'жара', а также гот. *warmjan* 'нагревать', др.-в.-нем. *warm* 'теплый', нем. *warm* (от индоевропейской основы *ǫer- 'гореть', 'сжигать': ср. хет. *ǫar-* 'гореть', *ǫar-nu-* 'сжигать', арм. *varem* 'зажигаю', ср. ст.-слав. *varъ* 'жара', *variti* 'варить'); хет. *ekunima-* 'холод', греч. κρυμός 'холод' и др.

5. НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА: «СОЛНЦЕ», «ЛУНА», «ЗВЕЗДА», «СОЗВЕЗДИЯ»

5.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «СОЛНЦА»

Для общеиндоевропейского языка восстанавливается название 'солнца' в форме ***s(a)u̯Hel-/n-** со следами гетероклитического склонения (*Benveniste 1935 : 12*):

Др.-инд. вед. *súvar-*, *род. п. súraḥ*, *ср. р.* 'солнце', 'свет', 'небо', 'блеск', 'сияние', *súryaḥ* 'солнце', 'божество Солнца'[1], *svárṇa-* 'светоносный', авест. *hvar-*, *род. п. x^{v}ānng* 'солнце', 'солнечный свет', греч. гом. ἠέλιος, диал. крит. ἀϝέλιος, лит. *sáulė* 'солнце', прус. *saule*; ст.-слав. *slŭnĭce* 'солнце'; гот. *sauil*, *ср. р.*, 'солнце', *sunnō*, *ж. р.*, 'солнце', др.-в.-нем. *sunna* (нем. *Sonne*), др.-англ. *sunne* (англ. *sun*), лат. *sōl*, *род. п. sōlis*, *ср. р.*, 'солнце', ср. с переносом значения алб. *hyll* 'звезда' и др.-ирл. *súil* 'глаз'; в хеттском и тохарском замена первичного слова соответственно на заимствование из хаттского (хет. *Ištanu-* 'солнце', 'Бог Солнца' при хат. *Eštan*) и на производное от обозначения 'раннего утреннего часа' (тох. А *koṁ*, В *kauṁ* 'солнце', ср. др.-инд. *śóṇa-* 'утренний час'). В лувийском и палайском 'Бог Солнца' — лув. *Tiu̯at-*, пал. *Tiu̯at-* обозначается производным от и.-е. ***t'ieu̯-** 'Бог Неба'. Армянское слово *arew* 'солнце' сопоставляется с др.-инд. *raví-* 'солнце' и, вероятно, хет. *ḫar(u)u̯anai-* 'рассветать' (*ср. Eichner 1978*).

5.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЛУНЫ», «МЕСЯЦА»

Индоевропейское слово для 'луны' представлено в двух диалектных вариантах ***meH-s-** (в индо-иранском) и ***me(H)-n-** как производное от индоевропейской основы ***meH-** 'мерить', 'измерять' (время)[2]. 'Луна' мыслится, следовательно, как мерило времени:

Др.-инд. *mā́ḥ*, *mā́sa-* 'месяц', 'луна', авест. *mā̊*, арм. *amis*, *род. п. amsoy*, перс. *māh* 'луна', греч. аттич. μήν, ион. μείς, дор. μής 'луна', 'месяц', лит. *mėnuo*, *mėnesis* 'луна', 'месяц', ст.-слав. *měsęcĭ* 'луна', 'месяц', алб. *múaj*, гот. *mēna* 'луна', тох.А *mañ*, *mañṅkät* 'Бог Луны' (*ср. Normier 1980*), В *meñe* 'месяц', 'луна', ирл. *mí* 'месяц', 'луна', ср. лат. *mēnsis* 'месяц' как часть года.

В ряде диалектов наряду с характеристикой 'луны' как мерила времени это небесное светило образует позднее название по признаку 'светящегося', 'лучезарного' тела (ср. также о названиях 'луны' и 'месяца' в индоевропейских диалектах *Ondruš 1968*):

Ср. лат. *lūna* 'луна', 'Богиня Луны', ср.-ирл. *luan* 'луна', ст.-слав. *luna* 'луна', арм. *lusin* 'луна' (ср. от того же корня греч. λυχάβᾱς

[1] Полное совпадение с этим словом обнаруживает название касситского божества Солнца Šuriaš, которое выступает в перечислении рядом с неиндоевропейскими именами богов, ср. *Scherer 1953: 48*; *Mayrhofer 1966*; *1974*; ср., однако, *Kammenhuber 1961; 1968 : 47 и след.*

[2] Ср. др.-инд. *mā́ti*, *mímāti* 'мерит, измеряет', лат. *mētior* 'мерю', ст.-слав. *měra* 'мера'; ср. хет. *meḫur* 'время', гот. *mēl* 'время', лит. *mėtai* 'год', алб. *mot* 'год' и др.

'новолуние') от и.-е. ***louk[h]snā-** 'светящееся тело', 'светило', сохраняющегося в авест. *raoxšna-* 'свет', прус. *мн. ч. lauxnos* 'светила', а также в славянских формах, польск. *łuna* 'отблеск пламени', рус. диал. *лунь* 'тусклый свет'.

Особую проблему представляют анатолийские названия 'луны', 'месяца', отличные от названий остальных древних индоевропейских диалектов : хет. *arma-*, лув. *arma-*. В отношении названий 'луны', как и 'солнца', анатолийские языки стоят особняком от всех остальных индоевропейских диалектов. При особой культовой значимости 'солнца' и 'луны' в анатолийском (ср. *Laroche 1955*) названия этих светил не совпадают с соответствующими названиями в большинстве древних индоевропейских диалектов, а представляют особые образования, не всегда с уверенностью этимологизируемые на индоевропейской основе.

Не исключено, что анатолийское название 'луны' *arma-* увязывается с глагольной формой *ar-* 'вставать', 'подниматься' с суффиксом *-ma-*, что символизировало бы в таком случае появление, вставание луны на ночном небе, выход луны. С этой общеанатолийской основой *arma-* связываются и такие семантические производные, как хет. *armaḫḫ-* 'делать беременной' (объясняемое физиологическими лунными циклами), а также *armaniia-*, *irmaniia-*, *irmaliia-* 'заболеть', *irma-* 'болезнь', отражающие культовые представления о 'луне' как источнике 'зла' и 'болезни'.

5.3. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛУНЕ И СОЛНЦЕ У ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

В некоторых древних индоевропейских традициях 'месяц' и 'солнце' выступают как соотнесенная друг с другом пара существ, объединенных узами брака (муж — Месяц, жена — Солнце) или кровного родства (близнецы), что может отражать уже общеиндоевропейские представления об этих небесных светилах (ср. *Mannhardt 1875*; *Иванов/Топоров 1974 : 15—21*).

5.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ЗВЕЗДЫ» И ЕГО СВЯЗЬ С СЕМИТСКИМ

В качестве общеиндоевропейского названия 'звезды' восстанавливается форма ***Hast[h]er-**:

Хет. *ḫašter-* 'звезда'; вед. *stṛ́-bhiḥ*, *твор. п. мн. ч.* 'звездами' (*им. п. tā́raḥ*), авест. *stərəbyō*, арм. *astł*, греч. *ἀστήρ*, *род. п.* *ἀστέρος*, гом. *мн. ч.* *ἄστρα*, а также греч. *род. пад. мн. ч.* *τερέων* 'созвездий', гом. *им. п. мн. ч.* *τείρεα*, лат. *stēlla*<**stēl-na*; ср.-ирл. *ser*, корн. *sterenn*; гот. *stairnō*, др.-в.-нем. *sterno* (нем. *Stern*), др.-англ. *steorra* (англ. *star*), др.-исл. *stjarna*; тох. В *śćirye*, *мн. ч. śćiriñ*, тох. А *им. п. мн. ч. śreñ* (*Friedrich 1969*; *Watkins 1974a*).

В балто-славянском происходит замена первичного общеиндоевропейского слова на производные от основы со значением 'сияющий', 'блестящий': ср., с одной стороны, ст.-слав. *zvězda* 'звезда', польск. *gwiazda*, лит. *žvaigždė̃*, латыш. *zvàigzne* 'звезда' при прус. *swāigstan* 'сияние', 'свет', 'блеск'; с другой стороны, прус. *lauxnos* 'светила', 'созвездия' (см. выше).

Индоевропейское ***Hast[h]er-*** в значении 'звезда' совпадает с общесемитским ***ʿaṯtar-* в значении 'обожествленная звезда', 'Венера' (*Fronzaroli 1965, IV : 248*): аккад. *Ištar* 'богиня Иштар', обозначаемое древним знаком звезды, др.-евр. *ʿaštōreṯ ж. р.*, финик. *ʿštrt* 'Астарта' (богиня плодородия и войны), южн.-арав. *ʿṯtr* (*Henninger 1976*), ср. егип. *ỉštr*[1].

Индоевропейская форма совпадает с общесемитской как в отношении начальной "ларингальной" фонемы (с уверенностью восстанавливаемой на основании хеттских данных), так и специфического отражения семитского интердентального спиранта **ṯ* в виде палатализованного сибилянта **ŝ*, давшего в исторических диалектах рефлексы **s* и *Ø* (ср. греч. τεῖρεα, др.-инд. *tárah* и др.).

5.5. ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ «ЗВЕЗД» И «СОЗВЕЗДИЙ»

При многообразии названий 'звезд' и 'созвездий' в отдельных индоевропейских диалектах обнаруживается значительный семантический параллелизм, выражающийся в единообразном наименовании одних и тех же созвездий (ср. *Scherer 1953; 1974*). Так, например, созвездие 'Большой Медведицы' именуется 'повозкой' в древнегреческом (ἅμαξα), фригийском (κίκλην), латинском (*plaustrum*), германском (др.-в.-нем. *wagan*, др.-исл. *vagn*), хеттском (шумерограмма GIŠGIGIR)[2]. Однако эти наименования не сводимы этимологически друг к другу и поэтому не дают основания для постулирования соответствующего слова на общеиндоевропейском уровне. Таким образом, мы можем предположить с определенной долей вероятия для общеиндоевропейского метафорическое название 'Большой Медведицы' как 'повозки', но это положение не может быть подкреплено путем реконструкции соответствующей лексемы. Тем самым в отношении целого ряда звезд и созвездий, отражаемых в отдельных исторических индоевропейских диалектах семантически сходными обозначениями, которые детально разбираются А. Шерером в специальном исследовании об астральных именах у индоевропейских народов (*Scherer 1953*), можно допустить общеиндоевропейские наименования, схожие семантически с историческими названиями, но тем не менее невозможна лексическая реконструкция таких наименований.

[1] О связи индоевропейского слова с семитским см. уже *Zimmern 1917*; *Иллич-Свитыч 1964*. Возражения Шерера (*Scherer 1953 : 23*) против объединения этих слов, основанные на несущественных семантических различиях, не могут считаться убедительными, и в особенности после обнаружения хеттской формы, которая не учитывалась Шерером. Возражения Шерера в действительности мотивированы скорее предпосылками локализации индоевропейской прародины, исключающей связь с семитским языковым миром, чем принципиальной невозможностью их семантического соотнесения: и.-е. 'звезда' ~ сем. 'астральное божество', 'обожествленная звезда'.

[2] *Типологически тождественное представление обнаружнвается и в самом шумерском*, где созвездие Большой Медведицы называется 'повозкой', ср. написание в шумерском тексте "Энки и порядок мира" mul GIŠgigir 'созвездие в виде повозки' (ср. *Falkenstein 1964: 80 и 107*).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ. РЕМЕСЛА И ТРАНСПОРТ

1. РЕКОНСТРУКЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1.1. ТЕРМИНОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Реконструируемая по лексическим данным общеиндоевропейская фауна и флора, а также картина географической и экологической среды, в окружении которой находились носители индоевропейских диалектов, помогает с некоторым приближением восстановить и отдельные фрагменты их хозяйства и занятий.

В этом отношении особое значение приобретают общеиндоевропейские термины, отражающие хозяйственную деятельность и соответствующий материальный быт племен-носителей общеиндоевропейских диалектов. С этими данными естественно увязывается и проблема социальной организации этих племен, находящей свое выражение и в индоевропейских лексических свидетельствах.

Идя ретроспективно и восстанавливая отдельные общеиндоевропейские термины и более крупные отрезки текста с социально-хозяйственной семантикой, можно реконструировать картину общей структуры хозяйственной и общественной организации индоевропейских племен, которая может быть впоследствии приведена в соответствие с определенными археологическими культурами. Хронологическая соотнесенность и материальное совпадение целого комплекса данных, добытых при такой реконструкции, с соответствующей археологической культурой и может только служить основанием для отождествления таких культур.

2. ТЕРМИНОЛОГИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ПАХОТЫ» И «ПЛУГА»

И.-е. ***Har-*** ‘обрабатывать землю’, ‘пахать’: хет. *ḫarš-* ‘обрабатывать землю на посев’ (в сочетании с *ter(i)pp-* в значении ‘пахать’, ср. греч. δρεπάνη ‘серп’, *Rosenkranz 1967 : 501—502*)[1], ср. тох. A, B *āre* ‘плуг’, греч.

[1] Ср., однако, о возможной связи хет. ḫarš- с семитским, аккад. ḫarāšu ‘сажать’, **ḫarāṣu** ‘проводить борозду’, *Puhvel 1964*.

гом. ἀρόω 'пашу'[1], лат. *arō* 'пашу, обрабатываю землю', др.-ирл. *airim* 'пашу', гот. *arjan* 'пахать', др.-исл. *erja* 'пахать', др.-в.-нем. *erran* 'пахать', лит. *árti* 'пахать', латыш. *art* 'пахать', ст.-слав. *orjǫ* 'пашу', *orati* 'пахать'.

От того же корня образуются производные формы в значении 'плуг' и 'пашня', хотя эти производные обнаруживают бóльшую диалектную ограниченность и могли возникнуть, следовательно, в отдельных диалектных объединениях после распада общеиндоевропейского единства.

Диалектное слово для 'плуга' восстанавливается в форме ***Har-Ḫ-t[h]ro-m**: греч. гом. ἄροτρον 'плуг', диал. ἄρατρον 'плуг' (ср. арм. *arawr* 'плуг'), лат. *arātrum* 'плуг', ср.-ирл. *arathar* 'плуг', др.-исл. *arðr* 'плуг'. Наличие соответствующих друг другу форм в греческом, с одной стороны, и кельто-италийском, с другой, по схеме индоевропейского диалектного членения свидетельствует о древности этого термина, хотя и нет формальных оснований для отнесения его к общеиндоевропейскому. В других диалектах слово для 'плуга' может образовываться от того же корня ***Har-** с другими суффиксами: ср. тох. A, B *āre* 'плуг', лит. *árklas* 'плуг', ст.-слав. *ralo* 'плуг'. В германском наряду с древней основой выступает и другая форма: др.-англ. *plōh*, *мн. ч. plōges* (англ. *plough*) с неясной этимологией; из германского слово заимствуется в славянский: др.-рус. *плугъ* (*ср. Puhvel 1964*).

Примерно к той же диалектной общности относится и индоевропейское слово для 'пашни': греч. гом. ἄρουρα, микен. *a-ro-u-ra* 'пашня', ср.-ирл. *arbor* (<**arur*) 'злак', лат. *arvum* 'пахотное поле', 'пашня', *arvus* 'пахотный', 'вспаханный', ср. арм. *haravunk* 'пашня', 'поле'. Большую древность данного индоевропейского слова для 'пашни' следовало бы допустить при этимологическом отнесении сюда же др.-инд. *urvárā* 'пахотное поле' (ср., однако, формальные трудности, *Mayrhofer 1956, 1 : 110*).

2.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ПОСЕВА»

И.-е. ***seH(i)-** 'сеять': хет. *šai-/šiia-* 'сеять', 'вдавливать в землю', *para šiiatar* 'просев'[2] (*Laroche 1963 : 75—76*; *Rosenkranz 1967 : 504 — 505*), лат. *serō* 'сею', *sēvī* 'сеял', *sătus* 'посеянный', гот. *saian* 'сеять', др.-в.-нем. *sāen* (нем. *säen*), др.-англ. *sāwan* 'сеять' (англ. *sow*), лит. *sėju* 'сею', ст.-слав. *sějǫ* 'сею'.

От того же корня образовано, по-видимому, именное производное на суффикс ***-men** в значении 'семя' : лат. *sēmen* 'семя', др.-в.-нем. *sāmo* (нем. *Same*), лит. *sėmenys* 'льняное семя', прус. *semen* 'семя', ст.-слав. *sěmę* 'семя'; сюда же следует отнести хет. *šamana-* с несколько отличной семанти-

[1] Наряду с греч. *ἀρόω* засвидетельствована форма *ἀράω*, которая вместе с балтийскими формами и некоторыми другими дает основание для реконструкции конечного слогового ларингального, вероятно, суффиксального характера: **Har-Ḫ-*.

[2] *Общеиндоевропейский характер сочетания с приставкой *p[h]rō- можно предположить ввиду широкой диалектной распространенности данного сочетания*, ср. наряду с хет. para šiiatar 'просев', рус. *про-сев*, гот. frasts <**pro-s(ə)-ti-s* 'ребенок' (*Pokorny 1959 : 890*), ср.-ирл. ross 'льняное семя'.

кой: 'фундамент', 'основание', символическое 'семя', 'корень дома'. По схеме диалектного распределения основу ***sēmen-** в значении 'семя' следует считать общеиндоевропейской с допущением последующей замены ее на другие слова в некоторых исторических индоевропейских диалектах: авест. *taoxman-* 'семя', др.-перс. *taumā-* 'семя', 'зародыш', ср. др.-инд. *tókman-* 'росток'.

Более многочислены индоевропейские образования на суффикс ***-t**$^{[h]}$- от того же корня ***seH(i)-** : хет. *šatta-* 'орудие для обработки поля' (*Rosenkranz 1967 : 504*), др.- инд. *sítā* 'борозда (в поле)' (*Thieme 1953 : 25*; см. там же о др.-инд. *sīra-* 'плуг', образование от того же корня с суффиксом *-ra-*), др.-в.-нем. *sāt* 'просев', 'семя' (нем. *Saat*), гот. *mana-sēþs* 'человеческое семя' в смысле 'род человеческий', брет., валл. *had* 'семя'.

По диалектному распределению образований от корня ***seHi-** (участие хеттского наряду с другими индоевропейскими диалектами) рассматриваемый корень следует постулировать для периода общеиндоевропейской общности.

2.3. ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «БОРОЗДЫ»

В отдельных диалектных объединениях в значении 'борозда' восстанавливаются формы ***ś^{o}elk**$^{[h]}$-//***sụelk**$^{[h]}$- и ***p**$^{[h]}$**erk̂**$^{[h]}$-.

Форма ***ś^{o}elk**$^{[h]}$- в первоначальном значении 'тянуть' (тох. В *sälk-* 'тянуть', греч. гом. ἕλκω 'тяну', авест. *varək-* 'тянуть', лит. *velkù* 'тяну', ст.-слав. *vlěkǫ* 'влеку', 'тяну') дает в ряде древних индоевропейских диалектов естественно значения, с одной стороны, 'плуг': греч. лакон. ἐὐλάκᾱ 'плуг' (из ἑ-*F*ḷ*κ*-ᾱ), др.-англ. *sulh* 'плуг'; с другой стороны, значение 'борозда', 'проводить борозду'[1]: лат. *sulcus* 'борозда', *sulcō* 'провожу борозду', 'пашу', греч. аттич. ὦλαξ 'борозда'.

Форма ***p**$^{[h]}$**erk̂**$^{[h]}$- в первоначальном значении 'царапать', 'делать в земле углубление, яму' (др.-инд. *párśāna-* 'углубление', 'пропасть', лит. *pra-paršas* 'яма') принимает в западном диалектном ареале также и значение 'борозда': лат. *porca* 'борозда', 'гряда', галл. *rica* 'борозда', валл. *rhŷch* 'борозда', др.-в.-нем. *furuh* (нем. *Furche*), др.-англ. *furh* (англ. *furrow*)[2].

2.4. ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ПЛУГА», «ЧАСТЕЙ ПЛУГА» И «СОХИ»

Другим диалектным индоевропейским словом, относящимся к устройству 'плуга', является форма ***ụog**$^{[h]o}$**ni-** (*Pokorny 1959 : 1179—1180*),

[1] Перенос значения 'тянуть'→'плуг', 'борозда' естественно объясняется особенностями земледелия, при котором плуг должны были тянуть животные, ср. греч. гом. *ἑλκέμεναι... ἄροτρον*, K 353, 'тянущие плуг'; отсюда уже и сам 'плуг' и оставляемая им на пашне 'борозда' начинают обозначаться словом с первоначальным значением 'тянуть'.

[2] Хет. aggala- 'борозда для посева' — вероятное заимствование аккад. eḳlu 'поле', st. constr. eḳel. Камменхубер связывает этимологически хет. akkala- с группой др.-инд. ájra-, греч. *ἀγρός* (*Friedrich/Kammenhuber 1975-, I : 52*), что маловероятно из-за формальных трудностей сопоставления этих слов.

дающая рефлексы в греко-германо-балто-италийском диалектном ареале: греч. ὀφνίς · ὕννις · ἄροτρον (*Гесихий*), др.-в.-нем. *waganso*, др.-исл. *vangsni* 'лемех', лат. *uōmis*, *uōmer* 'сошник', 'лемех'.

К части той же диалектной индоевропейской области (славяно-германо-кельтская) относится специальный термин для обозначения 'сохи', 'плуга' *k̂[h]ak[h]- с первоначальным значением 'ветвь', 'кол', 'шест' (др.-инд. *śákhā*, ср.-ирл. *géc* и др.): слав. *socha* 'кол; соха', 'плуг', гот. *hōha* 'плуг' (ср. *Ramat 1974 : 72—74*), др.-ирл. *cécht* 'плуг'.

2.5. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ПЛУГА

В типологии орудий для обработки земли и проведения борозды 'соха' значительно опережает появление 'плуга' — более массивного орудия, которое тянут животные[1]. Самые древние свидетельства бороздовых палок относятся ко времени неолита. Значительно позже появляется уже собственно плуг. Около рубежа V и IV тысячелетий до н. э. на Древнем Востоке обнаруживаются первые свидетельства плуга в Шумере (*Семенов 1974 : 217*). В Европу плуг проникает из Древнего Востока лишь не ранее середины II тысячелетия до н. э. (*Семенов 1974 : 218*; *Кларк 1953 : 108 и след.*; *Wailes 1970 : 280*; *Haudricourt/Delamarre 1955*).

Восстанавливаемое индоевропейское название 'плуга' ***Har-H̥-t[h]ro-m**, соотносимое с определенной древней диалектной общностью, не могло возникнуть в таком значении позднее III тысячелетия, когда формируются отдельные исторические индоевропейские диалекты (в том числе и греческий, в котором отражена эта лексема), ср. *Cowgill* apud *Wailes 1970 : 301*. Это указывает на очевидную связь рассматриваемой индоевропейской диалектной общности (греко-итало-кельто-германской) с переднеазиатским ареалом, где и возникают древнейшие образцы плугов и плужное земледелие.

2.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕН ГОДА ПО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ ЦИКЛАМ

И.-е. ***Ham-** 'время созревания', 'жатва'; 'снимать урожай': хет. *ḫameš̆ḫa-* 'время созревания' (ср. аккадское соответствие в билингве *i-[si]-en-ni* 'время созревания', KUB IV 3 I 13, *Friedrich 1952 : 49*), отсюда в переносном значении 'весна', 'начало года'; греч. гом. ἀμάω 'жну', 'снимаю урожай', ἀμητήρ 'жнец', ἄμητος 'жатва'[2].

[1] Типологическая древность 'сохи' по сравнению с 'плугом' не может служить, однако, основанием для обязательного признания абсолютной древности сохи в отдельных конкретных культурах. Культура, давно уже владевшая плугом, могла вернуться к сохе при возделывании земли ввиду изменившихся экологических условий. Так, например, отсутствие древнего названия 'плуга' у отдельных славянских племен может объясняться утерей древнего слова в результате переселения их в новые лесные области, где возделывание земли было возможно лишь с помощью сохи, ср. *Zelenin 1927 : 13 и след.*

[2] В ряде диалектов в значении 'весна' отражена индоевропейская форма *ǵes-ĝ[h]n-(ĝ[h]l-): др.-инд. vasantá- 'весна', vāsará- 'утренний', авест. vaŋri 'весной', арм. garun (из *ǵesr-)

И.-е. **(e)s-en-* 'время жатвы, лето': хет. *zena-* 'осень' (ср. *zeni, дат.-мест. п.* 'осенью'), гот. *asans* 'жатва', 'лето', др.-исл. *qnn* 'жатва', 'усилие', др.-в.-нем. *aran* 'жатва' (ср. нем. *Ernte*), др.-рус. *осень* (*мест.п. осени* 'осенью'), прус. *assanis* 'осень' (*Топоров 1975-, I : 130—131*), ср. арм. *ašun* 'осень', греч. гом. *ὀπ-ώρη* 'конец лета', 'осень', 'время жатвы' (греческая форма предполагает для индоевропейского чередующуюся основу на суффикс **-r-/*-n-*).

И.-е. ***meH(i)-** 'созревать', 'собирать урожай', 'время созревания урожая': хет. *mai-/miia-* 'созревать', 'расти', 'процветать', *медиум* — 'рождаться', ср. др.-инд. *mímīte* 'зачинается', 'созревает' (о плоде во чреве матери, RV 632, 11); 'обнаруживает силу', ср. тох. В *maiyya* 'сила', *maiwe* 'молодой' (*Rosenkranz 1967 : 503*), лат. *metō* 'жну', 'собираю урожай', ср.-ирл. *meithel* 'группа жнецов', др.-в.-нем. *māen* (нем. *mähen*), др.-англ. *māwan* (англ. *mow*) 'жать', 'убирать урожай'.

Следует отметить, что с этим индоевропейским корнем увязывается и корень ***meH-** в значениях 'измерять' и 'время': хет. *meḫur* 'время', др.-инд. *máti, mímāti* 'измеряет', гот. *mēl* 'время', лат. *mētior* 'измеряю'. При допущении первоначальной идентичности этих корней не представляется вполне ясным исходное значение. При допущении первоначальности значения 'созревать', 'убирать урожай' значения 'измерять' и 'время' можно было бы соотнести с обобщением сезонного времени созревания злаков и снятия урожая на время вообще[1].

Такая интерпретация развития этих значений могла бы указывать на особую значимость сельскохозяйственного цикла созревания земледельческих культур, связанного с временами года.

2.7. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «СЕРПА»

И.-е. ***serp[h]-** 'серп', 'орудие для уборки урожая': хет. ^{GIŠ}*šarpa-* 'сельскохозяйственное орудие' (возможно, для уборки урожая), обожествляемое в ритуалах наряду с 'плугом' (KUB X 92 V 13), см. *Gurney 1940: 90—91*; греч. *ἅρπη* 'серп', осет. *æxsyrf* 'серп' (при др.-инд. *sṛṇí* 'серп'), рус. *серп*, чеш. *srp* 'серп', латыш. *sirpis* 'серп', ср. также лат. *sarpō* 'режу', др.-в.-нем. *sarf* 'острый', 'грубый'. В древнеиндийском основа ***serp[h]-** в значении 'серп' заменяется производной от другой основы: др.-инд. *dā́tram* 'серп' (уже в "Ригведе").

Другая индоевропейская основа ***k[h]erp[h]-**, связанная с уборкой урожая, характеризуется, очевидно, бо́льшей диалектной ограниченностью (греко-кельто-германо-балтийский) и не может считаться общеиндо-

'весна', греч. *ἔαρ, род. п. ἔαρος* 'весна', лат. *uēr, род. п. uēris*, др.-ирл. *errach* 'весна', лит. *vāsara* 'лето', латыш. *vasara* 'лето', ст.-слав. *vesna* 'весна'.

[1] Ср. типологически такое обобщение значения 'время роста и созревания злаков' — 'сезонное время' — 'время вообще' в производных от диалектного и.-е. **jēr-* в его первоначальном значении, ср. сербо-хорв. *jarina* 'весенний или летний урожай', нем. Jahn 'ряд срезанных злаков' при греч. *ὥρος* 'время', 'год', авест. *yārə* 'год', гот. *jēr*, др.-англ. *gēar* 'год' (англ. *year*), др.-в.-нем. *jār* (нем. *Jahr*).

европейской основой в таком значении: греч. κρώπιον 'серп', ср. καρπός 'плод', ср.-ирл. *corrán* 'серп', др.-англ. *hærfest* 'осень' (англ. *harvest*), др.-в.-нем. *herbist* 'осень' (нем. *Herbst*), др.-исл. *harfr* 'борона', латыш. *cirpe* 'серп', лит. *kerpù* 'срезаю'.

В исторических индоевропейских диалектах соответствующие термины, восходящие к индоевропейским праформам ***serp**$^{[h]}$- и ***k**$^{[h]}$**erp**$^{[h]}$-, обозначали, очевидно, металлические орудия с деревянной рукояткой для срезания злаков[1]. Для общеиндоевропейской эпохи такое сельскохозяйственное орудие могло быть кремневым с возможной последующей заменой его на металлическое.

Кремневые жатвенные ножи появляются в первых земледельческих поселениях от Центральной Азии (Анау) до Передней Азии (Чатал-Хююк и Хаджылар, *Mellaart 1965 : 117—118*) и позднее Европы, начиная с VII тысячелетия до н. э. Позднее на Ближнем Востоке они заменяются металлическими серпами по мере развития металлургии (в Египте в раннем медном веке — в IV тысячелетии до н. э., *Чайлд 1956*). В некоторых ареалах Передней Азии и Европы металлические и каменные серпы сосуществуют длительное время (*Семенов 1974 : 259 и след.*; *Кларк 1953 : 117*).

2.8. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «РАЗМАЛЫВАНИЯ ЗЕРНА» И ДЛЯ «СТУПОК»

И.-е. ***p**$^{[h]}$**ei̯s-**/***p**$^{[h]}$**is-** 'толочь', 'измельчать' (зерно): др.-инд. вед. *pinášṭi* 'толчет', 'размалывает', *piṣṭá-* 'растолченный', 'размолотый', авест. *pišant-* 'толкущий', греч. πτίσσω 'толку', 'размалываю', лат. *pinsō* 'толку', 'размалываю', лит. *paisýti* 'вторично молотить ячмень, очищая его от остей, шелухи' (*Būga 1958—1961, 1 : 300*), чеш. *pěchovati* 'утрамбовывать'; именные образования: др.-инд. *peṣṭar-* 'тот, кто толчет', лат. *pistor* 'мукомол', 'пекарь', *pīsō* 'ступка', *pīlum*, *pistillum* 'пестик', ср.-н.-нем. *visel* 'ступка', ст.-слав. *pišeno* 'пшено', рус. *пшено*, прус. *som-pisinis* 'хлеб из муки грубого помола'.

Рушение и размалывание зерна в ступках (деревянных и каменных) с помощью пестика является древнейшим видом обработки зерна, предшествовавшим появлению собственно зернотерок и мельниц. Архаичные виды таких деревянных (дубовых) ступок обнаруживаются в Литве (*ср. Семенов 1974 : 275—277*).

И.-е. ***mel-** 'дробить', 'толочь', 'молоть': хет. *malla-* 'толочь', 'молоть', тох. В *melye* 'они дробят', 'они толкут', тох. А *malywät* 'ты толчешь, дробишь', лат. *molō* 'мелю', 'размалываю', др.-ирл. *melim* 'мелю', гот. *malan*

[1] Об этом можно судить, в частности, и по древнейшему свидетельству об этом сельскохозяйственном орудии в индоевропейской традиции—хеттскому ^{GIŠ}šagra-, которое могут и сжигать в ритуальных целях (т. е. сжигать его уничтожимую деревянную часть — рукоятку: ^{GIŠ}šar-pa-aš ḫa-aš-du-ir me-ir-ra-an-da ḫa-ar-nu-zi, VBoT 24 III 30—31 "серпа древко тленное сжигает") и 'выкладывать золотом': ^{GIŠ}šagra GUŠKIN GAR-RA (Bo 703, Vs. 9).

'молоть', др.-исл. *mala* 'молоть', лит. *malù* 'мелю', ст.-слав. *meljǫ* 'мелю'[1].

Диалектное распределение слов в значении 'молоть' не оставляет сомнений в общеиндоевропейском характере корня ***mel-*** 'дробить', 'молоть'. Лишь в некоторых исторических диалектах (греческо-армяно-арийском) происходит замена первичного слова в указанном значении на новообразования: греч. ἀλέω 'мелю', гом. καταλέω 'мелю', арм. *alam* 'мелю', авест. *aša-* (**arta-*) 'молотый', перс. *ārd* 'мука', хинди и бенгали *āṭā* 'мука'.

2.9. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «МЕЛЬНИЦЫ», «ЖЕРНОВА»

С тем же корнем ***mel-*** 'молоть' связывается диалектное индоевропейское обозначение 'зернотерки' - 'мельницы' ***mḷ-/*mul-***, засвидетельствованное в отдельных исторических диалектах: греч. μύλη 'мельница', брет. *meil* (**meliā*) 'мельница', лат. *molina* 'мельница', др.-исл. *mylna* 'мельница', прус. *malunis* 'мельница'.

Интересно, что в некоторых диалектах общее название 'женщины' связывается с обозначением 'мельницы-зернотерки' ***mḷ-/*mul-***, ср. лат. *mulier* 'женщина', ср. также арм. *alj-ik* 'молодая девушка' при *alam* 'мелю', *alawri* 'мельница'. Очевидно, молотьба была в древности женским занятием. Характерны в этом отношении хеттские данные, указывающие на связь 'мельницы' (очевидно, ручной) с 'женщиной', ср. хеттскую идеограмму SAL ^{NA_4}ARÀ 'мельничиха', буквально: 'женщина жернова'. Во многих ближневосточных культурах помол с помощью ручной мельницы-зернотерки является преимущественно женским занятием.

От того же корня ***mel-*** образуется в индоевропейском слово в значении 'мука', 'крупа', то есть результат 'помола', дословно — 'перемолотое': хет. *memal* (редуплицированная основа) 'крупа' (видимо, грубого помола), алб. *miéll* 'мука', др.-в.-нем. *gimulli* (нем. *Gemüll*), *mëlo* (нем. *Mehl*), др.-англ. *melu*, др.-исл. *mjǫl* 'мука', сербо-хорв. *mlêvo* 'мука'.

Основной составной частью 'зернотерки', 'мельницы' является 'жернов' — и.-е. ***k'°rāu̯-***, представленный соответствующими лексемами в широкой группе индоевропейских диалектов: др.-инд. *grā́van-* 'камень для выдавливания сомы', арм. *erkan* 'жернов', др.-ирл. *bráu*, *род. над. broon* 'жернов', 'ручная мельница', гот. (*asilu*)-*qairnus* '(ослиная) мельница', др.-исл. *kvern* 'жернов', 'мельница', др.-англ. *cweorn*, др.-в.-нем. *quirn* 'жернов', прус. *girnoywis*, лит. *gìrna*, латыш. *dzir̃nus*, ст.-слав. *žrŭnovŭ* 'жернов'. Основа увязывается с и.-е. корнем ***k'°er-*** в значении 'тяжелый': др.-инд. *gurú-*, греч. βαρύς, лат. *grauis* и др., ср. *Vendryès 1952a*.

Самые ранние археологические свидетельства о 'зернотерках-мельницах' наиболее примитивного седловидного типа относятся к северному Ирану (культура Сиалк, около V тысячелетия до н. э., *Се-*

[1] В древнеиндийском первичный корень mṛṇáti сохраняется в неспециализированном значении 'раздробить', 'разбить на мелкие кусочки'.

менов 1974 : 280); этот же тип отражен на памятниках египетского искусства V династии. Предполагается, что с Ближнего Востока мельницы-зернотерки этого типа проникают в Европу в значительно более позднюю эпоху (ср. данные о культуре колоколовидных кубков Триполья, около III в. до н. э., *Кларк 1953 : 120*).

Общеиндоевропейский термин для 'жернова' ***k'°rāu̯-** предполагает наличие уже у индоевропейских племен мельницы-зернотерки для 'обработки зерна' ***mel-**, наряду с более примитивным орудием—'пестиком' и 'ступкой': ***p[h]ei̯s-/*p[h]is-**, что опять-таки свидетельствует о связях в общеиндоевропейский период с переднеазиатской земледельческой культурой[1].

2.10. ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ЗЕРНА»

Общеиндоевропейское название для 'зерна' не прослеживается с достоверностью по всем диалектам. Обнаруживается лишь диалектно ограниченная основа ***k̂'r-no-**, выступающая в западном диалектном ареале: лат. *grānum* 'зерно', др.-ирл. *grán* 'зерно', гот. *kaúrn* 'зерно', др.-в.-нем. *korn* (нем. *Korn*), др.-англ. *corn* 'зерно' (англ. *corn*), лит. *žirnis* 'горох', прус. *syrne* 'зерно', ст.-слав. *zrĭno* 'зерно'.

В других группах древних индоевропейских диалектов в значении 'зерно' выступают другие основы, что не позволяет реконструировать для общеиндоевропейского состояния единую лексему в этом значении: хет. *ḫalki-* 'зерно', др.-инд. *dhānā́ḥ, мн. ч.* 'зерно', 'злаки', авест. *dānō-* 'зерно' при лит. *dúona* 'хлеб' (ср. лит. *žirnis* в более узком значении 'горох').

3. ТЕРМИНОЛОГИЯ СКОТОВОДСТВА И ОХОТЫ

3.1. ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ПАСТЬБЫ» И ОХРАНЫ «СТАДА»

Помимо рассмотренных выше, в главе о домашних животных, общеиндоевропейских терминов, относящихся к скотоводству, индоевропейское скотоводческое хозяйство находит отражение в целом ряде других общеиндоевропейских лексических единиц со специализированной семантикой:

И.-е. ***Haǩ'ro-** 'невозделанное поле для пастьбы домашнего скота' (*Thieme 1964 : 591—592*): др.-инд. *ájra-* 'пастбище', греч. гом. *ἀγρός* 'поле', 'пастбище' (ср., в частности, Е 137), ср. *ἄγραυλος* 'ночующий в поле' (о пастухе, Σ 162, о стаде), лат. *agrestis* 'полевой', 'дикий', ср. *peregrē* 'вне дома, в чужих краях'. В некоторых исторических диалектах слово приобретает вторичное значение 'возделанного поля' (ср. *Grassmann 1863 : 23*): гот. *akrs* 'поле', др.-англ. *æcer* 'поле', 'пашня', 'акр' (англ. *acre*), др.-в.-нем. *ackar* (нем. *Acker*);

[1] Характерно, что и для общесемитского восстанавливается слово, обозначающее 'жернов' **raḥaj-*, а также глагольная форма **-ṭḥan-* со значением 'размалывать (зерно)', *ср. Fronzaroli 1971. VII : 617—618.*

И.-е. ***p[h]aH- // *p[h]oH(i)-** 'охранять' (в частности, скот), 'пасти': хет. *paḫš-* 'охранять', тох. А *pās-*, тох. В *pāsk-* 'охранять', др.-инд. *pā́ti* 'охраняет', авест. *pāiti* 'охраняет', лат. *pāscō* 'пасу', ст.-слав. *pasǫ* 'пасу'.

Производные от этой же основы в диалектных группах дают значения 'стадо', 'пастух': греч. гом. πῶυ 'стадо', ср. др.-инд. *pāyú-* 'защитник' (в "Ригведе" о богах), греч. гом. ποιμήν 'пастух', лит. *piemuõ* 'пастух'; др.-инд. *go-pá-* 'пастух' (буквально: 'защитник скота'), *avi-pā(lá)-* 'овечий пастух', ср. арм. *hoviw* 'пастух' (из ***Hoi̯-p[h]aH-**), лат. *pāstor* 'пастух', ст.-слав. *pastyrĭ* 'пастырь', *pastuchŭ* 'пастух'.

3.2. ДРЕВНЕЕ НАЗВАНИЕ «ПАСТУХА»

И.-е. ***ḭes-t[h]er-** 'пастух': хет. *ḭeštara-* 'пастух', авест. *vāstar-* 'пастух'; ср. хет. *ḭešiia-* 'пасти', *ḭeši-* 'пастбище'. Несмотря на ограниченную представленность слова фактически в двух языках (хеттский и древнеиранский), диалектное его распределение указывает на исключительную архаичность основы и делает возможным соотнесенность ее с общеиндоевропейским периодом. Во всех остальных индоевропейских диалектах эта основа вытесняется производными от рассмотренной выше основы ***p[h]aH-/ *p[h]oH(i)-** в значении 'охранять стадо', 'пасти'. В хеттском, как и тохарском, сохраняется первичное значение основы ***p[h]aH-** 'охранять', 'соблюдать' (не только и не столько по отношению к скоту), ср. хеттское выражение *uttar paḫš-* 'соблюдать, хранить слово (заповедь)', *paḫḫur paḫš-* 'поддерживать огонь' и др. Специализированное значение 'охранять скот' закрепляется за этим словом уже после обособления анатолийского и тохарского ареалов в пределах индоевропейской языковой общности.

Другое индоевропейское диалектное название 'пастуха' можно видеть в соответствиях производных от основы ***k[h]°el-** : ср. греч. βουκόλος 'пастух коров' (мик. *qo-u-ko-ro-jo*) при ср.-ирл. *búachaill*, валл. *bugail* 'пастух' (ср. алб. *á-sull* 'зимнее пастбище'); к индоевропейским обозначениям 'пастуха' и 'пастьбы' см. также *Bader 1976a*.

3.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОХОТЕ

При отсутствии общего индоевропейского термина, обозначающего 'охоту' как вид хозяйственной деятельности, удается тем не менее реконструировать отдельные общеиндоевропейские лексемы местного характера, соотносящиеся с различными сторонами занятий охотника. Такие лексемы позволяют судить о характере и особенностях этого вида занятий у индоевропейских племен и установить их типологические характеристики.

Устанавливаемые для отдельных индоевропейских диалектов термины с общим значением 'охота', 'охотиться', которые увязываются этимологически со значением 'желать', 'домогаться', 'любить' (ср. хет. *ḫurna-* 'охотиться' и *ḫurnai-* 'домогаться', 'оплодотворять'; лат. *uēnor* 'охочусь' и 'домогаюсь' — отсюда *uenus* 'любовь'; рус. *охота, охотиться*

и *хотеть*[1]; др.-инд. *lubdhaka-* 'охотник' и *lubh-* 'желать', 'домогаться', родственное рус. *любить*)[2] могут объяснять отсутствие общеиндоевропейского термина для 'охоты'. Такое слово должно было быть табуировано в отдельных индоевропейских диалектах или, возможно, еще ранее — в отдельных индоевропейских диалектных объединениях — и заменено эвфемистическими образованиями с почти одинаковой семантической окраской, ср. *Зеленин 1929—1930, I : 125*; *Фасмер 1964—1973, III : 176*.

Уже сам факт табуирования общеиндоевропейского названия 'охоты' и замены его эвфемистическими терминами должен указывать на большое хозяйственно-ритуальное значение этого вида деятельности, с которым у древних индоевропейцев были, очевидно, связаны разные суеверные представления. Это перекликается с рассмотренными выше многочисленными случаями табу названий диких зверей и животных.

К охотничьей терминологии индоевропейской древности следует отнести корень *s/ŝek[h]o- в значении 'видеть', 'смотреть', 'глаз', 'взгляд', наряду со значением 'следовать':

И.-е. *ŝe/ok[h]o- 'видеть', 'глаз': хет. *šakuṷa* 'глаза', *šakuṷai-* 'видеть', 'смотреть', гот. *saihvan* 'видеть', др.-исл. *sjá* 'видеть', др.-англ. *sēon* (англ. *see*), др.-в.-нем. *sehan* (нем. *sehen*), др.-ирл. *rosc* 'глаз', 'взгляд' (**pro-sk*^{w}*o-*), алб. *shoh* 'видеть', 'смотреть' (см. также выше, стр. 121);

И.-е. *sek[h]o- 'следовать', 'преследовать': др.-инд. *sácate* 'следует', греч. ἕπομαι 'следую', лат. *sequor* 'следую', 'преследую' (например, *hostem* 'врага'), др.-ирл. *sechithir* 'следует', лит. *sèkti* 'следовать', *at-sèktas* 'выслеженный'.

При проецировании обоих этих значений в одном слове на общеиндоевропейский уровень (ср. сочетание этих значений в одном корне в кельтском: др.-ирл. *rosc* 'взгляд', 'глаз' и *sechithir* 'следует', и балтийском: лит. *sèkti* 'следить взглядом' и 'следовать', *Būga 1958—1961, II : 584*)[3] следует постулировать общую лексему *s/ŝek[h]o- в значениях 'глаз', 'взгляд', 'смотреть', 'видеть' и 'следовать', 'преследовать'. Объединение

[1] Ср. синтаксически схожие построения с индоевропейским глаголом **eį-/*i-* 'идти': хет. ḫurnuqanzi pai- 'идти охотиться', *Eheloif 1930 : 148—149*; лат. uēnātum īre 'идти на охоту', рус. *идти охотиться*.

[2] Аналогичная семантика исторически характерна, очевидно, и для древнегерманского слова для 'охоты': др.-в.-нем. jagōn 'охотиться' (нем. jagen, Jagd), сопоставляемого с др.-инд. (prá-)yakṣa- 'стремиться', 'домогаться', *Grassmann 1873 : 1069*.

[3] Сочетание этих значений в одном и том же слове можно предположить и для хеттского языка. Встречающийся в контекстах юридического содержания хеттский глагол šakuqai-, обозначающий определенный вид наказания (*Friedrich 1952 : 177*), должен выражать значение 'следовать' (в специализированном юридическом смысле, ср. рус. *следовать ~ пре-следовать*, лат. sequor 'следую' ~ pro-sequor 'преследую'). При таком допущении становится понятной формально-этимологическая связь хет. šakuqai- 'видеть' и šakuqai- как обозначения 'вида наказания' (очевидно, особый вид преследования). В хеттском слово šakuqai- в первоначальном значении 'следовать' сохраняется только в этом специализированном юридическом значении 'преследовать', в отличие от некоторых других древних индоевропейских диалектов, которые, однако, теряют значение 'видеть', 'смотреть'.

этих значений в общей основе становится понятным при допущении значения 'следить взглядом', 'не упускать из вида', 'следовать глазами', очевидно, за преследуемым зверем. Основу *s/ŝek[h]°- следует отнести тем самым к древнейшей охотничьей терминологии общеиндоевропейского языка, ср. *Vendryès 1949/50*; *Pokorny 1959 : 896—897*. Первичный охотничий характер индоевропейского термина *s/ŝek[h]°- все еще сохраняется в некоторых исторических диалектах в специфических контекстах, ср. лат. *lupum sequor* 'преследую волка', лит. *sèkti paũkščio skridìmą* 'следить за полетом птицы' и т. п.

Другим сохранившимся термином охотничьего языка, реконструируемым для общеиндоевропейского или во всяком случае для достаточно древней индоевропейской диалектной общности (арийско-германо-кельтской), является и.-е. *selk̂'-: др.-ирл. *selg* 'охота', *sleg* 'копье', др.-валл. *in-helcha* 'охотясь', 'на охоте', *helgha-ti* 'охоться!', валл. *heliwr* 'охотник', брет. *di-elc'hat* 'выдохнуться'; др.-англ. *be-sylcan* 'обессилеть' (англ. *sulky* 'понурый', 'сникший'); др.-инд. *sr̥játi* 'спускает' (в частности, собак : *sr̥játi śúnaḥ*), авест. *harəzaiti* 'выпускает', 'высылает'. Сопоставление приводимых значений, выражаемых производными от основы *selk̂'- в рассматриваемых индоевропейских диалектах, позволяет реконструировать для определенной древней диалектной общности охотничий термин, выражавший, вероятно, специфический вид охоты, включавшей преследование зверя собаками. Охота с собаками является одним из древнейших типов охоты на дикого зверя, свидетельства которой известны из большого числа древних наскальных изображений, см. выше, рис. на стр. 592.

Обнаруживаемые следы специальной охотничьей терминологии в индоевропейском свидетельствуют о довольно развитой охотничьей деятельности, которая наряду с земледелием и скотоводством служила, очевидно, основным видом хозяйственных занятий у древних индоевропейцев.

Охота еще долго остается одним из видов хозяйственной деятельности и в условиях развивающегося земледелия и скотоводства. В таких земледельческих и скотоводческих обществах охотничья деятельность служит как для добывания пищи, так и для целей охраны хозяйства от диких животных.

4. ЭЛЕМЕНТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО БЫТА ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

4.1. ОБЩИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ЕДЫ» И «ПРИЕМА ПИЩИ»

Характер пищи древних индоевропейцев определяется типом их хозяйственной деятельности и состоит из продуктов скотоводческой, земледельческой и охотничьей деятельности. Сохранившиеся общеиндоевропейские слова, обозначающие разные виды пищи, дают возможность судить о характере пищи древних индоевропейцев.

Для общеиндоевропейского восстанавливаются общие термины в значении 'есть' и 'пить':

И.-е. ***et'*- 'есть': хет. *etmi* 'я ем', *3 л. мн. ч. adanzi* 'они едят', др.-инд. *ádmi* 'ем', авест. *aδāiti* 'пусть ест', арм. *utem* 'ем', греч. ἔδομαι, лат. *edō* 'ем', др.-ирл. *estar* (**et'-s-t[h]ro*) 'ест' (*конъюнктив*), гот. *itan* 'есть', др.-англ. *etan* (англ. *eat*), др.-в.-нем. *ezzan* 'есть' (нем. *essen*), лит. *ėdu* 'ем', ст.-слав. *jamĭ* 'ем'.

Именные производные от этого корня дают субстантивные образования в значении 'пища', 'корм'. При этом разное суффиксальное оформление основы дает в отдельных диалектах семантическое противопоставление 'корм' (для скота) ~ 'пища' (человека):

Хет. *etri* 'корм для скота' (ср. хет. *etriya-*, лув. *adari-* 'кормить'), *Laroche 1955 : 82*; греч. εἶδαρ 'корм', 'пища', 'кушанье' (*Chantraine 1964 : 16*); лит. *ėda* 'еда', рус. *еда*, болг. *яда* 'еда', др.-исл. *áta* 'пища', 'питание'.

От того же корня образуется основа на ***-nt[h]-**, принимающая в ряде диалектов значение 'зуб': ср. хет. *adant-* 'едящий' и 'съеденный' при др.-инд. *dán*, *вин. п. dántam* 'зуб', арм. *atamn*, греч. ὀδών, *род. п.* ὀδόντος 'зуб', лат. *dēns*, *род. п. dentis*, др.-ирл. *dét*, гот. *tunþus*, др.-в.-нем. *zand* (нем. *Zahn*), др.-англ. *tōð* (англ. *tooth*), лит. *dantìs* 'зуб'.

Особенно часто корень ***et'*- в значении 'есть' выступает в сложных словах в конструкциях с предшествующим объектом, что указывает на исключительную древность структуры:

Др.-инд. *madh(u)v-ád-* 'медо-ед', ст.-слав. *medv-ědĭ* 'медведь'; ср. лит. *dúon-ėdis* 'хлебо-ед' (*Būga 1958—1961, II : 692*); др.-инд. *kravy-ád-* (<*kravya-ad-*) 'мясо пожирающий' (об Агни, *Geib 1975*), греч. гом. ὠμ-ηστής 'плотоядный' (о животных, X 67), др.-инд. вед. *āmād-* 'сырое мясо едящий' (о хищных птицах).

4.2. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «СЫРАЯ ПИЩА» — «ВАРЕНАЯ ПИЩА»

Противопоставление 'сырая пища' ~ 'вареная пища' как характеристика 'нечеловеческой' и 'человеческой' пищи явно реконструируется уже для общеиндоевропейского и отражается в отдельных исторических диалектах, ср. хет. *ḫuišuant-* 'сырое мясо' ~ *zanuant-* 'вареное мясо' (в хеттских ритуалах).

В качестве общего слова для 'сырого мяса' в индоевропейском реконструируется форма ***k[h]reuH-/*k[h]ruH-**, к которой восходят др.-инд. *kravíḥ ср. р.* 'сырая плоть', 'сырое мясо', *kravyám* 'сырое мясо', *krūrá-* 'кровавый', 'страшный', авест. *xrūra-* 'кровавый', 'страшный', *xrū-* 'кусок кровавого сырого мяса', греч. κρέας 'мясо', лат. *cruor* 'густая кровь, текущая из раны', *cruentus* 'кровавый', ср.-ирл. *crú* 'кровь', др.-исл. *hrár* 'сырой', 'несвареный', др.-в.-нем. *(h)rō* 'сырой' (нем. *roh*), лит. *kraūjas* 'кровь', ст.-слав. *krŭvĭ* 'кровь'.

'Мясо' вообще как продукт, употребляемый в пищу, нейтральный по отношению к признаку 'вареный', 'несырой' ~ 'невареный', 'сырой', выражается общим словом ***mēms-o-**, засвидетельствованным по всем основ-

ным древним индоевропейским диалектам[1]: тох. В *misa* 'мясо', др.-инд. *māṁsám* 'мясо' (ср. вед. *māṁsa-bhikṣā́* 'просьба о мясе' того животного, которое хочется поесть, *māṁs-pácana-* 'варящий мясо'), арм. *mis*, *род. п. msoy* 'мясо', греч. гом. μηρία, μῆρα 'бедровые части, куски', алб. *mish* 'мясо', лат. *membrum* 'член' (первоначально: 'относящийся к частям туши, тела'), др.-ирл. *mír* 'кусок' (мяса), гот. *mimz* 'мясо', прус. *mensā* 'мясо', латыш. *miesa* 'мясо', ст.-слав. *męso* 'мясо'.

Семантическое противопоставление 'сырой' ~ 'несырой', отличающее человеческую пищу от пищи животных, которое реконструируется для индоевропейского, характерно типологически для многих культур, находящихся на различных ступенях развития (*Lévi-Strauss 1964*) и отличающихся от культур с менее последовательным разграничением этих категорий (ср. к такой типологии *Ingham 1971*; *Soler 1973*).

4.3. ОБРАБОТКА ПИЩИ НА «ОГНЕ»

Общее слово, обозначавшее обработку человеческой пищи на огне, реконструируется в форме ***p[h]ek[h]°-** : тох. А *päk-* 'варить', 'вариться', 'готовить', 'быть готовым', тох. В *päkw-* 'варить', др.-инд. *pácanti* 'варят', 'жарят', 'готовят на огне', греч. πέσσω 'варю', ἀρτο-κόπος 'хлебопек' (ср. арм. *hac'* 'хлеб' из ***p[h]ok[h]°-t[h]i**), лат. *coquō* 'пеку', 'варю', 'стряпаю', лит. *kepù* 'пеку', *kèpti* 'печь', 'жариться', 'печься', 'выпекаться', ст.-слав. *pekǫ* 'пеку', алб. *pjek* 'пеку'.

Предполагается наличие и других терминов в индоевропейском, связанных со значением 'обработки пищи': ***b[h]reǩ'-/*b[h]ruǩ'-** : др.-инд. вед. *bhṛjjáti* (*dhānā́s*) 'жарит (зерна)', ср. греч. φρύγετρον 'сосуд для жарения ячменя', φρύγω 'жарю', 'сушу', др.-инд. *bharjana-* 'жарящий', ср.-перс. *barštan* 'жарить' (перс. *birištan* 'жарить'), ст.-лат. *ferctum* 'жертвенный пирог, приготовленный из ячменя, меда и масла', *причастие* от ***fergō* 'жарю (зерна ячменя)', оск. *fertalis* 'ритуальная церемония, во время которой приносились жертвенные пироги', лит. *bir̃gelas* 'домашнее пиво', латыш. *bir̃ga* 'чад', 'дым', прус. *aubirgo* 'кухмистер' (*Топоров 1975-, I : 143—144*).

4.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ОГНЯ» И «ОЧАГА»

Пища, естественно, приготовлялась на 'огне' ***p[h]ḫHur** (хет. *paḫḫur*, тох. А *por*, В *puwar*, арм. *hur*, *род. п. hroy* 'огонь', греч. πῦρ 'огонь', умбр. *pir* 'огонь', др.-исл. *fúrr* 'огонь', гот. *fōn*, др.-англ. *fȳr* 'огонь', англ. *fire*, др.-в.-нем. *fuir*, нем. *Feuer*, прус. *panno* 'огонь'[2]), горевшем в 'очаге' ***Has-**:

[1] Соответствующее хеттское слово скрывается за шумерограммой UZU (аккадское šīru 'мясо').

[2] Это слово, принадлежавшее в раннем индоевропейском к инактивному классу и противостоявшее обозначению 'огня' **ṇk'ni-* (др.-инд. agní-, лат. ignis, ст.-слав. *ognĭ*) как активной силы, вытесняется в дальнейшем в отдельных диалектах (древнеиндийском, латинском, литовско-латышском, славянском) этим последним обозначением. В других диалектах, наоборот, обобщается основа **p[h]ḫHur*, вытесняя древнее активное слово и

хет. *ḫaššī*, *дат.-мест. п.* 'в очаге', оск. *aasaí* 'в очаге', лат. *āra* 'очаг'; ср. **др.-хеттскую** формулу *ḫa-aš-ši-i pa-aḫ-ḫu-ur*, BoTU 10 β 23—25 'в очаге **огонь**' с оскской *aasaí purasiaí* 'в очаге огневом'.

4.5. ОБРЯДОВАЯ РОЛЬ «ОГНЯ» И «ОЧАГА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Поддержание 'огня' в 'очаге' и приготовление горячей пищи играло, очевидно, существенную роль в хозяйстве индоевропейцев и приобретало ритуальную значимость, что и отразилось в исключительной культово-ритуальной значимости 'очага' и обрядовой группы 'поваров—приготовителей пищи' в отдельных индоевропейских традициях.

В хеттской традиции имеются специальные инструкции для 'поддержания огня' (зачастую ритуального) в 'очаге'. Служителей храмов и других должностных лиц призывают 'раздувать' и 'охранять' огонь в очаге, ср. хет. *ḫa-aš-ši pa-aḫ-ḫu-ur pa-ra-iš-te-ni*, 2 BoTU 10 β 22 "в очаге огонь будете раздувать"; *nu* IZI *me-ik-ki pa-aḫ-ḫa-aš-tin* "и огонь чрезмерно охраняйте", KUB XIII 4 III 44. Имелись даже специальные 'люди огня' (LÚ^{MEŠ} *paḫḫuenaš*), которым вменялось в обязанность следить за 'огнем' (KBo V 11 Vs. I 21—24). Особые 'повара' (идеограмма ^{LÚ}MUḪALDIM), занятые приготовлением пищи, в частности, во время религиозных обрядов и церемоний, формируются в отдельную касту должностных лиц, получающих наделы за свои труды (ср. упоминания поваров ^{LÚ}MUḪALDIM в дарственной грамоте Арнуванды, KBo V 7 I Rs. 13, *Riemschneider 1958 : 352*).

Аналогичные ритуальные группы с еще более сложившейся ритуальной функцией известны и в древнеримской традиции. Существовали специальные коллегии 'поваров'. Из архаической надписи фалискской коллегии поваров (*Ququei*) известно, что они преподносили дары 'высшим богам' (*Imperatoribus Summeis*) — Юпитеру, Юноне и Минерве.

В Риме долгое время сохранялся общественный культ огня, воплощаемый богиней Вестой. Известны очаги разных типов и разной формы: круглые, посвященные Весте, и четырехугольные, посвящаемые другим божествам, что аналогично противопоставлению четырехугольных и круглых очагов в древней Индии (*Dumézil 1966 : 311*; ср. о Греции *Vernant 1969*). Такой 'огонь' обычно разводился в середине 'дома' или всего 'селения', 'города' (ср. 'срединный огонь' в кавказских традициях).

В индийской традиции в течение длительного времени сохраняется, с одной стороны, культ 'огня' и 'очага' (к иранским названиям 'очага' ср. *Eilers 1974*), с другой стороны, ритуальные касты 'поваров', по своему типу сходные с хеттскими. Такие повара должны были приготовлять пищу во время религиозных праздников и общественных церемоний, *Hocart 1970 : 116, 125*.

стирая тем самым первоначальное индоевропейское противопоставление названий 'огня' по признаку активности—инактивности денотата. Слово, по-видимому, первоначально характеризовало специальную 'обработку зерен (в частности зерен ячменя) на огне'.

4.6. РИТУАЛЬНАЯ ПИЩА, ПРЕПОДНОСИМАЯ БОЖЕСТВУ

Сохранившиеся в отдельных исторических индоевропейских традициях ритуалы приготовления пищи и посвящения ее богам могут отражать древнейшие обычаи, относящиеся еще к общеиндоевропейской эпохе. Для индоевропейского можно даже предположить наличие особого термина ***t'aHp$^{[h]}$-** в значении 'ритуальных яств, преподносимых божеству и съедаемых во время праздничных церемоний': лат. *daps* 'торжественная (культовая) трапеза', 'пища', 'обед', 'пиршество', ср. тох. А *tāp-* 'есть', арм. *tawn* 'празднество', др.-исл. *tafn* 'жертвенное животное', 'жертвенная пища'.

Следовательно, наряду с индоевропейским словом ***et'-** в общем значении 'есть', 'питаться' выделяется также основа ***t'aHp$^{[h]}$-** в значении 'поедать ритуальную пищу, приносимую божеству'. Такое первоначальное значение этого слова явно прослеживается еще в его рефлексах в исторических индоевропейских диалектах и их производных.

Особенно ясно семантика этого слова проявляется в латинском. Лат. *daps* — это 'пиршественные яства, посвящаемые богам и изобилующие мясом и вином'; их поедают торжественно участники церемонии посвящения богам (*Benveniste 1966a : 323 и след.*). Образование на *-l* дает адъективную форму, обозначающую божество, которому посвящается жертвенное пиршество: *Juppiter Dapālis* 'Юпитер, которому посвящается торжественная трапеза'. Такое латинское образование на *-l* сопоставимо с тохарским А *tāpal*, употребляемым в некотором модальном значении: 'то, что должно быть съедено', 'пища' (*Thomas W. 1952 : 57, 62*; ср. *Van Windekens 1976 : 497*), ср. *śiśkis tāpal mā pälskānt* "они не думали о возможности поедания львом". Формально совпадает с этими образованиями и хет. ^{LÚ}*tappala-* в значении 'должностного лица, связанного с придворной кухней' (*Friedrich 1952 : 210*). Такое формально-смысловое совпадение не оставляет сомнения в этимологической соотнесенности хет. *tappala-* с рассмотренными выше формами в других индоевропейских диалектах. Наличие этой основы в хеттском, тохарском и других исторических индоевропейских диалектах дает надежные основания для постулирования этого слова в общеиндоевропейском языке в значении '(поедать) обрядовые яства, приносимые божеству'.

4.7. «ОБМЕН» ПИЩЕЙ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ И БОГАМИ И ОБОЗНАЧЕНИЕ «ГОЛОДА»

Жертвоприношения божествам воплощают в древних обществах представление о некотором 'взаимном обмене', существующем между 'людьми' и 'богами'. Принесение пищи в жертву божествам предполагает изобилие пищи, посылаемое богами людям. При нарушении такого 'взаимного обмена' боги могут перестать посылать пищу на землю, что может привести к 'голоду'.

Восстанавливается и индоевропейское слово в значении 'голод' на основании свидетельств хет. *kašt-* 'голод', *kištant-* 'голод', тох. А *kaṣt* 'го-

лод', тох. В *kest* 'голод', ср. др.-инд. *jásuri-* 'изголодавшийся', 'тощий', *Mayrhofer 1956, 1 : 425*; *Van Windekens 1976 : 168*).

Фактор 'голода' людей и богов при нарушении нормального 'обмена' между ними играет существенную роль в хеттских ритуально-мифологических текстах, отражающих, очевидно, древнейшие индоевропейские представления. Так, в "Молитвах Мурсили во время чумы" высказываются опасения по поводу возможной гибели от голода богов, которым люди перестанут приносить в жертву хлеб и питье (*Goetze 1929 : 239*). В древнехеттском мифе о Телепину такая участь постигает людей из-за гнева бога. Подобные мотивы являются характерной особенностью древних земледельческо-скотоводческих обществ, к которым следует причислять и индоевропейцев.

4.8. ДРУГИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ПРИЕМА ПИЩИ»

К общеиндоевропейской лексике, относящейся к 'еде', 'потреблению пищи', принадлежит и форма ***k'^{o}er-** 'глотать', дающая в диалектах специфические значения 'жадно есть, потреблять пищу и питье': др.-инд. *giráti* 'глотает', *-gara-* 'глотающий' (в словосложениях типа *aja-gará-* 'заглатывающий козлов', о змее), авест. *jaraiti* 'проглатывает', ср. *aspō-gar-* 'заглатывающий лошадь', *garəman-* 'глотка', арм. *ker*, *kur* 'пища', *kokord* 'глотка', алб. *ngrânë* 'съеденный', греч. гом. βρώμη 'еда', 'пища', βρῶσις 'еда', βρωτός 'пища', βιβρώσκω 'наедаюсь', греч. βορός 'прожорливый', лат. *uorō* 'пожираю', ср. лат. *carni-uorus* 'плотоядный', др.-ирл. *túarae* 'пища', лит. *gerìu* 'пью', ст.-слав. *po-žĭrǫ* 'пожру', ср. *Pokorny 1959 : 474—475*.

4.9. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ПИТЬЯ», «ПОГЛОЩЕНИЯ ЖИДКОСТИ»

Семантема 'пить' представлена в индоевропейском двумя основами: ***ek$^{[h]o}$-** и ***p$^{[h]}$oH(i)-**;

И.-е. ***ek$^{[h]o}$-** : хет. *ekuzzi* 'он пьет', *3 л. мн. ч. akuanzi* 'пьют', лув. *aku-*, иер. лув. *aku-*, пал. *aḫu-* 'пить', тох. A, B *yok-* 'пить'; сюда же относятся основы в значении 'вода': лат. *aqua* 'вода', гот. *ahva* 'река', др.-исл. *ægir* 'бог моря';

И.-е. ***p$^{[h]}$oH(i)-** : хет. *paš-* 'глотать', греч. πίνω 'пью', πῶθι 'пей!'; сюда же относится πῶμα 'питье', др.-инд. *pîbati* 'пьет', лат. *bibō* 'пью', др.-ирл. *ibid* 'он пьет', прус. *poieiti* 'пьет', ст.-слав. *pijǫ* 'пью', алб. *pi* 'пить', арм. *ɔmpem* 'пью'.

Наличие двух основ, восстанавливаемых для индоевропейского в значении 'пить', предполагает некоторую семантическую дифференцированность глагола в зависимости от подразумеваемого или примысливаемого объекта. Судя по семантике производных от этих первичных глагольных образований (ср., с одной стороны, лат. *aqua* 'вода', гот. *ahva* 'река', 'поток воды', с другой, лат. *pōtus* 'питье', 'напиток', ст.-слав. *pivo* 'напиток', др.-инд. *pānam* 'напиток' и др.), глагол ***ek$^{[h]o}$-** должен был означать пер-

воначально 'пить воду' (ср. хет. *ŭatar ekutteni* 'воду будете пить', тох. А *wär yoktsi* 'воду пить'), тогда как ***p[h]oH(i)-**, по всей вероятности, означало 'пить какой-либо напиток', возможно ***med[h]u-** 'мед', 'опьяняющий напиток', ***u̯e/oi̯no-** 'вино', а также, вероятно, 'молоко' (см. выше об этих продуктах и их обозначениях в индоевропейском).

Вместе с пищей в жертву богам приносили и напитки. Жертвенную пищу часто окропляли напитками. Акт такого жертвенного возлияния выражался специальным словом ***sp[h]ent'-**, отразившимся в целом ряде древних индоевропейских диалектов (см. выше, стр. 652).

4.10. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ПИЩИ, ПРИГОТОВЛЕННОЙ НА ОГНЕ»

Из названий приготовляемой на огне пищи, сохранившихся в отдельных индоевропейских языках, несомненно общеиндоевропейского происхождения ***i̯eu̯-s-** 'похлебка (мясная)', 'варево': др.-инд. *yúṣ* / *yūṣán-* 'суп', 'похлебка из мяса', лат. *iūs, род. п. iūris* 'похлебка', 'суп', 'подливка', прус. *juse* 'мясная похлебка', лит. диал. *júšė* 'рыбная уха', 'варево', слав. ***jucha*** : др.-рус. *уха*, словен. *júha* 'суп', чеш. *jícha* 'похлебка'; сюда же относится, вероятно, греч. ζύμη 'закваска' (*Pokorny 1959 : 507*).

Другое диалектное слово в аналогичном значении 'похлебки', обработанной на огне или посредством брожения пищи, представлено формой ***k[h]r-em-** : др.-инд. *karam-bhá-* 'ячменная каша', 'похлебка', лат. *cremor* 'слизистый густой сок', галл. κοβρμι 'вид пива', др.-ирл. *coirm* 'пиво' (*Pokorny 1959 : 572*), ст.-слав. *krŭma* 'корм', рус. *корм* (*Фасмер 1964—1973, II : 329*).

4.11. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «СОЛИ»

Для приготовления пищи из земледельческих и мясных продуктов была необходима 'соль', название которой в общеиндоевропейском восстанавливается в форме ***sal-**, по свидетельству тох. А *sāle*, тох. В *salyiye*, греч. ἅλς 'соль', арм. *al* 'соль', лат. *sāl*, др.-ирл. *salann* 'соль', гот. *salt* 'соль', др.-в.-нем. *salz* (нем. *Salz*), др.-англ. *sealt* (англ. *salt*), латыш. *sāls* 'соль', ст.-слав. *solĭ* 'соль'[1]. В древнеиндийском засвидетельствовано переносное значение 'соленый' ⇒ 'море': др.-инд. *sal-ilá-*, ср. греч. ἅλς 'море' (см. подробнее выше, стр. 674).

4.12. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «МАСЕЛ»

Общий термин для 'масла' (по-видимому, как животного, так и растительного) восстанавливается в индоевропейском в форме ***selp[h]-** : тох. А *ṣālyp*, тох. В *ṣalype* 'масло' (сливочное или оливковое), 'жир', др.-инд. *sarpíṣ-* 'топленое масло', 'жир', греч. ἔλπος 'растительное масло'; 'ἔλαιον' (*Гесихий*), алб. *gjálpë* 'масло', др.-в.-нем. *salba* 'мазь' (нем. *Salbe*),

[1] Хеттское слово среднего рода для 'соли' скрывается за шумерограммой MUN-an; ср., однако, форму общего рода MUN-aš (*Friedrich 1952 : 286*).

salbōn 'намазывать' (нем. *salben*), др.-англ. *sealfian* 'намазывать' (англ. *salve*); ср. также выше, стр. 569 и след., о словах для обозначения 'сливочного масла'.

Другое слово для 'масла', преимущественно для натирания, намазывания, образовано от основы ***ong**$^{[h]o}$-: др.-инд. *añjánti* 'натирают', 'умащивают', *áñjaḥ* 'мазь', 'масло' (ср. *añjas-pā-* 'пьющий масло'), арм. *awcanem* 'намазываю' (*Meillet 1936 : 37*), лат. *unguō* 'мажу, намазываю мазью', 'умасливаю', 'покрываю салом', 'приправляю жиром', *unguentum*, *unguen* 'мазь', умбр. *umtu* 'натираю', др.-ирл. *imb* 'масло', прус. *anctan* 'масло', др.-в.-нем. *ancho* 'масло'.

Значения этого слова, засвидетельствованного в исторических индоевропейских диалектах, дают возможность реконструировать общеиндоевропейские значения 'мазь', 'масло для умащения'; 'мазать', 'намазывать', 'умащивать', что указывает на практику применения масел не только в пищу, но и для натирания тела и в других хозяйственных целях.

5. ТЕРМИНОЛОГИЯ РЕМЕСЕЛ И РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

5.1. ТЕРМИНЫ «ПРЯДЕНИЯ» И «ТКАЧЕСТВА», «ШИТЬЯ»

Среди основных занятий в домашнем хозяйстве, которые были обязанностью женщин уже в общеиндоевропейский период, выделяются 'ткачество' ***Hu̯eb**$^{[h]}$-, 'прядение' ***sneH**- и 'шитье' ***si̯u-(H)**-.

Основные термины, связанные с ткачеством ***Hu̯eb**$^{[h]}$-, и производные от этого корня, были рассмотрены выше, в главе о домашних животных в связи с описанием роли 'овечьей шерсти' и ее ритуально-хозяйственных применений (см. выше, стр. 581 и след.), а также в связи с добычей и производством 'льна' ***lĭno-** и 'конопли' (стр. 659 и след.):

И.-е. ***sneH-(i-/u-)** 'прясть', 'ткать', 'связывать', 'скручивать': греч. гом. νέω 'пряду', νῆμα 'ткань', 'пряжа', νῆσις 'прядение', лат. *neō* 'пряжу', 'тку'; ср.-ирл. *snīm* 'прядение', др.-в.-нем. *nāu* 'шью', *nājan* 'шить' (нем. *nähen*), латыш. *snāt* 'прясть', 'скручивать'; сюда же относятся образования на *-u-*: тох. В *ṣñaura*, *мн. ч.* 'жила', 'нерв', греч. гом. νεῦρον 'жила', 'тетива из воловьих жил', 'шнур', νευρή 'тетива', др.-инд. *snā́van-* 'жила', авест. *snāvarə* 'жила', арм. *neard* 'жила', ст.-слав. *snujǫ* 'сную', 'тку основу ткани' (ср. *Трубачев 1966 : 90—91, 113*);

И.-е. ***si̯u(H)**- 'связывать', 'шить', 'скручивать': хет. *šummanza(n)* 'веревка' (*Oettinger 1980*), др.-инд. *syū́man-* 'веревка', 'шнур', 'пояс', греч. ὑμήν 'жила'; др.-инд. ***sīvyati*** 'шьет', лат. *suō* 'шью', гот. *siujan* 'шить', лит. *siūti* 'шить', латыш. *šūt* 'шить', ст.-слав. *šijǫ* 'шью'; возможно, сюда же относится хет. *šuel* 'нить' (?) (*Friedrich 1952 : 196*);

И.-е. ***seH(i̯)**- 'связывать', 'скручивать': хет. *išḫi̯a-* 'связывать' (отсюда *išḫiul* 'договор'), лув. *ḫišḫi̯a-* 'связывать' (редуплицированная основа), др.-инд. *syáti* 'связывает', *аор. 3 л. ед. ч. ásāt*, латыш. *siet* 'связывать', лит. *siẽti* 'связывать', *saĩtas* 'привязь', латыш. *saĩte* 'завязка', 'пута', 'бечевка', прус. *saytan* 'ремень', ст.-слав. *sětь* 'петля', 'ловушка', 'запад-

ня', др.-в.-нем. *seito* 'веревка', 'петля' (нем. *Saite* 'струна'); сюда же относятся образования на *-m-*: хет. *išḫimana-* 'веревка', 'бечевка', греч. гом. ἱμάς, *род. п.* ἱμάντος 'ремень', др.-исл. *sîmi* 'веревка', 'шнур'.

Формально-семантическое сопоставление индоевропейских основ ***sḭu(H)-** и ***seH(i)-** и их производных позволяет сделать вывод об их вероятной исторической соотнесенности. Представляется возможным основу ***sḭu(H)-** считать древней формой нулевой ступени, оформленной на суффикс ***-u-**: ***seH(i)-** → ***sHḭ-u-**.

5.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ОДЕЖДЫ» И «ОДЕВАНИЯ»

Общеиндоевропейский термин для 'одежды' и 'одевания' вообще восстанавливается в форме ***u̯es-**, отраженной во всех основных древних индоевропейских диалектах: хет. *u̯eš̌š(iḭa)-*, *u̯aš̌š(iḭa)-* 'одеваться', *3 л. ед. ч. медиопас. u̯ešta* (KUB IX 28 I 15), лув. *u̯aš-*, тох. A *wäs-* 'одеваться', тох. B *wäs-* 'одеваться', др.-инд. *váste* 'одевается', авест. *vaste* 'одевается', арм. *z-genum* 'одеваюсь' (из ***u̯es-nu-**), греч. гом. ἕννῡμι 'одеваю', *мед.* 'одеваюсь', алб. *vesh* 'одевать', *vishem* 'одеваться', гот. *wasjan* 'одевать', др.-исл. *verja* 'одевать'; именные производные: хет. *u̯ašpa-* 'одежда', *Goetze 1955 : 52—53*; *Watkins 1969a*; лув. *u̯ašpa-nt-*, тох. A *wsāl* 'одежда', ср. др.-исл. *vesl* 'одежда'; др.-инд. *vásana-* 'одежда' (ср. греч. ἑανός 'женское одеяние'), авест. *vanhana-* 'одежда'; др.-инд. *vástra-* 'одежда', авест. *vastra-* 'одежда'; арм. *z-gest* 'одежда', греч. ἑσθής 'одежда', лат. *uestis* 'одежда', гот. *wasti* 'одежда'.

Основа ***u̯es-** может этимологически увязываться с первичным корнем ***eu̯-** (нулевая ступень с суффиксом ***-es-**) 'надевать', 'натягивать', ср. *Lane 1931 : 5*; лат. *ex-uō* 'раздеваю', *ind-uō* 'надеваю', *ind-uuiae* 'одежда'; арм. *aganim* 'надеваю', др.-ирл. *fuan* (из ***upo-ou-no**, *Pokorny 1959 : 346*), лит. *avėti* 'носить обувь', *aũti* 'обувать', латыш. *àut* 'обувать', ст.-слав. *ob-ujǫ* 'обуваю', ср. авест. *aoδra-* 'обувь'.

Обнаруживаются также некоторые диалектные слова, являющиеся обозначениями отдельных частей одежды или ее типов, как, например, греч. ζώνη 'пояс', ζωστός 'опоясанный', гом. ζωστήρ 'кушак', ζῶστρον 'пояс', авест. *yāh-* 'пояс', *yāsta-* 'опоясанный', алб. *ngjesh* 'опоясывать', лит. *júostas* 'опоясанный', *júosta* 'пояс' и др., ср. *Barber 1975*.

5.3. ОБЩИЙ ТЕРМИН ДЛЯ «РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

К индоевропейской терминологии ремесленного производства в широком значении относится и основа ***t[ḫ]e̯k[ḫ]s-** 'изготовлять', 'плести', 'обрабатывать' (преимущественно дерево острым орудием, топором), 'лепить'. Такой широкий спектр, восстанавливаемый по рефлексам этой основы в исторических индоевропейских диалектах, может указывать на собирательное обозначение соответствующим словом процесса ремесленного производства вообще (плотницкое ремесло, ткацкое дело, гончарное производство и др.):

Хет. *takš-*, *takkeš-*, *taggaš-* 'делать', 'соединять', 'составлять', 'строить', 'изготовлять'; др.-инд. *tákṣati* 'изготовляет', 'приготовляет', 'мастерит' (например, в "Ригведе" *rátham* 'колесницу', *casâlam aśvayūpâya* 'венец жертвенного столба'), *taṣṭá-* прич. пр. вр., авест. *tašta-* 'чаша', ср. лат. *testa* 'кирпич', 'сосуд', 'горшок'; др.-инд. *tákṣan-* 'плотник', авест. *tašan-* 'создатель', 'творец', ср. греч. τέκτων 'плотник', др.-инд. *táṣṭar-* 'плотник', ср. лат. *textor* 'ткач', авест. *tašaiti* 'изготовляет', 'плотничает', *taša-* 'топор' (перс. *taš* 'топор'); греч. τέχνη 'ремесло', 'искусство', 'мастерство', лат. *texō* 'плету', 'тку', 'составляю', 'строю', др.-ирл. *tál* (**tōkslo-*) 'топор', др.-в.-нем. *dehsa*, *dehsala* 'топор', 'секира', ср.-в.-нем. *dehsen* 'ломать коноплю', 'лен', лит. *tašýti* 'тесать', латыш. *tēst* 'тесать', 'обрабатывать', ст.-слав. *tesati* 'тесать', рус. ц.-слав. *тесла* 'плотничий инструмент' (ср. *Трубачев 1966 : 152*).

5.4. ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Диалектно более ограничена другая индоевропейская основа *k$^{[h]o}$er- примерно в том же значении 'делать', 'соединять', 'мастерить', 'формировать', отражающая некоторую общность процесса ремесленного производства:

Др.-инд. *karóti* 'делает', 'соединяет', 'приготовляет', *kárman-* 'ремесло', *Višvá-karman-* 'Всех дел мастер' (божество в "Ригведе"), *karmāra-* 'кузнец', авест. *kərənaoiti* 'делает', 'совершает', *čārā-* 'средство', 'способ', др.-ирл. *cruth* 'образ', 'форма', ср.-ирл. *creth* 'стихосложение', лит. *kùrti* 'создавать', 'творить', прус. *kūra* 'строит'.

Если сюда же относится и хет. *kuer-/kur-* 'резать', 'отрезать' (*Pedersen 1938 : 128*; ср. *Friedrich 1952 : 113*), то основу следует считать относящейся к общеиндоевропейской эпохе.

5.5. ТЕРМИНЫ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА

К индоевропейским терминам, относящимся к обработке дерева, принадлежит и основа *p$^{[h]}$lek$^{[h]}$- 'плести', 'переплетать'[1]:

Др.-инд. *praśna-* 'плетение', авест. *frašnəm* 'плетение', греч. гом. πλέκω 'заплетаю', 'плету', лат. *plectō* 'плету', 'свиваю', 'сплетаю', др.-в.-нем. *flehtan* 'плести' (нем. *flechten*), *flahs* 'лен' (нем. *Flachs*), др.-англ. *fleax* 'лен' (англ. *flax*), ст.-слав. *pletǫ* 'плету'.

И.-е. *t$^{[h]}$er- 'тереть', 'сверлить': греч. гом. τείρω 'тру', τέρετρον 'бурав', лат. *terō* 'тру', 'обтачиваю', 'вытачиваю', 'выскабливаю',

[1] Основа **p*$^{[h]}$*lek*$^{[h]}$- может представлять Состояние II от индоевропейского корня **p*$^{[h]}$*el-* 'складывать', см. *Pokorny 1959 : 834*; ср. *Watkins 1971 : 1535*: греч. δι-πλός 'двойной', лат. du-plus, du-plex 'двойной' (буквально: 'вдвойне сложенный'); гот. twei-fls 'сомнение', др.-в.-нем. zwîval 'сомнение' (нем. Zweifel); алб. pálë 'складка', др.-в.-нем. faltan 'складывать' и др. Состояние I от той же основы, возможно, представлено в индоевропейской форме **p*$^{[h]}$*elk*$^{[h]}$- 'крутить, поворачивать': др.-в.-нем. felga 'обод колеса' (ср. выше о *биномах Бенвениста*, стр. 225 и след.).

др.-ирл. *tarathar* 'тот, кто сверлит', др.-в.-нем. *drāen* 'вращать' (нем. *drehen*), ст.-слав. *tĭrǫ* 'тру', лит. *trìnti* 'тереть';

И.-е. ***b[h]er-** 'обрабатывать острым орудием' (в том числе дерево, землю): авест. *tiži-bāra-* 'с острым резцом', арм. *brem* 'выкапываю', 'высверливаю', алб. *borîg(ë)* 'щепка', *brimë* 'дыра', греч. φαρόω 'пашу', φάρος 'плуг', лат. *forō* 'буравлю', 'просверливаю', 'продырявливаю', др.-в.-нем. *borōn* (нем. *bohren*), др.-англ. *borian* (англ. *to bore*), др.-исл. *bora* 'сверлить', рус. *борть* 'дупло', 'выдолбленное дерево'.

И.-е. ***sk[h]er-** (с различными суффиксальными дополнениями) 'резать', 'стричь', 'кроить': др.-инд. *kṛ́ntáti* 'режет', авест. *kərəntaiti* 'режет', 'сдирает шкуру', 'свежует', греч. гом. κείρω 'режу', 'стригу', др.-исл. *skera* 'резать', др.-в.-нем. *sceran*, др.-англ. *sciéran* 'стричь', 'резать', рус. *крою*, полаб. *krûöje* 'режет', др.-ирл. *scara(im)* 'отделяю';

И.-е. ***t'er-** 'сдирать кору, кожу': греч. гом. δέρω 'сдираю шкуру', 'свежую', 'сдираю кору', арм. *terem* 'сдираю шкуру, кору', гот. *dis-tairan* 'разрывать', др.-англ. *teran* 'разрывать' (англ. *tear*), др.-в.-нем. *zeran*, *fir-zeran* 'разрывать' (нем. *verzehren*), лит. *dìrti* 'сдирать' (шкуру), 'лупить', 'драть', ст.-слав. *derǫ* 'деру'.

5.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ГОНЧАРНОГО ДЕЛА

Специальные слова, относящиеся к гончарному делу, представлены в индоевропейском небольшим числом общих терминов. Это прежде всего ***d[h]eiĝ[h]-** в специализированном значении 'глина', 'материал для гончарного производства', а также 'сооружение из глины', 'глинобитная стена'; ***d[h]eiĝ[h]-** в глагольном значении: 'месить глину', 'лепить'. Все эти предполагаемые значения общеиндоевропейского термина отражены в соответствующей семантике его рефлексов в исторических индоевропейских диалектах:

Тох. А *tseke* 'образ', др.-инд. *dehí* 'стена' (глинобитная), *dehayati* 'обносит стеной', авест. *pairi-daēzayeiti* 'обносит стеной', др.-перс. *didā-* 'крепость'; греч. гом. τεῖχος 'стена', 'твердыня', 'укрепление', 'вал'; оск. *feihúss* 'стены' (*вин. пад. мн. ч.*); лат. *fingō* 'леплю', 'образую', 'формирую', *figulus* 'горшечник', 'гончар', ср. др.-в.-нем. *tegal* 'тигель' (нем. *Tiegel*), гот. *daigs* 'тесто', др.-в.-нем. *teig* 'тесто' (нем. *Teig*), др.-англ. *dāg* 'тесто' (англ. *dough*).

Отсутствие других терминов гончарного дела, относящихся несомненно к общеиндоевропейскому языку, следует объяснить возможной утерей уже в отдельных исторических диалектах общих названий продуктов и приспособлений гончарного производства и заменой их новыми словами (к диалектным терминам гончарного дела см. *Трубачев 1966 : 173 — — 308*),ср. невозможность реконструкции с несомненностью общеиндоевропейского специального названия 'гончарного круга'[1]

[1] Если, однако, в качестве такового не рассматривать индоевропейские названия 'колеса' ***k[h]o$_e$k[h]o$_l$o-** (др.-инд. cakrá- 'круг', греч. κύκλος 'круг' и др.), ***rot[h]o-** (лат. rota 'колесо', 'гончарный круг'), ср. оба этих значения и у хет. ḫurki-'колесо' и 'гончарный круг'

Такая нестабильность в отдельных диалектах названий керамических изделий общего происхождения, как, впрочем, и названий других видов продуктов ремесленного производства (сохраняются лучше термины, обозначающие определенный вид ремесленной деятельности, чем названия продуктов этой деятельности), объясняется, по-видимому, меняющейся технологией ремесленного производства и появлением новых предметов с новыми обозначениями. В таких условиях исследователь лишен возможности постулировать на общеязыковом уровне термины, встречающиеся в отдельных диалектах, хотя эти термины и могут продолжать формы, существовавшие в период языковой общности.

Таким образом, даже при отсутствии разветвленной гончарной терминологии, восстанавливаемой для общеиндоевропейского, можно предполагать определенный уровень развития гончарного дела у древних индоевропейцев с соответствующими техническими приспособлениями для изготовления керамических изделий и обжигания их в печах.

В связи с этим можно предположить, что некоторые термины, относящиеся к гончарному делу и сохранившиеся лишь в определенных диалектных общностях, могут отражать и соответствующие термины общеиндоевропейской эпохи.

К таким ареальным терминам гончарного дела с возможным постулированием праформы на общеиндоевропейском уровне могут быть отнесены следующие: др.-инд. *ukhá-* 'горшок для варки', гот. *aúhns* 'печь' (ср. др.-англ. *ofnet* 'маленький сосуд', др.-в.-нем. *ovan* 'печь', нем. *Ofen*), греч. ἰπνός, ἰπνός 'печь', лат. *aulla, aula* 'горшок' (ср. *Pokorny 1959 : 88*) на основании сравнения с хет. *ḫappina* 'в печь' (*направит. пад.*, *Oettinger 1976 : 29*), прус. *wumpnis* 'печь для выпечки хлеба';

Др.-инд. вед. *gharmá-* 'котел', 'жар', *ghṛṇá-* 'жар', лат. *formus* 'теплый', *fornus* 'печь', *fornāx* 'печь', *fornix* 'свод' (видимо, 'свод из горшков', *Трубачев 1966 : 199*), др.-рус. *горнъ* 'горн', 'плавильная печь'. Исходная индоевропейская основа *$g^{[h]^o}$er- в первоначальном значении определяется как 'жар', 'тепло' (др.-инд. *háras-* 'жара', греч. θερμός 'горячий' и др.), однако уже довольно рано слово могло приобрести специальное техническое значение термина гончарного дела (ср. *Ernout/Meillet 1967 : 248*).

Гончарное дело возникает на раннем этапе неолитической революции и после VII—VI тысячелетий до н. э. распространяется из Передней Азии на территорию Европы и на восток в Азию (ср. *Mellaart 1965 : 86, 105—106, 115 и след.*).

(шумерограмма GIŠDUBBIN), ср. об этом подробнее ниже. В типологии культур устанавливается синхронная закономерность : гончарный круг предполагается в культурах, где наличествует колесо, *Childe 1954*. Несомненно устанавливаемое наличие 'колеса' у древних индоевропейцев, во всяком случае к периоду начала распада индоевропейской общности, делает вероятным наличие у них 'гончарного круга'.

5.7. ТЕРМИНОЛОГИЯ МЕТАЛЛУРГИИ. НАЗВАНИЯ «МЕДИ»

Гончарное производство является предпосылкой развития кузнечного дела и металлургии (*Wertime 1973a*). Нужные для этого температуры порядка 800°—1000°С достигались именно в специально оборудованных гончарных печах. Выплавка металлов могла происходить в специальных котлах, изолировавших металл от воздуха и не допускавших его окисления, ср. *Forbes 1955—1964, IX*; *Aitchison 1960.*

Для общеиндоевропейского удается реконструировать целый ряд названий 'металлов', что само по себе свидетельствует о знакомстве древних индоевропейцев с определенными видами металлов и их использовании в хозяйстве для производства орудий:

И.-е. ***Haḭe/os-*** : др.-инд. *áyaḥ*, *род. п.* *áyasaḥ* 'металл', 'железо', 'железное орудие', 'меч', 'нож', авест. *ayah-*, *род. п.* *ayaŋhō* 'металл', 'железо', лат. *aes*, *род. п.* *aeris* 'медь', 'бронза'; 'медное, бронзовое изделие', гот. *aiz* 'руда', др.-в.-нем. *ēr* 'руда', др.-исл. *eir* 'руда', 'медь'; производное на ***-no-***: авест. *ayaŋhaēna-* 'металлический', 'железный', лат. *aēnus* 'медный', 'бронзовый', др.-англ. *ǣren*, др.-в.-нем. *ērin* 'рудный'.

Ввиду многообразия значений производных от основы ***Haḭe/os-*** в исторических индоевропейских диалектах : 'медь', 'бронза' ('железо'), не представляется возможным выбрать формально одно из двух значений — 'медь' или 'бронза' — в качестве первичного. Соображения типологического характера (первичность 'меди' по отношению к 'бронзе', представляющей собой сплав 'меди' с 'оловом' или его заменителями[1]) свидетельствуют в пользу первоначального значения 'медь' для индоевропейского ***Haḭe/os-***. С появлением 'бронзы', известной в Передней и Юго-восточной Азии с IV тысячелетия до н. э. (*Forbes 1955—1964, IX*; *Wertime 1973 b : 876*), название 'меди' могло быть перенесено на 'бронзу', как позднее, уже в эпоху железа (в Западной Азии и Индии на рубеже II и I тысячелетий до н. э.), это же название переносится на 'железо', ср. в древнеиндийском описа-

[1] Древнейшие образцы 'меди' известны в Передней Азии начиная с Чатал-Хююка (VII—VI тысячелетия до н. э.), *Neuninger/Pittioni/Siegl 1964*.
В этом отношении интересны месопотамские ритуальные тексты, в которых воспевается 'огонь' (шум. gibil), смешивающий 'медь' (шум. urudu, аккад. erû) и 'олово' (шум. an.ŋag, аккад. annaku), *Levey 1959 : 211*. Любопытно, что в шумерском тексте "Энки и мировой порядок" говорится о 'бронзе' как о сплаве 'меди с оловом', ввозимом из восточной страны М е л у х х а, вероятно, Индии (*ср. Falkenstein 1964 : 76*): шум. urudu-zu ŋanga-zabar(-r[a) ḫé-ém] "медь твоя (то есть страны Meluḫḫa) олово-бронзы да будет" (то есть 'содержит'). Очевидно, в шумерскую эпоху оловянистая бронза ввозилась в Месопотамию из страны Meluḫḫa. Такая бронза в шумерском называется иногда просто 'медью Meluḫḫa' (urudu-me-luḫ-ḫa, *Sjöberg 1963 : 257*). Характерно, что уже давно было предположено происхождение шумерских 'бронз' из древних городов долины Инда, ср. *Aitchison 1960, I : 42—43, 62*. Только значительно позднее (вероятно, после разрушения городов долины Инда и нарушения торговых связей с Индией) 'олово' для производства 'бронзы' в Месопотамию и Малую Азию (kārum Kaniš) стали завозить с Запада, в частности с Пиренейского полуострова, ср. *Wertime 1973a, b*.

тельное название 'железа' от этого слова *kṛṣṇáyasa-* (*kṛṣṇa-*+*ayas-*), буквально: 'черный металл', ср. *Thieme 1964: 594*)[1]. Замена первичного названия 'меди' на 'бронзу' могла начаться довольно рано, возможно, еще в пределах общеиндоевропейского языка или отдельных его диалектных объединений. Этот процесс и отражен в соответствующих словах исторических индоевропейских диалектов, в которых наряду с обычным значением 'бронза' представлено и значение 'медь'.

5.8. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «МЕТАЛЛОВ» И ЦВЕТОВЫЕ ПРИЗНАКИ

Индоевропейское слово в значении 'медь', 'бронза' заменяется в ряде исторических диалектов на новообразования, возникающие путем заимствования или в результате обобщения названия определенного цвета на соответствующий металл. Так, к примеру, в хеттском уже не прослеживается это индоевропейское слово, и в значениях 'медь' и 'бронза' выступают другие слова: хет. *kuganna-* 'медь', 'драгоценный камень', 'купоросно-синий', лув. *kuganzu-* 'медь' (ср. *Laroche 1959a: 59*) при мик. греч. *ku-wa-no* 'синее стекло', греч. гом. κύανος 'синий', 'медь', 'сталь'[2]; хет.

[1] Др.-инд. kṛṣṇá- 'черный' с соответствиями прус. kirsnan, ст.-слав. črĭnŭ, лит. kéršas 'черно-белый (в пятнах)' (без суффиксального элемента *-*no*-). Слово является диалектным обозначением 'черного цвета', ограниченным индо-ирано-балто-славянской диалектной общностью, ср. *Порциг 1964: 247*; для той же диалектной области характерно и название 'черно-серого' цвета (по-видимому, как масти лошадей): др.-инд. śyāvá- 'черно-бурый', 'гнедой', авест. syāva- 'черный' (ср. личное имя Siiāuuāspi-, буквально: 'с гнедыми лошадьми', *Mayrhofer 1979: I/75*), прус. *sywan*, лит. *šývas* 'серо-белый, сивый', ст.-слав. *sivŭ* 'черный', *Порциг 1964: 246*.

В индоевропейском не восстанавливается общего слова для 'железа'. Слова для 'железа', несводимые друг к другу, возникают лишь в отдельных исторических индоевропейских диалектах, что само по себе указывает на появление 'железа' после расчленения индоевропейского языка на отдельные диалектные группы. Появление первых образцов 'железа' датируют III тысячелетием до н. э. (*Wertime 1973a: 674, 676, 682; 1973b: 875, 882*); Распространение железа как выплавляемого металла относят ко времени после XII в. до н. э. (ср. *Coghlan 1956*), что согласуется с датировкой формирования отдельных исторических индоевропейских диалектов и, возможно, диалектных общностей. Возникающие в этих диалектах слова для 'железа' обнаруживают определенные связи с ареалом средиземноморских и ближневосточных языков:

Греч. гом. χαλκός 'металл', 'медь', 'сталь', мик. ka-ko 'металл', 'медь' (ср. ka-ke-u, греч. гом. χαλκεύς 'кузнец') формально сопоставимо с балто-славянским названием 'железа': прус. gelso, лит. geležìs, диал. лит. gelžìs 'железо', латыш. dzèlzs, ст.-слав. *želězo* 'железо'. Соответствующий диалектный архетип восстанавливается в форме *$g^{(h)}el\hat{g}^{(h)}$-, которая может быть связана с названием малоазиатского понтийского племени χάλυβες, известного в античной традиции как σιδηροτέκτονες 'искусные в обработке железа', *ср. Пиотровский 1959: 161*; *Planhol 1963*. С этим же увязывается и хаттско-хеттское название 'железа' ḫapalki- (*Laroche 1966*), вошедшее также в хурритский (ḫabalgi 'железо') и аккадский языки (ḫabalkinnu 'железо'), *Diakonoff 1971: 79*.

Лат. ferrum 'железо', греч. βίρρη (*Гесихий*) может быть связано с аккад. parzillu 'железо', арам. parzel, др.-евр. barzel, угар. brdl (*bršzl, ср. Aistleitner 1963: 60*) 'железо', сванск. berel 'железо', ср. *Furnée 1972: 232, 251, 252*.

[2] Предлагается сравнение слова с шум. KÙ.AN 'металл (цвета) неба', *Halleux 1969*.

ḫarašu- 'бронза' (заимствование аккад. *ḫurāṣu* 'золото'?; к сдвигу значения ср. финское заимствование *vaski* 'медь' при индоевропейском 'золото', ср. арм. *oski*, тох. А *wäs* 'золото' и др., ср. шум. *guškin* 'золото', см. ниже).

Названия других металлов, применяемых в качестве примесей к 'меди' при выплавке 'бронзы', в хеттском основаны на первичных индоевропейских словах, обозначающих цветовые признаки : ср. хет. *dankuli-* 'олово' (первоначально : 'темный', ср. хет. *dankui-* 'темный', др.-в.-нем. *tunkal* 'темный', нем. *dunkel*) и *šuli(ia)-* 'свинец', ср. лат. *līuidus* 'синеватый', 'синевато-серый', 'свинцового цвета', *līuor* 'синева', 'свинцовый цвет', др.-ирл. *lí* 'цвет', 'блеск', рус. *слива* (первоначально : 'плод темного цвета', ср. словен. *slîv* 'цвета сливы, голубоватый'), др.-в.-нем. *slēha*, нем. *Schlehe* 'терн', др.-англ. *slāh* 'терн' (англ. *sloe*)[1], ср. *Neumann 1957*.

Связь названия 'металла' и соответствующего 'цветового признака' особенно ясно видна в индоевропейской форме ***r(e)ud$^{[h]}$-*** в значениях 'красный металл', 'медь' и 'красный (цвет)': ср. др.-инд. *lohá-* 'красный металл', 'медь', 'железо', лат. *raudus*, *мн. ч. rūdera* 'кусочек меди', 'медяк', ст.-слав. *ruda* 'μέταλλον', 'металл', рус. *руда*, в.-луж. *ruda* 'железняк', 'красная земля', др.-в.-нем. *aruzzi*, *erizzi*, *aruz* 'руда', др.-сакс. *arut* 'руда', др.-норв. *ørtog* 'третья часть медной монеты' при др.-инд. *lóhita-* // *róhita-* 'красный', *rudhirá-* 'красный', ср. тох. В *ratre* 'красный', тох. А *rtär* 'красный', хотано-сакск. *rrusta-* 'красный', греч. гом. ἐρυθρός 'красный' (*Dürbeck 1977 : 121 и след.*, ср. ἐρυθρὸς χαλκός 'красный металл', I 865), лат. *ruber* 'красный', *rūbidus* 'темно-красный', умбр. *rufru* 'rubros', др.-ирл. *rúad* 'красный', др.-исл. *rjóðr* 'красный', *rauðr* 'красный', гот. *raups*

[1] Зачастую бывает сложно определить направление семантического перехода от одного значения к другому. В случае рассматриваемых выше лексем не вполне ясно, что́ нужно положить в основу первоначального значения : следует ли допустить семантический переход от цвета ('темный') к названию соответствующего металла ('свинец', *Neumann 1957*) или от металла ('свинец') к соответствующему цвету ('темный', 'с блеском', то есть 'с характерным металлическим блеском'). Наличие у латинского līuidus значения 'свинцового цвета' и значение др.-ирл. lí 'блеск' делают вероятным именно второе допущение семантического развития — от 'металла' (то есть 'свинца') к 'цвету' (то есть 'темного как свинец цвета', 'со свинцовым блеском' и т. п.). Такое допущение дало бы основание постулировать для общеиндоевропейского название 'свинца' в форме **sl-i-*, которая сохранилась только в хеттском в этом значении и была заменена в других языках заимствованиями типа лат. plumbum 'свинец' (*Ernout/Meillet 1967 : 516*), греч. гом. *μόλιβος* 'свинец' и другими. В других индоевропейских диалектах производные от этой основы выступают уже в семантически преобразованном значении цветового признака и блеска соответствующего металла. Связь с первичным индоевропейским значением этого слова **sl-(i)-* можно было бы видеть и в греч. гом. *σόλος* 'расплавленная масса металла'. Сохранение начального **s-* в греческом можно сравнить с аналогичными случаями типа σῦς 'свинья' наряду с ὗς (см. об этих формах выше, стр. 598).

'красный', др.-в.-нем. *rōt* (нем. *rot*), др.-англ. *rēad* (англ. *red*), лит. *raũdas* 'красный', др.-рус. *рудъ* 'красный' (ср. *Risch 1979*).

Диалектное распределение слова в значении 'руды', 'красного металла' и в значении цветового признака 'красный' не оставляет сомнений в его общеиндоевропейском характере в обоих этих значениях, отразившихся соответствующим образом в исторических индоевропейских диалектах; характерно также наличие закономерных аблаутных чередований этой индоевропейской формы, представленной в вариантах как полной (***reu̯d**$^{[h]}$-), так и нулевой (***rud**$^{[h]}$-) ступеней.

Значение 'медь' для рассматриваемого индоевропейского слова можно предположить как на основании семантического свидетельства его рефлексов в отдельных диалектах (ср. древнеиндийское, латинское 'медь'), так и ввиду его семантической связи с цветовым признаком 'красный' — цветовой признак, характерный для 'меди' и 'медной руды'.

При наличии в индоевропейском слова ***Haje/os-*** уже в значении 'бронза' (см. выше) форма ***r(e)ud**$^{[h]}$-* обозначала, очевидно, специализированное значение 'меди' или 'красной руды', 'красного металла' — основного продукта, из которого выплавлялась 'бронза' с помощью различных примесей.

5.9. СВЯЗЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ «МЕДИ» С ДРЕВНЕМЕСОПОТАМСКИМ

И.-е. ***r(e)ud**$^{[h]}$-* 'медь' по своему звучанию и значению весьма близко к шумерскому слову *urudu* 'медь'. Шум. *urudu* (восходящее, возможно, к "протошумерской" форме **burudu*, лежащей в основе названия реки Евфрат, аккад. *Purattu*, то есть реки, по которой сплавляли 'медную руду', ср. *Limet 1960*), является общим термином для обозначения различных видов 'меди'.

Медная металлургия в Месопотамии известна с конца VI тысячелетия, причем обнаруживается преемственность от культуры Хассуны (Телль-эс-Савван возле Багдада) до убейдской культуры (4400—4300 гг. до н. э.) и ранней шумерской (*Desch et al. 1928—1936*; *Levey 1959 : 196—211*).

Связь индоевропейского ***reu̯d**$^{[h]}$-* с шум. *urudu* была предположена еще И. Шмидтом (*Schmidt J. 1890*), ср. также *Hommel* apud *Pokorny 1959 : 873*. Такая связь может быть истолкована только в одном направлении: заимствование шум. *urudu* в общеиндоевропейский в форме ***r(e)ud**$^{[h]}$-* (вопреки предположению Шерера, *Scherer 1947*, об обратной направленности заимствования)[1].

Наличие в общеиндоевропейском слова, общего с шумерским языком (и, очевидно, заимствованного из шумерского), ставит вновь вопрос о контактах между этими языками и связях между ареалами их распространения.

[1] Заимствование шум. urudu из индоевропейского исключается уже на том основании, что шумерское urudu происходит из более древней формы *burudu, далеко отстоящей от соответствующей индоевропейской формы и не сводимой к ней и по хронологическим соображениям.

5.10. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «СЕРЕБРА» И СВЯЗЬ С ПРИЗНАКАМИ «БЕЛЫЙ», «БЛЕСТЯЩИЙ»

Мин: АРУ=АК !

С первичным обозначением цвета 'белый', 'светлый' связано индоевропейское название 'серебра' ***Harǩ'-*** : хет. *ḫarki-* 'белый', 'серебро'[1] (ср. тох. A *ārki*, тох. B *ārkwi* 'белый'), греч. гом. *ἄργυρος* 'серебро' (ср. *ἀργής* 'белый', 'ослепительный'), арм. *arcaṙ* 'серебро', др.-инд. *rajatá-* 'серебро' (ср. *árjuna-* 'белый', 'светлый', 'серебряного цвета'), авест. *ərəzata-* 'серебряный', др.-перс. *ardata-* 'серебро', лат. *argentum* 'серебро', оск. *aragetud* 'argento', др.-ирл. *argat* 'серебро'[2].

Обнаружение общеиндоевропейского слова для 'серебра' предполагает естественным образом знакомство древних индоевропейцев с 'серебром' и допускает возможность наличия металлургии серебра. Серебро, в отличие от золота, крайне редко встречается в виде самородков. Ранняя металлургия серебра предполагается обычно в местах, где серебро находят вместе со свинцом (*Forbes 1950 : 582—585*; *1955—1964, VIII : 194—259*; *Aitchison 1960, 1 : 46—47*). Обнаружение следов названия 'свинца' в индоевропейском может служить косвенным указанием на возможность металлургии 'серебра' у древних индоевропейцев.

5.11. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ЗОЛОТА»

Общеиндоевропейское слово для 'золота' восстанавливается в форме ***Hau̯-s-*** **/*Hu̯-os-** : лат. *aurum* (из **ausum*, ср. сабин. *ausom*), прус. *ausis*, лит. *áuksas* (из **auskas*); тох. A *wās* 'золото', тох. B *yasa* 'золото', арм. *(v)oski* 'золото'[3]; сопоставляется с шум. *guškin* 'золото' (ср. *Aalto 1959*).

В целом ряде исторических индоевропейских диалектов происходит замена первичного индоевропейского слова для 'золота' новообразовани-

[1] Ср. хет. DINGIR^{LIM}-aš (или ši-ú-na-aš) KÙ.BABBAR-i 'серебро (вероятно, ḫarki-) божества', *Hoffner 1968 : 41*. К хеттским названиям цветов см. *Riemschneider 1957*.

[2] В германских, балтийских и славянских языках индоевропейское слово для 'серебра' заменяется другим названием, находящим параллели в широком ареале средиземноморских языков: гот. silubr 'серебро', др.-англ. seolfor (англ. silver), др.-в.-нем. sil(a)bar (нем. Silber), прус. sirablan (*вин. п.*) 'серебро', латыш. sidrabs, sudarbs 'серебро', лит. sidãbras 'серебро'; ст.-слав. sĭrebro, sŭrebro 'серебро'. Германо-балто-славянское слово для 'серебра' может быть сопоставлено с баск. zillar, zirar, zidar 'серебро' (*Tovar 1970: 271—272*), араб. *ṣarīf-* 'серебро', хауса *ązurfa* 'серебро', лид. *Σίβρῳ· ἐπ' ἀργυρέῳ ποταμῷ* 'в серебряной реке'. Более отдаленные связи проявляет эта группа слов с картвельским **wercxl-*, сопоставляемым некоторыми исследователями с хурри-урартским uš̮u 'серебро', *Меликишвили 1968 : 126—127*; *Diakonoff 1971 : 167*. Замена первичного индоевропейского слова для 'серебра' в германо-балто-славянском должна указывать на древние переднеазиатские связи носителей этой группы индоевропейских диалектов.
С другой стороны, и первичное индоевропейское слово для 'серебра' **Harǩ'-* находит аналогии в некоторых древних языках ближневосточного ареала, в частности кавказских: лак. arcu, дарг. arc, табас. ars, арч. arsi, авар. ωarac 'серебро', ср. *Lafon 1933 : 91—92*. *Salǝm*-ные формы, засвидетельствованные в кавказских языках, говорят о заимствовании из диалектов типа арийского.

[3] Хеттское слово для 'золота' скрывается за шумерограммой KÙ.GI=GUŠKIN 'золото'.

ями, связанными преимущественно с основой *ĝ[h]el- 'желтый' (ср. др.-инд. *hári-* 'желтый', авест. *zairi-* 'желтый', греч. χόλος 'желчь', лат. *fel* 'желчь', др.-в.-нем. *gelo*, нем. *gelb* 'желтый' и др.): др.-инд. *hiraṇya-*, авест. *zaranya-*, др.-перс. *daraniya-* 'золото', гот. *gulþ* 'золото', др.-англ. *gold* (англ. *gold*), др.-в.-нем. *gold* 'золото' (нем. *Gold*), латыш. *zèlts* 'золото', вост.-лит. *žel̃tas* 'золотой', ст.-слав. *zlato* 'золото'. В германо-балто-славянском слово для 'золота' образуется от основы *ĝ[h]el- 'желтый', осложненной суффиксом *-t[h]-. В индо-иранском выступает основа на *-n-*. В обоих случаях мы имеем дело, очевидно, с достаточно ранней заменой первичного слова для 'золота' на новообразование в отдельных диалектных общностях.

В греческом замена первичного индоевропейского слова 'золото' осуществлялась путем довольно раннего заимствования из семитского формы χρυσός 'золото', микен. греч. *ku-ru-so*, ср. аккад. *ḫurāṣu*, угар. *ḫrṣ*, др.-евр. *ḥārûṣ* (ср. *Masson 1967*; *Ventris/Chadwick 1973 : 558*).

5.12. СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НАЗВАНИЯМИ МЕТАЛЛОВ И ЦВЕТОВ

Анализ названий 'металлов' в индоевропейском позволяет сделать вывод о тесной связи их с названиями 'цветовых признаков'. Каждый металл называется по его характерному цвету. С другой стороны, не исключено, что названия самих цветовых признаков возникли в соответствии с именами металлов, которые воспринимались по свойственным им цветовым признакам. Во всяком случае, анализ названий металлов в индоевропейском дает возможность установить некоторую систему цветовых противопоставлений, соотнесенных с металлами : *reu̯d[h]- 'красный', 'темно-красный' ~ 'медь'; *Harĝ'- 'блестящий', 'белый' ~ 'серебро'; *ĝ[h]el- 'желтый', 'желто-зеленый'[1] ~ 'золото'.

Типологически такую индоевропейскую систему цветов, соотнесенных с металлами, можно считать характерной для социально достаточно развитых типов культур с символическими значениями цветов, соотносимых как с металлами, так и с явлениями иного порядка, в частности социального (см. ниже об индоевропейских социальных рангах), ср. к типологии *Крюков 1968*.

5.13. ТЕРМИНЫ КУЗНЕЧНОГО ДЕЛА

Устанавливаемые по лексическим данным следы металлургии и обработки металлов у древних индоевропейцев (см. об этом также ниже в разделе об изготовлении 'колесниц') предполагают наличие в индоевропейском общих слов для 'кузнечного дела', 'кузнеца' и инструментов кузнечного производства ('молот', 'наковальня' и др.). Однако обнаруживаются лишь диалектные слова более или менее широких диалектных ареалов в этом значении и почти что нет слов, относящихся к 'кузнечному делу', могущих

[1] Ср. к этому значению греч. χλωρός 'желто-зеленый' (*Dürbeck 1977 : 108*), лит. *želiù* 'зеленею', прус. *saligan* 'зеленый', латыш. *zelt* 'зеленеть', ст.-слав. *zelenъ* 'зеленый'.

претендовать на общеиндоевропейскую древность. Такое явление может легко объясняться особой значимостью 'кузнецов' и 'кузнечного дела' в индоевропейскую эпоху и мотивированным этой значимостью табуированием в диалектных группах целого ряда общих терминов кузнечного ремесла и заменой их другими образованиями. Сохранившиеся лишь в отдельных исторических диалектах термины кузнечного ремесла, которые не обнаруживают закономерных соответствий в других группах индоевропейских диалектов, не могут быть формально сведены к общим архетипам индоевропейской древности, отражающим специальные термины кузнечного дела. Но каждая из таких групп слов может в принципе отражать и общеиндоевропейскую лексику и быть непосредственно продолжением древних форм общеиндоевропейского периода. Эти соображения дают методологическое основание рассматривать в исследовании, анализирующем общеиндоевропейскую лексику, и некоторые из таких диалектных слов.

К числу подобных диалектных терминов кузнечного дела можно отнести форму ***k[h]aHu-**: лат. *cūdō* 'бью', 'колочу', 'кую, обрабатываю металл', др.-в.-нем. *houwan* 'бить', 'рубить', 'ковать' (нем. *hauen*), др.-англ. *hēawan* 'ударять', 'высекать' (англ. *hew*), др.-исл. *hǫggua* 'бить', 'сечь', ст.-слав. *kovǫ* 'кую', лит. *káuju* 'бью', 'рублю', 'убиваю'; сюда же, возможно, относятся тох. А *ko-*, тох. В *kau-* 'убивать', ср. тох. А *koṣt-* 'бить', 'наносить удар'.

В том же диалектном ареале обнаруживается название кузнечного 'молота', также и в мифологическом значении 'молот' — 'оружие бога грома', 'молния', ср. ст.-слав. *mlatŭ* 'молот', лат. *malleus* 'молот', 'колотушка', а также др.-исл. *mjǫllnir* 'молот бога грома Тора', 'молния', валл. *mellt* 'молния', прус. *mealde* 'молния', ст.-слав. *mlŭnĭjĭ* 'молния'. Если др.-хет. *malatti-* 'боевое оружие' (*Sommer/Falkenstein 1938 : 60*; ср. *Friedrich 1952: 133*) относится сюда же (полное формальное соответствие при семантической близости), то слово следует несомненно считать общеиндоевропейским в значении 'орудия' в широком смысле, и в частности орудия кузнеца, которое в связи с индоевропейским культом 'бога-кузнеца'[1] обожествляется и становится обозначением космических сил.

[1] Наличие образа 'обожествленного кузнеца' — бога огня и кузнечного дела в отдельных древних индоевропейских традициях (хет. Ḫašamili- 'бог-кузнец, живущий в подземном мире', др.-инд. Viśvakarman- 'бог—всеобщий ремесленник', 'бог-кузнец', осет. Ḳurd-alægon 'бог-кузнец', греч. гом. Ἥφαιστος 'Гефест', 'бог огня и ковки металлов', лат. Volcānus 'бог огня и кузнечного дела', др.-исл. Vǫlundr 'мифологический кузнец') позволяет реконструировать этот мифологический образ и в общеиндоевропейской традиции, отражающий реального 'ремесленника-кузнеца' — мастера огня и кузнечного дела. Характерно, что при различии имен богов-кузнецов в отдельных индоевропейских традициях (очевидно, результат замены первоначального общего названия) образы их совпадают до мельчайших подробностей: в германо-греческо-латинской традиции бог огня и кузнечного дела предстает в виде хромого и чаще всего карлика-гнома, выступающего в сходных сюжетных мотивах (попытка изнасилования богини или дочери короля соответственно в греческой и германской традициях и др., ср. *Шрадер 1886 : 236, 237*).

5.14. НАЗВАНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ОРУДИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ: «ТОПОР»/«СЕКИРА»

С развитием металлургии и кузнечного дела было связано и появление целого ряда металлических орудий определенных типов. При этом наряду с появлением металлических орудий сохраняются в эпоху меди и отдельные каменные орудия, в частности 'каменный молот'. Любопытно, что слово для 'молота' в германских языках увязывается со словом для 'камня', ср. др.-в.-нем. *hamar* 'молот' (нем. *Hammer*) при др.-исл. *hamarr* 'скала', 'утес'; греч. ἄκμων 'наковальня' при др.-инд. *áśman-* 'камень'.

Одним из типов орудий, характерных для медного и бронзового века, является 'топор', ср. *Чайлд 1956 : 362—363*.

И.-е. ***a/od**$^{[h]}$**es-** 'топор', 'секира': ср. хет. ^{URUDU}*ateš-*, *ateššа-* 'топор' при герм. др.-англ. *adesa*, *adosa* 'топор' (см. *Tischler 1977-, I*); сюда же, возможно, относится и др.-инд. *-adhiti-* (в сложных словах: *su-ádhiti-*, буквально: 'хороший топор', *van-ádhiti-*, буквально: 'деревянный топор', *Mayrhofer 1976, III : 804*); в таком случае общеиндоевропейскую праформу, реконструируемую на основе хетто-германо-индийских соответствий, следует постулировать с "ларингальной" в позиции после смычной: ***a/od**$^{[h]}$**H-es-**.

В качестве другого, более узкого диалектного (греко-арийского) индоевропейского слова 'топор' выделяется форма ***p**$^{[h]}$**elek**$^{[h]}$**u-**: др.-инд. *paraśú-* 'топор', 'секира', осет. *færæt* 'топор' (*Абаев 1945 : 8—9*; *1958, I : 451*), греч. гом. πέλεκυς 'секира', 'топор', 'жертвенный нож с двумя лезвиями', мик. *pe-re-ke-we* (*Morpurgo 1963 : 240*). Греко-арийское ***p**$^{[h]}$**elek**$^{[h]}$**u-** следует считать заимствованием семитского (аккадского) *pilaḳḳu* 'топор', *Schmidt 1890* [от аккад. *I : palāḳu(m)*, *II : pulluḳu(m)* 'убивать', 'зарубить топором'][1]. Характерно, что заимствуется это семитское слово не арийским и греческим независимо друг от друга после оформления этих диалектов в качестве независимых языковых единиц, а еще в период греко-арийской диалектной общности. Заимствованное слово дает в дальнейшем закономерное развитие по *centum/satəm*-ному признаку в арийском и греческом. Греко-арийская лексема ***p**$^{[h]}$**elek**$^{[h]}$**u-** может служить поэтому указанием на ближневосточную локализацию ареала греко-(армяно)-арийской диалектной общности[2].

[1] Аккад. pilaḳḳu(m) 'топор' (ср. сир. pelḳā 'топор', 'секира', манд. pilḳa 'id.') следует считать древнейшим семитским образованием, которое омонимично заимствованной (очевидно, из шумерского [шум. bala[g]]) форме аккад. pilakk/ḳḳu(m) со значением 'веретено' (ср. *Soden 1972, II : 863*). Первичность значения аккад. pilaḳḳu(m) 'топор' выводится на основании этимологической связи данного слова с формами других семитских языков с аналогичным значением, а также ввиду несомненной соотнесенности данного именного образования с глагольным корнем сем. *p-l-ḳ 'рубить; раскалывать': аккад. palāḳu(m) 'зарубить; убивать, истреблять' (*см. Soden 1972, II : 814*), араб. falaḳa 'раскалывать' (не следует с этим аккадским глаголом смешивать омонимичное — очевидно, шумерского происхождения — аккад. palāku(m) 'отделять округу', 'ограничивать территорию', ср. аккад. pilku(m) 'область, округа' (*Soden 1972, II : 813*).

[2] Ряд исследователей склонен отрицать связь греко-арийского ***p**$^{[h]}$**elek**$^{[h]}$**u-** с аккад. pilaḳḳu 'топор' на том основании, что аккад. pilaḳḳu значит 'топор', а не 'секира',

Слово может считаться культурным заимствованием периода после индоевропейской общности, нашедшим широкое распространение в пределах азиатских языков. Соответствующее слово обнаруживается и в монгольском и в тунгусо-маньчжурском (в значении 'молот'), см. *Poppe 1954*.

На Ближнем Востоке, в частности в Месопотамии, металлические топоры, в том числе боевые, и топоры ритуального назначения обнаруживаются с IV тысячелетия до н. э. и получают широкое распространение в III тысячелетии до н. э. на всем Ближнем Востоке и прилегающих областях, *Чайлд 1956 : 243 и след.* В Ашшуре аккадской эпохи известны 'топоры-клевцы', совмещавшие функции 'топора-мотыги' и 'топора-кирки'. Такие топоры найдены в IV слое Гавры, а также известны по изображению на стеле Нарам-сина (ок. XX в. до н. э.). Можно предположить, что распространение определенных видов топоров переднеазиатского типа (через семитско-аккадское посредничество) привело к заимствованию соответствующих терминов в определенные индоевропейские диалектные группы.

6. ТЕРМИНОЛОГИЯ, ОТНОСЯЩАЯСЯ К СРЕДСТВАМ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ТРАНСПОРТУ

6.1. НАЛИЧИЕ МЕТАЛЛУРГИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОЛЕСНЫХ ПОВОЗОК

Существование у древних индоевропейцев металлургии и кузнечного дела можно было бы определить уже по наличию у них повозок и колесного транспорта, производство которых с несомненностью устанавливается по языковым данным. Производство колесных повозок предполагает определенный уровень металлургии, которая была необходима для изготовления прочных деревообрабатывающих орудий, *Childe 1944*; *1951*; ср. *Рындина 1971 : 7—8*.

то есть 'двойной топор', ср. *Порциг 1964 : 237*; *Thieme 1953 : 586—587*. Следует, однако, заметить, что значение 'секира' характерно только для греч. *πέλεκυς*, но не для др.-инд. paraśú-, и возникло оно уже на греческой почве под влиянием критского 'двойного топора'. Поскольку семитское заимствование предполагается не непосредственно в греческий язык, а в диалектную общность периода греко-арийского единства с закономерным развитием слова в индо-иранском, с одной стороны, и в греческом, с другой, вторичное значение греч. *πέλεκυς* 'секира' не может, естественно, служить основанием для отрицания возможности связи др.-инд. paraśú- и греч. *πέλεκυς* с семитским pilaḳḳu. Интересно в этой связи отметить, что и другие слова в значении 'топор' в ряде индоевропейских диалектов обнаруживают возможное семитское происхождение. Это, в частности, лат. secūris 'топор', 'секира' ('двойной топор', ст.-слав. *sekyra* 'топор', сопоставляемое с аккад. šukurru, др.-евр. šeḡōr 'топор' (ср. *Фасмер 1964—1973, III: 593*).

Противники происхождения греко-арийского **p[h]elek[h]u-* из семитского (аккадского) pilaḳḳu, мотивирующие отсутствие связи между этими словами семантическими расхождениями, на самом деле не принимают такую связь ввиду более существенных причин ареального порядка. Допущение такой связи греко-арийского и семитского слов естественно предполагает в качестве ареала для греко-арийской диалектной общности переднеазиатскую область, что несовместимо с теорией европейского очага распространения индоевропейских племен, которой придерживаются эти исследователи.

6.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «КОЛЕСА» И «КОЛЕСНОЙ ПОВОЗКИ»

В индоевропейском восстанавливается разветвленная терминология, относящаяся к 'колесной повозке' и ее отдельным частям. В качестве общего термина для 'колеса' и 'колесной повозки' вообще можно реконструировать несколько форм, распределившихся в дальнейшем по отдельным диалектам и диалектным общностям с частыми пересечениями этих форм в соответствующих диалектных объединениях:

И.-е. ***k$^{[h]o}$el-** 'колесо', 'колесная повозка': др.-ирл. *cul* 'повозка', др.-исл. *hvel* 'колесо', прус. *kelan* 'колесо', латыш. *du-celis* 'двуколка', ст.-слав. *kolo, род. пад. kolese* 'колесо', *им.-вин. п. мн. ч. kola* 'повозка', ср. лат. *colus* 'прялка', 'пряденная нить'.

Слово является производным от глагольной основы ***k$^{[h]o}$el-** в значении 'вращаться', 'двигаться': др.-инд. *cárati* 'двигается', 'бродит', 'едет', авест. *čaraiti* 'поворачивается', греч. гом. πέλω, *мед.* πέλομαι 'двигаюсь', 'нахожусь', алб. *siéll* 'поворачивать', 'приносить'. Связь значения 'движения' с 'вращением' понятна при допущении общего значения 'движения', 'передвижения на колесах'.

Возможно, более древним типом образования в значении собственно 'колеса' и 'колесной повозки' от данной глагольной основы выступает редуплицированная форма ***k$^{[h]o}$(e/o)k$^{[h]o}$lo-**, представляющая тип "визуальной ономатопоэи" с редупликацией начальной согласной корня[1]:

Тох. А *kukäl* 'повозка', тох. В *kokale* 'повозка', др.-инд. *cakrá-* 'колесо' (в "Ригведе" также о 'солнечном колесе' и 'колесе года'), авест. *čaxra-* 'колесо', греч. гом. κύκλος 'круг', 'колесо', *мн. ч.* κύκλα 'колеса', фриг. κίκλην. τὴν ἄρκτον τὸ ἄστρον 'Большая Медведица — созвездие' (представляемая как 'повозка', ср. др.-рус. *кола* 'Большая Медведица', укр. *Віз* 'Большая Медведица'), др.-исл. *hjól, hvél* 'колесо', др.-англ. *hweogol, hwēol* 'колесо' (англ. *wheel*), ср.-н.-нем. *wēl* 'колесо'.[2]

В качестве второго индоевропейского слова для 'колеса', 'колесной повозки', выступающего в другой группе исторических диалектов, а также и в части тех диалектов, в которых наличествует и лексема ***k$^{[h]o}$ek$^{[h]o}$lo-** (индо-иранском, германском, кельтском), представлена форма ***rot$^{[h]}$o-**: др.-инд. *rátha-* 'повозка', 'колесница', авест. *raθa-* 'колесница', лат. *rota-* 'колесо', 'круг', 'гончарный круг', др.-ирл. *roth* 'колесо', др.-в.-нем. *rad* 'колесо' (нем. *Rad*), др.-исл. *rǫðull* 'солнце', др.-англ. *rador* 'небо', лит. *rãtas*

[1] К типологии редупликации в образовании названия 'колеса' и 'колесной повозки' ср. картв. груз. borbal- 'круг', 'колесо' (из **brbar-*, ср. br-un-av-s 'вращается'), др.-евр. gilgāl, galgal 'колесо', арам. galgal 'колесо' (ср. груз. gorgal- 'колесо', 'круг'), шум. gigir 'боевая колесница'. При этом обращает на себя внимание также и внешнее фонетическое сходство семитских форм с индоевропейской. Фонетически недалеко отстоит от этих форм и шум. giĝir, в чем можно было бы усмотреть определенные довсторические лексические связи, см. об этом ниже.

[2] Соответствующее хеттское слово в значении 'повозка' скрывается за шумерограммой ^{GIŠ}GIGIR '(боевая) колесница'; *датив-локатив*: ^{GIŠ}GIGIR-*ni*, ^{GIŠ}GIGIR-*ja*, *Friedrich 1952 : 273.*

'колесо', *мн. ч. rātai* 'колесная повозка', *dvi-rātis* 'двуколка', ср. лат. *birotus* 'двухколесный', латыш. *rats* 'колесо', 'повозка'.

Допускается происхождение слова от основы ***ret**$^{[h]}$- в первичном значении 'бежать', 'катиться': ср. др.-ирл. *rethim* 'бегу', лит. *ritù* 'качусь' (*Pokorny 1959 : 866*).

Таким образом, в общеиндоевропейском предполагается наличие обоих слов: ***k**$^{[h]o}$**ek**$^{[h]o}$**lo-** и ***rot**$^{[h]}$**o-** в общем значении 'круга', 'колеса', 'колесной повозки' при естественной лексической дифференциации значений, выражаемых обеими лексемами. В дальнейшем слова распределяются по отдельным диалектам с утерей другого слова и лишь единичные диалектные общности (индо-иранский, германский, кельтский) сохраняют оба этих слова при некоторой дифференциации первоначальных значений: в индоиранском основа ***k**$^{[h]o}$**ek**$^{[h]o}$**lo-** означает 'колесо', 'круг' в собственном смысле, тогда как основа ***rot**$^{[h]}$**o-** передает уже только значение собственно 'повозки', 'колесницы' (ср. многочисленные индо-иранские производные от этого слова: др.-инд. *rathe-ṣṭhā-* 'воин, стоящий на колеснице', авест. *raθaēštā-* 'стоящий на колеснице', 'воин', др.-инд. *rathí-* 'возница', *ráthya-* 'относящийся к колеснице' и др.); в германском ***k**$^{[h]o}$**ek**$^{[h]o}$**lo-** означает только 'колесо', 'круг', тогда как основа ***rot**$^{[h]}$**o-**, суживая свое первоначальное значение, употребляется преимущественно в метафорическом смысле 'круг', 'солнце', 'небо' и др. (значение 'повозка' в германском передается другим индоевропейским словом, образованным от корня ***u̯eĝ**$^{[h]}$-); в кельтском ***k**$^{[h]o}$**el-** означает только 'повозка', тогда как ***rot**$^{[h]}$**o-** выражает значение 'колесо' (ср. обратное семантическое соотношение в индо-иранском).

6.3. СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ «ВРАЩЕНИЕ»

К семантической группе индоевропейских основ, давших производные в значении 'колесо', 'круг', 'повозка', примыкают основы ***Hu̯er-t**$^{[h]}$- и ***Hu̯er-ĝ**$^{[h]}$- в значении 'вращаться', 'колесо', 'круг', 'повозка'[1].

И.-е. ***Hu̯er-t**$^{[h]}$-: др.-инд. *vártati* 'вращает', *мед.* 'крутится', вед. *vartaní-* 'прокатывание', 'путь', митан. арийск. *-u̯artanna* 'круг, на котором тренируют лошадей' (см. выше, стр. 546 и след.), согд. *wrtn* 'колесница', осет. *wærdon* 'арба' (*Абаев 1949, I : 54*), лат. *uertō* 'поворачиваюсь', гот. *wairþan* 'становиться', ст.-слав. *vrĭtěti sę* 'вертеться';

И.-е. ***Hu̯er-ĝ**$^{[h]}$- : хет. *ḫurki-* 'колесо', тох. А *wärkänt* 'колесо', 'круг', тох. В *yerkwantai* 'колесо', ср. также хет. *ḫurkel* 'чудовищное преступление' (этимологически: 'относящееся к колесу', 'колесное', то есть 'наказуемое у колеса', *Imparati 1964 : 321—324*; см. там же о хеттском 'колесе' *ḫurki-*

[1] Наличие начальной "ларингальной" в рассматриваемых формах предполагается на основании соотнесения их с корнем ***Hu̯er-*** 'привязывать', 'располагать', см. *Pokorny 1959 : 1150—1152*: греч. гом. *ἀείρω* 'поднимаю; подношу', лит. *vorà* 'вереница' и др. Подтверждается наличие такой начальной "ларингальной" в этих формах соотнесением их с хеттской формой *ḫurki-*, см. ниже.

как космическом символе), др.-исл. *vargr* 'преступник', 'волк', *vargtré* 'дерево преступника', 'волчье дерево', ср. выше, стр. 487; 494$_1$.

Обнаружение особого слова для 'колеса' в тохаро-анатолийском, отличного от ***k**$^{[h]o}$**ek**$^{[h]o}$**lo-** и ***rot**$^{[h]}$**o-**, представленных в других исторических индоевропейских диалектах, позволяет судить о диалектном характере данной основы в этом конкретном значении 'колесо'. Устанавливаемые тохаро-анатолийские лексические изоглоссы типа ***Hu̯er-ĝ**$^{[h]}$- (ср. также рассмотренные выше, стр. 701—702, лексемы хет. *kašt-*, тох. А *kaṣt* 'голод' и др.) могут свидетельствовать о некоторой тохаро-анатолийской диалектной близости в пределах общеиндоевропейского еще до периода выделения из него анатолийского. Возникновение слова в этом диалектном ареале могло повлечь за собой некоторое перераспределение изначальных индоевропейских основ ***k**$^{[h]o}$**el-**, ***rot**$^{[h]}$**o-** с семантическими преобразованиями или полной их утерей (ср. в тохарском А *kukäl*, В *kokale* исключительно в значении 'повозка' при тох. А *wärkänt*, В *yerkwantai* 'колесо').

6.4. РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ «КОЛЕСА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Для ряда древних индоевропейских традиций характерна ритуальная и мифологическая роль 'колеса' и обожествление его прежде всего как символа солнца, которому поклонялись.

Ритуальная символика 'колеса' довольно ясно проявляется в древнехеттской традиции. ^{GIŠ}DUBBIN (хет. *ḫurki-*) 'колесо' выступает здесь в качестве символа, которому поклоняются, ср. уже в хеттских законах формулу: *ta ḫu-ur-ki-in ḫa-l[i]-en-zi* (*§ 198*) "и колесу поклоняются". В одном из вариантов юридической формулы *A.NA* ^{GIŠ}DUBBIN *lamniiat* (KBo III 6 I 36) "призвал к колесу" ^{GIŠ}DUBBIN заменяется на обожествленный символ 'колеса' ^{D}DUBBIN (ABoT 62 I 36).

В древнеиндийской мифологии 'колесо' (*cakrá-*) выступает в качестве символа, связанного с богом Индрой, который выигрывает (или 'похищает'—*muṣāya-*) 'колесо' у бога солнца Сурья, ср. в "Ригведе" (I 130, 9): *sáraś cakrám prá vṛhaj jātá ójasā* "колесо солнца сорвал он, рожденный силой". Похищенное 'колесо' служит Индре оружием в борьбе с демонами (*Dumézil 1968 : 131*; *Елизаренкова 1972 : 287, 293*).

Аналогичные мотивы обнаруживаются и в иранской мифологии. В осетинском Нартовском эпосе выступает смертоносное оружие —'Небесное колесо' (ср. *Dumézil 1930 : 190—199*; *Албаров 1968*; *Дюмезиль 1976 : 68 и след.*), повторяющееся и в других кавказских вариантах Нартовского эпоса, ср. в убыхском варианте *ǯ'an-č'arx* 'Режущее колесо', 'Колесо гибели' (*Vogt 1963 : 233*, статья *2528*). Такое "катящееся колесо" поражало врагов нартов, разрезая ноги выше колен.

Отголосок этого мотива "катящегося колеса" при состязаниях можно видеть и в славянской мифологии, в частности в словацкой сказке о зимнем похитителе солнца и весеннем его освободителе. В сказке весенний ос-

вободитель предлагает похитителю обернуться колесами и покатиться с горы : чье колесо будет разбито, тот и будет побежденным (*Афанасьев 1865, I : 209*). В славянских традициях сохранились обряды и словесные формулы, обозначающие 'солнце как колесо': полес. *soúneńko jest to bolszòje koleso* "солнце — это большое колесо" (*Иванов/Топоров 1974 : 221*).

На основании сопоставлений др.-инд. *sū́raś cakrá-* с соответствующими словосочетаниями в германских, кельтских, славянских языках предлагается реконструкция общеиндоевропейской формулы со значением 'колесо солнца', *Schmitt 1967 : 166—169*.

6.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «УПРЯЖИ» И ЕЕ ЧАСТЕЙ: «ДЫШЛО», «ЯРМО», «ОСЬ»

Наряду с общими словами, обозначающими 'колесо', 'повозку' ***k$^{[h]o}$ek$^{[h]o}$lo-**, ***rot$^{[h]}$o-**, отдельные индоевропейские диалекты сохраняют названия частей древних повозок и упряжи, которые позволяют реконструировать соответствующие общеиндоевропейские термины:

И.-е. ***His-/*Hoi̯-es-/*Hoi̯s-**: хет. *ḫišša-* 'дышло' (повозки, метафорически — 'Большой Медведицы'), др.-инд. *iṣā́* 'дышло' (ср. в "Ригведе" *ékeṣa-* 'имеющий одно дышло'), греч. гом. οἰηξ 'кольца на ярме, куда продевались вожжи', οἰήιον 'ручка руля' (с семантическим переносом), словен. *oje, род. пад. ojese* 'дышло', лит. *ielek(š)tis* 'оглобля сохи' (форма на суффикс ***-el-**);

И.-е. ***d$^{[h]}$ur-** 'упряжь'; 'запрягать' [или ***d$^{[h]}$r̥(H)-**, *ср. Mayrhofer 1963, II : 111; 1979a : 38*] : хет. *turiia-* 'запрягать', ср. ANŠE.KUR.RA *tu-u-ri-ia-u-ua-aš* ("Хеттские законы", § 64, 66, 180) 'упряжная лошадь', GUD-*li tu-ri-ir* 'запрягли как быков' (2BoTU 12 A I 16), ^{GIŠ}GIGIR *tu-u-ri-ia-an* 'запряженная повозка', др.-инд. *dhū́r-* 'упряжь', вед. *dhūr-ṣád-* 'находящийся в упряжи' (об упряжном животном, о повозке, *Grassmann 1873 : 690*; *Sommer 1949*);

И.-е. ***Hak$^{[h]}$s-** 'ось' (на которую насажены колеса): др.-инд. *ákṣa-* 'ось', греч. ἄξων 'ось' (ср. ἅμαξα 'телега', 'четырехколесная повозка', 'Большая Медведица'), лат. *axis* 'ось повозки', ср. *axes amurcā unguere* 'смазать оси оливковым маслом', ср.-ирл. *ais* 'ось', прус. *assis* 'ось', лит. *ašìs* 'ось', др.-рус. ц.-слав. *ось* 'ось', др.-в.-нем. *ahsa* 'ось' (нем. *Achse*), др.-англ. *eax* 'ось' (англ. *axis*);

И.-е. ***i̯uk'om** 'иго', 'ярмо': хет. *i̯ukan* 'ярмо', др.-инд. *yugá-* 'ярмо', 'пара', греч. ζυγόν, лат. *iūgum* 'ярмо', гот. *juk* 'иго', 'ярмо', др.-исл. *ok* 'иго', др.-в.-нем. *juch, joch* 'ярмо' (нем. *Joch*), лит. *jùngas* 'ярмо', ст.-слав. *igo* 'ярмо', валл. *iau* 'ярмо', арм. *luc* 'ярмо' (*Ernout/Meillet 1967 : 327*). Слово является производным от корня ***i̯eu̯-k'-** в значении 'связывать', 'соединять', 'впрягать': др.-инд. *yunákti* 'запрягает', 'связывает', авест. *yaoǰ-, yuǰ-* 'запрягать', греч. ζεύγνῦμι 'связываю', 'запрягаю', лат. *iungō* 'связываю', лит. *jùngiu* 'связываю' и др.

6.6. РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ «ЯРМА» В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В ряде древних индоевропейских традиций отражена культово-мифологическая функция 'ярма', ср. *Кожин 1969 : 38—39*. По известной скифской легенде, отражающей во всяком случае мотивы общеиндоиранской древности (см. *Dumézil 1968 : 446—448* ; *Дюмезиль 1976 : 155 и след.*), 'ярмо' было одним из четырех священных предметов, с которыми связывается происхождение племени скифов (*Раевский 1977*).

В Риме существовали особые древние обряды 'гадания с ярмом' (*iuges auspicium*), предполагающие целую теорию мистических свойств 'ярма' (*Dumézil 1966 : 98*). 'Ярмо' в Риме выступает как символ покорения вражеского войска : существовал обряд проведения побежденного под 'ярмом'. Этот же мотив, охватывающий более широкий ареал Передней Азии, выступает и в древнехеттской традиции в связи с победой над внешними врагами и наказанием придворных; ср. в конце текста Хаттусили I сообщение о том, что побежденных врагов он 'запряг в ярмо'.

На образе, обратном символике подавления, основана метафора разрезания узла, соединяющего 'ярмо' с 'дышлом'. По фригийскому мифу о "Гордиевом узле", отражающему эту метафорическую символику, разрезавший такой узел становится будущим властителем мира.

Древность общеиндоевропейского ***i̯uk'om** 'иго', 'ярмо' и связанной с ним символики довольно ясно проявляется в метафорических значениях 'ярма' как единицы измерения пространства и времени. Такое метафорическое значение 'ярма' возникает, очевидно, в условиях развитого земледелия с применением 'ярма' в качестве приспособления для плуга, в который впрягаются тягловые животные. При этом 'ярмо' образует единое целое с 'плугом', что находит отражение в соответствующих терминах (ср. авест. *aēša yuyō. səmi* 'лемех и ярмо с колышками', *Benveniste 1938 : 532—534*).

Символика 'пространства', связанная с 'ярмом', возникает, очевидно, как метафорическое обобщение понятия 'площади, обрабатываемой земледельцем за определенный временной период'. С другой стороны, символика 'времени', связанная с 'ярмом', возникает первоначально, вероятно, как метафорическое осмысление временного периода, необходимого для обработки определенного земельного участка. На основании подобных метафорических обобщений возникают такие значения, связанные с первоначальной основой ***i̯uk'om** 'ярмо', как лат. *iūgerum* 'югер, единица измерения площади', др.-в.-нем. *juch*, *joch* 'единица земельного участка', хет. *i̯uga-* 'годовалый', *da-i̯uga-* 'двухлетний' (о животном), ср. лит. *dveigỹs* 'двухлетний', др.-инд. *yugá-* 'временной период', вед. *tri-yugá-* 'охватывающий три периода времени' и др.

Еще одно древнее метафорическое значение производных от и.-е. ***i̯uk'om** 'ярмо' могло выражать понятие 'друга', 'спутника': др.-инд. *yúj-* 'спутник', 'товарищ', 'находящийся в одной упряжи' (ср. *ayúj-* 'не имеющий товарища', 'непарный'), лат. *coniux* 'супруг; супруга'. Такая символика

возникает, очевидно, в условиях наличия двойной упряжи, ярма для двух тягловых животных (обычно быков), ср. лат. *bigae* 'парная запряжка', словин. *dvjĩgə* 'двойное воловье ярмо' (*Трубачев 1972 : 82*), ср. греч. ἄζυξ 'незапряженный', формально соответствующее др.-инд. *ayúj-* 'не имеющий товарища'.

И.-е. ***i̯uk'om*** 'ярмо' может быть сопоставлено с картв. ***uγ-el-*** 'ярмо' (груз. *uγel-*, мегр. *uγu-*, сван. *ūγwa*), объясняемым как индоевропейское заимствование (*Deeters 1957 : 390*)[1]; к метафорической семантике слова ср. также груз. *me-uγl-e* 'супруг', 'супруга'.

6.7. ДРУГИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ЯРМА» И ЧАСТЕЙ УПРЯЖИ: «РЕМЕНЬ», «УЗДЕЧКА», «КРЮЧОК»

Более узким, чем ***i̯uk'om*** 'ярмо', диалектным индоевропейским словом в близком значении является ***Har-m-***: греч. мик. *a-mo* 'колесо', греч. гом. ἅρμα 'колесница', ст.-слав. *jarĭmŭ* 'ярмо', 'ярем', лат. *arma* 'приспособление', 'снаряжение'.

В хеттско-греческом ареале сохраняется общеиндоевропейское слово для 'ремня', 'уздечки': хет. *išmeri-* 'уздечка', *išmeri̯ant-* 'взнузданный', *išmanalla-* 'конюх', греч. гом. ἱμάς, *род. п.* ἱμάντος 'ремень', 'постромки', 'переплет в кузове колесницы'.

К диалектной технической индоевропейской лексике следует отнести и форму ***Hank[h]-***: авест. *aka-* 'крючок' (для привязывания лошадей к повозке), др.-инд. *aṅká-* 'крючок', *aṅkuśá-* 'крючок', лат. *uncus* 'крюк', 'крючок', 'палка с крючком', греч. гом. ἀγκύλος 'согнутый', греч. ἀγκύλη 'ремень'.

6.8. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ГЛАГОЛЫ, ОЗНАЧАЮЩИЕ «ЕЗДУ В ПОВОЗКЕ»

Общими словами, передававшими значения 'движения повозки' и 'перевозки, переезда на повозке', являлись, очевидно, производные от корня ***u̯eĝ[h]-*** 'везти' (в повозке), 'возить': др.-инд. *váhati* 'везет', 'едет', авест. *vazaiti* 'везет', греч. памфил. Ϝεχέτω 'пусть принесет', лат. *uehō* 'везу' (обычно на животном или повозке), гот. *gawigan* 'двигаться', др.-в.-нем. *wegan* 'передвигаться' (нем. *bewegen*), лит. *vežù* 'везу' (в повозке); ст.-слав. *vezǫ* 'везу'. Именное производное от этого же корня (основа с огласовкой ***o***: ***u̯oĝ[h]o-***) дает значение 'повозка', 'воз': греч. гом. Ϝόχος 'повозка', ср. ὄχέω 'везу', 'веду', ст.-слав. *vozŭ* 'воз', 'повозка'; именное производное на ***-n-***: др.-инд. *váhana-* 'животное, на котором ездят', митан. арийск. *u̯ašanna* 'стадион' (см. выше, стр. 546), согд. *'nxr-wzn* 'круг зодиака', 'путь

[1] Суффикс ***-el*** в форме ***uγ-el-*** 'ярмо' мог возникнуть на собственно картвельской почве, ср., однако, индоевропейские формы от этой основы на суффикс ***-el***: др.-инд. yugalá- 'пара', греч. гом. ζεύγλη 'обложка, кожаная прослойка, прилегающая к шее животного, чтобы ярмо не терло', лат. Iugula 'двойное ярмо как образ созвездия Орион' (*Scherer 1953 : 222*), архетип которых мог послужить источником для картв. ***uγ-el-*** 'ярмо'.

звезд', др.-исл. *vagn* 'повозка', др.-англ. *wægn* (англ. *wagon*), др.-в.-нем. *wagan* 'повозка' (нем. *Wagen*), др.-ирл. *fén* 'вид повозки'.

Другим словом в значении 'ездить', 'ехать в повозке' могло быть и.-е. ***i̯aH-*** (связанное с корнем ***ei̯-***) 'идти'[1]: хет. *i̯a-* 'ходить', 'ехать', 'идти походом (о войске)': *1 л. ед. ч. мед. i̯aḫḫari, 3 л. ед. ч. i̯attari, 3 л. мн. ч. i̯antari* (ср. в среднехеттском гимне богу Солнца, выезжающему на колеснице, запряженной (*turi̯an*) четырьмя конями, KUB XXXI 127 I 58—59 : ^{D}UTU-*i šar-ku* LUGAL-*u-e* 4-*an ḫal-ḫal-du-u-ma-ri uk-tu-ri iš-tar-na ar-ḫa i-i̯a-at-ta-ri* "о Бог Солнца! Высокий царь! 4 стороны света постоянно [в колеснице] объезжаешь"; тох. А *yā-* 'идти', 'передвигаться', др.-инд. *yáti* 'идет', 'едет', *yā́na-* 'путь', 'повозка', авест. *yāiti* 'идет', 'едет', лат. *Iānus* 'Янус', 'бог ворот и начала года' (*Dumézil 1966 : 323 и след.*), др.-ирл. *á* 'дышло', 'повозка', лит. *jóti* 'скакать верхом', словен. *jâhati* 'ехать'.

6.9. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ КОЛЕСНЫХ ПОВОЗОК У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. ПОВОЗКИ У ХЕТТОВ

Наличие 'повозки' и 'колеса' у древних индоевропейцев, предполагаемое по лингвистическим данным, согласуется с культурно-историческими свидетельствами о наличии колесных повозок в каждой из древних индоевропейских традиций, начиная с древнейших датируемых материалов, как письменных, так и археологических.

В древнехеттской традиции 'повозки, запряженные лошадьми' и 'лошадиная упряжь' выступают в тексте Анитты. В нем упоминаются "40 лошадиных упряжек", ср. XL *ŠI.IM.TI* ANŠE.KUR.RA$^{ḪI.A}$, KBo III 22 Vs. 71 (замененный в одном из вариантов текста на шумерограмму ^{GIŠ}GIGIR^{MEŠ} 'боевые колесницы', *Neu 1974 : 35, 51*). Примерно к этой же эпохе и той же области относятся упоминания в каппадокийских табличках 'боевой колесницы' (ср. аккад. *a-na na-ar-ka-ab-tim, Salonen 1951: 45*) и 'легкой колесницы' (аккад. *ḫu/ilukannum*), а также изображения колесниц, запряженных лошадьми, в печатях на этих табличках (*Childe 1954a: 11—12*). В хеттском соответствующее слово в значении 'легкая колесница' представлено в форме ^{GIŠ}*ḫulukanni-*, ^{GIŠ}*ḫulukanna-* (*Friedrich 1952 : 74*; *Kammenhuber 1961 : 10*; предполагается общее заимствование в аккадском и хеттском из некоторого третьего источника — хурритского?).

В древнехеттских текстах более позднего периода засвидетельствованы особые 'тяжелые спальные повозки, предназначенные для отдыха и ночлега' (видимо, крытые): ср. в двуязычных анналах Хаттусили I (ок. XVII

[1] Ср. др.-инд. *émi* 'иду', *imáḥ* 'мы идем', *3 л. мн. ч. yánti*; авест. *aēiti* 'он идет', греч. гом. *εἶμι* 'пойду', *1 л. мн. ч. ἴμεν*, *3 л. мн. ч. ἴᾱσι, повел. накл. 2 л. ед. ч. ἴθι* (ср. др.-инд. *ihí*, хет. *it* 'иди!'), лат. *eō* 'иду', *1 л. мн. ч. īmus*; гот. *iddja* 'я шел', прус. *ēit* 'идет', ст.-лит. *eimì* 'иду', ст.-слав. *iti* 'идти' (ср. рус. *иди!*). Ср. также лув. *iti* 'он идет' (*Laroche 1959a : 50*); в хеттском в значении 'идти' употребляются производные от этого корня *pai-* и *i̯a-*, которые сохраняют при этом и значение 'ехать'.

в. до н. э.): III ^{GIŠ}GIGIR^{MEŠ} *MA.AD.NA.NU*, KBo X 2 *Vs. 1* "три спальные колесницы для ночлега", соответствующее в аккадской фразе III ^{GIŠ}*ma-ia-la-ti*, буквально : 'три постели' (см. *Imparati 1965 : 60*; *Saparetti 1965 : 77*). Любопытно, что в хеттской части название 'спальной повозки' передается с помощью шумерской логограммы для 'повозки' ^{GIŠ}GIGIR с аккадским определяющим словом в значении 'постель', 'спальное место' (*madnanu*), что было передачей соответствующего хеттского слова или словосочетания в этом значении; в соответствующей аккадской части в качестве эквивалента хеттской 'спальной повозки' употребляется слово *majjaltu* 'ложе', 'постель', очевидно, из-за отсутствия специального названия в аккадском для 'спальной повозки'[1].

В тех же двуязычных "Анналах Хаттусили I" (KBo X 2 II *Rs.* 7, 25 *и след.*) встречаются самые ранние упоминания 'тяжелой, грузовой повозки' (шумерограмма ^{GIŠ}MAR.GÍD.DA, отождествляемая с хеттским ^{GIŠ}*tiiaarit-* в эпосе о Кумарби, возможно, словом хурритского происхождения, *Friedrich 1952 : 224*; *Güterbock 1946 : 76 и след.*; *Kammenhuber 1976*).

Соотношение хеттских повозок ^{GIŠ}GIGIR и ^{GIŠ}MAR.GÍD.DA можно установить из ритуального текста 512/i Rs. 2—6 (*Otten 1958 : 129*), где противопоставляются две повозки ^{GIŠ}GIGIR^{TI}, запряженные 'лошадьми' (ANŠE.KUR.RA), и две повозки ^{GIŠ}MAR.GÍD.DA, запряженные 'быками' (GUD$^{HI.A}$). ^{GIŠ}GIGIR представляет собой легкую двухколесную колесницу, запряженную лошадьми и предназначенную для военных целей, для торжественных церемоний и состязаний, тогда как ^{GIŠ}MAR.GÍD.DA — это тяжелая четырехколесная повозка, обычно запрягавшаяся быками и предназначавшаяся для перевозки грузов, см. *Salonen 1951 : 40*; *Otten 1958 : 130*; *Kammenhuber 1961 : 30*. Такая тяжелая повозка ^{GIŠ}MAR.GÍD.DA с дышлом (*ḫiššа-*) и 'четырьмя колесами' (IV *ḫurkiuš*) отождествлялась у хеттов с созвездием 'Большой Медведицы', KUB XXXIV 16 II 10; KUB VIII 14 Rs. 8, 10, 12 и др.

'Боевые колесницы', запряженные лошадьми, и 'колесничие' (*išmeriaš*, ср. *išmeri-* 'уздечка') упоминаются в среднехеттских анналах Тудхалии (KUB XXIII 11 II 34—35): 1×10000 ERÍN^{MEŠ} *Ú* VI ME ANŠE.KUR.RA ^{GIŠ}GIGIR^{MEŠ} [LÚ.MEŠ]*iš-me-ri-ia-aš* *BE.LU*$^{HI.A}$*-uš* ^{URU}KÙ.BABBAR-*ši* *ú-ua-te-nu-un* "...10000 пеших воинов и шестьсот боевых колесниц, запряженных конями, вместе с колесничими и военачальниками в Хаттусу я привел".

Боевые колесницы в хеттской традиции выступают и в мифологическом контексте как средство объезжания Солнцем четырех сторон света. В среднехеттском гимне Солнцу говорится: *nu me-e-u-uš ku-i-uš* ^{D}UTU-*uš tu-u-ri-ia-an ḫar-ši...* ^{D}UTU-*i šar-ku* LUGAL-*u-e 4-an ḫal-ḫal-du-u-ma-ri*

[1] В надписи Идри-ми из Алалаха (ок. XVI в. до н. э.) при упоминании ночлега в колеснице выступает термин *şillu* 'тень'; 'навес, покрытие', толкуемый в данном контексте как 'крытая повозка', *Littauer/Crouwel 1974 : 31*.

uk-tu-ri iš-tar-na ar-ḫa i-ia-at-ta-ri (KUB XXXI 127 I 52, 58—59) "и четверки (коней), которых ты, Солнце, запряг...О Солнце! Высокий царь! Четыре стороны света постоянно ты объезжаешь"; далее в том же тексте упоминается ^{D}*Turešgala-* 'Божественный Конюх' (то есть 'тот, кто запрягает', ср. *turiia-* 'запрягать').

Ритуальное назначение двух видов хеттских повозок проявляется и в царских погребальных обрядах.[1] Легкая колесница ^{GIŠ}GIGIR, которая именуется также 'колесницей для сидения' (^{GIŠ}GIGIR *ašannaš*, ср. в противовес этому 'колесницу для лежания' ^{GIŠ}GIGIR *MA.AD.NA.NU*, см. выше, стр. 725), служит для 'усаживания' на нее образа, изображения (ALAM ≈ хет. *ešri-*) 'умершего' (GIDIM ≈ хет. *akkant-*):

na-aš-ta ALAM É-*ir-za pa-ra-a ú-da-an-zi na-at-ša-an ANA* ^{GIŠ}GIGIR *a-ša-an-na-aš a-še-ša-an-zi* (KUB XXX 19+20+21+22 Vs. I 6—7) "и затем изображение из дома выносят и они его на колесницу для сидения усаживают".

Образ умершего подвозят на этой колеснице к 'палатке' (^{GIŠ}ZA.LAM.GAR), снимают с колесницы (*IŠ.TU* ^{GIŠ}GIGIR *ašannaš katta danzi*), вносят в палатку и усаживают на золотой престол (^{GIŠ}GU.ZA GUŠKIN *ašešanzi*), после чего совершается обряд жертвоприношения.

В отличие от перевозки образа умершего останки его кладут на тяжелую повозку (^{GIŠ}MAR.GÍD.DA) и везут к месту сжигания трупов (*uk-turi-* 'вечный огонь'), *Otten 1958 : 52, 88, 129.*

6.10. КОЛЕСНАЯ ПОВОЗКА В ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

Обнаруженные в широком ареале древнего Ближнего Востока погребения с четырехколесными повозками или с остатками от таких повозок (парадные балдахины) указывают на древние истоки обычая использования повозки в царском похоронном обряде. Такие захоронения с четырехколесными повозками, запряженными быками, обнаруживаются в Шумере и Эламе в первой половине III тысячелетия до н. э., ср. *Piggott 1969: 272*; *Массон 1973 : 108*. На шумерских изображениях погребального обряда раннединастического периода представлена сцена, где на легкой двухколесной колеснице с дышлом и ярмом, в которую впряжены лошади (или онагры), стоит человеческая фигура, очевидно, образ умершего (*Чайлд 1956 : 231*, рис. *84*). Это изображение поразительно совпадает с погребальным обрядом у древних хеттов, восстанавливаемым по ритуальным текстам.

Несколько более поздние по сравнению с раннешумерскими захороне-

[1] Характерно, что 'легкая колесница' ḫuluganni- выступает в архаическом хеттском ритуале как символ царской власти: LUGAL-u-e-mu ma-ni-ia-aḫ-ḫa-en ^{GIŠ}ḫu-lu-ga-an-ni-en ^{GIŠ}DAG-iz a-ru-na-za ú-da-aš (KUB XXIX 1 I 23—24) "мне, царю, царствование—колесницу Бог-Престол из-за моря принес" (ср. *Neu 1974 : 125*).

ниями этого типа обнаружены в Малой Азии, в Аладжа-Хююке, где реконструируются царские погребения с повозками, *Mellaart 1965 : 31*; *1966 : 155*.

На северной окраине ближневосточного ареала примерно синхронно с Анатолией (вторая половина третьего тысячелетия) обнаружены захоронения вождей племени на деревянной колеснице. Этот обряд обнаруживается как на Северном Кавказе (Майкоп), так и в Закавказье — Грузии (Бедени), *Кушнарева/Чубинишвили 1970: 166*; *Массон 1973 : 104*. В первой половине II тысячелетия (что хронологически синхронно древнехеттской культуре) соединение того же обряда захоронения на четырехколесной повозке с кремацией трупа характерно для курганной культуры Триалети (*см. Куфтин 1941 . 63—100*; *Пиотровский 1955 : 6*; *Гегешидзе 1956 : 21 и след.*; *Джапаридзе 1969 : 270*).

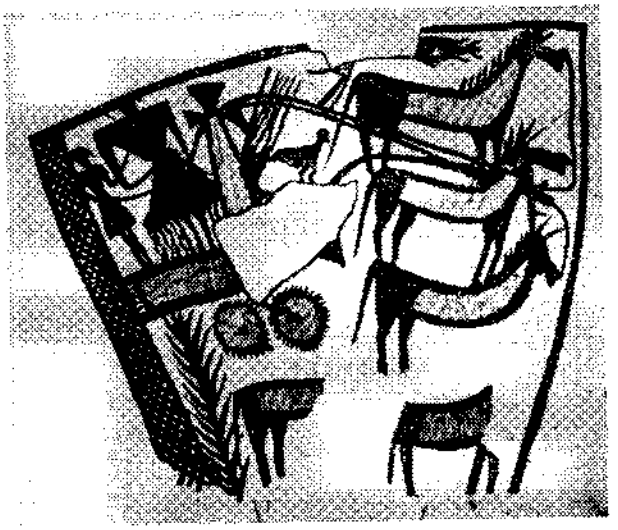

Рис. 15. **Шумерское изображение погребального обряда с колесницами**

6.11. «КОЛЕСО», «КОЛЕСНИЧИЙ», «КОЛЕСНАЯ ПОВОЗКА» В ИНДОИРАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В индо-иранской традиции в трех ее древнейших разновидностях — митаннийско-арийской, древнеиндийской и древнеиранской — культовая и военно-хозяйственная значимость 'колесницы' особенно ясно проявляется как в многочисленных показаниях ранних текстов, так и в данных материальной культуры.

В митаннийско-арийском выделяется название особой касты (социальной группы) *marianni*, засвидетельствованное в источниках из Угарита, Алалаха, Богаз-кёя, Телль-Амарны, ср. *Kammenhuber 1961 : 20*. Слово, связанное этимологически с др.-инд. *márya-* 'молодой человек', 'мужчина, входящий в культовое объединение' (*Grassmann 1873 : 1010*), в митаннийско-арийском, как предполагают, приобрело значение 'колесничий', ср. *Mayrhofer 1966*. В Угарите оно означает представителей социальной группы, получавшей от царя землю, а из царских конюшен и складов—коней, повозки, оружие (*Diakonoff 1972 : 114*), ср. хур. *marijanardi* 'высший социальный ранг' (связанный по происхождению с лошадьми и колесными повозками). Характерно, что на печатях митаннийских царей с именами арийского происхождения известны изображения боевых колесниц (*Kammenhuber 1961 : 10*). В документах из Ме-

сопотамии касситской эпохи встречаются хурритские обозначения колесниц, в том числе *kešḫi* (*Laroche 1978 : 133*; буквально: 'стул', ср. к семантике хеттские 'колесницы для сидения'). В этой связи интересно также отметить, что к иноязычным аккадским терминам касситской эпохи относится *sakrumaš* 'колесничий', 'возница боевых колесниц' (*Soden 1972, II : 1013*; *Edel 1976 : 78*). Представляется возможным и это касситское слово сопоставить с индо-иранским названием 'колеса': ср. др.-инд. *cakrá-*, авест. *čaxra-*. В свете наличия в касситском целого ряда слов индо-иранского круга сходство *cakrá-~sakr-umaš* может объясняться их возможной исторической связью.

В "Ригведе" отражается особенно четко культовая и мифологическая роль 'колесницы', запряженной лошадьми, и повозки, в которую впрягались быки.

В "Ригведе" (VI 47, 26—28) и "Атхарваведе" (VI 125, 1—3) сохраняется архаический "Гимн боевой колеснице", которая именуется 'божественной' и сама является предметом поклонения: *déva ratha práti havyā́ gṛbhāya* "о Божественная колесница, прими жертвенные возлияния" (RV VI 47, 28).

Такие колесницы изготовлялись из лесного дерева особой прочности (*vánas-páti-* буквально: 'хозяин леса', 'главный в лесу'; это же сложное слово обозначает в "Ригведе" особенно прочную часть колесницы, возможно, ее 'ось', *Grassmann 1873 : 1208*), чем и определялась мощь колесницы: *vánaspátibhyaḥ páry ábhṛtaṁ sáhaḥ* "от главных деревьев принесена (ее) мощь" (RV VI 47, 27). Деревянные части колесницы были связаны ремнями из коровьих шкур: *góbhiḥ sáṁnaddho asi* "ты связана коровами" (RV VI 47, 26).

Изготовление 'колесницы' (*rátha-*) из дерева обозначалось глаголом *takṣ-* 'мастерить', 'делать': *rátham tákṣan* 'колесницу они смастерили' (RV 120, 3 и др.). Это сочетание слов индоевропейского происхождения (ср. др.-инд. *takṣ-*, греч. τεκτ-, хет. *takš-*, см. выше, стр.705—706) может отражать общеиндоевропейское словоупотребление.

В гимнах "Ригведы" на подобных боевых колесницах разъезжают обычно боги, состязающиеся и воюющие друг с другом.

Такой колесницей, в которую впрягались лошади, возничий управлял стоя. Подобная техника езды на боевых колесницах, отражаемая в гимнах "Ригведы", является достаточно древней и восходит по крайней мере к общеиндоиранской эпохе, ср. др.-инд. *rathe-ṣṭhā́-* 'стоящий на колеснице', 'колесничий' при авест. *raθaē-štā-* 'стоящий на колеснице'. Характерно, что индийская и иранская формы соответствуют друг другу во всех деталях вплоть до совпадения в падеже (*локативном*) первого члена словосложения (*Hauschild 1954 : 261*).

Индо-иранское **ratha-* по своему назначению, по устройству и по тягловой силе (лошади) соответствует древнехеттскому ^{GIŠ}GIGIR 'боевая колесница'.

Другой вид 'колесниц'-'повозок', в индийском обозначаемый словом

ánaḥ (этимологически соответствующим лат. *onus* 'груз', *Mayrhofer 1956, I : 33*), использовался для перевозки грузов. На таких повозках, запряженных коровами или быками, могли ездить и женщины, ср. *Scheller 1975*. В "Ригведе", в частности, этим словом обозначается разбитая Индрой повозка богини Ушас: *áposā́ ánasaḥ sarat sámpiṣṭād áha bibhyúṣī ní yát sīm ṣiṣnáthad vṛ́ṣā* "прочь от разбитой повозки убежала Ушас, страшась, когда бык ее столкнул" (RV IV 30, 10; ср. *Елизаренкова 1972 : 121*).

Др.-инд. *ánaḥ* 'тяжелая грузовая повозка, запряженная коровами или быками; может быть функционально сопоставлена с хеттской 'грузовой повозкой' ^{GIŠ}MAR.GÍD.DA, в которую впрягались быки. Подобно тому, как в хеттском царском погребальном обряде останки умершего перевозятся к месту сожжения на повозке, запряженной быками, в древнеиндийской традиции повозку, на которой возлежал умерший, везли к месту сжигания коровы. После этого совершался обряд очищения коров, ср. *Елизаренкова 1976 : 253, 379*.

6.12. «КРЫТЫЕ ПОВОЗКИ» У ИНДО-ИРАНЦЕВ

Еще одно примечательное совпадение обнаруживается между древнехеттским и древнеиндоиранским видами повозок: это — особые 'крытые спальные повозки', предназначенные для длительного жилья в них и ночлега.

В древнеиндийском существование таких спальных повозок реконструируется на основании анализа преданий о 'дворцах-повозках богов' (*Hertel 1931 : 277*), а также по употреблению в "Ригведе" др.-инд. *ánar-viś-* 'живущий в тяжелой повозке (*ánaḥ*)'. То же представление лежит в основе ведийского гимна, в котором, в частности, говорится: *gṛ́hó yā́mi áraṅkṛto* "я еду в доме (на колесах), хорошо оснащенном" (RV X 119, 13), ср. *Hauschild 1954 : 285*; *Елизаренкова 1972 : 394*).

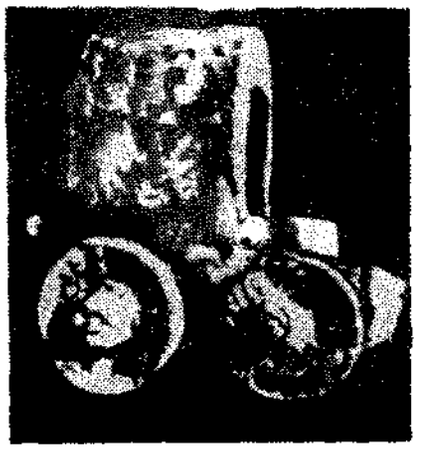

Рис. 16. **Скифская повозка с крытым верхом (из Керчи)**

Давно уже было высказано предположение о том, что в этих древнеиндийских представлениях отражены особенности быта арийских кочевников в эпоху их вторжения в Индию (*Hertel 1931 : 279*)[1].

[1] Такое предположение подтверждено и анализом др.-инд. vandhúra-, толкуемого самими индийскими авторами как ráthanīḍa- 'колесница-гнездо', то есть внутренняя часть крытой колесной повозки, где находился колесничий. Само слово vandhúra- этимологически трактуется как 'плетение из прутьев' (от и.-е. **ŭendʰ-* 'плести': гот. wandus 'прут', -windan 'плести' и др.), *Hauschild 1954 : 260—262*. Такое плетение из прутьев и образовывало верх крытой повозки.

Такие крытые повозки предполагаются не только для древних индоарийцев, но и для более широкого индо-иранского ареала. В этой связи обращают на себя внимание в первую очередь археологические данные (терракотовые модели крытых скифских повозок из Керчи), а также свидетельства античных авторов, согласно которым: ἐνταῦθα καὶ οἱ Σκύθαι διαιτεῦνται, Νομάδες δὲ καλεῦνται, ὅτι οὐκ ἔστι οἰκήματα, ἀλλ' ἐν ἁμάξῃσι οἰκεῦσι. αἱ δὲ ἅμαξαί εἰσι αἱ μὲν ἐλάχισται τετράκυκλοι, αἱ δε ἑξάκυκλοι. αὗται δε πίλοις περιπεφραγμέναι εἰσὶ δε καὶ τετεχνασμέναι ὥσπερ οἰκήματα, τὰ μὲν διπλᾶ, τά δὲ τριπλᾶ. ταῦτα δε καὶ στεγνὰ πρὸς ὕδωρ καὶ πρὸς χιόνα καὶ πρὸς τὰ πνεύματα. τὰς δὲ ἁμάξας ἕλκουσι ζεύγεα, τὰς μὲν δύο, τὰς δὲ τρία βοῶν κέρως ἄτερ. οὐ γὰρ ἔχουσι κέρεα ὑπὸ τοῦ ψύχεος. ἐν ταύτῃσι μὲν οὖν τῇσιν ἁμάξῃσιν αἱ γυναῖκες διαιτεῦνται. αὐτοὶ δὲ ἐφ' ἵππων ὀχεῦνται οἱ ἄνδρες "здесь обитают и скифы, которые называются кочевниками, так как у них нет домов, а живут в повозках. Самые маленькие из этих повозок четырехколесные, другие же шестиколесные. Они покрыты войлоком и построены как дома, одни как двойные, другие — как тройные. Они являются защитой от воды, снега и бурь. Эти повозки тянут упряжки быков, то из двух быков, то из трех быков, без рогов. Они лишены рогов из-за мороза. В этих повозках живут только женщины, сами мужчины же ездят верхом на лошадях" (*Corpus Hippocraticum*, apud *Schrader/Nehring 1929, II : 616—617*).

Такие крытые передвижные дома обнаруживаются и в других архаичных индоевропейских традициях, в частности в южнославянской, где в горных районах Югославии известны передвижные дома, которые тянули быки.

Наличие таких домов-повозок у древних германских племен предполагаются на основании факта причисления жилища к движимому имуществу в древнем германском праве.

На основании всех этих и других подобных данных давно уже делалось предположение об индоевропейском характере таких повозок для жилья, с помощью которых древние индоевропейцы расселялись по позднейшим историческим местам обитания (*Hauschild 1954 : 278*).

6.13. «КОЛЕСНАЯ ПОВОЗКА» И «КОЛЕСНИЦА» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В греческой традиции, начиная уже с микенского периода, повозка и колесница выступают в качестве основного вида военного и хозяйственного транспорта, ср. *Кожин 1966*; *Lejeune 1968*. В микенском греческом само название колесницы *i-qi-ja* (=греч. ἵππιος) указывает на наличие 'колесницы', запряженной лошадьми. Другой вид 'колесной повозки' *wo-ka* (соответствующее греч. Fόχ-ος и восходящее к и.-е. **u̯oǧ$^{(h)}$-o-*) представлял собой 'повозку', в которую запрягались, очевидно, мулы (*Wyatt 1970 : 100*).

Определенные части 'колесницы' характеризуются в микенских текстах, представляющих собой инвентарные списки, как *do-we-jo* (=**dorwejos*) 'деревянные'. В пилосской табличке PY Vn 10, перечисляющей части 'ко-

лесницы', упоминаются *du-ru-to-mo* (= греч. δρυτόμοι 'дровосеки'), которые подготавливают лес, нужный для изготовления деревянных частей колесниц (*a-mo-te-jo-na-de*), *Wyatt 1970 : 102*; ср. также название 'колесницы' или ее части *a-mo* (=[*h*]*ar-mo*, соотносимое с греч. ἅρμα 'колесница'). Другая часть 'колесницы' называется *a-ko-so-ne*, сопоставляемое с греч. ἄξονες 'оси'; слово с ясной индоевропейской этимологией, см. выше, стр. 721.

О распространенности боевых колесниц в микенской Греции можно судить также по изображениям на фресках, печатях, росписях на вазах и по терракотовым моделям. Отмечается единообразие типа легкой боевой колесницы и способов запряжки лошадей по всему ареалу распространения микенской греческой культуры (*Блаватская 1976 : 69*).

Микенская традиция использования боевых колесниц сохраняется в гомеровском эпосе уже в какой-то мере как воспоминание о периоде широкого распространения боевых колесниц, которые были вытеснены позднее верховой ездой в военных целях (*Greenhalgh 1973*; *Hill 1974*, ср. о Гомере *Webster 1958 : 103—104*).

В греческой традиции, начиная уже с микенской эпохи, обращает на себя внимание отсутствие тяжелых грузовых повозок и явных следов крытых повозок, что так характерно для древнехеттской, древнеиндоиранской и ряда других культур, вероятно, продолжающих в этом отношении индоевропейскую традицию. Такие 'повозки' были необходимы для массовых переселений индоевропейских племен по суше и расселения их в новых местах жительства. Такое значимое отсутствие 'повозок' этого типа в греческом может указывать на их утрату, вызванную особенностями путей переселения предков микенских греков в исторические места их жительства по морю.

В греческой традиции, как и в остальных древних индоевропейских традициях, длительное время сохраняется древняя символика 'колеса' и 'колесницы', запряженной лошадьми (ср. образ Гелиоса — бога Солнца, разъезжающего на такой колеснице), ср. *Фрейденберг 1936 : 211*.

6.14. РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ «КОЛЕСНИЦЫ» В ДРЕВНИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Оттеснение боевых колесниц, запряженных лошадьми, исключительно в ритуальную сферу, наблюдается, как и в поздней греческой традиции, в ряде исторических индоевропейских традиций. В частности, в Риме колесница сохраняется пережиточно как транспортное средство при культовых состязаниях (*Dumézil 1966 : 212*).

В галльском известны названия для 'боевой двухколесной колесницы' *essedum* и 'четырехколесной повозки для езды' *rēda*.

В других европейских традициях (части кельтских, германской, иллирийской и других) наличие как легких боевых колесниц, запряженных лошадьми, так и тяжелых колесных повозок, реконструируется на основании культовых изображений и обнаружения колесниц-катафалков. В этом отношении интересны находки обрядовых и погребальных четырехколес-

ных повозок позднегальштатского и раннелатенского времени, в частности четырехколесная ритуальная повозка из Дейбьергского болота (Ютландия) (*Кларк 1953 : 302*, рис. *168*). Предполагается, что на подобных катафалках доставлялись к месту погребения урны с кремированными останками или же сами покойники. На изображении такой четырехколесной повозки, запряженной двумя лошадьми, из Эденбурга (Венгрия, *Кларк 1953 : 302*, рис. *169*) на повозке стоит урна или 'образ' — изображение. Найдено и значительное число бронзовых погребальных урн, стоявших на деревянных повозках, и другие культовые изображения четырехколесных повозок (*Schuldt 1954 : 61*, рис. *49* и др.).

С погребальным обрядом связано и изображение легкой боевой колесницы 'микенского типа', найденное на каменной плите погребального помещения в Южной Швеции (*Кларк 1953 : 303*, рис. *170*). Такого же типа запряженная конями колесница, везущая солнечный диск, найдена в Трундхольме (*Hahne 1910 : 39*, рис. 47). Следует полагать, что колесницы этих типов, доставлявшие покойников (или их 'образы' и урны после кремации) к месту погребения, распространились в Центральной Европе с Востока из Западной Азии (*Childe 1950 : 222*; *Кларк 1953 : 301—302*).

6.15. «ВСАДНИЧЕСТВО» И «ВЕРХОВАЯ ЕЗДА»

Оттеснение в центральноевропейских традициях (как и в позднегреческой) функции боевых колесниц исключительно в культовую сферу[1] следует объяснить распространением и утверждением к этому времени практики верховой езды, вытеснившей применение боевых колесниц в военных целях.

Всадничество или верховая езда зарождается в степных просторах Центральной Азии восточнее Волги. Самые ранние археологические свидетельства верховой езды относятся к XV в. до н. э. (*Смирнов К. 1961*; *Sulimirski 1970 : 275*). Но отработанность и разнообразие атрибутов всадничества в это время указывают на возможный длительный период предшествующего развития (*Мерперт 1974 : 115*; *Ковалевская 1977*) и зарождение его на рубеже III и II тысячелетий до н. э. или еще ранее. Практика всадничества, верховой езды могла зародиться именно в этих областях и распространиться затем в западном направлении, достигнув Европы в I тысячелетии до н. э.

В этой связи вызывает особый интерес восточноазиатское происхождение названия 'верховой лошади' ***mar-k[h]o-*** в ряде европейских языков — германском и кельтском : ср. др.-исл. *marr* 'конь', др.-в.-нем. *marah* 'конь', др.-англ. *mearh* 'конь', др.-ирл. *marc*, валл. *march* 'лошадь', см. выше, стр. 554.

[1] Наличие тяжелых грузовых транспортных повозок, в которые, очевидно, впрягали быков, в доисторической Европе можно предположить по этнографическим данным, хотя археологический материал относится только к культовой функции таких повозок (*Кларк 1953 : 300 и след.*).

Именно носители древних европейских диалектов могли познакомиться с верховой ездой во время их соприкосновений с центральноазиатскими племенами и занести практику верховой езды (как и соответствующее название 'верховой лошади') в Европу, в исторические места их жительства.

6.16. ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ КАК ДРЕВНЕЙШИЙ АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «КОЛЕСНЫХ ПОВОЗОК». ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОЛЕСНИЦЫ В ЕВРАЗИИ

Древнейшие свидетельства колесных повозок и колесницы обнаружены на Ближнем Востоке (*Childe 1951*; *1954*; *Piggott 1968*; *1969*; *1974*). Они относятся к IV тысячелетию до н. э. и представляют собой пиктограммы (из архаических слоев Урука, Месопотамия), изображающие 'жилье на колесах', очевидно, спальные четырехколесные повозки; позднее, с начала III тысячелетия в том же географическом ареале (Киш, Сузы, Хафаджá) обнаруживаются изображения и модели колесных повозок и колес; к этим древнейшим образцам примыкают находки в Южной Туркмении (Анау).

К середине III тысячелетия увеличивается число находок в Месопотамии, а также на Среднем Евфрате (Мари).

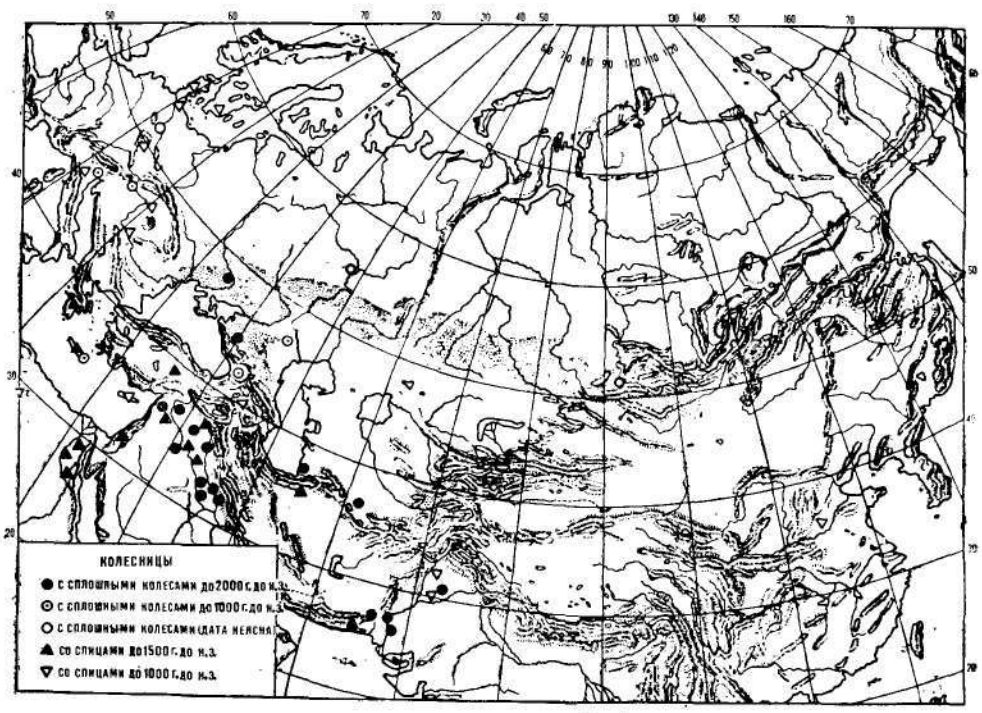
Во второй половине III тысячелетия значительно расширяется ареал распространения повозок: они обнаруживаются на востоке в Мохенджо-Даро, на Кавказе (Бедени, Майкоп, Элиста), в Северном Причерноморье и на Дунае в Венгрии (*Калиц 1976*). Приблизительно к этому времени относится и наиболее северовосточная находка конской повозки (цельного колеса от нее) в Приуралье (Герасимовка, восточнее Волги, *Мерперт 1974 : 94, 115*).

Около рубежа III—II тысячелетий обнаруживаются колесницы на Крите, в Западной Европе (Гессен) и на Волге существенно дальше к северу, близ Казани. К первой половине II тысячелетия относятся колесницы из Триалети (*Куфтин 1941*; *Джапаридзе 1969*) и из Австрии; к середине II тысячелетия относятся колесницы из Лчашена (озеро Севан), *Пиотровский 1959 : 153*; ср. *Littauer/Crouwel 1977*. К концу II тысячелетия до н. э. колесницы достигают Северной Италии; их изображения известны в Южной Сибири и на оракулах для гаданий в Китае (Шанская эпоха), ср. *Childe 1954*.

Такая картина распространения колесной повозки подсказывает идею о диффузии этого культурного достижения из определенного центра его возникновения, который следует локализовать в пределах северной части ближневосточного ареала. Очагом создания повозок на Ближнем Востоке могли быть лишь области, богатые горным лесом, необходимым для получения твердых пород дерева; в этих областях должны были существовать и металлургия бронзы для изготовления бронзовых орудий, без которых невозможна или чрезвычайно затруднительна обработка твердых пород дерева. Такими очагами возникновения колесных повозок могли быть в пределах ближневосточного ареала области Северной Месопотамии (на верхнем течении Тигра или восточнее Тигра, *Childe 1951*; *1954*) или же об-

ласть от Закавказья до Северной Месопотамии с центром между озерами Ван и Урмия (*Piggott 1968*; *1969*; *1974*; *1979*; ср. также *Шер 1980 : 198 и след.*).

Обнаруживаемые остатки колесниц и колесных повозок вне пределов Передней Азии (Волжско-Уральский район — Герасимовка, Север-

Карта 1. **Распространение колесниц в Евразии** (по *Childe 1954 : 15*)

ное Причерноморье, Балканы, Центральная Европа) следует, таким образом, считать следами занесения колесниц в эти области из ближневосточного ареала в результате миграций племен, заселявших эти территории. На это указывает и хронологическая стратификация колесных повозок, древнейшие переднеазиатские образцы которых датируются рубежом IV и III тысячелетий до н. э., тогда как образцы, обнаруженные вне пределов этого ареала, отстоят по времени в определенной зависимости от расстояния до предполагаемого центра диффузии (ср. датировку обнаруживаемых в разных частях Европы колесниц II—I тысячелетиями до н. э.; Балканы и Причерноморье — III тысячелетием до н. э.).

Проникновение колесницы из Передней Азии в Северное Причерноморье и Балканы могло осуществиться через Малую Азию (на Балканы, ср. *Калиц 1976*) и через Кавказ в Северное Причерноморье (ср. *Piggott 1968*; *1969*) и далее в Западную Европу.

Не исключена, однако, возможность и более восточного пути диффузии колесницы и колесных повозок и проникновения их в Северное Причерноморье через области восточнее Каспийского моря. На возможность

допущения такого восточного пути проникновения колесницы в Северное Причерноморье указывает, с одной стороны, обнаружение следов колесной повозки в Герасимовке восточнее Волги, а также устанавливаемый факт проникновения колесницы и колесных повозок далеко на восток, в Южную Сибирь (Минусинская котловина эпохи Карасукской культуры, *Новгородова 1970*; *1977 : 131*; *Вайнштейн 1975*) и в Китай уже в середине II тысячелетия до н. э.

Колесницы в Китае Иньско-Шанской эпохи (середина II тысячелетия до н. э.) являются нововведением, занесенным в конечном счете с Ближнего Востока. По типу самих колесниц, их бронзовых частей, ярма и упряжи иньские колесницы (как и сходные с ними карасукские) проявляют очевидное происхождение от переднеазиатских образцов, *Кожин 1969*; *1977*; *Piggott 1974*. Обнаруживается разительное сходство в царском погребальном культе, при котором происходило захоронение колесницы и лошади вместе с умершим царем (и людьми и животными, приносимыми в жертву), ср. *Васильев 1976 : 283—284*; *Массон 1973 : 108*.

Все эти данные, а также ряд других, в частности мифологический образ 'колесницы Солнца', которая запряжена священными лошадьми[1], и некоторые космические образы колесницы (в частности, отождествление созвездия 'Большой Медведицы' с колесницей, *Юань Кэ 1965 : 122*), дают основание предполагать индоевропейское происхождение иньских колесниц и колесных повозок вообще, ср. *Pulleyblank 1966 : 30 и след.*; *1975 : 507*; *Васильев Л. 1976 : 275—279*.

Между конкретными центральноазиатскими находками колесниц (Анау, представляющее собой в начале III тысячелетия до н. э. крайне восточную точку древнего ареала распространения колесницы) и происходящими от переднеазиатских повозок того же типа иньскими и карасукскими колесницами лежит огромная территория с хронологически не вполне ясными находками колесниц, может быть, также относящихся ко II тысячелетию до н. э., *Кожин 1968*; *1969 : 40*. Отсутствие ясных промежуточных звеньев следовало бы скорее всего объяснить недостаточной изученностью памятников эпохи бронзы на этой территории.

Этим же следовало бы объяснить и отсутствие промежуточных звеньев между наиболее восточной находкой колесницы в Волжско-Уральском районе (Герасимовка) и центральноазиатскими находками. Такие промежуточные находки могли бы восполнить картину продвижения ко-

[1] Тот же образ 'колесницы Солнца', запряженной лошадьми, встречается и в древнеегипетской мифологии амарнского периода (середина II тысячелетия до н. э.). В "Клятве Солнцу фараона Эхнатона" говорится о колеснице Солнца, запряженной конями, которая объезжает четыре стороны света. Считается, что этот образ был принесен в Египет вместе с другими представлениями о повозках и лошадях (ср. о них *Deines 1953*). В конечном счете эти представления в египетской традиции связаны с индоевропейскими воздействиями, занесенными в Египет из Сирии и Анатолии (*Deines 1953: 6*), в частности через посредство хурритов (*Weippert 1975*). Любопытно также, что аналогичные представления о 'конях, которых ставили ... солнцу' и 'колесницах солнца', как о чем-то чуждом древней иудейской традиции, отражены и в библейских текстах (*McKay 1973*).

лесницы и колесной повозки в Северное Причерноморье также и по восточному пути через Среднюю Азию.

В этом отношении вызывают особый интерес петроглифические изображения колесных повозок и лошадей, обнаруживаемые в большом коли-

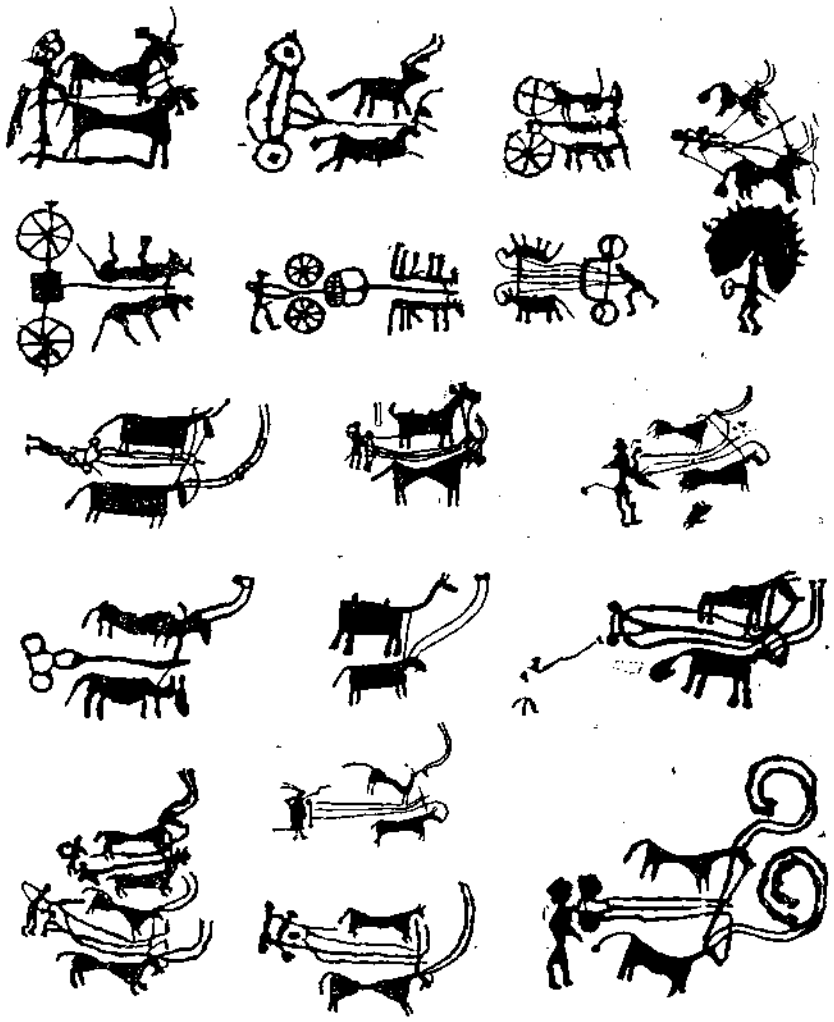

Рис. 17. **Наскальные изображения повозок и колесниц (Саймалы-Таш, по** *Шер 1980 : 195*)

честве по пути предполагаемого продвижения колесной повозки и колесницы из очага их возникновения на Ближнем Востоке в восточном направлении в сторону Средней Азии и далее на северо-восток. Такие наскальные изображения запряженных лошадьми колесных повозок, датируемые эпохой бронзы (III—II тысячелетия до н. э.), обнаружены в ареале от Ферганского хребта (Саймалы-Таш) и далее до Южной Сибири и Монголии (ср. *Littauer 1977*; *Шер 1980 : 194 и след.*). Характерно, что исследователи истории колесных повозок и колесниц придают особое значение имен-

но центральноазиатскому "континууму", в котором во II тысячелетии до н. э. отразилось их "движение" на восток — к Монголии и Китаю (ср. *Piggott 1979 : 12*).

6.17. ДРЕВНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ КАК ОБЛАДАТЕЛИ «КОЛЕСНЫХ ПОВОЗОК»

Древние индоевропейские племена, владевшие 'колесницей' и 'колесной повозкой' в общеиндоевропейский период и уже называвшие повозку и ее части специальными терминами, должны были находиться в ареале древнейшего распространения колесницы (в IV—начале III тысячелетия до н. э.) до ее диффузии за пределы Передней Азии во второй половине III тысячелетия до н. э.[1]

Приурочение индоевропейских племен перед началом их разделения и распада индоевропейской общности к другой области вне древнейшего очага распространения колесницы, то есть за пределами Передней Азии, привело бы к существенным хронологическим противоречиям между допустимой хронологией распада праязыка (не позднее начала III тысячелетия до н. э., ср. наличие документально фиксированных, независимых и отличных друг от друга анатолийских языков — хеттского, лувийского, палайского — уже в начале II тысячелетия до н. э.) и временем распространения колесниц и колесных повозок из переднеазиатского ареала в прилегающие области (вторая половина III тысячелетия до н. э.).

При локализации древних индоевропейцев в пределах раннего ареала распространения колесных повозок именно племена, говорившие на индоевропейских диалектах, и могут считаться распространителями этого вида транспорта за пределами Передней Азии на территорию Северного Причерноморья, на Балканы и далее в Западную Европу, а также на восток вплоть до Центральной Азии и Китая. Характерно, что определенное ответвление индоевропейцев в I тысячелетии н. э. обнаруживается в лице т о х а р о в далеко на востоке, в Восточном Туркестане, с языком, сохранившим древние общеиндоевропейские названия 'колеса' и 'колесницы'.

Вывод о первичном очаге возникновения легких боевых повозок, запряженных лошадьми, как расположенном в Передней Азии, откуда и распространяются в дальнейшем эти повозки, делает вполне вероятным пред-

[1] Весьма любопытно, что разные этносы, жившие в пределах древнейшего очага зарождения и распространения 'колеса' и 'колесной повозки', обнаруживают фонетически сходные названия 'колеса' и 'колесницы' (что отчасти напоминает ситуацию с названием 'лошади', см. выше, стр. 560 и след.): ср. и.-е. **kʰlºeɐkʰlºlo-*, шум. GIGIR, сем. **galgal-*, картв. **grgar-*, **brbar-*, ср. также реконструируемую для предполагаемого древнекитайского заимствования (из индоевропейского) праформу с начальным **gr-* для названия 'священных лошадей, впряженных в солнечную колесницу', *Pulleyblank 1966 : 34*.

положение о доместикации 'лошади' и применении ее в качестве тягловой силы в определенном ареале в пределах Передней Азии при дальнейшем широком распространении лошади в этой функции вместе с легкой боевой колесницей.

Как подчеркивается в новейших специальных исследованиях, появление легких колесниц, в которые впрягались кони (а не быки, как раньше), было принципиально новым изобретением, благодаря чему скорость передвижения увеличилась не менее чем на порядок в 10 раз (ср. *Piggott 1979 : 11*).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ЭКОНОМИКА И СИСТЕМА РОДСТВА ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

1. ВОЙНА КАК ЗАНЯТИЕ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ БОЕВОГО ОРУЖИЯ

1.1. РЕКОНСТРУКЦИЯ НАЗВАНИЙ БОЕВОГО ОРУЖИЯ И ГЛАГОЛА, ОЗНАЧАЮЩЕГО «ПРЕСЛЕДОВАНИЕ, УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА»

Одним из основных занятий древних индоевропейцев была 'война', что и отразилось в наличии в общеиндоевропейском целого ряда лексем, обозначающих боевое оружие и атрибуты, относящиеся к военному делу.

Помимо разобранных выше терминов, соотнесенных с боевым оружием типа 'боевого топора' (*p[h]elek̑[h]u-) или 'боевой колесницы', в индоевропейском или его древних диалектных объединениях обнаруживается ряд слов, обозначающих определенные виды боевого оружия типа 'меча', 'копья' и других:

И.-е. *[e]ḷsi- 'меч': др.-инд. *así-* 'меч', 'резак', авест. *anhū-* 'меч', лат. *ēnsis* 'меч' (*Pokorny 1959 : 771*). По схеме диалектного членения слово, реконструируемое для итало-арийской диалектной общности, может считаться общеиндоевропейским или по крайней мере относящимся к древнейшему диалектному ареалу периода распада общеиндоевропейского языка. В каждом из исторических диалектов (древнеиндийском и италийском) слово обозначает собственно 'железный меч' (ср. *Thieme 1964 : 593—594*). Такое значение этих слов отражает, несомненно, позднее семантическое развитие с переносом значения первоначального слова на оружие из железа (для более ранней эпохи следует предположить значение 'медный или бронзовый меч').

В качестве более узких диалектных слов, характерных для греко-арийской диалектной общности (того же ареально-хронологического уровня, что и *p[h]elek̑[h]u-: др.-инд. *paraśú-*, греч. πέλεκυς 'боевой топор', 'секира'), выделяются некоторые названия боевого оружия: др.-инд. *íṣu-* 'стрела', авест. *išu-* 'стрела', греч. гом. ἰός (<*isu̯-os*) 'стрела'.

Одно из древних названий 'щита' может быть представлено в лув. *palaḫša-* 'щит', др.-инд. *phálakam* 'щит', 'доска', др.-исл. *fjǫl* 'доска': и.-е. *p[h]ol- 'щит', ср. *Bomhard 1973 : 111*. Обращает на себя внимание сохранение признака придыхательности глухой лабиальной фонемы в древнеиндийском.

При разветвленности названий видов боевого оружия в отдельных исторических диалектах (*ср. Шрадер 1886 : 324—354*) почти не удается обнаружить этимологически соотносимые названия оружия, восходящие к

периоду общеиндоевропейской общности или хотя бы к достаточно древним диалектным общностям. Объяснение этому следует искать в постоянной замене названий боевого оружия в зависимости от изменения и усовершенствования технологии изготовления в отдельных исторических объединениях племен (ср. сходную ситуацию в отношении названий конкретных ремесленных орудий).

В отличие от нестабильности древнего словаря, относящегося к видам оружия, бóльшую устойчивость обнаруживают древние слова, обозначающие общие понятия, связанные с 'веденнем войны' типа 'убивать', 'ранить', 'захватить в плен' и др.:

И.-е. ***g[h]ºen-** 'убивать', 'уничтожить', 'преследовать' (неприятеля): хет. *kuenzi* 'он убивает', *3 л. мн. ч. kunanzi* 'убивают' (в хеттском часто в значении 'разбивать, уничтожать войско противника'), др.-инд. *hánti* 'он убивает', *3 л. мн. ч. ghnánti* 'убивают' (в ведийском часто в значении 'убивать', 'поражать бегущего противника', 'разрушать крепости'), *hatá-* 'разбитый', 'убитый' (≈авест. *ǰata-*), авест. *ǰainti* 'бьет', 'убивает', арм. *ganem* 'ударяю', 'бью', греч. гом. θείνω 'бью', 'ударяю', 'убиваю', φόνος 'убийство', 'резня', алб. *gjanj* 'преследую', 'гоню', лит. *genù* 'гоню', прус. *guntwei* 'гнать', ст.-слав. *gŭnati* 'гнать', лат. *dē-fendō* 'защищаю' (ср. лит. *ginù* 'защищаю'), др.-ирл. *gonim* 'раню', 'убиваю', *guin* 'рана', др.-англ. *gūþ* 'битва', 'война', др.-исл. *guðr*, др.-в.-нем. *gund-* 'битва', 'война'.

1.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ЗАХВАТА ВОЕННОЙ ДОБЫЧИ»

И.-е. ***se/orų-** 'добыча', 'захватить добычу': хет. *šaru* 'добыча', *šaruai-* 'захватить добычу', 'грабить', валл. *herw* 'набег', 'беззаконие', *myned ar herw* 'отправиться в набег', ср.-ирл. *serb* 'воровство' (*Watkins 1975b*);

И.-е. ***lau̯-** 'добыча', 'захватить добычу': др.-инд. *lótam*, *lótram* 'добыча', 'награбленное добро' (у лексикографов), греч. аттич. λεία 'добыча', лат. *lucrum* (из **lu-tlo-m*) 'выигрыш', 'преимущество', др.-ирл. *lóg* 'заработок', 'цена', др.-в.-нем. *lōn* 'жалованье', 'оплата' (нем. *Lohn*), гот. *laun* 'оплата', ср. ст.-слав. *lovй* 'лов'.

1.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ВОЙСКА», «НАРОДА», «ВОЕННОЙ ЗАЩИТЫ, ОБОРОНЫ»

И.-е. ***laH(u̯)o-** 'народ', 'войско', 'поход': хет. *laḫḫa-* 'поход', греч. гом. λᾱFός 'народ', *мн. ч.* 'рать', 'войско' (ср. сложные слова типа гом. λᾱFο-σσόος 'подстрекающий рать на бой'); в греческом слово означало 'народ' как 'совокупность людей, носящих оружие'[1] ✓ *Benveniste 1969, II: 89—95*, ср. микен. греч. *ra-wa-ke-ta = lāwāgetās* 'воевода', ср. дор. λᾱγέτᾱς 'предводитель народа', фриг. *lawagtaei* 'воевода', *ср. Chantraine 1968—1974, III: 619—620.*

[1] К семантической типологии ср. др.-перс. kāra- 'войско', 'народ', хет. tuzzi- 'войско' при родственных словах других индоевропейских языков в значении 'народ', 'племя', ср. ниже.

Древним индоевропейским словом является также др.-перс. *kāra-* 'войско', 'народ' (ср. перс. *kār-zār* 'поле боя'), лит. *kāras*, *kārė* 'война', *kārias* 'войско', прус. *kargis* 'войско', греч. гом. κοίρανος 'повелитель', 'властитель' (κοίρανε λαῶν 'о повелитель войска!', Н 234), ср. др.-исл. *herjann* 'отец войска' (об Одине), *herr* 'войско', гот. *harjis* 'войско', др.-в.-нем. *heri* 'войско' (нем. *Heer*), ср.-ирл. *cuire* 'толпа';

И.-е. **ǫer-* 'защищать(ся)', 'спасать(ся)', 'оборонять(ся)': хет. *ǫarrai-* 'приходить на помощь', *имеранив ǫarrešša-* 'спасать', 'приходить на помощь' (ср. *Pokorny 1959 : 1161*), др.-инд. *vṛṇóti* 'задерживает', 'защищает', 'покрывает', *várman-* 'защита', 'укрепление', ср. *varū-tár-* 'защитник', *várūtha-* 'защита', 'щит', 'войско', авест. *vərəθra-* 'сопротивление', 'защита', греч. гом. ἐρύομαι 'берегу', 'охраняю', 'отвращаю', ср. ἐρυσίπτολις 'защитница городов' (об Афине), ср.-валл. *gwerthyr* 'крепость' (формально соответствует др.-инд. *vártra-* 'плотина'='защита от воды'), др.-ирл. *Ériu* 'Ирландия' (ср. *Pokorny 1959 : 1161*), гот. *warjan* 'защищать', др.-исл. *verja* 'защищать', др.-в.-нем. *weren* 'защищать' (нем. *wehren*).

2. «ЖИЛИЩЕ» И «ПОСЕЛЕНИЕ» КАК ЕДИНИЦЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

2.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «ДОМА», «ЖИЛИЩА»

Общеиндоевропейская лексема **t'om-* в значении 'дом', 'строение' обозначает элементарную социальную единицу индоевропейских племен, которая предполагает объединение и совместное проживание людей, связанных определенными родственными узами. Основа засвидетельствована в основных древних индоевропейских диалектах (кроме хеттского и тохарского):

Др.-инд. *dáma-* 'дом', 'жилище', 'жилье' (в "Ригведе" *вин. п. dámam*, *лок. dáme*), авест. *dąm*, *dąmi* (*лок.*) 'в доме', арм. *tun* 'дом', греч. гом. δόμος 'дом', 'жилище', 'обитель', 'кров', лат. *domus* 'дом', 'жилище', 'семья', *лок. domi* 'дома', 'в доме', ст.-слав. *domŭ* 'дом', ср. лит. *nāmas* 'дом', 'жилище', *Pokorny 1959 : 199*[1].

В анатолийских языках и в тохарском первичная индоевропейская основа заменена на новообразования : хет. *pir* (шумерограмма É-*ir*), *род. пад. parnaš* 'дом', 'хозяйство'[2], тох. A *waṣt-* 'дом', B *ost* 'дом'[3]. В германском

[1] Высказывалось, однако, предположение, что лит. nāmas 'дом', латыш. nams связано скорее с греч. *νέμω* 'обитаю, живу', 'пасу', *Фасмер 1964—1973, 1: 527*.

[2] Общеанатолийское слово (ср. иер.-лув. parna-'дом', лик. prñnawa-'строить', лид. bira- 'дом'), находящее параллели во многих переднеазиатских языках: ср. егип. pr 'дом', хур. pur(u)li 'дом', *Haas 1975 : 56*.
След первичной анатолийской формы, отражающей индоевропейскую основу **t'om-*, можно было бы видеть в иерогл.-лув. tama-'строить', ср. *Szemerényi 1977 b: 96*.

[3] Слово соответствует др.-инд. vástu- 'жилище', 'дом и двор', 'дом', греч. гом. ἄστυ 'жилище', 'город': слово является древним производным от глагола **Hues-* 'жить, быть', заменившим в тохарском первичное индоевропейское слово для 'дома', 'жилья' **t'om-*.

в значении 'дом' выступает основа **hūs* 'дом', вытеснившая, очевидно, древнее индоевропейское слово в этом значении (ср. *Lehmann 1968 : 11*): др.-в.-нем. *hūs* 'дом' (нем. *Haus*), др.-англ. *hūs* (англ. *house*)[1].

'Дом' как единицу социальной структуры у древних индоевропейцев можно вывести ввиду наличия таких производных от основы **t'om-*, как др.-инд. *dámpati-* 'хозяин дома' (ср. к семантике лат. *pater familiās* 'глава семейства'), в *дв. ч.* 'главы дома', 'супруг и супруга', *pátir dán* 'хозяин дома', авест. *dāng.pati-* 'глава дома', 'глава семьи', *dāng patōiš* 'хозяина', *род. пад.*; греч. δεσπότης 'хозяин (дома)'; лат. *dominus* 'хозяин (дома)', 'главный в доме'[2]. В этом отношении интересны также греческие (гомеровские) термины, образованные от основы в нулевой ступени : δμώς 'слуга', δμωή 'служанка', 'пленница'.

Таким образом, индоевропейский 'дом' **t'om-* — это жилище, объединяющее людей по определенному социально-семейному признаку, с 'главой дома' и со 'служителями'.[3]

Наличие в 'доме' очагов двух форм—круглых и четырехугольных, противопоставляемых друг другу как символы 'Земли' и 'Неба' (*Dumézil 1966 : 308—315*; *Vernant 1969 : 180*), позволяет предположить у древних индоевропейцев жилища двух основных форм — круглых и четырехугольных. Характерно, что оба этих типа жилищ встречаются в более широком ареале древнесредиземноморских культур Верхней Месопотамии и Южного Кавказа (жилище круглого плана является особо характерным для Южного Кавказа, см. *Джавахишвили А. 1973 : 300 и след., 346*).

2.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ «ПОСЕЛЕНИЕ» КАК «ОБЪЕДИНЕНИЕ ДОМОВ»

'Объединение домов' давало более крупную социальную единицу **ɥe/oi̯k*[h]-, типа 'поселения' нескольких семейств, объединенных по определенным социальным признакам; это — 'дома', сгруппированные в общинные поселения. Такая первоначальная организация 'поселения' **ɥe/oi̯k*[h]-

[1] Высказано предположение относительно связи германского **hūs* 'дом' с енис. qus 'чум, дом', *Дульзон 1971 : 174*. В таком случае германское заимствование наряду с аналогичным заимствованием одного из названий 'лошади' (из алт. **mor-k-*, см. выше, стр. 554) могло бы служить иллюстрацией связей некоторых "древнеевропейских" диалектов с носителями центральноазиатских языков.

[2] С образованием от основы **t'om-* на **-n-* типа лат. dominus сопоставляется образование на **-r-* типа мик. греч. da-ma-te 'служители' (*Lejeune 1958 : 187—201*), греч. гом. δάμαρ, *род. пад.* δάμαρτος 'супруга', отражающие древнее гетероклитическое чередование *-r/-n-*.

[3] Вопреки мнению Бенвениста (*Benveniste 1969, I: 293—307*) основу **t'elom-* 'дом' можно увязать этимологически с корнем *t'em- в значении 'строить', 'воздвигать': иер. лув. tama- 'строить', хотано-сакск. padam- 'делать', греч. δέμω 'строю', νεό-δμητος 'вновь выстроенный', гот. gatiman, др.-сакс. teman, др.-в.-нем. zeman 'быть признанным, подходить'; др.-исл timbr 'строительный лес', др.-англ. timber 'строительный лес', 'строение' (англ. timber), др.-в.-нем. zimbar 'строительный лес', 'жилище' (нем. Zimmer), ср. гот. timrjan 'строить', др.-в.-нем. zimberen 'строить' (нем. zimmern), ср. *Szemerényi 1977 b : 96*. В таком понимании и.-е. **t'elom-* — это 'выстроенное жилище', под кровом которого живет группа людей, связанных друг с другом социально-семейными отношениями.

все еще отражена в отдельных исторических индоевропейских традициях. Это видно прежде всего из авест. *vīs-* 'род', 'объединение нескольких семейств' (ср. др.-перс. *viθ-*), *vis-paitiš* 'главный в роду', ср. др.-инд. *viś-páti-* 'хозяин дома, племени' при др.-инд. *víś-* 'жилище', 'племя', 'род', 'род человеческий'; лит. *viẽšpats* 'господин', 'господь', прус. *waispattin*, *вин. п.* 'хозяйку' (ср. др.-инд. *viśpátnī* 'хозяйка дома'); греч. гом. Fοἶκος 'большой дом', 'жилище', 'хозяйство'[1], лат. *uīcus* 'деревня', 'поселок', 'группа домов', умбр. *uocu-com* 'строение', 'здание', гот. *weihs* 'деревня', ст.-слав. *vĭsĭ* 'деревня', 'поселок', др.-рус. *вьсь* 'весь', 'деревня' (ср. *Срезневский 1958, I : 473*), *ср. gradě... vesi* 'в городе и селении'.

2.3. «ДВЕРЬ» КАК «ВЫХОД ИЗ ДОМА» И ОППОЗИЦИЯ «ДОМА»~«ВНЕ ДОМА», «В ПОСЕЛЕНИИ»~«ВНЕ ПОСЕЛЕНИЯ»

Выход из 'дома' шел через 'дверь' ***d**$^{[h]}$**ur-**, ведущую 'вовне' на 'двор' вокруг дома. О таком расположении 'дома' и 'двора' можно заключить на основании многозначности основы ***d**$^{[h]}$**ur-**, отраженной в отдельных исторических диалектах:

Тох. В *twere* 'дверь', др.-инд. *dvár-* 'дверь', *мн. ч.* 'двустворчатые двери' (в "Ригведе" и как божества), авест. *dvarəm* 'ворота', 'двор'; арм. *durn* 'двери', 'ворота', 'двор', *мн. ч. durk̔* 'двери', *i durs* 'вовне', греч. гом. θύρη 'двери', 'ворота', 'вход', 'двор' (ср. θύρετρα 'створки', 'двери', 'ворота'), θύραζε 'вон', 'прочь!', алб. *dérë* 'дверь', лат. *forēs* 'двустворчатая дверь', 'вход', *forās* 'наружу', 'снаружи', 'вне дома', др.-ирл. *dorus* 'дверь', гот. *daúr* 'дверь', др.-в.-нем. *turi* 'дверь' (нем. *Tür*), др.-англ. *duru* 'дверь', др.-в.-нем. *tor* 'ворота' (нем. *Tor*), др.-англ. *dor* 'ворота' (англ. *door*); лит. *dùrys* 'дверь', 'двери', прус. *dauris* 'большие двустворчатые ворота', ст.-слав. *dvĭrĭ* 'дверь', *dvorŭ* 'двор'[2].

Естественно ожидать, что подобно оппозиции 'в доме'~ 'вне дома' (ср. *Benveniste 1969, I : 312—313*), выражаемой соответственно лексемами ***t'om-** ~***d**$^{[h]}$**ur-**, должна была существовать оппозиция 'в поселении' ***ɥoi̯k**$^{[h]}$- ~ 'вне поселения'. Такая 'граница' поселения ***ɥoi̯k**$^{[h]}$- предположительно выражалась лексемой ***e/orH-** : хет. *erḫa-* 'граница', 'край', *arḫa-* 'граница', 'область'; 'вовне', 'прочь', *araḫza* 'вокруг', 'вне', 'за пределами', *araḫzena-* 'живущий вокруг, по соседству, за пределами', латыш. *âra* 'граница', 'край', 'предел', 'область', лит. *óras* 'воздух', 'погода', *iš óro* 'снаружи'. < ЭГ- ?

2.4. «ОГРАДА» КАК ГРАНИЦА «ДОМА» ИЛИ «ПОСЕЛЕНИЯ»

'Поселение' (или, возможно, индивидуальный 'дом с двором', 'дворец') в защитных целях могло обноситься 'оградой', обозначавшейся специаль-

[1] В греческом *οἶκος* принимает и конкретное значение 'отдельного дома, строения', ср. сложное слово *οἰκοδόμος* 'строитель дома'.

[2] Характерное для производных от основы ***d**$^{[h]}$**ur-*** значение 'двустворчатая дверь' (ср. др.-инд., лат., прус.), часто выражаемое формами двойственного или множественного числа, может дать основание для допущения этого значения и для основы общеиндоевропейского первода.

ным наименованием *g[h](e)rd[h]-, давшим соответствующие рефлексы в исторических индоевропейских диалектах: хет. *gurta-* 'крепость' (ср. угаритское заимствование *krdš* 'укрепление', *Friedrich 1952 : 119*), тох. В *kerciyi мн. ч.* 'дворец', др.-инд. *gṛhá-* (из **gṛdha-*) 'жилье', 'дом', авест. *gərəδa-* 'логово дэвовских существ' (ср. заимствованное из раннего иранского общеперм. **gort-* 'дом', 'жилье', 'место жительства', удм. *gurt* 'деревня', 'селение', 'село', коми-зырян. *gort* 'дом', см. об этом подробнее — ниже); алб. *gardh* 'огороженное место', лит. *gařdas* 'загородка', 'огороженное место', 'загон', 'стойло', гот. *gards* 'дом', др.-исл. *garðr* 'ограда', 'двор', ср. др.-англ. *geard* 'загородка', 'сад', 'огород' (англ. *yard*), др.-в.-нем. *garto* 'сад' (нем. *Garten*); ст.-слав. *gradŭ* 'крепость', 'город', 'сад', чеш. *hrád* 'крепость', 'дворец'.

Основа *g[h]erd[h]- восходит к корню *g[h]er-||ĝ[h]er- в значении 'огораживать', который, оформляясь суффиксом *-t[h]-, дает сходные значения: греч. гом. χόρτος 'огороженное место', 'ограда', лат. *cohors* (из **ko-ghṛ-ti-s*) 'огороженное место', 'двор', 'скотный двор', 'когорта', 'часть легиона', валл. *garth* 'огороженное место'; приведенные выше германские формы др.-в.-нем. *garto*, др.-англ. *geard* можно вывести и из основы на суффикс *-t[h]-.[1]

2.5. «УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ», «КРЕПОСТИ»

Обычной формой укрепленных поселений у древних индоевропейцев были поселения на возвышенностях, скалах. Слова, обозначавшие такие 'укрепленные поселения', связаны обычно по происхождению с основами в значении 'высокий', 'гора', 'скала':

И.-е. *p[h]el- 'крепость', 'укрепленный город'[2] > др.-инд. *pûr* 'укрепление', 'крепость', греч. гом. πόλις 'город', 'укрепленный город', ср. ἀκρό-πολις 'верхняя часть города на горе' (ср. греч. πτόλις 'город'), лит. *pilis* 'замок', 'крепость', латыш. *pils* 'замок', 'крепость'. Слово характеризуется диалектной ограниченностью: арийско-греко-балтийский ареал, хотя наличие в урартском заимствованной формы *patari* 'город' (*Меликишвили 1960 : 403*) может указывать на существование слова в форме, близкой к греч. πτόλις и в других древних индоевропейских диалектах.

В этом отношении вызывает особый интерес другое индоевропейское слово для 'крепости', 'укрепления' *b[h](e)rĝ[h]-, показывающее некоторые фонетические аномалии в отражении его в ряде древних индоевропейских диалектов. Слово представляет собой ту же основу, что и форма

[1] Обнаруживаются и некоторые другие термины, связанные с защитой и укреплением 'домов' или 'поселений', ср. др.-инд. pastiàm 'дом, жилье' при значениях арм. hast 'крепкий', др.-исл. fastr, др.-англ. fæst (ср. англ. steadfast 'стойкий'), др.-в.-нем. festi 'крепкий', 'прочный' (нем. fest).

[2] Слово можно этимологически связать с и.-е. основой *p[h]el- в значении 'скала': др.-исл. fjall 'скала', др.-в.-нем. felis 'скала' (нем. Fels), ср.-ирл. all 'круча', пашт. parša 'круча', 'обрыв', др.-инд. pāṣāṇá- 'камень', pāṣyá- 'камень', 'каменное укрепление, оплот' (RV I 56, 6). Для сопоставления этих основ особенно показательно приведенное значение др.-инд. pāṣyá-, совпадающее со значением основы *p[h]el- 'крепость'.

*b[h]erĝ[h]- в значении 'высокий' и 'гора', см. выше, стр. 668 и след.: гот. *baúrgs* 'город', 'башня', др.-в.-нем. *burg* 'крепость' (нем. *Burg*), греч. гом. πύργος 'башня', 'оплот', 'крепость', 'вал', арм. *burgn* 'башня'; греческая форма, как и соответствующая армянская, незакономерна с точки зрения фонетического отражения исходной индоевропейской праформы. Фонетическое сходство греческой и армянской форм и совпадение их с формами в том же значении в ряде неиндоевропейских ближневосточных языков (урарт. *burgana-* 'оплот', 'крепость', ср. *Diakonoff 1971 : 82*; сир. *būrgā* 'башня') может указывать на происхождение этих форм из некоторого древнего *centum*-ного индоевропейского диалекта с закономерным отражением индоевропейских звонких придыхательных и слогового сонанта *ṛ в виде *ur* (*ср. Hübschmann 1972 [1897] : 393*).

Наличие этого слова в значении 'крепость', 'укрепление' в таких диалектах, как древнеиндийский, латинский и тохарский, можно вывести косвенным путем ввиду значений таких слов, как др.-инд. *bṛṁháti* 'укрепляет', 'усиливает', лат. *fortis*, ст.-лат. *forctus* 'сильный', 'твердый' 'крепкий' и тох. А *prākär* 'твердый', 'прочный', тох. В *prākre* 'твердый'. Эти значения следует рассматривать как производные от несохранившегося в этих диалектах слова в значении 'укрепление', 'крепость'.

Постулирование данного слова в значении 'крепость', 'укрепление' в рассмотренной группе древних индоевропейских диалектов дает основание считать его общеиндоевропейским словом, обозначавшим 'укрепленное поселение'; 'крепость на возвышенности, скале'.

В качестве более узкого диалектного слова, обозначавшего 'поселение на возвышенном месте', в древних европейских диалектах (кельто-германском) выступает основа *d[h]eun-: др.-ирл. *dún* 'крепость', ср. лат. *fūnus* 'погребение', 'похороны' (первоначально, вероятно, 'погребальный холм', *Pokorny 1959 : 260, 263*), др.-англ. *dūn* 'высота', 'гора' (англ. *down* 'дюна'), *tūn* 'город' (англ. *town*) из кельтского *dūn-.

В качестве другого узко диалектного индоевропейского слова в значении 'поселение' выступает основа *sel- 'жилое пространство': др.-в.-нем. *sal* 'жилище', 'зала' (нем. *Saal*), лит. *salà* 'деревня', ст.-слав. *selo* 'село' (ср. *Stang 1972*).

Такие и другие подобные им слова, связанные с обозначением 'жилья' и 'поселения', могли возникнуть у индоевропейских племен на относительно более поздних этапах их расселения в западных областях Евразии.

2.6. «УКРЕПЛЕНИЕ», «КРЕПОСТЬ» В ОТДЕЛЬНЫХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Традиция строительства крепостей на возвышенностях сохраняется во всех ранних индоевропейских традициях. С самого начала ранней хеттской истории хетты выступают как хорошие строители 'городов-крепостей' с каменными стенами и укреплений на возвышенностях. Хеттский тип строительства крепостей-фортификаций продолжает древние ближневосточные традиции, ср. *Bittel/Naumann 1952*.

В гимнах "Ригведы" упоминаются 'каменные крепости', которые разрушает Индра: *śatám aśmanmáyīnām purắm índro vy âsyat* (RV IV 30, 20) "сто каменных крепостей Индра разрушил".

Уже в микенской Греции в XV—XIV вв. до н. э. в очень широком масштабе производилось построение крепостных стен из крупных грубоотесанных камней (позднее, в XIII в.—из каменных глыб), *Блаватская 1976 : 97*. В доисторической Европе продолжается древняя индоевропейская традиция строительства укрепленных городищ на вершинах холмов (*Кларк 1953 : 169*).

3. ОБЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ПО ДАННЫМ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СЛОВА В ЗНАЧЕНИИ «ИМУЩЕСТВО», «СОБСТВЕННОСТЬ», «БОГАТСТВО»

В реконструированных выше типах индоевропейских 'поселений', объединяющих отдельные 'дома' или 'группы домов', велась хозяйственная деятельность, приводившая к накоплению имущества и богатства. В индоевропейском реконструируется социальный термин, связанный с 'богатством' и его приобретением в результате определенной деятельности. Это — общеиндоевропейская основа ***Hop**$^{[h]}$-**r**/**n**-, реконструируемая в значениях 'добро', 'богатство', 'имущество' (и связанном с ними значении 'торговля', засвидетельствованном уже во всяком случае в анатолийском):

Хет. *ḫap-* 'быть в изобилии'[1], *ḫappar* 'цена', 'стоимость', 'торговля', *ḫapparai-* 'продавать', 'передавать', 'отдавать' (*Neu 1974 : 80—82*)[2], *ḫappinant-* 'богатый', *ḫappineš-* 'богатеть', *ḫappinaḫḫ-* 'делать богатым' (ср. *ḫappira-* 'город', этимологически : 'место , где производится торговля'), др.-инд. *ápnas-* 'имущество', 'богатство', 'работа', авест. *afnah-vant-* 'богатый имуществом', греч. гом. ἀφνειός 'состоятельный, богатый (деньгами)' (к фонетическому облику слова : *ph* вместо ожидаемого **p*-, см. выше, стр. 63), лат. *opes*, *мн. ч.* 'имущество', 'изобилие', 'богатство', *Ops* 'божество изобилия'[3], *opus* 'работа', *officium* (из **opi-ficium*) 'долг', 'обязанность', 'услуга', др.-исл. *efna* 'делать', др.-англ. *efnan* 'делать', др.-в.-нем. *uoben* 'выполнять', 'исполнять' (нем. *üben*).

[1] Ср. takku-šmaš *UL-ma* ḫapzi "если нет у них достатка", KBo XI 34 I 1.

[2] Значение 'торговля', 'торговать' в анатолийском следует рассматривать как производное от общеиндоевропейского значения 'богатство', 'достаток'. 'Торговля' тем самым рассматривалась как хозяйственная деятельность, доставляющая 'изобилие, богатство'. При синхронном семантическом анализе хеттских значений делается вывод о первичности значения 'торговать' в хеттском (*Neu 1974 : 81*), что, возможно, верно для хеттского, но не для общеиндоевропейских соотношений.

[3] Богиня 'плодородия', 'изобилия' Ops является одной из основных древних богинь Рима, которой посвящались особые праздники в конце августа. Святилище богини находилось в 'храме царя' Rēgia. Имя богини было тайным священным именем города Рима, *Dumézil 1966 : 162—163; 178—179, 260—267, 269* (ср. в этом отношении хет. ḫapp(i)a- в значении 'город').

Другое древнее индоевропейское слово в значении 'имущество', 'собственность' представляла основа ***reH(i)-**[1]: др.-инд. *rayí-* 'добро, имущество, богатство'[2], авест. *raēvant-* 'богатый', лат. *rēs, род. пад. rei* 'вещь', 'имущество'.

3.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ «КУПЛИ»—«ПРОДАЖИ»

Наличие 'богатства' ведет к развитию 'торговли', в свою очередь увеличивающей накопление 'богатства', и развитию 'обмена' и 'купли'—'продажи'. Для общеиндоевропейского можно реконструировать термины, восстанавливающие и этот вид деятельности древних индоевропейцев:

И.-е. ***ǫe/os-(n-)** 'продавать', 'покупать'; 'цена', 'торговая стоимость': хет. *ǫaš-* 'покупать', *uš(a)niǫa-* 'продавать'[3], др.-инд. *vasnám* 'цена', *vasnayántā (прич., дв. ч.)* 'торгующие', *vásnya-* 'торговый', арм. *gin* 'цена', греч. ὠνέομαι 'торгуюсь', мик. греч. *o-no, o-na* (*Chantraine 1976*), гом. ὠνος 'цена', 'покупка', ὠνητός 'купленный', лат. *uēnum, вин. п.* 'продажа', др.-рус. *вѣно* 'плата', 'цена за невесту', ср. тох. В *was-, wäs-* 'давать', ср. *Watkins 1975a*.

В качестве другого древнего индоевропейского термина, связанного с торговлей, выступает основа ***k$^{[h]o}$er-/*k$^{[h]o}$r-ei̯-** 'покупать': тох. А *kuryar* 'торговля', *kuryarі* 'торговец', тох. В *karyor* 'торговля', др.-инд. *krīṇáti* 'покупает', греч. πρίαμαι 'покупаю', др.-ирл. *cren(a)im* 'покупаю', ст.-лит. *krienas* 'цена за невесту', латыш. *kriens* 'дары жениха невесте и ее родителям', др.-рус. *крьнути* 'купить, взять', ср. *Benveniste 1969, I : 129—137*.

3.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ: «ОБЕЗДОЛЕННЫЙ», «НЕИМУЩИЙ», «ВОР»

Накопление 'богатства' в городах, поселениях и развитие 'торговли' приводит к имущественной и социальной стратификации общества и к возникновению 'бедных' и 'неимущих' наряду с 'богатыми' и 'имущими'. Наличие такой социальной стратификации у древних индоевропейцев отражено в соответствующих терминах, реконструируемых для общеиндоевропейского:

И.-е. ***orb$^{[h]}$o-** 'обездоленный', 'лишенный имущества'. Такое первичное значение слова можно реконструировать по семантике его отражений в исторических индоевропейских диалектах. Первичное значение 'обездоленный' дает в одних диалектах значение 'сирота', 'ребенок, лишенный родителей и имущества, наследства' (греч. гом. ὀρφανός 'осиротелый', 'сирота', арм. *orb* 'сирота', лат. *orbus* 'сирота' — при сохранении первичного значения 'лишенный чего-либо', 'обездоленный'; др.-инд.

[1] К форме реконструированной основы ср. *Barrow 1976 : 232; Szemerényi 1956*.

[2] Также выступает в "Ригведе" как имя божества Ṛayí-, воплощающего 'богатство'.

[3] Часто уже в "Хеттских законах" (§ 185, § 186 и др.): ku-iš-(ki) ǫa-a-ši 'который покупает'; ср. в ХЗ, § 35* соединение uš̄nešk- (*итератив* от uš̄niǫa- 'продавать') и ḫapraṛ 'цена'.

árbha- 'маленький, слабый', 'ребенок', ср. относимое сюда же хет. *arpa-* 'неудача', *Pokorny 1959 : 782*)[1], а в тех же или других диалектах — значение 'слуга', 'раб' (см. об этом значении также выше, стр. 479; там же о других обозначениях 'несвободных людей' в индоевропейских диалектах): арм. *arbaneak* 'слуга', ст.-слав. *rabŭ* 'раб', ср. гот. *arbaiþs* 'работа', др.-в.-нем. *arabeit* 'работа' (нем. *Arbeit*) и, возможно, *ar(a)m* 'бедный' (если из **arb-ma-*, ср. *Pokorny 1959 : 782*).

Наряду с особыми словами в значении 'обездоленный' в индоевропейском можно предположить существование особых описательных выражений в этом значении, связанных с наименованием 'бога'. Это как бы люди, которых боги лишили 'добра', 'имущества'. Эта словообразовательная модель в значении 'лишенный', 'обездоленный', 'нищий' прослеживается в ряде древних индоевропейских диалектов и может быть постулирована и для общеиндоевропейского : ср. хет. *ašiuant-* 'нищий' из **n̥-t'iu̯-ont*$^{[h]}$-, буквально : 'не-бог' (ср. др.-хет. *šiu-* 'бог'), др.-рус. *у-богъ* 'убогий', 'нищий', *не-богъ* 'нищий', ср. греч. ἄθεος 'оставленный богами' (*Laroche 1969 : 174*).

С имущественным неравенством связано и существование 'воровства' у древних индоевропейцев, что можно установить по соответствующему реконструируемому слову:

И.-е. **(s)t*$^{[h]}$**aHi-** 'воровать', 'утаивать'; 'вор': хет. *tai̯a-* 'воровать, красть', *3 л. ед. ч. ta-i̯a-az-zi, ta-a-i-iz-zi* 'крадет', 'ворует', *tai̯azzil* 'воровство', др.-инд. *(s)tāyú-* 'вор', *stéyam* 'воровство', *stená-* 'вор', авест. *tāyu-* 'вор', *tāya-* 'воровство', греч. τητάομαι 'лишаюсь', 'нуждаюсь', др.-ирл. *táid* 'вор', ст.-слав. *tatĭ* 'вор', *tajiti* 'скрывать', 'утаить', рус. *таить*; сюда же относится, вероятно, и греч. σίνεται 'грабит' (из **t*$^{[h]}$*i-n-i̯e-*), ср. *Hollifield 1978 : 174*.

Восстанавливаемые по лингвистическим данным следы древнего индоевропейского общества, которое включало людей, обладавших 'богатством' и занимавшихся 'торговлей', а также 'лишенных имущества', 'обездоленных' и 'воров', указывают на далеко зашедшее социальное расслоение, связанное с имущественными различиями.

4. ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ИХ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ

4.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «РОДА»

Одной из основных структурных единиц древнего индоевропейского общества было ***k̂'en-(t*$^{[h]}$*)-** 'совокупность людей, связанных родственными отношениями', 'род', 'племя'. Основа слова увязывается этимологически с корнем ***k̂'en-** в значении 'рождать' (ср. др.-инд. *jánati* 'рождает', ст.-лат. *genō* 'рождаю', греч. γίγνομαι 'происхожу' и др.).

[1] Более позднее семантическое развитие слова со значением 'сирота' предполагается в кельтском и германском: др.-ирл. orbe 'наследство', гот. arbi 'наследство', др.-в.-нем. arbi 'наследство' (нем. Erbe), *Порциг 1964 : 181—182*.

Индоевропейское название 'рода', 'племени' образуется как производное от этого корня с суффиксом *-t[h]-. Такое образование хорошо еще сохраняется в ряде древних индоевропейских диалектов.

В индо-иранском устанавливается строгая социальная иерархия единиц в возрастающей последовательности: 'дом' ***t'e/om-*** ~ 'селение' ***ǫoi̯k̂[h]-*** ~ 'племя' ***k̂'en-t[h]-***, выражаемой соответственно лексемами авест. *dąman-* 'обиталище', др.-инд. *dám-* 'дом' ~ авест. *vīs-* 'селение', др.-инд. *víś-* 'селение' ~ авест. *zantu-* 'племя', др.-инд. *jantú-* (в "Ригведе" — 'племя', 'род'), ср. *Benveniste 1969, I : 294—316.*

В италийском основа представлена в форме лат. *gēns, род. пад. gentis* со значением 'род', 'родовая община', 'племя'.

В германском соответствующая основа предполагается на основании производного гот. *kindins* 'предводитель рода' (из ***k̂'ent[h]i-nos***), ср. *Benveniste 1969, I : 302, 315.*

Засвидетельствована и другая, тематическая форма этого слова в значении 'род', 'племя' без суффиксального ***-t[h]-***: др.-инд. *jána-* 'род', греч. γένος 'род', лат. *genus, род. пад. generis* 'род', 'племя', ср. также производное на ***-i-*** в германском от того же корня: гот. *kuni* 'род', др.-в.-нем. *chunni*, др.-англ. *cynn* 'род' (англ. *kin*).

Обнаруживаются также в исторических диалектах и другие суффиксальные образования от того же корня ***k̂'en-*** в значении 'племенных объединений' и других сходных значениях ('потомка', 'происхождения'): лат. *nātiō* 'род', 'племя', 'народность' (из ***gnātiō***), др.-инд. *jātí-* 'рождение', 'семья', др.-англ. *(ge)cynd* 'род', 'природа', 'происхождение' (англ. *kind*).

В качестве еще одного индоевропейского слова в значении 'род'; 'потомок' можно предположить основу ***Hr̥d[h]-***, восстанавливаемую на основе сопоставления хет. *ḫardu-* 'потомок', лув. *ḫarduatt-* 'потомство' (*Laroche 1959a : 43*), иер. лув. *há+ra/i+tu-sa* (*Hawkins/Morpurgo Davis/Neumann 1973 : 148*) со слав. ***rodŭ***: ст.-слав. *rodŭ*, рус. *род*.

4.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СЛОВА В ЗНАЧЕНИИ «ПЛЕМЯ, НАРОД»

В качестве обозначения широкой социальной группы людей, включающей отдельные 'племена' и 'роды' и объединяющей их в наиболее крупную социальную единицу, выступает ареальное ("древнеевропейское" и хеттское) ***t[h]eu-t[h]-***: ср. хет. *tuzzi-* 'войско' (то есть 'совокупность людей, носящих оружие') при "древнеевропейском" названии 'народа, общины': гот. *þiuda* 'народ', др.-исл. *þjóð* 'народ, люди', др.-в.-нем. *diot* 'народ', *diutisc* 'народный' (отсюда нем. *deutsch* 'немецкий'); оск. *touto* 'община', умбр. *totam, вин. пад.* 'общество', др.-ирл. *túath* 'народ', 'племя', 'страна', лит. *tautà* 'народ', латыш. *tàuta* 'народ', прус. *tauto* 'страна'. От этого слова образовано диалектное производное на ***-ono-*** в значении 'предводитель народа': гот. *þiudans* 'царь', др.-исл. *þjóðann*, ср. галльское собственное имя *Toutonos* (ср. *Szemerényi 1977b : 100 и след.*).

4.3. ДРЕВНЕЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «РОДА» И «ПРЕДВОДИТЕЛЯ РОДА»

Наряду со словом ***k̂'en-** в значении 'рождать' в индоевропейском следует постулировать и другое слово в том же или близком значении 'рождать', 'производить', 'род', 'совокупность людей, связанных родственными узами' — чередующуюся по аблауту основу ***Hons-/*Hn̥s-**.

В этом первичном значении основа сохраняется лишь в анатолийских языках: хет. *ḫaš-* 'рождать', *ḫaššatar* 'род' (ср. *ḫaššannaš-šaš* 'человек его рода', 'его кровный родственник', 2 BoTU 23 C 13), *ḫašša ḫanzašša* 'внуки и правнуки', лув. *ḫamša-* 'внук', иер. лув. *ḥamasa-* 'внук' (ср. *Oettinger 1976 : 24*), *ḫasu-* 'потомство'[1].

Предводитель, вождь такого 'рода' мог, естественно, обозначаться словом от того же корня[2]. В анатолийском слово в значении 'царь' (хет. *ḫaššu-* 'царь', *ḫaššu-šš̆ara-* 'царица', иер. лув. *ḥasusara-* 'царица', ср. также женское имя *Ḫašušar* в каппадокийских табличках) соотносится именно с корнем хет. *ḫaš-* 'рождать', *ḫaššatar* 'род'. Слово обнаруживает широкие связи в других индоевропейских языках и может считаться лексемой общеиндоевропейского происхождения: авест. *ahū-* 'господин', *ahura-* 'повелитель', 'господин', 'князь', *Ahura-Mazdā-* 'Ахура Мазда' (буквально: 'Мудрый Господин'), др.-перс. *Auramazdā-* 'имя бога', др.-инд. *ásura-* 'бог', 'дух', 'высшее существо', др.-исл. *áss* 'бог', рун. *a[n]suR*, гот. *ansēs* 'полубоги' (в латинской передаче), др.-англ. *ōs* 'бог' (*Polomé 1953; 1970 : 65*)[3].

Несмотря на то, что хет. *ḫaššu-* уже в древний период означает 'царь' в широком смысле, историческая связь этого термина с названием 'рода' все еще сохраняется в хеттской традиции. Характерно, что еще древнехеттский царь-*ḫaššuš* Хаттусили I (XVII в. до н. э.) всех своих подданных считает членами одного рода, рожденными от одной матери: *ši-i-e-el* $^{\text{IR}^{\text{MEŠ}}}$*.ŠU I.NA* I AMA *ḫa-aš-ša-an-te-eš* (HAB II 46—27) "его (то есть царя — *ḫaššuš*) подданные от одной матери рождены".

Обнаружение в индоевропейском двух основ ***k̂'en-** и ***Hons-/*Hn̥s-** в значении 'рождать', 'производить' и производных от них в значениях 'род', 'племя', 'родственник' (а также 'предводитель племени', 'властелин', 'царь') ставит вопрос о распределении этих основ в соответствующих

[1] В тех же табличках в анатолийских собственных именах встречается в качестве второго члена *-ḫšu* с предположительным значением 'сын, потомок', *Goetze 1954 : 355; Laroche 1966a : 297, 301; Gusmani 1968 : 94—95*.

[2] К типологической возможности такой семантической связи слов, то есть 'рождать', 'род', с одной стороны, и 'властелин', 'предводитель', 'царь', с другой, ср. в частности общегерманское **kuningaz* 'предводитель, царь' (др.-в.-нем. chuning, нем. Kǫnig; др.-англ. cyning, англ. king), связанное со словом **kunja* 'род' (ср. гот. kuni, др.-в.-нем. chunni, др.-англ. cynn, англ. kin), родственным греч. γένος 'род', др.-инд. jána-, лат. genus 'род' и др. (ср. *Gusmani 1968 : 100—101* и др.); иначе у *Szemerényi 1977b : 49*.

[3] В древнеиндийском и германском предполагается семантический переход 'господин', 'властелин'→'бог'. След такого семантического перехода можно еще обнаружить в авестийском ('повелитель, господин' как эпитет бога).

значениях в исторических индоевропейских диалектах. Ряд диалектов в процессе исторического развития теряет производные от корня ***k̑'en-*** (хеттский, тохарский, балто-славянский)[1]; в других диалектах теряется основа ***Hons-/*Hŋs-*** при сохранении в первичном значении 'рождать', 'род' основы ***k̑'en-*** (в частности, индо-иранский, греческий, латинский).

4.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «СВЯЩЕННОГО ЦАРЯ»

В качестве другого термина общеиндоевропейской древности в значении 'предводитель', 'царь', выделяется слово ***reg̑'-***, связываемое этимологически с основой ***reg̑'-*** в значении 'направлять', 'выправлять', 'выравнивать'[2].

Др.-инд. *rā́jan-* 'царь', 'правитель', *rā́jñī* 'царица', *rājyá-* 'царский'; лат. *rēx* 'царь', *rēgīna* 'царица', *rēgius* 'царский'; др.-ирл. *rí*, *род. пад. rígi* 'царь', *rígain* 'царица', ср.-ирл. *ríge* 'царство'; гот. *reiki* 'царство', 'государство', др.-в.-нем. *rīhhi* 'царство', 'государство' (нем. *Reich*), *Pokorny 1959 : 854—857.*

Обращает на себя внимание полное совпадение целого комплекса ритуалов, связанных со 'священным царем' (*rēx sacrōrum*) и царским святилищем *Rēgia* в Риме (ритуал *Equus October* 'Конь октябрьский', см. выше, стр. 552), с аналогичным древнеиндийским комплексом обрядов Ашвамедхи, совершавшимся при церемонии коронации 'царя' (см. выше, стр. 482). То же самое можно сказать и об особом комплексе обрядов, совершаемых особым 'жрецом-друидом' при древнекельтском царе *rí* (*Dumézil 1966 : 31*). Такие совпадения ритуалов с одинаковыми наименованиями в разных исторических индоевропейских традициях позволяют реконструировать у древних индоевропейцев образ 'священного царя'

[1] В анатолийских языках основа ḫaš- в значении 'рождать' (ср. также хет. ḫaššatar 'род') вытесняет основу ***k̑'en-*** в этом значении. Не исключено, однако, что последняя может быть отражена в хет. g/ka-e-pa-aš в значении 'свойственники', 'зятья' (в тексте Телепину: хет. LÚ^{MEŠ} kaepaš-šiš в аккадском варианте соответствует LÚ^{MEŠ} *ḪATNI-ŠU* 'люди его свойства', аккад. ḫatanu 'зять'). Формально хет. g/kaep- может отражать и.-е. ***k̑'en-*** 'род', 'родство' (при допущении графических особенностей написания слова: g/ka- вместо g/ki-); семантика слова ('свойство' вместо 'родства') может объясняться наличием в хеттском другого широко употребляемого корня в значении 'рождать', 'родство' ḫaš-. К возможности такого семантического развития ср. ст.-слав. *zętь* (рус. *зять*), лит. žéntas 'зять' от и.-е. основы ***k̑'en-t[h]-*** при замене в славянском этого слова в значении 'рождать' и 'родственник' новообразованием ***rod-*** (рус. *род*, *рождать*), вытеснившим в этом значении образование от корня ***k̑'en-***.

[2] Этот круг значений данной основы реконструируется на основании засвидетельствованных слов типа ṛ̃jánti 'устремляются вперед по прямому пути', ṛjú- 'прямой', 'правый', rā́jati 'направляет, царствует', авест. razan- 'порядок', rāštəm 'в прямом направлении', греч. ὀρεκτός 'устремленный', лат. rēctus 'прямой' и др.

На основании формальных (наличие долгой гласной) и семантических соображений *Sihler (1977)* предлагает увязывать данное индоевропейское слово не с корнем ***reg̑'-*** 'направлять'; 'выравнивать', а с постулируемой им основой ***reHg̑'-*** в значении 'сильный, действенный': др.-инд. ṛ́ṛj- 'пища'; 'сила', 'изобилие'; греч. ἀρήγω 'прихожу на помощь' и др.

*reḱ'-, символизирующего единство и благополучие всего сообщества, ср. также *Dubuisson 1978*.

4.5. ДИАЛЕКТНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ЦАРЯ», «ПОВЕЛИТЕЛЯ»

В греческой традиции, начиная уже с микенской эпохи, аналогичная функция принадлежала *wa-na-ka* (греч. Fάναξ 'царь' толкуется как 'повелитель', 'господин', 'царь — глава государства', 'бог', *Лурье 1957: 211—216*; *Ventris/Chadwick 1973 : 486*). Слово находит соответствие в тох. А *nätäk* 'господин', с развитием группы **wn-* > *n-* (*Winter 1970 : 53*), ср. также тох. А *ñkät* 'бог', тох. В *ñakte* 'бог' (*Normier 1980*).

В качестве основного слова в значении 'царь' в тохарском выступает основа тох. А *wäl*, тох. В *walo* 'царь'. В этом значении слово находит соответствие в кельтском и германо-балто-славянском (основа на *-d$^{(h)}$l-): др.-ирл. *fol-n-* 'господствовать', *flaith* 'господство'; гот. *waldan* 'управлять', др.-в.-нем. *waltan* 'править' (нем. *walten*), прус. *wāldnikans, вин. п. мн. ч.* 'королей', лит. *valdýti* 'править', 'управлять', ст.-слав. *vladǫ* 'господствую', 'владею'.

Такие термины, обнаруживаемые в отдельных древних диалектных общностях, возникают для обозначения 'правления', 'властвования' (иногда наряду с более древними терминами в этом значении) в период начала распада общеиндоевропейского языка и выделения отдельных диалектных объединений.

5. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ «ОБМЕНА»

*5.1. ОБЩИЙ ТЕРМИН «ОБМЕНА» *t'oH-*

У древних индоевропейцев, как и в любом другом архаическом обществе, обнаруживаются следы отношений между людьми, строящихся на принципе обмена между ними. Такой 'обмен' в широком смысле предполагает как обмен материальными ценностями (принесение 'даров' как ранняя форма обмена, предшествующая развитию торговых отношений, взаимные 'угощения' и др.), так и обмен взаимными услугами (в том числе в обряде) и духовными ценностями (включая обмен языковыми высказываниями и знаковыми символами).

Особое место в таком процессе обмена занимает 'обмен женщинами', которых берут в жены. От такого 'обмена' и зависит определенный характер брачных и родственных отношений, свойственных данному типу общества (ср. *Lévi-Strauss 1967*; *Baal 1970*).

Отношения между человеком и богом в древних обществах также можно рассматривать в рамках "теории обмена" как обмен 'дарами' между богом и человеком, приносящим 'дары' — жертвоприношения богу — взамен благорасположения и благодеяния, ниспосылаемых божеством человеку (ср. о жертвоприношениях в индоевропейских традициях выше, стр. 701 и след.).

Общий термин, отражающий отношение взаимности в процессе обмена, — это и.-е. ***t'oH-***, которое означало как 'давать', так и 'брать'. При этом в одних исторических диалектах эта основа наследуется в значении 'давать', в других — в значении 'брать', что приводит к превращению изначального термина, относящегося к 'обмену', в слово, обозначающее одностороннее отношение без взаимности. В этих словах таких диалектов можно усмотреть лишь отдельные следы древнего отношения взаимности, предполагаемой процессом 'обмена'.

Значение 'брать' индоевропейского корня ***t'oH-*** 'давать' ~ 'брать' лучше всего сохраняется в анатолийских языках:

Хет. *da-a-aḫ-ḫi* 'беру', иер. лув. *tà-a* 'он берет', лув. *la(i)-* 'брать', ср. лид. *dāv* 'даю', *dēt* 'имущество'; хеттская медиальная форма *dattari* 'берется' (то есть 'дано') служит иллюстрацией взаимосвязи значений 'брать' ~ 'давать' (ср. лат. *datur* в том же значении 'дается', 'дано' от глагола *dăre* 'давать'). Хеттское *daḫ-* 'брать' означает также 'брать в жены' (соответствует аккад. *aḫāzu* 'брать в жены' при хет. *daḫ-* 'брать вообще', соответствующем аккад. *leḳû* 'брать').

Значение 'давать' выражается в анатолийском уже особой основой с приставкой *pe-*, что и вызвало семантическое преобразование и.-е. ***t'oH-*** в анатолийском и выражение двух сторон 'обмена': 'давать' ~ 'брать' разными глаголами: хет. *pai-* 'давать' (*1 л. ед. ч. pi-iḫ-ḫi* 'даю', *прош. вр. pi-iḫ-ḫu-un* 'я дал'), лув. *piia-* 'давать', иер. лув. *pia-*, пал. *piša-* 'давать' (*итератив*, ср. хет. *pešk-*); тот же глагол в значении 'давать' обнаруживается в тохарском: тох. В *ai-*, тох. А *e-* 'давать' (также с приставкой *p-*: тох. А *paṣ, 2 л. ед. ч. прош. вр.*, ср. хет. *paišta* 'он дал').

Анатолийско-тохарская форма ***(p)-ai-*** 'давать' обнаруживает более широкие этимологические связи (*Pokorny 1959 : 10—11*): ср. греч. αἶνυμαι 'беру', 'схватываю', αἶσα 'удел', 'судьба', авест. *aēta-* 'положенная доля', оск. *aeteis, род. пад.* 'части'.

Значение 'давать' индоевропейского корня ***t'oH-*** 'давать' ~ 'брать' сохраняется в большой группе древних индоевропейских диалектов (исключая анатолийский и тохарский):

Др.-инд. *dádāmi* 'я даю', авест. *dadāiti* 'он дает', др.-перс. *dadātuv* 'он должен дать', арм. *tam* 'даю', греч. δίδωμι 'даю', лат. *dō* 'даю', лит. *dúomi* 'даю', прус. *dāst* 'дает', ст.-слав. *damĭ* 'даю'.

Специально в значении 'брать' в этой группе диалектов выступают уже другие основы, не связанные этимологически с корнем ***t'oH-***: др.-инд. *āpnóti* 'получает' (ср. *dānā́- apna-* 'дары принимающий'), *aśnóti* 'принимает', греч. κίρνημι 'беру', лат. *prehendō* 'хватаю', 'беру' и др.

В древнеиндийском и древнеиранском у корня ***t'oH-*** сохраняются следы и значения 'брать'; это—медиальные формы с приставкой *ā-*: *ā-dā-* 'брать', 'принимать', *ādadā́the, дв. ч. мед. перф.* 'вы взяли, вы приняли' RV I 139, 2 (*Grassmann 1873 : 590*; *ср. Benveniste 1966a : 316—317*).

Следы первоначального сочетания значений 'давать'—'брать' в едином корне в смысле взаимности обмена или во всяком случае первоначальной нерасчлененности этих значений видны также в производных на ***-r-/*-n-***

от того же корня *t'oH- в значении 'дар', 'подарок', то есть 'то, что дают' или 'то, что берут': греч. гом. δῶρον 'почетный дар', 'свадебный подарок', арм. *tur* 'дар', ст.-слав. *darŭ* 'дар'; др.-инд. *dā́na-* 'дар', 'подарок', лат. *dōnum* 'дар', др.-ирл. *dán* 'дар', лит. *duonìs* 'дань', ст.-слав. *danĭ* 'дар'; ср. также другие древние производные от того же корня : греч. δόσις 'дар', др.-инд. *dîti-ḥ* 'дар', лат. *datiō* 'дар', лит. *dovanà* 'дар' и др.

5.2. ДРУГИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ «ОБМЕНА»

В качестве другого индоевропейского слова, однако, диалектно более ограниченного, относящегося к терминологии 'обмена' у древних индоевропейцев, выступает основа *nem- 'давать', 'наделять'~'брать':

Авест. *nəmah-* 'дача взаймы', 'одалживание', греч. гом. νέμω 'распределяю'; гот. *niman* 'взять', 'брать', др.-в.-нем. *nēman* 'брать' (нем. *nehmen*), латыш. *ņemt* 'брать'; др.-ирл. *nem* 'дар'.

С этим индоевропейским корнем, возможно, связан по происхождению корень с вокалическим началом *em- примерно с тем же кругом значений : лат. *emō* 'беру', 'покупаю', др.-ирл. *em-* 'брать', 'принимать', лит. *imù* 'беру', ст.-слав. *imǫ* 'беру'.

Древним индоевропейским словом, обозначавшим самый процесс 'обмена' в широком смысле, можно считать основу *mei̯-(n-) 'менять', 'обмениваться': др.-инд. *máyate* 'обменивает', латыш. *mît* 'менять' (в частности, о брачных обменах), лат. *commūnis* 'общий', *mūnus* 'обязанность', 'служба', 'повинность', 'дар' (ср. *Palmer 1956*; *Benveniste 1969, 1 : 187*), др.-ирл. *móin* 'ценность', 'сокровище', *dag-móini* 'благие дары', гот. *gamains* 'общий' (первоначально : 'взаимный'), др.-в.-нем. *gimeini* 'общий' (нем. *gemein*), лит. *maĩnas* 'обмен', латыш. *maĩna* 'обмен', ст.-слав. *měna* 'обмен'.

Производные от того же корня *mei̯- на суффикс *-t[h]- дают значения 'взаимности' и 'парности': др.-инд. *mithā́ti* 'меняется', *mithá-* 'взаимный', авест. *miθwara-* 'парный', лат. *mūtō* 'меняю', *mūtuus* 'взаимный', гот. *maiþms* 'дар', др.-инд. *Mitrá-* 'божество договора', то есть 'взаимного соглашения', ср. в тех же значениях ст.-слав. *mirŭ* 'сообщность', 'договор', *Toporov 1968*.

5.3. «ГОСТЕПРИИМСТВО» И «УГОЩЕНИЕ»

Институт обмена в древних обществах делает понятным и обычаи, связанные с 'гостеприимством' и 'угощением'. Это тоже своеобразный обмен между 'хозяином' и 'гостем', которые могут меняться ролями. Этим и объясняется возможность соединения в одном слове значений 'хозяин' и 'гость', то есть 'тот, кто принимает' и 'тот, кого принимают'. Именно такую семантику следует приписать индоевропейскому *g[h]ost[h]i- 'хозяин' ~ 'гость', соответственно отраженному в исторических диалектах:

Лат. *hostis* 'чужеземец', *hospes, род. над. hospitis* 'чужестранец', 'гость', 'оказывающий гостеприимство', 'хозяин' (из **hosti-*+**pot-s* 'гость'+'хозяин'); гот. *gasts* 'гость', др.-исл. *gestr* 'гость', др.-англ. *gięst* 'гость' (англ. *guest*), др.-в.-нем. *gast* 'гость' (нем. *Gast*), ст.-слав. *gostĭ* 'гость'.

Засвидетельствованные в этих диалектах лексические соответствия позволяют реконструировать ареальное индоевропейское слово *g[h]ost[h]i- в значении 'гость'—'хозяин'. В случае, если лув. *kaši-* 'посещение' относится сюда же (*Иванов 1965 : 39*), основа должна возводиться к эпохе индоевропейской общности.[1]

Более очевидно отнесение к общеиндоевропейскому другого слова в аналогичном значении 'господин', 'хозяин' ~'гость', 'чужестранец'— и.-е. *ar(i)o-:

Хет. *ara-* 'друг', 'товарищ', *araš aran* 'друг друга', др.-инд. *arí-* 'друг', 'чужак', 'чужестранец' (*Thieme 1938*), *aryá-* 'хозяин дома' (уже в индоиранском — в собирательном смысле как самоназвание индо-иранцев : др.-инд. *árya-* 'арий, индо-ариец', др.-перс. *ariya-čiça-* 'иранского рода' в надписи Дария; *ariyānām, род. пад. мн. ч.* 'страна ариев', откуда *ērān*, перс. *īrān* 'Иран', ст.-осет. **Alani* 'аланцы' из **Aryana, см. Benveniste 1969, I : 369—372*); ср. др.-ирл. *aire* 'благородный', 'свободный', *airech* 'благородный', сюда же *Ériu* 'Ирландия'.[2]

Первоначальное значение этого слова 'хозяин', 'гость', 'товарищ' развивается в отдельных исторических традициях в 'товарищ по племени'[3], далее 'самоназвание племени' (*árya-*) и 'страны' (*īrān, Ériu*).

6. СИСТЕМА БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СИСТЕМА «СВОЙСТВА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

6.1. «БРАК» КАК «ОБМЕН» ЖЕНЩИНАМИ И ДРЕВНЕЙШАЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Брачные отношения, которые определяют характер родственных связей и тем самым тип социальной организации на ранних этапах развития,

[1] Лув. kaši- засвидетельствовано в контексте лувийской формулы, произносимой хеттской жрицей Туннавы: a-ri-ya-ad-da-li-iš ^{D}IM-an-za šar-ri ka-ši-i ḫu-e-ḫu-i-ya tar-pa-aš-ša-it šar-ri ti-ya-mi ḫu-i-ḫu-i-ya (Tunnawi, I, 59) "дружественный (?) Бог Грозы, сверху для посещения (в гости) поспеши, с неба вверху на землю поспеши!". Слово ka-ši-i (основа на -i), выступающее в данном контексте в дательном падеже и означающее 'для посещения', может отражать по форме и по значению и.-е. *g[h]ost[h]i-. И.-е. сочетание *-st[h]- отражается в лувийском как -š(š)-, ср. лув. ḫašša- 'кости' при хет. ḫaštai.

[2] Ср., однако, *Szemerényi 1977b : 125 и след.*, где отрицается связь кельтских слов с индо-иранскими и на этом основании высказывается сомнение в общеиндоевропейском характере данного слова. При этом хет. ага- и индо-иранские слова рассматриваются как заимствования из семито-хамитских языков : ср. угар. *'arj* 'родственник', 'товарищ', егип. *irj* 'товарищ'. Допуская возможность связи индоевропейских слов с древнеближневосточными, трудно, тем не менее, отрицать общеиндоевропейский характер слова *ar(i)o-, реконструируемого на основании свидетельства исторических индоевропейских диалектов (включая и кельтские). Связи слов общеиндоевропейского происхождения с древнеближневосточными наблюдаются, как было показано выше, и в ряде других случаев (ср. общеиндоевропейские лексемы *t[h]auro- 'бык', *k'^{o}ou- 'бык', 'корова', *reud[h]- 'руда', *b[h]eǰi- 'пчела' и др.).

[3] Ср. близкие значения производных от семантически сходного диалектного слова *d[h]reugh[h]- : лит. *draũgas* 'друг, товарищ', ст.-слав. *drugŭ* 'друг, товарищ', др.-исл. *drótt* 'боевая дружина', 'свита князя' при авест. draoga-, др.-перс. drauga- 'ложь', 'лживый', adurujiya 'лгал', др.-инд. *drúh-* 'враждебное демоническое существо'.

в древних обществах регулируются общими правилами 'обмена' и зачастую обозначаются теми же словами и терминами, что и другие виды 'взаимного обмена'.

Уже сам индоевропейский корень ***t'oH-** в широком значении 'давать' ~ 'брать' обозначал и 'брать женщину в жены', что и отразилось в ряде древних индоевропейских диалектов. Этим и следует, по-видимому, объяснить почти полное отсутствие терминологии собственно бракосочетания вне связи ее с терминами общего обмена. Характерно, что такие специальные термины бракосочетания в отдельных индоевропейских традициях формируются на базе общих слов, обозначающих обмен (ср. ст.-слав. *brakŭ* 'брак' от ***brati** 'брать').

Древним индоевропейским термином брачных отношений можно считать основу ***Hued**$^{[h]}$- 'вести, уводить невесту' (силой): хет. *ḫuittiia-* 'тащить', 'тянуть', авест. *vāδayeiti* (*каузатив*) 'заставляет идти', 'тянет', ср. др.-инд. *vadhū-* 'невеста', 'молодая женщина', авест. *vaδū-* 'замужняя женщина', др.-ирл. *fedid* 'ведет', лит. *vedù* 'веду', 'женюсь', ст.-слав. *vedǫ* 'веду', 'женюсь', *nevěsta* 'невеста', др.-рус. *водити* (*жену*) 'жениться'.

6.2. ПРАКТИКА «УМЫКАНИЯ ЖЕНЩИН» КАК ДРЕВНЕЙШИЙ ВИД БРАКА

Уже само наличие специфического термина, не совпадающего с терминологией 'обмена', может указывать на одну из форм бракосочетания, выпадающую из системы 'взаимного обмена', то есть на обычай похищения, умыкания, насильственного увода невесты. Следы такого вида бракосочетания у древних индоевропейцев можно обнаружить в значениях этого слова в отдельных исторических индоевропейских диалектах и в сохранившемся обычае умыкания невест в исторических индоевропейских традициях.

В хеттской традиции умыкание невесты, при котором имеются жертвы, называется особым образом — 'похититель становится волком':

Ср. в "Хеттских законах": *ták-ku* SAL-*an ku-iš-ki pít-te-nu-uz-zi... ták-ku* 2 LÚ^{MEŠ} *na-aš-ma* 3 LÚ^{MEŠ} *ak-kán-zi šar-ni-ik-zi-il* NU.GÁL *zi-ik-ŧa* UR.BAR.RA *ki-ša-at* (X3, § 37) "если кто-либо женщину похитит... (и) если два или три человека (при этом) погибнут, нет возмещения: ты-де стал волком!"

Точное совпадение с такой практикой похищения женщины у хеттов обнаруживается в обычае умыкания невесты в древнеиндийских законах: *hatvā chittvā ca bhittvā ca krośantīm rudatīm gṛhāt prasahya kanyāharaṇan rākṣaso vidhir ucyate* "обычаем ракшаса называется насильственный увод плачущей девушки из дома при убийстве, ранении (ее сородичей) и взломе" ("Законы Ману", III, 24).

В ирландской традиции сохраняется особый термин "насильственного увода невесты" *lánamus foxail*, ср. в римской традиции "Миф о похищении сабинянок", в описании которого обычно употребляется выражение *rapere virgines* 'умыкать девушек' (*Watkins 1970a : 324*; *Peruzzi 1970 : 87 и след.*).

Похищение девушек с целью женитьбы, отражающееся в римской традиции в виде легенды и относящееся тем самым для этой традиции к доисторической древности, обнаруживает общие черты с аналогичным обычаем женитьбы путем насильственного увода невесты в древнегреческой традиции (ἡ ἁρπαγὴ τῶν γυναικῶν). Этот древний обычай, уже в классическую греческую эпоху сохранявшийся только в легендах, иллюстрируется мифами о похищении Медеи аргонавтами, гомеровскими мифами о похищении Персефоны и похищении Елены (*Peruzzi 1970 : 87 и след.*). Характерно при этом, что похищаются, как правило, женщины "чужого" племени (ср. похищение сабинянок римлянами[1], похищение колхидянки Медеи греком Язоном, похищение гречанки Елены троянцем Парисом и др.). Все это указывает на широкое распространение обычая умыкания невест в доисторической греко-италийской традиции, о котором сохраняются в классическую эпоху воспоминания в виде легенд.

В "Авесте" обычай похищения невест отражен в формуле *us-vāδaya-*, которая означает 'похитить женщину', 'увести силой'.

Такое первоначальное значение глагола ***Hu̯ed**$^{[h]}$- 'уводить насильно женщину', 'похищать невесту', сохраняющееся в авестийском, видно и в значениях (хотя уже и преобразованных) родственного хеттского слова *ḫuittiia-* 'тянуть', 'тащить' (и.-е. ***Hu̯ed**$^{[h]}$-); нулевая огласовка основы (и.-е. ***Hud**$^{[h]}$-) представлена в хеттском в глагольной форме с префиксом *peḫute-* 'уводить', 'уносить' (ср. глагол с префиксом противоположного направления *uuate-* 'приносить', 'приводить', *Pedersen 1938 : § 87*; *Benveniste 1962a : 38—39*; *Szemerényi 1977b : 199 и след.*).

6.3. РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ «БРАКА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Индоевропейское ***Hu̯ed**$^{[h]}$- 'уводить силой', 'похищать невесту', существовавшее наряду с другим термином, относящимся к обряду бракосочетания, который был связан с терминологией обмена (возможно, корень ***t'oH-** 'брать' ~ 'давать', в том числе 'брать' ~ 'давать жену'), теряет со временем в отдельных исторических диалектах свое первоначальное значение 'насильственного бракосочетания' и становится общим термином для 'женитьбы' вообще, от которого образуются другие производные, относящиеся к терминологии 'брака - обмена' в пределах общей системы 'обмена'. Этим путем возникают в отдельных исторических индоевропейских диалектах такие термины 'брака - обмена' (производные на ***-mno-**), как греч. гом. ἕδνα, ἔεδνα *мн. ч.* 'брачные дары', 'выкуп жениха невесте или ее отцу', 'приданое', ἐϜεδνωτής 'отец невесты', 'выдавальщик', ἐϜεδνόω 'выдаю', 'снабжаю приданым', др.-англ. *weotoma, wituma, wetma* 'цена за невесту', др.-в.-нем. *widomo, widemo* 'приданое', ср. хет. *kušata-* 'брачный выкуп' (к этимологии ср. греч. κόσθος 'женский стыд', *Weitenberg 1975*).

[1] В легенде о "Похищении сабинянок", описываемой римским историком Титом Ливием в "Истории Рима", под сабинянками следует понимать женщин разных родов, среди которых сабиняне составляли самый зажиточный и богатый народ, ср. *Peruzzi 1970 : 88*.

Такой переход значений слова с 'насильственного брака' путем 'умыкания' на 'обменное бракосочетание' еще ясно виден в авестийском, где представлены оба этих значения в одном глаголе *vāδaya-* с разными приставками : ср. *ира-vāδaya-* 'отдать женщину в жены' при *us-vaδaya-* 'похищать', 'умыкать женщину'.

Обнаруживаемые следы двух видов бракосочетания у древних индоевропейцев (брак как часть системы обмена и брак путем насильственного увода женщины) могут отражать некоторые аспекты социального устройства индоевропейских племен периода их расселения на новых территориях и столкновения с иноязычными племенами. Основным видом бракосочетания в таких условиях могло быть 'похищение невест' при соблюдении обряда обменного бракосочетания с представителями своего племени или родственных племен, отношения с которыми регулировались сложной системой социальных установлений.

6.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «МУЖЧИНЫ» И «ЖЕНЩИНЫ» КАК СУПРУГОВ

Лица, вступающие в брачные отношения, могут обозначаться общими терминами, выражающими соответственно значения 'женщина', 'хозяйка' и 'хозяин', 'мужчина':

И.-е. ***k'ºen-** 'женщина', 'жена': тох. А *śäm* 'жена', 'супруга', В *śana*, др.-инд. *jáni-* 'жена', 'женщина' (ср. др.-инд. *gnā́* 'богиня', 'жена бога'), авест. *ǰaini-* 'жена', 'женщина', перс. *zan* 'женщина', 'жена', арм. *kin* 'женщина', греч. гом. *γυνή*, *род. п. γυναικός* 'женщина', 'жена', гот. *qinō*, др.-в.-нем. *quena* 'женщина', 'жена', др.-англ. *cwene* 'женщина', 'жена', др.-ирл. *ben*, *bé* 'женщина', алб. *zónjë* 'женщина', 'хозяйка', прус. *genno*, *зват. п.* 'женщина!', ст.-слав. *žena* 'женщина', 'жена'[1].

И.-е. ***pi[h]ot[h]-** 'хозяин', 'повелитель', 'муж': тох. А *pats* 'муж', 'супруг', др.-инд. вед. *páti-* 'господин', 'хозяин', 'муж', авест. *paiti-* 'господин', 'властитель', 'супруг', греч. гом. *πόσις* 'муж', 'супруг', гот. *brūþ-faþs* 'жених' (ср. *hunda-faþs* 'сотник', 'повелитель над сотней людей'), лит. *pàts* 'муж', 'супруг' (='сам', ср. авест. *xᵛaē-pati-* 'он сам'), ср. ст.-слав. *potĭpěga* 'жена, разведенная с мужем'.[2]

[1] Древнехеттское слово для 'женщины', 'жены' скрывается за шумерской логограммой SAL 'женщина' с фонетическим дополнением -n-: *вин. п.* SAL-nan, *дат.-мест. п.* SAL-ni (*Friedrich 1952 : 290*). Элемент -n- в основе хеттского слова делает возможным предположение о связи хеттского названия 'жены', 'женщины' с рассматриваемым индоевропейским словом для 'женщины'; о родственном лувийском слове *ҷапа-/*ҷапатti- 'женщина', увязываемом с той же индоевропейской основой, см. также *Starke 1980*.

[2] В хеттском слово для 'мужа' скрывается за шумерограммой LÚ с фонетическим дополнением -iš: LÚ-iš (ср., например, "Хеттские законы", § 197). Не исключена связь хеттского слова для 'мужа' с основой на -i с группой др.-инд. páti-, греч. *πόσις* и др. В этом отношении характерно наличие в хеттском эмфатической частицы -pat, по функции и форме совпадающей с литовской частицей pàt, увязываемой этимологически со словом pàts 'сам', 'муж'.

Общеиндоевропейский характер основы *p[h]ot[h]- в значении 'хозяин', 'повелитель', 'муж' сказывается в диалектном распределении данного слова, которое проявляется в этом значении во всех основных древних диалектных группах : (хетто?-)тохаро-германо-балто-славянском, индо-иранско-греческом[1]. Отсутствие данного слова в значении 'муж' в латинском следует объяснить сравнительно поздним диалектным расширением значения слова *uir* 'мужчина' (ср. др.-инд. *virá-* 'мужчина', 'герой', лит. *výras* 'мужчина' и др.) в значении 'муж'; ср. аналогичное семантическое развитие в германском и славянском древнего индоевропейского слова *manu- 'мужчина' (др.-инд. *mánuṣ-* 'человек', 'мужчина'), приобретающего и значение 'муж': гот. *manna*, др.-в.-нем. *mann* 'мужчина', 'муж', др.-рус. *мужь* 'человек', 'муж'.

Семантика индоевропейского обозначения 'мужа' *p[h]ot[h]-, первичное значение которого определяется как 'повелитель', 'хозяин', ср. выше о терминах типа др.-инд. *viś-pátiḥ* 'хозяин селения' (от глагольного корня *p[h]ot[h]- 'мочь', 'повелевать', ср. лат. *potis* 'могущественный' при *potior* 'могу', 'овладеваю', др.-инд. *pátyate* 'господствует'), указывает на патриархальный характер индоевропейской семьи и главенствующее положение 'мужа' в семье, являющегося 'отцом семейства' — лат. *pater familiās*, *ср. Watkins 1971 : 1500*; *Friedrich P. 1966 : 16*; *Benveniste 1969, I : 246*.

Уже в качестве производного от этой основы возникает форма *p[h]ot[h]nī в значении 'госпожа', 'жена': др.-инд. *pátni* 'госпожа', 'жена', авест. *paθni-* 'госпожа', греч. мик. *po-ti-ni-ja* 'госпожа', 'хозяйка', гом. πότνια 'госпожа', 'жена', лит. *viešpatni* 'госпожа'.

6.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ «ВДОВЫ»

Брачные отношения и узы брака 'жены' и 'мужа' представляют собой настолько обычный уклад социальных отношений древних индоевропейцев, что стоящие вне этих отношений мужчина или женщина (в результате смерти одного из супругов или невступления в эти отношения) получают особое обозначение от слова со значением 'отделенный', 'опустошенный'[2].

И.-е. *u̯id[h]eu̯-: др.-инд. *vidhávā* 'вдова', авест. *viδavā-* 'вдова', греч. гом. ἠ(F)ίθεος 'холостой', 'юноша', лат. *uidua* 'вдова', 'разведенная или незамужняя женщина', др.-ирл. *fedb* 'вдова', гот. *widuwō* 'вдова', др.-англ. *widuwe* (англ. *widow*), др.-в.-нем. *wituwa* (нем. *Witwe*), прус. *widdewu*, ст.-слав. *vьdova* 'вдова'.[3]

[1] Такое заключение расходится с мнением Бенвениста об отсутствии в индоевропейском специального названия 'мужа' (*Benveniste 1969, I : 246*). В качестве такового некоторые исследователи предлагали считать название, отраженное в лат. uir (ср. *Gates 1971 : 52—53*).

[2] Ср. др.-инд. vindháte 'является пустым, испытывает недостаток', vidhú- 'одинокий', лат. uiduus 'пустой, лишенный чего-либо' и др.

[3] Если хет. SALudati- 'вдова' связано с тем же словом (ср. *Friedrich 1952 : 237*), то общеиндоевропейский характер данной формы можно было бы считать окончательно установленным. SALudati- можно интерпретировать как преобразование ранней хеттской

6.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ «СВОЙСТВА»

Можно утверждать, что брачные отношения составляют основу всего уклада индоевропейской социальной организации, на которой зиждется дальнейшая разветвленная сеть родственных отношений 'свойства' (то есть приобретенного родства между кровными родственниками с обеих сторон, выражаемого в индоевропейском, по-видимому, общим термином ***ḱ'eп-**, см. выше, стр. 748 и след.).

Характерно, что в общеиндоевропейской терминологии родства значительное число терминов выражает отношения приобретенного родства или 'свойства' (родства "*in-law*"):

И.-е. ***t'aiu̯ĕr-** 'брат мужа', 'деверь': др.-инд. *devár-*, арм. *taygr*, греч. гом. δᾱήρ, лат. *lēuir*, др.-в.-нем. *zeihhur*, др.-англ. *tācor*, лит. *dieverìs*, латыш. *diẽveris*, рус. ц.-слав. *дѣверь* (*Pokorny 1959 : 179*);

И.-е. (диал.) ***ḱ'al(ou̯-)** 'сестра мужа', 'золовка': греч. гом. γαλόως, лат. *glōs*, *род. пад. glōris*, ц.-слав. *зълъва*, ср. также фриг. γέλαρος, γάλλαρος· ἀδελφοῦ γυνή 'жена брата' (со сдвигом первоначального значения), *Szemerényi 1977b : 88 и след.*;

И.-е. ***(i̯)enḫt[h]er-** 'жена брата мужа', 'жена деверя': др.-инд. *yā́tar-*, пашто (афган.) *yōr* (из ***yāðr-**), греч. гом. εἰνατέρες, лат. *ianitricēs* 'жены братьев мужа', рус. *ятровь* 'жена брата мужа', др.-чеш. *jatruše* 'uxor fratris mariti', 'жена брата мужа', лит. *jentė*, латыш. *ietere* 'жена брата мужа' (ср. *Трубачев 1959 : 137—138*); *Szemerényi 1977b : 92.*

6.7. ТЕРМИНЫ «СВОЙСТВА», ОТРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НУЛЕВЫМ ПОКОЛЕНИЕМ *Ego* И ПОКОЛЕНИЕМ РОДИТЕЛЕЙ (ПОКОЛЕНИЕМ —1)

И.-е. ***ś°eḱ[h]ruH-** 'мать мужа', 'свекровь': др.-инд. *śvaśrú-*, перс. *xusrū*, арм. *skesur*, греч. гом. ἑκυρά, лат. *socrus*, *род. п. socrūs*, гот. *swaihrō*, др.-в.-нем. *swigur*, др.-англ. *sweger*, ст.-слав. *svekry*;

И.-е. ***ś°eḱ[h]uro-** (по диссимиляции из ***ś°eḱ[h]ru-ro-**) 'отец мужа', 'свекор': др.-инд. *śváśura-*, авест. *x°asura-*, греч. ἑκυρός, лат. *socer*, гот. *swaihra*, др.-в.-нем. *swehur*, лит. *šẽšuras*, слав. ***svekrŭ** (ср. *Szemerényi 1964 : 291 и след.*).

И.-е. ***ś°eḱ[h]ruH-** разлагается, возможно, на ***ś°e-**[1] 'свой', 'принадлежащий к данному коллективу, данной семье' и ***ḱ[h]r-** 'глава', 'голова'. И.-е. ***ś°eḱ[h]r-** могло, таким образом, означать 'глава семьи', 'глава своих людей' (ср. *Szemerényi 1964 : 313 и след.*; *1977a : 392*). В этом можно видеть проявление главенствующей роли в 'большой семье' отца семейства, которому подчиняются сыновья и их жены.

формы ***u̯idau̯ati-** (с диссимилятивным выпаденнем слога **-u̯a-**, наблюдаемым и в других случаях), которая должна отражать индоевропейское ***u̯id[h]eu̯-**, см. *Szemerényi 1977 b : 85.*

[1] Архаичная индоевропейская форма содержала вероятнее всего начальную лабиализованную сибилянтную фонему ***ś°-**, которая позднее распадается на последовательность ***su̯-**, см. выше, стр. 122 и след.

Эти последние в пределах семьи обозначаются специальным термином ***snuso-*** 'невестка', 'сноха': др.-инд. *snuṣā́*, арм. *nu*, *род. пад. nuoy*, греч. гом. νυός, лат. *nurus*, *род. п. nurūs*, др.-в.-нем. *snur*, др.-англ. *snoru*, слав. *sněcha*.[1]

Термин ***snuso-*** может относиться и к жене родственника нулевого поколения, то есть к 'жене брата', что отражено, в частности, в значении греч. гом. νυός, употребляемого в широком смысле 'жены кровного родственника, сына или брата', ср. *Gates 1971 : 24—25*.

6.8. ОБЩАЯ СТРУКТУРА ОТНОШЕНИЙ «СВОЙСТВА» И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Анализ общеиндоевропейских терминов 'свойства' обнаруживает одну весьма существенную особенность индоевропейской системы родства. Реконструируется исключительно общеиндоевропейская система терминов, обозначающих отношения 'жены' к 'родственникам мужа', при полном отсутствии терминов, обозначающих отношения 'мужа' к 'родственникам жены'.[2] То есть возникает асимметричная односторонняя система, фиксирующая лишь родственников мужа с точки зрения жены (см. *Табл. 1*):

ТАБЛИЦА 1

Поколение \ Пол связующего свойственника	*Мужа*	*Жены*
0 *Брат*	t'a$_1$u̯ĕr-	—
0 *Сестра*	k̑'al(ou̯-)	—
—1 *Отец*	ś°ek̑[h]uro-	—
—1 *Мать*	ś°ek̑[h]ruH-	—

Это, очевидно, отражает такую систему родственных отношений, при которой 'свойство' возникает у 'женщины', входящей в 'семью мужа', тогда как родственники жены не рассматриваются в качестве лиц, связанных каким бы то ни было родством с мужем.

[1] К древней основе ср. также форму **(s)neu̯b[h]-*: лат. nūbō 'брать в жены', cōnūbium 'брак' (из *co-snūbiom), греч. *νύμφη* 'невеста', 'нимфа' (гом. *νύμφιος* 'новобрачный'), *ср. Pokorny 1959 : 978*.

[2] Обнаруживаемое в отдельных диалектах специальное обозначение 'брата жены', 'шурина': др.-инд. syā́lā-, др.-рус. *шуринъ*, даже в случае принятия закономерности их соответствия, ограничивается узкой диалектной областью (*ср. Friedrich P. 1966 : 17*) и не может восходить к общеиндоевропейскому периоду или даже к периоду какой-либо достаточно древней диалектной общности.

С другой стороны, показательно и отсутствие особых индоевропейских терминов для обозначения 'мужа сестры' и 'мужа дочери', 'зятя'[1] (см. *Табл. 2*):

ТАБЛИЦА 2

Пол связующего потомка / Пол супруга	Сына	Дочери	Брата	Сестры
Муж		—		—
Жена	snuso		snuso	

Вступая в брачные отношения и приобретая новые родственные связи, 'сестра' и 'дочь', естественно, уходят из дома своих родителей и тем самым порывают родственные отношения с семьей. Поэтому ее новые родственники не являются родственниками для членов старой семьи.

6.9. ПАТРИЛОКАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ «БОЛЬШОЙ СЕМЬИ»

Описанные отношения свидетельствуют недвусмысленным образом о патрилокальном характере брака и брачных отношений у древних индоевропейцев, при котором женщина, входящая в дом мужа, порывает связи со своей старой семьей и всецело включается в систему родственных отношений в новой семье (ср. *Risch 1944*; *Watkins 1971 : 1500*; ср. также о гомеровском греческом *Gates 1971 : 25*).

Такая система брачных отношений у древних индоевропейцев вполне согласуется с описанной выше практикой умыкания невест, при которой порывались всякие связи женщины с ее былой семьей и возникали новые отношения приобретенного родства в семье мужа.

Тем самым "большая семья" определяется для индоевропейского как совокупность людей, объединяемых кровным родством, в которую включаются женщины из 'чужой семьи', связанные брачными узами с мужчинами, входящими в 'свою семью'[2]. Женщины "большой семьи", находящие-

[1] Лат. gener 'зять', 'муж сестры', 'жених', ст.-слав. *zętĭ* 'зять', лит. *žéntas* 'зять' отражают результат сравнительно позднего семантического развития общеиндоевропейской формы **k'en-* в значении 'родство', 'свойство': латыш. *znuõts* 'зять, свояк', греч. γνωτός 'родственник', др.-инд. *jñāti-* 'родственник', ср. также выше (стр. 751₁) хет. *kaena-* '(люди) свойства'.
Любопытно, что такая односторонняя система обозначения родственных отношений 'свойства' (наличие терминов, обозначающих родственников мужа, при почти полном отсутствии терминов, обозначающих родственников жены) сохраняется в греческом еще до времен Гомера, ср. *Gates 1971 : 25*.

[2] В индоевропейском реконструируется даже особый термин **nes-* в значении 'возвращаться домой', 'воссоединяться со своими': тох. A naṣu 'друг', др.-инд. *násate* 'сое-

ся в кровном родстве с другими женами этой семьи, вступая в брачные отношения, покидают свою семью и входят в другую семью, где у них возникают соответствующие отношения 'свойства'. Кровные родственники женского пола любой "большой семьи" нулевого поколения и поколения ниже нулевого (+1), то есть 'сестры' и 'дочери', выступают в качестве объектов брачного обмена. Они обычно уходят из своей семьи в чужую, а взамен в эту семью принимаются женщины другой семьи.

7. СИСТЕМА «КРОВНОГО РОДСТВА» У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

7.1. ТЕРМИНЫ КРОВНОГО РОДСТВА НУЛЕВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Наряду с реконструируемыми терминами свойства (см. *Табл. 3*) для общеиндоевропейского состояния можно реконструировать целую систему терминов, отражающих отношения кровного родства:

ТАБЛИЦА 3

ТЕРМИНЫ СВОЙСТВА

Наименование свойства	*Термины свойства*
Муж	p[h]ot[h]-
Жена	k'^{o}en-
Отец мужа	ś^{o}ek[h]uro-
Отец жены	—
Мать мужа	ś^{o}ek[h]ruH-
Мать жены	—
Брат мужа	t'aiu̯ĕr-
Брат жены	—
Сестра мужа	ǩ'al(ou̯-)
Сестра жены	—
Жена брата мужа	(i)enHt[h]er-
Муж сестры	—
Муж дочери	—
Жена сына	snuso-
Жена брата	snuso-

диняется, собирается, воссоединяется', греч. гом. *νέομαι* 'возвращаюсь (домой)', *Νέστωρ* (буквально: 'постоянно возвращающийся'), *νόστος* 'возвращение, прибытие' (ср. нулевые формы корня в др.-инд. ásta-, авест. asta- 'родина', 'место жительства'), др.-исл. nest 'пища в дорогу', др.-в.-нем. nerī, nara 'спасение', 'пища' (нем. Nahrung) и др., ср. *Watkins 1971 : 1499, 1531*.

И.-е. ***b[h]raHt[h]er-*** 'брат', 'мужской кровный родственник поколения *Ego*', 'мужчина — член большой семьи на уровне поколения *Ego*': тох. A *pracar*, B *procer*, др.-инд. *bhrā́tar-* 'брат' (ср. вед. *bhrātṛtvá-* 'братство', 'содружество мужчин — кровных родственников одного поколения', ср. рус. *братва́*); авест., др.-перс. *brātar-* 'брат', осет. *ærvad* 'член того же рода', 'родич', арм. *elbayr* 'брат', греч. ион. φρήτηρ 'брат', 'ἀδελφός', аттич. φράτηρ 'член фратрии', 'член содружества, братства'[1], лат. *frāter* 'брат', др.-ирл. *bráth(a)ir* 'брат', 'член большой семьи', гот. *brōþar*, др.-исл. *bróðir*, др.-в.-нем. *bruoder* (нем. *Bruder*), др.-англ. *brōþor* (англ. *brother*), прус. *brāti* 'брат', лит. *broterẽlis*, ст.-слав. *brat(r)ŭ* 'брат'.[2]

Индоевропейское ***b[h]raHt[h]er-*** реконструируется скорее всего как классификационный термин, обозначающий не собственно 'родного брата *Ego*', а 'мужчину — члена большой семьи', принадлежащего к одному поколению с *Ego*. Следовательно, этот термин может обозначать как сиблинга-брата, так и сыновей брата отца, членов той же 'большой семьи', ср. *Benveniste 1969, I : 214*; *Абаев 1949, I : 62—63*; *Трубачев 1959 : 59, 66*.

И.-е. ***ś[o]esor-*** 'сестра', 'женщина — член большой семьи, принадлежащая поколению *Ego*': тох. A *ṣar*, B *ṣer* 'сестра', др.-инд. *svásar-* 'сестра' (ср. вед. *svasṛtvá-* 'содружество женщин — кровных родственниц одного поколения'), авест. *x[v]anhar-* 'сестра', осет. *x[o]æræ* (*xo*) 'любая женщина моего рода' (*Абаев 1949, I : 62—63*), арм. *k'oyr* 'сестра', греч. ἔωρ 'дочь', 'двоюродная сестра', 'кузина', 'родственница', 'θυγάτηρ, ἀνεψιός, προσήκοντες'[3] ср. *Gates 1971 : 38*, лат. *soror*, др.-ирл. *siur*, гот. *swistar*, др.-исл. *syster*, др.-англ. *sweostor* (англ. *sister*), др.-в.-нем. *swester* (нем. *Schwester*), прус. *swestro*, ст.-слав. *sestra*.

Семантика реконструируемой индоевропейской формы ***ś[o]esor-*** 'сестра', 'любая женщина — кровная родственница, принадлежащая поколению *Ego*', 'член большой семьи' позволяет видеть в ней сложное образование, состоящее из элементов ***sue-*** (архаичное ***ś[o]e-***, с лабиализованной сибилянтной фонемой, ср. *Szemerényi 1964 : 313 и след.*) и морфемы ***sor-*** в значении 'женщина'[4] Следовательно, и.-е. ***ś[o]e-sor-*** первоначально означало 'своя женщина', то есть 'женщина своего рода, своей семьи' (*ср. Otrębski 1967*; иначе *Normier 1980a : 48 и след.*).[5]

Женщина в древнем индоевропейском обществе оставалась 'своей',

[1] В значении собственно 'брат' греческий показывает новообразование: *ἀδελφός*, *Gates 1971 : 38*.

[2] Соответствующее хеттское слово для 'брата' скрывается за шумерограммой ŠEŠ, ср. *им. п. ед. ч.* ŠEŠ-aš, *вин. п.* ŠEŠ-an, *дат.-мест. п.* ŠEŠ-ni. В лувийском в значении 'брат' засвидетельствована форма nani-, очевидно, слово детского языка.

[3] В значении 'единоутробной сестры' греческий показывает новообразование: *ἀδελφεά*.

[4] Ср. элемент **sor-* в качестве маркера женского рода в формах типа др.-инд. tisrá- 'три', *ж. р.*, хет. ḫaššu-šara- 'царица' при ḫaššu- 'царь', ср. также др.-инд. strí 'женщина' из **sr̥i*.

[5] Сама форма **ś[o]e-* возводится *Семеренью* к первоначальному индоевропейскому **sŭ-* в значении 'большая семья' (*Szemerényi 1977a : 391*).

'членом большой семьи' до вступления ее в брак, в результате чего она переходила в другую семью и образовывала новые отношения 'свойства' уже вне семьи своих родителей. В этом смысле термин ***ś°e-sor-**, семантически параллельный с классификационной точки зрения термину ***bʰraHtʰer-**, обозначает отношения кровного родства в пределах 'большой семьи', в принципе отличные от отношений кровного родства, выражаемые термином ***bʰraHtʰer-**.

В анатолийских языках термин ***ś°e-sor-** заменяется новообразованиями типа хет. *neka-* 'сестра' (также 'дочь', 'кровная родственница', *Otten 1973 : 35—36*; *Neumann 1974*), лув. *nana-š(a)ri-* 'сестра' (*Дунаевская 1966*).[1]

7.2. ТЕРМИНЫ КРОВНОГО РОДСТВА ПОКОЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ (ПОКОЛЕНИЯ —1)

И.-е. ***pʰ̥Htʰer-** 'отец': тох. А *pācar*, В *pācer*, др.-инд. *pitár-*, авест. *pitar-*, арм. *hayr*, греч. *πατήρ* (ср. *Gates 1971 : 5* и *след.*), лат. *pater*, др.-ирл. *athir*, гот. *fadar*, др.-англ. *fæder* (англ. *father*), др.-в.-нем. *fater* (нем. *Vater*);[2]

И.-е. ***maHtʰer-** 'мать': тох. А *mācar*, В *mācer*, др.-инд. *mātár-*, авест. *mātar-*, арм. *mayr*, греч. *μήτηρ*, лат. *māter*, др.-ирл. *máthir*, др.-в.-нем. *muoter* (нем. *Mutter*), др.-англ. *mōdor* (англ. *mother*), латыш. *māte*, прус. *mūti*, *mothe*, ст.-слав. *mati*.[3]

7.3. ТЕРМИНЫ КРОВНОГО РОДСТВА ПОКОЛЕНИЯ +1

И.-е. ***suḭo-* // *sŭnu-** 'сын', 'потомок мужского пола': тох. А *se* 'сын', *seya-ṣi*, *sewā-ṣi*, *мн. ч.* 'сыновний', 'сына', В *soy*, *род. пад. seyi*, греч. *υἱός*, *υἱός* (*Gates 1971 : 11*), арм. *ustr* 'сын' (по аналогии с *dustr* 'дочь'); др.-инд. *sūnú-*, авест. *hunuš*, гот. *sunus*, др.-исл. *sunr*, др.-англ. *sunu* (англ. *son*), др.-в.-нем. *sunu* (нем. *Sohn*), лит. *sūnùs*, ст.-слав. *synŭ*.[4]

Индоевропейские слова для 'сына' увязываются этимологически с корнем ***seu̯H-/*suH-** 'рождать', ср. др.-инд. *sūte* 'рождает', *sutá-* 'сын', 'рож-

[1] *Čop 1979 : 21* предлагает считать хет. neka- 'сестра' архаизмом, отражающим индоевропейско-уральские связи.

[2] В анатолийских языках произошла замена древнего индоевропейского слова на слова детского языка : хет. attaš, лув. tatiš, пал. papaš 'отец'. Аналогичная замена древнего слова для 'отца' словами детского языка наблюдается в ряде других индоевропейских языков, в частности славянских, ср. ст.-слав. *otĭcĭ* 'отец', рус. *тятя*, *мама* и др. (ср. *Трубачев 1959 : 25 и след.*) и, вероятно, балтийских : прус. *tāws*, лит. *tėvas*, латыш. *tẽvs* (*Mühlenbach/Endzelin 1923—1932, IV: 176*). Наличие в славянском вплоть до письменного периода следов основы ***pʰ̥Htʰer-** можно видеть в др.-рус. *стрыи* 'дядя по отцу, брат отца', являющемся производным на ***-u-*** от этой основы, ср. также объяснение др.-рус. *Стрибогъ* из сочетания с этой же основой.

[3] В анатолийских языках произошла замена первоначального слова для 'матери' словом детского языка : хет. anna-, лув. anni- 'мать'.

[4] Соответствующее хеттское слово для 'сына' скрывается за шумерограммой DUMU.DUMU-aš, *им. пад.*; ср. также шумерограмму DUMU-la-, которая интерпретируется как форма неиндоевропейского происхождения *aḭaua̯la-* 'сын' (*Melchert 1980*).

денный', авест. *hav-* 'рождать'. От этого первичного корня образуется индоевропейский термин для 'сына' путем добавления суффикса *-n- или тематического гласного : ***su(H)-o-** // ***su(H)i̯-o-** и ***su(H)-nu-**, ср. *Szemerényi 1974 : 320; 1977b : 11 и след.*; *Трубачев 1959 : 48 и след.*;

И.-е. ***d$^{[h]}$ug$^{[h]}$Ht$^{[h]}$er-** 'дочь', 'потомок женского пола': тох. A *ckācar*, B *tkācer*, др.-инд. *duhitár-*, авест. *dugədar-*, *duγdar-*, перс. *duxtar*, *duxt* (ср. *dukšiš* 'дочь', 'жена' в эламском из др.-перс. **duxθri*[1], *ср. Benveniste 1966 b : 43—48*), арм. *dustr*, греч. θυγάτηρ (*Gates 1971 : 11*), оск. *futír*, гот. *daúhtar*, др.-в.-нем. *tohter* (нем. *Tochter*), др.-англ. *dohtor* (англ. *daughter*), прус. *duckti*, лит. *duktẽ*, ст.-слав. *dŭšti* 'дочь'[2]; к этимологии слова см. выше, стр. 569$_4$ (ср., однако, отличное от этого толкование *Szemerényi 1977a : 387 и след.*).

7.4. ТЕРМИНЫ КРОВНОГО РОДСТВА ПОКОЛЕНИЯ —2

И.-е. ***HanH-** 'бабушка', 'мать отца': хет. *ḫannaš*, *дат.-мест. п. ḫanni* 'бабушка' (ср. имя хеттского женского божества *Ḫannaḫanna-*, редуплицированная форма), лик. *χñna* 'мать'(?) (*Pedersen 1945*), арм. *han* 'бабушка', греч. *ἀννίς* 'бабушка', 'мать отца или матери', 'πατρὸς ἢ μητρὸς μήτηρ', лат. *anus* 'старая женщина', 'старуха', 'сибилла', 'прорицательница', др.-в.-нем. *ana* 'бабушка', лит. *anýta* 'мать мужа' (*Delbrück 1889 : 451*; *Benveniste 1969, I : 224*; *Friedrich P. 1966 : 5—6*; *Gates 1971 : 54*). Судя по полному отсутствию терминов, обозначающих кровных родственников жены, можно сделать вывод о первоначальном значении и.-е. ***Han-*** как 'родительницы мужа (с точки зрения жены)' или (что то же самое) 'матери отца (с точки зрения сына)'. Такое значение все еще хорошо сохраняется в лит. *anýta*, обозначающем 'мать мужа' (*Fraenkel 1962—1965, I : 10*);

И.-е. ***HauHo-** 'дед', 'отец отца': хет. *ḫuḫḫa-* 'дед', *ḫuḫḫant-* 'дед', 'предок' (*мн. ч. ḫuḫḫanteš* 'предки'), *ḫuḫatalla-* 'дедовский', ср. также *ḫuḫḫaḫanniš* 'деды и бабушки', то есть 'предки', арм. *haw* 'дед', лат. *auus* 'дед', 'предок', ср. др.-исл. *afi* 'дед' (производное от того же корня).[3]

[1] Форма, засвидетельствованная в эламском, отражает, очевидно, результат замены, суперации акцессивной последовательности *-kt- в иранском названии дочери на последовательность -kš- (об акцессивных консонантных последовательностях и их суперации в отдельных индоевропейских диалектах см. выше, стр. 144 и след.).

[2] Хеттское слово для 'дочери' представлено неизменно шумерограммой DUMU.SAL, хеттское чтение которой неизвестно. Родственное слово *cbatru* 'дочь' в ликийском (ср. *Benveniste 1969, I : 257*) может указывать на возможность существования соответствующего слова в некоторых древнеанатолийских диалектах, вероятнее всего лувийском.

[3] В некоторых индоевропейских диалектах слово, образованное от основы **HauHo-*, имеет значение 'внук', ср. др.-ирл. *áue*, ср.-ирл. *óa*. Объяснение этого и подобных ему фактов (ср. также др.-в.-нем. eninchil 'внук', нем. Enkel, уменьшительное к ano 'дед', как и родственное ему лит. *anūkas* 'внук'; слав. *vъnukъ* 'внук', ср. *Benveniste 1969, I : 234*) нужно искать в типологически распространенной практике "инверсии называния", при которой 'старший' обращается к 'младшему' ('дед' или 'бабушка' к 'внукам', 'родители' — к 'детям'), применяя к ним свое обычное название с точки зрения младшего (как правило, в уменьшительной форме), ср. в грузинском babuk'a 'дедушка', bebik'o 'бабушка'

7.5. СЕМАНТИКА И СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ ***HauHo-*** *И* ****nep[h]ot[h]-.*** *И ПРОБЛЕМА КРОСС-КУЗЕННЫХ БРАКОВ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Первоначальное значение ****HauHo-*** 'отец отца' (а не 'матери', как полагал *Delbrück 1889 : 482*) следует прежде всего из данных хеттского языка, где *ḫuḫḫa-* относится к предку по линии отца, ср. последовательность *attalla- ḫuḫatalla-* 'отцовский' — 'дедовский'; при этом форма *ḫuḫḫanteš* означает 'деды', 'предки', 'отцы' (ср. *Benveniste 1969, I : 226*).[1] Характерно, что латинские авторы определяют *auus* как *pater patris* 'отец отца', ср. также определение *patris mei pater auus meus est* 'отец моего отца является моим *auus*' (*Benveniste 1969, I : 226*).

Такое заключение согласуется с общей картиной распределения терминов в системе родственных отношений в пределах древней индоевропейской семьи, в которой фиксированы родственники 'мужа' при отсутствии терминов для кровных родственников 'жены'.

Кровные родственники 'жены' ****k'oen-*** появляются в такой системе лишь с точки зрения ее 'сына' (а не 'мужа' ****p[h]ot[h]-***), который называется ****su(H)-nu-*** 'сын' с точки зрения 'матери' (****maHt[h]er-***) и 'отца' ****p[h]Ḫt[h]er-***, и ****nep[h]ōt[h]-*** 'внук'[2] — с точки зрения 'деда по отцу' (****HauHo-***).

Дело в том, что термин ****HauHo-***, обозначающий 'деда по отцу' с точки зрения внука ****nep[h]ōt[h]-***, обнаруживает в некоторых диалектах и значение 'дядя по матери', 'брат матери': прус. *awis* 'дядя по матери', лит. *avýnas* 'дядя по матери', слав. ****ujĭ*** 'дядя по матери' (*Трубачев 1959 : 81—84*; *Топоров 1975-, I : 179—180*), лат. *auunculus* 'дядя по матери', 'брат матери' (ласкательное от основы, связанной с *auus* 'дед'), брет. *eontr* 'дядя', др.-англ. *ēam* 'дядя', ср. др.-в.-нем. *ōheim* 'дядя'.[3]

Свидетельство приведенных форм ряда индоевропейских диалектов позволяет реконструировать для индоевропейской основы ****HauHo-*** и для производных от нее наряду со значением 'дед по отцу' параллельно и значение 'дядя по матери', 'брат матери' (так же как для основы ****p[h]Ḫt[h]er-*** и производных от нее реконструируется значение 'отец' и 'дядя по отцу').

как названия 'внуков' и mamik'o 'папенька', dedik'o 'маменька' как названия 'детей' при обращении к ним соответственно 'дедушки', 'бабушки' и 'отца' и 'матери'.

[1] Поэтому значение лик. **χuga* 'дед по матери' следует считать позднейшим новообразованием, ср. также *Pokorny 1959 : 89*.

[2] И.-е. ****nep[h]ōt[h]-*** 'внук' отражено в исторических диалектах как др.-инд. *nápāt* 'внук, потомок', авест. *napāt-*, *naptar-*, др.-перс. *napāt-*; греч. гом. *νέποδες* 'потомки' (ср. *Gates 1971: 21*), лат. *nepōs* 'внук', ст.-лит. *nepuotis* 'внук', ср. производное на ****-l*** в значении 'внучка': др.-инд. *naptí-* 'внучка', 'женский потомок', лат. *neptis* 'внучка', ст.-лит. *neptė* 'внучка'. Слово этимологизируется как **ne+p[h]ot[h]-is* 'немощный, несамостоятельный' (*ср. Фасмер 1964—1973, III: 68*; *Pokorny 1959: 764*). Термин ****nep[h]ōt[h]-*** имеет скорее социальный смысл и обозначает 'молодого неженатого члена большой семьи, не являющегося главой отдельной семьи' в противовес 'главе семьи'—'мужу' ****p[h]ot[h]-***. В этом смысле он является как бы отрицанием ****p[h]ot[h]-***, то есть ****ne-p[h]ot[h]-*** (*ср. Pokorny 1959: 764*).

[3] 'Дядя по отцу', в отличие от 'дяди по матери', название которого увязывается с названием 'деда по отцу' ****HauHo-***, называется производным от основы ****p[h]Ḫt[h]er-*** 'отец': и.-е. ****p[h]Ḫt[h]ruio-***: лат. patruus 'дядя по отцу', др.-в.-нем. fetiro, fatirro, faturео, др.-англ. fædera 'дядя по отцу', др.-рус. *стрыи* 'дядя по отцу'.

Со своей стороны, для 'деда по отцу' ***HauHo-** и для 'дяди по матери' ***HauHo-** (или производных от этой основы) соответственно 'внук' ('сын сына') и 'племянник' ('сын сестры'), называются одним и тем же словом ***nep**$^{[h]}$**ō**$t^{[h]}$-[1]. Таким образом, и.-е. ***nep**$^{[h]}$**ō**$t^{[h]}$-, наряду со значением 'внук' характеризуется и значением 'племянник, сын сестры' (см. *Табл. 4*).

Такое совпадение названий отличных друг от друга лиц, занимающих различные места в сети родственных отношений (ср. 'дед по отцу' и 'брат матери', с одной стороны, и 'внук' и 'племянник, сын сестры', с другой), можно объяснить, допустив наличие родственной связи между этими лицами, то есть предположив некоторое отождествление их в определенном смысле с точки зрения соответствующего родственника. Иными словами, такая система отношений предполагает близкую кровно-родственную связь между 'дедом по отцу' и 'дядей — братом матери', которая возможна при дуально-экзогамной системе кросс-кузенных браков, при которой мужчина может жениться на кросс-кузине, дочери дяди по матери или дочери сестры отца, относящихся к другой дуальной половине (ср. об индоевропейском *Hocart 1928*; *Benveniste 1969, I : 226—229*; *Szemerényi 1977a : 399 и след.*)[2].

[1] Ср. и.-е. ***nep**$^{[h]}$**ō**$t^{[h]}$- в значении 'племянник', 'сын сестры': ср.-ирл. *nïæ*, *род. пад. nïath* 'сын сестры', сербо-хорв. *nèćāk* 'племянник', 'сын сестры', ст.-слав. *netjjĭ* 'племянник', алб. *nip* 'внук', 'племянник', др.-в.-нем. *nevo* 'племянник, родственник', др.-англ. *nefa* 'племянник', 'внук', др.-исл. *nefe* 'племянник', 'родственник', ср. также др.-ирл. *necht* 'племянница', др.-в.-нем. *nift* 'племянница' (нем. Nichte), рус. ц.-слав. *нестера* 'племянница, дочь сестры', алб. *mbésë* 'племянница' <***nep**$^{[h]}$**o**$t^{[h]}$*iā*, ср. также греч. *ἀ-νεψιός* 'сын брата или сестры'.

С другой стороны, 'племянник, сын брата' в отличие от 'племянника, сына сестры' обозначался, по-видимому, тем же термином, что и 'сын' (***su*(*H*)-*nu*-**), ср. сербо-хорв. *sinovac* 'сын брата, племянник' (*см. Gates 1971*), ср. также др.-англ. *suhterga* 'племянник'. Возражения, выдвигаемые против допущения значения 'племянник' для формы ***nep**$^{[h]}$**ō**$t^{[h]}$- уже в индоевропейском (см. *Beekes 1976*), не могут считаться убедительными. Во-первых, было бы трудно допустить появление этого значения у формы ***nep**$^{[h]}$**ō**$t^{[h]}$- независимо друг от друга в таком числе индоевропейских диалектов (германских, славянских, кельтских, албанском, латинском, ср. также греч. *ἀνεψιός* 'племянник'). Факт сравнительно поздней фиксации лат. *nepōs* в значении 'племянник' (вероятно, со II в. н. э.; ранее в текстах—описательное образование: *fratris filius* 'сын брата', *sororis filius* 'сын сестры', ср. *Szemerényi 1977 b : 62*) может указывать только на раннюю замену этого многозначного латинского слова ('внук', 'племянник') в текстах историко-юридического характера однозначным описательным образованием терминологического типа с точным указанием отношения родства. Позднее *nepōs* в первоначальном значении 'племянник' наряду со значением 'внук' обнаруживается в латинском и в письменных памятниках разных жанров.

[2] Возражения, выдвигаемые против этого положения: отсутствие особого термина для 'кросс-кузенов' и некоторых терминов для 'свойственников по женской линии' (ср. *Friedrich P. 1966 : 27—28*), не могут считаться убедительными. Отсутствие терминов для обозначения свойственников через женщину (включая и кросс-кузенов) объясняется самой системой брачно-родственных отношений, при которой женщина, вступающая в брак, покидает прежнюю семью, порывая тем самым с ней родственные отношения. Лишь в следующем поколении 'кросс-кузина', которая как член другой семьи специально никак не обозначается, может войти в прежнюю семью в качестве 'жены'.

ТАБЛИЦА 4

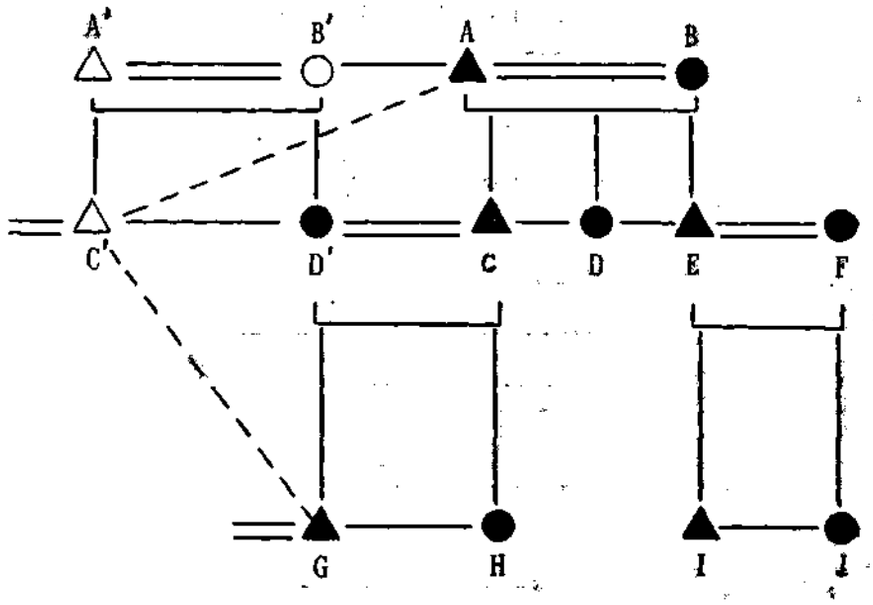
ТЕРМИНЫ РОДСТВА

Наименование родства	*Термин родства*
Отец	p[*h*]Ḫt[*h*]er-
Мать	maHt[*h*]er-
Брат	b[*h*]raHt[*h*]er-
Сестра	ś^{o}esor-
Сын	suHnu-
Дочь	d[*h*]ug[*h*]Ḫt[*h*]er-
Отец отца	HauHo-
Мать отца	Hап-
Отец матери	—
Мать матери	—
Брат отца	p[*h*]Ḫt[*h*]ruǫio-
Брат матери	HauHo-
Сестра отца	—
Сестра матери	—
Сын брата	suHnu- (?)
Сын сестры	nep[*h*]ōt[*h*]-
Дочь брата	d[*h*]ug[*h*]Ḫt[*h*]er- (?)
Дочь сестры	—
Сын сына	nep[*h*]ōt[*h*]-
Сын дочери	—
Дочь сына	nep[*h*]t[*h*]ī
Дочь дочери	—

7.6. ОБЩАЯ СИСТЕМА И ТЕРМИНОЛОГИЯ БРАЧНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Индоевропейская система брачно-родственных отношений может быть представлена в виде *Схемы 4*:

СХЕМА 4

Треугольник △—символ лица мужского пола;

О — символ лица женского пола;

Цвет треугольников и кружков — соответственно, темный и светлый — символизирует принадлежность к двум разным 'семьям'; двойной линией ═ символизируется отношение брака: △ ═ О означает: «△ *является* 'мужем' *p[h]ot[h]- *для* О» и, симметрично, «О *является* 'женой' ***k'°en-** *для* △»; горизонтальной линией символизируется отношение кровного родства сиблингов: △ — О означает: «△ *является* 'братом' ***b[h]raHt[h]er-** *для* О» и симметрично, «О *является* 'сестрой' *ś°esor- *для* △»; вертикальными линиями, исходящими от символов обоих родителей, символизируется отношение потомства: «△ ═ О *являются соответственно* 'сыном' ***suHnu-** и 'дочерью' ***d[h]ug[h]ḫt[h]er-** *по отношению к* △ ═ О
| |
***p[h]ḫt[h]er-** ═ ***maHt[h]er-**»; ломаной линией - - - - символизируется отношение кровного родства через 'сестру', входящую в другую семью:

A: ***HauHo-** 'дед' по отношению к **G** и **H, I** и **J**
***p[h]ḫt[h]er-** 'отец' по отношению к **C, D** и **E**
***ś°ek̂[h]uro-** 'свекор' по отношению к **D'** и **F**
***HauHo-** 'дядя по матери' по отношению к **C'**
***b[h]raHt[h]er-** 'брат' по отношению к **B'**
***p[h]ot[h]-** 'муж' по отношению к **B**

B: ***Han-** 'бабушка' по отношению к **G** и **H, I** и **J**
***maHt[h]er-** 'мать' по отношению к **C, D** и **E**
***ś°ek̂[h]ruH-** 'свекровь' по отношению к **D'** и **F**
***k'°en-** 'жена' по отношению к **A**

B': ***maHt[h]er-** 'мать' по отношению к **C'** и **D'**
***ś°esor-** 'сестра' по отношению к **A**
***k̂'al(ou̯-)** 'сестра мужа', 'золовка' по отношению к **B**

C: ***p[h]ḫt[h]er-** 'отец' по отношению к **G** и **H**
***p[h]ot[h]-** 'муж' по отношению к **D'**

***b$^{[h]}$raHt$^{[h]}$er-** 'брат' по отношению к **D** и **E**
***t'aiuer-** 'деверь' по отношению к **F**
***suHnu-** 'сын' по отношению к **A** и **B**

C′: ***HauHo-** 'дядя по матери' по отношению к **G** и **H**
***b$^{[h]}$raHt$^{[h]}$er-** 'брат' по отношению к **D′**
***suHnu-** 'сын' по отношению к **A′** и **B′**
***nep$^{[h]}$ōt$^{[h]}$-** 'племянник', 'сын сестры' по отношению к **A**

D: ***ś^{o}esor-** 'сестра' по отношению к **C** и **E**
***k'al(ou-)** 'сестра мужа', 'золовка' по отношению к **F**
***d$^{[h]}$ug$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$er-** 'дочь' по отношению к **A** и **B**

D′: ***maHt$^{[h]}$er-** 'мать' по отношению к **G** и **H**
***k'^{o}en-** 'жена' по отношению к **C**
***snuso-** 'сноха', 'жена брата' по отношению к **E** и **D**
***(i)enḫt$^{[h]}$er-** 'жена брата мужа', 'ятровка' по отношению к **F**
***ś^{o}esor-** 'сестра' по отношению к **C′**

E: ***p$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$ruuio-** 'дядя по отцу' по отношению к **G** и **H**
***b$^{[h]}$raHt$^{[h]}$er-** 'брат' по отношению к **C** и **D**
***t'aiuer-** 'деверь' по отношению к **D′**

G: ***b$^{[h]}$raHt$^{[h]}$er-** 'брат' по отношению к **H**
***b$^{[h]}$raHt$^{[h]}$er-** 'брат', 'двоюродный брат' по отношению к **I** и **J**
***suHnu-** 'сын' по отношению к **D′** и **C**
***suHnu-** (?) 'сын' по отношению к **E**
***nep$^{[h]}$ōt$^{[h]}$-** 'племянник', 'сын сестры' по отношению к **C′**
***nep$^{[h]}$ōt$^{[h]}$-** 'внук' по отношению к **A** и **B**

H: ***ś^{o}esor-** 'сестра' по отношению к **G**
***d$^{[h]}$ug$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$er-** 'дочь' по отношению к **D′** и **C**
***d$^{[h]}$ug$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$er-** (?) 'дочь', 'дочь брата' по отношению к **E**
***nep$^{[h]}$t$^{[h]}$-ī** 'внучка' по отношению к **A** и **B**

'Сын' *C* может брать себе в жены *D′*—'дочь сестры отца' *B′*. Ее 'брат' *C′* является тем самым одновременно 'племянником' 'отцу' *A* и 'братом жены сына'. Ее 'сын' *G* является 'внуком' ее собственного 'дяди' *A* (он же является отцом ее 'мужа' *C*), а ее 'брат' *C′* — 'дядя ее сына' *G*. Поэтому для этого последнего 'дядя' *C′* — 'брат' его 'матери' *D′* в определенном смысле отождествляется с дедом *A* — 'отцом отца' и 'дядей по матери' его собственного 'дяди по матери' *C′*. При таком отношении 'дед по отцу' *A* является как бы "двойным" 'дядей по матери' *D′*.

Со своей стороны 'дед по отцу' *A* и 'дядя по матери' *C′*, для которого этот последний, то есть *A*, является 'дядей по матери', могут называть *G*, соответственно своего 'внука' и 'племянника', 'сына сестры', одним и тем же наименованием.

При этом 'сестра деда' *B′*, вступившая в брачные отношения с *A′*, ушла в другую семью и происшедшие от этого брака дети : 'сын' *C′* и 'дочь' *D′* принадлежали, естественно, другой семье, пока 'дочь' *D′* не вступила в брачные отношения с 'сыном' *C* деда *A* (ее кросс-кузеном), в результате

чего *D'* "возвращается" в семью деда *A*. В таких симметричных в определенном смысле брачных отношениях проявляется процесс обмена женщинами между двумя родами или семьями. Со своей стороны, каждая из женщин первой семьи (*D* или *H*), вступив в брачные отношения, должна покинуть свою семью и перейти в другую, с которой поддерживаются подобные дуальные отношения, в обмен на женщину из этой последней семьи, связанную подобным же родством. В результате между первыми семьями или родами, обменивающимися своими женщинами, возникают сложные брачно-кровно-родственные отношения, которые, накладываясь друг на друга, приводят к упрочению связанных между собой дуальных половин или более сложных форм социальной организации.

7.7. ДРЕВНИЕ БРАЧНО-РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ДУАЛЬНО-ЭКЗОГАМНАЯ СИСТЕМА

Брачно-родственные отношения, при которых две дуальные половины обмениваются женщинами, тогда как все потомки по мужской линии остаются в пределах обеих половин, приводит естественным образом к значительному разрастанию каждой семьи и к выходу ее за пределы одного 'дома' ***t'om-**. 'Семья' через несколько поколений при таких правилах брачно-родственных отношений вырастает в 'большую семью', включающую несколько супружеских пар как в одном поколении, так и в нескольких поколениях по мужской линии, живущих вместе с детьми под одним кровом.

Дальнейшее разрастание 'большой семьи' в пределах каждого поколения и в разных коленах могло приводить к дроблению ее на отдельные семьи, объединяемые общностью происхождения по мужской линии в особые сообщества — 'роды' или 'фратрии'. Общеиндоевропейское ***ḱ'en-o-** (др.-инд. *jána-* 'род', 'рождение', 'место рождения', греч. γένος 'род', 'место рождения', арм. *cin* 'рождение', лат. *genus* 'род', 'совокупность потомков одного прародителя' и др., ср. выше, стр. 748 и след.) могло обозначать именно такое объединение семей, осознававших свое общее происхождение по мужской линии.

Увеличение численности таких объединений должно было привести к дроблению половин на новые дуальные половины и к расселению на более обширных территориях, что в конце концов могло вызвать разрыв былых родственных связей между отдельными 'родами' и объединениями 'родов'. В таких условиях при дальнейшем развитии системы родства сохраняются древние черты дуально-экзогамной организации и использование определенных терминов родства и родственных отношений, соответствующих отдельным чертам модели типа "омаха", ср. *Lounsbury 1964*; *Gates 1971 : 39—50*; *Barlau 1976*; *Соселия 1979*.

7.8. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ «ПЛЕМЯННИКОМ» И «ДЯДЕЙ ПО МАТЕРИ» В ДУАЛЬНО-ЭКЗОГАМНОЙ СИСТЕМЕ И СЛЕДЫ ИХ В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Выделение особой категории 'дяди по матери' в индоевропейской системе родства, который может называться уменьшительно-ласкательным

производным от названия 'деда' ***HauHo-** (ср. лат. *auunculus* и др.), что, как было показано выше, объяснимо системой кросс-кузенных браков, находит широкие типологические параллели в системах родства самых различных этносов и может рассматриваться как этнологическая универсалия, мотивированная изначально особым типом брачно-родственных отношений.

В очень большом числе обществ наблюдается определенная взаимозависимость отношений, существующих между 'дядей по матери' и 'племянником', с одной стороны, и между 'отцом' и 'сыном', с другой. При этом строгие отношения между 'отцом' и 'сыном' предполагают особо теплые и близкие отношения между последним (то есть 'племянником') и 'дядей по матери' и наоборот: близкие отношения между 'отцом' и 'сыном' сочетаются со строгими отношениями между последним и его 'дядей по матери', ср. *Lévi-Strauss 1958*; *1964a : 45 и след.*

Особые отношения между 'племянником' и 'дядей по матери', реконструируемые для общеиндоевропейской системы родства, все еще прослеживаются, хотя и в преобразованном виде, в отдельных древних индоевропейских традициях.

В древнехеттском обществе особое положение 'племянника', 'сына сестры' можно усмотреть в известном завещании Хаттусили I (начало XVII в. до н. э.), направленном против его племянника—сына сестры, которого особым указом он отстраняет от престола, призывая при этом, чтобы в будущем цари не воспитывали своих племянников — сыновей сестер, ср. в аккадском тексте : DUMU SAL+KU *ma-am-ma-an ú-ul ú-ra-ab-ba* "сына сестры никто (пусть) не воспитает" (HAB 2 I/II 9). Из этого видно, что племянник Хаттусили был ранее намечен наследником престола, что, вероятно, указывает на древний тип наследования, сохранявшийся у хеттов вплоть до исторического времени[1]; *ср. Менабде 1965 : 216.* Это, в свою очередь, отражает специфику общеиндоевропейской социальной системы с особым положением племянника — 'сына сестры'.

В древнеиндийской традиции, уже начиная с "Ригведы", отражены следы почитания 'дяди по матери' (*Hocart 1925*), в частности в гимне RV X 35, 7—8, где в связи с совершением обряда о 'дочери дяди по матери' говорится, что она является 'долей' (*bhāgá-*) для мужчины. Любопытно, что др.-инд. *mātulá-* 'дядя по матери', образованное от основы *mātár-* 'мать', представляет собой новообразование, заменившее в индо-арийском и кафирском (ср. ашкун *maŭ*, вайгали *möl* 'дядя по матери', *Morgenstierne 1954 : 275*) древнее индоевропейское название 'дяди по матери', восходящее к и.-е. основе ***HauHo-**. В древнеиндийском при сохранении особой значимости родственного отношения меняется признак, по которому это

[1] Любопытно, что сам Хаттусили I в начале своей летописи KBo X 1, 2, 3, называет себя 'сыном брата Тавананны' (то есть 'сыном брата царицы'); ср. аккадский текст: šarru rabū ta-ba-ar-na i-na ^{URU}Ḫattiti šarru-ut-ta i-te-pu-uš ša ^{SAL}ta-ḫa-an-na-an-na māru aḫī-šu "царь великий Табарна в Хаттусе царствие выполнял (будучи) сыном брата Тавананны".

отношение называется : взамен отождествления этого отношения с отношением к 'деду' оно связывается прежде всего с 'матерью'.

Аналогичная картина обнаруживается и в гомеровской греческой традиции, где сохраняется отношение особой эмоциональной близости между 'племянником' и 'дядей по матери', который именуется μήτρως. В "Илиаде" (П 715—720) изображается явление Аполлона Гектору в образе его 'дяди по матери' (μήτρως) с целью бóльшего воздействия на него, что может служить свидетельством особого авторитета 'дяди по матери' для племянника. При этом сам термин в греческом, как и древнеиндийском, образуется от названия 'матери'.

В древнеримской традиции особый статус 'дяди по матери' и его связь с 'дедом' сохраняется до классического времени. Это видно как в этимологически прозрачном (еще для самих римлян)[1] названии 'дяди по матери' *auunculus* как уменьшительно-ласкательного производного от *auus* 'дед', так и в существовании в Риме особого института — "авункулата".

У кельтов в древнеирландском эпосе отражена особо тесная связь героя Кухулина и брата его матери Конхобара. По свидетельству Тита Ливия (*Ab urbe condita*, V, 39), галльский царь Амбикатус послал двух сыновей своей сестры (*sororis filios*) отвести часть племени на новую территорию для того, чтобы избавиться от лишнего населения (и, видимо, создать новую дуальную организацию, необходимую для продолжения рода).

В германской традиции, по свидетельству Тацита, "*Germania*", XX, 5: *sororum filiis idem apud auunculum qui ad patrem honor* "у сыновей сестер в отношении дяди по матери такое же почитание, как и в отношении отца". С этим согласуются данные древнеанглийского эпоса и среднеанглийской поэмы: герой Беовульф особо чтит своего 'дядю по матери' Хигелака, а Гавайн — своего 'дядю по матери' Артура (*Cummerc 1901*).

В славянской традиции особые отношения между 'племянником' и 'дядей по материнской линии', характерные для института "авункулата" (см. *Bremmer 1976*), проявляются с древнейших времен вплоть до настоящего времени. У южных славян (в частности, в Сербии и Черногории) особое почитание брата матери, превосходящее в ряде отношений почитание отца, обнаруживается в целом комплексе обрядов — свадебных, траурных и других, см. *Gasparini 1973 : 277—297*.

7.9. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ СИСТЕМЫ БРАЧНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА ПАТРИЛОКАЛЬНОСТИ В ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Описанная выше сложная древнеиндоевропейская система брачно-родственных отношений основана в принципе на одной существенной особен-

[1] Любопытно, что сами римские авторы трактуют термин avunculus как 'брат моей матери' (matris meae frater), получивший такое название от того, что он "находится в третьей ступени по отношению ко мне, как и avus" (traxit apellationem ab eo quod... tertius a me, ut avus... est, *Festus*).

ности : бинарно-экзогамной патрилокальности брачных отношений, при которой все свободные женщины — члены семьи покидают в конечном счете эту семью, вступая в брачные отношения, а в нее взамен могут приходить женщины дуальной по отношению к ней 'семьи' (или 'рода'), являющиеся в определенном смысле кровными родственниками членов первой 'семьи' (или 'рода').

Легко видеть, что нарушение этого древнего основного принципа патрилокальности, то есть прихода в эту семью извне при сохранении всех мужских потомков в пределах 'семьи' или 'рода', должно было привести к коренным изменениям в унаследованных брачно-родственных отношениях и разрушению старого понимания 'семьи' и 'рода'.

Это именно то, что произошло в отдельных древних индоевропейских традициях, в частности анатолийской. Уже в период Древнего Царства у хеттов возникает институт *antiiatar* 'вхождение зятя (*antiianza*) в семью жены'. Само название такого 'зятя' *antiianza* представляет собой сложное слово, составленное из *anda*+*iiant-* 'внутрь входящий', 'в дом входящий', и обозначает 'зятя', которого поселяют у себя в доме[1]. Такой институт возникает у хеттов, вероятно, под влиянием аккадского брака *errēbu*, при котором 'муж' поселяется в доме 'жены' (ср. *Imparati 1964 : 218 и след.*; *Balkan 1948*). Такая практика брака распространена в Малой Азии и на Кавказе и по сей день, ср. турецк. *içgüveylik* (из *iç* 'в', *güvey* 'зять'), типологически сходное с груз. *časizeba* (из *ča-* 'в', *size-* 'зять').

Этот обычай брака, принципиально отличный от реконструируемых индоевропейских правил бракосочетания, постепенно закрепляется в древнехеттской традиции и получает юридическое оформление в хеттском праве. Любопытно, что в законе о престолонаследии Телепину (XVI в. до н. э.) § 29, 36, в случае отсутствия сына — прямого наследника, предлагается взять в царский дом зятя—мужа 'первой' (старшей) дочери и сделать его царем: *nu-uš-ši-iš-ša-an* ^{LÚ}*an-ti-ia-an-ta-an ap-pa-a-an-du nu* LUGAL-*uš a-pa-a-aš ki-ša-ru* "и ей мужа пусть возьмут, и царем пусть он станет".

Такой отход от основного принципа общеиндоевропейской системы брачно-родственных отношений приводит естественным образом в отдельных исторических индоевропейских традициях, и в частности хеттской, к коренным преобразованиям всей сети родственных отношений, явившимся, по-видимому, одной из причин почти полной замены в анатолийских языках общеиндоевропейских терминов родства новообразованиями из индоевропейских слов, частично детского языка, а также заимствований из других языков сопредельных ареалов.

[1] Ср. в § 36, 28 "Хеттских законов" выражение na-an ^{LÚ}an-ti-ia-an-ta-an e-ip-zi "и его как зятя берет".

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СВЯЗЬ ДРЕВНЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СО СТРУКТУРОЙ ДУХОВНЫХ ПОНЯТИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНОЙ МИРА

1. ДУАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЕГО ПРЕЛОМЛЕНИЕ В РИТУАЛАХ И МИФОЛОГИИ

1.1. ДВОИЧНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Дуальная социальная организация древнего индоевропейского общества, основанная на дуалистическом характере брачно-родственных отношений, при которых происходит обмен женами между объединяемыми кровным родством двумя половинами социальной структуры, накладывает глубокий отпечаток на характер всей духовной жизни древних индоевропейцев и определяет бинаризм, двоичность во многих основных сферах религиозных и мифологических представлений и некоторых черт модели реального мира.

В этой связи прежде всего можно сослаться на уже разобранную двоичность классификации животного и растительного мира в представлениях древних индоевропейцев (см. выше, стр. 468 и след.). Такая же двоичность характеризует их религиозные и мифологические представления, отдельные фрагменты которых реконструируются на основании сопоставления соответствующих данных индивидуальных исторических культур.

1.2. ДРЕВНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ДВУХ ПРЕДВОДИТЕЛЯХ ПЛЕМЕНИ»

В сфере мифологических и ритуальных представлений такой бинаризм проявляется, в частности, в реконструируемых для общеиндоевропейской традиции поверьях о двух мифологических царях — 'родоначальниках всего племени'. Такое представление можно видеть еще в обычаях некоторых древних индоевропейских племен, прославляющих одновременно двух царей, двух предводителей племени или рода, действующих одновременно и сообща.

У Гомера в каталоге кораблей ("Илиада") приводится целый ряд

двойных правителей или предводителей, стоящих во главе определенной социальной организации — города или области. Позже обычай дуального царствования, своего рода двоевластия, засвидетельствован в Спартанском государстве (*Геродот*, "История", VI, 56). У древних германцев известно предание о двух предводителях англо-саксов, возглавлявших их при переселении в Британию, — *Hengist* и *Horsa* (см. выше, стр. 553, *Ward 1968 : 54 и др.*). Следы аналогичного дуального царствования предполагаются и в древней Индии (*Hocart 1970 : 167—168 и след.*).

1.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ БЛИЗНЕЧНЫЙ КУЛЬТ

С тем же бинарным представлением общества и картины мира в целом связан и широко распространенный в индоевропейской мифологии 'близнечный культ'. К общеиндоевропейской древности восходит миф о двух божественных близнецах — детях бога Солнца. Этот миф проявляется во всех основных древних индоевропейских традициях. При этом повторяются не только одинаковые мотивы, но и обнаруживаются соответствия в названиях героев мифа, что указывает на общеиндоевропейский характер этого мотива и персонажей, в нем участвующих. Близнецы называются 'детьми бога', 'детьми Солнца': др.-инд. вед. *Divo napātā, дв. ч.* 'два потомка бога Неба (*Dyáuḥ*)', греч. гом. Διοσκούροι 'Диоскуры', 'дети бога Зевса (Ζεύς)', лит. *Dievo sūnēliai* 'дети бога', латыш. *Dieva dēli* 'дети бога' (*ср. de Vries 1957, II : 244 и след.*).

Само верховное божество древних индоевропейцев, детьми которого являются божественные близнецы, 'бог Солнца—отец' **t'jeu̯(s)-p$^{(h)}$ḫt$^{(h)}$er-*: др.-инд. *Dyáuṣ pitā́*, греч. *эват. п.* Ζεῦ πάτερ, лат. *Iūpiter*, *Diēspiter*, умбр. *Iupater* (ср. лув. *tatiš tiu̯az*), пал. *liu̯az... papaz* 'бог Солнца—отец' (с заменой второй части словосочетания) и др.-рус. *Стрибогъ* (с заменой второй части индоевропейского сочетания и перестановкой элементов), ср. хет. *attaš Ištanuš* 'отец—бог солнца' (где *Ištanuš* — заимствование из языка хатти).

Согласно индоевропейскому мифу, дети бога Солнца ухаживают за своей сестрой — 'дочерью Солнца', имя которой также совпадает в основных традициях: др.-инд. *duhitā́ sū́ryasya* 'дочь Солнца', лит. *saulės duktė̃*, латыш. *saules meita* (*Ward 1968*). В мифе в разных традициях совпадают также мотивы езды близнецов на 'солнечных конях' и на 'лодке' по морю. В индийской традиции божественные близнецы благодаря их ритуальным связям с конями (др.-инд. *áśva-*) именуются *Aśvínau*.

1.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ МИФ ОБ ИНЦЕСТЕ БЛИЗНЕЦОВ

Для разных вариантов индоевропейского близнечного мифа характерно представление об 'инцесте близнецов' — брата и сестры, с которых начинается род человеческий. Всего отчетливее это выступает в индо-иранском "мифе о Яме", позднейший отзвук которого сохраняется в диалоге Ямы (по мифу, первого человека) и его сестры Ями, которая склоняет его

к инцесту[1] (RV X 10). ср. *Schneider 1967*; *Humbach 1974*. Само индийское имя *Yamá-* восходит к общеиндоевропейскому названию 'близнеца', архаическому и.-е. ***q'emo-**: др.-инд. *yamá-* 'близнец', авест. *yāma-* 'близнец', лат. *geminus* 'близнец', ср.-ирл. *emuin* 'близнец', латыш. *jumis* 'сдвоенный плод', 'сдвоенный колос'; 'сельскохозяйственное божество', ср. *Ernout/Meillet 1967 : 268—269*; ср. также *Güntert 1923 : 334 и след.* Отголоски этого мотива слышны и в древнехеттском мифе о близнецах, согласно которому *царица Канеша рождает тридцать сыновей-близнецов, которые вступают* в брак со своими тридцатью сестрами (*Otten 1973*) : *nu-uz-za* DUMU.SAL^{MEŠ} *ŠA A.NA* DUMU.NITA^{MEŠ}.*ŠA pa-iš* "и она (то есть их мать — AMA.*ŠU.NU*) своих дочерей за своих сыновей выдала", KBo XXII 2, 16. Архаичность этого мотива как в хеттском, так и в индийском мифе видна в моральном неодобрении инцеста как основном мотиве рассказа, ср. в индийском мифе неодобрительное отношение Ямы к инцесту с сестрой, к которому она его старается склонить, и в хеттском рассказе в словах "последнего" из братьев: *nu le-e ša-li-ik-tu-ma-ri* [*Ú.UL*] *a-a-ra* "и не грешите; не праведно!" (19)[2]; ср. *Haas 1977 : 14 и след.*

В соответствующем кельтском мифе, как и в сходном хеттском, близнецов больше двух: в кельтском мифе—три брата-близнеца и сестра, которой удается уговорить своих братьев сожительствовать с ней, чтобы не остаться бездетной (*Dumézil 1971 : 346—347*).

Этот архаичный мотив инцеста между 'братом' и 'сестрой' можно рассматривать как некоторый сохранившийся в мире мифа прототип освященного законом бракосочетания между кросс-кузенами, то есть между 'братом' и 'двоюродной сестрой' — дочерью сестры отца или брата матери.

Нужно полагать, что изначально каждый из соотносимых близнецов

[1] Аналогичный мотив кровосмешения обнаруживается и в других индо-иранских традициях, как мифологема в осетинском Нартовском эпосе (ср. мотив соблазнения Сатаной ее брата Урызмага) и как обычай, допускаемый зороастрийской религией, согласно которой высшая форма брака — брак между ближайшими родственниками, братом и сестрой, ср. *Дюмезиль 1976 : 79—80, 246*.

[2] Высказано предположение, что хеттская царица Таџапаппа- в древности была не собственно матерью царствующей персоны, а его сестрой, находящейся с ним в браке, см. *Bin-Nun 1975*. В свете приведенных выше данных о древней практике бракосочетания между братом и сестрой такая связь между Тавананной и хеттским царем не представлялась бы необычной, хотя конкретные данные для такого вывода еще нуждаются в дальнейшей проверке и уточнении. То, что царь называет наследника престола, сына Тавананны DUMU.NIN 'сын сестры' не может служить недвусмысленным указанием на наличие между ними брачных отношений. Наследником в древнехеттском обществе мог считаться, как известно, 'сын сестры'.

Типологически брачные узы между родными братом и сестрой в таких социально развитых обществах должны рассматриваться уже не как непосредственное продолжение древнейшего брачного обычая, а скорее как некоторая его реминисценция, некоторый возврат к нему в самых верхних слоях кастово замкнутого общества, стремящегося к "чистоте династии", ср. обычаи бракосочетания между братом и сестрой в царствующем роде у египетских фараонов, у инков в древнем Перу, в Гавайском царстве и ряде других, ср. *Золотарев 1964 : 191—193 и др.*

представлял символически свою 'половину' племени, которая устанавливала брачно-родственные отношения с другой половиной.

1.5. ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

При дальнейшем развитии общества и усложнении социальных отношений изначальный дуализм древней индоевропейской социальной структуры мыслится уже как нечто символическое и переносится в миф и ритуал как некоторый отголосок древнего социального уклада. Такой дуализм в мифе и ритуале явственно прослеживается в отдельных древних исторических индоевропейских традициях. У хеттов сохранился ритуал (KUB XVII 35 III 9—14, ср. *Kummel 1967 : 161*), при котором мужчины, способные носить оружие, делятся на две группы — 'половины' (хет. *takšan*), условно называемые "люди Хатти" и "люди Маса". Первые вооружены бронзовым оружием, вторые—тростниковым. "Люди Хатти", владеющие бронзовым оружием, в ритуале побеждают "людей Маса" и взятого в плен посвящают божеству (*ср. Ардзинба 1982 : 80 и след.*).

В древнеиндийском эпосе и легендах отражен цикл мифов о соперничестве двух фратрий — кауравов и пандавов (*Held G. 1935*; *Bosch 1960 : 86—87*; *Золотарев 1964 : 217*) и двух династий — Солнечной и Лунной (*ср. Hocart 1970*).

Особенно наглядно проявляется социальная основа мифологически-ритуального дуализма и в древнеримской традиции, где сохраняется вплоть до конца республики обряд *Lupercālia*, суть которого состояла в ритуальном соперничестве двух групп, называвшихся именами двух родов — *gentes* — 'фабиев' и 'квинтилиев' (*Dumézil 1966 : 565*). Согласно мифу об основании общества Луперков, каждый из близнецов—основателей Рима начальствовал над одной из групп, фабии следовали Ре му, квинтилии — Ро мулу. Самый миф о близнецах Ромуле и Реме в свете выявленных индоевропейских социальных структур можно интерпретировать как отражение древнейших представлений, связанных с дуализмом древнеиндоевропейского общества.

1.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ «ПОЛОВИНЫ»

Дуалистическая структура древнего индоевропейского общества и связанные с этим дуалистические представления о мире находят отражение и в лексике и соответственно семантике реконструируемых общеиндоевропейских структур. Самая индоевропейская лексема в значении 'половина' увязывается с глаголом 'складывать пополам' (то есть 'получать две половины из одного целого'):

И.-е. *$p^{(h)}$(o)l- 'половина', 'пара'[1], *t'ŭeĭ-$p^{(h)}$lo- 'двойной', 'сдвоенный' (буквально: 'дву-половинный'): греч. гом. δι-πλόος 'двойной', лат. *duplus*

[1] Ср. связанное с этим корнем производное на *-$l^{(h)}$o- в значении 'складывать': др.-инд. puṭa- 'складка' (из **pulta-*), ср.-нрл. alt 'складка', гот. falþan 'складывать', др.-англ. fealdan 'складывать' (англ. fold), др.-в.-нем. faltan 'складывать' (нем. falten).

'двойной', *duplex* 'состоящий из двух частей', др.-ирл. *dïabul* 'двойной', гот. *twei-fls* 'сомнение' (с метафорическим переносом значения: 'колебаться между двумя возможностями выбора'), др.-в.-нем. *zwival(i)* 'сомнительный' (нем. *Zweifel*). В славянском это слово наряду с древним значением 'половина' (ст.-слав. *polй*) имеет и значение 'пола' (женского или мужского) как 'половины общества', что может являться отражением довольно древней семантической особенности данного слова, ср. алб. *pálë* 'сторона', 'партия', 'раздел', 'отделение', 'пара', 'парная упряжка'.

1.7. ПАРЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ АНТОНИМОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Восстанавливаемый для индоевропейского целый ряд лексических антонимов типа 'хороший' ~ 'плохой'; 'высокий', 'верхний' ~ 'низкий', 'нижний'; 'широкий' ~ 'узкий'; 'полный' ~ 'пустой'; 'большой' ~ 'маленький'; 'толстый' ~ 'тонкий'; 'длинный' ~ 'короткий'; 'тяжелый' ~ 'легкий'; 'новый' ~ 'старый'; 'белый' ~ 'черный'; 'правый' ~ 'левый' и другие могут осмысляться в исторических индоевропейских традициях как символизирующие атрибуты двух мировых начал:

***ǵesu-//*su-** 'хороший' ~ ***t'us-** 'дурной'

Лув. *ǵašui-* 'хороший', *ǵašu-* 'добро', 'благо'; хет. *aššu-* 'хороший', *aššu* 'добро', др.-инд. *vásu-* 'хороший', *su-* 'хороший', авест. *vaŋhu-*, *hu-* 'хороший', греч. ἐύς 'хороший', ὑ- 'хороший' (в словосложении); герм. *Wisu-* (в сложных именах), галл. *Vesu-* (в сложных именах), др.-ирл. *feib*, *dat. n. ed. h.* 'совершенство', *fó* 'хороший', ст.-слав. *unje* 'лучше' (ср. гот. *iusiza* 'лучше').

Др.-инд. *duṣ-* 'дурной', авест. *duš-* 'плохой', греч. δυσ- 'дурной' (в словосложении); арм. *t-* 'не-' (в сложении), лат. **dis-* в *difficilis* 'трудный', гот. *tuz-*, др.-англ. *tor-*, др.-в.-нем. *zur-* 'не-'.

Противопоставление 'хорошего' ***ǵesu-/*su-** ~ 'плохому' ***t'us-** пронизывает индоевропейскую лексику определенного семантического круга, связанного с мифологическими представлениями, ср., например, др.-инд. *su-mánas-* 'благорасположенный' ~ *dur-manāḥ* 'мрачный', 'враждебный'; авест. *hu-manah-* 'в хорошем настроении', *vohu-manah-* 'хорошее настроение', микен. греч. *e-u-me-ne* (собственное имя), греч. гом. εὐμενέτης 'благомыслящий', εὐμενής 'благорасположенный' ~ δυσμενής 'злонамеренный', 'враждебный'; др.-инд. *su-śrávas-* 'имеющий добрую славу', авест. *haosra-uuaŋha-* 'благая слава' ~ авест. *dāuš. srauuah-* 'дурная слава'; греч. гом. εὐκλεΓής 'славный', εὐ-κλείη 'добрая слава' и др., ср. *Schmitt 1967 : 85 и след.*; др.-инд. *su-dyút-* 'благое сияние' (эпитет Бога Агни, ср. хет. *Aššu-Šiuatt-* 'Благой день') ~ ст.-слав. *dъždь* 'дождь' из **dus-diu-*, буквально: 'дурной день' (ср. *Trubetzkoy* apud *Watkins 1974 : 107*).

***b$^{[h]}$erĝ$^{[h]}$-** 'высокий', 'верхний' ~ ***nī-** 'низкий', 'нижний'

Хет. *parku-* 'высокий', тох. A, B *pärk-* 'подниматься', др.-инд. *bṛhánt-* 'высокий', 'возвышенный', авест. *bərəz-* 'высокий', арм. *barjr* 'высокий' (ср. также выше в значении 'гора', 'возвышенность', стр. 668 и след.).

Др.-инд. *ní* 'вниз', ср. *nīpá-* 'глубоко внизу находящийся' (о воде), авест. *nitəma-* 'низший', арм. *ni-* 'вниз', др.-в.-нем. *nidar* 'вниз' (нем. *nieder*), ст.-слав. *nizŭ* 'вниз'; в противопоставлении к ***b$^{[h]}$erĝ$^{[h]}$-** 'гора', 'возвышенность', ср. греч. νειός 'поле' (из 'низменность'), ст.-слав. *niva* 'поле', 'нива'.

***p$^{[h]}$(e)l-H-/-t$^{[h]}$-** 'широкий', 'плоский' ~ ***Hanĝ$^{[h]}$-u-** 'узкий'

Хет. *palḫ-i-* 'широкий', лат. *plānus* 'плоский', латыш. *plāns* 'плоский', 'ровный' (производные на **-no-*); хет. *paltana-* 'плечо', др.-инд. *pṛthú-* 'широкий', авест. *pərəθu-* 'широкий', греч. πλατύς 'широкий', арм. *layn* 'широкий', ст.-слав. *plešte* 'плечо'.

Др.-инд. *aṁhu-* 'узко-' (в сложном слове), греч. ἀμφήν 'затылок' (как узкая часть головы), лат. *angi-* 'узкий' (в *angi-portus* 'тесный проход'), гот. *aggwus* 'узкий', др.-англ. *enge*, др.-в.-нем. *angi*, *engi* 'узкий' (нем. *eng*), ст.-слав. *ǫzŭ-kŭ* 'узкий'.

Производные от корня ***p$^{[h]}$elH-** приобретают в ряде диалектов значение 'земля', то есть 'плоская'; др.-инд. *pṛthivī́* 'земля', 'земная поверхность' (ср. греч. Πλάταια, наименование города в Беотии), арм. *hoł* 'земля', 'страна', др.-ирл. *láthar* 'место', ст.-слав. *polje* 'поле'. В древнеиндийском *pṛthivī́* 'земля' приобретает мифологический смысл в противопоставлении 'земля' ~ 'небо': *dyā́vā-pṛthivī́* (в форме двойственного числа, символизирующего в данном случае единство двух противоположных начал). В ведийском гимне—диалоге между Ямой и Ями, RV X 10, 9, сестра Ямы говорит ему: *divá́ pṛthivyā́ mithunā́ sábandhū* "у (нашей) пары (*mithunā́*) такое же родство, как у неба и земли".

***p$^{[h]}$lH-(no)-** 'полный' ~ ***u̯ast$^{[h]}$o-** 'опустошенный', 'пустой'

Др.-инд. *prāṇa-* 'полный', *pūrṇá-* 'полный', авест. *pərəna-* 'наполненный', *frāna-* 'наполнение', арм. *li* 'полный' (из ***p$^{[h]}$leH-i̯o-s**, ср. греч. πλέος 'полный'), лат. *plēnus* 'полный', 'наполненный', др.-ирл. *lán* 'полный', гот. *fulls* 'полный', др.-англ. *full* (англ. *full*), др.-в.-нем. *fol* (нем. *voll*), лит. *pìlnas*, ст.-слав. *plŭnŭ* 'полный'.

Хет. *u̯aštul* 'опустошение', 'недостаток'; 'преступление', 'грех' (ср. *Laroche 1973*), лат. *uastus* 'опустошенный', 'пустой', др.-ирл. *fás* 'пустой', *fásach* 'пустыня', 'пустошь', др.-в.-нем. *wuosti* 'необработанный', 'пустой', 'опустошенный' (нем. *wüst*, *Wüste*), др.-англ. *wēste* 'пустой'.

***mek̂'H- 'большой' ~ *d[h]eb[h]- 'маленький'**

Хет. *mekki-* 'многочисленный', тох. A *māk*, B *māka* 'многочисленный', др.-инд. *mahí-* 'большой', *mahánt-* 'большой', авест. *mazant-* 'большой', греч. μέγας 'большой', арм. *mec* 'большой', алб. *madh* 'большой', лат. *magnus* 'большой', др.-ирл. *mochtae* 'большой', гот. *mikils* 'большой'.

Хет. *tepu-* 'маленький', *tepnu-* 'уменьшать', 'умалять', 'унижать', др.-инд. *dabhnóti* 'вредит', авест. *dəbənaotā, 2 л. мн. ч. наст. вр.* 'вы обманываете'.

***b[h]engĝ[h]- 'толстый', 'плотный' ~ *t[h]en- 'тонкий'**

Др.-инд. *bahú-* 'многочисленный', 'плотный', 'густой', греч. παχός 'толстый', 'густой', латыш. *biezs* 'плотный', 'густой'.

Др.-инд. *tanú-* 'тонкий', греч. τανύ- 'длинный', лат. *tenuis* 'тонкий', др.-ирл. *tanae* 'тонкий', др.-исл. *þunnr* 'тонкий', др.-в.-нем. *dunni* 'тонкий' (нем. *dünn*), ст.-слав. *tĭnŭkŭ*.

***t'elH(n)g[h]o- 'длинный' ~ *mreĝ[h]u- 'короткий'**

Хет. *daluki-* 'долгий', 'длинный', *dalugašti-* 'длина', др.-инд. *dīrghá-* 'длинный', авест. *darəga-* 'длинный', др.-перс. *darga-* 'длинный', ср.-перс. *drang* 'длинный', греч. δολιχός 'длинный', ст.-слав. *dlŭgŭ* 'долгий', лит. *ìlgas* 'длинный'; лат. *longus* 'длинный', гот. *laggs* 'длинный', др.-англ., др.-в.-нем. *lang* 'длинный' (англ. *long*, нем. *lang*).

Др.-инд. *múhu* 'внезапно', авест. *mərəzu-* 'короткий', греч. βραχύς 'короткий', лат. *breuis* 'короткий', гот. *gamaúrgjan* 'сокращать'.

***k'[o](e)r-u- 'тяжелый' ~ *leg[h][o]- 'легкий'**

Др.-инд. *gurú-* 'тяжелый', авест. *gouru-* 'тяжелый', лат. *grauis* 'тяжелый', ср.-ирл. *bair* 'тяжелый', гот. *kaúrjōs* 'тяжелый', латыш. *grūts* 'тяжелый'.

Др.-инд. *laghú-*, вед. *raghú-* 'легкий', 'проворный', греч. ἐλαχύς 'небольшой', 'малый', лат. *leuis* 'легкий', гот. *leihts* 'легкий', др.-в.-нем. *liht(i)* 'легкий' (нем. *leicht*), др.-англ. *leoht* (англ. *light*), ст.-слав. *lĭgŭkŭ* 'легкий'.

***neu̯o-** 'новый' ~ ***u̯et[h]o-** 'старый'

Хет. *neu̯a-* 'новый', *neu̯ahh-* 'обновлять', тох. A *ñu*, B *ñuwe* 'новый', др.-инд. *náva-* 'новый', авест. *nava*, греч. νέ(F)ος, лат. *nouus*, лит. *naũjas*, ст.-слав. *novй* 'новый'.

Хет. *u̯ett-* 'год', др.-инд. *vatsá-* 'год', согд. *wcnyy* 'старый', греч. Fέτος 'год', лат. *uetus* 'старый', ст.-слав. *vetŭchй* 'старый'.[1]

***alb[h]o-** 'белый', 'светлый' ~ ***mel-** 'черный', 'темный'[2]

Хет. *alpa-* 'облако', греч. ἀλφός 'белое пятно на коже, бельмо', ср. ἀλφούς·λευκούς 'белых' (*Гесихий*), лат. *albus* 'белый', умбр. *alfu* 'белая', 'alba', др.-в.-нем. *albiz* 'лебедь', ст.-слав. *lebedĭ* 'лебедь' (название по характерному белому цвету птицы); ср. диалектное слово для 'олова': лит. *álvas* 'олово', прус. *alwis* 'свинец', рус. *олово*, буквально: 'белый', 'блестящий металл' (*Топоров 1975-, I : 81*).

Др.-инд. *malinа-* 'грязный', 'черный', *mlāna-* 'черный', 'темный', *mála-* 'грязь', 'грех', греч. μέλᾶς 'черный', лат. *mulleus* 'красный', 'багряный', 'пурпурный' (обувь консулов, преторов и курульных эдилов), гот. *mēla* 'письменный знак', *mēljan* 'писать', др.-в.-нем. *ana-mali* 'пятно', латыш. *mę̃lns* 'черный', прус. *melne* 'синее пятно', лит. *mėlas* 'синий', ср. рус. *малина*.

***t'ek[h]-s-** 'правый' ~ *ЛЕВЫЙ

Др.-инд. *dákṣiṇa-* 'правый', авест. *dašina-* 'правый', лит. *dẽšinas* 'правый', ст.-слав. *desnй* 'правый', греч. δεξιτερός 'правый', лат. *dexter*, др.-ирл. *dess* 'правый', гот. *taihswa* 'правый'.[3]

Греч. λαιός 'левый', лат. *laeuus* 'левый', ст.-слав. *lĕvй* 'левый'; греч. σκαιός 'левый', лат. *scaeuus* 'левый'; др.-инд. *savyá-* 'левый', авест. *haoya-* 'левый', ст.-слав. *šujĭ* 'левый', тох. A *śālyās* 'слева', B *śwālyai* 'слева' (ср. лув. *ipala-* 'левый', хет. GÙB-*la-* 'левый'[4], *Сор 1971 : 3—5, 23*).

[1] Другим древним словом в значении 'старый' можно считать основу ***sen-**: др.-инд. *sána-*, авест. *hana-*, арм. hin 'старый', греч. ἔνος 'старый', 'прошлогодний', *δι-ανος* 'позапрошлогодний' ('двухлетней давности'), лат. *senex*, *род. п.* senis 'старый' (ср. др.-инд. *sapaká-*), др.-ирл. *sen* 'старый', гот. *sinista* 'старейший', лит. *sẽnas* 'старый'.

[2] Ср. также и.-е. ***ś°er-** 'темный цвет': перс. *xvāl* (из ***su̯er-d-** 'копоть'), согд. *xwrn-* 'цвет', осет. дигор. *x°ārun* 'раскрашивать', *x°āræn* 'цвет', ср. др.-иран. ***hvāra-** в названии *Хорезма*, буквально: 'черноземная страна'; сюда же относится лат. *sordēs* 'грязь'; гот. *swarts*, др.-исл. *sorta* 'черный цвет', др.-англ. *sweart*, др.-в.-нем. *swarz* (нем. *schwarz*) 'черный', др.-ирл. *sorb* 'грязь', *Bailey 1976*.

[3] В хеттском и тохарском происходит замена первичного индоевропейского слова в значении 'правый' на хет. *kunna-* 'правый' (в противопоставлении GÙB-*la-* 'левый') и тох. A *pāci* 'правый'.

[4] Фонетическое дополнение шумерограммы GÙB-*la-* позволяет видеть в хеттском слово, соответствующее лув. *ipala-*. 'левый'. В таком случае в хеттском следует предположить

1.8. СИМВОЛИКА «ПРАВОГО» И «ЛЕВОГО» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Обращает на себя внимание при почти полном единообразии в индоевропейских диалектах для лексемы 'правый', восстанавливаемой для общеиндоевропейского в праформе *t'ek^{h1}-s-, невозможность реконструкции общеиндоевропейской праформы в значении 'левый'. Семантема 'левый' выражается общими лексическими формами лишь в отдельных диалектных объединениях (греческо-итало-славянский, индо-ирано-кельто?-славянский, тохаро-анатолийский). Причину этого нужно искать, очевидно, в символическом значении семантемы 'левый' в индоевропейском, табуировании ее и частой замене соответствующих лексем в отдельных диалектах и диалектных объединениях.

Табуирование лексемы 'левый' объясняется символической связью противопоставления 'правый' ~ 'левый' с оппозицией 'благоприятного' ~ 'неблагоприятному', 'праведного' ~ 'неправедному', 'хорошего' ~ 'дурному'.

Значимость семиотической оппозиции 'левый' ~ 'правый' в индоевропейской символической системе подтверждается совпадением данных, относящихся к отдельным индоевропейским традициям (ср. также *Kraig 1978 : 163*).

Такие ассоциации ясно прослеживаются уже в самых древних индоевропейских традициях, начиная с древнехеттской. У хеттов понятие 'левый', выражаемое шумерограммой GÙB-*la-*, ассоциируется с неблагоприятным исходом гадания, с лжесвидетельством и проигранным судом (ср. *Werner 1967 : 78*), с чем-либо отрицательным и плохим (*Kammenhuber 1965 : 191*): ср. *m[a]n-kan ŠA* É.ŠÀ *ŠA* LUGAL GÙB-*an uttar kuitki au[tt]en*, KUB XXI 42 IV 3 и след. "если вы увидите какое-либо дурное (буквально: 'левое') дело, касающееся царских покоев", ср. о социальной символике 'правого' и 'левого' у хеттов также *Riemschneider 1958*.

В древней Индии по принципу 'левый' ~ 'правый' противопоставлялись друг другу мифологические фратрии: фратрия кауравов считалась 'левой', 'нижней', 'лунной' и поэтому имеющей отрицательный символический смысл, фратрия пандавов — 'правой', 'верхней', 'солнечной' и поэтому — положительной (*Bosch 1960*). Это же противопоставление 'левый' ~ 'правый' связывается в индийской традиции с противопоставлением 'женского' ~ 'мужскому', см. *Hocart 1950*.

В древнегреческой традиции 'правый' и 'левый', связанные с 'мужским' и 'женским' началами, превращаются уже у пифагорейцев в основные философские категории, через которые описывается внешний мир (ср. *Lloyd G. 1962*; *1966*)[1].

форму *g/kipala- (ср. хет. keššar при лув. iššari- 'рука', хет. gimmara- при лув. immari- 'поле, степь'), *ср. Van Windekens 1981*. Предполагаемая хетто-лувийская форма *(k)ip-ala- при сопоставлении с тох. В śwāl позволяет реконструировать праформу *$g^{[h]}ib^{[h]}olo$-, которая при выделении суффикса *-*ol*- напоминает шум. GÙB 'левый' (заимствование из шумерского?).

[1] Характерно, что позднее в ряде индоевропейских диалектов происходит обратный семантический переход 'праведный', 'правильный' → 'правый', 'правая сто-

Такая ассоциация значений 'правого', 'правой стороны' с 'благоприятным', 'хорошим', 'положительным', а 'левого', 'левой стороны' — с 'неблагоприятным', 'дурным', 'отрицательным' может считаться некоторой семантической универсалией, характерной для семантической системы языка вообще.

Подобная семантическая ассоциация сводится, естественно, к различению 'правой' и 'левой' руки человека, которые в норме характеризуются физиологически различием способностей. 'Правая рука' воспринимается как наиболее активная, функционально основная, с которой естественным образом связывается понятие 'положительного' и 'благоприятного' в противоположность более пассивной 'левой руке', уступающей правой во всех основных функциях и уже поэтому ассоциирующейся в представлениях древнего человека с чем-то 'неблагоприятным', 'неполноценным'.

Понимание 'правой руки' и 'правой стороны' как основной находит конкретное выражение и в отдельных древних индоевропейских культурах. В подобных понятиях можно видеть следы общеиндоевропейских представлений о руках [и.-е. *ĝ$^{[h]}$es-r̥-/*ĝ$^{[h]}$es-t$^{[h]}$o- : хет. *keššar* 'рука', лув. *iššari-* 'рука' (ср. *išarṷili-* 'правый'), лик. *izre*, тох. A *tsar* 'рука', B *ṣar*, греч. гом. χερ 'рука', арм. *jeṙn*; др.-инд. *hásta-*, авест. *zasta-*, др.-перс. *dasta-*, ср. лат. *praestō* 'под рукой' (из **prai-hestōd*)[1], лит. *pa-žastìs* 'подмышка']. В гомеровском эпосе 'правая рука' описывается как агрессивная рука, направляющая копье, 'левая' — как защищающаяся, держащая щит[2] (*Cuillandre 1944*). У хеттов роль 'правой руки' и соответственно 'правой стороны' определяется как более значительная и почетная по сравне-

рона': ср. значения германских форм: др.-в.-нем. reht 'прямой, правильный' (нем. recht), др.-англ. riht (англ. right) 'истинный, правильный, прямой' (родственные лат. rēctus 'прямой' и др., в которых появляется новое значение 'правый' (как противоположность 'левому'). Ср. также в славянских языках: ст.-слав. ргавй 'прямой, правильный', с переносом значения также 'правый' (в противоположность 'левому').

[1] В италийском в обычном значении 'рука' выступает другая основа: ср. лат. manus, *род. п.* manūs 'рука', умбр. mănuv-e, оск. *вин. п.* manim, при греч. *μάρη*, др.-исл. mund 'рука' (*Pokorny 1959 : 740—741*), см. подробнее ниже. В значении 'предплечья', 'верхней части руки' для индоевропейского можно предположить основу **arH-mo-*/**r̥H-mo-*: др.-инд. īrmá- 'верхняя часть руки, предплечье', авест. arəma- 'предплечье', арм. armukn 'локоть', лат. armus 'верхняя часть руки', 'предплечье,' 'лопатка (у человека)', 'передняя лопатка' (у животных), гот. arms, др.-в.-нем. arm, др.-англ. earm, прус. irmo 'верхняя часть руки', ст.-слав. ramo 'плечо'.

Другой древний термин **b*$^{[h]}$*ā*ĝ$^{[h]}$*u-* мог обозначать 'локоть' и 'руку ниже локтя': тох. A poke, B pokai 'верхняя часть руки', др.-инд. bāhú- 'рука ниже локтя', у животных: 'передние лапы', авест. bāzāuš 'рука выше кисти', греч. *πῆχυς* 'локоть', 'рука ниже локтя', др.-исл. bógr 'рука', 'плечо'; др.-англ. bōg 'плечо', 'рука', др.-в.-нем. buog 'плечо'; 'бедро', у животных: 'лопатка' (нем. Bug), ср. *Бенвенист 1965 : 71—82*.

[2] Ср. обычай многих народов, в частности скифов (по *Геродоту*, IV, 62) и древних осетин (*Дюмезиль 1976 : 44—45*), по которому у убитого врага после его низвержения отрубают правую руку, как бы символизируя тем самым его полное обезвреживание.

нию с 'левой стороной'. Любопытно, что царь Анитта в знак особого уважения к правителю Бурусханды обещает усадить его справа от себя: ср. KBo III 22+Rs. 78—79: *a-pa-a-ša pé-e-ra-am-mi-it ku-un-na-az e-ša-ri* "и он предо мной справа усядется".

1.9. ОБОЗНАЧЕНИЕ ПАРНЫХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Противопоставление 'рук' как 'правая'≈'активная' и 'левая'≈'пассивная', имеющее под собой естественное физиологическое основание, могло переноситься и на другие парные органы, как-то 'глаза'[1] и 'ноги'[2], 'колени'[3], 'уши'[4], которые, в зависимости от нахождения справа или слева, расцениваются как 'положительные, мужские' или 'отрицательные, женские'.

В древнеиндийской традиции, согласно "Упанишадам" (*Bṛhadāraṇyaka-Upaniṣad*, IV, 2. 2—3; *Maitrāyaṇiya Upaniṣad*, V, 11), в качестве образа человека в правом глазу выступает бог Индра, в левом глазу — женское божество, его супруга.

В славянских традициях, согласно многочисленным восточнославянским и южнославянским приметам, левый глаз связан с бедой, огорчением, правый — со счастьем; сходно с этим при обрядах (в частности свадебных) правая нога обувается до левой и т. п. (*ср. Иванов/Топоров 1974: 268*).

[1] И.-е. **ŝe/ok$^{[h]}$o-*: хет. šakuṷa 'глаза', др.-ирл. rosc 'глаз, взгляд', гот. saihvan 'видеть'; тох. A ak, B ek, др.-инд. ákṣi 'глаз', греч. ὄσσε, *дв. ч.* 'глаза', арм. akn 'глаз', лат. oculus 'глаз', гот. augō, др.-исл. auga, др.-в.-нем. ouga (нем. Auge), др.-англ. ēage 'глаз' (англ. eye), лит. akìs 'глаз', ст.-слав. oko 'глаз'.

Параллельно с названием 'глаза' можно рассмотреть название 'брови', и.-е. **b$^{[h]}$ruH-* 'бровь, брови': тох. A pārwān-, B pārwān-e, *дв. ч.* 'брови', др.-инд. bhrú- 'бровь', авест. brvat-, *дв. ч.* 'брови', греч. ὀφρύς 'брови', ср.-ирл. brúad, *род. п. дв. ч.* 'бровей', др.-англ. brū 'бровь' (англ. brow), лит. bruvìs 'бровь', ст.-слав. brŭvĭ.

[2] И.-е. **p$^{[h]}$el$^{[h]}$et'-*: хет. pata- 'нога', тох. A pe, B paiyye, др.-инд. pad- 'нога', авест. pad- 'нога', арм. ot-n 'нога', греч. πούς, *род. п.* ποδός, лат. pēs, *род. п.* pedis, гот. fōtus, др.-исл. fótr, др.-англ. fōt (англ. foot), др.-в.-нем. fuoz (нем. Fuss).

[3] И.-е. **k'enu-* 'колено': хет. gi-e-nu 'колено', gi-e-nu-uš- 'коленный сустав', *Eichner 1979*, тох. A kanweṁ, B kenine (*дв. ч.*), др.-инд. jánu, авест. žnūm, арм. cunr, греч. гом. γόνυ, лат. genū, *род. п.* genūs, гот. kniu, др.-в.-нем. kneo (нем. Knie), др.-англ. cnēo (англ. knee).

[4] И.-е. **o(H)us-*: авест. uši, *дв. ч.* 'ушн', 'разум', арм. unkn 'ухо', греч. дор. ὦς 'ухо', *мн. ч.* ὦFατα 'уши', алб. vesh 'ухо', лат. auris 'ухо', др.-ирл. áu, ó 'ухо', гот. ausō, др.-в.-нем. ōra (нем. Ohr), др.-англ. ēare (англ. ear), лит. ausìs, ст.-слав. ucho, *род. п.* ušese. К этой же основе формально можно отнести этимологически неясную хеттскую глагольную форму auš- 'видеть': *1 л. ед. ч.* uḫḫi, *2 л.* autti, *3 л.* aušzi, *1 л. мн. ч.* aumeni, umeni, *2 л. мн. ч.* autteni, aušteni, ušteni, *3 л. мн. ч.* uanzi; *1 л. претерита* uḫḫun, *2 л.* ašta, *3 л.* aušta. К семантике 'ухо' → 'видеть' ср. картв., груз. q'ur-i 'ухо' при q'ur-eba 'смотреть'.

2. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ С ТРЕМЯ И ЧЕТЫРЬМЯ РАНГАМИ. ОТРАЖЕНИЕ ТАКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В "ДУХОВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ" И МИФОЛОГИИ

2.1. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ ДУАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Дуальность брачно-родственных отношений у древних индоевропейцев, определявшая на самых ранних стадиях развития индоевропейского общества общую дуальность его социальной структуры, начинает постепенно преобразовываться в зависимости от осложнения социального устройства общества и образования в нем нескольких функционально различающихся друг от друга социальных групп.

Если на начальных этапах социального развития общества отдельные социальные группы людей определялись не своей хозяйственной деятельностью, а принадлежностью к той или иной дуальной половине, роду или семье, то на более поздних ступенях общественного развития такие группы людей, которые характеризуются различными видами занятий, приобретают уже самодовлеющий характер, и их общественное положение определяется их социальной функцией, а не семейной или родовой принадлежностью; формируются определенные социальные группы людей, занятых той или иной хозяйственно-общественной деятельностью.

2.2. ФОРМИРОВАНИЕ ТРЕХ ИЛИ ЧЕТЫРЕХ СОЦИАЛЬНЫХ РАНГОВ В ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Уже на довольно поздней стадии социального развития индоевропейцев, по-видимому, к периоду распада индоевропейской общности, можно выделить по крайней мере три оформившиеся группы, которые отразились в древнейших индоевропейских обществах как три или четыре социальных ранга, характеризовавшихся ясно очерченными общественными функциями.

В древнехеттском обществе среди свободных людей выделяются социальные группы 'жрецов' (хет. *šankunni-*, ср. аккад. *šangû*, шум. ^{LÚ}SANGA), 'воинов' (ERÍN^{MEŠ} ANŠE.KUR.RA^{MEŠ} 'пешие воины и колесничие', ср. *tuzzi-* 'войско') и 'земледельцев', различавшихся степенью своей зависимости от владельцев земли ($LÚ^{MEŠ}$ ^{GIŠ}TUKUL 'человек оружия', 'ремесленник' и зависимые от них $LÚ^{MEŠ}$ APIN.LAL 'плугари' и $LÚ^{MEŠ}$ SIPÀ 'пастухи', а также ремесленники разных типов, в частности, $LÚ^{MEŠ}$ UŠ.BAR 'ткачи', $LÚ^{MEŠ}$ NAGAR 'плотники', $LÚ^{MEŠ}$ AŠGAB 'кожевники' и др., ср. *Гиоргадзе 1973 : 19 и след.*).[1]/

[1] Термин $LÚ^{MEŠ}$ $GIŠ$TUKUL обозначает социальный ранг, помещаемый между 'воинами' и 'зависимыми земледельцами' и 'ремесленниками'. Это — люди, получившие

В древней Индии существовало три основных социальных ранга ("варны"): 'жрецы' ≈ брахманы (*brāhmaṇá-*), 'воины' ≈ кшатрии (*kṣatríyam*)[1], 'земледельцы' (*vaíśya-*)[2], а также ремесленники, соотносимые с четвертой варной — 'шудрами' (*śūdrá-*)[3]. Близкая этой система отражена в авестийских текстах, где различаются 'жрецы' (*āθravan-*, в "Гатах" *zaotar-*), 'воины' (*raθaēštā-*, в "Гатах" *nar-*), 'земледельцы' и 'скотоводы' (*vāstryō fšuyant-*, в "Гатах" *vāstar-*) и 'ремесленники', относимые к четвертому социальному классу (*hūiti-*), ср. *Benveniste 1932a*; *1969, I : 279 и след.*[5]

Аналогичная социальная система предполагается и для раннего древнегреческого общества, о чем можно судить по отраженным в древнегреческих мифах отношениям между отдельными социальными группами: 'жрецами' (ἱερεῖς, ἱεροποιοί), 'воинами' (μάχιμοι, ср. φύλακες 'стражники', 'привратники' по мифу, передаваемому Страбоном), 'земледельцами' (γεωργοί) и 'ремесленниками' (δημιουργοί), *Benveniste 1969, I : 289*; ср. там же о возможности социальной троичности в умбрских игувинских таблицах (ср. *Palmer 1955 : 16*).

землю в надел, которые в случае необходимости могли нести воинскую повинность, *Diakonoff 1967*.

[1] Термин индоевропейского происхождения, связываемый этимологически с греч. κτάομαι 'приобретаю', κτῆμα 'приобретение, надел', микен. греч. ki-ti-me-na ko-to-na= κτιμένα κτοίνα 'земельный надел'; kṣatrám, с которым связывается в индийском термин kṣatríya-, первоначально должно было значить 'надел', получаемый 'воином' kṣatríya-, см. *Palmer 1955 : 17*.

[2] Термин связывается с др.-инд. víś- 'селение' (греч. Fοῖκος 'дом, хозяйство', лат. uīcus 'селение', ст.-слав. *vьsь* 'селение' и др., см. выше, стр. 742 и след.) и первоначально означал 'совокупность людей данного поселения', 'земледельцев', ср. *Palmer 1955 : 17*.

[3] В основе названия таких рангов várṇa- (буквально : 'цвет') лежит цветовая символика: с каждой 'варной' связывается определенный цвет: *брахманы* ассоциировались с 'белым цветом', *кшатрии* — с 'красным', *вайшья* — с 'желтым', *шудры* — с 'синим'.

[4] Все эти иранские наименования имеют индоевропейские этимологии и могут рассматриваться как собственно иранские слова для обозначения соответствующих социальных групп: авест. āθravan- 'жрец' соответствует др.-инд. átharvā 'жрец-колдун' (возможно, родственно авест. ātar- 'огонь', сербо-хорв. *vātra* 'огонь', ирл. áith 'печь'); авест. raθaēštā- восходит к обозначению 'колесничего', ср. др.-инд. rathe-ṣṭhá- 'стоящий на колеснице', авест. vāstar- родственно хет. ueštara- 'пастух'.

[5] Аналогично индийским 'варнам' иранские социальные ранги также ассоциируются с 'цветом' (piśtra- буквально: 'цвет', позднее—'ремесло', *Benveniste 1969, I : 279*): у *жрецов*—'белый цвет', у *воинов*—'красный', у *земледельцев* — 'синий'. Любопытно, что у кельтов аналогичные социальные ранги ассоциируются с теми же цветами: ранг *жрецов-друидов* символизирует 'белый цвет', ранг *воинов*—'красный', *Dumézil 1954 : 45*. Характерно, что во всех этих традициях, как древнеиндийской, так и авестийской и кельтской, первые два ранга — жрецов и воинов — характеризуются одинаковыми цветами, соответственно 'белым' и 'красным', при цветовом различии по отношению к третьему рангу (земледельцев и ремесленников). Такие одинаковые цветовые ассоциации у первых двух рангов в индо-иранской и кельтской традициях позволяют сделать вывод о древности такого противопоставления и его принадлежности к общеиндоевропейской эпохе. Согласно *Пальмеру*, уже в праиндоиранском 'владельцы земельных наделов' назывались *агуа- (от *аг- 'получать, приобретать, владеть'). Лишь позднее термин *агуа- приобретает функцию этнического обозначения, *Palmer 1974 : 11, 17—18*. Ср. к такому толкованию первоначального значения индо-иран. *агуа- хет. arnuala- 'люди, взятые в плен и получающие затем земельный надел', образованное от той же индоевропейской основы **elor-*.

2.3. ВОПРОС О ХРОНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРЕХ СОЦИАЛЬНЫХ РАНГОВ В ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ И ПРОБЛЕМА ТЕРНАРНОЙ СТРУКТУРЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА И МИФОЛОГИИ

При всем сходстве схемы членения рассмотренных древних индоевропейских обществ на социальные ранги наблюдается несоответствие в терминах, их обозначающих[1]. В таких условиях не представляется возможным, даже при допущении такого социального членения уже к концу общеиндоевропейского периода, реконструировать соотносимые с этими социальными группами общеиндоевропейские обозначения.

2.4. ПЕРЕСТРОЙКА ДРЕВНИХ БРАЧНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭНДОГАМИИ В ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Образование в обществе социальных рангов с различными функциями влечет за собой и коренную перестройку первичных брачно-родственных отношений, основывавшихся ранее на дуально-экзогамном принципе. Появление подобных социальных группировок постепенно разрушает древние принципы семейно-родственных связей и приводит к установлению новых брачно-родственных отношений в пределах каждой из образовавшихся социальных групп. Это в сущности уже переход принципа экзогамных отношений между дуальными половинами к эндогамному принципу в пределах образовавшейся социальной группы. Рассмотренные выше случаи нарушения древних принципов брачно-родственных отношений в древнехеттском обществе являются, по-видимому, отголоском имевшего место процесса перехода на новые принципы брачно-родственных отношений в результате социальной перестройки общества и формирования отдельных социальных групп.

[1] Это не может относиться в полной мере к хеттским терминам, поскольку они скрываются за шумерограммами или являются относительно поздними иноязычными заимствованиями, ср. хет. šankunni- 'жрец'. Древнеиндийский термин brahmán-, обозначающий социальный ранг 'жрецов', сопоставляется обычно с латинским термином flāmen 'жрец' как обозначением высшего жреческого звания (от и.-е. *$b^{[h]}la\acute{g}^{[h]}$-*men*-, ср. *Pokorny 1959 : 154*; *Dumézil 1966 : 90—91*); ср., однако, фонетические трудности сравнения этих форм (отсутствие рефлекса *$g^{[h]}$- в латинском), а также семантические несоответствия с другими индоиранскими словами, связанными этимологически с др.-инд. brahmán- (как, например, др.-перс. brazman- 'форма, видимость'), ср. *Benveniste 1969 , I : 282—285*; *Топоров 1974*. Индо-иранские слова можно сопоставить с греч. гом. *μορφή* 'форма' (из **morb$^{[h]}$a*, *Thieme 1968 d : 203*). В латинском 'жрец' обозначается сложным словом pontifex, этимологически: 'водружающий дорогу', ср. др.-инд. adhvaryú- 'жрец' при adhvará- 'дорога', *Dumézil 1966 : 553—554*. В кельтском название 'жреца', 'друнда' образуется от древнего индоевропейского названия 'дерева': др.-ирл. drúi 'друид', галл. Druides, Druidae, *мн. ч.* 'друиды'. Отсутствие общего индоевропейского родового термина для обозначения социального ранга 'жрецов' может объясняться табунированием первоначального слова и заменой его позднейшими описательными образованиями в отдельных исторических индоевропейских традициях.

В этом отношении характерны также встречающиеся в хеттских текстах указания на ограничения брачного обмена, приводящие в конечном счете к эндогамии в пределах определенной социальной группы людей. В среднехеттском тексте о "Каменном доме" читаем: *A.NA* LÚ^{MEŠ} É.NA$_4$-*ia-kán* *AŠ.ŠUM* É.GI$_4$.A^{TIM} *an-da-an pi-eš-kán-du pa-ra-a-ma-kán* DUMU.NITA DUMU.SAL *AŠ.ŠUM* É.GI$_4$.A^{TIM} LÚ*an-da-i-ia-an-da-an-ni-ia li-e ku-iš-ki pa-a-i*, KUB XIII 8 Vs. 13—15 "людям 'Каменного дома' невестку в дом пусть дают, из дома же сына (или) дочь в качестве невестки и зятя пусть никто не выдает".

В Индии в процессе формирования из символических группировок-варн настоящих социально замкнутых каст закреплялась практика эндогамного брака, в особенности в пределах высших каст, и гипергамных браков, при которых высшая каста могла дать женщину в низшую касту, но не наоборот (*Dumont L. 1966 : 153 и след.*; *Hocart 1950*).

Возникающая в таких условиях эндогамная практика брачных союзов в пределах больших социальных групп приводила к образованию новых родственных отношений между членами общей социальной группы. Легко видеть, что при малочисленности определенной кастовой группировки эндогамия могла привести к браку между ближайшими кровными родственниками. Такие кровосмесительные браки и явились результатом эндогамной практики в пределах узких кастовых групп, каковой является правящая династия, в которой по этим причинам могли быть узаконены брачные союзы между родными братом и сестрой. Это является крайним случаем эндогамного брака, примеры которого засвидетельствованы во многих традициях, в том числе и древних индоевропейских: у хеттов, греков, древних иранцев, в древней Армении и других странах (*ср. Довгяло 1968 : 141*; *Bin-Nun 1975 : 141*).

3. СТРУКТУРА ДРЕВНЕГО ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА

3.1. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМИ СТРУКТУРАМИ И СТРУКТУРОЙ ПАНТЕОНА

Устанавливаемая для древнейшего индоевропейского общества дуальная социальная структура, определявшаяся дуальным характером брачно-родственных отношений, при дальнейшем усложнении общества с образованием различных социальных групп предполагает наличие аналогичных структур в религиозных представлениях древних индоевропейцев, которые отражают в мифологически преобразованной форме существующие на земле соотношения.

Религиозные представления и соотношения между элементами пантеона — это в сущности проецирование на небеса существующих в данной социальной среде взаимоотношений отдельных социальных групп. Пантеон, существующий в той или иной традиции, и созданная в соответствии с ним мифологическая система являются некоторым отображением, неко-

торой моделью реальных социальных соотношений, бывших характерными для данного общества на определенном этапе его развития.

В этом смысле и следует понимать устанавливаемые Дюмезилем соотношения между трехчастностью древнего индоевропейского общества и тремя функциями, характерными для индоевропейской мифологии. Реконструкции по крайней мере трех единиц общеиндоевропейского пантеона должны отражать три вида социальных функций и соответствующих видов деятельности в древнем индоевропейском обществе (см. *Dumézil 1958; 1966; 1968; 1971; 1973; Дюмезиль 1976;* ср. *Littleton 1973; Haudry 1981 : 20 и след.*).

3.2. ДУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ДРЕВНЕГО ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА

Для общеиндоевропейского пантеона восстанавливаются с несомненностью по крайней мере два основных божества, дающих закономерные соответствия в отдельных древних индоевропейских диалектах как в плане выражения, так и в плане содержания.

3.3. ВЕРХОВНОЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ БОЖЕСТВО «НЕБО-ОТЕЦ»

И.-е. ***t'i̯eu̯(s)-p$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$er-*** 'бог-отец': др.-инд. *Dyáuṣ pitá* 'бог-отец' (эпитет верховного божества), 'Небо-отец', греч. *зват. п.* Ζεῦ πάτερ, лат. *Iūpiter* 'Юпитер', лув. *tatiš Tiu̯az* 'бог-отец', ср. др.-рус. *Стрибогъ*.

Первая компонента сложного слова ***t'i̯eu̯-*** реконструируется в качестве общего названия 'бога' и, в частности, 'бога Солнца', 'бога Неба': хет. *šiuš, вин. п. šiun, род. п. šiunaš* 'бог', 'бог Солнца' (ср. *Neu 1974 : 116—131*; *Watkins 1974*); лув. ^{D}*Tiu̯az* 'Бог Солнца', др.- инд. *dyắuḥ* 'небо', греч. Ζεύς 'бог Неба', *род. пад.* Δι̯Fός, *дат. п.* Δι̯Fί, микен. *di-we*, ст.-лат. *Diouis, им. п., Iouis, род. п.* 'Юпитера', оск. *Diúvei* 'Iovi'.

Основа в нормальной ступени огласовки ***t'ei̯u̯o-*** : др.-инд. *devá-* 'бог', авест. *daēva-* 'демон', лат. *deus* 'бог', *diuus* 'божественный', др.-ирл. *dia, род. пад. dé* 'бог', др.-исл. *tívar* 'боги', прус. *deiws*, лит. *dievas* 'бог'.

Общеиндоевропейское название 'бога' увязывается этимологически с корнем ***t'ei̯-*** 'светить', 'блестеть': др.-инд. *dídeti* 'светит', 'сияет', греч. гом. δέατο 'казалось'.

Производные от этого же корня образуют слово в значении 'день': хет. *šiu̯att-* 'день', лат. *diēs* 'день', др.-ирл. *dïe* 'день'; др.-инд. *divā* 'днем', ср. *naktắm-divam* 'ночь и день', арм. *tiw* 'день', греч. ἔνδιος 'среди дня', лат. *dius* 'днем' (и.-е. ***t'iu̯-***)[1].

[1] В качестве антонима слова в значении 'день' в индоевропейском выступает форма ***nelok$^{[h]o}$t$^{[h]}$-*** 'ночь' (с утерей лабиализации ***k$^{[h]o}$*** в ряде диалектов): хет. nekut- 'вечер', тох. В nekcïye 'вечером', др.-инд. nák 'ночь', náktam 'ночью', греч. *νύξ, род. пад. νυκτός* 'ночь', алб. nátë 'ночь', лат. nox, *род. пад.* noctis, др.-ирл. in-nocht 'этой ночью', гот. nahts, др.-в.-нем. naht (нем. Nacht), др.-англ. neaht, niht (англ. night) 'ночь', лит. naktis, латыш. nakts, прус. naktin 'ночь', ст.-слав. noštĭ 'ночь'. Допущение утери лабиализа-

Главенствующее положение в индоевропейском пантеоне 'божества неба' ***t'ieu̯-**, который именуется также ***t'ieu̯(s)-p$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$er-**, можно вывести из верховной функции божеств, восходящих к этому общеиндоевропейскому божеству, в отдельных древних индоевропейских мифологических традициях.

В анатолийском божество **Tiu-* (хет. *Šiu-*, лув. *Tiu̯a-*, пал. *Tiia-*) занимает центральное положение среди остальных многочисленных божеств пантеона. В древнехеттском тексте царя Аниттьі бог *Šiu-* выступает в качестве главного бога племени, именуемого 'нашим богом Солнца' *Šiušummiš*), которому воздвигают храм и статую которого царь Анитта возвращает в Несу.

В ранней древнеиндийской традиции согласно "Ригведе" *Dyáuṣ pitā́* 'бог Неба-отец' выступает как прародитель всех небесных богов, в чем следует видеть его главенствующее положение в древнейшем индо-иранском пантеоне.

В греческой мифологии Зевс, бог ясного неба, который именуется также 'богом-отцом' (Ζεῦ πάτερ), возвышается над всеми богами греческого пантеона. Аналогичное положение занимает в италийском пантеоне Юпитер, являющийся эквивалентом греческого Зевса в италийской мифологической традиции.

Первоначальная функциональная идентичность этих божеств в древних индоевропейских мифологических традициях при соотнесенности их наименований позволяет постулировать верховное божество ***t'ieu̯s-p$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$er-** в общеиндоевропейском пантеоне в качестве главного бога.

Верховное положение 'бога-отца' ***t'ieu̯(s)-p$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$er-** отражает главенствующую роль 'отца' ***p$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$er-** в патриархальной индоевропейской семье, где ему подчинены дети (ср. выше, стр. 777, о сыновьях-близнецах и дочери верховного божества).

При постулировании различных социальных рангов уже к концу общеиндоевропейского периода и выделении особой социальной группы 'жрецов' верховное божество общеиндоевропейского пантеона ***t'ieu̯(s)-p$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$er-** можно соотнести именно с этой социальной группой и считать ее функциональным эквивалентом в мифологической системе.

3.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ БОЖЕСТВО «ГРОМА» И «БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ»

Рядом с верховным божеством ***t'ieu̯(s)-p$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$er-** реконструируется 'бог грома и боевой дружины', 'покровитель походов'. Это божество ассоциируется с высокой скалой, достигающей небес, откуда низвергаются громы и молнии:

И.-е. ***p$^{[h]}$er(k$^{[h]o}$)u̯-no-** : хет. ^{D}*Piru̯a-* 'божество Пирва', 'бог на коне', ср. *ḫekur Piru̯a-* 'гора Пирва' (см. выше, стр. 615) при хет. *peruna-* 'ска-

ции в ряде диалектов (кроме хеттского и греческого, где происходит перенос лабиализации, см. выше, стр. 85 и след.) позволяет сопоставить формально все эти формы (вопреки мнению *Peeters 1974a*).

ла'; др.-инд. *Parjánya-* 'бог грома', 'бог дождя', ср. др.-инд. *parjánya-* 'дождевое облако' и др.-инд. *Párvata-* 'божество Горы' (ср. сложное слово *Indrāpárvata-* 'Индра и Парвата') при др.-инд. *párvata-* 'гора', 'горные облака' (см. выше, стр. 666), лит. *Perkūnas* 'бог грома', латыш. *Pèrkūns* 'бог грома', др.-рус. *Перунъ* 'Перун', 'бог княжеской дружины', ср. др.-исл. *Fjǫrgyn* 'мать бога грома Тора', при гот. *fairguni* 'скала' (из формы женского рода на **-ī*). В греческом и римском пантеонах индоевропейское божество 'дружины' и 'военного дела' представлено под другими наименованиями, соответственно греч. Ἄρης 'Арес', 'бог войны' и лат. *Mārs* 'Марс', 'бог войны'.

Индоевропейское божество походов и военного дела ***p$^{[h]}$er(k$^{[h^o]}$)u-no-** сопоставимо функционально с индоевропейским социальным рангом 'воинов'.

3.5. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ВЕРХОВНЫМИ БОЖЕСТВАМИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА

Два высших индоевропейских божества ***t'ie̯u(s)-p$^{[h]}$ḫt$^{[h]}$er-** и ***p$^{[h]}$er(k$^{[h]^o}$)u-no-**, символизирующие соответственно 'Солнце' и 'Грозу', противопоставлены друг другу и как олицетворения главных природных сил, обусловливающих 'солнечную' (***su-t'ie̯u-** 'хороший день') и 'дождливую' погоду (***t'us-t'ie̯u-** 'дурной день'). Тем самым наряду с социальными функциями они совмещали в себе хозяйственные функции, связанные с силами природы, обусловливающими плодородие земли и изобилие.

Эти последние функции могли в дальнейшем олицетворяться особым божеством, возникшим, очевидно, уже на сравнительно позднем этапе развития индоевропейской общности и соотносимым функционально с социальным рангом или рангами земледельцев и ремесленников. На сравнительно поздний характер этого особого индоевропейского божества — покровителя разных видов хозяйственной деятельности указывает уже и то, что названия отдельных божеств в древних индоевропейских традициях не сводимы этимологически друг к другу и не могут поэтому считаться производными от общей индоевропейской праформы[1]. Поэтому реконструкцию этого божества в общеиндоевропейском пантеоне следует считать весьма условной и относящейся к периоду распада индоевропейской общности и выделения индивидуальных исторических индоевропейских традиций, где появление особых божеств — покровителей хозяйственной деятельности вызывает перенос хозяйственных функций с существовавших двух главных божеств на вновь появившиеся в соответствующих пантеонах божества, со специальными хозяйственными функциями.

Таким образом, для общеиндоевропейского пантеона с большой долей вероятия можно постулировать два главных божества:

[1] Это — бог плодородия *Телепину* у хеттов, *Ашвины* (Aśvinau) или *Насатья* (Nāsatyā) в древнеиндийской традиции, *Квирин* (Quirīnus) — покровитель хозяйственной деятельности у римлян, др.-исл. Freyr и др., ср. *Dumézil 1958*; *1966*.

I *t'ieu̯(s)-p[h]Ht[h]er-, совмещающее в себе функции:

a) *верховное божество*
b) *божество ясного неба и солнца*
c) *божество, сопоставимое с функцией жречества*
d) *божество—покровитель плодородия*

II *p[h]er(k[h]o)u-no-, совмещающее в себе функции:

a) *неверховное божество*
b) *божество грозовой небесной скалы и молнии*
c) *божество военной функции, сопоставимое с социальным рангом воинов*
d) *божество—покровитель хозяйственной деятельности и плодородия*

В отдельных исторических индоевропейских традициях при сохранении основных функций каждого из этих божеств и их обозначений происходит перераспределение некоторых из этих функций и перенос отдельных функций на появившиеся новые единицы пантеона. Это приводит к существенным преобразованиям в системах пантеонов отдельных исторических индоевропейских традиций по сравнению с исходной общеиндоевропейской.

3.6. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ПАНТЕОНА В АНАТОЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В анатолийском пантеоне, в котором в историческую новохеттскую эпоху выделяется уже "тысяча богов", функции верховного божества выполняются первоначально древним индоевропейским божеством, богом Солнца **Tiu-* (хет. *Šiu-*, лув. *Tiu̯az*), рядом с которым в пантеоне стоит бог Грозы ^{D}IM-*unna-* (^{D}U, ^{D}IŠKUR)[1], лув. ^{D}*Tarḫunza* (этимологизируется от основы **tarḫ-*, ср. хет. *tarḫ-* 'побеждать', *Laroche 1959a : 127*). Лувийское название божества предполагает совмещение богом Грозы военной функции, что может являться отражением общеиндоевропейской особенности пантеона. В этом отношении характерно, что у хеттов при военной клятве (в отличие от других видов клятвы, ср. *Oettinger 1976 : 41, 48*), бог Грозы (^{D}IŠKUR-*aš*) выступает как действующее лицо, мстящее клятвопреступнику : *ki-e li-in-ga-uš šar-ri-iz-zi nu-uš-ši* ^{D}IŠKUR-*aš* ^{GIŠ}APIN *ar-ḫa du-u̯a-ar-na-a-ú* "кто клятвы нарушит, тому бог Грозы плуг пусть напрочь разломает", KUB XL 13+Rs. III 39—40.

Этимологически связанное с общеиндоевропейским богом Грозы **p[h]er(k[h]o)u-no-* древнехеттское божество на коне *Piru̯a-* в хеттском пантеоне теряет функцию громовержца, оттесняется на периферию и постепенно исчезает из пантеона. В наиболее архаичных древнехеттских текстах

[1] Ср. в тексте Анитты: ne-pí-iš-za-aš-ta ^{D}IŠKUR-un-ni a-aš-šu-uš e-eš-ta "богу Грозы неба он был мил", KBo III 22 Vs. 2.

ryam 'колесо-солнце', RV IV 30, 4 и др.), нападает на 'дочь Неба' (*duhitáram divấḥ*), мнящую себя великой (*mahīyámānām*, RV IV 30, 9) Ушас (*Uṣás-*), и разбивает ее колесницу, чтобы ее унизить. В таких столкновениях Индры с другими богами можно видеть процесс постепенного его возвышения, приведший к превращению его в главное божество пантеона "Ригведы".

Функцию покровителей хозяйственной деятельности—'скотоводства' и 'земледелия'—в древнеиндийском пантеоне представляют Ашвины (*Aśvínau*), два близнеца—сына верховного божества *Dyáuṣ pitấ*. Колесница (*rátha-*) Ашвинов, в которую впряжены кони (*áśva-*), привозит блага 'двуногим и четвероногим' (*dvipáde cátuṣpade*, RV I 157, 3).

Любопытно, что функция покровительства плодородию, которую в индоевропейском пантеоне совмещает в себе верховное божество ***t'i̯eu̯(s)-p$^{[h]}$Ḫt$^{[h]}$er-**, переносится на его сыновей, Ашвинов, становящихся основными выразителями функции плодородия в древнеиндийском пантеоне.

Рассмотрение древнеиндийского пантеона в исторической перспективе (отчасти отраженной и в самих гимнах "Ригведы") позволяет реконструировать процесс переноса основных функций верховного индоевропейского божества ***t'i̯eu̯(s)-p$^{[h]}$Ḫt$^{[h]}$er-** на другие, вновь появившиеся божества при оставлении за др.-инд. *Dyáuṣ pitấ* лишь символического значения небесного бога—праотца, прародителя всех остальных небесных божеств древнеиндийского пантеона.

3.8. ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕГО ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА В ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

В греческой мифологии Зевс (Ζεύς, *род. п.* Διός, он же Ζεῦ πάτερ, *зват. форма*) продолжает непосредственно верховное общеиндоевропейское божество ***t'i̯eu̯(s)-p$^{[h]}$Ḫt$^{[h]}$er-**, являясь главным богом греческого пантеона. Зевс—бог ясного неба, 'обитающий на небесах' (αἰθέρι ναίων), 'с высоты правящий' (ὑψίζυγος), 'эгидодержец' (αἰγίοχος); он—прародитель множества богов и мифологических существ.

На Зевса в греческом пантеоне переносятся функции второго индоевропейского божества ***p$^{[h]}$er(k$^{[h]o}$)u̯-no-** (функции II b и c): функция громовержца, бога, связанного с 'молнией' и 'высокой горой', и военная функция. Зевс выступает и как 'гремящий в высоте' (ὑψι-βρεμέτης), 'собиратель туч' (νεφελη-γερέτα), 'мечущий молнии, перуны' (τερπι-κέραυνος, ἀστεροπητής), 'сверкающий молнией' (ἀργι-κέραυνος), 'обитающий на горе Олимпе', 'олимпиец' (Ὀλύμπιε Ζεῦ 'о, Зевс Олимпиец!' A 508), 'управитель боя' (ταμίης πολέμοιο). Таким образом, греческий Зевс совмещает в себе все основные функции двух главных божеств общеиндоевропейского пантеона. Это, очевидно, произошло в результате склеивания различных функций в одном божестве, что может отражать некоторые социальные преобразования в раннем греческом обществе со стиранием отчетливых границ между социальными рангами 'жрецов' и 'воинов', ср. *Hocart 1970: 304*.

Характерно, что уже для микенской Греции отмечается малочисленность жречества, не составлявшего к этому времени отдельной привилегированной группы. Ритуальные действия стали выполняться главой семьи или его домочадцами (*ср. Благатская 1976 : 153—154*).

Такой перенос функций, связывавшихся с индоевропейским божеством ***p$^{[h]}$er(k$^{[h]o}$)u-no-**, на верховное божество ***t'ieu̯(s)-p$^{[h]}$Ht$^{[h]}$er-** (греч. Ζεῦ πάτερ) вызвал полное исчезновение в греческом пантеоне этого божества, функции которого вобрал в себя Зевс (Ζεύς). Лишь отдельные функции божества ***p$^{[h]}$er(k$^{[h]o}$)u-no-** стали выражаться новыми, собственно греческими божествами, подчиненными Зевсу (например, военная функция воплощалась особым божеством Аресом, Ἄρης, сыном Зевса и его супруги Геры, Ἥρη; ремесленная функция огня и ковки металлов—их же сыном Гефестом, Ἥφαιστος и др.).

3.9. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕГО ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА В ИТАЛИЙСКОМ

В италийской традиции происходит перераспределение функций в пантеоне божеств, также как и в греческой, но в отличие от последней верховное италийское божество *Iūpiter*//*Iuppiter* 'Юпитер', продолжающее непосредственно и.-е. ***t'ieu̯(s)-p$^{[h]}$Ht$^{[h]}$er-**, переносит на себя не все функции второго общеиндоевропейского божества ***p$^{[h]}$er(k$^{[h]o}$)u-no-**, а лишь функцию IIb, связанную с громом и молнией. Он, верховное божество, 'царь (*rēx*) неба', 'отец богов и людей' в то же время является 'громовержцем', 'блистающим молнией' (*Leucesie, зват. ф., им. п. Lūcetius*, ср. *Dumézil 1966 : 183 и след.*). Однако в отличие от греческого Зевса ему чужда военная функция (функция II c) и все, что с ней связано[1]. Эта функция, а также функция II d (покровительство хозяйственной деятельности и плодородия), связывавшаяся в индоевропейском пантеоне с богом ***p$^{[h]}$er(k$^{[h]o}$)-u-no-**, переносится полностью на особое италийское божество **mart-* (римское *Mārs, род. п. Martis*), которое в древнем италийском пантеоне выступает как бог войны, связанный с конем[2], бог переселений[3] и покровитель сельского хозяйства[4] [при полной утере в италийском имени древнего индоевропейского божества ***p$^{[h]}$er(k$^{[h]o}$)u-no-**].

[1] В древнем Риме 'жрец Юпитера' flāmen Diālis не должен был ни в коем случае видеть войска, не должен был садиться на коня, не должен был видеть трупы или окровавленную плоть, ср. *Dumézil 1966 : 158—159*.

[2] *Марсу* приносится в жертву конь Equus October (ср. выше, стр. 552) на Марсовом поле (Campus Martius), *Dumézil 1966 : 160, 217—220, 277*.

[3] *Марс* считался покровителем юношей, которые согласно обету uēr sacrum 'весна священная' должны были переселяться по достижении совершеннолетия с обжитых мест на новые территории. Дюмезиль возводит этот обычай к древнему индоевропейскому, заставлявшему индоевропейцев двигаться все дальше от своей первоначальной территории, ср. *Dumézil 1966 : 211*.

[4] К богу *Марсу* в древнем Риме обращались с молитвой о сельскохозяйственном изобилии и плодородии. В молитве, приводимой *Катоном*, обращаются к *Марсу - отцу* (Mars pater) с просьбой защитить от болезней, отвратить недород и голод, послать рост и

В римском пантеоне в качестве особого бога—покровителя хозяйства рядом с Марсом выступают боги *Quirīnus* и *Ops* (буквально : 'Изобилие').[1] Относительно поздний характер этих божеств в римском пантеоне виден уже из того, что в умбрских игувинских таблицах место Квирина занимает *Uofione* (*Dumézil 1966 : 148, 155*). Характерно, что при функциональной и этимологической соотнесенности друг с другом первых двух божеств в разных исторических индоевропейских традициях третье божество, связанное преимущественно с хозяйственной функцией, показывает этимологическую несводимость друг к другу уже в пределах близкородственных традиций. Это может явиться лишним свидетельством наличия двух основных божеств в индоевропейском пантеоне, совмещавших в себе определенные функции и отразившихся в несколько преобразованном виде в отдельных исторических индоевропейских традициях при отсутствии четко оформленной третьей единицы пантеона, которая, наделенная конкретными хозяйственными функциями, формируется уже в истории отдельных традиций.

3.10. СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙ СИСТЕМЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПАНТЕОНА В ДРУГИХ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ТРАДИЦИЯХ

В балтийской мифологии еще реконструируется противопоставление двух основных богов, восходящих к главным индоевропейским богам: балт. **Deiuas* (прус. *deiws*, лит. *dievas*, латыш. *dievs* 'бог'), о котором в литовских и латышских фольклорных текстах сообщается, что он живет на небесах, и балт. **Perkūnas* 'бог грозы' (лит. *Perkūnas*, латыш. *Pērkūns*), который считается жившим раньше на земле, а позднее взятым на небо богом **Deiuas* (ср. *Skardžius 1964*; *Иванов/Топоров 1974 : 21—22 и след.*).

В славянской мифологии сохранялось индоевропейское божество грома и военной дружины **Perunъ*. Оно становится на первое место, вытесняя верховное божество, название которого заменилось в славянском термином иранского происхождения **bogъ* (ср. *Напр 1978*). Название древнерусского бога *Стрибогъ* (из **ptr-*+**bogъ*) еще отражает статус верховного славянского божества при замене славянского эквивалента общеиндоевропейского **t'ieu-* на слово иранского происхождения. Однако в древнерусской традиции *Стрибог(ъ)* представляет уже не верховное божество, а выражает, по-видимому, функции, связанные с некоторыми природными явлениями. В этом (как, впрочем, и в соотношениях в балтийской мифологии) можно усмотреть некоторую типологическую аналогию с

благоденствие злакам, хлебу, лозам и посадкам, сохранить здравыми 'пастухов и скот' (pāstōres pecuaque), ср. *Тронский 1953 : 139*.

[1] Ср. древнехеттскую формулу LUGAL-i Pirwaš ḫappinaḫzi "царю Пирва дает богатство" (см. выше, стр. 746) с глагольной формой ḫappinaḫ-, этимологически родственной лат. Ops. К ритуальному употреблению общеиндоевропейского **Hop*$^{[h]}$- ср. также др.-в.-нем. uoba 'праздник'.

ограничением роли верховного божества *Dyáuṣ pitā́*, оттесняемого в ведийском пантеоне Индрой.

В германской и, по-видимому, кельтской мифологиях при сохранении в общем функциональных соотношений божеств индоевропейского пантеона почти полностью заменяются древние индоевропейские их названия на новообразования более позднего периода, ср. *Polomé 1970*.

В германском пантеоне верховное божество, совмещающее в себе функции жреческого бога и предводителя воинов, носит название др.-исл. *Óðinn*, др.-англ. *Wōden*, др.-в.-нем. *Wuotan*, ср. *Höfler 1974* (от и.-е. **u̯ātᵘʰl-*: лат. *uātēs* 'прорицатель', 'пророк', др.-ирл. *fáith* 'пророк' и др., *Meid 1974 : 32*; *Pokorny 1959 : 1113*); это — бог магического знания, ведающий 'руны', бог—предводитель войска мертвых. В качестве бога-громовержца, имеющего и военные функции, выступает др.-исл. *Þórr*. Рядом с ним в древнеисландском пантеоне еще сохраняется имеющее юридические функции божество *Týr*, восходящее к германскому **teiwaz* (и.-е. **t'ei̯u̯os*), но уже не находящееся на высшем уровне в пантеоне, ср. функцию этимологически соответствующего лит. *Dievas*, а также др.-рус. *Стрибогъ* (*см. de Vries 1956, I; 1957, II; Tonnelat 1948*).

В древнекельтском пантеоне соответствующие божества представлены богами галл. *Lug* (бог магических сил и бог—предводитель в войне), др.-ирл. *Dagda* (высший бог жрецов-друидов) и некоторыми другими, см. *de Vries 1961; Vendryès 1948*.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ РИТУАЛОВ. ПРАВОВЫЕ, МЕДИЦИНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ИДЕЯ ЗАГРОБНОГО МИРА И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБЩИЕ ДУХОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И РИТУАЛЫ

1.1. РИТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРАКТИКА РАНГА «ЖРЕЦОВ»

Допущение в общеиндоевропейском социальном устройстве особого ранга 'жрецов', занимавшихся в сущности всей многообразной духовно-правовой и религиозно-ритуальной деятельностью, характерной для древних обществ, предполагает наличие в общеиндоевропейском целой сети разветвленной терминологии, отражающей эту деятельность и соответственно правовые и религиозно-ритуальные нормы древнего индоевропейского общества.

1.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПОНЯТИЙ

Общеиндоевропейское значение 'верить', 'уповать', 'питать доверие' выражается древним словосочетанием (позднее словосложением) ***k̂[h]ret'-d[h]eH-**, буквально: 'класть сердце':

Др.-инд. *śrad-dhá* 'доверие', *śrád-dadhāti* 'доверяет' (ср. *śrát te dadhāmi* 'я тебе верю', RV X 147, 1), авест. *zrazdā-* 'верить', лат. *crēdō* 'верю', др.-ирл. *cretim* 'верю'. Сомнения относительно связи и.-е. ***k̂[h]ret'-d[h]eH-** со словом для 'сердца' ***k̂[h]er-t'-**, на основании чего предлагается другая этимология этого словосочетания (ср. *Benveniste 1969, I : 171—179*)[1], не могут считаться убедительными уже в свете новейших данных древнехеттского языка, где представлено словосочетание *k(a)ratan dai-* 'вложить сердцевину' (от слова *k(a)rat-* 'сердцевина', 'внутренность', *общ. р.* при

[1] Сомнения Бенвениста вызваны, прежде всего, формальным отличием ***k̂[h]ret'-** в ***k̂[h]ret'-d[h]eH-** от основы ***k̂[h]er-t'-** 'сердце': греч. κῆρ, гом. κραδίη, арм. sirt, лат. cor, *род. п.* cordis, др.-ирл. cride, гот. hairtō, др.-в.-нем. herza (нем. Herz), др.-англ. heorte 'сердце' (англ. heart), лит. širdis 'сердце, сердцевина', ст.-слав. *srŭdĭce* 'сердце' (ср. *Szemerényi 1970a*) при др.-инд. *hṛ́d-* 'сердце', авест. *zərəd-* 'сердце'. При этом в древнеиндийском и среднеиранском слово др.-инд. śrad-, пехл. srāδ- означало 'залог', 'доверие'. Но само это значение следует считать производным от значения 'верить, уповать, доверять', выражаемого данным словосочетанием, но не наоборот. Ср. значение лат. crē-

ker, род. п. kardiaš 'сердце', *ср.р.*) : *nu-uš-ma-aš* DINGIR^{DIDLI}*-eš ta-ma-i-in ka-ra-a-ta-an da-i-ir* (KBo XXII 2 I 16) "и им боги другую сердцевину вложили". В словосложении ***k^{h}ret'-d^{h}eH-** древнее индоевропейское слово для 'сердца' выступает в Состоянии II: ***k^{h}r-et'-** (активный класс) при Состоянии I : ***k^{h}er-t'-** (инактивный класс) 'сердце' как орган;

И.-е. ***sak^{h}-** 'священный', 'освящать'; 'обряд': хет. *šaklai-* 'обряд', 'ритуал', 'священный обычай'[1], лат. *sacer, ср. р. sacrum* 'священный', 'святой', 'внушающий благоговейное уважение' (ср. *sacra publica* 'общественные обряды', 'священные праздники', *sacra gentilitia* 'родовые священные обряды'). В латинском с этим словом связан целый ряд производных— форма с назальным инфиксом *sanctus* 'святой'[2], *sanciō* 'освящаю', 'учреждаю'; словосложения *sacerdōs, род. п. sacerdōtis* 'жрец', 'жрица' и *sacrificāre* 'совершать жертвоприношение' (из древних сочетаний *sacr-* с ***d^{h}eH-** 'класть').

И.-е. ***eisHro-** 'наделенный священной силой', 'священный': др.-инд. *iṣirá-* 'мощный', 'могущественный' (по отношению к мифологическим существам), греч. дор. ἰαρός, аттич. ἱερός 'священный', 'сильный', 'подвижный'.

Признание общеиндоевропейского характера слова зависит в большой степени от трактовки его возможной связи с италийскими формами: оск. *aisusis* 'sacrificiis', умбр. *esono-* 'sacer', 'sacrificalis', вольск. *esaristrom* 'sacrificium', ср., однако, этрус. *aisuna, aisna, eisna* 'божественный'; в случае связи италийских форм с этрусским ***ais-** 'бог' вопрос о соотнесении их с индоевропейскими (греческой, древнеиндийской) отпадает (ср. *Benveniste 1969, II : 197*), что сделало бы сомнительным общеиндоевропейский характер этого слова и превратило бы его в греческо-индо-иранскую ареальную изоглоссу.

К ареальным лексическим изоглоссам в значении 'священный', 'наделенный священной силой' могут относиться также авест. *spənta-* 'священный', лит. *šveñtas* 'священный', прус. *swent-* (в сложных именах), латыш. *svinêt* 'освящать', 'праздновать', ст.-слав. *svętŭ* 'святой', рус. *святой* (и.-е. ***k^{h}uen-t^{h}o-**, ср. также выше, стр. 102$_1$). Это слово рифмуется с ареальным и.-е. ***suent^{h}o-** 'крепкий', 'здоровый', реконструируемым на основании германских форм : гот. *swinþs* 'крепкий', 'здоровый', др.-исл. *svinnr* 'мощный', 'мудрый', др.-англ. *swiđ* 'крепкий', др.-в.-нем. *gisunt* 'здоровый' (нем. *gesund*), др.-англ. *gesund* (ср. англ. *sound* 'здоровый'). Рифмованность, но не тождественность, индоевропейских ареальных образований ***k^{h}uen-t^{h}o-//*suent^{h}o-** устанавливается (вопреки Уоткинсу,

ditum 'ссуда, долг, кредит' как производное от crēdō 'верю, доверяю' и др. При этом следует отметить, что 'сердце' часто выступает в различных языках в словосочетаниях, выражающих расположение к чему-либо, доверие к кому-либо и др., ср. рус. *сердце лежит к чему-либо, доверять всем сердцем*, др.-рус. *вложити в(ъ) сердце* и др.

[1] Ср. в гимне Богу Солнца KUB XXXI 127 I 16—17: ud-ni-ia-an-da-an ša-ak-la-in iš-hi-ú-ul zi-ik-pát ha-an-te-iš-ki "стран обряд, договор ты именно учреждаешь".

[2] Ср. Sanctum est quod ab iniuria hominum defensum atque munitum est "священно то, что защищено и ограждено от несправедливости людей" (ср. *Benveniste 1969, II: 189*).

Watkins 1971 : 1502) на основании литовской формы *šveñtas*, которая предполагает начальное **k̂[h]u̯-*, но не **su̯-*.

И.-е. **aiu̯-* 'жизненная сила', 'вечность', 'продолжительность жизни': др.-инд. *āyu-* 'жизненная сила' при прилагательном *āyú-* 'подвижный', 'сильный', авест. *āyū* 'продолжительность жизни', греч. гом. αἰεί 'всегда', 'постоянно', αἰών 'жизненная сила', 'продолжительность жизни', лат. *aeuus*, *aeuum* 'время жизни', 'век', 'вечность', *aetās* 'время жизни', *aeternus* 'вечный', гот. *aiws* 'время', 'вечность', 'мир', др.-в.-нем. *ēwig* 'вечный' (нем. *ewig*). И.-е. слово *aiu̯-*, судя по семантике его производных в отдельных исторических индоевропейских диалектах (в особенности индоирано-греческом), выражало понятие некоторой циклической жизненной силы, которая переходила от одной жизни к другой и с которой была связана идея 'вечности', ср. *Benveniste 1937*. Вместе с тем от этой же основы образовывалось индоевропейское название 'юноши', 'самого юного': лат. *iouiste* (религиозный эпитет, ср. *iuuenis* 'молодой', 'полный сил'), др.-инд. *yáviṣṭha-* 'самый молодой' (*Watkins 1975i*).

И.-е. **H̥ner-(t[h])-* 'жизненная сила', 'мужская сила': хет. *innarauatar* 'жизненная сила', 'высшая сила', *innarauant-* 'сильный', лув. *annarummi-* 'сильный', *annarummaḫit-* 'жизненная сила' (≈ хет. *innarauatar*), др.-инд. *nár-* 'мужчина', 'человек', авест. *nar-*; др.-инд. *sūnára-* 'полный жизненной силы', 'юношеский', авест. *hunara-* 'чудесная сила', др.-инд. *nṛtú-* 'герой', *sūnṛ́tā* 'жизненная сила' (ср. др.-ирл. *so-nirt* 'сильный', валл. *hy-nerth* 'сильный'), осет. *Nart-* 'нарт' (см. выше, стр. 190); древнегерманское божество *Nerthus* (*Polomé 1954*; *1970 : 57—58*), арм. *ayr*, *род. п. aṙn* 'человек', 'мужчина', греч. ἀνήρ 'мужчина', гом. ἠνορέη 'мужественность', алб. *njerí* 'человек', 'мужчина', лат. *neriōsus* 'сильный', валл. *ner* 'герой', *nerth* 'мужественность', др.-ирл. *nert* 'мужественность'.

В анатолийском индоевропейское **H̥ner-(t[h])-*, связывавшееся преимущественно с чудодейственной мужской силой, приобретает значение 'жизненной силы' вообще, вытесняя тем самым в этом значении индоевропейское **aiu̯-*, которое не отражено в анатолийском и заменено производным от **H̥ner-* в расширенном значении. Наличие обеих этих лексем в общеиндоевропейском со специфической метафизической семантикой достоверно устанавливается сопоставлением этих слов в исторических индоевропейских диалектах. При этом **aiu̯-* означало, по-видимому, 'юношескую жизненную силу' при **H̥ner-(t[h])-* — обозначении 'мужской силы', 'зрелости'.

1.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ

И.-е. **aru-* 'молиться, возносить молитву': хет. *aruauaizzi* 'молится', 'склоняется', греч. гом. ἀράομαι 'молюсь', 'возношу мольбу', ἀρή 'мольба', 'проклятие' (из **ἀρϜᾱ*), ср. умбр. *arves* 'precibus' (*Gusmani 1968 : 63—64*);

И.-е. **or-* 'молить, запрашивать богов': хет. *ariia-* 'устанавливать с помощью оракула' (*Kammenhuber 1976*), др.-инд. *áryati* 'восхваляет', лат.

ōrāre (*deōs*) 'молиться богам', 'просить', 'говорить', *ōrāculum* 'оракул' (первоначально: 'место, где обращались к божеству', *Benveniste 1948a: 120*), оск. *urust* 'ōrāverit', рус. *орать*, сербо-хорв. *òriti se* 'отдаваться' (о звуке);

И.-е. ***muk**'- 'молиться', 'произносить молитвенные слова': хет. *mugai-* 'молиться', *mugaṷar* 'молитва', умбр. *muga-* 'шептать', 'произносить тихим голосом' (*Gusmani 1968: 64*), ср. лат. *con-mūgentō* 'convocantō', 'созываю', 'призываю', *mūgiō* 'мычу' (ср. выше значение рус. *орать* при лат. *ōrāre* 'молиться', хет. *ariia-* 'устанавливать с помощью оракула');

И.-е. ***meld**$^{[h]}$- 'молиться, совершая жертву', 'возносить молитвенные слова богам': хет. *maldai-* 'молиться', 'обращаться к богам с торжественным обещанием принести жертву', арм. *malt'em* 'молюсь', лит. *meldžiù* 'молюсь', ст.-слав. *moliti* 'молиться', др.-рус. *молить* 'молить, принося жертву', др.-в.-нем. *meldōn* 'сообщать', 'доносить' (нем. *melden*), др.-англ. *meld* 'ознакомление', ср. *Benveniste 1932b*;[1]

И.-е. ***Heu̯g**$^{[h]o}$-/***Hu̯eg**$^{[h]o}$- 'торжественно восхвалять, принося жертву', 'возносить молитву': др.-инд. *vāghát-* 'молящийся, приносящий жертву', 'устроитель жертвоприношений', авест. *aog-* (*aogədā*, *aoxta*) 'торжественно объявлять', 'произносить', греч. εὔχομαι 'молюсь', 'торжественно обещаю', 'даю обет', εὐχή 'мольба', 'молитва', 'обет', лат. *uouēō* 'торжественно обещаю', 'даю обет', 'жертвую', *uōtum* 'жертва', 'обет'. С этой группой слов следует увязать, по всей видимости, хет. *ḫu̯ek-/ḫuk-* 'заклинать', 'произносить заклинание' (*3 л. ед. ч. ḫu̯ekzi*, *3 л. мн. ч. ḫukanzi*). Формально — это слово, восходящее к основе в состоянии II ***Hu̯eg**$^{[h]o}$- (хет. *ḫu̯ek-*), с нулевой огласовкой суффикса в форме ***Hu-g**$^{[h]o}$- (хет. *ḫuk-*);[2] к нулевой ступени ср. арм. *uzem* 'я хочу', *y-uzem* 'ищу'.

Такая этимология хеттского слова дает основание объединить его с хет. *ḫu̯ek-/ḫuk-* в значении 'закалывать', 'расчленять'. Объединение этих слов как разных семантических вариантов одного и того же слова оправдано семантикой исходного индоевропейского слова с предполагаемым значением 'восхвалять', 'возносить молитву с жертвоприношениями'. В хеттском следует допустить определенный сдвиг значения: 'восхвалять', 'возносить молитву' ⇒ 'заклинать', что и могло повлечь за собой семантическое расщепление и обособление слова *ḫu̯ek-/ḫuk-* в значении 'закалывать' (первоначально, очевидно, 'закалывать жертвенное животное');[3]

[1] *Семереньи* возводит это слово к корню ***mel-** 'говорить, произносить' (хет. malai- 'одобрять', греч. *μέλος* 'песня', *Szemerényi 1954*).

[2] Предлагаемая Стертевантом связь хет. ḫu̯ek- с лат. uōx 'голос', др.-инд. *vák* (и.-е. ***Hu̯ek**$^{[h]o}$-), см. *Sturtevant 1933 : 80*, наталкивается как на семантические трудности, так и на формальные (отсутствие удвоения *-kk-* в хеттских формах). Отсутствие конечного *-u̯-* в хеттском слове, ожидаемого в качестве рефлекса конечного индоевропейского ***-g**$^{[h]o}$- (хет. ḫu̯ek- вместо ожидаемого *ḫu̯eku̯-), можно было бы объяснить его диссимилятивной утерей (как, впрочем, и при допущении связи этого слова с и.-е. ***u̯ek**$^{[h]o}$-).

[3] В отличие от рассмотренного выше слова, общеиндоевропейский характер которого удостоверяется окончательно при принятии связи его с соответствующими хеттскими

И.-е. *k̂[h]ens- 'торжественно провозгласить', 'предписать', 'объявлять': др.-инд. *śáṁsati* 'восхваляет', 'провозглашает', *śáṁsa-* 'восхваление', 'хвала', 'хвалебная молитва', 'благословение'; 'проклятие', авест. *sāṇghaite* 'торжественно произносит', др.-перс. *θātiy* 'говорит', 'провозглашает' (ср. в надписях Ахеменидов: *θātiy Dārayavauš* 'так говорит Дарий', *aθaha* 'предписал', ср. *Benveniste 1969, II : 147*), алб. *thom* 'говорю', лат. *cēnseō* 'сужу', 'оцениваю', 'определяю', 'полагаю' (ср. лат. *cēnsor* 'цензор', 'магистрат', оск. *kenzsur, keenzstur* 'цензор', др.-инд. *śaṁstar-* 'тот, кто торжественно провозглашает'). К этой группе слов можно отнести греч. κόσμος 'порядок мира', 'построение' (ср. *Watkins 1971 : 1522—1524*).

И.-е. *naH- 'бояться', 'почитать' (богов), 'стыдиться': хет. *naḫ-* 'бояться', 'почитать', 'благоговеть', *naḫḫan* 'почтение', 'благоговение'[1], *naḫḫant-* 'боязливый', 'осторожный'[2], *naḫšariya-* 'бояться', *naḫšaratt-* 'страх', 'благоговение', др.-ирл. *nár* (из **nā-sro-*) 'боязливый', 'застенчивый', *náire* 'стыд'. Общеиндоевропейский характер корня удостоверяется формальным соответствием между анатолийским и кельтским. Первичность анатолийской семантики по сравнению с кельтской можно вывести по общетипологическим семантическим соображениям: 'боязливый', 'благоговейный', 'почтительный'⇒'стыдливый', но не наоборот.

К этой же группе слов общеиндоевропейского происхождения, связанных с почитанием бога и с жертвоприношениями богам, относится целый ряд других лексических образований, рассмотренных выше в связи с терминологией, отражающей жертвенные подношения ('жертвенные животные', 'еда', 'напитки', см. выше, стр. 701 и след.).

И.-е. *k̂'en-/*k̂'n- (в активной или медиальной форме с суффиксом и превербом) 'признавать', 'опознать'; 'признаваться', 'сознавать вину, грехи': хет. *kaneš-* 'признать', 'опознать'; 'сознавать вину, грехи' (ср. *nu-mu ǥašdul-mit teddu n-e-z-an kaneš-mi* "пусть он [т. е. мой бог] назовет мои грехи и я их признаю"); вед. *prati-jñā-* 'признавать', 'сознаваться'; греч. συγγιγνώσκω 'осознаю' (σύγγνωθί μοι 'дай мне осознать'), лат. *agnōs-*

формами, выделяется несколько слов с аналогичной семантикой, ограниченных отдельными диалектными общностями (в основном, греческо-арийским и "древнеевропейским" диалектными объединениями): др.-инд. *yájati* 'чтит молитвой и жертвоприношениями', *ijyá* 'жертва', *yajñá-* 'почитание богов', 'жертва', авест. *yazaite* 'чтит' (ср. *yazamaide* 'мы чтим' как начальную формулу авестийских гимнов и молитв, *Thieme 1968 e : 204 и след.*), *yasna-* 'почитание богов', 'жертва' (название части "Авесты"), греч. ἄζομαι 'страшусь' (богов), ἅγιος 'святой, священный', и.-е. **yak-* (греко-арийское диалектное слово); лат. *uictima* 'жертвенное животное, жертва', гот. *weihs* 'священный', др.-в.-нем. *wīh, wīhi* 'священный' (ср. ср.-в.-нем. *wīhen nahten*, откуда нем. *Weihnachten* 'праздник рождества'), др.-англ. *wēoh, wīg* 'образ бога' (и.-е. **ueik*[h]-, итало-германская лексическая изоглосса в ритуальном значении); лат. *faueō* 'благоговейно безмолвствую, молчу, благоволю', ст.-слав. *govějǫ* 'чту, преклоняюсь' (в религиозном смысле), ср. рус. *говеть* (и.-е. *gʷ[h]ou̯-, итало-славянская лексическая изоглосса в ритуальном значении).

[1] Ср. в "Автобиографии Хаттусили": *A.NA* DIŠTAR GAŠAN.*IA naḫḫan ešdu* "да будет благоговение по отношению к Иштар, моей госпоже".

[2] Ср. в "Наставлении служителям храма": mekki naḫḫanteš eštin "(по отношению к огню) будьте очень осторожны".

cō (<*ad-*+-gnō-*) 'признавать', 'сознаваться', др.-англ. *oncnāwan* 'признавать', лит. (*pri*)*pažìnti* 'признавать', латыш. *pazīt* 'узнать', *atzīt* 'признать (свои ошибки)', ст.-слав. *sŭznati* (*sę*) 'сознаться', рус. *сознавать(ся)*, алб. *njoh* 'знать, узнавать', 'признавать (права)', см. *Watkins 1978*.

1.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБРЯДОВ ГАДАНИЯ

Общеиндоевропейскую ритуальную терминологию предсказаний отражают слова, связанные с обрядами гаданий:

И.-е. **sāk'*- 'узнавать по приметам', 'спрашивать (волю богов)': хет. *šagai-* 'предзнаменование', 'знак', *šakiia-* 'открывать (посредством оракула)', лат. *sāgus* 'вещий', *sāga* 'предвещательница', *praesagium* 'предзнаменование' (ср. *Kammenhuber 1976 : 196*), др.-ирл. *saigim* 'допытываюсь', 'ищу', гот. *sōkjan* 'искать', 'обсуждать', др.-англ. *sæcan* (англ. *seek*), др.-в.-нем. *suohhen* (нем. *suchen*) 'искать', ср. греч. ἡγέομαι 'веду', 'предводительствую'. Первичное ритуальное значение индоевропейского слова проявляется в хеттском и латинском — в двух древних традициях, где практика испрашивания воли богов и гадания сохраняется вплоть до исторического времени. В германском слово приобретает уже общее значение 'расспрашивание, допытывание', превращаясь отчасти в юридический термин: ср. др.-исл. *sǫk* 'судебное дело', др.-англ. *sacu* 'судебное разбирательство', 'судебное дело' (англ. *sake*), др.-в.-нем. *sahha* 'судебное дело' (нем. *Sache*) и др. Особый путь семантического преобразования должно было пройти греч. ἡγέομαι, приобретшее значение 'предводительства';

И.-е. **Hō-* 'считать истинным', 'верить в предзнаменование': хет. *ḫa-* (*1 л. ед. ч. ḫami*) 'верить', 'считать истинным', 'верным', лат. *ōmen* 'знак', 'предзнаменование', 'торжественный обычай', 'обряд, сопряженный с наблюдением примет' (ср. лат. *ōmen ... accipere* 'принимать за истинное', *Benveniste 1962a : 11*). Хетто-италийское лексическое соответствие дает основание по схеме диалектного членения постулировать данное слово в сходном значении для общеиндоевропейского.

1.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ РИТУАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Общеиндоевропейская правовая терминология смыкается с обрядовой терминологией, что указывает на невычлененность правового института из ритуально-обрядовых представлений, которыми и определялись правовые нормы древних индоевропейцев. Правовые нормы этого общества — это часть целой системы ритуальных установлений, контролируемых "жречеством", которое объединяло в себе все функции духовной деятельности и регулирования основных социальных норм:

И.-е. **ieuo-* 'установление', 'ритуальное правило', 'ритуальная норма': др.-инд. *yóḥ* 'здравие, благополучие' (в сочетании *śáṁ yóḥ* 'счастье и здоровье'), авест. *yaoždā-* 'сделать соответствующим культовой норме' (из **yaoš*+**dā-* 'класть'), *yaoždāti-* 'ритуальное очищение' (*Benveniste 1969, II : 113*); ст.-лат. *ious* (лат. *iūs, род. п. iūris*) 'право', 'система правил',

'власть', *iūstus* (ст.-лат. *iouestōd*) 'справедливый', 'законный', 'сообразный с законом', *iūrō* 'произношу клятву', др.-ирл. *huisse* 'справедливый', 'законный' (из **ius-tios*, *Pokorny 1959 : 512*). Обнаружение соответствий в арийско-итало-кельтском позволяет считать данное слово с ритуально-правовой семантикой общеиндоевропейским по происхождению;

И.-е. ***t'eik**$^{[h]}$- 'предначертание', 'указание', 'направление', 'закон': хет. *tekkuššai-* 'указывать', 'представлять' (*ištarna tekkuššai-* 'среди [других] выделить', 'отметить', 'узаконить'), *tekkuššanu-* 'указывать', 'обнаружить', 'представить' (*Friedrich 1930, 2 : 220*), др.-инд. *diśáti* 'показывает', 'указывает', *diṣṭi-ḥ* 'указание', 'предписание', *diśā* 'направление', греч. δείκνῦμι 'показываю', 'указываю' (ср. хет. *tekkušša-nu-*), δίκη 'право', 'знак', 'знамение' (бога) (ср. *Palmer 1950 : 158*), δικασ-πόλος 'творящий суд', 'судья', δίκαιος 'справедливый', 'приличествующий', лат. *dīcāre* 'торжественно возвещать', 'посвящать', 'освящать', 'жертвовать'[1], *iūdex* 'судья'[2], гот. *ga-teihan* 'показывать', 'объявлять' (ср. *taikns* 'знак', 'знамение', 'чудо', др.-в.-нем. *zeihhan* 'знак', нем. *Zeichen*, др.-англ. *tǣcan* 'учить', (англ. *teach*)[3], др.-в.-нем. *zeigōn* 'указывать' (нем. *zeigen*);

И.-е. ***leik'**- 'связывать', 'давать обязательство', 'клясться', 'связывать обязательством': хет. *lingai-*, *lingan* 'клятва': *linkiaš* DINGIR^{MEŠ} 'боги клятвы', *linkiianteš* 'боги клятвы' (*Oettinger 1976 : 41*); лат. *ligō* 'связываю', 'соединяю', *obligatiō* 'долг', *alligō* 'привязываю', 'закрепляю', 'обязую' (*lex alligat* 'закон обязывает', *caput suum alligāre* 'поручиться своей головой' и др.), ср. *Gusmani 1968 : 64*. Из форм других диалектов ср. греч. λοιγωντίαν 'φρατρίαν' (*Гесихий*), лит. *laigōnas* 'брат жены', укр. *полигатися* 'сойтись, связаться с кем-либо';

И.-е. ***mḫr-/n-(t**$^{[h]}$)- 'рука', 'власть'; 'отдавать во власть', 'править': хет. *maniiaḫḫ-* 'вручать', 'передавать (власть)', 'править', *maniiaḫḫai-* 'правление', 'власть'[4], ср. ^{LÚ}*maniiaḫḫatalla-* 'правитель', 'наместник', лат. *manus* 'рука', 'власть', *aliquid in manu alicuius ponere* 'что-либо во власть чью-либо предоставить', *manus viri* 'власть мужа по отношению к жене' (ср. *in manum autem feminae tantum conveniunt* "во власть — *manum* — только женщины переходят", ср. *Watkins 1970a : 325*), *mandō* 'вручаю', 'передаю' (из **manu-* + **dʰē-*, к семантике ср. хет. *maniiaḫḫ-*), умбр. *manuv-e* 'in manu', ср.-ирл. *montar*, *muinter* 'законная жена', др.-исл. *mund*

[1] В латинских значениях слова все еще проглядывает связь с первичной ритуально-религиозной семантикой.

[2] Словосложение из **ieu-i-* + **deik-* в значении 'указывающий закон, предписания'.

[3] Указанные германские формы показывают рефлекс индоевропейской фонемы **k*$^{[h]}$, не перешедшей в соответствующий спирант ввиду отражения в них непридыхательного аллофона фонемы, см. выше, стр. 28 и след.

[4] Ср. в арханческом ритуале KUB XXIV 1 I 17—18, 23—24: LUGAL-i-ma-mu DINGIR^{MEŠ} ^{D}UTU-uš ^{D}IŠKUR-aš-ša ut-ne-e É-ir-mi-it-ta ma-ni-ia-aḫ-ḫi-ir... LUGAL-ú-e-mu ma-ni-ia-aḫ-ḫa-en ^{GIŠ}ḫu-lu-ga-an-ni-en ^{GIŠ}DAG-iz a-ru-na-za ú-da-aš "мне же, царю, боги Солнца и Грозы страну и дом свой во власть передали...Мне, царю, власть (царскую), повозку (Бог) Престола из-за моря принес".

ж. р. 'рука', *mundr*, *м. р.* 'брачный выкуп за невесту и приобретенная мужем по выкупу власть опекуна', др.-англ. *mund* 'рука', 'защита, охрана', др.-в.-нем. *foramundo* 'опекун' (нем. *Vormund*, ср. нем. *mündig* 'совершеннолетний', *Paul 1956, II : 710*); ср. греч. μάρη 'рука' (по толкователям *Гомера* то же, что χείρ), ср. гом. μάρπτω 'хватать, держать'.

Индоевропейская праформа восстанавливается, таким образом, в значении 'рука' как 'символ власти', что и отражено в анатолийском, в итало-кельтском и германском. В ряде диалектов слово сохраняет еще значение собственно 'руки' (италийский, отчасти греческий). Это индоевропейское слово в значении 'рука как символ власти' противостояло лексеме ***ĝ$^{[h]}$es-r̥-/*ĝ$^{[h]}$es-t$^{[h]}$o-** в значении 'рука как часть тела'. В исторических индоевропейских диалектах происходит перераспределение значений этих форм и закрепление за одной из них специфического значения: в анатолийском в значении 'рука как часть тела' продолжает функционировать основа ***ĝ$^{[h]}$es-r̥-** (ср. также греч. χείρ, см. выше, стр. 785), тогда как другая основа ***mḫr-/n-** сохраняется лишь в производных образованиях в переносном значении 'власть', 'правление' (в греческом реликтовом слове μάρη также в значении 'рука'). В италийском вытесняется основа ***ĝ$^{[h]}$es-r̥-**, и другая основа ***mḫr-/n-** становится основным названием 'руки' как части тела при сохранении символического значения 'власти', 'правления';

И.-е. ***serk$^{[h]}$-** 'возмещать причиненный убыток': хет. *šarnink-* 'возмещать убыток' (за кражу, повреждение), 'искупать вину (перед богом)', *šarnikzel* 'возмещение', 'искупление вины'[1]/лат. *sarciō* 'возмещаю (ущерб)' (ср. в архаических юридических контекстах *noxiam sarcire* 'возместить ущерб', см. об этом *Watkins 1970a : 329*); ср. относящееся этимологически к этому же корню греч. гом. ὅρκος 'клятва', ὅρκιον 'клятва, присяга', 'жертва при клятвах'.

1.6. ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РИТУАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ТЕРМИНОВ ПО ДИАЛЕКТНЫМ АРЕАЛАМ

При сопоставлении индоевропейских терминов, относящихся к ритуально-правовой сфере, обращает на себя внимание их диалектное распределение. Основные термины этого круга, а также общеиндоевропейские слова, употребляемые в специальном ритуально-правовом терминологическом значении, ограничены, как правило, анатолийским и италийским: ср. и.-е. формы ***sak$^{[h]}$-** 'священный', ***or-** 'запрашивать богов', ***muk'-** 'молиться', ***sāk'-** 'узнавать (волю богов)', ***Ho-** 'считать истинным', ***leiḫ'-** 'связывать обязательством', ***serk$^{[h]}$-** 'возмещать (убыток)', ср. также общее для кельтского и анатолийского ***naH-** 'бояться', 'почитать'.

[1] Ср. в хеттских "Молитвах Мурсили во время чумы", KUB XIV 14 Rs. 19—20: am-mu-uk-[m]a šu-ma-a-aš *A.NA* DINGIR^{MEŠ} EN^{MEŠ}.*I*[*A*] šar-ni-ik-zi-el maš-kán-na KUR-e... še-ir šar-ni-in-ki-iš-ki-mi "я же вам, богам, господам моим, искупление и дары ради страны принесу" (буквально: "искупление искуплю"). В "Хеттских законах" слово употребляется и в связи с возмещением за кражу, хет. *taia-* 'воровать' (об индоевропейских терминах, относящихся к 'краже' и 'имуществу', см. выше, стр. 748).

Такую диалектную ограниченность этих слов анатолийским и италийским можно было бы объяснить утерей соответствующих слов в других индоевропейских диалектах (или утерей соответствующего терминологического значения при сохранении лексемы).[1] В таком случае подобные слова со специальной ритуально-правовой семантикой следует постулировать на общеиндоевропейском языковом уровне.[2] С другой стороны, не исключено, что в случае некоторых из этих слов мы имеем дело с древнейшей анатолийско-италийской (и кельтской) лексической изоглоссой, ареально ограниченной в пределах общеиндоевропейского языка (см. выше схему диалектного членения общеиндоевропейского языка). В таком случае следовало бы говорить в отношении подобных слов не об общеиндоевропейских терминах в ритуально-правовом значении, а о лексемах, характерных для древнейшего анатолийско-кельто-италийского ареала в пределах общеиндоевропейского языка. В пользу такого предположения свидетельствуют как будто слова общеиндоевропейского происхождения, которые приобретают специальное ритуально-правовое терминологическое значение только лишь в анатолийско-италийском ареале и соответственно представлены в этом значении только в анатолийских и италийских языках.

Ср. в этом отношении такое показательное индоевропейское слово, как *ǵer- 'смотреть', 'обращать внимание', 'быть осторожным':

Греч. δρομαι 'смотрю за чем-либо', δρει · φυλάσσει (*Гесихий*) 'охраняет', гом. οὖρος 'стражник', δράω 'вижу', гот. *war(s)* 'осторожный', др.-англ. *wær* 'осторожный', 'внимательный' (англ. *ware*), др.-в.-нем. *giwar* 'осторожный', 'внимательный', *biwarōn* 'охранять' (нем. *bewahren*); гот. *daúrawards* 'привратник' (ср. нем. *Torwart*), др.-в.-нем. *wart* 'стражник', *wartēn* 'обращать внимание', 'ожидать' (нем. *warten*), латыш. *vêru* 'смотрю', 'замечаю'.

[1] К таким словам этого же семантического поля можно отнести и и.-е. **Has-* 'ритуальный очаг', 'алтарь' (хет. ḫašša-, лат. āra, ср. выше, стр. 699—700), при отражении в древнеиндийском этого слова в преобразованном значении: др.-инд. ásа- 'пепел', ср. также др.-исл. arinn 'возвышенное место для разведения огня'), а также и.-е. **spʰ(e)lont-* 'совершать жертвенное возлияние, приносить жертву' (хет. šipant-, лат. spondeō, греч. σπένδω, см. выше; слово утрачено в других индоевропейских диалектах).
К подобным же диалектно ограниченным ритуальным терминам, представленным в анатолийском и в одном из западных диалектов (в данном случае германском), относятся следующие формы: хет. *talliia-* 'торжественно взывать к богу с просьбой о помощи': др.-исл. *þulr* 'устный исполнитель священной обрядовой речи'; хет. alŋanza- 'заклинание': рун. др.-сев. *alu* 'магическое (заклинание)' и др., см. *Polomé 1975*.

[2] Аналогичные проблемы встают и в связи с другими ритуально-правовыми терминами, связанными с иными диалектными ареалами, признание общеиндоевропейского характера которых зависит от обнаружения соответствий за пределами конкретных ареалов, составлявших историческое диалектное единство. Так, например, связь таких правовых терминов, как ирл. dligim 'заслуживаю', dligeð 'долг', гот. dulgs 'долг', ст.-слав. dlŭgŭ 'долг', дает основание считать их отражением общего кельто-германо-славянского термина в подобном значении; однако возможность этимологического соотнесения их с индо-иранским ритуально-правовым термином (иран. *drang- 'виновность, ответственность' и др., ср. *Периханян 1973: 469—474*) переносит слово в эпоху индоевропейской общности.

В хеттском и латинском (следовательно, уже в анатолийско-италийском диалектном ареале) слово приобретает специальное значение 'бояться' (в ритуальном смысле: хет. *ụerite-* 'бояться', 'трепетать'[1], *ụeritema-* 'страх', 'боязнь'[2], лат. *uerēri* 'почитать', 'бояться', 'преклоняться', ср. др.-ирл. *có(a)ir* 'подходящий', 'правильный', что может отражать специальное ритуально-юридическое значение).

1.7. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «КРОВНОЙ МЕСТИ»

В индоевропейском можно выделить и такие соотносимые друг с другом слова с ритуально-правовой семантикой явного общеиндоевропейского происхождения, которые, будучи представлены почти во всех древних индоевропейских диалектах, не обнаруживаются в анатолийском и италийском. К ним относится, в первую очередь, индоевропейское *$k^{(h)}$e/oi̯-(nā-) 'наказывать', 'возмещать', 'платить цену', 'мстить': др.-инд. *cáyate* 'мстит', *cetár-* 'мститель', *ápa-citi-* 'возмездие' (ср. греч. ἀπότισις 'плата', 'месть'), авест. *kāy-* 'платить', 'возместить', *kaēnā-* 'искупление', 'наказание, возмездие', греч. гом. τίνω 'плачу', 'возмещаю', 'наказываю', 'мщу', τίσις 'плата', 'кара', 'мщение', 'искупление', ποινή 'возмездие', 'месть', 'кровная месть', 'плата за чье-либо убийство', лит. *káina* 'цена', 'плата' (в том числе за 'невесту'), ст.-слав. *cěna* 'цена', 'плата' (ср. авест. *kaēnā-*, греч. ποινή, лит. *káina*), *kają* (*sę*) 'каюсь'.

Семантическое сопоставление этой группы соотносимых друг с другом индоевропейских лексических образований позволяет судить о недифференцированности для индоевропейского понятия 'платы', 'возмещения' в ритуально-правовом смысле. Кровная месть считается таким же возмещением (платой за кровь), как и возмещение за убыток или плата за невесту.

В анатолийском такое слитное обозначение 'возмещения вообще' дифференцируется на разные категории, выражаемые особыми терминами. 'Плата за кровь' обозначается описательным выражением *ešḫar šanḫ-* 'жаждать крови' (о богах, то есть 'требовать совершения человеком кровной мести': ср. в тексте Телепину: DINGIR^{MEŠ} *ešḫar šanḫir* "боги жаждали крови"). 'Плата за невесту' выражается особым термином *kušata-*, 'возмещение за убыток и причиненный вред' — древним словом *šarnikzel*, а 'плата', 'цена предмета' — также архаическим термином *ḫappar* (см. выше, стр. 746).

В италийской традиции древний индоевропейский термин *$k^{(h)}$ei̯-(nā) в общем значении 'платы', 'возмещения', 'мщения' был вытеснен, по-видимому, сформировавшейся в латинском развернутой системой юридичес-

[1] Ср. в тексте предсказаний KUB VIII 1 II 4: ta-me-ta ú-e-ri-ti-iz-[zi] "в другом месте он будет трепетать".

[2] Ср. в среднехеттском гимне Солнцу KUB XXXI 127 I 59—60: ZAG-az-te-it na-aḫ-ša-ra-at-eš ḫu-i-ia-an-te-eš GÙB-la-az-ma-at-ta ú-e-<ri>-te-ma-aš ḫu-i-ia-an-te-eš "справа от тебя ужасы несущиеся, слева от тебя — страхи несущиеся".

кой терминологии, относящейся к дифференцированной системе возмещения ущерба, платы и искупления вины.[1]

1.8. РИТУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМУЛЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ КОРНИ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ

Кроме рассмотренных выше специальных лексем с ритуально-правовой семантикой для общеиндоевропейского можно реконструировать целые обороты-формулы ритуально-правового характера, выраженные производными от корней с общим значением типа ***es-** 'быть', ***d$^{[h]}$eH-** 'класть' и др.:

И.-е. ***s(o)nt$^{[h]}$-** (партиципиальная форма от ***es-** 'быть') 'истинный', 'действительно совершивший' ⇒ 'виновный': хет. *ašant-* 'правильный', 'истинный', др.-инд. *sánt-*, *sát-* 'истинный', 'сущий', *satyá-* (***sn̥t$^{[h]}$i̯o-**) 'истина', авест. *haiθya-* 'истинный', 'верный', *hant-*, *hat-* 'истинный', греч. τὰ ὄντα 'истина', 'действительность', 'имущество', лат. *sōns* 'виновный' (*Watkins 1967a*), герм. ***sanþa-** 'истинный': др.-в.-нем. *sand*, др.-сакс. *sōð* 'истинный', 'тот, чья вина несомненна', др.-англ. *sōð* 'истинный' (англ. *sooth*); гот. *sunja* 'истина' (из ***sunðja-z**), др.-англ. *synn* 'грех' (англ. *sin*), *Watkins 1971 : 1515*;

И.-е. ***d$^{[h]}$eH-m-** (производное от ***d$^{[h]}$eH-** 'ставить, класть') 'относящийся к ритуально-правовому установлению': др.-инд. *dhā́man-* 'священный закон, обычай', греч. гом. *ἀνά-θημα* 'ритуал' ('пение и пляски во время пира'), 'священный дар', θέμις 'закон', 'приговор', 'права' (ср. выражение ἢ θέμις ἐστίν 'как положено'), Θέμις 'Фемида', 'богиня правосудия', гот. *dōms* 'приговор', 'слава', *dōmjan* 'приговаривать' (аблаутная ступень *ō*), др.-англ. *dōm* 'приговор', 'суд' (англ. *doom*), др.-в.-нем. *tuom* 'приговор', 'обычай'. Сама первичная основа ***d$^{[h]}$eH-** имеет также ритуально-правовую семантику в ряде словосочетаний типа ***k$^{[h]}$ret'-d$^{[h]}$eH-**, ***i̯eu̯(o)-d$^{[h]}$eH-** (см. выше, стр. 800, 805); ср. также фразеологические обороты ритуального содержания типа хет. *ŠAPAL NÍŠ* DINGIR^{MEŠ} *dai-* 'положить под клятву богов'; др.-инд. *nāmadhá-* 'имен установитель' (от *nā́ma-*+*dhā-* 'имя установить'), греч. ὀνομαθέτης 'установитель имен', хет. *laman te-* 'имя нарицать' и др.;

И.-е. ***ar-(t$^{[h]}$o-)** 'подходить', 'соответствовать', 'соединять'; в ритуально-правовом смысле 'приличествовать', 'соответствовать установлению': хет. *ara* 'по закону', *UL ara* 'не подобает, не по закону', ^{D}*Ara-* 'Благо', 'Право' (обожествленное понятие 'приличествующего', *Otten 1958 : 98—99*), др.-инд. *ṛtá-* 'священный закон', 'установление', авест. *arəta-*, др.-перс. *arta-* 'закон', 'право', 'священное право', авест. *aša-* (=***arta**) 'то, что приличествует, соответствует закону', греч. ἄρσιον · δίκαιον 'справедливое', 'праведное' (*Гесихий*), ἀν-άρσιος 'враждебный'.

[1] Ср. также отсутствие в латинском, как и в хеттском, и особого термина для 'платы', образованного от основы ***k$^{[h]}$^{o}er-/*k$^{[h]}$^{o}r-(ei̯-)** (см. выше, стр. 747), связанной, вероятно, в конечном счете с той же основой ***k$^{[h]}$^{o}ei̯-**.

2. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ. МЕДИЦИНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАК ЧАСТЬ РИТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

2.1. ОБЩЕЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ РИТУАЛЬНОГО ВРАЧЕВАНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

К словам с широким семантическим спектром ритуально-правовых значений относится индоевропейская основа ***met'-**, которая выступает в исторических диалектах в многочисленных производных, относящихся к сфере умственной деятельности, права, ритуала и врачевания:

Др.-инд. *masti-* 'измерение', 'взвешивание', арм. *mit* 'мысль', 'разум', греч. гом. μέδομαι 'думаю', 'обдумываю', 'размышляю', лат. *meditor* 'размышляю', умбр. *meřs*, *mers* 'jus', 'право', *mersto* 'justum', 'законный', оск. *med-díss* 'judex', 'судья', др.-ирл. *midiur* 'размышляю', 'сужу', 'принимаю судебное решение', *mess* 'судопроизводство', *med* 'весы', гот. *mitan*, др.-англ. *metan*, др.-в.-нем. *mezzan* 'измерять' (нем. *messen*), др.-исл. *mjǫtuðr* 'судьба'; к этим значениям слова примыкает и значение 'мудреца-врачевателя': авест. *vi-mad-* 'врачеватель, исцелитель', ср. *vi-mādayanta* 'они должны применить врачевание', греч. Μήδη ‖ Μήδεια 'Медея' (как 'исцелительница'), Ἀγαμήδη; лат. *medeor* 'лечу', 'врачую', 'исцеляю', *medicus* 'врач' (*Pokorny 1959 : 706*).[1]

2.2. СТРУКТУРА РИТУАЛОВ ВРАЧЕВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ

Общеиндоевропейские представления о врачевании и лечении болезней все еще тесно связаны с ритуалами.[2] Процесс лечения и восстановления 'здоровья' рассматривается как отправление определенных ритуалов

[1] В отдельных исторических индоевропейских традициях функцию врачевания выполняют специальные боги (иногда солнечные): это древнеиндийские *Ашвины* — dévyā bhiṣájā 'божественные целители' (ср. *Ward 1968*), а также *Варуна* и *Рудра* (*Puhvel 1970b*), греческие *Аполлон* и его сын *Асклепий* (Ἀσκληπιός), особый прусский бог-исцелитель Auschauts (буквально : 'отгоняющий болезни', *Топоров 1975-, 1 : 165—166*), галльские божества-исцелители (*de Vries 1961: 78—80*) и др.

[2] Общеиндоевропейское слово 'болеть' (то есть по древним представлениям 'испытывать вредное воздействие силы, враждебной человеку') реконструируется в форме **s(ṭ[ḥ])erk'-* с двояким значением 'сторожить, следить (за больным); беречь, любить' и 'болеть': ср. греч. στέργω 'люблю', 'забочусь' (в частности, родители о детях), др.-ирл. serc 'любовь', ст.-лит. sérgmi 'стерегу', лит. sárgas, латыш. *sargs* 'сторож', ст.-слав. *stražĭ*, рус. *сторож*, при хет. ištark- 'быть больным' (ср. конструкцию типа antuḫšan ištarakzi 'человек заболеет', буквально: 'человека сделает больным'; у хеттов обычно о богине *Ишхара*, которая насылает болезни, *Burde 1974: 12—16*), тох. A *särk*, B *sark* 'болезнь', лит. *sirgti* 'болеть', латыш. *sirgt* 'болеть', др.-ирл. *serg* 'болезнь' (ср. *Топоров 1975-, 1: 52*). Сочетание этих двух значений в одном слове объяснимо первоначально общим ритуальным значением 'охранять больного от враждебных сил', ср. рус. *сторожить больного* и др. Возможное общеиндоевропейское слово в значении 'ухаживания за больным' восстанавливается в форме **sok[ḥ]ṭ[ḥ]o-*: хет. šaktaizzi 'выхаживает больного', ср.-ирл. socht 'оцепенение' (см. *Watkins 1975d*).

в соответствии с предписанными правилами[1]. Анализ соответствующих ритуальных текстов в различных индоевропейских традициях позволяет восстановить древнейшую картину общеиндоевропейских представлений о заклинании и врачевании болезней, в результате которого человек освобождается от своих недугов. Реконструируются частично и древнейшие представления о физиологии и анатомии человека и частях его тела, и в особенности об анатомическом строении (жертвенных) животных. Перечисление частей тела в известном порядке определяет характер структуры ритуалов врачевания, исцеления в разных индоевропейских традициях (для древнеиндийского и древнегерманского см. уже *Kuhn 1968* [*1864*] : *11 и след.*; ср. *Schlerath 1968a : 325 и след.*; *Puhvel 1970b : 379, 382*), в том числе в анатолийских (см. хеттский ритуал Туннави, *Goetze 1938*; *ср. Burde 1974*, и аналогичные по структуре лувийские ритуалы: *Laroche 1959a : 149*).[2]

2.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ЧАСТЕЙ ТЕЛА»

Помимо таких рассмотренных выше парных частей тела, как ***ĝ$^{[h]}$es-r-/ /*ĝ$^{[h]}$es-t$^{[h]}$o-** 'рука', ***p$^{[h]}$e/ot'-** 'нога', ***še/ok$^{[h]}$-** 'глаз', ***b$^{[h]}$ruH-** 'бровь', ***o(H)us-** 'ухо' (см. стр. 786), а также названия 'сердца' ***k̂$^{[h]}$er-t'-** (см. стр. 800$_1$), для общеиндоевропейского восстанавливаются следующие слова, обозначающие части тела человека или животного:

И.-е. ***t$^{[h]o}$ek$^{[h]}$-** 'тело', 'части тела', 'оболочка', 'шкура': хет. *tuekka-* 'тело', 'личность' (*Kammenhuber 1965*)[3], *tuekkeš мн. ч.* 'части тела', др.-инд.

[1] К индоевропейскому обозначению 'здоровья, целостности' ***sol-(u-)**, ср. тох. A salu 'целый', B solme 'целый', др.-инд. sárva- 'невредимый, целостный, весь', sarvátāti- 'невредимость, здоровье', авест. haurva-, др.-перс. haruva- 'невредимый, целый', авест. haurvatāt- 'целостность, совершенство, благополучие', арм. oł̇j 'здоровый, целый', греч. ὅλος 'совершенный', 'целый', гом. οὐλος 'целый, непочатый', лат. salūs 'невредимость, здоровье', saluus 'целый, невредимый, здоровый', умбр. sal(u)uom 'salvum', алб. ngjáll 'оживлять, оздоровлять'. Диалектно ограничено другое слово в аналогичном значении 'здоровый, невредимый' — ***k$^{[h]}$aį-lo-**: гот. hails, др.-исл. heill, др.-в.-нем. heil (нем. heil) 'здоровый, целый', др.-англ. hāl 'целый' (англ. whole); др.-в.-нем. heil 'здоровье, удача', др.-англ. hæl 'благоприятное предзнаменование' (ср. валл. coel 'предзнаменование'), прус. kailūstiskan, *вин. п.* 'здоровье', ст.-слав. *cělŭ* 'здоровый, целый, невредимый'.

[2] Ср. в лувийских и аналогичных хеттских ритуалах перечисление 'двенадцати частей тела' (хет. XII UZU$_{ÚR}$ḪI.A, лув. XII ḫappišati при хет. ḫappeššar как чтение UZU$_{ÚR}$, *Otten 1953a : 100*): на первом месте IV-ti pa-a-ar-ta-ti (KUB XXXV 43 Rs. III 24) 'четыре части (животного)', см. *Laroche 1959a : 80*. Лув. parta- 'часть (тела)', связываемое с хет. parš- 'рассекать, делить на части, расчленять', может быть сопоставлено с лат. pars, *род. п.* partis 'часть' (ср. также др.-ирл. rann 'часть'); ср. также формально относящееся к этой же группе др.-инд. вед. pūrtí- в значении 'богатое преподношение' (очевидно, жертвенное) (*Pokorny 1959 : 817*) и семантически близкое др.-инд. párśu-, авест. parəsu- 'ребро', осет. fars 'бок' (*Абаев 1949, I : 18*). Аналогичное представление о 12 основных частях тела засвидетельствовано и в кельтской традиции — в древнеирландских медицинских текстах, где '12 врат души (или жизни)' означают 12 основных частей тела, заболевание которых может быть смертельным, *Meid 1974 : 28*.

[3] Ср. в хеттском ритуале "Лечения глазных болезней" (KUB XXXIII 66 Vs. II 16 и след.) перечисление частей тела, начинающееся с *A.NA* DUMU.LÚ.ULÙ.LU-ma tu-ik-ki-

tvacas-, *им. п.* вед. *tvák-* 'кожа', 'шкура', 'оболочка', 'покрышка', 'поверхность', греч. гом. σάκος 'щит' (из кожи, из шкуры); к фонетическому соответствию хет. *tu-* : вед. *tv-* : греч. σ- см. выше, стр. 134;

И.-е. *$\hat{k}^{[h]}$(e)r$\underline{H}$s-r/-n- 'голова', 'вместилище мыслей и мозга'[1]: др.-хет. *ḫaršar*, *род. пад. ḫaršanaš*, ново-хет. *ḫaršan-* 'голова'[2]/др.-инд. вед. *śirṣán-*, *род. п. śīrṣṇáḥ* 'голова', 'вместилище мыслей', ср. *Grassmann 1873 : 1398*), греч. κάρᾱ 'голова' (из *$\hat{k}^{[h]}$r$\underline{H}$s-$\underline{n}$ > *καρασα), καράρα· κεφαλή (*Гесихий*) из *καρασρα, лат. *cerebrum* 'мозг' (из *$\hat{k}^{[h]}$er$\underline{H}$s-ro-, ср. греч. καράρα). Чередующиеся формы на *-r/-n-* сохраняются в пределах одной парадигмы только в древнехеттском. В новохеттском и в других древних индоевропейских диалектах — древнеиндийском, древнегреческом, латинском — обобщается на всю парадигму одна из чередующихся форм : форма на *-r* (лат. *cerebrum*, греч. καράρα) или форма на *-n-* (ново-хет. *ḫaršan-*, др.-инд. *śirṣán-*, греч. κάρᾱ).[3]

И.-е. ***men-** 'мысль', 'разум'; 'думать', 'помнить': тох. А *mnu* 'мысль', В *mañu* 'желание', др.-инд. *mánaḥ* (авест. *manah-*) 'мысль', *mányate* 'думает', авест. *mainyeite* 'думает', греч. гом. μενοινάω 'обдумываю', 'размышляю', μέμονα 'помню', ср. μένος 'ярость', 'гнев', арм. *i-manam* 'понимаю', лат. *mēns*, *род. п. mentis* 'разум', *memini* 'вспоминаю', др.-ирл. *menme* 'дух', 'мысль', *do-moiniur* 'верно'; 'полагаю', гот. *muns* 'мысль', 'мнение', *munan* 'думать', 'намереваться', *ga-munds* 'память (о)', др.-исл. *munr* 'мысль', 'желание', др.-англ. *ge-mynd*, др.-в.-нем. *gi-munt* 'память', 'воспоминание', лит. *menù* 'думаю', *mintis* 'мысль', ст.-слав. *mĭnjǫ* 'мню', *pamętĭ* 'память'. 'Мысль', 'разум', 'душа' (*ištanzana-*) как часть человеческого тела все еще фигурирует, в частности, в хеттских погребальных ритуалах, перечисляющих духи разных частей тела (см. выше, стр. 473).[4]

-iš-ši "у сына человеческого же в его теле (есть)". Затем идет перечисление частей тела в следующем порядке: 'голова' (šaršan-), 'глаза' (šakuṷa), ṷalula- (?), 'глазной белок' (ḫarki-), 'лоб' (ḫant-), 'брови' (epera-) и 'ресницы' (ḫaplipa-).

[1] Специальное слово для 'черепа', 'мозга' ограничено ареальными терминами, не дающими основания считать их безусловно общеиндоевропейскими. Это, с одной стороны, греч. βρεχμός, βρέχμα 'передняя часть головы', при др.-англ. brægen 'мозг' (англ. brain) (ср. *Pokorny 1959 : 750*; *Watkins 1971 : 1500, 1530*); ср. сюда же тох. А, В mrāc 'голова': и.-е. *mreg$^{[h]}$-; с другой стороны, тох. māśśunt 'костный мозг', др.-инд. majján 'костный мозг', mastíṣka- 'мозг', mástaka- 'череп', авест. mazga- 'мозг', 'костный мозг', др.-в.-нем. mar(a)k (нем. Mark), др.-англ. mearg (англ. mark), др.-исл. mergr 'костный мозг', прус. musgeno 'костный мозг', ст.-слав. mozgŭ.

[2] В хеттском, по-видимому, произошла еще в дописьменный период диссимилятивная субституция начального согласного # k→ḫ: хет. ḫaršar < *k^{h}arḫsar- < и.-е. *$\hat{k}^{[h]}$r$\underline{H}$sor/n-.

[3] Другое, ареально более ограниченное обозначение 'головы' восстанавливается в форме *$\hat{k}^{[h]}$ap$^{[h]}$u$\underline{t}^{[h]}$-, *$\hat{k}^{[h]}$ap$^{[h]}$-el-: ср. др.-инд. kapúcchala- 'волосы на темени', лат. caput 'голова', др.-исл. haufuð 'голова', др.-англ. hēafod (англ. head) при гот. haubiþ 'голова', др.-в.-нем. houbit (нем. Haupt) 'голова'; др.-инд. kapála- 'череп, чаша', др.-англ. hafola 'голова'. Древнее диалектное слово для 'головы' можно восстановить и в форме *g$^{[h]}$eb$^{[h]}$-(e)l-: тох. А śpāl 'голова', греч. гом. κεφαλή 'голова' (в греческом также 'вершина'), гот. gibla 'фронтон, крыша дома', др.-в.-нем. gibilla, gebal 'череп'.

[4] К типологии рассмотрения 'мысли', 'разума' в общем комплексе частей человеческого тела, характерного для индоевропейских представлений о 'человеке', ср. сходные системы, описанные у ряда современных "примитивных" народов, *Franklin 1963*.

И.-е. ***Hant**$^{[h]}$- ‘лоб’, ‘передняя часть головы’, ‘лицо’: хет. *ḫant-* ‘лоб’, ‘передняя часть’, ср. лат. *antiae* ‘волосы, падающие на лоб’ (из ***Hant**$^{[h]}$**i̯o**-, ср. др.-исл. *enni*, др.-в.-нем. *andi* ‘лоб’), др.-ирл. *étan* ‘лоб’; в большинстве других индоевропейских диалектов слово употребляется уже только в значении ‘передней части’, ср. греч. гом. *ἀντί* ‘перед, лицом к лицу’, *εἰσ-άντα* ‘в лицо’, лат. *ante* ‘перед’, гот. *anda-* ‘против, супротив’, др.-в.-нем. *ant-* (ср. нем. *Antlitz* ‘лицо’);

И.-е. ***nas**- ‘нос’: др.-инд. *nā́sā*, *дв. ч.* ‘нос’ (буквально: ‘ноздри’), авест. *nāh-* ‘нос’, др.-перс. *nāham*, *вин. п. ед. ч.* ‘нос’, ст.-лат. *nāsum*, лат. *nās(s)us* ‘нос’ (с экспрессивным *ss*), др.-в.-нем. *nasa* ‘нос’ (нем. *Nase*), др.-англ. *nasu* ‘нос’ (древнее *дв. ч.* ‘ноздри’), лит. *nósis* ‘нос’, ст.-слав. *nosŭ* ‘нос’;[1]

И.-е. ***o̯ṣ**- // ***oHs**- // ***ous**-**t**$^{[h]}$- ‘рот’, ‘уста’, ‘губы’[2]: хет. *aiš*, *род. над. iššaš* ‘рот’; др.-инд. *ā́ḥ* ‘рот’, авест. *āh-* ‘рот’, лат. *ōs*, *род. п. ōris* ‘рот’, ‘лицо’, ср.-ирл. *á* (*род. п.*) ‘рот’; др.-инд. *óṣṭha-* ‘губа’, авест. *aošta-* ‘губа’, лат. *ōstium* ‘вход’, ‘устье’, прус. *austo* ‘рот’, *āustin*, *вин. п. ед. ч.* ‘морда’, ‘рот’, лит. *úostas* ‘устье’, ст.-слав. *usta* ‘уста’, рус. *устье* (*ср. Топоров 1975-, I : 172—173*);

И.-е. ***t’n̥ĝ**$^{[h]}$**uH**- ‘язык’ как ‘часть тела’ и как ‘орган речи’[3]: тох. A *käntu*, B *kantwo* (с метатезой смычных), др.-инд. *jihvā́*, авест. *hizū-*, *hizvā-* ‘язык’ (*Benveniste 1954a : 30—32*), арм. *lezu*, *род. п. lezui* ‘язык’, ст.-лат. *dingua*, лат. *lingua*, оск. *fangvam*, др.-ирл. *teng* ‘язык’ (при *ligur* ‘язык’), гот. *tuggō* ‘язык’, др.-англ. *tunge* ‘язык’ (англ. *tongue*), др.-в.-нем. *zunga* ‘язык’ (нем. *Zunge*), лит. *liežùvis* ‘язык’, прус. *insuwis* ‘язык’, ст.-слав. *języ̨kŭ* ‘язык’;[4]

И.-е. ***(e)t’-ont**$^{[h]}$- ‘зуб’ (партиципиальная форма от ***et’-** ‘есть’, буквально: ‘едящий’)[5]: др.-инд. *dán*, *вин. п. dántam* ‘зуб’, авест. *dantan-* ‘зуб’, арм. *atamn* ‘зуб’, греч. *ὀδών*, *род. п. ὀδόντος*, лат. *dēns* (из ***dn̥t-s**), *род. над. dentis*, оск. *dunte*$^{[r]}$*s*$^{]}$ (*отлож. п.*), др.-ирл. *dét*, гот. *tunþus*, др.-в.-нем. *zand*

[1] В ряде языков ‘нос’ по известным ассоциациям табуируется и выражается словами с первоначальным значением ‘нюхать’, ‘разнюхивать’, ср. тох. A *krāṁ*, B *kor* ‘нос’, др.-инд. *ghrāṇā* ‘нос’ от *ghrā́ti* ‘чует, обнюхивает’; др.-англ. *nosu* ‘нос’ (англ. *nose*) от основы др.-англ. *nēosian* ‘разнюхивать’, с которой связано и рус. *нюхать*.

[2] Фонетическое многообразие исходной формы можно было бы объяснить экспрессивным характером и ее ассоциациями с обычно табуируемыми понятиями (ср. выше о табуировании обозначения ‘носа’).

[3] Общая праформа, реконструируемая по фонетическим соответствиям для части индоевропейских диалектов. В других диалектах исходная форма фонетически видоизменена ввиду частых экспрессивных и эвфемистических фонетических преобразований, вызванных разными ассоциациями, ведущими к табуированию слова, ср. *Havers 1946: 123 и след.*

[4] В анатолийском произошла замена слова на экспрессивное образование: хет. *lala-*, лув. *lali-* ‘язык’.

[5] Возможно, древнее описательное название ‘зуба’, возникшее в результате эвфемистической замены первоначального слова.

(нем. *Zahn*), др.-англ. *tōð* (англ. *tooth*), лит. *dantìs* 'зуб'[1]. Ряд индоевропейских диалектов произвел замену древнего слова новообразованием от основы ***ḱ'em-b**$^{[h]}$- 'разрывать', 'раздроблять': тох. A *kam*, B *keme* 'зуб', алб. *dhëmb*, гег. *dâm* 'зуб', латыш. *zùobs*, ст.-слав. *zǫbъ* 'зуб'; ср. также др.-инд. *jámbha-* 'большой коренной зуб', греч. γόμφος 'гвоздь', др.-в.-нем. *kamb* 'гребень, расческа' (нем. *Kamm*), др.-англ. *comb* 'гребень, расческа' (буквально: 'зубчатый');

И.-е. ***ḱ'enu-** 'челюсть', 'подбородок': тох. A *śanweṁ*, *дв. ч.* 'челюсти', др.-инд. *hánu-* 'челюсть', авест. *zānu-*, греч. γένυς 'подбородок', 'челюсть', др.-ирл. *gi(u)n* 'рот', валл. *gen* 'щека', 'подбородок', гот. *kinnus* 'щека', др.-англ. *cinn* 'подбородок' (англ. *chin*), др.-в.-нем. *kinni* 'подбородок' (нем. *Kinn*). К этой группе слов может относиться и хет. *ganu-* 'челюсть'(?) (*ср. Watkins 1972a*);

И.-е. ***mono-** 'затылок', 'шея': др.-инд. *mányā* 'затылок', митан. арийск. *mani-(nni)* 'ожерелье', авест. *minu-* 'ожерелье', *manaoδrī-* 'шея', 'затылок', др.-перс. *bara-man-* 'носящий ожерелье', *Mayrhofer 1974 : 290—291*, ср. лат. *monile* 'ожерелье' (на шее), др.-ирл. *muin-* 'шея', *muinél* 'шея', ср. др.-исл. *mǫn*, др.-англ. *manu* (англ. *mane*), др.-в.-нем. *mana* (нем. *Mähne*) 'грива', ст.-слав. *monisto* 'ожерелье';

И.-е. ***p**$^{[h]}$**l(e)u̯-mon-** 'легкие' (этимологически: 'плывущие', корень ***p**$^{[h]}$**leu̯-** 'плавать'[2], см. выше, стр. 674—675): др.-инд. *klóman-* 'правое легкое', греч. πλεύμων 'легкое', лат. *pulmō*, *род. п. pulmōnis*, лит. *plaũčiai*, латыш. *plàuši*, прус. *plauti* 'легкие', ст.-слав. *plušta*, *мн. ч.*, др.-рус. *плюча* 'легкое'; ср. также выше, стр. 466 и след., индоевропейские термины со значением 'вдох', 'выдох', 'душа';

И.-е. ***sp**$^{[h]}$**el ĝ**$^{[h]}$- 'селезенка': др.-инд. *plīhán-*, авест. *spərəzan-*, арм. *p̣aycaiṇ*, греч. σπλήν 'селезенка' (ср. гом. σπλάγχνα 'внутренности жертв', γ 9 и др.), лат. *liēn*, др.-ирл. *selg*, слав. ***selezenь***, рус. *селезенка* (см. *Pokorny 1959 : 987*);[3]

И.-е. ***i̯ek**$^{[h]}$**°r/n-t**$^{[h]}$- 'печень': др.-инд. *yákṛt*, *род. п. yaknáḥ*, авест. *yākarə*, перс. *jigar*, греч. ἧπαρ, *род. п.* ἥπατος (*-*n̥-tos*), лат. *iecur*, *род. п. iecoris* и *iecinoris* (из ***iecinis*), лит. *jãknos*, латыш. *akna* 'печень'; другая группа диалектов обнаруживает в этом слове начальное *l-* при некоторых других табуистических преобразованиях: хет. *liššа-* 'печень',

[1] Хеттское название 'зуба' скрывается за шумерограммой KA×UD. Хет. adant-, соответствующее формально разобранным словам в значении 'зуб' в других индоевропейских диалектах, представляет собой партиципиальное образование нейтрального залога в значении 'съеденный; едящий'. В хеттском обнаруживается новообразование gagaš 'зуб', сопоставляемое Ларошем с др.-в.-нем. hāko (нем. Haken), др.-англ. hōc (англ. hook) 'крюк', *Laroche 1973 : 90—91*. Не исключено, однако, происхождение этого хеттского слова от шум. gag 'колышек'. Шумерское заимствование могло проникнуть в хеттский через посредство какого-либо другого языка.

[2] Образ 'легких' как 'плавающих' или 'всплывающих' органов понятен ввиду особенности легких всплывать на воде. Очевидно, название этого органа связано с эмпирическим наблюдением.

[3] Исторические формы обнаруживают табуистические преобразования, в результате которых слова формально несводимы друг к другу.

арм. *leard, род. п. lerdi*; ср. также германские формы : др.-исл. *lifr*, др.-англ. *lifer* (англ. *liver*), др.-в.-нем. *libera, lebara* (нем. *Leber*) 'печень'; в свете таких форм прус. *lagno* может и не быть опиской (вместо *iagno*), *ср. Ernout/Meillet 1967 : 307*;

И.-е. *$\hat{g}^{[h]}$el- 'желчь' (от 'желтый', см. выше, стр. 714): греч. гом. χόλος 'желчь', 'злоба', лат. *fel, род. п. fellis* (из **fel-n-is*) 'желчь', 'горечь', 'злоба', др.-исл. *gall* 'желчь', 'яд', др.-англ. *gealla*, др.-в.-нем. *galla* (нем. *Galle*) 'желчь', рус. *желчь* (при ст.-слав. *zlĭčĭ* 'желчь'). Диалектное распределение слов в значении 'желчь' (греческо-латино-германо-славянский) дает основание по схеме членения диалектов индоевропейского языка постулировать слово в этом специфическом значении уже для общеиндоевропейского;

И.-е. ***esH$_{\text{r̥}}$/-n-(t$^{[h]}$)//*esH$_{\text{r̥}}$/n-(k$^{[h]}$)** 'кровь' : хет. *ešḫar, род. п. ešḫanaš* 'кровь', лув. *ašḫanuantiš* 'окровавленный', тох. A *ysār*, B *yasar* 'кровь', др.-инд. *ásṛk, ásṛt, род. пад. asnáḥ*, вед. *asṛjā*, арм. *ariwn* 'кровь', греч. поэт. ἔαρ, εἷαρ 'кровь', ст.-лат. *aser* (*asser*), *assyr* 'кровь', латыш. *asins* 'кровь';

И.-е. ***t'a$\hat{k}^{[h]}$ru-** 'слезы': тох. A *ākär, мн. ч. ākrunt* 'слезы', др.-инд. *áśru* 'слезы', арм. *arcasuk* 'слезы', греч. δάκρυ, δάκρῦμα 'слезы', лат. *lacrima*, др.-ирл. *dér*, валл. *deigr, мн. ч. dagrau* 'слезы', гот. *tagr* 'слезы', др.-англ. *tæhher, tēar, teagor* (англ. *tear*), др.-в.-нем. *zahar* (нем. *Zähre*), лит. *ãšarà* 'слеза'[1] (*ср. Hamp 1972a*).

Как и в названии для 'языка', в индоевропейском слове для 'слезы' наблюдается фонетическое многообразие рефлексов в исторических диалектах (ср. чередование по диалектам начального ***t'-** : ***l-** : *Ø-*), что можно было бы объяснить фонетической лабильностью формы ввиду экспрессивного характера лексемы;[2]

И.-е. ***sneu-r/-n-** 'сухожилие': тох. B *ṣñaura* 'жилы', 'сухожилия', 'нервы', др.-инд. *snā́van-* 'сухожилие'; ср. основу на *-r-* в *a-snāvirá-* 'без жил', авест. *snāvarə* 'сухожилие', арм. *neard* 'жила', 'волокно', греч. гом. νεῦρον 'жила', 'тетива' (из воловьих жил), νευρή 'тетива', лат. *neruus* 'сухожилие', 'жила', 'нерв'; 'член тела', 'шкура';

И.-е. ***q$^{[h]}$e/os-t$^{[h]}$-** 'кость': хет. *ḫaštai* 'кость', ср. É *ḫešta-* 'дом костей' (также *ḫaštiyaš* É), лув. *ḫašša-, мн. ч.* 'кости', лат. *costa* 'ребро', ст.-слав. *kostĭ* 'кость'; др.-инд. *ásthi* 'кость', авест. *asti-* 'кость', греч. ὀστέον 'кость', лат. *ossu(m), ossua* 'кости' (к соответствию хет. ##*ḫ-*, лат. ##*c-*, слав. ##*k-* : др.-инд., греч., лат. *Ø-* как рефлексу постувелярной смычной **q*$^{[h]}$-* см. выше, стр. 129 и след.);

И.-е. ***k'^{o}elb$^{[h]}$-** 'матка', 'плод', 'детеныш животного': др.-инд. вед. *gárbha-* 'матка', 'плод', 'новорожденный, отпрыск', авест. *gərəbuš* 'детеныш животного', греч. δελφύς 'мать-роженица', гом. ἀδελφεός 'брат'

[1] В некоторых диалектах слово для 'слезы' образуется от названия 'крови', ср. хет. ešḫaḫru- 'слезы', ešḫaḫruya- 'плакать', др.-инд. áśram 'слеза', ср. сюда же авест. asrū- 'слеза', латыш. asara 'слеза'.

[2] Литературу вопроса см. *Van Windekens 1976a*.

Gates 1971 : 14, буквально: 'единоутробный', ср. др.-инд. *sá-garbhya-h* '*eo-dem utero natus*', 'рожденный из той же матки'), δέλφαξ 'поросенок', δελφίς, *род. п.* δελφίνος 'дельфин', δολφός · ἡ μήτρα (*Гесихий*). При отнесении сюда же хет. *ḫuelpi-* 'детеныш животного'; 'молодой, свежий', *Friedrich 1952 : 70* (ср. также германские формы в значении 'детеныш животного': др.-в.-нем. *[h]welf*, нем. *Welf*, др.-англ. *hwelp*, англ. *whelp*), индоевропейскую праформу следовало бы реконструировать с начальной постувелярной смычной ***q'ʷ***;

И.-е. ***nob[h]-/*ŋb[h]-** → ***ŋm̥b[h]-** (по ассимиляции) 'пупок': др.-инд. *nábhi-* 'пупок', 'родство', *nábhya-* 'втулка' (как образ "пупка" колеса), *nābhila-* 'пупочное углубление', 'низ тела', авест. *nabā-nazdišta-* 'ближайший по родству', греч. гом. ὀμφαλός 'пупок', 'выпуклость щита', 'пуговка на ярме', лат. *umbilicus* 'пупок', *umbō*, *род. п. umbōnis* 'выпуклость в середине щита', др.-ирл. *imbliu* 'пупок', др.-в.-нем. *naba*, др.-англ. *nafu* 'втулка ("пупок") колеса', др.-в.-нем. *nabalo* (нем. *Nabel*), др.-англ. *nafela* (англ. *navel*), др.-исл. *nafli* 'пупок', прус. *nabis* 'пупок', латыш. *naba* 'пупок';

И.-е. ***p[h]es-os-** 'penis': др.-инд. *pásas-*, греч. πέος, лат. *pēnis* (из ***pesnis*), др.-в.-нем. *fasel*, др.-англ. *fæsl* (*ср. Weitenberg 1975*);

И.-е. ***orǧ[h]**-i- 'testiculus': хет. *arki-* 'futuere', авест. *ərəzi* (*дв. ч.*) 'оболочка мужского яичка', арм. *orji-k'* 'testiculi', *mi-orj-ik'* 'с одним яичком' (≈греч. μόνορχις), греч. ὄρχις 'testiculus', ср.-ирл. *uirgge* 'id.', ср. рус. *ерзать* (*Watkins 1975h*; ср. выше, стр. 498[1]);[1]

И.-е. ***ors-** 'ягодицы, задница': хет. *a-ar-ra-aš*, арм. *or*, греч. ὄρρος, др.-в.-нем. *ars*, др.-англ. *ears*, др.-исл. *ars*, ср. с переносом значения др.-ирл. *err* 'хвост', 'задок (повозки)';

И.-е. ***ānо-** 'заднепроходное отверстие', также 'кольцо': хет. *anna-* (*Friedrich/Kammenhuber 1975-, I*), лат. *ānus*, др.-ирл. *áinne*, ср. арм. *anur* 'ожерелье', 'кольцо'; ср. также *Poetto 1979 : 205*;

И.-е. ***seHur-** 'жидкость, истекающая из человека и животного', 'моча': хет. *šeḫur* 'моча', тох. B *sūrme* 'глазная болезнь', др.-исл. *saurr* 'семя животного', 'грязь', *súrr* 'кислый', 'острый', латыш. *sūrs* 'соленый', 'горький', 'терпкий', словен. *sírȏv* 'сырой, невареный', 'грубый';

И.-е. ***sk[h]er/n-(t'-)** 'испражнения человека и животного': хет. *šakkar*, *род. пад. šaknaš* // *zakkar*, *род. п. zaknaš* 'испражнения', авест. *sairya-* 'удобрения', 'навоз', пехл. *sargēn* (перс. *sargīn*), греч. σκῶρ, *род. пад.* σκατός 'испражнения', лат. *mūscerda* 'мышиный помет', *sūcerda* 'свиной помет', *būcerda* 'коровий помет', *ovicerda* 'овечий помет', др.-исл. *skarn*, др.-англ. *scearn* 'навоз', ср. латыш. *sārņi* 'менструация', 'испражнения', лит. *šárvai* 'менструация' (*ср.*, однако, *Fraenkel 1962—1965, II : 966*), общ.-слав. ***sŭrati** 'сасāге', рус. *сор* при *скаред* (*Фасмер 1964—1973, III : 634, 720*);

[1] В качестве другого диалектного слова в значении 'futuere' восстанавливается основа ***eǰb[h]-/*ǰeb[h]-**: др.-инд. *yábhati*, греч. οἰφέω, рус. *jeti*.

И.-е. **meu̯-/*mu-* 'семя', 'сперма': хет. *тица-* 'мужское семя', 'плодоносящая жидкость', греч. μυελός 'спинной мозг' (гом. μυελὸν ἀνδρῶν, β 290 'спинной мозг мужчин'), ср. *Poetto 1979 : 207*.

2.4. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ В РИТУАЛЕ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ И ПРАКТИКА ЗАКЛИНАНИЙ

Реконструированная система названий частей тела, внутренних органов и некоторых их функций у человека и животных позволяет судить о наличии у древних индоевропейцев довольно разветвленных знаний о строении человеческого тела. Первоначально эти знания основывались, очевидно, на ознакомлении с внутренностями животных (в особенности, жертвенных животных), туши которых разделывались и расчленялись на определенные части. Неразграниченность большинства названий частей человеческого тела и внутренностей человека и животных следует объяснить отождествлением органов животных с соответствующими человеческими. Это должно было вызвать перенос обозначений, применявшихся к животным, на обозначения соответствующих человеческих органов. Тем же отождествлением может объясняться и распространенная в древности практика воздействия на человеческие болезни путем ритуальных манипуляций с соответствующими органами у животных и заклинаний, связанных с этими магическими действиями.

В отдельных древних исторических индоевропейских традициях сохраняются ритуалы принесения в жертву животных, которые связываются с ритуалами врачевания людей.

В древнехеттской традиции наряду с такими более поздними типами врачевания, близкими к собственно медицине, как 'кровопускание' (хет. *iš-ḫar ar-ḫa tar-na-i* 'кровь пускает', KUB XLIV 63 II 8′ и след.), лечение 'свинцом' (A.BÁR, KUB XLIV 61 Rs. IV 27′, возможно, о венерическом заболевании; ср. в контексте там же, IV 19′—27′ аккад. ^{UZU}*I.ŠA.RI.ŠU* 'penis' и хет. *paššari-* [?]), все еще сохраняются обряды заклинания при врачевании, ср. *Burde 1974 : 1—11*. Врач неоднократно произносит формулу заклинания, ср. хет. ^{LÚ}A.ZU *ḫukkiškizzi* "врач заклинает", I BoT I 36 II 46.[1]

Такие стереотипные формулы заклинания, состоящие из перечисления

[1] Ср. возможные следы такого индоевропейского слова в значении 'заклинать, лечить', 'упрашивать, молить': греч. гом. *ἀκέομαι* 'лечу', 'починяю', 'утоляю жажду', *ἄκεσμα* 'успокоительное, целебное средство, зелье', греч. *ἀκέστωρ* 'врачеватель, спаситель' (эпитет Аполлона), *ἀκεστήρ* 'врач, исцелитель', др.-ирл. hicc 'исцеление', валл. iach 'здоровый': н.-е. **jeHk*$^{(h)}$-//**jḫk*$^{(h)}$-; ср. также *Pokorny 1959 : 504* о возможной связи этого корня с и.-е. **jek*$^{(h)}$- 'говорить, упрашивать, торжественно произносить': тох. В yäsk- 'просить, упрашивать', A yāṣṣuce, B yaṣṣūca 'нищий, просящий милостыню', др.-инд. yā́cati 'просит, упрашивает', лат. iocus 'шутка' (ср. лит. *juõkas* 'шутка'), умбр. iuka 'молитва', оск. iúkleí 'in consecratione', др.-в.-нем. jehan 'говорить, произносить', jiht 'признание', bijiht (нем. Beichte), ср. Gicht 'подагра' (буквально: 'вызванная наговором болезнь').

частей тела и органов, подлежащих лечению[1], являются чрезвычайно архаичными и могут частично воспроизводить древние схемы заклинаний, восходящие к индоевропейской эпохе.[2]

К общеиндоевропейским ритуальным фрагментам типа заклинаний следует отнести и соотносимые друг с другом по содержанию на уровне семантем тексты древнеанглийских и хетто-лувийских "Заклятий от бед", где после нескольких абстрактных обозначений опасностей, грозящих человеку, следует завершающее упоминание 'языка толпы' (или 'злоязычия человека'):

Древнеанглийский

and wiδ andan "и против зла",
and wiδ ǣminde "и против зависти",
and wiδ þā micelan mannes tungan "и против этого большого языка человека";
(*Meissner 1916*; *Spamer 1978*);

Хеттский

DINGIR^{MEŠ}-*aš karpin* "гнев богов"
pangauua EME-*an* "и язык толпы (собрания)";

Лувийский

tatarriiaman 'проклятие'
ḫirun 'клятвопреступление'
*maiašši*n EME-*in* 'язык толпы' (или 'взрослого человека'),
Laroche 1959a : 65, 149—150.

[1] Ср. в хеттских ритуальных текстах такие перечисления внутренних органов и частей тела, как в KUB VII 1 III 16 и след.: UZU$_{GAB}$ 'грудь', UZU$_{ḫaḫri-}$ 'легкие', 'диафрагма', UZU$_{NÍG.GIG}$ 'печень', UZU$_{ŠÀ}$ 'сердце', UZU$_{pantuḫan}$ 'желудок', UZU$_{arraš}$ 'зад'; KBo XV 10 I 24 след.: *ŠÀ.ŠU* 'его сердце', genzu-šet 'его гениталии' (?), genu-šet 'его колено', *QA.TI. ŠU* 'его руки' и др., ср. *Burde 1974: 41—42*. Такие перечисления частей тела в хеттской традиции, как и в других индоевропейских традициях, могут отражать веру в исцеление человека как бы путем сложения его в единое целое с помощью последовательного перечисления его частей (что находит широкие аналогии в разных фольклорных традициях, ср. *Puhvel 1970b : 379*), ср. выше семантическую связь терминов 'лечить, исцелять' ~ 'целый', 'цельный'.

[2] Наряду с заклинательной практикой, обнаруживаемой в ряде исторических традиций и восходящей к эпохе индоевропейской общности, наблюдаются (главным образом в древнеиндийской и греческой традициях) и схожие представления о лечебной (или вредной) для человеческого организма функции разных элементов или стихий: *воздуха-ветра*, *воды*, *огня* (*Esser 1935*; *Kirfel 1951*; ср. *Benveniste 1945*). Такое соответствие между древнеиндийской и древнейшей греческой медицинскими теориями могут восходить не к общеиндоевропейской древности, а к более поздней греко-арийской общности, ср. также *Puhvel 1970b : 369—371*.

2.5. СООТВЕТСТВИЕ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧАСТЯМ МИРОЗДАНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Заклинания могли основываться также на представлениях о соответствии частей тела человека частям мироздания и основным социальным членениям. Сама вселенная в ряде древнейших индоевропейских традиций мыслится как происшедшая из отдельных частей расчлененного жертвенного существа и тем самым воспринимается как некоторая модель человеческого тела.

Отчетливее всего такие представления выражаются в древнеиндийской традиции в ведийском гимне *Пуруше* — мифологическому человеку, из частей тела которого происходит мироздание[1], чему находятся параллели в ряде других индоевропейских традиций: иранской, германской, славянской.

В ведийском гимне сначала говорится о расчленении Пуруши на части: *yát púruṣaṁ vy ádadhuḥ katidhá vy àkalpayan múkhaṁ kím asya kaú bāhú kā́ ūrú pā́dā ucyete* "когда Пурушу разделили, на сколько частей расчленили его? Как его рот, как его руки, как его бедра, (как его) ноги называются?" (RV X 90, 11). В ответе называются четыре 'варны' — социальных ранга, происшедшие соответственно из четырех частей тела: *brāhmaṇò 'sya múkham āsīd bāhú rājanyàḥ kṛtáḥ ūrú tád asya yád vaíśyaḥ padbhyā́ṁ śūdró ajāyata* "его рот стал браманом, его руки сделались раджанья[2], то, что (было) его бедра, (стало) вайшья[3], из ног родились шудры"[4]. В соответствии с представлениями о расчленении тела Пуруши описывается и возникновение мироздания (RV X 90 13—14):

candrámā mánaso jātáś cákṣoḥ sū́ryo ajāyata
múkhād índraś cāgníś ca prāṇā́d vāyúr ajāyata
nā́bhyā āsīd antárikṣaṁ śīrṣṇó dyaúḥ sám avartata
padbhyā́m bhū́mir díśaḥ śrótrāt táthā lokā́ṁ akalpayan
"Луна из (его) духа рождена, из глаза солнце родилось.
Из уст—Индра и Агни, из дыхания ветер родился.
Из пупа возникло воздушное пространство, из головы небо образовалось.
Из ног—земля, стороны света из уха. Так они устроили миры".

Аналогичный мотив происхождения мироздания, совпадающий в деталях на уровне мифологем с древнеиндийскими представлениями, обнаруживается в древнегерманской традиции, а также частично и в ряде других индоевропейских традиций — иранской, италийской, славянской, что

[1] О ведийском обряде puruṣamedhá- (буквально: 'принесение в жертву человека') и его предполагаемом индоевропейском прототипе см. выше, стр. 483.

[2] Варна rājanyá- 'раджанья' соответствует названию ранга кшатриев, к которому в древней Индии относился и сам 'предводитель' rā́jan-.

[3] Др.-инд. vaíśya- 'варна земледельцев' от víś- 'селение'.

[4] Др.-инд. śūdrá- 'шудра' — варна, включавшая в себя в древности всех ремесленников (см. выше, стр. 788).

может указывать на весьма древний общеиндоевропейский характер таких представлений (ср. *Ebenbauer 1974*; *Lincoln 1977*).

В древнеисландской традиции в "Старшей Эдде" части мироздания описываются как возникшие из частей тела принесенного в жертву мифологического человека — Имира (*Ymir*):

Ór Ymis holdi vas jǫrð of skǫpuð,
en ór beinum bjǫrg,
himinn ór hausi ens hrímkalda jǫtuns,
en ór sveita sær
"Имира плоть стала землей,
Стали кости горами,
Небом стал череп холодного мужа,
А кровь его — морем".
(*Váfþrúðnismál, 21*)

2.6. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ЧЕЛОВЕКЕ» КАК «ПРОИСХОДЯЩЕМ ИЗ ЗЕМЛИ»

Представления о создании вселенной и человеческого общества из расчлененных частей человеческого тела, все еще сохранившиеся в отдельных древнейших индоевропейских традициях и восходящие, очевидно, к периоду индоевропейской общности (*ср. Топоров 1973а*), существенно отличаются от мифов о сотворении мира, распространенных в отдельных древневосточных (особенно месопотамской) традициях — шумерской, аккадской, хурритской (и под их влиянием попадающих в позднейшую хеттскую традицию), ср. *Littleton 1970*. При этом следует, однако, отметить, что ряд мифологических мотивов, и в частности мотив первоначального единства 'человека' и 'земли', является общим для семитской и индоевропейской традиций. В этом отношении характерно этимологическое тождество обозначения 'человека' и 'земли' в индоевропейском:

И.-е. ***d$^{[h]}$(e)ĝ$^{[h]}$om-** 'земля'; 'человек' (этимологически: 'земной'):

'Земля': хет. *tekan*, *род. п. tagnaš*, тох. А *tkaṁ*, *род. п. tkanis*, В *keṁ*, др.-инд. *kṣam-*, авест. *ząm*, *вин. п.*, греч. χθών (с метатезой согласных в формах с нулевой огласовкой, см. выше, стр. 149), алб. *dhé*, лат. *humus* 'земля', др.-ирл. *dú*, *род. п. don* 'место', лит. *žẽmė*, латыш. *zeme*, прус. *same*, *semmẽ*, ст.-слав. *zemlja* 'земля' (формы с упрощением начального комплекса согласных путем потери первой или второй согласной);

'Человек': тох. А *śom* 'юноша', В *śaumo*, *мн. ч. śāmna* 'человек', лат. *homō*, *род. п. hominis* 'человек' (ст.-лат. *hemō*, *вин. п. hemōnem*), оск. *humuns* 'homines', умбр. *homonus* 'hominibus', гот. *guma*, др.-исл. *gumi*, др.-англ. *guma*, др.-в.-нем. *gomo* 'человек', 'мужчина' (ср. нем. *Bräuti-gam* 'жених'), ст.-лит. *žmuõ* 'человек', прус. *smoy*, *smūnents* 'человек', *smūni* 'личность', ср. др.-ирл. *duine*, валл. *dyn* 'человек'.

В ряде древних индоевропейских диалектов происходит замена первичного слова в значении 'человек' на новообразования типа хет. *antuḫšaš*, лув. *ziti-*, др.-инд. *púruṣa-*, *púṁs-* / *púmāṁs-*, греч. ἄνθρωπος, мик. *a-to-ro-qo* (*Morpurgo 1963 : 43*) и др.

3. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «СМЕРТИ» КАК НЕОТВРАТИМОГО «РОКА»

Лингвистические данные, а также анализ свидетельств ритуалов из ряда древних индоевропейских традиций позволяют восстановить древние индоевропейские представления об 'умирании', 'смерти' и 'загробной жизни' человека.

'Смерть' рассматривается как 'предопределенное заранее несчастье', постигающее человека. Сама 'смерть' в таком понимании — это и есть 'судьба или рок', о чем можно заключить по семантике общеиндоевропейского слова для 'смерти', отраженного в отдельных исторических индоевропейских диалектах:

И.-е. ***Henk̂**$^{[h]}$-/***Hnek̂**$^{[h]}$- 'смерть', 'мор', 'судьба', 'принуждение': хет. *ḫenkan*, *род. п. ḫinganaš* 'чума', 'мор', 'умирание', 'смерть'[1], греч. гом. *ἀνάγκη* 'принуждение', 'необходимость', 'судьба', 'рок' (редуплицированная основа ***-Hn̥k̂**$^{[h]}$-), др.-ирл. *écen*, валл. *angen* 'необходимость', 'нужда'; основа в Состоянии II ***Hnek̂**$^{[h]}$- представлена в тох. A *näk-* 'исчезать', 'погибать', B *näk-*, *nek-* 'уничтожать', 'погибать', др.-инд. *náśyati* 'умирает', 'исчезает', авест. *nasyeiti* 'исчезает', 'умирает', *nas-* 'нужда', 'несчастье', *nasu-* 'труп', греч. *νέκῡς*, *род. п. νεκρός* 'труп', лат. *nex*, *род. пад. necis* 'смерть', 'убийство', *necō* 'убиваю' (др.-ирл. *éc* 'смерть'), брет. *negein* 'убивать'.

3.2. «НАПИТОК БОГОВ, ПРЕОДОЛЕВАЮЩИЙ СМЕРТЬ»

Никакие человеческие средства не способны предотвратить 'смерть' ***Hnek̂**$^{[h]}$-. Только особый напиток, именуемый ***Hnek̂**$^{[h]}$-**t**$^{[h]}$**r̥H**-[2] 'одолевающий смерть'[3], которым владеют боги, может избавить того, кто его пьет, от 'смерти', *Thieme 1952*; *1968a*.[4]

[1] В хеттском с *ḫenkan* 'смерть' 'чума', 'мор', 'эпидемия' связано представление о всеобщем умирании. Когда страну постигает это несчастье, царь обращается с постоянными мольбами к богам, прося их остановить смерть и оставить в живых немногих еще не затронутых болезнью, *Goetze 1929*.

[2] И.-е. ***t**$^{[h]}$*e*rH-/***t**$^{[h]}$*r̥H*- 'побеждать, одолевать': хет. *tarḫ-* 'побеждать', др.-инд. *tárati* 'побеждает, одолевает, борется' (ср. вед. *viśva-túr* 'всех побеждающий', *pr̥tsu-túr* 'битву выигрывающий', *āji-túr* 'в сражении побеждающий').

[3] И.-е. ***Hnek̂**$^{[h]}$-**t**$^{[h]}$*r̥H*- отражено в греческом закономерно в виде гом. *νέκταρ* 'розовое, благоуханное питье богов':

Οἱ δὲ θεοὶ πὰρ Ζηνὶ καθήμενοι ἠγορόωντο
Χρυσέῳ ἐν δαπέδῳ, μετὰ δέ σφισι πότνια Ἥβη
νέκταρ ἐφυσοόει (Δ 1—3)
"Боги собрались в совет, на помосте из золота сидя,
Подле Зевса-отца, а в средине почтенная Геба
Черпала нектар для них" (перевод *Н. М. Минского*).

[4] Возможность сочетания глагола ***t**$^{[h]}$*(e)rH*- со словом, обозначающим 'смерть', предполагаемую этимологией индоевропейского словосложения ***Hnek̂**$^{[h]}$-**t**$^{[h]}$*r̥H*- (греч.

Боги, владеющие 'напитком бессмертия' *Hnek[h]-t[h]ŗH-, считаются бессмертными: *n̥-mŗt[h]o-, в отличие от людей — смертных: *mŗt[h]o- (см. выше, стр. 474 и след.).

3.3. ЗАГРОБНЫЙ МИР КАК «ПАСТБИЩЕ»

Представления о "загробном мире" и пребывании в нем человеческих 'душ' (*d[h]eu̯-H/s- и *anH-, см. выше, стр. 465 и след.) определяются у древних индоевропейцев в основном характером скотоводческого общества, существенные признаки которого переносились в 'мир мертвых'. Загробный мир представлялся в виде 'пастбища', на котором паслись души умерших людей и принесенных в жертву животных.

В хеттском царском погребальном обряде KUB XXX 24 Vs. II 1—6 содержится архаическая молитва, которую произносит жрица 'Старая Женщина' ^{SAL}ŠU.GI:

1. *ku-un-na-u̯a-aš-ši* Ú.SAL^{LAM} ^{D}UTU-*uš a-a-ra i-i̯a-an ḫar-ak*
2. *nu-u̯a-ra-aš-ši-ša-an šar-ri-iz-zi ḫa-an-na-ri le-e*
3. *ku-iš-ki nu-u̯a-aš-ši-kán ke-e-da-ni A.NA* Ú.SAL GUD$^{HI.A}$ UDU$^{HI.A}$-*i̯a*
4. ANŠE.KUR.RA^{MEŠ} ANŠE.GÌR.NUN.NA$^{HI.A}$ *ú-še-ed-du*

"О бог Солнца! Сделай ему пастбище (хет. *u̯ellu-*) на право и на благо!
Пусть никто у него не отнимает, не оспаривает (по суду),
И пусть ему на этом пастбище быков, овец, лошадей и мулов пасут!"[1]

Аналогичные представления о загробном мире как о 'пастбище', где пасется скот, можно обнаружить и в индо-иранской традиции. В "Ригведе" мир умерших в "Похоронном гимне Яме" называется *gávyūti-* 'пастбище' (для крупного рогатого скота):

yamó no gātúm prathamó viveda naḥśá gávyūtir ápabhartavá u/
yátrā naḥ pū́rve pitáraḥ pareyúr enā́ jajñānā́ḥ pathyā́ ánu svā́ḥ//

"Яма первым нашел (корень *ved-/vid-*) наш путь,
Это пастбище (*gávyūti-*) назад не отобрать![2] Где некогда прошли наши отцы,
Там живые (вновь рожденные) найдут свой путь" (RV X 14, 2).

В "Авесте" индийскому царю Яме (*Yama-rāja-*), которому как владыке загробного мира (первоначально: первому человеку — 'близнецу', см. выше, стр. 777 и след., впервые узнавшему смерть) посвящается цитированный

νέκταρ), можно иллюстрировать конкретным ведийским примером tarāṇi mṛtyúm 'да преодолею я смерть' ("Atharvavedasaṁhitā", IV 35), ср. *Schmitt 1967 : 190*; ср., однако, *Knobloch 1967*, где греч. *νέκταρ* сопоставляется с хет. nink- 'пить' и этимологизируется просто как 'питье'.

[1] Ср. также в тех же хеттских погребальных ритуалах выражение ma-a-an-u̯a-kán Ú.SAL-ua pa-a-i-ši "когда ты пойдешь на пастбище" ('на луг'—хет. *напр. n.* u̯elluua), KUB XXX 19 Rs. IV 13, ср. *Otten 1958 : 139*.

[2] Ср. чрезвычайно близкое к этому значение le kuiški šarrizzi "пусть никто не отнимет, не отберет" (о пастбище— u̯ellu-) в приведенном выше хеттском погребальном гимне.

гимн "Ригведы", соответствует царь Йима: *Yimō Xšaētō*[1], обладающий 'прекрасными стадами' (*hvąδwō*, ср. *Yasna* 9, 5, ср. *Thieme 1968c : 148*) и по мифу связанный с происхождением пастбищ (ср. *Dumézil 1971 : 247*).

В авестийском гимне—молитве "Души Скота" (*gāuš urvan-*, см. выше, стр. 467), 'душа скота', обращаясь к богам, восклицает: *nōiṯ mōi vāstā xšmāṯ anyō* "нет у меня другого пастуха, кроме вас" (*Yasna* 29, 1), ср. *Duchesne-Guillemin 1973*. Эта архаическая молитва обнаруживает соответствие (частично и на уровне текста) с хеттской формулой ^{D}[U]TU *ŠA.ME.E* EN.*IA ŠA* DUMU. LÚ.ULÙ.LU ^{LÚ} *ú-e-eš-ta-ra-aš* "бог Солнца небесный, господин мой, человечества пастух", KUB VI 45 III 13; 46 III 52 (хет. *ųeštara-* 'пастух' ≈ авест. *vāstar-* 'пастух', *Benveniste 1962a : 99—100*, ср. *ųešiia-* 'пасти' в приведенном выше погребальном обряде).

С общими для хеттской и индо-иранской традиций представлениями о загробном мире как о 'пастбище' для людей и скота согласуется и греческое обозначение потустороннего мира, "Аида со славными жеребцами" ("Αϊδι κλυτοπώλῳ, E 654), посредством слова λειμών 'луг' (*Thieme 1968c: 144 и след.*). Само греческое название 'мира (а также бога) мертвых', Ἀϊδης 'Аид' этимологизируется как **sm̥u-id-* 'свидание', 'встреча' (в смысле 'встречи', 'свидания' с предками; ср. древнеиндийскую формулу в погребальном гимне *pitṛ́bhiḥ sam̐-vidānā-* 'чтобы увидеться с отцами', см. *Thieme 1968c*).

3.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ «МИРА МЕРТВЫХ»

Общеиндоевропейские представления о потустороннем мире как 'пастбище', 'луге', на котором пасутся души (скота и людей), подтверждается не только сходными образами в отдельных исторических индоевропейских традициях, но и самими обозначениями 'мира мертвых' и соответственно 'бога мертвых' этимологически родственными друг другу лексемами, которые восходят к общеиндоевропейскому слову **ųel-* первоначально в значении 'пастбище', 'луг':

И.-е. **ųel-* 'пастбище', 'луг', 'обиталище мертвых' (далее 'бог мертвых' и 'смерть'): хет. *ųellu-* 'луг', 'пастбище мертвых', ср. лув. *u(ųa)lant-* 'мертвый' (*ср. Hawkins 1980*), тох. А *walu* 'мертвый', *wäl-* 'умирать', *wlalune* 'смерть', греч. Ἠλύσιος λειμών, гом. Ἠλύσιον πεδίον 'Елисейские поля', 'поля мертвых' (к этимологии Ἠλύσιο- из **ųel-* см. *Puhvel 1969*), валл. *gweli*, корн. *goly* 'рана', др.-исл. *val-hǫll* 'Вальгалла', 'жилище воинов, павших на поле боя', *val-kyria* 'Валькирия', 'дева, выбирающая героя среди мертвых на поле боя и отводящая его к богу Одину, в мир мертвых', лит. *vėlìnės* 'поминовение мертвых', латыш. *Veļu laiks* 'обряд поминовения мертвых', лит. *Velionà* 'бог мертвых' (*ср. Иванов/Топоров 1974*), др.-рус. *Велесъ* 'скотий бог' (*Jakobson 1969*; *Якобсон 1970*).

[1] Отсюда пехлев. ǰamšēṯ, ǰamšīd—в персидском классическом эпосе, см. подробно об этом *Dumézil 1971 : 246 и след.*

3.5. «ВОДА» КАК ГРАНИЦА МЕЖДУ «МИРОМ ЖИВЫХ» И «МИРОМ МЕРТВЫХ»

'Пастбище мертвых', куда направляются души умерших, отделяется от 'мира живых' водой, через которую нужно переправиться, чтобы попасть в потусторонний мир. Переправляет души умерших в потусторонний мир 'старый человек', 'старик' (и.-е. ***k'er[ont$^{(h)}$-]**, ср. греч. Χάρων, др.-исл. *karl*, см. *Lincoln 1980*). Такие представления у древних индоевропейцев можно реконструировать как по мифологическим мотивам, совпадающим в отдельных традициях и по лингвистическим данным, так и по свидетельству древнейших индоевропейских ритуальных обрядов.

В древнеиндийской традиции в "Ригведе" с мировым Океаном связывается архаический бог Варуна (ср. *Lüders 1951, I; 1959, II*). Показателен "Гимн Варуне" (RV VII 89), в котором певец просит не отправлять его в 'земной дом' (*mṛnmáyaṁ gṛhám̐*), то есть в могилу, куда сожженный прах опускают после кремации. Метафорически певец изображает себя находящимся 'посреди вод' (*apā́m mádhye*).

Древнее представление, по которому на тот свет отправляются на корабле, отражено в брахманической формуле: *naur ha vā eṣā svargyā yad agnihotram* "жертвоприношение богу Агни (Агнихотра) — это корабль (*naur*), который ведет к небу" (*Śatapatha-Brāhmaṇa*, 2, 3, 3, 15). Согласно "Упанишадам", умерший должен пересечь (глагол *tṛ-*) вначале 'озеро', далее 'реку'.

Такой же мифологический образ обнаруживается в греческой традиции. У Гомера в "Одиссее" Цирцея в разговоре с Одиссеем объясняет ему, как переплыть на корабле Океан и достигнуть Аида, которого "никто из смертных на черном корабле (νηΐ) пока не достигал": εἰς Ἄϊδος δ' οὔ πώ τις ἀφίκετο νηὶ μελαίνῃ (κ 502), ср. о сопоставлении индо-иранских представлений с греческими *Thieme 1968c: 150 и след.*

Любопытно, что само индоевропейское слово ***nāu-s-** (см. выше, стр. 634$_3$) в значении 'корабль', 'судно', на котором переправлялись в 'потусторонний мир' (ср. др.-инд. *nā́uḥ*, греч. νηῦς), могло приобретать вторично и значение 'смерть'. Такое значение данной основы и ее производных отразилось в ряде индоевропейских диалектов: гот. *naus* 'труп', *ga-nawistrōn* 'похоронить' (этимологически: 'отправить на ладье'), др.-исл. *nár* 'труп', др.-англ. *nē(o)-* 'труп', др.-рус. *навь* 'труп', др.-чеш. *nav* 'могила', 'преисподняя', 'тот свет', латыш. *nâve* 'смерть' и др.

На тех же представлениях о 'воде' как стихии, связанной со смертью и с загробным миром, основаны общеиндоевропейские ритуалы принесения 'водных клятв' в древнеиндийской и греческой традициях. Древнеиндийская клятва водами "Варуны" символизирует 'воды смерти' (*Lüders 1951, I: 28; 1959, II : 667*), соответствующие греческим водам Стикса, которыми клянутся гомеровские боги: ср. гом. ὅρκου γὰρ δεινοῦ Στυγὸς ὕδατος (B 755) "стиксовых вод, ужасных для клятвы", ср. *Thieme 1968c : 150 и след.*

В этой связи особый интерес представляют хеттские "Водяные клятвы", во многом перекликающиеся с соответствующими древнеиндийскими и греческими, см. *Oettinger 1976 : 70—73.*

3.6. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ. ДРЕВНЕХЕТТСКАЯ ТРАДИЦИЯ КРЕМАЦИИ ТРУПОВ

Погребальные обряды у древних индоевропейцев могут быть в общих чертах восстановлены путем сопоставления погребальной практики в разных древних индоевропейских традициях и установления в них сходных характерных признаков, которые могут отражать общность их происхождения.

Общей чертой погребальных обрядов большинства древних индоевропейских традиций является широко представленная наряду с другими видами погребения практика сжигания трупов и собирания и захоронения останков после сжигания в особых сосудах.

В древней хеттской традиции засвидетельствованы многочисленные царские погребальные обряды, совершавшиеся до и после сжигания трупа, *Otten 1958*. Умершего отвозят на повозке к месту сжигания трупов, где горит вечный огонь: ср. *nu ak-kán-za ku-e-da-aš uk-tu-[ri]-ia-aš ua-ra-a-ni...* (KUB XXX 15 Vs. 10) "и в вечный огонь (*ukturi-*), на котором умерший (*ak-kánza*) сжигается (*uarani*)[1]. После сжигания в течение двенадцати дней[2] совершаются различные жертвоприношения перед образом умершего, который также отвозят к месту сожжения на колеснице (см. выше, стр. 726).

Уже на второй день после сжигания трупа приходят женщины к 'вечному огню' и собирают кости, заливая огонь пивом, вином и медоносным напитком *ualhi-*: *ma-a-an 1.NA* UD II^{KAM} *lu-uk-kat-ta nu* SAL^{MEŠ} *uk-tu-[u-ri-i]a ha-aš-ti-aš le-eš-šu-u-ua-an-zi pa-a-an-zi na-aš-ta* IZI *IŠ.TU* X DUG KAŠ X [DUG GEŠTIN] X DUG *ua-al-hi ki-iš-ta-nu-ua-an-zi* "когда рассветает на второй день, женщины направляются к вечному огню, чтобы собрать кости (*hastiiaš leššuuanzi*)[3] и затем огонь они гасят десятью

[1] Хет. uar- 'гореть', ср. uarnu- 'сжигать'; слово общеиндоевропейского происхождения, родственное арм. *varem* 'зажигаю', *varim* 'горю', др.-в.-нем. *warm* 'теплый' (нем. warm), лит. *virti* 'кипеть', ст.-слав. *variti* 'варить'.
В качестве другого общеиндоевропейского слова в значении 'гореть', 'сжигать' выступает основа **eus-*: др.-инд. óṣati 'горит', *прич.* uṣṭá-, uṣṇá- 'горячий', греч. гом. *εὕω* (из **eusō*) 'обжигаю, опаляю', лат. ūrō 'жгу, палю, уничтожаю огнем', др.-исл. ysja 'огонь', usti 'сожженный', др.-англ. æm-yrie 'горящие угли' (англ. embers).
Наряду с этими основами в общеиндоевропейском реконструируется в значении 'гореть, сжигать' и форма **d$^{(h)}$leg$^{(h)}$o-*: тох. A tsäk-, B tsäk- 'гореть', др.-инд. dáhati, авест. dažaiti 'горит', греч. τέφρα 'пепел', алб. djek 'сжигаю', лат. foueō 'грею, согреваю', fauilla 'раскаленный пепел', ср.-ирл. daig 'огонь', лит. degù 'горю', 'жгу'.

[2] В этом, возможно, следует видеть некоторую связь с представлениями 'о двенадцати частях тела', составляющих, согласно анатолийским представлениям, цельное человеческое тело.

[3] Хет. leš- 'собирать' сопоставимо с германо-балтийским корнем **les-* 'собирать, подбирать': гот. lisan 'собирать, подбирать', др.-исл. lesa 'собирать, подбирать', др.-англ.

сосудами пива, десятью сосудами вина и десятью сосудами *ualḫi-*", KUB XXX 15 Vs. 1—2.

Останки с костями мертвого, подобранные на месте сожжения, уносят и помещают в "Каменный дом" É.NA$_4$, хет. *ḫaštiḫaš pir*, É *ḫešta-*.

Археологическое подтверждение практике сжигания трупов у хеттов дают находки значительного числа погребальных урн с останками кремированных трупов в двух местах, в скалах по дороге в Язылыкайя. Захоронение в Османкайясы датируется XVII—XIV вв. до н. э. (*Otten 1958 : 6*); основная часть захоронений (50 из 72) представляла собой кремированные трупы, что указывает на широкое распространение практики кремации, не ограниченной только царским родом.

Наряду с кремацией у хеттов, по-видимому, практиковалось и захоронение в землю. Хаттусили I (XVII в. до н. э.) в своем завещании просит 'женщину' похоронить его тело в земле (*Sommer/Falkenstein 1938*).

3.7. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ

Оба вида захоронения — кремация (в более редких случаях — на Кноссе и Пилосе, ср., однако, древние следы кремации уже в раннем неолите Фессалии, см. Γαλλῆς 1975) и погребение в земле выявляются и у микенских греков (*Webster 1958 : 110*).

Поразительная аналогия хеттскому обряду сжигания трупа и собирания костей женщинами обнаруживается у Гомера. После сжигания трупа Патрокла огонь заливают 'темно-красным вином' (αἴθοπι οἴνῳ). Родные и друзья умершего 'собирают' (λέγωμεν)[1] белые кости' (ὀστέα λευκά), кладут их в 'золотой сосуд' (ἐσ χρυσέην φιάλην), который устанавливают в палатке (ἐν κλισίῃσι δὲ θέντες, Ψ 236—257). Аналогичный обряд, длящийся девять дней, описывается при сжигании трупа Гектора, Ω 788—795):

ἦμος δ' ἠριγένεια φάνη ῥοδοδάκτυλος ἠώς,
τῆμος ἄρ' ἀμφὶ πυρὴν κλυτοῦ Ἕκτορος ἤγρετο λαός.
αὐτὰρ ἐπεί ῥ' ἤγερθεν ὁμηγερέες τε γένοντο,
πρῶτον μὲν κατὰ πυρκαϊὴν σβέσαν αἴθοπι οἴνῳ
πᾶσαν, ὁπόσσον ἐπέσχε πυρὸς μένος. αὐτὰρ ἔπειτα
ὀστέα λευκὰ λέγοντο κασίγνητοί θ' ἕταροί τε
μυρόμενοι, θαλερὸν δὲ κατείβετο δάκρυ παρειῶν.
καὶ τά γε χρυσείην ἐς λάρνακα θῆκαν ἑλόντες

lesan, др.-в.-нем. lesan (нем. lesen), лит. lesù 'собирать, подбирать, клевать зерна', латыш. *lasît* 'собирать, подбирать'.

[1] Буквально: 'соберем': греч. *λέγω* 'собираю', 'соединяю', лат. *legō* 'собираю', 'подбираю', алб. *mb-ledh* 'собирать; собирать урожай', и.-е. **leḱ*'-. В германском эта основа выражает значение 'лечения' (*Pokorny 1959 : 658*): гот. *lēkeis*, др.-исл. *læknir*, др.-англ. *lǣce*, др.-в.-нем. *lâchi* 'врач', 'заклинатель', *lâchin* 'лечение' (отсюда ст.-слав. *lěčiti* 'лечить', *Фасмер 1964—1973, II : 477*). Обращает на себя внимание формально-семантическая близость и.-е. **leḱ*'- и **les-* 'собирать, подбирать'.

"Чуть лишь из сумерек ранних заря розоперстая вышла,
Стал собираться народ у костра знаменитого мужа,
И, многолюдной толпою поспешно собравшись, троянцы
Весь погасили костер, заливая вином темнокрасным.
Все орошая пространство, где сила огня бушевала.
После того и дружина, и Гектора братья родные
Белые кости собрали, и слезы по лицам струились,
Вместе собрав, в золотую их урну немедля вложили"

(перевод *Н. М. Минского*).

Ср. также в "Одиссее": αὐτὰρ ἐπεὶ νεκρός τ' ἐκάη (μ 13) "когда труп был сожжен".

3.8. ОБРЯД КРЕМАЦИИ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В древнеиндийской традиции в погребальных гимнах "Вед" ("Ригведы" и "Атхарваведы") обнаруживаются погребальные обряды, схожие с соответствующими хеттскими и гомеровскими греческими ритуалами (ср. также археологические данные о кремации в северо-западной Индии, *Stacul 1971*). Покойника привозили к месту сжигания на повозке, после чего разводили первый костер, на котором сжигали труп (RV X 16, 1—8). После этого разжигали второй костер, на котором бог огня Агни, 'пожирающий мясо-жертву' (*Agní- kravyā́d-*, ср. *Geib 1975*) и 'увозящий жертву' (*kravyavā́hana-*, ср. *Bloomfield M. 1924*), сжигает жертвоприношения, приносимые богам (RV X 16, 9—10). Кости, оставшиеся после сжигания трупа, складывают в виде человеческой фигуры, у которой ставятся блюда с ритуальной пищей (ср. в хеттском обряде образ умершего, которому приносят жертву после сжигания трупа). Кости в индийском ритуале умащиваются жиром сезама, зерна которого смешаны с ячменем, и заворачиваются в ткань, "сделанную из трав" ("Атхарваведа", XVIII 4, 31), ср. умащивание жиром и заворачивание в льняную ткань костей (после сжигания) в греческом гомеровском ритуале. Перед захоронением костей сооружается небольшой домик на столбе, а после захоронения — надгробие (ср. в хеттском обряде палатку, куда сначала везут 'образ' покойника, и 'каменный дом', где помещают урну с костями, а в гомеровском обряде — палатку для костей Патрокла и яму, перекрытую камнями, для костей Гектора).

Древнеиндийский обряд сжигания умершего как бы очищает его с помощью огня (*Agní-*), в результате чего части тела покойника сливаются со стихиями, берущими начало от соответствующих частей мифологического человека Пуруши: *sū́ryaṁ cákṣur gachatu vā́tam ātmā́* "к солнцу да идет глаз, к ветру — душа" (RV X 16, 3).

Следы обряда кремации в северо-западной Индии установлены и археологически (*ср. Stacul 1971*).

Свидетельства существования разных способов погребения, сменивших друг друга (в зависимости от социальных условий), установлены в древнеиранской традиции, ср. *Humbach 1961*; *Benveniste 1962c*. В "Авесте" отра-

жена древняя практика кремации трупов (*nasu-pāka-* 'трупосожжение', *Bartholomae 1904 : 1059*) и предания их земле (*zəmē ni-kan-*, *Benveniste 1962c : 39—43*; ср. *Периханян 1973 : 356, 501*). Наряду с этим у иранцев существовала практика оставления умерших в особых 'домах смерти' — обычай, который сохранился до наших дней в некоторых областях с кафирским и дардским населением (ср. *Jettmar 1966*; *Литвинский 1972*).

3.9. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРАКТИКА ТРУПОСОЖЖЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЕ

В Риме сосуществовали обычаи ингумации и кремации трупов, причем, по свидетельству Плиния, кремация считалась нововведением (*Dumézil 1966 : 75, 361—362*)[1].

Согласно древнегерманской мифологической традиции героя сжигали на костре в корабле[2] вместе с его женой, свитой и лошадью. Бог Один установил обычай кремации трупов: мертвые должны быть сожжены вместе с их земным имуществом, которым они смогут пользоваться в потустороннем мире — в Вальгалле (ср. *de Vries 1957, II : 374 и след.*; *Polomé 1970 : 77 и след.*).

Древнегерманский обычай сожжения умершего воина вместе с его конем описывается уже Тацитом, что находит подтверждение и в археологических данных (*ср. Могильников 1974 : 180*).

Обычай трупосожжения у древних славян описывается различными средневековыми авторами еще во второй половине I тысячелетия (полабские славяне) и в начале II тысячелетия (восточные славяне). На основании данных этих источников устанавливается следующая картина обряда: Оплакиваемое тело умершего доставляли к общему кострищу, после чего родственники поджигали костер. На следующий день пепел с обгоревшими остатками костей собирали и складывали в урну, которую зарывали в землю или ставили на камень (часто у дороги), *ср. Нидерле 1956 : 206 и след.*

Аналогичные сведения о трупосожжении сообщаются в источниках начала II тысячелетия н. э. о балтийских племенах — литовцах (*Mansikka 1921*) и пруссах. Обряд кремации был известен также у галльских племен.

В Европе периода распространения племен, говоривших на "древнеевропейских" диалектах, начиная с конца II тысячелетия до н. э. до на-

[1] У римлян глагол sepelīre, родственный др.-инд. sápati 'почитает, совершает обряд, служит богу', греч. ἕπω 'служу, приготовляю' (и.-е. **sep[h]-*, ср. *Pokorny 1959 : 909*) означает 'хоронить, погребать, закапывать' (о костях ossa), а также 'сжигать'; ср. также лат. sepulcrum 'могила, могильный холм', 'надгробный камень', 'покойник'.
Можно реконструировать также некоторые детали ритуального омовения и одевания покойного перед погребением. Умершего одевали в одежду — лат. *uespa (ср. хет. ua̯špa- 'одежда', в частности в древнехеттской погребальной песне), откуда производное слово лат. uespillō, которое могло означать 'вора, крадущего похоронную одежду', см. *Watkins 1969a*.

[2] Обычай погребения в ладьях известен и у древних славян, что связывали с германским влиянием (*Нидерле 1956 : 210, ср. рис. 7*); ср. выше (стр. 825) о значении 'судно' = 'смерть' в славянском и германском.

чала I тысячелетия н. э., можно установить по археологическим данным наличие двух видов погребения — кремации и захоронения в землю. При этом кремация, сменяющая ингумацию и заменяющаяся трупоположением, распространяется постепенно преимущественно из более южных, придунайских районов, где она известна с начала бронзового века, по направлению к северу (*ср. Никитина 1974 : 8*, рис. *2 и др.*). Захоронения в древнеевропейских культурах этого времени осуществляются в урнах — преимущественно сосудах бытового назначения (реже в специальных моделях домиков). В урну после сожжения трупа на костре складывали кости (иногда в порядке, соответствующем анатомическому, *ср. Могильников 1974 : 171*). Нередко сама урна помещалась в каменный ящик.

3.10. ДВА СПОСОБА ЗАХОРОНЕНИЯ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАЗНЫХ ВИДАХ СМЕРТИ

Данные отдельных индоевропейских традиций, относящиеся к погребальным обрядам, позволяют предположить наличие у древних индоевропейцев двух основных способов захоронения трупов: кремации — сжигания трупов с последующим захоронением останков, и ингумации — погребения в земле.[1]

Наличие двух способов захоронения умерших могло определяться некоторыми социальными факторами (рангом покойника, а также, возможно, полом и возрастом), вероятно, и характером смерти, которой умирал покойник. В этом отношении весьма показательно различение у древних индоевропейцев двух видов смерти. Следы этого различения можно реконструировать на основании восстановления словосочетания со значением "умереть своей смертью": ***su̯o- mr̥t^{h}i-m mer-/mr̥-**, то есть "естественной смертью" (первоначально: смертью ***su̯e-** 'своего рода', 'своих предков'); ср. др.-перс. *uvāmaršiyuš amariyatā* "своей смертью умер" (в Бехистунской надписи соответствует необычному аккадскому словосочетанию *mi-tu-tu ra-ma-ni-šu mi-i-ti* "смертью своей собственной умер", ср. *Дандамаев 1962*), лит. *jìs mirė sãvo mirtimì* "он умер своей смертью", ср. рус. *умереть своей смертью*;[2] ср. также семантически тождественные сочетания типа лат. *fato suo mori* (*Schulze 1933 : 135*; *Фасмер 1964—1973, III : 686*) и возможные хеттские параллели (ср. *Puhvel 1969a*).

[1] Тезис о наличии практики сожжения трупов у древних индоевропейцев предполагает определенный уровень техники разжигания огня для достижения температуры порядка 800°—1000°С, необходимой для осуществления кремации, см. *Никитина 1974 : 100*. Такой вывод согласуется со сделанными выше выводами о наличии у древних индоевропейцев технических предпосылок для гончарного дела и металлургии меди и бронзы, см. выше, стр. 709.

[2] Ср. древний славянский обычай хоронить 'умерших не своей смертью' (*самоубийц, утопленников, детей*) способом, отличным от 'умерших своей смертью': их относили в лес или отправляли в водную стихию, ср. *Зеленин 1916*.

3.11. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ХАРАКТЕР ПРАКТИКИ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ И КУЛЬТ ОГНЯ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Обряд сжигания умерших на огне у древних индоевропейцев, предполагающий наличие достаточно сложной по тому времени технологии, должен был иметь определенный символический смысл, отличавший этот обряд от более простого способа захоронения умершего в землю. Такой символический смысл обряду кремации придавал 'огонь' (и.-е. ***ŋk'ni-**), знаменовавший очищение человека, освобождение его 'духа', переходившего в потусторонний мир на 'луг', на 'пастбище', отделенное от мира живых 'водой', которую преодолевали на 'корабле', 'ладье' или переходя по 'мосту'[1]. В некоторых позднейших индоевропейских традициях 'огонь' как символ очищения становится основным предметом поклонения (в частности в древнеиндоиранской). Самое происхождение обряда трупосожжения могло бы быть связано с теми мерами, которые обязательно вырабатываются у древних народов, постоянно сталкивающихся с опасностью смертоносных инфекционных заболеваний (и в первую очередь чумы). У народов Древнего Мира (в том числе и у таких древних индоевропейских народов, как хетты, — о чем можно судить по известным "Молитвам Мурсили во время чумы", см. *Goetze 1929*), 'чума' (хет. *ḫenkan*) была обычно связана с воздействием волн эпидемий, вызванных *Pasteurella pestis antiqua* (географически намечается очаг в Египте, откуда чума была занесена и к хеттам; в Египет же она проникла из области великих африканских озер, см. *Le Roy Laduric 1978 : 50—51*). Сожжение не только умершего, но и его скота и имущества, предполагаемое обрядом кремации, могло бы первоначально представлять собой необходимую защитную меру против распространения чумы.

[1] Ср. в германской мифологии 'мост в преисподнюю', 'огненный мост'—в индийской традиции и аналогичные символы в римской (*Dumézil 1966 : 556—557*) и ряде других традиций, в том числе славянской (*Пропп 1946*).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ТЕКСТА. ФРАГМЕНТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МЕТРИЧЕСКИЕ СХЕМЫ. СИСТЕМА СЧЕТА И ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА

1. ФРАГМЕНТЫ МИФО- И РИТУАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

1.1. РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТОВ РЕЧИ, БО́ЛЬШИХ, ЧЕМ СЛОВО

Сопоставление друг с другом соотносимых слов, словосложений и словосочетаний различных индоевропейских диалектов позволяет реконструировать для общеиндоевропейского состояния не только отдельные слова с определенной семантикой, формально-семантический анализ которых был дан выше, но и целые словосочетания, отражающие фрагменты общеиндоевропейского текста. Такие фрагменты, образовывавшие некоторые фразеологические и смысловые единства, сохранялись в ряде исторических индоевропейских диалектов, что и дает возможность проецировать их на общеиндоевропейский языковой уровень.

Таким образом мы получаем представление не только об отдельных словах праиндоевропейского языка с определенной семантикой, но и о единствах, бо́льших, чем слово, — словосочетаниях, представляющих минимальные фрагменты текста.[1]

[1] Реконструкция праязыкового словесного текста правомерна только в указанном здесь смысле, то есть при обнаружении соответствий в словосочетаниях, представленных в различных родственных диалектах и позволяющих предположить их исходный прототип в праязыке. Процедура реконструкции праязыкового текста путем применения правил, определяющих сочетаемость друг с другом отдельных слов (ср. известную реконструкцию индоевропейского текста — "басни", предложенную *Шлейхером*, а позднее *Хиртом*), дает не конкретный реальный текст праязыка, а является лишь иллюстрацией правил сочетаемости слов, отражающих определенное состояние знаний о индоевропейском праязыке.

С другой стороны, праязыковой текст может быть восстановлен на семантическом уровне (но не на словесном) при обнаружении в различных родственных диалектах единообразных стереотипных формул различного содержания (*ср. Meid 1978 : 8 и след.*). Так, например, стереотипные схемы заклинаний, обнаруживаемые в древнеиндийской и германской (а также и некоторых других, ср. *Kuhn 1968*; *Schlerath 1968*; *Топоров 1971*)

1.2. НЕКОТОРЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Характер реконструируемых этим способом словосочетаний позволяет судить об особом назначении таких фрагментов, отражающих части ритуально-поэтического или мифологического текста. Такое назначение этих фрагментов проявляется прежде всего в их своеобразной семантике и поэтической образности, что вместе с их формальными характеристиками дает основание сделать вывод о наличии в древнем индоевропейском обществе ритуально-поэтической речи.

К числу фрагментов индоевропейской ритуально-поэтической речи следует отнести прежде всего словосочетания типа:

И.-е. ***nom(e/o)n *d$^{[h]}$eH-** 'устанавливать имя': хет. *laman de-*, иер.-лув. *adamain tuha* 'имя установил' (Каратепе), др.-инд. *nā́ma dhā-*, авест. *nāmąm dā-*, ср. греческое словосложение ὀνομαθέτης 'установитель имен' (в мифологическом контексте у пифагорейцев и Платона: ὁ θέμενος τὰ ὀνόματα 'тот, кто установил имена' — о древнем мифологическом герое — установителе имен), др.-чеш. *dieti jmě*, *Иванов 1976 : 45*. Это словосочетание, восходящее к общеиндоевропейской эпохе, указывает на то, что древние индоевропейцы размышляли о происхождении имен предметов и вещей. Это и отразилось в отдельных индоевропейских традициях в виде веднйского мифа о мудрецах — 'установителях имен' (и в греческом мифе о первом человеке, который дал имена вещам, ср. *Тронский 1936*);

И.-е. ***k̑$^{[h]}$(e/o)re/ot'-d$^{[h]}$eH-**, буквально: 'вложить в сердцевину', в переносном смысле 'доверять', 'верить': хет. *karatan dair* 'вложили сердцевину' (см. выше, стр. 800 и след.), др.-инд. *śrad-dhā-* 'доверять', 'ве-

традициях, позволяют восстановить лишь структуру текста, то есть последовательность семантем, но не конкретные слова, выражавшие эти семантемы.
В частности, сопоставление древнеиндийского текста заклинаний из "Атхарваведы" с аналогичными германскими заклинаниями (*ср. de Vries 1957, II : 169 и след.*):

"Атхарваведа"	*Норвежское заклинание*
majjā majjñā sam dhīyatām	...lagde marv i marv
"костный мозг с костным мозгом да соединится!";	"сложил костный мозг с костным мозгом";
carmaṇā carma rohatu	*Мерзебургское заклинание*
"да соединится сустав с суставом";	bên zi bêna,
asṛk te asthi rohatu	bluot zi bluoda,
"да обрастет у тебя кровь-кость".	lid zi geliden,
	sôse gelîmida sîn!
	"кость к кости,
	кровь к крови,
	член к члену,
	да будут они соединены!"

дает возможность предположить существование подобного заклинания уже в общеиндоевропейскую эпоху. Однако исторически засвидетельствованные тексты этих заклинаний не позволяют довести индоевропейскую реконструкцию до словесного уровня и ограничивают ее лишь постулированием общей схемы исходного типа заклинаний.

рить', ср. авестийское сложное слово *zrazdā-* 'верить', 'доверить' (*Benveniste 1969, I : 171—179*), лат. *crēdō* 'верю', др.-ирл. *cretim* 'верю';

И.-е. *$\hat{k}^{(h)}$leu̯o-d$^{(h)}$eH- 'класть (себе) славу', 'приобретать славу': др.-инд. *śráva- dhā-* 'добывать славу' ("Ригведа", I 40, 4; 73, 7; 91, 18 и др.), греч. κλέος καταθέσθαι, *Schmitt 1967 : 70, 71*; ср. общеславянское сложное слово-имя **Sŭ-dĕ-slavŭ* (др.-рус. *Сдеславъ*, серб.-хорв. *Zdeslav*, польск. *Zdzisław, ср. Тупиков 1903 : 408*; *Milewski 1969*).

Еще более широкое диалектное распространение показывает словосочетание др.-инд. *urugāyám... śrávo* 'широкая слава', греч. гом. κλέος εὐρύ при словосложении в личных именах: др.-инд. *Urušravas-*, кельт. *Verucloetius* (у Цезаря, *De bello Gallico*, 1, 7, 3, ср. *Schmitt 1967 : 72—75*).

Любопытно, что индоевропейское слово *$\hat{k}^{(h)}$leu̯o- 'слава' не представлено в анатолийских языках, хотя о его древности свидетельствует наличие в тохарском производного глагола от этой основы : тох. A *klāw-*, B *klāw-* 'обозначать', 'объявлять' (*Van Windekens 1976 : 218*). Наличие слова в тохарском и в других индоевропейских языках (даже при отсутствии слова в анатолийском) свидетельствует по схеме диалектного членения об общеиндоевропейской древности слова; ср. показательное совпадение тох. A *ñom-klyu*, B *ñem-kälywe* 'знаменитый', др.-инд. *śrútyaṁ náma*, греч. ὄνομα κλυτός>ὀνομάκλυτος 'знаменитый именем' (*Schmitt 1967 : 91*).

Интересно, что мотив известности, славы является одним из излюбленных мотивов индоевропейской поэтической речи.[1]

Диалектно более ограничены другие словосочетания с *$\hat{k}^{(h)}$leu̯o- (представленные, главным образом, в греко-арийском ареале): ср. др.-инд. *śráva ákṣitam* 'немеркнущая слава', греч. гом. κλέος ἄφθιτον (I 413) 'неувядающая слава' (ср. также совпадающие словосочетания с тем же эпитетом: др.-инд. *útsam ákṣitam* 'неиссякающий источник вод', греч. ἄφθιτον ὕδωρ; др.-инд. *śrávo amṛ́tam ajuryám* 'слава бессмертная нестареющая', греч. κλέος ἀγήρατον 'слава нестареющая', *Schmitt 1967 : 69—70*; *Nagy 1974a*.

Значительное число ритуально-поэтических оборотов диалектно ограничено и определяется греко-арийским диалектным ареалом. Вообще говоря, греко-арийский ареал наряду с другими общими чертами проявляет особую общность и в отношении словосочетаний, отражающих фрагменты ритуально-поэтической речи; ср., например, др.-инд. *iṣiréṇa mánasā* 'яростный священным духом', греч. гом. ἱερὸν μένος 'священная сила' (σ 34 — об Антиное), *Schmitt 1967 : 111—114*; др.-инд. *sū́rya-...spáś-* 'солнцеглядящее', греч. гом. 'Ηέλιον... σκοπόν, др.-инд. *svādór mádhvaḥ* 'сладкого меда', греч. μέθυ ἡδύ 'сладкий мед', др.-инд. *uṣásaṁ vibhā́tīm* 'заря сверкающая', греч. гом. φαεσίμβροτος ἠώς 'сверкающая заря' и др. Дальнейшие примеры см. *Schmitt 1967 : 111 и след.*

[1] Можно предположить, что такую 'славу' приобретал человек, особо отличившийся в боевых походах и военном искусстве; это согласуется с представлением о древних индоевропейцах как воинственных племенах.

1.3. МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Существование особой ритуальной поэтической речи у древних индоевропейцев проявляется и в наличии специальных терминов, обозначающих такую речь в отличие от обычной разговорной речи. Это прежде всего и.-е. ***sHomen-** 'песня', 'песнопение': хет. *išḫamai-* 'песня', *išḫamai-* 'петь', *išḫamanatalla-* 'певец', др.-инд. *sā́man-* 'песня', 'песнопение', а также и.-е. ***u̯ek**$^{[h]o}$- 'говорить', 'сочинять', 'восхвалять': тох. A *wak*, B *wek* 'голос', *wesk-* 'говорить', тох. B *wäktasurñe* 'восхваление', др.-инд. *vákti*, *vívakti* 'говорит', 'вещает', *vácaḥ* 'слово', 'речь', *vā́k* 'богиня Речи' (в "Ригведе"), авест. *vak-* 'говорить', *vačah-* 'слово', 'речь', *vāxš* 'слово', 'речь', арм. *gočem* 'зову', 'призываю', 'кричу', греч. (*F*)ἔπος 'речь', 'эпическая песня', 'повесть', 'рассказ', ἔπεα πτερόεντα 'крылатые слова' (α 122, ср. *Durante 1968* [*1958*]), Καλλιόπη 'Каллиопа', 'муза эпической поэзии' (этимологически: 'красивоголосая'), лат. *uōx* 'голос', *uocō* 'зову', 'призываю', *inuocatiō* 'призывание', др.-ирл. *foccul* 'слово'; ср. *anocht* 'ошибка' (отступление от поэтической нормы) при др.-инд. *anuktá-* 'несказанное', 'несказываемое' (*Watkins 1970*), а также др.-в.-нем. *giwahanen* 'вспоминать', *giwaht* 'слава', 'упоминание', др.-исл. *vátta* 'говорить', 'упоминать' (<герм. **wahta-*), *váttr* 'свидетельство', *ómun* 'голос'.

Одной из характерных особенностей индоевропейских металингвистических обозначений поэтической речи представляется метафорическое применение к поэтическому искусству терминов ремесленного производства, таких как ***t**$^{[h]}$**e̯k**$^{[h]}$**s-** 'изготовлять', 'плести', 'обрабатывать', 'лепить' в значении 'сложить песнь', 'сочинять' (др.-инд. *takṣ-* 'сложить песнь', RV I 130,6; III 38,1 и др., греч. гом. τέχνη 'искусство' и др.); ***seH(i)-** 'связывать', 'скручивать' в значении 'песнь', 'песнопение' (очевидно, 'нечто сплетенное, соединенное, сложенное'), ср. хет. *išḫamai-* 'петь', *išḫamai-* 'песня', др.-инд. *sā́man-* 'песнь', 'ведийский стих'; ***si̯u(H)-** 'связывать', 'шить', 'скручивать', в значении 'связного поэтического текста', 'произведения' (ср. др.-инд. *sū́tram* 'сутра', 'текст', 'произведение') и др. (об этих индоевропейских формах в их первичном, "ремесленном" значении см. выше, стр. 704 и след.).

Можно полагать, что в индоевропейской поэтической речи была распространена и этимологическая фигура — сочетание повтора глагола с существительным типа др.-инд. *vacas- vac-* 'молвить слова', греч. гом. ἔπος εἰπεῖν 'слово молвить' (*Schmitt 1967 : 264—265*); ср. аналогичные фигуры в хеттском типа *ḫaneššar ḫannai-* 'судить дело', *kupiattin kup-* 'замысел замышлять' и др.

Представляется возможным реконструировать для индоевропейского слово ***u̯at**$^{[h]}$-, обозначавшее 'состояние возбуждения, экстаза, вдохновения', связанное с процессом поэтического творчества: др.-инд. *api-vat-* 'вдохновить' (ср. *ápi vātaya mánaḥ* 'вдохнови на мысль'[1], RV X 20, 1),

[1] Само др.-инд. mánas- 'мысль, дух', обнаруживающее соответствие в греч. гом. *μένος* 'влечение, позыв, гнев, жизненная сила', тох. A mnu 'дух, желание', B mañu

Thieme 1968d; авест. *api-vatāite* 'вдохновляет', лат. *uātēs* 'прорицатель', 'провидец', 'пророк', 'вдохновенный песнопевец', 'поэт', ср. *uātēs Maeonius* 'Гомер', др.-ирл. *fáith* 'прорицатель', 'пророк', 'поэт' (ср. *Meid 1974 : 32*), валл. *gwawd* 'поэма', 'стихотворение', гот. *wōds* 'одержимый', др.-исл. *óðr*, др.-англ. *wōd*, др.-в.-нем. *wuot* (нем. *Wut*) 'одержимый'; др.-англ. *wēdan*, др.-в.-нем. *wuoten* (нем. *wüten*) 'буйствовать', 'быть одержимым'; ср. др.-исл. *Óðinn* 'бог Один', др.-англ. *Wōden*, др.-в.-нем. *Wuotan* 'Вотан' (древнегерманский бог поэтического вдохновения, *Höfler 1974*), др.-исл. *óðr* 'поэзия', др.-англ. *wōð* 'песня', 'голос', 'стихотворение', ст.-слав. *věti(ji)* 'оратор', 'вития' (*Топоров 1958 : 86—88*; *Pohl 1977 : 17*; *Meid 1978 : 17*).

Другим общеиндоевропейским словом, связанным с обозначением поэтического творчества, могло быть и.-е. **k[h]e/ou̯-* 'провидеть', 'воспринимать', 'знать', 'предвидеть'[1] : др.-инд. *kaví-* 'мудрый', 'мудрец', 'провидец', 'поэт' (ср. *kavyátā* 'мудрость'), авест. *kavay-* 'вождь', лид. *kaveś* 'жрец', 'поэт' при греч. κόδος 'слава', 'почет', ст.-слав. *čudo* 'чудо', *čujǫ* 'чую'; ср. позднейшее производное значение : греч. ἀκούω 'слышу', лат. *cauēō* 'остерегаюсь', 'берегу себя', гот. *hausjan*, др.-англ. *hieran* (англ. *hear*), др.-в.-нем. *hōr(r)en* (нем. *hören*) 'слышать'.

Особое положение песнопевца и стихотворца, являющегося 'провидцем', 'пророком', 'прорицателем', приравнивает его к 'жрецу', 'религиозному предводителю', осуществляющему связь между землей и небом. С этим может быть связано то, что некоторые специфически ритуальные индоевропейские термины, относящиеся к культу, в отдельных традициях приобретают значение обозначений 'поэта', 'стихотворца'. Так, например, от индоевропейского **u̯el-* в значении 'загробного мира' и терминов, связанных с загробным культом (др.-исл. *Valkyria* 'Валькирия', 'дева, сопровождавшая убитого воина на тот свет', *Valhǫll* 'дом мертвых воинов', ср. выше, стр. 824), образовано и название профессионального 'поэта' при вожде в кельтском : др.-ирл. *fili* (*ср. Watkins 1963 : 214*; *Meid 1974 : 24*), ср. др.-рус. *Велесовъ вънукъ* (о поэте Бояне), *Jakobson 1969*; ср. также ср.-ирл. *creth* 'поэзия', валл. *prydydd* 'поэт' при лит. *kerãl*, *мн. ч.* 'чары', ст.-слав. *čarodějĭ* 'чародей' (*Watkins 1963*; *Ward 1973 : 140*).

В представлениях древних индоевропейцев, особенно ясно отраженных, в частности, в индо-иранской традиции, стихотворная форма представляет собой выражение божественной мысли, которая вкладывается в

'желание' (*Van Windekens 1976 :301*), лат. mēns 'ум, гнев, мышление' и связанное с глаголами 'говорения' от того же корня (хет. mema- 'говорить', ст.-слав. mĭnjǫ 'говорю') и с обозначениями мыслительной деятельности (др.-инд. mánati 'упоминает') типа греч. гом. *перф.* μέμονα 'думаю, решаюсь', μιμνήσκω 'вспоминаю', лат. meminī 'помню', предполагает индоевропейское слово **men-* в общем значении умственной деятельности : 'думать, вспоминать, говорить'.

[1] В более широком смысле 'знать, воспринимать' употребляется, очевидно, глагол **u̯(o)id-* : др.-инд. véda 'я знаю', греч. οἶδα 'знаю', др.-англ. wita 'мудрец', witan 'знать', ст.-слав. *vědě* 'знаю', при производном значении 'видеть' в форме нулевой ступени, лат. uideō 'вижу'; ср. также производное на **-men-*: др.-инд. vidmán- 'знание', греч. ἰδμων 'знающий, сведущий', тох. A, B ime 'память, сознание' (*Van Windekens 1976 : 184*).

сердце человеку (ср. разобранное выше ***k̂[h]ret'-d[h]eH-** 'вкладывать в сердце') и передается словосочетаниями искусственной формы, ср. *Schlerath 1974 : 220*.

Обнаружение общеиндоевропейских слов, обозначающих музыкальные инструменты, могло бы служить указанием на то, что обрядовые песнопения исполнялись обычно при музыкальном сопровождении. Одним из таких слов является, в частности, индоевропейская форма ***g[h]olg[h]ol-**. Хет. *galgalturi-*, обозначающее 'цимбалы' или определенную разновидность ударных инструментов (*Gurney 1977 : 35*) и сопоставимое этимологически с др.-инд. *gárgara-* 'музыкальный инструмент' (ср. *áva svarāti gárgaro* 'музыкальный инструмент звучит', RV VIII 69, 9) и с общ.-слав. **golgolй* 'слово', 'речь', 'звучание' (*Трубачев 1979, 6 : 205*), дает основание предположить для общеиндоевропейского редуплицированную основу ***g[h]olg[h]ol-** (возможно, звукоподражательного характера) в значении некоторого музыкального инструмента.

2. ЗВУКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

2.1. ЗВУКОВЫЕ ПОВТОРЫ, АЛЛИТЕРАЦИЯ, АНАГРАММЫ

Принадлежность к поэтической речи некоторых из восстанавливаемых таким способом словосочетаний проявляется и в их фонетических характеристиках, выражающихся в звуковых повторах, которые как бы объединяют такие словосочетания в единое звуковое целое: ср. индоевропейские словосочетания типа ***g[h]°en- *ŋg[h]°im** 'убить змея' (ср. др.-инд. *áhann áhim*, RV I 32, 1, 2 и др. 'убил дракона'), ***b[h]erĝ[h]- *Hek'°r-** 'высокая гора', ***ek̂[h]u- *ek̂[h]ŋo-** 'быстрая лошадь' (ср. др.-инд. *āśúm áśvam, вин. п.*, словосложение *āśváśva-* 'обладающий быстрыми конями', авест. *āsu.aspəm* 'имеющий быстрых коней', греч. гом. ὠκέες ἵπποι 'быстрые кони', ср. *Schmitt 1967 : 238—242*).

Этот общеиндоевропейский принцип аллитерации, обнаруживаемый в отдельных реконструируемых фрагментах поэтической речи, продолжает использоваться и в поэтических традициях на отдельных исторических диалектах.

Уже в хеттских фрагментах стихотворной речи можно обнаружить явную тенденцию к аллитерациям, ср., например, в "Гимне богу Пирве":

aššu mekki aššu **pi̯an̯eni**
LUGAL-*i* ^{D}**Pir̯aš ḫapinaḫzi**
"И ему много добра мы принесем,
Царю бог Пирва подарит"

(*Laroche 1965c : 114*).

В архаическом армянском стихе-гимне, сохранившемся у Моисея Хоренского (ср. *Dumézil 1969*), аллитерация является основным средством художественного выражения:

erknēr ekrin ew erkir
erknēr ew cirani cov
"В муках рождения находились Небо и Земля,
В муках рождения было и пурпурное море".

Аллитерация является одним из основных приемов построения стиха и в древнеиндийской поэзии. При этом аллитерационные повторы характеризуются семантической направленностью, при которой выделяется слог (или группы фонем) опорного слова, несущего основную семантическую нагрузку в пределах данного стихотворного отрезка; ср., например, гимн богине Речи (*Vāk*), RV X 125, 8, где аллитерационные повторы основаны на слоге *va-*, входящем в само название богини, которое является семантическим центром гимна, хотя прямо в нем и не называется. Аллитерация выступает здесь как средство скрытого называния имени богини *Vāk*:

ahám evá vā́ta iva prá vāmy árábhamāṇā bhúvanāni víśvā
paró divá́ pará enā́ pr̥thivyaítā́vati mahiná sám babhūva
"Я вею, как ветер, я обнимаю собой все сущее, и то, что по ту сторону неба, и то, что по сию сторону земли —
такой я стала по своей огромности" (RV X 125, 8), ср. *Топоров 1965*.

Такой принцип аллитерационного повтора и звукописи стиха, основанный на слоге или звуковом комплексе семантически опорного слова, был присущ и греческому[1] и раннему латинскому[2] стиху и может считаться поэтому художественным средством, характеризовавшим общеиндоевропейский стих. Этот принцип аллитерационного повтора с семантической направленностью в стихе был назван Соссюром (*Saussure 1964 : 111 и след.*) "анаграммами", которые он возводил к общеиндоевропейской поэтической традиции, ср. *Starobinski 1971*.[3]

В германском стихе общеиндоевропейский семантический принцип аллитерации преобразуется в чисто формальный признак обязательного фо-

[1] Этот принцип широко представлен у *Гомера*, ср., например, такие строки, как:
ὄρσας ἀργαλέων ἀνέμων ἀμέγαρτον ἀϋτμήν
"Подняв сильных ветров бурный порыв" (λ 400),
которые своим слоговым составом перекликаются с именем *Ἀγαμέμνων*, упоминаемым двумя строками выше, ср. *Соссюр 1977 : 645*.

[2] Это особенно ясно проявляется в так называемом сатурническом стихе, еще свободном от греческого влияния, *Cole 1969*. В гимне, обращенном к богу *Марсу*, аллитерация строится на повторе начального звука **m** (ср. *West 1973*):

ego tui **m**emini.	*"Тебя я заклинаю;*
medere **m**eis pedibus.	*приди на помощь моим ногам;*
terra pestem teneto.	*пусть земля заберет болезни;*
salus hic **m**aneto	*здоровье пусть здесь останется,*
in **m**eis pedibus	*в моих ногах"*

[3] Принцип аллитерационного повтора в стихе, при котором слова располагаются в синтагматической последовательности по максимальному фонетическому сходству означающих, отражает тенденцию к усилению фактора мотивированности знаков на уровне горизонтальных отношений (ср. *Gamkrelidze 1974*). Семантически связанные друг с другом означаемые в пределах стиха стремятся к выражению с помощью фонетически сходных означающих.

нетического повтора начальных ударных слогов. Возникает система, при которой число аллитерирующих слогов определяется числом ударных слов уже безотносительно к их содержательной стороне. Безударные слова не характеризуются аллитерацией. Возникает своего рода внутренняя начальная консонантная рифма, связывающая по признаку фонетического сходства все ударные слова стихотворной строки, ср. *Lehmann 1956*; *Pope 1966 : 247 и след.*

Ср. в "Беовульфе":

Strǣt wæs stānfāh, stīg wīsode
gumun ætgædere. Gūðbyrne scān
heard hondlocen, hringīren scīr
song in searwum... (320—324)
"Дорога была вымощена скалами, путь вел
Воинов вместе, воинные кольчуги сияли,
Твердые, собранные руками. Колец железо ярко
Пело в оружии".

2.2. РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХАИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МЕТРИЧЕСКИХ СХЕМ. ТИПОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МЕТРИКИ

Обнаружение словесных фрагментов поэтической речи, восходящих к общеиндоевропейской эпохе, ставит вопрос о характеристике метра общеиндоевропейского стиха. Поскольку устанавливаемые поэтические словосочетания могут представлять собой неполные отрезки строк, то есть составлять лишь часть стихотворной строки, становится возможным судить о метре индоевропейского стиха лишь на основании сопоставления наиболее архаичных метров в различных индоевропейских стихотворных традициях при сведении их к общей метрической схеме.

Наиболее архаичные стихотворные метры в отдельных индоевропейских традициях характеризуются постоянством числа слогов в пределах строки. Минимальная строка составляет последовательность слов, состоящую из 7 или 8 слогов со словесной цезурой по схеме 5//3, 4//4, 4//3. Конец строки характеризуется определенными отношениями кратких и долгих слогов, причем обычно предпоследний слог — краткий при долготе ему предшествующего слога.

Такая ритмическая схема обнаруживается в древнехеттском стихе, в частности в погребальных гимнах; ср. в древнехеттской песне 2 *BoTU* 14 I 13 и след.:

1. *Nešaš ḫašpaš, Nešaš ḫašpaš*
2. *tiḫa-mmu tiḫa*
3. *nu-mmu annaš-maš katta⌣arnut*
4. *tiḫa-mmu tiḫa*
5. *nu-mmu ḫḫaš-maš katta⌣arnut*
6. *tiḫa-mmu tiḫa*

"Несы саван, Несы саван
Надень на меня, надень,

И мне (одежду) моей матери принеси,
Надень на меня, надень,
И мне (одежду) моего предка принеси,
Надень на меня, надень", ср. *Watkins 1969a.*

Строки 1, 3, 5 состоят из 8 слогов. При этом первая строка характеризуется структурой 4//4, тогда как восьмисложные 3-я и 5-я строки — структурой 5//3, 5//3.[1]

Аналогичная ритмическая схема характерна и для стихов, произносившихся во время царского погребального обряда (KUB XXX 27 Rs. 1—2):

kuit-ua-šši kuit eššaueni 8 : 3//5
nu-uar-at-ši ara ešdu 8 : 4//4
"Что бы мы ему ни делали,
Все то ему да пойдет на благо" (ср. *Otten 1958 : 98—99*).

Подобная структура стиха все еще обнаруживается и в позднеанатолийском лидийском, ср.:

sarokak... nikumēk savēnt 8 : 3//5
"...никогда однако больше не процветать (?)",
ср. *Miller 1968 : 220.*

В древнеиндийском, в "Ригведе" обнаруживаются тождественные метрические схемы : восьмисложный стих со словесной цезурой 4//4 и 3//5 или 5//3:

agnîm ile puróhitaṁ 8 : 4//4
yajñásya devám ṛtvíjam 8 : 3//5 или 5//3
hótāraṁ ratnadhátamam 8 : 3//5
(RV I, 1)

"Агни я призываю как поставленного во главе,
Как бога жертвы, жреца.
Как жертвоприносителя, приносящего самые большие сокровища".

К такой метрической схеме примыкает и архаический греческий стих, засвидетельствованный уже в микенских греческих текстах:

to-ko-do-mo de-me-o-te 8 : 4//4
τοιχοδόμοι δεμεόντες
"Плотники строящие"
(*Webster 1955*; *Kuryłowicz 1956 : 283*).

Близок к греческому паронимическому стиху ранний латинский сатурнический стих первоначально с восьмисложной строкой при цезуре 4//4

[1] Словосочетание katta arnut, обнаруживающее одинаковые граничные гласные составляющих слов, следует, очевидно, читать с элизией одного из гласных: katta arnut—katt' arnut.

(ср. *Cole 1969 : 69, 174*), позднее с семисложной строкой 7=4//3 или 3//4:

nouom uetus uinum bibo	8 : 4//4
"Старый (я) новое вино пью"	
pastores te inuenerunt	8 : 4//4
"Пастухи тебя нашли"	
ego tui temini	7 : 4//3
"Я тебя заклинаю".	

В самых архаичных образцах славянского стиха обнаруживается восьмисложная строка с цезурой 3//5 или 5//3 и 4//4, *Jakobson 1966 : 448*, ср. в сербском эпосе:

Што се Јанко не ожени	8 : 4+4
"Что Янко не женится".	

В русском народном стихе восьмисложник (с членением 5//3, 3//5, 4//4) представлен в качестве языка исторических песен, начиная с древнейшей строки, известной уже из летописи:

Погибоша аки обрѣ	8 : 4//4
"Погибли как авары".	

Ср. в песнях об Иване Грозном (*Jakobson 1966 : 447*):

Не-у-нас во-святой Руси	8 : 4//4

Аналогичные метры известны в западнославянских исторических песнях и реконструируются для общеславянского (*Jakobson 1966*; ср. *Watkins 1963*).

В стихе литовских народных песен наряду с другими размерами обнаруживается и весьма архаичный тип восьмисложника с таким же членением 4//4 и 3//5, ср. в дайне о месяце, солнце и Перкунасе:

Saulužė anksti kėlės,	8 : 4+4
Mėnužis atsiskyrė	7 : 3+4
Mėnuo viens vaikštinėjo	8 : 4+4
"Солнце рано встало,	
С месяцем рассталось,	
Месяц один прогуливался".	

В ряде разобранных выше древних индоевропейских метрических традиций возникают и более сложные метры в результате сложения составных частей первоначального восьмисложника или семисложника. Так, например, архаический шестнадцатисложный стих в славянских свадебных и календарных песнях возникает из удвоения восьмисложных строк (*Земцовский 1975 : 163—164*), ср. в принципе аналогичное сочетание восьмисложных отрезков (лад) в шестнадцатисложную строку в "Ведах", а также и в греческом (ср. *West 1973*; *Nagy 1974a*).

Наряду с комбинацией двух восьмисложников в шестнадцатисложную строку возможна комбинация друг с другом отдельных его частей, то есть 5//5, 5//4, в результате чего возникают строки соответственно в 10 и 9 слогов с соответствующими цезурами. Такие "комбинированные" метры засвидетельствованы как в древнеиндийской поэзии, так и в архаической греческой, славянской и некоторых других древних индоевропейских версификационных системах, ср. об этих производных комбинированных метрах специальные исследования *Meillet 1923*; *Jakobson 1966*; *Watkins 1963*; *Nagy 1974a*.

Разительную параллель индоевропейской версификационной системе при цезуре структуры 4//4 или 3//5, 5//3 обнаруживает общекартвельский силлабический стих с шестнадцатисложной строкой, образующейся при соединении двух восьмисложных частей с силлабическими сегментами 4//4 и 3//5 или 5//3. Эта общекартвельская версификационная система, представленная в грузинском классическом стихе Руставели, в сущности типологически изоморфна реконструируемому архаичному индоевропейскому стиху, *см. Церетели 1973*; *1974*.

3. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И СИСТЕМА СЧЕТА

3.1. ПРИНЦИПЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СИСТЕМЫ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ. ДЕСЯТИЧНАЯ СИСТЕМА СЧЕТА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Древнеиндоевропейская система счета реконструируется по системе числительных, засвидетельствованных в исторических индоевропейских диалектах. Этимологически соотносимые друг с другом имена числительные в исторических языках позволяют реконструировать соответствующие общеиндоевропейские архетипы и предположить для индоевропейской общности перед распадом десятичную систему счета, отразившуюся в основном без существенных преобразований в отдельных исторических индоевропейских традициях.

3.2. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ «ОДИН» И «ПЕРВЫЙ» И ИХ ТИПОЛОГИЯ

В индоевропейском не восстанавливается общее слово для числительного 'один'. По диалектам выделяются в значении 'один' основы:

**se/om-* : хет. *šanna-* 'раз', 'один', тох. А *sas* (*м. р.*), *säm* (*ж. р.*), В *ṣe* (*м. р.*), *sana*, *somo* (*ж. р.*), греч. гом. ἑἷς 'один' (из **sems*), *ж. р.* μία (из **smia*), *ср. р.* ἕν, ср. лат. *semel* 'однажды', 'однократно', 'раз'. Само слово, очевидно, местоименного происхождения, и употребление его в значении 'один', 'образующий единство' (*Anttila 1972 : 366—367*)[1] результат сравнительно позднего развития в отдельных индоевропейских диалектах. Адъективно-местоименное происхождение слова проявляется еще

[1] Предполагается (*Sihler 1973*), что слово могло быть древним обозначением 'пары'.

в таких формах, как связанные с ним др.-инд. *samá-* 'ровный', 'одинаковый', авест. *hăma-*, др.-перс. *hama-* 'равный', 'тот же самый', греч. ὁμός 'общий', 'тождественный', ὁμοῦ 'вместе', др.-ирл. *-som* 'тот же самый', ст.-слав. *samъ* 'самый', 'сам', ср. др.-рус. *самъ другъ* 'один с другим', *самъ пятъ* 'пятый в ряду других' (*ср. Супрун 1969: 7*), гот. *sama* 'тот же самый', др.-англ. *same* 'тот же самый' (англ. *same*).

С этим же корнем следует увязать и.-е. ***sēm-** с другой ступенью огласовки в словосложениях: ***sēm-i-**[1] 'половина' (то есть равная часть целого): др.-инд. *sāmi-*, греч. ἡμι-, лат. *sēmi-*, др.-в.-нем. *sāmi-* (*sāmi-queck* 'полуживой', греч. ἡμίβιος).

В качестве другой основы в значении числительного 'один' (при перечислении, ср. *Anttila 1972: 366—367*) по диалектам выделяется основа ***oi̯-**, оформленная различными суффиксами:

***oi̯-no-** : ст.-лат. *oino-*, лат. *ūnus* 'один', др.-ирл. *óen*, греч. οἴνη 'один' (на игральной кости), гот. *ains*, др.-в.-нем. *ein* (нем. *eins*), др.-англ. *ān* (англ. *one*), прус. *ains*, ст.-слав. *inъ* в *jed-inъ* 'один' (при *inъ* 'иной', 'другой');

***oi̯-k$^{[h]}$-** : митан. арийск. *aika-*, др.-инд. *éka-*, ср. лат. *ūnicus* 'единственный', 'исключительный', гот. *ainaha*, др.-в.-нем. *einac* (нем. *einig*) 'некоторый', 'отдельный', др.-англ. *ǣnig* 'некоторый' (англ. *any*), ст.-слав. *inokъ* 'отшельник' (буквально : 'одинокий');

***oi̯-u̯o-** : др.-перс. *aiva-* авест. *aēva-*, ср. греч. οἶος 'единственный', 'одинокий', др.-инд. *evám* 'так', 'только'.

Порядковое числительное 'первый' образуется супплетивно от основы ***p$^{[h]}$(e)r̥-H-**, осложненной различными суффиксами по диалектам:

***p$^{[h]}$r̥-H-u̯o-** : тох. В *pärweṣṣe* 'первый', др.-инд. *pū́rva-*, авест. *paurva-* 'прежний', 'первый', алб. *párë* 'первый', ст.-слав. *prъvъ* 'первый';

***p$^{[h]}$r̥-H-mo-** : др.-англ. *forma* 'первый' (англ. *former*), др.-сакс. *formo*, прус. *pirmas*, лит. *pìrmas*;

***p$^{[h]}$r-is-mo-** : лат. *primus* 'первый' (ср. лат. *priuus* 'единственный' < ***p$^{[h]}$rei̯-u̯o-**);

***p$^{[h]}$r-is-t$^{[h]}$o-** : др.-в.-нем. *furisto* 'первый', 'самый высокий' (ср. нем. *Fürst* 'князь'), др.-англ. *fyrst* 'первый' (англ. *first*).

Отсутствие особого числительного в значении 'один' наблюдается и в других праязыковых системах. В частности, в семитских языках числительное 'один' выражается по диалектам различными словами: аккад. *ištēn*, араб. *wāḥid-*, *'aḥad-*, *ж. р. 'iḥdā*, др.-евр. *'ehād*, *ж. р. 'aḥaṭ*. Аналогичная ситуация реконструируется и для прикартвельского языка, ср. груз. *ert-*, мегр.-лаз. *art-* 'один' при сван. *ešxu* 'один', восходящем к адъектив-

[1] В словосложении любой суффикс прилагательного может заменяться на ***-i-**, являющееся как бы связующим элементом между прилагательным и последующим словом, ср., например, авест. bərəzi-čaxra- 'высококолесный' при bərəzant- 'высокий', греч. κυδι-άνειρα 'прославляющая мужей', ср. *Meie 1938: 297*.
Сходным же образом следует объяснить суффикс *-i-* в числительном 'два' ***t'u̯-i-** в словосложении типа ***t'u̯-i-p$^{[h]}$e/ot'-** 'двуногий', ***t'u̯-i-t'k$^{[h]}$mt$^{[h]}$-** 'два десятка' и др.

ному образованию *ŝxwa- 'другой', 'иной'; ср. груз. *sxva-* 'другой', мегр. *šxva-* 'другой', *Климов 1964 : 178—179*; к семантике ср. славянское *inй* 'один', 'другой', см. выше.

Отсутствие в системе числительных особого числительного в значении 'один' можно проиллюстрировать также на материале многих древних языков, где при наличии числительных от 2 до 10 не обнаруживается специального слова в значении числительного 'один'. Так, например, в шумерском число 'один' выражается разными словами именного происхождения : *deš, dili, aš, gè*, возможно, с первоначальным значением 'мужчина', 'человек' (*ср. Рифтин 1927 : 183—184*; *Дьяконов 1967 : 60*).

В хурритском не обнаруживается специального обозначения числа 'один' (*Дьяконов 1967 : 141*; *Diakonoff 1971 : 106*).[1]

Отсутствие особого числительного 'один' в системе счета указанных древних языков становится понятным при учете типологии счета. Собственно счет или исчисление предметов начинается с 'двух' и более, тогда как 'один' предполагает не счет, а называние предмета с помощью его специального обозначения. В дальнейшем такие названия становятся специальными обозначениями числа 'один' и входят в ряд числительных как его начальный элемент. Этим и объясняется разнобой в обозначении числа 'один' в близкородственных диалектах.

3.3. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ПЕРВОГО «ДЕСЯТКА»

Начиная с 'двух' и более, в индоевропейских диалектах выделяются формы числительных со строгими фонемными соответствиями, позволяющими реконструировать полную систему индоевропейских числительных:

И.-е. ***t'u̯o-*** (ранее ***t'ºo-***, см. выше, стр. 133) 'два'; ***t'u̯-i-*** (в сложных словах): хет. *da-* (в словосложении *daiuga-* 'двухлетний'), *dan* 'второй', тох. А *wu* (*м. р.*), *we* (*ж. р.*), В *wi* 'два', др.-инд. *dváu* (форма *дв. ч.*), *dvá* (*м. р.*), *dvé* (*ж. р., ср. р.*), *dvi-* в сложных словах (ср. *dvi-pád-* 'двуногий'), авест. *dva* (*м. р.*), *baē* (*ж. р.*), *bi-* в сложных словах (*bi-māhya-* 'двухмесячный'), арм. *erku, erki-* в сложных словах (*erke-am* 'двухлетний'), греч. гом. δύ(F)ο, δύω, δι- в сложных словах (δί-πους 'двуногий'), алб. *dy*, лат. *duo*, ст.-лат. *dui-*, лат. *bi-* в сложных словах (ст.-лат. *dui-dēns*, лат. *bidēns*, первоначально: 'двузубый'), др.-ирл. *dáu, dó, ж. р. dí*, гот. *twai* (*м. р.*), *twōs* (*ж. р.*), *twa* (*ср. р.*), др.-исл. *tveir* (*м. р.*), *tvær* (*ж. р.*), *tvau* (*ср. р.*), др.-англ. *tū* (*м. р.*), *twā* (*ж. р.*) (англ. *two*); в сложных словах *twi-* (*twi-fēte* 'двуногий'), др.-в.-нем. *zwēne* (*м. р.*), *zwā, zwō* (*ж.*

[1] В урартском выделяют форму šusini в значении числительного 'один' или прилагательного 'единый': šusini šale 'за один год, в один год'; засвидетельствована и форма местного падежа этого слова, *Меликишвили 1960 : 65, 408*. Однако употребление данного слова в таких контекстах, как šú-si-na MU^{MEŠ} (УКН, 264, 28)= аккад. i-na lib-bi ša-na-te^{MEŠ} 'в продолжение (буквально: среди) [многих] лет' указывает скорее на значение, отличное от числительного 'один'. В соответствии с этим такие выражения, как šú-si-ni MU za-du-ú-bi (УКН, 127, 2_{24}, 3_{18}, $_{46}$ и др.) следует понимать не как 'за один год совершил', а 'в течение, в продолжение года совершил'.

р.), *zwei* (*ср. р.*), в сложных словах *zwi-* : *zwi-houbit* 'двуглавый' (нем. *zwei*), лит. *dù* (*м. р.*), *dvì* (*ж. р.*), *dvi-* в словосложении : *dvìgubas* 'двойной', прус. *dwai*, *dvi-* в словосложении : *dwigubbus* 'двойной', 'сугубый', ст.-слав. *dŭva* (*м. р.*), *dŭvě* (*ж. р.*, *ср. р.*); и.-е. **t'u̯is** 'дважды': др.-инд. *dviḥ*, авест. *biš*, греч. δίς ст.-лат. *duis*, лат. *bis*, ср.-в.-нем. *zwir*;

И.-е. **t[h]reį-** ('три') в сложных словах **t[h]ri-** : хет. *teriyanna-* 'третий', 'в третий раз', *teriyalla-* (*tariyalla-*) 'напиток' (шумерограмма III-*yalla-*); тох. А *tre* (*м. р.*), *tri* (*ж. р.*), В *trey*, *trai*; в сложных словах *tri-* (*tri-wsālum* 'имеющий три одежды'), др.-инд. *tráyaḥ* (*м. р.*), *tisrá-* (*ж. р.*; с диссимилятивной утерей предшествующего *-r-*), *triṇi* (*ср. р.*), *tri-* в сложных словах (*tri-pád-* 'треногий'), авест. *θrayō* (*м. р.*), *tišrō* (*ж. р.*), *θri* (*ср. р.*); в сложных словах *θri-* (*θri-kamərəda-* 'трехглавый'), арм. *erek*, греч. τρεῖς; в сложных словах τρι- (τρί-πους 'треножник'), алб. *tre* (*м. р.*), *tri* (*ж. р.*), лат. *trēs*; в сложных словах *tri-* (*tri-pēs* 'треногий', ср. о латинских словосложениях с *tri-*, *Risch 1976 : 886—887*), др.-ирл. *tri* (*м. р.*), *téoir* (*ж. р.*), гот. *þreis*, *ср. р. þrija*, др.-англ. *þrie* (*м. р.*), *þrēo*, *ж. р.* (англ. *three*), др.-в.-нем. *dri* (нем. *drei*), прус. *tris*, лит. *trỹs*, латыш. *trîs*, ст.-слав. *trije* (*м. р.*), *tri* (*ж. р.*, *ср. р.*); и.-е. **t[h]ris** 'трижды': др.-инд. *tríḥ*, авест. *θriš*, греч. τρίς, ст.-лат. *terr*;

И.-е. **k[h]°et[h]u̯e/or-** 'четыре', *порядк.* **(k[h]°)t[h]ur-i̯o-**, **k[h]°et[h]-ur-t[h]o-** 'четвертый': тох. А *śtwar*, В *śtwer*, *śwer*, др.-инд. *catvâraḥ* (*м. р.*), *cátasraḥ* (*ж. р.*), с диссимилятивной утерей предшествующего *-r-*; *catvâri* (*ср. р.*),авест. *čaθwārō* (*м. р.*), перс. *čahār*, арм. *č'orek'*, мик. греч. *qe-to-ro-*, гом. τέσσαρες, лат. *quattuor*, др.-ирл. *ceth(a)ir*, *ж. р. cethéoir*, гот. *fidwōr*, др.-англ. *fēower* (англ. *four*), др.-в.-нем. *fior*, *feor* (нем. *vier*), лит. *keturì*, латыш. *četri*, ст.-слав. *četyre* (*м. р.*), *četyri* (*ж. р.*, *ср. р.*);[1] тох. А *śtärt*, В *śtwerne* 'четвертый', др.-инд. *caturthá-*, *turîya-*, *túrya-*, авест. *tūirya-*, арм. *č'orir*, *č'orr-ord*, греч. гом. τέτρατος, лат. *quārtus*, др.-ирл. *cethramad*, др.-в.-нем. *fiordo*, др.-англ. *fēorða*, др.-исл. *fjórði*, лит. *ketvirtas*, ст.-слав. *četvrĭtŭ* 'четвертый';

И.-е. **p[h]enk[h]°e** 'пять', *порядк.* **p[h]enk[h]°-t[h]o-** 'пятый': иер. лув. *panta*, тох. А *päñ*, В *piś*, др.-инд. *páñca*, авест. *pančа*, арм. *hing*, греч. πέντε, алб. *pésë* (гег. *pêsë*), лат. *quinque*, др.-ирл. *cóic*, др.-валл. *pimp*, гот. *fimf*, др.-исл. *fimm*, др.-в.-нем. *fimf*, *finf* (нем. *fünf*), др.-англ. *fif* (англ. *five*), лит. *penkì*, ст.-слав. *pętĭ*; тох. А *pänt*, В *piñkte* 'пятый', др.-инд. *pakthá-*, авест. *puxδa-*, греч. πέμπτος, лат. *quīntus*, гот. *fimfta-*, др.-в.-нем. *fimfto*, *finfto*, др.-исл. *fim(m)ti*, лит. *peñktas*, ст.-слав. *pętŭ*;

И.-е. **ś°ek[h]s-** 'шесть', *порядк.* **ś°ek[h]-t[h]o-** 'шестой' : тох. А *śäk*, В *śkas*, др.-инд. *ṣáṭ* (из **saṭṣ*), авест. *xšvaš*, арм. *vec'*, греч. ἕξ (диал. Fέξ), алб. *gjashtë*, лат. *sex*, др.-ирл. *sé*, гот. *saihs*, др.-исл. *sex*, др.-в.-нем. *sehs* (нем. *sechs*); др.-англ. *si(ė)x* (англ. *six*), лит. *šešì*, ст.-слав. *šestĭ*; тох. А *śkäṣt*, В *śkaste* 'шестой', др.-инд. *ṣaṣṭhá-*, авест. *xštva-*, арм. *vec'erord*, греч. ἕκτος,

[1] В анатолийском первичное индоевропейское слово для 'четырех' заменяется на хет. me(i)u-, лув. mauа-.

алб. *i-gjashtëtë*, лат. *sextus, sestus*, др.-ирл. *sessed*, гот. *saihsta*, др.-в.-нем. *sehsto, sehto*, др.-исл. *sétte*, лит. *šẽštas*, ст.-слав. *šestŭ*;

И.-е. ***sep[h]t[h]m̥*** 'семь', *порядк.* ***sep[h]t[h]-mo-*** 'седьмой' : хет. *šipta-*, тох. A *śpät*, B *śuk(t)*, др.-инд. *saptá*, авест. *hapta*, арм. *ewtʿn*, греч. ἑπτά, лат. *septem*, др.-ирл. *secht n-*, гот., др.-в.-нем. *sibun* (нем. *sieben*), др.-англ. *seofon* (англ. *seven*), лит. *septynì*, ст.-слав. *sedmĭ*; др.-инд. *saptamá-* 'седьмой', перс. *haftum*, греч. ἕβδομος, лат. *septimus*, др.-ирл. *sechtm-ad*, ст.-лит. *sẽkmas*, прус. *sep(t)mas*, ст.-слав. *sedmŭ*;

И.-е. ***ok[h]t[h]ō(u)*** 'восемь': тох. A *okät*, B *okt*, др.-инд. *aṣṭá*, *aṣṭáu*, авест. *ašta* (ср. авест. *ašti-* 'ширина в четыре пальца'), арм. *uṙ* (вероятно, из **op[h]t[h]ō* с *p[h]* под влиянием предшествующего числительного ***sep[h]t[h]m̥*** 'семь', ср. *Pokorny 1959 : 775*), греч. ὀκτώ, алб. *tétë*, лат. *octō*, др.-ирл. *ocht n-*, гот. *ahtau*, др.-исл. *átta*, др.-в.-нем. *ahto* (нем. *acht*), др.-англ. *eahta* (англ. *eight*), лит. *aštuo-nì*, ст.-слав. *osmĭ*;

И.-е. ***neu̯(e)n-*** 'девять': тох. A, B *ñu*, др.-инд. *náva*, авест. *nava*, арм. *inn*, греч. ἐννέα, алб. *nëndë*, лат. *nouem*, др.-ирл. *noí n-*, гот., др.-в.-нем. *niun* (нем. *neun*), др.-англ. *nigon* (англ. *nine*), лит. *devynì*, ст.-слав. *devętĭ*; *порядк.* : тох. B *ñunte*, греч. ἔνατος 'девятый', гот. *niunda*, др.-в.-нем. *niunto*, др.-англ. *nigoða*, лит. *deviñtas*, прус. *newints*, ст.-слав. *devętŭ*;

И.-е. ****t'ek[h]m̥*** 'десять': тох. A *śäk*, B *śak*, др.-инд. *dáśa*, авест. *dasa*, арм. *tasn*, греч. δέκα, лат. *decem*, др.-ирл. *deich n-*, гот. *taihun*, др.-англ. *tien* (англ. *ten*), др.-в.-нем. *zehan* (нем. *zehn*); с основой на суффикс ****-t[h]-***: ****t'ek[h]m̥-t[h]-*** : прус. *dessimpts*, лит. *dẽšimts*, ст.-слав. *desętĭ* 'десять' (первоначально : 'десяток', 'декада', отсюда ****k̂[h]m̥t[h]om*** из ****(t')k̂[h]m̥t[h]om*** 'сто', ср. *Pokorny 1959 : 192*—тох. A *känt*, B *känte*, др.-инд. *śatám*, авест. *satəm*, греч. ἑκατόν, лат. *centum*, др.-ирл. *cét*, гот. *hunda*, др.-англ. *hund*, лит. *šimtas*, латыш. *sìmts*, ст.-слав. *sŭto*).

3.4. ДЕСЯТИЧНОСТЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СЧЕТА. НАЗВАНИЯ «СТА» И «ДЕСЯТКОВ»

Десятичность системы счета в индоевропейском проявляется прежде всего в том, что название 'ста' образовано от названия 'десяти', ср. ****k̂[h]m̥t[h]om*** 'сто' при ****t'ek[h]m̥*** 'десять'.

На названии 'десяти' основаны и названия следующих 'десятков':

И.-е. ****u̯i-k̂[h]m̥t[h]-(iH)-*** 'двадцать' (буквально : 'два десятка', ср. и.-е. ****(t')u̯i-*** 'два' и ****(t')k̂[h]m̥t[h]-*** 'десяток', ср. *Pokorny 1959 : 1177*; *Szemerényi 1960 : 129—136*[1]): тох. A *wiki*, B *ikäṁ* (ср. тох. B *ikante* 'двадцатый', *Van*

[1] Форма **u̯i-k̂[h]m̥t[h]-iH-* с долгим *i* восходит к **t'u̯i-t'k̂[h]m̥t[h]-iH-* 'два десятка', в результате утери глоттализованной фонемы **t'* в акцессивном комплексе **-t'k̂[h]-* с компенсаторным удлинением предшествующего сонанта **i*, очевидно, не без влияния признака глоттализации смычной (об акцессивных и децессивных комплексах согласных см. выше, стр. 144 и след.). Такое влияние признака глоттализации на предшествующий гласный или сонант можно сравнить с воздействием "ларингальных". Аналогично объясняется долгота сонанта или гласного и в названиях следующих 'десятков' (к сходной интерпре-

Windekens 1976 : 572), др.-инд. *viṁśatî-*, пали *vīsaṁ*, авест. *vīsaiti*, арм. *ksan*, греч. дор. беот. фесс. *Fίκατι*, аттич. *εἴκοσι*, алб. *një-zet*, лат. *uīginti*, др.-ирл. *fiche*; ср. аналогичную структуру в более поздних германских и балто-славянских образованиях (*Szemerényi 1960 : 130*); по этой же модели (ср. *Мажюлис 1956*) гот. *twai-tigjus* 'двадцать' (буквально : 'два десятка'), др.-исл. *tuttugu*, др.-англ. *twen-tig* (англ. *twenty*), др.-в.-нем. *zwein-zug* (нем. *zwanzig*); лит. *dvìdešimt*, ст.-слав. *dŭvadesęti* 'двадцать' (буквально : 'два десятка');

И.-е. ***t**$^{[h]}$**ri̯**-**k̂**$^{[h]}$**omt**$^{[h]}$- 'тридцать' (буквально: 'три десятка') от и.-е. ***t**$^{[h]}$**ri**- 'три' и ***(t')k̂**$^{[h]}$**m̥t**$^{[h]}$-: тох. А *taryāk*, В *täryāka*, др.-инд. *triṁśát*, авест. *θrisat-*, арм. *eresun*, греч. *τριάκοντα*, лат. *trīgintā*, др.-ирл. **tricho*; ср. более поздние образования в гот. **preis-tigjus* 'тридцать' (буквально : 'три десятка'), лит. *trisdešimt*, ст.-слав. *trideseti*.

И.-е. ***k**$^{[h]o}$**et**$^{[h]}$**u̯e̯**/**or**-**k̂**$^{[h]}$**omt**$^{[h]}$- 'сорок' (буквально : 'четыре десятка') от и.-е. ***k**$^{[h]o}$**et**$^{[h]}$**u̯e**/**or**- 'четыре' и ***(t')k̂**$^{[h]}$**omt**$^{[h]}$- : тох. А *śtwarāk*, В *ś(t)wārka*, др.-инд. *catvāriṁśát*, пали *cattarisaṁ*, авест. *čaθwarəsatəm*, арм. *kaṙasun*, греч. дор. *τετρώκοντα*, лат. *quadrāgintā*, др.-ирл. *cethorcho*; ср. более поздние образования в гот. *fidwōr-tigjus* 'сорок' (буквально : 'четыре десятка'), лит. *keturiasdešimt*;

И.-е. ***p**$^{[h]}$**enk**$^{[h]o}$**ē-k̂**$^{[h]}$**omt**$^{[h]}$- 'пятьдесят' (буквально : 'пять десятков') от и.-е. ***p**$^{[h]}$**enk**$^{[h]o}$**e** 'пять' и ***(t')k̂**$^{[h]}$**omt**$^{[h]}$- : тох. А *pñāk*, В *pśāka*, др.-инд. *pañcāśát*, авест. *pančāsat*, арм. *yisun*, греч. *πεντήκοντα*, лат. *quīnquāgintā*, ср. более поздние образования в гот. *fimf-tigjus* 'пятьдесят' (буквально : 'пять десятков'), лит. *penkiasdešimt*;

И.-е. ***ś**^{o}**ek**$^{[h]}$**s-k̂**$^{[h]}$**omt**$^{[h]}$- 'шестьдесят' (буквально : 'шесть десятков') от и.-е. ***ś**^{o}**ek**$^{[h]}$**s**- 'шесть' и ***t'k̂**$^{[h]}$**omt**$^{[h]}$-; начальная смычная ***t'**- в комплексе ***t'k̂**$^{[h]}$- второго компонента словосочетания бесследно теряется ввиду согласного характера предшествующей фонемы первого компонента словосочетания[1]: тох. А *säksāk*, В *ṣkaska*, арм. *vatsun*, греч. *ἑξήκοντα*, лат. *sexāgintā*, ср.-ирл. *sesca*; в греческом *ἑξήκοντα* и лат. *sexāgintā* долгие соединительные гласные возникают по аналогии с формами греч. *πεντήκοντα*, лат. *quīnquāgintā* (*Szemerényi 1960 : 5*); ср. также позднейшие образования в гот. **saihs-tigjus* 'шестьдесят' (буквально : 'шесть десятков'), лит. *šešiasdešimt*.

тации долгого сонанта или гласного ср. *Szemerényi 1960 : 136*). Допущение собственно "ларингальной" в середине словосложения этого типа, предлагавшееся в традиционных интерпретациях названий 'десятков', не имеет никаких морфологических оснований и объяснимо лишь необходимостью интерпретировать долгий гласный или сонант. Между тем объяснение этих долгот становится вполне реальным при учете глоттализованного характера начальной согласной второго компонента ***t'k̂**$^{[h]}$**m̥t**$^{[h]}$- в словосложении.

[1] При допущении "ларингальной" фонемы в сочетаниях числительных типа ***u̯ī-k̂**$^{[h]}$**m̥t**$^{[h]}$-, ***t**$^{[h]}$**ri̯-k̂**$^{[h]}$**omt**$^{[h]}$-, ***k**$^{[h]o}$**et**$^{[h]}$**u̯e̯-k̂**$^{[h]}$**omt**$^{[h]}$- и т. д. (ср. выше) в качестве связующего элемента следовало бы ожидать след "ларингальной" и в форме для 'шестидесяти'. Отсутствие такового является прямым свидетельством неправомерности допущения "ларингальной" фонемы как связующего элемента в названиях 'десятков' и естественности объяснения долгот сонанта и гласной как результата утери последующей глоттализованной фонемы.

И.-е. *sep$^{[h]}$t$^{[h]}$m̥̄-k̂$^{[h]}$omt$^{[h]}$-[1] 'семьдесят' (буквально: 'семь десятков') от и.-е. *sep$^{[h]}$t$^{[h]}$m̥ 'семь' и *(t')k̂$^{[h]}$omt$^{[h]}$-, с утерей начального *t'- в комплексе во втором компоненте словосочетания и удлинением предшествующего сонанта *-m̥-: тох. А *ṣäptuk*, В *ṣuktaṅka*, арм. *ewtʿanasun*, греч. ἑβδομήκοντα, лат. *septuāgintā*, др.-ирл. *sechtmogo*, ср. также гот. *sibun-tēhund* (*Szemerényi 1960: 27—44*) при более поздних образованиях в др.-исл. *siau tiger* 'семьдесят' (буквально: 'семь десятков'), лит. *septyniasdešimt*;

И.-е. *ok$^{[h]}$t$^{[h]}$ō-k̂$^{[h]}$omt$^{[h]}$- 'восемьдесят' (буквально: 'восемь десятков') от и.-е. *ok$^{[h]}$t$^{[h]}$ōu 'восемь' и *t'k̂$^{[h]}$omt$^{[h]}$- 'десяток': тох. А *oktuk*, В *ok-taṅka*, арм. *utʿsun*, греч. гом. ὀγδώκοντα[2], лат. *octōgintā*, др.-ирл. *ochtmoga*, ср. гот. *ahtau-tēhund* при позднейших образованиях в др.-исл. *átta tiger* 'восемь десятков', лит. *aštuoniasdešimt*;

И.-е. *neu̯n̥̄-k̂$^{[h]}$omt$^{[h]}$- 'девяносто' (буквально: 'девять десятков') от и.-е. *neu̯(e)n- 'девять' и *t'k̂$^{[h]}$omt$^{[h]}$- 'десяток', с утерей начального *t'- в комплексе во втором компоненте и удлинением предшествующего сонанта *-n̥-: тох. А *nmuk*, В *ñumka*, арм. *innsun*, греч. гом. ἐννήκοντα, греч. ἐνενήκοντα, лат. *nōnāgintā*, ср.-ирл. *nócha*, ср. гот. *niun-tēhund* при более поздних образованиях в др.-исл. *nío tiger* 'девять десятков', лит. *devyniasdešimt*.

Все индоевропейские названия 'десятков' с 'двадцати' до 'девяноста' представляют собой в сущности словосочетания, возникшие в результате сложения названий чисел с 'двух' до 'девяти' и названия 'десятка'. Слияние этих двух слов с определенными фонетическими изменениями дает общеиндоевропейские названия 'десятков' от 'двадцати' до 'девяноста'.

Названия чисел от 'одиннадцати' до 'девятнадцати', а также названия 'сотен' ('двести', 'триста' и т. д.) предполагаются в индоевропейском уже в виде свободного соединения слов для 'единиц' и соответственно 'десятков' или 'сотен'. Такие сочетания слов могут дать по отдельным диалектам слияния типа греч. ἕνδεκα 'одиннадцать', δώδεκα 'двенадцать' и т. д.; др.-исл. *prettán*, др.-англ. *prēo-tīene* (англ. *thirteen*) 'тринадцать', или лат. *quadringentī* 'четыреста', *quīngentī* 'пятьсот' и т. д.

В индоевропейском не восстанавливается единого слова для 'тысячи'. В различных диалектных объединениях 'тысяча' обозначается разными словами, выражавшими первоначально значение 'большого множества' или 'большого числа': ср. гот. *pūsundi*, др.-исл. *púsund*, др.-англ. *pūsend* (англ. *thousand*), др.-в.-нем. *dūsunt*, *thūsunt* (нем. *tausend*), прус. *tūsimtons*, лит. *túkstantis*, ст.-слав. *tysęšti* 'тысяча' (этимологически: *t$^{[h]}$us-k̂$^{[h]}$m̥t$^{[h]}$i̯om 'сильная сотня', к семантике ср. тох. А *wälts*, В *yältse* 'тысяча', буквально: 'большое, великое число', ср. ст.-слав. *velьjь*, *velikъ* 'большой', 'великий'); др.-инд. *sa-hásram* 'тысяча', авест. *hazanrəm*, греч. χίλιοι, лат. *mille* 'тысяча' и др.

[1] К доказательству долготы сонанта *m̥̄ в индоевропейском слове для 'семидесяти' см. *Szemerényi 1960: 6—11*.

[2] Об отражении в гомеровском ὀγδώκοντα 'восемьдесят' общеиндоевропейской формы числительного см. *Szemerényi 1960: 12—13*.

3.5. СЛЕДЫ АРХАИЧНОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СЧЕТА ПО ПАЛЬЦАМ РУКИ

Десятичная система счета, характерная для позднего индоевропейского языка периода перед распадом его на отдельные диалекты, не первична для праиндоевропейской системы, в которой обнаруживаются следы типологически более архаичного счета. Такая архаичная система проявляется при анализе древних индоевропейских чисел от 'двух' до 'десяти':

И.-е. ***t'u̯-o-** 'два' — первичное название числа, с которого начинался счет в праиндоевропейском;

И.-е. ***t[h]reu̯-** 'три' — первичное индоевропейское слово для числа, следовавшего при счете за 'двумя';

И.-е. ***k[h]°et[h]u̯e/or-** 'четыре' — первичное индоевропейское слово для числа, следовавшего при счете за 'тремя';

И.-е. ***p[h]enk[h]°e** 'пять'; слово можно этимологизировать как название 'руки', 'пяти пальцев', в чем и проявляется след архаичного способа 'счета по пальцам'. Такое первоначальное значение индоевропейского названия 'пяти' можно усмотреть в этимологически относящихся сюда же формах на *-r* типа гот. *figgrs*, др.-исл. *fingr*, др.-англ. *finger* (англ. *finger*), др.-в.-нем. *fingar* (нем. *Finger*); сюда же, возможно, относится и хет. *pankur* в значении 'совокупность', 'род', *panku-* 'весь', 'целый' (очевидно, из первоначального индоевропейского значения 'вся совокупность пальцев руки', см. *Lehmann 1970*). Индоевропейское слово для 'пяти' ***p[h]enk[h]°e** в первоначальном значении 'вся рука', 'вся совокупность', 'все пять пальцев', а в дальнейшем и в значении 'пять', могло выступать и осложненное суффиксом ***-t[h]-** в форме ***p[h](e)nk[h]°-t[h]-** (ср. выше о маркере слов инактивного класса ***-t[h]-** в формах типа ***i̯ek[h]°ŗ-t[h]-** 'печень', ***u̯(e/o)t'ŗ-t[h]-** 'вода' и др.): ср., с одной стороны, др.-инд. *pañkti-* 'пять', ст.-слав. *pętĭ* 'пять' и, возможно, др.-исл. *fimt*, умбр. *puntis* (ср., однако, *Szemerényi 1960 : 105—113*); с другой стороны, др.-в.-нем. *fūst* (нем. *Faust*) 'кулак', др.-англ. *fȳst* (англ. *fist*) 'кулак', ст.-слав. *pęstĭ*, др.-рус. *пясть*, лит. *kùmstė* 'кулак' (из **punkstė*, *Saussure 1922*; *Szemerényi 1960 : 113*, там же более старая литература). Эта же форма, осложненная суффиксом ***-t[h]-**, может лежать в основе греч. *πᾶς*, *род. пад.* *παντός* 'весь', 'вся совокупность', тох. А *pont-*, *puk*, В *po*, *pont-* 'весь', 'каждый' (*van Brock 1972*), с упрощением группы ***-nk[h]°t[h]-**;

И.-е. ***s°ek̂[h]s-** 'шесть' — неэтимологизируемое первичное обозначение числа, следующего при счете непосредственно за ***p[h]enk[h]°e** 'пятью', 'совокупностью пальцев руки'. Связь слова с корнем греч. *ἀέξω* 'увеличиваю' (ср. *Szemerényi 1960 : 79*, примеч. *55*) представляется маловероятной ввиду формальных трудностей сопоставления этих слов;

И.-е. ***sep[h]t[h]m̥** 'семь'—неразложимое обозначение числа 'семь', которое считается рядом исследователей заимствованием из семитского (ср. *Иллич-Свитыч 1964 : 7*, с дальнейшей литературой);

И.-е. ***ok̂[h]t[h]ō(u̯)** 'восемь'; форму двойственного числа этого числительного нужно понимать как обозначение удвоения первоначального чис-

ла, дающего в результате 'восемь', то есть 'четырех'. Форма *ok[h]t[h]ō(u) должна была, следовательно, первоначально значить 'дважды четыре'. Выводимое таким путем первоначальное значение 'четыре' для формы *ok[h]t[h](o)- отражено еще в авест. *ašti-* 'ширина в четыре пальца'[1]. Таким образом, для раннего праиндоевропейского языка можно предположить две формы для обозначения 'четырех', из которых одна, вероятно *ok[h]t[h]o-, обозначала конкретно 'четыре пальца'. При этом 'восемь' понимается как 'дважды четыре' и образуется от одной из форм, выражавших 'четыре'. В этом проявляются остатки архаичного четверичного счета, смененного в дальнейшем десятичным, *ср. Bremer 1924; Knobloch 1952; Варpoy 1976: 244; Erhart 1965.*

Характерно, что следующее за 'восемью' число обозначается словом *neuen- 'девять', связываемым этимологически с индоевропейским *neuo- 'новый', то есть 'новое' число после определенного цикла, заканчивающегося 'восемью', ср. *Pokorny 1959 : 319; Szemerényi 1960 : 173.*

И.-е. *t'ek[h]mt[h]- 'десять'—число, занимающее особое место в системе архаичного индоевропейского 'счета по пальцам'. Специальное слово для 'четырех пальцев' *ok[h]t[h]- (наряду с общим словом для 'четырех' *k[h]°et[h]ue/or-) противопоставляется обозначению *p[h]enk[h]°(t[h])- 'всех пальцев руки', то есть 'пяти (пальцев)' (собственно: 'руки со сжатыми пальцами'). 'Десять' — это собственно 'пальцы на обеих руках' как завершение первого этапа всей системы счета по пальцам.

Действительно, форма *t'ek[h]mt[h]- может быть этимологизирована как 'две руки', то есть *t'°e- 'два'+*k[h]mt[h]- 'рука' ['рука с вытянутыми пальцами', ср. гот. *handus*, др.-англ. *hand* (англ. *hand*), др.-в.-нем. *hant* (нем. *Hand*), ср. *Jensen 1952; Szemerényi 1960 : 69*, там же более старая литература].

Выделяемые в первой десятке архаических индоевропейских названий чисел два класса числительных от 'двух' до 'четырех' (первичные названия чисел) и от 'пяти' до 'десяти' (названия чисел, этимологизируемые в большинстве случаев как названия 'рук' или 'пальцев руки', что в принципе отражает архаичную индоевропейскую систему счета по пальцам) находят подтверждение и в грамматических особенностях их структуры и функционирования в синтагме. Такое заключение можно сделать на основании согласованного свидетельства большого числа древних индоевропейских диалектов : тохарских, индо-иранских, армянского, греческого, балто-славянских, кельтского.

Числа от 'двух' до 'четырех', представляющие, очевидно, древние адъективы, согласуются в роде, числе и падеже с определяемым словом, тогда как с числами от 'пяти' до 'десяти', представляющими собой древние

[1] К типологической возможности обозначения 'восьми' с помощью различных преобразований обозначения числа 'четыре' ср. древнеяпонское *ya* 'восемь' при *yō* 'четыре', ср. *Miller R. 1971: 227—229*; бурушаски w-ālti 'четыре', ālt-ambi 'восемь' (*Климов/Эдельман 1970 : 46*); юкагирское *jalaklan* 'четыре' и *mālajlaklan* 'восемь'—два раза четыре, *Крейнович 1958 : 182—184*; ср. некоторые северноавстронезийские числительные (*Dyen 1971 : 43*).

существительные, определяемое имя сочеталось в синтаксической аппозитивной связи, ср. *Мейе 1938 : 410*; *Супрун 1969 : 92 и след., 144—145, 196*.

4. СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ И СЛЕДЫ АРХАИЧНОГО ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КАЛЕНДАРЯ

4.1. ОСНОВНЫЕ ЧИСЛА С СИМВОЛИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Уже в архаической индоевропейской традиции некоторые числа приобретают особый символический смысл. Это—прежде всего 2, 3, 4, а также 7 и 12. Такая "числовая символика" отражена во многих древних индоевропейских традициях.

Символика числа 'два' проявляется в особой значимости близнечного культа и его парных символов, в парных мифологических обозначениях типа др.-инд. *dyā́vā-pṛthivī* 'Небо и Земля' (*дв. ч.*) и в принципе бинаризма, пронизывающего всю мифологическую и семантическую систему архаической индоевропейской модели мира (см. об этом подробнее выше, стр. 776 и след.).

4.2. СИМВОЛИКА ЧИСЛА «ТРИ». ТРОИЧНОСТЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Число 'три' имеет сакральное значение в представлениях древних индоевропейцев и часто определяет количество основных значимых ритуально-мифологических единиц. Выделяются три главных бога пантеона —римские *Iūpiter, Mārs, Quirinus* (см. выше, стр. 797—798), образующие капитолийскую триаду, которая имеет соответствие и в умбрской традиции (*Dumézil 1966 : 281—306*); в древнеисландской традиции: *Óðinn, Þórr, Njǫrðr* (*Polomé 1970*). Трехглавые персонажи, носящие соответствующие обозначения, известны из многих индоевропейских традиций. Это — трехглавое чудовище в "Ригведе" и "Авесте" и их убийцы, носящие имена, образованные от числа 'три', ср. др.-инд. *Tritá- āptiá-* (один из трех братьев), авест. *θrita-*; ср. также трехглавое чудовище в славянском фольклоре.[1]

В индоевропейском мифологическом эпосе нередко объединяются три персонажа или три персонажа выступают как единое целое (ср. три богатыря в эпосе восточных славян). В кельтском эпосе один персонаж является сыном трех отцов — *Mac Tri Con* (буквально: 'Сын Трех Псов', ср. *Vendryès 1952 : 237*). В архаическом кельтском мифе об инцесте (ср. выше, стр. 778) от любви трех братьев *Findemna* (буквально: 'прелестная тройня') и их сестры у нее рождается сын *Lugaid tri riab n-derg* 'Лугайд с тремя красными шрамами' (*Dumézil 1971 : 346—347*). Этот мотив перекликается с еще более архаичным хеттским мифом о тридцати братьях-близнецах, которые

[1] Наряду с 'трехглавыми чудовищами' в этих традициях выступают и 'девятиглавые чудовища' (ср. *Иванов/Топоров 1965 : 86*), т. е. 'трижды трехглавые'.

соединяются в кровосмесительном браке со своими тридцатью сестрами (ср. *Otten 1973*). Число 'тридцать' в данном случае, как и в ряде других (ср. символику 'тридцати' и 'тридцати трех' в римских обрядах[1]), можно рассматривать как некоторое преобразование символики числа 'три' ('тридцать' как 'три десятка').

Особая значимость числа 'три' в мифологических представлениях древних индоевропейцев сказывается и в троичности индоевропейской модели мира и соответственно в членении 'Мирового дерева' на три части — 'Верхний мир', 'Средний мир' и 'Нижний мир', с которыми соотносится все живое, распределяющееся соответственно по этим трем мирам (см. выше, стр. 485 и след.).

4.3. СИМВОЛИКА ЧИСЛА «ЧЕТЫРЕ» И ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ВРЕМЕН ГОДА

Символика числа 'четыре' в архаичной индоевропейской традиции более ограничена и уступает по своей значимости символике числа 'три'. Символика 'четырех' проявляется главным образом в структуре ритуала, определяя его строение и пространственно-временные характеристики. В древней Индии и Риме различалось два вида алтарей, а позднее храмов — четырехугольные, ориентированные по четырем сторонам света и считавшиеся алтарями или храмами Неба, и круглые, которые считались храмами Земли (*Dumézil 1966 : 308—315*); такую же картину можно реконструировать и для архаической греческой религии, что отразилось в противопоставлении 'акрополя' (гом. ἀκρόπολις) и 'агоры' (гом. ἀγορή 'место собрания', 'площадь'), *Vernant 1969 : 180*.

В ряде традиций отражается связь числа 'четыре' с культом 'бога Грозы', соотносимого, в частности, с четвертым днем недели : в балтийской традиции — это лит. *Perkūno dienà* 'день Перкунаса', 'четверг', в славянской традиции — полаб. *Peräune dän* 'День Перуна' (*Pisani 1956*), в германской традиции — это др.-исл. *þórsdagr* 'день Тора — четверг' (ср. др.-англ. *þūresdæg*, англ. *thursday*); нем. *Donnerstag* 'четверг — день Бога Грозы', ср. лат. *Iouis diēs* 'день Юпитера' (франц. *jeudi*); все это находит точное соответствие в древнеиндийской традиции, где с 'четвергом' связан бог Грозы Индра (*Иванов/Топоров 1974 : 24—25*). С этим связано, вероятно, и представление самого бога Грозы (как и некоторых других богов) в четырех ипостасях, в частности в литовской и некоторых славянских традициях (*ср. Якобсон 1970 : 611*).

Особый интерес с точки зрения символической значимости числа 'четыре' представляют в разных индоевропейских традициях мифологические образы 'четырех ветров', соотнесенных с четырьмя сторонами света (о 'четырех ветрах' в общеиндоевропейской традиции см. выше, стр. 678 и след.), ср. также 'четырех карликов' при 'четырех углах неба', соотно-

[1] В частности, в римских comitia curiata каждая из древних трех триб Рима была представлена десятью людьми и одним прорицателем-авгуром; всего, таким образом, 30 персонажей и 3 авгура, *Dumézil 1948*.

симых с четырьмя сторонами света в "Эдде" и именуемых соответственно *Austri, Vestri, Norðri, Suðri* (*ср. de Vries 1956, I : 255*).

Такое четырехчленное деление вселенной по частям света, восходящее к весьма архаичному периоду, вызывает, по-видимому, позднейшую четырехчленную классификацию других явлений. Так, например, в ранней Греции уже налицо соотнесение деления мира на четыре стороны с четырьмя временами года[1]/четырьмя делениями ионийско-аттичес-

[1] Греческие обозначения 'четырех времен года' — гом. *Fέαρ* 'весна', *θέρος* 'лето', *ὀπώρη* 'осень', 'конец лета', *χειμών* 'зима' образуют новую четырехчленную систему, отличную от древнейшей трехчленной индоевропейской (см. уже *Nilsson 1911*), строившейся, по-видимому, по сельскохозяйственным сезонам, см. выше, стр. 690 и след. Такая трехчленная общеиндоевропейская система хорошо сохраняется еще в хеттском с тремя 'временами года', названия которых отражают индоевропейскую терминологию, ср. хет. gim-, gimmant- 'зима', zena-, zenant- 'осень', ḫameš̆ḫa-, ḫameš̆ḫant- 'весна-лето' (заменяющее, очевидно, более древнее **ǵes-r-/-n-*), *Goetze 1951* (ср., однако, предположение о четырехсезонном членении года у *Hoffner 1974 : 15 и след.*). В большинстве других архаичных индоевропейских диалектов сохраняются индоевропейские названия 'зимы' и 'весны-лета', но возникает новое название 'лета', а название 'осени' заменяется в большинстве диалектов, кроме анатолийских, армянского и балто-славянских. При этом наблюдается тенденция к образованию четырехчленной системы типа греческой. Ср. также латинскую четырехчленную систему: uēr 'весна', aestās 'теплое время года', 'весна и лето', autumnus 'осень' (от 22 сентября до 22 декабря), hiems 'зима'. При сохранении некоторых древних

Общеиндоевропейская система

**ǵesr-/n-* 'весна — лето'	**sen-* 'лето — осень'	**ĝ[ʰ]eim-* 'зима'

Хеттская

ḫameš̆ḫa- 'весна — лето'	*zena-* 'лето — осень'	*gima-* 'зима'

Греческая

Fέαρ 'весна'	*θέρος* 'лето'	*ὀπώρη* 'осень'	*χειμών* 'зима'

Латинская

uēr 'весна'	*aestās* 'лето'	*autumnus* 'осень'	*hiems* 'зима'

Славянская

vesna 'весна'	*lěto* 'лето'	*jesenĭ* 'осень'	*zima* 'зима'

кого племени (у *Аристотеля*), с четырьмя элементами мира (в космогонии ионийцев), с четырьмя жидкостями человеческого тела (у Гиппократа), ср. *Томсон 1959 : 119*.

4.4. СИМВОЛИКА ЧИСЛА «СЕМЬ» И СЛЕДЫ ЛУННОЙ НЕДЕЛИ

Древняя индоевропейская символика числа 'семь' проявляется особенно явственно в мифологии и в ритуалах. 'Семь' является числом, определяющим особую группу божеств или мифологических персонажей.

В индо-иранском выделяется как особое единство 'семь богов', ср. др.-иран. *Hafta-daiva-* 'семь богов' (авест. *Ahura- Mazdā-*, *Vōhu- Manah-*, *Aša- Vahišta-*, *Xšaθra- Vairya-*, *Spənta- Ārmaiti-*, *Haurvatāt-*, *Amərətāt-*), ср. *Абаев 1962*; ср. также возможное понимание др.-рус. *Семаргль* как 'семиглавое (семичленное) божество', *Иванов/Топоров 1965*[1]. Древнее мифологическое значение числа 'семь' обнаруживается и в наличии групп из семи жертвенных животных, в частности в индоевропейском (раннедревнеиранском) захоронении в Синташте (первая половина II тысячелетия до н. э.).

Нужно полагать, что сакральное значение числа 'семь' основано на выделении семидневной недели как календарной единицы. Особенно наглядно это проявляется в авестийском календаре, где первые семь дней месяца, составляющие неделю, называются приведенными выше именами семи бессмертных древнеиранских богов, *ср. Лившиц 1976*.[2]

Выделение 'лунной недели' как календарной единицы у древних индоевропейцев можно считать вполне вероятным. Об этом свидетельствует хотя бы устанавливаемый факт называния четвертого дня 'днем бога Грозы'. Однако не удается реконструировать с достаточной долей вероятия названия других дней недели, а также слово, обозначающее 'неделю' в целом.

4.5. СИМВОЛИКА ЧИСЛА «ДВЕНАДЦАТЬ»

Сакральное значение числа 'двенадцать' в общеиндоевропейском устанавливается прежде всего по согласованному свидетельству ритуалов архаичных индоевропейских традиций. 'Двенадцать' является числом основ-

обозначений времен года (греч. *Fέαρ* 'весна', лат. uēr, греч. *χειμών* 'зима', лат. hiems), в греческом (как и латинском) возникает отличная от исходной система названий четырех сезонов, благодаря чему меняются значения и унаследованных названий в новой системе отношений. Ср. также возникновение четырехчленной системы в славянском при сохранении древнего названия 'осени': vesna 'весна', lěto 'лето', jesenĭ 'осень', zima 'зима', где инновация *lěto* еще сохраняет древнее значение 'год' наряду с 'лето' (время года?). Ср. выше схему преобразований общеиндоевропейской трехчленной системы времен года и их названий.

[1] Интересно в этом отношении и древнехеттское женское собственное имя, засвидетельствованное уже в каппадокийских табличках: Šaptama-niga- ('седьмая сестра' от хет. šepta(ma)- 'семь'+nega- 'сестра', *Neumann 1974 : 278*).

[2] Высказывается предположение, что 'семичленной неделе' могла предшествовать еще более древняя 'четырехчленная', дни которой могли называться по именам богов, ср. *Strutynski 1975*.

ных частей тела, на которые рассекается жертвенное животное при совершении обряда лечения человека в хеттской и анатолийской традициях (см. выше, стр. 811 и след.). Этому соответствует 'двенадцать врат души' в древнеирландских медицинских текстах (*Meid 1974 : 28*), 'двенадцать' мифологических воплощений болезней в славянских традициях (*Иванов/Топоров 1965*; *Топоров 1971*). В древней Греции число 'двенадцать' в ранний период было основным, определявшим число богов (ср. 'двенадцать богов' у Платона и Фидия), число подразделений племени и т. д. (*Vernant 1969 : 164*).

Подобное сакральное значение числа 'двенадцать' было связано, вероятно, уже в индоевропейскую эпоху с делением года на двенадцать месяцев. Такое деление года на двенадцать месяцев известно в целом ряде архаичных индоевропейских традиций (индо-иранской, греческой, италийской, славянской и др.).

Wer sich selbst und andre kennt,
Wird auch hier erkennen,
Orient und Okzident
Sind nicht mehr zu trennen.

"Если ты в сердцах знаток,
Эту мысль пойми ты.
Ныне Запад и Восток
Неразрывно слиты".

Goethe, *West-östlicher Divan*
(Перевод *С. Шервинского*)

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ХРОНОЛОГИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА. ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ „ПРАРОДИНЫ“ И ПУТИ МИГРАЦИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН В ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ РАССЕЛЕНИЯ

EX ORIENTE LUX
"Свет идет с Востока"

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВРЕМЕННЫЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1. ХРОНОЛОГИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1.1. ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ РЕАЛЬНОСТИ ПРАЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Основной вопрос, связанный с проблемой реального существования праязыка, и в частности общеиндоевропейской системы, в пространстве и времени —это вопрос хронологии и территории распространения общеиндоевропейского языка, распад которого приводит к образованию родственных исторических диалектов.

1.2. ХРОНОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА В СВЕТЕ ДАННЫХ ОБ АНАТОЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ. ДРЕВНЕЙШАЯ АНАТОЛИЙСКАЯ ОНОМАСТИКА И ГИДРОНИМИКА

Нижняя хронологическая граница для установления времени существования праязыка выводится, в первую очередь, на основании датировки письменных свидетельств, касающихся отдельных происшедших от него исторических языков. В случае праиндоевропейского языка такой нижней хронологической границей *post quem non* является самое начало II тысячелетия, к которому относятся древнейшие свидетельства хеттского и других анатолийских языков.

В каппадокийских табличках из староассирийских торговых колоний в Малой Азии, датирующихся рубежом III—II тысячелетий и началом II тысячелетия до н. э., засвидетельствовано большое количество собственных имен, этимологизируемых на основании отдельных анатолийских языков. Это является явным свидетельством наличия уже давно сформировавшихся к данному времени отдельных анатолийских диалектов —хеттского и лувийского. Особенно показательны следующие типы анатолийских имен из каппадокийских табличек (*ср. Laroche 1966a: 298 и след.*):

Суффикс *-uman* (ср. хеттский реляционный суффикс принадлежности *-uman-*, *-umn-* при лув. *-ицап-*): *Ar-nu-ma-an* (ср. хет. *ar-nu-* 'приносить'), *Ta-ak-ša-nu-ma-an* (ср. хет. *takš-* 'делать', 'мастерить', *takšan-* 'половина'), *Ḫa-ar-šu-um-nu-ma-an* (ср. хет. *ḫarš-* 'взрыхлять'), *Ša-ak-ḫi-i-ma-an* (ср.

хет. *šakkar* 'грязь', 'нечистоты'), *Ša-li-nu-ma-*[*an*] (ср. хет. *šalli-* 'большой'), *Šu-pí-ú-ma-an* (ср. хет. *šuppi-* 'чистый'), *Ḫi-iš-tù-ma-an* (ср. хет. ^{LÚ}*ḫe-eš-tu-u-um-ni* 'люди дома костей—É *ḫešta-*', ср. *ḫaštai* 'кость'), *Ta-ua-ú-i-ma-an* (ср. лув. *tauri-* 'глаз'), *Goetze 1954 : 351—352*;

Суффикс *-nika* (ср. хет. *nega-* 'сестра' при лув. *nanašri-* 'сестра'): *Ḫa-šu-ša-ar-ni-kà* (ср. хет. *ḫaššušara-* 'царица'), *Šu-pí-a-ni-kà* (ср. хет. *šuppi-* 'чистый'), *Ša-ap-ta-ma-ni-kà* (ср. хет. *šepta*[*m*]- 'семь', *Friedrich 1952 : 303*; ср. идеографическое написание 'единства из семи' ^{D}VII. VII.BI в списках хеттских богов, *Goetze 1953 : 266*), *Ša-am-na-ni-kà* (ср. хет. *šamana-* 'основа', 'фундамент', *Neumann 1974 : 279*; *Goetze 1954 : 352—353*);

Суффикс *-šar* в женских именах (хет. *-šara-*, суффикс названий женщин : *ḫaššu-* 'царь', *ḫaššuššara-* 'царица'), часто с предшествующим элементом *-aḫšu-*[1]: *Ḫi-iš-ta-aḫ-šu-šar* (ср. хет. *ḫesta-* 'кости'), *Ni-ua-aḫ-šu-ša-ar* (ср. хет. *neua-* 'новый').

Имена со вторым элементом *-aš(š)u-* (ср. хет. *aššu-* 'хороший' при лув., пал. *uašu-*): *Ḫa-al-ki-a-šu* (ср. хет. *ḫalki-* 'зерно'), *Ni-ua-šu* (ср. хет. *neua-* 'новый'), *Ša-ar-ni-kà-šu* (ср. хет. *šarnink-* 'возместить'), *Ut-ru-ua-šu* (ср. хет. *uattaru-* 'источник');

Имена с суффиксом *-att* (ср. хеттский абстрактный суффикс *-att-*, например, *šiuatt-* 'день'): *A-ši-at* (ср. хет. *aššiia-* 'любить' и имя божества *Aššiiat-*, ср. *Goetze 1953*), *Tá-ar-ḫa-ší-at* (ср. хет. *tarḫ-* 'побеждать').

Сюда же относятся такие каппадокийские имена собственные, как *Ší-ua-áš-me-i* от хет. *šiu-*, *šiua-* 'бог' (при лув. *Tiuat-* 'Бог Солнца', пал. *Tiiat-*), *I-na-ar* (ср. хет. *innara-* 'сила' и имя божества при лув. *annari-*), *Na-na-a* (ср. лув. *nani-* 'брат'), *Na-na-pí* (ср. позднейшие хеттские имена на *-pi* типа *Ḫanta-pi*), *Ša-ar-pa* (ср. хет. *šarpa-* 'серп'), *Tár-ḫu-a-an* и *Ta-ar-ḫu-a-lá* (ср. хет. *tarḫ-* 'побеждать') и др.

Из анатолийской ономастики каппадокийских табличек, относящихся к рубежу III—II тысячелетий до н. э., можно сделать недвусмысленный вывод о чрезвычайно длительном периоде развития и формирования уже обособившихся друг от друга отдельных анатолийских языков, что произошло после времени выделения анатолийской общности из общеиндоевропейского языка.[2]

[1] Ср., например, такие каппадокийские имена на *-aḫšu-*, как A-ra-ua-aḫ-šu (ср. хет. araua- 'свободный'), I-lá-li-aḫ-šu (ср. хет. ilaliia- 'желать' и образованное от него имя бога в древнехеттском тексте ^{D}Ilaliia-, *Laroche 1965c : 114*), I-na-ra-aḫ-šu (ср. хет. innara- 'сила'), Pè-er-ua-aḫ-šu (ср. хет. Pirua- 'имя бога'), Šu-pi-a-aḫ-šu (ср. хет. šuppi- 'чистый'). Относительно возможного древнего значения *-ḫšu-* 'сын', связанного, вероятно, с *ḫaš-* 'рождать', *ḫašša ḫanzašša* 'внуки правнуки', см. выше, стр. 201.

[2] Уже к началу II тысячелетия до н. э. хеттский и лувийский языки в пределах анатолийской общности обнаруживают существенные структурные различия, возникновение которых предполагает длительный период развития этих диалектов после выделения общеанатолийского из праиндоевропейского языка. К отмечавшимся выше различиям в фонетической структуре этих языков (хет. *e* ~ лув. *a*: ср. хет. *ešdu* 'да будет!' ~ лув. *ašdu*; хет. *ešḫa-* 'хозяин' ~ лув. *uašḫa-*; хет. *ši-* ~ лув. *ti-*: ср. хет. *šiuatt-* 'день' ~ лув. ^{D}*Tiuat-* 'бог Солнца'; хет. *-zi* ~ лув. *-ti*: ср. хет. *paizzi* 'он идет' ~ лув. *iti* 'он идет';

Это заставляет отнести выделение анатолийской общности из индоевропейского праязыка и тем самым начало распада праязыка к периоду не позднее IV тысячелетия до н. э., а возможно и значительно ранее.

При этом есть основания полагать, что формирование и развитие отдельных исторических анатолийских диалектов из общеанатолийского (после его выделения из праиндоевропейского) происходило в течение длительного времени в Малой Азии, то есть в пределах исторического обитания носителей анатолийских диалектов. Такой вывод представляется возможным сделать в свете данных анатолийской гидронимии.

Древнейшие наименования рек и водоемов Малой Азии интерпретируются именно на основе древнеанатолийских языков, причем в гидронимах обнаруживаются и такие формы, восходящие к общеанатолийскому состоянию, которых уже нет в отдельных исторических языках — хеттском, лувийском, палайском. Так, в частности, уже в надписи Анитты (XVIII в. до н. э.) встречается название реки *Ḫulana-* в Анатолии (ср. *Neu 1974 : 33—34*), этимологизируемое как древнеанатолийское слово **Hulna-* в значении 'волна'[1] и сопоставляемое с индоевропейским названием 'волны' ***Hu̯l-no-*** : ст.-слав. *vlъna*, лит. *vilnis*, др.-в.-нем. *wella* 'волна', ср. др.-инд. *ūrmí-* 'волна'.[2]

хет. g-/k-~ лув. *Ø-*: ср. хет. keššar 'рука'~лув. iššari-, лик. izre 'рука'; хет. š- ~ лув. t-: ср. хет. šakuua 'глаза'~лув. tau̯i-, хет. ḫuišu̯ant- 'живой'~лув. ḫuitu̯ali- и др.) можно добавить различия в грамматической структуре: парадигма глагола прошедшего времени спряжения на *-ḫi* : *1 л. ед. ч.* лув. *-ḫa* при хет. *-ḫun*, *3 л. мн. ч.* лув. *-nta* при хет. *-ir*; парадигма множественного числа имени: лув. (и нер. лув., ср. *Hawkins/Morpurgo Davis/ Neumann 1973*) *им. п. мн. ч.* *-nzi*, *вин. п. мн. ч.* *-nza* при хет. *им. п. мн. ч.* *-eš*, *вин. п. мн. ч.* *-uš*; лув. *отлож.-твор. п. ед. ч.* *-ati*, *мн. ч.* *-nzati* при хет. *-az* и *-it* в формах единственного и множественного числа; ср. также характерные различия в лексике: хет. antuḫša- при лув. ziti- 'человек, мужчина', хет. pai- при лув. i- 'идти', хет. nega- при лув. (и нер. лув., *Дунаевская 1966*) nana-šri- 'сестра', хет. atta- 'отец' при лув. (и нер. лув.) tati-, лик. tedi, ср. пал. papa-; хет. akkant- при лув. u(ua)lant- 'мертвый'; хет. *-ma* (*частица*) при лув. *-pa* 'же', 'однако, но'; хет. *-(l)a* (*частица*) при лув. *-ḫa* 'и' (частица); хет. le при лув. niš 'не' (запретительная частица); хет. kinun при лув. nanun 'теперь'; хет. šiuna- 'бог' при лув. maššana-, лик. mahana- 'бог'; хет. parkui- 'чистый' при лув. ḫalali- (древнее семитское заимствование, ср. аккад. ellu 'светлый, чистый'); хет. dalugi- при лув. (и нер. лув.) aga-, agi- 'длинный, долгий' и др. Сюда же следует отнести и слова типа хет. aššu- 'хороший' при лув. (и нер. лув.) u̯ašu-, хет. ešḫa- при лув. u̯ašḫa- 'хозяин', фонетические различия которых (отсутствие начального *u̯-* в хеттском) могут отражать древнейшие индоевропейские ареальные противопоставления, иллюстрируемые такими формами, как греч. *ἑός* при др.-инд. vásu 'добро, имущество', галл. Vesu-, др.-герм. Wisu- в сложных именах. В этом отношении характерно и противопоставление лексем—хет. daluki- 'долгий' (объединяемого в одну изоглоссу с др.-инд. dīrghá-, авест. darəga-, греч. *δολιχός*, ст.-слав. dlъgъ, прус. ilga, лат. longus, гот. laggs 'долгий') и лув. aga- 'долгий' (объединяемого в одну изоглоссу с тох. А аγu 'долгий', *Van Windekens 1976 : 150—151*).

[1] Характерно, что в хеттском уже не известно это слово в значении 'волна'; известно лишь название 'шерсти' ḫulana- (ср. ḫulaliia- 'заворачивать'), которое этимологически, возможно, связано с тем же индоевропейским корнем, см. выше. Отсутствие в хеттском особого слова ḫulana- в значении 'волна' может служить указанием на вероятный общеанатолийский характер гидронима Ḫulana-.

[2] К названию реки по основе **Hu̯l-n-* 'волна' в других индоевропейских диалектах ср., например, балтийское Vilnia (река, по которой назван город Vilnius) и многочис-

Также весьма архаичны по своей структуре и характеру компонентов восходящие, вероятно, к общеанатолийскому периоду гидронимы, которые представляют собой сложные слова со вторым элементом *-ḫapa-* (ср. хет. *ḫapa-* 'река'): др.-хет. *ḫa-ra-aš-ḫa-pa-aš* 'Орел-Река' (KBo III 54 B 13), совпадающее с центральноевропейским топонимом *Arlape* (>*Erlaf*), *ср. Топоров 1975-, I : 102* (ср. к семантике выше, стр. 539), см. также *Watkins 1973a : 84*; [D]*par-ma-aš-ḫa*[*-pa-aš*], название обожествляемой реки одноименного города (к первому компоненту этого гидронима ср. греческий гидроним Παρμισός, *Rosenkranz 1966 : 126*); *šu-ra-an-ḫa-pa-aš* (с элементом **šuran-*, не засвидетельствованным в исторических анатолийских диалектах) : ср. аналогичные гидронимы (балтийские—прус. *Serenappe*, *Serappin*, *Sarape*, иллирийские — *Serapilli* и др., *Топоров 1975-, I : 98*; *1977 : 94*,— при *Ser-* во фрак. *Ser-inis*, Σέρ-μη, *Syr-mus*, см. *Poghirc 1976 : 336*), со вторым элементом *-ap-* из и.-е. ***Hap**$^{[h]}$- 'вода', 'река', см. об этом типе гидронимов со вторым компонентом ***-Hap**$^{[h]}$- в иранской, фракийской, балтийской, иллирийской, кельтской и шире "древнеевропейской" гидронимике *Krahe 1960*; *Топоров/Трубачев 1962 : 171—172*; *Трубачев 1968 : 156*.

С индоевропейским словообразовательным типом гидронимов на ***-nt**$^{[h]}$- можно сравнить многочисленные малоазийские гидронимы, засвидетельствованные в исторических анатолийских языках и восходящие еще к анатолийской общности: ср. показательное название реки *Maraššanta-* (античная река Галис, современный Кызыл-Ырмак, главная внутренняя река Хеттского Царства), содержащее, вероятно, кроме суффикса *-anta-*, также суффикс *-aššа-* (ср. на Балканах дак.-фрак. *Marus*, *Marisia*, Μορήσης) и основу ***mar-**, этимологизируемую как 'море', 'болото' (ср. хет. *mammarra-* 'болото', ср. выше, стр. 673); о других индоевропейских гидронимах с элементом *mor-* (*Mor-ava-* в бассейне Дуная, а также на верхней Висле, в бассейнах Днепра и Днестра; ср. там же *Murakwa*, с вероятным германским отражением второго элемента, при античном древнебалканском *Marus*) см. *Трубачев 1968 : 51*; *Poghirc 1976 : 336, 337*.

К другим гидронимам общеанатолийского происхождения, имеющим широкие индоевропейские связи, следует отнести название малоазийской реки *Alda* (KUB XXV 48 IV 18, ср. название источника *Alda*, KBo II 13 *Vs.* 23; ср. хет. *aldanni-* 'источник'), *Rosenkranz 1966 : 129, 131, 138*. Аналогичные названия реки и болота обнаруживаются в бассейнах Днепра (*Альта*, др.-рус. *Ильтица*, *Льтица*, *Льто*), Дуная ('Αλούτας у Птолемея, ср. рум. *Olt*), в Македонии ('Αλτος), Иллирии (*Alto*), Паннонии, Нижней Мизии (*Altina*, ср. к суффиксу хет. *aldanni-*) и в Центральной и Западной Европе, *Krahe 1964*; *Трубачев 1968 : 167*. К другим возможным сопоставлениям общеанатолийской гидронимики с другими индоевропейскими гидронимами ср. *Rosenkranz 1966*.

ленные другие балтийские и славянские названия рек от той же основы, с которыми связывают и балтийские гидронимы типа *Vėlỹs*, *Vilija* (*см. Vanagas 1981*). В этой связи вызывает интерес отмечаемое *Розенкранцем* (*Rosenkranz 1966 : 131*) анатолийское название излучин двух рек Ḫulaja- (KBo IV 10 Vs. 25, 26), которое соотносится с названием Ḫulana- и аналогично отмеченным литовским названиям.

Кроме названий рек на раннее заселение центральной Малой Азии анатолийцами-индоевропейцами указывает и ряд древних топонимов этих областей: в "Анналах Хаттусили I" называются завоеванные им города, в их числе *Ḫaššuṷa-* (упоминаемый уже в текстах из Эблы — середина III тысячелетия до н. э., см. *Pettinato 1980 : 52*) и *Šallaḫšuṷa-*, анализируемые как древнеанатолийские, ср. хет. *ḫaššu-* 'царь', *šalli-* 'большой' и *-aḫšu-* в древнеанатолийской ономастике каппадокийских табличек.

1.3. ХРОНОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА В СВЕТЕ ДАННЫХ О ВРЕМЕНИ РАСПАДА «ГРЕКО-АРМЯНО-АРИЙСКОЙ» ДИАЛЕКТНОЙ ОБЩНОСТИ. МИКЕНСКИЙ ГРЕЧЕСКИЙ В ЕГО ДИАЛЕКТНОМ ПРИУРОЧЕНИИ. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ, СООТНОСИМАЯ С ПЕРИОДОМ V—IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО Н. Э.

Установление наличия дифференцировавшихся из анатолийского хетто-лувийских языков на рубеже III тысячелетия до н. э. и предположение ранней дифференциации анатолийской общности в пределах Малой Азии[1] относят период выделения самого анатолийского праязыка из общеиндоевропейской системы и соответственно существование общеиндоевропейского праязыка к значительно более раннему периоду, определяемому V—IV тысячелетиями до н. э.

С датировкой существования праиндоевропейского языка, выведенной на основании данных анатолийских языков, согласуются и свидетельства о выделении из праязыка и других языковых общностей.

Индоевропейская языковая общность, оставшаяся после выделения из праязыка общеанатолийской и соответственно тохарской языковых общностей, объединяемых по схеме диалектного членения в единую группу, начинает примерно к этому же периоду распадаться на соответствующие диалектные группы, которые впоследствии дали отдельные исторические диалекты. В частности, примерно к тому же времени следует отнести обособление греко-армяно-арийской диалектной общности и последующее распадение ее на индо-иранскую, греческую и армянскую диалектные общности.

Установление в середине II тысячелетия до н. э. наличия особого митаннийского арийского языка, отличного от древнеиндийского и древнеиранского (см. выше о формах типа *aika-ṷartanna*, *ṷašanna* и др., стр. 546 и след.), должно свидетельствовать о раннем начале процесса распада арийской диалектной общности, вероятно, не позднее III тысячелетия до н. э.

Примерно то же время следует предположить и для начала процесса распада греческой языковой общности на отдельные диалекты. Уже микенский греческий (засвидетельствованный начиная с XV в. до н. э.[2]) об-

[1] Об этом же позволяют судить и некоторые общеанатолийские лексические заимствования, в частности анатолийское pir/parn- 'дом' (хет. pir, *род.-п.* parnaš, иер.-лув. parna- 'дом', лик. prñnawa- 'строить', лид. bira- 'дом'), восходящее, очевидно, к др.-егип. pr 'дом', см. выше, стр. 741.

[2] Микенские греческие надписи датируются периодом XV—XIII вв. до н. э. (см. *Ventris/Chadwick 1973*; *Morpurgo 1963*; к хронологии отдельных микенских надписей из

наруживает диалектные черты, сближающие его с аркадо-кипрским диалектом, но заставляющие считать его самостоятельным греческим диалектом наряду с аркадо-кипрским, ионийским, эолийским.

Характерными структурными чертами микенского греческого по сравнению с другими родственными диалектами являются следующие фонетические и морфологические признаки: отражение слогового сонанта *ṛ в микенском (в определенных фонетических позициях, ср. *Morpurgo Davis 1967*) в виде *-ro-* (ср. мик. *qe-to-ro-po-* 'четырехножник'), а также в аркадском, кипрском и эолийском, при *-ra-* в ионийском (ср. ион. τετράποδα); переход общегреческого **ti* в *si* (мик. *e-ko-si*=ἔχονσι 'имеют', *di-do-si*= δίδωσι 'дает', *3 л. ед. ч.*), как и в аркадо-кипрском и ионийском, при сохранении **-ti* в остальных греческих диалектах: ἔχοντι, δίδωτι; окончание *дат. п. мн. ч. -o-i, -a-i*, как и в аркадском и кипрском, при более архаичном -οισι, -α(ι)σι в ионийском, староаттическом, лесбийском, памфилийском; окончание *3 л. ед. ч. мед.* мик. *-to* = *-toi* (ср. *e-u-ke-to-*=εὔχετοι 'объявляет'), как и в аркадском, при -ται в остальных греческих диалектах, ср. ион., аттич. εὔχεται 'объявляет' и др., ср. *Risch 1955a*; *1979a*; *Chantraine 1955*: *32*; *Schmitt 1977*.

Не подлежит сомнению, что все греческие диалекты этого периода, то есть середины II тысячелетия до н. э., формируются независимо друг от друга из определенной греческой диалектной общности, которую следует датировать значительно более ранним периодом. Нужно полагать, что к середине II тысячелетия до н. э. существовали уже как обособившиеся диалекты аркадский, ионийский, эолийский (ср. *Lejeune 1967*), которые возводятся к более ранней "восточной" диалектной общности, относимой к рубежу III—II тысячелетий до н. э.

С другой стороны, вся эта греческая диалектная группа, определяемая общностью происхождения аркадо-кипрского, эолийского и других диалектов, противостоит дорийскому диалекту (и некоторым другим западногреческим диалектам), сохранившему наиболее архаические черты общегреческой языковой общности[1], ср. *Durante 1967*. Дорийский наряду с западными греческими диалектами составлял вместе с "восточной" диалектной группой еще более раннюю греческую диалектную общность, которую соответственно следует отнести к эпохе не позднее III тысячелетия до н. э. Распад этой общности к концу III — началу II тысячелетия до н. э. должен был дать, с одной стороны, "восточную" диалектную общность, из которой возникают аркадо-кипрский, ионийский, эолийский и другие диалекты, а с другой стороны, диалектную общность с дорийским и некоторыми западными диалектами.

Кносса ср. также *Heubeck 1976*). По времени они совпадают примерно с периодом Среднехеттского и Новохеттского Царств.

[1] Характерными архаическими чертами дорийского считаются глагольное окончание *1 л. мн. ч.* *-μες* (при *-μεν* в других диалектах), ср. λέγομες 'мы говорим'; особая форма будущего времени на **-s*, ср. дор. *δωσόντι*; неассибилированное окончание *3 л. ед. ч.* *-ti* (ср. дор. *φᾶτι* 'говорит') и *3 л. мн. ч.* -nti (ср. дор. *δίδοντι* 'дают', ср. придыхательное *-θ* в *3 л. мн. ч.* в беотийском: *καλεονθι* 'зовут', *εχονθι* 'имеют').

Тем самым греко-армяно-арийская диалектная общность, выделяемая по схеме диалектного членения, должна быть датирована соответственно не позднее III тысячелетия до н. э. и, следовательно, выделение её из праиндоевропейского языка следует отнести примерно к периоду, последовавшему непосредственно за выделением анатолийской диалектной общности.

Все вышеизложенное определяет на основании древнейших ареальных данных период существования общеиндоевропейской языковой системы временем не позднее V—IV тысячелетий до н. э., к которому и следует отнести начало диалектного членения общеиндоевропейского языка.

2. АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ «ПРАРОДИНЫ»

2.1. ВОПРОС О «ПЕРВОНАЧАЛЬНОСТИ» ПРАЯЗЫКОВОЙ ТЕРРИТОРИИ

Тезис о реальном существовании праязыковой системы, соотнесенной с определенной временно́й перспективой, предполагает и примерное определение границ территории первоначального обитания носителей этого языка[1]. Общеиндоевропейский язык, функционирование которого до членения его на отдельные диалектные общности и выделения из него независимых языковых единиц следует отнести к эпохе не позднее IV тысячелетия до н. э., должен был быть распространен первоначально в определенной географической области.

2.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ «ПРАРОДИНА» КАК ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ С ГОРНЫМ ЛАНДШАФТОМ

Первоначальным ареалом обитания носителей общеиндоевропейского языка можно считать такую географическую область, которая своими экологическими, географическими и культурно-историческими характеристиками соответствует картине среды обитания, получаемой на основе лингвистической реконструкции лексики праязыка.[2]

[1] Проблема первоначальной территории обитания носителей индоевропейского праязыка или проблема "индоевропейской прародины" является почти такой же старой, как и само сравнительное индоевропейское языкознание. Начало ее исследования относится ко времени зарождения "лингвистической палеонтологии" и первых попыток археологов соотнести археологические данные с языковыми. К истории проблемы см. *Devoto 1962 : 40 и след.; Mallory 1973; Schlerath 1973.*

[2] Термин "первоначальный" в отношении распространения индоевропейского праязыка на определенной территории следует понимать, строго говоря, в хронологических рамках истории этого языка, то есть "первоначальная" территория распространения—как область праязыка, которая должна была быть занята его носителями к определенному историческому периоду. При этом в рамках настоящего исследования не ставится вопрос о том, откуда мог быть занесен индоевропейский праязык на эту "первоначальную" территорию. Не исключено, что эта "первоначальная" территория распространения индоевропейского праязыка вовсе не окажется п е р в о н а ч а л ь н о й с точки зрения еще более древней истории этого праязыка и его носителей. Такой вопрос научно закономерен в свете теории возможного родства праиндоевропейского с отдельными праязыко-

Первое, что можно утверждать с достаточной уверенностью относительно индоевропейской прародины, это то, что она представляла собой область с горным ландшафтом. Об этом свидетельствует прежде всего многочисленность индоевропейских слов, обозначающих 'высокие горы' и 'возвышенности', ср. выше о словах ***H(e/o)k'°(e/o)r-** 'вершина горы', ***ont'-/*ŋt'-** 'гора', 'скала', 'камень', ***m(e)n-t$^{[h]}$-** 'гора', 'возвышенность', ***k$^{[h]}$ol-** 'возвышенность', ***b$^{[h]}$erĝ$^{[h]}$-** 'высокий' (о горе). Это — ландшафт с широким распространением горного 'дуба' (***p$^{[h]}$er-k$^{[h]}$°-u-** 'дуб', 'скала', ***aik'-** 'горный дуб') и ряда других деревьев и растений, растущих в высокогорных местностях.

С такой картиной высокогорного ландшафта согласуются и данные о 'горных озерах' (ср. ***or-u-n-** 'большое озеро', 'море', ср. также и.-е. ***sal-** 'море или озеро как соленое') и 'быстрых, стремительных реках' (***Hap$^{[h]}$-** 'река', 'поток', ***t$^{[h]}$ek$^{[h]}$°-** 'быстро течь'), а также данные о высокогорном характере климата с пасмурным небом и частыми грозами: ***neb$^{[h]}$es-** 'облако', 'туча', 'небо', ***Hŭent$^{[h]}$-** 'ветер', ***Hk'°or-** 'горный, северный ветер', ***seu̯-/*su-** 'дождь', ***sneigʰ°-** 'снег', ***ĝ$^{[h]}$eim-** 'зима', ***(i)ek'-** и ***eis-/*is-** 'холод', 'лед'.

Другой ряд слов, связанных с климатическими понятиями, исключает приурочение индоевропейской прародины к северным областям Евразии: ср. ***g$^{[h]}$°er-m-** и ***t$^{[h]}$ep$^{[h]}$-** 'жара', 'тепло'.

Такая картина праиндоевропейского ландшафта естественно исключает те равнинные районы Европы, где отсутствуют значительные горные массивы, то есть северную часть Центральной Евразии и всю Восточную Европу, включая и Северное Причерноморье.

2.3. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ФЛОРА И ФАУНА КАК ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ НА СООТНЕСЕННОСТЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ С ЗОНОЙ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ — ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Данные об индоевропейских названиях 'деревьев' и 'растений' (***t'e/oru̯-** 'дерево', 'дуб', ***p$^{[h]}$er(k$^{[h]}$°)-/*p$^{[h]}$eru-** 'дуб', 'скала', ***aik'-** 'горный дуб', ***k'°elH-** 'желудь', ***b$^{[h]}$erĝ'-** 'береза', ***b$^{[h]}$aHk'o-** 'бук', ***(s)k'rōb$^{[h]}$o-** 'граб',

выми системами типа прасемитского (из последних работ по этому вопросу см. *Bomhard 1975; 1977*), прауральского (*Collinder 1934*) и других, или в свете теории родства всех этих систем, вместе взятых (так называемая "ностратическая гипотеза", *Иллич-Свитыч 1971; 1976*; ср. *Collinder 1974*). Носители праиндоевропейского языка как определенной ветви еще более древней языковой общности должны были переселиться в таком случае на "первоначальную" территорию их обитания предположительно из других областей, где можно допустить реальные условия существования еще более древнего праязыкового единства, объединяющего индоевропейский с другими группами языков.

Те же соображения относятся и к "прасемитскому", "пракартвельскому" и другим "праязыкам" и первоначальным областям расселения носителей этих праязыковых систем. В частности, "первоначальная" территория для прасемитского — очевидно, где-то в определенной области Ближнего Востока — должна считаться вторичной с точки зрения более ранней истории этой языковой общности, некогда отделившейся от "афразийского" единства, *ср. Дьяконов 1965; Diakonoff 1975*.

***Hos-** 'ясень', ***Hosp$^{[h]}$-** 'осина', ***ś^{o}(e)lik$^{[h]}$-** 'ива', 'ветла', ***eį-//*oį-** 'тис', ***p$^{[h]}$it$^{[h]}$-** 'сосна', 'пихта', ***q$^{[h]}$ar-** 'грецкий орех', 'ореховое дерево', ***u̯er-** 'вереск', ***u̯ort'-/*u̯ṛt'-** 'роза', ***m[e]us-** 'мох'), согласующиеся с характеристиками горного ландшафта индоевропейской прародины, локализуют ее в сравнительно более южных областях Средиземноморья в широком смысле, включая Балканы и северную часть Ближнего Востока (Малую Азию, горные области Верхней Месопотамии и смежные ареалы)[1]. Дубовые леса нехарактерны для северных областей Европы, где они распространяются лишь начиная с IV—III тысячелетий, ср. выше, стр. 615 и след.

Исследования последнего времени, касающиеся 'Мирового дерева' как основного символа, вокруг которого строится индоевропейская модель мира, образуемая всеми живыми существами, располагающимися по нескольким ярусам — 'верхнему', 'среднему', 'нижнему' (см. выше, стр. 485 и след.), подводят также к выводу, что такие представления могли возникнуть лишь в зоне, богатой лесами, и только позднее могли быть перенесены в более северную степную полосу (ср. также *Kraig 1978 : 160*).

Такой сравнительно южный характер экологической среды индоевропейской прародины, предполагаемый на основании данных о географическом ландшафте и растительности, подкрепляется анализом общеиндоевропейских названий животных: ***u̯[k$^{[h]o}$-//*u̯]p$^{[h]}$-**, ***u̯eį̆t'-(n)-** 'волк', ***Hṛt$^{[h]}$k$^{[h]}$-** 'медведь', ***p$^{[h]}$ars-//*p$^{[h]}$art'-** 'барс', 'леопард', ***leu̯-** 'лев', ***leu̯k$^{[h]}$-** 'рысь', ***u̯l-o-p$^{[h]}$ek$^{[h]}$-(ā)** 'лиса', 'шакал', ***q$^{[h]}$u̯ep$^{[h]}$-** 'дикий вепрь', 'кабан', ***el-(e)n-//*el-k$^{[h]}$-** 'олень', 'лось', 'антилопа', ***t$^{[h]}$au̯ro-** 'дикий бык', 'тур', 'зубр', ***k$^{[h]}$as-(no-)** 'заяц', ***q$^{[h]}$e/op$^{[h]}$-** 'обезьяна', ***ǐeb$^{[h]}$-//*Heb$^{[h]}$-** и ***leb$^{[h]}$-ont$^{[h]}$-//*leHb$^{[h]}$o-** 'слон', 'слоновая кость', ***og$^{[h]o}$i-//*ang$^{[h]o}$i-** 'змея', ***mŭs-** 'мышь', ***k$^{[h]}$ark$^{[h]}$ar-** 'краб', ***mus-** 'муха', ***lŭs-** 'вошь', ***g$^{[h]}$nit'-** 'гнида', ***d$^{[h]}$g̑$^{[h]}$ū-** 'рыба', ***Hu̯eį̆-** 'птица', ***He/or-** 'орел', ***k'er-** 'журавль', ***k$^{[h]}$er-** 'ворон', ***t$^{[h]}$et$^{[h]}$(e)r-** 'тетерев', ***(s)p$^{[h]}$ik$^{[h]}$o-** 'дятел', 'маленькая птичка', 'зяблик', ***ĝ$^{[h]}$ans-** 'водяная птица', 'гусь', 'лебедь'. Некоторые из этих животных (***p$^{[h]}$ars-//*p$^{[h]}$art'-** 'барс', 'леопард', ***leu̯-** 'лев', ***q$^{[h]}$e/op$^{[h]}$-** 'обезьяна', ***ǐeb$^{[h]}$-//*Heb$^{[h]}$-** и ***leb$^{[h]}$-ont$^{[h]}$-** 'слон', 'слоновая кость', ***k$^{[h]}$ark$^{[h]}$ar-** 'краб') специфичны именно для южной географической области, что исключает Центральную Европу в качестве возможной первоначальной территории обитания индоевропейских племен.[2]

[1] С такой локализацией согласуется и так называемый "аргумент бука", исключающий из прародины часть Восточной Европы к северо-востоку от Причерноморья до низовьев Волги, см. выше, стр. 623, но совместимый с локализацией ее от Балкан до Ближнего Востока.

[2] Весьма характерно, что примерно такой же набор названий животных, птиц и насекомых реконструируется и для общесемитского (*ср. Fronzaroli 1968, V : 280 и след.*): **naǰi-* 'лев', **labi'-* 'львица', **nimr-* 'леопард', **di'b-* 'волк', **ḍabu'-* 'гиена', **ṯa'lab-* 'лиса', **dabb-* 'медведь', **pīl-* 'слон', **nūb-(at-)* 'обезьяна', **ri'm-* 'тур', **par'-* 'онагр', 'дикий осел', **ẓabj-(at-)* 'газель', **'aǰǰal-* 'олень', **wa'l-* 'горный козел', **'arnab-* 'заяц'; **ġārib-* 'ворон', **našr-* 'орел': **naḥaš-* 'змея', **baṭn-* 'ядовитая змея', **'akbar-* 'мышь'; 'крыса', **ḍuparda'-* 'лягушка', **rakk-* 'черепаха', **warn-* 'вид ящерицы', **ṣarṣar-* 'сверчок, кузнечик', **ḍubb-* 'муха', **baḳḳ-* 'мошка', **nāml-(at-)* 'муравей', **ḳalm-(at-)* 'вошь', **parġuṭ-* 'блоха', **ṯawla'-(at-)* 'червь', **'alaḳ-(at-)* 'пиявка', **nūn-* 'рыба'.

2.4. ХАРАКТЕР РАЗВИТОГО СКОТОВОДСТВА И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКУЮ ЭПОХУ КАК АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ ОТНЕСЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ «ПРАРОДИНЫ» К ОБЛАСТЯМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Вывод о невозможности приурочить индоевропейскую прародину к Центральной и Восточной (но не Юго-Восточной) Европе, полученный на основании свидетельств о ландшафте и экологической среде обитания, согласуется и с данными культурно-исторического характера о домашних животных и культурных растениях, с которыми должны были быть знакомы древние индоевропейцы. Для IV тысячелетия до н. э., то есть в период существования общеиндоевропейского языка и его носителей — древних индоевропейцев, скотоводство (как и земледелие) в Центральной Европе было в зачаточном состоянии (*Кларк 1953*), тогда как в общеиндоевропейском восстанавливается развитая система скотоводства с наличием основных домашних животных: ***ek̑$^{[h]}$u̯o-** 'конь', 'лошадь', ***osono-** 'осел', ***k'^{o}(o)u̯-** 'бык', 'корова', ***Hou̯i-** 'овца', 'баран', ***q$^{[h]}$ok̑'-** 'козел', 'коза', ***k̑$^{[h]}$u̯on-** 'собака', ***sū̆-** 'свинья', ***p$^{[h]}$ork̑$^{[h]}$o-** 'поросенок'; ср. также обозначения продуктов скотоводства и термины, связанные с 'пастьбой': ***Hak̑'-ro-** 'невозделанное поле для пастьбы домашнего скота', ***p$^{[h]}$aH-** 'охранять скот', 'пасти', ***u̯es-t$^{[h]}$er-** 'пастух'. Для Восточной Европы, в частности для Северного Причерноморья и приволжских степей, такое развитое скотоводство известно лишь в III тысячелетии до н. э. (см. *Goodenough 1970 : 255 и след.*; *Мерперт 1974*). В центральной Европе овцеводство, сильно развитое у древних индоевропейцев, что видно из развитой овцеводческой терминологии (см. выше, стр. 577 и след.), почти полностью отсутствует до I тысячелетия до н. э. Это согласуется и с отсутствием 'шерсти' в неолите Европы (*Кларк 1953 : 124—125, 235—236*; *Curwen/Hatt 1953 : 41*).

Разведение коз отмечается в Европе еще позднее, в том числе и Восточной (*Цалкин 1956*).

Характерно для общеиндоевропейской культуры и наличие развитого пчеловодства (ср. ***b$^{[h]}$ei̯-** 'пчела', ***mel-it$^{[h]}$-**, ***med$^{[h]}$u-** 'мед'), с глубокой древности известного на Ближнем Востоке.

Характерное для древнего индоевропейского общества развитое земледелие, устанавливаемое на основе реконструируемых индоевропейских названий сельскохозяйственных растений (***i̯eu̯o-** 'ячмень', ***p$^{[h]}$ūr-** 'пшеница', ***lī̆no-** 'лен'), плодовых деревьев (***ŝam[a]lu-** 'яблоко', 'яблоня', 'плодовое дерево', ***k$^{[h]}$ṛno-** 'кизил', 'вишня', ***moro-** 'тутовое дерево', ***maHlo-** 'яблоко', ***u̯(e/o)i̯no-** 'виноград'), специальных орудий для обработки земли (***Har-** 'пахать', ***Har-Ḫ-t$^{[h]}$ro-m** 'плуг', ***seH[i]-** 'сеять', ***ś^{o}elk$^{[h]}$-** и ***p$^{[h]}$erk̑$^{[h]}$-** 'борозда', ***serp$^{[h]}$-** 'серп'), названий сельскохозяйственных сезонов (***[e]s-en-** 'время жатвы', ***Ham-** 'время созревания', ***meH[i]-** 'созревать', 'собирать урожай'), названий сельскохозяйственных продуктов (***selp$^{[h]}$-** и ***ong$^{[h]o}$-** 'масло'), названий орудий и действий обработки продуктов земледелия (***b$^{[h]}$rek̑'-** 'обрабатывать зерна ячменя на огне', ***p$^{[h]}$ei̯s-** 'толочь', 'измельчать зерно', ***mel-** 'молоть', 'дробить', 'толочь', ***k'^{o}rāu̯-** 'жернов'; такие орудия проникают в Европу из переднеазиатского

ареала лишь к железному веку, то есть к I тысячелетию до н. э., *Кларк 1953 : 120*), также может служить убедительным свидетельством в пользу возможности локализации индоевропейской общности в областях с наиболее развитым (в IV тысячелетии до н. э. и ранее) земледелием, то есть на той же южной территории, простирающейся от Балкан до Ирана. Наличие развитой терминологии земледелия и виноградарства, в свою очередь, исключает более северные области Европы. Такие злаки, как 'ячмень', становятся в Европе преобладающей культурой лишь к концу II — началу I тысячелетия до н. э. (*Кларк 1953 : 115*).

Примерно этот же переднеазиатский ареал первоначального расселения индоевропейских племен следует предположить и на основании свидетельств генетического фактора усваиваемости молока в человеческих популяциях. Развитость молочного хозяйства у древних индоевропейцев, устанавливаемая на основе многочисленных индоевропейских названий 'молока', 'молочных продуктов', 'доения' (***meiḱ'-**), а также реконструируемой общеиндоевропейской символики 'вымени' (***eud**$^{[h]}$-) и 'дойной коровы' (***k'^{o}ou̯-**) как поэтических образов всяческого изобилия (см. выше, стр. 567 и след.), указывает на отсутствие в их популяциях генетически обусловленного плохого усвоения молока, с которым связано слабое развитие молочного хозяйства у многих народов Южной Азии (в том числе южной Индии) и Африки.

Этот генетический признак объединяет древние индоевропейские народы, для которых особую роль имело молочное хозяйство, и некоторые народы севера Передней Азии (ср. *Simoons 1979 : 61, 63, 74*).

2.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ КОЛЕСНЫЙ ТРАНСПОРТ И МЕТАЛЛУРГИЯ БРОНЗЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ЛОКАЛИЗАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Особую ценность для установления первоначальной среды обитания древних индоевропейцев и локализации индоевропейской прародины представляет индоевропейская терминология транспорта — названия 'колесных повозок' (***k**$^{[h]}$**o**^{o}**el-**, ***k**$^{[h]}$**o**^{o}**ek**$^{[h]}$**o**^{o}**lo-** 'колесо', 'колесная повозка', 'колесница', ***rot**$^{[h]}$**o-** 'колесо', ***Hu̯er-t**$^{[h]}$**-**, ***Hu̯er-ĝ**$^{[h]}$**-** 'вращать', 'колесо', 'круг', 'повозка', ***His-** 'дышло', ***d**$^{[h]}$**ur-** 'упряжка', ***Haḱ**$^{[h]}$**s-** 'ось', ***i̯uk'om** 'ярмо', ***u̯eĝ**$^{[h]}$**-** 'везти (в повозке), возить', ***i̯aH-** 'ездить в повозке'), названия металлов — 'бронзы' (***Hai̯e/os-**), необходимой для изготовления колесных повозок из твердых пород горного леса, и тягловой силы — 'лошади' (***ek**$^{[h]}$**u̯o-**), которую следует предположить уже в период существования общеиндоевропейского языка, то есть в IV тысячелетии до н. э. Весь этот комплекс данных опять-таки ограничивает территорию первоначального распространения индоевропейского языка областью от Балкан до Ближнего Востока и Закавказья, вплоть до Иранского плоскогорья и Южной Туркмении (ср. выше, стр. 717 и след.).

Изготовление колесных повозок датируется временем около IV тысячелетия до н. э. Очагом их распространения признается ареал от Закав-

казья до Верхней Месопотамии (см. *Childe 1954*; *Piggott 1969*; *1974*). Из ближневосточного очага колесные повозки распространяются в Волжско-Уральском районе (*Генинг 1977*)[1], Северном Причерноморье (*Кузьмина 1974*; *1976*; *1977*), на Балканах, в Центральной Европе (см. выше, стр. 733 и след.; ср. карту распространения в Евразии колесных повозок). К этому же времени относится и начало эпохи бронзы на Ближнем Востоке (*Forbes 1960*).

Та же территория является одной из возможных областей одомашнивания (или во всяком случае распространения уже одомашненной) лошади и использования ее в качестве тягловой силы (см. выше, стр. 557 и след.).

Разветвленная общеиндоевропейская терминология для 'транспортных повозок', 'упряжи' и ее частей, а также для 'лошади' и 'бронзы', дает основание локализовать индоевропейскую прародину в IV тысячелетии до н. э. в пределах намеченного ареала от Балкан (включая Ближний Восток и Закавказье) вплоть до Южной Туркмении.

Есть основания для реконструкции у индоевропейцев и водного транспорта: ***erḫ-/*reH-** 'плавать в лодке или на корабле с помощью весел', ***naHu̯-** 'судно', 'лодка', ***p$^{[h]}$leu̯-** 'плыть (на судне)'. В IV—III тысячелетиях до н. э. развитой водный транспорт известен в ареале Ближнего Востока, в частности в древней Месопотамии, ср. *Чайлд 1956*; *Комороци 1976 : 17 и след.*

3. КОНТАКТЫ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА С ЯЗЫКАМИ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

3.1. АРЕАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА С ОБЩЕСЕМИТСКОЙ И ОБЩЕКАРТВЕЛЬСКОЙ СИСТЕМАМИ В ПРЕДЕЛАХ ДРЕВНЕЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

Реконструируемая праиндоевропейская лексика различных семантических групп, отражающих фауну, флору, хозяйство и материальную культуру, позволяет примерно наметить географическую область, в пределах которой могла находиться индоевропейская прародина и откуда должны были начаться миграции индоевропейских племен, приведшие к распространению их на обширной территории Евразии в историческое время.

Свидетельства другого порядка, такие, как элементы духовной культуры, реконструируемые по лингвистическим данным, а также лексические заимствования и факты взаимодействия индоевропейского с другими языками, позволяют еще более сузить эту намечаемую обширную область возможной 'прародины' индоевропейцев и ограничить ее характерным более компактным ареалом.

Такой праиндоевропейский языковой ареал следует локализовать в той части намечаемой области, где могли осуществляться взаимодействие и

[1] К распространению в волжско-зауральской области деталей упряжи, по самой форме связанных с колесом и засвидетельствованных во II тысячелетии до н. э. (в микенский период) также в Северном Причерноморье и на Балканах, ср. *Oancea 1976*.

контакты праиндоевропейского языка с семитскими и картвельскими языками, которые обнаруживают целый пласт заимствованной из одного языка в другой лексики, а также целый ряд схожих структурных черт, предполагающих взаимодействие этих языков в течение длительного периода.

Фактор взаимодействия праиндоевропейского языка с семитскими и картвельскими (южнокавказскими) языками предполагает в качестве индоевропейской прародины определенный ареал в пределах Ближнего Востока, где могли осуществляться такие контакты, и исключает тем самым Балканы как возможную территорию первоначального распространения индоевропейского праязыка.

Характерно, что общеиндоевропейский, картвельский и семитский проявляют изоморфную структуру в системе консонантизма с тремя сериями смычных, определяемыми как "глоттализованные" (*resp.* фарингализованные), "звонкие" и "глухие", ср. выше, стр. 134 и след.[1] В картвельском и индоевропейском при этом обнаруживается тождественная система сонантов со слоговыми и неслоговыми вариантами в зависимости от занимаемой ими позиции в слове. Тождественна и схема построения в этих языковых системах корневых и аффиксальных морфем и правил их соединения в многоморфемные последовательности с механизмом чередования гласных по аблауту, см. об этом подробнее выше, стр. 252 и след. Такое сходство вплоть до изоморфизма в схеме оформления языковых структур могло быть результатом длительного взаимодействия этих языков в пределах определенного ареального единства — союза языков—и вступления их в аллогенетические соотношения друг с другом, ср. *Церетели 1968*.

Об этом же свидетельствуют и многочисленные лексические заимствования, обнаруживаемые в языках этого исторически общего ареального союза языков.

3.2. СЕМИТСКИЕ И ШУМЕРСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Особый интерес представляет лексический пласт в общеиндоевропейском, который можно рассматривать как заимствование из семитского. Это,

[1] Показательно, что все три системы смычных характеризовались первоначально серией *глоттализованных*. Это может объясняться их длительным взаимодействием в пределах определенного географического ареала. Следует отметить, что аналогичные общие фонологические характеристики наблюдаются и в отношении целого ряда других групп языков, входящих в один языковой союз. Типологическое сходство с наличием глоттализованных серий смычных в индоевропейском, картвельском и семитском праязыках можно видеть в наличии глоттализованной серии в америндейских языках, распространенных на территории от Южной Аляски до Центральной Калифорнии и представляющих по крайней мере четыре разные генетические группы. Э. Сепир (*Sapir 1921 : 198 и след.*) по этому поводу замечает: "нельзя избежать вывода о том, что существует тенденция у определенных речевых звуков или определенных различительных способов артикуляции распространиться на определенную непрерывную область примерно так же, как элементы культуры излучаются из некоторого географического центра". Аналогичным образом признак глоттализованности распространился на Кавказе на такие поздние индоевропейские диалекты, как осетинский, ср. *Szemerényi 1977 : 376 и след.*

в первую очередь, лексемы, обозначающие домашних животных, культурные растения, орудия, числительные, то есть слова, в силу семантических особенностей наиболее подверженные заимствованию:

И.-е. ***t[h]auro-*** 'дикий бык' ~ сем. **ṯawr-* 'бык', 'вол': аккад. *šûru*, угар. *ṯr*, др.-евр. *šôr*, сир. *tawrā*, араб. *ṯawr-*, южн.-арав. *ṯwr*, ср. *Lewy H. 1895 : 4*; *Ipsen 1924 : 227—228*; *Иллич-Свитыч 1964 : 3*; *Soden 1981, III : 1287*. Заимствование из семитского в индоевропейский, но не наоборот, более вероятно ввиду структуры корня и передачи семитского глухого интердентального **ṯ* с помощью глухого (придыхательного) индоевропейского **t[h]* (при обратном направлении заимствования следовало бы ожидать в семитском глухого [придыхательного] **t[h]*; см. также выше, стр. 519 и след.);

И.-е. ***g[h]aiṭ'-*** 'козленок', 'коза' ~ сем. **gadj-* 'козленок', 'коза': аккад. *gadû* 'козленок', др.-евр. *gᵉḏi*, арам. *gaḏjā*, араб. *ǧadj-* 'коза', ср. *Иллич-Свитыч 1964 : 3*. Слово в индоевропейском ограничено определенным диалектным ареалом — итало-германским (ср. лат. *haedus*, сабин. *faedus*, гот. *gaits*, др.-исл. *geit*, др.-англ. *gāt*, англ. *goat*, др.-в.-нем. *geiz*, *Порциг 1964 : 172*). Весьма показательно для определения первоначального индоевропейского ареала обнаружение древнесемитского слова в "западных" индоевропейских языках. При этом заимствованное индоевропейское слово обнаруживает и некоторые отступления от нормальной для индоевропейского фонетической структуры (ср. сочетание в корне фонем серий II и I при их акцессивной последовательности; к структуре индоевропейского корня см. выше, стр. 215 и след.);

И.-е. ***ag[h]°no-*** 'ягненок', 'овечка' ~ сем. **ʿigl-* 'молодое животное': аккад. *agalu* 'осел', угар. *ʿgl*, др.-евр. *ʿēḡel*, арам. *ʿiḡlā*, араб. *ʿiḡl-* 'теленок', *Иллич-Свитыч 1964 : 4, 11*, прим. *35*. Сопоставление индоевропейской формы с семитской, заимствованием которой она является, дает основание предположить для общеиндоевропейского еще более древний архетип ****Heg[h]°no-*** с начальной "ларингальной" **H-*, эквивалентной семитской **ʿ-*. В индоевропейской форме **-n-* вместо семитского **-l-* может быть объяснено включением этого слова в распространенный в индоевропейском класс домашних животных с суффиксом ****-n-*** (к названиям животных на ****-n-*** в индоевропейском ср. также чередование **-n-/*-l-* в формах типа лат. *asinus* 'осел' : ст.-слав. *osĭlŭ* 'осел', см. выше, стр. 562);

И.-е. ****q[h]e/op[h]-*** 'обезьяна' ~ ср. в семитском аккад. *uḳūpu*, др.-евр. *ḳôp̄*, арам. *ḳōp̄ā* 'обезьяна' (при егип. *gjf* 'обезьяна'), *Soden 1981, III : 1427*. В семитском слове обращает на себя внимание фарингализованная (эмфатическая) фонема **ḳ*, замененная в индоевропейском постелярной фонемой, которая дала в исторических языках соответствующие рефлексы (см. также выше, стр. 129 и след.);

И.-е. ****b[h]ar(s)-*** 'зерно', 'крупа' ~ сем. **burr-//*barr-* 'зерно', 'обмолоченное зерно': др.-евр. *bar* 'обмолоченное зерно', араб. *burr-* 'пшеница', южн.-арав. сокотри *bor*, мехри *barr* 'зерно', 'пшеница', *Hrozný 1913 : 38*; ср. *Möller 1911 : 34*; *Иллич-Свитыч 1964 : 4—5*; *Fronzaroli 1969, VI : 296*; *1973 : 21—22*; *Cohen D. 1976 : 87*. Заимствованный характер слова проявляется и в особой огласовке корня **a*. В индоевропейском — ареальное

слово, ограниченное "древнеевропейскими" диалектами: лат. *far, род. п. farris* 'полба' (*Triticum spelta*), оск., умбр. *far*, гот. *barizeins* 'из ячменя', 'κρίθινος', др.-исл. *barr* 'зерно', 'ячмень', др.-англ. *bere* 'ячмень', ср. др.-ирл. *bairgen* 'хлеб', сербо-хорв. *bâr* 'род проса', ср. *Порциг 1964 : 164 — 165*. Ареальная ограниченность этого семитского заимствования в индоевропейском указывает на его проникновение в определенную диалектную общность, давшую впоследствии "древнеевропейские" диалекты (италийский, кельтский, германский, славянский) и находившуюся первоначально в контакте с семитской языковой общностью в определенном ареале Ближнего Востока;

И.-е. ***d$^{[h]}$oHnā-** 'зерно', 'хлеб' (др.-инд. *dhānā́-* 'зерновые', перс. *dāna* 'зерно', 'просо', лит. *dúona* 'хлеб', тох. B *tāno* 'зерно', *Van Windekens 1976 : 497*) ~ сем. **duḫn-* 'просо' (*ср. Fronzaroli 1969, VI : 297*) : аккад. *duḫnu*, др.-евр. *dōḫan*, арам. *dôḫînā*, араб. *duḫn-* (ср. *Hrozný 1913 : 33*; *Иллич-Свитыч 1964 : 5*). В индоевропейском—диалектно ограниченное слово, относящееся к арийско-тохаро-балтийской общности. В семитском слове, заимствованном в индоевропейские диалекты, велярный спирант **ḫ* заменяется на "ларингальную" **H*, под влиянием которой в исторических диалектах возникает долгая гласная **ō* (можно было бы допустить даже утерю чуждого для индоевропейского спиранта **ḫ* при компенсаторном удлинении **ō* без предварительной замены спиранта **ḫ* на **H*). Допущение обратного направления заимствования, то есть из индоевропейского в семитский менее вероятно, поскольку трудно объяснима замена индоевропейской "ларингальной" фонемы **H* на велярный спирант **ḫ* (в условиях наличия в общесемитском ларингальных и фарингальных фонем);

И.-е. ***Hand$^{[h]}$-** 'растения, употребляемые в пищу' (др.-инд. *ándha-* 'растение, из которого получали сому', греч. ἄνθος 'цветок', ἄνθινον, εἶδαρ 'растительная пища', 'лотос', арм. *and* 'поле') ~ сем. **ḥinṭ-(at-)* 'пшеница', 'злаки' (*ср. Fronzaroli 1969, VI : 297*) : угар. *ḥṭt* 'пшеница' (*ср. Aistleitner 1963 : 101*), аккад. (вав.) *uṭṭetu* 'ячменное зерно', (ассир.) *uṭṭutu* 'злаки; зерно', др.-евр. *ḥiṭṭā* 'пшеница', арам. *ḥîṭṭᵉṭā* 'пшеница', араб. *ḥinṭa* 'пшеница', южн.-арав. сокотри *ḥinṭeh*, мехри *ḥeǰṭ* 'пшеница', ср. *Möller 1911 : 10*; *Иллич-Свитыч 1964 : 4*. Индоевропейское слово ограничено греко-армяно-арийским диалектным ареалом и свидетельствует о контакте этой индоевропейской диалектной группы с семитским языковым миром в определенном ареале Ближнего Востока. Обращает на себя внимание передача семитского эмфатического (фарингализованного или глоттализованного) **ṭ* посредством индоевропейского звонкого придыхательного звука **d$^{[h]}$*. Нужно полагать, что в ряде семитских диалектов этот звук уже в древности воспринимался как звонкий, *ср. Иллич-Свитыч 1964 : 10*;

И.-е. ***k'$^{(o)}$ern-** 'жернов' ~ сем. **gurn-* 'гумно; ток': угар. *grn* 'ток'; 'судилище', аккад. *makḫ/grattu* 'ток'; 'место судилища', др.-евр. *gōren* 'ток', араб. *ǧarana* 'молоть', 'размалывать', *ǧurn-* 'ток', (диал.) 'ступка', ср. *Möller 1911 : 99—100*; *Иллич-Свитыч 1964 : 5*. Заимствование из семитского в индоевропейский, а не наоборот, можно установить ввиду мотивирован-

ности/основы в семитском, где имеется и глагольная форма наряду с именной;

И.-е. ***med**$^{[h]}$**u**- 'мед', 'медовый напиток' ~ сем. **mVṭḳ*- 'сладкий'(?): аккад. *maṭḳu* 'сладкий', 'растение, дающее сладкий сок', угар. *mṭḳ* 'сладкий', др.-евр. *m-ṭ-ḳ* 'быть сладким', *māṭoḳ* 'сладкий', арам. *m^{e}ṭaḳ*, геез *metūḳ* 'сладкий', ср. *Möller 1911 : 157*; *Иллич-Свитыч 1964 : 5*. Продуктивность корня **m-ṭ-ḳ* в качестве глагольной и именной основы в семитском позволяет считать слово собственно семитским, заимствованным в общеиндоевропейский язык. Семитский фонетически сложный комплекс **-ṭḳ*- передается в индоевропейском с помощью одной звонкой придыхательной фонемы **d*$^{[h]}$. В отличие от собственно индоевропейского слова для 'пчелиного меда' ***meli**(**t**$^{[h]}$-), заимствованное семитское слово в форме ***med**$^{[h]}$**u**- стало обозначать в индоевропейском 'сладкий пьянящий напиток';

И.-е. ***p**$^{[h]}$**elek̂**$^{[h]}$**u**- 'секира', 'топор' ~ сем. **p-l-ḳ* 'раскалывать'; 'топор': аккад. *pilaḳḳu* 'топор', *pulluḳu II* 'убивать (топором)', 'рубить', сир. *pelḳā* 'топор', манд. *pilḳā* 'топор', араб. *falaḳa* 'расщеплять', 'раскалывать', ср. *Zimmern 1917 : 12*; *Wüst 1956 : 17—23* (с литературой); *Broekelmann 1966 : 576*; *Иллич-Свитыч 1964 : 6*. Слово показывает своеобразную структуру корня, не характерную для исконно индоевропейских форм. Семитское слово проникает в греческо-(армяно-)арийскую диалектную общность, где оно в дальнейшем уже развивается по закономерностям этого круга диалектов (ср. особое отражение палатализованного *$k̂^{[h]}$ в *satəm*-ных диалектах — индо-иранских). Семитское слово могло проникнуть в греческо-арийскую диалектную общность в определенном ареале в пределах Ближнего Востока; ср. также выше, стр. 716 и след.;

И.-е. ***sek**$^{[h]}$**ūr**- 'топор', 'секира': лат. *secūris* 'топор', 'боевая секира', ст.-слав. *sekyra* 'топор', 'боевая секира' ~ сем. аккад. *šukurru* 'дротик' (шумерское заимствование [?], см. *Soden 1981, III : 1266*), др.-евр. *šeḡōr* 'топор', *Георгиев 1953*; ср. *Фасмер 1964 — 1973, III : 593*; *Pohl 1977 : 15—16*. Слово в индоевропейском характеризуется ограниченностью "древнеевропейским" ареалом ; оно должно было быть заимствовано из семитского еще во время пребывания носителей этих диалектов на Ближнем Востоке. Любопытно, что древние диалектные индоевропейские слова для специфического вида оружия ***p**$^{[h]}$**elek̂**$^{[h]}$**u**- и ***sek**$^{[h]}$**ūr**- заимствуются из семитского источника, очевидно, в определенных областях древней Передней Азии;

И.-е. ***k**$^{[h]}$**laHu**- 'запирать'; 'ключ' (греч. дор. *κλᾶτς* 'ключ', лит. *klíūti* 'попадать', 'застревать', ст.-слав. *ključĭ* 'ключ', лат. *clāuis* 'ключ', *claudō* 'запираю', др.-ирл. *cló* 'гвоздь') ~ сем. **k-l-*' 'удерживать, задерживать', 'запирать': аккад. *kalû* 'удерживать', 'задерживать', др.-евр. *kālā'* 'препятствовать', 'запирать', *kele'* 'тюрьма', арам. *k^{e}lā'* 'препятствовать', араб. *kala'a* 'охранять', геез *k-l-'* 'запирать', 'удерживать' (*Möller 1911 : 133*; *Иллич-Свитыч 1964 : 6*). Индоевропейское **H* является отражением семитской ларингальной **'*;

И.-е. ***naHu**- 'судно', 'сосуд' ~ сем. **'unw*-(*at*-) 'сосуд', в зап.-сем. также 'судно' (*ср. Fronzaroli 1971, VII : 627*): аккад. *unūtu* 'сосуд', угар. *'anjt* 'судно', др.-евр. *'^{o}nî* 'флот', *'^{o}nijjā* 'судно', арам. *mānā* 'сосуд',

араб. *'inā'*-, геез *newāj* 'сосуд', *Иллич-Свитыч 1964 : 6*. В индоевропейском заимствовании происходит метатеза начальной "ларингальной", приведшая к удлинению корневой гласной;

И.-е. ***k**[h]°**r**(e)*j*- 'покупать', 'торговать' ~ сем. **k-r-j* 'торговать': др.-евр. *kārā* 'торговать', *kîrā* 'покупка', араб. *k-r-j* 'сдавать в наем', *kirā'*- 'плата за наем', южн.-арав. *krj*, *мн. ч.* 'арендная плата', ср. *Möller 1911 : 141—142*; *Иллич-Свитыч 1964 : 6*;

И.-е. ***t'ap**[h]- 'жертвоприношение' ~ сем. **-ḏbaḥ-* 'приносить в жертву', 'закалывать', **ḏibḥ-* 'жертва', 'жертвенное животное' (*ср. Fronzaroli 1965, IV : 255*) : аккад. *zību* 'жертва', угар. *dbḥ* 'жертвоприношение', *mdbḥ* 'алтарь', др.-евр. *zeḇaḥ* 'жертвенное животное', *zāḇaḥ* 'приносить в жертву'; *mizbēāḥ* 'алтарь', сир. *deḇḥō* 'жертвоприношение', араб. *ḏabaḥa* 'приносить в жертву', *ḏibḥ-* 'жертва', ср. *Möller 1911 : 44 — 45*; *Иллич-Свитыч 1964 : 6*. Заимствованный характер индоевропейского слова виден уже в том, что корень построен по чуждому для индоевропейского типу акцессивной последовательности смычных и в наличии в корне гласного **a*;

И.-е. ***Hast**[h]**er-* 'звезда' ~ сем. **'aṯtar-* 'обожествленная звезда', 'Венера': аккад. *Ištar* 'богиня Иштар', др.-евр. *'aštōreṯ*, финик. *'Štrt* 'богиня Астарта', арам. *'tr*, южн.-арав. *'ṯtr*, *Henninger 1976*. Индоевропейский начальный ларингальный, отраженный в хеттском в виде *ḫ*- (ср. хет. *ḫašter*- 'звезда'), стоит в заимствованном слове на месте семитского фарингального *'; см. об этих словоформах подробнее выше, стр. 685 и след.[1]

И.-е. ***sep**[h]**t**[h]**m** 'семь' ~ сем. **sab'*- 'семь', **sab'-at-*, *ж. р.*: аккад. *seba*, *ж. р. sebettu*, др.-евр. *šeḇa'*, *šiḇ'ā*, арам. *še̬ḇa'*, *šiḇ'ā*, араб. *sab'*-, *ж. р. sab'-at-*, геез *sab'ū*, *sab'atū*, ср. *Möller 1911 : 227*; *Иллич-Свитыч 1964 : 7*. В общеиндоевропейский язык числительное 'семь' проникает в форме женского рода в функции абстрактного имени, то есть 'семерка', с семитским окончанием **-t-* и с вторичным оформлением его собственно индоевропейским суффиксом **-ṃ-*. В этом отношении интересен аналогичный факт заимствования семитского числительного 'семь' в форме женского рода также и в общекартвельский язык в форме **šwid-* (со спирантизацией семитского лабиального смычного *-b-*, ср. *Иллич-Свитыч 1964 : 7*; *Климов 1967а*). Заимствование числительных (в особенности выше 'пяти') является

[1] Восстанавливаемое для протосемитского слово **'aṯtar-* в значении 'астральное божество', 'обожествляемая утренняя звезда', которое как по форме, так и по семантике совпадает с праиндоевропейской формой **Hast*[h]*er-*, не этимологизируется на собственно семитской основе. Поэтому связь между протосемитской и протоиндоевропейской формами, объясняемая обычно заимствованием семитской формы в праиндоевропейский язык, можно было бы интерпретировать и предполагая заимствование в обратном направлении, то есть из индоевропейского в семитский. На вероятность такой направленности заимствования может указывать возможность анализа данной формы с точки зрения индоевропейского словообразования (форму **Hast*[h]*er-* можно разложить на корень **Has-* и широко засвидетельствованный индоевропейский деривационный суффикс **-t*[h]*er-*), а также вероятный сдвиг значения в заимствованном слове от общего ('звезда' вообще) к более конкретному ('обожествленная звезда').

весьма распространенным явлением во многих языках и может объясняться особенно тесными контактами и культурными воздействиями.

Семитские слова с фарингальными и ларингальными согласными заимствуются в общеиндоевропейский язык с субституцией этих семитских фонем посредством индоевропейской "ларингальной" фонемы. В дальнейшем эти заимствованные семитские слова развиваются в индоевропейских диалектах согласно правилам индоевропейской фонологии, то есть индоевропейские ларингальные в составе этих слов ведут себя так же, как и исконные "ларингальные" фонемы.

Обнаруживается и противоположная направленность заимствования — из индоевропейского в семитский. К числу таких заимствований следует отнести прежде всего сем. **ḳarn-* 'рог': аккад. *ḳarnu*, угар. *ḳrn*, др.-евр. *ḳeren*, араб. *ḳarn-*, повторяющее индоевропейскую производную основу ***ḱ[h]r̥-n-** 'рог': лат. *cornū*, гот. *haírn*, др.-англ. *horn* (англ. *horn*), др.-в.-нем. *horn* (нем. *Horn*), ср. также латыш. *sirna* 'серна', 'косуля', др.-инд. *śr̥ṅga-* 'рог'. Об индоевропейском происхождении данного семитского слова (а не наоборот) можно заключить на основании производного характера данной индоевропейской основы от индоевропейского корня ***ḱ[h]er-** 'вершина', 'голова', греч. гом. κάρ и др. (ср. также выше сем. **ʿaṯtar-* при и.-е. ***Hast[h]er-**).

Обнаруживаются и праиндоевропейско-египетские лексические связи:

И.-е. ***b[h]eį-** 'пчела'~египт. *bj.t* 'пчела'. Сопоставление особо показательно ввиду роли Ближнего Востока как древнего очага домашнего пасечного пчеловодства, в Египте датируемого временем не позднее III тысячелетия, см. выше, стр. 610 и след. Слово могло попасть в праиндоевропейский язык лишь в ареале Ближнего Востока в условиях возможных контактов с египетским.

На ближневосточный ареал первоначального распространения общеиндоевропейского языка указывает и ряд лексических заимствований в индоевропейский праязык из шумерского, локализуемого в IV тысячелетии до н. э. в области Месопотамии.

Здесь в первую очередь следует отметить следующие общеиндоевропейские лексемы, проявляющие вероятную связь с шумерскими словами:

И.-е. ***k'ºoų-** 'бык', 'корова'~шум. *nu*[*d*] (=*gud*, *gu*) 'бык', ср. египт. *ng3w* 'вид больших быков', ср. *Ipsen 1923: 175 и след.* (ср. выше, стр. 575);

И.-е. ***r(e)ud[h]-** 'руда', 'медь', 'красный'~шум. *urudu*, *Schmidt J. 1890*, см. подробно выше о связи индоевропейского с шумерским, стр. 712. Слово представляет особый интерес для подтверждения связей металлургии общеиндоевропейского периода с древневосточной (ср. о хронологии месопотамской металлургии *Мерперт/Мунчаев 1977*; *Desch et al. 1928—1936*);

И.-е. ***(a)ues(k[h]l)-** 'золото'~шум. *guškin*, см. выше, стр. 713; ср. наличие того же миграционного термина шумерского происхождения (иногда с семантическим развитием 'золото'⇒'медь') в ряде других семей языков: уральской, *Aalto 1959*; *Иванов 1976 : 85*; дагестанской (при вероятном *m-*<**u-*): авар. *mesed*, анд. *misidi*, ахв. *mišidi*, дарг. *murhi*, лак. *musi*, арч. *misir-ṫәu*(< **misid-ṫәu* 'золото'), удин. *mis*, хин. *mis* 'медь' (ср.

Гудава 1964а : 83; Гигинейшвили 1977 : 26, 119). Исторически металлургия золота датируется той же эпохой, к которой может относиться и термин для 'меди';

И.-е. ***aǩ'ro-*** 'поле', 'нива' ~ шум. *agar* (=*a.gár*) 'орошаемая территория', 'нива', *Schott 1936 : 83*; ср. *Devoto 1962 : 37*. Сопоставляемые слова могут служить указанием на связь индоевропейского земледелия с методами обработки земли в Шумере;

И.-е. ***d$^{[h]}$u̯er-*** 'двор', 'дверь' ~ шум. *tùr* 'двор'; 'скотный двор', 'загон для скота', *Schott 1936 : 83*;

И.-е. ***H(e/o)k'^{o}r-*** 'вершина горы' ~ шум. *kúr*, 'гора', 'горная страна'.

3.3. КАРТВЕЛЬСКО-ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НА ПРАЯЗЫКОВОМ УРОВНЕ

В том же смысле следует истолковать и наличие заимствованной индоевропейской лексики в общекартвельском (южнокавказском). Праиндоевропейский язык, или во всяком случае некоторые его древние диалектные объединения, контактировал с общекартвельским языком в определенном ареале Ближнего Востока. Индоевропейскими по происхождению в картвельском можно признать следующие лексемы:

Картв. **u̯γ-el-* 'ярмо': груз. *u̯γel-* 'иго', 'ярмо', мегр. *u̯γu*, сван. *ūγ-wa* 'ярмо' ~ и.-е. ***i̯uk'-om*** 'ярмо', ср. *Климов 1964 : 186*;

Картв. **e-šw-* 'кабан', 'свинья': груз. *ešw-* 'клык', мегр. *o-sk-u* 'свинарник' (*Климов 1964 : 81*) ~ и.-е. ***sū-*** 'свинья'[1];

Картв. **mat'l-* 'червь': груз. *mat'l-*, мегр.-лаз. *munt'ur-*, сван. *mət'* ~ и.-е. ***mat$^{[h]}$-//*mot$^{[h]}$-*** 'кусающееся насекомое', 'червь' (ср. *Джаукян 1967а : 93*) : арм. *matil* 'вошь', гот. *maþa*, др.-в.-нем. *mado* (нем. *Motte*), др.-англ. *maða* 'червь', *Pokorny 1959 : 700*;[2]

Картв. **dqa-* 'коза': груз. *txa*, мегр.-лаз. *txa*, сван. *daq-* ~ и.-е. диал. ****t'ig$^{[h]}$-*** 'коза', ср. *Климов 1964 : 77*;

Картв. **diqa-* 'глина': др.-груз. *tiqa-*, груз. *tixa* 'глина', 'грязь', мегр. *dixa*, *dexa* 'почва', 'земля', 'место', лаз. *(n)dixa* ~ и.-е. ****d$^{[h]}$eĝ$^{[h]}$-om-*** 'земля', *Климов 1964 : 95*, ср. также сван. *gim* 'земля' при и.-е. диал. ****ĝ$^{[h]}$em-*** 'земля; почва' из ****d$^{[h]}$ĝ$^{[h]}$em-***;

Картв. **dew-/*dw-* 'лежать', 'класть': груз. *dew-/dw-*, мегр. *d(w)-*, лаз. *d(w)-*, сван. *d-* ~ и.-е. ****d$^{[h]}$eH-*** 'класть';

Картв. **lag/*lg-* 'класть', 'сажать' (растение): груз. *lag-* 'класть' */rg-* 'сажать растение', мегр. *rg-*, лаз. *rg-*, сван. *laǯ-/lǯ-* ~ и.-е. ****leg$^{[h]}$-*** 'лежать', *Vogt 1938 : 337*;

[1] Диалектное (грузино-занское) картвельское слово для 'свинья' **γor-* : груз. γor-, мегр.-лаз. γeǯ- можно увязать с индоевропейским диалектным словом **ĝ$^{[h]}$or̥io-* 'свинья'; греч. χοῖρος 'поросенок', ср. также алб. derr 'свинья' (из **ĝ$^{[h]}$ōr-n-*), derkúc 'поросенок' (из **ĝ$^{[h]}$ōr-n̥-k$^{[h]}$-*, *Pokorny 1959 : 445*), ср. *Джаукян 1967а : 100*.

[2] В случае анализа картв. **mat'l-* как **ma-t'l-* (с префиксальным **ma-/*m̥-* от корня **t'l-* 'тлеть, гнить', ср. груз. t'l-ob-a- 'тление') картвельское слово следовало бы увязать с и.-е. формой **t$^{[h]}$aH-l-/*t$^{[h]}$H̥-l-*, представленной рядом славянских соответствий: ст.-слав. *tlěti* 'тлеть, гнить', *tlĭja* 'тление', ср. рус. *тление, тля* (*см. Сарджveладзе 1980*).

Картв. **den-/*din-* 'течь', **dn-* 'топить(ся)', 'таять': груз. *den-/din-* 'течь', *dn-* 'топиться', 'таять', мегр. *dən-*, *din-* 'исчезать', 'терять(ся)', лаз. *din-*, *(n)dun-*, сван. *n-* 'таять', 'топиться' ~ и.-е. *d[h]en- 'бежать', 'течь' (ср. *Андроникашвили 1966 : 85*);

Картв. **gen-/*gn-* 'слышать', 'понимать', 'сознавать': груз. *gen-/gn-*, мегр. *gən-*, *gin-*, лаз. *gn-*; картв. **gon-* 'думать', 'вспоминать': груз. *gon-*, мегр. *gon-*, лаз. *(n)gon-* ~ и.-е. *ǩ'en-/*ǩ'n- 'знать', 'познавать' (*Климов 1964 : 63—64*);

Картв. **zisxl-* 'кровь': груз. *sisxl-*, мегр. *zisxir-*, лаз. *dicxir-*, сван. *zisx* ~ и.-е. *esH-r- 'кровь', ср. *Климов 1964 : 87*. Заимствованная картвельская форма показывает редупликацию с озвончением корневого сибиляита **s-* (характерный для картвельского тип редупликации);

Картв. **ṃ-k'erd-* 'грудь': груз. *mk'erd-*, мегр. *k'idir-*, сван. *məč'wed, muč'od* ~ и. -е. *ǩ[h]ert'- 'сердце', ср. *Чикобава 1942 : 99*. Индоевропейское глоттализованное **t'* отражено в картвельском в виде звонкого **d* в результате диссимилятивного озвончения (правило несовместимости двух глоттализованных в основе); к семантике картвельского слова (и.-е. 'сердце' → картв. 'грудь') ср. значение 'грудь' грузинского слова *gul-* 'сердце' в словосочетании *gul-mk'erd-i* 'грудь';

Картв. **up'e//*op'a* 'пуп': груз. *up'e* 'пуп', лаз. *omp'a*, *ump'a* 'пуп', мегр. *omp'a* 'верхнее бревко крыши дома' ~ и.-е. *omb[h]- 'пуп', ср. *Марр 1910а : 192*; *Климов 1964 : 185*;

Картв. **km-ar-/*km-r-*: груз. *kmar-i* 'муж', мегр. *komonǯ-i*, лаз. *komoǯ-i* 'id.' ~ греч. γαμβρός 'родственник по брачным связям', 'зять', 'шурин', др.-инд. *jámātar-*, авест. *zāmātar-* 'зять'; ср. также греч. γαμέω 'вступаю в брак', гом. γάμος 'свадьба', 'брак', 'бракосочетание' (ср. *Джаукян 1967а : 77*);

Картв. **šw-* 'рождать(ся)': груз. *šw-* 'рождать(ся), ср. *šv-il-i* 'сын', *p'ir-mšo-* 'первородный' из **p'irmšwe-* (ср. др.-инд. *pūrva-sū-* 'первородный'), мегр. *skw-* 'нести яйца' (о птице) (ср. *skua* 'сын'), сван. *sg-* 'рождать(ся)', ср. *əmsge* 'сын' ~ и.-е. *seu̯- 'рождать(ся)', *Bopp 1847 : 43, 74*; ср. *Дондуа 1975 : 235*;

Картв. **ber-* 'дуть', 'надувать': груз. *ber-*, мегр. *bar-*, лаз. *bar-*, сван. *bēl-* 'дуть', 'пучить живот' ~ и.-е. *bʰel- 'дуть', 'надувать' (лат. *follis* 'меха', др.-исл. *bǫllr* 'мяч');

Картв. **k'rep-* 'собирать (плоды, цветы)': груз. *k'rep-/k'rip-* 'собирать (плоды, цветы)', мегр. *k'orop-*; картв. **k'reb-/*k'erb-/*k'rb-* 'собирать(ся)': груз. *k'erb-/ k'reb-/k'rib-*, мегр.-лаз. *k'orob-* ~ и.-е. *k[h]erp[h]- 'собирать (урожай, плоды)' (лат. *carpō* 'срываю', греч. καρπός 'плод', др.-англ. *hærfest*, англ. *harvest* 'урожай', др.-в.-нем. *herbist* 'урожай', нем. *Herbst* 'осень', ср. *Джаукян 1967а : 69*);

Картв. **ekŝw-* 'шесть': груз. *ekws-*, мегр. *amšv-*, лаз. *a(n)š-*, сван. *usgwa* 'шесть' ~ и.-е. *s°ek[h]s- 'шесть' (ср. *Bopp 1847 : 38*); заимствованный характер числительного 'шесть' в картвельском становится более вероятным

в свете семитского происхождения числительного **šwid-* 'семь' (ср. выше, стр. 874) и **ṯwa-//*arwa-* 'восемь', ср. *Климов 1967а*.

К заимствованным числительным в картвельском можно добавить также и картв. **(o)ŝtx(o)-* 'четыре': груз. *otx-*, мегр. *otx-*, лаз. *otxu*, *o(n)txo*, сван. *wošṭxw-* ~ и.-е. **okʰtʰ(o)-* 'четыре пальца' (см. выше, стр. 849—850), ср. уже *Bopp 1847 : 37*; *Климов 1977а*. В заимствованной картвельской форме следует допустить метатезу **kʰtʰ → *tʰkʰ* с последующей спирантизацией **ŧʰ* и ассибиляцией начальной части комплекса;

Картв. **k'b-en-/*k'b-in-* 'кусать'; **k'b-il-* 'зуб': груз. *k'ben-/k'bin-*, мегр. *k'ibir-*, лаз. *k'ibin-* 'кусать'; груз. *k'bil-* 'зуб', мегр. *k'ibir-*, лаз. *k'ibi(r)-*, *k'ibr-* 'зуб' ~ и.-е. **ŧ'ebʰ-//*ŧ'epʰ-* 'челюсть', 'рот'; 'есть', 'жрать'; к этому же корню относится и назализованная форма **ŧ'embʰ-*, **ŧ'ɱbʰ-* 'кусать', **ŧ'ombʰo-* 'зуб' (*Pokorny 1959 : 369, 382*): тох. А *kam*, В *keme* 'зуб', др.-инд. *jámbha-* 'зуб', греч. γόμφος 'шип', 'кол', ст.-слав. *zǫbъ* 'зуб' (ср. *Джаукян 1967а : 81*);

Картв. **brg-* 'крепкий', 'сильный', 'высокий', 'крупный': груз. *brge* 'высокий', 'представительный (мужчина)', сван. *bǝg-i* 'крепкий' (*Гамкрелидзе/Мачавариани 1965 : 99*) ~ и.-е. **bʰerĝʰ-/*bʰrĝʰ-* 'высокий', 'большой', 'сильный': хет. *parku-* 'высокий', др.-инд. *bṛhánt-* 'большой', 'высокий', 'славный', 'сильный', ст.-лат. *forctus* 'сильный', 'смелый', арм. *barjr* 'высокий';

Картв. **t'ep-/*t'p-* 'греть(ся)'; 'теплый': груз. *t'ep-*, *t'p-* 'греть(ся)', *t'p-il-i* 'теплый', мегр. *t'ǝbu*, *t'ibu*, лаз. *t'ibu*, *t'ubu* 'теплый', сван. *t'ebdi* ~ и.-е. **tʰepʰ-* 'теплый', ср. *Bopp 1847 : 25, 75*; ср. *Дондуа 1975 : 236*. Слово в индоевропейском обнаруживает аномалию в строении корня с акцессивной последовательностью, см. выше, стр. 146₃—147.[1]

В сфере приведенных выше картвельско-индоевропейских лексических соположений обращает на себя внимание широкий семантический спектр заимствованных слов, охватывающий не только культурные термины, но и ряд слов основного словаря языка: ср. семантемы 'рождать', названия частей тела и др. Это должно указывать на особо тесные контакты в пределах единого языкового союза между взаимодействующими языковыми системами, чем собственно и должен объясняться структурный изоморфизм, устанавливаемый между индоевропейским и картвельским (*ср. Меликишвили 1970 : 335 и след.*).

Некоторые колебания, наблюдаемые в отражении индоевропейских фонем в рассмотренных картвельских заимствованиях, обусловлены, очевидно, различной хронологией заимствований. Так, например, передача в

[1] И.-е. **tʰepʰ-* как аномальная структура корня (акцессивная последовательность смычных) представляет собой исключение из правил распределения согласных в пределах корня и должно, вероятно, считаться заимствованием в индоевропейском языке, ср. выше о заимствованном характере и.-е. **t'apʰ-* (из семитского) с аналогичной структурой корня. Не исключено, что и в отношении этого индоевропейского корня следует допустить иноязычное происхождение, в данном случае из картвельского (южнокавказского), где обнаруживается его прототип **t'ep-*, вполне нормальный с точки зрения картвельской структуры.

картвельском индоевропейских глоттализованных в ряде форм звонкими согласными (ср. картв. **gen-/*gn-* при и.-е. **k̂'en-/*k̂'n-*) объясняется происхождением этих форм в картвельском из определенного древнего индоевропейского диалекта, уже озвончившего серию глоттализованных.[1]

3.4. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ И АРЕАЛЬНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ, ПРАСЕМИТСКОЙ И ПРАКАРТВЕЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

Ареальные контакты индоевропейского праязыка с семитским и картвельским языками, выявляемые на материале лексических заимствований, хорошо укладываются в рамки временно́го и ареального распределения семитской и картвельской праязыковых систем.

Существование общесемитского языка следует отнести к периоду не позднее IV тысячелетия до н. э. Обнаружение в древней Эбле (*Eb-la*[KI], современный Телль-Мардих в Северной Сирии) нового, ранее не известного семитского языка середины III тысячелетия до н. э. (до эпохи Саргона Аккадского, ок. 2350 — 2250 гг. до н. э.), так называемого "палеоханаанейского", представляющего собой особый диалект семитского и проявляющего целый ряд лингвистических черт, сближающих его как с западносемитскими, так и с восточносемитскими языками (*Pettinato 1975*; *Gelb 1977*), дает основание отнести распад общесемитского языка к периоду не ранее IV тысячелетия до н. э., что совпадает хронологически с датировкой общеиндоевропейского языка. Ареалом протосемитского должна была служить определенная область на Ближнем Востоке, где могли происходить контакты семитских языков как с индоевропейской праязыковой системой, так и с системой южнокавказского (картвельского) праязыка.[2]

[1] Помимо приведенных выше общекартвельских слов, сопоставляемых с общеиндоевропейскими, в картвельских языках выделяются слова, которые обнаруживают сходство со словами отдельных диалектов праиндоевропейского, в частности италийского, балто-славянского ("древнеевропейского"): ср.

Картв. **k'wad-//*k'ud-* (груз. k'ud-, мегр.-лаз. k'udel-, сван. ha-k'wäd 'хвост') при лат. cauda 'хвост' (с неясной этимологией, *Ernout/Meillet 1967 : 106*), ср. *Джаукян 1967а : 100*;

Картв. **k'ɣk'o-* 'желудь' (груз. rk'o, диал. k'urk'o, girk'o, мегр. k'ə,k'i; ср. также связанное с тем же словом груз. k'urk'a 'косточка плода' при диалектном тушин. k'urk'o 'желудь') при и.-е. **p[h]erk[h]o-* (италийск. **querqu-*: лат. quercus 'дуб', венет. Quarquēni), ср. *Шанидзе 1947*;

Груз. ǯuk'pa 'сука' (вероятно, ǯu- 'самка' + *k'n-a 'собака', ср. лат. canis 'собака', иллир. Can-, и.-е. **ḱ[h]uen-/*ḱ[h]uon-*, ср. *Меликишвили 1965а*;

Груз. bosel- 'хлев', сопоставляемое с формами типа италийск., лат. bōs 'бык' (из и.-е. **k'ºou̯-*); груз. bosel- можно в таком случае этимологизировать как bos-el- ('место для скота'), ср. *Джаукян 1967а : 85*;

Картв. **k'wenɣ-* 'куница': груз. k'werna-, мегр. k'unor-, лаз. k'wenu(r), сван. rk'wen, k'(w)en- при балто-славянском названии 'куницы': лит. *kiaunė̃*, латыш. *caũna*, прус. caune, др.-рус. *куна* (ср. *Джаукян 1967а : 100*);

Картв. **ɣka-* 'рог': груз. rka, мегр. ka, лаз. kra при балто-славянском названии 'рога': лит. rãgas, латыш. rags, прус. ragis, ст.-слав. rogŭ 'рог', ср. *Джаукян 1967а : 100*.

[2] Общекартвельский (южнокавказский) язык следует датировать периодом IV—III тысячелетий до н. э. Дифференциация общекартвельского языка относится по глоттохро-

3.5. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА С ДРЕВНИМИ ЯЗЫКАМИ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (ХАТТСКИМ, ЭЛАМСКИМ, ХУРРИТО-УРАРТСКИМ)

Общеиндоевропейский язык показывает лексические контакты и с другими древними языками Ближнего Востока — шумерским (см. выше, стр. 875—877), эламским, хаттским ("протохеттским"), которые обнаруживают ряд лексем общего происхождения.

Это в первую очередь касается слова для 'вина' — лексемы, очевидно, индоевропейского происхождения, проникшей в широкий ареал языков Передней Азии:

И.-е. ***ǫe/oi-no-** 'вино' ~ сем. **wajn-*: аккад. *inu*, угар. *jn*, др.-евр. *jajin*, араб. *wajn-* 'черный виноград', южн.-арав. *wjn* 'вино', геез *wajn* 'виноград', 'вино' (*Möller 1911 : 214*; *Иллич-Свитыч 1964 : 5*); ср. егип. *wnš* 'съедобный плод', 'виноград', 'вино', *wnš.t* 'вино' ~ картв. **ɣwino-*: груз. *ɣwin-*, лаз. *(ɣ)win-*, сван. *ɣvinäl*[1] (ср. *Bopp 1847 : 28*) ~ хат. *ǫinduḳḳaram* 'виночерпий', ср. выше, стр. 648 и след.;

И.-е. ***šaml-** 'яблоко' ~ картв. **wašl-* 'яблоко': груз. *wašl-*, мегр. *uškur-*, лаз. *oškur-*, *uškur-*, сван. *wisk'w / usk'w* ~ хат. *šaǫat* (**šaǫal*). Слова

нологическим данным к самому началу II тысячелетия до н. э., (а возможно и значительно ранее), когда из него выделяется сванский язык и общекартвельский распадается на два обособившихся ареала — сванский и грузино-занский, с последующим делением этого последнего на собственно грузинский и занский (или колхский) языки, ср. *Гамкрелидзе/Мачавариани 1965 : 1*.

Общекартвельский язык периода перед его распадом можно локализовать, судя по архаичным лексическим и топонимическим данным, в горных местностях западной и центральной части Малого Кавказа (Закавказского нагорья).

Первая волна картвельских миграций, направленная к западу и северо-западу, в сторону Колхидской низменности, должна была выделить из общекартвельского языка в III тысячелетии до н. э. один из его западных диалектов и положить начало образованию сванского языка, распространившегося в Западном Закавказье и наслоившегося здесь на местные языки, по всей вероятности, северо-западнокавказского типа, которые тем самым послужили субстратом для сванского.

Сванский язык был постепенно оттеснен к северу, к хребтам Большого Кавказа следующей миграционной волной, последовавшей примерно девятью столетиями позже (судя по глоттохронологическим данным) и достигшей берегов Черного моря при переселении из областей первоначального распространения общекартвельского языка, от которого отделился его западный диалект (этот диалект и дал впоследствии "колхский" — "занский" или мегрело-лазский язык—один из языков древней Колхиды).

Диалекты общекартвельского языка, оставшиеся в пределах Западного Малого Кавказа — этого древнейшего очага картвельских племен, легли в основу грузинского языка, носители которого уже в историческую эпоху распространились в западном направлении, наслоившись на определенной территории на носителей колхского языка, что вызвало разделение его на два самостоятельных диалекта и образование в дальнейшем мегрельского и чанского (лазского) языков, а также в северном и северо-восточном направлениях, оттеснив распространенные здесь языки восточнокавказского типа.

Эти миграции картвельских племен обусловили распад общекартвельского языка и экспансию его диалектов за пределы первоначальной области его распространения.

[1] Ср. также соответствие в названии 'виноградника': груз. venaq-, мегр.-лаз. binex- при древнем диалектном индоевропейском **ǫeinak'-*: ст.-слав. vinjaga, ср. выше, стр. 649_2.

могут считаться связанными друг с другом по происхождению, однако не представляется возможным с уверенностью установить источник заимствования. Таковым могла бы являться каждая из приводимых языковых форм, ср. выше, стр. 641.

Приведенные выше лексические формы могут служить определенным ориентиром для установления примерных границ первоначального распространения индоевропейского языка и локализации его в пределах возможных контактов с переднеазиатскими языками — такими, как семитский, южнокавказский, хаттский.

Из хаттского языка проникает в индоевропейские диалекты, очевидно, слово для 'барса': и.-е. ***p$^{[h]}$ars-//*p$^{[h]}$art-** 'барс', 'леопард', ср. хат. *(ḫa-)parš-* 'барс', см. выше, стр. 505 и след.

С другой стороны, и в хаттском можно обнаружить слова индоевропейского происхождения, более ранние, чем возможные хетто-лувийские заимствования:

Хат. *aia-/iia-/ia-* 'давать'[1], *Kammenhuber 1969 : 453, 487, 526*. Слово является заимствованием из индоевропейского, ср. индоевропейское ***aj-**: тох. В *ai-* 'давать', тох. А *e-*, греч. αἶσα 'жребий', αἶνυμαι 'беру', лат. *æ-mulus* 'соперник', хет. *p-ai-*, *p-iia-* 'давать', *Pokorny 1959 : 10—11*; ср. *Van Windekens 1976 : 174*. В хаттский язык слово заимствовано из какого-то древнего индоевропейского диалекта, возможно, еще из общеиндоевропейского или из определенной индоевропейской ареальной диалектной общности, отличной от анатолийской. Заимствование этого слова хаттским из анатолийского исключается уже на том основании, что в общеанатолийском эта индоевропейская основа была уже оформлена префиксом ***p$^{[h]}$i-**: хет. *pai-*, лув. *piia-*, иер. лув. *pia-*, пал. *piša-*, ср. редупликацию в лув. *pipišša-*, лик. *pibije-* 'давать' (*Laroche 1973 : 94—95*), лид. *bi-*;

Хат. *u-ra-i* 'источник' (в билингвах переводится с помощью шумерской логограммы TÚL), ^{D}*Ú-ri-e-it* 'богиня вод и источников' (*Kammenhuber 1969 : 462*) следует считать древним индоевропейским заимствованием, ср. и.-е. ***u̯er-** 'вода': тох. А *wär*, В *war* 'вода', др.-инд. *vár-* 'вода', *vári* 'вода', 'дождь', авест. *vairi-* 'море', алб. *hurdhë* 'пруд', др.-исл. *vari* 'вода', 'влага'. Возможность заимствования данного слова из анатолийского исключается ввиду отсутствия этой основы в хетто-лувийских языках.

Аналогичные индоевропейские заимствования обнаруживаются и в другом древнем языке Ближнего Востока—эламском. Наряду с анатолийскими заимствованиями типа элам. *api(e)* (анафорическое местоимение), *akka* 'который', *pini* 'дар', 'посвящение' и др. (ср. соответственно хет. *apa-* 'этот', *ka-* 'тот', *pai-/piia-* 'давать' и др.) в эламском выделяются формы индоевропейского происхождения, отличные от анатолийских и восхо-

[1] Ср. в хеттско-хаттской билингве KUB II 2+§ I II 40/43: хат. ia-e i-malḫip при хет. na-aš-ši pí-ú-e-ni SIG$_5$-an-du-uš NA$_4^{HI.A}$ "и мы ему даем хорошие камни"; KUB XXVIII 80 I 8′: taš-te-ia-ia "да не даст ему/ей"; aia tabarna katte-ia "они должны дать правителю, царю", *Kammenhuber 1969 : 508*; *526*; в билингвах переводится с помощью хет. pai-, piia- 'давать'.

дящие, очевидно, к более древнему источнику, возможно, еще к диалекту общеиндоевропейского языка : элам. *ta-* 'ставить', *tatta-* 'поставить' (ср. др.-инд. *dádhāti* 'ставит', греч. τίθημι : и.-е. ***d**$^{[h]}$**eH-**), элам. *baḫa* 'защита', 'защитник' (ср. др.-инд. *pā-* 'защитник', 'защищать' при хет. *paḫš-* 'защищать': и.-е. ***p**$^{[h]}$**aH-**), элам. *luk-* 'огонь' (ср. лат. *lūx* 'свет', греч. λευκός 'белый', 'светлый', при хет. *lukatta* 'светает', только в глагольной форме : и.-е. ***l(e)uk**$^{[h]}$-), элам. *pari* 'идти походом', 'маршировать' (ср. греч. πόρος 'проход', лат. *portus* 'гавань': и.-е. ***p**$^{[h]}$**orH-**) и др., ср. *Rosenkranz 1971.*

Индоевропейские заимствования обнаруживаются и в хурритском и урартском, что указывает на древнейшие связи хурро-урартского с индоевропейскими диалектами, и, возможно, с общеиндоевропейским. В свете обнаружения аналогичных древних заимствований в хаттском и эламском контакты общеиндоевропейского с хурро-урартским представляются вполне вероятными: ср. хур.-урарт. *ag-* 'вести': и.-е. ***aǩ**'- 'вести'; хур. *ašš-* 'сидеть', урарт. *aš-* 'посадить': и.-е. ***es-** 'сидеть', 'садиться'; урарт. *parile* 'до, к': и.-е. ***p**$^{[h]}$**r-i**; урарт. *burgana-* 'крепость': и.-е. ***b**$^{[h]}$**r̥ĝ**$^{[h]}$-; урарт. *gunu-še* 'битва', 'бой', 'война', 'сражение': и.-е. ***g**$^{[h]o}$**(e)n-** 'разбивать', 'поражать'; 'сражение', ср. *Diakonoff 1971 : 82*; *Джаукян 1967а.*

К общим индоевропейско-хаттско-хурритским культурным терминам, возникшим в результате заимствования из одного языка (по-видимому, индоевропейского) в языки смежного ареала (хаттский и хурритский), можно отнести также название 'зерна': ср. и.-е. ***Hat**$^{[h]}$- 'зерно' (см. выше, стр. 655) при хаттском *kait* 'зерно', 'богиня зерна' (*Kammenhuber 1969 : 460—461*), хур. *kad/te* 'ячмень', 'зерно' (*Laroche 1978 : 133* ; *Haas / Thiel et al. 1975 : 23*).[1]

Общее слово для 'зерна' в праиндоевропейском, хаттском и хурритском могло бы согласоваться с представлением о развитии земледелия и культур определенных злаков в ареале праиндоевропейского языка, близком к ареалам распространения хаттского и хурритского языков.

4. ТИПОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРЕВНЕВОСТОЧНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

4.1. УРОВЕНЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ПРИЗНАК БЛИЗОСТИ К ДРЕВНИМ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫМ ЦЕНТРАМ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Проведенный выше анализ индоевропейской лексики и семантики текстов позволяет реконструировать культуру и социальные отношения об-

[1] Сопоставление совпадающих по смыслу и.-е. **Hat-* с хаттско-хурритским ka(i)t не представляет особых сложностей и с формальной точки зрения, и поэтому они могут считаться общими по происхождению словами. Индоевропейское начальное **H-* могло быть передано при заимствовании слова в хаттский язык (а также и хурритский) с помощью чередующегося звука ḫ/k. Чередование k ~ ḫ засвидетельствовано как в хаттском (ср. хат. Kattaḫḫa, Ḫatagga, Ḫataḫḫa 'царица'), так и в хурритском (ср. хур. kešḫi, keški, ḫešḫi 'трон', ср. *Diakonoff 1971: 50*).

щества, говорившего на общеиндоевропейском языке. Весь характер протоиндоевропейской культуры и социальных отношений указывает на близость данной культуры к древневосточным цивилизациям. Все это может служить дополнительным аргументом в пользу положения о ближневосточной локализации индоевропейской прародины, на которой оформлялась и развивалась культура праиндоевропейского общества в контакте и тесных взаимоотношениях с культурными ареалами народностей древнего Ближнего Востока.

Общеиндоевропейская лексика и реконструированные фрагменты текстов дают возможность установить относительно высокий уровень материальной культуры: значимо не только скотоводство, но и земледелие, продукты которых использовались и в таких ремеслах, как 'тканье' (ср. термины *k[h]es- и *p[h]ek̂[h]- 'чесать шерсть', *Hu̯ln- 'шерсть', *H(o)u̯-// *Hu̯eb[h]- 'ткать', *sneH- 'прясть', *siu̯(H)- 'шить'; термин для 'льна' *lin̆o-); засвидетельствовано знакомство с металлами, в частности 'бронзой', и металлургией; развито ремесленное производство (ср. термины *t[h]ek̂[h]s- 'изготовлять', *p[h]lek̂[h]- 'плести', 'переплетать', *t[h]er- 'тереть', 'сверлить', *b[h]er- 'обрабатывать острым орудием', *sk[h]er- 'резать', 'стричь', 'кроить', *t'er- 'сдирать кору, кожу'; термины гончарного производства: *d[h]eiĝ[h]- 'глина', 'материал для гончарного производства').

Восстанавливаются специальные слова, обозначающие различные виды оружия (*[e]ŋsi- 'меч'), а также лексика военного дела (*g[h]ºen- 'убивать', 'уничтожать', *se/oru̯- и *lau̯- 'добыча', 'захватывать добычу' и др.; *laH(u̯)o- 'войско', 'поход', *u̯er- 'защищать', 'оборонять'); широко развита техника колесного транспорта.

Восстанавливаются различные достаточно высокие проявления духовной деятельности, ср. в особенности результаты восстановления индоевропейских метрических форм и поэтического языка, а также ритуала, представленного в разветвленной жреческой терминологии и мифологии: ср. *sp[h]ent'- 'совершать возлияние', *t'aHp[h]- 'поедать ритуальную пищу, приносимую божеству', *Has- 'очаг', 'алтарь', *k̂[h]ret'-d[h]eH- 'верить', 'уповать', *sak[h]- 'освящать', 'священный', *eisḪro- 'наделенный священной силой', *aiu̯- 'жизненная сила', 'вечность', *Ḫner-t[h]- 'жизненная сила'; ритуальные и правовые термины: *muk'- 'молиться', *aru̯- 'молиться', 'возносить молитву', *naH- 'почитать богов', 'бояться', *sāk'- 'узнавать по приметам', *Ho- 'считать истинным', *ieu̯o- 'ритуальное правило', *t'eik̂[h]- 'предначертание', *leik'- 'давать обязательство', *serk[h]- 'возмещать' и др.

Не только самый тип общеиндоевропейской мифологии близок к древневосточным мифологическим традициям, но и мифологические мотивы и образы (ср. мифологический мотив первоначального единства 'человека' и 'земли', мотив бога как 'пастуха душ умерших', мифологические образы 'быка', 'льва', мифологический мотив 'кражи яблока' и другие, см. выше об отдельных традициях) находят аналоги в древневосточных мифологиях, под влиянием которых должна была складываться праиндоевропейская мифологическая традиция. Здесь налицо такие типологические параллели и

совпадения, что нельзя не прийти к выводу о тесных взаимоотношениях между различными мифологическими традициями в пределах общего культурного ареала. Особенно характерны некоторые общеиндоевропейские обряды, совпадающие с древневосточными, в частности обряд погребения предводителя на колеснице, завершающийся сжиганием трупа и собиранием праха в особые сосуды, см. выше, стр. 826 и след.

В сфере социально-экономических отношений праиндоевропейского общества следует особенно подчеркнуть наличие особых 'поселений' ***ŭeiḱ$^{[h]}$-**, которые внутри своей 'границы' (***e/orH-**) и 'ограды' ***g$^{[h]}$erd$^{[h]}$-** объединяют группу 'домов' ***t'om-**; в таких 'домах' живут большие семьи патриархального типа, что видно из структуры терминов родства. Обычной формой 'огороженных поселений' были, очевидно, поселения на возвышенностях или скалах: ***p$^{[h]}$el-** 'укрепленный город', ***b$^{[h]}$erĝ$^{[h]}$-** 'высокий' (о поселении), см. выше, стр. 742 и след.

Поселения объединяются в 'племена' и 'роды' ***ḱ'en-** и ***Hons-**, основанные на принципе дуально-экзогамной организации, чему соответствует система родства омаха-кроу (о терминах родства и структуре брачных отношений см. подробнее выше, стр. 755 и след.); наличие терминов, обозначающих 'богатство', связанное с 'обменом' (***t'oH-** 'давать ~ брать', ***(n)em-** 'давать', 'наделять', 'брать', ***meĭ-** 'менять', 'обменивать') и 'торговлей' (***ŭe/os-**, ***k$^{[h]o}$er-**), 'имуществом', 'богатством' (***Hop$^{[h]}$-r/n-**, ***reH[i]-**), 'обездоленных' или 'нищих', 'лишенных наследства' (***orb$^{[h]}$o-**), 'воров' (***[s]t$^{[h]}$aH-**), а также терминологизированное противопоставление 'свободных' (***aryo-** 'свободный земледелец', ***leud$^{[h]}$ero-** 'свободный') и 'несвободных'.

В праиндоевропейском обществе реконструируется наличие трех (в отдельных традициях четырех) социальных рангов, соотносившихся с символической и мифологической классификацией.

Для типологической характеристики праиндоевропейского общества существенно наличие ранга 'жрецов'. Имеется особый термин для 'царя' (***rēḱ'-**), являвшегося также и 'верховным жрецом', как и в древневосточных цивилизациях (ср. выше, стр. 787 и след.).

В V—IV тысячелетиях до н. э., то есть в период, к которому предположительно относится существование индоевропейского праязыка и соответственно праиндоевропейского общества до начала широких миграций, весь этот комплекс признаков культуры и социально-экономического строя характерен типологически для ранних цивилизаций древнего Ближнего Востока. Праиндоевропейская цивилизация относится типологически к кругу древневосточных цивилизаций.

Наряду с существенными сходствами этих цивилизаций, для которых характерна роль 'жречества', обнаруживается и ряд типологически важных для развитых древневосточных культур взаимосвязанных категорий, не совпадающих полностью с данными, реконструируемыми для индоевропейского общества IV тысячелетия до н. э.

Для общеиндоевропейского характерно отсутствие письменности, централизованной государственной власти (термин ***rēḱ'-** обозначал первона-

чально только 'сакрального царя'), искусственной ирригации, сословия 'торговцев', противопоставленного другим рангам.

Причиной отсутствия письменности при наличии 'жречества' и достаточно высокой социальной организации могло быть то, что хозяйство не требовало еще особого учета, так как не стало достаточно развитым и разветвленным. Не было единой государственной власти, объединявшей все общины. По-видимому, не было и предполагающей централизованную власть большой системы искусственной ирригации; ср. относительно более позднее проникновение египетского слова *mr* 'канал', 'оросительный водоем' в отдельные диалекты: хет. *amiḫara-* 'канал', уже в "Хеттских законах", греч. гом. ἀμάρη 'ров', 'канава', 'канал', Ф 259, Ἀμάρυνθος 'обозначение места, связанного с водоснабжением Эретрии', мик. греч. *A-ma-ru-ta* (*ср. Morpurgo 1963 : 16*), ср. алб. *âmë* 'русло реки'.

При наличии централизованной государственной организации, связанной с фиксированной в письменности культурой, не произошли бы столь широкие миграции индоевропейских племен из первоначальных областей их расселения. Этот фактор (отсутствие централизованной власти) должен был содействовать в существенной степени распаду общеиндоевропейского единства и самостоятельному развитию индоевропейских диалектов.[1]

Миграции носителей определенных диалектов в новые места жительства могли осуществляться как в форме постепенного проникновения нового этнического элемента сравнительно небольшими группами в гущу местного населения, так и посредством завоевания новых областей и покорения местного населения страны. При этом диалекты мигрирующих племен, переносимые в новые места их жительства, могли либо раствориться в языках местного населения, оставив в виде суперстрата некоторые

[1] Вместе с тем, спецификой миграций племен, обладающих земледельческим хозяйством (наряду со скотоводческим), являются частичные миграции отдельных групп населения в отличие от миграций чисто кочевых племен, которые переселяются всей компактной массой, забрасывая старые места обитания. Согласно выводам акад. Н. И. Вавилова, интенсивные миграции характерны именно для земледельческих обществ в горных областях вследствие быстрого роста населения и ограниченности географического ландшафта, занятого численно возрастающим населением.
При этом нужно полагать, что первоначальные миграции индоевропейцев из их гористой "прародины" происходили путем такого расселения, которое характерно для эпохи после возникновения "производящего хозяйства", то есть после неолитической революции. В это время осуществлялся резкий рост народонаселения, ведший к демографическому взрыву. Это, в свою очередь, вызывало несоответствие между избытком населения и производительными силами, что вело к миграциям посредством расселения на новых смежных территориях. Для этой эпохи характерно неравенство регионов — таких, в которых уже возникло производящее хозяйство и происходил демографический взрыв, и значительно более обширных областей, где еще сохранялось архаическое "присваивающее хозяйство" (типа охоты и собирательства), и соответственно плотность населения была очень невелика. В этот период расселение осуществлялось из областей с "производящим хозяйством" (в частности из Передней Азии) в прилегающие к ним районы, где хозяйство еще было "присваивающим" — *вторая модель миграций* по И. Я. Мерперту в отличие от *первой модели*, характерной для более древних эпох, когда хозяйство во всех регионах без исключения было "присваивающим" (*см. Мерперт 1978 : 10—11*).

следы своей структуры и лексики в сохраняющихся старых языках автохтонного населения, либо вытеснять местные языки автохтонного населения, становясь основным языком страны. След древних местных диалектов автохтонного населения страны проявляется в таком случае в виде субстрата, оставляющего следы, иногда весьма существенные, во всей структуре и лексике новых диалектов, занесенных племенами, которые переселились на новые места жительства (*ср. Schlerath 1973 : 21 и след.*).

Такие субстратные влияния могут вызывать значительные преобразования в первоначальной структуре и звуковом составе занесенных в новые области диалектов, отдаляющие их от первоначальной структуры.

В подобных случаях распространения нового языка в областях, которые были заняты мигрирующими племенами, на этот новый язык фактически переходит старое местное население областей, с которым ассимилировались вновь прибывшие племена; старое население меняет свой прежний язык, переходя на новый язык пришельцев, ранее мигрировавших в эти области и постепенно слившихся с местным населением страны.[1]

Другим случаем распространения нового языка в областях, куда переселяются его носители, может быть оттеснение местного населения из их древних мест жительства и заселение освободившихся земель.

Каждый из этих типов контакта языков коррелирует с отчасти аналогичными типами культурного и антропологического взаимодействия носителей этих диалектов, в частности со смешением или оттеснением определенных антропологических типов. Так, например, в случае распространения языков на новых территориях при оттеснении старого, местного населения этих областей наблюдается более однозначное проникновение в эти области нового культурного и антропологического типа из областей первоначального обитания носителей этих языков, тогда как при ассимиляции пришлого населения древними местными жителями этот процесс может менее явно отражаться в культурных и антропологических инновациях.

4.2. ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПИСЬМА. ХРОНОЛОГИЯ И ИСТОКИ ХЕТТО-ЛУВИЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИКИ

Отсутствие сложившейся системы письма у "древних индоевропейцев" может считаться одним из основных отличий праиндоевропейского общества от развитых древневосточных цивилизаций IV—III тысячелетий до н. э. К периоду существования праиндоевропейского языка (V—IV тысячелетия до н. э.) письменность только зачиналась в Шумере и Египте (*Gelb 1963 : 60 и след.*; *ср. Schmandt-Besserat 1978*; *1979*). К моменту

[1] В свете этих положений становится очевидной условность в чисто этническом отношении таких терминов, как "древние индоевропейцы", "арийцы", "германцы", "балты", "славяне", "кельты", "анатолийцы" и др. Всякий раз под такими терминами следует понимать не какую-то этнически компактную и однородную массу людей со специфическими этническими характеристиками, а условное название племен, говоривших соответственно на праиндоевропейском, арийском, германском, балтийском, славянском, кельтском, анатолийском и других диалектах. В настоящей работе термины "индоевропейцы", "арийцы" и другие употребляются лишь в этом специальном значении.

распада индоевропейского праязыка письменность еще не была настолько развита и распространена, чтобы она могла перейти к соседним народам, находившимся в пределах культурной сферы влияния. Это могло произойти только позднее, в течение III тысячелетия до н. э., когда общеиндоевропейский язык был уже дифференцирован на диалекты, сместившиеся в разные стороны. Примерно к этому времени и следует отнести возникновение у одного из диалектов индоевропейского языка — хеттского — письменности, заимствованной из староаккадского варианта клинообразного письма, распространившегося в Северной Сирии к началу II тысячелетия до н. э., ср. *Gamkrelidze 1961*. Наличие в Северной Сирии уже во второй половине III тысячелетия, в эпоху Саргона Аккадского (около 2350—2250 гг. до н. э.), особой разновидности аккадского клинообразного письма было подтверждено новейшими находками в Эбле, где обнаружены многочисленные клинописные таблички на семитском языке, именуемом условно "палеоханаанейским" (середина III тысячелетия до н. э.).

Нужно полагать, что племена, говорившие на индоевропейских диалектах, не создают письменности сами, а заимствуют систему письма, возникшую на базе других языков. Так, в историческую эпоху микенские греки заимствуют силлабическую линейную письменность *B* для своего языка из другого источника. Им могла быть линейная письменность *A*, созданная, по-видимому, для неиндоевропейского языка со структурой слова с открытыми слогами (ср. *Ventris/Chadwick 1973*; *Morpurgo 1963*; *Гамкрелидзе 1980*).

Позднее, в начале I тысячелетия, греками заимствуется уже финикийская разновидность "консонантно-силлабического" старосемитского письма, которая преобразуется в алфавитную систему письма, *ср. Gelb 1963 : 166 и след.*

Единственным примером собственно индоевропейского происхождения древней системы письма, с самого начала примененной к индоевропейскому языку, является, возможно, лувийское иероглифическое письмо, *Laroche 1960*. Есть основания предполагать древний характер этого письма и применение его для записи не только лувийского, но и хеттского (неситского) языков.[1]

[1] Распространенная в период староассирийских торговых колоний в Каппадокии (начало II тысячелетия до н. э.) староассирийская разновидность аккадской клинописи в принципе могла быть перенята хеттами для нужд хозяйственного учета. Однако эта разновидность клинообразного письма не была заимствована хеттами, по-видимому, вследствие наличия у них уже своей письменности, вероятно, иероглифического письма, с помощью которого и записывались данные хозяйственной отчетности и другие тексты. В эпоху Древнехеттского Царства, когда хетты выходят на широкое историческое поприще, возникает необходимость в составлении хроник и историко-политических документов, для записи которых не была пригодна иероглифическая система письма, ибо сфера употребления последней ограничивалась, очевидно, нуждами ритуала и хозяйственного учета. Слабая развитость иероглифического письма в ранний период его развития не позволяла записывать на нем тексты типа исторических хроник, что и должно было заставить хеттов прибегнуть к аккадскому клинообразному письму, которое и было заимствовано в Северной Сирии в начале II тысячелетия до н. э.

Существует предположение, что еще до возникновения у хеттов клинообразной системы письма иероглифическая письменность применялась для записи текстов на дереве. Сохранился даже специальный термин, обозначавший 'надписи на дереве' GIŠ.ḪUR, которые могли быть выполнены только иероглифическим письмом, а также обозначение 'писцов на дереве' DUB.SAR.GIŠ. Многие клинописные хеттские тексты, по-видимому, возникли благодаря последующему переписыванию хеттских текстов, составленных первоначально иероглифическим письмом. Такие тексты помечены формулой *A.NA* GIŠ.ḪUR(*TE*)-*kan* *ḫandan* "согласно деревянной надписи"[1], *Bossert 1952*; *Kronasser 1962*. В случае, если можно будет неопровержимо доказать использование хеттами этого письма, его следовало бы признать весьма древним и в сущности единственной известной пока древней системой письма, созданной собственно для индоевропейского языка.[2]

Рис. 18. **Знаки на печатях из староассирийской торговой колонии в Малой Азии (начало II тыс. до н. э.), совпадающие с письменными знаками лувийской иероглифики**

Отдельные графические прототипы знаков хетто-лувийского иероглифического письма обнаруживаются уже на каппадокийских табличках[3], что свидетельствует об исключительной архаичности этой разновидности

[1] Возможно, что один и тот же текст переписывался многократно, о чем может свидетельствовать выражение типа [ki-]i pár-ku-i TUP-PU [*A*-]*NA* GIŠḪUR.*TE*-kán ḫa-an-da-an (ср. *Goetze 1948 : 231*) "это — чистовая (то есть 'начисто переписанная') таблица в соответствии с первоначальной надписью на дереве".

[2] В этом отношении заслуживают внимания также данные о наличии на обширной территории практически всего Иранского плоскогорья следов древнейшей письменности, именуемой "протоэламской" по признаку предшествования собственно эламской письменности, появившейся начиная со второй половины III тысячелетия до н. э. примерно в том же ареале западного Ирана (*Lamberg-Karlovsky 1978*; *Amiet 1979*; *ср. Komoróczy 1975*). При современном состоянии дешифровки и исследования этой разновидности пиктографии невозможно судить о характере отраженного в надписях языка, но представляет особый интерес выяснение соотношений между этой вновь открытой письменностью и более известными другими пиктографическими письменностями переднеазиатского ареала типа раннешумерской и иероглифической лувийской.

[3] Ср., например, комплекс знаков 'Солнечный Бог Неба', знаки 'Жизнь', 'Дерево', 'Голова Быка', 'Голова Козла', 'Птица', 'Ваза', 'Рука', 'Звезда', 'Круг' (простой и двойной), 'Треугольник', 'Ветвь', см. *Börker-Klähn/Börker 1976 : 11—12. 24*; *Canby 1975*.

иероглифической письменности. Возможно, что она применялась в качестве определенных мнемонических знаков в ритуале и в хозяйстве уже в общеанатолийский период, причем эти знаки, которые в дальнейшем оформляются в хетто-лувийскую иероглифическую письменность, должны были наноситься на дерево, что может отражать общеиндоевропейскую практику применения отдельных мнемонических знаков, в частности для нужд культа и хозяйства[1]. В этой связи приобретают особый смысл реконструируемые для архаичного индоевропейского данные о применении коры деревьев (в особенности 'березы' и 'бука') для нанесения пиктографических знаков, см. выше, стр. 620 и след.

Весь комплекс рассмотренных выше данных, относящихся к духовной и социальной жизни племен, говоривших на общеиндоевропейском языке — характер мифов, ритуалов и социальной организации праиндоевропейского общества, проявляющих близость к переднеазиатским культурам, исключает возможность формирования такого объединения племен на обширных территориях Восточной Европы в V—IV тысячелетиях до н. э. в отрыве от цивилизаций Древнего Востока.

5. СООТНЕСЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ «ПРАРОДИНЫ» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ КУЛЬТУРАМИ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

5.1. ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ В ПРЕДЕЛАХ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СООТНОСИМОЙ С ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

С учетом всего комплекса рассмотренных лингвистических и культурно-исторических данных можно локализовать индоевропейскую общность в пределах Ближнего Востока, вероятнее всего, в областях на северной периферии Передней Азии, то есть к югу от Закавказья до Верхней Месопотамии. В этих областях и могли осуществляться языковые и культурные контакты на протяжении IV тысячелетия до н. э. между праиндоевропейским, с одной стороны, и семитским, шумерским, южнокавказским и другими древневосточными языками, с другой. С некоторыми из этих языков, в частности с южнокавказским и семитским, можно предположить и тесные языковые взаимоотношения (в некоторых случаях субстратного характера) в пределах единого культурно-исторического и языкового ареала на протяжении длительного времени.

Определение ареала первоначального распространения общеиндоевропейского языка и соответственно племен, на нем говоривших, ставит воп-

[1] В случае обоснования общеиндоевропейского происхождения архаичных знаков хетто-лувийского иероглифического письма в качестве первоначальных мнемонических знаков представил бы существенный интерес анализ этой системы письма с целью установления соответствий между пиктографическими знаками и элементами системы культуры, которые отражаются в иероглифической письменности. Это могло бы дать определенные критерии для заключений о характере дописьменной хетто-лувийской культуры, а возможно и культуры, близкой к общеиндоевропейской.

рос об отождествлении археологической культуры в пределах Ближнего Востока и Передней Азии, с которой можно было бы соотнести протоиндоевропейскую.

Следует с самого начала отметить, что в намечаемом для праиндоевропейского первоначальном ареале распространения в V—IV тысячелетиях до н. э. не обнаруживается такая археологическая культура, которая могла бы быть явным образом соотнесена с праиндоевропейской. В данном случае можно говорить лишь о возможных связях, прямых или косвенных, известных переднеазиатских археологических культур соответствующего периода с индоевропейской. Такие связи древних археологических культур с реконструируемыми признаками протоиндоевропейской духовной и материальной культуры могли бы служить некоторым косвенным свидетельством возможности отождествления рассматриваемых культур.

В очертанных областях Ближнего Востока, соотносимых с ареалом первоначального распространения праиндоевропейского языка, к V—IV тысячелетиям до н. э. обнаруживается ряд археологических культур, весьма схожих с некоторыми чертами реконструируемой протоиндоевропейской культуры.

5.2. ПРИЗНАКИ ХАЛАФСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕЙ МЕСОПОТАМИИ V—IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО Н. Э., СОПОСТАВИМЫЕ С ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ

К V—IV тысячелетиям до н. э. относится Халафская культура в Северной Месопотамии. Культура характеризуется возделыванием злаков, — пшеницы двузернянки и ячменя, наличием двух пород крупного рогатого скота, а также овец, коз и свиней. Судя по наличию веретен, имелось текстильное производство. Найдены мелкие бусы из меди. Существование металлургии предполагается на основании знакомства с колесом и колесной повозкой. В гончарных печах, где изготовлялась богатая керамика, создавалась температура до 1200° С. Из знаков на керамике особо следует отметить условные изображения бычьих голов и рогов быка — *bucrania*; известны и модели бычьих голов в качестве талисманов. Среди других талисманов встречаются изображения птиц, двойных топоров, полумесяцев. Из наличия знаков собственности можно заключить о приобретении богатств, личной собственности и товарообмене (*Чайлд 1956 : 174—177*; *ср. Мерперт/Мунчаев 1971*). Покойников хоронили в скорченном положении внутри селения.

Отмечается сходство культуры и, в частности, символики между Халафом (Северная Месопотамия) и Западной Анатолией VI тысячелетия до н. э. — Чатал-Хююком. Здесь можно говорить о совпадении целого набора культурных (в частности, культовых) символов — использование рогов быков (а иногда и голов баранов) как знаков мужского начала, ритуальные изображения леопардовой шкуры (в Халафе на сосудах), ср. *Mellaart 1965*.

Культурно-исторические связи, прослеживаемые между Халафской культурой и еще более ранней культурой Чатал-Хююка, можно было бы

интерпретировать в смысле миграций малоазиатской чатал-хююкской культуры в направлении северной Месопотамии, относимых к VI—V тысячелетиям до н. э. В свете этого положения чатал-хююкскую археологическую культуру можно было бы увязать изначально с древнейшим слоем индоевропейского этноса, сместившегося в восточном направлении.

Помимо сходства халафской культуры с чатал-хююкской обнаруживаются определенные связи ее и с древнейшими культурами Кавказа. Круглая форма жилищ халафской культуры, известная наряду с прямоугольной, связывается с взаимным влиянием культур Древнего Востока и Кавказа в V тысячелетии до н. э. (*Джавахишвили А. 1973 : 300—301, 346, 350*). Воздействие халафской культуры прослеживается и на западе, в Анатолии и Северной Сирии (ср. *Woolley 1953 : 26—27*), и востоке, в Иране.

Поселения халафской культуры в IV тысячелетии до н. э. разрушаются вследствие прихода носителей убейдской (предшумерской) культуры. В более отдаленных районах горных лесов Северной Месопотамии, в дальнейшем отставших в своем развитии от культурных центров Древнего Двуречья, могли еще долго сохраняться следы халафской культуры (*ср. Чайлд 1956 : 179, 313 и след.*).

Следует отметить, что именно расселение халафских племен за пределами Месопотамии и передвижение групп, близких куро-аракской культуре (см. ниже), из ограниченной области Северной Месопотамии в северо-западную часть Ирана и Восточную Анатолию приводятся в качестве характерных примеров древнего типа миграций, свойственных эпохе после возникновения "производящего хозяйства" (вторая модель по *Мерперту 1978 : 15, 20*).

5.3. ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЮЖНОГО КАВКАЗА V—IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ. КУРО-АРАКССКАЯ КУЛЬТУРА III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. И ПРОБЛЕМА ЕЕ ЭТНИЧЕСКОГО СООТНЕСЕНИЯ

Отчасти аналогичная культура в это же время (V—IV тысячелетия), синхронная халафской и убейдской культурам, обнаруживается в областях Южного Кавказа (Шулавери—Шомутепинская культура)[1]; для энеолита Южного Кавказа характерны земледельческо-скотоводческое хозяйство при ведущей роли земледелия, посевы ячменя, пшеницы, полбы, культура винограда, наличие зернотерок, серпов, преобладание в стаде крупного рогатого скота, круглые дома из глинобитного или сырцового кирпича, развитое гончарное производство, зачатки металлургии меди, наличие символических изображений (зерен злаков, солнечного и лунного дисков), ср. *Кушнарева/Чубинишвили 1970 : 170—171*; *Кигурадзе 1976*.

[1] По данным радиокарбонной датировки, осуществленной в лаборатории C_{14} "Ла Хойа" Калифорнийского университета, памятники шулаверской культуры относятся к VI—началу IV тысячелетиям до н. э., в основном к V тысячелетию, что совпадает по времени с культурой Халафа (ср. *Кигурадзе 1976 : 133 и след.*).

Исследование керамики, орнаментов и других особенностей культуры Шулавери—Шому-тепе позволяет судить о некоторой общности синхронных культур Закавказья с древней Анатолией (Чатал-Хююк) и Месопотамией (Халаф) и о наличии связей между ними.

При всем сходстве материальной культуры рассматриваемых археологических ареалов, свидетельствующем о их вероятной культурной общности и возможных контактах между ними, естественно допустить наличие этнически разнообразного населения в пределах всей этой культурной области. Каждая из отдельных этнических групп, входивших в эту культурную общность, должна была характеризоваться своим языком и локальными культурными особенностями, что и проявлялось в наличии локальных особенностей археологических культур.

К этой раннекавказской археологической культуре, обнаруживающей связи с синхронной северомесопотамской, примыкает хронологически за ней следующая и ее сменяющая археологическая культура так называемого куро-аракского круга (названная по месту ее первоначального обнаружения в районе рек Куры и Аракса, ср. *Куфтин 1940*), охватывающая широкий культурный ареал, включающий Восточную Анатолию, Южный Кавказ и Иранское плоскогорье (*ср. Пиотровский 1949; 1955; Burney 1958*). С куро-аракской керамикой связывают хирбет-керакскую второй половины III тысячелетия до н. э. в Палестине, которая считается свидетельством кратковременного вторжения носителей куро-аракской культуры в Палестину (*Woolley 1953 : 31 и след.*; *Кушнарева/Чубинишвили 1970 : 15, 16, 60*).

Наряду с признаками, общими с культурами энеолита Южного Кавказа, куро-аракская культура III тысячелетия до н. э. характеризуется увеличением плотности населения и числа крупных поселений, устройством поселений на высоких берегах рек и склонах гор, увеличением площади круглых домов наряду с прямоугольными, появлением (к концу периода) больших погребальных камер иногда со срубом внутри, перекрытых огромными курганными насыпями; увеличением набора злаков, уборкой урожая металлическими серпами, выращиванием винограда, использованием колесного транспорта, лошадей и мулов, ср. *Кушнарева/Чубинишвили 1970 : 172—173*; *Джапаридзе 1976 : 62 и след.*

Перечисленные черты куро-аракской культуры в широком смысле совместимы с признаками материальной культуры и социальных отношений, реконструируемых по лингвистическим данным для индоевропейского общества, в особенности для некоторых его более поздних ответвлений.

Не подлежит сомнению, что ареал куро-аракской культуры в широком смысле включал различные этнические объединения и группы, которые должны были создавать схожую в общем (хотя и с наличием локальных различий)[1] материальную культуру. В качестве создателей и носителей

[1] Так объясняется, в частности, различие типов погребений в рамках куро-аракской культурной традиции: наличие погребений в селении и вне селения, захоронения в грун-

куро-аракской культуры предполагаются: хурритский этнический элемент (*Burney 1958*; *Дьяконов 1966*), южнокавказский этнос (*Джапаридзе 1969*; *1976 : 286*); в эту группу носителей куро-аракской культуры следует включить и определенные индоевропейские этнические объединения, к этому времени отделившиеся от праиндоевропейского общества и сместившиеся с первоначальных мест их жительства (*ср. Меликишвили 1965а : 244*; *Мачавариани 1966 : 9*).

На мысль о возможном участии индоевропейского этноса в формировании и развитии куро-аракской культуры наводят также и особенности средств транспорта, характерные для носителей этой культуры: применение колесного транспорта и лошади как тягловой силы[1]. Использование лошади как тягловой силы и распространение колесного транспорта, вероятно, следует приписать участию именно индоевропейских племен в культурной истории этого ареала.

Возникновение колесного транспорта и колесниц и применение лошади в качестве тягловой силы, что широко использовалось индоевропейскими племенами, можно рассматривать как переворот в транспорте, сделавший возможным такие миграции широкого масштаба, которые характерны для индоевропейских племен (*ср. Piggott 1979*).

Влияние индоевропейских племен на создание культуры этого ареала можно видеть и в погребальных обрядах, распространившихся к концу куро-аракского периода. К этому времени в ряде областей куро-аракской культуры, в частности в Малой Азии (Аладжа-Хююк, *Mellaart 1965*) и на Южном Кавказе (к первой половине II тысячелетия до н. э., Триалети и позднее Лчашен, *Джапаридзе 1969*; *Массон 1973*), распространяется обычай захоронения вождя на колеснице с его последующей кремацией в полном соответствии с той картиной погребального обряда, которая восстанавливается для общеиндоевропейской культурной традиции (*ср. Пиотровский 1955 : 6*; *1959 : 153*).

В этом проявляются уже результаты распада общеиндоевропейского единства и начало миграций племен—носителей диалектов общеиндоевропейского языка, которое можно приурочить к Бронзовому веку, до распространения железа.

товых могилах, каменных ящиках, курганах, в отдельных случаях — использование кремации (в поздний период — в связи с погребениями вождей—предводителей племени), ср. *Mellaart 1965 : 31 и др.*

[1] Колесные повозки известны по памятникам куро-аракского круга из Анатолии (*Mellaart 1965*) и Южного Кавказа (Беденн, *Кушнарева/Чубинишвили 1970 : 111*; ср. *Пиотровский 1955 : 6*). Кости лошади обнаружены в ряде погребений куро-аракской культуры — в Шенгавите и Эларе (Армения), Дидубе и Квацхелеби (Грузия), Каразе (Восточная Анатолия), *Мунчаев 1973 : 71*.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН-НОСИТЕЛЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ С ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕСТА ИХ ОБИТАНИЯ В ЕВРАЗИИ

1. ВЫДЕЛЕНИЕ АНАТОЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ ИЗ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО И МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН—НОСИТЕЛЕЙ АНАТОЛИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

1.1. СООТНЕСЕНИЕ АРЕАЛОВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ С ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

При допущении территории индоевропейской прародины, совпадающей пространственно с областью в пределах восточной Анатолии, Южного Кавказа и Северной Месопотамии V—IV тысячелетий до н. э., можно легче объяснить историческое распределение и пути переселения таких основных древних индоевропейских этнических групп, которые первыми выступают в древних письменных памятниках, — хетто-лувийцев, индо-иранцев, греков (крито-микенских греков и Аххиявы хеттских источников). Для определения путей их переселения в исторические места жительства не нужно в таком случае предполагать, что они покрыли огромные расстояния, двигаясь из области своего первоначального расселения. Достаточно допустить лишь небольшие смещения по отношению к этой области. Примечательно, что эти диалекты, которые предполагают минимальное смещение относительно данного ареала, являются древнейшими документально фиксированными индоевропейскими языками.

1.2. НАПРАВЛЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СМЕЩЕНИЙ ПЛЕМЕН—НОСИТЕЛЕЙ АНАТОЛИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ПРЕДЕЛАХ МАЛОЙ АЗИИ С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Древнейшей языковой общностью, выделившейся из праиндоевропейского языка и продолжавшей независимое существование уже в отрыве от него, следует считать анатолийскую диалектную группу (ср. выше схему диалектного членения общеиндоевропейского праязыка). Смещение общеанатолийского по отношению к первоначальному ареалу распространения общеиндоевропейского языка было сравнительно небольшим. Этим и объясняется исключительная архаичность анатолийских языков, рано фиксированных письменными памятниками.

В историческую эпоху анатолийские языки (клинописный хеттский, лувийский, палайский) распространены уже в пределах Малой Азии в центральных областях Анатолии.

Такое расположение анатолийских диалектов в центральных областях Анатолии — результат движения носителей анатолийских диалектов с востока на запад. В начале исторического периода движение хеттов с востока на запад (а позднее с севера на юг) может быть предположено на основании хеттских исторических источников. Об этом свидетельствует привилегированное положение восточных городов в древнехеттской традиции. Определенные категории жителей таких городов, как Нерик, Аринна, Циппаланда, расположенных в восточной части Хеттского государства, были освобождены от повинностей (§ 50 "Хеттских законов"), ср. *Sommer 1947*[1]. В том же смысле можно истолковать и хеттский миф о "Солнце, встающем из-за моря" (или 'большого озера', хет. *aruna-*). Согласно этому представлению, такое 'море' или 'большое озеро' (*aruna-*) должно было находиться к востоку от места первоначального расселения хеттов (и, возможно, племен, говоривших на общеанатолийском языке, ср. аналогичный миф у палайцев). Таким 'морем' могло быть Каспийское море или одно из больших озер, в пределах северных областей Ближнего Востока — Ван или Урмия[3]. Нужно полагать, что в этих мифологических мотивах могут проявляться отдаленные реминисценции миграций анатолийских племен с востока на запад с первоначальных мест их расселения.

В Северной Анатолии, населенной ко времени распада анатолийского языкового единства хаттскими (протохеттскими) племенами, говорившими, вероятно, на языке кавказского (возможно, западнокавказского) типа[4] (ср. *Дунаевская 1960*; *1961*; *Kammenhuber 1969*; *Ардзинба 1979*), распространяются отдельные, уже обособившиеся анатолийские диалекты — хеттский и палайский. На протяжении длительного периода осуществляется взаимодействие хеттского и палайского языков с хаттским, из которого в эти языки заимствуется большое число ритуальных и социальных терминов, ср. *Kammenhuber 1969*.

[1] Характерно, что такое движение анатолийских диалектов в западном направлении не прекращается на всем протяжении их существования. Об этом свидетельствуют позднеанатолийские языки: лидийский, ликийский (являющиеся поздними формами анатолийских языков —соответственно хеттского и лувийского), распространенные в середине I тысячелетия до н. э. уже на крайнем западе Малой Азии в исторической Лидии и Ликии, на восточном берегу Эгейского моря.

[2] Ср. KUB VI Vs. III 13—14: ša-ra-a-kán u-u̯[a-š]i ne-pí-ša-aš ^{D}UTU-uš a-ru-na-az "встаешь (буквально: вверх приходишь), о Бог Солнца небесный, из-за моря".

[3] Аналогичным образом следует, очевидно, толковать символ 'моря', по ту сторону которого царь получает свою 'власть и царственную повозку': LUGAL-u-e-mu ma-ni-ɬa-aḫ-ḫa-en ^{GIŠ}ḫu-lu-ga-an-ni-en ^{GIŠ}DAG-iz a-ru-na-za ú-da-aš (KUB XXIX 1 I 23—24) "мне, царю, из-за моря власть (и) повозку Бог Престола принес". Толкование в этом контексте aruna- как 'Черного моря' (*Neu 1974: 125*, прим. *303*) лишь на основании ^{URU}Zalpaz arunaz 'из-за моря Цальпы' т. е. 'Черного моря' (*Otten 1973: 20*), не может считаться оправданным.

[4] Вероятно, этим следует объяснять сходство в археологической культуре Аладжа-Хююка (Центральная Анатолия, конец III тысячелетия до н. э.) и определенных типов кавказской куро-араксской керамики, ср. *Woolley 1953: 32—37*.

На всем протяжении III тысячелетия до н. э. археологическая культура Анатолии показывает непрерывную линию развития, не обнаруживающую явных следов внезапного насильственного появления нового этнического элемента, *Bittel 1953.*[1]

Нужно полагать, что расселение анатолийских племен происходило в древней Малой Азии не в результате их внезапного нашествия, сметавшего на своем пути местные, веками сложившиеся культурные традиции, а осуществлялось путем постепенного проникновения нового пришлого этнического элемента в гущу местного населения этих областей, *Gamkrelidze 1970 : 142.*

В свете новейших археологических данных, связанных с обнаружением в восточной Анатолии костных остатков лошади (раскопки немецких археологических экспедиций в Демирджи-Хююк, Ярыккая и Норшунтепе), появление индоевропейских племен в этих областях Малой Азии относят к еще более раннему периоду, к концу IV тысячелетия до н. э. (*см. Mellaart 1981*).

1.3. АНАТОЛИЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКАХ ДРЕВНЕГО ЮЖНОГО КАВКАЗА (КАРТВЕЛЬСКИЙ, УРАРТСКИЙ)

Первоначально более восточное и северо-восточное расположение анатолийских языков в доисторическую эпоху по отношению к расположению этих языков в исторический период может быть выведено также и на основании свидетельств древнего заимствования слов из анатолийских языков в языки Южного Кавказа — урартский и картвельский:

Ср. урарт. ^{D}*Ši-u-i-ni* 'Бог Солнца': хет. *šiu-*, *šiuna-* 'бог', *šiuatt-* 'день'[2]; урарт. *kapi* 'мера сыпучих тел': хет. ^{DUG}*kappi-* 'мера сыпучих тел' (*Diakonoff 1971 : 81*); урарт. *atu-* 'есть', 'кушать': хет. *et-*, *at(u)-* 'есть', 'кушать';

Картв. **štum-* 'ухо': сван. *šdim* 'ухо', груз. *sa-stum-al-* 'изголовье' (*Осидзе Е.*—устное сообщение) сопоставимо с хет. *ištam-* в *ištam-aš-* 'слышать', *ištam-ana-* 'ухо'[3], лув. *tumman-* 'ухо' (?) (*Laroche 1959a : 99*);

[1] Полихромная каппадокийская керамика на юго-востоке Анатолии ставится обычно в связь с появлением индоевропейских племен в Малой Азии, *Goetze 1957*. Однако эта полихромная керамика, отличная от монохромного типа, характерного для местной традиции с глубокой древности, не нарушает картины непрерывного развития местной анатолийской культуры, начиная с III тысячелетия до н. э. вплоть до конца Хеттского Царства. Каппадокийская керамика представляет собой не замену одного стиля другим, а параллельное развитие другого стиля, тем более, что основные места находок каппадокийской керамики лежат вне центра хеттской культуры, ср. *Bittel 1950 : 47*.

[2] Древнехеттское заимствование в дописьменном значении 'бог Солнца' в урартский, очевидно, до появления в самом хеттском хаттского названия 'бога Солнца': хат. eštan ~ хет. Ištanu-. Собственно хеттский (но не общеанатолийский) характер урартского заимствования проявляется в воспроизведении начального сибилянта s-, возникающего в хеттском из сочетания **ti-* (и.-е. **t'-*), ср. лув. *tiuaz*, пал. *tiaz* как этимологические соответствия хет. šiuatt-.

[3] Сама хеттская основа ištam- может быть связана с сем. **s-m-'*, которое, возможно, представлено и в картв. **sm-* 'слышать': груз. e-sm-i-s 'слышит', *масдар* sm-en-a, мегр. si m-in-u-a, лаз. i-si-min-s 'слушает'. В рефлексивной породе в семитском возникает форма с инфиксальным t: **s-i-m-'*, которая в принципе совпадает с хеттской формой ištam-. Не

ср. также хет. *ištama-ḫura-* 'серьга' с возможной второй частью *-ḫura-*, сопоставляемой с груз.-зан. **q'ur-i* 'ухо': груз. *q'ur-i*, лаз. *q'uǯ-i*[1];

Картв. **wel-* 'поле': груз. *vel-i*: 'долина', мегр. *ve(l)*, ср. хет. *ḫellu-* 'луг', 'долина' (*Гиоргадзе 1979*), и.-е. **ḫel-*;

Груз. *dum-* 'молчать', *dum-il-i* 'молчание'; сопоставимо с хеттской редуплицированной основой *duddumili* (возможно, из **dum-dum-ili*) 'тайно', 'тайком' (*Гиоргадзе 1979*). Не исключена возможность и обратной направленности заимствования.

Показательны в этом отношении и связи хеттско-сванских мифологических мотивов, которые могут быть объяснены более южным местом обитания сванов по сравнению с исторической областью их расселения (ср. *Меликишвили 1965а : 60 и след.*; *Микеладзе 1974 : 9 и след.*). Сванский ритуал *melia-t'elepia*, где *melia* интерпретируется в связи с хет. *melit* 'мед', мог возникнуть под влиянием хеттского "Мифа о Телепину", см. *Бендукидзе 1973*; ср. в этой связи заклинание Телепень в русских заговорах (*Топоров 1975а*), проникшее, вероятно, через кавказское посредничество.

2. РАСПАД ГРЕКО-АРМЯНО-АРИЙСКОГО ДИАЛЕКТНОГО ЕДИНСТВА И МИГРАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ГРЕЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ

2.1. «ГРЕКО-АРМЯНО-АРИЙСКАЯ» ДИАЛЕКТНАЯ ОБЩНОСТЬ И ЕЕ РАСПАД. РАННЕЕ ВЫДЕЛЕНИЕ ИНДО-ИРАНСКОГО

За выделением из праиндоевропейского языка общеанатолийской диалектной группы должно было последовать обособление от общеиндоевропейской языковой системы греко-армяно-арийской диалектной общности, которая распадается в дальнейшем на греческий, армянский и индо-иранский диалекты. Широкие миграции племен, затрагивающие эту диалектную общность, начинаются, очевидно, после распада ее на отдельные диалекты и возникновения греческого, протоармянского и индо-иранского как обособившихся индоевропейских диалектов.

Распад этой общности начался, очевидно, с выделения еще в пределах общеиндоевропейской языковой системы арийского диалектного ареала при сохранении армяно-греческого диалектного единства.

исключена связь в конечном счете всех этих форм названных языков — картвельской хеттской и семитской. Если лувийская форма tumman- 'ухо' (?) увязывается этимологически с хет. ištam-anа- (*ср. Oettinger 1980 : 61*), то наличие данной словоформы со значением 'слышать'; 'ухо' следует предположить уже для общеанатолийского.

[1] Не исключена возможность картвельского источника для хет. *-ḫura-* в качестве второго компонента в сложном слове ištama-ḫura- 'серьга'. Картвельское заднеязычное глоттализованное *q', отсутствующее в хеттском, заменяется велярным спирантом ḫ; ср. в этом отношении также хет. puri- 'губа' (с неясной этимологией), которое можно сопоставить с картв. **p'ir-i* 'рот', 'губа': груз. p'ir-i 'рот', мегр.-лаз. p'iǯ- 'рот', сван. p'il 'губа'.

После выделения индо-иранского из греко-армяно-арийского диалектного ареала греко-армянский образовывал еще некоторое время диалектную общность, оставаясь на старой территории расселения, где эта греко-армянская общность могла контактировать с другими индоевропейскими диалектами, в частности тохарскими и "древнеевропейскими": ср. формы типа греч. μήν, арм. *amis* (из **mensos*), тох. А *mañ*, В *meñe* 'месяц', лат. *mēnsis*, умбр. *menzne*, др.-ирл. *mí* (из **mens*), гот. *mēna*, лит. *mėnuo*, ст.-слав. *mĕsęcĭ* (при основе *mās-* в индо-иранском); греч. ἀρόω 'пашу', ἄροτρον 'плуг', арм. *arawr* 'плуг', тох. А, В *āre* 'плуг', лат. *arātrum*, др.-ирл. *airim* 'пашу', гот. *arjan* 'пахать', лит. *arìu* 'пашу', ст.-слав. *orjǫ* 'пашу' (при отсутствии этого слова в индо-иранском и анатолийском).

В это же время в греко-армянской общности (без индо-иранского) и могли возникнуть характерные для греческого и армянского в отдельности общие структурные и лексические изоглоссы: вокалическая протеза типа греч. ὀδούς, арм. *atamn* 'зуб'; отсутствие начального *r-* (инновация, возможно, субстратного происхождения); многочисленные лексические изоглоссы типа греч. ἕννῡμι : арм. *z-genum* 'одеваюсь'; греч. ἀλέω 'мелю', ἄλευρον 'мука': арм. *ałam* 'мелю'; греч. ἕφω 'варю': арм. *ep̣em* 'варю'; греч. ἦμαρ : арм. *awr* 'день'; греч. κίων 'колонна': арм. *siwn* 'колонна' и др., ср. *Порциг 1964 : 230—233*; *Mann 1963*.

Предположение о локализации индоевропейской прародины в ближневосточном ареале естественным образом определяет направление миграций носителей греческих диалектов в исторические места их жительства на Пелопоннесе и островах Эгейского моря через Малую Азию.

Если допустить, что миграция носителей греческих диалектов, предшествовавшая переселению дорийцев (видимо, отколовшихся от основной волны переселения и временно обосновавшихся севернее на Балканах), осуществлялась через Малую Азию, то следы этих ранних переселений можно было бы обнаружить в древнейших данных о греках в Милете и Аххияве. Об этом же свидетельствуют и связи, обнаруживаемые между археологическими культурами запада Малой Азии, с одной стороны, и Пелопоннесом и островами Эгейского моря, с другой.[1]

На рубеже III —II тысячелетий до н. э. (но,по-видимому, и существенно ранее — около середины III тысячелетия, *Thomas 1970 : 201*), на северо-западе Малой Азии (Бейдже-Султан) распространяется серая минийская керамика того типа, который становится примерно столетием позднее (около 1900 г. до н. э.) преобладающим в материковой Греции. Устанавливается непосредственная связь между этими археологическими культурами, причем предполагается направление распространения этой культуры с востока на запад (*Mellaart 1958*; *Lloyd 1961*; ср. уточнения *Thomas 1970 : 201 и след.*).

[1] Эти связи между Анатолией и Пелопоннесом и островами Эгейского моря были настолько сильны, идущие с Востока культурные влияния на страны Эгейского мира были так значительны, что можно даже говорить о существовании в эпоху Ранней Бронзы некоторого "анатолийско-эгейского культурного койнэ" (*ср. Schachermeyr 1955 : 173*).

В качестве этнического субстрата этих культур можно предположить ранних греков-протоэллинов (видимо, за вычетом дорийцев[1]) или, возможно, связанные с ними другие группы индоевропейцев, направлявшихся с востока на запад[2] под натиском анатолийских племен. Среди таких групп, в частности, могли быть "пеласги", которые должны были еще до прихода собственно греков обосноваться на Пелопоннесском полуострове.[3]

След таких догреческих индоевропейских диалектов можно видеть в широкой распространенности в материковой Греции и по всей Малой Азии топонимических названий с суффиксами *-(s)s-*[4] и *-nth-* (ср. выше о типе гидронимов на **-nth-*), ср. *Schachermeyr 1955 : 55 и след.*; *Hester 1957*; *Solta 1958 : 30 и след.*; *Chadwick 1969*.[5]

2.2. МИГРАЦИИ ПРОТОЭЛЛИНОВ В МАТЕРИКОВУЮ ГРЕЦИЮ И НА ОСТРОВА ЭГЕЙСКОГО МОРЯ ЧЕРЕЗ МАЛУЮ АЗИЮ. ВОПРОС О ДОГРЕЧЕСКОМ СУБСТРАТЕ

Помимо возможного индоевропейского субстрата следует допустить и наличие некоторого неиндоевропейского (вероятно, даже доиндоевропейского) субстрата в материковой Греции и на островах Эгейского моря. Такой субстрат проявляется в наличии целого неиндоевропейского лексичес-

[1] Протогреческий, выделившийся в качестве особого диалекта из греко-армяно-арийской диалектной общности, должен был дифференцироваться на основные диалектные группы где-то в Малой Азии еще до переселения греков в материковую Грецию. Следует во всяком случае допустить членение греческого к этому времени на две основные диалектные группы, одна из которых в лице дорийцев двинулась в северо-западном направлении на Балканы, откуда много позднее, к концу II тысячелетия дорийцы совершают нашествие на материковую Грецию (ср., однако, ниже, стр. 957_1).

[2] Возражения *Кроссленда* против такой гипотезы (*Crossland 1957 : 38—41*), основанные исключительно на лингвистических данных, не могут в настоящее время считаться убедительными, поскольку языковые ареальные свидетельства могут быть истолкованы и в соответствии с этой гипотезой.

[3] "Пеласгский" язык мог послужить субстратом наслоившегося на него греческого языка. "Пеласгские" слова, проникшие в греческий, дают возможность реконструировать в общих чертах структуру субстратного языка, сохранившего целый ряд архаических черт (см. *Georgiev 1941—1945*; *Merlingen 1962*). В частности, в "пеласгском" сохраняется незвонкий характер серии I индоевропейских смычных и придыхательный характер серии III.

[4] Ср., например, топоним Παρνα^{l}σ^{l}ός (гора Парнасс) и Parnašša- —название города с культовым святилищем в Каппадокии (ср. при этом общеанатолийское название 'дома': хет. pir, *род. пад.* parnaš 'дом'). Толкование этого топонима как 'храмовый', 'принадлежащий храму' вполне вероятно, хотя нет достаточных оснований считать слово собственно лувийским по происхождению, ср. *Palmer 1965: 26, 241—242, 254*; можно скорее думать, что оно имеет более широкие индоевропейские связи в пределах анатолийского. В этом отношении обращает на себя внимание хеттская формула parnaššea šuqaizzi, встречающаяся в древних законах и означающая определенный вид компенсации за преступление и нанесенный ущерб (к различным толкованиям ср. *Imparati 1964 : 189—194*). В форме parnaššea можно было бы видеть образование от pir/parn- 'дом' на тот же суффикс принадлежности *-šš-*, то есть parnašši (*ср. р., мн. ч.*) 'домашнее имущество' +а 'и': parnašše-a. Parnaššea šuqaizzi может, следовательно, означать: "и домашнее имущество отдает" (не по своей воле), буквально: 'отбрасывет, выталкивает'.

[5] Литературу вопроса см. *Гиндин 1967*; *Merlingen 1962*.

кого пласта в греческом, ср. *Furnée 1972*. С ним связан, очевидно, и характер ранней минойской культуры, а также, возможно, и надписей, выполненных линейным письмом *A* и другими древнейшими письменностями восточносредиземноморского мира (*ср. Гиндин 1967*; *Birnbaum 1974*).

2.3. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ ЗАПАДНОЙ АНАТОЛИИ (МИЛЕТ, АХХИЯВА) КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ИСТОРИЧЕСКИХ МИГРАЦИЙ ПРОТОЭЛЛИНОВ ЧЕРЕЗ МАЛУЮ АЗИЮ

Гипотеза о приходе греков в материковую Грецию с востока через Малую Азию ставит в новом свете и вопрос о греческих малоазийских "колониях" и, в частности, проблему Милета. Эти "колонии" в свете восточной гипотезы можно рассматривать как древнейшие греческие поселения на пути переселения греческих племен в исторические места их жительства на островах Эгейского моря и в материковой Греции.

В Милете обнаружена крепость микенского времени, датируемая XVI—XIV вв. до н. э., погребения микенского типа со следами захоронения коня (бронзовые удила, ср. *Mellink 1976 : 270*); найдены также развалины храма Афины и керамика микенского типа, ср. *Kleiner 1969—1970*. Характерно, что в пилосских табличках обнаруживаются упоминания 'женщин из Милета' — *mi-ra-ti-ja* = *Milātiai* 'милетские', *им. п. мн. ч. ж. р.* (ср. позднейшее Μιλήσιος 'милетский'), и из некоторых других малоазиатских городов — Галикарнасса (Зефирии), Иасоса, Эфеса (ср. *Ventris/Chadwick 1973 : 410*). Такие археологические культуры микенского типа обнаружены и в других пунктах западного берега Малой Азии, который должен был явиться местом последнего поселения греков в Малой Азии перед их движением дальше на Эгейские острова и в материковую Грецию, ср. также *Pisani 1959 : 193*.

Об этом же свидетельствуют упоминания в хеттских источниках страны *Aḫḫiǰaṷa-*, *Aḫḫiǰa*, отождествляемой с самоназванием греков-ахейцев.[1]

Все традиционные трудности, связывавшиеся с проблемой Аххиявы[2], объясняются предвзятой точкой зрения, согласно которой для греков исконным было поселение на Пелопоннесе. Принятие гипотезы об их пере-

[1] Ср. DINGIR*LUM* URU$_{Aḫ\text{-}ḫi\text{-}ia\text{-}ṷa\text{-}kán}$ nu-iš DINGIR*LUM* URU$_{La\text{-}az\text{-}pa\text{-}ia}$ "божество страны Аххиява и то божество, которое из страны Лазпа (Лесбоса)", KUB V 6 II 57, 60, ср. *Carratelli 1950*; LÚ URU$_{A\text{-}aḫ\text{-}ḫi\text{-}ia}$ 'человек страны Аххия, ахеец', KBo XVI 97; KUB XIV 1 Rs. 89 (текст Маддуватты, датируемый XV в. до н. э., *Otten 1969*). Хеттское слово передает, очевидно, греческое самоназвание, ср. гом. *'Αχαιοί* 'ахейцы' (родовое название всех греков). Название обнаруживается уже в микенских надписях: A-ka-wi-ja-de (*Ventris/Chadwick 1973 : 209, 436—437, 529, 539*).

[2] Ср. возражения *Ф. Зоммера* против возможности отождествления хет. Aḫḫiǰaṷa- с греч. *Αχαι(F)οί*, основывавшиеся на гиперкритической оценке фонетического сходства ("созвучия") этих названий, см. *Sommer 1932*; *1934*; *1937*. В настоящее время отождествление названий Aḫḫiǰaṷa- и *'Αχαι(F)οί* не вызывает сомнений у большинства исследователей, ср. *Steiner 1964*; *Harmatta 1968*; *Muhly 1974* (к ранней истории вопроса см. *Schachermeyr 1935 : 20 и след.*).

селении через Малую Азию, где они могли частично надолго обосноваться, снимает эти трудности.

Судя по хеттским источникам, страна ^{URU}*Aḫḫiya* локализуется в Малой Азии неподалеку от самого Хеттского Царства[1], ср. *Goetze 1957 : 183.*

2.4. ГРЕЧЕСКО-АНАТОЛИЙСКИЕ СВЯЗИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБИТАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ГРЕЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ В МАЛОЙ АЗИИ

Историческое присутствие греков в Малой Азии после распада греко-армяно-арийской диалектной общности отражено и в многочисленных лексических и культурно-исторических связях греческого с малоазийским языковым миром. Следы этих связей видны как в заимствованной из этих языков лексике, так и в общих мифологических и ритуальных мотивах, возникших в период обособленного существования греческого.[2]

К числу таких слов, проникших в греческие диалекты из языков Малой Азии, которые могут свидетельствовать, очевидно, о контактах между этими языками в период пребывания греческих диалектов на территории Малой Азии[3], можно отнести следующие:

Греч. гом. ἰχώρ 'бессмертная кровь богов' (ἄμβροτον αἷμα θεοῖο, E 339—340), позднее 'кровь': ср. хет. *ešḫar*, *išḫar* 'кровь' (*Kretschmer 1951*; *Neumann 1961 : 18*);

Греч. гом. δέπας 'сосуд', мик. греч. *di-pa* : ср. хет. *tapišana-* 'сосуд' (*Neumann 1961 : 20*);

Греч. βύρσα 'шкура', 'кожа': ср. хет. *kurša-* 'кожа', 'шкура', 'руно', 'щит', *Laroche 1947 : 75*, прим. 4 (с переходом *k*→*b* в греческой форме, ср. выше, стр. 60$_1$);

Греч. θύρσος 'тирс'; 'жезл вакханок, увитый плющом', ср. иер. лув. *tuwarsa* 'виноградная лоза' (*Heubeck 1961 : 80*; *Neumann 1961 : 86—87*).

[1] В тексте письма *Тавагалавы* говорится о том, что знатные люди и представители царских родов Аххиявы и Хеттского царства ездили в страну на колесницах, что противоречило бы допущению о нахождении Аххиявы во всяком случае только на островах. Постоянная забота хеттов об установлении дружеских и мирных отношений с Аххиявой также свидетельствует о территориальной близости Аххиявы к Хеттскому Царству, ср. текст *Маддуваттты* (*Otten 1969*).

[2] В этом отношении особо показателен типично малоазиатский характер таких древнегреческих этнонимов как "ионийцы" Ἰά(F)ονες (из *Ya-wana-, с малоазиатским — анатолийским суффиксом -wana-, лув. -ua- от Ya- 'Кипр', ср. лик. iyãnatiya, где -tiya — другой малоазиатский суффикс, родственный хет. -zzi) и "данайцы" Δαναοί (сопоставляется с иер. лув. Adana-wana, откуда *Danawanni и далее аккад. Dan-na, егип. D3ynywn3, при точной параллели в валл. Donwy [название реки] и ряде семитских заимствований в названиях рек), см. *Arbeitman/Rendsburg 1981*.

[3] С другой стороны, обнаруживаемые в греческом (уже в микенском) слова семитского происхождения, такие, как мик. ku-ru-so 'с золотом', греч. гом. χρυσός 'золото' (ср. др.-евр., *ḥārûṣ*, аккад. *ḫurāṣu*), мик. ki-u-ro-i 'сосуд', 'горшок' (др.-евр. *kijjôr* 'горшок'), мик. sa-sa-ma 'сезам', греч. σήσαμον (аккад. šamaššammū, ср. хет. šammamma-) и др. (ср. *Masson 1967*), как и некоторые древнеегипетские (ср. *Ернштедт 1953*), могли быть заимствованы греческим как в Малой Азии, так и уже во время пребывания греков в материковой Греции и на островах Эгейского моря в результате интенсивных торговых и морских контактов.

В двух последних словах обращает на себя внимание передача в греческом последовательности *-rs-*, которая в исконно греческих словах преобразуется обычно в *-(ρ)ρ-*;

Греч. *κύανος* 'медь', 'сталь', *κυάνεος* 'синий', мик. *ku-wa-no* 'стекло синего цвета'; ср. хет. *kuganna-* 'медь', 'купорос', 'медно-синий', *Halleux 1969*;

Греч. *κόμβαχος* 'шишак шлема'; ср. хет. *kupaḫ(ḫ)i-* 'головной убор', *Szemerényi 1974 : 153*.[1]

Сюда же может быть отнесено и греч. *τραγωιδός* 'трагик', 'актер' (ср. *τραγωιδία* 'трагедия'), сопоставляемое с хет. *tarkuga(i)-* 'танцевать', 'неистовствовать' (*Szemerényi 1975 : 319—332*).

В качестве иллюстрации обратного древнего заимствования из греческого в анатолийский (хеттский) может быть приведено хет. *dammara-*, лув. *dammaranza* 'женщины-служительницы' (в одном случае 'служитель') при мик. *da-ma-te* 'служители', греч. гом. *δάμαρ*, *род. пад.* *δάμαρτος* 'жена', 'супруга' (*Neumann 1961 : 37*; *Gusmani 1968 : 86*).

Особенно показательно с точки зрения древних связей греческого с малоазийским культурным миром единство мотивов греческой и малоазийской мифологии (*ср. Harmatta 1959*; *1968a*). Уже греческий миф о мизийском царе Телефе (*Τήλεφος*, сокращение формы *Τηλεφάνης*) обнаруживает разительное совпадение с малоазийскими мифами о Телепину и с мифом о детях царицы Канеса как по мифологическим мотивам, так и по именам героев мифа : ср. имя сына Телефа Тархон при хет.-лув. *Tarḫunt-* (ср. *Barnett 1956*; *Топоров 1959 : 36 — 45*).

Весь цикл греческих мифов о теогонии, борьбе нескольких поколений богов на небесах отражает в конечном счете древневосточные мифологические мотивы, которые в преобразованном виде (через хурритскую мифологию) перешли в анатолийскую мифологию, а через анатолийское посредничество — в греческий миф. Это видно как в построении мотивов, так и в целом ряде эпитетов богов, ср. название греческого бога Урана (*Οὐρανός* 'Небо') как перевод хурритско-хеттского *Anu-* при шумер. AN 'Небо', аккад. *Anum* (*Laroche 1966a : 294*); предполагаемый эпитет Зевса **Ζαντ-* при лув. *Šanta-* (эпитет бога Грозы), ср. *Houwink ten Cate 1961 : 136*; *West 1971 : 50—52*; ср. также эпитет богов у Гесиода *πρότεροι θεοί* 'минувшие боги' (*West 1966 : 301*) при хет. *karuiliš šiuneš* 'прошлые боги', хур. *ammattina* 'прошлые' (в мифологическом) контексте о богах, ср. *Salvini 1977 : 89, 91*; *Laroche 1978 : 47*. При этом совпадает порядок поколений богов и соотношения между ними, ср. *Webster 1958 : 64—90*; *Littleton 1970*.

Целый ряд мотивов, в особенности "Одиссеи", восходит к древневосточным прототипам — шумеро-аккадским и малоазиатским : гомеровский миф о циклопе Полифеме (и, возможно, само имя *Πολύφημος*, сопоста-

[1] Слово представляет интерес и с точки зрения передачи хет. *ḫ(ḫ)* греческим *χ*; ср. в этой связи одно из основных возражений Зоммера против отождествления хет. *Aḫḫiyaya-* с греч. *'Αχαιοί* ввиду необходимости допущения в таком случае фонетического соотношения хет. *-ḫḫ-* : греч. *χ* [k^h], *Sommer 1934 : 74*.

вимое с именем древнемесопотамского героя Гильгамеша, ср. шумерский вариант имени ^{D}*bil.ga.meš*, хур. ^{D}*bil.ga.miš*, хет. ^{D}GIŠ.GIM.MAŠ; греческая форма предполагает исходный архетип **bala-g^{wh}-āmo-*, см. *Obenhuber 1974*); мотив клятвы Одиссея, связанной с путешествием в загробный мир (ср. древневосточные мифы о хождении богов в преисподнюю, *Steiner 1971*), и др.

Нужно полагать, что эти и им подобные мифологические мотивы в греческом возникают в период пребывания греческих диалектов в Малой Азии и их интенсивных культурно-исторических контактов начиная со II тысячелетия до н. э. Мифологические сюжеты, возникшие на анатолийской почве, преобразуются в дальнейшем в греческой мифологии, приобретая собственно греческие черты, при сохранении первоначальных признаков, общих с древневосточным эпосом.

2.5. ПРИХОД ГРЕКОВ В МАТЕРИКОВУЮ ГРЕЦИЮ С ВОСТОКА. ГРЕЧЕСКО-КАРТВЕЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И «МИФ ОБ АРГОНАВТАХ»

Гипотеза о приходе греческих племен в исторические места их жительства на островах Эгейского моря и в материковой Греции с Востока через Малую Азию делает понятным и наличие в греческом целого лексического пласта картвельского (южнокавказского) происхождения. Целый ряд греческих слов с неясной этимологией, находящих в свете новейших исследований недвусмысленные параллели в картвельском (ср. *Gordesiani 1969*; *Гордезиани 1970 : 217 и след.*; *Furnée 1979*), может свидетельствовать о языковых контактах, существовавших в древнейшую эпоху между греческими и картвельскими диалектами (*Furnée 1979 : 14 и след.*):

Ср. греч. ὄσπριον 'шелушные овощи', 'плоды', 'бобы' при груз. *osp'-i*, *osp'n-i* 'чечевица' (без соответствий в других картвельских языках);

Греч. χέδροπα, *мн. ч.* (*ед. ч.* χέδροψ) 'шелушные овощи': ср. картв. **qnd-(u)r-*: груз. *qndur-i* 'бобы', сван. *γeder* 'id.' (с наращением в греческой форме суффикса *-οπ-*; ср. форму без такого суффикса χεδρίᾱ=χέδροπα. Обращает на себя внимание отражение картв. **n* в греческой форме в виде гласного *e*, как и в сванском);

Греч. ἰσχάς 'молочай' (*Euphorbia* L.); ср. картв. **(n)sx-al-*: груз. *(n)sxal-i* 'груша', мегр. *sxul-i*, лаз. *mcxul-i*, сван. *icx* 'id.' (в заимствованной греческой форме появляется протетическая гласная *ι-* перед комплексом *σχ-*);

Греч. δέλλις (в надписи из Писидии, I в. до н. э.) = δέλφαξ 'поросенок': ср. груз. *tel-i* 'поросенок', мегр. *tu*, лаз. *tila* 'id.' (картв. **tel-*);

Греч. ἀγόρ· ἀετός· Κύπριοι (*Гесихий*) 'орел': картв. **kor-* 'ястреб': груз. *kor-i*, мегр. *kir-i*, лаз. *kur-i*, *m-kir-i* (с гласной протезой *a-* в греческой форме);

Греч. ζάρος 'хищная птица': ср. груз. *zer-i*, *zera* 'коршун' (без соответствий в других картвельских языках); греческая форма показывает огласовку *α*, которая должна была быть характерна для предполагаемого обще-

картвельского слова в его западном варианте, с уже осуществленным вокалическим переходом **e→*a*;

Греч. γάνα χέρσος. γῆ (*Гесихий*) 'суша', 'земля': картв. **q'ana-*: груз. *q'ana* 'поле'; 'земля', мегр. *'ona*, лаз. *q'ona* 'id.';

Греч. σφερτα · τὰ ἄφορα δένδρα (*Гесихий*) 'неплодоносящие деревья': ср. картв. **berĉ-* / **barĉ-* 'бесплодный', 'яловый (о животных)': груз. *berc'-i*, мегр. *burč'-i* (в таком случае начальное σ- в греческой форме следует считать последующим экспрессивным наростом);

Греч. ἐσχάρᾱ 'очаг', 'огонь на очаге', 'жертвенник', мик. *e-ka-ra*: ср. картв. **ĉx-* 'гореть', 'греть', **ʒe-ĉx-ɻ-* 'огонь': груз. *cx-* 'греть', 'печь', *cx-el-* 'горячий', *cx-ar-* 'горячий', 'острый'; 'горячиться'; *cecxl-i* 'огонь', мегр.-лаз. *čxe* 'горячий', *dačxir-i*, *dačxur-i* 'огонь'; сван. *šx-* 'сжигать' (начальную гласную ε- в греческой форме следует рассматривать в таком случае как гласную протезу, появившуюся на собственно греческой основе);

Греч. **γύᾱ* 'искривление'; 'выпуклость' (ср. γύης 'кривая часть плуга', отсюда — 'пахотная земля', 'пашня'; γύαλον 'выпуклость'; 'вогнутость'; 'вогнутые бляхи панциря'): ср. картв. **q'ua-*: груз. *q'ua* 'спинка', 'выпуклая часть (орудия, лодки)', сван. *q'u(ω)a* 'id.', мегр. *'va*, лаз. *q'va*, *k'va* 'лоб';

Греч. **μασχάλη* 'подмышка'; 'плечо'; с этой формой связано и μάλη 'id.' (исключительно в выражении ὑπὸ μάλης 'подмышкой'; 'украдкой', 'тайно'): ср. картв. **mqar-* 'плечо': груз. *mxar-i*, мегр. *xuǯ-i*, лаз. *mxuǯ-i*, сван. *meqār* (с экспрессивно-уменьшительным преобразованием картвельского слова в греческом : -σχ- вместо -χ-);

Греч. δαγκλον · δρέπανον (*Гесихий*) 'серп', 'коса', 'кривой нож'; ζάγκλον 'id.', ζάγκλιον=σκολιόν 'кривой', 'искривленный': ср. груз. *i-daq'v-i*, *ni-daq'v-i*, *dlaq'v-i* 'локоть', мегр. *du'-i*, лаз. *duq'u*, *durq'u* 'id.';

Греч. ὄβος 'горб'; 'бугорок'; ὀβός 'горбатый', 'согнутый': ср. груз. *ube* 'выпуклость'; 'пазуха', мегр. *(l)uba*, лаз. *uba*, *oba* 'id.';

Греч. δαιδάλλω 'искусно отделываю', 'обрабатываю', 'украшаю', δαίδαλος 'искусно', 'мастерски отделанный' (гом. πολυδαίδαλος), с экспрессивной редупликацией из **δαι-δαλ-*<**δαλ-δαλ-*(?), ср. картв. **tal-/*il-* : груз. *tl-/tal-* 'резать', 'обрабатывать (дерево, камень)'; 'чистить (фрукты)', мегр. *tol-* 'id.' ;

Греч. νάσσω, аттич. νάττω; *аор.* гом. ἔναξε, *перф. мед.* νένασμαι 'сжимаю', 'утаптываю', 'удавливаю' (**nag-*) : ср. груз. *naq'-* 'раздавливать', 'толочь (в ступке)' (без соответствий в других картвельских языках);

Греч. ἰσχύς 'сила', 'крепость', 'могущество', ἰσχυρός 'сильный', 'могущественный': ср. картв. **ŝxu-* 'быть толстым, большим', **m-ŝxw-il-* 'толстый', 'большой': груз. *gan-sxu-* 'делаться толстым, большим', *msxvil-* 'толстый', 'большой', мегр. *šxu*, лаз. *(m)čxu* 'id.' (с протетическим гласным ι- в греческой форме);

Греч. ζάφελος, гом. ἐπιζάφελος 'сильный', 'пылкий', 'горячий': ср. груз. *m-ʒapr-i* 'сильный', 'резкий', 'интенсивный', 'ожесточенный' (без соответствий в других картвельских языках);

Греч. ζαροῦν · καθεύδειν (*Гесихий*) 'покоиться', 'лежать', 'спать'; первоначальная основа предполагается в форме ζαν-, которую, очевидно, можно увязать с общекартвельской основой **ǯen-/*ǯin-* 'лежать', 'спать' (ср. груз. *m-ǯin-av-s* 'сплю', лаз. *di-ǯin-u* 'лег спать') в ее западном варианте с огласовкой **a*: **ǯan-* (ср. мегр. *ǯan-u[n]*, лаз. *ǯan-s* 'лежит');

Греч. δαύω 'сплю'; ἔδαυσε · ἐκοιμήθη (*Гесихий*): ср. картв. **dew-/*dw-* 'лежать'; 'класть', с огласовкой **a* основы в полной ступени, т. е. **daw-*, которая должна была быть первоначально характерна для западнокартвельского диалектного ареала (при последующем распространении в мегрело-лазском формы с нулевой огласовкой **dw-* на всю парадигму (*см. Гамкрелидзе/Мачавариани 1965 : 221—222*);

Греч. γαμέω 'вступаю в брак', гом. γάμος 'свадьба', 'брак', 'бракосочетание'; γαμβρός 'родственник по брачным связям', 'зять', 'шурин' и др.: ср. картв. **km-ar-* 'муж', 'супруг': груз. *kmar-i* 'муж', мегр. *komoǯ-i*, лаз. *komoǯ-i* 'id.';

Греч. ἄαρ 'супруга', 'жена' (из **ϝαρ?*), отсюда ἀαρίζω 'любезничаю', 'нахожусь в интимных отношениях': ср. картв. **q'war-*: груз. *q'var-* 'любить', мегр. *'or-*, лаз. *(q')or-* 'id.';

Греч. βάσκειν · κακολογεῖν (*Гесихий*) 'говорить дурно', 'злословить', 'околдовывать', 'клеветать', βάσκανος 'злоречивый', 'завистливый', 'клеветник': ср. картв. **beǯγ-/*baǯγ-* : груз. *bezγ-* 'доносить', 'клеветать', мегр. *berǯγ-el-* 'кричать', лаз. *beǯγ-* 'гневаться', 'ругать' (в греческой форме отражена, очевидно, общекартвельская основа с первоначальной западнокартвельской огласовкой **a*);

Греч. ἄκμα · νηστεία, ἔνδεια (*Гесихий*) 'пост'; 'недостаток', 'нужда', ἄκμηνος 'не принимавший пищи', 'не евший': ср. картв. **q'm-* 'голод'; 'голодать': груз. *si-q'm-il-i* 'голод', мегр. *'um-en-i*, лаз. *(q')om-in-* 'жажда', сван. *q'm-* 'голодать' (в греческой форме гласная протеза α-);

Греч. κύλλαιος · βόστρυχος (*Гесихий*) 'локоны', 'кудри': ср. груз. *k'ul-ul-i* 'id.' (без соответствий в других картвельских языках);

Греч. γοδᾶν · κλαίειν (*Гесихий*) 'рыдать', 'плакать', 'оплакивать', ср. груз. *god-eb-a* 'вопль', 'плач' (без соответствий в других картвельских языках);

Греч. *τᾱδος 'желание' (предполагаемая основа лексем гом. ἐπιτηδές, дор. ἐπιτᾱδές 'с намерением', 'с целью', 'нарочно'; отсюда ἐπιτηδεύω 'стараюсь', 'забочусь'; 'делаю с намерением': ср. картв. **č'ad-* 'желание': груз. *c'ad-* 'желать', 'жаждать', *c'ad-il-i* 'желание', сван. *hadw* 'желать' (сопоставление весьма проблематично).

Многочисленные лексические схождения между греческим и картвельским, проявляемые именно в "догреческих" лексемах неиндоевропейского происхождения[1], следует интерпретировать в том смысле, что ряд карт-

[1] В работе *Furnée (1979 : 19 и след.)* приводится более ста таких греческо-картвельских лексических схождений. Из этого длинного списка слов нам представляются наиболее вероятными греческими лексемами картвельского происхождения приведенные выше формы. Другие могут быть отведены как сомнительные по причинам семантического или формального характера.

вельских слов был заимствован греческим, очевидно, в процессе соприкосновения греческих племен с картвельскими в определенных областях ближневосточного региона в период греческих миграций с доисторической "прародины" в западном направлении в исторические места их жительства. С другой стороны, некоторые из приведенных выше (стр. 877 и след.) общеиндоевропейских форм в картвельском могли бы быть формально соотнесены именно с греческими и рассмотрены в качестве доисторических греческих заимствований в картвельском, иллюстрирующих взаимность процесса греческо-картвельских лексических заимствований в период соприкосновения греческих и картвельских племен в ареале исторического расселения последних (ср., в частности, картв. **km-ar-/*kṃ-r-* 'муж' при греч. γαμβρός 'зять').

Именно эти исторические контакты картвельских племен с грекоязычными племенами в период миграций этих последних с востока на запад в исторические места их жительства и могут быть отражены в известном греческом мифе об аргонавтах. Древнейший слой этого мифа, повествующий о появлении Фрикса (греч. Φρίξος) на летящем баране и об "овечьем руне", висящем на священном дубе, отражает факт прихода греков в Колхиду во II тысячелетии до н. э. (*ср. Лордкипанидзе 1979*). Характерно, что этот обычай помещения бараньей шкуры на священном дереве (в частности, дубе) сохраняется у западнокартвельских племен до позднего времени (*ср. Бендукидзе 1973*; *Popko 1974 : 228—229*; *1978 : 114 и след.*) и отражает общий для этого ареала, включая и север Малой Азии, ритуал помещения сакральной шкуры барана на священном дереве (ср. дерево ^{GIŠ}*eia-* в хеттской ритуальной традиции, см. подробно выше, стр. 582).[1]

Самое раннее появление греков в Колхиде с материковой Греции морским путем через Мраморное море, Босфор и Дарданеллы и далее по Черному морю (что предполагается поздними версиями мифа о Язоне, греч. Ἰάσων, Ἰήσων, и корабле "Арго", гом. Ἀργώ, μ 70) маловероятно ввиду непригодности в это время для мореплавания Мраморного моря (древней Пропонтиды, греч. Προποντίς, то есть 'Пред-Черного-Моря'), бывшего в глубокой древности несудоходным водоемом.[2]

Остается допущение сухопутного пути первоначального проникновения греков в Закавказье, в частности Колхиду. Таким путем мог быть путь с юга на север к причерноморскому побережью Закавказья в процессе движения грекоязычных племен, направлявшихся с востока на запад из первоначальных мест расселения индоевропейских племен. Именно

[1] В этой связи обращает на себя внимание совпадение с этим словом древнейшего названия страны колхов Айа (греч. *Αἶα*), которое упоминается в различных версиях мифа об аргонавтах (ср. *Урушадзе 1970 : 28—29*). Наименование "Колхида" (греч. *Κολχίς*) возникает, по всей видимости, позднее и употребляется уже в эту эпоху (например, у Геродота) параллельно с древнейшим наименованием страны *Αἶα*: *...ἐς Αἰάν τε τὴν Κολχίδα* "...и в (страну) Айа, в Колхиду" (см. *Каухчишвили 1960 : 48—49*).

[2] "Физик" Стратон (конец IV — первая половина III в. до н. э., глава школы "перипатетиков") отмечает, что "Эвксин (то есть *Черное море*) прежде не имел прохода у Византии, но впадающие в него реки прорвали его силою своего течения и затем вода излилась в Пропонтиду (то есть *Мраморное море* и *Геллеспонт*)..." (*Латышев 1947 : 182*).

здесь греческие племена могли войти в соприкосновение с картвельскими, в частности западнокартвельскими племенами, уже заселившими к этому времени прибрежные области Закавказья и, по-видимому, назвавшими их страной "А р г(о)", что можно вывести из самоназвания западнокартвельских племен *m-arg-al-i* 'мегрел', то есть 'житель страны *Arg-*' (ср. грузинское название Западной Грузии *Egr-is-i*). Этим и можно было бы объяснить называние в позднейших версиях этого мифа греков, прибывших в Колхиду в поисках золотого руна, "аргонавтами" (греч. ἀργοναῦται), то есть 'мореплавателями, прибывшими в страну *Arg(o)*' (*С. С. Джикия*—устное сообщение). В дальнейшем это первоначальное наименование "страны золотого руна" *Arg(o)-* переосмысляется, очевидно, как название центра дорийского племенного союза Ἄργος, смещавшегося географически вместе с историческими перемещениями дорийских племен, для которых одной из священных культовых областей оставался Ἀργολίς (*Beyen/ Vollgraff 1947*) — имя, весьма напоминающее самоназвание западнокартвельских племен.[1] Все это дает основание понимать под "греками", проникшими сухопутным путем с юга на север в Колхиду, наряду с другими греческими племенами также и дорийские, сохранявшие память о пребывании в стране *Arg(o)-* и продолжавшие называть этим именем (не имеющим собственно греческой этимологии) свои позднейшие культовые центры.

И вторая часть мифологического имени "аргонавтов" *-ναύτης* 'мореплаватель' должна быть продуктом позднейшего переосмысления мифа как предания о проникновении греков-мореплавателей в Колхиду морским путем на корабле Ἀργώ. Такое переосмысление, естественно, стало возможно после установления, уже в историческое время, морского пути между материковой Грецией и побережьем Черного моря.

Основное греческое название 'руна', 'золотого руна' κῶας, *ср. р., мн. ч.* κώεα не находит объяснения на индоевропейской почве (см. *Chantraine 1968 — 1974, I : 604*) и должно считаться иноязычным заимствованием. Оно фигурирует в тексте древнейших версий мифа об аргонавтах и засвидетельствовано уже у Гомера (I 661; γ 38 и др.), а еще ранее—в микенских текстах в форме *ko-wo* (то есть *kōwos* = греч. κῶας, см. *Morpurgo 1963 : 166*), в которой сохраняется интервокальное *-w-*, утерянное позднее в греческом. Это греческое слово, восстанавливаемое в форме **kōw-a/o-*, также может считаться заимствованием местного слова в значении 'кожи', 'шкуры', а именно картвельского **t'q'aw-/*t'q'ow-* (груз. *t'q'av-i* 'шкура', 'кожа', мегр.-лаз. *t'q'eb-i /t'k'eb-i* 'id.' из **t'q'ob-i/*t'k'ob-i*), с упрощением в греческой форме начального картвельского комплекса *t'q'-* в *k-* и отражением в ней западнокартвельской (занской) огласовки **o*. Такое преобразование слова в греческом происходит в соответствии с законами изменения начальных комплексов согласных. В данном случае

[1] Хенигсвальд (*Hoenigswald 1980*) выделяет в данном топониме суффикс *-oli-*, представленный и в топониме *Αἰολίς* 'Эолида'. В этой последней форме автор предполагает производную от названия страны *Αἶα*, и соответственно этноним *Αἰολεῖς* 'эолийцы' этимологизируется им как "жители страны Айа".

изменение выразилось не в метатезе начального комплекса, как в большинстве исконных индоевропейских слов в греческом (см. выше, стр. 149), а в его упрощении, аналогично греческим формам типа κα*ί*νω 'убиваю' при κτε*ί*νω 'id.'[1]

Датировка возникновения основы мифа о греках-аргонавтах и "золотом руне" II тысячелетием до н. э. согласуется и с данными о другом греческом названии 'шкуры', 'руна' β*ύ*ρσα, представляющем собой, очевидно, заимствование хеттского слова *kurša-* в ритуальном значении 'руно', 'руно Бога-Защитника' (LAMA $^{KU\check{S}}$*kuršaš*, *Popko 1974 : 226*; засвидетельствовано в текстах хаттского круга, относящихся к культовым центрам Севера Малой Азии: ритуал *purulli-*, миф о Телепину и др., ср. *Haas 1978*).[2] Все это лишний раз подтверждает выводы о ранних контактах греческих племен с иноязычными племенами в ареале Севера Малой Азии и Закавказья.[3]

3. ДРЕВНИЕ БАЛКАНСКИЕ ЯЗЫКИ И ИХ ДИАЛЕКТНАЯ И АРЕАЛЬНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ. ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МИГРАЦИЙ ЧЕРЕЗ БАЛКАНЫ

3.1. ФРИГИЙСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО СООТНЕСЕННОСТЬ С ГРЕКО-АРМЯНО-АРИЙСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЩНОСТЬЮ

Дорийский диалект греческого языка не был, очевидно, единственным индоевропейским диалектом среди диалектов греко-армяно-арийской диалектной общности, проделавшим путь в северо-западном направлении из Малой Азии на Балканы. Наряду с близким к греческим диалектам древнемакедонским языком (ср. *Hoffmann O. 1906*; Τσοπανάχης *1970*) к таким индо-

[1] Хорошей иллюстрацией такого упрощения *t'k'→k' начального комплекса при заимствовании картвельского слова **t'q'ow-* ‖ **t'k'ow-* 'шкура' в архаическом греческом в виде [*kow- 'шкура, руно' может служить также передача в греческом картвельского названия реки 'Куры' **mt'k'war-/*mt'k'ur-* (груз. mt'k'war-i, *род. п.* mt'k'wr-is) в форме *Κῦρος*, *Κόρος* (ср. *Tischler 1977a : 86*), с упрощением начального комплекса [m]t'k'- → греч. *κ-* (ср. *Джикия 1960*).

[2] Древность хеттского слова удостоверяется наличием его в староассирийских табличках в форме gursānum 'меха', 'кожаный сосуд для жидкости', ср. угар. krsn с тем же значением (*Gelb 1969a*).

[3] В свете этих новых данных следует пересмотреть принятую в картвелистике хронологию распада общекартвельского языка-основы, начало которого обычно относилось к первой половине II тысячелетия до н. э. (с выделением из общекартвельского языка сванского и последующим распадом — примерно через одно тысячелетие —грузино-занского единства), см. *Гамкрелидзе/Мачавариани 1965 : 17*$_1$. Обнаружение в греческом заимствованных картвельских форм с характерным занским вокализмом предполагает занское передвижение гласных **e→*a, *a→*o осуществленным уже во II тысячелетии до н. э., что отодвигает начало процесса распада общекартвельского языка-основы и выделение сванского диалектного ареала по крайней мере к III тысячелетию до н. э. (ср. также выше, стр. 880$_2$).
Такая заниженная хронология распада общекартвельского языка-основы (выделение сванского в начале III тысячелетия и распад грузино-занского диалектного единства в начале II тысячелетия до н. э.) прекрасно согласуется с хронологизацией распада индоевропейского и семитского праязыков, относимого к периоду не позднее IV тысячелетия до н. э. (см. выше, стр. 859 и след.).

европейским диалектам следует отнести фригийский язык, а также, по-видимому, албанский язык в той мере, в какой он является продолжением балканских диалектов, восходящих, судя по сохранившимся языковым фрагментам, к определенной древней индоевропейской диалектной общности.[1]

Фригийский язык, известный нам по немногочисленным надписям первой половины I тысячелетия до н. э., найденным в Малой Азии, обнаруживает структурные черты, сближающие его с диалектами греко-армяно-арийского ареала: наличие аугмента в древнефригийских глагольных формах типа *edaes*=греч. ἔθηκε 'поставил', ср. позднефриг. εσταες (=греч. ἔστηκε 'поставил'); относительное местоимение τος (ср. греч. ὅς, др.-инд. *yáḥ*); запретительное отрицание με (ср. греч. μή, др.-инд. *mā*, арм. *mi*) и др., ср. *Haas O. 1966*; *Дьяконов/Нерознак 1977 : 184, 193*; *Нерознак 1978: 66 и след.*

Наряду с изоглоссами, объединяющими фригийский язык с диалектами греко-армяно-арийской группы, фригийский обнаруживает и ряд архаических черт, в особенности в фонологической структуре. Фригийский, также как и армянский, германский и ряд других индоевропейских диалектов, сохраняет древнюю структуру трех серий индоевропейских смычных, отражая серию I как незвонкую, серию II как звонкую[2] и серию III как глухую придыхательную : ср. фриг. τιος 'dei' при др.-инд. *diváḥ*, греч. Διϝός; др.-фриг. *edaes* = греч. ἔθηκε, фриг. θρι- 'три' (в сложении θρίαμβος 'трехшаговый танец'). Возможный *centum*-ный характер фригийского при наличии вторичных палатализаций[3] перед гласным переднего ряда в словах типа ζεμελω- 'человек' (и.-е. *$\hat{g}^{[h]}$em- и др.) ставит этот диалект в ряд языков с элиминацией первоначального палатального ряда "гуттуральных" и слияния его с нейтральным велярным рядом.

Ряд грамматических форм фригийского может быть истолкован и как свидетельство наличия связей фригийского и с диалектами иной группы— хетто-тохаро-итало-кельтской : ср. медиальные формы на *-tor* типа αδδακετορ (от основы *dak-* 'ставить', 'делать'), αββερετορ (от *ber-* 'нести'), ср. *Haas O. 1966*; *Дьяконов /Нерознак 1977*.

[1] К числу таких диалектов мог относиться и фракийский, известный по отдельным глоссам и фрагментам текста, ср. *Detschew 1957*; *Георгиев 1958 : 112—145*; *Нерознак 1978 : 21 и след.*

[2] Существуют косвенные указания на то, что фригийские звонкие смычные, передававшиеся во фригийском письме греческими по происхождению знаками для b, d, g, могли в действительности произноситься как звонкие придыхательные b^h, d^h, g^h. Такое предположение становится вероятным при учете колебаний в греческой передаче названия 'фригийцев' — *Βρύγες*, *Βρίγες* наряду с *Φρύγες*. Греки могли передавать звонкое придыхательное [b^h] то как b, то как p^h, ср. *Порциг 1964 : 106*; ср. показательную передачу в греческом древнеиндийского b^h через φ в названии реки 'Кабул' (в Афганистане): греч. *Κώφης*, *Κωφήν* при др.-инд. Kúbhā. При таком предположении устанавливается полное сходство вплоть до идентичности в отражении серий смычных во фригийском и армянском диалектах с незвонкими, звонкими (придыхательными) и глухими придыхательными.

[3] Ср. сведения античных авторов (Платон, "Кратил", 410) о сходстве фригийского названия 'собаки' с греч. *κύων* 'собака'. На этом основании предполагается для фригийского форма типа *κύνες*, ср. *Haas O. 1966 : 166* (с литературой).

Пребывание фригийцев в письменную эпоху на Балканах удостоверяется как сведениями древних авторов[1], так и анализом археологической культуры Балкан и Малой Азии[2]. Отсюда они двигаются вместе с "народами моря" египетских источников в конце II тысячелетия в Малую Азию и обосновываются здесь после разрушения Хеттского Царства ок. 1200 г. до н. э.

3.2. ПРОТОАЛБАНСКИЙ И ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ СВЯЗИ

Близость албанского языка первоначально к греко-армяно-арийской диалектной группе, часть диалектов которой направилась из Малой Азии на Балканы, может быть предположена на основании ряда структурных (фонетико-морфологических) особенностей албанского языка. К числу таких изоглосс можно отнести *род.-дат. п. мн. ч. -ve* $<$ **-b$^{[h]}$i̯os* (при др.-инд. *-bhyaḥ*, арм. *твор. п. мн. ч. -bk̔*), запретительное отрицание *mo-s* (при греч. μή, арм. *mi*, фриг. με, др.-инд. *mā*), возможный след аугмента (алб. *hē-ngra* 'я ел', арм. *e-ker*), *Pisani 1959 : 110 и след.*

Оказавшись на Балканах, протоалбанский испытывает сильное воздействие появившихся позднее на этой территории "древнеевропейских" диалектов, что в значительной мере меняет первоначальную лексику языка и отчасти его грамматическую структуру, отдаляя его от структурного типа, близкого к греко-армяно-арийской диалектной общности, ср. о позднейшем типе протоалбанского, испытавшего воздействие "древнеевропейского", *Десницкая 1968*; *Solta 1980*.[3]

3.3. ДРЕВНЕЙШИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОЧАГ НА БАЛКАНАХ V—IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО Н. Э. И ЕГО СВЯЗЬ С МАЛОАЗИАТСКИМ (ЧАТАЛ-ХЮЮК)

Еще до появления перечисленных индоевропейских диалектов на Балканах из Малой Азии балканский ареал представлял собой древнейший в Европе очаг цивилизации, истоки которой восходят к V тысячелетию. Археологические открытия последних лет обнаружили на Балканах существование развитой цивилизации, близкой по типу к древневосточной и связываемой с еще более древней цивилизацией запада Малой Азии — Чатал-Хююком (VI тысячелетие до н. э.).

[1] "По словам македонян, пока фригийцы жили вместе с ними в Европе, они назывались 'бригами' (*Βρίγες*). А после переселения в Азию они вместе с переменой местопребывания изменили и свое имя на 'фригийцев' (*Φρύγες*)" (*Геродот*, История, VII, 73).

[2] Курганные могильники Болгарии (как и ряд предметов материальной культуры (керамика, бронзовые изделия) в точности совпадают с типом захоронений в области Гордиона-Анкары, ср. *Akurgal 1961*.

[3] В свете предположения о восточномалоазиатском происхождении протоалбанского как некоторого диалекта, близкого к греко-армяно-арийской общности, обращает на себя внимание совпадение названия 'албанцев' (греч. *'Αλβανοί*) с кавказскими 'албанцами'—жителями Албании (*'Αλβανία* греческих источников), ср. *Pisani 1959a : 111*.

Культура древних Балкан V и IV тысячелетий до н. э. (Старчево в Югославии, Караново I—в Болгарии, Криш—в Румынии, Кёрёш—в Венгрии, Сескло—в Фессалии) характеризуется развитым земледелием и использованием злаков древнеближневосточного происхождения (*Титов 1966*), металлургией меди, сформировавшейся также под вероятным малоазиатским влиянием (*Рындина 1971*), наличием достаточно сложной религии и соответствующей символики, в том числе и пиктографических знаков линейного характера, ср. *Rosenkranz 1975 : 10 и след.*; *Gimbutas 1973a : 13*; *1974*; *Birnbaum 1974 : 363 и след.*

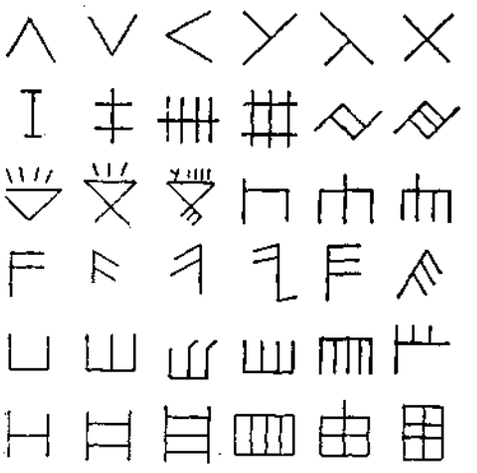

Рис. 19. **Линейные знаки древнебалканского письма, VII—VI тыс. до н. э. (по *Gimbutas 1973a*)**

Принадлежность этой культуры (как типологически, так и генетически) к ближневосточному культурному ареалу может быть истолкована как свидетельство того, что она является ранним ответвлением переднеазиатского очага цивилизации. Установление более конкретного этнического характера этой древнебалканской культуры (как, впрочем, и древнейшей малоазиатской цивилизации типа Чатал-Хююка) в настоящее время не представляется возможным. На эту древнебалканскую культуру V тысячелетия до н. э. позднее, начиная, по-видимому, с III тысячелетия до н. э., наслаиваются миграционные волны носителей индоевропейских диалектов, исходящие из общеиндоевропейского ареала на Ближнем Востоке.

4. ПРОТОАРМЯНСКИЙ ДИАЛЕКТ И ПУТИ ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

4.1. КОНТАКТЫ ПРОТОАРМЯНСКОГО С ХЕТТО-ЛУВИЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ. ВОПРОС ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЯЗЫКА СТРАНЫ ХАЙАСА

При допущении ближневосточной прародины индоевропейцев предполагается сравнительно небольшое смещение протоармянского в пределах малоазиатского ареала, где он мог соприкасаться с анатолийским языковым миром. Отсюда протоармяне в дальнейшем распространяются в исторической Армении на Армянском нагорье, наслаиваясь на хурритоурартский субстрат, ср. *Дьяконов 1961 : 366 и след.*; *1968*.

Контакты протоармянского с хетто-лувийскими языками удостоверяются рядом слов, заимствованных из анатолийских языков типа:

Арм. *ap-ašxarel* 'каяться', 'искупить вину слезами', *ašxar* 'плач', ср. хет. *ešḫaḫru-* 'слезы', *ešḫaḫruua-* 'плакать'; арм. *spand* 'жертва', 'жертвоприношение', ср. хет. *išpant-* 'совершать жертвенное возлияние' и др.[1]

Особую проблему представляет вопрос о связи протоармян со страной Хайаса (^{URU}*Ḫaiaša-*), упоминаемой в хеттских источниках XIV—XIII вв. до н. э. и локализуемой на северо-востоке Малой Азии, ср. *Капанцян 1956*. Не предрешая вопроса о языковой принадлежности жителей Хайасы и связи с протоармянским их языка (который не может быть в настоящее время уяснен ввиду скудости языковых свидетельств[2]), можно, однако, предположить определенную связь топонима *Ḫaiaša-* с самоназванием армян *hay-*. Выделение в форме *Ḫai-aša-* суффикса принадлежности *-š(š)a-* может быть подкреплено наличием и других топонимов с основой *Ḫai-*. В частности, обнаруживается название города *Hayi*, локализуемого вблизи верховьев Евфрата, в лувийской иероглифической строительной надписи X в. до н. э. из Кархемыша (*Hawkins 1972*); город *Ḫaianu* на Амане назван рядом с Кархемышем, Наири и Хатти в надписи Салманасара III (858—824 гг. до н. э.), *ср. также Laroche 1966a: 371*.

Даже при допущении отсутствия генетических связей между протоармянами и жителями страны Хайаса и соответственно их языками, можно считать вероятным наличие таких взаимоотношений между этими этническими группировками, которые бы сделали возможным перенятие протоармянами названия *hay-* в качестве их этнонима.[3]

[1] Об анатолийских заимствованиях в армянском см. *Капанцян 1956; Schultheiss 1961; Greppin 1982*.

[2] Эти свидетельства ограничиваются двумя-тремя десятками топонимов, имен людей из Хайасы и наименований хайасских богов, ср. *Джаукян 1964 : 24—26*. Выяснение неармянского характера этих названий не означало бы еще, что язык населения Хайасы не мог быть протоармянским.

Характер ономастики зачастую не отражает реальной картины языковых соотношений в той или иной стране. Так, например, только на основании свидетельств хеттской ономастики времени Нового Царства при всем ее богатстве было бы почти невозможно сделать заключение об индоевропейском характере хеттского языка. Следует заметить, что позитивное свидетельство ономастики может дать основание для заключения о характере языка данной страны, тогда как негативное свидетельство еще не может считаться основанием для отрицания существования данного языка на этой территории.

[3] Выведение этнонима hay- из топонима Ḫatti (ср. LÚ ^{URU}Ḫatti 'человек страны Хатти' хеттских источников), *ср. Дьяконов 1968 : 234 и след.*, представляется менее убедительным, поскольку такое допущение предполагает действие в протоармянском процесса *VtV* →арм. *VyV* (ср. и.-е. **p*[h]*Ḫt*[h]*er-* → арм. hayr 'отец'; и.-е. **māt*[h]*er-* →арм. mayr 'мать' и др.) даже после заимствования протоармянами формы ḫat(t)i (т. е. в сущности названия 'хет', 'житель страны Ḫatti') для самоназвания. Такое допущение представилось бы более вероятным, если бы автору удалось показать действие в армянском указанного фонетического процесса еще в историческую эпоху (на примере какой-либо заимствованной формы). Так или иначе, при допущении обеих возможностей этимологизирования этнонима hay- протоармяне должны были заимствовать такое название в западных областях Передней Азии, сместиться позднее в восточном направлении, в сторону территории их исторического обитания на Армянском нагорье и наслоиться на ранее обосновавшийся здесь хурро-урартский этнический элемент.

5. РАСПАД ИНДО-ИРАНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЩНОСТИ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ СООТНЕСЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ВОЛН НОСИТЕЛЕЙ ИНДО-ИРАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

5.1. РАННИЕ АРИЙСКИЕ ДИАЛЕКТЫ: МИТАННИЙСКИЙ АРИЙСКИЙ, КАФИРСКИЙ, ИНДО-АРИЙСКИЙ. ХРОНОЛОГИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ АФГАНИСТАНА И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ИНДИИ

На основании таких надежных арийских терминов, как *aika-ɥartanna* 'один поворот', *panza-ɥartanna* 'пятикратный поворот' и других (см. выше, стр. 545 и след.), удостоверяется древность арийских элементов на Ближнем Востоке уже к середине II тысячелетия до н. э. Взаимодействие арийцев и хурритов можно рассматривать как первый исторически засвидетельствованный случай контактов индоевропейского диалекта с неиндоевропейскими, хронологически и пространственно близких к предполагаемому общеиндоевропейскому ареалу. В хурритском же обнаруживается название 'лошади' *eššі* (*Laroche 1978 : 85*), очевидно, индо-иранского происхождения (из индоевропейского **eḱ[h]ɥo-*, уже со спирантизованным палатальным **ḱ[h]*).

Satəm-ная форма индо-иранского названия 'лошади' (ср. др.-инд. *áśva-*, авест. *aspa-*, др.-перс. *asa-*) проникает и в целый ряд древних переднеазиатских языков — шум. *sí.sí*, аккад. *sisû* 'лошадь', угар. *ssw*, др.-евр. *sûs* (ср. егип. *śśm.t* 'лошадь'), см. выше, стр. 560. Этот факт свидетельствует об исключительной древности обособления древнеиндоиранского диалекта из греко-армяно-арийской общности и его контактов с целым рядом ближневосточных языков, в особенности с семитскими.[1]

При этом характерно, что анатолийские языки не обнаруживают контактов с индо-иранским и обратно. Это должно свидетельствовать о довольно раннем разрыве связей между анатолийским и арийским диалектами в пределах общеиндоевропейского языка и достаточно раннем начале движения носителей этих диалектов в разные стороны при отсутствии и последующих ареальных контактов между ними.[2]

Восточная окраина общеиндоевропейской территории — северная часть Иранского плоскогорья — и должна была быть историческим ареалом индо-иранского. По археологическим данным появление индо-иранских племен на севере Ирана следует отнести к первой половине III тысячелетия до н. э. (культура Хиссар II B), *Thomas 1970 : 200—201*. Серая керамика, появляющаяся в этот период на севере Ирана, сопоставима с серой минийской керамикой в Западной Анатолии, см. выше, стр. 899;

[1] В свете выявляемых лексических свидетельств о контактах индо-иранского диалекта с семитскими становится вероятной гипотеза *Семереньи* о трансформации индоевропейского вокализма **e *o *a→a* в индо-иранском под влиянием семитских языков с треугольной системой *a~i~u*, *Szemerényi 1964a*, ср. также *1977 : 362 и след.*

[2] Здесь, естественно, не имеются в виду арийские слова в хеттских текстах хурритского происхождения, которые свидетельствуют о хуррито-арийских ареальных связях, а не о собственно хетто-арийских.

ср. также *Deshayes 1960*; *1969*. Отсюда через Афганистан первые волны арийцев должны были пройти далее на восток в северо-западную Индию.

Одна из первых таких волн отражается в исторических кафирских (нуристанских) языках, сохранивших некоторые архаизмы ранней индоиранской эпохи (отсутствие ассибиляции палатальных, ср. кафир. *ćina* 'собака' при др.-инд. *śuvá*, кафир. *duć* 'десять' при др.-инд. *dáśa* 'десять'; отсутствие перехода $s \rightarrow \check{s}$ после *u*, ср. кафир. *müsə* 'мышь' при др.-инд. *mā́ṣ-* и др., см. выше, стр. 105 и след.). Нужно полагать, что арийский диалект, из которого развились кафирские языки, очень рано выделился из общеарийского языка и первым был занесен к востоку, к границам исторической Индии, ср. *Morgenstierne 1975*. Дальнейшие миграционные волны носителей индо-арийского оттеснили их на север, в труднодоступные горные долины, где "кафиры" обитают до настоящего времени (*Барроу 1976 : 35*).

Такое движение древних индо-арийских племен в восточном направлении с первоначального места их жительства отражено и в мифологических представлениях о востоке, связываемом с движением вперед, соответственно о западе как о 'задней' стороне, о юге, как о стороне 'правой'; ср. др.-инд. *pū́rva-* 'передний', 'идущий впереди' и 'восточный', *paścá* 'задний' и 'западный', *dákṣiṇa-* 'правый' и 'южный'.

Такие представления о частях света могут, естественно, возникнуть у переселяющихся племен, которые обращены в своем движении лицом на восток, тогда как запад находится сзади, юг — справа, а север — с левой стороны.[1]

Это движение древнеиндийских племен с Иранского плоскогорья на восток по направлению к исторической Индии отражено еще в архаичных гимнах "Ригведы", где встречаются названия *Dā́sa*, *Hariyūpīyā* и другие, указывающие на обитание древнеиндийских племен еще в юго-восточном Иране и Афганистане, ср. *Топоров 1962 : 63*; *Burrow 1973*.

Проникновение древнеиндийских племен на северо-запад Индии соотносится археологически с появлением типа захоронений с трупосожжением (*Stacul 1971*) и датируется второй половиной II тысячелетия до н. э. Примерно к этому времени относится и гибель древних городов долины Инда — Мохенджо-Даро и Хараппы, по мнению многих ученых, разрушенных вторгшимися древнеиндийскими племенами, *Heine-Geldern 1956*; *Fairservis 1956*; *Kumar 1973*. Уже в это время начинаются контакты древнеиндийского языка с доарийскими языками древней Индии — дравидийскими, мунда и другими, ср. *Барроу 1976 : 348—361*; *Kuiper 1948*; *Kirfel 1953*.

Особый аспект при установлении общего направления движения мигрировавших в исторические места жительства древнеиндийских племен мо-

[1] В древнеиндийском *savyá-* 'левый' не обнаруживает значения 'северный', что можно объяснить табуированием значения 'северный' и частыми колебаниями в значениях этого слова, ср. *dákṣiṇa-* — 'правый' и 'южный'.

жет представить генетический подход к наследственно передаваемым иммунологическим характеристикам популяций. В частности, предполагается, что в древней Малой Азии и других странах восточного Средиземноморья существовала связь между ареалами распространения малярии (от юга Греции и Малой Азии на восток до Индостана) и одного из генетически передаваемых вариантов молекулы гемоглобина, характеризующего вид анемии — талассемию, ген которой в гетерозиготном состоянии увеличивает сопротивляемость организма к малярии (*Харрисон/Уайнер/Тэннер/Барникот/ Рейнолдс 1979 : 284—290, 572*). Этот фактор приобрел особое значение при распространении земледелия, когда влажные леса стали срубать, делая на их месте пашни, что способствовало увеличению числа комаров (*ср. Angel 1940*). Если предположить, что популяции древнеиндийских племен, вторгшихся в Индостан, не имели этих генетически выработанных способов резистентности к малярии, они не смогли бы выжить в таких условиях. Поэтому переселение в Индостан с запада (из переднеазиатского ареала талассемии) представляется более вероятным, чем традиционно предполагаемая миграция с севера из Центральной Азии, где нет талассемии.

На это же указывает и характер костных остатков древнейшего населения этих областей. Согласно новейшим краниологическим данным, население таких областей, как ареал Индостанского полуострова и, в частности, древние города протоиндийской цивилизации (Мохенджо-Даро, Хараппа), а также некоторые из наиболее южных частей европейского континента (южные оконечности Пелопоннесского и Апеннинского полуостровов), систематически вымирало от последствий эпидемий малярии, вызывавших в широких слоях популяций наследственно передаваемые дефекты костной (черепной) ткани (так называемый порозный гиперостоз). Показательно, что почти все доиндоевропейское население этих областей характеризуется именно такими черепами, исследованными в последнее время с этой точки зрения (*ср. Kennedy 1981*).

Вполне вероятно предположить, что индо-арийские племена, пришедшие в Индостан, как и греческие и италийские племена, пришедшие соответственно в южные области европейского континента, которые не обнаруживают подобных краниологических характеристик, должны были обладать имунным механизмом, действовавшим против малярии и ее летальных последствий. Такой имунный механизм мог быть приобретен этими племенами только в областях распространения тропической малярии, что исключает все более северные области первоначальной территории обитания индоевропейских племен в Евразии (см. карту распространения тропической малярии по *Харрисон/Уайнер/Тэннер/Барникот/ Рейнолдс 1979 : 570*).

5.2. СЛЕДЫ АРИЙСКОГО ДИАЛЕКТА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МИГРАЦИЙ ЧЕРЕЗ КАВКАЗ

Следы арийских племен и соответствующих названий обнаруживаются и в районе Северного Причерноморья в области Кубани, а также в Прикаспии. К числу таких слов арийского происхождения, более

архаичных, чем позднейшие иранские формы[1], относят название реки *Sindes* и племени Σίνδοι, Σινδοί (в античных источниках, ср. др.-инд. *Sindhu-* 'река Инд'; 'Индия'), реки Кубань (*Cuphis*, Κοῦφις, ср. др.-инд. *Kúbhā* 'река Кабул' в "Ригведе"); название прикаспийского племени *Daser* (ср. др.-инд. *Dāsa, dásyu-* 'чужеземное племя', др.-перс. *dahyu-* 'область империи'), см. *Kretschmer 1943 (1944)*; ср. уже *Услар 1881: 451*; *Thumb/Hauschild 1958, I, 1: 87*; *Трубачев 1976*; ср. также *Трубачев 1977*, где дается список названий этого географического региона с возможными индо-арийскими этимологиями.[2]

Такая изолированная локализация этих ранних арийских терминов в области, прилегающей с севера к Кавказу, дает основание предположить проникновение в эти области определенных арийских племен с Ближнего Востока через Кавказ.

Распад индо-иранской общности на основании археологических данных следует отнести к периоду не позднее конца IV тысячелетия до н. э., поскольку можно установить, что индо-арийцы, начиная примерно с рубежа IV и III тысячелетий до начала I тысячелетия до н. э., не имели контактов с восточноиранскими племенами, см. *Ghirshman 1977 : 45, 70, 73*. Этот вывод, сделанный на основании археологических данных, прекрасно согласуется с излагаемой картиной независимых миграций разных индоиранских племен (индо-арийцев, митаннийских арийцев, кафиров, иранцев) начиная с IV тысячелетия до н. э. Именно в этот период одна ветвь индо-арийцев могла проникнуть, очевидно, через Кавказ, в северокавказские степи.

Таким образом, еще в конце IV и начале III тысячелетий до н. э. южнее Кавказа, в пределах первоначальной территории обитания индоевропейских племен были распространены различные арийские диалекты, один из которых документально фиксирован в митаннийском арийском в середине II тысячелетия до н. э. Носители этих диалектов, оснащенные колесницами и лошадьми, могли совершать дальние переходы как в восточном направлении, что привело определенную часть их в Афганистан и в историческую Индию, так и в западном (митаннийские арийцы), северном и южном[3] направлениях. Северное направление таких переходов и могло привести определенные арийские племена через Закавказье на Северный Кавказ.

Следы подобных передвижений индоевропейских племен на Северный Кавказ можно проследить и археологически. Уже во второй половине IV

[1] Бóльшая архаичность этих форм по сравнению с соответствующими иранскими проявляется в сохранении в них звонких придыхательных и сибилянта *s-*, переходящего в иранском в *ś-*. В этом проявляется ранний общеиндоиранский или диалектный арийский (или во всяком случае индо-арийский) характер этих слов.

[2] Ср., однако, возражения против выдвинутых Кречмером сопоставлений *Eilers/May-hofer 1960*.

[3] В этом смысле любопытен ряд имен и наименований в Сирии и Палестине, этимологизируемых на арийской основе, ср. *Bappoy 1976 : 30*; ср. в этой связи название реки 'Иордан' (др.-евр. Jardēn, егип. jrdn) со вторым элементом -dan, ср. также название Radānu восточного притока Тигра, *Rosenkranz 1966: 136*; ср. также *Tischler 1977a : 11*.

тысячелетия до н. э. в раннемайкопской культуре на Кубани обнаруживается целый комплекс черт, объединяющих эту культуру с древнеближневосточной культурой Амука *F* — Гавры, которая охватывала ареал к югу от Закавказья—от озера Ван и Киликии на западе до озера Урмия на востоке. Такой вывод о связи майкопских памятников с позднеэнеолитическими культурами Передней Азии основывается как на данных материальной культуры, так и на анализе произведений искусства. Археологически такие связи интерпретируются как свидетельства передвижения групп переднеазиатского населения через Закавказье на Северный Кавказ, см. *Андреева 1977*.[1]

Истолкование связей этих культур как результата движения с юга на север через Закавказье, а не с севера на юг из Причерноморья к Ближнему Востоку, основывается на хронологии соответствующих типов предметов материальной культуры, которые распространяются однозначно из Передней Азии.

Уже поэтому древнейшие миграции носителей индоевропейских диалектов в этих ареалах следовало бы рассматривать как движение их с Ближнего Востока через Закавказье в Причерноморские и Прикаспийские степи, а не наоборот.[2]

[1] Уже *Услар 1881* указывал на возможность древнего продвижения из Передней Азии через Закавказье—в Дагестан. Лингвистические следы такого движения и можно видеть в дагестанских лексемах индоевропейского происхождения, ср. ниже.

[2] При этом последнем предположении следовало бы допустить, что распад индоиранского единства на индо-арийское и иранское произошел уже в Северном Причерноморье и что индо-арийские и иранские племена из этого ареала мигрировали, уже независимо друг от друга, в исторические места их жительства. Но такое предположение о распаде индо-иранского единства на иранское и индо-арийское еще в ареале Причерноморья (то есть, в сущности, в пределах традиционно принимаемой общеиндоевропейской "прародины") снимает уже само собой возможность допущения существования индо-иранского единства на территории Средней Азии, куда индо-иранцы приходят, согласно такому допущению, из предполагаемой причерноморской "прародины". Такая точка зрения, нашедшая распространение среди одной части исследователей (ср. *Дьяконов 1956 : 124; Дьяконов М. 1961 : 42; Литвинский 1964; Грантовский 1970*; *Смирнов/Кузьмина 1977*), сводится к отождествлению древнего населения степной полосы Средней Азии (в частности, андроновской культуры) с носителями общеиндоиранского языка, при предположении о последующем распаде этого единства на территории Средней Азии и проникновении носителей индо-арийского диалекта на Индостанский полуостров через Гиндукушский хребет (ср. также *Шер 1980 : 210*).

Прежде всего, вызывает сомнения археологическое отождествление степной андроновской культуры именно с носителями общеиндоиранского языка (ср. по этому вопросу *Сарианиди 1977 : 149*), не говоря уже о трудности допущения проникновения больших масс населения в Индостан с преодолением высочайших горных массивов Гиндукуша (характерно, что близкие по языку к индо-арийцам кафиры оседают в Нуристане на северных отрогах Гиндукушского хребта). И как следовало бы объяснить при таком допущении индо-иранской общности в пределах Средней Азии явно обнаруживаемые следы специфически индо-арийских языковых элементов (то есть лингвистически отличных от иранского) в ареале Причерноморья, с одной стороны, и Ближнего Востока (митаннийский арийский), с другой?

Но даже если стать на точку зрения о существовании некоторого единства индоиранских диалектов на территории Средней Азии, то такое предположение можно было

След таких передвижений носителей древних индоевропейских диалектов, и в частности индо-арийского, на территории Закавказья и Северного Кавказа, можно было бы видеть в наличии целого ряда слов в кавказских языках, обнаруживающих близость к *satəm*-ным арийским формам:

Ср. груз. *ačua* 'лошадка' (слово детского языка), *ači* (междометие для понукания лошадей); абх. и убых. *ʃaǰy* 'лошадь'; авар., лак. *či*, ахвах. *ičwa* 'лошадь', анд. *iča* (ср. *Гигинейшвили 1977 : 91*) с отражением индоевропейского палатального $*\hat{k}^{[h]}$ по архаичному индо-иранскому типу с сохранением шипящей аффрикаты **č* из $*\hat{k}^{[h]}$: ср. древнеиндийскую *satəm*-ную форму *áśva-*, авест. *aspa-*, др.-перс. *asa-* (уже с переходом аффрикаты в спирант);

Картв. **qarq-/*qṛq-* 'глотка', 'горло': сван. *qarq-*, груз. *qorq-*, мегр.-лаз. *xurx-*: ср. др.-инд. *kṛ́kāṭam* 'шейный позвонок', *kṛ́kaḥ* 'глотка' (с неясной этимологией, ср. *Mayrhofer 1956, I : 256*), ср. *Джаукян 1967а : 71*. Слово может представлять собой диалектную арийскую лексему, близкую по форме и значению к соответствующей картвельской;

Картв., груз. *parto* 'широкий' : ср. др.-инд. *pṛthú-* 'широкий' при авест. *pərəθu-*, арм. *layn*, греч. πλατύς 'id.' (в данном случае не исключена формально и возможность древнеиранского источника заимствования);

Кабард. *ažă*, адыг. *ačă* 'козел-производитель' (*Шагиров 1977, I*): ср. др.-инд. *ajá-* 'козел', *Dumézil 1963 : 17*. Западнокавказские слова отражают *satəm*-ный характер соответствующей арийской формы;

Абх. *gu-* 'скотный двор' в словах типа *a-gu-p* 'коллектив пастухов', *a-g^{o}-arta* 'стадо' (*Бжания 1973 : 85*): ср. др.-инд. *gu-*, *gav-* 'бык', 'крупный рогатый скот'. Слово можно соотнести с тем же индо-иранским источником, несмотря на невозможность формальной дифференциации слова в отношении диалектов *centum* и *satəm*.

К этой группе слов, возможно, примыкает и восточнокавказское название 'серебра' с характерным *satəm*-ным отражением индоевропейского палатального в форме ***Harǩ'-**: ср. авар. *ωarac*, анд. *orsi*, ахвах. *ači* < **arči*, лак. *arcu*, дарг. *arc*, табас. *ars*, арч. *arsi*; ср. др.-инд. *árj-una-* 'светлый, серебристого цвета', *rajatám* 'серебро', авест. *ərəzata-*, ср. арм. *arcat*, греч. ἄργυρος, ср. *Lafon 1933 : 90—95*; *Гигинейшвили 1977 : 90—91*.

Несомненно сходство с *satəm*-ными арийскими формами типа др.-инд. *śmáśru-* 'борода' < $*smok^{\hat{}[h]}ru-$ (при *centum*-ной форме в хет. *zamankur* 'борода', где последовательность $*-\hat{k}^{[h]}ur$, сходная с порядком фонем в дагестанском, должна была предшествовать изменению $*-\hat{k}^{[h]}u- > -šu-$ в анатолийском, ср. также отражение палатального $*\hat{k}^{[h]}$ как *k* в позиции перед

бы скорее согласовать с допущением первоначального общеиндоевропейского единства в Передней Азии, нежели с его локализацией в степной полосе Северного Причерноморья, при которой и появились бы упомянутые выше непреодолимые трудности фактического характера, просто не возникающие при переднеазиатской локализации индоевропейской "прародины".

сонантом в лит. *smakrà*, алб. *mjékër* 'борода') и общедагестанского **mVǯVr //*mVčVr* 'борода': лезг. *čʰuru*, табас. *miǯir*, агул. *muǯur* с озвончением глоттализованного, при глухой аффрикате в дарг. *muc̣ur*, лак. *č̣iri*, арч. *moč̣or*, рут. *mič̣ri*, цах. *muč̣ru*, хин. *miče̱š* (<**miče̱ri*), ср. *Гигинейшвили 1977 : 135*.

Таким образом, первоначальную индо-иранскую диалектную общность, отделившуюся от греческой и армянской, следует локализовать в определенном ареале Передней Азии, с последующей ее дифференциацией на индо-арийскую и иранскую и проникновением с Ближнего Востока ранних ее диалектных групп в ареалы (в том числе и северокавказский), смежные с первоначальным.

5.3. ВЫДЕЛЕНИЕ ИРАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ ИЗ АРИЙСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЩНОСТИ. СЛЕДЫ РАССЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ИРАНЦЕВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И АФГАНИСТАНЕ

Свидетельство о выделении в рамках индо-иранской общности наряду с другими группами особой диалектной группы, в дальнейшем положившей начало иранским языкам, можно обнаружить уже в архаичных гимнах "Ригведы". В них встречается целый ряд иранских гидронимов, топонимов юго-восточного Ирана и Афганистана и личных имен уже со специфически иранскими звуковыми особенностями (ср. в частности название *Harɨyūp̣ɨyā*, отождествляемое с иранским названием *Haliāb* или *Ariob* в Афганистане, ср. выше, стр. 862, об индоевропейских гидронимах со вторым элементом **Нар**$^{[h]}$- 'вода', 'поток'; ср. также др.-инд. *Kuruṅgáḥ* [имя собств., буквально: 'перешедший Куруш'] при иранском гидрониме *Kūruš*; личные имена типа *Vr̥cayá-*, *Svanáya-* и др., ср. *Топоров 1962 : 63* и др.).

Не позднее X в. до н. э. (а может быть и значительно ранее) ираноязычное население известно в историческом Западном Иране, см. *Грантовский 1970*[1]. В "Авесте", созданной в конце II—начале I тысячелетия до н. э., описывается расселение восточных иранцев в областях Средней Азии и Афганистана : авест. *airyanəm vaējō* (позднейшее *ērān-wēz*) 'арийский простор' (нижнее течение Аму-Дарьи, Хорезмийский оазис), который в "Авесте" описывается как "первое лучшее из мест и стран, созданных для иранцев" (*Benveniste 1934*), *gava-* (греческая Согдиана), *marγav-* (Мервский оазис, греческая Маргиана), *bāxδī-* (Бактриана, юго-восточная часть Средней Азии и Северный Афганистан), *nisāya-* (Нисая, в Средней Азии), *haraiva-* (область Герата в Северном Афганистане), *vaēkərəta-* (долина Кабула в Афганистане), *harax^{v}aitī-* (Арахозия, южный Афганистан), *haētumant-* (Центральный и юго-западный Афганистан) и некоторые другие, ср. *Spiegel 1979, I : 26, 33*; *Оранский 1960 : 57—60*.

Историческое движение ираноязычных племен в южном направлении, возможно в сторону Афганистана, отражено, по-видимому, в представлении о "юге" как о стороне света, в направлении которой осуществляется

[1] О различных точках зрения на вопрос о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию см. также *Пьянков 1979*.

движение, ср. авест. *paurva-* 'юг', 'вперед' (ср. соответствующее др.-инд. *pū́rva-* 'передний', означающее 'восток' и отражающее движение в восточном направлении).

С другой стороны, происходят и интенсивные передвижения ираноязычных племен, в особенности восточных иранцев, через Центральную Азию и северные прикаспийские степи (ср. *Смирнов/Кузьмина 1977*) к Северному Кавказу и Крыму, что отражено и в ираноязычных гидронимах Восточной Европы (см. выше, стр. 671, о названиях типа Дон, Днепр, Днестр, Дунай), ср. также более поздние археологические данные о близости крымских и горно-алтайских скифов, *Руденко 1961*.

В последнее время на территории Северного Афганистана (древней Бактрии) обнаружены археологические материалы, свидетельствующие о продвижении индо-иранских племен в исторические места их жительства именно с запада, через Иранское плоскогорье, а не с севера, через Центральную Азию. Устанавливаемые древние археологические связи северо-афганских культур бронзового века с переднеазиатскими являются наглядным тому свидетельством (см. *Сариниди 1977 : 5, 83, 90, 145 и след.*).

5.4. РАННИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА МИГРАЦИЙ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН В СРЕДНЮЮ АЗИЮ И ДРЕВНЕЙШИЕ ИРАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ФИННО-УГОРСКОМ

Еще более ранние свидетельства миграций ираноязычных племен через Среднюю Азию в северном и западном направлениях можно видеть и в многочисленных заимствованиях в финно-угорских языках. Эти финно-угорские слова следует толковать именно как раннеиранские, а не арийские и тем более древнеиндийские заимствования. Фонетический анализ этих финно-угорских форм позволяет связать их с языковыми особенностями, характерными именно для раннего иранского диалекта непосредственно после выделения его из арийской диалектной общности:

Фин.-перм. **reśmə̑* : саам. *ræš'me* 'тонкий шнур', мордов. эрзя *ŕiśńe* 'цепь', мокша *ŕiśńɛ* 'веревка'. Заимствовано из иранского источника с позднейшим преобразованием *a* → *æ* типа осет. *rætæn* 'толстая веревка' (из **raδana-*, *Абаев 1973, II : 382 — 383*), ново-перс. *resen* при *rasan* 'веревка', 'шнур' (ср. др.-инд. *raśanā* 'веревка', 'ремень', 'пояс', 'узда'). Поэтому нет достаточных оснований видеть в этой финно-пермской форме отражение доарийск. **reśm-* с первичным индоевропейским вокализмом (ср. *Joki 1973 : 308*);

Фин.-перм. (или фин.-угор.) **porśas*//**porćas* : фин. *porsas* 'свинья', вепс. *porzaz*, эст. *põrsas*, лив. *puoraz* 'свинья', мордов. эрзя *purtsos*, мокша *purts* 'свинья', коми-зырян. *porś* 'свинья', удм. *parś* 'свинья', *Лыткин/Гуляев 1970 : 226*. Из раннеиранского с отражением **a* перед сонантом **r* в виде **o* в финно-угорском, ср. хотано-сакск. *pā'sa* 'свинья' < **parsa*, курд. *purs*, лат. *porcus* 'домашняя свинья', ср.-ирл. *orc* 'свинья', лит. *paršas* 'поросенок';

Общеперм. и угор. **śarsa*//**śasra* : удм. *śurs* 'тысяча', коми-зырян. *śurs* 'тысяча', ср. манс. *sōtər* 'тысяча', *Joki 1973 : 318*. Заимствовано из ранне-

иранского с позднейшей метатезой: и.-е. **ĝ$^{(h)}$eslo-* > общеиран. **džasra-* > **žasra-* > **žahra-*, ср. согд. *z'r*, афган. *zər*, арм. *hazar*, хотано-сакск. *ysāra-*, авест. *hazanrəm*, пехлев. и ново-перс. *hazār*, с метатезой *h—z*. Финно-угорская форма — из раннеиранского с компактным (шипящим) спирантом. В отличие от иранской формы др.-инд. *sahásram* 'тысяча' характеризуется дополнительным начальным *sa-*, которого нет в финно-угорском;

Общеперм. **sarid'ź* < **džaris*: удм. *zarid'ź*, *zariź* 'море', коми-зырян. *sarid'ź* 'море', 'теплые края, куда летят перелетные птицы', 'теплое море', ср. *sar* 'море', *Sar-dor* 'район нижней Печоры' (буквально: 'приморский район'). Раннеиранское заимствование, отражающее шипящую аффрикату (от индоевропейской палатальной), ср. авест. *zrayō*, *zrayah-* 'море', др.-перс. *drayah-* 'море', пехлев. *zrēh* [*zlyh*] 'море', 'озеро', парф. *zryh* 'море' (ср. др.-инд. *jráyaḥ* 'движение', 'бег'), *Joki 1973 : 349* и *310*; *Лыткин/Гуляев 1970 : 249*;

Фин. **punta*: марийск. *pŭndakš*, *pə̑ndaš* 'дно', удм. *pi̯des* 'дно', коми-зырян. *pi̯dęs* 'дно'. Из раннеиранского, ср. авест. *bŭna-* < **bundna-*, пехлев. *bun*, ново-перс. *bun* 'дно', хотано-сакск. *buna* 'почва', осет. *byn*//*bun* 'основание', 'дно' (ср. др.-инд. *budhnáḥ* 'дно', пали *bunda-* < **bundha-* 'корень', лат. *fundus* 'почва'), *Joki 1973 : 304—305*;

Общеперм. **kur3g* 'курица': удм. *kureg* 'курица', коми-зырян. *kuręg* 'курица', *Лыткин/Гуляев 1970 : 147*. Заимствовано из иранского, ср. парачи *kurγ*, афган. *čərg* 'петух', *čərga* 'курица', ново-перс. диал. *kärge* 'домашняя птица', 'курица', осет. *kark*, пехлев. *kark*, авест. *kahrka-* 'курица' (*kahrkāsa-* 'коршун' ⇐ 'куроед'), *Joki 1973 : 276*. Перм. *-g* может быть объяснено как форма с *-g* (**karg*), исходная для осетинского и персидского (*Абаев 1958, I : 572*);

Общефин. **aiva*: фин. (арх.) *aiva* 'только', 'исключительно', 'целиком', эст. *aiva*, *aeva* 'только'. Из иран. **aiva-*: др.-перс. *aiva-* 'один', авест. *aēva-* 'один'; 'единственный'; 'какой-либо' (ср. др.-инд. *evá* 'так', 'так именно', 'только', греч. οἶFος 'единственный'). Нет формальных оснований считать прафинскую форму заимствованной из общеиндоиранского, ср. др.-инд. *éka-*, митан. арийск. *aika-* 'один'. Прафинская форма может считаться собственно иранским заимствованием (что допускает и *Joki 1973 : 247*);

Общефин. **aiša* 'оглобля': мордов. эрзя *ažija*, *ažja*, мокша *ažjs* 'оглобля', удм. *ɑajiž* 'оглобля', коми *vož* 'оглобля'. Сопоставляется формально скорее с раннеиранской формой **aiša-* (авест. *aēša-* 'плуг'), чем с др.-инд. *iṣá* 'оглобля', хет. *ḫišša-*, и.-е. **Hoi̯s-*: **His-* 'оглобля', ср. *Joki 1973 : 253 — 254*. Исторически засвидетельствованное значение 'плуг' в отдельных иранских языках является производным от первоначального индоевропейского значения.[1]

Фин.-угор. **erïä*: саам. **ær'te* 'сторона', 'край', мордов. эрзя *iśd'es* 'ребро', марийск. *örðəž* 'бок', 'сторона', коми *ord-* 'сторона', *ord-li̯* 'ребро',

[1] Значение 'оглобля плуга' представлено в прибалтийско-финском в форме фин. *oja*, вепс. *ojad*, являющейся, очевидно, поздним заимствованием, возможно, из славянских языков, ср. польск., чеш. *oje* 'оглобля плуга' (*Joki 1973 : 293—294*).

удм. *urd* 'ребро', *Лыткин/Гуляев 1970 : 206*. Заимствование из иранского (ср. *Jacobsohn 1922 : 206*; *Joki 1973 : 255*) с более поздним вокализмом переднего ряда на собственно иранской почве, ср. осет. *ærdæg* 'половина', 'сторона', согд. *'rδ* (**ard-*), авест. *arəδa-* (ср. др.-инд. *ardhá-ḥ* 'половина', 'сторона');

Фин.-угор. **aδ́rδ́* : морд. эрзя *azoro*, *azor*, мокша *azər* 'господин', удм. *uzir* 'богатый', манс. *ātər*, *ōtər* 'князь'. Согласно *Joki 1973 : 253*, финно-угорская форма может восходить к раннеиранскому заимствованию (ср. колебания в передаче спиранта) : авест. *ahura-* 'господин', 'князь', *Ahura-Mazdā-* 'Ахура Мазда' (буквально : 'мудрый господин'), др.-перс. *Aura-mazdā-* (имя бога);

Фин.-угор. **mekše* : фин. *mehi-läinen* 'пчела', эст. *mehi-läne* 'пчела', мордов. эрзя *mekš*, *mäkš*, мокша *meš*, марийск. *mükš*, коми-зырян. *moš* 'пчела', венг. *méh* 'пчела', *Лыткин/Гуляев 1970 : 169*; *Joki 1973 : 281—282*. Заимствовано из раннеиранского до изменения комплекса **kš* > **xš*, ср. авест. *maxši-* 'муха', согд. будд. *mwγšk-*, хотано-сакск. *māva'-*, курд. *mêš* 'муха', 'пчела' (ср. др.-инд. *mákṣa-* 'муха'). Вокализм *e* финно-угорской формы можно было бы объяснить влиянием вокализма семантически с ним соотнесенного слова **mete*//**meke* 'мед'. Поскольку данная индо-иранская форма не показывает явных соответствий в других индоевропейских языках (о предложенном Вагнером сравнении с ново-ирл. *b'ax*, *m'ax*, *b'ax'ig* ср. критику *Hamp 1971*), гипотезу о доарийском источнике финно-угорской формы в виде **mekš-* нельзя считать удовлетворительной. Следует отметить, что достоверные индо-иранские заимствования в финно-угорском относятся к периоду начиная исключительно с раннеиранского. При объяснении финно-угорского вокализма в **mekše* следует учитывать также возможность сравнительно раннего появления переднеязычного вокализма в данной форме уже на иранской почве, ср. курд. *mêš* 'муха', 'пчела';

Фин.-угор. **ora* : фин. *ora* 'острый металлический предмет', 'сверло', вепс. *ora* 'сверло', вод. *ǥra* 'острие', эст. *ora*, лив. (*v*)*orà* 'железное острие', мордов. эрзя *uro*, венг. *ár*. Предполагается заимствование раннеиранского слова, постулируемого на основании соответствий : др.-инд. *árā* 'шило', др.-в.-нем. *āla*, ср. лит. *ýla* 'шило'. Начальный вокализм финно-угорской формы объясним как отражение позиционного развития *a* → *å* перед сонантами */r*, *n*/. Такое развитие можно допустить в отношении некоторых позиционных аллофонов фонемы **a* уже в раннеиранском, что и отразилось в соответствующих финно-угорских заимствованиях в виде гласного *o* в позиции перед *r* ; ср. частое отражение *ă* как *å* в отдельных иранских языках. В этом отношении представляет интерес дистрибутивный анализ звуков, обозначаемых разными вокалическими знаками в "Авесте" и установление фонетических и фонологических соотношений между различными вокалическими сегментами языка "Авесты". В этом смысле интересно и более позднее отражение балт. *a* в финских и финно-угорских языках как *o* : фин. *lohi* 'лосось': лит. *lãšis* 'лосось', ср. *Joki 1973 : 238—239*;

Фин.-волж. **oraś* (**voraś*) : фин. *oras* 'холощеный кабан', 'кабан', *orasa* 'кобель', вепс. *orač* 'самец', 'кабан', 'кобель', мордов. мокша *urəś*, *urozi* 'холощеный кабан' (ср. *Joki 1973 : 296*). Заимствование из раннеиранского с компактным спирантом : ср. авест. *varāza-* 'кабан', перс. *varāz* 'кабан', ново-перс. *gurāz* 'кабан' (ср. др.-инд. *varāha-* 'кабан', 'свинья'). Вторичность начального **o* в финно-угорском видна и из того, что слово является исключительно индо-иранским, без этимологических связей с другими индоевропейскими языками. Трудно предположить на основании всего лишь нескольких финно-угорских заимствований отражение в них того состояния в развитии общеиндоиранского, при котором индо-иранский консонантизм предстает со всеми специфическими изменениями согласных при системе вокализма, отражающей общеиндоевропейское состояние, то есть до слияния гласных **a*, **e*, **o* в **a* (как это предполагается некоторыми исследователями финно-угорских языков, ср. *Ravila 1959*). Это тем более трудно предположить, что такое "первичное" отражение общеиндоиранских гласных до слияния видят лишь в формах, в которых такое **o* предстает в строго определенных комбинаторных условиях — в позиции перед **r*. Исключение в финно-угорских заимствованиях форм из общеиндоиранского позволяет соотносить эти заимствования с более поздним состоянием в развитии индо-иранского, в частности с раннеиранским (или общеиранским) состоянием, для которого характерны еще преимущественно шипящие (компактные) рефлексы индоевропейских палатальных;

Фин.-волж. **orja* : фин. *orja* 'раб', вепс. *orj* 'раб', эст. *ori* 'раб', саам. *åŕjel* 'южный', *år'jān* 'далеко на юге или юго-западе', *oar'je-* 'юго-западный', *oarji* 'юго-запад', *orjalaš* 'горный лопарь', *vuarjal* 'северо-запад', *vyərjɛ* 'север' (прасаам. **orja* 'юг'), мордов. эрзя *uŕe* 'раб', 'наемный работник', *Joki 1973 : 297*. Заимствование из раннеиранского с отражением начального **a* перед *r* в виде **o*, ср. авест. *airyō*, *airya-* 'арийский', др.-перс. *ariya-* 'арийский', ср. парф. *'ry*, пехлев. *ērān* 'страна ариев', ново-перс. *ērmān* 'гость', осет. *æcægælon* 'чужой', *allon* (этнический термин, *Абаев 1958, 1 : 101*); ср. др.-инд. *aríḥ* 'чужой', *aryáḥ* 'хозяин', *árya̯ḥ* 'арийский', 'ариец'. Любопытна семантика слова в финно-угорских языках. С точки зрения направления заимствования характерно значение 'юг' (в прасаам. **orja*), отражающее взаимную пространственную ориентацию двух групп носителей контактирующих языков. Значение 'раб' в финно-угорском может указывать на социальное положение среди финно-угров носителей раннеиранского языка. Последние могли наниматься местным населением в качестве сельскохозяйственных рабочих для скотоводства или земледелия, ср. наличие в финно-угорском значительного числа земледельческих и скотоводческих терминов иранского происхождения;

Фин.-угор. **onća* 'часть': фин. *osa* 'часть', 'доля', вепс. *oza* 'счастье', 'доля', вод. *ęsa* 'часть', эст. *osa* 'часть', диал. 'мясо'; лив. *voza* 'часть', саам. *oaž'že* 'мясо', мар. *uža-š* 'часть', *Joki 1973 : 298*; ср. *Иллич-Свитыч 1971, 1 : 253*. Заимствование из раннеиранского с компактной аффрикатой (из индоевропейского палатального **ḱ[h]*) и отражением начального **a* в

виде **o* перед сонантом *n*, ср. авест. *qsa-* 'группа приверженцев' (др.-инд. *áṁśaḥ* 'часть', 'доля', греч. ὄγκος 'груз', и.-е. **onk̂[h]o-**);

Фин.-перм. **śorv(a)* ~ угр. **śarv(a)-*: фин. *sarvi* 'рог', вепс. *sarv* 'рог', лив. *sõra* 'рог', саам. *čoar've* 'рог', мордов. эрзя *śuro*, мокша *śurǎ* 'рог', марийск. *šur*, удм. *śur*, коми-зырян. *śur* 'рог'; ср. манс. *šōrəp* 'олененок', хант. *t'ərpɛ* 'олененок', венг. *szarv* 'рог'. Заимствовано из раннеиранского **śraw-/ *śarw-* с отражением иранского **a* в позиции перед **r* (*år*?) в виде фин.-перм. **o*, ср. в этой связи выше также формы типа фин.-угор. **ora*, **orja*, **pors* и др.[1] В исторических иранских языках родственные формы представлены в авест. *srvā-*, *srū-* 'рог', *srvara-* 'с рогами', 'рогатый', пехлев. *srū* 'рог', хотано-сакск. *ṣṣū-* 'рог', ново-перс. *surūn*, *soru*, *serū(n)*, парачи *ši*, вахан. *ṣəw*, санглечи *ṣōu*, йидга *šū*, белудж. *srō*. К другому словообразовательному типу относится др.-инд. *śṛ́ṅgam* 'рог', ср. *Joki 1973 : 311*;

Фин.-угор. **marta-s*: фин. *marras* (основа *marta-*) 'дряхлый', 'бесплодный', 'мертвый', эст. *mardus* 'привидение, предвещающее смерть'; удм. *muri* 'яловая (корова)', коми-зырян. *murka* 'яловая', ср. *Лыткин/Гуляев 1970 : 178* и *175*; *Joki 1973 : 280—281*. Заимствовано из иранской формы, отражающей нулевую ступень огласовки **mṛta-* ввиду отражения **ar* в прибалтийско-финских и пермских языках (при отражении раннеиранской последовательности **ar* в финно-угорском в виде **or*), ср. авест. *mərəta-* 'умерший', 'мертвый'. Другая, более поздняя хронология заимствования иранской формы предполагается в **mertā* (мордов. эрзя *ṁiŕd'e* 'человек', 'муж', удм. *murt* 'человек', 'муж', коми-зырян. *mort* 'человек'), с вторичной иранской огласовкой переднего ряда как в хотано-сакск. *märāre* 'они

[1] Соотношение иран. **ar* (*år*) ~ фин.-угор. **or* не имеет места в фин.-угор. **arva*: фин. arvo 'цена, вес, значение, достоинство', вод. arvo 'понимание, ясность', эст. aru 'понимание, ясность; количество', arv 'число, количество'; лив. *ǎra* 'мысль'; 'счет; направление', венг. ár, árt 'цена'. Слово общеиндоиранского происхождения ввиду наличия в форме **r* < и.-е. **l*: ср. др.-инд. argha- 'достоинство', 'цена', árhati 'заслуживает, стоит', авест. arəǰa- 'ценный', arəǰah- 'цена', arəǰaiti 'стоит, достоин', согд. 'rγ (=*arγ) 'цена', ягноб. arz- 'стоить' (*Андреев/Пещерева 1957 : 226*), пехлев. arz 'цена', перс. arz 'цена', греч. ἀλφή 'прибыль', ἀλφεῖν 'зарабатывать', лит. algà 'плата': и.-е. **olg[h]o-/*lg[h]o-*. Не исключена возможность заимствования формы еще с позиционным сохранением лабиовелярного до обобщения на всю парадигму палатализованного варианта: **(a)rg[h]o-* > **argu-* → прафин. **arva* (с упрощением комплекса **rgu* → *ru*). В этом отношении интересна согдийская форма **arγ* 'цена' (*Абаев 1958, 1 : 65*) с обобщением непалатализованного рефлекса древней лабиовелярной фонемы; ср. также к сохранению велярного в иранском предполагаемый Педерсеном иранский источник арм. yargem 'ценю', yargun 'ценный', an-arg 'недостойный', 'ничтожный' (*ср. Hübschmann 1897 : 477*).

Слово является миграционным термином, широко распространенным на Ближнем Востоке, ср. хет. arkamma- 'дань', лув. arkammana- 'дань', угар. 'argmn 'дань; пурпур', аккад. argamannu 'пурпур; дань' (*Friedrich 1952 : 30*). Этим и следует объяснять отклонение от закономерного фонетического отражения обычных раннеиранских заимствований в финно-угорском (*a* вместо *o* перед *r*; *-ru-* вместо *-rg-*). Слово могло попасть в прибалтийско-финский не непосредственно из индо-иранских языков. Поэтому оно не может служить примером наличия общеиндоиранского или древнеиндийского слова в финно-угорском.

умирают', осет. *mærdæ* 'смерть', ср. к семантике иранские формы с полной ступенью огласовки : авест. *marəta-* 'смертный', *maša-* 'человек', 'смертный', согд. *mrt̰ mrt̰* 'каждый человек', пехлев., ново-перс. *mard* 'человек' (ср. др.-инд. *márta-* 'человек', 'смертный');

Фин.-угор. **śata* : фин. *sata* 'сто', вепс. *sada* 'сто', эст. *sada*, лив. *sadà* 'сто'; 'число', 'количество', саам. *čuotte* 'сто', мордов. эрзя *śado*, мокша *śadă*, марийск. *šüδə*, удм. *śu*, коми-зырян. *śo*, манс. *sāt*, хант. *sot*, венг. *száz*. Заимствовано из раннеиранского **śata-*, ср. авест. *satəm*, др.-перс. *θata-*, хотано-сакск. *saṭa-*, *sa-*, согд. *st-*, пехлев. *sat*, ново-перс. *sad*, осет. *sædæ*. Др.-инд. слово *śatám* 'сто' практически совпадает с реконструируемой раннеиранской формой, однако нет достаточных оснований считать в данном изолированном случае древнеиндийскую форму источником для финно-угорской, ср. *Joki 1973 : 311*;

Прамордов. **sasar* : мордов. эрзя *sazor*, мокша *sazər* 'младшая сестра', 'двоюродная сестра', 'дочь брата или сестры'; 'невестка'. Заимствовано из раннеиранского **s^{o}asar-* 'сестра' (до перехода иран. **s→x*, **s^{o}→x^{o}*), ср. авест. *x^{v}anhar-* 'сестра', пехл. *xwahar*, ново-перс. *x^{v}āhar*, афган. *xōr*, осет. *xo* 'сестра'. Характерно отражение в финно-угорском еще единой на этом хронологическом уровне лабиализованной фонемы **ś^{o}* (позднеиранское **x^{o}*) в виде простого сибилянта *s*; ср. др.-инд. *svásar-* 'сестра', лат. *soror*, ст.-слав. *sestr-a* и др., ср. *Joki 1973 : 312*;

Угор. **säptä* : манс. *sāt* 'семь'; 'неделя', хант. *tāpət*, *lāu̯ət*, *i̯āu̯ət*. Заимствовано из раннеиранского, реконструируемого в форме **sapta/*säptā* 'семь': авест. *hapta*, согд. *'βt(')*, алан. *αβδα*, осет. *avd* 'семь', *ævdæm* 'седьмой', пехлев., ново-перс. *haft* 'семь', парачи *hŏt* (ср. дард. *sat*, *sāt*, кафир. прасун *sɛtɛ*, др.-инд. *saptá*). Переднеязычный вариант **ä* фонемы **a* в раннеиранском предполагается в определенных позиционных условиях (ср. вариант *å* фонемы **a* перед сонантами). Вторичность этого варианта очевидна во втором слоге, где во всех индоевропейских диалектах в форме **sep$^{[h]}$t$^{[h]}$m̥* представлено слоговое **m̥*, отразившееся в виде *a* в индо-иранском (авест. *hapta*, др.-инд. *saptá*) и греческом (ἑπτά) при отражении его в виде *-em* в лат. *septem* 'семь'. Поэтому предположение относительно отражения угорским общеиндоевропейской формы не может считаться приемлемым, ср. *Joki 1973 : 313*;

Фин.-волж.-перм. **śuka* : фин. *suka* 'гребень', вепс. *suga*, эст. *suga*, саам. *čokkot* 'причесывать', мордов. эрзя *śuva* 'мякина', мокша *śuva* 'ость' (у хлебных злаков), марийск. *šu* 'о́труби', 'мякина', коми-зырян. *śu* 'рожь', 'зерно', 'хлеб'. Заимствование раннеиранской формы с шипящим спирантом:

[1] Таким образом, в приведенных финно-угорских заимствованиях из иранских языков отражены две аблаутные ступени огласовки в двух разных по семантике производных : раннеиранское слоговое **r̥* отражается в финно-угорском как **ar*: фин.-перм. **marta-* 'мертвый; бесплодный' <иран. **mr̥ta-* 'мертвый'; раннеиранское **ar* отражается как **or* (ср. **porsa-*, **ora*, **orja* и др.), тогда как в более поздний период на собственно иранской почве возникают формы с вокализмом переднего ряда из **ar*, которые могли отразиться в заимствованных формах: перм. **mertä* 'смертный, человек' при иранск. авест. *marəta-*, *maša-* 'человек, смертный', ново-перс. *mard* 'человек', осет. *mærdæ* 'смерть'.

ср. авест. *sūkā-* 'ость злака', ново-перс. *sōk* 'ость', ягноб. *suk* 'ость', 'усики у злаков'; ср. др.-инд. *śūkaḥ* 'ость или усики (злака или насекомого)', формально совпадает с раннеиранской, ср. также *Joki 1973 : 315—316*;

Общеперм. **śumiṣ* : удм. *śumiṣ* 'сыромятная кожа', коми-зырян. *śumiṣ* 'полоска сыромятной кожи'. Заимствовано из раннеиранского : осет. *xujun*, *x$_o$in* 'шить', ср. основу на **-m(en)* в др.-инд. *syúman-* 'пояс', 'ремень', 'связь', 'цепь', 'узы', ср. *Лыткин/Гуляев 1970 : 274*; *Joki 1973 : 318*;

Фин.-перм. **tarna* : фин. *tarna* 'осока', 'трава', 'сено', эст. *tarn* 'осока', удм. *turi̯n* 'трава', коми-зырян. *turun* 'трава', ср. *Лыткин/Гуляев 1970 : 287*; *Joki 1973 : 325*. Предполагается заимствование из раннеиранского, ср. хотано-сакск. *tarra-* 'трава', пехлев. *tarrag* (*tlk*) 'растение', ново-перс. *tara*, *tarra* 'маленькая веточка'. Предполагаемая иранская форма **tṛ̥na-* совпадает с др.-инд. *tṛ̥ṇa-* 'трава'. Вокализация слогового сонанта в виде **ar/*er* отражается в финно-пермской форме в виде последовательности *ar* (но не **or*, как при отражении фонемной последовательности *a*+*r* в раннеиранском);

Волжск.-перм. **set3//*sejt3* : мордов. эрзя *sed'* 'мост', мокша *śed'* 'мост', 'пол', коми-зырян. *sod* 'мост', 'ступень', 'лестница', *Лыткин/Гуляев 1970 : 259*. Раннеиранское заимствование (ср. авест. *haētu-* 'плотина', хотано-сакск. *hī* 'мост', афган. **hēl* 'плотина', парачи *hī* 'мост', осет. *xid*, *xed*, сарык. *yeid*, шугн. *yēd*, *yēid* 'мост') с преобразованием дифтонга *ai*>*ei*>*e*, ср. типологически сходное сравнительно позднее развитие в др.-инд. *sétuḥ* 'связывающий'; 'повязка', 'плотина', 'мост', дард. *ser*, кафир. *sēw* 'мост', ср. также *Joki 1973 : 313—314*;

Угор. **śeŋk3*(?): манс. *säŋk$_o$ä* 'кол', *seŋk*, *saŋ$_o$k$_o$*, *säŋ*, венг. *szeg*, *szög* 'гвоздь', 'кол'. Заимствовано, возможно, из раннеиранского. Исторически иранские формы представлены фрагментарно : афган. *sáŋga* 'ветвь', санглечи *zaŋgīāk* 'деревянные колышки', согд. *šnx*; ср. др.-инд. *śaṅkúḥ* 'деревянный гвоздь', 'колышек' (и.-е. **k$^{[h]}$ank$^{[h]}$-*). Неясен вокализм реконструируемой угорской формы, ср. *Joki 1973 : 312*;

Фин.-угор. **kara-* : мордов. мокша *karams* 'рыть', 'прорыть', 'ковырять', эрзя *karams* 'отковырять', 'отрыть', марийск. *korem* 'проводить борозды', удм. *kyryny* 'прорвать', 'размыть водой (плотину)', коми-зырян. *ki̯rni̯* 'прорваться', 'быть размытым', 'обваливаться'. Слово считается заимствованным из иранского, ср. авест. *kar-* 'бороздить', 'проводить борозды', пехлев. *kār-* 'возделывать землю', 'пахать', 'сеять', афган. *karəl* 'сеять', *Joki 1973 : 266*. В таком случае вокализм *a* перед *r* в финно-угорской праформе предполагал бы слоговое **r̥* в иранском источнике. Следует отметить, что соответствующая древнеиндийская форма *kar-* 'сыпать', 'метать', 'рассеивать' не выражает значений, связанных с земледелием. Это лишний раз указывает на иранский источник разбираемого финно-угорского слова. С другой стороны, семантически не все финно-угорские слова соответствуют предполагаемому иранскому значению, что может вообще поставить под сомнение индоевропейский источник данной финно-угорской праформы, ср. *Лыткин/Гуляев 1970 : 153*;

Фин.-угор. **kanз* : коми-зырян. *kundį-* 'закопать', 'зарыть', 'схоронить', 'похоронить', манс. *χūn-* 'черпать ложкой', венг. *hány* 'бросать', 'швырять', 'выгребать'. Предполагается заимствование иранского **kan-* 'рыть', 'бросать', ср. др.-перс. *kan-* 'рыть', авест. *kan-*, пехлев. *kandan*, *kan-* 'копать', ново-перс. *kandan* 'копать', дард. *khan-* 'копать', кашмири *khanun* 'копать', ср. *Joki 1973 : 275*. Однако вокализм *a* перед *n* в финно-угорской форме не закономерен. Следует в этой связи отметить, что для коми-зырян. *kundį-* предполагаются и другие соответствия (мордов. мокша *kalmams* 'зарыть'), с другой праформой **kʊ̈lmз* (*Лыткин/Гуляев 1970 : 146*), не связываемой с индоевропейской;

Фин.-угор. (прауральск.) **aśe-* : фин. *ase-*, *asu-*: *asetta-* 'ставить', 'класть', *asema* 'место'; *asu-* 'жить', 'быть', 'находиться', мордов. мокша *eźəṁ* 'место', мордов. эрзя *eźem* 'место', ср. ненецк. *ŋęsō-* 'остановиться на ночлег и разбить палатку'. Форма сопоставляется с и.-е. **es-* 'быть' (др.-инд. *as-*, авест. *ah-*, хет. *eš-/aš-* и др.) и **es-* 'сидеть' (др.-инд. *ās-*, авест. *ās-/āh-*, хет. *eš-*, греч. ἧσται 'сидит'), *Joki 1973 : 252—253*. В отношении этих форм допускается также исконное родство (*Иллич-Свитыч 1971, I : 268—270*). Огласовка реконструируемой уральской формы и характер спиранта могут свидетельствовать в пользу заимствования данной формы из раннеиранского источника с фонетическим варьированием спиранта *s*~*š*~*h* в иранской форме;

Фин.-угор. **jüvä*<**jeva* 'ячмень', 'злак' : фин. *jyvä* 'зерно', 'злак', 'семя', эст. *iva*, *jüvä*, мордов. мокша *juv* 'мякина', эрзя *juvodoms* 'отсеивать', 'отделять мякину от зерна', удм. *ju* 'посевы', 'хлеб', 'зерно', 'жито', коми-зырян. *jįkį* 'мякина', 'охвостье' (ср. *kį* 'ость', 'усик колоса'), *Лыткин/Гуляев 1970 : 111*. Заимствовано из иранского источника с вторичным передним гласным первого слога типа осет. *jæw* 'просо' (ср. авест. *yava-* 'злак', др.-инд. *yávaḥ* 'злак', 'ячмень', 'просо', лит. *jãvas* 'злак', и.-е. **ieu̯o-*), *Joki 1973 : 265*;

Фин.-волж. **vašara* : фин. *vasara* 'молот', эст. *vasar*, лив. *vazar*, саам. *væčče̮r* 'молот', мордов. эрзя *uźeŕ(e)*, мокша *uźəŕ* 'палица'. Заимствование из раннеиранского с компактным (шипящим) спирантом, ср. авест. *vazra-* 'палица Митры', хотано-сакск. *vaśāra* 'перун', 'палица', 'алмаз', пехлев. *wazr*, *warz* 'палица' (ср. др.-инд. *vájraḥ* 'палица Индры'), ср. *Joki 1973 : 339*;

Коми-зырян. *vurun* 'шерсть (овечья)' < **vorn3*? Заимствовано из раннеиранской формы с отражением фонемы *a* перед *r* в виде вокализма *o*, ср. авест. *varənā-* 'шерсть' при бартанг. *wōwn* 'шерсть', хуф. *wōwn*, шугн. *wōᵊn* (*Соколова 1967 : 60*), ср. др.-инд. *úrṇā* 'шерсть', *Joki 1973 : 348—349*;

Коми-зырян. *gu-* 'воровать', *guś* 'вор'. Заимствовано из общеиранского (ср. авест. *gaδa-*, согд. **γaδa-* 'красть', афган. *γal* 'вор', вахан. *ᵛγūδ* 'вор'), судя по отражению иран. **a* в виде гласного *u*, ср. *Joki 1973 : 262*;

Коми-зырян. *buriś*, *burśi* 'грива (конская)'. Заимствование из иранского, ср. авест. *barəša-* 'спина лошади', пехлев. и ново-перс. *buš* 'шея', 'грива (конская)', ср. осет. *barc* 'грива', *Абаев 1958, 1: 237*; *Лыткин/Гуляев*

1970 : 42. Вокализм *u* в коми-зырянском указывает на древность заимствования формы с иранским *a* (*Joki 1973 : 256*).

5.5. МИГРАЦИИ ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ПЛЕМЕН И РАННЕИРАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Наряду с древнейшими иранскими заимствованиями в финно-угорских языках обнаруживаются лексические заимствования из иранского языкового источника более позднего периода, совпадающие с историческими иранскими формами и отражающие, очевидно, более поздние переселения восточных иранцев:

Удм. *ana* 'без' : ср. иран. *ana-* 'без' в авест. *ana-ząδa-* 'бесплодный', осет. *ænæ-zad* 'бесплодная', 'нерожавшая' (ср. арм. *an-* в *an-anun* 'безымянный', кельт. *an-*, др.-в.-нем. *ānо* 'без'), ср. *Абаев 1958, I : 149—150*; *Joki 1973 : 249*;

Удм. *andan* 'сталь', коми *jendon* : ср. осет. *ændon* 'сталь', *Joki 1973 : 249—250*; *Абаев 1958, I : 156—157*; *Schwartz M. 1974 : 409*;

Обск.-угор. **ärγ3* : хант. *ärəγ* 'песня'; 'древняя героическая песня', манс. *ēriγ* 'песня'. Из среднеиранского **ärγa-//*arγa-*, ср. осет. *arğaw* 'сказка', согд. **ni-γrāy-* 'петь', 'воспевать' (ср. др.-инд. *arkáḥ* 'песня', 'луч', 'сияние', арм. *erg* 'песня', хет. *arkuṷai-* 'молиться'), *Joki 1973 : 254*;

Общеперм. **bazd'yn* : удм. *ba(d')d'źįn* 'большой', 'многочисленный'. Заимствовано из иранского, ср. осет. *bæz-* 'толстый', 'жирный', 'густой', *bæzğyn* 'толстый', 'густой', авест. *bazah-* 'величина' (ср. др.-инд. *bahúḥ* 'густой', 'многочисленный', греч. παχύς 'толстый', 'густой'), ср. *Joki 1973 : 255*; *Абаев 1958, I : 257*;

Общеперм. **berid'ź* : удм. *beriz* 'липа', коми-перм. *beriś* (*Лыткин/Гуляев 1970 : 39*). Заимствовано из иранского (*Joki 1973 : 255*), ср. осет. *bærzæ* 'береза', шугн. *bəruǰ*, *bərūž* 'береста', санглечи *bərež* (ср. др.-инд. *bhūrjá-* 'береза'), *Абаев 1958, I : 253—254*;

Общеперм. **das* 'десять' :удм. *das* 'десять', коми-зырян. *das* 'десять'. Заимствование из иранского, ср. осет. *dæs* 'десять', согд. **δαs* (δs), авест. *dasa* (ср. др.-инд. *dáśa*), *Лыткин/Гуляев 1970 : 86*; *Абаев 1958, I : 359*. Из подобного западноиранского источника происходит, возможно, и венг. *tíz* 'десять', *Joki 1973 : 257* и *329*;

Удм. *erdzi* 'орел'. Заимствование из среднеиранской формы с начальным гласным **ä-*, ср. авест. *ərəzi-ƒya-* 'орел' (*ср. Грантовский 1970 : 291*), др.-перс. ἀρξιφος 'орел' (ср. др.-инд. *ṛjipyáḥ*, арм. *arcui*), ср. *Joki 1973 : 259*;

Мордов. эрзя *erva* 'каждый', 'всякий'. Заимствовано из иранского **harva-* : авест. *haurva-* 'весь', 'каждый', др.-перс. *haruva-* 'целый' (ср. др.-инд. *śárva-*), ср. *Joki 1973 : 259*;

Обск.-угор. **ĕrt* 'ясный' : хант. *etər* 'ясный', 'светлый', манс. *ɛtər* 'ясный'. Заимствование из среднеиранского, ср. осет. *ird* 'ясный', йидга *ɨəroγo* 'ясное небо' < **idrakā-*, *Joki 1973 : 260*;

Фин. *vermen* 'верхний слой кожи', *verme* 'одежда', 'оружие', саам. *vierlmē* 'сеть'. Прибалтийско-финские и саамские слова сопоставимы со

среднеиранскими словами с переднеязычным вокализмом, ср. предполагаемый иранский источник арм. *vermak* 'покрывало на постели' (при *varm* 'сеть'), ср. осет. *wormeg* 'верхняя одежда', 'шуба'. Слово слабо представлено в финских языках; раннеиранское заимствование предполагало бы отражение в финно-угорском иранского **a* перед *r* в виде *o*, ср. авест. *vārəθman-* 'кольчуга' (иран. *var-* 'покрывать', др.-инд. *vṛṇóti* 'покрывает', 'окутывает'), ср. *Joki 1973 : 343*;

Мордов. эрзя *veŕges*, мокша *vəŕga-s* 'волк'. Из среднеиранского, ср. авест. *vəhrka-* 'волк', согд. *wyrk-*, хотано-сакск. *birgga-*, осет. *wærx-æg* 'имя героя — родоначальника нартов', йидга *wərg*, ново-перс. *gurg*, курд. *varg* 'волк'. Форма заимствована из языков с озвончением конечного **-k-*, ср. *Joki 1973 : 342—343*;

Обск.-угор. **wat3* : манс. *wāt*, *wāt* 'ветер', хант. *wōt*. Заимствование из иранского : авест. *vāta-* 'ветер', пехлев. *w't*, хотано-сакск. *bāta-* (ср. др.-инд. *vátaḥ* 'ветер'), ср. *Joki 1973 : 340—341*;[1]

Фин.-волж. **wasa* : фин. *vasa* 'теленок', вепс. *vaza*, эст. *vasikas* 'теленок', лив. *va'iški*, *vask*, саам. *vyesi* 'олененок', мордов. эрзя *vaz*, мокша *vaza*. Заимствовано из иранского, ср. ягноб. *wása* 'теленок', осет. *wæs*, язгул. *wûs* (ср. др.-инд. *vatsáḥ* 'теленок', 'дитя'), ср. *Joki 1973 : 338—339*;

Фин. *varsa* 'жеребенок', вепс. *varz*, эст. *vars*, лив. *vārza*. Вероятное заимствование иранской формы со слоговым **ṛ* типа осет. *urs*, *urs* 'кобыла', чем и объясняется вокализм *a* перед *r*, ср. авест. *varšni-* 'баран', *varəšna-* 'мужской', согд. *wšn-*, вахан. *wušɛŋg* 'бык-производитель' > **wṛšanaka-*, ср. др.-инд. *vṛ́ṣā* 'мужчина', 'самец'. Прибалтийско-финская форма обнаруживает сходство с осетинской формой как в отражении слогового сонанта **ṛ*, а также группы **rs*, так и по семантике ('жеребенок' в противовес 'барану', 'быку' и т. д.). Этимологически относящиеся сюда же мордовские формы с вокализмом **ā* (мордов. эрзя *veriske*, мокша *verskā* 'ягненок') могут объясняться сравнительно поздним заимствованием из балтийских языков (ср. лит. *veršis* 'теленок', латыш. *vęrsis* 'бык'), ср. также *Joki 1973 : 337* (с различными объяснениями мордовского слова);

Доперм. **vaŋka* : фин. *vanko* 'железный крюк', эст. *vang* 'рукоятка', 'ручка (двери)', 'скоба', 'дужка', лив. *vaŋga*, удм. *vug* 'ручка', 'скоба (двери)', 'дужка (ведра, котла)', коми-зырян. *vug* 'скобка', 'дужка', *Лытким/Гуляев 1970 : 69*. Заимствование из иранского, ср. согд. *yw'nk* (<**vi-vanka-*), осет. *wæng*, *wong*, *ong*, *jong* 'член', 'сочленение' (ср. ср.-инд. пали *vaṅka-* 'кривой', 'изгиб', др.-инд. *vaṅku-* 'криво идущий', *váṅgati* 'хромает'). Наблюдается отклонение в отражении древней фонемы **a* перед носовым **n* (*a* вместо ожидаемого **o*, ср. выше **onka-*, **onsa-*), что может объясняться разной хронологией; ср. относящиеся к этой же форме угорские, вероятно, более поздние, заимствования с вокализмом **ä*: манс.

[1] В Западной Сибири в обско-угорских диалектах отражаются, очевидно, и другие слова, главным образом культурные термины из среднеиранских или древнеиранских, см. *Korenchy 1972*; *Joki 1973 : 372*; *1973a*.

wɛɣkə·r 'крюк', хант. *wąɣrɛp* 'крюк' (обск.-угор. **väɣk(3)-r(3)p*, *Joki 1973 : 336* и *341*; ср. сходное отражение в таких единичных среднеиранских заимствованиях в угорском, как хант. *wā̆rəs*, *wā̆rəs* 'грива': авест. *varəsa-* 'волосы людей и животных', согд. *wrs*, пехлев. *wars* [*wls*] 'волосы', хотано-сакск. *bilsa-*, ново-перс. *gurs* 'локон', *Joki 1973 : 336*; ср. также отдельные поздние заимствования в пермских языках: коми-зырян. *varnös* 'годовалая овечка', ср. пехлев. *warrag* 'овца', ягноб. *barrá* 'ягненок', афган. *wrəy* (др.-инд. *úraṇaḥ*);

Фин.-угор. **verd3-*: марийск. (*w*)*urdem* 'кормить', 'воспитывать', коми-зырян. *verdnį* 'кормить'. Заимствовано из (ранней) среднеиранской формы с переднеязычным вокализмом типа осет. *awærdyn* 'щадить', 'жалеть', 'экономить' (*Абаев 1958, I : 86—87*), ср. авест. *varəd-* 'растить', 'увеличивать', 'содержать', *vərəzda-* 'большой', *vərəd-* 'увеличение', *Joki 1973 : 348*. Переднеязычный вокализм финно-угорской формы устанавливается неоднозначно, ср. *Лыткин/Гуляев 1970 : 52*;

Фин.-перм. **viša-* : фин. *viha* 'ненависть', 'гнев', 'яд', эст. *viha* 'гнев', 'озлобление', 'злоба', коми-зырян. *vež* 'злоба', 'зависть', *Лыткин/Гуляев 1970 : 49*. Заимствовано из иранского (после перехода и.-е. **s*→*š* в позиции после **i*), ср. авест. *vīša-* 'яд', пехлев. *wīš* 'яд' (ср. кафир. вайгали *wīš*, кати *wīš*, др.-инд. *viṣám* 'яд'), ср. *Joki 1973 : 346—347*;

Праманс. **mant3* : манс. *mant* 'маленькая лопатка', 'совок'. В противоположность *Lewy 1961 : 408*, форму следует считать заимствованием не из древнеиндийского (ср. др.-инд. *mánthā-* 'палка для сбивания масла'), а из среднеиранского, ср. шугн. *mâþ*, сарык. *māϑ*, йидга *mōx̌ē* 'палка', 'шест', ср. будд. согд. *mnδ-* (=*manþ-*), хотано-сакск. *maṁth-* 'трясти', 'мешать', осет. *æz-mæntyn* 'смешивать', *Joki 1973 : 279—280*;

Общеперм. **gort-* 'дом', 'жилье', 'место жительства': удм. *gurt* 'деревня', 'селение', 'село', 'дом', 'родина', коми-зырян. *gort* 'дом'. Заимствовано из иранского, ср. авест. *gərəδa-* 'логово дэвовских существ' (из *'дом', ср. др.-инд. *gṛháḥ* 'жилище', 'дом'), ср. *Joki 1973 : 262—263*;

Марийск. *marij* 'мужчина', 'муж', 'мариец'. Заимствовано из иранского (возможно, среднеиранского), ср. авест. *mairya-* 'молодой человек', 'член мужского союза', пехл. *mērag* 'супруг', 'любовник', 'молодой человек' (ср. др.-инд. *máryaḥ* 'молодой человек', 'любовник'). В марийском на основании наличия в форме фонемы *a* можно отнести заимствование к первому тысячелетию до н. э., ср. *Joki 1973 : 280*;

Прамордов. **rava* : мордов. эрзя *rav*, *ravo* 'волна'; 'море', 'разлив', мокша *rava* 'поток'. Заимствовано из иранского, ср. авест. *ravan-* 'поток', *raoδah-* 'поток', др.-перс. *rautah-* 'река', 'поток' (ср. др.-инд. *srava-* 'течение', *srávati* 'течет'), ср. *Joki 1973 : 307*.

5.6. МИГРАЦИОННЫЕ ТЕРМИНЫ В ДРЕВНИХ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ЯЗЫКАХ

Кроме рассмотренных выше иранских заимствований в финно-угорских языках выделяется и определенный древний лексический пласт, который может быть возведен к другим индоевропейским диалектам (см. об

этом ниже), а также целый ряд терминов, общих со многими индоевропейскими и неиндоевропейскими языками и являющихся миграционными.

К числу таких миграционных терминов в финно-угорских языках нужно отнести следующие формы:

Фин. *olut* 'пиво', эст. *õlu*, *õlut*, лив. *vo'l* 'пиво'. Широко распространенный миграционный термин, ср. осет. *ælūt-on* 'пиво' (груз. *ludi*, диал. *aludi* 'пиво'); др.-англ. *ealu* 'эль', др.-сакс. *alc-* 'пиво' (герм. **alup*), лит. *alùs* 'пиво', латыш. *alus* 'пиво', прус. *alu* 'напиток', ст.-слав. *olъ*, см. *Абаев 1958, I : 129—131*; *Joki 1973 : 294—295*;

Фин.-угор. **kota* : фин. *kota* 'жилище', 'палатка', 'юрта', 'хижина', 'шалаш', *koti* 'дом', вод. *kęta* 'комната', эст. *koda* 'дом', лив. *kᵘodà* 'жилище', 'дом', саам. *goatte* 'медвежья берлога', 'палатка лопаря', мордов. эрзя *kudo* 'дом', 'жилище', марийск. *kuə̑ə̑* 'марийский летний шалаш', удм. *kụa* 'летний шалаш', коми-зырян. *-ka* в *kerka* 'дом'. Миграционный термин, встречающийся в некоторых индоевропейских (авест. *kata-* 'землянка', греч. κοτύλη 'пещера', гот. *hēþjō* 'комната', ц.-слав. *котьць* 'келья', 'гнездо', хет. *kutt-* 'стена') и ряде неиндоевропейских языков Евразии (монг. *qota[n]* 'селение', 'дом', тюрк. *kota* 'дом', кет. *qotə* 'место для ночлега', айнск. *kot* 'место для дома', *kotan* 'место', груз. *k'ed-el-* 'стена' и др.), ср. *Joki 1973 : 272—273*; *Иллич-Свитыч 1971, I : 316—317*;

Мордов. *tarvas* 'серп'. Вероятно, миграционный термин, заимствованный также и в кафирские языки (прасун *tərwᶜaž* 'меч', кати *terwōč*) и в древнеиндийский (др.-инд. *taravāri-* 'резак-меч'). Сопоставление мордов. *tarvas* с предполагаемым арийским **darghas* (и.-е. ***d**$^{[h]}$**olg**$^{[h]}$**o-** 'серп'), ср. *Joki 1973 : 325*, неприемлемо уже по фонетическим причинам;

Урал. **paŋka-* : мордов. эрзя *paŋgo* 'гриб', мокша *paŋga*, марийск. *poŋgə̑*, манс. *pāŋχ*, хант. *paŋχ*, *poŋk* 'мухомор', *paŋγə̑-*, *paŋkə̑-* 'от мухомора приходить в состояние опьянения', 'пророчествовать'. Миграционное слово, засвидетельствованное в различных языках Евразии, ср. греч. σπόγγος 'гриб', арм. *sunk(n)*, лат. *fungus* 'гриб', ср. авест. *baŋha-* 'имя растения', см. *Joki 1973 : 300—301*; *Wasson 1968*; *Елизаренкова/Топоров 1970*; *Ernout/Meillet 1967 : 262*, ср. также картв. **sok'o-* 'гриб': груз. *sok'o*, мегр.-лаз. *sok'o*, сван. *sok'(ω)*, а также нахско-дагестанские формы: гунз. *zoḳo*, цезск. *zuḳu*, бацб. *zok'* (*ср. Климов 1964 : 165*);

Урал. **vaške/vaske* 'медь', 'бронза': фин. *vaski* 'медь', 'бронза', эст. *vask* 'медь', лив. *vaš'k* 'медь', саам. *veški* 'железо', 'медь'; марийск. *waž* 'руда', мордов. эрзя *uśk'ɛ* 'проволока', удм. *-veś* в *az-veś* 'серебро', коми-зырян. *-i̮ś* в *ez-i̮ś* 'серебро', хант. *waχ* 'металл', 'железо', венг. *vas* 'железо', *Лыткин/Гуляев 1970 : 69* и *332*. Миграционное культурное слово с фонетическими вариациями по разным языкам, ср. в индоевропейских языках: тох. A *wäs* 'золото', B *yasa* 'золото' < **vas* ~ *väs*), арм. *oski* < *vask-*, лит. *áuksas*, прус. *ausis* 'золото'. Слово может быть исторически связано с шум. *guškin* 'золото', ср. *Joki 1973 : 339—340*; *Aalto 1959*;

Урал. **kur3-* : фин. *kuras* 'нож', саам. *korr* 'маленький ножик'. Сопоставляется с формами с аналогичным значением в индоевропейских (лит.

kiřvis 'топор'; гот. *hairus*, др.-исл. *hjǫrr* 'меч') и неиндоевропейских языках Евразии (кор. *khal* 'нож', 'меч', маньчж. *χal-mari* 'волшебный нож шамана'); предполагается заимствование из какого-то общего источника, ср. *Joki 1973 : 275—276*.

5.7. СЕМАНТИКА РАННЕИРАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ФИННО-УГОРСКОМ. ХАРАКТЕР ЗАНЯТИЙ РАННЕИРАНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Анализ заимствований из иранского в финно-угорском выявил вне сомнения факт отсутствия в последних общеиндо-иранской или специфически древнеиндийской лексики[1]. Индоевропейская лексика, квалифицировавшаяся в ряде работ как индо-иранская или даже древнеиндийская[2] (ср.

[1] Предложенное *Вагнером* сопоставление имени эрзя-мордовского бога *ńiške, ńiśki* 'бог неба' с др.-инд. *niṣkáḥ* 'золотое нашейное украшение' (слово отсутствует в иранском и может быть заимствованием в древнеиндийском, *Mayrhofer 1963, III : 69*) не может считаться убедительным, поскольку мордовское имя бога *ńiške* представляет собой словосложение из *ińe* 'большой' и **śki*=ineške-pas 'великий бог неба', *Joki 1973 : 293*.

[2] Помимо разобранных выше финно-угорских форм, к числу таких лексем, в которых видели заимствование из древнеиндийского, относится группа слов, ограниченных главным образом прибалтийско-финскими языками и представляющих собой, очевидно, заимствования из балтийского:

Фин.-перм. *tala-s: фин. *tala* 'шалаш, лабаз', лив. *talàzâD*. Связи со словами пермских языков (коми-зырян. tįļęs 'охотничьи угодья', tęļęs 'шалаш' и др.) проблематичны (ср. *Joki 1973: 324*). Поэтому соответствующие прибалтийско-финские слова скорее могут быть объяснены как относительно поздние заимствования балтийских слов типа прус. talus 'пол', лит. pā-talas 'кровать'. Следовательно, связь, предположительно допускаемая с праарийским, ср. *Joki 1973 : 324* (при др.-инд. tala-m 'почва; поверхность'), не имеет оснований;

Фин. tiine 'беременная', вепс. tińeh, tīńeh, эст. tiine 'беременная' (о самке домашних животных), лив. tīn (<*teiń-?) скорее можно считать заимствованиями из балтийского (лит. dienì 'беременная'), нежели из иранского (или индийского): авест. daēnu- 'самка; относящийся к женщине' (ср. др.-инд. dhénā 'самка'), ввиду значения этих слов и их распространения только в прибалтийско-финских языках. Связь этих слов с венг. tehén 'корова', для которого предположен среднеиранский источник (*Joki 1973 : 329*), проблематична;

Прибалт.-фин. *taivas: фин. taivas 'небо', вепс. taivaz, эст. taevas, лив. tōvaz 'небо', 'гроза'. Слово формально может быть выведено из иранского и древнеиндийского (ср. др.-инд. devá- 'божество', авест. daēva- 'демон', др.-перс. daiva- 'демон, дэв', пехлев. dēw 'демон', 'дьявол', ново-перс. dēv). Однако ограниченность распространения данного слова лишь прибалтийско-финскими языками указывает скорее на сравнительно поздний источник из балтийских языков, ср. лит. dievas 'бог', прус. deywis, deiws 'бог', ср. *Joki 1973 : 323*;

Фин. udar 'вымя', вепс. udar, вод. uhar, эст. udar, лив. udàr, мордов. odar, марийск. wa·ðar 'вымя'. На основании ограниченного распространения данного слова в прибалтийско-финских и финно-волжских языках можно допустить происхождение слова из балтийских языков, в которых оно восстанавливается в виде *ūdar- || *ūder- 'вымя' (*Thomsen 1890 : 233*), ср. лит. *ūdróti* 'забеременеть', *ūdrotas* 'беременная', *paũdrė* 'свиное подбрюшье, подчеревок', ср. *Joki 1973 : 332—333*. Слово отсутствует в иранском (по причине табу) при наличии его в древнеиндийском: ūdhar 'вымя', ср. греч. *οὖθαρ*, лат. ūber, ср.-в.-нем. ūter 'вымя'. Не исключено, однако, что источником финно-волжского слова могла послужить и раннеиранская форма *ūdar, которая могла быть рано вытеснена в самом иранском по причинам табу. Также прибалтийско-финскими языками ограничено слово — фин.

Lewy 1961), оказывается собственно раннеиранским лексическим пластом в финно-угорском.

В некоторых случаях трудно формально разграничить раннеиранское от древнеиндийского, ср. **śata*, **marta*, **śuka* и др. Однако весь комплекс рассмотренных лексических заимствований не оставляет сомнений в принадлежности этих форм к раннеиранскому пласту, а не к древнеиндийскому.

В финно-угорском выделяются раннеиранские заимствования, относящиеся к терминам скотоводства и земледелия : **marta-s* 'бесплодный' (о скоте), **porśas* 'свинья', **oraś* 'кабан', **śorv(a)* 'рог', **śumįs* 'сыромятная кожа', **kur3g* 'курица', **jŭvă* 'ячмень', **śuka* 'ость злаков', **tarna* 'трава', **mekše* 'пчела'; термины транспорта и передвижения: **aiša* 'оглобля', **set3//*seįt3* 'мост'; названия сельскохозяйственных орудий : **ora* 'сверло', **śeŋk3* 'гвоздь', 'кол'; социальные термины : **asʹrʹ* 'господин', **orja* 'раб', **sasar* 'сестра', 'невестка'; термины, относящиеся к торговле и счету : **śarsa* 'тысяча', **śata* 'сто', **das* 'десять', **săptă* 'семь', 'неделя', **onća* 'часть'; термины, связанные с южной ориентацией, указывающие на движение с юга на север: **śarid'ź* 'море', 'теплые края' и др.

Семантический анализ раннеиранских заимствований в финно-угорских языках позволяет судить об отношениях между финно-уграми и иранцами и о занятиях иранцев в финно-угорской среде.[1]

Основная масса раннеиранских переселенцев занималась, по-видимому, скотоводством и земледелием, разными ремеслами и нанималась местным финно-угорским населением в качестве служителей, выполнявших разные сельскохозяйственные (технические) работы (ср. **orja* в значении 'служитель', 'раб').

Раннеиранские заимствования в финно-угорском указывают на выделение ираноязычных племен в достаточно древний период, видимо, уже к концу III тысячелетия до н. э.[2], из общеиндоиранского и движение части

terni 'молозиво', эст. ternes 'молозиво', лив. teŕ-zēmd'a, сопоставлявшееся с авест. taurina- 'маленький'; 'ребенок', осет. tærna 'ребенок', др.-инд. tár(u)ṇa- 'юный; нежный'; 'звереныш'. По фонетическим, семантическим и историко-географическим причинам не может считаться приемлемым сближение с индийским или иранским источником, ср. *Joki 1973 : 328*.

[1] С другой стороны, показательны для характера контактов и некоторые обратные заимствования из финно-угорского в иранские диалекты :
Общеуральское название 'рыбы' *kala, сохраняющееся в фин. kala 'рыба', мордов. kal, марийск. kol 'рыба', могло быть заимствовано иранцами в форме, отраженной в авестийском названии мифологической рыбы Kara-, обитавшей в реке Raŋhā- ('Волга'), Yašt 14, 29; ср. *Joki 1973 : 266*. Это же слово из западнофинно-угорских языков (ср. саам. guole 'рыба') могло попасть в германские языки (др.-исл. hvalr 'кит', др.-в.-нем. hwelira 'сом') и в балтийские (прус. kalis 'сом'), ср. *Иллич-Свитыч 1971, I : 288*; *Топоров 1975-, III: 168—171*.

[2] Распад финно-угорского языкового единства относят ко времени не позднее середины II тысячелетия до н. э., и, следовательно, проникновение иранских слов в финно-угорский нужно отнести, соответственно, к периоду, предшествовавшему этому времени. Это определяет сам процесс выделения иранского диалекта из индо-иранской общности и обособленного существования собственно иранского диалекта периодом не позднее конца III тысячелетия до н. э.

этих племен в северо-западном направлении по пути передвижения, который в дальнейшем не раз совершали ираноязычные племена, оставившие свой след в поздних иранских заимствованиях в финно-угорских языках (ср. выше о среднеиранских и позднеиранских заимствованиях).

Эти древнейшие передвижения ираноязычных племен последовали за их миграцией из первоначальных областей обитания в районы Средней Азии, откуда они должны были распространиться далее на север и северо-запад, а также в южном направлении в сторону Афганистана.

6. ВЫДЕЛЕНИЕ ТОХАРСКОГО ИЗ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И МИГРАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ТОХАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

6.1. ТОХАРСКИЕ МИГРАЦИИ НА ВОСТОК И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ

Племена, говорившие на тохарских диалектах, довольно рано выделяются из общеиндоевропейского языка и вместе с другими диалектами общности продолжают находиться на первоначальной территории расселения индоевропейских племен. В этот период и могли возникнуть изоглоссы тохарского, объединяющие его с диалектными ареалами, включающими анатолийский, италийский и кельтский (см. выше схему диалектного членения).

Однако еще до выделения италийского и кельтского из праязыка тохарский должен был отделиться от анатолийского в результате перемещения носителей тохарских диалектов с первоначальных мест расселения в восточном направлении в сторону Центральной Азии.

Тохарские диалекты были, очевидно, первой, самой ранней (предшествовавшей и индо-иранским миграциям) миграционной волной в восточном направлении от ареала первоначального распространения праиндоевропейского языка.

В историческую эпоху, в I тысячелетии до н. э., тохарские диалекты, судя по данным китайских источников, обнаруживаются в Восточном Туркестане, ср. *Pulleyblank 1966*. Отсюда проникают в китайский (и некоторые другие восточноазиатские языки) индоевропейские слова типа др.-кит. *mi̯ĕt* 'мед', ср. тох. В *mit* < **mi̯ät* 'мед'; кит. *k'üan*, др.-кит. *k'iwen* 'собака', ср. тох. В *ku*, *вин. п. kwem* 'собака'; кит. *niu*, др.-кит. *.ngi̯ə̯u* 'бык', ср. также кит. *ku*, др.-кит. **kuo* 'бык' при тох. А *ko*, *ki* (*вин. п.*), В *keu* 'корова'[1]; кит. *chu* 'свинья', ср. тох. В *suwo* 'свинья', *swäñana* 'свиной' (ср. *Karlgren 1923* и *1940*).

[1] Возможно, с тем же индоевропейским словом связано и тунгусо-маньчжурское название 'коровы' (> 'кобылы', *Цинциус 1975, 1 : 145*) типа маньчж. geo 'корова', 'кобыла', 'самка' (см. выше, стр. 575), хотя однозначно по фонетическим критериям невозможно определить конкретный источник заимствования. Слово могло проникнуть в тунгусо-маньчжурские языки и из других индоевропейских диалектов, носители которых проходили через Среднюю Азию.

Из этого же источника в китайскую мифологию могли проникнуть и представления о 'священных лошадях', везущих колесницу Солнца (*Pulleyblank 1966 : 31—32*), а также представление о "Большой Медведице" как повозке.

Не только данные языка и мифологии свидетельствуют о контактах Древнего Китая с племенами—носителями индоевропейских диалектов, но и сами материальные остатки колесниц, запряженных лошадьми, которые обнаружены в последнее время на территории Древнего Китая иньского периода; в частности, в Сяоминьтуни найдена повозка-двуколка западноазиатского типа со скелетами двух впрягавшихся в них лошадей. К эпохе Инь относятся и жертвенные ямы со скелетами лошадей и других жертвенных животных, см. *Кучера 1977 : 132—142, 182—185*.

Характерно при этом, что проникновение в Китай иньского периода этого типа колесниц осуществилось, по мнению археологов, благодаря контактам с мощными группировками центральноазиатского населения, обладавшего колесницами раннеближневосточного типа. Эти племена должны были находиться на достаточно высоком уровне социально-экономического и государственного развития, что и позволило им пронести через всю Центральную Азию с Ближнего Востока новый способ военной организации (*Кожин 1977 : 284—285*).

Древние лингвистические связи индоевропейского с китайским не оставляют сомнения в том, что носителями этой центральноазиатской культуры были именно индоевропейские племена, проникшие на своих колесницах в восточную часть Центральной Азии из древней Передней Азии. Более полную картину продвижения этих племен из древней Передней Азии в Восточную Азию можно надеяться получить лишь в результате детального археологического изучения малообследованных обширных областей Средней Азии, являвшихся промежуточным регионом на пути передвижения древних индоевропейских племен в восточном направлении.[1]

6.2. ТОХАРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ФИННО-УГОРСКОМ

Еще более раннее пребывание носителей тохарских диалектов на востоке, в областях Средней Азии, на их пути в Восточный Туркестан, удостоверяется и целым рядом тохарских заимствований в финно-угорских языках, к числу которых относятся следующие формы:

[1] В последнее время получены антропологические доказательства значительности вклада европеоидной примеси населения, проникшего в китайскую провинцию Ганьсу из Средней Азии (*Гохман/Решетов 1981*). Установлены пути миграции европеоидного населения на Алтае и Верхнем Приобье (где они могли контактировать с уральскими в языковом отношении народами), причем истоки этой миграции археологи находят в "постсредиземноморском" населении Таджикистана (*Дремов 1980*). Недавние находки европеоидных черепов эпохи бронзы в Монголии (*Мамонова 1980*) и Туве (*Гохман 1980; Гохман/Решетов 1981*) указывают на близость европеоидов (=кавказоидов) и азиатских монголоидов в этот период; антропологи указывают на необходимость пересмотра прежних взглядов на антропологический состав населения Центральной Азии и Южной Сибири.

Фин.-угор. **mete* 'мед': фин. *mesi* 'цветочный нектар', 'мед', вепс. *meźi*; вод. *mesi*; эст. *mesi*, лив. *me'iž*, *me'ž̌* 'мед', саам. *mieta* 'мед', мордов. эрзя *med'* 'мед', удм. *mu*, коми-зырян. *ma* 'мед', венг. *méz* 'мед', ср. *Лыткин/Гуляев 1970 : 167*. Можно предположить заимствование из раннетохарского **met* (**mi̯ät*): тох. В *mit* 'мед'. Допущение происхождения данной финно-угорской формы как результата заимствования общеиндоевропейского (или доарийского) ***med**$^{[h]}$**u**- (ср. *Joki 1973 : 283*) трудно принять, ввиду значительных фонетических расхождений этих форм (отражение ***d**^{h} как глухого **t*, отсутствие в общефинно-угорской форме конечного *-u*[1]). Заимствование же из более позднего индо-иранского (др.-инд. *mádhu* 'медовый напиток', авест. *maδu-*, согд. *mδw-* 'вино') исключается ввиду различий и в вокализме (фин.-угор. *e* ~ инд.-иран. **a*). Древний финно-угорский вариант этого слова **meke* 'мед' (марийск. *mä*, *mäi̯* 'мед', манс. *mag*, *ma'i̯* [*maγ*-], хант. *mȧχ*, *mȧγ*, *mau̯*) мог возникнуть в результате контаминации **mete* 'мед' с **mekše* 'пчела', ср. *Joki 1973 : 284*;

Урал. **nim(e)* : фин. *nimi* 'имя', саам. *nâmmâ*, мордов. эрзя *l'äm*, мокша *l'em*, марийск. *ləm*, *lüm*, удм. *ńim*, коми-зырян. *ńim*, манс. *nam*, *näm*, хант. *nem*, венг. *név*, ненецк. *ńim*. Заимствование ранне-тохар. **n'em-* : ср. тох. А *ñom*, тох. В *ñem* (*Pedersen 1950*). Заимствование общеиндоевропейского ***en(o)mn̥-**, ***(o)nomn̥** 'имя' (*Pokorny 1959 : 321*) или раннеиранского слова (ср. авест. *nāma*) исключается ввиду фонетических расхождений этих форм;

Волж.-перм. **o/uška* : марийск. *üškə-ž*, *üškü-z* 'бык', 'вол', удм. *oš* 'бык', 'бычок', 'вол'; коми-зырян. *e̯š* (*e̯šk-*), *e̯ška*, коми-перм. *ôška* 'бык', 'бычок'. Заимствование вероятнее всего из раннетохарского, ср. тох. В *okso* 'бык', ср. *Joki 1973 : 334*; не исключена, однако, возможность, ввиду наличия формы с начальным *u-*, и раннеиранского источника заимствования, ср. авест. *uxšan-* 'бык', др.-инд. *ukṣá* 'бык' (ср. *Лыткин/Гуляев 1970 : 213*);

Фин.-перм. **sal3* : фин. *suola* 'соль', вепс. *sola*, эст. *sool*, лив. *suol*, мордов. *sal* 'соль', марийск. *šind'žal* < **čan-sal3*, удм. *si̯lal* 'соль', коми *sol* (*Joki 1973 : 316*); заимствовано из раннетохарского (или из западных индоевропейских языков, ср. ст.-лат. *sale* 'соль', см. ниже) : ср. тох. А *sāle* 'соль'. Слово не характерно для индо-иранских языков; пережиточно сохраняется только в др.-инд. *sal-ilá-* 'море', см. выше, стр. 674.

Обнаруживаются и следы обратного заимствования — из финно-угорских языков в тохарские диалекты:

Тох. А *kälk-* 'идти', В *kalāk-* 'следовать', ср. фин. *kulkea* 'идти', 'гулять', *Van Windekens 1976 : 625*; *Joki 1973 : 191*;

Тох. В *ālp-* 'отражать(ся)'; ср. манс. *al'p-t* 'окрашивать', *Van Windekens 1976 : 622*.

[1] Такое *-u* выступает в прибалтийско-финской форме (фин. *metu* 'мед', вод. *mõtu* 'пиво', эст. *mõdu* 'напиток', считающийся поздним балтийским (*medu-) или германским (*među-) заимствованием (*Joki 1973 : 284*).

Выделяющийся в финно-угорских языках целый пласт лексических заимствований из тохарского: **mete* 'мед', **nim(e)* 'имя', **oška* 'бык', **sal3* 'соль', а также возможные уральские заимствования в тохарском (тох. А *kälk-* 'идти' и др.) являются свидетельством наличия древних исторических контактов между этими языками. Такие контакты финно-угорского с тохарским могли происходить не позднее начала II тысячелетия до н. э. в ареале распространения финно-угорских диалектов к югу от Урала и севернее Аральского моря (к локализации финно-угорского ср. *Смирнов А. 1975*). Отсюда тохары могли попасть в исторические места жительства в Восточном Туркестане. Такое предположение о контактах между тохарскими и финно-угорскими диалектами предполагает движение тохароязычных племен по тем же путям, по которым шли (вероятно, позднее) носители раннеиранских диалектов.

7. ВЫДЕЛЕНИЕ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ ИЗ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА МИГРАЦИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН ЧЕРЕЗ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

7.1. СОВМЕСТНЫЕ МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН — НОСИТЕЛЕЙ ТОХАРСКОГО И «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ

Иранские, в особенности скифские переселения могут служить хорошим примером дальних миграций индоевропейских племен на запад по восточному пути. Именно такой путь предполагается для более раннего времени в отношении "древнеевропейских" диалектов — кельто-италийских, иллирийских, германских, балтийских, славянских. Все эти языки обнаруживают ряд лексических изоглосс, общих с тохарским (см. выше схему диалектного членения на хронологическом уровне 5, стр. 421 и след.), что весьма трудно объяснить без допущения контактов между ними, вероятно, в процессе совместных миграций носителей этих языков вместе с носителями тохарских диалектов.[1]

Существуют слова, сближающие тохарский со всеми "древнеевропейскими" языками или с частью из них, но не с арийскими диалектами, ср. *Бенвенист 1959 : 100—101*; *Van Windekens 1976 : 614—617*; см. также выше, стр. 423. К словам, объединяющим тохарский со всеми "древнеевропейскими" диалектами, относятся следующие формы:

Тох. А *wäl*, В *walo* 'царь' : др.-ирл. *fol-n-* 'господствовать', *flaith* 'господство', лат. *ualēre* 'быть сильным', гот. *waldan* 'управлять', др.-исл. *valda*, др.-в.-нем. *waltan* (нем. *walten*), лит. *véldu* 'правлю', прус. *вин. п. мн. ч. wāldnikans* 'королей', ст.-слав. *vladǫ* 'владею', ср. *Порциг 1964 : 211, 295*;

[1] К этому периоду можно отнести, вероятно, некоторые индоевропейские заимствования в алтайские языки типа тунг.-маньчж. hukur 'бык, скот', др.-тюрк. öküz 'бык, вол', узб. hǝkyz 'крупный рогатый скот', монг. üxer 'крупный рогатый скот', восходящие, видимо, еще ко времени алтайской языковой общности (индоевропейская *centum*-ная форма *$p^{[h]}e\hat{k}^{[h]}u$- : лат. pecus 'скот', гот. faihu 'имущество').

Тох. A, B *kroñše* 'пчела': лат. *crābrō*, др.-в.-нем. *hornŭz*, лит. *širšuõ*, слав. **širšenĭ* 'шершень';

Тох. A *wās*, B *yasa*, *ysā-* 'золото' : лат. *aurum*, лит. *áuksas*, прус. *ausis* (см. выше, стр. 713 и след., о миграционном характере этого слова переднеазиатского происхождения).

7.2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ С ЯЗЫКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО МИГРАЦИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ ЧЕРЕЗ СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Носители тохарских диалектов из Средней Азии направляются позднее дальше на восток в сторону Восточного Туркестана, где они и находятся ко времени появления письменности на этих языках. Остальные "древнеевропейские" диалекты следуют через Среднюю Азию и Поволжье в западном направлении в историческую Европу. Таким восточным путем миграций древних индоевропейских диалектов и объясняются некоторые лексические связи западной группы индоевропейских языков с алтайскими, из которых они заимствуют некоторые термины типа **mork*[h]- 'конь', ср. др.-ирл. *marc*, валл. *march*, галл. *μάρκαν*, др.-в.-нем. *mar(i)ha* (нем. *Mähre*), др.-англ. *mearh* (англ. *mare*) при монг. *morin*, тунг.-маньчж. *murin*, кор. *mal* (ср. также кит. *ma*<**mra*, др.-бирм. *mraŋ*, др.-тиб. *rmang*, тамил. *mā*), см. выше, стр. 554; ср. также *Новикова 1979 : 67 и след.*

С другой стороны, обнаруживаются и заимствования из "древнеевропейских" диалектов в языки Центральной Азии типа енисейских, которые до конца I тысячелетия до н. э. по данным топонимики занимали значительную часть территории Средней Азии. Поэтому переселившиеся в Среднюю Азию племена должны были вступить в контакт с енисейскими. Такое слово, как общеенисейское название 'кобылы', 'мерина' **kus-*, должно было проникнуть в эти языки из "древнеевропейских" диалектов в *centum*-ной форме, ср. лат. *equus* 'лошадь', галл. *epo-* 'конь', гот. *aihva-* 'конь', 'лошадь', ср. тох. A *yuk*, B *yakwe* 'конь', 'лошадь' (см. выше, стр. 561_1).[1]

Наоборот, в некоторых "древнеевропейских" диалектах, в частности германском, следует допустить заимствование из енисейских языков названия 'дома' **hus* : др.-в.-нем. *hūs* (нем. *Haus*), др.-англ. *hūs* (англ. *house*), ср. енис. *qus* 'чум', 'дом', *Дульзон 1971 : 174*, см. выше, стр. 742_1.

Любопытно, что под влиянием индоевропейских культурных традиций у алтайских народов в древности возникает жертвоприношение коня, связываемое с культом бога Неба (*Koppers 1929*; *1935*; *Кузьмина 1974 : 44*), см. также выше, стр. 561.

К возможным заимствованиям в алтайские языки из "древнеевропейских" диалектов *satəm*-ного типа следует отнести и др.-тюрк. *keči* 'коза'

[1] Любопытно, что древнее индоевропейское название 'лошади' проникает в кавказские языки (южнокавказский и северокавказский) в *satəm*-ной форме, тогда как в центральноазиатских языках заимствуется это же слово в *centum*-ной форме. Это полностью противоречит традиционным представлениям о "западном" и "восточном" распределении в отношении друг друга соответственно *centum*-ных и *satəm*-ных диалектов.

(ср. ст.-слав. *koza* 'коза'), др.-тюрк. *ečkü* 'коза', монг. *išig* 'козленок' (ср. лит. *ožkà* 'коза'), см. выше, стр. 588 и след.

Еще одним вероятным заимствованием из "древнеевропейских" диалектов в тюркские, иллюстрирующим ранние контакты этих языков в Центральной Азии, может служить др.-тюрк. *ögüz* 'река' (*Древнетюркский словарь 1969 : 383*), не имеющее собственно тюркской этимологии. Слово может отражать *centum*-ную форму **e/ok*$^{[h]o}$- 'вода', 'поток', отраженную в "древнеевропейских" языках в формах типа лат. *aqua* 'вода', др.-исл. *ægir* 'бог моря', др.-англ. *ēg-* (*ē, ēa*), 'поток', 'течение (моря)', гот. *ahva* 'река', 'поток'.[1]

С другой стороны, к вероятным заимствованиям из "древнеевропейских" диалектов в тюркские в период их нахождения в Центральной Азии может быть отнесено тюркское название 'осины', 'тополя': алт. *aspaq, apsaq*, чуваш. *ăvăs*, хак. *os* 'осина' (ср. *Севортян 1974 : 607—608*) при др.-исл. *ǫsp* 'осина', др.-англ. *æspe* 'осина', др.-в.-нем. *aspa* (нем. *Espe*), прус. *abse* 'осина', латыш. *apse* 'осина', др.-рус. *осина*, см. выше, стр. 627. Сюда же следует отнести заимствование "древнеевропейского" **amlu-* 'яблоко' в виде **alma* 'яблоко' в общетюркский, см. выше, стр. 639$_2$.

Можно допустить, что из индоевропейских диалектов этого же круга заимствованы в древнекитайский язык формы типа др.-кит. **lac-* 'молоко' (ср. лат. *lac, род. п. lactis*, см. выше, стр. 568), для которых не обнаруживаются источники в тохарском.

О миграции носителей "древнеевропейских" диалектов через Среднюю Азию в западном направлении свидетельствует, по-видимому, и наличие индоевропейских лексических заимствований в финно-угорском, источником которых можно считать диалекты именно этого структурного типа.[2]

К таким индоевропейским заимствованиям относятся следующие финно-угорские слова (в той мере, в какой их нельзя отнести к проявлениям возможного первичного родства индоевропейского с финно-угорским, ср. *Collinder 1974*; *Иллич-Свитыч 1971, I*; *1976, II*):

Фин.-угор. **orpa-s* ~ **orva(-s)* : фин. *orpo* 'сирота', саам. *oarbes* 'осиротелый', мордов. эрзя *uros* 'сирота', хант. *-urɣi, -uri*: *jəŋk-u* 'сирота', венг. *árva* 'сирота', ср. *Joki 1973 : 297—298*; *Collinder 1974 : 365*. Древнее

[1] Другие вероятные центральноазиатские отражения этой "древнеевропейской" формы можно было бы видеть в сохраненных античными авторами названиях основных рек Средней Азии — *Аму-Дарьи* (античное *Ὦξος*, лат. Ochsus) и *Сыр-Дарьи* (античное *Ἰαξάρτης*). Oks-, Iaks- в этих названиях возможно интерпретировать в качестве того же "древнеевропейского" названия 'реки, потока' **ek*$^{[h]o}$-*os*/**ok*$^{[h]o}$-*os* (ср. аналогичное фонетическое развитие того же корня в тох. A yok- 'пить'). К этому же названию может восходить и позднейшее иранск. Vaxš- '*приток Сыр-Дарьи*'.
В свете этих сопоставлений обращает на себя внимание второй элемент в названиях рек Кавказа и Прикаспия, в частности Ar-aks 'река Аракс' и Ar-agw- 'река Аргви' (при первом элементе ar-, восходящем, возможно, к индоевропейскому корню **r-* 'двигаться', 'течь').

[2] Однако в некоторых случаях не представляется возможным формально дифференцировать заимствования этого структурного типа от раннеиранских.

общефинно-угорское заимствование из индоевропейского (ср. лат. *orbus* 'сирота' и др., см. выше, стр. 747 и след.), отражающее первоначальный вокализм и передающее звонкий (придыхательный) путем чередующихся звуков $p \sim v$. Допущение иранского происхождения затруднено ввиду отсутствия соответствующей формы в иранском (ср. др.-инд. *árbhaḥ* 'ребенок' с отличной семантикой);

Фин.-угор. **aja-* : фин. *aja-* 'гнать'; 'везти', 'возить', эст. *aja-* 'гнать'; 'ехать', лив. *aja-* 'гнать', саам. *vuoggjet* 'возить', удм. *uj(i)-* 'преследовать', коми *voj-* 'прорваться через что-либо', *voi̯-li̯-* 'бежать', манс. *vuj-t* 'преследовать'. Предполагается заимствование формы **aĝ-* < **aǩ-* (ср. лат. *agō* 'веду', др.-исл. *aka* 'ехать', тох. В *āk-* 'вести') с субституцией **ĝ* → фин.-угор. **j* (*Joki 1973 : 247—248*). В качестве источника могли послужить индоевропейские диалекты с озвончением серии I смычных (итало-лийский, кельтский, балтийский, славянский). Не исключена, однако, возможность заимствования данного слова и из реннеиранского источника с постулируемой формой **až-* < **aĝ-* с субституцией ранне-иран. **ž* → фин.-угор. **j*;

Фин.-угор. (или фин.-волж.) **oŋke* : фин. *onki* 'крючок', вепс. *oŋg*, эст. *õng*, саам. *vuog'gâ* 'крючок', марийск. *oŋgâ*, *oŋgo* 'крючок'; 'кольцо', ср. *Joki 1973 : 295—296*; *Collinder 1974 : 365*. Слово могло бы быть заимствовано из индоевропейской формы типа лат. *uncus* 'крючок' (и.-е. **onk$^{(h)}$l-o-*). Не исключается, однако, возможность и раннеиранского заимствования (ср. авест. *aka-* 'крючок', *anku-pəsəmna-* 'украшающий себя крючками', с отражением иранского *a* в позиции перед сонантом *n* в виде *o*, ср. выше **onća*, стр. 924);

Фин.-угор. **luke* : фин. *lukea* 'считать', 'читать', 'говорить', 'учить'; *luku* 'число', 'счет'; 'чтение', саам. *lokkât* 'читать', 'считать', 'рассказывать', мордов. эрзя *lovoms* 'считать', 'считать за что-нибудь', марийск. *luδam* 'считать', удм. *lid* 'число', манс. *loβənt* 'считать' (*Joki 1973 : 278*). Сопоставляется с и.-е. **lek̂'-/*lok̂'-* : ср. лат. *legō* 'выбираю', 'читаю', алб. *mb-ledh* 'собирать'; 'собирать урожай'. Может считаться ранним заимствованием из индоевропейского (*Jokl 1921 : 111 — 112*; *Collinder 1955 : 131*). Заимствование можно предположить на основании семантики финно-угорской формы, отражающей производное культурное значение индоевропейского слова ('считать', но не 'собирать'). Обращает на себя внимание звуковая форма финно-угорского слова, отражающего глоттализованный характер индо-европейской фонемы **k̂*' в виде незвонкого смычного *-k-*. Интересно, что раннеиранские формы со звонкими (восходящими к индоевропейским глоттализованным серии I) передаются в финно-угорском регулярно как звонкие. В этом отражаются различные типы индоевропейских заимствований в финно-угорском из архаичных индоевропейских диалектов, еще сохраняющих неозвонченные глоттализованные, и из других индоевропейских диалектов, преимущественно иранских, с преобразованиями первоначальной системы индоевропейских смычных;

Фин.-угор. **vos(a)-* : фин. *osta-* 'покупать', эст. *ostaa* 'покупать', лив. *vostâ*, саам. *ǟsēs* 'торговля', марийск. *uža* 'цена', *wəžale-* 'продавать', удм. *vuz* 'товар', 'торговля', *vuzal-* 'торговать', коми *vuz-ęs* 'товар', *vuzal-* 'продавать', манс. *weta*, *wāta(-χum)* 'купец', *Лыткин/Гуляев 1970 : 70*. Слово заимствовано из индоевропейского, ср. лат. *uēno*, *дат. п.* (из **ues*no-) 'продажа', ср. *Joki 1973 : 298*;

Фин.-волж. **oksa//*oska* : мордов. эрзя *ukso*, *uks* 'ясень', марийск. *o·škə̑*, *oško* 'ясень'. Из индоевропейского ***osk$^{(h)}$ā**, ср. др.-исл. *askr*, др.-англ. *æsc* 'ясень', ср. *Joki 1973 : 333*; *Friedrich P. 1970 : 95*; см. выше, стр. 625.

Фин.-угор. **kal-w3* : фин. *käly* 'жена брата', 'сестра жены', эст. *käli* 'брат мужа', 'жена брата мужа', лив. *kälu* 'жена брата', мордов. мокша *k'el* 'жена брата мужа', удм. *kali* 'обращение младшей снохи к старшей', коми-зырян. *kel* 'невестка' (жена одного брата для жены другого). Сопоставляется с индоевропейским названием 'свойства', ср. лат. *glōs* 'золовка', 'жена брата', ц.-слав. *зълъва* 'золовка'; ср. к этому также сем. **kall-at-* 'невестка' (жена сына или брата), тюрк. **kalin* 'сноха', *Иллич-Свитыч 1971, I : 295—296*; *Joki 1973 : 267—268*; *Collinder 1974 : 366*;

Фин.-угор. (урал.) **teke-* : фин. *teke-* 'делать', саам. *dâkkât* 'делать', мордов. эрзя *t'eje-* 'делать', мокша *t'ijə-* 'делать', венг. *tenni* 'делать'. Сопоставляется с индоевропейским ***d$^{(h)}$eH-**, ср. ст.-лат. *fēci* 'сделал', *Joki 1973 : 327—328*; *Иллич-Свитыч 1971, I : 224*; *Collinder 1974 : 367*;

Фин.-угор. **veta-* : фин. *vetä-* 'вести', марийск. *wiδe-*, мордов. эрзя *ved'a-*, венг. *vezet-* 'вести'. Сопоставляется с индоевропейским ***Hued$^{(h)}$-**, ср. лит. *vēdinti* 'вести', 'жениться'; см. выше, стр. 756;

Урал. **toke* : фин. *tuo-da* 'нести', 'вести', саам. *duoδə-* 'купить', мордов. эрзя *tuje-* 'нести', 'давать', манс. *tū-* 'нести', хант. *tū-* 'нести'. Сопоставляется с и.-е. ***t'oH-** 'давать', *Joki 1973 : 331*;

Фин.-угор. **weγe//*wiγe* (*Collinder 1974 : 366*) : фин. *vie-* 'вести', саам. *wijke-*, *vi'kkw-* 'вести', мордов. эрзя *vije-*, мокша *vije-* 'нести', коми-зырян. *vaį-* 'нести', венг. *viv-* 'нести'. Сопоставляется с индоевропейским ***ueǵ$^{(h)}$l-** 'везти', ср. лат. *vehere* 'везти', 'ехать', лит. *vežù* 'везу', ст.-слав. *vezǫ* 'везу', *Joki 1973 : 345—346*;

Урал. **uete* : фин. *vesi* 'вода', мордов. эрзя *ved*, мокша *ved'*, марийск. *wət*, коми-зырян. *va*, манс. *wit*, венг. *víz*. Сопоставляется с индоевропейским ***uet'-** 'вода', ср. гот. *watō* 'вода', *Joki 1973 : 344*.

Таким образом, рассмотренная выше небольшая группа слов, обнаруживающая формальную близость с индоевропейскими лексемами и отличающаяся (за малыми исключениями) от раннеиранских и тохарских форм, легко может быть отождествлена с формами тех индоевропейских диалектов (так называемых "древнеевропейских"), которые выделились на раннем этапе миграции и позднее направились на запад — к европейской части Евразийского континента при возможных контактах с племенами, говорившими на финно-угорских диалектах, расположенных на путях их следования в исторические места жительства.

7.3. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО СОВМЕСТНОГО РАЗВИТИЯ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ

"Древнеевропейские" диалекты в период миграций их носителей и в процессе их движения в западном направлении из Средней Азии должны были представлять собой еще слабо расчлененную на отдельные диалекты языковую общность, которая характеризовалась целым рядом лексических новообразований по сравнению с другими индоевропейскими диалектами, уже дифференцировавшимися к этому времени. Такие инновации "древнеевропейских" диалектов охватывают в основном среду лексической семантики и проявляются в применении древних слов в новом, специфическом для этой диалектной общности значении, а также в появлении некоторых новых слов, не представленных в остальных индоевропейских диалектах.

К числу характерных для этой группы семантических инноваций, противопоставляющих ее остальным индоевропейским диалектам, можно отнести следующие:

И.-е. ***t[h]eu-t[h]-** в значении 'община', 'народ': др.-ирл. *túath* 'народ', валл. *tūd* 'страна', галл. *Teut-* (в личных именах), оск. τωΓτο, *touto*, умбр. *вин. п. ед. ч. totam* 'civitatem', гот. *þiuda*, др.-исл. *þjóð*, др.-англ. *þēod*, др.-в.-нем. *diot(a)* 'народ', 'люди', *diutisc* 'народный' (нем. *deutsch*); иллирийские собственные имена с первым элементом *Teut-*; прус. *tauto* 'страна', лит. *taũtà*, латыш. *tàuta* 'народ', *Krahe 1954 : 63—70*; *1968*; *Порциг 1964 : 294—295* (ср. отличное от этого значение в остальных группах индоевропейских диалектов: хет. *tuzzi-* 'войско', ср. *Schmid 1977 : 107*; *Szemerényi 1976 : 100—108*);

И.-е. ***mor(i)-** в значении 'море': др.-ирл. *muir*, лат. *mare*, гот. *marei*, др.-в.-нем. *mari* (нем. *Meer*), лит. *mãrės* (*мн. ч*), ст.-слав. *morje* (при значении 'стоячая вода', 'болото' в остальных индоевропейских диалектах: хет. *marmara-* 'болото', осет. *mal* 'глубокая стоячая вода', арм. *mawr* 'болото', *Poetto 1973*).

К лексическим новообразованиям, общим для этих диалектов, относятся также слова:

Др.-европ. ***p[h]eiśk[h]-** 'рыба': др.-ирл. *íasc* 'рыба', лат. *piscis*, гот. *fisks*, др.-исл. *fiskr*, др.-англ. *fisc* (англ. *fish*), др.-в.-нем. *fisc* (нем. *Fisch*), *Порциг 1964 : 165*;

Др.-европ. ***p[h]l-ā-r-/-n-** 'земляной пол', 'гумно', 'поле': др.-ирл. *lár* 'пол (земляной)', 'гумно', др.-исл. *flórr* 'пол коровьего хлева', др.-англ. *flōr* 'пол' (англ. *floor*), ср.-в.-нем. *vluor* 'пол', 'луг' (нем. *Flur*), *Порциг 1964 : 178—179*;

Др.-европ. ***k'r̥no-** 'зерно': др.-ирл. *grán* 'зерно', лат. *grānum*, гот. *kaúrn*, прус. *syrne*, лит. *žirnis*, ст.-слав. *zrĭno* 'зерно';

Др.-европ. ***b[h]ar-** : лат. *far*, *род. п. farris* 'полба', умбр. *far*, др.-ирл. *bairgen* 'хлеб', гот. *barizeins* 'из ячменя', др.-исл. *barr* 'зерно', 'ячмень', др.-англ. *bere* 'ячмень', сербо-хорв. *bâr* 'род проса'. Слово считается заимствованием из семитского: ср. др.-евр. *bar* 'обмолоченный хлеб', араб. *burr-*

'пшеница', см. выше, стр. 871 и след. Оно должно было проникнуть в эти диалекты еще в период их пребывания в пределах Ближнего Востока и контактирования с семитским.

7.4. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПРИВОЛЖЬЕ КАК ОБЛАСТИ СОВМЕСТНОГО ОБИТАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ. ПРОБЛЕМА «ВТОРИЧНОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ»

Движение "древнеевропейских" диалектов в Центральной Азии с последующей ориентацией в сторону запада Евразии осуществлялось, по-видимому, в виде повторных миграционных волн, направленных с востока на запад Евразии, где в дальнейшем эти племена оседали и заселяли определенную общую территорию. Вновь прибывавшие племена присоединялись к уже осевшим на этой территории, и таким образом образовывался общий промежуточный ареал для мигрировавших с востока индоевропейских племен, позднее заселивших более западные области Европы. Тем самым этот общий промежуточный ареал становится областью контактов и вторичного сближения ранее уже частично отдалившихся друг от друга индоевропейских диалектов, где и могли возникнуть подобные лексические и семантические инновации.

Такое взаимодействие этих диалектов можно рассматривать как пример возникновения "вторичного языкового союза" изначально родственных диалектов. Распространение диалектов из этого общего "вторичного ареала" — в некотором смысле "вторичной промежуточной прародины" племен, говоривших на соответствующих диалектах — на новые территории в Центральной и Западной Европе кладет начало постепенному возникновению отдельных языков (италийского, кельтского, иллирийского, германского, балтийского, славянского), условно именуемых по территории, ими занимаемой в историческую эпоху, "древнеевропейскими".

Тем самым для "древнеевропейских" языков общим исходным ареалом распространения (хотя и вторичным) можно считать область Северного Причерноморья и Приволжские степи. Теория, локализующая в этой области "прародину индоевропейцев", принимает в таком освещении новый смысл как гипотеза о прародине для западной группы индоевропейских языков. Этот временный ареал совместного обитания племен—носителей древних индоевропейских диалектов мог служить областью, где двигались различные миграционные волны носителей этих диалектов и формировались вторичные изоглоссы, наложившиеся на старые; последние объединяют эти диалекты с другими индоевропейскими языками, носители которых мигрировали из первоначальных областей их расселения в других направлениях.

Именно на путях к этим областям "вторичной прародины"—Причерноморья и Заволжья—и могли происходить контакты "древнеевропейских" диалектов с носителями языков Центральной Азии (ср. заимствования в финно-угорские языки из этих диалектов, а также заимствования в эти диалекты из алтайских языков: ср. выше слова типа **mork[h]-* 'конь' и др.).

7.5. СЛЕДЫ СОВМЕСТНОГО ПРЕБЫВАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ НА «ВТОРИЧНОЙ ПРАРОДИНЕ» В ДРЕВНЕЙШЕЙ ГИДРОНИМИКЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Следы пребывания носителей "древнеевропейских" диалектов на территории "вторичной прародины" можно видеть и в специфическом характере гидронимов Северного Причерноморья (территории Украинской и Молдавской ССР и РСФСР), обнаруживающих за вычетом позднейших наслоений (в частности, славянских и иранских, ср. выше о названиях типа Дон, Днепр и др.) специфические черты ранней индоевропейской гидронимии, которые засвидетельствованы и в центральноевропейских гидронимах. К числу таких гидронимов можно отнести следующие типы, проявляющие сходство по суффиксам и основам с "древнеевропейскими", что само по себе должно отражать их общеиндоевропейский характер:

Солуч-ка (из **solǫtj- < *salantiā*), ср. *Трубачев 1968 : 131—132*; ср. лит. *Sālantas*, *Salontia* (в Швейцарии, приток Роны), основа на **-nt[h]-*, *Krahe 1960*; *Бреща* (из **brent-*), ср. гидроним *Brenta* в Венеции (*Brendisium* в Нижней Италии), *Трубачев 1968 : 177*; *Мурава*, совпадает с дунайским центрально-европейским гидронимом *Morava*, *Morawa* на верхней Висле (ср. античное *Marus*, *Maraššanda-* в древней Анатолии, см. выше, стр. 861); *Альта*, др.-рус. *Лытица*, совпадает с ''Αλτος в Македонии, *Alto* в Иллирии, *Altinum* в Венеции (ср. *Krahe 1960*) и с анатолийским *Alda* (ср. хет. *aldanni-* 'источник'); гидронимы на *-ра* типа *Стрыпа*, допускающие интерпретацию на основе различных древних индоевропейских диалектов, ср. *Топоров/Трубачев 1962 : 171, 176, 197* и др.; *Трубачев 1968 : 152—158* (ср. при этом анатолийские гидронимы на *-ḫar-*, см. выше, стр. 861); *Ромен* (ср. лит. *Armenà*); *Armeno* в области Триента; древнеевропейские *Armenta*, *Armantia*, ср. *Трубачев 1968 : 209*; группа гидронимов на *-kva* типа *Murakwa*, *Иква*, сопоставляемые с иллирийскими и балтийскими (ср. *Ikva* в Западной Венгрии), *Трубачев 1968 : 62—67*.

Характерно, что древние индоевропейские гидронимы сохраняются за мелкими реками и притоками крупных рек, тогда как сами крупные реки переименовываются при появлении новых этнических групп, ср. иранские названия крупных рек Восточной Европы (*Дон*, *Днепр*, *Днестр* и др.).

Недостаточная изученность в историческом аспекте древнейшей гидронимии Приволжья и Средней Азии не позволяет в настоящее время полностью выявить возможные следы прохождения древних индоевропейцев через эти области.[1]

[1] Особую проблему представляет вопрос о возможности переноса некоторых переднеазиатских названий рек в Восточную Европу при посредстве носителей "древнеевропейских" диалектов. В этом отношении представляет исключительный интерес распространенный в Северном Причерноморье гидроним *Оврад*, Owrad, сопоставимый с названием 'Евфрата', но не признаваемый иранизмом (см. *Трубачев 1968 : 94, 260*).

7.6. «ВТОРИЧНАЯ ПРАРОДИНА» КАК АРЕАЛ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКО-ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ. «СКИФО-ЕВРОПЕЙСКИЕ» ИЗОГЛОССЫ

На подступах к причерноморским и приволжским степям, которые представляли ареал концентрации шедших с востока индоевропейских племен, могли происходить и контакты с реннеиранскими диалектами. В этом отношении представляет особый интерес ряд слов, а также мифологических мотивов, общих у восточноиранских языков с "древнеевропейскими" диалектами, так называемые "скифско-европейские изоглоссы", см. *Абаев 1965*;

Др.-исл. *ǫl*, др.-англ. *ealu* (англ. *ale*), др.-сакс. *alo-* 'пиво'; прус. *alu*, лит. *alùs* 'пиво', ст.-слав. *olй*, др.-рус. *олъ*, *олуй*: осет. *ælūton* 'пиво', *Абаев 1949, I : 338—347*; *1958, I : 129—131*;

Лат. *uirga* (<**uis-ga*) 'прут', 'хворостина', слав. *věcha* 'щит' (из **ųeįsa*) : осет. *wis / wes* 'прут', 'хворостина', *Абаев 1965 : 20 — 21*;

Лат. *armus* 'предплечье', 'лопатка', гот. *arms* 'рука', др.-в.-нем. *arm* (нем. *Arm*), др.-англ. *earm* (англ. *arm*), ст.-слав. *ramo* 'плечо': осет. *arm* 'рука', памир. вахан. *yurm*, йидга *yārmĕ* (*Абаев 1958, I : 68*; *1965 : 30—31*). Обнаружение слова в памирских языках может указывать на большую древность контактов между "древнеевропейскими" диалектами и иранским еще в Средней Азии;

Лат. *grānum*, др.-ирл. *grán*, гот. *kaúrn*, прус. *syrne*, лит. *žirnis*; афган. *zəṇay* (из **zṛna-ka*) 'зерно', *Абаев 1965 : 13*. Слово может свидетельствовать о более ранних контактах восточноиранских и "древнеевропейских" диалектов на территории Средней Азии;

Лат. *portus* 'гавань', *angi-portus* 'узкий проход', галл. *ritu-* 'брод', др.-в.-нем. *furt* 'брод', др.-англ. *ford*, др.-исл. *fjǫrðr* 'фиорд', 'небольшая морская бухта' : осет. *fūrd/ford* 'большая река', скиф. Πόρατα 'река Прут', авест. *pərətu-* 'переход', 'брод', 'мост'. Восточноиранское заимствование из "древнеевропейского" лексического обозначения перехода через водоем, см. выше, стр. 673;

Др.-в.-нем. *lahs* (нем. *Lachs*), др.-исл. *lax* 'лосось', прус. *lasasso* 'лосось', лит. *lāšis* 'лосось': осет. *læsæg* 'лосось', ср. тох. *laks* 'рыба'. В специальном значении 'лосось' (вместо возможного первоначального значения 'пятнистая рыба', ср. выше, стр. 536) слово является общим для "древнеевропейских" диалектов и восточноиранского (осетинского). Такое значение этого слова могло естественно возникнуть в тех областях, где водится 'лосось' — в районах, прилежащих к Аральскому или Каспийскому морям. Тохарский показывает смещение значения в сторону 'рыба' вообще;

Ст.-слав. *pĭsati* 'писать', лит. *piẽšti* 'чертить', 'писать'; осет. *fyssyn* 'писать', согд. *'py'st-* 'украшенный'; тох. А *pik-*, *pek-*, В *pik-*, *paik-* 'писать'. Семантическая инновация в балто-славянском, восточноиранском и тохарском при сохранении древнего значения 'украшать', 'рисовать' в части древнеиранских диалектов (ср. авест. *paēs-* 'украшать'), древнеиндийском

(др.-инд. *piṁśáti* 'украшает'), латинском (*pingō* 'рисую', 'раскрашиваю'). Такое специфическое новое значение слова могло возникнуть в части "древнеевропейских" диалектов, восточноиранском и тохарском в процессе контактов этих диалектов в Центральной Азии;

Ср. также ирл. *cercc* 'курица': осет. *kark* 'курица', памир. вахан. *kərk*, афган. *čərg* 'петух', тох. В *kraṅko* 'петух', см. *Wagner 1969 : 227*.

7.7. «ВТОРИЧНАЯ ПРАРОДИНА» И ПРОБЛЕМА БАЛТО-СЛАВЯНО-АРИЙСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС

Носители "древнеевропейских" диалектов направлялись из Центральной Азии, по-видимому, повторными миграционными волнами и расселялись в промежуточном ареале Причерноморья и Приволжья, где они могли образовывать в течение определенного периода особую диалектную общность. В этом ареале они должны были прийти в соприкосновение с появившимися здесь, возможно в еще более ранний период, арийскими племенами, которые, очевидно, пришли кавказским путем (см. выше, стр. 916 и след.).

Следы такого соприкосновения "древнеевропейских" диалектов с арийским можно было бы видеть и в балто-славяно-арийских лексических изоглоссах, соотносимых с поздним хронологическим уровнем *5* диалектного членения общеиндоевропейского языка, см. выше, стр. 417:

Лит. *šývas* 'серо-белый', ст.-слав. *sivŭ* 'сивый', 'серый' (масть лошади): др.-инд. *śyāvá-* 'черно-бурый', 'гнедой', авест. *syāva-* 'черный';

Прус. *kirsnan* 'черный', ст.-слав. *črŭnŭ*: др.-инд. *kṛṣṇá-* 'черный';

Лит. *māras* 'мор', 'эпидемия', ст.-слав. *morŭ* 'смерть', 'мор': др.-инд. *māra-* 'смерть';

Лит. *dẽšinas*, ст.-слав. *desnŭ* 'правый': др.-инд. *dákṣiṇa-* 'правый', авест. *dašina-* 'правый'.

Сравнительно поздний характер этих балто-славяно-арийских лексических изоглосс, соотносимых с хронологическим уровнем *5* по схеме диалектного членения индоевропейского языка, проявляется и в специфической семантике рассматриваемых слов, относящихся к специальному терминологическому словарю.

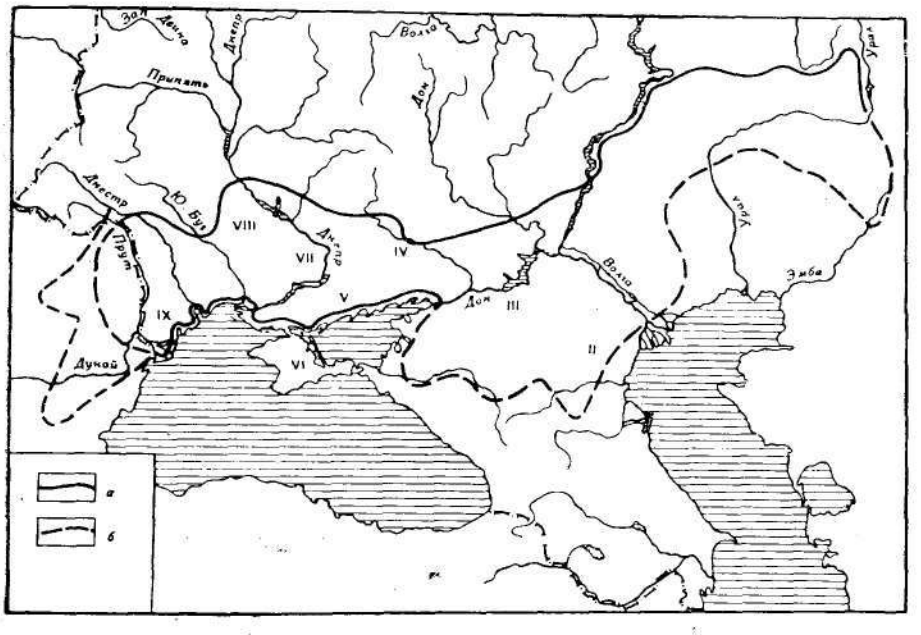
7.8. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ СООТНЕСЕНИЕ «ВТОРИЧНОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ» С КУРГАННОЙ (ДРЕВНЕЯМНОЙ) АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ ПРИУРАЛО-ВОЛЖСКИХ СТЕПЕЙ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Предполагаемый промежуточный ареал расселения носителей индоевропейских диалектов в таком понимании можно рассматривать как в определенном смысле "вторичную" их прародину, то есть территорию их совместного обитания на протяжении определенного времени, перед началом нового периода миграций дальше на запад.

Этот предполагаемый ареал расселения индоевропейских племен—носителей "древнеевропейских" диалектов, а также арийцев и, возможно, других индоевропейских племен, которые должны были появиться в этом

ареале к III тысячелетию до н. э., является в этот период областью так называемой "курганной" или "древнеямной" культуры.[1]

Эта культура распространена на территории от Северного Причерноморья до приволжских степей и Аральского моря. Атрибуты "курганной" (древнеямной) археологической культуры, восстанавливаемые по остаткам материальных памятников, совместимы с атрибутами древней культуры, реконструируемой для индоевропейского по лингвистическим данным.

Карта 2. **Древнеямная культурно-историческая область и ее варианты (ср. *Мерперт 1974 : 153*)**

"Курганная" (древнеямная) культура III тысячелетия до н. э. характеризуется наличием скотоводства и земледелия, колесных повозок, при-

[1] Уже по хронологическим соображениям было бы трудно считать более поздние слои "курганной" культуры Приволжья и Причерноморья, датирующиеся по новейшим радиокарбонным данным III тысячелетием до н. э., культурой протоиндоевропейской — то есть культурой племен—носителей праиндоевропейского языка, и соответственно признавать этот ареал "первичной" общеиндоевропейской прародиной, откуда происходили миграции древних индоевропейцев в исторические места их жительства, ср. *Schmitt 1974a*. Хронологически эта археологическая культура и соответственно этот ареал могут быть соотнесены именно с определенной частью расселившихся индоевропейцев (ср. также *Goodenough 1970 : 261* ; *Watkins 1971 : 1502*), вероятнее всего, с носителями "древнеевропейских" диалектов. О хронологии древнеямной культуры см. также *Thomas 1970*; *Мерперт 1974*.

В последнее время *М. Гимбутас* предлагает стратиграфию с соотнесением курганной культуры *I* к V тысячелетию до н. э., культуры *II* — к концу V и первой половине IV тысячелетия до н. э. при датировке последующей культуры *III* концом IV тысячелетия до н. э., культуры *IV*—началом III тысячелетия до н. э., см. *Gimbutas 1974*; *1977*; ср. также *Mallory 1977*. При неполной выясненности возможности объединения всех археологи-

менением домашней лошади как тягловой силы, развитой металлургией меди, а затем бронзы, сооружением крепостей на возвышенностях. Для этой культуры характерно уже и выделение социальных рангов, наличие предводителей племени и особого ранга воинов, наличие значительного числа религиозных символов (колесница Солнца и др.); захоронение трупов в некоторых случаях с трупосожжением, см. *Gimbutas 1968*; *1973b*; *1974*.

Существенным моментом в свете предлагаемой интерпретации "курганной" (древнеямной) культуры является то, что она обнаруживает связи с переднеазиатским миром, которые шли через Среднюю Азию (*Мерперт 1974*) и через Кавказ (*Gimbutas 1973 b*). На это указывают колесные повозки переднеазиатского типа, характер изделий из металла с изображениями таких животных, как львы, скипетры из диорита и других драгоценных камней и др.

Недостаточная изученность раннего бронзового века областей к югу и западу от Аральского моря[1], лежащих между ареалом ямной культуры III тысячелетия до н. э. и югом Средней Азии — Южной Туркменией IV тысячелетия, находившейся в орбите древневосточного культурного мира (ср. *Лисицына 1978 : 21 и след.*), не позволяет более полно осветить характер исторической связи между этими районами и реконструировать недостающее археологическое звено, связывающее эти культуры (ср. *Мерперт 1974*; *Leriche 1973*). Восстановление его, возможно, позволило бы представить непрерывную линию миграций индоевропейской культуры из ближневосточного ареала через Среднюю Азию в исторические области Восточной Европы — на новую "прародину" индоевропейцев.[2]

ческих культур этого широкого ареала в единую "курганную" культуру остается открытым и вопрос о точной абсолютной хронологии ее ранних периодов даже при применении радиокарбонного метода датировки, ср. *Neustupný 1970*; *Schmitt 1974a*; *Мерперт 1974*; *Mallory 1976*; *Merpert 1977*.

Определение "курганной" культуры как собственно "протоиндоевропейской", что утверждается *М. Гимбутас* в ее многочисленных исследованиях (ср. также *Mallory 1977*), наталкивается и на трудности, касающиеся предполагаемых ею же траекторий перемещения в пространстве племен—носителей этих культур. При утверждении у М. Гимбутас об исключительно западной направленности смещения этих "протоиндоевропейских" культур становится непонятным отсутствие археологически устанавливаемых следов проникновения из этого ареала в восточном и юго-восточном направлениях носителей таких древних индоевропейских диалектных объединений, как тохарский, индо-иранский (если исключить проникновение этого последнего по кавказскому пути с севера) и других.

[1] Для исследования точных путей миграций существенным представляется и палеогеологическое обследование безводной пустыни вокруг Аральского моря (в прошлом имевшего значительно меньшие размеры и более высокую соленость), ср. *Мартинсон 1976*: *131—133*.

[2] По имеющимся уже в настоящее время в распоряжении науки археологическим данным можно предположить связь культуры Северного Ирана с центральноазиатским ареалом вплоть до Каспийского моря и далее на запад, ср. о серой керамике Северного Ирана и ее центральноазиатских связях *Deshayes 1960*; *1969* (автор считает возможным сопоставить эти археологические связи с индоевропейскими миграциями), ср. о сопоставлении серой керамики Ирана, Малой Азии и Балкан *Thomas 1970*.

Следует также учитывать возможность индоевропейских переселений и водным путем (по Каспийскому морскому пути). Индоевропейская лексика, отражающая термины судоходства (ср. выше слова ***erH-/*reH-** 'плавать в лодке или на корабле с помощью весел', ***naHu̯-** 'судно', 'лодка', ***p[h]leu̯-** 'плыть на судне'), указывает на знакомство носителей этих диалектов со способами передвижения по большим водоемам. В таком случае становится понятным почти полное отсутствие археологических и ономастических следов, связывающих ареалы первоначального и более позднего расселения индоевропейских племен.

С древними индоевропейскими, а возможно и раннеиранскими миграциями, осуществлявшимися не позднее конца первой половины II тысячелетия до н. э., соотносится могильник Синташта в Южном Зауралье (поселок Рымнинский, Брединский район Челябинской области), где обнаружены захоронения людей со следами колесницы и очень обильными жертвоприношениями животных (главным образом, коней, но также быков, телят, овец, коз, собак), см. *Генинг 1977*. Некоторые детали ритуала, так же как ряды бычьих голов, имеют разительные аналогии не в иранском, а в древнеближневосточном материале начиная с Чатал-Хююка.

Рис. 20. **Саймалы-Таш. Наскальные изображения повозок**

Можно также проследить траекторию движения повозок, запряженных лошадьми, из очага их возникновения на Ближнем Востоке в восточном направлении в сторону Средней Азии и далее на северо-восток по петроглифическим изображениям таких повозок и лошадей, обнаруживаемых в большом количестве в ареале от Ферганского хребта (Саймалы-Таш) и далее до Южной Сибири и Монголии и датируемых эпохой бронзы (III—II тысячелетия до н. э.), ср. *Littauer 1977*; *Piggott 1979*; *Шер 1980 : 194 и след.* Любопытно, что картина распространения колесных повозок, запряженных лошадьми, восстанавливаемая на основании географии этих наскальных изображений, совпадает в общем с предполагаемыми путями распространения носителей индоевропейских диалектов, направлявшихся из Ближнего Востока через Иранское плоскогорье в Среднюю Азию и

далее на северо-восток, к ареалу древней локализации тюрко-монгольских диалектов.

Такое предположение делает вполне вероятным, при проведении соответствующих археологических исследований, обнаружение на территории распространения петроглифических изображений колесниц, реальных остатков таких колесниц и сопутствующих предметов материальной культуры, которые должны были быть занесены в эти области мигрировавшими носителями индоевропейских диалектов.

Движение носителей индоевропейских диалектов, из которых позднее развиваются тохарские, "древнеевропейские" (и примыкавшие к ним восточноиранские) языки, осуществлялось, по всей видимости, в соответ-

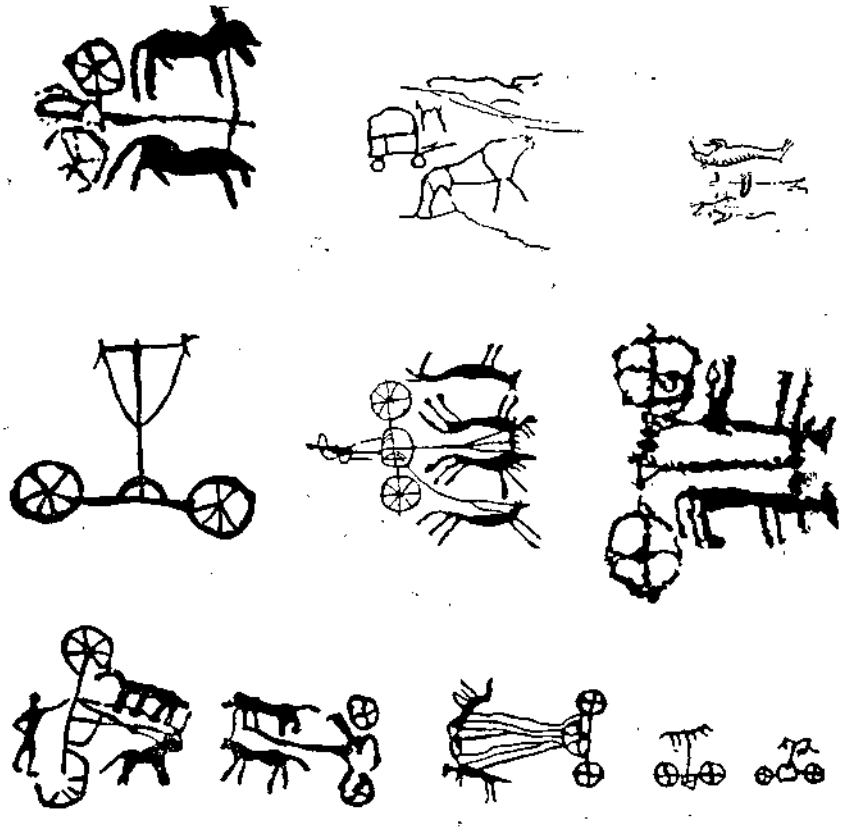

Рис. 21. **Наскальные изображения повозок и колесниц из Южной Сибири и Монголии** (по *Шер 1980 : 197*)

ствии с хозяйственными особенностями, специфическими для степной зоны Евразии после рубежа IV и III тысячелетий до н. э. В этот период хозяйство определялось прежде всего скотоводством, что требовало освоения новых территорий пастбищ и частых передвижений. В связи с этим формируются гигантские общности, внутри которых выделяются большие племенные объединения. Характер миграций при этом меняется. Осущест-

вляется быстрое перемещение больших масс населения, объединяемых в мощные (хотя и временные) племенные союзы. Миграции этого типа привели к распространению культурных и экономических достижений на огромных территориях (третья модель миграций по *Мерперту 1978 : 12—13*); ср. также *Schlerath 1973 : 18 и след.*

Представляется, что именно миграции этого типа могли привести к расселению племен—носителей тохарских, "древнеевропейских" и восточноиранских диалектов на обширных территориях евразийских степей и далее на запад в направлении к Центральной Европе к концу III тысячелетия до н. э.

В последнее время высказана гипотеза, согласно которой обширные миграции в конце III тысячелетия до н. э. (как и следующая волна миграций, связанная с "народами моря", ок. 1200 г. до н. э.) могли быть отчасти вызваны также существенным потеплением климата, происходившим именно в это время. Сокращались (в частности и в Центральной Азии) земельные площади, пригодные для использования, что приводило к необходимости откочевания на новые территории большой части населения (ср. *Brentjes 1979*).

7.9. ПРОДВИЖЕНИЕ НОСИТЕЛЕЙ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ДИАЛЕКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ ЕВРОПУ И ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЙ ГИДРОНИМИКИ. ФОРМИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЫ

Дальнейшее движение древних индоевропейских племен на запад, северо-запад и юго-запад, начавшееся еще в середине III тысячелетия до н. э., становится особенно интенсивным к концу III тысячелетия до н. э. К этому времени следует отнести появление культур шнуровой керамики и боевых топоров в Европе. Внутри общего типа культур шнуровой керамики в Восточной Европе выделен ряд подтипов — Среднеднепровская (*Артеменко 1967*), Подкарпатская (*Свешніков 1974*), Городско-Здолбицкая, Стрижовская и другие (*Березанская 1972; 1975*). Предполагается, что как эти подтипы культур шнуровой керамики, так и близкие к ним более западные и юго-западные подтипы берут начало в восточноевропейской курганной культуре (ср. *Gimbutas 1973b : 185—186; Thomas 1970 : 208*; ср. уже *Sulimirski 1968*, а также *Childe 1950 : 151*).

Движение носителей "древнеевропейских" диалектов из областей Северного Причерноморья в западном направлении можно определить и по типам захоронений, обнаруживаемых в Европе, и их символике, совпадающей с носителями "курганной" или "древнеямной" культуры (ср. *Kraig 1978*).

Траекторией движения носителей "древнеевропейских" диалектов с Востока на Запад (из Центральной Азии в Европу) можно было бы объяснить и целый ряд иммунологических явлений, наблюдаемых исторически в миграционной картине Евразийского континента. Допущение того, что древние индоевропейцы долго обитали в определенной области Перед-

ней Азии, подверженной воздействию инфекционных заболеваний и в особенности чумы, имевшей египетский (африканский) очаг (см. выше, стр. 831), могло бы разъяснить позднейшую географию распространения того типа популяции, который иммунологически мало подвержен этому заболеванию: он идет "клином" от Центральной Азии к Восточной Европе, постепенно уменьшаясь в направлении к Западной Европе. Характерно, что чума восточноазиатского происхождения повлияла на население Европы (если исключить Грецию, и в этом отношении примыкавшую к Древнему Востоку) только в эпоху "переселения народов", когда опасной стала *Pasteurella pestis mediaevalis* (ср. *Le Roy Laduric 1978 : 51*). Иначе говоря, носители "курганной" или "древнеямной" культуры не занесли чумы в Европу при движении с Востока на Запад. Это можно объяснить только допущением того, что этнос, из которого происходят носители этой культуры, задолго до этого прошел соответствующий длительный иммунологический отбор, подвергаясь систематическому воздействию древних эпидемий чумы.

Характерно, что в "древнеевропейских" диалектах и в греческом представлено название 'сурка', 'суслика', 'землеройки', являющейся опасным носителем этой инфекции: лат. *sōrex*, латыш. *susuris*, болгар. *съсар* (редупликация), греч. θρᾰξ; дублетная форма с *-l-* вместо *-r-* типа рус. *суслик*, болгар. *съсел*, возможно, проникла и в тюркский. Следует отметить, что связь 'землеройки' со 'смертью', предполагаемая захоронениями землероек в могилах жриц уже в Чатал-Хююке, сохраняется и далее в греческо-эгейско-малоазийском ритуальном комплексе (ср. *Grégoire 1949*).

Такое проникновение индоевропейских племен в Центральную и Западную Европу из областей их "вторичного расселения" в Причерноморье и Приволжье приводит к образованию особой общности племен уже на территории Центральной Европы. Относительная пестрота культур II тысячелетия до н. э. сменяется единообразием к началу I тысячелетия до н. э., когда в Центральной Европе формируется единая культурная общность сначала Унетицкой культуры, затем — полей погребальных урн (*Gimbutas 1965 : 296—355*).

С этой единой археологической культурой соотносятся ареалы распространения пракельтов (Верхний Рейн), праиталиков (в области вокруг Альп), иллирийцев (на юго-востоке Европы и на востоке до южной Польши, ср. *Milewski 1964*; *Malinowski 1974*), прагерманцев — в Центральной Европе, балтов и славян—к востоку от германцев и северу от иллирийцев, ср. *Седов 1976 : 85—86*; *Bosch-Gimpera 1968*; *Birnbaum 1973*; *Tovar 1977*.

С этой единой археологической областью лингвистически соотносится также территория "древнеевропейской" гидронимики, общность которой устанавливается благодаря совпадению большого числа основ и суффиксов: ср. формы на *-a* (*Alba, Ara, Ava*), *-na* (*Adrana, Albina, Regana*), *-ma* (*Alma, Arma*), *-ma/ena* (*Almana, Warmena*), *-ra* (*Alara, Visara*), *-ntia* (*Alantia, Arantia, Avantia*), *-mantia* (*Armantia*), *-sa, -sia* (*Amisia, Varisia*) и др. (ср.

Krahe 1954: 58; *1968* [*1957*] *: 435 — 436*; *Dauzat et al. 1978 : 18*; *Tischler 1977a : 26*). Характерно, что многие из этих гидронимов проявляют близость к гидронимам древней Анатолии; ср. также совпадение центральноевропейского (кельто-иллирийского) топонима *Arlape, Erlaf* (*Топоров 1975–, I : 102*) с хет. *Ḫarašḫapaš*, иллирийского *Serapilli*, балтийско-прус. *Serenappe, Serappin, Sarape* (*Топоров 1977 : 94*) с хет. *Šuranḫapaš* (при вед. *Hariyūpīyā*, иран. *Haliāb, Ariob* и т.п.). При огромных территориальных и хронологических дистанциях, отделяющих друг от друга носителей различных индоевропейских диалектов, тем не менее, все еще сохраняются древнейшие модели образования названий мест и водоемов, унаследованные еще из праиндоевропейского языка.

Носители этих "древнеевропейских" диалектов, появляющиеся компактно в Центральной Европе, наслаиваются на местные культуры, постепенно их ассимилируя. Вначале еще остаются отдельные островки древних культур; некоторые из них сохраняются на протяжении раннего бронзового века.

Остатками этих неиндоевропейских племен на севере Пиренейского полуострова, заселявших некогда весь Европейский континент, и могут быть современные баски, язык которых чудом устоял перед натиском и экспансией в историческую эпоху индоевропейских языков—потомков "древнеевропейских" диалектов (ср. *Wilbur 1980*).

В последнее время высказано предположение о большой древности некоторых доиндоевропейских культур Западной Европы[1], послуживших субстратом для культур индоевропейских пришельцев. Языки носителей этих культур проявляются в субстратной лексике, обнаруживаемой в исторических "древнеевропейских" языках (*ср. Hubschmid 1960*; *1963*; *1965*).

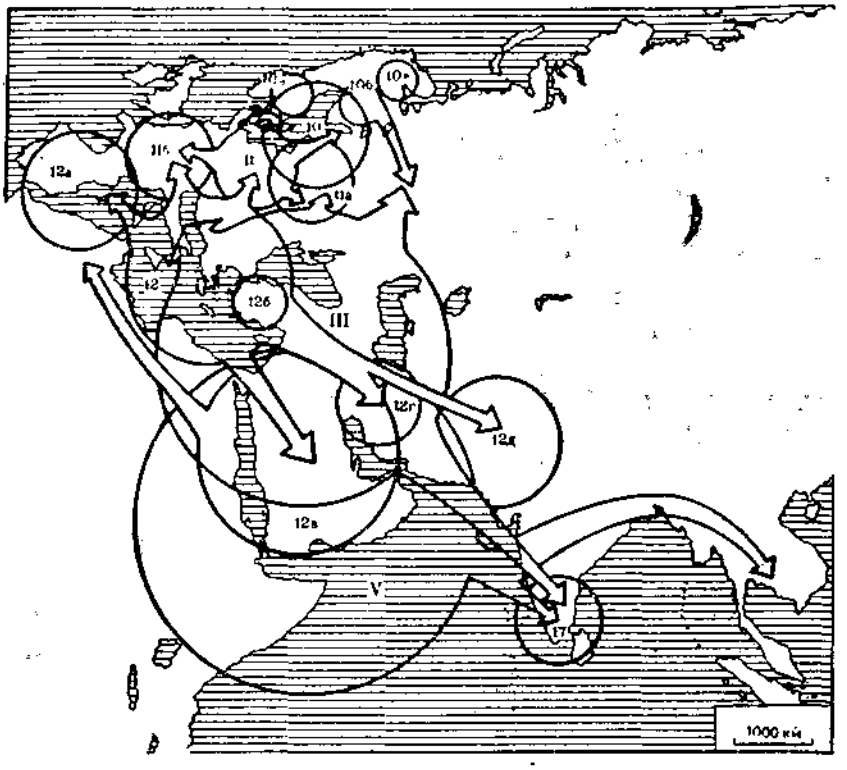
Отличительной особенностью этих доиндоевропейских культур в прибрежной полосе на всем протяжении от Скандинавии до Средиземноморского ареала (южные оконечности Норвегии и Швеции, Дания, Оркнейские острова, Ирландия, Великобритания, Голландия, северонемецкие земли; далее к югу—Бретань, юго-западная Франция, запад и юг Пиренейского полуострова; Северная Африка; острова Средиземноморья, западный Кавказ) является наличие особых мегалитических сооружений культового назначения — дольменов, менгиров, кромлехов, ср. *Марковин 1978*; см. карту распространения мегалитических сооружений там же, стр. 312. Предполагалось, что западноевропейская мегалитическая культура возникла под влиянием импульсов, шедших из Восточного Средиземноморья (ср. *Daniel 1941*; *1958*). Однако радиокарбонные датировки последнего времени, обнаруживающие глубокую древность мегалитических сооружений на Пиренейском полуострове и в Бретани (ок. V—IV тысячелетий до н. э., *Renfrew C. 1974*; *1976*) ставят под сомнение такое предположение (ср. *Хазанов 1978 : 17*), заставляя по-новому интерпретировать вопросы соотношения различных локальных разновидностей древних мегалитических культур.

[1] См. о хронологии древней Западной Европы по данным радиокарбонного анализа *Renfrew C. 1974*; *1976*.

8. ДИФФУЗИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ В ЕВРАЗИИ В СООТНЕСЕНИИ С КАРТИНОЙ МИГРАЦИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

8.1. ДИФФУЗИЯ ДРЕВНЕГО ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА В ЗАПАДНОЙ АЗИИ И ЕВРОПЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЭТНИЧЕСКОГО СМЕШЕНИЯ

Неиндоевропейские языковые субстраты автохтонного населения древней Европы содействуют постепенному отдалению друг от друга проникших сюда "древнеевропейских" диалектов и образованию отдельных кельтской, италийской, иллирийской, германской, балтийской, славянской языковых групп, между которыми были еще возможны контакты и возникновение общих лексических изоглосс, отраженных на схеме диалектного членения, см. выше, стр. 416 и след., хронологический уровень *6*.

Карта 3. **Очаги расообразования на территории Европы, Передней и Южной Азии и предполагаемые пути расселения древнейших человеческих коллективов** (по *Алексееву 1974 : 237*)

Представленная картина траекторий переселения племен—носителей праиндоевропейского языка в новые места их обитания на Евразийском континенте из первоначального очага их расселения в пределах Передней

Азии и их контактов с носителями других языков коррелирует в известной мере с устанавливаемой антропологически картиной миграций и смешения рас в Западной Евразии, см. *Карту 3* распространения антропологических типов.[1]

Антропологически устанавливается восточносредиземноморский балкано-кавказский очаг расообразования с центром, тяготеющим к Малой Азии (*Алексеев 1974 : 224—225*). В частности, вокруг этого очага выделяется переднеазиатская группа популяций, широко представленная и по древним памятникам Передней Азии (*Luschan 1911*; *Бунак 1927*; *Field 1961*). Можно предположить, что этот антропологический тип (характеризующийся резко выраженной брахицефалией, усиленным развитием волосяного покрова на лице и теле, своеобразной формой носа, ср., например, изображения такого антропологического типа на хеттских рельефах) характеризовал на определенном хронологическом уровне контактировавшие между собой племена древнего ближневосточного ареала, включая Южный Кавказ, Малую Азию и Северный Иран (*Абдушелишвили 1966*).

Отсюда этот антропологический тип с определенными изменениями распространяется в Афганистан (в частности Нуристан, *Herrlich 1937*) и Северную Индию (так называемая индо-афганская раса, *Дебец 1967*). С этим антропологическим типом связан и тип древнего населения Средней Азии эпохи бронзы и современный памиро-ферганский тип (*Алексеев 1974 : 222—223*).

Восточносредиземноморский тип представлен и на территории Европы, где он смешивается с более древними типами — северным, южным, а также центрально-восточноевропейским с монголоидной примесью (*Алексеев 1974 : 225—241*).

8.2. КОНЕЧНЫЕ ЭТАПЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МИГРАЦИЙ В II—I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.

Конечным этапом интенсивных переселений и распространения носителей древних индоевропейских диалектов является обнаруживающееся во второй половине II тысячелетия до н. э. давление части "древнеевропейских" племен на юго-восточные области Европы — Балканы (а несколько позднее и на Аппенинский полуостров). На Балканах они вступают во взаимодействие с обитавшими там ранее (после древнего переселения из Малой Азии) носителями индоевропейских диалектов — древнебалканского "фракийского", а также фригийского, македонского и дорийского диалекта греческого языка. В результате этих позднейших контактов возникают фракийско-иллирийские языковые образования типа албанского, включившие в себя значительный пласт иллирийского "древнеевропейского", ср. *Pisani 1959*; *Десницкая 1968*; *Solta 1980*.

С другой стороны, давление с севера приводит в движение обосновавшиеся ранее на Балканах индоевропейские диалекты (дорийский, фри-

[1] К обзору предшествующих антропологических теорий в связи с индоевропейскими миграциями см. *Devoto 1962 : 47 и след.*

гийский), которые начинают перемещаться на юг Балкан в материковую Грецию (дорийское нашествие[1]) или в Малую Азию (фригийцы). Эти интенсивные перемещения больших масс населения включаются в общее движение народов Восточного Средиземноморья, отраженное в египетских источниках как нашествие "народов моря" (*Kimmig 1964*). Это нашествие и привело к гибели около 1200 г. Хеттского государства и Микенской Греции (*ср. Deger-Jalkotzy 1977 : 62 и след.; 1978 : 28 и след.*).[2]

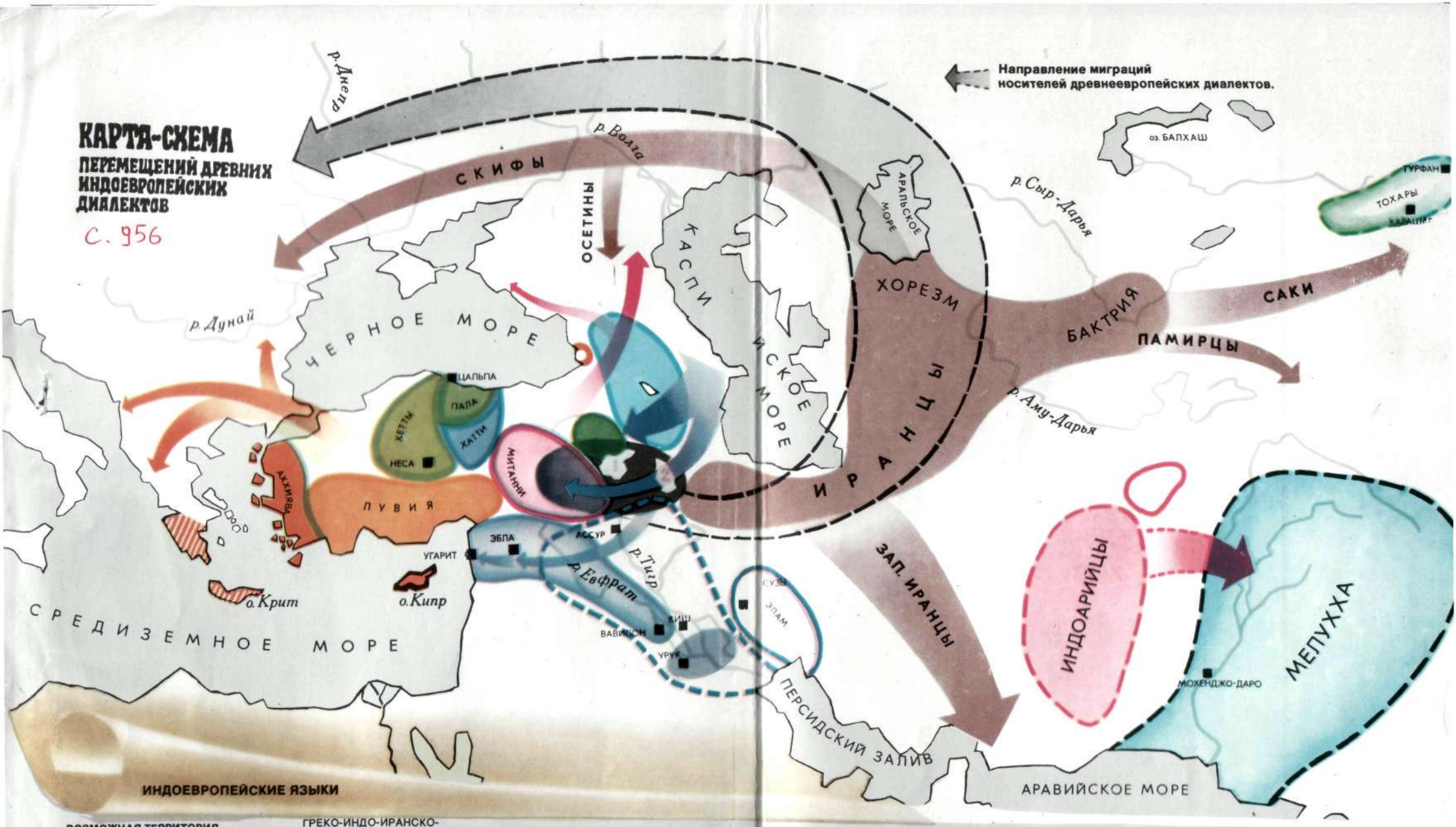
Описанные выше миграции индоевропейских племен с первоначальных мест их обитания на Ближнем Востоке и в Передней Азии, их переселение на новые места обитания и взаимодействие с исконным населением этих областей (см. выше Карту—Схему перемещений древних индоевропейских диалектов) привели к распространению древних индоевропейских диалектов на обширных пространствах Евразийского континента и к возникновению того географического распределения отдельных индоевропейских языков, которое и устанавливается к началу исторического периода (см. Карту исторического распределения языков Евразии, стр. 427).

[1] Этой точке зрения противостоит тезис, согласно которому никакого "дорийского нашествия" с севера не было, а "дорийцы" (греч. Δωριεῖς) с самого же начала жили в Микенской Греции совместно с другими греческими племенами, будучи в социальном отношении "подчиненным" населением страны, которая управлялась "микенской аристократией", говорившей на особом "микенском диалекте" греческого языка. Этим и объясняется близость дорийского диалекта к микенскому. Само название Δωριεύς 'дориец' увязывается с микенским греческим словом *do-e-ro* (ион.-аттич. δοῦλος) 'служитель', 'раб' (*ср. Szemerényi 1982a*). С принятием этого тезиса отпала бы необходимость допущения раннего отделения дорийцев, направившихся предположительно на Балканы, от остальной массы греческих племен, мигрировавших с востока на запад через Малую Азию в области их исторического расселения на Пелопоннесе и островах Эгейского моря (ср. выше, стр. 900_1).

[2] По поводу "народов моря" и последовавшего за их нашествиями "темного периода" в истории Ближнего Востока и Эгейского мира см. также материалы специального симпозиума по различным аспектам (историческому, археологическому, лингвистическому и др.) этой проблемы, изданные отдельным томом в серии «Публикаций комиссии по микенологии» Австрийской Академии Наук: Griechenland, die Ägäis und die Levante während der "Dark Ages" vom 12. bis zum 9. Jh. v. Chr. [Akten des Symposions von Stift Zwettl, 11. — 14. Oktober 1980, hrsg. von Sigrid Deger-Jalkotzy (*Veröffentlichungen der Kommission für Mykenische Forschung, Bd. 10.* Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte, 418. Band, Wien 1983)].

КАРТА-СХЕМА
ПЕРЕМЕЩЕНИЙ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

С. 956

ВОЗМОЖНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА.

АНАТОЛИЙСКИЕ:

- **Хеттский**
- **Лувийский**
- **Палайский**

ГРЕКО-ИНДО-ИРАНСКО-АРМЯНСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ГРУППА:

Древнегреческий

- **Аххиява**
- крито-микенский греческий
- Колхида
- Направление позднейшего переселения дорийских племен
- **Протоармянский.**

1 Озеро Ван
2 Озеро Урмия

Индо-иранские диалекты

- митаннийский арийский
- иранские языки I тыс. до н. э.
- Пути переселения восточных иранцев
- Область распространения раннеиндо-арийского

- Вторжение индоарийцев в Индию
- Возможные пути индоарийцев через Кавказ
- Кафирские

Направление первичного расселения протоалбанского и фригийского

ТОХАРСКИЕ

НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- **Хатти (протохеттский)**
- **Предполагаемое направление древнейших переселений носителей хуррито-урартского языка**
- **Эламский**

- **Протоиндская культура**
- **Область языкового и культурного влияния Эблы и эблаитского языка.**
- **Область распространения аккадского (ассиро-вавилонского) языка и культуры**
- **Ранние шумерские города и государства.**
- **Пракартвельский**

The decision to reject one paradigm is always simultaneously the decision to accept another, and the judgment leading to that decision involves the comparison of both paradigms with nature and with each other.

"Решение отвергнуть одну парадигму всегда предполагает одновременно решение о принятии другой, и соображения, ведущие к такому решению, означают как сопоставление обеих парадигм с природой вещей, так и сравнение их друг с другом".

Thomas S. Kuhn, *The structure of scientific revolutions.*

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

За время подготовки настоящей книги к печати и процесса ее печатания появился целый ряд работ, выдержанных в духе излагаемой нами лингвистической и культурно-исторической теории, а также первые критические отклики на предварительные публикации авторов. Не ставя перед собой задачи детальной оценки и разбора всех многочисленных появившихся работ, имеющих прямое или косвенное отношение к излагаемой в этой книге теории, считаем необходимым тем не менее коснуться основных из них с целью отразить в какой-то степени существующие взгляды на излагаемую авторами концепцию реконструкции индоевропейского праязыка и протокультуры и доисторических миграций индоевропейских диалектов.

Следует отметить, что уже первые публикации авторов, посвященные пересмотру индоевропейской фонологической системы, в частности подсистемы консонантизма, вызвали оживленную дискуссию в кругу специалистов, в ходе которой появились работы, исходящие из предложенной новой теории фонологической системы протоиндоевропейского языка. Появление этой теории было, очевидно, естественным следствием наметившейся в сравнительно-историческом языкознании тенденции к переоценке с типологической точки зрения предлагавшихся праязыковых построений, что было стимулировано в теоретическом языкознании уже ставшим классическим докладом Р. О. Якобсона на VIII Международном конгрессе лингвистов в Осло в 1957 г. Не случайно поэтому, что почти одновременно с авторами и, очевидно, независимо от них аналогичную теорию выдвинул американский лингвист П. Хоппер (*Hopper 1973*) и французский ученый А. Одрикур (*Haudricourt 1975; ср.* также *Hagège/Haudricourt 1978: 165 и след.*), предложившие систему праиндоевропейского консонантизма, хотя и несколько отличную (в отношении фонологической интерпретации звонких придыхательных и глухих смычных) от обосновываемой в настоящей книге, но лежащую в русле аналогичных предпосылок[1]. Эту новую теорию вслед за одним из самых ранних ее сторонников и продолжателей — американским исследователем А. Бомхардом — стали именовать в специальной литературе "Глоттальной теорией". Сам А. Бомхард по этому поводу писал: "Глоттальная теория выделяется как самый значительный вклад в реконструкцию индоевропейской фонологичес-

[1] Характерно, что в своих последующих работах и в особенности в последней статье П. Хоппер (*Hopper 1982*) в сущности принимает нашу фонетическую интерпретацию серий II и III индоевропейских смычных в качестве соответственно звонких придыхательных и глухих придыхательных.

кой системы на протяжении нашего столетия. Ее единственная возможная соперница — ларингальная теория — возникла в последние десятилетия прошлого века" (*Bomhard 1979 : 80*). В этом же смысле в последнее время высказались *Г. Бирнбаум* (*Birnbaum 1978*) и *Э. Поломэ*, предполагающий, что "Глоттальная теория" означает пересмотр реконструированной фонологической системы индоевропейского праязыка, представляющий собой "самое радикальное изменение, предложенное со времени появления Ларингальной теории" (*Polomé 1982 : VIII*).

Известный австрийский лингвист М. Майрхофер — один из крупнейших современных индоевропеистов — историю развития индоевропейских штудий рассматривает как процесс постепенного отхода от древнеиндийской модели, как "десанскритизацию" (Entsanskritisierung) модели праиндоевропейского языка. В этом процессе автор выделяет пять последовательных этапов развития: Шлегель—Шлейхер — "Закон палатализации" — "Ларингальная теория" — "Глоттальная теория" (*ср. Mayrhofer 1983*).

Вполне естественно поэтому, что новая теория сразу же нашла последователей и продолжателей, исходящих в своих построениях из реинтерпретированной системы праиндоевропейского языка. В частности, немецкий лингвист Р. Нормье (*Normier 1977*) предлагает оригинальную интерпретацию германской фонологической системы (включая и "Закон Вернера") на базе "Глоттальной теории" в ее варианте, полностью совпадающем с моделью, излагаемой в настоящей книге. Голландский лингвист Ф. Кортландт в своих уже многочисленных публикациях на эту тему интерпретирует классические "фонетические законы" и некоторые недавно отмеченные закономерности в развитии индоевропейских диалектов при допущении "глоттализованных" согласных. При этом его интерпретации в некоторых случаях, в частности в истолковании "Закона Лахмана" (*Kortlandt 1977*), согласуются с предложенными авторами настоящей книги толкованиями. Любопытно, что Ф. Кортландт, трактуя некоторые закономерности долготно-акцентуационных отношений в балто-славянском в свете постулирования глоттализованных согласных, считает, что предлагаемая им интерпретация может служить таким же фактическим доказательством "Глоттальной теории", каким для "Ларингальной теории" послужило обнаружение в хеттском Е. Куриловичем согласного *ḫ*, соотносимого с постулированными Соссюром "сонантическими коэффициентами" (*Kortlandt 1979*). В этом отношении представляет интерес и предложенная П. Хоппером интерпретация признака звонкости в др.-инд. *píbati* 'пьет' при греч. πῶθι 'пей!', πῶσις, лат. *pōtus* 'питье' и др. (*Hopper 1982 : 133*). При истолковании одной из "ларингальных" фонем как глоттальной смычки /'/, можно допустить, что индоевропейский корень *p[h]e'- 'пить' в нулевой ступени давал последовательность *p'-, которая отождествлялась с "глоттализованной" лабиальной смычной, развившейся

в дальнейшем аналогично глоттализованным согласным, в частности, озвончаясь в древнеиндийском: *$p^{(h)}$i-p'-e-$t^{(h)}$i ⇒ др.-инд. *pí-b-a-ti*.[1]

По аналогии с *centum/satəm*-ной классификацией индоевропейских диалектов П. Хоппер предлагает ареальную классификацию по признаку отражения в них "глоттализованных" (Серия I) в виде глухих или соответствующих звонких согласных, называя ее классификацией по языкам *decem* и языкам *taihun* (в соответствии с отражением в них индоевропейской формы *t'e$k^{(h)}$m 'десять', с начальной глоттализованной фонемой *t'-), *Hopper 1981*.

При постулировании глоттализованных смычных в праиндоевропейском становится возможным, как показала И. Меликишвили, вывести структурную черту индоевропейского корня, в частности "принцип сонорности" строения двусогласного корня, согласно которому в структуре корня существует некоторая тенденция к равновесию по степени сонорности начального и конечного согласного. В этом проявляется еще одна структурная особенность индоевропейского корня, сближающая ее типологически со структурой корня в общекартвельском (*Меликишвили И. 1980*).

Индоевропейская "Глоттальная теория" с самого же начала нашла сторонников и среди отечественных исследователей (*ср. Нерознак 1981*). Предпринимаются также попытки отдельными исследователями привести данные "Глоттальной теории" в соответствие с собственным пониманием праиндоевропейской фонологической структуры, в частности в вопросах взаимодействия реконструируемых праиндоевропейских тонов с тремя сериями индоевропейской системы консонантизма (*ср. Герценберг 1981*).

Принятие новой модели индоевропейского консонантизма влечет за собой естественным образом необходимость полного пересмотра сложившихся в классическом индоевропейском языкознании выводов относительно формирования фонологических систем индоевропейских диалектов и диалектных объединений. Такой пересмотр предполагает реинтерпретацию традиционно принятой картины развития звуковой системы индоевропейского праязыка и его диалектов, то есть полную замену традиционных идей и представлений об их доисторическом развитии. Классическая парадигма сравнительно-исторического индоевропейского языкознания заменяется в таком случае на новую парадигму, в свете которой все траектории фонетических трансформаций индоевропейской праязыковой системы приобретают противоположную традиционной направленность.[2]

[1] В этой связи следовало бы отметить работу Э. Сэпира о "глоттализованных" сонантах в индоевропейском (*Sapir 1938*), в которой так называемые "долгие сонанты" *r̥̄, *l̥̄, *m̥̄, *n̥̄, возникновение которых было связано еще Соссюром с действием "сонантических коэффициентов" в последовательности *r̥H, *l̥H, *m̥H, *n̥H, интерпретируются Сэпиром фонетически как *r̥', *l̥', *m̥', *n̥'.

[2] Строго определяемое понятие "парадигмы" применительно к истории развития научной мысли было введено в науку Томасом Куном (*Kuhn 1970*). Несмотря на целый ряд возражений против применения этого понятия в истории науки (и в особен-

По этому поводу американский лингвист Ф. Б о л ь д и (*Baldi 1981 : 52—53*) замечает: "Ясно, что глоттальная теория представляет собой новую парадигму в индоевропейском языкознании, сравнимую по масштабам с ларингальной теорией, и принятие этой теории приведет к необходимости полного пересмотра всех основ индоевропейского языкознания... Тот факт, что это потребует радикальной переработки всех словарей и руководств, так же как и отмены таких освященных временем общепринятых положений, как "Закон Гримма" и армянское передвижение согласных, не может служить оправданием для того, чтобы от этой теории отказаться".

На сегодняшний день — по прошествии более десяти лет со времени первой публикации в 1972 г. предложенной авторами системы индоевропейского консонантизма (*Гамкрелидзе/Иванов 1972*) — лишь часть индоевропеистов (главным образом младшего и среднего поколений) высказалась определенно в пользу "Глоттальной теории". Другая же часть специалистов весьма осторожна в своих суждениях и высказываниях, что субъективно вполне объяснимо и лишний раз подтверждает характер "Глоттальной теории" как новой п а р а д и г м ы в индоевропейском сравнительно-историческом языкознании. Старшее поколение специалистов обычно неохотно отказывается от старых идей и представлений и предпочитает продолжать как бы по инерции работать в русле традиционной и поэтому более привычной парадигмы даже тогда, когда становятся очевидными слабые стороны и противоречивый характер этой последней. В этой связи могут представить определенный интерес соображения П. Х о п п е р а по поводу возможной стратегии поведения этой части специалистов по сравнительно-историческому индоевропейскому языкознанию (*Hopper 1982 : 129—130*): "Будут ли они пытаться показать, что факты, приводимые при обосновании теории, неправильны (ограничения, налагаемые на структуру корня, дистрибуция фонемы **b*, морфофонемные характеристики индоевропейских звонких, частотное распределение смычных по месту образования[1])? Будут ли они утверждать, что эти факты хотя и верны, но не имеют отношения к делу или же что они совместимы с другими типологическими данными? Будут ли они утверждать, что теория вероятна, но применима к "прединдоевропейскому" и поэтому она может спокойно не приниматься во внимание индоевропеистами? Будут ли они подвергать сомнению самый метод "внешней" (типологической) реконструкции в надежде на то, что внутрен-

ности в лингвистике, *ср. Percival 1976*), понятие "парадигмы" в несколько модифицированном виде представляется нам тем не менее весьма плодотворным для общей характеристики этапов развития науки вообще, в том числе и лингвистической (*ср. Koerner 1980*).

[1] П. Х о п п е р имеет в виду высокую частотность традиционной звонкой лабиовелярной *g^w по сравнению со звонкой придыхательной g^wh и глухой k^w, ср. по статистике Г. Ж ю к у а (*Jucquois 1966*):

	звонкие	*звонкие придыхательные*	*глухие*
Лабиальные	*0*	*129*	*143*
Лабиовелярные	*37*	*12*	*18*

Такие частотные соотношения могут быть только объяснены фонетическими особенностями глоттализованных лабиовелярных согласных, выделяющихся более высокой частотностью по сравнению со звонкими и глухими лабиовелярными (*Hopper 1982 : 129*).

ние данные не смогут поддержать эту теорию? С другой стороны, возможно, те, кто работает в соответствии с традиционной парадигмой, сочтут менее обременительным пройти мимо фундаментального пересмотра старых положений, предложенного в течение последнего десятилетия, в надежде на то, что эти нововведения исчезнут незамеченными (что весьма маловероятно) или (что еще менее вероятно) предложенные преобразования системы, будучи принятыми все более расширяющимся кругом ученых, не будут иметь существенных последствий для формирования наших взглядов относительно праиндоевропейского языка". Авторы настоящей книги надеятся, что подробное изложение в ней этой теории и следствий, которые можно получить относительно индоевропейской фонологической структуры и диалектного развития, приведшего к формированию исторических индоевропейских языков, будет содействовать всестороннему рассмотрению теории и выводов, из нее вытекающих, в свете новой парадигмы.

"Глоттальная теория" в настоящем исследовании увязывается с проблематикой "Ларингальной теории", с вопросом о количестве "ларингальных" фонем в праиндоевропейском и их рефлексов в исторических индоевропейских языках. Авторы развивают в нем тот вариант "Ларингальной теории", который излагался ими в их ранних работах по этим проблемам (*ср. Гамкрелидзе 1960*; *Gamkrelidze 1968; Иванов 1965*) с тремя первоначальными "ларингальными" фонемами H_1, H_2, H_3, определявшими тембр и долготу соответственно гласных [**e*, **a*, **o*] и слившихся в одну общую "ларингальную" фонему **H* после фонологизации */*e *a *o/*. Именно такой вариант "Ларингальной теории", постулирующий т р и (но не более) изначально противопоставлявшиеся друг другу "ларингальные" фонемы фрикативной артикуляции, становится господствующим в новейших исследованиях (помимо указанной в книге литературы см. в особенности *Peters 1980*, где дается оригинальная и исключительно интересная трактовка греческих рефлексов изначально трех "ларингальных" фонем, символизируемых знаками h_1, h_2, h_3; ср. также *Adrados 1981*; *Lindeman 1982*).

Морфологическая и синтаксическая структуры протоиндоевропейского языка, являющиеся объектом исследования в грамматических главах первой части настоящей книги, осмысляются в ней с общетипологических позиций с учетом особенностей диахронической типологии. Авторы с удовлетворением отмечают, что аналогичный подход приводит к некоторым совпадающим результатам в ряде работ последнего времени. Это касается в первую очередь проблемы эргативной и активной структур, которая стала в последние годы одной из центральных для грамматической типологии и теоретического языкознания (*ср. Dixon 1979*). Общая характеристика грамматической структуры индоевропейского праязыка в виде бинарно противопоставляемых групп именных и связанных с ними глагольных форм близка к некоторым из выводов недавней книги У. Шмальстига, отражающей новый подход автора к проблемам индоевропейской морфосинтаксической структуры (*Schmalstieg 1980*). Еще более близкое совпадение с предлагаемым авторами описанием морфологических структур индоевропейского языка (вплоть до используемой терминологии метаобозначе-

ний) можно обнаружить в работах К. Шилдса, посвященных реконструкции именных классов и их маркеров (*Shields 1977; 1978*) и глагольных форм (*Shields 1981a*). Ряд других совпадений с опубликованными в последние годы работами как по грамматике (морфологии и синтаксису), так и по фонологии, был отражен в самой книге, в которую уже после написания основного текста дополнительно вносились соответствующие библиографические указания.

Особое оживление в науке последних лет наблюдается в отношении проблематики языка как выразителя культуры его носителей, что и представляет основной объект исследования во *Второй части* книги. Эта проблематика увязывается в настоящем исследовании с вопросом о первоначальной территории распространения индоевропейского языка и перемещениях индоевропейских диалектов на исторические территории их распространения в соответствии с первоначальными миграциями носителей этих диалектов. Эта традиционная проблематика классического индоевропейского сравнительно-исторического языкознания получает в свете современных исследований новое освещение и связывается с проблемами этногенеза исторических носителей индоевропейских диалектов и постепенного распространения этих диалектов на обширных территориях Евразии.

Предлагаемая в настоящем исследовании гипотеза о первоначальной территории распространения общеиндоевропейского языка, определяемая ареалом Передней Азии, и в частности регионом на стыке юго-восточной части Малой Азии и Северной Месопотамии примерно в сфере распространения халафской археологической культуры V тысячелетия до н. э., находит, как нам кажется, все более явные подтверждения в свете вновь открываемых археологических и культурно-исторических фактов, которые еще не могли быть учтены авторами в процессе написания основного текста исследования.

Халафская археологическая культура, согласно раскопкам последних лет, характеризуется и ритуалом трупосожжения (*Мерперт/Мунчаев 1982*), что, как было показано выше, является одним из основных отличительных признаков индоевропейского погребального обряда.

Не только в предполагаемом ареале распространения общеиндоевропейской культуры, соотносимом в пространственно-временно́м измерении с халафской археологической культурой, но и на промежуточных территориях, через которые могли осуществляться предполагаемые миграции носителей индоевропейских диалектов, обнаруживаются опубликованные в последнее время археологические, языковые и культурно-исторические факты, которые могут быть истолкованы как подтверждение предполагаемых траекторий движения этих диалектов. В этом отношении важный материал можно найти в сборнике трудов симпозиума по "Этническим Проблемам Истории Центральной Азии в Древности". Особый интерес в этом "Сборнике" вызывает статья венгерского ученого Я. Харматты, который и ранее занимался проблемой индоевропейской прародины. Я. Харматта в своей статье (*Harmatta 1981*), где, как и в работе В. И. Абаева (*1981*), дается хронологическая стратификация иранских заимствова-

ний в угро-финских и других языках, останавливается на ряде индоевропейско-северокавказских лексических связей, которые истолковываются им как "протоиранские", свидетельствующие о наличии ранних контактов (около 4000 лет до н. э.) между "протоиранцами" и носителями северокавказских языков. Подобные факты могли бы быть приведены в соответствие и с принимаемым в настоящей книге предположением о движении части индо-иранских племен из Передней Азии через Закавказье на Северный Кавказ.

Противоположной точки зрения относительно траектории движения индо-иранцев не с юга на север, а с севера на юг через Закавказье придерживаются в опубликованных в последнее время работах, в частности, такие ученые, как Р. Гиршман (*1981*) и Х. Томас (*Thomas 1982 : 64 и след.*). Эта траектория движения индо-иранцев в области Передней Азии предполагает в качестве ареала распространения общеиндоевропейского языка территорию Северного Причерноморья и низовьев Волги с последующим проникновением индо-ариев и иранцев в Переднюю Азию через Закавказье при дальнейшем движении их с запада на восток на территории их исторического расселения (*ср. также Бонгард-Левин/Грантовский 1983 : 155 и след.*)[1]. Именно движение с запада на восток в исторические места их расселения предполагается и нами в свете излагаемой гипотезы о первоначальной территории индоевропейской "прародины" в пределах Передней Азии. В этом смысле наша гипотеза и гипотезы Гиршмана и Томаса в равной степени противопоставляются точке зрения о проникновении индо-ариев и иранцев в исторические места их расселения с севера, из ареала Средней Азии. В последнее время против такой точки зрения были приведены дополнительные археологические аргументы (*см. Сариниди 1981 ; ср. Гиршман 1981*). Эти аргументы, наряду с лингвистическими и культурно-историческими, указывают скорее на движение ираноязычных племен в Среднюю Азию с юго-запада на север (что подтверждается и позднейшим направлением последующих миграций иранцев вплоть до исторического времени), а не в обратном направлении — из Средней Азии в исторические места их расселения на Иранском плоскогорье и соседних территориях.

Именно этой последней точки зрения на проникновение индо-иранских племен с севера из Средней Азии, что противоречит всему комплексу лингвистических и культурно-исторических данных, разбираемых в настоящем исследовании, придерживается И. М. Дьяконов в своей пространной статье (*Дьяконов 1982*), написанной еще до выхода настоящей книги специально в ответ на предварительные публикации авторов (*Гамкрелидзе/Иванов 1980—1981*). Приводимый И. М. Дьяконовым "аргумент березы" (наличие названий 'березы' в кафирском и дардском, ср. в книге выше, стр. 619 и след., где указывается отражение названия 'березы' и в древнеиндийском) совместим с альтернативным положением о движе-

[1] К обзору более ранней литературы см. *Дандамаев/Луконин 1980 : 39 и след.*

нии индо-иранцев именно из Передней Азии (где 'береза' засвидетельствована палеоботанически) в восточном направлении. Поэтому "аргумент березы" не может однозначно быть использован для доказательства движения с севера из Средней Азии.

При рассмотрении этого и других подобных аргументов И. М. Дьяконов исходит из тезиса о том, что для сохранения определенного слова объект, обозначаемый этим словом, должен обязательно наличествовать на всем протяжении пути исторических миграций соответствующих племен. Но такая предпосылка, используемая И. М. Дьяконовым и в дальнейшем в его возражениях общей картине движений носителей "древнеевропейских" диалектов через Среднюю Азию, сама нуждается в обосновании и показе ее на конкретном языковом материале. Между тем исторические примеры свидетельствуют о необязательной правильности этого тезиса в каждом конкретном случае. Это объясняется с точки зрения теории языка тем, что языковой знак необязательно должен сочетаться с денотатом как с реально существующим объектом, а может соотноситься в принципе с "означаемым", не имеющим денотата в виде конкретного объекта. То, что "древнеевропейские" языки сохранили название 'березы' при миграциях из Передней Азии в Европу через Среднюю Азию, вовсе не может служить аргументом против этого пути миграций, поскольку слово для 'березы', уже существовавшее в языке, могло сохраняться и в промежуточный период нахождения носителей языка на других территориях. В таких случаях слова или выражают прежнее значение, чему может способствовать сохранение фольклорных, в частности мифологических текстов, включающих данные слова, или же приобретают новое значение в зависимости от экологической среды (многочисленные примеры такого развития приведены выше при рассмотрении индоевропейских названий растений и животных). С лингвистической точки зрения показательно, что названия 'березы' (и 'вяза'), восходящие к (финно-)угорским (ср. венг. *nyír*ˈ*fa*ˡ [nʲˈirfɔ]), были сохранены в венгерском при миграции его носителей из Центральной Азии (возможно, из района между Нижней Волгой и Аральским морем). Поскольку направление миграций совпадает с предшествующими миграциями, предполагаемыми для носителей индоевропейских диалектов "древнеевропейской" группы, уже одного сопоставления с венгерским достаточно для опровержения тех контраргументов, которые были выдвинуты в связи с названием 'березы'. В этой связи небезынтересно коснуться также названия 'бобра' в иранских языках. Характерно, что в тексте "Авесты", создание которой обычно относят к Средней Азии, сохранены мифологические и правовые представления о роли 'бобра' как священного животного богини Анахиты, хотя 'бобер' как реальное животное на берегах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи отсутствовал (*ср. Гиршман 1981 : 143*; ср. рассмотренные выше примеры сохранения названия и мифологической значимости 'леопарда' в "древнеевропейских" языках). Это лишний раз свидетельствует о том, с какой осторожностью следует подходить к толкованию связи слова с денотатом и выведению только на этом основании (без учета всех других культурно-исторических факторов)

заключений, связанных с установлением путей миграций носителей определенных диалектов.

Можно с удовлетворением отметить, что И. М. Дьяконов, в последние годы начавший использовать аналогичные применяемым в настоящей книге методы определения первоначальной территории по лексическим данным применительно к "афразийской прародине" (*см. Diakonoff 1981*), отошел от некритически принимавшейся им ранее североевропейской "буково-лососевой" прародины индоевропейцев и в настоящее время отстаивает тезис о "балканской" их прародине, тем самым сближаясь с точкой зрения авторов, которые вводят и Балканы в широкий ареал возможного первоначального расселения индоевропейских племен, определяемый предварительно на основании подробного рассмотрения реконструируемых лексических данных, см. выше, стр. 867—870.

Однако в окончательных выводах исследования Балканы в качестве первоначальной исходной территории расселения исключаются нами по ряду дополнительных аргументов, прежде всего языкового, а также культурно-исторического и археологического характера. Показательно, что именно эти языковые факты — наличие заимствованной лексики, объединяющей праиндоевропейский с прасемитским и пракартвельским, а также с некоторыми другими языками Передней Азии, и свидетельствующей об историческом контактировании этих языковых систем в определенном ареале в пределах Передней Азии — и отвергаются И. М. Дьяконовым. При этом И. М. Дьяконов проявляет исключительный гиперкритицизм при оценке семитско-индоевропейских и картвельско-индоевропейских лексических соотношений, диктуемый, по-видимому, его предвзятой концепцией относительно индоевропейской прародины, связываемой на настоящем этапе развития идей И. М. Дьяконова с Балканами. Как же иначе расценить нежелание признать общность происхождения в результате исторических контактов таких, к примеру, лексем, как и.-е. **Hast[h]er-* 'звезда' и сем. **ʿaṯtar-* 'обожествленная звезда' и ряда других? (ср. об этих формах подробнее выше, стр. 871 и след.). В общелингвистической теории заимствований давно уже установлено, что при заимствовании из одного языка в другой не происходит точного воспроизведения значения и звучания заимствованного слова, которое часто преобразуется под влиянием системы заимствующего языка и соответствующих культурно-исторических условий. Связь значений 'звезда'~'обожествленная (утренняя) звезда' настолько естественна при заимствовании, что эти семантические различия не должны были бы служить, как нам кажется, основанием для отрицания исторической связи этих слов. Во всяком случае, по поводу каждого из разбираемых в тексте семито-индоевропейских и картвельско-индоевропейских сопоставлений можно привести столько же, если не больше, формальных и содержательных доводов в пользу, сколько автор критической статьи приводит аргументов против. Но даже если ограничиться теми формами, связь которых И. М. Дьяконов допускает (шум. *urudu* 'медь': и.-е. **reud[h]-*; сем. **ṯawr-* 'бык' : и.-е. **t[h]auro-*; сем. **karn-* 'рог' : и.-е. **k[h]r̥-n-*; сем. **gadj-*

'козленок': и.-е. *$g^{(h)}$aiṭ'-; сем. *wajn- 'вино'; и.-е. *ṷe/oi̯no-), то и их достаточно, чтобы заставить предположить наличие определенных исторических контактов между этими языками. Ссылка на какой-то неопределенный "общий третий источник", конечно, (не) может спасти положения.

Почему авторы настоящей книги в своих окончательных выводах исключают Балканы и территорию распространения древнебалканской культуры из возможного ареала первоначального обитания индоевропейских племен?

Прежде всего, следует принять во внимание археологически устанавливаемые траектории исторического движения древнебалканской культуры: они ориентированы главным образом в южном направлении. После гибели древнебалканской культуры (распространенной в ареале от современной Венгрии на западе до Днепра на востоке в IV тыс. до н. э.), ее продолжения (в частности, в металлургии и в системах письменных знаков) обнаруживаются на юге Балкан и в Эгейском мире на Крите и Кикладских островах (*ср. Gimbutas 1982 : 17 и след.*)[1] Нет движения этой культуры в восточном направлении за пределы ее первоначального распространения — к Кавказу и Волге, где следовало бы предположить миграции индо-иранских племен, если исходить из Балкан как территории первоначального распространения общеиндоевропейского языка и древнебалканской культуры как культуры его носителей. Более того, нет движения этой культуры и на запад Европы, куда бы следовало вывести с Балкан носителей "древнеевропейских" диалектов, если исходить из предположения о балканской прародине древних индоевропейцев. Западная и Центральная Европа еще долго спустя после гибели древнебалканских культур в IV тысячелетии до н. э. остается неиндоевропейской, возможно вплоть до II тысячелетия до н. э., когда начинается постепенное распространение по Европе "древнеевропейских" диалектов — процесс "индоевропеизации" Европы (см. также *Tovar 1982*). Остается, следовательно, непонятным, где находились носители индоевропейских диалектов после гибели древнебалканской культуры, следы которой не обнаруживаются ни на западе, ни на востоке от этой культуры, и откуда должны были прийти при таком допущении во II тысячелетии до н. э. в Центральную и Западную Европу носители "древнеевропейских" диалектов.[2]

[1] Можно предположить, что именно эта древнебалканская письменность послужила основой для доиндоевропейских письмен Эгейского мира, в частности для критской иероглифики и линейной письменности А, неиндоевропейский характер языка которой не вызывает сомнений у большинства исследователей, *ср. Neumann 1957; Гамкрелидзе 1980.*

[2] Следует отметить, что предполагаемые в статье И. М. Дьяконова и обозначаемые на приложенных к ней картах траектории движения носителей диалектов (не) находят подтверждения с точки зрения археологического, культурно-исторического, а также топонимического материалов, относящихся к соответствующим регионам. В частности, остается ничем не подтверждаемым гипотетическое движение пратохарского и индо-иранского с территорий современной Румынии в северо-восточном направлении через Днепр.

Все эти хронологические, палеогеографические и культурно-исторические трудности снимаются при локализации праиндоевропейского языка в определенном ареале Передней Азии и выведении носителей "древнеевропейских" диалектов из Восточной Европы в ареале от Северного Причерноморья до Волги и Приуралья, куда эти диалекты должны были попасть в результате перемещений через Среднюю Азию. Именно с этих территорий носители "древнеевропейских" диалектов, культура которых археологически соотносима с "курганной" или "древнеямной" культурой, распространяются в более западном направлении. Ранние волны этих миграций и приводят, очевидно, к гибели древнебалканской культуры IV тысячелетия до н. э. (*ср. Gimbutas 1982 : 18 и след.*). При этом носители "древнеямной" культуры постепенно проникают на Балканы (*ср. Титов 1982 : 138*). Позднее эти племена распространяются на север и запад, разрушая мегалитические культуры исконных доиндоевропейских обитателей Европы, следы которых сохраняются лишь на крайне западной периферии (*ср. Tovar 1982*).

При всех остающихся до сих пор неясными вопросах, требующих дальнейших исследований и уточнений (в частности, археологических "белых пятен" на территории Средней Азии, особенно ее пустынных и северных частей), трудности археологического, культурно-исторического и лингвистического планов, все еще сохраняющиеся при предполагаемой нами локализации общеиндоевропейского праязыка в пределах Передней Азии и миграций носителей индоевропейских диалектов, оказываются менее существенными, чем перечисленные выше непреодолимые трудности, возникающие при альтернативных решениях вопроса, включая и гипотезу о "балканской прародине индоевропейцев". Авторы надеятся, что дальнейшие исследования в этом направлении устранят остающиеся трудности, связанные с гипотезой относительно "азиатской прародины индоевропейцев" и путей их миграций из Передней Азии в исторические места обитания на Евразийском континенте.

Еще менее оправдано помещение в Центральной Европе на всем протяжении с севера на юг уже в III тысячелетии до н. э. носителей "балто-славянского", "германского", "кельтского", "италийского" (см. на карте-схеме 2 в статье И. М. Дьяконова соответственно стрелки 2, 3, 4, 5). В этом, как и в некоторых других случаях, особенно отчетливо проявляется некоторая произвольность предлагаемых И. М. Дьяконовым схем миграций носителей индоевропейских языков, возникающая в результате неучета новейших данных археологии и культурной истории Евразии. Что же касается стрелки 11 на этой карте, показывающей движение "протоармянского" из центра Малой Азии на восток, то именно в этом пункте, вызывающем наибольший полемический пыл у автора критической статьи, мы не видим особенно существенных расхождений с предлагаемой в книге точкой зрения, по которой протоармяне выделились из греко-армяно-арийской диалектной общности, сместившейся до этого в западном направлении с первоначальной территории расселения общеиндоевропейских племен. Отсюда уже обособившиеся после отделения греческого и арийского "протоармяне" мигрируют в восточном направлении на территорию исторического их расселения, где они наслаиваются на хуррито-урартский этнический субстрат (см. выше, стр. 912 и след.).

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АБАЕВ В. И.

1945. Древнеперсидские элементы в осетинском языке (*ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ*, I, Москва – Ленинград : Изд-во АН СССР).

1949. Осетинский язык и фольклор, I, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

1958; 1973 — 1979. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, Москва — Ленинград : Изд-во АН СССР; тт. II и III, Ленинград : «Наука».

1962. Культ «семи богов» у скифов (*ДРЕВНИЙ МИР. Сборник статей академику Василию Васильевичу Струве*, Москва : 445—450).

1965. Скифо-европейские изоглоссы. *На стыке Востока и Запада*, Москва : «Наука».

1973а. О вариативности сонантов (FOLIA LINGUISTICA. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. VI, 1/2 : 185—196).

1981. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов (*«Этнические Проблемы Истории Центральной Азии в Древности»*, Москва : «Наука» : 84—89).

АБДУШЕЛИШВИЛИ М. Г.

1966. К краниологии древнего и современного населения Кавказа, Тбилиси : «Мецниереба».

АЛБАРОВ Б. А.

1968. Легендарное колесо нартских сказаний (*«Известия Северо-Осетинского Научно-Исследовательского Института»*, т. XXVII, Орджоникидзе : 142—180).

АЛЕКСЕЕВ В. П.

1974. География человеческих рас, Москва : «Мысль».

АЛЕКСЕЕВ Ю. Е. и др.

1971. Травянистые растения СССР, т. 1—2, Москва : «Мысль».

АЛЕКСЕЕНКО Е. А.

1960. Культ медведя у кетов (*СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ*, № 4 : 90—104).

АНДРЕЕВ М. С., ПЕЩЕРЕВА Е. М.

1957. Ягнобские тексты. *С приложением «Ягнобско-русского словаря»*, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

АНДРЕЕВ Н. Д.

1957. Периодизация истории индоевропейского праязыка (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 2 : 3—18).

АНДРЕЕВА М. Д.

1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 1 : 39—57).

АНДРОНИКАШВИЛИ М. К.

1966. Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям, I, Тбилиси : Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.
[«ნარკვევები ირანულ-ქართული ენობრივი ურთიერთობიდან», I, თბილისი].

АРДЗИНБА В. Г.

1979. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков (*ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК*. История и Филология Стран Древнего Востока, Москва. «Наука» : 26—37).

1982. Ритуалы и мифы Древней Анатолии, Москва : «Наука».

АРТЕМЕНКО И. И.

1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы (*«Материалы и Исследования по Археологии СССР»*, № 148, Москва : «Наука»).

АФАНАСЬЕВ А.

1865. Поэтические воззрения славян на природу. *Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*, I—III, Москва: Изд-во К. Солдатенкова.

АХВЛЕДИАНИ Г. С.

1949. Основы общей фонетики, Тбилиси : Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.
[«ზოგადი ფონეტიკის საფუძვლები», თბილისი].

1960. Сборник избранных работ по осетинскому языку, I, Тбилиси: Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.

АЧАРЯН Гр.

1971—1979. Этимологический коренной словарь армянского языка, I-II-III-IV, Ереван: Изд-во Ереванск. Ун-та.
[«Հայերեն արմատական բառարան», Երևան].

БАРДАВЕЛИДЗЕ В. В.

1957. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.

БАРРОУ Т.

1976. Санскрит (*Перевод с английского. Редакция и комментарий Т. Е. Елизаренковой*), Москва : «Прогресс».

БАРТОЛЬД В. В.

1925. Коран и море (*«Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук»*, т. 1, Ленинград : 106—110).

БАРХУДАРОВ С. Г. (ред.)

1975-. Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1 и след., Москва : «Наука».

БАХТИН М. М.

1963. Проблемы поэтики Достоевского, Москва : *«Советский писатель»*.

БЕЛИЋ А.

1932. Словенски инјунктив у вези са постанком словенског глаголског вида (*«Глас Српске краљевске Академије»*, CXVIII, други разред, кн. 76, Београд).

БЕНВЕНИСТ Э.

1955. Индоевропейское именное словообразование (*Перевод с французского. Редакция, предисловие и примечания Б. В. Горнунга*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

1959. Тохарский и индоевропейский («Тохарские Языки». *Сборник статей под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова*, Москва : 90—108).

1961. Проблемы армянского консонантизма (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 37—39).

1965. Очерки по осетинскому языку (*Перевод с французского. Предисловие В. И. Абаева*), Москва : «Наука».

1974. Общая лингвистика (*Перевод с французского. Под редакцией, с вступительной статьей и комментарием Ю. С. Степанова*), Москва : «Прогресс».

БЕНДУКИДЗЕ Н. А.

1973. Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели (*ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ. Кавказско-Ближневосточный Сборник*, Тбилиси : 95—100).

БЕРГ Л. С.

1955. Природа СССР, Москва : Изд-во АН СССР.

БЕРЕЗАНСКАЯ С. С.

1972. Средний период бронзового века в Северной Украине, Киев: «Наукова Думка».

1975. О земледелии в культурах шнуровой керамики на Украине (*«Памятники Древней Истории Евразии»*, Москва. «Наука» : 192—198).

БЖАНИЯ Ц. Н.
1973. Из истории хозяйства и культуры абхазов (*Исследования и материалы*), Сухуми : «Алашара».

БИБИКОВА В. И.
1967. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы (*«Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы»*. Отдел биологический, т. LXXII, вып. 3 : 106—118).
1969. До історії доместикації коня на Південному Сході Європи (*АРХЕОЛОГІЯ*, т. XXII : 55—67).

БЛАВАТСКАЯ Т. В.
1966. Ахейская Греция, Москва : «Наука».
1976. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура, Москва : «Наука».

БОГАТЫРЕВ П. Г.
1971. Вопросы теории народного искусства, Москва : Изд-во «Искусство».

БОГОЛЮБСКИЙ С. Н.
1959. Происхождение и преобразование домашних животных, Москва : *«Советская Наука»*.

БОНГАРД-ЛЕВИН Г. М., ГРАНТОВСКИЙ Э. А.
1983. От Скифии до Индии. *Древние арии : мифы и история*, Москва : «Мысль».

БОРОДИЧ В. В.
1963. К вопросу о значении перфекта в болгарском языке (*СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ*. Сборник статей, вып. 4 : 3—31).

БУНАК В. В.
1927. Crania Armenica. Исследование по антропологии Передней Азии (*«Труды Антропологического Научно-Исследовательского Института при МГУ»*, вып. II, Москва).

ВАВИЛОВ Н. И.
1959—1965. Избранные труды (в пяти томах), Москва — Ленинград: Изд-во АН СССР.

ВАЙАН А.
1952. Руководство по старославянскому языку (*Перевод с французского. Под редакцией и с предисловием В. Н. Сидорова*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

ВАЙНШТЕЙН С. И.
1975. Картинная галерея Сыын-Чюрека (*ПРИРОДА*, № 5).

ВАСИЛЬЕВ И. Б.
1979. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы. *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук*, Москва (Институт Археологии АН СССР).

ВАСИЛЬЕВ Л. С.

1976. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса, Москва : «Наука».

ВИРСАЛАДЗЕ Е. Б.

1976. Грузинский охотничий миф и поэзия, Москва : «Наука».

ВЛАДИМИРЦОВ Б. Я.

1917. Анонимный грузинский историк XIV века о монгольском языке (*«Известия Российской Академии Наук»*, № 17 : 1487—1501).

1929. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Ленинград: Изд-во Ленингр. Вост. Ин-та.

ВЫГОТСКИЙ Л. С.

1960. Развитие высших психических функций, Москва : Изд-во Акад. Педаг. Наук.

ГАЗОВ-ГИНЗБЕРГ А. М.

1974. Символизм прасемитской флексии. *О безусловной мотивированности знака*, Москва: «Наука».

ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. В.

1957. Местоимение *so, *sā, *tod и «индо-хеттская» гипотеза Э. Стертеванта (*«Сообщения АН ГССР»*, XVIII, № 2 : 241—246).

1959. Сибилянтные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков, Тбилиси : Изд-во АН ГССР. [«სიბილანტთა შესატყვისობანი და ქართველურ ენათა უძველესი სტრუქტურის ზოგი საკითხი», თბილისი].

1959а. Клинописная система аккадско-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской письменности (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 1 : 9—19).

1960. Хеттский язык и ларингальная теория (*«Труды Института Языкознания АН Груз. ССР»*. Серия восточных языков. *Сборник статей под редакцией Г. В. Церетели*, Тбилиси : 15—91).

1961. Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке (*ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК. Вопросы Хеттологии и Хурритологии*, под. ред. И. М. Дьяконова и Г. В. Церетели, Москва: 211—291).

1968. Дезаффрикатизация в сванском. *«Правила переписывания» в диахронической фонологии*, Тбилиси : «Мецниереба». [«დეზაფრიკატიზაცია სვანურში. "გადაწერის წესები" დიაქრონულ ფონოლოგიაში», თბილისი].

1971. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 2 : 19—30; № 3 : 34—48).

1972. К проблеме «произвольности» языкового знака (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 33—39).

1974. Соотношение смычных и фрикативных в фонологической системе. *К проблеме маркированности в фонологии*, Москва (Институт Русского Языка АН СССР).

1977. Лингвистическая типология и индоевропейская реконструкция (*«Известия АН СССР»*. Серия литературы и языка, т. XXXVIII, № 3 : 195—200).

1979. К огласовке **ă* в индоевропейских корнях структуры C_1VC_2- (*BALCANICA. Лингвистические Исследсвания*, Москва : 69—71).

1979а. «Валентность» и «персональность» глагола (*«Лингвистический Сборник»*. Памяти Г. И. Мачавариани, Тбилиси. «Мецниереба»: 33—51).
[«ზმნის "პირიანობა" და "ვალენტობა"» (*«საენათმეცნიერო კრებული»*. გივი მაჭავარიანის ხსოვნას, თბილისი)].

1980. К вопросу о системе смычных и фрикативных «минойского» языка по показаниям греческой линейной письменности класса В (*«Историчность и Актуальность Античной Культуры»*.Научная Конференция Тбилисского Гос. Университета, Октябрь, 1980 г., Тбилиси : 54—58).

ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. В., ИВАНОВ В. В.

1972. Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных (*«Конференция по Сравнительно-Исторической Грамматике Индоевропейских Языков»* [12—14 декабря]. Предварительные материалы, Москва : 15—18).

1980—1981. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, 1980, № 3 : 3—27); Миграции племен-носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, 1981, № 2 : 11—33).

ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. В., МАЧАВАРИАНИ Г. И.

1965. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. *Типология общекартвельской структуры*, Тбилиси : «Мецниереба».
[«სონანტთა სისტემა და აბლაუტი ქართველურ ენებში. *საერთო-ქართველური სტრუქტურის ტიპოლოგია»*, თბილისი].

ГАРДЕН Ж.-К.

1983. Теоретическая археология (*Перевод с французского. Вступительная статья и редакция* Я. А. Шера), Москва : «Прогресс».

ГАРИБЯН А. С.
1959. Об армянском консонантизме (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 5 : 81—90).

ГЕГЕШИДЗЕ М. К.
1956. Грузинский народный транспорт, I. *Сухопутные средства перевозки*, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.
[«ქართული ხალხური ტრანსპორტი», I. სახმელეთო საზიდი საშუალებანი», თბილისი].

ГЕНИНГ Г. В.
1977. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 4 : 53—73).

ГЕОРГИЕВ В. И.
1953. Три слова, обозначающие «топор», и недостатки сравнительно-исторического метода (*LINGUA POZNANIENSIS*, IV : 109—110).
1954. Вопросы родства средиземноморских языков (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 42—75).
1958. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (*Родственные отношения индоевропейских языков*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

ГЕРАСИМОВА И. П., ВЕЛИЧКО А. А. (ред.)
1982. Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (Атлас—Монография), Москва : «Наука».

ГЕРЦЕНБЕРГ Л. Г.
1972. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках, Ленинград : «Наука».
1973. Теория индоевропейского корня сегодня (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 2 : 102—110).
1981. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики, Ленинград : «Наука».

ГИГИНЕЙШВИЛИ Б. К.
1965. О взаимоотношении *žačwi* и *zeḳwi* («*Сообщения АН ГССР*», XXXVIII, № 3 : 739—743).
1973. Общедагестанский консонантизм (*Автореферат докторской диссертации*), Тбилиси.
1977. Сравнительная фонетика дагестанских языков, Тбилиси : Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.

ГИНДИН Л. А.
1967. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. *Фрагмент индоевропейской ономастики*, Москва : «Наука».

ГИОРГАДЗЕ Г. Г.
1965. «Текст Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 4 : 87—111).
1973. Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства (*О непосредственных производителях в хеттском обществе*), Тбилиси : «Мецниереба».
1979. О характере некоторых индоевропейско-грузинских (картвельских) языковых параллелей («*Лингвистический Сборник*». Памяти Г. И. Мачавариани, Тбилиси : «Мецниереба» : 62—69).

ГИРШМАН Р.

1981. Иран и миграции индоариев и иранцев (*«Этнические Проблемы Истории Центральной Азии в Древности»*, Москва. «Наука»: 140—144).

ГЛИСОН Г.

1959. Введение в дескриптивную лингвистику (*Перевод с английского. Редакция и вступительная статья В. А. Звегинцева*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

ГОРДЕЗИАНИ Р. В.

1970. «Илиада» и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды, Тбилиси: Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.
[«''ილიადა'' და ეგეოსური მოსახლეობის ისტორიისა და ეთნოგენეზის საკითხები», თბილისი].

ГОХМАН И. И.

1980. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов (*«Сборник Музея Антропологии и Этнографии»*. Исследования по Палеоантропологии и Краниологии СССР, вып. XXXVI, Ленинград. «Наука»: 5—34).

ГОХМАН И. И., РЕШЕТОВ А. М.

1981. О южных границах распространения североазиатских монголов в древности (*СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ*, № 6: 78—88).

ГРАНТОВСКИЙ Э. А.

1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии, Москва: «Наука».

ГРОМОВА В. И.

1949. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете, ч. 1—2 (*«Труды Палеонтологического Института АН СССР»*, XXVII, вып. I—II), Москва—Ленинград: Изд-во АН СССР.

ГРЮНБЕРГ А. Л.

1971. Нуристан. *Этнографические и лингвистические заметки* (*«Страны и Народы Востока»*, под общей ред. Е. А. Ольдерогге, вып. X, Москва: 264—287).

1972. Мунджанский язык. *Тексты, словарь, грамматический очерк* («Языки Восточного Гиндукуша»), Ленинград: «Наука».

1980. Язык кати. *Тексты, грамматический очерк* («Языки Восточного Гиндукуша»), Москва: «Наука».

ГРЮНБЕРГ А. Л., СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ И. М.

1976. Ваханский язык. *Тексты, словарь, грамматический очерк*, Москва: «Наука».

ГУДАВА Т. Е.

1958. Об одном виде звукоподражания в мегрельском диалекте занского языка (*«Тезисы докладов XVI Научной Сессии Института Языкознания АН ГССР»*, Тбилиси).

1964. Об одном случае регрессивной дезаффрикатизации в занском (мегрело-чанском) («*Сообщения АН ГССР*», XXXIII, № 2 : 497—503).

1964а. Консонантизм андийских языков. *Историко-сравнительный анализ*, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.

ГУХМАН М. М.

1964. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках, Москва : «Наука».

1966. Глагол в германских языках («*Сравнительная Грамматика Германских Языков*», т. IV), Москва : «Наука».

ДАНДАМАЕВ М. А.

1962. *Uvamarsiyus amariyata* Бехистунской надписи (*ДРЕВНИЙ МИР*. Сборник статей академику Василию Васильевичу Струве, Москва : 371—376).

ДАНДАМАЕВ М. А., ЛУКОНИН В. Г.

1980. Культура и экономика Древнего Ирана, Москва : «Наука».

ДЕБЕЦ Г. Ф.

1967. Антропологические исследования в Афганистане (*СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ*, № 4 : 75—93).

ДЕСНИЦКАЯ А. В.

1947. К вопросу о происхождении винительного падежа в индоевропейских языках («*Известия АН СССР*». Отделение литературы и языка, т. VI, вып. 6 : 493—499).

1948. Архаичные черты в индоевропейском словосложении («*Язык и Мышление*», XI, Москва—Ленинград : 133—152).

1951. Из истории развития категории глагольной переходности (Сб. «*Памяти акад. Л. В. Щербы*», Ленинград : 136—144).

1968. Албанский язык и его диалекты, Ленинград : «Наука».

1968а. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общеалбанские лингвистические проблемы («*Actes du Premier Congrès International des Études Balkaniques et Sud-Est Européennes*», VI. Linguistique : 185—201).

ДЖАВАХИШВИЛИ А. И.

1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э., Тбилиси : «Мецниереба».

ДЖАВАХИШВИЛИ И. А.

1960. История грузинского народа, I, Тбилиси : Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.

[«ქართველი ერის ისტორია», წ. I, თბილისი].

ДЖАПАРИДЗЕ О. М.

1969. Археологические раскопки в Триалети. *К истории грузинских племен во II тысячелетии до н. э.*, Тбилиси : Изд-во «Сабчота Сакартвело».

[«არქეოლოგიური გათხრები თრიალეთში. *ქართველი ტომების ისტორიისათვის ძვ. წ. II ათასწლეულში*», თბილისი].

1976. К этнической истории грузинских племен по данным археологии, Тбилиси : Изд-во Тбил. Ун-та.
[«ქართველ ტომთა ეთნიკური ისტორიის საკითხისათვის. არქეოლოგიური მონაცემების მიხედვით», თბილისი].

ДЖАУКЯН Г. Б.

1960. К вопросу о происхождении консонантизма армянских диалектов (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 39—49).

1964. Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам, Ереван: Изд-во АН Арм. ССР.

1967a. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков, Ереван : Изд-во АН Арм. ССР.

1967b. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка, Ереван : Изд-во АН Арм. ССР.

ДЖИКИЯ С. С.

1960. Рец. на ст.: А. Ахундов, Этимология слова «Кура» (*«Труды Тбилисского Государственного Университета»*, 91. Серия востоковедения II : 443—449).

ДМИТРИЕВ Н. К.

1962. О тюркских элементах русского словаря (В кн.: *«Строй Тюркских Языков»*, Москва. Изд-во вост. лит-ры : 503—569).

ДОВГЯЛО Г. И.

1968. К истории возникновения государства. На материале хеттских клинописных текстов, Минск : Изд-во Белорусского Гос. Ун-та.

ДОНДУА К. Д.

1975. Статьи по общему и кавказскому языкознанию, Ленинград: «Наука».

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ СЛОВАРЬ

1969. (Редакторы: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак), Ленинград : «Наука».

ДРЕМОВ В. А.

1980. К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья (В кн.: *«Палеоантропология Сибири»*, Москва. «Наука»: 39—44).

ДУЛЬЗОН А. П.

1968. Кетский язык, Томск : Изд-во Томского Ун-та.

1971. О некоторых общностях енисейских языков с индоевропейскими (*«Вопросы Языкознания и Сибирской Диалектологии»*, Томск : Изд-во Томского Университета).

ДУНАЕВСКАЯ И. М.

1960. О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа (*«Исследования по Истории Культуры Народов Востока»*. Сборник в честь акад. И. А. Орбели, Москва—Ленинград : 73—77).

1961. Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола (*ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК*. Вопросы Хеттологии и Хурритологии, под ред. И. М. Дьяконова и Г. В. Церетели, Москва: 57—159).

1966. Ленинградский фрагмент хеттской иероглифической надписи CIH XXIII C (*ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК*, II: Дешифровка и Интерпретация Письменностей Древнего Востока, Ленинград : 97—102).

ДЫБО В. А.

1971. О фразовых модификациях ударения в праславянском (*СОВЕТСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ*, № 6 : 77—84).

ДЬЯКОНОВ И. М.

1956. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., Москва — Ленинград : Изд-во АН СССР.

1961. Хетты, фригийцы и армяне (*ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК*. Вопросы Хеттологии и Хурритологии, под ред. И. М. Дьяконова и Г. В. Церетели, Москва : 333—368).

1965. Семитохамитские языки, Москва : «Наука».

1966. Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III—I тыс. до н. э. (*«Материалы Семинара по Проблеме Происхождения и Формирования Азербайджанского Народа»*, XII. Тезисы, Баку).

1967. Языки Древней Передней Азии, Москва : «Наука».

1968. Предыстория армянского народа (*История Армянского Нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне*), Ереван : Изд-во АН Арм. ССР.

1973. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 4 : 3—29).

1982. О прародине носителей индоевропейских диалектов (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 3 : 3—30).

ДЬЯКОНОВ И. М., ЛИВШИЦ В. А.

1960. Документы из Нисы I в. до н. э. *Предварительные работы*, Москва : Изд-во вост. лит-ры.

ДЬЯКОНОВ И. М., НЕРОЗНАК В. П.

1977. Очерк фригийской морфологии (*BALTISTICA*, II priedas : 169—198).

ДЬЯКОНОВ М. М.

1961. Очерк истории Древнего Ирана, Москва : Изд-во вост. лит-ры.

ДЮМЕЗИЛЬ Ж.

1976. Осетинский эпос и мифология (*Перевод с французского. Под редакцией и с послесловием В. И. Абаева*), Москва : «Наука».

ЕГОРОВ В. Г.

1964. Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары : Чувашское книжное изд-во.

ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я.

1960. Аорист в «Ригведе», Москва : Изд-во вост. лит-ры.

1967. Эргативная конструкция в новоиндийских языках (*Сб. «Эргативная Конструкция Предложения в Языках Различных Типов»*. Исследования и материалы, Ленинград: 116—125).

1972. Ригведа. *Избранные гимны*, Москва: «Наука».

1974. Исследования по диахронической фонологии индо-арийских языков, Москва : «Наука».

1976. Атхарваведа. *Избранное*, Москва : «Наука».

1982. Грамматика ведийского языка, Москва : «Наука».

ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я., ТОПОРОВ В. Н.

1970. Мифологические представления о грибах в связи с гипотезой о первоначальном характере сомы (*«Тезисы Докладов IV Летней Школы по Вторичным Моделирующим Системам»*, Тарту : Тартуский Гос. Университет: 40—46).

ЕРНШТЕДТ П. В.

1953. Египетские заимствования в греческом языке, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

ЖИРМУНСКИЙ В. М.

1964. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, Москва—Ленинград : «Наука».

ЗАБРОЦКИЙ Л.

1961. Замечания о развитии армянского консонантизма (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 5 : 34—45).

ЗЕЛЕНИН Д. К.

1916. Очерки русской мифологии, вып. I. *Умершие неестественной смертью и русалки*, Петроград : Типография А. В. Орлова.

1929—1930. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии (*«Сборник Музея Антропологии и Этнографии»*, ч. 1, т. VIII и ч. II, т. IX, Ленинград).

ЗЕМЦОВСКИЙ И.

1975. Мелодика календарных песен, Ленинград : Изд-во «Музыка».

ЗИНКЕВИЧЮС З. П.

1958. Некоторые вопросы образования местоименных прилагательных в литовском языке (*ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ*. Институт Славяноведения АН СССР, вып. 3 : 50—100).

ЗОЛОТАРЕВ А. М.

1964. Родовой строй и первобытная мифология, Москва : «Наука».

ИВАНОВ В. В.

1958. Проблема языков centum и satəm (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 12—23).

1959. Об исследовании древнеармянской фонологической системы и ее отношении к индоевропейской (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 1 : 37—41).

1963. Хеттский язык, Москва : Изд-во вост. лит-ры.

1964. Происхождение имени Кухулина (*«Проблемы Сравнительной Филологии»*. Сборник статей к 70-летию В. М. Жирмунского, Москва—Ленинград. «Наука» : 451—461).

1965. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, Москва : «Наука».

1968. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском (*СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ*. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, Москва : 225—276).

1972. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках (*«Балто-Славянский Сборник»*, Москва . «Наука» : 193—205).

1974. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva- 'конь' (*Культ коня и дерево aśvattha- в Древней Индии*) (*«Проблемы Истории Языков и Культуры Народов Индии»*. Сборник статей памяти В. С. Воробьева-Десятовского, Москва : 75—138).

1974а. Рец. на кн.: B. Cop, Indogermanica minora (*«Известия АН СССР»*. Серия литературы и языка, т. XXXIII, № 2 : 172—173).

1975. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка (*«Известия АН СССР»*. Серия литературы и языка, т. XXXIV, № 5 : 399—408).

1975а. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными тонемами (*«Очерки Фонологии Восточных Языков»*, Москва : 3—58).

1976. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики (*«Историко-Филологический Журнал»*, 4 /75/ : 69—86).

1980. Проблема происхождения *и* в начальном слоге в балтийском в свете этимологических данных (*«Балто-Славянские Этноязыковые Контакты»*, Москва. «Наука» : 77—90).

ИВАНОВ В. В., ТОПОРОВ В. Н.

1965. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, Москва : «Наука».

1974. Исследования в области славянских древностей, Москва : «Наука».

ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В. М.

1961. Один из источников начального *х-* в праславянском. *Поправка к закону Зибса* (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 93—98).

1963. Именная акцентуация в балтийском и славянском. *Судьба акцентуационных парадигм*, Москва : Изд-во АН СССР.

1964. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты (*«Проблемы Индоевропейского Языкознания»*, Москва : 3—12).
1971—1976. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. *Сравнительный словарь*, тт. I, II, Москва : «Наука».

ИСАЧЕНКО А. В.
1957. Morské oko — 'небольшое горное озеро' (*«Studia Linguistica in honorem acad. S. Mladenov»*, София : 313—315).

КАЛИЦ Н.
1976. Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестности Будапешта (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 2 : 106—116).

КАМЕНЕЦКИЙ И. С., МАРШАК Б. И., ШЕР Я. А.
1975. Анализ археологических источников (*Возможности формализованного подхода*), Москва : «Наука».

КАПАНЦЯН Гр.
1956. Историко-лингвистические работы (*К начальной истории армян. Древняя Малая Азия*), Ереван : Изд-во АН Арм. ССР.

КАРАЛЮНАС С.
1966. К вопросу об и.-е. *s после *i*, *u* в литовском языке (*BALTISTICA*, 1 : 113—126).

КАУХЧИШВИЛИ Т. С.
1960. Сведения Геродота о Грузии, Тбилиси: Изд-во АН ГССР.
[«ჰეროდოტეს ცნობები საქართველოს შესახებ», თბილისი].

КАЦНЕЛЬСОН С. Д.
1936. К генезису номинативного предложения (*«Труды Института Языка и Мышления им. Н. Я. Марра»*, IV: Изд-во АН СССР).
1947. Эргативная конструкция и эргативное предложение (*«Известия АН СССР»*. Отделение литературы и языка, т. VI, вып. I : 43—49).
1949. Историко-грамматические исследования, I. *Из истории атрибутивных отношений*, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.
1958. К фонологии протоиндоевропейской языковой системы (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 46—59).
1966. Сравнительная акцентология германских языков, Москва—Ленинград : «Наука».
1967. К происхождению эргативной конструкции (Сб. *«Эргативная Конструкция Предложения в Языках Различных Типов»*. Исследования и материалы, Ленинград: 33—41).

КИГУРАДЗЕ Т. В.
1976. Периодизация раннеземледельческой культуры восточного Закавказья, Тбилиси : «Мецниереба».
[«აღმოსავლეთ ამიერკავკასიის ადრესამიწათმოქმედო კულტურის პერიოდიზაცია», თბილისი].

КЛАРК Дж. Г. Д.

1953. Доисторическая Европа. Экономический очерк (*Перевод с английского. Редакция и предисловие А. Я. Брюсова*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

КЛИМОВ Г. А.

1964. Этимологический словарь картвельских языков, Москва : Изд-во АН СССР.

1967. К эргативной конструкции в занском языке (Сб. «*Эргативная Конструкция Предложения в Языках Различных Типов*». Исследования и материалы, Ленинград : 149— 155).

1967а. Заимствованные числительные в общекартвельском? (*ЭТИМОЛОГИЯ. Материалы и Исследования по индоевропейским и другим языкам*, Москва : 307—310).

1973. Очерк общей теории эргативности, Москва : «Наука».

1973а. Типология языков активного строя и реконструкция праиндоевропейского («*Известия АН СССР*». Серия литературы и языка», т. XXXII, № 5 : 442—447).

1974. К происхождению эргативной конструкции предложения (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 1 : 3—13).

1977. Типология языков активного строя, Москва : «Наука».

1977а. Картвельское *ОТХО- 'четыре' ~ индоевропейское *ОКТО- (*ЭТИМОЛОГИЯ*, 1975 : 162—163).

КЛИМОВ Г. А., ЭДЕЛЬМАН Д. И.

1970. Язык бурушаски, Москва : «Наука».

1974. К названиям парных частей тела в языке бурушаски (*ЭТИМОЛОГИЯ*, 1972 : 160—162).

КОБИДЗЕ Д. И.

1969. Грузино-персидские литературные связи, II, Тбилиси : Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.
[«ქართულ-სპარსული ლიტერატურული ურთიერთობანი», II, თბილისი]

КОВАЛЕВСКАЯ В. Б.

1977. Конь и всадник. *Пути и судьбы*, Москва : «Наука».

КОЖИН П. М.

1966. Киосские колесницы («*Археология Старого и Нового Света*», Москва. «Наука» : 76—81).

1968. Гобийская квадрига (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 3 : 35—42).

1969. К вопросу о происхождении иньских колесниц («*Культура Народов Зарубежной Азии и Океании*», Ленинград. «Наука» : 29—40).

1977. Об иньских колесницах («*Ранняя Этническая История Народов Восточной Азии*», Москва : 278—287).

КОМОРОЦИ Г.
1976. Гимн о торговле Тильмуна (*Интерполяция в тексте шумерского мифологического эпоса* «Энки и Нинхурсаг») (*«Древний Восток»*, 2, Ереван : 5—36).

КОНОНОВ А. Н.
1980. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв., Ленинград : «Наука».

КРАУЗЕ В.
1959. Тохарский язык («Тохарские языки». *Сборник статей под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова*, Москва: 39—89).

КРЕЙНОВИЧ Е. А.
1958. Юкагирский язык, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.
1968. Глагол кетского языка, Ленинград : «Наука».
1969. Медвежий праздник у кетов (*«Кетский Сборник»*. Мифология. Этнография. Тексты, Москва : 6—112).

КРЮКОВ М. В.
1968. Социальная дифференциация в древнем Китае. *Опыт сравнительно-исторической характеристики* (*«Разложение Родового Строя и Формирование Классового Общества»*. Сборник статей. Отв. редактор А. И. Першиц, Москва. «Наука»: 190—249).

КУЗНЕЦОВ П. С.
1953. Историческая грамматика русского языка. *Морфология*, Москва : Изд-во Московск. Гос. Ун-та.
1959. Очерки исторической морфологии русского языка, Москва: Изд-во АН СССР.
1961. Очерки по морфологии праславянского языка, Москва: Изд-во АН СССР.

КУЗЬМИНА Е. Е.
1974. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 4 : 68—87).
1976. Рец. на : Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere, Internationales Symposion in Budapest, hrsg. von J. Matolczi, Budapest 1973 (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 1 : 147—153).
1976а. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев (Сб. *«Скифо-Сибирский Звериный Стиль в Искусстве Народов Евразии»*, Москва : 52—65).
1977. Распространение √коневодства и культа √коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света (Сб. *«Средняя Азия в Древности и Средневековье»*, Москва : «Наука»).

КУМАХОВ М. А.
1973. Теория моновокализма и кавказские языки (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 54—67).

КУРИЛОВИЧ Е.

1946. Эргативность и стадиальность в языке (*«Известия АН СССР»*. Отделение литературы и языка, т. V, вып. 5: 387—393); перепечатано в *КУРИЛОВИЧ 1962 : 122—133.*

1962. Очерки по лингвистике. *Сборник статей*, Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

КУФТИН Б. А.

1940. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии (*«Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра АН СССР»*, вып. VIII: 5—35).

1941. Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси: Изд-во АН ГССР.

КУЧЕРА С.

1977. Китайская археология, 1965—1974 гг.: *Палеолит — Эпоха Инь.* Находки и проблемы, Москва: «Наука».

КУШНАРЕВА К. Х., ЧУБИНИШВИЛИ Т. Н.

1970. Древние культуры Южного Кавказа, Ленинград : «Наука».

ЛАТЫШЕВ В. В.

1947. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 4 : 171—289).

ЛЕВИ-БРЮЛЬ Л.

1950. Выражение притяжательной принадлежности в меланезийских языках (Сб. *«Эргативная Конструкция Предложения»*, сост. Е. А. Бокарев, Москва : Изд-во иностр. лит-ры : 208—217).

ЛЕКИАШВИЛИ А. С.

1979. К вопросу о культе святого Георгия в Грузии (*«Лингвистический Сборник»*. Памяти Г. И. Мачавариани, Тбилиси . «Мецниереба»: 146—152).

[«წმინდა გიორგის ქართული კულტის საკითხისათვის» («საენათმეცნიერო კრებული». გივი მაჭავარიანის ხსოვნას, თბილისი)].

ЛЕМАН У. П.

1961. Об армянской системе смычных и ее соотношении с протоиндоевропейской системой (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 56—59).

ЛЕНЦМАН Я. А.

1963. Рабство в микенской и гомеровской Греции, Москва : Изд-во АН СССР.

ЛИБЕРМАН А. С.

1971. Исландская просодика. *К фонологической характеристике современного исландского языка и его истории*, Ленинград : «Наука».

ЛИВШИЦ В. А.

1976. «Зороастрийский» календарь (В кн.: Э. Бикерман, Хронология Древнего Мира. *Ближний Восток и Античность*, Москва : 320—332).

ЛИВШИЦ В. А., ХРОМОВ А. Л.

1981. Согдийский язык (*«Основы Иранского Языкознания»*. Среднеиранские языки : 347—514), Москва : «Наука».

ЛИСИЦЫНА Г. Н.

1978. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении (*Опыт исторического анализа материалов комплексных исследований на Юге СССР и Ближнем Востоке*), Москва : «Наука».

ЛИТВИНСКИЙ Б. А.

1964. Таджикистан и Индия (*Примеры древних контактов*), Сб. «*Индия в Древности*», Москва : 143—151.

1968. Кангюйско-сарматский фарн (*К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии*), Душанбе : «Дониш».

1972. Курганы и курумы Западной Ферганы (*Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии*), Москва : «Наука».

ЛОМТАТИДЗЕ К. В.

1976. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков, I. *Фонологическая система и фонетические процессы*, Тбилиси : «Мецниереба».

[«აფხაზური და აბაზური ენების ისტორიულ - შედარებითი ანალიზი, I. ფონოლოგიური და ფონეტიკური პროცესები», თბილისი].

ЛОРДКИПАНИДЗЕ О. Д.

1979. Древняя Колхида. *Миф и археология*, Тбилиси : Изд-во «Сабчота Сакартвело».

ЛУРЬЕ С. Я.

1957. Язык и культура микенской Греции, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

ЛЫТКИН В. И., ГУЛЯЕВ Е. С.

1970. Краткий этимологический словарь коми языка, Москва : «Наука».

ЛЬЮИС Г., ПЕДЕРСЕН Х.

1954. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков (*Перевод с английского. Редакция, предисловие и примечания В. Я. Ярцевой*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

МАЖЮЛИС В. П.

1956. Индоевропейская децимальная система числительных (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 53—59).

МАКАЕВ Э. А.

1961. Передвижение согласных в армянском языке (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 22—29).

1965. Язык древнейших рунических надписей. *Лингвистический и историко-филологический анализ*, Москва : «Наука».

1970. Структура слова в индоевропейских и германских языках, Москва : «Наука».

МАЛИЯ Е. М.

1970. Народно-изобразительное искусство Абхазии (*Ткани и вышивки*), Тбилиси : «Мецниереба».

МАМОНОВА Н. Н.

1980. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии (*«Сборник Музея Антропологии и Этнографии»*. Исследования по Палеоантропологии и Краниологии СССР, вып. XXXVI, Ленинград. «Наука»: 60—74).

МАРКОВИН В. И.

1978. Дольмены Западного Кавказа, Москва: «Наука».

МАРР Н. Я.

1910. Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой коже» Шоты из Рустава. *Груз. текст, русский перевод и пояснения с этюдом «Культ женщины и рыцарство в поэме»* («Издания факультета восточных языков Имп. Санкт-Петербургского Университета», № 5. *Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии*, книга 12), С.-Петербург.

1910а. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем (*«Материалы по Яфетическому Языкознанию»*, VII, С.-Петербург).

1922. Яфетические названия красок и плодов в греческом (*«Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры»*, т. II, Петроград : 325—331).

МАРТИНЕ А.

1960. Принцип экономии в фонетических изменениях. Проблемы диахронической фонологии (*Перевод с французского. Редакция и вступительная статья В. А. Звегинцева*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

МАРТИНСОН Г. Г.

1976. Изучение истории озер (*«Вестник Академии Наук СССР»*, № 8: 131—133).

МАССОН В. М.

1966. Неолит южной Турции (*«Археология Старого и Нового Света»*, Москва : «Наука» : 161—171).

1973. Древние гробницы вождей на Кавказе (*Некоторые вопросы социологической интерпретации*) (*Сб. «Кавказ и Восточная Европа в Древности»*. Посвящается памяти Е. И. Крупнова, Москва: 102—112).

1976. Цивилизация древневосточного типа на юге Средней Азии (*«Памятники Культуры»*. Новые открытия. Письменность, Искусство, Археология, Москва : 431—447).

МАЧАВАРИАНИ Г. И.

1965. Общекартвельская консонантная система, Тбилиси : «Мецниереба».
[«საერთო-ქართველური კონსონანტური სისტემა», თბილისი].

1966. К типологической характеристике общекартвельского языка-основы (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 1 : 3—9).

МЕЙЕ А.

1938. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (*Перевод с французского. Под редакцией и с примечаниями Р. Шор. Вступительная статья М. Сергиевского*), Москва — Ленинград : Соцэкгиз.

1951. Общеславянский язык (*Перевод с французского. Предисловие Р. И. Аванесова и П. С. Кузнецова*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

1952. Основные особенности германской группы языков (*Перевод с французского. Под редакцией, с предисловием и примечаниями проф. В. М. Жирмунского*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

МЕЛЕТИНСКИЙ Е. М.

1968. «Эдда» и ранние формы эпоса, Москва : «Наука».

1970. О семантике мифологических сюжетов в древнескандинавской (эддической) поэзии и прозе (*«Скандинавский Сборник»*, XVIII, Таллин : 145—158).

МЕЛИКИШВИЛИ Г. А.

1960. Урартские клинообразные надписи, Москва : Изд-во АН СССР.

1965a. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси : «Мецниереба».
[«საქართველოს, კავკასიისა და მახლობელი აღმოსავლეთის უძველესი მოსახლეობის საკითხისათვის», თბილისი].

1965b. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 1 : 3—30).

1968. О некоторых наименованиях металлов в древневосточных и кавказских языках (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 4 : 122—127).

1970. Очерки истории Грузии (в восьми томах). Том I: *Грузия с древнейших времен до IV века нашей эры*. Редактор тома Г. А. Меликишвили, Тбилиси : Изд-во «Сабчота Сакартвело».
[«საქართველოს ისტორიის ნარკვევები» (რვა ტომად). ტომი I: საქართველო უძველესი დროიდან ახალი წელთაღრიცხვის IV საუკუნემდე. ტომის რედაქტორი გიორგი მელიქიშვილი, თბილისი].

ЭЛИКИШВИЛИ И. Г.

1971. Отношение маркированности в фонологии. Условия маркированности в классе шумных фонем (*Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Тбилиси).

1972. Отношение маркированности в фонологии (условия маркированности в классе шумных фонем). *Автореферат кандидатской диссертации*, Тбилиси.

1974. К изучению иерархических отношений единиц фонологического уровня (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 94—105).

1976. Отношение маркированности в фонологии, Тбилиси : «Мецниереба».

[«მარკირების მიმართება ფონოლოგიაში», თბილისი].

1980. Структура корня в общекартвельском и общеиндоевропейском (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 60—70).

ЭЛЬНИЧУК А. С.

1979. О генезисе индоевропейского вокализма (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 5 : 3—16; № 6 : 3—16).

ЭНАБДЕ Э. А.

1965. Хеттское общество, Тбилиси : «Мецниереба».

ЭРПЕРТ Н. Я.

1974. Древнейшие скотоводы волжско-уральского Междуречья, Москва : «Наука».

1978. Миграции в эпоху неолита и энеолита («*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*», № 3 : 9—28).

ЭРПЕРТ Н. Я., МУНЧАЕВ Р. М.

1971. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии (по материалам раскопок советской экспедиции) (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 3 : 141—169).

1977. Древнейшая металлургия Месопотамии (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 3 : 154—163).

1982. Погребальный обряд племен халафской культуры («*Археология Старого и Нового Света*», Москва. «Наука» : 28—49).

ЭЭКЕЛАДЗЕ Т. К.

1974. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (II—I тысячелетия до н. э.), Тбилиси : «Мецниереба».

[«ძიებანი კოლხეთისა და სამხრეთ-აღმოსავლეთ შავი ზღვისპირეთის უძველესი მოსახლეობის ისტორიიდან (ძვ. წ. II—I ათასწლეულები)», თბილისი].

ЭЛЛЕР В. Ф.

1877. О лютом звере народных песен («*Древности*». Труды Московского Археологического Общества, т. 7, вып. 1).

1962. Язык осетин, Москва : Изд-во АН СССР.

МИЛЛЕР В. Ф., ФРЕЙМАН А. А.

1927—1934. Осетинско-русско-немецкий словарь, тт. I—III. *Под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана,* Ленинград: Изд-во АН СССР.

МИРОНОВА В. Г.

1967. Языческое жертвоприношение в Новгороде (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 1: 215—227).

МОГИЛЬНИКОВ В. А.

1974. Погребальный обряд культур III в. до н. э. — III в. н. э. в западной части балтийского региона (*«Погребальный Обряд Племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э.»*, Москва: 133—225).

МУНЧАЕВ Р. М.

1973. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе (*Сб. «Кавказ и Восточная Европа в Древности»*. Посвящается памяти Е. И. Крупнова, Москва: 71—77).

МУРЗАЕВ Э. М.

1967. Гора-лес («Русская Речь», № 1: 80—82).

НЕЙШТАДТ М. И.

1957. История лесов и палеография СССР в голоцене, Москва: Изд-во АН СССР.

НЕРОЗНАК В. П.

1978. Палеобалканские языки, Москва: «Наука».

1981. Индоевропейские языки («Сравнительно-Историческое Изучение Языков Разных Систем». *Современное состояние и проблемы.* Отв. ред. Н. З. Гаджиева, Москва. «Наука»: 8—62).

НИДЕРЛЕ Л.

1956. Славянские древности (*Перевод с чешского, под редакцией А. Л. Монгайта. Предисловие П. Н. Третьякова*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

НИДЕРМАН М.

1949. Историческая фонетика латинского языка (*Перевод с французского. Примечания Я. М. Боровского*), Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

НИКИТИНА Г. Ф.

1974. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. (*«Погребальный Обряд Племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.—I тысячелетии н. э.»*, Москва: 5—132).

НОВГОРОДОВА Э. А.
1970. Центральная Азия и карасукская проблема, Москва : «Наука».
1977. Памятники древности и некоторые проблемы монгольского этногенеза (*«Проблемы Дальнего Востока»*, 1[21] : 127—135).

НОВИКОВА К. А.
1979. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках (*«Исследования в Области Этимологии Алтайских Языков»*, отв. ред. В. И. Цинциус, Ленинград . «Наука» : 53—134).

ОРАНСКИЙ И. М.
1960. Введение в иранскую филологию, Москва : Изд-во вост. лит-ры.

ПАЛМАЙТИС М. Л.
1979. Индоевропейская апофония и развитие деклинационных моделей в диахронно-типологическом аспекте, Тбилиси : Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.

ПАХАЛИНА Т. Н.
1959. Ишкашимский язык. *Очерк фонетики и грамматики. Тексты и словарь*, Москва : Изд-во АН СССР.
1971. Сарыкольско-русский словарь, Москва : «Наука».
1975. Ваханский язык, Москва : «Наука».

ПЕНДЛБЕРИ Дж.
1950. Археология Крита (*Перевод с английского. Общая редакция и предисловие акад. В. В. Струве*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ПЕРЕЛЬМУТЕР И. А.
1967. О первоначальной функции индоевропейского перфекта (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 1 : 92—102).
1974. Об оппозиции «переходность» — «непереходность» в системе индоевропейского глагола (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 70—81).
1977. Общеиндоевропейский и греческий глагол. *Видо-временные и залоговые категории*, Ленинград : «Наука».

ПЕРИХАНЯН А. Г.
1973. Сасанидский Судебник. *Книга тысячи судебных решений*, Ереван : Изд-во АН Арм. ССР.

ПИЗАНИ В.
1961. Об армянских отражениях индоевропейских взрывных (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 46—55).
1975. Etymologica Parerga (*ЭТИМОЛОГИЯ*, 1973 : 159—167).

ПИОТРОВСКИЙ Б. Б.
1949. Археология Закавказья, Ленинград : Изд-во Ленингр. Гос. Ун-та.
1955. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР (*«Доклады Советской Делегации на X Международном Конгрессе Историков в Риме»*, Москва).
1959. Ванское царство (Урарту), Москва : Изд-во вост. лит-ры.

ПИРЕЙКО Л. А.

1968. Основные вопросы эргативности на материале индо-иранских языков, Москва : «Наука».

ПОЛИВАНОВ Е. Д.

1916. Индоевропейское **medhu* ~ общекитайское *mit* («*Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества*», т. XXIII, вып. I—II, Петроград: 263—264).

1928. Введение в языкознание для востоковедных вузов, Ленинград (Восточный Институт им. А. С. Енукидзе).

1931. За марксистское языкознание. *Сборник популярных лингвистических статей*, Москва : «Федерация».

1960. Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка («*Проблемы Востоковедения*», № 3 : 175—177).

1968. Избранные работы по общему языкознанию, Москва : «Наука».

ПОЛЯКОВА Г. Е.

1968. Teojo doero/ra в системе пилосского землевладения (*ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ*, № 1 : 13—27).

ПОРЦИГ В.

1964. Членение индоевропейской языковой области (*Перевод с немецкого. Редакция и предисловие А. В. Десницкой*), Москва : «Прогресс».

ПОТЕБНЯ А. А.

1865. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий, II. Баба-Яга (*«Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете»*, Москва : 85—232).

1914. О некоторых символах в славянской народной поэзии, Харьков : «Изд-во Потебня».

ПРОКОШ Э.

1954. Сравнительная грамматика германских языков (*Перевод с английского. Под редакцией и с предисловием В. А. Звегинцева. Примечания М. М. Гухман*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ПРОПП В. Я.

1946. Исторические корни волшебной сказки, Ленинград: Изд-во Ленингр. Гос. Ун-та.

ПЬЯНКОВ И. В.

1979. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию (*ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК*. История и Филология Стран Древнего Востока, Москва. «Наука» : 193—207).

РАЕВСКИЙ Д. С.

1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. *Опыт реконструкции скифской мифологии*, Москва : «Наука».

ГИФТИН А. П.

1927. Система шумерских числительных («*Языковедение*». Проблемы по числительным, I. Сборник статей, Ленинград : 177—190).

1946a. Из истории множественного числа («*Ученые Записки ЛГУ*». Серия филологических наук, № 69, вып. 10 : 37—54).

1946b. Категории видимого и невидимого мира в языке («*Ученые Записки ЛГУ*». Серия филологических наук, № 69, вып. 10 : 136—153).

ГОБАКИДЗЕ А. И.

1960. К истории пчеловодства, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.
[«მეფუტკრეობის ისტორიისათვის», თბილისი].

ГРУДЕНКО С. И.

1961. Искусство Алтая и Передняя Азия, Москва : Изд-во вост. лит-ры.

1968. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. *Из оледенелых курганов Алтая*, Москва : «Искусство».

ГРЫНДИНА Н. В.

1971. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы, Москва : Изд-во Московск. Гос. Ун-та.

ДАВЧЕНКО А. Н.

1967. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке (Сб. «*Эргативная Конструкция Предложения в Языках Различных Типов*». Исследования и материалы, Ленинград : 74—90).

1974. Сравнительная грамматика индоевропейских языков, Москва: «Высшая школа».

ДАРДЖВЕЛАДЗЕ З. А.

1980. К этимологии некоторых общекартвельских лексем (*МАЦНЕ*. Серия языка и литературы, № 4 : 115—122).
[«ზოგი საერთო-ქართველური ლექსემის ეტიმოლოგიისათვის» («მაცნე». ენისა და ლიტერატურის სერია)].

ДАРИАНИДИ В. И.

1973. Статуэтка лошади с Алтын-депе (Сб. «*Кавказ и Восточная Европа в Древности*». Посвящается памяти Е. И. Крупнова, Москва: 113—117).

1977. Древние земледельцы Афганистана («*Материалы Советско-Афганской Экспедиции* 1969—1974 гг.»), Москва : «Наука».

1981. Древняя Бактрия : новые аспекты старой проблемы («*Этнические Проблемы Истории Центральной Азии в Древности*», Москва . «Наука» : 180—191).

ДАХОКИЯ М. М.

1974. Сопоставительный анализ форм посессивности и переходности в древнеперсидском, древнеармянском и древнегрузинском языках (Автореферат кандидатской диссертации, Тбилиси).

СВЕШНІКОВ І. К.

1974. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери, Київ.

СЕВОРТЯН Э. В.

1974. Этимологический словарь тюркских языков, Москва: «Наука».

СЕДОВ В. В.

1953. Древнерусское святилище в Перыни (*«Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра АН СССР»*, вып. L: 92—103).

1976. Этногенез и этническая история славянских и балканских народов (*Ранний период славянского этногенеза*) [Сб. *«Вопросы Этногенеза и Этнической Истории Славян и Восточных Романцев»*. Методология и Историография, Москва : 68—108].

СЕМЕКА Е. С.

1971. Антропоморфные и зооморфные символы в четырех- и восьмичленных моделях мира (*«Труды по Знаковым Системам»*, V. Ученые Записки Тартуского Университета : 92—119).

СЕМЕНОВ С. А.

1968. Развитие техники в каменном веке, Ленинград : «Наука».

1974. Происхождение земледелия, Ленинград : «Наука».

СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А.

1974. Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва : «Наука».

СМИРНОВ А. П.

1975. Возникновение производящего хозяйства и финноугры (*«Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum»*, p. 1, Budapest : 179—191).

СМИРНОВ К. Ф.

1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей (*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*, № 1 : 46—72).

СМИРНОВ К. Ф., КУЗЬМИНА Е. Е.

1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий, Москва : «Наука».

СОБОЛЕВСКИЙ С. И.

1939. Грамматика латинского языка, Москва : Изд-во Наркомпроса РСФСР.

СОКОЛОВА В. С.

1959. Рушанские и хуфские тексты и словарь, Москва — Ленинград: Изд-во АН СССР

1967. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской группы, Ленинград : «Наука».

СОСЕЛИЯ Э. Г.
1979. Анализ систем терминов родства (*по материалам картвельских языков*), Тбилиси : «Мецниереба».

СОССЮР Ф. де
1977. Труды по языкознанию. *Переводы с французского языка под редакцией и с вступительной статьей* А. А. Холодовича, Москва: «Прогресс».

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И.
1958. Материалы для словаря древнерусского языка, тт. I—III, Москва : Гос. изд-во нац. и иностр. словарей.

СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ И. М.
1974. Флора иранской прародины. *Этимологические заметки* (*ЭТИМОЛОГИЯ*, 1972 : 138—140).
1975. Повседневная и ритуальная пища ваханцев (*«Страны и Народы Востока»*, вып. XVI. «Памир», Москва : 192—209).
1981. Бактрийский язык (*«Основы Иранского Языкознания»*. Среднеиранские языки : 314—346), Москва : «Наука».

СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М. И.
1953. История скандинавских языков, Москва : Изд-во АН СССР.

СТЕПАНОВ Г. В.
1979. К проблеме языкового варьирования, Москва : «Наука».

СУПРУН А. Е.
1961. Старославянские числительные, Фрунзе : Изд-во Фрунз. Ун-та.
1969. Славянские числительные. *Становление числительных как особой части речи*, Минск : Изд-во Минск. Ун-та.

ТИТОВ В. С.
1966. Древнейшие земледельцы в Европе (*«Археология Старого и Нового Света»*, Москва. «Наука» : 25—37).
1982. К изучению миграций бронзового века (*«Археология Старого и Нового Света»*, Москва. «Наука» : 89—145).

ТОЛСТОЙ Н. И.
1969. Славянская географическая терминология, Москва : «Наука».

ТОМСОН Дж.
1959. Исследования по истории древнегреческого общества, т. II. Первые философы (*Перевод с английского. Общая редакция и послесловие А. Ф. Лосева*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ТОПОРОВ В. Н.
1958. Этимологические заметки (*«Краткие Сообщения Института Славяноведения АН СССР»*, вып. 25 : 74—88).
1959. Локатив в славянских языках, Москва : Изд-во АН СССР.
1960. Об одной ирано-славянской параллели в области синтаксиса (*«Краткие Сообщения Института Славяноведения АН СССР»*, вып. 28 : 3—11).

1961. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола (*«Вопросы Славянского Языкознания»*. Институт Славяноведения АН СССР, вып. 5 : 35—70).

1962. О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимии (*«Топонимика Востока»*, Москва : 59—66).

1963. Хеттская SAL. ŠU. GI и славянская *Баба-Яга* (*«Краткие Сообщения Института Славяноведения АН СССР»*, вып. 38 : 28—37).

1964. К реконструкции некоторых мифологических представлений (*на материале буддийского изобразительного искусства*) [*«Народы Азии и Африки»*, № 3 : 101—110].

1965. К описанию некоторых структур, характеризующих преимущественно низшие уровни, в нескольких поэтических текстах, III. Об одном примере звукового символизма (Ригведа, X) [*«Труды по Знаковым Системам»*, II. Ученые Записки Тартуского Университета : 306—319].

1967. Из этимологии енисейских языков (*ЭТИМОЛОГИЯ*, 1965 : 311—320).

1969. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) [*«Труды по Знаковым Системам»*, IV. Ученые Записки Тартуского Университета : 9—43].

1971. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» (*«Труды по Знаковым Системам»*, V. Ученые Записки Тартуского Университета : 9—62).

1973. Несколько замечаний о балтийских глаголах на -sta в связи с происхождением этого форманта (индоевропейская перспектива) «Baltų Veiksmažodžio tyrinėjimai. Lietuvių kalbotyras klausimai», XIV, Vilnius: 151—167).

1973а. О космологических источниках раннеисторических описаний (*«Труды по Знаковым Системам»*, VI. Сборник научных статей в честь М. М. Бахтина к 75-летию со дня его рождения, Тарту: 106—150).

1974. О брахмане. *К истории концепции* («Проблемы Истории Языков и Культуры Народов Индии». Сборник статей памяти В. С. Воробьева-Десятовского, Москва : 20—74).

1975—1980. Прусский язык. Словарь, I—III, Москва : «Наука».

1975а. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями (*«Славянское и Балканское Языкознание»*. Проблемы интерференции и языковых контактов, Москва : 3—49).

1976. Πύθων, Ahi budhnyā, *Бадьнак* и др. (*ЭТИМОЛОГИЯ*, 1974 : 3—15).

1977. К фракийско-балтийским языковым параллелям, II (*«Балканский Лингвистический Сборник»*, Москва : 59—116).

1979. Семантика мифологических представлений о грибах (*BALCANICA*. Лингвистические Исследования, Москва : 234—298).

ТОПОРОВ В. Н., ТРУБАЧЕВ О. Н.

1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, Москва : Изд-во АН СССР.

ТОПУРИА В. Т.

1960. Некоторые вопросы сравнительной фонетики картвельских языков («XXV *Международный Конгресс Востоковедов*», Москва : Изд-во вост. лит-ры).

ТРОНСКИЙ И. М.

1936. Из истории античного языкознания (*«Советское Языкознание»*, II, Ленинград : 21—38).

1946. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках (*«Ученые Записки ЛГУ»*. Серия филологических наук, № 69, вып. 10 : 54—72).

1953. Очерки из истории латинского языка, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

1960. Историческая грамматика латинского языка, Москва : Изд-во лит-ры на иностр. языках.

ТРУБАЧЕВ О. Н.

1959. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя, Москва : Изд-во АН СССР.

1960. Происхождение названий домашних животных в славянских языках, Москва : Изд-во АН СССР.

1966. Ремесленная терминология в славянских языках (*Этимология и опыт групповой реконструкции*), Москва : «Наука».

1968. Название рек Правобережной Украины, Москва : «Наука».

1972. Несколько древних латинско-славянских параллелей (*«Конференция по Сравнительно-Исторической Грамматике Индоевропейских Языков»* [12—14 декабря]. Предварительные материалы, Москва : 82—84).

1973. Лексикография и этимология (*«Славянское Языкознание»*. VII Международный съезд славистов, Варшава : 294—313).

1974-. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып. 1—10, Москва : «Наука».

1976. О синдах и их языке (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 39—63).

1977. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. *Индоарийцы в Северном Причерноморье* (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 13—29).

ТРУБЕЦКОЙ Н. С.

1960. Основы фонологии (*Перевод с немецкого. Редакция С. Д. Кацнельсона. Послесловие А. А. Реформатского*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ТУМАНЯН Э. Г.

1978. Структура индоевропейских имен в армянском языке. *Опыт реконструкции*, Москва : «Наука».

ТУПИКОВ Н. М.

1903. Словарь древне-русских личных собственных имен (*«Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Имп. Русского Археологического Общества»*, т. VI, С.-Петербург : 56—913).

УЛЕНБЕК Х. К.

1950. Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков (Сб. *«Эргативная Конструкция Предложения»*, сост. Е. А. Бокарев, Москва : 101—162).

1950а. К учению о падежах (Сб. *«Эргативная Конструкция Предложения»*, сост. Е. А. Бокарев, Москва : 97—100).

УРУШАДЗЕ А. В.

1970. Аполлоний Родосский. Аргонавтика. *Греческий текст с грузинским переводом издал, введением, комментариями и указателями снабдил* А. В. Урушадзе, Тбилиси : «Мецниереба».

[«აპოლონიოს როდოსელი. არგონავტიკა». ბერძნული ტექსტი ქართული თარგმანითურთ გამოსცა, შესავალი, კომენტარები და საძიებელი დაურთო აკ. ურუშაძემ, თბილისი].

УСЛАР П. К.

1881. Древнейшие сказания о Кавказе (*«Сборник Сведений о Кавказских Горцах»*, вып. X, Тифлис).

ФАСМЕР М.

1964—1973. Этимологический словарь русского языка (*Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Под редакцией и с предисловием Б. А. Ларина*), тт. I—IV, Москва : «Прогресс».

ФИЛИН Ф. П.

1965-. Словарь русских народных говоров, вып. 1 и след., Ленинград : «Наука».

ФОГТ Х.

1961. Заметки по армянскому консонантизму (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 40—43).

ФРЕЙДЕНБЕРГ О.

1936. Поэтика сюжета и жанра, Ленинград : Изд-во худ. лит-ры.

ФРЕЙМАН А. А.

1951. Хорезмийский язык (*Материалы и исследования*), I, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

ФУРКЕ Ж.

1959. Генезис системы согласных в армянском языке (*Опыт диахронной фонологии*) (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 6 : 68—77).

ХАЗАНОВ А. М.

1978. Европа (В кн.: «Первобытная периферия классовых обществ. До начала великих географических открытий. *Проблемы исторических контактов*; отв. редакторы А. И. Першиц и А. М. Хазанов, Москва . «Наука» : 13—38).

ХАРРИСОН ДЖ., УАЙНЕР ДЖ., ТЭННЕР ДЖ., БАРНИКОТ Н., РЕЙНОЛДС В.

1979. Биология человека. Пер. с англ. Е. З. Годиной, А. И. Козленкова и В. И. Самойлова, под ред. проф. В. В. Бунака, Москва: «Мир».

ХИДАШЕЛИ М. Ш.

1982. Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего железа, Тбилиси : «Мецниереба».
[«ცენტრალური ამიერკავკასიის გრაფიკული ხელოვნება», თბილისი].

ХОДОРКОВСКАЯ Б. Б.

1975. Сигматическое будущее в оскско-умбрском (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 77—86).

ХОЛОДОВИЧ А. А.

1946. Очерки по японскому языку, 4. Абсолютно-утвердительное наклонение (*Модальная теория связки*) (*«Ученые Записки ЛГУ»*. Серия филологических наук, № 69, вып. 10 : 193—197).

ХОТИНСКИЙ Н. А.

1977. Голоцен Северной Евразии. *Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата* (К X конгрессу INQUA, Великобритания 1977), Москва : «Наука».

ЦАИШВИЛИ С. С.

1974 [1965]. Шота Руставели—Давид Гурамишвили. *Очерки по истории древнегрузинской литературы*, Тбилиси : «Мецниереба».
[«შოთა რუსთაველი—დავით გურამიშვილი. ნარკვევები ძველი ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან», თბილისი].

ЦАЛКИН В. И.

1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси (*«Материалы и Исследования по Археологии СССР»*, № 51, Москва : «Наука»).

1962. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке (*«Материалы и Исследования по Археологии СССР»*, № 107, Москва : «Наука»).

1966. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии (*«Материалы и Исследования по Археологии СССР»*, № 135, Москва : «Наука»).

1970. Древнейшие домашние животные Средней Азии. Сообщения I и II (*«Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы»*. Отдел биологический, т. LXXV, вып. 1 : 145—159; вып. 2 : 120—136).

ЦАРЕНКО Е. И.

1972. О ларингализации в языке кечуа (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 1 : 97—103).

1973. К функциональной характеристике ларингальности в языке кечуа (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 78—89).

1974a. К проблеме структуры слова в агглютинативных языках (на материале языка кечуа). *Автореферат кандидатской диссертации*, Москва.

1974b. К вопросу о фонологической системе протокечуа (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 87—96).

ЦЕРЕТЕЛИ Г. В.

1941. Армазская билингва. *Двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета-Армази*, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.

1947. Семитские языки и их значение для изучения истории грузинской культуры (*«Научная Сессия Тбилисского Гос. Университета»*. Сборник докладов, I, Тбилиси : 15—52).
[«სემიტური ენები და მათი მნიშვნელობა ქართული კულტურის ისტორიის შესწავლისათვის» («თბილისის სახ. უნივერსიტეტის სამეცნიერო სესია». მოხსენებათა კრებული, I, თბილისი)].

1963. К истории иранских обозначений Грузии (*рукоп.*).
[«საქართველოს ირანულ სახელწოდებათა ისტორიისათვის» (ხელნაწ.)].

1968. О языковом родстве и языковых союзах (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 3 : 3—18).

1973. Метр и рифма в «Витязе в барсовой шкуре» (В кн.: «Метр и рифма в поэме Руставели «Витязь в барсовой шкуре», под редакцией Г. В. Церетели, Тбилиси : «Мецниереба» : 9—115).
[«მეტრი და რითმა ვეფხისტყაოსანში» («რითმათა სიმფონია და სიტყვათა მარცვლობრივი განაწილების ცხრილები»), თბილისი].

1974. Метр и ритм в поэме Руставели и вопросы сравнительной версификации (*КОНТЕКСТ*. Литературно-Теоретические Исследования, 1973. Москва : 114—137).

ЦИНЦИУС В. И.

1975. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. *Материалы к этимологическому словарю*, I. Ответственный редактор В. И. Цинциус, Ленинград : «Наука».

ЧАЙЛД Г.

1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок (*Перевод с английского. Предисловие и редакция В. И. Авдиева*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ЧИКОБАВА А. С.

1942. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.
[«სახელის ფუძის უძველესი აგებულება ქართველურ ენებში», თბილისი].

1948. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, I. *Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкции по данным древнегрузинского литературного языка*, Тбилиси : Изд-во АН ГССР.
[«ერგატიული კონსტრუქციის პრობლემა იბერიულ-კავკასიურ ენებში», თბილისი].

ЧИСТОВИЧ Л. А.

1961. Текущее распознавание речи человеком (*«Машинный Перевод и Прикладная Лингвистика»*, № 6).

ЧИСТОВИЧ Л. А., КОЖЕВНИКОВ В. А., АЛЯКРИНСКИЙ В. В. и др.

1965. Речь. Артикуляция и восприятие, Москва—Ленинград : «Наука».

ЧХЕИДЗЕ Т. Д.

1969. Именное словообразование в персидском языке, Тбилиси : «Мецниереба».

ШАГИРОВ А. К.

1977. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков, тт. I, II, Москва : «Наука».

ШАКРЫЛ К. С.

1971. Очерки по абхазско-адыгским языкам, Сухуми : «Алашара».

ШАНИДЗЕ А. Г.

1946. Глагольные категории акта и контакта на примерах грузинского языка (*«Известия АН СССР»*. Отделение литературы и языка, т. X, вып. 2 : 165—172).

1947. Этимологические разыскания. Rḳo и muxa (*«Научная Сессия ТГУ», 29.* X — *3.* XI. Тезисы докладов, Тбилиси : 3—4).

1969. К вопросу о глагольной категории версии в древнегреческом (В сб.: «IV Конференция по Классической Филологии», Тбилиси).

1973. Основы грамматики грузинского языка, I. *Морфология*, Тбилиси : Изд-во Тбил. Гос. Ун-та.
[«ქართული ენის გრამატიკის საფუძვლები, I. მორფოლოგია», თბილისი].

ШАНТРЕН П.

1953. Историческая морфология греческого языка (*Перевод с французского. Прим. и предисл. Я. М. Боровского*), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ШАРИПКІН С. Я.

1971. Значення форм на -φι у мові кріто-мікенських написів («Іноземна Філологія», вип. 24. Питання класичної філології, № 9, Львів: 67—71).

ШЕР Я. А.

1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии, Москва : «Наука».

ШИРОКОВ О. С.

1972. Кавказско-индоевропейские фонологические схождения (*«Конференция по Сравнительно-Исторической Грамматике Индоевропейских Языков»* [12—14 декабря]. Предварительные материалы, Москва : 92—93).

ШИШМАРЕВ В. Ф.

1941. Очерки по истории языков Испании, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

ШНЕЙДЕР Е. Р.

1927. Казакская орнаментика (*«Казаки. Антропологические очерки»*. Под редакцией С. И. Руденко, Ленинград).

ШРАДЕР О.

1886. Сравнительное языковедение и первобытная история. *Лингвистическо-исторические материалы для исследования индогерманской древности* (Перевод с немецкого). С.-Петербург : А. Бенке.

ШТЕРНБЕРГ Л. Я.

1936. Первобытная религия в свете этнографии. *Исследования, статьи, лекции*. Под ред. и с предисл. Я. П. Алькора (Научно-исследовательская Ассоциация Института Народов Севера. Материалы по Этнографии, т. IX), Ленинград.

ШУХАРДТ Г.

1950a. Об активном и пассивном характере переходного глагола (Сб. *«Эргативная Конструкция Предложения»*, сост. Е. А. Бокарев, Москва : 103—106).

1950b. Избранные статьи по языкознанию, Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ЩЕРБА Л. В.

1974. К личным окончаниям в латинском и других италийских диалектах (В кн.: Л. В. Щерба, Языковая система и речевая деятельность, Ленинград : «Наука»).

ЩЕРБАК А. М.

1961. Названия домашних и других животных в тюркских языках (*«Историческое Развитие Лексики Тюркских Языков»*, Москва : 82—172).

ЭВАНДЖЕЛИСТИ Э.

1959. Индоевропейские зубные согласные и тохарские палатализации («Тохарские языки». *Сборник статей под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова*, Москва : 109—118).

ЭДЕЛЬМАН Д. И.

1965. Дардские языки, Москва : «Наука».

1971. Язгулямско-русский словарь, Москва : «Наука».

1973. К типологии индоевропейских гуттуральных (*«Известия АН СССР»*. Серия литературы и языка, т. XXXII, № 6 : 540—546).

1977. К фонемному составу общеиранского. О фонологическом статусе **x°* (*ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*, № 4 : 81—88).

ЭРНУ А.

1950. Историческая морфология латинского языка (*Перевод со второго французского изд.*, под редакцией И. М. Тронского, с предисловием Б. А. Серебренникова), Москва : Изд-во иностр. лит-ры.

ЮАНЬ КЭ.

1965. Мифы древнего Китая (Пер. текста Е. И. Лубо-Лесниченко и Е. В. Пузицкого. Под редакцией и с послесл. Б. Л. Рифтина), Москва : «Наука».

ЯКОБСОН Р. О.

1963. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание (*«Новое в Лингвистике»*, III. Составил В. А. Звегинцев, Москва : 95—105).

1970. Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии (*«Труды VII Международного Конгресса Антропологических и Этнографических Наук*, т. 5, Москва : 608—619).

ЯКОБСОН Р. О., ФАНТ Г. М., ХАЛЛЕ М.

1962. Введение в анализ речи (*«Новое в Лингвистике»*, II. Составил В. А. Звегинцев, Москва : 173—230).

ЯКОВЛЕВ Н. Ф.

1923. Таблицы фонетики кабардинского языка (*«Труды Подразряда Исследования Северо-Кавказских Языков при Институте Востоковедения»*, вып. 1, Москва).

1948. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, Москва—Ленинград : Изд-во АН СССР.

ЯКОВЛЕВ Н. Ф., АШХАМАФ А.

1941. Грамматика адыгейского литературного языка, Москва — Ленинград : Изд-во АН СССР.

ЯКУБИНСКИЙ Л. П.

1953. История древнерусского языка. *С предисловием и под редакцией акад. В. В. Виноградова. Примечания проф. П. С. Кузнецова*, Москва : Учпедгиз.

Γαλλῆς Κ. Ι.

1975. Καύσεις νεκρῶν ἀπὸ τὴν ἀρχαιοτέραν Νεολιθικὴν ἐποχὴν εἰς τὴν Θεσσαλόαν [«Трупосожжение начиная с эпохи раннего неолита в Фессалии»] («Athens Annals of Archaeology», 8 : 241—258).

Τσοπανάκης Α.

1970. Γλωσσικὰ Μακεδονίας («Ancient Macedonia». Papers read at the First International Symposium held in Thessaloniki, 26—29 August 1968, Thessaloniki : 334—352).

AALTO P.

1959. Ein alter Name des Kupfers (*«Ural-Altaische Jahrbücher»*, № XXXI : 33—70).

ABRAHAMS H.

1949. Études phonétiques sur les tendances évolutives des occlusives germaniques, Aarhus : Universitetsforlaget.

ADRADE M. J.

1911. Quileute (*«Handbook of American Indian Languages»*, ed. by F. Boas, Washington—New York, p. III).

ADRADOS F. R.

1963. Evolución y estructura del verbo indoeuropeo, Madrid : Instituto Antonio de Nebrija.

1981. More on the laryngeals with labial and palatal appendices (*«Folia Linguistica Historica»*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. II/2 : 191—231).

1982. Die räumliche und zeitliche Differenzierung des Indoeuropäischen im Lichte der Vor- und Frühgeschichte, Innsbruck (*«Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft»*).

AISTLEITNER J.

1963. Wörterbuch der ugaritischen Sprache, hrsg. von O. Eissfeldt, Berlin : Akademie-Verlag.

AITCHISON L.

1960. A history of metals, v. I, II, London : Macdonald & Evans, Ltd.

AKURGAL E.

1961. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander, Berlin : W. de Gruyter & Co.

ALBRIGHT W. F.

1950. Some oriental glosses on the Homeric problem (*AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY*, v. 54, № 3 : 164—183).

ALFÖLDI A.

1974. Die Struktur des voretruskischen Römerstaates, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag (Bibliothek der klassischen Altertumswissenschaft, N. F., Reihe 1, Bd. 5).

ALLEN W. S.

1950. A study in the analysis of Hindi sentence structure (*ACTA LINGUISTICA*, v. VI, fasc. 2—3 : 68—86).

1951. Notes on the phonetics of an Eastern Armenian speaker (*«Transactions of the Philological Society»*, London 1950 : 180—206).

1956. Structure and system in the Abaza verbal complex («*Transactions of the Philological Society*», London : 127—176).

1957. Aspiration in the Hārautī nominal («*Studies in Linguistic Analysis*». Special volume of the Philological Society : 68—86).

1958. Some problems in the phonetic development of the IE voiced aspirates in Latin (*ARCHIVUM LINGUISTICUM*. A Review of Comparative Philology and General Linguistics, v. 10, fasc. 2 : 100—116).

1964. On one-vowel systems (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 13, № 5 : 111—124).

1964a. Transitivity and possession (*LANGUAGE*, v. 40, № 3, pt. 1 : 337—343).

ALP S.

1950. Die soziale Klasse der NAM.RA-Leute und ihre hethitische Bezeichnung («*Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*». Internationale Orientalistische Zeitschrift, Bd. 1, H. 2 : 113—135).

AMIET P.

1979. Archaeological discontinuity and ethnic duality in Elam (*ANTIQUITY*. A Quarterly Review of Archaeology, v. LIII, № 209 : 195—204).

AMMER K.

1952. Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. II : 193—214).

ANDERSEN H.

1970. On some old Balto-Slavic isoglosses («Donum Balticum». To Professor Christian S. Stang on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by *V. Rūķe-Draviņa*, Stockholm : 14—21).

1972. Markedness in vowel systems («*Reports for the Tenth International Congress of Linguists*», Bologna : 1136—1141).

ANDERSON S. R.

1970. On Grassmann's Law in Sanskrit (*LINGUISTIC INQUIRY*, v. I : 387—396).

ANDREJČIN L.

1938. Kategorie znaczeniowe konjugacii bułgarskiej, Kraków («*Polska Akademia Umiejętności*». Prace Komisji Językowej, № 26).

ANDRZEJEWSKI B. W.

1957. Some preliminary observations on the Borana dialect of Galla («*Bulletin of the School of Oriental and African Studies*». University of London, XIX, 2 : 354—374).

ANGEL J.

1940. The length of life in ancient Greece («*Journal of Gerontology*», v. 2 : 18—24).

ANTTILA R.

1969. Proto-Indo-European *Schwebeablaut*, Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

1972. An Introduction to Historical and Comparative Linguistics, New York : MacMillan.

ARBEITMAN Y.

1976. Cuneiform and Hieroglyphic Luwian *-za* («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 90, H. I u. 2 : 145—148).

ARBEITMAN Y., RENDSBURG G.

1981. Adana revisited : 30 years later (*ARCHIV ORIENTÁLNÍ*, 49, 2 : 145—157).

ARONSON R.

1969. The predictability of vowel patterns in the Hebrew verb (*GLOSSA*. An International Journal of Linguistics, v. 3, № 2 : 127—145).

AUFRECHT Th.

1955. Die Hymnen des Rigveda, Bd. I u. II (dritte Auflage), Berlin: Akademie-Verlag.

AZZAROLI A.

1966. Pleistocene and living horses of the Old World («*Palaeontografia Italica*», LXI : 1—15).

BAAL J. van

1970. The part of women in the marriage : Objects or behaving as objects («*Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*», 126).

BACK M.

1979. Die Rekonstruktion des idg. Verschlusslautsystems im Lichte der einzelsprachlichen Veränderungen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 93, H. 2 : 179—195).

BADER F.

1975. La structure thématique aux présents hittites («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXXIII : 5—29).

1975a. Une isoglosse gréco-tokharienne : **yo* affixe casuel et particule d'énumération («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 70, fasc. 1 : 27—89).

1975b. Vieil irlandais *no, no-* et les formes tokhariennes apparentées («*Études Celtiques*», v. XIV, fasc. 2 : 391—403).

1976. Le présent du verbe 'être' en indo-européen («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t.71, fasc. 1 : 27—111).

1976a. Noms de bergers de la racine **pa-* («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 17—27).

BAILEY H. W.

1945—1956. Khotanese texts, I—III, Cambridge : Cambridge University Press.

1951. Khotanese buddhist texts («*Cambridge Oriental Series*», № 3, London).

1957. A problem of the Indo-Iranian vocabulary («*Rocznik Orientalistyczny*», t. XXI : 59—70).

1960—1968. Saka documents («*Corpus Inscriptionum Iranicarum*», p. 2. Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia). Portfoglios 1—4. Text Volume, London: Humphries & Co.

1961. Khotanese texts, IV, Cambridge : Cambridge University Press.

1976. Indo-European **sṷer-* 'to colour with a dark colour' («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. P a l m e r on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 29—31).

1976a. Saka of Khotan and Ossetia (*PHILOLOGIA ORIENTALIS*, IV. In memoriam G. V. T s e r e t e l i, Tbilisi : 34—39).

1979. Dictionary of Khotan Saka, Cambridge : Cambridge University Press.

BALDI Ph.

1979. Typology and the Indo-European prepositions (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 84 : 49—61).

1981. [Рец. на кн.] Bela Brogyanyi, Ed., «Festschrift for Oswald S z e m e r é n y i on the Occasion of his 65th Birthday» (*Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science, IV.* Current Issues in Linguistic Theory, v. 11, p. I & II), в: «*GENERAL LINGUISTICS*», v. 21, № 1 : 47—62.

BALKAN K.

1948. Eti Hukukunda Içgüveylik («*Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih - Coğrafya Fakültesi Dergisi*», VI, 3 : 147—152).

BALL C. J.

1910. The ass in Semitic mythology («*Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*», 32 : 64—72).

BAMMESBERGER A.

1980. Zur Bildungsweise des indogermanischen Kausativs («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2 : 4—9).

BARBER E. J. W.

1975. The PIE notion of cloth and clothing («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 3, № 4 : 294—320).

BARLAU S. B.

1976. An outline of Germanic kinship («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 4, № 2 : 97—130).

BARNETT R. D.
1956. Oriental influences on archaic Greece («*The Aegean and the Near East*». Studies presented to H. Goldman, New York: 212—238).

BARTHOLOMAE Ch.
1904. Altiranisches Wörterbuch, Strassburg : K. J. Trübner.

BARTOLI M.
1925. Introduzione alla neolinguistica (*Principi—Scopi—Metodi*), Genève : Olschki.

BECHTEL F.
1921—1924. Die griechischen Dialekte, I — III, Berlin : Weidmannsche Buchhandlung.

BECHTEL G.
1936. Hittite verbs in -sk-. *A study of verbal aspect*, Ann Arbor: Edwards Brothers, Inc.

BECK H.
1965. Das Ebersignum im Germanischen. *Ein Beitrag zur germanischen Tier-Symbolik*, Berlin : W. de Gruyter & Co.

BEEKES R. S. P.
1969. The development of the Proto-Indo-European laryngeals in Greek, The Hague—Paris : Mouton.
1976. Uncle and nephew («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 4, № 1 : 43—63).

BEELER M. S.
1949. The Venetic language («*University of California Publications in Linguistics*», 4, 1. Berkeley and Los Angeles : 1—60).

BEHAGEL O.
1933. Heliand und Genesis. Herausgegeben von O. Behagel («Altdeutsche Textbibliothek», begründet von H. Paul, hrsg. von G. Baeschke, № 4), 4. Auflage, Haale (Saale) : Max Niemeyer.

BENDIX E. H.
1966. Componential analysis of general vocabulary: The semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese, The Hague—Paris : Mouton.

BENNETT E. L. Jr.
1955. The Pylos Tablets. *Texts of the inscriptions found 1939—1954*, Princeton : Princeton University Press.

BENVENISTE E.
1932a. Les classes sociales dans la tradition avestique («*JOURNAL ASIATIQUE*», t. 221 : 117—134).
1932b. Une racine indo-européene («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 33, fasc. 2 : 133—135).

1932c. Sur le consonantisme hittite («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 33, fasc. 2 : 136—143).

1934. L'Erān-vēž et l'origine légendaire des iraniens («*Bulletin of the School of Oriental and African Studies*». University of London, VII, 2 : 265—274).

1935. Origines de la formation des noms en indo-européen, Paris : Adrien Maisonneuve.

1936. Tokharien et indo-européen («*Germanen und Indogermanen*». *Volkstum, Sprache, Heimat, Kultur*. Festschrift für H. Hirt, hrsg. von H. Arntz, Bd. II, Heidelberg. C. Winter : 227—240).

1937. Expression indo-européenne de l'«éternité» («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 38, fasc. 1 : 103—112).

1938. Traditions indo-européennes sur les classes sociales (*JOURNAL ASIATIQUE*, t. 230 : 529—549).

1940. Textes sogdiens, édités, traduits et commentés, Paris : P. Geuthner.

1945. La doctrine médicale des Indo-Européens («*Revue de l'Histoire des Religions*», № 130 : 5—12).

1946. Études iraniennes («*Transactions of the Philological Society*», London : 39—78).

1948. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen, Paris : Adrien Maisonneuve.

1948a. Notes de vocabulaire latin («*Revue de Philologie*», 22 : 117—126).

1949. Sur l'emploi des cas en hittite (*ARCHIV ORIENTÁLNÍ*, 17, 1 : 44—45).

1949a. Noms d'animaux en indo-européen («*Bulletin de la Société de Lingustique de Paris*», t. 45, fasc. 1 : 74—103).

1954. Études hittites et indo-européennes («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 50, fasc. 1 : 29—43).

1954a. Notes avestiques («*Asiatica*». Festschrift Friedrich Weller. Zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern, Leipzig. O. Harrassowitz : 30—34).

1955. Homophonies radicales en indo-européen («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 51, fasc. 1 : 14—41).

1959. Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien classique («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 54, fasc. 1 : 46—68).

1959a. [Рец. на кн.] G. Liebert, Die indoeuropäischen Personalpronomina und Laryngaltheorie («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 54, fasc. 2 : 56—57).

1962a. Hittite et indo-européen. Études comparatives, Paris : Adrien Maisonneuve.

1962b. Les substantifs en *-ant* du hittite («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 57, fasc. 1 : 44—51).

1962c. Coutumes funéraires de l'Arachosie ancienne («*A Locust's Leg*». Studies in honour of S. H. Taqizadeh, London : 39—43).

1965. Le redoublement au parfait indo-iranien («*Symbolae Linguisticae in honorem Georgii Kurytowicz*», Wrocław—Warszawa—Kraków : 25—33).
1966a. Problèmes de linguistique générale, Paris : Gallimard.
1966b. Titres et noms propres en iranien ancien, Paris : Klincksieck.
1967. Fondements syntaxiques de la composition nominale («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 62, fasc. 1 : 15—31).
1969. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. *Économie, parenté, société*; II. *Pouvoir, droit, religion*, Paris : Les Éditions de Minuit.

BERGER H.
1956. Mittelmeerische Kulturpflanzen aus dem Buruschaski («*Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*», H. 9 : 4—33).

BERGER R., PROTSCH R.
1973. The domestication of plants and animals in Europe and the Near East («*Approaches to the Study of the Ancient Near East*». A Volume of Studies Offered to Ignace J. Gelb on the Occasion of his 65th Birthday, October 14, 1972, Rome : Biblical Institute Press, Los Angeles. «Undena Publications» : 214—227=«Orientalia», v. 42, fasc. 1—2).

BEYEN H. G., VOLLGRAFF W.
1947. Argos et Sicyone. *Études relatives à la sculpture grecque de style sévère*, La Haye : Nijhoff.

BEZLAJ F.
1976. Etimološki slovar Slovenskega Jezika, t. I, Ljubljana («Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti»).

BIN-NUN Sh. R.
1975. The Tawananna in the Hittite Kingdom, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

BIRNBAUM H.
1973. The original homeland of the Slavs and the problem of early Slavic linguistic contacts («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 1, № 4 : 407—421).
1974. Pre-Greek Indo-Europeans in the Southern Balkans and the Aegean («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 2, № 4 : 361—383).
1977. Linguistic Reconstruction : Its potentials and limitations in new perspective, Washington D. C. («*The Journal of Indo-European Studies*». Monograph № 2).

BIRWÉ R.
1956. Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem (Walldorf-Hessen: Verlag für Orientkunde Dr. H. Vorndran).

BITTEL K.

1950. Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens, 2. erw. Aufl., Tübingen : Wasmuth. Vorw.

1953. Archäologisches zur ältesten Geschichte von Boghazköy (*ARCHIV ORIENTÁLNÍ*, 21, 1 : 93—100).

BITTEL K., NAUMANN R.

1952. Boghazköy-Ḫattuša. Ergebnisse der Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts und der Deutschen Orient-Gesellschaft in den Jahren 1931—1939, I, Stuttgart : Kohlhammer.

BLANC H.

1965. The fronting of Semitic G and the QĀL-GĀL dialect split in Arabic (*«Proceedings of the International Conference on Semitic Studies held in Jerusalem»*, 19—23 July 1965, Jerusalem 1969 : 7—44).

BLOCH J.

1934. L'indo-aryen. *Du Veda aux temps modernes*, Paris : Adrien Maisonneuve.

BLOOMFIELD L.

1933. Language, New York — Chicago : Holt, Rinehart & Winston.

BLOOMFIELD M.

1899. The Atharvaveda. *Hymns of the Atharva-veda*, together with extracts from the ritual books and the commentaries («The Sacred Books of the East», v. 42).

1924. On Vedic Agni Kravyavāhana and Agni Kavyavāhana (*«S t r e i t b e r g Festgabe»*, hrsg. von der Direktion der Vereinigten Sprachwissenschaftlichen Institute an der Universität zu Leipzig. Leipzig : Markert & Petters Verlag : 12—14).

BLUST R. A.

1973. A double counter-universal in Kelabit (*«Working Papers in Linguistics»*. Department of Linguistics, University of Hawaii, v. 5, № 6 : 49—55).

BOEDER W.

1968. Über die Versionen des georgischen Verbs (*FOLIA LINGUISTICA*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. II, 1/2 : 82—152).

1972. Transitivität und Possessivität (*«Festschrift Wilhelm Giese»*. Beiträge zur Romanistik und Allgemeinen Sprachwissenschaft, Hamburg : 179—209).

BOHNENKAMPF K. E.

1977. Zur Lachmannschen Regel (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. LV, H. 1/2 : 88—90).

BOISACQ E.

1916. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. *Étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes*, Heidelberg (*C. Winter*), Paris (*Klincksieck*) : 2me éd. — 1923.

BÖKÖNYI S.

1974. History of domestic mammals in Central and Eastern Europe, Budapest : Akadémiai Kiadó.

1978. The earliest waves of domestic horses in East Europe («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 6, № 1/2 : 17—76).

BOLOGNESI G.

1962. Studi armeni [IV. Sul valore di armeno *ŕ*] («*Ricerche Linguistiche*», V : 105—147 [141—145]).

BOMHARD A. R.

1973. Some Anatolian etymologies («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXXI: 111—113).

1975. An outline of the historical phonology of Indo-European (*ORBIS. Bulletin International de Documentation Linguistique*, Louvain, t. XXIV, № 2 : 354—390).

1977. The I.-E. ~ Semitic hypothesis re-examined («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 5, № 1 : 55—99).

1979. The Indo-European phonological system: New thoughts about its reconstruction and development (*ORBIS. Bulletin International de Documentation Linguistique*, t. XXVIII, № 1: 66—110).

BONFANTE G.

1931. I dialetti indoeuropei («*Annali del Reale Istituto Orientale di Napoli*», v. IV, fasc. IX : 69—185).

1935. Quelques aspects du problème de la langue rétique («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 36, fasc. 2 : 141—154).

1974. Das Problem des Weines und die linguistische Paläontologie («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. G ü n t e r t, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 85—90).

BOPP Fr.

1847. Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstamms. *Gelesen in der Königlichen Akademie der Wissenschaften am 11. Dec. 1842*, Berlin : Dämmler.

BORGSTRÖM C.

1949. Thoughts about IE vowel-gradation («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 15 : 137—187).

1954. Internal reconstruction of Pre-Indo-European word-forms (*WORD*, v. 10, № 2—3 : 275—287).

BÖRKER-KLÄHN J., BÖRKER Ch.

1976. Elfatun Pinar («*Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*», Bd. 90 : 1—41).

BOSCH F. D. K.

1960. The golden germ. *An introduction to Indian symbolism*, The Hague—Paris : Mouton.

BOSCH-GIMPERA P.
1968. Die Indoeuropäer. Schlußfolgerungen («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt . Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 426—454).

BOSSERT H. Th.
1952. GIŠ.ĦUR («*Bibliotheca Orientalis*», IX, № 5—6 : 172—173).

BOUDA K.
1956. Dravidisch und Uralaltaisch (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 5, № 2 : 129—144).

BRANDENSTEIN W.
1952. Bemerkungen zum Sinnbezirk des Klimas («*Studien zur Indogermanischen Grundsprache*», Wien).

BRANDENSTEIN W., MAYRHOFER M.
1964. Handbuch des Altpersischen, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

BREMER O.
1924. Vier und acht («*Streitberg Festgabe*», hrsg. von der Direktion der Vereinigten Sprachwissenschaftlichen Institute an der Universität zu Leipzig, Leipzig : Markert & Petters Verlag : 20—21).

BREMMER J.
1976. Avunculate and fosterage («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 4, № 1 : 65—78).

BRENTJES B.
1979. Zur Rolle der nacheiszeitlichen Umweltentwicklung im Irak («*Das Altertum*», Bd. 25, H. 4 : 197—204).

BROCKELMANN C.
1966. Lexicon Syriacum, Hildesheim : Georg Olms Verlagsbuchhandlung.

BROSMAN P. W., Jr.
1976. The Hittite gender of cognates of PIE feminines («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 4, № 2 : 141—159).

BRUGMANN K.
1904. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen (*auf Grund des fünfbändigen «Grundrisses der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» von K. Brugmann und B. Delbrück verfasst*), Strassburg : K. J. Trübner.

BRUNNHOFER H.
1893. Urgeschichte der Arier in Vorder- und Centralasien. *Historisch-geographische Untersuchungen über den ältesten Schauplatz des Rigveda und Avesta*, Bd. 1—3, Leipzig : Friedrich.

BUCK C. D.
1905. Elementarbuch der oskisch-umbrischen Dialekte, Heidelberg C. Winter. Universitätsverlag.

1910. Introduction to the study of the Greek dialects. *Grammar, Selected Inscriptions, Glossary*, Boston—New York—Chicago—London : Ginn & Co.

1949. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. *A Contribution to the History of Ideas*, Chicago : The University of Chicago Press.

BUDDRUSS G.

1961. Der Veda und Kaschmir («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 77, H. 3/4 : 235—245).

BŪGA K.

1958—1961. Rinktiniai Raštai, I—III, Vilnius : *Politinės ir Mokslinės Literatūros Leidykla.*

BURDE C.

1974. Hethitische medizinische Texte («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 19), Wiesbaden : O. Harrassowitz.

BURNEY C. A.

1958. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age («*Anatolian Studies*». Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara, v. VIII : 157—199).

BURROW T.

1946. Loanwords in Sanskrit («*Transactions of the Philological Society*», London : 1—30).

1954. The Sanskrit precative («*Asiatica*». Festschrift Friedrich Weller. Zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern, Leipzig. O. Harrassowitz : 35—42).

1955. The Sanskrit language, London : Faber & Faber.

1957. Sanskrit gṝ/gur 'to welcome' («*Bulletin of the School of Oriental and African Studies*». University of London, v. XX : 133—144).

1973. The Proto-Indoaryans («*Journal of the Royal Asiatic Society*», № 2 : 123—140).

BURROW T., EMENEAU M. B.

1961. A Dravidian Etymological Dictionary, Oxford : At the Clarendon Press.

BUTLER J. L.

1974. A murmured proposal regarding Grassmann's Law (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 79 : 18—30).

BUYSSENS E.

1959. Negative contexts («*English Studies*», XL, № 3 : 163—169).

ÇABEI E.

1972. Über einige Lautregeln des Albanischen (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. XVIII, H. 2 : 132—154).

CAMERA C.
1981. Il mare nei documenti micenei (*KADMOS*. Zeitschrift für Vor- und Frühgriechische Epigraphik, Bd. XX, H. 1 : 26—37).

CAMERON G. G.
1948. Persepolis treasury tablets, Chicago : Chicago University Press.
1951. The Old Persian text of the Bisutun inscription («*Journal of Cuneiform Studies*», v. V, № 2 : 47—54).

CAMPANILE E.
1974. I.-E. metaphors and non-I.-E. metaphors («*The Journal of Indo-European Studies*», v. II, № 3 : 247—258).

CAMPBELL L.
1973. On glottalic consonants («*International Journal of American Linguistics*», v. 39, № 1 : 44—46).

CANBY J. V.
1975. The Walters Gallery Cappadocian tablet and the sphynx in Anatolia in the second millennium B. C. («*Journal of the Near Eastern Studies*», v. 34, № 4 : 225—248).

CANTINEAU J.
1952. Le consonantisme du sémitique (*SEMITICA*, IV : 79—94).

CAPELL A.
1971. Austronesian languages of Australian New Guinea («*Current Trends in Linguistics*», ed. by T. A. Sebeok, v. 8. Linguistics in Oceania, The Hague—Paris : Mouton).
1972. The affix-transferring languages of Australia (*LINGUISTICS*. An International Review, v. 87 : 5—36).

CARRATELLI G. P.
1950. Aḫḫijawa, Lazpa et leur divinités dans KUB V, 6 («*Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*». Internationale Orientalistische Zeitschrift, Bd. 1, H. 2 : 156—163).

CARRUBA O.
1970. Das Palaische. *Texte, Grammatik, Lexikon* («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 10), Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1981. Pleneschreibung und Betonung im Hethitischen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 95, H. 2 : 232—248).

CATFORD J. C.
1964. Phonation types : The classification of some laryngeal components of speech production («*In Honour of Daniel Jones*», ed. by D. Abercrombie, E. B. Fry, P. A. D. MacCarthy, N. C. Scott, and J. L. M. Trim, London . Longmans : 26—37).
1977. Fundamental problems in phonetics, Bloomington & London : Indiana University Press.

CHADWICK J.
1969. Aegean history 1500—1200 B. C. («*Studi Clasici*», XI : 7—18).

1970/1. The 'Greekness' of Linear B (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN.* Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 75, H. 1 : 97—104).

CHANG K. K.

1978. The origin of Chinese civilization : A review («*Journal of the American Oriental Society*», v. 98, № 1 : 85—91).

CHANIDZÉ A.

1963. Le sujet grammatical de quelques verbes intransitifs en géorgien («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 58, fasc. 1 : 1—40).

CHANTRAINE P.

1927. Histoire du parfait grec, Paris : Champion.

1955. Les noms de l'agneau en grec : ἀρρήν et ἀμνός («*Corolla Linguistica*». Festschrift F. Sommer zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, hrsg. von H. Krahe, Wiesbaden : O. Harrassowitz : 12—19).

1964. Les noms d'action pour 'manger' et 'boire' chez Homère («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 59, fasc. 1 : 11—23).

1968—1974. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. *Histoire des mots* (Publié avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique), t. 1—2, 3, Paris : Klincksieck.

1976. A propos de grec ὠνέομαι («*Scritti in onore di Giuliano Bonfante*», v. I, Brescia. Paideia Editrice : 147—154).

CHARACHIDZÉ G.

1968. Le système religieux de la Géorgie païenne. *Analyse structurale d'une civilisation*, Paris : François Maspero.

CHILDE V. G.

1944. The story of tools («*Story of Science Series*»), London : Cobbett.

1950. Prehistoric migrations in Europe, Oslo : Aschehoug.

1951. The first waggons and carts from the Tigris to the Severn («*Proceedings of the Prehistoric Society*», N. S., v. XVII, p. 2, London: 177—194).

1954. Rotary motion («*A History of Technology*», ed. by C. Singer, E. Holmyard, A. Hall, Oxford, v. I).

1954a. The diffusion of wheeled vehicles («*Ethnographisch-Archäologische Forschungen*», 2, hrsg. von H. Kothe und K. H. Otto, Berlin : 1—17).

CHOMSKY N., HALLE M.

1968. The sound pattern of English, New York — Evanston — London : Harper & Row.

CIVIL M.

1966. Notes on Sumerian lexicography, I («*Journal of Cuneiform Studies*», v. XX, № 3/4 : 119—124).

CLAUSON G.

1973. Philology and archaeology (*ANTIQUITY*. A Quarterly Review of Archaeology, v. XLVII, № 185 : 6—18).

COBLIN W. S.

1974. An early Tibetan word for horse («*Journal of the American Oriental Society*», v. 94, № 1 : 124—125).

COGHLAN H.

1956. Notes on prehistoric and early iron in the Old World, Oxford : Oxford University Press.

COHEN D.

1976. Dictionnaire des racines sémitiques (*ou attestées dans les langues sémitiques*), Paris—La Haye : Mouton.

COHEN M.

1947. Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique («*Bibliothèque de l'École des Hautes Études*». Sciences Historiques et Philologiques, fasc. 291, Paris).

COLARUSSO J. J., Jr.

1975. The Northwest Caucasian languages : A phonological survey. Ph.D. Dissertation, Harvard University.

COLE T.

1969. The Saturnian verse («*Studies in Latin Poetry*». Yale Classical Studies, v. XXI : Cambridge University Press : 1—75).

COLLINDER B.

1934. Indo-uralisches Sprachgut («*Uppsala Universitets Årsskrift*». Filosofi, Språkvetenskap och Historiska Vetenskaper 1, Uppsala).

1955. Fenno-Ugric Vocabulary. *An etymological dictionary of the Uralic languages*, Stockholm : Almqvist & Wiksell.

1974. Indo-Uralisch — oder gar Nostratisch? Vierzig Jahre auf rauhen Pfaden («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 363—375).

COLLINGE N. E.

1975. Lachmann's Law revisited (*FOLIA LINGUISTICA*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. VIII, 1/4 : 223—253).

CONRADY

1925. Alte westöstliche Kulturwörter («*Berichte und Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*». Phil.-Hist. Klasse, Bd. 77, H. 3, Leipzig).

COOK A. B.

1894. Animal worship in the Mycenaean age («*The Journal of Hellenic Studies*», v. XIV : 81—169).

ČOP B.

1960. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, III. II, Heth. -šepa-/-zipa- (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. VI, H. 1 : 1—8).

1971. Indogermanica minora, I. Sur les langues anatoliennes («Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti». Razred za filološke in literarne vede, Razprave VIII).

1979. Indogermanisch-Anatolisch und Uralisch («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 9—24).

CORNIL O., LEBRUN R.

1972. La tablette KBo XVI 98 (=2211/c) («*Hethitica*», 1. Travaux édités par G. Jucqois, Louvain).

COUVREUR W.

1937. De Hettitische Ḫ. Een bijdrage tot de studie van het Indoeuropeesche vocalisme, Louvain (Université de Louvain. Bibliothèque du Muséon).

1938. Les dérivés verbaux en *-skelo-* du hittite et du tocharien («*Revue des Études Indo-Européennes*», t. 1, fasc. 1, Bucarest : 89—101).

COWGILL W.

1964. The supposed Cypriote optatives *duwánoi* and *dōkoi* with notes on the Greek infinitive formations (*LANGUAGE*, v. 40, № 3 : 344—365).

1965. Evidence in Greek («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague — Paris. Mouton : 142—180).

1966. Ancient Greek dialectology in the light of Mycenaean («*Ancient Indo-European Dialects*». University of California Press, ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley and Los Angeles : 77—95).

1968. The first person singular mediopassive of Indo-Iranian («*Pratidānam*». Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper on his Sixtieth Birthday, The Hague — Paris. Mouton : 24—31).

1970. Italic and Celtic superlatives and the dialects of Indo-European («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn. Philadelphia : 113—154).

1972. More evidence for Indo-Hittite : the tense-aspect system («*Reports for the Tenth International Congress of Linguists*», Bologna: 922—934).

1979. Anatolian *ḫi*-conjugation and Indo-European perfect : Instalment II («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 25—39).

CROSSLAND R. A.
1957. Indo-European origins : The linguistic evidence («*Past & Present*», № 12 : 16—46).

CUILLANDRE J.
1944. La droite et la gauche dans les poèmes homériques en concordance avec la doctrine pythagoricienne et avec la tradition celtique, Paris : Rennes. Imprimeries réunies.

CUMMERC F. B.
1901. The sister's son («*An English Miscellany*». Presented to F. J. Furnivall, Oxford : 133—150).

CUNY A.
1924. Études prégrammaticales sur le domaine des langues indo-européennes et chamito-sémitiques, Paris : Champion.

CURWEN E. C., HATT G.
1953. Plough and pasture. The early history of farming, New York : Schuman.

DANIEL G. E.
1941. The dual nature of the megalithic colonization of prehistoric Europe («*Proceedings of the Prehistoric Society*», v. VIII, London : 41—47).
1958. The megalith builders of Western Europe, London : Praeger.

DAUZAT A., DESLANDES G., ROSTAING Ch.
1978. Dictionnaire étymologique des noms de rivières et de montagnes en France, Paris : Klincksieck.

DEBRUNNER A., SCHERER A.
1969. Geschichte der griechischen Sprache, II, Berlin : W. de Gruyter.

DEETERS G.
1957. Bemerkungen zu K. Bouda's «Südkaukasisch-Nordkaukasischen Etymologien» («*Die Welt des Orients*». Wissenschaftliche Beiträge zur Kunde des Morgenlandes», Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht : 382—391).
1958. Über einen *n//r*-Wechsel im Georgischen (*SYBARIS*. Festschrift H. Krahe zum 60. Geburtstag am 7. Februar 1958 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, Wiesbaden : O. Harrassowitz : 14—17).
1963. Die kaukasischen Sprachen («*Handbuch der Orientalistik*», hrsg. von B. Spuler. I Abt.: Der Nahe und der Mittlere Osten, Bd. VII: Armenische und Kaukasische Sprachen, Leiden/Köln : E. J. Brill).

DEGER-JALKOTZY S.
1977. Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland. *Zu einer Gruppe handgemachter Keramik aus den Myk. III C Siedlungsschichten von Aigeira*, Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

1978. E-QE-TA. *Zur Rolle des Gefolgschaftswesens in der Sozialstruktur mykenischen Reiches*, Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

DEINES H. von

1953. Die Nachrichten über das Pferd und den Wagen in den ägyptischen Texten («*Mitteilungen des Instituts für Orientforschung der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*», Bd. 1, H. 1 : 3—15).

DELBRÜCK B.

1888. Altindische Syntax (воспроизведено: *Darmstadt.* Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968).

1889. Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen. *Ein Beitrag zur vergleichenden Altertumskunde* («Abhandlungen der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften». Phil.-Hist. Classe, Bd. XI, Leipzig : 379—606).

1893—1900. В кн.: K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, III—V, Strassburg : K. J.Trübner.

DELITZSCH F.

1896. Assyrisches Handwörterbuch, Leipzig : J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung (воспроизведено : Leipzig 1968).

DEMPWOLFF O.

1920. Die Lautentsprechungen der indonesischen Lippenlaute in einigen anderen austronesischen Südseesprachen, Berlin — Hamburg: Boysen.

DESCH et al.

1928—1936. Sumerian copper (Reports of the Committee. «*The Annual Reports of the British Association for the Advancement of Science*», v. 1—7).

DESHAYES J.

1960. Les outils de bronze de l'Indus au Danube de IVe au IIe millénaire, t. I et II («*Institut Français d'Archéologie de Beyrouth*». Bibliothèque archéologique et historique, t. LXXI), Paris : Librairie Orientaliste P. Geuthner.

1969. New evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe (*ARCHAEOLOGY*, v. 22, № 1 : 10—17).

DETSCHEW D.

1957. Die thrakischen Sprachreste («*Österreichische Akademie der Wissenschaften*». *Phil.-Hist. Klasse. Schriften der Balkankommission.* Linguistische Abteilung 14, Wien).

DEVOTO G.

1962. Origini Indoeuropee, Firenze : Sansoni.

DIAKONOFF I. M.
1967. Die hethitische Gesellschaft («*Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*», Bd. XIII, H. 3 : 313—365).
1971. Hurrisch und Urartäisch, München : R. Kitzinger.
1972. Die Arier im Vorderen Orient. Ende eines Mythos (*ORIENTALIA*. Commentarii Periodici Pontificii Instituti Biblici, v. 41, fasc. 1 : 91—120).
1975. Hamito-Semitic languages («*The New Encyclopaedia Britannica*». Macropaedia, v. 8 : 589—598).
1981. Earliest Semites in Asia. Agriculture and animal husbandry according to linguistic data (VIII—IVth millennia B. C.) [«*Altorientalische Forschungen*», VIII. Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients, Berlin. Akademie der Wissenschaften der DDR: 23—74].

DIAKONOFF I. M., LIVSHITS V. A.
1976. Parthian economic documents from Nisa («*Corpus Inscriptionum Iranicarum*», p. 2. Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia, v. 2 : Parthian), London : Humphries & Co.

DILLON M.
1947. Celtic and other Indo-European languages («*Transactions of the Philological Society*», London : 15—24).

DIVER W.
1959. Palatal quality and vocalic length in Indo-European (*WORD*, v. 15, № 1 : 110—112).

DIXON R. M. W.
1969. Relative clauses and possessive phrases in two Australian languages (*LANGUAGE*, v. 45, № 1 : 35—44).
1972. The Dyirbal language of North Queensland («*Cambridge Studies in Linguistics*», 9) : Cambridge University Press.
1979. Ergativity (*LANGUAGE*, v. 55, № 1 : 59—138).

DJAHUKIAN G. B.
1969. Armenische Miszellen («*Studia Classica et Orientalia Antonio Pagliaro Oblata*», III, Roma : 65—71).

DOTTIN G.
1918. La langue gauloise. *Grammaire, textes et glossaires* («*Collection pour l'Étude des Antiquités Nationales*», II), Paris : Klincksieck.

DRACHMAN G.
1980. Phonological asymmetry and phonological analogy: Or, will the real Lachmann's Law please stand up («*Lautgeschichte und Etymologie*». Akten der VI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Wien, 24—29. September 1978, hrsg. von M. Mayrhofer, M. Peters, O. E. Pfeiffer, Wiesbaden : 79—101).

DRESSLER W.

1968. Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen («*Österreichische Akademie der Wissenschaften*». Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte, Bd. 259, 1. Abhandlung, Wien).

1969. Eine textsyntaktische Regel der idg. Wortstellung («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 83, H. 1 : 1—25).

1971. Über die Rekonstruktion der idg. Syntax («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 85, H. 1 : 8—22).

1975. Zur Rekonstruktion phonologischer Prozesse im Altgriechischen: Grassmanns Gesetz («*Berichte der Slavistik*». Festschrift zu Ehren von Josip H a m m, Wien : 53—67).

DRIVER W.

1964. The system of agency of the Latin noun (*WORD*, v. 20, № 2 : 178—196).

DROWER M. S.

1969. The domestication of the horse («*The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*», ed. by Ucko P. J. and Dimbleby G. W., London. Duckworth : 471—478).

DUBUISSON D.

1978. Le roi indo-européen et la synthèse des trois fonctions («*Annales. Économies. Sociétés. Civilisations*». 33e année, № 1 : 21—34).

DUCHESNE-GUILLEMIN J.

1962. L'étude de l'iranien ancien en vingtième siècle (*KRATYLOS*. Kritisches Berichts- und Rezensionsorgan für Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft, Jg. VII, H. 1 : 1—44).

1973. On the complaint of the ox-soul («*The Journal of the Indo-European Studies*», v. I, № 1 : 101—104).

DUHOUX Y.

1973. Indo-européen **el-eu-dh-*/**l-eu-dh-*, grec ἐλεύθερος, latin *liber* (*FOLIA LINGUISTICA*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. VI, 1/2 : 146—151).

DUMÉZIL G.

1924. Le festin d'immortalité: Étude de mythologie comparée indo-européenne («*Annales du Musée Guimet*», v. 34, Paris).

1925. Les bylines de Michajlo Potyk et les légendes indo-européennes de ambroisie («*Revue des Études Slaves*», 5 : 205—237).

1930. Légendes sur les nartes, suivis de cinq notes mythologiques («*Bibliothèque de l'Institut Français de Leningrad*», t. II), Paris : Institut d'Études Slaves.

1948. Mitra-Varuna. Essai sur deux représentations indo-européennes de la souveraineté, 2me éd. (Collection «La Montagne Sainte-Geneviève», t. 7), Paris : Gallimard.

1948a. Explication de textes indiens et latins (Jupiter, Mars, Quirinus, IV) [«*Bibliothèque de l'École des Hautes Études*». Section Religieuse, t. 62, Paris : PUF].

1954. Rituels indo-européens à Rome (Collection «Études et Commentaires», v. 19), Paris : Klincksieck.

1958. L'idéologie tripartite des Indo-Européens («*Collection Latomus*», t. 31), Bruxelles.

1959. Notes sur le bestiaire cosmique de l'Edda et du ṚgVeda («*Mélanges de Linguistique et de Philologie*», Fernand Mossé in memoriam, Paris : 104—112).

1961. Les "trois fonctions" dans le ṚgVeda et les dieux indiens de Mitani («Académie Royale de Belgique». Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques, 5e série : 265—298).

1963. Caucasique du Nord-Ouest et parlers scythiques («*Istituto Orientale di Napoli*». Annali. Sezione linguistica, V, Roma).

1966. La religion romaine archaique (*Suivi d'un appendice sur la religion des étrusques*), Paris : Payot.

1968. Mythe et Épopée. L'idéologie dans les épopées des peuples indo-européens, Paris : Gallimard.

1969. Heur et malheur du guérier. *Aspects mythiques de la fonction guerrière chez les Indo-Européens*, Paris : Presses Universitaires de France.

1971. Mythe et épopée. Types épiques indo-européens : un héros, un sorcier, un roi, Paris : Gallimard.

1973. Mythe et épopée. Histoire romaine, Paris : Gallimard.

1976. Fêtes romaines d'été et d'automne. *Suivi de dix questions romaines* («Bibliothèque des Sciences Humaines»), Paris : Gallimard.

DUMONT L.

1966. Homo hierarchicus. *Essais sur le système des castes*, Paris : Gallimard.

DUMONT P.-E.

1927. L'aśvamedha. Déscription du sacrifice solennel du cheval dans le culte védique d'après les textes du Yajurveda blanc («*Société Belge d'Études Orientales*»), Paris : P. Geuthner.

DURANTE M.

1967. Vicende linguistiche della Grecia tra l'età Micenea e il Medioevo Ellenico («*Atti e Memorie del 1° Congresso Internazionale di Micenologia*», Roma, 27 settembre—3 ottobre 1967. Seconda parte. Ed. dell' Ateneo, 1968 : 51—59).

1968 [1958]. Epea pteroenta. Die Rede als 'Weg' in griechischen und vedischen Bildern («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von Rüdiger Schmitt, Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 242—260).

DÜRBECK H.
1977. Zur Charakteristik der griechischen Farbenbezeichnungen, Bonn: Rudolf Habert Verlag GmbH.

DURNFORD S. P. B.
1975. Luwian linguistics : Some etymological suggestions («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXXIII : 43—53).

DYEN I.
1965. Formosan evidence for some new Proto-Austronesian phonemes (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 14 : 285—305).
1971. The Austronesian languages and Proto-Austronesian («*Current Trends in Linguistics*», ed. by T. A. Sebeok, v. 8. Linguistics in Oceania, The Hague — Paris : Mouton).

EBENBAUER A.
1974. Ursprungsglaube, Herrschergott und Menschenopfer («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 233—249).

EDEL E.
1976. Ägyptische Ärzte und ägyptische Medizin am hethitischen Königshof. *Neue Funde von Keilschriftbriefen Ramses' II aus Boğazköy* («Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften», Vorträge G 205, Göttingen).

EDGERTON F.
1934. Sievers's Law and IE weak-grade vocalism (*LANGUAGE*, v. 10, № 3 : 235—265).
1943. The Indo-European semivowels (*LANGUAGE*, v. 19, № 2 : 83—124).

EHELOLF H.
1927. Zum hethitischen Lexicon («*Kleinasiatische Forschungen*», hrsg. von F. Sommer und H. Ehelolf, Bd. I, H. 1 : 137—160).
1930. Zum hethitischen Lexicon («*Kleinasiatische Forschungen*», hrsg. von F. Sommer und H. Ehelolf, Bd. I, H. 3 : 393—400).

EICHNER H.
1973. Die Etymologie von heth. *mehur* («*Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*», H. 31 : 53—107).
1978. Die urindogermanische Wurzel **H₂reu-* 'hell machen' (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. XXIV, H. 2 : 144—162).
1979. Hethitisch *genuššuš, ginušši, ginuššin* («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck: 41—61).

EILERS W.

1974. Herd und Feuerstätte in Iran («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 307—338).

EILERS W., MAYRHOFER M.

1960. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. VI, H. 2 : 107—134).

1962. Kurdisch *būz* und die indogermanische 'Buchen'-Sippe («*Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*», 92 : 61—92).

EISLER R.

1910. Weltenmantel und Himmelszelt. *Religionsgeschichtliche Untersuchungen zur Urgeschichte des antiken Weltbildes*, Bd. 1—2, München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

1951. Man into wolf. *An anthropological interpretation of sadism, masochism, and lycanthropy* (A lecture delivered at a meeting of the Royal Society of Medicine; with an introduction by Sir D. K. Henderson), New York : Philosophical Library.

ELIADE M.

1959 Les Daces et les loups («*Numen*», 6 : 15—31).

EMONDS J. A.

1972. A reformulation of Grimm's Law («*Contributions to Generative Phonology*», ed. by M. K. Brame, Austin and London : 108—122).

ENDZELINS J.

1951. Latviešu valodas gramatika, Rīgā : Latvijas Valsts Izdevniecība.

1971. Comparative phonology and morphology of the Baltic languages, The Hague—Paris : Mouton.

ERHART A.

1965. Die i.-e. Dualendung *-ō(u)* und die Zahlwörter («*Sborník Prací Filosofické Fakulty Brněnské University*», A 13 : 11—33).

1970. Studien zur indoeuropäischen Morphologie, Brno : Univ. J. E. Purkyně.

1973. Pluralformen und Pluralität. *In margine der Arbeiten von G.R. Solta und W. Dressler* (*ARCHIV ORIENTÁLNÍ*, 41, 3 : 243—255).

ERMAN A., GRAPOW H.

1955. Wörterbuch der Aegyptischen Sprache. *Im Auftrage der Deutschen Akademien*, Bd. I—VI, Berlin : Akademie-Verlag.

ERNOUT A.

1961. Le dialecte ombrien. *Lexique du vocabulaire des «Tables Eugubines» et des inscriptions*, Paris : Klincksieck.

ERNOUT A., MEILLET A.
1967. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots, 4e éd., 2me tirage, augmenté de corrections nouvelles, Paris : Klincksieck.

ERSKINE J. E.
1853. Journal of a cruise among the islands of a Western Pacific including the Feejees and others inhabited by the Polynesian negro races, in Her Majesty's ship Havannah, London : J. Murray.

ESSER A. A. M.
1935. Die theoretischen Grundlagen der altindischen Medizin und ihre Beziehung zur griechischen (*«Deutsche Medizinische Wochenschrift»*, № 15).

ESTERLE G.
1974. Die Boviden in der Germania, Wien : Halosar.

EVANGELISTI E.
1950. I modi di articulazione indoeuropei nelle palatalizzazioni tocariche (*«Ricerche Linguistiche»*, 1 : 132—140).

FAIRSERVIS W. A.
1956. The chronology of the Harappan civilization and the Aryan invasions (*MAN*. A Monthly Record of Anthropological Science, v. 56 : 153—156).

FALKENSTEIN A.
1964. Sumerische religiöse Texte (*«Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie»*, N.F., Bd. 22 [56] : 44—129).

FANG-KUEI LI
1946. Chipeweyan (*«Linguistic Structures of Native America»*. Viking Fund Publications in Anthropology, № 6. New York).

FEIST S.
1923. Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache (*mit Einschluss des Krimgotischen und sonstiger gotischer Sprachreste*), 2-te, gänzlich neubearbeitete Auflage, Halle (Saale): Max Niemeyer.
1939. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. *Mit Einschluss des Krimgotischen und sonstiger zerstreuter Überreste des Gotischen*, 3. neubearb. u. verm. Aufl., Leiden : E. J. Brill.

FERGUSON Ch. A., MOUKHTER A. et al.
1961. Damascus Arabic, Washington : Center for Applied Linguistics.

FIELD H.
1961. Ancient and modern man in Southwestern Asia, v. II. Coral Gables, Florida : University of Miami Press.

FILLMORE Ch. J.
1968. The case for case (*«Universals in Linguistic Theory»*, ed. by E. Bach and R. T. Harms, London — New York — Sydney — Toronto : Holt, Rinehart & Winston : 1—88).

FIRBAS Fr.
1949. Spät- und nacheiszeitliche Waldgeschichte Mitteleuropas nördlich der Alpen, Bd. I, Jena : Fischer.

FISCHER-JØRGENSEN E.
1968. Phonetic analysis of breathy (murmured) vowels in Gujarati («*Indian Linguistics*». Journal of the Linguistic Society of India, 28 : 71—139).

FLIER M. S.
1974. Aspects of nominal determination in Old Church Slavic, The Hague—Paris : Mouton.

FOLEY J.
1965. Prothesis in the Latin verb *sum* (*LANGUAGE*, v. 41, № 1 : 59—64).

FONTENROSE J.
1959. Python. A study of Delphic myth and its origins, Berkeley and Los Angeles : University of California Press.

FORBES K.
1958. Medial intervocalic -ρσ-, -λσ- in Greek (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. XXXVII, H. 3/4 : 235—272).

FORBES R. J.
1950. Metallurgy in antiquity. *A notebook for archaeologists and technologists*, Leiden : E. J. Brill.
1955—1964. Studies in ancient technology, 9 vols., Leiden : E. J. Brill.

FORCHHEIMER P.
1953. The category of person in language, Berlin : W. de Gruyter.

FORD G. B.
1967. *esti* und *yra* in Vilentas' Enchiridion («*Zeitschrift für Slawische Philologie*», Bd. 33, H. 2 : 353—357).

FOURQUET J.
1948. Les mutations consonantiques du germanique. *Essai de position des problèmes* («*Publications de la faculté des lettres de l'Université de Strassbourg*, 111), Paris : Les Belles Lettres.

FRAENKEL E.
1928. Syntax der litauischen Kasus, Kaunas : Valstybės Spaustuvė.
1950. Die baltischen Sprachen, ihre Beziehungen zu einander und zu den indogermanischen Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1962—1965. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I u. II, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

FRANKLIN K. J.
1963. Kewa ethnolinguistic concepts of body parts («*Southwestern Journal of Anthropology*», 19 : 54—63).

FRECHKOP S.
1965. La specificité du cheval de Prjewalsky («*Bulletin de l'Institut des Sciences Naturelles de Belgique*», XII, 29).

FRENZEL B.
1960. Die Vegetations- und Landschaftszonen Nord-Eurasiens während der letzten Eiszeit und während der postglazialen Wärmezeit («*Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz*». Mathematisch-Naturwissenschaftliche Klasse, № 6, Mainz : 289—453).

FRIEDRICH J.
1926—1930. Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache, Bd. 1—2 («*Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft*», 31, 1 u. 34, 1), Leipzig.
1949. Churritische Märchen und Sagen in hethitischer Sprache («*Zeitschrift für Assyriologie und Verwandte Gebiete*», N. F. 15 [49] : 214—225).
1949a. Der churritische Mythus vom Schlangendämon Ḫedammu in hethitischer Sprache (*ARCHIV ORIENTÁLNÍ*, 17, 1 : 230 — 254).
1952. Hethitisches Wörterbuch. *Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter*, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1954. Göttersprache und Menschensprache im hethitischen Schrifttum («*Sprachgeschichte und Wortbedeutung*». Festschrift A. Debrunner, Bern. Francke : 135—139).
1957. Hethitisches Wörterbuch. *Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter*, 1. Ergänzungsheft, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1959. Die hethitischen Gesetze («*Transkription, Übersetzung, sprachliche Erläuterungen und vollständiges Wörterverzeichnis*), Leiden : E. J. Brill.
1960. Hethitisches Elementarbuch, Bd. I (2. Aufl.), Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1961. Hethitische Wörter für 'Wolle' («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 77, H. 3/4: 257).
1966. Hethitisches Wörterbuch. *Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter*, 3. Ergänzungsheft, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1969. Zu den hethitischen Wörtern für 'Stern' und 'Hand' (*ATHENAEUM*. Studi Periodici di Letteratura e Storia dell' Antichità, n. s., v. XLVII, fasc. I—IV. Studi in onore di P. Meriggi, Pavia : 116—117).

FRIEDRICH J., KAMMENHUBER A.

1975-. Hethitisches Wörterbuch, 2. Aufl., Lfr. 1—7, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

FRIEDRICH P.

1966. Proto-Indo-European kinship (*ETHNOLOGY*. An International Journal of Cultural and Social Anthropology, v. V, № 1 : 1—36).

1970. Proto-Indo-European trees. *The arboreal system of a prehistoric people*, Chicago and London : The University of Chicago Press.

1976. The devil's case : PIE as type II («*Linguistic Studies Offered to J. Greenberg on the Occasion of his Sixtieth Birthday*», ed. by A. Juilland. Studia Linguistica et Philologica, 4, v. III : Syntax, Saratoga: Anma Libri & Co. : 463—480).

FRISK H.

1954. Griechisches etymologisches Wörterbuch, I («Indogermanische Bibliothek», hrsg. von H. Krahe. Reihe 2: Wörterbücher), Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

FRONZAROLI P.

1964—1971. Studi sul lessico Comune Semitico, I—VII [«*Rendiconti delle Sedute dell' Accademia Nazionale dei Lincei*». Classe di Scienze Morali, Storiche e Filologiche, Ser. VIII, vol. XIX, fasc. 5—6 (1964) : 155—172; Ser. VIII, vol. XIX, fasc. 7—12 (1964) : 243—280; Ser. VIII, vol. XX, fasc. 3—4 (1965) : 135—150; Ser. VIII, vol. XX, fasc. 5—6 (1965) : 246—269; Ser. VIII, vol. XXIII, fasc. 7—12 (1968) : 267—303; Ser. VIII, vol. XXIV, fasc. 7—12 (1969) : 285—320; Ser. VIII, vol. XXVI, fasc. 7—12 (1971): 603—642].

1973. Problems of a Semitic etymological dictionary («*Studies on Semitic Lexicography*», ed. by P. Fronzaroli. Quaderni di Semitistica 2 : Università di Firenze : 1—24).

FURNÉE E. J.

1972. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen, The Hague — Paris : Mouton.

1979. Vorgriechisch-Kartvelisches. *Studien zum ostmediterranen Substrat nebst einem Versuch zu einer neuen pelasgischen Theorie*, Louvain: Éditions Peeters.

FUSSMAN G.

1972. Atlas linguistique des parlers dardes et kafirs, I, II. Commentaire («*Publications de l'École Française d'Extrême Orient*», t. LXXXVI, Paris).

GABELENTZ G. von der
1873. Die melanesischen Sprachen nach ihrem grammatischen Bau und ihrer Verwandtschaft unter sich und mit malaisch-polynesischen Sprachen untersucht («*Abhandlungen der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften.* Phil.-Hist. Classe, Bd. III, VII, Leipzig).
1891. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse, Leipzig: T. O. Weigel Nachfolger (Chr. Herm. Tauchnitz).

GAGNEPAIN J.
1959. Les noms grecs en -ΟΣ et en $\overline{\text{A}}$. Contribution à l'étude du genre en indo-européen, Paris: Klincksieck.

GALTON H.
1962. Aorist und Aspekt im Slawischen. Eine Studie zur funktionellen und historischen Syntax, Wiesbaden: O. Harrassowitz.

GAMKRELIDZE Th. V.
1961. The Akkado-Hittite syllabary and the problem of the origin of the Hittite script (*ARCHIV ORIENTÁLNÍ*, 29, 3: 406—418).
1966. A typology of Common Kartvelian (*LANGUAGE*, v. 42, № 1: 69—83).
1968. Hittite and the laryngeal theory («*Pratidānam*». Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper on his Sixtieth Birthday, The Hague—Paris. Mouton: 89—97).
1970. «Anatolian languages» and the problem of Indo-European migration to Asia Minor («*Studies in General and Oriental Linguistics*». Presented to Shirō Hattori on the Occasion of his Sixtieth Birthday, ed. by R. Jakobson and Sh. Kawamoto, Tokyo: TEC Company, Ltd.: 138—143).
1974. The problem of "l'arbitraire du signe" (*LANGUAGE*, v. 50, № 1: 102—110).
1975. On the correlation of stops and fricatives in a phonological system (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 35: 231—261).
1976. Linguistic typology and Indo-European reconstruction («*Linguistic Studies Offered to Joseph Greenberg on the Occasion of his Sixtieth Birthday*», ed. by A. Juilland. Studia Linguistica et Philologica, 4, v. II: Phonology, Saratoga. Anma Libri & Co.: 399—406).
1979. Hierarchical relations among phonemic units as phonological universals («*Ninth International Congress of Phonetic Sciences*», Copenhagen. Proceedigs, v. II: 9—15).

GAMKRELIDZE Th. V., IVANOV V. V.
1973. Rekonstruktion der indogermanischen Verschlüsse. *Vorläufiger Bericht* (*PHONETICA*, 27: 150—156).

GARDE P.
1976. Histoire de l'accentuation slave, I. Paris: Institut d'Études Slaves.

GARDIN J.-C.
1965. On a possible interpretation of componential analysis in archaeology («*American Anthropologist*», v. 67, № 5, p. 2 : 9—22).

GASPARINI E.
1973. Il matriarcato slavo, Firenze : Sansoni.

GATES H. Ph.
1971. The kinship terminology of Homeric Greek (Part II. Supplement. «*International Journal of American Linguistics*», v. 37, № 4, October 1971. Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics).

GAUTHIOT R.
1910. Des noms de l'abeille et de la ruche en indoeuropéen et en finnoougrien («*Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*», t. 16 , fasc. 4 : 264—279).
1914—1923. Essai de grammaire sogdienne, p. I. Phonétique, Paris: Paul Geuthner.

GEERS Fr. W.
1945. The treatment of emphatics in Akkadian («*Journal of Near Eastern Studies*», v. 4, № 2 : 65—67).

GEIB R.
1975. *Agni Kravyād* 'das Fleisch fressende Feuer' im Rg- und Atharvaveda («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 89, H. 2 : 198—220).

GEIGER B.
1916. Amaša Spantas, ihr Wesen und ihre ursprüngliche Bedeutung («Kaiserliche Akademie der Wissenschaften in Wien». Phil.-Hist. Klasse. Sitzungsberichte, Bd. 176, Abh. 7).

GELB I. J.
1963. A study of writing (Revised edition). Phoenix Books: The University of Chicago Press.
1969. Sequential reconstruction of Proto-Akkadian, Chicago : The University of Chicago Press.
1969a. Cappadocian tablet supposedly from neighbourhood of Carchemish (*ATHENAEUM*. Studi Periodici di Letteratura e Storia dell' Antichità, n. s., v. XLVII, fasc. 1/4. Studi in onore di P. Meriggi, Pavia : 122—123).
1972. From freedom to slavery («XVIIIe *Rencontre Assyriologique Internationale*». Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philos.-Hist. Klasse, Abh., N.F., H. 75 : 81—92).
1973. Prisoners of war in early Mesopotamia («*Journal of Near Eastern Studies*», v. 32, № 1 and 2 : 70—98).
1975. Homo Ludens in Early Mesopotamia («*Studia Orientalia*», edidit Societas Orientalis Fennica, v. 46. Festschrift A. Salonen, Helsinki : 43—76).

1977. Thoughts about IBLA : A preliminary evaluation, March 1977 («*Syro-Mesopotamian Studies*». Monographic Journals of the Near East, gen. ed. Giorgio Buccellati, v. I, issue I).

GELDNER K. F.

1886—1895. Avesta, die heiligen Bücher der Parsen, Bd. I—III (im Auftrag der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, herausgegeben von K. F. Geldner), Stuttgart : W. Kohlhammer.

GEORGIEV Vl.

1941—1945. Vorgriechische Sprachwissenschaft, Lief. I—II, Sofia : Imprimerie de l'Université.

GEROW E.

1973. 'Frost' in the RGVEDA («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 2 : 224—231).

GERSHEVITCH I.

1954. A grammar of Manichean Sogdian («*Publications of the Philological Society*», 16), Oxford : Blackwell.

1965. Dialect variation in Early Persian («*Transactions of the Philological Society*», London, 1964 [1965]).

GESENIUS W.

1968. A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament (*With an Appendix containing the Biblical Aramaic*), based on the Lexicon of William Gesenius as translated by Ed. Robinson, Oxford : At the Clarendon Press.

GHIRSHMAN R.

1977. L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens, Leiden: E. J. Brill.

GIGNOUX Ph.

1972. Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes («*Corpus Inscriptionum Iranicarum*». Supplementary Series, v. I, London : Lund Humphries.

GIMBUTAS M.

1965. Bronze age cultures in Central and Eastern Europe, The Hague—Paris : Mouton.

1968 [1963]. Die Indoeuropäer : Archäologische Probleme («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt . Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 538—571).

1973a. Old Europe c. 7000—3500 B. C.: The earliest European civilization before the infiltration of the Indo-European peoples («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 1 : 1—20).

1973b. The beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans : 3500—2500 B. C. («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 1, № 2 : 163—214).

1974. An archaeologist's view of PIE in 1975 («*The Journal of Indo-European Studies*», v. II, № 3 : 289—307).

1974a. The gods and goddesses of Old Europe : 7000 to 3500 B. C. *Myths, legends and images*, Berkeley—Los Angeles : University of California Press.

1977. The first wave of Eurasian steppe pastoralists into copper age Europe («*The Journal of Indo-European Studies*», v. V, № 4 : 277—338).

1982. Old Europe in the fifth millennium B. C.: The European situation on the arrival of Indo-Europeans («*The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia*», ed. by E. C. Polomé, Ann Arbor : Karoma Publishers, Inc.: 1—60).

GIORGADZE G.

1976. Die Begriffe 'Freie' und 'Unfreie' bei den Hethitern («*Wirtschaft und Gesellschaft im Alten Vorderasien*», hrsg. von J. Harmatta und G. Komoróczy, Budapest : Akadémiai Kiadó : 299—308).

GLEASON H. A.

1955. An introduction into descriptive linguistics, New York: Holt, Rinehart & Winston.

GOETZE A.

1929. Die Pestgebete des Muršiliš («*Kleinasiatische Forschungen*», hrsg. von F. Sommer und H. Ehelolf, Bd. I, H. 2: 161—251).

1933. Die Annalen des Muršiliš («*Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft*», 38), Leipzig.

1938. The Hittite ritual of Tunnawi («*American Oriental Series*», v. 14), New Haven.

1948. [Рец. на кн.] H. Bozkurt, M. Čig, H. G. Güterbock, Istanbul Arkeoloji Müzelerinde bulunan Boğazköy Tabletleri. II. Millî Eğitim Basımevi, Istanbul, 1947 («*Journal of Cuneiform Studies*», v. II, № 3).

1951. On the Hittite words for 'year' and the seasons and for 'night' and 'day' (*LANGUAGE*, v. 27, № 4 : 467—476).

1953. The theophorous elements of the Anatolian proper names from Cappadocia (*LANGUAGE*, v. 29, № 3 : 263—277).

1954. Some groups of ancient Anatolian proper names (*LANGUAGE*, v. 30, № 3 : 349—359).

1955. Hittite dress («*Corolla Linguistica*». Festschrift F. S o m m e r zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, hrsg. von H. Krahe, Wiesbaden : O. Harrassowitz: 48—62).

1955a. The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names («*Journal of Cuneiform Studies*», v. VIII, № 2 : 74—81).

1957. Kleinasien («*Kulturgeschichte des Alten Orients*», III. 1), München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

1962. [Рец. на кн.] H. G. Güterbock und H. Otten, Keilschrifttexte aus Boghazköi. Zehntes Heft («*Journal of Cuneiform Studies*», v. XVI, № 1 : 24—30).

1962a. [Рец. на кн.] A. Kammenhuber, Hippologia Hethitica («*Journal of Cuneiform Studies*», v. XVI, № 1 : 30—35).

1963. Postposition and preverb in Hittite («*Journal of Cuneiform Studies*», v. XVII, № 3 : 98—101).

GOETZE A., PEDERSEN H.

1934. Muršilis Sprachlähmung («*Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab*». Hist.-filol. Meddelelser, XXI, 1), København.

GONDA J.

1954. The original character of the Indo-European relative pronoun *jo-* (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 4, 1 [1954—1955]: 1—41).

1954a. The history and original function of the Indo-European particle *k^{u}e*, especially in Greek and Latin (*MNEMOSYNE*. Bibliotheca Philologica Batava, ser. IV, v. VI, fasc. 4 : 265—296).

1956. The character of Indo-European moods with regard to Greek and Sanscrit, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

GOODENOUGH W. H.

1970. The evolution of pastoralism and Indo-European origins («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 253—265).

GORDESIANI R.

1969. Zur Frage der ägäisch-kartwelischen Sprachparallelen («*Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität*», Jena, 18, H. 5 : 11—21).

GOTTLIEB E.

1931. A systematic tabulation of Indo-European animal names, with special reference to their etymology and semasiology («*Language Dissertations*» published by the Linguistic Society of America, № VIII. Kraus Reprint Corporation, New York, 1966).

GRASSMANN H.

1863. Über die Aspiraten und ihr gleichzeitiges Vorhandensein im An- und Auslaute der Wurzeln («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 12 : 81—110).

1863a. Über das ursprüngliche Vorhandensein von Wurzeln, deren Anlaut und Auslaut eine Aspirate enthielt («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 12 : 110—138).

1873. Wörterbuch zum Rig-Veda, Leipzig : Brockhaus.

GREENBERG J. H.

1957. Essays in linguistics, Chicago : The University of Chicago Press.

1963. Some universals of grammar with particular reference to the order of the meaningful elements (*«Universals of Language»*, ed. by J. H. Greenberg, Cambridge, Mass.: MIT Press [2nd ed. 1966]: 73—113).

1966. Language universals with special reference to feature hierarchies, The Hague — Paris : Mouton.

1970. Some generalizations concerning glottalic consonants, especially implosives (*«International Journal of American Linguistics»*, v. 36, № 2, part 1 : 123—145).

GREENHALGH P. A. L.

1973. Early Greek warfare : Horsemen and chariots in the Homeric and Archaic ages, Cambridge : University Press.

GRÉGOIRE H.

1949. Asklépios, Apollon Smintheus et Rudra. Études sur le dieu à la taupe et le dieu au rat dans la Grèce et dans l'Inde (*«Académie Royale de Belgique»*. Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques. Mémoires. Collection in 8°, 2me série, t. 45, fasc. 1).

GREPPIN J. A. C.

1978. Classical and Middle Armenian bird names (*A linguistic, taxonomic, and mythological study*), New York : Delmar (Caravan Books).

1982. The Anatolian substratum in Armenian — an interim report (*«Annual of Armenian Linguistics»*, v. 3 : 65—72).

GRIENBERGER V.

1896. Die germanischen Runennamen (*«Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur»*, Bd. 21 : 185—224).

GRIFFITHS M. E.

1937. Early vaticination in Welsh with English parallels, ed. by Prof. T. Gwynn Jones, Cardiff : University of Wales Press Board.

GRÜNENTHAL O.

1933. Zum Perfect (*«Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ»*, *София*: Издание на Македонския Научен Институтъ : 70—76).

GUARDUCCI M.

1980. La cosiddetta Fibula Prenestina. Antiquari, eruditi e falsari nella Roma dell' Ottocento, Roma («Memorie della Accademia Nazionale dei Lincei», vol. XXIV, fasc. 4).

GUNNARSON J.

1971. On the Indo-European 'Dental Spirants' (*«Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap»*, Bd. 24 : 21—82).

GÜNTERT H.

1916. Indogermanische Ablautprobleme. Untersuchungen über *schwa secundum*, einen zweiten indogermanischen Murmelvokal (*«Untersuchungen zur Indogermanischen Sprach- und Kulturwissenschaft»*, hrsg. von K. Brugmann und F. Sommer, 6). Strassburg: K. J. Trübner.

1921. Von der Sprache der Götter und Geister. *Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur homerischen und eddischen Göttersprache*, Halle (Saale) : Max Niemeyer.

1923. Der arische Weltkönig und Heiland. *Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur indo-iranischen Religionsgeschichte und Altertumskunde*, Halle (Saale) : Max Niemeyer.

GURNEY O. R.

1940. Hittite prayers of Muršiliš II («*University of Liverpool*». Annals of Archaeology and Anthropology, v. XXVII).

1977. Some aspects of Hittite religion, Oxford : Oxford University Press.

GUSMANI R.

1958. Studi sull' antico frigio («*Accademia di Scienze e Lettere*. Classe di Lettere e Scienze Morali e Storiche. *Rendiconti. Istituto Lombardo di Scienze e Lettere*, v. 92 : 835—869).

1959. Studi frigi, Milano : Istituto Lombardo.

1962. Note di linguistica microasiatica («*Annali d'Istituto Orientale di Napoli*». Sezione linguistica, v. IV, Napoli : 45—48).

1964. Lydisches Wörterbuch. *Mit grammatischer Skizze und Inschriftensammlung*, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1968. Il lessico ittito, Napoli : Libreria Scientifica Editrice.

GÜTERBOCK H. G.

1938. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200 («*Zeitschrift für Assyriologie und Verwandte Gebiete*», Bd. 44, H. 1/2 : 45—149).

1946. Kumarbi («*Istanbuler Schriften*», Nr. 16).

1951—1952. The song of Ullikummi. Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth («*Journal of Cuneiform Studies*», v. V, № 4: 135—161; v. VI, № 1 : 8—42).

HAAS O.

1966. Die phrygischen Sprachdenkmäler («*Linguistique Balkanique*», X), Sofia : Académie Bulgare des Sciences.

HAAS V.

1970. Der Kult von Nerik. Ein Beitrag zur hethitischen Religionsgeschichte, Roma (Studia Pohl, 4): Päpstliches Bibelinstitut.

1975. Die religiösen Vorstellungen (В кн. : «Das hurritologische Archiv». Corpus der hurri(ti)schen Sprachdenkmäler des Altorientalischen Seminars der Freien Universität Berlin).

1977. Magie und Mythen im Reich der Hethiter, I. Vegetationskulte und Pflanzenmagie («*Merlins Bibliothek der Geheimen Wissenschaften und Magischen Künste*», hrsg. von W. Bauer, Bd. 6, Hamburg: Merlin Verlag).

1978. Medea und Jason im Lichte hethitischer Quellen («*Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*», t. XXVI, fasc. 3—4 : 241—253).

HAAS V., THIEL H.-J. et al.

1975. Das hurritologische Archiv (Corpus der hurri[tilschen Sprachdenkmäler des Altorientalischen Seminars der Freien Universität Berlin).

HAASE R.
1971. Eine hethitische Prozessurkunde aus Ugarit — RS 17.109 («*Ugarit-Forschungen*», Bd. 3 : 71—74).

HAGÈGE C., HAUDRICOURT A.-G.
1978. La phonologie panchronique. *Comment les sons changent dans les langues*, Paris : Presses Universitaires de France.

HAHNE H.
1910. Das vorgeschichtliche Europa. *Kulturen und Völker*, Bielefeld und Leipzig : Velhagen & Klasing.

HAJDÚ P.
1975. Finno-Ugrian languages and peoples (*Translated and adapted by G. F. Gushing*), London : Andre Deutsch.

HALLE M.
1962. Phonology in a generative grammar (*WORD*, v. 18, № 1—2 : 54—72).
1970. Is Kabardinian a vowelless language? («*Foundations of Language*», v. 6, № 1 : 95—103).

HALLEUX R.
1969. Lapis-lazuli, azurite ou pâte de verre? A propos de *kuwano* et *kuwanoko* dans les tablettes mycéniennes («*Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*», fasc. IX. Incunabula Graeca, v. XXXIX, Roma : 47—66).

HALLIG R., WARTBURG W. von
1963. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. *Versuch eines Ordnungsschemas*. 2. neubearbeitete und erweiterte Auflage, Berlin : Akademie-Verlag.

HAMP E. P.
1952. The anomaly of Gmc. '7' (*WORD*, v. 8, № 2 : 136—139).
1954. Gothic IUP 'ἄνω' («*Modern Language Notes*», January: 39—41).
1955. Italic perfects in /*-x^{w}-/ and I.-E. *A^{w} (*WORD*, v. 11, № 3 : 399—403).
1957. Albanian and Messapic («*Studies Presented to Joshua Whatmough on his Sixtieth Birthday*», ed. by E. Pulgram, 'S-Gravenhage. Mouton : 73—89).
1958. Consonant allophones in Proto-Keltic («*Lochlann*», 1 : 209—217).
1960. Palatal before resonant in Albanian («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 76, H. 3/4 : 275—280).
1965a. Evidence in Albanian («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton : 123—141).
1965b. Evidence in Keltic («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton : 224—235).
1966. The position of Albanian («*Ancient Indo-European Dialects*», ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley and Los Angeles. University of California Press : 97—121).

1967. On IE *s after *i*, *u* in Baltic (*BALTISTICA*, III, 1 : 7—11).
1968. On *R in Kafir («*Studies in Indian Linguistics*». Volume presented to Prof. M. B. Emeneau on his Sixtieth Birthday : 124—137).
1969. On Proto-Ainu numerals («*Papers from the Fifth Regional Meeting*», Chicago Linguistic Society, Chicago : 337—342).
1970a. Maya-Chipaya and typology of labials («*Papers from the Sixth Regional Meeting*», Chicago Linguistic Society, Chicago: 20—22).
1970b. Sanscrit *duhitá*, Armenian *dustr*, and IE internal schwa («*Journal of the American Oriental Society*», v. 90, № 2 : 228—231).
1970c. Lithuanian *ugnis*, Slavic *ognь* («*Baltic Linguistics*», University Park. Pennsylvania State U. P.: 75—79).
1971. Varia III. 1. The Keltic words for 'tear'; 2. The 'bee' in Irish, Indo-European, and Uralic («*Ériu*», v. XXII : 181—187).
1972. Palaic ḫa-a-ap-na-aš 'river' («*Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*», H. 30 : 35—37).
1972a. Latin *dacrima*, *lacruma* and Indo-European 'tear' (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. L, H. 3/4 : 291—299).
1973. Another lesson from 'Frost' («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 2 : 215—223).
1973a. On Baltic, Luwian and Albanian participles in *-m- (*BALTISTICA*, IX, 1 : 45—50).
1976. *$g^{w}eiH_{0}$ 'live' («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 87—91).
1978. On **deiu̯o-* in Slavic («*Folia Slavica*», v. 2, № 1—3. Studies in Honor of H. G. Lunt, ed. by E. A. Scatton, R. D. Steel, Ch. E. Gribble, Columbus, Ohio : 141—143).
1980. IE *( )k'uon- 'dog' (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 85 : 35—42).

HANČAR F.
1955. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit («*Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik*», 11).

HARLAN J. R.
1976. The plants and animals that nourish man («*Scientific American*», v. 235, № 3 : 89—97).

HARMATTA J.
1959. Der alte Orient und das klassische Altertum («*Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*», t. VII, fasc. 1—3 : 29—37).
1968. Zur Aḫḫiyawa-Frage («*Studia Mycenaea*». Proceedings of the Mycenaean Symposium, Brno, April 1966 : 117—124).

1968a. Zu den kleinasiatischen Beziehungen der griechischen Mythologie («*Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*», t. XVI, fasc. 1—4 : 57—76).

1981. Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2nd millennium B. C. (*Linguistic evidence*) («*Этнические Проблемы Истории Центральной Азии в Древности*», Москва. «Наука» : 75—83).

HARRELL R. S.

1957. The phonology of colloquial Egyptian Arabic («*American Council of Learned Societies in Oriental Languages*». Publications, series B. Aids, № 9), New York.

HART G.

1980. Some observations on plene-writing in Hittite («*Bulletin of the School of Oriental and African Studies*». University of London, XLIII, 1 : 1—17).

HARVA U.

1922—1923. Der Baum des Lebens («*Annales Academiae Scientiarum Fennicae*», ser. B, v. XVI, Helsinki).

HAUDRICOURT A.-G.

1950. Les consonnes préglottalisées en Indochine («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 46, fasc. 1, № 132 : 172—182).

1971. New Caledonia and Loyalty Islands («Current Trends in Linguistics», ed. by T. A. Sebeok, v. 8. Linguistics in Oceania, The Hague—Paris : Mouton).

1975. Les mutations consonantiques (occlusives) en indo-européen («*Mélanges Linguistiques offerts à Émile Benveniste*». Société de Linguistique de Paris, LXX, Louvain. Éditions Peeters : 267 — 272).

HAUDRICOURT A.-G., DELAMARRE M. J. B.

1955. L'homme et la charrue (4e éd.), Paris : Gallimard.

HAUDRICOURT A.-G., HÉDIN L.

1943. L'homme et les plantes cultivées (*Préface d'Auguste Chevalier*), Paris : Gallimard.

HAUDRY J.

1978. L'emploi des cas en védique. *Introduction à l'étude des cas en indo-européen, Lille* : Université de Lille.

1981. Les Indo-Européens, Paris : Presses Universitaires de France.

HAUSCHILD R.

1954. Das Selbstlob (Ātmastuti) des somaberauschten Gottes Agni (ṚgVeda X, 119) [«*Asiatica*». Festschrift Friedrich Weller zum 65. Geburtstag gewidmet, Leipzig : O. Harrassowitz : 247—288].

1959. Die Tirade von der Wagenwettfahrt des Königs Haosravah und des Junkers Nərəmanah (Yašt 5,50) [«*Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*», Bd. VII, H. 1: 1—78].

HAVERS W.

1946. Neuere Literatur zum Sprachtabu («*Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien*»).

HAWKINS J. D.

1972. Building inscriptions of Carchemish («*Anatolian Studies*». Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara, v. XXII. Special number in Honour of the Seventieth Birthday of Professor S. Lloyd: 87—114).

1980. The Hieroglyphic-Luwian word 'to die' («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2: 109—119).

HAWKINS J. D., MORPURGO DAVIES A., NEUMANN G.

1973. Hittite hieroglyphs and Luwian: New evidence for the connection («*Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*». Philologisch-Historische Klasse, № 6, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht).

HEHN V.

1976. Cultivated plants and domesticated animals in their migration from Asia to Europe («*Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science*, Ser. I, v. 7), Amsterdam.

HEINE-GELDERN R.

1956. The coming of the Aryans and the end of the Harappa civilization (*MAN*. A Monthly Record of Anthropological Science, v. 56: 136—140).

HEINHOLD-KRAHMER S., HOFFMANN L., KAMMENHUBER A., MAUER G.

1979. Probleme der Textdatierung in der Hethitologie (*Beiträge zu umstrittenen Datierungskriterien für Texte des 15. bis 13. Jahrhundert v. Chr.*), Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.

HELBAEK H.

1964. First impressions of the Çatal Hüyük plant husbandry («*Anatolian Studies*». Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara, v. XIV: 121—123).

HELD G. J.

1935. The Mahābhārata, an ethnological study, Amsterdam: Uitgeversmaatschappij.

HELD W. H.

1957. The Hittite relative sentence (*Language Dissertation*, № 55. Supplement to *LANGUAGE*, 1957, v. 33, № 4, p. 2, Baltimore).

HENDRIKSEN H.
1940. Quelques faits à lumière de la théorie d'un système casuel indoeuropéen comportant un cas transitif et un cas intransitif («*Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague*», t. 5, 7).

HENNING W. B.
1940. Sogdica (*James G. Forlong Fund*», v. XXI), London: The Royal Asiatic Society.
1955. Corpus Inscriptionum Iranicarum, ed. by W. B. Henning, p. 3. Pahlavi Inscriptions, London: Humphries & Co.

HENNINGER J.
1976. Zum Problem der Venussterngottheit bei den Semiten (*ANTHROPOS*. International Review of Ethnology and Linguistics, v. 71, № 1/2 : 129—168).

HERMANN E.
1934. Die Eheformen der Urindogermanen («*Nachrichten der Gesellschaft für Wissenschaften*», Göttingen, N. F. 1, 2).

HERMES G.
1936a. Das gezähmte Pferd im alten Orient (*ANTHROPOS*. International Review of Ethnology and Linguistics, v. 31, H. 3,4: 364—394).
1936b. Das gezähmte Pferd im neolitischen und frühbronzezeitlichen Europa? (*ANTHROPOS*. International Review of Ethnology and Linguistics, v. 31, H. 1,2 : 115—129).

HERRLICH A.
1937. Beitrag zur Rassen- und Stammeskunde der Hindukusch-Kafiren, Berlin.

HERTEL J.
1931. Die awestischen Herrschafts- und Siegesfeuer («*Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*», Bd. XLI, №6, Leipzig).

HERZFELD E.
1938. Altpersische Inschriften (Archäologische Mitteilungen aus Iran. Ergänzungsband, 1), Berlin : Reimer.

HESTER D. A.
1957. Pre-Greek place names in Greece and Asia Minor («*Revue Hittite et Asianique*», t. XV, fasc. 61 : 107—119).

HEUBECK A.
1961. Praegreca. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechisch-indogermanischen Substrat («*Erlanger Forschungen*». Reihe A. Geisteswissenschaften, Bd. 12), Erlangen.
1969. Lydisch («*Handbuch der Orientalistik*», hrsg. von B. Spuler, 1. Abt.: Der Nahe und der Mittlere Osten; 2. Bd., 1. und 2. Abschnitt. Lief. 2: Altkleinasiatische Sprachen, Leiden/Köln. E. J. Brill: 397—427).
1976. Weiteres zur Datierung der Knossos-Tafeln («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck: 97—101).

HIERSCHE R.
1964. Untersuchungen zur Frage der Tenues Aspiratae im Indogermanischen, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

HILL D. K.
1974. Chariots of early Greece («*Hesperia*». Journal of the American School of Classical Studies at Athens,v. XLIII, № 4 : 441—446).

HILLER S.
1976. Das Löwentor von Mykene und die klassische Tragödie («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 107—116).

HIRT H.
1921—1937. Indogermanische Grammatik, Bd. I. Einleitung, Etymologie, Konsonantismus; Bd. II. Der indogermanische Vocalismus; Bd. III. Das Nomen; Bd. IV. Doppelung, Zusammensetzung, Verbum; Bd. V. Der Akzent; Bd. VI. Syntax, I. Syntaktische Verwendung der Kasus und der Verbalformen; Bd. VII. Syntax, II. Die Lehre vom einfachen und zusammengesetzten Satz, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1968. Die Heimat der indogermanischen Völker und ihre Wanderungen («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 1—24).

HJELMSLEV L.
1928. Principes de grammaire générale («*Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab*». Hist.-filol. Meddelelser, XVI, 1, København).

HOCART A. M.
1925. The cousin in Vedic ritual («*Indian Antiquary*», 54 : 16—18).
1928. Indo-European kinship system («*Ceylon Journal of Science*», I : 179—204).
1950. Caste. *A comparative study*, London : Methuen & Co. (2nd ed. 1968, New York : Russell & Russell).
1970. Kings and councillors. An essay in the comparative anatomy of human society («*Classics in Anthropology*». Rodney Needham, Editor, Chicago and London : The University of Chicago Press).

HOCKETT Ch. F.
1958. A course in modern linguistics, New York : The Macmillan Company.

HOENIGSWALD H. M.
1960. Language change and linguistic reconstruction, Chicago : The University of Chicago Press.
1963. A contribution to Indo-Iranian phonology : The voiceless aspirates («*Труды Двадцатьпятого Международного Конгресса Востоковедов*», т. 2. Москва : Изд-во вост. лит-ры).

1965a. Indo-Iranian evidence («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton : 93—99).

1965b. A property of "Grassmann's Law" in Indic («*Journal of the American Oriental Society*», v. 85, № 1 : 59—60).

1980. The name of the Argolid (*WORD*, v. 31, № 1 : 105—107).

HOFFMANN K.

1967. Der Injunktiv im Veda. Eine synchronische Funktionsuntersuchung, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1968. Hethitisch *luk(k)-*, *lukki-* («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 82, H. 2 : 214—220).

1970. Das Kategoriensystem des indogermanischen Verbums («*Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*», H. 27 : 19—44).

HOFFMANN O.

1906. Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

HOFFNER H. A.

1968. A Hittite text in epic style about merchants («*Journal of Cuneiform Studies*», v. XXII, № 2 : 34—45).

1971. Hittite *ega-* and *egan* («*Journal of Cuneiform Studies*», v. XXIV, № 1/2 : 31—36).

1973. Studies of the Hittite particles, I («*Journal of the American Oriental Society*», v. 93, № 4 : 520—526).

1974. Alimenta Hethaeorum. *Food production in Hittite Asia Minor* («*American Oriental Series*», v. 55), New Haven.

HÖFLER O.

1974. Zwei Grundkräfte im Wodankult («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 133—144).

HOIJER H,

1951. Cultural implications of some Navaho linguistic categories (*LANGUAGE*, v. 27, № 2 : 111—120).

HOIJER H., JOEL J.

1963. Sarcee nouns («*Studies in the Athapascan Languages*». University of California Publications in Linguistics, Berkeley and Los Angeles).

HOLDER A.

1961—1962 [1896]. Alt-celtischer Sprachschatz, Bd. I—II—III, Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt.

HOLLIFIELD P.
1978. Indo-European etymologies («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 6, № 3/4 : 173—183).

HOOPS J.
1905. Waldbäume und Kulturpflanzen im germanischen Altertum, Strassburg : K. J. Trübner.

HOPPER P. J.
1973. Glottalized and murmured occlusives in Indo-European (*GLOSSA*. An International Journal of Linguistics, v. 7, № 2 : 141—166).
1975. The syntax of the simple sentence in Proto-Germanic, The Hague—Paris : Mouton.
1977. The typology of Proto-Indo-European segmental inventory («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 5, № 1 : 41—53).
1981. 'Decem' and 'taihun' languages : An Indo-European isogloss («BONO HOMINI DONUM». *Essays in Historical Linguistics in Memory of J. Alexander Kerns*, Amsterdam. John Benjamins B. V.: 133—142).
1982. Areal typology and the early Indo-European consonant system («*The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia*», ed. by E. C. Polomé, Ann Arbor : Karoma Publishers, Inc.: 121—139).

HOUBEN J. L.
1977. Word-order change and subordination in Homeric Greek («*The Journal of Indo-European Studies*», v. V, № 1 : 1—8).

HOUWINK TEN CATE Ph. H. J.
1961. The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period, Leiden: E. J. Brill.

HOVDHAUGEN E.
1968. Prothetic vowels in Armenian and Greek and the laryngeal theory («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 22 : 115—132).

HROZNÝ F.
1913. Das Getreide im alten Babylonien («*Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften*», Bd. 173, Abh. 1), Wien.

HÜBSCHMANN H.
1897. Armenische Grammatik, Teil I. *Armenische Etymologie* («*Bibliothek Indogermanischer Grammatiken*», № 6), Leipzig (воспр. 1972, Hildesheim, New York : Georg Olms Verlag).

HUBSCHMID J.
1960. Mediterrane Substrate. *Mit besonderer Berücksichtigung des Baskischen und der west-östlichen Sprachbeziehungen* («Romanica Helvetica», v. 70), Bern : A. Francke Verlag.
1963. Thesaurus Praeromanicus, Fasz. 1: Grundlagen für ein weitverbreitetes mediterranes Substrat, dargestellt an romanischen, baskischen und vorindogermanischen *p*-Suffixen (Francke Verlag, Bern).
1965. Thesaurus Praeromanicus, Fasz. 2: Probleme der baskischen Lautlehre und baskisch-vorromanische Etymologien (Francke Verlag, Bern).

HUMBACH H.

1959. Die Gathas des Zarathustra, Bd. I. *Einleitung. Text. Übersetzung. Paraphrase*; Bd. II. *Kommentar*, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1961. Bestattungsformen im Vidēvdāt («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 77, H.1/2 : 99—105).

1966—1967. Baktrische Sprachdenkmäler, Teil I—II, Wiesbaden: O. Harrassowitz.

1974. Methodologische Variationen zur arischen Religionsgeschichte («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 307—338).

HYMAN L. M., ed.

1973. Consonant types and tones («*Southern California Occasional Papers in Linguistics*», 1. Linguistic Program, University of Southern California, Los Angeles).

IMPARATI F.

1964. Le leggi ittiti («*Incunabula Graeca*», v. VII), Roma : Edizioni dell' Ateneo.

1965. L'autobiografia di Ḫattušili I (Redazione ittita) («*Rivista degli Studi Orientali*», XIV : 44—58).

1977. Le istituzioni culturali del ^{NA_4}*ḫékur* e il potere centrale ittita («*Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*», fasc. XVIII. Incunabula Graeca, v. LXVII, Roma : 19—64).

INGHAM J. M.

1971. Are the Siriono raw or cooked? («*American Anthropologist*», v. 73 : 1092—1099).

IPSEN G.

1923. Sumerisch-akkadische Lehnwörter im Indogermanischen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde, Bd. 41, H. 1/2 : 174—183).

1924. Der alte Orient und die Indogermanen («*Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft*». Festschrift für W. Streitberg, Heidelberg. C. Winter. Universitätsverlag : 200—237).

IRVING E. B. Jr.

1968. A Reading of Beowulf, New Haven & London.

1969. Introduction to Beowulf, New York : Englewood Cliffs.

ISSATSCHENKO A. V.

1970. Hortativsätze mit *a, i, ti, to* im Ostslavischen («*Scando-Slavica*», t. XVI, Munksgaard, Copenhagen : 189—203).

IVANOV V. V.
1965. On the reflex of the Indo-European voiced palatal aspirate in Luwian («*Symbolae Linguisticae in Honorem Georgii Kuryłowicz*», Wrocław—Warszawa—Kraków : 131—134).
1970. Suffix *-*sk*-> Baltic -*šk*- and the problem of verbs denoting sounds («*Donum Balticum*». To Professor Christian S. Stang on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by *V. Rūķe-Draviņa*, Stockholm : 206 — 210).

JACKSON K. H.
1953. Language and history in Early Britain. A chronological survey of the Brittonic languages from first to twelfth century A. D., Cambridge, Mass. : Harvard University Press.

JACOB F.
1977. The linguistic model in biology («Roman Jakobson. *Echoes of His Scholarship*», ed. by D. Armstrong and C. H. van Schooneveld, Lisse : The Peter de Ridder Press : 185—192).

JACOBI H.
1897. Compositum und Nebensatz. *Studien über die indogermanische Sprachentwicklung*, Bonn : Cohen.

JACOBSOHN H.
1922. Arier und Ugrofinnen, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

JACOBY M.
1974. Wargus, vargr 'Verbrecher', 'Wolf'. *Eine sprach- und rechtsgeschichtliche Untersuchung* («Acta Universitatis Uppsaliensis». *Studia Germanistica*, 12), Uppsala.

JAGIČ V.
1898. Die slavischen Composita in ihrem sprachvergleichenden Auftreten («*Archiv für Slavische Philologie*», Bd. XX, H. 4 : 519—556).

JAKOB-ROST L.
1966. Zu einigen hethitischen Kultfunktionären (*ORIENTALIA*. Commentarii Periodici Pontificii Instituti Biblici, v. 35, fasc. 4 : 417—422).

JAKOBSON R.
1957a. Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics («*Reports for the VIIIth International Congress of Linguists*», Oslo).
1957b. 'Mufaxxama' — the 'emphatic' phonemes of Arabic («*Studies presented to Joshua Whatmough on his Sixtieth Birthday*», ed. by E. Pulgram, 'S-Gravenhage. Mouton : 105—115).
1966. Slavic epic verse. Studies in comparative metrics («*Selected Writings*», IV. Slavic Epic Studies, The Hague — Paris. Mouton : 414—463).

1966a. The Vseslav epos («*Selected Writings*», IV. Slavic Epic Studies, The Hague—Paris. Mouton : 301—368).

1969. The Slavic god Veles and his Indo-European cognates («*Studi Linguistici in Onore di Vittore Pisani*» : 579—600).

1971a. Selected Writings, I. «*Phonological Studies*» (Second, expanded edition), The Hague—Paris : Mouton.

1971b. Selected Writings, II. «*Word and Language*», The Hague—Paris: Mouton.

JAKOBSON R., WAUGH L.

1979. The sound shape of language, Bloomington & London : Indiana University Press.

JAMISON S. W.

1979. The case of the agent in Indo-European (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. XXV, H. 2 : 129—143).

1979a. Remarks on the expression of agency with the passive in Vedic and Indo-European («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 93, H. 2 : 196—219).

JANERT K. L.

1964. Zur Wort- und Kulturgeschichte von Sanskrit *sphyá-* (Pāli *phiya*) («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 79, H. 1/2 : 89—111).

JANKO R.

1977. A note on the date of Grassmann's Law in Greek (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. LV, H. 1/2 : 1—2).

JASANOFF J. H.

1973. The Germanic third weak class (*LANGUAGE*, v. 49, № 4 : 850—870).

1979. The position of *ḫi-* conjugation («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 79—90).

JENSEN H.

1930. Bemerkungen zum urgeschlechtigen Personalpronomen des Indogermanischen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 48, H. 2 : 117—126).

1934. Der steigernde Vergleich und sein sprachlicher Ausdruck (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 52, H. 2 : 108—130).

1952. Die indo-europäischen Zahlwörter 10, 100, 1000 («*Zeitschrift für Phonetik*», H. 1/2 : 50—57).

JETTMAR K.
1966. Mittelasiatische Bestattungsrituale und Tierstil («*Iranica Antiqua*», VI, Leiden).

JOKI A. J.
1973. Uralier und Indogermanen. Die ältesten Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen, Helsinki («Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 151).
1973a. Zur Herkunft einiger ugrischer Wörter («*Finnisch-Ugrische Forschungen*», XL : 60—65).

JOKL N.
1921. Das Finnisch-Ugrische als Erkenntnisquelle für die ältere idg. Sprachgeschichte («*Prace linguistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay dla uczczenia jego działalności naukowej 1868—1921*, Kraków : 97—112).

JOSEPHSON F.
1972. The function of sentence particles in Old and Middle Hittite («Acta Universitatis Uppsaliensis», Uppsala).
1979. Assibilation in Anatolian («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 91—103).

JUCQUOIS G.
1966. La structure des racines en indo-européen envisagée d'un point de vue statistique («*Linguistic Research in Belgium*», Wetteren).
1970. Les postpositions de hittite et l'accentuation des préverbes indo-européens («*Le Muséon*». Revue d'Études Orientales, t. LXXXIII, № 3—4 : 533—540).
1971. La théorie de la racine en indo-européen («*La Linguistique*», t. 7, fasc. 1 : 73—91).
1972. Aspects du consonantisme hittite, 3. La règle de Sturtevant et le consonantisme du hittite («*Hethitica*», 1. Travaux édités par G. Jucqois, Louvain : 86—128).

JUSTI F.
1895. Iranisches Namenbuch, Marburg : Elwert.

KAHLO G.
1960. Die polynesischen Lehnwörter im Melanesischen («*Forschungen und Fortschritte*», 34. Jg., H. 1 : 28—29).

KAMMENHUBER A.
1955. Die protohattisch-hethitische Bilinguis vom Mond, der vom Himmel gefallen ist («*Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*», Bd. 17 [51] : 102—123).
1961. Hippologia Hethitica, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1961a. Zur Stellung des Hethitisch-Luwischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 77, H. 1/2 : 31—75).

1961b. Nominalkomposition in den anatolischen Sprachen des 2. Jahrtausends (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen»*, Bd. 77, H. 3/4 : 161—218).

1965. Die hethitischen Vorstellungen von Seele und Leib, Herz und Leibesinnerem, Kopf und Person, 2. Teil (*«Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie»*, N.F., Bd. 23 [57] :177—222).

1968. Die Arier im Vorderen Orient, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1969. Das Hattische (*«Handbuch der Orientalistik»*, hrsg. von B. Spuler, 1. Abt. : Der Nahe und der Mittlere Osten; 2. Bd., 1. und 2. Abschnitt, Lief. 2 : Altkleinasiatische Sprachen, Leiden/Köln . E. J. Brill : 428—588).

1969a. Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch («Handbuch der Orientalistik», hrsg. von B. Spuler, 1. Abt. : Der Nahe und der Mittlere Osten; 2. Bd., 1. und 2. Abschnitt, Lief. 2 : Altkleinasiatische Sprachen. Leiden/Köln. E. J. Brill : 119—357).

1973-. Materialen zu einem hethitischen Thesaurus, Lfr. 1—10, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1976. Orakelpraxis, Träume und Vorzeichenschau bei den Hethitern, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1980. Zum indogermanischen Erbe im Hethitischen (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung»*, Bd. 94, H. 1/2 : 33—44).

KARLGREN B.

1923. Analitic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese, Paris : Librairie Orientale Paul Geuthner.

1940. Grammata Serica. Script and phonetics in Chinese and Sino-Japanese (*«Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities»*, № 12, Stockholm).

KARSTIEN H.

1971. Infixe im Indogermanischen. Gekürzte Fassung, 1 (*«Indogermanische Bibliothek»*, hrsg. von H. Krahe. Reihe 3 : Untersuchungen). Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

KASTNER W.

1967. Die griechischen Adjektive zweier Endungen auf -ΟΣ, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

KEES H.

1956. Der Götterglaube im alten Ägypten, Berlin : Akademie-Verlag.

KEILER A. R.

1970. A phonological study of the Indo-European laryngeals, The Hague — Paris : Mouton.

KENNEDY K. A. R.

1981. Skeletal biology : When bones tell tales (*ARCHAEOLOGY*, v. 34, № 1 : 17—24).

KENT R. G.

1953. Old Persian Grammar. Texts, Lexicon, 2nd ed., New Haven (*«American Oriental Series»*, v. 33).

KIMMIG W.
1964. Seevölkerbewegungen und Urnenfelderkultur. Ein archäologisch-historischer Versuch («*Studien aus Alteuropa*», I, Köln : 220—283).

KING R.
1969. Historical linguistics and generative grammar, New York : Holt, Rinehart & Winston.

KINKADE D.
1963. Phonology and morphology of Upper Chehalis, I («*International Journal of American Linguistics*», v. 29, № 3 : 181—195).

KIPARSKY P.
1968. Language universals and linguistic change («Universals in Linguistic Theory», ed. by E. Bach and R. T. Harms, London—New York—Sydney—Toronto : Holt, Rinehart & Winston : 170—210).
1973. The inflexional accent in Indo-European (*LANGUAGE*, v. 49, № 4 : 794—849).

KIPARSKY P., HALLE M.
1977. Towards a reconstruction of the Indo-European accent («*Studies in Stress and Accent*». Southern California Occasional Papers in Linguistics, 4 : 209—238).

KIRFEL W.
1951. Der Aśvamedha und Puruṣamedha («*Beiträge zur Indischen Philologie und Altertumskunde*». Festschrift W. Schuhbring, Hamburg : 39—50).
1951a. Die fünf Elemente, insbesondere Wasser und Feuer. Ihre Bedeutung für den Ursprung altindischer und altmediterraner Heilkunde. Eine Medizingeschichtliche Studie, Walldorf-Hessen : Verlag für Orientkunde Dr. H. Vorndran.
1953. Die Lehnwörter des Sanskrit aus den Substratsprachen und ihre Bedeutung für die Entwicklung der indischen Kultur («*Lexis*». Studien zur Sprachphilosophie, Sprachgeschichte und Begriffsforschung, Bd. III : 267—285).

KLEINER G.
1969—1970. Stand der Forschung von Alt-Milet («*Istanbuler Mitteilungen*», № 19—20 : 113—123).

KLIMAS A.
1972. Roots **welk-*, **wolk-*, **wlk-* and **wlk*^{w}-. A case study of naming (wild) animals in Indo-European languages («*Reports for the Xth International Congress of Linguists*», Bologna : 910—913).

KNOBLOCH J.
1951. Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genitivs der *o*-Stämme auf *-sjo* (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. II, H. 3 : 131—149).
1951a. Zur Vorgeschichte des indogermanischen Verbums, Universität Innsbruck. Habilitationsschrift.

1952. Der Ursprung unserer Zahlwörter. Die beiden Knöchelreihen (*«Die Pyramide»*, Jahrgang 2, H. 4 : 81—82).
1954/1955. Zur Erklärung des Genitivs Sing. fem. auf *-y* im Slawischen (*«Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität, Greifswald»*, Jahrgang IV. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, № 3 : 255—257).
1955. Reste von Singulativbildungen im Indogermanischen (*«Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft»*, Bd. 3. Natalicium K. Jax: 207—215).
1958. Der Ausdruck des partitiven Verhältnisses im Slawischen und in einigen verwandten Sprachen (*«Vorträge auf der Berliner Slawistentagung»*, Berlin : 233—242).
1965. Concetto storico di protolingua e possibilità e limiti di applicazione ad esso dei principi strutturalistici (*«Le Protolingue»*. Atti del IV Convegno Internationale di Linguisti, 2—6 Settembre 1963, Milano. Sodalizio Glottologico Milanese : 141—162).
1967. Nektar (*«Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie»*. Julius Pokorny zum 80. Geburtstag gewidmet, hrsg. von W. Meid, Innsbruck: 39—43).
1975. Griech. κίνδυνος 'Gefahr' und das Würfelspiel (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. LIII, H. 1/2: 78—81).

KOCK A.
1924. Zur Frage nach dem Namen des gotischen Bibelübersetzers (*«Arkiv för Nordisk Filologi»*, Bd. 40, 4 : 314—319).

KOEHLER L.
1939. Die Löwennamen (*«Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins»*, 62 : 121—124).

KOERNER E. F. K.
1980. Pilot and parasite disciplines in the development of linguistic science (*«Folia Linguistica Historica»*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. I/1 : 213—224).

KOMORÓCZY G.
1975. Zur Ätiologie der Schrifterfindung im Emerkar-Epos (*«Alt-Orientalische Forschungen»*, Berlin. Akademie-Verlag : 19—24).

KOPPERS W.
1929. Die Religion der Indogermanen in ihren kulturhistorischen Beziehungen (*ANTHROPOS*. International Review of Ethnology and Linguistics, v. 24, № 5/6 : 1073—1089).
1935. Die Indogermanenfrage der historischen Völkerkunde (*ANTHROPOS*, v. 30, № 1/2 : 1—32).

KORENCHY É.
1972. Iráni eredetű szavak az obi-ugor nyelvekben, Budapest: Akadémiai Kiadó.

KOŘINEK J. M.
1934. Studie z oblasti onomatopoje. Přispěvek k otázce indoeuropského ablautu (Filosoficka Fakulta University Karlovy. Práce z vědeckých ústavů, XXXVI, Praha).

KÖRNER J.
1921. Das Nibelungenlied, Leipzig/Berlin : Teubner.

KORTLANDT F.
1975. A note on the Armenian palatalization («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 89, H. 1 : 43—45).
1977. Historical laws of Baltic accentuation (*BALTISTICA*, XIII, 2 : 319—330).
1978. Notes on Armenian historical phonology, II. *The second consonant shift* («*Studia Caucasica*», 4 : 9—16).
1978a. Proto-Indo-European obstruents (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 83 : 107—118).
1979. Comment on W. Winter's paper («*Recent Developments in Historical Phonology*», ed. by J. Fisiak. «Trends in Linguistics». Studies and Monographs, ed. W. Winter, The Hague—Paris—New York. Mouton : 447.

KRAHE H.
1950. Das Venetische. Seine Stellung im Kreise der verwandten Sprachen, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1951. Sprachverwandtschaft im alten Europa, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1954. Sprache und Vorzeit. *Europäische Vorgeschichte nach dem Zeugnis der Sprache*, Heidelberg : Quelle & Meyer.
1955. Die Sprache der Illyrier, Bd. I. Die Quellen, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1959. Sprachliche Aufgliederung und Sprachbewegungen im alten Europa («*Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz*». Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse, № 1), Wiesbaden.
1960. Der Flussname *Salantas* («*Beiträge zur Namenforschung*», Jg. 11 : 259—262).
1960a. Der Flussname *Apsa* («*Indogermanica*». Festschrift W. Krause, Heidelberg. C. Winter. Universitätsverlag : 44—50.
1962. Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie («*Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz*». Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse, № 5), Wiesbaden.
1964. *T*-Erweiterungen der Basis *al-/el-* in Fluss- (und Orts-)namen («*Beiträge zur Namenforschung*», Jg. 15 : 17—18).
1964a. Unsere ältesten Flussnamen, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

1968 [1957]. Indogermanisch und Alteuropäisch («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 426—454).

KRAIG B.

1978. Symbolism in burial orientations among early Indo-Europeans («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 6, № 3/4 : 149—172).

KRAUS C.

1895. Das gotische Weihnachtsspiel («*Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur*», Bd. 20 : 224—257).

KRAUSE W.

1952. Westtocharische Grammatik, I. Das Verbum («*Indogermanische Bibliothek*». Reihe 1 : Lehr- und Handbücher), Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1961. Zum Namen des Lachses («*Nachrichten der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen*», I. Philologisch-Historische Klasse, № 4, Göttingen. Vandenhoeck & Ruprecht : 83—98).

KRAUSE W., THOMAS W.

1960. Tocharisches Elementarbuch, Bd. I. *Grammatik*, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

KRETSCHMER P.

1891. Indogermanische Akzent- und Lautstudien («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 31, H. 3 : 325—472).

1927. Indra und der hethitische Gott Inaras («*Kleinasiatische Forschungen*», hrsg. von F. Sommer und H. Ehelolf, Bd. I, H. 1, Weimar: 297—317).

1943 (1944). Inder am Kuban («*Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien*». Philosophisch-Historische Klasse, 80. Jg., № I—XV : 35—42).

1951. Hettitische Relikte im kleinasiatischen Griechisch («*Abhandlungen der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*», № 25, Wien).

KROGMANN W.

1954; 1955. Das Buchenargument («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 72, H. 1/2 : 1—29, Bd. 73, H. 1/2 : 1—25).

1960. Das Lachsargument («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*», Bd. 76, H. 3/4 : 161—178).

KRONASSER H.

1962. Etymologie der hethitischen Sprache, I, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

1962a. Nachträge und Berichtigungen zu 7/1961, 140—167 (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. VIII, H. 1 : 108—113).

KUHN A.

1968 [1864]. Indische und germanische Segenssprüche («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von Rüdiger Schmitt, Darmstadt . Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 11—25).

KUHN Th. S.

1970. The structure of scientific revolutions, 2nd ed., Chicago : The University of Chicago Press, 77 («*International Encyclopedia of Unified Science*», v. II, № 2. Foundations of the Unity of Science).

KUIPER F. B. J.

1937. Die indogermanischen Nasalpräsentia. *Ein Versuch zu einer morphologischen Analyse*, Amsterdam : N. V. Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij.

1942. Notes on Vedic noun-inflection («*Mededeelingen van de Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen*», Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel 5, № 4), Amsterdam : N. V. Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij.

1946. Vedic *sádhiṣ-* : *sadhástha-* and the laryngeal umlaut in Sanskrit («*Acta Orientalia*», XX, Copenhagen : 1—12).

1947. Traces of laryngeals in Vedic Sanskrit («*India Antiqua*», Leyden: 198—212).

1948. Proto-Munda words in Sanskrit («*Verhandelingen van de Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen*», Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel 51, № 3), Amsterdam.

1955. Shortening of final vowels in the Rigveda («*Mededeelingen van de Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen*», Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel 18, № 11, Amsterdam : 253—289.

1978. [Рец. на кн.] G. Morgenstierne, Indo-Dardica («*Indo-Iranian Journal*», v. 20, № 1/2 : 99—102).

KUIPERS A. H.

1960. Phoneme and morpheme in Kabardian («*Janua Linguarum*», № 7), The Hague—Paris : Mouton.

1967. The Squamish language. *Grammar, Texts, Dictionary*, The Hague—Paris : Mouton.

1968. Unique types and phonological universals («*Pratidānam*». Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper on his Sixtieth Birthday, The Hague — Paris. Mouton : 68—

1970. Linguistic truths and true trivialities (Preprint).

1974. The Shuswap language. *Grammar, Texts, Dictionary*, The Hague—Paris : Mouton.

KUMAR G. D.
1973. The ethnic components of the builders of the Indus valley civilization and the advent of the Arians («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 1 : 66—80).

KÜMMEL H. M.
1967. Ersatzrituale für den hethitischen König («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 3), Wiesbaden : O. Harrassowitz.

KUNO S.
1974. The position of relative clauses and conjunctions («*Linguistic Inquiry*», v. V, № 1 : 117—136).

KURYŁOWICZ J.
1927. Origine indo-européene du redoublement attique («*Eos*». Commentarii Societatis Philologae Polonorum, 30 : 3—7).
1932. Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 33, fasc. 1 : 1—4).
1935. Études indo-européennes, I, Kraków («*Prace Komisji Językowej*» PAU, 18).
1956. L'apophonie en indo-européen («*Prace Językoznawcze*», 9), Wrocław : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
1958. L'accentuation des langues indo-européennes («*Prace Językoznawcze*», 17), Wrocław — Kraków : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
1960. On certain analogies and differences between the Slavonic, Gothic and Old Irish conjugations («*Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*», XIX : 117—124).
1962. Probleme der indogermanischen Lautlehre («*II Fachtagung für Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft*», Innsbruck: 107—115).
1964. The inflexional categories of Indo-European, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1965a. Indoeuropejskie perfectum w słowiańskim («*Studii z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*», t. V, Warszawa : 53—58).
1965b. Zur Vorgeschichte des germanischen Verbalsystems («*Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung*». Steinitz-Festschrift. Veröffentlichungen der Sprachwissenschaftlichen Kommission der Deutschen Akademie der Wissenschaften, *NS*, Berlin : 242—247).
1968. Indogermanische Grammatik, Bd. II. *Akzent, Ablaut*, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.
1968a. A remark on Lachmann's Law («*Harvard Studies in Classical Philology*», v. 72 : 295—299).
1970—1972. Gli aggettivi in -L- e il perfetto slavo («*Ricerche Slavistiche*», v. XVII—XIX : 323—328).
1973a. Grec κτ,χϑ, φϑ=v. ind. *kṣ*, etc. («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 68, fasc. 1 : 93—103).

1973b. Internal reconstruction («*Current Trends in Linguistics*», ed. by T. A. Sebeok, v. 11. Diachronic, Areal and Typological Linguistics, The Hague—Paris : Mouton).

1973c. Les iteratifs en *-eie/o-* en slave et en baltique («Јужнословенскиī Филолог», XXX, 1—2, Београд : 143—147).

1975. Metrik und Sprachgeschichte («*Prace Językoznawcze*», 83), Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

1977. Problèmes de linguistique indo-européenne («*Prace Językoznawcze*», 90), Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

1979. Die hethitische *ḫi*-Konjugation («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 143—146).

LABAT R.

1970. Les religions du Proche-Orient asiatique. Textes babyloniens, ougaritiques, hittites. Présentés et traduits par R. Labat, Paris: Fayard-Denoel.

LADEFOGED P.

1964. A phonetic study of West African languages, Cambridge : Cambridge University Press.

1967. Three areas of experimental phonetics, London : Oxford University Press.

1971. Preliminaries to Linguistic Phonetics, Chicago and London : The University of Chicago Press.

LAFON R.

1933. Le nom de l'argent dans les langues caucasiques («*Revue Hittite et Asianique*», t. III, fasc. 10/11 : 90—95).

LAMBERG-KARLOVSKY C. C.

1978. Proto-Elamites on the Iranian Plateau (*ANTIQUITY*. A Quarterly Review of Archaeology, v. LII, № 205 : 114—120).

LAMBERTERIE Ch. de

1978. Armeniaca I—VIII: Études lexicales («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 73, fasc. 1 : 243—285).

LANDAR H. J.

1961. A note on preferred arrangements of Navaho words («*International Journal of American Linguistics*», v. 27, № 2 : 175—177).

LANDSBERGER B.

1934. Die Fauna des alten Mesopotamien nach der 14. Tafel der Serie ḪAR.RA-ḫubullu («*Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*», Bd. XLII, № 6, Leipzig).

LANE G. Sh.

1931. Words for clothing in the principal Indo-European languages («*Language Dissertations*» published by the Linguistic Society of America, № IX. Kraus Reprint Corporation, New York, 1966).

1966. On the interrelationship of the Tocharian dialects («*Ancient Indo-European Dialects*», ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley and Los Angeles : University of California Press : 213—233).

1967. The beech argument : A re-evaluation of the linguistic evidence («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 81, H. 3/4 : 198—222).

1970. Tocharian : Indo-European and non-Indo-European relationships («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 73—88).

LANG J.

1973. The concept of Psyche : its genesis and evolution («*Acta Ethnographica*», t. 22, 1—2, Budapest: 171—193).

LAROCHE É.

1947. Recherches sur les noms des dieux hittites, Paris : Adrien Maisonneuve.

1955. Études de vocabulaire, V («*Revue Hittite et Asianique*», t. XIII, fasc. 57 : 72—106).

1955a. Divinités lunaires d'Anatolie («*Revue de l'Histoire des Religions*», № 148 : 1—24).

1957. Fragment hourrite provenant de Mari («*Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale*», t. LI, № 2 : 104—106).

1958. Comparaison du louvite et du lycien («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 53, fasc. 1 : 159—197).

1959a. Dictionnaire de la langue louvite, Paris : Adrien Maisonneuve.

1959b. L'adjectif *sarli-* 'supérieur' dans les langues asianiques («*Festschrift Johannes Friedrich*». Zum 65. Geburtstag am 27. August gewidmet, Heidelberg. C. Winter. Universitätsverlag : 291—298).

1960. Les hiéroglyphes hittites, I, Paris («*Centre National de la Recherche Scientifique*»).

1962. Un 'ergatif' en indo-européen d'Asie Mineure («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 57, fasc. 1 : 23—43).

1963. Études lexicales et étymologiques sur le hittite («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 58, fasc. 1 : 58—80).

1965a. Études de linguistique anatolienne («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXIII, fasc. 76 : 33—54).

1965b. Sur le nom grec de l'ivoire («*Revue de Philologie, de Littérature et d'Histoire Anciennes*», t. XXXIX, fasc. 1 : 56—59).

1965c. Textes mythologiques hittites en transcription, I partie. Mythologie anatolienne («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXIII, fasc. 77 : 61—178).
1966. Études de linguistique anatolienne, II («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXIV, fasc. 79 : 160—184).
1966a. Les noms des hittites, Paris : Klincksieck.
1969. Les noms anatoliens du 'dieu' et leurs dérivés («*Journal of Cuneiform Studies*», v. XXI [1967]. Special volume honoring Prof. A. Goetze, ed. by A. Sachs, Cambridge, Mass.: 174—177).
1970. Études de linguistique anatolienne, III («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXVIII : 22—71).
1971. Catalogue des textes hittites, Paris : Klincksieck.
1971a. [Рец. на] KBo XVI («*Orientalistische Literaturzeitung*», 66, № 3/4 : 147—150).
1973. Études de linguistique anatolienne («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXXI : 83—99).
1973a. Fleuve et ordalie en Asie Mineure hittite («*Festschrift Heinrich Otten*», 27. Dez. 1973, hrsg. von E. Neu, Chr. Ruster, Wiesbaden. O. Harrassowitz : 179—189).
1974. La stèle trilingue récemment découverte au Létoon de Xanthos. Le texte lycien («*Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*». Comptes rendus des séances de l'année 1974, Janvier—Mars, Paris : 115—125).
1978. Glossaire de la langue hourrite. Première partie : A— L («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXXIV, 1976).
1979. Glossaire de la langue hourrite. Deuxième partie: M—Z, Index («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXXV, 1977).

LASS R.
1974. Strategic design as a motivation for a sound shift : The rational of Grimm's Law («*Acta Linguistica Hafniensia*». International Journal of General Linguistics, v. XV, № 1 : 51—66).

LAUGHTON E.
1956. Juvenal's other elephants («*The Classical Review*», v. VI, № 3—4 : 201).

LAZZERONI R.
1962. Sibilanti indoeuropee e sibilanti ittite («*Studi e Saggi Linguistici*», v. 2. Supplemento alla Rivista «L'Italia Dialettale» : 12—22).

LEHMANN W. P.
1951. The distribution of Proto-Indo-European /r/ (*LANGUAGE*, v. 27, № 1 : 13—17).
1952. Proto-Indo-European Phonology, Austin : University of Texas Press.
1953. The conservatism of German phonology («*The Journal of English and Germanic Philology*», v. 52, № 2 : 140—152).
1956. The development of Germanic verse form, Austin : University of Texas Press and Linguistic Society of America.

1958. Introduction (В кн.: W. P. Lehmann and Takenitsa Tabusa, The alliterations of Beowulf, Austin : University of Texas Press).
1958a. On earlier stages of the Indo-European nominal inflection (*LANGUAGE*, v. 34, № 2 : 179—202).
1968. The Proto-Germanic words inherited from Proto-Indo-European which reflect the social and economic status of the speakers («*Zeitschrift für Mundartforschung*», hrsg. von L. E. Schmitt, XXXV, H. 1 : 1—25).
1969. Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European syntactic patterns («*Acta Linguistica Hafniensia*». International Journal of General Linguistics, v. XII, № 1 : 1—20).
1970. Linguistic structure as diacritic on Proto-Culture («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 1—10).
1971. On the rise of SOV patterns in New High German (In: «*Grammatik. Kybernetik. Kommunikation*». Festschrift für Alfred Hoppe, hrsg. von K. G. Schweisthal: Dümmler).
1972a. The comparative method as applied to the syntactic component of language («*Canadian Journal of Linguistics*», 17, 2 : 167—174).
1972b. Comparative linguistics and Indo-European studies («*Publications of the Modern Linguistic Association of America*», v. 87, № 5 : 976—993).
1972c. Comparative constructions in Germanic of the OV type («*Studies for Einar Haugen*». Presented by Friends and Colleagues, The Hague—Paris. Mouton : 323—330).
1973. Explanations for some syntactic phenomena of Indo-European (*GLOSSA*. An International Journal of Linguistics, v. 7, № 1 : 81—90).
1973a. A structural principle of language and its implications (*LANGUAGE*, v. 49, № 1 : 47—66).
1974. Proto-Indo-European Syntax, Austin and London : University of Texas Press.

LEJEUNE M.
1955. Les correspondances italiques de lat. *finxit* et de lat. *fēcit* («*Corolla Linguistica*». Festschrift F. Sommer zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, hrsg. von H. Krahe, Wiesbaden . O. Harrassowitz : 145—153.
1955a. Celtiberica («*Acta Salamanticensia*». Filosofía y Letras, VII, 4, Salamanca).
1958. Mémoires de philologie mycénienne. Première Série, Paris : Centre National de la Recherche Scientifique.
1967. Rapport sur le mycénien («*Atti e Memorie del I° Congresso Internazionale di Micenologia*», Roma, 27 settembre—3 ottobre 1967, Prima parte. Ed. dell' Ateneo, 1968 : 233—238).

1968. Chars et roues à Cnossos («*Minos*». Rivista di Filologia Egea, n. s., IX, fasc. 1 : 9—61).
1972. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien, Paris : Klincksieck.

LENORMAND M.
1952. The phonemes of Lifu (Loyalty Islands). *The shaping of a pattern* (*WORD*, v. 8, № 3 : 252—257).

LEONHARD W.
1911. Hettiter und Amazonen. *Die griechische Tradition über die «Chatti» und ein Versuch zu ihrer historischen Verwertung*, Leipzig—Berlin: Teubner.

LERICHE P.
1973. L'Asie centrale dans l'antiquité («*Revue des Études Anciennes*», t. LXXV, № 3—4 : 280—310).

LE ROY LADURIC
1978. Le territoire de l'historicien, Paris : Gallimard.

LEUMANN M.
1942. Idg. *sk̂* im Altindischen und im Litauischen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 58, H.1 : 1—26;H.2: 113—130).

LEVEY M.
1959. Chemistry and chemical technology in Ancient Mesopotamia, Amsterdam—London—New York—Princeton : Elsevier.

LEVI D.
1951. La dea micenea a cavallo («Studies presented to D. M. Robinson on his Seventieth Birthday», v. I, Saint Louis, Missouri : 108—125).

LÉVI-STRAUSS C.
1958. Anthropologie structurale, Paris : Plon.
1962. La pensée sauvage, Paris : Plon.
1964. Mythologiques, I. Le cru et le cuit, Paris : Plon.
1964a. Structural analysis in linguistics and anthropology («*Language in Culture and Society*». A Reader in Linguistics and Anthropology, ed. by Dell Hymes, New York, Evanston, and London. Harper & Row : 40—53).
1967. Les structures élémentaires de la parenté, 2me éd., The Hague—Paris : Mouton.

LÉVY P.
1972. Gr. thálassa 'mer'—Sanskrit taṭaka 'étang'—Siamois tha?lé 'mer' («*Langues et Technique. Nature et Société*», I, Paris : 295—300).

LEWIS H., PEDERSEN H.
1937. A concise comparative Celtic grammar, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

LEWY E.
1961. Kleine Schriften, Berlin : Akademie-Verlag.

LEWY H.
1895. Die semitischen Lehnwörter im Griechischen, Berlin : R. Gärtner.

LIBERMAN A. M.
1957. Some results of research on speech perception («*The Journal of the Acoustical Society of America*», v. 29 : 117—123).

LIEBERT G.
1957. Die indoeuropäischen Personalpronomina und die Laryngaltheorie. *Ein Beitrag zur Erforschung der Pronominalbildung*, Lund : Gleerups.

LIMET H.
1960. Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur («*Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettre de l'Université de Liège*, fasc. CLV). Société d'Édition «Belles Lettres», Paris.

LINCOLN B.
1975. Homeric λύσσα 'Wolfish Rage' (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 80 : 98—105).
1977. Death and resurrection in Indo-European thought («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 5, № 3 : 247—264).
1980. The ferryman of the dead («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 8, № 1/2 : 41—59).

LINDEMAN F. O.
1970. Einführung in die Laryngaltheorie, Berlin : W. de Gruyter.
1979. Remarques sur la flexion des verbes du type de *teḫḫi* en hittite («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 153—157).
1982. The triple representation of Schwa in Greek and some related problems of Indo-European phonology, Oslo — Bergen—Tromsø : Universitetsforlaget.

LINDEMANN J. W. B.
1970. Old English preverbal *ge-*: its meaning, Charlottesville : The University Press of Virginia.

LITTAUER M. A.
1977. Rock-carvings of chariots in Transcaucasia, Central Asia and Outer Mongolia («*Proceedings of the Prehistoric Society*», v. XLIII, London : 243—262).

LITTAUER M. A., CROUWEL J. H.

1974. Terra cotta models as evidence for vehicles with tilts in the Ancient Near East («*Proceedings of the Prehistoric Society*», v. XL: 20—37).

1977. Chariots with Y-poles in the Ancient Near East («*Deutsches Archäologisches Institut*». Archäologischer Anzeiger, H. 1, Berlin: W. de Gruyter & Co.: 1—7).

LITTLETON C. S.

1970. Is the 'Kingship in Heaven' theme Indo-European? («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press: 383—404).

1973. The new comparative mythology. *An anthropological assessment of the theories of Georges Dumézil*, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

LLOYD G. E.

1962. Right and left in Greek philosophy («*The Journal of Hellenic Studies*», v. LXXXII: 56—66).

1966. Polarity and Analogy: Two types of argumentation in early Greek thought, Cambridge: Cambridge University Press.

LLOYD S.

1961. Melting pot of peoples. The early settlement of Anatolia («*The Dawn of Civilization*». The first world survey of human cultures in early times, ed. by S. Piggott, London. Thames and Hudson, Ltd.: 161—194).

LOCKER E.

1955. Der sprachliche Ausdruck der Negation («*Istituto Lombardo di Scienze e Lettere*». Rendiconti. Classe di Lettere e Scienze Morali e Storiche, v. LXXXVIII: 539—564).

LOEWE R.

1936. Die Vierzahlweise der Indogermanen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 54, H. 3: 190—205).

LOHMANN J.

1932. Genus und Sexus. *Eine morphologische Studie zum Ursprung der indogermanischen nominalen Genusunterscheidung* (Ergänzungshefte zur «*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*», № 10, Göttingen).

LOMMEL H.

1912. Studien über indogermanische Femininbildungen. Diss., Göttingen.

LOUNSBURY F. G.
1964. A formal account of the Crow- and Omaha-type kinship terminologies («*Explorations in Cultural Anthropology*». Essays in honor of G. P. Murdock, ed. by Goodenough, New York — San Francisco—Toronto—London. Mc Graw-Hill : 351—393).

LÜDERS H.
1951, I; 1959, II. Varuṇa. Aus dem Nachlass herausgegeben von L. Alsdorf; I. Varuṇa und die Wässer; II. Varuṇa und das Ṛta, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

LUNT H. G.
1952. Grammar of the Macedonian literary language, Skopje: Државно Кн-во на НР Македонија.

LUSCHAN F. von
1911. The early inhabitants of Western Asia («*The Huxley Memorial Lecture for 1911*), London.

McKAY J. W.
1973. Further light on the horses and chariot of the Sun in the Jerusalem temple («*Palestine Exploration Quarterly*», 105 : 167—169).

MACKENZIE D. N.
1971. A concise Pahlavi dictionary, London : Oxford University Press.
1976. The Buddhist Sogdian texts of the British Library («*Acta Iranica*». Textes et Mémoires, III, Leiden : E. J. Brill)

MAC KNIGHT G. H.
1897. The primitive Teutonic order of words («*The Journal of Germanic Philology*», v. 1, № 2 : 136—219).

McLENDON S.
1978. Ergativity, case and transitivity in Eastern Pomo («*International Journal of American Linguistics*», v. 44, № 1 : 1—9).

MADDIESON I.
1974. A note on tone and consonants («*The Tone Tome*». Studies on tone from the UCLA : Tone project. «Working Papers in Phonetics», 27, Los Angeles : 18—27).

MAGNUSSON W. L.
1967. Complementary distributions among the root patterns of Proto-IE (*LINGUISTICS*. An International Review, v. 34 : 17—25).

MALINOWSKI T.
1974. The question of a Northern Proto-Illyrian borderland («*The Journal of Indo-European Studies*», v. II, № 3 : 213—222).

MALLORY J. P.
1973. A short history of the Indo-European problem («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 1 : 21—65).

1976. The chronology of the early Kurgan tradition («*The Journal of Indo-European Studies*», v. IV, № 4 : 257—294).
1977. The chronology of the early Kurgan tradition : Part two («*The Journal of Indo-European Studies*», v. V, № 4 : 339—368).

MAŃCZAK W.
1960. Origines de l'apophonie *e/o* en indo-européen (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 9, № 3 : 277—287).

MANESSY-GUITTON J.
1970. Recherches sur la formation de skr. *duhitár-* («*Actes du Xe Congrès International des Linguistes*», IV, Bucarest : 659—665).

MANN S. E.
1948. An historical Albanian—English dictionary, London — New York—Toronto : The British Council.
1963. Armenian and Indo-European (*Historical Phonology*), London: Luzac & Co., Ltd.
1968. Die Urheimat der «Indoeuropäer». *Sprachwissenschaftliche Zeugnisse* («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 224—255).

MANNHARDT W.
1875. Die lettischen Sonnenmythen («*Zeitschrift für Ethnologie*». Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Bd. 7 : 73—104).

MANSIKKA V.
1921. Die Religion der Ostslaven, I, Helsingfors : Suomalainen tiedeakatemia.

MARSTRANDER C. J. S.
1924. Observations sur les présents indo-européens à nasale infixés en celtique («*Videnskapsselskapets Skrifter*», II. Hist.-Filos. Klasse, № 4, Christiania).

MARTINET A.
1950. Some problems of Italic consonantism (*WORD*, v. 6, № 1 : 26—41).
1953a. Non-apophonic *o*-vocalism in Indo-European (*WORD*, v. 9 : № 3 : 253—267).
1953b. Remarques sur le consonantisme sémitique («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 49, fasc. 1 : 67—78).
1955. Économie des changements phonétiques. *Traité de phonologie diachronique*, Berne : Francke.
1956. Linguistique structurale et grammaire comparée («*Travaux de l'Institut de Linguistique*», t. 1, Paris : 7—21).
1957. Les "laryngales" indo-européens («*Reports for the Eighth International Congress of Linguists*», Oslo, 1957 (перепечатано в «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists», Oslo, 1958).

MASSON E.

1967. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en Grec, Paris: Klincksieck.

MASSON O.

1962. Les fragments du poète Hipponax. *Édition critique et commentée* (Études et Commentaires, 43), Paris: Klincksieck.

MASTRELLI C. A.

1958. Le innovazioni nel mondo indoeuropeo («*Archivio Glottologico Italiano*», v. XLIII, Firenze: 1—17).

1976. La denominazione indoeuropea dell' «ulna» («*Scritti in onore di Guiliano Bonfante*», v. I, Brescia. Paideia Editrice: 447—471).

MATISOFF J. A.

1970. Glottal dissimilation and the Lahu high-rising tone: *a tonogenetic case-study* («*Journal of the American Oriental Society*», v. 90, № 1: 13—43).

MATOLCSI J.

1973. Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere («Internationales Symposion in Budapest», 1971, hrsg. von J. Matolcsi), Budapest: Akadémiai Kiadó.

MATTHEWS G. H.

1965. Hidatsa syntax, The Hague — Paris: Mouton.

MATTSON E.

1911. Études phonologiques sur le dialecte arabe vulgaire de Beyrouth (2me éd.), Upsal: Appelberg.

MAYER A.

1957—1959. Die Sprache der alten Illyrier, Bd. I u. II («*Österreichische Akademie der Wissenschaften*». Philosophisch-Historische Klasse. Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung, Wien).

MAYRHOFER M.

1952. Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende («*Studien zur Indogermanischen Grundsprache*», Wien: 39—55).

1953. Sanskrit-Grammatik, Berlin: Göschen.

1956—1976: 1956, Bd. I; 1963, Bd. II; 1976, Bd. III. Kurzgefaßtes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.

1966. Die Indo-Arier im alten Vorderasien, Wiesbaden: O. Harrassowitz.

1968. Die Rekonstruktion des Medischen, Wien («*Österreichische Akademie der Wissenschaften*»).

1973. Onomastica Persepolitana. *Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen*, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

1974. Die Arier im Vorderen Orient — ein Mythus? («*Österreichische Akademie der Wissenschaften*». Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte, Bd. 294, Abhandlung 1, Wien).

1974a. Ein neuer Beleg zu der indogermanischen Sippe für «Halsschmuck» («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck: 289—291).

1977. Zum Namengut des Avesta, Wien : *Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.*

1979. Die altiranischen Namen (*IRANISCHES PERSONENNAMENBUCH*), hrsg. von M. Mayrhofer, Bd. 1, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

1979a. Ausgewählte kleine Schriften (*hrsg. von S. Deger-Jalkotzy und R. Schmitt*), Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag.

1983. Sanskrit und die Sprachen Alteuropas. *Zwei Jahrhunderte des Widerspiels von Entdeckungen und Irrtümern* («Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen». Philol.-Hist. Klasse, № 5, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht).

MAŽIULIS V.

1966—1981. Prūsų Kalbos Paminklai, I—II, Vilnius : «Mokslas».

1970. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija), Vilnius : «Mintis».

MEID W.

1963. Die indogermanischen Grundlagen der altirischen absoluten und konjunkten Verbalflexion, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

1971. Das germanische Präteritum. *Indogermanische Grundlagen und Ausbreitung im Germanischen* («Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft», hrsg. von W. Meid, Bd. 3, Innsbruck).

1974. Dichtkunst, Rechtspflege und Medizin im alten Irland. *Zur Struktur der altirischen Gesellschaft* («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 21—34).

1976. Zur Etymologie des Wortes für "Mensch" im Irischen («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 173—179).

1977. Keltisches und indogermanisches Verbalsystem («*Indogermanisch und Keltisch*». Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft am 16. und 17. Februar 1976 in Bonn, hrsg. von K. H. Schmidt, Wiesbaden. Dr. Ludwig Reichert Verlag : 108—131).

1978. Dichter und Dichtkunst in indogermanischer Zeit. *Einige allgemeine Gedanken zum Problem der indogermanischen Dichtersprache und der sprachlichen Tradition überhaupt*, Innsbruck («Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft»).

MEILLET A.

1906. Les alternances vocaliques en vieux-slave («*Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*», t. 14 : 193—209; 332—390).

1912. Avestique *zrazdā* («*Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*», t. 18 : 60—64).

1922. Les dialectes indo-européens, 2me éd, Paris : Champion.

1923. Les origines indo-européennes des mètres grecs, Paris : Presses Universitaires de France.

1926. Caractères généraux des langues germaniques, 3me éd., Paris (5me éd. rev. — 1937, Paris : Hachette).

1931a. Caractère secondaire du type thématique indoeuropéen («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 32, fasc. 1 : 194—202).

1931b. Av. TKAEŠA («*Studia Indo-Iranica*». Ehrengabe W. Geiger, Leipzig : 234—237).

1931c. Essai de chronologie des langues indo-européennes. *La théorie du féminin* («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 32, fasc. 1 : 1—28).

1934. Le slave commun (2me éd., rev. et augm. avec le concours de A. Vaillant), Paris : Champion.

1936. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne : Imprimerie des pp. mekhitharistes.

1937. Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes, 8me éd., Paris : Hachette.

1948. Linguistique historique et linguistique générale, I, Leiden: E. J. Brill.

MEISSNER R.

1916. Die Zunge des Grossen Mannes («*Anglia*», v. XL : 375—393).

MELCHERT H. C.

1973. Hittite ḫaššа- ḫanzašša- («*Revue Hittite et Asianique*», t. XXXI : 57—70).

1980. The Hittite word for 'son' (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 85 : 90—95).

MELLAART J.

1958. The end of Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean («*American Journal of Archaeology*», v. 62, № 1 : 9—35).

1965. Earliest civilizations of the Near East, London : Thames and Hudson, Ltd.

1965a. Anatolia circa 4000—2300 B. C. («*Cambridge Ancient History*», Cambridge : Cambridge University Press.

1966. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia, Beirut : Khayats.

1967. Çatal Hüyük. *A neolithic town in Anatolia*, London : Thames & Hudson.

1970. Excavations at Hacilar, Edinbourgh : University Press.

1975. The neolithic of the Near East, London : Thames & Hudson.

1981. Anatolia and the Indo-Europeans («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 9, № 1 and 2 : 135—173).

MELLINK M. J.

1976. Archaeology in Asia Minor («*American Journal of Archaeology*», v. 80, № 3 : 261—289).

MELZIAN H.

1955. Zum Festkalender von Benin («*Afrikanische Studien*», hrsg. von J. Lukas, Berlin : 87—107).

MERIGGI P.

1953. I miti di Kumarbi, il Kronos currico (*ATHENAEUM*. Studi Periodici di Letteratura e Storia dell' Antichità, n. s., v. XXXI. Studi offerti dai discepoli al Prof. P. Fraccaro, Pavia : 101—157).

1957. Testi luvii (*ATHENAEUM*, v. XXXV, fasc. I—II : 56—77).

1966—1975. Manuale di eteo geroglifico : p. I. Grammatica (1966); p. II. Testi (1967, 1975); Tavola (1975), Roma : Ed. dell' Ateneo.

MERLINGEN W.

1962. Zum Vorgriechischen («*Linguistique Balkanique*», IV : 25—55; V. 2 : 5—44), Sofia : Académie Bulgare des Sciences.

1968. Zum Ausgangsgebiet der indogermanischen Sprachen («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 409—413).

1978. Zur Problematik der sogenannten Implosive (*PHONETICA*, 35 : 241—283).

MERPERT N.

1977. Comments on «The chronology of the early Kurgan tradition» («*The Journal of Indo-European Studies*», v. V, № 4 : 373—378).

MEYER R. M.

1909. Verba pluralia tantum (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde, Bd. 24, H. 3/4 : 279—288).

MILEWSKI T.

1960. Similarities between the Asiatic and American Indian languages («*International Journal of American Linguistics*», v. 26, № 4 : 265—274).

1964. Nazwy z obszaru Polski podejrzane o pochodzenie wenetykskie lub iliryjskie («*Slavia Antiqua*», XI. Poznań : 37—86).

1967. Phonological typology of American Indian languages («*Études Typologiques sur les Langues Indigènes de l'Amérique*»), Kraków : Prace Komisji Orientalistycznej.

1969. Indoewropejskie imiona osobowe («Polska Akademia Nauk». Prace Komisji Językoznawstwa, № 18. Wrocław — Warszawa — Kraków).

MILLER D. G.

1968. Traces of Indo-European metre in Lydian («*Studies Presented to Professor Roman Jakobson by his Students*». Slavica Publishers, Inc., Cambridge, Mass.: 207—221).

1975. Indo-European : VSO, SOV, SVO, or all three? (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 37 : 31—52).

1977. Bartholomae's Law and an IE root structure constraint («*Studies in Descriptive and Historical Linguistics*». Festschrift for Winfred P. Lehmann, ed. by Paul J. Hopper, Amsterdam : John Benjamins B. V.: 365—392).

1977a. Some theoretical and typological implications of an IE root structure constraint («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 5, № 1 : 31—40).

1977b. Grassmann's Law reordered in Greek? («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 91, H. 1 : 131—158).

MILLER R. A.

1971. Japanese and the other Altaic languages, Chicago & London : The University of Chicago Press.

MILNER G. B.

1971. Fijian and Rotuman («*Current Trends in Linguistics*», ed. by T. A. Sebeok, v. 8. Linguistics in Oceania, The Hague — Paris. Mouton : 397—425).

MINISSI N.

1970. Come utilizzare la documentazione finnougristica nella linguistica indoeuropea. 2. Un presunto protobaltico *ŏ («*Euroasiatica*». Folia Philologica AION-SI Suppleta, Napoli : Istituto Universitario Orientale).

MÖLLER H.

1911. Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

MONIER-WILLIAMS M.

1976 [1899]. A Sanskrit—English Dictionary. *Etymologically and Philologically Arranged*, Delhi—Varanasi—Patna : Motilal Banarsidass.

MORENZ S.

1950. Ägypten und altorphische Kosmogonie («*Aus Antike und Orient*», Leipzig : 64—103).

MORGENSTIERNE G.

1929. The language of the Ashkun Kafirs («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 2 : 192—289).

1929—1938. Indo-Iranian Frontier Languages («*Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning*, Ser. B, Skrifter, XI), v. I—II, Oslo: H. Aschehoug.

1934. Additional notes on Ashkun («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 7 : 116—120).

1942. Avestan phonology («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 12 : 30—82).

1945. Indo-European *ḱ* in Kafiri («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 13 : 225—238).

1949. The language of the Prasun Kafirs («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 15 : 188—334).

1954. The Waigali language («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 17 : 146—324).

1975. Ancient contacts between North-East Iranian and Indo-Aryan? («*Mélanges Linguistiques offerts à Émile Benveniste*». Société de Linguistique de Paris, LXX, Louvain. Édition Peeters : 431—434).

MORPURGO A. (MORPURGO DAVIES A.)

1963. Mycenaeae Graecitatis Lexicon («*Incunabula Graeca*», v. III), Romae in Aedibus Athenaei.

1967. The treatment of **ṛ* and **ḷ* in Mycenaean and Arcado-Cyprian («*Atti e Memorie del I° Congresso Internazionale di Micenologia*», Roma, 27 settembre—3 ottobre 1967, Prima parte. Ed. dell' Ateneo, 1968 : 281—302).

MOSCATI S., SPITALER A., ULLENDORF E., SODEN W. von

1980. An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages. *Phonology and Morphology*, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

MÜHLENBACH K., ENDZELIN J.

1923—1932. Lettisch-deutsches Wörterbuch. *Redigiert, ergänzt und fortgesetzt* von J. Endzelin, Bd. I—IV, Riga : Lettisches Bildungsministerium.

MUHLY J. D.

1974. Hittites and Achaeans : Aḫḫijawā redomitus («*Historia*», Bd. XXIII, H. 2 : 129—145).

MÜLLER F.

1882. Grundriss der Sprachwissenschaft, Bd. II. *Die Sprachen der schlichthaarigen Rassen*, II. Abt., Wien : Alfred Hölder.

NAGEL W.

1963. Frühe Tierwelt in Südwestasien («*Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*», Bd. 21 [55] : 169—222).

NAGY G.

1970. Greek dialects and the transformation of an Indo-European process, Cambridge : Harvard University Press.

1974. *Perkūnas* and *Perunъ* («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 113—131).

1974a. Comparative studies in Greek and Indic meter («*Harvard Studies in Comparative Literature*», v. 33), Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

NARAYAN RAM ACHARYA

1946. *The Manusmṛti*. With commentary, Manvarthamuktāvali of Kullūka. 10th ed., with critical and explanatory notes, etc., Bombay: «Kāvyatīrtha».

NARTEN J.

1964. Die sigmatischen Aoriste im Veda, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

NEČÁSEK L.

1957. Staroslověnské dativní vazby participiální a jejich předlohy v řeckém textu evangelií («*Slavia*», ročník XXVI, Praha, sešit 1 : 13—30).

NECKEL G.

1962. Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern, hrsg. von Gustav Neckel, I. Text. Vierte umgearbeitete Auflage von H. Kuhn, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

NEHRING A.

1935. Studien zur indogermanischen Kultur und Urheimat («*Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik*», IV).

1940. A neglected heteroclytic noun (*LANGUAGE*, v. 16, № 1 : 1—11).

1959. Idg. **mari*, **mori* («Festschrift F. R. Schröder», Heidelberg: 122—138).

NEU E.

1968. Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H.6), Wiesbaden : O. Harrassowitz.

1974. Der Anitta-Text («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 18), Wiesbaden : O. Harrassowitz.

1976. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalsystems («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 239—254).

1979. Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 177—196).

1980. Hethit. *man(n)inkuua-* 'nahe' (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 85 : 81—89).

NEUMANN G.

1957. Zur Sprache der kretischen Linearschrift A (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. XXXVI, H. 1/2 : 156 — 158).

1961. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit, Wiesbaden: O. Harrassowitz.

1969. Lykisch («*Handbuch der Orientalistik*», hrsg. von B. Spuler, 1. Abt. : Der Nahe und der Mittlere Osten; 2. Bd., 1. und 2. Abschnitt, Lief. 2 : Altkleinasiatische Sprachen, Leiden/Köln. E. J. Brill : 358—396).

1974. Hethitisch *nega-* 'die Schwester' («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 279—283).

1974a. Beiträge zum Lykischen, V (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. XX : 109—114).

NEUNINGER H., PITTIONI R., SIEGL W.

1964. Frühkeramische Kupfergewinnung in Anatolien («*Archaeologia Austriaca*», H. 35 : 98—110).

NEUSTUPNÝ E.

1970. The accuracy of radiocarbon dating. «Radiocarbon Variations and Absolute Chronology» («*Proceedings of the Twelfth Nobel Symposium held at the Institute of Physics at Uppsala University*», ed. by I. U. Olsson, Stockholm : 23—34).

NILSSON M. P.

1911. Primitive time reckoning. A study in the origins and first development of the art of counting time among the primitive and early culture peoples, Lund : Gleerups.

NOBIS G.

1955. Beiträge zur Abstammung und Domestikation des Hauspferdes nach Studien an ur- und frühgeschichtlichen Funden Nordwest- und Mitteldeutschlands («*Zeitschrift für Tierzüchtung und Züchtungsbiologie*», Bd. LXIV : 201—245).

1971. Vom Wildpferd zum Hauspferd («*Fundamenta*», Bd. 6), Köln.

NOBLE D.
1969. The Mesopotamian onager as a draught animal («*The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*», ed. by Ucko P. J. and Dimbleby G. W., London. Duckworth : 485—488).

ORMIER R.
1977 Idg. Konsonantismus, germ. «Lautverschiebung» und Vernersches Gesetz («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 91, H. 2 : 171—217).
1980. Tocharisch *ñkät/ñakte* 'Gott' («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2 : 251—281).
1980a. Nochmals zu **sor-* (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 85 : 43—80).

ANCEA A.
1976. Branches de mors au corps en forme de disque («*Thraco-Dacica*». Recueil d'études à l'occasion du IIe Congrès International de Thracologie, Bucarest, 4—10 septembre 1976, éd. par Preda C., Vulpe A., Poghirc C., Bucureşti. Editura Academiei R. S. România : 59—75).

EENHUBER K.
1974. Der Kyklop Polyphem in altorientalischer Sicht («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 147—153).

ETTINGER N. von
1976. Die militärischen Eide der Hethiter («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 22), Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1979. Die Stammbildung des hethitischen Verbums («*Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kulturwissenschaft*», № 64), Nürnberg : Verlag Hans Carl.
1980. Die *n*-Stämme des Hethitischen und ihre indogermanischen Ausganspunkte («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2 : 44—63).

LAHERTY A.
1978. Contributions to an equine lexicology with special reference to frogs («*Journal of the American Oriental Society*», v. 98, № 4 : 475—478).

LBERG H.
1978. Zwei oder drei Gutturalreihen? Vom Albanischen aus gesehen («*Scritti in onore di Giuliano Bonfante*», v. II, Brescia : Paideia Editrice : 561—570).

ONDRUŠ Š.

1966. Die Bedeutung der statistischen Methode für die Rekonstruktion. *Zur Frage der Liquiden im Urindogermanischen* (*KRATYLOS*. Kritisches Berichts- und Rezensionsorgan für Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft, Jg. XI, H. 1/2 : 107—111).

1968. Die ursprüngliche morphematische Struktur der indoeuropäischen Benennung des Mondes und des Monates («*Recueil Linguistique de Bratislava*», II : 192—198).

ONIANS R. B.

1954. The origins of European thought. *About the body, the mind, the soul, the world time, and fate*, Cambridge : The University Press.

ONIONS C. T., Ed.

1966. The Oxford Dictionary of English Etymology, Oxford : At the Clarendon Press.

ORR C., LONGACRE R. E.

1968. Proto-Quechumaran (*LANGUAGE*, v. 44, № 3 : 528—555).

OSTHOFF H.

1881. Die Tiefstufe im Indogermanischen («*Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», von H. Osthoff und K. Brugmann, Leipzig, Bd. 5 : 1—406).

1901. Etymologische Parerga, Teil 1, Leipzig : Hirzel.

OTRĘBSKI J.

1967. Die von dem indoeuropäischen Reflexivpronomen **se*, **seɣe*, **sɣe* u. s. w. abgeleiteten Verwandtschaftsnamen («*Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie*». *Julius Pokorny zum 80. Geburtstag gewidmet*, hrsg. von W. Meid, Innsbruck : 73—77).

OTTEN H.

1942. Die Überlieferungen des Telipinu-Mythus («*Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft*», 46, 1), Leipzig.

1951. Pirva — der Gott auf dem Pferde («*Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*». Internationale Orientalistische Zeitschrift, Bd. 2, H. 1 : 62—73).

1953. Die inschriftlichen Funde (Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Boğazköy im Jahre 1952. «*Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*», 86).

1953a. Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. *Untersuchung der Luvili-Texte*, Berlin : Akademie-Verlag.

1958. Hethitische Totenrituale, Berlin : Akademie-Verlag.

1969. Sprachliche Stellung und Datierung des Madduwatta-Textes («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 11), Wiesbaden : O. Harrassowitz.

1973. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 17), Wiesbaden : O. Harrassowitz.

OTTEN H., SOUCEK V.
1969. Ein althethitisches Ritual für das Königspaar («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 8), Wiesbaden : O. Harrassowitz.

PAGE R. I.
1968. The Old English rune *eoh, îh* 'yew-tree' («*Medium Aevum*», v. XXXVII, № 2 : 125—136).

PALMAITIS L.
1979. Proto-Indo-European vocalism and the development of the Indo-European declensional models (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 84 : 17—48).

PALMER L. R.
1950. The Indo-European origins of Greek justice («*Transactions of the Philological Society*», London : 149—168).
1955. Achaeans and Indo-Europeans, Oxford : Oxford University Press.
1956. The concept of social obligation in Indo-European. *A Study in structural semantics* («*Hommage à Max Niedermann*». Collection Latomus, v. XXIII, Bruxelles : 258—269).
1965. Mycenaeans and Minoans. *Aegean prehistory in the light of the linear B tablets* (2nd ed., substantially revised and enlarged), New York: Alfred A. Knopf.
1974. Arya-. A homological sketch («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 11—19).

PANDIT P. B.
1957. Nasalisation, aspiration and murmur in Gujarati («*Indian Linguistics*». Journal of the Linguistic Society of India, v. 17 : 165—172).

PARSONS F. W.
1970. Is Hausa really a Chadic language? Some problems of comparative phonology («*African Language Studies*», v. 11 : 272—288).

PAUL H.
1953. Mittelhochdeutsche Grammatik, 16. Aufl., Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag.
1956. Deutsches Wörterbuch, Bd. I u. II, 5. Aufl., Halle (Saale) : VEB Max Niemeyer Verlag.

PEDERSEN H.
1899. Die Gutturale im Albanesischen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 36 [N.F., Bd. XVI], H. 3 : 277—340).

1904. Armenisch und die Nachbarsprachen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 39, H. 2 : 334—484).
1905. Neues und Nachträgliches («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 40, H. 2 : 129—217).
1921. The Lepontian personal names in *-alo-* («*Philologica*», 1 : 38—54).
1926. La cinquième déclinaison latine («*Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab*». Hist.-filol. Meddelelser, XI, 5, København).
1933. Zur Frage nach der Urverwandtschaft des Indo-europäischen mit dem Ugro-finnischen («*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*», 68 : 308—325).
1938. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen («*Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab*». Hist.-filol. Meddelelser, XXV, 2, København).
1945. Lykisch und Hittitisch («*Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab*». Hist.-filol. Meddelelser, XXX, 4, København).
1947. Hittite dalagnula and barganula («*Journal of Cuneiform Studies*», v. I, № 1 : 60—64).
1950. Eine tocharische Frage («*Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*», 1 : 103—104).
1951. Die gemeinindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschusslaute («*Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab*». Hist.-filol. Meddelelser, XXXII, 5, København).

PEDLEY J. P.
1974. Carians in Sardis («*The Journal of Hellenic Studies*», v. XCIV : 86—99).

PEETERS Ch.
1973. The word for 'dog' and the sequence *wH + consonant in Indo-European (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 78 : 85—77).
1974. Gothic *kaurus*, Sanskrit *guruḥ*, Greek βαρύς (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*, Bd. 79 : 33—34).
1974a. Die indogermanische Grundform für 'Nacht' (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*, Bd. 79 : 31—32).

PERCIVAL W. K.
1976. The applicability of Kuhn's paradigms to the history of linguistics (*LANGUAGE*, v. 52, № 2 : 285—294).

PERKINS D.
1973. The beginnings of animal domestication in the Near East («*American Journal of Archaeology*», v. 77, № 3 : 279—282).

PERUZZI E.
1970. Origini di Roma, I. La famiglia, Firenze : Walmartina Editore.

PETERS M.
1980. Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen, Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

PETERSEN W.
1938. The evidence of schwa secundum in Latin and Greek (*LANGUAGE*, v. 14, № 1 : 39—59).

PETERSON G., SHOUP J.
1966. A physiological theory of phonetics («*Journal of Speech and Hearing Research*», 9 : 6—67).

PETTINATO G.
1975. Testi cuneiformi del 3. millennia in paleocananeo rinvenuti nella campagna 1974 a Tell Mardikh=Ebla (*ORIENTALIA*. Commentarii Periodici Pontificii Instituti Biblici,v. 44,fasc. 3 : 361—374).
1980. Testi amministrativi della biblioteca L. 2769, parte I («*Materiali Epigrafici di Ebla*», II, Napoli : Istituto Universitario Orientale di Napoli).

PFISTER R.
1983. Zur gefälschten Maniosinschrift (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. LXI, H. 1/2 : 105—118).

PHELPS E., BRAME M. K.
1973. On local ordering of rules in Sanskrit (*LINGUISTIC INQUIRY*, v. IV, № 3 : 387—400).

PICTET A.
1859—1863. Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs. *Essai de paléontologie linguistique*, I, II, Paris—Genève : Cherbuliez (2me éd. revue et augmentée, t. 1—3, Paris : Sandoz et Fischbacher, 1877).

PIGGOTT S.
1968. The beginnings of the wheeled transport («*Scientific American*», v. 219, № 1).
1969. The earliest wheeled vehicles and the Caucasian evidence («*Proceedings of the Prehistoric Society*», v. XXXIV, London).
1974. Chariots in the Caucasus and in China (*ANTIQUITY*. A Quarterly Review of Archaeology, v. XLVIII, № 189 : 16—24).
1979. The first wagons and carts : twenty five years later («*University of London Bulletin of the Institute of Archaeology*», № 16, London: Published at the Institute : 3—17).

PILCH H.
1968. Phonemtheorie, I (2. Aufl.), Basel : S. Karger.

PINNOW H.-J.
1964. Die Nordamerikanischen Indianersprachen. *Ein Überblick über ihren Bau und ihre Besonderheiten*, Wiesbaden: O. Harrassowitz.

PISANI V.
1940. Note di fonetica e morfologia greche («*Rendiconti. Istituto Lombardo di Scienze e Lettere*», v. LXXIII : 485—539).

1949. Glottologia indoeuropea, Torino: Rosenberg & Sellier.
1951. 'Uxor'. Ricerche di morfologia indoeuropea («*Miscellanea Galbiati*», t. 3 : 1—38).
1956. Slawische Miszellen («*For Roman Jakobson*», The Hague—Paris. Mouton : 390—394).
1957. Due comparazioni indo-latine («*Rivista degli Studi Orientali*», v. XXXII, p. II : 765—768).
1957a. [Рец. на кн.] R. Birwé. Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem. Walldorf-Hessen, 1956 («*Archivio Glottologico Italiano*», v. XLI, fasc. 2 : 151—165).
1957b. Sur *loquor* et sur quelques *-qu-* latins de *-p-* («*Latomus*». Revue d'Études Latines, t. XVI, fasc. 4 : 581—587).
1959. Saggi di Linguistica Storica. *Scritti scelti*, Torino: Rosenberg & Sellier.
1959a. L'albanais et les autres langues indo-européennes («*Saggi di Linguistica Storica*». *Scritti scelti*, Torino : 96—114).
1959b. Lexikalische Beziehungen des Albanischen zu den anderen indogermanischen Sprachen («*Saggi di Linguistica Storica*». Scritti scelti, Torino : 115—136).
1966. Entstehung von Einzelsprachen aus Sprachbünden (*KRATYLOS*. Kritisches Berichts- und Rezensionsorgan für Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft, Jg. XI : 125—141).

PLANHOL X. de
1963. Geographia pontica, II. Les Khalybes : nom de peuple ou qualification professionnelle ? (*JOURNAL ASIATIQUE*, t. 251, fasc. 3—4 : 298—309).

PLASSMANN J. O.
1961. AGIS. Eine Untersuchung an Wörtern, Sachen und Mythen («*Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur*». Sonderband E. Karg-Gasterstädt zum 75. Geburtstag gewidmet, Halle [Saale] : 93—135).

POETTO M.
1973. Due note lessicali etee («*Paideia*», anno 28, № 3—4 : 175—178).
1976. Una corrispondenza eteo-tocarica («Scritti in onore di Giuliano Bonfante», v. II, Brescia. Paideia Editrice : 717—721).
1976a. Di alcune parole indoeuropee per 'grano' («*Accademia Nazionale dei Lincei*». Rendiconti della Classe di Scienze Morali, Storiche e Filologiche, ser. VIII, v. XXXI, fasc. 3—4, Roma 1977 : 151—163).
1979. Some parts of the body and secretions in Hittite («*Hethitisch und Indogermanisch*». Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 205—208).

POGHIRC C.

1976. Thrace et daco-mésien: langues ou dialectes («*Thraco-Dacica*». Recueil d'études à l'occasion du IIe Congrès International de Thracologie, Bucarest, 4—10 septembre 1976, éd. par Preda C., Vulpe A., Poghirc C., Bucureşti. Editura Academiei R. S. România: 334—347).

POHL H. D.

1977. Slavisch und Lateinisch («*Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft*», Beiheft 3), Klagenfurt.

POKORNY J.

1959. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bd. I u. II, Bern—München : Francke Verlag.

POLOMÉ E.

1953. L'étymologie du terme germanique *ansuz 'dieu souverain' («*Études Germaniques*», 8 : 36—44).

1954. A propos de la déesse Nerthus («*Latomus*». Revue d' Études Latines, t. XIII, fasc. 2. Hommage au Professeur J. Hammer : 167—200).

1965. The laryngeal theory so far. A critical bibliographical survey («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton : 9—78).

1966. The position of Illyrian and Venetic («*Ancient Indo-European Dialects*», ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley and Los Angeles. University of California Press: 59—76).

1970. The Indo-European component in Germanic religion («*Myth and Law among the Indo-Europeans*». Studies in Indo-European Comparative Mythology, ed. by J. Puhvel, Berkeley, Los Angeles, London : University of California Press : 55—82).

1973. Reflexes of laryngeals in Indo-Iranian. Preprint (to be published in a volume honoring Prof. Lee M. Hollander).

1975. Old Norse religious terminology in Indo-European perspective («*The Nordic Languages and Modern Linguistics*», 2, Stockholm: 654—665).

1982. «The Indo-Europeans in the fourth and third millennia», ed. by Edgar C. Polomé. *Preface.* Ann Arbor : Karoma Publishers, Inc.

POPE J. C.

1966. The rythm of Beowulf. An interpretation of the Normal and Hypermetric Verse-Forms in Old English Poetry, New Haven & London : Yale University Press.

POPKO M.

1974. Kult świętego runa w hetyckej Anatolii («*Przegląd Orientalistyczny*», № 3 : 220—230).

1978. Kultobjekte in der hethitischen Religion (nach keilschriftlichen Quellen), Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

POPPE N.
1954. Ein altes Kulturwort in den altaischen Sprachen («*Studia Orientalia*», edidit Societas Orientalis Fennica, v. XIX, 5, Helsinki, 1953 : 23—25).

PORZIG W.
1968. Das Rätsel der Sphinx («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von R. Schmitt, Darmstadt . Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 172—176).

POSTAL P. M.
1968. Aspects of phonological theory, New York : Harper & Row.

POTRATZ H. A.
1938. Das Pferd in der Frühzeit, Rostock: Hinstorff.

POUCHA P.
1955. Thesaurus Linguae Tocharicae Dialecti A, Praha : Státní Pedagogické Nakladatelství.

POULTNEY J. W.
1959. The bronze tables of Iguvium («*Philological Monographs Published by the American Philological Society*», № 18. Philadelphia).
1976. A problem of zero-grade vocalism («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid. Innsbruck : 285—298).

PROKOSCH E.
1939. A comparative Germanic Grammar, Philadelphia (University of Pennsylvania).

PROSDOCIMI A. L.
1972. Venetica («*Studi Etruschi*», XL: 193—245).

PUHVEL J.
1955. Vedic aśvamedha and Gaulish iiPOmiiDVos (*LANGUAGE*, v. 31, № 3 : 353—354).
1960. Laryngeals and the Indo-European verb, Berkeley and Los Angeles : University of California Press.
1964. The Indo-European and Indo-Aryan plough : a linguistic study of technological diffusion («*Technology and Culture*», v. V, № 2 : 176—190).
1965. Evidence in Anatolian («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton : 79—92).
1969. "Meadow of the Otherworld" in Indo-European tradition («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 83, H. 1 : 64—69).
1969a. The 'death of Cambyses' and Hittite parallels («Studia Classica et Orientalia Antonio Pagliaro Oblata», III, Roma : 169—176).
1970. "Perfect tense" and "middle voice". An Indo-European morphological mirage («*Actes du Xe Congrès International des Linguistes*», IV, Bucarest : 629—634).

1970a. Aspects of equine functionality («*Myth and Law among the Indo-Europeans*». Studies in Indo-European Comparative Mythology, ed. by J. Puhvel, Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press : 159—172).

1970b. Mythological reflexions of Indo-European medicine («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference of the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 369—382).

1971. Hittite ḫurkiš and ḫurkel («*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. XVII, H. 1 : 42—45).

1972. The Indo-European labiovelars in Anatolian : Lexical data for diachronic phonemics («*Reports for the Tenth International Congress of Linguists*», Bologna : 668).

1973. Nature and means of comparison in Proto-Indo-European grammar («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 2 : 145—154).

1974. On labiovelars in Hittite («*Journal of the American Oriental Society*», v. 94, № 3 : 291—295).

1978. Victimal hierarchies in Indo-European animal sacrifice («*American Journal of Philology*», v. 99, № 3 : 354—362).

1980. On the origin and congeners of Hittite assu- 'good' («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2 : 65—70).

PULGRAM E.

1976. Venetic ·e-kupeθari·s· («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 299—304).

PULLEYBLANK E. G.

1963. The consonantal system of Old Chinese, II («*Asia Major*». A British Journal of Far Eastern Studies, n. s., v. IX, p. II, 1962 : 206—265).

1965. The Indo-European vowel system and the qualitative ablaut (*WORD*, v. 21, № 1 : 81—101).

1966. Chinese and Indo-Europeans («*Journal of the Royal Asiatic Society*», № 1/2 : 9—39).

1975. Prehistoric East-West contacts across Eurasia («*Pacific Affairs*», v. 47, № 4 : 500—508).

RAJNA P.

1884. Le origini dell' epopea francese, Firenze : G. C. Sansoni.

RAMAT A. G.

1974. Alcuni aspetti della terminologia agricola del gotico («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 69—83).

RAMSTEDT G. J.
1946—1947. The relation of the Altaic languages to other language groups («*Journal de la Société Finno-Ougrienne*», LIII, Helsinki: 15—26).

RANSOME H. M.
1937. The sacred bee, London : Allen and Unwin.

RAVILA P.
1959. Lainasanamme («*Oma maa*», V, Porvoo : 312—323).

REGAMEY C.
1954. A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne («*Sprachgeschichte und Wortbedeutung*». Festschrift Albert Debrunner gewidmet von Schülern, Freunden und Kollegen, Bern. Francke : 363—381).

REICHARDT G.
1951. Navaho Grammar («*Publications of the American Ethnological Society*», XXI, New York).

REICHELT H.
1909. Awestisches Elementarbuch, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1913. Der steinerne Himmel (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde, Bd. 32 : 23—57).

REINER E.
1969. The Elamite language («*Handbuch der Orientalistik*», hrsg. von B. Spuler, 1. Abt. : Der Nahe und der Mittlere Osten; Bd. 2, Abschnitt 1 u. 2, Lief. 2 : Altkleinasiatische Sprachen, Leiden/ Köln. E. J. Brill : 54—118).

RENFREW C.
1974. British prehistory: Changing configurations («*British Prehistory: A New Outline*», ed. by C. Renfrew, Park Ridge, N. Y. Neyes Press : 1—40).
1976. Before civilization : The radio-carbon revolution and prehistoric Europe, Harmondsworth : Penguin Books.

RENFREW J. M.
1969. The archaeological evidence for the domestication of plants : *Methods and problems* («*The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*», ed. by Ucko P. J. and Dimbleby G. W., London. Duckworth : 149—172).

RENOU L.
1925. Le type védique *tudáti* («*Mélanges Linguistiques offerts à M. J. Vendryès par ses amis et ses élèves*», Paris . Champion : 309—316).
1930. Grammaire sanskrite. Phonétique. Composition. Dérivation. Le nom. Le verbe. La phrase, I, II, Paris : Adrien Maisonneuve (2me éd. revue, corrigée et augmentée, t. 1 et 2 réunis, 1961).

1932. A propos du subjonctif védique («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 33, fasc. 1 : 5—30).
1952. Grammaire de la langue védique, Lyon : Éd. IAC.

HIDLEY R. A.
1976. Wolf and werewolf in Baltic and Slavic tradition («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 4, № 4 : 321—331).

HIEMSCHNEIDER K.
1957. Hethitisch 'gelb/grün' («*Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*», Bd. V, H. 2 : 141—147).
1958. Die hethitischen Landschenkungsurkunden («*Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*», Bd. VI, H. 3 : 321—381).

FISCH E.
1944. Betrachtungen zu den indogermanischen Verwandtschaftsnamen («*Museum Helveticum*», v. 1 : 115—122).
1955. Zu den hethitischen Verben vom Typus *teḫḫi* («*Corolla Linguistica*». Festschrift F. Sommer zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, hrsg. von H. Krahe, Wiesbaden. O. Harrassowitz : 189—198).
1955a. Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht («*Museum Helveticum*», v. 12, fasc. 2 : 61—76).
1956. La position du dialecte mycénien («*Études Mycéniennes*». Gif-sur-Yvette, 3—7 Avril 1956. Colloques Internationaux du Centre National de la Recherche Scientifique : 167—172).
1967. Die mykenischen Einleitungsformeln («*Atti e Memorie del I° Congresso Internazionale di Micenologia*», Roma, 27 settembre — 3 ottobre 1967. Seconda parte. Ed. dell' Ateneo, 1968 : 686—698).
1976. Stoffadjective auf *-ejos* im Mykenischen («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 309—318).
1979. Die IDG. Wurzel *REUDH- im Lateinischen («*Festschrift for Oswald Szemerényi on the Occasion of his 65th Birthday*», ed. by B. Brogyanyi. Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science, IV. Current Issues in Linguistic Theory, v. II, Amsterdam. John Benjamins B. V. : 705—724).
1979a. Die griechischen Dialekte im 2. vorchristlichen Jahrtausend («*Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*», fasc. XX. Incunabula Graeca, v. LXIX, Roma : 91—111).
1980. Betrachtungen zur indogermanischen Nominalflexion («*Wege zur Universalienforschung*». Sprachwissenschaftliche Beiträge zum 60. Geburtstag von Hansjakob Seiler, hrsg. von Brettschneider und Ch. Lehmann, Tübingen. Günter Narr Verlag : 259—267).

FIERTS E. W.
1972. Consonant and vowel : A re-examination (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 30, № 2—3 : 141—202).

ROIDER U.
1981. Griech. θυμός 'Mut' — ai. *dhūmáḥ* 'Rauch' («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 95, H. 1 : 99—109).

ROSÉN H. B.
1973. Satzbau und augmentloses historisches Tempus im homerischen Tatsachenbericht (*FOLIA LINGUISTICA*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. VI, 3/4 : 315—330).

ROSENKRANZ B.
1952. Beiträge zur Erforschung des Luvischen, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1953. Die hethitische *ḫi*-Konjugation («*Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*». Internationale Orientalistische Zeitschrift, Bd. 2, H. 3 : 339—349).
1958. Die hethitische *ḫi*-Konjugation und das idg. Perfekt («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 75, H. 3/4 : 215—221).
1958a. Zur Entstehungsgeschichte des bestimmten Adjektivs des Baltischen und Slavischen («*Die Welt der Slaven*», Jg. III, H. 2 : 97—100).
1966. Fluß- und Gewässernamen in Anatolien («*Beiträge zur Namenforschung*», N.F., Bd. 1, H. 2, hrsg. von R. Schützeichel, Heidelberg. C. Winter. Universitätsverlag : 124—144).
1967. Zu einigen landwirtschaftlichen Termini des Hethitischen («*Jaarbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap «Ex Oriente Lux»*, № 19, 1965—1966 : 500—507).
1971. Zur Genealogie des Elamischen (*ANTHROPOS*. International Review of Ethnology and Linguistics, v. 66, № 1/2 : 202—216).
1973. Die hethitischen Schreibungen für 'und' («*Symbolae De Liagre Böhl*», Leiden. E. J. Brill : 320—325).
1975. Nichtalphabetische Schriften der antiken Welt («*Institut für Sprachwissenschaft*». Universität Köln).

ROWE J. H.
1950. Sound patterns in three Inca dialects («*International Journal of American Linguistics*», v. 16, № 3 : 137—148).

RUCK C. A. P.
1976. On the sacred names of Iamos and Ion : Ethnological referents in the hero's parentage («*The Classical Journal*», v. 76, № 3 : 234—252).

RYSIEWICZ Z.
1956. Studia Językoznawcze, Wrocław : Zakład imienia Ossolińskich—Wydawnictwo.

SABALIAUSKAS A.
1957. Atematinai lietuvių kalbos veiksmažodžiai («*Kai kurie lietuvių kalbos gramatikos klausimai*»), Vilnius.

SADNIK L., AITZETMÜLLER R.
1955. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.

SAFAREWICZ J.
1969. Historische lateinische Grammatik, Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag.

SALONEN A.
1951. Die Landfahrzeuge des alten Mesopotamien, nach sumerisch-akkadischen Quellen (mit besonderer Berücksichtigung der 5. Tafel der Serie ḪAR.RA-ḫubullu). *Lexikalische und kulturgeschichtliche Untersuchung* («Annales Academiae Scientiarum Fennicae, ser. B, LXXII, 3, Helsinki).

SALVINI M.
1977. Sui testi mitologici in lingua hurrica («*Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*», fasc. XVIII. Incunabula Graeca, v. LXVII, Roma : 73—91).

SAPARETTI C.
1965. L'autobiografia di Ḫattušili I (versione accadica) («*Rivista degli Studi Orientali*», XIV : 77—80).

SAPIR E.
1917—1920. [Рец. на кн.] C. C. Uhlenbeck, Het passieve karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in de talen van Noord-America («*International Journal of American Linguistics*», v. 1, № 1 : 82—86).
1921. Language. *An introduction to the study of speech*, New York : Harcourt, Brace and Co.
1938. Glottalized continuants in Navaho, Nootka, and Kwakiutl (with a note on Indo-European) (*LANGUAGE*, v. 14, № 4 : 248—274).
1958. Central and North American languages («*Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*», ed. by D. Mandelbaum, Berkeley and Los Angeles : University of California Press).

SAPIR E., SWADESH M.
1950. American Indian grammatical categories (*WORD*, v. 5, № 2). Перепечатано в: «*Language in Culture and Society*». A Reader in Linguistics and Anthropology, ed. by Dell Hymes, New York : Evanston and London. Harper & Row : 101—111).

SASSE H. Y.
1973. Elemente der Galla-Grammatik (Borana-Dialekt), München : Universität München.

SATYA SHRAVA M. A.
1977. A Comprehensive History of Vedic Literature. *Brāhmaṇa and Āraṇyaka works*, New Delhi : «Pranava Prakashan».

SAUSSURE F. de

1879. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes, Leipzig : Teubner (перепечатано в изд. Saussure 1922).

1892. Contribution à l'histoire des aspirées sourdes («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 7; перепечатано в Saussure 1922 : 603).

1915. Cours de linguistique générale, Paris : Payot (переиздание 1967 г.).

1922. Recueil des publications scientifiques, Genève : Société anonyme des éditions Sonor.

1964. Lettres de Férdinand de Saussure à Antoine Meillet. Publiées par É. Benveniste («*Cahiers Férdinand de Saussure*», 21 : 89—130).

SAUSSURE L.

1920. Le cycle des douze animaux et le symbolisme cosmologique des chinois (*JOURNAL ASIATIQUE*, 11me sér., t. 15 : 55—88).

SAUVÉ J. L.

1970. The divine victim : Aspects of human sacrifice in Viking Scandinavia and Vedic India («*Myth and Law among the Indo-Europeans*». Studies in Indo-European Comparative Mythology, ed. by J. Puhvel, Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press : 173—191).

SCHACHERMEYR Fr.

1935. Hethiter und Achäer («*Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft*», Bd. IX, H. 1/2 : 1—174).

1955. Die ältesten Kulturen Griechenlands, Stuttgart : W. Kohlhammer Verlag.

SCHARFE H.

1978. Oxen with men's feet («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 6, № 3/4 : 211—224).

SCHELLER M.

1975. Lat. *onus* und ai. *ánaḥ* («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 89, H. 2 : 191—197).

SCHERER A.

1947. Das Problem der indogermanischen Urheimat vom Standpunkt der Sprachwissenschaft («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 288—304).

1953. Gestirnnamen bei den indogermanischen Völkern, Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.

1974. Soziologisches über Sternnamen («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 185—192).

SCHINDLER J.

1967. Das indogermanische Wort für 'Erde' und die dentalen Spiranten (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. XIII, H. 2 : 191—205).

1975. A thorny problem («*Indo-European Studies*», II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass. : 28—47).

SCHLERATH B. von

1954. Der Hund bei den Indogermanen («*Paideuma*», 6 : 25—40).

1968. Altindisch *asu-*, awestisch *ahu-* und ähnlich klingende Wörter («*Pratidānam*». Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper on his Sixtieth Birthday, The Hague — Paris. Mouton : 142—153).

1968a [1962]. Zu den Merseburger Zaubersprüchen («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von Rüdiger Schmitt, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 325—333).

1973. Die Indogermanen. *Das Problem der Expansion eines Volkes im Lichte seiner sozialen Struktur*, Innsbruck («*Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*»).

1974. Gedanke, Wort und Werk im Veda und im Awesta («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 201—222).

1981. Ist ein Raum/Zeit-Modell für eine rekonstruierte Sprache möglich? («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 95, H. 2 : 175—202).

SCHMALSTIEG W. R.

1956. The phoneme /v/ in Slavic verbal suffixes (*WORD*, v. 12, № 2 : 255—259).

1976. Speculations on the Indo-European active and middle voices («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 90, H. 1/2 : 23—36).

1980. Indo-European linguistics : A new synthesis, University Park: University of Pennsylvania Press.

SCHMANDT-BESSERAT D.

1978. The earliest precursor of writing («*Scientific American*», v. 238, № 6 : 38—47).

1979. Reckoning before writing (*ARCHAEOLOGY*, v. 32, № 3 : 23—31).

SCHMID W. P.

1963. Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

1977. Alteuropäisch und Indogermanisch («*Probleme der Namenforschung im Deutschsprachigen Raum*», Darmstadt : 98—116).

SCHMIDT J.

1889. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, Weimar: Böhlau.

1890. Die Urheimat der Indogermanen und das europäische Zahlensystem («*Abhandlungen der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*»), Berlin.

SCHMIDT K. H.

1963. Dativ und Instrumental im Plural (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. XLI, H. 1/2 : 1—10).

1964. Das Perfektum in indogermanischen Sprachen. *Wandel einer Verbalkategorie* (*GLOTTA*, Bd. XLII, H. 1/2 : 1—18).

1965. Indogermanisches Medium und Sataviso im Georgischen («*Revue de Kartvélologie*», t. XIX—XX : 129—135).

1969. Zur Tmesis in den Kartvelsprachen und ihren typologischen Parallelen in indogermanischen Sprachen («*To honour G. Akhvlediani*». Essays on the Occasion of his Eightieth Birthday, Tbilisi: 96—105).

1970. Zur Sprachtypologie des Ossetischen («*Revue de Kartvélologie*», t. XXVII : 161—168).

1973. Transitiv und Intransitiv («*Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft*». Akten der IV. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Bern, 28. Juli — 1. August 1969, Wiesbaden : 107—124).

1974a. Das Verbum im Keltischen : Sprachgeschichtliche Grundlagen und typologische Entwicklung («*Zeitschrift für Celtische Philologie*», Bd. 33 : 28—44).

1974b. Zur Analyse des einfachen Satzes in den Kaukasussprachen («*Revue de Kartvélologie*», t. XXXII : 213—218).

1980. Continental Celtic as an aid to the reconstruction of Proto-Celtic («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2 : 172—197).

SCHMITT R.

1967. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

1968. Nektar («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von R. Schmitt, Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 324).

1972. Empfehlungen zur Transliteration der armenischen Schrift («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 86, H. 2 : 296—306).

1974. Nektar — und kein Ende («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 155—163).

1974a. Proto-Indo-European culture and archaeology: Some critical remarks («*The Journal of Indo-European Studies*», v. II, № 3 : 279—287).

1977. Einführung in die griechischen Dialekte, Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

1981. Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachlichen Erläuterungen, Innsbruck («*Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*»).

SCHMITT-BRANDT R.

1967. Die Entwicklung des Indogermanischen Vokalsystems (*Versuch einer inneren Rekonstruktion*), Heidelberg : Julius Groos Verlag.

1973. Vergleich der indogermanischen Nebensatzkonstruktionen («*Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft*». Akten der IV. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Bern, 28. Juli—1. August 1969, Wiesbaden : 125—141).

SCHNEIDER U.

1967. Yama and Yamī («*Indo-Iranian Journal*», v. 10, № 1 : 1—32).

SCHOTT A.

1936. Indogermanisch—Semitisch—Sumerisch («*Germanen und Indogermanen*». *Volkstum, Sprache, Heimat, Kultur*. Festschrift für H. Hirt, hrsg. von H. Arntz, Bd. II, Heidelberg. C. Winter. Universitätsverlag : 45—95).

SCHRADER O., NEHRING A.

1917—1923; 1929. Reallexikon der Indogermanischen Altertumskunde. *Grundzüge einer Kultur- und Völkergeschichte Alteuropas*, hrsg. von O. Schrader, 2te Aufl., Bd. I u. Bd. II, Berlin und Leipzig: W. de Gruyter & Co.

SCHRÖDER F. R.

1927. Ein altirischer Krönungsritus und das indogermanische Rossopfer («*Zeitschrift für Celtische Philologie*», Bd. 16 : 310—312).

SCHUHMACHER W. W.

1972. Beiträge zur Synchronie und Diachronie austronesischer Sprachen, 3. Fijian *dua* 'one', *rua* 'two' («*Acta Orientalia*», XXXIV, Copenhagen : 204—205).

SCHULDT E.

1954. Mecklenburg — urgeschichtlich. Eine gemeinverständliche Einführung, Schwerin : Petermänker-Verlag.

SCHULER E. von

1971. Eine hethitische Rechtsurkunde aus Ugarit («*Ugarit-Forschungen*», Bd. 3 : 223—234).

SCHULTHEISS T.

1961. Hethitisch und Armenisch («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 77, H. 3/4 : 219—234).

SCHULZE W.
1933. Kleine Schriften, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht (2. durchges. u. erw. Aufl. mit Nachtr., hrsg. von W. Wissmann, 1966).

SCHUSTER H. S.
1974. Die hattisch-hethitischen Bilinguen, I. *Einleitung. Texte und Kommentar*, T. 1, Leiden : E. J. Brill.

SCHWARTZ A.
1972. The VP-constituent of SVO languages («*Reports for the Tenth International Congress of Linguists*», Bologna : 976—994) = «Proceedings of the Xth International Congress of Linguists», Aug. 1972, Bologna, 1975, v. II.

SCHWARTZ M. S.
1974. Irano-Tocharica («*Memorial Jean de Menasce*», éd. par Ph. Gignoux et A. Tofazzoli, Louvain).

SCHWYZER E.
1939. Griechische Grammatik. Auf der Grundlage von K. Brugmanns *Griechischer Grammatik*, Bd. I : Allgemeiner Teil. Lautlehre. Wortbildung. Flexion, München : C. H. Beck.
1943. Zum persönlichen Agens beim Passiv, besonders im Griechischen («*Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*». Philologisch-Historische Klasse, 1942, № 10), Berlin.

SCHWYZER E., DEBRUNNER A.
1950. Griechische Grammatik, Bd. II : *Syntax und Syntaktische Stilistik* (vervollst. und hrsg. von A. Debrunner), München: C. H. Beck.

SHIELDS K., Jr.
1977. Some new observations concerning the origin of the Indo-European feminine gender («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 91, H. 1 : 56—71).
1978. Some remarks concerning early Indo-European nominal inflection («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 6, № 3/4 : 185—210).
1981. A new look at the *centum / satəm* isogloss («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 95, H. 2 : 203—215).
1981a. The Indo-European third person plural verbal suffix (*LINGUISTICA*, XXI : 105—118).

SHIMOMIYA T.
1973. Entwicklung der Relativpronomina im Georgischen : Lehnsyntax aus dem Indogermanischen? («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 87, H. 2 : 222—227).

SIEBS T.
1901. Anlautstudien («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 37, H. 3 : 277—324).

SIEG E., SIEGLING W.
1921. Tocharische Sprachreste, Bd. I. *Die Texte A. Transcription*, Berlin—Leipzig : W. de Gruyter.
1949—1953. Tocharische Sprachreste. Sprache B, H. 1/2, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

SIEVERS E.
1893. Altgermanische Metrik («*Sammlung Kurzer Grammatiken Germanischer Dialekte*», hrsg. von W. Braune. Ergänzungsreihe, 2), Halle: Max Niemeyer Verlag.

SIHLER A.
1969. Sievers—Edgerton phenomena and Rigvedic metre (*LANGUAGE*, v. 45, № 2 : 248—273).
1971. Word-initial semivowel alternation in the Rigveda (*LANGUAGE*, v. 47, № 1 : 53—78).
1973. Proto-Indo-European *smH- 'PAIR' («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 1 : 111—113).
1977. The etymology of PIE **rēg'*- 'king', etc. («*The Journal of Indo-European Studies*», v. V, № 3 : 221—246).

SIMOONS F. J.
1979. Dairying, milk use and lactose malabsorption in Eurasia (*ANTHROPOS*. International Review of Ethnology and Linguistics, v. 74, № 1/2 : 61—80).

SJÖBERG Å.
1963. [рец. на кн.] Henri Limet, Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur. «Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège», fasc. CLV, Paris, 1960 («*Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*», N.F., Bd. 21 [55] : 256—260).

SJOESTEDT-JONVAL M. L.
1936. Légendes épiques irlandaises et monnais gauloises («*Études Celtiques*», v. I, fasc. 1 : 1—77).

SKARDŽIUS P.
1964. Dievas ir Perkūnas, Brooklynas : *Spaudė Pranciškonų Spaustuvė*, Brooklyne, N. Y.

SMIECH W.
1966. Polskie *nie ma* 'abest' («*Rozprawy Komisji Językowej*», t. XII, Łódź : 22—28).

SODEN W. von
1965—1981. Akkadisches Handwörterbuch. Unter Benutzung des lexikalischen Nachlasses von Bruno Meissner (1868—1947), bearbeitet von W. von Soden, Bd. I—III, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

SOLLER J.
1973. Sémiotique de la nourriture dans la Bible («*Annales. Économies. Sociétés. Civilisations*». 28e année, № 4 : 943—955).

SOLTA G. R.

1958. Gedanken über das *nt*-Suffix, Wien : Rudolf M. Rohrer (Österreichische Akademie der Wissenschaften).

1963. Die armenische Sprache («*Handbuch der Orientalistik*», hrsg. von B. Spuler. 1. Abt.: Der Nahe und der Mittlere Osten; Bd. VII : Armenische und Kaukasische Sprachen, Leiden/Köln : E. J. Brill).

1970. Der hethitische Imperativ der 1. Person Singular und das idg. *l*-Formans als quasidesideratives Element (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 75, H. 1 : 44—84).

1974. Zur Stellung der lateinischen Sprache, Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

1980. Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen, Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

SOMMER F.

1914. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. *Eine Einführung in das sprachwissenschaftliche Studium des Lateins* (2. u. 3. Aufl.), Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1932. Die Aḫḫijavā-Urkunden («*Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*». Philosophisch-Historische Abteilung, N. F., H. 6, München).

1934. Aḫḫijavāfrage und Sprachwissenschaft («*Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*». Philosophisch-Historische Abteilung, N. F., H. 9, München).

1937. Aḫḫijavā und kein Ende? (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 55, H. 3/4 : 169—297).

1947. Hethiter und Hethitisch, Stuttgart : Kohlhammer.

1949. Altindisch *dhur-* (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. I : 150—163).

SOMMER F., FALKENSTEIN A.

1938. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I /Labarna II (*«Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften»*. Phil.-Hist. Abt., N.F., H. 16, München).

SOMMERFELT A.

1920. *Dē* en italo-celtique. *Son rôle dans l'évolution du système morphologique des langues italiques et celtiques*, Cristiania : Dybwad.

1938. Études comparatives sur le caucasique du Nord-Est («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 9 : 115—143).

SOUČEK V., SIEGELOVÁ J.

1974. Der Kult des Wettergottes von Ḫalap in Hatti (*ARCHIV ORIENTÁLNÍ*, 42, 1 : 39—52).

SPAMER J. B.
1978. The Old English bee charm : an explication («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 6, № 3/4 : 279—294).

SPECHT F.
1939. Sprachliches zur Urheimat der Indogermanen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 66, H. 1 : 1—74).
1944. Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

SPECK F. G.
1907. Some comparative traits of the Maskogian languages («*American Anthropologist*», n. s., v. 9, № 3 : 470—483).

SPEISER E. A.
1941. Introduction to Hurrian («*Annual of the American Schools of Oriental Research*», 20), New Haven.

SPEYER J. S.
1886. Sanskrit syntax, Leyden : E. J. Brill.
1896. Vedische und Sanskritsyntax («*Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde*», Bd. I. Allgemeines und Sprache), Strassburg : Trübner.

SPIEGEL Fr. von
1979 [1864—1869]. Commentar über das Avesta (die heiligen Schriften der Parsen), Bd. I—II, Amsterdam : Apa-Oriental Press.

STACUL G.
1971. Cremation graves in North-West Pakistan and their Eurasian connections : Remarks and hypotheses («*East and West*», 21, № 1 : 9—19).

STANG Chr. S.
1932. Perfektum und Medium («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 6 : 29—39; перепечатано в Stang Chr. S. 1970 : 3—12).
1938. Über die obligatorische Possessivsuffigierung in den melanesischen Sprachen («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 9 : 276—298).
1942. Das slavische und baltische Verbum, Oslo : Universitetsforlaget.
1954. Zum i.-e. Adjektivum («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 17 : 122—145).
1966. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen, Oslo : Universitetsforlaget.
1967. L'alternance des consonnes sourdes et sonores en indo-européen («*To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday*». Janua Linguarum, Ser. Maior, XXXIII, v. 3, The Hague—Paris. Mouton : 1890—1894).

1970. Opuscula minora, Oslo : Universitetsforlaget.
1972. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen, Oslo : Universitetsforlaget.
1975. Ergänzungsband. Register, Addenda und Corrigenda zur «*Vergleichenden Grammatik der Baltischen Sprachen*», Oslo—Bergen—Tromsø : Universitetsforlaget.

STARKE F.
1980. Das luwische Wort für 'Frau' («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 94, H. 1/2 : 74—86).

STAROBINSKI J.
1971. Les mots sous les mots. Les anagrammes de Férdinand de Saussure, Paris : Gallimard.

STEENSLAND L.
1973. Die Distribution der urindogermanischen sogenannten Gutturale («*Acta Universitatis Uppsaliensis*». Studia Slavica, 12), Uppsala.

STEINER G.
1957. Griechische und orientalische Mythen («*Antike und Abendland*», Bd.6 : 171—187).
1964. Die Ahhijawa-Frage heute («*Saeculum*». Jahrbuch für Universalgeschichte, Bd. 15, H. 4 : 365—392).
1971. Die Unterweltbeschwörung des Odysseus im Lichte hethitischer Texte («*Ugarit-Forschungen*», Bd. 3 : 265—283).
1976. Intransitiv-passivische und aktivische Verbalauffassung («*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*», Bd. 126, H. 2 : 229—280).

STRAIGHT H. S.
1972. Yucatec Mayan pedolectology segmental phonology. *Dissertation. Department of Linguistics.* University of Chicago.

STRAND R. F.
1973. Notes on the Nūristānī and Dardic languages («*Journal of the American Oriental Society*», v. 93, № 3 : 297—305).

STRIKA F. I.
1975. Miti e riti a Çatal Hüyük. L'elemento femminile e l'elemento maschile («*Annali della Facolta di Lingue e Letterature Straniere di Ca' Foscari*», Paideia, XIV, 3. Serie Orientale, 6 : 165—176).

STRUNK K.
1967. Nasalpräsentien und Aoriste. *Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen*, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1972. Ai. *babhúva*, av. *buuāuua* : eine Perfektbildung im Indo-Iranischen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 86, H. 1 : 21—27).

1972a. Neue Gesichtspunkte zu Genesis und Struktur von Nasalpräsentien nach Art der altindischen 7. Klasse (*FOLIA LINGUISTICA*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, t. IV, 1/2 : 175—178).
1976. Lachmann's Regel für das Lateinische, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.
1980. Zum idg. Medium und konkurrierenden Kategorien («*Wege zur Universalienforschung*». Sprachwissenschaftliche Beiträge zum 60. Geburtstag von Hansjakob Seiler, hrsg. von Brettschneider und Ch. Lehmann, Tübingen. Günter Narr Verlag : 321—337).

STRUTYNSKI U.
1975. Germanic divinities in weekday names («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 3, № 4 : 363—384).

STURTEVANT A. M.
1947. Gothic syntactical notes («*The Journal of English and Germanic Philology*», v. 46, № 4 : 407—412).

STURTEVANT E. H.
1933. A comparative grammar of the Hittite language, Philadelphia: University of Pennsylvania.
1942. The Indo-Hittite laryngeals, Baltimore («*Linguistic Society of America*»).

SULIMIRSKI T.
1968 [1933]. Die Schnurkeramischen Kulturen und das Indoeuropäische («*Die Urheimat der Indogermanen*», hrsg. von A. Scherer, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 117—140).
1970. Prehistoric Russia. An outline, London—New York : Baker-Humanities Press.

SULLIVAN Sh. D.
1980. How a person relates to θυμός in Homer (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 85 : 138—150).

SWADESH M.
1970. The problem of consonantal doublets in Indo-European (*WORD*, v. 26, № 1: 1—16).

SZEMERÉNYI O.
1954. Latin *promulgare* («*Emerita*». Revista de Linguistica y Filologia Clasica, XXII : 159—174).
1956. Latin *rēs* and the Indo-European long-diphthong stem nouns («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 73, H. 3/4 : 167—202).
1959. Latin *hibernus* and Greek χειμερινός. The formation of time-adjectives in the Classical languages (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. XXXVIII, H. 1/2 : 107—125).
1960. Studies in the Indo-European system of numerals, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1964. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European ablaut, Napoli («*Istituto Universitario Orientale*»).
1964a. Structuralism and substratum — Indo-Europeans and Semites in the Ancient Near East (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 13 : 1—29).
1967. The new look of IE (*PHONETICA*, 17 : 65—99).
1970. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
1970a. The Indo-European name for 'heart' («*Donum Balticum*». To Professor Christian S. Stang on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by *V. Rūķe-Draviņa*, Stockholm : 515—533).
1972. Comparative linguistics («*Current Trends in Linguistics*», ed. by T. A. Sebeok, v. 9. Linguistics in Western Europe, The Hague — Paris. Mouton : 119—195).
1973. La théorie de laryngales de Saussure à Kuryłowicz et à Benveniste. *Essai de réévaluation* («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 68, fasc. 1 : 1—25).
1974. The origins of the Greek lexicon: Ex Oriente Lux («*The Journal of Hellenic Studies*», v. XCIV : 144—157).
1975. The origins of Roman drama and Greek tragedy («*Hermes*». Zeitschrift für Klassische Philologie, Bd. 103, H. 3 : 300—332).
1976. The problem of Aryan loanwords in Anatolian («*Scritti in onore di Giuliano Bonfante*», v. II, Brescia. Paideia Editrice: 1063—1070).
1976a. Problems of the formation and gradation of Latin adjectives («*Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*» offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, ed. by A. Morpurgo Davies and W. Meid, Innsbruck : 401—424).
1977. Sprachtypologie, funktionelle Belastung und die Entwicklung indogermanischer Lautsysteme («*Textes et Mémoires*», v. V. Acta Iranica, Leiden. E. J. Brill : 339—393).
1977a. Das griechische Verwandtschaftsnamensystem vor dem Hintergrund des indogermanischen Systems («*Hermes*». Zeitschrift für Klassische Philologie, Bd. 105, H. 4 : 385—405).
1977b. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages. *With special reference to Indian, Iranian, Greek and Latin* («*Textes et Mémoires*», v. VII. Varia. Acta Iranica, Leiden: E. J. Brill).
1982. Anatolica II (8—10) («*Investigationes Philologicae et Comparativae*»). Gedenkschrift für Heinz Kronasser, hrsg. von E. Neu. Wiesbaden. O. Harrassowitz : 215—234).
1982a. The origin of the name of the Dorians (ΓΛΩΣΣΟΛΟΓΙΑ, v. I : 73—82).

TAVERNIER W.
1910. Beiträge zur Rolandsforschung, I («*Zeitschrift für Französische Sprache und Literatur*», Bd. XXXVI : 71—102).

TCHEKHOFF C.

1978. Le double cas-sujet des inanimés : un archaisme de la syntaxe hittite («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 73, fasc. 1: 225—241).

TERNES E.

1973. The phonemic analysis of Scottish Gaelic, Hamburg : Helmut Buske Verlag.

THIEME P.

1938. Der Fremdling im Rgveda. *Eine Studie über die Bedeutung der Worte Ari, Arya, Aryaman und Ārya*, Leipzig : Brockhaus.

1952. Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte, Berlin : Akademie-Verlag.

1953. Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache («*Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz*», *Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse*, № 11), Wiesbaden.

1964. The comparative method for reconstruction in linguistics («*Language in Culture and Society*». A Reader in Linguistics and Anthropology, ed. by Dell Hymes, New York, Evanston, and London : Harper & Row : 585—598).

1968a. Nektar («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von R. Schmitt, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft : 102—112).

1968b. Ambrosia («*Indogermanische Dichtersprache*» : 113—132).

1968c. Hades («*Indogermanische Dichtersprache*» : 133—153).

1968d. Die Wurzel VAT («*Indogermanische Dichtersprache*» : 187—203).

1968e. Vorzarathustrisches bei den Zarathustriern und bei Zarathustra («*Indogermanische Dichtersprache*» : 204—241).

1981. Der Name des Zarathustra («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 95, H. 1 : 122—125).

THOMAS H. L.

1970. New evidence for dating the Indo-European dispersal in Europe («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 199—215).

1982. Archaeological evidence for migrations of the Indo-Europeans («*The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia*», ed. by E. C. Polomé, Ann Arbor : Karoma Publishers, Inc.: 61—86).

THOMAS W.

1952. Die tocharischen Verbaladjektive auf *-l. Eine syntaktische Untersuchung*, Berlin : Akademie-Verlag.

1958. Zum Ausdruck der Komparation beim tocharischen Adjektiv («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*», Bd. 75, H. 3/4 : 129—169).

1964. Tocharisches Elementarbuch, Bd. II. *Texte und Glossar* (unter Mitwirkung von W. Krause), Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag.

THOMSEN V.

1890. Berøringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) sprog. En sproghistorisk undersøgelse. Vidensk. Selsk.-Skr. 6 Række. Historisk og Filosofisk Afd. 1, I, København : Luno.

THUMB A., HAUSCHILD R.

1953—1959. Handbuch des Sanskrit (mit Texten und Glossar). *Eine Einführung in das Sprachwissenschaftliche Studium des Altindischen*, Teil I (1958) : Grammatik, I. Einleitung und Lautlehre; II_1 (1959) Formenlehre; II_2 (1953) : Texte und Glossar. Dritte stark umgearbeitete Auflage von R. Hauschild, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

THUMB A., SCHERER A.,

1959. Handbuch der griechischen Dialekte, Bd. II (2-te erw. Auflage von A. Scherer), Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

THURNEYSEN R.

1885. Der indogermanische Imperativ (*«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen»*, Bd. 27 : 172—180).

1921. Alte Probleme (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde, Bd. 39 : 189—202).

1946. A grammar of Old Irish (*Revised and enlarged edition*), Dublin: The Dublin Institute for Advanced Studies.

TISCHLER J.

1977-. Hethitisches etymologisches Glossar. Mit Beiträgen von Günter Neumann, Lfr. 1 (*«Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft»*), Innsbruck.

1977a. Kleinasiatische Hydronymie. *Semantische und morphologische Analyse der griechischen Gewässernamen*, Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag.

1979. Der indogermanische Anteil am Wortschatz des Hethitischen (*«Hethitisch und Indogermanisch»*. Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens, hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck : 257—267).

TOIVONEN Y. H.

1952. Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat (*«Journal de la Société Finno-Ougrienne»*, LVI, 1, Helsinki: 1—41).

TONNELAT E.

1948. La religion des Germains (в кн.: *«Les Religions de l'Europe Ancienne»*, Paris: Presses Universitaires de France: 323—385).

TOPOROV V. N.

1968. Parallels to ancient Indo-Iranian social and mythological concepts («*Pratidānam*». Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper on his Sixtieth Birthday, The Hague—Paris. Mouton : 108—120).

1973. L'"albero universale". Saggio d'interpretazione semiotica («*Ricerche Semiotiche*». Nuove tendenze delle scienze umane nell' URSS», a cura di J. M. Lotman e B. Uspenskij, Torino : 148—210).

TOVAR A.

1961. The ancient languages of Spain and Portugal, New York : S. F. Vanni.

1970. The Basque language and the Indo-European spread to the West («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 267—278).

1973. Sprachen und Inschriften. *Studien zum Mykenischen, Lateinischen und Hispano-Keltischen*, übers. von W. Dietrich, Amsterdam: Grüner.

1977. Indogermanisch, Keltisch, Keltiberisch («*Indogermanisch und Keltisch*». Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft am 16. und 17. Februar 1976 in Bonn, hrsg. von K. H. Schmidt, Wiesbaden. Dr. Ludwig Reichert Verlag : 44—65).

1982. Die Indoeuropäisierung Westeuropas («Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft»), Innsbruck.

TRAUTMANN R.

1923. Baltisch-Slawisches Wörterbuch, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

TRENCSÉNYI-WALDAPFEL J.

1962. Apollon Smintheus in Innerasien? («*Acta Orientalia Hungarica*», XV : 343—352).

TROXLER H.

1964. Sprache und Wortschatz Hesiods, Zürich : Juris-Verlag.

TRUBETZKOY N. S.

1958. Grundzüge der Phonologie, 2. Aufl., Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

TURNER R. L.

1966. A comparative dictionary of the Indo-Iranian languages, London: Oxford University Press.

[illegible]KO P. J., DIMBLEBY G. W., Ed.

1969. The Domestication and Exploitation of Plants and Animals, London. Duckworth : Aldine Publishing Company.

UHLENBECK C. C.
1901. Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN.* Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde, Bd. XII, H.1/2: 170 — 171).
1937. [Рец. на кн.] С. Л. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения (*«Museum»*, Jg. 44, № 9 : 225—227).

UNTERMANN J.
1961. Die venetischen Personennamen, Wiesbaden : O. Harrassowitz.
1961a. Sprachräume und Sprachbewegungen im vorrömischen Hispanien, Wiesbaden : O. Harrassowitz.

VAILLANT A.
1936. L'ergatif indoeuropéen (*«Bulletin de la Société de Linguistique de Paris»*, t. 37, fasc. 2 : 93—108).
1948. Manuel du vieux slave, Paris : Institut d'Études Slaves.
1950. Le nom balto-slave du 'soleil' (*«Bulletin de la Société de Linguistique de Paris»*, t. 46, fasc. 1 : 48—53).

VANAGAS A.
1981. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas, Vilnius : «Mokslas».

VAN BROCK N.
1962. Dérivés nominaux en *L* du hittite et du louvite, Paris : Klincksieck.
1964. Les thèmes verbaux à redoublement du hittite et le verbe indo-européen (*«Revue Hittite et Asianique»*, t. XXII, fasc. 75 : 119—165).
1972. De πύξ *à* πᾶς (*«Mélanges de Linguistique et de Philologie Grecques offerts à P. Chantraine»*. Études et Commentaires, v. 79 : 263—276).

VAN BUITENEN J. A. B.
1962. The Maitrāyaṇīya Upaniṣad (*A critical essay, with text, translation and commentary*), 'S-Gravenhage : Mouton & Co.

VAN WIJK N.
1902. Der nominale Genetiv Singular im Indogermanischen in seinem Verhältnis zum Nominativ, Zwolle : Tijl.
1935. Eine slavisch-germanische syntaktische Parallele (*«Germanoslavica»*. Vierteljahrschrift für die Erforschung der Germanisch-Slavischen Kulturbeziehungen, Jg. III, H. 1—2 : 19—30).

VAN WINDEKENS A. J.
1952. Le pélasgique. *Essai sur une langue indo-européenne préhellénique*, Louvain (Université de Louvain, I. Institut Orientaliste : Bibliothèque du Muséon, t. 29).
1969. Études de phonétique tokharienne. XI : Le traitement des labiovélaires indo-européennes (*ORBIS. Bulletin International de Documentation Linguistique*, Louvain, t. XVIII, № 2 : 485—512).

1976. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes, v. I. La phonétique et le vocabulaire («*Travaux publiés par le Centre International de Dialectologie Générale de l'Université Catholique Neerlandaise de Louvain*»), Louvain : Centre International de Dialectologie Générale.

1976a. Encore le terme 'larme' en indo-européen («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 90, H. 1/2 : 12—17).

1981. Zum indogermanischen Ursprung von heth. *gim(m)ara-* («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», Bd. 95, H. 2 : 249—250).

VASMER M.

1921. Studien zur albanischen Wortforschung («*Acta Universitatis Dorpatiensis*»), Dorpat.

1923. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I : Die Iranier in Südrussland («*Veröffentlichungen des Baltischen und Slavischen Instituts an der Universität Leipzig*», hrsg. von G. Gerullis und M. Vasmer, 3), Leipzig Markert & Petters.

VEENHOF K. R.

1972. Aspects of Old Assyrian trade and its terminology («*Studia et Documenta ad Iura Orientis Antiqui Pertinentia*», v. 10), Leiden: E. J. Brill.

VENDRYÈS J.

1908. Grammaire du vieil-irlandais (*Phonétique — Morphologie — Syntaxe*), Paris : E. Guilmoto.

1929. Traité d'accentuation grecque, Paris : Klincksieck.

1935. A propos de lat. *seruos* («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 36, fasc. 2 [№ 107] : 124—130).

1948. La religion des Celtes (в кн.: «Les Religions de l'Europe Ancienne», Paris : Presses Universitaires de France : 239—320).

1949/50. Sur quelques mots de la langue des chasseurs (*ARCHIVUM LINGUISTICUM*. A Review of Comparative Philology and General Linguistics, v. I : 23—29).

1952. L'unité en trois personnes chez les Celtes («*Choix d'Études Linguistiques et Celtiques*», Paris : 233—246).

1952a. Les moulins en Irlande et l'aventure de ciarnat («*Choix d'Études Linguistiques et Celtiques*», Paris: 277—286).

1959—1978. Lexique étymologique de l'irlandais ancien, Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.

VENTRIS M., CHADWICK J.

1973. Documents in Mycenaean Greek, 2nd ed. by J. Chadwick, Cambridge: Cambridge University Press.

VERCOUTTER J.

1945. Phonétique historique de l'égyptien. Les consonnes, Louvain («*Université de Louvain*». Institut Orientaliste. Bibliothèque du Muséon).

VERNANT J.-P.

1969. Mythe et pensée chez les grecs. *Études de psychologie historique* (2me éd.), Paris : François Maspero.

VETTER E.

1953. Handbuch der italischen Dialekte, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.

1955. Zu den Iguvinischen Tafeln («*Corolla Linguistica*». Festschrift F. Sommer zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955 dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen, hrsg. von H. Krahe, Wiesbaden : O. Harrassowitz : 235—247).

VOGEL M.

1973. ONOS LYRAS. Der Esel mit der Leier, Düsseldorf : Verlag der Gesellschaft zur Förderung der systematischen Musikwissenschaft.

VOGT H.

1938. Arménien et caucasique du Sud («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 9 : 321—337).

1958. Les occlusives de l'arménien («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», Bd. 13 : 143—161).

1963. Dictionnaire de la langue oubykh, Oslo : Universitetsforlaget.

VONDRAK W.

1900. Altkirchenslawische Grammatik, Berlin : Weidmann.

VRIES J. de

1956—1957. Altgermanische Religionsgeschichte, Bd. I und II, Berlin : W. de Gruyter & Co.

1957—1961. Altnordisches Etymologisches Wörterbuch, Leiden : E. J. Brill.

1961. Keltische Religion («Die Religionen der Menschheit», hrsg. von C. M. Schröder, Bd. 18, Stuttgart : Kohlhammer).

WACKERNAGEL J.

1896. Altindische Grammatik, I. *Lautlehre*, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

1905. Altindische Grammatik, II. 1. *Einleitung zur Wortlehre*. Nominal-Komposition, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

1924. Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch (2. Aufl., 1950, Basel: Birkhauser Verlag).

1953. Kleine Schriften, Bd. 1—2, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

1968 [1910]. Zum Dualdvandva («*Indogermanische Dichtersprache*», hrsg. von R. Schmitt, Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 30—33).

WACKERNAGEL J., DEBRUNNER A.

1930. Altindische Grammatik, III. *Nominalflexion, Zahlwort, Pronomen*, Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht.

WAGNER H.
1969. The origin of the Celts in the light of linguistic geography («*Transactions of the Philological Society*», London : 203—250).

WAILES B.
1970. The origins of settled farming in temperate Europe («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 279—305).

WALDE A.
1910. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2. umgearb. Aufl., Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag.
1924. *o*-farbige Reduktionsvokale im Indogermanischen («*Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft*». Festschrift für W. Streitberg, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag).

WARD D.
1968. The divine twins. *An Indo-European myth in German tradition* («*University of California Folklore Studies*», 19), Berkeley and Los Angeles.
1970. The threefold death : An Indo-European trifunctional sacrifice? («*Myth and Law among the Indo-Europeans*». Studies in Indo-European Comparative Mythology, ed. by J. Puhvel, Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press : 123—142).
1973. On the poets and poetry of the Indo-Europeans («*The Journal of Indo-European Studies*», v. I, № 2 : 127—144).

WASSON R. G.
1968. Soma. *Divine mushroom of immortality*, New York.

WATKINS C.
1962. Indo-European origins of the Celtic verb, I. *The sigmatic aorist*, Dublin : The Dublin Institute for Advanced Studies.
1962a. Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb («*Celtica*», v. VI : 1—49).
1963. Indo-European metrics and archaic Irish verse («*Celtica*», v. VI : 194—249).
1963a. Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure («*Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists*», ed. by Horace G. Lunt, The Hague—Paris. Mouton, 1964 : 1035—1045).
1966. Italo-Celtic revisited («*Ancient Indo-European Dialects*», ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley and Los Angeles. University of California Press : 29—50).
1967. Remarks on the genitive («*To Honor Roman Jakobson*». *Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday*». Janua Linguarum, Ser. Maior, XXXIII, v. 3, The Hague—Paris. Mouton : 2191 — 2198).

1967a. Latin *sōns* («*Studies in Historical Linguistics in Honour of G. S. Lane*», Chapel Hill. University of North Carolina Press : 186—194).

1968—1969. The Celtic masculine and neuter enclitic pronouns («*Études Celtiques*», v. XII, fasc. 1 : 92—95).

1969. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion («*Indogermanische Grammatik*», hrsg. von J. Kuryłowicz, Bd. III : Formenlehre. Erster Teil, Heidelberg : C. Winter. Universitätsverlag).

1969a. A Latin — Hittite etymology (*LANGUAGE*, v. 45, № 2, p. 1 : 235—242).

1970. Language of Gods and language of Men : Remarks on some Indo-European metalinguistic traditions («*Myth and Law among the Indo-Europeans*». Studies in Indo-European Comparative Mythology, ed. by J. Puhvel, Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press : 1—17).

1970a. Studies in Indo-European legal language, institutions, and mythology («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press : 321—354).

1971. Indo-European and the Indo-Europeans. *Indo-European roots* («*The American Heritage Dictionary of the English Language*», New York: American Heritage Publishing Co.).

1972. Une désignation indo-européenne de l'eau («*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*», t. 67, fasc. 1 : 39—46).

1972a. Hittite *ga-nu-ut* and related forms («*Indo-European Studies*», I, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass. : 87—99).

1972b. Indo-European studies (*Special Report to the National Science Foundation*), Cambridge, Mass.

1973. Latin *suppus* («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 1, № 3 : 392—399).

1973a. 'River' in Celtic and Indo-European («*Ériu*», v. XXIV : 80—89).

1974. 'God' («*Antiquitates Indogermanicae*». Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der Indogermanischen Völker. Gedenkschrift H. Güntert, hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt, Innsbruck : 101—110).

1974a. I.-E. 'star' (*DIE SPRACHE*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Bd. XX, H. 1 : 10—14).

1975a. Some Indo-European verb phrases and their transformations («*Indo-European Studies*», II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 226—251).

1975b. Hittite *šāru*, Old Irish *serb*, Welsh *herw*. A Hittite-Celtic etymology («*Indo-European Studies*», II, ed. by C. Watkins. Cambridge, Mass.: 322—331).

1975c. Latin *ador*, Hittite *ḫat-* again [Addenda to HSCP 77, 1973 : 187—193] («*Indo-European Studies*», II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 368—378).

1975d. Sick-maintenance in Indo-European («*Indo-European Studies*», II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 379—387).

1975e. Observations on the "Nestor's cup" inscription («*Indo-European Studies*», II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 401—432).

1975f. Syntax and metrics in the Dipylon vase inscription («*Indo-European Studies*», II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 433—453).

1975g. NAM.RA GUD UDU in Hittite («*Indo-European Studies*», II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 489—503).

1975h. The Indo-European family of Greek *órkhis* : Linguistics, poetics, and mythology («*Indo-European Studies*», II, ed. by C. Watkins, Cambridge, Mass.: 504—539).

1975i. Latin IOUISTE et le vocabulaire religieux indo-européen («*Mélanges Linguistiques offerts à Émile Benveniste*». Société de Linguistique de Paris, LXX, Louvain. Éditions Peeters :527—534).

1976. Towards Proto-Indo-European syntax: Problems and pseudo-problems («*Papers from the Parasession on Diachronic Syntax*», April 22, ed. by S. B. Steever, C. A. Walker, S. S. Wuiwene, Chicago. Linguistic Society : 305—326).

1978. On confession in Slavic and Indo-European («*Folia Slavica*», v. 2, № 1—3. Studies in Honor of H. G. Lunt, ed. by E. A. Scatton, R. D. Steel, Ch. E. Gribble, Columbus, Ohio : 340—359).

WEBSTER T. B. L.

1955. Homer and the Mycenaean tablets (*ANTIQUITY*. A Quarterly Review of Archaeology, v. XXIX, № 113 : 10—14).

1958. From Mycenae to Homer, London : Methuen & Co.

WEINREICH U.

1954. Is a structural dialectology possible? («*Linguistics Today*». Published on the Occasion of the Columbia University Bicentennial, ed. by A. Martinet and U. Weinreich, New York : 268—280).

WEIPPERT M.

1975. Über den asiatischen Hintergrund der Göttin «Asiti» (*ORIENTALIA*. Commentarii Periodici Pontificii Instituti Biblici, v. 44, fasc. 1 : 12—21).

WEITENBERG J. J. S.

1975. Hethitisch kuša- (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 80 : 66—70).

WER K.

[illegible]. Hethitische Gerichtsprotokolle («*Studien zu den Boğazköy-Texten*», H. 4), Wiesbaden : O. Harrassowitz.

WERTH R. N.

1970. The problem of a Germanic sentence type (*LINGUA*. International Review of General Linguistics, v. 26, № 1 : 25—34).

WERTIME T. A.

1973a. Pyrotechnology. Man's first industrial uses of fire («*American Scientist*», v. 61, № 6 : 670—682).

1973b. The beginning of metallurgy : A new look («*Science*», v. 182 : 875—887).

WEST M. L.

1966. Hesiod. Theogony, Oxford : Oxford University Press.

1971. Early Greek philosophy and the Orient, Oxford : At the Clarendon Press.

1973. Indo-European metre (*GLOTTA*. Zeitschrift für Griechische und Lateinische Sprache, Bd. LI, H. 3/4 : 161—187).

WESTERMANN D.

1949. Sprachbeziehungen und Sprachverwandtschaft in Afrika («*Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*». Philologisch-Historische Klasse, 1948, 1), Berlin : Akademie-Verlag.

WHITE B.

1954. Medieval animal lore («*Anglia*», v. LXXII : 71—78).

WHITNEY W. D.

1889. Sanskrit Grammar. *Including both the classical language and the older dialects of Veda and Brahmana* (перепечатано : Harvard University Press, Cambridge, Mass. 1960).

WIESNER J.

1939. Fahren und Reiten in Alteuropa und im Alten Orient («*Der Alte Orient*», Bd. XXVIII : 48—92).

WIKANDER S.

1941. Vayu. Texte und Untersuchungen zur indoiranischen Religionsgeschichte, T. 1. Texte («Quaestiones Indo-Iranicae», ed. K. Rönnow et S. Wikander), Uppsala : Lundequistaka Bokhandeln.

WILBUR T. H.

1970. The ergative case and the so-called ergative-type languages («*Papers from the Sixth Regional Meeting*», Chicago Linguistic Society, Chicago : 416—424).

1980. The earliest stages of the successful resistance of Indo-Europeanization of the Western Pyrenees («*The Journal of Indo-European Studies*», v. 8, № 1/2 : 3—15).

WILKE G. W.

1922. Der Weltbaum und die beiden kosmischen Vögel in der vorgeschichtlichen Kunst («*Mannus*». Zeitschrift für Vorgeschichte. Bd. 14, H.1/2 : 73—99).

WINTER W.
1962. Die Vertretung indogermanischer Dentale im Tocharischen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 67, H. 1: 16—35).
1965. Armenian evidence («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague—Paris. Mouton: 100—115).
1965a. Tocharian evidence («*Evidence for Laryngeals*», ed. by W. Winter, The Hague — Paris. Mouton: 190—211).
1970. Some widespread Indo-European titles («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press: 49—54).
1979. The distribution of short and long vowels in stems of the type Lith. *ėsti* : *vèsti* : *mèsti* and OCS *jasti* : *vesti* : *mesti* in Baltic and Slavic languages («Recent Developments in Historical Phonology», ed. by J. Fisiak. «*Trends in Linguistics*». Studies and Monographs, ed. W. Winter, The Hague—Paris—New York. Mouton: 431—446).

WISSEMANN H.
1957/8. Zur nominalen Determination, I. Die Grundfunktion des bestimmten Adjektivs im Baltischen und Slavischen (*INDOGERMANISCHE FORSCHUNGEN*. Zeitschrift für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 63, H. 1: 61—78).

WISSMANN W.
1952. Der Name der Buche («*Vorträge und Schriften der Deutschen Akademie der Wissenschaften*», 50. Berlin).

WOOLLEY L.
1953. A forgotten Kingdom. *A record of the results obtained from the excavation of two mounds Atchana and Al Mina, in the Turkish Hatay, Baltimore—Maryland*: Penguin Books.

WOOLNER D.
1967. New light on White Horse («*Folk-lore*», v. 78, London: 90—111).

WRENN C. L.
1965. Some earliest Anglo-Saxon cult symbols («*Franciplegius. Medieval and Linguistic Studies in Honour of F. P. Magoun*», ed. by J. P. Bessinger and R. P. Creed, London—New York).
1973. Beowulf. With the Finnesburg Fragment (Fully revised by W. F. Bolton), London.

WRIGHT R.
1965. The Indo-European interdental spirants («*Omagiu lui Alexandru Rosetti*», Bucureşti: 1017—1022).

WÜST W.
1956. Idg. *peleku-* 'Axt, Beil'. Eine paläolinguistische Studie («*Suomalaisen tiedeakatemian toimituksia*», Sarja B, Nide 93, 1), Helsinki.

1969. Zum Problem einer indogermanischen Dichtersprache («*Studia Classica et Orientalia Antonio Pagliaro Oblata*», III, Roma: 251—280).

WYATT W. F., Jr.

1970. Indo-Europeanization of Greece («*Indo-European and Indo-Europeans*». Papers presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, and A. Senn, Philadelphia. University of Pennsylvania Press: 89—111).

1970a. Indo-European /a/, Philadelphia: University of Philadelphia Press.

1972. The Greek prothetic vowel («*Philological Monographs of the American Philological Association*», №31), Cleveland: Case Western Reserve University Press.

ZADOK R.

1975. Iranian names in Late Babylonian documents («*Indo-Iranian Journal*», v. 17, № 3/4: 245—247).

ZARINS J.

1979. [Рец. на кн.] Korucutepe: Final Reports («*Journal of Near Eastern Studies*», v. 38, № 1: 58—60).

ZELENIN D.

1927. Russische (ostslavische) Volkskunde, Berlin und Leipzig: W. de Gruyter & Co.

ZEUNER F. E.

1963. A history of domesticated animals, London: Hutchinson.

ZGUSTA L.

1964. Kleinasiatische Personennamen, Prag: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften.

1964a. Anatolische Personennamen, Teil I. Text; Teil II. Beilagen, Prag: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften.

ZIELIŃSKI T.

1972. Legenda o złotym runie, Kraków: Wydawnictwo Literackie.

ZIMMER St.

1976. Die Satzstellung des finiten Verbs im Tocharischen, The Hague—Paris: Mouton.

ZIMMERN H.

1917. Akkadische Fremdwörter als Beweis für den babylonischen Kultureinfluss (2-te durch vollständige Wörterverzeichnisse vermehrte Ausgabe, Leipzig: J. C. Hinrichs).

ZINKEVIČIUS Z.

1957. Lietuvių kalbos įvardžiuotinių būdvardžių istorijos bruožai, Vilnius : *Politinės ir Mokslinės Literatūros Leidykla.*

1966. Lietuvių dialektologija. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija, Vilnius : «Mintis».

1980. Lietuvių kalbos istorinė gramatika, I. Įvadas, Istorinė fonetika. Daiktavardžių linksniavimas. Vilnius : «Mokslas».

ZOHARY D.

1969. The progenitors of wheat and barley in relation to domestication and agricultural dispersal in the Old World («*The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*», ed. by Ucko P. J. and Dimbleby G. W., London. Duckworth : 47—66).

УКАЗАТЕЛИ*

* Составила Н. А. Джавахишвили

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВОФОРМ

Цифры указывают на страницы. Индекс к цифре является номером сноски на соответствующей странице.

Словоформы в латинской транслитерации языков с письменностями на нелатинской основе приводятся в порядке латинского алфавита. При этом составные символы следуют за соответствующими простыми: *b* — *bh*, *d* — *dh*, *g* — *gh*; *p* — *ph*, *t* — *th*, *k* — *kh*; *c* — *ch*, *j* — *jh*; символы с диакритическими знаками следуют за основными символами и друг за другом в последовательности: знак снизу — знак сбоку — знак сверху, причем символ с более сложным диакритическим знаком следует за символом с более простой диакритикой: напр., *n* — *ṇ* — *n'* — *ṅ* — *ñ* — *n̆* или *a* — *ą* — *ā* — *ą̄* — *ą̆* и т. п.; знак ударения — не влияет на порядок гласных букв. Гласный символ *ə* следует за *e*, символ *ɐ* — за *a* и т. д. В смешанной латинско-греческой транслитерации греческие буквы следуют за соответствующими латинскими: *b* — β, *d* — δ, *g* — γ, *p* — φ, *t* — ϑ, *k* — χ. Словоформы языков с письменностью на латинской основе или кириллицей приводятся в нормальном для соответствующих языков алфавитном порядке.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ КОРНИ, ОСНОВЫ, АФФИКСЫ

(ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ И РАННИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ)

***ablu-//*aplu-** (др.-европ.) 639, 639_1
***a̯od[ʰ]es-//*a/od[ʰ]H-es-** 716
***a̯g[ʰ]⁰no-** 584, 872
***-aH-** 218, 343, 344, 346, 347
***-aH-s** 374
***a̯k'-** 106_2
***a̯l-** 882
***a̯lk'-** 618, 619, 866
***a̯l̥u-** 802, 884
***a̯l̥-u-om** 272
***a̯k[ʰ]-men-/*ak[ʰ]-men-** 112
***a̯k[ʰ]er-** 112
***a̯k[ʰ]men k̑[ʰ]eǰ-e** 297
***a̯k[ʰ]ru** 108
***ak[ʰ]⁰aH** 282, 282_2, 283
***ak[ʰ]⁰ā** 283
***ak̑'-** 106_2, 883
***ak̑'e** 343
***ak̑'ro-** 877
***ak̑'-tʰos** 70
***alb[ʰ]o-** 783
***amlu-** (др.-европ.) 639, 639_2, 940
***an-** 203
***ang[ʰ]⁰i-** 526, 526_1
***anH-** 466, 468, 471, 823
***anl̥t[ʰ]-** 543
***ant[ʰ]-** 203
***arH-mo-/*ɾH-mo-** 785_1
***ar(i̯)o-** 755, 755_2
***ar-(t[ʰ]lo-)** 810
***aru̯-** 477, 481, 802, 884
***aru̯o-** 885
***(a)ɣg[ʰ]⁰a-** 925_1
***as-** 203
***(a)u-** 295_1
***aus-** 223, 229, 229_1
***(a)u̯es(k[ʰ])-** 876
***-ā** 374, 375, 380
-ā-** (-ē-**) 392, 393, 394
***-ān** 380
***ānu̯o-** 817

[***be-bʰer**] 25, 68
[***beǰdʰ-**] 25
[***bendʰ-**] 22, 25
[***beu̯dʰ-**] 22, 24, 32, 62
[***bi-bʰer-t[ʰ]i**] 23
[***bidʰ-**] 25
[***bud-tʰo-**] 34

[*bud^{h}-] 22, 24, 62, 405
*budh-/*bhudh- 6
[*bund^{h}-] 62
*b[h]āĝ[h]u- 271, 272 785_1
*b[h]aHk'o- 621, 866
*b[h]ak'- 141_1, 154_1
*b[h]ar- 69_1
*b[h]ar- (др.-европ.) 943
*b[h]ar(s)- 872
*b[h]āk'o- 141_1
*b[h]ed[h]-/*b[h]od[h]- 154
*b[h]eg[h]-/*b[h]og[h]- 154
*b[h]e(i)- 602, 610, 611, 755_3, 868, 876
*[b^{h}eḭd-] 25, 68
*b[h]eḭd[h]- 25, 37, 68
*b[h]el- 468, 491, 878
*b[h]el-/*b[h]loH-/*b[h]lḪ- 468
[*b^{h}end-] 25, 68
*b[h]end[h]- 163, 174, 217
*b^{h}enĝ[h]- 174, 782
*b[h]er- 22, 25, 37, 43, 216, 224, 498, 707, 884
*b[h]er-e-si 340
*b[h]er-e-t[h]i 328, 340, 341
*b[h]er-ē-si 340
*b[h]er-ē-t[h]i 340
*b[h]erĝ[h]- 217, 224, 668, 669, 669_1, 670, 744, 745, 781, 866, 879, 885
*b[h]erĝ[h]- *Hek'^{0}r- 837
*b[h]erHk'- 619, 620, 866
*b[h](e)rHk'-u- 621
*b[h]er-oH 340
*b[h]er-o-iH-m 341
*b[h]er-o-iH-s 341
*b[h]er-o-iH-t[h] 341
*b[h]er-o-ḭe-t[h]i 341
*b[h]es-/b[h]s- 156
*b[h]eu̯- 178
*b[h]eu̯d[h]- 24, 163, 174, 217, 224
*b[h]eu̯d[h]-o-mai 250
*b[h]eu̯g[h]- 174
*b[h]eu̯H- 198, 206
*b[h]eu̯H-/*b[h]uH- 467
*b[h]ēd[h]- 146_3
*-b[h]i/-*b[h]i-s 288, 380, 381, 394, 396
[*b^{h}i-ber] 25
*b[h]ib[h]er//*b[h]eb[h]er 220, 530
*b[h]id- 25, 68
*b[h]i-t[h]- 611_1
*-b[h]los 381, 911
*b[h]lāg[h]-men- 789_1
*b[h]ŋ-d[h]- 163, 174
*b[h]ŋĝ[h]- 174
*b[h]ŋĝ[h]-u- 200
*b[h]od[h]-thos 70
*-b[h]os 381, 394, 396
*b[h]raHt[h]er- 764, 765, 769, 770, 771
*b[h]rāt[h]er- 37, 38, 49
*b[h]rāt[h]er-s 184
*b[h]rāt[h]ēr-Ø 184
*b[h]rāt[h]r-aH 283
*b[h]reḱ'-/*b[h]ruḱ'- 699, 868
*b[h]reu̯- 643
*b[h]ruH- 786_1, 812
*b[h]ṛ- 224
*b[h]ṛĝ[h]- 174, 220, 224, 879, 883
*b[h]ṛ-t[h]- 224
[*b^{h}ud-] 24, 29
*b[h]ud[h]- 24, 163, 174, 224, 489, 528
*b[h]ud[h]-n- 488, 490
*b[h]ug[h]- 174
*b[h]uH- 198, 206, 295, 296
*b[h]uḱ'o- 586
*b[h]ū- 206
[*deḭĝ^{h}-]/[*d(e)ig-t^{h}-]> [*d(e)ig-d^{h}-] 110
[*di-d^{h}ē-] 62
[*di-d^{h}ē-mi] 23
*dŋg[h]- 23
[*drigh-] 23
*d[h]aH- 220
*d[h]eb[h]- 146_3, 147, 154, 782
[*d^{h}eg^{0}-] 68
*d[h]eĝ[h]- 149, 536
*d[h](e)ĝ[h]om- 475, 821, 877
*d[h]eg[h]^{0}- 146_1, 826_1
*d[h]eg[h]^{0}-/*d[h]og[h]^{0}- 154
*d[h]eH- 159, 203, 208, 210, 216, 224, 801, 810, 833, 837, 877, 883, 942
*d[h]eH(i)- 570
*d[h]eH-m- 810
*d[h]eḪ- 159, 166, 172
*d[h]eiĝ[h]- 412, 707, 884
*d[h]eiĝ[h]-/*d[h]eig[h]- 412_1
*d[h]en- 671, 878
*d[h]eun- (др.-европ.) 745
*d[h]eu̯- 466, 475, 494, 495
*d[h]eu̯g[h]- 569
*d[h]eu̯H- 206
*d[h]eu̯-H/s- 823
*d[h]eu̯-H/s-~~*d[h]u-H/s- 466
*d[h]eu̯s- 237, 239, 241, 243
*d[h]eu̯-s-//*anH- 468, 471
*d[h]ē- 22, 66, 66_3, 67, 69_1, 159, 172, 203
*d[h]ēḭ- 172
*d[h]ĝ[h]em- 877
*(d[h])ĝ[h](o)mon-s 184
*(d[h])ĝ[h](o)mōn-Ø 184
*d[h]ĝ[h]ū- 536, 867
*d[h]Ḫ- 224
*d[h]Ḫ-t[h]o- 208
*d[h]Ḫ- 166
*-d[h]i 361_1
*d[h]id[h]aH- 220
*d[h]ŋ-k'- 200
*d[h]oHnā- 873
*d[h]olg[h]o- 932
*d[h]reu̯g[h]- 755_3
*d^{h}ṛd- 26, 26_1
*d[h]ug[h]Ḫt[h]er- 184, 243, 766, 769, 770, 771
*d[h]ug[h]Ḫ-t[h]-ēr-Ø 184
*d[h]uH- 206
*d[h]ur- 22_1, 37, 43, 134_1, 180, 224 721, 743, 743_2, 869
*d[h]u̯- 243
*d[h]u̯er- 22_1, 37, 134_1, 217, 224, 877
*d[h]u̯-es- 237, 239, 241
*d[h]u̯or- 180
*d[h]ū- 206

*e- 388
*-e 295
*e/o 359, 362, 364
-e-/-o- 340, 343, 344_1, 344_2
*(e)d[h]- 346, 633
*ed[h]lo- 633, 634
*eĝ[h]i- 526, 526_1
*-ei 301
*ei-ḭo- 379
*eḭ 343
*eḭ-/i- 180, 218, 225, 246, 295_1, 696_1, 724

*eḭ-/*oḭ- 629, 631, 867
*eḭb[h]- 218
*eḭb[h]-/*ḭeb[h]- 817$_1$
*eḭ-e-s-(i) 340
*eḭ-e-t[h](i) 340
*eḭ-mi- 340
*eḭ-oH 340
*eḭs- 218
*eḭs-/*is- 225
*eḭs-/*is- 'холод', 'лед' 682, 866
*eḭsH̥ro- 801, 884
*eḭ-si 340
*eḭ-sk[h]-/*eḭ-sk̂[h]- 112
*eḭ-t[h]i 340
*-ek̂[h]- 239, 345, 346
*ek̂[h]u- *ek̂[h]u̯o- 837
*ek̂[h]u̯- 545
*ek̂[h]u̯o- 100, 102, 560, 564, 564$_1$, 868, 869, 914
*ek̂[h]u̯-om 272
*ek̂[h]u̯o-s 183, 271, 272, 544, 554, 556, 561, 564
*ek[h]^{o}- 217, 246, 295$_1$, 346, 394, 671, 702, 940
*ek[h]^{o}-os/*ok[h]^{o}-os 940$_1$
*ek'^{o}r- 203
*el- 634, 634$_1$
*-el- 218
*e/ol- 543
*el-en-/*el-n̥- 517, 518
*el-(e)n-//*el-k̂[h]- 867
*(e)l-eu̯-d[h]- 249
*eliso-//*aliso- 635
*(e)l-k̂[h]- 517, 518
*el-n̥- 518$_1$
*el-n̥-b[h]o- 517$_1$
*em- 218, 754
*-em 394, 397
*en(o)mn̥ 181, 937
*[e]nsi- 739, 884
*ep[h]- 217, 246
*e/op[h]op[h]- 541$_1$
*er- 218, 225, 246
*-er- 218
-er-/-r̥- 225
*e/or- 788$_5$
*-e/o-r(i) 331
*e/orH- 743, 885
*erH-os 206
*erH̥-/*reH- 675, 870, 950
*er(i)- 584
*es- 'сидеть' 217, 295, 883, 928
*es- 'быть' 217, 224, 246, 289$_1$, 295, 295$_1$, 296$_1$, 341, 810, 928
*-(e)s 218, 381$_1$, 383
*-es- 218, 225, 344, 345, 346, 347, 705
*(e)s-en- 691, 868
*es-e-s(i) 341
*es-e-t[h](i) 341
*esH(o)r- 117
*esHo-s 206
*esH-r̥ 257$_1$, 878
*esHr̥/-n-(t[h]) // *esHr̥/-n-(k[h]) 816
*-e-si 329
*es-mi 117
*-eso 382, 394, 397
-eso/-oso 378
*-e/oso 379
*es-oH 341
*(e)s-ont[h]i 250
*es-t[h]i 117
*esu- 245$_1$, 349
*-(e)ŝ-k̂[h]- 346
*-e-t[h] 329
-et[h]-/-ot[h]- 218, 346
*-e-t[h]i 329
*et'- 36, 41, 50, 190, 217, 224, 246, 248, 295$_1$, 302, 302$_3$, 698, 701, 814
*et'-men 250
*et'-mi 250
*(e)t'-ont[h]- 302, 814
*et'-ri 250, 302
*et'-t[h]i 52
[*et'-t[h]o-] 33$_2$, 70, 406
*eud[h]- 569$_4$, 869
*eus- 826$_1$
*eu̯- 705
-eu̯-/-u- 218, 225, 344, 346
[*grīd[h]-] 656
*ĝrīd^{h}- 26
*g[h]ab[h]- 143, 146, 289
*g[h]ag[h]a- 542$_2$
*g[h]aḭt'- 872, 968
*g[h]ar-ĝ[h]- 98
*g[h]eb[h]- 154
*g[h]eb[h]-(e)- 403, 813$_3$
*g[h]ed[h]- 146$_3$
*g[h]ed[h]-/g[h]od[h]- 154
*g[h]eḭĝ[h]- 710$_1$
*g[h]eḭ-u- 533
*g[h]er-//*ĝ[h]er- 744
*g[h]erd[h]- 175, 744, 885
*g[h]eu̯ĝ[h]- 97
*g[h]n-eu̯-ĝ[h]- 98
*g[h]nit'- 535, 867
*g[h]n̥s-/*ĝ[h]on-s- 112
*g[h]olg[h]ol- 837
*g[h]ost[h]i- 168, 754, 755, 755$_1$
*g[h]ou̯- 803$_3$
[*g[h]r̥d-] 656
*g[h]r̥d[h]- 175
*g[h]r̥i- 656
*ĝ[h]aḭg[h]- 97
*ĝ[h]ans- 542, 543$_1$, 867
*ĝ[h]d[h]-e/om- 527
*ĝ[h]eḭ- 215, 216, 224, 226, 243, 544$_1$
*ĝ[h]eḭm- 100, 215, 226, 242, 681, 853$_1$, 866
*ĝ[h]eḭmo- 226, 242
*ĝ[h]eḭm-om 304
*ĝ[h]eḭm-ont[h]- 304
*ĝ[h]el- 714, 816
*ĝ[h]em- 877, 910
*ĝ[h]eng[h]- 97
*ĝ[h]er- 173$_1$
*ĝ[h]erd- 656
*ĝ[h]er-s- 229
*ĝ[h]eslo- 922
*ĝ[h]-es-r̥ 408, 807
*ĝ[h]es-r̥/*ĝ[h]es-t[h]o- 785, 807, 812
*ĝ[h]i- 224, 226, 243
*ĝ[h]i-m- 242
*ĝ[h]imou̯ont[h]os 250
*ĝ[h]ḭ-em- 226, 242, 243
*ĝ[h]ḭem-n̥ 272
*ĝ[h]ḭem-s 271, 272
*ĝ[h]ḭom-s 184
*ĝ[h]-ḭōm-Ø 184
*ĝ[h]oḭmo- 226
*ĝ[h]oriḭo- 877$_1$
*ĝ^{h}r̥d- 26, 26$_1$
*ĝ^{h}r̥d^{h}- 26
*ĝ[h]u̯er- 181$_1$, 468, 469, 471, 485, 491
*g[h]^{o}el- 175
*g[h]^{o}en- 100, 125, 740, 883, 884
*g[h]^{o}en-aH 218
*g[h]^{o}en- *ŋg[h]^{o}im 837
*g[h]^{o}en-t[h]i 410
*g[h]^{o}er- 91, 176, 708
*g[h]^{o}er-m- 683, 866

*g[h]°er-mo- 683
*g[h]°l- 175
*g[h]°n- 125
*g[h]°n-ont[h]i 410
*g[h]°or- 91
*g[h]°r- 176

*-H 344$_1$
*-Ha 295, 329, 330, 331, 332, 335, 336, 388, 389, 390, 391
*-Hai 301
*Haie/os- 458, 709, 712, 868
*Hak̂[h]- 230
*(H)ak̂[h]mon-s 184
*(H)ak̂[h]mōn-Ø 184
*Hak̂[h]s- 721, 869
*Hak̂'ro- 694, 868
*Ham- 690, 868
*Han- 203, 766, 769, 770
*Hand[h]- 873
*Hanĝ[h]-u- 781
*Hank[h]- 723
*Hans- 201
*Hant[h]- 158, 203, 814
*Hant[h]io- 814
*Hap[h]- 158, 217, 224, 274, 670, 671, 862, 866, 920
*H$_2$ap[h]nis 72$_1$
*Hap[h]-os t[h]ek[h]°- 670
*Hap[h]-s 282$_2$
*Har- 229, 687, 688, 868
*Har-H- 688$_1$
*Har-H-t[h]ro-m 688, 690, 868
*-Ha-r(i) 331
*Hark̂'- 217, 229, 713, 713$_2$, 714, 919
*Har-m- 723
*Has- 158, 203, 699, 808$_1$, 884
*Hast[h]er- 685, 686,875, 875$_1$, 876, 967
*Hat[h]- 883,883$_1$
*Hat'- 655
*HauHo- 766, 766$_3$, 767, 767$_3$, 768, 769, 770, 771, 773
*Hausos-s 185
*Hausōs-Ø 185
*Hau̯- 230
*Hau̯i- 233, 239
*Hau̯k'- 236, 239
*Hau̯-s-/*Hu̯-os- 713
*Heb[h]- 524
*Heg[h]°no- 872
*Hek'°r- 203, 665, 670
*Hek'°r-/*Hk'°e/or-/*Hk'°r- 665, 666, 678, 866, 877
*Henk̂[h]-/*Hnek̂[h]- 822
*He/or- 538, 867
*HerH- 235, 239
*Her-H-t[h]ro- 688
*He/ou̯-/*Hu̯- 583
*Heu̯g[h]°- 236, 239
*Heu̯g[h]°-/*Hueg[h]°- 803
*His- 203, 869, 922
*His-/*Hoi̯-es-/*Hoi̯s- 721
*Hk̂[h]-eH- 230
*Hk'°r-i- 666
*Hnaras 202
*Hnek̂[h]- 476, 822
*Hnek̂[h]-t[h]H- 822$_3$, 822$_4$ 823
*Hner- 236, 239, 802
*Hner-m 272
*Hner-s 271, 272, 276
*Hner-t[h] 276, 802, 884
*Hn̥k̂[h]- 822
*Hns-/Hons- 201
*Hn̥s(-u-) 201
*Ho- 805, 807, 884
*-Hoi 390$_1$
*Hoi̯s- 922
*Honr- 236, 239
*Hons- 750, 751, 885
*Hop-s 183
*Hop[h]- 63, 159, 798$_1$
*Hop[h]-r/n- 746, 885
*Hor- 158, 217, 390, 395
*Horel- 218
*Hos- 159, 625, 627, 867
*(H)osp[h]- 626, 627, 867
*Host[h]- 55, 203
*H(o)u̯- // *Hueb[h]- 884
*Hou̯i- 159, 577, 578, 579, 580, 583, 584, 585, 868
*Hou̯i-m 272
*Hou̯i-p[h]aH- 695
*Hou̯i-s 183, 271, 272
*HreH- 235, 239
*Hr̥d[h]- 749
*Hr̥t[h]k̂[h]- 497, 867
*Hu- 583$_1$
*Hu-d[h]- 583$_1$, 757
*Hu-g[h]°- 803
*Hu̯- 677, 678
*Hu̯-aH- 230
*Hu̯-eb[h]- 585, 704
*Hu̯ed[h]- 756, 757
*Hu̯-e/od[h]- 583$_1$
*Hu̯eg[h]°- 236, 239, 803
*Hu̯ei̯- 233, 239, 489, 490 537, 867
*Hu̯ek[h]°- 803$_2$
*Hu̯e-k'- 236, 239
*Hu̯ent[h]- 489$_1$ 677, 866
*Hu̯e/ont[h]- 206
*Hu̯er- 719$_1$
*Hu̯er-ĝ[h]- 719, 720, 869
*Hu̯er-t[h]- 719, 869
*Hu̯es- 206, 467, 469 741$_3$
*Hu̯]n- 206, 207, 578$_1$ 583, 583$_1$, 584, 585, 884
*Hu̯l-no- 861
*Hu̯p[h]- 224
*H̥es- 159
*H̥et'- 159

*i: *ei̯- 'идти' 247
*-i 342, 374, 383, 392, 392$_1$
*-i- 343
*-ī 374, 375, 376, 377, 379, 393
*-iH-s 374
*-iH̯ā 375
*is- 291
*is 203
*-is-t(h)o- 55, 388, 394, 397
*it' 291
*i̯aH- 724, 869
*i̯ak'- 216, 803$_3$
*-i̯e- 342, 343
*i̯eb[h]- 524
*i̯eb[h]-//*Heb[h]- 525, 867
-i̯eH-/-iH- 340, 343
*i̯eHk[h]-//*i̯H̥k[h]- 818$_1$
*i̯ek[h]- 216, 818$_1$
*i̯ek̂[h]u̯(o)- 245$_1$
*i̯ek[h]°r-t[h] 273, 849
*i̯ek[h]°r/n-t[h]- 815
*i̯ek'- 245$_1$, 655$_2$, 682, 866
*(i̯)enH̥t[h]er- 760, 763, 771
*i̯eu̯-k'- 721
*i̯eu̯o- 655, 656, 805, 868, 884, 928
*i̯eu̯(o)-d[h]eH- 810
*i̯eu̯-s- 703

*ēr- 691$_1$
*ḷo- 218, 270, 352, 353, 389$_1$, 395
*-ḷo 354$_1$, 354$_2$, 365, 366, 376
*-ḷo- 379
*ḷos 386, 387, 388, 394
*ḷot^{h} 275$_1$, 386, 387
*ḷu- 293$_1$
*ḷuk'-om 179, 272, 276, 721, 722, 723, 869, 877
*ḷuk'-s 276
*ḷu̯e- 254
*k^{h}laHu- 715
*k^{h}laḷ-lo- 812$_1$
*k^{h}laḵ^{h}- 97
*k^{h}lap^{h}- 143, 146
*k^{h}lap^{h}-el- 813$_3$
*k^{h}lap^{h}ut^{h}- 813$_3$
*k^{h}lark^{h}ar- 533, 867
*k^{h}lat^{h}- 599, 600
*k^{h}leḷ-ḵ^{h}- 98
*k^{h}leḵ^{h}s- 168
*k^{h}lel- 669, 670
*k^{h}len- 98$_1$
*k^{h}len-k^{h}- 98$_1$
*k^{h}ler- 644
*k^{h}ler-/*k^{h}lor-/*k^{h}lr̥- 540, 867
*k^{h}lerH- 205
*k^{h}lerk^{h}- 601
*k^{h}lerp^{h}- 691, 692, 878
*k^{h}les- 156, 216, 223, 578$_1$, 884
*k^{h}let^{h}- 146$_2$
*k^{h}let'- 155
*k^{h}le/ou̯- 836
*k^{h}laHu̯- 874
*k^{h}leu̯-s-/*ḵ^{h}leu̯-s- 112
*k^{h}-ḷ-e(s)- 202
*k^{h}n-ek^{h}- 98$_1$
*k^{h}neu̯- 636
*k^{h}loḵ^{h}- 98
*k^{h}lol- 866
*k^{h}lom 360, 362, 364, 365$_2$
*k^{h}lorḵ^{h}- 97
*k^{h}lor-n- 540
*k^{h}los(e)lo- 168, 636
*k^{h}lot^{h}- 146$_2$
*k^{h}lot'- 155
*k^{h}lr̥-/*ḵ^{h}l(e)r- 113
*k^{h}lrek^{h}-ḷ-/*k^{h}lreḵ^{h}- 112
*k^{h}r̥-em- 703
*k^{h}reuH-/*k^{h}ruH- 688
*k^{h}r̥H- 205
*k^{h}r̥-m-//*k^{h}l^{o}r̥-m-// *u̯r̥-m- 540
*k^{h}r̥no- 644, 645, 868
*k^{h}r̥u̯-/*ḵ^{h}leru̯- 113
*k^{h}r̥-t^{h}- 93
*k^{h}s- 156
*k^{h}s-en- 223
*k^{h}s-n-eu̯- 223
*k^{h}sn-ḷō- 223
*k^{h}u̯as- 102
[*k^{h}u̯ep-] 29
*k^{h}u̯ep^{h}- 102
*ḵ^{h}- 344
*ḵ^{h}ank^{h}- 927
*ḵ^{h}as- 521
*ḵ^{h}as-no- 521, 867
*ḵ^{h}at^{h}- 146$_2$
*ḵ^{h}ă̄k^{h}- 97, 690
*ḵ^{h}eḷ- 230, 295
*ḵ^{h}ens- 894
*ḵ^{h}ent^{h}- 236, 239
*ḵ^{h}er- 'плод' 644, 645
*ḵ^{h}(e)r- 'голова', 'рог' 113, 173, 876
*ḵ^{h}er- 'гибель' 190$_1$
*ḵ^{h}ĕr- 'сердце' 100, 186
*ḵ^{h}(e/o)re/ot'-d^{h}eH- 833
*ḵ^{h}erH- 'старый' 205
*ḵ^{h}erH- 'смешивать' 234, 239
*ḵ^{h}(e)rḫs-r/n- 813
*ḵ^{h}erḫsr-iH 284
*ḵ^{h}erḫs-ro- 813
*ḵ^{h}erḫsr-om 284
*ḵ^{h}er-n- 645
*ḵ^{h}er-t'- 173, 186, 190$_1$, 273, 800$_1$, 801, 812, 878
*ḵ^{h}eru̯- 113
*ḵ^{h}er-u̯/n- 484, 566
*ḵ^{h}eu̯-H- 228
*ḵ^{h}eu̯ḵ^{h}- 98
*ḵ^{h}ă̄ḵ^{h}o- 97
*ḵ^{h}ḷ-eH- 230
*ḵ^{h}ḷe- 539
*ḵ^{h}leu̯o- 834
*ḵ^{h}leu̯o-d^{h}eH- 834
*ḵ^{h}m̥t^{h}- 850
*ḵ^{h}m̥t^{h}om 98, 846
*ḵ^{h}net^{h}- 236, 239
*ḵ^{h}or-u̯- 173
*ḵ^{h}raH- 234, 239
*k^{h}red-d^{h}ē- 69
*k^{h}ret'-d^{h}eH- 800, 800$_1$, 801, 810, 837, 884
*ḵ^{h}rḫs-n̥ 813
*ḵ^{h}r̥- 173, 760
*ḵ^{h}r̥-H- 205
*ḵ^{h}r̥-n- 876, 967
*ḵ^{h}r̥s-en- 535
*ḵ^{h}r̥-t'- 173, 186, 199
*ḵ^{h}r̄- 'голова' 205
*ḵ^{h}r̄- 'слава' 205
*ḵ^{h}r̄-s- 93
*ḵ^{h}u̯-aH- 228
*ḵ^{h}u̯(e/o)n- 100, 181, 243, 589, 868, 880$_1$
*ḵ^{h}u̯enk^{h}- 98
*ḵ^{h}u̯en-t^{h}o- 801
*ḵ^{h}u̯on-m 272
*ḵ^{h}u̯on-s 184, 271, 272
*ḵ^{h}u̯ōn-Ø 184
*k^{h}l^{o}-/*ek^{h}l^{o}- 247
*k^{h}l^{o}e 218, 270, 353, 354$_1$
*-k^{h}l^{o}e 354$_1$, 365, 366
*k^{h}l^{o}eḷ- 810$_1$
*k^{h}l^{o}e/oḷ-(nā-) 809
*k^{h}l^{o}eḵ^{h}-/k^{h}l^{o}ḵ^{h}- 154
*k^{h}l^{o}eḵ^{h}l^{o}l-o- 220, 258, 707$_1$, 718, 719, 720, 721, 737$_1$, 869
*k^{h}l^{o}el- 220, 258, 695, 718, 719, 720
*k^{h}l^{o}er- 176, 178, 706
*k^{h}l^{o}er-/*k^{h}l^{o}r-eḷ- 747, 810$_1$
*k^{h}l^{o}et^{h}- 153
*k^{h}l^{o}et^{h}ur-om 268$_2$
*k^{h}l^{o}et^{h}ur-t^{h}o- 845
*k^{h}l^{o}et^{h}u̯e/or- 92, 148, 845, 847, 849, 850
*k^{h}l^{o}et^{h}u̯r̥-ḵ^{h}lomt^{h}- 847, 847$_1$
*k^{h}l^{o}i- 160, 395
*k^{h}l^{o}is 117, 352, 243, 270, 386, 387, 387$_2$, 394
*k^{h}l^{o}i-t^{h} 386, 387
*k^{h}l^{o}ḷeH- 235, 239, 242
*k^{h}l^{o}r̥- 176
*k^{h}l^{o}r(e)ḷ- 875
*k^{h}l^{o}r̥mi- 527$_2$, 533
*k^{h}l^{o}t^{h}- 153
*(k^{h}l^{o})t^{h}ur-ḷo- 148, 845

*k'at'-u- 600
*k'eg[h]- 141$_1$
*k'eɟk'- 97
*k'er- 540, 867
*k'reb[h]- 533

*k'al(ou̯-) 760, 763, 770, 771
*k'eb[h]-//*k'ep[h]- 879
*k'eḱ'n- 220
*k'eḱ'on- 220
*k'emb[h]- 815, 879
*k'en- 'рождать; род' 108$_2$, 748, 749, 750, 751, 751$_1$, 760, 762$_1$, 763, 885
*k'en-/*k'n- 'знать; познавать' 804, 878, 880
*k'enH- 175, 198, 205, 234, 239
*k'en-o- 772
*k'enos 'род' 186
*k'en-t[h]- 748, 749, 751$_1$
*k'e/onu- 'колено' 59$_1$, 100, 106$_2$, 173, 233, 239, 786$_3$, 815
*k'enu-s 'подбородок' 183
*k'en-u̯- 173
*k'erH- 175, 205, 217, 224
*k'er[ont[h].] 825
*k'iḱ'n- 220
*k'mb[h]- 879
*k'neH- 234, 239
*k'n-eu̯- 173, 233, 239
*k'n-oHu̯- 171
*k'n-oH^o- 171
*k'nu-n-/*k'lu-n- 113
*k'nH- 175, 198, 205
*k'omb[h]o- 879
*k'rH- 175, 205, 224
*k'rno- (др.-европ.) 694, 943
*k'r̄- 205
*k'r̄~n- 93

*k'^{o}eɟ- 465
*k'^{o}eɟH- 235, 235$_1$, 239, 242
*k'^{o}el- 175
*k'^{o}elb[h]- 816
*k'^{o}elH- 617, 866
*k'^{o}(e)m-sḱ[h]- 108
*k'^{o}en- 92, 758, 767, 770, 771
*k'^{o}enaH-m 272
*k'^{o}(e)naH$_2$-s 185, 271, 272, 283
*k'^{o}enā 283
*k'^{o}(e)nāH$_2$-Ø 185
*k'^{o}er- 'тяжелый' 175, 228, 693
*k'^{o}er- 'пожирать' 231, 702
*k'^{o}erH- 'желанный' 205
*k'^{o}erH- 'тяжесть' 228
*k'^{o}ern- 873
*k'^{o}eru- 233, 239, 782
*k'^{o}i- 465
*k'^{o}i̯u̯- 465
*k'^{o}i̯-u̯o- 468
*k'^{o}ɟeH- 235, 235$_1$
*k'^{o}]- 175
*k'^{o}m-t[h]os 199
*k'^{o}ou-m 191
*k'^{o}ou-s 191
*k'^{o}ou̯- 191, 565, 565$_1$, 566, 567, 567$_2$, 574, 575, 579, 755$_2$, 868, 869, 876, 880$_1$.
*k'^{o}ou̯-u̯s- 566
*k'^{o}ōm 191
*k'^{o}ō-s 191
*k'^{o}ōu̯- 565$_2$
*k'^{o}rāu̯- 693, 694, 868
*k'^{o}r-eH- 228
*k'^{o}reu̯- 233, 239
*k'^{o}r-oH- 231
*k'^{o}r̄- 175
*k'^{o}r̄H- 205
*k'^{o}r̄ru- 93, 199, 413
*k'^{o}r̄- 205
*k'^{o}r̄f[h]- 93, 413
*k'^{o}u- 565, 575
*k'^{o}ū- 565$_2$

*-l- 394
*laH(u̯)o- 740, 884
*laḱ[h]- 536
*laḱ[h]s- 536
*lau̯- 740, 884
*leb[h]ont[h]- 524, 525
*leb[h]-ont[h]-//*leHb[h]o- 867
*leg[h]- 216, 877
*leĝ[h]- 654$_2$
*leg[h]^o- 782
*leHb[h]o- 525
*leɟĝ[h]- 111$_1$
*leɟk[h]^o- 89$_1$, 163, 217, 224
*leɟk'- 806, 807, 884
*leḱ'- 827$_1$
*leḱ'-/*loḱ'- 941
*les- 827$_1$
*leu̯- 508, 509$_1$, 510, 867,
*leu̯d[h]ero- 477, 481, 885
*leu̯k[h]-/*luk[h]- 'светить' 512, 883
*leu̯k[h]- 'рысь' 867
*leu̯-os 508
*lH- 224
*lHHu- 211
*liĝ-t^{h}o- 111
*li-k[h]o- 163, 224
*lĭno- 659, 660, 660$_1$, 661, 704, 868, 884
*loH- 216, 224
*loHu̯- 171
*loH^o- 171
*louk[h]oɟe/o- 178
*louk[h]snā- 685
*luk-t[h]o- 148
*luk[h]eɟe/o- 178
*luk[h]-es- 218
*lūs- 535, 867
*lb[h]ont[h]- 524

*-m 342, 344$_1$, 394
*-m- 360
-m-/-H- 343
*maHk[h]- 209
*maHlo- 642, 868
*maHt[h]er- 765, 767, 769, 770, 771
*-mai 390, 390$_1$
*manu- 475, 481, 759
*mar-k[h]o- 554, 732
*mat[h]-//*mot[h]- 877
*māt[h]er- 49, 913$_3$
*māt[h]er-s 184
*māt[h]er-Ø 184
*me 254
*me-/*m- 225
*-me 293$_1$
*med[h]ɟo- 485, 490, 492
*med[h]u- 603, 604, 604$_1$, 605, 607$_1$, 703, 868, 874, 937
*med[h]u̯-et'- 498
*meH- 684, 691
*meH(i)- 691, 868
*meH-s-//meH-n- 684
*meɟ̂- 160, 172
*meɟ- 754, 885
*meɟ-(-n-) 754
*meḱ'H- 782
*meḱ'-ɟos-s 185

*[illegible]k'-ļôs 185
*[illegible]el- 'молоть' 220, 231, 658, 692, 693, 694, 868
*[illegible]el- 'черный' 783
*[illegible]el- 'говорить; молвить' 803_1
*[illegible]eld[h]- 803
*[illegible]el-i-t[h]- 603, 604, 605, 868, 874
*[illegible]elk'- 569, 569_3, 570, 570_1, 571, 869
*[illegible](e)lk'-/*mļk'-s- 110
*[illegible]leme 254
*[illegible]emļ- 220
*[illegible]en-/*mn- 'думать' 176, 216, 224, 472, 472_4, 813, 835_1
*[illegible](e)n- 'возвышаться' 666_1
*-[illegible]en 248_1
*[illegible](e)n-t[h]- 666, 868
*[illegible]er- 'умирать' 475, 476
*[illegible]er- 'темный' 646
*[illegible]erk[h]o- ~ merk'o- 143_1
*[illegible]es 292, 293
*-[illegible]es 248
*[illegible]et'- 811
*[illegible]euk[h]- ~ *meuk'- 143_1
*[illegible](e)us- 663, 867
*[illegible]eu-/*mu- 818
*[illegible]ems-o- 698
*[illegible]Hk[h]-ro- 209
*[illegible]Hr-/n- 807
*[illegible]r/n-(t[h])- 806
*-[illegible](i) 295, 329, 330, 331, 332, 336, 339, 343, 368, 390
*-[illegible]s 382
*[illegible]-eH- 231
*[illegible]-/*mul- 693
*[illegible]k'- 98_1
*[illegible]-(o)- 202
*[illegible]mé 255
*[illegible]mo- 757
*[illegible]- 176
*[illegible][h]- 670
*[illegible][h]is 199
*[illegible]-o 331
*[illegible]- 393, 394
*[illegible]- 331, 394, 395
*[illegible]mo- 666_1, 815
*[illegible][h]-H- 55
*[illegible]- 390
*[illegible]- /*mar- 672
*[illegible]i) 943
*mor-m(o)- 222
*m(o)r-t[h]o- 475
*mor-u̯-//*u̯or-m- 174, 527_2
*mŏro- 645, 868
*mreg[h]- 813_1
*mreĝ[h]u- 782
[*muĝ[h]-/*mugt[h]o-] 110
*muk'- 803, 807, 884
*mu(s)- 534, 867
-mus//-mos 382
*mŭs 185, 531, 867
*-n- 343, 344, 345, 346
*naH- 172, 804, 807, 884
*-n-(a)H- 345
*naHu̯- 674, 870, 874, 950
*nas- 814
*nas-s 185
*nāu-s- 825
*nāu̯- 634_3
*ne- (*местоим.*) 293_1
*ne-/*n- (*отрицание*) 218, 225, 254
*neb[h]- 667, 668, 668_1
*neb[h]es- 167, 186, 218, 866
*neb[h]es- leu̯k[h]-e 297
*ne/og[h]o- 100, 168
*-n-(e)k̂[h]- 345
*nek[h]o- 215, 216
*nek[h]o-t[h]- 168
*ne/ok[h]o t[h]- 215, 791_1
*(n)em- 754, 885
*nep[h]ōt[h]- 767, 767_2, 768, 768_1, 769, 771
*nep[h]ōt[h]-s 183
*nept[h]t[h]- ī 769, 771
*ner-s 190
*nes- 762_2
*-n-(e)-s- 345
*-n-es-k̂[h]- 345
*-n-(e)u̯- 345, 347
*neu̯aH$_2$- 158
*neu̯(e)n- 846, 848, 850
*neu̯n̥-k̂[h]omt[h]- 848
*neu̯o- 783, 850
*nē-mn- 472_4
*nēr 190
*nḫH-om 210
*nḫH-ont[h]- 210
*nī- 781
*nob[h]-/*n̥b[h]-/m̥b[h]- 817
*nog[h]o- 168
*nok[h]o t[h]-s 183, 183_1
*nom(e/o)n *d[h]eH- 833
*not'-/*n̥t'- 257_3
*-nt[h]- 677
*-nt[h]oi 390
*-nt[h]or 390
*nu/*no 359, 360, 362, 364
*nug[h]o- 168
*n̥k'ni- 257_4, 274, 699_2, 831
*n̥-mn̥t[h]o- 475, 823
*n̥s-me, n̥s-mé 254, 255
*n̥-t'ļu- 201
*n̥-t'iu̯-ont[h]- 748
*-o- 342, 343
*-ŏ 374
*og[h]oi- 526
*og[h]oi-//*ang[h]i- 867
*-[o]H 329, 341
*o(H)us- 786_4, 812
*-oi 383, 390, 394, 395
-oi/-ai 390, 395
*oļ- 843
*oļ-k[h]- 843
*oļ-no- 843
*oļs-//*oHs-//*ous-t[h]- 814
*oļ-u̯o- 843
*ok̂[h]t[h](o)- 850, 879
*ok̂[h]t[h]ō-k̂[h]omt[h]- 848
*ok̂[h]t[h]ōu 281_2, 846, 848, 849, 850
*olg[h]o- /*ļg[h]o- 925_1
*olinā 518_1
*-om- 360
*omb[h]- 878
*-o-m(i) 329
*ong[h]o- 704, 868
*onk[h]-o- 941
*onk̂[h]o- 925
*(o)nomn̥ 937
*-ont[h]i 46
*ont'-/*n̥t'- 666, 670, 866
*or- 'стоять; вставать' 295, 671_1, 672
*or- 'молить; запрашивать' 802, 807
*orb[h]o- 747, 885
*orĝ[h]-ļ- 817
*ornu- 200
*ors- 817
*or-u-n- 866

*-os (*формант им. п.*) 376
*-os- 360
*-(o)s (*формант род. п.*) 376, 377, 383, 394, 397
*-(o)s̥o 376, 377, 379, 393, 397
*osk[h]ā 942
*oso 385, 386
*-oso (*формант род. п.*) 378
*osono- 868
*ost[h]- 203
*-ot[h]- 360
*ot[h]o 385, 388
*-ot' 377, 379
*ous-/*ois- 191_1
*ou̯i-p[h]ā- 43
*-ō (*формант род. п.*) 376, 377, 379, 382, 394
*-ō (*формант твор. п.*) 380, 394, 396
*-ōs̥ 382, 394, 396
*ōk̂[h]u- 537
*ōk̂[h]u-p[h](e)t[h]-er- 537
*p[h]- : *ep[h]- 247
*p[h]aH- 172, 203, 868, 883
*p[h]aH-//*p[h]oH(i)- 695
*p[h]aHs- 158, 203
*p[h]ak[h]- ~ *p[h]ak'- 143
*p[h]ars-//*p[h]art'- 867, 882
*p[h]ā- 203
*p[h]āk̂[h]s 183
*p[h]e- 218
*p[h]e'- 960
*p[h]-eH- 227, 239
*p[h]eu̯/*p[h]i- 631, 632
*p[h]eu̯-k[h]-/*p[h]i-k[h]- 632, 632_2
*p[h](e)u̯k[h]- 590_2
*p[h]eu̯k̂[h]- ~ *p[h]eu̯k'- 143
*p[h]eu̯s- /*p[h]is- 692, 694, 868
*p[h]eu̯sk[h]-//*p[h]isk[h]- (др.-европ.) 536, 943
*p[h]ek̂[h] 146, 152, 577, 578, 579, 579_3, 580, 585, 884
*p[h](e)k̂[h]-o- 590_2
*p[h]ek̂[h]u- 468, 469, 469_2, 477, 481, 483, 491, 513, 577, 579, 579_1, 579_2, 580, 584, 585, 938_1.
*p[h]ek[h]o- 146, 410_1, 699
*p[h]el- 'шкура' 227, 228_1
*p[h]el- 'гладкий, ровный' 673
*p[h]el- 'складывать' 706_1
*p[h]el- 'крепость' 744, 744_2, 885
*p[h]elek̂[h]u- 716, 716_2, 739, 874
*p[h]elH- 'кожа, шкура' 227
*p[h]elH- 'полный; широкий' 198, 205, 234, 235, 239, 240
*p[h](e)l-H-/-t[h]- 781
*p[h]el-k̂[h]- 228_1
*p[h]el-t[h]- 163
*p[h]e/ol-t[h]- 228
*p[h]enk[h]°e 410_1, 845, 847, 849
*p[h]enk[h]°ē-k̂[h]omt[h] 847
*p[h]enk[h]°(t[h])- 850
*p[h](e)nk[h]°-t[h]- 849
*p[h]enk[h]°-t[h]o- 845
*p[h]er- 239
*p[h](e)r̥-H- 843
*p[h]erk̂[h]- 'пестрый' 536_1, 594
*p[h]erk̂[h]- 'борозда' 689, 868
*p[h]erk̂[h]-/p[h]rek̂[h]- 237, 239, 241
*p[h]er(k[h]°)- 410_1, 866, 880_1
*p[h]er(k[h]°)-/*p[h]eru- 866
*p[h]erk[h]°u- 614, 614_1, 615, 619, 669, 866
*p[h]er(k[h]°)u-n- 615
*p[h]er(k[h]°)u-no- 792, 793, 794, 795, 796, 797
*p[h]er(k[h]°)u-s 617
*p[h]eru- 614
*p[h]es-os- 817
*p[h]et[h]- 57, 62, 146_1, 152, 153, 216, 224, 226, 537
*p[h]et[h]-r-/-n- 226
*p[h]et'- 38, 43, 57, 146_1, 154, 786_2
*p[h]e/ot'- 812
*p[h]et'-m̥ 271
*p[h]et'-om 272, 276
*p[h]et'-s 271, 276
*p[h]eu̯- 632
*p[h]eu̯k̂[h]- 632, 633
*p[h]eu̯k̂[h]-/p[h]uk̂[h]- 631
*p[h]ē/ōt'-s 183
*p[h]n̥Hur 210, 274, 699, 699_2
*p[h]n̥-s- 209
*p[h]n̥t[h]er- 765, 765_2, 767, 767_3, 769, 770, 913_3
*p[h]n̥t[h]er-b[h]i̯-om 250
*p[h]n̥t[h]er-s 184
*p[h]n̥t[h]ēr-Ø 184
*p[h]n̥t[h]ruu̯io- 767_3, 769, 771
*p[h]ik[h]- 631, 632, 632_2
*p[h]ik[h]-/*p[h]eu̯k[h]- 632
*p[h]ink̂[h]-/*p[h]ink[h]t[h]- 110
*p[h]ip[h]oH- 220
*p[h]ip[h](o)lH- 220
*p[h]it[h]- 631, 633, 867
*p[h]k̂[h]- 152
*p[h]k̂[h]u-(o)lo- 469_2
*p[h]l-a-r-/-n- (др.-европ.) 943
*p[h]leH- 234, 239, 240
*p[h]leH-i̯o-s 781
*p[h]l-ek̂[h]- 228, 228_1, 706, 706_1, 884
*p[h]leu̯- 674, 675, 680, 815, 870, 950
*p[h](e)u̯-mon- 815
*p[h]i̯H- 200, 205, 240
*p[h]i̯H-(no)- 781
*p[h]i̯lu- 199
*p[h]i̯-t[h]- 163, 200
*p[h]i̯-t[h]-H-eu̯- 250
*p[h]i̯t[h]Hu- 199, 250
*p[h]i̯t[h]Hu-ī 284
*p[h]i̯- 265
*p[h]i̯-n- 93
*p[h]n̥t[h]-H- 55
*p[h]oH(i)- 402, 426, 702, 703
*p[h]oH-s- 209
*p[h]ol- 'щит' 739
*p[h](o)l- 'половина' 779
*p[h]orH- 883
*p[h]ork̂[h]o- 594, 868
*p[h]ot[h] 360, 362, 364
*p[h]ot[h]- 168, 758, 759, 767, 767_2, 770
*p[h]ot[h]nī 759
*p[h]ōt'- 38, 43, 154
*p[h]rek̂[h]- 237, 239, 241

·rek[h]-ŝk[h]e-mi 250
·r-ep[h]- 96_1
·reu̯- 534
·reu̯-so- 682
·r-i 883
·r-is-mo- 843
·r-is-t[h]o- 843
·rō- 688_2
·r̥H- 198, 200
·r̥-H-mo- 843
·r̥-H-u̯o- 843
·r̥-k̂[h]- 176, 241
·r̥os 199
·r̥-sk̂[h]- 108
·r̥[h]-H-(u)- 55
·t[h]- 152, 153, 224
·t[h]-er-/-n- 218, 226
·t[h]er-om 272
·ūr- 657, 658, 868

ar- 636, 637, 867
·e/op[h]- 523, 585,
·, 872
·e/os-t[h]- 816
·ok̂'- 585, 586, 589,
·9_2, 868
·uep[h]- 515, 585,
·86, 593, 867
·mo- 778

*er- 247
392, 394
·i]- 747, 885
·k̂'- 751_2
·- 172
· - 'царь' 183, 216,
·1, 751_2, 752
· - 'мочить; орошать'
·)
·). 216, 719
· ud[h]- 711, 712, 876,
·7
·[h]- 511
·- 511
·d[h]- 712, 714,
·$_2$
·rē̯- 172
· 885
·-n-)-ī 284
·s 183
331, 336
·o- 707_1, 718, 719,
721, 869
·- 712
·e̯- 200

*s- 248_2
*s- (s^0-) 336
*s-: *es- 247
*-s 374, 386
*-s- 389_1
*sak[h]- 801, 807, 884
*sal- 116, 674, 703, 866
*sar- 186
*s(a)u̯Hel-/n- 684
*sau̯s-/*sus- 59
*sā 384, 386_1, 394, 396
*sāk'- 805, 807, 884
*sāu̯el- 117, 196, 210_1
-se- /-si- 360
*seb[h]o- 303_1
*seĝ[h]- 152, 155, 289
*seĝ[h]-/*seg[h]-s- 110, 111_2
*seĝ-t[h]o- 111
*seH(i)- 688, 689, 704, 705, 835, 868
*seHur- 817
*seH̱- 160, 172
*sek[h]- 155
*sek[h]ūr- 874
*sek[h]^0- 216, 696, 697
*sek'- 155
*sel- 745
*selk̂'- 697
*selp[h]- 703, 868
*se/om- 842
*sem-t- 640_1
*sen- 783_1, 853_1
*senH- 198, 259_1
*sen-i̯os-s 185
*sen-i̯ōs 185
*se/onu 233, 239
*sep[h]- 829_1
*sep[h]t[h]-mo- 846
*sep[h]t[h]m̥ 199, 846, 848, 849, 875, 926
*sep[h]t[h]m̥-k[h]omt[h]- 848
*ser- 227
*serk[h]- 807, 884
*serp[h]- 'ползти' 217, 224, 526
*serp[h]- 'серп' 691, 692, 868
*ser-u- 227
*se/oru̯- 740, 884
*ses- 96_1, 248_2, 295
*set'- 36, 116, 118, 152, 155, 295, 419
*set'-thos- 33_2, 70
*seu-/sū- 'рождать' 597, 597_2, 878
*seuk[h]- ~ *seuk'- 143_1
*seu̯/*su- 'выжимать сок, давить' 653
*seu̯-/*su- 'дождить' 679, 680, 866
*seu̯H- /*suH- 765
*sē 422
*sēm- 843
*sēmen- 689
*sēm-i- 843
*sēr 186
*sĝ[h]- 152, 155
*sH-i̯o- 210_2
*sH̱-u- 705
*sHomen- 835
*sH̱H-óm 210_2
*-s(i) 295, 342, 343
*s-i̯eH-m 340
*s-i̯eH-s 340
*s-i̯eH-t[h] 340
*-si̯o 351, 378, 379, 379_2, 381, 393, 397
*si̯u(H)- 704, 705, 835, 884
*sk[h]- 155
*sk[h]ei̯t'-/*sk̂[h]ei̯t'- 112
*sk[h]ei- 44, 55
*sk[h]er 707, 884
*sk̂[h]er/n-(t'-) 817
*sk[h]o- 155
*sk'- 155
*(s)k'reb[h]- 624
*(s)k'rōb[h]o- 624, 866
*sl- 419
*smek[h]-r-/*smek[h]-r- 112, 113
*sm̥mo- 199, 202
*-s-[mo]- 388
*sneH- 704, 884
*sneH-(i-/u-) 704
*sneu̯g[h]^0- 681, 866
*sneu-r-/-n- 816
*sne/ou̯- 233, 239
*(s)neu̯b[h]- 761_1
*snuso- 761, 763, 771
*sn̥H- 198
*sn̥t[h]i̯o- 810
*so 218, 275_1, 359, 360, 362, 364, 384, 386_1, 387_1, 394, 396
*so//*su 359
*-so(i) 331, 390

*sok[h]t[h]o- 811$_2$
*sol-(u̯-) 812$_1$
*som 360, 362, 364, 365$_3$
*s(o)nt[h]- 810
*sont[h]-m̥ 272
*sont[h]-s 271, 272
*sor- 764, 764$_4$
*sot'-i̯o-(m) 419
*sp[h](e)H- 55
*sp[h]eiĝ[h]- 815
*sp[h]ent'- 884
*sp[h]e/ont'- 652, 703, 808$_1$
*sp[h]er- 44, 55
*sp[h]erHk'- 205
*sp[h]er-k'- 541
*(s)p[h]ik[h]o- 541, 542, 867
*(s)p[h]ink'o- 542
[*sp^{h}on-d^h-] 44
*sp[h]r̥Hk'- 205
*sp[h]r̥r- 196
*sp[h]r̥k'- 205
*sr-eu̯- 227
*sriH-s 185
*srīH-Ø 185
*srīk'- 682
*sr̥p[h]- 224
*st[h]aH- 55, 159, 166, 203, 208, 295, 885
*(s)t[h]aHi- 748
*st[h]ā- 159, 203, 480, 553
*(s)t[h]ei̯k'- 500$_1$
*-st[h]er- 176
*s(t[h])erk'- 811$_2$
*st[h]euro- 520$_2$
*st[h]H- 166
*st[h]H-t[h]o- 208
*s/t[h]ist[h]aH- 220
*-st[h]r̥- 176
*st'- 118, 152, 155
-s-u//-s-i 394, 396
*su(H)-o-//*su(H)i-o- 766
*sui̯o- //*sŭnu- 765
*sup[h]- 117, 224
*sut[h]u- 597
*su-t'i̯eu̯- 793
*sū- 'семья' 764$_5$
*sū- 'рождать' 597$_2$
*sŭ- 'свинья' 593, 594, 594$_2$, 596$_2$, 597, 597$_2$, 598, 868, 877
*su̯āt'- 117
*su̯e- 219, 254, 254$_1$, 764, 830
*su̯i̯t'- 117
*su̯ek[h]ru-/*su̯ek[h]uro- 112, 374
*su̯ek[h]- 108
*su̯ek[h]ru- 374
*su̯ek[h]ruH- 374
*su̯ek[h]uro-s- 374
*su̯el-/*sāu̯el- 117
*su̯el-/*su̯en- 188$_2$
*su̯(e)me 254
*su̯en- 196
*su̯ent[h]o- 801
*su̯ep[h]- 117, 217, 224
*su̯e-sor- 219, 280
*su̯esor-m̥ 272
*su̯esor-s 184, 271, 272
*su̯esör-Ø 184
*su̯(H)-nu- 766, 767, 768$_1$, 769, 770, 771
*su̯o- m̥r̥t[h]i-m mer-/m̥r̥- 830
*s-wé 255
*ŝam(a)lu- 639, 640, 640$_1$, 641, 642, 868
*ŝam|- 881
*ŝek[h]u̯o- 560$_2$, 564
*ŝe/ok[h]o- 696, 697, 786$_1$, 812 (*см. также* *sek[h]o-)
*ŝk[h]- 343
*s'^{0}e- 760, 764, 764$_5$
*s'^{0}ei- 125$_1$
*s'^{0}eĥ[h]- 125$_1$
*s'^{0}eĥ[h]r- 760
*s'^{0}eĥ[h]ru-//*su̯ek[h]ru- 125
*s'^{0}eĥ[h]ruH- 760, 763, 770
*s'^{0}eĥ[h]s- 845, 847, 849, 878
*s'^{0}eĥ[h]s-ĥ[h]omt[h]- 847
*s'^{0}eĥ[h]-t[h]o- 845
*s'^{0}eĥ[h]uro- 125$_2$, 760, 763, 770
*s'^{0}(e)lik[h]- 628, 867
*s'^{0}elk[h]- //*su̯elk[h]- 689, 868
*s'^{0}er- 783$_2$
*s'^{0}esor- //*su̯esor- 125
*s'^{0}esor- 764, 765, 769, 770, 771

*terp^h- /*trep^h- 31
*-t[h] 386
*-t[h]- 361$_1$
*-t[h]a-d[h](i) 331
*t[h]aH-l-/*t[h]H-l- 877$_2$
-t[h]a-(i)//-t[h]a-d[h](i) 331
*-t[h]a-r(i) 331
*t[h]au̯ro- 519, 521, 575, 579, 755$_2$, 867, 872, 967
*t[h]ām 384
*t[h]e 218, 254
*-t[h]e 293
*t[h]ek[h]- 152, 153
*t[h]eĥ[h]s- 705, 783, 784, 835, 884
*t[h]ek[h]^o- 146$_1$, 153, 670, 866
*t[h]el- 176
*-t[h]el- 247, 248$_1$
*t[h]en- 38, 782
*-t[h]en 248$_1$
*t[h]ep[h]- 153, 146$_3$, 147, 253, 683, 866, 879, 879$_1$
*t[h]er- 221$_1$, 231, 706, 884
*-t[h]er 247, 248$_1$, 426
*t[h]er-H- 57, 176, 198, 205, 321, 420, 822$_4$
*t[h]erH- /*t[h]r̥H- 822$_2$
*-t[h]ero- 388, 394
*t[h]erp[h]- 221$_1$
*t[h]ers- 44, 217, 237, 239, 419
*t[h]et[h](e)r- 541, 867
*t[h](e)u̯e 254
*t[h]eu̯t[h]- 38, 749, 943
*-t[h]Ha 55, 245, 295
*t[h]Hai 301
*-t[h]Hor 390
*-t[h](i) 295, 342, 343, 360
*t[h]k[h]- 152, 153
*t[h]|- 176
*t[h]r̥nu- 199
*t[h]o 218, 359, 360, 362, 364, 384, 385, 386$_1$, 387$_1$, 394, 396
*-t[h]-o 331, 392
*-t[h]o- 32, 66$_1$, 406, 419
*-t[h]-o-i 331, 390
*t[h]om 384
*-t[h]or 390
*t[h]or-t[h]or- 221$_1$
*t[h]or-t[h]orp[h]- 221$_1$
*t[h]o-t[h] 275$_1$
*t[h]r-eH- 231

*ṭ[h]reḷ- 217, 224, 845, 849
*ṭ[h]rem- 217
*ṭ[h]rep[h]- 217, 224
*ṭ[h]res- 237, 239
*ṭ[h]ri- 224, 845, 847
*ṭ[h]ris 845
*ṭ[h]rī-k̑[h]omt[h]- 847, 847$_1$
*ṭ[h]r̥- 196
*ṭ[h]r̥H- 176, 198, 200, 205, 822
*ṭ[h]r̥p[h]- 224
*ṭ[h]r̥- 93, 205
*ṭ[h]us-k̑[h]ṃṭ[h]l̥om 848
*ṭ[h]ue- /*ṭ[h]u 219, 225
*ṭ[h]-wé 255

*ṭ[h]o$_2$k[h]- 812

*t'-: *et'- 247
*t'aHp[h]- 701, 884
*t'aḷu̯ĕr- 77, 760, 763, 771
*t'ak̑[h]ru- 816
*t'ap[h]- 875, 879$_1$
*t'eḷ- 227, 243, 791
*t'eḷk̑[h]- 175, 806, 884
*t'eḷu̯- 36, 226, 242
*t'eḷu̯iH-s 185
*t'eḷu̯iH-Ø 185
*t'eḷu̯-o- 242, 791
*t'eḷu̯-om 272
*t'eḷu̯-os 271, 272, 799
*t'ek̑[h]- /*tek[h]-s- 110, 146$_1$ 155,
*t'ek̑[h]-ṃ 155, 196, 229, 846, 961
*t'ek̑[h]ṃt[h]- 155, 199, 846, 850
*t'ek̑[h]-u- 229
*t'el- 230
*t'(e)iHg[h]- 205, 230
*t'elH(n)g[h]o- 782
*t'e/om- 742$_3$, 749
*t'emH- 198, 206, 483$_3$, 575
*t'em-r- 640$_1$
*t'ens- 175
*t'ent[h]- 542
*t'ent[h]-ṃ- 271
*t'ent[h]-s- 271
*t'er- 223, 231, 233, 707, 884
*t'erk̑[h]- 163, 217, 224
*t'erk̑[h]-eḷo-t[h]i 250
*t'e/or-u̯- 17, 217, 223, 224, 233, 239, 617$_2$, 866
*t'e/oru̯- /*t're/ou̯- 612
*t'er-u̯-aH 282
*t'eru̯-om 272, 282
*t'eru̯o-s 196
*t'eu̯- 230
*t'eu̯k[h]- 174, 585
*t'H̥- 210
*t'H̥-sk̑[h]- 209
*t'H̥-t[h]o- 208
*t'H̥o- 166
*t'i- 243
*t'ig[h]- 586$_1$, 877
*t'i-k̑[h]- 163, 175
*t'it'oH- 220
*t'i-u̯- 242, 791
*t'i-u̯-es 223
*t'iu̯l̥os 250
*t'l̥eu̯- 36, 223, 226, 242, 243, 475, 481, 684, 791
*t'l̥eu̯- /*t'iu̯- 475, 476, 792, 798
*t'l̥eu̯s 46
*t'l̥eu̯s-p[h]H̥t[h]er- 777, 791, 792, 793, 795, 796, 797
*(t')k̑[h]ṃt[h]- 846, 847
*(t')k̑[h]ṃt[h]om 846
*t'k̑[h]-om- 229
*(t')k̑[h]omt[h]- 847, 848
*t'l̥Hg[h]- 205, 209, 230
*t'l̥g[h]- 205
*t'ṃH- 198, 206
*t'ṃ̄- 206
*t'ṇg̑[h]uH- 814
*t'ṇs- 175
*t'ṇs-u- 200
*t'oH- 203, 208, 209, 753, 754, 756, 757, 885, 942
*t'oH$_3$- 159
*t'oH^0- 166, 171
*t'oHt[h]er-ṃ 272
*t'oH-t[h]er-s 184, 271, 272
*t'oH$_3$-t[h]ēr-Ø 184
*t'oHu- 171
*t'ok̑[h]- 155
*t'om- 41, 50, 741, 741$_2$, 741$_3$, 742, 742$_2$, 772, 885
*t'om-~d[h]ur- 743
*t'om-H̥-s- 209
*t'(o)ru- 617, 619, 622
*t'ō 41, 50, 159, 203
*t'r-eu̯- 174, 223, 224, 233, 239
*t'reu̯-os 508
*t'r-oH- 231, 233
*t'r-u- 223
*t'r̥k̑[h]- 163, 199, 224
*t'uk[h]- 174
*t'us- 780
*t'us-t'l̥eu̯- 793
*t'u̯- 281$_1$
*t'u̯-aH- 230
*t'u̯eḷ-p[h]l̥o- 779
*t'u̯-i- 843$_1$, 844, 846
*t u̯-i-p[h]e/ot'- 843$_1$
*t'u̯is 845
*t'u̯i-t'k̑[h]ṃt[h]-iH- 843$_1$, 846$_1$
*t'u̯o- 844, 849
*t'u̯ō 219

*t'^{0}e- 850
*t'^{0}o- 844

*-u- 342, 343
*-uH-s 374
*uk[h]^{0}s-en- 566
*u-n-et-t[h]i 248
*u-n-t'-ṇt[h]i 248, 250
*up[h]er 38
*us- 223
*us-mé 225
*ut[h]-/*ut'- 243
*-ū 374, 393

*u̯āst[h]o- 781
*u̯āt[h]- 799, 835
*u̯e- 293, 293$_1$
*u̯e//*ne 254
*u̯eb[h]- 535
*u̯ed[h]- 942
*u̯eĝ[h]- 108, 546$_1$, 719, 723, 869, 942
*u̯eĝ[h]-/u̯og[h]-s- > u̯oks- 110, 412
*u̯ei- 292, 293
*u̯(e)i-t[h]i- 650
*u̯(e/o)i-t[h]u- 650
*u̯eḷ- 628, 650$_2$, 654
*u̯eḷ-/*u̯i- 649, 650
*u̯eḷk[h]- 803$_3$
*u̯e/oḷk̑[h]- 742, 885
*u̯eḷn-āk'- 649$_2$, 881

*u̯(e/o)l̥n-o- 647, 648, 650, 703, 868, 881, 968
*u̯(e/o)l̥-o-/-ā 650
*u̯el̥t'- 494
*u̯el̥t'-(n)- 492, 494, 867
[*u̯el̥t'-t[h]o-] 33_2
*u̯e(l̥)u̯er- 522
*u̯e/ok[h]o- /*uk[h]o- 148, 216, 224, 472, 803_2, 835
*u̯el- 'раздирать, убивать' 492_1, 513
*u̯el- 'луг', 'пастбище мертвых' 842, 836, 898
*u̯end[h]- 729_1
*u̯er- 'говорить, звать' 216, 231
*u̯er- 'изгибаться' 222_1
*u̯er- 'вереск' 662, 663_1, 867
*u̯er- 'гореть' 683
*u̯er- 'защищать' 741, 884
*u̯er- 'вода' 882
*u̯er- 'смотреть' 808
*u̯erd[h]- 37, 236, 239
*u̯erk'- 221
*u̯erk'-/*u̯rek'- 223, 236, 239
*u̯er-n- 635
*u̯ers- 680
*u̯ers-en-/*u̯rs-en- 566
*u̯es 292
*u̯es- 'хороший' 216
*u̯-es- 229, 229_1
*u̯es- 'увлажнять' 525
*u̯es- 'одежда' 705
*u̯e/os-(n-) 747
*u̯esr-/n- 853_1
*u̯es-r̥/n̥-(t[h]-) 690_2
*u̯es-t[h]er- 695, 868
*u̯est[h]r-om 272
*u̯esu-//*su- 245_1, 780
*u̯et[h]o- 783
*u̯et'- 'вести' 190
*u̯et'- /*ut'- 'вода' 248, 671, 942
*u̯(e)t'-n̥-t[h]-(os) 188
*u̯(e)t'or-t[h] 188
*u̯(e)t'ōr 188
*u̯(e/o/)t'r̥-t[h]- 849
*u̯id[h]eu̯- 759, 759_3
*u̯i(o)l̥no- 647
*u̯it'-t[h]o- 52, 70, 406
*u̯ī-k̑[h]m̥t[h]- 847_1
*u̯ī-k̑[h]m̥t[h]-(iH)- 846, 846_1
u̯l̥k[h]s- 644_2
*u̯l̥r- 468, 469
*u̯l̥ro- 481
*u̯l̥ro-p[h]e k̑[h]u̯- 471
*u̯īr-o-p[h]k̑[h]o- 513_2
*u̯īr-o-p[h]k̑[h]u̯-o- 470
*u̯l-o-p[h]e k̑[h]-ā 513, 513_2, 867
*u̯l-o-p[h]e k̑[h]u̯-(ā) 513
*u̯l̥k[h]o- 176, 492, 492_1
*u̯l̥k[h]o-//*u̯l̥p[h]- 494, 495_1, 867
*u̯l̥k[h]o-iH 284
*u̯l̥k[h]o-ī 284, 285
*u̯l̥k[h]o- 199
*u̯l̥k[h]o-om 272, 285
*u̯l̥k[h]o-os 271, 272, 284
*u̯l̥k[h]o-s-l̥o u̯ōk[h]os 270_2
*u̯l̥p[h]- 492, 492_1, 513
*u̯l̥p[h]-i/-e 513
*u̯ob[h]sā- 535
*u̯og[h]ni- 689
*u̯oĝ[h]o- 723, 730
*u̯ol̥k̑[h]- 743, 799
*u̯(o)l̥t'- 836_1
*u̯ok[h]o- 168, 183
*u̯ord[h]- 37
*u̯or-m- 222, 222_1
*u̯ort'-/*u̯r̥t'- 867
*u̯os-u 478
*u̯ot'- 675_2
*u̯ot'-or/n- 35_1, 529, 530
*u̯ot'-or-/-ent[h]- 675_2
*u̯ot'or-t[h] 273, 274
*u̯ot'ort[h] p[h]l̥H-e 297
*u̯ōk[h]o-s 183
*u̯r(ā)t'-//*u̯r(o)t'- 663
*u̯red[h]- 236, 239
*u̯r-eH- 231
*u̯rek'- 223, 236, 239
*u̯r-en- 584
*u̯rol̥-k[h]o- 862
*u̯rot'- /*u̯r̥t'- 663
*u̯rug[h]l̥o- (др.-европ.) 658
*u̯r̥d[h]-o-s 646
*u̯r̥mi- 527, 527_2
*u̯r̥mo- 527

ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СЕМАНТЕМЫ

алтарь 808_1, 884
антилопа 518, 867
бабушка 766, 770
баран 868
барс 867, 882
бежать 174
бежать; катиться 719
бежать; течь 153, 878
белый 217, 713, 714, 783
береза 866
блестеть 791
блестящий 714
близнец 778
бобер 25, 220
бог 36, 223, 226, 242, 271, 272, 777, 791, 792, 824
богатство 580, 746, 792
бодрствовать; пробуждаться 217
боевая колесница 739
боевой топор 739
божественный 250
болеть 811_2
болотное растение 663
болото 673
большая семья 764_5
большой, великий 185, 782
большой, высокий 670, 879
борозда 689, 868
бояться; почитать 172, 210, 804, 807, 884
брат 38, 49, 184, 283, 764, 769, 770, 771
брат жены 763
брат матери 767, 769
брат мужа 77, 760, 763
брат отца 769
брать ~ давать 41, 166, 171, 203, 208, 210, 220, 753, 754, 756, 757, 885, 942
брать; хватать 146, 217, 218, 246, 247
бровь 786_1, 812
бродить 643
бронза 709, 712, 869
будить; пробуждаться 224
бук 621, 866
бык, корова 191, 755_2, 868, 876
быстрая лошадь 837

[illegible]стро двигаться 218
[illegible]стро течь 866
[illegible]строе течение 670
[illegible]стротекущая река 670
[illegible]ть 198, 206, 217, 224, 246, 247, 250, 255, 295, 295_1, 296_1, 340, 341, 467, 469, 741_3, 810, 928
[illegible]ть высоким 669_1
[illegible]ть осторожным 868
[illegible]рево 703
[illegible]рить; печь 146, 410_1
[illegible] доме ~ вне дома 743
[illegible]хание 466
[illegible]дать 494
[illegible]ди! 343
[illegible]зти (в повозке), возить 723, 869
[illegible]рь 586
[illegible]реск 662, 867
[illegible]рить 25, 69, 800, 833, 884
[illegible]рхний 781
[illegible]рхняя часть руки 785_1
[illegible]рховая лошадь 732
[illegible]ршина горы 665, 866, 877
[illegible]сло 235
[illegible]сна 690_2
[illegible]сна—лето 853_1
[illegible]сти 106_2, 174, 190, 585, 883, 942
[illegible]сти, уводить невесту 756
[illegible]сть 97, 141_1, 203, 690
[illegible]тер 866
[illegible]тка 628, 867
[illegible]чность 802, 884
[illegible]ляд 696
[illegible]дываться 672
[illegible]деть 155, 223, 295_1, 696
[illegible]мо 647, 648, 649, 650, 654, 703
[illegible]мовый 810
[illegible]моград 650, 654, 868
[illegible]сть 628, 645 649, 650, [illegible] 654
[illegible] 643, 645, 868
[illegible]ластелин 750
[illegible]ласть 806, 807
[illegible]ложить в сердцевину 833, 837
[illegible]тух 183, 766_3, 767, 768, 771
[illegible]ручка 771
вода 188, 248 273, 274, 282, 282_2, 283, 529, 671, 675_2, 849, 862, 882, 920, 940, 942
«вода широка» 297
воды 283
водяная птица 867
воз 723
возвращаться домой 762_2
возвышенность 668, 781, 866
воздвигать 742_3
возить 108, 110, 412, 723
возмещать 807, 809, 884
возносить молитву 803, 884
войско 740, 884
волк 176, 199, 271, 272, 284, 285, 492, 492_1, 494, 513, 867
волна 861
волос 23, 578
волчица 492
волчья 284
вор 748
воровать 748
ворон 867
восемь 846, 848, 849, 850
восемьдесят 848
воспринимать 836, 836_1
восхвалять 835
вошь 867
в поселении ~ вне поселения 743
вращать(ся) 258, 718, 869
вредить; обманывать 146_3, 147, 151
время; измерять 172, 691
время созревания 690, 868
вспоминать 835_1
вставать 669_1, 672
встреча 824
все пальцы руки, вся совокупность 849, 850
выгонять 653
выдавливать 679
выдыхание 466
выжимать 653, 679
вызывание дождя 679
выигрывать, приобретать 198
вымя 569_4, 869
выправлять, выравнивать 751, 751_2
высокая гора 837
высокий 43, 174, 224, 668, 669, 670, 745, 781, 866, 879, 885
глава 760
глава семьи — муж 767_2
гладкий 673
глаз 696, 786_1, 812
глина 707, 884
глотать 702
глотать; горло 175
гнида 867
говорить 224, 472_4, 835, 835_1
говорить, произносить 803_1
голова 113, 154, 173, 205, 284, 408, 760, 813, 876
голос; слово 183
гора 203, 664, 669, 678, 745, 781, 866
гореть 684, 826_1
горный дубовый лес 669, 866
горный, северный ветер 866
горький; острый; кислый 97
горячий 683
господин; супруг 168, 755
госпожа 759
гость; враг; чужой 168
граб 624, 866
граница 206, 743, 885
грецкий орех 637, 867
гроза 793
губитель скота 513
губы 814
густой; многочисленный 22, 175, 200
гусь 112, 867
давать ~ брать 41, 50, 166, 171, 203, 208, 210, 220, 753, 754, 756, 757, 885, 942
давать молоко 570
давать обязательство 806, 884
давить сок 653
давний; долгий, медленный 230
дар 754
дающий 271
два 219, 281_1, 843_1, 844, 846, 849, 850

два десятка 846
двадцать 846
дважды 845
дважды четыре 850
две руки 850
дверь 22_1, 43, 134_1, 180_1, 217, 224, 743, 877
двигаться, вставать 218, 225, 246, 247, 718
движимое имущество 580
двойной 779
двор 877
двор, сад 37
двоюродный брат 771
двуногий 843_1
дву-половинный 779
деверь 760, 771
девяносто 848
девять 846, 848, 850
девять десятков 848
дед 766, 770, 773
дед по отцу 767, 767_2, 768
делать 178, 706
день 791
дерево; дуб 174, 217, 223, 224, 233, 282, 866
держать 37, 143, 146, 289
держать; иметь 152, 155, 289
десяток 846, 848
десять 38, 155, 196, 199, 229, 846, 850
детеныш животного 816
дикий бык 574, 867, 872
дикий вепрь 867
дикий; зверь 181_1
длинный; долгий 205, 209, 230, 782
длинный; худой, тощий 209
добро 746
добыча 740, 884
доверять 833
доение 869
дождить 679, 680
дождливая (погода) 793
дождь 679, 680, 866
доить 569_3, 570_1, 571
дойная корова 869
доля 154_1
дом 41, 741, 741_3, 742, 742_3, 743, 749, 772
дома 742, 885
дочь 184, 243, 272, 769, 770, 771, 766
дочь брата 769, 771
дочь дочери 769
дочь сестры 769
дочь сына 769
древесина 272
дробить 692, 693, 868
дрожать 217, 237
дуб 618, 866
думать, помнить; мысль 176, 224, 813, 835_1
дурной 780
дурной день 793
дуть 466, 677, 878
дух 216, 466
дух; дыхание; душа 237, 823
душить 494
дым; удушье 102, 206
дыхание 466, 678
дышать 466, 678
дышло 203, 869
дядя по матери 767, 767_3, 768, 770, 771
дядя по отцу 767, 771
дятел 867

еда; корм 302, 702
едящий 302, 814
ездить в повозке 724, 869
есть, кушать 36, 41, 190, 217, 224, 246, 247, 250, 295_1, 302, 302_3, 697, 698, 701, 814, 879

жар 708
жара 683, 866
жаркий 683
жатва 690
желанный; приятный 205
желать 175
желто-зеленый ~ золото 714
желтый 714
жёлудь 866
желчь 816
жена 218, 271, 283, 758, 759, 763, 767, 769, 770, 771
жена брата 761, 763, 771
жена брата мужа 760, 763, 771
жена деверя 760
жена сына 763
женщина; жена 42, 50, 185, 272, 283, 283_2, 758, 764
женщина своего рода, своей семьи 764
жернов 175, 693, 694, 868, 873
жертвоприношение 216, 875
жечь 26, 49, 146_1
живой 465
живописать 632_2
жидкость, истекающая из человека и животного 817
жизненная сила 802, 884
жизненное время 272
жизнь 465
жилое пространство 745
жилье 741_3
жмуриться; моргать 143_1
журавль 867

загробный мир 823, 836
заднепроходное отверстие 817
задняя часть; спина 233
задыхаться 466
закон 806
залив 673
замечать; бодрствовать 174
запирать 874
запрашивать богов 807
запрягать 721
заря 185
затылок 815
захватить добычу 740, 884
защищать(ся) 741, 884
заяц 521, 867
звать 202
звать; слово 231
звезда 176, 685, 686, 875
зверь; дух; душа 241
здоровый 801
здоровье, целостность 812_1
земля, почва 821, 877
зерно 655, 694, 872, 873, 883
зернотерка 693
зима 100, 184, 216, 224, 226, 242, 271, 272, 681, 853_1, 866
зимний; снежный, ледяной 250

злаки 655
змея 867
знать, ведать 494, 836, 836_1
знать; узнать 36, 171, 234, 878
золовка 760, 771
золото 713, 714, 876
зрелость 802
зуб 271, 302, 698, 814, 879
зубр 867
зяблик 867

и (*союз*) 270
ива 628, 867
иго; ярмо 272, 721, 722
идти 36, 108, 218, 225, 246, 247, 295_1, 340, 343, 696_1, 724
изгибаться; крутиться 222_1
изготовлять 705, 835, 884
излучать свет 227
измельчать (зерно) 692, 868
измерять (время) 684, 691
изобилие 183
иметь; держать 225
имущество 746, 747
имя 181, 937
искать; желать 112
испражнения человека и животного 817
истинный 810
источник 671

кабан 867
камень; небо 112, 184
«камень лежит» 297
капать; иссякать 155
катиться 719
кизил 643, 645, 868
класть; ставить 22, 23, 166, 203, 208, 210, 216, 220, 224, 801, 810, 877
класть сердце 800
класть (себе) славу 834
ключ 874
клясться 806
кобыла 561_1
кожа; шкура 227
коза 106_2, 585, 868, 872, 877
козел 585, 586, 868
козленок 872
кол 690
колено 36, 100, 113, 173, 233, 786_3
колесная повозка 718, 719, 869
колесница 719, 737_1, 869
колесо 57, 62, 216, 220, 258, 707_1, 718, 719, 720, 721, 737_1, 869
колоть; пронзать 236
кольцо 817
колючий 633
конопля 704
конь, лошадь 183, 271, 272, 544, 868
копать; яма 154
корабль 675, 825
корм 645
кормить грудью 570
корова, бык 191, 755_2, 868, 876
корова; олень, косуля 113
короткий 782
кость 55, 816
который 270, 387
краб 867
крапива 257_3
красить 632, 632_2
красная руда 712
красный 711, 712, 714, 876
красный металл 711, 712
крепкий 801
крепость 744
кровь 251_1, 257_1, 816
кроить 707, 884
круг 719, 869
крупа 693, 872
крупный и мелкий рогатый скот 580
крутить 706_1
крыло 226, 272
кто 387, 387_1
кусать 879
кусающееся насекомое 877

ладья 634_3, 675
лебедь 867
лев 510, 511, 867
левый 783, 784
легкие 815
легкий 782
лед 682, 866
лежать 248_2, 255, 295, 295_3, 877
лен 659, 660, 660_1, 661, 704, 868, 884
леопард 867, 882
лепить 33, 37, 43, 49, 705, 707
лететь 57, 148_1, 152, 153, 216, 224, 226
лето-осень 853_1
лизать 111_1
лиса 513, 867
лить, наливать 216, 224, 680
лицо 814
лишенный имущества 747, 885
лоб 814
лодка 674, 870, 950
ложе 32, 33, 216
локоть 518_1, 785_1
лосось 536
лось 518, 867
лошадь 100, 544, 868, 869
луг 824
луна 684
льняная нить 660
любовь, желание 31

мазать, умащивать, лепить 22, 412, 412_1
маленькая птичка 867
маленький 782
масло 703, 704, 868
мастерить 706
материал для гончарного производства 707
матка 816
мать 49, 184, 765, 769, 770, 771
мать жены 763
мать матери 769
мать мужа 760, 763
мать отца 766, 769
мед 603, 604, 703, 868, 874
медведь 497, 867
медовый напиток 874
медь 457, 458, 709, 711, 712, 876
мелкий скот 585
мельница 693

меня 218
менять 754, 885
мерин 561_1
мерить (время) 684
мертвый 513
месить глину 707
место 154
меч 884
мир мертвых 513
мир; соглашение; установление 143, 183
мокрота; слизь 143_1
молить, запрашивать богов 802
молиться 802, 803, 807, 884
молоко 125_2, 703, 869
молоть 202, 220, 231, 692, 693, 868
мор 822
море 672, 674, 866, 943
мороз 683
мох 663, 867
моча 817
мочить 680
мочь 759
мощный 669
мстить 809
муж 271, 276, 758, 759, 763, 767
муж дочери 763
муж сестры 763
мужская сила 802
мужчина 190, 272
мука 220, 693
муравей 174, 222
мщение 809
мы (*экскл.*) 292, 293, 293_1
мы (*инклюз.*) 202, 293
мысль 813
мысль; размышление 199
мыть 171, 211, 216
мышь 185, 531, 867
мясо 57, 62, 698

нагой 50, 168
над 38
надевать 705
наделенный священной силой 801, 884
наделять; доля 141_1
наделять ~ брать 754 885
надувать 878
наказывать 809
налиток бессмертия 823
наполнять 100, 220
направление 806
направлять 751, 751_2
народ 38, 740, 943
насиловать 575
натирание, намазывание 704
натягивать 705
небо; туман; туча 167, 186, 475, 476, 667, 668, 668_1, 719, 866
«небо белое» 297
не-бог 201
невестка 761
невозделанное поле для пастьбы домашнего скота 694, 868
нести 22, 23, 37, 340, 341
нечистоты 278_2
нива 877
нижний 781
низкий 781
нищий 885
новый 783, 850
нога 38, 43, 57, 183, 271, 276, 786_2, 812
нос 185, 814
носить 33, 176, 216, 224, 328
ночевать 467
ночь 183, 216, 791_1

обездоленный 747, 885
обезьяна 867, 872
обиталище мертвых 824
облако 667, 668, 668_1, 866
обменивать(ся) 754, 885
оболочка 812
оборонять(ся) 741, 884
обрабатывать 705, 835
обрабатывать землю 687
обрабатывать зерна ячменя на огне 868
обрабатывать острым орудием 707, 884
обработка пищи 699
обращать внимание 808
обряд 801
обуздывать 575
община 943
объявлять 804
овечка 872
овца 183, 271, 272, 385, 577, 579, 580, 583, 585, 868
оглобля 922
огонь 189_1, 210, 257_4, 274, 699_2, 831
ограда 743, 885
ограждать 744
одевание 705
одежда 272, 705
один 843
одолевающий смерть 822
озеро (*большое*) 672, 866
окроплять 652
окружать; огораживать 236
олень 518, 518_1, 867
ольха 635
опознать 804
опоясывать; пояс 175
опустошенный 781
орган речи 814
орел 217, 867
орех 636
ореховое дерево 635, 867
орешек 636
орешник 636
орошать 680
орудие для уборки урожая 691
освещать, сжигать 229_1
освящать 801, 884
осел 868
осина 627
оставлять 22, 224
острый 112
ось 721, 869
отдавать во власть 806
отец 38, 43, 49, 184, 250, 765, 767, 767_3, 769, 770, 792
отец жены 763
отец матери 769
отец мужа 760, 763
отец отца 766, 767, 769
охранять; пасти 172, 203, 695, 868
очаг 203, 699, 884

палка; стержень 233
пальцы на обеих руках 850
пара 779
парность 754

пастбище 824
пасти 695, 868
пастух 43, 695, 868
пахать 687, 868
penis 817
первый 843
перед; передняя часть 203, 814
переплетать 706, 884
переходить; побеждать 205
пес, собака 243
песнопение 835
песнь 835
петь 849
печень 273, 815, 849
писать 632_1
писать красками 632, 632_2
питать доверие 800
питаться 701
питающийся павшим скотом 513
пить 217, 220, 246, 247, 295_1, 402, 426, 697, 702, 703
пихта 631, 632, 633, 867
пища 250
плавать 674, 815, 870, 950
плата 809
платить цену 809
племя 748, 749, 750, 885
племянник 768, 768_1, 771
плесень 663
плести 230, 649, 650, 705, 706, 835, 884
плод 816
плод вьющегося растения 650
плод тутового дерева 645
плодовое дерево 868
плоский 781
плотный 782
плуг 688, 690, 868
плыть (на судне) 674, 680, 870, 950
побеждать 110, 111_1, 111_2 321
повелевать 759
повелитель 758, 759
повозка 719, 721, 723, 869
поворачивать(ся) 217, 224, 706_1
подарок 754
подбирать 827_1
подбородок; борода 112, 113, 183, 815
подниматься 669_1
подходить 810
поедать ритуальную пищу, приносимую божеству 701, 884
пожирать 231
познавать 878
показывать 36
покой; досуг 235, 242
покровитель походов 792
покупать 747, 875
поле 36, 877
ползти 217
полный 205, 234, 240, 781
половина 779, 843
полотно 660
помнить 813
поражать 883
поросенок 868
поселение 742, 743, 745, 885
поспевать, зреть 55
поток; вода 217, 224, 670, 671, 866, 920, 940
потомок 749
потомок женского пола 766
потомок мужского пола 765
похищать невесту 757
похлебка (мясная) 703
поход 740, 884
похоронить, погребать, закапывать (о костях) 829_1
почитать (богов) 804, 884
править, властвовать; царь 216
правление; править 806, 807
правый 155, 783, 784
пребывать 467
предвидеть 836
предводитель 749, 750, 751
предначертание 806, 884
предписать 804
предплечье 785_1
преодолевать, побеждать 57
преследовать 696, 740
привязывать 719_1
приготовлять напиток 643
признавать(ся) 804
приличествовать 810
принадлежащий данной семье 760
принуждение 822
приобретать 198, 259_1
приобретать славу 834
приручение животных 483_3
пробуждаться; бодрствовать 250
провидеть 836
продавать 747
продолжительность жизни 802
произведение 835
производить 750
произносить молитвенные слова 803
происхождение 749
проливать 680
просить; спрашивать 108, 237, 241, 250
противиться; сопротивляться 154
проявляться; проступать 205
прясть 704, 884
птица 233, 867
пуп 817, 878
пустой 781
пчела 755_2, 868, 876
пчелиный мед 874
пшеница 657, 658, 868
пятый 845
пять 410_1, 845, 847
пять десятков 847
пять пальцев 849, 850
пятьдесят 847

разбивать 883
раздирать (добычу) 492_1, 513
раздроблять 815
размалывать 658
размахивать 125_2
разрывать 815
разум 813
ранить 492_1
раскрашивать 632
располагать 719_1
растения, употребляемые в пищу 873
расти; увеличиваться 236, 645

резать 707, 884
река 274, 670, 671, 862, 866
река; поток 282_2
ритуальное правило 805, 884
ритуальные яства 701
ритуальный очаг 808_1
ровный 673
рог 173, 876
род 106_2, 186, 748, 749, 750, 751, 751_1, 772, 885
родитель 198, 205
родственник 750, 751_1
родство 751_1, 762_1
рождать 152, 153, 175, 201, 220, 234, 748, 750, 751, 751_1, 765
рожь 658
роза 663, 867
рот 191_1, 814, 879
руда 755_2, 876
рука 271, 272, 866, 807, 812, 849, 850
рука как символ власти 807
рука как часть тела 807
рука ниже локтя 785_1
рука с вытянутыми пальцами 850
рука с сжатыми пальцами 850
руно 578
рыба 867
рысь 867

садиться 883
свекор; свекровь 112, 125, 125_2, 374, 760, 770
сверлить 706, 884
светать;освещать 218, 229_1
светило 685
светить 791
светлый 229, 713, 783
светящееся тело 685
свидание 824
свинья 877
свободный; *люд, люди* 249, 885
свободный земледелец 885
свой, своего рода 219, 760, 830
свойство 762_1
своя женщина 764
связный поэтический текст, произведение 835
связывать 22, 174, 210_2, 217, 255, 704, 806, 835
связывать обязательством 806, 807
священный 801, 807, 884
сдвоенный 779
сдирать кору, кожу 223, 707, 884
седьмой 846
секира 716, 874
селезенка 815
селение 749
семь 199, 846, 848, 849, 875
семь десятков 848
семьдесят 848
семя 689, 818
сердце 38, 100, 173, 186, 190_1, 199_1, 273, 800, 801, 812, 878
серебро 713, 713_2, 714
серп 691, 868, 932
серый; темный 230
сестра 119, 125, 184, 219, 269, 270, 271, 272, 280, 764, 771
сестра жены 763
сестра матери 769
сестра мужа 760, 763, 770, 771
сестра отца 769
сеять 422, 688, 868
сжигать 684, 826_1, 829_1
сидеть 36, 152, 155, 217, 295, 883, 928
сильная сотня 848
сильный 751_2, 879
скала 669, 744_2, 866
складывать; плести 228, 706_1, 779
скот 146, 152, 513, 580, 585
скручивать 704, 835
скрывать; охранять 97
слава 834
славить; молиться 236
сладкий пьянящий напиток 874
след; почва; место 272, 276
следить взглядом 697
следовать 216, 696, 697
слезы 816
слово 37
слово; речь 168, 216
сложить песнь 835
слон 867
слоновая кость 867
слышать; слушать 38, 112^2
смерть 822, 822_4, 824, 825
смешивать; варить 234
смола 632
смотреть; видеть 199, 217, 224
снег 183, 681, 866
снежить 681
сноха 761, 771
собака 100, 181, 184, 243, 271, 272, 589, 868
собирать 827_1
собирать урожай 690, 691, 868, 878
соблюдать 695
собственность 747
совершать возлияние 652, 808_1, 884
совокупность людей, связанных родственными узами 748, 750
согревать 26
соединять 706, 810
сознавать вину, грехи 804
созревать 691, 868
сок; сосать 143_1
солнце 188_2, 210_1, 684, 719, 793
соль 674, 703
сон 236
сооружение из глины 707
соответствовать установлению 810
сорок 847
сосать грудь 570
сосна 631, 632, 633, 867
состояние возбуждения, экстаза, вдохновения 835
сосуд 25, 874
соха 690
сохнуть; сушить 217
сочинять 835
спасать(ся) 741
спать; сон 117, 217, 224, 295
сперма 818
спрашивать (волю богов) 805
спрашивать; просить 176
сражение 883
ставить 55, 166, 203, 208
становиться 467
старик 825

старуха 203
старший 185
старый; старик 106_2, 175, 205, 217, 224, 783, 783_1, 825
сто 846
сторожить, следить (за больным) 811_2
стоять 295
стремительный поток 670
строить 255, 742_3
стужа 682
стыдиться 804
сухо 674, 675, 825, 870, 874, 950
съедать 822
сожилие 816
ществовать 467
ущий; истинный 271
считать истинным 805, 807, 884
сын 765, 766, 767, 768_1, 769, 770, 771
сын брата 769
сын дочери 769
сын сестры 768_1, 769, 771
сын сына 769
сырое мясо 698
сырой; кислый 172

тебя 218
телю 812
темный 200, 646, 783
темнокрасный ~ медь 714
тепло; жара 176, 683, 708, 866
теплый 146_3, 147, 153, 879
теплый, жаркий 91
тереть 110, 176, 231, 658, 706, 884
testiculus 817
тесто 37
тетерев 867
течь 49, 146_1, 227, 878
тис 628, 867
ткать 583, 585, 704, 884
толочь 692, 868
толстый; плотный 174, 782
тонкий 199, 782
тополь 627
топор 716, 874
торговать 875
торговая стоимость 747
торжественно восхвалять, принося жертву 803
торжественно провозгласить 804
тощий; слабый 97
трава; корм 97
требовать 216
три 217, *224*, *845*, *847*, *849*
три десятка 847
тридцать 847
трижды 845
туман 667
тур 867
тутовое дерево 645, 868
туча 667, 668, 668_1, 866
ты; твой 219, 225
тяжелый 93, 175, 199, 228, 413, 693, 782
тянуть 38, 585, 689

убивать 100, 410, 492_1, 513, 740, 884
убить змея 837
уводить силой 754
удушье 466
узкий 781
узнавать (волю богов) 807
узнавать по приметам 805, 884
указание 806
указывать; показывать 175
указывающий закон, предписания 806_2
украшать; красить 110, 143
укрепленный *город* 744, 885
укрощать 198, 205, 483_3, 575
умалять; повреждать; малый 154
умащивать; мазать 110
умереть своей смертью 830
уничтожать 740, 884
уповать 800, 884
употребление пищи 702
упряжка 721, 869
уста 814
устанавливать имя 833
установление 805
утаивать 748
утренняя заря 229
ухаживать за больным 811_2
ухо, уши 786_4, 812

формировать 706
futuere 218, 817_1

хвойное дерево 633
хлеб 873
хлев 43
хмельной одурманивающий напиток 655
хозяин 206, 758, 759
хозяин ~ гость 754, 755
хозяйство; жизнь 235
холод 682, 683, 866
хороший 216, 780
хороший день 793

царапать 689
царь; предводитель 183, 750, 751, 885
цель; побеждать 198
цена 747

человек (земной) 184, 821
челюсть 815, 879
червь 222_1, 877
черный 632_2, 646, 783
чесало 578
чесать, расчесывать 156, 216, 223
чесать (шерсть) 156, 216, 223, 578, 585, 884
четвертый 148, 153, 845
четыре 92, 148, 153, 268_2, 845, 849, 850
четыре десятка 847
четыре пальца 850, 879
чистый, сияющий 98
член большой семьи 764
что 387
чужестранец 755

шакал 513, 867
шерсть 207, 578, 583, 585, 884
шест; стержень 231, 690
шестой 845
шесть 108, 124, 125_2, 845, 847, 849, 878
шесть десятков 847
шестьдесят 847
шея 815
шиповник 663
широкий; плоский 55, 198, 199, 781
шить 704, 835, 884
шкура 812

щетина 69_1
яблоко 639, 639_2, 640, 640_1, 641, 642, 868, 881
яблоня 641, 642, 868
ягненок 872
ягодицы, задница 817
язык 814
ярмо 276, 721, 722, 723, 869, 877
ясень 625, 627, 867
ятровка 771
ячмень 26, 655, 656, 868

АНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Хеттский

-a 383
adan 189
adant- 75, 246, 302, 698, 815_1
adanzi 46, 246_1, 698
-aḫšu 860, 863
URU*Aḫḫiia 901, 902*
Aḫḫiiaua- 901, 901_2, 903_1
aiš 132, 191_1, 200, 814
aiauala- 765_4
ak- 304_1
akir 305
akiš-ma-aš 323_1
a-ku-e-ni 246_1
a-ku-ua-ku-ua-aš 534_1
akuuanzi 46, 100, 246_1, 702
akkala-, aggala- 689_2
akkant- 726, 860_2
ak-kán-te-eš 304_1
akkanza 304_1, 826
ak-kán-zi 304_1
akkiškittari 307, 311
ak-ku-uš-ki-it-tin 100
ak-ku-uš-ki-iz-zi 100
akkuuant- 246
aldanni- 862, 945
alpa- 65, 668, 783
aluanza- 808_1
amiiara- 886
ammel 290
ammiiant- 605
ammuk 286, 383
-an 385
an-da 356
anda+iiant- 775
anda(n) 356
anda uari- 547
-antari 391
antiianza 775
antiiatar 775
antuḫša- 376, 821, 860_2
antuḫš-an 268
antuḫšan ištarakzi 811_2
anzel 290
-anzi 46, 246
annaš 270_1, 765_3, 817
annaz 385_2
anniš 385_2
-(a)pa 361_1
apaš 201, 387, 882
apat 387
apel 290
apenzan 268
apun 201
appant- 246
appanz(a) 45, 302_2
ap-pa-an-zi 246_1, 299_2
appa-ia-kan 366
ar- 316_1, 685
ara 810
D*Ara- 810*
ara- 755, 755_2
araḫza 743
araḫzena- 743
a-ra-an-zi 316_1
araš aran 755
araua- 477, 630_1, 860_1
arḫa 206
arḫa- 743
arḫaḫari 295
arḫi 178, 296, 300
a-ar-ḫu-un 316_1
arḫut 328_3
-ari 391
ari 300, 316_1
ariia- 802, 803
arir 305
ark- 498_1
arkamma- 925_1
arki- 498_1, 817
ar-ki-i-e-eš 498_1
arkuai- 929
arkuar 480
arma- 346, 685
armaḫḫ- 346, 685
armaniia- 685
arnu- 196, 200, 345, 478, 859
arnumeni 305
arnuuala- 478, 479, 788_5
arnuuanzi 304
arnuzzi 218, 225
arpa- 748
a-ar-ri 335_1
aršaniiatalla- 247
aršk- 345
arta 302
artari 302
artati 302
arti 300
aruna- 671, 671_1, 672, 896
aruuaizzi 802
UZU*arraš 817, 819_1*
-aš (им. п.) 385, 386
-aš (род. п.) 376_1
-aš- 361_1, 387
ašallu 328_3
aš-and-u 328
ašant- 303, 810
ašanza 271
a-ša-an-zi 46, 246_1, 250, 304, 305
a-ša-a-an-zi LVIII$_1$
ašešir 305
ašḫaḫari 301
ašḫaḫru- 913
ašiuant- 748
a-šiuatt- 201
aški 630_1
-(a)šta 361
-ašš](#)- 376_1
aššiia- 860
Aššiiat- 860
aššu 244, 279, 478, 780
aššu- 244, 245_1, 279, 478, 860, 860_2, 780
Aššu-Šiuatt- 780
aššun šiuattan 348
aššuuaš (род. п.) 244
-at- 361_1
-at (им.-вин. п.) 385, 386
-at (мест. ср. р.) 385, 387
URUDU*ateš- 716*

-teššа- 716
-t(u)- 897
a-tu-e-ni 246_1
-tta- 270$_1$, *765*$_2$, *860*$_2$
-ttalla- 767
-tta-mi 291
-ttaš Ištanuš 777
-ttaš-miš 290_1
-tu- 347
-tumeni 229, 786$_1$
-tuš- 223, 786$_1$
-tušta 229, 786$_1$
-tušteni 229, 786$_1$
-tušzi 786$_1$
-tutteni 786$_1$
-tutti 200, 786$_1$
-tuttiš- 508$_2$

barganula- 339, 393

da- 299, 844
daḫ- 753
daḫḫi 159, 166, 203, 209, 388, 753
daḫḫun 159, 299, 388
dai- 210, 299
daitti 172
da-juga- 722, 844
dagan-šepa- 201_2
dagan-zipa- 126_1, 201_2, 269_1, 303_1
dalluga- 205, 209
dalugaeš 46, 209, 230
dalugašti- 209, 230, 426, 732
dalukigi- 782, 860_2
dalukgnula- 339, 393
damaš- 483_3
damnaššaruš 503
dammara- 903
dan- 844
dandukešni 505_1
danduki- 475
dankui- 200, 711
dankuli- 711
dapzi 209
dapše- 209
dapš-ki-mi 209
daraḫa- 175, 200
darra-ma-at 323_1, 365_3
dattari 753
datten 247
dazzeni 209
dazzini 305
dazzien 247
daueni 209, 305
-du- 361_1
duddumili 898
-dumari 391
du-um-me-e-ni 210
duškišk- 347
Dutḫalija- 207_2
du-ua-ar-na-aḫ-ḫu-un 133

-e- 361_1
GIŠ*eja- 487, 582, 629, 630,* 630_1
ega-, egan 682
eku-/aku- 100, 245, 426
ekuna- 245_1, 655_2, *682*
ekunima- 683, 684
eku-tara- 196
e-ku-zi 88_1, 246_1
ekuzzi 100, 217, 702
elliankuš 503
enera- 812_3
ep-/ap- 246, 299_2
e-ip-ši 217
ep-zi 217, 246_1, 299_2
e-ip-pir 45, 299_2
e-ip-pu-un 45, 299_2
erḫa- 206, 743
erueni 178
eš- 'сидеть' 928
eš-/aš- 'быть' 246, 928
eša- 302
ešari 217, 302
eš-ari 332
eš-at 332
eš-d-u 328, 860_2
ešer 305
ešḫa- 206, 860_2
ešḫaḫari- 301
ešḫaḫru- 816_1
ešḫaḫruua- 816_1, *913*
ešḫanant- 303
ešḫananza 303
ešḫanaš (под. п.) 187, 206, 303, 816
ešḫar 117, 187, 206, 303, 816, 902
ešḫar šanḫ- 809
e-eš-ḫar-še-mi-it 278_1
ešḫaš 480
ešḫaš-miš 290_1
ešḫe 206
ešḫut 328_3
eš-mi 295, 327
e-eš-mi 117
ešri- 303, 726
eš-ta 327
ešiari 302
eš-ten(i) 305
eš-un 327
eš-ši 327
ešš-uen(i) 305
(e-)eš-zi LVIII$_1$, *46, 117, 217,* 246_1, *295, 327*
et-/at(u)- 246, 247, 897
-et/-it 377, 381
eter 305
etmi 50, 217, 698
e-it-mi 70, 250
etri 243, 250, 302, 698
etrija- 698
e-uk-zi 88_1
euan 655
euaš (под. п.) 655
ez-za-zi 246_1

g/kaen- 751_1
g/ka-e-na-aš 751_1
gagaš 815_1
galak- 568_1
galaktar 98_1, *148, 568, 605*
galank- 568
galankant- 568
galattar 98_1, *148, 568*
galgalturi- 837
gangaḫḫi 300
gangi 300
ganu- 815
gemi, gimi 304
genu, gi-e-nu 94, 100, 173, 233, 786_3
genu-šet 819_1
genzu-šet 819_1
gi-e-nu-uš- 786$_3$
gim- 853_1
gima- 853_1
gimraš ḫuitar 469
gimri 49_1
gimmant- 100, 215, 226, 304, 853_1
gi-im-ma-an-za 100, 202
gimmara- 783_4
gimmi 304
gurta- 744

ḫa- 805
-ḫaḫari 391
UZU*ḫaḫri-* 819_1

URU*Ḫaḫaša- 913*
ḫaliḫla- 131
ḫaliḫlatti 131
ḫaliḫliandari 131
ḫaliḫa- 131
ḫalki- 655., 694, 860
ḫamešḫa- 690, 853₁
ḫa(m)mešḫant- 304, 853₁
ḫamešḫi 304
ḫami 805
ḫamikta 487
ḫanešsar ḫannai 835
ḫant- 158, 203, 812₃, 814
Ḫanta-pi 860
Ḫanta-šepa- 303₁
D*Ḫantaššaš 473₁*
ḫanti 77₁
ḫanz- 201
Ḫannaḫanna- 605, 766
ḫannaš 203, 766
ḫanni 766
ḫap- 746-
ḫap(a)- 158, 217, 274, 282₂, 670, 862
ḫapalki- 710₁
ḫa-ap-pa 72₁
ḫappar 45, 63, 159, 183, 746, 747₃, 809
ḫapparai- 746
ḫa-ap-pa-ra-iz-zi 45
ḫappeššar 812₃
ḫappina 708
ḫappinaḫḫ- 746
ḫappin-ant- 63, 159, 746
ḫappineš- 746
ḫappira- 746, 746₃
ḫarana- 217
ḫaranan 538
ḫaranaš (pod. n.) 158, 538
ḫaraš 158, 489, 538
URU*ḫa-ra-aš-ḫa-pa-aš 539, 862, 954*
ḫarašu- 711
GIŠ*ḫaraṷ- 636*
ḫardu- 749
ḫarganu- 294₂
ḫark- 289, 294₂
ḫark- pe 357
ḫarkaḫaš (pod. n.) 244
ḫarki- 158, 217, 229, 244, 713, 713₁, 812₃
ḫarkia 294₂
ḫar-nik-mi 346₁
ḫarnink- 294₂, 346
harš- 687, 687₁, 859
ḫaršan 812₃, 813
ḫaršanaš (pod. n.) 813
ḫaršar 813, 813₂
ḫartagga- 148₁, 486, 497, 497₁
LÚ*ḫartagga- 497*
ḫar-tág-gán 149
ḫartkan 149
ḫar(u)ṷanai- 684
ḫaš- 570, 750, 751₁, 860₁
Ḫašamili- 715₁
ḫašaṷa- 350₁
ḫašduir 203
haštai 55, 77₁, 131, 202, 755₁, 816, 860
ḫašter- 685, 875
ḫaštiḫaš (pod. n.) 202
ḫaštiḫaš É 816
ḫaštiḫaš leššuṷanzi 826
ḫaštiḫaš pir 827
ḫaštuir 159
ḫaš(š)- 201, 350₁
ḫašša- 158, 203, 808₁
ḫašša ḫanzašša 201, 750, 860₁
ḫaššannaš-šaš
ḫaššant- 201
ḫaššatar 750, 751₁
ḫašši 700
ḫa-aš-ši-i pa-aḫ-ḫu-ur 700
ḫaššu- 201, 280, 350₁, 750, 764₄, 860, 863
ḫaššu-(š)šara- 280, 750, 764₄, 860
Ḫaššuṷa- 538
ḫat- 655₁
ḫatk- 148
ḫatkešnu- 148, 347
ḫa-tu-ga-uš ta-lu-uš 349
ḫatteššar 534₁
Ḫatti 913₃
ḫaṷa- 159
ḫeḫaṷeš 680
ḫekgur 159, 203, 665, 666
ḫekur Piruṷa- 666, 792
ḫenkan 159, 822, 822₁, 831
ḫešta- 860
LÚ*ḫe-eš-tu-u-um-ni 860*
ḫe-i-ú-un ú-e-ik-ta 680
ḫeuš 680
ḫinganaš (pod. n.) 822
ḫišša- 721, 725, 922
-ḫšu- 860₁
ḫuḫatalla- 766, 767
ḫuḫḫa- 766, 767
ḫuḫḫa-ḫanniš 766
ḫuḫḫant- 766
ḫuḫḫanteš 766, 767
huišnu- 480
ḫuišṷannaš (pod. n.) 278₂
ḫuišṷant- 698, 860₂
ḫuiš-ṷa-tar 469
ḫuitar 469
ḫuitnaš (pod. n.) 469
ḫuittiḫa- 756, 757
ḫuk- 246, 803
ḫukanzi 200, 803
ḫula-li- 206, 578₁, 582, 583
GIŠ*ḫulali- 582*
ḫula-liḫa- 578₁, 583, 861₁
ḫulana- 206, 578₁, 582, 861₁
ḫulḫuliḫa- 221
ḫulḫuliḫanteš 307
GIŠ*ḫulukanna- 724*
GIŠ*ḫuluk/ganni- 724, 726₁*
ḫuman 189
ḫuman ḫuišṷan 468₁
ḫumantaš (pod. n.) 189
ḫḫumma- 594, 594₂, 595₁
ḫu-nik-ta 346₁
ḫunink- 346
ḫurk-el 494₁, 719
ḫurki- 494₁, 707₁, 719, 719₁, 720
ḫurkiuš 725
ḫurna- 695
ḫurnai- 695
ḫurnuṷanzi pai- 696₁
-ḫut(i) 328₃
ḫuṷandaš (pod. n.) 205
ḫuṷant- 202, 206, 425, 489₁, 677
ḫu-ṷa-an-te-eš 206
ḫuṷekzi 200, 803
ḫuṷelpi- 817
ḫuṷeš- 206, 467
ḫuṷešnu- 206
ḫu-e-eš-zi 206
ḫuiš- 467
ḫuišu- 467
ḫuišṷant- 468
ḫuišṷatar 122

-i 383
idalaṷaḫḫ- 207₂
i-da-la-ṷa-aḫ-ti 207₂
idalaṷannaš (pod. n.) 248₁
idalaṷatar 248₁
idalaṷatti 207₂
iḫa- 724, 724₁
iḫaḫḫari 724
iḫantari 724
iḫannai- 346
iḫanneš 345
iḫanniš 345
iḫattari 724
iḫaliḫa- 860₁
D*Ḫaliḫa- 860₁*
Illuḫankaš 528
innara- 202, 860, 860₁
innaraṷant- 802
innaraṷatar 802
irma- 685
irmaliḫa- 685
irmaniḫa- 685
išai- 219
išḫamai- 835
išḫamanatalla- 835
išḫa-mi 291
išḫar 902
iš-ḫar ar-ḫa tar-na-i 818
išḫaš 280
išḫaššara- 280
išḫiḫa- 202, 206, 210₂, 704
išḫimana- 705
išḫiul 210₂, 704
iškallai- 119
išmanalla- 723
išmeri- 723, 725
išmeriḫant- 723
išmeriḫaš 725
išpai- 55, 117
išpanduzzi- 652
išpant- 151, 913
itam- 897, 897₃
itma-ḫura- 898, 898₁
itm-ana- 897, 897₁
itamanaššaš 473₁
itm-aš- 480, 897
itanu- 684, 897₂
itanzana- 473, 473₁, 813
itanzaššaš 473₁
itt- 595₁
itt-k- 123, 217, 426, 811₂
itna tekhuššai- 806
itš (pod. n.) 132, 191₁, 814
iššil 377
it 218, 724₁
i-tar 46, 225
iuk/gan LXXVI₁, 45, 85, 179, 272, 276, 721, 722
i-u-ki 45
-(i)a- 270, 353, 361₁ 366₁, 860₂
ka- 201, 882
kaenaš 762₁
kainaš-šeš 290₂
kalmara- 669, 669₂
kalleš- 202
kallikalli- 542₂
Kamru-šepa- 126₁, 303₁
-kan 360, 361, 365₁
-kan... dai- 66₂, 67, 365
kaneš- 804
kank- 178
DUG*kappi- 897*
karap- 48₂
k(a)rat- 800
karatan dai- 324₁, 800, 833
karaṷar 112₁, 484, 566
kardi 186
kardiḫa- 273
kardiḫaš (pod. n.) 94, 100, 163, 173, 186, 801
kardit 377
karta 186
kartimmiḫa- 190₁
karuileš šiuneš 903
kašt- 48₂, 701, 720
kat-ta 45
kattan 356
kattan-šet 290₁
kattereš 582
ker 801
ker-met 290₁
keššar 408, 783₄, 785, 860
keššaraš-miš 290₁
ki- 295₃
ki-i pár-ku-i TUP.PU 889₁
kikkištari 306
kinun 860₂
kir 94, 100, 163, 173, 186, 273, 528
kišai- 49₁, 85, 156, 216, 223, 578₁
kiš-ari 332
kišat 332
kišat-ḫa-za 366
kišḫut 328₃
SÍG*kišri- 578₁*
kišt- 48₂
kištant- 48₂, 701
kiššar(a)- 49
kiššarit 377
ki-tari 332
ki-tat 332
kitta 392
kittari 46, 94, 295, 391, 392
ku-e-da-ni-ik-ki 288
kuedani-ma-ššan 365
ku-en-zi 91, 100
kueš UL memiškanzi 472
ku-iš-(ki) ṷa-a-ši 747₃
kun (вин. n.) 201
kun- 125, 246
kunanzi 77, 86, 88, 91, 100, 200, 410
kunk- 522
kunna- 783₃
kupaḫ(ḫ)i- 903
kupiattin kup- 835
kuranzi 200
kurša- 60₁, 902, 909
kušata- 757, 809
kutru- 244
kutrui 244
kutt- 932
kuṷanna- 710, 905
kuṷapi 160
kuṷatta 160
kuṷašk- 200
kuṷen- 125, 200, 246
kuṷenzi 48₂, 77, 86, 88, 200, 410, 740
kuṷer-tkur- 706
kuṷerzi 200
kuṷieš 353
kuṷiš 86, 88, 117, 353
kuṷiš paprizzi 352, 353
kuṷiški 88, 91
kuṷiš-pat 316
LÚ*Labarna- 268, 641*
laḫpa- 524
laḫḫa- 740
laḫ(ḫ)u- 211, 216
la-aḫ-ḫu-u-i 211
laḫ(ḫ)uṷai 171, 211, 224, 306
la-aḫ-ḫu-u-ṷa-an-zi 211

lagari 425
lala- 814₄
lalukki- 221
lalukkima- 221, 393
lalukkišdu 307
lalukkišzi 307
la-a-ma-an 181
laman-mit 290₁
laman t/de- 810, 833
laplipa- 812₃
le 860₂
le kuiški šarrizzi 823₂
lelḫuua- 211, 221
lelḫuuai 211, 306
leš- 826₃
lilakki 307
lingai- 806
lingan 806
linkiia kattan kiia 297₂
linkiianteš 806
linkiiaš DINGIR^{MEŠ} *806*
lišša- 815
lu(k)katta 45, 883
lu-uk-kat-ta 45
lukk-eš- 218₁, 225, 229₁, 346
lukki- 178
lutta- 148

-ma- 361₁, 365₃, 366₁, 860₂
ma-a-an-ua-kán
maḫla- 203₂, 642, 643₁
mai-/ miia- 691
maklant- 209
ma-ak-la-an-te-eš 209
malai- 803₁
malatti- 715
maldai- 803
malla(i)- 202, 231, 692
GIŠ$_{mammarra-}$ *673, 862*
maniiaḫḫ- 806
maniiaḫḫai- 806
LÚ$_{maniiaḫḫatalla-}$ *202, 806*
Maraššanta- 676
marmar(r)a- 673, 943
meḫur 159, 172, 684₂, 691
me-ik-ka-e-eš 208
me-ik-ki 208
me-ir-ta 475
me(i)u- 845
mekki 208
mekki- 782
melit 59, 603, 604₁, 605, 898
mema- 176, 177, 221, 299, 473, 835₁
memai 220, 221, 693
memiia- 473
memišta 389₁
-men 305
-mi 291
Midduua 604₁
militta- 603
-miš 290
-mit 290
-mu- 286, 361₁
mugai- 803
mugauar 803
muua- 818

naḫ- 211, 804
na-aḫ-mi 211
naḫšaratt- 804
naḫšariia- 211, 804
naḫḫan 172, 210, 804
naḫḫant- 210, 804
nai- 202, 299, 345, 346
na-an-ši 360
nanniianzi 307
-naš- 286, 361₁
na-aš 385
na-aš ḫarkannaš 278₃
na-aš taiazilaš 278₃
na-aš-an 360
na-aš-mu 360
na-aš-ši-at 360
na-aš-ta 360
na-šta 321
n-at 367₂
na-at 359
GIŠ$_{natḫita-}$ *207₂*
natta 254
na-at-ták-kán me-er-du 288
naui 254
ne-eḫ-ḫu-un 300
neg/ka- 765, 765₁, 854₁, 860, 860₂
neku- 216
nekumant- 50
ne-ku-ma-an-za 45, 100
nekut- 168, 215, 791₁
neku-zzi 215
nepiš 45, 65, 77, 167, 186, 267, 304, 668, 677
nepišant- 304
nepišanza 268, 303
nepiš-aš (pod. n.) 45, 186, 264, 267
nepiš-i 165
nešk- 345, 346
neua- 783, 860
neuaḫḫ- 158, 218, 346, 783
neuan 279
neuaš 179, 279
nink- 822₄
nu, nu- 359, 361₁, 364
nuḫuuar[taḫḫun] 364
numaltaḫḫun 364
nu-mu 359, 360
nu-pat 361
nu-tta 360
nu-ua ANŠE-*iš arkatta 563*
nu-ua-kán 354
nu-uar-aš-ši-ša-kán 367₁
nu-za-kán ŠU$^{HI.A}$*-uš a-arri 335₁*

paḫš- 59, 158, 203, 229₁, 346, 695, 883
paḫḫaš- 172
paḫḫašḫi 296
paḫḫur 189₁, 210, 274, 699
paḫḫur paḫš- 695
pa-aḫ-ḫu-u-e-na-aš (pod. n.) 210
paḫḫuuar 189₁, 210
p-ai- 882
pai- 'идти' 724₁, 860₂
pai-/ piia- 'давать' 299, 345, 753, 882, 882₁
paišta 753
paizzi 860₂
paḫḫ-i- 198, 200, 205, 781
paltana- 55, 200, 781
pan 189
pangauua EME-*an 819*
pangauaš (pod. n.) 218, 244
panku- 200, 225, 244, 849
pankur 849
UZU$_{pantuḫan}$ *819₁*
paprannaš (pod. n.) 248₁
papratar 248₁
paprizzi kuiš 353
para 202, 356
(para) ḫarkta 149
para-ma-aš-šan 366₁
(para) nai- 321
para šiiatar 688, 688₂

[illegible]*ḫ- 200*
[illegible]*riparai- 221, 301*$_1$
[illegible]*rga(m)uš* ḪUR.SAG^{MEŠ}*-uš 668*
[illegible]*rḫaua̯aš (pod. n.) 244*
[illegible]*rkeš- 669*$_1$
[illegible]*rku- 174, 200, 217, 244, 280*$_1$*, 621, 668, 781, 879*
[illegible]*rkueš- 621*$_1$
[illegible]*rkuešnaš (pod. n.) 621*$_1$
[illegible]*rkueššar 621*$_1$
[illegible]*rkui- 280*$_1$*, 621, 621*$_1$*, 621*$_2$*, 860*$_2$
[illegible]*rkuua̯a̯aš (pod. n.) 621*$_1$
D*[illegible]par-ma-aš-ḫa* [*-pa-aš*] *862*
[illegible]*rnaš (pod. n.) 741, 863*$_1$*, 900*$_1$
[illegible]*rnaššea šuua̯izzi 900*$_4$
[illegible]*rš- 812*$_2$
[illegible]*ršana- 486, 500, 505*
[illegible]*rranda 202*
[illegible]*š- 209, 229*$_1$*, 346, 702*
[illegible]*šdu 209*
[illegible]*š-aš-ta 209*
[illegible]*š-aš-zi 209*
[illegible]*šišari- 818*
[illegible]*-ut 168, 360, 758*$_2$
[illegible]*ta- 57, 146*$_1$*, 154, 786*$_2$
[illegible]*-ta-a-na LVIII*$_1$*, 268*
[illegible]*ttanaš (pod. n.) 226, 537*
[illegible]*ttar 45, 57, 226, 537*
[illegible]*ttar-palḫi- 297, 349*$_1$
[illegible]*e- 218, 357*
[illegible]*e ḫark- 218, 357*
[illegible]*iaḫḫi 357*
[illegible]*ian 154, 272, 276, 304*
[illegible]*iaute- 218, 357, 757*
[illegible]*ianna- 202*
[illegible]*iaru 614*
[illegible]*iarua- 614, 615, 792*
[illegible]*iaruni 614*
[illegible]*e/irua- 550*$_1$*, 556, 615, [illegible]4, 795, 860*
[illegible]*345, 753*
[illegible]*304*
[illegible]*m-me-ni 210, 305*
[illegible]*i 753*
[illegible]*ua-un 299, 753*
[illegible]*382*$_1$
[illegible]*382*
[illegible]*n- 741, 863*$_1$*, 900*$_4$
[illegible]*356*
[illegible]*-šet 290*$_1$
[illegible]*: 290*$_1$

pittai- 537
puri- 898$_1$
purulli- 909

ša- 359, 386$_1$
ša-aḫ-ḫa-an 210$_2$
šai-/šii̯a- 422, 688
šagaḫḫi 178
šagai- 805
šakii̯a- 805
šaklai- 801
šaknaš (pod. n.) 126$_1$*, 817*
šakruua̯nzi-ma-aš UL 323$_1$
šaktaizzi 811$_2$
šakuni- 121, 639, 675$_2$
šakuua 100, 121, 122, 528, 675$_2$*, 696, 786*$_1$*, 812*$_3$*, 860*$_2$
šakuua̯i- 100, 121, 696, 696$_3$
D*Šakuua̯ššaš 473*$_1$
šakuua̯t 378
šakkar 126$_1$*, 817, 860*
šalla kard/t- 297, 348
šallakard/tai- 297, 348
šalli 279
šalli- 202, 279, 860, 862
(Šalliš) Arunaš 671$_1$
šam(a)lu- 639, 641
šam(a)luua̯nt- 642
samaluua̯nza 639
šamana- 860, 688
ša-ma-an-ku-ur-ua̯-an-du-uš-kán MUŠ$^{ḪI.A}$*-uš 489*
šammamma- 902$_2$
ša-an 385
-šan- 360, 361$_1$
-šan+ ar- 365
-šan... dai- 66$_2$*, 365*
šanḫ- 198
ša-an-ḫa- [*an*] *385*
šankui- 121, 639
šankunni- 787, 789$_1$
šankuua̯i- 121
šanna- 202, 842
šannapi šannapi 202
Šaptama-niga- 854$_1$
-šar 197$_1$
šara 357
-šara- 860
šarku- 186, 187
šarnikzel 807, 809
šarnink- 807
GIŠ*šarpa- 691, 692*$_1$*, 860*

šaru 478, 479$_1$*, 740*
šaruua̯i- 740
šarriškir 307
ša-aš 385
šaša- 486, 522
šašta- 66$_1$
šatta- 689
šeḫunant- 303
šeḫunanza-pát 303
šeḫunaš (pod. n.) 303
šeḫur 160, 172, 303, 817
šekuua̯eni 178
šel 290$_2$
-šepa- 126$_1$*, 303*$_1$
šepta(ma)- 854$_1$*, 860*
šer 356, 357
šer-a-šan 366
šer-šet 186
šeš- 66$_1$*, 96*$_1$*, 248*$_2$
-šeš 290$_2$
šeškišk- 347
šešuua̯nzi- 189$_2$
šešuua̯r 189$_2$
šeš-zi 295
-ši- 361$_1$
šipandaḫḫi 342
šipant- 545, 808$_1$
šipta- 846
-šiš 290, 290$_2$
-šit 290
šiu- 475, 748, 791, 792, 794, 860, 897
šiun (вин. п.) 791
šiu-na- 46, 227, 488, 860$_2$*, 897*
šiunan 187$_1$
šiunan antuḫša- 268
šiunaš (pod. n.) 791
šiunaš ḫuitar 486, 486$_1$*, 488, 516*
šiuni- 46
Šiušummiš 792
šiua- 860
šiuanni- 46
šiuatt- 46, 218, 227, 791, 860, 860$_2$*, 897, 897*$_2$
D*Šiuaz 46*
-šk- 347
-šmaš- 286, 361$_1$
-šmi- 254$_2$
šu- 361$_1$
šuel 704
šuli(ia)- 711
šumenzan 268

šummanza(n) 704
šummeš 254₁
šunna- 100
šuppaḫaš (род. п.) 244
šuppala- 469₂, 471
šuppariḫa- 117, 224, 263
šu-up-pa-ri-ḫa-zi 45
šuppi- 244, 860, 860₁
šu-up-pí ḫa-a-tar 349
Šuranḫapaš 954
šuḫa- 228
šuḫai- 'наполнять' 100, 408
šuḫai- 'толкать' 202
šuḫaḫa- 100
šuḫaḫaun 538
šuḫattari 228
šuḫattat 228

ta 361₁, 386₁
-ta 286, 299, 361₁
ta ḫu-ur-ki-in ḫa-ḫi-en-zi 720
ta-a-an 133
ta-an 359
ta-aš 385
ta-at 385, 385₁
tagan (лок.) 149
tagnaš (род. п.) 149, 821
taggaš- 706
ta-a-i-u-ga-aš 133
taḫa- 748, 807₁
taḫazilaš (род. п.) 278₂
ta-ḫa-az-zi 748
taḫazzil 748
ta-a-i-iz-zi 748
taknaš Ištanuš 376₁
takš- 706, 728, 859
takšan- 859
takkeš- 706
takku-šmaš UL-ma ḫapzi 746₁
-tala- 426
ta-lu-kiš-zi 46
-talla- 196, 202
talliḫa- 808₁
tamaš- 209
ta-ma-aš-šir 209
ta-ma-aš-zi 209
-tani 246₂
tapišana- 902
tapišša- 683
LÚ*tappala- 701*
tar- 301₁
-tara- 196
tar-aḫ-ta 321
tar-aḫ-ḫu-u-ḫa-an 321
tarḫ- 57, 198, 200, 205, 321, 794, 822₂, 860
tarḫ-u- 346
Tarḫunt- 903
tarḫuzzi 346
-tari 391
tariḫalla- 845
tarkuḫa(i)- 903
tar-n- 345₁
tarna- 345, 346, 426
tarnašk- 345₁
tarnešk- 345₁, 346
tarniš-ten 345
taršik- 345₁
tar-šk- 345₁, 346
taru 174, 217, 233, 612
tarumaki- 325
ta-šši pai 359
-tati 391
ta-at-ra-aḫ-ḫa-aš 307
Taḫananna- 778
te 133
teḫḫi 159, 166, 203, 216, 299, 388
teḫḫun 299, 388
tekan 148₁, 149, 303₁, 475, 536, 821
tekkuššai- 806
tekkuššanu- 806
Telepinu- 532, 795
-ten 247, 328₁
-telani- 246
te-pa-u-eš 45
te-pa-u-ḫa-az 45
tepnu- 146₂, 154, 154₂, 345, 782
tepu- 45, 154, 154₂, 345, 782
teriḫalla- 845
teriḫanna- 845
ter(i)pp- 687
-tet 299
tetḫa- 207₂
ti-i-e-er 305
tiḫami 295
tiḫanešk- 345₁
tiḫaneškimi 345₁
ti-(ḫa-)an-zi 210
GIŠ*tiḫarit- 725*
ti-(ḫa)-u-e-ni 210
tiḫaḫar 189₂
-tiš 290, 299
-tit 290
tittanu- 220
tittiḫanteš- 307
D*Tiḫaz 46*
tuel 290
tuḫḫai- 206, 466
tuḫ-ḫa-a-it 206
tuḫḫiḫa- 206
tuḫḫiḫatt- 466₂
tuḫḫiḫaz 466
tuḫḫ-ima- 206, 466
tuk 286, 299
tuliḫa- 480₁
tummeni 210, 305
tuqqa UL kuitki ešzi 289
D*Turešgala- 726*
turiḫa- LXXVI₁, 721, 726
turiḫan 724
tuḫa 202, 230
tuḫaz 202
tuḫeni 210
tuzzi- 740₁, 749, 787, 943
tḫekka- 134, 812
tḫekkant- 134
tḫekkeš (мн. ч.) 812

SAL*udati- 759₂*
uddanant- 303
uddananteš 303
uddanaš (род. п.) 189₁, 267, 303
uddanta 189₁
uddar 189₁, 267
u-e-da-an-da 189₁
ú-e-it-na-aš ma-a-an pa-an-gur 493
uḫḫi 200, 229, 295₁, 786₄
uḫḫun 786₂
ú-(i)-it-ti, ú-i-ti 45
uk 383
ukturi- 726, 826
ulippana- 486, 492, 497₁, 500
-uman- 859
umeni 786₄
-umn 859
u-nna- 202
unnanzi-ma-ḫar-aš naḫi 365₂
up- 121
uš- 223
-uš- 361₁
uš(a)niḫa- 200, 747
ušk- 347
uškišk- 347
uškizi 108

ušnešk- 747₃
ušniya- 747₃
ušteni 786₄
utne 304
utneanza 304
utneyant- 304
ut-ni-ya-an-da-an 268
u-tum-me-ni 210
uttar 148, 189₁, 303, 349
uttar paḫš- 695
uyanzi 786₄
uaḫnu- 547
ua-aḫ-nu-me-ni 305
uaḫnuyar 547
ualḫi- 826, 827
ualula- 812₃
ualya- 508
ualyi- 508
-yani 246₃
yantemma- 683
-yanzi 189₂
yar- 683, 826₁
-ya(r)- 361₁, 367
yarani 826
yar-nu- 683, 826₁
yarpanzi-ma-ya-šmaš UL 365₃
yarrai- 741
yarrešša- 741
yaš- 747
yašanna 546, 546₁, 863
yašpa- 705, 829₁
-yaštari 391
yaštul 781
yašš(iya)- 705
yatar 45, 188, 189, 273, 274, 303, 671
yatar eku- 671
yatar ekutteni 703
yatar šeši 316₂
yatarnaḫḫ- 345
yattaru- 675₂, 860
yayarkima- 221
yekir 307
yek-mi 163
yellu- 202, 823₂, 824, 898
yelluya 823₁
-yen 247, 305
yeriya- 231, 361₁
yerite- 809
yeritema- 809
yeš 292
yeši- 244, 695
yešiya- 200, 695, 824
yešiyaz 244
yešta 392, 705
yeš-tara- 196, 695, 788₄, 824
yešš(iya)- 705
yetani-a 189
yeten-a 189
yetenant- 303
yetenaš (род. п.) 188, 303, 671
yeten-i- 167, 248
yetna- 492, 497₁
yett- 783
yeyak- 221
yeyakkinun 306
yiyana- 647
yiyanit šipant- 652
yitaz 45, 671
yitenanza 303
yiti 671
yittan-a 268
-za- 361₁, 367
zaknaš (род. п.) 817
zakkanaš (род. п.) 278₂
zakkar 126₁, 278₂, 817
zamankur 112, 112₁, 919
zanuyant- 698
zena- 126₁, 691, 853₁
zenant- 853₁
zeni 126₁, 691
zik 299
-zipa- 126₁

ШУМЕРО-АККАДСКИЕ ЛОГОГРАММЫ В ХЕТТСКОМ

A.AB.BA *671*
A.BÁR *818*
A.NA GIŠDUBBIN *lamniyat 720*
A.NA GIŠ.ḪUR*(TE)-kan ḫandan 889*
GUD$_{AB}$ *armaḫḫant- 573*
GUD$_{AB.GAL}$ *573*
ALAM *726*
ANŠE *562*
ANŠE.GÌR.NUN.NA *562₁*
ANŠE.KUR.RA *545₁, 725*
ANŠE. KUR. RAḪI.A *545*
ANŠE.KUR.RA *turiyaš 573*
AZ *486, 486₁, 516*
DÀRA *486₁, 522*
DÀRA.MAŠ *486, 486₁*
DINGIR^{LIM}*-aš* KÙ. BABBAR*-i 713*
DINGIR^{MEŠ} *ešḫar šanḫir 809*
DINGIR^{MEŠ}*-aš karpin 819*
DINGIR^{MEŠ}*-na-aš ḫu-u-i-tar 486₁*
DINGIR^{MEŠ}*-naš-a ištarna 505₁*
DUB.SAR.GIŠ *889*
^{D}DUBBIN *494₁, 707₁, 720*
DUMU^{MEŠ}*-an 268*
DUMU*-la- 765₄*
DUMU.DUMU*-aš 765₄*
DUMU. NIN *778*
DUMU.SAL *766₂*
É ^{NA_4}*ḫegur* ^{D}*Peryua- 615*
É *ḫešta- 516, 827, 860*
É*-ir 741*
É.NA$_4$ *827*
É.NIM.LÀL *605, 610*
EN *480*
ERÍN^{MEŠ} ANŠE. KUR. RA^{MEŠ} *787*
UZU$_{GAB}$ *819₁*
GEME *478₁*
GIŠ$_{GEŠTIN}$ *išpanduzzi- 652*
GIDIM *726*
GIŠ$_{GIGIR}$ *686, 718₂, 725, 726, 728*
GIŠ$_{GIGIR}$*TI 725*
GIŠ$_{GIGIR}$*-ya 718₂*
GIŠ$_{GIGIR}$*-ni 718₂*
GIŠ$_{GIGIR}$ *ašannaš 726*
GIŠ$_{GIGIR}$ *MA.AD.NA.NU 726*
GÌR*-an 268*
GIŠ.ḪUR *625, 889*
GÙB *783₄*
GÙB*-la- 783, 783₂, 783₄, 784*
GUD *478, 565, 577*
GUDḪI.A *725*
GUD*-un 565*
GUD*-uš 565*

GUD.APIN.LAL *572*
GUD.MAḪ *572*
GUD UDU 630_1
GUŠKIN 713_8
$GIŠ_{GU.ZA}$ GUŠKIN *726*
$GIŠ_{ḪAŠḪUR}$ 642_2
$GIŠ_{ḪAŠḪUR.KUR.RA}$ 642_2
$GIŠ_{ḪAŠḪUR}$-*lu-ya-an-za* *639*
ḪUL-*lu* *349*
ḪUR.SAG-*r(i)* 669_2
IÁ.ŠAḪ *595*
ÍD *670*
ÍD-*aš* $UR.ZÍR_{ḪI.A}$ *529*
IKU-*aš* $KU_{6ḪI.A}$ *529*
^{D}IM-*unna-* *794*
ÌR 478_1
^{D}IŠKUR *794*
^{D}IŠKUR-*aš* *794*
IŠ.TU $GIŠ_{GIGIR}$ *726*
III-*ya̯lla* *845*
KI-*an-zi-pa-aš* 303_1
KÙ.GI=GUŠKIN 713_8
$LÚ_{KÙR}$-*an* *268*
LÀL-*it* *603*
LAMA $KUŠ_{kuršaš}$ *909*
LÚ 758_2
LÚ-*iš* 758_2
LÚ $URU_{A-aḫ-ḫi-ya̯}$ 901_1
LÚ $URU_{Ḫatti}$ 913_3
LÚ NIM.LÀL *605, 609*
$LÚ^{MEŠ}$ *ḫurkilaš* 494_1
$LÚ^{MEŠ}$ *kaenaš-šiš* 751_1
$LÚ^{MEŠ}$ *paḫḫuenaš* *700*
$LÚ^{MEŠ}$ APIN. LAL *787*
$LÚ^{MEŠ}$ AŠGAB *787*
$LÚ^{MEŠ}$ NAGAR *787*
$LÚ^{MEŠ}$ SIPÀ *787*
$LÚ^{MEŠ}$ $GIŠ_{TUKUL}$ *787*, 787_1
$LÚ^{MEŠ}$ UR.BAR.RA *493, 591*
$LÚ^{MEŠ}$ UR.ZÍR *590, 591*
$LÚ^{MEŠ}$ UŠ.BAR *787*
LUGAL-*an* *268*
LUGAL-*i Pirya̯š* 798_1
$GIŠ_{MAR.GÍD.DA}$ *725, 726, 729*
$LÚ_{MUḪALDIM}$ *700*
MUN-*an* 703_1
MUN-*aš* 703_1
MUŠ *489, 582*
$LÚ_{MUŠEN.DÙ}$ *601*
MUŠEN GAL *601*
NAM.RA *478*, 478_1
$UZU_{NÍG.GIG}$ 819_1
NIM.LÀL 602_2
$NIM.LÀL_{ḪI.A}$-*an* *605*
QA.TI.ŠU 819_1
SAL 758_1
SAL-*nan* 758_1
SAL-*ni* 758_1
SAL $NA_{4ARÀ}$ *693*
SAL ŠU.GI *531, 532, 823*
SILÁ *522*
$UZU_{ŠÀ}$ 819_1
ŠA UG.TUR *505*
ŠA UR.MAḪ 505_1, 510_3
ŠÀ.*ŠU* 819_1
ŠAḪ *516*, 593_2, 593_3
ŠAḪ-*aš* 593_2
ŠAḪ *armant-* *594*
ŠAḪ *ḫilannaš* 593_3, *594*
ŠAḪ-*aš ḫu-um-ma-aš* *594*
ŠAḪ.GIŠ.GI *486*, 486_1, *516*, 593_3
ŠAḪ IZ.ZI 593_3
ŠAḪ.ŠE 593_3, *594*
ŠAḪ.TUR *594*, 594_1
ŠAḪ.TUR-*an* 594_1
ŠE *594*
ŠE-*u-ya̯-an* *655*
$ŠEG_9$.BAR *486*
ŠEŠ 764_2
ŠEŠ-*an* 764_2
ŠEŠ-*aš* 764_2
ŠEŠ-*ni* 764_2
^{D}U *794*
UDU *478, 584*
UDU *i̯anza* *584*
UDU-*aš kuršaš* 630_1
UDU-*aš* IÀ 630_1
UDU.A.LUM *584*
UDU.ÁŠ. SAL.*GÀR* *584*
UDU.KUR.RA *584*
UDU.NITÁ *584*
UDU.SÍG+SAL *584*
UDU.ŠE *584*
UDU.ŠIR *584*
UG.TUR *486*, 486_1, *500*
UL ara *810*
$UZU_{ÚR}$ 812_2
$UZU_{ÚRḪI.A}$ 812_2
UR.BAR.RA *486*
UR.MAḪ *486*, 486_1, *508*
UR.MAḪ-*aš* *508*
UR.MAḪ-*iš* *508*
UR.MAḪ LUGAL-*uš* 508_3
UR.ZÍR *ḫilannaš* 593_3
Ú.SAL-*ya̯ pa-a-i-ši* 823_1
UZU *699*$_1$
$GIŠ_{ZA.LAM.GAR}$ *726*

Лувийский

a- *359*
a-an *359*
adari- *698*
aku- *702*
annan *357*
annari- *860*
annarummaḫit- *802*
annarummi- *802*
anni- 765_3
a-an-ni-i-ti *46*
ara- 860_2
ari- 860_2
arkammana- 925_1
arma- *685*
armaminti *304*
aš-and-u *328*
aš-d-u- *328*, 860_2
ašḫa 296_1
ašḫanuya̯ntiš *816*
ašḫar *206*
-atta *385*
dadduya̯r *391*
dammaranza *903*
elelḫa- *307*
elḫa- *307*
-ḫa 860_2
ḫalali- 860_2
ḫamša- *750*
ḫappišati 812_2
ḫarduya̯tt- *749*
ḫašša- 755_1, *816*
ḫaya̯i- *183*, 508_2, *577*, *582*

-irun 819
-i-šḫiia- 206, 220₂, 704
-i-iš-ḫi-ia-an-ti 46
-uit-ual-aḫi 122, 469
-uitual- 860₂
-umma- 594
-utarla- 479₂
-utarli- 478₁, 479₂

- 860₂
-mmari- 49₁, 783₄
-ala- 783, 783₄
-arili- 785
-šari- 49₁, 408, 783₄, 785, 860₂
-ti 724₁, 860₂

-ši- 755, 755₁
-š-ama- 398
-ša- 49₁
-šašša- 60₁
-uanzu- 710

-(i)- 753
-laiddu-tta 307
-li- 814₄
-tta 307

-ddu- 604₁
-iaššin EME-*in 819*
-lḫaššašši- 376₁
-li-tia-aš aiaru 605, 606
-llit- 603, 604₁, 605
-llitati 603
-mmanna- 177, 221, 307, 473
-na- 307
-ššana- 860₂
-ua- 845₁

-kkuššaunta 304, 305
-naš(a)ri- 280, 765, 960, 860₂
-ni- 280, 764₂, 860
-un 860₂
-i 860₂
-an 269
-z-aš 269

-c 860₂
-laḫša- 739
-raddu-tta 307
-ti pa-a-ar-ta-ti 812₂
-rna- 741
-rta- 812₂

parrai- 668
parraianza ḪUR.SAG^{MEŠ} *668*
pitia- 753, 882
pipišša- 882

Šanta- 903
šuua- 100
šu-u-ua-at-ta 100

-ta 361₁
tapašuant- 683
tapašša- 683
^{D}*Tarḫunza 794*
tatariia- 301₁
tatarriiaman 819
tati- 765₂, 860₂
tatiš Tiuaz 777, 791
taui- 122, 860, 860₂
-ti 361₁, 367
*tiiammaššiš ^{D}*UTU*-za 376₁*
Tiua- 792
Tiuat- 227, 242, 475, 684, 792, 860
^{D}*Tiuaz 791, 794, 897₂*
tumman- 897, 897₁

ulantalli- 425
u(ua)lant- 425, 824, 860₂
u(ua)lanti- 492₁
-ua 367
ualua- 508
uaš- 245₁, 705
uašḫa- 860₂
uašpa-nt- 705
uašu- 216, 245₁, 478, 780, 860, 860₂
uašui- 780
uiniiant- 647

ziti- 821, 860₂

Иероглифический лувийский

adamain tuha 833
Adana-wana 902₂
aku- 702
asimi- 393
á-sù-wa 100, 102, 544
á-sù-wa-i- 100, 544
atimanza 188₁
hamasa- 750
há+rali+tu-sa 749
hasu- 750
hasusara- 750
hawali- 159, 508₂, 577
Hayi 913
panta 845
parna- 863₁
pata- 146₁
pia- 753, 882
surna- 112₁, 484
su-su-tá 100
suwa- 100, 408
su-wà-há 100
suwana- 101, 243
sù-wa-nà-i 100, 590
tà-a 753
taha 388
tama- 741, 742₃
tuwarsa 902
wal(a)- 492₁
walatali- 425
wasu 245₁, 860₂
wiana- 647

Палайский

aḫauanti 46
aḫu- 702
aruna- 671
aš-and-u 328
aš-d-u 328
atanti 46
ḫapnaš 670
ḫapnaš ni tekanza 670
ḫappaš 72₁
ḫaraš 538
kittar 391
malit- 603
papa- 765₂, 860₂
piša- 753, 882
šamluua- 639
šun- 100
Tiia- 792
Tiiat- 684, 860
tiiaz 897₂
tiiaz... papaz 777
uašu- 860
uer- 361₁

Ликийский

arawa 477
cbatru 766₂
esbe-di 544
ēnẽ 357

hrppi 357
iyānatiya 902₂
izre 408, 785, 860₂
kaveś 836
kθθase 655₁
mahana- 860₂
pibiie- 882
piyatu 882
prñnawa- 741₁, 863₁
tedi 860₂
χñna 203, 766

Лидийский

bi- 882
bira- 741₂, 863₁
dāv 753
dēt 753
Καν-δαύλης 324
mruvaad 188₁
qelad 188₁
sarokak... nikumēk savēnt 840
Σιβρω- 713₂

ТОХАРСКИЕ ЯЗЫКИ

Тохарский А (Восточнотохарский)

ak 121, 786₁
aryu 860₂
āk- 94
ākär 612₁, 816
āknats 234
ākrunt 612₁, 816
āmpi 67
āre 424, 687, 688, 899
ārki 158, 229, 713

cacāl 176
cai 385
cam 384
-cär 391
ckācar 766

e- 753, 882
-e 392₁

ime 836₁

kalk-a-m 393
kam 423, 815, 879
kanweṁ 94, 100, 786₃
kaṣt 48₂, 701, 720
kayurṣ 566
kälk- 937, 938
käm- 164
känt 94, 846
käntu 814
ki 935
klāw- 834
ko 60, 86, 565, 935
ko- 715
koṁ 684
kon (косв. п.) 590
koṣt- 715
krāṁ 814₁
kroṁśe 423, 535, 603, 939
kroššune 682
ku 590
kukäl 57, 86, 88, 220, 410, 718, 720
kum- 86, 88, 410
kumnāṣ 108
kumpāc 88
kuraś (krošš-) 682
kuryar 747
kuryart 747
kus 86, 387
kus pat 361

lake 425
läk- 425
länt- 377, 423
läñci 377
lu 510, 538₁
luk-s- 225, 346
lw-ā 510
lwä-k-aṁ 510
lwā-yo 510
lw-es 510
malañ 641
malke 571
malywät 692
mañ 424, 684, 899
mañnkät 684
mäššunt 813₁
mācar 49, 765
mäk 208, 782
mälklune 569
-mär 391
mnu 813, 835₁
mrāc 813₁
-mtär 391

naṣu 762₂
näk- 822
nätäk 752
nmuk 848
-ntär 391
ñi (род. п.) 377
ñkät 752
ñom 937
ñom·klyu 834
ñu 783, 846

okät 27, 846
oksiṣ 236
okluk 848
or 612
orkäm 423

paṣ 753
pat 361
pat nu 361
pats 168, 758
päk- 146, 699
pält 468
pänt 845
päñ 845
pärk- 174, 669₁, 781
-pärkänt 669₁
pärwän- 786₁
pācar 765
pāci 783₃
pācri (род. п.) 377
pāk 141₁
pās- 158, 346, 695
pe 786₂
pek- 632, 946
pik- 632, 946
plāk- 42
plākäm 424
pñāk 847
poke 785₁
ponl- 849
por 274, 699
pracar 764
prak- 237
prākär 745
puk 849

rtär 711

salu 812_1
sas 842
säksäk 847
säm 384
säṁ 842
särk 811_2
säle 703, 937
säm 384
se 423, 765
sewä-şi 765
seya-şi 765
sne 122
su- 679
swase 424, 679
swäs- 679

şar 123, 764
şäk 122, 124, 845
şälyp 703
şäptuk 848
şkäşt 845
şpäṁ 117
şpät 846

śanweṁ 815
śäk 49, 846
śäṁ 92, 758
śärṁe 683
śälyäs 783
šišäk 510
šol 235
šom 475, 821
šoš 585
špäl 154, 408, 813_3
šreñ (мн. ч.) 685
štärt 845
štwar 845
štwaräk 847

ṭaryäk 847
täk- 146_1
täl- 176
täm 384
-ṭär 391
ṭärk- 346
tärṇa- 346
ṭäm 384
ṭäp- 701
ṭäpal 701
-ṭär 391
ṭär-k- 346
-ṭe 392_1
ṭkaṁ 149, 150, 475, 536, 821
ṭkanis (род. п.) 821
ṭoṁ 385
ṭre 845

tri 845
tri-wsälum 845
tsar 408, 785
tsäk- 49, 146_1, 154, 826_3
tsän- 671
tsäw- 683
tseke 707
tsik- 49

wak 472_3, 835
walu 425, 824
want 425, 489_1, 677
waşt 741
wäl 423, 752, 938
wäl- 425, 492_1, 824
wälts 848
wänt 677
wär 249, 672, 882
wär yoktsi 671, 703
wärkänt 719, 720
wäs 711, 713, 932, 939
wäs- 705
we 133, 844
-we 392_1
wiki 846
wir 469_1
wlalune 824
wsäl 705
wu 133, 844

yäl 517, 518
yä- 724
yäşşuce 818_1
yleṁ 517
yo 270
yok- 426, 702, 940_1
yoktsi 217
ysär 117, 206, 816
ytär 46
yuk 245_1, 410, 544, 939

Тохарский В (Западнотохарский)

ai- 753, 882
auk 526
āk- 94, 941
ālp- 937
āṁe 466
āre 424, 687, 688
ārkwi 713

cake 49, 146_1, 670
cāla 176
ce 384
cem 385

ek 121, 786_1

ikante 846
ikäṁ 133_2, 846
ime 836_1

kalāk- 937
kameṁ 304
kante 94
kantwo 814
karyor 747
kau- 715
kauṁ 684
kaurşe 566
käm- 410
känte 846
käs- 48_2
kärs-a-ṁ 393
kektseñe 98
keme 423, 815, 879
keṁ 150, 821
kenine (дв. ч.) 94, 786_3
**kerciyi* 175, 744
kest 702
keu 565, 935
klāw- 834
kokale 57, 86, 220, 410, 718, 720
kor 814_1
kraṅko 601, 947
kroṅše 423, 535, 603
krost- 682
krośś- 682
ku 590, 935
kuse 86, 88, 387
kweṁ (аин. п.) 935

laks 536, 538_1, 946
leke 425
luk-s- 225_1, 229_1, 346

-mai 392_1
maiwe 691
maiyya 691
malkwer 571
mañu 813, 835_1
-mar 391
mācer 49, 765
māka 782
meli 641
melye 692
meñe 424, 684, 899
mit 604, 611, 935, 937

mlsa 699
mrāc 813₁
-mt(t)ār 391

năk- 822
nek- 822
nekciye 791₁
nes- 288₂
nesām 359
-ntār 391

ñakte 752
ñem 937
ñem-kālywe 834
ñu 846
ñumka 848
ñunte 846
ñuwe 783

oko 648
okso 129, 566, 937
okt 27, 846
oktañka 848
onolme 466
or 612
ost 741

paik- 946
paiyk- 632
paiyye 786₂
pāk- 146
päkw- 699
pārk- 174, 669₁, 781
pārwān-e 786₁
pärweşşe 843
pācer 49, 184, 765
pāsk- 158, 203, 345, 695
pik- 946
piṅk- 632
piṅkte 845
piś 845
plāk- 424
plāki 424
plewe 675
po 849
pokai 785₁
poke 785₁
pont- 849
pratiṁ 29
prākre 745
prek- 237
procer 49, 184, 764
pśāka 847
puwar 189, 274, 699
pwāra (мн. ч.) 189₁

ratre 422, 711

salyiye 158, 703
sana 842
sark 123, 426, 811₂
sälk- 124, 689
sā 384
se 384
seyi (pod. n.) 765
skiyo 109, 120
snai 122
solme 812₁
somo 842
soy 423, 597₂, 765
ste 117
su- 679
suwo 593, 935
sărme 817
swāñana 935
swāñana misa 593
swās- 679
swese 424, 679

şalype 703
şar 408, 785
şe 842
şecake 510
şer 123, 764
şkas 122, 845
şkaska 847
şkaste 845
şñaura (мн. ч.) 704, 816
şpane 117
şuk(t) 846
şuktañka 848

śak 49, 846
śana 758
śaul 235
śaumo 475, 821
śāmna 821
ściriñ (мн. ч.) 685
ścirye 685
ś(t)wārka 847
śtwer 845
śtwerne 845
śwal- 783₄
śwālle 393
śwālyai 783
śwer 845

-tai 392₁
takāsta 389₁
-tar 391
tarne 426
tāl- 176
-tār 391
täryāka 847
tā(k) 384
tāno 873
te 384
tek- 424
tkācer 184, 569₁, 766
trai 845
trey 845
tri-wsālum 845
tsāk- 49, 146₁, 826₁
tsāp- 683
twere 743

walo 423, 752, 938
war 249, 672, 882
was- 747
wäktasurñe 835
wās- 705
wāp- 424, 583
wek 835
wes 292
wesk- 835
wi 133, 844
wrauña 540

yakwe 100, 245₁, 410, 544, 939
yasa 713, 932, 939
yasar 816
yaşşūca 818₁
yältse 848
yāsk- 818₁
yente 425, 489₁, 677
yerkwantai 719, 720
yok- 426, 702
yokalle 393
ysā- 939

ИНДО-ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ИНДО-АРИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Древнеиндийский

a- 201, 225, 254
á-bharat 357, 364
ábhavam 329
ábhavas 329
ábhavat 329
á-bhūv-am 388
ad- 33₂
ádām 41, 50, 388
ádanam 36, 50
adbhís 72₁, 671
á-ábhu-ta- 154
adbhyás 72₁
a-deva- 201
á-dita 166
ádman 250
ádmi 250, 698
ádri- 666, 667
á-dhā-m 328, 388
á-dhā-s 328
á-dhā-t 328
-adhiti- 716
adhvará- 789₁
adhvaryú- 789₁
ágan 164
á-gā-m 86, 388
agnéḥ (pod. n.) 218
agni- 218, 225, 257₄, 383, 699₂
Agní- 274, 828
Agní-kravyád- 828
agnyóḥ 383
ágra- 665
ágram 159, 203
aghāśaṅsa- 493₁
ahám 207, 383
áhann áhim 837
áhi- 67, 526, 528₁
Áhi-Budhnyá- 502, 526, 489
áhim 528
ája 343
ajá- 131, 417, 585, 586, 587, 919
ajā́ 585
ajá- ékapad- 587
ja-gará- 179, 702
jā́mi 106₂
jā́śva- 586
jā́śvaḥ paśupā́ 587
jā́ti 94
jihkā 585, 589
jínam 417, 585
jíra- 94, 689₂, 694
jīkṣa- 721
akṣára- 151
ákṣi 121, 129₁, 786₁
ákṣiti śrávaḥ 349₁
ámanthiṣṭām 55
amblá- 640₁, 640₂
amlá- 640₁, 640₂
amṛ́ta- 475, 606
Amṛ́ta- 476
aṁhu- 67, 781
áṁśaḥ 925
ana- 385₂
ánaḥ 729
ánar-viś- 729
ándha- 873
ánila- 466, 678
ániti 466
ánti 158, 203
an-udrá- 529
an-uktá- 472₄, 835
anu-pra-sthā- 285
ánuspaṣṭaḥ 119
anūpá- 224
áṅghriḥ 67
aṅká- 723
aṅkuśá- 723
áñjaḥ 704
añjánti 704
añjas-pā- 704
ápa-citi- 809
apa dádhāti 66
a-pád- 572₁
ápaḥ 159
apaptat 146₁, 153
apa-skara- 119, 219
apā́m mádhye 825
apā́m nápāt 274, 675
apā́ṁ nápātam 351
api-vat- 835
ápi vātaya mánaḥ 835
ápnaḥ 45
ápnas- 63, 746
á-pṛcchat 108
ap-sarā- 185, 280
arámatiḥ pánīyasī 102₁
ara-s-kṛ- 219
árbha- 748, 941
ardhá-ḥ 923
arghá- 925₁
árhati 925₁
arí- 244, 755, 924
aritár- 235, 675
aritra- 235, 675
árjuna- 158, 217, 229, 713, 919
arkáḥ 929
árṇa- 200, 671
arṇavá- 671, 671₁, 672, 675
arṇavá-samudrá- 671₁
artha- pati- 351
aryá- 244, 755, 924
as- 928
ásadat 36
á-sak-ra- 155
ásat 341
ásati 341
ásāt 704
ási 327₁
asi- 739
á-skṛdhoyuḥ 119
-asma- 292₁
ás-mi 117, 295, 327₁
asnáḥ (pod. n.) 117, 187, 206, 816
asná 187
a-snāvirá- 816
áspaṣṭa 119
ásṛg 187
asṛjā 816
ásṛk 117, 187, 206, 816
ásṛt 816
ásta- 762₂
astamana-velāyām 287₁
ásthi 55, 131, 202, 816
ás-ti 117, 217, 246, 295, 327₁
ástu 328
ásuḥ 201
ásura- 201, 750
-asya 354
aṣṭá 846
aṣṭápadī 572
aṣṭáu 281₁, 846
áśman- 112, 411, 667, 716
áśmanau 281₁
áśmā 184, 230
aśnóti 753
áśram 816₁
áśru 108, 612₁, 816
áśva- 100, 183, 245₁, 271, 374, 375, 409, 410, 544, 587, 777, 796, 914, 919
áśvam 272
aśvamedhá- 482, 483, 483₁, 483₃
aśvapatara- 551₁
aśvá-sani- 544, 546
aśva-tará- 562₁

aśvatthá- 549, 587
áśva-yuja- 552
aśvayúpá- 549
áśvā 317$_1$, 374, 375, 544
áśvā āśávaḥ 551
áśvām 317$_1$
aśvín- 545
Aśvínau 777, 793$_1$, 796
áśviya- 196, 545
ati-réka- 417
átti 406
átharvā 788$_4$
avasran 229, 229$_1$
avatá- 675$_2$
ávākṣam 66, 110, 129, 190, 389$_1$, 412
ávi- 244, 271, 577
ávidat 328, 389
áviḥ 159, 183
aviká 577, 585
ávim 272
avi-pālá- 43, 159, 324, 577, 695
á-voc-a-m 389
ávyaḥ 244
áyaḥ 709
ay-ám 291
áyasaḥ 709
*ay-as(i) 340
áy-at(i) 340
áy-ā(ni) 340
ayúj- 722, 723

-ā 380
áda 191
ādadáthe 753
Ādityá- 795
ā-dh-ur 305
āḥ 131, 814
ája 191
aji-túr 822$_2$
āmád- 698
āmrá- 640$_2$, 641$_1$
āmrám 640$_2$
āṇiḥ 131
ắp- 72$_1$, 158, 217, 280, 402, 670
ắpaḥ (мн.ч.) 274, 282$_2$, 670
āpnóti 45, 217, 299$_2$, 753
āptá- 299$_2$
ắrā 923
árya- 755, 924
áryati 802
ās- 191$_1$, 928
ása 191
ásа- 808$_1$
āsá 191$_1$
āsaḥ (pod. n.) 131
ásam 327$_1$
ásan 304
āsás 191$_1$
ásiḥ 327$_1$
ásit 327$_1$
*ās(s) 327$_1$
ās(i) 327$_1$
ắste 217, 295, 391
āśú- 537
āśúm áśvam 551, 837
āśúṁ... súryaṁ 349
āśupátvā śyenás 537
āśu-pátvan- 537
āśváśva- 837
āti- 543
ātmán- 336
ātmane-padam 334
āvarta- 546$_2$
āyú- 802
áyu- 802

bábhasti 156
babhrú- 25, 77, 220, 404, 530
babhúva 221, 295
baddhá- 164
bádhate 146$_1$
badhnāti 22, 25, 164, 174, 217
bah- 24
bahú- 22, 200, 218, 225, 782, 929
bahú-vrīhi- 351
bakaḥ 60$_1$
bálam 6
balbalā 53
balín- 284
balinī 284
bambhara- 603
bandhati 22
bándhuḥ 22, 25, 174
bāh- 24
bāhú- 22, 271, 785$_1$
bāhúm 272
bāṇá- 53
bi-bhar-ti 23
bilam 53
bodh- 24, 32
bódhate 163, 174, 217, 250
bódhati 22
brahmán- 789$_1$
brāhmaṇá- 788
bruv-é 391
bṛh- 669$_1$
bṛhánt- 43, 174, 200, 217, 224, 668, 668$_2$, 669$_1$, 781, 879
bṛhántam dyắm 668$_2$
bṛhatás párvatān 668
bṛhatás párvatāt 668
bṛṁháti 745
buddhá- 33, 34, 163, 174, 224, 405, 406
buddhi- 33
budh- 24
budhná- 22, 29$_1$, 70, 488, 665, 922
budhyásam 389$_1$
bukka- 586
bunda- (палец) 922

bhad-rá- 141$_1$
bhag- 141$_1$
bhága- 141$_1$
bhaj- 141$_1$
bhand- 141$_1$
bhaṅgā 661
-bhara-ḥ 179
bharant-yā 375
bhárasi 340
bhára-te 391
bhárati 37, 164, 340, 341
bhárāmi 43, 65, 75, 179, 216, 340
bhárā(ṇi) 340
*bharās(i) 340
bhárāt(i) 340
bháres 341
bháret 341
bháreyam 341
bharjana- 699
bhasalaḥ 603
bhasanaḥ 603
bhávasi 329
bhávate 342
bhávati 178, 329, 467
bhávāmi 329, 330
bhávitum 198, 206
bhāra-se 391
bhārāyati 341, 342
bhāvayati 342
-bhi 244
-bhiḥ 381$_1$
bhiṣṇak- 347
bhógaḥ 114
bhotsyati 24
bhrājate 620
bhrắtar- 37, 49, 764
bhrātā 184, 195
bhrātāram 195

bhrắtre 195
bhrātrém 283
bhrātṛtvá- 764
bhrú- 786₁
bhṛjjáti (dhānás) 699
bhṛṣṭí- 69₁
bhṛ-tá-ḥ 164, 180
bhudbhis 24, 32, 34
bhu-tá- 206
bhuṅkté 114
bhúvanasya nắbhiḥ 351
bhuv-é 302
bhū- 342
bhú-pa- 324
bhú-pati- 351
bhūrjá- 619, 929
bhūtá- 198
bhū-tí- 243
-bhyaḥ 911

ca 218, 353, 354₁
cakắra 178
cakára 220
ca-kr- 86
cakrá- 57, 220, 410, 707₁, 718, 720, 728
cakrám hiraṇyáyam 350₂
cakrám sū́ryam 796
cakṛmá 178
cakhyau 31
candrámāḥ 185
cárati 718
carkarti 93, 205
caṣắlam aśvayūpáya 706
cátasraḥ 281, 425, 845
cattárisaṁ (нали) 847
catúraḥ 92
caturthá- 845
cátuṣ-pad- 474, 588₁
cátuṣpade 796
catvárah 92, 281, 845
catvári 845
catvārimśát 847
cáyate 809
celár- 809
citrá-vāja- 548₁

cha (пракр.) 122
chāyā́ 109, 120
chidrá- 109, 112
chidrám 109
chinátti 109
chyáti 120

ḍabdhá- 154
ḍabhnóti 45, 146₃, 151, 154, 154₂ 345, 782
ḍabhrāḥ 45
ḍaḍárśa 178
ḍaḍáu 171
ḍádāmi 41, 50, 159, 203, 220, 389, 753
ḍadhárṣa 301
ḍádhāmi 23, 65, 77, 159, 166, 203, 216, 220, 389
ḍádhāti 172, 883
ḍádhi 570
ḍadhnás 570
ḍadhúḥ 305
Ḍadhyáñc- 570
ḍah- 24
ḍáhati 22, 26, 49, 89, 91, 146₁, 826₁
ḍákṣati 110
ḍákṣiṇa- 129, 783, 915, 915₁, 947
ḍakṣiṇá- 417
ḍam- 41
ḍáma- 41, 50, 179, 741
ḍámam 741
ḍamáyati 205, 209, 483₃
ḍambháyati 146₃
ḍáme 741
ḍamitā́ 198, 209, 247, 483₃
ḍám-pati- 41, 74₂
ḍamya- 483₃, 575
ḍán 224, 247, 271, 698, 814
ḍa(n)t- 75, 247, 302
ḍántam 271, 698, 814
ḍarśáyati 217, 250
ḍásyu- 480, 917
ḍáśa 155, 229, 238₁, 846, 915, 929
ḍaśasyáti 110, 146₁
ḍaśát 199
ḍat-i 165
ḍaviṣṭha- 202
ḍáviyas- 230
ḍāṁtá- 198, 205
ḍắna- 196, 754
ḍāná- apna- 753
ḍắru 174, 217, 223, 233 612, 612₁, 622₂
ḍāruṇá- 613
Ḍása 915, 917
ḍắśati 110
ḍāśyắmi 389₁
ḍātári 181
ḍātā́ 184, 271, 317₁
ḍātắram 181, 272, 317₁
ḍátram 691
ḍāváne 171
ḍāvíyas- 202
degdhi 110
deh- 22, 24, 94, 110, 412
dehayati 707
dehí 22, 26, 37, 43, 49, 107, 707
dekṣyámi 389₁
devá- 36, 226, 242, 271, 284, 375, 376, 381, 382, 475, 791, 933₃
devắiḥ 382
devákṛtasya rājā́ 351
devám 272
devár- 77, 760
devá-sya 376
devásya śrávasā 351
Deváśravā 351
devắu 281₁
deva-vī́ 469₁
devé 383
devébhyaḥ 381
devéṣu 382
devī́ 185, 204₂, 226, 244, 284, 375, 376
devyàu 281₁
dévyā bhiṣájā 811₁
devyắḥ (под.п.) 204₂, 244, 376
digdhá- 110, 412
dína-m 227
dinna (нали) 220
diṣṭá- 111, 175
diṣṭi- 175, 806
diśáti 36, 806
diśā 806
díti-ḥ 754
div- 242
diváḥ 223, 910
diváś ca gmáś ca 149
Divás nápātā 351
divā 791
Divo napātā 777
divó varāhám 515₁
divyá- 242, 250, 475
divyá-rūpa- 351
dídeti 227, 791
dírghá- 46, 205, 209, 230, 782, 860₂
dógdhi 567₃, 569
dravya- 612
droghavắc 350
dróghāya vácasa 350
dróḥ (под. п.) 612
drú- 612

dru-ghnî- 617₂
drúḥ 755₃
drumá- 612
drúṇaḥ (pod. n.) 612, 613
druṇî 617₂
druváya- 617₂
drūṇam 617₂
dṛ́ṣ- 199
dṛṣ-tá- 224
duháti 567₃, 569
dúhitar 194
duhitár- 569₄, 766
duhitáram 194
duhitáram dívaḥ 796
duhitā́ 106₁, 114, 150₁, 184, 194, 207, 208, 243
duhitá sáryasya 777
duhitré 194
dúr- 181
dur-áḥ 181
dur-manāḥ 780
duṣ- 780
dūrá- 230
dū-ráḥ 202
dváu 22, 133, 844
dvā́ 219, 844
dvár- 22₁, 217, 743
dvā́raḥ (мн. ч.) 134₁, 180
dvé 844
dvi- 844
dvíḥ 845
dvi-pád- 474, 588₁, 844
dvipáde 796
dvípā- 158, 224
dyáuḥ 223, 226, 242, 777
Dyáuṣ pitaḥ (эвам. ф.) 227
Dyáuṣ pitā́ 777, 791, 792, 795, 796, 799
dyắuḥ 791
dyávā-pṛthivî 781, 851
dyút- 218
dyútám 591₂

dhana-dā́- 324
dhanvana- 618₃
dhánvati 671
dhaviṣyati 206
dháyati 570
dhā- 172
dhā́man- 810
dhānā́- 694, 873
dhárā 179
dhātrî 570₁
dhāyate 172
dhénā 567₃, 570₁, 933₂
dhenú- 570₁
-dhita- 166
dhrutá- 133
dhúmāḥ 206, 466
dhūnóti 206
dhûr- LXXVI₁, 721
dhūr-ṣád- 721
dhvárati 133

edhî 118
éka- 545, 547₁, 843, 922
éka-pad- 572₁, 588₁
ekavṛ́t- 546₂
ékeṣa- 721
éma- 180
emi 163, 218, 340, 724₁
éṣa- 218
éṣati 218
é-ṣi 340
é-ti 340
evá 922
evám 843

gábhasti- 26, 37, 143, 146
gácchati 88, 108, 120, 341
gácchāmi 410
gadh- 146₂
gádhya- 146₂, 154
gam- 164
gámat 341
gámati 36
-gara- 702
gárbha- 816
gárgara- 837
garimā́ 228
gatá- 164, 199
gáti-ḥ 86
gau- 60, 77, 86, 88₂, 89, 191, 565, 567
gávām 191
gáve 191
gávi 191
gávyūti- 823
gáya- 60, 235, 235₁
gā- 60
gắm 191
gắvau 576
girā́ti 48₂, 93₂, 231, 702
girí- 666, 667
gîrṇā́- 93₂
gmáḥ (pod. n.) 149
gnā́ 42, 50, 86, 185, 758
go-pā́- 695
grā́ma- 284
grāmî- 284
grāmî-bhū- 284
grā́van- 89, 228, 653₃, 693
grîvā́ 545
gṛhá- 22, 22₁, 37, 175, 744, 931
gṛṇā́ti 345
gurú- 93, 93₁, 175, 199, 204₁, 228, 413, 693, 782
gū́hati 97
gūrtá- 93, 205, 413
gū-tha- 565₂

gharmá- 65, 91, 683, 708
ghas- 48₂
ghnánti 77, 86, 91, 100, 410, 740
ghrāṇā́ 814₁
ghrā́ti 814₁
ghṛṇá- 176, 418, 708
ghṛṇóti 176
ghṛtám 569

haṁsá- 112, 158, 542, 543
hantár- 506
hánti 77, 88₂, 91, 100, 410, 740
hánu- 183, 244, 815
hánuā 244
háras- 91, 413, 418, 683, 708
hári- 714, 1327
Hariyūpîyā 915, 920, 954
hásta- 49, 408, 785
hatá- 740
havir-ád- 324
háya- 522, 544₁
hárdi 173₁
hā́yana- 226
hāyaná- 226
héman 215, 226, 304, 681
hemantá- 94, 100, 108, 202, 216, 226, 304, 681
himá- 242, 304, 681
himávant- 250, 681
himávantas párvatās 681
hinóti 522
hinvati 522
hîraṇya- 419, 714
hîraṇya-cakrán 350₂
híraṇyena maṇinā́ 350
hitá- 22₁, 208, 224
hrasati 229
hrasvá- 229
hṛd- 800₁

ibha- 524, 525

icchāti 108, 112, 121₁, 345
id-ám 291
idhmáṁ jabhárat 321
i-hí 343, 724₁
ijyá 803₃
imáḥ 163, 225, 724₁
Indra- 548₁, 795
Indrāpárvata- 793
Indra-Vāyú- 677
iṣirá- 801
iṣiréṇa... mánasā 349, 834
iṣṇáti 225
-iṣṭha- 55, 388
íṣu- 739
iy-ám 291
iyarti 671₁
irmá- 785₁
ĺṣá 203, 721, 922

jáhā-ti 23, 37
jajána 177, 220
jajñáu 171
ja-jñ-é 177
jajñúr 177, 220
jámbha- 108, 423, 815, 879
jána- 94, 106₂, 179, 749, 750₂, 772
janaḥ 179
janas- 189
jánasaḥ (pod. n.) 179, 186
janas-i 165
jánasya (pod. n.) 179
jánati 748
jan(i)- 205
jáni- 92, 92₂, 413, 758
jani-tár- 205, 216₁
jani-tấ 198, 234, 247
jantú- 749
jáṅgha 97
járant- 175, 418, 420
járate 540
jásate 48₂
jásuri- 48₂, 702
jáyati 422
jắmātar- 878
jánu 36, 94, 100, 106₂, 173, 233, 786₃
jāta- 175, 198, 205, 234
jāti- 749
jigāti 60
jihvá 814
jīrá- 235
jīrṇá- 93, 175, 205, 217, 224
jīvá- 60, 235, 465
jīva-gṛbh- 465
jīvó ásur 350
jmayá 149
jmá 149
jñā- 234
jñāti- 234, 762₁
-jñu- 113, 173
jñubắdho 324
jó-huv-ānaḥ 221
jráyaḥ 922
jūrṇá- 93₂

kadrú- 155
káḥ 86
kákṣā 98, 168
kalá 119
káñcate 98₁
kapaṭī 143
kapắla- 813₃
kapi- 'благовоние' 102
kapĺ- 'обезьяна' 131, 523
kap-ṛ-th(-a-) 515
kapúcchala- 813₃
kar- 178, 927
karam-bhá- 703
kárat 341
kárati 341
karaṭa- 540
karāyikā 540
karka- 533
karkara- 533
kar-kar-ĺ- 221
karkaṭa- 221, 533
karma-dharāya- 348
kárman- 706
karmāra- 706
karóti 706
katará- 83₂
kaví- 836
kavyátā 836
Kāma-duh(ā) 569₄
kắmam étyāsme 321
kāra- 180
kārú- 93, 205
kāś- 154
káśate 154
kắuti 602
kekaraḥ 157
kíḥ 160
kĺm 160
kiráti 119, 259₁
kĺrti- 93, 205
kliśṇắti 98
kliśyate 98
klóman- 815
kradhiṣṭhaḥ 119
kradhiyaṁs- 119
kraviḥ 57, 77, 85, 698
kravyám 698
kravy-ắd- 698
kravyavắhana- 828
krīṇắti 345, 747
krūrá- 57, 698
kṛdhú- 119
kṛkaḥ 919
kṛka-vắku- 601
kṛkāṭam 919
kṛ́mi- 196, 527₁
kṛntắti 707
kṛṇóti 176, 341
kṛṣṇá- 417, 710₁, 947
kṛṣṇáyasa- 710
kṛśá- 97
kṛtá- 176, 196
kṣắḥ 149, 151
kṣam- 151, 475, 536, 821
kṣámyaḥ 149
kṣaṇóti 148
kṣáp 150
kṣárati 151
kṣatrám 788₁
kṣatrám... vanatāṁ 321
kṣatríya- 788₁
kṣatríyam 788
kṣáyati 148
kṣepáyati 123
kṣéti 148
kṣétrasya pátiḥ 351
kṣiṇắti 151
kṣiṇóti 151
kṣipắti 123
kṣipráḥ 123
kṣiyắti 148
kṣírám 123, 124, 125₁, 570
kṣívati 150
kṣmá 149
kṣṇắuti 223
kṣṇótram 223
kṣṇutá- 223
kṣú- 150
-kṣu- 469₂
kṣu-mánt- 150, 153
kṣu-mắn- 153
kṣvédati 123
Kúbhā 910₂, 917
kumbhá- 24
kúpyati 29
Kuruṅgáḥ 920

kā 160
kūpa- 30
kūrmá-ḥ 533
kváthati 29, 31

khála- 57
khalaḥ 57
khalatíḥ 57
khaṇḍa- 57
khára- 562
khora- 57
khyā- 31

laghú- 782
lākṣā 536
lekhá 56$_1$
líhati 111$_1$
liḍhá- 111, 111$_1$
loha- 711
lóhita- // róhita- 711
loká- 85, 180
lopāśá- 513
lótam 740
lótram 740
lubdhaka- 696
lubh- 696

mádhos (pod. n.) 244
mádhu 244, 602, 603, 604, 606, 937
mádhuas (pod. n.) 244
madhumāraka- 603
mádhu-pā- 324
madh(u)v-ád- 324, 498, 604, 698
mádhvas (pod. n.) 244
mádhya (cp. p.) 485
mádhya- 65, 75, 196, 665
madhyamá- 485
mahā́-bhāga- 351
mahā-devá- 348
mahán 671$_1$
Mahán Arṇavá- 671$_1$
mahánt- 782
mahā́tman- 351
mahā́-yaśas- 351
máhi 207, 208
mahi- 782
mahīyámānām 796
-maḥ 247
majján 813$_1$
mákṣ- 602
mákṣa- 923
mála- 783
malinā- 783
ma-mne 177

mánaḥ 216, 813
mánas- 472, 835$_1$
mánati 835$_1$
mántram...átakṣan 321
mánthati 55
mánthā- 931
manthiṣyánt- 55
mánu[ṣ]- 475, 759
mányate 473, 813
mányā 545, 666$_1$*, 815*
márta- 418, 475, 926
mártya- 475
márya- 548$_1$*, 727, 931*
mástaka- 813$_1$
masti- 811
mastíṣka- 813$_1$
matá- 176
mati- 199, 224
-máthi- 548$_1$
mathitá- 55
mathyáte 55
máyate 754
mā 218, 323$_1$ *385*$_2$*, 910, 911*
máḥ 684
mā́m 383
mā́ṁsa-bhikṣā́ 699
mā́ṁsam 699
mā́ṁs-pácana- 699
mānuṣa-rākṣasa- 277
māra- 417, 947
márṣṭi 164
mās- 899
mása- 684
mātár- 77, 765, 773
mātár-aḥ (pod. n.) 218
mātā́ 184
máti 159, 172, 684$_2$*, 691*
mātulá- 773
me 360
megháḥ 85
mímāti 684$_2$*, 691*
mímīte 691
Mitrá- 754
Mitrá-Váruṇa- 548$_1$*, 795*
mithá- 754
mithā́ti 754
mlāna- 632$_2$*, 783*
mriyáte 475
mṛjáti 110, 111, 569$_3$
mṛkṣáti 110
mṛnmáyaṁ gṛhám 825
mṛṇā́ti 345, 693$_1$
mṛṣṭá- 111, 164

mṛ́ṣyate 128
mṛtá- 59, 180
mugdhá- 110
múhu 782
múhyati 110
musta- 664
muṣāya- 720
mūḍhá- 110
mū́ḥ 128
mū́ṣ- 114, 185, 531, 915
mū́ṣ-aḥ 128
mū́ṣikā 128

ná (отрицание) 254
ná 'как' 385$_2$
nábhaḥ 45, 65, 167, 667
nábhas- 77, 186, 218
nábhya- 817
nádbhyas 72$_1$
nagná- 50
naiṣ- 346
nák 791$_1$
náktam 215, 791$_1$
naktáṁ-divam 791
nápāt 183, 767$_2$
naptī 27, 28, 767$_2$
nár- 202, 802
náram 190
náras 190
násate 762$_2$
nasā́ 158
naśyati 476, 822
nau-bhiḥ 381
náva 'девять' 547, 846
náva- 'новый' 783
nav- 202
náya- 346
nā́ 184, 190, 271, 276
nábhi- 817
nābhila- 817
náma 181
náma dhā- 833
nāmadhā́- 810
Násatyā 548$_1$*, 793*$_1$
násā 814
náu- 381, 634, 674, 825
nāvyá- 674
nenikte 335$_1$
neṣ- 346
ní 781
nidāgá-ḥ 22
niṣkáḥ 933$_1$
nī- 202
niḍá- 52$_2$*, 118, 152, 155*

-ṛ́pá- 781
-ṛ-pati- 351
-ṛ́tú- 802

-ṛhate 236
-ṛ̀as- 114
-ṛ̀ṇa-vābhá- 583
-ṛ̀sati 826₁
-ṛ̀ṣṭha- 191₁, 814
-ṛ̀tave 583, 583₁
-ṛ̀tum 583, 583₁

-ṛ̀cánti 699
-ṛ̀cati 146, 410
-ṛ̀d- 38, 43, 57, 786₂
-ṛ̀d-áḥ (pod. n.) 183, 276₁, 376
-ṛ̀dám 272, 276
-ṛ̀d-ám 268
-ṛ̀d-i 165
-ṛ̀kṣá- 148, 148₁
-ṛ́kṣma 578
-ṛ̀ktha- 845
-ṛ̀n- 102₁
-ṛ̀nthās 55, 63
-ṛ̀ṅktī- 849
-ṛ̀ñca 89₁, 91, 92, 92₂, 410₁, 413, 547, 845
-ṛ̀ñcāśát 847
-ṛ̀ra daḥ 195₁
-ṛ̀rasmai-padam 334
-ṛ̀rasvant- 562
-ṛ̀raśú- 716, 716₂, 739
-ṛ̀ri-kṣít 148
-ṛ̀ri-man- 198, 234, 240
-ṛ̀rimaṇ-i 234
-ṛ̀rīṇas-ā 234
-ṛ̀rjánya- 615, 618₂, 793, 795
-ṛ̀rkaṭī 614, 618₁
-ṛ̀śāna- 689
-ṛ̀śu- 812₂
-ṛ̀rvata- 614, 666, 667, 668, 793, 795
-ṛ̀rvata- ádri- 666
-ṛ̀rvata- girí- 666, 671₁
-ṛ̀ry áśvaṁ náyanti 321
-ṛ̀sas- 817
-ṛ̀spaśé 119
-ṛ̀stiàm 744₁
-ṛ̀stive 244
-ṛ̀stoá 915
-ṛ̀ṣí- 29, 146, 150, 244
-ṛ̀ṣīṇ- 469₂, 482₁, 579
-ṛ̀ṣṭúḥ (pod. n.) 244, 579

páśve 244
páśyati 119, 219
patará- 57, 537
pátati 57, 146₁, 216, 226, 537
pátatra- 45, 57, 153
pátaye 244
páti - 29, 168, 244, 374, 758, 758₂
pátir dán 742
pátṇī 374, 759
pátram 152, 272
pátyate 759
pátye 244
pátyuḥ 244
pathás 55
pathi- 55
pathi-kṛ́t- 55, 324
pautra- 201₁
pávate 345
páyas- 570
pā- 883
pádam 271
pánam 702
pāṇí áva nenikte 335₁
pánti 209
pārijāta- 618₂
pásta 209
pāṣāṇá- 744₂
pāṣyá- 744₂
pát 146₁, 183, 271, 276, 276₁, 376
páti 'пьет' 77
pāti 'защищает' 59, 158, 172, 203, 695
pāyú- 695
peṣṭar- 692
péśa- 110
pibati 26, 53₁, 72₁, 220, 346, 402, 426, 702, 960, 961
píbāmi 75
pikā- 541
piṅśáti 110, 143, 947
pinášṭi 692
piṅgalá- 143
piṅkte 110, 632
píparmi 220
pipṣám 658
piṣṭā- 129, 658, 692
pitár- 38, 43, 49, 765
pitáram 317₁
pitá 184, 317₁, 795
pitṛ́bhiḥ sam-vidāná- 824
pitṛ́bhyām 250

pítu-dāru 631
plakṣá- 614
plava- 'лягушка' 534
plavá- 'ладья' 675
plávate 675₁
plīhán- 815
prá-bhartar- 65
pra-jñu- 59₁
praśna- 'плетение' 228, 706
praśná- 'вопрос' 237, 241
pra-stumpáti 119
prati-jñā- 804
pratīpá- 224
pravate 534
(prá-)yakṣa- 696₂
prāṇa- 607₁, 781
prāyaḥ 234, 240
priyá-sakhi- 348
pruṣvá 682
pṛcchámi 250
pṛcchāti 108, 176, 237, 241, 345
pṛdāku- 501
pṛ́śni- 536₁, 594
pṛtsu-túr 822₂
pṛthivī́ 55, 284, 781
pṛthú- 55, 63, 196, 199, 200, 250, 284, 781, 919
psára- 150₂
psāti 150₂, 156
psu- 150₂
psúra- 150₂
púṁs-/púmāṁs - 821
punāti 345
puráḥ 199, 202
purú- 199
puru-kṣú- 150, 153, 579
púruṣa- 821
purū́ dáṁsāṁsi 349
puṭa- 779
putrá- 201₁
pūr 744
pūra- 657
pūrṇá- 93, 198, 205, 234, 240, 781
pūrtá- 200
pūrtī- 200, 812₂
pūrva- 843, 915, 921
pūrva-sá - 597₂, 878
phálakam 739
phiṅgaka- 542

raghú- 782
rajaní 423
rajatá- 229, 713
rajatám 919
rašanā 921
rátha- 56₁, 216, 284, 718, 728, 796
rátham 706
rátham tákṣan 728
rathanīḍa- 729
ratheṣṭhá- 56₁, 719, 728, 788₄
rathī- 284, 377, 719
ráthya- 719
ráva- 511
ravi- 684
rayí- 172, 747
Rayí- 747₂
rāḥ 172
rāj- 216
rājan- 216, 284, 751, 820₂
rājanyá- 820₂
rāja-putra- 277
rājaputram 285
rájati 751₂
rājñī 284, 751
rājyá- 751
rāsabha- 562₂
rāṭ 183
rāyáḥ 172
riktá- 224
rikháti 56₁
riṇákti 44, 217
riréca 178
rocáya- 178
rocáyati 92₁
rodh- 477
roká- 114
ru- 511
rucáya- 178
ruc-é 92₁
rudáti 180
rudhirá- 66, 422, 711
ruk-/c- 92₁
rúšant- 114, 512

ṛ-cchati 345
ṛjipyá- 106₂, 539, 929
ṛjú- 751₂
ṛkṣa- 149, 151, 497, 499
ṛṇóti 196, 200, 218, 225, 345, 478, 671
ṛṇvánti 304
ṛñjánti 751₂
ṛṣabhá- 517₁
ṛ́ša- 517
ṛ́šya- 517
ṛ́šya-dā- 517
ṛtá- 810
ṛtám dadhā 321
ṛtám sapāmi 321
ṛtásya pathā́ 351
ṛtásya váhasā 351

sá(ḥ) 218, 275₁, 378, 384
sa ca 359
sad- 33₂, 342
sá-garbhya-ḥ 817
sáhas- 110
sa-hásram 848, 922
sáhate 110, 111₂, 155, 289
sájati 155
sakṣa- 110
sákthi- 33₂
sákhā 185
sákhyuḥ 185
sal-ilá- 116, 158, 674, 675, 703, 937
sama- 'какой-нибудь' 202, 259₁
samá- 'подобный' 199, 843
sám aranta 365
sam-udrá- 671₁, 675
samudrám 671₁
saṁ-dhā- 365
saṁ-kṛt 176
sán 271
sána- 783₁
sanaká- 783₁
saniṣyanat 301₁
sanóti 198, 259₁
sánt- 303, 810
sántam 272
sánti 224, 246, 250, 305
sántu 328
sápati 829₁
saptá 199, 547, 547₁, 846, 926
saptamá- 846
sárati 227
sarít 227
sárma- 227
sarpá- 223, 526
sárpati 217, 223, 526
sarpís- 703
sárva- 812₁, 929
sarvasvam 285
sarvátāti- 812₁
sás- 66₁, 96₁, 248₂
sasāda 295
sásti 295
sát- 810
sattá- 33₂
satyá- 810
satyó mántraḥ 350
savati 597
Savitṛ́ 597₁
savyá- 783, 915₁
sā 384
sādayati 116, 342
sāḍhá- 111, 111₂
sāman- 835
sāmí- 843
sánu 233
sā-tá- 198, 259₁
sécate 696
sénā 382
sénāsu 382
sétuḥ 927
simá- 259₁
siṁha- 506, 507, 510
siṁhásya stanátha- 510₂
sinam 259₁
síndhu- 674₁, 675
Síndhu- 917
sineha- (пракр.) 117
s(i)ya- 202
siyā́m 197
síra- 689
sítā 689
sívyati 704
skabhnáti 117
skhálate 44, 55, 117
s-más(i) 305
snā́van- 704, 816
sneha- 117
snigdhá- 681
snih- 681
snuṣā́ 117, 761
sóma- 653
soma... pánipnatam 102₁
Soma pányam-panyam 102₁
sómam... sunoti 321
spáśati 56, 119
spáṭ 119
sphārá- 55
sphā́yate 55, 117, 219
sphiṭá- 55
sphuráti 55, 196
sphurā́mi 75
sphū́rjati 54, 117, 205
sphūrjáyati 117
sphyá- 627
srava- 931
sravát- 180

śvā-tr-á- 228
śvítra- 102₁
śyāvá- 230, 539, 417, 710₁, 947
śyená- 538₂, 539

ta- 275₁
tád 218
takṣ- 728, 835
takṣaka- 629₁
tákṣan- 706
tákṣati 148, 706
tákṣā 148
takṣṇí 148
tákti 146₁, 670
tala-m 933₂
tám 384
taṁ 285
-tana 328₁
tánam 283
tánā 283
tanóti 38
tanú (cp. p.) 280
tanú- 199, 280, 782
tán(ú)vaḥ (pod. n.) 244
tanúḥ 244
tápaḥ 153, 683
tápant- 146₃
tápati 146₃
-ta(r) 196
-tara - 388
tárati 57, 93, 200, 205, 420, 822₂
taravāri- 932
tarāṇi mṛtyúm 822₄
tarú- 612₁, 622₂
tár(u)ṇa- 933₂
tásya 378
taṣṭá- 706
táṣṭar- 706
tát 275₁
tat-puruṣa- 348, 351
taṭākam 672
távīṣīṁ dádhānaḥ 321
táḥ 385
tắm 384
tắraḥ 685, 686
tắt 384
té 385
te 360
tejate 119
tejáyati 119
tisrá- 216₁, 281, 425, 764₄, 845
tíṣṭhati 55, 117, 217, 220, 220₂, 258, 295
tíṣṭhāmi 166, 203
tittirá- 541
-tīr 200
tīrṇá- 93, 198, 205
tókman- 689
tópati 119
trápate 217
trásati 237
tráyaḥ 217, 281, 547, 845
tráyodaśa- 547
tri- 547, 845
tríḥ 845
triṁśát 847
tri-pád- 224, 547, 845
Tritá- āptiá- 851
tri-yugá- 722
triṇi
tṛ- 825
tṛ́ṇa- 927
tṛ́ṣ-nā 128
tṛ́ṣyati 44, 128, 419
tsárati 150₂
tsaru- 150₂
tsáru- 150₂
tucchyá- 417
tumpáti 119
túmpati 119
tupáti 119
turíya- 148, 153, 845
túrya- 845
tu-tudé 221
t(u)vám 197, 219
-tūr 200
tvá- 291
tvacas- 134, 813
tvák- 134, 813
tvám 299
tvárate 133
tvắm 133
tveṣá-ratha- 548₁

ubhnắti 163, 424, 583, 583₂
ucchalati 109
uccháti 108, 120
ucchvaṅkáḥ 109
úd- 196, 243
udaka- 189
udakám 189
udan- 189
udáni 248
udắ 248, 671
udrá- 529
ugrá- 52, 85
uk- 148
ukṣán- 263, 281
ukṣáti 52, 566
ukṣáya- 178
ukṣắ 129, 566, 937
uk-tá- 224, 472₄
ukhá- 708
umbháti 163
unábdhi 249
unátti 248
undáti 250
úpa 121
upa-bdá- 154₃
upári 38, 121
úpa-sti- 480
upasthānam 480
úraṇa- 584, 931
úrā 584
urú... sádas 349
urugāyám... śrávo 843
Uruśravas- 349₁, 834
urvárā 688
uṣásaṁ vibhātím 834
uṣắḥ 185, 223
uṣṇá- 826₁
uṣṭá- 826₁
úṣṭra- 525
uśánt- 163
út- 243
útsam ákṣitam 834

ûdhar 66, 569₄, 933₂
ūrdhvá-bāhu- 351
ūrj- 751₂
ūrmí- 861
úrṇā 206, 578₁, 583₁, 928
ūtá- 583, 583₁
ūvuḥ 583, 583₁

vac- 148
vácaḥ- 835
vacas- vac- 835
vadhá- 204₂, 756
vadhváḥ (pod. n.) 204₂
váhati 65, 70, 110, 129, 412, 723
vaíśya- 820₃
vájraḥ 928
vájram... ásiñcata 321
vájram á jigharti 321
vak-luk- 472₃
vakṣ- 236
vákti 835
válbh- 124
valmika- 222
vamrá- 222, 527₂
van-ādhiti- 716

vanaṁ 286
vánas-páti- 728
vanāya pratiṣṭhati 286
vandhúra- 729₁
váṅgati 930
vaṅka- (нали) 930
vaṅku- 930
varaṇa- 635
vápati 515
vápra- 515
varāha- 924
várdhati 236, 646
várman- 741
várṇa- 788₃
várṣati 680
varṣmán- 128
vartaní- 546, 719
vártate 546
vártati 719
vártra- 741
varū-tár- 741
várūtha- 741
varvart- 222
vár-var(t)-ti 221
vár-vṛt-ati 221
vásana- 705
vasantá- 304, 690₂
vasar- 304
vásati 206, 468
vasatí- 468
vasnám 747
vasnayántā (дв. ч.) 747
vásnya- 747
vásta 392
váste 705
vástra- 705
vástram 272
vástu 741₃
vásu 860₂
vásu- 216, 245₂, 478, 780
vásuśravas- 349
vaś- 221
váś-mi 163
vatsá- 783, 930
váṭ 108
vavákṣa 52
vavasra 229
váyaḥ 233
vayám 292
váyas- 469₁
váyati 230, 583, 583₁, 649
vayá 650
vā- 230
vācáḥ 183
vāghát 236, 803
váhana- 546₁, 547₁, 723
vája- 548₁
vák 148, 168, 183, 216, 472₂, 803₂, 835
Vák 838
vāna- 583, 583₁
vānt- 489₁
vár- 249, 672, 882
vári 672, 882
vāsará- 229, 690₂
váta-ḥ 425, 677, 930
vátave 583, 583₁, 583₂
Vātāparjanyá 677
váti 206, 489₁, 677
vāyá- 583
vāyasá- 233
vāyúḥ 677
ved- 33₂
véda 70, 178, 295, 301, 302, 494, 836₁
véḥ 233
veśá- 180
vetasáḥ 628
vét-tha 55, 295
vī-/vé- 489₁, 537
vidátha- 480₂
vidátham 23
vidmá- 178
vidmán- 836₁
vidhávā 65, 759
vidhú- 759₂
viṁśatí- 847
vindháte 759₂
virapšá- 470, 513₂
viṣám 931
víš- 743, 749, 788₂, 820₃
viš-páti- 743, 759
višpátnī 743
Viśva-karman- 706, 715₁
víśvāsāṁ...viśắm pátiṁ 349
viśva-túr 822₂
víśvā 349
viśvā... dhắma 349
viśvā dvéṣāṁsi tarati 321
Viśvámitra- 349
vittá- 33₂, 52, 406
vívakti 835
vīrá- 416₁, 469₁, 759
vīsaṁ (нали) 847
vrajá- 223, 236
Vṛcayá- 920
vṛddhá- 236, 646
vṛddhi 191, 201₁
vṛ́ddhi- 236
vṛ́ka- 176, 199, 270, 271, 284, 375, 492, 493₁, 499
vṛ́kam 272
vṛ́kasya (под. п.) 270
vṛ́kau 281₁
vṛ́kā 380
vṛ́kāt 377
vṛ́kī- 284, 375, 492
vṛ́ko hí ṣáḥ 493
vṛṇóti 741, 930
vṛ́ṣaṇau 566
vṛ́ṣā 566, 930
Vṛ́ṣākapí- 523
vṛṣṇí- 566
vṛtrám tar- 321
vyáyati 649
vyāna- 649
yábhati 817₁
yácchati 341
yá-d 275₁, 387
yá-ḥ 218, 387, 910
yájate 334
yájati 216, 334, 803₃
yajñá- 803₃
yajñám ayajanta 321
yaknáḥ (под. п.) 187, 273, 815
yákṛt 187, 188, 188₁, 225, 273, 275₁, 815
yamá- 132, 655₂, 778
Yamá- 778
Yama-rāja- 823
yámati 341
yánti 724₁
yáva- 655, 928
yávišṭha- 802
yá 353, 387
yácati 216, 818₁
yána- 724
yátar- 760
yáti 724
yé jánitvāḥ 353
yóḥ 805
yugá- 45, 179, 721, 722
yugalá- 723₁
yugám LXXVI₁, 85, 272, 276
yuj- 552, 722
yunákti 721
yuñjánti 304
yuṣma- 292₁
yúḥ/yūṣán- 703
yú-kā 535

Митаннийский арийский
aiṛka- 546, 547₁, 843, 922
aiṛka-ɰartanna 546, 863, 914
LÚaššušanni 544, 546
bapru-nnu 530
Biridašɰa 553
Biriiaššɰa 553
Indara 548₁
mani-(nni) 666₁, 815
mariannu 548₁
Mattiɰaza 548₁
Mitraššil 548₁
Našatiianna 548₁
na-ɰartanna 546₂, 547
panza 92, 189
panza-ɰartanna 547, 914
šatta- 547₁
šatta-ɰartanna 547
ter(a)-ɰartanna 547
Ú-mar-ta-as-pa- 546₂
Uruɰanaššel 548₁
ɰart- 547
-ɰartanna 546, 547₁, 719, 550
ɰašanna 547₁, 723

Новоиндийские языки
āṭā (бенг.) 693
āṭā (хинд.) 693
'ḍiaṇᵘ (синдхи) 1321
kars (пандж.) 618₂
karš (пандж.) 618₂
karšu (пандж.) 618₂
karuā (пандж.) 131
pargāi (пандж.) 614, 618₂

НУРИСТАНСКИЕ (КАФИРСКИЕ) ЯЗЫКИ

açū (кат.) 108
am'ār (кат.) 640₂
am'ər (ашк.) 640₂
am'ər (прас.) 640₂
amrā (кат.) 640₂
baš (вайг.) 133
bē (ашк.) 134₁
brūǰ (вайг.) 619
cāw (вайг.) 108
ccū (вайг.) 590
ćuna 915
duć 915
ǰut (кат.) 506
ǰū (вайг.) 106₁
ǰūṭ (вайг.) 506
kuṇāl'ik (вайг.) 647, 647₁
lawaša, láwášá, liw'ašä (вайг.) 513
lūšt (прас.) 114
maá (ашк.) 773
möl (вайг.) 773
mūsə 128₃, 915
Pārun 615, 616₂
puc (вайг.) 631
pūci (кат.) 631
sēw 927
sɛtɛ (прас.) 926
terwōč (кат.) 932
tərw'až (прас.) 932
tśun (вайг.) 590
vekā (ашк.) 134₁
wacak'ok (вайг.) 529
wíš (вайг.) 931
wlš (кат.) 931
yū (вайг.) 655
yū (ашк.) 655
zū (ашк.) 106₁

ДАРДСКИЕ ЯЗЫКИ

bluz (гов.-бат.) 619
brhuǰ (пхал.) 619
brūš (дамел.) 619
khan- 928
khanun (кашм.) 928
sat (шин.) 926
sāt (шин.) 926
ser 927
wāli (паш.) 639₁

ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Авестийский

a-bda- 154₂
aδāiti 698
aēiti 724₁
aēsməm... bərətəm 321
aēš- 218
aēša- 922
aēša yuyō.səmi 722
aēta- 753
aēva- 546, 843, 922
aēxa- 682
afnah-vant- 159, 746
aγra- 665
ah- 928
ahura- 376, 750, 923
ahurahyā (род. п.) 376
Ahura- Mazdā- 353, 750, 854, 923
ahū- 750
airya- 924
airyanəm vaēǰō 920
airyō 924
aka- 723, 941
Amərətāt- 854
amәša- 475
ana- 885₂
ana-zqδa- 929
anku-pəsəmna- 941
anhu- 201
anhū- 739
aoδa- 248
aog- (aogədā, aoxta) 803
aogah- 52
aogarə 52
aogədā 236
aoǰaite 236
aošta- 191₁, 814
aoθra- 705
Apa-xširā- 123
apąm napā 351
Apąm Napāt- 675
api-vatāite 836
Arədvī Sūra Anāhita 582
arəδa- 923
arəǰa- 925₁
arəǰah- 925₁
arəǰaiti 925₁
arəma- 785₁
arəšō 497
arəta- 810
a-saya- 109
asman- 230, 667
aspa- 245₁, 544, 914, 919
aspa para... nayente 321
aspā- 544
aspō-gar- 702
aspya- 545
asrū- 816₁
asta- 762₂
asti- 131, 816
astā 328
aša- 'молотый' 693
aša- 'законный' 810
Aša- Vahišta- 854
ašahyā... paθō 351
ašahyā važdrēng 351
ašavazah- 351
ašəm... daduyē 321
ašəm dərəidyāi 321

ašəm... hapti 321
aši 121, 129₁
ašta 846
ašti- 846, 850
(ava-)hisiδyāṯ 109
awra- 668
ayah- 709
ayanhaēna- 709
ayanhō (под. п.) 709
azaiti 94
azəm 383
azəm yō ahurō mazdå 353
aži- 502, 526
aži-dahāka- 502
ažīm 528
ąsa- 925

ā-dišti-š 175
āδū.frāδana- 655
āfənte 63
āfš 158, 274, 282₂, 670
āh- 132, 191₁, 814
ākasaṯ 154
āpō tačinti 670
ās-/āh- 928
āsu- 537
āsu.aspa- 551
āsu.aspəm 837
ātar- 788₄
āθravan- 788, 788₄
āxtūirīm 148
āyū 802

arəzata- 713, 919
arəzi (дв. ч.) 498₁, 817
arəzifya- 106₂, 539, 929

baē 133, 844
banha- 661, 932
barəša- 928
barəšnu- 669
barəzah- 669
-barō 179
bavaiti 178
baxra- 530
baxri- 530
bazah- 929
bāxδī- 920
bāzāuš 785₁
bərəte- 180
bərəz- 669, 781
bərəzani- 200, 669, 669₁, 843₁
bərəzi- 174
bərəzi-čaxra- 843₁

bi- 844
bi-māhya- 844
biš 845
brātar- 764
brāzaiti 620
brvat- (дв. ч.) 786₁
bubāva 221
bŭna- 488, 922
būza- 586

čaraiti 718
čašman- 154
čataŋrō 281, 425
čaθwarəsatəm 847
čaθwārō 92, 845
čaxra- 57, 220, 718, 728
čaxra zaranaēna 350₂
čārā 706
čiš 117
čiṯ 387₂

dab- 146₃, 151
dadāiti 753
daēnu- 570₁, 933₂
daēva- 226, 271, 791, 933₂
daēvąm 272
daēzayeiti 94
dantan- 247, 302, 814
darəga- 205, 209, 230, 782, 860₂
darəγa- 209, 230
dasa 846, 929
dašina- 417, 947
dašinō 129, 129₁
dažaiti 91, 146₁, 826₁
dąm (лок.) 741
dąman- 749
dąmi (лок.) 741
dānō- 694
dānu- 671
dāuru- 612, 617₂
dāvōi 171
dəbāvayaṯ 154₂
dəbənaotā 154₂, 782
dəbu- 154₂
dəmąnō.paθnī- 374
dəng-pati- 742
dəng patōiš (под. п.) 742
dəuš.srauuah- 780
draoga- 755₃
draoγəm vāčim 350
draoγō.vāxš- 350
drvaēna- 612

dugədar- 150₁, 207, 569₄, 766
duγδar- 114, 150₁, 766
duš- 780
dva 133, 844
dvaēδā- 133
dvarəm 134₁, 743

fra-bda- 154₃
fra-bərətar- 65
fra-pataiti 146₁
fra-pixšta- 632
fra-sānəm 120
fra-sparəγa- 205
frašna- 237
frašnəm 706
fra-šnu- 59₁
frāna- 781
frāyō 234
fsəratu- 150₂
fštāna- 418
fšu-šan- 152
fšu-yant- 152
fšů- 150, 469₂

gaδa- 928
gaēδā- 381, 465
gaēδābiš 381
gah- 48₂
gairi- 666
gao-dāyah- 580
garəma- 683
garəman- 702
gav- 580
gava- 920
gavasna- 519
gayō 60, 235, 235₁
gāuš 565
gāuš urvan- 580, 824
gəmən 304
gənā- 86
gərəbuš 816
gərəδa- 175, 744, 931
gouru- 782
grava- 233
guz- 97
gū-δa- 565₂

γnā- 86

ha- 275₁
haētu- 927
haētumant- 920
haiθim mąθrəm 350
haiθya- 810
ham.pačaiti 146
hana- 783₁

ϧant- 303, 810
ϧaoma- 653
ϧaosrauuaŋha- 780
ϧaoya- 783
ϧa-paθnī- 374
ϧapta 547, 547_1, 846, 926
ϧaraiva- 920
ϧaraxᵛaiti- 920
ϧarəzaiti 697
ϧat- 810
ϧaurva- 'целый, невредимый' 812_1, 929
ϧaurva- 'охраняющий' 479
ϧaurvatāt- 812_1, 854
ϧav- 597, 766
ϧaxa (им. п. ед. ч.) 185
ϧazaŋrəm 848, 922
ϧăma- 843
ϧišku- 155
ϧi-štaiti 117, 220_2, 295
ϧizū- 814
ϧizvā- 814
ϧu- 780
ϧubərətąm barāṯ 321
ϧu-manah- 780
ϧunaoiti 653
ϧunara- 802
ϧunu- 423, 597_2, 765
ϧurā- 653
ϧuška- 598
ϧuxšnaoθra- 233
ϧuxšnuta- 223
ϧū- 593
ϧūiti- 788
ϧvar- 117, 196, 684

ĭsaiti 108
ĭsu- 682
ĭšu- 739
ĭzaēna- 94, 418, 420

ǰaini- 92, 413, 758
ǰainti 91, 740
ǰamaiti 164
ǰaraiti 48_2, 231, 702
ǰasaiti 108
ǰata- 740
ǰuyō aŋhuš 350
ǰva- 465
ǰyātum 235, 235_1

kaēnā- 809
kahrka- 601, 922
kahrkāsa- 539_2, 922
kan- 928
kar- 927
Kara- 933_2
kas-išta- 97
kasu- 97
kas-yah- 97
kaša- 98, 168
kata- 29, 146, 146_2, 932
kavay- 836
kāmahyā... yəm itē 321
kāy- 809
kərənaoiti 706
kərəntaiti 707
kərəsa- 97

ma- 291
maδu- 607, 937
maēγa- 85
maiδya- 65
mainyeite 813
mairya- 931
mana (род. п.) 383
manah- 813
manaoθrī- 666_1, 815
manθrəm tašaṯ 321
maoirī- 174
marəta- 418, 475, 926, 926_1
marəzaiti 110
maryav- 920
maša- 382, 475, 926, 926_1
mašyaiš 382
mati- 666
maurvay- 222
maxšī- 602, 923
mazant- 782
mazga- 813_1
mā 218
mātar- 765
mă 684
mərənčaiti 346
mərəta- 59, 925
mərəzaiti 569_3
mərəzu- 59, 782
miθwara- 754
minu- 815
mruy-ē 302, 391

nabah- 668
nabā-nazdišta- 817
naēza- 288
napāt- 767_2
naptar- 767_2
nar- 788, 802
nas- 822
nasu- 476, 822
nasu-nikāna- 829
nasu-pāka- 829
nasyeiti 822
nava 547, 783, 846
nava frāθwərəsāma razurəm 547
nāh- 814
nāma 937
nāmąm dā- 833
nāvaya- 674
nəmah- 754
nisāya- 920
nitəma- 781

pad- 146_1, 381, 786_2
padəbiš 381
paēman- 570
paēs- 110, 143
paēsa- 110
pairi-daēzayeiti 707
paiti- 168, 374, 758
paiti-busti- 224
panča 91, 413, 547, 845
pančāsat 847
parənah-vant- 234
parəsu- 812_2
parō 199, 202
pasəuš vīrāaṯ-čā 470
pasu- 146, 283_2, 469_2, 577, 580
pasuka- 283_2
pasuš-haurvō 479
pašna- 'взгляд' 119
pašna- 'веко' 578
patarəta- 537
-paθnī 374, 759
paurva- 843, 921
pāiti 695
pərəna- 781
pərəsaiti 108, 176
pərətu- 673, 946
pərəθu- 781, 919
pišant- 692
pištra- 788_5
pitar- 765
pouru- 199
puxδa- 413, 845

raēš 172
raēvant- 746
Raŋhā- 934_1
raočayeiti 92_1
raoδah- 931
raopi- 513
raoxšna- 685

raθa- 56₁, 718
raθaē-štā- 56₁, 719, 728, 788, 788₄
ravan- 227, 931
razan- 751₂
razura- 654
rāštəm 751₂

sačaiti 97
saēna- 539
saēte 94
safa- 31
sairya- 817
saočint- 98
satəm 94, 846, 926
sānghaite 804
sidarəm 109, 112
Siiāuuāspi- 417, 710₁
snaēža- 117
snaēžaiti 65
snaēžāṯ 681
snaθ- 236
snāvarə 704, 816
spaka- 590
span- 590
spānəm 590
spənta- 102₁, 801
Spənta- Ārmaiti- 102₁, 854
spərəzan- 815
srū- 484, 566, 925
srvara- 484, 925
srvā- 925
staora- 520₂, 574₁
stərəbyō 176, 685
stunā vīδārayeiti 321
sūkā- 927
syāva- 230, 539, 710₁, 947

-šnu- 173
šōiθrahe paitīm 351
šyāta- 235, 242

ta- 275₁
tačaiti 146₁, 670
tači-āp- 670
taēža- 119
tafsąn 146₃
taoxman- 689
taršta- 237
taša- 706
tašaiti 706
tašan- 706
tašta- 706
tauruna- 933₃
taurvayeintīm vīspā ṯbaēšā 321
tāpaiti 683
tāta- 153
tāya- 748
tāyu- 748
tərəs- 237
təvīšīm dasvā 321
tiγra- 500
tiγri- 500
tišrō 216₁, 281, 425, 845
tiži-bāra- 707
tūiri- 570
tūirya- 148, 153, 845

θrayō 547, 845
θrāṇhayete 237
θri 845
θri- 547, 845
θri-kamərəda- 845
θrisat- 847
θriš 845
θrita- 851
θwa- 291
θwāša- 133

ub-daēna- 163, 583
udra- 529
ugra- 85
upa-skambəm 117
upa-vāδaya- 758
urupi- 513
urvarā- 381
urvarābyas(-ča) 381
urvan- 467
us- 243
usaiti 108
usant- 163
us-vāδaya- 757, 758
ušā 185
ušt 786₄
uštrō 525
uxšan- 129, 566, 937
uxšyeiti 52, 566
uz- 243
uz-daēza- 107

vačah- 835
vaδū- 756
vaēiti- 628, 650
vaēkərəta- 920
vaēm 292
vairi- 672, 675, 882
vak- 835
vanhana- 705
vanhāu sravahī 349
vanhu- 780
vanri 690₂
varāza- 924
varəd- 931
varəδa- 663
varək- 124, 689
varənā- 578₁, 928
varəsa- 931
varəšna- 566, 930
varəz- 223
varəzāna- 223, 236
varšni- 930
vas- 221
vaste 705
vastra- 705
vawžaka- 535
**vayəm 292*
vazaiti 65, 110, 723
vazra- 928
vazračiṯ... niγrāire 321
vazrəm... frahixtəm 321
vāδaya- 758
vāδayeiti 756
vāiti 489₁, 677
vār- 672
vārəθman- 930
vāstar- 695, 788, 788₄, 824
vāstryō fšuyant- 788
vāta- 677, 930
vāxš 168, 183, 835
vāyuš 677
vəhrka (мвор. п.) 380
vəhrka- 492, 930
vərəd- 931
vərəθra- 741
vərəθrəm tar- 321
vərəz- 223
vərəzda- 931
viδavā- 759
vista- 406
vī-mad- 811
vī-māδayanta 811
vīra- 469₁
vīs- 743, 749
vīsaiti 847
vīs-paitiš 743
vīspanąm... dāmanąm 349
vīspā ayārə 349
vīspō vīsō vīspatōiš 349
vīš 537
vīša- 931
Vohu- Manah- 780, 854
vohuna-zga- (spā) 155

xrū- 698
xrūra- 698
Xšaθra- Vairya- 854
xšaθrəm... vanaēmā 321
xšapan- 150
xštva- 845
xšvaēwayaṯ(.aštrā-) 123, 124
xšvaš 122, 123, 125₁, 845
xšviwi.išu- 123
xšvīd- 123, 124, 125₂, 570

xumbō 24

xᵛa- 336
xᵛaēδa- 117, 125
xᵛaē-pati- 758
xᵛafsaiti 125
xᵛanaṯ.(čaxra-) 123
xᵛaŋhar- 119, 125, 764, 926
xᵛap- 117
xᵛar- 124
xᵛarənah- 675
xᵛarəθō.bairya- 653
xᵛasura- 760
xᵛāŋg (под. п.) 188₂, 196, 684

yaoǰ- 721
yaoždā- 805
yaoždāti- 805
yasna- 803₃
yava- 655, 928
yazaite 803₃
yazamaide 803₃
yā 353
yāh- 705
yāiti 724
yākarə 815
yārə 691₁
yāsta- 705
yəma- 132, 778
Yimō Xšaētō 824
yō 353
yuǰ- 721

zaēmā 155
zaēn- 226
zana- 179
zanga- 97
zangra- 97
zantu- 649
zaotar- 788
zao-zao-mi 221
zaranya- 714
zaranyō.čaxra- 350₂
Zaraθ-uštrō 525
zarəta- 418
zari- 714
zasta- 785
zayan- 215
zayana- 226
ząm 821
zāmātar- 878
zānu- 244, 815
zdī 118
zəmaka- 242
zəmē ni-kan- 829
zərəd- 173₁, 800₁
zrayah- 922
zrayō 922
zrazdā- 324, 800, 834
zyā 94, 184, 226

žnūm 786₃

Древнеперсидский

adam 383
aduruǰiya 755₃
aiva- 546, 547₁, 843, 922
a-p(a)rsam 108
ardata- 713
ariya- 924
ariya-čiça- 755
ariyānām 755
ἄρξιφος (ирон.) 106₂, 929
aršti-bara- 324
arta- 810
asa- 544, 914, 919
asa-bāra- 324
aθaha 804
Auramazdā- 750, 923
a-xšata- 148

bara-man- 815
brazman- 789₁
brātar- 764

dadātuv 753
dahyu- 480, 917
daiva- 933₂
danuvatiy 671
daraniya- 714
darga- 782
dasta- 785
didā- 94, 707
drauga- 755₃
drayah- 922

gaud- 97

hama- 199, 202, 843
haruva- 812₁, 929

kan- 928
kāra- 270, 740₁, 741
kāra-hyā (под. п.) 270, 376

manā 383
martiya- 59, 475
mām 383

napāt- 767₂
nāham 814
nāviya- 674
ni-pišta- 632

patiy 361

rautah- 931

šiyāti- 235

tarsatiy 237
taumā- 689
tigra- 500

θarmiš haya naučaina 634
θata 926
θatagu- 565
θātiy 804
θātiy Dārayavauš 804

uv-aspa- 349
uvāmaršiyuš amariyatā 830

v(a)rdana- 223, 236
viθ- 743
xšnā- 234

Пехлевийский

arz 925₁
azak (ср.-перс.) 131, 417, 585, 589
āluh 539
barštan (ср.-перс.) 699
bun 922
buš 928
dāyag 570₁
dēw 933₂
dōšīdan 569
dōxtan 569
ērān 924
ērān-wēz 920
gawazn 519
haft 926
hazār 922
hur 653
ǰamšēṯ 824₁
kan- 928

kandan 928
kark 601, 922
kār- 927
mard 926
mērag 931
pah 580
pašm 578
raz 650_2, *654*
rōpāh 513
sargēn 817
srāδ- 800_1
srū 925
stör 574_1
tarrag [*tlk*] *927*
wabz 535, 603
warrag 534, 931
wars [*wls*] *931*
warz 928
way 537
wazr 928
wāyendag 537
wiš 931
w'ł 930
xūg 593
xwahar 926
zrēh [*zlyh*] *922*

Парфянский

'ry 924
'spg 590
ḫwrybr 653
n-mrz- 110
nwršt(k) (navrāštak) 654
rz- (raz-) 654
rzkr (razkar) 654
σπάχα (мид.) 590
zryh 922

Хотано-сакский

āce 543
āci 543
āhusāte 125
bāta- 930
bilsa- 931
birgga- 930
braṁja 619
bruṁjə 619
buna 922
ggūysna- 519
hi 927
hvañ- 125
kāṁbā 661, 662
kuṁtbā 661, 662
maṁth- 55, 931
mārāre 925
māva'- 923
mūysaṁdai 110
naḍaun- 190
ni-malys- 110
padam- 742_3
pasa- 580
pā'sa 594, 921
rrusta- 711
rruvāsa- 513
sa- 926
saha- 521
sata- 926
ṣṣar- 150_2
ṣṣū- 925
tarra- 927
vašāra 928
ysamaššandai 102_1
ysārə- 922

Согдийский

''dw-k (будд.) 655
'βt(') 926
'γwšh 125
'nxr-wzn 546_1, *723*
'py'st- 946
'rγ 925_1
'sp- 544
'šk'np 117
'w-synd- 109
βγ'ny 661_1
crks 539_2
γ'wzn- 519
kynp' 661, 662
kyrm- 527_2
môw 604, 931
mnδ- (-manβ-) 931
mrṭ mrṭ 926
mwγšk- (будд.) 923
mwškyc 128
psw (вин. п.) 577, 580
pwrδ'- 504
pwrδ'nk 501
**sayāka- (маних.) 109*
st- 926
sy'k (маних.) 109
šnx 927
tph 683
wrs 931
wrtn 719
wšn- 930
wṭcnyy 783
wyrk- 930
-wzn 547_1
xw'r 125
xwrn- 783
ynγyn'k- 682
yw'nk 930
yyδγn 682
z'γ 542
zm'wrc 174, 222
z'r 922

Хорезмийский

bakanin 661_1
knb 661, 662

Скифский

Išpakai 550
κανναβις 661
Πόρατα 673, 946
**san- 661*
σανάπα 661
σάναπτις 661

Осетинский

αβδα (алан.) 926
acc 543
allon 924
arğaw 929
arm 946
avd 926
awærdyn 931
æcægælon 924
æfs- 603
ælūt-on 655, 932, 946
ænæ-zad 929
ændon 929
ænğezun 97
æra-sæ-farsta 366_2
ærdæg 923
ærvad 764
ævdæm 926
æwz- 603
æwwærdyn 546, 547_1, *550*
æxsyr 123, 570
æxsyrf 691
æz-mæntun (дигор.) 55
(æz)-mæntyn (иронск.) 55, 931

barc 928
bægæny ‖ bægænï 661_1
bælon 602_1
bærz ‖ bærzæ 619, 929
bærzond 669
bæxfældisyn 550
bæz- 929
bæzğyn 929

bïræğ || beræğ 496
Boïrïaty-xæræg 563
byn || bun 922

cærgæs 539₂

dæs 929
dombaj 521
domyn 483₂
don 671
dūcyn 569

fars 812₂
færæt 716
fælank || færank 501
fæsm 578
fürd/ford 673, 946
fys || fus 577, 580
fyssyn 946

gædy 600
gæn || gænæ 661, 662

ğizun 97

ird 929

jæfs 544
jæw 655, 928
jong 930

kalm 527₂
kark 922, 947
kættag 661
Kurd-alægon 715₁

læsæg 536, 946

mal 673, 943
mærdæ 926, 926₁
myd 604, 607₁
myd-aʒ 610
mydy k'yrğæd 610
mydybynʒ 603
myst 531
mystülæg 531₁

Nart - 190, 802
naz || nazu 634₂
næzy || naz 634

ong 930

qūğ/ğog 565

rætæn 921
ræzæ 654
rong 607, 607₁, 655

sag 519
säka 519
sædæ 926
sæn 662, 655
sæntʒoræg 661₂
sæntʒurdæj 661₂
sæntʒyrd 661₂
stur || stor 574₁

tærna 933₂
tæxyn 670
tülʒ || tolʒæ 617, 617₁

urdæ 529
urs 930

vurs 930

wæjug 677
wæng 930
wær 584
wærdon 719
Wærxæg 496, 930
wæs 930
wïs/wes 946
wong 930
wormeg 930
wyrd 529
wyzyn || uzun 526

xalon 540
xæfs 534₂
xæræg 562
xed 927
xid 927
xo 764, 926
xonyn 125
xujun 927

x₀äræn 783₂
x₀ärun 783₂
x₀æræ 764
x₀ín 927
x₀y 593, 596₂
x₀ydon 596₂
x₀ygæs 596₂
zærond 175, 418
zyrnæg 540

Ягнобский

arz- 925₁
barrá 931
suk 927
wása 930
yaɰ 655

Афганский (пашто)

barǰ 619
čərg 922, 947
čərga 922
ɣal 928
karal 927
maṇa 641₁
parṣa 744₂
Pērūne 615
pṛāng 501
psə 580
sắnga 927
sōe 157
wrəi 931
xōr 926
yaxnï 682
yĭna 187
yōr 760
zəṇay 946
zər 922

Памирские языки

aɣd (шуган.) 682
aminǵa (мундж.) 641₁
bərež (сангл.) 619, 929
bəruǰ (шуган.) 614, 619, 929
bərūž (шуган.) 929
furz (вахан.) 619
ɣūð (вахан.) 928
lš (шуган.) 682
kərk (вахан.) 947
ləroɣo (ӥидг.) 929
mawn (язгул.) 641₁
mād (сарык.) 931
mâwn (рушан.) 641₁
mâþ (шуган.) 931
mel (сангл.) 641₁
menḍ (ишкаш.) 641₁
mōþ (шуган.) 55
mōxē (ӥидг.) 55
mōxē (ӥидг.) 931
mūn (шуган.) 641₁
pēi (вахан.) 627
pəlang (вахан.) 501
pəlang (ишкаш.) 501
pis (сарык.) 501
pit (вахан.) 631
pöv- (сангл.) 53₁
pōv- (вахан.) 53₁
süi (вахан.) 157
ši (парач.) 925
šū (ӥидг.) 925
ṣəw (вахан.) 925
ṣōu (сангл.) 925
ṫab (вахан.) 683
urvēs (ишкаш.) 513
urvēsok (ишкаш.) 513
vərvēs (сангл.) 513
wərg (ӥидг.) 930
wərvēs (сангл.) 513
wiðg'- (язгул.) 653₁

ѡ̄ən (шуган.) 928
ѡ̄ѡn (хуф.) 928
ѡ̄ѡn (бартанг.) 928
ѡušɛng (ваханн.) 930
ѡ̂s (язгул.) 930
xĭx (шуган.) 125
xšĭr (мундж.) 123, 570
yārmē (йидг.) 946
yaš (ваханн.) 544
yēd (шуган.) 927
yeid (сарык.) 927
yēid (шуган.) 927
(y)iž (ваханн.) 682
yōč (ваханн.) 543
yurm (ваханн.) 946
zangĭāk (сангл.) 927
zəm (сахан.) 681

Новоперсидский

amrūd 641₁
arz 925₁
azg 585
Āždahā 502
āluh 106₂, 539
ārd 693
bagnī 661₁
barra 584
birištan 699
buland 669
bun 922
burz 669
buš 928
buz 586
būzīna 523₁
čahār 845
day 226
dām 483₂
dāna 873
daryā 674₁
dēv 933₂
dōxtan 567₃, 569
drang 782
duxt 766
duxtar 766
ērān 755
ērmān 924
fih 627
gāv 565
gul 663
gurāz 924
gurg 930
gurs 931
gu-sistan 109
haft 926
haftum 846
hazār 922
Īrān 755
jamšīd 824₁
jav 655
jigar 187, 815
kana 661, 662
kanab 661, 662
kandan 928
kargas 539₂
kārge (диал.) 922
kark 601
kaval 556
kār-zār 741
kirm 527₂
mard 926, 926₁
may 604
māh 684
māš 531
nājū 634
nažuvān 634
nōj 634
nōz 634
nōž 634
palang 501
pārs ~ fārs 500, 501, 504
pīnū 570
rasan 921
ravān 467
raxš 536
raz 650₂, 654
resen 921
rōbāh 513
sad 926
sag 590
sargīn 817
sāya 109
serū(n) 925
siyāh 230, 539
soru 925
sōk 927
surūn 925
sutūr 574₁
šīr 570
tadarv 541
tar(r)e 927
taš 706
taxš 629₁
varāz 924
xar 562
xusrū 760
xvay 125
x^{v}āhar 926
x^{v}āl 783₂
zan 92, 758

Таджикский

burs 619
burz 619
xondan 125
xox,ar 125
xusru 125

Курдский

būz 622₂
jaw 655
měš 923
pas, pes 580
purs 594, 921
varg 930
viz 634₁

Белуджский

gvabz 603
jaw 655
jō 655
mušk 128
sāig 109
sindag 109
srō 925
hĭ 927
hŏt 926

Парачи

kurɣ 922

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

ἀ- 218, 254
Ἄβου ποταμοῦ 72_1
Ἀγαμέμνων 838_1
Ἀγαμήδη 811
ἄγε 343
ἀγέ-λαος 323_1
ἅγιος 216, 803_3
ἀγκύλη 723
ἀγκύλος 723
ἀγνο(F)εῖν 171
ἀγόρ 904
ἀγορή 852
Ἄγραυλος 694
ἀγριάμπελος 348
ἄγριος 36
ἀγρός 94, 689_2, 694
ἄγχω 67
ἄγω 70, 94, 106_2
ἀδελφεά 764_3
ἀδελφεός 816
ἀδελφός 764_1
ἀδελφοῦ γυνή 760
ἀδίκη 257_3
ἀδμής 483_3
ἄδμητος 483_3
ἀείρω 719_1
ἄελλος 188_2
ἄελλα 206, 489_1, 677, 678
ἄελλαι χειμέριαι 677
ἄεντα 489_1
ἀέξω 236, 849
ἄζομαι 216, 803_3
ἄζυξ 723
ἀF έλιος 684
ἄ(F)εσα 206
ἀ(F)ήρ 489_1
ἄFηοι 206
ἀ-(F)ιστος 406
ἄηοι 489_1, 677
ἄθεος 748
Ἀθήνησι 382
Αἶα 907_1
αἰγ- 418
αἰγανέη 619_1
αἰγίλωψ 619
αἰγίοχος 796
αἰγίς 619_1, 627
αἰγός (род. п.) 586_2
Ἀΐδης 365, 824
αἰδώς 185
αἰεί 802
αἰετός 233, 537, 538_1
αἰθέρι ναίων 796
αἴθοπι οἴνῳ 827
αἱματο-λοιχός 324
αἱματο-ῥόφος 324
αἴνυμαι 753, 882
αἴξ 94, 106_2, 420, 678
Αἴολος 678
αἰ-πόλος 324
αἱρέω 753
αἶσα 753, 882
αἰών 802
ἀκέομαι 818_1
ἄκεσμα 818_2
ἀκεστήρ 818_1
ἀκέστωρ 818_1
ἄκμα 906
ἄκμηνος 906
ἄκμονας δύω 667
ἄκμων 184, 230, 411, 667, 716
ἄκμων ὁ οὐρανός 667
ἀκρόπολις 348, 744, 852
Ἀλβανία 911_3
Ἀλβανοί 911_3
ἀλειφαχόοι 324
ἄλευρον 899
ἀλέω 693, 899
ἀληθέο-τερο-ς 388
ἁλιεύς 674
ἁλιήρης 675
ἅλιος 674
ἄλκη 517
ἅλμη 674
ἁλός (род. п.) 674
Ἁλούτας 862
ἅλς 116, 158, 674, 703
Ἄλτος 862
Ἄλυς 674_2
ἀλφεῖν 925_1
ἀλφή 925_1
ἄλφιτον 656
ἀλφός 65, 783
ἀλφούς 783
ἀλωή 652
ἀλώπηξ 513
ἄμαθος 156
ἄμαξα 721
ἅμαξα 686
ἀμάρη 886
Ἀμάρυνθος 886
ἀμάω 690
ἀμβροσία 59, 476
ἄμβροτον αἷμα θεοῖο 902
ἄμβροτος 59, 475, 640_1
ἀμέλγω 98_1, 164, 569
ἀμέργω 569_3
ἀμητήρ 690
ἄμητος 690
ἄμμες 291, 292_1
ἀμνή 584
ἀμνός 584
ἀμό-θεν 199, 202
ἄμπελοι (мн. ч.) 657_1
ἀμφήν 781
ἄμφω 67
ἀνάγκη 159, 822
ἀνά-θημα 810
ἀν-άρσιος 810
ἀνδράποδον 474
ἀνδρός (род. п.) 190, 197_1
ἀνδρο-φάγος 324
ἄνεμος 466, 678
ἀνήρ 184, 190, 197_1, 202, 271, 276, 802
ἀνέρα 190, 272
ἀνεψιός 768_1
ἄνθινον 873
ἄνθος 873
ἄνθρωπος 418, 821
ἀνθρωπο-φάγος 324
ἀννίς 203, 766
ἀντί 158, 203, 814
ἄξονες (мн. ч.) 731
ἄξων 721
ἀπάτωρ 167_1
ἀ-πελος 228
ἀπὸ δὲ ἑκάπυσσεν 29
ἀπὸ καπύω 29
ἀποτίθημι 66
ἀπόπισις 809
ἅπτω 63
ἀ-πυστος 33, 34, 224
ἀράομαι 802
ἀραρυῖα[ι] ἀνιᾶφι 288
ἄρατρον (диал.) 688
ἀράω 688_1
ἀργής 713
ἀργι- 158
ἀργι-κέραυνος 796
Ἀργολίς 908
ἀργοναῦται (мн. ч.) 908
ἀργός 158, 217, 229
Ἄργος 908
ἄργυρος 713, 919
Ἀργώ 907, 908

ἀρή *802*
ἀρήγω *751*$_2$
''Αρης *793, 797*
ἄρκειος *149*$_1$
ἄρκηλος *149*$_1$
ἄρκος *149*$_1$
ἄρκτος *149, 151, 497*
'Αρκύνια ὄρη *614*
ἅρμα *723, 731*
ἁρματο-πηγός *324*
ἅρμη *229*
ἀρνός (*род. п.*) *584*
ἄροτρον *688, 690, 899*
ἄρουρα *477, 688*
ἀρόω *424, 688, 688*$_1$, *899*
ἅρπη *691*
ἄρσιον *810*
ἀρτο-κόπος *324, 699*
ἄρυα *131, 635*
'Ασκληπιός *811*$_1$
ἄσκρα *626*$_1$, *627*
ἀσπαίρω *55*
''Ασπαχος *550*
ἀσπιδη-στρόφος *324*
ἀσπίς *627*
ἄσπρις *627*
ἀστεροπητής *796*
ἀστέρος (*род. п.*) *685*
ἀστήρ *28, 176, 685*
ἄστρα *685*
ἄστυ *741*$_3$
ἀστυ-νόμος *324*
ἀσυνετεῖ *44*
ἀτέμβω *151*
ἄτριον *230*
αὐλός *609*$_2$
αὔξω *52, 236*
αὖος *158*
αὖος *158, 598*
αὐτό-ματος *176*
αὐτός *336*
αὕω *598*
αὕως *185*
ἄφενος *63*
ἄφη *63*
ἄφθιτον ὕδωρ *349*$_1$, *834*
ἄφθορος *151*
ἀφνειός *45, 63, 746*
ἄφρων *167*
'Αχαι(F)οί *901*$_1$, *901*$_2$, *903*$_1$
βαβαί *59*
βαβράζω *59*
βαίνω *36, 60, 86, 88*$_2$, *164, 410*
βαίτη *40, 59*
βάλανος *617*
βαμβαίνω *59*
βανά *86, 89*
βᾶρις *59*
βαρύς *93, 175, 199, 228, 413, 693*
βάσκανος *906*
βάσκε *108, 120*
βάσκειν *906*
βάτην *164*
βάτος *59*
βατός *199*
βαύζω *59*
βδέλλιον *59*
βέβρυχα *301*
βέκος *59*
βελτίων *6*
βέομαι *235, 235*$_1$
βῆτα *59*
βίᾱ *422*
βιβρώσκω *48*$_2$, *702*
βίος *60, 465*
βίρρη *710*$_1$
βλάξ *231*
βλίττω *59, 603, 640*$_1$
βο(F)ί *191*
βο(F)ός (*род. п.*) *191, 565*
βομβύλη *603*
βοό-κλεψ *324*
Βορέης *666, 678*
βόρειος *666*
βόρμᾱξ *222, 527*$_2$
βορός *179, 231, 702*
βόσις *59*
βόσκω *59*
βοτήρ *59*
βού-βοτος *59*
βουκόλοι *59, 88*$_2$
βουκόλος *695*
βου-πόλος *324*
βοῦς *59, 77, 86, 88*$_2$, *191, 565*
βού-τῦρον *565, 570*
βου-φορβός *324*
βράπτειν *48*$_2$
βραχύς *59, 72, 782*
βρέχμα *813*$_1$
βρεχμός *813*$_1$
Βρίγες *910*$_2$, *911*$_1$
βροτός *59*
βροτὸς ἐστι *280*
βροτο-φθόρος *324*
Βρύγες *910*$_2$
βρώμη *231, 702*
βρῶσις *702*
βρωτύς *702*
βύβλος *59, 60*$_1$
βυθός *6*
βύρμᾱξ *174, 222*
βύρσα *60*$_1$, *902, 909*
βῶν *191*
βῶξ *73*
βῶς *191, 565*
γαιή-οχος *324*
γάλα *98*$_1$, *148, 568, 568*$_2$
γάλακτος (*род. п.*) *98*$_1$, *148, 568*
γαλάκτωσις *568*$_2$
γαλόως *760*
γαμβρός *878, 906, 907*
γαμέω *878, 906*
γάμος *878, 906*
γάνα *905*
γαργαίρω *221*
*γέγαμεν *177*
γεγαώς *177*
γέγονα *177*
γέγονε *220*
γέγωνα *301*
γέμος *179*
γένε-ος (*род. п.*) *186*
γενέσθαι *175*
γένεσις *175*
γενέτωρ *198, 205, 216*$_1$, *234, 247*
γένος *94, 106*$_2$, *179, 186, 749, 750*$_2$, *772*
γέντο *179*
γένυ(F)ος (*род. п.*) *244*
γένυς *183, 244, 815*
γέρανος *540*
γέρην *540*
γέροντος (*род. п.*) *418*
γέρων *93, 175, 205, 217, 418, 420, 501*
γεωργοί (*мн. ч.*) *788*
γίγνομαι *75, 220, 748*
γιγνώσκω *36*
γλάγος *98*
γλακκόν *98*$_1$
γνυ- *113, 173*
γνύξ *59*$_1$
γνωτός *234, 762*$_1$
γοδᾶν *906*
γόμος *179*
γόμφος *108, 423, 815, 879*
γόνος *179*

γόνυ 36, 59$_1$, 94, 100, 106$_2$, 173, 196, 233, 786$_3$
γοργός 98
Γοργώ 98
γουνός (род. п.) 173
γράμμα 624
γράφω 624
γύαλον 905
γύης 905
γυμνός 88, 168, 169
γυναικός (род. п.) 283$_2$, 758
γυνή 42, 50, 86, 89, 92, 185, 271, 283$_2$, 413, 758

δάγκλον 905
δᾱήρ 77, 157, 760
δαίδαλος 905
δαιδάλλω 905
δάκρυ 612$_1$, 816
δάκρῦμα 816
δάκτυλος 149$_2$
δαμάλη 483$_3$, 575
δαμάλης 483$_3$, 575
δάμαρ 263, 742$_2$, 903
δάμαρτος (род. п.) 742$_2$, 903
δάμνᾱμι 209
δάμνημι 483$_3$
Δαναοί 902$_2$
Δάναπρις 671
Δάνασιρις 671
δανείζειν 334
δανείζεσθαι 334
Δανούβιος 671
δαούς 175, 200
δαύω 906
δέατο 227, 791
δεδίσκομαι 107$_2$
δέδορκα 178
δειδίσκομαι 120
δεικνύμενος 110
δείκνῦμι 36, 175, 806
δείξω 389$_1$
δειράς 666
δειρός 666
δέκα 38, 229, 846
δεκάς 199
δέκ-το 33$_1$
δέλεαρ 175
δελέατος (род. п.) 175
δέλλις 904
δέλφαξ 817, 904
δελφίνος (род. п.) 817
δελφίς 817
δελφύς 816
δέμω 742$_3$
δένδρεον 612
δένδρον 612
δεξιτερός 129, 155, 417, 783
δέος 133
δέπας 902
δέρας 228
δέρκομαι 217
δέρω 707
δεσ-πότης 168, 742
δέχομαι 155
δῆλος 227
δήμ-αργος 324
δημιουργοί (мн. ч.) 788
δημο-βόρος 231
δήν 230
δηράς 666
δηρόν 230
δι- 133, 844
δίδονει 864
δίδωμι 41, 50, 159, 166, 203, 220, 306$_1$, 389, 753
δίδωτι 864
δί-ενος 783$_1$
ΔιFί (dam. п.) 791
Δι(F)ός (род. п.) 36, 223, 791, 796, 910
δίκαιος 806
δικασ-πόλος 806
δίκη 806
Διοκλῆς 351
δῖος 242, 250
Διοσκούροι 351, 555, 777
δι-πλόος 779
δι-πλός 706$_1$
δί-πους 474, 844
δίς 845
δμᾱτός 198, 206, 209, 483$_3$
δμωή 742
δμώς 742
δνόφος 151
δόγμα 155, 196
δοFεναι 171
δοκέω 146$_1$
δολιχός 46, 782, 860$_2$
δολφός 817
δόμος 41, 50, 179, 741
δόξα 155
δόρυ 174, 196, 217, 223, 233, 612, 617$_2$
δόσις 754
δοτήρ 167$_1$, 317$_1$
δοτῆρα 317$_1$
δοτός 166, 208
δούλιον ἦμαρ 479$_2$
δοῦλος 479$_2$, 957$_1$
δούρατος (род. п.) 612, 613
δουρός (род. п.) 174, 612
δρακεῖν 199
δρεπάνη 687
δροίτη 617$_2$
δρυ- 174
Δρυ-αχαρνῆς 613$_1$
δρυμά (мн. ч.) 174, 612
δρυός (род. п.) 612
δρῦς 223, 612, 619
δρυτόμοι (мн. ч.) 731
δρυ-τόμος 174, 324
δύ(F)ο 844
δυσ- 780
δυσμενής 780
δύσ-χιμος 242
δύω 844
δω- 133, 219
δώ-δεκα 133, 848
δῶρα φέρει 335
δῶρα φέρεται 335
Δωριεῖς 957$_1$
Δωριεύς 957$_1$
δῶρον 196, 754
δωσέοντι 864
δῶτερ 184
δωτήρ 181, 184
δωτῆρα 272
δωτῆρος (род. п.) 181
δώτωρ 167$_1$, 184, 271

ἐ 336
ἑανός 705
ἔαρ 117, 206, 304, 690$_2$, 816
ἔαρος (род. п.) 690$_2$
ἔᾱσι 246$_2$
ἑβδομήκοντα 848
ἕβδομος 846
ἔ-βη-ν 388
ἐγείρομαι 296
ἔγνων 234
ἐγρήγορα 296
ἔγχελυς 526$_1$
ἐγώ 36, 207, 208, 383
ἐ-δάμα(σ)σα 209

ἔδαυσε *906*
ἔδειξα *389*$_1$
ἕδνα (ἔεδνα), *мн. ч.* *757*
ἔδομαι *36, 70, 77, 217, 698, 816*
ἔ-δο-μεν *388*
ἔδρακον *224*
ἔδωκα *41*
ἑέρση *680*
ἐFεδνόω *757*
ἐFεδνωτής *757*
ἔ(F)ειπ-ο-ν *389*
ἐFέργω *223*
ἔ-Fιδ-ε *328, 389*
ἐ-Fῐκ-ᾱ *689*
ἕζομαι *36, 116, 152, 155*
ἔ-θε-μεν *388*
ἔθηκε *910*
εἶαρ *816*
εἴδαρ *302, 698*
εἴδατος (*род. п.*) *303*
εἴκοσι *133, 847*
εἶλη *117*
εἰ-μέν *246*$_2$, *305*
εἰμί *246*$_2$, *295, 327*
εἶμι *163, 180, 218, 724*$_1$
εἰν-άλιος *674*
εἰνατέρες (*мн. ч.*) *760*
εἶνατος *846*
εἴργουσι *223*
εἴρω *231, 361*$_1$
εἰς *246*$_2$
εἷς *842*
εἰσ-άντα *814*
εἶφω *218*
ἑκατόμ-βη *565*
ἑκατόν *94, 846*
ἐκγεγάτην *220*
ἐκέρασ(σ)α *234*
ἕκ-πους *122*
ἕκτος *845*
Ἕκτωρ *110, 111*$_2$
ἑκυρά *123, 760*
ἑκυρός *112, 123, 760*
ἔκνυσα *228*
ἑκών *163*
ἑλα(F)ιον *646*$_1$
ἐλάτη *634*
ἔλαφος *517*
ἐλαχύς *782*
ἐλᾶν *543*
ἐλεύθερος *249, 477*
ἐλεφάντειος *524*
ἐλεφαντείος ποπφί *288*
ἐλέφαντος (*род. п.*) *524*
ἐλέφας *524, 525*$_1$
ἑλίκη *124, 628*
Ἑλικών *124, 628*
ἐ-λιπ-ον *163, 199, 224*
ἑλκέμεναι... ἄροτρον *689*$_1$
ἕλκω *124, 689*
ἑλλός *517*
ἔλπος *703*
ἐμέ *385*$_2$
ἐμεῖο *385*$_2$
ἐμός *291, 385*$_2$
ἐν *842*
ἐν-άλιος *674*
ἔναξε *905*
ἑνδεκα *848*
ἔνδιος *791*
ἐνενήκοντα *848*
ἔνη *385*$_2$
ἐννέα *846*
ἐννήκοντα *848*
ἐννῦμι *705, 899*
ἕνος *783*$_1$
ἐντί *305*
ἐξ *122, 845*
ἑξάστοιχος *122*
ἑξήκοντα *847*
ἐξ-πτη *225*
ἔοικα *296*
ἐόντα *272*
ἕορ *123, 764*
ἕπεα πτερόεντα *835*
ἐπί-βδα *154*$_2$
ἐπιζάφελος *905*
ἐπίσταμαι *473*$_1$
ἐπιτᾱδές *906*
ἐπιτηδές *906*
ἐπιτηδεύω *906*
ἕπομαι *216, 696*
ἕποπος (*род. п.*) *541*$_1$
ἔπος *148, 168, 472*$_2$
ἔπος εἰπεῖν *835*
ἕπτω *541*$_1$
ἑπτά *28, 199, 846, 926*
ἑ-πτά-μην *146*$_1$, *153, 225*
ἔπτατο *152, 153, 224*
ἐπτόμην *152, 224*
ἐ-πυθ-όμην *163, 174*
ἕπω *829*$_1$
ἔργω *223, 236*
ἐρείκη *663*$_1$
ἐρέσσω *675*
ἐρέτης *235, 675*
ἐρετμόν *675*
ἐρεύγομαι *511*
ἔριφος *584*
ἕρκος *614*
ἕρμα *123*
ἕρματα μορόεντα *645*
ἕρξα *223*
ἑρπετόν *526*
ἕρπω *223, 526*
ἐρράγην *208*$_1$
ἕρση *680*
ἐρύγμηλος *511*
ἐρυθρᾱ-φι *380*
ἐρυθρός *66, 422, 711*
ἐρυθρὸς χαλκός *711*
ἐρῦσμαι *741*
ἐρυσίπτολις *741*
ἔρχαται *223*
ἔρχατο *223*
ἐρχθέντα *223*
ἑσθής *705*
ἐσθίεν *48*$_2$
ἕσκετο *155*
ἐσ-πιφράναι *23*
ἑσσ(ί) *246*$_2$, *327*
ἐστέ *246*$_2$, *305*
ἑστηκα *296*
ἕστηκε *910*
ἐστί *117, 295, 327*
ἕστο *392*
ἐσχάρᾱ *905*
ἔσχον *152, 155*
ἔ-τεκ-ον *149*$_2$
ἔτερσεν *237*
ἔτραπεν *224*
εὐ- *245*$_1$
εὐιάδες (*мн. ч.*) *650*
εὐκλε(F)ης *349, 780*
εὐ-κλείη *780*
εὐλάκᾱ *689*
εὐμενέτης *780*
εὐμενής *780*
εὐ-πάτωρ *184*
Εὖρος *678*
εὐρυοδείης *349*
εὐς *216, 245*$_1$, *478, 780, 860*$_2$
εὐτράπελος *224*
εὔχεται *864*
εὐχή *803*
εὔχομαι *236, 803*
εὔχος *236*
εὖω *826*$_1$
ἔ-φερε *329, 357, 364*
ἔφερες *329*

ἔφερον 329
ἔφυγον 174, 199
ἔ-φῡν 388
ἔφυσα 129
ἔχεται 111$_2$
ἔχιδνα 526
ἐχῖνος 526
ἔχις 526, 528$_1$
ἐχονθι 864$_1$
ἔχοντι 864
ἔχω 152, 155, 289
ἕψω 43, 899
ἑών 271
ἕως 185

Ϝάναξ 752
(Ϝ)αρήν 584
Ϝέαρ 853$_1$
Ϝείρω 216
(Ϝ)εκυρός 374
Ϝέλικες 628$_1$
Ϝελικών 124, 628
Ϝέξ 122, 124, 845
(Ϝ)έπος 148, 168, 216, 835
Ϝέργω 223, 376
(Ϝ)ερείκη 662
Ϝέτος 45, 783
Ϝεχέτω 723
Ϝίκατι 847
Ϝιτυς 628, 650
Ϝοῖκος 743, 788$_2$
Ϝόχ-ος 723, 730
Ϝροδ-δάκτυλος 663
Ϝροδόεις 663
Ϝρόδον 663

ζάγκλιον 905
ζάγκλον 905
ζάρος 904
ζαροῦν 906
ζάφελος 905
ζειά 655, 656
ζειαί (мн. ч.) 657$_1$
ζεί-δωρος 655
ζεύγλη 723$_1$
ζεύγνῡμι 721
Ζεῦ πάτερ (зват. ф.) 70$_1$, 226 — 227, 354$_1$, 777, 791, 792, 796, 797
Ζεύς 36, 223, 226, 242, 475, 777, 791, 796, 797
Ζεὺς Σωτήρ 652
Ζέφυρος 678
ζόμβρος 521
ζόφος 151
ζυγόν 45, 85, 179, 272, 721
ζόμη 703
ζώνη 705
ζῷον 465
ζωός 465
ζωστήρ 705
ζωστός 705
ζῶστρον 705
ζώω 235

ἡ 384, 387
ἦα 327$_1$
ἡγέομαι 805
ἠδέῖ οἴνῳ 605
ἦδ-ιστο-ς 128, 338
ἡδύς 117, 388
Ἥλιον... σκοπόν 834
ἠέλιος 117, 188$_2$, 196, 684
ἦεν 304
ἠ(Ϝ)ίθεος 759
ἦλιος 188$_2$
ἡλίου κύκλος 350
ἦλυθον 328
Ἡλύσιο- 824
Ἠλύσιον πεδίον 425, 824
Ἠλύσιος λειμών 824
ἦμαρ 899
ἡμι- 843
ἡμίβιος 843
ἦν 327$_1$
ἠνορέη 802
ἦπαρ 187, 273, 815
ἤπατος (род. п.) 187, 273, 815
Ἥρη 797
ἥρως 479$_1$
ἧσθαι 217
ἧσ-ται 295, 391, 928
Ἥφαιστος 715$_1$, 797
ἠχή 123
ἠώς 185, 223, 229

θάλασσα 672, 675
θανατο-φόρος 324
θάσσων 23, 23$_2$
θαῦνον 495
θεά 376
θεᾶς (род. п.) 376
Θέθις 23$_2$
θείνω 91, 100, 740
θέλει 175
θέλω 175
Θέμις 810
θέμις 810
θεοῖο (род. п.) 376
θεός 237, 241, 376, 466
θέρμα 91
θερμός 65, 91, 180, 413, 418, 683, 708
θέρος 91, 176, 413, 683, 853$_1$
Θέτις 23$_2$
θετός 166, 208, 224
θηλή 570$_1$
θῆλυς 570$_1$
θήνιον 570
θήρ 181$_1$, 469, 496
θήσατο 570
θῆσθαι 570$_1$
θητός 418
θάλος 532
θορός 179
θρίξ 23
θυγατέρα 184
θυγάτηρ 150$_1$, 184, 207, 208, 243, 569$_4$, 766
θυθέν 23$_2$
θυμέλη 532
θῦμός 466
θύρα 22$_1$, 37, 43, 134$_1$, 181, 224
θύραζε 743
θύρετρα 743
θύρη 743
θύρσος 902
θυφλός 23$_2$

Ιά(Ϝ)ονες 902$_2$
Ἰαξάρτης 940$_1$
ἴᾶο 724$_1$
ἰαρός 801
Ἰάσων 907
ἰατρό-μαντις 277
ἰαύω 206
ἴδμεν 178
ἴδμων 836$_1$
ἰδρώς 117
ἱερεῖς (мн. ч.) 788
ἱερόν 280
ἱερὸν μένος 349, 834
ἱεροποιοί (мн. ч.) 788
ἱερός 280, 801
ἵημι 306$_1$
Ἰήσων 907
ἰθι 343, 724$_1$
ἵκκος 102, 409
ἱκτῖνος 149$_1$

ἱμάντος (род. п.) 705, 723
ἱμάς 705, 723
ἵμβηρις 526₁
ἴ-μεν 163, 225, 724₁
ἰξός 644₂
ἰός 739
ἱπνός (ἰπνός) 708
ἵππεια 545
ἵππιος 196, 545, 550, 730
ἱππιο-χάρμης 545, 550
ἱππό-δαμος 324
ἵπποιο 376
ἵππον 272
ἵππος 100, 102, 183, 245₁, 271, 374, 376, 409, 410, 544, 560₂
ἴσθι 118
ἵσταμαι 296
ἱστᾱμι 166, 203, 220, 220₂
ἵστημι 55, 117, 208₁, 295
-ισ-το-388
ἱστοὶ λίθεοι 606
-ιστος 55
ἰσχάς 904
ἰσχυρός 905
ἰσχύς 905
ἰτέα 628
ἴτυς 650
ἰχθύς 114, 149₁, 526₁, 536
ἰχώρ 902

καβάλλης 556
καίνω 909
καλεονθι 864
καλέω 202
Καλλιόπη 835
κάνναβις 660
καπνός 29, 102, 403, 409
κάπρος 481₁, 515, 515₂
κάρ 173, 876
κάρᾱ 93, 113, 205, 813
καράρα 813
καρδίᾱ 38, 94, 163, 173, 186, 199
κάρη 173
κάρηνα 113
κάρκαροι 533
καρκίνος 221, 222, 533
καρπός 692, 878
καρύᾱ 635
κάρυον 131
(κασί-)γνητος 234
κατά 45
καταλέω 693
κατα-πτή-την 225
κάττα 600
κέδρος 155
κείρω 707
κεῖται 47, 94, 295, 391
κεκῆνας 157₁
κέκτημαι 148
κελεύω 346
κεντέω 236
κέντρον 236
κέντωρ 236
κεραός 484, 566
κέρας 173
κερασία 644
κεράσιον 644
κέρασος 644, 644₁
Κερασοῦς 644
κεράω 234
κεραυνός 618₂, 619, 622₁
κέρκος 601
κεσκίον 49₁, 85
κεφαλή 154, 408, 813₃
κῆπος ‖ κῆβος 131, 523
κήρ 190₁
κῆρ 38, 100, 163, 173, 186, 800₁
κηρός (род. п.) 190₁
κῆρος (род. п.) 186
κήρυξ 205
κῆρυξ 93
κιγκλίς 98₁
κίνδυνος 591₂
κιχάνω 37
κίχεις 23
κι-χη- 62
**κίχημι 23*
κίων 899
κλάψος 98₁
κλᾶῖς 874
κλέ(F)ω 38
κλέος ἀγήρατον 834
κλέος ἄφθιτον 151, 834
κλέος εὐρύ 349₁, 834
κλέος καταθέσθαι 834
κλυτὸς Ἀμφιτρίτη 280
κλυτὸς Ἱπποδάμεια 280
κνέφας 151
κόγχη 31, 56
κογχίλεια 31
κόγχος 31
κοίρανε λαῶν 741
κοίρανος 741
κολοφῶν 669
Κολχίς 907₁
κολώνη 669
κονίδος (род. п.) 535
κονίς 535
κοντός 236
κόπτω 32
κόραξ 540
κόραφος 540
κόρις 527₁
Κόρος 909₁
κόρση 173₂
κορυδός 173
κόρυμβος 173
κορύπτω 173
κόρυς 173
κορύσσεται 173
κορυφή 173
κορώνη 540
κόσμος 349, 804
κοτύλη 146₂, 932
Κοῦφις 917
κραδίη 173, 186, 199, 800₁
κραδίης (род. п.) 186
κράειια 643
κράνον 643
κράνος 643
κρέας 57, 62, 77, 85, 698
κρῖ 26, 656
κρῖ λευκόν 657₁
κριθαί (мн. ч.) 26, 656, 657₁
κριθή 26, 122, 656
κριός 481₁
κρῡμός 682, 683
κρύος 682
κρύσταλλος 682
κρώπιον 692
κτάομαι 148, 788₁
κτείνω 148, 909
κτείς 153
κτενός 153
κτῆμα 788₁
κτήματα 286
κτίζω 148
κυάνεος 903
κύανος 710, 903
κυδι-άνειρα 843₁
κῦδος 836
κυέω 100, 228
κύκλα 718
κύκλος 57, 62, 86, 88, 98, 220, 222, 410, 707₁, 718

κύλλαιος 906
κῦμα 100
κύμβαχος 903
κύνα 272
κυνάγχα 591
κυνέω 345
κυνός (род. п.) 94, 100, 184, 590
Κῦρος 909$_1$
κύσθος 757
κύων 94, 100, 107$_1$, 181, 184, 243, 271, 590, 591$_2$, 910$_3$
κῶας 908
κώεα (мн. ч.) 908
κώληψ 131
κώμη 180
Κωφήν 910$_2$
Κώφης 910$_2$

λᾱγέτας 740
λᾱFός 740
λᾱFο-ασσος 740
λαιός 783
λέγετε 167$_1$
λέγομεν 167$_1$, 247
λέγομες 864
λέγω 827$_1$
λέγωμεν 827
λειᾱ 740
λειμών 824
λείπω 163, 199, 217
λείχω 111$_1$
λέκτρον 33, 66, 75, 216, 425
λέλοιπα 178
λελουμένος 211, 221
λέοντος (род. п.) 507
λευκός 45, 75, 883
λευκώλενος 280
λέχεται 216, 425
λέχος 32, 66, 70, 75
λέων 507, 509$_4$
λῆνος 578$_1$
ληρεῖ 44
Λητοῦς (род. п.) 185
Λητώ 185
λιθο-κόπος 324
λίνον 659, 660$_2$
λιπ- 196
λῖς 507, 510$_2$
λόFω 211
λοιγωντίαν 806
λοιπός 180
λοπός 619
λούσομαι 211
λούω 171
λόχος 216
λόω 171, 211, 216
λυγκός (род. п.) 511
λύγξ 511
λυκάβᾱς 684
λύκαινα 492
λυκόβρωτος 324
λύκοιο (род. п.) 270
λυκο-κτόνος 324
λύκον 272
λύκος 176, 270, 271, 495$_1$
λύκῳ γενέσθαι 493
λύσσα 495$_1$
λώπη 619

-μαι 331
μᾶκος 209
μακρός 209
μάλη 905
μᾶλον 203$_2$, 641
-μᾶν 331
μάρη 785$_1$, 807
μάρμαρος 221
μάρπτω 807
μάχιμοι (мн. ч.) 788
με 218, 360, 385$_2$
μέγα 207, 208
μεγά-θυμος 351
μέγας 207, 782
μέγας σθ 516, 593$_3$
μέδομαι 811
μέθυ 244, 604
μέθυ ἡδύ 834
μεθύω 604
μεῖραξ 119
μείς 424, 684
μέλαινα 632$_2$
τὰ μέλανα 632$_2$
μέλᾱς 632$_2$, 783
μέλι 59, 603, 604
μελίη 626
μελί-κρητος 605
μελίνη 658
μέλισσα 603
μέλισσαι (мн. ч.) 606
μέλιτος (род. п.) 603
μέλος 803$_1$
μέμαμεν 177
μεμάτω 177
μεμαώς 177
μέμονα 177, 221, 301, 302, 473, 813, 835$_1$
μεμορυγμένος 646
μέμυκα 301
-μεν 247
μενοινάω 813
μένος 216, 472, 813, 835$_1$
-μες 247
μεσόγαια 348
μέσσος 65
μή 910, 911
Μήδη 811
μηλέα 641
μῆλον 641, 642
μήν 684, 899
μήνη 424
μῆρα 699
μηρία 699
μήs 424, 684
μητέρα 184
μητέρ-ες 218
μήτηρ 77, 184, 765
μήτρως 774
μία 842
Μιλήσιος 901
μιμνήσκω 473, 835$_1$
μοι 360
μόλιβος 711$_1$
μόνορχις 817
μορία 646$_1$
μόριος Ζεύς 646$_1$
μόρ-μορ-ος 222
μορμύρω 221
μορ-μ-ώ 222
μορόεις 645
μόρον 645
μορτός 180, 418, 475
μορύσσω 646
μόρυχος 646
μορφή 789$_1$
μου 360
μυελός 818
μυῖα 534
μύκης 143$_1$
μύλη 692
μυός (род. п.) 185
μύρμηξ 174, 222
μύρμος 174, 222
μῦς 114, 129, 185, 531

νᾶσσα 543
νάσσω 405
νάττω 405
ναυδόμοι 324
ναῦς 381, 674
ναύτης 908
ναῦ-φι(ν) 381
νε- 254
νεανίσκος 119

νεάω *158, 218, 346*
νέ(F)ος *179, 783*
νειός *781*
νείφει *65, 681*
νεκρός *822*
νέκταρ *476, 822₃, 822₄*
νέκυς *476, 822*
νέμος *180*
νέμω *741₁, 754*
νένασμαι *905*
νεό-δματος *742₃*
νέομαι *762₂*
νέποδες *767₂*
Νέστωρ *762₂*
νευρή *704, 816*
νεῦρον *704, 816*
νεφέλη *668, 677*
νεφελη-γερέτα *796*
νέφος *45, 65, 77, 167, 186, 218, 668*
νέω *704*
νεώς *674*
νῆμα *704*
νηός *674*
νῆσις *704*
νῆσσα *543*
νηῦς *634₃, 825*
νίφα *65, 86, 117, 183, 419*
νιφάς *180, 681*
νιφέμεν *681*
νιφόεις *180*
νίψατο δ' αὐτὸς χεῖρας *335₁*
νομός *180*
νόστος *762₂*
Νότος *678*
νυκτός (*род. п.*) *27, 215, 403, 791₁*
νύμφη *761₁*
νύμφιος *761₁*
νῦν *359*
νύξ *27, 88, 168, 215, 403, 410, 791₁*
νυός *117, 761*
νῶτα *233*

ξαίνω *156, 223*
ξανθός *521*
ξάνιον *578₁*
ξέστριξ *122, 124, 125₂*
ξέω *49₁*

ὁ *218, 275₁, 378, 384, 387*
ὅα *629*
ὅαρ *906*
ὁαρίζω *906*
ὀγδώκοντα *848, 848₂*
ὄγκος *925*
ὀδόντα *271*
ὀδόντος (*род. п.*) *698, 814*
ὁδούς *271, 899*
ὀδύσ(σ)ασθαι *131*
Ὀδυσσεύς *351*
ὁδωδα *296*
ὁδών *246, 271, 302, 698, 814*
ὁFιν *272*
ὁFις *159, 244, 271, 577, 579*
ὄζος *118, 159, 203*
ὀη *629*
οἱ *336*
οἶδα *70, 178, 295, 301, 302, 494, 836₁*
οἰδ-ε *295*
οἶFος *922*
οἴη *629*
οἰήιον *721*
οἴηξ *203, 721*
οἰκο-δόμος *324, 743₁*
οἶκοι *383*
οἶκος *180, 743₁*
οἶμα *218*
οἶμος *180*
οἰνή *843*
οἶνον ἐρυθρόν *647*
οἶνον σπένδω *652*
οἰνό-πεδον *647*
οἶνος *647*
οἰνο-χόος *324*
οἶνοψ *647*
-οιο *354*
οἷος *843*
οἱός (*род. п.*) *244*
οἷς *159, 183*
οἶσ-θα *55, 295*
οἶσυον *650*
οἰφέω *817₁*
οἰωνο-σκόπος *324*
ὀκτώ *27, 403, 846*
ὁλκός *124*
ὅλος *812₁*
Ὀλύμπιε Ζεῦ *796*
ὁμίχλη *85*
ὁμός *843*
ὁμοῦ *843*
ὀμφαλός *817*
ὄναρ *236*
ὄνειρον *236*
ὄνοι (*мн. ч.*) *562*
ὄνομα *181, 188₁*
ὀνομαθέτης *810, 833*
ὀνομάκλυτος *834*
ὀνόματος (*род. п.*) *188₁*
ὄνος *562, 564₁*
ὄνος ἄγει μυσιήρια *563*
τὰ ὄντα *303, 810*
ὄνυξ *67, 121, 639*
ὄνυχος (*род. п.*) *67, 121*
Ὄξος *940₁*
ὀξύη *625, 626*
ὀπός *123*
ὄ-πυι *160*
ὀπ-ώρη *691, 853₁*
ὁράω *808*
ὄρει *808*
ὀρεκτός *751₂*
ὀρθός *236*
ὄρκιον *807*
ὅρκος *807*
ὁρμή *227*
ὄρνιθος (*род. п.*) *538*
ὄρνις *158, 217, 538*
ὄρνῡμι *200, 218, 345, 478, 671₁*
ὄρομαι *808*
ὀρός *227*
ὀρούω *346*
ὄρπετον *224*
ὄρρος *817*
ὀρφανός *376, 479, 747*
ὀρφνός *423*
ὄρχεις (*мн. ч.*) *498₁*
ὄρχις *817*
ὅς *352, 353, 387, 910*
ὅσπριον *904*
ὅσσε (*дв. ч.*) *121, 786₁*
ὀστέα λευκά *827*
ὀστέον *55, 131, 202, 816*
ὅτε *359*
ὀτηρός *134*
οὐ *336*
οὐδ-αμός *199*
οὔθαρ *569₃, 933₂*
οὐλή *492₁*
οὖλος *812₁*
οὐρανομήκης *634*
οὐρανός *668*
Οὐρανός *903*
οὖρος *808*
ὄφις *67, 526*
ὀφνίς *690*
ὀφρύς *786₁*
ὀχέω *70, 723*
ὀχλεύς *66*

παιδο-βόρος 324
παιδο-γόνος 324
παιδο-τρόφος 324
παι-πάλη 220, 221
πάλη 220, 221
πᾶμα 228
Πάμφαιος 23_2
πᾶν 189
παντός (*род. п.*) 189, 849
πάππος 51
παρδαλέη 501
πάρδαλις 501
πάρδος 501
Παρμισός 862
Παρνα[σ]σός 900_1
πάρος 199, 202
πᾶς 849
πάσασθαι 228
πᾶσιν νεκύεσσιν 605
πάτερ (*зват. ф.*) 184
πατέρα 181, 317_1
πατήρ 38, 43, 167_1, 181, 184, 317_1, 765
πάτος 55, 63
πάτριον 280
πάτριος 280
παχ- 24
πᾶχ- 24
παχέος (*род. п.*) 218
παχύς 22, 200, 218, 225, 782, 929
πεδίοιο εὐρέος (*род. п.*) 657_1
πέδον 154, 272, 276
πεδ-ῶν (*род. п. мн. ч.*) 268
πείθομαι 25, 37
πειθώ 185
πεῖσμα 25, 164, 174
πέκος 179, 578
πεκτέω 578
πέκτω 578
πέκω 578
πέλαγος 673, 675
πέλας 227, 228, 238_1
πέλεκυς 716, 716_2, 739
πέλλᾶς 228
πέλμα 228
πέλομαι 92, 220, 718
πέλω 718
πέμπτος 413, 845
πενθερός 22, 25, 164, 174, 215
πέντε 91, 410_1, 845
πεντήκοντα 847
πέος 817
πέπυσμαι 174, 178
περιγλαγής 98_1
περι-κτί-ται 148
πέρκη 536_1
περκνός 536_1, 594
πέσσω 699
πέτομαι 57, 62, 146_1, 152, 153, 216, 225, 226, 537
πευθ- 24, 32, 62
πεύθομαι 22, 163, 174, 178, 217, 250, 406
πεύκη 631, 633
πέφευγα 174
πέφῡκα 178, 295
πήγνῡμι 143
πῆχυν 272
πῆχυς 22, 271, 785_1
πίγγαλος 143
πίθηκος 523
πίθος 25
πινυτή 283
πινυτός 283
πίνω 77, 426, 702
πίπλημι 220
πίσσα 631
πιστός 406
πιστό-τερο-ς 388
πίσυρες 153
πίττα 631
πίτυς 631, 633
πλάξ 424, 673
Πλάταια 781
πλάτανος 200
πλάτη 200
πλατύς 55, 63, 75, 199, 250, 781, 919
πλέ(F)ω 675_1
πλέκω 228, 706
πλέος 781
πλεύμων 815
πλή(ι)ων 234
πλήσσω 30_1
πλοῖον 675
πλόος 675_1
πόδα 271
ποδ-ί 165
ποδός (*род. п.*) 38, 43, 57, 154, 157, 183, 267, 276_1, 376, 786_2
ποθέω 89
ποικίλος 143, 514_2, 590_2, 632
ποιμήν 695
ποινή 809
πόκος 179, 578, 579
πόλις 744
πόλος 180
πολύβουλον 349
πολυδαίδαλος 905
πολυδήνεα 349
πολύποδος (*род. п.*) 572_1
πολύπους 572_1
Πολύφημος 903
πόρδαλις 501
πόρος 883
πόσιος (*род. п.*) 244
πόσις 29, 168, 244, 374, 758, 758_2
πότερος 88_2
πότνια 374, 759
ποῦ 86
πούς 38, 43, 57, 146_1, 154, 267, 271, 276, 276_1, 376, 786_2
πρέπω 96_1
πρίαμαι 747
τὰ πρόβατα 584
πρόβατον 585
Προσπονтίς 907
πρότεροι θεοί 903
πρόχνυ 59_1, 173
πτερόν 45, 57, 152, 153, 218, 226, 272, 537
πτέρυξ 153, 218, 226
πτῆσις 153, 224
πτίσσω 692
πτόλις 744
πτύαλον 150
πτύω 150
πτωσκάζειν 107_2
πτωτός 153
πυθ- 24, 62
πυθμήν 6, 22, 29_1, 70, 489
Πύθων 489, 528
πυνθ- 62
πυνθάνομαι 22
πῦρ 210, 274, 699
πύργος 745
πύρνον 657, 657_2
πυροί (*мн. ч.*) 657, 657_3
πῡρός 210, 657
πυρ-πνόος 324
πῦς 160
πύστις 33, 224, 406
-πυστος 33
πῶ-θι 53_1, 209, 346, 402, 702, 960
πῶλοι (*мн. ч.*) 551

πῶμα *209, 702*
πῶς *183, 267, 271, 376*
πῶσις *960*

ῥάδαμνος *663*
ῥᾴδιξ *663*
ῥέθος *236*
ῥέω *227, 405*$_1$
ῥήγνυμι *208*$_1$
ῥῆμα *231*
ῥήτωρ *231*
ῥῖγος *682*
ῥιγόω *682*
ῥοδο-δάκτυλος *280, 351*
ῥοFος *180*
ῥόμος *222*$_1$, *527*
ῥόος *180*
ῥύπος *405*$_1$

σάκος *134, 813*
σαρσαι *421*$_1$
σαυσαρός *598*
σβέννυμι *48*$_2$
σβέσσαι *48*$_2$
σε *360*
σήσαμον *902*$_3$
σιδηροτέκτονες (*мн. ч.*) *710*$_1$
σίζω *123*
Σινδοί *917*
σίνεται *748*
σκάζω *33*$_2$
σκαιός *783*
σκαίρω *119*
σκάλλω *119*
σκαφίς *527*$_1$
σκατός (*род. п.*) *278*$_2$, *817*
σκέπτομαι *119, 219*
σκιά *109, 120*
σκιδαρός *109, 112*
Σκλαβηνοί *480*$_1$
Σκλάβοι *480*$_1$
σκότος *28*
σκυρθάλιος *119*
σκύρθαξ *119*
σκῶρ *126*$_1$, *278*$_2$, *817*
Σμινθεύς *531*$_2$
σμίνθος *531*$_2$
σμίς *531*$_2$
-σο *331*
σοι *360*
-σοι *331*
σόλος *711*$_1$
σός *291*
σου *360*
σπαράσιον *541*
σπαράσσω *44*
σπαργάω *54*
σπένδω *342, 652, 808*$_1$
σπίγγος *542*
σπίζα *542*
σπιζίᾱς *542*
σπλάγχνα *815*
σπλήν *815*
σπόγγος *932*
σπονδαί (*мн. ч.*) *652*
στατός *166, 208*
στέγος *122, 219*
στέγω *55, 70, 85*
στεῖρα *118*
στείχω *85, 117, 140*
στέλλω *118*
στέργω *811*$_2$
στῆθος *418*
στηνέον *418*
στίζω *119*
στοῖχος *180*
στρατ-ηγός *324*
στρουθός *541*
στυπάζει *119*
στύπος *119*
στυφελίζω *119*
σύ *225*
συβόσιον *595*
συ-βώτης *593, 595*
συγγιγνώσκω *804*
σύγγνωθί μοι *804*
συντίθημι *67*
συός (*род. п.*) *593*
σῦς *516, 593, 598, 711*$_1$
σῦς ἄγριος *593*$_2$
σῦς κάπρος *516*
συφειός *595*
συφορβός *595*
συῶν κάπρος *516*
σφαραγέομαι *117, 205*
σφερτα *905*
σφέτερος *336*
σχάω *120*
σχίζω *109*
σχοῖμεν *155*

ταί *385*
ταμίης πολέμοιο *796*
τάν *384*
Τάναϊς *671*
τανύ- *199, 782*
τάνυται *38*
ταῦρον ἐρύγμηλον *511*
ταῦρος *481*$_1$, *519*
ταχύς *23, 23*$_2$
τε *218*
-τε *354*
τέγος *122, 219*
τείρεα *686*
τείρω *176, 231, 706*
τειχ- *24*
τεῖχος *22, 26, 37, 43, 49, 94, 179, 412, 707*
τεκτ- *728*
τέκταινα *148*
τέκτονος *181*
τέκτων *148, 181, 706*
τελ-ευ-τή *346*
τέρας *176*
τέρετρον *706*
τερέων *685*
τέρμα *57, 198*
τέρμων *198*
-τερο- *388*
τερπι-κέραυνος *796*
τέρσομαι *44, 128, 217, 419*
τέσσαρες *92, 153, 845*
τεταγών *424*
τετράποδα *864*
τετράπους *474*
τέτρατος *845*
τετράων *541*
τέτριγα *301*
τετρόπαφι *380*
τετρώκοντα *847*
τεφ- *24*
τέφρα *22, 826*$_1$
τέχνη *706, 835*
Τηλεφάνης *903*
Τήλεφος *903*
-τηρ *196*
τητάομαι *748*
τίγρις *500*
τι-θη- *62*
τίθημι *23, 65, 77, 159, 166, 203, 208*$_1$, *220, 306*$_1$, *389, 883*
τιθήνη *570*$_1$
τίκτω *149*$_2$, *152, 153*
τίνουσι *304*
τίνω *809*
τίς *117, 150, 387*$_2$
τίσις *809*
τίτρημι *231*
τλᾱτός *176*
τό *218, 275*$_1$, *384*
-το *331*
τοί *385*

-τοι 331
τοῖο 378
τοῖχος 179
τόκος 179
τομή 283
τομός 283
τόν 384
τόνος 180
τοξοFοργοί 324
τόξον 629_1
τραγωιδία 903
τραγωιδός 903
τρεῖς 217, 845
τρέμω 217, 342
τρέπω 217, 342
τρέω 237
τρῆμα 208_1
τρητός 93, 205
τρι- 845
τριάκοντα 229, 847
τρί-πους 224, 572_1, 845
τρίς 845
τριττύς 481_1
τριτύα 481_1
τριχός (*род. п.*) 23
τρομέω 342
τροπέω 342
τυγχάνω 569_4
τυθέν 23_2
τύπτω 119
τῦρός 565, 570
τυφλός 23_2
Τύχη 569_4

ὑ- 780
ὗβος 905
ὑβός 905
ὕβρις 243
ὑγιής 245_1, 349
ὑγρός 52
ὕδατος (*род. п.*) 45, 188, 273, 274, 671
ὕδει (*дат. п.*) 671
ὕδρᾱ 529
ὕδρος 529
ὕδωρ 45, 188, 273, 274, 671
ὗει 424, 679, 680
υἱέος (*род. п.*) 423, 597_2
υἱήν 650
υἱός 423, 765
υἱύς 597_2, 598, 765
ὑμήν 704
ὕμμες 291, 292_1
ὕννις 690
ὑός (*род. п.*) 593
ὕπαρ 117, 224, 263
ὑπέρ 38, 121
ὑπηνέμιον 678
ὕπνος 45, 217, 224, 263
ὑπό 121
ὗραξ 953
ὗς 516, 593, 594_2, 598, 711_1
ὕστερον 243
ὑφαίνω 424, 583
ὑψι-βρεμέτης 796
ὑψίζυγος 796

φαγεῖν 141_1
φᾱγός 622
φαεσίμβροτος ἠώς 834
φακός 108
φαλίζει 175
Φάνφαιος 23_2
φάρος 707
φαρόω 707
φᾶτι 864
φέβομαι 342
φελγόνει 44
φέρε-αι 391
φέρει 330, 340
φέρεις 330, 340
φέρε-ται 391
φέρῃ 391
φέρον 189
φέρουσα 375
φέρω 37, 43, 65, 75, 164, 179, 196, 216, 340, 341
φεύγω 174
φηγός 622, 626
φθείρω 151
φθίνω 151
-φι 244, 380
φίλοισι 382
φίλος 336, 382
φοβέομαι 342
φόνος 88_2, 86, 740
φορέω 341, 342
φορῆναι 342
-φορός 179
φόρτος 180
φράτερ (*зват. ф.*) 184
φράτηρ 37, 49, 184, 374, 764
φράτρᾱ 374
φρᾱτρία 375
φρήν 167_1
φρήτηρ 184, 764
φρήτρη 283, 374
Φρίξος 907
Φρύγες 910_2, 911_1
φρύγετρον 699
φρύγω 699
φύλακες (*мн. ч.*) 788
φῡλή 374
φύλλον 468
φῦλον 374
φύομαι 178
φύσις 243
φυτόν 467
φύω 178, 467

χαλκεύς 710_1
χαλκός 710_1
χάλυβες 710_1
Χάρων 825
χεδρία (*мн. ч.*) 904
χέδροπα (*мн. ч.*) 904
χέδροψ 904
χεῖμα 94, 100, 681
χειμών 94, 215, 216, 226, 304, 681, 853_1
χείρ 49, 408, 785, 807
χείρων 229
χέλυς 533
χέρ-νιψ 324
χήν 112, 158, 542
χηνός (*род. п.*) 542
χθών 149, 151, 475, 536, 821
χίλιοι 848
χιόνα 272
χιών 184, 224, 226, 242, 271, 681
χοῖρος 877_1
χόλος 714, 816
χορδή 173_1
χόρτος 65, 180, 744
χλωρός 714_1
χράομαι 208_1
χρῆμα 208_1
χρυσοFοργοί 324
χρυσός 714, 902_3

ψαίω 156
ψάμαθος 156
ψάω 156
ψέφας 150
ψέφος 150
ψήν 603
ψήρ 541
ψυχή 156, 473
ψυχο-πομπός 324
ψύχω 156

ὄϜατα (мн. ч.) *786₄*
ὠθεί *119*
ὠκέες ἵπποι *551, 837*
ὠκυ-πέτης *537*
ὠκύς *537*
ὦλαξ *689*
ὠλένη *131*
ὠμ-ηστής *698*
ὠμο-πλάτη *200*
ὤνέομαι *747*
ὠνητός *747*
ὦνος *747*
ὄρος *691₁*
ὦρτο *295*
ὥς *786₄*

Микенский греческий

aiza 586₂
A-ka-wi-ja-de 901₁
a-ko-so-ne 731
A-ma-ru-ta 886
a-mo 723, 731
a-mo-te-jo-na-de 731
a-na-mo-to i-qi-ja 280
a-ne-mo i-je-re-ja 678
a-ra-ru-ja a-ni-ja-pi 288
a-re-pa-zo-o 324
a-ro-u-ra 688
a-to-po-qo 324
a-to-ro-qo 821
a₂-ro 674

da-ma-te 742₂, 903
de-ki-si-wo 129₂
di-do-si 864
di-pa 902
di-we 791
do-e-ro 479₂, 957₁
do-we-jo 612, 730
du-ru-to-mo 612, 731

e-ka-ra 905
e-ke 111₂
e-ko-si 864
e-ra-wo 646₁
e-re-pa 524
e-re-pa-te-jo 524
e-re-pa-te-jo po-pi 288
e-re-pa-to 524
e-ra-pi-ja 517
e-ri-ka 124
e-ru-ta-ra-pi 380
e-u-ke-to- 864
e-u-me-ne 780

i-qe-ja 545
i-qi-ja 545, 550, 730
i-qo 245₁, 544
jo- 354

ka-ke-u 710₁
ka-ko 710₁
ki-ti-me-na ko-to-na 788₁
ki-u-ro-i 902₂
ko-ki-re-ja 31
ko-wo 908
ku-ru-so 714, 902₃
ku-ru-so-wo-ko 324
ku-wa-no 710, 903

me-ri- 603
me-ri-da-ma-te 605
mi-ra-ti-ja 901
na-u-do-mo 324

o- 359
o-de-qa-a₂ 359
o-di-do-si du-ru-to-mo 359
o-na 747
o-ni-ti-ja-pi 538
o-no 562, 747

pe-re-ke-we 716
-pi 244, 380
po-ro 551
po-ru-po-de- 572₁
po-ti-ni-ja 374, 759
po-ti-ni-ja i-qe-ja 550

qe-to-ro- 88₂, 92, 413, 845
qe-to-ro-po- 864
qe-to-ro-po-pi 92, 380, 474
qo-u-ko-ro 59, 86, 88₂, 565
qo-u-ko-ro-jo 695

ra-wa-ke-ta 740
re-wo-pi 507
re-wo-te-jo 507

sa-sa-ma 902₃
su- 598
su-qo-ta 593, 595

to-ko-so-wo-ko 324

wa-na-ka 752
we-pe-za 122
we-re-ne-ja 584
wo-ka 730
wo-no- 647
wo-no-qo-so 647

ДРЕВНЕМАКЕДОНСКИЙ

ἄβρο- *640₁*
ἄλιζα *635*
γοτάν *565₂*
δάρυλλος *612*

АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

acem 94, 106₂
aganim 705
akn 121, 786₁
al 116, 158, 703
alam 693, 899
alawri 593
alǰ-ik 693
aluēs 513
amis 424, 684, 899
amsoy (род. п.) 684
an- 929
an-anum 929
an-arg 925₁
and 873
an-dund-k 489
anic 535
anur 817
anurǰ 236
ap-ašxarel 913
arawr 424, 688, 899
arbaneak 479, 748
arcat 713, 919
arcui 106₂, 539
arew 684
ariwn 816
arǰ 497
armukn 785₁
artasuk 816
aṙiwc 511
aṙn 802
Aspūrak 550
asr 578, 579, 579₂
astł 685
asu (род. п.) 579₂
asu-ei 579₂
ašun 691
ašxar 913
atamn 246, 302, 698, 814, 899
ateam 131
awcanem 704
awj 526
awr 899
ayc 94, 106₂, 418, 420, 586₂
aygi 629
ayr 184, 190, 271, 276, 802

ban 380
baniw 380
barjr 43, 174, 200, 224, 579₂, 669, 781, 879
barju (род. п.) 579₂
berem 43, 164

-berj 43, 174, 669
*boyc 114
boys 467
brem 707
buc 586
burgn 745
busoy (pod. n.) 467

cer 41_2, 418, 420
cin 41_2, 94, 106_2, 179, 772
cunr 94, 100, 106_2, 786_3

c'ax 44, 97
c'in 149_1
c'ul 567_1

četkem 119

č'orir 845
č'orǩ 92, 413, 845
č'orr-ord 845

dal 570
di 475
diem 570
dizanem 43, 94, 107, 110, 412
dur- 181
dur-ǩ 43, 134_1, 743
durn 43, 743
dustr 114, 150_1, 380, 423, 569_1, 765, 766
dustr-b 380

e-ber 357, 364
egit 328, 389
e-harc' 108
e-ker 911
e-kic 97
ekn 86
elbayr 764
elevin 634
elin (pod. n.) 518
eln 518
epem 43, 899
erek 423
ereǩ 845
eresun 847
erewin 96_1
erg 929
erkan 693
erkar 230
erke-am 844
erki- 844
erkna-berj 174, 668
erknč'im 107_2, 120, 133
erku 133, 844
etu 41
ewtanasun 848

ewtn 846
ěš 544_1, 564_1

əmpem 426, 702

gan 86, 91
ganem 86, 91, 740
gani 86
gari 656
garun 690_2
garin (pod. n.) 584
garn 584
gayl 270, 492, 496
gayloy (pod. n.) 270
gayr 672
geran 635
gin 747
gineaw 380
gini 380, 647
gočem 835
gog 236
gom 43
gorc 376
gorcoy (pod. n.) 376
goy 467

hac' 699
hac'i 625
han 203, 766
haravunǩ 477, 688
hast 744_1
hat 655
haw 'птица' 233, 537
haw 'дед' 766
hay- 913, 913_2
hayr 43, 44, 765, 913_3
hazar 922
het 43, 154
hin 783_1
hing 92_2, 845
hn-oc' 210, 274
hoł 781
hot-ot-im 221
hovem 206
hoviw 43, 159, 324, 577, 579, 695
hroy (pod. n.) 699
hur 210, 274, 699

i durs 743
i-manam 813
im 385_2
inj 506, 507
inn 846
innsun 848
iž 526

jatk 97
ji 522, 544_1
jioy (pod. n.) 544_1
jiwn 100, 184, 226
jmeṙn 94
jukn 114, 149_1, 536

jer 91, 176, 413, 418, 683
jerm 91, 180, 413, 683
jermn 91
jeṙn 408, 785
jeṙnum 91
jnem 91

kalin 617
kalni 617
kalnoy (pod. n.) 617
karcem 98
karcr 98
karkut 42
katu 600
kayt 31
kc-anem 97
kc-u 97
keam 60, 285, 285_1
ker 231, 702
kin 42, 50, 86, 92_2, 185, 758
kokord 702
koṗ 32
koṗel 32
kov 60, 86, 191, 565, 567_1
krunk 540
ku 565_2
kuoy (pod. n.) 565_2
kur 702

ǩarasun 847
ǩez
ǩirin 125
ǩoyr 123, 125, 184, 764
ǩsan 133, 847
ǩun 125

layn 781, 919
leard 187, 188, 816
lerdi (pod. n.) 188, 816
lerna-berj 668
lezu 814
lezui (pod. n.) 814
li 781
lizum 111_1
lkanem 44
loys 114
luc 721
lusanunǩ 511
lusin 684

malem 202
maltem 803
mamuŕ 664
mard 59, 376, 418, 475
mardoy (род. п.) 376
matil 877
mawr 673, 943
mawruk 112, 118, 411
mayr 765, 913₃
mec 207, 782
mek 292
metr 579₂, 603
metrčanč 603
metu 'мед' (род. п.) 579₂, 603
metu 'пчела' 603
metui (род. п.) 603
meŕanim 475
mēg 85
mi 910, 911
mis 699
mit 811
mnoy (род. п.) 534
mor 645
moreni 645
mori 645
moruk 112
moŕanam 128
mrjtwn 174
msoy (род. п.) 699
mukn 114, 128, 531
mun 534

neard 704, 816
ni- 781
nist 118, 152, 155
noč, noči 634
nstim 116, 118, 155
nu 117, 761
nuoy (род. п.) 761

oťj 812₁
orb 376, 479, 747
orboy (род. п.) 376
orjik 498₁, 817
oroj 584
oror 538, 539
oŕ 817
oski 711, 932
ost 118, 159
otn 43, 57, 786₂
ozni 526

partam 55
paycatn 815
pelk 44
perť 44
pesay 237
pund 44

sireli 339, 393
sirt 94, 100, 173, 800₁
siwn 899
skesrayr 123, 125₁
skesur 112, 123, 125₁, 411, 760
spand 913
srtiw 94
sterj 118
stin 418
sun 100
sunk(n) 932
sxalem 44, 55, 117

šan (род. п.) 94, 100, 590
šun 94, 100, 107₁, 590

t- 780
tam 41, 50, 753
tamb 41
tamk 41
tan 41
targal 617₂
tarp 31
tarpam 31
tasn 846
tatrak 541
tawn 701
taygr 77, 157, 760
teŕem 707
tevem 230
tik 586₁
tiw 791
tram 613
tun 50, 741
tur 196, 754

takn 44
takč'im 107₂
tarm 57
taršamim 44, 128
taŕamim 44
tir 57, 537
tiŕ 153
tm(b)rim 640₁
tuf 646

unkn 786₄
usanim 114
utem 41, 50, 181, 698
uf 846
ufsun 848
ustr 423, 765
uzem 803
vard 663
varm 930
vaŕem 683, 826₁
vaŕim 826₁
vafsun 122, 847
vaz 650₂
vec' 122, 124, 845
vec'erord 845
vermak 930
(v)oski 713
yargem 925₁
yargun 925₁
yisun 847
y-uzem 803
z-genum 705, 899
z-gest 705

АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

ah 625
âmë 886
ândërr 236
árrë 131, 635
á-sull 655, 695
asht 131
ashtë 131

báthë 108
bindem 146₁
borig(ë) 707
bri 519
brimë 707
bungë 114, 622₂

dâm 815
dash 466
déle 570₁
dem 575
dêrë 180, 743
dérgjem 123
derkúc 877₁
derr 877₁
dimër 94, 100, 108
djathë 570
djek 146₁, 826₁
djérsë 117
dórë 408
drithë 656
dru 174, 612
drush-k 612
dy 133, 844

dhállë 570
dhállтë 570
dhé 821
dhëmb 108, 423, 815
dhémje 527
dhëntë 483$_3$
dhi 131, 417

elp 656$_2$

ëndërrë 236
gacë 91
gardh 744
glü-ri 113
gur 666

gjak 123
gjálpë 703
gjanj 86, 740
gjárpër 223
gjáshtë 122, 845
gjizë 97
gjumë 117
gju-ri 113

hardhëlë 527$_1$
hë 109
hë-ngra 911
heq 124
hirrë 123, 570
hurdhë 882
hyll 684
hyp 122

i-gjashtëtë 846

ka 113, 484, 566
kam 146
kec 131
kedhi 585
keth 585, 589
krérë 113
krie 113
krye 113
kur 160

lágje 425
letë 509$_4$
lethí 637$_1$
lîni 659
liri 659

madh 782
mbésë 768$_1$
mb-ledh 827$_1$, 941
mëllenjë 632$_2$
mënt 556
mës 556
mi 129
miéll 693
mish 699
mjal-cë 603
mjékër 112, 113, 411, 920
mjel 569
móllë 641
mot 684$_2$
mua 383
múaj 424, 684
mue 383

nátë 791$_1$
n-dez 91, 413
ndjek 146$_1$
nëmë 180
nëndë 846
ngã 86
ngrânë 702
ngjáll 812$_1$
ngjesh 705
nip 768$_1$

njerí 184, 802
një-zet 847
njoh 805

Ουτασπιος (др.-алб.) 670$_1$

pálë 706$_1$, 780
párë 843
pélë 551
Perën-di 615
pésë (pësë) 91, 845
petëk 59
petkë 59
pëlcás 30
pi 426, 702
pilë 469$_2$
pishë 631
pjek 146, 699
plása 30

qe 113
rit 236

siéll 92, 718
shi 424, 679
shkozë 624
shoh 598, 696
shpreh 117
shtek 117, 180
shtjerrë 118

tamlë 640$_1$
tarok 519
tëmblë (tëmbël) 640$_1$
tétë 846
tjer 176
tre 845
tri (ж. р.) 845
thánë 644
thanj 598
thárë 158
théllë 100
ther 190$_1$
thi 593, 598
thjer 645
thjerrë 645
thom 804

újë 671
ulk 176, 492
vënë 647
venj 424
verë 647
verrë 635
vesh 'одевать' 705
vesh 'ухо' 786$_1$
vishem 705
vith 634$_1$
vjehërr 123

zjarm 91
zjarr 91, 683
zónië 92, 413, 758

ДАКО-ФРАКИЙСКИЙ

Berzovia 620, 621
δίζα 586$_1$
Marisia 862
Marus 862
Ser-inis 862
Σέρ-μη 862
Στρόμων 405$_1$
Syr-mus 862
Ὑπερ-βορέοι 666

ИЛЛИРИЙСКИЙ

Can- 880$_1$
Daunus 495
Κέρκυρα 618$_2$
Κόρκυρα 618$_2$
mandos 556
mannus 556
Sal-ap-ia 674$_2$
Serapilli 862, 954
Teut- 943
Vescleves 349

ФРИГИЙСКИЙ

αββερετορ 910
αδδακετορ 910
αχναλος 59
βεκος 59
Βριγες 910$_2$

Βρύγες 910₂
γάλλαρος 760
γέλαρος 760
ὁδός 495
edaes 388, 910
εσταες 910
ζέλκια 655₁
ζεμελω- 910
θρι- 910
ιος 387, 910
ιος νι 218
κίκλην 220, 686, 718
κύνες 910₂
lawagtaei 740
με 910, 911
Μορήσης 862
τιος 910
-τορ 392
Φρύγες 910₂

ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Латинский

ā 357
ab 357
abdidī 66
abditum 66
ab-dō 66, 69
Abella mālifera 638
ab-sēns 271
accipiter 537
ācer 112
āctus 70
ador 655
ae-mulus 882
aēnus 709
aequor 673
aeris (род. п.) 709
aes 709
aesculus 619
aestās 853₁
aetās 802
aeternus 802
aeuum 272, 802
aeuus 802
age 343
ager 36, 94
agnā 584
agnōscō 804
agnus 584
agō 70, 94, 941
agrestis 694
albus 65, 783
alcē 517
alcēs (род. п.) 517
ali-cubī 160
alligō 806
alnus 635
alueus 609₂
amārus 640₂
ambae 67
ambi- 67
ambiguus 67
ambō 67
ambulō 67
amnis 72₁, 402, 670
anas 543
anatem 543
angi- 781
angi-portus 67, 348, 673, 781, 946
angō 67
anguilla 526₁
anguis 67, 526
angustus 67
anima 466, 678
animal 466
anitem 543
annus 422₁
ānser 112, 158, 542
ante 158, 203, 814
antiae 814
anus 203, 766
ānus 817
aper 514, 515, 515₂
apicula 602
apis 602
apiscor 45, 217, 246, 299₂
aprugnus 514
aptus 246, 299₂
aqua 100, 217, 246, 282, 283, 426, 539, 671, 702, 940
aquila 539, 539₁
aquilō 539₁
aquilus 539₁
āra 158, 203, 700, 808
arāre 424
arātrum 688, 899
arceō 289
argentum 158, 229, 238₁, 713
ariēs 584
arietis (род. п.) 584
arma 723
armenta et pecudes 578
armus 785₁, 946
arō 424, 688
arti-fex 324
aruum 477, 688
aruus 688
asellus 562, 564₂
aser 117, 187, 816
asinus 562, 564₁, 872
a(s)ser (ст.-лат., диал.) 117, 206, 816
assyr (диал.) 816
au-ceps 324
auēna 659
augeō 85, 236
augmentum 85
augustus 52, 85
auis 233, 489₁, 537
aula 708
aulla 708
auri-comus 351
auris 786₄
aurōra 108, 185, 223, 229, 238₁
aurum 125₁, 713, 939
ausom (сабин.) 713
auspicium 601
autumnus 853₁
auunculus 767, 773, 774, 774₁
auus 766, 767, 774
auxilium 52
axis 721
balbō 72
balbus 72
barba 69₁, 422
barca 59
bellua 466
bēstia 237, 241, 466
bi- 844
bibō 26, 53₁, 72, 75, 220, 402, 426, 702
bidēns 844
bigae 552, 723
bīlis 420
bīnī 72
bipēs 474
birotus 719
bis 845
bōca 73
bonus 72
bōs 73, 191, 410, 565, 880₁

bouis (род. п.) 191, 565
breuis 72, 782
būcerda 817
bucrania 891
būfō 534
būtyrum 565
caballus (лат.-галл.) 556, 1326
cădō 70
caecus 157
caelum 668
Campus Martius 797$_2$
cancer 221, 533
canis 100, 101, 590, 591$_1$, 880$_1$
canō 602
cantāre 102$_1$
cānus 157, 521
caper 515, 515$_2$, 516, 586
capiō 143, 146
captus 28, 143
caput 813$_3$
caput equī 483
caput hūmānum 483
caput suum alligāre 806
carmen 102$_1$
carni-uorus 179, 231, 702
carpinus 624
carpō 878
cāseus 102, 409
cāsus 70
catīnus 146$_2$
caitus 599
catula 599
catulire 599
catulus 599
Catulus 600
cauda 880$_1$
caueō 836
caurire 602
cauus 100
cecurrī (см.-лат.) 26
cēnseō 804
cēnsor 804
centum 94, 846
cepēre (см.-лат.) 305
cēpī 146
cerasus 644$_1$
cerebrī (род. п.) 284, 285
cerebrum 93, 113, 173, 284, 813
Cerēs 597, 645
Ceriālia 645
ceruus 113, 173, 484
cingere 98$_1$
claudō 874
clāuis 874
coēpī 217, 246, 299$_2$
cognōmen 600
cohors 744
collis 669
collum 180
columba 602$_1$
columen 669
columna 669
colurnus 636
colus 718
com- 357, 360, 364
commentum 176
commūnis 754
con- 66$_2$, 360, 364
conditor 67
condō 66$_2$, 67, 69, 360, 364
coniugis (род. п.) 276
coniu(n)x 276, 722
con-mūgentō 803
cōnūbium 761$_1$
coquō 410$_1$, 699
cor 38, 94, 173, 186, 188$_1$, 199, 800$_1$
cōram 131
cordis (род. п.) 38, 94, 173, 186, 199, 273, 800$_1$
corium 122, 219
cornīx 540
cornū 173, 876
cornum 644
cornus 643
corulus 168, 636
coruus 540
costa 131, 816
coxa 98, 168
crābrō 423, 535, 939
crēber 645
crēditum 800$_1$
crēdō 69, 94, 324, 800, 800$_1$, 834
cremor 703
crēscō 645
cruentus 698
cruor 77, 85, 698
-cubī 160
cucurrī 26
cūdō 715
cūius 378, 379
culmen 669
cunctor 178
cūpa 30
cupiō 30
currus 421$_1$
dacruma||lacruma 612$_1$
dant-que eum 366
daps 701
dăre 41, 50, 753
datiō 754
dător 184, 317$_1$
datorem 272, 317$_1$
datur 753
dătus 166, 208
dē 420
decem 38, 49, 229, 846, 961
decet 110, 146$_1$
decuria 229
decus 146$_1$
dē-fendō 86, 740
dēns 75, 224, 247, 271, 302, 698, 814
dēnsus 175, 200
dentem 271
dentis (род. п.) 75, 224, 247, 698, 814
dentum 268
dē-ses 420
deus 36, 46, 226, 242, 475, 791
dexter 129, 129$_2$, 417, 783
dīcāre 806
dīcere 68$_2$
dīcō 36
dictiō 175
dictus 175
diēs 46, 197, 227, 791
Diēspiter 777
difficilis 780
dingua 814
Diouis (см.-лат.) 227, 791
dīrus 133
dīus 242, 250, 475
diuum 272
dīuus 46, 271, 791
dīxī 389$_1$
dō 41, 50, 159, 166, 203, 753
domāre 209
domī 179, 383, 741
domini (род. п.) 377
dominus 263, 377, 742, 742$_2$
domitor 483$_3$
domō 483$_3$
domus 41, 50, 741
dōnum 196, 754
doucō (см.-лат.) 174
dūcō 174, 585
ductus 174

dui- (ст.-лат.) 844
dui-dēns 844
duim (ст.-лат.) 171
duis (ст.-лат.) 845
duo 219, 844
duplex 706₁, 780
du-plus 706₁, 779
dūrus 613

ebulum 633
ebulus 633
ebur 73, 524, 525
ēdimus 181
edō 36, 41, 50, 70, 77, 217, 406, 698
egŏ 36, 207, 383
ēius 378, 379
emō 218, 754
enim 385₂
ēnsis 739
eō 724₁
eō Rōmam 285
equa 317₁, 374, 544
equam 317₁
equĭ (род. п.) 377
equīnus 545
equis 383
equites 552
equōrum 483₃
equōs 483₃
equum 272
equus 100, 102, 183, 245₁, 271, 374, 377, 383, 409, 410, 544, 939, 1326
eris 341
erit 341
erō 341
erus 206, 480
est 117, 217, 246, 295
es-tis 305
ēsus 70, 406
ex-uō 705

faciō 65
faedus 872
fāgus 621
familia 376
familiās (род. п., ст.-лат.) 376
far 422, 873, 943
farnus 620
farris 873, 943
fato suo mori 830
fauēō 803₂
faullа 826₁
faxo 389₁
feber 220
febris 49, 154
fecāre (ст.-лат.) 305
fĕcī 65, 66₂, 942
fel 714, 816
fēlix 570₁
fellis (род. п.) 816
fēlō 570
fēmina 570₁
feram 393
ferārum 483₂
ferās 393
ferat 393
ferctum 643, 699
ferō 37, 43, 65, 75, 164, 176
Fērōnia 469
ferrum 710₁
ferus 181₁, 469
ferunt 304
fiber 25, 68, 77, 220, 404, 530
fictus 33
fidēlia 25, 68
fīdō 25, 37, 68, 406
figulus 707
figūra 26, 68₂
filius 423, 570₁
fingō 26, 33, 37, 43, 68, 68₂, 94, 110, 412, 707
fīsus 406
flāmen 789₁
flāmen Diālis 797₁
Flōra 468
flōs 185, 468
fodiō 70, 71, 154, 422
foedus 25
folium 468
follis 878
fōns 671
fontis (род. п.) 671
forās 743
forctis (ст.-лат.) 43
forctus (ст.-лат.) 745, 879
forda boue 572
fordeum 26, 26₁, 656
Fordicidia 572, 597
forēs 22₁, 37, 43, 134₁, 180, 217, 743
formĭca 174, 222
for-m-(īdō) 222
formus 65, 176, 180, 683, 708
fornāx 708
fornix 708
fornus 708
forō 707
fors 224
forte 279
fortis 279, 745
fortūna 224
forus 179
fossa 422
fŏssus 70, 71
foueō 26, 49, 68, 89, 154, 413, 826₁
frāter 49, 184, 764
fratris filius 768₁
fraus 133
fraxinus 620
frĭgeō 682
frĭgidus 682
frĭgus 682
frūgifer 69₁
frūstra 133
fūcus 602, 602₂, 611₁
fuēre (ст.-лат.) 305
fugiō 174
fuĭ 178, 295, 467
fūmus 206, 466
fundus 29₁, 439, 922
fungus 932
fūnus 475, 745

gallus 601
geminus 132, 778
gener 762₁
generis (род. п.) 186, 749
genō (ст.-лат.) 175, 748
gēns 749
gentis (род. п.) 749, 779
genū, род. п. genūs 94, 100, 173, 233, 786₃
gignō 75, 220
glandis (род. п.) 618
glāns 618
glāns louis 636
glōris (род. п.) 760
glōs 760, 942
gluttiō 175
gnāuus 171
gnōscō 171
(g)nōui 301
Graecus 40
grandō 42
grānum 93, 175, 421, 694, 943, 946
grātus 93, 205, 413
grauis 93, 175, 228, 413, 693, 782

gruis (род. п.) 540
grūs 450
gula 175

habeō 26, 37, 68, 68_2, 75, 146, 289
habēre 143
habiest 68_2
haedus 422_1, 586, 872
hemō (ст.-лат.) 821
hemōnem (ст.-лат.) 821
hiemem 272
hiems 94, 184, 215, 224, 226, 238_1, 242, 271, 853_1
hominis (род. п.) 821
hominum 268
homō 184, 475, 821
honōs 185
hordeum 26, 656
hortus 65, 180
hospes 85, 754
hospitis (род. п.) 754
hostem 696
hostibus 381
hostis 85, 168, 381, 754
humus 150, 821

ī 343
ianitrīcēs 760
Iānus 724
id 291
iecinoris (род. п.) 187, 815
iecoris (род. п.) 187, 815
iecur 187, 188_1, 815
ignifer 69_1
ignis 225, 257_4, 274, 699_2
(ig)nōscō 234
iit 357
īmus 724_1
in- 254
ind-uō 705
ind-uuiae 705
inhibeō 289
in-stigāre 119
īnsula 674
in-unt 346
inuocatiō 835
iocus 216, 818_1
iouestōd (ст.-лат.) 806
Iouis (род. п.) 791
Iouis diēs 852
iouiste 802
ious (ст.-лат.) 805
ipse 336
īra 218
irrigāre 680
is 291, 378
iter 46, 225
iubeō 406
iū-dex 324, 806
iūgerum 722
iuges auspicium 722
iūglāns 636
Iugula 723_1
iugum 45, 179, 272, 276
iungō 721
Iūpiter 70_1, 777, 791, 797, 851
Iuppiter 70_1, 227, 797
iūris (род. п.) 703, 805
iūrō 806
iūs 703, 805
iussum 406
iūstus 806
iuuenis 802
Iuppiter Dapālis 701

labium 422_1
labor 6, 419
lac 98_1, 148, 568, 568_2, 940
lacrima 816
lactens annus 568_2
lactis (род. п.) 98_1, 148, 568, 940
lacus 675
laeuus 783
lāna 206, 578_1
lapsus 6
larix 612_1
lātus 176
lauī 171, 211
lauō 171, 211, 216, 221
lĕctus 33, 66, 66_1, 70, 75, 216, 405, 425
legō 70, 827_1, 941
lendis (род. п.) 535
lēns 535
leō 507
leōnes 483_3
lēōnis (род. п.) 507
lēuir 77, 157, 760
leuis 782
lex alligat 806
līber 249, 477
līberī 477
liēn 815
ligō 806
līmus 180
lingō 111_1
lingua 814
linquō 44
līnum 648_3, 659
līquī 178
līuidus 711, 711_1
līuor 711
locus 118
longus 782, 860_2
lūceō 45
Lūcetius (Leucesie, зват. ф.) 797
lūcifer 69_1
lucrum 740
lūcus 85, 180
lūna 684
lupa 375
lupī (род. п.) 284, 285, 377
lupis 382
lupōd (ст.-лат.) 377
lupum 272
lupum sequor 697
lupus 271, 284, 375, 377, 382, 410, 492
lūx 45, 75, 883

magister equitum 552
magn-animus 351
magnus 207, 782
maior 185
malleus 715
mālum 203_2, 274, 642, 642_1
mālus 642
mandō 806
mannus 556
manus 785_1, 806
manūs (род. п.) 785_1
mare 181, 422, 673, 943
maris (род. п.) 673
mar-mor 221
Mārs (род. п. Martis) 793, 797, 851
Mārs pater 797_4
māter 49, 184, 765
matribus 381
matris meae frater 774_1
matrum 268
maximus 388
mē 385_2
medeor 811
medicus 811
meditor 811
medius 65, 75
mel 603
mel-ios-em (ст.-лат.) 185

mellis 603
membrum 699
meminī 176, 221, 301, 302, 472, 813, 835$_1$
mēns 199, 224, 472, 813, 835$_1$
mēnsis 424, 684, 899
mentis (род. п.) 199, 224, 813
mentum 666
mergae 569$_3$
mētior 684$_2$, *691*
metō 691
meus 291
mi 291
milium 658
mīlle 848
misericors 348
molīna 698
molō 231, 692
monīle 545, 666$_1$, *815*
mōns 666
montis (род. п.) 666
morior 475
mortuus 180
mōrum 645
mōrus 645
mūcus 143$_1$
mūgil 143$_1$
mūgiō 803
mulctus 164
mulgeō 179, 569
mulier 693
muliōnum dea 553
mulleus 783
mūnus 754
mūs 114, 129, 531
musca 534
mūscerda 817
mūscus 664
mustēla 531$_1$
mūtō 754
mūtuus 754

nāsum (ст.-лат.) 158, 814
nās(s)us 158, 814
nātiō 749
natrix 526
nātus 175, 234
nāuis 674
nāuus 171
ne- 218, 254
nebula 65, 77, 668, 677
necis (род. п.) 822
necō 822
nē-cubi 160
neō 704
nepōs 183, 767$_2$, *768*$_1$
nepōtis (род. п.) 183
neptis 27, 28, 767$_2$
Neptūnus 675
neque 218
neriōsus 802
neruus 816
nex 476, 822
nīdus 118, 152, 155
ninguit 86, 681
niuem 65, 86
niuis (род. п.) 66, 117, 183, 681
nīuit 65, 66
nix 66, 67, 117, 419, 681,
noctis (род. п.) 27, 28, 168, 215, 403, 791$_1$
nōmen 181
nominum 268
nōnāgintā 848
nōs 292
nōscō 171
nostri 268$_1$, *285*
nostrum 268$_1$, *285*
nouāre 158, 218, 346
nouem 846
nōuī 171
nouus 783
nox 27, 28, 168, 183, 215, 216, 403, 791$_1$
noxia 283
noxiam sarcīre 807
noxius 283
-ntur 392
nūbō 761$_1$
nucis (род. п.) 636
nūdus 45, 50, 168
nunc 359
nurus 761
nurūs (род. п.) 761
nux 636
nux gallica 636

obdō 66
obligatiō 806
octō 27, 28, 403, 846
octōgintā 848
oculus 121, 786$_1$
ōdī 131
offendix 25, 68
officium 746
oino- (ст.-лат.) 843
oleum 646
olor 543
ōmen 805
ōmen... accipere 805
opes 746
opis (род. п.) 45
ops 45, 63, 159, 183
Ops 63, 746, 798, 798$_1$
opus 159, 746
-ōr 391
ōra 206
ōrāculum 803
ōrāre (deōs) 803
orbus 479, 747, 941
orior 295, 296, 671$_1$
ōris (род. п.) 132, 191$_1$, *814*
ornus 625
ōs 132, 191$_1$, *814*
os(s) 55, 131
oscen 102$_1$
'Οσκέλα (лигур.) 625
ossa (мн. ч.) 829$_1$
ossis (род. п.) 55, 131
ossua (мн. ч.) 816
ossu(m) 816
ōstium 814
ōsus sum 131
ouim 272
ouis 159, 244, 271, 577, 579, 582
ovicerda 817

pācis (род. п.) 143, 183
pacīscō 143
palūdis (род. п.) 297, 348
palūs 297, 348
pangō 143
paraverēdus 553
pars 812$_2$
partis (род. п.) 812$_2$
pāscō 59, 158, 203, 296, 345, 346, 695
pāstor 59, 158, 172, 203, 346, 695
pāstōres pecuaque 797$_4$
pāstum 346
pater 43, 49, 184, 317, 765
pater familiās (ст.-лат.) 376, 742, 759
pater patris 767
patrem 317$_1$
patruus 767$_3$
pāuī 203
pāx 143, 183
pecoris (род. п.) 578, 579
pecten 153, 578
pectō 578

pectus 148
pecū 146, 152, 244, 469₂, 579
pecŭdis (pod. n.) 578, 579
pecūlium 469₂, 579
pecūnia 579
pecus 29, 150, 577, 578, 579, 938₁
pecūs (pod. n.) 244, 579
pecus capraeque 578
pecus Hellēs 578
pecus lānigerum 578
pedem 271
pedis (pod. n.) 38, 43, 154, 183, 267, 376, 786₂
ped-um 268
pellis 228
pēnis 817
penna 226, 238₁, 537
pepigī 143
peregrē 694
perplouēre 675₁
pēs 38, 43, 146₁, 154, 183, 267, 271, 276, 376, 786₂
petere 226
petō 146₁, 537
pĭca 541
picis (pod. n.) 631
pictum 632
pictus 129
pĭcus 541
pĭlum 692
pingō 632, 947
pĭnsō 692
pĭnus 631
pinxĭ 632
pirum 274
piscis 28, 422, 536, 943
pĭsō 692
pistillum 692
pistor 692
pix 631
placeō 424
placidus 424
plānus 200, 205, 781
plaustrum 686
plectō 228, 706
plēnus 781
pleores (cm.-лат.) 234
pluit 680
plumbum 711₁
poma agresta 638
pōns 55
ponti-fex 324, 789₁
pontis (pod. n.) 55
pōpulus 627₂
porca 689
porculus 594
porcus 594, 921
porcus—agnus—vitulus 597
portā 357
portus 673, 883, 946
poscō 108, 176, 237, 241, 345
potior 759
potis 29, 168, 244, 759
pōtus 53₁, 402, 702, 960
praesagium 805
prae-sēns 271
praestō 785
precor 237
prehendō 753
prĭmus 843
prĭuus 843
pro-fundus 29₁
proximus 388
pruĭna 683
pulmō 815
pulmōnis (pod. n.) 815
quadrāgintā 847
quadringentī 848
quadrupēs 474
quae 89
quārtus 845
quattuor 88₂, 89, 153, 413, 845
-que 354
quercus 410, 614, 614₁, 618₂, 619, 880₁
quid 89, 160, 387
quiēs 235
quiēscō 235
quĭngentī 848
quĭnquāgintā 847
quĭnque 89₁, 91, 410₁, 413, 845
quĭntus 845
Quĭrĭnus 793₁, 798, 851
quis 86, 89, 117, 160, 378, 387
quisque 88, 91
quod 86
rādix 663
rapere virgines 756
raudus 711
-re 391
rēctus 28, 70, 71₁, 751₂, 785
Rēgia 552, 746₃, 751
rēgibus 381
rēgĭna 751
rēgius 751
rĕgō 70
rei (pod. n.) 747
rēm-ex 324
rēmus 235, 675
rēs 172, 747
rex 183, 183₁, 216, 381, 751, 797
rex sacrōrum 751
rigāre 680
-ris 391
rōbus 422
rosa 663
rota 707₁, 718
ruber 66, 711
rūbidus 711
rubus 646
rūdera (мн. ч.) 711
rūfus 422
rugiō 511
sabulum 156
sacer 801
sacerdōs 801
sacerdōtis (pod. n.) 801
sacra gentilitia 801
sacra publica 801
sacrificāre 801
sacrum 801
saeculum 420
sāga 805
sāgus 805
sāl 116, 158, 674, 703
Salacia Neptūni 676
sale (cm.-лат.) 937
sălis (pod. n.) 116, 674
salix 124, 628
salum 674, 676
salūs 812₁
saluus 812₁
sam (cm.-лат.) 384
sanciō 801
sanctus 801
sa-psa (cm.-лат.) 384
sarciō 807
sarpō 691
sarracum 421₁
sătus 688
scaeuus 783
scamnum 117
scindō 109
sciō 120
Sclaveni 480₁

sclavus 480_1
scortum 122, 219
sē 336
secūris 716_2, 874
sedeō 36, 70, 116, 152, 155
semel 842
sēmen 422, 688
sēmi- 843
semivocalis 472
senex 783_1
senior 185
senis (род. п.) 783_1
-sēns 271
-sentiem 272
sepelīre 829_1
septem 28, 199, 846, 926
septimus 846
septuāgintā 848
sepulcrum 829_1
sequitur 216
sequor 696
sequor ~ pro-sequor 696_3
sērius 123, 124
sermō 123, 124
serō 688
serpēns 223, 526
serpō 223, 526
serū 227
serum 227
seruō 478
sĕssus 70, 70_1
sestus 846
sēul 688
sex 122, 124, 845
sexâgintā 847
sextus 846
sibĭ 336
sibilō 123
sicc-oculus 351
sĭ-cubi 160
siem 340
siēs 340
siet 340
signi-fer 324
sine 122
sistit 220
si-stō 117, 220_2
socer 123, 760
socrus 374, 760
socrūs (род. п.) 760
sōl 188_2, 196, 210_1, 684
sōlis (род. п.) 684
solium 419
sonō 123
sōns 302_2, 303, 810
sōpiō 117
sopor 117
sordēs 783_2
sōrex 953
soror 119, 123, 124, 184, 271, 280, 764, 926
sororis filius 768_1, 774
spargō 54, 205
spatium 117, 219
speciō 28, 119, 219
spernō 55, 75
sponda 44
spondeō 342, 652, 808_1
stāre 55
stătus 166, 208
stēlla 28, 176, 686
sterilis 118
stlocus (ст.-лат.) 118
stō 117
strĭctus 71
stringō 71
stuprum 119
suāuis 117
sub 121
sub vos placō 366
sub-dō 66
sūcerda 817
sucula 593
sūcus 143_1
sūdor 117
sūdus 598
sūgō 143_1
suī 336
suĭnus 593
suis (род. п.) 593
sulcō 689
sulcus 124, 689
sum 117, 295
sum (ст.-лат.) 384
su-mus 305
sunt 224, 246, 250, 304, 305
suō 704
su-ove-taurilia 597
suovetaurilia lactentia 597
super 121
suppus 469_2
sūs 593
sūs plēna 597

taceō 29
tacēre 422_1
tāctum 424
tagō (ст.-лат.) 424
talpa 532
tangō 424
taurus 519
taxus 629, 629_1
tē 218, 299
tē maior 355
tēctus 70, 71_1
tĕgō 55, 70
Tellūs 597
tendō 38
tenuis 199, 782
tepeō 146_2, 683
tepidus 153, 683
tepor 153, 683
termen 57
terō 176, 231, 658, 706
terr (ст.-лат.) 845
terra 419
terreō 237
terrestris 419
testa 706
tetigī 424
texō 706
textor 706
tollō 176
torreō 44, 217
tranquillus 235
trāns 419
transuectio equitum 552
trebibos (ст.-лат.) 381
tredecim 547
tremō 217
trēs 217, 845
tri- 845
tribus (ст.-лат.) 381
trĭ-gintā 217, 847
tri-pēs 224, 845
trĭticum 658
trītum 176
trua (ст.-лат.) 134
trulla 134
tū 225
tubi-cen 324
-tur 392
turdus 541
tu-tudī 221

uadum 673
ualeō 423
ualēre 938
uapor 30, 102, 409
uastus 781
uātēs 799, 836
uātēs Maeonius 836
über 66, 569_1, 933_2

uĕctis 66, 67
uĕctus 33, 66, 67, 70, 71$_1$
uegeō 236
uehere 70
uehis 329, 330
uehit 329, 330
uehō 65, 66, 67, 110, 329, 412, 723
uellō 492$_1$
uēlum 419
uēnātum īre 696$_1$
ueniō 86
uēno (дат. п.) 942
uēnor 695
uentus 199, 202, 206, 425, 489$_1$*, 677*
uēnum (вин. п.) 747
uenus 695
uēr 304, 583$_1$*, 690*$_2$
uēr sacrum 797$_2$
uerbum 37, 66, 216, 231, 361$_1$*, 422*
uerērī 809
uēris (род. п.) 690$_2$
uermis 222$_1$*, 527*
uertō 719
uerū 233
ueruex 584
uērus 422
uespa 535
uespillō 829$_1$
uestis 705
uestri 268$_1$*, 285*
uestrum 268$_1$*, 285*
uetus 45, 783
uĕxī 66, 71, 71$_1$*, 190, 389*$_1$
uexillum 419
uexō 66, 67
uictima 803$_3$
uīcus 67, 180, 743, 788$_2$
uideō 70, 406, 836$_1$
uidua 65, 283, 759
uīduus 283, 759$_2$
uieō 649
uīgintī 133, 847
uincō 346, 422
uinum 647, 648$_3$
uir 416$_1$*, 469*$_1$*, 759, 759*$_1$
uirga 946
uīs 469$_1$
uiscum 644$_2$
uīsus 70, 406
ultis 628, 650
uitrum 102$_1$
uitus 650
uīuerra 522
uīuī 72
uīuus 60, 89, 235, 465
ulmus 634$_1$
ulna 131
umbilīcus 817
umbō 817
umbōnis (род. п.) 817
uncus 723, 941
unda 248
unguen 704
unguentum 704
unguis 67, 121, 639
unguō 704
ūnicus 843
ūnus 843
uocō 835
uolnus 492$_1$
uolpēs 513
uōmer 690
uōmis 690
uorō 702
uōs 292
uōtum 236, 803
uoueō 236, 803
uōx 148, 168, 183, 183$_1$*, 472*$_3$*, 803*$_2$*, 835*
upupa 541$_1$
ūrō 826$_1$
ursus 149, 497
us-que 243
ūua 629, 642
uxor 263, 281

vassallus 480
vassus 480
vehere 942
Vesta 229, 229$_1$
Vesu-vius 229
Vīnālia 652
vocalis 472
Volcānī (род. п.) 377
Volcānus 377, 715$_2$

Фалисский

douiad 171
eko Kaisiosio 377$_1$
Evotenosio 377$_1$
fifiked 68$_2$
inperatoribus summeis 700
ququei 700
uinu 647

Венетский

eku- 544
ekupeδaris 544
ekvopetaris 551$_1$
oposo-φos 381
Quarquēnī 614, 618$_2$*, 880*$_1$
re.i.tii 377

Мессапский

-bas 381
benna 86
Iuppiter Menzanas 556

Оскский

aasai 158, 203, 700
aasai purasiai 700
Abella 422
actud 70
acum 70
aeteis 753
aisusis 801
akenei 422$_1$
am-fret 67$_1$
aragetud 713
bivus 72, 89
brateis 93, 413
βρατωμ 93
cadeis 131
casnar 157
deikum 68$_2$*, 175*
deivai 226
destrst 417
didest 220
duntel[s] (отложс. п.)
fakiiad 65
fangvam 814
far 422, 783
fefacit 26, 220
feihúss 68$_2$*, 707*
fertalis 699
fifikus 68$_2$
Fluusai 468
fust 389$_1$
futir 184, 766
hipid 68$_2$
hipust 68$_2$
humuns 475, 821
húrtin Kerriin 645
húrtúm 65
húrz 65, 180
inim 385$_2$
iúklei 818$_1$
keenzstur 804
kenzsur 804
Kerri 645

(kúm)-bened 86
manim 785₁
med-diss 811
mefiai 65
nesimois 382
nessimas 388
nitr 190
-nter 392
petiro-peri 176
pid 89, 160
pis 89, 160, 387
pomptis 413
púd 89
pui 89
pumperias 410₁
rufra 66
Rufriis 66
rufru 66
serevkid 478
ουν 121
supruis 121
sverrunei 123
ταυρομ 519
teerúm 419
-ter 392
τωFτο 943
touto 38, 749, 943
ualaemom 423
urust 803
vincter 346, 422

Умбрский

abrunu 514
acnu 422₁
alfu 65, 783
amb-oltu 67
ambretuto 67
amprehtu 67₁
arsfertur 65
arsueitu 65
arves 802
avif 537
berva 233
bim (вольск.) 565
bue 565
bum 565
curnaco 540
deitu 68₂
deueia 226
du-pursus 474
ekvine 545
ene 385₂
erietu 584
esaristrom (вольск.) 801
esono- 801
façia 65
fakust 65
far 783, 943
feliuf 423
fertu 65
frosetom 133
fust 389₁
Grabouio- 624
habe 68₂
habetu 68₂
homonus 821
iuka 818₁
lupater 227, 777
kaprum 515
kuveitu 65
manuv-e 785₁, 806
menzne 424, 899
mers 811
meřs 811
mersto 811
muga- 803
-nter 392
peico 542
persnimu 287
petur-pursus 474
pir 699
pisi 89
pre-habia 68₂
pre-hubia 68₂
pumperĭas 410₁
puntis 849
purdouitu 171
purka 594
rofu 422
rufru 711
sal(u)uom 812₁
seritu 478
su(b)- 121
subra 121
super 121
teitu 68₂
-ter 392
toru 519
totam 749, 943
tra 419
traf 419
turuf 519
u(e)iro pequo 470
uerfale 66
uinu 647
uinu (вольск.) 647
umtu 704
une 188
uocu-com 743
Uofione 798
utur 188
vinu 647
vufetes 236

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Французский

Avallon 637
cerise 644₁
cherise (ст.-франц.) 644₁
jeudi 852
maréchal 554₁
mareschal (ст.-франц.) 554₁

Итальянский

cànapa 662
farfecchie 69₁

Испанский

aliso 635

Румынский

cánepă 662
mînz 556
zimbru 521

КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ

Древнеирландский

a 379$_1$
á 'pom', род. п. (ср.-ирл.) 132, 191$_1$, 814
á 'вышло' 724
ab 72$_1$, 402, 670
abae (род. п.) 72$_1$, 402
aball 637
ἀβράνος (кельт.) 131, 523
accobor 30
ad-cobra 30
ahél (ср.-ирл.) 677
aial (ср.-ирл.) 677
aig (ср.-ирл.) 245$_1$, 655$_2$, 682
áinne 817
aire 755
airech 755
airim 424, 688, 899
ais (ср.-ирл.) 721
áith 788$_4$
all (ср.-ирл.) 744$_2$
alt (ср.-ирл.) 779
an- 929
anál 466, 678
anim(*m*) 466
anocht 472$_4$, 835
arachrin 190$_1$
arathar (ср.-ирл.) 688
arbor (ср.-ирл.) 477, 688
arco 176
argat 713
art (ср.-ирл.) 149, 497
athir 43, 184, 765
áu 133, 786$_4$
áue 766$_3$

bag 154
bágaid 154
bair (ср.-ирл.) 782
bairgen 873, 943
b'ax (ново-ирл.) 923
b'ax'ig (ново-ирл.) 923
bé 758
bech 602
ben 86, 89, 185, 218, 758
beo 89, 341, 465
bera 393
bere 393
berid 393
berim 75
bile 468
blu 465
biur 233
bláith (ср.-ирл.) 640$_1$
bláth (ср.-ирл.) 468
blicht (ср.-ирл.) 164, 571, 640$_1$
bligim (ср.-ирл.) 569, 640$_1$
bó 86, 89, 565
bocc (ср.-ирл.) 586
bó-milge (ср.-ирл.) 571
bráth(a)ir 764
bráu 89, 228, 693
breth 224
brí 669
Brigit 669
brith 224
broon (род. п.) 693
brúad (ср.-ирл.) 786$_1$
búachaill (ср.-ирл.) 695

cacht 28, 143
caech 157
catt (ирл.) 599
caur 228
cécht 690
cercc (ср.-ирл.) 601, 947
cét 846
ceth(a)ir 845
cethéoir 281, 425, 845
cethir 89, 90
cethorcho 847
cethramad 845
ci- 100, 387
cid 160, 387$_2$
cír (ср.-ирл.) 49$_1$, 85, 578$_1$
cló 874
cnú 636
có(a)ir 809
cóic 91, 410$_1$, 845
cóim 180
coirm 703
coll 168, 636
coll (ср.-ирл.) 669
con (род. п.) 100, 184, 590
cond 284
con-dar taiter 66$_2$
con-dartin 66$_2$
con-ro-deda 475
corrán (ср.-ирл.) 692
coss 98, 168
crenaid 345
cren(a)im 747
creth (ср.-ирл.) 706, 836
cretim 69$_2$, 324, 800, 834
cride 173, 199, 800$_1$
crú (ср.-ирл.) 85, 698
cruim 527$_2$
cruth 176, 706
cú 94, 100, 184, 590
-cúala 221
-cúal(a)e 221
cuind 284
cuire (ср.-ирл.) 741
cul 180, 718
cum-ung 67

Dagda 799
dag-móini 754
daig (ср.-ирл.) 89, 146$_1$, 826$_1$
dáir (ср.-ирл.) 179
dam 483$_2$, 575
damnaim 483$_3$
dán 196, 754
dar- (ср.-ирл.) 179
daro (род. п.) 612
dáu 844
daur 612
daurde 612
dé 227, 791
dech n- 846
ded- 475
deëss 420
deich 229
deïd 420
del (ср.-ирл.) 570$_1$
delech (ср.-ирл.) 570$_1$
denaid 570
dér 816
dériad 422$_1$
der-mat 176
derucc 174, 612
dess 783
dét 75, 247, 302, 698, 814
dí (предлог) 420
dí 'две', ж. р. 844
dia 226, 242, 475, 791
diabul 780
díe 791
dinu 570$_1$
dliged 808$_2$
dligim 808$_2$
dó 133, 844
dobor-chú 530$_1$
doë 230
do-moiniur 813
domun 6
don (род. п.) 821
do-rat 66$_2$
do-riuth 56$_1$

dorus 180, 743
drech 199
drochat (ср.-ирл.) 617₂
drochta (ср.-ирл.) 617₂
dron 508, 613
drúi 789₁
druit (ср.-ирл.) 541
dú 821
dúan 569₄
duine 475, 821
dumacha, мн. ч. (ср.-ирл.) 466
dún 745

éc 822
écen 159, 822
ech 100, 544, 553
ega (род. п.) 655₂, 682
elae 543
elit 518
em- 218, 754
emon (ср.-ирл.) 655₂
emuin (ср.-ирл.) 778
én 226, 537
eo 629
éorna (ср.-ирл.) 655
erb 584
erc (ср.-ирл.) 536₁, 594
Ériu 741, 755
err 817
errach 690₂
esc-ung (ср.-ирл.) 67, 526
estar 698
étan 814

fáith 799, 836
fal-n- 423
fás 781
fásach 781
fé (ср.-ирл.) 650
fedb 65, 759
fedid 756
feib 780
féith 650
fén 724
fer 381, 469₁
fer(a)ib 381
fern (ср.-ирл.) 635
fess 406
fich- 422
fiche 133, 847
figim 419
fili 836
fin 647₃
Findemna 851
fir 422
fiss 406
flaith 423, 752, 938
fo 121
fó 780
foccul 835
fol-n- 752, 938
for 121
fo-riuth 56₁
for-mnae 666₁
foss (ср.-ирл.) 480
fraig 236
frén 663
froech 662
fuan 705
fuil 425, 492₁
fuili (ср.-ирл.) 492₁

gabor 515₂
gaibid 75, 146, 289
gair 230
géc 97, 157, 690
geguin 86
gein 75
géiss 158, 542
-genathar 175
gér 97
gerr (ср.-ирл.) 229
gert (ср.-ирл.) 569
gigren 542₂
gi(u)n 183, 815
glún 113
gniu 234
gonim 86, 740
gor (ново-ирл.) 683
gorim (ср.-ирл.) 683
grán 175, 422, 694, 943, 946
guidiu 89
guin 86, 740

heirp 584
hicc 818₁
(h)uinnius 625
huisse 806

iasc 422, 536, 943
ibid 53₁, 220, 402, 426, 702
ibim 75
il 199
imb 704
imbliu 817
imb-rá- 675
ind fet 123
in-nocht 28, 403, 791₁
intech 153
irar 538
irchre 190₁

lán 234, 781
lár 422₁, 943
láthar 781
lén (ср.-ирл.) 30₁
lem (ср.-ирл.) 634₁
lethan 75, 199, 200
lí 711, 711₁
lia 234
lige 425
ligur 814
lín 659
lóchet 75
lóg 740
loga (ср.-ирл.) 512
luan (ср.-ирл.) 684
lug (ср.-ирл.) 512
Lugaid tri riab n-derg 851

Mac Tri Con 851
macc 423
maqi 377
marc 553, 554, 732, 939
máthir 765
m'ax (ново-ирл.) 923
mé 885₂
med 811
medb (ср.-ирл.) 604
medo (род. п.) 604
meithel (ср.-ирл.) 691
mela (род. п.) 603
melg (ср.-ирл.) 571
melim 231, 692
menme 813
mess 811
mí 424, 684, 699
mid 604
mid- 75
midiur 811
mil 603, 604
mír 699
mís 424
mláith 640₁
mlicht (ср.-ирл.) 164, 571, 640₁
mná 86
mochtae 782
móin 754
moirb 174
montar (ср.-ирл.) 806
muin- 815
muinél 666₁, 815

muinter (ср.-ирл.) 806
muir 181, 422, 672, 943

náire 211, 804
nár 172, 211, 804
nathir 526
náu 634₂, 674
necht 28, 768₁
nél 668
nem 754
nenaid (ср.-ирл.) 257₂
ner 184
nert 190, 802
nessam 388
nïath (под. п.) (ср.-ирл.) 768₁
nïæ (ср.-ирл.) 768₁
ni-t-ta 288₂, 289
no- 359
nócha (ср.-ирл.) 848
nocht 168
no·feidlis 364
noi n- 846
no-m 359
no-m... coima 360
no.teigmis 364
no-t erdarcugub 360

ó 786₁
óa (ср.-ирл.) 766₂
ocht n- 28, 403, 846
ochtach (ср.-ирл.) 631
ochtmoga 848
óen 843
oi 577
ond (ср.-ирл.) 666
onn (ср.-ирл.) 666
orbe 748₁
orc (ср.-ирл.) 594, 921
org- 149
-ort 294₂
o-sennad 123

rá- 675
rámae 675
rann 812₂
recht 28
rethim 56₁, 216, 719
rí 216, 751
richt 96₁
rig (под. п.) 751
rígain 751
ríge (ср.-ирл.) 751
riuth 56₁
ro- 357
ro·cluinethar 345
rogénar 177
roithim 56₁
ro-ort 149
ro-recht 70
ro-sc 100, 121, 155, 696, 786₁
ross (ср.-ирл.) 688₂
roth 56₁, 718
rúad 422, 711
rucht (ср.-ирл.) 511
ru-deda 475

saigim 805
sail (ср.-ирл.) 628
sailech, под. п. 124, 628
salann 158, 703
sanas 123
sáss 389₁
scara(im) 707
scáth 28
sé 845
se-ch 359
sechithir 696
secht n- 28, 846
sechtm-ad 846
sechtmogo 848
seir 75
seiss 389₁
selg 697, 815
sen 783₁
sén (ср.-ирл.) 155
senn- 123
ser (ср.-ирл.) 176, 685
serb (ср.-ирл.) 478, 479₁, 740
serc 811₂
serg 123, 426, 811₂
sesca (ср.-ирл.) 847
sessed 846
sétim 123
si 254₁
sissi 254₁
-si-ssiur 220₂
siur 123, 184, 764
sleg 697
smech 112
snechtae 681
snigid 117, 681
snim (ср.-ирл.) 704
socc sáil 593
socht (ср.-ирл.) 811₂
-som 843
sonairt 190
so-nirt 190, 802
sonn (ср.-ирл.) 44
sorb 783₂
srúaim 227
suide 419
súil 188₂, 684
suth 597, 653

táid 748
tais 424
tál 706
tan(a)e 199, 782
tar 419
tarathar 707
tarb (ср.-ирл.) 519
té 146₂, 683
techid 153, 670
techim 146₁
teng 814
téoir 216₁, 281, 425, 845
tethra (ср.-ирл.) 541
tíagu 140
timme (ср.-ирл.) 683
tír 419
-tir 392
topur 675
torc 517
toucc- 114
tri 845
truit (ср.-ирл.) 541
túarae 702
túath 38, 749, 943
-thar(-ar) 392
-ther 391

úai-b 254₁
úan 584
ubull 422, 637
uirgge 498₁, 817
-ur 391
véss 389₁

Валлийский

afal 637
afon 72₁
angen 822
anghen (ср.-валл.) 159
awel 677

ben-yw 86
buch (др.-валл.) 565
bugail 695
bustl 420
bwch 586
bydaf 602

cainc 157
carw (др.-валл.) 484
cas 131
cawdd 131
ceinach 157, 521

cigleu 221
cneuen (мн. ч.) 636
coeg-ddall 157
coel 812₁
credaf 69₂
chwaer 123
chwar- 123
chweched 122, 124
chwegr 123
chwi 254₁
chwythu 123

dafad 483₃
dagrau (мн. ч.) 816
dant 75
deigr 816
derwen (мн. ч.) 174, 233, 612
di (др.-валл.) 420
Donwy 902₂
drych 199
dyn 821
dynad 257₃

eidaw (ср.-валл.) 379₁
eterin (др.-валл.) 537

ffēr 75
fflöchen 44
ffon 44

gafr 515₂
garth 744
gen 815
grug 662
gueetic (др.-валл.) 419
gwas 480
gwawd 836
gwden 650
gweli 425, 824
gwerthyr (ср.-валл.) 741
gweu 419
gwïal-en 650
gwin 647₃
gwlad 423
gwynt 425, 677

had 689
hanes 123
hèighə-ti (др.-валл.) 697
heli 674
heliwr 697
helyg-en 628
herw 478, 479₁, 740
hoedl 420
hwyad 537
hy-nerth 190, 802
hysb 155

iach 818₁
iau 721
iā 682
iben (др.-валл.) 53₁
in-helcha (др.-валл.) 697

llau 535
lle 75
llewpart 504₁
lliain 659
llin 659

malu 202
march 553, 554, 604, 732, 939
meddw 604
melyn 603
mellt 422, 715
mor 673
merwydden 645
myned ar herw 740
mynydd 666

ner 184, 190, 802
nerth 802
nessaf 388
neu- (ср.-валл.) 359
nyf 86, 681

pedwar 89
pimp (др.-валл.) 410₁, 845
pobi 410₁
pryd- 176
prydydd 836

rhew 682
rhudd 422
rhŷch 689

tair 216₁, 281
tir 419
tra- 419
trwch 30₂
tūd 943
twrch 517
Twrch Trwyth 517
twym 683

ych 129, 566
ywen 629

Корнский

auhel (др.-корн.) 677
aval 637
awel (ср.-корн.) 489₁
bistel (др.-корн.) 420
buch (др.-корн.) 565
carow 519
dauat (др.-корн.) 483₃
elerch 543
goly 824
guas 480
guern (др.-корн.) 635
guern-en (др.-корн.) 635
hiuin (др.-корн.) 629
iey (др.-корн.) 682
knyfan (ср.-корн.) 636
meneth 666
mor 673
ohan 566
onn-en (др.-корн.) 625
sterenn 28, 686
the 420
yen (ср.-корн.) 682
yeyn (ср.-корн.) 682

Бретонский

Abona 72₁
aval 637
bestl 420
beuer (др.-брет.) 530
Bibroci 220
bouc'h 586
buc'h 565
cridiff (ср.-брет.) 69₂
c'hoar- 123
dant 75
dañvat 483₃
di 420
di-elc'hat 697
eontr 767
gloat 423
guchi 535
gwas 480
gwern 635
had 689
hoc'h 593
hoetl (др.-брет.) 420
houad 233
ien 682
ivin 629
karo 519
linad 257₃
meil 693
menez 666
menn 556
-monid (др.-брет.) 666
mor 673
negein 822
ouhen (мн. ч.) 566
ounn-enn 625
sterenn 28
(tre)gont 229

Галльский

Aballō 637
avallo 637
Aventia 675₂
Bāgācon 621
bāgaudae 154
bāgos 621
bedo- 154, 422
Bibracte 220
Bitu-rīges 465
Brigantes 669
catu- 146₂
Cuno-pennus 590
Dexsiva dea 129₂
Druidae 789₁
Druides 789₁
Dubno-rix 6
dugiontiio 353₁, 354₂, 366
epo- 245₁, 544, 553, 939
Epo-na 544
Equi 377
EQUOS 553
essedum 731
-gnatus 175
gnātha 175, 234
ivo- 629
-įo 366
καύαρος 228
κοθρμι 703
legasit 75
Litano-briga 75
Lug 799
μάρκαν 553, 554, 939
ματρεβο 381
Medio- 75
Meliddus 603
odocos 633
πεμπε- 410₁
petuarios 89
rēda 422₁, 731
rica 689
ritu- 673, 946
Salicilla 628
Segomari 377
Σεγομαρος 377
so-sin 384
so-sio 384
suexos 122, 123, 124
tarvos 519
Teut- 943
Toutonos 749
Vesu- 780, 860₂
Vo-contii 133
Vo-corii 133

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Древнегерманский

**ăb(a)lo- 637*
**ăblu- 637*
Agio 516
alu (рун., др.-сев.) 808₁
a[n]suR (рун.) 750
**ap(a)la- 637*
**aplu- 637*
godagas, род. п. (рун.) 378
haite (рун.) 390₁, 391
Hengist 553, 777
Horsa 553, 777
Hundingas 590
**hūs 742₁*
Ibor 516
Mimir (др.-герм.) 675₂
Nerthus (др.-герм.) 802
stAba (рун.) 623₁
Wisu- (др.-герм.) 780, 860₂
aiws 507, 802
aiz 709
akrs 36, 94, 694
**alisa 635*
anda- 814
ansēs 750
apel (крым.-гот.) 638
ara 158, 489, 538
arbaiþs 479, 748
arbi 748₁
arjan 424, 688, 899
armahairts 348
arms 785₁, 946
asans 126₁, 691
(asilu)-qairnus 693
asilus 562
asts 118, 203
atisk 655
aþnam 422₁
augō 786₁
aúhns 708
aúhsa 129, 566
aukan 85, 236
auknan 85
ausō 786₁
awistr 577
badi 422
bagms 467
baidjan 37
bairan 37, 43, 65, 75
bairgahei 43, 669
baírgan 418
bairhts 620, 621₂
barizeins 422, 873, 943
bat-ista 388
batiza 141₁
baúrgs 745
bērkna 620₂
Bēr-ulfus (вест-гот.) 498
bidjan 146₁
bigairdan 175
bilaigōn 111₁
bindan 164, 217
bi-ūhts 114
blandan sik 418
blinds 418
blōma 468
bōka 622
bōkareis 623
bōkōs (мн. ч.) 622
brōþar 37, 38, 764
brūþ-faþs 29, 168, 758
daddjan 570
daigs 37, 179, 707
dailjan 418
dails 418
daug 418
daúhtar 114, 150₁, 405, 569₄, 766
daúr 37, 43, 180, 743
daúrawards 808
dauþs 475
dauþus 475
dis-taíran 707
diups 6
dius 237, 241, 466
diwans 475

dōmjan 810
dōms 810
driugan 418
dulgs 808₂

ētum 181

fadar 38, 43, 765
faiflōkun 30, 403
faihu 29, 146, 244, 421₁, 469₂, 938₁
fairguni 614, 793
falþan 228, 238₁, 779
-faþs 29, 168
faúhō 514₁
fidwōr 90, 845
fidwōr-tigjus 229, 847
figgrs 849
filu 199
fimf 89₁, 410, 410, 845
fimfta- 845
fimf-tigjus 847
fisks 28, 422, 536, 943
fōn 210, 274, 699
fōtus 38, 154, 786₂
fraíhnan 237
frasts 688₂
fraþi 29
frijōnd-i 375
fula 551
fulls 234, 781

ga- 360, 365, 365₁
gabei 146
gadaban 418
ga-dars 301
ga-daúrsan 357
gadraúhts 418
gaggan 97
gaírda 175
gaits 422₁, 586, 872
galga 97
gamains 754
ga-maúrgjan 59, 72, 782
ga-munds 199, 813
ga-nawistrōn 825
gards 37, 65, 180, 744
gasts 85, 754
ga-swōgjan 123
ga-tamjan 483₃
ga-teihan 36, 175, 806
gatiman 742₃
ga-þarban 357
ga-warg-jan 494₁
gawigan 110, 723
geen (крым.-гот.) 37
giban 37, 376
gibla 154, 408, 813₃
gibōs 376
gōþs 154
gulþ 419, 420, 714
guma 184, 475, 821

hafjan 146
haihs 157
hails 812₁
haims 180, 418, 421₁
haírtins (под. п.) 186
haírtō 38, 94, 173, 186, 800₁
hairus 933
hana 601
handus 850
harjis 741
hatan 131
hatis 131
hatjan 131
haubiþ 813₃
haúrn 876
hausjan 836
hēþjō 29, 146₂, 932
hliuma 38
hōha 31, 44, 56, 97, 690
hrōþeigs 205
hund 94
hunda 846
hunda-faþs 29, 758
hunds 590

hvaiteis 657
hvas 86
hvas þiudans 352₂
hvaþō 29, 31
hveila 235

iddja 724₁
ik 36, 207, 383
in-raúhtjan 511
inu 122
is 291
ist 117, 217
-ist- 388
-ista- 55
it-a 291
itan 36, 41, 50, 698
iusiza 780
izwis 254₁

jēr 691₁
ju 418
juk 45, 85, 721

kann 301
kannjan 179
kaúrjōs 199, 782
kaúrn 175, 694, 943, 946
kindins 749
kinnus 183, 244, 815
kniu 36, 94, 100, 173, 233, 786₂
knōdai 234
Krēks 40
kuni 749, 750₂
kunnan 36, 175

laggs 782, 860₂
laiv 178
laun 740
leihts 782
leihvan 89₁, 334
leihvan sis 334
lein 659
lēkeis 827₁
ligan 66, 75, 425
lisan 826₃
liudan 249, 477
liuhaþ 75

maiþms 754
malan 692
man 177, 301, 302
mana-sēþs 689
manna 475, 759
marei 181, 422, 673, 943
mari-saiws 673
maþa 877
meins 291
mēl 159, 172, 684₂, 691
mēla 632₂, 783
mēljan 632₂, 783
mēna 424, 684, 899
(midja-)sweipains 123
midjis 65
mikils 207, 782
miliþ 603, 604
miluks 571
mimz 699
mitan 811
munan 176, 472, 813
muns 813

nadrē 526
nahts 27, 28, 168, 403, 791₁
naqaþs 45, 50, 100, 168
naus 419, 825
ni 254
niman 754
niun 846
niunda 846
niun-tēhund 848

þaida 40

-qairnus 89, 175, 228
qaíru 233
qēmum 164
qiman 36, 86, 88$_2$, 164, 410
qinō 42, 50, 86, 92, 271, 413, 758
qius 465

raíhts 28, 70
rauþs 422, 711
reiki 751
rign 680
riqis 423

sa 275$_1$, 378, 384
sahv- 178
saian 688
saíhs 122, 124, 845
saíhsta 846
saíhvan 100, 121, 155, 598, 696, 786$_1$
salt 158, 703
sama 843
satjan 36, 116
sauil 117, 188$_2$, 196, 210$_1$, 684
saúrga 123
saúrgan 123
sēhv- 178
sibun 846
sibun-tēhund 848
sigis 155
silubr 419, 713$_2$
simlē 640$_1$
sind 224
sinista 783$_1$
siujan 704
skadus 28
skilja 119
snaiws 86, 117, 180, 419, 681
sō 384
sōkjan 805
sparwa 541
spēdiza 55
stairnō 28, 176, 686
stairō 118
steigan 85, 117, 140
stiks 119
stiur 520$_2$, 574$_1$
sums 199, 202
sunja 810
sunnō 188$_2$, 196, 684
sunus 423, 597$_2$, 765
swaíhra 760
swaíhrō 112, 760
swaran 123, 124
swarts 783$_2$
swein 593
-sweipains 124
swērs 123, 124
swiglōn 123
swinþs 801
swistar 123, 124, 125, 405$_1$, 764
swistrs (под. п.) 405$_1$
swōgatjan 123

tagr 816
taíhswa 129$_2$, 783
taíhun 38, 199, 229, 846, 961
taíkns 175$_1$, 806
timrjan 640$_1$, 742$_3$
tiuhan 174
trauan 613
triggws 508, 613
triu 174, 223, 224, 233, 272, 282, 612
tuggō 814
tunþus 75, 302, 698, 814
tuz- 780
twa 844
twai 133, 844
twai-tigjus 847
twei-fls 706$_1$, 780
twōs 133, 844

þa- 275$_1$
þahan 29, 422$_1$
þai (мн. ч.) 385
þana 384
þata 384
þata diwanō 495
þaúrsjan 44
þaúrsus 128
þis 378
þiuda 38, 749, 943
þiudans 749
þō 384
þōs (мн. ч.) 385
þreis 845
þrija 845
þrim 382
þu 225
þulan 176
þūsundi 125$_1$, 419, 848

ufar 38
uf-þanjan 38
ulbandus 525, 525$_1$
Ulfilas 493
un- 254
undiwanei 495
uns(is) 292$_1$
un-wiss 406
ūt 243
uz-anan 466

wahsjan 236
waian 677
waír 469$_1$
wairþan 719
wait 178, 301
waldan 423, 752, 938
wandus 729$_1$
warjan 741
warmjan 683
war(s) 808
wasjan 705
wasti 705
watins (под. п.) 188
watō 188, 942
waúrd 37, 66, 231, 422
waúrms 222, 527
waúrts 663
weihan 422
weihs 743, 803$_3$
wein 647
weina- 647
weina-gards 647, 648$_2$
weinatriu 647
weis 292
weist 55
widuwō 65, 759
wilwan 492$_1$
-windan 729$_1$
winds 202, 206, 425, 489$_1$, 677
wisan 206, 467
wists 468
wi-t 133, 293
witum 178
wōds 836
wulfis (под. п.) 378
wulfs 176, 199, 271, 378, 410, 492
wulla 206, 578$_1$
wulwa 492$_1$

Древнеисландский

afi 766
aka 941
almr 634$_1$
alr 635
andi 466, 678
apaldr 637

apal-grár 637
api 131, 523
apr 640_1
arðr 688
ari 538
arinn 808_1
ars 817
askr 625, 942
askr Ygg-drasils 549
áss 201, 750
áta 698
átta 846
átta tiger 848
auðna 583, 583_1
auðr 583
auga 786_1
Austri 853

bága 154
barr 873, 943
beiða 37
bera 37
beyki 622
bjarg 669
bjórr 530
bjork 619
bjorkan 620_3
bjorn 498
Bjorn-olfr 493, 498
bógr 785_1
bók 621, 623
bokki 586
bokkr 586
bora 707
Bragir 643
bragr 643
bróðir 37, 764
bukkr 586
burst 69_1
bý-fluga 602
bygg 467
bægja 154
bǫllr 878

deig 37
dilkr 570_1
drótt 755_3
dvergr 133
dýr 466

efna 746
eik 618
eir 709
ek 36
elgr 517
elptr 543
enni 814
epli 422, 637
erja 688
eta 36

fá 632
fá rúnar 632
faðir 38
fastr 744_1
fé 579
fimm 845
fimt 849
fim(m)ti 845
fingr 849
fiskr 536, 943
fjall 228, 744_2
fjorði 845
fjórer-tiger 229
fjǫðr 57
fjǫl 739
fjǫrðr 673, 946
Fjǫrgyn 615, 793
fjǫrr 614
flaga 424
flaka 30
fley 675
flóki 30
flórr 422_1, *943*
fóa 514_1
foli 551
fótr 38, 786_2
frauki 534
Freyr 793_1
frjósa 682
froskr 534
fura 614
fúrr 699
fylgja 488
fýri 614
fýrr 210
fær 578, 579

gall 816
gammi 43
gangandi fé 585
garðr 37, 744
gás 542
gefa 37
geit 872
gestr 85, 168, 754
gildra 175
gnit 535
góa 226
grœnstr 630
guðr 86, 740
Gullveigr 607
gumi 821
gunnr 86
gýgr 97

há 97
haðna 599
hafr 515, 586
hafrar (мн. ч.) 586
hamarr 716
hampr 662
hani 602
hár 157
harfr 692
hargr 618_2
hasl 636
haufuð 813_3
heill 418, 812_1
heite 390_1, *391*
heri 521
herjann 741
herr 741
hestr 553
hjarni 118
hjarta 38
hjól 718
hjǫrr 933
hjǫrtr 519
hljóð 38
hnakki 98_1
hnot 636
hófr 31
holmr 669
hoppa 30_2
hórr 97
hrár 698
hróðr 205
hross 553
hræll 112
húfr 30
hundr 590
hvalr 934_1
hveiti 657
hvél 86, 718
hǫð 146_2
hǫggua 715

íkorne 522
í orms líki 528_1

jaki 245_1, *682*
jór 544, 553, 554_2
júgr 569_4
jǫfurr 516
jǫkull 682

kanna 36
karl 825
klafi 418

kné 233
knébeðr 325
knjúkr 98
krabbi 533
krafla 533
kráka 540
krákr 540
krás 231
kundr 175, 234
kvern 175, 228, 693
kvísl 133₁
kvistr 133₁
kýr 60, 565

lesa 826₃
lifr 187, 816
lús 535
læknir 827₁

mala 693
mannr 475
marr 'конь' 553, 554, 732
marr 'море' 673
maurr 174
meiss 419
mergr 813₁
merr 553, 554
Miðgarðr 485
Miðgarðs-ormr 527
miǫðr 604
miǫl 693
miǫlk 571
miǫllnir 422, 715
miǫluðr 811
mosi 664
mund 785₁, 806
mundr 807
munr 813
mús 185, 531
mý 534
mylna 693
myrkr 143₁
mýrr 664
mǫn 815

naðr 526
nafli 817
nár 825
neſe 768₁
nest 762₂
nio tiger 848
Njǫrðr 851
nór 674
Norðri 853
nǫtr 257₃

Óðinn 487, 799, 836, 851
óðr 836

ok 85, 721
ómun 835
ormr 527
óss 132, 191₁
otr 529
oxi 566

rauðr 711
raukn 511
regn 680
reið 422₁
rjóðr 711
róa 675
roðra 66
róþr 235
rugr 419, 658
rǫðull 718

saman runninn 365
sannr 303
saurr 817
selja 628
sem hundar 590
sétte 846
sex 845
siau tiger 848
sími 705
sit 36
sjá 696
skagi 69₁
skarn 817
skegg 69₁
skelkr 109
skera 707
skip-flak 30
slapa 6
sláþr 419
snjór 681
snor 117
sollr 124
sólo fegra 355
sorta 783₂
spá 119
spjalkir 44
spjǫrr 44
spætr 542
spǫrr 541
stafr 623₁
stallr 118
stjaki 44
stjarna 686
stjórr 520₂, 574₁
straumr 405₁
Suðri 853
sunnu... hvél 351
sunr 597₂, 765

súpa 653₂
súrr 160, 172, 817
sveipa 123
svín 593
svinnr 801
sýr 593
syster 764
sǫk 805

tafn 701
talma 230
téa 36
temja 483₃
teygja 179
timbr 640₁, 742₂
tívar (мн. ч.) 36, 227, 475, 791
tjá 36
tjara 174
trê 612
tróð(a) 231, 233
trú 613
tryggr 508, 613
tuttugu 847
tvau 844
tveir 844
tvær 844
Týr 36, 271, 799

þenja 38
þiðurr 541
þjóð 749, 943
þjóðann 749
þjórr 519, 520₂
Þórr 799, 851
þórsdagr 852
þrettán 848
þrimr 382
þrǫstr 541
þulr 808₁
þunnr 782
þúsund 848

ulfalde 525₁
Ulf-bjǫrn 493, 498
ulfr 378
ulfs (pod. n.) 378
umgjǫrð allra landa 527
urt 663
usti 826₁
uxi 566

váð 230, 583, 583₁
vaf 583
vagn 686, 724
valda 938
Valhǫll 824, 836

Valkyria 824, 836
valr 425, 492$_1$
vangsni 690
vargr 494$_1$*, 590, 720*
vargshár 494
vargtré 487, 494$_1$*, 720*
vari 882
vatr 188
váfta 835
váttr 835
vax 610
verja ‘*одевать*’ *705*
verja ‘*защищать*’ *741*
vesl 705
Vestri 853
vetr 630
viðir 628, 650
visundr 521
vitnir 492
Vǫlundr 715$_1$
yfir 38
Ygg-drasill 549, 553
ylgr 284, 492
Ymir 132, 821
ýr 629, 630, 642
ysja 826$_1$
æger 100, 217, 671, 702, 940
ægir 526, 528$_1$
ægis (*род. п.*) *528*
ægis-hjálmr 528$_1$
ær 577, 579
ǫ 671
ǫl 946
ǫnn 691
ǫsp 627, 940

Норвежский

aul 609$_2$
kage 141$_1$
mæla (*др.-норв.*) *632*$_2$
olda 418
slapa 6
sylt 674
tikka (*диал.*) *586*$_1$
ørtog (*др.-норв.*) *711*

Шведский

brind (*диал.*) *519*
gā (*др.-шведск.*) *37*
spikke 542
spink (*диал.*) *542*
þrykkja (*др.-шведск.*) *30*$_2$

Датский

gamme 43
stød 35$_1$

Древнеанглийский (Англо-саксонский)

āc 618
ācweorna 522
adesa 716
adosa 716
aldaht 418
alor 635
ampre 640$_1$
ān 843
apa 131, 523
apuldor 637
atol 131
æcer 694
æm-yrie 826$_1$
æned 543
ænig 843
æppel 637, 640$_1$
æren 709
æse 625, 942
æspe 627, 940
bædan 37
bēam 467
bēce 622
bēo 602
beofor 530
bēom 295
beorc 619, 620$_3$
beorg 669
beorh 669
beorht 620
Bēowulf 493, 498, 607
bera 498
bere 422, 873, 943
be-sylcan 697
birce 619
blēd 468
bōc 621, 623
bodan 29$_1$*, 489*
bōg 785$_1$
borian 707
botm 489
brægen 813$_1$
brēowan 643
brōþor 764
brū 786$_1$
bucca 586
byrst 69$_1$
catt 600
catte (*ср.-англ.*) *600*
cennan 179
cheri (*ср.-англ.*) *644*$_1$
cinn 815
cnāwan 171, 234
cnēo(w) 171, 786$_3$
cnēowgebed 325
comb 815
corn 694
crabba 533
cranoc 540
crāwe 540
cū 60, 565
cwene 758
cweorn 228, 693
cwice 465
Cynewulf 554$_2$
cyning 750$_2$
cynn 749, 750$_2$
dāg 37, 707
dæg 378
dæges (*род. п.*) *378*
dēad 475
delu 570$_1$
dēor 466
dohtor 766
dōm 810
dor 37, 743
dūn 745
duru 743
ðaccian 424
ðenian 38
ðennan 38
ðrāwan 231
ðryccan 30$_2$
ðrysce 541
ēa 282, 671
ēad 583
ēage 786$_1$
ēagor 282, 539
eahta 846
ealdoþ 418
ealu 932, 946
ēam 767
ēanian 584
ēar 672
ēare 786$_4$
earm 785$_1$*, 946*
earn 538
eax 721
efnan 746
ēg- (*ē, ēa*) *940*
elm 634$_1$
enge 781

eofor 514, 515₂, 516
eofor-lic 516
eoh 544, 553, 554₂
ēoh 245₁, 629, 630
eolh 517
ēow 577, 629, 630
etan 36, 698

fæder 765
fædera 767
fæsl 817
fæst 744₁
fealdan 779
fearh 594
feax 578
feðer 57, 226, 537
feht 578
fell 228
feoh 579
fēorða 845
fēower 845
fēower-tig 229
fīf 845
fihl 469₂
filmen 228
finc 542
finger 849
firgen 614
fisk 536, 943
fleax 706
flōcan 30
flōr 422₁, 943
flota 675
fola 551
ford 673, 946
forma 843
forn(e) 536₁
forst 682
fōt 38, 786₂
fox 514₁
frēosan 682
Frid-hęngest 553
frogga 534
frosc 534
full 781
furh 'сосна' 614
furh 'борозда' 689
fȳr 699
fyrs 657
fyrst 843
fȳst 849

gān 37
ganot 543₁
gāt 586, 872
gealla 816
gēar 691₁
geard 37, 744
(ge)cynd 749
gehopp 30
ge-mynd 813
geoc 85
gesund 801
giefan 37
gięst 85, 754
gold 714
gōs 158, 542
guma 821
gūþ 740

hafola 813₃
hāl 418, 812₁
hām 418, 420, 421₁
hand 850
hara 521
hasu 521
hæfer 515, 516, 586
hæl 812₁
hænep 662
hærfest 692, 878
hæsel 636
hæslen 636
hēafod 813
hēafod-segn 516
hearg 618₂
heawan 715
hēcen 131, 585
hęngest 553
hęnn 602
heofon 668
heorot 173, 519
heorte 38, 800₁
heoruwulfas (мн. ч.) 493
hieran 836
hlēoðor 38
hnutu 636
hōc 815₁
hōf 31
hoppe 30
horn 173, 876
hors 553
hrægl 112
hrēr 234
hund 846
hūs 742, 939
hwǣte 657
hwęlp 817
hweogol 718
hwēol 57, 86, 220, 718
hyll 669
hyrnet(u) 535

igil 526
ih 629
is 682
īw 629

lang 782
lǣce 827₁
lęah 85
leoht 782
lesan 826₃
lifer 816
līn 659
lippa 422₁
lox 511
lūs 535

maða 877
mann 475
manu 815
māwan 691
mearg 813₁
mearh 553, 554, 732, 932
melcan 164, 569
meld 803
melu 693
meodu 604
meolc 571
mēos 664
męre 673
męrisc 673
metan 811
middan-geard 485
mięre 554
millisc 603
mōdor 765
mos 664
mund 807
mūs 531
mycg 534

nacod 50
nafela 817
nafu 817
nasu 181, 814
neaht 791₁
nefa 768₁
nē(o)- 825
nēosian 814₁
nest 118
nętele 257₂
nifol 668
nigoða 846
nigon 846
niht 791₁
nōse 181
nosu 814₁
nōwend 674

ofnet 708
olfend 525₁
oncnāwan 805
ōs 750
ōst 159
oxa 566

plōges (мн. ч.) 688
plōh 688

rador 718
rēad 712
reg(e)n 680
rēn 680
rēoc 511
riht 784
rōðor 235, 675
rose 663
rōwan 675
ryge 658

sacu 805
same 843
sand 156
sāwan 688
sæcan 805
scearn 817
scīeran 707
screpan 624
sealfian 704
sealh 628
sealt 703
sēar 158
sēaw 653
seofon 846
seolfor 713₂
seolh 124
sēon 696
si(ē)x 845
sim(b)le 640₁
simblon 640₁
slāh 711
snāw 681
snoru 761
socian 143₁
sōð 303, 810
spanu 418
spearwa 541
spelc 44
spōwan 55, 117
sprecan 117
stæf 623₁
stēor 520₂, 574₁
steorra 686
stōd 553
sū 593
sugu 593
suhterga 768₁
sulh 689
sunnan beorhtra 355
sunne 684
sunu 597₂, 765
sūpan 653₃
swāpan 123
swāt 117
swæg 123
sweart 783
swēg 123
sweger 760
sweostor 123, 764
swēte 117
swētest 128
swīð 801
swin 593
swīn-līc 516
swinsian 123
synn 810

tācor 760
tæcan 806
tæhher 816
teagor 816
tēar 816
tęmian 483₃
tēon 36
teoru 174, 272
teran 707
tiegan 179, 585
tien 846
tierwe 174
Tīg 36, 227
timber 640₁, 742₃
tōð 698, 815
tor- 780
trēol(w)l 612
-trēowe 508
trīg 617₂
trog 617₂
troh 617₂
trum 613
trūwian 613
tū 844
tūn 745
tunge 814
twā 844
twen-tig 847
twi- 844
twifēte 474

þęfian 683
þēod 943
þrēo 845
þrēo-tiene 848
þrīe 845
þūresdæg 852
þūsend 848

ūder 66, 569₄
under-standan 473₁

wadan 678
waritrēo 487
wæd 673
wǣd 583
wæfs 535
wægn 546₁, 724
wælwulfas (мн. ч.) 493
wær 808
wæter 188, 274
wealh 480₁
wealh-hnutu 636
wearg 494₁
weax 610
wębbian 583
wēdan 836
weder 677
wefan 583
welig 124, 628
wēoh 803₃
weosule 523
weotoma 757
wēste 781
wetma 757
wice 634₁
widuwe 759
wiðig 628, 650
wig 803₃
wīgan 422
win 647
win-bęrige 647
wind 677
win-geard 647, 648₂
win-trēow 647
wiss 406
wita 836₁
witan 836₁
wituma 757
wōcor 236
wōd 836
Wōden 799, 836
wōð 836
wulfhēafod-trēo 487
wurma 222₁, 527
wyrm 222₁, 527

Древнефризский.
gadia 146₂
worma 222₁

Древневерхненемецкий

ackar 694
adel-ar (ср.-в.-нем.) 538
affo 523
afful 638
aha 671
ahsa 721
ahto 846
āla 923
albiz 65, 543, 783
ampfaro 640_1
ana 766
ana-mali 783
ancho 704
andi 814
angar 526_1
angi 781
ano 766_3
āno 929
ant- 814
anut 543
apfalter (ср.-в.-нем.) 638
apful 638
arabeit 479, 748
ar(a)m 748
aran 691
arbi 748_1
ar-kennen 179
arm 785_1, 946
aro 538
ars 817
aruz 711
aruzzi 711
asc 625
aspa 627, 940
ast 203

barre (ср.-в.-нем.) 179
bart 69_1, 422
beitten 37
beran 37
berg 174, 669
bero 498
Ber-ulf 498
bia 602
bibar 77, 220, 530
bijiht 818_4
bini 602
birihha 619
biwarōn 808
bluomo 468
boc 586
bodam 489
borōn 707
boum 467
briuwan 643
bruoder 37, 764
buog 785_1
buoh 623
buohha 621
buohstap 623
burg 745
burst 69_1

chuning 750_2
chunni 749, 750_2
chuo 86, 191, 565

dehsa 706
dehsala 706
dehsen (ср.-в.-нем.) 706
dien (ср.-в.-нем.) 570
diot(a) 38, 749, 943
diutisc 749, 943
drāen 231, 707
dri 845
droscala 541
dunni 199, 788
dūsunt 848
dweran 133

ebur 514, 515
eih 618
eihhurno 522
ein 843
einac 843
eiscōn 108, 112, 345
ël(a)ho 517
elira//erila 635
ëlmboum 634_1
engi 781
eninchil 766_3
ēr 709
ērin 709
erizzi 711
erran 688
ēwa 507
ēwe (ср.-в.-нем.) 507
ēwig 802
ezzan 36, 698
ezzesc 655

fahs 578
faltan 706_1, 779
far(a)h 594
farheli 594
fasel 817
fater 38, 765
fatirro 767_3
fatureo 767_3
fedara 152, 153, 226, 238_1, 537
fel 228
felga 706
felis 744_2
fereha (лангобард.) 614
fergōn 237
Fergunna 614
festi 744_1
fetiro 767_3
fiha 421_1, 469_2, 579
fimf 845
fimfto 845
fincho 542
finf 845
finfto 845
fingar 849
fior (feor) 845
fiordo 845
fior-zug 229
fir-zeran 707
fisk 536, 943
fiuhta 631
flahs 706
flehtan 228, 706
fol 781
folo 551
foramundo 807
forha 614
forhana 536_1
forhel (ср.-в.-нем.) 536_1
forhe(n) (ср.-в.-нем.) 536_1
forscōn 237
frīosan 682
fuhs 514_1
fuir 699
fuoz 38, 786_2
furben 96_1
furisto 843
furt 673, 946
furuh 689
fūst 419, 849

gāgen (ср.-в.-нем.) 542_2
galla 816
gān 37
gans 542
garto 744
gast 85, 754
gebal 408, 813_3
geban 37, 75
geiz 872
gelo 714
gersta 656
gibilla 813_3
gimeini 754
gimulli 593
gi-munt 813

gisunt 801
gi-triuwi 613
gi-uurmōt 527
gi-wah-anen 472₃, 835
giwaht 835
giwar 808
giwiss 406
gold 714
gomo 821
gund- 740
guot 154

haft 28
hāhsina 98, 168
hāko 815₁
hamar 716
hanaf 662
hano 601
hant 850
hantag 236
harmo 523
haru(g)- 618₂
hasal(a) 168, 636
hasan 521
haso 157, 521
hatele (ср.-в.-нем.) 599
heil 812₁
heitar 31
hengist 553
herbist 692, 878
heri 741
herza 38, 94, 800₁
hesilīn 636
himil 668
hirni 173
hirso 645
hiruz 519
hliodar 38
hnac 98₁
(h)nuz 636
horn 876
hornaz 423
hornūz 939
hōr(r)en 836
houbit 813₃
houwan 715
(h)rō 698
hros 553
humbal 418
hunt 590
huof 31
hurnūz 423, 535
hūs 742, 939
(h)welf 817
hweli- 934₁

Iga 629
igil 526
īs 682
Iwa 629

jagōn 692₂
jār 691₁
jehan 818₁
jiht 818₁
joch 85, 721, 722
juch 85, 721, 722

kamb 423, 815
kerban 624
kersa 644₁
kinni 815
kneo 786₃
knio 233
knōt 234
korn 694
kranuh 540
krappeln (ср.-в.-нем.) 533
krā(w)a 540
kunnan 36

lāchi 827₁
lāchin 827₁
lahs 536
lang 782
lebara 816
lecchōn 111₁
leh-tar 33
lehter 405
leim 180
lesan 826₃
lewe (ср.-в.-нем.) 507
lewo 507
libera 816
liggen 66
līht(i) 782
līn 659
lioht 148
liut 418, 477
loh 180
lōh 85
lōn 740
louwe (ср.-в.-нем.) 507
löuwe (ср.-в-нем.) 507
louwo 507
luhs 511
lūs 535

mado 877
māen 691
mālōn 632₂
mana 545, 815
mann 475, 759
manzon 556
marah 554, 732
marah-scalc 554₁
mar(a)k 813₁
marī 673, 943
mar(i)ha 553, 554, 939
melchan 164
meldōn 803
mēlo 693
meri 673
metu 604
mezzan 811
milchu 569
miluh 571
mios 664
mōrbere 645₁
mos 664
mucka 534
mūlber (ср.-в.-нем.) 645₁
muoter 765
mūr- 645₁
murg(i) 59
mūs 129, 531

naba 817
nabalo 817
nackut 50
naht 791₁
nājan 704
nara 762₂
nasa 158, 814
nātara 526
nāu 704
nebul 668, 677
nēman 754
nerī 762₂
nevo 768₁
nezzila 257₃
nidar 781
nift 27, 28, 768₁
niun 846
niunto 845

ōheim 767
ohso 129, 566
ōra 786₃
ottar 529
ou 577
ouga 786₁
ovan 708

quena 758
quirn 693

rad 718
regan 680
reht 784

rihhi 751
rohōn 511
rokko 658
rōsa 663
rōt 712
rōz 180
ruodar 235, 675

sæen 688
sahha 805
sal 745
sal(a)ha 628
salba 703
salbōn 704
salhe (ср.-в.-нем.) 628
salz 703
sāmi- 843
sāmi-queck 843
sāmo 422, 688
samt (ср.-в.-нем.) 156
sand 810
sarf 691
sāt 689
sceran 707
scerōn 119
schel (ср.-в.-нем.) 109
sehan 696
sehs 845
sehsto 846
sehto 846
seito 705
sibun 846
sil(a)bar 713_2
simble(s) 640_1
simblum 640_1
slēha 711
snēo 681
snīwan 117
snur 761
sōrēn 158
sou 653
sparo 541
speh 542
spehōn 28, 119, 219
speht 542
stap 623_1
steg 117
sterno 28, 686
sticken 119
stior 520_2, 574_1
stroum 405_1
stuot 553
sū 593
sūf 653_3
sūfan 653_3
sunna 684
sunu 597_2, 765
suohhen 805
swāri 123
swarz 783_2
swēgala 123
swēglōn 123
swehur 123, 760
swelhan 124
swester 764
swigur 374, 760
swīn 593
swintan 123

tanna 618_3, 631
tegal 707
teig 37, 707
thūsunt 848
tila 570_1
tior 466
tohter 405, 569_4, 766
tor 37, 180, 743
tōt 475
toum 466
trog 617_2
truha 617_2
truoder (ср.-в.-нем.) 231
trū(w)ēn 613
tunkal 200, 711
tuom 810
turi 743

uoba 798_1
uoben 746
ūter (ср.-в.-нем.) 569_4, 933_2
ūtrin 569_4

Virgunt (ср.-в.-нем.) 614
vīsel (ср.-в.-нем.) 692
vluor (ср.-в.-нем.) 943

wāen 677
wagan 686, 724
waganso 690
wahs 610
waltan 752, 938
wār 422
warg 494_1
warm 683, 826_1
wart 808
wartēn 808
wāt 583
watan 673
wazzar 188
weban 163, 424, 583
weſsa 535
wegan 723
weizzi 657
wella 861
weren 741
wesan 467
wīchsila 644_3
wīda 628
widemo 757
widomo 757
wīh 803_3
wīhi 803_3
wilge (ср.-в.-нем.) 124, 628
wīn 647
wīn-garto 647, 648_2
wīnreba 647
wint 677
wisula 523
wisunt 521
wituwa 759
wolfu 380
wolla 578_1
wort 37
Wulf-bero 493, 498
wuosti 781, 836
Wuotan 487, 799, 836
wuoten 836
wurz 663

zahar 816
zand 302, 698, 814
zehan 846
zeigōn 806
zeihhan 806
zeihhur 77, 157, 760
zeman 742_2
zemmen 483_2
zeran 707
ziga 586_1
zimbar 640_1, 742_3
zimberen 742_2
ziohan 174, 585
zunga 814
zur- 780
zwā 844
zwein-zug 847
zwēne 844
zwi- 845
zwi-houbit 845
zwir (ср.-в.-нем.) 845
zwīval(i) 706_1, 780
zwō 844

Древнесаксонский

alo- 932, 946
arut 711

red 712
right 784
rose 663
rye 658

sake 805
salt 703
salve 704
same 843
scrape 624
see 696
seek 805
seven 846
silver 713_2
sin 810
sister 764
six 845
sloe 711
snow 681
son 597_2, 765
sooth 810
sound 801
sow 688
sparrow 541
stake 37_2
star 686
steadfast 744_1
stud 553
sulky 697
sun 684
swine 593

take 37_2
tame 483_3
teach 806
tear 707, 816
ten 846
thirteen 848
thousand 848
three 845
thrush 541
thursday 852
timber 742_3
tongue 814
tooth 698, 815
town 745
tray 617_2
tree 612
true 508
twenty 847
two 844

udder 569_4
understand 473_1

wagon 724
walnut 636
ware 808
wasp 535
wax 610
weasel 523
weave 583
weeds 583
wheat 657
wheel 718
whelp 817
White Horse 553
whole 812_1
widow 759
wind 677
wine 647
word 361_1
worm 527
wych-elm 634_1

yard 744
yean 584
year 691_1
yew 629

Немецкий

Aar (поэт.) 538
Achse 721
acht 846
Acker 694
Adler 538
Affe 523
Ampfer 640_1
Antlitz 814
Apfel 638
Arbeit 479, 748
Arm 946
Auge 786_1

Bär 498
Baum 467
Beichte 818_1
Berg 669
bewahren 808
bewegen 723
Biber 530
Biene 602
Birke 619
blindes Mäusel 532
Blume 468
Bock 586
Boden 489
bohren 707
bräuen 643
Bräuti-gam 821
Bruder 764
Buch 623
Buche 621
Buchstabe 623
Bug 785_1
Burg 745
Butter 565

deutsch 749, 943
Donnerstag 851
drehen 707
drei 845
Drossel 541
dunkel 711
dünn 782

Eber 514
Elbe 629
Eiche 618
Eichenschild des Eichengottes 619_1
Eichhorn 522
einig 843
eins 843
Eis 682
Elch 517
eng 781
Engerling 526_1
Enkel 766_3
Ente 543
Erbe 748_1
Erle 635
Ernte 691
Esche 625
Espe 627, 940
essen 698
Euter 569_4
ewig 802

fallen 779
Faust 419, 849
Feder 537
Fels 744_2
Ferkel 594
fest 744_1
Feuer 699
Fichte 631
Finger 849
Fink 542
Fisch 536, 943
Flachs 706
flechten 706
Flur 943
Fohlen 551
Forelle 536_1
Forst 614
Frosch 534
Fuchs 514_1
Füllen 551
fünf 845

Vater 765
Verstand 473_1
verzehren 707
Vieh 469_2
vier 845
voll 781
Vormund 807

Wachs 610
Wagen 546_1, 724
walten 752, 938
warm 180, 683, 826_1
warten 808
weben 583
wehen 677
wehren 741
Weichsel 644_2
Weide 628
Weihnachten 803_3
Wein 647
Weizen 657
Welf 817
Werwolf 277
Wespe 535
Wiesel 523
Wind 677
Wisent 521
Witwe 759
Wolle 578_1
Wort 361_1
wüst 781
Wüste 781
Wut 836
wüten 836

zähmen 483_3
Zahn 698, 815
Zähre 816
zehn 846
Zeichen 806
zeigen 806
Ziege 586_1
ziehen 585
Zimmer 742_3
zimmern 742_3
Zunge 814
zwanzig 847
zwei 845
Zweifel 706_1, 780

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Прусский

abse 626, 940
accodis 155
addle 633
ains 843
alne 518
alu 932, 946
alwis 783
anctan 704
angis 526
angurgis 526_1
ansonis 615
antis 543
anxdris 526_1
ape 72_1, 402, 670
apewitwo 650
apus 72_1
arelie 538
arelis 538
artwes 235, 675
asilis 562
assanis 126_1, 691
assis 721
aswinan 545, 555
aubirgo 699
Auschauts 811_1
ausis 125_1, 713, 932, 939
āustin (вин. п.) 814
austo 191_1, 814
awins 584
awis 767

bebrus 77, 530
berse 619
bitte 602
brāti 764
brunse 530
buccareisis 637
bucus 622

camus 418
catto 599
caune 880_1
caymis 421_1
clokis 498
curwis 566

dadan 570
dāst 753
dauris 743
deinan 227
deiwas (род. п.) 378
deiws 378, 791, 798, 933_2
deywis 933_2
dessimpts 846
drawine 609_2
druwis 613
duckti 569_4, 766
dumis 206, 466
Dumones 466
dvi- 845
dwai 133, 845
dwigubbus 845

ēit 724_1
eristian 584
er-nertimai 190

gabawo 534
gandarus 543_1
garian 666
garrewingi 683
gegalis 542_2
geits 465
gelso 710_1
genno (эвам. ф.) 758
gerwe 540
gile 618
gīrbin 624
girmis 527_2
girnowis 419, 693
gorme 180, 683
guntwei 740

iagno 816
ilga 860_2
insuwis 814
irmo 785_1
īst 77
iūrin (вин. п.) 672
iuwis 629

juse 703

kails 418
kailūstiskan 418, 812_1
kalis 934_1
kargis 741
karige 618_2
kelan 86, 718
kirdit 205
kirsnan 417, 710_1, 947
klausiton 112
krawian 77
kūra 706

lagno 816
lasasso 536
lauxnos 685
laxde 637_1

lynno 659
luysis 512

-mai 390_1
malunis 693
mealde 422, 715
meddo 604
median 485
meicte 288
melne 783
mensa 699
mien 383
mothe 77, 765
musgeno 813_1
muso 534
mūti 77, 765

nabis 817
nage 67
naktin (вин. п.) 791_1
nertien 190
newīnts 846
nozy 158

panno 699
pecku 146, 421_1*, 579*
peisāi 632
percunis 615
peuse 631
picle 542
pirmas 843
plauti 815
pleynis 227
poieiti 77, 426, 702
prastian 594
pure 657

ragis 880_1
ructan-dadan 570

sackis 123
-saytan 704
saligan 714_1
same 821
sansy 112, 542
Sarape 862_1*, 954*
sasins 157, 521
saule 684
schokis 97
seyr 163, 173, 186
semen 688
ṣemmē 821
semo 100
sep(t)mas 846
Serappin 862, 954
Serenappe 862, 954
sirablan (вин. п.) 713_2
sirgis 555
sirsilis 535
sirwis 113
syrne 175, 422, 694, 943, 946
sywan 710_1
smoy 475, 821
smūnents 821
smūni 475, 821
snaygis 419, 681
som-pisinis 658, 692
stallit 118
stas 378
stesse 378
subs 303_1
suckis 536
suge 424
suje (граф. suge) 679
swāigstan (вин. п.) 685
swent- 801
swestro 405_1*, 764*
swīrins (вин. п. мн. ч.) 469

talus 933_2
Taplawken 683
tatarwis 541
tauto 749, 943
tāws 765_2
tlok- 498
Tlokun-pelk 498
tresde 541
tris 845
tūsimtons (вин. п. мн. ч.) 125_1*, 419, 848*

udro 529
uschts 122

waispattin (вин. п.) 180, 743
wāldnikans (вин. п. мн. ч.) 752, 938
warne 540
wetro 677
weware 522
widdewu 65, 759
wisnaytos 644_2
wissambris 520
witwan 628, 650
wyse 659
woasis 625
wobalne 637
woble 637
wobse 535
wormyan 222_1*, 527*
wosee 585
wosi-grabis 624
wosux 585
wumpnis 708

Литовский

ādata 633
adýti 633
akìs 121, 639, 786_1
akmuñs 112
akmuõ 112, 184, 411, 421_1
aldijà 418
algà 925_1
aĩksnis 635
alkúnė 131
alùs 932, 946
álvas 783
angìs 526
anýta 766
añkštas 67
ántis 543
antroia (ст.-лит.) 353
anūkas 766_3
āpušẽ 626
apveikiù 422
arẽlis 538
ariù 424, 899
árklas 555, 688
arklỹs 555
Armenà 945
árti 688
arvas 477
ãšara, ãšarà 612_1*, 816*
ašìs 721
ãšmens 112, 411
ašmuõ 112, 411
ašrùs 112
aštuo-ni 846
aštuoniasdešimt 848
ašvà 100, 245_1*, 374, 544, 555*
Ašvà 555, 670_1
ašvienis 545, 555
Ašvijà 670_1
ātlaikas 417
at-sèktas 696
áudžiau 230
áugti 85, 236
áuksas 125_1*, 713, 932, 939*
aulỹs 609_2
ausìs 786_4
áusti 230
aušrà 229
aũšti 108, 120, 223, 229
aũti 705
áužuolas 615

Avantà 675_2
avėti 705
avimìs 382
avìms 382
ãvinas 584
avìs 159, 382, 577
avýnas 767
avižà 659

balañdis 602_1
bam̃balas 603
barzdà 69_1, 422
baugìnti 179
bẽbras 77, 220
bebrùs || *bẽbras* 530
bedù 154, 422
beñdras 164, 174
béržas 619
Béržuvis 621
bir̃gelas 643, 699
bìrginti 418
bìržtva 619
bìtė 602
bitìs 602
blandùs 418
broterẽlis 764
bruñšė 530
bruvìs 786_1
bùkas 622
bundù 406
bùr-tv-is 609_2
bùsti 406

cziszcziausaĩja (*cm.-лит.*) 353

dabà 418
dabnùs 419
dailýti 418
dangùs 668
dantìs 247, 302, 698, 815
darvà 612
daũg 418
daũsos 237, 241
daviaũ 171
debesìs 77, 167, 668
degù 49, 146_1, 154, 826_1
demì 172
derù 231, 233
dervà 174, 612
dest 172
dẽšimtis 155, 199, 846
dẽšinas 129, 129_1, 155, 417, 783, 947
dẽti 77
devlñtas 846
devynì 846
devyniasdẽšimt 848
dienà 227
dienì 933_2
diẽvas 227, 242, 271, 378, 475, 791, 798, 799, 933_2
diẽvą 272
dieverìs 77, 157, 760
diẽvo (*pod. n.*) 378
Diẽvo sūnẽliai 351, 475, 555, 777
diriù 231
dìrti 231, 233, 707
dovanà 171, 754
draũgas 418, 755_3
dravė 609_2
dravìs 609_2
drẽvė 223, 233
drevẽti 609_2
drū́tas 613
dù 845
dubùs 6
duktẽ 114, 150_1, 184, 194, 207, 405, 766
dùkterį 194
dukteryjè 194
dū́mai 206, 466
dúomi 203, 753
dúona 694, 873
dúon-ėdis 698
duonìs 754
dúosiu 389_1
durìs 224
dùrys 743
dū́sauti 466
dūsėti 466
dvasas 237
dvasià 237, 466
dveigỹs 722
dvẽsti 466
dvì 133, 845
dvì- 845
dvìdešimt 847
dvìgubas 845
dvì-rātis 719

ėda 698
ėdmi 181
ėdrà 303
ėdrūnas 243
ėdu 77, 698
ẽglė 633
eĩ-k 343
eimì 724_1
eldijà 418
ėlnis 518
ẽpušė 626
ėras 584
erẽlis 218, 489, 538
esmì 117
ėstas 406
ėsti 339, 339_2
ešvà 544
ežỹs 526

gaĩžti 97
gaižùs 97
gajùs 235
gálva 380
gañdras 543_1
gar̃das 744
geležìs 710_1
gelžìs (*диал.*) 710_1
genù 77, 86, 740
gerìù 702
gérvė 540
gėsti 48_2
gylė 618
giléndra 618
giñti 77, 86
ginù 740
gìrė 666
girià 666
gìrna 693
gìrnos 175, 419
gìrti 205
gývas 235, 465
giwamù-jem (*cm.-лит.*) 353
gìžti 97
glẽbti 418
glìnda 535
gniáuž-iu 98
góti 86
gražóti 98
Grọubýnc 624
Gruobýnas 624
gùžė 97
gūžti 97

ielek(š)tis 721
ieškóti 108, 112, 121_1
ievà 629, 631
ýla 923
ilgas 782
imù 218, 225, 754
inkštìras 526_1
yrà 288, 339
iriù 675
ìrklas 675
iš óro 206, 743

į-nir̃tęs 190
įsnaiga 419

jāknos 815
jaũ 418
jaukùs 114
javaĩ (мн. ч.) 656
jãvas 655, 928
jentė 760
jóti 724
jundù 406
jùngas 721
jùngiu 721
juõkas 818₂
júosta 705
júostas 705
jũra 672
jùsti 406
jũšė (диал.) 703

káimas 180, 421₁
káina 809
kálnas 669
kamãnė 418
kañ-kl-ės 221
kãras 741
kãrė 741
kãrias 741
karšėti 97
kárvė 113, 173, 411, 421₁, 484, 566₁, 645
kàs 86
kasà 85
kasulas (ст.-лит.) 168
katẽ 599
káuju 715
kelẽnas 131
kẽlis 131
kèpti 699
kepù 699
keraĩ (мн. ч.) 836
kẽras 176
keriù 176
kerpù 692
kẽršas 710₁
keturì 845
keturiasdešimt 847
ketvir̃tas 845
kiaunẽ 880₁
kiẽmas 421₁
kinkýti 98₁
kirmìs 196, 527₂
Kirnis 644, 645
kir̃vis 933
kìškis 522
klausýti 112
klíšė 98
kliáuti 874
kraũjas 57, 77, 85, 698
krienas (ст.-лит.) 747
krùvinas 85
kùmslė 413, 419, 849
kuř 160
kùrmis 533
kùrti 706
kvaksėti 534₁
kvãpas 30, 102, 409

laigõnas 806
laĩkas 180
lãpė 513
lãšis 536, 923, 946
lašišà 536
laũkas 85, 114, 180
lazdà 637₁
lesù 826₃
liáudis 418, 477
liežiù 111₁
liežùvis 814
linaĩ (мн. ч.) 659
lìzdas 118
lokýs 498
lúnšis (диал.) 512
lũšis 511
lũš-ų (ст.-лит.) 512

maĩnas 754
maĩšas 419
málnos (мн. ч.) 658
malù 693
málžau 179
málžyti 179
mãras 417, 947
mãrė 181, 673
mãrės (мн. ч.) 422, 943
mãrios (мн. ч.) 673
medùs 604
mẽdžias 485
medžióti 486
meldžiù 803
mélžti 569
mẽlžu 164
mẽnas 176
mentùrė 55
menù 176, 813
mẽs 292
mérkiu 143₁
mẽtai (мн. ч.) 684₂
mẽlas 783
mẽnesis 684
mẽnuo 424, 684, 899
miegmì 288
miglà 85
mìni 302
miñti 473
mintìs 176, 199, 813
mir̃šti 128
mõras 645₁
móté 77, 184
moteř̃s 77
musẽ 534
mũsaĩ (мн. ч.) 664

naktìs 27, 791₁
nãmas 741, 741₁
nar̃tsas 190
naũjas 783
navas (ст.-лит.) 179
ne 385₂
nẽkas 472₄
neptẽ (ст.-лит.) 767₂
nepuotis (ст.-лит.) 767₂
nėrà 339, 339₂
nėrà Diẽvo (ст.-лит.) 339
nértėti 190
nesimiegojo ir Jonui 288
nešimas 393
niežti mi (ст.-лит.) 287
nìrtinti 190
nósis 158, 814
nu- 359
núogas 50, 168
nuõ-pat 361
nuplėšti 30

óbalas 637
óbuolas 422, 637
óras 206, 743
ožìnis 417
ožỹs 131, 417, 585
ožkà 585, 589, 940

paisýti 692
pãlaikas 180
par̃šas 594, 921
paršẽlis 594
paršienà 594
paschłowintoie panna (ст.-лит.) 353
pa-si-klausýti 357
pãšaras 645
pašýti 578
pàt 168, 361, 758₂
pā-talas 933₂
patìs 374
pàts 168, 758, 758₂
paũdrė 933₂
pa-žastìs 785
pẽkus 146, 421, 469₂, 579

pelẽ 532
penkì 845
penkiasdešimt 847
peñktas 845
perkūnas 410_1
Perkūnas 615, 793, 798
perkūnija 410_1, 615
Perkūnkalnis 615
Perkūno akmuõ 667
Perkūno áužuolas 615
Perkūno dienà 852
peršù 237, 241
piemuõ 695
píenas 570
piẽšti 110, 143, 632, 946
pilìs 744
pilnas 93, 205, 234, 781
pilus 199
pìrmas 196, 843
pirm-dėlė (kárvė) 570_1
pìršti 237
plãkanas 424
plàkti 30
plakù 30, 30_1
platùs 55
plaũčiai 815
pláuksiu 389_1
plẽšiu 30
plėvė 227, 238_1
pra-paršas 689
prašaũ 237
prašýti 108
(pri)pažìnti 805
prõtas 29
puotà 77
pupùtis 541_1
pūraĩ (мн. ч.) 657
pušìs 631

rãgas 880_1
rankà 380, 382
rañkosu (ст.-лит.) 382
rãtai (мн. ч.) 216, 719
rãtas 718
raudà 180
raũdas 422, 712
riẽšutas 635
riešutýnas 635
rìsti 216
ritù 216, 711
rugiaĩ (мн. ч.) 419
rugỹs 658
rùkti 511
ruošutỹs 131, 635

saĩtas 704
sakaĩ 123
salà 745
Sãlantas 245
sárgas 811_2
sáulė 117, 188_2, 210_1, 684
sáulės duktẽ 777
saũsas 158, 598
sėdėti 116
sėdžiu 155
sègti 155
sėju 688
sėkmas 846
sèkti 155, 696
sėmenys (мн. ч.) 422, 688
sėnas 783_1
septynì 846
septyniasdešimt 848
sérgmi (ст.-лит.) 811_2
sergù 123, 426
sesuõ 119, 123, 184, 280
sidãbras 419, 713_2
siẽti 704
sirgti 123, 426, 811_2
siũti 704
skeliù 119
skérỹs 527_1
skiedrà 112
skirvinti 527_2
skrõblas 624
slãbnas 419
slobstù 6
slõbti 6
smakrà 112, 920
smãkras 112, 113, 411
snaĩgala 180, 419
sniẽga 681
sniẽgas 86, 117, 681
spėti 55, 117, 219
sprãga 117
sprãginti 117
sravìù 227
staigà 180
stirna 108, 411, 645
strãzdas 541
stumbras 520, 521
sūnùm 382
sūnumì 380, 382
sūnùs 380, 382, 423, 597_2, 765
svagėti 123
svarùs 123
sveriù 123
svỉestas 122, 124, 570
svìlinti 117

šakà 31, 44, 97
šãpalas 31
šarmonys 523
šarmuõ 523
šárvai 817
šeimà 418, 420, 421_1
šẽkas 97
šẽmas 230
šerdìs 186
šérdį 173, 186
šermuõ 523
šérti 645
šešì 122, 845
šešiasdešimt 847
šẽštas 846
šẽšuras 112, 123, 374, 411, 760
šiñtas 94, 846
širdìs 94, 163, 173, 186, 199, 800_1
šìrdį 186
širšė 423, 535
širšuõ 535, 939
šỹvas 417, 710_1, 947
šlovė 112
šunès (pod. n.) 590
šuñs 94, 100
šuõ 94, 100, 181, 184, 243, 271, 590
šuolỹs 109
šveñtas 102_1, 801, 802

tà 384
tą 384
tãnas 180
tàs 384
tašýti 706
taũras 519, 521
tautà 38, 749, 943
tekù 49, 146_1, 153, 670
tetervà 541
tẽvas 380, 765_2
tẽvu 380
tiriù 176
trikõjis 224
trìnti 707
trisdešimt 847
trỹs 845
trùk-stu 30_2
tùkstantis 108, 125_1, 419, 848
tùščias 417

ùdra 529
ūdrotas 933_2
ūdróti 569_4, 933_2

ugnìs 257₄
ungurỹs 526₁
úoga 648
uolektìs 131
úosis 625
úostas 814
ùpė 72₁, 402, 670
ušės 122
úž- 243

vagi-mì 380
vagìs 380
vainìkas 650
vaiverìs 522
valdýti 752
vandeñs akìs 675₂
vanduõ 248
vapsvà 535
varˉdas 422
varˉmas 222₁, 527
várna 540
vãsara 690₂
vãškas 610
vėdinti 942
vè-du 293
vedù 756
veikiù 422
vėjas 380, 677
vėju 380
vejù 649
vėldu 423, 938
vėlės 425
vėlìnės 824
Veliuonà 824
velkù 124, 689
vel-mie-s 390₁
veˉršis 566, 930
vėtra 425, 677
vėverìs 522
vežù 723, 942
viešpatni (ст.-лит.) 374, 759
viẽšpats 743
vievesa 535
vil̃ką 272
vilkaĩs 382
vil̃kas 176, 199, 271, 380, 382, 492
vìlkė 492
vilkù 380
vilką̃ 268
vìlna 206, 578, 578₁
vilnìs 861
vilpišỹs 513
vỹnas 648₁
vìnkšna 634₁
vỹras 469₁, 759
viršùs 128
vìrti 826₁
vìržės 662
vytìs 628, 650
vorà 719₁
vóras 230

žaĩgà 97
žąsìs 112, 158, 542
želiù 714₁
žel̃tas 419, 420, 714
žẽmė 150, 821
žengiù 97
žénklas 175
žéntas 234, 751₁, 762₁
žiemà 94, 100, 226, 238₁, 242, 376
žiemõs (под. п.) 376
žil-vìtis 650
žinaũ 175
žinóti 175
žirgas 555
žìrnis 175, 422, 694, 943, 946
žmuõ 475, 821
žuvìs 536
žvaigždė̃ 685
žvėrìs 181₁, 469

Латышский

âbele 637
agrs 665
akna 815
alus 932
apse 626, 940
âra 743
aũkls 555
aũt 688
asara 816₁
asins 117, 187, 206, 816
atzìt 805
aũlis 609₂
àuns 584
àut 705
àuza 659
avs 577
avuõts 675₂

baũbals 603
bērze (диал.) 619
bẽrzs 619
bìezs 782
biẽga 699
bite 602
briẽdis 519
buõztiẽs 154

caũna 880₁
cir̃pe 692
cũka 598

četri 845

daˉrva 612
dâvana 171
debess 77, 667
dẽju 172, 203
dẽju 570
dẽļs 570₁
dẽt 77, 172
dieva (под. п.) 378
Dieva dẽļi 351, 643, 777
dieva suns 488. 494
dieva vẽrši 488
dieva zuosis 488
diẽveris 77, 760
dìevs 378, 488, 798
drava 609₂
dreve 609₂
du-celis 718
dvẽsele 237
dzèlzs 710₁
dzẽrve 540
dziṛa 666
dziˉrnus 175, 419, 693

egle 633
èrglis 538
ẽst 77
ezis 526

gãju 60, 86
gnìda 535
grebt 418
Gruõbiņa 624
grũts 782
gùovs 77, 86, 191, 565

ìetere 760
iẽva 629, 631
ir(o) 288₂

jaũja 656
jẽrs 584
jumis 132, 778
jũṛa 672

kaķe 599
kaļns 669
kam nież 288
klàusìt 112
krę̃kls 112
kriens 747
kuˉrmis 533

lâcis 498
laiks 180
lapsa 513
lasît 826_3
ļàudis (мн. ч.) 477
lazda 637_1
lini (мн. ч.) 659
lûsis 512
lûša spalvas zirgs 512

maîna 754
māte 77, 765
mędus 604
męlnais strazds 541
męlns 632_2, 783
męma 472_4
męmie gari 472_4
męms 472_4
meža 486
meža suns 486, 494
meža vîrs 486
meža zvęrs 486
mežs 485
mîlesa 699
milna 422
mînêt 473
mît 754
mukt 143_1
muša 534

naba 817
nakts 791_1
nams 741_1
nâve 419, 825
ņemt 754
nevaid 339
niêzt 288
nuôdara 231, 233
nuôgs 168

pazît 805
Pèrkūns 615, 793, 798
Pęrkuona uôzuôls 615
piêns 570
pils 744
plāns 781
plàuši 815
pupiķis 541_1
pupuķis 541_1
pūri 657

rags 880_1
rats 719
riêkstis 637
ritêt 643
rudzis 658

sàime 180, 418
saîte 704
sàls 158, 703
sanêt 123
saîgs 811_2
sârņi 817
saûle 188_2, 210_1
saules meita 777
sęks 97
sęrmulis 523
sidrabs 713_3
slet 704
sìmts 846
slîds 94
slîgt 811_2
sirna 876
sirpis 691
sirsis 535
slis 236
skābarde 624
smakrs 112
snāt 704
snìegs 86
staiga 117
strauja upe tęk 670
strâva 405_1
strazds 541
stumbrs 520
sûbrs 520
sudarbs 713_2
sùkt 143_1
sumbrs 520
suns 590
suôlis 109
sûrs 817
susuris 953
svaîdît 122
svakas 123
sviêsts 122, 570
svinêt 801
svìns 593

šķidrs 109, 112
šķirgaîlis 527_1
šût 704

tàuta 749, 943
teku 153, 670
teteris 541
têst 706
tęvs 765_2
trîs 845
tûkstuôts 125_1, 419

uguns 257_4, 274
uôga 648
uôsis 625
uôzuôls 615
upe 72_1, 274, 670
upes tęka 670

vârds 422
vasara 690_2
vasks (vaska) 610
vāvere 522
vējš 677
Veliuonà 824
Veļu laiks 824
vepris 515, 515_2
vèrsis 566, 930
véru 808
vija 650
viksna 634_1, 644_2
vîlna 578_1
vîns 648_1
vîtzis 662
vîtuôls 628

zelt 714_1
zelt' âbuoli 643
zęlts 419, 714
zeme 821
zîle 618
zìma 100
zinât 175
zirgs 555
zīrnis 175
znuôts 234, 762_1
zùobs 423, 815
zùoss 112, 542
zuvs (дual.) 536
zvàigzne 686

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Старославянский

ablŭko 422, 637
agnę 584
agoda 648
aldi(ji) 418
alŭnjĭ 518
ašterŭ 527_1
azŭ 383

berǫ 164
berǫšta 375
berǫtŭ 304
**bĭbrŭ 220*
bĭčela 602
blędǫ 418
bljusti 406
blǫdŭ 418
bodǫ 422
boga 378
bogŭ 378
boljjĭ 6
brada 69_1, *422*
brakŭ 756
bratrĭja 375
brat(r)ŭ 764
brŭvь 786_1
bukarĭ 623
bukŭ 623
bŭčela 602_2
bychŭ 129
bylje 467
byti 129

cělŭ 418, 812_1
cěna 809

chraniti 479_1

čara 176
čarodějĭ 324, 836
če-go 379
čelo 669
česati 216
česo 378
češǫ 85, 156
četvrĭtŭ 845
četyre 153, 845
četyri (ж. р.) 845
četyrŭ 268_2
čĭ-to 160, 378
črĭvenŭ 527_2
črĭvь 527_2
črŭnŭ 417, 710_7, *947*
črŭvь 196
čudo 836
čujǫ 836

damĭ 41, 753
danĭ 754
darŭ 196, 754
davati 171
davě 230
davlti 495
davĭnŭ 230
derǫ 707
desętĭ 155, 199, 846
desnŭ 129, 129_1, *155, 417, 783, 947*
devętĭ 846
devętŭ 846
dějǫ 172, 203
dělatelĭ 247
děliti 418
děti 77
**dětĭ* 570_1
děva 570_1
divjjĭ 488
-dĭlitĭ 230
dĭnĭ 227
dlŭgŭ 'долгий' 46, 205, 209, 782, 360_3
dlŭgŭ 'долг' 808_2
dobrŭ 418
dojiti 570
domŭ 41, 741
drěvo 174, 272, 612
drugŭ 418, 755_3
drŭva 282
duchŭ 237, 241, 466
duša 237, 466
dŭbrĭ 6
dŭšti 150_1, *766*
dŭva 845
dŭvadesęti 847
dŭvě 845
dŭždĭ 680, 780
dvĭri (мн. ч.) 224
dvĭrĭ 743
dvorŭ 134_1, *180, 743*
dychati 466
dymŭ 206, 466

es-mĭ 295
es-tĭ 295
ěd-ęt- 302

glagoljǫ 221, 301_1
glasŭ 601
gnězdo 118
godina 154
godŭ 146_2, *154*
golǫbĭ 602_1
gonjǫ 77

gora 666
gorě 666
goréti 65, 683
goritŭ 179
gostĭ 85, 168, 380, 382, 754
gostĭmi 382
gostĭmŭ 380
gostĭmŭ 382
govędo 77
govędžĭ 565
govějǫ 803_3
gradŭ 42, 744
groza 98
gumĭno 565
gŭnati 86, 740

igo 85, 179, 272, 721
imati 218, 225
imenŭ 268
imǫ 754
inokŭ 843
inŭ 843, 844
išęknǫti 155
iskati 108, 112, 121, 345
iti 724_1
iz-baviti 342, 357
i-že 218, 387

jamĭ 77, 181, 217, 698
jarĭmŭ 723
jastŭ 77
jasŭ 190
(j)azno 131, 417
jed-inŭ 843
jelenĭ 518
jelĭcha 635
jesenĭ (ц.-слав.) 853_1
jesmŭ 305
jeste 305
jestĭ 246
jestŭ 117
jezykŭ 814
**jucha (общ.-слав.) 703*
(j)u(že) 418

kadilo 155
kajǫ (sę) 809
kamenĭmi 382
kamenĭmŭ 382
kamy 112, 230, 382
kazati 154
kažǫ 154
klakolŭ 221
klěšta 98
ključĭ 874

kobyla 556
Kočĭlŭ 600
ko-go 279, 379
kola (мн. ч.) 718
kolese (род. п.) 718
kolo 86, 180, 718
konjĭ 556
kora 122, 219
kostĭ 131, 816
kovǫ 715
koza 131, 585, 589, 940
krava 173
krŭma 703
krŭvĭ 57, 77, 698
kurŭ 602
kŭ 365_2
kŭ-de 160
kŭnemŭ 365_2
kŭ-to 86, 279
kvasŭ 31, 102, 409
kypěti 30, 30_2
-kysnǫti 102

ladĭ(jĭ) 418
lebedĭ 783
lešti 654_2
lěčiti 827_1
lěto 853_1
lěvŭ 783
lisa 513
lizati 111_1
lĭgŭkŭ 782
lĭněnŭ 659
lĭvŭ 508_1
ljudĭje 477
lovŭ 740
loza 654
luna 684

matere 77
materŭ 268
mati 77, 765
medŭ 604
medv-ědĭ 324, 698
meljǫ 231, 693
mene 279, 383
mę 383
męso 699
mętǫ 55
měchŭ 419
měna 754
měra 684_2
měsęcĭ 684, 899
milosrĭdŭ 348
mirŭ 754
**mĭgla (общ.-слав.) 85*
mĭněti 472
mĭni(tŭ) 302
mĭnjǫ 818, 835_1
mlatŭ 715
mlěko 571
mlŭnjĭjĭ 422, 715
mojĭ 291
moliti 803
morje 181, 422, 673, 943
morŭ 417, 947
mozgŭ 813_1
mravi 222
mrěti 475
mucha 534
my 292
myšĭ 114, 129, 185, 531

nagŭ 50, 168
ne 254
nebese (под. п.) 77, 167, 668
nebes-i 165, 167
nebesŭ 268
nebo 77, 167, 668, 677
ne-bogŭ 201, 218
ne-brěgǫ 418
neslŭ 393
netjĭjĭ 768_1
netŭ 254
nevěsta 756
ne-že 385_2
ně-kŭto 472_4
někyjĭ 472_4
němŭ 472_4
nęstĭ sŭtvorilŭ 339
niva 781
nizŭ 781
noga 67
nosŭ 158, 181, 814
noštijǫ 380
noštĭ 168, 380, 791_1
novŭ 179, 783
nŭ 359
ny-imatŭ 364
nynĕ 359

ob-ujǫ 705
ognĭ 257_4*, 274, 699*
oko 121, 786_1
olŭ 932, 946
ono 385_2
orati 688
orěchŭ 131
orlŭ 158, 218, 538
orjǫ 424, 688, 899
oslŭ 872
osmĭ 846
ostegŭ 85
o-strovŭ 180, 227, 405_1
ostrŭ 112
otĭcĭ 765_2
otŭ-lěkŭ 417
ovĭca 159, 577
ovĭnŭ 584
ǫditi 123
ǫzŭ-kŭ 67, 781

pa-mętĭ 199, 813
pasǫ 695
pasti 158, 346
pastuchŭ 695
pastyrĭ 695
pekǫ 146, 699
pęstĭ 419, 849
pętĭ 845, 849
pętŭ 845
pěgŭ 143
pijǫ 77, 426, 702
pišǫ 143, 632
piti 77
pĭsati 110, 946
pĭsŭ 590_2
pĭšenica 658
pĭšeno 692
plakati 30, 403
plesti 228
plešte 200, 781
pletǫ 706
plušta (мн. ч.) 815
plŭnŭ 234, 781
počiti 235, 242
po-grebǫ 418
pokojĭ 235, 242
polje 781
polŭ 780
poměnǫti 345
popelŭ 220, 257
posochŭ 97
potĭpěga 758
po-žĭrǫ 702
pǫtĭ 55, 383
pǫtĭju 383
prĭvŭ 196, 843
prositi 108, 237

raběchŭ 382
rabota 479
rabŭ 382, 479, 748
ralo 688
ramo 785_1*, 946*
rekǫ 191
rěchŭ 191

roáiti 236
rodŭ 236, 749
rogŭ 880₁
rovǫ 511
rǫka 380, 382
rǫkachŭ 382
rǫkǫ 380
ruda 711
rudŭ 422
rŭdrŭ 66
rŭžǫ 511
rykati 511
rysĭ (ц.-слав.) 512

saditi 342
samŭ 843
sedmĭ 846
sedmŭ 846
sekyra 716₂, 874
**selezenĭ (общ.-слав.) 815*
selo 745
sestra 123, 280, 405₁, 764, 926
sędǫ 155
sějǫ 688
sěmę 422, 688
sěrŭ 230
sětĭ 704
sěždǫ 155
sivŭ 417, 710₁, 947
sĭrebro 419, 713₂
**sĭršenĭ (общ.-слав.) 939*
skala 119
skora 122, 219
slabŭ 6, 419
slanŭ 674
slovǫ 112
slušati 112
sluti 112
slŭnĭce 188₂, 684
snĕgŭ 86, 117, 180, 419, 681
snujǫ 704
**snŭcha (общ.-слав.) 117, 761*
sobĭ 303₁
socha (ц.-слав.) 31, 97, 690
solĭ 116, 158, 703
sǫdi 284
sǫdŭ 284, 365
sǫkŭ 157
sǫtĭ 246
sǫtŭ 305
spějǫ 55, 117
sraga 123
sréda 94
srŭdĭce 94, 173, 186, 199, 800₁
stignǫ 85, 140
stogŭ 44
straží 811₂
struja 227, 405₁
suchŭ 158, 598
sujĭ 100
sŭ 365₂
sŭ-dělati 357
sŭ-dravŭ 613
sŭnemŭ 365₂
sŭnŭ 117
sŭrebro 713₂
sŭto 846
sŭtvori (aor.) 339
sŭznati (sę) 805
svarŭ 123
**svekrŭ (общ.-слав.) 760*
svekry 112, 123, 374, 411, 760
Svętoplŭkŭ 348
svętŭ 102₁, 801
svinija 593
svinŭ 593
svistati 123
svojĭ 336
synovŭ 268
synŭ 380, 423, 597₂, 765
synŭmĭ 380
syrŭ 160, 172

šestĭ 122, 845
šestŭ 846
šijǫ 704
šujĭ 783

ta 384
tajiti 748
tatĭ 748
tebe 279
tekǫ 146₁, 153, 191, 670
-tel- 196
tesati 706
tę 133
těchŭ 191
tĭnŭkŭ 199, 782
tĭrǫ 176, 707
to 275₁, 384
to-go 379
toplŭ 146₃, 683
tǫ 384
tri 845
trideseti 847
trije 845
turŭ 519, 521
tŭ 275₁, 384
tŭlĕti 877₂
tŭštĭ 417
tysęšti 419, 848

u-bogŭ 201
ucho 786₄
u-gasiti 48₂
**ujĭ (общ.-слав.) 767*
u-kazŭ 154
ukŭ 114
unje 780
usta (мн. ч.) 191₁, 814
ušese (род. п.) 786₄
uvędati 123

variti 683, 826₁
varŭ 683
vedǫ 756
velikŭ 848
velĭjĭ 848
velĭbǫdŭ 525₁
vesna 690₂, 853₁
vesti 190
vetŭchŭ 783
vezǫ 65, 723, 942
vě 293
věcha (слав.) 946
vědě 178, 302, 390₁, 836₁
věja 650
vějati 677
věkŭ 422
věnĭcĭ 650
věra 422
věs-ŭ 66, 190, 389₁
věti(ji) 836
větrilo 677
větrŭ 196, 425, 677
větvĭ 650
vinjaga 648, 648₂, 649₂, 881₁
vino 648
vinogradŭ 648₂
viti (слав.) 649
vitĭ (слав.) 650
vĭdova 65
vĭjǫ 649
vĭsĭ 743, 788₂
vĭsĭ mirŭ 349
vladǫ 423, 752, 938
vlękǫ 124, 689
vlĭko-mĭ 380
vlĭkŭ 199, 271, 380, 492
vlŭna 861
volko-davŭ 324
vonja 466

vozŭ 723
vrĭchŭ 128
vrĭtěti sę 719
vŭdova 759
vŭnukŭ (слав.) 766₃
vŭz- 243
vy 292

zelenŭ 714₁
zemlja 150, 821
zętĭ 751₁, 762₁
zima 94, 226, 238₁, 242, 853₁
zlakŭ 655₁
zlato 419, 714
zlŭčĭ 816
zmĳja 526
znati 234
zǫbŭ 815, 879
zrĭno 93, 175, 422, 694, 943
zvěrĭ 181₁, 469
zvězda 685
zvizdati 123

žegǫ 49, 146₁, 154
želati 175
želěti 175
želězo 710₁
žena 42, 185, 218, 271, 758
ženǫ 272
žešti 154
žito 465
živŭ 235, 465
žĭrǫ 93₂
žrěbĭjĭ 624
žrŭnovŭ 175, 693
žrŭny 419

Болгарский

аблъко, йабол (диал.) 637
брязов 621
вълколак 494
гора 666
заминала 338₁
конов 662
котка 599
съсар 953
съсел 953
яда 698
ясика (диал.) 626
ясте 406

Сербо-хорватский

bâr 873, 943
brât 195
brâta (вин. п.) 195
bresten 620₁
brêza 619
brêzov 621
djêtao 542
dûg 205, 209
góvno 565₂
grâb 624
gràbar 624
gòra 666
grîva 545
îva 629
jarìna 691₁
jâsen 625
jêsen 126₁
kôt 599
kòtiti (se) 599
krèsati 112
lijèska 637₁
mâh 664
mlâz 571
mlêvo 693
Múnja 643
nêćâk 768₁
nô 359
ôko 675₂
ôpica 523
órah 635
òriti se 803
pâvît 650
pîr 657
pûn 234
sinovac 768₁
skôtna 599
slâtina 674₂
slîjepî mîš 532
vâtra 788₄
vêst 406
vijènac 650
vînjaga 648
Zdeslav 834
žâba 534
žâr 683
žêlva 533

Словенский

brt 609₂
gǫs 112
jâhati 724
júha 703
morské oko 673
oje 721
ojese (род. п.) 721
ôpica 523
pîr 657
plęva 227
sirǫv 817
sliv 711
vedanec 492
vedavec 492
vedomec 492
vinjága 648
volčja dlâka 494
želva 533

Русский (древнерусский, церковнославянский)

авось 360
баран 585
барс 500
береза 619
березовий (др.-рус.) 621
Березуй (др.-рус.) 621
берест 620₁
береста 619
бересто (др.-рус.) 619
бересто (диал.) 619
беречь 418
блинъ (др.-рус.) 640₁
бобер 77, 530
возъ (др.-рус.) 622₁
бóрошно 422
борть 707
братвá 764
броныи (др.-рус.) 530
бузина 622₂
бук 622
букъ (др.-рус.) 622
букъвь (др.-рус.) 623
буквы (др.-рус.) 623
бучать (диал.) 602₂
бъртъ (др.-рус.) 609₂
быхъ (др.-рус.) 129

вевернца 522
ведать 494
Велесъ (др.-рус.) 824
Велесовъ вънукъ (др.-рус.) 836
вепрь 515, 515₂
верблюд 525₁
верес (вереск) 662
вермие (др.-рус.) 222₁, 527
верх 128
ветла 628

вёверица(др .-рус.) 522
вёно (др.-рус.) 747
взоржа земля (др.-рус.) 511
виверица (др.-рус.) 522
видимый 393
вино 648
вишня 644₂
вложити в(ъ) сердце (др.-рус.) 800₁
водити (жену) (др.-рус.) 756
волкодав 324
волкодлак 324
волколак 324
вóлна (диал.) 578₁
волч-и-ца 492
вон 360
ворог (др.-рус.) 494₁
ворожа (др.-рус.) 494₁
ворожейка (диал.) 494₁
ворожея (др.-рус.) 494₁
ворожити (др.-рус.) 494₁
ворона 540
воск 610
вот 360
вошь 535
вълкоядьныи (др.-рус.) 324
вълна (др.-рус.) 578₁
въшь (др.-рус.) 535
выгребаю 418
выдра 529
вымя 569₄
высь (др.-рус.) 743
вяз 634₁
вязъ (др.-рус.) 634₁
вянуть 123

глотать 175
гнида 535
говеть 803₃
говядина 77, 86
говядо (др.-рус.) 565
гоголь 542₂
год 146₂
голос 601
гора 666
граб 624
грабина 624
гребу 418
грива 545
гужу 301₁
густопсовый 590₂
гусь 112, 158, 542
гърнъ (др.-рус.) 708

дверь 180
де 361₁
дерево 612
деру 223
дéверь (рус. ц.-слав.) 77, 157, 760
дивии вепрь (др.-рус.) 515
дивиї ѡлень (др.-рус.) 488
длить 230
добрая 353
доёное молоко 570₁
дождь 680
доить 570₁
долгий 205, 209
дор (диал.) 231, 233
дóчери (диал.) 194
дочи́ (диал.) 194
дочь 569₄
драть 231
дрова 282
дровúна 609₂
дрозд 541
друг 418
дружина 418
дуб 615
дубъ (др.-рус.) 615
дух 237
душа 237
Дънѣпръ (др.-рус.) 671
Дънѣстръ (др.-рус.) 671
дюжий 418
дятел 542

еда 698
еж 526
ель 633
ёргать 498₁
ёрзать 498₁, 817
jeti 817₁

жаба 534
жар 684
желвак 533
желудь 618
жедчь 816
жернов 419
животъ (др.-рус.) 465
жру 48₂
журавль 540

забор 179
заяц 522
звéри дивии (др.-рус.) 488
звéрь (др.-рус.) 469
здоровый 613
зерно 422

золото 419, 420
зуб 423
зубрь (др.-рус.) 521
зълъва (ц.-слав.) 760, 942
зять 751₁

ива 629, 642
иди! 724₁
идти охотиться 696₁
из-вест-ный 406
Ильтица (др.-рус.) 862
искать 112
ишак 564₂

квакать 534₁
квакушка 534₁
кобыла 556
коза 131, 585
кзьдѧ (др.-рус.) 585
кзьлъ (др.-рус.) 585
кола (др.-рус.) 718
колено 131
комонь (др.-рус.) 556
конопля 662
конь 556
корм 703
корова 113, 173, 411, 421₁, 484
кот 599
котец 146₂
котиться 599
котъ (др.-рус.) 599
котьць (ц.-слав.) 29, 146₂, 932
крою 707
крънути (др.-рус.) 747
кума (др.-рус.) 880₂
кур (кура) 602

лань 518
лебедь 543
лев 659
ложе 66
лоза 654
локоть 131
лосось 536
лось 517
лошá (диал.) 556
лошадь 556
лунь (диал.) 685
любимый 393
любить 696
люд 418
люди 418
людинъ (др.-рус.) 477
лютый звѣрь 511
ляга 534

ляг-ать 534
лягушка 534
ляжка 534

малина 783
мгла 85
медведь 498
медвѣдь (ц.-слав.) 498
медъ (др.-рус.) 604
межá (диал.) 485
меринъ (др.-рус.) 556
месяц 424₁
мех 419
мехá (мн. ч.) 419
мехи́ (мн. ч.) 419
мѣнити (др.-рус.) 473
млѣсти (др.-рус.) 569, 571
млѣшти (рус. ц.-слав.) 569
мжить 288
млинъ (др.-рус.) 640₁
млъзу (др.-рус.) 571
мол 361₁
молить (др.-рус.) 803
молния 422
молоко 571
моргать 143₁
море 181
море 'озеро' (диал.) 673
мох 663, 664
муж 475
мужь (др.-рус.) 759
муравей 222, 527₂
мъхъ (др.-рус.) 664
мышь 129

навь (др.-рус.) 419, 825
небо 668
не-богъ (др.-рус.) 748
немой 472₄
нестера (др.-рус., ц.-слав.) 768₁
нѣмьць (др.-рус.) 472₄
но 359
нога 67
ноготь 67
нюхать 814₁

овес 659
овин 656
овинъ (др.-рус.) 656
овьсъ (др.-рус.) 659
оглобля 418
огонь 274
олень 518
олово 783
олъ (др.-рус.), олуй (диал.) 946
ольха 635
опица, опишца (др.-рус.) 523
опыни (др.-рус.) 523
орать 803
орел 489, 538
орѣхъ (др.-рус.) 635
орѣшие (др.-рус.) 635
оса 535
осени (др.-рус.) 126₁, 691
осень 691
осина (др.-рус.) 626, 940
оскърдъ 119
о-соба 303₁
осока 123
остров 227
ось (др.-рус., ц.-слав.) 721
осьлъ (др.-рус.) 562
охота 695
охотиться 695

пепел 220
перегыня (др.-рус.) 615
перо 238₁
Перуновъ дубъ (др.-рус.) 615
Перунъ (др.-рус.) 793
пес 590₂
пескарь 536
петел 602
петух 602
петь 602
пѣтьлъ (др.-рус.) 602
писать 110
пискарь 422, 536
плавитися (рус. ц.-слав.) 675₁
плева 238₁
плов 675
пловьцъ (др.-рус.) 675
плугъ (др.-рус.) 688
плюча, мн. ч. (др.-рус.) 815
половодье 297, 348
поросенок 594
порося (др.-рус.) 594
пою 301₁
прó-дал 195₁
про-сев 688₂
псовина 590₂
пшеница 658
пшено 692
пырей 657
пыро (рус. ц.-слав.) 657
пьсъ (др.-рус.) 590₂
пясть 419, 849
рак 533
робота (др.-рус.) 479
род 749, 751₁
рождать 751₁
рожь 419. 658
руда 711
рудъ (др.-рус.) 712
ръжати (др.-рус.) 511
ръжь (др.-рус.) 419, 658
рык 511

самъ другъ (др.-рус.) 843
самъ пятъ (др.-рус.) 843
свидеться 365
святой 102₁, 801
Сдеславъ (др.-рус.) 834
селезенка 815
Семарглъ (др.-рус.). 854
семья 418, 420
серебро 419
серна 411
серп 691
серяк 522
сестра 119
сивый 539
синий 539
скаред 817
скребу 624
сланьникъ (др.-рус.) 674
слаще меда 355
следовать ~ преследовать 696₃
слива 711
слушать 112
снег 117, 419, 681
снежит 681
собака (др.-рус.) 590₃
сознавать(ся) 805
соль 158
Соль Галичьская (др.-рус.) 674₂
соплю 301₁
сор 817
соха 519
сохатый 519
ссора 123
стадо 553
стону 301₁
сторож 811₂
сторожить (больного) 811₂
Стрибогъ (др.-рус.) 537₁, 765₂. 777, 791, 798, 799
струп 405₁
струпья 405₁
струя 227

стрыи (др.-рус.) 537₁, 765₂, 767₃
сукотая (диал.) 599
сукóтная (диал.) 599
супоросая 594
суслик 953
сухой 158, 598
сыта (др.-рус.) 607₁
сьршень (др.-рус.) 535

ташть 748
тараторить 301₁
тата 765₂
творог 570
теку 49
теребь 231
тесла (рус. ц.-слав.) 706
тетерев 541
теча (др.-рус.) 670
тис 629
тление 877₂
тля 877₂
тополь 627₂
тощий 417
тру 231
туръ (др.-рус.) 519
тысяча 125₁, 419
тятя 765₂

у-богъ (др.-рус.) 748
угорь 526₁
удить 569₄
уж 526
ужь (др.-рус.) 526
улей 609₂
устье 814
утва 543
утка 543
ýть 543
уха (др.-рус.) 703

хотеть 696

чара 176
черешня 644₁
черный 417
чесать 578₁

шершень 423, 535
шмель 418
шуршъ (др.-рус.) 761₂

щет(-ка) 98

э-то 359

яблоко 274
яблъко (др.-рус.) 637
яболонь (др.-рус.) 637
ягода 648
язьно (др.-рус.) 585
яловец (диал.) 634
яре (др.-рус.) 584
ярина 584
яръка (др.-рус.) 584
ясень 625
ястреб 537
ястрѣбъ (др.-рус.) 537
ясьчъ (др.-рус.) 625
ятровь 760
ящерица 527₁

Украинский

бзина (ст.-укр.) 622₂
вермяний 527
Віз 718
віщун 492, 494
креснути 112
перун 615
полигатися 806

Белорусский

ёрзаць 498₁
пярýн 615

Польский

barć 609₂
brony 530
brzesta 620
cztery 153
deszcz 680
długość 209, 426
dużo 418
dzięcioł 542
gęś 112
grab 624
gwiazda 685
gwizdać 123
jabło (ст.-польск.) 637
jasień 625
jedl(a) (ст.-польск.) 633
jedlina 633
jest 339₂
jodła 633
kamień piorunowy 667
karw (диал.) 113, 66, 577
kocić się 599
konop 662
kot 599
krowa 113, 173
len 659
łuna 685
nie ma 339₂
nie masz 339₂
nie masz Boga 339
oje 922₁
okno 675₂
opica (ст.-польск.) 523
piorun 615
piskorz 422
róża 663
sobaka (диал.) 590₃
ślepa babka 532
wino 648
woda miodem nasycona 607₁
Zdzieslaw 834
żołądź 618

Словинско-кашубский

bẽsānă 622₂
dvĭ́gø 723
sobaka 590₃

Чешский

bez 622₂
břesta 620
břieza (др.-чеш.) 619
broný (др.-чеш.) 530
brt (др.-чеш.) 609₂
čtyři 153
dieti jmě (др.-чеш.) 833
dlouhý 426
habr 624
hlt- 175
hovado 565
hovno 565₂
hrabr 624
hrád 744
hříva 545
jablko (jablo) 637
jalovec 634
jatruše 760
jedla (др.-чеш.) 633
jedle (др.-чеш.) 633
jeseň 126₁
jícha 703
jíva (др.-чеш.) 629
kot (диал.) 599
kotiti se 599
krsati 97
loza (др.-чеш.) 654
medvěd 498
nav (др.-чеш.) 825
oje 922₁
opice 523
perun 615
pěchovati 692

pýří 274
rúže 668
slepá baba 532
sprasná (svině) 594
srp 691
tratořiti 221, 301$_1$
vědi (др.-чеш.) 492, 494
věnec 650
vínek 650
zubr 521
žába 534
žár 683
želva 533

Словацкий

kot 599
mlze 571$_1$

Нижнелужицкий

kot 599
lěsć 654$_2$
wosa (wósa) 626

Верхнелужицкий

blinc 640$_1$
mlinc 640$_1$
ruda 711
wopica 521

Полабский

bâz 622$_2$
bûkvoi (мн. ч.) 623
gróbē 624
josén 625
krûōje 707
opó 523
Peräune dän 852
sacét 98

НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Хаттский

aja-/ija-/ja- 882
eštan 897$_2$
Eštan 684
ḫa-i-waib 505$_1$
ḫapalki 710$_1$
ḫapraššun 505
(ḫa-)parš- 882
ḫa-p/piuna-n 505$_1$
Ḫatagga 883$_1$
Ḫataḫḫa 883$_1$
ḫa-wa-šḫap(-i) 505$_1$
kait 883
ka(i)t 883$_1$
kattaḫḫa 883$_1$
šawat 641, 881
tabarna 641
takeḫa 505$_1$
takeḫa-un 505$_1$*, 510*$_3$
takkeḫal 505$_1$*, 510*$_3$
Talipina 532
Talipinu 532, 611
Talipuna 795
u-ra-i 882
D*Ú-ri-e-it 882*
windu- 649, 650
LÚ*windu-ḳḳaram 649, 881*

Шумерский

agar (a.gár) 877
AN *903*
an.nag 709
anšul/anše 562
ANŠE.KUR.RA *560, 564*
ANŠE.ZI.ZI *560*
aš 844
bala[g] 716$_1$
D*bil.ga.meš 904*
deš 844
dili 844
e-e lugal-bi 278$_1$
e me-lam-bi 278$_1$
gag 815$_1$
gè 844
gibil 709$_1$
gigir 718, 737$_1$
gud, gu 575, 876
guškin 711, 713, 876, 932
KÙ.AN *710*$_2$
kúr 665$_1$*, 877*
lugal e-ak 278$_1$
Meluḫḫa 709
mul GIŠ*gigir 686*$_2$
nu[d] 575, 876
LÚSANGA *787*
ANŠE*si-si 560, 560*$_2$*, 914*
šaḫ 595$_2$
TÚL *882*
tùr 877
urudu 709, 712, 712$_1$*, 876, 967*
urudu-me-luḫ-ḫa 709
zu 524

Эламский

akka 882
api(e) 882
baḫa 883
dukšiš 150$_1$*, 766*
luk- 883
mi-ir-ka-nu-ja-ip 496
pari 883
pini 882
ra-ša- 654
ra-ša-ka-ra 654
ta- 883
tatta- 883

Хурритский

ag- 883
ammattina 903
ašš- 863, 883
D*bil.ga.miš 904*
ešši 560, 914
ḫabalgi 710$_1$
ḫešḫi 883$_1$
išši/a 560
kad/te 883
kešḫi 728, 883$_1$
kešḫi//ḫešḫi 883$_1$
keški 883$_1$
mariianardi 727
pur(u)li 741$_2$
ušḫu 713$_2$

Урартский

ag- 883
Arṣibini 106$_2$*, 539*
aš- 883
atu- 897
burgana- 745, 883
gunu-še 883
kapi 897
pari/e 883

patari 744
^{D}*Ši-u-i-ni 897*
šú-si-na MU^{MEŠ} *844*$_1$
šú-si-ni MU *za-du-ú-bi 844*$_1$
šusini 844$_1$
šusini šale 844$_1$
GIŠ$_{}$*uldini 650*$_2$
ušḫu 713$_2$

АФРАЗИЙСКИЕ (СЕМИТО-ХАМИТСКИЕ) ЯЗЫКИ

СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

Общесемитский

**ʾajjal- 867*$_2$
**ʾakbar- 867*$_2$
**ʾall-(ān-) 616*$_1$
**ʾarnab- 867*$_2$
**ʾuw-(at-) 874*
**ʿalaḳ-(at-) 867*$_2$
**ʿapr- 212*
**ʿaṯtar- 686, 875, 875*$_1$*, 876, 967*
**ʿigl- 872*
**ʿ-r-b 212*
**baʿl- 212*
**baḳḳ- 867*$_2$
**baṯm- 867*$_2$
**burr-//*barr- 872*
**dabb- 867*$_2$
**duḫn- 873*
**-ḏbaḥ - 875*
**ḏiʾb- 867*$_2$
**ḏibḥ- 875*
**ḏubb- 867*$_2$
**ḏabuʿ- 867*$_2$
**ḏuparḏaʿ- 867*$_2$
**gadj- 872, 967*
**galgal- 737*$_1$
**gurn- 873*
**ǧārib- 867*$_2$
**ḥamm- 212*
**ḥinṭ-(at-) 873*
**ḫilāp- 628*$_2$
**kall-at- 942*
**k-l-ʾ 874*
**k-r-j 875*
**ḳalm-(at-) 867*$_2$
**ḳarn- 876, 967*
**labiʾ- 510*$_2$*, 867*$_2$
**mVṭḳ- 874*
**m-ṭ-ḳ 874*
**naḥaš- 867*$_2$
**naǰṭ- 867*$_2$
**naml-(at-) 867*$_2$
**našr- 867*$_2$
**nimr- 867*$_2$
**nūb-(at-) 867*$_2$
**nūn- 867*$_2$
**parʾ- 867*$_2$
**parǧuṭ- 867*$_2$
**pīl- 867*$_2$
**p-l-ḳ 716*$_1$*, 874*
**raḥaj- 694*$_1$
**raḥm- 212*
**raḳḳ- 867*$_2$
**riʾm- 867*$_2$
**sabʿ- 875*
**sabʿ-at- 875*
**s-m-ʿ 897*$_3$
**s-ṭ-m-ʿ 897*$_3$
**ṣarṣar- 867*$_2$
**šuʿār-(at-) 656*$_3$
**tawlaʿ-(at-) 867*$_2$
**-ṯḥan- 694*$_1$
**ṯaʿlab- 867*$_2$
**ṯawr- 519, 872, 967*
**waʿl- 867*$_2$
**wajn- 648, 650, 881, 968*
**warn- 867*$_2$
**ẓabj-(at-) 867*$_2$

Аккадский

ʾemmu(m) 212
ʾepru(m) 212
ʾerēbu(m) 212
agalu 872
aḫāzu 753
annaku 709
Anum 903
argamannu 925$_1$
bēlu(m) 212
bûl ṣēri 469
Danūna 902$_2$
duḫnu 873
eḳlu (st.c. eḳel) 689$_2$
ellu 860$_2$
errēbu 775
erû 709
gadû 872
Gublu 59
gursānum (cm.-accup.) 60$_1$*, 909*$_2$
ḫabalkinnu 710$_1$
ḫarāṣu 687$_1$
ḫarāšu 687$_1$
ḫatanu 751$_1$
ḫul/ilukannum 724
ḫurāṣu 711, 714, 902$_3$
ḫuršānu 669$_2$
i/aḳūpu 524
i-na lìb-bi ša-na-te^{MEŠ} *844*$_1$
ir-ri-tu ša šaḫî 594
i-[ši]-en-ni 690
išu 593$_2$
UZU$_{I.ŠA.RI.ŠU}$ *818*
Ištar 686, 875
ištēn 843
inu 648, 675$_2$*, 881*
kalû 874
karānu 649$_1$
kārum Kaniš 559, 709
kunib(ḫ)u 662
ḳarnu 876
lābu 510
leḳû 753
LÚ^{MEŠ} $_{ḪATNI.ŠU}$ *751*$_1$
madnanu 725
majjaltu 725
maḳ/grattu 873
matḳu 874
mi-tu-tu ra-ma-ni-šu mi-i-ti 830
palāku(m) 716$_1$
palāḳu(m) 716, 716$_1$
parzillu 710$_1$

pilakk/ḳḳu(m) 716, 716_1, 716_2, 874
pilku(m) 716_1
pulluḳu(m) 716, 874
Purattu 712
rabi sisê (cm.-accup.) 559
rêmu(m) 212
sakrumaš (кассит.) 728
seba 875
sebettu 875
sisā'um (cm.-accup.) 559
sisû 560, 560_2, 914
ṣillu 725_1
šaḫû 595_2
šamaššammû 902_3
šangû 787
šinnu 524
širu 699_1
šukurru 716_2, 874
šûru 872
uḳûpu 524, 872
unûtu 874
uṭṭetu (вав.) 873
uṭṭutu (accup.) 873
zību 875
zû 126_1

Угаритский

'anjt 874
'argmn 925_1
'arj 755_2
'gl 872
brḏl (brš$_2$l) 710_1
dbḥ 875
grn 873
ḫrṣ 714
ḥṭt 873
jn 648, 881
krdš 744
krsn 909_2
ḳrn 876
lb' 510
mdbḥ 875
mtḳ 874
ssw 560, 914

Финикийский

'štrt 686, 875
gbl 59
Gubāl 59_2
Gubl- 60_1
Gubla 59_2
ss 100
w-ml' 100

Древнееврейский

'aḥaṯ 843
'eḥāḏ 843
'onijjā 874
'onî 874
'aštōreṯ 686, 875
'ēḡel 872
bar 872
barzel 710_1
baṯ 59
bᵉḏōlaḥ 59
dōḫan 873
galgal 718_1
Gᵉḇāl 59
gᵉḏî 872
gilgāl 718_2
gōren 873
ḥārûṣ 714, 902_3
ḥiṭṭā 873
jaḏin 648, 881
Jardēn 917_3
kālā' 874
kārā 875
kele' 874
kijjôr 902_3
kîrā 875
ḳeren 876
ḳōp 524, 872
lābi' 510
laîš 510_2
māṯoḳ 874
mizbēāḥ 875
m-t-ḳ 874
sûs 560_1, 560_2, 914
šeḇa' 875
šen 524
šiḇ'a 875
šeḡōr 716_2, 874
šen-ha-b-bim 524
šôr 872
zāḇaḥ 875
zeḇaḥ 875

Арамейский

'iḡlā 872
'ṯr 875
būrgā (cup.) 745
deḇḥō (cup.) 875
dôḫinā 873
gadjā 872
galgal 718_1
hîṭṭᵉṭā 873
kᵉlā' 874
ḳaṭṭā 601
ḳōpā 524, 872
mānā 874
mᵉṭaḳ 874
parzel 710_1
peḷkā (cup.) 716_1, 874
pīḷkā (мянд.) 716_1, 874
sūsjā 560
šᵉḇa' 875
šiḇ'ā 875
ṭawrā (cup.) 872

Арабский

'aḥad- 843
'iḥdā 843
'inā'- 875
'ajn- 675_2
'iğl- 872
ʿṭaraf (диал.) 165_2
baḥr- 674_1
burr- 872, 943
duḫn- 873
ḍabaḥa 875
ḍibḥ- 875
falaḳa 716_1, 874
ğadj- 872
ğarana 873
ğurn- 873
kala'a 874
kirā'- 875
k-r-j 875
ḳarn- 876
ḳiṭṭ- 601
labwa 510
sab'- 875
sab'-at- 875
sabʿ (диал.) 165_2
ṣarīḥ- 713_2
šamʿ (диал.) 165_2
tʿallam (диал.) 165_2
ṭawr- 872
wajn- 648, 881
wāḥid- 843

Южноаравийский

'krj 875
'ṯtr 686, 875
barr (мехр.) 872
bor (сокотр.) 872
ḥeyṭ (мехр.) 873
ḥinṭeh (сокотр.) 873
ṭwr 872
wjn 881

Геез

k-l-' 874
metūḳ 874
newāj 875
sab'atū 875
sab'ū 875
wajn 881

АФРИКАНСКИЕ (ХАМИТСКИЕ) ЯЗЫКИ

Древнеегипетский

ỉrj 755$_2$
ỉśtr 686
ỉt 656$_3$
ʿnḫ.t 656$_3$
3bw 73, 524
bj.t 609, 611, 876
bj.tj 609
br (*ново-егип.*) 59
D3ynywn3 902$_2$
gjf 524, 872
ḥḏ.t 609$_1$
ḥwj 680
jrdn 917$_3$
k3m.wt.t 656$_3$
mhr 570$_1$
mjw 601$_2$
mnḫ 609
mn.(tj) 666$_1$
mr 886
ng3w 575, 876
nh.t 646
pr 741$_2$, 863$_1$
rw 510
śk 563, 564, 564$_3$
śśm.t 560, 560$_2$, 914
šmʿj 656$_3$
šr.t 656$_3$
šw 563
wnš 649, 650, 881
wnš.t 649, 881

Коптский

bari 59
εβoυ 524
εβυ 73, 524
ḥo:w 680
λαβoι 510
sẽǧ 564

ЧАДСКИЕ ЯЗЫКИ

ɑzuīfa (*хауса*) 713$_2$

НУБИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

kadis 601

КАВКАЗСКИЕ (ИБЕРО-КАВКАЗСКИЕ, ПАЛЕОКАВКАЗСКИЕ) ЯЗЫКИ

КАРТВЕЛЬСКИЕ (ЮЖНОКАВКАЗСКИЕ) ЯЗЫКИ

Общекартвельский

**aŝ- 253
**b- 255
**ban- 253
**bar-/*br- 258
**beǯγ-/*baǯγ- 906
**ber- 260, 878
**berĉ'-/*barĉ'- 905
**-bēr-e 260
**bɾ-bar- 358, 718$_1$, 737$_1$
**bɾg- 879
**buł'k'ar- 611$_1$
**cm-el- 261
**c'ip- 623$_3$
**ĉan-lĉɳ- 628$_2$
**ĉex-/*ĉx- 257
**ĉol- 253
**ĉx- 905
**č'ad- 906
**č'q'al- 255
**č'w- 256
**č-we-m- 254
**č-we-n- 254, 293$_2$
**č-we-[na] 254
**č'er- 260
**č'r- 260
**ǯ- 255
**ǯacxw- 258
**ǯeǯw- 258
**ǯaɣ-ɻ- 261
**ǯe-ĉx-ɻ- 257, 905
**ǯeč'ɳ- 628$_2$
**ǯeč'ɳ-/*ǯeč'ɳ- 628$_2$
**ǯen-/*ǯin- 260, 906
**ǯil- 263
**ǯin- 263
**ǯm-ar- 261
**ǯač'w- 258
**ǯan- 906
**ǯilnlč'ar-/*ǯilnlč'r- 257
**ǯilnlč'wel- 257
**ǯwar- 255
**daštw- 258
**daw- 906
**den-/*din- 878
**der-k'- 261, 262
**dew-/*dw- 260, 877, 906
**diqa- 877
**dɳ- 878
**dqa- 586$_1$, 877
**dr-ek'- 261, 262
**dr-ik'-e 262
**dɾ-k'-a 262
**ekšw- 878
**erɨ- 253
**e-šw- 877
**g- 255
**gen-/*gn- 878, 880
**gon- 878
**gɾ-cxemɻ- 624$_1$
**gɾgar- 737$_1$
**ɣor- 877$_1$
**ɣwino- 649, 650, 650$_2$, 881
**jor- 253
**km-ar-/*kɱ-r- 261, 878, 906, 907
**kor- 904
**kɾcxemɻ- 624$_1$
**kwe 254
**k'aĉ- 253
**k'b-en- /*k'b-in- 879
**k'b-il- 879
**k'er-b- 261$_1$, 262
**k'r-eb- 261$_1$, 262
**k'reb-/*k'erb-/*k'ɾb- 878
**k'rep- 878
**k'r-ib-e 262
**k'ɾ-b-a 262
**k'ɾk'o- 618$_2$, 880$_1$
**k'wad-//*k'ud- 880$_1$
**k'wenɾ- 261, 880$_1$
**łag/*łg- 871
**leɣw- 255
**łom- 510
**ma- 254
**mal'ɻ- 877, 877$_2$
**meɨnal 254
**ɱ-k'erd- 878
**ɱqar- 905
**(ɱ)sx-al- 904
**ɱ-šxw-il- 905
**ɱt'k'war-/*ɱt'k'ur- 909$_1$
**na- 254, 293$_2$
**naǯw- 634
**(o)štx(o)- 879
**pen-/*pin- 260
**p'ir-i 898$_1$

*qan- 253, 263
*qar- 263
*qarq-/*qṛq- 919
*qed- 253
*qed- :*qid- 260
*qṇd-(u)r- 904
*q'ana- 905
*q'm- 906
*q'ua- 905
*q'war- 906
*r- 255
*reč'x- 255
*rek'- 253
*ṛka- 880$_1$
*ṛwa-/*arwa- 879
*sm- 897$_3$
*sok'o- 932
*s-tw- 256$_1$
*šax-ɬ- 261
*š-tagw- 256$_1$
*š-taw- 256$_1$
*štk-we-n- 254
*štk-we-[na] 254
*štum- 897
*š-txar- 256$_1$
*šw- 256
*šxu- 905
*šer-t'- 261, 262
*šew- 597$_2$
*šr-et'- 261, 262
*šr-it'-e 262
*šṛ-t'-a 262
*šur- 260
*šw- 597$_2$, 878
*šwed- 255
*š-we-n 254
*š-we-[na] 254
*šwer- 255, 260
*šwid- 875, 879
*tal-/*tl- 905
*-tāl-e 260
*tel- 904
*tes- 253
*-tl-ej 260
*tx- 256
*t'ep- 253, 260, 879$_1$
*t'ep-/*t'p- 879
*t'ɬ- 877$_2$
*t'p- 260
*t'q'aw- 255
*t'q'aw-/*t'q'ow- 908
*t'q'ob-i/*t'k'ob-i 908
*t'q'ow-/*t'k'ow- 909$_1$
*urγ-el- 723, 723$_1$, 877
*up'el/*op'a 878
*wač- 253
*wal- 253
*wašɬ- 641, 881
*we-/*u- 254
*wed- 253
*wel- 898
*wenaq- 649, 649$_2$, 650$_2$
*werčxɬ- 713$_2$
*werxw- 627$_1$
*xleč- 253
*zard- 253
*zisxɬ- 257, 257$_1$, 878
*zman- 263
*-zmar- 263
*že 254
*žašw- 258

Грузинский

a-b-am-s 255
aču 560, 919
ačua 560, 919
a-g-ebs 255
aludi (диал.) 932
ar da-m-i-ç'er-ia 339
ar da-m-i-xat'-av-s 339
arc'ivi 106$_2$, 539

babuk'a 766$_3$
bavšv-s 286$_1$
bebik'o 766$_3$
ber- 878
berc'-i 905
bezγ- 906
borbal- 258, 718$_1$
bosel- 880$_1$
brge 879
br-un-av-s 258, 718$_1$

ca LXXVI$_1$
cacxv-i 258
cecxl-i 257, 905
cx- 905
cx-ar- 905
cx-el- 257, 905

c'ad- 906
c'ad-il-i 906
c'ipela 623$_3$
c'w-av-s (др.-груз.) 246

ča- 775
časizeba 775

zec'na- 628$_2$
zezv-i 258
zera 904
zer-i 904
z-e-s (др.-груз.) 255
zil-i 263

zu- 880$_1$
zuk'na 880$_1$

žač'v-i 258
žinč'ar- 257
žinč'vel- 257

da LXXVI$_1$
da-č'r-a 260
da-dv-a
da-šwr-a (др.- груз.) 260
datv-i 258, 499
dauc'eria 338$_1$
da-v-c'er-e 339
da-v-č'er 260
da-v-dev 260
da-v-šwer (др.-груз.) 260
da-v-xat'e 339
dedik'o 766$_3$
den-/din- 878
dew-/dw- 877
dlaq'v-i 905
dn- 878
dum- 898
dum-il-i 898

Egr-is-i 908
ekws- (др.-груз.) 878
ert- 843
e-sm-i-s 897$_3$
e-šv-i 597$_2$
ešw- (др.-груз.) 877

gan-sxu- 905
gan-t'p-a (др.-груз.) 253, 260
[gan]-v-t'ep (др.-груз.) 253, 260
gauk'etebia 338$_1$
gen-/gn- 878
girk'o (диал.) 618$_2$, 880$_2$
god-eb-a 906
gon- 878
gorgal- 718$_1$
gul- 878
gul-mk'erd-i 878

γor- 877$_1$
γwin- 881
γwino- 649

i-daq'v-i 905

kalak-s 286$_1$
ked-i 666$_1$
kmar-i 878, 906
kor-i 904
krcxeml- 624$_1$

k'ak'-al-i 51
k'anap- 662
k'at'a 601
k'ben- /k'bin- 879

k'bil- 879
k'ed-el- 932
k'erb-/k'reb- / k'rib- 878
k'raw- 1326
k'rep-/k'rip- 878
k'ud- 880₁
k'ut-ul-i 906
k'urk'a 618₂, 880₁
k'urk'o (диал.) 618₂, 880₁
k'werna- 880₁

lag- 877
lom-i 510
ludi 932

mamik'o 766₃
mc'evarni (мн. ч.) 591₁
m-zapr-i 905
m-zin-av-s 260, 263, 906
me-c 353
me-uγl-e 723
me-zman-ebis (др.-груз.) 263
mgel-i 496
mk'erd- 878
mo-v-qan (др.-груз.) 263
(m)sxal-i 904
msxvil- 905
-mšo 597
mt'k'war-i 909₁
mt'k'wr-is (род. п.) 909₁
mxar-i 905

nazw- (др.-груз.) 634
naq'- 905
ni-daq'v-i 905

osp'-i, osp'n-i 904
otx- 879

parto 919
put'k'-ar-i 611₁
p'at'ara 51
p'ir-i 898₁
p'ir-mšo- 597₂, 878
p'ir-ut'q'v-i 472₁

qar-i (др.-груз.) 263
qndur-i 904
qorq- 919
q'ana 905
q'ua 905
q'urzen- 650₂
q'ur-eba 786₄
q'ur-i 786₃, 898
q'var- 906

ra-c 353
rcxila 624₁
rg- 877
rka 880₁
rk'o 618₂, 880₁
romeli-c 353

sa-stum-al- 897
saxli-c 353
si-cx-e 257
sizе- 775
si-q'm-il-i 906
sisxl- 257, 878
si-zmar-i 263
sm-en-a 897₃
sok'o- 932
stvel-i 256₂
s-tx-ov-s 256
sw-am-s 256
sxva- 844

šašv-i 258
še-ara-xwalt (др.-груз.) 366₂
šv-il-i 597₂, 878
šw- 878

tagv-i 256₁
tav-i 256₁
tb-il-i 253
tel-i 904
tiqa- (др.-груз.) 877
tixa 877
tl-/tal- 905
txa LXXVI₁, 586₁, 877
txar- 256₁

t'ep- 879
t'l-ob-a 877₂
t'p- 879
t'p-il-i 253, 260, 879
t'q'av-i 908

ube 905
uγel- 723, 877
up'e 878

v-a-k'eteb 334
v-a-r 255
vard- 663
vašl- 641
vaz- 650₂
v-ber-(av) 260
v-ber-e 260
vel-i 898
venaq- 649, 881₁
vepxi (др.-груз.) 507₁
v-i-ban 334
v-i-c-i 390₁
v-i-k'eteb 334
v-pin-e 260
v-tal-e 260
v-tl-i 260
v-u-k'eteb 334

wašl- 881
werxw- 627₁

Сванский

a-b-em 255
a-č'-i 256
a-g-em 255
an-qid 260
ā-šix 257
ā-šx-i 257
bap' 51
Bav-bednieri 611
berež 710₁
bēl- 878
bəg-i 879
cxəm 624₁
cxum 624₁
cxwim 624₁
c'ip-ra 623₃
čič'-ānd- 628₂
čot-štxar 256₁
lčwl-ad-bēl-e 260
ǯgərāg l.enčaš 611
daq- 877
daq-əl 586₁
dāšdw 258, 499
dombāj 521
ešxu 843
əmsge 597₂, 878
gak' 51
gim 877
γeder 904
γvinäl 881
γwinel 649
hadw 106, 906
ha-k'wäd 880₁
ham 106
icx 904
jerxw 627₁
kan 662
k'(w)en- 880₁
laǯ-/lǯ- 877
Lamaria 611
le-nz 634
lōm 510
melia 898
Melia-t'elepia 611, 898
meqār 905
məč'wed 878
muč'od 878
nezwra 634
o-qan 263
p'll 898₁
qarq- 919
q'm- 906
q'u(w)a 905

rk'wen 880$_1$
sg- 878
sok'(w) 932
šda 256$_1$
šdim 897
šdugw 256$_1$
šix 257
šx- 905
txer 496
t'ebdi 879
usgwa 878
ūγwa 723, 877
wenāq 649
werxw 627$_1$
wisgw/ usgw 641
wisk'w/ usk'w 881
woštxw 879
x-e-tx-ēl-i 256
x-ō-šw-a 256
xw-ä-r-i 255
zesxra 258
z-i 255
zisx 257, 878
žeγar 591$_1$

Мегрельский

'ona 905
'or 906
'um-en-i 906
'va 905
amšv- 878
art- 843
bar- 878
beržγ-el 906
binex- 649, 881$_1$
burč'-i 905
ca LXXVI$_1$
cxemur- 624$_1$
cximur- 624$_1$
c'ipur- 623$_3$
čxe 257, 905
čxvind-i 108
č'k'ič'k'it'ia 257
zec'k'v-i 258
ʒ-u-[n] 255
žan-u-[n] 260, 263, 906
žgeraguna 611
da LXXVI$_1$
dačxir-i 108, 257, 905
dačxur-i 905
dexa 877
dən- 878
din- 878
dixa 877
do-b-č'v-i 256
do-b-xon-i 263
do-č'k'ir-u 260
du'-i 905
du-u-bar-u 260
d(w)- 877
ger-i 496
gən- 878
gin- 878
gi-o-b-u-[n] 255
gon- 878
go-pin-u 260
go-škir-u 260
go-v-tol-i 260
γež- 877$_1$
γwin- 649
ka 880$_1$
kir-i 904
komonž-i 878, 906
k'ə 618$_2$, 880$_1$
k'i 618, 880$_1$
k'ibir- 879
k'idir- 878
k'irib- 1326
k'orob- 878
k'orop- 878
k'udel- 880$_1$
k'unor- 880$_1$
k'i 618$_2$
(l)uba 905
m-arg-al-i 908
nuʒu/nuzu 634
o-g-an-s 255
omp'a 878
o-sk-u 597$_2$, 877
otx- 879
p'ižˇ-i 898 $_1$
rg- 877
sim-in-u-a 897$_3$
skua 597$_2$, 878
skw- 878
sok'o 932
sxul-i 904
šu-n-s 256
šxu 905
šxva- 844
tol- 905
tu 904
tunt-i 258, 499
txa LXXVI$_1$, 586$_1$ 877
tx-u-al-a 256
t'əbu 879
t'ibu 253, 879
t'q'eb-i/t'k'eb-i 908
uyu 723, 877
uškur- 641, 881
ve(l) 898
verxv- 627$_1$
vex- 627$_1$
v-o-r-e-k 255
xožˇ-i 263
xužˇ-i 905
xurx- 919
zeskv-i 258
zič'on- 628$_2$
zisxir- 257, 878

Лазский (чанский)

a(n)š- 878
art- 843
bar- 878
bežγ- 906
binex- 649, 881$_1$
but'k'užˇ-i 611$_1$
ca LXXVI$_1$
cxemur- 624$_1$
c'ip(u)r- 623$_3$
čxe 905
ʒ-u-[n] 255
žan-s 260, 263, 906
žir-i 263
da LXXVI$_1$
dačxir- 257
dačxur-i 257, 905
danʒ-i 258
dicxir- 257, 878
dič'k'ižˇ- 257
di-žin-u 260, 263, 906
dimč'k'u 257
din- 878
do-b-č'v-i 256
do-b-dv-i 260
do-č'k'or-u 260
ducxu 258
duq'u 905
durq'u 905
d(w)- 877
gn- 878
go-t'ub-u 260
γež- 877$_1$
γlwlin- 649, 881
i-si-min-s 897$_3$
i-zmožˇ-e 263
komožˇ-i 878, 906
kra 880$_1$
kur-i 904
k'at'u 601
k'ibin- 879
k'ibl(r)- 879
k'ibr- 879
k'orob- 878

k'udel- 880$_1$
k'va 905
k'wenu(r)- 880$_1$
mcxuibr- 624$_1$
mcxul-i 904
(m)čxu 905
me-škur-u 260
m-kir-i 904
mlug-i 256$_1$
mlut-i 258, 499
mxuǯ-i 905
l(m)zesk'u 258
(n)dixa 877
(n)dun- 878
(n)gon- 878
oba 905
omp'a 878
o(n)txo 879
oškur- 881
otxu 879
p'iǯ-i 898$_1$
(q')om-in- 906
q'ona 905
(q')or- 906
q'uǯ-i 898
q'va 905
rg- 877
soḳ'o 932
stvel-i 256$_1$
tl 256$_1$
tila 904
txa LXXVI$_1$, 586$_1$, 877
t'ibu 879
t'ubu 879
uba 905
ump'a 878
uškur- 641, 881
v-o-r-e 255
xurx- 919

АБХАЗО-АДЫГСКИЕ (ЗАПАДНОКАВКАЗСКИЕ) ЯЗЫКИ

a-bga (абх.) 513$_1$
a-c^o (абх.) 567$_1$
ačă (адыг.) 919
ačada (абх.) 564
ačy (абх.) 560, 564, 919
a-domp'ėj (абх.) 521
a-gu-p (абх.) 575$_1$, 919
a-g^{o}arta (абх.) 575$_1$, 919
a-k^{o}nə (абх.) 662
Ananagunda 611
a-t'^{o}-ω^{o}a (абх.) 281$_1$
ažă (кабард.) 919
bža-q'^{o}a (кабард.) 281$_1$
c^{o}y (адыг.) 567$_1$
čy (убых.) 560, 919
ǯ'an-č'arx (убых.) 720
dombaj (адыг.) 521
dombej (кабард.) 521
gedu (адыг.) 601
gedu (кабард.) 601
gu- (абх.) 575$_1$, 919
la-q'^{o}a (кабард.) 281$_1$
Merisa (черк.) 611
sană (адыг.) 655
šy (адыг.) 564
šy-dy (адыг.) 564
ω^o-ba (абх.) 281$_1$

НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ (ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИЕ) ЯЗЫКИ

Дагестанские

ači (ахвах.) 919
arc (дарг.) 713$_2$, 919
arcu (лак.) 713$_2$, 919
ars (табас.) 713$_2$, 919
arsi (арч.) 713$_2$, 919
çʒar (авар.) 51
ču (авар.) 560, 919
ču (лак.) 560, 919
čiri (лак.) 51, 920
čʒuru (лезг.) 920
do (цахур.) 51
dur (рутул.) 51
gatu (табас.) 501
gedu (анд.) 601
iča (анд.) 919
ičxa (ахвах.) 560, 919
keto (авар.) 601
k'et'u (дид.) 601
mesed (авар.) 876
miçeš (хин.) 920
miçri (рут.) 51, 920
mlǯir (табас.) 51, 920
mis (хин.) 876
mis (удин.) 876
misidi (анд.) 876
misir-tʒu (арч.) 876
mišidi (ахвах.) 876
moçor (арч.) 51, 920
muçur (дарг.) 920
muçru (цах.) 920
muǯur (агул.) 51, 920
murhi (дарг.) 876
musi (лак.) 876
orsi (анд.) 919
zoḳo (гунз.) 932
zuḳu (цезск.) 932
ωarac (авар.) 713$_2$, 919

Вейнахские

bald (чеч.) 51
bat'er (бацб.) 51
bord (инг.) 51
čheng (инг.) 51
čhenig (чеч.) 51
č'anik' (бацб.) 51
dada (бацб.) 1321
dā (чеч.) 1321
dā (инг.) 1321
dog (чеч.) 51
dog (инг.) 51
dok' (бацб.) 51
kac' (бацб.) 51
khaza (инг.) 51
khezi (чеч.) 51
ladar (инг.) 51
ledar (чеч.) 51
let'ar (бацб.) 51
mač' (бацб.) 51
maž (чеч.) 51
maž (инг.) 51
nab (инг.) 51
nab (чеч.) 51
nhap' (бацб.) 51
sag (бацб.) 1321
saj (чеч.) 1321
*saj (инг.)*1321
zok' (бацб.) 932

УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

Финский

aiva (арх.) 922
aja- 941
arvo 925_1
ase- 928
asema 928
asu- 928
asu- : asetta- 928
jyvä 928
kala 934_1
koła 932
kulkea 937
kuras 932
käly 942
lohi 923
lukea 941
luku 941
marras 925
marta- 925
mehi-läinen 923
mesi 611, 937
metu 937_1
nimi 937
oja 922_1
olut 932
onki 941
ora 923
oras 924
orasa 924
orja 924
orpo 940
osa 924
ostaa 942
porsas 921
sarvi 925
sata 926
suka 926
suola 937
taivas 933_2
tala 933_2
tarna 927
teke- 942
terni 933_2
tiine 933_2
tuo-da 942
udar 933_2
vanko 930
varsa 930
vasa 930
vasara 928
vaski 711, 932
verme 929
vermen 929
vesi 942
vetä- 942
vie- 942
viha 931

Вепсский

mežl 937
ojad 922_1
oŋg 941
ora 923
orač 924
orj 924
oza 924
porzaz 921
sada 926
sarv 925
sola 937
suga 926
taivaz 933_2
tiŕeh 933_2
udar 933_2
varz 930
vaza 930

Водский

arvo 925_1
ęra 923
ęsa 924
kęta 932
mesi 937
mõtu 937_1
uhar 938_2

Эстонский

aeva 922
aiva 922
aja- 941
aru 925_1
arv 925_1
iva 928
jüvä (диал.) 928
koda 932
käli 942
mardus 925
mehi-läne 923
mesi 937
mõdu 937
ora 923
ori 924
osa 924
osta- 942
põrsas 921
sada 926
sool 937
suga 926
taevas 933_2
tarn 927
ternes 933_2
tiine 933_2
udar 933_2
vang 930
vars 930
vasar 928
vasik 930
vask 932
viha 931
õlu(t) 932
õng 941

Ливский

aja- 941
ārra 925_2
kālu 942
k^{u}odà 932
me'iž 937
me'ź 937
puoraz 921
sadà 926
sõra 925
suol 937
talàzəD 933_2
teŕ-zêmd'a 933_2
tĺn 933_2
tõvaz 933_2
udàr 933_2
umàr 640_2
va'iški 930
vaŋga 930
vārza 930
vask 930
vaš'k 932
vazar 928
vo'l 932
(v)orà 923
vostŝ 942
voza 924

Венгерский

ár 'шило', 'сверло' 923
ár 'цена' 925_1
árr 925_1
árva 940
hány 928
méh 923
méz 611, 937
név 937
nyir(fa) 966

szarv 925
száz 926
szeg 927
szög 927
tehén 933₂
tenni 942
tíz 929, 1326
vas 932
vezet- 942
víz 942
vív- 942

Хантыйский

ârəγ 929
etər 929
ɟäɰət 926
läɰət 926
maɰ 937
màγ 937
màχ 937
nem 937
paŋγâ- 932
paŋkâ- 932
paŋɣ 932
poŋk 932
sot 926
tāpət 926
t'ərpᵢ 925
tū- 942
-uri:ɟəŋk-u 940
-uruI:ɟəŋk-u 940
wā̆rəs 931
wā̆rəs 931
wąŋrɐp 931
waχ 932
wōt 930

Мансийский

al'p-t 937
ātər 923
ɛtər 929
ēriγ 929
loßənt 941
ma'ɟ (maγ-) 937
mag 937
mant 931
nam 937
nām 937
ōtər 923
pāŋx 932
saŋ₀k₀ 927
säŋk₀ä 927
sāt 926
sā̆t 926
sɛŋk 927
sōtər 921
sūŋ 927
šōrəp 925
tū- 942
vuj-t- 941
wāt, wā̆t 930
wāta(-χum) 942
wɛŋkə·r 931
wɛta 942
wit 942
χūn- 928

Коми-пермяцкий

beriś 929
ŏška 937

Коми-зырянский

buriś 928
burśi 928
das 929
ez-ɟś 932
ęš (ęšk-) 937
ęška 937
gort 744, 931
gu- 928
guś 928
jendon 929
ɟiki 928
-ka 932
kel 942
kerka 932
ki 928
kirni 927
kundi- 928
kureg 922
ma 937
mort 925
moš 923
murka 925
ńim 937
ord· 922
ord-li 922
pideś 922
poŕś 921
sarid'ź 922
sod 927
soi 937
śo 926
śu 926
śumiś 927
śur 925
śurs 921
telęs 933₂
tiles 933₂
turun 927
va 942
vaɟ- 942
varnös 931
verdnɟ 931
vež 931
voɟ-lɟ- 941
voj- 941
vož 922
vug 930
vurun 928
vuzaɟ- 942
vuz-ęs 942

Удмуртский

ana 929
andan 929
az-veś 932
ba(d')d'źin 929
beriz 929
das 929
erdzi 929
gurt 744, 931
ju 928
kali 942
kureg 922
kɰa 932
kyryny 927
liɟ 941
mu 937
muri 925
murt 925
ńim 937
oš 937
parś 921
pides 922
siɟal 937
śu 926
śumiś 927
śur 925
śurs 921
turiɲ 927
uj(i)- 941
urd 923
uziɾ 923
ɰajiž 922
-veś 932
vug 930
vuz(al-) 942
zarid'ź 922
zariź 922

Мокша-мордовский

azər 923
ažɛ 922
ɛźəń 928

juv 928
kalmams 928
karams 927
k'el 942
lem 937
ṁeš 923
paŋga 932
purts 921
rava 931
řišṁɛ 921
sazâr 926
šadă 926
šed' 927
šură 925
šuva 926
t'ijə- 942
urâš 924
urozi 924
užəŕ 928
vaza 930
verskă 930
vəŕga·s 930
véd' 942
vije- 942

Эрзя-мордовский

azor 923
azoro 923
ažja 922
ažja 922
eŕva 929
eźem 928
ineške-pas 933₁
iŋe 933₁
iŕď'es 922
juvodoms 928
kal 934₁
karams 927
kudo 932
lâm 937
ļovoms 941
maŕ 640₂
mäkš 923
meď 611, 937
mekš 923
miŕď'é 925
ńiśke 933₁
ńiśki 933₁
odar 933₂
paŋgo 932
purtsos 921
rav 931
ravo 931
řišńe 921
sal 937
sazor 926
sed' 927
šado 926
šuro 925
šuva 926
tarvas 932
tuje- 942
t'eje- 942
uks(o) 942
umaŕ 640₂
uro 923
uros 940
uŕe 924
uśk'ɛ 932
užeŕ(e) 928
vaz 930
veriske 930
véd 942
véď'a- 942
véŕges 930
vije- 942
víf 666

Марийский

kəńe 662
kol 934₁
korem 927
kuδô 932
ləm 937
luδam 941
lüm 937
marij 931
mü 937
müļ 937
mükš 923
oŋgô 941
oŋgo 941
o·škô 942
oško 625₁, 942
örδəž 922
pândaš 922
poŋgô 932
pŭndakš 922
šlnď žal 937
šu 926
šur 925
šüδə 926
uža 942
uža-š 924
üškə-ž 937
üškü-z 937
wa·δar 933₂
waž 932
wət 942
wâžale- 942
wlδe- 942
(w)urdem 931

Саамский

árljān 924
árjel 924
ášēs 942
čoarlve 925
čokkot 926
čuotte 926
dâkkât 942
duoɣə- 942
goatte 932
guole 934₁
korr 932
lokkât 941
mieta 937
nâmmâ 937
oaǯ'ǯe 924
oarbes 940
oarlje- 924
oarji 924
orjalaš 924
ræšlme 921
varr 666
væččer 928
veški 932
vierlmē 929
vïlkkv- 942
vuarjol 924
vuogl'gâ 941
vuoggjet 941
vyesi 930
vyərjɛ 924
wijke- 942

САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Ненецкий

ŋɐsə̑ 928
ńim 937

АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

(a)laša (тюрк.) 556
**alma (тюрк.) 639₂, 940*
apsaq (тюрк., алт.) 627, 940
aspaq (тюрк., алт.) 627, 940
Asparuk (тюрк.-болг.) 550
awsaq (тобольск.) 627
ăvăs (чуваш.) 627, 940
ăčki (узбек.) 589
ăčki (киргх.) 589
ăški (казах.) 589
bugdoj (узбек.) 658
dommaj (карач.) 521
dommaj (балк.) 521
güvey (турецк.) 775
hØkyz (узбек.) 579₁, 938₁
iç (турецк.) 775
iç güveylik (турецк.) 775
kačaka (чуваш.) 589
kājä (татар.) 589
käzä (башк.) 589
kedi (турецк.) 601
kenäp (казах.) 662
kenäp (туркм.) 662
kota 932
köpäk ‖ köbäk 590₃
kₐošk₄ar tujıɪz (казах.) 589₂
os (хак.) 940
pas (талыш.) 580
pări (чуваш.) 658
tәa (якут.) 666
văkăr (чуваш.) 579₁

Древнетюркский

alma 639₂
arpa 656₂
arpala- 656₂
arpalan- 656₂
baran 585
bars jïl 500
bārs 500
bekmäs 661₁, 661₂
bekni 661₁, 661₂
buγdaj 658
ečkü 589, 940
ešäk ‖ ešgäk 564
ešjäk ‖ ešäk 564
gül 663
keči 589, 939
ken-dir 662
keväl 556
kevil 556
köpäk 590₃
öküz 579₁, 938₂
qočqar 589₂
taγ 666
tekä 586₁

МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Монгольский

bars (письм. монг.) 500
buγdaį (ст.-монг.) 658
buudai 658
eljigen (письм. монг.) 564
gegün (письм. монг.) 575
išig 589, 940
morin 554, 556, 939
p'ars (письм. монг.) 500
qota[n] 932
tex 586₁
üxer 579₁, 938₁
üxer žil 579₁

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯЗЫКИ

geo (маньчж.) 575, 935₁
geo murin (маньчж.) 575
gēγ (эвенк.) 575
goγo (эвенк.) 575
hukur (эвенк.) 579₁, 938₁
kó mù-lìn (чжурчжен.) 575
murin (эвенк.) 554, 937
χal-mari (маньчж.) 933

КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

khal 933
mal 554, 939

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

jama 666
ɳma 554
uma 554
ya 850₁
yö 850₁

ДРАВИД(ИЙ)СКИЕ ЯЗЫКИ

ma (тамил.) 554, 939
vakkā (тамил.) 60₁
vakku (телуг.) 60₁
viḷ (тамил.) 53
viḷḷal (мал.) 53
viḷḷu (мал.) 53

АВСТРО-АЗИАТСКИЕ ЯЗЫКИ

awān (сак.) 53
bilam (сак.) 53

БУРУШАСКИ

ālt-ambi 850₁
ālti 281₁
t-anc 281₁
lt-umal 281₁
lt-ur 281₁
w-ālti 281₁, 850₁

ЭТРУССКИЙ

aisna 801
aisuna 801
eisna 801

БАССКИЙ

aitza 635
azkár 626_1
(b)urki 620_2
hartz 497_2
mando 556
zidar 713_2
zillar 713_2
zirar 713_2

КИТАЙСКО-ТИБЕТСКИЕ ЯЗЫКИ

chu (кит.) 935
ku (кит.) 935
ʿkuo (др.-кит.) 575, 935
k'iwen (др.-кит.) $592, 599_1$, *935*
k'üan (кит.) 935
**lac- (кит.) 940*
ma (кит.) 554, 939
mi̯ĕt (др.-кит.) 611, 935
mraŋ (др.-бирм.) 554, 939
niu (кит.) 935
ˌngi̯ə̯u (др.-кит.) 575, 935
rmang (др.-тиб.) 554, 939
śʰaŋ (бирм.) 525_1

ПАЛЕОАЗИАТСКИЕ (ПАЛЕОСИБИРСКИЕ) ЯЗЫКИ

bɔγ-na (кет.) 328_1
b-ok-s-it (кет.) 328_1
eşdə şeʾ¦ (кет.) 488_2
jalaklan (юкагир.) 850
kot (айнск.) 932
kotan (айнск.) 932
kut (пумпокол.) 561_1
mālajlaklan (юкагир.) 850_1
pen-guš (асан.) 561_1
pen-kuš (асан.) 561_1
penkuš (коттск.) 561_1
qotə (кет.) 932
qus (арин.) 561_1
qus (енис.) 742_1, *939*
quše (арин.) 561_1

АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ḏən (лиф.) 10_2
ⁿḏaa (фидж.) 10_2
ⁿḏau (фидж.) 10_2
gida-ru (араг.) 281_1
kama-ru (араг.) 281_1
kequ ulu (фидж.) 290
kimi-ru (араг.) 281_1
maḏa (лиф.) 10_2
mo-ro-gami (анудх.) 281_1
mu-ru-gamu (анудх.) 281_1
ro-gita (анудх.) 281_1
rua (фидж.) 281_1
si-te-rua (доб.) 281_1
təbə́ŋə̄n (келаб.) 12_1
tə́pˡʰlə̄ŋ (келаб.) 12_1
ulu-qu (фидж.) 290

АМЕРИНДЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Навахо

-ʾd 294_3
hááh 294_3
kə̀ə̀s 294_3
n-tciį xǫ́lǫ́ 311
tiⁿ 294_3
tó 310
tsé 310
tsin 310
tʾél 294_3
tʾį 294_3
-ya 294_3
yas 310

Квильют

kwe-ʾkutsa 311
kwe-ʾtsa 311
tʾciqa 311
tʾcitciqaʾ 311

Скуомиш

cʾə-cʾmiɬčn 257_2
iɬʔuƛ 257
i̯uƛ- 257
s-caɬ-ciʔn 257_1
sɬʔ-sinƛʾ 258

Шусвоп

kəknm-elp 258
knm- 258
pəpʾiʔse 222_1
pəpipʾʔese 222_1

Ономастика

Каждый раздел "Ономастики" состоит из двух частей — латинско-греческой и кириллической — с формами, расположенными в алфавитном порядке соответствующих письменностей. Иноязычные наименования в русской передаче сопровождаются, как правило, соответствующими формами в оригинальном написании или латинской транслитерации. Эти последние не даются при русской передаче имен в том случае, если они представлены в греко-латинской части соответствующего раздела. Каждое наименование сопровождается отметкой о его языковой принадлежности. Такая отметка отсутствует обычно при греческих и латинских (римских) наименованиях.

НАИМЕНОВАНИЯ БОЖЕСТВ, МИФОЛОГИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ, ГЕРОЕВ; РИТУАЛЫ И ОБРЯДЫ

ʿašlōreṯ (др.-евр.) 686, 875
ʿštrt (финик.) 686, 875
ʿtr (арам.) 875
ʿṯtr (южн.-арав.) 686, 875
Ādityá- (др.-инд.) 795
Agio (др.-герм.) 516
Agni- (др.-инд.) 274, 828
Agni-kravyād- (др.-инд.) 828
Áhi-Budhnyá- (др.-инд.) 502, 526, 489
Ahura- Mazdā- (авест.) 353, 854, 923
Ἀΐδης 365, 824
Αἰολος 678
Alisanos (кельт.) 635
Amərətāt- (авест.) 854
Amṛ́ta- (др.-инд.) 476
Ananagunda (абх.) 611
Anu- (хур.-хет.) 903
Anum (аккад.) 903
Apąm Napāt- (авест.) 675
Apā́m Nápāt (др.-инд.) 274, 351, 675
Ἄρης 793, 797
DAra- 810
Arədvi Sūra Anāhita (авест.) 582
Ἀσκληπιός 811₂
aśvamedhá- (др.-инд.) 482, 483, 483₁, 483₃
Aśvinau (др.-инд.) 777, 793₁, 796
Aša- Vahišta- (авест.) 854
Aššiṭai- (хет.) 860
Aššu- Šiuatt- (хет.) 780
Auramazdā- (др.-перс.) 750, 923
Auschauts (прус.) 811₁
Aventia (галл.) 675₂
Bav-bednieri (сван.) 611
Dbil.ga.meš (шум.) 904
Dbíl.ga.miš (хур.) 904
βορέης 666, 678
Bragir (др.-исл.) 643
Brigit (др.-ирл.) 669
Bubilas (балт.) 607
bucrania 891
Cerēs 597, 645
Ceriālia 645
Comitia curiata 852₁
Dagda (др.-ирл.) 799
Deváśravā (др.-инд.) 351
Dexsiva dea (галл.) 129₂
Diēspiter 777
Dieva dēli (латыш.) 351, 643, 777
Dievo sūnēliai (лит.) 351, 475, 555, 777
Διοσκούροι 351, 555, 777
Diúvei (оск.) 227, 791
Divás nápātā (др.-инд.) 351, 777
Druidae (галл.) 789₁
Druides (галл.) 789₁
Dumones (прус.) 466
Dyáuḥ (др.-инд.) 223, 226, 242, 777
Dyàuṣ pitā́ (др.-инд.) 777, 791, 792, 795, 796, 799
Dyā́vā-pṛthivī́ (др.-инд.) 851
Ζεῦ πάτερ (эват. ф.) 70₁, 226 — 227, 354₁, 777, 791, 792, 796, 797
Ζεύς 36, 223, 226, 242, 475, 777, 791, 796, 797
Ζεὺς Σωτήρ 652
Ζέφυρος 678
Epona (галл.) 544
equorum deus 555
Equus October 552, 751, 797₂
Eštan (хет.) 684
Εὖρος 678
Ἥλιος 834
Ἠλύσιον πεδίον 425, 824
Ἥρη 797
Ἥφαιστος 715₁, 797
Fērōnia 469
Findemna (др.-ирл.) 851
Fjǫrgyn (др.-исл.) 615, 793
flāmen Diālis 797₁
Flōra 468
Fluusaí (оск.) 468
forda boue 572
Fordicidia 572, 597

Freyr (др.-исл.) 793₁

D*GIŠ.GIM.MAŠ (хет.) 904*
Γοργώ 98
Grabouio- (умбр.) 624
Gullveigr (др.-исл.) 607

ǯgeraguna (мегр.) 611
ǯgarāg-Lenčaš (сван.) 611

Hafta-daiva- (авест.) 854
Hannaḫanna- (хет.) 605, 766
D*Ḫantaššaš (хет.) 473₁*
Ḫašamili-(хет.) 715₁
Haurvatāt- (авест.) 812, 854
Hellēs (pecus) 578
Hundingas (др.-герм.) 590

Iānus 724
Ibor (др.-герм.) 516
D*Ilalīja- (хет.) 860₁*
Illuiankaš (хет.) 528
Indara (мит. арийск.) 548₁
Indra- (др.-инд.) 548₁, 795
Indrāpārvata- (др.-инд.) 793
Indra-Vāyú- (др.-инд.) 677
D*Ištamanaššaš (хет.) 473₁*
Ištanu- (хет.) 684, 897₂
Ištanzana- (хет.) 473₁
D*Ištanzaššaš (хет.) 473₁*
Ištar (аккад.) 686, 875
Ištr (еган.) 686
Iupater (умбр.) 227, 777
Iūpiter 70₁, 777, 791, 797, 851
Iuppiter 70₁, 227, 797
Iuppiter Menzanas (мессап.) 556
Iuppiter Dapālis 701

Καλλιόπη 835
Kāma-duh(ā) (др.-инд.) 569₄
Kara- (авест.) 933₂
Kerrí (оск.) 645
Kirnis (лит.) 644, 645
Kurd-alægon (осет.) 715₁

Lamaria (сван.) 611
Λητώ 185
Lomisi (груз.) 511
Lūcetius (Leucesie, эвам. ф.) 797
Lug (галл.) 799
Lupercālia 779

Mac Tri Con (др.-ирл.) 851
Mahá Arṇavá- (др.-инд.) 671₁
Mārs (род. п. Martis) 793, 797, 851
Mārs pater 797₄
Melia-t'elepia (сван.) 611
Merisa (черкесск.) 611
Miðgarðr (др.-исл.) 485
Miðgarðs-ormr (др.-исл.) 527
Mitrá- (др.-инд.) 754
Mitrá-Váruṇa- (др.-инд.) 548₁, 795
Mitraššil (мит. арийск.) 548₁
Múnja (серб.-хорв.) 643

Nart- (осет.) 190, 802
Nāsatyā (др.-инд.) 548₁, 793₁
Našatiianna (мит. арийск.) 548₁
Nechtan (кельт.) 675
Neptūnus 675
Nerthus (др.-герм.) 802
Njǫrðr (др.-исл.) 851
Νότος 678

Óðinn (др.-исл.) 487, 799, 836, 851
Ops 63, 746, 746₃, 798, 798₁
Οὐρανός 903

Parjánya- (др.-инд.) 615, 618₂, 793, 795
Pārun (кафир.) 615, 616₂
Párvata- (др.-инд.) 793, 795
Perën-di (алб.) 615
Perkúnas (лит.) 615, 667, 793, 798, 852
Perkūnkalnis (лит.) 615
Pērkūns (латыш.) 615, 793, 798
Perunaš (хет.) 615
D*Pelirua- (хет.) 550₁, 556, 615, 794, 795, 860*
Πολύφημος 903
Πύθων 489, 528
purulli- (хет.) 909
puruṣamedhá- (др.-инд.) 483, 820₁

Quirīnus 793₁, 798, 798₁, 851

Rayí- (др.-инд.) 747₂
Rēgia 552, 746₃, 751

sacra gentilitia 801
sacra publica 801
Salacia Neptūni 676
Savitṛ (др.-инд.) 597₁
Σμινθεύς 531₂
Spənta- Ārmaiti- (авест.) 102₁, 854
su-ove-taurilia 597
suovetaurilia lactencia 597
Sūrya- (др.-инд.) 795
D*Šakuuaššaš (хет.) 473₁*
Šanta- (лув.) 903
Šiu- (хет.) 792, 794
D*Ši-u-i-ni (урарт.) 897*
Šiušummiš (хет.) 792
D*Siuaz (хет.) 46*
Šuriiaš (каccит.) 684₁
Talipina (хам.) 532
Talipinu (хам.) 532, 611
Talipuna (хам.) 795
Tarḫunt- (хет.) 903
D*Tarḫunza (лув.) 794*
tatiš Tiuaz (лув.) 747, 791
Tellūs 597
Tīg (др.-англ.) 227
Tiiat- (пал.) 684, 792, 860, 897₂
tiiaz... papaz (пал.) 777
Tiuat- (лув.) 227, 242, 475, 684, 791, 792, 794, 860, 897₂
D*Tiuaz (хет.) 46*
transuectio equitum 552
Tritá-āptiá- (др.-инд.) 851
D*Turešgala- (хет.) 726*
Τύχη 569₄
Týr (др.-исл.) 36, 271, 799

Θέμις 810
Θέτις 23₂
Θórr (др.-исл.) 799, 851

uēr sacrum 797₃
Uofione (умбр.) 798
D*Ú-ri-e-it (хам.) 882*

Valhǫll (др.-исл.) 824, 836
Valkyria (др.-исл.) 824, 836
Vāk (др.-инд.) 838
Vātāparjanyā (др.-инд.) 677
Veliuonà (лит.) 824

Veļu laiks (латыш.) 824
Vesta 229, 229$_1$
Viśvá-karman- (др.-инд.) 706, 715$_1$
Vīnālia 652
Volcānus 337, 715$_2$
Vǫlundr (др.-исл.) 715$_1$

Φρίξος 907

Wōden (др.-англ.) 799, 836
Wuotan (др.-в.-н.) 487, 799, 836

Χάρων 825
Xšaθra-Vairya- (авест.) 854

Yamá- (др.-инд.) 778
Yama-rāja- (др.-инд.) 823$_1$
Ygg-drasill (др.-исл.) 549, 553
Ymir (др.-исл.) 132, 821

Агни (др.-инд.) 820, 825, 828, 840
Адитьи (др.-инд.) 795
Аждахак (арм.) 502
Аид (Ἀΐδης), греч. 824, 825
Александр (Ἀλέξανδρος), греч. 501, 507
Анахита (иран.) 530, 966
Андромаха (Ἀνδρομάχη), греч. 29
Антиной (Ἀντίνοος), греч. 834
Аполлон (Ἀπόλλων), греч. 531, 563, 622, 774, 811$_1$, 818$_1$
Арес (греч.) 797
Артемида (Ἄρτεμις), греч. 509, 509$_1$, 606, 611
Артур (Arthur), ср.-англ. 774
Асклепий (греч.) 531, 532, 811$_1$
Астарта (зап.-сем.) 686, 875
асы (æsir), др.-исл. 643
Афина (Ἀθηνᾶ), греч. 528, 622$_1$, 646$_1$, 741, 901
Ахура Мазда (иран.) 923
Ашвины (др.-инд.) 543, 552, 576, 793$_1$, 796, 811$_1$

Баба Яга (слав.) 532
Беовульф (Bēowulf), др.-англ. 774, 839
Браги (др.-исл.) 643
Брахма (др.-инд.) 543
Будда (Buddha), инд. 502$_1$

Вальгалла (др.-исл.) 538, 540, 607, 824, 829
Валькирия (др.-исл.) 824, 836
Варуна (др.-инд.) 548$_1$, 549, 549$_1$, 678, 679, 795, 811, 825
Вахаган (арм.) 502
Велесъ (др.-рус.) 824
Велесовъ вънукъ (др.-рус.) 836
Вёльва (Vǫlva), др.-исл. 607
Веста (Vesta), римск. 563, 700
Вотан (герм.) 836
Вритра (Vṛtrá-), др.-инд. 572$_1$

Гавайн (Gawain), ср.-англ. 774
Геба (Ἥβη), греч. 822$_3$
Гектор (Ἕκτωρ), греч. 774, 827, 828
Гелиос (греч.) 731
Гелла (Ἕλλη), греч. 578
Гера (греч.) 280, 667, 797
Геракл (Ἡρακλῆς), греч. 509, 509$_3$
Гермес (Ἑρμῆς), греч. 824
Геспер (Ἕσπερος), греч. 643
Гесперіды (Ἑσπερίδες), греч. 643
Гефест (греч.) 715$_1$, 797
Гильгамеш (Gilgameš), аккад. 469, 904
Гулльвейг (др.-исл.) 607
Гуннлёд (Gunnlǫð), др.-исл. 607

Диана (Diāna), римск. 622
Дионис (Διόνυσος), греч. 563
Диоскуры (греч.) 555, 777

Елена (Ἑλένη), греч. 757
«Елисейские поля» 824

Заратустра (иран.) XLVIII, 525, 619$_1$, 646$_1$
Зевс (греч.) 532, 547, 618$_2$, 619, 619$_1$, 622$_1$, 646$_1$, 652, 653, 667, 680, 680$_1$, 777, 792, 796, 822$_3$, 903

Идунн (Iðunn), др.-исл. 643
Илья пророк-громовержец (слав.) 577
Имир (др.-исл.) 821
Инара (Inara-), хет. 528
Индра (др.-инд.) 510$_1$, 538, 548$_1$, 549, 572$_1$, 576, 577, 653, 720, 729, 746, 786, 795, 796, 799, 820, 852, 928
Иштар (аккад.) 550$_1$, 595$_1$, 686, 804$_1$, 875
Ишхара (Išḫara-), хет. 811$_2$
Йима (Yima-), иран. 824

Каллиопа (греч.) 835
Камрусепа (Kamrušepa-), хет. 304, 581
Кандавл (меон.) 495, 591
Кастор (Κάστωρ), греч. 552
кауравы (kauravas), др.-инд. 779
Квирин (римск.) 582, 793, 798
Кельтхар (Celtchar), др.-ирл. 591
Кибела (Κυβέλη), греч. 606
Конхобар (Conchobar), др.-ирл. 774
Кухулин (Cúchulainn), др.-ирл. 591, 774
Кумарби (Kumarbi), хур.-хет. 615

Лемминкяйнен (Lemminkäinen), фин. 611
Ликаон (Λυκάων), греч. 495

Майя (мать Будды), инд. 502$_1$
Марс (римск.) 552, 797$_{2, 3, 4}$, 798, 838
«Марсово поле» 797$_2$
Медея (греч.) 757, 811
Менелай (Μενέλαος), греч. 501, 507
Мидас (Μίδας), фриг. 563
Минерва (Minerua), римск. 700

Минотавр (Μινῶταυρος), *греч.* 520_3
Митра (*др.-инд.*) *548, 549, 795, 928*
Митра-Варуна (*др.-инд.*) *795*
мойры (Μοῖραι), *греч.* *582*
Мокошь (*слав.*) *582,* 660_2
нарты (*осет.*) *720*
Насатья (*др.-инд.*) *793*
Нептун (*римск.*) *675, 676*
нимфы-наяды (Νυμφάων αἱ νηϊάδες), *греч.* *605*
Нингирсу (*Ningirsu*), *шум.* 563_1
норны (*nornir*), *др.-исл.* *582*
Один (*др.-исл.*) *553, 590, 607,* 675_2, *741, 824, 829, 836*
Один-Вотан (*герм.*) *487, 590, 591*
Одиссей (Ὀδυσσεύς), *греч.* 595_1, *825, 904*
пандавы (*pāndavas*), *др.-инд.* *779*
Парвата (*др.-инд.*) *795*
Парджанья (*др.-инд.*) *576, 795*
Парис (Πάρις), *греч.* *757*
Патрокл (Πάτροκλος), *греч.* *827, 828*
Пенелопа (Πηνελόπη), *греч.* *280*
Перегыня (*др.-рус.*) *615*
Перкунас (*балт.*) *586, 600, 615, 667, 841, 852*
Персефона (Περσεφόνη), *греч.* *757*
Перунъ (*др.-рус.*) *556, 667, 680, 793, 852*
Перуновъ дубъ (*др.-рус.*) *615*
Пирва (*Pirua-*), *хет.* *538, 615, 795, 837*
Полидамас (Πολυδάμας) *греч.* 624_2
Полифем (*греч.*) *903*
Посейдон (Ποσειδάων), *греч.* *324*
Пронойя (Πρόνοια) *551*
Пуруша (*púruṣa-*), *др.-инд.* *820, 828*
Пушан (*Pūṣán*), *др.-инд.* *587*
Рем (*Remus*), *римск.* *779*
Ромул (*Romulus*), *римск.* *779*
Рудра (*Rudrá-*), *др.-инд.* 515_1, *532,* 811_1
Саул (*Saul*), *библ.* *564*
Семаргл (*др.-рус.*) *854*
Сет (*Seth*), *др.-егип.* *563,* 563_1
Сириус (Σείριος) *211*
«Старая женщина» (*хет.*) *531, 532, 582, 823*
Стикс (Στύξ), *греч.* *825*
Стрибогъ (*др.-рус.*) 537_1, 765_2, *777, 791, 798, 799*
Сурья (*др.-инд.*) *576, 720*
Тархон (Τάρχων), *греч.* *903*
Телепень (*рус.*) *898*
Телепину (*хет.*) *538, 582, 605,* 606_1, *609, 611,* 630_1 *702,* 703_1, *903, 909*
Телеф (*греч.*) *903*
Тор (*герм.*) *586, 600, 615, 715, 852*
Улликумми (*Ullikummi*), *хур.-хет.* *548, 615*
Уран (*греч.*) *903*
Урызмаг (*осет.*) 778_1
Уснех (*Usnech*), *кельт.* *470*
Ушас (*Uṣás*), *др.-инд.* *729, 796*
Фемида (*греч.*) *810*
Фрикс (*греч.*) *907*
Харон (Χάρων), *греч.* *324*
Хедамму (*Ḫedammu*), *хур.-хет.* *529*
Хигелак (*Higelac, Hygelac*), *др.-англ.* *774*
Церера (*римск.*) *645*
Цирцея (Κίρκη), *греч.* 595_1, *825*
Шива (*Śivá-*), *др.-инд.* *348*
Энки (*Enki*), *шум.* 686_2, 709_1
Эол (Αἴολος), *греч.* *678*
Эос-Заря (Ἠώς), *греч.* *280*
Эташа (*Ėtaśa-*), *др.-инд.* *549*
Юнона (*Iūnō*), *римск.* *700*
Юпитер *622, 652, 653, 700, 792, 797,* 797_1, *852*
Язон (*греч.*) *757, 907*
Яма (*Yamá-*), *др.-инд.* *777, 778, 781*
Ями (*Yamí*), *др.-инд.* *777, 781*

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

Ἀγαμέμνων 838_1
Ἀγαμήδη *811*
Ἀμφιτρίτη *280*
A-ra-ma-aḫ-šu (*каппад.*) 860_1
Ἀργώ *907, 908*
Arišḫen (*хур.*) *1317*
Ar-nu-ma-an (*каппад.*) *859*
Arşibini (*урарт.*) 106_2, *539*
Ἄσπαχος *550*
Asparuk (*иран.,тюрк.-болг.*) *550*
Ἀσπαρούχις *550*
Aspūrak (*арм.*) *550*
A-ši-at (*каппад.*) *860*
Atal-šen (*хур.*) *1317*
Aždahā (*перс.*) *502*
Aždahak (*иран.*) *502*
Βανάδασπος *550*
Bēowulf (*др.-англ.*) *493, 498, 607*
Ber-ulf (*др.-в.-нем.*) *498*
Bēr-ulfus (*гот.*) *498*
Bibracte (*галл.*) *220*
Bibraige (*ирл.*) *220*
Bibroci (*др.-брет.*) *220*
Biridašṷa (*мит. арийск.*) *553*
Biriḫaššuša (*мит. арийск.*) *553*
Bjǫrn-olfr (*др.-исл.*) *493, 498*
Boiriaty-xæræg (*осет.*) *563*
Catulus *600*
Cuno-pennus (*галл.*) *590*
Cynewulf (*др.-англ.*) 554_2
Dadhyáñc- (*др.-инд.*) *570*
Διοχλῆς *351*
Duthaliia- (*хет.*) 207_2
Ἕκτωρ *110,* 111_2
Evotenosio (*фалиск.*) 377_1
Frid-hęngest (*др.-англ.*) *553*
godagas, род. п. (*рун.*) *378*

Ḫa-al-ki-a-šu (каппад.) 860
Ḫanta-pi (хет.) 860
Ḫanta-šepa- (хет.) 303₁
Ḫa-ar-šu-um-nu-ma-an (каппад.) 859
Ḫašušar (каппад.) 750
Ḫa-šu-ša-ar-ni-kà (каппад.) 860
Hengist (др.-герм.) 553, 777
Ḫi-iš-ta-aḫ-šu-šar (каппад.) 860
Ḫi-iš-tù-ma-an (каппад.) 860
Horsa (др.-герм.) 553, 777
'Ιάσων 907
'Ιήσων 907
''Ιππος 102
I-lá-li-aḫ-šu (каппад.) 860₁
I-na-ar (каппад.) 860
I-na-ra-aḫ-šu (каппад.) 860
'Ιπποδάμεια 280
Išpakai (скиф.) 550
Kaisiosio, род. п. (фалиск.) 377₁
Kamru-šepa- (хет.) 126₁, 303₁
Καν-δαύλης 324
Kocĭlŭ (слав.) 600
Kuruṅgáḥ (др.-инд.) 920
LÚ Labarna- (хет.) 268, 641
Lugaid tri riab n-derg (др.-ирл.) 851
Maštigga- (хет.) 591
Mattiuaza (мит. арийск.) 548
Μήδεια 811
Μήδη 811
Meliddus (галл.) 603
Na-na-a (каппад.) 860
Na-na-pi (каппад.) 860
Νέστωρ 762₂
Ni-ua-aḫ-šu-ša-ar (каппад.) 860
Ni-ua-a-šu (каппад.) 860
Πάμφαιος 23₂
Pè-er-ua-aḫ-šu (каппад.) 860₁
Φάνφαιος 23₂
Raubasa (др.-перс.) 513
Rufrĭis (оск.) 66
Salicilla (галл.) 628
Σεψομαρος (галл.) 377
Siiāuuāspi- (авест.) 417, 710₁
Svanáya- (др.-инд.) 920
Svętoplŭkŭ (слав.) 348
Ša-ak-ni-ú-ma-an (каппад.) 859
Ša-li-nu-ma-[an] (каппад.) 860
Ša-am-na-ni-kà (каппад.) 860
Saptama-niga- (каппад.) 854₁
Ša-ap-ta-ma-ni-kà (каппад.) 860
Ša-ar-ni-kà-šu (каппад.) 860
Ša-ar-pa (каппад.) 860
Ší-ua-áš-me-i (каппад.) 860
Šu-pí-a-aḫ-šu (каппад.) 860₁
Šu-pì-a-ni-kà (каппад.) 860
Šu-pì-ú-ma-an (каппад.) 860
Ta-ak-ša-nu-ma-an (каппад.) 859
Tá-ar-ḫa-ší-at (каппад.) 860
Ta-ar-ḫu-a-lá (каппад.) 860
Tár-ḫu-a-an (каппад.) 860
Tauananna- (хет.) 778
Ta-ua-ú-i-ma-an (каппад.) 860
Telepinu- (хет.) 532, 795
Τηλεφάνης 903
Τήλεφος 903
Teut- (иллир.) 943
Toulonos (галл.) 749
Tušratta (мит. арийск.) 548₁
Twrch Trwyth (валл.) 517
Ulf-bjǫrn (др.-исл.) 493, 498
Ulfilas (гот.) 493
Ú-mar-ta-as-pa- (мит. арийск.) 546₂
Uruśravas- (др.-инд.) 349₁, 834
Uruuanaššel (мит. арийск.) 548₁
Ut-ru-ua-šu (каппад.) 860
Verucloetius (кельт.) 350, 834
Višvámitra- (др.-инд.) 349
Vṛcayá- (др.-инд.) 920
Vṛṣākapi- (др.-инд.) 523
Wærxæg (осет.) 496, 930
werwulf (франк.) 493
Wrpš (иран.) 470, 513₂
Wulf-bero (др.-в.-нем.) 493, 498
Yimō Χšaētō (авест.) 824
Zaraḫ-uštrō (авест.) 525
Zdeslav (серб.-хорв.) 834
Zdzisław (польск.) 834
Амбикатус (Ambicatus), галл. 774
Аменхотеп III (Amenhotep III), др.-егип. LIII
Анитта (хет.) 486, 486₁, 498, 499, 545, 786, 792, 861
Арижен (хур.) 1317
Арнуванда (Arnuuanda-), хет. 700
Атальшен (хур.) 1317
Вахтанг Горгасал (груз.), 496
Вульфила (Ulfilas), гот. LI
Гудеа (Gudea), шум. 563₁
Дарий (Dārayauauš), др.-перс. 755
Идри-ми (Idri-mi) 725₁
Кешши (Kešši-), хур.-хет. 503₁, 591₁
Киккули (Kikkuli), мит. 546
Маддуватта (Maddu-uatta-), хет. 901₁
Меша (Mesha), зап.-сем. LIII
Мурсили (хет.) 672
Нарам-син (Narām-Sîn), шум.-аккад. 717
Салманасар III (Šulmanašarid), аккад. 913
Саргон (Šarrum-kîn), аккад. 850
Сдеславъ (др.-рус.) 834
Тавагалава (Tauagalaua-), хет. 902₁
Телепину (Telepinu), хет. 751, 809, 901₁
Тудхалия (Tudḫaliia-), хет. 725
Туннави (Tunnawi-), хет. 755₁
Тушратта (Tušratta), хур. LIII
Урхитешуб (Urḫi-Tešub), хет. 595
Хаттусили (Ḫattušili-), хет. 722, 750, 827
Шуб-ад (Šub-ad), шум. 588
Эдип (Οἰδίπους, Oedipus), греч. 474
Энмеркар (Enmerkar), шум. 1325
Эхнатон (Akhenaton, Ikhnaton), др.-егип. 735₁.

ЭТНОНИМИКА

Adana-wana (иер. лув.) 902₂
A-ka-wi-ja-de (мик. греч.) 901₁
Alani (осет.) 755
Ἀλβανοί 911₃
Ἄργος 908
Ἀχαιοί 901₁, 901₂, 903₁
Bitu-rīges (галл.) 465
Brigantes (галл.) 669
Βρίγες (фриг.) 910₂, 911₁
Βρύγες (фриг.) 910₂
Δαναοί 902₂
Danūna (аккад.) 902₂
Dāsa (др.-инд.) 915, 917
Daser 917
δάοι 495
Δαύνιοι (иллир.) 495
D3ynywn3 (егип.) 902₂
Donwy 902₂
Δωριεῖς 957₁
Δωριεύς 957₁
Graecus 40
hay- (арм.) 913₃
Hirpini 495
Ἰά(F)ονες 902₂
Κνίδιοι 122
Krēks (гот.) 40
Lukani 495
mi-ir-ka-nu-ja-ip (элам.) 496
Orka (Orkoi), фриг. 495
Οὔργοι 495
Quarquēni (венет.) 614, 618₂, 880₁
sāka (иран.) 519
Sclaveni 480₁
Σινδοί 917
Σκλαβηνοί 480₁
Σκύθαι 661
Φρύγες 910₂, 911₁
Vo-contii (галл.) 133
Vo-corii (галл.) 133
Χάλυβες 710₁
Ὑπερ-βορέοι (фрак.) 666
албанцы (кавказские) (Ἀλβᾶνοί) 911₃
амазонки (Ἀμαζόνες) 550₁, 606
анатолийцы 887₁
арийцы 887₁
ахейцы (Ἀχαιοί) 901, 901₁
балты 887₁
баски 954
бриги 911₁
вольски (volsci) L
германцы 887₁
готы LI
греки микенские 888
даки (Δᾶκοί) 495
данайцы (Δαναοί) 902₂
дориец 957₁
дорийцы 899, 900, 900₁, 957₁
индейцы гуарани 491
индо-арии LV, 965
инки 778₂
ионийцы (Ἴάονες) 902₂
кафиры 616₂
кельты LI, 887₁
колхи (Κόλχοι) 907₁
копты LIV
оски (osci) L
пеласги (Πελασγοί) 900, 900₂
протоармяне 913, 913₂, 968₂
протоиранцы 965
саами 519
сабельские племена L
сарматы (Σαυρομάται, Σαρμάται) 495
скифо-сарматские племена 596
скифы (Σκύθαι) крымские и горно-алтайские 921
славяне 887₁ восточные 620
умбры (umbri) L
фригийцы (Φρύγες) 910₂
хурриты LIII
эскимосы (гренландские) 519
языги (сарматское племя) 550

ГИДРОНИМИКА: НАЗВАНИЯ МОРЕЙ, ОЗЕР, РЕК, ВОДОЕМОВ

Abona (др.-брет.) 72₁
Ἄβου ποταμοῦ 72₁
Adrana 953
Alantia 953
Alara 953
Alba 953
Albina 953
Alda 862, 945
Alma 953
Almana 953
Ἀλούτας 862
Altina 862
Altinum 945
Alto 862, 945
Ἄλτος 862, 945
Ἅλυς 674₂
Amisia 953
Ara 953
Ar-agw- 940₁
Ar-aks- 940₁
Arantia 953
nâr A-rat-ta-a (аккад.) 1325
Ariob (иран.) 920, 954
Arlape (кельт.-иллир.) 539, 954
Arma 953
Armantia 945, 953
Armenà (лит.) 945
Armeno 945
Armenta 945
Ašvà (лит.) 555, 670₁
Ašvìjà (лит.) 670₁
Ava 953
Avantà (лит.) 675₂
Avantia 953
Brendisium 945
Brenta 945
Cuphis 917
Δάναπρις 671
Δάναστρις 671
Δανούβιος 671
Erlaf (кельт.-иллир.) 539, 954
Haliāb (иран.) 920, 954
ḫa-ra-aš-ḫa-pa-aš (хет.) 539, 862, 954
Ḫulaja- (анат.) 861₂
Ḫulana- (анат.) 861, 861₁, 861₂
Iaks- 940₁
Ἰαξάρτης 940₁
Ikva 945
Jardēn (др.-евр.) 917₂
jrdn (егип.) 917₃
Κόρος 909₁
Κοῦφις 917
Κωφήν 910₂

Κώφης 910₂
Kúbhā (др.-инд.) 910₂, 917
Κῦρος 909₁
Kūruš (иран.) 920

Iacus Albanus 675

Maraššandi̯ta- (хет.) 676₂, 862, 945
Marisia (дак.-фрак.) 862
Marus (дак.-фрак.) 862, 945
Mimir (герм.) 675₂
Morava 862, 945
Morawa 945
Murakwa 862, 945

Ochsus 940₁
Oks- 940₁
Olt (рум.) 862
'Οξος 940₁
Ουιαδκιος (др.-балк.) 670₁
Owrad 945₁
ID par-ma-aš-ḫa[-pa-aš] (хет.) 862
Παρμισός 862
Πόραλα (скиф.) 673, 946
Προποντίς 907
Purattu (аккад.) 712

Radānu 917₃
Ranhā- (авест.) 934₁
Regana 953
Saale (нем.) 674₂
Sala (кельт.-иллир.) 674₂
Sālantas (лит.) 945
Sal-ap-ia 674₂
Salontia 945
Sarape (балт.) 862, 954
Serapilli (иллир.) 862, 954
Serappin (балт.) 862, 954
Serenappe (балт.) 862, 954
Ser-inis (фрак.) 862
Σέρ-μη 862
Σίβῥφ (лид.) 713₂
Sindes 917
Sindhu- (др.-инд.) 917
Στρύμων (фрак.) 405₁
Suranḫapaš (хет.) 862, 954
Syr-mus (фрак.) 862

Τάναϊς 671

Varisia 953
Vėlįs (лит.) 861₂
Vilija (лит.) 861₂
Vilnia (лит.) 861₂
Visara 953
Voxš- (иран.) 940₁
Warmena 953

Албанское озеро 675
Альта 862, 945
Аман 913
Аму-Дарья 920, 940₁, 966
Арагви 940₁
Аракс 893, 940₁
Аральское море 938, 946, 948, 949, 949₁, 966

Балтийское море 526₁, 623
Босфор 907

Ван 734, 896, 918
Верхнее Приобье 936₁
Висла 623, 862, 945
Волга 557, 621, 623, 633, 637, 732, 733, 735, 867₁, 965, 966, 968, 969

Галис ('Αλυς) 674₂, 676₁, 862
Геллеспонт ('Ελλήσ-πον-τος) 578, 907₂
Дарданеллы 907
Дейбьереское болото 732
Десна 633
Дияла (Diyāla) LIII
Днепр 557, 558, 559, 862, 921, 945, 968, 968₂
Днестр 921, 862, 945
Дон 559, 921, 945
Дунай 559, 623, 630, 733, 862, 921

Дънѣпръ 671
Дънѣстръ 671
Евфрат 546, 633, 712, 945₁

Иква 945
Ильтица 862
Инд 915, 917, 709₁
Иордан 917₃

Кабул 910₂, 917, 920
Каспийское море 496, 536, 559, 734, 896, 946, 949₁, 950, 1325
Кубань 917
Кура 893

Куршский залив 673
Кызыл-Ырмак (Kızıl Irmak) 674₂, 676₁, 862

Лытица 862, 945
Лыто 862
Марассанта (хет.) 676₁
Мервский оазис 920
Мраморное море 907
Мурава 945

Оврад 945₁

Припеть-Десна 633
Пропонтида 907, 907₁,₂
Прут 946

Рейн 953
Рона 945

Севан 733
Синташта 854, 950
Средиземное море LIII, 625
Стрыпа 945
Сыр-Дарья 940₁, 966

Тигр LII, LIII, 733, 917₃

Урмия 734, 896, 918, 1325

Черное море 557, 880₂, 896₃, 907, 907₂, 908

Эвксин 907₂
Эгейское море 896₁, 899, 899₁, 900, 901, 902₃, 904

ТОПОНИМИКА: НАЗВАНИЯ КОНТИНЕНТОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ, СТРАН, ГОРОДОВ, НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Aballō (галл.) 637
Abella (оск.) 422
Abella māli̯era 638
URU*Aḫḫi̯a (хет.) 901, 902*
Aḫḫi̯aya- (хет.) 901, 901₂, 903₁
'Αθήνησι 382
Αἶα 907₁

airyanəm vaē̆ǰō (авест.) 920
'Αλβανία 911₃
Alisanos (кельт.) 635
Alisia (кельт.) 635
Alisontia (кельт.) 635
'Αμάρυνθος 886
A-ma-ru-ta (мик. греч.) 886
Apa-xšīrā- (авест.) 123
Aratta (шум.) 1325

'Αργολίς 908
'Αρκάνια δρῦς 614
Arlape 862
Avallon (франц.) 637
Bāgācon (галл.) 621
bāxδi- (авест.) 920
Berzovia (фрак.) 620, 621
Bėržuvis (лит.) 621
Campus Martius 797₂

Egr-is-i (груз.) 908
Ἑλενών 124, 628
ērān (пехл.) 924
ērān-wēz (пехл.) 920
Ériu (др.-ирл.) 741, 755
Fergunna (др.-в.-нем.) 614
gava- (авест.) 920
gbl (финик.) 59
Gᵉḇāl 59
Groubýnc (лит.) 624
Gruōbiņa (латыш.) 624
Gruobýnas (лит.) 624
Gubāl (финик.) 59₂
Gubl- (сем.) 60₁
Gubla (финик.) 59₂
Gublu (аккад.) 59
haraiva- (авест.) 920
haraᵛaitī- (авест.) 920
Hariyūpíyā (др.-инд.) 915, 920, 954
Hayi (иер. лув.) 913
Hercynia silva (кельт.) 614, 615
hāiti- (авест.) 788
Ḫaḫapu (анат.) 913
URU*Ḫaḫaša- (анат.) 913*
Ḫaššuṷa- (анат.) 538, 863
URU*Ḫatti (хет.) 913₃*
Jūrmala (латыш.) 672
Ḳārum Ḳaniš (Кюльтепе) 559, 709
Κεραυνός 644
Κέρκυρα (иллир.) 618₂
Κολχίς 907₁
Κόρκυρα (иллир.) 618₂
Lltano-briga (галл.) 75
Lukka- (хет.) 495
Λυκάουρα 495
Malatya 604₁
maryav- (авест.) 920
Meliddu (анат.) 604₁
Meluḫḫa 709
Middunwa (анат.) 604₁
Μιλήσιος 901
Μορήσης 862
nisāya- (авест.) 920
Parnašša- (каппад.) 900₄
Παρναῖσσός 900₄
Πλάταια 781
Rōma 285
Sardor (коми-зыр.) 922
Šallaḫšuṷa- (анат.) 863
Taplauken (прус.) 683
Teplitz 683
Tlokun-pelk (прус.) 498
vaēkərəta- (авест.) 920
Vesuvius 229
Vilnius (лит.) 861₂
Virgunt (ср.-в.-нем.) 614

Абхазия 617
Австрия 733
Агия Триада (Hagia Triada) 551
Азия 557, 587, 911₁, 955
Восточная 554, 557, 561, 565, 575, 581, 588, 591, 592, 598, 611, 646, 660, 708, 936
Западная 506, 561, 595₂, 611, 660, 709, 732
Малая см. Малая Азия
Передняя см. Передняя Азия
Средняя см. Средняя Азия
Центральная см. Центральная Азия
Юго-восточная LV, 709
Юго-западная 560, 615, 646
Южная 641₁, 955
Айа 907₁
Аладжа-Хююк (Alaca Hüyük) 508, 727, 894
Алалах (Alalaḫ) 725₁
Албания L
Алтай 660, 936₁
Альпера (Alpera) 608
Альпы 953
Аляска (Южная) 871₁
Америка (Северная) 593₁
Амук-Гавра (Amuq-Gawra) 918
Анатолия 563, 625, 727, 735, 861, 892, 893, 894₁, 897₁, 899₁, 945, 954
Восточная 497, 559, 892, 893, 894₁, 895, 897
Западная 891, 892, 914
Северная 896
Центральная 895, 896, 896₄
Анау 558, 692, 733, 735
Англия 497
Апеннинский ('Απεννῖνος, Appenninus) п-ов L, 916, 956
Апулия (Apulia) L
Аратта 1325
Арахозия ('Αραχωσία) 920
Арголида XLIX
ареал Средиземноморья см. Средиземноморский ареал
Аринна (Arinna) 577, 630₁, 896
Армения 894₁, 912
Армянское нагорье 912, 913₃
Атлантида 520₁
Афганистан XLVII, 581, 616, 653, 910₂, 915, 917, 920, 921, 935, 956
Афины ('Αθῆναι) 646₁
Африка LIV, 562, 595₂, 869
Северная 601, 601₁, 625, 627, 954
Аххия 901₁
Аххиява 895, 899, 901, 901₁, ₂, 902, 902₁
Ашшур (Aššur) 717

Бавария 558₂, 559₁
Багдад (Baghdād) 559, 712
Бадари (Badari) 659
Бактриана (Βακτριανή) 920
Бактрия (Βακτρία) 921
Балканский п-ов LI
Балканы L, 495, 550, 559, 574, 621, 630, 637, 658, 734, 737, 867₁, 869, 870, 870₁, 871, 899, 900₁, 909, 911, 912, 949₁, 956, 957, 957₁, 966, 967, 968
Бедени 727, 894₁
Бейда (Beida, Zāwiyat al-Bayḍā') 657
Бейдже-Султан (Beycesultan) 899
Бенин (Benin) 487
Беотия (Βοιωτία) 781
Березуй (др.-рус.) 621
Ближний Восток LIII, 499, 511, 529, 547, 559, 562, 563, 564, 573, 601, 601₂, 641, 649, 660, 692, 694, 717, 726, 733, 735, 736, 867, 868, 869, 870, 873, 874, 876, 877, 878, 880, 881, 884, 890, 891, 896, 912, 914, 917, 918, 918₂, 920, 925₁, 936, 944, 950, 957, 1325
Богазкёй (Boğazköy) LIII, 508
Болгария 911₂, 912

Брединский район 950
Бретань LI, 954
Британия LII, 553, 581, 777
Британские острова LI
Бурусханда (Burušḫanda) 786

Великобритания 954
Венгрия 732, 733, 912, 945, 968
Венеция 945
Византия LI, 907_2
Волго-уральский район 735, 870
Волжско-зауральская область 870_1
Восток
Ближний см. Ближний Восток
Восточное Средиземноморье 506, 520, 652, 916, 954, 957
Восточный Туркестан XLIX, 562, 737, 935, 936, 938, 939

Гавра (Gawra) 717
Галикарнасс (Ἁλικαρνασσός) 901
Галлия L, 630
Ганьсу (Gan-su, Kan-su) 936_1
Герасимовка 733, 735
Герат (Herāt) 920
Германия LI, 558_3, 630, 956
Гессен (Hessen) 733
Гималаи 621, 628, 681
Гиндукушский хребет 918_2
Гоби 557
Голландия 954
Гордион-Анкара 911_2
Греция 495, 574, 595, 853, 916, 953
Материковая 497, 899, 900, 901, 902_3, 904, 907, 908, 957
Микенская 508, 551, 595, 652, 657, 731, 746, 757, 957_1, 797
Грузия 511, 550, 558_2, 657, 727, 880, 894_1, 908

Дагестан 918_1
Дания 620, 954
Двуречье LIII, 576, 892
Демирджи-Хююк (Demirci-Hüyük) 559, 897
Дереивка 558
Джайенью (Cayönü) 595
Джармо (Jarmo) 558
Дидубе 894_1
долина Инда 709_1, 915
долина р. Диялы LIII
Древний Восток 690, 885, 890, 892, 953

Евразийский континент 942, 955
Евразия IX, X, XLIX, XCIV, 514, 554, 573, 588, 593, 595, 610, 615, 621, 627, 628, 630, 633, 638, 641, 644, 661, 662, 663_1, 745, 866, 870, 916, 944, 951, 956, 956_1, 964, 968_2, 969
Европа L, LI, LV, 553, 557, 581, 587, 587_1, 588, 601, 607, 616, 621, 623, 625, 633, 635, 637, 638, 644, 657, 658, 659, 660, 663, 690, 692, 694, 708, 732, 733, 829, 830, 866, 867, 868, 869, 911, 911_1, 939, 952, 953, 955, 956, 966, 969
Восточная 521, 574, 581, 596, 600, 623, 624, 627, 630, 633, 866, 867_1, 868, 890, 921, 945, 949, 952, 953, 969
Западная 592, 596, 624, 636_1, 733, 734, 737, 862, 944, 953, 954, 956, 968, 968_2
Северная 497
Центральная LI, LV, 560, 633, 636, 637, 732, 734, 862, 867, 868, 870, 944, 952, 953, 954, 968, 1325
Южная 621, 627, 633
Египет 505_2, 559, 563, 563_1, 595_2, 601_2, 608, 609, 610, 646, 659, 660, 692, 735_1, 831, 876, 887

Заволжье 559, 944
Закавказское нагорье 880_2
Закавказье XLIX, LII, LIII, 505_2, 558, 558_2, 559, 611, 615, 616, 623, 633, 635, 637, 641, 650_2, 658, 660, 727, 734, 869, 870, 880_2, 890, 893, 907, 908, 909, 917, 918, 919, 965
Зауралье Южное 950
Зефирия (Ζεφυρία) 901
Иасос 901 (Ἴασος)
Иберийский п-ов 625
Иберия (Ἰβηρία) L
Иберия (Закавказская) 496
Игувий (Iguvium) L
Иерихон (Jericho, Ἱεριχοῦς) 657
Иллирия (Ἰλλυρία) 862, 945
Индия XLII, LV, 500_1, 563, 596_1, 618_1, 619, 620, 641_1, 660, 700, 709, 709_1, 729, 788, 790, 820_2, 828, 852, 869, 915, 917, 956
Индостан LV, 916
Индостанский п-ов 916, 918_2
Иран XLVIII, 559, 574, 581, 588, 616, 637, 869, 892, 914, 949_1
Западный 657, 889_2, 920
Северный 623, 693, 949_1, 956
Северо-западный LII
Юго-восточный 915, 920
Иранское плоскогорье 497, 869, 889_2, 893, 914, 915, 921, 950, 965
Ирландия 755, 755_2, 954
Исландия LI
Испания 608, 621
Италия L, LI, 495, 733

Кавказ XLVIII, 529, 600, 616, 621, 625, 628, 630, 633, 635, 637, 644, 880_2
Большой 733, 734, 775, 871_1, 892, 917, 940_1, 949, 954, 968
Малый 880_2
Северный 630, 660, 727, 917, 918, 918_1, 919, 921, 965
Южный 496, 742, 892, 893, 894, 894_1, 895, 956
Казань 733
Калабрия (Calabria) L

Калифорния (Центральная) 871₁
Кампания (Campania) L
Камчатка 581
Канес (Kaniš) 307, 903
Капище Турово 520
Каппадокия (Καππαδοκία) 888₁, 900₄
Кара-депе 505₂
Караз (Karaz) 894₁
Караново 912
Карасук (Karasuk), 735
Каратепе (Karatepe) 833
Карпаты 614, 633
Каргамыш (Kargamiš) 913
Кафиристан см. Нуристан
Квацхелеби 559, 894₁
Кёрёш (Körös) 912
Керчь 730
Киев 520
Кикладские острова (Κυκλάδες) XLIX, 968
Киликия (Κιλικία) 918
Кипр (Κύπρος) XLIX, 581
Китай LVI, 500₁, 557, 561, 592, 646, 737, 936
Иньско-шанской (Yin Shang) эпохи 733, 735, 936
Киш (Kiš) 733
Кносс (Κνωσσός) 827, 863₂
Колхида (Κολχίς) 581, 880₂, 907, 907₁, 908
Колхидская низменность 880₂
Коринф (Κόρινθος) XLIX
Корфу (Corfu) 618₂
Крит (Κρήτη) 520₁, 551, 576, 733, 912, 968
Криш (Criș) 912
Крым LI, 921
Кубань 916, 918
Кюльтепе (Kültepe) 559

Лазпа (Лесбос) 901₁
Лакония (Λακωνική) XLIX
Лациум, Лаций (Latium) L
Лектон (мыс) (Λέκτον) 531
Лесбос (Λέσβος) XLIX, 901₁
Лидия (Λυδία) 591, 896₁
Ликаония (Λυκαονία) 495
Ликия (Λυκία) 896₁
Лчашен 733, 894

Майкоп 727
Македония (Μακεδονία) 862, 945
Малатья (Malatya) 508
Малая Азия XLVI, LII, LIII, 495, 505₂, 506, 531, 533, 546, 550₁, 558, 559, 573, 576, 581, 588, 595, 606, 608, 623, 625, 630, 637, 644, 658, 660, 674₂, 709₁, 727, 734, 775, 859, 861, 863, 867, 894, 895, 896₁, 897, 897₁, 899, 900, 901, 902, 904, 907, 909, 910, 911, 913, 916, 949₁, 956, 957, 964, 968₂
Маргиана (Μαργιανή) 920
Мари (Mari) LIII
Маса 779
Мегара (Μέγαρα) XLIX
Мелуха (Meluḫḫa) 709₁
Месопотамия LII, LIII, 546, 559, 560₁, 588, 595₂, 625, 709₁, 712, 717, 733, 870, 876, 892, 893
Верхняя LII, 742, 867, 869, 870, 890
Северная LIII, 558, 573, 588, 733, 734, 891, 892, 895, 964
Южная 560
Мессения (Μεσσηνία) XLIX
Мидия (Μηδία) 502
Мизия (Μυσία) 862
Микены (Μυκῆναι) 508, 509
Милет (Μίλητος) 581, 899, 901
Минусинская котловина 735
Монголия 557, 736, 737, 936₁, 950
Мохенджо-Даро (Mohenjo-Daro) 500₁, 596₁, 733, 915, 916

Навар (Nawar) LIII
Наири (Nairi) 913
Невш-ан-Сюйя (Neuvy-en-Sullias) 517
Нерик (Nerik) 896
Неса (Neša-) 792, 839
Низовья Волги 621, 623, 633, 637, 867₁

Нисая (Νισαία) 920
Новгород 556
Норвегия 630, 954
Норшун-тепе (Norşun-tepe) 559, 897
Нуристан (Nūristān) XLVII, 616₂, 918₂, 956

Оркнейские острова (Orkney islands) 954
Освея 544₁
Освица 544₁
Османкайясы (Osmankayası) 827
Осовка 544₁
Острова Средиземноморья 954
Острова Эгейского моря 899, 899₁, 900, 901, 902₂, 904, 957₁

Палестина LIII, 497, 657, 893, 917₃
Палестрина (Palestrina) L₁
Памир 581, 646
Паннония (Παννονία) LI, 862
Парнас (Παρνασσός) 900₄
Парун 616₂
Пелопоннес (Πελοπόννησος) XLIX, 899, 899₁ 901, 957₁
Пелопоннесский п-ов 900, 916
Передняя Азия LII, LIII, 497, 500₁, 505₂, 506, 510, 562, 563, 574, 588, 595, 600, 615, 616, 621, 623, 624, 627, 628, 633, 637, 643, 644, 646, 651, 656, 657, 658, 666, 692, 708, 709, 709₁, 722, 733, 734, 737, 738, 869, 874, 881, 886₁, 890, 891, 913₃, 918, 918₁, ₂, 920, 936, 939, 953, 955, 956, 957, 964, 965, 966, 967, 969, 1325
Перу 778₂
Перынь 556
Пещера Аньера 608
Пилос (Πύλος) 508, 827
Пиренейский п-ов 709₁, 954
Писидия (Πισιδία) 904
Побережье Черного моря 908

Поволжье 558, 939
Польша 953
Понт 644
Пренесте (Praeneste) L$_1$
Приволжье 947, 948$_1$*, 953*
Прикаспий 558, 916, 940$_1$*, 1328*
Приуралье 733
Причерноморское побережье 907
Причерноморье 623, 633, 918, 918$_2$*, 947, 948*$_1$*, 953*
Северное 558, 587, 596, 598, 616, 630, 637, 658, 733, 734, 735, 736, 737, 866, 867$_1$*, 868, 870, 870*$_1$*, 916, 918*$_2$*, 944, 945*$_1$*, 948, 952, 965, 969, 1325*
Пруссия LII
Пшав-Хевсурети 616

Рас-Шамра (Ras Shamra) LIV
Ретра (Rethra) 517
Рим L, 572, 598, 600, 700, 746, 779, 797$_1$*, 829, 852, 852*$_1$
Румыния 912, 968$_2$
Русь 520
Рымнинский поселок 950

Саймалы-Таш 735, 950
Самний (Samnium) L
Самтавро 507$_1$
Сарды (αἱ Σάρδεις) 581, 591
Сербия 774
Сескло (Sesklo) 912
Сиалк (Sialk) 693
Сибирь LVI
Западная LV, 627, 660, 930
Южная 733, 735, 736, 936$_1$*, 950*
Сирия LIII, LIV, 735, 917$_3$
Северная XLVI, LII, LIII, 880, 888, 888$_1$*, 892*
Скандинавия 630, 954
Согдиана (Σογδιᾶνή) 920
Соль Галичьская (др.-рус.) 674$_2$
Средиземноморский ареал 608, 610, 625, 954
Средиземноморье 627, 646, 733
Средняя Азия XLVIII, LV, 558, 581, 582, 587$_1$*, 588, 596, 653, 660, 736 918*$_2$*, 920, 921, 935, 935*$_1$*, 936, 936*$_1$*, 939, 943, 946, 949, 950, 956, 965, 966, 969, 1325*
Старчево (Starčevo) 912
Страна Арг(о) 908
Страны Эгейского мира 899$_1$*, 957*$_2$
Судеты-Карпаты 614, 616
Сузы (τὰ Σοῦσα) 559, 733
Съезжий 558
Сяоминьтунь (Shaomintung) 936

Таджикистан 936$_1$
Телль-Мардих (Tell Mardikh) LIII, 880
Телль-эс-Савван (Tell es-Sawwān) 712
Тибет 581
Триалети 727, 733, 894
Триент (Trient, Trento, римск. Tridentum) 945
Трундхольм (Trundholm) 732
Триполье 694
Тува 936$_1$
Туле-Скандинавия 607
Туркестан Китайский см. Восточный Туркестан
Туркмения
Южная 505$_2$*, 558, 559, 576, 733, 869, 870, 949*
Турова Божница 520
Турция 657

Угарит (Ugarit) LIII, LIV
Украина 559$_1$*, 945*
Умбрия (Umbria) L
Ур (Ur) 560, 588
Урал 938
Уркиш (Urkiš) LIII
Урук (Uruk) 733

Фалерии (Falerii) L
Фаюм (Fayyūm) 659
Ферганский хребет 735, 950
Фессалия (Θεσσαλία) 497, 574, 595, 827, 912
Франция L, 636$_1$*, 954*
Фригия (Φρυγία) 495

Хаджылар (Hacılar) 506, 692
Хайаса (Ḫaiaša-) 913, 913$_2$
Халаф (Tell Ḥalāf) 891, 892, 892$_1$*, 893*
Харапна (Harappā) 596$_1$*, 915, 916*
Хасанлу (Hasanlu) 548
Хассуна (Ḥassuna) 712
Хатти 779, 913
Хаттуса (Ḫattuša-) 773$_1$
Хафаджа (Khafajah) 559, 733
Хвалынский р-он Саратовской области 558
Хирбет Керак (Khirbet Kerak) 893
Хиркания (Ὑρκανία) 496
Хиссар (Hissār) 914
Хорватия 550
Хорезм (Khwārezm) 596
Хорезмийский оазис 920
Хрисе (Χρύση) 531
Хузистан (Khūzistān) LII
Цалкинское плоскогорье 558$_2$
Цальпа (Zalpa-) 307, 896$_3$
Центральная Азия XLVIII 500$_1$*, 554, 557, 557*$_1$*, 561, 564, 581, 588, 635, 641*$_1$*, 646, 658, 660, 661*$_{1,2}$*, 692, 732, 737, 916, 921, 935, 936, 936*$_1$*, 939, 940, 944, 947, 952, 953*
Циппаланда (Zippalanda-) 896

Чатал-Хююк (Çatal Hüyük) 505, 506, 520$_1$*, 573, 576, 592, 608, 657, 692, 709*$_1$*, 891, 892, 893, 911, 912, 950*
Челябинская обл. 950
Черногория 774

Швейцария 945
Швеция 732, 954
Шенгавит 894$_1$
Шлезвиг и Гольштейн 553
Шумер (Šumer) 563, 563$_1$*, 726, 877, 887*

Эбла (Ebla) LIII, 880, 888
Эгина (Αἴγινα, Aegina) XLIX
Эденбург (Ödenburg) 732
Элам (Elam) 559, 726
Элар 894$_1$
Эль-Амарна (El Amarna) LIII
Эпидавр (Ἐπίδαυρος) 532
Эретрия (Ἐρέτρια) 886
Этрурия (Etruria) L
Эфес (Ἔφεσος) 606, 901
Югославия L, 730, 912
Ютландия 732
Язылыкая (Yazılıkaya) 827
Ярыккая (Yarıkkaya) 559, 897

ЛАТИНСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ

Abies alba 633
Abies Mill. 633
Abies Nordmanniana 633
Alnus barbata 635
Alnus Gaertn. 635
Alnus glutinosa 635
Alnus viridis 635
Amanita muscaria 653_2
Ardea nivea 60_1
Avena L. 659

Betula L. 619
Betulaceae 621
Bos brachyceros 573, 574
Bos longifrons 574
Bos primigenius Boj. 520, 573, 574
Bos taurus L. 573

Calluna vulgaris 663_1
Canis familiaris palustris 593
Canis lupus L. 590
Cannabis sativa L. 660
Capra prisca 588
Carpinus betulus L. 624
Carpinus caucasica 624
Carpinus orientalis 624
Carpinus schuschaensis 624
Castor fiber L. 529, 530
Cornus mascula L. 644
Corylus avellana L. 636, 637
Corylus caucasica 637
Corylus colurna 637
Corylus maxima 637
Cyprinus dobula 31
Cyprinus sophore 31

Ephedra 653
Equus Asinus L. 562
Equus caballus L. 558_1, 559_1, 577
Equus caballus Missii 559
Equus ferus 558_2
Equus gmelini 557
Equus hemionus onager Bodd. 558
Equus przewalskii 557
Ericaceae 662
Euphorbia L. 904

Fagus silvatica L. 623
Felis domestica Briss. 600
Felis pardus L. 500
Felis tigris L. 500_1
Ficus sycomorus 646
Fraxinus L. 625
Fraxinus ornus 625
Fraxinus oxycarpa 625

Herpestes ichneumon 530
Hordeum L. 656
Hordeum spontaneum 657

Juglans regia L. 636, 637

Linum usitatissimum L. 659
Lutra vulgaris 529, 530

Malus pumila Mill. 638, 641
Morus alba L. 646
Morus nigra L. 646

Ovis ammon L. 581
Ovis ammon vignei 581
Ovis aries musimon 581
Ovis aries palustris 581

Panicum miliaceum L. 658
Pasteurella pestis antiqua 831
Picea excelsa 633
Picea L. 633
Picea obovata 633
Picea orientalis 633
Pinus hamata 633
Pinus L. 633
Pinus mughus 633
Populus alba 627
Populus canescens 627
Populus nigra L. 627
Populus tremula L. 627
Prunus cerasus 644

Quercētum 618_2
Quercus aigilops 619
Quercus cerris 615
Quercus iberica 615
Quercus ilex 616, 618_2
Quercus imeretina 616
Quercus L. 615
Quercus macranthera 615
Quercus robur 614

Rosa foetida 663
Rosa pimpinellifolia 663

Salix alba 628
Salix babylonica 628
Salix L. 628
Salix pendula 628
Salix vitellina 628
Salmo salar L. 536
Salmo trutta caspius Kessl. 536
Secale cereale L. 659
Sorbus aucuparia L. 625
Suidae 595
Sus scrofa dom. L. 595

Talpa europaea L. 532
Taxus 628
Taxus baccata 630
Triticum L. 657
Triticum spelta L. 422, 873
Triticum timopheevi 657

Ulmus L. 634_1

Vitis vinifera 651

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

„Указатель" включает и имена исторических личностей, упоминаемых в тексте исследования.

Абазинский язык LIV
аблатив 377
аблаут 157, 192, 260, 871
  корней с сонантами 163
  «подвижный» *см.* Schwebeablaut
аблаутное
  поведение (отрезка) 238, 262
  правило сочетаемости морфем *см.* правила синтагматической сочетаемости морфем
  преобразование окончаний 281
  состояние 222, 223, 225, 240, 247
аблаутные
  варианты 259, 260, 261
  модели 241, 260, 262
  ступени морфем *см.* ступени аблаута
  (ступени) чередования 177, 192, 193, 215, 222, 224, 232, 237, 241, 247, 258, 259, 262, 287, 712
аблаутный механизм чередований 252
«абруптивные» 1321, 1322
абсолютизация дентальной фонемы 47
абсолютная конструкция 367
«абсолютные» имена 289
абсолютный
  дат. пад. 287_1
  исход (слова) 186, 201
  конец слова 188
  мести. пад. 287_1
абстрактное глагольное
  противопоставление 312
абстрактные
  имена существительные 621_1
абхазский
  консонантизм 136
  язык LIV
абхазско-адыгские языки LIV, 281_1
аваро-андо-цезские языки LIV
«Авеста» (Avesta) XLVIII, 528, 530, 582, 757, 803_3, 823, 828, 851, 920, 923, 966
авестийские ранги 788
авестийский язык XLVIII
австроазиатские языки LIV
«Автобиография Хаттусили» 494_1, 595_1, 804_1
автоматически сопутствующие
  признаки 58
«авункулат» 774
агглютинативное строение глагольных показателей в индоевропейском 330
агглютинативные
  показатели медиальности 330
  элементы 331, 336
агглютинативный
  характер морфемных элементов глагола 325
  характер суффиксальных элементов 327
Agens 277, 298, 299, 309, 333
адверб 355
  постпозитивный 356, 357
адвербиальные
  образования 308
  основы 254
адресат 333
  действия 285, 286
  отношения 286
адъектив 280, 284, 325, 348, 349, 350
  в функции предиката 297
адъективная
  синтагма 348, 349
  составная часть 348
  форма 621_1
адъективно-местоименное
  происхождение слова 842
адъективные
  конструкции 326, 386
  образования 93_1, 283, 284, 297, 376_1
  окончания 279
  синтагмы 348
  типы имен 244
  формы 227, 280_1
  формы принадлежности 284
адъективный
  комплекс 349
  суффикс принадлежности 285

адъектив-определитель 279
адъективы 279, 284, 349_1, 375
адыгейский язык LIV
азиатские монголоиды 936_1
азиатские языки 717
аккадский
брак erṣētu 775
язык LIII
аккузатив 201, 271, 277, 278, 279_1, 285, 317, 386
аккузатив-датив 286
аккузативная
конструкция 314
(номинативная) структура 313, 318
(номинативная) типология 315, 319
аккузативный
(номинативный) строй 317_2, 320
(номинативный) тип 314
объект 358
падеж (объекта) 278, 285, 317_2, 319
акт
жертвенного возлияния 703
коммуникации 292, 297, 297_1
актанта 277, 286, 301, 307, 312, 333
объектная 307
актанта-субъект 316
актанты 276, 286, 287, 295, 298, 306, 307, 311, 315, 317, 318, 360, 362, 363
активного класса 297, 318
инактивного класса 297
актив 277, 291, 303
сигматического аориста 191
активация именных
форм инактивного класса 303
активная
актанта 275, 296, 299, 306, 309, 311, 312, 315
конструкция 314, 380
номинализация глагольных основ 303
семантика 274, 293, 313
структура 315, 963
типология 312
форма 304, 804
активное
начало 304
окончание 276
причастие 302
активные
актанты 293, 298
глаголы 295_1, 310, 312
денотаты 275
и инактивные актанты 298
имена 275, 278, 308
образования 375
отглагольные имена 302
переходные формы глагола 336
структуры 337
формы 303_1
языки 299_1
активный
аффикс 311
и инактивный классы 309
~ инактивный 292
класс (имен) 182, 185, 186, 190, 192, 273, 274, 275_1, 276, 277, 279, 280, 281, 284, 285, 289, 291, 294, 295, 297, 302, 304, 306, 308, 311, 316, 335, 374, 386, 407, 614, 617, 650, 670, 801
(одушевленный) класс существительных 311
падеж 277, 282, 311, 317
строй 317, 318, 390
активный строй общеиндоевропейского языка 367_2
актуализирующее значение 328
акустические
термины 213_1
характеристики фонем XC
акут 204_2
акутовая интонация 77, 204_2
акцентируемые словоформы 195_1
акцентуационные противопоставления
акцентуационный тип 194, 276_1
акцентуация в хеттском LVIII_1
акцессивная (экстровертная)
дистантная последовательность 153
последовательность согласных 145, 147, 149, 872, 875, 879
акцессивное построение 147
акцессивность 147, 158_1
акцессивные (и децессивные) комплексы согласных 145_1, 846_1
акцессивный комплекс 147, 147_1, 148, 149_1, 150, 150_1, 151, 152, 766_2, 846_1
албанский
диалект 86
язык L, 910
аллель
гомозиготная 1327
аллитерационные повторы 837—839
аллитерация 322, 837—839
аллогенетические соотношения
языков LXXIX, 871
«аллогенетическое родство языков» LXXX
алломорфы 110_1, 259, 317, 404
аллофонное распределение фонем 30
аллофонные чередования в индоевропейском 38
аллофонный ряд звонких фонем 72
аллофоны 172, 243, 262
гласной фонемы 161
«ларингальной» фонемы 211

непридыхательные 25, 53, 61, 806_3
общей серии звонких фонем 79
придыхательные 25, 38, 53, 56, 61, 68, 403
сонантических фонем 195, 197, 199, 201, 224
фонем серии II 22, 26, 65, 71, 79, 401
фонем серии III 28, 31, 56
алтайские языки LV
алтари или храмы Неба 852
алфавитная система письма 888
Аммиан Марцеллин (Ammianus Marcellinus) 671
амхарский язык LIV
анаграммы 838, 838_3
Соссюра XV
аналитические формы выражения номинальных образований 336
аналогические выравнивания 193
анаптикс 147
анатолийская
диалектная общность 865, 895, 896
мифология 903
ономастика каппадокийских табличек 859, 860, 860_1
система 79
анатолийские языки 895, 914
анатолийско-эгейское культурное койнэ 899_1
английский continuous 328
английский язык LII
англосаксонский язык *см.* древнеанглийский язык
анлаут 466, 520_2
«Анналы Мурсили I» 672
«Анналы Тудхалии» 725
«Анналы Хаттусили I» XLVI, 724, 725, 863
аномалия LXXXI
аномальная структура корня 253, 879, 895, 896
антериорная группа согласных 81, 82
антериорные 95, 160
антериорный ~ постериорный 145
антериорный ряд 85
антецедент 352
антиномия синхронной и диахронической лингвистики IX
антонимы лексические 780, 783
антропологическая картина миграций 956
антропологический тип переднеазиатский 956
антропология культурная IX
anusvāra *см.* носовой гласный в древнеиндийском
аорист 71, 190, 225, 295, 306_1, 328, 347, 388, 389, 389_1
атематический 394
корневой 388
с вторичными окончаниями 393_1
сигматический 389_1
тематический 394
аористное значение 389_1
аористные образования 190
апикальная артикуляция *см.* переднеязычная артикуляция
аппозитивные формы 277
арабский язык LIV
арамейский язык LIV
аргали 581
«аргонавты» 907, 907_1, 908
«аргумент березы» 965
«аргумент бука» 623, 867_1
ареал
ближневосточных языков 710_1
доместикации козы 588
доместикации лошади 560_1, 870
древней локализации тюрко-монгольских диалектов 951
древнейшего распространения ячменя 656, 656_3
индоевропейский 389_1, 396, 872
индо-иранского 914
исторического расселения картвельских племен 907
контактов между праиндоевропейским и древневосточными языками 890
концентрации шедших с востока индоевропейских племен 946
локализации индоевропейской общности 871, 890
общеиндоевропейский 392_1, 425, 912, 914
общекартвельского языка 880_2
оседания носителей «древнеевропейских» диалектов 944
первоначального обитания сванов 898
протосемитского 880
расселения «древнеевропейцев» на миграционных путях 947
средиземноморских языков 710_1
ареал распространения
балтов 953
иллирийцев 953
колесных повозок 733—737
колесных повозок у древних индоевропейцев 724, 725
«курганной» (древнеямной) культуры 948
'леопарда' 505_2
'льна' 660

малярии 916
медной металлургии 712
'мха' 663_1
'осины' 627
'плуга' 690, 690_1
прагерманцев 953
праиталиков 953
пракельтов 953
'розы' и 'шиповника' 663
славян 953
'сосны', 'пихты' в Евразии 633
'тиса' в Евразии 630, 631
'ячменя' 657
ареалы
возникновения и распространения гончарного дела 708
диалектные общеиндоевропейского языка 395—398, 424, 424_1, 425
древнейших образцов 'меди' 709_1
зарождения верховой езды 732
общеиндоевропейского языка 390
языков группы satəm
ареальная
изоглосса 400_1
классификация диалектов 387
лексическая изоглосса 801
общность (диалектов) 411
ареально-диалектная обусловленность 331
ареально-диалектологический анализ и.-е. праязыка IX
ареальное
единство (диалектных групп) 388, 406, 407, 416
ограничение соответствий 6
членение общеиндоевропейского языка 416, 427
ареальные
группировки диалектов 401, 407
диалектные единства 409, 417
общности 417, 420
термины гончарного дела 708
фонетические изоглоссы 416
ареальный
союз языков 871, 871_1
характер слов 418
арийская диалектная общность 921
арийские
кочевники 729
племена и их контакты с «древнеевропейскими» 947
языки *см.* индо-иранские языки
арийский элемент в митаннийской культурной традиции 548_1
аринский язык LVI
Аристотель (Aristoteles) 614, 671, 854
Аристофан (Aristophanes) 678
аритеноидные хрящи 61
армянский стих-гимн
у Моисея Хоренского 837
армянский язык XLVIII
армянское передвижение согласных 961
артикль 387, 387_1
определенный 353
артикулярные
термины 213_1
характеристики речи XC
артикуляционная нестабильность 138
артикуляционные
зоны (основные) 82, 132
признаки 83
артикуляция
гортанная 50
ларингальная 71
подгортанная 48_3
с подгортанным-субглоттальным давлением 48_3
фрикативная 963
архаические фольклорные формулы 632_1
архаичная
индоевропейская система
с тремя гласными 220_1
одноконсонантная структура корня 249
полная редупликация корня 258
архаичность
анатолийских языков 895
германской фонологической системы 87
архаичный славянский стих 841
археологические
«белые пятна» 969
культуры Малой Азии 899, 911, 911_2
культуры микенского типа 901
архетип(ы) LXXXIII, 210, 210_2, 211
и.-е. окончания род. п. мн. ч. 187_1
исходный 151, 385, 458, 459, 675_2
реконструированные 215
семантический XC
архив Эль Амарны LIII
архифонема 56, 109, 140, 412_1
асанский язык LVI
асиндетическое сочетание 666
аспект 343
аспектная функция 328, 342
аспектные противопоставления 307, 327—330
аспектный признак 329
аспирация *см.* признак аспирации
аспирированность 17
аспирированные и неаспирированные аллофоны и.-е. фонем 22, 89
аспирированный аллофон 16, 21
ассибилированная фонема 547_1

ассибилированные
палатализованные фонемы 111, 412
рефлексы 106_2
ассибиляция 47, 48, 48_1, 103, 106, 189_2, 414, 915
и.-е. *$\hat{k}^{[h]}$ перед *a* в анатолийском 522
и.-е. палатализованных смычных 101, 112_1, 127, 408, 412, 420, 421_1
и.-е. фонем серии I 106_2
начальной части комплекса 879
хеттского рефлекса и.-е. дентальной фонемы 47
ассимилятивное
влияние соседних лабиальных фонем 172
оглушение 624_1
озвончение 33, 35
ассимилятивные
изменения по «закону Бартоломэ» 32, 33
процессы 246_3
факторы 246
фонетические процессы 61_1, 405
ассимиляция 68_2, 121, 151, 200, 405, 547_1, 817
аспираты последующей глухой смычной 33_1
дентальных перед гласным переднего ряда 46
комплекса -pt- > -tt- 547_1
местных культур древними индоевропейцами 954
по глухости ~ звонкости 20, 33, 34_1, 35, 66, 72_1
последующего носового 72_1
пришлого населения древними местными жителями 887
прогрессивная 34, 405, 410, 410_1
регрессивная 405, 410_1
ассирийский язык LIII
ассоциация иранских социальных рангов с цветом 788_5
атапаскские языки 310
атематическая
(глагольная) основа 329, 343
парадигма 330
атематические
(именные) основы 182, 377
(и тематические) образования 375, 377, 380, 650
атематический
аорист 389, 389_1
тип 329, 340, 380
атематическое спряжение 329
Атлантический период 616, 633, 635, 636
атрибутивная функция 666, 671_1
атрибутивные
комплексы 354
конструкции 278, 351
синтагмы 279
функции 277
атрибутивный
комплекс 351
суффикс 218
атрибуты двух мировых начал 780
«Атхарваведа» (Atharvaveda) XLVII, 500_1, 528, 546_2, 728, 828
аугмент 357, 910, 911
аугментное префиксальное наращение 364
аугментные глагольные формы 364, 388
афганский язык XLVIII
афразийская
прародина 966
семья языков LIV
афразийское языковое единство 865
африканские языки 91
аффективные глаголы 287, 287_2, 308, 310
аффикс
носовой 249
словообразовательный 284
аффиксальные морфемы 215, 222, 245, 247, 251
аффиксы
личные 311
различных рангов 341, 344_1
сегментные 341_1
аффрикатизация 99, 108, 121
аффрикаты LVI, LXI, LXIII, 50, 82, 91, 94, 95, 97, 98, 99, 103, 104, 105, 106, 106_1, 108, 111, 114, 115, 116, 121, 125_2, 128, 407, 410, 598, 599, 919, 922
глоттализованные XLVI, LXI, 51, 106
неглоттализованные XLVI, LXI
непридыхательные LXI,
палатальные LIX
придыхательные XLI
свистящие (диффузные) LXI, LXII
шипящие (компактные) LXII, 919, 922
ахейский диалект XLIX
Аххиява и Хеттское Царство, их территориальная близость 902, 902_1
«ашвамедха» 483, 483_3, 552, 587, 751

Бактрийский язык XLVIII
балкано-кавказский очаг расообразования 956
балканские диалекты 910, 910_1
баллады Роберта Саути (Robert Southey) 540_1
балтийские гидронимы 861_2
балтийские языки LVII
балто-славянская система 77
балто-славянские диалекты 56

Бармаксызская мезолитическая стоянка 558_2
баскский язык 354_2, 954
басня
о «Лисице и барсе» 514_2
о «Лисице и льве» 514_2
«басня» Шлейхера 460, 832_1
безаугментные формы 389
безличная одновалентная «глагольная» парадигма 300
безличные глагольные конструкции 297, 316, 316_1
безударная позиция 167
безударность 323
безударные формы личного местоимения 254
белорусский язык LII
белуджский язык XLVIII
«бемольный» фонетический (фонологический) признак 81, 83, 138
«Беовульф» (Bëowulf) LI, 516, 774, 839
берберский язык LIV
Бехистунская (Behistūn) надпись 830
билабиальная звонкая фонема 6
бинаризм 267, 308
глагольной системы 308
религиозных, мифологических представлений и некоторых черт модели мира 776
бинарная
глагольная классификация по признаку активности ~ инактивности 310
именная классификация 274, 275, 277, 279, 280, 291, 292, 302, 308, 309, 311, 315, 467
классификация индоевропейских диалектов 115
прономинальная система 386
система противопоставлений 388, 468
система склонения 286
структура именных классов 270, 286, 293, 308
бинарное
деление прилагательных 280
диалектное членение 395, 396
членение общеиндоевропейской языковой общности 426
бинарное противопоставление 335
адъективных образований 280
актива ~ инактива 386
глагола 342
двух основных падежей 311
(именных) классов 285, 286_1
бинарно-экзогамная патрилокальность брачных отношений 775
бинарные
противопоставления 267, 281_1
семантические признаки 475
бинарный
класс 273
признак «говорящий ~ неговорящий» 472
принцип классификации имен 300
биномы Бенвениста 96_1, 225, 230, 262
бирманский язык 84_2
бифонемный комплекс 256
ближневосточная
локализация ареала греко-арийской диалектной общности 716, 716_2
локализация индоевропейской прародины 884
ближневосточные языки 601, 914
ближневосточный
культурный ареал 641, 912
очаг колесных повозок 870
близнецы 548, 777
близнечный культ и символика числа «два» 851
бог
ведающий «руны» 799
Ветра 677
Вина 652
Войны 797
Грозы 547, 548, 605, 676_1, 680, 755_1, 794, 795, 798, 806_4, 852, 854, 903
Грома (и боевой дружины) 614, 677, 792, 793
Громовержец 510_1, 622_1, 667, 799
Дуба 619_1
Змееборец 528
Изобилия 798, 798_1
Магического знания 799
Мертвых 799, 824
Неба 795, 939
Поэзии 643
Престола 806_4, 896_3
Солнца 605, 652, 676_1, 791, 794, 806_4, 823, 896_2, 897_1
Богазкёйский архив XLVI
богиня
Земли 597
Речи 835
«Божественная Комедия» Данте 503_2
«божественный конюх» 726
божество
«вод», «морей» 676
как источник дождя 679, 680
плодородия «исчезающее и возвращающееся» 532
болгарский язык LII
Большая Медведица 686, 721, 735, 936

«большая семья» 762—763
Бореальный период 624
бортничество 608
Боттичелли Сандро (Botticelli Sandro) 503_2
брак
  в зороастрийской религии 778_1
  гипергамный 790
  эндогамный 790
'брак' как 'обмен' женщинами 756, 757, 758
браман 820
брахманы XLVII, 788, 788_3
брачно-родственные отношения
по модели типа «омаха» 772
брачные союзы между братом и сестрой 790
breathy voice 15, 61
бретонский язык LI
Bṛhadāraṇyaka Upaniṣad 786
бронза 709—712
Бронзовый век 657, 894
«будущее время» 347
бурятский язык LVI
«буфонии» 576
'бык' как культовое животное 520, 520_1
Cases vides по Мартине LXXXVII_1
centum-ное отражение палатализованных 115
centum-ные черты в satəm-ных диалектах 114, 421
centum/satəm-ный признак 716
cover-symbol 13_1
Cynewulf 554_2

Вавилонский язык LIII
вайнахские языки LV
«вайшья» 788_3, 820, 820_3
«Валаамова ослица» 563_1
валентность
  глагольной структуры 357
  переходных глаголов 342
валлийская традиция 509_3
валлийский язык LI
«Вальгалла» 538, 540, 607, 824, 829
Ванское царство LIII
вариант нуля 162
вариантные (дублетные) формы XCII
варианты
  «свободные» XV
  смычных фонем 17
  сонантов 200
вариативность сонантов 221, 222, 263
вариация формы и значения XV
«варны» 788, 790, 820
Варрон (Varro) 676
варьирование
  между глоттализованной и придыхательной фонемой 143_1
  смычных по трем сериям 143_1
  согласных 143
вводящие частицы 361
ведийская мифология 678
ведийский
  гимн-диалог между Ямой и Ями 781
  гимн о мудрецах — «установителях имен» 833
  гимн Пуруше 820
  погребальный гимн коню 549
  язык XLVII
«Веды» (Vedas) 841
веляризация 83, 213 *см.* также признак веляризации
веляризованные 258_1
велярная
  артикуляция 90
  зона 91
  смычная 104, 158_1, 409_1
  фонема 86, 88_1, 91, 97, 101, 146, 148, 412, 645
  фонема с признаком лабиализации 100
велярное наращение 125
велярность *см.* признак велярности
велярные LIX, 82, 84, 84_1, 85, 86, 89, 90, 91, 92_1, 93, 93_2, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 109, 111, 127, 183, 409, 412, 414
  «гуттуральные» 5
  лабиализованные 84, 88_2
  (непалатализованные) фонемы 113
  смычные 86, 94, 97, 101, 114, 132
  согласные 86, 115, 153
  с последующим лабиальным элементом 91
  фарингализованные 103
  элементы 346
велярный 6, 13, 408, 409, 661
  вариант 111
  компонент 88, 124
  лабиализованный 84_2
  признак лабиализации 103_1
  ряд 5, 13_1, 73, 83, 85, 86, 91, 95, 99, 101, 103, 113, 115, 127, 132, 135, 136, 137, 140_2, 144, 160, 407—409, 412, 413, 414, 416, 910
  спирант 873, 898_1
  элемент 125, 410
венгерский язык LV
Венера, обожествленная звезда 686, 876
венетский язык L
'вепрь' 516, 517

вепсский язык (Vepsian) LV, *см.* финно-угорские языки
«Вепхисткаосани» 507
вербальная компонента 356
Вергилий (Publius Vergilius Maro) 638
верифицируемые фонологические преобразования 8
вероятие реконструируемых языковых систем XIV
вероятность случайного совпадения слов LXXV
версионная
  глагольная форма 338
  семантика 334
  трансформация 335
версионное
  значение несубъектное 335
  значение субъектное 335
  противопоставление 336
версионные
  глагольные структуры 337
  отношения 334
версионный характер медиума 334
версия
  нейтральная 334, 335
  несубъектная 342
  объектная 334, 335
  субъектная 335, 336, 338, 342, 343, 344, 345, 361_1
вертикальная последовательность LXXXV, LXXXVI
«вертикальные» отношения знака LXXIII
«Верхний Мир» 490, 537, 538, 852
верховный жрец 885
«ветры четырех сторон света» 678, 679
«Ветхий Завет» 563_1
«вечный огонь» 826
взаимовлияние
  двух глагольных парадигм 329
  языков 325
взаимодействие арийцев и хурритов 914
взаимозависимость ячеек 362
взаимообусловленные «нули» 363
взрывные 5
вибрант LXI
вид совершенный 360
«Видевдат» (Vidēvdāt) XLVIII
видение диких зверей в средневековой традиции 504_1
видовое
  значение 328_1, 357, 360
  значение итератива 308
  значение показателя «каузатива» 342
видовой оттенок 330
видо-временно́е
  действие или состояние 308
  значение 389
  образование 388
видовые противопоставления 327, 342
виды пчеловодства 607—609
визуальная ономатопоэя 222, $257_{2,4}$, 718
винительный падеж 183, 186, 187_1, 188, 268, 271, 272, 277, 279, 281, 285, 317,
'виноград', 'вино' в древних индоевропейских традициях 651, 652
«Висперед» (Vispered; Visprat) XLVIII
'вишня' 644
владыка загробного мира 823
влияние
  и.-е. коневодства на Восточную Азию (Китай) 561
  и.-е. племен на куро-аракскую культуру 894
  и.-е. представлений о 'собаке' на Восточную Азию (Китай) 592
вневременной континуум 341
внеязыковая действительность 458
внеязыковый мир «вещей» 457
внутренние структурные соотношения в и.-е. системе 160
внутренний
  анализ корневых морфем 248
  структурный анализ 252
внутренняя
  иерархическая структура LXXIII
  начальная консонантная рифма 839
  реконструкция LXXXI, LXXXII_1, LXXXIV, LXXXV, LXXXVII_1, 134, 157, 238, 239, 239_1, 256, 274, 308, 319, 348, 405, 427
  реконструкция моделей и.-е. аблаута 140
  реконструкция системы 170_1, 256
внутридиалектные различия в происхождении окончаний 327
внутриязыковые отношения XV
'вода' как граница между «миром живых» и «миром мертвых» 825
водный транспорт у индоевропейцев 870
водский язык (Votic) LV, *см.* финно-угорские языки
«воды смерти» 825
возвратные приставочные глаголы 357
воздействие
  «ларингальных» 846_1
  сонанта 92_2
  халафской культуры на Анатолию, Северную Сирию и Иран 892
возникновение
  редуцированного гласного 153
  хетто-лувийской иероглифики 888—890

чередования 243
эндогамии 789—790
возрастающая к центру сонорность 197
«воины» ≈ кшатрии 788, 788_1
«война» как основное занятие 739
вокализация
(долгих и кратких) слоговых сонантов 93, 112_1, 198, 199, 200, 204, 204_1, 209, 211, 413, 414, 416, 927
лабиовелярных 204_1
вокализм 9, 204_1, 923, 927—931
вокализованная форма с гласным 201
вокалическая
долгота 183, 184, 204
опора 149_1, 169
протеза 899
вокалические
подсистемы 182
ступени 191
фонемы (разных тембров) 171, 192, 232, 263
чередования 157
вокалический
класс 198
сегмент 70_1
состав акцентуированных словоформ 194
характер сонантов 243
элемент 248_2, 250, 258
вокалическое количество
гласных 204_2
«ларингальной» фонемы 71
вокатив 184
'волк' 492
как особый социальный статус 499
как символ всеведения 499
как символ единства всего племени 499
«волновая теория» XCIII, 398
«волчье дерево» (ритуальные столбы) 487
«волчьи люди» 591
вопросительные местоимения 279, 387_2
«Ворон» Эдгара По (Edgar Allan Poe) 540_1
восстановление
«ларингальной» фонемы 207
отсутствовавшего в основе одного из аблаутных состояний 240
редуцированного гласного 192
восточноазиатское происхождение протоалбанского 911_3
восточнославянские традиции 470_1
восьмисложник 841, 842
временна́я
дифференциация медиальной категории 392
система глагола 390
соотносимость медиальных структур 392_1
временно́е значение 328_1
временны́е
значения 389_1
и ареальные контакты и.-е. праязыка с семитским и картвельским 880
противопоставления 225, 327
время
будущее *см.* будущее время
настоящее *см.* настоящее время
прошедшее *см.* прошедшее время
«всадничество» и «верховая езда» 732—733
вспомогательный глагол 288
вторая структурная группа 239
вторжение арийских кочевников в Индию 729, 729_1
вторичная
огласовка 168
огласовка переднего ряда 925
палатализация 92
палатализация аффрикат 106_1
система трех рядов «гуттуральных» 116
табуистическая замена слов 540_2
«вторичная прародина» 944—947
вторичное
восстановление по аналогии 92_2
комбинаторное появление признака в системе 208
образование 165, 234
окончание 305, 327, 328, 329, 332
оформление показателей именных классов 291_1
появление инициального s- 520
расселение и.-е. племен в Причерноморье и Поволжье 953
вторичность
двойственного числа в и.-е. 293_1
и.-е. палатализованных и лабиовелярных фонем 114, 115
противопоставления глаголов по переходности ~ непереходности 294_2
состояния I 226
форманта множественности 281
вторичные
изоглоссы 944
окончания 328, 331, 341, 389
показатели аориста 295
формы с полной ступенью огласовки 244
чередования 125
«вторичный языковый союз» изначально родственных диалектов 944
второе (аористное) состояние основы 226
второй
компонент (основы) 201, 258
неслоговой элемент корня 232
ранг (суффиксальных морфем) 340, 361_1

элемент композита 351
элемент корня 183
Вульфила (Ulfilas) LI
выделение
анатолийской общности из праиндоевропейского языка 860, 860_2, 861, 863
греко-армяно-арийской диалектной общности 863, 898—900
«древнеевропейских» диалектов на раннем этапе миграций 942
вынесение
глагола на первое (маркированное) место в предложении 323_1, 324
глагольной формы в конец предложения 320, 320_1
предиката в начальную позицию 323_1
выпадение
гласной 156, 157, 161, 232, 250
или редукция безударных гласных 194
выравнивание *см.* парадигматические выравнивания
морфологическое 26
форм 111, 112
выражение
версии 334
множественности 307, 311
оппозиции 375
выразители
активного начала 274
будущего времени 389_1
косвенных наклонений 389_1
прошедшего времени 389_1
высокие гласные 164
высокогорный климат и.-е. прародины 866
вычленяемость элементов 327, 328
вьетнамский язык LVI

Гавайское Царство 778_2
галльский язык L
галф *см.* языки галф
гармоничные комплексы децессивного ряда 255, 255_1, 256
«Гаты» (Gāθā) XLVIII, 788
геез (староэфиопский язык) LIV
геминированная согласная 70_1
геминированные варианты фонем LXI, 12_1
геминированный глухой смычный 30_2
ген
светлоглазости 1327
темноглазости 1327
генеалогические семьи 427
генерализация 404
генетически
выработанные способы резистентности к малярии 916
обусловленное плохое усвоение молока 869
передаваемые варианты молекулы гемоглобина, характерные для талассемии 916
генетические группы 871_1
генетический
признак 869
фактор усваиваемости молока в человеческих популяциях 869
генитив 126_2, 187_1, 268_1, 269, 270, 278, $278_{1,2,3}$, 279, 279_1, 282, 284, 285, 325, 351, 377, 394
индоевропейский; древнейшие показатели 267
определительный 278
посессивный 278, 278_1
происхождение и развитие 278
генитивная
именная конструкция 354_2
синтаксическая конструкция 350
генитивные
атрибутивные конструкции 350
конструкции 278_3, 325, 326, 348, 367_2
географическое единство и.-е. языковой области 395
география распределения иммунологически мало подверженных инфекционным заболеваниям типов популяций 953
«Germania» 638
германская
традиция 630
языковая система 79
германские
диалекты 640_2
заклинания 832_1
языки LI, 322
германский
пантеон 799
язык 87, 89_1
германцы 887_1
Геродот (Herodotos) 660, 671, 777, 907_1, 911_1
герой в образе 'льва' у Руставели 511
Гесиод (Hesiodos) 903
Гесихий (Hesychios) 531_2, 556, 563
Гёте (Goethe) 582
гетерогенность по признаку звонкости — глухости 142
гетерогенные 5
гетерозиготность 1327
гетероклитическая парадигма 248_1
гетероклитический
суффикс 579_2
тип имен 188_1
гетероклитическое

склонение 188, 227, 603, 613, 684
чередование 742_2
гетерорганные 5
гидронимия
анатолийская 861—863
«древнеевропейская» 862
Приволжья 945
Средней Азии 945
гидронимы
Древней Анатолии 954
индоевропейские 920
ираноязычные Восточной Европы 921
малоазийские 862
Северного Причерноморья 945
гиляцкий язык *см.* нивхский язык
гимн
богине Речи 838
богу Марсу 838_2
богу Пирва 837
«боевой колеснице» 728
Варуне 825
«души скота» 467, 824
Индре 510_1, 567
«лягушкам («Ригведа») 534
«небесным коням» 549
«орлу» 538_2
Парджанье 510_1
«сну о Луне» 576
Солнцу 471, 725, 726, 809_2
Гимны «Авесты» XLVIII
Гимны «Ригведы» XLVI, 728, 915, 920
гипотеза Педерсена 294_1
гипотеза Уоткинса 72_1
гипотетический ряд поствеляриых 132
«гипотетичность» 339
Гиппократ (Hippokrates) 854
главное предложение 323_1, 352_1
глагол 308, 321, 322, 323_1, 335, 366_2
в конечной позиции 325_1
действия (переходный ~ непереходный) 287_2, 312
интранзитивный 294, 312, 314, 319, 323, 337
транзитивный 294, 313
«Глаголица» XLVI, LXI, 623_2
глагол-предикат 364
глаголы 289, 299_2, 300, 309
активной семантики 276
анэргетические 294_2
выражающие обстоятельственное уточнение 287
звучания 301_1
интенсивные 221
непереходные 261, 306, 315, 336, 338, 342
переходные 261, 285, 299, 303, 313, 314, 315, 342
pluralia tantum 306_1
с переходной семантикой 337
энергетические 294_2
глагольная
версия 333
«группа» 326_1
классификация 315
непереходность 294_1, 336
основа 220, 260, 261, 302, 306, 329, 340, 343, 344, 345
парадигма 297, 300, 301, 318
переходность 294_1
синтагма 355
система 308, 336, 388, 389, 390, 392
словоформа 311, 323, 340, 343, 344
составляющая 356
структура 298, 334
форма в начальной позиции 323_1
форма с префиксом 757
форма финитная 304_1
глагольное
выражение множественности 306
действие 327
значение 294, 671
состояние 294
глагольные
дублеты 295, 310, 467
корни 246
морфемы 245, 251
образования 229_1, 275, 335, 347
окончания 245, 247, 293_1, 296, 306, 329
основы 218, 225, 253, 255, 261_1, 345, 389
основы отыменные 229_1, 347, 621_1
основы с начальной звонкой придыхательной фонемой 31
парадигмы с центробежной семантикой 334
показатели 326, 330
синтагмы 287
структуры актива 335
структуры меднума 335
формы аориста 328
формы ед. ч. 311
формы «заглазные» 338_1
формы мн. ч. 311
формы с активной семантикой 275
формы с инактивной семантикой 275, 308
формы со вторичными окончаниями 327
формы с «первичными» окончаниями 327
глагольный
комплекс 359
корень 296_1, 302
суффикс 218

член синтагмы 326
глайд 195
словоразделяющий 197
гласная, гласные
безударная 161
высокой тональности 170
долгая LXIII, 70, $71_{1,2}$, 76, 159, 181, 182, 183, 184, 186, 190—194, 203, 204, 208, 211, 259, 268, 340, 393_1, 873
конечная 385
корневая 98_1, 169, 243
краткая LXIII, 70_1, 71_1, 76, 181—185, 193, 203, 204_2, 252, 259
начальная 385
низкой тональности 170
носовая LIX, LXI
открытые 147, 170
палатальная 210
переднего ряда LXI, 48, 103, 106_1, 910
полного образования 153_1, 161, 165, 167, 168, 169, 172, 192, 198, 199
протетическая 149_1, 202, 206, 216_2
редуцированная (Гюнтерта) LIX, 153_1, 162, 169, 172, 173, 174, 192, 246, 259_1, 378_1
редуцированная с сонорным 165, 174, 198
сверхкраткая 161, 165, 167
сверхкраткие LXI, LXIII
среднего ряда 161
среднего ряда высокого подъема LXI
тематическая 297, 330, 340, 341, 343
ударная LVIII_1
узкая 160, 199
«гласная» + «ларингальная» 206
глоссовый клин XLVI
глоттализация *см.* признак глоттализации
глоттализованная
дентальная фонема с признаком лабиализации 133
лабиальная смычная 960
лабиовелярная 86, 575, 969_1
свистящая 106_2
серия смычных 13, 14, 16, 35, 49, 50, 58, 59, 71, 75_1, 79, 137, 871_1
фонема 132, 132_1, 406, 612_1, 846_1
глоттализованность 17, 19_2, 77, 77_1, 138
глоттализованные LXII, 11, 11_1, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 35, 49, 50, 51, 79, 89, 135, 137, 142, 941, 960, 961, 1320, 1321
палатализованные фонемы 105
смычные 8_1, 19_2, 46, 50—54, 59, 60, 62, 64, 69, 74, 76, 79, 89, 106, 106_2, 137, 142, 154_3, 175_1, 253, 401, 409, 675_2, 871, 871_1, 880, 941
сонанты 961_1
глоттальная
диссимиляция 35_1
смычка 960
«Глоттальная теория» 15_2, 959, 960, 961, 962, 963
глоттохронологические данные 880_2
глубинная структура языка LXXXIII, 312, 314, 315
глубинное разложение корня 248
глубинные отношения 314, 337
глубинные структуры языка IX, 312, 318
глухая
аспирация 61
лабиальная фонема 7
(придыхательная) смычная 11, 120_1, 132, 872
согласная фонема 88, 140
глухие (tenues) 6, 11, 12, 13, 14, 28, 56, 57, 62, 64, 71, 75, 77, 79, 105, 106_2, 110_2, 111, 871
велярные LIX, LXII, 65_1, 71, 72, 90, 207
(неглоттализованные) аффрикаты 106_2
придыхательные (аспирированные) 5, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 34, 43, 47, 49, 54, 57, 58, 61, 62, 64, 65_1, 72, 75, 79, 106_2, 135, 136, 137, 142, 400, 403, 910_2, 959_1
фрикативные 66
глухое придыхание в древнеиндийском LIX
глухой
велярный спирант 131_1, 171
диффузный спирант 120, 126
заднеязычный спирант 207
интердентальный 872
лабиальный смычный 640_1
лабиальный фрикативный 89_1
лабиовелярный 89_1
смычный 640_1
спирант 138
фарингальный спирант 165_2
глухость—звонкость 7, 20, 39_1, 40, 41, 75
голландский язык LII
«Голубиная книга» 678
Гомер XLIX, 501, 509_1, 516, 517, 526_1, 530, 538_1, 551, 568_1, 595, 605, 612, 617, 622_1, 624_2, 626, 628, 634, 645, 650, 657_1, 658, 659, 660_2, 663, 667, 670, 680, 731, 776, 825, 827, 838_1, 909
гомеровская
Греция 595, 634
греческая мифология 678

формула «а Зевс послал дождь» 680, 681
гомеровские структуры 323_1
гомеровский эпос 731, 785
гомогенность по признаку звонкости—глухости 33, 141
гомогенные 5, 32, 255,
гомозиготность 1327
гоморганные 5, 19
гончарное дело 708
гончарный круг 707, 707_1
Гора, Горыч 678
«горизонтальные» отношения знака LXXIII 657_1, 658, 659, 660_2, 663, 667, 678,
горномарийский язык LV
гортанная смычка 19_1
государство Митанни LIII, 546, 547, 548
готский язык LI
грабар (древнеармянский язык) XLVIII
грамматика
историческая LXXXII_2
непосредственно составляющих 326_1
ранговая *см.* ранговая грамматика
синхронная IX
сравнительно-историческая (диахроническая) LXXXII_2
сравнительно-историческая классическая индоевропейская LXXXIV
грамматикализация 337
грамматическая
дифференциация 280
категория 344_2
классификация 291
омонимия 376
грамматические
ареалы 418
группы 300
значения 347
изоглоссы 400—402, 416, 426, 456
и лексические данные 417, 426
или словообразовательные категории 225
инновации 420
показатели 355
реляционные значения 347
грамматический
объект 337
род 375, 380, 613
субъект 337, 338
уровень 337
граммема 340
ед. ч. 267
множественности 267
род. п. 267
грамота Арнуванды 700
граф
деривации диалектных общностей 398
ориентированный XCII
графическая передача форм 129_2, 148, 154_2
графическое удвоение согласного 72_1
греко-арийская диалектная общность 874, 849
греко-армяно-арийская диалектная общность 865, 911, 911_3, 914,
греческая диалектная общность 864
греческие
малоазийские «колонии» 901
мифы о теогонии 903
греческий
мир 903
миф о первом человеке, который дал имена вещам 833
миф о Телефе 611
пароимический стих 840
греческий язык XLIX
греческо-анатолийские лексические связи 902—904
греческо-картвельские лексические связи 904—909
грузино-занское диалектное единство 909_3
грузинский язык LIV
«группа виденного» 338_1
«группа невиденного» 338_1
группы с сонантами 174
губная артикуляция 81
губные *см.* лабиальные
«гуттуральные» фонемы 5, 13_1, 54, 56, 57, 60, 102, 114, 169, 910

Дагестанские языки LIV
дардские языки XLVII, 91
дательный
объект 358
падеж 285, 286, 287, 287_2, 288, 288_2, 289, 289_2, 308, 319, 333, 394
дательный-местный пад. 286
датировка
возникновения мифа о греках-аргонавтах 909
заимствования кельто-германского слова 'конь' из восточноазиатских языков 555_1
общеиндоевропейского языка 859, 863, 865, 880
общекартвельского (южнокавказского) языка 880_2
датский язык LI
два
аблаутных состояния 225, 232, 237, 261
божественных близнеца 548_1
вида погребения в Европе 830, $830_{1,2}$

вида смерти у древних индоевропейцев 830, 830_2
крупных ареала общеиндоевропейского языка 392, 395
основных направления преобразования палатализованного ряда 115
параллельных показателя род. п. 269
параллельных ряда прономинальных посессивных конструкций 291
«предводителя племени» 776, 777
ряда велярных 413
ряда глагольных форм спряжения 308
ряда личных показателей глагола 295, 296
ряда посессивных прономинальных конструкций 290
ряда постериорных смычных 412
типа спряжения в хеттском 316, 332
«двенадцать богов» у Платона и Фидия 855
«двенадцать врат души» 855
«дверь» как «выход из дома» 743, 743_2
движение
др.-инд. племен по направлению исторической Индии 915
маркированных фрикативных фонем 128
носителей «древнеевропейских» диалектов в Центральной Азии 944
палатализованных «гуттуральных» 102
племен в направлении с Востока на Запад 953
«двойное ярмо» как образ созвездия Орион 723
двойной вин. п. 285
двойственное число 293, 383
двуморфемная, сопряженная
глагольная основа 225, 262
именная основа 225, 261, 262
двухвалентная модель ядра предложения 320
двухвалентные глаголы 298, 299, 300, 306, 309, 311, 315, 316, 317
двухконсонантная корневая структура 232, 251
двухместная глагольная форма с активной семантикой 276
двухместный предикат 278
двухранговая структура основы 345
двухступенчатая треугольная система гласных 161, 169, 170
двухэлементные комплексы согласных 255_1
двучленная категория версии 355
двуязычие LXXIX
деванагари (devānagarī) LVIII
деглоттализация 51
деепричастные формы 287_1
дезабруптивизация 51, 1322
дезаспирация 23, 24, 27, 33, 54, 56, 56_1, 63, 64, 71, 74, 74_2, 76, 77, 89, 401, 402
дезаспирированный ряд глухих смычных 403
дезаффрикатизация 47, 105_1, 106, 107, 108
дезидератив 347
деиксис 386
деклинационная система 311
делабиализация 48_2, 89
демографический взрыв 886_1
деноминативные глаголы 218
денотат(ы) 280, 284, 287, 301, 308, 310, 312, 459, 966
дентальная
ассимиляция 26_1, 656
зона 91
смычная 133, 183
дентальность 17
дентальные LIX, LXII, LXIII, 82, 84, 92, 93, 96, 108, 183, 405, 409
комплексы 406
лабиализованные 84, 84_2, 133, 135
дентальный 6, 13, 70, 109, 111
ряд 5, 81, 83, 96, 111, 135, 136, 147
суффикс 656
«день Бога Грозы» 852, 854
дерево зависимостей 318, 367
деривационная
модель 398
парадигма 120_1, 224, 226, 259
деривационное выражение множественности 306
«деривационно-пространственная модель» 398, 416, 899
деривационные
маркеры 275
модификации глагольной основы 306
образования 281_1, 308
суффиксы 261, 273, 284, 343
деривация 306
«десанскритизация» праиндоевропейской модели 960
десигнат 333, 335, 336, 338
субъектный 336
десятичная система счета 842, 846—847
детерминанты языка 314
детерминативы 346
«дети бога Неба» 795
дефектная парадигма 297
дефектность лабиального члена 13, 15
дефектный ряд смычных 15_2
дефонологизация «ларингальных» 170

децессивная (интровертная) последовательность 145, 146, 147, 152
децессивные комплексы согласных 145_1, 148, 150, 151, 258_1, 1324
децессивный ряд 255
джинба *см.* **язык джинба**
диакритические знаки LVII
диалектная
группировка 387
изоглосса 386
инновация 387, 388
и общеязыковая лексика 456
область 425
общность 397, 424, 459, 873
ограниченность 237, 658, 682
территория 397
техническая лексика 723
диалектное
новообразование 681
распределение слов 458, 631, 660
членение 398, 682, 938
явление 383
диалектные
ареалы 372, 373, 389, 391, 392, 392_1, 394, 395, 402, 404, 405, 408, 416, 419, 420, 421, 422, 426, 682
группы 389_1, 396, 397
единства 392, 401, 409, 418, 421
зоны 398
области 417, 639
общности 400, 401, 402, 405, 408
подгруппы 397
формы 410, 570, 570_1, 571, 634, 634_1, 706
диалектология
сравнительная $XCIII_1$
структурная XCIII
диалекты 125, 315, 372, 392_1, 396, 397, 408, 416, 864
группы centum 98, 99, 101, 102, 104, 115, 127, 410, 411, 412, 421_1, 515_2, 589, 919
группы satəm 98, 100, 103, 104, 105, 106, 108, 111, 114, 115, 116, 127, 128, 129, 137, 411, 412, 413, 416, 421_1, 561, 589, 919
древнеиндоевропейские 320, 322, 323_1, 329, 334
диасистема $XCIII_1$
диатеза 337
диахроническая
выводимость LXXXIII, LXXXIV, 8, 35
запись фонемных единиц LXXXVIII
интерпретация 251
типология 13, 383
тождественность 344_1
диахронические преобразования 16, 17, 213, 289_1
диахронический признак 407
диахроническое
«движение» фонем LXXIV
истолкование 239, 249
диахрония IX, XIV, LXXIV, 194
диезность 83
«дикие животные» 485, 486, 490, 491
динамическое (силовое) ударение 191
династия Ура III 560
диплоидная разновидность пшеницы 657
диссимилятивная утеря фонемы 88_1, 257_4, 803_1, 845, 845_1
диссимилятивное
выпадение слога 759_3
озвончение глоттализованных 51
диссимиляция сочетаний 72_1
дистантная
позиция 403
последовательность 17, 18, 28, 29, 29_1, 31, 37_1, 68, 68_1, 69, 69_1, 139, 143, 144, 149, 156, 404
дистинктивные признаки 83
дистрибутивная
идентичность комплексов 256
модель 404
ограниченность LXXXV
свобода фонем LXXXV, 142
дистрибутивное
(пере)распределение фонем 128_1, 244
поведение фонем 22
дистрибутивно ограниченные варианты фонем 158
дистрибутивность 268_1
дистрибутивно-функциональное отношение 197
дистрибутивные
модели 112, 129
ограничения 110_1
дистрибутивный анализ 21, 923
дистрибуция
аллофонов фонем 21, 22, 403
велярных 113
гласных 159
звонких фонем серии II 43
непридыхательных аллофонов и.-е. звонких смычных серии II 68
неслоговых аллофонов сонантов 197
ограниченная 157
палатализованных 113
придыхательных аллофонов и.-е. глухих смычных серии III 207

слоговых аллофонов сонантов 197
фонемных единиц в корне 140_2
дифтонг(и) LXI, 165, 165_1, 207_1, 547_1, 927
дифференциальные
признаки LVIII, LXXXII, LXXXV, LXXXIX, XC, 5, 20, 57, 78, 88, 102, *139*, *145*, *213*,
семантические признаки 468, 473, 475, 476
дифференциация
ареально-диалектная 863, 863_1, 880_2
грамматическая 269, 270, 285, 360, 382, 383, 650
диффузия пространственная XV
диффузная фонема 120
сибилянтная 127
фрикативная 122
диффузные 81, 82, 128_3, 170
аффрикаты (антериорные, свистящие) 85, 95, 95_1, 107, 121
глаголы 294_2
согласные 81, 106
спиранты (свистящие) 107, 128
диффузный
падеж 285
ряд 136_1
дихотомия имен на активные — инактивные 310—312
догреческие
и.-е. диалекты 900
лексемы и.-е. происхождения 906, 906_1
доиндоевропейские культуры 954
доисторическая Европа 732_1, 746
доклад Р. О. Якобсона на VIII Международном Конгрессе Лингвистов (Осло, 1957 г.) 959
долгота 71_1, 193, 202
гласной 70, 71, 77, 188, 208, 846_1
сонанта 416_1, 846_1, 848_1
фонологическая 204
долготно-акцентуационные отношения в балто-славянском 960
дольмены 954
«дом» как единица социальной структуры 742
«дома смерти» 829
'домашние животные' 468, 469, 471, 477, 481, 483, 491, 872
доместикация
дикого быка 573—575
лошади 557—558, 560_1, 738
свиньи 595—596
«доминантные» пучки признаков LXXXVI_1
доминантный *см.* немаркированный
доминация LXXXVII, 11, 60, 62_1
дополнение
косвенное 286
прямое 286, 286_1, 299, 306, 315, 317_2, 796
дополнительная артикуляция 83
дополнительное распределение 166, 192, 359
дополнительные
в хронологическом смысле структуры XCI
ряды согласных 92_3, 127, 140_2, 256
дополнительный
артикуляционный признак 84_1, 85, 91, 213
модификатор 83
признак лабиализации 159, 213
признак палатализации 159
дорийский
диалект XLIX, 909
племенной союз 908
дорийское нашествие 957, 957_1
«дочь Неба» 796
дравид(ий)ские языки LV, 915
древнеанглийская поэма «Мореплаватель» 543_1
древнеанглийский язык LI
древнебалканские диалекты 956
древневерхненемецкий язык LI
древневосточные цивилизации 887, 949
древневосточный культурный мир 949
древнегерманская мифология 675_2
древнее индоевропейское языковое состояние 157, 200, 212, 243, 244, 247, 251, 252, 269, 270, 273, 279, 290, 291, 297, 308, 311—312, 319, 354, 386, 421_1, 427, 625
древнееврейский язык LIII
«древнеевропейские»
диалекты L, 536, 635, 637, 638, 639, 648_3, 658, 659, 663, 669, 670, 672, 673, 742_1, 829, 873, 899, 911, 938, 939, 943, 944, 947, 953, 954, 966, 968
племена 956
«древнеевропейский» ареал 749, 874
«древнеевропейское»
диалектное объединение 803_3
название 'яблока' 639_1, 639_2
древнеегипетская мифология амарнского периода 735_1
древнеегипетский язык LIV
древнеиндийская мифология 720
древнеиндийские ритуальные традиции 482

древнеиндийский
«Потомок Вод» 675
эпос и легенды 779
язык XLVII
древнеиндоевропейские диалекты 199, 216_2, 229_1, 467, 468
древнеиранские заимствования в финно-угорском 921—929
древнеирландские медицинские тексты 812_2
древнеирландский язык LI
древнеисландская мифология 643
древнеисландский пантеон 799
древнеисландский язык LI
древнейшие очаги
доместикации пшеницы 658
разведения винограда 650_2
древнейший ареал распространения колесных повозок 733—737
древнейший очаг картвельских племен 880_2
древнекельтская традиция 630
древнемакедонский язык 909
древнепереднеазиатская традиция 589_2
древнеперсидский язык XLVIII
древнесаксонский язык LI
древнесеверный язык LI
древнесредиземноморские культуры 742
древнетюркские последовательности животных циклов 500_1
древнетюркский язык LVI
древнеуйгурский язык LVI
древнефризский язык LI
древнехеттская
«Книга анекдотов» 474
традиция 722, 896
древнехеттские «погребальные гимны» 839
древнехеттский язык 269, 270, 279, 280
древние
ближневосточные языки 524
индоевропейские языки 294_2, 396
древность арийских элементов на Ближнем Востоке 914
дробление «большой семьи» 772
дуализм индоевропейского общества 779
дуалистические ритуалы 779
дуалистический характер брачно-родственных отношений 776
дуальная социальная организация 787, 790, 791
дуальность
брачно-родственных отношений 787
знака LXXIII, LXXIV_1
социальной структуры 787
дуально-экзогамная система брачно-родственных отношений 772
дуально-экзогамная система кросс-кузенных браков $768_{1,2}$, 773—774, 885
дуальный характер древнеиндоевропейского пантеона 791
дублетные формы XCII, 6, 26, 267, 598, 661
глагольные 275, 294, 294_3
именные 275
исторические 411
лексические 274, 521
дублирование исходных структур XCII
«душитель псов» 495, 591

Евразийские степи 952
европеоиды 936_1
египетский миф о боге Ра в образе кота, убивающего Змея 601_1
Египетское Древнее Царство 575
«единорог» 504
единый культурно-исторический ареал 890
«Елисейские поля» 824
енисейские языки LVI, 939
енисейско-остяцкий язык *см.* кетский язык
«естественный класс» звуков 50, 61

Жанр сновидений о животных 503, $503_{1,2}$, 504
железо 709—712, 710_1
женский род *см.* род
«женщины из Милета» (в пилосских табличках) 901
жертвенные подношения 804
жертвоприношение коня 939
жертвоприношения человеческие 482, 483_1
«животные богов» 487, 488
животные «Верхнего и Нижнего миров» 486, 488, 489
животные «Среднего мира» 488, 492
животный мир 465, 467
жизненная активность 310
жизненный цикл 310
жир сезама 828
жрецы 788
«жрецы»-брахманы 788
жреческая терминология 884
жречество 805

Завершенность действия 328_1, 360
«Завещание царя Хаттусили» XLVI, 572, 773, 773_1
«Загадка сфинкса» 474
«заглазные» глагольные формы 338_1

заговоры от червей и мифологические тексты о «боге-змееборце» 528
загробный мир 823—824
заднеязычное глоттализованное *q' 898$_1$
заднеязычные 81, 82, 123, 128$_1$, 169, 183, 256, 656
заимствования
в алтайские языки из «древнеевропейских» диалектов 939—940
в тюркские языки из «древнеевропейских» диалектов 940
«доарийские» в финском 1326
и.-е. лексики в общекартвельском 877—880
из анатолийских языков в протоармянском 912, 913
из анатолийского в языки Южного Кавказа 897—898
из «древнеевропейских» диалектов в языки Центральной Азии 939, 940
из семитского 849
шумерские в праиндоевропейском 876, 877
«заклинание Телепень» в русских заговорах 898
заклинания
из «Атхарваведы» 832$_1$
«мерзебургские»
общеиндоевропейской эпохи 832$_1$
ритуальные 818
«Заклятия от бед» 819
закон
изменения начальных комплексов согласных 908
несовместимости глоттализованных смычных 21$_1$
несовместимости придыхательных смычных 21$_1$
распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов в пределах основы 23
«Закон Бартоломэ» 24, 33$_3$, 34, 405
«Закон Вакернагеля» 351
«Закон Вернера» 39$_1$, 195, 960
«Закон Грассмана» 23, 24, 27
«Закон Гримма» 40, 40$_1$, 79, 962, 1321
«Закон Зибса» 56, 56$_2$, 118, 140
«Закон Лахмана» 69, 70, 71, 77, 401, 406, 960
«Закон о престолонаследии Телепину» 775
«Закон Стертеванта» 45
закономерности типологические XV
закономерные соотношения между членами звонкой серии смычных 54, 73
«законы Ману» XLVII, 756
законы
начала слова 69$_1$
фонетические 960
залоговое противопоставление 302$_1$
заместительный маркер начала предложения 366
занский вокализм 909$_3$
занское передвижение гласных 909$_3$
западноазиатские культурные традиции 550
«западное» и «восточное» распределение centum-ных и satəm-ных диалектов 939$_1$
западнокартвельский диалектный ареал 906
западноютский толчок 35$_1$
«западные» индоевропейские языки 151, 872
западный диалектный ареал 694
запись фонетико-фонологическая LXXXII$_2$
запрет на сочетаемость
двух гетерорганных глоттализованных в одном слове 18, 19
идентичных согласных в пределах корня 18, 248$_2$
запретительное отрицание 323, 323$_1$
захоронение с кремацией 915
звонкая
лабиальная фонема 72
постувелярная фонема — наиболее маркированный член серии 132
серия смычных 16, 21, 60, 118, 910, 910$_2$
звонкие (mediae) 5, 7, 12$_1$, 14, 34, 111, 157, 871
аспирированные 15, 208
аффрикаты 105, 106, 106$_2$
варианты сибилянтной фонемы 118
звуки с глоттальной артикуляцией (фарингализованные) 50
непридыхательные аллофоны фонем серии II 68
непридыхательные смычные 402
придыхательные LIX, 5, 6, 11$_1$, 12$_1$, 13, 14, 15, 34, 42, 46, 49, 54, 58, 60, 61, 62, 64, 65$_1$, 68, 76, 79, 118, 142, 400, 402, 640$_1$, 873, 874, 910$_2$, 917$_1$, 941, 959$_1$, 962, 969$_1$
придыхательные в фригийском 910$_2$
смычные фонемы 5, 6, 8, 10, 11, 12$_1$, 19, 42, 52$_1$, 53, 54, 58, 59, 60, 62, 64, 66, 67, 68, 71, 72, 73, 76, 77, 79, 88, 89, 105, 106$_2$, 110$_1$, 138, 401, 402, 403, 404, 640$_1$, 880, 941
шепотные звуки 135
звонкий
спирант 138
фарингальный 165$_2$

звонкое выдыхание 15, 61
звонкость ~ незвонкость (глухость) LXXXIX, 16, 17, 20, 32, 56, 61_1, 64, 66, 68_2, 77, 138, 141, 960, 1321
звуковые вариации 600
звуковые законы 458_1
звуковые повторы в поэтической речи *см.* аллитерационные повторы
звуковые соответствия 458_1
звукоподражательная основа 540
звукоподражательные названия 540, 542, 601
«земледельцы» 787, 788, 788_2
земледельческие и скотоводческие термины иранского происхождения 924—925
земледельческие культуры 657
«земной дом» 825
«змей» как ритуально-мифологически значимое существо 527
знак
ударения для обозначения долготы гласной LXI, LXII
языковой LXXIII
значимость фонетических признаков при реализации фонем в речи LXXXVII
золото 713—714
«Золотое руно» 581, 907, 908
«Золотой осел» Апулея Apuleius 563
зороастрийская религия 778_1
зубные *см.* дентальные

Иберийско-кавказские языки *см.* палеокавказские языки
Ибн-Фадлан (Ibn Faḍlān) 483
«Игувинские таблицы» L
иерархические отношения 480
иерархия фонологических значимостей LXXXVII
иероглифика критская 968_1
избыточность системы LXXIV
избыточный признак глоттализации 47
изменения ассимилятивного характера 405
изоглосса, изоглоссы 371, 372, 373, 375, 376, 378—382, 386—388, 392—398, 400_1, 404, 406, 410_1, 416—426, 456, 673, 681, 803_3, 808, 899, 910, 911, 935, 938, 946, 947, 955
изолированные формы 180, 219, 278_2
изоморфизм 263, 871
изоморфные структуры 213, 871
иконографические свидетельства 550_1, 608
«Илиада» XLIX, 501, 774, 776
иллирийский язык L
«Ильин день» 577
имена
активного класса 270, 276, 278, 278_2, 279, 282_1, 284, 287, 291, 296_1, 298, 302_2, 310, 316
атематического типа 376
действия 243
инактивного класса 278, 279, 282, 283, 284, 287, 291, 296_1, 297, 298, 316, 316_1
неодушевленного класса 270
общего рода 316_1
одушевленного класса 270
с первоначальной активной семантикой 313
с первоначальной инактивной семантикой 313
собственные 363
тематического типа 177, 179, 376_1, 378, 418
экспрессивного характера 221
именительный падеж 182, 184, 185, 186, 190, 270, 271, 272, 317, 317_2, 374, 378_1
именная
дихотомия 310, 314, 315
классификация 271, 283, 289, 294, 294_1, 312, 375
компонента парадигмы 356
основа 173, 280, 282, 284
парадигма 270_1
синтагма 355
система (древнейшая ступень развития) 269, 275, 277
составляющая синтагмы 326, 348, 356
именное
образование 227, 275_1, 302, 354_1
происхождение перфектных образований 179_1
именной
бинаризм 308
суффикс 218, 226, 248_1
именные
классы 271, 274, 275, 311, 964
маркеры активного и инактивного классов 291_1
образования разных типов 185, 241, 269, 272, 273, 278_3, 281, 283—286, 300, 313, 316, 335, 375—377
основы 182, 184, 188, 218, 253, 257, 261, 276, 303, 308
парадигмы 270, 281
структуры 183, 184, 192, 319
формы 185, 272, 276, 278, 281, 310, 375
иммунный механизм против малярии 916
иммунологические явления в миграционной картине Евразийского континента 952, 953

императив 328, 328_1, 343, 345
имперфект 328, 388, 389
импликация 281_1, 308, 310, 311, 312, 313, 325
  категории инклюзива—эксклюзива в прономинальной системе 292
имплозивные согласные 1321
имущественная и социальная стратификация и.-е. общества 747, 748
инактив 276, 277, 291, 303, 315
  лексический 309_2
  структурно-синтаксический 277, 278, 281, 285, 286, 306, 309_2
инактивная
  актанта 275, 277, 296, 299, 300, 306, 309, 311, 312, 315, 316
  одновалентная глагольная парадигма 297
  семантика 293, 300, 302, 313
  синтагма 297
  форма 277
инактивные
  глаголы 293, 295_1, 301, 302_1, 310, 312
  денотаты 275
  имена 275, 278, 293, 302, 303, 308, 310
  образования 273, 275, 375
инактивный
  класс (имен) 185, 186, 187, 189, 190, 190_1, 273, 274, 275_1, 276, 279, 280, 281, 282_2, 283, 291, 294, 295, 302, 304, 306, 308, 311, 335, 386, 467, 613, 617, 650, 699_2, 801
  маркер 276
  падеж 186, 277, 287, 311, 317
инвариант(ы) XV
инвариантность 314
инвариантный элемент 320_2
«инверсионная» структура предложения 365
инверсия 323_1
  контекстно обусловленная 323_1
  порядка слов в предложении 323_1, 350_2, 365
  эмфатическая 349_1
«инверсия называния» 766_3
ингумация 829, 829_1, 830, 830_1
индикатив 340, 341, 341_1
индо-арийские языки (современные) XLVII
индо-афганская раса 956
индоевропейская
  диалектная общность 408, 639, 920
  метрика 839—842
  модель мира 867
  «прародина» 866, 918_2
  сравнительная грамматика 8, 9, 277
  языковая область 396
  языковая общность 397, 411, 424, 457
индоевропейские
  версификационные системы 842
  диалекты 134, 135, 180, 183, 188_2, 203, 204, 221, 227, 231, 235, 238, 245, 257_3, 279, 280, 283, 285, 287_1, 289_1, 291, 293, 296, 296_1, 298, 301, 304, 323_1, 325, 327, 330, 331, 335, 336, 348, 352, 354, 354_1, 357, 359, 360, 376—379, 382, 384—390, 392, 396, 400, 400_1, 401, 403, 407, 416_2, 417, 419, 420, 421_1, 425, 640_1, 873, 895
  лексические заимствования в финно-угорском 940—942
  метрические системы 183
  мифологические заимствования в китайском 936
  этнические объединения 894
  языки 219, 223, 238_1, 287, 294_1, 317_2, 337, 347, 386, 387
индоевропейский
  лексический пласт заимствований из семитского 871—875
  миф о божестве «водных просторов» 675
  пантеон 794, 795
  праязык 20, 302_1, 309_1, 320, 336, 367
индо-иранские
  миграции 935
  языки XLVII—XLVIII
индо-иранский
  диалект 86
  консонантизм 924
индо-иранское единство 918_2
индукция 308, 312, 355, 374_1, 379
индуцированность 293
инициаль гласная 253
инклюзив 292, 292_1, 293_1, 305
инхоативное значение 347
инновации 371, 372, 373, 377, 381, 382, 386, 388, 389, 396, 404, 411, 420, 425, 944
  в диалектах и.-е. языка 390
  семантические 420, 529, 943, 944, 946
  структурные 396
  субстратного происхождения 899
  форм падежей 378
институт «вхождения зятя в семью жены» 775
интенсивное (динамическое, усилительное) ударение 194, 221
интенсивность 135
интенсивные (придыхательные) 46
интервокальная позиция *см.* позиция между гласными

интердентальный
  спирант *см.* спирант
  характер фонемы 122
интонационные противопоставления
интонация 204_2
интранзитивное значение 347
интранзитивность *см.* признак транзитивности~интранзитивности
интровертная последовательность согласных *см.* децессивная последовательность
инфиксы 151_2
инфинитив 189_2
инцест 777, 778
инъюнктив 327, 342
Иньская культура Китая 561
Иньский период 557, 592
ионийско-аттический диалект XLIX
ипостась Нептуна женская 676
иранская мифология 720
иранские языки XLVIII
ирригация искусственная 886
исландский язык LI
использование 'березовой коры' 623_1
исследование связей языка и культуры 458
исторические диалекты (индоевропейские) 17, 97, 129, 131, 132, 188, 196, 197_1, 198, 211, 225, 245, 270, 280, 284, 288, 294_2, 305, 306, 319, 327, 347, 352, 354, 355, 375, 391, 393—396, 400, 400_1, 401, 402, 406, 408, 409_1, 414, 416, 417, 422_1, 426, 457, 692, 707, 710_1, 720
исторические индоевропейские языки 5, 189, 269, 282_1, 283, 312, 315, 332, 344, 408, 458
историческое распределение языков Евразии 957
«История» Геродота 777
«История Армении» Моисея Хоренского XLVIII, 502
«История Рима» Тита Ливия 757
источники
  из Алалаха 727
  из Богаз-кёя 727
  из Угарита 727
исходная индоевропейская система 400
италийская фонологическая система 72
италийские языки L
италийский 89
итератив-каузатив 178
итеративно-дуративная
  форма 209
  функция 347
иудейско-палестинский язык LIV *см.* семитские языки

Кабардинский язык LIV
кавказоиды 936_1
кавказские языки LIV, 919, 939_1
  северовосточные LIV
  северозападные LIV
калмыцкий язык (Kalmyk) LVI
камаюра *см.* язык камаюра
«каменные сосуды» как метафорические образы пчелиных ульев 605, 606
«каменный дом» 827, 828
«камень Громовержца» 667
каннада (Kannaḍa) LV, *см.* дравидские языки
канонические структуры 215, 216, 219, 253
капитолийская триада 851
каппадокийские
  имена собственные 860
  таблички LIII, 863, 889, 889_3
картвельская языковая структура 318
картвельские (южнокавказские) языки LIV, 256, 260, $293_{1,2}$
картвельско-индоевропейские лексические соотношения 967
«катализатор» 367_2
категория
  аориста 389
  версии 333, 334, 335, 336, 337
  времени 390, 392
  «дяди по матери» в и.-е. системе родства 772
  женского рода 425
  «живого» 467
  «земных людей» (или «смертных») 476
  инклюзива 292, 309
  инклюзива—эксклюзива 292, 293, 293_2, 311
  каузатива 342
  меднальности 390, 392
  множественности 281_1, 282, 282_1, 392
  модальности 341
  морфологическая производная 193
  неотчуждаемой принадлежности 333
  «несвободных» и «зависимых» 480
  падежа 317
  персонифицированного «разума» или «души» 473
  прошедшего времени 393_1
  собирательности 282_1
  числа 268_1, 269, 288, 311
  эксклюзива 292, 309
Катон (Cato) 594, 597, 797_4
«катящееся колесо» нартов 720
каузатив 177, 178, 339, 341, 342, 343, 347
каузативное значение 347
каузативные формы 177, 347

кафирские языки *см.* нуристанские языки
квильют 311
квинтилии 779
кельто-германские названия 'лошади' 554, 554_1
кельтские языки L, 79, 89
керамика
  каппадокийская 897_1
  куро-аракская 896_4
  микенского типа 901
  минийская (серая) 899
  монохромная 897_1
  полихромная 897_1
  шнуровая 952
кетский (енисейско-остяцкий) язык LVI
«кириллица» XLVI, LXI
китайские источники 935
китайский язык LVI
класс
  адъективов 374
  активных глаголов 293, 294
  активных имен 286, 308, 312, 386
  аффрикат (и сибилянтов) 103, 137
  внеязыковых объектов 458
  «всего живого» 465, 467, 468_1
  «говорящих» или «разумных существ» 472
  «животного мира» 468
  «живых одушевленных существ» 469
  имен-определителей 279
  инактивных глаголов 294, 312
  инактивных имен 286, 300, 308
  интранзитивных глаголов 294_1, 318
  «ларингальных» 215, 216
  «недиких существ» 469, 485
  неодушевленных имен 269, 272, 273
  непереходных глаголов 318
  несвободных людей 477
  одушевленных имен 269, 279
  «одушевленных» существ 279, 467, 471, 480
  переходных (транзитивных) глаголов 294_1, 318
  «разумных существ» ~ «богов» 475
  синтаксический 279
  собственно гласных 164, 204_2
  собственно согласных 164, 204_2, 215
  сонантических фонем 164, 166, 169, 192, 199, 212, 215, 216, 243, 252
  фонемный особый в системе и.-е. языка 197
  шумных согласных 216
классификационная группа centum 409
классификационная система названия «живых существ» 572_1
классификационное единство человека и домашних животных 470
классификационные группы и.-е. языков 407
классификационный термин 764
классификация
  глагольных образований 312
  диалектов по четырем группам 379
  «живых существ» 375
  именных образований 271, 375
  centum/satəm-ная и.-е. диалектов 961
  мира «диких животных» 466, 489
  мира 'человека' и 'домашних животных' 472
  по активности — инактивности денотата 273
  по грамматическому роду 283
  по языкам decem и языкам taihun 961
  «разумных существ» 474
  типологическая XIV
классная принадлежность 277
клинопись
  ассирийская LIII
  староаккадская LIII
  хеттская LVIII
клинописные
  знаки LVII, LVIII
  памятники староперсидские XLVIII
«Клятва водам» Варуны 825
«Клятва Солнцу» фараона Эхнатона 735_1
«Клятвы водяные» хеттские 826
колесная повозка в погребальном обряде 726, 797
колесница
  Ашвинов 796
  Солнца 936
колесницы из Лчашена 733
колесный транспорт 867, 870, 884, 894
«колесо гибели» 720
«колесо» как символ солнца 720
количественная оппозиция гласных 181
«колонные парадигмы» 195
«колхский» язык 880_2
комбинаторика смычных в пределах корня 139
комбинаторная обусловленность 54, 158. 182
комбинаторно обусловленные варианты фонем 16, 158, 163, 172
комбинаторно обусловленный фонетический процесс 61_1
комбинаторные факторы фонетических изменений 27, 61_1, 89_1, 91, 151, 193, 403, 409_1, 411

комбинация
синтагматическая 142
фонем 156, 197_1
фонемных серий 144_1, 405
комбинированная запись признаков LXXXVIII
«комбинированные» метры 842
коми-зырянский язык (Komi-Zyrian) LV, *см.* финно-угорские языки
коми-пермяцкий язык (Komi-Permyak) LV, *см.* финно-угорские языки
компактная
лабиализованная фонема 124, 126
сибилянтная (фрикативная) фонема 120, 125_2, 128_1
фонема 121
компактно-диффузные спиранты 82
компактность 81, 105_1, 137
компактные 81, 82, 170
глоттализованные аффрикаты 105
(постериорные) аффрикаты 85, 95, 104, 105, 107, 107_2, 108, 121, 924
сибилянтные фонемы 125, 128_3
согласные (постериорные) 82
фонемы 106, 125_2
(шипящие) аффрикаты 95_1, 107
(шипящие) спиранты 107
компактный
ареал первоначального распространения общего языка XCIV
лабиализованный сибилянтный спирант 125
член фонемной оппозиции 128
(шипящий) спирант 108, 922, 924, 928
компаративистика 597
компаративные адъективные конструкции 354
компенсаторное удлинение (гласной) 70, 111, 182, 184, 185, 186, 187, 187_1, 188, 204
комплексы обрядов 774
комплексы согласных 27, 101, 139, 258_1
композиты 325, 351
определительные 348
конверсия отношений 337
коневодство 546—548, 551
«Коневодческий трактат» Киккули 547
конечная позиция 165_2, 323_1
в предложении 323
глагола-предиката 322
конечный
элемент в морфемной последовательности 344_2
этап индоевропейских миграций 956, 957
'конопля' 660—662
консерватизм
германской фонологии 41_1
западнокавказских языков 256
консонантизм
армянский 41
индоевропейский 5, 8, 8_1, 9, 80
картвельский 136, 256
консонантная
система 141_1, 257
функция 213
консонантные
комплексы 139, 145_1, 405
соответствия 175_1
фонемы 212, 256
элементы 142, 167, 232, 238
консонантный сегмент 70_1
Константин-Кирилл Constantine-Cyril 623_2
конструкции
аффективные 287
объектные 325
описательные 311
определительные 278, 352, 355
«остаточные» 357
относительные 367_2
принадлежности 357
с аккузативом 285
с относительным неопределенным местоимением 352
с пассивным значением 338
с постпозицией существительного 355
контактная последовательность 17, 18, 32, 33_1, 37_1, 66_2, 69, 111, 139, 144, 149, 152, 153, 156, 156_1, 157, 403, 404, 405
контактные сочетания согласных 161
контакты
греческих племен с иноязычными племенами в ареале Севера Малой Азии и Закавказья 909, 909_3
Древнего Китая с носителями и.-е. диалектов 936
«древнеевропейских» диалектов с языками Центральной Азии лексические 881—883
древнеиндийского языка с доарийскими языками древней Индии 915
и.-е. диалектов с неиндоевропейскими диалектами 914
индо-иранского диалекта с семитским 914, 914_1
исторические между языками LXXV
кельто-германских племен с носителями восточноазиатских языков 555
праиндоевропейского языка с семитским и картвельским 871
протоармянского с анатолийским языковым миром 912, 913

контаминация 330, 332, 937
контаминированные парадигматические системы медиума 331
контекст XV
изменчивый XV
контрастные позиции 56, 169
конъюнктив 339, 340, 341_1, 342, 343, 344_1, 392—394
конь Одина 549
коптский язык LIV
корейский язык LVI
корень 220, 234, 235, 237, 240, 253, 261, 276, 346
в сочетании с суффиксом в нулевой ступени 632
индоевропейский 96, 151, 190_1, 236, 253, 257_3
по Бенвенисту 7
с акцессивной последовательностью согласных 151_1
с вокалическим началом 754
с Schwebeablaut'ом 233, 234, 237, 239
корень+суффикс 98
корни 152, 154, 221, 232, 234, 247_1, 303, 422, 423, 425
в картвельском 256_1
с двумя смычными 152, 153
с изначальными гласными 165
с «ларингальными» фонемами 165
с начальным или конечным спирантом 155, 156, 161
с нулевой огласовкой 147, 152
со смычными различных серий 156, 161
с сонантами 163, 177
с сонорными 162, 165, 172
с трехконсонантными морфемами 233
с шумными согласными 157, 163, 167
сложной консонантной структуры 255
структуры II—III или III—II; II~II или III—III 405
типа II—II 154
корнский язык LI
корова и и.-е. культовая традиция 567, 569_4, 571—572
коровай // каравай 576, 577
корреляты 363
корреляция 84, 86, 204_2, 887
коррида (corrida de toros) 576
косвенно-объектная частица 362
косвенно-объектное (дательное) местоимение 360
коттский язык LVI
крайне левая часть правой компоненты предложения 367
крайне левая ячейка 359, 361, 364, 365, 366
крайне правая ячейка предложения 361, 364, 365
краниологические данные 916
кремация 826—831, 885, 894, 949, 964
«кровная месть» 809
кровопускание 818
кромлехи 954
круглая форма жилищ 892, 893
круглые очаги Весты 700
крытые передвижные дома 730
крытые повозки 729—730
культ
близнецов 777
бога-кузнеца 715, 715_1
бога Неба 561, 939
«божественного напитка» 653, 653_2
волка 496, 499
дикого быка 520
леопарда-барса 505, $505_{2,3}$, 506
лошади 551—555
льва 509
медведя 499
культовая
значимость 'гуся' в древнеиндоевропейской символике 543
значимость 'дикого кабана', 'вепря' 514, 516
значимость 'солнца' и 'луны' 685
роль 'быка' 576
роль 'колесницы' в «Ригведе» 728
роль 'коня' 553
роль 'кошки' 600
роль 'льва' 508
роль 'медведя' 497, 499
роль 'овцы', 'шерсти', 'пряжи' 581—582
роль 'осла' на Ближнем Востоке 563—564
роль 'тура', 'дикого быка' 520
символика 'ворона' в романтической литературе нового времени 540_1
символика, связанная с 'коровой' 567—569
культово-ритуальная
значимость 'волка' 493—494
значимость 'лося' в славянской традиции 519_1
значимость 'мыши' и 'землероек'
значимость 'орла' в Малой Азии
роль 'свиньи' 596—598
культовые центры севера **Малой** А

культура (археологическая)
Аладжа-Хююка 896_4
Амука F-Гавры 918
Анатолии 897
андроновская 918_2
древнебалканская (древних Балкан) 911, 912, 967, 968
Древнего Востока 892
Кавказа 892
карасукская 735
курганная («древнеямная») 948, 948_1, 949, 952, 953, 969
куро-аракская 892—894
лужицкая 616
Приволжья и Причерноморья 948_1
«протоиндоевропейская» 948_1
раннезакавказская 893
раннемайкопская 918
раннеминойская 901
раннешумерская 712
Северного Ирана 949_1
северомесопотамская 920
Сиалк 693
Триалети 727
Триполья 694
убейдская (Ubaidian), предшумерская 712, 892
унетицкая 953
Халафа (халафская) 891, 892, 892_1, 964
Хассуны 712
хирбет-керакская 893
Хиссар 914
Чатал-Хююка 891, 892, 912
шнуровой керамики и боевых топоров 952
шулавери-шомутепинская 892, 893
культура, реконструируемая по лингвистическим данным XCV
«культурное койнэ» анатолийско-эгейское 899_1
культурно-исторические проблемы в лингвистическом освещении X
культурные антропологические инновации 887
курганные могильники Болгарии 911_2
курдский язык XLVIII
курух (Kurukh) *см.* дравидские языки
кушитские языки LIV
кшатрии 788_3

Лабиализация *см.* признак лабиализации
лабиализованная
велярная 90, 125
сибилянтная фонема 628, 764
смычная 153
фонема 134_1, 926
лабиализованность 137, 213_1
лабиализованные LXI, 84_1, 91, 101
велярные 97, 98, 101, 127
«гуттуральные» 134_1
согласные 83, 84, 90, 99, 171, 247_1, 256, 258_1
лабиализованный 103, 153
велярный ряд 83, 136, 140_2
дентальный ряд 136, 137
лабиальный ряд 84_2
«ларингальный» 171
ряд 5, 104, 144, 416
ряд велярных смычных 137
ряд (лабиовелярные) 113
ряд смычных 84_1, 105, 134, 160_2
сибилянт 125
лабиальная фонема 86, 88_1, 104, 109, 125, 146, 875
серии звонких 402
фрикативная 89_1
лабиальность 17, 90, 93, 124, 135
вокализуемого слогового сонанта 201
лабиальные LIX, LXII, LXIII, 81, 92, 96, 410, 515_2
лабиализованные 84
монофонемы 88
согласные 410_1
фонемы 88, 96_1, 174
элементы 346
лабиальный 6, 11_2, 13, 135
комплекс 133, 258_1
компонент в последовательности 124
ряд 5, 6, 73, 81, 82, 84, 96, 99, 135, 136, 144
сонант 173
член 72, 73, 137
элемент 87, 90, 101_2, 134_1, 168, 410
лабиовелярная фонема 60_1, 73_1, 87, 96, 101, 102, 169, 925_1, 962_1
лабиовелярные 59, 75_2, 87, 88, $88_{1,2}$, 89, 90, 91, 92, $92_{2,3}$, 93, 93_2, 94, 95, 96, 101, 102, 103, 154, 409, 410, 410_1, 413, 414
лабиовелярный ряд 6, 75_2, 86, 88_1, 96, 99, 100, 101, 103, 104, 160, 204_1, 407, 409, 410, 410_1, 412, 413, 414
лазский (чанский) **язык** LIV
ландшафт первоначального обитания индоевропейских племен 683, 866
ларингализованный фарингальный 165_2
«ларингальная», «ларингальный» 121, 149_1, 208, 245, 245_1, 246, 248, 627, 716, 719_1, 872, 873

ларингальная
артикуляция (смычно-гортанная) 35_1
фонема 77, 131_1, 170, 171, 172, 197, 198, 202, 203_1, 204, 206, 207, 208, 210, 210_2, 211, 224, 231, 245, 847_1, 874, 876
«Ларингальная теория» LXXXII_1, 77_1, 166_1, 960, 962, 963
ларингальные *LXIII*, LXXXII_1, *XCI*, 54, 55, 56, 157, 159, 160, 161, 165, 166, 169, 185, 192, 198, 203, 203_1, 204, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 263, 876, 963
и фарингальные в общесемитском 213
ларингальный
лабиализованный 159
палатализованный 159
латино-фалискская подгруппа языков L
латинский язык L, 87
латышский язык LII
лаху 19_1, 35_1
'лев' 509
левая компонента и.-е. предложения 358, 359, 360, 361, 362, 364, 366, 367
«легенда о Минотавре» 520_1
легкая колесница как символ царской власти 726_1
лезгинские языки LV
лексика
базисная LXXIX, LXXXI
как структурная система XVI
лексикализация глагольных форм 308
лексико-грамматическая система 267
лексико-семантическая система 267, 459
лексико-семантические
группы 458_1
изоглоссы 420
поля 458, 583
лексическая
дифференциация значений 719
изоглосса 422_1, 456, 673, 681, 803_3, 808
синтагма 668
соотнесенность 296_1, 309
сочетаемость 350_1
лексические
группировки 426
данные 417, 425
дублеты 274, 521
единицы 417, 426
значения 347
изоглоссы 373, 416—422, 424, 425, 426, 899, 955
инновации 373, 420, 424, 944
контакты 881—883
новообразования 420, 421, 673, 681
связи 424, 939
соответствия 426
соположения (картвельско-индоевропейские) 879
лексический
инактив 309_1
эквивалент 336
'лен' 659
лениция в кельтском 28
'леопард'-'барс' 500—504
лечение 'свинцом' 818
ливский язык (Livonian), *см.* финно-угорские языки
лидийский язык XLVII
ликийский язык XLVII
лингвистика
ареальная XCIII
вычислительная LXXVIII_1
диахроническая IX, $XCIII_1$, LXXXVII_1
описательная XIII
сравнительно-историческая XCIII
структурно-типологическая LXXXI, LXXXIV
универсалий LXXXI, LXXXIV, XCIII
лингвистическая география XCIII, 372
лингвистическая палеонтология 457
лингвистическая палеонтология культуры 457_2
линейная
последовательность 248, 249
проекция 367
сочетаемость морфем 259
линейная письменность A 888, 901
линейный порядок 358
членов предложения 325
линия миграций и.-е. культуры 949
литературно-мифологический жанр «видений во сне» 504_2
литовский миф о боге грозы 601_1
литовский язык LII
личные
окончания 329, 388, 390, 391
показатели (глагола) 342, 343
логико-семантическая структура 338
логико-семантические единицы 337
логико-семантический
десигнат 338
объект 337, 338
субъект 337, 338
уровень 337
логическая классификация Трубецкого LXXXVI_1
логограмма с фонетическими дополнениями 758_1
локализация и.-е. «прародины» 899

локальные ряды согласных 5, 6, 13, 18_2, 20, 27_2, 96, 97, 136, 139, 140, 142, 144, 146, 253, 257, 258_1
локатив 165, 189_2, 226, 243, 268, 285, 287, 304, 382, 383, 394
  абсолютный 287_1
лоло-бирманская подгруппа тибето-бирманских языков 19_1
'ломаное' удвоение 222, 222_1
'лошадь' 552, 555—557, 897
  главенствующее положение 483
  домашняя 557—560
  как тягловая сила 894
  Пржевальского 557, 557_1, 561
лувийская иероглифическая надпись из Кархемыша 913
лувийский язык (клинописный и иероглифический) XLVI
лужицкие языки LII
лунная династия 779
«львиные ворота» в Богазкёе 508
львиные знамена сванские 511
«люди-волки» 497, 591
«люди Маса» (Maša-) 779
«люди-медведи» 497
«люди-псы» 591
«люди Хатти» 779

Магическое число 'девять' 528
Maitrāyaṇīya Upaniṣad 786
максимальная артикуляторная дистанция между локальными рядами 145
максимально маркированный звонкий член 135
максимально открытый гласный звук 147
малаялам (Malayalam) LV, *см.* дравидские языки
малоазийская культура 505, 509
малоазийские образы «людей с леопардовыми шкурами» 507
малоазийский
  субстратный язык 504
  характер древнегреческих этнонимов 902_2
мансийский язык (Vogul) LV *см.* финно-угорские языки
маньчжурский язык LVI
марийский язык (Cheremis) LV *см.* финно-угорские языки
маркер(ы) 275, 276, 297, 302, 313, 374
  активного класса 275_1, 278, 309, 317_2, 386, 677
  инактивного класса 273, 275_1, 277, 278, 282, 386
  меднума 331
  множественности актанты 308
  начала предложения 364, 365, 366
  суффиксальные 336
маркирование
  исходных актант активного строя 318
  падежа объекта 313
  падежа субъекта 313
маркированная
  конструкция 325_1
  лабиовелярная фонема 73_1
  серия 13, 62_1
  форма 190
маркированность 14, 84, 189, 275_1, 314, 317, 413
  обязательная винительного падежа 317_2
  фенотипическая 1327
маркированность—немаркированность LXXXVI, LXXXVI_1
маркированные
  звонкие члены 136
  имена 280
  образования 284
  палатальные 113
  ряды 102, 104, 113
  сочетания признаков LXXXVII
маркированный 9, 10, 13, 98, 105
  лабиализованный «ларингальный» 159
  палатализованный «ларингальный» 159
  ряд лабиализованных 101
  ряд лабиовелярных 101
  ряд палатализованных 104
  свистяще-шипящий ряд 136_1
  характер (ряда) 105, 115, 132
  член серии звонких 60, 132, 135
  член системы LXXXVI_1, 85, 126
маркировка 383
маркирующие элементы 307
материальная и духовная культура носителей диалектов и.-е. языка 458
материальный быт и культура носителей и.-е. диалектов 459
материковая Греция 899—904, 907—908, 957
матрица идентификации фонем LXXXVIII, LXXXIX, 87
мегалитические культуры 954, 969
мегрельский язык LIV
медиальность глагольной формы 390_1
медиальные
  глагольные структуры 334, 336, 340, 390, 392
  образования 296
  окончания 335, 391
  структуры 301, 330, 338, 391, 392
  формы 330, 331, 332, 337, 338, 390, 390_1, 753, 910

медиопассив 295_2, 296, 301, 328_3, 390_1, 393, 394
медиум 295, 301, 331, 332, 334, 335, 336, 337, 338, 392_1
медицинские теории древности 819_2
медь 457, 709—712, 709_1
«межареальные» взаимоотношения 421
международный конгресс лингвистов в Осло (1957 г.) 959
мезолит 636_1
менгиры 954
ментальная категория «разума», «души» 973
место артикуляции 81
место ударения 276_1
местоимение, местоимения 275_1, 285, 293, 366_2, 378, 386
  личные 254, 255, 290, 291, 292, 299, 306, 383, 384
  несреднего рода 275_1
  относительные 218, 270, 270_2, 352, 353, 387, 394, 395
  притяжательные 254, 278_1, 290, 290_1, 299, 333, 358
  рефлексивные 390_1
  субъектное 360
  указательные 218, 254, 291, 385, 394
  энклитические 270, 286, 290, 290_1, 291, 360, 362, 386, 386_1, 387
местоименная форма комитатива 386
местоименное происхождение маркеров 275_1
местоименные
  образования 305
  основы 218, 254, 275, 275_1, 292, 385_2
  показатели 291_1
  формы 275_1, 290, 292, 293_1
  элементы 360
  энклитики 359, 363
металингвистические обозначения 963
  поэтической речи 835—837
металлургия 716
  месопотамская 876
метатеза 6, 112_1, 149, 149_2, 237, 661, 661_1, 879, 922
  начального комплекса 469_2, 909
  начальной «ларингальной» 875
  смычных 814
метафорический
  образ 606
  перенос значения 780
методы соотнесения лингвистических данных с археологическими и культурно-историческими XCV—XCVI
метрика XV
метрические формы поэтического языка 884
механизм
  аблаутных чередований 191—194, 226, 240, 242, 243, 247, 261_1, 262
  морфонологических чередований 237
  чередования сонантов 262
мехри LIV
миграции
  европеоидного населения 936_1
  и.-е. культуры 949
  ираноязычных племен через Среднюю Азию 921
  картвельских племен 880_2
  кочевых племен 886_1
  «народов моря» 952
  общностей людей с племенными объединениями 951—952
  племен-носителей и.-е. диалектов 458, 561, 637, 870, 880_2, 886, 886_1, 892, 894, 895, 896, 896_1, 898—901, 917, 918, 918_2, 929, 935, 938, 940, 948_1, 950, 952
  терминов 588, 589, 611
миграционные
  волны носителей и.-е. диалектов 912, 915, 935, 944
  термины 510, 511, 519, 520, 521, 524, 532, 554, 561, 574, 592, 601, 649—650, 876, 925_1, 932—933, 939
микенская
  аристократия 957_1
  Греция 508, 551, 595, 652, 657, 746, 791, 797, 957, 957_1
  греческая культура 731
микенские
  греческие тексты 840, 908
  надписи из Кносса 863_2
микенский период 870_1
минимальные смыслоразличительные компоненты XV
мир
  «вещей» 456
  внеязыковых понятий 457, 457_2
  «всего живого» 465, 468
  «животных» 471
  «живых» 825
  «людей» 471
  «мертвых» 824
  по древнейшим мифологическим воззрениям 485
«Мировое дерево» 485, 487, 489, 519, 522, 530, 538, 549, 553, 557, 561, 582, 587, 588, 588_1, 589_2, 607, 616, 629, 630, 643, 675_2, 852, 867

«Мировой Змей» 525, 529, 572_1, 600, 643
Мировой Океан 825
мироздание как модель человеческого тела 820
митаннийский
  арийский диалект XLVII, 547_1, 863
  пантеон 548_1
миф
  о близнецах 778
  о Гордиевом узле 722
  о 'горном озере', 'источнике' 676
  о детях-близнецах бога Солнца 777
  о детях царицы Канеса 903
  о добыче «меда поэзии» 476
  о «золотых яблоках» 643
  о похищении Елены 757
  о похищении Медеи 757
  о похищении Персефоны 757
  о похищении сабинянок 756, 757_1
  о Ромуле и Реме 779
  о «солнце, встающем из-за моря» 896, 896_2
  о сотворении мира 821
  о Телепину XLVI, 538, 606_1, 609, 611, 630_1, 702, 898, 903, 909
  о царе Телефе 903
  о «яблоке раздора» 643
  о Язоне 907
  о Яме 777
  об «амазонках» 606
  об «Арго» 907
  об аргонавтах 907, 907_1, 908
  об Атлантиде у Платона 520_1
  об «инцесте близнецов» 777—778
  об основании общества Луперков 779
  об «охотнике Кешши» 591_1
  связанный с происхождением 'пастбищ' 824
мифологема 778_1, 820
мифологическая значимость
  'вепря' 517
  'выдры' и 'бобра' 530, 531
мифологическая роль
  'моря' 675, 675_2, 676
  'шакала', 'лисы' 514
  'яблока' 642, 643
мифологические
  мотивы 459, 460, 821, 884, 903, 904
  представления 915, 915_1
  традиции 529
  фратрии 784
мифологический
  Змей 526
  образ «колесницы солнца» 735, 735_1
  человек Имир 821
  человек Пуруша 828
мифологическое
  значение 'оленя' 518, 519
  имя «аргонавтов» 908
мифология и ритуалы XVI
младограмматический тезис 458_1
«Младшая Эдда» 476
«Млечный путь» 532
мнемонические знаки 890, 890_1
многовалентное глагольное спряжение 300
многоморфемная последовательность 250, 261
многоморфемные начальные структуры 250_1
множественное число 279_1, 282, 305
множественность 181, 187_1, 268, 281, 282, 292, 306, 311, 381_1
  актант 306, 307, 311
  коллективная 283
  объекта 307, 347
  раздельная 282_1
  субъекта 347
множество «недиких существ» 474
моавитский язык LIII
могильник
  в Самтавро 507_1
  Синташта 950
  Хвалынский 558
модально-видовая семантика 342
модальные
  значения 339, 389_1
  образования 347, 393
  показатели 342
  формы 347, 394
модели
  распределения аллофонов фонем *см.* распределение аллофонов фонем
  распределения суффиксальных элементов 348
  распределения (дистрибуции) фонем 26, 111, 202, 211, 403—405
  сочетаемости, совместимости признаков LXXXV
модели миграций по Мерперту
    первая 886_1
    вторая 886_1, 892
    третья 952
модель
  аблаутных чередований 241
  Бенвениста 240
  индоевропейского консонантизма по Педерсену 8_1
  мира в мифологических представлениях 485, 851, 852

простого повествовательного предложения 320
синтаксическая 355
ядра простого предложения 322, 325
модификации
велярного ряда 136
дентального ряда 136
поствелярного ряда 136
модифицированный ряд лабиовелярных 86
Моисей Хоренский (Movses Khorenatzi) XLVIII, 102, 203
мокша-мордовский язык (Mordvin-Moksha) LV, *см.* финно-угорские языки
«Молитвы Мурсили во время чумы» XLVI, 480, 702, 807_1, 831
'молния' 643
'молот' как «оружие бога грома» 715
молочное хозяйство 567—569
«молочные животные» 597
монголоидный антропологический тип 956
монголоиды азиатские 936_1
монгольский язык LVI
моновокализма
принцип *см.* принцип моновокализма
моновокалическая
система 170_1
структура корня 255
монофонематическая интерпретация комплексов согласных 219, 256
монофонематические единицы 87, 134_1, 256, 258_1
монофонематический комплекс 100, 124
монофонемность 125_1, 133
лабиовелярных 88
монофункциональность божеств 679
«мореплаватель» 908
морфема 182
аффиксальная 260
в нормальной ступени огласовки 250, 262
корневая 211, 216, 222, 232, 238, 238_1, 245, 246, 248, 248_2, 252, 259, 260, 261
родительного падежа 267
с закрытым слогом 249
с открытым слогом 249, 251
суффиксальная 216_1, 225, 238, 238_1, 247, 248_2, 254, 261
морфемная
последовательность 222, 249, 250, 259, 340, $344_{1,2}$
структура 218, 222, 239
цепочка 251
морфемные
варианты (алломорфы) 259
морфемный шов (juncture) 148_1
морфемы 161, 177, 215, 248_2, 259
аффиксальные 871
корневые 215, 218, 220_2, 224, 231, 244, 245, 247, 248_2, 251, 255, 405, 871
местоименные 245
различных рангов 340, 344_2
сегментные 340, 364
с Schwebeablaut'ом 238
морфологизация ступени чередования 178, 263
морфологическая
изоглосса 392
инновация 381, 382
неразложимость 238_1
потенция глагола 312
структура 309
ступень 177
функция 196, 219, 251
морфологические
дублеты 269
изоглоссы 373, 375, 387, 393, 397, 417, 419, 421
показатели в глаголе 325
процессы 238_2
структуры 177, 296_1, 315, 355
типы 387
элементы 19_2, 215, 307, 325, 326, 344
явления 371, 372
морфологический
инвентарь 390
показатель 306
признак 190, 379
тип образования 188_1, 261
морфологическое
выравнивание редуплицированных основ 26
выражение 335, 339
объяснение «закона Лахмана» 71_1
оформление именных основ 308
оформление классов переходных и непереходных глаголов 318
строение 621
морфология 237
морфонологизация
огласовки 177
морфонологическая
идентичность схемы аблаутных чередований 237
ступень аблаута 192
характеристика 232
морфонологические
структуры 52, 71_1
характеристики 259

морфонологический тип образования 259
морфонологическое
  преобразование 250
  противопоставление 412
  толкование долготы 71_1
  чередование *см.* чередование
морфофонемные характеристики и.-е. звонких 962
«мост в преисподнюю» 831_1
мотив
  «известности, славы» в и.-е. поэтической речи 834, 834_1
  «кровосмешения» 778_1
  происхождения мироздания 820, 821
мотивация 308
мотивированность 293
«мудрец-врачеватель» 811
мунда языки LV, 915
мунджанский язык XLVIII
murmured release 15
«мышина тропка» 532
'мышь' в древнейших мифологических представлениях 531
мэнский язык LI

Набор фонетических признаков LXXVI
на-дене 310
надписи
  Ахеменидов 804
  енисейско-орхонские LV
  иероглифические лувийские XLVI
  из Писидии 904
  микенские из Кносса 863_2
  старшие северные рунические LI
надпись
  Анитты XLVI, 486, 486_1, 498, 499, 545, 861
  Дария 755
  Идри-ми из Алалаха 725_1
  Меши LIII
  СалманасараIII 913
  Zukraši XLVI
назализованная
  велярная фонема 575
  форма 879
назальные LIX, 200
название (названия)
  'белки', 'хорька' 522
  'березы' в и.-е. и его диалектах 619, 620
  'божественного напитка, преодолевающего смерть' 822—823
  'Большой Медведицы' у хеттов 725
  'бука' в и.-е. и его диалектах 621
  'быка', 'коровы' в и.-е. и его диалектах 565—566
  'вдовы' 759, $759_{2,3}$
  'вереска' 662
  'Верхнего мира' 489
  'ветра' и 'бури' 677
  'вина' в древних и.-е. диалектах 647—648
  'вина' в южнокавказском (картвельском) 649, 649_2
  'вина' как древний переднеазиатский термин 649
  'винограда' в картвельском 650_2
  'вишни' 644
  'водяной птицы' в и.-е. и его диалектах 543
  'волка' 492, 495
  'ворона' 540
  'времен года' по сельскохозяйственным циклам 690—691, 853, 853_1
  'выдры', 'бобра', 'водяного животного' в и.-е. диалектах 529, 530
  'гниды', 'вши' 535
  'горы' в и.-е. и его диалектах 665—666
  'граба' в и.-е. и его диалектах 624
  'грызунов' как носителей инфекций чумы в древних цивилизациях 953
  'дерева', 'дуба' в и.-е. и его диалектах 612—614
  диалектные 'вечнозеленых деревьев' 631
  диких животных 'Среднего мира' 486
  'дикого быка' и его кавказские параллели 521
  'дикого быка', 'тура' и его связь с семитским 519
  'дикого кабана', 'вепря' 514
  'дождя' в и.-е. и его диалектах 679
  'дома', 'жилища' 741—742
  древней Иберии 496
  'дуба' в общесемитском 616_1
  'ели', 633—634
  'жабы', 'лягушки' 534
  'желудя' 617—618
  'жернова' в общесемитском 694_1
  'журавля' 540
  'зайца' 521
  'звезд' и 'созвездий' 685, 686, 686_2
  'зерна' 694
  'змея', 'змеи' 525
  'золота' 713, 713_3
  'зубра' 519, 520
  'ивы', 'ветлы' 628
  'кизила' 643—644
  'козы', 'козла' 585—586
  'колеса' и 'колесных повозок' 718—719

'коня', 'лошади' 544, 553, 554, 556, 560
'кошки' 599
'краба' 533
'лебедя' 542
'легких' 815_2
'леопарда', 'барса' 500, 504, 506
'лосося' в и.-е. диалектах 536
'лошади' в славянском 556
'луны', 'месяца' 684—685
'льва' 507, 510, 511
'льна', 'конопли' 659
'масел' 703, 704
'меда' в египетском 609_1
'меда' в и.-е. диалектах 603—604
'медведя' 497, 498
'меди' 709—710
'мельницы', 'жернова' в и.-е. диалектах 693—694
'металлов' и его связь с цветовыми признаками 710—712
'моря', 'озера' 671—672
'моря' в отдельных диалектах 673
'музыкальных инструментов' 837
'мухи', 'овода' 534
'мха' 663
'обезьяны' 523
'овцы', 'барана', 'ягненка' 577, 583—584
'огня', 'очага' 699—700
'оленя', 'лося', 'антилопы' 517
'ольхи' 635
'ореха' 635—637
'орла' 538, 539
'осины', 'тополя' 626—627
'осла' 562
'осы', 'шершня' 535
парных органов 281_1, 812
'пахоты' и 'плуга' 687—690
'посева' 688—689
'проса', 'ржи', 'овса' 658
'птицы' 537
'пчелиного воска' 610, 610_2
'пчелы' 602, 602_2
'пшеницы' 657—658
'пшеницы' как миграционный термин 658
'пьянящих напитков' 653, 653_3
'реки', 'потока' 670—671
'ржи', 'овса' 659
'рода' и 'предводителя рода' 748—751
'розы', 'шиповника' 663
'рыбы' 535—536
'рыси' 511
'свиньи', 'поросенка' 593—594
'священного царя' 751, 751_2, 752
'серебра' 713
'серпа' 691, 692, 692_1
'слона', 'слоновой кости' 524
'снега' 681
'собаки' 589—590
'соли' 703, 703_1
'солнца' 684, 684_1
'ста' и 'десятков' 846—848
'тепла', 'жары' 683, 684
'тиса' 628—629
'топора', 'секиры' 716— 717
'тутового дерева' 645—646
'улья' 609—610
'упряжи' и ее частей 721
'утки' 543
фригийцев в греческой передаче 910_2
'хвойных деревьев' в иранском и картвельском 634—635
'холода', 'льда' 682, 683
'частей тела' 812— 818
частей тела 'коня' в и.-е. диалектах 545
'черепахи' 533
'шакала', 'лисы' 513
'шерсти' и терминология обработки 'шерсти' 578—580
'яблока' 637—638
'яблока' как миграционный термин 641
'яблока' как общеиндоевропейская лексема 639—640
'ясеня' 625
'ячменя' 655
наклонение
повелительное $328_{1,3}$, 342, 343
сослагательное 389_1
наличие в доме двух очагов, символизирующих 'Землю' и 'Небо' 742
написание
повторное клинописного знака для гласной LVIII_1
слитное LVIII
направленность действия 333
во внутрь 338
на субъект 335
направленность заимствования 924
наращение частицы на прономинальную основу 379
народности Древнего Ближнего Востока 884
народы
Восточного Средиземноморья 957
Древнего Мира 831
'народы моря' (египетских источников) 911, 957
«Нартовский эпос» 563, 591_1, 720, 778_1

Население степной полосы Средней Азии 918_2
наскальные изображения 950, 951
«Наставление служителям храма» 804_1
«настоящее-будущее время» 328_1
«настоящее время» 225, 327, 328, 329, 342, 343, 388
нахско-дагестанские языки LIV
начало
  глагольного комплекса 359
  корня 258
  предложения 359, 360
  распада праязыка 861
начальная
  акцессивная последовательность 149
  аффриката 599
  велярная фонема в акцессивном комплексе 148
  гласная 245
  глоттализованная 612_1
  группа предложения 361_1
  лабиализованная сибилянтная фонема 628
  «ларингальная» 121, 202, 245, 246, 248, 719_1, 872
  позиция 72_1, 109, 121, 122, 246, 320_2, 359, 365
  позиция определяющего члена 352
  позиция перед гласным 203
  позиция перед согласным 120_1, 165_2
  позиция перед сонантом 206
  последовательность фонем 122, 123
  поствелярная смычная 817
  согласная (корня) 158_1, 247, 253, 255_1, 257, 259
  ячейка предложения 366
начальное
  и.-е.*s 220_2, 598
  и.-е.*ŝ 560_2
  положение глагола 323_1
  сочетание смычных 148
начальные
  сибилянтные спиранты 219
  сонанты 245_1
  ячейки предложения 364
начальный
  акцессивный комплекс 148, 149_1
  вокализм 923
  глагол 325_1
  закрытый слог 250
  индоевропейский ареал 872
  комплекс согласных 219
  консонантный элемент 257_4, 381
  неслоговой элемент 253
  «нулевой спирант» 119
  сонант 216_2, 245_1
  элемент 292, 366
  элемент морфемной последовательности 249
  элемент основы 258_1
нашествия «народов моря» 957
неасибилированные палатализованные 421_1
неаспирированный аллофон 16, 21
«Небесное колесо» в осетинском эпосе 720
Небо 838
«Небо-Отец» (верховное божество) 791, 792
невзаимооднозначные соответствия 193
невозможность начального сочетания смычных в индо-иранском 148
негативные формы 289
неглоттализованные
  аспирированные аффрикаты 106_2
  смычные 32
негомогенные по звонкости фонемы 20
недифференцированность
  генитива первоначальная 268_1
  категории времени 392
  конъюнктива 341
  морфемы генитива в отношении числа 268_1, 269
  отношений аккузатива—датива 286
  по отношению к категории числа 288
  тематического спряжения первоначальная 329
  функции прототипа исторического аккузатива 285
недопустимость контактной последовательности смычных 156, 167
недопустимые сочетания смычных в общеиндоевропейских корнях 142, 154_1
неединообразное
  отражение по диалектам фонемных рядов 408, 413
  по диалектам развитие парадигмы медиальных структур 395
независимая сегментная фонема 87
независимое
  притяжательное местоимение 290, 290_1
  указательное местоимение 394
независимые
  вокалические элементы 193
  местоимения 291, 387
незвонкие смычные 7, 15, 401, 910_2, 941
незвонкий характер фонем серии I 47, 59_1, 79
неиндоевропейские языки (Евразии) 427, 932, 933

неинтенсивные согласные 46
«неинтенсивный» тип акцентуации 149
нейтрализация противопоставлений 112, 114, 316, 317, 330, 411, 412
«гуттуральных» в позиции после *и* 114
заднеязычных по признаку палатализованности 109, 421_1, 645, 656
семантических признаков XC
сонантов в конце слова 400_1
состояний I и II 240, 291
нейтральная
последовательность *см.* немаркированная
нейтральность
по отношению к модификациям 85
серии II по отношению к признаку глухости ~ звонкости 20
нейтральные члены оппозиции 213
нейтральный велярный ряд 160_2, 910
некомпактность 81
некомпактные *см.* диффузные
некрополь Пронойи 551
нелабиализованные смычные 92_1
нелабиализованный ряд 84_2
нелингвистические (экстралингвистические) факторы 456
немаксимальная дистанция между членами локальных рядов 146, 147
немаркированная
конструкция 325_1
последовательность 325_1
серия 62_1
структура 323_1
фонема 171
фонема в серии звонких 60
форма именительного падежа 317_2
немаркированность 73, 83, 322
общего падежа субъекта 317_2
немаркированные
имена 280
основы 190
сочетания признаков LXXXVII
немаркированный 10, 84
велярный ряд смычных 85, 86, 95, 101, 104, 113, 115, 127
корень 190_1
лабиальный член 89
порядок членов предложения 322, 325
свистящий спирант *s 128
строй 282_1
характер лабиального члена в серии звонких 10_2
член LXXXVI_1, *75*, *109*, *126*, *159*
немецкий язык LII
неначальная позиция 148
ненизкие по тональности 81
необусловленность фонологических явлений 372
необусловленные нули 363
«необычное»—«обычное» сочетание признаков LXXXV_1
неоднозначность нулевой ступени по отношению к двум состояниям основы 240
«неодушевленные»
объекты 274
семантемы 295_3
неодушевленный класс 467
неозвонченные глоттализованные 941
неолит 657, 658, 690, 827, 868
Европы 581, 868
Фаюма и Бадари 659
неолитическая революция 641, 657, 708, 886_1
неорганическая *см.* отчуждаемая
неотчуждаемая (органическая) принадлежность 289, 290, 311, 358
непалатализованная фонема 412
непалатализованные
аллофоны 172
велярные фонемы 110_1, 111, 661
фонемы 110_1
непалатализованный рефлекс 925_1
«неполная» система LXXIV
«непоследовательная» эргативность картвельской структуры 319
непрерывные фарингальные фонемы 165, 203
непридыхательная фонема 21, 46, 56, 120
непридыхательные
аллофоны 21, 22, 24_1, 27, 28, 56, 403, 404
аллофоны глухих смычных 31_1
аллофоны звонких фонем серии II 24, 68, 71, 89
неразложимость отрезка на морфемы 237, 238, 280_1
неразложимые основы 238_1, 239
с Schwebeablaut'ом 239
нерелевантность 5
признака аспирации в фонемах серии II и III 16
неслоговая «ларингальная» 203, 206, 207, 208, 211
неслоговой
аллофон 184, 197, 198, 206, 207, 208, 263
вариант сонантов 187_1, 189_2, 201_2, 262
элемент 197, 198, 204, 253, 255
неслоговые
аллофоны 163, 164, 182, 187, 192, 196, 199, 202, 212, 224
«ларингальные» 165, 166, 192

сонанты 184, 186
элементы 172, 209, 212, 262
неслогообразовательный (маргинальный) элемент XC_1
несовместимость
в корне двух фарингализованных (эмфатических) согласных 19_1
двух глоттальных (включая гортанную смычку) 19_1
несовместимые (или идентичные) грамматические значения 330
несочетаемость
в корне двух звонких смычных 140_7
в корне двух неидентичных глоттализованных 18, 19, 51_1, 142
в корне согласных одного и того же ряда 97, 98, 98_1
согласных серий II~III 19, 142
нестабильный ряд палатализованных 99, 101, 407
неучастие «звонких» в составе аффиксальных элементов 19_2
нефонологическая сверхкраткая гласная 161
нечленимая
основа 232, 238_2
основа с Schwebeablaut'ом 240
«нивхский» (гиляцкий) язык LVI
«Нижний или Подземный Мир» 488, 490, 525, 527, 528, 529, 530, 531, 533, 534, 535, 536, 582, 852
низкая тональность *см.* тональность
низкие по тону 81, 82
новоиранские языки XLVIII
новоперсидский язык XLVIII
«Новый Завет» 569_1
номинальные конструкции 386
номинатив 271, 277, 278_2, 375
номинативно-аккузативная структура 319, 390
номинативные предложения 352
номинативный строй 318_1
норвежский язык LI
норма LXXXI
нормальная
огласовка 177, 224
(или основная) ступень аблаута 168, 181, 192, 194, 232, 259, 261
ступень огласовки 182, 223, 260, 262
нормальное
синтаксическое распределение 325
удвоение *см.* удвоение
нормальный тип чередований 246
нормы ранговой грамматики 328_2
носовой гласный в древнеиндийском LIX
носовые *см.* назальные
«ностратическая гипотеза» 865
нубийские языки 601
нулевая
огласовка 165, 167, 172, 173, 174, 179, 224, 248, 757
огласовка корня 155, 210, 472_4
огласовка суффикса 346, 803
ступень (огласовки) 152, 153, 154, 154_2, 156, 157, 162, 163, 165, 166, 176, 178, 182, 188, 191, 192, 201, 208, 209, 210, 211, 220, 222, 223, 224, 225, 228_1, 229, 232, 236, 240, 241, 242, 246, 247_1, 248_1, 254, 258, 259, 260, 261, 262, 644, 647, 656, 682, 712, 803, 925
ступень корня 139, 144, 151, 154_3
ступень суффикса 229_1
форма 237
частотность LXXXV
нулевое окончание 184, 186, 284
нулевой
аблаут 250
аффикс 341_1
вариант 163, 240
показатель 273
показатель им. пад. 183
показатель прош. вр. 342
ранг 343, 344
спирант 119
формант 342
нулевые
аффиксы 343
формы 180, 235, 247, 363
нуристанские языки XLVII, 91, 616_2, 915

«Обездоленный» 479
обитатель «Нижнего мира» 582
области африканских озер 831
область
возможной прародины индоевропейцев 870
первоначального одомашнивания осла 562
распространения 'яблока' 638
обмен
«женщинами», которых берут в жены 752
пищей между людьми и богами 701, 702
обобщение парадигматическое 186, 223, 384, 813
обожествление
космических сил 715_1
Лба, Глаз, Ушей 473_1

обозначение, обозначения
'борозды' 689, $689_{1,2}$
'воды' 671
'войска', 'народа', 'военной защиты' 740, 741
'голода' 701, 702
'горы', как 'высокой' 668—669
'кровной мести' 809, 810
'моря как соленого' 674
'осы', 'шершня' 535
'пищи', приготовленной на огне 703
религиозных понятий и обрядов 801—805
ремесленного производства 705, 706
ритуального врачевания 811, 811_1
'царя', 'повелителя' 752
'ярма', 'ига' и связанная с ним символика 721—722
«оборотни-вурдалаки» 494
образ
«витязя в барсовой шкуре» 506
«обожествленного кузнеца» 715_1
образы
животных, соотносимых со сторонами света 502_1
изобилия, связанные с 'молоком' 571
обратная направленность заимствования 650_2, 873, 898, 939
обряд(ы)
«Белой лошади» 553
'гадания с ярмом' 722
инициации 532
и словесные формулы, обозначающие солнце как 'колесо' 721
кремации *см.* кремация
Lupercālia 779
погребения *см.* погребальные обряды
принесения в жертву щенков 591
проведения побежденного под 'ярмом' 722
свадебные 786
связанные с культом вина 652
совместного жертвоприношения 'человека' и 'животного' 591, 592
'стрижки овец' 581
'умиротворения бога' 605
обрядовые формулы 652
общее происхождение языковых систем LXXVI
общее языковое состояние 373
общеанатолийский период 862, 890
общеанатолийское состояние 861
общедиалектные лексемы 459
общеиндоевропейская
«ларингальная» фонема 171, 172
система 8, 136, 137, 181, 211, 227, 395, 400, 458
флора и фауна 866—867
языковая область 395, 398, 400_1, 401
языковая система 267, 392, 396
языковая система позднего периода 216
общеиндоевропейский
характер практики кремации 831
хронологический уровень 248, 458, 686
общеиндоевропейский язык 7, 231, 238, 240, 262, 295, 315, 320, 326, 331, 357, 372, 388, 400_1, 417, 420, 427, 707
древнейшего периода 274, 309
позднего периода 232
раннего периода 239
общеиндоевропейское (языковое) состояние 9, 89_1, 118, 161_1, 247, 249, 251, 255, 267, 271, 323, 332, 386, 404, 405, 426, 694, 924
общекартвельская
прономинальная система 254
(языковая) система 252, 253, 260
общекартвельские
именные образования 257
корни 255
общекартвельский
аблаутный тип образования 260
силлабический стих 842
общесемитская
(языковая) система 138
система вокализма 161
система согласных 137
система спирантов 139
общетюркский период 639_2
общефонетическая
закономерность 145_1
тенденция к преодолению последовательности сонорных 640_1
общность
греческих и малоазиатских мифологических и ритуальных мотивов 902
происхождения языков LXXX
синхронных культур Закавказья, древней Анатолии и Месопотамии 893
территории «древнеевропейской» гидронимики 953, 954
объединение языков в диалектную группу по изоглоссе 382
объект 322, 365_2
действия 312, 321
коммуникации 297_1
косвенный 332, 358

логико-семантический 337, 338
прямой 332, 338, 358
транзитивных глаголов 314
объектная
версия *см.* версия
частица 360
объектно-аккузативная частица 362
объектное
лицо 335
местоимение (аккузативное) 360
'овечье руно' 907
'овечья шерсть' и ее ритуально-хозяйственное применение 704
огласовка 186, 199, 221, 259, 301, 301_1
*а в общеиндоевропейских формах 147, 157—158
корня 91, 419, 583_1
нормальная 166
нулевая 164, 168, 208, 240
первичная 174, 243
полная 165, 167, 202
редуцированная 165, 168
суффикса 229_1
оглушение 40, 67, 118, 401
звонких фонем серии II 24, 61, 61_1, 64, 65, 70
комбинаторное 6
непридыхательных 33
по «закону Зибса» 118_1
позиционное звонкой 70
огонь
как активная сила 699_2
как символ очищения 831
ограничения
на сочетаемость смычных в дистантной последовательности 156
на сочетаемость согласных различных локальных рядов 142
налагаемые на структуру корня 962
ограниченность
акцессивной последовательности 146
правил аллофонного распределения фонем серий II и III 34
огубление *см.* лабиализация
артикуляционное 138_1
«Одиссея» XLIX, 501, 503, 605, 617_3, 644, 657_1, 825, 828, 903
одновалентные глаголы 298, 300, 306, 309, 311, 315, 316, 317
одноконсонантные (глагольные) корни 247, 248_2, 255
одноместные глагольные формы 277
одноранговая структура основы 346
одомашнивание
собаки 592; древнейшее свидетельство 593_1
одушевленные семантемы 302_2
одушевленный класс (имен) 273, 467, 468, 474
одушевленный ~ неодушевленный 270, 292
озвончение 51, 59, 259, 400, 401
в позиции после сонорного 269
глоттализованной аффрикаты 106
глоттализованных фонем серии I 50, 51, 52, 52_1, 53, 53_1, 54, 59, 60, 64, 69, 74, 76, 79, 89 106, 137, 154_3, 401, 675_2, 880, 941
глухих (придыхательных) 53_1, 72_1
(интервокальное) глухих спирантов 65, 118
комбинаторное (спирантов) 72
корневого сибилянта 257
под влиянием «ларингального» 72_1
позиционное 118
семитских «эмфатических» 138
фрикативных (по «закону Вернера») 38, 39, 39_1, 195
«означаемое» знака LXXIII, LXXV, 966
«означающее» знака LXXIII, LXXV
«окаменелые» форманты 215
окончание
аккузатива 201, 271
генитива 267, 268, 268_1, 269, 270, 278, 354_2
имен активного класса 276_1, 284
множественного числа 305
номинатива 271
отложительно-творительного падежа 379
перфекта 219
окончания
вторичные глагольные 327—332
действительного и среднего залогов 295_2
женского рода 284
инактива 276
медиума 332
местоименных форм 275_1
падежей 270, 271, 377
первичные глагольные 327—332
омаха 772
омаха-кроу 885
омонимия LXXIV
онагр 558
ономастика 913_2
каппадокийских табличек 863
ономатопоэтические образования 54, 59, 60, 72, 534
ономатопоэя «визуальная» 222, 257_{2-4}
операции сравнительно-исторические XIV

оппозиции
градуальные LXXXVI$_1$
привативные LXXXVI$_1$
эквиполентные LXXXVI$_1$
оппозиционные формы 298
оппозиция
семиотическая 784
темпоральная или аспектная 330
определяемое
имя 270$_2$, 350
слово 277, 278, 279, 283, 351, 352, 353
определяющее
имя 270
слово 283, 350
определяющий член 352
оптатив 339—343
опьяняющие напитки 604
органическая принадлежность *см.* неотчуждаемая принадлежность
ормури XLVIII
орудия металлургии 716
оружие 884
осел
как культовое животное 563
как символ плодородия 563
как транспортное животное 562
осетинский язык XLVIII
оскский язык L
оскско-умбрские диалекты L, 89
ослабление безударной гласной 161
осложненное окончание родительного падежа 270
основа
активного класса 308, 386
в атрибутивной функции 670
в двух аблаутных состояниях 234, 235$_1$, 237, 238, 239, 241, 251, 261, 822
в нулевой ступени 201, 242
глагольная тематическая 329, 343, 344$_1$, 422
инактивного класса 308, 386
косвенных падежей 384
ономатопоэтического характера 534$_1$
производная 238$_2$, 520
простая (одноморфемная) 260
редуцированная 258
с расширителем 190
сопряженная 225, 227, 231, 233, 261
трехранговой структуры 345
основная каноническая форма корня 243, 247
основы
глагольные номинализирующие 302
прономинальные 219, 245, 251,268, 275$_1$, 385$_2$
с долгой гласной 186
с древними сонантами 191
с конечными неслоговыми сонантами 184
с носовым аффиксом 249
с Schwebeablaut'ом 262
среднего рода — древний инактивный класс 187
существительных 244
тематические 183, 187$_1$, 378, 383
«остаточные слова» 675$_2$
«Остров Блаженных» 643
острова
Средиземноморья 954
Эгейского моря XLIX, 899—902, 904, 957$_1$
«Остромирово евангелие» LII
«ось одновременности» XV
«отвердение» *см.* веляризация
отглагольное имя 177, 304, 671$_1$
отглагольные формы 306
активного класса 306
инактивного класса 306
«открытость» 160
как признак согласных 213$_1$
отношение, отношения
конверсные XC
маркированности LXXXVI$_1$, 14
направленности действия и цели 285
отдаленного родства языков LXXVIII
парадигматической «доминации» LXXXVI$_1$, 11
посессивности 289, 290
принадлежности к денотату имени 284
рефлексивности 336
симметрические XV
синтаксические 278, 286, 287, 326, 358
субъектно-объектные 312, 313, 314, 315, 317, 320, 332, 360, 361, 367$_2$
«отношение дополнительного распределения» 192
отношение письменности к фонемному составу языка LXXXII$_2$
отождествление
археологических культур Ближнего Востока и Передней Азии с протоиндоевропейской культурой 891
созвездия «Большой Медведицы» с колесницей 735
отрицание 218, 245
отрицательные формы глаголов 339$_2$

отсутствие
аффикса значимое 341_1
лабиального члена в системе 102, 137
особого числительного в значении «один» 843
письменности в общеиндоевропейском 885, 887
централизованной государственной власти у древних индоевропейцев 885, 886
'шерсти' в неолите Европы 581, 868
«отчуждаемая (неорганическая) принадлежность» 289, 290, 311
очаг(и)
доместикации разновидностей 'пшеницы' 657
одомашнивания 'яблони' 641
«очные формы» 338_1
over-all pattern 136

Павзаний (Pausanias) 553
падеж 279_1, 283, 381
винительный *см.* винительный падеж
дательный *см.* дательный падеж
звательный 354_1
именительно-винительный 183, 186, 188, 277
именительный *см.* именительный падеж
местный 285—287, 308
направительный 189, 189_1, 286
обстоятельственный 287
объекта 286, 313, 317
отложительно-творительный 379
Patiens'a 286
прямого дополнения 285, 317, 318, 319
родительно-винительный 317
родительно-местный 394
родительный *см.* родительный падеж
структурно-инактивный 281, 282, 317
субъекта 182, 185, 313, 317, 317_2, 318, 319
творительный 379, 380, 394
эргативный 318
падежи 376, 380, 382
косвенные 186, 187, 188, 189_2, 244, 279_1, 292_1, 333, 384, 386, 394
падежная классификация Филлмора 287_2
падежные
образования 375
форманты 279
формы 277, 278, 308, 310, 383
падежный
показатель 270_2
элемент 279
падение
«ларингальных» 54, 56, 204, 204_2, 207_1, 211, 263
редуцированных 317_2
палайский язык XLVI
палатализация 23_2, 47, 83, 84, 91, 92, 94, 99, 103, 109, 114, 120, 121, 133_2, 371, 413
велярных 92_1
«гуттуральных» 54, 56, 57
комбинаторная 91, 92_3, 107, 114
лабиовелярных 92_2
палатализованная
велярная фонема 109, 110_1, 127, 129, 411, 469_1, 622_2
«ларингальная» 210
сибилянтная 127
фонема 100, 101, 109, 111, 408, 409_1, 412
палатализованность 103_1, 213_1, 656
палатализованные 84_1, 93, 104, 106, 107, 108, 110, 115, 129, 136, 412, 420
аллофоны 172
аффрикаты или спиранты 111
велярные 84, 84_1, 85, 95, 97, 98, 100, 102, 103, 105, 109, 127
«гуттуральные» 5
дентальные 84
смычные 84, 99, 101, 106, 107, 111, 116
согласные 84, 421_1
палатализованный 93, 408, 409, 411, 412, 421_1, 661, 874
велярный ряд 95, 99, 103, 104, 137, 140_2
дентальный 84, 135
лабиальный 135
ряд сибилянтных фонем 137
ряд смычных 5, 84_1, 85, 99, 101, 103, 104, 113, 115, 128, 129, 135, 144, 160, 407, 408, 409, 410, 412, 414, 416, 420, 910
сибилянт 120, 686
спирант 128, 138
член фонемной оппозиции 114, 120, 128
«палатализованный ~ непалатализованный» 109, 112, 113, 160_2, 421_1, 645
палатализующее влияние гласного переднего ряда 48
палатализующие языки 92_1
палатальные LIX, 101, 108, 110_1, 113, $128_{1,3}$, 645, 919, 922, 924
палатальный ряд «гуттуральных» 910
палеоазиатские (палеосибирские) языки LVI
палеоботаники
данные 623
палеокавказские языки LIV
«палеохананейский» язык LIII, 880, 888

палица Индры 928
памиро-ферганский тип современный 956
памирские языки XLVIII
памятники
  египетского искусства V династии 694
  Передней Азии 956
«память жанра» 504_2
панджаби 618_2
Панини (Pāṇini) 618_2
пантеон 679, 679_1, 795—799
парадигма (в истории науки) 961, 961_1
  классическая сравнительно-исторического индоевропейского языкознания 961
  новая 962, 963
  традиционная 963
парадигма, парадигмы 177, 189_2, 222, 223, 237, 244, 259, 282, 305, 331, 376, 412
  деривационная 226
  имени 275, 285, 286, 379, 384
  медиального спряжения 329, 331, 332, 338, 392_1, 395
  множественного числа 385, 386
  настоящего времени 391
  полная 297, 300, 316, 329
  прономинальная 385
  склонения 378
  спряжения 275, 296_1, 298
  флексионная 120_1, 224, 226, 259
парадигматика письма LVIII
парадигматическая система 81, 256, 263
парадигматические
  выравнивания форм 188, 189, 223, 305
  новообразования 177
  противопоставления 161, 181, 192, 297
параллелизм
  в развитии падежей 380
  в развитии серий и.-е. смычных 37
  названий 'человека' и 'лошади' 483
параллельные
  морфологические показатели глагола 294
  ряды грамматических показателей 165, 267, 275, 294
  форманты 305
парачи XLVIII
партиципиальные формы 71_1, 302_2, 814, 815_1
парфянский язык XLVIII
пасечное пчеловодство 608
пассив 337
пассивные
  конструкции 338
  причастные формы 302_2
пассивный класс 282_1
«пастбище мертвых» 824, 825
Patiens 277, 285, 286, 298, 299, 309, 311, 333
патрилокальный характер «большой семьи» 759, 762 —763
пауза 197, 208
пашто, пушту *см.* афганский язык
«пеласгский» язык 900, 900_3
первичная система и.-е. гласных 243
первичные
  аблаутные отношения 223
  гласные 160, 192, 243
  (лексически заданные) инактивы 277
  морфемы 251
  окончания 270, 327, 328, 329, 330, 331, 341, 377
  показатели аориста 295
  противопоставления 269
  редуцированные гласные 153_1
  спиранты 114
первичный
  ареал доместикации лошади 559—560, 560_1
  вокализм и.-е. языка 165_1, 169, 921, 941
  очаг доместикации 'дикого быка' 573
первоначальная
  территория обитания и.-е. племен 917
  функция аориста 328
  функция глагольных показателей 296
перевал Парун 616_2
перегласовка 259, 259_1, 260
передвижение
  носителей греческих диалектов в северо-западном направлении из Малой Азии на Балканы 909
  носителей «древнеевропейских» диалектов через Среднюю Азию и Поволжье в историческую Европу 939
передвижение глухих придыхательных (серия III) 65_1
«передвижение согласных» 40, 44, 63, 79, 80, 962, 1321
передвижение ударения 152, 278_2
передвижение фонемных рядов LXXIV
переднеазиатская
  группа популяций 956
  локализация и.-е. «прародины» 918_2
переднеазиатские
  культуры бронзового века 601
  языки 601, 914
переднеазиатский
  ареал талассемии 916
  и закавказский ареалы как очаги формирования видов культурного винограда 651
  миграционный термин 575, 653

переднеязычная артикуляция 81
перенос
  значений 618, 618_1, 620_1, 622_2, 631, 640_2, 689, 703, 818
  ударения 157
перераспределение структур 244, 252, 269, 270
переселения
  греков через Малую Азию 902
  дорийцев 899
пересечение (непересечение) изоглосс 379
перестановка
  децессива в акцессивный комплекс 149, 150
  (метатеза) комплексов 149
перестройка
  общеиндоевропейской фонологической структуры 60, 164, 357
переход
  звонких придыхательных в глухие придыхательные 65_1
  centum'ный 410, 410_1
  satəm'ный 101_1, 410, 411, 416, 421_1
переходно-активные структуры 390
переходно-непереходные глагольные формы 294_2
переходность ~ непереходность 229_1, $294_{1,2}$, 390
период
  распада индоевропейской общности 787
  распада общесемитского 880
  существования индоевропейского праязыка и праиндоевропейского общества 885
периферийная лексика 207_2
«периферийность» *см.* признак медиальности~периферийности
«периферийный» ~ «лабиальный» 145
персонифицированные объекты и явления природы 274, 287
перфект 178, 219, 295_2, 296, 301, 301_1, 305, 339
  редуплицированный 177
перфектная серия глагола 339
перфектное значение 347
перфектные образования 177, 191, 220, 296, 301, 302, 306, 338, 339, 365_1
Пес 591
Пес-волк 591, 591_1
«Песнь о Нибелунгах» (Nibelungenlied) LII
«Песнь о Роланде» 503_2
«Песнь об Улликумми» 548, 615
петроглифические изображения 950—951
пехлевийский язык XLVIII
пиктографические знаки линейного характера 912
пилосская табличка 730
письмена доиндоевропейские Эгейского мира 968_1
письменность
  арамейско-пехлевийская LIX
  готская XLVI, LXI, 87
  древнебалканская 968
  индоевропейская 887—890
  кириллическая LVII_1
  клинообразная LVII, LVIII
  линейная консонантно-силлабического типа LIV
  линейная типа А 888, 968_1
  линейная типа В 888
  лувийская иероглифическая XLVI, LVII, 888
  протоэламская 889_2
  силлабическая LVIII
  угаритская LIV
письмо
  брахми 49
  греческое унциальное XLV, LIV, LXI
  древнеисландское LXI
  клинописное силлабическое 377
  «консонантно-силлабическое» старосемитского типа LIII, 888
  (крито-микенское) линейное В XLIX, LVIII
  логографическо-силлабического типа LIII
  огамское LI
  руническое тюркское LV
  слоговое индийское XLVII
  согдийское LV
«Письмо Тавагалавы» 902
«Письмо Тушратты» LIII
пифагорейцы 784, 833
Пифей (Pytheas) 607
плавные сонорные LXI
«план выражения» языка LXXIII, XC, 271, 272, 292, 295, 372
«план содержания» языка LXXIII, XC, 267, 315, 333, 334, 372, 457
«плата за кровь» 809
«плата за невесту» 809
Платон (Plato) 493, 520_1, 833, 855, 910_3
plene-написание LVIII_1
Плиний (Caius Plinius) 829
«поверхностная структура» языка LXXXIII, 312, 313, 314, 315, 325, 390
поверхностно-структурные преобразования 314

повозка 686, 724—726
«Погребальная песня» хеттская XLVI
погребальные гимны «Вед» 828
погребальные обряды 482, 725, 726, 826—830, 885, 891, 894
  хеттские XLVI, 473$_1$, 813, 823, 824, 827
подвижное начальное *s- 122, 124
подгортанное давление 48$_3$
«Подземный мир» *см.* «Нижний мир»
подлежащее 311
позднеиндоевропейское языковое состояние 5, 163, 198, 215, 238, 252, 275
поздние и.-е. диалекты 153$_1$, 225, 284
поздний
  характер балто-славяно-арийских изоглосс 947
позиционно обусловленные
  аффрикаты 94, 103
  спиранты 94, 103
  фрикативные 94
позиционно стабильные гласные 232, 240
позиционные факторы 56$_1$, 99, 404
позиция
  между гласными 45, 46, 67, 118, 202, 211
  между согласными 198, 209
  между (начальным) согласным и гласным 165$_2$, 208
  нейтрализации 56, 109, 111, 112, 113, 114, 121, 128, 128$_1$, 411, 412
  палатализации 103, 408, 409, 413
  перед гласной 91, 92 107, 159, 187, 204, 210
  перед «ларингальной» 55, 207$_1$
  перед смычными 93
  перед сонантом 101, 112, 113, 187, 188, 189, 204, 920
  после гласной 159, 172, 203, 208
  после «ларингальной» 317
  после согласного 67, 93, 207, 210, 346
  после сонанта 184, 187, 187$_1$, 204, 268, 317
  превокальная 191
  преконсонантная 191
  проявления непридыхательных аллофонов 68
  проявления слоговых аллофонов 198
  срединная 120$_1$, 121
показатель (показатели)
  аориста 190
  винительного падежа 187$_1$
  времени 328
  генитива 187$_1$, 270, 278$_2$
  именительного падежа 182, 187$_1$
  женского рода 280$_1$
  завершенности действия 328$_1$, 360
  индикатива 341$_1$
  конъюнктива 340, 341, 344$_1$
  лиц 344$_1$
  локатива 382
  «локативности» 383
  медиальных глагольных структур 34
  множественности 181, 187$_1$, 268, 381$_1$
  настоящего времени 329
  несубъектной версии 342
  номинатива 278$_2$
  оптатива 340
  отглагольных форм 306
  падежей 376, 380, 382
  синтаксической связи 376
  собирательности 282
  субъекта активного класса 182
  субъектного падежа 185
  субъектной версии 342
  суффиксальные 306, 339
  тематические рангов 344$_1$
  флексионные 306, 339
полабский язык LII
полисинтетические языки 367
«полная» система LXXIV
полная ступень огласовки 151, 153, 165, 192, 209, 210, 222, 223, 224, 225, 228$_1$, 229$_1$, 232, 240, 243, 244, 246, 247$_1$, 258, 259, 346, 682, 712, 926
полногласная суффиксальная морфема 261
полнозначные слова 195$_1$, 360, 362
положительная форма глагола 339
полугласные (глайды) LXI, LXIII, 263
полузвонкие 12$_1$, 135
полуносовые 10$_2$
польский язык LII
популяция
  доиндоевропейская 1327
  светлоглазая 1327
  темноглазая 1327
порождающая грамматика LXXXIII, 361$_1$
порождение сложных последовательностей морфем 249
порозный гиперостоз 916
порядок
  адъективного комплекса 349
  глагольных элементов 325
  именных элементов 325
  местоименных элементов 360
  OV 321
  препозитивный 350
  ранговый 344
  распределения аллофонов фонем в ков-

тактной и *дистантной* последовательности 28, 31, 32, 37_1, 404
распределения фонем в корне 69, 144, 145
распределения элементов в линейной последовательности 325
синтагматический элементов атрибутивного комплекса 351
синтаксических компонент предложения 323_1, 348
слов в предложении 320, 323, 349_1
суффиксальных элементов 347
элементов в композитах 351
элементов в сочетании 324
членов предложения 322, 325
поселения
греков в Малой Азии 901
железного века 659
посессивное
отношение к субъекту глагола 361_1
посессивность 284, 289, 290
посессивные
конструкции 277, 278, 289_1, 290, 308, 333, 334, 354_2
отношения 278_1, 311
посессивный
генитив 278, 278_1
показатель 270_2
последовательность
актант 360
дистантная фонем *см.* дистантная последовательность
контактная фонем *см.* контактная последовательность
морфемная 238, 341, 343, 346
свистящая 125_2
фонемная 29, 69_1, 76, 77_1, 99, 125_2, 152, 199, 206, 207_1, 403, 405, 656_1
хронологических этапов диалектного членения и.-е. языка 420
элементов в генитивной атрибутивной синтагме 351
послеледниковый период 623
послелог(и) 325, 326, 356, 357
послелоги-превербы 358
постве́лярные согласные LXII, 105, 120, 129, 131_1, 132, 207, 245_1, 515, 515_2, 223, 585, 816, 817, 872
постве́лярный ряд 132, 135, 136
постериорная артикуляция 159
постериорные
аффрикаты (компактные) 104, 105
фонемы 85, 86, 95, 96, 97, 99, 101, 103, 104, 112, 113, 120, 125_2, 131, 132, 134, 157, 414
постпозитивные
конструкции 354
притяжательные местоимения 358
постпозиция 326
определительных конструкций 355
числительного 281_1
построения
Боргстрёма 251
таксономические IX
потепление климата как стимул к миграциям 952
«потусторонний мир» 825
«Поучение Владимира Мономаха» 506_1
«Похоронный гимн Яме» 823, 823_2
поэзия скальдическая LI
поэт Баян 836
поэтика индоевропейская XV
поэтический язык 884
правая компонента и.-е. предложения 358, 360, 362, 363, 364, 366, 367
правила
аллофонного распределения смычных 34_1
«вывода» LXXXIII
допустимых сочетаний согласных в корне 143
Зиверса—Эджертона 210
«переписывания» LXXXIX, 39, 58, 64, 78, 361_1
«перехода» с одного диалекта на другой $XCIII_1$
«порождения» LXXX
преобразования 44, 57, 88, 251
проявления аспирации 23_2, 32_1
развертывания именных конструкций 325
распределения аллофонов фонем серий II и III 25_1, 29, 56, 69, 118_1, 404, 656_1
распределения фонем в пределах корня 400_1, 879
синтагматической сочетаемости морфем 195, 215, 222, 250, 251, 252
сочетаемости согласных в и.-е. корне 139—142, 144_2, 253
трансформации LXXXIII
фонотактики и.-е. смычных 18
правило
«свободного места» 326
синкопирования по Боргстрёму 250
Уитни 24
«Право» (обожествленное) 810
правовые нормы 805
«прадиалекты» 372
Пражский Лингвистический Кружок LXXXVI_1

праиндоевропейский язык 312, 315, 319
праиндоевропейский языковой ареал 870
праиндоевропейско-египетские лексические связи 876
праиндоевропейское общество 887
праиндоевропейское языковое состояние IX
пракартвельский язык 319
пракриты XLVII
«прародина» балканская индоевропейцев 966, 969
праславянский 279
праформы 245_1, 614
праязык как система, существовавшая в пространстве и времени XCI
праязыковое значение 457
преверб(ы) 218, 243, 245, 356, 357, 364, 365, 366_2, 804
  локальные 365_1
преглоттализованный 50, 51
предикат 297
предикативная
  адъективная конструкция 297
  функция 297, 304_1
предикативный элемент 297
«прединдоевропейский» 962
предлог(и) 325, 326, 355, 356, 357, 365_2
предложение
  активного строя 309
  глагольное 364, 365
  основное 359
  относительное 352, $354_{1,2}$,
  простое (повествовательное) 320, 323_1, 358, 360, 362
презенс 295, 389
  редуплицированный 388
прекатив 389_1
Пренестинская фибула (Fibula Praenestina) L_1
преобразования семантические XCI
препозитивная релятивная конструкция 352
препозиционные основы 218, 245
препозиция 326
  адъектива 325, 348, 349, 350
  генитива 325, 351
  определительных конструкций 355
  определяющего члена синтагмы 351, 352
  существительного-«образца» 354
  числительного 281_1
прерывность ~ непрерывность 38
претерит 149, 201, 305
  медиальный 392_1
префиксация 157, 219, 256_1, 258, 326, 334, 355, 357, 364
привативный префикс 472_4
приволжские степи 868, 944, 948
придыхательность 118_1, 141, 208, 739
  как «просодический признак» 24_2
  фонологическая 12_1
придыхательные
  аллофоны 21, 22, 24_1, 28, 30, 31_1, 54, 56, 61, 64, 68, 71, 75, 79, 403, 404
  согласные 8, 46, 88
придыхательный ~ непридыхательный 28, 29, 38
признак
  активности ~ инактивности денотата 275, 293, 300, 308, 313, 314, 699_2
  антериорности 83
  артикуляторной дистанции 147
  аспирации LXXXVII, LXXXIX, 16, 21, 23_2, 31, 43_1, 46, 47, 54, 55, 56, 58, 62, 71, 75, 77, 106_2, 138, 206, 404, 1321
  бемольности *см.* бемольный признак
  бессмертный ~ смертный 475, 476
  веляризации 83, 124, 125, 213, 256
  велярности 17, 88
  высокого тона 35_1
  гласность ~ согласность XC_1
  глоттализации 16, 20, 35_1, 41, 41_2, 47, 68, 70, 71, 76, 106_2, 138, 141, 401, 846_1, 871_1, 1321
  глухости ~ звонкости *см.* глухость ~ звонкость
  «говорящий ~ неговорящий» 471, 472, 472_1, 481
  «двуногий ~ четвероногий» 471, 473, 474, 475, 481
  «дикий ~ недикий» 468, 469, 471
  диссимилирующий 1321
  долготы ~ краткости 193
  дополнительных артикуляций 82
  звонкости ~ глухости *см.* звонкость—незвонкость (глухость)
  «земной ~ небесный» 474, 475
  компактности ~ диффузности 137, 161_1
  лабиализации 48_2, 83, 84, 86, 87, 88, 90, 91, 93, 93_2, 99, 124, 125, 128, 133, 138, 168, 171, 213, 413, 414, 791_1
  лабиальности *см.* лабиальность
  медиальности ~ периферийности 81, 145, 146, 147
  неодушевленности 270, 465, 467, 612
  одушевленности 270, 465, 467
  «отсутствия дара речи» 472
  палатальности 83, 99, 135, 172
  постериорности 83, 111
  просодический 24_2
  «разумный ~ неразумный» 473, 474, 481
  «рогатости» 483
  свободный ~ несвободный» 476
  сегментный 35_1

семантический *см.* семантический признак
слоговость ~ неслоговость LXXXII$_1$, XC$_1$, 164
слогообразования 197
«смертный ~ бессмертный» 474
смычности ~ фрикативности LXXXIX, 17, 66
суперсегментный 35$_1$
темпоральный 329, 341
транзитивности ~ интранзитивности 294$_2$, 314, 315, 336, 342
фарингализации ~ эмфатичности 91, 137, 138
центростремительности ~ центробежности 335
церебральности (ретрофлексности) 111
признаки
акустические LXXIX
артикуляторные LXXIX
дифференциальные семантические XC
фонетические LXXVII
признаковость ~ беспризнаковость LXXXV$_1$
прикаспийские степи 625, 918, 918$_2$, 921
прилагательные 279, 280, 280$_1$, 353
определительные (местоименные) 353
принадлежность *см.* посессивность
принцип
агглютинации 340
аллитерации см. аллитерация
бинаризма мифологической и семантической модели 851
гетерорганности сочетающихся фонем 18$_2$
гомогенности согласных по сериям в контактной последовательности 156$_1$
дезаспирации 27
диахронической выводимости 35
дихотомической классификации имен 312
изоморфности 404
лингво-географии 400
маркирования субъектно-объектных различий 314
«моновокализма» 250, 259, 262
наибольшей маркированности лабиальной фонемы 75$_1$
патрилокальности 775
построения и.-е. корня 96
произвольности языкового знака LXXIII
«присваивающее хозяйство» 886$_1$
приставки 357
приставочные
видовые образования 357
возвратные глаголы 359
приход греков в материковую Грецию с востока 904, 907—908
причастие
медиальное 393
медиопассива 394
причастные формы 189, 287$_1$, 304$_1$
«пробел в системе» LXXXV, 10$_2$, 60
проблема
«прародины» XCIV
этногенеза носителей и.-е. диалектов 964
«производящее хозяйство» 886$_1$, 892
произвольность языкового знака ограниченная LXXV
происхождение
аблаутных состояний 241
долгот 184, 191
прономинальное глагольных окончаний 305
проклитики 195$_1$, 360
Прокопий (Prokopios) 577
прономинальные формы 268$_1$, 291, 378, 379, 386
прорицатель авгур 852$_1$
просодические признаки 35$_1$
просодический «толчок» 77
пространственная модель соотношения диалектных групп 398
пространственно-временная схема распространения языков 427
противопоставительная функция 359
противопоставление
актив ~ инактив 275, 309
бинарное *см.* бинарное противопоставление
глаголов по транзитивности ~ интранзитивности 294$_{1\cdot2}$
гласных по признаку
высокий ~ низкий 161$_1$
краткий ~ долгий 181
открытости 160
имен по признаку «одушевленный—неодушевленный» 270
именных образований по родам 291, 374, 377, 379
коррелятивное 15
«люди ~ домашние животные» 473
морфологическое 296$_1$
по каузативности 342
синтаксическое 315
«сырая пища ~ вареная пища» 698, 699
темпоральное 327
«человек ~ вещь» 292
«человек ~ скот» 472$_1$
эксклюзив ~ инклюзив 293$_1$
«язык людей» ~ «язык богов» 476$_1$
протоалбанский 911

процесс
активации (персонификации или одушевления) 303
«индоевропеизации» Европы 968
обмена женщинами между двумя родами 772
одомашнивания «диких животных» 483_3
расщепления исходных фонемных серий 58
редукции и.-е. серий смычных 49
упрощения группы согласных 183
прошедшее время 327, 328_1, 329, 339, 342, 347, 393_1
прусский язык LII
прямоугольная форма жилищ 892
«Птицы» Аристофана 678
Птолемей (Ptolemaios) 671, 862
«пустая клетка» LXXXV, LXXXVII_1
пучки признаков
единовременные LXXXV
пучок
дифференциальных признаков LXXXII_1, LXXXVI_1, LXXXVII, 139
изоглосс 371
пчеловодство и его культовая роль 603, 605—607
'пшеница' 657
пьянящие напитки 653

Раджастхани 24_2
развернутая модель схемы предложения 366
развертывание глагольной формы на составные элементы 343
разложимость отрезка на морфемы 237, 238
«разумные (двуногие) существа» 474, 475, 480
ранг
грамматический 341—346, 361_1
«жрецов» 800, 885
ранговая
грамматика 328_2, 343_1
структура (глагола) 343, 345, 347
структура максимальная 345
ранговый порядок *см.* порядок ранговый
раннеиранское языковое состояние 924
распад
анатолийского языкового единства 896, 896_4
греко-армяно-арийской диалектной общности 898—900, 902
грузино-занского единства 909_3
и.-е. языковой общности 888, 894, 918_2, 920
индо-иранской общности 917
общекартвельского языкового единства 880_2
протогреческого на диалекты 900_1
финно-угорского языкового единства 934_2
расположение членов предложения 320_1
распределение
аблаутных моделей 261_1
аллофонов фонем серий II и III (придыхательных и непридыхательных) 22, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 56
вариантов сонантических фонем 211
палатализованных и непалатализованных велярных 110_1
расширителей основы 188
ритуально-правовых терминов по диалектам 807—809
ударений в пределах парадигмы 192
фонем в дистантной последовательности 68
фонем в контактной последовательности 27, 403
формант генитива 270
распространение инноваций XCIII
расселение
анатолийских племен 897, 897_1
племен-носителей тохарских, «древнеевропейских» и восточноиранских диалектов 952
расслоение лексики на подсистемы LXXIX
растительный мир 465, 466
расширители основ 186, 187, 188, 189, 190, 346
расщепление
серий согласных симметричное 79
сонантов 198, 204_2
фонем LXXIV
фонемных серий смычных 53, 54, 79, 164, 256, 257, 341
'реальность' реконструируемых языковых моделей LXXXI, LXXXII, LXXXIII
редукция 169, 173
безударных слогов 194
гласной (начальной или конечной) 168, 385
серий согласных 46
редупликация 26, 177, 220, 220_2, 257_{1-3}, 258, 259, 301, 311, 389, 612, 663, 698, 718, 822, 953
в презенсе 389
корневого сибилянта 257
начального согласного основы 22, 23, 385
полная 219, 221, 257_4

с озвончением корневого сибилянта 878
частичная 219, 220
экспрессивная 257_3
редуплицированная гласная 220
редуплицированные
глагольные структуры 31, 301_1, 306
основы 26, 219, 221, 222, 257, 257_4, 258, 258_1, 837
формы 211, 222_1, 248_2, $257_{2,4}$, 628_2
редуцированный (гласный) звук 162, 165, 167, 168, 173, 197, 317_2
«Reineke Fuchs» Гёте 514
реинтерпретация 7, 386
и.-е. «звонких смычных» в качестве глоттализованных 19
реки
Восточной Европы 945
Кавказа 940_1
Прикаспия 940_1
реконструкция
внешняя (типологическая) 962
внутренняя *см.* внутренняя реконструкция
диахроническая $XCIII_1$
индоевропейского праязыка XIII
исходных языковых моделей LXXX
культуры 459
культуры и социальных отношений праиндоевропейского общества 883—886
лексической семантики 458
материальной культуры 884
праязыковой системы XIII, LXXXIII
семантическая XC, 456, 459
семантического словаря праязыка 456
сравнительная (внешняя) LXXXIV, 1320
типологическая 1320
формальная XC
фрагментов речи, бóльших, чем слово 832, 832_1
элементов экстралингвистического мира носителей диалектов 456
рекурсия 61
реликтовые
формы 248_2, 296_1, 306, 315, 807
явления 323_1
релятивизация языкового состава XV
релятивная хронология 64, 397
фонологизации гласных аллофонов вокалической фонемы 170_1
реляционные
имена 289, 290
элементы 355, 356, 357, 358
«ремесленники» 787, 788
ретроспективное движение при реконструкции LXXXIII, 427
ретрофлексные фонемы *см.* церебральные
рефлексивная
порода в семитском 897_3
частица 361_1
рефлексивное значение 336, 338
рефлексивность 330, 336, 361_1, 367
рефлексы фонем в и.-е. диалектах 25, 46, 47, 48_2, 70, 71, 72, 81, 87, 88, 88_2, 90, 92, 93_2, 101, 104, 108, 109_1, 111, 115, 125, 125_2, 127, 129, 131_1, 132, 173, 201, 207, 208, 210, 211, 402, 403, 411, 412, 413, 414, 515_2, 806_3, 963
«рецессивные» пучки признаков LXXXVI_1
рецессивный *см.* маркированный
реципрокность 330
«Речи Гримнира» 522
речь
косвенная 361_1
прямая 367
«Ригведа» (Rgveda) XLVII, 480_2, 493_1, 494, 500_1, 510_1, 514, 515_1, 525, 528, 530, 531, 532, 534, 537, 538_2, 539, 543, 548, 548_1, 549, 551, 551_1, 562_2, 567, 569, 569_4, 570, 572_1, 576, 583, 584, 587, 588_1, 591_1, 594, 597, $597_{1,2}$, 602, 606, 614, 615, 653, 653_3, 665, 666, 667, 668, 668_2, 670_1, 671, 671_1, 691, 695, 706, 718, 720, 721, 728, 729, 741, 743, 746, 747_2, 749, 773, 792, 795, 796, 823, 824, 825, 828, 851, 917
«Ритуал Туннави» 591, 812
ритуал(ы)
«ашвамедхи» *см.* «ашвамедха»
божества войны 591
Ceriālia 645
врачевания болезней 811—812, 818
вызывания дождя 679, 680, 681
Древнего Китая 936
«Конь октябрьский» (Equus October) 552, 751, 797_2
«лечения глазных болезней» 812_3
Maštigga 591
«очищения царской четы» 538
парада-смотра всадников 552
плодородия 500
погребения *см.* погребальные обряды
«посвящения коня покойнику» 550
«превращения человека в волка» 494
принесения «водных клятв» 825
purulli- 909
связанные с культом моря 676, 677_1
связанные с пчелой 605
связанные со «священным царем» 751
строительный хеттский XLVI
трупосожжения *см.* кремация

«убийство стельной коровы» (Fordicidia) 572, 597
ритуальная
значимость различных животных, птиц и растений 498, 522, 532, 538, 542, 545, 546, 550, 551, 586, 587, 587_1, 591_2, 605, 606, 607, 616, 617, 620, 622, 623, 630, 631_1
«пища для богов» 701
роль 'колеса' и 'колесницы' 720, 731, 732
роль 'огня', 'очага' 700
роль 'ярма' 722
ритуальное
«гадание по птицам» 601_3
омовение и одевание покойного 829_1
ритуально-культовая значимость 'вина' 652
ритуально-мифологические и обрядовые представления 549, 805
ритуально-правовая
семантика 806, 810
терминология 805—808
ритуально-правовые формулы 810
ритуальные
касты 700
манипуляции и заклинания 818
мотивы 459, 460
'яства' 701
рог мифологического быка 484_1
'рогатые животные' 482, 483
род 280, 299, 302_2, 304
грамматический 377, 379
женский 185, 280, 280_1, 283, 291, 374, 375
как основная социальная структурная единица 748
Лутациев 600
мужской 185, 279, 280, 283, 291, 374, 386
общий (одушевленный) 183, 269, 279, 280, 291, 299_2, 303, 304, 375, 385, 387
средний (неодушевленный) 186, 187, 188, 189, 189_1, 190, 269, 277, 279, 280, 283, 291, 299, 303, 374, 375, 386, 387
родительный падеж 267, 268, 269, 270, 270_1, 278, 278_2, 279, 281, 290, 350, 378_1, 379
родовая
классификация 280, 294_1
система 384
«родословное дерево» XCII, 398, 631
«родственные диалекты (языки)» LXXLI, LXXVII, LXXVIII, LXXVIII_1, LXXIX_1
рудиментарные конструкции 355
руническая запись LXI
'руно' 909
Бога-Защитника 909
русский язык LII
Руставели 506, 507, 511, 512
ряды
локальные согласных *см.* локальные ряды
основных артикуляционных зон 140_2
фонемные 81, 99, 129, 140_2, 257

Саамский язык (Lappish) LV, *см.* финно-угорские языки
«Саввина книга евангельских чтений» LII
«Сага об изгнании сыновей Успеха» 470
«сакральная игра с быком» 576
сакральное
значение «двенадцати» 855
использование 'пчелы' 605
«сакральный царь» 886
самодийские языки (Samoyed) *см.* уральские языки
Санскрит (Saṁskṛta-) XLVII
Саргон Аккадский 880, 888
сатурнический стих L, 840
сванский
диалектный ареал 909_3
язык LIV
свертывание синтагмы 470
«светлоглазость» *см.* ген светлоглазости
свинец 711_1
свистяще-шипящий ряд 136_1
связи
синтаксические 326, 376
словообразовательные 238_2
хеттско-сванских мифологических мотивов 898
связки 353, 354_1, 365, 388
связь
и.-е. названия «звезды» с общесемитским 686, 686_1
и.-е. названия 'лошади' с переднеазиатским 560—561
и.-е. названия 'меди' с древнемесопотамским 712, 712_1
и.-е. названия 'обезьяны' с переднеазиатскими терминами 524
и.-е. названия 'пшеницы' с евразийским 658
и.-е. обозначения 'вина' с переднеазиатскими названиями 648—649
и.-е. терминов пчеловодства с евразийскими 610—611

майкопской культуры с позднеэнеолитическими культурами Передней Азии 918
названий 'деревьев' с терминологией письма 624—625
названий 'металлов' с названиями 'цветовых признаков' 714, 714_1
синтаксическая аппозитивная 851
числа 'четыре' с культом Бога Грозы 852
святилище
Артемиды 606
Асклепия 532
«священные животные» 597
«священные лошади», везущие колесницу Солнца 936
священный закон бракосочетания 778, 778_2
«священный царь» 751
сдвиг в «глубинной структуре» языка 312
сдвоенное написание согласного 45, 46
североафганские культуры бронзового века 921
северокавказские системы 263
семантемы $257_{3,4}$, 295_3
универсальные LXXVIII
семантика
активных имен 287
аориста 328
«гипотетичности» 338
глагольная 294
глагольной версии 333
денотатов 275
лексическая 943
медиума 335, 338, 392
перфектных образований 338_1
посессивности 288
прошедшего времени 393_1
раннеиранских заимствований в финно-угорском 933—934
субъектной версии 335, 336, 338, 361_1
темпоральная 328
центростремительных глагольных структур 333
семантическая
ассоциация, связанная с физиологическим различением правой и левой руки 785
группировка глагольных форм 293
дистрибуция 624
дифференциация 292
диффузность 285
доминанта языка 308, 312
изоморфность 388
классификация глаголов 294_1, 390
противопоставленность 344_2
реконструкция *см.* реконструкция семантическая
реконструкция слов и фрагментов текста 460
универсалия 785
функция 420
характеристика 272, 294_1
семантически
инактивные актанты 316
индуцированная классификация глагольных структур 294
опорные слова 838, $838_{1,2}$
семантические
гнезда XV
классы 275
поля 499, 570_1
преобразования 621
производные 685
соотношения 289_1, 626, 633
семантический
анализ XCVI, 457, 460
параллелизм 686
переход 190_1, 642, 711_1, 750_3, 784_1
план языка 456
признак 273, 300, 465, 467, 469, 471, 472, 473, 474
сдвиг 69, 666, 666_1, 642
словарь 459, 460
уровень языка 832_1
семантическое
поле 499, 580, 625, 685
противопоставление 273, 468, 698, 699
развитие 876
расширение значения 538_1
сопоставление слов 258, 809
семисложник 841, 842
семитская
ларингальная 874, 875
языковая общность 873
языковая система 263
семитские языки (западные и восточные) LIII, 880
семитско-индоевропейские лексические соотношения 967
«семь богов» 854
семья патрилокальная 792
сербо-хорватский язык LII
Сервий (Servius) 495
серебро 713, 713_1
серии согласных 5—8, 10—16, 20, 35, 47, 52_1, 53, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 71, 71_1, 72, 73, 74_1, 75, 76, 79, 89, 135, 137, 138, 139, 140, 401—404, 407, 871_1, 872, 910, 910_2
серия I и.-е. смычных 7, 13, 14, 16, 35, 47, 50, 71_1, 72, 74, 74_1, 75, 76, 79, 87,

118, 135, 154, 401, 402, 872, 910
с дефектным лабиальным членом 14
серия II и.-е. смычных 15, 16, 36, 60, 71, 72, 74_1 75, 76, 79, 135, 142, 154, 401—405, 872, 910, 910_2
серия III и.-е. смычных 7, 14, 16, 28, 38, 74, 74_1, 75, 87, 135, 142, 152, 154, 156, 401—405, 910
сибилянт(ы) 101,120, 122, 126_1, 187_1, 257, 686, 878, 917_1, 926
сибилянтная
фонема 96_1, 103, 116, 118_2, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 127, 128, 137, 408, 411
фрикативная фонема 116, 120, 126, 127
сибилянтный
компонент 124
рефлекс 411
ряд 126, 127
сигматические образования 190, 389_1
сигналы LXXIV_1
сикомора египетская 646
силлабическая линейная письменность В 888
силлабическая система письма 45
«сильная семантика» 457
символ(ы)
воинственности 516
религиозные 949
символика
'времени', связанная с 'ярмом' 722
кремации 831, 831_1
'правого' и 'левого' 784—786
типологической схемы Сэпира—Филлмора 309
числа 'двенадцать' 854—855
числа 'семь' и лунная неделя $851_{1,2}$, 854
числа 'три' 851, $851_{1,2}$
числа 'четыре' и система времен года 852—853
символические группировки — «варны» в Индии 790
симметричность отношений 270, 330
«Синайская псалтырь» LII
синдхи (Sindhī) XLVII, 1321
синкопирование гласных 250
синонимические показатели основ 375
синтагма, синтагмы 277, 278, 279, 283, 297, 299, 325, 326, 349, 351, 355, 356
определительная 277, 279, 352
синтагматика (морфем) 239, 460
звуковая LXXIV
синтагматические
отношения между фонемными сериями 142
последовательности морфем 222, 252
правила линейного распределения элементов 223, 239, 259, 326
синтаксис частиц в предложении 354
синтаксическая
потенция глагола 312
связка 353_2, 388
связь имени с адъективом-определителем 279
синтаксические компоненты предложения 323_1
синтаксический
анализ ядра предложения 322
способ перфектизации глагола 365_1
синтактико-семантические особенности языка 274, 275
синхрония IX, XIV
синхронная запись фонемных единиц LXXXVII
синхронно нечленимая основа 238
сирконстанты при глаголах 287, 308
система
аблаута 191
акцентуации 194, 195
аориста 388
брачно-родственных отношений 769—770
centum-ная 414
вокализма 161_1, 198, 200, 924
времен года 852—853
временных противопоставлений 388
глагольного спряжения 312, 327, 332
гласных и.-е. языка 160, 161, 169, 170_1, 194, 202, 243, 252
грамматических категорий (флексионных и деривационных) 267
именного склонения 267, 269, 279, 281, 286, 293, 312, 317, 318, 332
индоевропейских «ларингальных» 212, 213
индоевропейских смычных 12, 15_2, 16
консонантизма 8, 13, 164, 256, 400
кросс-кузенных браков 773
ларингальных общесемитского языка 212
локальных рядов 20
Педерсена 8
праиндоевропейских тонов 961
прономинальная 254, 291, 292, 293, 295, 309, 311, 385, 941
родства омаха-кроу 885
satəm-ная 414
семантическая 785
сибилянтных спирантов 116, 126, 127, 134, 137
силлабическая письма 45
«слоговых» шумных 167

смычных 10, 16, 17, 57, 79, 134, 135, 136_1, 139, 401
сонантов 202, 257, 262, 263
сонантов в картвельском 262, 263, 871
счета 842—844
трех рядов смычных 375
трех серий смычных 35, 81
фонологическая 27_2, 86, 95, 126, 127, 134, 215
цветов, соотносимых с металлами 714
сиу 310
сказка
«о заколдованном замке» 532
«об охотнике Кешши» (хурритская) 488_1
скифо-европейские изоглоссы 946, 947
скифо-сарматские племена 596
скифский язык XLIII
скобки
фонетические квадратные LVII
фонологические наклонные LVII
«скотоводы» 788
славянская мифология и фольклор 678, 720
славянские языки LII, 506_1
следы
арийских племен в районе Северного Причерноморья, Кубани и Прикаспия 916
архаичного счета по пальцам 849, 850
слияние
ранее мигрировавших племен с местным населением 887, 887_1
редуцированного гласного с последующим сонорным 163, 170_1, 195
суффиксального элемента с корнем 238_2, 239
фонем LXXIV
фонемных серий и рядов 49, 58, 74, 75, 79, 102, 104, 408, 414, 910
слова
активного класса 182, 374
базисного характера LXXVIII
инактивного класса 282_2
культурные LXXVIII
сложные 277, 323, 324, 348, 350_2
служебные 195_1, 326
с открытыми слогами 888
с ритуально-правовой семантикой 809
словацкий язык LII
словенский язык LII
словинско-кашубский язык LII
«Слово Даниила Заточника» 469
словообразование 161
словообразовательное выражение множественности актант 306
словосложение 281_1, 248_1, 254, 323_1, 351
словоформы 21, 222, 328_1
слог
безударный LXI, 194
закрытый 247, 249
корневой 157
открытый 247, 249, 250, 251, 888
редуплицированный 222
суффиксальный 157
слоговая
вершина XC_1
клинопись хеттская 46
«ларингальная» фонема 166, 198, 204, 208, 210, 211
слоговой
аллофон 165, 192, 197, 198, 199, 202, 204_2, 206, 208, 263
сонорный 162, 192
элемент 163, 165, 165_1, 166, 169, 170_1, 172, 257, 262
слоговой—неслоговой аллофон сонантических фонем 196, 201
слоговость—неслоговость 17
слоговые
долгие LVIII
краткие LVIII
шумные 167_2
слогообразовательный (центральный) элемент XC_1
слогообразующие аллофоны 164, 167, 211
служебные
грамматические реляционные элементы 358
морфемы LXXVIII, 169
'смерть' 822, 825
смешанные типы языков 355
смешение рас в Западной Европе 956, 956_1
смычногортанные *см.* глоттализованные
смычные согласные LIX, LXIII, 50, 72, 81, 96, 98_1, 99, 111, 115, 140, 143_1, 144, 150, 152, 154, 155, 156, 168, 169, 184, 187, 253, 255, 268, 413, 414
«смягчение» *см.* палатализация
собирательность 282, 283
собственно
гласные 161, 164, 165, 169, 198, 199, 204_2, 219, 257
согласные 161, 204_2, 212, 219
сонанты 197, 198, 202
совместимость
атрибутов «курганной» и индоевропейской культур 948, 949

совпадение
путей миграций тохароязычных племен с носителями раннеиранских диалектов 938
согдийский язык XLVIII
согласование адъектива с именем 374
согласовательное адъективное окончание общего рода 279
среднего (неодушевленного) рода 279
согласовательные категории 279
соединительный синтаксический элемент 270_2
созвездие
«Орион» 723, 723_1
«Плеяд» 615
сокотри LIV
«солнечная династия» 779
«солнечное колесо» 718, 795
солнце 795, 841
сома(-хаома) 653, 653_2
сонант(ы) 163, 167_1, 187_1, 189_2, 191, 192, 197_1, 198, 201, 203_1, 204, 206, 207_1, 216, 219, 224, 243, 245, 245_1, 252, 262, 268, 400_1, 410, 923
долгие 204, 414
краткие 204, 414
неслоговые 163, 186, 187_1, 871
носовые 412
плавные 412
слоговые 163, 165, 170_1, 184, 187, 195, 197, 198, 200, 201, 202, 204, 210, 211, 243, 262, 864, 930, 971
«сонантические коэффициенты» 166, 169, 960, 961_1
сонантические фонемы 172, 192, 195, 196, 197, 199, 202, 262
сонорность слоговых элементов 198
сонорные согласные LVIII, LX, LXIII, 143_1, 157, 161, 162, 163, 165, 167, 167_2
носовые LX, 169, 172, 173, 174, 189, 192, 198, 200, 201_1
ртовые LX, 202, 204_2, 210, 212, 243, 252, 263, 317, 640_1
«сообщение относительно сообщения» 361_1
соотношения centum~satəm-ные 420
Соссюр 166
состояние I и.-е. основы 225, 226, 227, 228_1, 230, 231, 232, 238_1, 239, 240, 241, 242, 261, 262, 801
состояние II и.-е. основы 225, 226, 227, 230, 231, 232, 238_1, 239, 240, 241, 242, 261, 262, 706_1, 801, 803
сохранение незвонкости фонем серии I 118
социальная иерархия 749
социальное устройство и.-е. племен периода миграций 758
социально-семейные отношения 742, 742_3
социально-экономические отношения 885
социальные ранги 714, 787—788, 885, 949
сочетаемость
«естественная» признаков LXXXV
маркированная LXXXV
немаркированная LXXXV
согласных в и.-е. корне 142, 143, 143_1
сочетание
артикуляционных признаков 144
в основе (биноме) двух морфем 96_1
гласной с последующей «ларингальной» 208, 212
гласной с предшествующей «ларингальной» 212
грамматических рангов морфем 345
синтаксическое 293
слогового элемента с неслоговым 195
фонем в основе 86, 88_1, 96_1, 142, 147, 157, 195, 207_1, 515_2
«союзные языковые отношения» XIV
союзы 386_1
Спартанское государство 777
спектрография LXXXIV
спирант(ы) LIX, LX, 50, 67, 72, 95, 99, 100, 103, 106, 108, 109, 111, 112, 114, 116, 118, 120_1, 128, 129, 138, 182, 184, 245_1, 255_1, 407, 410, 640_1, 806_3, 928
Бругмана 151
велярный LXI, LXII, LXIII, 210
диффузный 128_3
звонкий 138
зубной LXII
интердентальный LXI, LXIII, 108, 122, 138, 686
компактный 125_2, 128_3
лабиальный LXIII
палатализованные 111, 128, 138
свистяще-шипящие 82
свистящие LXII, 120, 128, 138
сибилянтные LIX, LX, LXIII, 116, 120, 126, 127, 128, 134, 137, 138, 151
церебральный 125_2
шипящие LXII, 138, 219
спирантизация 24_1, 30, 36, 38, 58, 67, 72, 106, 107, 108, 401, 875
фонем серии II 36, 40, 72, 79
фонем серии III 38, 40, 79
спирантизованный палатальный 914
spiritus asper 560_2, 598
способы погребения в древнеиранской традиции 828—829
спряжение 296_1, 299, 299_2, 300, 300_1, 305, 316
медиальное 333, 361_1

сравнение
генетическое XIII, LXXX
типологическое XIV, LXXXII$_1$
сравнительная синтаксическая акцентология 323$_1$
сравнительно-генетические исследования LXXXI
сравнительно-историческое языкознание 457
сравнительные обороты 355
сравнительный анализ 247
мифологических и ритуальных мотивов 459
«сравнительный метод» языкового анализа XIV, XVI
среда обитания 459, 865, 865$_2$
средиземноморский ареал 608, 625, 954
«срединный огонь» 700
среднеиранские языки XLVIII
среднеперсидский язык *см.* пехлевийский язык
«Средний Мир» 485, 490, 519, 522, 537, 852
стабильность
вокализма 153
огласовки 223
«стабильные» гласные 243
староаккадское письмо 1317
староассирийская разновидность аккадской клинописи 888$_1$
старославянский язык LII
«Старшая Эдда» LI, 476, 821
статистическая ограниченность корневых структур 216$_2$
статистически закономерные соотношения между лабиальными и велярными фонемами 73$_1$
стела Нарам-сина 717
«стельная корова» 597
степени сравнения прилагательных 387, 394
степень
маркированности 84
превосходная 388, 420
сравнительная 388
степные зоны Евразии 951
Стефан Византийский (Stephanos Byzantios) 495
stød в датском 35$_1$
«столб коня Одина» 553
Страбон (Strabon) 495, 671, 788
«страна золотого руна» 908
страны Эгейского мира 899$_1$
стратиграфия культур 948$_1$
стратификация фонологических значимостей LXXXVII
структура, структуры
генетического кода LXXXVI$_1$
генитива 351
глагольного предложения 364
именных основ 270
корневых морфем 245, 246, 252, 253, 256
медиальная 331, 334
окончаний 251
отношений «свойства» и их обозначения 761—762
(простого) предложения 323$_1$, 324, 326, 335, 336, 362, 363, 366, 367
предложения с инверсией глагольной формы 365
с s-mobile 219
семантическая языка 457
синтаксические 309, 315, 352$_1$, 354, 355, 361$_1$, 365
суффиксальных морфем 252
ядра предложения 357
структурная
детерминанта 314
интерпретация 257$_1$
мотивация 274
недифференцированность морфем 251
структурно-дистрибутивная особенность гармоничных комплексов 256
структурно-семантические преобразования 390
структурно-типологическая верификация системы LXXXIV
структурные
изоглоссы 899
импликации 293, 309, 311, 325
преобразования 312, 325, 397
сдвиги в языке 314
типы морфем 155, 161, 215, 219, 239, 247$_1$
ячейки предложения 364
структурный
бинаризм 308
изоморфизм между картвельским и индоевропейским 879
нуль 299
ступень, ступени
аблаута 156, 173, 176—179, 181, 223, 258, 259, 259$_1$
нормальная *см.* нормальная ступень
нулевая *см.* нулевая ступень
полная *см.* полная ступень
растяжения 181, 182, 190, 193, 204, 259, 260
редукции (редуцированная) 162, 163,

166, 167, 168, 172, 191, 192, 259, 260, 261
с долгой гласной 181, 472_4
с нормальной огласовкой 162, 176
с огласовкой *o 155, 193
сильная 157, 162, 165, 166, 172, 176, 191, 192
слабая (безударная) 157, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 168, 173, 176, 191, 192, 195
чередования гласных 165_1, 193, 223
стык морфем 139, 147, 405
стяжение
гласной 191, 203_1
дифтонгов 547_1
Суббореальный период 616, 621, 623
subglottal pressure 48_3
субстантивация адъективов 284
субституция 876, 941
субстрат
языковой 325, 880_2, 887
языковой автохтонного населения древней Европы 955
субстратная лексика в «древнеевропейских» диалектах 954
субфонемные соотношения 162
субъект 287, 306, 317_2, 335
активного класса 182
действия (или состояния) 301, 312, 380
логико-семантический 337, 338
с активной семантикой 313
с инактивной семантикой 313
субъектная актанта при глаголе 307
субъектное лицо 335
субъектно-объектные
актанты 362, 363
отношения *см.* отношения субъектно-объектные
судоходство и связанная с ним терминология 674—675
суперация 151, 153
акцессивного комплекса 147, 147_1, 148, 149, 149_1, 150, 766_1
недопустимых сочетаний согласных 147, 148, 469_1
супин 189_2
супплетивность 311, 843
Супрасльская рукопись LII
суффикс(ы) 180, 228, 229, 229_1, 230, 232, 239, 240, 243, 244, 273, 275, 275_1, 284, 298, 302, 304, 306_1, 307, 344, 345, 374, 375, 422, 423, 426, 804
в нулевой ступени огласовки 225
в полной ступени 225
генитива имен активного класса 285
имен деятеля 247
каузатива 342, 347
конъюнктива 344_1
косвенных падежей 244
модально-видовые 342
настоящего времени 342
повелительного наклонения 342
принадлежности 284
словообразовательный 248, 276
собирательных имен 218
тематический 226, 227, 242
числительных ж. р. 216_1
суффиксальность глагольных показателей 325, 326, 355
суффиксальные элементы 173, 222, 247, 248, 290, 326, 347
существительное 275, 321, 348, 349
схема
Бенвениста 239, 240, 242
диалектного членения общеиндоевропейского языка 688, 865, 955
парадигматики смычных 81
построения глагольных основ 239
построения именных основ 239
противопоставлений гласных фонем 170_1
сочетаемости согласных по сериям в корне 141
структуры корня 252
схемы заклинаний 832_1
сходство археологических культур Северной Месопотамии (Халафа) и Западной Анатолии (Чатал-Хююка) 891, 892
«сыновья Бога» 643

Табуирование (ритуально значимого)
первичного названия и замена его другими лексическими образованиями 494, 496, 498, 506, 514_1, 516, 519_1, **526**, 533, 539, 542, 569, 569_1, 602, **603**, 617_1, 680, 696, 715, 784, 789_1, 814_1, 915_1, 933_2
табуистическая замена слова 522, 526, 532, 533, 539, 618, 618_2, 619
табуистические фонетические преобразования слова 526, 602, 815
тавромахия (ταυρομαχία) 576
таджикский язык XLVIII
талассемия 916
талисманы в халафской культуре 891
талышский язык XLVIII
тамильский язык LV *см.* дравидские языки
тарпан 557, 558
татский язык XLVIII

Тацит (Tacitus) 607, 638, 774
текст(ы)
  Анитты 516, 724, 792, 794_1
  Маддуватты XLVI, 901_1
  о боге Пирве XLVI
  о «Каменном доме» 790
  пирамид 510
  предсказаний 809_1
  Телепину 751, 809
  фольклорные, мифологические 966
  Хаттусили I 722
телугу (Telugu) *см.* дравидские языки
тематические глагольные формы 302_1, 329, 377, 380
тематический
  аорист 389, 389_1
  генитив 377
  тип образования 302_1, 329, 377, 380
тембр
  гласного полного образования 246
  гласных 212
  корневой гласной 147
  последующего гласного 212
тембральное влияние «ларингальных» 159, 169
«темноглазость» *см.* ген темноглазости
теоретико-множественное пересечение семантических дифференциальных признаков XC
теория
  корня Бенвениста—Куриловича 245
  чередований 165_1
  языковых контактов XCIII
Теренций (Terentius) L
терминология
  кровного родства 763—766
  металлургии 709, 710, 710_1
  обрядов гадания 805
термины
  акустических дифференциальных признаков 81
  «брака—обмена» 757
  гончарного дела 707, 708
  дифференциальных признаков 139
  для «еды» и «приема пищи» 698, 702
  для жертвенного возлияния вина 652
  для обработки 'дерева' 706—707
  для 'одежды' и 'одевания' 705
  для 'охоты' 696—697
  кузнечного дела 714, 715
  'купли—продажи' 747, 747_3
  молочного хозяйства 567—569
  обозначающие 'горы' 669—670
  'пастьбы' и 'охраны стада' 694—695
  'прядения' и 'ткачества' 704—705
  'свойства' 760—761
  связанные с 'коневодством' 546—547
  судоходства 950
тернарная классификация 472
тетраплоидный вид пшеницы 657
технология приготовления 'пьянящих напитков' 653_3
тигре LIV
тигринья LIV
типологическая верификация
  реконструируемой культуры 459
  реконструируемых лингвистических моделей LXXXIII
типологическая схема Сэпира—Филлмора 309
типологическая универсалия 343
типологические данные синхронные 8, 13
типологические параллели
  в системах родства различных этносов 773
  озвончения глоттализованных 106
типология
  археологических культур XCV
  диахроническая LXXXII_2, 963
  корреляции по палатализации 84
  культа 'леопарда'-'барса' в Передней Азии 506
  лингвистическая LXXXI, LXXXII_1
  редупликации 258, 718, 718_1
  семантических трансформаций XCI
  синхронная 8, 8_1, 13, 35
  структурная XCIII
  счета 844
  удвоения 222_1
  эргативная 313, 315, 319
  языковая IX
Тит Ливий (Titus Livius) 757_1, 774
тмесис 366_2
тональная интерпретация позднеиндоевропейской системы акцентуации 194
тональность низкая 81
тоновые различия 194, 195
тоновый контур 323
топономастика
  праиндоевропейская 1325
топоры ритуального назначения 717
тохаро-анатолийская диалектная близость 720
тохаро-балтийская диалектная общность 873
тохарская система смычных 78
тохарские диалекты XLIX, 935
тохарские заимствования в финно-угорском 936—938
тохарский A, B XLIX
точка
  зрения синхронная 305, 327, 361_1

пересечения серий и локальных рядов 20, 139
тонового контура наивысшая 324
традиции гомеровского времени 606
традиционная система и.-е. консонантизма 6, 7, 8, 35
традиция
картвельская 616
кельтская 483
месопотамская 486_1, 679_1
славянская 721
хеттская 468_1, 907
траектория
движения диалектов 964
движения повозок из очага их возникновения 950
миграций «древнеевропейских» диалектов 952
фонетических трансформаций 961
трактат митаннийца Киккули «об уходе за лошадьми» 546
транзитивная
глагольная форма 337
функция каузальности 342
транзитивно-каузативное значение 347
транзитивность 312, 315
транзитивность—интранзитивность *см.* признак транзитивности—интранзитивности
транскрипция LVII, LVIII
ассириологическая LVII
фонетическая LVII
транслитерационные знаки LVIII, LXI
транслитерация LVII, LVIII
на латинской основе VII
раздельная слоговая LVIII
слитная LVIII, LVIII_1
транспозиция 328_1, 365, 366
трансформации 288, 304, 312, 407, 408
трансформации «порождающей грамматики» LXXXIII
трансформационная грамматика 326_1
трансформационные правила 105
трансформация 304, 323_1
активной конструкции в безличную 680
активной конструкции в пассивную 38
диахроническая LXXXIII
дифференциальных признаков 102
модальности 323_1
номинализации 380
отрицательная 339, 339_1
пассивная 337
переноса 366
препозитивных релятивных конструкций 352
фонологических соотношений между сериями 64
эмфатическая простого предложения 323_1
трансформы
генитива 351
препозитивных определительных предложений 351
ядра простого повествовательного предложения 323_1
«третье состояние» гортани 61
третья (инверсивная) серия времен 338_1
«треугольная» система вокализма 160, 181, 212, 213_1, 247, 914_1
«треугольник гласных» 160_2, 213_1
«трехконсонантная» корневая структура 232
с Schwebeablaut'ом 251
«трехместные» глаголы 277
трехступенчатая треугольная структура вокализма 170_1
трехчастность древнеиндоевропейского общества и три функции по Дюмезилю 791
трехчленная общеиндоевропейская система деления мира 853_1
трехчленный
ряд «ларингальных» 160, 213
ряд сибилянтных фонем 127, 213
три
основных локальных ряда смычных 81, 83
постериорных ряда смычных 103, 127, 410_1, 421_1
разновидности «ларингальных» фонем 160_2, 171
ряда «гуттуральных» 115, 116, 160, 160_2
серии и.-е. смычных 49_1, 72, 136, 141, 142, 400, 401, 402, 407, 422, 871, 871_1, 910, 961
социальных ранга в Индии 788
степени открытости гласных 170_1
троичность и.-е. мифологической модели мира 851—852
троичные противопоставления (смычных) 135, 136, 213, 213_1
трупоположение 830
трупосожжение *см.* кремация
тупи-гуарани 310
«тысяча богов» 794
тюркские языки LV

Убыхский язык LIV, 84_2, 306
увулярные 132, 157, 159, 207

угаритский язык LIV, 135
ударение 192, 258
  динамическое 161
  нормальное 220
  подвижное 161, 194, 195
  тоновое 195
  фиксированное 195
  эмфатическое 366
ударная форма 324
ударный префикс 195_1
удвоение *см.* редупликация
  в интервокальной позиции 202
  глагольных форм 222
  ломаное 222
  согласного 45, 46
  сонорных 201, 202, 210
  усилительное 258
удвоенное написание 210, 211
  велярного спиранта 210
удлинение
  гласной (предшествующей) 187, 189_2, 203, 207, 406
  гласных 203, 212
  сонанта 848
удмуртский язык (Udmurt) *см.* финно-угорские языки
узлы 367
украинский язык LII
уменьшительная форма слова 554, 564_2
умеренная (и северная) зона Евразии 621
«умыкание женщин» как древний вид брака 756, 757
универсалии лингвистические LXXXI, LXXXII
универсалия
  диахроническая LXXXIII
  синхронная LXXXII, LXXXIII
  типологическая 343
  этнологическая 773
универсальные
  семантические соотношения 289_1
  типологические закономерности частотных соотношений фонем лабиального и велярного рядов 73
  языковые категории IX
унитарные консонантные фонемы 256
унификация 186
  аблаутных ступеней 223
  парадигмы 177
  согласных основы по признаку звонкости—глухости 68_2
  схем порождения LXXX
«Упанишады» (Upaniṣad) XLVII, 786, 825
упрощение (начального) комплекса согласных 821, 909, 909_1, 925_1
уральские заимствования в тохарском 938
уральские языки LV
урартский язык LIII
уриал 581
уровень
  грамматический 337
  логико-семантический 337
  фонологический 262
  хронологический *см.* хронологические уровни
усечение гласной 385_2
усеченная форма корня 222
утеря
  компактности 105_1
  конечного согласного 184, 186
  лабиального элемента 101_2
  ларингальной 207, 245
  маркера активности 317_2
  начального велярного согласного 153
  показателя им. п. *-s 187_1
  предшествующего согласного 110, 121, 183
  признака аспирации 71
  признака глоттализации 69, 70
  признака лабиализации 91, 99, 791_1
  признака палатализации 99
  противопоставления по грамматическому роду 377

Фабии 779
фалискский язык L
фарингализация 83, 91, 137, 138
фарингализованные *см. также* эмфатические согласные 19_1, 91, 103, 137, 872, 1320, 1321
фарингальная артикуляция 159, 203
фарингальные
  согласные 159, 160, 165_2, 203, 876
  фонемы в общесемитском LXIII, 873
фенотип 1327
Фидий (Pheidias) 855
«физик» Стратон (Straton) 907_2
физиологические лунные циклы 685
физиолого-артикуляторные особенности глоттализованных 19
философские категории пифагорейцев 784
финикийская разновидность «консонантно-силлабического» старосемитского письма 888
финикийский язык LIII
финно-угорские языки LV, 921
финно-угорский вокализм 923
финский язык LV
фламандский язык LII

фонема, фонемы
-архетипы 167
вокалического класса 219
как пучок дифференциальных признаков LXXXVII, LXXXIX, 139
консонантного класса 167
медиального ряда 147
сегментные 87, 203, 208, 270_1
фонемно долгие компоненты 206, 207_1
фонемные
единицы 163, 200
соответствия регулярные LXXVI, LXXVI_1, LXXVIII, LXXIX, LXXX, 219
соотношения LXXII, LXXV, 151, 612_1
фонемный шов 148_1
фонетика общая 104
фонетико-фонологическая интерпретация звука LVII
фонетико-фонологический статус LVII
фонетическая
инновация 411
интерпретация серий I и III и.-е. смычных 959_1
лабиальность форм ввиду экспрессивного характера лексемы 816
нестабильность ряда в системе 98, 115, 407
опора 162
особенность «ларингальных» 165_2, 198
природа звонких придыхательных 60
реализация фонем 160, 409_1
фонетически
близкие варианты 632
обусловленные варианты общей морфемы 305
фонетические
дублеты 515, 598
изоглоссы 400_1, 406, 420, 421
комплементы логографического написания слова 555_1
преобразования 216_2, 412, 520_2, 618_2, 634
фонетический
признак дополнительный LXXXVII
признак, комбинаторно обусловленный LXXXVII
признак дополнительный LXXXVII
процесс 74_2, 106, 243, 371, 408
фонетическое
окружение 163, 182, 196
«сходство» между соотносимыми фонемами LXXVII
фонологизация 158, 173, 182
вокалических противопоставлений 170, 172, 192
гласных аллофонов 170_1
звонких придыхательных и непридыхательных аллофонов 23
комбинаторно обусловленных вариантов фонем серии III 54, 57, 65_1, 71
признака лабиализации 414
редуцированного гласного при сонорных 198
фонологическая
изоглосса 74_1
инновация 371
интерпретация и.-е. трех серий смычных 47
корреляция по признаку палатализации среди постериорных смычных 120
маркированность 413
нерелевантность 16
обусловленность 157, 178
релевантность 39_1, 84
структура корня 157, 161
трансформация 408
фонологически
значимый признак 204
«избыточные» признаки LXXXVIII
недистинктивный признак LXXXVIII
нерелевантные признаки 42, 77
релевантные признаки фонем 17, 58, 64, 256
унитарные единства 207_1
фонологические
альтернанты 404
ареалы 418
изоглоссы 400, 416, 417, 419, 456
преобразования 74, 79, 317, 401, 403, 413
признаки 16, 43_1, 138, 159, 256, 416
противопоставления между сериями и рядами 135
ряды 84
соотношения синхронные 54_1
трансформационные правила 58
форма, формы
адвербиального происхождения 288
без гласной 259
внеранговой структуры 343
медиальные 804
«очевидности» 338_1
с гласной 70, 259
с долгой гласной 70, 183, 193
с пассивным значением 307
с превербами 364, 365
с суффиксами 178
satəm-ные 661, 914, 919, 939_1
собирательные 283, 374

формальная недифференцированность субъекта 313, 314
формально-семантический анализ лексики 456
формально-смысловое сходство между словами LXXV
формант, форманты 267, 269, 270, 271, 277, 284, 302, 305, 328_1, 329, 342, 378, 378_2, 379, 392, 392_1
различных грамматических рангов 341
указательные 269
формообразовательные элементы 259
формула Васильева—Долобко 360
формулы
дистрибуции слогового и слогового ~ неслогового аллофонов сонантов 197
заклинаний 818—819
фразеологические обороты ритуального содержания 810
фракийско-иллирийские языковые образования 956
фратрия
кауравов 784
пандавов 784
Фредегар (Fredegarius) 503
фреквенталии LXXXI, 371
фригийский язык XLIX, 910
фрикативная сибилянтная фонема *см.* сибилянтная фрикативная
фрикативные фонемы 27_2, 28, 72, 89_1, 91, 94, 95, 97, 98, 103, 106, 111, 116, 120, 120_1, 126, 127, 148, 151, 414, 640_1
функциональная нагрузка 54, 204, 208
функционально
сильный член оппозиции *см.* немаркированный член
слабый член оппозиции *см.* маркированный член
функционально-дистрибутивная эквивалентность согласной и паузы 208
функционирование нулевого аффикса 341_1
функция
синтаксическая 353
темпоральная 328, 342
функция принадлежности 284
visarga *см.* глухое придыхание в древнеиндийском

Хантыйский язык (Ostyak, Khanti) LV *см.* финно-угорские языки
хаома *см.* сома-(хаома)
харари LIV
харсуси (Harsūsi) 1319
«Хелианд» (Heliand) LII
«Хеттские Законы» XLVI, 482, 494_1, 545, 562, 572, 593_3, 594, 595, 605, 630_1, 651, 720, 721, 747_3, 756, 758_2, 775_1, 807_1, 886, 896
хеттский язык XLVI, LII
Хеттское Царство XLVI, 862_1, 896, 897_1, 902, 911, 957
Древнее XLVI, 572, 595, 651
Новое 913_2
хидатса *см.* язык хидатса
хорезмийский язык XLVIII
хотаносакский язык XLVIII
храм Афины 901
«храм царя» (Rēgia) 746_3, 751
«храмы Земли» 852
хронологическая модель членения диалектов 416
хронологическая стратификация
и.-е. языковых структур 252
колесных повозок 734
хронологические
группировки и.-е. диалектных ареалов 400
уровни членения общеиндоевропейского языка 247, 398, 405, 408, 416—426, 458, 955
хронологический срез XCII
хуррито-арийские ареальные связи 914, 914_2
хуррито-урартский язык LII
хурритский эпос 894
хурритский язык LIII
хурро-урартский этнический элемент 913_3

Царица Тавананна 773_1, 778_2
царские роды
Аххиявы 902_1
Хеттского Царства 902_1
«царский город» 538
царствование дуальное 777
царь
Амбикатус 774
Анитта 792
Вахтанг Горгасал 496
Йима 824
Табарна 773_1
Эдип 474
цветовая символика 788, 788_3
Цезарь (Caesar C. Iulius) 621, 622, 630, 834
цель и направленность действия 285
центральноазиатские языки 939_1
центральноазиатский
ареал 611, 949_1
континуум 737

центральное вставление (center-embedding) 352_1
центробежная
направленность действия от субъекта 333
семантика 334
центростремительная глагольная структура 301, 335
центростремительное действие 301, 338
центростремительные глагольные структуры 333, 336
цепочка
морфем 249
частиц 362, 367_1
церебральные LIX, 108, 111, 111_2, 128_1, 672_1
цивилизации Древнего Востока 885, 890
цивилизация протоиндийская 916
циклические правила сочетаемости морфем 222, 249
цова-тушинский LV

Чадские языки LIV
чанский язык *см.* лазский язык
частица, частицы 254, 354, 358, 359, 362, 365_3, 366_2, 367_1, 379
косвенной речи 361_1
отрицания 254
прямой речи 367
рефлексивности 367
с локально-эмфатической семантикой 361
с медиальным значением 361_1
служебные 195_1
соединительные 218, 386_1
субъектно-объектные 363
субъектные 362
энклитические в начале предложения 202
энклитические реляционные 353_2
частотное распределение смычных по месту образования 962, 962_1
частотность фонем
системная и текстуальная LXXXV
частотные соотношения
между глухими смычными и глухими придыхательными 41_2
сибилянтных фонем 126
чередование, чередования
аблаутных ступеней основы 165, 222, 223, 224, 225, 230, 240, 246, 261, 682
алломорфные 259
аллофонные сонантов 134_1, 164, 196, 224, 262, 263
гласных 193, 208
качественные 194
количественные 194
морфо(но)логические (алломорф) 23, 52, 109, 110, 113, 114, 115, 120_1, 186, 231, 237, 246, 252, 281, 282, 404, 411, 412
открытых и закрытых слогов 249
парадигматические 120_1, 167_1, 188, 223, 404
синхронные 212
согласных 112, 641
сонантических элементов 188_2, 263, 672
фонетического характера 196
фонологически обусловленные 204_2
чередующиеся
аблаутные состояния основ 246, 261_1, 750
алломорфы в пределах единой парадигмы 67, 412_1
основы 25_1, 188_2
сонанты 196
формы LXXXI, 186, 220, 223, 386_1, 813
Черноризец Храбр 623_2
черты satəm-ные в centum-ных диалектах 421_1
четвертая серия смычных (глухих придыхательных) 5, 12_2
четыре элемента мира 854
четырехчленное деление мира 853
чешский язык LII
чжурчженьский язык LVI
числительные 281_1, 425
'один' и 'первый' 842, 843
первого 'десятка' 844—846
число
двойственное 281_1
ед. и мн. 189_1, 267, 283, 296, 381_1, 385, 386, 394
числовая символика 851, 851_1
членение диалектное
общеиндоевропейской языковой области 371, 392, 395, 398, 400, 569, 955
языковой общности XCII, XCIV
члены
оппозиции 213
предложения 213, 326_1
синтагмы 355
«чума» 831, 953

«Шатапатабрахмана» (Śatapatha Brāhmaṇa) 549_1
schwa Indogermanicum 166
schwa secundum 259_1
Schwebeablaut 232, 233, 234, 240
шведский язык LI
Шекспир 356_1
«шепотная рекурсия» 15

шестнадцатисложник 841, 842
шипящие (компактные)
  аффрикаты *см.* аффрикаты шипящие
  рефлексы палатализованных 924
  спиранты *см.* спиранты шипящие
Ширвид (Śyrwid) 287
школа «перипатетиков» 907_2
«шотландский язык» LI
шудры 788, 788_3, 820, 820_4
шумерский язык LII
шумные согласные 137, 142, 150, 156, 157, 161, 162, 167, 169, 197_1, 198, 245
шхаури LIV

«Щит Зевса» 619_1

Эвенкийский язык LVI
эвенский язык LVI
эвфемистические
  замены слов 458_1, 591_1, 601_2, 814_5
  обозначения 498, 506, 527
«Эдда» (Edda) 489, 519, 522, 528, 549, 586, 852
эективный *см.* глоттализованный
Эзоп (Aisopos, Aesopus) 514_2
эквиды 557
экологическая среда обитания носителей и.-е. диалектов 456, 458, 459, 521, 636, 641, 641_1
эксклюзив 292, 293_1, 305
экспоненты 189
  активного класса 297, 299
экспрессивность ломаного удвоения 222
экспрессивные преобразования слов $814_{3,4}$
экстралингвистические факторы исторического существования носителей языка 325, 456, 642_1
экстровертная последовательность согласных *см.* акцессивная последовательность
эламский язык LII
Элевсинские мистерии 563
элементы
  синтаксические 326, 348, 355
  словообразовательные 259
элиминация в системе
  дополнительных признаков палатализации и лабиализации 85, 104, 115, 128, 135, 409, 410, 414
  класса сонантов 204_2
  серии глоттализованных 137
  фонологического признака долготы гласных 208
эллиптические конструкции 365
эмфаза 366
эмфатические
  согласные LXIII, 19_1, 137, 138_1, 873
  спиранты LXIII, 138
эмфатичность *см.* признак фарингализации ~ эмфатичности
«Энеида» Вергилия (Vergilii Aenēis) 638
энеолит Южного Кавказа 892
«Энки и порядок мира» 686, 709_1
энклитики 360, 367
энтропия (максимальная) LXXIV
«Эпос о Кумарби» 725
эпоха
  бронзы 659, 736
  Инь 936
  меди 457
  «переселения народов» 953
  Ранней Бронзы 899_1
  Саргона Аккадского 880
эргатив 294_1
эргативная структура 963
эргативная типология *см.* типология эргативная
эргативность 309_1, 313, 314, 318, 319
эргативный строй 318_1
эрзя-мордовский язык (Mordvin-Erzja) LV, *см.* финно-угорские языки
эстонский язык LV
Эсхил (Aischylos) 350
этимологическая
  соотнесенность слов 388, 460, 614
  фигура 835
этимологическое тождество обозначений 821
этнонимы и топонимы, содержащие основу 'волк' 495
этнонимы у Страбона и Стефана Византийского 495

Южноаравийские диалекты LIV
южноахейский диалект XLIX
южнокавказские (картвельские) языки 597_2
южнокавказский этнос 894
южный характер экологической среды и.-е. прародины 867

«Яблоко бессмертия» 643
ягнобский язык XLVIII
«Яджурведа» (Yajurveda) 619
ядро предложения 322, 323_1

язык(и)
автохтонного населения 887
аккузативной (номинативной) типологии 315, 317_2, 318, 319
активного строя 288, 294_3, 308, 309, 309_1, 310, 311, 312, 314, 315, 318, 319, 320, 320_1
Африки LIV
«богов ~ язык людей» 476
Восточной Азии 592
галф (Gulf), американдейские 311
группы *centum* 407, 409, 412, 414
группы satəm 99, 101, 102, 104, 113, 114, 407, 412, 413, 414
джинба (североавстралийский) 367_2
Древней Индии 915
Dyirbal (австралийский) 354_2
Евразии 661, 662
Европы 663
как продукт человеческой культуры 458
как система знаков LXXIII
камаюра (Kamayurá), американдейский 320_1
кутеп (Kutep) 84_2
Малой Азии 902
нупе 84_2
с бинарной структурой именных классов 292
с глоттализованными согласными 18
тибетско-бирманской группы 35_1
хидатса (Hidatsa), американдейский 320_1
Центральной Азии 902
эргативной типологии 317, 318, 320_1
«язык и речь» в смысле Соссюра и Трубецкого LXXXVII
языковая интуиция 326_1
«языковые союзы» LXXX
языкознание
индоевропейское классическое IX, 961, 962
сравнительно-историческое $XCIII_1$
японский язык LVI
'ярмо' 558, 722
«Ясна» (Yasna) XLVIII
ячейки предложений 358, 359, 362, 364, 365
'ячмень' 657
«Яшты» (Yašt) XLVIII

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

АВоТ 306
«Авеста» 321, 349, 350, 351, 353, 465, 467, 530, 582, 757, 803_3, 823—824, 920
Al. 45
AM 306
Аристофан. *Птицы* 678
Ассур 100
AV («Атхарваведа») 53, 187, 244, 285, 291, 321, 350, 477, 500_1, 528, 728, 828, 833
«Беовульф» 516, 774, 839
Бехистунская надпись 830

Bo 354, 534, 536, 538
«Божественная Комедия» 503_2
BoTU 45, 131, 268, 278_1, 299, 299_2, 300 307, 316_2, 322, 323_1, 349, 350, 352, 356, 363, 385, 700, 721, 750, 839

C. A. 352
Cic. *Sen.* 268_1
Corpus Hippocraticum 730

Варрон. *De re rustica* 472

Festus 774_1

Геродот. История 777
Гесихий 119, 122, 203, 222, 418, 421_1,425, 531_2, 556, 563, 635, 650, 666,690, 806, 808, 810, 817, 904, 905, 906
«Гильгамеш» 469
«Гимн к богу Пирве» 837
Гиппонакт 59
«Голубиная птица» 678

H. 350
HAB 290_2, 299, 299_2, 322, 750, 773, 827
Hat(t). 45, 345, 359, 595_1, 722, 724—725, 804_1

«Законы Ману» 756

IBoT 268, 304, 306
«Илиада» 280, 286, 323_1, 335_1, 342, 349, 349_1, 351, 353, 359, 495_1, 501, 507, 511, 516, 526_1, 531, 535, 569_1, 613_1, 622_1, 624_2, 632_1, 652, 679, 694, 774, 776, 796, 822_3, 823, 824, 825, 827—828, 886

Каратепе 100, 544, 833
Кархемыш 100
KBo 45, 66_2, 126_1, 149, 246_1, 288, 290, 295_3, 299, 299_2, 304_1, 305, 306, 307, $316_{1,2}$, 321, 322, 324_1, 335_1, 345, 349, 350, 356, 357, 358, 359, 360, 363, 364, 366, 385, 478, 486, 486_1, 487, 489, 493, 498, 498_1, 500, 539, 576, 582, 591, 639, 680, 682, 700, 720, 725, 746_1, 773_1, 778, 786, 794_1, 801, 812_1, 861_2, 862
KUB 45, 46, 66_2, 72_1, 100, 126_1, 131, 189, $189_{1,2}$, 206, 209, 211, 268, 288, 288_1, 295_3, 297_2, 300, 303_1, 304, 305, 307, 316_1, 321, 335_1, 345, 345_1, 353, 354, 356, 357, 358, 359, 364, 365, 365_3, 366, 366_1, 385_1, 393, 468_1, 469, 471, 473_1, 479_2, 480, 484_1, 486, 488_1, 494_1, 497_1, 498, 499_1, 500, 503_1, 508, 508_3, 522, 524, 529, 531, 538, 545, 546, 577, 582, 591, 652, 668, 676_1, 679_1, 680, 682, 690, 700, 705, 724, 725, 726, 726_1, 779, 784, 790, 794, 801_1, 806_4, 807_1, $809_{1,2}$, $812_{2,3}$, 818, 819_1, 823, 826, 827, 840, 882_1, $896_{2,3}$, 901_1

Madd. 45, 100
Mimnermos 349
MS 45

«Норвежское заклинание» 833

«Одиссея» 280, 349_1, 501, 502, 511, 516, 568_1, 595_1, 606, 617_3, 644, 678, 679, 818, 825, 828, 838

Павзаний 553
«Песнь о Роланде» 503_2

Pestgebete («Молитвы Мурсили во время чумы») 307, 480, 702

Плавт. *Truc.* 389_1

Pud. 304_1
PY 359, 674, 730

RV («Ригведа») 53, 55, 69, 102_1, 128, 150_2, 173_1, 187, 189, 244, 283, 291, 301_1,

321, 322, 325, 341, 349, 349_1, 350, 350_2, 351, 353, 355, 365, 469_2, 474, 477, 500_1,510_1, 514, 515_1, 517, 523, 528, 532, 534, 537, 538, 539, 543, 548, 548_1, 549, 551, 567, 569, 570, 576, 587, 588_1, 597, 597_1, 602, 606, 614, 653, 665, 670_1, 671_1, 691, 706, 720, 728, 729, 744_2, 746, 753, 777, 792, 796, 800, 820, 825, 828, 834, 835, 837, 838, 840

Сатурнический стих 838_2, 841
Супр. 289

Тацит. *Germania* 774
Т. В. 352
«Текст Аниты» 545, 724
Tel. (миф) 353, 606_1, 609, 611, 630_1
Tel. (Указ царя) 299, 305, 322, 352, 356, 363, 751_1, 775, 809
T.I. (Игувинские таблицы) 66, 474
Тит Ливий. *Ab urbe condita* 757_1, 774
«Трактат Киккули» 546
Tunn. 755_1

УКН 844_1
UII. («Песнь об Улликумми») 356, 615

Шекспир. *The Tempest* 356_1
Ширвид (≈Širvydas. *Dictionarium trium linguarum, 1629*) 287, 339

VBoT 211, 692_2
Vd 350
Verg. *Aen.* 422, 638

«Хелианд» 525_1
XЗ («Хеттские Законы») 45, 134, 186, 278_3, 316_1, 358, 359, 363, 366, 385, 482, 545, 572, 593_3, 594, 595, 605, 651, 747_3, 756, 758_2, 775_1, 807_1, 886, 896

Цезарь. *De bello Gallico* 621, 622, 630, 834

«Эдда» 476, 528, 549, 586, 605, 607, 821, 853

Эсхил. *Prom.* 350

Y («Ясна») 321, 349, 351, 353, 467, 824
Yt («Яшт») 321, 349, 350, 350_2, 465, 528

ИНДЕКС К «УКАЗАТЕЛЯМ»

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВОФОРМ

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

I. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ КОРНИ, ОСНОВЫ, АФФИКСЫ *(ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ И РАННИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ)* *1117*

ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СЕМАНТЕМЫ *1128*

АНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Хеттский *1136*
Шумеро-аккадские логограммы в хеттском *1143*
Лувийский *1144*
Иероглифический лувийский *1145*
Палайский *1145*
Ликийский *1145*
Лидийский *1146*

ТОХАРСКИЕ ЯЗЫКИ

Тохарский А (Восточнотохарский) *1146*
Тохарский В (Западнотохарский) *1147*

ИНДО-ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Индо-арийские языки
Древнеиндийский *1149*
Митаннийский арийский *1160*
Новоиндийские языки *1160*

Нуристанские (кафирские) языки *1160*

Дардские языки *1160*

Иранские языки
Авестийский *1160*
Древнеперсидский *1164*
Пехлевийский *1164*
Парфянский *1165*
Хотано-сакский *1165*
Согдийский *1165*
Хорезмийский *1165*
Скифский *1165*
Осетинский *1165*
Ягнобский *1166*
Афганский (пашто) *1166*
Памирские языки *1166*
Новоперсидский *1167*
Таджикский *1167*
Курдский *1167*
Белуджский *1167*
Парачи *1167*

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК 1165
Микенский греческий 1179
ДРЕВНЕМАКЕДОНСКИЙ 1179
АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК 1179
АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК 1181
ДАКО-ФРАКИЙСКИЙ 1182
ИЛЛИРИЙСКИЙ 1182
ФРИГИЙСКИЙ 1182
ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ
Латинский 1183
Фалисский 1190
Венетский 1190
Мессапский 1190
Оскский 1190
Умбрский 1191
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ
Французский 1191
Итальянский 1191
Испанский 1191
Румынский 1191
КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ
Древнеирландский 1192
Валлийский 1194
Корнский 1195
Бретонский 1195
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ
Древнегерманский 1196
Готский 1196
Древнеисландский 1198
Норвежский 1201
Шведский 1201
Датский 1201
Древнеанглийский (Англо-саксонский) 1201
Древнефризский 1203
Древневерхненемецкий (Средневерхненемецкий и диалекты) 1204
Древнесаксонский 1206
Нижненемецкие диалекты 1207
Английский 1207
Немецкий 1208
БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ
Прусский 1210
Литовский 1211
Латышский 1215
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ
Старославянский 1217
Болгарский 1220
Сербо-хорватский 1220
Словенский 1220

Русский (Древнерусский, церковнославянский) 1220
Украинский 1223
Белорусский 1223
Польский 1223
Словинско-кашубский 1223
Чешский 1223
Словацкий 1224
Нижнелужицкий 1224
Верхнелужицкий 1224
Полабский 1224

II. НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Хаттский 1224
Шумерский 1224
Эламский 1224
Хурритский 1224
Урартский 1224

АФРАЗИЙСКИЕ (СЕМИТО-ХАМИТСКИЕ) ЯЗЫКИ

Семитские языки
Общесемитский 1225
Аккадский 1225
Угаритский 1226
Финикийский 1226
Древнееврейский 1226
Арамейский 1226
Арабский 1226
Южноаравийский 1226
Геез 1226

Африканские (хамитские) языки
Древнеегипетский 1227
Коптский 1227
Чадские языки 1227
Нубийские языки 1227

КАВКАЗСКИЕ (ИБЕРО-КАВКАЗСКИЕ, ПАЛЕОКАВКАЗСКИЕ) ЯЗЫКИ

Картвельские (южнокавказские) языки
Общекартвельский 1227
Грузинский 1228
Сванский 1229
Мегрельский 1230
Лазский (чанский) 1230
Абхазо-адыгские (западнокавказские) языки 1231
Нахско-дагестанские (восточнокавказские) языки
Дагестанские 1231
Вейнахские 1231

УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Финно-угорские языки
Финский 1232
Вепсский 1232
Водский 1232
Эстонский 1232
Ливский 1232

Венгерский 1232
Хантыйский 1233
Мансийский 1233
Коми-пермяцкий 1233
Коми-зырянский 1233
Удмуртский 1233
Мокша-мордовский 1233
Эрзя-мордовский 1234
Марийский 1234
Саамский 1234
Самодийские языки
Ненецкий 1234
АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ
Тюркские языки 1235
Древнетюркский 1235
Монгольские языки
Монгольский 1235
Тунгусо-маньчжурские языки 1235
КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК 1235
ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК 1235
ДРАВИД(ИЙ)СКИЕ ЯЗЫКИ 1235
АВСТРО-АЗИАТСКИЕ ЯЗЫКИ 1235
БУРУШАСКИ 1235
ЭТРУССКИЙ 1236
БАСКСКИЙ 1236
КИТАЙСКО-ТИБЕТСКИЕ ЯЗЫКИ 1236
ПАЛЕОАЗИАТСКИЕ (ПАЛЕОСИБИРСКИЕ) ЯЗЫКИ 1236
АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ 1236
АМЕРИНДЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ
Навахо 1236
Квильют 1236
Скуомиш 1236
Шусвоп 1236
ОНОМАСТИКА
НАИМЕНОВАНИЯ БОЖЕСТВ, МИФОЛОГИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ, ГЕРОЕВ; РИТУАЛЫ И ОБРЯДЫ 1237
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ 1240
ЭТНОНИМИКА 1242
ГИДРОНИМИКА: НАЗВАНИЯ МОРЕЙ, ОЗЕР, РЕК, ВОДОЕМОВ 1242
ТОПОНИМИКА: НАЗВАНИЯ КОНТИНЕНТОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ, СТРАН, ГОРОДОВ, НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ 1243
ЛАТИНСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ 1248
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 1249
ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ 1311

ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Цифра слева от черты указывает на страницу; цифра справа от нее является порядковым номером строки текста, отсчитываемой сверху вниз; если строку следует отсчитывать снизу вверх, то перед соответствующей цифрой ставится знак минус. При этом цифра, набранная корпусом, представляет порядковый номер строки основного текста, тогда как цифра, набранная петитом, есть порядковый номер строки в тексте сноски на соответствующей странице.
Жирным шрифтом выделяются исправленные места и замеченные опечатки в тексте.

XI/-3 ***Следует читать***: A. Morpurgo Davies (ср. «***Библиографию***», стр. 1074).

L/10—11 ***Следует читать***: Апеннинского полуострова (ср. «***Указатели***», стр. 1244).

L/4 Ср. также «Times (London) Literary Supplement», *June 19, 1981 : 691.*

LI/25 ***Следует читать***: ...с середины II тысячелетия ***н. э.***)...

LIII/7 Хурритская надпись из Навара в долине р. Диялы, выполненная староаккадским письмом, составлена на аккадском языке от имени хурритского царька Арижена (*Arižen//Ari-šen*) или *Аталышена* (*Atal-šen*), ср. *Дьяконов 1967 : 114; Wilhelm G.*, Grundzüge der Geschichte und Kultur der Hurriter: *Wissenschaftliche Buchgesellschaft*, Darmstadt, 1982. Древнейшим хурритским памятником на собственно хурритском языке следует тем самым считать выполненную тем же староаккадским письмом надпись из Уркиша (*ср. Diakonoff 1967 : 6—7; Haas/Thiel et al. 1975 : 24*).

LIV/6 ***Следует читать***: ... ***и у*** дейско-палестинский... (см. также «***Предметный Указатель***», стр. 1269).

LVI/-5 Древнекитайские формы приводятся в книге в фонетической транскрипции Карлгрена по *Karlgren 1923* и *1940*.

LX/6 ***Следует читать***: *Носовые: m n ŋ (ń)*

LXXIV/-1 ***Следует читать***: ...знаков...

LXXVI/11 ***Следует читать***: ... обнаруживающи***й*** ***р***егулярные...

LXXXII/19 ***Следует читать***: ...данных.

7/8 Против тезиса о "слабости" индоевропейской звонкой фонемы **b* выступает в последнее время Г. Б. Джаукян (см. *Г. Б.*

Джаукян, Индоевропейская фонема **b* и вопросы реконструкции индоевропейского консонантизма. — «*Вопросы Языкознания*», *1982*, *№ 5 : 59—67*). Г. Б. Джаукян, который в своей статье даже не упоминает работу *Pedersen 1951*, специально посвященную индоевропейскому консонантизму и статусу фонемы **b* в общеиндоевропейском, не вполне корректно понимает и связанную с разбираемым тезисом сравнительно-историческую и типологическую проблематику. Вопрос касается не отсутствия в праиндоевропейском вообще "звонких смычных фонем", в том числе и лабиального **b* (таковыми в общеиндоевропейском были, очевидно, так называемые "звонкие придыхательные"), а фонологической интерпретации той серии смычных, которая в классической индоевропейской теории восстанавливалась как "чистая звонкая серия" (с отсутствующим или, во всяком случае, весьма слабо представленным лабиальным членом).

Аналогичным способом "отвергается" точка зрения о незвонкости Серии I индоевропейских смычных и А. Эрхартом на том основании, что оппозиция-де "звонкая—глухая" в системе индоевропейских смычных является весьма древней, см. A. Erhart, Nochmals zum indoeuropäischen Konsonantismus (*«Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung»*, 1984, Bd. 34, H. 4: 405). Автор упускает из виду, что возможная интерпретация традиционных "звонких" в качестве "незвонких" вовсе не устраняет оппозицию по звонкости ~ глухости в системе индоевропейских смычных фонем, а преобразует ее, оставляя в качестве собственно звонких смычных Серию II, противостоящую двум остальным незвонким сериям.

8/-1 Такие попытки отнести реинтерпретированную систему к "праиндоевропейской" стадии, которая в дальнейшем якобы преобразовалась в традиционную систему, откуда и следует вывести в конечном счете исторически засвидетельствованные индоевропейские языки, встречаются и в новейшее время, см. H. Haider, Der Fehlschlag der Typologie. Bemerkungen zur Rekonstruktion im allgemeinen und zu den indoeuropäischen Mediae aspiratae im besonderen (*«Philologie und Sprachwissenschaft»*. Akten der 10. Österreichischen Linguisten-Tagung, Innsbruck, 23—26. Oktober 1982, hrsg. von W. Meid und H. Schmeja. Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Innsbruck, 1983 : 79—92). Автор в свете отмеченных типологических слабостей традиционно реконструируемой общеиндоевропейской системы предлагает такую модель "прединдоевропейского" консонантизма, которая характеризовалась "преглоттализованными звонкими" ~ "чистими звонкими" ~ "чистыми глухими", уже в праиндоевропейском преобразовывающимися в результате "интенсификации" (Stärkung) соответственно в "чистые звонкие" ~ "звонкие придыхательные" ~ "глухие (придыхательные)". Во-первых, трудно понять, что это за фонетический процесс "интенсификация", которая превращает "чистые звонкие" в крайне маркированные "звонкие придыхательные", а во-вторых, и это главное, постулирование "преглоттализованных звонких" на месте традиционных "чис-

тых звонких" не снимает типологических несоответствий традиционной системы смычных (отсутствие или слабая представленность в системе звонкой смычной **b* при высокой встречаемости звонкой велярной; отсутствие корней с двумя звонкими смычными и др.), поскольку "преглоттализованные звонкие" (в отличие от "глоттализованных незвонких" смычных) характеризуются теми же соотношениями "маркированности" в парадигматической системе — доминантный лабиальный член ~ рецессивный велярный — что и соответствующие "чистые звонкие" (*ср. Greenberg 1970 : 125*).

В данном случае мы имеем дело, очевидно, с наблюдаемым у некоторых исследователей стремлением во что бы то ни стало "спасти" традиционную индоевропейскую систему смычных, которая сама по себе является лишь реконструированной языковой моделью, постулированной в результате теоретического осмысления соотношений между историческими родственными языками, а не исторически засвидетельствованной системой индоевропейского праязыка и поэтому такой же гипотезой, как и любая другая. Представляется, что даже такой освященный временем теоретический конструкт, как классическая система праиндоевропейского консонантизма, может быть пересмотрен с постулированием приемлемой в свете новейших данных альтернативной модели, если подобная процедура оправдана всем ходом развития сравнительно-исторических и типологических штудий на современном этапе развития лингвистической науки.

11/5 Вызывает возражения заявление П. Свиггерса о том, что в современном южноаравийском языке харсуси глоттализованные *ṭ*, *ṣ*, *ṣ̌* и *q* (а также преглоттализованная *ḍ*) превосходят в частотном отношении глухие придыхательные смычные, см. P. Swiggers, Glottalization and linguistic universals: A methodological remark (*«Folia Linguistica»*. Acta Societatis Linguisticae Europaeae, 1980, t. XIV, 3/4 : 433—436). Прежде всего, следует заметить, что методологически неправомерно противопоставлять всю серию глоттализованных, включая и фрикативные, глухим придыхательным смычным в харсуси, где аспирация фонологически иррелевантна при глухих смычных фонемах, и осуществлено противопоставление глухих смычных фонем по признаку "глоттализованности". А в таком противопоставлении серия глоттализованных: — *ṭ q* (с дефектным лабиальным членом) никак не может превалировать над серией глухих неглоттализованных *p t k* (хотя отдельно взятая велярная глоттализованная *q* и может характеризоваться более высокой частотностью по сравнению с неглоттализованной *k*, ср. *Меликишвили 1974 : 101 и след.*).

11/16 Устанавливаемые Дж. Гринбергом универсальные закономерности распределения в системе глоттализованных согласных были в основном подтверждены на богатом языковом материале Дж. Фордайсом в специальном исследовании: James F. Fordyce, On the nature of glottalic and laryngealized consonant and

vowel systems (*«UCLA Working Papers in Phonetics», v. 50, August 1980 : 120—154*).

13/2 По поводу методологических вопросов, связанных с применением типологических данных в лингвистических реконструкциях, важно особо отметить то, что типология должна выступать не как основа для реконструкции, против чего справедливо выступает ряд исследователей [ср. G. Dunkel, Typology versus reconstruction (*«Bono Homini Donum»*. Essays in Historical Linguistics in Memory of J. Alexander Kerns, ed. by Y. L. Arbeitman & A. R. Bomhard, Amsterdam /John Benjamins B. V., 1981, p. II : 559—569)], а как эмпирический индикатор для выбора конкретной реконструированной языковой структуры из нескольких возможных структур, получаемых путем сравнительной и внутренней реконструкции; она должна выступать как верифицирующий фактор для конкретной реконструкции, которой именно в силу этого отдается предпочтение перед другими возможными реконструкциями, не находящими типологического оправдания. В таком понимании типология выступает как бы в функции существенного эмпирического критерия для оценки предлагаемых реконструкций, которые должны основываться на сравнительно-генетическом анализе языковых фактов. Поэтому неоправдано называть этот метод "типологической реконструкцией" и противопоставлять его "сравнительной реконструкции", как это делает Дж. Дункель (стр. 568), легко "разделывающийся" со всей типологической проблематикой в диахронической лингвистике (. . . all this work must be rejected without ado); ср. также Th. V. Gamkrelidze, Language typology and language universals and their implications for the reconstruction of the Indo-European stop system (*«Bono Homini Donum»*. Essays in Historical Linguistics in Memory of J. Alexander Kerns, ed. by Y. L. Arbeitman & A. R. Bomhard, Amsterdam / John Benjamins B. V. 1981, p. II : 571—609).

15/-3 Несколько отличной реинтерпретации праиндоевропейской системы придерживается Расмуссен (J. E. Rasmussen, Haeretica Indogermanica. A selection of Indo-European and Pre-Indo-European studies (*«Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab»*. Historisk-filosofiske Meddelelser 47,3. København, 1974), который, исходя из модели Х. Педерсена, предлагает интерпретировать как "сильные" (глоттализованные или фарингализованные) традиционную серию глухих, тогда как традиционные "звонкие" рассматриваются им, вслед за Х. Педерсеном, в качестве "чистых глухих" (стр. 11). Но такая интерпретация праиндоевропейских смычных, предпринимаемая автором в свете типологических данных, внутренне противоречива и не соответствует типологически же устанавливаемому соотношению бóльшей маркированности "сильных" глухих смычных (глоттализованных или фарингализованных) по отношению к соответствующим чистым глухим (или даже глухим придыхательным). Э. Расмуссен, который хорошо осведомлен о советских работах в интересующих его областях, по-видимому, не

знаком с предшествующими работами авторов по вопросам реинтерпретации праиндоевропейской системы смычных.

19/10 Признак "глоттализации" (наряду с признаками "фарингализации", "аспирации" и ряда других) характеризуется фонетически в качестве диссимилирующего признака, т. е. признака, имеющего тенденцию не повторяться в синтагматической последовательности (в отличие от признака "звонкости", являющегося "недиссимилирующим" признаком). Этим и объясняется редкая встречаемость в самых различных языках двух глоттализованных (или фарингализованных) согласных в слове и тенденция к избеганию подобных синтагматических последовательностей в словоформе, см. J. J. Ohala, The listener as a source of sound change (*«Papers from the Parasession on Language and Behavior. Chicago Linguistic Society, May 1—2, 1981.* The University of Chicago: 178 — 203, cf. pp. 193—195).

21/24 *Следует читать*: ... соотносимых ...

41/3 Т. Веннеман, исходящий при исторической оценке общегерманского консонантизма фактически из идентичной нашей модели праиндоевропейских смычных, считает возможным предположить сохранение признака глоттализованности Серии I еще на общегерманском уровне с последующими ее преобразованиями в отдельных германских языках (см. Theo Vennemann, Hochgermanisch und Niedergermanisch. Die Verzweigungstheorie der germanisch-deutschen Lautverschiebung.—*«Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache»*, 1983, Bd. 106, H. 1 : 1—45; ср. там же аналогичную нашей интерпретацию первого, "общегерманского передвижения согласных" и "закона Гримма").

50/19 Ф. Кортландт считает возможным допустить связь глоттальной артикуляции имплозивных фонем *'b* , *'d* , *'g* в новоиндийском языке синдхи (Sindhī) с признаком глоттализации индоевропейских глоттализованных фонем серии I, иллюстрируемую соответствиями типа синдхи *'ḍiaṇᵘ* 'дать' (и.-е. **t'oH-*), ср. F. Kortlandt, Glottalic consonants in Sindhi and Proto-Indo-European (*«Indo-Iranian Journal», 1981, № 23: 15—19*).

51/20 О соответствии звонким смычным и аффрикатам чеченского и ингушского языков абруптивных (глоттализованных) согласных в бацбийском (цова-тушинском) языке см. также *Д. С. Имнайшвили*, Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков, Тбилиси, 1977: «Мецниереба», стр. 261 и след. Автор высказывает предположение об обратной направленности преобразования звонких смычных, представленных в чеченском и ингушском языках, в "абруптивные" (глоттализованные), характерные для соответствующих слов в бацбийском (стр. 274 и след.). Такое заключение делается на том основании, что бацбийским звонким смычным в ряде случаев в чеченском и ингушском соответствует нуль звука (бацб. *sag* 'олень': чеч.-инг. *saj*; бацб. *dada* 'отец': чеч.-инг. *dā*), «но исключено, чтобы в бацбийском языке выступали абруптивные согласные

и в чеч. и инг. языках им соответствовал нуль». Представляется, что эти соотношения следует интерпретировать именно в том смысле, что в первом случае нужно исходить из "звонкой смычной", сохранившейся в бацбийском, но преобразованной (resp. утерянной) в чеченском и ингушском, во втором же случае—из "абруптивной" (глоттализованной), сохранившейся в бацбийском, но озвончившейся позднее в чеченском и ингушском и представшей в виде "звонкой" смычной, которая уже не была подвержена фонетическому преобразованию, характерному в определенных позициях для первоначальных звонких смычных. Так или иначе, обнаруживаемая во многих языках взаимосвязь "звонких смычных" и "глоттализованных" (абруптивных) фонем свидетельствует об их фонетической близости и возможности взаимных фонетических переходов друг в друга.

51/-3 О глоттализованных согласных (абруптивных) и их позиционной дезабруптивизации, то есть "переходе в звонкие", см. также *С. В. Кодзасов*, Модель фонетической системы (на материале арчинского языка) [Институт Русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. *Предварительные публикации*, Москва, 1967 : 47].

73/3 ***Следует читать:*** ...лабиовелярная фонема **gu̯**...

151/-7 ***Следует читать***: ...фоне*мн*ых соотношений,...

155/3 ***Следует читать***: ... 'решение';

163/1 ***Следует читать***: ... : **t'əy-k̂$^{[h]}$ - → t'i-k̂$^{[h]}$-**

166/22 ***Следует читать:*** ***t'əH° - → *t'Ḫ°-**

170/-6 Ср., однако, J. E. Rasmussen, Haeretica Indogermanica. A selection of Indo-European and Pre-Indo-European studies (*«Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab»*. Historisk-filosofiske Meddelelser 47,3. København, 1974). Автор считает, что древнеиндийский язык являет собой еще один пример вокалической системы с единственной гласной фонемой /a/, тогда как *i* и *u* представляют слоговые варианты сонантов /y/ и /v/, а *e* и *o* — дифтонги, соответственно /ay/ и /av/ (стр. 5 и след.). Но даже при такой интерпретации древнеиндийской системы следует считаться с наличием в ней по крайней мере двух вокалических фонем: краткой и соответствующей долгой гласной—соответственно *ă* и *ā*.

189/11 ***Следует читать***: ... в позиции ***после*** неслогового сонанта...

197/10 ***Следует читать:*** Из формул дистрибуции[1]...

202/-1 ***Следует читать***: ... сонантических фонем *r*, *l*, *m*, *n*.

204/19 ***Следует читать***: ... в позиции ***после*** слогового элемента ...

204/23—24 ***Следует читать***: ... в позиции ***после*** гласной...

204/33 ***Следует читать***: ... близкородственные

218/16 ***Следует читать:*** ... ст.-слав. *žen-a*

236/4 Ср. теперь также E. P. Hamp, Armenian *anurǰ*, ὄνειρο- («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», 1984, Bd. 97, H. 1: 130).

242/16 ***Следует читать:*** ... с основой в Состоянии II.

280/-6 К образованию женского рода в индоевропейском см. теперь также P. W. Brosman, Jr., The development of the PIE feminine («*The Journal of Indo-European Studies*», *1982, v. 10, № 3 & 4: 253—272*).

282/1—2 ***Следует читать:*** *Schuhmacher 1972 : 204—205*;

287/-2 ***Следует читать:*** ... ст.-лит. *niežti mi*

316/3—4 ***Следует читать:*** "если свободный человек и рабыня ... и они приходят..."

322/13 Ср. теперь также Kazuhiko Yoshida, Towards word order and word order change in the Older Germanic languages («*The Journal of Indo-European Studies*», *1982, v. 10, № 3 & 4: 315—345*).

327/-7 ***Следует читать:*** имперф. *ásam*

328/7 ***Следует читать:*** **b$^{[h]}$eret$^{[h]}$i*

328/17 ***Следует читать:*** ... противопоставлений ...

347/4 ***Следует читать:*** — инхоативное (ср. «***Указатели***», стр. 1268).

353/-1 ***Следует читать:*** *Shimomiya 1973.* (ср. «***Библиографию***», стр. 1094).

354/15 По проблемам типологии порядка слов в предложении и сравнительных конструкций см. теперь также P. K. Andersen, Word order typology and comparative constructions, Amsterdam/Philadelphia, 1983 : John Benjamins Publishing Company.

354/1 ***Следует читать:*** ... между именными образованиями ...

354/7 ***Следует читать:*** ...*Ἡέλιός θ'* ...

361/-1 Ср. теперь также E. P. Hamp, Some implications of Hittite *-z(a)* (*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», 1984, Bd. 97, H.1 : 58—59).

377/6 ***Следует читать:*** ... противопоставления ***имен*** ...

383/7 К древнехеттскому директиву на *-a* см. также K. Shields, The Indo-European origins of the Old Hittite directive case («*The Journal of Indo-European Studies*», *1982, v. 10, № 3 & 4: 273—282*).

489/-10 ***Следует читать:*** — 'Нижний' —

496/8 ***Следует читать***: *а*нимает...

498/10 ***Следует читать***: a*rkiškitta*

505/-5—4 ***Следует читать***: ...'леопард'...

509/-1 ***Следует читать***: ...част*и*...

544/5 ***Следует читать***: ...в форме *ēš* 'осел' (ср. «***Указатели***», стр. 1180).

559/-5 К вопросу о появлении лошади в Закавказье и на Кавказе см. также *С. К. Межлумян*, Палеофауна эпохи бронзы на территории Армении (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук, Ереван, 1965).

564/5,6 ***Следует читать***: арм. *ēš* (ср. «***Указатели***», стр. 1180).

564/7 ***Следует читать***: см. выше, стр. 544_1

620/4 ***Следует читать***: ... на юго-западе Д*а*кии,

630/-3 ***Следует читать***: *Friedrich P. 1970 : 123.*

710/-5 О 'железе' и его обработке в древней Анатолии (II тысячелетие до н. э.) см. теперь также J. Siegelová, Gewinnung und Verarbeitung von Eisen im hethitischen Reich im 2. Jahrtausend v. u. Z. («*Annals of the Náprstek Museum*» 12, Prague, 1984: 71—168).

713/18 Ср. теперь также J. P. Mallory/M. E. Huld, Proto-Indo-European 'Silver' («*Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*», 1984, Bd. 97, H. 1 : 1—12).

749/29 ***Следует читать***: .../*Morpurgo Davies*/... (ср. «***Библиографию***», стр. 1044).

755/16 К отличной этимологии др.-ирл. *Ériu* 'Ирландия' ср. стр. 741.

771/9 ***Следует читать***: 'сестра мужа', 'золовка' по отношению к **F** и **D'**

789/20—21 ***Следует читать***: ... переход *от* принципа экзогамных отношений...

814/-5 Ср. теперь также J. Hilmarsson, Indo-European "tongue" («*The Journal of Indo-European Studies*», *1982, v. 10, № 3 & 4 : 355 — 367*). Автор постулирует для индоевропейского несколько диалектально распределенных исходных форм.

833/17 ***Следует читать***: *Иванов 1976а : 45.*

838/1 ***Следует читать***: *erknēr* e*rkin*

841/20 ***Следует читать***: ..... 8 : 3//5

846/2 ***Следует читать***: в *децессивном* комплексе **-t'ḱlh1-*

861/5 ***Следует читать***: .../ *Morpurgo Davies* /...(ср. «***Библиографию***», стр. 1044).

864/7 ***Следует читать***: *Morpurgo Davies 1967* (ср. «***Библиографию***», стр. 1074).

881/5 ***Следует читать***: *Гамкрелидзе/Мачавариани 1965 : 17.*

890/-3 Отождествление определенной компактной территории с первоначальным ареалом распространения праиндоевропейского языка осложняется и тем обстоятельством, что в географических регионах, предполагавшихся или предполагаемых в качестве индоевропейской прародины на Европейском или Азиатском континенте (будь то Центральная Европа, Северное Причерноморье, Балканы или Передняя Азия), отсутствует область с ярко выраженной праиндоевропейской топонимикой и гидронимией. Это следует объяснить прежде всего фактором хронологической глубины существования праиндоевропейского языка и общеиндоевропейского этноса. В случае предполагаемой нами области первоначального распространения праиндоевропейского языка не позднее IV тысячелетия до н. э. (а возможно и значительно ранее) отсутствие какой-либо письменной фиксации праиндоевропейской топонимики или гидронимии объяснимо естественным образом отсутствием в это время сколько-нибудь развитой системы письма на Ближнем Востоке, которое в этот период лишь зарождалось или находилось в зачаточном состоянии (*ср. Schmandt-Besserat 1979*). В дальнейшем эта древнейшая праиндоевропейская топономастика, очевидно, постепенно стиралась вследствие наслоения на нее иноязычного этно-лингвистического суперстрата, и в письменных традициях Древнего Ближнего Востока стала фиксироваться уже эта неиндоевропейская топонимика и гидронимия. С другой стороны, следует также считаться в отдельных случаях и с возможностью существования в древневосточных письменных традициях еще неопознанных остаточных древнейших индоевропейских топонимических и гидронимических терминов, отражающих соответствующие наименования общеиндоевропейской эпохи.

В этом отношении особый интерес вызывает ряд наименований соседних с Месопотамией стран, сохранившихся в шумерских письменных памятниках, в первую очередь наименование страны *Aratta*, могущее быть этимологизировано и на индоевропейской основе как **ar-t[h]-* 'воды', 'река', т. е. как "страна реки *Aratta*" [ср. ^{nâr}*A-rat-ta-a* 'река Аратта', текущая в зоне "семи гор" по известной надписи Саргона II, Col. I 30, см. Fr. Thureau-Dangin, Une relation de la huitième campagne de Sargon (714 av. J.-C.), Paris 1912. Librairie Paul Geuthner, стр. 8]. "Страна *Aratta*", расположенная также за "семью горами", упоминается в шумерских эпических легендах, которые отражают события, датируемые началом III тысячелетия до н. э. Согласно шумерской поэме "Энмеркар и правитель Аратты", шумеры торговали с соседней страной *Aratta* и получали оттуда драгоценные металлы, минералы, камни, включая лазурит. Правитель Урука Энмеркар (*Enmerkar*) посылает своих послов к правителю Аратты с просьбой поставлять ему указанный товар в Месопотамию (ср. J. B. Jusifov, Early contacts of Mesopotamia with North Eastern neighbours, рукоп.). По Крамеру, "страна *Aratta*" локализуется вблизи Каспийского моря, в зоне Урмийского озера (см. S. N. Kramer, The Sumerians [«Scientific American», October, 1957: 72—73]). Это примерно та географическая область, которая для несколько более раннего периода предполагается нами как ареал распространения общеиндоевропейского языка.

899/20 Ср. также J. A. C. Greppin, Arm. *t-* Gk. *πτ-* (*«The Journal of Indo-European Studies», 1982, v. 10, № 3 & 4: 347—354*).

903/24 ***Следует читать***: *Топоров 1975а.*

908/-5 Огласовка *е* в мегр.-лаз. форме возникает из *о* в результате занского умлаута. (По поводу **о⇒*е* умлаута в занском *см. Гамкрелидзе/Мачавариани 1965: 160 и след.*). При этом в мегрело-лазском появляется сравнительно позднее *b* из первоначального картвельского *μ: *t'q'ow-// *t'k'ow- → *t'q'ob-// *t'k'ob-*, в результате чего возникает соотношение груз. *μ/v* ~ мегр.-лаз. *b*; к аналогичному фонемному соотношению между грузинским и мегрело-лазским ср. др.-груз. *k'raw-* 'ягненок' ~ мегр. *k'irib-* 'id.' (*ср. Климов 1964: 115*).

913/2 По вопросу об армяно-анатолийских лексических связях ср. также *Н. А. Мкртчян*, Редупликация глаголов в хеттском и армянском (*«Древний Восток»*, 1976, № 2: 76—85); J. A. C. Greppin, Luwian elements in Armenian (*«Древний Восток»*, 1978, № 3: 115—126).

913/-1 По проблемам места протоармянского среди индоевропейских языков и "армянской прародины" см. теперь также материалы дискуссии по этногенезу армян на страницах *«Вестника Общественных Наук» Академии наук Армянской ССР, 1980, №№ 5, 6, 8, 9* и *1981, № 2* (статьи О. Широкова, В. Хачатряна, Г. Клычкова, Дж. Греппина, А. Мнацаканяна).

929/-14 В отличие от *Joki 1973: 257* и *330*, источник для венгерского *tíz* 'десять' следует охарактеризовать как ***восточно***иранский диалект.

939/21 Типологическую возможность подобного заимствования слова при полном вытеснении (или лишь частичном сохранении) более ранней формы с идентичным (или аналогичным) значением можно проиллюстрировать также на примере романских языков. В этих последних слова для 'лошади' продолжают не латинскую форму *equus*, отражающую общеиндоевропейское название 'лошади' **ek[h]°os*, а восходят к форме *caballus* с тем же значением, заменившей лат. *equus* (ср. *Haudry 1981*).

942/-1 В отношении вопроса о возможных заимствованиях в финно-угорском из "древнеевропейских" диалектов представляет также интерес недавняя работа финского ученого Койвулехто. В ней приводится целый ряд финских форм, этимологизируемых как "доарийские" заимствования из определенных диалектных объединений, из которых возникают исторические германские и балто-славянские диалекты (см. J. Koivulehto, Seit wann leben die Urfinnen im Ostseeraum? Zur relativen und absoluten Chronologie der alten idg. Lehnwortschichten im Ostseefinnischen [Symposium Saeculare Societatis Fenno-Ugricae. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 185. Helsinki, 1983: 135—157]).

956/26 Утверждение о "средиземноморском" антропологическом типе древнейших носителей праиндоевропейского языка расходится очевидным образом с традиционными представлениями об индоевропейцах как о "белокурых и светлоглазых долихоцефалах", подтверждаемыми якобы и данными литературных памятников на древних индоевропейских языках (ср. *Л. А. Лелеков*, К новейшему решению индоевропейской проблемы. —

«Вестник Древней Истории», 1982, № 3 : 31—37). Некоторая идеализация светлого цвета кожи и волос, наблюдаемая в древнеиндийской и отчасти греческой традициях [ср., напр., характеристику бога Индры как "светлого" (*hári-*) божества и др.], указывает скорее на редковстречаемость, исключительность и фенотипическую маркированность данного антропологического типа среди древнейших племен—носителей ранних индоевропейских диалектов и диалектных объединений и не может быть, конечно, истолкована как некая реминисценция некоторых общих антропологических характеристик их предков, говоривших на праиндоевропейском языке. Можно было бы привести в этой связи и факт особой символической значимости "белого цвета" в различных древних индоевропейских традициях, соотносимого с определенной социальной организацией древнеиндоевропейских племен, но это опять-таки вовсе не дало бы оснований усмотреть при этом прямую связь с первоначальным цветом их кожи и волос.

Подобные представления о "светлоглазых индоевропейцах" нашли хождение в науке ввиду антропологического характера жителей северных регионов исторической Европы, считавшихся одно время первоначальным ареалом распространения праиндоевропейского языка и прародиной племен—носителей этого языка. Перенос индоевропейской прародины в переднеазиатский ареал существенно меняет и предполагаемый антропологический характер обитателей этих регионов — первоначальных носителей праиндоевропейского языка и ранних его диалектных объединений. Последующие миграции носителей древних индоевропейских диалектов на новые территории на Евразийском континенте и их взаимодействие в течение длительного времени с местным населением новых областей могли существенно изменить первоначальный антропологический характер мигрировавшего этноса. Именно такие процессы следует предположить в отношении "светлоглазой" популяции северных регионов исторической Европы, где в доисторическую эпоху распространились "древнеевропейские" языки, наслоившиеся здесь на неиндоевропейские языки древнейшего местного населения этих областей. Носителями этих "древнеевропейских" языков могла быть и "темноглазая" популяция, влившаяся в "светлоглазую" массу автохтонного населения, генетически ассимилировавшего пришлый элемент. Все зависит в конечном счете от того, какое количество пришлых "темноглазых" племен влилось в массу местной "светлоглазой" популяции. У темноглазого и светлоглазого родителей появляется "темноглазый" потомок, характеризующийся, однако, генотипически гетерозиготностью. Такой "темноглазый" потомок является в то же время носителем гена "светлоглазости", который и может проявиться в фенотипе следующего поколения (при утере гена "темноглазости" и возникновении в нем гомозиготной аллели с обоими генами "светлоглазости"). Таким образом, "светлоглазая" доиндоевропейская популяция некоторых ареалов исторической Европы, в основном северных ее регионов, могла остаться преимущественно "светлоглазой" даже после проникновения в эти регионы "темноглазой" популяции пришлых завоевателей — носителей древних индоевропейских диалектов — и пе-

рехода местного населения после определенного периода двуязычия на новый язык.

956/-10 ***Следует читать***: Апеннинский полуостров (ср. «*Указатели*», стр. 1244).

960/16 Характерны в этом отношении и высказывания другого крупнейшего индоевропеиста, известного американского ученого У. Лемана: «Главные работы последних пяти десятилетий значительно преобразили воззрения на праиндоевропейскую фонологическую систему, которые были представлены в стандартных руководствах Бругмана, Хирта и Мейе. Эти работы основываются, с одной стороны, на отличном подходе к языку-предку, с другой стороны, на двух далеко идущих теориях—Ларингальной теории и Глоттальной теории... То, что казалось одним из самых незыблемых достижений лингвистики 19-го века, преобразуется теперь по всем разделам» (Winfred P. Lehmann, Proto-Indo-European Phonology. *An overview over recent research.* A preprint, 1983).

965/-4 В 1983 году появились переводы этих наших публикаций в серии «*Soviet Studies in History*». The Indo-European Problem: Recent Soviet contributions (Guest Editor: Marvin A. Powell, Northern Illinois University), v. XXII, № 1—2, Summer. Fall 1983 : 7—52 и 53—95.

965/-11 См. теперь также *Л. С. Толстова*, Исторические предания Южного Приуралья, Москва, 1984 : «Наука».

969/19 В новейших археологических работах, отмечающих эти "белые пятна", все чаще формулируется точка зрения, предельно близкая к той, которая высказана авторами, ср.: «Наиболее вероятным источником, откуда производящее хозяйство могло проникнуть в пограничье европейских и азиатских степей... была Средняя Азия, культурное влияние которой доходило сюда через ее северную периферию и Восточный Прикаспий. Это влияние, намечающееся пока лишь по отдельным археологическим фактам, в силу слабой изученности территории, разделяющей прикаспийские степи и северную периферию Средней Азии, все-таки вполне реально и закономерно, причем прослеживается не только для времени формирования древнеямной культурной общности, но и для более поздних периодов» (*Ю. А. Краснов*, Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе. — «*Советская Археология*», *1980*, *№ 3* : *22*). К сходным выводам, предполагающим движение культурных растений и новых типов сельского хозяйства с древнего Ближнего Востока через Среднюю Азию в Европу, приходит в ряде работ по исторической географии типов хозяйства Средней Азии и Б. В. Андрианов (ср. его *Земледелие наших предков*, Москва, 1978 : «Наука»).

981/29—30 ***Следует читать***: «... обще***балканские*** лингвистические проблемы...»

985/32—33 ***Вставить***: 1976а. Очерки по истории семиотики в СССР. Москва : «Наука».

1046/-2 ***Следует читать***: «... *Двадцать пятого* ...»

1104/6 ***Следует читать***: С. *Д.* Кацнельсон,

1235/-1 ***Следует читать*** : *lt-anc* 281_1

1245/-1—2 ***Вставить*** : *Дания 620*

1281/8 ***Следует читать***: неассибилированные...

Тамаз Валерианович Гамкрелидзе
Вячеслав Всеволодович Иванов

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫК И ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

Книга вторая

INDO-EUROPEAN AND THE INDO-EUROPEANS

by

Thomas V. Gamkrelidze
&
Vjacheslav V. Ivanov

Part Two

© Издательство Тбилисского Университета, 1984

Редактор издательства М. Р. Чхаидзе

Художественный редактор И. К. Чиквинидзе

Технические редакторы: А. В. Омиадзе
И. В. Хуцишвили

ИБ 835

Сдано в производство 13.12.79. Подписано в печать 15.12.83.

УЭ 01030. Бумага № 1. 70 × 108¹/₁₆. Печать высокая.

Усл. печ. л. 78,75. Уч.-изд. л. 77,19. Тираж 5000. Заказ 2011.

Цена 8 р. 50 к.

*

Общий объем книг: Усл. печ. л. 124,95. Уч.-изд. л. 117,47.

*

Издательство Тбилисского университета,
Тбилиси, 380028, пр. И. Чавчавадзе, 14.
თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა,
თბილისი, 380028, ი. ჭავჭავაძის პროსპექტი, 14.

Типография АН ГССР,
Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა,
თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19

ტექსტი მონოტიპზე ააწყეს თინა სამნიაშვილმა (წიგნი I),
ნელი გამყრელიძემ (წიგნი II),
ნატო ბელთაძემ («დამატებანი»);

ჩაასწორეს და დააკაბადონეს ციცინო ოქრომჭედლიშვილმა-ნოზაძემ
და
ნათელა ნათიძემ;

მანქანაზე ჩამსწორებელი და გამშვები: სერგო ვართანოვი
კორექტორი: ლეილა კიტეიშვილი
მბეჭდავი: როსტომ პეტრიაშვილი
მიმღები: ოლღა ყაულაშვილი

თამაზ გამყრელიძე, ვიაჩესლავ ივანოვი

ინდოევროპული ენა და ინდოევროპელები

წიგნი მეორე

(რუსულ ენაზე)

I და II წიგნის სარედაქციო კორექტურა
წაიკითხეს და გაასწორეს
ნოდარ გიოშვილმა,
მარიამ ნედოსპასოვამ,
ნუნუ ბენდუქიძემ

წიგნების გაფორმება და მაკეტი —
რევაზ გრიგოლიასი

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1988

РЕЦЕНЗИИ

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. **Индоевропейский язык и индоевропейцы.** Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I — II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. XCVI + 1328 с.*

Все, кто знал о подготовке рецензируемой книги к выходу в свет, ждали с нетерпением этого большого события — и не были разочарованы. Это произведение «in the Grand Style» может быть отнесено не только к индоевропейской филологии и культурологии, но и к общей лингвистике и истории Евразии. Чтение этой книги захватывает благодаря неисчерпаемому богатству ее содержания: перед нами силав обширных знаний и смелых теорий. Именно поэтому рецензируемый труд, как и всякое по-настоящему новаторское духовное явление, неизбежно вызовет споры и контроверзы. Именно поэтому, с другой стороны, в свете изложенных в рецензируемой книге положений, возможно, придется внести коренные изменения как непосредственно в реконструированные системы, так и в общепризнанное направление эволюции, причем это касается не только лингвистических фактов, но и предыстории индоевропейских культур.

В настоящей рецензии, являющейся скорее кратким очерком, я ограничусь перечнем наиболее важных достижений этого многопланового исследования, которое открывается революционной трактовкой систем смычных и заканчивается неожиданной для всех локализацией колыбели индоевропейцев. С одной стороны, я буду обращать особое внимание на те содержательные линии, которые привели к новым трактовкам, а с другой стороны — на собственно лингвистические или филологические проблемы, которые по большей части не могут быть отделены — в этом, в частности, состоит большая заслуга авторов — от тех потрясений, которые, как показано в работе, испытали размещение и предыстория индоевропейских культур.

Как известно, авторы книги — не только востоковеды широкого профиля, на протяжении всей книги они проявляют себя также и как теоретики. Введение (с.LXXIII—XCVI) целиком посвящено формулировке теоретических установок, на которые опирается исследование, и в частности, реконструкция. Эти в высшей степени содержательные страницы невозможно пересказать. Отметим лишь, что авторы используют сравнительный метод, метод внутренней реконструкции, но также прибегают к помощи ареальной лингвистики и синхронной типологии. Разумеется, в большей или меньшей степени это делают все, но в рецензируемой книге типологический фактор является решающим: «На данном этапе развития лингвистической науки, когда одним из основных направлений является структурно-типологическая лингвистика (и лингвистика универсалий), многое в традиционных построениях индоевропеистики, основанных на сравнительной (внешней) и внутренней реконструкции самого индоевропейского материала, можно, по-видимому, пересмотреть с целью согласования постулируемого индоевропейского праязыка с данными типологической лингвистики. Такой анализ традиционных индоевропейских реконструкций и приведение их в соответствие с типологически вероятными системами может вызвать существенный пересмотр этих реконструкций» (с. LXXXIV).

Установка, тем самым, определена недвусмысленно: гипотезы относительно реконструкции должны проверяться на типологическую достоверность. Если они не достоверны, их следует изменить. Речь идет не столько даже о «типологии», сколько о «лингвистике универсалий». Неслучайно поэтому столь частое упоминание имени Гринберга.

Другая опора — это порождающая грамматика, некоторые ее процедуры и многие ее принципы. Например, вместо того, чтобы аналитически представить в виде фонем-

* Перевод рецензии, опубликованной в BSLP, 1986, t. LXXXI, fasc. 2.

их трансформаций следующий процесс:

$$/b^h/ \rightarrow /b/,\ /d^h/ \rightarrow /d/,\ /g^h/ \rightarrow /g/,$$

авторы предпочитают использовать «правило переписывания», оперирующее лишь дифференциальными признаками:

$$[+\text{ придыхание}] \longrightarrow [-\text{ придыхание}] \begin{bmatrix} +\text{ смычность} \\ +\text{ звонкость} \end{bmatrix}$$

Кроме того, в синтаксической части особенно заметна тенденция к разделению на уровни, типичному для генеративистов: «поверхностные» и «глубинные» структуры.

Первая часть (428 с.) посвящена «Структуре общеиндоевропейского языка». Заметим сразу, что авторы различают три хронологических уровня: протоиндоевропейский, поздний и.-е. (накануне распада), и «исторические» и.-е. диалекты.

Первый раздел (с. 5—263) первой части книги, состоящий из четырех глав, посвящен реконструкции «фонологической системы и морфологии общеиндоевропейского языка». Остановимся прежде всего на первой главе, наиболее новаторской, наиболее важной для понимания дальнейшего. Здесь речь идет о «трех сериях и.-е. смычных (парадигматика и синтагматика). Критика, или «реинтерпретация», относится к «традиционной» системе и.-е. смычных. Я приведу здесь «классическую» таблицу, опуская лабиовелярные (вариант с тремя, а не с четырьмя сериями):

I	II	III
(*b*)	b^h	*p*
d	d^h	*t*
g	g^h	*k*

Такую систему нельзя признать удовлетворительной из-за лакуны в позиции губного звонкого непридыхательного: речь идет об отсутствии звонкого билабиального **b*, что давно уже замечено (он отсутствует или крайне редко встречается). Авторы исходят из реинтерпретации, предложенной Педерсеном, который представлял систему «протоиндоевропейского» следующим образом:

I	II	III
—	g^h	*b*
t	t^h	*d*
k	k^h	*g*

I и III серии обмениваются признаками звонкость/глухость, а серия II утрачивает звонкость.

Следующий этап: в соответствии с данными синхронной типологии (Гринберг, Кэмпбелл и т. д.) и исходя из положений Якобсона, который также заметил несоответствие между и.-е. консонантизмом и универсальными тенденциями человеческого языка, авторы предлагают реинтерпретировать смычные III серии как глухие придыхательные. Отсюда следует, очевидно, пересмотр согласных I серии. Из-за отсутствия билабиального члена их нельзя считать звонкими. Следовательно, это глухие непридыхательные (глухие придыхательные представлены в серии III). Типология утверждает, что в подсистеме глухих смычных имеет место «иерархия маркированности», упорядочивающая члены системы от наиболее маркированных к наименее маркированным: глухой глоттализованный более маркирован, чем глухой придыхательный, этот *последний более маркирован, чем глухой простой непридыхательный.* Смычный *p'*, обладающий наибольшей маркированностью, имеет, следовательно, намного меньшую частотность, чем остальные, и даже имеет тенденцию к исчезновению, в результате чего в системе образуется пустая клетка. Этот факт из области «универсалий» (Гринберг) *наилучшим образом объясняет* дефектность или отсутствие билабиального члена серии I. Тем более, что, исходя из традиционной схемы, нельзя не признать распределение частот и.-е. смычных несколько странным:

серия I — 6,2%, серия II — 8,9%, серия III — 17,7%.

Если принять во внимание иерархию маркированности, получается, что более маркированные звонкие придыхательные (серия II) более частотны, чем слабо маркированные звонкие непридыхательные серии I, что с трудом *объяснимо.* Однако распределение частот оказывается естественным и соответствующим общим тенденциям языка, если наименее частотную I серию считать серией глоттализованных, более маркированных, чем звонкие. Исходя из этого, авторы постулируют следующую систему:

I	II	III
(*p'*)	b^h	p^h
t'	d^h	t^h
k'	g^h	k^h

Принимая во внимание аллофоны, приходится усложнить картину в том, что касается единиц, но упростить в том, что касается дифференциальных признаков:

I	II	III
(*p'*)	b^h/b	p^h/p
t'	d^h/d	t^h/t
k'	g^h/g	k^h/k

Это означает, что в и.-е. была серия, маркированная признаком «глоттализация», другая серия с признаком «звонкость», третья — с признаком «не-звонкость», две последние серии с придыхательными и непридыхательными аллофонами. Именно этой моделью авторы оперируют в дальнейшем изложении.

Отметим, что звуки, называемые здесь (как и в самой книге) «глоттализованными», в строгом, фонетическом смысле таковыми не являются (в отличие, например, от увулярного грузинского *q'*, настоящего «глоттализованного»). Это согласные с гортанной смычкой — «постглоттализованные», или «эективные».

Как отмечается в книге, идея интерпретации в качестве глоттализованной одной из серий и.-е. смычных была выдвинута уже в 1956 г. Мартине и сформулирована одновременно, но независимо от него авторами рецензируемой книги (1972), Хопцером (1973) и Одрикуром (1975). Известная под названием «глоттальной теории», она до сих пор положительно оценивалась индоевропеистами. Эта теория дает возможность сформулировать далеко идущие следствия. Перечислим некоторые из них.

Первое следствие, наиболее очевидное и практически значимое, ведет к трудоемкому пересмотру существующего положения дел: приходится «переписывать» большое количество и.-е. лексем, и среди них самые распространенные. Таким образом, сторонники этой теории отныне будут пользоваться буквами **t'-*, **k'-* и т. д. в тех случаях, где раньше писались **d-*, **g-* и т. д. Такие известные слова, как «небо», «давать», «дом» и т. д., будут записываться теперь как **t'ĕu̯-*, **t'ō-*, **t'om-*, а не как **dĕu̯-*, **dō-*, **dom-*. Эти изменения вызовут озабоченность у специалиста по классической филологии, но, несомненно, обрадуют кавказоведа, который увидит в этом расширение сферы влияния гортанной смычки.

Другое следствие является более важным: придется переформулировать некоторые основные фонетические «законы», в частности, закон Бартоломе. Проиллюстрируем результаты таких ревизий (приводимые правила широко известны, но имеют нетрадиционную форму):

(1) Два смычных, имеющие одинаковые пучки дифференциальных признаков, несовместимы в пределах корня структуры C_1VC_2.

(2) Два глоттализованных смычных несовместимы в пределах корня структуры C_1VC_2.

(3) Глоттализованные смычные (серия I) совместимы с фонемами серии III в любых позициях.

(4) Неглоттализованные смычные, входя в состав единого корня, должны характеризоваться идентичным значением признака звонкость/глухость.

Закон Грассмана, например, послужил поводом для еще одной новой концепции. Речь идет уже не об утрате придыхательности, а о применении гораздо более фундаментального правила, в соответствии с которым:

(5) Если корень содержит два смычных серии II, дистантно расположенных, один из них представлен придыхательным вариантом, а другой — непридыхательным. Следовательно, такие формы, как скр. *bā́hú*, греч. *πῆχυς*, предполагают и.-е. *bāg^h-ú-*, соответственно с непридыхательным и придыхательным аллофонами и.-е. фонем **b[^{h}]* и **g[^{h}]* (а не **b[^{h}] āg[^{h}]-ú-*). Это «правило» независимо от своей объяснительной силы вызывает интерес главным образом потому, что дает единое объяснение диалектным фактам (объяснение, относящееся к общеиндоевропейскому состоянию).

Наиболее радикальна, однако, ревизия фонологических систем различных исторических диалектов в их отношении к общеиндоевропейскому: она состоит в том, что Мейерхофер называет «десанскритизацией» (Entsanskritisierung) и.-е. модели, или, в общих чертах, в опрокидывании традиционной перспективы. В самом деле, если допустить, что первая серия и.-е. смычных — это глухие непридыхательные («глоттализованные» или нет — в данном случае несущественно), приходится сделать естественный вывод о том, что наиболее консервативные, наиболее близкие к исходному состоянию

системы можно обнаружить в германских языках и армянском и в анатолийских языках. Напротив, наиболее поздние и удаленные от общеиндоевропейского системы находим в индоиранских, греческом, италийских и др. языках.

Авторы подробно реконструируют фонологические и фонетические процессы, приведшие к возникновению систем исторических языков. Наиболее радикальные изменения произошли в санскрите: имела место «деглоттализация» и озвончение серии I, что привело к возникновению серии звонких непридыхательных. Произошло расщепление серии II (звонкой): непридыхательные аллофоны частично дали звонкие серии I, придыхательные аллофоны дали звонкие придыхательные серии II. Подобным же образом непридыхательные и придыхательные аллофоны серии III (глухие неглоттализованные) дали, с одной стороны, глухие серии III (глухие непридыхательные), а с другой — глухие придыхательные серии IV.

Процесс преобразования и.-е. смычных в греческом можно представить следующим образом: 1) утрата придыхания придыхательными аллофонами III серии, например $t^h \rightarrow t$; 2) оглушение обеих групп аллофонов II серии: $b \rightarrow p$, $b^h \rightarrow p^h$; 3) озвончение глоттализованных I серии: $k' \rightarrow g$.

С другой стороны, в более консервативных языках, например, в армянском, исходная и.-е. система практически сохранена: серия I — глухие неглоттализованные или глоттализованные (восточноармянские диалекты, имеющие гортанную смычку, сохранили, таким образом, этот различительный признак, который не следует считать инновацией, вызванной субстратом; субстрат лишь способствовал сохранению первоначального положения); серия II — звонкие, придыхательные или непридыхательные; серия III — глухие придыхательные (речь идет, разумеется, о древнеармянском).

В германском имеет место деглоттализация серии I и, в более поздний период, спирантизация придыхательных аллофонов серий II и III. Все изложенное приводит к отказу, ввиду их «неадекватности» или «устарелости», от некоторых законов, надежно укоренившихся в наших традициях, в частности, от «закона Гримма» и от прочих законов, предполагающих «сдвиг согласных» в таких языках, как германские, армянский и т. п. Отныне, если выражение «сдвиг согласных» и применимо, то только к таким языкам, как индоиранские, греческий, латинский и т. п.

Применение «глоттальной теории» и ее следствия в отношении прочих частей системы приводят к другим более или менее существенным изменениям. Так, она играет важную роль и для выводов в области ареальной лингвистики, которой посвящен последний раздел второй части. С помощью этой теории можно «датировать» заимствования и одновременно уточнить механизмы, которые они приводят в действие. В некоторых случаях, однако, эта теория порождает новые трудности: например, несомненное заимствование общеюжнокавказского **uγ-el* «ярмо» в и.-е. труднее объяснить, исходя из и.-е. формы **ǯuk'-om*, чем из «традиционной» формы **ǯug-om*. То же самое можно сказать о большинстве кавказских лексем и.-е. происхождения: вопреки ожиданиям, «глоттализация» все осложняет.

Упомяну также кратко три следующие главы, содержащие много важного и интересного, но не такие «ниспровергательные»: 2. «Локальные ряды индоевропейской системы смычных и класс сибилянтных спирантов. Парадигматика и синтагматика»; 3. «Система гласных и теория морфонологических чередований. Сонанты и „ларингальные" в индоевропейском»; 4. «Структура индоевропейского корня». Авторы поддерживают следующую точку зрения, изложенную Т. В. Гамкрелидзе в 1960-х и 1968 гг. и Вяч. Вс. Ивановым в 1965 г., развивая и уточняя ее: и.-е. система содержала три простых ларингальных фонемы H_1, H_2 и H_3, которые определяли тембр и количество соответствующих гласных **e*, **a*, **o* и которые совпали в одной ларингальной фонеме **H* после фонологизации соответствующих гласных */*e/*, */*a/*, */*o/*.

Несколько неожиданно первая часть заканчивается типологическим сопоставлением морфонологической структуры и.-е. и общеюжнокавказской (ю.-к.) систем; и последняя была реконструирована Гамкрелидзе и Мачавариани в 1965 г. в их большой работе о сонантах и аблауте в южнокавказских языках. Эта работа уже тогда заканчивалась сравнением ю.-к. и и.-е. с кавказоведческой точки зрения. На этот раз сравнение, дополняющее предшествующее, проведено с точки зрения и.-е. Его результаты поразительны: «Преобразование индоевропейской и картвельской систем осуществлялось в направлении сближения их языковых структур, приведшего в результате к формированию столь далеко идущего изоморфизма морфонологических систем, который, очевидно, исключает возможность независимого развития в типологически сходном направлении и свидетельствует скорее о возможных исторических контактах» (с. 263). С этим трудно спорить: почти полная уверенность в правильности приведенных положений призвана сыграть первостепенную роль в «ареальном» исследовании и.-е. языков, в определении их географического происхождения и дальнейшей судьбы.

Второй раздел первой части книги под названием «Анализ грамматической структуры общеиндоевропейского языка» посвящен в основном синтаксису: гл. 5 — «Праиндоевропейский как язык активной типологии»; гл. 6 — «Типология грамматической синтагматики общеиндоевропейского языка».

Наибольшей новизной в отношении и.-е. синтаксиса отличается гл. 5, которая опирается на новейшие гипотезы, выдвинутые в рамках лингвистической типологии. Во всяком случае, эта глава так же необычна, как и глава о смычных, и можно сказать наверняка, что две теории, изложенные в рецензируемой книге, будут иметь наибольший резонанс или, во всяком случае, вызовут споры и дискуссии — это «глоттальная теория» и «теория активности», о которой сейчас пойдет речь.

Указанная теория основана на некоторых хорошо известных фактах (однако авторы делают из них неожиданные следствия): существование в и.-е. противопоставления одушевленности и неодушевленности, двойная серия падежных показателей, различие между глаголами на **-mi* и на **-Ha* и т. п.; авторы указывают на «... явные черты бинаризма, пронизывающего всю индоевропейскую языковую систему, как грамматическую, так и лексико-семантическую» (с. 267).

Две формы род. п. ед. /мн. числа **-os* и **-om* совпадают с окончаниями **-os* и **-om* номинатива и аккузатива. С другой стороны, аккузатив на **-om* совпадает с окончанием **-om* существительных среднего рода в номинативе и аккузативе. Все имена среднего рода на **-om* принадлежат к классу неодушевленных. Все имена на **-s*, **-os* принадлежат к классу одушевленных (или классу существ, которые считаются таковыми). Этому классическому противопоставлению авторы предпочитают противопоставление «активное» vs. «инактивное»: «Суффикс **-s*, **-os* является деривационным маркером имен активного класса, суффикс **-om* — деривационным маркером имен инактивного класса» (с. 273).

Признание такого бинаризма у имен приводит к необходимости постулировать разделение глаголов на два класса — «активность» противопоставляется «инактивности». Высказав интересные соображения о формировании именных, местоименных и т. п. флексий, авторы исследуют эту «бинарную структуру глагольных категорий»: глагольные формы разделяются на два класса в зависимости от того, «какую семантику — активную или инактивную — они выражают» или: «Глаголы активного класса сочетаются исключительно с активными актантами, глаголы инактивного класса — с инактивными именами». Глаголы с суф. **-mi* выступают в связи с активными именами, глаголы с суф. **-Ha* — с инактивными. Отсюда две парадигмы:

	Актив				Инактив			
	Агенс	Предикат		Пациенс	Агенс	Предикат		Пациенс
1-е л.	Активный	Глагол на	*-mi*	Активный	Активный	Глагол на	*-Ha*	Неактивный
2-е л.	—	—	*-si*	—	—	—	*-t^hHa*	—
3-е л.	—	—	*-ti*	—	—	—	*-e*	—
Пример:	«Человек убивает зверя»				«Пример:» Человек кладет камень»			

Далее следуют интересные наблюдения над морфологией глагола — соотношением перфекта и медиума, природой и происхождением суффикса **-nt^h* и т. д.,— выдержанные в духе бинаризма, определенного выше.

Наконец, в последней части рассматриваемой главы излагается «Активная типология праиндоевропейского языка» (с. 308—319). Поскольку эта чисто синтаксическая часть изложения до некоторой степени хаотична и содержит повторения (в отличие от начала книги), я буду излагать факты по-своему. Для простоты будут использованы неуместные здесь термины «субъект» и «объект» наряду с чисто семантическими понятиями агенса и пациенса (эти последние, как мы увидим, также неадекватны).

Актантные отношения могут организовываться по трем основным типам: аккузативному (или номинативному), эргативному, активному. Они различаются в зависимости от трактовки единственного актанта одноактантного высказывания сравнительно с трактовкой каждого из двух актантов двухактантного высказывания (имеется в виду, что различия форм выражаются в именах, в глаголах или и в тех и в других).

I. Аккузативная структура: единственный актант одновалентного предиката имеет ту же форму, что и агенс (или «субъект») двухвалентного предиката, например:

одновалентный предикат	*puer uenit*
двухвалентный предикат	*puer puella-m uidit*

В данном случае особенным образом трактуется пациенс, поэтому название «аккузативный» здесь подходит больше, чем «номинативный».

II. Эргативная структура: единственный актант одновалентного предиката имеет ту же форму, что и пациенс (или «объект») двухвалентного предиката. Пример из лазского, южнокавказского языка, относящегося к более чистому «эргативному» типу, чем грузинский (предложения имеют тот же смысл и тот же порядок

слов, что вышеприведенные латинские):

одновалентный предикат	*bere komoxtu*
двухвалентный предикат	*bere-k bozo ko₂iru.*

Здесь специфическим образом трактуется агенс двухвалентного предиката — он получает показатель эргатива.

III. «Активная» структура: имеется два типа показателей — один для актантов, осмысливаемых как активные, другой — для актантов, осмысливаемых как инактивные. Приведу пример из языка гуарани (по Боссону: Lingua, 1980, 50, с. 373—377). Для структур этого типа требуется четыре высказывания вместо двух. В приводимых примерах маркируется глагол, но от этого ничего не меняется. Возьмем, например, актант 2-го л. ед. числа «ты»; он маркируется в глаголе префиксом «активной» серии *re-* или инактивной серии *nde-* (3-е л., с которым оно здесь сочетается, не имеет показателя). Если предикат одновалентен, речь идет только о семантическом согласовании, без синтаксических следствий: «ты бежишь» vs. «ты голоден». Двухвалентный предикат предполагает следующую дифференциацию: предикат с активным префиксом = актант «ты» мыслится как активный в процессе с двумя участниками: «ТЫ видишь, трогаешь, бьешь ... (кого-то)»; глагол с инактивным префиксом = актант «ты» мыслится как инактивный в процессе с двумя участниками: «(некто) видит, трогает, бьет ТЕБЯ...»

	Активные префиксы	Инактивные префиксы
одновалентный	*re-ma'apo* «ты работаешь»	*nde-puru'a* «ты беременна»
двухвалентный	*re-juhu* «ты (его) трогаешь»	*nde-pele* «(он) тебя трогает»

Маркирование имени можно наблюдать на материале американских языков, описанных Спеком (American Anthropologist, 1907, v. 9, № 3, с. 470—483). В этих языках активный падеж на *-t* противопоставлен инактивному падежу на *-n/-Ø*.

Для актантной структуры такого типа становятся абсолютно несущественными противопоставления, важные при других обстоятельствах, такие, как субъект vs. объект, агенс vs. пациенс, переходный vs. непереходный. Действующий в данном случае механизм весьма прост: активные имена связаны с некоторым показателем (именным и/или глагольным), независимо от их функции. То, что мы в своих языках называем агенсом, является активным актантом двухвалентного высказывания, то, что мы называем пациенсом — инактивным актантом двухвалентного высказывания.

Возвращаюсь теперь к изложению рецензируемой работы.

Актантная структура активного типа естественным образом соответствует фундаментальному «бинаризму» протоиндоевропейской системы. Эту структуру можно изобразить следующим образом (V = глагол, N = имя, A = актив, In = инактив):

	Общая схема	Протои.-е схема
(1) одновалентные активные	N-A V	N-**os* V
(2) двухвалентные	N-A V N-In	N-**os* V N-**om*
(3) одновалентные инактивные	N-In V	N-**om* V

Опуская V и N как общие коэффициенты, можно получить схемы:

	Общая схема	Протои.-е. схема
(1) одновалентные активные	A	**-os*
(2) двухвалентные	A In	**-os* *-*om*
(3) одновалентные инактивные	In	**-om*

Таковы семантико-синтаксические основания протоиндоевропейского. Однако со времени общеиндоевропейского система изменилась и в результате долгой эволюции превратилась в другую, аккузативного типа. В самом деле, реконструкция, исходящая из исторически засвидетельствованных языков, ясно обнаруживает аккузативный характер системы накануне распада языковой общности, хотя и с ясно выраженными следами древней структуры активного типа. Авторы не допускают существования в древнейший период эргативной структуры. Эволюция «глубинной структуры языка» (понятие, которое постоянно используется в этой части книги) шла не от эргативной системы к аккузативной, но от активной конструкции к конструкции либо эргативной, либо аккузативной (с. 314—315). Что же при этом происходило?

«Глубинный» именной бинаризм (т. е. противопоставление актива инактиву), характерный для протои.-е. и выражающийся «поверхностно» в системе «активного» типа, распространился на другие сферы языка, в частности, на глагол, в связи с чем произошло разделение глаголов на «активные» и «инактивные» (более позднее сравнительно с именами). Это разделение впоследствии трансформировалось, в результате чего возникли «глубинная» субъектно-объектная и, соответственно, переходно-непереходная системы. «Поверхностная» активная конструкция, потерив смысл своего существования, также видоизменилась: вместо того, чтобы выражать различие между активным и инактивным актантами, она стала маркировать противопоставление субъекта и объекта. Другими словами, выражение синтаксической функции вытеснило выражение семантического класса. При этом почти автоматически произошла нейтрализация семантического противопоставления актива/инактива для единственного актанта одновалентного предиката: оказалось достаточным различать актанты двухвалентного предиката, субъект (или агенс) и объект (или пациенс). Организация двухвалентной глагольной синтагмы не изменилась ни по своему принципу, ни по форме: один показатель маркировал субъект (или агенс), другой— объект (или пациенс). Что касается субъекта одновалентного предиката в плане выражения, нейтрализация противопоставления актива/инактива привела к тому, что один из двух показателей исчез, уступив место другому (поскольку в действительности маркирование этого актанта вообще потеряло смысл). Отсюда две возможности: 1) показатель актива исчезает, показатель инактива — обобщается. Это приводит к структуре эргативного типа: по форме субъект одновалентного предиката совпадает с объектом двухвалентного; особый показатель сохраняется только у агенса двухвалентного глагола; 2) показатель инактива исчезает, показатель актива обобщается. Все это приводит к структуре аккузативного типа: субъект одновалентного предиката совпадает по форме с субъектом двухвалентного.

Между этапом протоиндоевропейского и этапом общеиндоевропейского имело место развитие по второму типу: «Происходит нейтрализация противопоставления именных образований на **-os* и **-om//-Ø*, которые могут уже выступать в качестве актанта — субъекта при одновалентных глагольных структурах как ряда **-mi*, так и ряда **-Ha»* (с. 316). Бывшие активные формы используются для маркирования синтаксической функции субъекта, бывшие инактивные формы — для маркирования синтаксической функции объекта. Общеиндоевропейская система выглядит так:

Падеж субъекта	Падеж объекта
**-[o]s*	**-[o]m*
**-om*	**-om*
**-Ø*	**-Ø*

Сюда же относится оппозиция **-Ø — *-m*, в которой показатель субъекта **-Ø* есть результат утраты **-s* после звонкого и ларингала (с. 183—184). Чисто фонологическое развитие было, должно быть, усилено следующей тенденцией аккузативной системы — слабо и вовсе не маркировать функцию субъекта, маркировать или сильно маркировать функцию объекта.

И.-е. система еще раз сравнивается с южнокавказской: их развитие оказывается взаимно дополнительным, поскольку южнокавказские языки пришли к структуре эргативного типа. Во всяком случае, по мнению авторов, два синтаксических типа — аккузативный и эргативный — не имеет смысла противопоставлять, ибо они фактически восходят к одному и тому же типу и являются «поверхностными» реализациями одной и той же «глубинной структуры».

Наконец, авторы резко критикуют попытки некоторых лингвистов (Уленбек, Вайан, Гендриксон, Мартине и т. д.) обнаружить следы эргативной структуры в и.-е.: эта гипотеза, по их мнению, неприемлема (с. 319). Такая строгость представляется чрезмерной, поскольку перечисленные ученые способствовали постановке проблемы и уже определили некоторые элементы ее решения.

Вообще говоря, и ход мысли, и реконструкции авторов вызовут, несомненно, оживленные споры. Теоретические постулаты, связанные с разделением на уровни (последние типичны для генеративистов: ср. «глубинный», «поверхностный»), могут вызвать раздражение у некоторых читателей. Однако здесь дело лишь в способе изложения и формулирования проблем. Фактически заслуга авторов состоит в показе того, что материал может либо рассматриваться в более широких рамках общей типологии, либо ограничиваться проблематикой и.-е. языка. Два примера:

1) Общая типология. Из приводимых авторами аргументов можно сделать следующий вывод (хотя в таком виде он нигде не сформулирован): неважно, маркирован или нет единственный актант одновалентного предиката. Поскольку он является единственным и в принципе обязателен, его функцию можно не указывать (т. е. можно указывать, а можно и нет). Эта тенденция широко представлена в языках мира: для единственного актанта наиболее характерно отсутствие показателя или слабое маркирование как в аккузативных, так и в эргативных языках. Только так называемая «активная» структура с необходимостью требует маркирования единственного актанта, но по семантическому, а не функциональному признаку.

2) Индоевропеистика. Если до некоторой степени допускать возмож-

ность существования в индоевропейском древнего эргатива, как это делали многие авторы в течение последних пятидесяти лет (Vaillant, BSL, 1936 и т. д.), исходя из реконструкции именной флексии, приходится наряду с этим постулировать существование одной из двух структур — эргативной, если противопоставлять двухвалентный предикат и одновалентный предикат с инактивным актантом, и аккузативной, если противопоставлять двухвалентный предикат и одновалентный предикат с активным актантом. «Эргативная» гипотеза в индоевропейском не является самодостаточной. Факты таковы, что требование более простой формулировки этой гипотезы приводит к ее замене гипотезой активной системы. Нельзя не признать очевидное: если тождество реконструированных флексионных форм совпадает с тождеством синтаксических функций, то, следовательно, синтаксис индоевропейского языка был того же типа, что и синтаксис гуарани.

Другие синтаксические проблемы исследуются в гл. 6 «Типология грамматической синтагматики общеиндоевропейского языка» (с. 320—368), в которой известные факты по-новому формулируются и интерпретируются, иногда неожиданным образом. И здесь реконструкция также сопровождается типологическими аргументами. В результате авторы реконструируют модель SVO, соответствующую, по их мнению, тому, что можно было бы ожидать от языка активного типа. Среди прочего мы узнаем, что структура индоевропейского простого предложения очень близка к той, которую обнаруживают североавстралийские языки. Кроме того, по-новому осмыслены пассивный и средний залоги, первый — на основе постулатов порождающей грамматики, второй — с привлечением системы различных «версий» грузинского (и вообще южнокавказских языков). Все это хорошо обосновано и вызывает большой интерес, хотя некоторые положения почти шокируют. Во всяком случае, и в связи с упомянутыми темами можно ожидать оживленных дискуссий.

Последний раздел первой части также способен привести к острой борьбе мнений... Речь идет о третьем разделе «Ареальные структуры общеиндоевропейского языка», содержащем единственную главу — 7. «Членение индоевропейской языковой общности» (с. 369—428). Исходя из тщательно проработанных грамматических, фонологических и лексических изоглосс, авторы предлагают классификацию и.-е. диалектов и указывают на последовательность этапов их расчленения (7 фаз): 1) Общеиндоевропейский; 2) Внутреннее разделение на группы A и B; 3) Отделение анатолийского от A; 4) Выделение группы B и остатка группы A (тохаро-кельто-италийский); 5) Отделение тохарского от группы A; разделение группы B на индо-ирано-греческо-армянский и балто-славяно-германский и т. д. Таким образом заканчивается первая часть, насыщенная и местами перенасыщенная информацией, но захватывающая, написанная с большим умом, во многих местах являющая читателю яркую новизну, а иногда даже и революционность. Это собственно лингвистическая часть книги, и поэтому здесь ей было уделено преимущественное внимание, хотя и пришлось ограничиться беглым обзором с несколькими остановками. Вторая часть рецензируемой книги будет рассмотрена очень кратко, разумеется, не потому, что она менее интересна (читать ее намного легче), но потому, что она посвящена проблемам культуры, как следует из ее названия: «Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры». Способы исследования здесь крайне разнообразны, при этом предпочтение отдается сравнительной лингвистике (генетической и ареальной) и археологии, с частым обращением к истории реалий и общей «культурологии». Обнаруживаемое при этом богатство эрудиции поистине не имеет себе равных.

Первый раздел второй части — «Семантический словарь общеиндоевропейского языка» (с. 457—855) — имеет целью реконструировать концептуальный и практический универсум индоевропейцев, исходя из лексем, понятий и реалий, общих для них в период, предшествующий разделению, во всех областях человеческого опыта. Рассматриваются понятия, относящиеся к миру живого (боги, люди, животные, растения), к природной среде, к климату; к производительной деятельности и орудиям труда; к социальному и экономическому устройству, к системе родства; к концепции мироздания, к религии и ее обрядам; во всех видах нормализации — в текстах и поэтической речи, в системах счисления и метрике. Приведенный сухой перечень не способен, разумеется, отразить того удовольствия, которое получаешь от 400 страниц текста, читающегося как роман, несмотря на серьезность аргументации (пусть даже не всегда убедительной) и на необъятность иллюстративного материала.

Вторая часть (с. 856—957), несомненно, станет объектом жарких дискуссий, причем следует ожидать резких возражений, относящихся и к фактам, и к теоретическим принципам их рассмотрения. Дело в том, что речь идет о том, чтобы локализовать с высокой степенью точности колыбель индоевропейцев, их «прародину» (Urheimat), и проследить пути, приведшие их к местам исторического обитания после завершения расселения. Это является третьей революционной «теорией» авторов, или, как ее уже называют некоторые ученые, «восточной гипотезой».

На протяжении V тысячелетия и в начале IV до н. э. индоевропейцы занимали пространство к востоку от Анатолии, к югу от Малого Кавказа и к северу от Месопотамии. К северу это пространство доходило до верховьев Аракса, к югу — до Месопотамии и Ассирии. К востоку это пространство простиралось до долготы Тебриза, к западу — до верховьев Евфрата, включая притоки Евфрата и Тигра. В конечном счете получается, что прародина индоевропейцев, захватывая окрестности озер Ван и Урмия, приблизительно совпадала с территорией Кардуха и юга древней Армении.

Именно из этих мест, начиная с IV тысячелетия, выходят этнические и диалектные группы, которые в будущем заселят Евразию. Некоторые из них были уже практически как бы у места назначения, например, анатолийцы, армяне, греки (во всяком случае, азиатские), часть арийцев. Другим, наоборот, пришлось преодолеть огромные пространства, пробираясь обходными путями, так что реконструкция их маршрута представляет собой длинную извилистую линию.

Таким образом, большая часть миграций принимает направление, противоположное общепризнанному. Так, «староевропейская» группа, от которой впоследствии отделились кельты, италийцы и т. д., обогнула Каспийское море с востока и добралась на севере до Аральского моря. Но прежде чем повернуть на запад, эта группа задержалась на «второй прародине» (как ее называют авторы) — на юге Балкан и России, между Дунаем и Уралом, где она пребывала долгое время. Допущение этой тысячелетней остановки означает возврат к классически признанному пути миграции к западу через центральную и южную Европу (к тому же и само понятие «староевропейский», заимствованное, по-видимому, у Краппа, в некотором смысле означает возврат к традиции).

Все эти гипотезы тщательно выстроены и подкреплены доказательствами, на которых следует остановиться подробнее. Они разнообразны по своей природе и апеллируют к многочисленным областям знания, начиная от наиболее традиционных (классическая филология), и кончая наиболее современными (такими, как историческая климатология или эпидемиология), причем первые из этих дисциплин подкрепляются данными вторых и наоборот. Вот один из множества примеров: маршрут группы народов, разговаривавших на «строевропейских» диалектах, устанавливается, с одной стороны, с помощью археологии (с привлечением огромного количества свидетельств), гидронимики и сравнительной лексикологии, но, с другой стороны, также и с помощью данных по истории чумы (особенно на основе исследования Леруа Лядюри), которые сопоставляются с распространенностью названия грызуна — переносчика чумы. Вывод: этнос, из которого позже выделились латиняне, балты, славяне и т. д., ко времени проникновения в Европу уже обладал иммунитетом против чумы, что предполагает предшествующее длительное пребывание в Центральной Азии (в областях, прилегающих к Аральскому морю).

Большая часть доказательств опирается на археологические и доисторические свидетельства. Поэтому можно приготовиться к резким и, возможно, даже нескончаемым спорам: обращение с реалиями производит одновременно впечатление чрезмерной непринужденности и определенной затрудненности; можно ожидать «буковой войны», «березовой войны» и других схваток. Во всяком случае, лингвисты должны хорошо взвесить свои доводы в споре, ибо наиболее веские доказательства затрагивают «ареальные» отношения между многими языковыми семьями и в конечном счете опираются на филологию. Даже если «восточная» гипотеза не будет принята, придется находить решения для многих важных проблем. Например, один из главных аргументов локализации прародины между Араксом и северной Месопотамией состоит в констатации двух фактов. Лексические заимствования, с одной стороны, между индоевропейским и семитским и, с другой — между южнокавказским и индоевропейским имели место — это подтверждается сравнением форм — до дифференциации каждой из этих языковых семей; следовательно, их нужно отнести к периоду общеиндоевропейского, общесемитского, общеюжнокавказского. Это предполагает продолжительные связи между упомянутыми группами в древнейшую эпоху, вплоть до III тысячелетия до н. э. Такие факты получают наилучшее объяснение, если допустить, что эти народы в период, близкий к IV тысячелетию, занимали соседние или даже частично соприкасающиеся территории. Все изложенное требует подробного обсуждения, но любые решения следует принимать с учетом явлений, открытых авторами книги, и тех новых требований, которые с ними связаны.

Однако главный вывод, к которому приходишь по прочтении этого итогового труда, состоит в том, что отныне компаративисты, лингвисты и историки должны будут отвечать на огромное количество вопросов, основанных на новых или обновленных концепциях или формулировках. И давая какие бы то ни было ответы, придется осмысливать массу фактов, на которые опираются доказательства, по большей части весьма убедительные. Добавлю, что и неискушенный читатель, не вовлеченный в споры специалистов, многое почерпнет из рецензируемой книги, ибо она представ-

ляет собой энциклопедию и.-е. языков и культур. Книга эта не имеет себе равных и охватывает в мельчайших деталях всю совокупность проблем, опираясь на исчерпывающие и надежнейшие источники, список которых насчитывает две тысячи названий. Можно уверенно утверждать, что данный труд, несмотря на свои монументальные размеры, легок для прочтения благодаря большому количеству четких подразделений, воплощающих замысел книги, и особенно благодаря указателю на двухстах страницах (имеется даже четырехстраничный «индекс к „указателям"»): с помощью всего этого можно сразу же найти то, что нужно, даже если это мелочь.

Итак, мы вправе теперь считать, что читатель хорошо подготовлен к путешествию, в которое зовут его авторы книги, ибо входить в этот мир нужно так, как когда-то проникали в огромные итоговые произведения прошлого века, например, в «Феноменологию духа»: путешественник был увлечен движением и восхищен непреодолимым натиском идей. Таково свойство великих произведений прошлого. Подобно им, эта великолепная книга, несмотря на ее современность, не только дарит нам соблазны, но и подвергает испытаниям.

Шарашидзе Ж.
Перевела с французского *Гулыга О. А.*

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. **Индоевропейский язык и индоевропейцы.** Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I — II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. XCVI + 1328 с.*

Фундаментальные лингвистические работы, являющиеся трудом многих лет жизни, всегда вызывают восхищение. Тем более, что со времен монументального «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» К. Бругмана и Б. Дельбрюка (Strassburg 1893—1900) обобщающих трудов по индоевропеистике не выходило. За эту сложную задачу не взялся даже А. Мейе, хотя его «Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes» намного содержательнее, чем позволяет предположить непритязательное название этой книги.

Начнем с композиции рецензируемой книги. Каждый том соответствует одной части. Первая часть, озаглавленная «Структура общеиндоевропейского языка», состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен фонологической системе и морфонологии общеиндоевропейского языка и включает в себя четыре главы: 1) «Три серии индоевропейских смычных. Парадигматика и синтагматика» (с. 5—80); 2) «Локальные ряды индоевропейской системы смычных и сибилянтных спирантов. Парадигматика и синтагматика» (с. 81—151), 3) «Система гласных и теория морфонологических чередований. Сонанты и „ларингальные" в индоевропейском» (с. 152—214); 4) «Структура индоевропейского корня» (с. 215—263). Второй раздел — «Анализ грамматической структуры общеиндоевропейского языка» — содержит две главы: 5) «Праиндоевропейский как язык активной типологии» (с. 267—319) и 6) «Типология грамматической синтагматики общеиндоевропейского языка» (с. 320—368). Наконец, третий раздел — «Ареальные структуры общеиндоевропейского языка» — состоит из единственной главы — «Членение индоевропейской языковой области» (с. 371—428). Вторая часть — «Семантический словарь общеиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры» — содержит два раздела, первый из которых — «Семантический словарь общеиндоевропейского языка» — объединяет главы, посвященные названиям мира «живого» — богов, человека и животных (домашних и диких), названиям растений и их ритуально-культового использования, а также группам слов, относящихся к географической среде (климату, рельефу, метеорологическим явлениям, небесным телам), хозяйственной деятельности (земледелию, скотоводству, ремеслам, транспорту), материальному быту, структуре духовных понятий, мифологической картине мира, медицине, погребальным обрядам, счету и хронологии, поэтическим и ритуальным текстам. Второй раздел второй части — «Хронология общеиндоевропейского языка. Проблема индоевропейской „прародины" и пути миграции индоевропейских племен в исторические области расселения» — состоит из двух глав, из которых первая посвящена ареальным и хронологическим характеристикам общеиндоевропейского языка (это делается на основе языковых и историко-культурных данных), вторая — миграциям племен. Завершая этот пространный обзор, добавим, что во Введении (8 страницы, не входящие в основной текст) приводится список исторически засвидетельствованных языков и диалектов индоевропейского, здесь же сформулированы методические позиции авторов. Книгу завершают обширная библиография и указатели. Отметим также ее превосходное полиграфическое исполнение.

Не ставя себе целью вдаваться в детали (что для рецензента было бы заведомо невыполнимым) займемся в первую очередь вопросами собственно лингвистическими, оставляя в стороне семантику, культуру и историю, рассмотрение которых не входит в нашу компетенцию.

Как известно, реконструкция и.-е. языка, ведущая начало со времен младограмматиков, порождает в высшей степени сложные типологические проблемы. Так, три серии смычных — глухие ($p, t, ṭ, k, k^w$), звонкие (b, d, g, g^w), звонкие придыхательные (b^h, d^h, g^h, g^wh), которые обычно постулируют, удовлетворительны с точки зрения сравнительного языкознания и позволяют без труда обосновать консонантные системы различных и.-е. языков. Однако при более глубоком подходе можно заметить, что:

— такая система не находит типологических параллелей (авторы подвергают сомнению данные австронезийского языка келабит, описанного Бластом, доказывая, что придыхательность в нем является позиционной),

— эту систему не сохранил ни один из ин.-е. языков: имеются системы либо с четырьмя сериями смычных (глухие/звонкие/глухие придыхательные/звонкие придыхательные, например, в санскрите), либо с тремя сериями (смычных, как в греческом, где представлены глухие, звонкие и глухие придыхательные, или с двумя сериями смычных и одной серией спирантов, как в латыни, или с одной серией смычных и двумя сериями спирантов, как в германском), либо системы только с двумя сериями, как в балто-славянском.

Неоднократно предлагались различные решения этой проблемы: четыре серии смычных для индоевропейского (к сожалению, существование серии глухих придыхательных еще далеко не доказано), или же три серии, но с противопоставлением глухих (давших звонкие)/глухих придыхательных (давших звонкие придыхательные)/звонких (давших глухие), как у Х. Педерсена, или же вождаемыми звонким придыханием, и т. п. Авторы рецензируемой книги выдвигают предположение о существовании глоттализации и постулируют серию глоттализованных смычных (p'), t', k' (которые позднее перешли в простые звонкие), серию звонких придыхательных и серию глухих придыхательных — различительным признаком двух последних серий является звонкость, что и ведет к известным различиям в трактовке придыхательности в отдельных языках. В книге этот тезис хорошо обоснован и представляется весьма заманчивым.

Другая типологическая проблема встает при рассмотрении вокалической системы протоиндоевропейского языка. Если постулировать, что **i* и **u* были сонантами, что **a*, которое не участвует в чередованиях, есть результат особой «окраски» **e/o* после ларингала (**H*$_3$) и что **o* в древний период не существовало, можно прийти к выводу, что праиндоевропейских гласных была монофонематической, содержащей обычно реконструируемую гласную **e*, противопоставленную ∅. Однако нигде еще не обнаружено системы с одной (т. е. с фонологической точки зрения равносильной ∅) гласной (данные некоторых языков Северного Кавказа, например, кабардинского и абазинского, представляются сомнительными), и авторы не идут по этому пути, постулируя для древнейшего состояния **i*, **u* и гласную нижнего подъема, близкую к *a*. Классическая система *a*, *e*, *i*, *o*, *u* появляется только после фонологизации позиционных вариантов. Такое построение следует признать разумным и лучше обоснованным, чем моновокалическая точка зрения.

Одна из главных идей Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова заключается в том, что в индоевропейском существовало два класса имен, противопоставленных по признаку *активность ~ неактивность*, и что каждому классу соответствовал отдельный класс глаголов, причем показателями «активного» класса глаголов были **-s/*-os*, а «неактивного» **-or*, **-t'*, **-t*[*h*], **-k*[*h*], **-∅*. Им соответствовали две серии глагольных окончаний **-m* (*i*), **-s* (*i*), **-t*[*h*]*i* и **-Ha*, **-t*[*h*]*a*, *-∅*, представлявшие собой первичные и вторичные окончания презентного аориста и окончания перфекта и медиума в и.-е. языках. Чтобы объяснить существование окончаний 1 и 2-го лица в парадигме **Ha*, авторы предполагают, что исконно имелась только форма 3-го лица на **-e* и что два первых лица оформились уже после того, как противопоставление

* Перевод рецензии, опубликованной в «Bulletin de liaison du Centre d'études Balkaniques, 1987, № 6» [Paris].

чено. Последнее, по мнению авторов книги, хорошо сохранилось в хеттском (глаголы на *-*mi*/глаголы на *-*hi*).

Анализируя формы актантов в связи с выделенными типами глаголов, авторы приходят к выводу, что протоиндоевропейский был, подобно некоторым современным американдейским языкам (группы на-дене, сиу, тупи-гуарани), языком *активного*, т. е. не «аккузативного» и не «эргативного» типа, и что он стал аккузативным языком в более позднее время.

Идея об исконно бинарном противопоставлении в системе и.-е. глагола не нова, но соотнесение ее с системой имени осуществлено впервые. Тем не менее нельзя не признать отнесение праиндоевропейского к языкам «активного» типа слишком смелым. Не говоря уже о том, что языки, в которых этот тип представлен, весьма редки, следует отметить, что постулируемая авторами строго бинарная оппозиция едва ли могла быть источником смешанных структур. Кроме того, авторов как будто бы затрудняет деление глаголов на атематические и тематические, причем последние они считают позднейшей инновацией, связанной с развитием видовых противопоставлений. Природа видовых противопоставлений не уточняется. Подчеркнем, наконец, что тесное семантическое взаимодействие перфекта и медиума не проясняет различий в их образовании. Представляется, что данные, позволяющие установить относительную хронологию парадигм на *-*mi* и на *-*o* или хронологию перфектных и медиальных форм, отсутствуют. Предположение Ф. Бадер, в соответствии с которым исконно существовала оппозиция между активным типом (*-*ti*) и медиальным типом (*-*e*), из которого развился тип тематический, не принимается во внимание. То же касается точки зрения Вл. Георгиева о существовании тройного аспектуального противопоставления д л и т е л ь н о е ~ т о ч е ч н о е ~ р е з у л ь т а т и в н о е. Происхождение индоевропейских глагольных категорий таит в себе еще много тайн, и теория Гамкрелидзе — Иванова, как бы интересна она ни была, не исчерпывает дискуссии.

Вопросы, затронутые в настоящей рецензии, составляют, разумеется, лишь малую часть всех проблем, связанных с фактами, гипотезами и материалами этой книги, которая обещает стать самым значительным трудом по индоевропеистике второй половины XX в.

Фёйе Ж.

Перевела с французского *Гулыга О. А.*

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. **Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры.** Ч. I — II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. XCVI + 1328 с.

Приступая к общей характеристике фундаментального труда Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, следует, вероятно, подчеркнуть, что это прежде всего нетривиальная во всех отношениях работа, посвященная проблемным вопросам современной индоевропеистики. Многогранность обсуждаемой в ней проблематики и новизна многих авторских решений позволяют не сомневаться в том, что она окажет активное стимулирующее воздействие на развитие всего сравнительного — в широком смысле слова — языкознания, независимо от отношения к ней тех или иных исследователей. Вряд ли будет ошибкой сказать, что в этом труде содержится в какой-то степени итог более чем тридцатилетней работы ее авторов в области теории и истории языка.

«Настоящая книга,— отмечают авторы,— излагает результаты наших сравнительных исследований по индоевропейским языкам и реконструкции праиндоевропейского языкового состояния, из которого и выводятся исторически индоевропейские языки. При этом праиндоевропейская система рассматривается в типологическом сопоставлении с другими языковыми системами, в особенности с системами смежных географических ареалов, с которыми праиндоевропейская система должна была находиться в определенных отношениях в течение длительного периода» (с. IX). Вместе с тем языковые данные исследуются «в тесной связи со всеми аспектами человеческой культуры» (там же), что делает значение работы выходящим далеко за пределы собственно языковедческой проблематики. Путь исследования от языка к обществу обозначает и самой композицией книги.

В первой ее части (с. 1—428), рассматриваются ключевые вопросы прежде всего фонологической и морфологической структуры праиндоевропейского праязыка, а также характерные процессы, представившие суть последующего развития праситемы в различных индоевропейских микросемьях и конкретных языках. Здесь же предпринимается типологическое сопоставление праиндоевропейского состояния с другими, неиндоевропейскими языковыми системами и намечаются его ареальные характеристики — как в плане изоглосс внутри самой индоевропейской общности, так и в аспекте ее внешних контактов.

Вторая часть делится на два раздела. Первый — «Семантический словарь общеиндоевропейского языка» (с. 465—855) содержит анализ реконструируемой общеиндоевропейской лексики — прежде всего той, которая отражает окружающий мир и представления людей, материальную и духовную культуру эпохи. Второй ее раздел — «Хронология общеиндоевропейского языка. Проблема индоевропейской „прародины" и пути миграций индоевропейских племен в исторические области расселения» (с. 856—957) — посвящен соотнесению реконструированных праязыка и протокультуры индоевропейцев с предположительным временем и местом их существования. Авторы определяют соответствующую эпоху временем пятого или, во всяком случае, не позднее четвертого тысячелетия до н. э., а ареал — как зону Средиземноморья и Передней Азии, т. е. пространство от Балкан до Ближнего Востока и Закавказья, вплоть до Иранского плоскогорья и Южной Туркмении. Высказываются также предположения о времени и путях миграции носителей древних индоевропейских диалектов при их распространении с предполагаемой прародины на места исторически зафиксированного бытования. Этот раздел во многом суммирует предшествующее изложение, вводя обе реконструированные праситемы — лингвистическую и культурную — в контекст реального мира и прослеживая затем судьбу в нем языков и культур, продолжающих эти праситемы.

Помимо исследовательской части, книга содержит продуманную систему вспомогательных разделов. Собственно исследованию предпослано краткое авторское предисловие, знакомящее читателя с задачами и структурой книги, предисловие Р. Якобсона, обзор древнеписьменных источников и принятый справочный аппарат. Предваряет основную часть вводная теоретическая глава «Языковая система и предпосылки диахронической лингвистики» (с. LXXIII—XCVI). В небольшом послесловии к книге дается обзор работ, вышедших в основном уже по завершении подготовки книги к печати, и авторская реакция на содержащиеся в них идеи. Завершают книгу: обширная, тщательно подобранная библиография (с. 971—1113), указатели (сост. Н. А. Джавахишвили, с. 1115—1316), а также отдельные исправления и дополнения (с. 1317—1328).

Особенностью труда является то, что он не представляет собой индоевропейской грамматики традиционного типа. Решающее внимание в нем уделено аспекту исследования, который можно определить как «объяснительный»: при характеристике наиболее архаичного состояния общеиндоевропейского языка и его последующих преобразований авторы излагают материал, исходя из его системной организованности в синхронии и из причинных связей процессов трансформаций — в диахронии. Выявление содержательного ядра в организации праязыковой системы и в причинах ее преобразований делает авторскую интерпретацию исторического процесса особенно убедительной. Тем самым труд оказывается результатом органического сплава достижений традиционной компаративистики и содержательно ориентированной типологии. Авторская позиция ощущается здесь в каждом параграфе, а высокий удельный вес новых идей авторов позволяет говорить об их работе как о подлинно новаторской.

Для раскрытия последнего качества книги достаточно выделить ее несколько ключевых по своей значимости пунктов. Так, в итоге радикального пересмотра традиционной концепции праиндоевропейской фонологической системы, и в частности, подсистемы консонантизма, авторы сформулировали принципиально новую его теорию, получившую в мировой компаративистике название «глоттальной». В ее свете заново интерпретирована система трех коррелирующих серий смычных согласных фонем праиндоевропейского состояния (с. 5 и сл.). Суть ее, конспективно отраженная и в более ранних работах Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова (см. [1—4]), состоит в следующем. Постулировавшаяся традиционно система трех серий смычных согласных I — звонкие простые *d*, *g* (но практически без *b*), II — звонкие придыхательные *bh*, *dh*, *gh*, III — глухие (простые) *p*, *t*, *k* не находила типологической поддержки в закономерностях организации фонемной парадигматики в других языках,— как в плане наличия серии звонких придыхательных фонем при отсутствии глухих придыхательных, так и в отношении ущербной представленности или отсутствия *b* (при наличии *bh*, *p*). Авто-

ры реинтерпретировали эту троичную систему, трактуя все три серии иначе: I — незвонкие глоттализованные t', K' (о последнем см. также ниже; p' встречается редко или отсутствует), II — звонкие, III — глухие, с реализацией двух последних в виде придыхательных и непридыхательных аллофонов (типа d^h/d и t^h/t соответственно).

Такая интерпретация, согласующаяся с многочисленными аналогиями в других языках и соответствующая статистически наиболее вероятным структурным закономерностям строения фонологических систем, позволила, в свою очередь, по-новому взглянуть на соотношение архаизмов и инноваций в различных ветвях индоевропейской языковой семьи. В частности, в германской, армянской и, возможно, хетто-лувийской системах рефлексы трех серий смычных оказались наиболее близки к их индоевропейским прототипам. Особенно показательно в этом плане отражение согласных I серии как незвонких, имеющее, кстати, типологическую поддержку в диалектах удинского и лезгинского языков, где глоттализованные при дезабруптивации переходят в «простые» глухие [5—6]. Глухая реализация согласных I серии сохранялась и в древних индоиранских диалектах на морфемных швах в эпоху действия «закона Бартоломе» в качестве следствия одного из его правил (см. с. 32 и сл.). Серии II и III уже в диалектах общеиндоевропейского состояния допускали, помимо неаспирированной и аспирированной, также спирантную артикуляцию согласных — в качестве одного из способов презентации аспирированных вариантов. Этот старый — спирантный — тип реализации и возобладал в прагерманском (с. 36) [1].

Существенными представляются уточнения, внесенные авторами в проблему локальных рядов согласных; в книге (с. 85 и сл.) получила поддержку и дальнейшее развитие теория трех рядов раннеиндоевропейских «гуттуральных»: велярного, лабиовелярного и палатализованного (т. е. $K' = k'$, k'^{o}, $\hat{k}'$ и т. д.) и выдвинута интересная идея о наличии также трех фонем-сибилянтов с теми же резонансными признаками (*s, *s^{o}, *$\hat{s}$). Реконструируются для этого периода, кроме того, и поствелярные (увулярные) *q', *$q[^{h}]$. Все эти ряды прослеживаются в виде их закономерных рефлексов в разных индоевропейских языках и находят свои типологические параллели (в том числе в живых индоиранских языках, см. [9—10]). Предполагаемые авторами для той же эпохи лабиализованные дентальные *t'^{o}, *$d[^{h}]^{o}$, *$t[^{h}]^{o}$ типологически вполне вероятны [11], однако их дальнейшее развитие указывает на то, что это были скорее сочетания согласных с сонантом */u̯/ в виде CS или даже CSS (типа *du, *$duu̯$, ср. с. 195—197), а их стяжения (типа *$du̯$, *$tu̯ > b > w$, v) — вторичны и проходят по разным языкам в различных условиях.

В разделах о системе гласных и сонантов (с. 152—214) рассмотрены практически все проблемы этого цикла. Существенным представляется, в частности, положение о том, что вокализация *$m̥$, *$n̥$ в виде *a была свойственна тем диалектам (предкам индоиранских языков и греческого), в которых [i] и [u] еще не входили на том этапе в систему гласных фонем, а представляли слоговые варианты сонантов (с. 199). Для истории иранских языков, например, это положение существенно еще и потому, что здесь вокализация *$m̥$, *$n̥$ проходила через промежуточный этап в виде некоего гласного — переднего ряда либо продвинутого вперед (типа *[æ̃] → [æ], [ä]), который до некоторой степени (менее, чем *i, *e) палатализовал предшествовавшие ему гуттуральные, пока не слился с единственной существовавшей к той эпохе гласной фонемой *a. Следы этой палатализации сохранились в иранских языках. Возможно, сходный промежуточный этап был пройден и древнеиндийскими диалектами, однако последующее сильное парадигматическое выравнивание (особенно в санскрите) изгладило здесь в большинстве случаев его следы. Ср. авест. *ǰasaiti* ~ др.-инд. *gacchati* «идет» с продолжениями инд.-ир. **ǰā-* < и.-е. **$k'^{o}m$-* (от корня **gam-* < **$k'^{o}em$-* «идти»), но авест. *ǰata-* ~ др.-инд. *hatá-* — причастие на **-ta-* с продолжением инд.-ир. **ǰhä-* < и.-е. **$g[^{h}]^{o}n̥$ - (от корня **ghan-* < < **$g[^{h}]^{o}en$-* «бить, убивать», ср. наследующие общеир. причастию **ǰata-*: перс. *zād* «ударил», шугн. *zīd*, язг. *žūd* «убил» и т. п.); материалы см. [7, с. 30—31].

Новая концепция трех серий согласных и уточнение их локальных рядов позволили авторам пересмотреть закономерности фонологической структуры корня в раннем индоевропейском, вследствие чего фонемные ограничения в структуре корня впервые получили непротиворечивое объяснение.

Структуре корня вообще уделено большое внимание в книге (см. с. 215—256), причем именно «глоттальная» теория позволяет объяснить ряд особенностей строения его консонантного костяка. Так, запрет на сочетаемость двух согласных I серии в корне типа CVC-связывается с артикуляционным неудобством последовательности двух глоттализованных (что поддерживается данными многих языков, имеющих эту серию)... Согласные каждой из остальных серий совместимы в одном корне, но — для II серии — с разными показателями аспирации. Это дает возможность трактовки «закона Грассмана» не как диахронического правила дезаспирации ранних аспират в древнеиндийском и греческом, а как синхронной общеиндоевропейской закономерности распределения в корне придыхательных и непридыхательных аллофонов.

«Глоттальная» теория внесла коррективы и в интерпретацию процессов, происходивших на морфемных швах. Особенно существенна в этом плане реинтерпретация «закона Бартоломе». В свете данной теории становится понятным, почему в греко-арийских диалектах при сочетании корня с исходом на согласную II серии с морфемой, начинающейся согласной III серии, стык морфем реализовался как сочетание непридыхательного с придыхательным (при ассимиляции по звонкости в арийском, по глухости — в греческом и с последующей утратой аспирации). Становится также понятным, почему конечная корневая согласная I серии отражается в этой позиции как глухая (см. с. 32 и сл.). Последовательность согласных в корне и процессы на стыке морфем уточнены в работе и в отношении их локальных рядов (с. 144 и сл.).

В разделе «Анализ грамматической структуры общеиндоевропейского языка» (с. 265 и сл.) воссозданы морфосинтаксическая система праиндоевропейского состояния и основания ее дальнейшей трансформации в индоевропейских языках. Раскрытая авторами диалектика взаимодействия плана содержания и плана выражения в истории индоевропейских языков позволила им впервые последовательно обосновать принадлежность ранней праиндоевропейской системы к языкам активной типологии, с одной стороны, и проследить развитие в ней черт нового, номинативного строя,— с другой. В книге выделяется несколько хронологических срезов праиндоевропейского состояния, наглядно демонстрирующих этот процесс.

Особый интерес представляет разработка авторами синтаксического аспекта грамматики. В посвященных ему параграфах (с. 320—368) содержится фактически ключ к пониманию целого ряда сдвигов в морфологической структуре — как в отношении функций аффиксов и флексий, так и — на более позднем этапе — в плане развития превербов, адвербов, предлогов, послелогов в отдельных индоевропейских языках.

Уточнения в представления о начальных этапах дивергенции праязыковой системы (не только индоевропейской, но и праязыковой вообще, что существенно в методическом плане) вносит раздел, посвященный ареальной неоднородности индоевропейского языка. В методическом отношении особенно важны здесь разработанные на большом материале идеи о неодинаковой ценности показаний разноуровневых изоглосс (с. 369 и сл.) и о хронологической стратификации наиболее существенных (морфологических) изоглосс (ср. особенно с. 393 и сл.). Справедливое положение авторов о том, что утрата или переосмысление того или иного структурного элемента в разных диалектах не подразумевают их обязательного общего развития (поскольку такие процессы могли протекать в диалектах параллельно), подкрепляется рядом примеров. К одному из них — примеру продолжения в разных языках в функции относительных местоимений одной из двух индоевропейских основ: **i̯o-* или **$k[^{h}]^{o}i$-* (с. 387),— можно добавить, что утрата второй основы могла быть относительно недавней. Так, в диалектах общеиранского состояния сохранялись рефлексы обеих основ. В дальнейшем они продолжались или исчезали в разных иранских языках параллельно, независимо от генетической группировки последних. Ср. относительные местоимения (и наследующие им служебные элементы) из рефлексов **i̯o-* (> ир. **i̯a-*) в небольшой части языков (авест., др.-перс. *ya-*, ср.- перс. *ī*) и из рефлексов **$k[^{h}]^{o}i$-* (> ир. **čī-*) в подавляющем большинстве живых и вымерших языков западной и восточной групп. Последняя основа наблюдается в одних языках преимущественно в относительном значении [иногда с переходом их в разряд союзных слов и союзов (например, афг. *cə*, шугн. *ca*, язг. *čə*) или в служебные элементы типа «изафетного» показателя при определяемом перед определением, например, парф. *čē*], в других — а таких

[1] Спирантная реализация аспирированных возобладала и в части диалектов общеиранского состояния: спирантность аспирированных II (звонкой) серии (охватившая затем все звонкие согласные, включая озвончившиеся I серии) в восточной группе диалектов и спирантность аспирированных III (глухой) серии,— в основном, в западной (подробнее [7, с. 24—26, 213—214]). При этом в позиции после **#s-* фонемы III серии в общеиранском реализовались без придыхания (по типу **sp-*, см. [8]), в отличие от древнеиндийского, где унифицировался тип *sph-*.

значительно больше — в вопросительном и относительном (что сочетается с использованием в относительной функции и других вопросительных местоимений, включая вторичные производные, см., например [12—14]). Ср. также соотносительное употребление *či-ta* и *ya-ta* в древнеперсидском языке [15].

Разделы, посвященные семантическому словарю общеиндоевропейского языка (с. 457 и сл.), представляют самостоятельную ценность. За ними стоит большая и скрупулезная работа авторов — не только в сфере поисков и критического отбора конкретных этимологий, но и классификации лексики по семантическим группам, ее интерпретации и соотнесения с историческими реалиями и понятиями. Словарь проливает свет на окружающую природу и характер культуры носителей индоевропейских диалектов. Его разработка, в частности, позволила авторам воссоздать картину окружающей среды, хозяйственного уклада, общественной структуры, духовной жизни индоевропейцев.

В свете реконструированных как языковых, так и неязыковых данных авторы выдвигают концепцию переднеазиатской прародины индоевропейцев, что согласуется с их интерпретацией праиндоевропейской фонологической системы, включающей серию глоттализованных согласных (подобно другим историческим языкам этого ареала), а также с квалификацией индоевропейской культуры как принадлежащей к кругу древних ближневосточных. В пользу этой концепции говорят и обобщенные авторами исследования в области древнего индоевропейско-семитского и индоевропейско-картвельского языкового взаимодействия.

Подытоживая сказанное, следует подчеркнуть, что в целом труд Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова является плодом применения современных методов сравнительно-генетического, типологического и ареального исследования к огромному фактическому материалу живых и исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. Вместе с некоторыми предшествовавшими публикациями авторов он закрепляет приоритет советской науки в решении одной из наиболее актуальных проблем современного сравнительного языкознания (к сходным выводам относительно «глоттальной» схемы индоевропейского консонантизма пришли в своих недавних публикациях и такие видные компаративисты, как П. Хоппер, Т. Веннеман, Ф. Кортландт и др.). Вместе с тем данный труд может служить и ярким свидетельством общего высокого уровня развития, достигнутого советским языкознанием.

Показательно, что концепция авторов уже получила признание со стороны ряда крупнейших представителей современной лингвистической науки (ср. публикации В. Лемана, М. Майрхофера, Э. Поломе, А. Мартине и др.), отмечающих, что труд Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова по существу открывает новую парадигму в индоевропейском сравнительном языкознании. Очевидным признанием значимости рецензируемой книги явилась также подготовка перевода ее на английский язык в США. Даже в том случае, если дальнейшее развитие науки не подтвердит какие-либо из положений авторов работы, бесспорно, сохранится ее огромная роль в пропаганде отечественной науки, в воспитании кадров языковедов-компаративистов.

Целесообразно отметить, что, помимо высокой собственно исследовательской ценности этого труда, он служит также образцом научной этики: его характеризуют исчерпывающая полнота отсылочного аппарата при использовании идей предшественников, а также корректность полемики с оппонентами при рассмотрении дискуссионной проблематики.

В заключение остается еще раз подчеркнуть значение данного труда, стимулирующего разработку целого комплекса исследований историко-лингвистического цикла,— проблематики филиации индоевропейских языков, индоевропейско-картвельских и индоевропейско-семитских контактов, проблемы соотношения истории языка и истории общества и др.

Эдельман Д. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы. М., 1972.
2. *Gamkrelidze Th. V., Ivanov V. V.* Rekonstruktion der indogermanischen Verschlüsse. Vorläufiger Bericht // Phonetica. 1973. 27.
3. *Gamkrelidze Th. V.* Linguistic typology and Indo-European reconstruction // Linguistic studies offered to J. Greenberg on the occasion of his sixtieth birthday. Saratoga, 1976.
4. *Гамкрелидзе Т. В.* Лингвистическая типология и индоевропейская реконструкция // ИАН СЛЯ. 1977. № 3.
5. *Гюльмагомедов А. Г.* Куткашенские говоры лезгинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1966. С. 8.
6. *Талибов Б. Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980. С. 78—80, 179—180, 186—189.
7. *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
8. *Эдельман Д. И.* К перспективам реконструкции общеиранского состояния // ВЯ. 1982. № 1. С. 39.
9. *Эдельман Д. И.* К типологии индоевропейских гуттуральных // ИАН СЛЯ. 1973. № 6.
10. *Эдельман Д. И.* Язгулямский язык. М., 1966. С. 14—18.
11. *Захарьин Б. А., Эдельман Д. И.* Язык кашмири. М., 1971. С. 35, 40—41.
12. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 89—90, 205—206, 268, 462—463.
13. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. С. 517.
14. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987. С. 82—83, 312—313, 342, 391, 404, 600, 676.
15. *Szemerényi O.* Iranian studies. I // KZ. 1959. Bd. 76. Hf. 1—2. P. 65—67.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1988

ШМАЛЬСТИГ У. Р.

К ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

(В связи с выходом в свет книги Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы»)

Книга Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова — поистине впечатляющий труд. Тем не менее, как пишут сами авторы, это не механическое соединение отдельных частей, написанных ими порознь, а итог последовательного изложения выводов и результатов многолетних совместных исследований, которые велись начиная с 1970 г.

В первом томе (главы 1—7) содержится исследование фундаментальных вопросов структуры праиндоевропейского языка, охватывающее широкий круг фактов и дающее достаточно полное представление о характере этого языка в его динамическом развитии и в его типологическом соотнесении с другими языковыми системами. Второй том состоит из двух разделов: (1) семантического словаря общеиндоевропейского языка, построенного не по алфавитному, а по смысловому принципу (главы 1—10); (2) хронологии общеиндоевропейского языка и обсуждения проблемы прародины индоевропейцев и путей миграций индоевропейских племен в исторические места их обитания (главы 11—12). По мнению авторов, оба раздела второго тома можно читать без предварительного ознакомления с первым томом, а второй раздел второго тома может быть прочитан без ознакомления с первым разделом (с. X—XI).

Исходя из определенных типологических соображений, авторы устанавливают систему согласных праиндоевропейского языка (т. I, с. 16).

Серия I (глоттализованные согласные) соответствует традиционным звонким согласным, серия II — традиционным звонким придыхательным и серия III — традиционным глухим согласным. Далее авторы устанавливают определенные ограничительные правила, характеризующие и.-е. корень. Согласно первому правилу (с. 18), ***«две смычные фонемы с одинаковыми наборами дифференциальных признаков несовместимы в пределах одного корня структуры*** C_1VC_2- (*невозможность корня типа* T_1ET_2, *где* $T_1 = T_2$)». Иными словами, начальный согласный корня не может совпадать с конечным. Согласно второму правилу (с. 18), ***«две глоттализованные смычные согласные (т. е. согласные серии I инноевропейских смычных) несовместимы в пределах одного корня структуры*** C_1VC_2- (*невозможность корня типа *t'ek'-, т. е. корня типа *deg- — в традиционной системе*)». Это ограничение на сочетаемость в традиционной форме было обнаружено еще А. Мейе, однако реинтерпретация серии I как серии глоттализованных, а не звонких делает возможным типологическое сравнение. В исконно картвельских словах не сочетаются две неидентичные глоттализованные согласные. В соответствии с третьим правилом (с. 19), ***«глоттализованные могут сочетаться со всеми фонемами серии III как в предшествующей, так и в последующей позиции*** (*т. е. возможны комбинации...*)». Авторы привлекают внимание к отсутствию сочетаний фонем серии II (звонких смычных) с фонемами серии III (глухими смычными), т. е. нет корней типа $D^{[h]}ET^{[h]}$, $T^{[h]}ED^{[h]}$ (корни типа **bhet-* и **tebh-* в традиционной системе). Четвертое правило (с. 20): «Неглоттализованные смычные в составе одного корня должны характеризоваться одинаковым значением признака звонкости—глухости (т. е. возможны только корни типа $D^{[h]}ED^{[h]}$ или $T^{[h]}ET^{[h]}$)». Это могло быть результатом ассимиляции по звонкости—глухости, что объясняло бы бо́льшее число корней со структурой $T^{[h]}ET^{[h]}$ и $D^{[h]}ED^{[h]}$ по сравнению с корнями других структурных типов.

Основной аллофон II (звонкой) и III (глухой) серии — придыхательный, но если две фонемы серии II встречаются внутри одного корня, лишь одна из них будет аспирированной (с. 21). Таким образом, как пишут авторы, закон Грассмана рассматривается как чередование придыхательных и непридыхательных звуков на аллофонном уровне, а не как процесс дезаспирации придыхательных фонем. Это хорошо согласуется с тем, что пишет И. Саг [1, с. 604], а именно, что у Панини нет первоначальных (underlying) дезаспирированных корней. И. Саг, правда, приводит другие спорные формы [1, с. 605]; «*bodhi* (императив от *bhu-*, а не *budh-*, который является неправильным в связи с наличием корневой согласной), где внекорневой придыхательный привел к дезаспирации начального согласного корня. Ведическое и классическое *jahi* (императив от *han-*) также является реликтовой формой, обнаруживающей данное древнее распределение». Конечно, действие закона Грассмана могло продолжаться и после общеиндоевропейского периода.

Авторы далее пишут, что общий закон распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов не во всех и.-е. диалектах реализовывался одинаковым образом. Наряду с распределением «непридыхательный/придыхательный (DED^h)» для некоторых и.-е. диалектов, в частности, для италийского (но, возможно, и германского ареала) можно предположить обратную последовательность — «придыхательный/непридыхательный (D^hED). Такой дистрибуцией звонких фонем серии II можно было бы объяснить наличие начальных фрикативных *f* и *h* в тех латинских формах, где в соответствующих формах греческого и индоиранского выступают рефлексы непридыхательных и.-е. аллофонов. Ср., например, лат. *fīdō* «доверяю, верю», *foedus* «союз, договор» < и.-е. **b*^{h}*e/oid-* (при греч. *peithomai* «убеждаюсь» < и.-е. **beid*^{h}-). (Однако в рамках глоттальной теории несколько иная интерпретация предложена П. Болди и Р. Джонстон-Стейвер [2].)

Аналогично звонким смычным фонемам серии II, основной вариант которых был придыхательным, у глухих смычных фонем серии III основной вариант также был аспирированным. Однако в германских языках существовали позиции, в которых фонемы серии III были непридыхательными. Так, данные германских языков предполагают, что в последовательности двух глухих смычных первая была придыхательной, а вторая — непридыхательной. Можно указать, например, на др.-в.-нем. *nift-* «племянница» при лат. *neptis* «внучка», на гот. *stairno* «звезда» при лат. *stella*, греч. *astḗr*. Однако многие германские корни обнаруживают и в начальной, и в конечной позиции придыхательный вариант глухой смычной, например, гот. *fraþi* «смысл, понимание» при литов. *prõtas* «разум». Это могло быть результатом позднейших аналогических изменений, и следы первоначального распределения, возможно, сохранились в та-

ких формах, как гот. *afhvapjan* «потушить» < **k^{h}uep* — при греч. *apò kapàō*, как во фразе *apò dè psukhḕn ekápussen* «она приглушила дыхание» (Илиада, XXII, 467), др.-инд. *kúpyati* «приходит в движение, в бешенство», лат. *cupiō* «желаю», литов. *kvãpas* «дым». По мнению авторов, постулируемая система и.-е. смычных лучше всего сохранилась в германском, армянском и, вероятно, анатолийском [(хетто-лувийском), с. 35]. Систему смычных этих языков можно вывести из прай.-е. системы с допущением лишь небольших фонетических преобразований. В частности, в германской системе первая серия глоттализованных смычных отразилась как незвонкая и в прагерманском, возможно, характеризовалась глоттальной артикуляцией. Возможные следы такой первоначальной глоттальной артикуляции видны в некоторых просодических признаках позднейших германских языков. Одним из возможных источников ларингальной (абруптивной) артикуляции слогового сегмента типа дат. *stød* и других подобных явлений в словах типа исл. *va'tn* «вода» может быть перенос признака глоттализации на весь слог с превращением этого признака в суперсегментный (с. 35). Если предположить, что основной аллофон смычных серии II и III был придыхательным, становится более понятным следующий сдвиг к фрикативным в германском.

Возможно, еще более консервативной, чем германская система, является система армянского консонантизма. Глоттализованные (серия I) согласные отразились в армянском как серия незвонких смычных, которые в ряде современных армянских диалектов и сейчас выступают как глоттализованные. Однако фонологический статус признака глоттализации был утрачен в древнеармянском, когда придыхательность глухих согласных стала фонологически значимой. Принимая закон Стертеванта, авторы приходят к выводу, что неудвоенное написание хеттских является рефлексом смычных серий I и II, в то время как удвоенное — отражением смычных серии III. Так, хет. *e-ip-pu-un* «я взял» соотносится с лат. *apīscor* «достигаю», др.-инд. *āpnoti* «достигает» в отличие от хет. *ne-pí-iš* «небо», греч. *néphos*, др.-инд. *nábhaḥ* «облако». Различие между смычными серии I (глоттализованной) и серии III (придыхательной) сохраняется в хеттском, где мы встречаем *šiuatt-* «день», *šiuni-/šiuna-* «бог», родственные соответственно лат. *diēs* «день» и *deus* «бог» < и.-е. **t'ieus* в отличие от окончания 3-го л. ед. ч. наст. вр. *-zi* < и.-е. **-t$^{(h)}$i* (с. 46). Ассибиляции дентальных не произошло, однако при рефлексах смычных и.-е. серии II, т. е. типа **d$^{(h)}$*, это, возможно, объясняется просто их звонкостью.

Тохарская система пошла немного дальше хеттской: в ней все три и.-е. серии смычных слились в одну немаркированную серию глухих непридыхательных смычных. Однако различия между тремя сериями отразились в неодинаковом характере ассибиляции, которой они подверглись, ср., например, тох. А *śäk*, лат. *decem* «десять» < и.-е. **t'eK$^{(h)}$-*, тох. А *tsik-* «образовывать, оформлять», лат. *fingō* «образую, формирую», греч. *teîkhos* «стена» < и.-е. **d$^{[h]}$eiG-/*deiG$^{[h]}$-*, тох. А *mācar*, лат. *māter* «мать» < и.-е. **māt$^{[h]}$/er-* (с. 49).

Авторы пишут, что переход глоттализованных согласных в звонкие наблюдается в ряде языков, например, в северокавказской группе. Так, бацбийские глоттализованные смычные и аффрикаты в интервокальной и конечной позиции соответствуют звонким смычным и спирантам в чеченском и ингушском (ср. например, бацб. *nhap'* «сон» = чеч.-инг. *nab*; бацб. *let'ar* «течь» = чеч. *ledar*, инг. *ladar*) (с. 51).

В древнеиндийском следы первоначального незвонкого характера фонем серии I видны в морфемных сочетаниях типа *átti* «он ест» и *vit-tá* «известный» и соответственно и.-е. **et'-t$^{(h)}$ i* и **u̯it'-t$^{(h)}$ o-*. В других позициях глоттализованные согласные просто озвончились и совпали со своими непридыхательными коррелятами серии II. Так, др.-инд. фонемам /b, d, g/ стали противопоставляться /bh, dh, gh/, возникшие из придыхательных аллофонов серии II. Фонема /b/, однако, не могла быть результатом озвончения глоттализованного **p*, поскольку эта фонема отсутствовала в и.-е. языке. Фонема /b/ возникла преимущественно как следствие переосмысления звонкого придыхательного аллофона *b* (серии II) в качестве лабиального члена серии звонких смычных, появившейся в результате озвончения фонем серии I (глоттализованных согласных). Число морфем с фонемой /b/ увеличилось за счет ономатопоэтических слов (с. 53). Авторы приводят схему вывода древнеиндийской системы из индоевропейской (т. I, с. 58).

В греческом и.-е. глоттализованная серия представлена *d*, *g*. У звонкого лабиального иные источники, нежели отсутствующий глоттализованный **p'*, ср., например, греч. *brotós* «смертный» при др.-инд. *mṛtá-ḥ* «мертвый». Существенную роль также сыграли ономатопоэтические образования, например, *babái* (междометие удивления). Другим источником являются заимствования: греч. *bāris* «плоскодонная лодка египетского типа», ср. н.-егип. *br* < копт. *bari* (с. 49).

В единичных случаях по не всегда понятным причинам смычные серии III сохранили придыхательный характер и представлены аспирированными согласными. Это относится в первую очередь к греч. *th* в окончании 2-го л. ед. ч. перфекта *-tha*, которое соответствует др.-инд. *-tha*. Это относится и к остаточным глухим придыхательным в греческом, которые, как считалось, имеют догреческое происхождение, например *áphenos* «богатство, изобилие», ср. хет. *ḫappin-ant-* «богатый», др.-инд. *ápnas* «добро, имущество», лат. *ops* «изобилие». Вывод греческой системы из индоевропейской представлен таблицей на с. 63.

Существенной характеристикой этих преобразований является трансформация фонетического признака придыхания в фонологически релевантный признак в греческом и в древнеиндийском. При этом положительное значение признака звонкости меняется на отрицательное значение серии II при его превращении в релевантный в серии I (первоначально глоттализованная серия) (с. 64).

В италийском преобразования в сериях I и III были аналогичны греческому и дали соответственно звонкие и глухие смычные (с. 64). В раннеиталийском произошло расщепление серий II и.-е. смычных на две фонологические серии: а) серию глухих придыхательных смычных и б) серию звонких смычных. Звонкие смычные, возникшие из непридыхательных аллофонов серии II, совпадают со звонкими рефлексами глоттализованных смычных серии I. Глухие придыхательные аллофоны, восходящие к серии II, подвергаются спирантизации — *f*, θ, *h*. Так, **b^h* > итал. **p^h* > лат. *f*, ср. лат. *ferō* «несу», умбр. *fertu*; *asfertur* «жрец», др.-инд. *bhárāmi* «несу» и т. п. Вывод италийской системы из индоевропейской представлен таблицей на с. 73.

П. Болди и Р. Джонстон-Стейвер [2] предположили, что в италийском фонетической причиной перехода начальных **b^h*, **d^h*, **g^h* в **p^h* t^h* k^h*, затем в **φ*, **θ*, **χ* и в *f*, *f*, *h* является начальное словесное ударение. Ср. например, **b^{h}érō* > **p^{h}érō* > **φerō* > *ferō* «несу», **d^{h}ūmos* > **t^{h}ūmos* > **θūmos* > *fūmus* «дым», **g^h(i)yem-* > **k^h(i)yem-* > **χiems* > *hiems* «зима» в отличие от **álbos* > *albus* «белый», **widewā* > *vidua* «вдова», **ángu-* >

> **angi-portus* «узкая улица». Объяснение П. Болди и Р. Джонстона дает возможность принять праиталийскую двуаспирированную основу, как, например, **b^he/oid^h-* для таких слов, как лат. *fīdō* «верую, доверяю» и *foedus* «союз, договор» и т. п., и объяснить данное специфическое преобразование — отлично от объяснения Т. Гамкрелидзе и В. Иванова — расположением ударения на начальном слоге.

По мнению авторов, в балто-славянском и кельтском смычные серии I и II полностью сливаются, противопоставляясь серии III. Предлагаемая ими система трех серий и.-е. смычных основывается на предположении о наличии по крайней мере трех рядов (зон артикуляции), охарактеризованных как лабиальный, дентальный и гуттуральный (или велярный). Фонетико-фонологический характер лабиального и дентального рядов недвусмысленно устанавливается по их рефлексам в исторически засвидетельствованных и.-е. языках. Согласные этих двух рядов можно назвать «антериорными» в противовес «постериорным», артикулируемым дальше в полости рта. Судя по типологическим данным, три названных выше ряда согласных (лабиальный, дентальный и велярный) являются «самыми естественными» (с. 82).

В качестве дополнительных артикуляций при фонемах этих рядов могут выступать (а) огубление, (б) смягчение, или палатализация и (в) отвердение, или веляризация. Признак огубления может выступать в качестве дополнительного модификатора во всех трех рядах (включая и лабиальный), хотя в наибольшей степени это относится к велярному ряду. Фонологический признак лабиализации может проявляться в виде интенсивного огубления, веляризации или фарингализации соответствующего согласного, что автоматически вызывает слабое артикуляторное огубление. Дополнительный признак палатальности или смягчения может выступать во всех согласных за исключением собственно палатальных (с. 83).

Авторы высказываются в пользу традиционного различения в и.-е. чистых велярных, лабиовелярных и палатализованных велярных (с. 95). Они также постулируют наличие в и.-е. трех разновидностей сибилянта: обычного фрикативного сибилянта */s/, компактной фрикативной фонемы */ŝ/* и лабиализованной фонемы */ŝ^o/* (с. 116—134). Первая представлена такими хорошо известными этимологиями, как др.-инд. *sādayati* «усаживает», арм. *nstim*, греч. *hédzomai* «сажусь», лат. *sedeō* «сижу», гот. *satjan* «ставить», литов. *sėdėti* «сидеть». Компактная фрикативная фонема */ŝ/* представлена нулем в начальной предконсонантной позиции в древнеиндийском в отличие от начального *s-* в других и.-е. языках. Примерами могут служить др.-инд. *páśyati* «видит», греч. *sképtomai* «смотрю», др.-в.-нем. *spehōn* «рассматривать». В древнеиндийском в срединной позиции использование таких форм, как вед. перф. *paspaśé*, аор. *áspaṣṭa*, привело к восстановлению форм с начальным *s-* (типа *spásati*). Компактная фонема */ŝ/* противопоставлялась диффузной фонеме */s/* и может рассматриваться как палатализованный коррелят последней. В начальной позиции перед гласной фонема */ŝ/* представлена во многих диалектах нулем, но в другой группе как /s/: ср. инд. *ákṣi*, авест. *aši*, лат. *oculus*, литов. *akìs*, ст.-слав. *oko*, тох. А *ak*, В *ek*, но хет. *šakuua* «глаза», *šakuuai*, гот. *saihvan* «видеть».

В рефлексах лабиализованной фрикативной фонемы */ŝ^o/* лабиализация может выступать в виде самостоятельного лабиального компонента в последовательности либо может вовсе отсутствовать. Третий вариант — сохранение лабиального компонента при утрате фрикативного. Формы с */ŝ^o/* в начальной позиции: гот. *swistar*, др.-англ. *sweostor*, др.-ирл. *siur*, валл. *chwaer*, др.-инд. *svāsar-*, арм. *k'oyr* при лат. *soror*, литов. *sesuõ*, ст.-слав. *sestra*, тох. А *ṣar*, В *ṣer* (с. 123). Ср. также галл. *suexos*, валл. *chweched* (< **sue$k^{[h]}$-*) при лат. *sex*, гот. *saihs*, тох. А *ṣäk* (< **se$k^{[h]}$s-*) при греч. дор. *Féks*, арм. *vec'* (< **ue$k^{[h]}$s-*) (с. 124).

Авторы постулируют также поствелярную (или увулярную) глоттализованную смычную **q'* и поствелярную (или увулярную) глухую смычную **q^h*. Первая представлена начальными *g-*, *i-* либо нулем. Ср., например, лат. *geminus*, др.-инд. *yamáh* «близнец», лтш. *jumis* «двойной плод», др.-исл. *Ymir* «имя героя», сходное с инд.-иран. *Yámah*. Вторая представлена формами с начальным *k-* или нулем, например, лат. *costa* «ребро», ст.-слав. *kostь*, лат. *os/s/*, хет. *ḫaštai* «кость» (хеттское *ḫ-* отражает более древнюю поствелярную фонему, которая совпала с ларингальной фонемой в глухом велярном спиранте /x/) (с. 131).

Другим гипотетическим построением, которое также могло относиться к весьма древнему периоду, является ряд лабиализованных дентальных согласных, в некотором роде параллельный лабиализованному велярному ряду, а именно: **t'^o*, **$d^{[h]o}$*, **$t^{[h]o}$*. Это предполагается таким рядом соответствий в начальной позиции, как **du* в др.-инд. *dváu*, авест. *dva*, гот. *twai*, *twōs*, литов. *dvì*, прус. *dwai* «два»; **d-* в хет. *ta-a-i-u-ga-aš* «двухлетний», *ta-a-an* «второй»; **u* в гот. *wi-t* «мы оба», тох. А м. р. *wu*, ж. р. *we* «два», греч. *eíkosi* др.-ирл. *fiche*, лат. *vīgintī*, арм. *k'san* «двадцать»; **(e)rk-* в арм. *erku* «два»; *b-* в авест. *baē* «два», кафирск. *baš* «двенадцать».

Схема раннеиндоевропейской системы смычных и сибилянтов дана на с. 134. В приведенной авторами системе лабиальный и дентальный ряды остаются незаполненными в отношении признака палатальности и лабиальный ряд — в отношении признака лабиальности. Такие ряды, в частности палатализованный дентальный и палатализованный лабиальный, возникают в отдельных и.-е. диалектах, которые как бы заполняют недостающие фонологические звенья в и.-е. системе. Заполнение недостающих рядов происходит в некоторых из тех и.-е. диалектов, в которых при элиминации палатализованного ряда склеиваются согласные серии I и серии II, в частности, в кельтском и балто-славянском.

Хотелось бы здесь заметить, что в балто-славянском наблюдается определенное различие в отношении велярного (или палатального) ряда, с одной стороны, и лабиального и дентального рядов — с другой. У велярных этимологические последовательности **k* и **g* и гласного переднего ряда совпали с соответствующими последовательностями **kj* и **gj*. В результате и те, и другие отражены в исторических языках как **k'* и **g'*. Так, велярные в литов. *tikiù* «верю» и *lokỹs* «медведь» — такие же, как в *regiù* «вижу» и *gývas* «живой». Ср. также соответствующие латышские формы *ticu*, *lâcis*, *redzu* и *dzîvs*. Аналогичным образом, имеем слав. *mlъčǫ* (< **mlękjoN*) «молчу», *čьtǫ* (< **kitoN*) «читаю», *ležǫ* (< **legjoN*) «лежу» и *ležitъ* (< **legītu*) «лежит». Поэтому с точки зрения данных фонологических совпадений так называемая славянская «первая палатализация» должна быть отнесена также и к балтийскому. Ни в балтийском, ни в славянском не было первичного совпадения **b*, **p*, **d*, **t* перед гласным переднего ряда с *bj*, *pj*, *dj*, *tj*, ср. слав. *l'ubiti* «любить» при *l'ubl'o* (<**ljubjoN*) «люблю», лтш. *bite* «пчела» при *blaũrs* «злой» при литов. *bìte* «пчела» и *bjaurùs* «безобразный».

Чтобы типологически подкрепить вероятность предлагаемой системы согласных, авторы приводят консонантные системы других языков, таких, как общекартвельский, общесемитский, а также систему смычных и сибилянтных спирантов диалектов абхазского языка (с. 136).

Должен заметить, что я не являюсь убежденным сторонником типоло-

гических аргументов. Я не считаю, что если отсутствует модель того или иного языкового явления, то и самого явления быть не может [3, с. 17—18]. С другой стороны, мне представляется, что существование модели показывает возможность соответствующего языкового явления. В частности, я не нахожу причин неприемлемости глоттальной теории, что противоречит мнению тех языковедов, которые желают отвергнуть глоттальную теорию лишь потому, что традиционная теория также может быть правомерной. Даже если традиционная теория обладает вероятностью, она необязательно должна быть признана верной. Тот факт, что большинство и.-е. языков обнаруживает *-d-*(*decem*, *dḗka*, *daśa*, *dḗšimt* и т. д.) в отличие от двух языков, где мы находим *-t-*(*tasn*, *taihun*), не показывает, что исконным звуком был **d-*. Возможно, существовали другие и.-е. языки, которые имели этимологическое *t-* в этой позиции и которые бесследно исчезли. Существование языка не имеет никакого отношения к типу этого языка. Существование языка определяется лишь тем, что носителям этого языка удалось выжить либо оставить те или иные письменные памятники.

Возникновение долгих гласных в и.-е. существительных им. пад. ед. ч. авторы объясняют тем, что сочетание **-VC-s* преобразуется в *-V̄C-s*. Так, например, **u̯ok[ʰ]o-s* > **u̯ōk[ʰ]o-s* (ср. лат. *uōx* «голос», авест. *vāxš*, др.-инд. *vā́k* «слово»). Подобным же образом **māt[ʰ]ers* > **māt[ʰ]ēr* «мать» с утратой конечного **-s* после сонанта (с. 183, 184). Авторы пишут, что подобное объяснение было предложено О. Семереньи [3, с. 109]. Однако в отношении основ с сонантами О. Семереньи дает несколько иное объяснение. Согласно последнему, «в **mater-s* развилось *-err* и затем сочетание „краткий гласный + долгий согласный“ было транспонировано в сочетание „долгий гласный + краткий согласный“» [4, с. 30]. По мнению О. Семереньи, доказательством этого служат другие изолированные случаи, в которых можно исключить влияние аналогии; ср. **kēr* «сердце» <**kerd*, **wēr* «весна» <**wesr*, **pēs* «ступня» <*pess*, первоначально **ped-s* и т. д. О. Семереньи объясняет противоречащее этому окончание *-ons* (вин. пад. мн. ч. основ на *o-*) аналогией с консонантными основами. В другом месте О. Семереньи пишет: «Все чаще вместо доказательства выдвигается просто предположение или конкретный тезис, поддерживаемый автором» [5, с. 56]. Мне кажется, что пример с окончанием **-ons* (формант вин. пад. мн. ч. основ на *-o-*) противоречит приведенной выше гипотезе О. Семереньи. Положение о том, что это окончание не является прямым отражением этимологического окончания основ на *-o-* представляет собой как раз пример того, против чего выступает сам О. Семереньи, а именно «предположение или конкретный тезис, поддерживаемый автором». Предположение относительно окончания вин. пад. мн. ч. имеет целью просто сделать внешне более приемлемым его теорию относительно форманта им. пад. ед. числа и лишено какой бы то ни было доказательной ценности. Я высказал предположение, что сочетание **-er-C* перешло в **-ē-C*. Считаю, что мое предположение предпочтительнее, т. е. оно отражает часть общего структурного преобразования, а именно внутреннюю и.-е. монофтонгизацию, а не изменение, ограниченное определенным морфологическим классом. Кроме того, я показал [5, с. 25], как данную монофтонгизацию можно было бы интерпретировать в свете сформулированных У. Лабовым принципов развития вокалических систем.

Можно было бы добавить, что нет необходимости в принятии положения о том, что окончание **-s* первоначально встречалось в номинативе ед. ч. всех существительных мужского рода (или одушевленных) в древнейший период. Существующие и.-е. языки обнаруживают в том же падеже разнообразные окончания в зависимости от основы и рода, и нередко встречаются случаи, когда падежные окончания проникают в основы, частью которых они не могли быть с этимологической точки зрения, ср., например, литов. родд. пад. ед. ч. *šuñs* (этимологическая форма) «собаки», однако также *šuniẽs* (основа на *i*), *šùnio* (основа на *jo*) и т. д. Аналогичным образом можно указать на совр. греч. форму им. пад. ед. ч. *patéras* в отличие от этимологического *patḗr* «отец».

Главной проблемой исторического языкознания я считаю отсутствие общепринятой и достаточно фундированной методологии. Если бы такая методология существовала, ее можно было бы применять как исследовательскую процедуру. Даже беглого знакомства с любой лингвистической публикацией достаточно для того, чтобы показать существование расхождений по широкому кругу вопросов.

Современное «знание» реконструируемого индоевропейского основано на предположениях, подобных известной басне Шлейхера. Некоторые индоевропеисты, к счастью, начинают это признавать. Например, А. Бамгэбертер пишет: «Догматические построения того или иного рода совершенно неуместны в конце представленных здесь исследований» [6, с. 142]. По мнению П. Болди и Р. Джонстон-Стейвер, «...в исследованиях по сравнительной реконструкции не существует механизма, который позволял бы установить правильность реконструированной системы или относительное превосходство одной предлагаемой системы над другой» [2]

Относительно попытки Г. Хайдера хронологически отодвинуть возникновение глоттализованных согласных назад к праиндоевропейскому периоду Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов пишут: «В данном случае мы имеем дело, очевидно, с наблюдаемым у некоторых исследователей стремлением во что бы то ни стало „спасти“ традиционную индоевропейскую систему смычных, которая сама по себе является лишь реконструированной языковой моделью, постулированной в результате теоретического осмысления соотношений между историческими родственными языками, а не исторически засвидетельствованной системой индоевропейского праязыка и поэтому такой же гипотезой, как и любая другая» (с. 1319). Как заметил М. Планк (по свидетельству Б. Барбера [7, с. 597]): «Новая научная истина побеждает не потому, что переубеждены ее противники, а скорее потому, что ее противники умирают, и вырастает новое поколение, знакомое с этой истиной».

Т. В. Гамкрелидзе с Вяч. Вс. Ивановым отмечают, что в дополнение к долгим гласным в им. пад. ед. числа и долгим гласным, возникшим из сочетаний с ларингальным, некоторые гласные происходят из сочетания гласного с *u̯* или *i̯*. Так, например, сочетание **ou̯* в предконсонантной позиции дает *ō*. В качестве примера авторы предполагают, что **k'ºou̯-s* > > **k'ºō-s*; ср. греч. дор. *bôs*, лат. *bōs*, вин. пад. ед. ч. **k'ºou̯-m* > **k'ºōm*, как в греч. дор. *bôn*, др.-инд. *gā́m* (с. 191). В интервокальной позиции сохраняется первоначальное сочетание, например, греч. род. пад. ед. ч. *bo(F)ós*, лат. род. пад. ед. ч. *bovis* и т. д. Я полностью согласен с таким решением, следуя в этом за О. Семереньи [8, с. 186] (см. мою книгу [5, с. 54—55] и статью [9, с. 114]). Однако я бы связал рассмотренное явление с более общей теорией монофтонгизации внутри индоевропейского, что может придать указанному фонологическому изменению общий структурный статус.

В первом разделе второго тома показывается, как лексика может быть использована в качестве основы для реконструкции семантического слова-

ря праязыка. Авторы пишут (с. 457): «Семантическая реконструкция соответствующих лексем диалектов определенного языка позволяет (хотя по необходимости и фрагментарно) представить общую картину основных моментов исторического существования носителей родственных диалектов».

Первая глава второго тома озаглавлена «Мир „живого". Боги, человек, животные». Она начинается с этимологии *$k'^{o}i$-, *$k'^{o}ei$- «жить». Авторы высказывают предположение, что корень *$b^{[h]}eu̯H$- (др.-инд. *bhávati* «становится» и др.) служил для обозначения растительного мира (ср. греч. *phutón* «растительность, растения»), а *$\underline{H}ues$- (гот. *wisan* «быть») — для обозначения человека и животных: ср. хет. *ḫuiš*-, *ḫuéš*- «жить, существовать», др.-инд. *vásati* «находится, пребывает» (с. 467—468). К одушевленным существам относятся дикие животные, обозначаемые *$\hat{g}^{[h]}ǔer$- (греч. *ther*, лат. *ferus*, др.-русск. *звѣрь* «дикий зверь»). Диким животным противопоставляются *$u̯ī r$- «человек» и *$p^{[h]}e\hat{k}^{[h]}u$- «домашнее животное». Все это иллюстрируется в терминах семантических различительных признаков: «дикое животное» противопоставляется «человеку/домашнему животному» по признаку «±дикий» (с. 471). В дополнение к классификации по признаку двуногости/четвероногости живые существа классифицируются по их разумности/неразумности. Разумные существа делятся затем на смертных, живущих на Земле, т. е. людей, и бессмертных, небожителей, т. е. богов. Ср. соответственно др.-инд. *márta*-, авест. *maša*-, арм. *mard* «человек» (корень *mer- «умирать») и др.-инд. *amṛ́ta*-, авест. *amərəša*, греч. *ámbrotos* «бессмертный» (<*$n̥$ + $mr̥t^{[h]}o$-). Слово для Бога представлено *$t'ieu̯$-, *$t'iu̯$-: ср. хет. *šiu*, др.-инд. *devá*-, лат. *deus*, др.-ирл. *día* «бог», греч. *Zeús*, лув. *Tiu̯at*- «Бог Солнца». Авторы строят дерево семантических признаков недиких одушевленных существ (с. 481). Дикие животные, в свою очередь, делятся на три группы, а именно, животные «верхнего мира» [*$H\underline{u}e(i)$- — птица, орел, журавль и т. д.], животные «среднего мира» (*$med^{[h]}io$- — волк, медведь, леопард и т. д.) и животные «нижнего мира» (*$b^{[h]}ud^{[h]}$-n- — змея, змей, червь, выдра и т. п.). Корень *$H\underline{u}e(i)$- представлен в др.-инд. *vā́ti*, авест. *vāiti*, греч. *áēsi* «дует», и из этого названия для верхнего мира происходит и.-е. родовое название птицы, ср. др.-инд. *vī́*-, лат. *auis* и др. Корень *$med^{[h]}io$- представлен в др.-инд. *mádhya*- «середина», др.-исл. *Miðgarðr* «Средний (срединный) мир» и т. д. Корень *$b^{[h]}ud^{[h]}$-n- представлен в др.-инд. *budná*-, авест. *būna* «низ».

Во второй главе второго тома рассматриваются и.-е. названия диких животных и показывается значимость соответствующих понятий для древнего индоевропейца. Например, в статье «волк» авторы обсуждают названия для волка в различных и.-е. языках, ср. *$u̯l̥k^{[h]}o$ (в др.-инд. *vṛ́kaḥ* и т. д.), *$u̯l̥p^{[h]}$- (в хет. *ulippana*, гот. *wulfs*, лат. *lupus* и т. д.), *$u̯eu̯it'$-n- (хет, *u̯etna*-, др.-исл. *vitnir* и т. д.). По мнению авторов (с. 492—493), наличие нескольких лексем, обозначающих волка, «указывает на особую экологическую распространенность этого хищника на территории обитания индоевропейских племен, а также на его культовую и ритуальную значимость, что ясно отражается в древнейших индоевропейских традициях».

В древнехеттской традиции волк — воплощение сакральных качеств; в частности, волк и волчья стая символизируют единство и всеведение. Так, обращаясь к собранию (*pankuš*), царь Хаттусили I призывает своих подданых объединиться «как волчий род» (*u-e-it-na-aš ma-a-an pa-an-gur*). Облачение в волчью шкуру имеет магическую силу, по-

ьку явно придает человеку всеведение и, возможно, является символом бого юридического положения. Авторы сравнивают эту традицию с ...негерманской и отмечают частую встречаемость лексемы со значе-м «волк» в германских именах собственных, ср. др.-исл. *Ulf-bjǫrn*, ...n-ólfr, др.-англ. *Beo-wulf*, др-в.-нем. *Wulf-bero* и т. д. Приводятся так-кавказские параллели [предлагается этимология имени Вахтанг: *...rx-tang* < иран. *vəhrka-tanū* «имеющий волчье тело» (с. 497)]. «По но-шим археологическим данным, древнейшие следы „волка" обнаружи-тся на рубеже VIII—VII тысячелетий до н. э. в широком ареале ...едней Азии, включая и материковую Грецию — Фессалия, восточная ...ая Азия, Иранское плоскогорье, Палестина (а также в некоторых об-тях Северной Европы — Англии)» (с. 497).

Третья глава посвящена индоевропейским названиям домашних живот-..., хозяйственной функции этих животных и их культам у древних индо-...европейцев. Глава открывается этимологией лексемы *$e\hat{k}^{[h]}u̯os$ «конь, ...лошадь» (без формального различения рода в древнейших и.-е диалектах), ...например, лув. *á-sà-wa*, др.-инд. *áśva*-, авест. *aspa*-, др.-перс. *asa*, осет. *jæf*, греч. мик. *i-qo*, греч. гом. *híppos*, венет. *ekupe-aris* «колесничий», тох. A *yuk*, B *yakwe*, др.-ирл. *ech*, галльск. *epo*- (в именах типа *Epo-na* «богиня вощичих», т. е. «конская богиня»). Даже названия некоторый частей тела коня имеют и.-е. этимологии, ср. др.-инд. *mányā* «край уха коня», лат. *mamīle* «конская грива», др.-в.-нем. *mana*, англ. *mane*, ср. также др.-инд. *grīvā́* «грива на шее коня», русск. *грива* (с. 544—545). Лошадь — одно из наиболее священных животных в Ригведе. Божественные близнецы Ашвины занимаются, в частности, уходом за лошадьми и врачеванием лошадей. Разъезжают они в колесницах, запряженных конями. Несомненна ритуальная значимость лошади в древнеиранской традиции — она проявляется прежде всего в обрядах жертвоприношения лошади, аналогичных древнеиндийским ритуалам. Древний обряд перешел к скифам, следы его сохранялись до недавнего времени в осетинском обычае посвящения коня покойнику. Авторы останавливаются также на ритуальной роли коня, лошади в греко-микенской, римской, кельтской, балтийской и славянской традициях. Кроме того, авторы рассматривают возможных предков домашней лошади и возможные ареалы доместикации лошади. Приводятся гипотетические соответствия слову *$e\hat{k}^{[h]}u̯o$- (в реконструкции авторов *$se\hat{k}^{[h]}u̯o$-) в ближневосточных языках: аккад. *sisû*, угарит. *ssw*, арам. *sūsjā*, др.-евр. *sûs*, хурр. *essi* и т. д. Сюда же могут относиться и некоторые кавказские названия лошади: абх. и убых. *'a'ču*, авар и лак. *ču*, грузинское слово для понукания лошади *ačи* и слово грузинского детского языка *ačua* (с. 560). Заметим, что И. М. Дьяконов возражает против того, что инд.-иран. **aśva* дало хурр. *aššua*. Дьяконов отрицает также связь этого слова с шумер. *si-si*. По его мнению, для того чтобы принять это сопоставление, следует чрезвычайно растянуть хронологию (ведь название лошади было известно в шумерском с четвертого тысячелетия до н. э.); к тому же сопоставляемые слова слишком сильно расходятся фонологически [10, с. 137, 134]. В третьей главе подробно анализируются также понятия «осел», «бык», «корова», «овца», «коза», «собака», «свинья», «кошка», «домашняя птица», «пчела» и др.

Четвертая глава посвящена и.-е. названиям растений, их хозяйственному использованию и культовой роли у древних индоевропейцев. Как указывают авторы, мир растений, характеризуемый через семантический признак «неодушевленности», объединяет различные деревья, травы, злаки и цветы (с. 612). Глава открывается этимологией корня *$t'elo̯u$- /*$t'relo̯u$-

(хет. *taru*, др.-инд. *dā́ru*, алб. *dru*, гот. *triu*, ст.-слав. *drěvo*, русск. *дерево*). Поскольку рефлексы этого корня в ареально удаленных диалектах обнаруживают значение «дуб», можно предположить, что это значение более древнее, чем значение «дерево»: ср. др.-ирл. *daur*, алб. *drush-k* «дуб». Среди подробно обсуждаемых в этой главе названий растений, злаков, кустарников и трав — виноград, ячмень, пшеница, просо, рожь, овес, лен, конопля, вереск, роза и шиповник, мох и др.

Полемизируя с более ранней статьей Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, М. Гимбутас пишет: «Слово **ieĝo-*, которое, по мнению авторов, значит „ячмень", первоначально обозначало любые злаки, используемые для приготовления алкогольных напитков (в современном литовском *javai* обозначает злаковые вообще и никогда не имеет значения „ячмень")» [11, с. 186]. Однако в книге авторы приводят также греч. ном. *krī*, *krithḗ*, алб. *drithë*, арм. *gari*, лат. *hordeum*, др.-в.-нем. *gersta*, все со значением «ячмень», и пишут: «Строго говоря, это слово для „ячменя" в индоевропейских диалектах обнаруживает две вариативные формы: **ĝ[ʰ]rĝʰd[ʰ]-* и **ĝ[ʰ] (e)rd[ʰ]-*, формально трудно сводимые друг к другу... Эти диалектные слова для „ячменя", возникшие, очевидно, позднее общеиндоевропейского названия „ячменя" **ieĝo-* и обозначавшие первоначально, вероятно, какую-то его разновидность, вытесняют более древнее название в ряде диалектов, что приводит к утере или изменению первоначального значения слова **ieĝo-*» (с. 656). Хотя это вполне уместно как ответ на критику со стороны М. Гимбутас, развитие этого взгляда может привести к довольно сложной ситуации, когда любому слову станет возможным приписать любое значение (к сожалению, нередко семантические изменения носят хаотичный, беспорядочный характер).

Для краткости мы оставляем без комментария главы 5—10; в них рассматриваются окружающая географическая среда древних индоевропейцев, их материальный быт, социальная организация, хозяйство, мифология, ритуалы, поэтический язык, метрические схемы, системы счета и т. д.

В главах 11 и 12 обсуждаются вопросы и.-е. хронологии, проблема прародины индоевропейцев и намечаются пути, по которым носители и.-е. диалектов могли мигрировать с первоначальной территории в исторические места обитания. Авторы полагают, что выделение анатолийской языковой общности из праиндоевропейского произошло не позднее четвертого тысячелетия до н. э., а возможно, и значительно раньше. Есть основания считать, что образование и развитие отдельных анатолийских диалектов на основе общеанатолийского (после выделения последнего из праиндоевропейского) происходило в течение длительного времени в Малой Азии, т. е. в районе исторического расселения носителей анатолийских диалектов. К этому заключению можно прийти на основании данных анатолийской гидронимики. Наиболее древние названия рек и водоемов на территории Малой Азии могут быть проинтерпретированы именно на основе данных анатолийских языков; кроме того, обнаруживаются формы, восходящие к общеанатолийскому состоянию, но не представленные уже в отдельных исторически засвидетельствованных языках — хеттском, лувийском и палайском. Так, например, уже в надписи Анитты (XVIII в. до н. э.) встречается название реки *Hulana*. Оно возводится к древнеанатолийскому слову **Hulna* «волна» и сопоставляется с и.-е. наименованием волны **Hu̯l-no-*, ср. ст.-слав. *vlъna*, литов. *vilnis*, др.-в.-нем. *wella*, др.-инд. *ūrṇā-* «волна». Анатолийские диалекты стали расходиться в начале третьего тысячелетия до н. э., от общеиндоевропейского анатолийский отделился еще раньше,— а значит, период существования общеиндоевропейского праязыка должен приходиться на еще более далекое время, примерно на V—IV тысячелетия до н. э. «Индоевропейская языковая общность, оставшаяся после выделения из праязыка общеанатолийской и. . . тохарской языковых общностей, ... начинает примерно к этому же периоду распадаться на соответствующие диалектные группы» (с. 863). В частности, к этому периоду можно отнести отделение греко-армяно-арийской диалектной общности и последующий ее распад на индоиранскую, греческую и армянскую диалектную общности. Как пишут авторы, «первоначальным ареалом обитания носителей общеиндоевропейского языка можно считать такую географическую область, которая своими экологическими, географическими и культурно-историческими характеристиками соответствует картине среды обитания, получаемой на основе лингвистической реконструкции лексики праязыка» (с. 865). Прежде всего можно предположить, что это была область с горным ландшафтом, что исключает равнинные территории Европы, не имеющие значительных горных массивов,— северную часть Центральной Евразии, весь восток Европы и северное Причерноморье (с. 866). Судя по названиям деревьев и травянистых растений, хорошо согласующимися с характеристиками горной области, территория первоначального расселения находилась сравнительно южнее в Средиземноморье. Средиземноморье понимается при этом широко — в него включаются Балканы и северная часть Ближнего Востока — Малая Азия, горные области Верхней Месопотамии, смежные ареалы (с. 867). Исключается также Центральная и Восточная (но не Юго-Восточная) Европа: в IV тысячелетии до н. э. животноводство и земледелие в Центральной Европе находились в зачаточном состоянии (с. 868), а для праиндоевропейского реконструируется система терминов, свидетельствующая о развитом скотоводстве, с наличием основных домашних животных (лошади, осла, коровы, быка, овцы, козы, собаки, свиньи). Для общеиндоевропейской культуры характерно также наличие довольно развитого пчеловодства — на Ближнем Востоке оно было известно с глубокой древности (с. 868). Индоевропейские названия сельскохозяйственных орудий, растений, фруктовых деревьев, сельскохозяйственных продуктов и т. п. тоже указывают на область с ранним (IV тысячелетие до н. э. и даже раньше) развитием сельского хозяйства, т. е. на южную территорию, простирающуюся от Балкан до Ирана (с. 869). Названия индоевропейских повозок и терминология, связанная с бронзовой металлургией, также свидетельствуют в пользу локализации индоевропейской прародины в четвертом тысячелетии до н. э. в ареале от Балкан (включая Ближний Восток и Закавказье) вплоть до Южной Туркмении (с. 870). Лексические группы, отражающие фауну, флору, хозяйство и материальную культуру, подтверждают вероятность расселения древних индоевропейцев в обширном регионе, описанном выше. Эту область расселения можно сузить, если принять во внимание весьма ранние контакты между древними индоевропейцами и носителями семитских и картвельских языков. Имеются целые пласты лексических заимствований из одного языка в другой, а также ряд структурных черт, предполагающих взаимодействие языков в течение длительного периода времени. Одним из общеиндоевропейских заимствований из семитского являются **tʰauro-* «дикий бык», ср. сем. **tawr-*, от которого происходят аккад. *šūru*, др.-евр. *šōr*, арабск. *ṯawr-* и т. д. По мнению авторов, заимствование произошло именно из семитского в индоевропейский, а не наоборот,— основанием для такого заключения является структура корня и передача семитского глухого интердентального **ṯ* с помощью глухого (придыхательного) и.-е **t[ʰ]*. При обратном направлении заимст-

вования следовало бы ожидать в семитском начальный глухой (придыхательный) *$t^{[h]}$ (с. 872). В другом заимствовании представлен хорошо известный и.-е. корень со значением «семь» — *$sep^{[h]}t^{[h]}m$-, ср. сем. *$šab^{ʿ}$, *$sab^{ʿ}$-*at*-, от которого происходят аккад. *seba*, ж. р. *sebettu*, др.-евр. *šeḇa*, *šib^{ʿ}ā*, арабск. *sab^{ʿ}*-, ж. р. *sab^{ʿ}-at*-, геез *sab^{ʿ}ū*, *sab^{ʿ}atū*. Авторы пишут, что числительное «семь» проникло в общеиндоевропейский язык в форме женского рода и в функции абстрактного имени (т. е. «семерка») «с семитским окончанием *-*t*- и с вторичным оформлением его собственно и.-е. суффиксом *-*m*» (с. 875). Однако те же факты можно интерпретировать иначе — в этой связи нелишне отметить, что А. Бомхард [12, с. 216, 204] считает эти лексемы доказательством общего происхождения индоевропейского и афразийского. В отличие от Гамкрелидзе и Иванова (с. 876), Бомхард истолковывает слова типа аккад. *karnu* и лат. *cornū* в качестве лексических «двойников» [12, с. 179]. С другой стороны, И. М. Дьяконов [10, с. 130] пишет, что семитское **taur*- «(одомашненный) бык; скот (теленок или корова)» должно реконструироваться на прасемитском уровне как **ču-r*- и что фонема **č* явно сохраняется в семитских языках по крайней мере до конца второго тысячелетия до н. э. и только потом переходит в *th ṯ. Таким образом, в VI—IV тысячелетиях до н. э. это слово не могло быть заимствовано в прасемитский в форме *taur*-, эта форма слишком недавняя, чтобы подвергнуться и обратному заимствованию — из семитского в общеиндоевропейский. Это и не общеиндоевропейское слово: оно встречается только в «европейских» диалектах, а значит, могло распространиться не раньше III тысячелетия до н. э. и только на европейской территории. В отношении семитских числительных Дьяконов [10, с. 124] указывает, что большинство из них (в том числе и числительные первого десятка) явно позднего происхождения (не являются праафразийскими): в разных группах афразийской семьи они различны и к тому же не подчиняются характерным для этой семьи правилам словообразования. Что касается корня со значением «рог», то Дьяконов [10, с. 130] пишет, что в его отношении принято констатировать заимствование из индоевропейского в семитский. Фонетическая форма в этом случае сомнений не вызывает, однако никаких указаний на возможное время заимствования (и на причину, вызвавшую это заимствование), по Дьяконову, нет. Можно надеяться, что при всем расхождении современных точек зрения позднее удастся прийти к единому взгляду на эти и прочие проблемы. Пока же археологических данных недостаточно, чтобы принять окончательное решение.

Соотнося лингвистические и археологические данные в вопросе об и.-е. прародине, авторы пишут: «Следует с самого начала отметить, что в намечаемом для праиндоевропейского первоначальном ареале распространения в V—IV тысячелетиях до н. э. не обнаруживается такая археологическая культура, которая могла бы быть явным образом соотнесена с праиндоевропейской» (с. 891). Тем не менее на основании археологических свидетельств они пытаются соотнести праиндоевропейскую культуру с культурой Чатал-Хююка и с Халафской культурой (соответственно в Малой Азии и в Месопотамии). Кроме того, они высказывают предположение, что в число носителей куро-аракской культуры, охватывавшей Восточную Анатолию, Южный Кавказ и Иранское плоскогорье, входили определенные индоевропейские группы.

М. Гимбутас [11, с. 185] подвергает критике идею, согласно которой и.-е. прародина охватывает юго-восток Европы, Анатолию, Закавказье и Северную Месопотамию. По ее мнению, носителями этих культур были миролюбивые люди, жившие в двухкамерных домах с конца VII тысячелетия до н. э.: примерно в 5000 г. до н. э. стали известны двухэтажные жилища. В большинстве случаев у них был матриархат, религия была связана с культом женских богинь. Процветали скульптура и керамика (а не изготовление оружия). Индоевропейцы не знали лошадей и конных сражений, не имели метательного оружия, кинжалов, мечей или копий (исключением является лишь период заката этой цивилизации, когда в ряде районов появились всадники — носители курганной культуры). Их религия и используемая ими символика подтверждают, что древняя европейская и древняя анатолийская культура (как и Халафская культура Месопотамии) были неиндоевропейскими. Несомненно, в будущем авторам предстоит ответить на возражения Гимбутас, а нам остается только ждать интересного и живого обмена мнениями по этому вопросу.

Эта книга, несомненно, является наиболее важной, стимулирующей и полезной работой в области и.-е. лингвистики со времени публикации знаменитых «Основ» Бругмана и Дельбрюка. Это капитальный труд, который обессмертит его авторов в истории и.-е. языкознания.

Перевели с английского *Дронь А. Н.*, *Полинская М. С.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sag I.* The Grassmann's law ordering pseudoparadox // Linguistic Inquiry. 1974. V. 5.
2. *Baldi P.*, *Johnston-Staver R.* Historical Italic phonology in typological perspective // Reconstructions of the Proto-Indo-European sound system and their consequences / Ed. by Vennemann T. The Hague, 1987.
3. *Szemerényi O.* Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Darmstadt, 1970.
4. *Szemerényi O.* Recent developments in Indo-European linguistics // Transactions of the Philological Society. 1985.
5. *Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics: A new synthesis. University Park — London, 1980.
6. *Bammesberger A.* Studien sur Laryngaltheorie // KZ, Ergänzungshefte, 1984, № 33.
7. *Barber B.* Resistance by scientists to scientific discovery // Science. 1961. V. 134.
8. *Szemerényi O.* Latin *rēs* and the Indo-European long-diphthong stem nouns // KZ. 1956. Bd. 73.
9. *Schmalstieg W. R.* New thoughts on Indo-European phonology // KZ. 1973. Bd. 87.
10. *D'iakonov I. M.* On the original home of the speakers of Indo-European // Journal of Indo-European studies. 1985. V. 13. № 1—2 (= *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3—4).
11. *Gimbutas M.* Primary and secondary homeland of the Indo-Europeans: Comments on the Gamkrelidze — Ivanov articles // Journal of Indo-European studies. 1985. V. 13. № 1—2.
12. *Bomhard A. R.* Toward Proto-Nostratic: A new approach to the comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic. Amsterdam — Philadelphia, 1984.